ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

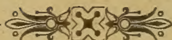
СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Книга четвертая.

Томъ XVI—XX.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества „Общественная Польза".
Большая Подъяческая, соб. домъ. № 39.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяческая, 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

Томъ шестнадцатый.

Томъ семнадцатый.

Томъ восемнадцатый.

Томъ девятнадцатый.

Томъ двадцатый.

ИСТОРІЯ РОССИИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ шестнадцатый.

Глава I.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Внутреннее состояніе Россіи съ 1705 года до учрежденія Сената.—Характеръ правленія.—Кабинетъ-секретарь Макаровъ. — Зотовъ. — Остерманъ. — Судьба Виніуса.— Дѣятельность Курбатова.– Курбатовъ вице-губернаторомъ въ Архангельскѣ.—Финансовыя распоряженія.—Полицейскія распоряженія.—Гошпиталь.—Мѣры противъ нищенства.—Разбои.—Заботы Петра о просвѣщеніи.—Духовенство.—Неудовольствія архіереевъ на Монастырскій Приказъ.—Дѣло Нижегородскаго митрополита Исаіи.—Стефанъ Яворскій.—Дѣятельность митрополитовъ Іова Новгородскаго и Димитрія Ростовскаго.—Неудовольствія въ низшихъ слояхъ народонаселенія.—Состояніе Малороссіи.—Раздѣленіе Россіи на губерніи.—Первое счисленіе прихода съ расходомъ.—Учрежденіе Сената.—Опредѣленіе его дѣятельности.—Учрежденіе фискаловъ.– Коммисары изъ губерній.—Медленность губернаторовъ.—Продолженіе Шведской войны.—Положеніе завоеваннаго Прибалтійскаго края.—Женитьба герцога Курляндскаго на племянницѣ царской, Аннѣ Іоанновнѣ.—Дѣла Турецкія.—Разрывъ съ Портою.—Дѣйствія союзниковъ Датчанъ.—Отношенія къ Англіи и Ганноверу.—Отношенія къ Польшѣ.—Печальныя предчувствія Петра предъ началомъ Турецкой войны.—Семейное дѣло.

Въ разсказѣ о внутреннемъ состояніи Россіи мы остановились на 1705 годѣ. Мы видѣли, какъ съ этого года борьба преобразователя и съ чужими, и съ своими усиливается, страшный врагъ входитъ въ предѣлы Россіи, и за бунтомъ Астраханскимъ слѣдуетъ бунтъ Башкирской, Булавинскій, измѣна Мазепы. Во все это время мы не въ правѣ ожидать сильной внутренней дѣятельности, важныхъ преобразованій. Характеръ правленія остается прежній; царь попрежнему въ отлучкѣ, изрѣдка пріѣзжаетъ въ Москву; пріѣдетъ, станетъ заниматься внутренними дѣлами,—и вдругъ вѣсти о приближеніи врага: царь съ досадою покидаетъ важныя правительственныя занятія и спѣшитъ къ границамъ. Въ отсутствіе царя попрежнему управляютъ бояре, которые носятъ названіе министровъ; министры попрежнему съѣзжаются въ Палату, въ ближнюю канцелярію на общій совѣтъ, въ конзилію. Оказались безпорядки—пріѣдутъ не всѣ, а потомъ при взыскѣ отговариваются: я не былъ и дѣла не рѣшалъ. Въ 1707 году Петръ написалъ Ромодановскому изъ Вильны: „Изволь объявить при съѣздѣ въ Палатѣ всѣмъ министрамъ, которые въ конзилію съѣзжаются, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали, и каждый бы министръ своею рукою подписывалъ, что зѣло нужно надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли бы, ибо симъ всякого дурость явлена будетъ“ [1]).

Правительственныя лица прежнія, намъ знакомыя; попрежнему сильнѣе всѣхъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ; но подлѣ царя является новое лицо, очень скромное, невидное и неслышное, но расположенія котораго заискиваютъ самые сильные люди. Царь въ отлучкѣ изъ Москвы,—онъ то въ Петербургѣ, то въ Воронежѣ, то въ Азовѣ, то въ Литвѣ; но онъ слѣдитъ за всѣмъ, къ нему обращаются всѣ съ донесеніями, вопросами, просьбами и жалобами. Всѣ эти бумаги поступаютъ въ Кабинетъ Царскаго Величества; царь ихъ всѣ прочитываетъ; но онъ то преслѣдуетъ непріятеля, то отступаетъ отъ него, то переѣзжаетъ съ одного конца Россіи на другой; когда онъ прочтетъ ту или другую бумагу, когда дастъ рѣшеніе? прочтя, отвлечется другимъ, болѣе важнымъ дѣломъ; когда опять вспомнитъ о прочитанномъ? Но подлѣ него безотлучно находится человѣкъ, который подаетъ ему бумаги, читаетъ ихъ; отъ этого человѣка, слѣдовательно, зависитъ, когда подать бумагу, пораньше или попозднѣе; отъ него зависитъ напоминать о бумагѣ уже прочитанной, и, главное, отъ него зависитъ доложить о дѣлѣ или напомнить о немъ въ благопріятное время, когда царь спокоенъ, въ духѣ. Этотъ человѣкъ — кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, человѣкъ безъ голоса, безъ мнѣнія; но человѣкъ могущественный по своему приближенію къ царю, и всѣ вельможи — самые сильные — обращаются къ Макарову съ просьбами – обратить вниманіе на ихъ дѣла, доложить о нихъ царскому величеству и напомнить, чтобъ

---

[1]) Кабинетъ I, кн. № 28.

поскорѣе были рѣшены. Для примѣра, какъ относились первѣйшіе вельможи къ Алексѣю Васильевичу, приводимъ письмо Өедора Матвѣевича Апраксина къ нему: „Мой благодѣтель, Алексѣй Васильевичъ, здравствуй! Объявляю милости вашей: вручилъ я письмо до всемилостивѣйшаго государя чрезъ господина адмирала (Головина). Пожалуй, мой благодѣтель, когда вручено будетъ, вспомози мнѣ о скоромъ отвѣтствованіи, въ чемъ имѣю на тебя надежду. Такожде послано письмо до милостивѣйшаго моего патрона Александра Даниловича;—по возможности изволь развѣдать и, по своему пріятству, ко мнѣ напиши. Пріятелемъ моимъ, кои обрѣтаются при его величествіи, господамъ питателемъ и комнатнымъ служителемъ и славному богатырю Екиму и всѣмъ, кто меня любитъ, пожалуй поздравь“ [1]. Для письмоводства при Петрѣ была ближняя походная канцелярія, начальникомъ которой былъ всешутѣйшій Никита Моисеевичъ Зотовъ, старый, опытный излагатель царской воли въ указахъ; онъ назывался: „Ближній совѣтникъ и ближней канцеляріи генералъ-президентъ“. Несмотря на этотъ громкій титулъ, Зотовъ далеко не имѣлъ того значенія, какимъ пользовался Макаровъ. Съ 1703 года для иностранной переписки находился постоянно при государѣ Остерманъ, сначала невидный, скромный Нѣмчинъ [2].

Сходитъ со сцены старый, неутомимый работникъ, думный дьякъ Андрей Андреевичъ Виніусъ. Петръ, державшій его прежде въ большомъ приближеніи, сильно охладѣлъ къ нему, замѣтивъ, что старикъ нечистъ на руку. Въ 1703 году Виніусъ, угрожаемый лишеніемъ всѣхъ мѣстъ, обратился къ Меншикову съ подарками, привезъ ему въ Петербургъ три коробочки золота, 150 золотыхъ червонныхъ, 300 рублей денегъ, а въ семи коробочкахъ золота и въ 5,000 рубляхъ далъ письмо, въ которомъ обязывался выдать по востребованіи. Данилычъ поступилъ съ нимъ нечисто: далъ ему письмо для доставленія государю и въ этомъ письмѣ, которое Виніусъ прочелъ, было написано, что старикъ оправдался совершенно во всемъ. Но въ то же время Меншиковъ отправилъ къ Петру другое письмо, въ которомъ писалъ, что Виніусъ, несмотря на свое выкручиваніе, ни въ чемъ не могъ оправдаться. Разсказавши, какіе подарки далъ ему Виніусъ, Меншиковъ прибавилъ: „Зѣло я удивляюсь, какъ тѣ люди не признаютъ себя и хотятъ меня скупить за твою милость деньгами; или они не хотятъ, или Богъ ихъ не обращаетъ. А большую дачу далъ мнѣ Виніусъ и за то, чтобъ Пушкарскій Приказъ и аптеку хотя у него и взять, только бы Сибирскій Приказъ удержать за нимъ. Изъ чего изволишь познать, для чего такую великую дачу далъ: надѣется отъ Сибирскаго Приказа впредь себѣ большихъ пожитковъ; а прежде много разъ билъ челомъ твоей милости о деревняхъ, говоря, что пить и ѣсть нечего“. Виніусъ продолжалъ работать, лилъ пушки, но чувствовалъ немилость царскую; въ апрѣлѣ 1705 года онъ писалъ Петру: „Обрадуй мя, своего раба, въ печалѣхъ погружаема во грядущій праздникъ Воскресенія Христа Бога нашего обнадеженіемъ своея государскія милости“ [3]. Обнадеживанія, какъ видно, не было; старику стало очень тяжко: другіе идутъ быстро впередъ, молодой переводчикъ Посольскаго Приказа, Шафировъ, въ большой милости, завѣдываетъ почтовымъ управленіемъ, отнятымъ у Виніуса, а старый служака забытъ, въ опалѣ! Не онъ ли умножилъ казну нѣсколькими сотнями тысячъ, нашелъ руды мѣдныя и желѣзныя, устроилъ 4 завода, которые, кромѣ удовлетворенія государственнымъ потребностямъ, отправляютъ свои произведенія за море; устроилъ китайскій торгъ, нашелъ селитру, въ два съ половиною года изготовилъ больше 600 пушекъ, улучшилъ порохъ, устроилъ математическую школу?—И за все это, вмѣсто награды, наложили на него взысканіе въ 13,000 рублей; чтобъ заплатить эту сумму, долженъ былъ одинъ дворъ продать, другой заложить, деньги занять; опозоренъ, обнищалъ, и наконецъ 65-лѣтняго старика послали въ Гродно, гдѣ цѣлый годъ былъ въ тяжкихъ трудахъ. Въ 1706 году узнали, что Виніусъ ушелъ за границу, откуда написалъ царю оправдательное письмо: „Будучи въ Гроднѣ, въ нашествіе непріятелей лишихся безмала не всѣхъ своихъ лошадей и людей. По сихъ во время похода досталъ скудости ради лошадей и денегъ, иныя и худосильныя, которыми отъѣхавъ едва до Кнышина, въ томъ мѣстѣ обезсилили и отъ безкормицы стали, и я, видя себя въ такомъ опасеніи нужною смертію погибнуть или въ руки достаться непріятелю, принужденъ къ прусской границѣ удалиться“ [4]. Старикъ соскучился по Россіи, просилъ позволенія возвратиться, и получилъ его въ 1708 году. О возвращеніи своемъ онъ такъ увѣдомилъ царя: „Пріялъ резолюцію паки въ нѣдра Святыя Восточныя Церкви и подъ кровъ вашего величества славнаго милосердія вдатися, чрезъ океанъ сѣверный къ Архангельской портѣ и градъ Москву достигохъ; но обрѣте домикъ мой запечатанъ, деревни описаны, книги, ими же нѣкогда вашему величеству служихъ и въ горестѣхъ своихъ довольную пріяхъ утѣху, взяты“. Виніусъ просилъ возвратить ему все взятое,—получилъ и опять сталъ служить книгами: черезъ два мѣсяца по возвращеніи, по царскому приказанію, перевелъ трактатъ механики; объявляя объ окончаніи труда, просилъ прощенія за медленность по старости и недугамъ, особенно по трудности матеріи, въ которой нѣкоторыхъ именъ безъ лексикона перевести было трудно [5].

---

[1] Кабинетъ II, кн. № 5. Письмо отъ 9 іюля 1706 г.

[2] Начало службы Остермана съ 1703 года показано имъ самимъ въ челобитной къ Петру, хранящейся въ Госуд. Архивѣ.

[3] Кабинетъ II, кн. № 2, 4.

[4] Кабинетъ II, кн. № 5.

[5] Кабинетъ II, кн. № 7. Письма Виніуса отъ 10 сен. и 27 дек.

Дѣятельность Виниуса прекращалась; все сильнѣе и сильнѣе становилась дѣятельность знаменитаго прибыльщика Курбатова. Мы видѣли его дѣятельность въ званіи дьяка Оружейной Палаты; въ февралѣ 1705 года онъ былъ сдѣланъ инспекторомъ Ратуши, т. е. поставленъ въ челѣ финансоваго управленія въ цѣлой Россіи. Прибыльщикъ на своемъ мѣстѣ: письмо за письмомъ шлетъ онъ къ царю, вскрываетъ злоупотребленія, указываетъ новые источники доходовъ, не щадитъ сильныхъ людей, опираясь на могущественнаго милостивца своего Меншикова. Неизвѣстно, къ какому времени относится докладъ Курбатова Петру: „Молю тя, государя, повели мнѣ, видя, гдѣ мочно учинить какія въ которомъ Приказѣ прибыли, или какія въ дѣлахъ поползновенія, судіямъ наединѣ доносити безбоязненно. И о которыхъ двухъ человѣкахъ въ помощь мнѣ милости я у тебя, государя, просилъ, умилися, государь, ради милосердія Божія, даруй мнѣ ихъ ради истинныхъ услугъ къ тебѣ, государю, и повели мнѣ сказать о нихъ указъ твой. Благоволи въ надежду всѣхъ поступокъ моихъ здѣ подписать своею государевою рукою. Истинно желаю работать тебѣ, государю, безъ всякаго притворства какъ Богу“.—Петръ подписалъ на докладѣ: „Доносить доброе дѣло самимъ, только надобно смотря по человѣку, о чемъ и приточникъ: обличеніе нечистивому мозоли. А о двухъ человѣкахъ говори Ѳедору Алексѣевичу (Головину), чтобъ онъ сдѣлалъ“. Уже въ мартѣ 1705 года Курбатовъ писалъ Петру: „Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ) изволитъ принуждать, чтобъ десятою деньгою обложить вновь гостей и гостиныхъ дѣтей. Они милости просятъ, чтобъ ихъ обложить въ ратушѣ; намъ приносятъ многую жалобу, что растащены всѣ врознь; десятыя деньги сбираютъ мимо ратуши въ разныхъ приказахъ, отъ чего имъ не безъ утѣсненія. А повелѣніе вашего величества намъ, дабы со всѣми околичностями усмотрѣть ратушу, въ чемъ истинно какъ Богу равно желаю тебѣ, государю, услужити. И надлежитъ не точію однихъ гостей обложить, но, усмотрѣвъ, и всѣхъ слободъ торговыхъ людей, для того, что въ прежнихъ окладахъ нималое есть усмотрѣніе: кому мочно платить сто рублевъ—тотъ платитъ пятнадцать, а убогіе отягчены“ [1]).

Въ наказныхъ статьяхъ, данныхъ Курбатову, было сказано: „Надлежитъ разсмотрѣть ратушу московскую со всѣми ея околичностями и что возможно еще прибавить прибыли безъ тягости народа. Города, которые можно, вмѣстѣ съ Москвою такожде осмотрѣть, а прочіе потомъ какъ возможно обнять, единъ по другомъ осматривать и ставить на мѣрѣ“ [2]). Курбатовъ принялся за дѣло, и въ октябрѣ того же 1705 года донесъ государю: „Вашего величества повелѣніемъ вручено мнѣ съ товарищи ратушное правленіе, велѣно осмотрѣть ратушу со всѣми ея околичностями. Многій въ томъ надлежитъ трудъ, того ради, что никакого нѣтъ въ ратушѣ праваго усмотрѣнія винъ ради таковыхъ: 1) Что не точію сначала состояніе ратуши, но еще съ 206 года (1698), съ котораго имъ то чинить велѣно, книгъ московскія таможни по сей годъ въ ратушу не взято и бурмистры не считаны, и премногая есть доимка, также и питейныя прибыли многихъ же годовъ бурмистры не считаны, въ чемъ усмотрѣлъ я, что ихъ милость бурмистры другъ другу тяготы носятъ. 2) Въ городахъ отъ бурмистровъ премногія явились кражи вашея казны, и въ розыскахъ бурмистры говорили, объявляя о черныхъ сборамъ книгахъ, которыхъ не подаютъ въ ратушѣ, а подаютъ бѣлыя, написавъ какъ хотятъ съ великимъ уменьшеніемъ, и во всѣхъ городахъ такія книги есть, которыя уже многія и вынуты, и для собранія такихъ книгъ хочу послать во всѣ города, а въ иные и посланы; и такимъ клятвопреступникамъ, крадущимъ вашу казну, что чинить? Да повелитъ мнѣ ваше величество, въ страхъ прочимъ о самыхъ воровству производителяхъ учинить указъ да воспріимутъ смерть, безъ страха же исправить трудно; ей-ей, государь, превеликое чинится на Москвѣ и въ городахъ въ сборахъ воровство. 3) Подъячіе ратушскіе превеликіе воры и всякое вышеозначеннымъ ворамъ чинятъ въ ихъ поползновеніяхъ помоществованіе и имѣютъ себѣ повытья за наслѣдства и берутъ премногія взятки, еще-жъ даютъ въ города знать, да опасаются нашего правленія, и о таковыхъ, государь, что чинить? Поступаю и такъ, при помощи Божіей, не зѣло имъ въ угодность, но пріемлю ненависть отъ ихъ патроновъ, понеже имѣютъ едва не всякій у себя дядекъ“. Курбатовъ приводилъ примѣры, какія средства употребляютъ частные люди для собственныхъ выгодъ противъ выгодъ казны: человѣкъ Кирилла Кирѣевскаго, пришедши въ деревню къ Бѣлевскимъ бортникамъ, говорилъ: „Вамъ, бортникамъ, конечно, за государемъ не быть, а быть попрежнему за помѣщиками, а на Меншикова въ томъ не надѣйтесь; развѣ двое ихъ за рубежъ въ иное государство уйдутъ“. Дворовый человѣкъ княгини Урусовой, пріѣхавъ къ нимъ же на мірской сходъ, сказалъ: „Какъ пріѣдетъ къ вамъ изъ канцеляріи медоваго сбора описчикъ для описи бортныхъ, и вы бортниками ему не сказывайтесь, и въ томъ на прибыльщиковъ не надѣйтесь, за государемъ вамъ никогда не бывать, а быть за боярынею“ [3]).

Въ 1705 году Курбатовъ доносилъ неопредѣленно о премногомъ воровствѣ; въ 1706 уже указываетъ прямо на лица и на суммы украденныя. 4-го октября онъ писалъ государю: „За градскими бурмистры премногое воровство чрезъ мое, бѣднаго, усердіе сыскано: въ одномъ Ярославлѣ украдено съ 40,000 рублевъ. На Псковичей Никифора Ямскаго и Михайла Сарпунова съ сыномъ и на иныхъ лучшихъ людей доносятъ, что во время точію швед-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 4. Голикова—Дѣянія Петра В. X. 194.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2028.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 4.

*

ской войны украдено ими пошлинъ и питейной прибыли съ 90,000 рублевъ и больше. Они же, воры Псковичи, посланнымъ съ Москвы надзирателямъ всякое чинили противство, отчего и въ сборахъ уменьшеніе, и изъ земской избы ихъ выбили самовластно, въ которомъ противствѣ Иванъ Сарпуновъ нынѣ на Москвѣ принесъ повинную, что то противство чинили они по указу лучшихъ людей, Ямскаго сотоварищи. Нынѣ въ такихъ великихъ ихъ воровствахъ и противствахъ велѣно сыскать о нихъ Кириллѣ Алексѣевичу Нарышкину, который въ многихъ взяткахъ съ нихъ самъ приличенъ и во всемъ имъ дружитъ: какъ онъ сыскать можетъ истину? Умилосердись, государь, не вели ему ни въ чемъ ихъ вѣдать; ежели я въ томъ сыску учиню какую неправость, то вѣчно лишенъ да буду вашего милосердія. Доносители такъ написали: ежели они неправо доносятъ и воровство ихъ не сыщутъ, чтобъ ихъ казнить смертію, а чтобъ у того розыска Кириллѣ Алексѣевичу не быть". Донося, сколько кѣмъ украдено казенныхъ денегъ, Курбатовъ прибавлялъ, сколько онъ самъ сдѣлалъ казнѣ прибыли: „Моимъ бѣднаго усердіемъ въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ одной надъ всѣ годы отъ новопостроенныхъ аптекъ, и что истреблены корчмы многія, со 100,000 рублевъ питейныя прибыли будетъ". Прибыльщикъ вынулъ корчемное вино у перваго разряднаго подьячаго Топильскаго, который находился у боярской книги; подьячій торговалъ вмѣстѣ съ женою въ ведра и скляницы, продалъ до 400 ведръ и много еще было запечатано. Курбатовъ открылъ и то, откуда подьячій добывалъ вино: это были взятки съ дворянъ, для которыхъ Топильскій обдѣлывалъ дѣла въ разрядѣ; въ два года онъ получилъ такимъ образомъ съ дворянъ до 1,500 ведръ вина и множество другихъ припасовъ; люди, у него служившіе, получены были за долгъ. Оканчивая свое донесеніе, Курбатовъ писалъ царю: „Едва не всѣ ихъ милости объ немъ скорбятъ, подсылаютъ ко мнѣ съ дарами, грозятъ погубить. Молю, спаси! Одни Ярославцы и Псковичи готовы дать 20,000 рублевъ, чтобъ только избѣгнуть обличенія отъ меня" [1]).

Кромѣ кражи казенныхъ денегъ, Курбатовъ доносилъ царю о другомъ печальномъ явленіи. Мы видѣли, что однимъ изъ первыхъ распоряженій Петра было освобожденіе городскихъ жителей отъ воеводскихъ притѣсненій; имъ дано было самоуправленіе; но какъ же они этимъ воспользовались? „Черезъ московскую ратушу вѣдомо великому государю учинилось, что едва не во всѣхъ городахъ въ окладныхъ тяглыхъ и въ случающихся неокладныхъ и на мірскіе расходы поборахъ налагаютъ пожиточные, пользуя себя, на убогихъ (безъ всякаго скудости ихъ торговыхъ промысловъ разсмотрѣнія) платежи тяжки; въ иныхъ же городахъ предлагаютъ они пожиточные въ новое убогимъ же тягчайшее уравненіе, именно, оставя имущество пожитковъ, равняютъ въ ровныя съ собою подати числомъ дворовымъ. И чтобъ оные поборы и всякія подати были сбираны по древнему, съ расположеніемъ каждаго въ пожиткахъ имущества, обычаю, многое въ городахъ земскимъ бурмистрамъ отъ убогихъ было прошеніе; но они, вѣдая о себѣ, что и сами они изъ числа первостатейныхъ же, указу имъ не чинили, инымъ же производили въ тюрьмахъ задержаніемъ и чрезъ иные наказанія озлобленія, отъ которыхъ обидъ многіе изъ числа убогихъ вышли въ стороны городовъ". Для отстраненія этихъ злоупотребленій, царь велѣлъ „выбирать по общему же съ малопожиточными согласію, особливыхъ изъ первой и изъ послѣднихъ статей, сколько человѣкъ гдѣ прилично, которые-бъ брали у сборщиковъ и расходчиковъ всякимъ поборамъ и расходамъ всякія письменныя вѣдомости помѣсячно, и по тѣмъ вѣдомостямъ сборы и расходы считали самою истинною правдою" [2]).

Кромѣ злоупотребленій, Курбатовъ жаловался и на нерадѣніе выборныхъ бурмистровъ: „Которые при мнѣ и бургомистры есть, ей, малое отъ нихъ имѣю помоществованіе, понеже, видя они мое усердіе, что я многое усмотрѣлъ не точію за иными, но и за ними, мало за сіе мя любятъ, и лучшій Панкратьевъ однажды или дважды въ недѣлю побываетъ въ ратушѣ, а въ банкетахъ по вся дни, а я бѣдный, ей-ей, государь, едва не всѣмъ управляю своею головою" [3]).

Жалуясь на бурмистровъ, Курбатовъ жаловался на губернаторовъ, которые не присылали въ московскую ратушу денегъ, собранныхъ въ ратушахъ другихъ городовъ: „Въ ратушѣ, государь, собрано моимъ усердіемъ изъ доходовъ прошедшихъ лѣтъ денегъ тысячъ со сто рублей. Изъ губерній ратушскихъ сборовъ прошедшихъ лѣтъ въ ратушѣ въ присылкѣ самое малое число, такожe и бурмистровъ къ отчету; да повелитъ ваше величество повторить о томъ именными указами. Премногія тысячи доимочныхъ денегъ довлѣетъ быть въ сборѣ, въ томъ числѣ съ двухъ городовъ точію, съ Астрахани и съ Казани, со 150,000 рублевъ. Ничего Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ не присылаетъ, а сказывалъ самъ, что у него въ Астрахани тѣхъ денегъ есть въ сборѣ тысячъ съ 70, а въ ратушу прислано отъ него въ три года только 10,000 рублевъ" [4]).

Знаменитый прибыльщикъ попрежнему не ограничивался одними финансами: еще въ 1704 году онъ послалъ Меншикову статьи о умноженіи пѣхотныхъ и конныхъ войскъ и о поселеніи пѣхотныхъ въ городахъ [5]), а въ 1705 году писалъ са-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 5.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2127, декабря 18, годъ 1706.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 5.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 11.

[5]) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ 1704 года: „Государь Александръ Даниловичъ! Дерзнулъ я отъ ревности своея ко всемилостивѣйшему чрезъ труды своя сочинить статьи о умноженіи пѣхотныхъ и конныхъ войскъ и пѣхотныхъ о поселеніи въ городахъ, которыя и послалъ къ тебѣ, государю. Истинно доношу тебѣ, государю: ни мало есть въ разборѣ Москвичъ усмотрѣнія, ты

мому государю: „Доносилъ я вашему величеству въ прошедшихъ лѣтахъ неоднократно, дабы изъ Москвичь и городовыхъ дворянъ учинить полки драгунскіе, понеже не стройный ихъ бой не точію Шведамъ, но и Татарамъ не зѣло страшенъ. А нынѣ еще въ остаткахъ тѣхъ Москвичь слишкомъ 4,000, и ежели при нихъ хотя по одному драгуну учинить изъ людей ихъ, то будетъ полковъ тысячныхъ осмь, а иные возьмутъ за собою двухъ и трехъ человѣкъ военныхъ, и служить будутъ безъ жалованья, какъ и нынѣ, аще и нестроемъ, однако служатъ едва иные не повсягодно; а многіе изъ нихъ прикрываются всяко измалялясь, чрезъ посылки, которое ихъ прикровеніе истинно всячески надлежитъ отсѣчь; ясное неусмотрѣніе, что во многихъ городахъ едва не по десяти человѣкъ живутъ ради дѣлъ, которыя дѣла мочно всѣ управить одному воеводѣ, а буде и послать для самихъ нуждъ въ помощь воеводѣ, то бы конечно изъ отставныхъ или дьяковъ и подъячихъ, а не изъ служилыхъ, отъ которыхъ посыльныхъ дворянъ превеликое чинится народу разореніе, какъ я увѣдомился о Вяткѣ, что изъ ихъ милостей брали съ народу рублевъ тысячи по полторы; ихъ милостей великочестныхъ многихъ есть дѣти, братья, и иные и сами могутъ, но не служатъ, въ примѣръ же сынъ Алексѣя Петровича Салтыкова, или сынъ Тихона Никитича (Стрѣшнева) и прочихъ". Такимъ образомъ, прибыльщикъ продолжалъ задѣвать сильныхъ людей; продолжалась у него и ссора съ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ромодановскимъ. Пресбургскій король избилъ ратушскаго подъячаго

усмотри и, по своей вѣрности ко всемилостивѣйшему, покажи услуги своя, и что не могли никто управителей тѣхъ сдѣлать, ты усердіемъ своимъ обнови, да славится вовѣкъ имя твое и отъ силы въ силу преуспѣваеши въ милости Божіи и всемилостивѣйшаго нашего государя. Благоволи, государь, всѣхъ Москвичь и городовыхъ дворянъ, служивыхъ и отставныхъ и прежде бывшихъ рейтаръ изо всѣхъ приказовъ взять списки подъ управленіемъ своего имени, и въ товарищи къ себѣ выбрать кого изъ знатныхъ особъ и къ нему дьяковъ; а о таковомъ товарищѣ тебѣ, государю, доношу истинно, безъ всякаго притворства, подъ свидѣтелемъ самого Бога. Князь Андрей Ѳедоровичъ Шаховской, который нынѣ въ пѣхотномъ полку полковникомъ, сказывалъ мнѣ, что былъ онъ у прибору сначала драгунъ и разбиралъ многіе городы со всякимъ усердіемъ и скоростію, и при тѣхъ словахъ говорилъ о Москвичахъ, якобы болѣзнуя, что ни малаго у нихъ нѣтъ усмотрѣнія, лучшіе люди мало бываютъ въ службахъ, а многіе и никогда, всегда по воеводствамъ и у разныхъ дѣлъ подъ прикрытіемъ нѣкоторыхъ. А ежели бы-де разобрать Москву нынѣ подъ управленіемъ Александра Даниловича, чтобъ-де разрядъ и иные приказы того не вѣдали, мочно-де великое коннымъ войскамъ учинить умноженіе. Онъ же говорилъ, чтобъ ему быть у того разбору подъ твоею командой, въ чемъ обѣщался работать всеусердно. Истинно доношу тебѣ, государю: зѣло призналъ я его быти усердна, потому что хощетъ со всѣми принять остуду, точіюбъ твое къ нему было милосердіе, и зѣло подъ многою клятвою служить въ томъ обѣщался. О чемъ я прошу тя, государя: ей, отъ ревности моея ни для чего, прикажи ему, князь Андрею, быть у того дѣла подъ командою милости твоей; и въ томъ дѣлѣ повели, да не отлученъ буду и я, точію для моихъ многихъ суетствъ временемъ".

безъ розыска въ самую Великую пятницу, „забывъ величество дня". Курбатовъ послалъ жалобу царю, причемъ отозвался очень нелестно объ умственныхъ способностяхъ страшнаго короля: „Видя такую злобу, я самъ ослабѣваю въ моемъ усердіи, понеже аще и скудный въ своихъ разсудкахъ человѣкъ, но великомочный въ своемъ правленіи, учинитъ, что хочетъ. Умилосердись, государь, заступись за насъ; кому было надлежало насъ любить, понеже значится правосуденъ (мнѣніемъ развѣ), тотъ паче всѣхъ ненавидитъ. Не вели ему ни въ какихъ дѣлахъ людей ратушныхъ вѣдать. Ей-ей, государь, многое творитъ по пристрастію" [1]).

Въ началѣ 1711 года въ судьбѣ Курбатова произошла перемѣна: Петръ назначилъ его вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, въ мѣсто важное по своему торговому значенію, ибо Архангельскъ, или городъ; какъ его обыкновенно называли, продолжалъ быть единственнымъ морскимъ пристанищемъ въ Россіи; въ 1710 году къ нему приходило англійскихъ кораблей 72, голландскихъ 58, гамбургскихъ 12, бременскихъ 2, русскій 1, испанскій 1, датскихъ 8, всего 154 [2]). Мѣсто было важное: было надъ чѣмъ присмотрѣть, было гдѣ найти злоупотребленія и новые источники доходовъ зоркому глазу прибыльщика. Несмотря на то, Курбатовъ сильно огорчился, узнавъ о своемъ назначеніи: инспекторство въ московской ратушѣ онъ имѣлъ полное право считать выше архангельскаго вице-губернаторства; притомъ изъ столицы, гдѣ онъ имѣлъ такое важное значеніе, перебираться на край свѣта, въ Архангельскъ. Другое дѣло, если бы назначили губернаторомъ! Курбатовъ увидалъ въ своемъ новомъ назначеніи опалу и выразилъ свою скорбь въ письмѣ къ государю. Петръ отвѣчалъ ему: „Господинъ Курбатовъ! вчерашняго дни получилъ я письмо отъ васъ, въ которомъ вы зѣло опечалились ѣздою къ городу образомъ малодушества, то не напоминая, что въ какихъ бѣдахъ вашъ предводитель и печаляхъ обрѣтается; что же мните, будто ради я какого сердца на васъ сіе учинилъ, то извольте вѣрить воистину, что ниже въ мысли моей то было, ибо ежели-бъ я хотѣлъ, явно-бъ могъ безъ подлоговъ учинить, о чемъ пространнѣе услышите, когда у васъ назавтріе буду. Piter". Курбатовъ просилъ губернаторскаго званія. „Построй три корабля,—и будешь губернаторомъ", отвѣчалъ ему Петръ [3]). Не даромъ печалился Курбутовъ, не на добро поѣхалъ онъ къ городу!

Прибыльщики указывали новые источники доходовъ, и правительство брало вездѣ, гдѣ только можно было взять, чтобъ вынести тяжкую войну, предпринятую для пріобрѣтенія средствъ къ народному обогащенію. Съ начала 1705 года мѣры для

[1]) Кабинетъ II, кн. № 4, 5.
[2]) Кабинетъ I, кн. № 56.
[3]) Письмо Петра въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Д. т. VII, № 5. Письмо отъ 24 февраля 1711 года; Кабинетъ II, кн. № 27.

умноженія казенныхъ доходовъ усиливаются. 1-го января два указа: первый—объ отдачѣ рыбныхъ ловель на откупъ; второй:—на Москвѣ и въ городахъ, у всякихъ чиновъ людей, соль описавъ, продавать изъ казны, а у продажи быть выборнымъ головамъ и цѣловальникамъ добрымъ, а надъ ними смотрѣть бурмистрамъ; а впредь соль ставить въ казну подрядомъ, кто похочетъ, а почему по подряду по истинной цѣнѣ на мѣстѣ станетъ, продавать вдвое [1]). Въ томъ же мѣсяцѣ велѣно переписать у продавцовъ дубовые гробы, собрать ихъ въ монастыри и продавать противъ покупной цѣны вчетверо; а сосновыхъ, еловыхъ и другихъ гробовъ не переписывать и не брать. Въ томъ же январѣ наложена пошлина на бороду и усы; кто не захочетъ бриться, съ тѣхъ брать: съ царедворцевъ, служилыхъ и приказныхъ людей по 60 рублей; съ гостей и съ гостиной сотни первой статьи по 100 рублей, средней и меньшой статьи, съ торговыхъ и посадскихъ людей по 60 рублей, съ боярскихъ людей, ямщиковъ, извозчиковъ, церковныхъ причетниковъ и всякихъ чиновъ московскихъ жителей по 30 рублей ежегодно; съ крестьянъ велѣно брать вездѣ по воротамъ пошлину по 2 деньги съ бороды, по всѣ дни, какъ поѣдутъ въ городъ и за городъ. Сибирскимъ жителямъ было дозволено, для скудости, остаться при прежнемъ платьи и прежнихъ сѣдлахъ [2]). Въ февралѣ велѣно съ извозчиковъ брать десятую долю съ наемной платы [3]). Въ апрѣлѣ продажа табаку взята у Англичанина Гутфеля и сдѣлана казенною [4]). Издавна въ Москвѣ въ рядахъ и по перекресткамъ, дегтемъ, коломазью, мѣломъ, жиромъ, рыбнымъ саломъ, а въ городахъ и смолою торговали откупщики: въ 1707 году эту торговлю запрещено отдавать на откупъ, велѣно означенные товары продавать выборнымъ изъ слободъ цѣловальникамъ, подъ надзоромъ мытенныхъ бурмистровъ [5]).

Несмотря однако на сильную нужду въ деньгахъ, тяжесть нѣкоторыхъ прежнихъ налоговъ была ослаблена: прежде была наложена рублевая пошлина на домашнія бани; въ 1705 изданъ указъ съ маломочныхъ, служилыхъ и нижнихъ чиновъ людей, дьяковъ и просвирницъ, у которыхъ домашнія есть бани, а на 704 годъ съ тѣхъ бань за скудостію рублевыхъ денегъ не платили и оплатиться съ правежа нечѣмъ, тѣ деньги сложить и впредь не править, а брать съ домашнихъ бань по 5 алтынъ на годъ. Которые имѣютъ у себя пожитковъ на 50 рублей и больше, у тѣхъ брать съ бань по рублю; у кого меньше 50 рублей, съ тѣхъ брать по 5 алтынъ; съ крестьянъ и дѣловыхъ людей брать съ бань по 3 алтына по 2 деньги [6]). Содержаніе постоялыхъ дворовъ, взятое прежде въ казну, въ 1705 году опять отдано частнымъ людямъ, съ обязанностію платить четвертую долю съ постоя [7]). Торговля льномъ взята у Англичанина Гутфеля, а велѣно торговать всѣмъ свободно, возить всюду [8]).

Заведеніе флота заставило обратить вниманіе на лѣса: тѣ изъ нихъ, которые доставляли хорошій матеріалъ для кораблестроенія, правительство объявило заповѣдными; въ 1705 году было опредѣлено, чѣмъ и для чего можно было пользоваться въ этихъ заповѣдныхъ лѣсахъ: „На сани и телѣги, на оси и полозья и къ большимъ чанамъ на обручи рубить заповѣдные лѣса —дубъ, кленъ, вязъ, корогачъ, лиственницу, а на мельничныя потребы, на пальцы и на шестерни рубить нынѣ всѣмъ невозбранно; а на иное домовое и ни на какое строеніе никакихъ заповѣдныхъ лѣсовъ отнюдь никому не рубить, подъ смертною казнію безо всякой пощады“ [9]).

Брали деньги вездѣ, гдѣ только можно было взять, брали дубовые гробы изъ лавокъ и продавали вчетверо; но доходовъ все недоставало на военныя издержки; и потому собирали деньги на жалованье ратнымъ людямъ съ дьяковъ и подьячихъ, московскихъ и городовыхъ [10]). Ратнымъ людямъ надобно было платить жалованье и платить хорошими деньгами, которыя бы имѣли ходъ и въ чужихъ странахъ; для этого въ 1706 году распорядились: „Деньги мѣдныя держать въ расходѣ и давать жалованье и на всякую дачу тѣмъ, которые живутъ на Москвѣ, десятую долю мѣдными, а которые въ приказы приносятъ во всякіе платежи, и тѣхъ мѣдныхъ денегъ принимать пятнадцатую долю на такіе же московскіе расходы: а монеты на жалованье въ полки посылать и давать всегда въ расходъ“ [11]). Хорошія же деньги нужно было посылать за границу на жалованье посламъ: Долгорукову въ Копенгагенъ 1,865 рублей въ годъ; Фонъ-деръ-Литу въ Берлинъ 2,700; Урбиху въ Вѣну 9,000; Толстому въ Царьградъ 4,225; Матвѣеву въ Англію 5,265 [12]).

Кромѣ усиленныхъ денежныхъ поборовъ, шедшихъ преимущественно на войну, были и поборы другого рода для внутреннихъ улучшеній: въ сентябрѣ 1705 года велѣно было мостить московскія улицы камнемъ, для чего крестьяне и торговые люди должны были доставлять дикій камень и песокъ [13]). Но вдругъ всю Москву вымостить камнемъ было нельзя; нужно было поддерживать старую деревянную мостовую и позаботиться объ опрятности улицъ. Въ февралѣ 1709 года велѣно было выбрать во всѣхъ улицахъ и переулкахъ для досмотра помета и мостовыхъ бревенъ десятскихъ;

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2007 и 2009.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 2014, 2015, 2132.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 2032.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 2045.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 2153.
[6]) Полн. Собр. Зак. № 2011, 2058.
[7]) Полн. Собр. Зак. № 2013.
[8]) Полн. Собр. Зак. № 2012.
[9]) Полн. Собр. Зак. № 2017.
[10]) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ, бумаги 1708 г.
[11]) Полн. Собр. Зак. № 2117.
[12]) Полн. Собр. Зак., въ декабрѣ 1707 года.
[13]) Полн. Собр. Зак. № 2072.

если противъ чьего-нибудь двора изъ мостовой будуть бревна выломаны или покрадены, или какой навозъ и мертвечина, и пометъ явится, то все это очищать и краденыя изъ мостовыхъ бревна замащивать хозяевамъ, противъ чьихъ дворовъ пометъ и краденыя бревна явятся; ослушниковъ за первый приводъ бить батогами, за второй—бить батогами и брать пени по 5 рублей, за третій—бить кнутомъ и брать пени по 10 рублей [1]).

Крестьяне должны были доставлять дикій камень и песокъ для московскихъ мостовыхъ; монастырскіе крестьяне Московскаго уѣзда должны были возить на гошпитальный дворъ можжевельникъ, поставлять быковъ. Въ 1706 году великій государь указалъ построить за Яузою-рѣкою, противъ Нѣмецкой слободы въ пристойномъ мѣстѣ гошпиталь для лѣченія болящихъ людей, а у того лѣченія быть дохтуру Николаю Бидлу да двумъ лѣкарямъ, Андрею Рыбкину, а другому—кто пріисканъ будетъ. Тогда же велѣно набрать изъ Монастырскаго Приказа въ ученики къ дохтурственному дѣлу и отослать къ доктуру Бидлѣ; между прочимъ изъ Адмиралтейскаго Приказа былъ отосланъ матросъ голландскаго ученья [2]). Въ 1707 году гошпиталь, попеченіемъ Мусина-Пушкина, былъ оконченъ. Главный докторъ Бидло въ 1712 году писалъ Петру: „Въ семъ госпиталѣ благоволилъ ваше величество, чтобъ я сего народа нѣсколько молодыхъ людей, кои голанскаго и латинскаго языка искусны были, хирургіи по основанію анатомическому научилъ, и больныхъ посланныхъ ко мнѣ и иныхъ бѣдныхъ увѣчныхъ исцѣлялъ и всякихъ людей, кои ко мнѣ присланы были, посѣщалъ. Болѣе тысячи больныхъ у меня оздоровѣли. Лучшихъ изъ студентовъ моихъ рекомендовать не стыжусь, ибо они не токмо имѣютъ знаніе одной или другой болѣзни, которая на тѣлѣ приключается и къ чину хирурга надлежатъ, но и генеральное искусство о всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ, отъ главы даже до ногъ, съ подлиннымъ и обыкновеннымъ обученіемъ какъ ихъ лѣчить, такожъ приключающіяся язвы завязывати и ко онымъ завязываніе сочинять, гдѣ повсядневно отъ ста до двухъ сотъ больныхъ суть, зѣло поспѣшно научились. Взялъ я въ разныхъ годахъ 50 человѣкъ до науки хуругической, которыхъ 33 осталось, 6 умерло, 8 сбѣжали, 2 по указу взяты въ школу, одинъ за невоздержаніе отданъ въ солдаты“ [3]).

Существовали старыя богоугодныя заведенія при церквахъ, богадѣльни; въ 1710 году упоминаются въ Москвѣ: Николаевская богадѣльня за Яузою на Болвановкѣ; Троицкая у Покровскихъ воротъ, на Грязахъ; Введенская на Срѣтенкѣ, Троицкая въ Мѣщанской, Троицкая въ Сыромятникахъ, Смоленская, Адріанонатальская. Въ декабрѣ 1705 года бояринъ Мусинъ-Пушкинъ, по указу великаго государя, приказалъ: „Нищихъ, которые являются на Москвѣ и ходятъ по рядамъ и по улицамъ и сидятъ по перекресткамъ, просятъ милостыню пришлые изъ городовъ и изъ богадѣленъ ловить, и деньги, сколько у нихъ сыщется, брать поимщикамъ себѣ, а ихъ приводить въ Монастырскій Приказъ и чинить имъ наказанье, и всякаго чина людямъ заказывать, чтобъ тѣмъ бродящимъ нищимъ милостыни никто не давалъ; а кто хочетъ милостыню подавать,—пусть даетъ въ богадѣльни; а кто не послушается и будетъ подавать милостыню бродящимъ нищимъ,—такихъ хватать, приводить въ Монастырскій Приказъ и брать съ нихъ пеню по указу; этихъ пенныхъ денегъ половина идетъ въ Монастырскій Приказъ, а другая тому подъячему, который станетъ такихъ людей приводить въ Приказъ, и для того послать изъ Монастырскаго Приказа подъячихъ съ солдатами и приставами по улицамъ“ [4]).

Въ Москвѣ преслѣдовали нищихъ; въ областяхъ продолжалось преслѣдовлніе, и не съ большимъ успѣхомъ, болѣе вредныхъ людей. 11 іюля 1707 года сидѣли бояре въ Столовой палатѣ, слушали памяти изъ разряда, отписки изъ Углича и Твери, и приговорили: на Угличъ, въ Тверь, въ Ярославль, въ Пошехонье, въ Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ и другіе города и уѣзды, для розыску и поимки разбойниковъ и смертныхъ убійцъ и зажигателей, послать нарочно изъ Московскаго Суднаго Приказа стольника князя Василія Мещерскаго, потому что въ этихъ уѣздахъ воровскіе люди ходятъ, собравшись многолюдствомъ, много селъ и деревень пожгли, много домовъ разорили. Въ 1710 году въ Монастырскій Приказъ дали знать, что разбойникъ Гаврила Старченокъ съ 60-ю товарищами пріѣзжалъ днемъ въ вотчину Ипатьевскаго монастыря, село Колщево, съ ружьями, шпагами, копьями и бердышами; въѣхавши на монастырскій дворъ, велѣлъ приказчику купить въ кабакѣ вина и пива, и пилъ до ночи; разбойники побрали монастырскихъ лошадей, сбирали деньги, приказчика, старосту и сторожей били и мучили; крестьяне отъ вора заперты: никого, никуда, ни съ какимъ дѣломъ послать нельзя; проходу и проѣзду нѣтъ,—вездѣ разбойники грабятъ. Тотъ же Старченокъ разбилъ вотчину Вздвиженскаго монастыря, село Покотцкое; жегъ огнемъ, топилъ печи и сажалъ туда крестьянъ, а дѣвицъ ругалъ ругательски; сосѣдніе помѣщики и вотчинники всѣ выѣхали въ Кострому, и разбойники, не видя ни откуда сопротивленія, въ полтора мѣсяца отогнали у монастырскихъ крестьянъ 300 лошадей, не считая пограбленныхъ пожитковъ [5]). Въ томъ же 1710 году били челомъ государю клинскіе, волоцкіе, можайскіе помѣщики и вотчинники: пріѣзжаютъ къ нимъ разбойники многолюдствомъ со всякимъ оружіемъ, разбиваютъ и жгутъ села и деревни, днемъ и ночью; мужиковъ

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2225.

[2]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Монастырскаго Приказа 1706 года.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 15.

[4]) Арх. Мин. Юстиціи, дѣла Монастырскаго Приказа.

[5]) Арх. Мин. Юстиціи, дѣла Монастырскаго Приказа.

бьютъ до смерти, бабъ и дѣвокъ увозятъ съ собою, лошадей берутъ, остальныхъ лошадей и скотъ побиваютъ, хлѣбъ изъ житницъ на улицу высыпаютъ для разоренія; на разбой они ѣздятъ, собравшись изъ многихъ городовъ и уѣздовъ, бѣглые солдаты, драгуны и Корела. Отъ такого разоренія и страха, покинувъ домы свои, они скитаются съ женами и дѣтьми по городамъ.—Противъ разбойниковъ отправленъ былъ полковникъ Козинъ[1]).

Если разбойничество, по старинѣ, производилось въ такихъ широкихъ размѣрахъ; если столько людей рѣшалось жить насчетъ своихъ, вести постоянную войну съ своими, обходиться съ ними какъ съ врагами, то нѣтъ ничего удивительнаго, что считали все позволеннымъ для пріобрѣтенія выгоды отъ чужаго, отъ врага, попавшагося въ руки: въ 1706 году Іерусалимской патріахъ Досиѳей писалъ царю, чтобъ запретилъ своимъ подданнымъ продавать Туркамъ шведскихъ плѣнниковъ[2]). Но для перемѣны подобныхъ взглядовъ въ обществѣ уже принимались средства, хотя и въ слабыхъ начаткахъ, хотя и долго еще недѣйствительныя: несмотря на тяжкую войну, вниманіе царя было постоянно обращено на школу, на книги, на все то, что могло распространить знаніе. Въ 1707 г. пріѣхали изъ Голландіи наборщикъ, терёдорщикъ и словолитецъ; послѣдній привезъ три азбуки новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ. Этими новоизобрѣтенными литерами, или такъ называемымъ гражданскимъ шрифтомъ начали печататься книги съ 1708 года. Первою книгою, такимъ образомъ напечатанною, была „Геометріа славенскі землемѣріе“. За нею слѣдовалъ письмовникъ, переведенный съ нѣмецкаго подъ названіемъ: „Приклады како пишутся комплементы разные“. Эти иностранные приклады начали вытѣснять старинные русскіе образцы писемъ, отличавшіеся своею униженностію[3]). Въ томъ же 1708 году Петръ поручилъ справщику типографіи Поликарпову составить Русскую Исторію отъ начала княженія Василія Ивановича до послѣдняго времени; Петръ писалъ Мусину-Пушкину, чтобъ Поликарповъ, описавши на образецъ лѣтъ пять, на два манера—пространно и коротко,—прислалъ ему немедленно. Въ январѣ 1709 года, готовясь къ рѣшительной борьбѣ съ Карломъ XII, Петръ писалъ боярину Мусину-Пушкину, чтобъ отыскалъ въ монастаряхъ жалованныя грамоты великихъ князей до царствованія Іоанна IV, и у тѣхъ грамотъ какія печати. Тогда же Мусинъ-Пушкинъ получилъ отъ царя для напечатанія книгу историческую о Троянской войнѣ. „По указу твоему,“ писалъ Петру Мусинъ-Пушкинъ, „Шведскіе артикулы, выправя, печатать будемъ; геометрическая книга скоро не поспѣетъ для фигуръ, архитектурная книга у Гагарина, 2,000 календарей послалъ въ армію для продажи, меньшіе по 4 копѣйки, большіе по 5, послалъ 30 книжекъ комплементальныхъ, тожъ число слюзныхъ. Эзопову книгу славянскимъ діалектомъ исправили и можемъ напечатать вскорѣ“. Петръ былъ недоволенъ печатью и переплетами. Тогда же была напечатана: „Книга Квинта Курція о дѣлахъ содѣянныхъ Александра великаго царя македонскаго“. Кромѣ того, напечатано нѣсколько переводныхъ книгъ, относящихся къ военному искусству. Петръ самъ поправлялъ переводы и училъ какъ переводить; такъ, въ февралѣ 1709 году, онъ писалъ молодому Зотову: „Книгу о фортификаціи, которую вы перевели, мы прочли: разговоры зѣло хорошо и внятно переведены; но какъ учить фортификацію дѣлать, то зѣло темно и непонятно переведено, также въ табели мѣра не именована, который листъ, переправя, вклеили въ книгу, а старый, вырѣзавъ, при томъ же посылаемъ, гдѣ сами увидите погрѣшеніе или невнятность. И того ради надлежитъ вамъ въ той книжкѣ, которую нынѣ переводите, остеречься въ томъ, дабы внятнѣе перевесть, а особливо тѣ мѣста, которыя учатъ, какъ дѣлать, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію, сіе выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть“[4]). Еще въ мартѣ 1705 года велѣно присылать въ Посольскій Приказъ всѣ извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, потому что государь указалъ въ Посольскомъ Приказѣ о Шведской войнѣ дѣлать діаріушъ (дневникъ)[5]).

Кромѣ книгъ, издававшихся правительствомъ для Русскаго народа, переводовъ съ языковъ иностранныхъ, насчетъ Русскаго правительства издавались книги за-границею для иностранцевъ. Мы видѣли, что въ 1705 году царь отправилъ въ Германію Гюйсена „съ подлинными коммисіями“. Одна изъ этихъ коммисій состояла въ томъ, чтобъ издать опроверженіе брошюры Нейгебауера. Это опроверженіе вышло въ 1706 году на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Пространное обличеніе преступнаго и клеветами наполненнаго пасквиля, который за нѣсколько времени передъ симъ былъ изданъ въ свѣтъ подъ титуломъ: Искреннее письмо знатнаго нѣмецкаго офицера“. Въ сочиненіи Гюйсена Нейгебауеръ величается архи-шельмою; увѣреніе его, что въ Россіи дурно обходятся съ иностранными посланниками, опровергается тѣмъ, что объ этомъ Европа узнала бы не изъ пасквиля, а изъ газетъ и публичныхъ актовъ, и государи отплатили бы за оскорбленія своихъ представителей. Защищается Меншиковъ: его родъ производится отъ хорошей дворянской фамиліи литовской; утверждается, что его отецъ былъ офицеромъ Семеновскаго полка. О Монсахъ говорится, что они были выведены Лефортомъ, который, умирая, умолялъ царя покро-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2310.

[2]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія означеннаго года.

[3]) Подробности см. у Пекарскаго: Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ В.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 9. Голикова—Дополненіе къ Дѣян. Петра В., т. VIII, стр. 219.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 2010.

вительствовать имъ. Царь далъ обѣщаніе и исполнилъ его; но Монсы употребили во зло царскія милости, за что у нихъ были отобраны данныя имъ деревни и большой каменный домъ. Съ царевичемъ Алексѣемъ Меншиковъ и министры обходятся чрезвычайно почтительно; но самъ царь приказываетъ, чтобъ сына его въ молодости не баловали чрезмѣрнымъ ласкательствомъ. Взаключеніе характеръ и поведеніе Нейгебауера описываются черными красками.—Нейгебауеръ отвѣчалъ новою брошюрою, въ которой обвинялъ Гюйсена въ воровствѣ; говорилъ, что Гюйсенъ получилъ мѣсто при царевичѣ по ходатайству любовницы Меншикова, и т. п. [1]).

Мы видѣли, что Петръ, желая поднять духовенство, дать ему силу, потребовалъ отъ него образованія; въ январѣ 1708 года изданъ былъ указъ: „Поповымъ и дьяконовымъ дѣтямъ учиться въ школахъ Греческихъ и Латинскихъ; а которые изъ нихъ учиться здѣсь не захотятъ, такихъ въ попы и въ дьяконы не посвящать, въ подъячіе и никуда не принимать, кромѣ служилаго чина" [2]). Управленіе церковными имѣніями находилось попрежнему въ вѣдѣніи Мусина-Пушкина. Сначала давали каждому монаху по 10 рублей денегъ и по 10 четвертей хлѣба; но съ 1705 года царь велѣлъ уменьшить эту дачу вдвое,—по 5 рублей денегъ, по 5 четвертей хлѣба съ готовыми дровами. Въ которыхъ монастыряхъ по расходнымъ книгамъ оказалось, что прежде учрежденія Монастырскаго Приказа на каждаго монаха приходило меньше пяти и четырехъ рублей, тѣмъ и Монастырскій Приказъ выдавалъ столько же; а малымъ монастырямъ съ небольшими доходами позволено было вѣдать свои вотчины попрежнему, „понеже", писалъ Мусинъ-Пушкинъ, „нималаго прибытка учинить не изъ чего" [3]). Прибытокъ, чинимый Монастырскимъ Приказомъ, шелъ на благотворительныя учрежденіи, на богадѣльни, на новопостроенный госпиталь, также на печатаніе книгъ. Нѣкоторые архіереи были очень недовольны учрежденіемъ Монастырскаго Приказа и управленіемъ Мусина-Пушкина. Въ 1707 году изъ Монастырскаго Приказа посланъ былъ драгунскій поручикъ Василій Тютчевъ для розыска про Нижегородскаго митрополита Исаію, и, по возвращеніи, донесъ, что митрополитъ, выслушавъ отъ него, зачѣмъ онъ присланъ, началъ говорить съ крикомъ: „Ты овца; вамъ ли, овцамъ, про насъ, пастырей, розыскивать? Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ напалъ на церкви Божіи, вотчины наши вѣдаетъ, а теперь у насъ и данныя, и вѣнечныя деньги отнимаетъ, и если эти сборы у меня отнимутъ, то я въ своей епархіи всѣ церкви затворю и архіерейство покину. Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ? Какъ хотятъ другіе архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ; а ты по наказу своему розыскивай правдою; и такъ вы пропадаете,—какъ червей Шведы васъ побиваютъ, а все за наши слезы и за ваши неправды, да и впередъ, если не отстанете отъ неправдъ, Шведы васъ побьютъ". Вслѣдствіе донесенія Тютчева, отправился въ Нижній дьякъ Преображенскаго Приказа Нестеровъ, чтобъ допросить архіерея, точно ли онъ говорилъ это Тютчеву; Исаія сказалъ: „Пріѣхавши въ Нижній, свойственникъ боярина Мусина-Пушкина, Василій Тютчевъ объявилъ мнѣ о своей присылкѣ въ мірскомъ домѣ, а я къ его словамъ говорилъ разговоромъ, а не крикомъ: ты овца, вамъ ли, овцамъ, про насъ, пастырей, розыскивать? прибавилъ я къ тому правила Св. Апостолъ и Св. Отецъ и изложеніе Вселенскихъ патріарховъ. Бояринъ Иванъ Алексѣевичъ сыскивать обо мнѣ прислалъ свойственника своего нападкою на меня, мстя недружбу; а напалъ онъ, бояринъ, не на меня, напалъ на Церковь Божію, потому: по исконнымъ великихъ государей указамъ опредѣлены на всякія церковныя нужды, безъ которыхъ въ церкви пробыть нельзя, на вино, просвиры, воскъ, ладонъ, масло, сборы съ церквей данные и вѣнечные; онъ эти деньги отнимаетъ, и если эти сборы будутъ отняты, то я церкви затворю и архіерейскому дому правиться будетъ нечѣмъ и архіерейству быть не у чего, поневолѣ надобно будетъ архіерейство покинуть,—какое архіерейство, когда данное въ домъ отнимаютъ? Безъ именнаго государева указа я вѣнечныхъ и данныхъ денегъ не отдамъ. Говорилъ я Тютчеву и о томъ, чтобы по наказу розыскивать правдою, помнилъ бы видимое, лежащее на нихъ за преумноженіе грѣховъ ихъ и неправдъ посѣщеніе, что Шведы стоятъ такое продолжительное время противно" [4]).

Исаія высказалъ открыто и рѣзко свое неудовольствіе; другіе высказывали его скромнѣе и тайнѣе. Не былъ доволенъ и первый архіерей въ Россіи, блюститель патріаршаго престола, Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій. Мы видѣли, какъ онъ поступилъ предъ поставленіемъ своимъ въ архіереи на великороссійскую епархію: и теперь все рвался изъ Москвы въ Малороссію. Можетъ быть, дѣйствительно ему было тяжело въ Москвѣ, какъ на чужой сторонѣ, гдѣ, по своему скрытному характеру, онъ не могъ возбудить къ себѣ большаго сочувствія и гдѣ вообще тогда не очень доброжелательно смотрѣли на Малороссіянъ. Стефанъ въ своихъ проповѣдяхъ расхваливалъ Петра, его дѣла и поведеніе, иногда притворно, тяжело, иногда удачно, какъ напримѣръ: „Удивляемся не только мы, видящи, но и вся вселенная слышащи, толикому толикаго лица преклонству, толикому смиренію и снисходительству: съ нами ястъ, піетъ, спитъ, сѣдитъ, любовнѣ бесѣдуетъ съ нами; аки единъ отъ сосѣдъ и друговъ нашихъ премирно сожительствуетъ, и, забывъ себя быти царя и монарха, его

[1]) Подробности смъ у Пекарскаго: Наука и Литература въ Россіи I, 72 и слѣд.

[2]) Полн. Собр. Зак.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 5.

[4]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Преображенскаго Приказа означ. года.

же подсолнечная трепещетъ, всякому есть приступенъ, жилища наши посѣщаетъ, обѣдомъ, вечерію и охотою нашею не гнушается. Съ нами аки отецъ съ чадами, больши реку,—яко братъ съ братіею, житіе свое проводитъ. Предсѣданіе на сонмищахъ и предвозлеганія на вечеряхъ и цалованія на торжищахъ давно то оставилъ фарисеемъ прегордымъ". Стефанъ самъ свидѣтельствовалъ, что услаждался, какъ сахаромъ, милостію царскаго величества и отеческимъ его благопризрѣніемъ; онъ не могъ жаловаться и на скудость содержанія при новыхъ порядкахъ, какъ жаловались другіе архіереи: „Отъ самаго великаго государя", говоритъ Стефанъ, „много разъ получалъ за побѣдительныя проповѣди, (проповѣди, сказанныя по случаю побѣдъ), иногда тысячу золотыхъ, иногда меньше, также и отъ прочихъ членовъ Царскаго Дома многія много разъ щедроты бывали мнѣ за литургіи и проповѣди слова Божія" [1]).

Несмотря на то, Стефанъ упорно требовалъ увольненія отъ должности, отпуска на родину, представляя свои немощи; но ему, какъ человѣку скрытному, непрямому, не вѣрили; предполагали, что онъ чѣмъ-то не доволенъ, что ему чего-то хочется, что если бы, напримѣръ, его сдѣлали патріархомъ, то онъ бы не пошелъ на покой. Въ 1706 году Яворскій былъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ государемъ и сталъ проситься, чтобъ его тамъ оставили, не возвращали въ Москву; Петръ отказалъ и уѣхалъ; тогда Яворскій приступилъ къ оставшемуся въ Кіевѣ боярину Стрѣшневу съ слезною просьбою о томъ же: „Былъ я у него не одинъ разъ", писалъ Стрѣшневъ царю, „и много было съ нимъ разговоровъ: и милостью твоею я его обнадеживалъ, и гнѣвомъ грозилъ; наконецъ онъ рѣшился выѣхать изъ Кіева, и выѣхалъ, никому не сказавшись; даже въ томъ монастырѣ, гдѣ жилъ, не вѣдали. Просилъ онъ у меня, чтобы гнѣву твоего на него не было за усильныя его просьбы; я ему сказалъ: твои были большія просьбы, и государево изволеніе — велѣно ѣхать; ты такъ и сдѣлалъ, и потому гнѣва государева на тебя нѣтъ и милость государева къ тебѣ попрежнему не умалится" [2]).

Милость государева не умалилась попрежнему; но и поводы къ неудовольствію оставались прежніе, и Яворскій не имѣлъ духу отстранить ихъ откровеннымъ объясненіемъ, только сердился втихомолку, да просился на покой. Непріятно блюстителю патріаршаго престола, когда царица Марѳа Матвѣевна пришлетъ сказать ему, что въ Архангельскомъ соборѣ дьяконы кидаютъ въ священниковъ воскомъ; Стефанъ велитъ наказать виновныхъ, посадить въ заключеніе, а тутъ царица опять присылаетъ, чтобъ освободить ихъ [3]). Но это еще ничего,— по крайней мѣрѣ царица; но нестерпимо то, что бояринъ Мусинъ-Пушкинъ поставленъ какимъ-то помощникомъ, товарищемъ блюстителю патріаршаго престола. Въ 1707 году Холмогорскій архіепископъ Сильвестръ былъ переведенъ въ Смоленскъ; на его мѣсто нужно было поставить архіерея, и Стефанъ представилъ Петру, находившемуся тогда въ Москвѣ, двоихъ кандидатовъ,— архимандрита Троицкаго и Знаменскаго. Ни тотъ, ни другой не понравились, и Головкинъ писалъ Стефану, чтобъ онъ избралъ на Холмогорскую епархію изъ духовныхъ особъ трехъ или двухъ, которые бы были искусные и ученые и политичные люди: „Понеже та Холмогорская епархія у знатнаго морскаго порту, гдѣ бываетъ множество разныхъ областей иноземцевъ, съ которыми дабы тамошній архіерей могъ обходиться по пристойности политично, къ чести и славѣ Россійскаго государства, яко же и прежде бывшій Аѳанасій архіепископъ со изряднымъ порядкомъ тамо поступалъ". Царь отвергаетъ кандидатовъ, велитъ выбрать другихъ, но, что всего хуже, велитъ Мусину-Пушкину помогать митрополиту при этомъ выборѣ! Головкинъ писалъ Мусину-Пушкину: „Къ Стефану митрополиту я писалъ, что въ томъ выборѣ будетъ и ваша милость вспомоществовать; а когда и кто именно тѣ особы избраны будутъ, о томъ извольте милость ваша съ нимъ, митрополитомъ, писать къ царскому величеству, на что его величество соизволитъ тогда указъ свой послать, кого изъ тѣхъ особъ на Холмогоры во архіепископы посвятить" [4]). Въ половинѣ года опять новое столкновеніе у митрополита съ Мусинымъ-Пушкинымъ, который жаловался на Стефана Головкину: „Въ письмѣ твоемъ писано, что указалъ великій государь протопопу Тимоѳею быть въ Благовѣщенскомъ соборѣ, и чтобъ я о томъ указъ объявилъ Рязанскому митрополиту, дабы переведенъ былъ Благовѣщенскій къ Воскресенію. И я посылалъ къ Рязанскому митрополиту съ тѣмъ указомъ, а онъ сказалъ, что того чинить не будетъ, дондеже самъ царское величество увидитъ, и велми злобится на меня, будто я промысломъ своимъ дѣлаю. И такъ во нравѣ своемъ перемѣнился, пріѣхавъ изъ Кіева, что никто угодить не можетъ" [5]).

Свиданіе съ царемъ въ Москвѣ послѣ Полтавы не успокоило Стефана. Въ 1710 году онъ писалъ поздравительныя письма Петру со взятіемъ городовъ у Шведовъ, натягивая, по своему обычаю, каламбуры; такъ, поздравляя со взятіемъ Риги, писалъ: „Уже и Рыга ихъ славная изрыгнула горестно, яже прежде поглащала сладостно труды людей и наслѣдила многихъ потентатовъ богатства; гдѣ твоя, Рига, пыха: гдѣ твоя, Выборкъ, гордыня?" По случаю взятія Ревеля писалъ: „Слава Богу, пошло на здоровье, егда ревень или Ревель врачебную вещь далъ намъ Богъ всемогущій стяжати". Стефанъ подписывался: „Вѣрный подданный, недостойный богомолецъ, рабъ и подножіе,

[1]) Труды Кіевской Духовной Академіи, 1864 года.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 6.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 11.

[4]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ.
[5]) Московскій Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ.

смиренный Стефанъ, пастушокъ Рязанскій". Но когда, въ сентябрѣ, Петръ позвалъ Стефана въ Петербургъ, пастушокъ выпросилъ отсрочку подъ предлогомъ болѣзни и уѣхалъ въ Рязань. 2 ноября Мусинъ-Пушкинъ писалъ къ царю: „Митрополитъ Рязанскій поѣхалъ на Рязань, и я къ нему писалъ три письма, чтобъ изволилъ ѣхать къ Москвѣ, понеже многія дѣла требуютъ его исправленія; на третье письмо отвѣчалъ, чтобъ его не принуждать быть въ Москвѣ, и дѣла духовныя, которыя онъ вѣдалъ, чтобъ приказать вѣдать иному. А слухъ есть, будто хочетъ онъ схимиться, я и писалъ къ нему и послалъ дьяка, чтобъ онъ безъ указу вашего величества того не чинилъ, и велѣлъ я всѣмъ архимандритамъ и священникамъ сказать, чтобъ никто его безъ указу не схимилъ подъ жестокимъ наказаніемъ".

Рязанскій пастушокъ не посхимился, но и не помирился съ своимъ положеніемъ, не помирился и съ Мусинымъ-Пушкинымъ. „Отъ головы начинаетъ рыба смердѣть", проповѣдывалъ Стефанъ, „отъ начальниковъ множится въ собраніяхъ бѣдство... Иродъ, егда слыша Іоанна Крестителя иныхъ обличающа, въ сладость послушаше его. Коснуся послѣ Іоаннъ и самого безобразія иродова: ваше величество! ты и самъ еси отъ другихъ злѣйшій, понеже ты подданнымъ своимъ злѣйшій образъ подаеши, отъ тебя мнози соблазняются... Здѣ Иродъ тотчасъ говоритъ Іоанну: молчи! въ темницу его! За дерзость казнь да приметъ!" Стефану никто не приказывалъ молчать, никто не сажалъ въ темницу; онъ свободно могъ проповѣдывать и производить сильное впечатлѣніе, о которомъ свидѣтельствуютъ современники, даже враждебные ему: „Что витійства касается,—правда, что имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные ему во учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли, ибо мнѣ довольно случися видѣть въ церкви, что онъ могъ во ученіи слышателей привесть плакать, или смѣяться, которому движеніе его тѣла и рукъ, помаваніе очей и лица премѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала. Онъ, когда хотѣлъ, то часто отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто, гдѣ стоялъ".

Но были въ Россіи два архіерея, два человѣка съ различными характерами, подававшіе другъ другу руки и стремившіеся къ одной святой цѣли, несмотря на трудности времени, несмотря на то, что Мусинъ-Пушкинъ, обрѣзывая монастырскіе доходы для нуждъ государственныхъ, иногда рѣзалъ по живому мѣсту, лишалъ достойныхъ архіереевъ средствъ служить великому дѣлу образованія, не умѣлъ дѣлать различія между Исаіею Нижегородскимъ и Димитріемъ Ростовскимъ. Первый былъ Іовъ, митрополитъ Новгорода Великаго, мало извѣстный какъ писатель, отличавшійся практическою дѣятельностію, но хорошо понимавшій необходимость образованія для духовенства. Въ то время, когда въ Московской академіи, при отсутствіи греческихъ учителей, учителя малороссійскіе дали господство латинскому преподаванію, Іовъ выпросилъ у Петра позволеніе взять къ себѣ изъ ссылки братьевъ Лихудовъ, чтобы, съ ихъ помощію, завести при своемъ домѣ Греко-Латино-Славянскую школу. Но въ Москвѣ, какъ видно, не хотѣли дать преимущества Новгороду, и въ январѣ 1708 года въ ближней канцеляріи состоялся боярскій приговоръ: іеромонаховъ греческихъ, Іоанникія и Софронія Лихудьевыхъ, которые нынѣ въ Великомъ Новгородѣ, и при нихъ находящихся людей, которые съ ними посланы съ Москвы, взять попрежнему къ Москвѣ и учить имъ въ школахъ Греческому языку". Знаменитыхъ учителей взяли у Іова; но у него была еще другая дѣятельность: въ Новгородѣ явились построенныя на архіерейскій счетъ три больницы, двѣ гостиницы и домъ для подкидышей. Новгородскій митрополитъ имѣлъ особенное искусство, при тогдашнихъ трудныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, заводить училища, больницы и сиротскіе дома; обширная переписка Іова съ сильными міра сего показываетъ его практическое направленіе.

Другимъ характеромъ отличался Ростовскій митрополитъ Димитрій, продолжавшій и въ описываемое время свою святую дѣятельность. Онъ окончилъ обширный трудъ—Четьи-Минеи, имѣющія до сихъ поръ такое важное воспитательное значеніе для Русскихъ людей; но не могъ успокоиться. Лѣтомъ 1705 года онъ поѣхалъ въ Ярославль, важнѣйшій городъ своей епархіи. Здѣсь, въ одно воскресенье, когда, послѣ обѣдни онъ шелъ изъ собора домой, къ нему подошли два человѣка, не старые, но съ бородами, и сказали ему: „Владыко святый, какъ ты велишь?—велятъ намъ по указу государеву бороды брить, а мы готовы головы наши за бороды положить, лучше намъ пусть отсѣкутся наши головы, чѣмъ бороды обрѣются". Изумленный митрополитъ не нашелся что вдругъ отвѣчать имъ отъ писанія, спросилъ: „Что отростетъ—голова-ли отсѣченная, или борода обритая"? Тѣ, помолчавши, отвѣчали: „Борода отростетъ, а голова нѣтъ".—„Такъ вамъ лучше не пощадить бороды, которая десять разъ обритая отростетъ, чѣмъ потерять голову, которая, разъ отсѣченная, уже не отростетъ никогда, развѣ въ общее воскресенье", сказалъ митрополитъ, и пошелъ въ свою келію. Но за нимъ пришло много лучшихъ горожанъ, и былъ у нихъ длинный разговоръ о брадобритіи. Тутъ митрополитъ узналъ, что многіе, обрившіеся по указу, сомнѣваются о своемъ спасеніи, думаютъ, что потеряли образъ и подобіе Божіе. Митрополитъ долженъ былъ увѣщевать ихъ, что образъ Божій и подобіе состоятъ не въ видимомъ лицѣ человѣческомъ, но въ невидимой душѣ; притомъ брѣются бороды не по своей волѣ, по указу государеву, а надобно повиноваться властямъ въ дѣлахъ непротивныхъ Богу и невредящихъ спасенію. Послѣ этого разговора Димитрій счелъ своею обязанностію написать разсужденіе: „Объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ", которое нѣсколько разъ печаталось по при-

казанію Петра. Но на этомъ нельзя было остановиться: за людьми, которые сомнѣвались въ своемъ спасеніи, обривши бороды и которые однако, въ своихъ сомнѣніяхъ, обращались къ архіерею, стояли люди, которые давно уже не обращались къ архіереямъ, считая ихъ отступниками отъ истинной вѣры. Какъ Малороссіянинъ, Димитрій не могъ быть знакомъ съ расколомъ до тѣхъ поръ, пока не сталъ управлять Ростовскою епархіею; здѣсь, увидѣвши всю силу зла, онъ рѣшился вооружиться противъ него. „Окаянныя послѣднія времена наши", писалъ Димитрій: „Святая Церковь сильно стѣснена, умалена, съ одной стороны, отъ внѣшнихъ гонителей, съ другой—отъ внутреннихъ раскольниковъ. Съ трудомъ можно гдѣ найти истиннаго сына Церкви; почти въ каждомъ городѣ изобрѣтается особая вѣра; простые мужики и бабы догматизуютъ и учатъ о вѣрѣ". Митрополиту указали на священника, преданнаго расколу; убѣдившись, что обвиненный дѣйствительно раскольникъ, Димитрій отрѣшилъ его отъ мѣста, но позволилъ, какъ вдовцу, идти въ монахи. Священникъ нашелъ доступъ къ царицѣ Прасковьѣ Θеодоровнѣ; та шлетъ письмо къ митрополиту, проситъ его перемѣнить рѣшеніе. „Не могу сдѣлать вещи невозможной", отвѣчалъ Димитрій: „много мнѣ было отъ него досады, передъ многими людьми называлъ меня еретикомъ, римляниномъ невѣрнымъ, я все ему прощаю Христа ради моего, а священства у него не отнялъ, далъ ему волю постричься въ какомъ-нибудь монастырѣ; но боюсь гнѣва Божія, если волка въ одеждѣ овчей пущу въ стадо Христово губить души людскія раскольническими ученіями". Въ концѣ 1708 года Димитрій отправился въ Ярославль „по нуждѣ раскольнической, потому что сильно умножились раскольники въ епархіи". Поучивъ съ недѣлю народъ, онъ нашелъ, что устной проповѣди мало, и потому написалъ въ Москву: „Такъ какъ слова изъ устъ больше идутъ на вѣтеръ, нежели въ сердце слушателя, то, оставя лѣтописное дѣло, я принялся писать особую книжку противъ раскольническихъ учителей, потому что Богъ за лѣтопись меня не истяжетъ, а если буду молчать противъ раскольниковъ, — истяжетъ". Эта книжица была знаменитый „Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ".

Для Розыска Димитрій считалъ нужнымъ оставить лѣтописное дѣло. „Помню", писалъ онъ, „что въ нашей Малороссійской сторонѣ трудно сыскать Библію славянскую, и рѣдко кто изъ духовенства знаетъ порядокъ исторій библейскихъ, что когда происходило,—для того я бы хотѣлъ издать здѣсь краткую библейскую исторію, книжицу не очень большую, чтобъ всякій могъ дешево купить". Первымъ препятствіемъ, которое встрѣтилъ Димитрій, была хронологическая запутанность; когда онъ сдѣлалъ опытъ разъяснить дѣло и послалъ его на судъ тогдашнимъ ученымъ мужамъ, то они замѣтили, что это не исторія, и видѣли соблазнъ для раскольниковъ въ томъ, что вопросъ о годѣ Рождества Христова оставленъ нерѣшеннымъ. „Это дѣйствительно не исторія", отвѣчалъ Димитрій, „а только оглавленіе будущей исторіи, гдѣ предлагается не что-нибудь сомнительное, но указываются ошибки, въ которыхъ наши упорно стоятъ. Что же касается до соблазна раскольниковъ, то мнѣ и хотѣлось показать, что у нашихъ неправое лѣтосчисленіе на основаніи хронографовъ. Почему греческіе хронографы не согласны съ мнѣніемъ нашихъ? Развѣ о такихъ несогласіяхъ молчать, и что ложно, того не обличать и упрямству людскому снисходить? Раскольникамъ же никто ничѣмъ не угодитъ: они и добрыми, полезными и святыми вещами соблазняются".

Крѣпость тѣлесная не соотвѣтствовала силѣ духовной: „Рада душа въ рай, — грѣхи не пускаютъ", писалъ Димитрій. „Радъ писать, — здоровье худо. Чего мнѣ, безсильному, надѣяться? Страхъ смерти напалъ на меня. А дѣло лѣтописное какъ останется? Будетъ ли охотникъ приняться за него и довершить? Не жаль мнѣ ничего, да и нечего жалѣть: богатства не бралъ, денегъ не накопилъ; одного мнѣ жаль, что начатое книгописаніе далеко до совершенія". 28-го октября 1709 года Святой трудолюбецъ скончался на молитвѣ, 58 лѣтъ отъ роду; въ гробѣ подъ голову и подо все тѣло, по его завѣщанію, постланы были его черновыя бумаги. Кромѣ книгъ, у него ничего не сталось; онъ не хотѣлъ оставить даже и на поминъ души, чтобы не нарушить обѣта нестяжательности.

Жалоба такого архіерея, какъ Св. Димитрій, тяжело легла на памяти Мусина-Пушкина. Въ маѣ 1707 года Димитрій писалъ въ Москву о своемъ состояніи: „Часто болѣю, отчасти и печалію смущаюсь, видя бѣды священникамъ, смотря на слезы ихъ; и домъ нашъ годъ отъ году оскудѣваетъ. Хотя и уповаю на Бога, однако при видѣ ихъ нужды скорблю, потому что естество человѣческое, сердобольно сущее, обыкло соболѣзновать бѣдствующимъ". До насъ дошло также письмо Димитрія къ Іову Новгородскому: „Слыша начавшееся у вашего преосвященства еллино-греческое ученіе тщаніемъ вашимъ архіерейскимъ, трудолюбіемъ же премудрѣйшихъ учителей Іоанникія и Софронія Лихудіевыхъ, сильно о томъ радуюсь, молю Бога да содѣйствуетъ преосвященству вашему и пречестнѣйшимъ учителямъ въ томъ благопотребномъ дѣлѣ ибо, что человѣка вразумляетъ, какъ не ученіе? И Христосъ Господь, хотя сотворить учениковъ своихъ учителями всей вселенной, прежде всего отверзъ имъ умъ разумѣть писанія. Уподобляешься Господу своему, когда, желая имѣть людей учительныхъ, разумныхъ въ паствѣ своей собралъ немалое число учениковъ, и предложилъ имъ то ученіе, которое есть начало и источникъ всему любомудрію, т.-е. Еллино-Греческій языкъ, которымъ всѣ мудрыя ученія распространились по всѣмъ народамъ. Я, грѣшный, пришедши на престолъ ростовской паствы, завелъ-было училище греческое и латинское, ученики поучились года два

и больше, и уже начинали-было грамматику разумѣть недурно, но, попущеніемъ Божіемъ, скудость архіерейскаго дома положила препятствіе, питающій насъ вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только отчины, но и церковныя дани и вѣнечныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ. Sat sapienti"[1]).

Жаловались архіереи, жаловались и простые священники на небывалые тягости и поборы. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ одинъ сельскій священникъ говорилъ другому: „Богъ знаетъ, что у насъ въ царствѣ стало; Украйна наша пропала вся отъ податей, такія подати стали уму непостижимы, а теперь и до нашей братьи, священниковъ, дошло, начали брать у насъ съ бань, съ пчелъ, съ избъ деньги,— этого наши прадѣды и отцы не знали и не слыхали,—никакъ въ нашемъ царствѣ государя нѣтъ!" Священникъ читалъ въ постной Тріодѣ синаксарь въ субботу мясопустную; въ синаксарѣ написано о рожденіи антихристовѣ, что родится отъ блуда, отъ жены скверны и дѣвицы мнимы, отъ племени Данова;—и сталъ онъ думать, гдѣ тотъ антихристъ родится, не въ нашемъ ли государствѣ? Въ это время приходитъ къ нему по знакомству бѣлгородскихъ полковъ отставной прапорщикъ Аника Акимычъ Поповъ: Аника былъ человѣкъ бездомовный, кормился въ разныхъ селахъ, училъ дѣтей грамотѣ. Священникъ началъ говорить Аникѣ: „Въ міру у насъ стало нынѣ тяжело, прежнія подати берутъ сполна, да сверхъ того прибыльщики стали брать съ бань, съ избъ, съ мельницъ, съ пчелъ деньги, лѣсовъ рубить и въ водахъ рыбы ловить не велятъ; въ книгахъ писано, что антихристъ скоро родится отъ племени Данова". Аника отвѣчалъ: „Антихристъ уже есть—у насъ въ царствѣ не государь царствуетъ,—антихристъ; знай себѣ: толкуется Даново племя царскимъ племенемъ, а государь родился не отъ первой жены, отъ другой, такъ и стало, что родился онъ отъ блуда, потому что законная жена бываетъ первая". Священникъ замѣтилъ: „Въ книгахъ писано, что при антихристѣ людямъ будутъ великія тягости, и нынѣ міру очень тяжко стало, того и жди, что отъ Бога станутъ отвращать"[2]). Игуменъ Троицкаго смоленскаго монастыря говорилъ то же, что и Нижегородскій архіерей, только прямѣе, не загораживая Петра Мусинымъ-Пушкинымъ: „Государь безвинно людямъ Божіимъ кровь проливаетъ и церкви Божіи разоряетъ; куда ему Шведское царство подъ себя подбить? Чтобъ и своего царства не потерялъ!"[3]) Въ Москвѣ недовольные новыми обычаями и новыми поборами складывали вину на Нѣмку Монсову: „Видишь", говорили они, „какое бусурманское житье на Москвѣ стало: волосы накладные завели, для государя вывезли изъ Нѣмецкой Земли Нѣмку Монсову, и живетъ она въ Лафертовыхъ палатахъ, а по воротамъ на Москвѣ съ русскаго платья берутъ пошлину отъ той же Нѣмки"[4]). Недовольные настоящимъ утѣшали себя будущимъ; между ними ходили слухи, что наслѣдникъ также недоволенъ; что онъ окружилъ себя всегдашними представителями недовольныхъ—казаками—и ведетъ борьбу съ боярами, потаковниками незаконнаго царя: „Царевичъ на Москвѣ гуляетъ съ Донскими казаками, и какъ увидитъ котораго боярина и мигнетъ казакамъ,—и казаки, ухватя того боярина за руки и за ноги, бросятъ въ ровъ. У насъ государя нѣтъ; это не государь, что нынѣ владѣетъ, да и царевичъ говоритъ, что мнѣ не батюшка и не царь"[5]).

Одни жаловались на бояръ за то, что они потакаютъ новымъ обычаямъ, другіе жаловались на тѣхъ же бояръ, доносили на нихъ, что не исполняютъ указовъ государевыхъ относительно нововведеній. Въ 1708 году разбросаны были подметныя письма, въ которыхъ между прочимъ говорилось: „Воеводы посулы великіе берутъ и бѣглыхъ не высылаютъ, и мы, сироты твои, отъ того въконецъ разорились, что спуста платимъ; воеводы такъ поступаютъ ради себя, что за ними бѣглые крестьяне живутъ, на твоей государской землѣ премножество много деревень населено дворовъ по 200 и по 300. Бояре и другому указу твоему непослушны, о русскомъ платьѣ: какъ ты придешь къ Москвѣ,—и при тебѣ ходятъ въ нѣмецкомъ платьѣ, а безъ тебя всѣ боярскія жены ходятъ въ русскомъ платьѣ и по церквамъ ѣздятъ въ тѣлогрѣйкахъ, а на верхъ одѣваютъ юпки, а на головахъ носятъ не шапки польскія, невѣдомо какія дьявольскія камилавки, а если на комъ увидятъ шапку или фантажъ, то ругаютъ и смѣются и называютъ недобрыми женами тѣхъ, кто ходитъ по твоему указу, а въ заводѣ (зачинщица) Алексѣя Салтыкова жена, князя Петра Долгорукаго, Абрама Лопухина, Ивана Мусина, княгиня Настасья Троекурова, Ивана Бутурлина, Тихона Стрѣшнева, Юрьи Нелединскаго, княгиня Аграфена Барятинская; а брали они образецъ (шапкамъ?) изъ монастыря Чудова отъ чернеца Колтычевскаго. Какъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ приказалъ охабни перемѣнить—и въ одинъ мѣсяцъ перемѣнили и указу его не ругали, а твой указъ ни во что ставятъ, въ семь лѣтъ не переведутъ. И такъ всѣ пропали, что ты, наша надежда государь, не изволишь быть на Москвѣ, лишь только безъ тебя судьи богатятся, царство твое все разорилось, а они о томъ велми радуются, что ты идешь вскорѣ съ Москвы, а мы, сироты твои, и пуще всѣ пропадемъ, что не изволилъ ничего управить при своемъ здоровьѣ и имъ

[1]) Кабинетъ II, кн. 11, 8. Св. Димитрій митрополитъ Ростовскій; Чтенія Москов. Историческ. Общества, годъ 1866, кн. 2.

[2]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Тайнаго Преображенск. Приказа, годъ 1705.

[3]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Тайнаго Преображенск. приказа, годъ 1705.

[4]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Тайнаго Преображенск. Приказа, годъ 1705.

[5]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Тайнаго Преображенск. приказа, годъ 1708.

судьямъ, за ихъ неправое разсмотрѣніе ничего не учинилъ. Только и всего указу твоего послушенъ учинился князь Александръ Данилычъ — велѣлъ всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ выслать. Воистину, государь, бояре твоего указа такъ не слушаютъ, что Абрама Лопухина, и такъ въ него вѣруютъ и боятся его, и онъ, Абрамъ, всѣмъ завладѣлъ, и что онъ имъ придумаетъ, такъ и дѣлаютъ: кого велитъ обвинить;—того обвинятъ; кого велитъ оправить,—того оправятъ; кого захочетъ отъ службы отставить,—того отставятъ, а кого захочетъ послать,—того пошлютъ. Да онъ же Абрамъ былъ у Алексѣя Салтыкова (сидѣвшаго въ Судномъ московскомъ Приказѣ), и тутъ многіе были и спросили его, быть ли Троекуровымъ дѣтямъ за моремъ, и онъ, Абрамъ, посмѣялся: „Еще тотъ не родился человѣкъ, кому насъ посылать; развѣ Абрама Лопухина на семъ свѣтѣ не будетъ, тогда моимъ сродникамъ за море идти; онъ которыхъ написалъ сродниковъ моихъ за море, и я имъ велѣлъ деньги кинуть,—на тѣ деньги Меншиковой княгинѣ сѣдла покупятъ, на чемъ ей ѣздить въ полкахъ“. А сказывалъ про то князь Петръ Долгорукій, какъ княгиня ѣздитъ верхомъ, и Анна Даниловна, и всякія слова про нихъ говорили поносныя. За нимъ, Абрамомъ, и за сродниками его бѣглыхъ крестьянъ премножество много и донынѣ. Воистинну намъ твое здоровье надобно для того: если мы достанемся ему вору, Абраму, во владѣтельство, а онъ чаетъ себѣ скораго владѣтельства“ [1]).

Письмо писалъ попъ Алексѣй Ѳедоровъ по приказанію жены Никиты Пушкина. Свидѣтельствами такихъ источниковъ, какъ подметныя письма, надобно пользоваться осторожно: они писались преимущественно подъ вліяніемъ личныхъ отношеній; несмотря на то, нельзя не обратить вниманія на сопротивленіе московскихъ дамъ указу о нѣмецкомъ платьи; нельзя не обратить вниманія на значеніе Абрама Лопухина,—значеніе, которое основывалось на близости его къ наслѣднику, царевичу Алексѣю: велико было это значеніе въ настоящемъ, еще больше грозило стать въ будущемъ....

Мы уже видѣли, что всѣ эти неудовольствія, выражавшіяся въ разныхъ слояхъ общества, не могли повести ни къ какому серьезному сопротивленію дѣйствіямъ правительства въ областяхъ центральныхъ; вооруженное возстаніе могло вспыхивать только на украйнахъ—въ Астрахани, у Башкирцевъ, между казаками; но и тутъ вездѣ правительство восторжествовало, несмотря на развлеченіе его силъ борьбою съ страшнымъ врагомъ внѣшнимъ. Разсчетъ Мазепы и Карла XII на сильное неудовольствіе въ Малороссіи на Москву и на царя также оказался неосновательнымъ: народная масса осталась при народномъ знамени, которое держалъ Петръ; но понятно, что послѣ Полтавы Петръ не могъ оставить всю власть попрежнему въ рукахъ людей, которые, при стремленіи къ личнымъ цѣлямъ, обращали такъ мало вниманія на народное знамя. Немедленно послѣ Полтавы, 17 іюля, въ Рѣшетиловкѣ, гетманъ Скоропадской подалъ царю статьи для утвержденія [2]). Первая статья заключала въ себѣ просьбу объ утвержденіи и сбереженіи всѣхъ правъ, вольностей и порядковъ войсковыхъ. Царь отвѣчалъ, что эти права, вольности и порядки подтверждены имъ генерально при поставленіи гетмана въ Глуховѣ, и теперь онъ обѣщаетъ ненарушимо содержать ихъ по милости своей; обстоятельныя статьи дадутся гетману послѣ, нынѣ же это невозможно по неимѣнію времени и по случаю похода государева въ Польшу. Во второй статьѣ гетманъ просилъ, чтобъ, въ случаѣ не генеральнаго похода, а выступленія только части малороссійскаго войска на службу, наказный гетманъ былъ независимъ отъ генераловъ и офицеровъ, чтобъ они не возили впредь казаками дровъ, сѣна, и не заставляли ихъ пасти рогатый скотъ и коней, какъ то бывало прежде. Царь отвѣчалъ, что нельзя наказнымъ гетманамъ не быть подъ командою великороссійскихъ генераловъ; но генераламъ будетъ настрого приказано не употреблять казаковъ никуда, кромѣ войсковаго дѣла; въ случаѣ непослушанія генераловъ этому приказу, наказные обязаны доносить государю, и преступники подвергнутся жестокому гнѣву царскому. Въ третьей статьѣ гетманъ просилъ, чтобъ великороссійскіе воеводы, гдѣ они на прежнихъ мѣстахъ останутся, ни въ какія распорядки и дѣла городскія и полковыя не вмѣшивались, а присматривали бы только за замками, да чтобъ Малороссіянъ, разсвирѣпѣвшихъ и законной власти непокорныхъ, къ себѣ на службу не принимали; не обижали бы обывателей, и расправы, безъ малороссійской старшины, сами не чинили. Также чтобъ были выведены гарнизоны, въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ городахъ вновь помѣщенные, потому что непріятель побѣжденъ и нѣтъ уже его больше въ Малороссіи. Отвѣтъ: Воеводамъ дано будетъ повелѣніе, чтобъ они безъ указу до Малороссіянъ притязаній не имѣли, вольностей ихъ не нарушали, въ суды и расправы не вмѣшивались; а если будетъ какое важное дѣло до Малороссіянина, то розыскъ и справедливость чинили бы съ согласія полковниковъ и старшины, не включая въ это постановленіе государственныхъ дѣлъ, измѣны и т. п. Что касается до гарнизоновъ, то они выведены отовсюду, кромѣ Полтавы, потому что большая часть городовъ Полтавскаго полка были замѣшаны въ бунтъ запорожскій. Въ четвертой статьѣ гетманъ просилъ, чтобъ на казацкихъ дворахъ никто изъ Великороссіянъ не становился самовольно, а посланникамъ квартиры указывали бы старшины городовые или сельскіе, „бо чрезъ тое вольность казацкая, за которую едино тылько служать, нарушается“. Царь отвѣчалъ, что самовольно ставиться на казацкихъ дворахъ будетъ строго запрещено; въ случаѣ же неповиновенія со

[1]) Государств. Архивъ, письма временъ Петра В.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2235.

стороны Великороссіянъ, казаки должны жаловаться находящемуся при гетманѣ ближнему стольнику Андрею Петровичу Измайлову, а въ Кіевѣ и вблизи него—воеводѣ князю Дм. Мих. Голицыну.— Въ пятой статьѣ гетманъ просилъ, чтобъ Великороссіяне не брали самовольно подводъ, не уводили лошадей, взятыхъ въ подводу, какъ это случалось нѣсколько тысячъ разъ: чтобъ не вымышляли допросовъ на ратушахъ, „бьючи и мордуючи людей", и чтобъ великороссійскія войска, при переходахъ, не обижали обывателей. Отвѣтъ: Государь дастъ приказаніе, чтобъ постою, безъ крайней нужды, у казаковъ не было; а что въ прежней статьѣ къ лицу государя выражено, что казаки служатъ за одну казацкую вольность, того писать не надлежало: весь народъ довольно испыталъ царскія милости; онъ пользуется и нынѣ привилегіями и вольностями, притомъ государь освободилъ его отъ Шведовъ, отъ Мазепы и отъ тиранства, погибели и разореній польскихъ, турецкихъ и татарскихъ. Въ шестой статьѣ заключалась просьба объ увольненіи отъ походовъ по причинѣ крайняго разоренія жителей. Государь уволилъ на лѣто 1709 г., кромѣ крайней нужды и нѣкотораго числа по требованію обстоятельствъ. Въ седьмой статьѣ говорилось: хорошо, что проклятые Запорожцы чрезъ измѣну утратили Сѣчь; но Малороссіяне пользовались оттуда солью, рыбою и звѣрями; „просимъ, чтобъ позволено было намъ ѣздить туда за добычею, и чтобъ ни каменнозатонскій воевода, ни гарнизонъ не дѣлали промышленникамъ обидъ и препятствій". Отвѣтъ: на этотъ счетъ будетъ сдѣлано распоряженіе послѣ, а теперь нельзя, потому что подъ этимъ предлогомъ бунтовщики Запорожцы могутъ вгнѣздиться на прежнихъ мѣстахъ и устроить собранія бунтовщицкія. Осьмая статья: „Одинъ проклятый Мазепа съ малымъ числомъ единомышленниковъ измѣнилъ вашему величеству, а на всѣхъ насъ непоколебимыхъ въ вѣрности лежитъ досада и порокъ,—насъ называютъ измѣнниками". Отвѣтъ: о томъ уже было запрещеніе, и нынѣ оно строго подтвердится. Девятая статья: „Бьемъ челомъ, чтобы указы не отъ многихъ въ Малороссію были посылаемы, и не въ полки; а единственно отъ васъ, великаго и всенадежно милостиваго государя и къ одному только гетману, онъ же ихъ будетъ разсылать куда слѣдуетъ". Отвѣтъ: указы будутъ посылаться въ Малороссію прямо на имя одного гетмана и только изъ Приказа Малой Россіи и отъ министровъ его величества.

Въ январѣ 1710 года царь далъ гетману грамоту съ подтвержденіемъ пунктовъ, „на которыхъ приступилъ подъ высокодержавнѣйшую руку отца нашего гетманъ Богданъ Хмельницкій" [1]). Черезъ мѣсяцъ настрого было запрещено войсковымъ людямъ брать въ Малороссіи подводы сверхъ указнаго числа, ставиться самовольно на казацкихъ дворахъ и вымогать излишніе кормы и питье,—велѣно довольствоваться тѣмъ, что дадутъ. „Также дабы отнюдь никто не дерзалъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ Малороссійскаго народа людей измѣнниками называть. Ежели же кто сему нашему указу явится въ чемъ преслушенъ, и за то учиненъ будетъ офицерамъ воинской судъ и по тому достойное наказаніе, а рядовымъ жестокое наказанье" [2]). Вѣрныхъ подданныхъ запрещено называть измѣнниками, ибо одинъ Мазепа измѣнилъ съ малымъ числомъ единомышленниковъ; но Мазепа измѣнилъ, его предшественники измѣнили такъ же, или по крайней мѣрѣ были обвинены въ измѣнѣ своими. Чтобъ предотвратить на будущее время измѣну и ложныя обвиненія въ ней, вѣрнымъ средствомъ было—поставить подлѣ гетмана великороссійскаго чиновника, который бы отвѣчалъ за его поведеніе и не давалъ мѣста крамолѣ. Жаловаться на такое средство было нельзя,—оно оправдывалось необходимостію, а между тѣмъ это былъ шагъ къ уничтоженію сана гетманскаго, ибо власть гетмана стѣснялась присутствіемъ этихъ очей и ушей царскихъ. Ближнему стольнику и намѣстнику Суздальскому, Андрею Петровичу Измайлову, поручено было находиться при гетманѣ для управленія, по общему съ нимъ совѣту, дѣлами великаго государя по случаю бывшаго возмущенія въ Малороссійскомъ краѣ и бунта Запорожцевъ. Ему было наказано: стараться, вмѣстѣ съ гетманомъ, о сохраненіи тишины и благоустройства въ Малороссіи посредствомъ поимки всѣхъ возмутителей; препятствовать вооруженною рукою Запорожцамъ селиться вновь въ Сѣчи или въ другомъ какомъ мѣстѣ; иностранныхъ посланцовъ принимать вмѣстѣ съ гетманомъ, доставлять къ государю привозимыя ими письма и безъ высочайшаго соизволенія не отвѣчать, равно и казацкихъ посольствъ никуда не отправлять; смотрѣть, чтобъ гетманъ безъ указа государева никого изъ старшинъ и полковниковъ не отставлялъ и чтобъ избирались они съ общаго совѣта и съ утвержденія царскаго; препятствовать принятію въ службу Поляковъ и другихъ инземцевъ; наблюдать, чтобъ гетманъ никого не казнилъ безъ воли царской; описать все имѣніе измѣнниковъ и прислать ему вѣдомость; впредь гетманъ не долженъ маетностей и земель ни давать, ни отнимать ни у кого безъ царскаго соизволенія, за усердную же службу назначать земли съ общаго согласія генеральныхъ старшинъ и потомъ представлять объ этомъ государю; гетману имѣть свое пребываніе въ Глуховѣ; съ городовъ въ Полтавскомъ полку и въ другихъ, замѣшанныхъ въ измѣнѣ Мазепиной, взыскать въ казну по два ефимка съ каждаго двора; въ случаѣ неплатежа—разорить ихъ до основанія, подобно Батурину; истребовать отъ гетмана и полковниковъ подробную вѣдомость о войсковыхъ доходахъ. Кромѣ этого наказа, Измайлову былъ данъ еще тайный: имѣть неослабное смотрѣніе за поступками гетмана, старшины и полков-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2243.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2261.

никовъ и препятствовать имъ сноситься съ Турками, Татарами, Поляками, Шведами и съ измѣнниками казаками; въ случаѣ же измѣны или народнаго возмущенія—требовать пособія отъ воеводы Кіевскаго и отъ другихъ сосѣднихъ, а для скорѣйшаго прекращенія всякаго безпорядка употреблять пѣхотные великороссійскіе полки, данные ему въ команду и находившіеся прежде при Мазепѣ. Провѣдать тайно, сколько прежде собиралось и теперь собирается доходовъ для гетмана, генеральной старшины, полковниковъ и прочихъ урядниковъ. Узнавать изъ разговоровъ и обхожденія—кто изъ старшинъ и казаковъ болѣе приверженъ къ государю и какого уряда достоинъ. Но Измайловъ, несмотря на то, что сумѣлъ ужиться съ гетманомъ, не долго однако при немъ оставался, потому что имѣлъ неосторожность подписать, вмѣстѣ съ Скоропадскимъ, увѣщательную грамоту къ Запорожцамъ. „И то мнѣ зѣло удивительно", писалъ Головкинъ гетману, „чего ради то онъ учинилъ, ибо ему того чинить не надлежало, но вашей милости, яко гетману войска Запорожскаго, таковые универсалы и прочія дѣла, надлежащія къ управленію Малороссійскаго народа, одному надлежитъ подписывать". Въ сентябрѣ 1710 года Измайловъ былъ отозванъ, и, вмѣсто него, велѣно быть при гетманѣ думному дьяку Виніусу и стольнику Ѳедору Протасьеву для совѣтовъ о государевыхъ дѣлахъ. Гетманъ, узнавши, что Измайлова хотятъ перемѣнить, просилъ Головкина, чтобъ оставили его при немъ попрежнему, увѣряя, что живетъ съ Измайловымъ согласно, очень доволенъ его благоразумными совѣтами. Желая успокоить гетмана, Головкинъ писалъ ему: „О отозваніи господина Измайлова уже указъ опредѣлился, отчасти по преждебывшему собственному прошенію и нуждъ его домовыхъ и скудости; и опредѣлены вмѣсто его при васъ для потребнаго совѣтованія думный дьякъ господинъ Виніусъ купно съ стольникомъ Ѳедоромъ Протасьевымъ, которые вашей вельможности довольно знаемы, яко суть люди искусные и поважные, и которымъ приказано будетъ, дабы съ вашею вельможностію во всемъ поступали нисходительно, и вашей вельможности и совѣты, и дѣлами вспомогали, и уповаю, что ваша вельможность опыми весьма контентъ будете". Присутствіе при гетманѣ великороссійскихъ чиновниковъ—одного, потомъ двоихъ—разумѣется, не могло не возбудить неудовольствія въ Малороссіи, не могло не возбудить опасенія за существующій порядокъ. Въ февралѣ 1710 года Кіевскій воевода, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, писалъ Головкину. „Сказывалъ мнѣ бывшій чигиринскій сотникъ Невѣнчанный: когда ѣхалъ онъ изъ Москвы, то на дорогѣ встрѣтилъ гетманскаго посланца, отвозившаго къ государю дичину. Этотъ посланецъ спрашивалъ его: „На Москвѣ что дѣлается? а у насъ на Украйнѣ слышно, что государь хочетъ украинскихъ всѣхъ людей перевесть за Москву и на Украйнѣ поселитъ Русскихъ людей. Москва лучшіе города наши хочетъ себѣ побрать. Что наши и за вольности? Министръ, который при гетманѣ, всякое письмо осматриваетъ. Дурно сдѣлалъ гетманъ Мазепа, что не объявилъ о своемъ дѣлѣ всей старшинѣ и посполитымъ людямъ. Теперь гетманъ просилъ всю старшину, чтобъ потерпѣли какія ни есть тягости отъ Русскихъ людей до весны, пока выйдутъ въ поле, а какъ въ поле выйдутъ, тогда будутъ писать къ государю, чтобъ ихъ вольности попрежнему были; а если государь тѣмъ ихъ не пожалуетъ, то иное будутъ думать". Невѣнчанный спросилъ у того же посланца, не пришли ли Запорожцы съ повинною къ государю?—и тотъ отвѣчалъ: „Развѣ будутъ дураки, что пойдутъ: они хорошо дѣлаютъ, что орду поднимаютъ; а какъ орду поднимутъ, то вся Украйна свободна будетъ, а то отъ Москвы вся Украйна пропала". Тотъ же Невѣнчанный объявилъ, что встрѣтились съ нимъ два Запорожца, шедшіе съ повинною къ государю и сказывали: „Всѣ Запорожцы для того нейдутъ съ повинною къ государю, что изъ Украйны дали имъ знать: если вы пойдете, то всѣ пропадете; заключайте союзъ съ Татарами и освобождайте насъ, потому что мы всѣ отъ Москвы пропали".

Голицынъ, донося объ этомъ канцлеру, предлагалъ свое мнѣніе, какъ надобно поступать въ Малороссіи. „Если", писалъ онъ, „Турки не объявятъ войны, то Черкасы ничего не могутъ сдѣлать. Для нашей безопасности на Украйнѣ надобно прежде всего посѣять несогласіе между полковниками и гетманомъ; не надобно исполнять всякія просьбы гетмана, особенно когда будетъ просить наградить кого-нибудь деревнями, мельницами или чѣмъ-нибудь другимъ; которые были въ измѣнѣ и произведены въ чины,—тѣхъ отставить, и произвесть на ихъ мѣсто тѣхъ, которые хотя малую службу къ государю показали. Когда народъ узнаетъ, что гетманъ такой власти не будетъ имѣть, какъ Мазепа, то надѣюсь, что будутъ приходить съ доносами. При этомъ доносчикамъ не надобно показывать суровости: если двое придутъ съ ложью, а суровости имъ не будетъ показано, то третій и съ правдою придетъ, а гетманъ и старшина будутъ опасаться. Слышу цѣлымъ полкомъ доводятъ на Полтавскаго полковника измѣну, что дѣлалъ послѣ баталіи (Полтавской), и слышу, что гетманъ полковника защищаетъ; по моему мнѣнію, вамъ надобно взять къ себѣ кого-нибудь изъ этихъ доносчиковъ и персонально допросить, именно Черныша, который посыланъ былъ въ Крымъ въ измѣну Мазепину; думаю, что обнаружилось бы что-нибудь и о Запорожцахъ. Былъ я въ Глуховѣ и видѣлся съ гетманомъ; были мы немного пьяны, и изъ словъ гетманскихъ не могъ я выразумѣть ничего добраго; всякими способами внушаетъ злобу на тѣхъ, которые хотя мало къ намъ склонны. Слышалъ я, гетманъ хочетъ просить у государя, или просилъ, чтобъ ему дали Умань; быть можетъ онъ писалъ, что Умань мѣстечко малое; но это мѣсто большое и сосѣднее съ степью, въ городѣ съ уѣз-

домъ будетъ людей тысячъ съ пять или шесть; по моему мнѣнію, ему Умани давать не слѣдуетъ, пусть живетъ со всѣми своими дѣлами у насъ въ серединѣ, а не въ порубежныхъ мѣстахъ. Умань на границѣ степи,—Ногайскимъ Татарамъ, кочующимъ по сю сторону Днѣстра, и Запорожцамъ пристанище; безпрестанно Татары изъ Очакова пріѣзжаютъ туда покупать скотину, а Уманцы къ нимъ въ Очаковъ ѣздятъ, возятъ лубья, доски и уголья. Гетманъ, думаю, многократно писалъ къ вамъ жалобу на Палѣя: ему хочется выжить его изъ порубежныхъ городовъ и на его мѣсто послать кого-нибудь отъ себя; знаю и то, что если еще не писалъ, то впередъ будетъ писать къ вамъ жалобу на Чигиринскаго полковника Галагана и на Бреславскаго,—хочется ему, чтобъ ихъ не было, или чтобъ были въ его волѣ, потому что они, сравнительно съ другими, къ намъ склоннѣе. Теперь отъ него въ Корсунѣ полковникомъ Кандыба, который былъ въ измѣнѣ, и Мазепа изъ Ромна послалъ его въ Корсунь въ полковники. Я, узнавъ объ этомъ, перестерегъ и не допустилъ его; ему негдѣ было дѣться, пришелъ ко мнѣ своею волею; я послалъ его къ гетману, и тотъ сейчасъ отправилъ его въ полковники туда же, куда и Мазепа посылалъ; а я думаю, что отъ него кромѣ плутовства нельзя ждать никакого добра; хорошо, еслибъ на его мѣстѣ былъ другой съ нашей стороны. Какъ прежде я вамъ писалъ, такъ и теперь повторяю: необходимо, чтобъ во всѣхъ порубежныхъ городахъ были полковники несогласные съ гетманомъ; если будутъ несогласны, то дѣла ихъ всѣ будутъ намъ открыты"[1]).

Подозрительность Кіевскаго воеводы относительно порубежныхъ полковниковъ будетъ понятна, если вспомнимъ, что въ Бессарабіи, при войскѣ Шведскаго короля находился казацкій отрядъ, подъ начальствомъ гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра войска Запорожскаго. Мазепа, убѣжавшій съ Карломъ XII въ турецкія владѣнія, продолжалъ носить этотъ титулъ; Петръ хотѣлъ добыть въ свои руки измѣнника: отъѣзжая изъ-подъ Полтавы, онъ поручилъ Головкину велѣть Пиперу написать къ своему королю письмо о размѣнѣ его, Пипера, на Мазепу. Головкинъ немедленно призвалъ Пипера; письмо было отправлено, но желаннаго отвѣта не послѣдовало[2]). Толстой въ Константинополѣ хлопоталъ о выдачѣ Мазепы, какъ измѣнника,—и также понапрасну. 22 сентября 1709 года Мазепа умеръ и похороненъ въ Варницѣ, близъ Бендеръ; пошелъ слухъ, что, боясь попасться такъ или иначе въ руки царя, онъ отравилъ себя; но по другимъ, болѣе вѣроятнымъ извѣстіямъ, онъ умеръ отъ старости, усталости и горя. Только въ апрѣлѣ слѣдующаго 1710 года рѣшено было, чтобъ казаки, бѣжавшіе съ Мазепою, выбрали вмѣсто него новаго себѣ гетмана. Выбранъ былъ Филиппъ Орликъ и написанъ былъ договоръ между нимъ и его избирателями. Договоръ начинается возгласами о древнемъ могуществѣ казацкаго народа, который одно и то же, что Козары, гроза имперіи Восточной, и одинъ изъ императоровъ Греческихъ долженъ былъ выдать дочь свою за кагана козарскаго, т. е. за предводителя казаковъ. Потомъ Болеславъ Храбрый и Стефанъ Баторій подчинили казаковъ своему игу; гетманъ Богданъ Хмельницкій освободилъ ихъ отъ этого ига, съ помощію Шведскаго короля Карла X и Крымскаго хана. Освобожденная Малороссія соединилась съ единовѣрнымъ государствомъ Московскимъ, которое однако посягнуло на права и вольности казацкія, вслѣдствіе чего гетманъ Мазепа и отдался въ покровительство Шведскому королю. Первымъ условіемъ договора съ новымъ гетманомъ казаки постановили нетерпимость никакой чуждой религіи, преимущественно Іудейской; потомъ требуютъ усиленія способовъ для русскаго юношества обучаться свободнымъ наукамъ, возстановленія прежнихъ отношеній между Кіевскимъ митрополитомъ и Константинопольскимъ патріархомъ; постановляется, чтобъ Малороссія находилась въ покровительствѣ шведскомъ и союзѣ крымскомъ, на томъ основаніи, что народъ козарскій или казацкій ведетъ происхожденіе свое отъ храбрыхъ и непобѣдимыхъ Готовъ; постановляется, что гетманъ долженъ созывать раду три раза въ годъ: о Рождествѣ Христовѣ, о Пасхѣ и о Покровѣ. Гетманъ не имѣетъ власти наказывать никого изъ войска безъ согласія старшинъ, постоянно при немъ находящихся; управленіе финансами ввѣряется генеральному казначею; гетманъ не имѣетъ права назначать войсковыхъ чиновниковъ, которые выбираются свободными голосами, однако не безъ согласія гетмана. Карлъ XII утвердилъ эти условія и избраннаго гетмана Орлика, который говорилъ ему за это рѣчь, блестящую по тогдашнимъ понятіямъ, напримѣръ: „Мнѣ ли, новому Атласу, сумѣть поддержать на плечахъ своихъ обрушивающуюся твердыню русскаго отечества? Мнѣ ли, неопытному аргонавту, направить обуреваемый россійскій корабль къ золотымъ островамъ? Мнѣ ли, новому Тезею, вывести стрегомую московскимъ дракономъ Аріадну, нашу родину, изъ лабиринта страшнаго рабства на прежнюю свободу?" и проч.[3]).

Новый Тезей не могъ вывести своей Аріадны изъ лабиринта; но онъ могъ, наоборотъ, ввести ее въ лабиринтъ смутъ, и царь послалъ въ Малороссію своего человѣка, который бы, вмѣстѣ съ гетманомъ, старался о сохраненіи тишины и благоустройства. Для тѣхъ же цѣлей въ областномъ управленіи Великой Россіи еще прежде произведена была важная перемѣна; въ концѣ 1708 года она была раздѣлена на 8 губерній: Московскую, С.-Петербургскую, Кіевскую, Смоленскую, Архан-

[1]) Московск. Архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, 1711 годъ; тамъ же дѣла Малороссійскія 1710 года.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 10.

[3]) Чтеніе Москов. Историч. Общ., годъ Ш, № 1.

гельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую. Управителями были назначены: въ Московскую бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ; въ С.-Петербургскую —князь Меншиковъ; въ Кіевскую —ближній стольникъ князь Дим. Мих. Голицынъ; въ Смоленскую—бояринъ Петръ Самойловичъ Салтыковъ; въ Архангельскую—ближній стольникъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ; въ Казанскую—бояринъ Петръ Матв. Апраксинъ; въ Азовскую—адмиралъ Ѳедоръ Матв. Апраксинъ; въ Сибирскую - московскій комендантъ князь Матв. Петр. Гагаринъ. Одною изъ главныхъ обязанностей новыхъ управителей— было доставленіе въ Москву сполна доходовъ, собиравшихся въ ихъ губерніяхъ. 27 января 1710 г. государь велѣлъ въ первый разъ сличить приходъ съ расходомъ: оказалось во всѣхъ губерніяхъ доходу 3.051,796 рублей; по табелямъ губернаторскимъ среднихъ доходовъ 3.016,590; изъ общаго сложеннаго трехъ годовъ перечня треть 3.133,879. Расходъ на армію простирался до 1.252,525 руб.; на флотъ—до 444,288; на разныя посольскія дачи—до 148,031; на артиллерію и припасы—до 221,799; рекрутамъ 30,000; на оружейныя дѣла—84,104; гарнизоннымъ служителямъ - 977,896; на разныя дачи (царицамъ, царевичу, царевнамъ, на дворцовые расходы, аптекарскаго чина людямъ, на покупку лѣкарствъ, духовенству, русскимъ плѣннымъ въ Стокгольмѣ, приказнымъ, мастеровымъ и дворцовымъ людямъ, кормовщикамъ, ружникамъ, ямщикамъ, на постройки)—675,775, итого 3.834,418 [1]). Сумма прихода раздѣлялась по губерніямъ такимъ образомъ: на Московскую 1.140,097 рублей; на Петербургскую—336,627; Кіевскую—114,857; Смоленскую—83,258; Архангельскую—374,276; Казанскую—600,000; Азовскую 154,933; Сибирскую—222,080.

Расходы превышали доходы, и не было сомнѣнія, что неисправность и казнокрадство много уменьшали послѣдніе; обратить все свое вниманіе на эту сторону не было возможности для царя: Шведская война затягивалась и къ ней присоединялась еще Турецкая; денегъ и людей понадобится еще болѣе, царь снова будетъ въ постоянной отлучкѣ. Это заставило Петра усилить внутреннее правительство, дать ему бо́льшее значеніе и вмѣстѣ наложить бо́льшія обязанности, бо́льшую отвѣтственность. 22 февраля 1711 года „опредѣлили быть для отлучекъ нашихъ Правительствующій Сенатъ для управленія“. Новое учрежденіе состояло изъ девяти членовъ: графа Мусина-Пушкина, Стрѣшнева, князя Петра Голицына, князя Михайлы Долгорукаго, Племянникова, князя Григорья Волконскаго, генералъ-кригсъ-цалмейстера Самарина, Опухтина, Мельницкаго. Оберъ-секретаремъ былъ назначенъ Анисимъ Щукинъ [2]). 2 марта изданъ былъ указъ о власти и отвѣтственности Сената: [3]) „Повелѣваемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ, что мы, для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ, опредѣлили управительный Сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря. И ежели оный Сенатъ, чрезъ свое нынѣ предъ Богомъ принесенное обѣщаніе, неправедно что поступятъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто про то увѣдаетъ, то однакожъ да молчитъ до нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ, и тогда да возвѣститъ намъ, однакожъ справясь съ подлиннымъ документомъ, понеже то будетъ предъ нами суждено, и виноватый жестоко будетъ наказанъ“. Сознавая весь вредъ, проистекавшій отъ господства личныхъ отношеній, желая ослабить особныя, своекоростныя стремленія, выдвинувъ понятіе объ общемъ интересѣ, объ отечествѣ, о государствѣ, Петръ тогда же, 2 марта, предписалъ новую форму присяги государю и всему государству [4]).

Дѣятельность новаго учрежденія опредѣлена была въ слѣдующемъ Наказѣ: „Судъ имѣть нелицемѣрный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, тожъ и ябедникамъ да послѣдуетъ. Смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужные, а особливо напрасные отставить. Денегъ какъ можно сбирать, понеже деньги суть артеріею войны. Дворянъ собрать молодыхъ для запасу въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать; также тысячу человѣкъ людей боярскихъ грамотныхъ для тогожъ. Векселя исправить и держать въ одномъ мѣстѣ. Товары, которые на откупахъ или по канцеляріямъ и губерніямъ, осмотрѣть и посвидѣтельствовать. О соли стараться отдать на откупъ и попещися прибыли у оной. Торгъ китайскій, сдѣлавъ компанію добрую, отдать. Персидскій торгъ умножить, и Армянъ, какъ возможно, приласкать и облегчить, въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для бо́льшаго ихъ пріѣзда. Учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, и какъ быть имъ,—пришлется извѣстіе“ [5]). Это извѣстіе состояло въ слѣдующемъ: „Выбрать оберъ-фискала, человѣка умнаго и добраго (изъ какого чина ни есть). Дѣла же его сія суть: долженъ онъ надъ всѣми дѣлами тайно

[1]) Кабинетъ I, кн. № 34. Подробности расходовъ на войско: генеральному штабу 184 человѣкамъ 91,090 рублей. Кавалеріи 33 полка; въ полку 1,040 человѣкъ служащихъ да 288 человѣкъ неслужащихъ (писарей, трубачей и т. д.), на каждый полкъ 18,753 рубля; на всю кавалерію 43,824 человѣка 618,873 рубля; на лошадей 42,900 рублей, на полкъ по 1,300 рублей, на припасы 102,898 руб., на полкъ 3,118 рублей, всего на кавалерію 764,671 рубль. Инфантеріи 42 полка, 62,454 человѣкамъ 815,077 рублей, на полкъ 1,487 (служащихъ и неслужащихъ) 19,406 рублей всего на людей, лошадей и припасы 882,436. Гарнизоннымъ 58,000 человѣкъ 422,980 рублей, всего на войско 2.161,176 рублей, въ томъ числѣ на два гвардейскихъ полка 42,020 рублей.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2321.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 2328.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 2329.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 2330.

надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, также въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ Сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличить; а буде уличитъ кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему, фискалу; буде же не уличитъ, то отнюдь фискалу въ вину не ставить, ниже досадовать, подъ жестокимъ наказаніемъ и разореніемъ всего имѣнія. Тако-жъ надлежитъ ему имѣть нѣсколько подъ собою провинціалъ-фискаловъ, и у каждаго дѣла по одному (т. е. въ каждой отрасли управленія), которые еще подъ собою нѣсколько нижнихъ имѣютъ, которые во всемъ имѣютъ такую же силу и свободность, какъ и оберъ-фискалъ, кромѣ одного, что вышняго судью или генеральнаго штаба на судъ безъ оберъ-фискала позвать не могутъ" [1]).

Всѣ члены Сената должны были имѣть равные голоса; каждый указъ подписывали всѣ собственноручно; если одинъ изъ нихъ откажется подписать, объявляя несправедливость приговора, то приговоръ остальныхъ членовъ не дѣйствителенъ; но при этомъ сенаторъ, оспаривающій приговоръ, долженъ дать свой протестъ на письмѣ за собственноручною подписью. Для удобнѣйшихъ и быстрѣйшихъ сношеній Сената съ губерніями, должны были находиться въ Москвѣ коммисары изъ каждой губерніи и безотлучно быть въ канцеляріи Сената для приниманія указовъ и для отвѣта на вопросы по дѣламъ, касавшимся ихъ губерній; коммисары принимали изъ Сената грамоты великаго государя и вѣдѣнія о всякихъ губернаторскихъ дѣлахъ и отсылали ихъ въ свою губернію, и, получа вѣдѣнія отъ губернаторовъ, подавали за своими руками въ канцелярію Сената [2]).

Коммисары должны были сноситься съ губернаторами чрезъ нарочныя почты, потому что медленность губернаторовъ выводила Петра изъ терпѣнія, какъ видно изъ письма его къ Меншикову изъ Преображенскаго отъ 6 февраля 1711 года: „Донынѣ, Богъ вѣдаетъ въ какой печали пребываю, ибо губернаторы зѣло раку послѣдуютъ въ происхожденіи своихъ дѣлъ, которымъ послѣдній срокъ въ четвергъ на первой недѣлѣ, а потомъ буду не словомъ, но руками со оными поступать" Меншиковъ не составлялъ исключенія между губернаторами и зѣло раку слѣдовалъ въ сообщеніи о самомъ нужномъ дѣлѣ, которое Петръ называлъ артеріею войны. 19 февраля царь писалъ С.-Петербургскому губернатору: „Дай знать, которые у васъ товары, на сколько когда продано и куды тѣ деньги идутъ, ибо я спрашивалъ Щукина для вѣдѣнія, но онъ сказалъ, что ни о чемъ не вѣдаетъ: и тако о вашей губерніи ни о чемъ не вѣдаемъ, будто о иномъ государствѣ". Учредивши Сенатъ, Петръ самъ извѣстилъ Данилыча, что и его губернія не должна быть инымъ государствомъ, но, вмѣстѣ съ другими подчиниться Вышнему Правительствующему Сенату: „Посылаемъ при семъ указъ, равной какъ и прочимъ губернаторамъ, о послушаніи избранному Сенату, и присягу, какъ Сенатъ, такъ и губернаторы какову здѣсь учинили, а коихъ нѣтъ—къ тѣмъ посланы указы, дабы тамъ присягли и подписались. Такожъ правленія ради здѣшнихъ нужнѣйшихъ дѣлъ опредѣлили мы и губерніи вашей къ дѣламъ въ вышнемъ Сенатѣ князь Григорія Волконскаго, Анисима Щукина, о чемъ извольте вѣдать" [3]).

„Денегъ, какъ возможно собирать, понеже деньги суть артеріею войны", наказывалъ Петръ своему новому Сенату. Война не прерывалась; Петръ въ 1710 году спѣшилъ къ Балтійскому морю, чтобъ воспользоваться увязнутіемъ Карла XII въ Турціи, какъ прежде здѣсь же воспользовался увязнутіемъ его въ Польшѣ. Въ половинѣ февраля царь выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ: п а р а д и з ъ нужно было обезопасить со стороны Финляндіи, и адмиралъ Апраксинъ отправился съ 18,000 сухопутнаго войска подъ Выборгъ, флотъ—подъ начальствомъ вице-адмирала Крюйса и контръ-адмирала—самого царя, везъ артиллерію и запасы; въ іюнѣ Выборгъ сдался, и такимъ образомъ „была устроена крѣпкая подушка Петербургу", по выраженію Петра [4]). Въ сентябрѣ сдался Кексгольмъ Брюсу и покореніе Кареліи было закончено [5]). Мы видѣли, что Шереметевъ осадилъ Ригу еще въ 1709 году; съ начала 1710 голодъ и моръ опустошали осажденный городъ; осаждающіе также много терпѣли отъ язвы, проникнувшей изъ Пруссіи черезъ Курляндію; въ іюлѣ Рига сдалась. Петръ увѣдомилъ Курбатова объ этомъ счастливомъ событіи, и получилъ отвѣтъ: „Получилъ я В. В—ства всерадостное письмо, въ немъ же явлено о взятіи Риги; объявилъ оное московскому купечеству, и торжествовахомъ купно въ убогомъ моемъ загородномъ домѣ, по душѣ и плоти, съ немалымъ шумомъ гласовъ гарматныхъ и мусикійскими органы и различнѣ украшенными въ Божію и вашу славу пѣніи. Торжествуй, всеусерднѣйшій расширителю Всероссійскія державы, яко уже вносимыми во Всероссійское государствіе европейскими богатствы не едина хвалитися будетъ Архангелогородская гавань! Торжествуй радостно, преславный обогатителю Славено-Россійскаго народа, яко аще продолженіемъ войны сея зрится оный въ имѣніяхъ и не безъ истощанія, но нынѣ имать надежду возобновитися богатствы вящше" [6]). Шведскому гарнизону было позволено выйти изъ Риги, но природные Лифляндцы должны были присягнуть царю на вѣрность; имъ было оставлено ихъ прежнее провинціальное управленіе, Аугсбургское исповѣданіе; городъ Рига со-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2331.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 2339.

[3]) Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.
[4]) Гисторія Свейской войны; письма Петра къ Екатеринѣ въ письмахъ Рус. Госуд. I, 14.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 2293.
[6]) Кабинетъ II, кн. № 11.

хранялъ принадлежавшія ему земли, доходы, преимущества, привилегіи, судебную расправу, обычаи, вольности; было обѣщано ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ не вводить никакихъ новыхъ судей и законовъ, также не вводить ни въ канцеляріи, ни въ переписки другого языка, кромѣ до тѣхъ поръ употреблявшагося Нѣмецкаго. Было обѣщано, что какъ скоро городъ Пернау приведенъ будетъ въ царское подданство и находившійся въ немъ университетъ, во время приступа къ городу, не будетъ сопротивляться и не будетъ ни во что вмѣшиваться, то государь не убавитъ его выгодъ и привилегій, но еще болѣе распространитъ и будетъ заботиться, чтобъ университетъ былъ снабженъ всегда искусными профессорами, учителями языковъ и экзерцицій, потому что его царское величество изъ своихъ собственныхъ государствъ и земель молодыхъ людей для обученія туда посылать будетъ для большей славы этого университета, вслѣдствіе чего его царскому величеству свободное отправленіе Греческаго закона предоставляется; царское величество предоставляетъ себѣ учредить особаго профессора въ высокой школѣ, который бы могъ обучать Славянскому языку, и ввести его туда, прочихъ же профессоровъ назначаетъ рыцарство вмѣстѣ съ верховною консисторіею. Шляхетство и урожденцы лифляндскіе имѣютъ передъ другими право при назначеніи во всѣ должности, какъ военныя, такъ и гражданскія въ своей провинціи. Шляхетскихъ маетностей никому, кромѣ лифляндскихъ шляхтичей, покупать нельзя, и если которыя уже проданы, то шляхтичи могутъ ихъ выкупать [1]).

Въ августѣ 1710 года сдались Русскимъ Пернау и Аренсбургъ, главный городъ острова Эзеля, въ сентябрѣ—Ревель. По случаю взятія Ревеля Курбатовъ писалъ, что при заключеніи мира всѣ эти приморскія мѣста надобно оставить за Россіею. Эльбингъ, послѣднее мѣсто, которымъ владѣли Шведы въ Польшѣ, сдался Русскимъ же еще въ самомъ началѣ года. Овладѣвъ Лифляндіею и Эстляндіею, Петръ укрѣпилъ свое вліяніе и въ Курляндіи. Молодой герцогъ Курляндскій Фридрихъ-Вильгельмъ въ 1710 году предложилъ руку одной изъ племянницъ царскихъ, Аннѣ Іоанновнѣ; условіями брака герцогъ поставилъ: выводъ изъ Курляндіи русскихъ войскъ, обязательство со стороны Россіи впредь не занимать Курляндіи своими войсками и не брать съ нея контрибуціи; учрежденіе коммисіи для изслѣдованія обидъ, причиненныхъ Курляндцамъ русскими войсками; нейтралитетъ Курляндіи на случай будущихъ войнъ, свобода торговли съ Россіею; наконецъ женихъ просилъ 200,000 рублей приданаго. Петръ согласился на условія, но съ прибавкою своихъ: изъ 200,000 рублей 50,000 отданы будутъ послѣ утвержденія договора, 50,000 въ день брака, остальныя же 100,000 будутъ уплачены послѣ въ самоскорѣйшемъ времени. Изо всѣхъ этихъ денегъ только 40,000 считаются за приданое, остальные же 160,000 рублей считаются данными взаймы герцогу на выкупъ его заложенныхъ староствъ, и эти выкупленныя староства должны быть отданы будущей герцогинѣ Аннѣ въ закладъ, причемъ она получаетъ ежегодно по пяти процентовъ. Для герцогини будетъ церковь „по греческому украшенію" въ замкѣ Митавскомъ; сыновья, имѣющіе родиться отъ этого брака, будутъ воспитаны въ Лютеранскомъ законѣ, а дочери—въ Греко-россійскомъ. [2])

Но въ то время, когда Петръ закрѣплялъ свои владѣнія на Балтійскомъ морѣ, стали приходить тревожныя вѣсти съ юга, заставившія его покинуть любимыя мѣста.

Мы видѣли, что Турки не воспользовались вторженіемъ Карла XII въ русскіе предѣлы и не объявили войны царю. 28 іюня 1709 года, не предчувствуя, что происходило наканунѣ подъ Полтавою, Толстой писалъ въ донесеніи Головкину: „Опять Порту возмутили пуще прежняго Татары, прислали письмо, за многими печатями, отъ всѣхъ крымскихъ, ногайскихъ и кубанскихъ Татаръ, что царь пришелъ въ Азовъ для похода на Крымъ, и что множество судовъ большихъ и малыхъ на Азовское море вышло; просятъ Татары Порту съ великимъ усердіемъ, чтобъ немедленно подала имъ помощь и чтобъ позволила вмѣстѣ съ Шведами и Поляками стать противъ войскъ царскихъ. Съ великимъ трудомъ и съ немалою дачею едва успѣлъ я удержать, что не дали Татарамъ позволенія соединиться съ Шведами". Тутъ же Толстой доносилъ, какъ французскій посолъ сошелъ съ ума: „Посолъ французскій, здѣсь пребывающій, обезумѣлъ; тому причина есть сія: когда оный получилъ отъ Двора Французскаго указъ, чтобы съ визиремъ всеконечно примирился, тогда оный по всякой возможности искалъ примиренія, и едва возмогъ имѣть съ визиремъ свиданіе, которое послѣдовало ему великимъ несчастіемъ, ибо визирь огорчилъ его тяжкимъ словомъ, назвалъ его скотиною, а не человѣкомъ, отъ чего, возвратяся къ себѣ въ домъ, обезумѣлъ скоро и нынѣ пребываетъ безъ ума".

Только 22 іюля получилъ Толстой отъ Головкина извѣстіе о преславной викторіи съ ея слѣдствіями, и потребовалъ отъ визиря, чтобъ немедленно былъ посланъ къ Юсуфъ-пашѣ указъ задержать Шведскаго короля и Мазепу подъ стражею, чтобъ не ушли въ другія мѣста и не послѣдовало отъ того непріятство. Визирь велѣлъ отвѣчать, чтобъ посолъ не сомнѣвался: будетъ все исправлено пріятельскою мѣрою; но что съ русской стороны поступлено нехорошо,—русскія войска, преслѣдуя Шведскаго короля, вошли въ турецкія владѣнія; при этомъ визирь хотѣлъ вывѣдать у Толстого, какія будутъ его требованія насчетъ Шведскаго короля и Мазепы. Толстой отвѣчалъ прямо, что онъ потребуетъ не-

---

[1]) Полн. Соб. Зак. № 2277, 2279, 2301, 2312, 2303, 2304, 2495, 2496, 2501.

[2]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Курляндскія 1710 года.

медленной ихъ выдачи. „Домогаюсь", писалъ Толстой, „чтобы короля Шведскаго и Мазепу отдали въ сторону царскаго величества; но о королѣ не чаю, чтобъ отдали ни по какой мѣрѣ, развѣ только вышлютъ его вонъ изъ своей области; а о Мазепѣ боюсь, чтобъ оный, видя свою конечную бѣду, не обусурманился; а ежели сіе учинитъ, то никакъ не отдадутъ его по своему закону". 8 августа Толстой доносилъ: „Порта въ большомъ горѣ, что Шведскаго короля и Мазепу Очаковскій паша принялъ; очень Туркамъ нелюбо, что этотъ король къ нимъ прибѣжалъ, ибо, по закону ихъ и ради стыда отъ другихъ, отдать его невозможно и не хотятъ; однако и то мыслятъ, что царское величество домогаться его будетъ и за то миръ съ ними разорветъ, чего они не хотѣли бы. Теперь съ великою поспѣшностью начали приготовляться къ войнѣ, пославъ въ Румилію и другія мѣста указы, чтобъ войска какъ можно скорѣе сбирались къ русскимъ границамъ, и соберется ихъ осенью около 40,000. Говорятъ, что дѣлаютъ это для своей безопасности, а впрочемъ Богъ знаетъ. На предложенія мои о королѣ Шведскомъ отвѣта не даютъ, на аудіенцію къ султану меня не допускаютъ, даже въ конференцію со мною вступать не хотятъ. Думаю, что это дѣлаютъ лукавствомъ: отказать мнѣ явно боятся, чтобъ царское величество вдругъ на нихъ, неготовыхъ, не наступилъ, и думаю, что не будутъ со мною говорить до тѣхъ поръ, пока ратей своихъ не умножатъ, и тогда, можетъ быть, станутъ говорить смѣлѣе. Теперь король Шведскій неизреченные соблазны Туркамъ доноситъ и дѣлаетъ имъ большія обѣщанія, чтобъ они начали войну противъ царскаго величества, въ чемъ ему много помогаетъ ханъ Крымскій, и хотя меня крѣпко увѣряютъ муфтій и другіе, что отъ Порты противности не будетъ, но я сомнѣваюсь, и не изволь удивляться, что я прежде, когда король Шведскій былъ въ великой силѣ, доносилъ о миролюбіи Порты, а теперь, когда Шведы разбиты, сомнѣваюсь! Причина моему сомнѣнію та: Турки видятъ, что царское величество теперь побѣдитель сильнаго народа Шведскаго и желаетъ вскорѣ устроить все по своему желанію въ Польшѣ, а потомъ, не имѣя уже никакого препятствія, можетъ начать войну и съ ними, Турками. Такъ они думаютъ, и отнюдь не вѣрятъ, чтобъ его величество не началъ съ ними войны, когда будетъ отъ другихъ войнъ свободенъ. Визирь требуетъ, чтобъ рати царскаго величества отъ здѣшнихъ границъ удалились; а я доложу, что не только не должно удалять тѣхъ, которыя теперь на границахъ, но надобно еще прибавить, потому что здѣсь дѣлаются большія приготовленія съ великою поспѣшностью. Слышу, что король Шведской стоитъ близъ Бендеръ на полѣ, и если возможно послать нѣсколько легкой польской кавалеріи тайно, чтобъ, внезапно схвативъ, его увезли, потому что, говорятъ, при немъ людей не много, а Турки, думаю, туда еще не собрались; и если это возможно сдѣлать, то отъ Порты не будетъ потомъ ничего, потому что сдѣлаютъ это Поляки, а хотя и дознаются, что это сдѣлано съ русской стороны, то ничего другого не будетъ, какъ только что я здѣсь пострадаю. Если же не будетъ совершенной надежды увезти, то лучше и не начинать".

14 августа муфтій прислалъ сказать Толстому, что этою осенью не будетъ со стороны Турціи никакихъ непріятельскихъ дѣйствій противъ Россіи, но за будущую весну онъ не ручается, и заранѣе объ этомъ дастъ знать послу, потому что многіе знатные люди совѣтуютъ немедленно начать войну съ Россіею, пока Польша съ нею не въ союзѣ; но совѣтъ этотъ не можетъ быть принятъ, потому что Порта не готова къ войнѣ. Толстой послалъ тайно къ муфтію съ просьбою потрудиться, чтобъ короля Шведскаго и Мазепу выдали царскому величеству, обѣщая за труды 10,000 золотыхъ червонныхъ, да на 10,000 соболей. Муфтій отвѣчалъ, что во всякомъ дѣлѣ онъ помочь готовъ, но это дѣло невозможное, ихъ закону противное и говорить ему о немъ никакъ нельзя. „Турки размышляютъ", доносилъ Толстой, „какимъ бы образомъ Шведскаго короля отпустить такъ, чтобъ онъ могъ продолжать войну съ царскимъ величествомъ, и они были бы безопасны, ибо увѣрены, что, кончивъ Шведскую войну, царское величество начнетъ войну съ ними".

Пока Турки размышляли, Карлъ XII употреблялъ всѣ средства, чтобъ вовлечь ихъ въ войну съ Россіею. Онъ явился въ турецкихъ владѣніяхъ въ сопровожденіи канцлера Мюллерна, секретарей Клинковстрема и Нейгебауера, нашего стараго знакомаго, находившагося теперь въ шведской службѣ, генераловъ Шпарре и Лагеркрона, польскаго генерала артиллеріи Понятовскаго, Мазепы и племянника его Войнаровскаго. Принятый почетно Очаковскимъ градоначальникомъ Юсуфъ-пашою, король не остался однако въ пограничномъ Очаковѣ и отправился далѣе къ Бендерамъ, отправивъ Нейгебауера къ султану съ письмомъ, въ которомъ просилъ о защитѣ и предлагалъ союзъ противъ Россіи: „Обращаемъ вниманіе вашего императорскаго высочества на то", писалъ Карлъ, „что если дать царю время воспользоваться выгодами, полученными отъ нашего несчастія, то онъ вдругъ бросится на одну изъ вашихъ провинцій, какъ бросился на Швецію вмѣстѣ съ своимъ коварнымъ союзникомъ, бросился среди мира, безъ малѣйшаго объявленія войны. Крѣпости, построенныя имъ на Дону и на Азовскомъ морѣ, его флотъ обличаютъ ясно вредные замыслы противъ вашей имперіи. При такомъ состояніи дѣлъ, чтобъ отвратить опасность, грозящую Портѣ, самое спасительное средство — это союзъ между Турціею и Швеціею: въ сопровожденіи вашей храброй конницы я возвращусь въ Польшу, подкрѣплю оставшееся тамъ мое войско и снова внесу оружіе въ сердце Московіи, чтобъ положить предѣлъ честолюбію и властолюбію царя".

Приблизившись къ Бендерамъ, Карлъ не остановился въ самой крѣпости, а раскинулъ лагерь

подъ ея пушками, на берегу Днѣстра, на лугу, отѣненномъ деревьями; потомъ, когда это мѣсто оказалось очень низко, подвержено наводненіямъ, перешелъ на житье въ деревню Варницу; 500 янычаръ составляли почетную стражу короля; ежедневно отпускало ему Турецкое правительство съѣстныхъ припасовъ на 500 талеровъ. Карлъ, вылѣчившійся отъ своей раны, велъ прежній простой, дѣятельный образъ жизни, былъ спокоенъ и веселъ, какъ прежде до Полтавы. Главное затрудненіе его состояло въ недостаткѣ денегъ. Сначала помогла ему смерть Мазепы; послѣ старика осталось 80,000 дукатовъ чистыми деньгами, которыя племянникъ его, Войнаровскій, отдалъ взаймы королю; потомъ около ста тысячъ талеровъ переслали ему изъ Голштиніи; особенное искусство занимать деньги показалъ казначей королевскій, Гротгузенъ; наконецъ въ Константинополѣ Карлъ нашелъ доброжелатей въ банкирахъ англійской Левантской компаніи, братьяхъ Кукъ, которые передавали ему тысячъ двѣсти талеровъ

Пріѣздъ Нейгебауера въ Константинополь съ королевскимъ письмомъ привелъ визиря Али-пашу въ большое затрудненіе. Отвѣтъ состоялъ въ осторожныхъ выраженіяхъ, что султанъ не прочь принять нѣкоторыя королевскія предложенія. На помощь Нейгебауеру отправленъ былъ въ Константинополь Понятовскій, который и началъ борьбу съ Толстымъ. Сначало осилилъ Толстой; въ ноябрѣ 1709 года возобновленъ былъ миръ между Россіею и Портою: относительно возвращенія Шведскаго короля въ отечество было положено, что онъ тронется отъ Бендеръ съ своими людьми безъ казаковъ и въ сопровожденіи турецкаго отряда изъ 500 человѣкъ; на польскихъ границахъ Турки его оставятъ, сдавши русскому отряду, который и будетъ провожать его до шведскихъ границъ, наблюдая, чтобъ онъ, во время проѣзда черезъ Польшу, не сносился съ приверженцами Лещинскаго и вообще не возбуждалъ никакого безпокойства; казаки, измѣнившіе царю, должны быть выгнаны изъ турецкихъ владѣній. Смерть Мазепы прекратила дѣло о его выдачѣ, на которую настаивалъ Толстой. Легко понять, съ какимъ чувствомъ Карлъ XII узналъ, что его черезъ Польшу будетъ провожать русскій отрядъ! Онъ велѣлъ составить меморіалъ, въ которомъ великій визирь былъ представленъ измѣнникомъ, подкупленнымъ Россіею. Понятовскому удалось, въ январѣ 1710 года, подать этотъ меморіалъ прямо султану, безъ вѣдома великаго визиря. Понятовскій, вмѣстѣ съ врагами Али-паши, хлопоталъ изо всѣхъ силъ о его низверженіи — и въ іюнѣ достигъ своей цѣли: Али-паша сосланъ, и великимъ визиремъ назначенъ Нууманъ Кеприли. Благодаря новому визирю, Карлъ получилъ отъ Порты 400,000 талеровъ въ видѣ займа безъ процентовъ; но и Кеприли не хотѣлъ разрывать съ Россіею и указывалъ Карлу другую, безопаснѣйшую дорогу для возвращенія въ Швецію, именно — чрезъ австрійскія владѣнія. Но воинственный духъ, раздуваемый Понятовскимъ, распространился въ Константинополѣ; янычары начали требовать, чтобъ ихъ вели на Россію, и Кеприли долженъ былъ оставить свое мѣсто, которое занялъ Балтаджи Магометъ-паша. А между тѣмъ Петръ сталъ требовать отъ султана, чтобъ статьи новаго договора были въ точности исполнены; жаловался, что до сихъ поръ Карлъ XII и казаки-измѣнники находятся еще въ турецкихъ владѣніяхъ; ходятъ слухи, что султанъ, въ угоду Шведскому королю, хочетъ расторгнуть миръ, и дѣйствительно Татары и казаки впадаютъ въ русскія границы, а казаки, на мѣсто Мазепы, выбрали себѣ новаго гетмана Орлика съ позволенія Порты. Въ октябрѣ 1710 года Петръ потребовалъ отъ Порты рѣшительнаго отвѣта: хочетъ ли султанъ выполнить договоръ; — если хочетъ, то пусть удалитъ Шведскаго короля изъ своихъ владѣній, въ противномъ случаѣ онъ, царь, вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ, королемъ и республикою Польскою, прибѣгнетъ къ оружію. Но гонцы, везшіе царскую грамоту къ султану, были схвачены на границѣ и и брошены въ тюрьму. 20 ноября, въ торжественномъ засѣданіи Дивана, рѣшена была война, вслѣдствіе чего Толстой былъ посаженъ въ Семибашенный замокъ; весною великій визирь долженъ былъ съ огромнымъ войскомъ выступить въ походъ [1]).

Если сохраненіе мира съ Турціей было дѣломъ первой важности для Россіи во время борьбы ея съ Швеціею до „преславной викторіи", то и теперь вѣсти о непріязненныхъ движеніяхъ со стороны Порты сильно смутили Петра среди его торжествъ прибалтійскихъ. У него было одно желаніе — кончить какъ можно скорѣе тяжкую войну выгоднымъ миромъ, и потому онъ не давалъ ни себѣ, ни войску, ни народу своему отдыха, чтобъ воспользоваться Полтавою и вынудить у Швеціи миръ поскорѣе и какъ можно выгоднѣе. И вдругъ онъ долженъ оставить войну на сѣверѣ, дать возможность Шведамъ вздохнуть, собрать свои силы; до сихъ поръ онъ велъ войну съ сознаніемъ необходимости ея для народа, видѣлъ благословеніе надъ своимъ дѣломъ, видѣлъ близкій конецъ труднаго подвига, берегъ передъ глазами, — и вдругъ сильная волна относитъ челнъ снова въ открытое, безпредѣльное море. Вовсе не любя войны для войны, совершенно чуждый славолюбивыхъ, завоевательныхъ стремленій, Петръ видѣлъ передъ собою новую, безцѣльную войну, и войну, представлявшую большія трудности: Турки поднимались не одни, — съ ихъ войсками нужно было ждать къ себѣ въ гости стараго знакомаго, Карла XII, жаждавшаго возстановить свою силу и свою славу; Польша не надежна, въ ней попрежнему дѣла идутъ „какъ молодая брага", партія Лещинскаго поднимется опять при первомъ появленіи Шведовъ; а надежна ли старшина малороссійская? Оборонительною войною на югѣ на границахъ Польши и Малороссіи ограничиться нельзя, — крайне опасно;

[1]) Московскій Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія 1709 и 1710 годовъ.

надобно предупредить врага, искать его въ собственныхъ владѣніяхъ, возбуждать здѣсь противъ него внутреннихъ враговъ, — значитъ, надобно сосредоточить главныя силы на югѣ, надобно самому царю перенестись туда; а что будетъ на сѣверѣ? Въ состояніи ли будетъ союзная Данія сдержать Шведовъ? Дѣйствія ея въ 1710 году подавали плохую надежду.

Мы видѣли, что, благодаря Полтавѣ, Долгорукому удалось уговорить Датское правительство начать войну съ Швеціею.

Война началась; но опять пошли тревожные слухи, что Англичане и Голландцы хлопочутъ о примиреніи Даніи съ Швеціею: „Буду довѣдываться и стараться не допускать до этого", писалъ Долгорукій Головкину въ декабрѣ. „Хотя эти слухи еще невѣрны, однако я прилежно прошу прислать мнѣ немедлено указъ: если узнаю, что то правда, что мнѣ тогда прикажете дѣлать? а самъ я не вижу другого способа, какъ скупить министровъ, потому что они великую силу имѣютъ въ приговорахъ, король безъ нихъ ничего не дѣлаетъ; думаю, что надобно заранѣе удобрить министровъ, хотя бы двоихъ, чтобъ препятствовали мирнымъ предложеніямъ въ совѣтѣ; а если дожидаться, пока дѣло откроется какъ рѣшенное, то, чтобъ заставить перемѣнить рѣшеніе, надобно будетъ давать дачи великія, да и тутъ мало надежды передѣлать сдѣланное дѣло. Министры, которымъ я обѣщалъ награду отъ царскаго величества, если склонятъ короля къ войнѣ, уже не разъ мнѣ говорили объ исполненіи обѣщанія; я все отъ нихъ отговаривался тѣмъ, что писалъ и не получилъ отвѣта, хотѣлъ отволочь, чтобъ не давать, а теперь, думаю, надобно имъ дать хотя немного, чтобъ имѣть хотя малую на нихъ надежду".

Дѣйствія Датчанъ въ Шоніи были удачны, и составленъ былъ планъ весною 1710 года соединенными силами русскими и датскими сдѣлать высадку у Стокгольма. Петръ одобрилъ планъ; но датскіе министры объявили Долгорукому, что король къ веснѣ не можетъ вооружить всего своего флота по недостатку денегъ, развѣ царское величество поможетъ: „Я", писалъ Долгорукій Головкину 24 января 1710, „я всячески буду стараться, чтобъ вооружили флотъ безъ субсидіи; если же увижу, что иначе дѣло не пойдетъ, то буду обѣщать имъ субсидіи. Невозможно описать, какъ здѣшній Дворъ старается какимъ бы то ни было способомъ вырвать денегъ отъ царскаго величества. При малѣйшемъ случаѣ дѣлаютъ все, что могутъ, только бы денегъ выпросить".

Отчаявшись вырвать что нибудь у Долгорукаго, датскіе министры перестали толковать о субсидіяхъ и объявили даже, что на нынѣшнюю кампанію король имѣетъ довольно денегъ. Но Долгорукій не переставалъ внушать своему правительству, что надобно дать министрамъ, особенно когда пошли зловѣщіе слухи о скоромъ прекращеніи войны за Испанское наслѣдство, что давало Англіи и Голландіи возможность вмѣшаться въ сѣверныя дѣла. „Король", писалъ Долгорукій, „и безъ субсидій пробыть можетъ, и потому теперь ему субсидій обѣщать не нужно, а надобно беречь субсидіи до того времени, когда придетъ королю нужда отъ военныхъ случайностей, или когда онъ станетъ думать о партикулярномъ мирѣ. Здѣсь опасаются, чтобъ, по заключеніи мира съ Франціею, Англичане и Голландцы не вмѣшались въ войну короля Датскаго и не уняли бы его. Поэтому очень нужно купить министровъ здѣшнихъ; довольно будетъ раздать тысячъ на двадцать вещей; изъ этой же суммы нужно дать и женамъ ихъ, потому что онѣ надъ мужьями силу имѣютъ. Всѣхъ министровъ четыре, и всѣ безстыдно къ дачамъ лакомы: много разъ мнѣ говорили чрезъ польскаго посланника, чтобъ царское величество ихъ пожаловалъ за договоръ по обыкновенію, и, видя, что отвѣту нѣтъ, самъ министръ Сегестетъ мнѣ нѣсколько разъ о томъ говорилъ. Надобно давать имъ не вдругъ, но часто и понемногу, чтобъ всегда смотрѣли изъ рукъ".

Не долго ждали той нужды, въ которой Датскому королю понадобились русскія субсидіи. Послѣ первыхъ успѣховъ въ Шоніи, датскія войска, несмотря на увѣщанія Долгорукаго, предались бездѣйствію. Этимъ воспользовались Шведы, собрались съ силами и, въ февралѣ 1710 года, разгромили датское войско, которое потеряло 6,000 человѣкъ. „Если царское величество", писалъ Долгорукій, „соизволитъ помочь королю Датскому, то теперь настоящее для этого время". Надобно было помочь и войсками, и деньгами; но Даніи, въ тогдашнемъ ея положеніи, помочь было трудно. Долгорукій откровенно донесъ королю о нерадѣніи всѣхъ его правителей, начиная съ министровъ; король отвѣчалъ, что все это правда, и объявилъ Долгорукому, чтобъ о тайныхъ дѣлахъ говорилъ только съ двумя министрами—Выбеемъ и Сегестетомъ, потому что другимъ онъ не вѣритъ. „Здѣшнія дѣла въ самомъ дурномъ положеніи", писалъ Долгорукій; „король мало знаетъ военное дѣло, а изъ правителей, приставленныхъ къ этому дѣлу, всякій хлопочетъ только о собственныхъ интересахъ; кромѣ того, они ненавидятъ другъ друга, каждый старается какъ бы испортить сдѣланное другимъ, и оттого всѣ дѣла непорядочно идутъ". Въ другой разъ Долгорукій жаловался королю на правителей; король отвѣчалъ: „Я самъ вижу, что они негодны, да некѣмъ перемѣнить". Флотъ, снаряжавшійся съ крайнею медленностію, однако былъ готовъ въ іюлѣ, и стоялъ у Борнгольма. Долгорукому уже объявили, что немедленно пошлется адмиралу указъ о поискѣ надъ шведскими эскадрами, какъ вдругъ Долгорукій узнаетъ, что флотъ вернулся къ Копенгагену. Долгорукій въ тотъ же день поѣхалъ въ загородный дворецъ къ королю, чтобъ „говорить сколько могъ" противъ такого дѣла; король отвѣчалъ, что онъ самъ ничего не зналъ, пока флотъ не приблизился къ Ко-

пенгагену; тутъ только адмиралы написали къ нему въ свое оправданіе, что коммисары замедлили присылкою провіанта и нельзя было оставаться и поморить людей голодомъ; король покончилъ словами: „Съ такими людьми, какіе у меня въ службѣ, невозможно ничего сдѣлать".

Понапрасну Долгорукій ѣздилъ на флотъ уговаривать адмираловъ къ дѣйствію противъ шведскаго флота, чтобъ дать возможность русскимъ кораблямъ выйти изъ Финскаго залива: адмиралы ни за что не соглашались на это. Флотъ отправился съ транспортными судами къ Данцигу для перевозки русскихъ вспомогательныхъ войскъ, то тутъ несчастіе: съ 1 на 5 сентября страшная буря разбила флотъ, и Долгорукому объявили, что при такой бѣдѣ нечего и думать о перевозкѣ русскихъ войскъ этою осенью. Конференціи послѣ этого были крикливыя, по выраженію Долгорукаго: русскій посланникъ попрекалъ датскихъ министровъ безпорядкомъ, какой господствуетъ у нихъ въ военныхъ дѣлахъ; министры отвѣчали, что если бы царь прежде помогъ королю деньгами, то все дѣло шло бы порядочнѣе; Долгорукій возражалъ: „Еслибъ царское величество далъ королю денегъ прежде, то и тѣ такъ же безплодно были бы издержаны, какъ два милліона королевскихъ денегъ, пошедшихъ на вооруженіе флота, отъ которыхъ прибыли ни на шелегъ нѣтъ" [1]).

Въ Копенгагенѣ Англія, вмѣстѣ съ Голландіею, шла открыто противъ русскихъ интересовъ; но въ Москвѣ, послѣ преславной викторіи, хотѣли поступать осторожнѣе. Въ началѣ 1710 года пріѣхалъ въ Москву уже прежде бывшій здѣсь чрезвычайный и полномочный посолъ Витвортъ, и на аудіенціи 5 февраля подалъ государю грамоту королевы Анны. Королева изъявляла глубокое сожалѣніе объ оскорбленіи, нанесенномъ Матвѣеву въ Лондонѣ; писала, что отсутствіе закона о подобныхъ случаяхъ не позволяетъ ей наказать достойнымъ образомъ виновныхъ, но что для будущаго времени уже изданъ парламентскій актъ, опредѣляющій наказаніе за подобное нарушеніе народнаго права. Витвортъ объявилъ, что виновныхъ въ оскорбленіи Матвѣева парламентъ провозгласилъ безчестными, и что королева исключила ихъ изъ амнистіи, дарованной даже преступникамъ, умышлявшимъ противъ ея особы, и послала его, Витворта, представить ея королевскую особу, какъ бы она сама была въ присутствіи, и извиниться въ оскорбленіи, нанесенномъ публично министру и еще такому, котораго королева такъ высоко почитаетъ. Царь отвѣчалъ: „Надлежало бы ея королевину величеству намъ дать сатисфакцію и, по желанію нашему, тѣхъ преступниковъ, по обычаю всего свѣта, наижесточайше наказать; однакожъ, понеже ея величество, чрезъ васъ, посла своего чрезвычайнаго, изрученіе намъ приносить повелѣла, что того за оскудѣніемъ прежнихъ правъ государственныхъ учинить не могла и для того общимъ согласіемъ парламента новое право о томъ для впредь будущаго учинила, того ради пріемлемъ мы то за знакъ ея пріязни и награжденія". Такъ какъ въ грамотѣ королевиной царю, по старому обычаю, данъ былъ титулъ императорскій, то Головкинъ потребовалъ, чтобъ этотъ титулъ былъ впередъ постоянно употребляемъ. Витвортъ согласился.

Витвортъ въ Москвѣ толковалъ о дружбѣ и союзѣ, а отправленный въ Лондонъ русскій посланникъ, князь Куракинъ, писалъ Головкину въ маѣ 1711 года, что Англійскій Дворъ одинъ изъ первыхъ противниковъ русскимъ интересамъ. Еще прежде отправленія въ Англію, Куракинъ ѣздилъ въ Ганноверъ, чтобъ склонить къ союзу тамошнее правительство, столь враждебное до сихъ поръ къ Россіи. Въ ноябрѣ 1709 года, Куракинъ пріѣхалъ въ Ганноверъ и держалъ передъ курфирстомъ Георгомъ-Лудовикомъ такую рѣчь: „Его царское величество имѣетъ особливую склонность и почитаніе къ вашей курфирстской свѣтлости, и желаетъ прежде персональную учиненную знаемость и дружбу съ вашею свѣтлостью не токмо возобновить, но и добрую корреспонденцію впредь сочинить, также и о нѣкоторыхъ нужныхъ дѣлахъ мнѣ повелѣлъ предложить". Курфюрстъ отвѣчалъ: „Его царское величество учинилъ мнѣ особливую склонность; всегда желаю имѣть продолженіе доброй корреспонденціи и потщуся мои услуги въ чемъ возможно показать".—Куракинъ продолжалъ: „Хотя царское величество извѣстенъ былъ, какъ ваша свѣтлость електорская отъ нѣкоторыхъ немалыхъ временъ имѣлъ всегда съ короною Шведскою добрую дружбу и союзъ, также и Дворъ вашъ во всѣхъ оказіяхъ всякое вспоможеніе интересу шведскому оказывалъ, однако ваша свѣтлость не много благодаренія за то получилъ, но развѣ больше всякія противности видѣлъ; и если бы амбиція Шведскаго короля счастливымъ оружіемъ царскаго величества не унижена была, то конечно онъ былъ намѣренъ возвратиться въ имперію, гдѣ бы учинилъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ и другимъ немалую руину. Ваша свѣтлость изволишь усмотрѣть прямой свой интересъ и небезопасность своихъ провинцій отъ близости сосѣдства шведскихъ владѣній, Бремена и Вердена. И того ради царское величество получа счастливую викторію надъ королемъ Шведскимъ, сыскалъ способъ, которымъ бы могъ въ будущемъ обуздать силу шведскую и содержать Шведскаго короля въ прежнихъ его терминахъ, чтобъ не могъ впредь чинить разореніе какъ имперіи Римской, такъ и Россійской, и всѣмъ своимъ сосѣдямъ. Однако его царское величество не намѣренъ того искать, чтобъ въ конечное разореніе оную корону привесть, какъ король Шведскій хотѣлъ сдѣлать съ Россіею, но только намѣренъ содержать ее въ умѣренности. Того ради, его царское величество то свое намѣреніе повелѣлъ мнѣ вашей свѣтлости електорской предло-

[1]) Московскій Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Датскія 1710 года.

жить, и желаетъ вѣдать взаимно намѣреніе вашей свѣтлости".—Курфюрстъ отвѣчалъ: „Чаю, что царское величество не желаетъ въ имперіи какихъ-нибудь развращеній, изъ которыхъ бы въ нынѣшней войнѣ съ Франціей всѣмъ союзникамъ произошелъ вредъ, и надѣемся, что нынѣшнею зимою его величество учинитъ миръ съ королемъ Шведскимъ".—„Царское величество", сказалъ на это Куракинъ, „всегда ищетъ пріязни и дружбы со всѣми сосѣдями; но намѣренъ для общаго интереса обѣихъ имперій — Римской и Россійской—обуздать силу шведскую, а къ миру никакого вида нѣтъ и не надѣюсь, пока будутъ удовольствованы союзники царскаго величества". Курфюрстъ началъ говорить о баталіи (Полтавской) и другихъ постороннихъ дѣлахъ и, между прочимъ, сказалъ, что по многимъ обстоятельствамъ думаетъ, что король Шведскій умеръ; тѣмъ аудіенція и кончилась.

Куракинъ писалъ Долгорукому въ Копенгагенъ: „По пріѣздѣ моемъ я Дворъ здѣшній нашелъ склоннымъ; однако не надѣюсь, чтобъ онъ согласился въ чемъ-нибудь на наше желаніе, развѣ останется нейтральнымъ". Весною 1710 года Куракину удалось заключить между Петромъ и Георгомъ-Лудовикомъ слѣдующій договоръ: 1) Оба государя пребываютъ между собою въ прямой конфиденціи, содержатъ постоянную дружбу, искренно помогаютъ другъ другу совѣтами и средствами; одинъ другому никакого вреда или предосужденія не чинятъ, непріятелямъ другъ друга ни людьми, ни деньгами не помогаютъ, развѣ, противъ всякаго чаянія, потребуетъ противнаго составляющееся въ Гагѣ и Регенсбургѣ постановленіе насчетъ содержанія спокойствія въ имперіи. 2) Государи сообщаютъ другъ другу обо всемъ, также своимъ министрамъ повелѣваютъ добрую корреспонденцію и коммуникацію между собою имѣть. 3) Ежели таковые случаи приключатся, что одна сторона другой, когда нужда требовать будетъ, вспоможеніемъ войскъ вспомочи возможетъ, то хотятъ оные увѣдомлены быть, и по изобрѣтенію нужды въ томъ согласиться. 4) Его царское величество великодушную свою декларацію учинить повелѣлъ: если шведскія войска, находящіяся въ нѣмецкихъ провинціяхъ, принадлежащихъ коронѣ Шведской, изъ нихъ или другихъ сосѣдственныхъ, къ Римскому государству принадлежащихъ провинцій, противъ царскаго величества или его союзниковъ не начнутъ непріятельскихъ дѣйствій, то его царское величество не только самъ не обезпокоитъ оружіемъ шведскихъ провинцій, въ Римскомъ государствѣ находящихся, особливо же Померанію, но будетъ стараться, чтобъ и союзники его поступали такимъ же образомъ, чтобъ отъ этой войны не начались возмущенія въ имперіи, и чтобы высокіе союзники въ войнѣ противъ Франціи не получили препятствія. 5) Его курфирстская свѣтлость будетъ стараться всѣмъ силами, чтобъ союзники царскаго величества, короли Датскій и Польскій, не подверглись нападенію въ своихъ нѣмецкихъ провинціяхъ. 6) Если послѣдуетъ нападеніе на кого-нибудь изъ договаривающихся изъ противности и зависти къ этому трактату, то государи обѣщаютъ согласиться, какъ могутъ оказать другъ другу крѣпкое вспоможеніе. 7) Это обязательство продолжается 12 лѣтъ[1]).

Но важнѣе Ганновера была ближайшая Польша.

По возстановленіи короля Августа, чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ Польскому Двору отправился снова князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій, который былъ встрѣченъ въ Варшавѣ страшными воплями на разоренія, претерпѣваемыя отъ русскихъ войскъ, находившихся подъ начальствомъ фельдмаршала-лейтенанта Гольца. Долгорукій счелъ своею обязанностію написать Головкину въ началѣ 1710 года: „Извольте Гольцу указомъ высокомонаршимъ подтвердить, чтобъ хотя немного теперь прежнюю горечь Полякамъ засластить. Извѣстно вамъ самимъ, какъ наши люди съ Поляками обходились; а теперь еще хуже поступаютъ; со всѣхъ сторонъ, особенно же на Гольца, великія жалобы и слезы, что самъ человѣкъ очень корыстолюбивый и своевольныхъ не унимаетъ. Безмѣрная мнѣ тягость отъ жалобщиковъ на нашихъ людей, больше на офицеровъ, и всего больше на иноземцевъ." Тягость обнаружилась еще въ томъ, что на первой же конференціи (10 февраля) сенаторы высказали свое удивленіе Долгорукому, что царь послѣ Полтавской баталіи ввелъ въ польскія и литовскія земли многія свои войска, вопреки союзному договору, ибо ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ никакого непріятеля больше нѣтъ, и русскія войска разоряютъ край, какъ непріятели. Сенаторы потребовали немедленнаго вывода русскихъ войскъ и объявили, что если у Долгорукаго въ инструкціи объ этомъ ничего нѣтъ, то они не станутъ съ нимъ говорить ни о какихъ другихъ дѣлахъ. Долгорукій отвѣчалъ, что нѣсколько кавалеріи введено въ Польшу только для изгнанія изъ нея остальныхъ шведскихъ силъ, для охраненія польскихъ правъ и вольностей и возвращенія на престолъ законнаго короля. Войска коронныя и литовскія не могли напасть на непріятеля и выгнать его изъ Польши, а когда Шведы услыхали о приходѣ царскихъ войскъ, то обратились въ бѣгство. За это сенаторамъ слѣдуетъ только благодарить царское величество. Что же они говорятъ о разореніи края русскими войсками, то пусть покажутъ явныя доказательства, гдѣ, кому и какія именно нанесены обиды, и обидчикъ будетъ наказанъ по военному суду. Для вывода войскъ теперь онъ не имѣетъ указу, и нельзя поручиться, чтобъ непріятель, усилясь, не вошелъ весною опять въ Польшу; и если войска будутъ выведены, то поворачиваться имъ назадъ опять для изгнанія непріятеля будетъ трудно; если же весною опасности никакой не будетъ, то царское величество велитъ вывести войска. Четыре конференціи прошли съ

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Англійскія и Ганноверскія.

шумомъ; сенаторы, требовали, чтобъ въ апрѣлѣ войска были непремѣнно выведены, кромѣ выговоренныхъ по союзу 12.000. „Не только другіе, но и наши доброжелатели противный видъ мнѣ показываютъ", писалъ Долгорукій: „публично говорятъ, что, вопреки союзному договору, что хотимъ, то и дѣлаемъ въ Польшѣ, и хуже непріятеля до послѣдняго конца всѣхъ разоряемъ. И отъ короля, кромѣ комплиментовъ, никакой помощи въ дѣлѣ своемъ не вижу, только отъ другихъ слышу, что нами не доволенъ; много разъ говорилъ онъ мнѣ, чтобъ я писалъ къ командирамъ нашихъ войскъ о прекращеніи грабительствъ. И чужеземные министры съ удивленіемъ мнѣ говорили, для чего такъ безъ всякаго милосердія союзныхъ Поляковъ до конца разоряемъ". По этимъ письмамъ отправленъ былъ въ Польшу генералъ-майоръ Полонскій съ приказаніемъ разыскать о всѣхъ грабежахъ и наказать виновныхъ по военнымъ законамъ, не списываясь съ государемъ. Такъ какъ сенаторы и послѣ этого не переставали требовать вывода войскъ, то Долгорукій объявилъ: видя, что Рѣчь Посполитая къ его царскому величеству, въ угоду приверженцамъ Швеціи, никакой пріязни показать не хочетъ, полномочный посолъ проситъ королевское величество отпустить его къ царскому величеству. Сенаторы отвѣчали, что болѣе ничѣмъ не будутъ трудить полномочнаго посла.

Но Головкинъ заставлялъ Долгорукаго трудить короля и Рѣчь Посполитую: „Предлагать и домогаться", писалъ Головкинъ, „чтобы какъ на Львовскую епископію, такъ и на прочія благочестивыя епископіи никто изъ уніатовъ допущенъ не былъ, были бы посвящены изъ благочестивыхъ монаховъ". Августъ отвѣчалъ, что когда вѣчный миръ между Россіею и Польшею будетъ внесенъ въ конституцію, тогда онъ, король, не позволитъ ставить уніатовъ на православныя епископіи. Вольная рада рѣшила внести вѣчный миръ и послѣдній союзъ въ конституцію, а Долгорукій за это далъ письменное обѣщаніе возвратить украинскіе Палѣевы города.

Въ началѣ 1711 года пріѣхалъ въ Москву чрезвычайный и полномочный посолъ польскій, Воловичъ, маршалъ Литовскій, и объявилъ царскимъ министрамъ требованія, чтобы: 1) на основаніи устныхъ обѣщаній, данныхъ царемъ прошлаго года въ Люблинѣ и Торнѣ, отдана была Польшѣ вся Лифляндія, на укрѣпленіе которой гарнизонами чины Рѣчи Посполитой уже опредѣлили знатную прибавку войскъ; 2) чтобъ отдана была Польшѣ, взятая русскими войсками у Шведовъ, крѣпость Эльбингъ; 3) чтобъ русскія войска были выведены изъ польскихъ владѣній, съ вознагражденіемъ за страшные убытки, ими причиненные; 4) чтобъ отданы были Польшѣ украинскія крѣпости: Бѣлая Церковь, Хвастовъ, Браславль, Немировъ, Богуславъ, а въ Литвѣ Полоцкъ, Витебскъ и другіе города; 5) чтобъ доплачены были всѣ деньги, обѣщанныя по союзному договору; 6) чтобъ освобождена была забранная въ плѣнъ шляхта; 7) чтобъ отданы были Польшѣ въ полное владѣніе города, лежащіе на правомъ берегу Днѣпра: Чигиринъ, Каневъ, Трахтемировъ, Мошны, Сокольница, Черкасы, Ржищевъ, Боровица, Воротковъ, Буринъ, Крыловъ, стоящіе теперь пустыми; но обращеніе земель въ пустыню не водится между монархами христіанскими; 8) чтобъ дана была вольность вѣрѣ Католической римской латинскаго и русскаго обряда; также, чтобъ данъ былъ свободный проѣздъ чрезъ Россію въ Китай миссіонерамъ римскимъ: чтобъ дано было мѣсто въ Смоленскѣ для построенія римской каплицы.

Министры отвѣчали, что теперь, при началѣ Турецкой войны, Риги отдать никакъ нельзя, потому что Поляки не въ состояніи содержать въ ней достаточнаго гарнизона, а по окончаніи войны Рига и Лифляндія имъ отдадутся. Крѣпостей украинскихъ нельзя отдать по причинѣ той же Турецкой войны, ибо эти крѣпости близко границы молдавской. Точно такъ же и Эльбингъ отданъ будетъ по окончаніи Турецкой войны, а теперь отдать его нельзя изъ опасенія выхода Шведовъ изъ Помераніи. Войско русское изъ Польши уже все двинулось. Когда польское войско въ поле выйдетъ, то царское величество заплатить ему по союзному договору не отрицается, если только войска будетъ выговоренное число; впередъ давать денегъ никакъ нельзя: гетманъ Вишневецкій взялъ русскія деньги на литовское войско да и пошелъ съ ними къ Шведамъ. Разграничивать землю на Днѣпрѣ теперь некогда; по окончаніи Турецкой войны будетъ назначена для того особая коммисія. Шляхта, взятая на бою противъ войскъ царскаго величества, содержится какъ непріятели и измѣнники отечества; царское величество, по просьбѣ посла, освободитъ ихъ, но посолъ долженъ дать ассекурацію, что они не будутъ потомъ служить въ рядахъ непріятельскихъ. Вѣрѣ Римской и Уніатской никакого утѣсненія со стороны царскаго величества не дѣлано и дѣлать не велѣно; Римская вѣра въ земляхъ царскаго величества отправляется свободно, и въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ есть этой вѣры жители, костелы имѣть позволено, именно въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а въ Смоленскѣ жителей Католицкой вѣры нѣтъ; дипломъ дать въ подтвержденіе о вольномъ отправленіи вѣры Католицкой и о пропускѣ миссіонеровъ въ Китай и Персію царское величество не отрицается, ежели отъ папы Римскаго къ его царскому величеству покажется склонность и польза въ нынѣшней войнѣ противъ Турка, на что будетъ царское величество отъ того Двора ожидать отзыва. Воловичъ не могъ вытребовать ничего больше [1]). Но, сохраняя твердость и достоинство въ отвѣтахъ на требованія Рѣчи Посполитой, Петръ въ то же время старался дѣлать всевозможное, чтобъ сохранить доброе расположеніе пановъ, бывшихъ вѣрными русскому союзу;

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія означ. лѣтъ.

такъ, 6 марта, онъ писалъ Меншикову: „Посолъ польскій Воловичъ предлагалъ здѣсь о маетностяхъ госпожи Огинской, о старовствѣ Езерецкомъ (которое заѣхалъ Девицъ будто за вашъ долгъ и владѣетъ), дабы ему возвратить, о чемъ извольте насъ увѣдомить; однакожь для нынѣшняго случая надобно имъ отдать назадъ, дабы ихъ тѣмъ удовольствовать, а особливо такого, у кого отецъ подлинной былъ вѣрный намъ, и николи-бъ я того отъ васъ не чаялъ, хотя-бъ какой и долгъ на нихъ былъ“ [1]).

Итакъ Данія, единственная дѣятельная союзница, ведетъ плохо свои дѣла; отъ Польши нельзя ждать ничего добраго; Пруссія никакъ не склоняется къ наступательному союзу противъ Швеціи, она ждетъ, какъ пойдетъ Турецкая война. При такихъ-то обстоятельствахъ царь долженъ былъ покинуть сѣверъ и углубиться въ южныя степи. Тяжелыя предчувствія томили его душу, и, подъ ихъ вліяніемъ, онъ хотѣлъ устроить семейное дѣло, которое лежало на его совѣсти: „Благодарствую вашей милости“, писалъ онъ Меншикову, „за поздравленіе о моемъ паролѣ, еже я учинить принужденъ для безвѣстнаго сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житіе имѣть, а ежели благой Богъ сіе дѣло окончаетъ, то совершимъ въ Питербурху“ [2]).

Кому же Петръ принужденъ былъ дать пароль для безвѣстнаго пути?

Нѣсколько разъ въ нашемъ разсказѣ упоминалось имя Анны Монсъ, красавицы Нѣмецкой слободы, обворожившей великаго царя. Въ 1704 году эта долгая и, повидимому, крѣпкая связь рушилась: пошли слухи, что красавица сблизилась съ прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ и приняла предложеніе выйдти за него замужъ; чѣмъ руководилась приэтомъ Анна,—страстіюили желаніемъ, при охлажденіи царя, обезпечить свое положеніе такимъ почетнымъ бракомъ,—мы не знаемъ; знаемъ одно, что она, вмѣстѣ съ сестрою своею Балкъ, подверглась опалѣ, была посажена подъ арестъ. Въ мартѣ 1706 года Головинъ далъ знать царю, что Кейзерлингъ билъ челомъ, „чтобъ Аннѣ Монсовой и сестрѣ ея, Балкшѣ, дано было позволеніе ѣздить въ кирху, и Балкову жену, буде мочно, отпустить къ мужу. Сіе проситъ онъ для того, что всѣ причитаютъ несчастіе ихъ ему, посланнику“ [3]). Петръ отвѣчалъ: „О Моншѣ и сестрѣ ея Балкшѣ велѣлъ я писать Шафирову, чтобъ дать ей позволеніе въ кирху ѣздить, и то извольте исполнить“. „Всѣ причитаютъ несчастіе Монсъ и сестры ея мнѣ“, говоритъ Кейзерлингъ, а не говоритъ прямо: „Я виновникъ ихъ несчастія“. Нельзя не обратить вниманія на эту неопредѣленность словъ Кейзерлинга. Но въ какой бы степени ни былъ справедливъ слухъ объ участіи Кейзерлинга въ опалѣ Анны Монсъ съ сестрою, вѣрно такъ же, что дѣло Монсъ не ограничивалось одними ея личными отношеніями къ царю, т.-е. перемѣною ихъ; дѣло было гораздо обширнѣе, и въ него замѣшано было съ 30 человѣкъ, что видно изъ письма Ромодановскаго къ Петру въ 1707 году: „Съ тридцать человѣкъ сидятъ у меня колодниковъ по дѣлу Монцовой;—что мнѣ объ нихъ укажешь?“ [4]) Петръ отвѣчалъ: „Которые сидятъ у васъ по дѣлу Монцовны колодники, и тѣмъ рѣшеніе учинить съ общаго совѣту съ бояры по ихъ винамъ смотря, чего они будутъ достойны“ [5]). Вѣроятно красавица Нѣмецкой слободы и близкіе къ ней люди, пользуясь своимъ авантажемъ, позволяли себѣ разнаго рода злоупотребленія. Въ упомянутомъ выше возраженіи Гюйсена на брошюру Нейгебауера говоится о Монсахъ: „Они этимъ снисхожденіемъ (царя) такъ широко воспользовались, что принялись ходатайствовать по дѣламъ внѣшней торговли и употребляли для того наемныхъ стряпчихъ. Можно легко догадаться и даже разсчитать, сколько стекалось въ это семейство подарковъ и драгоцѣнностей отъ его кліентовъ. Столь великое и неожиданное счастіе сдѣлало Монсовъ высокомѣрными, и невозможно довольно надивиться, съ какою неблагодарностію они злоупотребляли этими милостями, особенно когда пользовались запрещенными знаніями и прибѣгали къ совѣтамъ разныхъ женщинъ, какимъ бы способомъ сохранить къ ихъ семейству милости царскаго величества“.

Аннѣ Монсъ нашлась болѣе счастливая преемница. При Дворѣ любимой сестры Петра, царевны Натальи Алексѣевны, жило нѣсколько женщинъ, которыя играютъ значительную роль въ судьбѣ Петра и его любимца Меншикова. Здѣсь жили двѣ сестры Меншикова, Марья и Анна Даниловны, двѣ сестры Арсеньевы, Дарья и Варвара Михайловны, Анисья Кирилловна Толстая. Изъ нихъ Дарья Михайловна Арсеньева была въ связи съ Меншиковымъ и въ 1706 году вышла за него замужъ. Въ сентябрѣ 1705 года Меншиковъ писалъ къ ней: „Для Бога, Дарья Михайловна, принуждай сестру, чтобъ она училась непрестанно, какъ русскому, такъ и нѣмецкому ученью, чтобъ даромъ время не проходило“ [6]).

Мы видѣли [7]), что Меншиковъ готовилъ свою сестру въ невѣсты царю; но его замыслы не осуществились. Съ 1703 или 1704 года въ числѣ названныхъ женщинъ является молодая Екатерина, дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго [8]), находившаяся, какъ говорятъ, въ услуже-

---

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В. къ Меншикову.

[2]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В. къ Меншикову.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 6.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 10.

[5]) Кабинетъ II, кн. № 28.

[6]) Дѣла Меншикова въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[7]) Исторія Россіи, XV, 1491.

[8]) Кабинетъ I, кн. № 63. Извѣстіе о фамиліи Лифляндскаго обывателя Карлуса Самуелева сына Скавронскова (брата Императрицы Екатерины 1-й). Жилище его въ Лифляндіи въ мѣстечкѣ (шляхтича Молевскаго), назы-

ніи у маріенбургскаго пастора Глюка и попавшаяся съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ къ Русскимъ при взятіи Маріенбурга. Подъ письмомъ названныхъ женщинъ отъ 6 октября 1705 года къ Петру подписались: „Анна Меншикова, Варвара (Арсеньева). Катерина сама-третья. Тетка несмышленная (Толстая). Дарья глупая (Арсеньева). За симъ Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ" [1]). Если въ октябрѣ 1705 года Екатерина имѣла уже двоихъ дѣтей, то мы можемъ приблизительно опредѣлить начало ея связи съ Петромъ, и когда обратимъ вниманіе на время опалы Анны Монсъ, то эта опала можетъ получить объясненіе.

Счастливая соперница Анны Монсъ называлась сначала Катериною Василевскою: такъ она названа въ собственноручной запискѣ Петра отъ 5 января 1708 года: „Ежели что мнѣ случится волею Божіею, тогда три тысячи рублевъ, которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской и съ дѣвочкою". По принятіи православія, она начала называться Екатериною Алексѣевною по воспреемнику своему, царевичу Алексѣю [2]). При этомъ же перемѣнена была и фамилія: вмѣсто Василевской ее начали называть Михайловою, фамилія, которую, какъ извѣстно, носилъ и самъ Петръ. Связь Екатерины Алексѣевны Михайловой съ Меншиковымъ и его семействомъ была самая тѣсная, что видно изъ ея писемъ къ свѣтлѣйшему; тонъ этихъ писемъ хотя и измѣняется вслѣдствіе постепеннаго измѣненія въ положеніи Екатерины Алексѣевны, но всегда остается очень дружественнымъ. Такъ въ сентябрѣ 1708 г. она пишетъ вмѣстѣ съ Анисьей Толстой: „Милостивый нашъ государь батюшка, князь Александръ Даниловичъ, здравствуй и съ княгинею Дарьею Михайловною и съ маленькимъ княземъ на множество лѣтъ. Благодарствую за писаніе твое: пожалуй, прикажи впредь къ намъ писать о своемъ здравіи, чего всечасно слышати желаемъ. По отъѣздѣ нашемъ изъ Кіева отъ вашего сіятельства ни единаго письма не получили, о чемъ зѣло намъ прискорбно. Но впредь просимъ, дабы незабвенны чрезъ писаніе вашей милости были. Пожалуй, нашъ батюшка, прикажи отписать про здоровье государево". Говоря о сынѣ Меншикова, Екатерина обыкновенно расточаетъ самыя ласкательныя выраженія. Въ письмѣ изъ Москвы отъ 13 февраля 1710 года прежнія дружественныя отношенія, но тонъ уже другой: „Доношу милости твоей, что господинъ контръ-адмиралъ (Петръ) милостію всевышняго Бога въ добромъ здравіи, такожь и я съ дѣтками своими при милости его въ добромъ же здравіи, только что собинная твоя дочка нынѣ скорбитъ зубками. Такожь доношу, что г. контръ-адмиралъ не въ малой печали есть, что слышалъ, что милость твоя изволишь печалиться, что мало къ милости твоей писалъ; и милость твоя впредь не изволь сумнѣваться, понеже ему здѣшнее пребываніе, какъ милость твоя самъ извѣстенъ, вельми сустно. Иванъ Аверкіевъ доносилъ про милость твою, что ты изволилъ трудиться и самъ отъ Калинкиной деревни на большую дорогу изволилъ дорогу просѣкать; и я хозяину своему о томъ доносила, что зѣло угодно ему стало, что такой вѣрный приказчикъ тамъ остался. Дитя наше зѣло тоскуетъ по бабушкѣ, и ежели милости вашей въ ней нужды нѣтъ, то извольте пожаловать къ намъ прислать немедленно". Подписано: „Екатерина". Въ письмѣ изъ Петербурга отъ 8 апрѣля 1710 года находится PS: „Маленькія наши Аннушка и Елизавета вашей милости кланяются" [3]). Тонъ писемъ Меншикова къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ измѣнялся такъ же съ измѣненіемъ отношеній ея къ „хозяину своему". Отъ 12 марта 1711 года послѣднее письмо отъ него къ ней, надписанное: „Катеринѣ Алексѣевнѣ Михайловой", съ обычнымъ обращеніемъ: „Катерина Алексѣевна, многолѣтно о Господѣ здравствуй"! Въ письмѣ отъ 30 апрѣля того же года уже совершенно иное обращеніе: „Всемилостивѣйшая государыня царица"! и дочери Екатерины Алексѣевны называются государынями царевнами [4]). Екатерина въ письмѣ отъ 13 мая 1711 года подписалась: „Пребываю и остаюсь ваша невѣстка Екатерина" [5]).

Екатерина Алексѣевна, въ своемъ новомъ значеніи, уже всѣмъ извѣстномъ съ 6 марта, отправлялась съ „хозяиномъ" въ Турецкій походъ. Меншиковъ, вѣрный приказчикъ, оставался въ Петербургѣ стеречь парадизъ и новыя завоеванія.

ваемомъ Вышки Озеры, разстояніемъ отъ Риги въ 36 миляхъ, отъ Друи 7 миль.

[1]) Кабинетъ I, кн. № 2.

[2]) Гордонъ—The history of Peter the Great, II, 258.

[3]) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ.

[4]) Письма въ Государств. Архивѣ.

[5]) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ.

Глава II.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Движеніе русскихъ войскъ къ южнымъ границамъ.—Объявленіе народу о войнѣ съ Турками.—Отъѣздъ царя.—Его болѣзнь и печальное состояніе духа.—Веселыя вѣсти.—Свиданіе съ Польскимъ королемъ въ Ярославлѣ и договоръ съ нимъ.—Сношенія съ турецкими христіанами.—Молдавскій господарь Кантемиръ.—Договоръ его съ царемъ.—Сношенія съ Сербами и Черногорцами.—По просьбамъ христіанъ, Петръ торопитъ Шереметева.—Шереметевъ переходитъ Днѣстръ.—Кантемиръ объявляетъ себя противъ Турокъ.—Недостатокъ провіанта.—Переписка Петра съ Шереметевымъ по этому поводу.—Царь у Прута.—Поѣздка его въ Яссы.—Рѣшеніе военнаго совѣта.—Переходъ арміи черезъ Прутъ; она окружена Турками.—Отчаянное положеніе Русскихъ.—Затруднительное положеніе визиря.—Переговоры.—Миръ.—Положеніе Петра.—Его письма въ Сенатъ и къ „своимъ“.—Подканцлеръ Шафировъ и молодой Шереметевъ остаются при визирѣ для окончательнаго уложенія дѣла.—Петръ не хочетъ исполнять договора, пока Карлъ XII остается въ турецкихъ владѣніяхъ.—Турки требуютъ, чтобы Русскіе не входили въ Польшу.—Послы голландскій и англійскій помогаютъ Шафирову въ переговорахъ.—Петръ рѣшается исполнить первую статью договора насчетъ отдачи Азова и срытія Таганрога.—Шафировъ заключаетъ новый договоръ.—Издержки при заключеніи этого договора.—Петръ Толстой.—Усилія его и Шафирова противодѣйствовать шведскимъ внушеніямъ.—Пребываніе русскихъ войскъ въ Польшѣ служитъ имъ въ томъ главнымъ препятствіемъ, раздражая султана.—Шафировъ, Толстой и Шереметевъ въ Семибашенномъ замкѣ.—Турція снова объявляетъ войну Россіи за невыводъ войскъ изъ Польши.—Трусость султана.—Разладъ его съ Карломъ XII.—Окончательное заключеніе мира между Россіею и Турціею.—Черногорцы.—Дѣла Польскія.

Какъ только было получено извѣстіе о разрывѣ мира со стороны Турокъ, Петръ послалъ повелѣніе князю Мих. Мих. Голицыну двинуться къ молдавскимъ границамъ съ десятью драгунскими полками и сторожить движеніе Турокъ и Татаръ. Шереметевъ долженъ былъ идти туда же изъ Ливоніи съ двадцатью двумя пѣхотными полками; князь Михайла Ромодановскій отправился въ Путивль съ дворянскими полками, а Кіевскій губернаторъ, князь Дим. Мих. Голицынъ долженъ былъ слѣдить за Запорожцами. 25 февраля 1711 года, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя, объявлено было народу о войнѣ противъ враговъ имени Христова; передъ соборомъ стояли оба гвардейскіе полка, готовые къ выступленію въ походъ; на ихъ красныхъ знаменахъ виднѣлся крестъ съ подписью: „Симъ знаменіемъ побѣдиши“ [1]).

6 марта самъ царь выѣхалъ изъ Москвы къ польскимъ границамъ. Въ Луцкѣ остановилъ его сильный припадокъ болѣзни, о которомъ онъ такъ увѣдомлялъ Меншикова 9 апрѣля: „Объявляю, что я зѣло былъ боленъ скорбью такою, какой болѣзни отъ роду мнѣ не бывало, ибо двѣ недѣли съ жестокими палакъ-сизмами была, изъ которыхъ одинъ полторы сутки держалъ, гдѣ весьма жить отчаялся, но потомъ великими потами и уриною свободился и учусь ходить“ [2]). Въ тотъ же день Петръ написалъ и Апраксину: „Я былъ зѣло боленъ и не чаялъ живота себѣ (отъ скорбутики), но нынѣ, славу Богу, прихожу въ прежнее“ [3]). Печальное расположеніе духа не покидало Петра и, разумѣется, могло только усилиться отъ болѣзни. 12 апрѣля онъ написалъ Меншикову въ отвѣтъ на извѣстіе о смерти царевича Имеретійскаго, умершаго въ шведскомъ плѣну: „Зѣло соболѣзную о смерти толь изряднаго принца; но невозвратимое уже лучше оставлять, нежели воспоминать; къ тому-жь имѣемъ и мы предлежащій безвѣстный и токмо единому Богу свѣдомый путь“. 24 апрѣля онъ писалъ изъ Яворова Апраксину, попеченію котораго были ввѣрены низовья Дона и который спрашивалъ, гдѣ ему лучше утвердить свое пребываніе: „Гдѣ вамъ быть, то полагаю на ваше разсужденіе“, отвѣчалъ Петръ, „ибо вся та сторона вамъ вручена, и что удобнѣе гдѣ, то чините, ибо мнѣ, такъ отдаленному и почитай во отчаяніи сущему, къ тому-жь отъ болѣзни чуть-ожилъ, невозможно разсуждать, ибо дѣла, что день отмѣняются“ [4]). Скоро впрочемъ стало веселѣе въ Яворовѣ: пришло извѣстіе, что Татары, напавшіе на Украйну, прогнаны съ большимъ урономъ; что Заднѣпровская Украйна, приставшая-было къ Орлику, сильными мѣрами приведена въ послушаніе. Петръ писалъ Меншикову 3 мая: „Наши войска будутъ на Днѣстрѣ кончая въ 15 сего мѣсяца; о ханѣ, чаю, что вы извѣстны, что съ урономъ великимъ возвратился и сынъ его убитъ на Украйнѣ. Здѣсь Заднѣпрская Украйна вся было къ Орлику и воеводѣ Кіевскому (Потоцкому) пристала, кромѣ Танскаго и Галагана, но оную изрядно наши вычистили, и оныхъ скотовъ—иныхъ за Днѣпръ къ гетману, а прочихъ, чаю, въ подарокъ милости вашей въ губернію на пустыя мѣста пришлемъ. Христіане бѣдные зѣло ревностно къ намъ поступаютъ и пишутъ неописанный страхъ и конфузію въ поганыхъ, которую наипаче умножилъ тотъ знакъ, когда пошли изъ Царяграда, тогда сталъ чрезвычайнымъ штурмъ и Магметово знамя, которое несено было предъ янычарами въ полку, то все изорвало и древко втрое изломило“ [5]). Весело было

---

[1]) Гисторія Свейской войны.
[2]) Дѣла Меншикова въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
[3]) Кабинетъ I, кн. № 14.
[4]) Кабинетъ I, кн. № 14.
[5]) Дѣла Меншикова въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

въ Яворовѣ и Екатеринѣ Алексѣевнѣ: знатные Поляки давали балы, гдѣ ее принимали уже какъ царицу. „Мы здѣсь“, писала она Меншикову, „часто бываемъ на банкетахъ и на вечеринкахъ, а именно четвертаго дни (9 мая) были у гетмана Синявскаго, а вчерашняго дни были у князя Радзивила и довольно танцовали. И доношу вашей свѣтлости, дабы вы не изволили печалиться и вѣрить бездѣльнымъ словамъ, ежели со стороны здѣшней будутъ происходить, ибо господинъ шаутбенахтъ (Петръ, вице-адміралъ) попрежнему въ своей милости и любви насъ содержитъ“ [1]).

Въ Ярославлѣ Петръ свидѣлся съ королемъ Августомъ, и 30 мая заключенъ былъ между ними договоръ: „Вслѣдствіе опаснаго для сосѣднихъ державъ усиленія шведскаго корпуса въ Помераніи; король Августъ выставляетъ 10,000 конницы, также изъ регулярнаго польскаго и литовскаго войска сколько собрать можетъ полковъ; царь употребитъ для той же цѣли 6,000 своихъ войскъ, уже находящихся въ Польшѣ, и къ нимъ присоединитъ еще отъ 8 до 10,000, которыя уже получили указъ идти въ Великую Польшу подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Боура, притомъ же царь дастъ королю 100,000 рублей и обязуется не вводить болѣе войскъ своихъ въ королевство Польское. Датскаго короля обнадежить и склонить ко вступленію въ сей корцертъ тѣмъ, что когда экспедиція противъ Помераніи окончится, дастся ему помощь и для его конкетовъ. Царское величество себѣ изъ конкетовъ въ Помераніи ничего не претендуетъ, и обѣщаетъ, ежели возможно, сдѣлать диверсію изъ Финляндіи въ пользу Даніи. О разглашенныхъ сумнительствахъ, будто бы его царское величество имѣетъ намѣреніе на аріентальское (восточное) цесарство, и чтобъ рѣчь посполитую разорить и разлучить, объявлено королю, что его величество ни на одно, ни на другое ни мало рефлексіи не сочиняетъ, и того-бъ ради король въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ о томъ подозрѣніе воспріято, противное тому наговорилъ“ [2]). Такъ какъ ближайшая опасность отъ Турецкой войны грозила Польшѣ, гдѣ успѣхи Турокъ должны были снова поднять партію Лещинскаго противъ Августа, то послѣдній обѣщалъ отрядъ войска для союзнаго дѣйствія съ Русскими противъ Турокъ.

На Поляковъ была плохая надежда; гораздо важнѣе была помощь, какую могли оказать въ самихъ турецкихъ владѣніяхъ „бѣдные христіане, которы зѣло ревностно къ намъ поступали“. На первомъ планѣ, разумѣется, стояли тутъ Дунайскія княжества. Въ Валахіи господаремъ былъ Бранкованъ; въ Молдавіи прежній господарь—Николай Маврокордато—былъ свергнутъ Димитріемъ Кантемиромъ, который былъ обязанъ своимъ успѣхомъ Крымскому хану. Послѣдній прямо сказалъ султану въ полномъ Диванѣ: „Бранкованъ богатъ и силенъ, у него много войска, онъ преданъ Русскимъ; неосторожно при настоящихъ обстоятельствахъ оставить въ его рукахъ Валахію; ежеминутно должно ждать отъ него измѣны и помѣхи успѣху нашего оружія. Надобно захватить его, потому что добровольно онъ не явится въ Константинополь; только Димитрій Кантемиръ въ состояніи исполнить это дѣло, и потому назначьте его Молдавскимъ княземъ, а Николай Маврокордато неспособенъ на это. Не могу сноситься я о важныхъ дѣлахъ съ человѣкомъ, которому не вѣрю“ [3]). Кантемиръ получилъ Молдавію съ обѣщаніемъ, что если успѣетъ захватить Бранкована, то ему отдадутъ и Валахію. Между тѣмъ Турки объявили войну Россіи. Съ одной стороны христіанское народонаселеніе съ затаеннымъ восторгомъ ждало Полтавскаго побѣдителя, съ другой—Турки дѣлали сильныя вооруженія. На Молдавію долженъ былъ пасть первый ударъ. Кантемиръ, слабый между двумя сильными, прибѣгнулъ къ оружію слабаго, хитрости. Онъ вошелъ въ тайныя сношенія съ Русскимъ царемъ, открывалъ ему планы Дивана, и, чтобъ удобнѣе прикрыть свое поведеніе, выпросилъ у визиря позволеніе прикинуться другомъ Русскихъ, чтобъ лучше проникнуть ихъ тайны. Визирь далъ позволеніе, и Кантемиръ дѣйствовалъ на свободѣ: повѣренный его въ Царѣградѣ, Жано, открыто отправлялся въ Семибашенный замокъ, переговаривалъ съ русскимъ посломъ, принималъ отъ него денеши и отсылалъ къ Кантемиру, который пересылалъ ихъ царю. Но долго хитрить было нельзя: два войска — турецкое и русское—двигались къ Молдавіи. Кантемиръ созвалъ совѣтъ бояръ и спрашивалъ, что дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ. Бояре отвѣчали, что надобно удалиться куда-нибудь въ безопасное мѣсто и дожидаться, на чьей сторонѣ будетъ побѣда, чтобъ принять сторону побѣдителя. Кантемиръ удалился въ Фальчинскій уѣздъ; но еще прежде отправилъ къ Петру въ Польшу посла Стефана Луку, для заключенія окончательнаго договора, давши знать Туркамъ, что послалъ Луку съ цѣлію развѣдать силы и планы непріятеля. 13 апрѣля 1711 года Лука заключилъ съ царемъ договоръ: „Господарь находится вѣчно подъ защитою царскаго величества, какъ вѣрнымъ подданнымъ надлежитъ, и долженъ сперва секретно принесть присягу, и, подписавъ своею рукою и припечатавъ княжою печатью, прислать какъ можно скорѣе съ вѣрнымъ человѣкомъ; крайній срокъ присылки — послѣднія числа мая. Это будетъ содержано въ величайшей тайнѣ до самаго вступленія русскихъ войскъ въ Молдавію; а между тѣмъ господарь обязанъ показать царскому величеству всевозможную вѣрную службу въ корреспонденціи и въ прочемъ, какъ можетъ тайно“. Пункты, на которыхъ Кантемиръ принималъ подданство, были слѣдующіе: 1) Молдавія получитъ старыя границы

[1]) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 14.
[3]) Петръ В. на берегахъ Прута. Журн. Мин. Наро Просв. 1847 года, № 1 и 2.

свои до Днѣпра, со включеніемъ Буджака. До окончательнаго образованія княжества всѣ укрѣпленныя мѣста будутъ заняты царскими гарнизонами; но послѣ русскія войска будутъ замѣнены молдавскими. 2) Молдавія никогда не будетъ платить дани. 3) Молдавскій князь можетъ быть смѣненъ только въ случаѣ измѣны или отреченія отъ Православія; въ такомъ случаѣ будетъ избранъ въ преемники ему одинъ изъ сыновей или братьевъ его; престолъ останется всегда въ родѣ Кантемира до совершеннаго его прекращенія [1]). 4) Царь не будетъ заключать мира съ Турціею, по которому Молдавія должна будетъ возвратиться подъ турецкое владычество. Кромѣ этого договора, былъ еще другой насчетъ будущей судьбы Кантемира, если военное счастіе не будетъ на сторнѣ Русскихъ. Царь обязался: 1) Если Русскіе принуждены будутъ заключить миръ съ Турками, то Кантемиръ получаетъ два дома въ Москвѣ и помѣстья, равныя цѣнностью тѣмъ, которыми онъ владѣетъ въ Молдавіи, сверхъ того ежедневное содержаніе для себя и для свиты своей онъ будетъ получать отъ казны царской. 2) Если Кантемиръ не пожелаетъ остаться въ Россіи, то воленъ избрать другое мѣстопребываніе.

Въ то время, когда Молдавскій господарь договаривался, обезпечивалъ свою судьбу въ случаѣ успѣха и неуспѣха русскаго оружія, „бѣдные христіане" дѣйствовали. Еще въ маѣ 1710 года пріѣзжалъ въ Москву сотникъ Богданъ Поповичъ и привезъ грамоту отъ австрійскихъ Сербовъ, изъ городовъ—Арада и Сегедина, отъ полковниковъ Ивана Текелія и Волина Потыседа. Полковники писали: „О благочестивѣйшій царю, красносіятельное солнце правды! Милостивымъ окомъ воззри на насъ убогихъ и твоими царскими щедротами промысли о нашей отеческой Сербской Землѣ, отъ многихъ лѣтъ, грѣхъ ради нашихъ, ярмомъ бусурманскимъ обремененной, особенно когда воздвигнетъ Господь Богъ крестоносную десницу твою на бусурмана; не забудь и насъ малѣйшихъ приглашеніемъ царскимъ и милованіемъ своимъ, да и мы потщимся службою своею за своего Православнаго царя". Когда султанъ объявилъ войну, то сербскій полковникъ Михайла Милорадовичъ отправленъ былъ для поднятія Черногорцевъ противъ Турокъ. Въ грамотѣ царя къ Черногорцамъ говорилось: „Извѣстно да будетъ вашимъ благороднымъ особамъ, и всѣмъ народамъ, почитателямъ распятаго Христа Бога нашего, чрезъ Его же всѣ надѣемся въ царствіе его внити, добросердечно потрудившись за вѣру и Церковь. Понеже Турки нечестивцы, видя наше царское величество христіанскому народу доброжелательныхъ и милостію Божіею въ воинскихъ поступкахъ преуспѣвательныхъ и возымѣвши подозрѣніе, будто мы намѣрены отбирать отъ нихъ неправедное завладѣніе и христіанамъ, подъ игомъ ихъ стенящимъ, воспомогать, осоюзились съ еретикомъ королемъ Шведскимъ и нашему царскому величеству безо всякой отъ насъ данной причины войну объявили; того ради мы, видя ихъ такія неправды и призирая на гоненіе христіанъ, призвавъ Бога на помощь, принуждены собирать не токмо наши войска и силы, но и прочихъ потентантовъ, союзниковъ нашихъ, и сего года имѣемъ намѣреніе идти на нихъ войною, дабы не токмо противъ бусурмана отпоръ чинить, но и сильнымъ оружіемъ въ средину владѣнія его вступить и Православныхъ христіанъ, аще Богъ допуститъ, отъ поганскаго ига освободить. Съ любезно-вѣрными и искусными нашими войсками самоперсонально выступаемъ противъ врага, ибо должно презрѣть страхъ и трудности за Церковь и Православную вѣру, и не только воевать, но и послѣднюю каплю крови пролить, что отъ насъ по возможности и учинено будетъ. Притомъ, понеже извѣстна нашему царскому величеству храбрость древнихъ вашихъ владѣтелей, глубина добрыхъ вашихъ христіанскихъ сердецъ и искусство, которое прежде сего по должности своей чрезъ храбрыя оружія за вѣру въ воинскихъ случаяхъ вы оказывали, какъ мы удостовѣрились изъ книгъ напечатанныхъ, и во всемъ свѣтѣ выхваляются искусства вашихъ народовъ, что Александръ Македонскій съ малыми войсками тамошнихъ народовъ многихъ царей побилъ и многія имперіи завоевалъ и безсмертную славу въ военномъ обхожденіи по себѣ оставилъ; что Георгій Кастріотъ, сирѣчь Скандербергъ, во всю свою жизнь съ немногими войсками вашего-жъ народа, не токмо лютому поганскому зубу не допустилъ себя терзать, но еще на шестидесяти трехъ главныхъ баталіяхъ непріятеля на-голову побилъ; и ежели бы прочіе деспоты и владѣтели ваши съ такими-жъ сердцами трудились, то не допустили бы себя въ неволю и наслѣдниковъ своихъ въ подданство. Въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ древнюю славу свою обновить, осоюзившись съ нашими силами и единодушно на непріятеля вооружившись, воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу, и за свободу и вольность наслѣдниковъ вашихъ. Если кто изъ васъ въ сей праведной войнѣ потрудится, то отъ Бога получитъ благовоздаяніе, а отъ насъ милость и награжденіе, и всякій по заслугамъ и желанію вашему привилегіями нашими пожалованъ будетъ, ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганскаго освободить, Православныя церкви тамо украсить и животворящій Крестъ возвысить. Итакъ, если будетъ всякій по

[1]) Журн. Мин. Народ. Просв. 1847 года № 1 и 2 и Полн. Собр. Зак. № 2347. Пункты, напечатанные въ Полн. Собр. Зак., разнятся съ помѣщенными въ статьѣ: „Петръ В. на берегахъ Прута", составленной по молдавскимъ источникамъ. Различіе состоитъ преимущественно въ томъ, что пункты статьи содержатъ ограниченія княжеской власти и доходовъ, тогда какъ пункты Полнаго Собр. составлены въ противномъ духѣ. Можно догадываться, что въ пунктахъ, составленныхъ въ Молдавіи для показа боярамъ, именно говорилось о правахъ боярскихъ, а въ пунктахъ, доставленныхъ Кантемиромъ царю, вмѣсто этихъ правъ упоминалось только о правахъ господаря.

возможности трудиться и за вѣру воевать, то имя Христово прославится нанвящше, и поганина Магамета наслѣдники будутъ прогнаны въ старое ихъ отечество, пески и степи Арапскія". Весною 1711 г. Милорадовичъ писалъ Головкину, что, пріѣхавши въ Македонію, Діоклетію и прочія провинціи, и собравши всѣхъ христіанъ, князей и воеводъ, онъ подалъ царскія грамоты Даніилу, митрополиту Скендеринскому, и другимъ, кому слѣдовало. Христіане, прочтя грамоты, сильно обрадовались и начали всѣ единодушно за вѣру и отечество кровь проливать; и тѣ, которые получали жалованье отъ Венеціанъ и Турокъ, бросили это жалованье, соединились съ своими и стали воевать, какъ при древнихъ Сербскихъ царяхъ и короляхъ. „Все это воины добрые", писалъ Милорадовичъ, „только убогіе; пушекъ и прочихъ военныхъ припасовъ не имѣютъ". Когда онъ прошлымъ годомъ замки, слободы и села разорялъ и жегъ, то нуждался въ оловѣ и порохѣ, а достать нигдѣ не могъ, потому что Латины и Венеціане подъ смертною казнію запретили продавать ему эти вещи; также запретили, чтобъ никто не принималъ его къ себѣ въ домъ, и оттого, идя на войну и съ войны, онъ принужденъ былъ ночевать въ церквахъ. По словамъ Милорадовича, Латины гораздо враждебнѣе его дѣлу, чѣмъ Турки, ибо Латины надѣялись, что земля будетъ вся ихъ, и когда онъ пошелъ на Турокъ, то Латины посылали къ нимъ письма, обнадеживая ихъ, чтоб не боялись, и уговаривали Турокъ, чтобъ обѣщали христіанамъ деньги за его голову; но христіане всѣ обѣщались вѣрно государю служить [1]).

Между тѣмъ изъ разныхъ мѣстъ Петръ получалъ письма отъ турецкихъ христіанъ, которые просили о немедленномъ вступленіи къ нимъ русскихъ войскъ, чтобъ предупредить Турокъ. Сначала царь назначилъ арміи Шереметева стать у Днѣстра къ 15, а по нуждѣ и къ 20 мая; но теперь, послѣ полученія упомянутыхъ писемъ, онъ послалъ сказать фельдмаршалу, чтобъ войска сходились у Днѣстра непремѣнно къ 15 мая и готовили магазины: „Мы", писалъ Петръ 22 апрѣля, „такожъ къ 15 числу мая къ вамъ будемъ, и ежели кого въ своемъ мѣстѣ не застанемъ, и тѣ принуждены будутъ послѣ отвѣчать. Для Бога не умедлите въ назначенное мѣсто, ибо и нынѣ отъ всѣхъ христіанъ паки письма получили, которые самимъ Богомъ просятъ, дабы поспѣшить прежде Турокъ, въ чемъ превеликую пользу являютъ; а ежели умѣшкаемъ, то вдесятеро тяжелѣе, или едва возможно будетъ свой интересъ исполнить, и тако все потеряемъ умедленіемъ" [2]). 7 мая изъ Яворова Петръ отправилъ князя Василья Владиміровича Долгорукаго къ Шереметеву торопить старика и подробно изложить ему причины, почему поспѣшность необходима: „Изо всѣхъ мѣстъ получаются извѣстія; господари Молдавскій и Валахскій и знатные люди этихъ странъ присылаютъ безпрестанныя просьбы, чтобъ мы шли какъ можно скорѣе, если нельзя со всѣмъ корпусомъ главнаго нашего войска, то, по крайней мѣрѣ, значительную его часть, преимущественно кавалерію, послали бы въ Молдавію къ Дунаю, гдѣ Турки велѣли дѣлать мостъ. Господари пишутъ, что какъ скоро наши войска вступятъ въ ихъ земли, то они сейчасъ же съ ними соединятся и весь свой многочисленный народъ побудятъ къ возстанію противъ Турокъ; на что глядя и Сербы (отъ которыхъ мы такое же прошеніе и обѣщаніе имѣемъ), также Болгары и другіе христіанскіе народы встанутъ противъ Турка, и одни присоединятся къ нашимъ войскамъ, другіе подымутъ возстаніе внутри турецкихъ областей; въ такихъ обстоятельствахъ визирь не посмѣетъ перейдти за Дунай, большая часть войска его разбѣжится, а можетъ быть и бунтъ поднимутъ. А если мы замедлимъ, то Турки, переправясь черезъ Дунай съ большимъ войскомъ, принудятъ господарей поневолѣ соединиться съ собою, и большая часть христіанъ не посмѣютъ приступить къ намъ, развѣ мы выиграемъ сраженіе, а иные малодушные и противъ насъ Туркамъ служить будутъ. Господарь Молдавскій уже присягнулъ намъ на подданство; господарь Валахскій скоро послѣдуетъ его примѣру. Пріѣхавши къ фельдмаршалу, князь Долгорукій долженъ говорить ему, чтобъ немедленное шелъ въ походъ и переходилъ Днѣстръ. По вступленіи въ Молдавію, фельдмаршалъ, посовѣтовавшись съ отправленнымъ къ нему Саввою Владиславичемъ Рагузинскимъ, долженъ немедленно послать къ Молдавскому господарю съ просьбою, чтобъ шелъ тотчасъ же съ своимъ войскомъ для соединенія съ нимъ, фельдмаршаломъ, и въ то же время разослать ко всему Молдавскому народу листы и указы, чтобъ шли всѣ за имя Христово къ войскамъ нашимъ противъ врага Креста Христова. И когда Молдавскій господарь, или воевода его Антіохъ или другіе знатные Молдаване приступятъ къ намъ явно, то поступать съ ихъ совѣту. Послать и къ Валахскому господарю съ просьбою о соединеніи его войскъ съ нашими и присылкѣ напередъ вѣрной особы для совѣта и соглашеній. Самому фельдмаршалу идти съ войскомъ къ Дунаю, и если Турки черезъ мостъ еще не переправились, то стараться овладѣть мостомъ и разорить его. Если же узнаетъ подлинно, что Турки черезъ Дунай со всею силою перешли, то стать за Днѣстромъ въ удобномъ мѣстѣ, имѣть добрую осторожность, развѣдывать чрезъ шпіоновъ и Молдаванъ о непріятельской силѣ, походѣ и обращеніи, и о всемъ томъ писать; стараться также привлекать къ себѣ Молдаванъ, Валаховъ, Сербовъ и прочихъ христіанъ, и которые станутъ приходить, тѣмъ давать жалованье по разсмотрѣнію, и обѣщать помѣсячную дачу. По вступленіи въ Молдавію, стараться устроить въ удобномъ мѣстѣ магазинъ, просить господаря, чтобъ помогъ въ этомъ дѣлѣ, и дать на покупку всего нужнаго до 6,000 денегъ. Прочее предается господину фельдмаршалу

---

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Сербскія означенныхъ годовъ. Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 248.

[2]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 307.

въ его разсужденіе съ общаго совѣта, только похода ни за чѣмъ и ни за какимъ разсужденіемъ не отлагать, но идти съ поспѣшностію. При входѣ же въ Молдавію, заказать подъ смертною казнію въ войскѣ, чтобъ никто ничего у христіанъ,—ни живности, ни хлѣба,—безъ указу и безъ денегъ не брали, и жителей ничѣмъ не озлобляли, но поступали пріятельски. Наконецъ разослать универсалы на татарскомъ языкѣ къ Бѣлгородской (Акерманской) и Буджакской ордѣ для склоненія ея въ подданство къ намъ: старайтесь склонять ихъ угрозами, разореніемъ, искорененіемъ, также и обнадеживаніемъ милости; а между тѣмъ можно съ нихъ безденежно получать провіантъ и живность и строить магазинъ“ [1]).

Шереметевъ, получивъ указъ, перешелъ Днѣстръ; Кантемиръ волею, или, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, неволею [2]) долженъ былъ объявить себя на сторонѣ Русскихъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Петръ писалъ фельдмаршалу отъ 4 іюня: „Поздравляю вамъ счастливымъ переходомъ и начатіемъ соединенія съ христіаны утѣсненными, которыхъ вскорѣ желаю видѣть“. Черезъ день, 6 іюня, другое письмо: „Будемъ къ вамъ какъ возможно поспѣшать. Къ генералу Вейду писалъ я, дабы онъ какъ возможно къ вамъ поспѣшалъ, не дожидаяся насъ. Впрочемъ извольте чинить все по крайней возможности, дабы времени не потерять, а наипаче чтобъ къ Дунаю прежде Турокъ поспѣть, ежели возможно. Взаимно поздравляю вамъ приступленіемъ господаря Воложскаго (Молдавскаго)“. 8 іюня Петръ былъ въ Браславлѣ, откуда писалъ Апраксину: „Господинъ фельдмаршалъ Шереметевъ уже въ Яссахъ, котораго господарь Воложской со всѣмъ войскомъ встрѣтилъ и съ онымъ случился, и публично универсалы противъ Турокъ на посполитое рушеніе выдалъ, и поступаетъ зѣло ревностно, чего и отъ Мултянскаго (Валахскаго) и отъ прочихъ вскорѣ ожидаемъ; и тако сею новизною вамъ поздравляемъ, и просимъ у Бога, дабы Самъ за Свое имя вступился и даровалъ сему доброму началу благополучный и скорый конецъ“.

Это было послѣднее письмо съ веселыми вѣстями и съ выраженіями надежды. Шереметевъ далъ знать, что онъ не могъ упредить Турокъ, которые уже перешли Дунай; но, что̀ всего хуже, фельдмаршалъ давалъ знать о недостаткѣ провіанта; о магазинахъ, которые приказывалъ устроивать царь, не было и помина: „Зѣло имѣю великую печаль, что хлѣба весьма взять невозможно, ибо здѣшній край конечно разоренъ, а впрочемъ буду ожидать вашего величества высокаго указу и свѣдѣнія, что повелите чинить,“—писалъ фельдмаршалъ отъ 8 іюня. 12 іюня Петръ сталъ на берегу Днѣстра; откуда написалъ Шереметеву: „О замедленіи вашемъ зѣло дивлюсь, понеже первое хотѣли изъ Браславля идти 16 числа (мая) и тако-бъ возможно было поспѣть въ четыре дни, т.-е. къ 20 числу; и вы перешли 30 числа, и тако десять дней потеряно, къ тому-жь на Яссы криво; и ежели-бъ по указу учинили, тобъ конечно прежде Турокъ къ Дунаю были, ибо отъ Днѣстра только до Дуная 10 или по нуждѣ 13 дней ходу, на которое дѣло я больше не знаю какіе указы посылать, понеже обо всемъ уже довольный указъ данъ, въ чемъ можете отвѣтъ дать. О провіантѣ—отколь и какимъ образомъ возможно дѣлайте, ибо когда солдатъ приведемъ, а у насъ не будетъ, что̀ имъ ѣсть? Сей моментъ пришли мы съ полками къ Днѣстру, гдѣ вся пѣхота стоитъ; мостъ будетъ дни въ три готовъ, а межъ тѣмъ перевозятся, и скоро могутъ всѣ перейти, только хлѣба почитай нѣтъ, а у Аларта пять дней какъ ни хлѣба, ни мяса. Здѣсь скоро ожидаемъ барановъ 6,000, которые раздавъ, можемъ итить, только оные не долго будутъ. Извольте намъ дать знать подлинно: когда до васъ дойдемъ, будетъ ли что солдатамъ ѣсть, а у насъ, кромѣ проходу до васъ, ничего провіанта, ни скота нѣтъ. О семъ ожидаю немедленнаго отвѣта, яко на главное дѣло и инако невозможное“. Шереметевъ оправдывался, что еслибъ онъ пошелъ прямо отъ Днѣстра къ Дунаю, то Кантемиръ или былъ бы принужденъ соединиться съ Турками, или былъ бы ими разоренъ; что на прямомъ пути нѣтъ воды и при драгунскихъ полкахъ хлѣба всего было на мѣсяцъ, который уже и употребленъ. Что, идя и этимъ путемъ, онъ не могъ бы предупредить Турокъ. „Хотя здѣсь самая нужда въ хлѣбѣ“, писалъ Шереметевъ, „но по сіе число еще драгуны крайней нужды не видали, такъ же и скотины съ 2,000 я купилъ и по полкамъ роздалъ; а въ степи и того бы не получилъ. Буджакская орда всю скотину къ морю и за озеро отправила. Я въ провіантѣ весьма опасенъ и имѣю неусыпный трудъ, и нынѣ съ господаремъ и съ боярами договорились, которые подписались, что скотины 10,000 за деньги—первую 5,000 въ семь дней поставятъ, вторую вскорѣ. Турецкой скотины господарь обѣщалъ до 20,000; 30,000 войска чрезъ мѣсяцъ возможно прокормить“ [3]).

Иностранцы [4]) пишутъ, что на берегахъ Днѣстра былъ держанъ военный совѣтъ; что генералы Галлартъ, Энсбергъ, Остенъ и Берггольцъ представляли необходимость остановиться на Днѣстрѣ, указывая на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, на изнурительность пятидневнаго пути отъ Днѣстра къ Яссамъ по степи безводной и безплодной. Но генералъ Ренне былъ того мнѣнія, что необходимо продолжать походъ; что только этимъ смѣлымъ движеніемъ впередъ можно достигнуть цѣли похода и поддержать честь русскаго оружія. Русскіе генералы согласились съ Ренне, и Петръ принялъ мнѣніе большинства.

---

[1]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 313.

[2]) Петръ В. на берегахъ Прута.

[3]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 334—342; печатныя письма Шереметева къ Петру.

[4]) Halem—Leben Peter's des Gr. II, 33; Moreau de Brasey Comte de Lion, Memoires politiques I, 22

Мнѣнія на военномъ совѣтѣ могли быть высказаны именно такимъ образомъ; большинство и вмѣстѣ съ нимъ Петръ могли имѣть сильное побужденіе желать продолженія похода; мы видѣли что побуждало царя спѣшить въ турецкія владѣнія: надежда, что, при появленіи его здѣсь, христіанское народонаселеніе встанетъ, и войско султаново, окруженное со всѣхъ сторонъ врагами, исчезнетъ. Съ другой стороны, возбудивъ надежды христіанскаго народонаселенія, обмануть эти надежды, остановившись на Днѣстрѣ, было очень тяжело для Петра; Молдавія уже объявила себя за Россію; что будетъ съ нею, когда царь не появится съ главнымъ войскомъ и отзоветъ Шереметева, который одинъ не могъ держаться въ Молдавіи? Несмотря однако на такія сильныя побужденія къ продолженію похода, Петръ не предпринялъ дальнѣйшаго движенія, не обезпечивъ себя насчетъ продовольствія. 13 іюня, отъ мѣста Сороки, онъ писалъ Шереметеву: „Когда и сюда съ гвардіею пришелъ, то обрѣлъ зѣло мало провіанта, а именно — только на пять дней; того ради немедленно просимъ дать вѣдать, а именно въ три дни, и отъ сего числа, есть ли у васъ на всю пѣхоту, буде не хлѣба, то хотя скота, недѣль на шесть, а буде хотя теперь нѣтъ, однакожь надѣетесь конечно получить; и когда сіе получимъ, то тотчасъ пойдемъ къ вамъ; буде же не можете на всю пѣхоту сыскать, то дайте знать, на коликое число можете сыскать,—такое число и пошлемъ къ вамъ пѣхоты, дабы ведчи не поморити. Паки скораго прошу отвѣта, ибо не можемъ здѣсь долѣе быть, не имѣючи ничего. Такожь слышимъ мы, что въ Буджакахъ довольно скота и хлѣба есть, и буде то правда, то лучше-бъ вамъ итить туда, ежели въ Волохахъ нѣтъ, и намъ о томъ дать такожь знать". Къ 16-му числу въ Сороки доставлено было столько провіанта, что можно было съ нимъ дойти до Яссъ; несмотря на то, Петръ написалъ Шереметеву: „Прежде сего писали мы къ вамъ о нуждѣ въ провіантѣ и чтобъ вы насъ увѣдомили, можете-ль онаго или скота получить на весь нашъ корпусъ нынѣ, или гдѣ хотя вооруженною рукою; и нынѣ о томъ же подтверждаемъ, понеже за тѣмъ нашъ походъ медлится, и нынѣ мы имѣемъ столько провіанта, что къ Яссамъ дойтить совсѣмъ можемъ. И для того трудитесь, чтобъ на предбудущее время получить. И для того разсуждаемъ, чтобъ вамъ итить или всѣмъ, или хотя половину регулярной и двѣ доли нерегулярной кавалеріи въ Буджаки послать, гдѣ всѣ сказываютъ, что много хлѣба и скота, и велѣть трудиться столько онаго захватить и собрать, сколько можно, и не дать непріятелямъ пожечь и скота выгнать, въ чемъ все наше дѣло состоитъ, а мы надѣемся прибыть къ 20 или 21 туда, гдѣ вы нынѣ обрѣтаетесь".

По удовлетворительнымъ извѣстіямъ отъ Шереметева, войско двинулось. Фельдмаршалъ писалъ, что ему нужны деньги для покупки провіанта; царь отвѣчалъ ему 20 іюня отъ рѣчки Кейнора: „Денегъ напередъ послать трудно для опасенія отъ непріятеля; а мы какъ возможно поспѣшаемъ, и чаемъ быть на Прутѣ—Алартъ завтра или послѣзавтра, а мы дни въ три или кончае въ четыре; и когда будемъ на Прутѣ, тогда можемъ послать къ вамъ деньги, для чего просимъ, дабы на Прутѣ, гдѣ первый станъ нашъ будетъ, нѣсколько скота пригнать для солдатъ; впрочемъ инаго писать не имѣю, точію зѣло имѣемъ какъ наискорѣе васъ видѣть, и, войско совокупя, прося у праведнаго Судіи милости, искать непріятеля". На другой день Петръ написалъ Шереметеву: „Понеже мы уже по извѣстію отъ васъ видимъ, что вамъ далѣ итить, не случась съ нами, опасно и никакой пользы нѣтъ, того ради разсуждаемъ мы за благо, чтобы вы съ корпусомъ своимъ далѣе не шли, но, ставъ гдѣ въ удобномъ мѣстѣ у Прута, дожидались насъ, и мы къ вамъ походомъ своимъ елико возможно поспѣшаемъ. А межъ тѣмъ пошлите партію отъ себя съ добрымъ командиромъ тысячахъ въ трехъ регулярной кавалеріи и сколько пристойно нерегулярной, къ Мултянской Землѣ (Валахіи), и пишите съ ними отъ себя, такожъ Савѣ (Рагузинскому) велите писать съ общаго согласія съ господаремъ и съ Кантакузинымъ, призывая ихъ, чтобъ по обѣщанію своему къ намъ пристали; а межъ тѣмъ велѣть купить провіанта; и буде провіанта не могутъ весьма получить, то хотя и скота, по послѣдней мѣрѣ на всѣ войска недѣли на двѣ, или сколько возможно, цѣною не гораздо дорогою, для чего съ ними послать денегъ. Буде же станутъ Мултяны отговариваться, что не могутъ пристать, то объявить, что мы изъ того увидимъ ихъ самое непріятельство, и велѣть въ такомъ случаѣ тому командиру, посылая, брать самимъ въ Мултянской Землѣ хлѣба и скота, сколько могутъ получить безденежно, только чтобъ ничего не грабили" [1]).

Ночью на 24 іюня Петръ достигъ Прута и, оставивъ здѣсь войско, на другой день отправился въ Яссы, куда пріѣхалъ въ тотъ же день. Кантемиръ встрѣтилъ его за городамъ, жена его и дѣти встрѣтили царицу. Господарь произвелъ благопріятное впечатлѣніе на Петра, показался „человѣкомъ зѣло разумнымъ и въ совѣтахъ способнымъ". Въ Яссы пріѣхалъ изъ Валахіи великій спафарій Ѳома Кантакузинъ и объявилъ, что онъ и весь народъ въ ихъ Землѣ вѣренъ царю, и какъ скоро русскія войска явятся въ Валахіи, то всѣ къ нимъ пристанутъ; но господарь Бранкованъ не склоненъ къ русской сторонѣ, потому что очень богатъ и не хочетъ поставить себя въ затруднительное и опасное положеніе, поэтому онъ, Кантакузинъ, съ согласія народа, но безъ вѣдома господарскаго, тайкомъ пріѣхалъ въ Яссы [2]). Надежды Петра увеличились робостію враговъ: султанъ поручилъ Іерусалимскому патріарху Хрисанѳу снестись съ Бранкованомъ, чтобъ тотъ предложилъ миръ царю. Петръ отвергъ предложеніе, „ибо тогда частію не

---

[1]) Голиковъ—Дѣянія Петра В. XII, 342 и слѣд.
[2]) Кабинетъ I, кн. № 30.

повѣрено, паче же того ради не принято, дабы не дать непріятелю сердца" [1]). Взявши съ собою Кантемира и Кантакузина, Петръ поѣхалъ къ войску на Прутъ, гдѣ 27 іюня праздновалась полтавская годовщина стрѣльбою изъ 60 пушекъ и изъ ружей. На другой день у Головкина собрался генеральный военный совѣтъ; главный вопросъ былъ: какъ помочь недостатку въ провіантѣ,—мало его собрано въ опустошенной саранчею Молдавіи. Вслѣдствіе этого, положено было со всѣмъ войскомъ переправиться за Прутъ и идти внизъ по правой сторонѣ до урочища Фальчи, потому что ниже этого мѣста по причинѣ великихъ болотъ непріятелю трудно или и совершенно невозможно было переправиться; отъ урочища Фальчи войско должно было идти лѣсами къ рѣкѣ Серету, за которою, какъ всѣ увѣряли, у Турокъ собрано много съѣстныхъ припасовъ и лежатъ по деревнямъ около Браилова безо всякой обороны. Чтобъ захватить поскорѣе эти запасы и принудить Бранкована открыто пристать къ русской сторонѣ, отправлены были въ Валахію генералъ Ренне и бригадиръ Чириковъ съ конницею; съ ними отправлены были универсалы, возбуждавшіе Валаховъ къ возстанію; Ренне и Чириковъ должны были идти къ Браилову и, овладѣвши запасами, возвратиться къ Галацу, гдѣ назначено было соединеніе ихъ съ главною арміею. „Хотя и опасно было, однакоже, дабы христіанъ, желающихъ помощи, въ отчаяніе не привесть, на сей опасный весьма путь, для неимѣнія провіанта, позволено" [2]). Ренне съ Чириковымъ отправились 30 іюня, а главная армія перешла Прутъ, и шла въ назначенномъ направленіи до 7 іюля, несмотря на извѣстіе, что ханъ перешелъ рѣку сзади. 7 іюля, въ шестомъ часу пополудни, генералъ Янусъ, шедшій впереди войска мили за три, далъ знать, что визирь у Прута и янычары уже переправляются черезъ рѣку. Петръ послалъ указъ Янусу, чтобъ отступалъ для соединенія съ главною арміею, къ Ренне,—чтобъ также немедленно шелъ назадъ, захвативъ съ собою провіанта, сколько могъ собрать. Янусъ, получивъ указъ, началъ двигаться назадъ, и, несмотря на наступленіе Турокъ, успѣлъ привести свой отрядъ безъ урона. За нимъ по слѣдамъ явился непріятель, и, несмотря на то, что былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ, до самаго вечера не переставалъ нападать на Русскихъ, а ночью сталъ по горѣ. У Русскихъ въ эту ночь былъ генеральный совѣтъ: разсуждали, что въ провіантѣ и конскихъ кормахъ сильный недостатокъ, конница ушла съ генераломъ Ренне, непріятель въ превосходномъ числѣ—всего турецкаго войска было 119,665, да Татаръ 70,000, а у Русскихъ только 38,246. Положено было:—отступать,—и рано утромъ двинулись назадъ вверхъ по Пруту; непріятельская конница преслѣдовала отступавшихъ, но безъ пользы для себя. 9 іюля пополудни войско достигло мѣста, носившаго названіе Н о в о е С т а н е л и щ е; здѣсь расположили обозъ къ рѣкѣ и войско стало около него въ линію; къ вечеру явилась непріятельская пѣхота и артиллерія, и стала къ горѣ, отъ русской линіи съ версту; непріятель занялъ такъ же и другой берегъ рѣки. Турецкая пѣхота и конница наступала п р е ж е с т о к о, бой продолжался до ночи, но непріятель нигдѣ не могъ повредить русской линіи; наконецъ непріятельская конница отступила, а пѣхота всю ночь стрѣляла изъ пушекъ, и подъ этою стрѣльбою Турки сдѣлали кругомъ своего лагеря ретраншементъ и выставили 300 пушекъ.

Положеніе русскаго войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноемъ, съѣстныхъ припасовъ оставалось очень немного, помощи ни откуда. Но и визирь находился въ затруднительномъ положеніи: янычары, испуганные отчаяннымъ сопротивленіемъ Русскихъ, потерявши 7,000 человѣкъ своихъ, рѣшительно отказались возобновить нападеніе 10 числа и кричали, чтобъ визирь исполнялъ приказаніе султана—поскорѣе заключилъ миръ; кромѣ того, получено было извѣстіе, что генералъ Ренне занялъ Браиловъ. 10 іюля захваченные въ плѣнъ Турки объявили, что визирь желаетъ вступить въ мирные переговоры. Это объявленіе подало Русскимъ слабую надежду выйти мирнымъ путемъ изъ своего ужаснаго положенія [3]).

Въ визирю отправился трубачъ съ письмомъ отъ фельдмаршала Шереметева: „Сіятельнѣйшій крайній визирь его салтанова величества! Вашему сіятельству извѣстно, что сія война не по желанію царскаго величества, какъ чаемъ, и не по склонности султанова величества, но по посторонним ссорамъ; и понеже нынѣ то ужъ дошло до крайняго кровопролитія, того ради я заблагоразсудилъ вашему сіятельству предложить, не допуская до той крайности, сію войну прекратить возобновленіемъ прежняго покоя, которой можетъ быть ко обѣихъ странъ пользѣ. Буде же къ тому склонности не учините, то мы готовы и къ другому, и Богъ взыщетъ то кровопролитіе на томъ, кто тому причина, и надѣемся, что Богъ поможетъ нежелающему. На сіе ожидать будемъ отвѣту и посланнаго сего скораго возвращенія".

Отвѣта отъ визиря не было; послано другое письмо, опять отъ имени Шереметева: „Послали мы сего дня къ вашему сіятельству офицера съ предложеніемъ мирнымъ, но еще респонсу никакого по се время на то не воспріяли; того ради желаемъ отъ васъ какъ наискорѣйшей резолюціи, желаете ли онаго съ нами возобновленія мирнаго, которое мы съ вами можемъ безъ дальнаго пролитія человѣческія крови на полезнѣйшихъ кондиціяхъ учинить. Но ежели не желаете, то требуемъ скорой резолюціи, ибо мы съ стороны нашей ко обоимъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2410.
[2]) Исторія Свейской войны.
[3]) Кабинетъ I, кн. № 30.—Петръ В. на берегахъ Прута.

готовы и принуждены воспріять крайнюю резолюцію, однако сіе предлагаемъ, щадя человѣческаго кровопролитія, и будемъ ожидать нѣсколько часовъ отвѣту".

На это второе письмо визирь прислалъ отвѣтъ, что онъ отъ добраго мира не отрицается и чтобъ присылали для переговоровъ знатнаго человѣка. Того же десятаго іюля отправленъ былъ подканцлеръ Шафировъ съ тремя переводчиками и подьячимъ, а для пересылокъ отправились съ Шафировымъ генеральнаго шквадрона ротмистръ Артемій Волынскій, да сынъ оберъ-коммисара Петра Бестужева, Михайла Бестужевъ, служившій волонтеромъ при арміи [1]). Петръ далъ Шафирову слѣдующую инструкцію: „Въ трактованіи съ Турками дана полная мочь г. Шафирову, ради нѣкоторой главной причины, которое дѣло его не только съ моей воли, но и всѣхъ суть истинна: 1) Туркамъ всѣ городы завоеванные отдать, а построенные на ихъ земляхъ разорить, а буде заупрямятся, позволить отдать. 2) Буде же о Шведахъ станутъ говорить, чтобъ отдать все завоеванное, и въ томъ говорить отданіемъ Лифляндовъ, а буде на одномъ на томъ не могутъ довольствоваться, то и прочія по-малу уступать, кромѣ Ингріи, за которую, буде такъ не захочетъ уступить, то отдать Псковъ; буде же того мало, то отдать и иныя провинціи; а буде возможно, то лучше-бъ не именовать, но на волю салтанскую положить. 3) О Лещинскомъ буде станутъ говорить,—позволить на то. 4) Впрочемъ, что возможно, салтана всячески удовольствовать, чтобъ для того за Шведа не зѣло старался" [2]). При этомъ царь позволилъ Шафирову обѣщать визирю и другимъ начальнымъ лицамъ, въ комъ сила есть, большія суммы денегъ, а именно: визирю 150,000 рублей, кегаѣ его—60,000, чаушъ-башѣ 10,000, янычарскому агѣ 10,000; секретарю, переводчику и прочимъ обѣщаны также большія дачи [3]). Между тѣмъ, весь генералитетъ и министры по послѣдней мѣрѣ положили на совѣтѣ: „Ежели непріятель не пожелаетъ на тѣхъ кондиціяхъ быть довольнымъ, а будетъ желать, чтобъ мы отдались на ихъ дискрецію и ружья положили, то всѣ согласно присовѣтовали, что итить въ отводъ подлѣ рѣки" [4]).

Шафировъ далъ знать, что хоти Турки и не прочь отъ мира, но проволакиваютъ время. На это Петръ написалъ ему 11 іюля: „Я изъ присланнаго слова выразумѣлъ, что Турки хотя и склонны, но медленны являются къ миру; того ради все чини по твоему разсужденію, какъ тебя Богъ наставитъ, и ежели подлинно будутъ говорить о миру, то ставь съ ними па все, чего похотятъ, кромѣ шклявства, и дай намъ знать конечно сегодни, дабы свой десператной путь могли съ помощію Божіею начать. Буде же подлинно склонность явится къ миру, а сегодни не могутъ окончить договора, то-бъ хотя то сегодни сдѣлать, чтобъ косить за ихъ траншаментомъ" [5]). Въ тотъ же день Шафировъ возвратился въ русскую армію съ слѣдующими условіями: 1) Отдать Туркамъ Азовъ въ такомъ состояніи, какъ онъ взятъ былъ; новопостроенные города—Таганрогъ, Каменный Затонъ и Новобогородицкій на устьи Самары разорить, а пушки изъ Каменнаго Затона отдать Туркамъ. 2) Въ польскія дѣла царю не мѣшаться, казаковъ не обезпокоивать и не вступаться въ нихъ. 3) Купцамъ съ обѣихъ сторонъ вольно пріѣзжать торговать, а послу царскому впредь въ Царѣградѣ не быть. 4) Королю Шведскому царь долженъ позволить свободный проходъ въ его владѣнія, и если оба согласятся, то и миръ заключить. 5) Чтобъ подданнымъ обоихъ государствъ никакихъ убытковъ не было. 6) Всѣ прежніе непріятельскіе поступки предаются забвенію, и войскамъ царскаго величества свободный проходъ въ свои земли позволяется. Но до подтвержденія мирныхъ договоровъ и до исполненія съ царской стороны всѣхъ обязательствъ подканцлеръ Шафировъ и сынъ фельдмаршала Шереметева, Михаилъ Борисовичъ, полковникъ Астраханскаго полка, должны оставаться въ Турціи.

Шафировъ былъ немедленно же отправленъ назадъ въ турецкій обозъ, чтобъ поскорѣе заключить миръ на этихъ условіяхъ. Договоръ былъ написанъ и скрѣпленъ 12 іюля. Шафировъ далъ знать Петру, что русское войско можетъ безпрепятственно выступить изъ лагеря.

Легко представить себѣ радость Русскихъ, когда они узнали о заключеніи мира; радость была тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше было надежды на такой исходъ. „Если бы," говоритъ одинъ изъ служившихъ въ русскомъ войскѣ иностранцевъ: „если бы поутру 12 числа кто-нибудь сказалъ, что миръ будетъ заключенъ на такихъ условіяхъ, то всѣ сочли бы его сумасшедшимъ. Когда отправился трубачъ къ визирю съ первымъ предложеніемъ, то фельдмаршалъ Шереметевъ сказалъ намъ, что тотъ, кто присовѣтовалъ царскому величеству сдѣлать этотъ шагъ, долженъ считаться самымъ безмысленнымъ человѣкомъ въ цѣломъ свѣтѣ; но если великій визирь приметъ предложеніе, то онъ, фельдмаршалъ, отдастъ ему преимущество въ безмысліи" [6]).

У войска, у офицеровъ и генераловъ радостное чувство не могло очень уменьшится и послѣ, когда прошло первое впечатлѣніе. Но другое было съ царемъ. Придти съ тѣмъ, чтобъ своимъ появленіемъ поднять все христіанское народонаселеніе, прогнать Турокъ изъ Европы или, по крайней мѣрѣ, предписать имъ миръ:—вмѣсто того заключить позорный миръ, отказаться отъ Азовскаго моря, отъ южнаго флота, который стоилъ такихъ трудовъ и издержекъ! Какъ освободиться отъ упрековъ, зачѣмъ

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія 1711 г.
[2]) Кабинетъ I, кн. № 30.
[3]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія 1711 г.
[4]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 354.
[5]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 355.
[6]) Mémoires du Comte de Lion I, 91.

небольшое войско заведено такъ далеко въ чужую сторону, безъ обезпеченія насчетъ продовольствія, по слухамъ, что народонаселеніе приметъ Русскихъ какъ освободителей? Зачѣмъ повторена была ошибка Карла XII, который, съ такими же надеждами на казаковъ, вошелъ въ Малороссію? И все это безславіе послѣ „преславной викторіи!“ Петръ привыкъ уже писать къ своимъ письма съ извѣстіями о побѣдахъ; а теперь о чемъ онъ долженъ извѣстить ихъ?

Говорятъ, что 10 іюля, когда не было надежды, что визирь согласится на миръ, когда предстояли или смерть или плѣнъ, Петръ отправилъ слѣдующее письмо Сенату: „Господа Сенатъ! Извѣщаю вамъ, что я со всѣмъ своимъ войскомъ безъ вины или погрѣшности нашей, но единственно только по полученнымъ ложнымъ извѣстіямъ, въ семь кратъ сильнѣйшею турецкою силою такъ окруженъ, что всѣ пути къ полученію провіанта пресѣчены, и что я, безъ особливыя Божія помощи, ничего инаго предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ турецкой плѣнъ. Если случится сіе послѣднее, то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію отъ насъ, было требуемо, покамѣсть я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники“.

Это письмо заподозрѣвается. Оно не сохранилось въ подлинникѣ; оно заключаетъ въ себѣ странность: Петръ велитъ Сенату выбрать достойнѣйшаго ему наслѣдника, тогда какъ былъ законный наслѣдникъ—царевичъ Алексѣй Петровичъ, у котораго съ отцомъ не было еще, повидимому, никакихъ непріятностей.—Но, несмотря на сильныя, повидимому, возраженія противъ достовѣрности письма, мы не считаемъ себя въ правѣ рѣшительно отвергать эту достовѣрность. Здѣсь главные вопросы: могло ли письмо по своему языку и слогу принадлежать Петру? Могло ли оно принадлежать ему по его взгляду на свои отношенія къ государству и собственному семейству? Могли ли быть побужденія сочинить подобный актъ? Могли ли быть побужденія уничтожить его въ подлинникѣ? На первые два вопроса всякій, знакомый съ языкомъ и слогомъ писемъ Петра и съ его взглядами, можетъ отвѣтить утвердительно: для Петра на первомъ планѣ было его дѣло,—дѣло преобразованія; все другое—на второмъ планѣ. Для сочиненія подобнаго акта мы не найдемъ побужденій; сочинена была духовная Екатерины І-й Бассевичемъ, духовная Петра II-го Долгорукими [1]): вездѣ побужденія открыты и ясны; но кто и для чего сочинилъ бы приведенное письмо отъ Прута? При послѣдующей смѣнѣ линій Царствующаго Дома, при сверженіи правителей никогда не раздавался голосъ о возможности выбрать кого-нибудь на престолъ не изъ особъ Царствующаго Дома и не по отношенію къ этимъ особамъ; но при отсутствіи закона о порядкѣ престолонаслѣдія, т.-е. до самаго конца XVIII вѣка, были побужденія скрыть, уничтожить подлинный актъ, уполномочивавшій Сенатъ выбрать царя мимо царевича, выбрать достойнѣйшаго, особенно когда этотъ актъ исходилъ отъ Петра Великаго, къ памяти котораго питали такое благоговѣніе. Ничье право не утверждалось на этомъ актѣ, слѣдовательно некому было его выдумывать; но могли опасаться, чтобъ актъ не послужилъ опорою для какого-нибудь притязанія, слѣд. имѣли побужденіе уничтожить его. Не нужно, впрочемъ, и настаивать много на побужденія, могшія заставить уничтожить подлинное письмо: при тогдашней невнимательности къ сохраненію актовъ письмо отъ Прута могло легче другихъ затеряться, ибо, какъ чрезвычайно любопытное, возбуждало вниманіе, переходило изъ рукъ въ руки, тогда какъ бумаги, не возбуждавшія любопытства, не трогались и сохранились. Развѣ всѣ письма Петра дошли до насъ въ подлинникахъ? Что же касается до отношеній Петра къ сыну, то въ 1710 году уже было извѣстно даже въ Германіи, что царевичъ окруженъ людьми, возбуждающими въ немъ ненависть ко всѣмъ новизнамъ [2]): неужели не зналъ этого отецъ? Петръ могъ думать, что съ теченіемъ времени, особенно вслѣдствіе брака на иностранной принцессѣ, молодой человѣкъ измѣнитъ свои взгляды; но 10 іюля 1711 г., когда дѣло шло о восшествіи на престолъ Алексѣя, такимъ, какимъ онъ былъ тогда, могъ ли Петръ считать его достойнѣшимъ, способнѣйшимъ поддержать величіе Россіи и дѣло преобразованія въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ? Нѣтъ сомнѣнія, что если бы несчастіе случилось, то царевичъ Алексѣй былъ бы провозглашенъ царемъ. Петръ не могъ въ этомъ сомнѣваться; но въ такую страшную минуту, по своему взгляду на отношенія свои къ родной странѣ, онъ могъ желать очистить свою совѣсть, уполномочивая Сенатъ выбрать достойнѣйшаго.

Адмирала Апраксина Петръ долженъ былъ увѣдомить перваго о заключеніи мира, потому что Апраксинъ долженъ былъ исполнять тяжелыя его условія—разорить и сдавать Туркамъ Азовъ и Таганрогъ. „Хотя я николи-бъ хотѣлъ“, писалъ Петръ, „къ вамъ писать о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь, однакожъ понеже такъ воля Божія благоволила и грѣхи христіанскіе не допустили. Ибо мы въ 8 день сего мѣсяца съ Турками сошлись, и съ самаго того дни даже до 10 числа полуденъ, въ превеликомъ огнѣ не точію дни, но и ночи были, и правда, никогда какъ и началъ служить, въ такой дисператіи не были (понеже не имѣли конницы и провіанту), однакожъ Господь

---

[1]) См. ст. С. С. Соловьева: «Птенцы Петра В.» (Разсказъ изъ Рус. Исторіи XVIII вѣка, въ Русскомъ Вѣстникѣ).

[2]) См. слѣдующій XVII томъ Исторіи Россіи, въ разсказѣ о судьбѣ царевича Алексѣя.

Богъ такъ нашихъ людей ободрилъ, что хотя непріятели вяще 100,000 числомъ насъ превосходили, но однакожъ всегда отбиты были, такъ что принуждены сами закопаться и апрошами яко фортецію наши единыя только рогатки добывать, и потомъ, когда онымъ зѣло надокучилъ нашъ трактаментъ, а намъ вышереченной, то въ вышереченной день учинено штильштандъ и потомъ сгодились и на совершенный миръ, на которомъ положено всѣ города, у Турковъ взятые, имъ отдать, а новопостроенные разорить; и тако тотъ смертный пиръ симъ кончился. Сіе дѣло есть хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено, однакожъ чаю симъ лишеніемъ другой сторонѣ великое укрѣпленіе, которая несравнительною прибылью намъ есть".

Чрезъ нѣсколько времени, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ Петръ извѣстилъ Сенатъ и приближенныхъ къ себѣ людей о Прутскихъ событіяхъ [1]). Сохранился отвѣтъ Меншикова изъ Петербурга: „Съ радостными слезами Всевышнему Богу благодареніе воздали за такое Его Божеское милосердіе, еже вашу милость въ томъ бывшемъ случаѣ сохранить и сію войну (которая ко утвержденію мѣста сего не безъ повреждёнія-бъ была, ежели-бъ продолжилась) въ такой скорости окончить изволилъ; что же о лишеніи мѣстъ, къ которымъ многой трудъ и убытки положены, и въ томъ да будетъ воля оныя мѣста намъ давшаго и паки тѣхъ мѣстъ насъ лишившаго Спасителя нашего, Который, надѣюсь, что по своей къ намъ милости, либо паки оныя по времени вамъ возвратить, а особливо оный убытокъ сугубо наградить изволитъ укрѣпленіемъ сего мѣста, которое правда воистинно несравнительно прибылью намъ есть. Нынѣ же молимъ того же Всемогущаго Бога, дабы сподобилъ насъ вашу милость здѣсь вскорѣ видѣть, чтобъ мимошедшія столь прежестокія горести видѣніемъ сего парадиза вскорѣ въ сладость претворитись могли" [2]).

14 іюля русское войско выступило изъ несчастнаго прутскаго лагеря и поспѣшно направило путь къ Днѣстру. Для Петра продолжались безсонныя ночи. Главная забота его теперь состояла томъ: чтобъ „симъ лишеніемъ другой сторонѣ было великое укрѣпленіе"; чтобъ обратить всѣ свои силы и силы союзниковъ противъ Швеціи и принудить ее поскорѣе къ заключенію выгоднаго для Россіи мира. Но для этой цѣли ему необходимо было дѣйствовать заодно съ королемъ Августомъ и проводить свои войска чрезъ польскія владѣнія; а во второй статьѣ Прутскаго договора говорилось, чтобъ царю въ польскія дѣла не вмѣшиваться; Петръ боялся интригъ Карла XII, который опять могъ поднять Порту на Россію; боялся, что Турки возьмутъ уступленныя имъ мѣста, а Шведскаго короля не вышлютъ и, по его наущенію, опять начнутъ войну. Чтобъ не быть обманутымъ, царь писалъ Апраксину не отдавать Азова Туркамъ прежде, чѣмъ получитъ отъ Шафирова извѣстіе, что султанъ подтвердилъ Прутскій договоръ и Карлъ XII высланъ изъ турецкихъ владѣній. Въ томъ же смыслѣ Головкинъ писалъ къ Шафирову [3]). Положеніе подканцлера было очень затруднительно. Визирь говорилъ ему, чтобъ царь помирился съ Шведскимъ королемъ: „Жаль мнѣ его", говорилъ визирь, „что лѣтъ съ десять уже своимъ безуміемъ отъ своего государства отлученъ".— „Самъ виноватъ", отвѣчалъ Шафировъ. Визирь не переставалъ просить его, чтобъ началъ переговоры съ Шведскимъ королемъ; Шафировъ отвѣчалъ, что не имѣетъ указа и полномочія; визирь настаивалъ, чтобъ послать за указомъ къ царю; Шафировъ обѣщалъ писать, но замѣтилъ, что съ царемъ въ союзѣ противъ Шведовъ король Датскій, безъ согласія котораго мириться нельзя [4]). На письмо свое къ царю объ этихъ переговорахъ съ визиремъ Шафировъ получилъ отвѣтъ отъ Головкина: „Царское величество повелѣлъ мнѣ къ вамъ отвѣтствовать: во-первыхъ, о вольномъ проѣздѣ короля Шведскаго чрезъ его цар. в-ства Земли его величество соизволяетъ противъ того, какъ вы о томъ визирю объявили, и сверхъ того изволяетъ для проѣзду его королевской персоны и сущихъ при немъ Шведовъ дать по 500 подводъ. Писали вы о предложеніи визирскомъ, дабы между его цар. в-ствомъ и королемъ Шведскимъ учинить миръ, и для того-бъ прислать къ вамъ полную мочь; и ваша милость можете о томъ визирю объявить (ежели паки упоминаться о семъ будетъ), что его цар. в-ство, какъ прежде, такъ и нынѣ отъ благополучнаго мира не отрицается и всегда оный учинить готовъ, токмо того его в-ству учинить невозможно, не сообща о томъ союзникамъ своимъ; а ежели онъ, король Шведскій, совершенно съ ихъ царскимъ и королевскими величествы миру желаетъ, то-бъ назначилъ мѣсто и выслалъ своего полномочнаго министра для трактованія того мира, куды его цар. в-ство и его союзники своихъ вышлютъ, въ чемъ его цар. в-ство всякое удовольствованіе показать обѣщаетъ. Что же принадлежитъ о походѣ его цар. в-ства съ войски, и ваша милость изволите объявить, что его в-ство, высокою своею особою, токмо съ полками гвардіи своей изволитъ идти прямо на Ригу, не мѣшкавъ нигдѣ, кромѣ обыкновенныхъ ночлеговъ, а господинъ генералъ-фельдмаршалъ, со всѣмъ главнымъ войскомъ, переправившись Прутъ, гдѣ удобнѣе, пойдетъ прямымъ путемъ къ Кіеву; а чтобъ Польши не занимать,—и того учинить весьма невозможно, понеже оная лежитъ почитай до Очакова и обойтить никуды ея не мочно, только захватится самый малый Польши край, яко Немировъ, Браславль и протч., а идучи Польшею, нигдѣ мѣшкать не будутъ, въ чемъ изволте визиря обнадежить" [5]).

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2399.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 13.
[3]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 364, 368, 370.
[4]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія 1711 г.
[5]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 357.

Между тѣмъ Татары обнаружили враждебныя дѣйствія; царь далъ знать объ этомъ Шафирову, тотъ—визирю, и немедленно сдѣлано было распоряженіе—унимать самовольныхъ, казнить смертію. Шафировъ доносилъ Петру 13 іюля: „О Шведскомъ королѣ сегодня не поминали ничего, и я чаю, что на него плюнули; зѣло Турки съ нами ласково обходятся и знатно сей миръ имъ угоденъ". Петръ писалъ Шафирову, чтобъ вытребовать и отъ Турокъ обязательство не вмѣшиваться въ польскія дѣла. „Буду стараться", отвѣчалъ Шафировъ, „сколько невольничье мое состояніе позволитъ, ибо мы не столько въ министерскомъ лицѣ, какъ въ аманатахъ здѣсь оставлены, дабы договоръ исполненъ былъ съ вашей стороны. Я представлялъ визирю, какая будетъ польза и Россіи, и Турціи, если дать Шведамъ волю именемъ Лещинскаго владѣть Польшею. Визирь мнѣ на это отвѣчалъ съ сердцемъ: „Вамъ о себѣ надобно говорить и обѣщать не мѣшаться въ польскія дѣла, а до другихъ какое вамъ дѣло?" Видя себя аманатомъ въ турецкихъ рукахъ; боясь, что дорого можетъ поплатиться въ случаѣ нарушенія трактата царемъ, Шафировъ писалъ Петру: „Слыша о пути вашемъ чрезъ Каменецъ прямо Польшею къ Ригѣ, опасаюсь отсюда разныхъ противностей,—отъ Турокъ нареканія, что вступили въ Польшу вопреки трактату; потомъ отъ Поляковъ великаго озлобленія,—потому что имъ не безъ тягостей будетъ отъ этого похода; а Поляковъ, кажется, теперь надобно было бы приластить; да и неудобно такое долгое путешествіе; по своей Землѣ гораздо скорѣе можно было бы доѣхать къ Ригѣ на разставныхъ подводахъ. Гораздо лучше бы отъ Каменца идти прямо на Кіевъ: это было бы не такъ продолжительно, не такъ Туркамъ противно и Полякамъ озлобительно. Еще на память приходитъ, что главный вашъ интересъ состоитъ въ томъ, чтобъ усилить Датскаго какъ на морѣ, такъ и на сухомъ пути, и для того изрядно занять милліонъ-другой у того жида, который обѣщалъ дать денегъ князю Василью Долгорукому, и на тѣ деньги прикупить кораблей, а войско какъ-нибудь къ нимъ переслать, чтобъ, по совѣту Анфендейля, могли въ сердце Шведской Земли вступить и тамъ принудить Шведовъ къ миру, ибо нынѣ, имѣя съ одной стороны свободныя руки, не надобно ничего жалѣть, чтобъ принудить Шведа къ миру, пока калигаты (союзники—императоръ, Англія и Голландія) мира не заключатъ съ Франціею". Головкину Шафировъ передалъ разсказъ Грека, бывшаго переводчикомъ между Карломъ XII и визиремъ во время ихъ свиданія послѣ 12 іюля: король говорилъ съ сердцемъ визирю, для чего онъ безъ его совѣта и согласія помирился съ царемъ; могъ бы все получить, чего хотѣлъ, и самого царя, имѣя все въ рукахъ; и султанъ безъ его королевскаго совѣта ничего не дѣлалъ, а онъ, визирь, его въ совѣтъ къ себѣ не призвалъ. Визирь отвѣчалъ: „Я поступилъ по закону; законъ нашъ запрещаетъ отказывать тѣмъ, кто проситъ мира". Ханъ говорилъ то же самое и не хотѣлъ глядѣть на короля, и пересмѣхалъ его съ визиремъ, потому что поссорился съ королемъ въ Бендерахъ.—Ночью съ 15 на 16 іюля привезли въ обозъ деньги, обѣщанныя Шафировымъ визирю и другимъ начальнымъ людямъ; но визирь ихъ не принялъ, опасаясь хана, который эту ночь ночевалъ у него въ обозѣ [1]).

Деньги не достались визирю со товарищами: на первый разъ онъ побоялся принять ихъ при ханѣ, а потомъ боялся принять вслѣдствіе подозрѣній, возбужденныхъ въ Константинополѣ Карломъ XII, на котораго визирь сердился все болѣе и болѣе. 20 іюля Шафировъ видѣлся съ визиремъ и представлялъ ему о необходимости отпустить немедленно Шведскаго короля. Визирь отвѣчалъ: „Я бы желалъ, чтобъ его чортъ взялъ, потому что вижу теперь, что онъ только именемъ король, а ума въ немъ ничего нѣтъ и какъ самый скотъ; буду стараться, чтобъ его куда-нибудь отпустить безсорно" [2]). Но старанія эти не увѣнчались успѣхомъ. Петръ не хотѣлъ исполнять Прутскаго договора, пока Шведскій король не выѣдетъ изъ турецкихъ владѣній. 3 августа онъ писалъ Апраксину: „Азова не отдавайте и Таганрога не разоряйте, пока я отпишу, ибо Турки нынѣ хотятъ, чтобъ короля Шведскаго проводить чрезъ Польшу въ пятитысячномъ числѣ Турковъ и такимъ же числомъ Татаръ; а ежели не захотятъ чрезъ Польшу, то проведутъ его въ Царьградъ. Хотя и не чаемъ, чтобъ Турки паки зачали войну, получа такъ прибыточный себѣ миръ, однако же мню, что такъ они хотятъ учинить, дабы въ Польшѣ король Шведскій паки возмутилъ и остался въ войнѣ съ нами, а они въ покоѣ безопасномъ. Мы, такъ разсуждая сіе, для того войскъ нашихъ изъ Польши не выведемъ по договору, пока подлинно пріѣдетъ король Шведскій къ себѣ. И для того, ежель пойдетъ на Царьградъ, а Шафировъ будетъ писать, что онъ и оттоль отпущенъ, то исполняй по его письму; будеже инымъ путемъ, а именно чрезъ Польшу или Нѣмецкую Землю, то хотя и онъ будетъ писать, то, не списався со мною, не совершай отдачею Азова" [3]). Шафировъ, по царскому приказу, объявилъ визирю, что Азовъ не будетъ отданъ и крѣпости не будутъ срыты до тѣхъ поръ, пока Шведскій король не выѣдетъ изъ турецкихъ владѣній. Визирь возражалъ, что пунктъ объ отдачѣ и срытіи городовъ не имѣетъ ничего общаго съ пунктомъ объ отъѣздѣ Карла XII; что о связи между этими двумя пунктами нѣтъ ничего въ договорѣ. Петръ оставался при своемъ. 17 августа Шафировъ писалъ государю: „Непрестанныя острыя и угрожающія слова и поступки турскіе, опасность отъ разорванія мира,—приводятъ меня до самой, почитай, десперацін, и будучи въ такихъ рукахъ; и ежели придетъ до того, что постражду отъ нихъ, прошу милостиво при-

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія 1711 г.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 14.
[3]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 402.

зрить на бѣдныхъ моихъ сирыхъ, оставшихся мать, жену и дѣтей".

Но визирь былъ не въ меньшей десперацiи; тайкомъ чрезъ своего кегаю и секретаря присовѣтовалъ онъ Шафирову объявить торжественно при ханѣ и начальныхъ турецкихъ людяхъ, будто Русскіе перехватили письма Карла XII къ казакамъ, гдѣ король пишетъ, что надѣется и этотъ миръ разрушить, какъ прежній, и нынѣшняго визиря свергнуть, какъ свергнулъ Али-пашу; а между тѣмъ явно кричалъ съ яростію Шефирову, чтобъ первый пунктъ договора былъ исполненъ немедленно, иначе миръ разорванъ, и съ нимъ, Шафировымъ, и товарищемъ его, Шереметевымъ, будетъ поступлено какъ съ обманщиками, а янычарскій ага грозилъ, что янычары изсѣкутъ ихъ въ куски. Шафировъ предложилъ три мѣсяца сроку для исполненія перваго пункта; Турки не согласились; предложилъ два мѣсяца съ половиною,—Турки не согласились и на это, и потомъ визирь прислалъ уговаривать Шафирова и Шереметева, чтобъ не губили себя, уменьшили срокъ до двухъ мѣсяцевъ, обнадеживая, съ клятвою, что, какъ скоро первая статья будетъ исполнена, самъ онъ, визирь, пойдетъ въ Бендеры и вышлетъ Карла XII силою; что у него уже есть объ этомъ указъ султанскій. Шафировъ и Шереметевъ рѣшились дать письменное обѣщаніе насчетъ двумѣсячнаго срока, послѣ чего Шафировъ писалъ Головкину съ Артеміемъ Волынскимъ (19 августа): „Если наше обязательство не будетъ исполнено, то мы безвозвратно пропадемъ и миръ разорвется; а надобно разсудить, что̀ и послѣ нашей погибели будетъ. Турки уже теперь ободрились и такъ пеняютъ на визиря, что до бою не допустилъ, и могутъ они собрать войска вдвое передъ нынѣшнимъ; а на кого у насъ надежда была (на Славянъ), тѣ не посмѣютъ ворохнуться отъ страха; и теперь всѣ злы на насъ и клянутъ, гдѣ увидятъ, ибо многимъ гибель приключилась; о Полякахъ сами знаете, чего въ такомъ случаѣ отъ нихъ ожидать. Напомни его величеству данное мнѣ милостивое обѣщаніе при отпускѣ моемъ сюда (это было при тебѣ); еслибъ я погибъ тогда для избавленія, то не такъ бы чувствительно было, а теперь не знаю, за что намъ пропадать. О господинѣ Волынскомъ прошу предстательствовать, чтобъ его перемѣнить чиномъ и наградить жалованьемъ, потому что изрядный человѣкъ и терпитъ одинакой съ нами страхъ, и прислать его опять ко мнѣ". Петръ не одобрилъ поступка Шафирова насчетъ двухмѣсячнаго обязательства: „Зѣло удивляемся", писалъ онъ ему, „что вы такое письмо дали Туркамъ,—нельзя въ такое короткое время и такимъ малолюдствомъ исправить въ Азовѣ и Таганрогѣ, вы этимъ себя только пуще связали; не бойтесь, чтобъ васъ стали мучить, или убили; если и вздурятся, то запрутъ васъ только, какъ Толстого заперли. Они на насъ спрашиваютъ сверхъ человѣческой силы, а сами одного человѣка, короля Шведскаго, выслать не могутъ: если не вѣрятъ—пусть пошлютъ кого-нибудь освидѣтельствовать, что исполняемъ по возможности, очищаемъ и разоряемъ города" [1]).

Чего стоило Петру это очищеніе и разореніе,—видно изъ письма его къ адмиралу Апраксину, отъ 19 сентября: „Письмо твое я получилъ, на которое отвѣтствую, что съ слезами прошеніе ваше видѣлъ, о чемъ прежде и больше вашего плакалъ; но буди воля Божія въ томъ, ибо мы въ сей войнѣ зѣло правы, и мню, что праведный Богъ можетъ быть къ лучшему сдѣлалъ для зависти у нѣкоторыхъ, которые впредь кланяться будутъ, чему есть уже видъ; такожь и то разсудить надлежитъ, что съ двумя непріятелями такими не весьма-ль отчаянно войну весть и упустить сію Шведскую войну, которой конецъ въ надѣяніи Божіи уже близокъ является, ибо и Померанія такожь какъ и Ливонія слѣдуетъ: сохрани Боже, ежелибъ, въ обоихъ войнахъ пребывая, дождались французской миръ, тобъ вездѣ потеряли; правда, зѣло скорбно, но лучше изъ двухъ золъ легчайшее выбрать, ибо можешь разсудить, которую войну труднѣе скончать. Итого ради (*какъ не своею рукою пишу*) нужда Турокъ удовольствовать... Пока не услышишь о выходѣ короля Шведскаго и къ намъ не опишешься, Азова не отдавай, но немедленно пиши, къ которому времени можешь исправиться, а испражненіи весьма надобно учинить какъ возможно скоро изъ обѣихъ крѣпостей. Таганрогъ разорить какъ возможно низко, однако-жь не портя фундамента, ибо можетъ Богъ по времяни инаково учинить, что разумному досыть" [2]). Въ другомъ письмѣ къ тому же Петръ писалъ: „Мѣсто, гдѣ хотите, изберите для поклажи вывозной, ибо нынѣ каково мнѣ къ вамъ о семъ дѣлѣ писать, самъ разсудишь, ибо ежелибъ не было отрады съ другой стороны, тобъ Богъ знаетъ чтобъ было, которое (т. е. Шведская война) съ помощію Божіею зѣло изрядно идетъ и ко окончанію есть добрая надежда, что дай Боже; а когда здѣсь скончится надежда въ Бозѣ, паки оной ущербъ исправится, къ чему уже и теперь со стороны заговариваютъ. Зѣло надобно не точію абрисы Азова, но и профили валамъ, рвамъ и горамъ, такожь и вышину отъ воды вамъ съ собою взять гораздо аккуратно" [3]).

Извѣстіе, что русскія войска остановились въ Польшѣ, еще болѣе затруднило дѣло и увеличило десперацію Шафирова. Петръ писалъ ему по этому случаю: „Рену указъ данъ, чтобъ перебрался подъ Жванцами, что онъ и сдѣлалъ; войскъ нашихъ у Каменца не бывало и нынѣ нѣтъ; черезъ Польшу, кромѣ нашего полка для моего конвоя, не хаживали и не пойдутъ; въ томъ будьте весьма надежны, развѣ зимою, и то черезъ Пруссію отъ Риги въ Померанію къ будущей кампаніи. Войско наше стоитъ отъ Корца до Дубны, и приказано фельдмаршалу, что если король Шведскій пойдетъ не черезъ Польшу, то ему тотчасъ выступать въ

[1]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 425.
[2]) Кабинетъ I, кн. № 30.
[3]) Кабинетъ I, кн. № 30.

Кіевъ, а если чрезъ Польшу—то стоять, пока пройдетъ; а отрядъ послать бокомъ чрезъ Литву, чтобъ, идучи, смотрѣлъ на Шведовы поступки. Лучшіе Поляки всѣ очень меня просили, чтобъ войскъ отъ нихъ не выводить, пока пройдетъ Шведъ; однако это я полагаю на ваше разсужденіе: если Турки не отпустятъ Шведскаго короля потому только, что войска наши стоятъ въ польскихъ мѣстахъ, то пишите фельдмаршалу, чтобъ онъ приказалъ войску выйти, оставя у себя не большое 7,000. А ничего въ Польшѣ не оставить очень опасно, ибо Поляки (хотя я ихъ весьма обнадежилъ) сильно сомнѣваются, и говорятъ, что мы ихъ покинемъ, и не въ примѣръ стали ласковы, чѣмъ прежде были въ Ярославлѣ. Но и относительно семитысячнаго отряда—быть ли ему въ Польшѣ или нѣтъ,—рѣшайте, какъ заблагорасудите по тамошнимъ дѣламъ, и сноситесь съ фельдмаршаломъ. Что же касается Азова и Таганрога, то я уже много разъ писалъ, что пока Шведъ у нихъ, исполненія не будетъ" [1].

Но и Турки стояли на своемъ. Двумѣсячный срокъ, которымъ обязались Шафировъ и Шереметевъ, исходилъ; въ концѣ октября визирь прислалъ объявить имъ, что получилъ султанскій указъ— остановиться въ Адріанополѣ и нейти въ Царьградъ прежде полученія вѣдомости объ отдачѣ Азова, и потому чтобъ снова слали гонца къ адмиралу Апраксину съ требованіемъ отдачи этой крѣпости, въ противномъ случаѣ объявлена будетъ война и ихъ, аманатовъ, погубятъ. При этомъ визирь велѣлъ объявить о полученіи другого султанскаго указа, что до отдачи Азова король Шведскій не будетъ высланъ изъ областей Турецкихъ.

8 ноября пришелъ въ Адріанополь султанскій указъ о смѣнѣ великаго визиря и о назначеніи на его мѣсто янычарскаго аги, бывшаго при Прутѣ, Юсуфъ-паши. Новый великій визирь призвалъ къ себѣ Шафирова и Шереметева и объявилъ имъ султанскимъ именемъ, чтобъ они не сомнѣвались насчетъ смѣны визиря: миръ будетъ сохраненъ со стороны Порты, если со стороны царской будутъ выполнены всѣ условія, и что они должны вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Константинополь. 20 ноября Шафировъ и Шереметевъ пріѣхали въ этотъ городъ, а черезъ пять дней пріѣхали посланные въ Азовъ и объявили, что Апраксинъ не отдаетъ города до полученія о выѣздѣ Шведскаго короля изъ турецкихъ владѣній. Въ концѣ декабря Шафирову и Шереметеву было объявлено: такъ какъ миръ нарушенъ съ русской стороны неотдачею Азова, вступленіемъ царскихъ войскъ въ Польшу и неуступкою Малороссійскихъ казаковъ (ибо въ договорѣ сказано: казаковъ не обезпокоивать и не вступаться въ нихъ), то объявлена война противъ царя, и самъ султанъ пойдетъ въ походъ весною; впрочемъ миръ можетъ быть сохраненъ, если царь согласится на слѣдующія четыре статьи: всѣмъ русскимъ войскамъ немедленно выступить изъ Польши и впредь въ нее никогда не вступать, хотя бы и Шведъ вступилъ, и ни союзу, ни корреспонденціи съ Польшею не имѣть; короля Шведскаго Турки отпустятъ—когда и какимъ путемъ сами захотятъ, а для свободнаго его проѣзда царь долженъ заключить съ нимъ перемиріе на три года; отъ Украйны всей царь долженъ отступиться и отдать ее въ протекцію Портѣ; Азовъ отдать и Таганрогъ разорить немедленно.—Шафировъ, чрезъ посредство англійскаго и голландскаго пословъ, возражалъ, что эти статьи никогда не могутъ быть приняты; если относительно всей Украйны Турки ссылаются на пунктъ о казакахъ, то спрашивается, для чего же въ другомъ пунктѣ говорится объ уничтоженіи крѣпостей Каменнаго Затона и Новобогородицкой? Еслибъ вся Украйна, по трактату, отходила къ Турціи, то и эти крѣпости необходимо отходили бы къ ней же въ цѣлости. Турки ничего не хотѣли слушать. „Не видимъ, почитай, надежды", писалъ Шафировъ Петру, „и чаемъ себѣ вкратцѣ зѣло злаго трактаменту, и надлежитъ для того вашему величеству конечно съ поспѣшеніемъ готовиться всѣми силами къ войнѣ".

Наступилъ 1712 годъ. 1-го января Шафировъ долженъ былъ писать царю прежнія печальныя вѣсти: трое ближнихъ султановыхъ людей были съ нимъ въ конференціи и объявили прямо: такъ какъ прежній миръ нарушенъ съ русской стороны неотдачею Азова, вступленіемъ въ Польшу и неуступкою всѣхъ Малороссійскихъ казаковъ, по договору обѣщанныхъ, то объявляется война Россіи; впрочемъ война можетъ быть остановлена уступкою всего Малороссійскаго края Турціи, выходомъ изъ Польши и обязательствомъ никогда въ нее не вступать, хотя бы и король Шведскій вступилъ въ нее. Ближніе люди объявили, что Карла XII вышлютъ изъ Турціи, но не опредѣлили времени, когда это будетъ, не опредѣлили и пути, по которому онъ пойдетъ. „Хотя мы", доносилъ Шафировъ, „и доказывали имъ несообразность этихъ требованій чрезъ пословъ англійскаго и голландскаго, безъ которыхъ Турки не хотятъ съ нами говорить, однако не видимъ надежды и чаемъ себѣ вкратцѣ зѣло злаго трактаменту; поэтому надлежитъ вашему величеству конечно съ поспѣшеніемъ готовиться всѣми силами къ войнѣ и войска всѣ совокуплять, ибо султанъ самъ идетъ въ походъ весною; конечно не извольте въ томъ поступать слабо. Англійскій и голландскій послы, повидимому, трудятся въ семъ дѣлѣ усердно, и о примиреніи съ Шведомъ ничего намъ не упоминаютъ, ни о выступленіи изъ Помераніи; и хотя я знаю, что вашему величеству сіе противно будетъ, что мы ихъ до сего дѣла допустили, но—буди воля вашего величества—Турки не хотѣли съ нами ни о чемъ болѣе говорить, и ничему вѣрить безъ медіаторовъ не хотятъ, а Французъ денно и нощно старается за Шведа, и для того мы принуждены просить Англичанина и Голландца, не какъ настоящихъ

[1]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 422.

медіаторовъ, но только какъ добрыхъ пріятелей, и если ваше величество заблагоразсудите, то извольте просить и правительства ихъ о формальной медіаціи, ибо я чаю, что они, наперекоръ (на перекосердье) съ Французомъ будутъ стараться въ семъ примиреніи. Хотя визирь, другіе министры и народъ склонны къ миру, но султанъ весьма надутъ отъ хана чрезъ подущеніе Шведовъ и Поляковъ и бунтовщиковъ казаковъ. Ханъ ему внушилъ, что теперь самое удобное время вести съ вами войну, когда войска ваши въ розни противъ Шведа; а когда Шведа повоюете, тогда всѣ ваши войска будутъ вмѣстѣ, и можете легко, и отдавши Азовъ, опять въ короткое время назадъ его взять, если Украйна въ вашихъ рукахъ и Поляки въ вашей же волѣ, за принужденіемъ войскъ вашихъ, будутъ. Турки проговорились англійскому послу, что имъ не такъ важна отдача Азова, какъ то, чтобъ ваше царское величество отнюдь до Польши дѣла не имѣлъ и съ войскомъ въ нее вступать не могъ, ибо если они дадутъ въ этомъ волю вашему величеству, то вы легко повоюете Шведа въ-конецъ и потомъ не только Азовъ отобрать, но чрезъ Польшу опять внутрь ихъ государства вступить можете. И потому нужно вамъ хотя оборонительно собраться, дабы они не могли себѣ никакого выигрыша получить, ибо когда Турки увидятъ, что не легко могутъ Украйну завоевать и Азовъ получить, то соскучатся; а теперь они обнадежины ханомъ, непріятелями нашими и бунтовщиками, будто легко могутъ все получить, и Украйна забунтуетъ и поддастся имъ, и для того нужно крѣпкую имѣть осторожность и войска имѣть достаточно въ Украйнѣ, также Калмыковъ и другихъ нерегулярныхъ затянуть на Татаръ" [4]).

Въ февралѣ дѣла перемѣнились: въ Константинополѣ получено было извѣстіе, что Азовъ отданъ и Таганрогъ срываютъ. Петръ, видя упорство султана и опасаясь вторичнаго отвлеченія своихъ силъ съ сѣвера на югъ вслѣдствіе новой войны Турецкой, рѣшился выполнить первую статью Прутскаго договора, и не дожидаясь высылки Карла XII изъ Турціи. 6 ноября 1711 года онъ написалъ Апраксину, что, для избѣжанія войны, надобно отдать Азовъ и срыть Таганрогъ: „Ибо въ послѣднихъ письмахъ отъ Шафирова зѣло злобны являются Турки для неотдачи Азова" [2]). Въ тотъ же день Петръ написалъ Шафирову: „По совѣту вашему я писалъ къ султану, что оное учинится конечно (отдача Азова и срытіе Таганрога), лишь бы высланъ былъ Шведъ, и для того посланы двѣ грамоты, обѣ равно писанныя: въ одной написано, что Азовъ отдать на срокъ, лишь бы Шведъ въ то время высланъ былъ; въ другой,— ежели и тому не часть быть, то хотя-бъ письмомъ обязаться крѣпко, чтобъ по отдачѣ Азова тотчасъ высланъ былъ, и сіе даемъ на ваше разсужденіе, по тамошнему дѣлу смотря, которую лучше, тое и подашь: лучше бы первую, а по нуждѣ необходимой и другую употребить. Еще же, чтобъ все уже послѣднее сдѣлать и не допустить до войны, то и сіе предлагаемъ, что хотя, паче чаянія, Турки и письмомъ не обяжутся, то ежели отъ васъ въ семъ или декабрѣ мѣсяцѣ писемъ не получимъ, то въ первыхъ числахъ января и такъ Азовъ отданъ и Таганрогъ разоренъ будетъ; въ томъ будьте конечно надежны и при послѣднемъ случаѣ (чего не дай Боже!) Туркамъ объявите" [3]). Шафировъ доносилъ: „Если Богъ сіе мирное дѣло благополучно совершитъ, то послы англійскій и голландскій достойны великой вашей милости и благодарности, также и правительства ихъ поблагодарить надобно: истинно, государь, можемъ засвидѣтельствовать, что они до сихъ поръ съ такою ревностію и радѣніемъ, какъ о своемъ сущемъ дѣлѣ, стараются. Можно признать по нынѣшнимъ турскимъ поступкамъ, что если бы Азовъ при прежнемъ визирѣ отданъ былъ, пока еще Турки не озлобились и ханъ съ прочими султану не надули многихъ бездѣлицъ, то бы все по желанію вашего величества окончилось и Шведскій король былъ бы высланъ, и излишнихъ запросовъ никакихъ не было,—потому что и теперь по отдачѣ Азова лучшіе люди сильно противятся начинанію войны, только султанъ ищетъ причинъ къ нарушенію мира. Но хотя бы и явилась надежда на миръ, то, имѣя въ виду ихъ непостоянные поступки и множество нашихъ недоброжелателей, никакъ нельзя отлагать воинскихъ приготовленій; попрежнему надобно соблюдать крайнюю осторожность въ Украйнѣ, чтобъ не забунтовала при вступленіи въ нее войскъ турецкихъ".

Муфтій, боясь султана, передъ нимъ толковалъ о необходимости войны, а между тѣмъ тайкомъ подучалъ законниковъ (улемовъ), чтобъ противились объявленію войны, ибо при ихъ сопротивленіи и муфтій не могъ дать своего благословенія; Шведы сулили ему 30,000 левковъ, но онъ имъ отвѣчалъ, что по закону не можетъ позволить нарушенія мира; опираться на законъ муфтію было тѣмъ легче, что и Шафировъ обѣщалъ ему ту же сумму. Шафирову удалось достать ноту французскаго посла, въ которой онъ побуждалъ султана къ войнѣ: кто до сихъ поръ имѣлъ дѣло съ царемъ, тотъ знаетъ, что на слова его никакъ нельзя полагаться, говорилось въ нотѣ; посланники голландскій и англійскій представляютъ плохую поруку, потому что правительства ихъ, по отдаленности своихъ владѣній отъ Россіи, не могутъ заставить царя исполнить данныя обѣщанія. По мнѣнію посла, султанъ долженъ былъ отправить съ Шведскимъ королемъ 30,000 турецкаго войска и 15,000 татарскаго; этого числа достаточно для предупрежденія обмановъ Русскихъ, для защиты Карла XII отъ короля Августа и его союзниковъ;—

[1]) Московскій Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія 1711 и 1712 годовъ.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 30.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 30.

Карлъ дойдетъ безопасно до своихъ границъ, Поляки признаютъ его освободителемъ, и не будутъ имъ страшны навѣты и мученія московскія.

Но союзники побѣдили Францію и въ Константинополѣ: 8 апрѣля Шафировъ далъ знать, что 5 апрѣля миръ возобновленъ по крайнему радѣнію и старанію посредствующихъ пословъ — англійскаго и Голландскаго, также Грека Луки Кирикова, болѣе котораго, по словамъ Шафирова, и природный рабъ не могъ служить царскому величеству. „Еслибъ не англійскій и голландскій послы“, доносилъ Шафировъ, „то намъ нельзя было бы имѣть ни съ кѣмъ корреспонденціи и къ вашему величеству писать, потому что никого ни къ намъ, ни отъ насъ не пускали, и конечно-бъ тогда война была начата и насъ посадили бы, по послѣдней мѣрѣ, въ жестокую тюрьму. Англійскій посолъ, человѣкъ искусный и умный, день и ночь трудился, и письмами и словами склонялъ Турокъ къ сохраненію мира, рѣзко говорилъ имъ, за что они на него сердились и лаяли; и природному вашего величества рабу больше нельзя было дѣлать; при окончаніи дѣла своею рукою писалъ трактатъ на италіанскомъ языкѣ начерно, и вымышлялъ всякимъ образомъ, какъ бы его сложить въ такой силѣ, чтобъ не былъ противенъ интересу вашего величества. Голландскій посолъ ѣздилъ нѣсколько разъ инкогнито къ визирю, уговаривалъ его наединѣ и склонялъ къ нашей пользѣ, потому что самъ умѣетъ говорить по-турецки. И хотя мы имъ учинили обѣщанное награжденіе, однако нужно было бы прислать и кавалеріи съ нарочитыми алмазами, также по доброму мѣху соболью; если кавалеріи не изволите прислать, то, по крайней мѣрѣ, хотя по персонѣ (портретъ) своей съ алмазами доброй цѣны“. Новый договоръ состоялъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: 1) Царское величество выведетъ свои войска, которыя въ Польшѣ по сю сторону, въ мѣсяцъ, считая со дня заключенія договора, а которыя на другой сторонѣ въ Польшѣ же,—тѣ выведетъ въ три мѣсяца, и впредь ни подъ какими предлогами не введетъ, но совершенно отниметъ руку свою отъ этой державы. Но если король Шведскій или войска его вступятъ въ Польшу и возбудятъ Поляковъ противъ царскаго величества, тогда и московскія войска могутъ вступить въ Польшу и дѣйствовать непріятельски. 2) Когда Порта захочетъ выслать Шведскаго короля въ его Землю, то вышлетъ, не опредѣляя времени и пути; если захочетъ послать его чрезъ Московское государство, то онъ и войска, которыя будутъ его сопровождать, не должны причинять никакого вреда Русскимъ, и обратно—Русскіе не должны вредить имъ. 3) На западной сторонѣ Днѣпра за Россіею остается только Кіевъ съ принадлежащими къ нему землями и мѣстами; отъ казаковъ же, живущихъ на западной сторонѣ, царское величество отнимаетъ свою руку и отъ полуострова Сѣчи. 4) Между Азовомъ и Черкаскомъ новыхъ крѣпостей не строить. 5) Миръ заключается на 25 лѣтъ.—За миръ было заплачено: визирю 30,000 червонныхъ венеціанскихъ (по 3 рубля 26—24 гривны); муфтію—10,000 червонныхъ; зятю султана, Али-пашѣ, —10,000; коммисару султанскому, бывшему въ конференціи,—4,000; рейсъ-ефенди—3,000, да мѣхъ соболій; верховному кадію—2,000; Маврокордату—500 червонныхъ и мѣхъ соболій; англійскому послу—6,000, голландскому—4,000; переводчикамъ и секретарямъ ихъ 1,000, всего съ разными мелкими расходами 84,900 червонныхъ, да 22,000 рублей денегъ.

Между тѣмъ Толстой все сидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ. 3 февраля 1712 года ему удалось отправить письмо къ Головкину: „Инаго не имѣю что доносить“, писалъ онъ, „токмо что попрежнему сижу въ тяжкомъ заключеніи, и что день прибавляютъ мнѣ Турки бѣдственнѣйшую тѣсноту. Ради Пресвятыя Троицы благоволи возымѣть о мнѣ бѣдномъ и заключенномъ милостивое попеченіе, чтобъ не умереть съ голоду, какъ и къ домишку моему, въ сиротствѣ сущему, благоволительно призри“. По заключеніи мирнаго договора съ Шафировымъ, Толстого освободили изъ едикула и дали дворъ въ Константинополѣ подлѣ двора, занимаемаго Шафировымъ и Шереметевымъ. Извѣщая Головкина о своемъ освобожденіи, Толстой писалъ ему: „Съ кровавыми слезами припадая мысленно къ ногамъ вашимъ, молю: буди милостивый предстатель всемилостивѣйшему нашему государю, чтобъ умилосердился надо мною и повелѣлъ бы меня изъ сего преисподняго тартара свободить по десятилѣтнемъ моемъ страданіи; аще бы дѣламъ государственнымъ мое здѣсь пребываніе полезно было, я бы не стужалъ и не просилъ милости о свободѣ; а нынѣ въ томъ наигоршая моя печаль, что уже я при семъ Дворѣ, какъ видится, дѣйствовать попрежнему не могу, понеже имѣютъ ко мнѣ Турки великое подозрѣніе, и хотя меня освободили изъ тюрьмы, обаче вельми презираютъ, ниже за министра меня почитаютъ, но живу безъ всякаго дѣла, и по договору, учиненному на рѣкѣ Прутѣ, велми того хотятъ, чтобъ я отсюда поѣхалъ. Нынѣ, возымѣвъ время, дерзновенно доношу мое страданіе и разореніе: когда Турки посадили меня въ заключеніе, тогда домъ мой конечно разграбили и вещи всѣ растащили, малое нѣчто ко мнѣ прислали въ тюрьму, и то все перепорченное, а меня, приведши въ семибашенную фортецію, посадили прежде подъ башню въ глубокую земляную темницу, зѣло мрачную и смрадную, изъ которой послѣднимъ, что имѣлъ, избавился, и былъ заключенъ въ одной малой избѣ семнадцать мѣсяцевъ, изъ того числа лежалъ боленъ отъ нестерпимаго страданія семь мѣсяцевъ, и не могъ упросить, чтобъ хотя однажды прислали ко мнѣ доктора посмотрѣть меня, но безъ всякаго призрѣнія былъ оставленъ, и что имѣлъ—и послѣднее все иждивилъ, покупая тайно лѣкарства чрезъ многія руки; къ тому же на всякъ день угрожали мученіемъ и пытками, спрашивая, кому министрамъ

ихъ и сколько давалъ денегъ за содержаніе покоя, и наипаче въ то время, когда король Шведскій былъ въ Украйнѣ и Мазепа измѣнилъ; и всѣ сіи смертные страхи терпѣлъ, доколѣ прежде бывшему визирю Али-пашѣ отсѣкли голову, тогда и меня о томъ спрашивать престали".

Государь велѣлъ немедленно освободить Толстого изъ преисподняго тартара; Головкинъ писалъ ему, что можетъ ѣхать въ Москву; но Турки не пустили его, велѣли дожидаться отъѣзда Шафирова и Шереметева, т. е. дожидаться, пока царь исполнитъ всѣ условія договора, и, главное, очиститъ Польшу отъ русскаго войска. „Если", писалъ Толстой въ сентябрѣ, „настоящее правительство перемѣнится, то можетъ случиться то же, что произошло послѣ смѣны визиря Али-паши, ибо ничто такъ Туркамъ не противно, какъ бытность русскихъ войскъ въ Польшѣ, и если узнаютъ, что нашихъ войскъ тамъ осталась хотя малая часть, то безъ сомнѣнія рано весною война опять начнется и самъ султанъ выступитъ въ походъ". Толстой сообщилъ вѣсти, полученныя имъ отъ пріятелей изъ султанскаго дворца: 16 сентября былъ султанъ у матери своей и съ сердцемъ говорилъ о враждебныхъ намѣреніяхъ царя, который не исполняетъ своего обѣщанія, не выводитъ войскъ изъ Польши: „Надѣюсь на Бога", говорилъ султанъ, „что уже впередъ онъ насъ не обманетъ; не взявъ отъ него всей казацкой Земли, мира съ ними не заключу". Мать возражала, что надобно разузнать прежде, вѣрны ли извѣстія, не затѣваютъ ли этого Шведы. Муфтій, по старой дружбѣ, далъ знать Толстому, чтобъ домогался себѣ отпуску, хотя бы и далъ что-нибудь визирю или кому другому, потому что дѣла опять запутываются: только дадутъ знать изъ Польши, что русскія войска еще тамъ, султанъ непремѣнно объявитъ войну. Посолъ французскій „публично изблевалъ ядъ злобы своей къ сторонѣ царскаго величества", говоря, что Франція и Англія безотложно намѣрены помогать интересу шведскому.

Между тѣмъ Шафировъ, зная, что интриги враговъ продолжаются и по заключеніи мира, не сидѣлъ сложа руки. Онъ сталъ внушать визирю, что Шведы грозятъ свергнуть его и возвести на его мѣсто своего пріятеля Капитанъ-пашу. Визирь велѣлъ отвѣчать: „Правда, что я стараніемъ о благѣ обоихъ государствъ и о сохраненіи мира нажилъ себѣ много враговъ и чуть головы не потерялъ; но теперь надѣюся на Бога и на свою правду, что непріятели не могутъ мнѣ повредить, и хотя Шведы лжами своими многихъ одолѣли, но меня не одолѣютъ; султанъ уже послалъ сказать Шведскому королю, чтобъ онъ больше на него не надѣялся, а ѣхалъ бы изъ его государства, ибо весь народъ не хочетъ его болѣе видѣть въ своей Землѣ. Пишите къ вашему государю, чтобъ поскорѣе присылалъ подтвердительную грамоту и выводилъ войска свои изъ Польши: этимъ онъ зажметъ ротъ непріятелямъ своимъ". Шафировъ не нуждался въ совѣтахъ визиря, чтобъ умолять свое правительство о скорѣйшемъ исполненіи турецкихъ требованій: онъ писалъ также, что надобно задарить хана Крымскаго и Бендерскаго пашу, вредныхъ своею враждою къ Россіи, послать Французскому королю жалобу на его министра въ Константинополѣ, постоянно дѣйствующаго въ пользу Карла XII; писалъ, что Рагоци венгерскій также враждебенъ Россіи—и потому надобно его схватить и послать соболей ловить, объявивши Цесарю, что это дѣлается для него; писалъ, что бывшаго господаря Кантемира надобно взять изъ Харькова куда-нибудь подальше, чтобъ непріятели не знали, гдѣ онъ, и не внушали Портѣ ничего противнаго о царскомъ величествѣ, а Кантемиру, по его прежнимъ поступкамъ въ Константинополѣ, вѣрить нечего, потому что и на патріарха, и на брата своего, и на Валахскаго господаря доносилъ много разъ. Шафировъ писалъ, чтобъ не довѣрять ни господарю Валахскому, ни патріарху Іерусалимскому, потому что оба турецкіе пріятели, и патріархъ уже былъ назначенъ казацкимъ патріархомъ. „Изо всѣхъ Грековъ", доносилъ подканцлеръ, „ни мы, ни Петръ Андреевичъ не сыскали пріятеля, ни добраго человѣка, и бѣгутъ отъ насъ, какъ отъ чумы".

Довѣриться было некому, а враги дѣйствовали постоянно и ловко. Шведскій посланникъ писалъ великому визирю, что интересы Порты и Швеціи одинаковы, потому что Москва имъ обоимъ злой врагъ; она съ каждымъ днемъ усиливается; извѣстно, что царь хочетъ быть императоромъ Греческимъ, безпрестанно увеличиваетъ свое войско, безпрестанно обучаетъ его воинской дисциплинѣ; его намѣреніе—одолѣвъ Шведовъ, начать войну съ Портою, причемъ крѣпко надѣется, что какъ только приблизится къ границѣ, то всѣ христіанскіе подданные султана перейдутъ на его сторону. Этотъ замыселъ его явенъ; курфирстъ Саксонскій возстановленъ имъ въ Польшѣ съ условіемъ, чтобъ уступилъ ему провинціи, находящіяся на границахъ оттоманскихъ, т.-е. Подолію, Украйну, Волынь и половину Литвы. Москвичи уже взяли нѣсколько порубежныхъ мѣстъ въ Польшѣ—ясный знакъ, что договоръ приводится въ исполненіе, хотя дѣло и содержится въ великой тайнѣ. Для уничтоженія замысловъ обоихъ государей одно средство у Порты: король Августъ—похититель чужаго престола, Поляки его не любятъ и у него нѣтъ собственныхъ средствъ держать ихъ въ страхѣ, держится только союзомъ московскимъ; теперь Августъ отправляетъ къ Портѣ своего посла Рыбинскаго; Портѣ стоитъ только отказать этому послу, объявивъ, что не хочетъ имѣть никакихъ сношеній съ Августомъ, ибо признаетъ законнымъ королемъ Польскимъ только Станислава; вслѣдствіе этого объявленія Поляки станутъ выгонять Августа, его мѣсто займетъ Станиславъ, другъ Порты, и такимъ образомъ упадутъ всѣ замыслы царя Московскаго, и Оттоманская имперія останется въ безопасности и покоѣ.

Шафировъ принималъ свои мѣры; онъ послалъ

сказать визирю, что Шведскій король, если не получитъ отъ Порты требуемыхъ денегъ, именно 1,200 мѣшковъ, хочетъ занимать деньги у купцовъ англійскихъ и французскихъ; и теперь Шведскій посланникъ, занимая деньги, даетъ по 40 и по 50 процентовъ. Если Шведскій король добудетъ денегъ, то употребитъ ихъ на подкупы для произведенія нужныхъ ему перемѣнъ, и прежде всего для перемѣны визиря; и потому царскіе министры совѣтуютъ верховному визирю призвать англійскаго посла и сказать ему, чтобъ запретилъ своимъ купцамъ давать деньги взаймы Карлу XII, особенно двоимъ купцамъ—братьямъ Кукъ, которые очень склонны къ Шведу; по 18 іюня Карлъ XII набралъ у французскихъ и англійскихъ купцовъ около 800 мѣшковъ левковъ, кромѣ того, что отъ Порты дано ему 500 мѣшковъ и ежедневно дается по мѣшку: можно угадать, куда онъ эти деньги дѣвалъ. Визирь отвѣчалъ, что посовѣтуется съ рейсъ-ефенди, а рейсъ-ефенди сказалъ, что дѣло опасное, если султанъ провѣдаетъ.

Шафировъ счелъ нужнымъ подкупить Бастанжи-пашу по его близости къ султану: обязанный по должности своей находиться на кормѣ судна во время султанскихъ прогулокъ по водѣ, Бастанжи-паша пользовался этимъ временемъ и подавалъ султану, мимо визиря, предложенія шведскаго и французскаго пословъ; подкупленъ былъ также шведскій переводчикъ, сообщавшій содержаніе переписки между султаномъ и Карломъ XII и посольскихъ конференцій. Старыя связи Толстого во дворцѣ были также выгодны: кегая султановой матери далъ ему знать, что Шведскій король прислалъ къ ней въ подарокъ часы и серьги въ 5,000 левковъ съ просьбою, чтобъ она уговорила сына дать ему, королю, сильный конвой для провожанія въ Швецію, и 1,200 мѣшковъ левковъ; кегая спрашивалъ у Толстого совѣта, принимать ли королевскій подарокъ или нѣтъ. Толстой и Шафировъ, посовѣтовавшись вмѣстѣ, послали сказать кегаю, чтобъ султанша не принимала подарка и отказала Шведу во всѣхъ просьбахъ, за что получитъ съ царской стороны подарокъ цѣннѣе, и кегая также забытъ не будетъ; къ султаншѣ отправлено было перо алмазное на шапку, да кушакъ съ алмазами и яхонтами въ 6,200 левковъ, а кегаю 375 червонныхъ, съ просьбою, чтобъ султанша уговорила сына не давать корму Шведскому королю. Русскіе подарки были приняты, шведскіе отосланы назадъ; при этомъ султанша велѣла сказать Толстому и Шафирову, что она говорила съ сыномъ, и тотъ обѣщалъ этимъ же лѣтомъ выслать Карла XII. Шведскій переводчикъ далъ знать, что Карлу XII дѣйствительно отказано въ деньгахъ, велѣно выѣзжать безъ отговорокъ и объявлено, что въ провожатые ему больше 8,000 войска не дадутъ, потому что султанъ хочетъ отправить его черезъ Польшу дружески. Муфтій объявилъ посланному Шафирова, что такъ какъ Азовъ возвращенъ, то вести войну не-для-чего и противно ихъ закону: что теперь надобно думать о войнѣ не съ Русскими, а съ Венеціанами, неправедно владѣющими Мореею, на эту войну онъ, муфтій, самъ готовъ идти на старости лѣтъ, только бы изжить собаку короля Шведскаго, который еще и теперь пытается огонь возжечь, какъ то сдѣлалъ въ грамотѣ, присланной къ султану. Эту грамоту самъ султанъ давалъ ему, муфтію, читать; оскорбилъ визиря, не давши ему знать о грамотѣ, и за это надобно ему отмстить, потому что визирь такой у нихъ добрый человѣкъ, какого никто не запомнитъ. Самъ визирь сказалъ секретарю, присланному отъ Шафирова: „Король Шведскій самъ дуракъ и посланникъ его такой же дуракъ; хотя король мною и пренебрегъ и грамоты своей ко мнѣ не прислалъ, однако я знаю, что въ ней писано; скажи подканцлеру, что съ мула сѣдло уже спало, и если этотъ сумасбродный король будетъ еще упрямиться и ѣхать изъ государства нашего не захочетъ, то мы зашлемъ его въ такую даль, гдѣ онъ можетъ и исчезнуть“. То же самое подтвердилъ визирь и самому Шафирову: „Не бойтесь, чтобъ Шведскій король могъ теперь здѣсь что-нибудь сдѣлать, хотя онъ и хлопочетъ, и всюду суется, уподобляясь человѣку, посаженному на колъ: съ тоски то за то, то за другое хватается“.

Все дѣло зависѣло теперь отъ Польши, которая должна была дать свое согласіе на проѣздъ Шведскаго короля чрезъ ея владѣнія, должна была постановить условія, на какихъ могла согласиться на это. Но Польша медлила, и дѣло затягивалось. Въ концѣ іюля Шафировъ писалъ царю: „Высылка короля Шведскаго, къ которой у Турковъ столь преизрядная склонность есть, за бездѣльною гордостію и медленіемъ господъ Поляковъ остановилась, и, Богъ вѣсть, не испортится ли это дѣло и вовсе, когда оный король время получитъ здѣсь чрезъ зиму паки факціи свои дѣлать; я въ томъ трудился, сколько моего малаго смыслу и силъ стало, истинно ни денно, ни нощно себѣ покоя не давая, и приведено было то къ доброму окончанію; но что чинить, когда тѣ, отъ кого тотъ пропускъ зависитъ, ничего дѣлать не хотятъ и все портятъ. Прошу покорно повелѣть королевскому величеству предлагать и домогаться немедленной присылки полной мочи и указу для его посланника, ибо ежели то замедлится въ зиму, то конечно имъ войны чаять на себя отъ Турокъ. Второе принужденъ вашему величеству по должности своей донести, коль противна Туркамъ вѣдомость о бытіи войскъ вашего величества въ Польшѣ и какъ визирь отъ того трепещетъ и опасается себѣ конечнаго низверженія или погибели, ежели о томъ султанъ въ-правду увѣдомится. А ежели, чего Боже сохрани, ему перемѣна учинится, то всѣ наши дѣла пойдутъ паки худо, ибо можно сказать, что не какъ бусурманъ, но лучше многихъ христіанъ съ нами поступаетъ и въ вашихъ интересахъ служитъ, хотя и боязнь великую отъ салтана имѣетъ, самъ совѣты намъ подаетъ и все, что съ нимъ государь его говоритъ, то объявляетъ; и не могу тако я

оставить по должности своей рабской вашему величеству не донести, что ежели потребно съ симъ краемъ содержать миръ, то конечно надлежитъ вывесть войско изо всѣхъ мѣстъ польскихъ".

Ханъ доносилъ, что русскія войска остаются въ Польшѣ; визирю и другимъ приверженцамъ мира не оставалось ничего больше дѣлать, какъ предложить султану отправить въ Польшу вѣрнаго человѣка для повѣрки ханскихъ донесеній. Этотъ вѣрный человѣкъ былъ солохоръ, или подконюшній; Шафировъ обѣщалъ ему шубу добрую соболью и до двухъ тысячъ червонныхъ, если онъ будетъ доброхотствовать царской сторонѣ. Не надѣясь впрочемъ ни на шубу, ни на червонцы, Шафировъ отправилъ вслѣдъ за солохоромъ капитана Жидовинова и переводчика Антонаки, которые должны были хлопотать въ Польшѣ, чтобъ солохоръ былъ задержанъ какъ можно долѣе на границѣ, и давать знать русскимъ войскамъ, чтобъ убирались какъ можно скорѣе изъ Польши. Самъ визирь секретно прислалъ сказать Шафирову, не можетъ ли онъ уговорить польскаго посланника, чтобъ Поляки на время прикрыли, если еще русскія войска не успѣли выйти изъ Польши.

Прикрыть было трудно: ханъ не переставалъ доносить, что русскихъ войскъ въ Польшѣ было много; Шведы, зная, какъ сильна русская или мирная партія, и что обычнымъ путемъ, черезъ визиря, нельзя ничего донести султану, подали ему донесеніе въ пятницу, когда онъ шелъ въ мечеть. Султанъ вслѣдствіе этого велѣлъ крѣпко держать русскихъ пословъ и прекратить сношенія Шафирова съ Толстымъ. Визирь объявилъ Шафирову султанскимъ именемъ, что если царь не выведетъ войскъ своихъ изъ Польши, то миръ не состоится. Визирь говорилъ съ сердцемъ: „Вамъ бы, посламъ, можно было донесеніемъ своимъ однажды сдѣлать, чтобъ войскъ русскихъ въ Польшѣ не было, и тотъ бы проклятый король Шведскій не могъ ничѣмъ отговориться, долженъ былъ бы выѣхать". Шафировъ увѣрялъ, что русскихъ войскъ нѣтъ въ Польшѣ. „Но что изъ этого, что ихъ тамъ нѣтъ", говорилъ онъ: „король Шведскій все же отсюда не поѣдетъ, если силою не будетъ высланъ, ибо онъ видитъ, что его Порта поитъ и кормитъ и всѣмъ довольствуетъ, а пріѣхавъ ему въ свою землю безъ силы и денегъ, никакой пользы ни сыскать; сила его ясно оказывается изъ того, что во всю его бытность въ Турціи ни одного пѣнязя изъ его королевства къ нему не прислано; много хваталъ онъ войсками своими, а теперь эти войска и своей земли оборонить не могутъ; такъ, видя свое худое состояніе и не имѣя надежды помочь себѣ собственными средствами, ищетъ онъ какъ бы ввесть Порту опять въ войну, и не поѣдетъ отсюда до тѣхъ поръ, пока не получитъ отъ Порты подъ свою команду 100,000 Турокъ да тысячъ 50 или 30 Татаръ, чтобъ войти съ ними въ Польшу и дѣйствовать тамъ по своей волѣ". Визирь повторялъ свое: „Еслибъ тотъ проклятый дьяволъ не мутилъ, то бы никакихъ трудностей не было; но правда ли, что русскія войска не будутъ зимовать въ Польшѣ"?

„Правда", говорилъ Шафировъ.—„Неправда"! говорилъ французскій посланникъ въ своемъ меморіалѣ: „царь стоитъ по срединѣ Польши съ большимъ войскомъ". Султанъ сердился, грозилъ войною; визирь былъ въ отчаяніи. Ему объясняли, что русскія войска вышли изъ Польши въ Померанію, а изъ Помераніи назадъ имъ другой дороги нѣтъ, какъ опять черезъ Польшу. „Вы насъ обманули"! приказывалъ визирь говорить Шафирову, „зачѣмъ вы при заключеніи мира не сказали, что вашимъ войскамъ ни въ Померанію, ни изъ Помераніи нѣтъ другой дороги, какъ черезъ Польшу? Вы насъ обманули, и султанъ на меня гнѣвается!" 24 сентября визирь позвалъ Шафирова въ конференцію и объявилъ: „Если вашему государю нуженъ миръ, то опредѣлите теперь путь, какимъ ваши войска могли бы пройти изъ Помераніи домой, только не черезъ Польшу; а если пойдутъ войска изъ Помераніи чрезъ Польшу, то знайте, что миръ разорвется".—„Непріятели царскаго величества", отвѣчалъ Шафировъ, „внушаютъ вамъ, что русскія войска въ Польшѣ и проходятъ чрезъ нее. Русскія войска находятся въ Помераніи, и когда нужно имъ будетъ возвращаться назадъ, то могутъ сыскать путей довольно; но мы здѣсь, не зная воли государя своего, опредѣлять ничего не можемъ. Еслибъ было нужно идти имъ и черезъ Польшу, то этой дороги только на нѣсколько миль; мы вамъ объявимъ, когда они пойдутъ черезъ Польшу, и вамъ отъ этого прохода войска опасаться ничего не слѣдуетъ, потому что отъ ихъ дороги до вашихъ границъ 200 миль. О Помераніи вамъ говорить не слѣдуетъ, потому что о ней въ договорѣ не упоминается". Визирь настаивалъ на своемъ: „Намъ дѣла нѣтъ, что царскія войска теперь въ Помераніи; царское величество какъ изволитъ,—хочетъ—Померанію беретъ, хочетъ—не беретъ; намъ нужно только, чтобъ русскія войска шли изъ Помераніи не черезъ Польшу. Не думайте, что мы придираемся, желаемъ нарушенія мира; мы говоримъ только для того, чтобъ совершенно окончить пунктъ о Польшѣ, который всего нужнѣе Портѣ. Если царское величество изволитъ и впредь чужіе земли и города воевать и забирать, то пусть для прохода войскъ своихъ сыщетъ другой путь, только не черезъ Польшу". Шафировъ принужденъ былъ, при посредствѣ англійскаго и голландскаго пословъ, составить слѣдующую статью: царскія войска будутъ возвращаться изъ Помераніи въ Россію моремъ; если же понадобится имъ возвратиться зимою сухимъ путемъ, то должны идти не черезъ середину Польши, но близъ берега Балтійскаго моря владѣніемъ польскимъ, и могутъ пройти этимъ путемъ только одинъ разъ [1]). Но за эту статью Шафировъ получилъ выговоръ отъ царя: „Претензія турская", писалъ ему Петръ, „чтобъ, не захватывая Польши, наши войска

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія 1712 г.

шли изъ Помераніи въ Россію, не иное что, только чтобъ, изъ васъ вымуча письмо, имѣть причину разорвать миръ; ибо зѣло удивительно, что сами говорятъ, что инаго пути нѣтъ, а идти заказываютъ. А что вы говорили моремъ, и того за непріятельскимъ флотомъ учинить нельзя; а что чрезъ Датскую Землю, то развѣ вы разума отбыли? Будь воля Божія, лишебъ наша была правда: не утѣшишь, кто хочетъ зла, ничѣмъ, а наипаче чѣмъ невозможно, ибо землю передѣлать нельзя, ниже море осушить, а хотябъ и крилѣ имѣли, то-бъ чрезъ оную же землю летѣть; а для отдохновенія на оной-же-бъ садиться. Что же о выводѣ войска, истинно никакого нѣтъ“ [1]).

О статьѣ впрочемъ скоро забыли; 25 октября возвратился солохоръ изъ Польши и объявилъ, что въ ней русскихъ войскъ еще много. Тогда, несмотря ни на какія оправданія и отговорки, пословъ заперли и потребовали отъ нихъ обязательства, что русскія войска выйдутъ въ два или три мѣсяца изъ Помераніи, хотя чрезъ Польшу, потому что пока русскія войска будутъ въ Помераніи, царь не можетъ отнять руки отъ Польши, и Турки не могутъ быть безопасны. „Такъ какъ мы на это никакъ согласяться не можемъ, то не знаемъ, что изъ этого произойдетъ:“ доносилъ подканцлеръ царю. Произошло то, что Шафирова, Толстого и Шереметева заключили въ Семибашенный замокъ, позволивъ взять съ собою только по три человѣка. Въ ноябрѣ они писали государю: „Посадили насъ въ тюрьму едикульскую, въ которой одна башня да двѣ избы, всего саженяхъ на шести, и тутъ мы заперты со всѣми людьми нашими всего въ 205 человѣкахъ, и держатъ насъ въ такой крѣпости, что отъ вони и духу въ нѣсколько дней принуждены будемъ помереть“. 29 ноября султанъ выѣхалъ въ Адріаполь, разославши объявленіе войны и указы о сборѣ войска. „Но война“, писалъ Шафировъ Головкину, „противна всему Турецкому народу и начата одною султанскою волею; султанъ съ самаго начала не былъ доволенъ миромъ на Прутѣ, и взыскивалъ великимъ гнѣвомъ на визирѣ и на другихъ, зачѣмъ не воспользовались тогда, какъ должно, счастливыми обстоятельствами. Султанъ непремѣнно хотѣлъ начать войну въ прошломъ году, но визирь съ муфтіемъ, янычарскимъ агою и главными офицерами почти силою принудили его къ миру законною причиною: потому всякимъ образомъ искалъ отъ случая, какъ бы разорвать этотъ миръ, и поспѣшилъ воспользоваться извѣстіями, привезенными солохоромъ. Хотя и разглашено въ народѣ, что война начата по справедливости, однако многіе въ томъ сомнѣваются, и если она будетъ неудачна, то ожидаемъ народнаго возстанія противъ султана“ [2]).

Но когда-то будетъ еще возстаніе, а теперь война объявлена и царь долженъ снова вести борьбу на сѣверѣ и югѣ. Канцлеръ Головкинъ подалъ мнѣніе: „Такъ какъ царское величество имѣетъ теперь противъ себя двухъ непріятелей, и большая часть войскъ нашихъ въ Помераніи, то надобно противъ Турокъ вести войну оборонительную, и фельдмаршалу Шереметеву стоять при Кіевѣ съ войсками регулярными. Когда непріятель будетъ приходить къ Днѣпру, то надобно затруднять его походъ войсками нерегулярными, истреблять запасы, выжигать траву, и если непріятель приблизится къ Кіеву, то гетману съ казаками стоять на сей сторонѣ Днѣпра и не допускать его до переправы. Губернатору Казанскому (Петру Апраксину) съ корпусомъ своимъ и съ Калмыками стоять у Полтавы, а царедворцамъ—у Бѣлгорода или у Сѣвска, и и смотрѣть, чтобъ не впустить Татаръ въ Украйну. Если Турки, пришедши къ рубежамъ польскимъ, пошлютъ съ королемъ Шведскимъ и его приверженцами часть войскъ для привлеченія Поляковъ къ своей сторонѣ, а король Августъ и гетманы потребуютъ отъ фельдмаршала помощи, то послать часть войскъ нерегулярныхъ, отобравъ лучшихъ; а если нужда потребуетъ,—послать къ Бѣлой-Церкви или Полонному отрядъ регулярнаго войска изъ конницы для устрашенія непріятеля,—только смотрѣть, чтобъ послѣдній не отрѣзалъ этотъ отрядъ отъ Кіева. Кіевскую старую крѣпость надобно держать и безъ крайней нужды не покидать; Бѣлую-Церковь и Полонное, кажется, можно держать до тѣхъ поръ, пока непріятель не подойдетъ къ Днѣстру; когда же онъ подойдетъ къ этой рѣкѣ, надобно изъ Полоннаго и изъ Бѣлой-Церкви гарнизоны вывести и послѣднюю разорить. Кіевскую губернію, для наступающей войны, надобно, по возможности, отъ податей обольготить. „Малороссіянъ какъ въ Кіевъ, такъ и въ прочіе гарнизоны, кажется, можно ввести хотя и до половины противъ солдатъ, ибо они и прежде и недавно въ Полтавѣ въ гарнизонахъ были и держались хорошо, и не непріятно будетъ это другимъ Малороссіянамъ; при гетманѣ Скоропадскомъ для совѣтовъ и всякихъ осторожностей надобно быть кому-нибудь изъ знатныхъ людей. Если падетъ подозрѣніе на кого-нибудь изъ знатныхъ Малороссіянъ, то брать ихъ къ себѣ и удерживать политично; если же кто явно измѣнитъ, съ такимъ поступать какъ съ измѣнникомъ для устрашенія другихъ. Волохамъ, Сербамъ надобно давать жалованье, дабы, смотря на то, и другіе изъ этихъ націй въ службу приходить охоту имѣли“ [3]).

Въ Россіи хотѣли вести войну оборонительную; а султанъ отправился въ Адріанополь для наступательной войны, и отправился съ большими надеждами: Французы и Шведы указывали ему важныя выгоды, которыя онъ получитъ отъ возстановленія Станислава Лещинскаго на Польскомъ престолѣ, ибо тогда Польша будетъ постоянною союзницею Турціи; король Шведскій, придя въ прежнее

[1]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 431. Это письмо здѣсь неправильно помѣщено подъ 1711 годомъ.

[2]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія 1712 г.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 23.

свое состояніе, вступитъ въ Австрійскія владѣнія, и Порта въ союзѣ съ нимъ возвратитъ города, потерянные ею въ Венгріи по послѣднему миру. Французскій посолъ отправилъ съ Понятовскимъ слѣдующій меморіалъ для врученія султану: Если царь Московскій опять станетъ просить мира, то надобно предписать ему слѣдующія условія: 1) Города около Азова, по берегу рѣки Дона на 50 часовъ ѣзды, должны быть разорены; 2) Украйна должна быть отдана или Турціи, или хану Крымскому; 3) король Августъ долженъ отказаться отъ Польши; 4) надобно принудить царя къ миру съ королемъ Шведскимъ, причемъ царь долженъ возвратить всѣ свои завоеванія. Онъ непремѣнно будетъ просить мира, ибо не въ состояніи бороться въ одно время съ султаномъ, ханомъ Крымскимъ и королемъ Шведскимъ, тѣмъ болѣе что въ Помераніи войска его и союзниковъ его побѣждены.

Новый 1713 годъ Русскіе послы встрѣтили въ Семибашенномъ замкѣ, съ ужасомъ помышляя, что-то будетъ лѣтомъ, когда и зимою съ трудомъ можно было дышать въ тѣсномъ заключеніи. Но вотъ начали проникать къ нимъ въ тюрьму пріятные слухи, что у султана нелады съ королемъ Шведскимъ; узники сначала боялись вѣрить, но слухи начали все болѣе и болѣе подтверждаться, и наконецъ, 8 марта, Шафировъ отправилъ къ царю радостное донесеніе: „Можно признать милость Божію явную къ вашему величеству, что, видя вашу правость, посрамилъ непріятелей вашихъ и обратилъ чудесно мечи ихъ, изощренные на васъ, въ междоусобную между ними брань. Вашему величеству извѣстно, съ какою горячностію султанъ стремился къ начатію этой войны, несмотря ни на чьи совѣты, и сначала превеликую ласковость шведскому посланнику и Понятовскому и чрезъ французскаго посла къ королю Шведскому показалъ, 600,000 левковъ къ нему послалъ, лошадей и другихъ даровъ много, совѣтовался съ нимъ тайно и явно о дѣйствіяхъ воинскихъ. Но потомъ, вдругъ неизвѣстно съ какой причины, отмѣнилъ свое намѣреніе". Причина была ясна: султану внушали, что какъ скоро онъ объявитъ войну, то царь сейчасъ же пришлетъ къ нему съ просьбою о мирѣ и приметъ всѣ предписанныя ему условія; но царь не присылалъ,—значитъ онъ спленъ, значитъ Французъ и Шведъ обманули; надобно будетъ весною идти въ Польшу или Россію,—а что если неудача? Война начата противъ народнаго желанія: вспыхнетъ возстаніе, и можно будетъ поплатиться престоломъ и жизнію. По приказанію султана, ханъ отправился въ Бендеры уговаривать Карла XII ѣхать съ нимъ и съ его Татарами немедленно черезъ Польшу; король, разумѣется, сталъ отговариваться, научилъ и Татаръ бить челомъ султану, что имъ нельзя ѣхать, боятся войскъ царскихъ и саксонскихъ. Султанъ послалъ жестокіе указы къ королю и хану, чтобъ шли непремѣнно; тѣ не трогались; султанъ послалъ въ другой разъ, чтобъ шли безъ отговорокъ, въ противномъ случаѣ пусть король пріѣжаетъ къ нему въ Андріаноподь. Ханъ испугался и вмѣстѣ съ Бендерскимъ пашою сталъ принуждать короля къ походу, „по варварскому обычаю", какъ писалъ Шафировъ, „сурово, а король, по своей солдатской головѣ удалой, сталъ имъ въ томъ отказывать гордо, причемъ присланный султаномъ конюшій грозилъ ему отсѣченіемъ головы; король на это вынулъ шпагу и сказалъ, что султанскаго указа не слушаетъ и готовъ съ ними биться, если станутъ дѣлать ему насиліе. Тогда Турки отняли у него кормъ, пожгли припасы и амбары, и окружили его войскомъ. Карлъ окопался около своего двора, убрался по воинскому обычаю, приготовился къ бою, велѣлъ побить лишнихъ лошадей, между которыми были и присланныя отъ султана, и приказалъ ихъ посолить для употребленія въ пищу. Султанъ, узнавши объ этомъ, послалъ указъ взять Карла силою и привезти въ Андріанополь; если же станетъ противиться, то чинить надъ нимъ воинскій промыслъ". Такъ началась эта „разумная съ обѣихъ сторонъ война", по выраженію Шафирова.

Когда Турки и Татары приблизились къ шведскому окопу, то Карлъ началъ бить по нихъ изъ двухъ пушекъ и мелкаго ружья, и побилъ не мало. Турки привезли пушки изъ Бендеръ; когда окопъ былъ разбитъ, то Карлъ, „храбрый и первый въ свѣтѣ солдатъ", по выраженію Шафирова, засѣлъ въ хоромахъ своихъ и отстрѣливался изъ оконъ. Турки зажгли хоромы. „Мудрая голова" сталъ перебираться въ другія хоромы, но на дорогѣ былъ обойденъ янычарами и взятъ въ плѣнъ, потерявши четыре пальца, часть уха и кончикъ носа; Карла съ Кіевскимъ воеводою Потоцкимъ посадили въ Бендерахъ въ тюрьму; окружавшихъ его Шведовъ и Поляковъ, мужчинъ и женщинъ, частію побили, частію разобрали Турки и Татары по себѣ и распродали. „Турки", доносилъ Шафировъ, „не ради и стыдятся, что объявили противъ вашего величества войну, и въ разговорахъ дивятся, для чего ваше величество никого къ нимъ не пришлетъ для обновленія мирныхъ договоровъ".

Шарифовъ и Толстой воспользовались этимъ оборотомъ дѣлъ и отправили въ Андріанополь находившагося у нихъ на жалованьи переводчика при голландскомъ посольствѣ Тейльса [1]) – внушить султанскимъ ближнимъ людямъ, чтобъ они возобновили переговоры съ ними, Шарифовымъ и Толстымъ, ибо царь не пришлетъ другого посла, опасаясь и ему такого же злаго трактамента. Посланный успѣшно исполнилъ свое порученіе, и 21 марта Шафирову и Шереметеву велѣно было пріѣзжать въ Андріанополь. Какъ здѣсь шли дѣла, всего лучше видно изъ донесенія Шафирова царю отъ 17 апрѣля: „Мнѣ стыдно уже доносить вашему величеству о здѣшнихъ происшествіяхъ, потому что у этого непостояннаго и превратнаго правительства

[1]) Theils авторъ: Mèmoires pour servir à l'histoire de Charles XII.

ежечасныя перемѣны. Визирь Юсуфъ-паша, преданный Россіи, былъ смѣненъ Солиманъ-пашою, врагомъ ея; Солиманъ-паша былъ смѣненъ Ибрагимъ-пашою, который прежде былъ капитанъ-пашою. Ибрагимъ началъ-было склонно поступать къ интересамъ вашего величества: насъ освободя изъ едикула, взяли сюда для трактованія о возобновленіи мира, а господина Толстого съ остальными людьми велѣно освободить и сюда отпустить; визирь обнадеживалъ насъ, что непремѣнно миръ будетъ возобновленъ. А потому не знаю, по какой причинѣ, вѣрно по наговору, обѣщаніямъ или дачамъ Французовъ, которые денно и нощно трудятся, чтобъ возобновить войну, превратный визирь 13 апрѣля собралъ великій совѣтъ и объявилъ, что надобно ему идти въ походъ къ границамъ вашего величества и взять съ собою насъ и польскихъ пословъ". Но вслѣдъ за этимъ Ибрагима смѣнили, и Рейсъ-ефенди велѣлъ сказать Шафирову: „Радуйтесь перемѣнѣ визирской, она вамъ выгодна; султанъ перемѣнилъ Ибрагима, увидавъ, что онъ — дуракъ, не можетъ дѣлами порядочно управлять и превратенъ, былъ мужикъ простой, изъ морскихъ солдатъ; дня два посидите тихо, а потомъ васъ позовутъ". Но Шафировъ не могъ сидѣть тихо, и написалъ два меморіала для султана и муфтія, „потому что", писалъ Шафировъ, „французскій посолъ и Понятовскій мечутся какъ бѣшеныя собаки, и я принужденъ нынѣ послѣднія силы и умишко въ томъ употребить; за грѣхъ нынѣ я весьма одинъ не имѣю помощника въ совѣтахъ, и для того ожидаю съ желаніемъ господина Толстого".

Когда начались переговоры, то Турки выставили два новые пункта, на которые Шафировъ никакъ не могъ согласиться. Первый пунктъ состоялъ въ томъ, чтобы возобновлена была ежегодная дача Крымскому хану; второй—въ томъ, чтобъ граница проведена была между рѣками Самарою и Орелью, и по этой границѣ съ турецкой стороны поселены были Запорожцы, измѣнившіе Россіи. Для отстраненія перваго пункта, Шафировъ обратился къ хану, дарилъ его, обѣщалъ дать въ Адріанополѣ тайно 30,000 левковъ, обнадеживалъ, что и царь будетъ обсылать его подарками; но ханъ былъ непреклоненъ, прислалъ подарки назадъ съ ругательствомъ, грозилъ, что если послы не согласятся на эти два пункта, то будутъ посажены въ ямы и сгніютъ. Рейсъ-ефенди также прислалъ сказать Шафирову, что если два пункта не будутъ приняты, то непремѣнно откроется война. „И понеже", доносилъ Шафировъ царю 16 мая, „намъ дѣлать болѣе нечего, и на сіи два пункта позволить невозможно, полагаемся на волю Божію и готовы страдать за интересъ вашъ; только радуемся, что хотя съ безчестіемъ нашимъ, а сія кампанія безплодна у нихъ пройдетъ, ибо время опоздало, только надлежитъ въ доброй готовности и вооруженіи быть отъ нападенія татарскаго".

На новыхъ конференціяхъ послы согласились, чтобъ граница была проведена между Самарою и Орелью на половинѣ; но никакъ не согласились на поселеніе здѣсь казаковъ, измѣнившихъ Россіи; не согласились и на ежегодную дачу хану, хотя турецкіе коммисары объявляли, что миръ, заключенный безъ этого условія, не можетъ быть крѣпокъ. Турки грозили впаденіемъ стотысячнаго татарскаго войска въ предѣлы Россіи; Шафировъ отвѣчалъ: „Царское величество отъ Татаръ никогда опасенія не имѣлъ и не имѣетъ, и трактуетъ съ Портою, а не съ Татарами, ибо ихъ мужество Русскому народу знакомо. Удалось имъ теперь за миромъ войти въ Россію и побрать въ плѣнъ подданныхъ царскихъ, къ чему они заобычны всегда, а во время войны биться не умѣютъ и не охочи". Насчетъ кіевской границы послы согласились, чтобъ она была по договору, заключенному съ султаномъ Магометомъ, т.-е. ниже мѣстечка Стаекъ, а отъ этого мѣстечка до самой Сѣчи городовъ строиться не будетъ. Согласились и на то, чтобъ царь не въѣзжалъ въ Польшу хотя бы и безъ войска; а войска русскія должны оставить Польшу въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Шафировъ согласился на эти условія безъ указа царскаго и, для оправданія своего, изложилъ „Раціи, для которыхъ онъ съ Толстымъ разсудили отважиться на заключеніе мира"; въ раціяхъ говорилось: „Хотя эти варвары (Турки) и безумны, и непорядочны, однако сильны, многолюдны и безмѣрно многоденежны, и нынѣ имѣютъ благовременство, ибо имѣютъ такихъ учителей, которые всѣ интересы и силу не только Россійскаго государства, но и всей Европы знаютъ и имъ непрестанно внушаютъ, и именно французскаго посла съ его секретарями и переводчиками, Лещинскаго съ гетманами его въ Бендерахъ, и здѣсь отъ нихъ Понятовскаго и Кришпина: головы преострыя! Король Шведскій хотя не уменъ, но при немъ есть нѣсколько министровъ и генераловъ умныхъ; Орликъ и прочіе измѣнники Черкасы, и Запорожскіе и Донскіе казаки свѣдущи о всемъ внутреннемъ состояніи государства его величества, а имъ всѣмъ промоторъ и ходатай ханъ нынѣшній Крымскій, человѣкъ преострый и за неполученіе своего запроса о дачѣ погодной весьма на насъ непримирительно озлобившійся, такъ что ничѣмъ его склонить не могли. Маврокордато сказалъ намъ: „Не думайте, что войска турецкія пойдутъ прямо на Кіевъ, ибо и сами они то вѣдаютъ, что имъ то опасно и трудно; у нихъ есть способъ лучшій войну продолжать черезъ короля Шведскаго и Лещинскаго, давъ имъ денегъ довольно, и съ знатнымъ корпусомъ войска вести ихъ въ Польшу и принудить оную отступить отъ Августа, принять Лещинскаго и соединить оружіе противъ царскаго величества, вѣдая, что Франція и иныя области христіанскія королю Шведскому противъ царскаго величества вспомогутъ; притомъ Порта, имѣя у себя головы умныя и знатныя изъ царскихъ подданныхъ, надѣется и казаковъ на свою сторону склонить".

Шафировъ безпокоился тѣмъ болѣе, что считалъ

канцлера Головкина своимъ врагомъ: „Я имѣю сильныхъ непріятелей“, писалъ онъ, „межъ которыми ясно себя мнѣ показалъ главный мой товарищъ господинъ канцлеръ: во все мое двухлѣтнее здѣсь пребываніе ни одного указа и обстоятельнаго отвѣта мнѣ не прислалъ, а только отвѣчалъ о пріемѣ моихъ писемъ“. Въ своемъ безпокойствѣ подканцлеръ обратился къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ: „Мы новый договоръ о мирѣ на мѣрѣ поставили; однакоже въ томъ обрѣтаюсь въ великой печали, что сіе принужденъ учинить, не получа новаго указа, понеже тому съ 8 мѣсяцевъ, какъ ни единой строки отъ Двора вашего ни отъ кого писемъ не имѣли. Того ради прошу о всемилостивѣйшемъ предстательствѣ ко государю, дабы того за гнѣвъ не изволилъ принять, что я не смѣлъ сего случая пропустить и сей миръ заключилъ, дабы изволилъ повелѣть на сей трактатъ немедленно прислать ко мнѣ подтвержденную грамоту, чтобъ отъ медленія присылки тѣхъ грамотъ, какъ и въ прошломъ году учинено, непріятели ваши не нашли паки случая сей миръ разорвать, и мнѣ бы, сирому вашему рабу, отъ сихъ варваровъ не пострадать смертью, какъ и нынѣ тѣмъ многократно угрожали и всеконечно убить хотѣли, называя насъ обманщиками, и пять мѣсяцевъ въ такой тюрьмѣ насъ морили, въ которой, ежелибъ не явное чудо Божіе насъ спасло, невозможно бы было живымъ быть , и понеже я сирый никакой иной помощи и заступленія, кромѣ вашей государской милости, которою и взысканъ, не имѣю, но наипаче чаю заочно и многихъ непріятелей безвинно имѣю, — того ради припадаю къ стопамъ ногъ вашего величества, со слезами прося, меня, своего раба, по всемилостивѣйшему обѣщанію своему, данному мнѣ при отпускѣ моемъ, въ сей погибели не оставить“.

14 іюня новый великій визирь, Али-паша, созвалъ къ себѣ сановниковъ и офицеровъ, и спросилъ, начинать ли войну изъ-за двухъ пунктовъ, которыхъ не принимаютъ русскіе послы. Муфтій, которому Шафировъ посулилъ 10,000 левковъ и мѣхъ соболій, отвѣчалъ, что война будетъ незаконна, ибо царь выполнилъ условія договора; остальные согласились съ мнѣніемъ муфтія, и это рѣшеніе отправлено было къ султану, который отвѣчалъ, что и онъ согласенъ на миръ, а 15 августа послы были обрадованы письмомъ Головкина отъ 15 іюля изъ Петербурга, что царское величество доволенъ заключеннымъ договоромъ [1]).

Покончили съ Турками; не щадя ни червонныхъ, ни мѣховъ собольихъ, отклонили опасную войну, могущую помѣшать счастливому веденію войны Сѣверной; надобно было вознаградить и союзниковъ, поставленныхъ въ очень непріятное положеніе Прутскимъ миромъ. Въ октябрѣ 1711 года царь получилъ грамоту изъ Черногоріи, отъ воеводъ, князей и прочихъ всѣхъ живущихъ въ предѣлахъ Зетскихъ и Черногорскихъ. Воеводы и князья писали, что они царскія грамоты радостно получили и по желанію государя радостно служить начали. Война началась 15 іюня и первая битва произошла близъ Гадска въ Захелміи, а другая тамъ же близъ города Ниша, палили деревни и села, а города взять не могли за неимѣніемъ оружія; еще имѣли битву съ Турками близъ поморья Діоклетіанова, и Турокъ прогнали. Черногорцы просили, чтобъ царское величество наградилъ ихъ за это, и не далъ въ посмѣхъ, чтобъ христіанъ привесть въ соединеніе, не прельщались бы они на супостатскія деньги по своей скудости.

Извѣстіе о заключеніи мира при Прутѣ прекратило войну. Черногорцы заключили перемиріе съ Турками; Петръ велѣлъ выдать Милорадовичу 500 червонныхъ для раздачи его сподвижникамъ; но сношенія съ Черногоріею этимъ не прекратились. Въ ноябрѣ 1713 года митрополитъ Даніилъ писалъ царю, прося рѣшительнаго отвѣта, „что дѣлать Черногорцамъ“? „Мы съ непріятелями до сихъ поръ еще вѣрнаго мира не имѣемъ“, писалъ митрополитъ; „также и Венеціане озлобляютъ насъ тайнымъ лукавствомъ, сносятся съ Турками къ нашему вреду, не пропускаютъ купцовъ ни своихъ къ намъ, ни нашихъ къ себѣ; торговля остановилась,—и народъ живетъ въ тѣснотѣ и скудости. Премилостивѣйшій государь, царь непобѣдимый! призри на озлобленіе наше, наставь насъ, что намъ дѣлать! и какъ отъ враговъ нашихъ спасеніе получить?“

Посланникъ владыки, архидіаконъ Максимъ, ждалъ отвѣта до конца 1714 года, когда ему на его статьи было объявлено: „Бояре и воеводы тамошнихъ мѣстъ, которые не могутъ оставаться въ отечествѣ своемъ, или хотятъ переселиться въ государство его царскаго величества, могутъ пріѣзжать въ Россію съ свидѣтельствомъ отъ митрополита; имъ будутъ даны земли, годныя для поселенія, а денежной дачи, за нынѣшнимъ военнымъ временемъ, дать имъ невозможно. Монахи разоренныхъ Турками монастырей, не имѣющіе мѣста и пропитанія, также могутъ переселяться въ Россію и жить въ здѣшнихъ монастыряхъ. Знаковъ милости царской, какъ-то: портретовъ и т. п., давать теперь за мирнымъ съ Турками постановленіемъ невозможно, развѣ когда Турки вступятъ дѣйствительно въ войну съ Венеціанами и въ такое состояніе придутъ, что опасности отъ нихъ не будетъ. Митрополиту архіерейскія одежды, книги и прочее церковное украшеніе дано будетъ; а грамотъ къ митрополиту и къ народу теперь послать нельзя, ибо неизвѣстно, гдѣ они теперь обрѣтаются: есть извѣстія, что они Турками разогнаны и укрываются по разнымъ мѣстамъ“.

Въ 1715 году пріѣхалъ въ Россію самъ владыка Даніилъ и получилъ за разореніе отъ Турокъ десять тысячъ рублей, полное архіерейское облаченіе, книги. Кромѣ того, министры тайнаго колегія (Головкинъ, Шафировъ, Петръ Толстой) приговорили сверхъ посылаемыхъ въ Черногорію

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла Турецкія 1713 г.; Кабинетъ II, кн. № 18.

церковныхъ сосудовъ, одеждъ и десяти тысячъ рублей послать за ихъ службы 160 портретовъ для начальныхъ людей, всего на 1,000 золотыхъ червонныхъ. Наконецъ, государь, вѣдая подлинно, что Черногорія разорена Турками за то, что жители ея единовѣрны съ Русскими, и за то, что во время послѣдней войны они сражались за благочестивую вѣру, соизволилъ изъ монастыря Цетинскаго черногорскаго Рождества Богородицы присылать въ Россію черезъ два года въ третій за милостынею по два и по три монаха, да по два и по три бѣльца, которые будутъ получать въ каждый пріѣздъ по 500 рублей. Въ царской грамотѣ, данной при этомъ, сказано: „За нынѣшнею долгопротяжною съ еретикомъ королемъ Шведскимъ войною, на которую многія иждивенія употреблять мы принуждены, дабы оную какъ наискоряе окончить, не можемъ мы по достоинству и по заслугамъ вашимъ вамъ награжденія учинить; а впредь, когда мы миръ благополучный получимъ и отъ претяжкихъ воинскихъ иждивеній освободимся,—не оставимъ за ту вашу вѣрную службу вяще наградити.“

Милорадовичъ вступилъ въ русскую службу и сдѣланъ былъ Гадяцкимъ полковникомъ. Кромѣ него, вступили въ русскую службу другіе молдавскіе, волошскіе и сербскіе офицеры, турецкіе и цесарскіе подданные. Ихъ размѣстили: полковниковъ Кегича и Танскаго въ Кіевской губерніи, съ ихъ офицерами и рядовыми; а валахскаго полковника Гиню, четырехъ ротмистровъ, поручика, девять офицеровъ, двухъ капитановъ сербскихъ и 148 рядовыхъ Сербовъ—въ Азовской губерніи. Для житья имъ и контентованія отведены въ слободскихъ полкахъ—полковникамъ по мѣстечку или по знатному селу, а прочимъ офицерамъ по нѣскольку дворовъ; на хозяйственное обзаведеніе даны деньги и хлѣбъ, причемъ имъ объявлена царская воля для лучшаго имъ, офицерамъ, удовольствованія и пожитка даны будутъ земли, на которыхъ могутъ они поселить людей изъ своихъ народовъ, и потому пусть такихъ людей къ себѣ призываютъ, пишутъ и посылаютъ за ними въ свои края нарочно; надъ этими людьми будутъ они имѣть въ военное время команду, а въ мирное время отъ нихъ пожитокъ [1]).

Въ приведенныхъ сношеніяхъ Шафирова съ Турецкимъ правительствомъ впервые выразилась ясно тѣсная связь Турецкаго, или Восточнаго вопроса съ вопросомъ Польскимъ въ Русской Исторіи. Французъ и Шведъ постарались открыть глаза Туркамъ, и тѣ начали повторять, что для нихъ важнѣе всего, чтобъ царь не вмѣшивался въ польскія дѣла и не вводилъ войскъ своихъ въ Польшу. По этой тѣсной связи двухъ вопросовъ мы должны обратиться къ Польшѣ и посмотрѣть, какъ опредѣлились отношенія ея къ Россіи въ описываемое время.

Спѣша загладить позоръ Прутскій успѣхами въ Сѣверной войнѣ и зная, что эти успѣхи во многомъ зависѣли отъ союза съ Польшею, въ возможности проводить войска черезъ ея владѣнія, Петръ 17 іюля, извѣщая своего посланника въ Польшѣ, князя Григорія Долгорукаго, о Прутскомъ мирѣ, писалъ: „Можешь короля вѣрно обнадежить, что этотъ миръ служитъ къ великой пользѣ нашимъ союзникамъ, потому что теперь мы праздны со всею арміею, и пошлемъ какъ можно скорѣе добрую часть войска въ Померанію, и сами пойдемъ въ Пруссію къ Эльбингу, чтобъ тамъ ближе имѣть сношенія объ этомъ дѣлѣ“ [2]). Мы видѣли изъ писемъ царя къ Шафирову, что заставляло его медлить выводомъ русскихъ войскъ съ юга польскихъ владѣній; то же писалъ онъ и Долгорукому въ началѣ сентября: „Я видѣлся у Ржевускаго со всѣми гетманами и прочими принципалами, которые единогласно просили, чтобъ не выводить войска нашего; они очень боятся, чтобъ мы не оставили ихъ вовсе; я ихъ накрѣпко обнадежилъ, что не оставимъ. Богъ вѣсть ихъ внутреннее, а нынѣ не въ примѣръ кажутся ласковы“ [3]). Въ случаѣ крайности, Петръ рѣшался вывести всѣ войска изъ Польши; но онъ никакъ не хотѣлъ понимать извѣстнаго пункта Прутскаго договора такъ, что онъ не имѣетъ права проводить войска черезъ польскія владѣнія, и, двигая ихъ въ Померанію, далъ въ октябрѣ такой наказъ сыну своему, царевичу Алексѣю: „Что дѣлать въ небытіи моемъ сыну моему въ Польшѣ? 1) Сбирать магазейны и устроивать по рѣкамъ обѣимъ Вартамъ, которыя тянутъ въ Померанію, а именно на 30,000 человѣкъ на 6 мѣсяцевъ по 2 фунта хлѣба, по полфунту мяса или по четверти фунта масла, крупъ четверть четверика на мѣсяцъ, соли фунтъ на недѣлю. И для сего надлежитъ устроить коммисаровъ какъ своихъ, такъ и польскихъ, и сначала универсалы послать съ срокомъ, а потомъ посылать на экзекуцію офицеровъ и солдатъ. 2) Подъ оные магазейны надобно приготовить плотовъ и судовъ, чтобъ при первомъ вскрытіи воды возможно оное сплавить къ Штетину,—сей магазинъ, кромѣ того числа, которой нынѣ въ осень отпустить за корпусомъ Боуровымъ. 3) Для сего магазину употреблять драгунъ, которые оставлены будутъ отъ корпуса Боурова, а надъ ихъ офицерами всегда посылать офицеровъ отъ гвардіи, и напередъ передъ посылкою всѣмъ офицерамъ сказать: ежели кто чрезъ указъ возьметъ что у Поляковъ, то казненъ будетъ смертію, и чтобъ всѣ тотъ указъ подписали, дабы никто невѣдѣніемъ не отговаривался; а кто сіе преступитъ и отъ кригсрехта обвиненъ будетъ, то безъ всякаго пардона экзекуцію чинить, и самому накрѣпко при тѣхъ кригсрехтахъ смотрѣть, дабы фальши не было. Сію экзекуцію совершать, не описываясь, до полковника, а буде полковникъ или выше кто учинитъ, такихъ по осужденію кригсрехта держать за карауломъ и писать къ намъ“.

---

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Сербскія означенныхъ годовъ.

[2]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 366.

[3]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 418.

*

Но Нѣмцы, поступавшіе въ русскую службу съ единственною цѣлію обогащенія, продолжали думать, что строгіе указы царскіе относятся только къ Русскимъ. Вотъ что писалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій о поведеніи одного изъ этихъ западно-европейскихъ казаковъ: „Опредѣленъ былъ къ моей дивизіи генералъ-квартермистръ фонъ-Шицъ въ то время, когда обѣ дивизіи шли отъ прусской границы къ Торну;—тогда еще началъ помянутый генералъ-квартермистръ показывать себя, бралъ съ Поляковъ червонные; я ему говорилъ, чтобъ онъ отъ взятокъ унялся, но онъ не унялся, началъ брать деньгами и подводами подъ свой багажъ, и за фуражъ хотѣлъ брать деньгами. Пріѣзжалъ ко мнѣ коммисаръ съ великою жалобою, такъже и шляхтичъ, у котораго Шицъ взялъ 10 лошадей до Данцига, послалъ человѣка своего на двухъ лошадяхъ, а остальныхъ взялъ съ собою и не хотѣлъ отдать, просилъ 10 червонныхъ. Потомъ сталъ онъ меня просить, чтобъ ему собирать провіантъ, а безъ того дѣла своего не хотѣлъ дѣлать, и чтобъ польскій коммисаръ безъ его воли ничего не дѣлалъ; а коммисаръ мнѣ сказалъ: „Если мнѣ быть въ его волѣ, то я пойду къ королю, потому что королемъ и Рѣчью Посполитою назначенъ для прокормленія русскаго войска“; а въ пунктахъ отъ фельдмаршала намъ написано: по вступленіи въ Польшу требовать провіанта отъ коммисаровъ польскихъ, и если коммисары будутъ давать провіантъ, то на экзекуціи для сбора провіанта отнюдь не посылать“. И я Шицу въ сборѣ провіанта отказалъ, потому что это не его дѣло; управлялъ бы онъ своею частію, занималъ квартиры на дивизію и расписывалъ по полкамъ, смотрѣлъ бы того, чтобъ въ квартирахъ была людямъ выгода, чтобъ всѣ были подъ кровлею, чтобъ марши были не велики. На это Шицъ мнѣ отвѣчалъ: если не будетъ онъ собирать провіанта, то не будетъ и своего дѣла исправлять, и поѣхалъ въ Пруссію. А я, видя въ немъ такого на корысть слабаго человѣка, дать ему волю боялся гнѣва вашего величества, особенно по нынѣшнему въ Польшѣ непостоянству, и отъ фельдмаршала намъ въ пунктахъ жестоко подтверждено, что все на насъ взыщется и за всю дивизію буду я отвѣчать. Весьма корыстный человѣкъ этотъ Шицъ и никакого стыда въ корысти не имѣетъ: генералу Боуру говорилъ, что онъ для того только и въ службу вашего величества пошелъ, чтобъ, идучи чрезъ Польшу, сумму денегъ себѣ достать“.

Въ концѣ 1711 года посолъ Долгорукій далъ знать, что поѣхалъ лѣчиться въ Карлсбадъ. Будучи въ Дрезденѣ, 29 февраля 1712 года, онъ получилъ царское письмо: „Сколь скоро допустить ваше здравіе“, писалъ Петръ, „то немедленно поѣзжайте на съѣздъ въ Варшаву, и тамъ, будучи при королевскомъ величествѣ и при чинахъ Рѣчи Посполитой, престерегайте нашъ интересъ, а особливо королю и кои надежнѣй Поляки объяви, ежели будетъ что происходить отъ Турокъ о томъ пунктѣ, которой въ мирномъ договорѣ у насъ съ ними учиненъ, что намъ до Польши не интересоваться, то объяви, что оной состоитъ въ той силѣ, что намъ изъ ихъ владѣнія ничего къ себѣ не присвоять и не претендовать, и въ ихъ дѣла, которыя, касаются управленія ихъ государства, не мѣшаться, а не въ такой силѣ, чтобъ войскамъ нашимъ не имѣть проходу чрезъ Польшу въ непріятельскія границы, въ Померанію; и ежели будутъ о томъ, такожъ и о тѣхъ, которые при обозахъ обрѣтающихся войскъ въ Помераніи оставлены, Турки упоминаться, тобъ они писали отъ себя къ Туркамъ, что тѣ войска по союзу ихъ съ нами, учиненному чрезъ воеводу Хелминскаго господина Дзялинскаго, посылаются отъ насъ ради дѣйствъ въ Померанію противъ непріятеля, короля Шведскаго, и что мы въ ихъ дѣла ничѣмъ не интересуемся, дабы въ томъ у Турковъ отъ насъ всякія подозрѣнія тѣмъ отнять, и чтобъ они прежде назначеннаго воеводу Мазовецкаго конечно послали отъ себя въ послахъ къ Туркамъ и съ нимъ о томъ къ Туркамъ писали-жь. О семъ наипаче королю говори, ибо его собственной въ томъ интересъ: ибо ежели они сего не учинятъ, а Турки, толкуя сей пунктъ инако, будутъ намъ объявлять, что ежели не выведемъ войска, то войну объявятъ, тогда мы принуждены будемъ вывесть, и такъ все опровержется. Такожъ объяви королю, что мы обѣщанныя войска въ Померанію конечно пошлемъ, хотя-бъ противъ всякаго чаянія Турки и миръ разорвали, и я самъ буду, ежели они чрезъ посольство Туркамъ противъ вышеписаннаго объявятъ, ибо у Кіева для всякой осторожности фельдмаршала Шереметева опредѣлили“.

Поляки ничего не имѣли ни противъ пребыванія русскихъ войскъ въ Польшѣ, ни противъ прохода ихъ въ Померанію черезъ польскія владѣнія, только не хотѣли кормить ихъ. По пріѣздѣ въ Варшаву, Долгорукій писалъ Головкину въ началѣ апрѣля: „О сборѣ въ познанскій магазинъ провіанту отъ королевскаго величества указу и отъ Поляковъ позволенія здѣсь на сеймѣ домочися мнѣ ни которыми мѣры не возможно, понеже того и слышать не хотятъ, которыхъ я никогда такъ противныхъ къ нашей сторонѣ не видалъ какъ нынѣ, и не токмо до магазину провіантъ собирать, но и въ проходѣ нашимъ войскамъ пропитанія дать не хотятъ, и съ великимъ усиліемъ и голосами просятъ у короля, чтобъ конечно изволилъ выдать универсалы, дабы войску нашему ничего не давать. Пріѣзжая ко мнѣ купно бискупъ Куявской, канцлеръ коронной Шембекъ и маршалокъ сеймовой гетманъ польной Литовской графъ Денгофъ, объявили, что конечно король удержать Рѣчь Посполитую отъ посполитаго рушенія не можетъ, токмо развѣ чрезъ тѣ универсалы, которыми принужденъ былъ обѣщать, чтобъ войскамъ нашимъ ничего не давать. Чего ради я довольно его королевскому величеству предлагалъ, дабы такихъ универсаловъ выдавать не изволилъ и тѣмъ насъ въ вящую ссору съ

Поляки не приводилъ, и труждаюся, дабы оной сеймъ былъ разорванъ, или лиментованъ до иного времени, понеже изъ оного нашему интересу ни малаго пожитку не будетъ, ибо факціи многія непріятельскія происходятъ, которой сеймъ, чаю, въ скоромъ времени скончится, и по окончаніи онаго въ сенатусъ-консиліумѣ буду по всякой возможности въ интересѣ царскаго величества трудиться, а наипаче о магазинахъ для пропитанія въ Помераніи войскъ".

Сеймъ отложили до декабря, но, грозя посполитымъ рушеньемъ, вытребовали у короля универсалы, чтобъ не давать русскимъ войскамъ продовольствія. Долгорукій объявилъ многимъ сенаторамъ и посламъ публично, что русскимъ войскамъ, служа и умирая за нихъ, безъ провіанта вѣтромъ прокормиться невозможно. Король и доброжелательные Поляки сказали ему, что русскому войску безъ провіанта пробыть нельзя, только сбирать его надобно доброю манерою, безъ отягощенія народнаго. Долгорукій написалъ царевичу Алексѣю Петровичу, чтобъ приказалъ сбирать провіантъ добрымъ порядкомъ, не отягощая чрезмѣрно тѣ воеводства, которыя близки къ Помераніи: иначе жители покинутъ несѣянную землю и уйдутъ за рубежъ; тогда съ пустой земли нельзя будетъ ничего получить. Король по секрету совѣтовалъ Долгорукому, чтобъ Русскіе удерживали въ Торнѣ суда съ хлѣбомъ, плывущія по Вислѣ, и брали съ нихъ провіантъ въ магазинъ; но Долгорукій не послушался, потому что въ такомъ случаѣ озлобленіе дошло бы до высшей степени, такъ какъ суда принадлежали знатнымъ панамъ и богатой шляхтѣ [1]).

Озлобленіе и безъ того было сильное. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій съ начала года нѣсколько разъ писалъ изъ Торна, что Поляки провіанта давать не хотятъ, изъ Краковскаго воеводства выслали русскаго офицера Соловово съ великимъ безчестіемъ. Гетманъ Синявскій повсюду разослалъ указы, чтобъ не давали Русскимъ провіанта. Въ Радомѣ собралась рада: съѣхались всѣ сенаторы и со всѣхъ воеводствъ и повѣтовъ послы и коммисары, и положили: не давать провіанта, и русскихъ офицеровъ, посланныхъ за провіантомъ, выбить. Гетману и сенаторамъ стоило большого труда удержать шляхту, которая хотѣла непремѣнно разорвать союзъ съ Россіею. 4 февраля пріѣхали къ Долгорукому въ Торнъ послы отъ Рѣчи Посполитой и говорили, чтобъ русскіе офицеры были выведены изъ воеводствъ, и чтобъ войска, стоящія въ Польшѣ по квартирамъ, ничего не брали: „Если вы", говорили послы, „будете сбирать провіантъ, то мы непремѣнно всѣ животы свои за вольность свою отдадимъ; никогда не бывало, чтобъ безъ воли Рѣчи Посполитой разсылали универсалы и экзекуціи для сбора провіанта" [2]).

Вслѣдствіе этихъ столкновеній усиливалась партія недовольныхъ королемъ Августомъ. На помощь этой партіи Карлъ XII выслалъ десятитысячное войско, состоявшее изъ Поляковъ, казаковъ и Татаръ, подъ начальствомъ старосты Равскаго Грудинскаго (Яна изъ Грудни). Вступивъ въ Польшу, Грудинскій разослалъ универсалы противъ Русскихъ и короля Августа, и направлялся къ Познани съ цѣлію захватить стоявшіе тамъ русскіе обозы и сжечь магазинъ. Это сильно встревожило въ Варшавѣ князя Григорія Долгорукаго, потому что обозовъ и драгунскихъ лошадей было много у Познани, а людей мало; онъ немедленно отдѣлилъ отъ войскъ князя Репнина и отправилъ къ Познани три тысячи пѣхоты и одинъ полкъ драгунскій; собрался и самъ идти вслѣдъ за ними, потому что отовсюду приходили тревожные слухи: Поляки цѣлыми хоругвями приставали къ Грудинскому; воеводства Краковское, Сѣрадское и Калишское, безъ королевскихъ универсаловъ, сѣли на коней для посполитаго рушенья; Любельское воеводство выбрало себѣ маршалкомъ Тарло, непріязненнаго королю Августу; волненія коснулись и Литвы, гдѣ староста Бобруйскій присталъ къ недовольнымъ. Долгорукій писалъ Головкину: „Если король не пріѣдетъ теперь въ Польшу и войска наши выйдутъ въ Померанію, то надобно опасаться, что Польша и Литва взбунтуются на послѣднюю свою гибель и разореніе, чѣмъ могутъ не только въ Помераніи диверсію учинить, но и опять на нѣсколько лѣтъ войну продолжить, потому что я никогда не видалъ королевскую партію въ такомъ безсиліи, какъ на нынѣшнемъ сеймѣ; противники королевскіе явно что хотѣли, то и дѣлали".

Долгорукій не напрасно безпокоился за Познань; недалеко отъ этого города, при мѣстечкѣ Пыздрахъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ посланный Грудинскимъ стражникъ Загвойскій напалъ на Кіевскій полкъ и разбилъ его: обозъ былъ разграбленъ, полковникъ Гордонъ и майоръ Розенъ взяты въ плѣнъ. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, бывшій въ Познани съ войскомъ, доносилъ, что несчастіе случилось по глупости полковника Гордона. Князь Василій спѣшилъ поправить эту глупость, и 15 іюня, при мѣстечкѣ Вреснѣ, побилъ на-голову соединенныя войска короннаго писаря Потоцкаго и Грудинскаго, причемъ у Поляковъ было 15,000 войска, а у Русскихъ 2,700; Долгорукій преслѣдовалъ непріятеля пять миль: „Многихъ побили и перестрѣляли", писалъ Долгорукій, „а въ полонъ я брать не велѣлъ подъ великимъ штрафомъ, велѣлъ рубить и стрѣлять, и рубили, какъ могли догнать, и они пришли въ великій страхъ и побѣжали въ лѣсъ кои куды безпамятно, и далѣ того гнать за ними стало не можно, понеже лошади наши притомились. Непріятель сталъ прониматься къ Калишу, и я писалъ къ рементарю Брюховскому, который отправленъ отъ Синявскаго съ войскомъ и прибылъ къ Калишу, чтобъ разбитаго непріятеля какъ-нибудь престерегъ, и они попали ему въ руки: польскія хоронгви сдались, а казаковъ Запорожскихъ и во-

[1]) Московскій Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія 1712 года; Кабинетъ II, кн. № 17.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 15.

лоскія хоронгви вырубилъ. И сей огнь, Божію милостію и счастіемъ премилостивѣйшаго нашего монарха, пресѣкся".

Въ Польшѣ огнь пресѣкся, но зажигался съ другой стороны: грозила Турецкая война, причемъ Россіи нужно было обезпечить себя насчетъ Польши. На варшавскій сеймъ, собранный въ концѣ 1712 года, отправленъ былъ камергеръ и полковникъ князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой, въ характерѣ министра, вмѣстѣ съ секретаремъ государственныхъ дѣлъ, Васильемъ Степановымъ. Они должны были требовать: чтобъ король и Рѣчь Посполитая помогали царю въ предстоящей войнѣ Турецкой и выставили бы на границахъ войска свои, коронныя и литовскія, которыя должны дѣйствовать согласно съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ, стоящимъ съ войскомъ у Кіева; также чтобъ король отправилъ крѣпкіе указы послу своему въ Константинополѣ — стараться всѣми силами объ отвращеніи войны, представляя, что въ Польшѣ нѣтъ ни одного человѣка изъ русскаго войска. Если же Турки не обратятъ вниманія на эти представленія, то объявить имъ, что король и Рѣчь Посполитая съ царемъ въ вѣчномъ союзѣ, и потому обязаны помогать ему. Если Поляки станутъ упоминать о Лифляндіи, требовать ея отдачи имъ по договору, то Трубецкой и Степановъ должны были обнадежить ихъ, что царское величество не измѣнитъ прежняго рѣшенія своего отдать Лифляндію Польшѣ. Если же Поляки не удовольствуются этимъ обнадеживаніемъ и станутъ требовать немедленно отдачи Ливоніи, то объявить имъ, что царское величество согласенъ пустить въ Ригу нѣсколько польскихъ войскъ, которыя будутъ содержать гарнизонъ вмѣстѣ съ Русскими, а доходы будутъ идти въ казну царскую; по окончаніи же войны страна отдана будетъ Польшѣ со всѣми доходами. Если Поляки станутъ говорить, чтобъ быть въ Ливоніи римскимъ костеламъ, то объявить, что царское величество взялъ Ригу на капитуляцію, причемъ обѣщано свободное отправленіе вѣры, и нарушить этого обѣщанія теперь нельзя; когда же, по заключеніи мира, Поляки примутъ Ливонію въ свое владѣніе, то могутъ поступать въ ней, какъ хотятъ.

Въ январѣ 1713 года Трубецкой и Степановъ пріѣхали въ Варшаву и застали еще сеймъ. 17 числа король объявилъ имъ наединѣ, что по вѣрнымъ извѣстіямъ Турки войны не начнутъ и раскаяваются въ томъ, что ее объявили. „Донесите объ этомъ царскому величеству", продолжалъ король, „и напишите, чтобъ не вводилъ войскъ въ Польшу, ибо этимъ подастся Туркамъ причина къ войнѣ". Трубецкой отвѣчалъ, что не надобно полагаться ни на какія извѣстія, и заранѣе сдѣлать всѣ приготовленія къ войнѣ, и просилъ короля дать немедленное рѣшеніе на всѣ его предложенія, чтобъ обнадежить царское величество. „Отнюдь не упоминайте ни о чемъ на сеймѣ", сказалъ король, „чтобъ намъ его окончить безо всякаго помѣшательства, а послѣ сейма буду всячески стараться удовольствовать царское величество". Трубецкой и Степановъ доносили, что они и сами видятъ на сеймѣ много непріятельскихъ факцій, и если объявить царское предложеніе на сеймѣ, то получится непремѣнно отказъ, и потому они посполитому народу ничего не объявляютъ, а напоминаютъ о томъ безпрестанно гетману, канцлеру и другимъ доброжелательнымъ людямъ, которые послѣ сейма обѣщаютъ удовлетворить царскимъ требованіямъ въ сенатѣ.

Сеймъ р а з о р в а л с я, т.-е. разошелся, не постановивши ничего. 11 февраля Трубецкой и Степановъ подали королю меморіалъ на основаніи своихъ инструкцій, и получили отвѣтъ, что такъ какъ они не имѣютъ полномочія, то дѣло должно быть отложено до пріѣзда новыхъ царскихъ коммисаровъ съ полною мочью, а теперь король можетъ обѣщать одно, что весною коронныя войска получатъ указъ стать у Каменца-Подольскаго. Послѣ этого канцлеръ и епископъ Куявскій объявили Трубецкому и Степанову, что если будутъ присланы коммисары съ полною мочью, но не будутъ имѣть указа объ отдачѣ всей Лифляндіи, а не одной только Риги, то польскіе коммисары не будутъ съ ними вести переговоровъ.

Трубецкой и Степановъ уѣхали изъ Варшавы, поручивши всѣ дѣла резиденту Дашкову. 1713 годъ прошелъ въ тревожныхъ ожиданіяхъ, что предпримутъ Турки. Въ концѣ года Русское правительство озабочено было слухами, что Августъ II хочетъ заключить съ Шведскимъ королемъ отдѣльный миръ, при посредничествѣ короля Французскаго; поэтому въ началѣ 1714 года Головкинъ писалъ Дашкову: „Раздѣвывай секретно, чрезъ кого можешь, о королевскихъ поступкахъ и намѣреніяхъ, которыя могутъ повредить Сѣверному союзу; а что увѣдаешь или самъ предусмотришь, о томъ давай сюда знать обстоятельно". Совѣтникъ польскаго посольства въ Петербургѣ объяснилъ словесно Петру, что его король хочетъ заключить союзъ съ Франціею и посылаетъ своего министра въ Парижъ. Это заставило Петра написать Августу: „Не можемъ мы вашему величеству дружебно-братски не объявить, что намъ сія негоціація съ Франціею видится не вовремя предпринятая, и не иначе намъ какъ зѣло подозрительна быть можетъ. Хотя бы сія негоціація имѣла цѣлію только удержаніе Порты отъ разрыва, какъ вашъ совѣтникъ посольства здѣсь обнадеживалъ, однако мы не знаемъ, какъ можно было надѣяться на французскія обѣщанія, имѣя въ памяти прежніе поступки Французскаго Двора, какъ сильно онъ всегда у Порты интересовался за Шведа и искалъ его возстановленія. Вашему величеству самому извѣстно, какое тѣсное обязательство всегда между Франціею и Швеціею было, какой великій интерессъ Франція имѣетъ въ томъ, чтобъ Швеція была сохранена. Вамъ такъ же извѣстно, какую непримиримую злобу король Шведскій всегда и теперь еще питаетъ къ

вашей высокой особѣ; и хотя бы Франція убѣдила его эту злобу на нѣкоторое время отложить, однако это будетъ сдѣлано только для выигранія времени, чтобъ потомъ снова еще съ большею силою обнаружить ее противъ васъ. Кромѣ того, извольте разсудить: вы, съ нашего согласія, приказали объявить, что мы готовы принять посредничество императора и обѣихъ морскихъ державъ для заключенія мира съ Швеціею,—какое же великое подозрѣніе эта негоціація ваша съ Франціею возбудитъ у Цесаря и всего Римскаго государства? И не будетъ ли Цесарь побужденъ ею поспѣшить миромъ съ Франціею, который дастъ ему возможность вмѣшиваться въ сѣверныя дѣла къ предосужденію вашего величества, не упоминая о многихъ другихъ вредныхъ послѣдствіяхъ французскаго союза. По нашему мнѣнію, Французскій король имѣетъ единственною цѣлію усыпить ваше величество и мнимыми обѣщаніями отлучить отъ союза; и хотя мы не думаемъ, чтобъ вы допустили отлучить себя отъ союза, однако не можемъ не представить вамъ, какое попеченіе имѣли мы до сего времени о вашемъ интересѣ и удержаніи васъ на Польскомъ престолѣ, какъ вѣрно во всѣхъ нашихъ предпріятіяхъ съ вами поступали, и еще недавно всякое вспоможеніе противъ Порты обѣщали, и потому мы никогда не могли ожидать, чтобъ ваше величество вступили въ союзъ съ Франціею безъ нашего согласія и вѣдома".

Получивши это письмо, Августъ отдалъ его фельдмаршалу Флеммингу, потомъ самъ поѣхалъ къ нему и долго съ нимъ разговаривалъ. Флеммингъ объявилъ Дашкову, что король и не мыслитъ входить ни въ какія партикулярныя сношенія съ Шведомъ, никакой нужды въ томъ нѣтъ и никакой прибыли, и съ королемъ Французскимъ никакого трактата не заключено: французскій министръ подалъ проектъ, и король Франціи не отказываетъ, чтобъ выиграть время относительно Турціи, и дѣйствительно послалъ своего министра въ Парижъ для того только, чтобъ Францію держать въ надеждѣ, а не въ самомъ дѣлѣ выслушивать отъ нея предложенія. „Донесите царскому величеству", говорилъ Флеммингъ, „что я отнюдь до того не допущу, изволилъ бы на меня надѣяться крѣпко, еслибъ я усмотрѣлъ что-нибудь подобное, то служить бы больше не сталъ, потому что стыдъ и срамъ былъ бы намъ на весь свѣтъ. И то король не хорошо сдѣлалъ, что и первый трактатъ съ Шведомъ заключилъ безъ воли царскаго величества; но тогда были самыя натуральныя причины, потому что Шведскій король былъ въ великомъ счастіи, войска саксонскія, польскія и русскія не могли противъ него стоять,—вездѣ проигрывали, притомъ вошелъ онъ въ самое сердце Саксоніи; до того трактата довела короля десперація, а теперь никакой причины нѣтъ; разсѣваютъ такія дѣла наши непріятели".

Не полагаясь на слова Флемминга, Дашковъ всячески провѣдывалъ стороною,—и ничего не могъ узнать. Говорилъ съ канцлеромъ коронньмъ Шембекомъ, представляя ему послѣднюю польскую пагубу отъ французскаго союза и партикулярнаго мира съ Швеціею. Шембекъ клялся, что ничего не знаетъ, напротивъ: много разъ слышалъ онъ отъ короля, что нынѣшній Сѣверный союзъ не только надобно содержать въ цѣлости до конца войны, но и послѣ нея надобно его обновить.

Но Петръ, наученный опытомъ, такъ былъ встревоженъ извѣстіями о сношеніяхъ Августа съ Швеціею и Франціею, что отправилъ къ королю камергера Семена Нарышкина, „дабы подлинно ваше величество намъ объявить изволилъ, истинно ль сіе, или неправое разглашеніе", какъ писалъ царь Августу. Нарышкинъ пріѣхалъ въ Дрезденъ 12 марта 1714 года, и на третій день представился королю. „Можетъ быть", сказалъ Августъ, „царское величество получилъ извѣстіе о моихъ сношеніяхъ съ Швеціею отъ тѣхъ, которые сами склоннѣе къ партикулярному миру съ нею, чѣмъ я". Въ этихъ словахъ заключался намекъ па Датчанъ. 21 числа Нарышкинъ обѣдалъ у короля, который за столомъ тихо говоритъ ему: „Клянусь, что всегда буду въ союзѣ съ царскимъ величествомъ вѣрно и партикулярнаго мира съ Шведами отнюдь не заключу". То же самое король повторилъ, отпуская Нарышкина; то же написалъ и въ отвѣтной грамотѣ своей къ царю.

Царь боялся, что Августъ заключитъ отдѣльный миръ со Швеціею; Августъ боялся того же самаго съ русской стороны. Къ Дашкову обращались съ вопросами: вѣрно ли извѣстіе, что царское величество трактуетъ со Шведами. Еще болѣе боялись, чтобъ недовольная Августомъ Литва не обратилась къ царю съ просьбою о помощи. Сильное подозрѣніе возбудила поѣздка Огинскихъ въ Петербургъ; король не хотѣлъ вѣрить Дашкову, чтобъ со стороны этихъ вельможъ не было никакого предложенія царю, чтобъ они ѣздили въ Петербургъ по своимъ частнымъ дѣламъ: „Хотя царское величество", говорилъ король, „и не принялъ отъ Огинскихъ предложенія, однако они предлагали". Начали стращать Дашкова, говорили: „Если царское величество скоро не отдастъ Риги королю съ провинціею, то Англія, Голландія и Прусскій король примутъ свои мѣры". Дашковъ отвѣчалъ: „Мы такихъ страховъ не боимся; не изъ страха, но для исполненія договора царское величество удовлетворитъ въ этомъ короля". А коронный канцлеръ Шембекъ тайно говорилъ Дашкову: „Отправлено полномочіе къ королевскому резиденту въ Россіи, чтобъ требовалъ Риги, а Рѣчь Посполитая о томъ и не вѣдаетъ". „Если надобно", писалъ Дашковъ, „чтобъ Рига нѣсколько времени осталась за нами, то нужно здѣсь тайкомъ подкупить Поляковъ, чтобъ требовали у короля посылки уполномоченнаго отъ Рѣчи Посполитой къ царскому величеству, относительно отдачи Риги съ провинціею; король отнюдь не захочетъ, чтобъ въ Ригѣ былъ польскій гарнизонъ, и потому не пошлетъ польскаго уполномоченнаго, и такимъ обра-

зомъ въ ихъ прекословіи можно Ригу и не отдавать скоро. Королевскіе министры всѣми мѣрами стараются, чтобъ Рига была въ рукахъ королевскихъ,— и слышать не хотятъ о томъ, чтобъ была въ рукахъ польскихъ".

Прекословіе между Польскимъ королемъ и Польшею становилось день ото дня сильнѣе. Поляки требовали, чтобъ король вывелъ отъ нихъ свое саксонское войско; король для вывода половины войска требовалъ денегъ, провіанту и подводъ на дорогу; шляхта не хотѣла ничего давать; гетманъ великій коронный Синявскій утверждалъ ее въ этомъ. Подъ Опатовымъ шляхта начала-было собираться противъ Саксонцевъ; тѣ, въ числѣ 5,000, стали обозомъ,—и шляхта утихла, но не прекратилась ненависть между нею и Саксонцами. Канцлеръ коронный Шембекъ жаловался Дашкову, что король ничего ему не сообщаетъ о дѣлахъ между Россіею и Польшею, все дѣлаетъ чрезъ своихъ саксонскихъ министровъ. Канцлеръ продолжалъ быть на жалованьи у Русскаго Двора вмѣстѣ съ другими знатнѣйшими вельможами. „Просилъ меня канцлеръ великій коронный", писалъ Дашковъ Головкину, „чтобъ я вашему сіятельству донесъ о годовомъ ему жалованьи, ибо уже годъ давно минулъ, а трудовъ его, правда, здѣсь много и объ интересахъ царскаго величества имѣетъ всегда стараніе и безпрестанно при королѣ живетъ; а бискупъ Куявскій хотя попрежнему нашъ пріятель, но никогда при королѣ не живетъ, пріѣдетъ развѣ на недѣлю и опять уѣдетъ, и уже отъ публичныхъ дѣлъ началъ отваливаться, а живетъ по своимъ деревнямъ, строитъ и деньги сбираетъ, и ему давать не-за-что, и когда бы пришло какое дѣло на сеймѣ, то и тогда ему можно вексель дать; также и гетману коронному давать нынѣ не-для-чего, потому что и безъ того можетъ онъ царскому величеству быть вѣренъ, ибо королевское величество гораздо къ нему недобръ".

Между тѣмъ подозрѣнія насчетъ поведенія короля Августа относительно Россіи все увеличивались. Августъ оказывалъ явное расположеніе прежнимъ врагамъ своимъ, Кіевскому воеводѣ Потоцкому, старостѣ Бобруйскому Сапѣгѣ и другимъ; разсказывали, что Сапѣга совѣтуетъ королю начать войну противъ Россіи заодно съ Турціею. Дашкову были подозрительны тайные переговоры короля и Флемминга съ крымскимъ посланникомъ; онъ далъ 35 червонныхъ переводчику послѣдняго, и тотъ разсказалъ ему слѣдующее: посланникъ обнадежилъ короля, что, по настоянію хана, Порта опять объявитъ войну Россіи; а король ему говорилъ, что и онъ съ Поляками будетъ помогать Туркамъ для отобранія Кіева и Смоленска; и если бы гетманы не захотѣли ему помогать, то есть люди, которые могутъ отнять у гетмановъ войска коронныя и литовскія, т.-е воевода Кіевскій и староста Бобруйскій. Воевода Кіевскій съ товарищи послали къ Портѣ свои проэкты, обнадеживая, что Поляки всѣ будутъ съ Турками. „Впрочемъ я не думаю", писалъ Дашковъ, „чтобъ Поляки послушались короля и начали войну съ нами безо всякой причины: они совсѣмъ обнищали, нѣтъ у нихъ ни денегъ, ни лошадей, ни скота, рады и свое отдать, только чтобъ въ мирѣ жить; Саксонія также обнищала отъ несносныхъ и безпрестанныхъ контрибуцій. Въ Польшѣ никогда такъ голодно не бывало, какъ теперь: во многихъ воеводствахъ начали покупать корецъ ржи по 40 злотыхъ, а корецъ малымъ больше нашей осьмины; недородъ былъ великій; я самъ видѣлъ, что не мужики, а убогая шляхта по нѣскольку недѣль не ѣдятъ хлѣба,—только овощами питаются" [1]). То же самое доносилъ и князь Василій Владиміровичъ Долгорукій: „Въ Польшѣ, государь, не малая конфузія. Саксонцевъ по квартирамъ въ Польшѣ и Литвѣ, сказываютъ, около 30,000, и поступаютъ они съ Поляками очень гордо, что Полякамъ, по ихъ нравамъ, всего противнѣе; деньги положены съ каждаго двора на мѣсяцъ по 32 злотыхъ. Сильно озлоблены Поляки, и думаю, на сколько я ихъ знаю, что будетъ между ними смута; и какъ мы теперь видимъ житье польское—несносно имъ, не могутъ выдержать; такъ стали убоги, что повѣрить нельзя" [2]).

Дѣйствительно, королю Августу было не до войны съ Россіею: на сеймикахъ Поляки объявили, что добровольно ничего не дадутъ Саксонцамъ, пусть берутъ сами до времени; многіе кричали, что ихъ вольность уже кончается, и остается одно спасеніе – просить обороны у Россійскаго орла. Саксонцы начали собирать деньги сами; Дашковъ началъ говорить пріятелямъ своимъ по секрету, что царское величество, жалѣя пріятелей своихъ, чтобъ не пришли безо всякой нужды до крайняго разоренія, велѣлъ предложить королю о выводѣ саксонскихъ войскъ изъ Польши. Пріятели были очень благодарны за такую милость и говорили: „Мы до сихъ поръ думали, что король не выводитъ отъ насъ своихъ Саксонцевъ съ позволенія царскаго величества, и потому не смѣли и рукъ поднять на Саксонцевъ, а теперь поведемъ дѣло иначе: если Саксонцы останутся здѣсь до весны, то мы ихъ выгонимъ". Со стороны Русскаго Двора дѣйствительно было сдѣлано королю предложеніе о выводѣ саксонскихъ войскъ изъ Польши; Августъ велѣлъ сказать Дашкову, что саксонскія войска необходимы въ Польшѣ по случаю проѣзда Шведскаго короля изъ Турціи. Дашковъ отвѣчалъ, что царь требуетъ вывода Саксонцевъ не для своего частнаго, но для общаго интереса, ибо между Поляками сильное неудовольствіе, и готовы они пристать не только къ Шведу, но и къ самому дьяволу; притомъ король Шведскій хорошо знаетъ, что на границахъ польскихъ и литовскихъ стоитъ большое русское войско, которое у него въ бо́льшей консидераціи, чѣмъ саксонское войско.

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., дѣла Польскія 1714 г.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 17.

Сильно отговаривался отъ вывода саксонскихъ войскъ изъ Польши отправляемый королемъ въ Россію тайный совѣтникъ Фицтумъ въ концѣ 1714 года. „Если король всѣ войска выведетъ“, говорилъ Фицтумъ, „то надобно опасаться, что шведскіе приверженцы опять поднимутся и произведутъ такое возмущеніе, котораго послѣ и усмирить будетъ нельзя, особенно если король Шведскій также что-нибудь предприметъ. Притомъ, если король выведетъ войска изъ Польши, то, не имѣя чѣмъ ихъ кормить, принужденъ будетъ половину распустить, что не будетъ полезно царскому величеству“. Фицтумъ былъ присланъ съ требованіемъ отдачи Лифляндіи. Ему отвѣчали, что царь отъ исполненія трактата не отречется, но надобно смотрѣть, чтобъ отъ этого исполненія не выросло большаго зла: если царь отдастъ теперь Лифляндію, то Поляки станутъ кричать, что король хочетъ сдѣлаться самовластнымъ, и что царь ему въ этомъ помогаетъ, и станутъ искать покровительства у Турокъ; слѣдовательно, всего лучше отложить отдачу Лифляндіи до заключенія мира. Фицтумъ возражалъ, что царь долженъ немедленно отдать Лифляндію для показанія передъ всѣмъ свѣтомъ своей умѣренности: многія державы и такъ уже завидуютъ и внушаютъ королю, что царь никогда не уступитъ ему Лифляндіи; надобно опасаться, чтобъ другія державы не согласились овладѣть Лифляндіею, и тогда она ни царю, ни королю не достанется. Что же касается до неудовольствія Поляковъ, то король беретъ на себя потушить это неудовольствіе. Если Лифляндія отдана будетъ королю Польскому и курфюрсту Саксонскому, то никто не можетъ догадаться, отдана ли она его величеству, какъ избранному королю Польскому, или отдана наслѣдственно, какъ курфюрсту Саксонскому.

Отношенія Августа II къ Россіи и отношенія польскихъ его подданныхъ къ нему самому были таковы, что требовали присутствія въ Польшѣ искуснаго дипломата, и, весною 1715 года, въ Варшаву отправился снова князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій, а Дашковъ поѣхалъ на резиденцію при коронномъ гетманѣ. Первымъ дѣломъ Долгорукаго по пріѣздѣ въ Варшаву было требовать отъ короля пропуска русскаго войска чрезъ Польскія владѣнія. Августъ отговаривался отъ этого всѣми мѣрами, представляя: и голодъ, свирѣпствовавшій въ Польшѣ, и ненадобность въ большомъ войскѣ, потому что Шведовъ мало и король Прусскій готовъ ударить на нихъ съ многочисленною арміею, и страхъ, что вступленіемъ русскихъ войскъ въ Польшу возбудятся подозрѣнія Турокъ. Долгорукій не вѣрилъ, чтобы прусское войско скоро начало дѣйствовать противъ Шведовъ, ибо зналъ, какъ французскіе министры переѣзжаютъ отъ Прусскаго Двора къ Шведскому и трактуютъ; видѣлъ, какъ французскій министръ при Польскомъ Дворѣ, Безанваль, находится въ необыкновенной милости у Августа II, видится съ нимъ, когда хочетъ. О положеніи дѣлъ въ Польшѣ Долгорукій доносилъ: „Примасъ, гетманы и всѣ принципалы сильно недовольны королемъ; всѣ живутъ по своимъ мѣстностямъ и ѣхать ко Двору не хотятъ, потому что не могутъ упросить короля о милосердіи своему народу: сбираютъ новую контрибуцію, не обходя и гетманскія имѣнія; два года уже недородъ, въ-сыть не ѣдятъ, но по лѣсамъ и полямъ быліемъ питаются и мрутъ съ голоду; всѣ единогласно говорятъ, что если нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ такой-же неурожай, и король милосердія не покажетъ, войскъ саксонскихъ не выведетъ, то, покинувъ отечество, пойдутъ за границы, гдѣ могутъ сыскать себѣ пропитаніе. Въ такое убожество и безсиліе здѣшнее государство пришло, что хуже быть нельзя, и нельзя повѣрить, если кто самъ не увидитъ; не въ одной пищѣ — во всемъ великая скудость; ни съ какой стороны изъ-за границъ ни съ какимъ товаромъ не ѣдутъ“. Относительно прохода русскихъ войскъ чрезъ Польшу Долгорукій переговорилъ съ доброжелательными сенаторами и далъ знать Головкину, что въ случаѣ нужды можно двинуть войска въ Польшу безъ всякихъ предварительныхъ просьбъ и домогательствъ. „Король къ намъ очень холоденъ“, писалъ Долгорукій, „и знаю навѣрное, что пріѣздомъ моимъ недоволенъ“.

Въ августѣ Долгорукій далъ знать, что были въ Варшавѣ коронные гетманы и нѣкоторые сенаторы, и домогались у короля вывода изъ Польши саксонскихъ войскъ, но получили отказъ, притомъ же наложена новая тяжкая контрибуція, которой выплатить никакъ нельзя. Долгорукій обнадеживалъ гетмановъ протекціею царскою: „По окончаніи войны принудимъ короля вывести изъ Польши его войска, только потерпите хотя во время нынѣшней кампаніи“. Гетманы обѣщались терпѣть, только выразили опасеніе, чтобъ шляхта съ отчаянія чего-нибудь не начала, а особенно боялись за Литву, гдѣ гетманъ Потѣй уже выдалъ универсалы противъ войскъ королевскихъ. Долгорукій совѣтовалъ Головкину, если Потѣй пришлетъ къ царю съ просьбою о покровительствѣ, то не обнадеживать его скоро и не отказывать вовсе, но удержать отъ возстанія на нынѣшнее время, потому что хотя король и думаетъ о самодержавіи, однако скоро достигнуть своей цѣли не можетъ, и ему, Долгорукому, можно еще этому помѣшать, а по окончаніи войны можно взять Поляковъ въ свое покровительство и уничтожить королевское намѣреніе.

Долгорукому было много хлопотъ: король боялся, что русскія войска вступятъ въ Польшу на помощь недовольнымъ; Поляки, наоборотъ, боялись, что войска эти идутъ на помощь къ королю противъ Потѣя; Долгорукій долженъ былъ увѣрять всѣхъ, что русскія войска идутъ въ Померанію, по требованію Даніи и Пруссіи, и никогда не думаютъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Польши. Съ другой стороны, Долгорукій писалъ Потѣю, чтобъ тотъ подождалъ хотя бы до окончанія Померанской кампаніи; но въ Литвѣ не хотѣли ждать, опредѣлили со-

брать регулярнаго войска 8,600 человѣкъ, собирать на его содержаніе деньги, а Саксонцамъ отнюдь ничего не давать и на квартиры не пускать, отражая силу силою. Король собрался въ походъ на Литву; Долгорукій отговаривалъ его, представлялъ, что этимъ походомъ Потѣя можно привести въ отчаяніе: станетъ онъ ходить со всѣми людьми по Польшѣ и по Литвѣ и всѣхъ бунтовать противъ Саксонцевъ,—къ нему пристанутъ не только Литва, но и коронный народъ и всѣ войска, отчего можетъ разгорѣться такой великій огонь, котораго долго погасить будетъ нельзя. Съ другой стороны, Потѣю дано было знать, что царь не желаетъ возстанія,—и въ Литвѣ все успокоилось; въ сентябрѣ король уѣхалъ въ Саксонію, упросивъ Долгорукаго остаться въ Польшѣ и наблюдать, чтобъ здѣсь не вспыхнуло возстаніе.

Возстаніе вспыхнуло. Коронное войско составило конфедерацію при Сендомирѣ и выбрало въ маршалки ротмистра Гуржинскаго, одного изъ приверженцевъ Лещинскаго; начались у конфедератовъ битвы съ саксонскими войсками, причемъ послѣднія, захватываемыя по частямъ, терпѣли сильный уронъ; многія воеводства уже садились на коней для соединенія съ возставшими. Долгорукій немедленно написалъ фельдмаршалу Шереметеву, чтобъ помедлилъ походомъ въ Померанію и остановился въ Польшѣ для заданія страху конфедератамъ; писалъ къ короннымъ гетманамъ, чтобъ старались потушить возстаніе; писалъ и къ Гуржинскому, грозя приходомъ русскихъ войскъ; разослалъ офицеровъ по воеводствамъ съ успокоительными письмами. „Можно за великое счастіе почитать“, писалъ Долгорукій Головкину, „что войска наши теперь такъ близко стоятъ отсюда, и еслибъ не они, то вся корона и Литва были бы противъ короля, всѣ Саксонцы въ Польшѣ пропали бы, и могла бы быть здѣсь въ интересѣ нашемъ великая перемѣна. Войско наше никогда не пользовалось такою довѣренностью въ Польшѣ, какъ теперь: ни отъ одного человѣка не слыхалъ я жалобы, а только благодарность, потому что солдаты кормятся по дорогѣ безо всякаго огорченія обывателямъ. Отъ резидента Дашкова до сихъ поръ никакого извѣстія не получаю о конфедераціи, и фельдмаршалъ Флеммингъ говорилъ мнѣ, что Дашковъ, по своей частной злобѣ, склоняетъ Поляковъ противъ короля и объявляетъ имъ отъ царскаго величества претензію: еслибы Поляки не были имъ обнадежены, то не начали бы возстанія. Я къ нему неоднократно писалъ, чтобъ гетмановъ и войско удерживалъ отъ противности нынѣшнее время; а если онъ впредь ко мнѣ писать не будетъ и прежнихъ непотребныхъ глупостей не оставитъ, то я ему прикажу при себѣ быть, а на его мѣсто пошлю къ гетману кого-нибудь другого, потому что король и весь Дворъ и Поляки имъ недовольны; бискупъ Куявскій, пріѣхавъ изъ Литвы, говорилъ, чтобъ его на нынѣшнее время при гетманѣ не было, и что Потѣй по его обнадеживанію всталъ на короля“.

Хлопоты Долгорукаго достигли своей цѣли: конфедерація пріостановилась и заключила съ Саксонцами пятнадцатидневное перемиріе, объявляя, что если королевскія войска выступятъ изъ Польши, то всѣ останутся довольны и спокойны. Воеводства, которыя намѣрены были приступить къ конфедераціи, остановились по письмамъ Долгорукаго. Посолъ надѣялся больше всего на русское войско; но фельдмаршалъ Шереметевъ боялся, остановившись въ Польшѣ, не поспѣть вовремя въ Померанію. Долгорукій по этому поводу писалъ Головкину: „Зѣло опасаюсь, ежели войско наше, все перешедъ черезъ Вислу и не остановясь, пойдетъ въ Померанію, то, чаю, трудно будетъ Поляковъ успокоить, и зѣло опасно посполитаго рушенья. Я непрестанно всѣми силами труждаюсь и къ противнымъ Полякамъ пишу, и оныхъ къ трактату склоню, дабы тотъ огонь наискорѣе угасить и войска бы наши въ Помераніи не остановить; однакожъ, ежели и того скоро не могу угасить, то хотя лучше на нѣкоторое время войска наши остановить, при которыхъ надѣюсь съ помощію Божіей попрежнему въ Польшѣ покой учинить, что и аліатамъ (союзникамъ) нашимъ противно не будетъ, и могутъ разсудить, что то ни для чего учинено, токмо для общаго интересу“.

Коронные гетманы обратились къ Долгорукому съ просьбою о посредничествѣ, и посолъ отвѣчалъ имъ, что имѣетъ полномочіе для этого; и какъ только король вернется изъ Саксоніи, то съ обѣихъ сторонъ приступятъ къ трактату. „Надѣюсь (писалъ Долгорукій Головкину 25 ноября) оныхъ благополучно безъ продолженія времени къ полезному миру привесть и обѣ стороны удовольствовать, и непобѣдимое благодареніе и славу его царскому величеству въ здѣшнемъ народѣ на-вѣки оставить; и ежели будетъ которая сторона къ тому покою не склонна, то, конечно, надлежитъ черезъ вступленіе нашихъ войскъ — отъ Украйны кавалеріи и изъ Курляндіи пѣхоты — къ благополучному миру принудить, дабы не допустить которой стороны до десператіи и противной турецкой протекціи“.

Долгорукій дожидался короля; но Августа II нельзя было выманить изъ Саксоніи прежде карнавала, а между тѣмъ фельдмаршалъ его Флеммингъ, по выраженію Долгорукаго, заливалъ огонь не водою, а виномъ горячимъ, выдавъ универсалы, въ которыхъ грозилъ Полякамъ огнемъ и мечемъ; тогда конфедераты немедленно собрали коло рыцарское, гдѣ воеводства выбрали генеральнымъ маршалкомъ конфедераціи Ледуховскаго, подкоморія Кременецкаго, и отправили пословъ поднимать Литву. Долгорукій началъ хлопотать, чтобы Рѣчь Посполитая публично просила царя о покровительствѣ и посредничествѣ, вслѣдствіе чего можно было бы ввести русское войско въ Польшу и успокоить ее. Въ концѣ декабря посолъ доносилъ, что если зимою волненіе не успокоится, то на весну вся Польша и Литва будутъ въ конфедераціи. Нѣсколько разъ Долгорукій давалъ знать королю, что

присутствіе его необходимо въ Польшѣ; отвѣта не было. Долгорукій хотѣлъ трактовать и безъ короля, но съ саксонской стороны разглашалось, что русская медіація убыточна будетъ Полякамъ: поплатятся они за нее Лифляндіею. Долгорукій, съ своей стороны, велѣлъ Дашкову внушить гетманамъ, что если они заключатъ договоръ съ королемъ безъ гарантіи царскаго величества, то король не станетъ исполнять его.

Между тѣмъ русское войско, шедши въ Померанію, было удержано въ Польшѣ; королевскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ, Лосъ, на письмѣ просилъ объ этомъ царя, и хотя Поляки медлили просьбою къ царю о покровительствѣ и посредничествѣ, не медлила Литва. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ великій гетманъ Потѣй далъ знать Петру, что въ Польшѣ образовалась конфедерація, конфедераты приглашаютъ и Литовцевъ соединиться съ ними, въ противномъ случаѣ грозятъ силою къ тому ихъ принудить; гетманъ всенижайше просилъ царское величество рѣшить: какъ поступить ему въ такомъ случаѣ. Много причинъ заставляютъ въ настоящее время желать примиренія и тишины; но это примиреніе можетъ быть получено защитою и посредничествомъ царскаго величества, причемъ не должно быть употреблено оружіе,—достаточно будетъ высокой чести союзнаго монарха и его государскихъ увѣщаній; господа коронные обѣщаютъ быть уступчивыми во всемъ, какъ скоро получатъ освобожденіе отъ контрибуціи, налоговъ и утѣсненій, какъ скоро выйдутъ изъ Польши войска саксонскія; обѣщаютъ подтвердить присягою вѣрность и послушаніе королевскому величеству, и готовы всѣ сѣсть на коней противъ Шведа, лишь бы свободны были отъ утѣсненій по правамъ своимъ и вольностямъ.

14 декабря Петръ выслушалъ гетманскіе пункты и далъ такую резолюцію: его царское величество съ милостивою благодарностію признаетъ, что господинъ гетманъ, и за его управленіемъ все княжество Литовское, по совѣту его царскаго величества, въ покоѣ удержались, въ чемъ не царскаго величества, но собственный ихъ интересъ былъ. Его царское величество обнадеживаетъ, что онъ какъ до сего времени, такъ и впредъ объ интересахъ гетмана и великаго княжества Литовскаго и всей Рѣчи Посполитой попеченіе имѣть будетъ и во всякомъ зломъ случаѣ ихъ не оставитъ. Его царскому величеству самому извѣстно, какія обиды и утѣсненія чинамъ Рѣчи Посполитой отъ саксонскихъ войскъ были, и для того, по особенной своей склонности и дружбѣ къ Рѣчи Посполитой, всевозможныя добрыя средства прилагаетъ у его королевскаго величества, чтобъ имъ облегченіе и освобожденіе въ томъ исходатайствовать. Но его царское величество притомъ разсуждаетъ, что не надлежало господамъ короннымъ такіе крайніе способы предпринимать и непріятельски поступать, но должно было законными путями (добродѣтельно) искать себѣ освобожденія, тѣмъ болѣе что его царское величество свои услуги къ исходатайствованію этого облегченія многократно представлялъ и не безъ надежды былъ его получить. Его царское величество не чаетъ, чтобъ конфедераты коронные силою княжество Литовское къ соединенію съ собою принудить могли, если Литовцы не захотятъ сами. Царское величество надѣется, что эти безпокойства мирными средствами вскорѣ успокоены будутъ, въ чемъ его величество труды свои дѣйствительно прилагаетъ, и если только его посредничество Рѣчью Посполитою принято будетъ, то не сумнѣвается и короля къ тому склонить. Его царское величество и его, господина гетмана, проситъ, чтобъ и онъ, съ своей стороны, конфедератовъ къ принятію медіаціи царскаго величества и къ добродѣтельному примиренію склонилъ, обѣщая имъ его величества помощь въ исходатайствованіи потребнаго имъ облегченія. Но если, паче чаянія, конфедераты, несмотря на эту его царскаго величества представленную медіацію и обѣщанное вспоможеніе у короля, не успокоятся, но свои волненія продолжать будутъ, то изъ этого ясно окажется, что они подъ предлогомъ притѣсненій отъ саксонскихъ войскъ войну внутреннюю продолжать намѣрены въ пользу общему непріятелю: въ такомъ случаѣ и его царское величество принужденъ будетъ иныя мѣры принять, ибо его царское величество отнюдь допустить не можетъ, чтобъ въ такомъ сосѣднемъ государствѣ такой огонь разгорался, и тѣмъ непріятелю отдыхъ и польза учинена была.

Отпуская посланнаго Потѣемъ шляхтича Лойку, Петръ велѣлъ ему сказать гетману устно слѣдующее: „Хотя его величество никогда не допуститъ Рѣчь Посполитую до паденія, однако безъ генеральнаго призыва отъ всѣхъ царскому величеству сильно въ эту медіацію вступить нельзя; хотя къ королю и писано въ формѣ совѣта, но это не важно; а когда просить будетъ Рѣчь Посполитая, тогда сильно можетъ его царское величество предлагать королю, и если тогда онъ не приметъ,—можетъ его величество и силою принудить. Пусть гетманъ приложитъ стараніе, чтобъ помянутое прошеніе отъ всей Рѣчи Посполитой его царскому величеству надлежащимъ образомъ учинено было, и, въ такомъ случаѣ, обѣщаетъ его царское величество, по всегдашнему къ Рѣчи Посполитой доброжелательству, въ посредство къ примиренію съ королемъ и къ облегченію ея сильно вступить, въ чемъ они могутъ на его величество твердую надежду имѣть“.

Наступилъ 1716 годъ. Конфедераты заключили съ Флеммингомъ мирный договоръ, утвержденіе котораго однако было отложено до сейма, и конфедерація выговорила, что не развяжется до тѣхъ поръ, пока король не выведетъ своихъ войскъ изъ Польши. Король, обнадеженный этимъ миромъ, отправилъ посольство къ царю съ требованіемъ немедленнаго вывода русскихъ войскъ изъ Польши, послалъ такое же требованіе и къ Шереметеву. Но король не долго утѣшался надеждою, что Польша упокоится безъ русскаго вмѣшательства: Литовскій

гетманъ Потѣй, по соглашенію съ Долгорукимъ, съѣхался тайно съ маршаломъ конфедераціи Ледуховскимъ, и уговорилъ его не утверждать мирнаго договора, вслѣдствіе чего конфедераты начали опять бить Саксонцевъ, и Ледуховскій обратился къ Долгорукому съ просьбою о медіаціи царскаго величества, объявляя, что послы ихъ принуждены были заключить договоръ не по данной имъ инструкціи. Долгорукій отвѣчалъ, чтобъ конфедераты назначили мѣсто и время,—и онъ готовъ ѣхать и быть посредникомъ. Въ концѣ января король пріѣхалъ въ Варшаву, сильно опечаленный неожиданнымъ оборотомъ дѣла. Долгорукій, при первомъ свиданіи съ Августомъ, представилъ ему необходимость примиренія съ конфедератами, необходимость вывести изъ Польши саксонскія войска. Король отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все угодное царскому величеству, съ которымъ сильно желаетъ имѣть личное свиданіе въ Торнѣ или въ другомъ какомъ-нибудь городѣ. Потомъ прислалъ Флемминга представить Долгорукому, что ему нельзя обратиться къ царю съ просьбою о посредничествѣ, потому что это будетъ противно его чести: конфедерація составилась не противъ короля, и не вся Рѣчь Посполитая вступила въ конфедерацію. Относительно своихъ требованій вывода русскихъ войскъ король оправдывался тѣмъ, что сдѣлалъ это по принужденію отъ сенаторовъ польскихъ. Это желаніе видѣться съ царемъ и возобновить съ нимъ прежнюю дружбу все усиливалось въ королѣ, потому что конфедераты не хотѣли и слышать о мирѣ въ надеждѣ, что царь, имѣя много причинъ сердиться на Августа, не заступится за него,—и они получатъ такимъ образомъ возможность свергнуть Саксонца и выбрать другого короля. Король просилъ, что если царскому величеству, по состоянію его здоровья, нельзя пріѣхать въ Варшаву или въ Торнъ, то изволилъ бы подождать его въ Данцигѣ.

Дѣло не могло обойтись безъ царскаго посредничества; конфедератамъ не принять этого посредничества было страшно: могущественный царь станетъ тогда на сторону королевскую, и какая возможность успѣха, если русскія войска придутъ на помощь къ саксонскимъ? И обратно: королю нельзя было не принять царскаго посредничества, ибо въ противномъ случаѣ русскія войска соединятся съ конфедератами. Дѣлать нечего: надобно сблизиться съ медіаторомъ, а медіаторъ сердитъ, и король хорошо знаетъ, за что сердитъ медіаторъ. Какъ же быть? Короля ждутъ въ Варшаву на началѣ 1716 года; но вмѣсто Варшавы Августъ ѣдетъ въ Данцигъ для личнаго свиданія съ царемъ, для откровеннаго изъясненія. Въ Данцигъ ѣдетъ и князь Григорій Ѳед. Долгорукій; тамъ онъ найдетъ при царѣ и великаго канцлера графа Головкина, и вице-канцлера Шафирова, и Петра Андреевича Толстого: значитъ, соберутся всѣ „тайнаго иностранныхъ дѣлъ коллегія министры“.

24 марта собрались царскіе и королевскіе дипломаты въ домъ графа Головкина на конференцію; бискупъ Куявскій съ товарищами предложилъ статьи: 1) Королевское величество наикрѣпчайшимъ образомъ обнадеживаетъ царское величество, такъ какъ онъ прежде всегда вѣрнымъ пріятелемъ и союзникомъ царскаго величества былъ, такъ и впредь желаетъ въ постоянной дружбѣ находиться, и пріѣхалъ сюда, желая имѣть съ царскимъ величествомъ свиданіе для показанія своей пріязни. 2) Добрые союзники должны другъ другу прямо объявлять, въ чемъ одинъ на другого подозрѣніе имѣетъ; а его королевское величество съ сожалѣніемъ слышитъ, что его царское величество нѣкоторое недовѣріе и противность къ его королевскому величеству и его министрамъ имѣетъ и поступками ихъ не доволенъ. Поэтому королевское величество проситъ, чтобъ ему всѣ причины недовѣрія были объявлены, дабы онъ могъ въ томъ себя очистить; а онъ, съ своей стороны, обнадеживаетъ, что никакой причины къ тому не подалъ. 3) Когда недовѣріе царскаго величества къ королевскому разгласилось, то изъ этого общему интересу великій вредъ произошелъ, ибо не только король Шведскій еще больше возгордился, въ надеждѣ извлечь пользу изъ этого несогласія союзниковъ, о чемъ прямо объявилъ шведскій посланникъ, Шпаръ, при Французскомъ Дворѣ, но и польскіе конфедераты, въ той же надеждѣ, не приняли королевскаго предложенія о выводѣ саксонскихъ войскъ и сложеніи контрибуціи, отвѣчая, что не могутъ ни на что согласиться безъ вѣдома царскаго величества, и хотя королевское величество совершенно увѣренъ въ добромъ намѣреніи царскаго величества,—однако злонамѣренные люди продолжаютъ всѣ поступки царскаго величества въ свою пользу толковать и разглашать, будто царское величество имъ свое покровительство обѣщалъ и хочетъ поддерживать противъ короля. Поэтому королевское величество проситъ царское величество вступиться въ это дѣло такимъ образомъ, чтобъ ни король, ни конфедераты не могли его упрекнуть въ пристрастіи къ сторонѣ противной. 4) Королевское величество желаетъ съ царскимъ величествомъ согласится въ способахъ, какъ бы внутреннее спокойствіе въ Польшѣ поскорѣе возстановить, а потомъ заключить миръ съ Шведомъ. Эти способы слѣдующіе: 1) Предложить конфедератамъ, чтобъ они какъ можно скорѣе назначили мѣсто и время для конгресса. 2) Тотчасъ при открытіи конгресса заключить перемиріе, по которому король всѣ контрибуціи немедленно сложитъ; а потомъ стараться о заключеніи формальнаго трактата, въ которомъ опредѣлится срокъ вывода саксонскихъ войскъ и созванія сейма. 5) Конфедераты должны покориться королю, который соизволяетъ, чтобъ царскаго величества посолъ былъ на конгрессѣ и старался добрыми средствами примирить обѣ стороны, и если одна изъ сторонъ на добрыхъ условіяхъ примириться не захочетъ, то русскій посолъ долженъ объявить, что царское величество будетъ

дѣйствовать противъ стороны, не желающей мира. — Предложенія королевскихъ дипломатовъ оканчивались статьею: всѣ подозрѣнія съ обѣихъ сторонъ оставить, и обоимъ монархамъ въ добромъ согласіи и любви между собою пребывать.

Головкинъ съ товарищами отвѣчалъ, что царское величество съ удовольствіемъ согласился на личное свиданіе съ королемъ, для чего замедлилъ походомъ, назначеннымъ для свиданія съ королями Прусскимъ и Датскимъ. Какія противности показаны царскому величеству со стороны королевской,—о томъ представляется письменное извѣстіе. Царское величество соглашается на всѣ предложенныя королемъ мѣры къ возстановленію внутренняго спокойствія въ Польшѣ, но только съ условіемъ, чтобъ король назначилъ срокъ, когда выведетъ саксонскія войска изъ Польши, и объявилъ здѣсь же статьи, на которыхъ согласенъ помириться съ конфедератами. Царское величество обѣщаетъ оставить всѣ подозрѣнія и жить въ добромъ согласіи и любви съ королемъ, если получится удовлетворительный и откровенный отвѣтъ на письменное извѣстіе о противностяхъ, и дастся обѣщаніе, что впередъ ничего подобнаго не будетъ.

Въ „Меморіи досадамъ", поданной царскими министрами королевскимъ, главнѣйшею досадою было выставлено сношеніе Августа съ Французскимъ Дворомъ и принятіе посредничества этого Двора въ мирѣ съ королемъ Шведскимъ безъ вѣдома царскаго; потомъ король заключилъ и формальный договоръ съ Франціею, подлинное содержаніе котораго царскому величеству до сихъ поръ не извѣстно; когда уже царское величесто со стороны получилъ объ этомъ извѣстіе, то король сообщилъ кратко содержаніе договора, но даже и въ томъ краткомъ извлеченіи есть одна статья, очень вредная всему Сѣверному союзу, а именно: сказано, чтобъ при заключеніи мира все въ Римской имперіи оставалось такъ, какъ было опредѣлено по Вестфальскому миру; но по этому миру Швеція получила свои германскія владѣнія, слѣдовательно возвращеніе всѣхъ завоеванныхъ у нея провинцій прямо ей обѣщано. Какъ только этотъ договоръ былъ заключенъ, то французскій посолъ при Портѣ, дѣйствовавшій прежде противъ короля Августа, получилъ приказаніе хлопотать за него и стараться объ отдѣльномъ мирѣ между нимъ и Карломъ XII, и если этотъ миръ не состоялся, то надобно только благодарить упорство короля Шведскаго. Кромѣ того, король Августъ посылалъ многихъ эмиссаровъ секретно въ Бендеры съ предложеніями отдѣльнаго мира Шведскому королю; о томъ же посылалъ и къ хану Крымскому. Король же Августъ посылалъ къ французскому послу въ Константинополь съ предложеніемъ отдѣльнаго мира съ Шведами, и этотъ посланный, Венгерецъ родомъ, жилъ въ квартирѣ французскаго посольства, внушалъ Туркамъ и разглашалъ всюду, что царское величество давно намѣренъ воевать съ Турками, и для того хочетъ принять титулъ цесаря оріентальнаго. Шпигель предлагалъ Портѣ отъ имени королевскаго, что государь его не только желаетъ заключить съ Швеціею отдѣльный миръ при посредничествѣ султана, но желаетъ заключить съ Портою и Шведскимъ королемъ оборонительный и наступательный союзъ противъ Россіи, представляя, что король обиженъ царскимъ величествомъ, не исполнившимъ своихъ обѣщаній ему. Царское величество много разъ жаловался королю на Шпигеля, требуя розыска, но не получилъ никакого удовлетворенія. Шпигеля укрывали подъ разными предлогами, а когда царскій посолъ пріѣхалъ въ Варшаву, то Шпигеля, вмѣсто розыска, увезли въ Саксонію, и потомъ объявили, что умеръ. Трактовали съ агою, присланнымъ отъ Порты, трактовали долго и тайно съ посланникомъ крымскимъ, не объявляя царскому величеству. Всѣ Поляки, которые были противной партіи, не только прощены, но въ крайнюю милость и приближеніе у короля приняты, а иные и награждены. Въ 1712 году, когда царское величество хотѣлъ осадить Штетинъ, то со стороны королевской дѣлались этому всевозможныя препятствія, - кончилось тѣмъ, что вся кампанія прошла понапрасну. Частыя свиданія саксонскаго фельдмаршала Флемминга съ шведскимъ генераломъ Штейнбокомъ способны были возбудить сильныя подозрѣнія въ царскомъ величествѣ; слѣдствія свиданій и постороннія вѣдомости показали, что подозрѣнія были основательны. Тотъ же Флеммингъ имѣлъ потомъ свиданіе съ Лещинскимъ, причемъ, какъ подлинно извѣстно, трактовано о партикулярномъ мирѣ между королями Польскимъ и Шведскимъ; Лещинскій обѣщалъ быть посредникомъ, за что ему обѣщана ежегодная дача съ употребленіемъ королевскаго титула по смерть, и, кромѣ того, у короля Августа были частыя пересылки съ Лещинскимъ. Когда царское величество въ Мекленбургѣ хотѣлъ идти для соединенія съ королемъ Датскимъ, то со стороны короля Польскаго трудились всѣми способами помѣшать этому движенію, вслѣдствіе чего русскія войска не могли поспѣть прежде Гадебушской битвы; а какія были слѣдствія этого,—всему свѣту извѣстно. Извѣстно всему свѣту и то, какимъ образомъ министры короля Польскаго ко вреду королю Датскому вступались за Голштинцевъ, и короля Прусскаго такъ завязали въ интересъ Голштинскаго Дома, что онъ уже и войска свои собралъ-было, и на короля Датскаго напасть хотѣлъ, и только удержался сильными декларяціями царскаго величества. Король Польскій видѣлся и трактовалъ въ Лейпцигѣ съ ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ, союзникомъ и родственникомъ короля Шведскаго, не давая знать объ этомъ царскому величеству; не дано знать и о трактатахъ, заключенныхъ прошлаго года съ Англійскимъ и Прусскимъ королями. Прошлою весною, вмѣсто того, чтобъ побуждать Прусскаго короля къ наступательнымъ движеніямъ противъ Шведа, министры Польскаго короля дѣйствовали совершенно въ противномъ смыслѣ. Какія противности со стороны короля Польскаго царскому величеству показаны при от-

правленіи русскихъ войскъ на помощь союзникамъ въ Померанію,—и пересказать нельзя: старались склонить королей Англійскаго и Прусскаго къ тому, чтобъ не требовали русскихъ войскъ, внушая о нихъ все дурное; хлопотали, чтобъ Цесарь и имперія мѣшали этому, потомъ запрещая царскому величеству свободный проходъ чрезъ Польшу и возбуждая Поляковъ, чтобъ не пропускали русскихъ войскъ. Когда, несмотря на все это, русскія войска пошли въ глубь Польши, а Поляки составили конфедерацію противъ войскъ саксонскихъ, то вдругъ русскія войска понадобились, графъ Флеммингъ и польскіе сенаторы начали просить, чтобъ войска эти были остановлены, и упросили фельдмаршала графа Шереметева. Такимъ образомъ, этими войсками и грозными письмами посла князя Долгорукова конфедерація была сдержана въ самомъ сильномъ огнѣ, и Саксонцы получили время собраться. Въ то же время королевскій посланникъ при царскомъ величествѣ, баронъ Лосъ, также просилъ государя о задержаніи русскихъ войскъ въ Польшѣ, обѣщая пропитаніе и квартиры; польскіе министры просили и королей Прусскаго и Датскаго, чтобъ согласились на задержаніе русскихъ войскъ въ Польшѣ. Войска возвратились назадъ въ Польшу въ самую дурную погоду и не участвовали въ славномъ окончаніи Померанской кампаніи. И за все это король не только не поблагодарилъ царское величество по возвращеніи своемъ въ Польшу, но еще велѣлъ тому же Лосу объявить, будто никогда царскихъ войскъ не требовалъ, и представилъ при другихъ Дворахъ остановку русскихъ войскъ въ Польшѣ дѣломъ насилія. Самъ король жестоко выговаривалъ фельдмаршалу Шереметеву, зачѣмъ остановился въ Польшѣ, и приказалъ немедленно идти къ русскимъ границамъ, зная очень хорошо, что войска должны были идти не въ Россію, а на помощь королямъ Прусскому и Датскому; а на запросъ царскаго величества, для чего дѣлаются ему такія противности и оскорбленія,—полученъ отвѣтъ, что все это дѣлается для виду, въ угоду Полякамъ; но Поляки тутъ ни въ чемъ не причастны: со стороны короля Поляковъ вооружаютъ противъ царскаго величества всякими злыми внушеніями, жалуются и при всѣхъ чужихъ Дворахъ, будто царское величество возбуждаетъ Поляковъ противъ короля и войска свои насильно держитъ въ Польшѣ. Полякамъ внушаютъ, что царское величество хочетъ быть посредникомъ только для того, чтобъ отторгнуть что-нибудь отъ Рѣчи Посполитой; но царское величество можетъ отлично отомстить за это, ясно представивъ Полякамъ замыслы саксонскихъ министровъ насчетъ Польши, зачѣмъ и войскъ саксонскихъ король не хочетъ выводить изъ нея, не говоря уже о нѣкоторыхъ соглашеніяхъ ко вреду польскимъ вольностямъ, о чемъ ясно говорятъ въ Вѣнѣ и при другихъ Дворахъ.

Русскіе министры требовали, чтобы министры королевскіе обстоятельно отвѣчали на каждую статью „Меморіи досадамъ“. Присланъ былъ отвѣтъ, ловко написанный, но далеко не удовлетворительный, потому что главное средство защиты, употребленное королевскими министрами, состояло въ утвержденіи, что король и его министры оклеветаны предъ царемъ; что во всѣхъ ихъ сношеніяхъ, указанныхъ въ меморіи, не было ничего вреднаго для русскихъ интересовъ и для интересовъ союза, а нѣкоторыхъ сношеній и вовсе не было. Царскіе министры упрекали короля за тайное сближеніе съ Франціей и, въ доказательство сближенія, приводили то обстоятельство, что французскій посолъ въ Константинополѣ изъ врага сдѣлался доброжелателемъ Августа. Что-жъ!—отвѣчаютъ королевскіе министры: за это вмѣсто упрековъ надобно благодарить короля, который постарался изъ враговъ сдѣлать друзей; а кто ему другъ, – тотъ другъ и всѣмъ его союзникамъ.—Относительно Шпигеля отвѣчали, что этотъ человѣкъ дѣйствовалъ какъ глупецъ, не имѣя никакихъ порученій отъ короля, а за глупость нельзя жестоко наказывать, тѣмъ болѣе что отъ его глупости ничего вреднаго не произошло; несмотря на то, Шпигеля хотѣли заключить въ Зонненштейнъ, самое жестокое наказаніе, какому могъ быть подвергнутъ этотъ дуракъ и послѣ самаго строгаго допроса. Поляки, принадлежавшіе къ партіи Лещинскаго, прощены для того, чтобы отвести ихъ отъ этой партіи. Оправдывая себя, королевскіе министры сильно вооружались противъ Даніи: по ихъ словамъ, изобразить обстоятельно всѣ непорядочные поступки Датскаго Двора заняло бы слишкомъ много времени; прямо говорятъ, что люди, находящіеся при Датскомъ Дворѣ, оклеветали царю Польскаго короля и его министровъ. Любопытно, какъ отдѣлались королевскіе министры отъ упрека, что королевскій посланникъ Лосъ письменно въ меморіалѣ просилъ объ остановкѣ русскихъ войскъ въ Польшѣ: Лосъ, отвѣчали министры дѣйствовалъ безъ указа, изъ добраго намѣренія, зная, что царскому величеству это будетъ не непріятно,—такой поступокъ можно назвать погрѣшностію министра, а не виною. Ни сенаторы, ни графъ Флеммингъ, по словамъ министровъ, никогда не просили объ оставленіи русскихъ войскъ въ Польшѣ, только послано было письмо къ турецкому сераскиру въ Хотинѣ о вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, да графъ Флеммингъ о тогдашнихъ конъюктурахъ нѣкоторые не въ указъ резонементы изобразилъ и передалъ русскому послу Долгорукому, фельдмаршалу Шереметеву и прислалъ къ царскому Двору. На угрозу объявить Полякамъ о замыслахъ саксонскихъ относительно Польши, королевскіе министры отвѣчали, что они этого не понимаютъ: если нѣкоторыя особы говорили объ этомъ въ частныхъ разговорахъ, то ихъ словъ не слѣдуетъ смѣшивать съ дѣлами министерскими. Царское величество самъ знаетъ, что давно отъ извѣстнаго Двора (Прус-

скаго), который теперь перемѣнилъ свое намѣреніе, объ этомъ дѣлѣ какъ въ Россіи, такъ и въ Польшѣ преложено было.

Русскіе министры замѣтили королевскимъ, что въ „Меморіи досадъ“ нѣтъ извѣстій, основанныхъ на ложныхъ слухахъ. Но долго препираться о старыхъ досадахъ было некогда: надобно было рѣшить, какъ дѣйствовать для примиренія конфедератовъ съ королемъ. Въ мартѣ пріѣхали въ Данцигъ къ Петру послы Тарногродской конфедераціи съ изложеніемъ причинъ и цѣлей возстанія. Въ конференціи съ царскими министрами послы засвидѣтельствовали, что конфедерація составлена не по шведскимъ интригамъ, не къ пользѣ непріятеля, но единственно для обороны отъ несносныхъ тягостей, разореній, убійствъ и прочихъ насильствъ, какія позволяютъ себѣ саксонскія войска. „Просимъ“, говорили послы, „чтобы царское величество ни малаго сомнѣнія или подозрѣнія не имѣлъ, потому что мы во всемъ полагаемся на его царское величество, надѣемся единственно чрезъ его посредство освободиться отъ саксонскихъ притѣсненій. А что конфедераты давно не прислали къ царскому величеству съ просьбою о посредничествѣ, въ томъ виноваты сенаторы польскіе и гетманы, которые всѣми способами ихъ отъ этого удерживали, представляя опасность, которая всегда грозитъ безсильному отъ сильнаго посредника; но конфедераты, видя, что домашніе посредники, господа сенаторы, не только ничего не сдѣлали къ пользѣ Рѣчи Посполитой, но и принудили депутатовъ конфедератскихъ къ миру для большаго разоренія республики; видя, что и гетманъ Синявскій, вмѣсто того, чтобы защищать права и вольности Рѣчи Посполитой, только потакаетъ Саксонцамъ и прямо говоритъ, что хотя бы все пропало, только-бъ ему при булавѣ остаться; слыша, что король Польскій отправилъ посланника къ Портѣ, а гетманъ Синявскій къ хану Крымскому,—видя и слыша все это, конфедераты ни за что не хотятъ подтвердить насильно постановленный договоръ и отправили своихъ пословъ къ цесарю Римскому и султану Турецкому не для того, чтобы просить помощи у султана, но изъ опасенія, чтобы послы королевскій и гетманскій на нихъ не наклеветали. Такъ какъ гетманъ коронный Синявскій никакой помощи не оказывалъ и не оказываетъ, а только вредъ и помѣшку, то они желали бы другого гетмана на его мѣсто, желали бы также перемѣны нѣкоторыхъ министровъ, и чтобъ царское величество въ томъ имъ помогъ. „Мы пріѣхали“, продолжали послы, „просить царское величество быть посредникомъ и дать крѣпкое ручательство, что договоръ, который будетъ заключенъ при его посредничествѣ, будетъ соблюдаемъ Саксонцами; въ основаніи договора должны быть два главнѣйшіе пункта: сложеніе всѣхъ податей и поборовъ, о которыхъ и слышать не хотимъ, и выводъ всѣхъ войскъ саксонскихъ, не исключая и тѣхъ 1,200 человѣкъ, которыхъ король называетъ своею гвардіею; пусть эта гвардія состоитъ изъ Поляковъ“. Наконецъ послы просили, чтобы русскія войска были выведены изъ Польши и никогда впередъ въ нее не входили, чтобъ государь сдѣлалъ это по высокой дружбѣ своей къ Польшѣ и сжалившись надъ бѣдностію ея несчастныхъ жителей. Съ тѣмъ же пріѣхали и особые послы отъ великаго княжества Литовскаго.

Обнадеживъ и тѣхъ и другихъ, что царское величество употребитъ всѣ старанія для успокоенія Рѣчи Посполитой, Головкинъ съ товарищами вошелъ въ переговоры съ королевскими министрами, и было постановлено: чтобъ конгрессъ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ открытъ былъ какъ можно скорѣе въ Ярославлѣ, именно въ среднихъ числахъ мая по новому стилю. Царь-медіаторъ назначаетъ полномочнымъ посломъ своимъ на конгрессъ князя Григор. Ѳед. Долгорукаго. При открытіи конгресса провозглашается перемиріе, во время котораго не должно быть никакихъ непріятельскихъ поступковъ и контрибуцій. По заключеніи трактата, саксонскія войска должны быть выведены изъ Польши въ продолженіи четырехъ недѣль; при королѣ остается только, по статутамъ, 1,200 человѣкъ гвардіи, которую онъ обязанъ однакожъ содержать на своемъ иждивеніи. Рѣчь Посполитая должна обязаться, въ случаѣ новаго нападенія короля Шведскаго, оборонять саму себя и короля, безъ всякаго вспоможенія съ его стороны. Посолъ царскаго величества, князь Долгорукій, будетъ стараться добрыми средствами примирить обѣ партіи; если же которая изъ нихъ на добрыхъ условіяхъ помириться не захочетъ, въ такомъ случаѣ посолъ объявляетъ, что царское величество будетъ противъ нежелающей мира стороны, и будетъ имѣть посолъ указъ къ генералу Рену, чтобъ тотъ шелъ немедленно изъ Украины съ войсками и дѣйствовалъ противъ того, кто не хочетъ внутренняго покоя.

Вмѣсто Ярославля конгрессъ собрался въ Люблинѣ, и, вмѣсто мая, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Правленіе конфедераціи помѣстилось въ Ленчнѣ, въ трехъ миляхъ отъ Люблина, куда привезли и гетмана Синявскаго съ тѣмъ, чтобъ его судить. Долгорукій, узнавъ объ этомъ, написалъ тотчасъ маршалкамъ конфедераціи, чтобъ они во время конгресса подъ бокомъ у Люблина не смѣли начинать своихъ судовъ, и чтобъ отдали гетмана ему, послу, на честное слово. „Я чаю, государь (писалъ Долгорукій Петру), что господа конфедераты недовольны тѣми условіями, которыя поставлены въ Данцигѣ, и знатно у оныхъ иное намѣреніе не только о гетманахъ, но и о королѣ, потому что здѣсь конфедератскіе депутаты зѣло упрямо и нескоро къ миру приступаютъ,—такъ дѣлаютъ, какъ бы чего иного себѣ ожидали, и есть здѣсь вѣдомость, будто писарь коронный недавно былъ у турецкаго паши тайно въ Хотинѣ. Фрезеръ, пріѣзжавшій въ Данцигъ посломъ отъ конфедераціи, былъ у меня, и, наобѣщавъ мнѣ много подарковъ отъ маршалка конфедераціи Ледуховскаго, объявилъ, что конфедераты опасаются впередъ мести отъ короля и гет-

мановъ, и поэтому были намѣрены хлопотать о королевичѣ Яковѣ Собѣскомъ, также и булавы отдать другимъ. Я ему не гораздо противно отвѣчалъ и просилъ его о полной довѣренности, желая и впередъ вывѣдывать чрезъ него о ихъ намѣреніяхъ. Бискупъ Куявскій публично во всемъ засѣданіи конгресса при мнѣ говорилъ конфедерацкимъ депутатамъ, что резидентъ ихъ въ Вѣнѣ публично послу шведскому говорилъ, что здѣшняя нынѣшняя медіація не поведетъ къ миру. Если конфедерацкіе депутаты все такъ станутъ трактовать, то, чаю, мы не можемъ и въ полгода миръ учинить; они для того время длятъ, что имъ жаль нынѣшней власти оставить, понеже мало не всѣ конфедерацкіе принципалы изъ незнатныхъ и убогихъ особъ, и пришли до великой власти и пожитку, что во всемъ государствѣ всѣ доходы и пошлины самовластно на себя берутъ и всѣмъ повелѣваютъ. Сами депутаты мнѣ въ конфиденціи объявили, что изъ нихъ многіе не хотятъ покоя для своего интереса, и не думаютъ, чтобы конгрессъ окончился счастливо безъ принужденія, потому что непремѣнно хотятъ литовскую булаву отдать бывшему гетману Вишневецкому, а коронную прочитъ себѣ маршалокъ Ледуховскій. Троцкій воевода Огинскій и Новоградскій каштелянъ Новосельскій съ товарищи въ конфиденціи мнѣ объявили, что если нынѣ отъ противныхъ факцій конгрессъ будетъ разорванъ, то они въ Литвѣ будутъ стараться, чтобъ гетману и имъ быть подъ протекціею вашего величества, для чего я оныхъ всемѣрно милостію вашею и протекціею обнадежилъ. Былъ у меня Тарло, воевода Любельскій, и по секрету мнѣ говорилъ, будто нынѣшняя ихъ конфедерація зачата въ той надеждѣ, что между вашимъ и королевскимъ величествомъ недовѣріе,—поэтому надѣялись они имѣть отъ вашего величества протекцію, чрезъ которую отъ саксонскихъ войскъ Польшу освободить и другого короля учинить. А какъ узнали о персональномъ свиданіи въ Данцигѣ, гдѣ будто обновилась между вашимъ величествомъ дружба, то стали искать другой протекціи, и надѣются быть посполитому рушенію. Я къ генералу Рену на Украйну писалъ, чтобъ онъ о вступленіи своемъ въ Польшу напередъ для страха къ конфедерацкимъ маршалкамъ написалъ, что ему указано въ Польшу идти не для войны, а только для усмиренія, чѣмъ можно у нихъ дальніе замыслы пресѣчь. Здѣсь отъ непріятельскихъ партизановъ многія бездѣлицы Полякамъ внушаются, и тѣ—легкомысленные—всему вѣрятъ и, на то смотря, безъ ума гордо поступаютъ. Больше тридцати человѣкъ депутатовъ отъ разныхъ провинцій и войскъ здѣсь на конгрессѣ засѣдаютъ, и между ними такихъ не много, которые бы основаніе дѣла знали, только своевольно кричатъ; а которые изъ нихъ лучше знаютъ, тѣ не смѣютъ при оныхъ смѣло говорить. Я чаю, государь, лучше у Донскихъ казаковъ въ кругу, нежели въ нашихъ нынѣшнихъ сессіяхъ; часто съ седьмаго часу до четвертаго съ полудня кричимъ, а ничего сдѣлать не можемъ".

Въ іюлѣ дѣла пошли еще хуже. Конфедераты начали разглашать, что Шведы берутъ верхъ надъ союзниками, въ Норвегіи у Шведовъ много войска и большой транспортъ войскъ назначенъ къ Данцигу; держали пословъ турецкаго и крымскаго, какъ пословъ покровительствующихъ державъ, объявляли, что не развяжутъ конфедераціи безъ сейма. Несмотря на перемиріе, били Саксонцевъ вездѣ, гдѣ только могли; у Литовскаго гетмана Потѣя отняли литовское войско, и самъ гетманъ едва ушелъ отъ нихъ живой изъ Ленчна въ Люблинъ, гдѣ спрятался въ монастырѣ; перерубили людей, у которыхъ пристали лошади Потѣя; Долгорукій и королевскіе уполномоченные, одѣвши гетмана въ нѣмецкое платье, успѣли выпроводить его въ саксонское войско; всѣ депутаты конфедераціи выѣхали изъ Люблина, въ Ленчно, куда привели къ себѣ войско; королевскіе уполномоченные испугались и уѣхали къ саксонскимъ войскамъ. Долгорукій отправился въ Ленчно къ маршалкамъ конфедераціи и нашелъ ихъ тамъ „въ великой гордости, какъ будто бы они уже всѣхъ завоевали". Видя ихъ гордость и лукавство, посолъ повысилъ голосъ и объявилъ имъ, что до сихъ поръ онъ дѣлалъ все въ ихъ пользу, заставилъ на первой же сессіи королевскихъ уполномоченныхъ признать конфедератовъ за Рѣчь Посполитую, принудилъ прежде времени вывести гарнизоны изъ Львова и Замостья, однако ничѣмъ не могъ склонить ихъ къ примиренію, потому что у нихъ пользуются довѣренностію и даютъ совѣты все партизаны шведскіе. Долгорукій не ограничился однимъ окрикомъ: написалъ къ Рену, чтобъ выступалъ въ Польшу; написалъ къ гетману Скоропадскому и Кіевскому губернатору князю Голицыну, чтобъ соблюдали осторожность. Поляки публично говорили, что если Ренъ вступитъ въ Польшу, то Крымскій ханъ пойдетъ на Украйну. Въ Ленчнѣ Долгорукій имѣлъ возможность познакомиться съ маршалками конфедераціи, и такъ описывалъ ихъ царю: „Литовскій маршалокъ Селистровскій, человѣкъ самый простой, мало что и говорить умѣетъ; а маршалокъ Ледуховскій человѣкъ умный и хитрый и очень похожъ всѣми поступками на Мазепу; онъ теперь во всей Рѣчи Посполитой великій кредитъ имѣетъ,—такъ могъ всѣхъ обмануть и привесть себя въ всенародную милость, что которымъ зло дѣлаетъ, тѣ всѣ за него присягать рады, такъ что, если бы случилось какое-нибудь несчастіе съ королемъ, то Поляки непремѣнно выбрали бы его себѣ въ короли; такой умнолукавый человѣкъ, какого я во всей Польшѣ не видалъ, на видъ святой и праводушный, клянется, что хочетъ мира, а тайно дѣлаетъ факціи, длитъ конгрессъ, усиливаетъ войско и другихъ способовъ вездѣ ищетъ". Прошелъ іюль, и дѣла находились въ томъ же положеніи. Долгорукій, по его словамъ, истощилъ всѣ способы къ примиренію и все понапрасну: конфедераты не хотѣли

ни на что смотрѣть, и отвѣчали такъ гордо, какъ будто были въ состояніи завоевать весь свѣтъ. Прошелъ августъ и сентябрь, уполномоченные переѣхали изъ Люблина въ Варшаву, и здѣсь дѣло наконецъ подвинулось, благодаря извѣстіямъ, что Ренъ перешелъ Днѣпръ и идетъ въ Польшу. Ледуховскій писалъ къ Портѣ, увѣдомляя о вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу и прося помощи, но получилъ отвѣтъ отъ визиря, что Порта въ польскія дѣла вмѣшиваться на можетъ. Конфедераты изъявили готовность уничтожить конфедерацію (учинить евсвинкуляцію), но, съ условіемъ, чтобъ Долгорукій послалъ Рену приказъ не идти далѣе въ Польшу. „Чрезъ всю свою въ Польшѣ бытность такого труда не имѣлъ, какъ нынѣ,“ писалъ Долгорукій: „непрестанно отъ осьмаго часа утра до девятаго пополудни въ спорахъ и крикахъ въ сессіяхъ бываемъ, и, чаю, конфедерація скоро развяжется и къ безконечной славѣ вашего величества счастливый миръ установится. Чаю, государь, не только у Турокъ, но и при Цесарскомъ и Прусскомъ Дворахъ есть не малая ж а л ю з і я: цесарскій посолъ много трудился, чтобъ и Цесарю быть медіаторомъ; съ другой стороны посланникъ прусскій писалъ ко мнѣ, чтобъ и его королю быть медіаторомъ“. Въ двадцатыхъ числахъ октября Долгорукій получилъ царскій указъ, что, кромѣ Рена, въ Польшу вступятъ еще шесть русскихъ кавалерійскихъ полковъ подъ начальствомъ Боура, и будутъ зимовать. Долгорукому показалось это большою роскошью, и онъ отвѣчалъ Петру: „Пока конфедерація не развяжется и саксонскія войска не выступятъ въ Саксонію,—до тѣхъ поръ о вступленіи нашей кавалеріи Полякамъ объявлять не буду, чтобъ не повредить заключенію мира; а когда, дастъ Богъ, счастливо все окончится, то, чаю, и Рену надлежитъ изъ Польши возвратиться въ Украйну, а Боуръ съ кавалеріею останется зимовать, и хотя Полякамъ это будетъ и противно, однако ничего не сдѣлаютъ, потому что конфедерація развяжется, и войска коронныя и литовскія будутъ подъ командою прежнихъ гетмановъ“. 24 октября былъ подписанъ мирный договоръ между королемъ и республикою; и, несмотря на то, дѣло все еще не оканчивалось. 11 января 1717 года Долгорукій писалъ Петру: „Не извольте, государь, за гнѣвъ принять и высокомилостиво разсудить, что многими моими рабскими доношеніями ваше величество о скоромъ здѣшнемъ примиреніи обнадеживалъ не для чего инаго, только смотря на здѣшнія конъюнтуры и состоянія дѣлъ; однако по се время еще конституцію окончить не могутъ и удерживаютъ за своими партикулярными интересами и своевольствомъ, больше всего тѣ, которые имѣли въ конфедераціи команды и вольны были свой народъ грабить; также натурально во многомъ своевольномъ народѣ не можетъ никакое дѣло скоро окончиться, ктому же помогаютъ отчасти факціи шведская, Лещинскаго. Однако извольте благонадежны быть, что непремѣнно въ скоромъ времени все окончится, потому что не только принципаламъ и шляхтѣ, но и всѣмъ это разореніе наскучило, также и я, какъ возможно, обѣ стороны къ совершенію примиренія побуждаю“. Петръ хотѣлъ, чтобъ были употреблены побужденія самыя дѣйствительныя: „Сіятельный намъ любезно вѣрный!“ писалъ онъ Долгорукому въ рескриптѣ изъ Амстердама 8 января 1717 г., „симъ вамъ паки повторяемъ, дабы вы всевозможное стараніе прилагали дѣло примиренія съ конфедератами какъ наискорѣе къ совершенству привесть, и для того ежели потребно будетъ хотя и войскамъ нашимъ далѣе въ Польшу и къ конфедератамъ ближе маршировать, и особливо въ маетности тѣхъ вступать велѣть, которые продолженію сего полезнаго дѣла виновны, дабы такимъ образомъ ихъ къ скорѣйшему окончанію принудить“. Наконецъ, 21 января, на экстраординарномъ однодневномъ сеймѣ миръ былъ подтвержденъ, и саксонскимъ войскамъ посланъ приказъ выйти изъ Польши въ четырнадцать дней. Потомъ обѣ примирившіяся стороны приступили къ Долгорукому, чтобъ велѣлъ также и русскимъ войскамъ выступить къ своимъ границамъ. Посолъ нашелъ необходимымъ написать къ преемнику Ренову, генералу Вейсбаху, чтобъ шелъ назадъ въ Украйну; относительно же Боура—упросилъ, чтобъ дали ему время списаться съ своимъ Дворомъ: „а между тѣмъ, за этою перепискою, Боуръ можетъ остаться до весны въ Польшѣ“, доносилъ Долгорукій царю. Сеймъ былъ безгласный, даже и примасу говорить не позволили, всѣ предложенія отложили до другого обыкновеннаго сейма; „а ежелибъ тотъ сеймъ былъ съ голосами“, доносилъ Долгорукій, „то, чаю, не токмо-бъ оный продолжился—и весь трактатъ былъ бы опровергнутъ. Богъ знаетъ, ежели и нынѣ надолго тотъ покой продолжится, развѣ счастливо вскорѣ генеральный миръ будетъ. Извѣстно, государь, вамъ самимъ, каковъ здѣшній Дворъ и Польскій народъ постояненъ. Теперь меня публично благодарятъ, говорятъ, что долго не было бы миру, потому что многіе противные въ конфедераціи, не взирая ни на какое свое разореніе, немѣреніе свое хотѣли исполнять, если бы медіація и войско вашего величества къ тому миру обѣ стороны не принудили. Просили меня гетманы—коронный Синявскій и литовскій Потѣй,—чтобъ при оныхъ быть попрежнему русскимъ резидентамъ, чтобъ не только войска, и всѣ-бъ вѣдали, что ваше величество изволите оныхъ имѣть попрежнему въ своей милостивой протекціи“. Тутъ же Долгорукій сообщаетъ любопытныя извѣстія о поведеніи въ Польшѣ генерала Рена, не задолго передъ тѣмъ умершаго: „Ренна, вошедъ въ Польшу, лучшихъ и богатыхъ мало не всѣхъ для своего интересу освободилъ отъ обязанности содержать русское войско, и всю тягость на бѣдную шляхту возложилъ; шляхта жаловалась мнѣ, я много разъ писалъ Рену; онъ отвѣчалъ, что Поляки говорятъ неправду, а теперь, послѣ его смерти, генералъ Вейсбахъ, по письму моему, прислалъ длинную

роспись всѣмъ этимъ освобожденіямъ; изволите, государь, высокомилостиво разсудить, какъ было такому знатному и заслуженному генералу не повѣрить“!

Вышли изъ Польши саксонскія войска, вывелъ генералъ Вейсбахъ бывшій Реновъ корпусъ въ Украину; но съ другой стороны вступилъ въ Польшу корпусъ Шереметева и расположился здѣсь въ ожиданіи, какъ пойдутъ дѣла на западѣ. Долгорукій былъ въ затруднительномъ положеніи: сначала говорилъ Полякамъ, что войскамъ нельзя идти въ распутицу, должны дождаться травы; потомъ говорилъ, что Шведы готовятъ сильную высадку: Поляки не хотѣли ничего слушать, грубо ему выговаривали, грозили посполитымъ рушеньемъ. „Хотя они и не могутъ чего-нибудь сильнаго противъ нашихъ войскъ учинить, однако не было бы изъ того повреждения вашего величества высокимъ интересамъ“, доносилъ посолъ: „противныя факціи по всей Польшѣ разгласили, будто короли Англійскій, Датскій и Прусскій заключаютъ союзъ, чтобъ наши войска принудить къ выходу изъ Германіи, впредь бы оныхъ никогда не впускать и съ Шведами помириться безъ насъ“ [2]).

Слухи о враждебныхъ противъ Россіи движеніяхъ на западѣ были основательны: за столкновеніями съ Августомъ Польскимъ послѣдовали у царя столкновенія и съ другими союзниками. Но, прежде нежели приступимъ къ описанію продолженія Сѣверной войны и ссоры Петра съ союзниками, обратимся къ явленіямъ, имѣющимъ теперь важность первостепенную, — обратимся къ внутренней дѣятельности преобразователя.

Глава III.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Состояніе Россіи отъ учрежденія Сената до прекращенія Сѣверной войны.—Сенатъ, его отношенія къ царю, къ губернаторамъ; отношенія сенаторовъ другъ къ другу.—Коллегіи.—Областное управленіе.—Уложеніе.—Уничтоженіе правежа. — Майоратъ. — Дворянство. — Войско и флотъ.—Купечество.—Торговля и промышленность.—Крестьяне.—Финансы.—Мѣры противъ казнокрадства.—Фискалы.—Дѣятельность оберъ-фискала Нестерова.—Подметныя письма.—Дѣло сибирскаго губернатора князя Гагарина. — Злоупотребленія въ Астрахани, въ Ревелѣ. — Злоупотребленія магистратскихъ чиновъ; злоупотребленія фискаловъ.— Злоупотребленія Меншикова.—Дѣло Курбатова и Соловьевыхъ.—Борьба съ разбойниками.—Полиція.—Преслѣдованіе нищихъ, кликушъ.—Госпитали для подкинутыхъ младенцевъ.—Мѣры противъ пожаровъ.—Нравы и обычаи въ разныхъ слояхъ общества.—Мѣры для просвѣщенія: училища, изданіе книгъ, собраніе естественныхъ предметовъ, рѣдкостей и древностей.—Мѣры для распространенія географическихъ свѣдѣній.—Искусство.—Церковь, ея борьба съ раскольничествомъ, съ протестантскою и католическою пропагандой.—Распространеніе предѣловъ Русской Церкви на востокѣ.—Мѣры для усиленія нравственнаго значенія духовенства. — Церковное управленіе. — Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. — Учрежденіе Синода. — Дѣла на Украйнахъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1711 года Петръ писалъ Апраксину: „О деньгахъ изволь писать къ Сенату, ибо все на нихъ положено“ [1]). Мы видѣли, что именно было положено на Сенатъ, который немедленно и приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей; но Петръ не всѣми его распоряженіями былъ доволенъ. Царю хотѣлось, чтобъ новое учрежденіе дѣйствовало не по старому, не довольствовалось только распоряженіемъ, посылкою указа, но старалось, чтобъ все было исполнено немедленно, какъ слѣдуетъ. Царь прежде всего требовалъ отъ новаго учрежденія, чтобъ оно не теряло дорогого времени; 8 апрѣля 1711 года онъ писалъ въ Сенатъ: „За исправленіе дѣлъ благодарствую, въ чемъ и впредь надлежитъ трудиться и все заранѣе современемъ (своевременно) изготовлять, понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно“. Въ апрѣлѣ 1711 года Сенатъ далъ знать государю, что рекруты, по указу, въ Ригу отправлены; Петръ отвѣчалъ: „Шереметевъ и Меншиковъ доносятъ, что въ Ригу явились рекруты только съ одной Казанской губерніи, и то не всѣ, многіе въ бѣгахъ; вмѣсто бѣглецовъ велите изъ губерній выслать вновь, чтобъ указное число было исполнено. Зѣло дивлюсь, что пишите, какъ старые судьи: „Послано“, а то позабыли, что дошли ли? Или у васъ уже та клятва вышла изъ души, которую недавно учинили? Надъ денежными дворами учините новаго управителя, придавъ исправныхъ товарищей; также и въ прочихъ прибыльныхъ дѣлахъ усмотрѣніе и добрый порядокъ учините, какъ я самъ далъ указъ при отъѣздѣ своемъ, понеже деньги—жизнь войны“ [3]). Находясь у Прута, за нѣсколько дней до встрѣчи съ турецкимъ войскомъ, Петръ думалъ о прибыльныхъ дѣлахъ, писалъ въ Сенатъ о распоряженіи насчетъ векселей, поташу, смолы, соли [4]).

Сенатъ распоряжался: разослалъ объявленія, не найдутся ли охотники составить компанію для торговли съ Китаемъ; нашелъ выгоднымъ позволить торговать всякихъ чиновъ людямъ, но чтобы каждый торговалъ подъ своимъ именемъ; при этомъ велѣно спросить у купецкихъ людей, не будетъ ли отъ этого позволенія имъ убытка. Петръ опять не былъ

[1]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 320.

[2]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія 1715, 1716 и 1717 годовъ.

[3]) Голикова—Дѣянія Петра В. XII, 324; Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ именныхъ указовъ Сенату.

[4]) Голиковъ, стр. 352.

доволенъ всѣми распоряженіями Сената. Въ сентябрѣ 1711 года онъ писалъ ему: „Вы сдѣлали хорошо, что послали освѣдомиться о приходѣ и расходѣ товаровъ, которые были въ канцеляріяхъ; старайтесь сдѣлать здѣсь еще бóльшую прибыль, потому что теперь все у васъ въ рукахъ. О китайскомъ торгу учинили вы весьма не такъ, какъ я говорилъ и писалъ, ибо невозможно посадскимъ однимъ въ такое великое дѣло вступать: надобно искать, чтобъ изъ разныхъ людей нѣсколько человѣкъ и при нихъ торговые въ оное вступали. Не такъ поступили вы и въ позволеніи торговать всѣмъ чинамъ, ибо вовсе не нужно было спрашивать у торговыхъ людей, не будетъ ли отъ этого имъ убытку. Развѣ могутъ они сказать, что не будетъ убытка? Вы сдѣлали это насмѣхъ, или взявши съ нихъ взятки, по старымъ глупостямъ, и когда пріѣдете въ Ингерманландію, то у васъ совершенно иначе объ этомъ спросится“ [1]). Сенатъ отвѣчалъ на это подробнымъ изложеніемъ своихъ распоряженій: „Доимку выбираемъ мы нынѣ сами. О компаніи торгу китайскаго во всѣ губерніи указами объявлено давно и по воротамъ здѣсь листы прибиты, дабы въ оную, кто похочетъ изъ знатныхъ людей и изъ всякаго чина, складывались безо всякаго опасенія. Позволеніе въ торговлѣ всѣмъ чинамъ учинили мы ради умноженія торговъ, и для того губернаторамъ и всѣмъ у дѣлъ находящимся никому подъ именами торговыхъ людей торговать не велѣно, но дабы всякій своимъ именемъ, съ достойнымъ пошлинъ и десятой деньги платежемъ, торги свои имѣлъ свободно. А купецкихъ людей спросить велѣли, не будетъ ли отъ онаго позволенія какого въ торгахъ ихъ препятствія, и то учинено безхитростно, въ чемъ у васъ просимъ милостиваго прощенія. Городскіе товары, которыми изъ Приказовъ и изъ губерній торговали, ради большей прибыли, опредѣлили нынѣ и впредь вѣдать и торговать ими у Города (Архангельска) и за море отпускать Архангелогородской губерніи вице-губернатору Курбатову, да Дмитрію Соловьеву. Рекрутъ, по требованію Бориса Шереметева, выслали, Преображенскій и Семеновскій полки укомплектовали, въ дивизіи генерала Шица мундиръ у насъ готовъ; Волоскому господарю Кантемиру дворъ очищенъ. Для опредѣленія китайскаго торгу въ компаніи Филатьевъ, Матвѣй Евреиновъ, Илья Исаевъ и другіе изъ купецкихъ, которые знатные, въ Сенатъ призываны, и они во взятіи онаго торга въ компанію отказали. О позволеніи всякаго чина людямъ въ свободномъ торгу указы въ губерніи посланы, на что смоленскіе торговые люди подали сказку за руками: ежели-де иныхъ чиновъ люди будутъ въ Смоленску торговать,—и имъ будетъ препятствіе и обиды и помѣшательства. О укрывающихся отъ службы въ народное вѣдѣніе указы по воротамъ объявлены и въ губерніи посланы. Дворянскихъ дѣтей, въ службу годныхъ, сыскиваютъ. А изъ людей боярскихъ 1,000 человѣкъ грамотныхъ, которые годны были въ офицеры, за нынѣшнимъ здѣсь малолюдствомъ, набрать невозможно; однакожъ грамотныхъ изъ людей боярскихъ и изъ монастырскихъ служекъ и изъ подъячихъ набираютъ“ [2]).

Петръ требовалъ отъ Сената быстроты и точности исполненія; трудно было удовлетворять этому требованію по новости дѣла, по привычкѣ къ неповоротливости: Сенатъ шлетъ нѣсколько указовъ въ губерніи,—нѣтъ ни исполненія, ни отвѣта, а царь все спрашиваетъ на Сенатѣ, „понеже теперь все у него въ рукахъ“. Чтобъ имѣть возможность увеличивать доходы и уменьшать расходы, Сенатъ прежде всего долженъ былъ знать состояніе тѣхъ и другихъ, и потребовалъ присылки изъ губерній подлинныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ. Легко понять, сколько могло быть важныхъ причинъ, заставлявшихъ медлить этою присылкой. Сенатъ ждалъ, посылалъ новые указы, наконецъ 28 декабря 1711 г. приговорили: „За неприсылку по многимъ указамъ подлинныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ на Сибирскомъ и Архангелогородскомъ губернаторахъ, а на московскомъ управителѣ на самихъ, для того, что они нигдѣ въ отлучкахъ отъ правленія своего не были, а Казанской, Азовской, Кіевской губерній на ландрихтерахъ, которые въ небытности самихъ губернаторовъ отъ нихъ во всемъ губернскомъ отправленіи были, взять штрафу по 1,000 рублевъ“ [3]). Чтобъ заставить исполнять немедленно указы, въ ноябрѣ 1715 года опредѣленъ былъ при Сенатѣ особый „генеральный ревизоръ, или надзиратель указовъ“. Должность эта была поручена Василію Зотову, сыну знаменитаго Никиты Моисеевича. Генальный ревизоръ долженъ былъ смотрѣть, „чтобъ все исполнено было; а ежели кто не исполнитъ въ такое время, въ которое можно было исполнить, или указъ точный имѣетъ съ срокомъ,—на того объявлять въ Сенатѣ, которому немедленно штрафовать виновныхъ; если же въ Сенатѣ станутъ тянуть время нѣсколько сенаторовъ или всѣ, то на нихъ доносить государю. Ревизоръ долженъ имѣть столикъ въ той же избѣ, гдѣ Сенатъ сидитъ, и записывать указы“ [4]).

Оберъ-секретарь Сената Щукинъ въ 1714 году писалъ Макарову: „Нынѣ у насъ въ Сенатѣ во всемъ больное правленіе, и всѣ приказныя полаты зависятъ на господахъ мѣсячныхъ сенаторахъ, а общій всѣхъ съѣздъ для общаго дѣлъ рѣшенія бываетъ не по вся дни, но временно; и такъ, слава Богу, правленіе стало быть изрядное“ [5]). По нѣкоторые сенаторы находили, что правленіе не совсѣмъ изрядное. Сенаторъ графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ подалъ извѣтъ: „По указу царскаго величества велѣно намъ въ правленіи Сената дѣла всякія управлять всѣмъ сообща, безъ вся-

[1]) Голиковъ, стр. 415.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 14.

[3]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сенатскія 1711 года.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 2959.

[5]) Кабинетъ II, кн. № 21.

*

кихъ прихотей, по настоящимъ указамъ, съ исполненіемъ правды, подъ опасеніемъ его царскаго величества гнѣву. А въ нынѣшнемъ 1717 году привезенъ изъ Кіевской губерніи фискалъ Безобразовъ, у котораго въ Курскѣ была брань съ тамошними подъячими; въ этой брани говорилъ онъ подъячимъ: „Что вы бунтуете?“ Подъячіе подали на него доношеніе; онъ въ Сенатѣ допрашиванъ и сказалъ, что эти слова говорилъ только въ брани при свидѣтеляхъ. Надлежало бы по тѣхъ подъячихъ и по свидѣтеляхъ послать, и если бы кого довелось по очнымъ ставкамъ пытать, то этотъ розыскъ довелось чинить при всѣхъ нихъ, о чемъ и другіе господа сенаторы приговорили согласно; но сенаторъ князь Долгорукій (Яковъ), безъ приговору всѣхъ сенаторовъ общаго, самовластно, своею силою, являя всѣмъ страхъ свой и по какимъ-то своимъ злобамъ, поѣхавъ въ застѣнокъ одинъ, того фискала Безобразова пыталъ жестоко, а другіе сенаторы для той пытки, кромѣ племянника его, князь Михайлы Долгорукаго, никто не ѣздили для того, что прежде времени, не дождався помянутыхъ подъячихъ, пытать его не надлежало, въ чемъ я ему, будучи въ Сенатѣ, многими словами спорилъ, при господинѣ сенаторѣ Самаринѣ и при господинѣ генеральномъ ревизорѣ бригадирѣ Зотовѣ, чтобъ онъ такого своевольства не дѣлалъ. И потомъ, видя онъ, князь Долгорукій, что Безобразова пыталъ безъ приговора общаго одинъ, спустя больше недѣли, велѣлъ дьяку о той пыткѣ написать приговоръ заднимъ числомъ, какъ не только въ Сенатѣ, но и въ другихъ канцеляріяхъ не бываетъ; а лежалъ оный приговоръ на столѣ не закрѣпленъ долгое время, и по многимъ словамъ его закрѣпили, котораго неправдиваго приговору закрѣпить я не могъ“. — Долгорукій оправдывался тѣмъ, что Безобразовъ пытанъ во многомъ воровствѣ и въ бунтовыхъ словахъ; а что не всѣ сенаторы въ томъ застѣнкѣ были, то для этого отлагать пытки до другого дня было нельзя, потому что Безобразовъ приличился въ воровскихъ бунтовыхъ словахъ, а такія дѣла разыскиваются неотлагательно; приговоръ о томъ застѣнкѣ хотя и послѣ написанъ, однако это сдѣлано для его, графа Апраксина, словъ, по повелѣнію сенаторовъ, да и послѣ сего извѣта Безобразовъ пытанъ безъ приговору же, при которой пыткѣ онъ, доноситель, и самъ былъ.—Графъ Апраксинъ въ улику говорилъ, что Долгорукій Безобразова пыталъ одинъ прежде времени, а про приговоръ и самъ онъ, князь Долгорукій, сказалъ, что писанъ послѣ пытки.—Дѣло было передано лейбъ-гвардіи майорамъ Дмитріеву-Мамонову и Лихареву и поручику Бахметеву; они рѣшили, что за неправое доношеніе графа Апраксина на князя Долгорукаго, по военному артикулу 6-й главы, надлежитъ взять на Апраксинѣ штрафъ 300 рублей въ лазаретъ на дачу солдатамъ, потому что Безобразовъ пытанъ по настоящей его винѣ. Подъ приговоромъ подписано собственною рукою царя: „Взять“.—Въ 1719 году положены были штрафы за два неправыя вершенія на сенаторовъ князя Якова Долгорукаго, графа Мусина-Пушкина, князя Михайлу Долгорукаго, Самарина и Стрѣшнева.

И генеральный ревизоръ Зотовъ не находилъ, что правленіе въ Сенатѣ было изрядное. Въ 1718 г. онъ донесъ царю: „Въ бытность мою при Сенатѣ по многимъ указамъ не исполнено, и хотя сенаторамъ я неоднократно доносилъ, но тѣ мои доношенія уничтожены. Велѣно господамъ сенаторамъ съѣзжаться въ канцелярію и сидѣть въ недѣлю три дни всѣмъ, а мѣсячному каждый день, и ежели кто не будетъ, на томъ брать штрафу за каждый день 50 рублей; этотъ указъ постоянно не исполняли, о чемъ значится во вседневной запискѣ. По указу 1714 года велѣно въ Сенатѣ, въ войскахъ и губерніяхъ, всѣмъ дѣламъ составлять протоколы и безъ того отнюдь не дерзать; а въ Сенатѣ по протоколамъ дѣлъ рѣшено до моего прибытія одно, да при мнѣ въ три года три дѣла. Годовыя вѣдомости ни откуда въ Сенатъ не присылаются, безъ чего не видно ни приходу, ни расходу, ни доимокъ, ни губернаторскихъ или другихъ подчиненныхъ неисправъ. Въ недосылкѣ изъ губерній денегъ съ 714 по нынѣшній годъ близь 1½ милліона рублей; за эти и за иныя неисправы положено было штрафовъ 31,657 рублей, изъ котораго числа взято 3,368 рублей, да до указу отсрочено 5,613, сложено 2,834, не взято 19,841 рубль. По нарядамъ съ 714 года въ С.-Петербургъ на житье не переведено шляхетства со 150, купечества и ремесленныхъ съ 3,000 домовъ, и за неисполненіе никто не штрафованъ. На содержаніе гошпиталей сборныхъ съ вѣнечныхъ памятей денегъ изъ многихъ епархій съ 714 года ничего не прислано, а изъ иныхъ не на всѣ годы, да и вычетныхъ у офицеровъ денегъ за повышеніе чиновъ не присылаютъ же; о разныхъ рудахъ и краскахъ, про которыя объявляютъ доносители, рѣшенія не сдѣлано“ [1]).

Зотовъ жаловался на нерадѣніе Сената, на послабленіе его людямъ, не исполнявшимъ указа, а съ другой стороны были жалобы на притѣсненія отъ Сената. Послѣднія жалобы произошли вслѣдствіе столкновенія Сената съ ближайшимъ губернаторомъ, Московскимъ—княземъ Михайлою Григорьевичемъ Ромодановскимъ. Въ 1712 году Ромодановскій жаловался царю: „Купечество всякими дѣлами и сборами и военными постоями вѣдалось въ ратушѣ, а пожарнымъ вѣдомствомъ и объѣздами по Москвѣ въ Земскомъ Приказѣ. А въ нынѣшнемъ 1712 году господа сенаты сами собою повелѣли купечество военными постоями, пожарнымъ вѣдомствомъ и объѣздами вѣдать въ московскомъ гарнизонѣ у Сената-жъ и оберъ-коменданта князя Голицына, по дружескому между ними совѣту, въ чемъ купечеству есть обиды, а денежнымъ сборамъ съ нихъ въ губернскомъ правленіи оста-

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 35; Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Кіевской губерніи 1717 года.

новка великая, потому и многихъ людей изъ купечества, взявъ въ гарнизонъ и къ объѣзжимъ, напрасно держатъ. Пришелъ ко мнѣ на дворъ дьякъ и сказалъ словесно: сенатскимъ повелѣніемъ Помѣстный Приказъ мнѣ не вѣдать, а вѣдать дьякамъ подъ вѣдѣніемъ сенатскимъ; а наборъ рекрутъ и работниковъ изъ Помѣстнаго Приказа вѣдать въ губернской канцеляріи. Сенаты сами собою, безъ моей вины, Помѣстный Приказъ съ помѣстными дѣлами взяли у меня изъ губернскаго правленія къ себѣ подъ вѣдомство, чиня Московской губерніи и мнѣ напрасную обиду, знатно того ради: въ томъ Приказѣ есть ихъ сенатскія (сенаторовъ) многія дѣла, такъ чтобъ имъ самимъ тѣ дѣла вершить было всячески способно безъ всякаго препятствія. А наинужнѣйшія государственныя дѣла – наборъ рекрутъ, работниковъ, плотниковъ—они, сенаты, перенесли изъ Помѣстнаго Приказа въ губернскую канцелярію, не давъ къ тѣмъ наборамъ прежнихъ дьяковъ и подьячихъ, въ чемъ самая сильная государственная нужда и неуправленіе; а помѣстныя дѣла челобитчиковы, а не вашего величества. Этихъ наборовъ они, сенаты, подъ вѣдомство къ себѣ не взяли, знатно желая меня въ тѣхъ наборахъ за какое-либо хотя малое отъ онаго безлюдства неисправленіе видѣть въ сущей напасти и штрафовать, потому что безъ прежнихъ дьяковъ и подьячихъ – заобычныхъ вѣдомцовъ—управлять тѣхъ наборовъ невозможно. Слободскими посадскими людьми командуютъ господа оберъ-комендантъ и комендантъ, и дѣлаютъ что хотятъ, и ни въ чемъ нашему слову мѣста нѣтъ. Слезно у тебя, государя, милости прошу: или вели коменданту съ гарнизономъ быть у меня, или губернію управлять оберъ-коменданту. Указами отъ Правит. Сената наряжаютъ дѣла очень крутыя, сроки опредѣляютъ очень краткіе, а штрафы сулятъ неслыханные, якобы великому злодѣю; посулили у меня отписать помѣстья и вотчины, ежели я не соберу и не пришлю въ іюнѣ мѣсяцѣ 25,000 рублей, чего мнѣ сдѣлать нельзя за ихъ же указами, что о пустотѣ указу не чинять, а лишку собирать не велятъ“.

Вслѣдъ затѣмъ новыя жалобы отъ Ромодановскаго: „Велѣно мнѣ вѣдать губернію Московскую, а мнѣ управлять никоимъ образомъ нельзя: добрыхъ царедворцевъ самое малое число и болѣе того сенаты давать не хотятъ и отказали, а солдатъ и начальниковъ артикульно и ни одного нѣтъ. И многія команды безъ командировъ, а при которыхъ дѣлахъ командиры и есть, и изъ тѣхъ многіе негодны, также и посылки многія въ остановкѣ,—посылать некого ѲА по доношеніямъ нашимъ Правит. Сенатъ довольства и письменнаго указа не чинятъ; по многимъ дѣламъ приказываютъ словесно, а многихъ доношеній и не принимаютъ. Отъ гарнизона намъ нѣтъ никакой помощи, а только великія и многопомѣшательныя обиды въ воровствахъ, корчмахъ и другихъ дѣлахъ. Нынѣ ихъ честность опредѣлили ко мнѣ 5,000 человѣкъ солдатъ, въ которыхъ ниже вида солдатскаго, люди нищи и многіе дряхлецы, ни мундиру, ни ружья, ни начальныхъ людей, ни командующаго съ ними не прислано. Во всякій спросъ и во всякую отправу и въ тягость мы имъ близки, а въ другія губерніи имъ не видно, и когда еще ихъ гнѣвъ дойдетъ, а мои помощники не только м... бранью и многими окриками, но и тюрьмами уже наказаны, а вины ихъ Богу только извѣстны, а намъ не показаны... Да и лучшій мой и добрый помощникъ, господинъ вице-губернаторъ (Ершовъ) бранью и окриками наказанъ, очень довольно и посулено ему черевы на кнутьяхъ выметать, а за что – не знаю же, и кромѣ добрыхъ его трудовъ въ дѣлахъ вашихъ не вижу и не слышу. Онъ же выбитъ изъ двора и караулъ сенатскій присланъ за штрафныя деньги, будто за неприсылку книгъ 710 года; а тѣ книги не его и вѣдомства, и стоять ему за нихъ не-для-чего, и отосланы еще до штрафованія задолго. А хотябъ и подлинно онъ такого штрафа достоинъ, то платить ему конечно нечѣмъ, - служитъ тебѣ, государю, весьма вѣрно и прилежно, и безкорыстно, и тебѣ, государю, служба его много прибыточна: при управительствѣ его учинено тебѣ прибыли 116,000 рублевъ, и всякія губернскія дѣла отправлялъ вѣрно и ревностно, и народъ охранялъ отъ многихъ обидъ всеусердно, и жалобщиковъ на него нѣтъ; а жалованья ему за губернскіе его труды не учинено, безъ чего ему пробыть нельзя, потому что служитъ безкорыстно и вошелъ во многіе долги“.

По первому письму Ромодановскаго царь послалъ указъ Сенату, чтобъ дали во всемъ управу и объяснили обстоятельно, въ чемъ дѣло. „Но отъ ихъ честности“, писалъ опять Ромодановскій, „ничего о томъ не учинено, и на меня и на помощника моего день ото дня умножается несносное гоненіе безъ всякой вины. Гарнизонная комендантская канцелярія завербовала всѣми слободами, купецкими разными многими дѣлами, понеже собственные твои государевы сироты, купецкіе люди—изстари беззаступны, и того ради всякому они въ команду надобны. Вашему величеству вѣрно извѣстно, что мужикъ я престарѣлый, и въ родѣ поколѣнія моего осиротѣлый, повидимому, безнадежно и одряхлѣлъ въ достатокъ, и уже что мнѣ, рабу твоему, надобно?—пожалованъ я всѣмъ довольно и больше ничего не требую и прочить мнѣ некому“. Ромодановскій умеръ въ началѣ 1713 года. У преемника его, Салтыкова, не было ссоры съ Сенатомъ, и шелъ слухъ, что онъ получилъ мѣсто по старанію сенаторовъ, особенно Мусина Пушкина и Долгорукаго. Но за то началась ссора у губернатора съ вице-губернаторомъ Ершовымъ, который публично, въ глаза, упрекалъ Салтыкова въ казнокрадствѣ. Въ 1716 году царь далъ указъ Сенату: „Между губернатора и вице-губернатора Московскихъ разыскать въ ихъ ссорахъ, а паче того смотрѣть, въ чемъ они учинили поврежденіе и убытокъ государству, а между тѣмъ на время велѣть быть въ Московской губерніи губернаторомъ Кириллу Нарышкину, а вице-губернатору—старому“.

Слѣдствіемъ розыска было то, что Нарышкинъ сдѣлался настоящимъ, а не временнымъ только губернаторомъ, вмѣсто Салтыкова, и, подобно Ромодановскому, началъ ссориться съ Сенатомъ. Въ 1717 г. Меншиковъ писалъ Макарову: „Просилъ насъ слезно губернаторъ Московскій господинъ Нарышкинъ, что отъ господъ сенаторовъ великія ему и несносныя чинятся напрасныя обиды, а именно—приказали у него отписать дворы и деревни безо всякой причины, будто за ослушаніе, а болѣе злясь на него за бывшаго губернатора Салтыкова; могу я истинно засвидѣтельствовать, что они его ругаютъ напрасно; для Бога приложите стараніе свое у ея величества государыни царицы, и у прочихъ, у кого надлежитъ, и учините ему вспоможеніе". Не одни московскіе губернаторы ссорились съ Сенатомъ; въ 1717 году Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ писалъ Макарову: „Я послалъ царскому величеству особое просительное письмишко, чтобъ меня помиловалъ за бѣдную мою дряхлость и безпамятство, указалъ меня отъ губернаторскихъ дѣлъ освободить,—несносно стало, по указамъ отъ Прав. Сената трудно исправляться. Другія губерніи милуютъ, а на нашу все прибавляютъ, и когда ихъ превосходительству приносимъ оправданіе, здраваго разсмотрѣнія не чинятъ и не принимаютъ. Одно затвердили, что наша губернія богата: она такъ богата сдѣлалась, что передъ другими губерніями съ дворовъ все вдвое сбираемъ, и всеконечно опустѣетъ; а перемѣнить нельзя,—хотя чего малаго не дошлемъ, все штрафы да разоренье" [1]).

Еще въ 1712 году число сенаторовъ увеличилось тайнымъ совѣтникомъ, генералъ-пленопотенціаромъ кригсъ-коммисаромъ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, который занялъ между ними первое мѣсто. Взятый въ плѣнъ подъ Нарвою, Долгорукій чудеснымъ образомъ освободился въ 1711 году; его съ 44 товарищами привезли-было для размѣна на восточный берегъ Ботничего залива, чо потомъ опять повезли на шведскую сторону. „И всемилосердый Богъ", пишетъ Долгорукій, „предстательствомъ Богоматери далъ намъ, юзникамъ, благой случай и безстрашное дерзновеніе, что мы могли капитана и солдатъ, которые насъ провожали, пометать въ корабли подъ палубу и ружье ихъ отнять, и, поднявъ якорь іюня 3 дня, пошли въ свой путь, и ѣхали тѣмъ моремъ 120 миль и, не доѣхавъ до Стокгольма за 10 миль, поворотили на островъ Даго. И шкиперъ нашъ и штырманъ знали пути до Стокгольма, а отъ Стокгольма чрезъ Балтійское море они ничего не знали и никогда тамъ не бывали, и картъ морскихъ съ собою не имѣли; и то море переѣхали мы безъ всякаго вѣдѣнія, управляемые древнимъ бѣдственно-плавающихъ кормщикомъ, великимъ отцемъ Николаемъ, и на который островъ намѣрились,—на самое то мѣсто оный кормщикъ насъ управилъ". Впослѣдствіи вступили въ Сенатъ: графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, князь Меншиковъ, адмиралъ графъ Апраксинъ, канцлеръ Головкинъ, Яковъ Брюсъ, подканцлеръ Шафировъ, графъ Петръ Толстой, князь Димитрій Голицынъ, графъ Андрей Матвѣевъ, князь Димитрій Кантемиръ. Такое увеличеніе числа сенаторовъ произошло вслѣдствіе того, что съ 1718 года въ Сенатъ вошли президенты коллегій. Тогда же Сенатъ получилъ право баллотированіемъ выбирать въ высшіе чины. Въ Наказѣ воеводамъ 1719 года говорится, что воевода долженъ вести себя такъ, какъ предъ Богомъ, его царскимъ величествомъ и предъ Сенатомъ и предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ отвѣтъ дать можетъ. Объ обязанностяхъ Сената царь писалъ: „Никому въ Сенатѣ не позволяется разговоры имѣть о постороннихъ дѣлахъ, которыя не касаются службы нашей, тѣмъ менѣе заниматься бездѣльными разговорами или шутками, понеже Сенатъ собирается вмѣсто присутствія его величества собственной персоны. Безъ согласія всего Сената ничего нельзя начинать, тѣмъ менѣе вершить, и надобно, чтобъ всякія дѣла не въ особливыхъ домахъ или бесѣдахъ, но въ Сенатѣ рѣшались и въ протоколъ записывались, и не надлежитъ сенатскимъ членамъ никого постороннихъ съ собою въ Сенатъ брать. Всякое дѣло должно быть исполнено письменно, а не словесно; глава же всему—дабы должность свою и наши указы въ памяти имѣли и до завтра не откладывали; ибо какъ можетъ государство управлено быть, егда указы дѣйствительны не будутъ: понеже презрѣніе указовъ ничѣмъ не рознится съ измѣною, и не только равномѣрную бѣду принимаетъ государство отъ обоихъ, но отъ этого еще больше, ибо, услышавъ измѣну, всякъ остережется, а сего никто вскорѣ не почувствуетъ, но мало-по-малу все разорится, и люди въ непослушаніи останутся, чему ничто иное токмо общая погибель слѣдовать будетъ, какъ-то въ Греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ" [2]). Сначала сенаторы переѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, но потомъ окончательно остались въ новой столицѣ.

Правительствующій Сенатъ, у котораго въ рукахъ было теперь все, по выраженію самого царя, считалъ себя въ правѣ брать дѣла изъ одного Приказа и передавать ихъ въ другія вѣдомства, ибо, какъ мы знаемъ, разнородныя дѣла соединялись въ извѣстныхъ Приказахъ случайно, и оставались вмѣстѣ по обычаю, по старинѣ. Но теперь, когда всякая старина была тронута, что мѣшало, напримѣръ, возникнуть вопросу: съ какой стати наборъ рекрутъ и работниковъ принадлежитъ къ числу занятій Помѣстнаго Приказа? При усложненіи правительственной машины, при новыхъ потребностяхъ и взглядахъ, старые Приказы не могли долго держаться. Чѣмъ же они могли быть замѣнены? Въ преобразующейся Россіи на всякій по-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 15. 33; Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ именныхъ указовъ Сенату; Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Меншикова.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 13; Полн. Собр. Зак. № 3261 и 3294.

добный вопросъ обыкновенно отвѣчали другимъ вопросомъ: а какъ дѣлается за-границею, въ образованныхъ государствахъ? Тамъ были коллегіи: слѣдовательно онѣ должны были явиться у насъ. Знаменитый Лейбницъ писалъ Петру, что хорошее правленіе можетъ быть только при условіи коллегій, которыхъ устройство похоже на устройство часовъ, гдѣ колеса взаимно приводятъ другъ друга въ движеніе [1]). Сравненіе не могло не понравиться Петру, который именно стремился къ тому, чтобъ Русскіе люди во всемъ приводили другъ друга въ движеніе, ибо все зло происходило отъ разобщенности колесъ. Итакъ надобно старинные Приказы замѣнить коллегіями; но гдѣ взять колеса для часовыхъ машинъ, для которыхъ старыя колеса негодятся? Первый способъ для этого, разумѣется,—взять готовое, взять иностранцевъ. Въ августѣ 1715 года Петръ поручилъ генералу Вейде достать иностранныхъ ученыхъ и въ правостяхъ (правахъ) искусныхъ людей для отправленія дѣлъ въ коллегіяхъ; иностранцу давали ассесорскій чинъ, 500 рублей жалованья и квартиру; отправлять должность свою иностранцы должны были чрезъ толмачей [2]). Это неудобство, разумѣется, заставляло искать другого способа наполнить коллегіи въ „правостяхъ" искусными людьми: въ концѣ того же года царь далъ наказъ резиденту при императорскомъ Дворѣ Веселовскому: „Старайся сыскать въ нашу службу изъ шрейберовъ (писарей) или изъ иныхъ не гораздо высокихъ чиновъ изъ приказныхъ людей, которые бывали въ службѣ цесарской, изъ Бемчанъ (чеховъ), изъ Шленцевъ (Силезцевъ) или изъ Моравцевъ, которые знаютъ по-славянски, отъ всѣхъ коллегій, которыя есть у Цесаря, кромѣ духовныхъ, по одному человѣку, и чтобъ они были люди добрые и могли тѣ дѣла здѣсь основать. Такъ же сыщите книги: лексиконъ универсалисъ, который печатанъ въ Лейпцигѣ у Симона; другой лексиконъ универсалисъ же, въ которомъ есть всѣ художества, который выданъ въ Англіи на ихъ языкѣ, и оный сыщите на латинскомъ или на нѣмецкомъ языкѣ; также сыщите книгу юриспруденціи. И какъ ихъ сыщешь, тогда надобно тебѣ съѣздить въ Прагу, и тамъ въ езуитскихъ школахъ учителямъ говорить, чтобъ они помянутыя книги перевели на славянскій языкъ, и о томъ съ ними договоритесь, по-чему они возьмутъ за работу отъ книги, и о томъ къ намъ пишите; а понеже нѣкоторыя ихъ рѣчи несходны съ нашимъ славянскимъ языкомъ: и для того можемъ къ нимъ прислать изъ Русскихъ нѣсколько человѣкъ, которые знаютъ по-латыни, и оные лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить. Въ семъ гораздо постарайся, понеже намъ зѣло нужно" [3]). Но охотниковъ нашлось немного, и потому въ августѣ 1717 года приглашены были шведскіе плѣнники, хорошо познакомившіеся съ русскимъ языкомъ, вступить въ службу при коллегіяхъ [4]). И этимъ способомъ, какъ видно, не могли добыть много людей въ коллегіи; по крайней мѣрѣ Измайловъ, имѣвшій порученіе приглашать шведскихъ плѣнныхъ, жившихъ въ Сибири, писалъ Макарову въ сентябрѣ 1718 года: „Въ Тобольскѣ и въ другихъ сибирскихъ городахъ въ службу царскаго величества пошло шведскихъ офицеровъ 9 драгунъ и солдатъ то же число, а болѣе никакимъ образомъ призвать не могъ, потому что имѣютъ довольство не малое, чего и въ отечествѣ своемъ многіе не имѣли, и въ к а л ѣ г и (коллегіи) никто не пошелъ, а больше для того нейдутъ, что ожидаютъ въ скоромъ времени мира" [5]). Между тѣмъ хотѣли приготовить и своихъ Русскихъ: въ январѣ 1716 года велѣно послать въ Кенигсбергъ человѣкъ 30 или 40 молодыхъ подъячихъ для наученія нѣмецкому языку, „дабы удобнѣе въ к о л л е г і у м ъ были, и послать за ними надзирателями, чтобъ они не гуляли" [6]).

Въ концѣ 1717 года уже опредѣлено было число коллегій — девять: 1) Чужестранныхъ дѣлъ, что нынѣ Посольскій Приказъ; 2) Камеръ, или казенныхъ сборовъ; 3) Юстиція, т.-е расправа гражданскихъ дѣлъ; 4) Ревизіонъ,—счетъ всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ; 5) Воинскій (т.-е. коллегіумъ); 6) Адмиралтейскій; 7) Коммерцъ; 8) Штатсъ-конторъ: казенный домъ, вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ; 9) Бергъ и мануфактуръ [7]). Назначены были президенты и вице-президенты въ каждую коллегію: въ коллегію Иностранныхъ Дѣлъ президентомъ канцлеръ графъ Головкинъ, вице-президентомъ вице-канцлеръ баронъ Шафировъ; въ Камеръ-коллегію президентомъ князь Дм. Мих. Голицынъ (Кіевскій губернаторъ), вице-президентомъ баронъ Ниротъ; въ Юстицъ-коллегію президентомъ тайный совѣтникъ Андрей Артем. Матвѣевъ, покончившій свое дипломатическое поприще, вице-президентомъ Бреверъ; въ Ревизіонъ-коллегію президентомъ князь Долгорукій;—вице-президента не было назначено; въ Военную коллегію президентомъ князь Меншиковъ, вице-президентомъ генералъ Вейде; въ Адмиралтейскую—президентомъ адмиралъ графъ Апраксинъ, вице-президентомъ Крейсъ; въ Коммерцъ-коллегію президентомъ Петръ Андр. Толстой, вице-президентомъ Шмидтъ; въ Штатсъ-контору президентомъ графъ Мусинъ-Пушкинъ; вице-президента не было назначено; въ Бергъ и Мануфактуръ-коллегію президентомъ Брюсъ безъ вице-президента [8]). Такимъ

[1]) Briefe von Chr. Wolff, предисловіе.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2928; въ томъ же году Ягужинскому было поручено достать въ Даніи во всякую коллегію по хорошему члену, а лучше, чтобъ они были не старыхъ лѣтъ, дабы могли россійскому языку удобнѣе научиться, а безъ того (т. е. безъ людей) по однимъ книгамъ нельзя будетъ дѣлать, ибо всѣхъ циркумстанцій никогда не пишутъ. Голикова—Дѣянія Петра В. V, 93.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 2967.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 3101.

[5]) Кабинетъ II, кн. № 35.

[6]) Полн. Собр. Зак. № 2896, 2997.

[7]) Полн. Собр. Зак. № 3255.

[8]) Полн. Собр. Зак. № 3133.

образомъ, кромѣ послѣдней, Бергъ-и-Мануфактуръ-коллегіи, президентами были назначены Русскіе, вице-президентами (кромѣ Иностранной коллегіи) иностранцы.

Назначенные президенты должны были выбирать совѣтниковъ и ассесоровъ, но съ тѣмъ, чтобы послѣдніе не были ихъ родственники или собственныя креатуры; на всякое мѣсто должны были выбрать по два или по три человѣка, и потомъ представить списки именъ въ собраніе всѣхъ коллегій, гдѣ должна происходить баллотировка. Въ конторы по губерніямъ отправлены были добрые люди, чтобъ и тамъ выборы происходили такимъ же образомъ съ присягою. Въ коллегіяхъ должны были быть Русскіе: президентъ и вице-призидентъ (впрочемъ вице-президентъ могъ быть и иностранецъ); потомъ изъ Русскихъ должны были быть четыре совѣтника, четыре ассесора, одинъ секретарь, одинъ нотарій, одинъ актуарій, одинъ регистраторъ, одинъ переводчикъ и подъячіе трехъ статей (старые, средніе и младшіе). Изъ иноземцевъ были: одинъ совѣтникъ или ассесоръ, одинъ секретарь, одинъ шкрейверъ [1]). Въ апрѣлѣ 1718 года царь далъ указъ: „Всѣмъ коллегіямъ надлежитъ нынѣ, на основаніи шведскаго устава, сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ (регламентъ) по пунктамъ; а которые пункты въ шведскомъ регламентѣ неудобны, или съ сетуаціею сего государства несходны, и оные ставить по своему разсужденію и, поставя объ оныхъ, докладывать, такъ ли имъ быть“ [2]). Съ 1720 года уже всѣ коллегіи были въ полной дѣятельности.

Колеса въ новыхъ машинахъ не пошли вдругъ хорошо: вмѣсто того, чтобъ приводить взаимно другъ друга въ движеніе, иногда зацѣплялись другъ за друга и мѣшали общему дѣйствію. Еще въ 1719 году царь жаловался на безсоюзство, разности и свары между членами Юстицъ-коллегіи, вслѣдствіе чего былъ изданъ указъ о пресѣченіи мѣстничества и о порядкѣ старшинства коллежскихъ членовъ [3]). Въ томъ же году въ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ произошло столкновеніе между президентомъ и вице-прозидентомъ. Мы уже видѣли, что вице-канцлеръ Шафировъ, находясь въ Константинополѣ, подозрѣвалъ канцлера Головкина въ нерасположеніи къ себѣ. По возвращеніи его въ Россію, это подозрѣніе, какъ видно, не уничтожилось. 19 мая означеннаго года были въ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ канцлеръ графъ Головкинъ, да подканцлеръ баронъ Шафировъ, и отъ канцлера было предложено, чтобъ по именному указу великаго государя дѣла слушать, рѣшать и подписывать всѣмъ членамъ коллегіи. На это предложеніе подканцлеръ баронъ Шафировъ объявилъ, что онъ съ находящимися теперьна-лицо членами дѣлъ подписывать не будетъ, въ томъ протестуетъ, причемъ назвалъ одного изъ членовъ—Курбатова (Петра)—канцлеровою креатурою. Шафировъ говорилъ, что потребно полное число членовъ, и что коллегія Иностранныхъ Дѣлъ другимъ не примѣръ, а съ членами, которые изъ подъячихъ, и сидѣть стыдно. Канцлеръ ему отвѣчалъ, что эти члены коллегіи написаны уже прежде въ вѣдомостяхъ, поданныхъ за ихъ руками въ Сенатъ, въ Камеръ и Штатсъ-коллегіи: Василій Степановъ написанъ совѣтникомъ канцеляріи, Петръ Курбатовъ секретаремъ-ассесоромъ, и пока не набрано будетъ полное число членовъ публичныя дѣла коллегіи, кромѣ чужестранныхъ, надобно управлять съ ними попрежнему. мнѣніе каждаго должно записывать въ протоколъ и крѣпить приговоры вмѣстѣ съ ними. Подканцлеръ сказалъ на это: „Я съ ушниками и бездѣльниками дѣлъ не хочу дѣлать“, и когда канцлеръ заставлялъ совѣтника Степанова подписываться къ указамъ, то Шафировъ сказалъ: „Когда у насъ такой споръ, то надобно требовать опредѣленія отъ его царскаго величества“. Сказавши это, подканцлеръ съ сердцемъ всталъ и пошелъ вонъ; но, остановясь въ дверяхъ, закричалъ канцлеру: „Что ты дорожишься и ставишь себя высоко?—я и самъ такой же“! Канцлеръ ему отвѣчалъ: „Какъ ты моей старости не устыдишься такими словами мнѣ досаждать и кричать!“ Шафировъ, вышедши въ переднюю палату, передъ просителями — гетманскимъ посланцомъ Кегичемъ, калмыцкими посланцами и Волохами,—говорилъ служителямъ канцеляріи, что канцлеръ хочетъ коллежскія дѣла дѣлать съ своими креатурами и хочетъ заставлять ихъ съ собою подписывать. Протоколъ объ этомъ, подписанный Головкинымъ, Степановымъ, Курбатовымъ, Губинымъ, Аврамовымъ, былъ представленъ государю.

Возвратившись домой, Шафировъ послалъ за Степановымъ; тотъ не пришелъ; Шафировъ посылалъ еще два раза,—Степановъ не явился; подканцлеръ подалъ на него жалобу, требуя суда. Степановъ представилъ оправданіе: „Я не пришелъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) 19 числа въ коллегіи подканцлеръ сказалъ, что онъ съ ушниками и бездѣльниками дѣлъ дѣлать не будетъ, и называлъ меня съ прочими креатурою канцлеровою; поэтому канцлеръ мнѣ и другимъ членамъ коллегіи ходить къ нему не велѣлъ. 2) Боялся я того, чтобъ меня не убилъ, потому что, прибивши Губина, говорилъ онъ, чтобъ и мы того же опасались. Подканцлеръ потомъ подъячему Аврамову говорилъ, что онъ звалъ меня тогда не для дѣла, но хотѣлъ вѣдать о запискѣ протокола, врученнаго вашему

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3128.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 34; Петру хотѣлось учредить еще особаго рода Коллегію; въ одной изъ памятныхъ книжекъ его записано: „О такой коллегіи, которая-бъ смотрѣла, что исправить, перемѣнить, отставить, вновь сдѣлать, начепше отъ порядковъ прибыли даже до чистоты и украшенія во всемъ государствѣ, плантажи въ безлѣстныхъ мѣстахъ и винограды, всякія строенія, работы и прочія такія дѣла, когда указъ объ оныхъ будетъ, прежде не начинать, не распоряля кѣмъ и чѣмъ оныя содержать, сдѣлавъ. О экономическихъ книгахъ, также и о политическихъ, какъ всякому чину должность свою исполнять домовно и генерально“. Голикова—Дѣянія Петра В. VI, 243.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 3384.

величеству; еще и то говорилъ, что хотя бы онъ и побилъ меня, то-бъ мнѣ можно за его ко мнѣ благодѣянія то снесть. Я о моей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ, что не токмо побои, но и брани терпѣть. Онъ же, Аврамовъ, и то сказывалъ, что подканцлеръ говорилъ ему, будто ваше величество ему обѣщали меня и Губина бить, какъ и Михайла Волкова, а Курбатовъ-де мѣста поищетъ"[1]). Чѣмъ дѣло кончилось,—не извѣстно, ибо царскимъ расправамъ протоколы не велись.

Когда коллегія Иностранныхъ Дѣлъ получила полное число членовъ, то 13 февраля 1720 года послѣдовало слѣдующее опредѣленіе: „Когда случатся важныя дѣла, то призывать всѣхъ или нѣсколько (по важности дѣла) тайныхъ совѣтниковъ дѣйствительныхъ, и всѣ должны подавать совѣтъ письменно и потомъ докладывать о рѣшеніи. Канцеляріи совѣтники: Тайной канцеляріи—совѣтникъ Остерманъ, канцеляріи совѣтникъ—Степановъ; ихъ должности—сочинять грамоты къ чужестраннымъ государямъ, рескрипты къ министрамъ, резолюціи, декларацiи и прочія бумаги великой важности и тайны, а прочее заставлять сочинять секретарей экспедиціи, и надзоръ за ними имѣть. Когда случатся такія государственныя тайныя дѣла, что его царское величество высокою особою присутствовать въ коллегіи изволитъ, или для какого-нибудь совѣта другіе тайные совѣтники созваны будутъ, то изъ двоихъ канцеляріи совѣтниковъ одинъ, или, по множеству дѣлъ, и оба присутствуютъ и о предметѣ совѣщанія доносятъ и читаютъ, и, соотвѣтственно рѣшенію, рескрипты или грамоты и прочія резолюціи сочиняютъ; а если понадобится, то имъ и голоса, для большаго секрета, вмѣсто нотаріуса, записывать. Совѣта ихъ притомъ не спрашивается, но могутъ дѣлать ремонстраціи или представленія. Если же въ Иностранной коллегіи присутствуютъ только канцлеръ да подканцлеръ для рѣшенія дѣлъ, тогда канцеляріи совѣтники вмѣстѣ съ ними сидятъ за однимъ столомъ, и ко всему, что будетъ въ собраніи опредѣлено, подписываются"[2]).

Болѣе другихъ президентовъ коллегій было тяжело президенту Юстицъ-коллегіи, какъ видно изъ жалобъ Матвѣева, поданныхъ въ 1721 году: „По указу вашего величества положено на коллегіи Юстиціи прежнихъ семь Приказовъ, т.-е. Помѣстный, Судные всѣ, Сыскной, Земскій и прибавлены еще фискальскія дѣла: бремя несносное! Ктому же всякую недѣлю по три дня всѣмъ президентамъ опредѣленъ съѣздъ въ Сенатъ, а два дни на расправу коллежскую; членамъ коллегіи однимъ во время моей отлучки въ Сенатъ рѣшать дѣла нельзя, отчего въ такихъ многочисленныхъ дѣлахъ безпрестанная остановка и на коллегію нареканіе. Въ той же многодѣльной коллегіи нынѣ вице-президента и добрыхъ помощниковъ нѣтъ за разборомъ по инымъ коллегіямъ лучшихъ царедворцевъ; когда при коллегіи бываю я, то работаю сколько могу по малымъ моимъ силамъ, и дѣла рѣшаются; но хотя рѣшаются они и настоящимъ образомъ, однако не только мнѣ, но и ангелу безплотному на народъ нашъ угодить и безъ упрековъ отъ него быть никакъ нельзя, какъ вашему величеству самому извѣстно. Изъ Юстицъ-коллегіи въ три года дѣлъ съ 15 перенесено въ Сенатъ по челобитью недовольныхъ, да и тѣ еще тамъ не рѣшены и ничего на коллегію не показано. Въ прошлыхъ годахъ князь Яковъ Ѳед. Долгорукій, когда сидѣлъ въ Судномъ московскомъ Приказѣ, то въ одинъ годъ съ полтораста дѣлъ по челобитьямъ на его вершеніе было перенесено въ расправную палату: и тому судьѣ угодить на нашъ народъ было невозможно. Юстицъ-коллегія, исполняя все вѣрно и не угождая произволамъ нѣкоторыхъ, нажила себѣ многихъ непріятелей, всегда вредящихъ тайно и явно; особливо же нѣкоторая знатная особа, которая съ протоколистомъ Иностранной коллегіи, Протопоповымъ, важное имѣла прежде дѣло у насъ въ коллегіи и, по желанію своему, не получила успѣха, несетъ на меня партикулярно свою неукротимую злобу, и, гдѣ найдетъ случай, великій вредъ мнѣ причиняетъ и другихъ къ тому же подучаетъ; нравъ этой особы, думаю, и самому вашему величеству извѣстенъ. Такъ же и другія знатныя особы, имѣющія по фискальскимъ доношеніямъ на себя дѣла, а иныя за своихъ сродниковъ и пріятелей заступаясь, увидавъ, что я имъ безъ поманки и безъ всякой корысти по дѣламъ ихъ не угождаю,—всячески съ своими пріятелями и фамиліями намѣреваются и угрожаютъ у вашего величества и въ Сенатѣ всегдашній вредъ мнѣ причинять, отъ чего я, въ такомъ своемъ крайнемъ сиротствѣ будучи постоянно, опасаюсь ихъ, ибо и Геркулесъ едва ли бы могъ противъ двоихъ стоять"[3]).

Мы видѣли, что въ 1708 году Петръ раздѣлилъ государство на губерніи; губерніи раздѣлялись на провинціи. Правители пограничныхъ губерній въ описываемое время назывались генералъ-губернаторами, въ остальныхъ – губернаторами; помощниками ихъ были вице-губернаты, иногда впрочемъ вице-губернаторы управляли цѣлою губерніею: такъ Курбатовъ, въ званіи вице-губернатора, управлялъ всею Архангельскою губерніею. Какъ видно, здѣсь была уступка родовитымъ людямъ: царь не хотѣлъ дать человѣку холопскаго происхожденія одинакого званія съ Ромодановскими, Голицыными и Апраксиными; въ указѣ 6 марта 1712 года было сказано: „Господъ Петра Апраксина, князя Дмитрія Голицына, Петра Салтыкова, князя Матвѣя Гагарина писать губернаторами, Алексѣя Курбатова вице-губернаторомъ"[4]). Провинціи управлялись воеводами; при губернаторахъ и воеводахъ находилась

[1]) Кабинетъ II, кн. № 43, 52.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 52.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 56.
[4]) Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ именныхъ указовъ.

Земская канцелярія, приводившая въ исполненіе всѣ распоряженія губернатора или воеводы. Указомъ 24 апрѣля 1713 года въ областное управленіе внесено было коллегіальное начало: велѣно назначить ландратовъ — въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ—по 10, въ меньшихъ—по 8; ихъ должность стостояла въ томъ, что они всѣ дѣла съ губернаторомъ рѣшали и подписывали, и „губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ"; онъ имѣлъ только два голоса и никакого дѣла безъ нихъ не дѣлалъ. Ландраты выбирались въ каждомъ городѣ или провинціи всѣми дворянами за ихъ руками. Въ 1719 году ландраты исчезаютъ, какъ видно, по недостатку въ людяхъ [1]). Для суда учреждены были земскіе судьи, или ландрихтеры и оберъ-ландрихтеры, и, чтобъ дать имъ бо́льшую независимость, они и имѣнія ихъ были изъяты изъ-подъ вѣдомства губернаторскаго; судились ландрихтеры въ Сенатѣ. Жалобы на несправедливыя рѣшенія губернаторовъ и судей поступали въ Расправную палату при Сенатѣ, гдѣ чинили указъ по тѣмъ дѣламъ. Въ 1720 году въ значительныхъ городахъ учреждены были Надворные суды для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ. Надворный судъ составлялъ высшую инстанцію въ областномъ судоустройствѣ, среднюю составлялъ судъ Провинціальный и послѣднюю—Нижній Городовой судъ; какъ въ Надворномъ, такъ и въ Нижнемъ судахъ въ столицахъ упоминаются оберъ-ландрихтеры въ качествѣ президентовъ [2]). Мысль объ отношеніяхъ судебной власти къ административной находимъ въ слѣдующей инструкціи воеводамъ: „Хотя воеводѣ не надлежитъ ссоръ тяжебнаго дѣла судить и судьямъ въ расправѣ ихъ помѣшательства чинить, однако ему крѣпко смотрѣть, чтобъ земскіе судьи уѣзный судъ управляли по инструкціи и подданныхъ волокитами не утѣсняли. Воеводѣ велѣть уставы, паче же въ смертныхъ дѣлахъ, по знатнымъ праздникамъ прихожанамъ въ церквахъ трижды въ годъ прочитать. Смертныя дѣла воеводѣ каждое къ своему подлежащему суду отсылать и по опредѣленію двороваго суда дѣйство производить". Въ указѣ изъ Юстицъ-коллегіи 1719 года также предписывается губернаторамъ и вице-губернаторамъ смотрѣть, чтобъ не было волокиты и напрасныхъ убытковъ челобитчикамъ всякаго чина, особенно же призирать бѣдныхъ людей, вдовъ и сиротъ безгласныхъ и безпомощныхъ [3]). Чѣмъ для цѣлаго государства была Камеръ-коллегія, тѣмъ въ губерніяхъ были Земскія конторы, управлявшіяся земскимъ камериромъ, или надзирателемъ сборовъ; у камерира были три книги: въ первой были обозначены всѣ источники казенныхъ доходовъ; во второй—всѣ полученія и выдачи; въ третьей—всѣ свидѣтельства и счеты [4]). Земскій коммисаръ собиралъ и записывалъ всѣ казенные доходы, кромѣ пошлинъ. Въ январѣ 1715 года было постановлено, чтобы въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ нѣтъ гарнизоновъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ не быть,—быть вмѣсто нихъ ландратамъ, по одному человѣку надъ каждою долею, въ которой содержится 5,536 дворовъ или посколько будетъ удобнѣе по разстоянію мѣста, больше или меньше по разсужденію губернаторскому. Съ ландратами для управленія всякихъ сборовъ и земскихъ дѣлъ въ каждой долѣ быть по одному коммисару. Въ тѣхъ городахъ, которые прилегли къ украинымъ мѣстамъ и для опасенія отъ непріятельскихъ набѣговъ будутъ въ нихъ гарнизоны изъ ландмилиціи (т.-е. земское войско), въ такихъ городахъ быть комендантамъ, которымъ вѣдать и ландратское правленіе. Изъ ландратовъ всегда быть при губернаторахъ по два человѣка, съ перемѣною по мѣсяцу или по два мѣсяца, а въ ихъ отсутствіе должность ихъ исправляютъ коммисары. Въ концѣ года всѣ ландраты съѣзжаются къ губернаторамъ со всѣми вѣдомостьми своего правленія для счета и рѣшенія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ. Губернаторамъ ни для какихъ сборовъ и дѣлъ отъ себя никуда въ Ландратское правленіе нарочныхъ не посылать, кромѣ того случая, если кто-нибудь изъ ландратовъ впадетъ въ погрѣшеніе или споръ какой будетъ въ земляхъ: въ такихъ случаяхъ для розыску и межеванья посылать ландрихтеровъ, а судить ландратовъ губернаторамъ самимъ съ вице-губернаторами и ландратами. Посадскихъ людей ландратамъ ни въ чемъ не вѣдать и ни въ какія ихъ дѣла не вступать, а имѣть имъ для управленія своихъ дѣлъ и земскихъ сборовъ бурмистровъ, за выборами, съ вѣдома губернаторскаго; въ искахъ своихъ бить челомъ посадскимъ на крестьянъ ландратамъ, а крестьянамъ на посадскихъ—земскимъ бурмистрамъ. Тогда же назначено было жалованье: губернаторамъ 1,200 рублей денегъ, 600 четвертей хлѣба, С.-Петербургскому—вдвое. Вице-губернаторамъ—Петербургскому 3,000 руб. (?), 300 четвертей хлѣба; прочимъ по 600 рублей и 300 четвертей. Ландрихтерамъ: петербургскому 600 рубл. и 150 четвертей, прочихъ губерній 300 рублей и 150 четвертей. Оберъ-инспекторамъ (за торговлею) петербургскому и рижскому по 1,200 рублей. Коммисарамъ петербургскимъ и изъ губерній въ Петербургѣ при Сенатѣ находящимся 120 рублей и 60 четвертей; губернскимъ—по 60 рублей и по 30 четвертей. Дьякамъ въ губерніяхъ по 120 руб. и по 60 четвертей; подъячимъ старымъ по 60 руб. и по 30 четвертей; середней статьи—по 40 рублей и 20 четвертей, молодымъ—по 15 рублей и 10 четвертей [5]).

Учрежденъ былъ Сенатъ, коллегіи, дано новое

---

[1]) Архивъ Министерства Юстиціи, протоколы Сената за 1719 годъ.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2710, 2673, 2762; Архивъ Мин. Юстиціи, протоколы Сената 1720 года. Здѣсь читаемъ: въ С.-Петербургѣ быть въ Нижнемъ судѣ оберъ-ландрихтеромъ Манукову.

[3]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Московск. губерніи, Пол. Собр. Зак. № 3298.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 3295, 3296.

[5]) Кабинетъ I, кн. № 32.

устройство областямъ, а новаго Уложенія не было. Мы видѣли, что въ 1700 году государь велѣлъ боярамъ сидѣть у Уложенья, свести уложенную книгу 1649 года съ новыми статьями и вершенными дѣлами. Но чѣмъ далѣе шли по дорогѣ преобразованій, чѣмъ болѣе знакомились съ иностраннымъ бытомъ, тѣмъ менѣе становились довольны Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Учрежденъ Сенатъ, вмѣсто Приказовъ—коллегіи, въ областяхъ губернаторы, ландраты и ландрихтеры, надворные суды и канцеляріи, всюду новые порядки: неужели же при этомъ останется старое Уложеніе? Въ апрѣлѣ 1718 года былъ данъ именной указъ о сочиненіи регламента всѣмъ коллегіямъ на основаніи шведскаго устава, и въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ послѣдовала резолюція на докладъ Юстицъ-коллегіи объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ по примѣру Швеціи, о переводѣ шведскаго уложенія и учиненіи Свода россійскихъ законовъ съ шведскими [1]). Президентъ Юстицъ-коллегіи Матвѣевъ писалъ Макарову черезъ два мѣсяца послѣ того: „Я нынѣ токмо почина́ю ослабу отъ болѣзни своей имѣть, и хотя тяготою оной болѣзни своей одержимъ, однакожъ въ повсевременномъ нынѣ трудѣ пребываю самъ при сводѣ шведскаго устава съ россійскимъ Уложеніемъ, не покладываяся въ томъ ни на кого; и хотя которые приказные люди при томъ дѣлѣ есть, но во всемъ моя несклонная работа умножается, понеже въ такихъ нужныхъ дѣлахъ на не заобычныхъ людей положиться, ни имъ управить безъ меня невозможно" [2]). Въ декабрѣ 1719 года былъ данъ указъ Сенату о начатіи засѣданій для слушанія Уложенія 7 января 1720 г.; въ указѣ говорилось: „Слушаючи оное, которые пункты покажутся несходны къ нашему народу, то противъ оныхъ изъ стараго Уложенія или новые пункты дѣлать; такожъ, ежели покажутся которые въ старомъ Уложеніи важнѣе, нежели въ шведскомъ, тѣ такожъ противу написать, и все то намъ къ слушанью изготовить. Для помѣстныхъ дѣлъ взять права эстляндскія и лифляндскія, ибо оныя сходнѣе и почитай однимъ манеромъ владѣнія имѣютъ, какъ у насъ" [3]). Въ маѣ 1721 года коллежскимъ членамъ, которые сочиняютъ Уложеніе, велѣно указные три дня въ недѣлю сидѣть до половины дня въ коллегіяхъ, а послѣ полудни, отъ третьяго до осьмаго часа,—за Уложеніемъ [4]).

Петръ не дожидался составленія Уложенія, чтобъ приступить къ преобразованіямъ въ области права. 15 января 1718 года былъ отмѣненъ правежъ: „Которые люди по подрядамъ и по откупамъ, и по вѣрнымъ таможеннымъ, и питейнымъ, и всякимъ сборамъ, и въ начетныхъ и штрафныхъ деньгахъ, и во всякихъ таможенныхъ государственныхъ сборахъ, на опредѣленные имъ сроки въ платежахъ—не исправились, и въ томъ нынѣ въ губерніяхъ и канцеляріяхъ на правежѣ держатся, и впредь ежели кто въ таковыхъ неисправахъ явится, и таковыхъ какъ самихъ, такъ и поручиковъ ихъ, а буде сами должники померли, послѣ ихъ, женъ ихъ и дѣтей на правежѣ не держать, а отсылать ихъ въ С.-Петербургъ, и отдавать въ адмиралтейство, а въ адмиралтействѣ опредѣлять годныхъ въ галерную работу, а старыхъ и малолѣтнихъ мужескаго полу—въ другую работу, а женъ въ прядильный домъ; за ту работу зачитать имъ тѣхъ долговыхъ денегъ—на мѣсяцъ по рублю человѣку. Во время той работы давать кормъ наравнѣ съ каторжными; а буде такіе должники будутъ просить въ платежѣ тѣхъ долговыхъ денегъ сроку, и таковымъ сроку давать съ подобными поруками на полгода. И которые люди тѣ долговыя деньги заработаютъ, и такихъ отъ той работы освобождать, давая имъ отпускныя письма. А которые люди будутъ въ истцовыхъ искахъ должны и на опредѣленные сроки платежомъ не исправятся-жь, и о посылкѣ тѣхъ чинить противъ вышеписанаго-жь, долги вычитать за работу по рублю-жь на мѣсяцъ человѣку, а заимодавцамъ зачитать каждую персону за работника, кромѣ женъ" [5]). Важно было преобразованіе въ области семейнаго права относительно служилаго сословія. Мы видѣли, какія двѣ цѣли назначилъ Петръ для своей преобразовательной дѣятельности: внутреннее спокойствіе и внѣшнюю безопасность посредствомъ хорошо устроеннаго войска, и обогащеніе страны—посредствомъ торговли. Имѣя въ виду эти двѣ цѣли и смотря постоянно на сильныя и богатыя поморскія государства, Петръ приступилъ къ преобразованію служилаго сословія. Оно не могло быть для него, какъ было для его предковъ, только служилымъ сословіемъ: оно было въ его глазахъ и сословіемъ землевладѣльческимъ, и въ этомъ значеніи своемъ имѣло ближайшее отношеніе ко второй цѣли преобразовательной дѣятельности,—къ обогащенію страны, именно могло содѣйствовать благосостоянію крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ его землямъ, и внести новыя силы нравственныя и матеріальныя въ среду торговыхъ людей. Поэтому Петра занималъ вопросъ о порядкѣ наслѣдства за границею. Неизвѣстно къ которому году относится письмо Якова Брюса къ царю: „По твоему государскому писанію къ Адаму Вейду, послалъ я къ тебѣ краткое описаніе законовъ (или правилъ) шкоцкихъ, агленскихъ и французскихъ о наслѣдникахъ (или первыхъ сынахъ)" [6]). Въ апрѣлѣ 1711 года, когда вниманіе было занято турецкимъ походомъ, Головкинъ писалъ секретарямъ Посольскаго Приказа: „Желаетъ его царское величество вѣдать подлинно изъ правилъ французскихъ, аглинскихъ и венецыйскихъ, какое у нихъ опредѣленіе какъ въ недвижимыхъ маетностяхъ и домахъ, такъ и пожиткахъ дѣтямъ, по отцахъ оставшимся мужеска и

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3202.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 35.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 3463.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 57.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 3140.
[6]) Кабинетъ II, кн. № 53.

женска пола въ наслѣдствіи и раздѣлѣ оныхъ, какъ знатнѣйшихъ княжихъ, графскихъ, шляхецкихъ, такъ и купецкихъ фамилій; и вы поищите такихъ правилъ въ книгахъ, которыя вывезъ къ Москвѣ Петръ Посниковъ, и ежели того нѣтъ, то спрашивайте и ищите оныхъ правилъ на Москвѣ у иноземцевъ, и ежели гдѣ что сыщется, то велите немедленно перевести" [1]). Въ мартѣ 1714 года оказалось, зачѣмъ Петру нужны были эти правила: онъ издалъ указъ о майоратѣ и, по обычаю, объяснилъ причины этого нововведенія: первая причина—большая исправность въ платежѣ податей и улучшеніе быта крестьянъ: „Если недвижимое будетъ всегда идти одному сыну, а прочимъ движимое, то государственные доходы будутъ справнѣе, ибо съ большаго всегда господинъ довольнѣе будетъ, хотя по-малу возьметъ, и одинъ домъ будетъ, а не пять, и можетъ лучше льготить подданныхъ, а не разорять. Вторая причина: фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы. Третья причина: прочіе (сыновья) не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. И то все, что они сдѣлаютъ вновь для своего пропитанія, государственная польза есть. Понеже раздѣленіемъ имѣній недвижимыхъ великій есть вредъ въ государствѣ нашемъ какъ интересамъ государственнымъ, такъ и самимъ фамиліямъ паденіе; напримѣръ, ежели кто имѣлъ 1,000 дворовъ и пять сыновъ, имѣлъ домъ довольный, трапезу славную, обхожденіе съ людьми ясное; когда же по смерти его раздѣлится дѣтямъ его, то уже только по двѣсти дворовъ достанется, которые (дѣти), помня славу отца своего и честь рода, не захотятъ спро жить, но каждый ясно (хотя и не такъ), то ужъ съ бѣдныхъ подданныхъ будетъ пять столовъ, а не одинъ, и двѣсти дворовъ принуждены будутъ едва не тожъ нести, какъ 1,000 несли, и тако отъ того раздѣленія казнѣ государственной великой есть вредъ и людямъ подлымъ разореніе, и когда отъ тѣхъ пяти по два сына будутъ, то по сту дворовъ достанется, и тако, далѣе умножаясь, въ такую бѣдность придутъ, что сами однодворцами застать могутъ, и знатная фамилія, вмѣсто славы, поселяне будутъ, какъ уже много тѣхъ эксемпелевъ есть въ Россійскомъ народѣ. Еще и сіе есть, что каждый, имѣя свой даровой хлѣбъ, хотя и малый, ни въ какую пользу государству безъ принужденія служить и простираться не будетъ, но ищетъ всяко уклоняться и жить въ праздности, которая (по св. писанію) матерью есть всѣхъ злыхъ дѣлъ". Это изложеніе побужденій, заставившихъ ввести майоратъ, показываетъ ясно, что Петръ смотрѣлъ на обязательную службу землевладѣльческаго сословія, какъ на мѣру временную, вынуждаемую обстоятельствами, потому что если бы всѣ сыновья землевладѣльца обязаны были государственною службою на всю жизнь, пока отставятъ за старостію или ранами, то нельзя было бы толковать о возможности для младшихъ сыновей искать хлѣба службою, ученіемъ, торгами и прочимъ. Чтобъ побудить младшихъ сыновей къ дѣятельности, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ принята была мѣра, выраженная въ дополнительномъ указѣ: „Ежели кадетъ пойдетъ въ службу воинскую и получитъ себѣ службою деньги, на которыя себѣ захочетъ купить деревни, дворы или лавки, то ему вольно купить, однако не ранѣе какъ по истеченіи семи лѣтъ службы его; если же будетъ въ гражданской службѣ, то по истеченіи десяти лѣтъ службы; если будетъ въ купечествѣ или мастерствѣ, то послѣ пятнадцати лѣтъ; а кто ни въ чемъ вышеписанномъ не будетъ, тому никогда нельзя будетъ пріобрѣтать недвижимую собственность" [2]).

Служба—и именно военная—давала такимъ образомъ наиболѣе правъ младшему сыну, или кадету, какъ тогда выражались. Чтобъ побудить дворянъ къ службѣ, еще ранѣе выданъ былъ указъ: „Сказать всему шляхетству, чтобъ каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ (какой бы фамиліи ни былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру, и службу почитать, и писаться только офицеромъ, шляхетству (которое въ офицерахъ) только то (т.-е. свое шляхетство) писать, куда развѣ посланы будутъ". Людямъ низшихъ сословій заслуга открывала дорогу въ офицеры, а чинъ офицерскій возводилъ ихъ въ высшее, дворянское сословіе; 16 января 1721 г. данъ былъ собственноручный указъ: „Всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные и ихъ дѣти, и ихъ потомки суть дворяне, и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство" [3]).

Но для успѣха службы, равно какъ и другихъ занятій признано было необходимымъ образованіе, хотя первоначальное, и преобразователь обязываетъ дворянъ имѣть это образованіе. Вотъ знаменитый указъ 20 января 1714 года: „Послать во всѣ губерніи по нѣскольку человѣкъ изъ школъ математическихъ, чтобъ учить дворянскихъ дѣтей цыфири и геометріи, и положить штрафъ такой, что невольно будетъ жениться, пока сему не выучится" [4]).

По обстоятельствамъ времени, военная служба требовалась преимущественно отъ дворянина; дворянинъ имѣлъ права на начальническія мѣста въ войскѣ; но для этого онъ долженъ былъ имѣть, вопервыхъ, общее первоначальное образованіе, а потомъ спеціальное военное, знать службу. Чтобъ родовыя связи, покровительство не мѣшали дворянину пріобрѣтать послѣднее, въ февралѣ 1714 г. изданъ былъ указъ: „Такъ какъ многіе произво-

---

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1711.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2789, 2796; Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ именныхъ указовъ Сенату.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 32; Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Военной коллегіи.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 2762.

дятъ сродниковъ своихъ и друзей въ офицеры изъ молодыхъ, которые съ фундамента солдатскаго дѣла не знаютъ, ибо не служили въ низкихъ чинахъ, а нѣкоторые служили только для вида по нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ; поэтому такимъ требуется вѣдомость, сколько какихъ чиновъ есть съ 709 года; а впредь сказать указъ, чтобъ изъ дворянскихъ породъ и иныхъ со стороны отнюдь не писать, которые не служили солдатами въ гвардіи“ [1]). Въ оберъ-офицерскіе чины производились въ войскѣ по свидѣтельству штабъ и оберъ-офицеровъ полка, въ штабъ-офицеры—по свидѣтельству всей дивизіи генералитета и штабъ-офицеровъ [2]). Относительно увольненія отъ военной службы Петръ далъ указъ сенату въ мартѣ 1716 года: „Которые офицеры служили въ арміи и за старостію и за ранами отставлены, такихъ велите употреблять въ гарнизоны или къ другимъ какимъ дѣламъ, по губерніямъ въ ландраты, а особливо бѣдныхъ, ибо не безъ грѣха есть въ томъ, что такіе, которые много служили, позабыты и скитаются, а которые нигдѣ не служили тунеядцы многіе по прихотямъ губернаторскимъ въ губерніяхъ взысканы чинами и получаютъ жалованье довольное. А которые къ дѣламъ не годятся за дряхлостію и увѣчьемъ,—тѣмъ давать нѣкоторое жалованье изъ денегъ, которыя собираются на гошпиталь со всѣхъ чиновъ“.

Въ 1716 году былъ изданъ Воинскій Уставъ [3]). Если заботились объ офицерахъ, то надобно было позаботиться и о солдатахъ, о рекрутахъ, которыхъ обыкновенно не доводили до назначенныхъ мѣстъ въ полномъ числѣ вслѣдствіе дурнаго содержанія и побѣговъ. Въ сентябрѣ 1719 года Военная коллегія приговорила: „Сдѣлать въ Сенатъ предложеніе, что такъ какъ рекруты до сего времени изъ губерній очень непорядочно приводятся, и главная тому причина худое пропитаніе въ пути, отъ чего многіе померли и съ дороги побѣжали, какъ то явилось изъ нынѣшнихъ приводовъ; по этому надобно, чтобъ впередъ не бѣгали и имѣли полное довольство въ пути, давать имъ полное противъ солдатъ жалованье съ обыкновеннымъ вычетомъ съ того времени, какъ въ рекруты приверстаны будутъ; отъ этого имъ въ началѣ будетъ охотно къ солдатству, не будутъ склонны по побѣгу и немного будетъ больныхъ. Хотя неоднократно въ губерніи были посланы и публикованы указы о порядочномъ сборѣ и приводѣ рекрутъ, однако эти указы по большей части не исполняются, отъ чего происходитъ немалое государству разореніе и въ полкахъ неисправность, а именно: 1) Когда въ губерніяхъ рекрутъ сберутъ, то сначала изъ домовъ ихъ ведутъ скованныхъ, и, приведши въ города, держатъ въ великой тѣснотѣ, по тюрьмамъ и острогамъ немалое время, и такимъ образомъ, еще на мѣстѣ изнуривъ, отправятъ, не разсуждая по числу людей и далекости пути, съ однимъ, и то негоднымъ офицеромъ или дворяниномъ, при недостаточномъ пропитаніи; къ тому же поведутъ, упустивъ удобное время, жестокою распутицею, отъ чего въ дорогѣ приключаются многія болѣзни и помираютъ безвременно, а всего хуже, что многіе и безъ покаянія. Другіе же, не стерпя такой великой нужды, бѣгутъ и пристаютъ къ воровскимъ компаніямъ, изъ чего злѣйшее государству приключается разореніе, потому что отъ такого худаго распорядка ни крестьяне, ни солдаты, но разорители государства становятся. Всякій можетъ разсудить, отъ чего такія великія умножились воровскія вооруженныя компаніи?—отъ того, что бѣглые обращаются въ разбойниковъ. 2) Хотя бы и съ охотою хотѣли въ службу идти, но, видя сначала такой надъ своею братьею непорядокъ, въ великій страхъ приходятъ. 3) Изъ губерній немалое число присылаютъ увѣчныхъ и къ солдатской службѣ весьма негодныхъ, изъ которыхъ въ одни нынѣшнія приводы больше 700 человѣкъ въ Военной коллегіи за негодностію въ службу не приняты. Чтобъ такихъ непорядковъ не было, когда нарядъ рекрутамъ учинится, надлежитъ въ Военную коллегію тотчасъ прислать вѣдомость, сколько въ которой губерніи опредѣлено взять рекрутъ, и тогда въ Военной коллегіи тѣхъ рекрутъ росписать по командамъ, и командировать для пріема и привода ихъ добрыхъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, смотря по числу рекрутъ, и этимъ офицерамъ принимать у губернаторовъ и воеводъ рекрутъ самыхъ добрыхъ и къ службѣ годныхъ; провожать ихъ должны гарнизонные солдаты. Офицеры, принявъ рекрутъ, тотчасъ должны привесть ихъ къ присягѣ, и, чтобъ не бѣгали, перепоручить ихъ круговою порукою; потомъ, соединивъ тѣхъ рекрутъ съ гарнизонными солдатами, развесть по капральствамъ и ротамъ и учить ихъ непремѣнно солдатской экзерциціи и читать имъ воинскій арти-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2775.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2795.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 3003, 3006; въ началѣ Военнаго Устава царь говоритъ: „Понеже всѣмъ есть извѣстно, коимъ образомъ отецъ нашъ 1647 году началъ регулярное войско употреблять, и Уставъ Воинскій изданъ былъ. И тако войско въ таковомъ добромъ порядкѣ учреждено было, что славныя дѣла въ Польшѣ показаны; и едва не все Польское королевство завоевано было. Также купно и со Шведами война ведена была. Но потомъ оное не токмо (не) умножено при ростущемъ въ наукахъ свѣтѣ, но едва и не весьма оставлено и тако, что̀ послѣдовало потомъ? не точію съ регулярными народы, но и съ варварами, что ни противъ кого стоять могли, яко о томъ свѣжая еще память есть (что чинилось при Чигиринѣ и Крымскихъ походахъ, умалчивая старѣе) и не только тогда, но и гораздо недавно, какъ съ Турками при Азовѣ, такъ и съ начала сея войны при Нарвѣ. Но потомъ, когда войска распорядили, то какія великія прогрессы съ помощію Вышняго учинили, надъ какимъ славнымъ и регулярнымъ народомъ! И тако всякъ можетъ разсудить, что не отъ чего инаго то послѣдовало, токмо отъ добраго порядка: ибо всебеспорядочной варварскій обычай смѣху есть достойный, и никакого добра изъ онаго ожидать возможно. Того ради, будучи въ семъ дѣлѣ самовидцы обоимъ, за благо изобрѣли сію книгу Воинскій Уставъ учинить, дабы всякой чинъ зналъ свою должность и обязанъ былъ своимъ званіемъ, и невѣдѣніемъ не отговаривался, еже чрезъ собственный нашъ трудъ собрано и умножено“.

кулъ, дабы въ полки не сущими мужиками, но отчасти заобычайными солдатами пришли; а опредѣленное имъ хлѣбное и денежное жалованье съ самаго ихъ пріема давать сполна. Чтобъ ихъ не изнурить въ дорогѣ скорымъ походомъ, вести ихъ по обыкновенію марша солдатскаго: три дня идти, а четвертый—отдыхать" [1]).

Школою для сухопутныхъ офицеровъ служила гвардія; кромѣ того, сыновья знатныхъ лицъ отправлялись въ иностранныя войска къ знатнымъ полководцамъ. Такъ князь Репнинъ писалъ государю въ 1717 году: „Дѣти мои, князь Василій и князь Юрій, отправлены въ цесарскую армію для искусства къ князю Евгенію, и я, вступя въ долгъ, послалъ къ нимъ 800 червонныхъ; они въ Вѣнѣ жили, а теперь въ обозѣ живутъ непотребно со всякимъ непостоянствомъ; и тѣ всѣ деньги и посланныя мною еще 300 червонныхъ прожили, и много долгу еще нажили, котораго и заплатить не могу, потому что до сихъ поръ они уже стоятъ 15,000 рублей, изъ которыхъ съ семь тысячъ взято мною въ долгъ, кромѣ того что они безпутнымъ своимъ житьемъ надѣлали долговъ. И для того съ слезами рабски прошу ваше царское величество, да повелитъ мнѣ дать указъ, чтобъ дѣтей моихъ взять, для чего послать мнѣ кого-нибудь изъ офицеровъ; а они, дѣти мои, будучи тамъ въ арміи, отъ своего безпутнаго житья вашему величеству нынѣ и впредь никакого плода не покажутъ, только мнѣ вѣчный стыдъ и разореніе и несносная къ старости печаль" [2]).

Если школою для сухопутныхъ офицеровъ служила гвардія и для нѣкоторыхъ иностранныя арміи, то школою для морскихъ офицеровъ служили преимущественно иностранные флоты: въ началѣ 1717 года послано было во французскую морскую службу 20 человѣкъ гардемариновъ, да въ Венецію 27 человѣкъ [3]). Корабли покупались заграницею и строились у себя; но какъ въ приготовленіи корабельныхъ лѣсовъ, такъ и въ адмиралтействѣ дѣла останавливались за неимѣніемъ рабочихъ. Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ писалъ царю въ 1717 году: „По вашимъ указамъ корабельные лѣса готовятся; но работники, конные и пѣшіе, упорны стали къ найму, нейдутъ; по указу вашего величества беремъ невольныхъ. для того — остановить работы не смѣемъ. Да повелѣно будетъ къ работѣ надъ корабельными лѣсами опредѣлить изъ гарнизонныхъ офицеровъ, потому что въ народѣ офицеры всегда страшнѣе дворянъ" [4]). Андрей Ушаковъ, наблюдавшій за строеніемъ кораблей, писалъ въ 1717 году Макарову: „При адмиралтействѣ въ строеніи кораблей и прочемъ большая остановка, потому что не имѣемъ на жалованье мастеровымъ и рабочимъ людямъ денегъ, и отъ этого плотники бѣгутъ. Я послалъ за ними погоню, устроилъ въ Бронницахъ заставу, и уже нѣсколько человѣкъ переловлено. Я предлагалъ въ Сенатѣ, чтобъ вмѣсто бѣглыхъ изъ тѣхъ же мѣстъ, откуда они взяты, взять другихъ, пока бѣглые будутъ сысканы; но этого доношенія моего сенаторы не приняли, а велѣли подать въ Камеръ-коллегію, а чтобъ по водяному пути у Шлюссельбурга устроить заставу,—это сенаторы отреклись сдѣлать. Я, видя крайнее оскудѣніе въ деньгахъ на жалованье мастеровымъ людямъ, отпустилъ отъ себя въ адмиралтейство взаймы 10,000 рублей" [5]).

Денегъ не было на жалованье плотникамъ, строившимъ корабли; корабли были нужны для закрѣпленія за собою моря; море было нужно для усиленія торговли: будетъ большая торговля,—деньги будутъ. Чтобъ усилить торговлю, надобно беречь торговыхъ людей, не разорять ихъ, и надобно завести такіе порядки, благодаря которымъ иностранцы усилили свою торговлю и разбогатѣли. Въ началѣ 1712 года Петръ писалъ: „Какъ вино, такъ и прочія вещи надлежитъ отдавать на откупъ, дабы въ службѣ находящимся торговымъ людямъ не было разоренья. Учинить коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія, чтобъ торговлю въ лучшее состояніе привесть, къ чему надобно одинъ или два человѣка иноземцевъ (которыхъ надобно удовольствовать, дабы правду и ревность въ томъ показали), съ присягою, дабы лучшій порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравнительно лучше нашихъ". Въ іюлѣ 1712 Петръ писалъ Сенату: „немедленно потщиться въ купецкомъ дѣлѣ лучшій порядокъ сдѣлать". Сенатъ отвѣчалъ, что этого вполнѣ сдѣлать нельзя, потому что всѣ лучшіе изъ русскихъ купцовъ теперь въ Архангельскѣ на ярмаркѣ; но до ихъ возвращенія, чтобъ не терять времени, сенаторы послали на Вологду за переведенными туда нарвскими и дерптскими купцами, и будутъ съ ними совѣтоваться, какимъ образомъ купечество въ лучшее состояніе привести.—Въ ноябрѣ 1711 года Сенатъ получилъ письмо отъ канцлера Головкина: „Царское величество указалъ къ Сенату писать, чтобъ выбрали на Москвѣ изъ гостей и другихъ лучшихъ купцовъ человѣка четыре или пять, которые бы могли довольно знать о купеческихъ дѣлахъ на Москвѣ, у Архангельска и въ другихъ городахъ, также и о сборѣ пошлинномъ, и прислали ихъ въ Петербургъ; также прислать съ ними списки уставовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, и другія всякія потребныя къ тому вѣдомости и выписки, потому что англійскій посолъ и голландскій посланникъ предлагаютъ заключить новый торговый договоръ, и для этого дѣла такіе отъ купечества свѣдомые люди и торговые уставы и вѣдомости надобны".—Выбраны были: Алексѣй Филатьевъ, Семенъ Панкратьевъ, Илья Исаевъ, Иванъ Стрежневъ, да для китайскаго торга купчина Ивана Саватѣева, Михаила Гусятниковъ. Изъ этихъ купцовъ Илья

[1]) Кабинетъ II, кн. № 43.
[2]) Кабинетъ II, кн. 33.
[3]) Пол. Собр. Зак. № 3058.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 33.
[5]) Кабинетъ II, кн. № 42.

Исаевъ въ слѣдущемъ году получилъ важное мѣсто надсмотрщика надъ рижскимъ магистратомъ; царь писалъ Сенату: „Понеже надъ рижскимъ магистраторомъ у надсмотру тамошнихъ купеческихъ дѣлъ опредѣлили быть Ильѣ Исаеву, того для о чемъ онъ будетъ вамъ писать, и по тѣмъ его письмамъ чинить и рѣшеніе; также просилъ онъ, чтобъ къ тому дѣлу дать ему въ товарищи Гороховленина Михайлу Ширяева, котораго къ нему выслать, и ежели будетъ просить еще кого изъ купецкихъ и изъ приказныхъ людей себѣ въ помочь,—и тѣхъ къ нему отпускать“ [1]). Мы видѣли, что, устраивая областное управленіе, Петръ запретилъ ландратамъ вмѣшиваться въ дѣла посадскихъ людей, которые должны были вѣдаться у своихъ выборныхъ земскихъ бурмистровъ. 13 февраля 1720 года Сенату данъ былъ указъ: „Объявить бригадира Трубецкаго надъ здѣшнимъ (петербургскимъ) и прочими магистраты оберъ-президентомъ, и чтобъ онъ вѣдалъ всѣхъ купецкихъ людей судомъ и о ихъ дѣлахъ доносилъ въ Сенатъ, и разсыпанную сію храмину паки собралъ; въ товарищи ему надъ здѣшнимъ магистратомъ президента опредѣлите Илью Исаева“. 16 января 1721 года изданъ былъ Регламентъ Главнаго Магистрата. Онъ имѣлъ коллегіальное устройство, непосредственно былъ подчиненъ Сенату, и состоялъ изъ членовъ петербургскаго городоваго магистрата, которые наполовину были иностранцы; президента назначалъ самъ царь. По своему Регламенту [2]), главный магистратъ былъ обязанъ: устроить магистраты во всѣхъ городахъ и дать имъ инструкціи; покровительствовать торговлѣ и промышленности. Смертные приговоры, произнесенные городскими магистратами, не приводились въ исполненіе безъ утвержденія главнаго магистрата; въ гражданскихъ дѣлахъ недовольные рѣшеніями магистратовъ аппеллировали къ главному магистрату; тяжбы между горожанами и магистратами передавались прямо на рѣшеніе главнаго магистрата; наконецъ главный магистратъ утверждалъ членовъ, избранныхъ горожанами въ городскіе магистраты. Главный магистратъ долженъ былъ раздѣлить всѣ русскіе города на пять отдѣловъ, на основаніи числа дворовъ; къ первому отдѣлу принадлежали города — Петербургъ, Москва, Новгородъ, Казань, Рига, Ревель, Архангельскъ, Астрахань, Ярославль, Вологда, Нижній-Новгородъ, въ которыхъ число дворовъ было отъ 2 до 3,000 и больше; во второмъ отдѣлѣ были города съ числомъ дворовъ отъ 1,000 до 1,500 и больше; въ третьемъ—отъ 500 до 1,000; въ четвертомъ отъ 250 и выше; въ пятомъ всѣ остальные малые города и слободы. Подвѣдомственные магистратамъ городскіе жители дѣлились на двѣ гильдіи [3]). Мысль Петра о к о л л е г і у м ѣ, который бы приводилъ торговлю въ лучшее состояніе, осуществилась въ Коммерцъ-коллегіи, которая должна была заботиться о торговлѣ внутренней и внѣшней; подъ ея надзоромъ должны были строиться корабли и производиться работы по водянымъ сообщеніямъ и по устройству сухопутныхъ дорогъ. Она должна была защищать матросовъ и корабельныхъ капитановъ отъ всякихъ непріятностей, рѣшать споры между ними, равно какъ между всѣми иностранными купцами, наказывать за нарушенія таможенныхъ предписаній. По ея представленію, Сенатъ назначалъ консуловъ и таможенныхъ чиновниковъ, которые находились съ коллегіею въ постоянныхъ сношеніяхъ и давали ей отчетъ о состояніи торговли въ иностранныхъ государствахъ; они давали инструкціи посланникамъ для заключенія торговыхъ договоровъ.

Смотря постоянно на Россію, какъ на посредницу въ торговомъ отношеніи между Европою и Азіею, Петръ уже давно задумалъ соединить Каспійское море съ Балтійскимъ, Астрахань съ своимъ п а р а д и з о м ъ. Въ 1705 году, подъ надзоромъ князя Матвѣя Гагарина, соединена была рѣка Цна каналомъ съ Тверцою; но въ 1717 году каменную „слюзу“ занесло пескомъ и по этому случаю началось производиться слѣдствіе. До учрежденія Коммерцъ-коллегіи устройство каналовъ было непосредственно поручено Сенату; но Меншиковъ, зная, какъ соединеніе Волги съ Невою важно для п а р а д и з а, а слѣдовательно и для его основателя, вмѣшался въ дѣло и въ іюнѣ 1717 года писалъ царю: „Господа сенаторы, по указу вашему, послали отъ себя механика для осмотра коммуникаціи съ Волгою; но, какъ слышу, онъ едвали могъ что сдѣлать, только что хотѣлъ очистить Боровицкіе пороги, куда онъ отъ нихъ и отправленъ, обо всемъ же прочемъ сказалъ, что ничего сдѣлать нельзя. Я, видя, что ничего не будетъ, старался всячески, какъ бы это нужнѣйшее дѣло подвинуть, и посылалъ нарочно новгородскаго дворянина Пустошкина ниже Мстинскихъ пороговъ рѣками, озерами и всякими проливами до Мологи, дабы осмотрѣть какъ устроить сообщеніе съ Волгою. Пустошкинъ ѣздилъ и привезъ чертежъ, изъ котораго я выразумѣлъ, что ничего еще нельзя сдѣлать. Поэтому я послалъ туда полковника инженера Кулона, чтобъ по чертежу Пустошкина осмотрѣлъ, можно ли что тамъ сдѣлать, сдѣлалъ бы особый отъ себя чертежъ и мнѣ объ этомъ репортовалъ. Кулонъ репортовалъ, что находитъ вполнѣ возможнымъ устроить это дѣло и въ непродолжительномъ времени, а именно въ два года, если добрые будутъ надзиратели“. — Но для соединенія Каспійскаго моря съ Балтійскимъ надобился еще другой каналъ для обхода бурнаго Ладожскаго озера. Любопытенъ указъ Петра Сенату насчетъ Ладожскаго канала, данный въ сентябрѣ 1718 года: „Понеже всѣмъ извѣстно есть, какой убытокъ общенародный есть сему новому мѣсту отъ Ладожскаго озера, чего для необходимая нужда требуетъ, дабы каналъ отъ Волхова въ Неву былъ учиненъ, къ

[1]) Кабинетъ II, кн. № 32; Архивъ Мин. Юстиціи., копіи съ именныхъ указовъ Сенату.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 3520.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 3708.

которой работѣ, ежели дастъ Богъ миръ, намѣреніе наше есть, чтобъ оную всею арміею исправить, но сіе еще безызвѣстно, а нужда — челобитчикъ неотступный; того ради надлежитъ резолюцію взять, хотя и не будетъ мира, дабы оную работу, яко послѣднюю главную нужду сего мѣста, немедля начать; чего для надлежитъ мыслить и поставить на мѣрѣ, какимъ образомъ сіе учинить и именно не такими работниками, какъ до сего времени дѣлали, изъ чего больше разоренія нежели пользы было, къ чему я свое мнѣніе прилагаю при семъ и вамъ въ разсужденіе отдаю; но такъ ли или инако, однако конечно надобно" [1]).

Въ то время какъ хлопотали о соединеніи Балтійскаго моря съ Каспійскимъ, шла сильная борьба по вопросу о томъ, направлять ли движеніе внѣшней торговли къ Балтійскому морю, къ Петербургу, или оставить товары идти старымъ, привычнымъ путемъ къ Архангельску. Петръ, разумѣется, хотѣлъ перваго, и, не дожидаясь, пока сами купцы, иностранные и русскіе, предпочтутъ Балтійскую дорогу Бѣломорской, хотѣлъ измѣнить направленіе правительственными распоряженіями. Противъ этихъ распоряженій начали сильно хлопотать купцы голландскіе: они уже издавна устроились въ Архангельскѣ, и переноситься въ Петербургъ, гдѣ ихъ ждали всѣ неудобства только-что основаннаго города, было крайне затруднительно, убыточно и непріятно, потомъ Балтійское море не было безопасно по причинѣ войны Россіи и ея союзниковъ съ Швеціею; наконецъ Голландцамъ вовсе не хотѣлось развитія русской торговли на Балтійскомъ морѣ. Голландскій резидентъ жаловался, что въ Петербургѣ за деревянный домъ, который не можетъ идти въ сравненіе съ самою скромною избою голландскаго крестьянина, надобно платить 800, 900 или 1,000 флориновъ, тогда какъ въ Москвѣ или Архангельскѣ иностранный купецъ можетъ жить хорошо за 200 флориновъ въ годъ; говядина въ Петербургѣ 5, 6 и 8 копѣекъ фунтъ—и дурнаго качества. Но если Голландцы хлопотали, чтобъ осталось все попрежнему, то жители Любека и другихъ прибалтійскихъ городовъ старались, чтобъ торговля была переведена изъ Архангельска въ Петербургъ.

25 марта 1714 года царь объявилъ голландскому резиденту Деби, что, по представленію Штатовъ относительно перемѣщенія торговли и навигаціи изъ Архангельска въ Петербургъ, онъ рѣшилъ, что всякій воленъ везти пеньку и ленъ въ Архангельскъ. На третій день послѣ этого разговора, Деби далъ знать въ Голландію, что хотя большая часть этихъ товаровъ была уже на дорогѣ къ Петербургу, однако хозяева, какъ скоро узнали о царскомъ позволеніи, то немедленно велѣли поворотить ихъ къ Архангельску. Лѣтомъ того же года Деби опять имѣлъ разговоръ съ царемъ, опять настаивалъ, чтобъ не переводить торговлю изъ Архангельска въ Петербургъ, представляя всѣ трудности — малую широту водъ, удобныхъ для плаванія, малую величину кораблей, которые должны будутъ плавать на этихъ водахъ; тяжести, которыя должно будетъ переносить; плату за проходъ чрезъ Зундъ: конвои, необходимые особенно во время войны; выгоду, которую любскіе негоціанты, по своему положенію, получатъ передъ всѣми другими; дурное помѣщеніе для иностранныхъ купцовъ въ Петербургѣ, недостатокъ магазиновъ и погребовъ для товаровъ, рабочихъ для ихъ переноски. Царь отвѣчалъ: „Приложеніе принциповъ всегда трудно, но съ теченіемъ времени всѣ интересы примирятся." По словамъ Деби, за перенесеніе торговли изъ Архангельска въ Петербургъ стоялъ одинъ Меншиковъ, всѣ другіе министры были противъ. Видя однако, что, вслѣдствіе желанія самого царя торговля будетъ перенесена, Деби началъ настаивать на заключеніи новаго, болѣе выгоднаго торговаго трактата между Россіею и Голландіею. Заключеніе трактата откладывалось, Деби сердился; Остерманъ, утѣшая его, говорилъ: „Между нами я вамъ скажу всю правду; у насъ здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который бы понималъ торговое дѣло; но я могу вамъ сказать навѣрное, что царское величество занимается теперь этимъ дѣломъ". Русскіе, писалъ Деби своему правительству, боялись основанія предлагаемаго трактата, которое заключалось въ томъ, что Голландцы могли торговать свободно по всѣмъ областямъ Россіи; возражали, что это разоритъ въ-конецъ русскихъ купцовъ, которые не будутъ въ состояніи соперничать съ Голландцами.

Петръ приводилъ въ исполненіе свой планъ постепенно. Въ январѣ 1718 года въ Архангельскѣ былъ публикованъ указъ, позволявшій торговлю пенькою, но запрещавшій вывозъ хлѣба, ввозъ шелковыхъ матерій и парчей и повелѣвавшій привозить въ Петербургъ двѣ трети всѣхъ товаровъ. Указъ привелъ въ отчаяніе голландскихъ купцовъ: они боялись, что чрезъ это распоряженіе количество суммъ имъ должныхъ увеличится и уплата сдѣлается еще труднѣе, потому что время, назначенное для распродажи запрещенныхъ товаровъ, было коротко; при этомъ Голландцы удивлялись, что, запрещая ввозъ европейскихъ шелковыхъ матерій, царь не запретилъ ввоза матерій персидскихъ и китайскихъ. Въ апрѣлѣ того же года Деби писалъ въ Голландію: „На будущее лѣто будетъ въ Петербургѣ огромное количество русскихъ товаровъ; уже навезено много пеньки, и города—Тверь, Торжокъ и Вышній-Волочекъ—завалены товарами, которые будутъ перевезены въ Петербургъ Ладожскимъ озеромъ, потому что возчики отказались перевозить ихъ сухимъ путемъ по дороговизнѣ конскихъ кормовъ и дурнаго состоянія дорогъ". О состояніи дорогъ видно изъ того, что иностранные посланники ѣзжали изъ Москвы въ Петербургъ по 5 недѣль вслѣдствіе грязи и поломанныхъ мостовъ;

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 33; Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Приказному столу.

дней по 8 приходилось дожидаться лошадей на станціяхъ. И, несмотря на то, Русскіе люди, на лошадяхъ и пѣшкомъ, толпами тянулись къ устью Невы. Правительственныя лица обязаны были переѣхать въ Петербургъ и строить тамъ дома; кромѣ того, переселялись туда семьи дворянскія, купеческія, ремесленничьи; въ XV вѣкѣ, по волѣ Ивана III, тянулись изъ Новгорода въ Москву переселенцы, умножившіе народонаселеніе и богатство новой столицы Всея Руси; теперь по той же дорогѣ, только въ обратномъ направленіи, изъ Москвы тянулись переселенцы въ новый городъ, имѣвшій стать столицей Русской имперіи. Работниковъ недоставало для построекъ въ Петербургѣ, и, чтобъ здѣсь не останавливались работы, остановлены были на время каменныя постройки въ цѣлой Россіи. Для примѣра, какъ набирались работники въ Петербургъ и собирались на нихъ деньги, приведемъ таблицу, въ которой разложены были люди и деньги по губерніямъ на 1712-й годъ: съ Московской губерніи 1,192 человѣка и 2,942 рубля денегъ; съ Петербургской—1,052 человѣка и 2,604 рубля; съ Кіевской—190 человѣкъ, денегъ недостаетъ въ таблицѣ; съ Смоленской—342 человѣка и 846 рублей; съ Архангельской—703 человѣка и 1,739 рублей; съ Казанской—799 человѣкъ и 1,974 рубля, съ Азовской—285 человѣкъ и 705 рублей; съ Сибирской—342 человѣка и 846 рублей. Кромѣ Петербурга, нужно было населить Кронштадтъ, и въ 1712 году Петръ велѣлъ Сенату „объявить шляхетскимъ тысячѣ домамъ, купецкимъ лучшимъ пятистамъ и среднимъ пяти же стамъ, рукомесленнымъ всякихъ дѣлъ тысячѣ же домамъ, что имъ жить на Котлинѣ островѣ по окончаніи сей войны, и даны имъ будутъ дворы готовые за ихъ деньги, а шляхетству дворы и земли подъ деревни (послѣднее безъ денегъ), и кой часъ будетъ, дастъ Богъ, миръ, тотчасъ будутъ переведены, и для того сказываютъ заранѣе, чтобъ никто невѣдѣніемъ не отговаривался“ [1]).

Въ то время, какъ между иностранными купцами и резидентами въ Россіи шло сильное движеніе по поводу важнаго для нихъ вопроса о перемѣщеніи торговли изъ Архангельска въ Петербургъ, происходили сношенія объ усиленіи русской торговли съ Испаніею и Франціею. Здѣсь столкнулись два царскихъ агента, иностранецъ Лефортъ, племянникъ знаменитаго любимца Петровой молодости, и Русскій, молодой Кононъ Зотовъ, сынъ Никиты Моисеевича. Кононъ Зотовъ, кромѣ близости къ Петру по отцѣ, расположилъ царя въ свою пользу еще слѣдующимъ поступкомъ: въ 1707 году, находясь въ Лондонѣ для науки, онъ написалъ отцу, чтобъ ему позволено было остаться еще на нѣсколько времени въ Англіи и служить здѣсь на корабляхъ. Старикъ Зотовъ показалъ письмо царю; Петръ пришелъ въ восхищеніе, благословилъ письмо и выпилъ кубокъ венгерскаго за здоровье Конона, какъ перваго охотника на любимыя его дѣла. Находясь теперь во Франціи, Зотовъ выставляетъ свою ревность, идя наперекоръ своекорыстнымъ намѣреніямъ иностранца Лефорта. Лефортъ хлопоталъ о составленіи во Франціи компаніи для торговли съ Россіею, и требовалъ для этой компаніи большихъ выгодъ; Зотовъ настаивалъ на пользѣ свободной торговли для каждаго подданнаго обѣихъ державъ. Въ октябрѣ 1716 года Зотовъ писалъ царю изъ Парижа: „Ваше величество по первому предложенію о коммерціи съ Испаніею изволили сказать, что пошлете не только 6 кораблей съ товарами, нужными для строенія и вооруженія кораблей, но 18, если миръ будетъ съ Швеціею. Вспомнивъ это, думаемъ, что такъ же изволите послать во Францію все, въ чемъ она будетъ имѣть нужду, а Франція взаимно вышлетъ все, чего ваше величество будете требовать. Такимъ образомъ Россія и Франція свой народъ сильно побудятъ подражать этому примѣру, не давая ни малыхъ, ни великихъ привилегій купцамъ, и не нужно будетъ послѣднимъ составлять какія-нибудь компаніи, но всякій пользуйся и своему государю должное съ товаровъ плати. Ваше величество, давъ нѣкоторыя привилегіи Французамъ, будетъ такъ же требовать взаимно отъ Франціи для Русскихъ такихъ же привилегій, чего Франція не можетъ сдѣлать никогда, потому что Англичане, Голландцы и другіе народы потребуютъ отъ нея того же. Если ваше величество повелите дать мѣста подъ дворы и магазины первопріѣзжимъ французскимъ купцамъ, то будетъ ваша отмѣнная къ нимъ милость, а не привилегія. Я не могъ отказать г. Лефорту въ переводѣ на русскій языкъ его привилегій, которыхъ онъ хочетъ домогаться у вашего величества; я съ нихъ здѣсь посылаю копію, открестивши тѣ пункты, которые считаю вредными. Онъ хочетъ требовать этихъ привилегій на имя своей фамиліи; но тогда какая будетъ Французскому Двору угодность, и за что этотъ Дворъ вашему величеству будетъ обязанъ, потому что милость ваша оказана будетъ одной женевской фамиліи? Я, по прибытіи моемъ сюда, хотѣлъ отъ самаго маршала д'Этре (вице-адмиралъ и президентъ въ консиліи морской) искусно освѣдомиться, можно ли ожидать отъ Франціи угоднаго вашему величеству, если она получать будетъ отъ Россіи помощь къ возстановленію своего флота; по этому помѣшалъ безпорядокъ, случившійся въ мою небытность: г. Лефортъ, бывши арестованъ за какіе-то старые долги, просилъ маршала д'Этре объ освобожденіи, что тотъ немедленно приказалъ исполнить. Но Лефортъ потомъ, вмѣсто того чтобъ благодарить маршала, пришелъ къ нему съ выговоромъ, требуя удовлетворенія отъ тѣхъ, кто его арестовалъ и объявляя, что его арестомъ нарушено право народное. Маршалъ, справедливо разсерженный, сказалъ ему: „Ты самъ себя не знаешь; и то милость тебѣ оказана, что тебя выпустили, потому что агента, какъ всякаго другого,

[1]) Донесенія голландскихъ резидентовъ; рукоп. Библіотеки Академіи Наукъ; Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ имени. указовъ.

можно арестовать, нельзя только, безъ нарушенія права народнаго, арестовать посла, посланника и резидента". Лефортъ, не зная народнаго права, еще грубѣе сказалъ ему: „Я буду объ этомъ писать къ царскому величеству". Маршалъ отвѣчалъ: „Я такъ же буду писать, и, думаю, царское величество больше повѣритъ моимъ письмамъ. Выйди вонъ и заплати долги". Зотовъ не удовольствовался письмомъ къ царю, и написалъ къ Макарову: „Здѣсь посылаю письмо отъ г. Лефорта къ царскому величеству. Извольте хорошенько выразумѣть его, а мнѣ кажется, что все къ себѣ, по просту сказать, мякишемъ воротитъ. Я съ нимъ ни о чемъ не спорилъ, только послѣ письма выговорю, что вѣрно онъ и компанія думаютъ о нашемъ Дворѣ, какъ не знающемъ ни чести своей, ни интереса, домогаясь такихъ ужасныхъ привилегій, отъ которыхъ государевы доходы всѣ пропадутъ. Голландецъ, Англичанинъ, Русакъ и дьяволъ—всѣ будутъ подъ именемъ этой компаніи торговать: однимъ словомъ, они думаютъ царское величество обратить кругомъ и не назвать другомъ. Еще доношу, что Лефортъ здѣсь арестованъ въ покупкѣ нѣкоторыхъ вещей для государыни царицы: ради Бога въ деньгахъ ему не извольте вѣрить впередъ; я думаю, что деньги государыни онъ издержалъ на себя, а потомъ нечѣмъ стало выкупить вещи. Также долженъ я донести, что онъ держитъ въ своемъ домѣ игралище картное; большое отъ этого безчестіе царскому величеству, всякій говоритъ: „Вѣрно мало ему жалованья отъ его государя"! поэтому или прибавьте ему жалованья и игрище закажите держать, или что иное извольте сдѣлать. Я ему въ этомъ дѣлѣ не удивляюсь: скудость ко всему пригоняетъ". Въ томъ же мѣсяцѣ новое письмо отъ Зотова къ царю: „Маршалъ д'Этре принялъ меня такъ милостиво, будто сына своего: онъ назвалъ ваше величество творцомъ Россійскаго народа: что можетъ быть сказано въ вашу хвалу лучше этого? Потомъ я ему предложилъ, что ваше величество желаете имѣть коммерцію со всѣми окрестными государствами, особенно же съ Франціею, что ему очень было пріятно слышать, и сказалъ онъ мнѣ: „Я такъ сдѣлаю, что и Россійской коронѣ и нашей угодно будетъ" Въ скоромъ времени буду имѣть трактать о коммерціи. Правда, что это не мое дѣло, да что же дѣлать, когда Богъ сподобилъ птенцамъ служить вашему величеству въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ посолъ, г. Матвѣевъ, и прочіе не могли ничего достигнуть" [1]).

Петръ былъ радъ отпускать и въ Испанію, и во Францію какъ можно больше кораблей, съ сырыми матеріалами, нужными тамъ для построенія флота; но при этомъ старался, чтобъ Россія переставала нуждаться въ иностранныхъ мануфактурныхъ товарахъ, чтобъ начинала пробавляться своими, начинала обдѣлывать сырые матеріалы и обдѣланные отпускать за границу. „Наше Россійское государство", говорилъ Петръ, „предъ многими иными землями преизобилуетъ, и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы; причина этому была, что наши подданные не разумѣли рудокопнаго дѣла, частію же иждивенія и трудовъ не хотѣли къ оному приложить" [2]). Чтобъ заставить употреблять иждивеніе и трудъ, Петръ, въ декабрѣ 1719 года, объявилъ [3]), что всѣ въ собственныхъ и чужихъ земляхъ имѣютъ право искать, плавить, варить и чистить всякіе металлы и минералы. Помѣщики, въ чьихъ земляхъ откроется руда, могли прежде всѣхъ другихъ просить о дозволеніи построить здѣсь заводы; но если они не могутъ или не захотятъ того, то право на построеніе заводовъ предоставляется другимъ, съ уплатою землевладѣльцу 32-й доли прибыли, „дабы Божіе благословеніе подъ землею въ-туне не оставалось". Кто утаитъ руду или будетъ препятствовать другимъ въ устроеніи заводовъ, тотъ подвергается тѣлесному наказанію и смертной казни. Бергъ-коллегіи велѣно было призывать иностранныхъ охотниковъ до рудокопныхъ дѣлъ. Мы видѣли, какъ Виніусъ восхищался обиліемъ и добротою желѣза въ Сибири и какъ немедленно было приступлено къ его обработкѣ. Въ Нерчинскѣ упоминаются серебряные заводы, въ Тобольскѣ—два желѣзныхъ; въ Верхотурьи два желѣзныхъ, въ Кунгурѣ—мѣдные. Еще въ 1702 году верхотурскіе желѣзные заводы отданы были Никитѣ Демидову; заводы эти были построены государевою денежною казною и городовыми и уѣздными людьми, и на строеніе ихъ вышло изъ казны 1,541 рубль, да, сверхъ того, съ крестьянъ на наемъ работниковъ взято 10,347 рублей. По жалованной грамотѣ Демидову, онъ долженъ уплатить тѣ деньги, которыя вышли изъ казны на постройку заводовъ, также за готовые припасы, въ нихъ имъ найденные, съ зачетомъ желѣза, которое вышло изъ заводовъ до отдачи ихъ ему; все это онъ долженъ былъ уплатить съ разверсткою на пять лѣтъ. Кромѣ того, у Демидовыхъ были желѣзные заводы въ Алексинскомъ уѣздѣ съ 1703 года. Въ Тульскомъ и Каширскомъ уѣздахъ находились желѣзные заводы Александра Львовича Нарышкина; въ Малоярославскомъ—иноземцевъ Меллеровъ. Упоминаются желѣзные заводы Липскіе, гдѣ лили пушки и книпели; Кузминскіе; въ Романовскомъ уѣздѣ—желѣзные заводы дьяка Борина. На казенныхъ тульскихъ оружейныхъ заводахъ (съ 1715 года) велѣно было выдѣлывать въ годъ ружей 15,000, пистолетовъ 1,000 паръ, пикинерныхъ копій 1.209, и на все это издерживалось по 30,000 рублей въ годъ. Въ 1717 году заведена была игольная фабрика Томилинымъ и Рюминымъ

[1]) Кабинетъ II, кн. № 27.—Письма Никиты Зотова къ сыну, въ Госуд. Архивѣ.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 3464.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 3464.

съ привилегіею на 30 лѣтъ, при запрещеніи вывоза иголъ изъ-за границы [1]). По близости къ Петербургу важное значеніе имѣли Олонецкіе заводы, которыми управлялъ иностранецъ Геннинъ. Мы должны познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ эпохи преобразованія, и самое лучшее средство къ этому знакомству—переписка его съ царемъ. Такъ, въ мартѣ 1715 года Геннинъ писалъ Петру: „Воистинну я опасаюсь вашего царскаго гнѣва, что не могъ исполнить всѣхъ указовъ. Почитай, на каждую недѣлю вновь указы присылаются, а тутъ еще вновь работы и припасовъ спрашиваютъ въ Петербургъ и въ Архангельскъ, и отъ такой и великой, и крутой работы, и отъ высылки подводъ, и отъ строенія катъ и шкунъ, и отъ смолянаго куренья сверхъ заводской нужды, остальные мужики разбѣгаются; они складываютъ уголь, известь, руду, гоняютъ подводы, отправляютъ заводскія работы, да еще платятъ мелкія подати, такъ что приходится на каждый дворъ по 30 рублей: самъ изволь разсудить о такой тягости! Я не для себя только, а для тебя и для народа, а тебѣ необходимъ будетъ заводъ въ нынѣшнее время". Что отвѣчалъ ему на это Петръ, видно изъ письма Геннина къ нему, написаннаго въ апрѣлѣ: „Вашего царскаго величества всемилосердное письмо съ великою радостію я принялъ, и за такое милостивое благодарное письмо я долженъ рабъ не только ручки, но и ножки у тебя, государя батюшки, поцѣловать и радъ тебѣ, сколько мочи есть, въ вашемъ дѣлѣ радѣть съ радостію. Прошу и пишу безкумплементно: ежели не помилосердствуешь о прибавкѣ къ здѣшнему уѣзду другого, то истинно содержать всѣхъ заводовъ будетъ невозможно. Я тебѣ, батюшка, лучшаго ищу: ежели будетъ хотя немного легче здѣшнему народу и прибавлено въ помощь ему, то надѣюсь, что 8,000 дворовъ, которые давно пусты, опять наполнятся. Ты нынѣ пойдешь въ походъ, а безъ тебя въ Сенатѣ на мою просьбу рѣшенія не будетъ, и опять дѣло будетъ отложено въ долгій ящикъ". Упоминаются селитряные заводы въ Казанской губерніи майора Молоствова; въ Воронежской губерніи—въ Тамбовскомъ, Шацкомъ, Темниковскомъ, Кадомскомъ уѣздахъ, также въ Кіевской губерніи; купоросные заводы Савелова и Томилина въ Московскомъ уѣздѣ [2]). Убѣжденный въ важности ископаемаго топлива, Петръ старался разузнать о каменномъ углѣ въ Россіи.

Камеръ-коллегія, между прочимъ, обязана была сообщать свѣдѣнія о состояніи, натурѣ и плодородіи каждой провинціи, стараться населять пустыя земли и всякую пустоту предупреждать осторожнымъ домодержавствомъ. Въ маѣ 1721 года Петръ велѣлъ снимать хлѣбъ косами вмѣсто серповъ [3]). Разведеніе табаку началось при Петрѣ; но царь обращалъ особое вниманіе на производство льну и пеньки, какъ по усилившемуся внутреннему потребленію, такъ и вслѣдствіе большаго отпуска за границу. Въ декабрѣ 1715 года онъ приказалъ: во всѣхъ губерніяхъ размножать льняные и пеньковые промыслы, и для того приготовляли бы земли и прибавляли сѣву на всякій годъ; а гдѣ къ этому непривычны,—чтобы обучали крестьянъ, и о томъ объявить въ народѣ, что этотъ прибавокъ сѣву повелѣно имѣть для всенародной пользы и для прибыли крестьянамъ. Желая пріучить къ обработкѣ сырыхъ матеріаловъ, царь тогда же издалъ указъ: чтобъ сѣмени льнянаго и конопляного къ морскимъ пристанямъ для продажи отнюдь не возили, а чтобъ привозили масломъ [4]). Приняты были мѣры для сбереженія старыхъ лѣсовъ и для разведенія новыхъ въ мѣстахъ безлѣсныхъ.

Въ началѣ 1712 года Петръ далъ указъ Сенату: завесть конскіе заводы, а именно въ Казанской, Азовской и Кіевской губерніяхъ, а для заводу кобылъ и жеребцовъ купить въ Шлезіи и Прусахъ [5]).

При учрежденіи постояннаго войска, Петра тяготила необходимость выписывать изъ-за границы сукно для обмундированія, и потому онъ долженъ былъ обратить вниманіе на улучшеніе овцеводства. Въ 1716 г. капитанъ Норовъ посланъ былъ за-границу нанимать овчаровъ и суконниковъ [6]). Въ 1719 году овчаръ иноземецъ Каминскій, который находился при овчарномъ дѣлѣ въ Ярославскомъ уѣздѣ, объявилъ, что всего въ этомъ уѣздѣ шерсти 52 пуда 28 фунтовъ; тотъ же овчаръ представилъ въ коллегію шерсть для образца, ее показывали директору мануфактурнаго двора Роде, и тотъ сказалъ, что она лучше шерсти, присылаемой на мануфактурный дворъ изъ Кіевской губерніи. На казенныхъ овчарныхъ заводахъ Азовской губерніи считалось 10,080 овецъ, и при нихъ было три овчара изъ Силезіи [7]).

О суконныхъ фабрикахъ въ Москвѣ Петръ хлопоталъ уже давно; еще въ 1705 году онъ писалъ Меншикову: „Сукны дѣлаютъ, и умножается сіе дѣло зѣло изрядно, и плодъ даетъ Богъ изрядный, изъ которыхъ и я сдѣлалъ (себѣ) кафтанъ къ празднику". Потомъ въ Азовской губерніи, въ Сокольскомъ ландратствѣ, заведена была суконная казенная фабрика съ 48 станами; заведена шляпная фабрика для солдатскихъ матросскихъ шляпъ; здѣсь употреблялась шерсть, негодная на суконныя фабрики [8]). Казенныя суконныя фабрики находились въ Москвѣ подъ вѣдѣніемъ Чебышева и въ Казани—подъ вѣдѣніемъ Грузинцева. Но царь имѣлъ въ виду, заведши фабрики отъ казны, отдать ихъ частнымъ людямъ, съ двоякою цѣлію:—освободить казну отъ издержекъ и побудить Русскихъ людей

[1]) Кабинетъ II, кн. № 49, 43.
[2]) Кабинетъ II, кн. 23, 49.
[3]) Полн. Собр. Зак.
[4]) Пол. Собр. Зак. № 2963, 2966.
[5]) Кабинетъ I, кн. № 32.
[6]) Кабинетъ II, № 28.
[7]) Кабинетъ II, № 40, 43.
[8]) Кабинетъ II, № 43; Голикова—Дѣянія Петра В. II, 213.

*

къ мануфактурной дѣятельности. Взглядъ Петра на средства къ этому побужденію выраженъ въ одномъ указѣ Мануфактуръ-коллегіи: „Что мало охотниковъ (заводить фабрики)—и то правда, понеже нашъ народъ яко дѣти, неученія ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изо всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все-ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ" [1]). На этомъ основаніи, въ январѣ 1712 г данъ былъ указъ Сенату: „Заводъ суконный размножать не въ одномъ мѣстѣ, такъ чтобы въ пять лѣтъ не покупать мундира заморскаго, и, заведши, дать торговымъ людямъ, собравъ компанію, буде волею не похотятъ, хотя въ неволю, а за заводъ деньги брать погодно съ легкостью, дабы охотнѣй имъ въ томъ дѣлѣ промышлять было". Но, какъ видно, и неволею нельзя было заставить; казенныя фабрики продолжали существовать; о казанской фабрикѣ вице-губернаторъ Кудрявцевъ доносилъ въ 1719 году: „На заводахъ сукна ткутъ и все готово, только некому ихъ красить: и нынѣ прошу ваше величество, чтобы присланъ былъ мастеръ, кому тѣ сукна красить, а здѣсь такого сыскать нельзя, а прежній мастеръ только краски теряетъ" [2]). Изъ частныхъ суконныхъ фабрикъ была извѣстна Воронина въ Москвѣ; въ началѣ 1720 г. заведена была фабрика Щеголина съ товарищи. съ выдачею 20,000 рублей изъ казны [3]); въ 1721 г. въ Москвѣ суконная фабрика Александрова съ товарищи. Упоминается также суконная фабрика огородника Соболникова [4]). Уже въ 1718 году было дано приказаніе дѣлать мундиръ на гарнизонныхъ солдатъ всѣхъ губерній изъ суконъ московскаго дѣла. Изданъ былъ и другой любопытный указъ: „Велѣть людямъ боярскимъ ливереи (ливреи) или платья носить изъ суконъ россійской мануфактуры, а заморскихъ не носить, тожь разумѣется и о посадскихъ нижнихъ, однакожь напередъ удовольствовать сукнами солдатъ. Людямъ боярскимъ ежели не будетъ доставать сукна, то дѣлать съ каразей, и для того дѣлать каразеи двойныя. Позументовъ убавить, или и вовсе заказать, ибо въ обычай входить почало, что много носятъ, отъ чего не только убытокъ партикулярнымъ, но и государству, ибо Англичане богатѣе насъ, а позументовъ не носятъ" [5]).

Въ Петербургѣ заведена была шпалерная фабрика; директоръ ея, Багре, былъ спрошенъ: можетъ ли въ шпалеры и ковры употреблена быть русская шерсть, и показали ему всѣхъ русскихъ шерстей пробы; о шерсти, которая взята изъ Кіевской губерніи къ коломиночному дѣлу, Багре сказалъ, что она къ шпалерному дѣлу годна для ученія учениковъ, а если лучше будетъ прядена, то пригодится въ дѣло и мастерамъ [6]). О работахъ на петербургскомъ мануфактурномъ дворѣ доносили въ іюлѣ 1719 года: шпалерные мастера Французы дѣлаютъ: Дринконь де-Бурденъ—государеву персону, которая на конѣ; мастеръ Берагье – другую государеву персону поясную; мастеръ Гошеръ Св. Анисіи персону, при которой дьяволъ; мастеръ Вавокъ—цвѣтникъ, въ которомъ шептала и прочіе фрукты. Коломинки начали ткать на семь становъ, салфетки на одинъ станъ" [7]).

Понятно, что усердно старались объ улучшеніи тѣхъ производствъ, которыя были уже прежде, и чрезъ это улучшеніе усилить сбытъ ихъ за-границу. Заведеніе флота требовало заведенія парусныхъ фабрикъ; въ 1702 году онѣ заведены въ Москвѣ и въ 1719 году встрѣчаемъ слѣдующую краткую ихъ исторію: „Въ 1702 и 1705 годахъ парусные заводы были такъ хороши, якобы близь голландскихъ". Въ 1711 году, находясь въ завѣдываніи Григорія Племянникова, они были въ очень дурномъ состояніи. Въ 1715 и 1716 годахъ, во время управленія Андрея Бѣляева, едва не разорились вконецъ, только три четверти парусной холстины было прислано въ Петербургъ, и то все гнилое. Когда, послѣ этого времени, они были отданы въ завѣдываніе князя Одоевскаго, то „до сихъ поръ находятся въ изрядномъ состояніи и парусныя пологна доставляютъ добрыя" [8]). Въ 1711 году полотняный заводъ, вѣдомый прежде въ Посольскомъ Приказѣ, отданъ былъ купецкимъ людямъ, Туркѣ съ товарищи, на 30 лѣтъ, и къ нему приписано суздальскаго епископа село Кохма съ деревнями въ Суздальскомъ уѣздѣ [9]). Въ декабрѣ 1714 года велѣно было отдать въ вѣдомство московскаго губернатора скатертное, салфеточное и полотняное дѣло [10]). Въ слѣдующемъ году распоряженіе: „Полотна дѣлать широкія противъ европейскихъ государствъ, какія за великія цѣны въ Россійское государство вывозятся, для того, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ дѣлаютъ полотна широкія и отъ большихъ цѣнъ имѣютъ многое народное пополненіе, понеже тѣмъ широкимъ полотнамъ великіе расходы состоять паче другихъ товаровъ; а въ Россійскомъ государствѣ отъ негодныхъ узкихъ полотенъ, которыя самыми малыми за негодностію цѣнами продаются, не только прибытковъ, но и своихъ издержанныхъ вещей не получаютъ, и отъ того въ излишнія скудости приходятъ" [11]). Въ 1718 году данъ былъ указъ о свободной торговлѣ холстами всѣхъ рукъ, какіе у кого

[1]) Полн. Собр. Зак. № 4345.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 32, 42.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 49, 51.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 54, 43.
[5]) Архивъ Мин. Юстиціи, Сенатскія дѣла по губерніямъ 1718 года; Кабинетъ I, кн. № 64.

[6]) Кабинетъ II, кн. № 40.
[7]) Кабинетъ II, кн. № 40.
[8]) Кабинетъ II, кн. № 40.
[9]) Кабинетъ II, кн. № 43.
[10]) Полн. Собр. Зак. № 2867.
[11]) Полн. Собр. Зак. № 2943.

есть, и о пропускѣ ихъ въ заморскій отпускъ [1]; но въ томъ же году резидентъ Ѳедоръ Веселовскій писалъ изъ Лондона: „Говорили мнѣ здѣшніе купцы, что въ Россіи дѣлаются полотна трехъ разныхъ рукъ, только все узки, и за этою узкостію худо продаются". Въ 1720 году директоромъ полотняной фабрики былъ назначенъ иноземецъ Томесъ, который долженъ былъ призывать къ себѣ въ компанію изъ купечества; компанія должна была умножить свое производство (полотенъ, скатертей, салфетокъ и тиковъ) по возможности до 500 становъ, причемъ произведенія фабрики должны были равняться съ заморскими. Члены компаніи не выбираются ни въ какія службы, на ихъ дворахъ не ставятся постои, судомъ и расправою, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, вѣдаются они въ Бергъ и Мануфактуръ-коллегіи. Содержать имъ фабрику 30 лѣтъ, если будутъ содержать въ добромъ порядкѣ, мастеровъ иноземцевъ выписывать имъ изъ-за моря съ свободными контрактами, а изъ Русскихъ въ мастеровые, ученики и работники нанимать свободныхъ, а не крѣпостныхъ, съ платежемъ за труды ихъ достойной платы и содержать ихъ при фабрикѣ 7 лѣтъ какъ учениковъ, сверхъ того три года какъ подмастерьевъ, и по прошествіи урочныхъ лѣтъ давать имъ письма. Въ томъ же году государь указалъ: холстъ, хрящъ толстый за-границу отпускать невозбранно, а тонкихъ полотенъ узкихъ не отпускать, дѣлать широкія по прежнимъ указамъ. Въ 1718 году запрещено было ввозить въ Москву заграничные чулки, позволено было продавать только чулки московской фабрики Француза Мамвріона [2].

Важно было по заграничному отпуску производство кожевенное. Въ 1716 году къ Архангельску было привезено юфти 135,467 пудъ; изъ этого числа Строгановымъ принадлежало 991 пудъ, петербургскимъ купцамъ 12,057, гостиной сотни 9,908, Казанцамъ 10,709, Гороховцамъ 11,173, Москвичамъ 16,901, Ярославцамъ 38,161 [3]. Царь занялся улучшеніемъ этого выгоднаго производства, и въ концѣ 1715 года издалъ указъ: „Понеже юфть, которая употребляется на обувь, весьма негодна есть къ ношенію, ибо дѣлается съ дегтемъ, и когда мокроты хватитъ, распалзывается и вода проходитъ, — того ради оную надлежитъ дѣлать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ, чего ради посланы изъ Ревеля мастеры къ Москвѣ для обученія того дѣла, для чего повелѣвается всѣмъ вышеписаннымъ промышленникамъ во всемъ государствѣ, дабы отъ каждаго города по нѣскольку человѣкъ ѣхали въ Москву и обучались; сему обученію дается срокъ два года, послѣ чего если кто будетъ дѣлать юфти попрежнему, тотъ будетъ сосланъ въ каторгу и лишенъ всего имѣнія" [4]. Въ Казани учрежденъ былъ заводъ пумповыхъ кожъ, подъ надзоромъ Англичанина Умфри [5]; въ 1720 году Кудрявцевъ доносилъ царю: „Англичанинъ, пумповыхъ кожъ мастеръ Умфри, учениковъ, повидимому, учитъ прилежно, и ученики сказываютъ, что ни въ чемъ отъ нихъ не скрывается" [6]. Въ Азовской губерніи существовали кожевенные заводы съ 1714 года; въ 1719 году велѣно было юфтянаго дѣла мастеровъ иноземцевъ для размноженія производства и обученія Русскихъ людей послать въ Кіевскую и Азовскую губернію по два человѣка; губернаторы, по своему усмотрѣнію, должны были опредѣлять ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ можно было сыскать наиболѣе матеріаловъ къ этому производству. Въ томъ же году Мануфактуръ и Бергъ-коллегіи приговорили коломиночный, шпалерный и кожевенный заводы въ Петербургѣ отдать въ содержаніе охочимъ людямъ [7], а въ слѣдующемъ году явился въ Петербургѣ кожевенный заводъ президента главнаго магистрата Исаева съ товарищи [8].

До описываемаго времени все потреблявшееся въ Россіи количество писчей бумаги привозилось изъ-за границы; теперь заведены были свои фабрики; въ апрѣлѣ 1714 года изданъ былъ указъ о присылкѣ въ петербургскую канцелярію пометнаго холста и лоскутья, съ платою по 8 денегъ за пудъ собравшимъ [9].

Чтобъ уменшить роскошь въ тяжелое время великой войны, уменьшить ввозъ изъ-за границы дорогихъ матерій и украшеній и, въ то же время дать возможность подняться своимъ мануфактурамъ, царь, въ концѣ 1717 года, издалъ указъ: „Объявить для настоящей войны, чтобъ вновь никакого золота и серебра пряденаго и волоченаго не носили и нигдѣ не употребляли, а донашивали-бъ старые, а вновь онюдь не дѣлали подъ великимъ штрафомъ. А носить только китайскія изъ Сибири шелковыя матеріи и персидскія, также изъ здѣшнихъ мануфактуръ всякія, кромѣ золота и серебра" [10]. Адмиралъ Апраксинъ, Шафировъ и Петръ Толстой завели фабрику шелковыхъ парчей съ привилегіею на 50 лѣтъ продавать произведенія фабрики безпошлинно. Но дѣло у нихъ пошло не очень успѣшно; въ январѣ 1719 года они подали прошеніе: „Такъ какъ мануфактура наша не можетъ вскорѣ въ такое состояніе придти, чтобъ могла удовольствовать парчами все государство, хотя мы, не щадя никакихъ иждивеній, стараемся усиливать производство чрезъ иноземцевъ и Русскихъ, и уже понесли убытку больше 40,000 рублей, и такъ какъ ввозъ европейскихъ парчей запрещенъ, а азіятскихъ недостаточно, то нареканіе идетъ на насъ. Поэтому мы просимъ позволить иноземцамъ ввозъ тѣхъ парчей, которыхъ производства мы не можемъ усилить

[1] Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Архангельской губерніи 1718 года.
[2] Кабинетъ II, кн. № 35; Полн. Собр. Зак. № 3163, 3543, 3677.
[3] Кабинетъ II, кн. № 34.
[4] Полн. Собр. Зак. № 2949.
[5] Кабинетъ II, кн. № 42.
[6] Кабинетъ II, кн. № 48.
[7] Кабинетъ II, кн. № 43.
[8] Кабинетъ II, кн. № 54.
[9] Полн. Собр. Зак. № 2800.
[10] Полн. Собр. Зак. № 3127.

вскорѣ и просимъ, чтобъ это позволеніе положено было на насъ, чтобъ мы, по своему усмотрѣнію, могли ввозъ однихъ парчей позволять, а другихъ запрещать" [1]). Дѣла не поправились, и Апраксинъ съ товарищи просили, чтобъ взять у нихъ мануфактуру и отдать купецкимъ людямъ, которыхъ и указали, а имъ возвратить затраченный капиталъ. Въ Москвѣ была шелковая фабрика истопника Малютина; онъ завелъ ее въ 1714 году на свои деньги, со всякими инструментами русскими и заморскими [2]).

Приведенныя распоряженія относительно промышленности во многомъ касались крестьянъ: и они должны были измѣнять, усиливать свою дѣятельность по указаніямъ преобразующаго правительства. Измѣненія въ ихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ не могло быть произведено; крѣпостное состояніе произошло вслѣдствіе бѣдности страны, финансовой несостоятельности государства; эта несостоятельность не исчезла, принимались только сильныя, болѣе или менѣе дѣятельныя мѣры къ обогащенію народа и казны. Вольный трудъ былъ невозможенъ,—доказательствомъ служило то, что правительство набирало работниковъ, какъ солдатъ; другое доказательство: когда понадобились заводы, къ нимъ начали приписывать окрестныхъ крестьянъ, и явился новый разрядъ заводскихъ крестьянъ, крестьянъ крѣпкихъ не землѣ, но фабрикѣ или заводу. Объ основномъ измѣненіи участи крестьянъ, повторяемъ, нельзя было думать; эпоха преобразованія была еще очень близка къ древней Россіи, прикрѣпившей крестьянъ: въ 1713 году возмутились крестьяне села Лыскова, въ Нижегородскомъ уѣздѣ, принадлежавшаго Грузинскому царю Арчилу, села Порѣчья ростовскаго архіерея, Вышегородской волости, Верейскаго уѣзда, на земляхъ иноземца Меллера, Вознесенскаго села, принадлежавшаго Воскресенскому монастырю (Новый Іерусалимъ); отложившіеся крестьяне были приведены въ повиновеніе, причемъ заводчики были биты кнутомъ [3]). Можно было только принимать мѣры къ облегченію участи крестьянъ: такъ эта цѣль имѣлась въ виду при учрежденіи майората, хотя, по хозяйственнымъ же условіямъ, какъ увидимъ, цѣль не могла быть здѣсь достигнута. Въ 1719 году воеводамъ было наказано: „Такъ какъ есть непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть и ради пьянства или инаго какого непостояннаго житья вотчины свои не только не улучшаютъ, но разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, бьютъ ихъ и мучатъ, отчего крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ и происходитъ отсюда пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается доимка; поэтому воеводѣ и земскимъ коммисарамъ смотрѣть накрѣпко и до того разоренія не допускать; когда для денежныхъ и другихъ сборовъ поѣдутъ въ уѣзды земскіе коммисары и найдутъ пустоту или сильное умаленіе крестьянъ передъ переписнымъ числомъ, то должны объ этомъ объявлять воеводѣ,—воевода разыскиваетъ, отчего пустота явилась, и не было ли крестьянамъ отъ помѣщиковъ большаго разоренія. Обыски съ достовѣрными свидѣтельствами присылаются въ Сенатъ, и если по сыску и по свидѣтельству подлинно обнаружатся разорители своихъ имѣній, такихъ велѣть исправлять ближнимъ сродникамъ и свойственникамъ и, до исправленія, завѣдывать ихъ деревнями этимъ сродникамъ и свойственникамъ, довольствуя помѣщиковъ доходами изъ тѣхъ деревень; которые не исправятся — посылать подъ началъ до исправленія; которые не исправятся и подъ началомъ,—тѣхъ не освобождать, но доходами довольствовать ихъ самихъ, женъ ихъ и дѣтей, а по смерти отдавать деревни, кому будетъ слѣдовать по линіи". Въ апрѣлѣ 1721 года былъ изданъ именной указъ: „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и дѣловыхъ, и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врозь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отъ чего немалый вопль бываетъ:—и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь; а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то-бъ хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь". Цѣны за крестьянскія семьи были разныя, смотря по обстоятельствамъ; такъ въ протоколахъ Сената читаемъ: „Димитрію Шуленникову за крестьянина его Ивана Ѳомина съ женою и дѣтьми, который взятъ къ городовымъ дѣламъ въ кузнецы, выдать денегъ 35 рублей". Или: „Противъ прошенія комнаты царевны Анны Петровны карлицы Устиньи изъ крестьянства отца ея съ женою и дѣтьми уволить, и помѣщику за него заплатить денегъ 50 рублей".

Относительно управленія монастырскихъ крестьянъ дошла до насъ любопытная челобитная крестьянъ можайскаго Лужецкаго монастыря въ 1720 году: „Державнѣйшій царь, государь милолостивѣйшій! въ прошлыхъ годахъ по нынѣшній 720 годъ былъ у насъ архимандритъ Сергій и вѣдалъ насъ, и слугъ и служебниковъ судомъ и расправою и всякими дѣлами, а нынѣ оный архимандритъ волею Божією очами обнищалъ и отъялъ Богъ очесъ его зрѣніе; а въ прошломъ году присланъ намъ Знаменскаго монастыря іеромонахъ Іосифъ Бронцовъ, и въ нынѣшнемъ году оный келарь взятъ къ Москвѣ за его немалыя неистовства, и нынѣ у насъ судомъ и расправою вѣдать и отъ стороны оберегать некому; а у насъ въ Лужецкомъ монастырѣ есть іеромонахъ Іоасафъ Каржавинъ, человѣкъ добрый, не пьяница, судъ и расправу межъ нами и отъ сторонъ оберегать станетъ; про-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 43.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 54, 43; Пол. Собр. Зак. № 3176.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 2668.

симъ іеромонаху Іоасафу быть судебнымъ монахомъ". Подписались выборные крестьяне [1]).

Война продолжалась и финансовыя затрудненія не уменьшались. Старое препятствіе къ уравнительному сбору, укрывательство тяглыхъ людей существовало, несмотря на мѣры царя Алексѣя и повторительные указы сына его. Въ 1714 году повелѣно было Сенату: таможенные, кабацкіе и оброчные сборы положить въ каждомъ городѣ на купечество по большому окладу, а откупы и счеты отставить и отъ двороваго съ крестьянъ и съ купечества сбору отличить и сбирать особо. По старымъ и по новымъ указамъ всякихъ чиновъ людей и крестьянъ, которые имѣютъ торги, выключая тѣхъ крестьянъ, которые продаютъ то, что у нихъ родится, взять въ посадъ и поселить въ слободахъ, а закладчиковъ и выходцевъ, и бѣглецовъ взять и съ наказаніемъ. Уравнять всѣ губерніи какъ дворами, такъ и душами и съ нихъ сборы, чтобъ во всѣхъ губерніяхъ было равенство [2]). Никакія мѣры не помогали!—доходы не высылались сполна, важнѣйшія дѣла останавливались за неимѣніемъ денегъ. Мы видѣли донесеніе Ушакова, какъ разбѣжались строившіе корабли работники за неимѣніемъ денегъ. Это не былъ единственный случай; въ декабрѣ 1716 года адмиралъ Апраксинъ писалъ Макарову: „Истинно во всѣхъ дѣлахъ какъ слѣпые бродимъ и не знаемъ что̀ дѣлать, стали вездѣ великіе разстрои, а гдѣ прибѣгнуть и что впредь дѣлать?—не знаемъ, денегъ ни откуда не возятъ, дѣла почитай всѣ становятся" [3]). О недосылкахъ можно судить изъ донесенія князя Якова Долгорукаго въ 1719 году: „Военный коммисаріатъ учрежденъ съ начала 1712 года, а по табели положено изъ губерній, кромѣ С.-Петербургской, денежной казны присылать на дачу арміи жалованья и на строеніе мундира и амуниціи 1.578,333 рубля; и хотя того постояннаго числа изъ губерній въ присылкѣ сполна никогда не было и осталось въ доимкѣ многое число, однако армія вашего величества съ того года какъ жалованьемъ, такъ мундиромъ и амуниціею удовольствована, еще же сверхъ указу прибавлены строить многія амуничныя вещи вновь, а на провозъ мундира и амуниціи до разныхъ мѣстъ въ расходѣ безъ малаго 300,000 рублевъ. Нынѣ въ мундирныхъ канцеляріяхъ покупныхъ суконъ, мундиру и амуниціи и другихъ припасовъ въ остаткѣ на 350,000 рублевъ, да и изъ губерній не дослано по табели съ 712 года на семь лѣтъ 2.500,000, въ томъ числѣ на два года 717 и 718, на которые велѣно по указу вашего величества весьма доправить, 950,000 рублевъ, и на достальныя пять лѣтъ править современемъ исподоволь". Такъ какъ главною причиною скудости доходовъ были злоупотребленія при переписи дворовъ, то Петръ рѣшился ввести подушную перепись. 22 января 1719 года былъ изданъ указъ: ради расположенія полковъ армейскихъ на крестьянъ всего государства брать во всѣхъ губерніяхъ сказки о душахъ мужескаго пола; за утайку душъ приказчикамъ, старостамъ и выборнымъ людямъ смертная казнь безо всякой пощады. 19 января 1720 года новый указъ: хотя сказки и высылаются, однако въ нихъ пишутъ однихъ крестьянъ, а дворовыхъ и прочихъ не пишутъ, въ чемъ можетъ быть такая же утайка, какъ и въ дворахъ бывала, и потому писать всѣхъ, кто живетъ въ деревняхъ. 16 декабря того же года новый указъ: назначенъ былъ срокъ подачи сказокъ 20 іюля,—и все сказки не поданы, ландраты и коммисары пишутъ, что помѣщики, люди ихъ и крестьяне сказокъ не подаютъ, изъ дворовъ бѣгаютъ и укрываются, вслѣдствіе чего у ослушниковъ указа отписать деревни, а самихъ выслать къ розыску. Указъ 15 марта 1721 года говоритъ, что доносители показали утайку до 20,000 душъ, и потому велѣно сказать всѣмъ землевладѣльцамъ, чтобъ объявляли объ утайкѣ безъ всякаго страха, на виноватыхъ не будетъ взыскано, въ противномъ случаѣ они подвергаются наказанію по прежнимъ указамъ [4]).

Страна была дѣйствительно бѣдная, малолюдная, безъ промысловъ; тяглые люди дѣйствительно бѣгали и употребляли всѣ средства, чтобъ уклониться отъ платежа денегъ въ казну; но Петръ хорошо зналъ, что одною изъ главныхъ причинъ скудости казны была закоренѣлая болѣзнь русскаго общества, воспитаннаго на *кормленіи*. Тщетно преобразователь выставлялъ понятіе о государствѣ, о безкорыстномъ служеніи ему, тщетно толковалъ о пользѣ всенародной: Русскій человѣкъ въ продолженіи многихъ вѣковъ привыкъ смотрѣть на службу какъ на средство кормленія, и вѣка должны были пройти прежде, чѣмъ онъ могъ отстать отъ этой привычки. Но Петръ не былъ такой человѣкъ, который могъ спокойно передать времени извѣстное улучшеніе, извѣстную работу; чувствовать всю нужду въ деньгахъ и знать, что, вмѣсто употребленія на общее дѣло, онѣ расходятся по частнымъ карманамъ,—было для него невыносимо: и какъ вездѣ, такъ и здѣсь, онъ принялъ самыя сильныя мѣры, началъ кровавую борьбу съ казнокрадцами, какъ въ-старину съ стрѣльцами.

Петръ по частнымъ дѣламъ долженъ былъ допустить то, что мы называемъ взяточничествомъ; бѣдное государство не могло обезпечить жалованьемъ служащихъ ему, и потому должно было позволить имъ кормиться отъ дѣлъ. Въ 1713 году подъячіе секретнаго стола сенатской канцеляріи били челомъ государю, что имъ, кромѣ жалованья, прибытка нѣтъ никакого и пропитаться съ домашними своими невозможно, и потому просили прибавки жалованья. Государь на ихъ просьбѣ напи-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3770, 3294; Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Монастырскаго Приказа.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 21.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 26.

[4]) Кабинетъ II, № 40; Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ именныхъ указовъ Сенату.

салъ: „Вмѣсто жалованья, вѣдать въ секретномъ столѣ всѣ иноземческія и Строгоновы дѣла, кромѣ городскихъ (Архангельскихъ) товаровъ“ [1]). Но онъ неумолимо рѣшился преслѣдовать похищенія казенной собственности, взяточничество, вредившее государственнымъ доходамъ. Въ августѣ 1713 года читали указъ: „Великій государь, милосердуя о народахъ государствъ своихъ, ревнуя искоренить неправедныя, бѣдственныя, всенародныя тягости и похищенія лукавыя государственной казны, понеже извѣстно ему учинилось, что возрастаютъ на тягость всенародную и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне приходятъ въ разореніе и бѣдность. И того ради его царское величество указалъ объявить всенародно на удержаніе оныхъ злыхъ вымысловъ и лукавыхъ корыстей и грабленій сей свой указъ, дабы впредь невѣдѣніемъ никто не отговаривался, чтобъ всѣхъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ съ вымысла, кромѣ простоты какой, и во всякихъ государственныхъ дѣлахъ неправды и тягости искоренить, а именно: всякіе сборы, всякія покупки и продажи, и подряды чинить въ приказахъ и губерніяхъ съ великимъ радѣтельнымъ осмотрѣніемъ, безъ всякихъ лукавыхъ вымысловъ и безпосульно, ища государственной прибыли безъ тягости народной, и къ покупкѣ и къ продажѣ, и къ подрядамъ призывать, объявляя всякихъ чиновъ людямъ не тайно; а самимъ судьямъ и приказнымъ, и инымъ подчиненнымъ ихъ на свои или на чужія имена, и людямъ ихъ и крестьянамъ отнюдь не подряжаться и никакимъ образомъ не вымышлять; а доходы окладные съ купечества и съ уѣздныхъ двороваго числа, и иные неокладные, сложа все вкупѣ, сбирать на четыре срока, и объявить всенародно, чтобъ на тѣ сроки всѣ доходы изъ уѣздовъ привозили платить въ города бездоимочно“ [2]). Вслѣдъ за тѣмъ другой указъ: „Къ положеннымъ законамъ о грабителяхъ народа въ пополненіе объявить всенародно: ежели кто такихъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ и грабителей вѣдаетъ, и тѣ-бъ люди безо всякаго опасенія пріѣзжали и объявляли о томъ самому царскому величеству, только чтобъ доносили истину; а кто на такого злодѣя подлинно донесетъ, тому за такую его службу богатство того преступника движимое и недвижимое отдано будетъ, а буде достоинъ будетъ, дастся ему и чинъ его; а сіе позволеніе дается всякаго чина людямъ, отъ первыхъ даже и до земледѣльцевъ, время же къ доношенію—отъ октября мѣсяца по мартъ“ [3]).

Указъ, обѣщавшій такое богатое вознагражденіе за доносъ на казнокрадцевъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на людей, знавшихъ кой-что за собою; между ними начались толки: „Донести, доказать легко, но за что же наказывать?—вѣдь прежде это не было запрещено“. Узнавъ объ этихъ толкахъ, 24 декабря 1714 года Петръ издалъ новый указъ: „Понеже многія лихоимства умножились, между которыми и подряды вымышлены и прочія тому подобныя дѣла, которыя уже наружу вышли, о чемъ многіе, якобы оправдая себя, говорятъ, что сіе не заказано было, не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ государству приключить можетъ, суть преступленія. И дабы впредь плутамъ (которые ни во что иное тщатся, точію мины подъ всякое доброе дѣлать и несытость свою исполнять) невозможно было никакой отговорки сыскать,—того ради запрещается всѣмъ чинамъ, которые у дѣлъ приставлены, дабы не дерзали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ народа сбираемыхъ денегъ брать торгомъ, подрядомъ и прочими вымыслами. А кто дерзнетъ сіе учинить, тотъ весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнія лишенъ, шелмованъ и изъ числа добрыхъ людей изверженъ, или смертію казненъ будетъ; то же слѣдовать будетъ и тѣмъ, которые ему въ томъ служили, и чрезъ него дѣлали, и кто вѣдали, а не извѣстили, хотя подвластные и собственные его люди, не выкручаяся тѣмъ, что страха ради сильныхъ лицъ, или что его служитель; а дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался,—велѣть всѣмъ у дѣлъ будучимъ къ сему указу приложить руки, и впредь кто къ которому дѣлу приставленъ будетъ—прикладывать, а въ народѣ вездѣ прибить печатные листы“ [4]).

Указами, угрозами, вызывомъ доносителей дѣло не ограничилось. Мы видѣли, что вмѣстѣ съ учрежденіемъ Сената Петръ учредилъ и фискаловъ. Въ августѣ 1711 года старикъ Зотовъ взялъ на себя званіе государственнаго фискала: „Понеже видя безпорядокъ, господинъ графъ Никита Моисеевичъ Зотовъ взялъ на себя сіе дѣло государственнаго фискала, т.-е. надсмотрителя, дабы никто отъ службы не ухоронивался и прочаго худа не чинилъ, и сей свой урядъ подписалъ своею рукой“. Но о дѣятельности Никиты Моисеевича въ этомъ новомъ званіи мы не имѣемъ свѣдѣній. Въ указѣ 28 января 1721 года говорится: „Понеже государственнаго фискала вскорѣ еще выбрать не можемъ,—того ради, пока оный учиненъ будетъ, опредѣляемъ по одному изъ штабъ-офицеровъ отъ гвардіи быть при Сенатѣ, перемѣняясь помѣсячно. Онъ долженъ смотрѣть, дабы Сенатъ должность свою исправляли по данной имъ инструкціи. Смотрѣть того, дабы указы не только что на письмѣ были сдѣланы, но чтобъ экзекуція на всѣ указы, какъ возможность допуститъ, чинена была. Ежели кто того чинить не будетъ, до три раза напомянуть, а буде по третьемъ словѣ кто не будетъ чинить, тотчасъ идти къ намъ, или писать.“ Первымъ оберъ-фискаломъ былъ назначенъ дьякъ Былинскій; но онъ скоро былъ уволенъ по просьбѣ князя Ромодановскаго, которому онъ былъ нуженъ для

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2683.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 2707.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 2726.
[4]) Кабинетъ I, кн. № 32.

строенія дома его въ Петербургѣ. Вмѣсто Былинскаго, былъ назначенъ стольникъ Михайла Желябужскій; въ товарищи къ нему назначены коммисаръ Нестеровъ и шесть человѣкъ царедворцевъ[1]). Въ апрѣлѣ 1712 года уже встрѣчаемъ извѣстія о дѣятельности фискаловъ. Трое фискаловъ — Михайла Желябужскій, Алексѣй Нестеровъ, Степанъ Шепелевъ—подали царю жалобу на Сенатъ: „Изволилъ ваше царское величество учинить фискальное дѣло, для чего, по указу изъ Сената, опредѣлены мы. И мы, рабы твои, по должности своей всячески провѣдывая и усмотря какъ въ сборахъ, такъ и въ расходахъ и объ иныхъ нуждахъ, подали въ Сенатъ многія разныя доношенія. А по другимъ дѣламъ въ разныхъ приказахъ какъ за судьями, такъ и за приказными людьми сыскали всякую неправду, о чемъ написано порознь въ нашихъ особливыхъ доношеніяхъ и обличеніяхъ, по которымъ, противъ твоихъ пунктовъ, указу и опредѣленія не учинено и по се число, и на судъ намъ неправду сотворшихъ не токмо котораго судью, но и послѣдняго подъячаго ко обличенію не поставлено. А когда приходимъ въ Сенатъ съ доношеніями, и отъ князей Якова Ѳедоровича (Долгорукаго) да отъ Григорія Племянникова безо всякой нашей вины бываетъ къ намъ съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ всякое немилосердіе, еще-жь съ непотребными укоризны и поношеніемъ позорнымъ, зачѣмъ намъ, рабамъ твоимъ, къ нимъ входить опасно. Племянниковъ называетъ насъ уличными судьями, а князь Яковъ Ѳедоровичъ—антихристами и плутами“ [2]).

Особенною любовію и ревностію къ своему дѣлу отличался фискалъ Нестеровъ. Онъ доносилъ въ 1713 году: „Князю Якову Ѳедоровичу Долгорукому даны волости въ уѣздѣ Юрьева Польскаго съ условіемъ, чтобы доходы, прежде шедшіе въ казну, собирались въ нее безъ умаленья; но въ 1713 году Долгорукій, по согласію съ казанскимъ губернаторомъ Апраксинымъ, сложилъ много сборовъ, а именно 4,755 рублей, и приписалъ къ себѣ землю, которой въ именномъ указѣ не было означено. Съ 1704 года, кромѣ государева клею, нигдѣ никому держать и продавать не велѣно; а онъ, Долгорукій, далъ изъ Сената указъ господину Рагузинскому, велѣно ему купить клею у другихъ, кромѣ государева, 2,000 пудовъ для продажи въ отпускъ за море, отъ чего государю убытка больше 10,000 рублей. Долгорукій не принялъ ружей, которыя Стрежневъ продавалъ по рублю 20 алтынъ, а принялъ у Строгонова, который написалъ по 2 рубля за ружье, не освидѣтельствовавши и не призвавши къ торгу никого, и этимъ доставилъ Строганову прибыли 8,420 рублей. Долгорукій подрядилъ иностранца ставить селитру дороже, чѣмъ предлагали Русскіе; ставилъ наемщиковъ вмѣсто своихъ крестьянъ въ рекруты, вопреки указу [3]). Со многихъ сильниковъ солдатъ не брано, а только берутъ съ тѣхъ, кто безотвѣтенъ и богобоязливъ и страхъ имѣетъ отъ вашего величества, да которые солдаты съ такихъ сильниковъ и съ другихъ и взяты,—и тѣ Помѣстнаго и Военнаго приказовъ дьяками и подъячими распущены, будто негодные, а вмѣсто нихъ другихъ не взято—то изъ взятокъ, то придабриваясь. Теперь какъ за прежними, такъ и за нынѣшними нашими фискальными доношеніями, въ приказы привели и приводятъ немалое число солдатъ, начали изъ вышнихъ персонъ, а именно: сенаторъ князь Григ. Иван. Волконскій бѣглыхъ солдатъ привелъ изъ подмосковной съ отпускомъ и безъ отпуска 5 человѣкъ; князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій сказалъ, что у него бѣглыхъ солдатъ въ Хатунской волости есть, и обѣщалъ ихъ поставить, а самъ его благородіе едва на все лѣто тамъ былъ, да безъ доношенія нашего прислать не соизволилъ. Капитанъ Алексѣй Буторинъ, по согласію съ дьяками и подъячими Помѣстнаго Приказа, когда велъ солдатъ въ Ригу, отпустилъ изъ полку съ дороги, будто перемѣною, годныхъ 12 человѣкъ, которые солдаты и отцы ихъ повинились. Тотъ же капитанъ съ дороги отпустилъ больше ста подрядныхъ подводъ, отъ чего солдаты разбѣжались и въ Ригу доведена развѣ половина.

„Въ Монастырскомъ Приказѣ немалыя тысячи старыхъ денегъ и нѣсколько пудовъ серебряной посуды и другихъ вещей разныхъ, которыя въ правленіе графа Мусина-Пушкина забраны изъ Ростова съ митрополичья двора и изъ другихъ разныхъ монастырей. Князь Яковъ Ѳедоровичъ взялъ у насъ объ этомъ доношеніе себѣ собственно, и въ Сенатѣ не объявилъ; зачѣмъ онъ такъ дѣлаетъ — укрыть ли хочетъ или тайно донесть,—подлинно не знаемъ, только повидимому доношенія ихъ другъ на друга не ожидаемъ, ибо и онъ не чище другихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, сенаторовъ, не только по даннымъ имъ пунктамъ за другими не смотрятъ, но и сами вступили въ сущее похищеніе казны вашей подъ чужими именами, отчего явно и отречься не могутъ: какой же отъ нихъ можетъ быть судъ правый и оборона интересовъ вашихъ [4])?

„Майоръ Волконскій, будучи для розыску въ Архангелогородской губерніи, взялъ безъ указа самовольно у подъячаго Ерофеева изъ казны денегъ 1,500 рублей, и, не отдавъ, уѣзжаетъ въ Ригу; подъячій опасается, чтобъ за Волконскимъ эти деньги не пропали. А о другихъ Волконскаго худыхъ и указу противныхъ дѣлахъ, также о взяткахъ, и что онъ бралъ изъ земскихъ избъ деньги, и о прочемъ,—подамъ обличенія тогда, какъ повелѣно будетъ мнѣ дѣла его привезенныя „оказать“. Петръ написалъ на этомъ доношеніи: „Приготовляй къ зимѣ“.

Нестеровъ указалъ и на печальное состояніе

[1]) Кабинетъ I, кн. № 32, Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ именныхъ указовъ Сенату; Полн. Собр. Закон. № 3721.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 15.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 58.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 17.

торговыхъ людей, о которыхъ уже писалъ прежде и Курбатовъ: „Купечество", доносилъ Нестеровъ, „въ Москвѣ и городахъ само себѣ повредило и повреждаетъ: сильные на маломочныхъ налагаютъ поборы несносные, больше чѣмъ на себя, а иные себя и совершенно обходятъ, отъ чего маломочные въ большую приходятъ скудость и безторжицу; къ тому же у нихъ отняты всякіе промыслы и прочіе торги, которые за ними издревле бывали, и въ рядахъ стало уже вотчинъ и всякихъ торговыхъ мѣстъ больше за бѣломѣстцами, нежели за купечествомъ, да и торговать уже имъ за нападками не безопасно; напримѣръ, одинъ Волынскій, будучи въ Персіи, насильно взялъ болѣе 20,000 рублей съ приказчиковъ Евреинова и прочихъ, будто бы на государевы нужды, а выходитъ на свои прихоти; бить челомъ на него не смѣютъ, потому что имъ миновать нельзя Астрахани, гдѣ онъ губернаторомъ, о чемъ и вышнимъ господамъ извѣстно, да молчатъ. Иные купцы, отбывая платежей и постоевъ, покинувъ или распродавъ бѣломѣстцамъ въ слободахъ жилища свои, разошлись въ другіе чины, въ артиллерію, въ извозчики и воротники, также записались въ Покровское и Тайнинское, отдались въ защиту разныхъ господъ на дворы ихъ московскіе и загородные, у своей братьи и у другихъ разныхъ чиновъ въ домахъ нанимая мѣста и избы особыя за землянымъ городомъ, мимо настоящихъ своихъ слободъ, построя дворы, живутъ; кромѣ того, живутъ въ защитѣ и въ закладѣ у разныхъ людей будто бы за долги, не только сами, но и съ торгами своими и съ винными заводами. Другіе подлогомъ, будто бы за скудостію и болѣзнями, въ богадѣльни вошли; иные разошлись на заводы и промыслы въ приказчики и сидѣльцы и работники, несмотря на то, что свое имѣніе довольное имѣютъ. Въ противность указамъ, мимо ратуши забираютъ и таскаютъ купцовъ въ Преображенское и другіе Приказы. Притомъ явилось отъ бурмистровъ и ларечныхъ съ прочими служителями превеликое воровство и кража казны и взятки. Московскіе бурмистры Антипъ Михайловъ и Василій Горскій съ московскихъ слободъ себѣ въ прихоть собрали немалыя деньги, обличены, и Надворный судъ приговорилъ только на нихъ доправить тѣ сборныя деньги да штрафу по гривнѣ на рубль, а жестоко при народѣ не истязаны. Не только купецкіе люди, но и многіе дворовые крестьяне отъ всякихъ тягостей разошлись въ разныя губерніи, въ Сибирь и въ Черкасскіе города, въ Ивановское и въ Почепъ, живутъ тамъ домами, имѣютъ торги и промыслы, и заводы, немалое число ушло и въ Керженцы. Дорогомиловской слободы ямщики, по прозванію обыденки, разбогатѣли, покинувъ гоньбу и отбывая съ торгу платежей, записались пролазомъ своимъ и подлогомъ чрезъ Полибина въ сѣнные истопники къ комнатѣ царевны Натальи Алексѣевны и донынѣ подъ тою опекою имѣютъ торги и лавки немалыя. Купецкіе люди, которые вышли изъ слободъ, покинувъ свои прежнія жилища, и донынѣ на лицо живутъ явно въ Москвѣ на господскихъ дворахъ слободами, напримѣръ за Москвою рѣкою на Пятницкой и Ордынкѣ, на Офросимова и Ржевскаго дворахъ, за Мясницкими воротами, на Шеинскомъ и Долгорукаго, за Арбатскими на Головкинѣ дворѣ и у прочихъ такихъ же, а въ слободы, на тяглыя свои жилища нейдутъ; старосты и другіе, видя это, для своихъ пользъ, имъ позволяютъ" [1]).

Послѣ того, что было раскрыто фискалами, понятна будетъ инструкція, данная Петромъ майору Ушакову въ 1714 году: „Смотрѣть: 1) подрядовъ, которые почитай всѣ на Москвѣ чинятся, и невозможно статься, чтобъ безъ великой кражи государственной казны были, и чтобъ хотя про одно такое дѣло провѣдать подлинно. 2) Въ канцеляріи военной такожъ сборовъ много, а денегъ, сказываютъ, нѣтъ, а наипаче въ мундирномъ дѣлѣ посмотрѣть, понеже, чаю, и тутъ не безъ тогожъ, также и о денежныхъ дворахъ 3) Въ Московской губерніи въ ратушныхъ и въ иныхъ дѣлахъ сколько возможно провѣдывать зѣло тайно чрезъ посторонній способъ, чтобъ никто не зналъ, что сіе тебѣ приказано. 4) Такожъ о утайкѣ дворовъ крестьянскихъ, гдѣ возможно, провѣдать же. 5) Провѣдать также, которые кроются отъ службы, также которыхъ можно послать для ученья и, провѣдавъ о всемъ, а наипаче о деньгахъ, которые по заруковьямъ идутъ, пріѣхать сюды" [2]).

Мы видѣли, что, кромѣ фискаловъ, Петръ требовалъ, чтобъ каждый объявлялъ о казнокрадствѣ. Несмотря однако на богатыя награды, обѣщанныя за такія объявленія, явно никто не указалъ ни на кого, а явились подметныя письма. 29 декабря 1713 года поднято было письмо, подписанное такъ: „Вашего величества нижайшіе богомольцы, убогіе сироты, соборнѣ и келейнѣ Бога всеблагаго моля, падши умоляемъ". Доносъ состоялъ въ слѣдующемъ: „Господинъ Мусинъ—извѣстный коварный лукавецъ и гонитель всякія правды. Долгорукіе вора Наумова описныя деревни отдали, по свойству, сыну его; они же, укрывая Ильина въ пріемѣ бѣглыхъ рекрутъ, Колычева въ кражѣ и продажѣ фузей, забрали дѣла отъ Ершова (московскаго вице-губернатора) въ Сенатъ и по указу не учинили. Господинъ Волконскій тульскихъ купцовъ разорилъ въ-конецъ: повелѣно на государя дѣлать по 15 фузей въ годъ на сроки, и между тѣми сроками, исполняя свои прихоти, заставляетъ ихъ дѣлать многое свое ружье обронпымъ лучшимъ мастерствомъ, а который не сдѣлаетъ указнаго ружья на срокъ, такихъ мучитъ жестокимъ истязаніемъ, и надсмотрщикъ стольникъ Чулковъ съ нихъ за то великія взятки беретъ и у выдачи денегъ вычитаетъ и говоритъ, что половина князю, а другая половина ему. Никита Демидовъ обѣщалъ поставлять желѣзо не выше 13 рублей двухъ де-

[1]) Кабинетъ I, кн. № 58.
[2]) Кабинетъ I, кн. № 58.

негъ, поставилъ въ Тверь 20,000 пудовъ и, по заступленію Волконскаго, получилъ по 16 рублей 4 деньги за пудъ, а съ купцовъ беретъ по 13 и меньше за пудъ; да и другіе артиллерійскіе припасы другіе возьмутся поставлять за половинную противъ Демидова цѣну. Демидовъ неправдивецъ, но ему доставалось не столько барыша, сколько Волконскому и другимъ. Ежели изволишь о томъ розыскивать, прикажи вице-губернатору Ершову, ибо онъ, никого не боясь, ни для какой корысти неправды не сдѣлаетъ. О иконоборцѣ Самаринѣ и Апухтинѣ уже и писать оставляемъ, понеже того ли они состоянія, что имъ сидѣть въ повѣренномъ Сенатѣ?—Ни". Доносъ оканчивается похвалами Ершову: „Въ 1712 году, какъ былъ губернаторомъ Ромодановскій, съ тѣмъ онъ будто съ чортомъ возился, ибо хотя и уменъ былъ, да слабъ и завладѣлъ имъ человѣкъ его Фатуевъ. А нынѣшняго губернатора, слышно, что вставили сенаторы, а больше Мусинъ да Долгорукій стараго плута и всесвѣтнаго труса, вступилъ съ Ершовымъ въ контру, да и у этого есть подобенъ Фатуеву прозваніемъ Лаговчинъ, отъ котораго уже бѣдный Ершовъ и лаю слышалъ. По мірской пословицѣ хорошо государю вѣрно служить, да было-бъ кому хвалить, а его Ершова право никто изъ нихъ тебѣ не похвалитъ" [1]).

Умноженіе подметныхъ писемъ заставило Петра издать такой указъ въ началѣ 1715 года: „Понеже многія являются подметныя письма, въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольничьихъ вымышленій, которыми, подъ видомъ добродѣтели, ядъ свой изливаютъ, того ради повелѣваемъ всѣмъ: кто какое письмо подниметъ, тотъ бы отнюдь не доносилъ объ немъ, ниже челъ, не распечатывалъ, но, объявя постороннимъ свидѣтелямъ, жгли на томъ мѣстѣ, гдѣ подниметъ; ибо недавно нѣкто подкинулъ письмо, якобы о нужномъ дѣлѣ, въ которомъ пишетъ, ежели угодно, то онъ явится; почему не только позволено оному явиться, но и денегъ въ фонарѣ 500 рублей поставлено, и болѣе недѣли стояли, а никто не явился. А ежели кто сумнился о томъ, что ежели явится, то бѣдствовать будетъ, то не истинно, ибо не можетъ никто доказать, которому бы доносителю какое наказаніе или озлобленіе было, а милость многимъ явно показана; къ тому же могутъ на всякъ часъ вѣдать, какъ учинены фискалы, которые непрестанно доносятъ не точію на подлыхъ, но и на самыя знатныя лица безо всякой боязни, за что получаютъ награжденіе. И тако всякому уже довольно изъ сего вѣдать возможно, что нѣтъ въ доношеніяхъ никакой опасности; того для, кто истинный христіанинъ и вѣрный слуга своему государю и отечеству, тотъ безъ всякаго сумнѣнія можетъ явно доносить словесно и письменно о нужныхъ и важныхъ дѣлахъ самому государю, или, пришедъ ко Двору его царскаго величества, объявить караульному сержанту, что онъ имѣетъ нужное донесеніе, а именно о слѣдующихъ: 1) о какомъ зломъ умыслѣ противъ персоны его величества или измѣнѣ; 2) о возмущеніи или бунтѣ; 3) о похищеніи казны, а о прочихъ дѣлахъ доносить—кому тѣ дѣла вручены, а писемъ не подметывать" [2]).

„Фискалы доносятъ безо всякой боязни и получаютъ награжденіе", говорилъ указъ. Но извѣстно было, какъ обращались съ ними въ Сенатѣ; впослѣдствіи Петръ долженъ былъ сознаться, что „земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ". Рязанскій митрополитъ Стефанъ, блюститель патріаршаго престола, въ торжественный день именинъ царевича Алексѣя, 17 марта 1712 года, въ проповѣди сдѣлалъ сильную выходку противъ фискаловъ. „Законъ Господень непороченъ", говорилъ митрополитъ, „а законы человѣческіе бываютъ порочны; а какой то законъ, напримѣръ, поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю кого хочетъ обличити, да обличитъ, кого хочетъ обезчестити, да обезчеститъ; а хотя того не доведетъ, о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то за вину не ставить, о томъ ему и слова не говорить, вольно то ему; не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня вложилъ, а не довелъ, пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ—пусть самъ впадетъ вонь" [3]). Петръ не отмѣнилъ фискаловъ, но выходка Яворскаго не осталась безъ вліянія на новое распоряженіе о нихъ, выданное 17 марта 1714 года: „Оберъ-фискалу быть при государственномъ правленіи, да съ нимъ же быть четыремъ фискаламъ, въ томъ числѣ двоимъ изъ купечества, которые бы могли купеческое состояніе тайно вѣдать; а въ губерніяхъ во всякой при губернаторскомъ правленіи быть по четыре человѣка, въ томъ числѣ провинціалъ-фискалъ, изъ какихъ чиновъ достойно, также и изъ купечества. А въ городахъ во всѣхъ, смотря по препорціи города, быть по одному и по два человѣка. Должность ихъ состоитъ во взысканіи всѣхъ безгласныхъ дѣлъ, т.-е.: 1) Всякія преступленія указамъ. 2) Всякія взятки и кражи казны и прочее, что ко вреду государственнаго интереса быть можетъ. 3) Прочія дѣла народныя, въ которыхъ нѣтъ челобитчиковъ, наприм. ежели какого пріѣзжаго убьютъ, или наслѣдникъ, послѣдній въ своей фамиліи, въ младенчествѣ умретъ безъ завѣщанія предковъ его и т. п. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ фискаламъ надлежитъ только провѣдывать, доносить и при судѣ обличать, а самимъ ничѣмъ ни до кого, также и въ дѣла, голосъ въ себѣ имѣющія, отнюдь ни тайно, ни явно не мѣшаться подъ жестокимъ штрафомъ или разореніемъ и ссылкою. Если фискалъ на кого и не докажетъ всего, то ему въ вину не ставить, ибо невозможно о всемъ томъ аккуратно вѣдать; а если

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 19.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2877, 3479.

[3]) Кабинетъ I, кн, № 31.

ни въ маломъ не уличитъ, но всѣ доносы его будутъ исправы, однако ежели фискалъ сдѣлалъ это не изъ корысти и не по злобѣ, то взять съ него штрафъ легкій, дабы впредь доносилъ съ большимъ осмотрѣніемъ. Если же фискалъ по какой-нибудь страсти или злобѣ затѣетъ, и предъ судомъ подлинно и истинно отъ того, на кого взвелъ, обличенъ будетъ, то ему, какъ преступнику, то же учинить, что довелось было учинить обвиненному, еслибъ по доносу подлинно виноватъ былъ. Также если фискалъ изъ взятки или изъ дружбы не извѣститъ о кражѣ казны и проч., то учинить надъ нимъ то же, чего винный достоинъ будетъ. Провинціалъ-фискалу надлежитъ своей губерніи города объѣзжать самому въ годъ однажды для осмотру состоянія фискаловъ, какъ они дѣла свои отправляютъ: неприлежныхъ фискаловъ отставлять, и на ихъ мѣста выбирать людей добрыхъ и правдивыхъ, только изъ дворянъ молодыхъ не принимать, а быть именно отъ сорока лѣтъ и выше, кромѣ тѣхъ, которые изъ купечества. Въ дѣлахъ взысканіе имѣть съ 1700 года, а далѣе не начинать" [1]).

Между тѣмъ Нестеровъ становился все усерднѣе и даже сына своего началъ обучать фискальству. Въ 1714 году онъ нашелъ кражу за шатерничимъ, но сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ не обратилъ вниманія на его донесеніе; нашелъ кражу на денежномъ мѣдномъ дворѣ; обличилъ дворцоваго судью Савелова, укрывавшаго бѣглыхъ, — тотъ повинился, но указу не учинено, потому что Савеловъ шуринъ Мусину-Пушкину. Нестеровъ жаловался на фискаловъ московскихъ, которые далеко отставали отъ него въ усердіи; но если плохи были фискалы московскіе, то въ другихъ губерніяхъ еще хуже: „А въ другихъ губерніяхъ и спрашивать уже нечего", писалъ Нестеровъ, „многіе фискалы по городамъ ничего не смотрятъ и ни съ кѣмъ остуды принять не хотятъ; добились чрезъ оберъ-фискала своихъ мѣстъ, чтобъ отбыть службы и посылокъ, и живутъ какъ сущіе тунеядцы въ своихъ деревняхъ; я положилъ на нихъ штрафы, а оберъ-фискалъ сложилъ, потому что у нихъ общая дворянская компанія, а я между ними замѣшался одинъ только съ сыномъ моимъ, котораго обучаю фискальству". Впрочемъ, относительно губернскихъ фискаловъ были исключенія; до насъ дошло донесеніе Нестерову отъ Данилова, провинціалъ-фискала Воронежской губерніи: „Отбываютъ отъ службы царедворцы и другіе обыватели: мы вицегубернатору Колычеву и воеводамъ тѣхъ провинцій доносили, чтобъ опредѣлить ихъ въ службу, но они наши доношенія уничтожаютъ и въ службу не пишутъ, и нынѣ живутъ праздно безо всякаго обученія; такихъ сыщется человѣкъ съ 500, живутъ у воеводъ, добиваются къ дѣламъ и къ сборамъ, происходятъ всячески, многіе нигдѣ въ переписи не написаны, а другіе по канцеляріямъ сидятъ и пишутъ и на подъячихъ работаютъ, и такимъ происхожденіемъ вѣкъ свой безъ дѣла коротаютъ, а воеводы ихъ у себя охраняютъ". Нестеровъ не ограничивался открытіемъ казнокрадства, но сталъ пересылать царю мнѣнія свои объ улучшеніи финансовъ. Въ 1714 году онъ уже совѣтовалъ произвести ревизію и уравнительный поборъ. „Собравъ въ одно мѣсто списки начальныхъ людей всѣхъ губерній, выложа отъ нихъ особо таможенные, кабацкіе и другіе оброчные, всегда кромѣ народа надежные сборы, остаточный положенный по табелямъ окладъ росписать, по чему изъ того оклада достанется по распоряженію во всякой губерніи на всякаго человѣка. И когда, сверхъ того табельнаго платежа, понадобится взять въ службу и въ работу людей и деньги, надѣюсь, никто укрыться не можетъ; сборщикамъ и приказнымъ людямъ, какъ прежде было и нынѣ есть, нельзя будетъ обходить вымышленною пустотою или переводимыми на другія мѣста и выморочными дворами, также нельзя будетъ изъ двухъ, трехъ, четырехъ дворовъ, для отбыванія платежа, сводить многихъ въ одинъ дворъ, дворы и ворота разгораживать и въ одинъ пригораживать, и никакого прежняго или новаго лукавства дѣлать будетъ нельзя, только надобно утвердить за утайку душъ жестокій и неотмѣнный штрафъ. Всѣ будутъ, особенно маловотчинные довольны, и платить станутъ безъ доимокъ, развѣ не захотятъ этого одни только многовотчинные, за которыми написано, по страсти и въ угожденіе, дворовъ мало, а людей въ нихъ много. Въ иныхъ губерніяхъ нынѣ въ дворахъ мужеска и женска пола есть душъ по 20 и по 30 и больше, а въ другихъ только по 10 и по 6, и противъ 30 этимъ малымъ какъ можно всякія ваши подати управлять? Небоязливые люди разные дворы сносятъ въ одинъ и людей многихъ сводятъ въ одинъ дворъ, а богобоязливые и страшливые остаются съ малыми душами во дворахъ, и тянутъ, и платятъ то же, что многосемейные. Отъ уравнительнаго опредѣленія будетъ и та польза, что бѣглые не будутъ укрываемы".

Нестеровъ доносилъ, что выморочные пожитки Шеиныхъ расхищены, много перевезено къ князю Якову Долгорукому, къ князю Мих. Владим. Долгорукому, къ Коломенскому архіерею. Нестеровъ добрался и до сибирскаго губернатора, бывшаго московскаго коменданта, князя Матвѣя Гагарина, о которомъ писалъ царю въ 1714 году: „Провѣдалъ я въ подлинникѣ, что князь Гагаринъ свои и другихъ частныхъ людей товары пропускаетъ въ Китай подъ видомъ государевыхъ, съ особенными отъ него назначенными купчинами, отъ чего какъ самъ, такъ и эти его пріятели получаютъ себѣ превеликое богатство, а другихъ никого къ китайскому торгу не допускаютъ; отъ этого запрета и безторжицы многіе пришли во всеконечное оскудѣніе. Предлагалъ я въ Сенатъ, чтобъ послать въ Сибирь вѣрнаго человѣка и съ нимъ фискала изъ купечества для осмотру и переписки товаровъ въ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2786.

послѣднемъ городѣ, куда приходитъ караванъ, но учинить того не соизволили" [1]).

Мы видѣли изъ подметнаго письма, что въ Москвѣ вице-губернаторъ Ершовъ былъ въ ссорѣ съ губернаторомъ Салтыковымъ. Въ декабрѣ 1715 года Нестеровъ писалъ: „Въ губернской канцеляріи вице-губернаторъ Ершовъ, при ландратахъ, при мнѣ и провинціалахъ, говорилъ въ лицо губернатору Салтыкову съ укоризною немалою, „что-де ты ворамъ потакаешь?" И въ той же контрѣ онъ, Ершовъ, говорилъ ему, губернатору, въ укоризну, что онъ, Салтыковъ, потерялъ у вашего величества казны тысячъ съ 50, въ чемъ и обличать его впредь хотѣлъ" [2]). Нестеровъ обвинилъ Матвѣя Головина, который, будучи судьею въ Ямскомъ Приказѣ, отдалъ подрядъ подъ артиллерійскіе припасы въ отвозъ подрядчику безъ торгу, взявши за это съ него 200 рублей, тогда какъ другіе подрядчики просили торгу и уступали; Нестеровъ обвинилъ казанскаго губернатора Петра Апраксина за немалый ущербъ казнѣ въ продажѣ табаку [3]).

Но самое важное дѣло, начавшееся вслѣдствіе доношеній Нестерова, было дѣло о злоупотребленіяхъ сибирскаго губернатора князя Гагарина. Еще въ 1711 году до царя дошли свѣдѣнія, что сибирскій губернаторъ ведетъ себя не очень чисто, вслѣдствіе чего Гагаринъ получилъ приказаніе вывести изъ Сибирской губерніи свойственниковъ своихъ [4]). Мы видѣли, что доносъ Нестерова о китайскомъ караванѣ былъ поданъ въ 1714 году; чтобъ понять сущность дѣла, надобно обратить вниманіе на то, какъ производилась у насъ въ это время торговля съ Китаемъ. Туда отправлялся царскаго величества купчина, съ которымъ отпускались казенные товары изъ Сибирскаго Приказа и изъ сибирскихъ городовъ тысячъ на 200 рублей. Купчина этотъ забиралъ также въ Москвѣ и въ городахъ по договору всякіе товары у всякаго чина людей, по настоящей московской цѣнѣ или въ какомъ городѣ какая цѣна товарамъ будетъ; по выходѣ изъ Китая купчина отдавалъ за взятые въ Россіи товары каждому по договору китайскими товарами вдвое; договоры о томъ, какими товарами отдавать вдвое, заключались въ Сибирскомъ Приказѣ. Люди, отдавшіе свой товаръ купчинѣ, назывались складчиками. Несмотря на то, что Сенатъ не обратилъ вниманія на представленіе Нестерова о необходимости послать въ Сибирь вѣрнаго человѣка, оберъ-фискалъ не унывалъ, провѣдывалъ явно и тайно, расхищенія казны въ Сибирскомъ Приказѣ усмотрѣлъ не мало, запечаталъ два ящика съ дѣлами и далъ знать въ Сенатъ. Сенаторы опять не занялись этимъ дѣломъ; а сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ, пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, велѣлъ ящики распечатать и все уничтожить, говоря, что фискаламъ въ Приказахъ по десятый годъ ничего смотрѣть не велѣно. Но Нестеровъ не отставалъ отъ своей добычи и обвинилъ купцовъ Евреиновыхъ, которые торговали табакомъ въ Сибири и незаконно обогащались по губернаторской поблажкѣ. Дѣло пошло на разсмотрѣніе къ князю Якову Долгорукому; но вопросы, какъ доносилъ Нестеровъ, были предложены Гагарину и Евреиновымъ „самые фальшивые съ закрытіемъ, какъ ему, Гагарину, въ томъ надобно" Это было въ печальный 1717 годъ; Нестеровъ воспользовался прибытіемъ Петра въ Москву по дѣлу царевича Алексѣя, и дѣло Евреиновыхъ было взято отъ Долгорукаго и поручено коммисіи, составленной изъ офицеровъ гвардіи—Димитріева-Мамонова, Лихарева, Пашкова и Бахметева. Нестеровъ былъ тутъ при допросахъ Евреиновымъ, которые, какъ писалъ фискалъ: „Моими усердными трудами и призываніемъ чрезъ разговоры, со всякимъ увѣщаніемъ въ надѣяніе вашего къ нимъ милосердія, объявили мнѣ письменное извѣстіе о всякихъ сибирскихъ и китайскихъ торгахъ немалыя дурости, показано великое похищеніе вашей государевой казны и взятки золотомъ и прочими вещами, а именно—на губернатора Гагарина и на людей его Якова Матвѣева съ другими, и на племянниковъ его, князя Василья и князя Богдана Гагариныхъ и купчинъ китайскихъ каравановъ и на купецкихъ людей, какъ на Бориса Карамышева, который согласникъ губернатору, все вѣдаетъ въ Сибирскомъ Приказѣ и всякаго зла въ похищеніи исполненъ, и на другихъ разныхъ купецкихъ же людей, также и на тамошнихъ комендантовъ. Истину вашему величеству пишу, а не лжу; но только великое чудо или ужасъ какъ тамъ дѣлано, не боясь Бога и забывъ души свои и присягу. Еще-жъ Евреиновы показали, что за нихъ, какъ взяты были къ Долгорукому по доношенію моему въ разспросъ, далъ онъ, Гагаринъ, князю Долгорукому немалыя взятки" [5]). Послѣ Нестеровъ доискался подробностей и представилъ: „Генералъ князь Долгорукій во время розыску по дѣламъ, которыя были въ канцеляріи его вѣдомства, получилъ себѣ въ презентъ съ разныхъ персонъ, а именно—съ князя Богдана Гагарина 500 червонцевъ; князь Матвѣй Гагаринъ прислалъ къ нему изъ Сибирскаго Приказа мѣхъ, цѣною въ 600 рублевъ, который уступилъ онъ свѣтлѣйшему князю; да съ него же, князя Матвѣя, за Евреиновыхъ 1,000 червонныхъ, съ Никиты Демидова 500 рублей, да къ палатному строенію желѣза 1,030 пудъ и 20 заслонокъ трубныхъ; съ дѣтей думнаго Дьяка Автонома Иванова 500 червонныхъ за то, что къ нимъ былъ милостивъ; Красноселецъ Иванъ Симоновъ на дачу ему, Долгорукому, поручилъ госпожѣ Балкшѣ коробочку серебряную во 100 рублей, а въ ней 100 червонныхъ да 500 рублей за то, чтобъ отъ розыску быть свободну; да у него же съ свѣтлѣйшимъ княземъ и съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 21.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 24.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 49.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 15.
[5]) Кабинетъ II, кн. № 95.

и съ господами Апраксиными и съ Кикинымъ между собою были подарки лошадьми съ конскими уборами, что оберъ-фискалъ прилагаетъ во взятку"[1]).

Дмитріевъ-Мамоновъ съ товарищи дали знать царю, съ своей стороны, что Евреиновы въ нѣкоторыхъ худыхъ своихъ дѣлахъ повинную принесли, и Алексѣй Евреиновъ просилъ написать государю, чтобъ приказалъ остановить и осмотрѣть караванъ, идущій изъ Китая съ купчиною Гусятниковымъ, потому что въ немъ много было провезено неявленныхъ товаровъ. Евреиновъ же написалъ и сказалъ въ допросѣ: „Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ въ Китайское государство купчинъ избираетъ по своему нраву, которые къ тому дѣлу доступаютъ великими дачами и во всемъ съ нимъ общее согласіе имѣютъ, и болѣе угождаютъ ему, нежели усердствуютъ о пополненіи казны и о государственной пользѣ. Въ караванѣ, котораго ждутъ теперь изъ Китая, товаровъ Гусятникова на 40,000 рублей, да у цѣловальниковъ пошло товаровъ тысячъ на сорокъ же"[2]). Для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ, отправленъ былъ въ Сибирь майоръ гвардіи Лихачевъ, и прислалъ цѣлый реестръ взятокъ и сборовъ, которыхъ въ приходѣ не оказалось[3]). По слѣдствію оказалось, что Гагаринъ утаилъ хлѣбъ, купленный на Вяткѣ для отпуска за море; велѣлъ брать казенныя деньги и товары на свои расходы, а приходныя и расходныя книги кинулъ; бралъ взятки за отдачу на откупъ винной и пивной продажи; писалъ угрожающее письмо къ купчинѣ Гусятникову, чтобъ прислалъ ему китайскіе подарки, что и было исполнено; взялъ у купчины Карамышева казенные товары и заплатилъ за нихъ казенными же деньгами, причемъ переводныхъ писемъ въ Сибирскомъ Приказѣ записывать не велѣлъ; взялъ у князя Якова Долгорукаго въ китайскій торгъ товары безъ оцѣнки, и, не дождавшись купчины съ караваномъ, велѣлъ выдать деньги вдвое; удержалъ три алмазныхъ перстня и алмазъ въ гнѣздѣ, купленный на деньги, взятыя въ китайскій торгъ изъ компаты царицы Екатерины Алексѣевны; взялъ себѣ товары изъ каравановъ купчины Худякова, и, принявъ у купчины, книги этихъ каравановъ сжегъ[4]).

Гагаринъ во всемъ повинился и написалъ письмо государю: „Припадая къ ногамъ вашего величества, прошу милосердія и помилованія ко мнѣ погибающему: розыскиваютъ много и взыскиваютъ на мнѣ управленія во время вѣдѣнія моего Сибирской губерніи и покупки алмазныхъ вещей и алмазовъ, что я чинилъ все не по приказному обыкновенію. И я, рабъ вашъ, приношу вину свою предъ вашимъ величествомъ, яко предъ самимъ Богомъ, что правилъ Сибирскую губернію и дѣлалъ многія дѣла просто, непорядочно и не приказнымъ поведеніемъ, такожъ многіе подносы и подарки въ почесть и отъ дѣлъ принималъ и раздачи иныя чинилъ, что и не надлежало, и въ томъ погрѣшилъ предъ вашимъ величествомъ, и никакого ни въ чемъ оправданія, кромѣ винности своей, принести вашему величеству не могу, но со слезами прошу у вашего величества помилованія для милости Всевышняго къ вашему величеству: сотвори надо мною многобѣднымъ милосердіе, чтобъ я отпущенъ былъ въ монастырь для пропитанія, гдѣ-бъ могъ окончить животъ свой, а за преступленіе мое на движимомъ моемъ имѣніи да будетъ воля вашего величества"[5]).

Вмѣсто монастыря, Петръ назначилъ Гагарину висѣлицу. Поведеніе Гагарина не было новымъ явленіемъ. Мы видѣли, что сибирскіе воеводы издавна позволяли себѣ большія злоупотребленія, потому что до царя имъ было далеко. Та же отдаленность усиливала безпорядки и злоупотребленія въ Астрахани. Въ 1719 году произведено было здѣсь слѣдствіе, и открылось, что дворянинъ Тютчевъ, съ вѣдома оберъ-коменданта Чирикова, посылалъ свинецъ въ Персію; что Чириковъ посылалъ отъ себя за море соколовъ и кречетовъ, что было запрещено; отъ откуповъ и прочихъ дѣлъ взялъ посуловъ 2,135 рублей, а государственнымъ доходамъ сдѣлалъ недобору 17,098 рублей; изъ государевыхъ учуговъ рыбу себѣ на потребу бралъ. Солдаты команды поручика Кожина подрались съ солдатами полковника Селиванова; Кожинъ велѣлъ своимъ солдатамъ бить и рубить селивановскихъ солдатъ и полковника вытащить изъ дому; дрались съ обнаженными палашами, и порублено было два человѣка. Тотъ же Кожинъ ѣздилъ на святкахъ славить въ домы астраханскихъ обывателей на верблюдахъ и на свиньяхъ, пріѣхалъ на свиньяхъ и къ бухарскому посланнику, который принялъ себѣ это за большое оскорбленіе. Въ Ревелѣ коммисаръ Яковъ Лопухинъ, вмѣстѣ въ Иваномъ Петровымъ-Соловымъ и Никитою Скульскимъ, сдѣлалъ три подложные подряда; школьникъ Өедоровъ составилъ имъ подложныя пріемныя письма, по которымъ они взяли изъ казны деньги сполна и раздѣлили по себѣ, а школьнику дали 340 рублей. Лопухинъ былъ казненъ смертію[6]).

Преобразователь показалъ, что онъ не намѣренъ потворствовать старому злу: сибирскій губернаторъ былъ казненъ; горожане давно уже были изъяты изъ вѣдомства городскихъ правителей, судились своимъ судомъ. Но мы видѣли, что доносили преобразователю о состояніи торговыхъ людей, получившихъ самоуправленіе и свой судъ, и напослѣдокъ преобразователь долженъ былъ выслушать мнѣніе, что лучше возвратиться къ старинѣ, снова возстановить власть воеводъ надъ горожанами: „Когда учинены магистраты по провинціямъ и бургомистры съ товарищи обнадежили себя, что будутъ непремѣнны, то гражданамъ начала происходить чувствительная обида. Магистратскіе чле-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 49.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 35.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 40.
[4]) Записка въ Государственномъ Архивѣ.
[5]) Письма разныхъ лицъ въ Госуд. Архивѣ.
[6]) Кабинетъ II, кн. № 42; Архивъ Мин. Юстиціи, протоколы Сената 1720 года.

ны или посланные отъ нихъ скупщики являются на гостиные дворы и другимъ гражданамъ купить товары не позволяютъ, и никто покупать не смѣетъ, боясь отъ магистратскихъ разоренія безочередными службами и постоемъ; и пріѣзжему продавцу не безъ разоренія, ибо достойной цѣны взять не можетъ, долженъ брать, что дадутъ магистратскіе. Заморскіе товары магистратскіе засѣдатели продаютъ гражданамъ такимъ порядкомъ: который товаръ стоитъ 100 рублей, на тотъ положатъ цѣну 150 или 130 рублей, и продаютъ по этой цѣнѣ купцамъ средней статьи, которые торгуютъ въ лавкахъ; который купецъ не захочетъ взять, того отягощаютъ безочереднымъ постоемъ, службами и другими нападками: податей сами магистратскіе не платятъ, торгуютъ свободно, и вмѣсто нихъ подати платятъ гражданскою суммою. Еслибъ велѣно было магистратскихъ членовъ перемѣнять, то голосъ былъ бы свободный, одинъ другого напрасно притѣснять не могъ бы и купечеству была бы отъ того ревность. А перемѣнять бы гражданамъ магистратскихъ членовъ съ вѣдома и разсмотрѣнія воеводъ, и воеводамъ бы имѣть смотрѣніе надъ магистратами такъ, какъ изстари бывало. Еслибъ всякаго званія людей, въ томъ числѣ и купечество, вѣдать воеводамъ попрежнему, то бы всякаго званія людямъ была польза немалая и обиды было бы меньше; ибо у многихъ правителей обидимый не можетъ управы получить, понеже истецъ и отвѣтчикъ не единаго суда, а именно одинъ воеводскаго, а другой магистратскаго, и въ томъ бываетъ несогласіе, а бѣдные люди разоряются"[1]).

Магистратскіе члены притѣсняли торговыхъ людей; фискалы изъ купечества мало помогали. Мы видѣли, какъ Нестеровъ жаловался на нерадѣніе фискаловъ въ провинціяхъ. Но другіе фискалы позволяли себѣ больше, чѣмъ нерадѣніе. Нестеровъ донесъ объ утайкѣ пошлинъ фискаломъ Косымъ. Что это былъ за человѣкъ, видно изъ слѣдующаго письма президента Юстицъ-коллегіи графа Матвѣева къ Макарову: „Въ коллегіи Юстиціи фискалъ Косовъ подъ надеждою свободы своей великую образу и безчиніе оной же коллегіи чинилъ, что вся коллегія та, паче же иноземцы, за многій себѣ афронтъ приняли, якобы коллегія та больше торжищемъ есть, на что извольте добрую регулу впредь учинить и такія наглости подлыхъ людей въ подобострастіе привесть. Дѣло было такъ: великій государь указалъ фискала Михайла Косаго, по дѣлу оберъ-фискала Нестерова объ утайкѣ пошлинъ, по которому онъ въ Сенатѣ и въ коллегіи Юстиціи обвиненъ и держанъ подъ карауломъ, отдать на росписку знатнымъ людямъ. Ионъ, фискалъ Косовъ, призванъ былъ въ коллегію Юстиціи для прикладыванія руки къ роспискѣ; и онъ, Косовъ, со измѣнительнымъ лицомъ и съ крикомъ великимъ, приблизясь къ президентскому столу, ударя во столъ рукою, говорилъ, что онъ непослушенъ будетъ никакому суду до прибытія государя"[2]).

Страшное зло, застарѣлая язва древне-русскаго общества была вскрыта сильными мѣрами преобразователя, и самъ онъ, какъ ни былъ знакомъ съ этимъ зломъ, не могъ не содрогнуться. Тяжелыя минуты переживалъ Петръ, когда, возвращаясь изъ заграничныхъ походовъ въ Россію, вмѣсто отдохновенія въ кругу людей, которыхъ хотѣлъ любить и уважать, долженъ былъ испытывать сильное раздраженіе, получая извѣстія о противозаконныхъ поступкахъ этихъ самыхъ людей. Тяжелыя минуты переживалъ Петръ, когда онъ узнавалъ о незаконныхъ поступкахъ самаго близкаго къ себѣ человѣка, того, кого онъ называлъ „дитею сердца своего (mein Herzenskind)", того, кого онъ возвысилъ и обогатилъ больше всѣхъ, кто, слѣдовательно не имѣлъ уже ни въ чьихъ глазахъ ни малѣйшаго оправданія въ своей алчности къ обогащенію,—когда онъ узнавалъ о противозаконныхъ поступкахъ Данилыча.

Сколько мы знаемъ, впервые негодованіе Петра противъ любимца было возбуждено поведеніемъ Меншикова въ Польшѣ: „Николи-бъ я того отъ васъ не чаялъ", писалъ къ нему царь, какъ мы видѣли въ мартѣ 1711 года. Отправившись въ турецкій походъ, Петръ съ дороги писалъ къ Меншикову въ томъ же необычномъ тонѣ: „Зѣло удивляюсь, что обозъ вашъ слишкомъ годъ послѣ васъ мѣшкаетъ (въ Польшѣ); къ тому же, Чашники (мѣстечко) будто на васъ отобраны. Зѣло прошу, чтобъ вы такими малыми прибытки не потеряли своей славы и кредиту. Прошу васъ не оскорбиться о томъ, ибо первая брань лучше послѣдней; а мнѣ будучи въ такихъ печаляхъ уже пришло до себя, и не буду жалѣть никого". Чѣмъ дальше въѣзжалъ царь въ польскія владѣнія, тѣмъ сильнѣе становились жалобы на Меншикова. Свѣтлѣйшій князь оправдывался, писалъ, что нельзя обращать вниманія, если какая бездѣлица и взята у Поляковъ. Петръ отвѣчалъ ему: „Что ваша милость пишите о сихъ грабежахъ, что бездѣлица, и то не есть бездѣлица, ибо интересъ тѣмъ теряется въ озлобленіи жителей. Богъ знаетъ, каково здѣсь отъ того, и намъ жаднаго (никакого) прибытку нѣтъ: къ томужъ такъ извольничались, что сказать невозможно, и указовъ не слушаютъ; въ чемъ принужденъ буду великимъ трудомъ и непощаднымъ штрафомъ живота оныхъ паки въ добрый порядокъ привесть. О обозѣ объявляю, что не безъ лишняго было, ибо сверхъ вашей указной 1,000 порціи, еще много порцій брано на вашихъ людей, которые, побравъ, иные къ вамъ, а кои иноземцы и домой отпущены, въ чемъ адъютантъ Жуковъ никакого оправданія яснаго не положилъ, ни указу, почему то дѣлалъ, не сказываетъ; что дѣлалъ по письму Гольцова секретаря, отъ котораго указовъ безъ самого Гольца подписи принять

---

[1]) Кабинетъ II. кн. № 93.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 41.

было не довелось, для чего нынѣ онъ за арестомъ и розыскиваютъ. Что же вы пишете, что вы послали для обоза своего адъютанта Гопа, и онаго я самъ наѣхалъ недалеко отъ Алыки — выбираетъ деньги себѣ“ [1]). У Меньшикова была при царѣ сильная покровительница, царица Екатерина Алексѣевна; мы видѣли, какъ она успокоивала своего стараго пріятеля письмомъ изъ Яворова: „Доношу вашей свѣтлости, чтобъ вы не изволили печалиться и вѣрить бездѣльнымъ словамъ, еже съ стороны здѣшней будутъ происходить, ибо господинъ шаутбенахтъ попрежнему въ своей милости и любви васъ содержитъ“. Петръ могъ ограничиться первою бранью относительно поведенія Меншикова въ Польшѣ; но, возвратясь въ Россію, онъ увидѣлъ, что Данилычъ и въ ввѣренной его управленію губерніи, и въ самомъ парадизѣ употребляетъ во зло довѣренность царскую. Въ началѣ 1712 года, отправляя Меншикова въ походъ въ Померанію, онъ говорилъ ему: „Ты мнѣ представляешь плутовъ какъ честныхъ людей, а честныхъ людей выставляешь плутами. Говорю тебѣ въ послѣдній разъ: перемѣни поведеніе, если не хочешь большой бѣды. Теперь ты пойдешь въ Померанію; не мечтай, что ты будешь тамъ вести себя какъ въ Польшѣ; ты мнѣ отвѣтишь головою при малѣйшей жалобѣ на тебя“. Въ то же время голландскій резидентъ Деби доносилъ своему правительству, что Зотовъ, одинъ изъ сыновей Никиты Моисеевича, ревельскій комендантъ, страшно притѣсняетъ иностранныхъ купцовъ и дѣлится добычею съ Меншиковымъ, хотя тотъ не терпитъ его и отца его [2]).

Въ 1713 году началось знаменитое Соловьевское дѣло, въ которомъ Курбатовъ столкнулся съ старымъ своимъ благодѣтелемъ Меншиковымъ. Мы видѣли [3]), что Курбатовъ, задѣвая сильныхъ людей, донося на нихъ царю, постоянно опирался на сильнѣйшаго изъ сильныхъ, Меньшикова, называя его въ письмахъ къ Петру, „избраннымъ отъ Бога сосудомъ, единственнымъ человѣкомъ, который безъ порока передъ царемъ“. Чтобъ имѣть поддержку въ Меншиковѣ, Курбатовъ всячески ему услуживалъ, былъ посредникомъ между нимъ и людьми, нуждавшимися въ милости князя и щедро платившими за эту милость; такъ, въ 1704 году онъ писалъ къ свѣтлѣйшему князю: „Благодарствуя твое милосердіе, Григорій Племянниковъ прислалъ ко мнѣ въ почесть тебѣ государю денегъ двѣ тысячи рублевъ, которыя нынѣ до повелѣнія твоего и соблюдаются у меня въ палатѣ“ [4]). Бывали и столкновенія у Курбатова съ Меншиковымъ. Такъ Меншиковъ, неизвѣстно почему, настаивалъ, чтобъ нѣсколько городовъ и слободъ было взято изъ вѣдѣнія ратуши и отдано въ Сибирскій Приказъ и въ дворцовую канцелярію; настаивалъ, чтобъ извѣстное уже намъ псковское дѣло разыскивать съ Кириломъ Нарышкинымъ. Курбатовъ настаивалъ на противное, писалъ царю: „Что за причина быть городамъ въ Сибирскомъ Приказѣ? Въ Приказѣ сборовъ нѣтъ и 100,000, въ ратушѣ 1.500,000; ей-ей, въ единособранномъ правленіи всегда лучше бываетъ“. О Псковичахъ писалъ, что скорѣе ему живота лишиться, чѣмъ такимъ ворамъ быть помилованнымъ. Меншиковъ, узнавши о сопротивленіи Курбатова, разсердился, началъ называть его своимъ противникомъ и ругателемъ. Курбатовъ испугался и писалъ къ государю: „Всемилостивѣйшій государь! не дай мнѣ бѣдному погибнуть въ нынѣшнемъ страхѣ: уже премилостивѣйшаго моего патрона привели на гнѣвъ, отъ котораго трепеща ужасаюся. Сотвори, да милостивъ ко мнѣ будетъ“. Государь помирилъ ихъ, послѣ чего Курбатовъ сталъ еще сильнѣе услуживать Меншикову. Прибыльщикъ имѣлъ очень широкій, по нашему, взглядъ на средства къ этимъ услугамъ; мало того, что онъ считалъ совершенно законнымъ принимать благодарность за дѣла, прямо говорилъ царю, что онъ принимаетъ эту благодарность, и другіе принимають и должны принимать: такъ онъ писалъ, что напрасно давать жалованье судьямъ, судьи люди нескудные, имъ немало добровольныхъ приношеній отъ приказныхъ дѣлъ, причемъ поставилъ въ примѣръ самого себя, получивши въ два года болѣе 600 рублей [5]); мало этого, Курбатовъ, хлопоча изо всѣхъ силъ объ увеличеніи казенныхъ доходовъ, думалъ, что имѣетъ право распоряжаться прибылью, его трудами полученною, и часть ея употреблять въ пользу своего милостивца, въ награду за услуги послѣдняго царю! Такъ, въ 1708 году, онъ писалъ Меншикову: „Получивши я, вашего свѣтлѣйшества рабъ, ваше о присылкѣ водокъ повелѣніе, изготовилъ ихъ, какъ могъ съ поспѣшеніемъ и послалъ ихъ къ вашему свѣтлѣйшеству въ сулеяхъ. А денегъ за тѣ водки, во что онѣ стали, у господина Кузьмы Думашева я брать не велѣлъ, для того, что онѣ, водки, изъ прибыльныхъ денегъ строены; денегъ этихъ прежде въ ратушѣ не бывало, и въ помощь ратушскимъ окладнымъ доходамъ приложено ихъ многое тысячъ число, которое всегда можетъ причитаться вашего свѣтлѣйшества къ усмотрѣнію, для того что чрезъ ваше премилостивѣйшаго нашего патрона къ всемилостивѣйшему государю доношеніе къ той работѣ я убогій опредѣленъ, и впредь къ тебѣ, государю, посылать со всякимъ усердіемъ готовъ, не точію такое нынѣ число малое, но сколько на весь вашего свѣтлѣйшества домъ потребно, за ваши къ всемилостивѣйшему государю услуги“ [6]). Мы видимъ здѣсь, какъ прибыльщикъ пріучаетъ любимца государева смотрѣть на казенныя деньги какъ на свои. Меншиковъ велитъ на строеніе водокъ взять деньги у своего управителя, Курбатовъ говоритъ ему: зачѣмъ эта трата? — вся прибыль, сдѣланная

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Меншикова.
[2]) Донесенія Голландскихъ резидентовъ.
[3]) Исторія Россіи, т. XV.
[4]) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ.
[5]) Кабинетъ II, кн. № 1, 5.
[6]) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ.

мною казнѣ, къ услугамъ вашего свѣтлѣйшества, потому что, благодаря вамъ, я получилъ возможность сдѣлать эту прибыль, и потому, что вы оказали такія важныя услуги государю! За то, когда нужно было Курбатову насильно притянуть въ ратушу способнаго человѣка, онъ обращался за помощью къ сильному любимцу: Казанецъ гостинной сотни Микляевъ былъ нѣсколько лѣтъ въ ратушѣ бургомистромъ, потомъ отпущенъ и жилъ въ домѣ своемъ лѣтъ пять; Курбатовъ вспомнилъ о немъ, какъ о человѣкѣ способномъ, и царскимъ указомъ опредѣлилъ его опять бургомистромъ въ ратушу, и послалъ приказаніе ѣхать въ Москву. Но казанскій комендантъ Кудрявцевъ отвѣчалъ, что онъ опредѣлилъ Микляева въ Казани къ кожевеннымъ заводамъ. Курбатовъ сейчасъ письмо къ Меншикову: „Въ Казани можно-бъ къ такимъ дѣламъ выбрать и другихъ,—довольно тамъ купецкихъ людей нарочитыхъ, а въ бургомистрахъ быть не всякій можетъ, Микляевъ къ ратушскому дѣлу человѣкъ привычный и въ ратушѣ онъ необходимъ;—умилосердись, повели Микляева отпустить въ ратушу безъ задержки; онъ сдѣлалъ это нарочно, не хотя служить; ей-ей, притворно это съ нимъ сдѣлано или по дружбѣ, или для его богатства; паки молю тебя, государя, ей-ей, доношу тебѣ по самой нуждѣ, ей,—выбрать некого“ [1]).

Мы видѣли, какъ въ 1714 году Курбатовъ, волею или неволею, отправился вице-губернаторомъ въ Городъ. Здѣсь онъ опять долженъ былъ столкнуться съ своимъ старымъ милостивцемъ. Меншиковымъ были выведены трое братьевъ Соловьевыхъ: одинъ изъ нихъ, Ѳедоръ, управлялъ имѣніями свѣтлѣйшаго князя; другой—Осипъ—былъ царскимъ коммисаромъ въ Голландіи, занимался продажею казенныхъ товаровъ, переводомъ денегъ изъ Россіи за границу и т. д.; третій братъ, Димитрій, былъ оберъ-коммисаромъ въ Архангельскѣ, а коммисаромъ при немъ былъ Племянниковъ, который, какъ мы видѣли, подарилъ Меншикову черезъ Курбатова 2,000 рублей въ почесть. Соловьевы и Племянниковъ дѣйствовали заодно, дружно въ интересахъ своего благодѣтеля. Вслѣдъ за назначеніемъ Курбатова вице-губернаторомъ въ Архангельскъ, въ сентябрѣ 1711 года вышелъ сенатскій указъ: „Всѣ товары (казенные) велѣно принимать и у Города продавать и за море отпускать вице-губернатору Курбатову да оберъ-коммисару Дмитрію Соловьеву вмѣстѣ; а прежде эти дѣла вѣдали Соловьевъ съ коммисаромъ Племянниковымъ“ [2]). Такимъ образомъ, Племянниковъ отстранялся, и Соловьевъ долженъ былъ дѣйствовать вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ, при которомъ необходимо долженъ былъ играть уже второстепенную роль. Прошелъ годъ; въ маѣ 1713 года новый сенатскій указъ: „Государевы товары, которые вѣдали у города Архангельскаго вице-губернаторъ Курбатовъ и оберъ-коммисаръ Соловьевъ обще, и тѣхъ товаровъ вице-губернатору, кромѣ таможеннаго усмотрѣнія и пошлиннаго счета, ничѣмъ не вѣдать, для того, что отъ разныхъ управителей чинится въ торгахъ царскаго величества не безъ поврежденія: убытокъ отъ икры, что прислана къ веснѣ, упустя самую добрую пору зимнее время. Вѣдать товары оберъ-коммисару одному“ [3]). Стало быть, Курбатовъ помѣшалъ и отстраненъ Сенатомъ, съ которымъ у него нелады и который поэтому легко исполнилъ желаніе свѣтлѣйшаго князя. Но Курбатовъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ могъ позволить отстранить себя безнаказанно. Въ іюнѣ 1713 года онъ подалъ доносъ: „Дмитрій Соловьевъ отпустилъ за море своего хлѣба въ 1709 году 8,081 четверть, въ 1710—7,556, въ 1711—6,973, пшеницы 155 четвертей, итого въ три года отпущено 22,766 четвертей, а государева хлѣба отпущено 32,709 четвертей. А указъ 1705 года подъ смертною казнію запрещаетъ торговымъ людямъ закупать хлѣбъ въ отпускъ за море, закупается хлѣбъ на государя. А въ прошломъ 1712 году въ письмѣ его, Соловьева, къ нему, вице-губернатору, писано, что писали къ нему изъ Амстердама, изъ конторы брата его, что хлѣбъ нынѣ покупать не надлежитъ, ибо и стараго за моремъ не продано ничего. И сіе призналъ онъ, вице-губернаторъ, за нимъ, Соловьевымъ, неправду, ибо пишетъ, чтобъ хлѣба государева не посылать, что и стараго ничего не продано и купцовъ нѣтъ, и посему можно разумѣть какъ можетъ государевъ хлѣбъ быть въ продажѣ, что своего ими отпущено за море число многое, и знатно того ради онъ, Соловьевъ, посылку государева хлѣба удержалъ, дабы имъ прежде свой хлѣбъ продавать, а государевъ послѣ“. Въ концѣ августа новое письмо отъ Курбатова Макарову: „Свѣтлѣйшаго князя и г. барона Шафирова у Города и у насъ содержится компанія — торгъ солью, трескою и моржевыми костьми, а вѣдаютъ торгъ Дмитрій Соловьевъ да племянникъ его Яковъ Неклюдовъ, и покупаютъ у Города на имя свѣтлѣйшаго князя премногіе товары, какъ будто на тѣ товарныя деньги, для домоваго расхода свѣтлѣйшему князю, но весьма неприличные для его свѣтлости, напр. нѣсколько сотъ паръ рукавицъ, чулковъ, платковъ, а изъ знатныхъ товаровъ множество; видно, что свѣтлѣйшій князь о томъ ничего не знаетъ, и покупаютъ они эти товары подъ его именемъ себѣ, не платя пошлинъ“. Курбатовъ и въ Архангельскѣ былъ такимъ же неохотникомъ до Нѣмцевъ, какъ прежде въ Москвѣ, попрежнему пользовался случаемъ указать на недостоинство Нѣмца и просить о замѣщеніи его Русскимъ. Въ томъ же письмѣ онъ писалъ Макарову: „Просилъ я царское величество о присылкѣ вмѣсто полковника Вебера (коменданта) другого полковника; а тотъ Веберъ, ей-ей, ни къ чему негодный, всегда пьянъ и безъ

[1]) Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ.

[2]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената 1711 года.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 2681.

моего вѣдома ловитъ къ себѣ на дворъ въ ярмарку торговыхъ людей, бьетъ и беретъ взятки, только стыдъ передъ иноземцами; умилосердись надо мною, сдѣлай, чтобъ былъ присланъ добрый человѣкъ, кто-нибудь изъ Русскихъ" [1]). Но теперь Нѣмцы соединились съ Русскими противъ прибыльщика: двое голландскихъ купцовъ подали своему резиденту въ Петербургѣ жалобу, что Курбатовъ заставилъ ихъ заплатить самымъ незаконнымъ образомъ 6,000 рублей [2]); въ Сенатѣ противъ Курбатова дѣйствовалъ Самаринъ: онъ поднялъ старое, извѣстное намъ дѣло о фальшивомъ серебрѣ. По доносу Курбатова на Соловьева, и вмѣстѣ по жалобамъ русскихъ и иностранныхъ купцовъ на Курбатова, отправленъ былъ въ Архангельскъ майоръ князь Волконскій. Вице-губернаторъ былъ недоволенъ дѣйствіями слѣдователя и писалъ Макарову въ ноябрѣ 1713 года: „Г. майоръ князь Волконскій Соловьева и другихъ только допросилъ, а о совершенномъ розыскѣ, Богъ вѣсть, будетъ ли имѣть стараніе, ибо, повидимому, очень съ ними поступаетъ легко. Прошу васъ всеусердно, по твоей отеческой ко мнѣ милости яви мнѣ, что онъ къ его величеству на меня пишетъ? Я думаю, онъ очень хлопочетъ, чтобъ по сенатскому указу меня ему допрашивать и турбовать, и тѣмъ препятствовать мнѣ въ дѣлѣ Соловьева; и если будетъ ему это позволено, то лучше мнѣ умереть, нежели такое безславіе во всей губерніи имѣть: неужели такое мнѣ будетъ воздаяніе за мои истинно усердные труды! Я писалъ на Соловьева по ревности моей, никого не боясь: а что онъ вралъ на меня въ допросѣ и тому будутъ вѣрить, то гдѣ же будетъ истина? Какъ возможно будетъ въ усердіи простираться? Если бы я захотѣлъ молчать, то, знаю, получилъ бы отъ него очень хорошій гостинецъ. Но все это по ревностя моей презрѣно. Премилостивѣйшій мой государь батька! если ты меня въ моемъ сиротствѣ оставишь, то мнѣ уже не у кого больше будетъ искать помощи, истину тебѣ говорю: едва не вси мя возненавидѣша" [3]).

Но въ то время, какъ Курбатовъ писалъ это письмо, голландскій резидентъ Деби подалъ мемуаръ о несправедливыхъ и жестокихъ поступкахъ архангельскаго вице-губернатора. Въ январѣ 1714 года Курбатовъ пріѣхалъ въ Петербургъ; Деби, узнавши объ этомъ, нѣсколько разъ ходилъ къ Головкину и Меншикову, водилъ и двоихъ своихъ купцовъ, жаловавшихся на обиды вице-губернатора. Съ Голландцами Курбатовъ уладился полюбовно, не дождидаясь сенатскаго рѣшенія [4]), и былъ отпущенъ въ Архангельскъ; но тутъ Волконскій представилъ на него обвиненіе во многихъ взяткахъ. Тогда Петръ, наученный опытомъ не полагаться ни на кого и рѣшившійся не щадить никого, отправилъ Лодыженскаго на смѣну Курбатову, и написалъ собственноручно новому вице-губернатору въ маѣ 1714 года: „Пріѣхавъ къ Городу, объявить бывшему вице-губернатору Курбатову, что писалъ на него во многихъ взяткахъ Волконскій, для того вамъ велѣно его перемѣнить, а отъ Города (ему) не уѣзжать, пока паки будетъ Волконскій; а о чемъ будетъ Волконскій писать про него и тѣхъ сыскивать и держать, дабы при прибытіи его скорѣе розыскъ кончиться моръ, и того Волконскаго, Курбатова и прочихъ, до кого розыскъ сей касаться будетъ, отправить сначала сентября мѣсяца сюды, а далѣе чтобъ отнюдь не было" [5]). Но Петръ напрасно надѣялся, что къ сентябрю все дѣло могло кончиться. Слѣдствіе перенесено было въ Устюгъ, центральное мѣсто Архангелогородской губерніи; въ августѣ мѣсяцѣ Курбатовъ былъ допрошенъ въ разныхъ пунктахъ; дѣло, по его мнѣнію, должно было принять благопріятный для него оборотъ, и онъ послѣ допроса съ торжествомъ писалъ Макарову: „Волконскій съ плутомъ Пивоваровымъ и бездѣльниками устюжскими фискалами совѣтуютъ намъ тщетная; но знаю, въ надеждѣ на Бога и на мою правду, что совѣты ихъ злонамѣренные разорятся, потому что этотъ господинъ едва уже не въ десперацiи, во многомъ и самъ узналъ, что понапрасну оклеветалъ меня передъ царемъ, а именно. будто сверхъ оклада общаго платежа приписано и взято съ губерніи лишку 84,817 рублей;—въ томъ явилась ложь; будто со всего Важскаго уѣзда собирали на меня по 6 алтынъ со двора, и въ проѣздъ съ Вологды къ Городу поднесено мнѣ въ почесть 805 рублевъ,—и въ томъ явилась самая ложь. И едва ни во всемъ писалъ ложно, кромѣ того, что мнѣ подносили въ городѣ харчевые припасы и малое нѣчто отъ камокъ изъ мірскихъ сборовъ, и то я принималъ по ихъ многому прошенью истинно безъ моихъ запросовъ. И нынѣ онъ и самъ говорилъ такъ: „Хотя я и писалъ къ государю, а теперь явилась и неправда, то я писалъ не съ вымыслу, сколько могъ справиться, въ то время не было у меня подлинныхъ вѣдомостей". И поэтому изволь, мой государь, разсудить: уязвивъ меня смертельно, да чѣмъ мнѣ извиняется? Кто его заставилъ писать, не справившись? Сбираетъ нынѣ со всей губерніи всякія вѣдомости, по которымъ ничего не сдѣлать ему и въ три года, и никакого не найдетъ погрѣшенія нашего. Свидѣтель Богъ, что я работалъ отъ души и сердца моего и, сколько могъ, народъ берегъ. Слышу, будто свѣтлѣйшій князь доносилъ государю, что я со 100,000 рублей у него, государя, укралъ и губернію разорилъ: донеси, мой батька, что не только 100,000 рублей, даже 100 копѣекъ вымышлено не похитилъ; а что малое ради прокормленія отъ денегъ и питей и провіанта себѣ бралъ, о томъ явно въ канцеляріяхъ и въ Сенатѣ, и то дѣлалъ, надѣясь на его, государеву, милость, вѣдая свое усердіе и многосотныхъ тысячъ приложеніе; а если бы такъ я

[1]) Кабинетъ II, кн. 17, 24.
[2]) Донесенія голландскихъ резидентовъ.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 17.
[4]) Донесенія голландскихъ резидентовъ.

[5]) Кабинетъ I, кн. № 32.

жилъ, то могъ бы прожить и безъ жалованья, еще бы осталось и внучатамъ моимъ. Если живъ буду и пріѣду въ Петербургъ, подамъ государю вѣдомость всему моему богатству, что я въ 16 лѣтъ нажилъ: изволитъ познать тогда, какъ я богатъ; а можно было въ ратушѣ въ шесть лѣтъ косыхъ мѣшковъ нажить сотню“ [1]).

Меншиковъ доносилъ на Курбатова въ то время, когда его собственное положеніе было очень плохо вслѣдствіе открывшихся злоупотребленій по управленію С.-Петербургской губерніею. Отношенія его къ царю перемѣнились, прежняя фамиліарность исчезла, исчезъ въ письмахъ дружественный, товарищескій, шутливый тонъ. Меншиковъ сталъ писать къ Петру, какъ подданный къ государю. Горе и невоздержаніе разстроили и здоровье свѣтлѣйшаго князя. Въ маѣ 1714 года сдѣлался съ нимъ такой припадокъ, что лѣкаря объявили, если немедленно же не произойдетъ перемѣны къ лучшему, то останется мало надежды спасти его. Уже болѣе трехъ лѣтъ Меншиковъ харкалъ кровью, и видимо ослабѣлъ, но не перемѣнялъ образа жизни, попрежнему много пилъ, и говорили, что у него сильная чахотка [2]). Желѣзная природа Данилыча обманула лѣкарей: онъ оправился, несмотря на невоздержную жизнь и усиливавшіяся непріятности; въ концѣ 1714 года, пріѣхавши къ Меншикову, по-старинѣ, на семейный праздникъ, царь укорялъ его въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ за его поведеніе и за поведеніе его креатуръ; говорилъ, что всѣ они обогатились въ короткое время отъ грабежей, а казенные доходы истощились. Вслѣдъ затѣмъ были перехватаны всѣ чиновники Ингерманландской канцеляріи, также городской и адмиралтейской; схвачены были два сенатора— Волконскій и Опухтинъ; мы видѣли жалобу на злоупотребленія Волконскаго по управленію Тульскимъ заводомъ; Опухтинъ провинился по управленію монетнымъ дворомъ. Петербургскій вице-губернаторъ Корсаковъ подвергнутъ былъ пыткѣ: царь видѣлъ въ немъ самаго тонкаго и хитраго изъ слугъ Меншикова. Арестованъ былъ и Александръ Кикинъ, считавшійся царскимъ любимцемъ и стоявшій въ челѣ адмиралтейскаго управленія; арестованъ былъ Синявинъ, главный коммисаръ при постройкахъ, въ четыре года нажившій огромныя деньги. Въ апрѣлѣ 1715 года Корсакова публично высѣкли кнутомъ. Ходили слухи, что свѣтлѣйшій потеряетъ свое Ингерманландское намѣстничество, которое перейдетъ къ царевичу Алексѣю Петровичу. Говорили, что сильные враги Меншикова, потерявъ надежду погубить его, стараются, по крайней мѣрѣ, удалить его отъ царя и отъ правленія. Вмѣстѣ съ Корсаковымъ подвергнуты были публичному наказанію два сенатора—князь Волконскій и Опухтинъ, которымъ жгли языкъ раскаленнымъ желѣзомъ за то, что подряжались сами чужими именами подъ провіантъ, брали дорогую цѣну и тѣмъ народу приключили тягость. Присутствовавшіе при экзекуціи говорили, что царь очень раздраженъ на Волконскаго и называлъ его Іудою [3]). Кикинъ писалъ къ царю умилостивительное письмо, каялся, что совершилъ преступленіе, не смѣетъ просить милости, проситъ только позволенія жить въ деревнѣ у брата. Онъ заплатилъ денежный штрафъ и получилъ позволеніе жить въ Москвѣ [4]).

Между тѣмъ дѣло Курбатова тянулось; въ мартѣ 1715 года онъ написалъ Макарову: „Великою печалію объятъ я нынѣ;—боюсь, не отвратилъ ли кто, по ненависти, вашей отъ меня милости, на которую я больше всего имѣлъ несомнѣнную надежду. Нѣсколько разъ писалъ я, бѣдный, къ царскому величеству, чаще къ вамъ, изъясняя мою невинность; но письма мои нисколько мнѣ не помогли, а письма Волконскаго, лукаво писанныя, идутъ въ дѣло. Или я уже порочнѣе всѣхъ, обращавшихся у дѣлъ монаршихъ, что такъ со мною поступаютъ? Я не бѣгу отъ правосудія, но прошусь къ нему“ [5]). Въ 1716 году Волконскаго отставили отъ слѣдствія, производить которое было поручено полковнику Кошелеву; но Волконскій медлилъ сдачею дѣлъ, и Курбатовъ въ іюнѣ жаловался царю: „Вашего величества повелѣніемъ слѣдуютъ дѣла наши, и г. полковникъ Кошелевъ, а паче дьякъ Вороновъ усердіе въ томъ имѣютъ доброе; но дѣло замедляется тѣмъ, что Волконскій въ сдачѣ дѣлъ умышленно тянетъ время, боясь, чтобъ не обнаружились вскорѣ его несправедливости; съ 15 мая по 18 іюня не очистилъ сдачею ни одного сундука, а дѣла у него въ четырехъ сундукахъ“. Новый слѣдователь не могъ скоро окончить дѣла, заключавшагося въ четырехъ сундукахъ. Въ октябрѣ Курбатовъ писалъ Макарову: „Всемилостивѣйшій государь изволилъ ко мнѣ своею рукою написать: если я сдѣлаю три корабля, то буду пожалованъ въ губернаторы; я сдѣлалъ не три, но семь кораблей, и не только не получилъ губернаторства, но и прежняго чина лишился и уже нищенствую“ [6]).

Курбатовъ находился въ это время въ Петербургѣ, и не могъ не безпокоиться, видя, что свѣтлѣйшій князь попрежнему силенъ. Несмотря на перемѣну своихъ отношеній къ прежнему любимцу, царь не могъ забыть его заслугъ въ прошломъ и нуждался въ его способностяхъ для настоящаго. Постройки въ Ревелѣ и Петербургѣ шли успѣшно, благодаря тому, что ими завѣдывалъ энергическій Данилычъ. Петръ снова началъ ласкать его, освѣдомлялся о его здоровьи, прислалъ изъ Данцига фунтъ табаку. Меншиковъ теперь могъ отвѣчать на эту ласку только почтительными письмами. Такъ, отъ 20 апрѣля 1716 года написалъ: „Зѣло соболѣзную, что ваше величество въ прямое со-

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 20.
[2]) Донесенія голландскихъ резидентовъ.

[3]) Донесенія голландскихъ резидентовъ.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 53; донесенія Голландскихъ резидентовъ.
[5]) Кабинетъ II, кн. № 23.
[6]) Кабинетъ II, кн. № 27.

стояніе здравія своего еще не пришелъ; но молю Всевышняго, да ниспошлетъ Духа Своего Святаго на воды, которыми изволили пользоваться, къ совершенному исцѣленію здравія вашего. Что же о моей скорби, и опая съ помощью Божіею, почитаю, миновалась; о внутренней же моей болѣзни описаніе, по вашему милостивому повелѣнію, къ доктору Арескину на будущей почтѣ пошлю, и за оное ваше обо мнѣ милостивѣйшее отеческое попеченіе всепокорнѣйше благодарствую; но понеже ваши милостивѣйшія писанія паче всякаго медикамента меня пользовать могутъ, того ради всепокорно прошу, дабы и впредь такимъ же образомъ, какъ и нынѣ, по превысокой вашей ко мнѣ милости, жаловать меня ими изволили"

Въ отсутствіе Петра, 18 іюня 1716 года, умерла въ Петербургѣ любимая сестра его, царевна Наталья Алексѣевна. Меншиковъ, извѣщая объ этомъ царя, писалъ: „И понеже, какъ вы сами, по своему мудрому разсужденію, изволили знать, что сіе необходимо есть, къ тому же мы всѣ по христіанской должности такія печали сносить повинны: того ради всепокорно прошу, дабы не изволили вы сію печаль продолжать, но послѣдовать своему мудрому разсужденію, которымъ и другихъ обыкли отъ такихъ печалей отводить, къ чему извольте вспомнить свою бабушку Анну Леонтьевну, ибо во многихъ бывшихъ ея печаляхъ мужество ея сами вы изволите всегда похвалять, и, отводя другихъ отъ печалей, за эксемпель брать" [1]).

Перемѣнивши свой тонъ въ обращеніи съ царемъ, свѣтлѣйшій не хотѣлъ перемѣнять его въ отношеніи ни къ кому другому. Понятно, что ему не нравилось учрежденіе Сената, который стѣснялъ его самовластіе, и онъ не упускалъ случая сдѣлать выходку противъ медленности и нераспорядительности правительствующей коллегіи. Однажды, на свадьбѣ у одного гвардейскаго офицера, голландскій резидентъ Деби спросилъ Меншикова, рѣшенъ ли вопросъ о хлѣбной пошлинѣ. Меншиковъ отвѣчалъ, что сенаторы не оканчиваютъ никакого дѣла и проводятъ время въ пустякахъ. Въ іюлѣ 1716 г. адмиралъ Апраксинъ, находившійся съ войскомъ въ Финляндіи, прислалъ отчаянное письмо въ Петербургъ, что войско его погибаетъ отъ голоду, и если ему сейчасъ же не пришлютъ припасовъ, то онъ возвратится. Меншиковъ явился въ Сенатъ и началъ упрекать правительствующихъ господъ въ нерадѣніи. Поднялся сильный споръ: сенаторы говорили, что не ихъ вина, если суда съ припасами еще не пришли въ Петербургъ; что въ казнѣ нѣтъ денегъ; что всѣ источники доходовъ истощены, и что государь не можетъ требовать отъ Сената невозможнаго. Меншиковъ возражалъ, что Сенатъ занимается только пустяками и пренебрегаетъ государственными интересами; что въ настоящемъ случаѣ онъ имѣлъ средство снабдить армію. Раздраженные сенаторы закричали, какъ онъ смѣетъ такъ говорить:—онъ забылъ, что Сенатъ представляетъ особу и власть царскаго величества; что имѣетъ власть посадить его подъ арестъ и потомъ требовать удовлетворенія у царя! Меншиковъ вышелъ изъ Сената, и сейчасъ же, собственною властію, велѣлъ взять припасы изъ купеческихъ магазиновъ на 200,000 рублей и нагружать ихъ на суда для отправленія въ Або. Сенаторы еще болѣе осердились, стали говорить, что у Меншикова собственные магазины съ хлѣбомъ, который онъ скупаетъ и производитъ этимъ дороговизну и голодъ въ Петербургѣ, чтобъ послѣ продавать по высокой цѣнѣ. Меншиковъ говорилъ, что этого ничего нѣтъ, а сенаторы раздражены его мѣрою, потому что у каждаго изъ нихъ есть доля въ хлѣбѣ, который онъ велѣлъ захватить у купцовъ. Споръ дошелъ до того, что съ обѣихъ сторонъ послали жалобы государю [2]). Петръ, разумѣется, не могъ сердиться на Данилыча за его энергическую мѣру, спасавшую войско, особенно когда Апраксинъ, возвратившись въ Петербургъ, писалъ царю въ концѣ года: „Я всегда живу въ отлучкѣ, и, какъ я увѣдомленъ отъ другихъ, ежели-бъ не было здѣсь свѣтлѣйшаго князя Меншикова, то бъ въ дѣлахъ могли быть великія помѣшательства". Энергическій Данилычъ былъ нуженъ, когда тотъ же Апраксинъ писалъ Макарову: „Истинно во всѣхъ дѣлахъ какъ слѣпые бродимъ и не знаемъ, что дѣлать.—Стали вездѣ великіе разстрои, и гдѣ прибѣгнуть и что впредь дѣлать— не знаемъ, денегъ ни откуды не возятъ, дѣла почитай всѣ становятся". У Меншикова съ Апраксинымъ былъ постоянный союзъ, что видно изъ ихъ переписки. Такъ, въ январѣ 1716 года, Меншиковъ спѣшилъ извѣстить адмирала о жалобѣ на нихъ обоихъ Кикина, который снова былъ въ милости у царя: „Извѣствую вашему сіятельству", писалъ Меншиковъ, „были мы у Скляева съ его царскимъ величествомъ; пришелъ Кикинъ, и государь изволилъ его спросить, что онъ худъ и не лежалъ ли боленъ. Кикинъ отвѣчалъ, что худъ онъ отъ меня и отъ вашего сіятельства, а какимъ образомъ,— о томъ хотѣлъ онъ царскому величеству впредь донести пространно, а которыя были тутъ слова, и на тѣ я ему довольно отвѣчалъ, объявляя всѣ его бездѣльные между нами поступки, и просилъ его величество и государыню царицу, чтобъ тому его бездѣльному челобитью на меня и на тебя не вѣрили. Итакъ это дѣло уничтожено, къ тому же случился въ тотъ часъ и отъѣздъ въ Ревель. Если по возвращеніи произойдутъ къ вамъ какія слова, то ваше сіятельство постарайтесь также внушить государю пространно о всѣхъ бездѣльныхъ дѣлахъ Кикина, и просите, чтобъ доношенію его вѣрить не изволилъ".—„Итакъ это дѣло уничтожено", писалъ Меншиковъ Апраксину, но самъ безпокоился, что видно изъ письма его къ Макарову, въ которомъ просилъ „господина секретаря и своего бла-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 28.

[2]) Донесенія голландскихъ резидентовъ.

годѣтеля", чтобъ увѣдомилъ, подано ли отъ Кикина доношеніе, и если подано, то въ какой матеріи.

Любопытно также другое письмо Меншикова къ Апраксину, въ которомъ онъ проситъ адмирала не печалиться насчетъ царскаго выговора: „Что изволите ваше сіятельство изъ письма царскаго величества имѣть сомнѣніе, что его величество изволитъ какъ бы имѣть нареканіе въ укоснѣніи отъ васъ отправленія эскадры, и о томъ не извольте сомнѣваться, ибо оная остановка не отъ вашего сіятельства чинилась, понеже эскадры за непрошествіемъ льду отправить вашему сіятельству никоимъ образомъ невозможно, что его величество всемилостивѣйше разсудить изволитъ. Не могъ я и сего не объявить, какъ мнѣ его царское величество прежде о гаванной работѣ съ немалымъ нареканіемъ писать изволилъ; когда же изволилъ по моимъ доносительнымъ письмамъ увѣдомиться, что оное дѣло съ помощію Божіею добрымъ учинено порядкомъ, то не только оное нареканіе изволилъ оставить, но и всемилостивѣйшее благодареніе за труды мои прислать соизволилъ; того ради прошу ваше сіятельство, яко всегда приснаго моего друга и особливаго благодѣтеля, да не извольте въ томъ сумнѣнію себя предавать, отъ чего можетъ приключиться вашего сіятельства здравію немалый вредъ, о чемъ весьма соболѣзную и отъ сердца желаю, дабы всемилостивый Богъ оное ваше сумнѣніе милостиво отъ васъ отвратилъ" [1]).

Меншиковъ не однѣми энергическими мѣрами и распорядительностію старался снова заискать милость Петра: зная любовь царя къ маленькому сыну, царевичу Петру Петровичу, онъ писалъ отцу за границу длинныя письма о „безцѣнномъ сокровищѣ, о своемъ дражайшемъ хозяинѣ", какъ онъ называлъ маленькаго Петра. 29 октября 1716 года онъ писалъ: „Понеже сей настоящій день есть преславной радости и неописаннаго веселія всего отечествія нашего, въ которой Всевышній Богъ изволилъ даровать намъ безцѣнное сокровище, т.-е. дражайшаго вашего сына,—того ради онымъ его преславнымъ и неизглаголанной радости исполненнымъ рожденіемъ ваше величество отъ всего моего вѣрнаго сердца всепокорнѣйше поздравляю, желая усердно, да сподобитъ васъ Всевышній и въ предыдущія времена многихъ такихъ торжественныхъ дней счастливо употреблять и его высочество въ такомъ видѣть достоинствѣ, какъ вы сами нынѣ есть; а мы въ сей день, благодаря Всевышняго Бога, сей безцѣнный маргаритъ намъ даровавшаго, надѣемся равнымъ же образомъ повеселиться, какъ было и въ самый первый день его рожденія. Государь царевичъ между прочимъ за лучшую забаву нынѣ изволитъ употреблять экзерцицію солдатскую: чего ради караульные бомбардирской роты солдаты непрестанно въ большой палатѣ предъ его высочествомъ оную экзерцицію отправляютъ, и правда, что хотя сіе онъ изволитъ чинить по своей должности сержантской, однакожь зѣло изъ того изволитъ тѣшиться; рѣчи же его: „папа, мама, солдатъ". Дай, всемилостивѣйшій Боже, самимъ вамъ вскорѣ его видѣть: то надѣюсь, что ничего того въ немъ увидѣть не изволите, чѣмъ бы не довольно мочно навеселиться" [2]).

Трудно было рѣшиться на явную борьбу съ Меншиковымъ; но Курбатовъ рѣшился: онъ подкупилъ служителя князя Меншикова, Семена Дьякова, который укралъ нужныя Курбатову бумаги, содержавшія въ себѣ улики Соловьевымъ. Имѣя въ рукахъ это сокровище, Курбатовъ написалъ изъ Петербурга Петру за границу въ октябрѣ 1716 года: „Соловьевы три брата, Димитрій, Ѳедоръ, Осипъ, превеликія казнѣ вашей учинили умышленно утраты кражею вашихъ государевыхъ пошлинъ, о чемъ и по нынѣшнему изслѣдованію будетъ явно, а паче изобличатся вины ихъ при пришествіи вашемъ, понеже я имѣю такія письма, противъ которыхъ они никакого оправданія принесть не могутъ, но повинны будутъ пыткамъ и сыщется интересъ вашъ многій. Ежели о здѣшнихъ Соловьевыхъ учиненъ будетъ розыскъ крутой, а братъ ихъ Осипъ о томъ увѣдаетъ, опасно, чтобъ онъ убоясь, не остался вовсе жить въ Амстердамѣ или гдѣ индѣ, и богатство свое тамошнее могутъ они скрыть. И въ нынѣшнемъ году изъ С.-Петербурга отпустили на корабляхъ купленнаго изъ адмиралтейства поташу на 10,000 ефимковъ слишкомъ, подлогомъ, именемъ конторнаго своего писаря Гейтера и Англичанина Коленза, у которыхъ ни малаго своего нѣтъ имѣнія, и живутъ нынѣ у нихъ, Соловьевыхъ, въ домѣ. И за тотъ поташъ договорились они платить въ адмиралтейство заморскою солью по 10 алтынъ пудъ, и тѣми-жь именами откупили въ адмиралтействѣ во всей Финляндіи торговать однимъ имъ солью и табакомъ, о чемъ я увѣдалъ съ оберъ-фискаломъ. И ежели повелитъ ваше величество того Осипа Соловьева какимъ способомъ выслать въ Россію, то для содержанія торговъ вашихъ коммисіи на его Осипово мѣсто доношу по истинному моему усердію о двухъ, которые, надѣюсь, что могутъ содержать безъ поврежденія, московскіе купцы—Иванъ Короткой, Аѳанасій Павловъ, люди умные и торговцы знатные и лѣтами не старые, и иноземцы ихъ имѣютъ за правдивыхъ купцовъ" [3]).

Курбатовъ выбралъ неблагопріятное время: царь былъ въ продолжительномъ отсутствіи за границею и все вниманіе его было поглощено дѣлами внѣшними и бѣгствомъ сына. Только въ октябрѣ 1717 года въ Петербургѣ разнесся слухъ, что Осипъ Соловьевъ захваченъ въ Амстердамѣ, книги его отобраны и самъ онъ отправленъ подъ стражею въ Россію. Извѣстіе это поразило его братьевъ

[1]) Кабинетъ II, кн. № 26; Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Меншикова.

[2]) Кабинетъ II, кн. 28.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 95.

и Меншикова: послѣдній потребовалъ отъ своего управителя, Ѳедора Соловьева, чтобъ онъ составилъ подробный отчетъ обо всемъ, находившемся подъ его вѣдѣніемъ [1]). Началось дѣло, въ которомъ главною уликою были собственноручныя письма Соловьевыхъ, полученныя Курбатовымъ отъ Дьякова; уличенные собственными письмами, Соловьевы винились. Въ декабрѣ 1717 года былъ разстрѣлянъ князь Волконскій, производившій неправильно слѣдствіе надъ Соловьевыми по прежнему доносу Курбатова. Въ другихъ воровствахъ Соловьевыхъ приговорено пытать секретаря ихъ Рязанова; днемъ розыска назначено 13 февраля 1718 года. Наканунѣ этого дня, въ именины Курбатова пріѣхали къ нему двое канцеляристовъ Меншикова, братья Артемій и Данила Астафьевы, какъ будто съ поздравленіемъ, а на другой день, 13 числа, другого рода посѣщеніе: явился къ Курбатову майоръ гвардіи князь Юсуповъ съ солдатами на извозчикахъ, обыскивали весь домъ, никого не нашли, домъ запечатали со всѣми бумагами, приставили караулъ, а Курбатова съ сыномъ, прислугою и съ жившими при немъ подьячими посадили въ сани и отвезли сперва въ Зимній дворецъ, а оттуда въ крѣпость, и поставили передъ свѣтлѣйшимъ княземъ. „Гдѣ мой секретарь Сергѣевъ и подьячій Каминскій?—вчера мои канцеляристы Астафьевы видѣли ихъ въ твоемъ домѣ; и зачѣмъ ты принялъ къ себѣ Дьякова?“—„Вчера“, отвѣчалъ Курбатовъ, „на обѣдѣ и послѣ обѣда было у меня много постороннихъ людей, но Сергѣева и подьячаго не было, засвидѣтельствуютъ всѣ гости“.—„Для чего ты Дьякова къ себѣ принялъ?“ кричалъ Меншиковъ; „онъ воръ, покралъ у меня много бумагъ, потому и ты сталъ такой же воръ, что вора у себя держишь!“—„Которыя Дьяковъ принесъ мнѣ бумаги о воровствѣ Соловьевыхъ“, отвѣчалъ Курбатовъ, „тѣ я объявилъ самому царскому величеству; этими бумагами Соловьевы и обличились; а Дьяковъ явился къ слѣдствію тѣхъ дѣлъ въ канцелярію генерала князя Долгорукаго, и этого намъ въ воровство причитать не слѣдуетъ“. Курбатова отпустили, но Дьяковъ былъ взятъ въ крѣпость и посаженъ скованный подъ крѣпкимъ карауломъ.—Курбатовъ въ письмѣ къ Макарову жаловался: „15 февраля свѣтлѣйшій князь прислалъ дьяка и велѣлъ всякія письма у меня пересмотрѣть. А у Соловьевыхъ, и по явному обличенію, домы, пожитки и письма не описаны и не запечатаны; розыскъ затѣмъ и остановился, понеже доноситель Дьяковъ держится скованъ, а мать его и жена съ дѣтьми и людьми держатся изъ дома свѣтлѣйшаго князя въ домѣ своемъ за арестомъ. Въ то же время свѣтлѣйшій князь бралъ въ крѣпость и дьяка Воронова и говорилъ ему: „Ты вороной конь, я тебя такую м... сдѣлаю граненымъ и разрушу вашу воровскую компанію“. И за такимъ страхомъ дѣло мое остановилось и розыскивать не смѣютъ“ [2]).

[1]) Донесенія голландскихъ резидентовъ.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 35.

Но розыскъ могъ быть остановленъ только на время, въ отсутствіе царя, который былъ занятъ своимъ дѣломъ въ страшный для него 1718 годъ, и когда Меншиковъ могъ распоряжаться въ Петербургѣ. Розыскъ пошелъ своимъ чередомъ, и оказалось, что съ Соловьевыхъ слѣдуетъ взыскать въ казну 675,040 рублей, а имѣнія у нихъ по описи явилось на 407,447 рублей, недоставало въ платежъ 302,177 рублей. Но рядомъ съ дѣломъ о воровствѣ Соловьевымъ тянулось дѣло и о злоупотребленіяхъ самого Курбатова. Въ январѣ 1719 г. онъ писалъ царю: „Вашимъ повелѣніемъ пункты о винахъ моихъ написаны; умилосердися, государь, разсмотрѣвъ и познавъ, каковыя вины мои, разрѣши своимъ милосердіемъ, понеже отъ печали и мнѣнія не могу излѣчиться чрезъ четыре года отъ болѣзни моей, и лѣкаря затѣмъ отказываютъ, къ тому жь и оскудалъ едва не всеконечно и впалъ въ долги многіе, и въ Москвѣ домишко мой отъ непотребныхъ людей моихъ во всякомъ разореніи, не бывалъ я въ немъ слишкомъ три года; повели отпустить меня къ Москвѣ до половины марта мѣсяца; при семъ же молю: не благоволи имѣть на меня мнѣнія въ строеніи цитадельномъ семиградскія избы (въ Архангельскѣ),—при мнѣ въ три года только въ расходѣ 13 или 14,000 рублевъ, а чаю и меньше. Ей-ей во всемъ работалъ вседушевно, но нѣтъ мнѣ хвалителей, ибо ни въ комъ, кромѣ васъ, государя, не искалъ, и того ради отъ всѣхъ оставленъ. Еще молю слезно: помилуй, государь, повели мнѣ, бѣдному, хотя малое что выдать на пропитаніе, понеже шестой годъ не получалъ жалованья ничего, а о работѣ моей въ дѣлѣ о Соловьевыхъ извѣстно вашему величеству“. Курбатову дали отпускъ въ Москву до 20 марта [3]).

Прошло два года; дѣло приходило къ окончанію, но не такъ оно оканчивалось, какъ бы хотѣлось Курбатову. Въ мартѣ 1721 года онъ написалъ царю: „Вѣсть Богъ, что я предъ вашимъ величествомъ ничто же лукавное по совѣсти моей предъ Богомъ учинилъ и ничего тайно и умышленно казны вашея не похитилъ, а работалъ вамъ, государю единому, всѣмъ сердцемъ и душею, о чемъ не не извѣстно вашему величеству. А нынѣ въ канцеляріяхъ, по немилости господъ судей, штрафуюся такъ тяжко, якобы совершенно виновный, и положили на меня штрафовъ и другихъ денегъ съ 20,000 рублевъ, въ томъ числѣ по дѣлу Шустовыхъ, о которомъ извѣстно вашему величеству и за которое я пожалованъ, и по дѣлу въ корабельномъ строеніи, за что я всемилостивѣйше былъ обнадеженъ, и выданное мнѣ въ московской ратушѣ и въ губерніи жалованье правятъ, и сего единаго произыскиваютъ, что хотя малое какое мое присмотрѣть погрѣшеніе, и не токмо къ великому штрафу, но и къ самому бѣдству склоняютъ, а вѣрныхъ моихъ работъ не только не упоминаютъ, но и ни во что вмѣняютъ, и въ выписки оправда-

[3]) Кабинетъ II, кн. № 41.

даній моихъ вписывать не велятъ, а которое оправданіе было и вписано и подписано моею рукою, и то вычеркиваютъ и доношеній моихъ къ оправданію не пріемлютъ. Умилися, государь, не допусти меня погубить имъ напрасно, повели всѣ о мнѣ дѣла изъ нихъ канцелярій для собственнаго вашего разсмотрѣнія собрать въ кабинетъ или въ Коммерцъ-коллегію. А ежели я по вашему богоподобному разсмотрѣнію явлюся виновенъ тяжко, то уже не прошу милости, отъ всего мя повели обнажить имѣнія и пустить нага, точію за прежде показанную мною государственную пользу и вѣрность молю соблюсти животъ мой, понеже и такъ отъ печали въ болѣзни моей чаю умереть вскорѣ. О всемилостивѣйшій государь! изволь вѣдать, какъ погибаютъ на васъ единаго уповающіи, какъ я бѣдный всю мою надежду и упованіе имѣлъ на васъ государя единаго, не имѣя посторонних дядекъ, и того ради нынѣ погибаю напрасно. А ежели я нынѣ погибну напрасно, не безъ сожалѣнія потомъ будетъ о мнѣ вашего государева, понеже я бѣдный, при помощи Божіей, не безплоденъ явился въ государствіи вашемъ“ [1]).

Вскорѣ послѣ этого письма, лѣтомъ 1721 года, Курбатовъ умеръ, до рѣшенія своего дѣла. Судъ въ канцеляціи генералъ-майора Матюшкина, по приговору штабъ и оберъ-офицеровъ, рѣшилъ, что надобно взыскать съ Курбатова 16,000 слишкомъ рублей. Большая часть этой суммы, именно слишкомъ 12,000 рублей, причиталась за взятыя имъ изъ казны безъ указу деньги; остальное за передаточное безъ торгу подрядчикамъ изъ-за взятокъ; взятокъ оказалось на 1,085 рублей; при этомъ 15 дѣлъ не было рѣшено за справками по разнымъ губерніямъ [2]).

Начетъ на Курбатова былъ ничтожный въ сравненіи съ громаднымъ начетомъ на свѣтлѣйшаго князя. Петръ обѣщалъ ему сложить часть штрафа, и онъ писалъ ему въ 1718 году: „Понеже ваше величество, по превысокой своей ко мнѣ милости, изволили обѣщать въ нынѣшнихъ штрафахъ предъ другими мнѣ польготить, того ради всепокорно прошу о милостивомъ того обѣщанія исполненіи, какъ вамъ Богъ обо мнѣ на сердце положитъ. Собственный мой полкъ (о которомъ вашему величеству извѣстно, что я не для чего иного, но съ единой своей ревности набралъ и вооружилъ), нынѣ по указу вашему раскосованъ, и оныхъ солдатъ велѣно зачесть мнѣ за рекрутъ моихъ деревень: прошу вашего величества, дабы въ тожъ число замѣнить драгунъ и солдатъ, которые во время нужды взяты къ дому моему изъ полковъ и изъ рекрутъ, которыхъ нынѣ на лицо 150 человѣкъ, да матросовъ 4 человѣка, кои взяты изъ новгородскихъ дворянъ; да въ Копорьи и Ямбургѣ изъ стрѣльцовъ торопецкихъ и великолуцкихъ 300, итого 454 человѣка; да съ начала того полка по раскосованіе издержано моихъ собственныхъ денегъ какъ на вооруженіе, такъ и на прочіе полковые расходы и на дачу жалованья 19,156 рублей, и о сихъ деньгахъ прошу, дабы милостиво были мнѣ возвращены или зачтены. Понеже ваше величество неоднократно милостивымъ вашимъ словомъ обнадеживать изволили, ежели какая въ пользу государственную учинится прибыль, то изъ нея дана будетъ десятая часть: а подъ моимъ правленіемъ въ канцеляріяхъ и въ здѣшней губерніи учинено прибыли и приложено въ повсягодный сборъ 476,849 рублей, да по особливымъ моимъ прошлой зимы вашему величеству поданнымъ пунктамъ учинено прибыли у соли 100,000 рублевъ, а ежели доброе будетъ смотрѣніе, то и еще прибудетъ; и по тому вышепомянутому вашему обѣщанію всепокорно прошу о милостивомъ награжденіи. Всѣ губернаторы каждый изъ своей губерніи всякое довольство имѣлъ, а иные сверхъ того и денежнымъ жалованьемъ снабдены, а я съ самаго того времени, какъ по вашей милости въ губернаторы пожалованъ, т.-е. отъ 1702 года, губернаторскаго жалованья никакого не имѣлъ, а трудовъ моихъ въ здѣшней губерніи сколько было, о томъ также не безызвѣстно, ибо и всѣ прочія губерніи примѣръ отъ насъ брали; а что съ здѣшней губерніи за меня изошло, и то все до послѣдней деньги на мой счетъ положено; и того ради требую въ томъ милостиваго призрѣнія; если же чего не изволите мнѣ зачесть, и что по тѣмъ моимъ счетамъ на мнѣ останется, то да изволите повелѣть платить мнѣ погодно, дабы можно было исправиться, не допустя себя до всеконечной нужны. Притомъ чаю, ваше величество изволите милостиво припомнить, что во время нужныхъ случаевъ, по вашимъ особливымъ изустнымъ повелѣніямъ, не малыя отъ меня дачи были, а особливо во время бытности въ Жолквѣ, когда господа Поляки, по отреченіи королевскомъ отъ короны, на обѣ ноги хромали, то, лаская ихъ, истинно изъ-подъ платья собольи мѣха выпарывая, также и прочими вещами ихъ дарилъ; и чтобъ порядочную тому записку имѣть, то какъ могло-бъ статься, сами извольте разсудить; къ тому-жь ни мало мнѣ на умъ не прихаживало, чтобъ въ томъ счетъ имѣть, и для того и прочіе многіе въ пришествія ваши къ арміи и въ другіе случаи, какъ деньгами, такъ и лошадьми, каретами и прочими вещами и всякими припасами, также и во время генеральныхъ, вашему величеству извѣстныхъ, банкетовъ, бывшіе расходы уничтожалъ, все свое за ваше почитая, чего и нынѣ воспоминать и на счетъ ставить не хочу, но во всемъ на вашу превысокую отеческую ко мнѣ милость полагаюсь, и о милостивѣйшемъ на меня въ томъ призрѣніи всепокорно прошу“.

Государь просмотрѣлъ самъ начетъ, противъ многихъ статей помѣтилъ зачесть; но все еще много осталось.

Въ 1719 году Меншиковъ опять писалъ ему:

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 55.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 56.

„По счету, который взыскивалъ князь Василій Долгорукій въ канцеляріи Ижорской, написано на меня нѣсколько сотъ тысячъ безъ всякаго явнаго свидѣтельства, о чемъ было надлежало отвѣтствовать президенту Анисиму Щукину, ибо онъ тою канцеляріею правилъ, и въ томъ я во всемъ отвѣтствовалъ; да снято съ меня 485,537 рублей; а затѣмъ съ меня взято деньгами, пенькою и прочими матеріалами 615,608 рублей, да я же сверхъ того на счетъ принялъ къ заплатѣ 67,005 рублей. И хотя я милостивою вашего величества резолюціею удовольствованъ, ваше величество пожаловали меня, дабы изъ трехъ сотъ двадцати четырехъ тысячъ трехъ сотъ пятидесяти четырехъ рублей штрафныхъ прибыльныхъ съ подряднаго провіанта половину на мнѣ не брать, однакожь, всемилостивѣйшій государь и отецъ! я есть смертенъ, къ тому же при жизни моей всегда меня, что я еще не отъ всѣхъ тѣхъ дѣлъ свободенъ, зѣло снѣдаетъ: того ради всенижайше ваше величество прошу, чтобъ я отъ всѣхъ канцелярій, гдѣ слѣдуютъ по моимъ дѣламъ, былъ свободенъ, дабы никто ничѣмъ меня не касались, а особливо для нынѣшняго моего отсюда отлученія; а тѣ деньги, что на мнѣ взять надлежитъ по счетамъ, удержать въ казнѣ вашего величества". Одновременно съ дѣломъ Меншикова шло: дѣло о князѣ Мосальскомъ, котораго казенный грабежъ прикрылъ адмиралъ Апраксинъ; дѣло о взятіи княземъ Яковомъ Ѳед. Долгорукимъ прибыльныхъ денегъ прежде, нежели возвратился китайскій караванъ [1]).

Тяжело было положеніе преобразователя, когда открылась передъ нимъ вся глубина раны, которою страдала Россія; когда онъ долженъ былъ взглянуть иными глазами на людей самыхъ близкихъ; когда эти люди, казавшіеся представителями новой, преобразованной Россіи, явились вполнѣ зараженными закоренѣлою болѣзнію старой Россіи. Удалось завести войско, флотъ, школы, фабрики, овладѣть морскими берегами, но какъ поднять благосостояніе народа съ тѣми понятіями, которыми руководились Меншиковъ съ товарищи, и гдѣ средства искоренить эти понятія? Рубить направо и налѣво?—но средства матеріальныя безсильны противъ зла нравственнаго. Были однако для преобразователя и утѣшительныя минуты: недаромъ вооружался онъ въ своихъ указахъ противъ казнокрадства; недаромъ толковалъ о необходимости собственныя выгоды приносить въ жертву общему добру; недаромъ внушалъ понятія о государствѣ, которое всѣ должны имѣть въ виду, которому всѣ должны служить съ забвеніемъ личныхъ интересовъ. Внушенія дѣйствовали, и то, что прежде казалось дѣломъ обыкновеннымъ, невиннымъ, явилось грѣхомъ, съ которымъ не хотѣли умереть и предстать предъ Верховнаго Судію. Въ мартѣ 1714 года Петръ получилъ письмо, подписанное Иваномъ Кокошкинымъ: „Пресвѣтлому монарху приношу, какъ самому Богу, чистое покаяніе, лежа на смертномъ одрѣ,—виновенъ я предъ Богомъ и предъ тобою; какъ бы мнѣ явиться лицу Божію и вѣчныхъ скорбей избыть и въ винѣ своей отъ тебя прощеніе получить, покуда грѣшная моя душа съ тѣломъ не разлучалась. Были отъ меня рекрутскіе наборы въ Твери, и отъ тѣхъ рекрутскихъ наборовъ бралъ я себѣ взятки, кто что приносилъ отъ наемщиковъ и отъ перемѣны и въ покупкѣ мундира. Да я жь тебѣ государю виновенъ: отдалъ я за своихъ крестьянъ приводнаго человѣка, который былъ приведенъ въ Тверь въ приказную избу по оговору въ воровствѣ" [2]).

Въ то время, когда велась такая сильная борьба съ людьми, препятствовавшими народному благосостоянію казнокрадствомъ и взяточничествомъ, людьми, стоявшими на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, въ то самое время продолжалась ожесточенная борьба съ людьми, стоявшими на низшихъ ея ступеняхъ, и которые открыто вели войну съ обществомъ. Однимъ изъ первыхъ распоряженій новоучрежденнаго Сената было принятіе мѣръ противъ воровъ и разбойниковъ; по его указу ихъ вѣшали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ловили; для поимки бѣглыхъ рекрутъ, которые увеличивали число разбойниковъ, сдѣланы были заставы отъ Москвы до Смоленска [3]). Тихонъ Гѣевъ, посланный съ драгунами для сыску разбойниковъ на сѣверъ, въ іюнѣ 1711 года въ Карашевской волости, Ростовскаго уѣзда, въ лѣсу сыскалъ воровской станъ; воры схватились съ драгунами, одного убили, но были разсѣяны; взятые въ плѣнъ указали товарищей, которые не только разбойничали, но и дѣлали мѣдныя деньги. Тогда же тверской комендантъ донесъ князю Меншикову, что въ Тверскомъ уѣздѣ воры и разбойники разорили многіе домы и ходятъ многолюдствомъ, вслѣдствіе чего всѣ денежные и хлѣбные сборы, особенно рекрутскій наборъ, остановились. Въ 1719 году въ Юстицъ-коллегію поданы были вѣдомости о разбойникахъ изъ Новгородскаго, Можайскаго и Мещовскаго уѣздовъ: здѣсь разбойники по 100, по 200 человѣкъ и больше, верхомъ, вооруженные, *съ порядкомъ регулярнымъ*, не только многолюдныя деревни разграбили днемъ, все до конца пожгли и людей вырубили, но и знатный монастырь Георгіевскій, близъ Мещовска, днемъ разбили и разграбили, потомъ ворвались въ самый городъ Мещовскъ и пойманныхъ своихъ товарищей изъ тюрьмы выпустили [4]). Въ 1717 году жители Москвы увидали, какую потерю они понесли со смертію князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго: какъ только не стало страшнаго Пресбургскаго короля, „обливавшагося кровію въ Преображенскомъ,"—

[1]) Кабинетъ II, кн. № 41; Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла князя Меншикова; письма Петра В. 1720 г.; подробности о коммисіяхъ надъ Меншиковымъ см. у Голикова Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В. XII, 25 и слѣд.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 22.

[3]) Пол. Собр. Зак. № 2373, 2374.

[4]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената 1711 года; Пол. Собр. Зак. № 3415.

такъ и разбои усилились въ столицѣ [1]). Въ іюлѣ 1718 года фельдмаршалъ Шереметевъ писалъ изъ Москвы къ Макарову: „О здѣшнемъ московскомъ поведеніи не могу ничего полезнаго доносить; Москва такъ состоитъ, какъ вертепъ разбойничь, все пусто, только воровъ множится, и безпрестанно казнятъ“ [2]). При такомъ положеніи дѣлъ царь, разумѣется, долженъ былъ озаботиться лучшимъ устройствомъ полиціи. Въ Петербургѣ былъ назначенъ генералъ-полиціймейстеръ, въ Москвѣ—оберъ-полиціймейстеръ; въ главныхъ городахъ жители избирали уличныхъ надзирателей, подъ начальствомъ которыхъ находились надсмотрщики за каждымъ десяткомъ домовъ; изъ всѣхъ городскихъ жителей, достигшихъ двадцатилѣтняго возраста, была устроена стража для охраненія спокойствія и порядка въ городѣ. Въ провинціальныхъ и уѣздныхъ городахъ полиціею завѣдывали коменданты, магистраты и старосты, въ уѣздахъ—губернаторы, воеводы, земскіе коммисары. Полиція вела постоянную войну съ нищими, число которыхъ не уменьшалось, несмотря на повторительные противъ нихъ указы [3]). Въ 1718 въ Москвѣ было 90 богадѣленъ, мужскихъ и женскихъ, въ нихъ нищихъ на жалованьи было около 4,000, причемъ число женщинъ сильно превышало число мужчинъ; жалованья на нихъ выходило въ годъ около 12,000 рублей; кромѣ того, безъ жалованья прибылыхъ нищихъ было 207 человѣкъ [4]). Сперва богадѣльни находились въ вѣдомствѣ Монастырскаго Приказа; а потомъ, съ 11 ноября 1717 года, переведены въ вѣдомство патріаршаго Дворцоваго Приказа. Въ тотъ же самый день, 11 ноября, выставлены были указы по всѣмъ воротамъ кремлевскимъ, китайскимъ и бѣлогородскимъ и во всѣхъ рядахъ, чтобъ нищіе не бродили и по улицамъ не лежали. Для поимки и приводу такихъ нищихъ посланы были патріаршаго дома дворяне и богадѣленные солдаты, по всѣмъ улицамъ, и ежедневно приводили нищихъ, которыхъ наказывали и подвергали „жестокимъ истязаніямъ“, чтобъ по міру отнюдь не ходили; слѣпые и безногіе отсылались въ богадѣльни, а здоровые—на прежнія мѣста жительства. Но дворяне и солдаты, приводившіе нищихъ, записывали извѣты, что у нихъ нищихъ по всѣмъ улицамъ отбиваютъ и ихъ самихъ бьютъ, а за Срѣтенскія ворота къ Пушкарямъ и входить не смѣютъ. И этого мало: однажды въ Евпловскую богадѣльню (на Мясницкой) вломились три человѣка пушкарей и увели семь человѣкъ приводныхъ нищихъ [5]). Кромѣ нищихъ, полиція должна была воевать съ кликушами. Въ маѣ 1715 года изданъ былъ указъ: „Если явятся гдѣ мужескаго и женскаго пола кликуши, то ихъ забирать, приводить въ Приказы и розыскивать, потому что кричала въ церкви плотничья жена Варвара Логинова и потомъ призналась, что кричала нарочно, чтобъ оговорить плотника Григорья, которому мстила за то, что онъ билъ деверя ея“ [6]). Полиція захватывала замужнихъ и незамужнихъ женщинъ, замѣченныхъ въ безнравственномъ поведеніи, и отсылала ихъ на прядильный дворъ [7]).

Въ ноябрѣ 1715 года государь указалъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ при церквахъ, у которыхъ пристойно, подлѣ ограды построить гошпитали, въ Москвѣ мазанки, а въ другихъ городахъ деревянныя, точно такъ же, какъ „благотщательное и душеспасительное осмотрѣніе учинилъ преосвященный Іовъ митрополитъ въ Великомъ Новгородѣ“. Указалъ избирать искусныхъ женщинъ для сохраненія зазорныхъ младенцевъ, которыхъ матери, стыда ради, отметываютъ въ непристойныя мѣста, отчего эти младенцы безвременно помираютъ, а иные матерями умерщвляются, и потому объявить, чтобъ младенцевъ не отметывали, а приносили-бъ къ тѣмъ гошпиталямъ и клали въ окно тайно. Гошпитали построить и содержать изъ губернскихъ доходовъ; приставленнымъ женщинамъ на годъ давать денегъ по три рубля, да хлѣба по полъ-осмины на мѣсяцъ, а младенцамъ на день по три деньги. Въ 1719 году въ Московской губерніи такихъ младенцевъ было собрано 60 человѣкъ, при нихъ кормилицъ находилось 45. Въ 1720 году младенцевъ было 125, кормилицъ 63 [8]). Въ 1714 году велѣно было собирать вѣнечныя деньги (вѣнчальныя пошлины) на содержаніе лазаретовъ [9]). Полиція должна была наблюдать: чтобъ на рынкахъ не продавали испорченныхъ съѣстныхъ припасовъ; чтобъ въ Петербургѣ торгующіе съѣстными припасами носили бѣлый мундиръ и наблюдали бы во всемъ чистоту, въ мундирѣ, запонахъ и покровахъ на товарѣ; чтобъ мѣра и вѣсы были прямые; чтобъ цѣну съѣстнымъ припасамъ не въ указанную пору не поднимали; чтобъ подозрительные дома, зернь, картежныя игры и „всѣ таковыя мерзости были испровергнуты“ [10]).

Но, разумѣется, одною изъ главныхъ заботъ полиціи были предотвращеніе и потушеніе пожаровъ. Для ослабленія „Вулканусовой“ силы велѣно было въ городахъ и деревняхъ строить домы по предписанному плану, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга; запрещено застраивать улицы лавками, для которыхъ велѣно отводить особыя просторныя мѣста [11]). Какъ „Вулканусъ“ продолжалъ свирѣпствовать въ Москвѣ, видно изъ описанія пожара 13 мая 1712 года; пожаръ начался за Пречистенскими воротами, въ приходѣ Пятницы Божедомскія; сгорѣло 9 монастырей, 86 церквей, 35 богадѣленъ, 32 государева двора, частныхъ дворовъ около

[1]) Донесеніе голландскихъ резидентовъ.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 38.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 2470.
[4]) Кабинетъ, II, кн. № 91.
[5]) Кабинетъ II, кн. № 89.
[6]) Пол. Собр. Зак. № 2906.
[7]) Кабинетъ II, кн. № 40.
[8]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Московской губерніи.
[9]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Монастырскому Приказу.
[10]) Пол. Собр. Зак. № 3203, 3210, 3212, 3226.
[11]) Пол. Собр. Зак. № 3203. 3210, 3212, 3226.

4,000; людей сгорѣло и отъ гранатнаго двора побито 136 человѣкъ [1]).

Представленная борьба правительства съ противуобщественными привычками и стремленіями людей изъ разныхъ слоевъ общества вскрываетъ намъ нѣкоторыя стороны нравственнаго состоянія этого общества; но для большаго уясненія дѣла мы должны обратить вниманіе, по возможности, и на другія стороны, поближе познакомиться съ дѣйствующими лицами описываемаго времени, съ ихъ воззрѣніями, бытомъ и взаимными отношеніями. Начнемъ сверху, съ главнаго дѣятеля, великаго преобразователя государственнаго и общественнаго.

Мы видѣли, что въ семейныхъ отношеніяхъ Петра произошла важная перемѣна: онъ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Скавронской. Неудивительно, что къ сороковымъ годамъ возраста у Петра явилась потребность къ семейной жизни; но, при его дѣятельности и привычкахъ, ему нужна была подруга, которая бы сообразовалась съ этою дѣятельностію и привычками, и такую именно подругу нашелъ онъ въ знаменитой маріенбургской плѣнницѣ. Царь рѣдко оставался долго на одномъ мѣстѣ, онъ двигался безпрестанно, съ необыкновенною быстротою пробѣгая громадныя пространства; царица, неспособная по своей природѣ къ подобному движенію, при всемъ сочувствіи къ нему, при всей преданности къ мужу, могла быть только титулярною женою Петра; чтобъ быть дѣйствительною его женою, подругою въ полномъ смыслѣ, царица должна была быть способна къ такому движенію, должна была быть походною, офицерскою женою. Такова была именно Екатерина: ей ничего не стоило разъѣзжать за мужемъ по всей Россіи и за границу; ей ничего не стоило привыкнуть къ любимому мѣстопребыванію царя, къ парадизу на болотѣ, представлявшему всѣ неудобства только-что начавшаго строиться города; привычка къ жизни самой простой, равнодушіе къ неудобствамъ, неизбѣжнымъ, особенно въ то время, при постоянной перемѣнѣ мѣстъ, всегдашнее спокойствіе и веселость, умѣнье не теряться въ затрудненіяхъ и опасностяхъ, умѣнье прилаживаться къ взглядамъ и привычкамъ мужа и умѣнье при этомъ сохранять свою свободу и самостоятельность, быть другомъ, подругою, а не рабою:—эти свойства дѣлали Екатерину драгоцѣнною для Петра и заставили его рѣшиться связать съ нею навсегда свою участь. Мы видѣли, какъ печальныя предчувствія передъ Прутскимъ походомъ заставили Петра серьезнѣе взглянуть на свои отношенія къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; самый Прутскій походъ окончательно очистилъ для Петра эти отношенія торжественностію страшнаго времени, пережитаго имъ вмѣстѣ съ Екатериною. 19 февраля 1712 года былъ сдержанъ пароль, данный въ 1711 году: бракъ царя съ Екатериною былъ заключенъ торжественно. Въ воспоминаніе страшнаго Прутскаго времени царица учредила отъ своего имени орденъ Св Екатерины, или орденъ Освобожденія. Въ уставѣ ордена (27 ноября 1714 года) учредительница говоритъ: „Я возжелала утвердить вѣчную память сего знаменитаго свобожденія (при Прутѣ) и заблагоразсудила учредить орденъ кавалеріи. Помянутый орденъ называться будетъ „Орденъ свобожденія“.

Петръ развелся съ первою женою потому, что, вмѣсто отдыха, успокоенія и удовольствія, встрѣчалъ въ семьѣ неудовольствія. Новая царица привязывала его къ себѣ и къ семьѣ именно тѣмъ, что при нихъ находилъ онъ себѣ отдыхъ, удовольствіе, могъ повеселиться, посмѣяться, отвести душу. Въ разлукѣ переписка мужа и жены отличается веселостію, шутливостію; но изъ-за шутокъ проглядываетъ сильная привязанность старика къ Катеринушкѣ, другу сердешненькому, къ матери его любимаго шишечки (царевича Петра Петровича); такъ въ 1719 году Петръ писалъ Екатеринѣ изъ Ревеля: „Слава Богу, все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ пріѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно“. Въ другомъ письмѣ: „Мы поминаемъ огородъ: чаю, теперь зѣло хорошо. Дай Богъ вамъ сіе время вмѣсто меня веселиться; а намъ Богъ хотя сіе время не велѣлъ, только чтобъ впредь ужъ безъ отволочки быть“. Или: „А что пишешь, что скучно гулять одной, хотя и хорошъ огородъ, вѣрю тому, ибо тѣжъ вѣсти и за мною; только моли Бога, чтобъ ужь сіе лѣто было послѣднее въ разлученіи, а впредь бы быть вмѣстѣ“. Петру становилось скучно въ отволочкѣ отъ семьи: недаромъ онъ называлъ себя старикомъ. Екатерина въ своихъ письмахъ шутливо отрицала эту старость и старалась показать, что живетъ съ дорогимъ старикомъ одною жизнію, одними интересами. Если Петръ поздравлялъ ее со днемъ Полтавской битвы, Русскимъ нашимъ воскресеньемъ, то она спѣшила предупредить его и поздравить „предбудущимъ днемъ Полтавской баталіи, т.-е. началомъ нашего спасенія, гдѣ довольно было вашего труда“. Екатерина не забывала поздравлять Петра и съ починкою корабля, зная, что это одна изъ самыхъ пріятныхъ новостей для старика: „Поздравляю васъ, батюшка моего, сынкомъ Ивана Михайловича, который нынѣ отъ болѣзни своей, благодарить Бога, совсѣмъ уже выздовѣлъ, и хотя въ компаніи, такъ готовъ. Какимъ образомъ оный сынокъ свобожденъ, о всемъ о томъ будетъ вамъ извѣстно отъ Брауна; а я вкратцѣ доношу какъ слышала, что учинена въ немъ самая малая скважинка возлѣ киля, и конечно отъ якоря“. Мы привыкли видѣть въ Петрѣ великаго человѣка, иногда человѣка ужаснаго въ выраженіи своихъ страстей, употребляющаго крутыя средства для достиженія своихъ цѣлей, человѣка съ привычками дурнаго воспитанія; въ перепискѣ его съ Екатериною мы видимъ въ немъ

[1]) Кабинетъ II, кн. № 15.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 2860.

добраго, веселаго человѣка, и, разумѣется, онъ не могъ не быть благодаренъ женщинѣ, которая поддерживала въ немъ эту доброту и веселость. Были ей благодарны и другіе, которые обращались къ ней съ просьбами о своихъ нуждахъ, объ избавленіи отъ гнѣва царскаго; просьбы принимались привѣтливо, исполнялись: новая царица, видя еще непрочность своего положенія, хотѣла и умѣла пріобрѣсти расположеніе многихъ.

Къ тону, господствовавшему между мужемъ и женою, старались поддѣлываться и окружающіе. Одною изъ самыхъ приближенныхъ къ семейству Петра женщинъ была княгиня Настасья Петровна Голицына, жена боярина князя Ивана Алексѣевича. Вотъ что писала она Петру изъ Ревеля 14 іюля 1714 года: „Всемилостивый государь, дорогой мой батюшка! Желаемъ пришествія твоего къ себѣ вскорѣ; и ежели ваше величество изволишь умедлить, воистину, государь, проживанье мое стало трудно. Царица государыня всегда не изволитъ опочивать за полночь три часа, а я при ея величествѣ безотступно сижу, а Кириловна, у кровати стоя, дремлетъ; царица государыня изволитъ говорить: тетушка, дремлешь? она говоритъ: нѣтъ, не дремлю, я на туфли гляжу; а Марья по палатѣ съ постелью ходитъ и среди палаты стелетъ, а Матрена по палатамъ ходитъ и со всѣми бранится, а Крестьяновна за стуломъ стоитъ, да на царицу государыню глядитъ. Пришествіемъ твоимъ себѣ отъ спальни получу свободу“ [1]).

Княгиня Голицына въ этомъ письмѣ не упоминаетъ о карлицахъ, хотя въ то время эти несчастныя существа считались необходимою принадлежностію дворцовъ и знатныхъ домовъ. Мы упоминали о ссорѣ Нарышкина съ Мазепою по поводу бѣгства карлицы. Явленіе карлицы въ семействѣ могло считатся не бѣдствіемъ, а счастіемъ: въ сенатскихъ дѣлахъ находимъ бумагу о дарованіи отцу карлицы Устиньи Никитиной съ семействомъ свободы отъ помѣщика его: счастливое семейство! Меншиковъ писалъ Яковлеву въ 1716 году: „Понеже у одной моей дочери карлица есть, а у другой нѣтъ, того ради просимъ васъ благовременно ея величеству государынѣ царицѣ доложить, дабы изъ карлицъ, которыя остались послѣ царицы Мароы Матвѣевны, изволила опредѣлить мнѣ указомъ одну карлицу взять“ [2]). Кромѣ карлицъ, знатные люди увеселялись болтовнею попугаевъ, а иногда вмѣсто попугаевъ служили и люди; въ 1708 году Меншиковъ писалъ своей женѣ: „Послалъ я къ вамъ нынѣ въ презентъ двухъ шляхтянокъ дѣвокъ, изъ которыхъ одна маленькая, можетъ вамъ за попугая быть: такая словесница, какой еще изъ такихъ младенцевъ мало видалъ, и можетъ васъ больше увеселить, нежели попугай“ [3]). Любили и великановъ: король Прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ I-й собиралъ ихъ отовсюду въ свое войско, просилъ и царя прислать ему великановъ изъ Россіи; царь посылалъ; но такъ какъ нельзя было Русскихъ людей оставлять навсегда на чужой сторонѣ, то великановъ перемѣняли, посылали новыхъ. Великаны находились и въ русскомъ войскѣ: въ 1718 году велѣно было при сенатской ротѣ быть двоимъ великанамъ [4]). Необходимою принадлежностію дворца и домовъ знатныхъ людей считались также шуты, люди, у которыхъ всегда были наготовѣ остроты и шуточки, чтобъ посмѣшить хозяина и компанію. У Петра въ описываемое время главнымъ шутомъ былъ иностранецъ Лакоста, по просьбѣ котораго былъ сосланъ въ Казань знаменитый впослѣдствіи лѣкарь Лестокъ.

Чтобъ познакомиться поближе съ житьемъ-бытьемъ преобразователя и окружающихъ его людей, болѣе всего тронутыхъ преобразованіемъ, перенесемся въ Петербугъ, этотъ п а р а д и з ъ, гдѣ Петру спорѣе работалось и веселѣе пировалось, чѣмъ гдѣ-либо. Городъ отстраивался быстро, иностранцевъ уже поражалъ своею красотою Невскій проспектъ, длинная и широкая аллея, вымощенная камнемъ, съ рощицами и лужайками по сторонамъ; плѣнные Шведы проложили проспектъ, они же каждую субботу и чистили его. Прочныхъ построекъ было немного: адмиралтейство, царскій Лѣтній дворецъ (у Лѣтняго сада), биржа, почтовый дворъ, гдѣ теперь Мраморный дворецъ, домъ князя Меншикова на Васильевскомъ острову; большая часть частныхъ домовъ строились на скорую руку и представляли большія неудобства, особенно въ петербургскомъ климатѣ: въ домахъ знатныхъ людей потолки протекали, и за большими обѣдами разгоряченные виномъ гости прохлаждались крупными дождевыми каплями, падавшими имъ на лицо. Дождь часто мѣшалъ праздникамъ, которые Петръ любилъ задавать въ Лѣтнемъ саду: тутъ праздновалась коронація царя, „преславная викторія“, царскіе именины. Праздникъ начинался въ 5 часовъ послѣ обѣда; на обширномъ мѣстѣ подлѣ сада (Царицынъ лугъ) становились два гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій; самъ царь угощалъ ихъ, подносилъ въ деревянныхъ чашкахъ пиво и вино. Въ саду, у одного изъ фонтановъ, помѣщалась царица съ фамиліею и дамами, которыя съ изумительною для иностранцевъ быстротою переняли европейское обращеніе. Дворъ царицы великолѣпіемъ не уступалъ Дворамъ германскимъ, за то Дворъ царя отличался простотою, состоялъ изъ однихъ денщиковъ; нѣкоторые изъ нихъ были въ большой милости у Петра, но подвигались впередъ не самые любимые, а самые способные, какъ Ягужинскій, Девьеръ. Угощеніе въ саду происходило по старому русскому обычаю: пей непремѣнно—хочешь-не-хочешь, и ворота на запоръ! Запахъ хлѣбнаго распространялся по всему саду; являлось

[1]) Кабинетъ II, кн. № 20; Письма Русскихъ государей, изд. Архива Мин. Ин. Д.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 53.
[3]) Москов. архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Меншикова.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 35; Архивъ Мин. Юстиціи; Сенатскія дѣла по Москов. губерніи.

человѣкъ шесть гвардейскихъ гренадеръ, которые несли большія чаши съ виномъ. За солдатами идутъ майоры гвардіи и угощаютъ: нельзя не выпить за здоровье ихъ полковника. Гости развеселялись; высшее духовенство, постоянно приглашаемое на праздники, веселилось больше другихъ. Между тѣмъ въ открытой галереѣ, построенной на сѣверной сторонѣ сада, подлѣ Невы, начинались танцы и продолжались до двѣнадцатаго часа ночи.

27 іюня, въ день „преславной викторіи" утромъ совершалось богослуженіе на большой площади передъ Троицкою церковью. Здѣсь ставилась большая палатка съ алтаремъ внутри; шагахъ въ пятидесяти отъ алтаря стоялъ Петръ, одѣтый точно такъ, какъ былъ во время баталіи—,въ зеленомъ кафтанѣ, съ небольшими красными отворотами, поверхъ которыхъ надѣта черная кожаная портупея; на ногахъ зеленые чулки и старые изношенные башмаки, въ правой рукѣ пика, подъ мышкою старая шляпа. Вечеромъ пиръ въ Лѣтнемъ саду и старое любимое удовольствіе Петра—фейерверкъ. Самое сильное угощеніе бывало при спускахъ кораблей: при концѣ пира адмиралъ Апраксинъ заливается слезами—знакъ, что много выпито, Даниловичъ падаетъ замертво, жена и свояченица хлопочутъ около него, оттираютъ спиртами; кто ссорится, кто клянется въ дружбѣ.

Однимъ изъ любимыхъ удовольствій Петра въ парадизѣ лѣтомъ было катанье по Невѣ. Петербургскіе жители, для удобства сообщенія въ городѣ, строившемся по берегамъ большой рѣки, имѣли парусныя и гребныя суда, полученныя ими безденежно изъ казны. Когда въ опредѣленныхъ мѣстахъ города вывѣшивались флаги, то всѣ суда должны были собираться у крѣпости; кто не явится,—платитъ штрафъ. Царь съ царицею и со всѣмъ Дворомъ участвовалъ въ этихъ прогулкахъ. По увѣренію очевидцевъ, невская флотилія представляла прекрасный видъ; удовольствіе прогулки увеличивалось еще тѣмъ, что почти всѣ вельможи имѣли съ собою музыку.

Мы видѣли, какъ въ молодости Петръ праздновалъ свадьбу шута. Въ 1714 году Кокуйскій патріархъ, Никита Моисеевичъ Зотовъ, вздумалъ на старости лѣтъ жениться. Петръ сначала былъ противъ этого страннаго брака, но потомъ уступилъ желанію старика, и не упустилъ случая, чтобъ отпраздновать свадьбу всешутѣйшаго съ особеннымъ блескомъ и торжествомъ. Это торжество происходило въ началѣ 1715 года. Всѣ приглашенные должны были явиться кто въ польскомъ, кто въ испанскомъ, кто въ старонѣмецкомъ, кто въ турецкомъ платьи. Составленъ былъ списокъ, кого приглашать на свадьбу, составленъ былъ такимъ образомъ: „Позвать вѣжливо, особливымъ штилемъ, не торопясь, того, кто фамиліею своею гораздо старѣе чорта". Или: „Того бы не забыть, кто пятнадцать дней чижика пріискивалъ да не сыскалъ; не знаю о томъ, можетъ ли онъ и то сыскать, куда онъ устремляется и куда гости призываются, и торжество приготовляется; того человѣка, кто въ Алепѣ родился; того, кто кушать пріуготовить умѣетъ; того, кто не по силѣ борца сыскалъ" и т. п. Свадьба Зотова заслужила въ потомствѣ особенное вниманіе: одни вооружаются противъ неприличія этого торжества, другіе стараются оправдать его, и вообще хотятъ видѣть здѣсь насмѣшку надъ патріаршествомъ, желаніе унизить санъ, который хотѣлось уничтожить. Но мы знаемъ, что это была просто игра въ короли, папы и патріархи,—игра, понятная при тогдашнемъ состояніи юнаго общества. Зотовъ назывался Кокуйскимъ патріархомъ еще тогда, когда настоящій патріархъ былъ въ Москвѣ, когда, по всѣмъ вѣроятностямъ, не западала еще мысль объ уничтоженіи патріаршества; теперь этотъ Кокуйскій, шутовской патріархъ вздумалъ жениться—и свадьбу его отпраздновали приличнымъ его званію образомъ. Если предположить, что Петръ хотѣлъ насмѣяться надъ патріаршествомъ, то надобно предположить, что онъ хотѣлъ насмѣяться и надъ своею собственною царскою властію, потому что у него былъ и шутовской Пресбургскій король, впослѣдствіи кесарь; со смертію старика Зотова шутовское патріаршество упразднилось, но остался князь-папа въ соотвѣтствіе князю-кесарю.

Изъ петровскихъ вельможъ стариннымъ русскимъ гостепріимствомъ особенно отличался адмиралъ графъ Апраксинъ. Нигдѣ не пили такъ много, какъ у него; хозяинъ наблюдалъ зорко за гостями, и бѣда, если кто-нибудь изъ нихъ неисправно осушалъ бокалы: хозяинъ хмурился, вставалъ съ мѣста, подходилъ къ гостю, умолялъ выпить, и когда тотъ соглашался, наконецъ, исполнить просьбу, то адмиралъ испускалъ радостный крикъ. Совершенную противоположность адмиралу представлялъ канцлеръ, графъ Головкинъ, страшный скряга и потому угощавшій сухо; въ пріемной комнатѣ у него главное украшеніе составлялъ длинный парикъ, повѣшенный тамъ только для вида, потому что Головкинъ, по скупости, никогда не надѣвалъ его. Ни наружностію, ни характеромъ не былъ на него похожъ ближайшій товарищъ его и врагъ, вице-канцлеръ Шафировъ: Головкинъ былъ высокаго роста и очень худъ, Шафировъ—маленькаго роста и едва двигавшійся отъ толщины; онъ жилъ великолѣпно и отличался необыкновенно пріятнымъ обращеніемъ.

Въ ноябрѣ 1718 года объявлено было, какимъ порядкомъ должны были собираться ассамблеи; въ этомъ объявленіи говорится, что ассамблея, или вольное собраніе, составляется не для одной только забавы, но и для дѣла, ибо тутъ можно другъ друга видѣть и обо всемъ переговорить, также слышать, что гдѣ дѣлается. Хозяинъ того дома, гдѣ должна быть ассамблея, долженъ повѣстить, что каждому вольно къ нему приходить, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола. Ассамблея ранѣе 5 или 4 часовъ не начинается, а далѣе 10 пополудни не продолжается. Хозяинъ не обязанъ го-

стей ни встрѣчать, ни провожать, ни потчивать, даже можетъ и не быть дома; онъ обязанъ только очистить нѣсколько покоевъ, приготовить столы, свѣчи, игры на столахъ, питье для тѣхъ, кто попроситъ. Каждый можетъ пріѣхать и уѣхать, когда угодно между назначенными часами. Всякій въ ассамблеѣ можетъ ходить, сидѣть, играть; вставанья, провожанья и другія церемоніи запрещаются подъ штрафомъ великаго орла (осушенія огромнаго кубка), только при пріѣздѣ и отъѣздѣ поклономъ почтить должно. Въ ассамблею могутъ ходить съ вышнихъ чиновъ до оберъ-офицеровъ и дворянъ, также знатные купцы и начальные мастеровые люди; лакеямъ и служителямъ въ тѣ апартаменты не входить, но быть въ сѣняхъ или гдѣ хозяинъ опредѣлитъ [1]).

Петръ женился на Екатеринѣ въ то время, когда прежнія отношенія его къ компаніи рушились: одни дряхлѣли, умирали, другихъ Петръ долженъ былъ удалить отъ себя, долженъ былъ охладѣть и къ самому Данилычу; около царя образовалась пустота: тѣмъ сильнѣе онъ долженъ былъ привязаться къ Екатеринѣ. Петръ до конца сохранялъ привязанность къ человѣку, который сдѣлалъ для него много добра, хотя и говорили, что царь былъ ему обязанъ нѣкоторыми дурными своими привычками: то былъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ; въ 1713 году старикъ, страдавшій подагрою и хирагрою, потерявшій сына Алексѣя, былъ утѣшенъ царемъ: Петръ прислалъ ему собственной работы возило, или кресла, на которыхъ больной могъ ѣздить [2]). Оканчивалъ свое поприще и знаменитый Мальтійскій кавалеръ, фельдмаршалъ Шереметевъ. Отношенія къ нему царя въ послѣднее время любопытны: старикъ продолжалъ служить, хотя жаловался, что съ нимъ обходятся не очень почтительно. Въ февралѣ 1716 года онъ писалъ Макарову: „За писаніе твое по премногу благодарствую, что содержишь меня въ любви своей, за что тебѣ, государю моему, Богъ мздовоздатель. Пожалуй, государь мой, увѣдоми меня, нѣтъ ли вящаго на меня гнѣву его величества, а я отъ печали своей уже одна нога моя въ гробу стоитъ и болѣзнь моя умножается, а паче же безпамятство великое пришло и прошу васъ, моего государя, научи меня по милости своей: велѣть ли мнѣ себя больнаго вывезть на встрѣчу или ожидать указу, а я признаваю со всего на себя вящаго гнѣва, ибо не имѣю ни единыя литеры къ себѣ отъ его величества и по чужимъ указамъ управляю, а не управлять не смѣю“ [3]). Послѣдняя жалоба на чужіе указы относилась къ тому, что фельдмаршалъ долженъ былъ двигать войска по письмамъ пословъ — Долгорукаго изъ Варшавы и молодаго Головкина изъ Берлина. Въ слѣдующемъ году старикъ просилъ государя отпустить его въ Москву для устройства своихъ дѣлъ. Отвѣта не было; Шереметевъ обратился къ Макарову: „Просилъ я его царскаго величества о милосердіи, чтобъ меня пожаловалъ, отпустилъ въ Москву и въ деревни мои для управленія, и чтобъ успѣлъ я отдѣлить невѣстку свою со внукомъ и прочими дѣтьми, ибо показываетъ мнѣ старость моя и слабость здоровья моего скоро отходить сего маловременнаго вѣку; о чемъ меня и внукъ мой зѣло проситъ, чтобъ я его при себѣ отдѣлилъ, такожь крайняя моя нужда: сколько лѣтъ не знаю, что въ домишкѣ моемъ, какъ поводится и въ деревняхъ; чтобъ я могъ осмотрѣть и управить: ежели еще Богъ продлитъ вѣку моего, гдѣ жить до смерти моей и по мнѣ женѣ моей и дѣткамъ. А какъ я управлю домишко свой и отдѣлю внука, въ то время домишко мой, гдѣ мнѣ жить и умирать въ царствующемъ градѣ Петерѣ, и какъ содержать московскія деревни и дальнія, а зимою бы нынѣшнею и на весну водою приготовилъ бы припасами и основательно-бъ все могъ управить, ежели-бъ что отъ Бога не зашло. А ежели-бъ мнѣ нынѣ прямо итить въ Питербурхъ, я не имѣю себѣ пристанища: хоромишки, которыя были мазанки, и о тѣхъ пишутъ ко мнѣ, что сѣли, жить въ нихъ ни коими мѣрами нельзя, запасовъ ничего не имѣю, такожь и фуражу ни на пять лошадей не обрѣтается. Покорно васъ, моего государя, прошу: подай мнѣ руку помощи, чтобъ по желанію моему его царское величество меня пожаловалъ“ [4]). О томъ же писалъ онъ и къ Го-

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 42, 43, 48; Андрей Ушаковъ Макарову 17 іюля 1719: „Прошу о указѣ о лѣкарѣ Лештокѣ, что́ съ нимъ дѣлать?—ибо я изъ его и изъ другихъ допросовъ больши не могъ уразумѣть, что его вящшей вины нѣтъ, развѣ что въ томъ воля Государева, и какъ я его видѣлъ, конечно онъ въ великой десператіи пребываетъ, опасно дабы не учинилъ какой надъ собой причины“.—1719 года апрѣля 17 лѣкарь Лестокъ былъ отданъ за караулъ, потому что обнажилъ шпагу и хотѣлъ рубить хлопца Лакостина и другого работника. Послѣдній сказалъ, что по приказу Лакостину стерегъ онъ Лештока по многія ночи, чтобъ когда онъ придетъ къ его Лакостиной дочери, которая сидитъ за карауломъ, тогда-бъ его съ нею поймать; онъ его и поймалъ, когда онъ съ дѣвицею выходилъ изъ захода, вмѣстѣ съ другимъ работникомъ, а Лештокъ вынулъ шпагу, и они закричали караулъ. Лестокъ сказалъ, что онъ того дня спрашивалъ у генералъ-адъютанта Ягужинскаго, какъ бы ему помириться съ Лакостою. Ягужинскій сказалъ, чтобъ онъ написалъ Лакостѣ письмо и отдалъ ему, Ягужинскому. Возвращаясь ночью отъ князя Трубецкаго и идучи мимо двора государева, пошелъ видѣться съ Лакостиною дочерью, которая за карауломъ сидитъ, для того, чтобъ ее спросить, какъ лучше къ отцу ея помянутое письмо написать, и только пришелъ къ дверямъ кухмистера Матиса, гдѣ Лакостина дочь, пришли какіе-то люди и начали его бить и грабить, а Лакостиной дочери онъ тогда и не видалъ, и приходилъ онъ къ Лакостиной дочери и прежде того, потому что имѣетъ съ нею любовь и хочетъ на ней жениться.— Когда Лестокъ былъ сосланъ въ Казань, то губернатору велѣно было содержать его покрѣпче, смотрѣть, чтобъ не ушелъ и не имѣлъ корреспонденцій; на жалованье велѣно давать по 20 рублей въ мѣсяцъ.— О жизни въ Петербургѣ см. Дневникъ Берхгольца, ч. I-я до 160 страницы по русскому переводу Аммона; о свадьбѣ Зотова у Голикова, Дополн. къ Дѣян. Петра В., X, 232; объ ассамблеяхъ Полн. Собр. Зак. № 3246.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 17.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 29.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 33.

ловкину[1]). Желаннаго отвѣта не было. Шереметевъ видѣлъ, что царь на него сердитъ; онъ уже имѣлъ съ нимъ словесное объясненіе въ Данцигѣ насчетъ своего поведенія въ Польшѣ; теперь счелъ за нужное объясниться письменно. Въ сентябрѣ 1717 года онъ написалъ Петру: „Понеже я при отшествіи отъ Гданска вашего величества призналъ на себя гнѣвъ вашего величества за польскіе квартиры, гдѣ я стоялъ, и я о томъ при Гданску вашему величеству словесно доносилъ, только не могъ исправиться и въ тонкость вашему величеству донесть сколько получено; а въ Польшѣ я раціоны получалъ, какъ вашего величества указъ состоитъ, а именно 200 раціоновъ и сверхъ того для своего собственнаго пропитанія и всего дома своего на кухню и на всякія нужды, такъ на денщиковъ, а которыхъ лошадей я по своему рангу въ указанное число не имѣлъ, собралъ чрезъ всю бытность въ Польшѣ съ квартиръ по доброй волѣ и согласно съ обывателями, а не иными какими своими нападками, 8,600 курантъ талеровъ; да чрезъ всю же бытность мою въ Польшѣ изъ своей воли и не для того, чтобъ я интересъ вашего величества ради своей пользы отпустилъ, подарили меня воевода Познаньскій цугомъ лошадей и коляскою, да братъ его великопольскій генералъ лошадью съ сѣдломъ, противъ чего и я ихъ по своей возможности дарилъ же, и тѣхъ ихъ подарковъ я отъ вашего величества не утаилъ и устно доносилъ, и челобитчиковъ на меня нѣтъ и впредь быть не чаю. А нынѣ за такимъ вашего величества гнѣвомъ прихожу въ крайнее живота моего разрушеніе, и съ печали при самой смерти обрѣтаюсь и того ради не инымъ какимъ образомъ предъ вашимъ царскимъ величествомъ оправдать себя въ томъ могу или извиненіе представить, токмо всепокорно прошу показать надо мною, рабомъ своимъ, свое милосердіе, и то мое предъ вашимъ величествомъ погрѣшеніе по сему моему нижайшему откровенію, яко самъ Богъ, всемилостивѣйше презрить, не дай мнѣ безвременно безъ покаянія съ печали умереть". Въ то же время князь Василій Лукичъ Долгорукій написалъ къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ: „Умилосердися, всемилостивая государыня царица, для самаго Бога, надъ фельдмаршаломъ, въ чемъ онъ погрѣшилъ предъ его величествомъ, чтобъ не учинено ему было на такой старости какого афронту, за всѣ его службы показана была высокая вашего величества милость, хотя-бъ то на немъ было взято, что дерзостью своею получилъ. Истинно въ такой онъ десперацiи,—жалко на него смотрѣть, а у насъ у всѣхъ по Бозѣ надежда на ваше величество"[2]). Афронту учинено не было, но царь велѣлъ фельдмаршалу ѣхать прямо въ Петербургъ, а не въ Москву.

Шереметевъ просилъ, чтобъ царь своимъ гнѣвомъ не ускорялъ его смерти; сенаторъ графъ Петръ Матвѣичъ Апраксинъ, братъ адмирала, въ февралѣ 1719 года пораженъ былъ параличемъ, узнавши о царской опалѣ. До насъ дошло любопытное письмо объ этомъ случаѣ къ Макарову отъ Меншикова, который былъ друженъ съ обоими Апраксиными: „Графъ Петръ Матвѣевичъ отъѣзжалъ отсюда для поста первой недѣли въ Нилову пустыню, и когда поѣхалъ оттуда въ Петербургъ, остановился въ ближнихъ своихъ деревняхъ, въ которыхъ увидалъ, что его служители забраны всѣ въ канцелярію полковника князя Голицына, зѣло тяжкая приключилась болѣзнь, и зашибъ его параличъ, и правая рука отнялась и говоритъ съ нуждою, и ротъ кривитъ на сторону: того для при удобномъ времени, ежели потребно, донесите государынѣ царицѣ, а брату его Ѳедору Матвѣичу не вскорѣ, но такожь при способномъ времени извольте объявить, дабы не вдругъ его сіятельство оскорбить, ибо ваша милость довольно извѣстны, каковъ онъ къ нему горячь"[3]).

Всѣ обращались въ своихъ бѣдахъ и нуждахъ къ царицѣ Екатеринѣ; обратился къ ней и графъ Матвѣевъ, хотя его просьба могла быть съ трудомъ исполнена: Матвѣевъ, жалуясь на свое разореніе, просилъ денегъ, а Петръ не любилъ давать денегъ на частныя нужды. По возвращеніи Матвѣева въ Россію, царь поручилъ ему морскую академію; Матвѣевъ по этому поводу писалъ ему въ февралѣ 1716 года: „По указу вашего величества повелѣнное мнѣ дѣло и попеченіе о академіи съ радостною душою я принялъ, вѣдая, что то къ угодности вашей есть. Токмо недостатокъ мой послѣдній къ исправленію двороваго строенія и къ покупкѣ двора отнюдь не допуститъ меня. Вся моя безродная фамилія по Бозѣ вручена вашему величеству, и никакого въ томъ своемъ безродствѣ себѣ покровителя, ни помощника, кромѣ васъ и супруги вашей, всемилосердой государыни нашей царицы и матери, отнюдь не имѣю". Жена Матвѣева, какъ опытная въ заграничныхъ поведеніяхъ дама, была назначена гофмейстериною ко Двору герцогини Курляндской Анны Іоанновны; новыя издержки,—и Матвѣевъ обращается къ Макарову, пишетъ: что заложилъ свою подмосковную въ 1,000 рубляхъ; что отъ академіи ему жалованья нейдетъ; что домъ купилъ въ Петербургѣ въ долгъ; что у жены ни серегъ въ ушахъ нѣтъ,—все въ Голландіи и въ Вѣнѣ осталось въ закладѣ, ее въ Курляндіи содержать нечѣмъ, и самому въ Петербургѣ придется въ нищетѣ и съ голоду таять; принуждаютъ на Васильевскомъ острову строить каменный домъ, но ему не только каменнаго,—и деревяннаго дома построить не-начто. Для переѣздовъ назначена шлюпка, а въ гребцахъ отказано, и при такомъ лишеніи принужденъ онъ больше сидѣть дома. Графинѣ Матвѣевой назначали для поѣздки въ Курляндію 1,000 рублей;

---

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ 1717 года.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 33, письмо Долгорукова въ Государственномъ Архивѣ.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 41.

но этого оказалось мало. Графинѣ Матвѣевой почему-то очень не понравилось въ Курляндіи, и графъ обратился къ вице-канцлеру Шафирову съ просьбою, нельзя ли отозвать жену оттуда. „Воистину безъ всякихъ хитрословныхъ и политическихъ притворовъ объявляю вамъ, что я уже изъ послѣдняго моего отчаянія во всепагубномъ нахожу себя быть паденіи. Если возможно вашему превосходительству, вмѣстѣ съ общимъ нашимъ милостивымъ пріятелемъ, А. В. Макаровымъ, послѣднюю со мною сотворить милость, чтобы и фамиліи моей свободной отъ того дѣла быть, ибо я усматриваю тамошніе порядки изъ всегдашнихъ слезныхъ писемъ жены моей и хочу избѣжать на будущее время всякихъ неугодностей и злополучій; а если этого сдѣлать нельзя, то чтобы фамилія моя въ нуждахъ ея тамошнихъ, при такомъ ея сокрушеніи, не была оставлена“ [1]). Тогда же Матвѣевъ обратился къ Екатеринѣ, писалъ, что по смерти царицы Натальи Кирилловны, оказывавшей горькому сиротству его высокія материнскія милости, у него не остается другого покрова и прибѣжища, кромѣ царицы Екатерины Алексѣевны, всемилосердой матери и заступницы о всѣхъ сирыхъ, проситъ сотворить ему милость, припомнивъ разореніе, ссылку, смерть отца его и его собственныя многолѣтнія вѣрныя службы; милость должна была состоять въ томъ, чтобъ былъ взысканъ царскимъ денежнымъ жалованьемъ, потому что онъ съ женою раздѣлился на двѣ службы, денежнаго дохода со всѣхъ деревень своихъ имѣетъ только 300 рублей на годъ, впалъ въ неоплатные долги: „Къ тому же, съ горькослезною моею фамиліею упадши къ ногамъ вашего величества, съ рыданіемъ плачевнымъ всенижайшее прошу о свободѣ жены моей отъ нынѣшняго несноснаго ей дѣла и по всему такъ неугоднаго, чтобъ ей при ея всегдашней болѣзни отъ тѣхъ повсевременныхъ печалей безвременно не умереть и быть хотя послѣднею служительницею при вашемъ величествѣ, ежели то угодно, или ко мнѣ ее отпустить, только бы тамъ не быть, чего она отнюдь снесть больше не можетъ“ [2]).

Матвѣеву отозвали изъ Курляндіи въ 1718 году; но въ 1719 новыя просьбы со стороны ея мужа; въ это время онъ представилъ меморіалъ: „Сначала, когда я отправленъ былъ къ чужимъ Дворамъ, жалованье мнѣ посылалось самое малое, а именно пять лѣтъ давали по 4,000 рублей, къ которымъ принужденъ былъ прибавлять своихъ денегъ для имени и чести его величества. Въ продолженіе 17 лѣтъ (кромѣ Полтавской викторіи) всѣ торжества и тезоименитства его царскаго величества и прочіе разные расходы для дѣлъ государственныхъ исправлялъ на свои деньги. Къ тому же случилось несчастіе: когда изъ Парижа ѣхалъ въ Голландію, тогда разбило на морѣ погодою судно, гдѣ лучшій весь скарбъ и посуда серебряная вся пропала, и, пріѣхавъ въ Голландію, принужденъ былъ по чину своему все новое покупать и заводить. И отъ тѣхъ причинъ впалъ въ великіе долги, а деревни за мною самыя малыя и разоренныя. Безвинно у отца моего взято въ казну денегъ и пожитковъ продано на 85,232 рубля; отцу моему, какъ онъ изъ ссылки возвратился, сверхъ старыхъ деревень дано село Ландехъ съ 700 дворовъ, которое въ смутное время князь Иванъ Хованскій роздалъ разночинцамъ всякимъ; они и теперь безъ жалованныхъ грамотъ владѣютъ имъ, а вмѣсто того села мнѣ ничего не дано“. Матвѣевъ занялъ у Меншикова 9,000 рублей, отдавши въ закладъ алмазныя и серебряныя вещи, съ обязательствомъ платить по шести процентовъ, и „сія облигація была ему зѣло несносная“.—„По безприкладной милости“ Макарова, Матвѣевъ получилъ близъ Петербурга приморское мѣсто для сѣна и дровъ [3]).

Матвѣевъ просилъ денежной помощи, выставляя на видъ многолѣтнюю разорительную службу. Съ такою же просьбою обращался къ Екатеринѣ и Макарову человѣкъ, относительно Матвѣева, еще молодой, Артемій Петровичъ Волынскій. Способности Волынскаго особенно обнаружились въ трудныхъ обстоятельствахъ прутскихъ и были выставлены передъ царемъ Шафировымъ, при которомъ онъ тогда находился. Въ 1719 году Волынскій пожалованъ въ полковники и сдѣланъ астраханскимъ губернаторомъ. Въ томъ же году онъ писалъ Макарову: „Въ надеждѣ вашей ко мнѣ милости пріемлю смѣлость чрезъ сіе нижайше просить, припоминая ваше милостивое обѣщаніе, дабы изволили, милостиво внушать о моемъ разореніи и убыткахъ всемилостивѣйшему государю и государынѣ царицѣ; а нынѣ поистинѣ пропадаю съ десперации и паки прошу меня не оставить, понеже извѣстна вамъ моя одинокость и пустота. Отъ горести моей не радъ что и живъ, ибо себѣ ни что иное получилъ, токмо что отъ многихъ вижу злую ненависть и лаю (брань), кромѣ всякой моей вины“ [4]). Впослѣдствіи окажется, кромѣ ли всякой вины Волынскій видѣлъ отъ многихъ ненависть и лаю.

Съ жалобою на свое разореніе и съ просьбою о помощи обратился къ царю и иноземецъ Остерманъ, выставляя свои заслуги и усердіе. „Всекрайняя нужда“, писалъ онъ, „принуждаетъ меня вашему царскому величеству всеподданнѣйше представить, что я вашему величеству съ 1703 года служить честь имѣю, и могу смѣло о себѣ объявить, что я никому изъ природныхъ вашихъ подданныхъ въ вѣрности и усердіи къ службѣ вашей не уступаю. По возвращеніи моемъ отъ Прута отецъ мой покойный усильно требовалъ, чтобъ я, для услуженія ему въ старости его, въ отечество возвратился. По сему отца моего повелѣнію я неоднократно объ

[1]) Москов. Архивъ Ин. Дѣлъ, Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ 1717-й годъ, Кабинетъ II, кн. № 28.

[2]) Письмо Матвѣева къ царицѣ 17 февраля 1717 г. въ Государственномъ Архивѣ.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 41.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 40.

отпускѣ моемъ всеподданнѣйше просилъ какъ у вашего величества самого, такъ и у представленныхъ мнѣ начальниковъ; но ваше величество сами такими милостивыми обнадеживаніями продолженія малой моей службы требовать изволили, что я, несмотря ни на что, со всякою охотою и радостію остался, толь наипаче, понеже всегда натуральную склонность и любовь къ службѣ вашей имѣлъ и имѣю. Но по смерти отца моего я принужденъ былъ сіе мое всеподданнѣйшее прошеніе повторить, понеже я, яко христіанинъ, о себѣ попеченіе имѣть долженъ былъ, а здѣсь надежное основаніе будущей моей жизни не имѣлъ, и однимъ жалованьемъ честно пропитаться не могъ, ибо я за готовыя деньги жить принужденъ, а дороговизна въ С.-Петербургѣ извѣстна. Я тысячекратно, письменно и словесно, бѣдное мое состояніе представилъ и со многими горькими слезами начальниковъ моихъ просилъ, дабы для самого Бога милосердіе надо мною показали, и ежели малая моя служба угодна, мнѣ токмо честно пропитаніе исходатайствовали, ибо больше того я никогда не желалъ. Оные мои начальники меня изъ году въ годъ, отъ времени до времени высокимъ вашего величества именемъ обнадеживали, что ваше величество не токмо меня довольнымъ жалованьемъ, но и деревнями для лучшаго моего пропитанія пожаловать изволите. Въ той надеждѣ я чрезъ многіе годы нынѣ обрѣтаюся, отечество и многіе случаи къ утвержденію тамо фортуны моей и разныя мнѣ тамо представленныя полезныя супружества презрилъ и не токмо изъ отцовскаго малаго моего имѣнія все то, чѣмъ я располагать могъ, истратилъ, но уже давно въ великіе долги впалъ. Нынѣ я вашему величеству вовсе себя отдалъ и со всемилостивѣйшаго соизволенія вашего женился, и отъ того, по обыкновеннымъ при такихъ случаяхъ расходамъ, понеже я ни копѣйки денегъ за женою не взялъ, не токмо долговъ моихъ умножилось, но и я, какъ истиннымъ и всевѣдущимъ Богомъ клянуся, насущнаго хлѣба не имѣю, но, занимаючи, изо дня въ день печальную жизнь мою пробавляю. Посему принужденъ я къ вашему величеству самому свое прибѣжище имѣть и о высокомъ вашемъ милосердіи съ слезами всеподданнѣйше просить. Иноземцы, которые недавно въ службу вашего величества пришли и со мною въ одномъ степени обрѣтаются, получаютъ жалованье втрое противъ моего, а которые еще степенемъ ниже, и тѣ противъ моего получаютъ вдвое, кромѣ другихъ припадковъ (доходовъ) и отъ вашего величества имъ пожалованныхъ маетностей, и я оныхъ всѣхъ службою, вѣрностію и усердіемъ къ службѣ вашей далеко превзошелъ. Я о богатствѣ не прошу, и оное не ищу, ибо всѣ, которые меня знаютъ, вѣдаютъ, что сердце мое къ богатству не привязано; но я прошу токмо о хлѣбѣ, и чтобъ я себя и бѣдную мою фамилію честно пропитать могъ. А я обѣщаюсь вашему величеству вѣрно и отъ всего моего сердца служить, и, гдѣ потребно, за интересы ваши животъ мой всегда съ радостію положить" [1]).

Петръ имѣлъ право быть не очень чувствительнымъ къ такимъ просьбамъ, откладывать „изъ году въ годъ" ихъ исполненіе, потому что въ отношеніи къ самому себѣ соблюдалъ строгую бережливость, уменьшая расходы Двора до крайнихъ предѣловъ. Онъ служилъ, проходилъ разные чины какъ сухопутные, такъ и морскіе, и получалъ слѣдующіе по нимъ оклады. Любопытно посмотрѣть, на что онъ тратилъ свое жалованье; до насъ дошла приходо-расходная его вѣдомость съ 1705 по 1716 годъ: „Въ 705 году, прежнихъ, которыя привезены изъ Воронежа къ Москвѣ за корабельную работу, окладъ 366 рублевъ. На Москвѣ принято у Гр. Писарева третнаго жалованья, капитанская дача 44 рубли. У него же принято, будучи въ Кіевѣ, на 706 годъ 156 рублевъ. Въ 707 году въ Гроднѣ полковничья оклада 460 рублевъ; въ 710 году жалованныхъ отъ полку Преображенскаго полковничьихъ 1,572, и того въ приходѣ 2,598. И того написано въ расходѣ: въ 707 году отдано въ Вильнѣ въ Духовъ монастырь на церковное строеніе и на милостыню 150 рублевъ. За матеріи, купленныя въ Вильнѣ, 39 рублевъ 26 алтынъ 4 деньги. Анисьѣ Кириловнѣ на штофъ 26 рублевъ; князю Юрью Шаховскому на штофъ 41 рубль 23 алтына 2 деньги; адъютанту Бартеневу для нужнѣйшей посылки 50 рублевъ; Прокофью Мурзину, какъ онъ былъ боленъ, 20 рублевъ; въ Вильнѣ въ богадѣльню нищимъ 11 рублевъ; Авраму арапу да Якиму карлѣ на платье 87 рублевъ 13 алтынъ 2 деньги; Ульяну Синявину на строеніе шпиталя и на раздачу неимущимъ 600 рублевъ" [2]).

Знаменитый Никита Моисеевичъ Зотовъ умеръ; незадолго передъ смертію онъ вздумалъ жениться на вдовѣ Стремоуховой. Тотчасъ по смерти старика между его сыновьями и мачихою началась тяжба. Самый живой изъ братьевъ, уже извѣстный намъ Кононъ Никитичъ Зотовъ писалъ весною 1719 года два письма, одно къ царю, другое къ Макарову,—любопытныя по отношенію къ лицу и къ нравамъ эпохи; къ Макарову онъ писалъ, возвращаясь изъ-за границы: „Вящая моя печаль, что я знаю, съ чѣмъ ѣду, а къ чему ѣду, того не знаю, т.-е. нѣтъ у меня ни отца, ни матери, ни дому, ни покрова. Хоть братья меня по своей милости и не оставятъ, только сердцу моему несносно быть у нихъ въ милостыни! мнѣ уже безъ года 30 лѣтъ, какъ еще 10 лѣтъ, то пора будетъ идти въ попы. Нынѣ я безчестнѣе всякой твари, ибо птицы гнѣздо имутъ и лисы язвины имутъ, а я бѣдный не имѣю, гдѣ головы моей приклонить, развѣ веселиться Невою рѣкою и пѣть пѣсню: „Если кто хочетъ жити безъ кручины, тотъ бы ѣхалъ къ

---

[1]) Письмо безъ означенія года, въ Государст. Архивѣ.
[2]) Кабинетъ I, кн. № 64.

намъ на матушку на Неву рѣку". Если къ слову, прошу донести о моей бѣдности, гдѣ надлежитъ: истинно никакая милость меня не избалуетъ; а на шальныхъ топоръ и висѣлица еще есть!" Къ Петру Зотовъ писалъ по дѣлу съ мачихою: „Отъ краткости времени и отъ превеликой моей печали о смерти отца моего, также и отъ чрезвычайной моей прискорбности, наносимой отъ госпожи Анны Еремеевны Пашковыхъ по отцѣ, предъ тѣмъ бывшей за капитаномъ-поручикомъ Стремоуховымъ, а въ послѣднихъ изволившей быть за отцомъ моимъ, обрѣтающимся въ младенческомъ состояніи,—не могу иную челобитную привесть, только предисловіе къ читателю, которое я учинилъ для книги о морскихъ экзерциціяхъ. Умилосердись, царь государь, и помилуй отъ обиды наглой, безбогобоязливой и безстыдной: наглая обида для того, что ея (мачихи) не зналъ, ни въ чемъ не озлоблена была отъ меня, также и отъ братьевъ моихъ; безбогобоязливая для того, что за такого шла въ противность Богу, а безстыдная, что вѣдала, что вашему величеству и всѣмъ тебѣ подражающимъ весьма было противно такого старика уморить плотскою похотію. Ученѣйшіе меня легистраторы во Франціи положили, что человѣкъ, который перешелъ за 70 лѣтъ, не можетъ ничѣмъ и ни въ чемъ опредѣлять, и тако женитьба въ лѣтахъ отца нашего весьма не почитается женитьбою, что надлежитъ до наслѣдства. Дай Боже, чтобы Сенатъ всѣ сіи права зналъ. Не отъ помраченнаго ли ума сіе происходитъ и не во тьмѣ ли ходятъ нѣкоторые сенаторы, что вершатъ дѣло наше противъ намѣренія вашего величества, оставя уже духовную отца нашего? Намѣреніе вашего величества есть такое, чтобъ фамиліи всегда были въ неущербаемомъ состояніи, а они ущербаютъ нашу фамилію отдачею въ чужой родъ мачихѣ нашей четвертой части изъ движимаго и недвижимаго; какъ же еще къ тому, если изъ насъ трехъ братовъ (на прикладъ всѣ женаты) два умрутъ бездѣтны, то еще женамъ вдовамъ надобно также отдать по четвертой части, и такъ третій братъ останется при одной четверти имѣніи отца своего" [1])!

Относительно нравовъ эпохи, когда люди высшаго сословія принимали новые обычаи, но внутренно были очень близки къ домостроевскимъ временамъ, замѣчательно дѣло извѣстнаго намъ князя Григорія Ѳедоровича Долгорукаго съ зятемъ своимъ, кравчимъ Салтыковымъ, -дѣло, очень долго тянувшееся. Въ февралѣ 1721 года князь Долгорукій билъ челомъ, что зять его, кравчій Салтыковъ, жену свою, а его дочь, имѣлъ въ любви не малое время, а потомъ обратился немилостію, по наговору людей своихъ безвинно билъ мучительски и голодомъ морилъ, и хотѣлъ въ Митавѣ убить до смерти, и, что было ея, все ограбилъ, и, видя свое послѣднее житіе, принуждена съ дороги отъ Риги къ нему, отцу, въ Варшаву уходить. Салтыковъ отвѣчалъ: „Безвинно не бивалъ, а когда какую противность и непослушаніе мнѣ учинитъ, тогда ее своеручно бивалъ; къ милости она меня не привращала, всегда меня не слушала и невѣжничала многими досадными словами" [2]).

Если старина такъ сильно сохранялась между людьми, стоявшими наверху, прежде всѣхъ тронутыми преобразованіемъ, то понятно, что еще сильнѣе сохранялась она вдали отъ Двора. Мы не разъ встрѣчались съ крестьяниномъ Посошковымъ; видѣли, какъ чуть-чуть не попался онъ въ большую бѣду за связь съ людьми, которые рѣшились указать молодому Петру черную сторону его правленія; потомъ видѣли его имя, соединенное съ именемъ прибыльщика Курбатова, въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Посошковъ,—живой, талантливый, умный русскій человѣкъ,—ясно понималъ необходимость для Россіи выйти изъ прежняго положенія, сочувствовалъ преобразователю, его благонамѣренности, но вмѣстѣ сильно тяготился тѣмъ, что преобразованіе идетъ не такъ скоро, что мѣры Петра встрѣчаютъ повсюду страшныя препятствія, и выставилъ всѣ эти препятствія въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи: „О скудости и богатствѣ". Нетерпѣливый Посошковъ предлагалъ самыя крутыя мѣры для истребленія застарѣлаго зла: „Если для установленія правды правителей судебныхъ и много падетъ—быть уже такъ. Безъ такого страха не думаю я, чтобъ можно было тотъ злой корень истребитъ: если какая-нибудь земля сильно затернѣетъ, то нельзя на ней сѣять пшеницы, пока этого тернія огнемъ не выжгутъ;—такъ и въ народѣ злую застарѣлость зломъ надобно и истреблять. Не только у иноземцевъ-христіанъ, но и у бусурмановъ судъ чинятъ праведный; а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годится: какіе указы ни состоятся всѣ ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ. И пока прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и все совершенно не укоренится,—никакими мѣрами богатымъ намъ быть, какъ въ другихъ Земляхъ, нельзя, также и славы доброй намъ не нажить, потому что всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинятся отъ неправаго суда, отъ нездраваго разсужденія, отъ неразсмотрительнаго правленія и отъ разбоевъ; крестьяне, оставя свои домы, бѣгутъ отъ неправды. Древнихъ уставовъ не измѣня, никакъ правосудія насадить и утвердить нельзя. Неправда вкоренилась и застарѣла въ правителяхъ, отъ мала до велика всѣ стали быть поползновенны—одни для взятокъ, другіе боясь сильныхъ лицъ. Оттого всякія дѣла государевы неспоры, сыски неправы, указы недѣйствительны. Всѣ правители дворянскаго чина своей братьи знатнымъ норовятъ, власть имѣютъ и дерзновеніе только надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дво-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 35.

[2]) Кабинетъ II, № кн. 56.

рянамъ не смѣютъ и слова противнаго сказать. Сколько послано указовъ во всѣ города о недорosляхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; если какого дворянина и именно указано выслать, то и того нескоро высылаютъ, но, по старому Уложенью, дожидаются третьяго указа, и если ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже вышлютъ. И при такомъ презрѣніи царскихъ указовъ иные дворяне уже состарѣлись, живя въ деревняхъ, а на службѣ и одною ногою не бывали. Въ Уложеніи напечатано, что третьяго указа дожидаться, и этимъ сдѣлана потачка плутамъ и царскаго величества презирателямъ. Какъ этимъ указомъ избалованы дворяне, вотъ примѣръ: въ устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Макѣевъ Пустошкинъ,—уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой ни одною ногою не бывалъ, и какія посылки жестокія по него ни бывали, никто взять его не могъ: однихъ дарами угобзитъ, или притворится тяжко больнымъ, или возложитъ на себя юродство. За такимъ его пронырствомъ иные его и съ дороги отпускали, и когда изъ глазъ у посыльщиковъ выйдетъ, то юродство свое отложитъ, и, домой пріѣхавъ, яко левъ рыкаетъ. И хотя никакой службы великому государю не показалъ, а сосѣди всѣ его боятся. Въ Алексинскомъ уѣздѣ я видѣлъ дворянина Ивана Золотарева: сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козла. Въ Крымскій походъ вмѣсто себя послалъ убогаго дворянина: далъ ему лошадь и человѣка своего, и тотъ его именемъ былъ на службѣ, а самъ онъ дома былъ и по деревнямъ шестерикомъ разъѣзжалъ, и сосѣдей своихъ разорялъ. И не только городовые дворяне, но и тѣ, которые въ Москвѣ служатъ и называются царедворцами, великому государю лгутъ: когда бываетъ имъ нарядъ на службу, то одни напишутся въ сыскъ за бѣглыми солдатами, возьметъ указъ, заѣдетъ въ свои вотчины, да тамъ и пробудетъ военную пору; другіе напишутся въ вынимщики, по дворамъ вино корчемное вынимать, или къ другимъ всякимъ дѣламъ бездѣльнымъ добившись, такъ и проживутъ военную пору. Видимъ мы всѣ, какъ великій нашъ монархъ трудится, да ни въ чемъ не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору хотя и самъдесятъ тянетъ, да подъ гору милліонъ тянутъ,—то какъ дѣло его споро будетъ? Сколько новыхъ статей издано, а не много въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ древняя неправда одолѣваетъ. И оттого дѣло идетъ постарому: кто кого сможетъ, тотъ того и забижаетъ. На что бодрѣе и разумнѣе князя Димитрія Михайловича Голицына? Въ 1719 году подалъ я ему челобитную, чтобъ мнѣ заводъ построить винокурный и водку взять на подрядъ:—и невѣдомо за что велѣлъ меня за караулъ посадить; и сидѣлъ я цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно, что долго сижу, а за что сижу—не знаю; велѣлъ я урядiнику доложить о себѣ, и князь Димитрій Михайловичъ спросилъ: Давно-ль онъ подъ карауломъ сидитъ"?—Урядникъ сказалъ: „Уже цѣлую недѣлю сидитъ"; – и тотчасъ велѣлъ меня выпустить. А я, кажется, и не послѣдній человѣкъ, и князь меня знаетъ, а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что. Что же, если какого-нибудь мизернаго посадятъ, да и забудутъ! Въ Нѣмецкихъ Земляхъ очень людей берегутъ, особенно купецкихъ людей, оттого у нихъ купецкіе люди и богаты очень. А наши судьи ни мало людей не берегутъ, и тѣмъ небереженіемъ все царство въ скудость приводятъ. Что это у нашихъ людей за разумъ, что ничего въ прокъ государству не прочатъ, только прочатъ имѣніе себѣ, и то на часъ" [1])?

Богатые землевладѣльцы попрежнему продолжали принимать бѣглыхъ крестьянъ отъ бѣдныхъ, которые, по словамъ Посошкова, если и найдутъ своихъ крестьянъ, то развѣ изъ-подъ рукъ на нихъ посмотрятъ, а взять и помыслить нельзя; а воеводы въ такія вотчины посыльщиковъ посылать не смѣютъ. Попрежнему землевладѣльцы вели другъ съ другомъ войны при размежеваніи; но теперь, при расширеніи горизонта русскаго человѣка, когда стали разумно глядѣть на явленія, доискиваясь ихъ причинъ и стараясь найти средства къ отстраненію явленій вредныхъ,—теперь явилась мысль о генеральномъ межеваніи: 18 марта 1719 года Василій Татищевъ подалъ предложеніе о генеральномъ размежеваніи, „чтобъ не было между шляхетствомъ междоусобія". По словамъ Татищева, у Петра было намѣреніе: „для уравненія даней, сложивъ съ народа часть податей, расположить оную на земли, и сіе въ семъ же году въ заготовленномъ указѣ о межеваніи было уже опредѣлено, однакожь за неокончаніемъ помянутаго межеваго наказа не вышло" [2]).

Попрежнему, чѣмъ далѣе на востокъ,—тѣмъ больше позволяли себѣ сильные люди. Въ февралѣ 1721 года Кудрявцевъ писалъ царю изъ Казани: „Прошу молосердія на сумасброднаго стараго Молоствова: ѣздилъ по деревнямъ татарскимъ и, сбирая Татаръ, сказываетъ имъ, что онъ присланъ отъ вашего царскаго величества съ полнымъ указомъ уставить въ мірѣ правду, и волю имѣетъ казнить и вѣшать—какъ и прежде вѣшалъ, такъ и нынѣ можетъ дѣлать самовластно, никого не боясь, и внушаетъ имъ, что отъ податей государство все разорилось; разсказываетъ, какъ древнія государства разорялись и пропали, и наше такъ-же разорилось и пропадаетъ. Также сказываетъ имъ, что ваше царское величество не указалъ нынѣ корабельнаго лѣса готовить и велѣлъ всѣмъ повольно дубъ рубить, и я работою корабельныхъ лѣсовъ будто мучу напрасно людей. Стакался съ Гаврилою Норовымъ, велитъ имъ дубовые лѣса всякому на свои нужды рубить, и письма давалъ, чтобъ рубили. Во свидѣтельство правды словъ своихъ говорилъ, что въ 1717 году многихъ людей перевѣшалъ, за

---

[1]) Сочиненія Ивана Посошкова, изд. Мих. Погодина.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 93; Татищева въ примѣчаніи на Судебникъ стр. 76.

что похвалу себѣ принялъ, и обѣщался Татарамъ, что до смерти своей будетъ имъ помощникомъ и предводителемъ всякому дѣлу; что хотѣлъ-было постричься, но теперь для нихъ до смерти не пострижется, и нынѣ имъ же, Татарамъ, сказалъ, что поѣдетъ въ С.-Петербургъ и привезетъ указъ, что меня передъ ними Татарами казнить“ [1]).

По примѣру царя и членовъ Царскаго Дома, русскіе дворяне въ описываемое время начали ѣздить за-границу лѣчиться. Царь, разумѣется, не отказывалъ въ позволеніи желающимъ; но были другія препятствія. Въ этомъ отношеніи любопытна исторія того же семейства Зотовыхъ. Мы знакомы съ двоими сыновьями Никиты Моисеевича—Васильемъ и Конономъ; но былъ еще третій братъ, Иванъ, которому отецъ не позволялъ служить, а употреблялъ для управленія имѣніемъ. Иванъ заболѣлъ и писалъ Макарову: „Извѣстно вамъ, что братъ мой, Кононъ, также чрезъ великую силу вашимъ предстательствомъ избылъ изъ дворничества въ службу государеву; я нынѣ бѣдный закоснѣлъ и въ скорби упалъ по волѣ отцовой, понеже держалъ меня для деревень подъ клятвою и ни въ какую службу не выпускалъ; а нынѣ какъ увидалъ, что я весьма боленъ, по желанію нѣкоторыхъ, считалъ меня въ расходѣ десять лѣтъ, отъ чего я едва не умеръ, однако отчетъ далъ; а потомъ и кормить, какъ сына надлежитъ, не соизволяетъ, а своимъ мнѣ прожить нечѣмъ“. Иванъ просилъ позволенія ѣхать лѣчиться за границу и по этому поводу писалъ самому царю: „Премилосердымъ вашего величества природнымъ человѣколюбіемъ призирая на мою погибель, повелѣно мнѣ для исцѣленія тайной моей конечной скорби, чтобъ здѣсь не исчезнуть, ѣхать въ теплицы французскія, о чемъ указъ изъ кабинета вашего величества и пашпортъ изъ канцелярія иностранныхъ дѣлъ ко мнѣ былъ отправленъ; и тотъ указъ я получилъ, а пашпортъ и нонѣ удержанъ у господина моего отца, который за жалостію разлученія и для строенія дому и понынѣ меня не отпускаетъ, не разсуждая того, что я въ такой моей злой болѣзни безвременно погибну, и пока живъ, не токмо вашему величеству въ службу, ниже кому-либо годенъ быть могу. Слезно молю человѣколюбивыя ваши щедроты: повели мнѣ всемилосердымъ вашимъ собственнымъ указомъ ѣхать къ Архангельскому городу, и оттоль чрезъ Амстердамъ въ теплицы, гдѣ, свободясь отъ скорби, возмогъ бы вамъ, государю, служить, подобно какъ и братъ мой, Кононъ, который, еслибъ не вашею взятъ былъ монаршею рукою, и понынѣ закоснѣлъ бы въ крестьянскихъ судейкахъ, какъ и я пребываю по се время“ [2]).

Нѣкоторые ѣхали за границу лѣчиться; другіе, волею-неволею, ѣхали туда же учиться; здѣсь, на западѣ Европы, вырвавшись на свободу, русскіе молодые дворяне иногда позволяли себѣ такое же поведеніе, къ какому привыкли въ лѣсахъ и степяхъ Европы восточной. Въ августѣ 1717 года Кононъ Зотовъ писалъ царю: „Господинъ маршалъ Д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся часто между собою и бранятся такою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги“. Въ сентябрѣ новое письмо: „Гардемаринъ Глѣбовъ поколол шпагою гардемарина Барятинскаго, и за то за арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ (Французовъ) такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно на поединкахъ лицемъ къ лицу. Они же нынѣ всѣ по міру скитаются“ [3]).

Лѣнь, стремленіе отбывать отъ дѣятельности, слѣдствіе многовѣковаго застоя въ народной жизни, замѣчались повсюду, во всѣхъ сословіяхъ и вызывали насильственныя мѣры преобразователя, безцеремонно будившаго Русскаго человѣка, безцеремонно гнавшаго его на работу. „Иные и посадскіе люди“, говоритъ Посошковъ, „такіе есть лежебоки, что живутъ своими домами, но, не хотя ни торговать, ни работать, ходя по міру, милостыню собираютъ; а иные, сковавшись, ходятъ будто тюремные сидѣльцы, и, набравъ милостыню, дома лежа ѣдятъ. А иные сами промышляютъ, а дѣтей своихъ посылаютъ милостыню просить. Нынѣ истинно стыдное дѣло, что въ нищихъ да въ колодникахъ пройти невозможно“. И это послѣ повторительныхъ строгихъ указовъ противъ нищенства! И на поведеніе русскихъ ремесленныхъ учениковъ за-границею слышались жалобы; царскій резидентъ въ Лондонѣ, Ѳедоръ Веселовскій, писалъ въ сентябрѣ 1718 года: „Ремесленные ученики послѣдней присылки приняли такое самовольство, что не хотятъ ни у мастеровъ быть, ни у контрактовъ или записей рукъ прикладывать, но требуютъ возвратиться въ Россію безъ всякой причины, также просятъ великаго себѣ жалованья и больше того, какъ прежнимъ ихъ товарищамъ опредѣлено, а именно — по два ефимка англійскихъ на четверть года (на праздничную забаву, ибо мастера обязаны были одѣвать ихъ и кормить пять лѣтъ). И хотя я ихъ добромъ и угрозами уговаривалъ, чтобъ они воли вашего величества послушны были, однакожь они въ противности пребываютъ, надѣясь на то, что я ихъ наказать не могу безъ воли вашего величества, и что, по обычаю здѣшняго государства, наказывать иначе нельзя какъ по суду“ [4]).

Будучи самъ изъ крестьянъ, Посошковъ хорошо зналъ ихъ бытъ; и между ними онъ находилъ тотъ же главный порокъ: крестьянское житье скудно, по его словамъ, не отъ иного чего, какъ отъ собственной ихъ лѣни, и потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей и отъ помѣщичья насилія и небреженія. Больше всего крестьяне терпятъ отъ

[1]) Кабинетъ II, кн. № 55.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 32.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 32.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 35.

пожаровъ, вслѣдствіе тѣсноты жилищъ, и отъ разбойниковъ, вслѣдствіе неразвитости общественной жизни, непривычки къ общему дѣлу: въ иной деревнѣ десятка два или три или и гораздо больше дворовъ, а разбойниковъ придетъ и небольшое число къ крестьянину, станутъ его мучить, огнемъ жечь, пожитки его на возы класть; сосѣди всѣ слышатъ и видятъ, но изъ дворовъ своихъ не выйдутъ и сосѣда отъ разбойниковъ не выручаютъ. „Еще", говоритъ Посошковъ, „немалая пакость крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Въ иной деревнѣ дворовъ двадцать и тридцать, а грамотнаго человѣка нѣтъ ни одного, и отъ того случается, что если пріѣдетъ кто-нибудь съ указомъ, или безъ указу, да скажетъ, что указъ у него есть, то ему вѣрятъ и принимаютъ на себя излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ. Многіе пріѣзжаютъ и безъ указу, и пакости имъ чинятъ великія, а они оспорить не могутъ, и въ поборахъ много съ нихъ лишнихъ денегъ берутъ. Для охраненія отъ такихъ напрасныхъ убытковъ нехудо бы крестьянъ и поневолить, чтобъ дѣтей своихъ отдавали дьячкамъ учиться грамотѣ, читать и писать. Нехудо указъ послать и въ Низовые города, чтобъ у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ отдавать учить, хотя и бы и насильно. А когда научатся, то и самимъ слюбится, потому что къ нимъ чаще чѣмъ въ русскія деревни пріѣзжаютъ солдаты, приставы, подъячіе, иногда съ указомъ, иногда безъ указу, и дѣлаютъ, что хотятъ, потому что Мордва—люди безграмотные. Не очень справедливо и то, что помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимыя, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ ни одного дня на себя что сработать. Многіе дворяне говорятъ: „Крестьянину не давай обрости, но стриги его, какъ овцу, догола". Говоря такъ, царство пустошатъ, такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ такой нужды крестьяне домы свои оставляютъ и бѣгутъ, иные въ понизовыя мѣста, другіе въ украинскія, нѣкоторые и въ зарубежныя: чужія страны населяютъ, а свою пусту покидаютъ. Крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, отъ того они не не очень ихъ и берегутъ: прямой ихъ владѣтель Всероссійскій Самодержецъ, а они владѣютъ временно". Мы видѣли, какія мѣры принимало правительство для улучшенія участи крестьянъ; дурное обращеніе съ ними помѣщиковъ, какъ скоро дѣлалось извѣстнымъ, не оставалось безъ наказанія: въ 1721 году Василій Головинъ сосланъ былъ на каторгу на 10 лѣтъ за то, что билъ человѣка своего, и тотъ во время побоевъ умеръ [1]).

Посошковъ требовалъ сильныхъ средствъ, чтобъ выжечь старую неправду; но тѣмъ, которые испытывали на себѣ эти сильныя средства, разумѣется, они не нравились. Въ 1720 г. бурмистръ новгородской ратуши Сыренскій въ приказной палатѣ сказалъ: „Кто со Христомъ водился, тѣ безъ головы стали; а кто и съ царемъ поводится, и тотъ безъ головы и спины будетъ" [2]). У астраханскаго подъячаго Кочергина найдено письмо, заговоръ: „Лежитъ дорога, черезъ тое дорогу лежитъ колода, по той колодѣ идетъ самъ сатана, несетъ кулекъ песку да ушатъ воды; пескомъ ружье заряжаетъ, водой ружье заливаетъ; какъ въ ухѣ сѣра кипитъ, такъ бы въ ружьѣ порохъ кипѣлъ, а онъ бы оберегатель мой повсегда бодръ былъ, а монархъ нашъ царь Петръ буди проклятъ (трижди)". По доносу духовника, тяглецъ Садовой слободы Василій Волкъ винился: онъ при исповѣди царское величество называлъ антихристомъ, потому что велѣлъ бороды брить и платье нѣмецкое носить, и службы великія, и податьми и поборами солдатскими и иными нападками народъ весь разоренъ, и въ Приказахъ судьи дѣлаютъ неправды и берутъ многія взятки, а онъ, государь, судей отъ того не унимаетъ и за ними не смотритъ и въ податяхъ милости нѣтъ; и пишутъ гербъ орла двоеглаваго, а о дву головахъ орла не бываетъ, а двоеглавый змѣй, т.-е. антихристъ, а пришло это ему въ мысль потому, что слыхалъ въ Евангеліи и въ другихъ книгахъ читали (самъ грамотѣ не умѣетъ): въ послѣднія времена возстанетъ царство на царство и народится антихристъ; и самъ онъ по дѣламъ разоренъ и указу ему не чинятъ въ Земскомъ Приказѣ, учинилось ему убытковъ 200 рублей и доправлена на немъ выть безвинно; а когда онъ, государь,—прямой царь, а не антихристъ, и судей въ неправдѣ унимаетъ, и ему Богъ въ помощь, а ему Василію дѣла нѣтъ". Попъ Будаковскій говорилъ: „Какой онъ царь?—лучшихъ бояръ велѣлъ посадить на колья, Петербургъ одѣлъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву одѣлъ въ лапти; но Москва у насъ безъ государя не будетъ". Разглашали, что Петръ какую-то Бутурлину довелъ до смерти, въ Измайловѣ бояръ канатомъ таскалъ изъ проруби въ прорубь. Якова Степ. Пушкина сажалъ на куриныя яица [3]). Письменное распространеніе подобныхъ слуховъ заставило въ августѣ 1718 года издать указъ: „Если кто станетъ запершись писать, кромѣ учителей церковныхъ, какія-нибудь письма, и кто объ этомъ узнаетъ—долженъ извѣщать; если же кто не извѣститъ и про то сыщется и въ томъ поврежденіе царскаго величества чести или какое возмущеніе явится, то недонесшіе равную казнь или наказаніе примутъ съ нарушителями царской чести и возмутителями". Съ другой стороны, жестоко наказывали ложныхъ доносчиковъ и лжесвидѣтелей: въ 1713 году ложнаго доносчика колесовали и повѣсили за ребро, лжесвидѣтеля повѣсили [4]).

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 65.

[2]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по статсъ-конторѣ означеннаго года.

[3]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Преображ. Приказа 1712, 1719 год.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 3223, Дѣла Преображ. Приказа 1713 г.

„Службы великія"! Мы видѣли средства, какія употребляли тогдашніе дворяне, чтобъ избыть службы; но не всѣмъ могла быть удача въ этихъ средствахъ, не всѣ могли задаривать и притворяться юродивыми. Изъ двухъ бѣдъ надобно было выбирать меньшую, и въ 1715 году 280 человѣкъ недорослей, избывая службы, записались въ Славяно-Латинскую школу [1]). Но средство было выбрано неудачное: нужна была наука, но нужна была и служба, и нельзя было позволить, чтобъ во время великой войны школы наполнялись насчетъ полковъ, тѣмъ болѣе что записываться въ школы тогда еще не значило учиться. Недорослей выписали изъ Славяно-Латинской школы. Отъ службы спасались въ школы; отъ заграничной школы уходили въ монахи, и тоже понапрасну: вологодскій помѣщикъ Иванъ Морковъ, посланный въ Венецію для навигацкой науки, ушелъ оттуда въ Россію и постригся; но Петръ велѣлъ взять его изъ монастыря въ Петербургъ, несмотря на то, что эго уже былъ не Иванъ Морковъ, но іеродіаконъ Іоасафъ [2]) И относительно школъ справедливы были слова Посошкова, что Петръ съ немногими тянулъ на гору, а многіе старались тянуть подъ гору. Въ февралѣ 1718 года префектъ Славяно-Латинскихъ школъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, билъ челомъ царю, что у него школы каменныя валятся и уже часть ихъ съ переходами каменными упала, также и дворъ школьный безъ починки и безъ очистки въ запустѣніи. Въ Спасскомъ училищномъ монастырѣ деревянныя кельи, данныя учителямъ, очень обветшали и жить въ нихъ нельзя; въ томъ же монастырѣ большой недостатокъ въ кельяхъ, потому что обитель была малая, да часть новой отдана учителямъ, такъ что для братіи осталось только четыре кельи; а есть при томъ же монастырѣ вмѣсто стѣны часть ряда иконнаго.—Государь указалъ: школы и школьный дворъ починить и очистить, въ Спасскомъ монастырѣ кельи построить каменныя, иконный рядъ отъ монастырскихъ до школьныхъ воротъ отдать въ тотъ же монастырь и перестроить его на кельи.—Прошло полгода, – указъ не былъ исполненъ, и Лопатинскій долженъ былъ подать прошеніе въ канцелярію сенатскаго правленія: „По именному указу въ Монастырскомъ Приказѣ ничего не сдѣлано; а учителямъ негдѣ жить и учениковъ негдѣ учить, собрать ихъ послѣ вакацiи нельзя". Сенатъ послалъ указъ въ Монастырскій Приказъ, чтобъ исполненъ былъ указъ великаго государя [3]). Учителямъ (осьми человѣкамъ) давалось жалованья по 150 рублей человѣку, архимандриту по 300 рублей, что по тогдашнимъ цѣнамъ было очень достаточно; но иногда вдругъ выдача жалованья прекращалась—сенатскаго указа не было, и учителя должны были подавать прошеніе; прекращали выдачу и дровъ, ссылаясь также, что нѣтъ сенатскаго указа [4]).

Ученики бѣгали, учителей били разбойники. Извѣстный уже намъ московскій ученый Поликарповъ писалъ начальнику своему Мусину-Пушкину осенью 1716 года: „Учители Греческіе роспись бѣглымъ ученикамъ въ сенатскую канцелярію послали, числомъ на 40 человѣкъ, и что будетъ по ней, доносить не умедлю, обаче сомнѣваюсь, дастся ли поневолѣ своевольнымъ наука. А нынѣ и наипаче нужда умножить Греческую науку, понеже соучениκъ и споспѣшникъ мой о Господѣ Никола справщикъ переселися ко отцемъ своимъ и отъ здѣшнихъ трудовъ воспрія покой смертію, и смертію внезапною, ибо шедша его изъ мыльни при вечерѣ, нападше всего обнажиша и бивше умертвиша и въ глубокую грязь повергоша, его же наутріе мертва обрѣтше, вчера погребохъ; отправихомъ же погребальная изъ казны государевы десятью рублями, понеже по немъ кромѣ двухъ рублей не обрѣтеся" [5]). Поликарповъ отыскивалъ въ Москвѣ учителей и для новой столицы: въ 1715 году великій государь указалъ выслать въ С.-Петербургъ учителей Нѣмецкой и Французской школъ, принявъ у справщика печатнаго дѣла Ѳеодора Поликарпова, и прислать, если они плѣнные, то за карауломъ, а если не плѣнные, то съ провожатымъ. По доношенію Поликарпова, оказалось, что оба учителя свободные, а не плѣнные, одинъ Французской школы Іосифъ Ивановъ Гагинъ (родомъ Италіанецъ), другой Нѣмецкой школы Яганъ Вурмъ [6]). Въ 1711 году подъ вѣдѣніемъ графа Мусина-Пушкина были четыре разноязычныя нѣмецкія школы; въ томъ же году упоминается о школѣ, которую вѣдалъ Павелъ Веселовскій: въ ней было 9 человѣкъ учителей, на содержаніе которымъ шло 1,050 рублей, 38 учениковъ, на которыхъ издерживалось 1,894 рубля, школьный подъячій, получавшій по 9 рублей; всего выходило на эту школу 3,000 рублей [7]). Въ Инженерной школѣ было 23 ученика; Петру казалось этого мало, и въ январѣ 1712 года онъ написалъ: „Школу Инженерную умножить, а именно сыскать мастера изъ Русскихъ, который бы училъ цифири или на башню (Сухареву) для сего ученія посылать, а когда ариѳметику скончатъ, учить геометрію столько, сколько до инженерства надлежитъ, а потомъ отдавать инженеру учить фортафикацію и держать всегда полное число 100 человѣкъ или полтораста, изъ которыхъ чтобъ двѣ трети было изъ дворянскихъ дѣтей" [8]). Указъ не былъ исполненъ, и въ ноябрѣ 1711 года новый: „Въ Инженерную школу въ прибавокъ къ прежнимъ учени-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 24.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 41.
[3]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Московской губерніи 1718 года.
[4]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла по Монастырскому Приказу 1712 года.
[5]) Переписка Мусина-Пушкина съ Поликарповымъ въ Государственномъ Архивѣ.
[6]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Монастырскому Приказу 1715 года.
[7]) Полн. Собр. Зак. № 2389.
[8]) Кабинетъ I, кн. № 32.

камъ къ 23 человѣкамъ набрать въ военной канцеляріи изъ всякихъ чиновъ людей, также изъ царедворцовыхъ дѣтей, за которыми есть до 50 дворовъ, 77 человѣкъ, чтобъ всѣхъ ихъ было 100 человѣкъ". Мы видѣли мѣры для первоначальнаго обученія дворянскихъ дѣтей; въ 1714 году велѣно было дьячьихъ, подъяческихъ, поповыхъ и прочаго церковнаго чина, архіерейскаго дома и монастырскихъ слугъ дѣтей, кромѣ дворянскихъ, отъ 10 лѣтъ до 15 учить цифири и геометріи, и для того послать въ каждую губернію изъ школы по два человѣка, которые ариѳметику и геометрію выучили; вѣдать эти школы въ Адмиралтейской коллегіи. Сенатъ прибавилъ, чтобъ дѣтей посадскихъ людей неволею учиться не понуждать, принимать только такихъ, кто сами собою къ наукѣ охоту возымѣютъ, потому что дѣти посадскихъ людей въ эти годы начинаютъ заниматься торговлею, такъ чтобъ отъ этого государевымъ податямъ не было повреждения [1]).

Въ новой приморской столицѣ учреждена была Морская академія, директоромъ который былъ сдѣланъ Французъ баронъ С.-Илеръ, подъ главнымъ начальствомъ графа Матвѣева. Между ними скоро произошло столкновеніе: въ сентябрѣ 1716 года Матвѣевъ писалъ Макарову: „Въ академіи здѣсь все идетъ порядочно; кадеты въ наукахъ прилежно преуспѣваютъ, а солдатской экзерциціи такъ хорошо обучались, какъ бы старые; только, присматриваясь къ дѣйствіямъ господина барона (С.-Илера), нахожу, что деньги, которыя ему отпущены въ большомъ числѣ, все равно, что въ окно выкинуты. Если бы не было у меня англійскихъ профессоровъ, то бы некому было освидѣтельствовать кадетовъ; науки не оканчиваются, потому что баронъ въ нихъ не свѣдущъ; регламенты, имъ поданные, не были его практики, а переписаны съ печатныхъ правилъ французской морской академіи, а онъ выдалъ ихъ за новость". С.-Илеръ, вѣроятно узнавши мнѣніе Матвѣева о себѣ, подалъ графу Апраксину письменное доношеніе, въ котромъ Матвѣевъ назывался невѣждою. Тогда Матвѣевъ написалъ Апраксину въ декабрѣ 1716 года: „Срамно всѣмъ слышать, что С. Илеръ напрасно похитилъ назвище генеральнаго директора, который долженъ отличаться совершеннымъ знаніемъ своего дѣла и имѣть безстрастный надзоръ надъ всѣми профессорами, не только-что надъ навигаторами и кадетами. Но онъ, С.-Илеръ, во время годоваго пребыванія своего въ академіи, ни одного кадета въ дальнѣйшую науку не произвелъ, и успѣховъ въ самой меньшой наукѣ свидѣтельствовать не можетъ, не только не превосходитъ профессоровъ, но и навигаторской науки не знаетъ; если бы не случилось англійскихъ профессоровъ, то нельзя было бы и въ десять лѣтъ ни одного кадета изъ науки въ науку произвесть". Навигаторъ Угримовъ подалъ прямо къ царю челобитную, что С.-Илеръ билъ его по щекамъ и палкою при всей школѣ. Апраксинъ въ январѣ 1717 года написалъ царю: „Какъ я здѣсь могъ усмотрѣть, между господъ правителей академіи, графа Матвѣева и барона Сенталера происходитъ немалая противность и другъ на друга подаютъ письменныя доношенія; въ тѣхъ ихъ спорахъ въ академіи не безъ помѣшательства; и ежели не изволитъ ваше величество ихъ развести, то академія въ лучшее состояніе никогда придти не можетъ, и ежели изъ нихъ поручить сіе правленіе которому одному, а другого отпустить, то я бы надѣялся, что будетъ лучше, а по моему мнѣнію лучше-бъ поручить графу Матвѣеву, чтобъ вамъ можно было на одномъ взыскивать, однакожъ сего безъ воли вашего величества учинить не смѣю".

Между тѣмъ С.-Илеръ струсилъ, особенно послѣ бесѣды съ страшнымъ Данилычемъ, которому до всего было дѣло, и который, какъ всѣ Русскіе, начиная съ царя, пользовался искусствомъ иностранцевъ, но при каждомъ удобномъ случаѣ любилъ дѣлать имъ сильныя внушенія, чтобъ они не забывались и не важничали. С.-Илеръ почелъ нужнымъ помириться съ Матвѣевымъ, и вотъ что писалъ ему 1-го марта 1717 года: „Узналъ я, что его царское величество извѣстенъ о спорѣ между вашимъ сіятельствомъ и мною. Я прихожу къ вамъ всепокорно просить, чтобъ оную прекратить. Я хочу ваше сіятельство гораздо обнадежить, что я забываю всѣ озлобленія, мнѣ учиненныя, потому что по вашимъ наговорамъ пресвѣтлѣйшій князь Меншиковъ грозилъ меня палками бить, чтобы, по его словамъ, выучить Французскій народъ какъ жить; вашему сіятельству извѣстно, что такихъ потчиваній не чинятъ шляхтичу въ нашей Европѣ. Ваше сіятельство можетъ быть обнадежено, что я буду имѣть всегда къ вамъ весь респектъ и все почитаніе, должное вашему характеру". Но обнадеживанія опоздали: Петръ, по письму Апраксина, велѣлъ поручить академію одному Матвѣеву [2]).

Мы видѣли, что обученіе медицинѣ началось при учрежденіи московскаго госпиталя; въ маѣ 1719 года велѣно было отослать 30 учениковъ къ доктору Блументросту для наученія медицины [3]). Отсылка молодыхъ людей за границу для науки продолжалась безостановочно. Въ январѣ 1715 года Петръ писалъ Конону Зотову: „Ѣхать во Францію въ порты морскіе, а наипаче гдѣ главный флотъ ихъ, и тамъ, буде возможно, и вольно жить, и присматривать волонтиромъ, то быть волонтиромъ, будеже невозможно, то принять какую службу. Все что по флоту надлежитъ на морѣ и въ портахъ сыскать книги, также чего нѣтъ въ книгахъ, но отъ обычая чинятъ, то пополнить и все перевесть на Славянскій языкъ нашимъ штилемъ, токмо храня то, чтобъ дѣла не проронить, а за штилемъ ихъ не

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2739; Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Москов. губерніи.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 28, 31; Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1717.

[3]) Полное Собр. Зак. № 3682.

гнаться. Суворова и Туволкова отправить въ Мардикъ, гдѣ новый каналъ дѣлаютъ, также и на тотъ каналъ, который изъ океана въ Медитеранское море проведенъ и въ прочія мѣста, гдѣ дѣлаютъ каналы, доки, гавани и старые починиваютъ и чистятъ, чтобъ они могли присмотрѣться къ машинамъ и прочему, и могли тѣхъ фабрикъ учиться" [1]). Мы видѣли ,что въ 1716 году были отправлены въ Кенигсбергъ молодые подъячіе для того, чтобъ по возвращеніи служить въ коллегіяхъ. За-границею не всегда давали Русскимъ людямъ возможность учиться. Царскій резидентъ при Англійскомъ Дворѣ, Ѳедоръ Веселовскій писалъ Петру въ сентябрѣ 1718 года. „Объ ученикѣ Третьяковѣ я у короля Англійскаго домогался, дабы оному повелѣно было учиться пушечному литью, и хотя его королевское величество изволилъ мнѣ того часу позволеніе свое дать и указъ къ коммисарамъ артиллерійскимъ послать, однакожъ они тому не послѣдовали подъ претекстомъ, что его королевское позволеніе несходно съ правами здѣшняго государства" [2]). Не за одну западную границу отправлялись Русскіе люди учиться; ведя упорную борьбу у Балтійскаго моря, Петръ не спускалъ глазъ съ Востока, и въ январѣ 1716 г. далъ указъ: „На Москвѣ изъ Латинскихъ школъ выбрать изъ учениковъ робятъ добрыхъ молодыхъ пять человѣкъ, такихъ, которые бы по меньшей мѣрѣ грамматику выучили, для посылки въ Персиду при посланникѣ г. Волынскомъ, для ученія языкамъ Турецкому, Арабскому и Персидскому" [3]).

Типографія работала. Справщикъ Ѳедоръ Поликарповъ въ 1718 году билъ челомъ: „Работаю я въ книжномъ правленіи и въ управленіи всего печатнаго двора 17 лѣтъ и приплодилъ казны съ 50,000 рублевъ. Еще сверхъ учрежденнаго дѣла, за десятилѣтнее гражданскихъ книгъ правленіе (въ которыхъ я одинъ всегда труждаюсь), также и за переводы разныхъ книгъ, какъ и нынѣ новопреведенная трудная книга географія свидѣтельствуетъ, я не взысканъ" [4]). Въ описываемое время мы видимъ особенныя заботы объ отечественной исторіи. Въ 1713 году въ Петербургѣ издана была „Книга Марсова, или воинскихъ дѣлъ отъ войскъ царскаго величества Россійскихъ, во взятіи преславныхъ фортификацій, и разныхъ мѣстахъ храбрыхъ баталій учиненныхъ надъ войсками его королевскаго величества Свейскаго". Въ слѣдующемъ году напечатанъ гражданскими буквами уже извѣстный намъ „Синопсисъ, или сокращенная исторія, собранная отъ разныхъ авторовъ". Въ 1717 году издано было, составленное подканцлеромъ Шафировымъ, „Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество Петръ І-й къ начатію войны противъ короля Карла XII Шведскаго 1700 году имѣлъ, и кто изъ сихъ обоихъ потентантовъ, во время сей пребывающей войны, болѣе умѣренности и склонности къ примиренію показывалъ, и кто въ продолженіи оной съ толь великимъ разлитіемъ крови христіанской и разореніемъ многихъ земель виновенъ; и съ которой воюющей страны та война по правиламъ христіанскихъ и политическихъ народовъ болѣе ведена. Все безъ пристрастія, фундаментально, изъ древнихъ и новыхъ актовъ и трактовъ, также и изъ записокъ о воинскихъ операціяхъ описано, съ надлежащею умѣренностію и истиною". Цѣль книги видна изъ слѣдующихъ строкъ, внесенныхъ въ разсужденіе самимъ Петромъ: „Понеже всякая война въ настоящее время не можетъ сладости приносить, но тягость, — того ради многіе о сей тягости негодуютъ, одни для незнанія, другіе по прелестнымъ словамъ ненавистниковъ, зря отечество наше возвышаемо Богомъ, третіи, понеже тунеядцы, нынѣ не вышней степени суть (т.-е. тунеядцамъ теперь плохо); и того для противъ оныхъ отвѣтствую. Противъ вторыхъ: понеже зависть не вѣсть почитати полезное, а злоба ничѣмъ утолитися можетъ. Третіимъ же, яко отвѣта недостойнымъ, имъ же святый апостолъ и ясти воспрещаетъ, и яко корень всѣмъ злымъ праздность есть, того ради, не умножая къ онымъ разсужденія, обращаюсь къ первымъ, иже доброй совѣсти суть, но точію невѣдѣнія ради негодуютъ: того ради сіе имъ объявляю. Перво надлежитъ намъ взять слово Св. Никодима въ Евангеліи сущее, къ негодующимъ на Христа жидамъ реченное: егда законъ нашъ судитъ человѣку, аще не слышитъ отъ него прежде и разумѣетъ, что творитъ; тако и намъ надлежитъ прежде вѣдать и разсуждать. И аще бы изъ сихъ негодователей желалъ со мною преніе имѣть, мню не вящше-бъ двухъ словъ вопрошалъ: 1) для чего сія война начата? 2) для чего такъ долго продолжается? Лучше бы мириться, хотя и съ великою уступкою. На второе пространно отвѣтствую. Продолженіе сея войны не отъ насъ, но отъ непріятеля, какъ явно является изъ посылокъ къ Шведамъ, не точію когда они въ силѣ были, но и въ крайнемъ силы ихъ разрушеніи подъ Полтавою. Отвѣщалъ бы негодующій, что непріятель для того не мирится, что много у него взято и не хочетъ уступить; а когда-бъ отдали, то-бъ былъ миръ, понеже и безъ того прежде жили и съ ними-жъ войны бывали, и, бравъ городы, отдавали; для чего нынѣ не такъ? Отвѣтстую: прежнія времена не суть равны нынѣшнимъ, ибо Шведы тогда не такъ о насъ разсуждали и за слѣпыхъ имѣли, какъ о томъ славный историкъ Пуфендорфъ пишетъ. Также, послѣдуя ему, графъ Штейнбокъ писалъ къ королю своему по побѣдѣ у Нарвы, дабы не продолжалъ войны долго, и тѣмъ бы не обучилъ Россіанъ, отъ чего великую опасность являлъ. Изъ чего довольно мочно вѣдать, что нынѣ такъ невозможно дѣлать, какъ прежде. Того ради разсуди, кая была всегдашняя злоба сихъ сосѣдей еще при начатіи рощенія Россійской славы и введенія добрыхъ порядковъ! Каково-жъ нынѣ, когда Господь Богъ такъ прославилъ, что

[1]) Письмо въ Государ Архивѣ.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 35.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 2978.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 58.

оные, отъ которыхъ, почитай, вся Европа опасалась, нынѣ отъ насъ побѣждены суть? И могу сказать, что никого такъ не боятся, какъ насъ, за что Господу силъ да будетъ выну хвала; намъ же помощію Его въ таковую высокую степень восшедшимъ, не негодовать или скучать подобаетъ, но терпѣливо понести и трудолюбно искати, съ Его же помощію, добраго и безопаснаго конца сея войны. Помысли, егда отдачею на семъ краѣ моря допустимъ такъ злобнаго сосѣда паки внутрь себя, то какого добра впредь ожидать имѣемъ? И не посмѣется ли весь свѣтъ, что, претерпя уже 19 годъ и получа такія славы, паче же безопасства, паки подвержемъ себя всегдашнему бѣдству и вѣчному стыду, безъ всякой нужды? Но хотя бъ славу, честь и прибытокъ уничтожа, учинить миръ и допустить паки такъ близко сосѣда, какъ предъ тѣмъ былъ, то какой покой обрящемъ? Воистину не покой, но бѣдство; ибо уже довольно видѣть изъ вышеписанныхъ мочно, что когда у насъ и на умѣ ничего не было, какіе промыслы и злохитрыя коварства оные имѣли. Нынѣ же, исполня то все, чего оные опасались, и такъ глубоко досадя, паки себя обнажимъ: то подумай, оставятъ ли они насъ въ покоѣ, дабы всегда могли насъ бояться? Воистину, никако! Но будутъ искать того, чтобы такъ насъ разорить, чтобъ вѣкъ впредь не въ состояніи были какія знатныя дѣла чинить, и не только чтобъ имъ насъ бояться, но всегда бъ такъ надъ нами быть, дабы никогда не смѣли ничего противъ ихъ учинить. И тако бы мы сами себѣ враги и разорители были" [1])!

Шафировъ же въ описываемое время написалъ „Дедикацію, или приношеніе царевичу Петру Петровичу о премудрѣхъ, храбрыхъ и великодушныхъ дѣлахъ его величества государя Петра 1-го". Въ этой дедикаціи авторъ говоритъ: „Истину реку, что не обрящется не токмо въ нынѣшнихъ нашей памяти вѣкахъ, но ниже въ гисторіяхъ прежнихъ вѣковъ его величеству равнаго, въ которомъ бы единомъ толико монарху надлежащихъ добродѣтелей собрано было, и который бы не во многія лѣта въ своемъ государствѣ толь многія славныя дѣла не токмо началъ, но и отъ большей части въ дѣйство произвелъ, и народъ свой, который въ такихъ дѣлахъ до его государствованія отчасти мало, отчасти же и ничего не былъ искусенъ, не токмо обучилъ, но и прославилъ, и, тако рещи, весьма въ иное состояніе, обыкновеніе и обхожденіе внутрь, и почтеніе и знатность внѣ государства привелъ, такъ что хотя передъ нѣсколько десять лѣты о Россійскомъ народѣ и государствѣ тако въ другихъ Европейскихъ государствахъ разсуждали и писали, какъ о Индѣйскихъ, Персидскихъ и другихъ народахъ, которые съ Европою, кромѣ нѣкотораго купечества, никакого сношенія не имѣютъ, тако и объ оныхъ не токмо ни въ какихъ европейскихъ дѣлахъ, до войны и миру принадлежащихъ, никакой рефлексіи и разсужденія не имѣли, но и въ число Европейскихъ народовъ мало причитали: тако нынѣ никакое дѣло ниже въ отдаленныхъ краяхъ европейскихъ не чинится, къ которому бъ или о его царскаго величества пріязни и союзѣ не старались, или осторожности и опасности въ противности отъ онаго себѣ не имѣли, и что удивительнѣе всего, что всѣ тѣ великія дѣла помянутое его величество началъ и даже до сего времени произвелъ токмо единымъ своимъ отъ Бога дарованнымъ талантомъ, охотно, высокимъ разумомъ и неусыпными трудами и стараніемъ безо всякой науки или къ тому понужденія и отъ кого-либо побужденія". Описавъ подвиги и учрежденія Петровы, Шафировъ говоритъ: „И како можетъ мое слабое и неискусное перо то описать и по достоинству прославить, чтобы и славному въ краснословцахъ Цицерону и премудрому въ философехъ Аристотелю и великому въ политикахъ Корнилею Тациту и славнымъ историкамъ Квинту Курцію и Титу Ливію не безъ трудности учинить возможно было. О счастлива и благополучна еси, Россія, имѣя такого преславваго монарха, и должна еси призывати Вышняго, да пріумножитъ дней живота его преизобильно, даже и до лѣтъ Несторовыхъ, дабы за его премудрымъ государствованіемъ всѣ сіи отъ его величества начатыя и учрежденныя дѣла укоренилися и доброе основаніе получить могли, а наипаче дабы вы, о всемилостивѣйшій, пресвѣтлѣйшій государь царевичъ, яко надежда предбудущихъ Россіи благополучій, аки орличище, отъ орла престарѣла и высокопаряща обучитися могли въ солнце смотрѣти, т.-е. славнымъ дѣламъ его отъ него и прикладу его обучитися и потомъ подражати. Имѣемъ на Всевышняго Бога надежду, что подастъ къ тому свое благословеніе, ибо не туне Онъ ваше высочество къ наслѣдствію такихъ великихъ и пространныхъ государствъ опредѣлилъ. Ни единъ монархъ отъ высочайшей фамиліи вашей не былъ на престолѣ, который бы коего плода къ пользѣ государственной не принесъ. Царь Михаилъ Өеодоровичъ уже къ самой погибели приведенное государство возставилъ. Алексѣй Михайловичъ возобновилъ славу Россійскаго государства добрымъ учрежденіемъ воинскимъ, ибо многіе было регулярные полки по чужестранному обычаю учредилъ и оными, купно съ другими нерегулярными войски своими отмстилъ тогда клятвеннымъ неприятелямъ россійскимъ, Полякамъ и Литвѣ, и возвратилъ наслѣдныя предковъ своихъ отъ Россіи, отторгнутыя, провинціи. Царь Өеодоръ Алексѣевичъ хотя и весьма слабой комплексіи и худаго здравія былъ, однакожь славы родителя своего и попеченія о пользѣ государства не упустилъ, но елико силы его и здравіе и краткость времени допустили во введеніи лучшихъ и съ чужестранными народы сходныхъ обыкностей, во учрежденіи нѣкоторыхъ изрядныхъ зданій и въ премѣнѣ древней и неудобной одежды раченіе свое о государственной пользѣ показалъ". Петръ зналъ исторію лучше Шафирова, и потому

[1]) Кабинетъ I, кн. № 19

здѣсь приписалъ своею рукою о царѣ Ѳеодорѣ: „Паче же зѣло жестокой и вредительной обычай въ разрядныхъ случаяхъ (мѣстничество), которой какъ законъ почитали, премѣнилъ“ [1]).

Возможность для людей, слывшихъ знающими, забыть или не знать, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ уничтожилъ мѣстничество, должна была побуждать Петра заботиться о доставленіи Русскимъ людямъ средствъ знать свою исторію. Въ 1716 году Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову: „Исторія твоя и лексиконъ хотя и не очень благоугодны были, но чрезъ стараніе и прошеніе мое нынѣ царское величество изволилъ приказать за оные твои труды выдать тебѣ съ печатнаго двора двѣсти рублевъ; да исправляй немедленно посланную прежде къ вамъ книжку географію“. Поликарповъ не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, исполнить своей задачи, и Петръ обратился къ другому средству. Въ январѣ 1719 года Головкинъ писалъ Макарову: „По его царскаго величества повелѣнію, посылаю Краткій Лѣтописецъ, или выписку о житіи великихъ князей Россійскихъ до государствованія царя Ивана Васильевича, которая дѣлана по указу его царскаго величества у насъ въ канцеляріи изъ книги большой, зовомой Степенной, и обрѣтающіяся въ той книгѣ многія излишества, которыя къ сей гисторіи не приличны, выпущены; но что надлежитъ къ житію великихъ князей, то все въ ту выписку внесено“ [2]). Въ декабрѣ 1720 года Петръ велѣлъ „во всѣхъ монастыряхъ, обрѣтающихся въ Россійскомъ государствѣ, осмотрѣть и забрать древнія жалованныя грамоты и другія курьозныя письма оригинальныя, также книги историческія, рукописныя и печатныя, какія гдѣ потребныя къ извѣстію найдутся“ [3]).

Мы видѣли, что Петръ сослался на „славнаго“ Пуфендорфа; въ 1718 году вышло изъ печати „Введеніе въ исторію европейскую чрезъ Самуила Пуфендорфія, на нѣмецкомъ языкѣ сложенное“. На русскій эта книга была переведена іеромонахомъ Гавріиломъ Бужинскимъ съ латинскаго. Для переводчиковъ описываемаго времени былъ важенъ вопросъ о языкѣ, на который должны были они переводить: переводить ли на книжный славяно-церковный, или разговорный языкъ? Петръ требовалъ послѣдняго, но привычка тянула къ книжному языку. При рѣшеніи этого вопроса, разумѣется, сильное вліяніе долженъ былъ оказать лексиконъ, и Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову: „Ѳеодоръ Поликарповъ! По имянному царскаго величества указу присланы отъ его величества два лексикона, одинъ съ Латинскаго на Французскій языкъ, другой—съ Латинскаго на Голландскій; и велѣно изъ оныхъ сдѣлать одинъ лексиконъ и подъ латинскія рѣчи подвесть словенскія слова; и оныя книги посылаю къ тебѣ при семъ письмѣ съ нарочнымъ,—того ради оные лексиконы объяви, какъ отцу Лопатинскому, такъ и прочимъ учителямъ, дабы въ семъ дѣлѣ приложили тщаніе, понеже сіе нужно есть его величеству, за что ты примешь милость и за трудъ воздаяніе немалое, для чего съ оными книгами посылаю къ тебѣ и твои лексиконы ради лучшаго исправленія, а по окончаніи онаго дѣла съ тѣмъ же лексикономъ сдѣлайте лексиконъ же изъ Словенскаго языка на Латинской по алфавиту; при семъ же посылаю къ тебѣ и географію переводу твоего, которая за неискусствомъ либо какимъ переведена гораздо плохо, того ради исправь хорошенько, не высокими словами словенскими, но простымъ Русскимъ языкомъ, такожь и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть не надобеть, но Посольскаго Приказу употреби слова“ [4]).

По смерти царевны Натальи Алексѣевны у ней найдено было 76 печатныхъ книгъ свѣтскаго содержанія: Гронографъ, Тріумфъ польской музы [5]), Персональникъ нѣмецкій съ переводомъ, Рисунки разныхъ государствъ городамъ, О Полтавской баталіи, Объ Александрѣ Македонскомъ, Грамматика, Объ освобожденіи Ливоніи торжество, Исторія Троянская, Тестаментъ Василія царя Греческаго и проч. Сверхъ того, послѣ царевны осталось нѣсколько рукописей, и между ними разныя театральныя пьесы, письма государыни царевны; означена также: связка синоксовъ разныхъ комедей, Сказка про королевишну Резону и проч. [6]).

Петръ зналъ, что, кромѣ книгъ, для науки нужны и собранія естественныхъ предметовъ, рѣдкостей и древностей, и потому въ февралѣ 1718 года издалъ указъ: „Понеже извѣстно есть, что како въ человѣческой породѣ, такъ и въ звѣрской, и въ птичьей случается, что родятся монстра, т.-е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ сбираются для диковинки, чего для предъ нѣсколькими лѣтами уже указъ сказанъ, чтобъ такіе приносили, обѣщая платежъ за оные, которыхъ нѣсколько уже и принесено. Однакожь въ такомъ великомъ государствѣ можетъ болѣе быть; но таятъ невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго, чрезъ вѣдовство и порчу: чему быть невозможно, ибо единъ творецъ всея твари Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ, но отъ поврежденія внутренняго и проч. Также ежели кто найдетъ въ землѣ или въ водѣ какія старыя вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человѣческія или скотскія, рыбьи или птичьи, не такія, какія у насъ нынѣ есть, или и такія, да зѣло велики или малы передъ обыкновеннымъ, также какія старыя подписи на каменьяхъ, желѣзѣ или мѣди, или какое старое и нынѣ необыкновен-

---

1) Письма Петра В. въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д., т. IX, № 21.

2) Кабинетъ II, кн. № 34; Голикова—Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В. XI, 8.

(3 Полн. Собр. Зак. № 3693.

4) Письмо въ Государ. Архивѣ.

5) Стихи на побѣду при Калишѣ, соч. Данилы Гургина, 1706 года.

6) Архивъ Мин. Юстиціи, Сенатскія дѣла по статсъ-конторѣ.

ное ружье, посуду и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно,—такожь бы приносили, за что давана будетъ довольная дача" [1]).

Петръ хлопоталъ о переводѣ географическихъ книгъ на Русскій языкъ; но относительно географіи русской иностранными сочиненіями пробавляться было нельзя; надобно было самимъ Русскимъ изучить ее для себя, и для другихъ. Въ концѣ 1720 года отправлены были ученики петербургскихъ школъ для сочиненія ландкартъ [2]); но еще прежде, въ январѣ 1719 года, дана была инструкія геодезистамъ Евреинову и Лужину, которые отправлялись для описанія мѣстъ около Камчатки и для разрѣшенія вопроса, соединяется ли сѣверо-восточная Азія съ Америкою. Первое внушеніе о важности этого вопроса приписывается Лейбницу, который до конца своей жизни не переставалъ переписываться съ царемъ. Въ январѣ 1715 года онъ писалъ Петру, что нѣсколько занялся исторіею скиѳскихъ народовъ, подвластныхъ Русскому монарху, и вывелъ заключеніе, что Гунны говорили Сарматскимъ или Русскимъ языкомъ, будучи одного племени съ Сарматскимъ или Славянскимъ народомъ, а не съ Венграми, какъ многіе думаютъ; что король Гунновъ, великій Аттила, властвовалъ отъ Каспійскаго до Балтійскаго моря, какъ и царское величество; что онъ, Лейбницъ, нашелъ въ одной старой греческой книгѣ описаніе посольства, отправленнаго однимъ Византійскимъ императоромъ къ Аттилѣ; изъ этого описанія видно, что Аттила былъ разумный и воздержный государь, который подарилъ жизнь людямъ, умышлявшимъ известь его тайнымъ убійствомъ. Лейбницъ выражаетъ надежду, что преславныя побѣды царя поведутъ къ миру и дадутъ Петру время привести у себя въ цвѣтущее состояніе знанія и искусства [3]).

И во время тяжкой войны преобразователь не ограничивался одними необходимыми знаніями, но старался пріютить въ Россіи и искусство, украсить его произведеніями свой неукрашенный природою парадизъ. Въ ноябрѣ 1715 года царь писалъ Конону Зотову во Францію: „Какъ вамъ при отъѣздѣ наказано стараться о механикѣ и прочихъ, тоже и нынѣ подтверждаемъ, къ тому же сіе прилагаю: понеже король Французскій умеръ, а наслѣдникъ зѣло молодъ, то чаю многіе мастеровые люди будутъ искать фортуны въ иныхъ государствахъ, чего для навѣдывайся о такихъ и пиши, дабы потребныхъ не пропустить, также и будутъ ли что изъ Двора продавать, а именно—уборовъ какихъ шандерей и прочаго" [4]). Въ то же время Петръ требовалъ отъ своихъ агентовъ во Франціи Зотова и Лефорта: искать гисторическаго маляра, и особливо домогаться изъ такихъ, кто былъ въ подмастерьяхъ у славнаго мастера Лебрюна [5]).

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3159.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 3682.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 24.
[4]) Письмо въ Государ. Архивѣ.
[5]) Письмо въ Государ. Архивѣ.

Сохранилась роспись мастерамъ, отправленнымъ изъ Парижа въ Петербургъ": 1) Г. Растрели;—онъ умѣетъ планы огородамъ и фонтанамъ дѣлать и палаты строить, рѣзать на самыхъ крѣпкихъ камняхъ статуры и всякія притчи; лить всякія статуры и фигуры изъ мѣди, свинцу и желѣза, какой бы величины ни были; умѣетъ также работать на стали, дѣлать чрезъ составы всякихъ цвѣтовъ мраморы, дѣлать монету, дѣлать портреты изъ воску и изъ левкосу; умѣетъ всякія убранія и махины дѣлать для театровъ въ оперѣ и въ комедіи. Обѣщается учить людей Россійскихъ всему, что самъ умѣетъ. 2) Г. Лежандръ, его подмастерье. 3) Г. Леблянкъ-столяръ и рѣщикъ для архитектуры, т.-е. для убранія въ домахъ на деревѣ и на камнѣ. 4) Лавале, литейный мастеръ пушекъ и прочаго. 5) Г. Люи-Каравакъ, миніатюрный мастеръ, т.-е. портреты писать въ табакеркахъ, также и большіе портреты на холстахъ" [6]). Въ 1717 году Меншиковъ извѣщалъ царя: „Живописца Коровака, по указу вашего величества, заставлю писать Полтавскую баталію и учениковъ ему, что возможно найти, придамъ". Въ Венеціи дѣлалъ заказы для царя Савва Владиславичъ Рагузинскій; въ декабрѣ 1717 года онъ писалъ Петру: „Двѣ статуи, а именно Адамъ и Ева, которыя я наилучшему здѣшнему мастеру Бонацѣ дѣлать заказалъ, скоро будутъ готовы, и надѣюсь такъ будутъ хороши, что въ славной Версаліи мало такихъ видали; также отсюда думаю положить на корабль сотницу-другую досокъ наилучшихъ орѣховыхъ для убору палатъ вашего величества" [7]). Въ Римѣ хлопоталъ Кологривовъ, который писалъ оттуда царю въ мартѣ 1719 года: „На сихъ дняхъ купилъ я статую марморовую Венуса, старинная, найдена съ мѣсяцъ; какъ могу хоронюся отъ извѣстнаго охотника, и скульптору ввѣрилъ починку ея, не разнитъ ничемъ противъ Флоренской славной, но еще лучше тѣмъ, что сія цѣлая, а Флоренская изломана во многихъ мѣстахъ; у незнаемыхъ людей попалась и ради того заплатилъ за нее 196 ефимковъ, а какъ купить бы инако, скульпторъ говоритъ тысячъ десять и больше стоитъ; только за то опасаюсь о выпускѣ, однакожь уже она вашего величества, и еще будетъ починки кругомъ ея мѣсяца на два" [8]). Въ Петербургѣ при Оружейной канцеляріи, „ради общенародной во всякихъ художествахъ пользы, противно обычаевъ государствъ европейскихъ, зачата была небольшая академія ради правильнаго обученія рисованія иконнаго и живописнаго и прочихъ художествъ [9]).

Во всѣхъ сферахъ преобразовательное движеніе шло усиленно отъ 1711 до 1721 года, во вторую эпоху великой войны, когда отсутствіе опасности отъ страшнаго, побѣдоноснаго врага давало болѣе возможности заниматься дѣлами внутренними. При

[6]) Кабинетъ II, кн. № 23.
[7]) Кабинетъ II, кн. № 33.
[8]) Кабинетъ II, кн. № 41.
[9]) Кабинетъ II, кн. № 57.

этомъ усиленномъ движенiи къ новому, что же дѣлалось въ Церкви, обязанной охранять древнее Православiе и въ то же время обязанной воспользоваться новыми средствами и обязанной иначе опредѣлить свои отношенiя къ государству и обществу вслѣдствiе новыхъ обстоятельствъ? Положенiе Русской Церкви въ описываемое время было попрежнему затруднительно: съ одной стороны расколъ, съ другой—наплывъ иностранцевъ-иновѣрцевъ, протестантская и католическая пропаганда, и въ то же время новыя требованiя гражданскаго правительства и переворотъ въ высшемъ управленiи [1]).

Мы видѣли, какъ въ Олонецкихъ мѣстахъ, по рѣкѣ Выгу поселились раскольничьи отшельники; какъ здѣсь образовалось знаменитое раскольничье пристанище, начальникомъ котораго былъ церковный дьячекъ Данила Никулинъ (или Викулинъ); какъ у Данилы, для обороны отъ присыльныхъ людей, были три пушки мѣдныя, много пищалей, бердышей, пороху. Къ этому Данилѣ пришелъ молодой человѣкъ, начитанный, школьно образованный, энергическiй, рожденный для власти, для общественной организацiи: то былъ знаменитый Андрей Денисьевъ Втораго или Вторушинъ, ведшiй свое происхожденiе отъ князей Мышецкихъ. Какъ всегда и вездѣ около вождя собирается дружина: на Выгѣ образовалась большая община изъ братьевъ и сестеръ, принявшая характеръ монастырскiй; пришелъ iеромонахъ Пафнутiй, долго жившiй въ Соловецкомъ монастырѣ, знающiй чины церковные и монастырскiе, и начали учреждать общежитiе и церковную службу по почину и уставу; поставили экклесiарха, пѣвцовъ, псаломщиковъ, конархистовъ. Но было еще скудное пустынное житiе: службу въ часовнѣ отправляли съ лучиною, иконъ и книгъ въ часовнѣ мало, колокола не было, звонили въ доску, дороги съ волостей въ пустыню еще не было, ходили на лыжахъ. Пришли два человѣка изъ Москвы, знатоки писанiя, много пришло людей изъ другихъ мѣстъ, и начали по праздникамъ пѣть всенощныя, по чину церковному; уставили все по чину монастырскому, келарей и подкеларниковъ, нарядниковъ, старостъ и надсмотрщиковъ; а въ хлѣбнѣ хлѣбы пекли, въ поварняхъ щи варили и квасы дѣлали сестры. Потомъ, когда народонаселенiе умножилось, начали пашни пахать и скотъ держать, поставили конскiй дворъ на братской сторонѣ, коровiй—у сестеръ, посрединѣ монастыря поставили стѣну и обнесли весь монастырь оградой. Мужчины жили на своей сторонѣ, женщины—на своей, между ними стѣна,—въ стѣнѣ маленькая келья съ окномъ для приходу братiи къ своимъ сродницамъ для свиданiя и ради другихъ братскихъ нуждъ: двѣ старицы сидѣли въ кельѣ и наблюдали, о чемъ братья будутъ говорить съ сестрами въ окно. Сдѣлался голодъ: ѣли хлѣбъ изъ соломы, отказались отъ ужина; потомъ обобрали у всѣхъ деньги и цѣнныя вещи и отправили Андрея Денисова на низъ по Волгѣ за хлѣбомъ. Денисовъ промыслилъ хлѣба чрезъ добрыхъ людей, частiю купилъ, частiю въ милостыню выпросилъ и привезъ въ монастырь. Въ 1702 году разнеслась страшная вѣсть: царь Петръ идетъ изъ Архангельска къ Финскому заливу, проложили прямую дорогу пустыми мѣстами черезъ Выгъ; одни изъ братьевъ и сестеръ начали готовиться къ смерти, приготовили смолу и солому въ часовнѣ, другiе сбирались бѣжать; но гроза прошла: когда государю доложили, что по Выгу живутъ раскольники, то онъ сказалъ: „Пускай живутъ!“ и прошелъ смирно [2]). Мы уже знаемъ взглядъ Петра на отношенiя своей власти къ совѣсти подданныхъ: „Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ“, говорилъ онъ [3]). Разсказываютъ, что однажды онъ спросилъ: „Каковы купцы изъ раскольниковъ, честны ли и прилежны ли?“ Когда ему отвѣчали, что честны и прилежны, то онъ сказалъ: „Если они подлинно таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрiя разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть—ни они той чести не достойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“ [4]). Въ Олонецкихъ мѣстахъ, въ сосѣдствѣ съ раскольниками начали строиться желѣзные заводы, и въ Выговскую пустынь пришелъ указъ: „Вѣдомо его царскому величеству учинилось, что живутъ для старовѣрства разныхъ городовъ люди въ Выговской пустынѣ и службу свою къ Богу отправляютъ по старопечатнымъ книгамъ; а нынѣ его царскому величеству для войны Шведской и для умноженiя ружья и всякихъ воинскихъ матерiаловъ ставятся два желѣзныхъ завода, и одинъ близь ихъ Выговской пустыни; такъ чтобъ они въ работы къ Повѣнецкимъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое воспоможенiе по возможности своей, а за то царское величество далъ имъ свободу жить въ той Выговской пустынѣ и по старопечатнымъ книгамъ службы свои къ Богу отправлять“. „И отъ этого времени“, говоритъ историкъ пустыни, „начала Выговская пустыня быть подъ игомъ работы его императорскаго величества“. Но, благодаря этому игу, олонецкiе раскольники получили сильную защиту: всѣмъ выгорѣцкимъ жителямъ позволено было выбрать къ мiрскимъ дѣламъ старосту и при немъ выборнаго, которые обязаны были; оберегать новопоселенныхъ жителей: доносить, какiя выгорѣцкимъ жителямъ для распространенiя и въ прибавку надобны земли и угодья; пустынь изъята была изъ вѣдомства старосты и выборнаго, управлялась своимъ начальствомъ. По жалобѣ Андрея Денисова съ товарищи, Меншиковъ въ 1711 году издалъ указъ, чтобъ никто общежителямъ Андрею Денисову съ товарищи и посланнымъ

[1]) Исторiя Россiи, т. XIV.

[2]) Исторiя Выговской пустыни, по рукописи Ивана Филиппова, стр. 107 и слѣд.

[3]) Исторiя Россiи, XIV.

[4]) Голикова—Дѣянiя Петра В. III. 157.

отъ нихъ обидъ и утѣсненія и въ вѣрѣ помѣшательства отнюдь не чинили подъ опасеніемъ жестокаго истязанія. Потомъ Денисову позволено было разсылать своихъ людей для рыбной и звѣриной ловли, куда захочетъ [1]). Въ 1714 году братъ Андрея Денисова, Семенъ, былъ схваченъ въ Новгородѣ духовною властію; раскольники подали царю челобитную: „Ваше величество, нижайшіе рабы, Олонецкаго уѣзда выго-пустынскіе общежители Данилъ Викуловъ съ товарищами: мы убозіи догматовъ и ересей никакихъ не нововедохомъ, ниже градскія церкви обладаемъ, ниже доходы ихъ духовныхъ себѣ отлучихомъ; но въ нужныхъ мѣстѣхъ живуще, отцепреданное благочестіе по старопечатнымъ книгамъ имѣемъ, по нихъ же о вашей милосердой державѣ Господа Бога молимъ и плачемся о грѣсѣхъ своихъ, а таковая безмилостивная отъ нихъ страждемъ паче всѣхъ вѣръ на землѣ, въ разбродѣ же отъ нуждъ сихъ опасаемся въ непоставкѣ работъ своихъ остановки Повѣнецкимъ заводамъ, а нынѣ мы, рабы твои, опредѣлены къ другой работѣ на весь Повѣнецкій заводъ известь ломаемъ“. Просьба имѣла сильное подкрѣпленіе: начальникъ заводовъ, Геннинъ, писалъ царю: „Прошу ваше величество, пожалуй для лучшей пользы и отправленія на морской флотъ твоихъ дѣлъ, помилосердуй, учини противъ моихъ пунктовъ указъ, такъ я буду воистину посмѣлѣе ступать, понеже я опасаюсь отъ архіерея Новгородскаго погубленія, понеже онъ вѣритъ другимъ своимъ бездѣльникамъ, а не своимъ разсмотрѣніемъ управляетъ, и отъ нихъ нынѣ въ заключеніи сидитъ у архіерея Семенъ Денисьевъ, который въ здѣшнемъ подъемѣ и въ сыску рудъ былъ годенъ и предъ другими радѣтеленъ въ заводской работѣ; для иныхъ нуждъ и за челобитьемъ отъ нихъ посланъ былъ и захваченъ въ Новѣгородѣ въ Архіерейскій Приказъ. Прикажи архіерею его освободить и отъ твоихъ заводскихъ дѣлъ не трогать и не ловить“. Пункты Геннина состояли въ слѣдующемъ: „Чтобъ государь велѣлъ отнять совершенно изъ-подъ архіерейскаго и монастырскаго управленія погосты, опредѣленные къ заводамъ, ибо приказчики архіерейскіе и монастырскіе работныхъ людей не высылаютъ порядочно, старостамъ воли не даютъ искать воровъ, разбойниковъ и бѣглыхъ отбиваютъ и не даютъ къ розыску, сбираютъ лишнее, берутъ взятки; пустынныхъ жителей, которые живутъ въ лѣсу, руду и известь на заводъ ставятъ безо всякаго ослушанія и радѣютъ лучше другихъ, архіерейскіе приказчики и заказчики обижаютъ, бьютъ и стращаютъ. Попы здѣшніе владѣютъ многими деревенскими государевыми участками, кромѣ церковной земли, и съ нихъ не хотятъ съ другими тянуть въ равенство въ заводскомъ дѣлѣ; я для допросовъ посылаю, а они съ рогатинами отбиваются и въ допросъ нейдутъ. Для завода нужны грамотные люди, а у поповъ, дьяконовъ, пономарей и дьячковъ много сыновей, которые, кромѣ гулянья и драки, ничего не дѣлаютъ: не повелѣть ли ихъ взять въ то ученье“ [2]). Но никакое ходатайство не помогло: Новгородскій митрополитъ, извѣстный намъ Іовъ, былъ силенъ, такъ силенъ, что церковныя имущества его епархіи оставались въ его управленіи, а не были отданы въ управленіе Монастырскому Приказу. Іовъ возилъ Семена съ собою въ Петербургъ и представлялъ царю, какъ опаснаго расколоучителя. Петръ, по словамъ историка Выговской пустыни, „взявъ онаго Симеона предъ себя и испытавъ изъ тиха на словахъ и поговоря мало, ни его отпустити, ни испытати жестоко не повелѣ; такожде и митрополиту не повелѣ, оставилъ его тако“. Іовъ свезъ Семена назадъ въ Новгородъ, гдѣ онъ оставался въ неволѣ четыре года; много знатныхъ господъ заступались за него; братъ его, Андрей, въ эти четыре года мало жилъ въ монастырѣ, но все былъ въ отъѣздахъ, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, все хлопоталъ за брата, и все понапрасну. Наконецъ Семену удалось тайкомъ уйти изъ Новгорода, но, ушедши, не смѣлъ прямо явиться въ монастырь, полгода укрывался въ разныхъ мѣстахъ. Онъ долженъ былъ такъ долго не показываться и потому, что въ это время новая бѣда постигла Выговскую пустынь: по доносу колодника, прежде жившаго въ пустынѣ, схваченъ былъ Данила Викулинъ; Геннинъ опять заступился за раскольниковъ,—и царь велѣлъ выпустить Викулина.

Петръ не хотѣлъ преслѣдовать раскольниковъ, продолжалъ заявлять свой основный взглядъ на дѣло: „Съ противниками Церкви съ кротостію и разумомъ поступать по апостолу—быхъ беззаконнымъ яко беззаконенъ да беззаконныхъ пріобрящу, и не такъ какъ нынѣ жестокими словами и отчужденіемъ“. Петръ думалъ, какъ видно изъ этихъ словъ, что дѣло пойдетъ успѣшнѣе съ перемѣною тона, ибо до сихъ поръ духовныя лица обращались къ раскольникамъ какъ строгіе судьи къ преступникамъ. Петръ нашелъ человѣка, который могъ быть способнѣе другихъ къ перемѣнѣ тона: то былъ Питиримъ, игуменъ переяславскаго Никольскаго монастыря, самъ бывшій прежде въ расколѣ и потому знавшій хорошо своихъ прежнихъ собратій. Въ 1706 году Петръ поручилъ ему обращеніе раскольниковъ увѣщательными средствами. Если царь не хотѣлъ преслѣдовать своихъ подданныхъ за религіозныя убѣжденія, то, съ другой стороны, смотря на расколъ, какъ на заблужденіе, онъ не могъ позволить, чтобъ это заблужденіе распространялось въ народѣ; этимъ объясняется поведеніе его относительно Семена Денисова, котораго онъ, по представленіямъ митрополита Іова, оставилъ въ новгородской тюрьмѣ; каковы были представленія митрополита, легко догадаться: Семенъ Денисовъ былъ учитель, искусный, школьно образованный распространитель раскола, который не переставалъ писать въ пользу своего ученія, и сидя въ новгород-

[1]) Православное Обозрѣніе, ноябрь 1865 года.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 20.

ской тюрьмѣ. Потомъ Петръ терпѣлъ расколъ только съ условіемъ, чтобъ раскольники исполняли обязанности добрыхъ гражданъ и подданныхъ: такъ онъ прямо объявилъ выгорѣцкимъ раскольникамъ, что позволяетъ имъ молиться постарому, если только они будутъ усердно помогать ходу желѣзныхъ заводовъ. Выгорѣцкіе раскольники усердно работали, увѣряли царя, что они за него молятся, оказывали разные знаки своей преданности, и потому безпрепятственно могли молиться постарому. Но Петръ хорошо зналъ, что не всѣ раскольники были похожи на выгорѣцкихъ; зналъ, что это самые злые противники преобразованія, самые ревностные распространители ученія о новыхъ временахъ, какъ временахъ антихриста; зналъ, что эти люди толпами бѣгутъ и кроются въ лѣсахъ и пустыняхъ, лишая государство рабочихъ силъ, отбывая отъ службы. Петръ не хотѣлъ преслѣдовать безвредныхъ раскольниковъ; но чтобъ они были безвредны, чтобъ правительство могло терпѣть ихъ какъ безвредныхъ, нужно было знать: что они, гдѣ они и сколько ихъ. Въ февралѣ 1716 года велѣно было переписать всѣхъ раскольниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ чернецовъ и черницъ; но если выгорѣцкіе раскольники получили право молиться постарому за усердную работу на заводахъ, такъ и всѣ раскольники за это право должны были помочь государству въ его великой денежной нуждѣ, должны были платить двойной окладъ [1]). Казалось бы, что ничего не могло быть лучше для раскольниковъ: правительство прекращало всякое преслѣдованіе, только брало лишнія деньги за право молиться постарому. Но раскольники глядѣли на дѣло иначе: объявить себя прямо раскольниками — значитъ отдаться въ руки правительству, которое если и не будетъ преслѣдовать, то будетъ наблюдать, и нельзя будетъ тайкомъ распространять свое ученіе: новоприбылые будутъ явны; да и не новое ли это ухищреніе врага, антихриста, втянуть православныхъ въ перепись и заставить платить себѣ дань? Такъ какъ перепись могла совершиться только съ помощію священниковъ, которые должны были показать, кто у нихъ въ приходахъ исповѣдуется и кто нѣтъ, то раскольники начали подкупать священниковъ, чтобъ тѣ показывали ихъ исповѣдующимися. Этимъ средствомъ перепись была остановлена, что должно было сильно разсердить Петра и заставить его очень подозрительно взглянуть на раскольниковъ; а тутъ Питиримъ донесъ, что раскольниковъ во всѣхъ городахъ болѣе 200,000, и все еще размножаются (умножаются ученіемъ непрепинаемымъ); въ Балахонскомъ и Юрьево-польскомъ уѣздахъ ихъ больше 20,000. „Всѣ они благополучію государственному не радуются, но паче несчастію радуются, и всегда стремятся возвысить свой злой рогъ къ обладанію на Церковь и на гражданство; хотя они между собою и много несогласны, но на Церковь всѣ злобою согласны. Надлежитъ размноженіе остановить, чтобъ нигдѣ они не учили; а гдѣ станутъ раскольщики учить,—хватать ихъ и наказывать, а нехудо учителей неявнымъ промысломъ смирить. Монахинь въ лѣсу тысячи четыре будетъ; надлежитъ ихъ всѣхъ взять въ монастырь, а пища имъ хлѣбъ да вода; а которые обратятся, — тѣмъ подобающая пища; немногія останутся изъ нихъ безъ обращенія. Старцамъ, старицамъ и бѣльцамъ въ лѣсахъ, поляхъ, на погостахъ и по мірскимъ домамъ никому жить не велѣть подъ смертною казнію; а кому жить въ лѣсу кельею внѣ монастыря — отъ архіерея писаніе возьми, и если такъ будетъ сдѣлано, то раскольщикамъ изъ городовъ и уѣздовъ свозить будетъ некуда и постригать перестанутъ, только не надобно ослабѣвать, а вину положить для отводу, что по лѣсамъ въ кельяхъ живутъ бѣглые солдаты, драгуны, разбойники и разныхъ чиновъ всякіе люди, не хотя службы служить и податей платить. Безпоповщина твое царское имя въ молитвахъ не поминаютъ, а поповщина поминаютъ только благороднымъ, а благочестивымъ и благовѣрнымъ не называютъ, Церковь, догматы и таинства разными хулами хулятъ. Я все это знаю, чтобъ мнѣ все это не положено было за укрывательство, что не извѣщалъ; а если мнѣ извѣщать, такъ они со мною говорить и сходиться не станутъ и обращенію будетъ препятствіе. Указъ о томъ, чтобъ не исповѣдовавшихся штрафовать, а раскольщиковъ окладывать — очень помогалъ обращенію; но сдѣлалось препятствіе большое: попы едва не всѣ укрыли раскольщиковъ, то писали исповѣдующимися, то никакъ не писали, а на которыхъ въ губерніи ландратамъ и поданы росписи, то ни штрафовъ, ни раскольщикамъ окладу не положено, и отъ этого только благочестивые и обратившіеся въ поношеніи и ругательствѣ. Требуемъ, чтобы, для лучшаго обращенія, штрафы на неисповѣдывавшихся и окладъ на раскольщикахъ ежегодно былъ правленъ неотложно, а мы подъ тѣсноту штрафовъ и окладовъ писаніемъ удобнѣе къ Церкви присоединять будемъ. По городамъ и по уѣздамъ въ старосты и бурмистры раскольщиковъ не выбирать для того, что они православнымъ и обратившимся творятъ великое утѣсненіе и обращенію сущую остановку".

Внушенія Патирима произвели желаемое дѣйствіе. Въ мартѣ 1718 года изданъ былъ указъ: „Велѣть взять у всѣхъ поповъ сказки съ подкрѣпленіемъ изверженія священства и лишеніемъ имѣнія, что въ поданныхъ росписяхъ въ 706 и 707 годахъ не написали-ль они неисповѣдавшихся исповѣдавшимися и раскольщиковъ не написали-ль подъ видомъ, что оные не противники Церкви, и для того тѣ дѣла и Тиманскую избу вѣдать нынѣ Златоустовскаго монастыря архимандриту Антонію. И буде послѣ взятья сказки у котораго попа сыщется противу поданныхъ росписей неправда и утаеніе, и у такихъ поповъ, взявъ имѣнія ихъ, присылать ихъ архимандриту ради изверженія къ преосвященному митрополиту Рязанскому, а по

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2991 и 2996.

изверженіи отсылать для наказанія къ гражданскому суду въ каторжную работу. Прежде взятья у нихъ сказокъ, чтобъ онъ объявлялъ имъ, аще кому зазираетъ совѣсть, и для того, чтобы о утаенныхъ нынѣ объявили правду своею волею, и аще-ли которые объявятъ своею волею—таковымъ вины ихъ прощати, и въ томъ дать имъ сроку на три мѣсяца, а послѣ того сроку, хотя бы кто и принесъ вину свою, и такимъ не прощать". Антоній донесъ: „Изъ поповъ, которые написали въ росписяхъ неисповѣдавшихся исповѣдавшимися, явилось 109 человѣкъ, а изъ того числа нѣкоторые явились и раскольщиковъ укрыватели". Еще въ 1715 году Питиримъ жаловался царю, что опредѣленные отъ Нижегородской губерніи начальники, волостные приказчики и старосты препятствуютъ ему въ обращеніи раскольниковъ; такъ что и входъ ему къ раскольникамъ запрещенъ, священникамъ учить ихъ запрещаютъ. Царь написалъ: „По сему прошенію отца игумена Питирима запрещается всѣмъ ему возбранять въ семъ его равноапостольномъ дѣлѣ, но повелѣвается паче ему вспомогать. Ежели же кто въ семъ святомъ дѣлѣ ему препятствовать будетъ, тотъ безъ всякаго милосердія казненъ будетъ смертію, яко врагъ Святыя Церкви; а буде кто изъ начальствующихъ не будетъ помогать, тотъ лишенъ будетъ имѣнія своего".

На помощь Питириму отправленъ былъ въ Нижній-Новгородъ гвардіи капитанъ Юрій Ржевскій; онъ долженъ былъ ссылать на каторгу тѣхъ раскольниковъ мірянъ, которые будутъ укрываться отъ платежа двойнаго оклада; монаховъ и монахинь забирать въ монастыри подъ началъ. О заводчикахъ и учителяхъ Петръ собственноручно написалъ въ инструкціи Ржевскому: „Буде возможно явную вину сыскать, кромѣ раскола, такихъ, съ наказаніемъ и вырѣзавъ ноздри, ссылать на галеры; а буде нѣтъ причины явной, поступать съ ними по словесному указу". Петръ не хочетъ наказывать за расколъ даже учителей и заводчиковъ. Ржевскій долженъ былъ обо всемъ совѣтоваться съ Питиримомъ, но „какъ можно тайно, дабы о томъ другіе никто не вѣдали", потому что Питиримъ писалъ, что онъ долженъ дѣйствовать осторожно, не подавать вида, что онъ участвуетъ въ преслѣдованіи раскольниковъ, иначе „обращенію будетъ препятствіе, раскольники перестанутъ приходить къ нему и бесѣдовать".

Ржевскій и Питиримъ должны были дѣйствовать въ Нижегородской области, потому что здѣсь, въ лѣсахъ на луговой сторонѣ Волги, и преимущественно на верховьи рѣки Керженца, былъ одинъ изъ главныхъ раскольничихъ притоновъ. Въ ноябрѣ 1718 года Ржевскій доносилъ царю: „Нынѣ до вашего величества послалъ раскольниковъ необратныхъ и замерзѣлыхъ; они же и указу твоему учинились противны, положеннаго окладу платить не хотятъ, и за то биты кнутомъ и вынуты ноздри и посланы въ каторжную работу числомъ 23 человѣка, а въ томъ числѣ посланъ раскольщикъ необратный Василій Пчелка, который подъ образомъ юродства многихъ развращалъ въ расколъ и пакости дѣялъ; да женска полу 46 человѣкъ замерзѣлыхъ послалъ въ дѣвичьи монастыри,—положеннаго окладу платить отреклись, и за то учительницы ихъ биты кнутомъ 13 человѣкъ".

Питиримъ былъ назначенъ епископомъ въ Нижній; онъ жилъ дружно съ Ржевскимъ, и въ 1719 году писалъ къ Макарову: „Прошу вашу милость, Господа ради и ради Святыя Церкви, потщися о семъ просить царскаго величества, чтобы Ржевскому въ Нижнемъ быть вице-губернаторомъ неотложно, понеже по премногу сильно дѣло раскольничье ко обращенію и ко искорененію ихъ строится какъ лучше того быть невозможно. Съ раскольническими учителями, съ дьякономъ и прочими размѣнялись мы вопросами и отвѣтами, и та размѣна по премногу Церкви Святой благополучна, а на отвѣты ихъ я имѣю намѣреніе сдѣлать возраженіе. А люди изъ расколу нынѣ къ намъ зѣло стали быть къ обращенію наклонны, да и обращаются, и надѣемся на милость Божію, что обращеніе умножится. Только нынѣ насъ нечаянный случай попремногу опечалилъ и навелъ сомнѣніе: врагъ Св. Церкви, кормилицынъ мужъ (кормилицы кого-нибудь изъ царскихъ дѣтей) Стефанъ Нестеровъ къ намъ въ Нижній опредѣленъ съ двадцатаго года быть оберъ-ландрихтеромъ, и знатно отъ раскольщиковъ есть какой-нибудь злой и хитрый умыслъ, а не просто таковой врагъ въ Нижній къ намъ тщится на неустроеніе нашему дѣлу, но на разореніе, понеже раскольщики по сіе время у насъ весьма были безсильны, и ни отъ кого въ томъ помощи и надежды не имѣли, а сей врагъ хоть и не явно, но лестною станетъ ихъ помощію обнадеживать, и отъ того будетъ все неустроеніе. Юрья Алексѣевичъ Ржевскій впредь при томъ дѣлѣ быть попремного боится, что кормилица Параскева Яковлевна, жена Нестерова, пріѣзжая въ Петербургъ, станетъ на него клеветать государынѣ царицѣ; отъ сего не точію господинъ Ржевскій, но и азъ не безъ опасенія. А я съ нимъ, со врагомъ, колико мучился, понеже онъ тогда не тайно раскольщиковъ защищалъ, но явно и нагло за нихъ противу насъ старался, а нынѣ у Юрья Ржевскаго въ сыску расколъ его, Нестеровъ, явно показанъ отъ многихъ свидѣтельствъ".

Нестеровъ не произвелъ неустроенія дѣлу; Питиримъ доносилъ царю, что въ 1719 году обратились отъ раскола больше 3,000 человѣкъ, кромѣ Нижняго и другихъ мѣстъ, и всѣ крестятся тремя перстами. „А которые не крестятся тремя перстами", писалъ Питиримъ, „не надобно имъ послаблять ради обратившихся, да не ослабѣваютъ и тѣ; хотя и во всемъ Церкви повинуются, однако за двоеперстное знаменованіе брать съ нихъ штрафъ противъ сущихъ раскольниковъ вполовину, и отъ Церкви не отлучать всякихъ тайнъ соединеніемъ. Многіе, не хотя платить за расколъ денегъ, побѣжали жить на рѣку Усту и на Мстнаръ рѣку; эти

рѣки хотя и Казанской губерніи, но смежны съ Нижегородскою; и тѣхъ бѣглыхъ раскольщиковъ не повелитъ ли ваше величество приказать Ржевскому вѣдать и перевести на старыя мѣста, такъ и другимъ бѣгать будетъ не повадно; да и въ другихъ городахъ и уѣздахъ Казанской губерніи чтобы ихъ на старыя мѣста брать же. Юрья Ржевскаго по раскольническимъ дѣламъ, въ случаѣ какого челобитья и навѣта, кромѣ Кабинета чтобъ не вѣдать изъ прочихъ коллегій". Въ 1721 году Ржевскій доносилъ царю: въ Нижегородской губерніи явилось раскольниковъ 46,965 человѣкъ, изъ того числа обратилось 9,194; въ числѣ 46,965 утаено было прежде 16,749. Патріархомъ своимъ раскольники называли разстриженнаго попа Аврамія Иванова, который въ 1719 году былъ наказанъ въ Нижнемъ и съ вырванными ноздрями отправленъ былъ вмѣстѣ съ другими замерзѣлыми раскольниками въ Петербургъ на каторгу. Но дорогой въ Москвѣ Аврамъ съ четырьмя товарищами подкупилъ караульныхъ солдатъ тридцатью семью рублями и ушелъ; потомъ опять былъ пойманъ, въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ отъ раскола обратился и, по рѣшенію Новгородскаго архіепископа Ѳеодосія, отосланъ въ Невскій монастырь на исправленіе.

Мы видѣли, что Питиримъ, совѣтуя мѣры строгости противъ раскольниковъ, хотѣлъ казаться чуждымъ участія въ этихъ мѣрахъ, и предоставлялъ себѣ дѣйствовать только средствами увѣщательными. Въ докладной запискѣ своей царю Питиримъ между прочимъ писалъ: „Книга Соборное Дѣяніе, которая привезена изъ Кіева на еретика Мартина — зѣло полезна къ обращенію. И дабы ихъ (книгъ), напечатавъ довольно, разослать по вся епархіи по церквамъ за достойную цѣну, понеже многіе попы не точію другихъ отъ расколу обращать, сами весьма правости церковной не знаютъ, и тою книгою исправляются". Въ этой книгѣ, очень неискусно составленной, разсказывалось, что въ 1147 году приходилъ въ Кіевъ монахъ Мартинъ, родомъ Арменинъ, и написалъ книгу, въ которой изложено было раскольническое ученіе о двойной аллилуіа, о двуперстномъ сложеніи и т. д., но на соборѣ 1157 года Мартинъ былъ осужденъ. По представленію Питирима, книга была напечатана въ 1718 г., какъ древнее, современное событію сочиненіе. Мы видѣли, какъ Питиримъ извѣщалъ Макарова, что размѣнялся съ раскольниками вопросами и отвѣтами. По его словамъ, онъ еще въ 1716 году, будучи игуменомъ въ Переяславлѣ, послалъ 130 вопросовъ на Керженецъ раскольникамъ дьяконова согласія, дьякону старцу Александру, старцу Варсонофію, старцу Герасиму, старцу Іосифу, и всѣмъ старцамъ и—бѣльцамъ; раскольники прислали къ нему свои вопросы, числомъ 240; онъ написалъ отвѣты на эти вопросы и много разъ посылалъ къ раскольникамъ съ требованіемъ, чтобъ они приняли его отвѣты при всемъ народѣ и дали свои отвѣты на его вопросы. Раскольники долго отговаривались, наконецъ 1-го октября 1719 года при многочисленномъ собраніи народа въ селѣ Пафнутьевѣ, Балахонскаго уѣзда, Дрюковской волости, Питиримъ и раскольничьи старцы размѣнялись вопросами и отвѣтами, причемъ Питиримъ опровергъ ихъ неправое отвѣтствованіе и требовалъ праваго; дьяконъ Александръ и выборный старецъ Варсонофій съ товарищами подали доношеніе, что отвѣты ихъ неправые и отвѣчать право не могли, и просили въ своихъ неправыхъ отвѣтахъ при всемъ народѣ прощенія. Питиримъ донесъ объ этомъ царю, и получилъ въ отвѣтъ слѣдующее письмо: „Преосвященный епископъ, письмо ваше мы получили съ великою радостію, что Господь Богъ чрезъ вашъ трудъ истину Святыя своея Церкви прославити и противниковъ оной безотвѣтныхъ сочинити изволилъ. Предъ нѣсколькимъ временемъ одинъ раскольникъ письмо въ соборной церкви на патріаршее мѣсто положилъ, и ему сіи отреченія керженскихъ жителей объявлены, но онъ тому вѣры ять не хочетъ и требуетъ видѣться съ тамошними ихъ учителями, и о томъ просилъ, дабы ему позволено къ нимъ писать, что ему и позволено, которое его письмо при семъ прилагаю, и извольте призвать ихъ къ себѣ, и имъ оное объявить, и чтобъ они сюда ѣхали безъ опасенія для объявленія ему, что они учинили; также и ты изволь съ ними пріѣзжать сюды, и подлинные пункты, отъ нихъ вамъ данные, и отъ васъ имъ отвѣтствованные, также и письмо ихъ отрицательное о своихъ пунктахъ и прочія тому подлежащія письма привезть съ собою". Къ этому письму приложена была записка: „Письмо раскольническое покажи имъ у себя въ кельѣ и дай прочесть, а имъ не отдавай; понеже въ ономъ есть увѣщательныя слова, чтобъ тѣмъ болѣе въ соблазнъ простой народъ не привесть; письмо же мое настоящее къ вамъ можешь имъ показать для увѣренія, а сего имъ не кажите". Въ январѣ 1720 года Питиримъ и старецъ Варсонофій пріѣхали въ Петербургъ и явились къ царю, причемъ Варсонофій подтвердилъ показаніе епископа. Но въ то же время явился въ Петербургъ и дьяконъ Александръ и подалъ царю прошеніе, въ которомъ разсказывалъ, что они пришли къ Питириму въ монастырь и просили, чтобъ не требовалъ отъ нихъ отвѣтовъ на свои вопросы; Питиримъ велѣлъ ихъ взять и держалъ за карауломъ съ годъ, и они, по принужденію, сидя въ узахъ, писали къ своимъ, чтобы составили отвѣты; отвѣты были написаны и поданы епископу въ маѣ мѣсяцѣ 1719 года; послѣ этого Питиримъ велѣлъ заклепать ихъ въ кандалы и держалъ за крѣпкимъ карауломъ до конца сентября, когда, отправившись въ село Панфутьево, велѣлъ и ихъ везти туда же. Здѣсь старецъ Варсонофій принесъ имъ черновое доношеніе, велѣлъ переписать его набѣло, и, приложа руки, подать предъ народомъ и ни въ чемъ не спорить, „хотя и станетъ епископъ требовать, чтобы вы на вопросы отвѣчали, вы только кланяйтесь и говорите, что отвѣчать не можете". Они,

истомленные заключеніемъ, боясь отъ епископа большихъ мукъ, ссылки, рванія ноздрей, не осмѣлились спорить и къ невольному доношенію приложили руки неправедно, а почему они провинились въ своихъ отвѣтахъ,—не знаютъ: епископъ имъ объ этомъ ничего не объявилъ. „Теперь", писалъ Александръ въ заключеніе, „испугавшись суда Божія и вѣчныхъ мукъ за приложеніе руки моей къ неправому доношенію, приношу предъ Господомъ Богомъ слезное покаяніе, и отъ вашего царскаго величества прошу правдиваго разсмотрѣнія чрезъ вопросы и отвѣты".

Просьба дьякона Александра передана была Варсонофію, какъ выборному старцу скита; тотъ, прочитавши ее, объявилъ, что она написана безъ согласія со скитомъ, неизвѣстно по какому умыслу; они всѣмъ скитомъ съ нею не согласны и стоятъ на первомъ доношеніи, которымъ объявили свои отвѣты неправыми. Петръ далъ собственноручно рѣшеніе: „Дьякона пытать, къ кому онъ сюда пріѣхалъ и приставалъ и кого здѣсь знаетъ своего мнѣнія потаенныхъ; а послѣ пытки послать въ Нижній и тамъ казнить за его воровство, что мимо выборнаго старца воровски учинилъ". Дьяконъ не открылъ сообщниковъ и въ Нижнемъ потерялъ голову. И тутъ Петръ хотѣлъ показать, что Александръ казненъ не за расколъ, а за то, что мимо выборнаго старца воровски учинилъ. Отвѣты Питирима на раскольничьи вопросы были напечатаны въ 1721 году подъ именемъ „Пращицы" [1]).

Въ Петербургѣ печатали Пращицу Питиримову, а изъ Сибири пришло извѣстіе, показывавшее, какъ трудно бороться съ раскольническими представленіями: въ 1721 году верхотурскій таможенный подъячій Вавила Ивановъ подалъ сибирскому губернатору, князю Черкасскому, извѣщеніе, что онъ видѣлъ видѣніе: бѣлообразные мужи привели его въ поле; на полѣ пропасть великая, наполненная людьми, а иныхъ въ ту же пропасть гонятъ, а тѣ люди всѣ опалены какъ головни, и бороды и усы у нихъ какъ свиная щетина; одежда на нихъ похожа на шведское платье, а на головахъ шапки, которыя называются корабликами; и „сказали мнѣ бѣлообразные мужи: люди въ пропасти—брадобривцы, а товарищъ твой Михайла Лосевъ безъ бороды явиться не смѣлъ, потому что когда по указу борода у него была обрита, то онъ ее сберегъ, и по смерти положили ее съ нимъ въ гробъ. Сего видѣнія оные бѣлообразные мужи таить не велѣли, а велѣли донести до царскаго величества чрезъ духовника, что при родителяхъ его въ Россіи брадобритія не было" [2]).

Въ то время, какъ Питиримъ на востокѣ боролся съ раскольниками, въ Москвѣ блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, долженъ былъ бороться съ распространителями протестантскаго ученія. Учителей иностранныхъ и иновѣрныхъ набралось много, сознаніе необходимости учиться у нихъ, перенимать у нихъ все болѣе и болѣе усиливалось между Русскими людьми; для нѣкоторыхъ трудно было уберечься, чтобъ не подпасть вліянію учителей и относительно религіозныхъ вѣрованій. Учители протестанты, пріѣхавшіе въ Россію, по характеру своей дѣятельности, да и по характеру своего исповѣданія, не могли быть ревностными распространителями своихъ религіозныхъ убѣжденій между учениками; они дѣйствовали отрицательно, свысока, съ презрѣніемъ и насмѣшкою относясь ко всему старому русскому, а слѣдовательно и къ вѣрѣ, позволяя себѣ вопросы: „съ какой стати это и зачѣмъ то?"—не отказываясь отвѣчать на вопросы любопытствующихъ учениковъ. Ученики, подпавшіе авторитету учителей, какъ обыкновенно бываетъ съ новообратившимися, не могли удержать своей ревности: одни дѣйствовали съ большею или меньшею осторожностію, но другіе дошли до фанатизма.

Въ апрѣлѣ 1713 года префектъ Славяно Латинской школы донесъ митрополиту Стефану, что, ученикъ той же школы, Иванъ Максимовъ,—еретикъ не почитаетъ угодниковъ Божіихъ, гнушается Церковію Апостольскою и многихъ къ себѣ привернула на люторскую и кальвинскую вѣру. Максимовъ взяли къ допросу въ духовный Патріаршій Приказъ, гдѣ онъ во всемъ заперся. Но свидѣтели показали, что онъ, въ присутствіи товарищей, сказалъ о Николаѣ чудотворцѣ: „Вотъ и Никола будетъ въ пеклѣ"! и когда другіе замѣтили, что этого нельзя говорить, онъ отвѣчалъ: „А кто съ Богомъ въ бесѣдѣ былъ?"—говорилъ, что не слѣдуетъ кланяться предъ Св. Тайнами, потому что это простой хлѣбъ и вино; не слѣдуетъ почитать мощей. Максимова отправили въ Преображенскій Приказъ; тамъ съ одной пытки онъ повинился, что о простомъ хлѣбѣ и винѣ говорилъ съ-пьяна, объ иконахъ же и мощахъ говорилъ, наслышась отъ пасторовъ. Тутъ же онъ указалъ на единомышленника своего, лѣкаря Димитрія Тверитинова, который прежде носилъ фамилію Дерюшкина; оговорилъ овощнаго ряда торговаго человѣка Никиту Мартынова, что онъ къ Тверитинову хаживалъ и въ одной съ нимъ прелести пребываетъ; Мартыновъ показалъ, что Тверитиновъ приходилъ часто въ овощной рядъ и при рядовичахъ проповѣдывалъ, что не надобно кланяться иконамъ, и его, Максимова, смутилъ. Максимовъ оговорилъ также торговаго человѣка Михаилу Минина, что учится той же прелести; оговорилъ фискала Михайлу Андреева; оговорилъ цирюльника Ѳому Иванова, двоюроднаго брата Тверитинова. Ѳома объявилъ, что иконамъ и мощамъ не кланяется, не исповѣдуется, не пріобщается.

Узнавши объ этихъ оговорахъ, Тверитиновъ и фискалъ Михайла Косовъ отправились въ Петербургъ, гдѣ нажаловались на напрасныя гоне-

---

1) Кабинетъ I, кн. № 31; II, кн. № 41, 42, 56, 57; См. также Есипова: Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія; Голикова—Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра В. Х. 275; XII, 302.

2) Кабинетъ II, кн. № 57.

нія отъ Стефана князю Якову Ѳед. Долгорукому. Долгорукій и другіе сенаторы, не любя Яворскаго, приняли ихъ сторону, за нихъ же сталъ и вліятельный архимандритъ Невскаго монастыря Ѳеодосій, также не любившій Яворскаго. По докладу Долгорукаго, дѣло еретиковъ передано было въ Сенатъ, и Максимова со всѣми оговоренными взяли въ Петербургъ; здѣсь, въ канцеляріи Сената, они стали показывать другое. Максимовъ объявилъ, что все взведено на него ложно, по мести префекта, который преслѣдовалъ его за то, что онъ билъ челомъ митрополиту Стефану за архимандрита Лопатинскаго и на него, префекта, за удержку жалованья школьникамъ; показанія товарищей справедливы; но все это онъ говорилъ въ шутку, а въ Преображенскомъ Приказѣ винился, не стерпя жестокой пытки; на Тверитинова донесъ онъ въ безпамятствѣ отъ боли и отъ страха; съ Тверитиновымъ были у него только диспуты по обыкновенію школьному. И Тверитиновъ показалъ, что Максимовъ приходилъ къ нему и держалъ диспуты только для упражненія въ Латинскомъ языкѣ; если же показалъ на него что другое, то вѣрно по наученію Ѳеофилакта Лопатинскаго; съ Лопатинскимъ въ Симоновѣ монастырѣ, по принужденію вице-губернатора Ершова, Тверитиновъ имѣлъ диспуты о призываніи Святыхъ, при чемъ Лопатинскій взялся защищать церковное ученіе, а онъ принялъ на себя роль лютеранина; Лопатинскій присылалъ сказать Максимову, чтобы онъ оговорилъ его, Тверитинова, и за это получитъ свободу, въ противномъ же случаѣ умретъ на пыткахъ; Максимовъ подтвердилъ, что дѣйствительно Лопатинскій присылалъ къ нему съ этимъ. Въ Петербургѣ Максимовъ сговорилъ и съ Мартынова; Мартыновъ, въ свою очередь, сговорилъ съ Тверитинова, показалъ, что послѣдній настаивалъ только на томъ, чтобъ покланяться не иконѣ, но изображенному на ней. И Ѳома Ивановъ въ Петербургѣ объявилъ себя Православнымъ, только прибавилъ: на какомъ мѣстѣ прилучится ему творить поклоненіе, и онъ поклоненіе творитъ самому Богу и Отцу духомъ и истиною, а не написаннымъ иконамъ поклоняется; мощамъ не поклоняется для того, что его, Ѳому, сотворили не онѣ, но вышній Богъ.

Въ іюнѣ 1714 года состоялся указъ великаго государя: Максимова, Мартынова и Ѳому Иванова послать въ Москву къ митрополиту Стефану; хотя они и сказали, что пребываютъ въ Православіи, однако все еще ихъ освидѣтельствовать духовно, истинно ли они Православную вѣру содержатъ твердо, и если явится, что истинно, то, взявъ у нихъ исповѣданіе на письмѣ, за ихъ руками, въ торжественный день, въ соборной церкви велѣть имъ самимъ о себѣ объявить, что они въ Православной вѣрѣ пребываютъ твердо, дабы тѣмъ объ нихъ народное мнѣніе искоренить; Ѳому Иванова, такъ какъ онъ по розыску явился неисправенъ, духовно исправить, и если онъ въ познаніе придетъ, то и съ нимъ поступить такъ же; если же нѣтъ, то отослать его къ гражданскому суду для казни; Тверитинова же, на основаніи свидѣтельства духовника, только объявить всенародно въ соборѣ, что противленія въ церковныхъ догматахъ никакого за нимъ не признано, дабы мнѣніе о немъ искоренить.

Но митрополитъ Стефанъ считалъ себя въ правѣ поднять снова дѣло: у него были въ рукахъ сочиненія Тверитинова, въ которыхъ ясно высказывалось неправославное ученіе и которыхъ нельзя было оправдать цѣлію диспута. Яворскій предписалъ: еретиковъ разослать въ разные московскіе монастыри и держать за крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нимъ никого, потому что въ Приказъ приходятъ къ нимъ такіе же противники на большее развращеніе; да бумаги и чернилъ не давать, чтобъ писаніемъ больше ересей не разсѣвали; а если Тверитиновъ пожелаетъ написать полное отреченіе отъ ересей и объявитъ сообщниковъ, то позволить ему писать. При этомъ митрополитъ объявилъ, чтобъ всякій приносилъ доносы на еретика, кто что знаетъ, а кто утаитъ,—будетъ подъ соборною клятвою.

Доносчики явились. Префектъ Словено-Латинскихъ школъ, іеромонахъ Гавріилъ показалъ: „Тому лѣтъ шесть или больше, когда я жилъ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ одной кельѣ съ бывшимъ префектомъ Стефаномъ Прибыловичемъ, прихаживалъ къ нему Дмитрій Евдокимовъ Тверитиновъ съ своими сомнѣніями о догматахъ Церкви Восточной, и спорилъ съ нимъ, приводя писанія лютеранскія и кальвинскія; какъ ни старался Прибыловичъ утвердить его въ догматахъ церковныхъ, онъ остался при своемъ и говорилъ, что всѣ преданія, кромѣ Писанія, суть басни человѣческія. Ѣздили мы съ Прибыловичемъ и въ домъ къ Тверитинову; увидавши у него въ углу одну икону, Прибыловичъ сказалъ: „Слава Богу, и у тебя есть икона!“—„Эту икону“, отвѣчалъ Тверитиновъ, „держу я не для себя, а для жены, которая еще не совершенно познала истину; я же, по Писанію, Единому Богу поклоняюсь и Его Единаго почитаю“.

Священникъ отъ Пимена въ Воротникахъ, Иванъ Ивановъ донесъ: „Въ 1708 году приходилъ я со святынею въ домъ къ дочери своей духовной, вдовѣ Евдокіи Тверитиновой, и сынъ ея Димитрій къ кресту не подошелъ; когда я спросилъ его: „Вѣруешь ли въ Церковь?“ то онъ отвѣчалъ: „Я самъ церковь живая“. Я спросилъ у матери: „Есть ли у твоего сына въ домѣ иконы“? Она отвѣчала: „Что ты, батюшка! какимъ у него быть иконамъ“? Я спросилъ ее: „Какъ давно сынъ твой сталъ отвратенъ отъ Св. Церкви и отъ иконъ“? Она отвѣчала: „Какъ отъ меня отошелъ прочь и сталъ искать науки у докторовъ и лѣкарей въ Нѣмецкой слободѣ,—съ тѣхъ поръ и сталъ отвратенъ, и я къ нему за то стала мало ѣздить“.

Архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій объявилъ: „Однажды встрѣтилъ я Тверитинова у графа

Ив. Алексѣевича Мусина-Пушкина, который былъ боленъ; графъ говорилъ ему: „Для чего это ты затѣваешь; для чего не отстанешь отъ своего злоумствованія? Бѣдный, бѣдный, жаль мнѣ тебя! Если ты не отъ ереси, а отъ любопренія приводишь эти противности, то для чего говоришь передъ невѣждами? Для удостовѣренія о своемъ Православіи отвѣчай на свои тетради". Тверитиновъ сказалъ на это: „Не могу рѣшить я этихъ писаній, которыя собралъ отъ Священнѣйшаго Писанія".— „Вотъ тебѣ поможетъ архимандритъ Ѳеофилактъ", сказалъ графъ. Тверитиновъ промолчалъ.

Симоновскій архимандритъ Петръ Смиляличъ, родомъ Сербъ, показалъ: „Пріѣзжалъ въ Москву по сербскимъ дѣламъ полковникъ Пантелеймонъ Божичъ, которому отвели квартиру вмѣстѣ съ лѣкаремъ Димитріемъ Тверитиновымъ. Полковникъ пріѣзжалъ къ Суздальскому митрополиту Ефрему (Янковичу, Сербу) и говорилъ ему: „Мы думали, что въ Москвѣ лучше нашего благочестіе, а вмѣсто того худшее иконоборство, чѣмъ у Лютеранъ и Кальвиновъ, начинается какая-то новая ересь, что не только иконъ не почитаютъ, но ругаютъ и идолами называютъ, а поклоняющихся—заблудшими и ослѣпленными. Человѣкъ, у котораго отведена мнѣ квартира, какой-то лѣкарь, и кажется въ политикѣ не глупъ, а на Церковь Православную страшный хулитель, иконы святыя и священническій чинъ сильно уничижаетъ; всякій вечеръ приходятъ къ нему русскіе молодые люди, сказываются учениками Нѣмецкой школы, которыхъ онъ поучаетъ своей ереси, про священническій, чинъ, про исповѣдь и причастіе такъ ругательно говоритъ, что и сказать невозможно. Я не могъ снести ругательства вѣрѣ христіанской и чуть въ бѣду не попалъ,—вчера вечеромъ саблею чуть всѣхъ не перерубилъ, вынулъ саблю и всѣхъ еретиковъ выгналъ изъ хоромъ, а ныньче поутру пришелъ онъ ко мнѣ съ женою, палъ въ ноги и просилъ прощенья: „Пожалуй, не гнѣвайся на насъ, нынѣ у насъ на Москвѣ, слава Богу, вольно всякому—кто какую вѣру себѣ изберетъ, такую и вѣруетъ, а мы при милости твоей больше объ этомъ не станемъ говорить, если тебѣ не нравится".

Князь Семенъ Михайловичъ Козловскій сказалъ: „Тверитиновъ говорилъ мнѣ: „Откуда вы взяли поклоняться иконамъ?" и о многомъ церковномъ поведеніи толковалъ по лютеранскому разумѣнію, монашество и посты уничтожилъ; я ему воспрещалъ градскимъ судомъ, а онъ мнѣ на это говорилъ: „Вы истины познать не можете, только стращаете мучительствомъ".

Московскій вице-губернаторъ Василій Ершовъ донесъ: „Знаю подлинно, что лѣкарь Тверитиновъ еретикъ и учитель ереси, а ученикъ его Котельной слободы Михайла Андреевъ Косой (фискалъ) ереси его излиха ревнитель; коммисаръ Сергѣевъ, у котораго болѣли глаза, спросилъ Тверитинова, чѣмъ ему лѣчиться. Еретикъ отвѣчалъ: „У вашей милости есть лѣкарство изрядное: изволь купить глазокъ или оба серебряные, и отнести къ Пятницѣ Прощѣ, что на Пятницкой улицѣ, и глазки твои здоровы будутъ; а ежели у вашей милости болятъ зубки, то изволь купить зубокъ серебряный Антипѣ чудотворцу". При этихъ словахъ еретикъ такъ расхохотался, что повалился на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ. Однажды мнѣ случилось вѣшать иконы въ хоромахъ моихъ; случился тутъ еретическій послушникъ Косой и, смѣясь, говорилъ: „Для чего гвозди колотишь?—поставь къ стѣнѣ такъ, чтобъ сами собою стояли безъ гвоздей, а на гвоздяхъ и все другое стоитъ". Во все время моего знакомства съ Тверитиновымъ и Косымъ не помню ни одного свиданія, чтобъ не слыхалъ отъ нихъ какой-нибудь противности".

Игуменъ Макарьевой пустыни (Бѣльскаго уѣзда) Тихонъ сказалъ: „Ночевалъ я однажды у Тверитинова въ домѣ, и онъ, вставши поутру, по обыкновенію умылся и, обратясь къ картинѣ, что-то немного пошепталъ, а на картинѣ написаны золотыми буквами двѣ первыя заповѣди".

Леонтій Магницкій показалъ, что Тверитиновъ при немъ говорилъ: „Святые по смерти ничего не чувствуютъ и себя не знаютъ, на что плѣнный Шведъ Брендеръ сказалъ: „И нашему Лютерскому ученію противенъ".

Справщикъ Ѳедоръ Поликарповъ объявилъ, что присутствовалъ при спорѣ между Тверитиновымъ и графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ: „Нача убо графъ обличати Димитрія чиномъ діалектическимъ и аргументами; но Димитрій отречеся, сказуя себя тоя науки несвѣдуща, и потомъ отвѣщеваше на всякое предложеніе нерегулярно, но яко не вѣдая Писанія, ни силы Божія, опираясь токмо на письмо нагое, якоже древле и нынѣ Іудеи, къ нимъ жеречеся: письмо убиваетъ, духъ живитъ. И отъ правыя убо страны рать не безъ огня Иліины ревности яже по Бозѣ и по Восточной Церкви бяше; отъ лѣвыя же тихотинная вода изливаше глаголы потопныя, языкомъ льстивымъ и ласкательнымъ, но словесы ненавистными, обаче не сильными и чинными; по мужицкими неправильно".

Подали доносъ на Тверитинова—теща его, купчиха, шурья, изъ которыхъ одинъ былъ ученикъ лѣкарскихъ дѣлъ, другой монахъ Пафнутій, написавшій противъ зятя-еретика книгу: „Р о ж н е ц ъ д у х о в н ы й". Показали, что учениками Тверитинова наполненъ Серпуховъ; что ученики его всѣ живутъ въ довольствѣ, потому что другъ другу помогаютъ. Современники оставили намъ любопытное описаніе Тверитинова, его разговора: „Имѣетъ понравіе уклонное, мягкое и весьма льстивое, такъ что уже и тѣломъ своимъ не можетъ быть не уклоненъ, не уступчивъ, не прегибателенъ на тотъ бокъ и на другой; такожде и шею свою и на то и другое плечо полагаетъ, и самъ весь изгибается, и говоритъ очень вѣжливо, утѣшно, смѣхомъ растворяя; приступаетъ и уступаетъ и всячески мастеритъ, дабы тому, что съ кѣмъ-нибудь говоритъ, пріятенъ былъ, и таковымъ понравіемъ

такъ одаренъ, что едва равнаго ему обрѣсти можно" [1]).

Вслѣдствіе этихъ доносовъ, дѣло началось снова и тянулось долго. Стефанъ былъ обвиненъ въ неисполненіи царскаго указа, былъ вызванъ въ Петербургъ, и здѣсь дѣло о Тверитиновѣ разсматривалось въ Сенатѣ. По свидѣтельству одного современнаго извѣстія, въ первое засѣданіе „начали говорить немирно и нечинно, но рвеніемъ и укоризнами митрополита всячески поносили съ великимъ и безчиннымъ крикомъ"; обвиняли его въ злобѣ, гордости, клеветѣ; укоряли за проповѣдь о фискалахъ; говорили, что онъ накупилъ на Тверитинова и товарищей его ложныхъ свидѣтелей. Стефанъ говорилъ своимъ противникамъ: „Вы не тѣхъ дѣлъ судьи; вамъ надлежитъ судить тѣхъ, кого мы пришлемъ къ вамъ, въ гражданскій судъ, уже осудивши духовно". Только Апраксинъ и Меншиковъ заступались за Яворскаго. Говорятъ, что Петръ, узнавши о ходѣ дѣла, писалъ сенаторамъ, чтобъ „судъ вели правильнѣе, слѣдовали бы настоящее, имъ порученное дѣло, и постороннихъ дѣлъ и рѣчей не привносили; чтобы крику не было, а было бы все благочинно". 14 мая назначили произвести очныя ставки между обвиненными и свидѣтелями. Пріѣхалъ и Яворскій; но сенаторы сказали ему, что ему при очныхъ ставкахъ быть не слѣдуетъ. Стефанъ не соглашался уѣхать; наконецъ, послѣ долгихъ перебранокъ, вышелъ изъ засѣданія и отправилъ письмо къ государю: „По твоему великаго государя указу велѣно мнѣ въ Св. Четыредесятницу присутствовать въ судебной избѣ при дѣлѣ, которое началось съ новоявленными еретиками; и я въ то время хаживалъ безпрепятно во всю седмицу Крестопоклонную, и никто же мене тогда не изгонялъ, а нынѣ, мая въ 14 день, по прежнему указу, пришелъ я въ судебную избу для слушанія и рѣшенія того же дѣла, и меня превосходительные господа сенаторы съ великимъ моимъ студомъ и жалемъ изгнали вонъ, и я, плачущъ исходя изъ палаты судебной, говорилъ: бойтеся Бога, для чего не поправдѣ судите? Сего же реченія моего сія суть вины: а) книги, Дмитріемъ Тверитиновымъ писанныя, и листъ на развращеніе народа отъ него-жь писанъ и раздаванъ въ народъ, явѣ его показуютъ быти еретика. То все на судѣ уничижено, или на какое время оставлено, и вида тому не показано. б) Велятъ давать очныя ставки отвѣтчикамъ съ свидѣтелями, а въ прошломъ 205 (1697) именнымъ царскимъ повелѣніемъ писана статья: велѣно во всякихъ дѣлахъ допрашивать свидѣтелей и вѣрить свидѣтелямъ тремъ и двумъ, и одному, буде не бывало какой ссоры и вражды между отвѣтчикомъ и свидѣтелемъ, а нынѣ на оныхъ раскольщиковъ многое число священнаго и монашескаго и мірскаго чина знатныхъ персонъ, свидѣтельствуя ихъ неистовство, письменно обличаютъ; и тѣмъ свидѣтелямъ и явному обличенію не повѣрено, а для чего,—тому вида не показано, а надлежало противъ всякаго свидѣтельства раскольщиковъ допрашивать, а они ни противъ одного не допрашиваны. в) Нѣціи отъ раскольщиковъ винились въ Преображенскомъ, и прочихъ товарищей своихъ и учителя своего Дмитрія Тверитинова выдали, а предъ Сенатомъ всего того заперлись, и то мимо пущено и въ премѣнныхъ рѣчахъ не разыскивано" [2]).

Удивительно, что въ этомъ доношеніи митрополитъ не упомянулъ о происшествіи, случившемся еще 5 октября 1714 года. Одинъ изъ еретиковъ, Ѳома Ивановъ, былъ отданъ подъ началъ въ Чудовъ монастырь, и велѣно его въ оковахъ приводить въ церковь во время службы; 5 октября, послѣ заутрени, Ѳома вынулъ косарь, принесенный имъ тайно изъ кельи, и перерубилъ по лицу образъ Св. Алексія митрополита „въ церкви Благовѣщенія, за желѣзною рѣшеткою стоящій по человѣчеству рѣзной на серебрѣ"; монахи и лампадчики едва успѣли схватить его и удержать. Приведенный въ духовный Патріаршій Приказъ, Ѳома сказалъ: отецъ его былъ посадскій человѣкъ и жилъ въ Твери; онъ, Ѳома, учился грамотѣ у попа; 22 года тому назадъ пріѣхалъ въ Москву, жилъ въ разныхъ домахъ, нанимался работать, на исповѣди не бывалъ, въ церкви хаживалъ и молился истинному Богу, а иконамъ не покланялся; въ прошломъ 1713 году велѣно сыскать его въ Пеображенскій Приказъ, гдѣ разспрашиванъ объ иконоборствѣ, посланъ былъ въ Петербургъ, оттуда въ Чудовъ монастырь, и порубилъ образъ для того, что иконъ, креста и мощей не почитаетъ и не покланяется, ибо иконы и крестъ дѣла рукъ человѣческихъ, а мощи его, Ѳому, не милуютъ; призыванія Святыхъ и молитвы за умершихъ не пріемлетъ; въ евхаристіи не вѣруетъ быти истинному тѣлу и крови Христовой, но просвира и вино церковное просто, и въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта не нашелъ ничего этого. Ни у кого не учился, до всего дошелъ самъ; другихъ не училъ и не знаетъ, кто бы съ нимъ одинаково думалъ; подалъ покаяніе, чтобъ получить свободу; а еслибъ получилъ свободу, творилъ бы прежнее; лѣкарь Тверитиновъ ему братъ двоюродный [3]).

Дѣло протянулось весь 1715 годъ 22 февраля 1716 года царь далъ указъ Сенату: „По дѣлу Дмитрія Тверитинова розыскавъ и оное конечно вершить, и которые по тому дѣлу приносятъ или принесутъ вины свои, тѣхъ разослать къ архіереямъ въ служеніе при ихъ домахъ, и чтобъ имѣли за ними крѣпкій присмотръ, дабы непоколебимы были въ вѣрѣ, а которые не принесутъ винъ—казнить смертію" [4]). Не принесъ покаянія одинъ Ѳома Ивановъ—и былъ казненъ.

[1]) Дѣло о Тверитиновѣ въ Синодальной библіотекѣ; см. также статью Терновскаго: Московскіе еретики въ царствованіе Петра I, въ Православномъ Обозрѣніи 186', и статью Тихонравова «Московскіе Вольнодумцы»—въ Русскомъ Вѣстникѣ.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 24.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 20.

[4]) Архивъ Мин. Юстиціи, копіи съ именныхъ указовъ.

Только-что кончилось дѣло о Тверитиновѣ съ товарищами, какъ началось другое о еретикахъ, между которыми главную роль играла женщина. Въ маѣ мѣсяцѣ 1717 года была захвачена жена ходока Приказа Земскихъ Дѣлъ Ивана Зимы, Настасья, со многими другими людьми обоего пола. Въ Патріаршемъ Духовномъ Приказѣ Настасья объявила, что она дочь бѣглаго дьячка, выучена грамотѣ; года съ четыре въ церковь не ходитъ, не исповѣдуется и не причащается, потому что купила она на печатномъ дворѣ книги и читала ихъ себѣ и другимъ людямъ, которые къ ней приходили, и теперь взяты вмѣстѣ съ нею въ ея домѣ; въ этихъ книгахъ не написано, что иконамъ кланяться, хлѣбъ и вино почитать и вѣрить; она эти книги въ домѣ своемъ читала и толковала; они ее слушали и по тѣмъ книгамъ такъ же дѣлали; а приходили къ ней въ домъ въ воскресные дни въ обѣдню; иконамъ и кресту она, Настасья, не кланяется и за святыню ихъ не почитаетъ, потому что это дѣло рукъ человѣческихъ, а молится она и другихъ учитъ молиться Богу духомъ и истиною; креста на себѣ не носитъ, крестнаго знаменія на себѣ не полагаетъ и инымъ людямъ креститься не велитъ, церкви и преданія учителей церковныхъ не слушаетъ; а мужъ ея, Иванъ, въ церковь ходитъ и отца духовнаго имѣетъ, и ее, Настасью, отъ того унимаетъ, и она его не слушаетъ; молитву Іисусову говоритъ она такъ: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшную"! а не читаетъ молитвы: „Господи Іисусе Христе, Боже нашъ"!

Взятый вмѣстѣ съ Настасьею портной Алексѣй объявилъ, что однажды на дорогѣ встрѣтился съ нимъ священникъ изъ Устюжны, который говорилъ ему, что надобно Бога познавать изъ Евангелія и кланяться Ему духомъ и истиною, а не тѣломъ, и прибавилъ: „Отъ другихъ поповъ ты этого не услышишь"! Пришедши по своему ремеслу въ домъ Зимы и заставши его жену за чтеніемъ Евангелія, онъ, Алексѣй, познакомился съ нею и сталъ ея слушателемъ. Золоту, серебру и дереву поклоняться Богъ не велѣлъ; отца духовнаго онъ, Алексѣй, не имѣетъ, потому что намъ отецъ духовный Царь Небесный; въ причащеніи питается хлѣбомъ и виномъ тѣло, а душѣ корысти нѣтъ, душа причащается словомъ Божіимъ". Товарищи Алексѣя объявили, что они прихаживали къ Настасьѣ для слушанія и поученія Св. Писанію, потому что Настасья умѣетъ грамотѣ и учительна отъ Божественнаго Писанія; сходились къ ней по слухамъ, что есть жонка, читаетъ Евангеліе; Иванъ Зима объявилъ, что держитъ такое же ученіе, какое и жена его, никто его тому не училъ, похотѣлъ такъ дѣлать волею своею.

Еретиковъ забрали въ Бѣдность: такъ называлась колодничья тюрьма въ Преображенскомъ Приказѣ. Многіе покаялись; но Иванъ Зима съ женою и шестеро другихъ остались при своемъ. Привели къ пыткѣ: одна женщина повинилась предъ пыткой, одинъ мужчина повинился послѣ двухъ ударовъ кнутомъ. Настасья выдержала 40 ударовъ, мужъ ея и другіе по 30—и говорили прежнія рѣчи. Настасьѣ дали еще 15 ударовъ—прежнія рѣчи; но мужъ ея и другіе у дыбы, а иные съ подъему повинились. Настасью привели въ третій разъ, дали 30 ударовъ — прежнія рѣчи; но когда привели въ четвертый разъ, повинилась и Настасья [1]).

Въ ученіи Тверитинова явно вліяніе учителей Протестантовъ; ученіе Настасьи Зимы явилося, какъ видно, самостоятельно, но направленіе то же. Рядомъ съ этою пропагандою шла католическая, какъ видно изъ царскаго указа о вторичномъ изгнаніи іезуитовъ. Мы упоминали о первомъ изгнаніи ихъ послѣ паденія Софьи, по настоянію патріарха Іоакима [2]). Но потомъ, когда начался усиленный приплывъ иностранцевъ разныхъ исповѣданій въ Россію, іезуиты успѣли опять пробраться въ Москву, завести здѣсь школу и начать пропаганду. 18 апрѣля 1719 года майоръ Румянцевъ получилъ собственноручный царскій указъ: „Пріѣхавъ къ Москвѣ и объявивъ тайно оберъ-коменданту, вечеромъ ѣхать въ слободу въ езувитскій монастырь, въ полночь осмотрѣть тамъ и взять всѣ ихъ письма, а какъ разсвѣнетъ, объявить имъ указъ, и потомъ, давъ емъ убраться, послать съ Москвы за рубежъ съ добрымъ провожатымъ; однако велѣть ихъ задержать въ Можайску, а тѣмъ временемъ письма ихъ чрезъ учителей нашихъ школъ пересмотрѣть, и буде какія письма явятся подозрительныя, то оныя перевесть и привезти съ собою, а ихъ не отпускать. Понеже слышимъ, что оные учениковъ многихъ въ свой законъ привели, а наипаче изъ мѣщанскаго, того такожъ освидѣтельствовать, а кои приличатся въ семъ или иномъ,—арестовать" [3]).

Въ то время, когда нужно было принимать сильныя мѣры, чтобъ остановить пропаганду католическую, протестантскую и раскольничью, съ другой стороны принимались мѣры для распространенія предѣловъ Русской Церкви на востокѣ. Въ 1714 г. Сибирскій митрополитъ, схимникъ Ѳеодоръ (Филоѳей Лещинскій) получилъ указъ ѣхать въ Землю Вогульскую и Вотяцкую, къ Татарамъ, Тунгусамъ и Якутамъ, и гдѣ найдетъ кумиры, кумирницы и нечистивыя чтилища,—все пожечь, а всѣхъ иноземцевъ приводить въ христіанскую вѣру, и которые иноземцы крестятся,—тѣмъ давать царскаго жалованья, холстъ на рубахи и въ ясаку имъ льгота будетъ. Въ слѣдующемъ году новый указъ: если люди Магометской вѣры, за которыми есть русскіе крестьяне, примутъ Православную христіанскую вѣру, и за ними русскимъ крестьянамъ быть попрежнему; а которые креститься не захотятъ—у тѣхъ русскихъ крестьянъ съ пашнями и со всѣми

---

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи. дѣла тайнаго Преображ. Приказа.

[2]) Исторія Россіи XIV.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 32; Полн. Собр. Зак. № 3356.

угодьями отписать на государя [1]). Въ Казанской губернiи проповѣданiе христiанства между иновѣрцами, надзоръ за новообращенными и обученiе ихъ христiанскому закону возложены были на архiерейскаго казначея, iеромонаха Алексѣя, а вице-губернатору Кудрявцеву велѣно было помогать ему. Въ 1719 году Алексѣй просилъ у губернатора нѣсколько денегъ на покупку новокрещенымъ иконъ, крестовъ и другихъ нужныхъ вещей; губернаторъ отказалъ, но вице-губернаторъ выдалъ ему изъ кабинетныхъ денегъ 30 рублей. Алексѣй, по возвращенiи съ проповѣди, объявилъ Кудрявцеву, что онъ крестилъ 379 Черемисъ, и 30 рублей всѣ на нихъ издержалъ; объявилъ также, что если новокрещенымъ предъ другими дана будетъ льгота въ податяхъ, то много обратится; при этомъ Алексѣй требовалъ царскаго указа,—откуда ему впередъ брать деньги. Когда Кудрявцевъ далъ знать объ этомъ Макарову, то опредѣлено было давать Алексѣю деньги изъ сбора съ вѣнечныхъ памятей [2]); въ томъ же году Сенатъ издалъ указъ о предоставленiи новокрещенымъ свободы отъ всякихъ сборовъ и податей на три года [3]).

Но, разумѣется, самымъ могущественнымъ средствомъ для успѣшной обороны и наступленiя должно было быть внутреннее устройство и сила Церкви. Монахи жаловались, что государство не щадитъ ихъ казны и доходовъ; у Троицкаго монастыря было взято въ 1696 году на ратныхъ людей 50,000 рублей; въ 1696 году 20,000; въ 1697—20,000; въ 700 году 30,000; въ 701 — 5,000: всего взято въ разные Приказы 125,000 рублей; да въ подношенiи великому государю: въ 700 году 5,000 рублей; въ 701 — 25,000 рублей, 2,000 золотыхъ червонныхъ, 1,000 ефимковъ; въ 702 году 25,000 рублей; въ 703—10,000; въ 704—5,000; въ 705—3,000, въ 707—3,000 въ 709—3,000; въ 711—7,000; въ 714—5,000; въ 715—4,000; въ 717—4,000, въ 718—4,000; въ 722—4,000; кромѣ того, отъ Троицкаго монастыря было отписано 4,412 дворовъ [на олонецкiя верфи, Григорью Писареву и на Невскiй монастырь] [4]). Но жалобщики своимъ поведенiемъ уничтожали силу своихъ жалобъ, показывая неспособность употреблять доходы какъ слѣдуетъ. Уже извѣстный намъ по астраханскимъ событiямъ Георгiй Дашковъ, сдѣланный изъ троицкихъ архимандритовъ Ростовскимъ архiепископомъ, писалъ царю въ 1718 году: „Чернецы спились и заворовались; Второвъ монастырскихъ денегъ (Троицкаго монастыря) укралъ 500 рублей; Ремезовъ, будучи въ Астрахани, покралъ монастырскiй клей; Киржацкiй—пьяница и блудникъ—изъ монастыря бѣжалъ, а теперь явился съ такими же ворами, со Второвымъ и Ремезовымъ, хотя своего воровства избыть, на меня доводятъ, стараются, чтобъ мнѣ нанести напасти, обвиняютъ меня въ похищенiи казны, отъ чего я себя мнѣнiемъ безвременно смертельно убиваю. Клянусь Богомъ, что ни въ чемъ невиненъ. Слезно прошу о оборонѣ, потому что не одинъ уже годъ мнѣ отъ этихъ клеветниковъ волокита и разоренiе и немилостивое руганiе, и если ваше величество не помилуетъ, то конечно меня, беззаступнаго старца, съ сего свѣта безвременно сгонятъ“ [5]).

Чтобъ усилить нравственное значенiе бѣлаго духовенства, главнымъ средствомъ было обратить вниманiе на поставленiе въ священники и дьяконы достойныхъ людей, противодѣйствовать обычаю, по которому мѣста передавались по наслѣдству, продавались, находясь въ зависимости отъ домовъ священнослужительскихъ. Наборъ дѣтей духовенства въ военную службу еще болѣе увеличилъ число недостойныхъ священниковъ и дьяконовъ, потому что молодые люди бросились на мѣста, чтобъ отбыть отъ военной службы. Въ мартѣ 1711 года новоучрежденный Сенатъ, соединившись съ церковнымъ Соборомъ, вмѣстѣ издали слѣдующее постановленiе: освященному Собору и правительствующему Сенату вѣдомо учинилось: когда начали брать на службу людей молодыхъ, къ воинскому дѣлу пригодныхъ, то дьячки, пономари, сыновья поповскiе и дьяконовскiе различными коварными образами и лжесоставными челобитными похищаютъ себѣ чинъ священства и дьяконства неправильно и неправедно, иногда лѣтъ подобающихъ не имѣя, иногда посвящаясь въ лишнiе попы и дьяконы, отъ чего бываетъ несогласiе, вражда и соблазнъ между священнымъ чиномъ, а государевой службѣ въ настоящихъ нуждахъ умаленiе. Освященный Соборъ, совѣтовавшись съ правительствующимъ Сенатомъ, приговорили послать къ преосвященнымъ архiереямъ слѣдующiя статьи съ великимъ подкрѣпленiемъ: 1) не ставить въ дьяконы моложе 25, въ священники моложе 30 лѣтъ; 2) не посвящать лишнихъ, но гдѣ прежде было по одному, тамъ пусть и теперь такъ остается; 3) не вѣрить дьячкамъ, которые придутъ посвящаться на мѣсто попа больнаго или престарѣлаго, но самаго попа поставить передъ собою и взять у него сказку съ подкрѣпленiемъ, что впередъ служить и требъ исправлять не будетъ; 4) въ скудные приходы дьяконовъ не посвящать; 5) перехожихъ грамотъ къ другой церкви и на крестецъ (наниматься служить въ домовыхъ церквахъ) отнюдь не давать, кромѣ самой большой нужды, напримѣръ, когда два попа будутъ у одной церкви, а приходъ оскудѣетъ; 6) заручныя челобитныя осторожно разсматривать,—не ложныя ли: есть ли рука помѣщика, есть ли отписка отъ старосты поповскаго; 7) послать указы къ поповскимъ старостамъ, чтобъ отписокъ не давали, прежде чѣмъ сами побываютъ въ приходѣ и допросятъ крестьянъ, угоденъ ли имъ тотъ дьячекъ; 8) въ слушанiи ставленниковъ поступать осторожно и строго; если явится неумѣнье и косночтенье—отказывать; 9) если кто изъ архiе-

[1]) Полн. Собр Зак. № 2868, 2920.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 48.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 3637.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 73.
[5]) Кабинетъ II, кн. № 35.

реевъ тому указу противнымъ явится, такой подвергнется государеву гнѣву и удаленію отъ престола [1]). Въ 1718 году было подтверждено: дѣтей духовенства, кто пожелаетъ, учить въ школахъ заранѣе, чтобъ были годны въ попы, и посвящать только такихъ, которые по ученію будутъ достойны; постановлено также священникамъ своихъ домовъ не имѣть и не продавать, жить имъ въ домахъ, купленныхъ на сборныя церковныя деньги, для чего быть у всякой церкви старостамъ, которые сдаютъ дома новымъ попамъ и вновь пристраиваютъ на церковныя деньги [2]).

Исключеніе изъ правила—не давать перехожихъ грамотъ отъ одной церкви къ другой, было ограничено только однимъ случаемъ, когда нужно было освободить оскудѣвшій приходъ отъ двоихъ священниковъ; и потому когда прихожанамъ хотѣлось перевести къ себѣ извѣстнаго имъ священника отъ другой церкви, то они подавали объ этомъ прошеніе царю. Въ описываемое время для бѣлаго духовенства выборъ поповскаго старосты былъ очень важенъ, вслѣдствіе того, что оно не изъято было отъ разныхъ поборовъ; священники давали запись объ избраномъ ими старостѣ: „Будучи ему въ старостахъ поповскихъ, всякія государевы дѣла управлять съ радѣніемъ, окладные и неокладные денежные государевы доходы сбирать и отвозить въ Патріаршій казенный Приказъ; а онъ, попъ, человѣкъ добрый и смирный и не пьянствуетъ, и въ сборѣ денежной казны мы ему вѣримъ“. Для сбора денегъ на драгунскихъ лошадей священники выбирали иногда особаго сборщика; городскіе платили по два алтына три деньги, а уѣздные—по 10 денегъ съ двора. При выборахъ поповскихъ старостъ случались злоупотребленія: священники Александровской десятины Переяславскаго уѣзда Залѣсскаго били челомъ царю, что священники Новоалександровской слободы и ближнихъ къ ней селъ выбираются въ старосты по взаимному согласію, а дальнихъ священниковъ для выбора въ совѣтъ не призываютъ, и выбранные такимъ образомъ старосты пріѣзжаютъ въ отдѣленныя села многолюдствомъ съ своими прихотями, причиняютъ духовенству большіе убытки, съ ними же пріѣзжаетъ подъячій Малыгинъ безъ выбора отъ духовенства, всячески нападаетъ и беретъ великія взятки не по мѣрѣ. Въ началѣ 1721 года подана была любопытная просьба царю отъ сѣвскаго духовенства: „Посвященъ въ сѣвскій Спасовъ монастырь въ архимандриты Троице-Сергіева монастыря іеродіаконъ Пафнутій по прошенію сѣвскихъ градскихъ обывателей, и повелѣно ему между нами всякое правленіе имѣть; а къ сбору казны на годъ съ перемѣною изъ нашей братіи по два человѣка священниковъ; и выборные священники казну собираютъ въ домахъ своихъ, а не при немъ, архимандритѣ, и берутъ съ насъ на отвозъ себѣ излишнія деньги безъ вѣдома его, въ чемъ намъ бываетъ не безъ обиды, а отъ него, архимандрита Пафнутія, такихъ намъ обидъ не бываетъ: такъ чтобъ сбору быть у него, архимандрита, потому что онъ человѣкъ добрый, и мы ему въ томъ сборѣ вѣримъ, а тѣмъ выборнымъ за такія намъ обиды быть не довелось“. Просьба была исполнена [3]).

Приведенныя мѣры для поднятія духовенства объясняются словами Посошкова: „Священство столпъ и утвержденіе всему благочестію и всему человѣческому спасенію. Они наши пастыри, они и отцы, они и вожди, а въ книжномъ ученіи и разумѣніи не весьма довольны. Я признаю, что отъ оплошки архіерейской такъ чинится, потому что архіереи полагаются на служебниковъ своихъ въ поставленіи поповскомъ; служебники примутъ отъ новоставленника дары и затвердятъ ему въ псалтыри псалма два-три, и передъ архіереемъ заставятъ вытверженное читать; ставленникъ ясно, внятно и поспѣшно пробѣжитъ, и архіереи, не вѣдая ухищреннаго подлога, посвящаютъ въ пресвитеры, и отъ такого порядка у иныхъ грамота и плоха. Отъ пресвитерскаго небреженія уже много нашего Россійскаго народа въ погибельныя ереси уклонилось; въ великомъ Новгородѣ едва ли и сотая часть найдется древняго благочестія держащихся. А пресвитеровъ хотя и много въ городѣ, однако не пекутся, чтобъ отъ такой погибели ихъ отвратить и на правый путь направить; есть и такіе пресвитеры, что и потакаютъ имъ; и потому церкви всѣ уже запустѣли. Въ Новгородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у церкви три попа, а на Св. Пасху только два дня литургіи были, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на Св. Недѣлѣ прежде не бывало, теперь меня поопаслись и отслужили двѣ. Я такихъ стариковъ много и въ Москвѣ видалъ, что лѣтъ имъ подъ 60 и больше, а у отцевъ духовныхъ на исповѣди не бывали, не ради раскольничества, но ради непонужденія пресвитерскаго. Такой у нихъ обычай былъ, что, не состарѣвся, деревенскіе мужики на исповѣдь не хаживали“. Такое положеніе дѣлъ повело къ указу 1716 года о хожденіи на исповѣдь повсягодно и штрафѣ за неисполненіе этого правила; въ 1718 году указъ былъ повторенъ; велѣно было также ходить въ церковь въ воскресные дни и господскіе праздники, и запрещено торговать въ эти дни; выбирать въ должности позволено было только такихъ, которые ежегодно исповѣдывались. Съ цѣлію религіозною соединялась еще здѣсь и другая: въ церквахъ послѣ обѣдни читались новые указы, о которыхъ народъ могъ узнавать только этимъ средствомъ, ибо листы, прибитые къ городскимъ воротамъ, не были доступны для безграмотныхъ. Въ указѣ 1719 года говорится: „Понеже есть такіе отчаянные, что никакой доброй совѣсти не имѣютъ и не

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2352.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 3175.

[3]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Патріаршаго Приказа, годы 1712, 16, 18, 19 и 21.

хотятъ того слышать, что имъ судомъ Божіимъ и здѣшнимъ запрещается, и тѣ мѣста противны имъ, гдѣ слово Божіе и повелѣніе монаршеское читается: того ради не токмо въ недѣльные дни, но и въ господскіе праздники въ церковь не ходятъ, дабы отнюдь того не слышать, что противу совѣсти ихъ читается, и для того всѣхъ такихъ, которые въ день воскресный или въ господскій праздникъ во время Божіей службы будутъ гдѣ шататься, кромѣ самой крайней и необходимой нужды, а на молитву къ слушанію слова Божія и указовъ, которые въ народъ въ такіе дни при церквахъ публикуются, не пойдутъ,—ловить и ими розыскивать, понеже и такіе за недобрыхъ людей почитаются, которые отъ христіанскаго собранія удаляются" [1]). Въ томъ же году государь велѣлъ объявить въ Москвѣ, чтобъ въ церквахъ во время пѣнія литургіи стояли съ безмолвіемъ; а если кто начнетъ разговаривать, съ того брать штрафъ, не выпуская изъ церкви, по рублю съ человѣка, и употреблять на церковное строеніе; для народа употребить кого пристойно изъ людей добрыхъ [2]).

Высшее церковное управленіе продолжало находиться въ переходномъ состояніи: патріарха не было. Блюстителемъ патріаршаго престола оставался попрежнему Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій, и попрежнему находился не въ ладахъ съ свѣтскимъ правительствомъ. Прежде Мусинъ-Пушкинъ былъ непрошеннымъ совѣтникомъ блюстителя патріаршаго престола; теперь учрежденъ былъ Сенатъ, и церковный Соборъ вмѣстѣ съ нимъ дѣлаетъ постановленіе о томъ, какъ должно происходить поставленіе священниковъ; блюститель безъ Сената не можетъ назначить архіерея на епархію: въ 1711 году Яворскій сдѣлалъ представленіе объ архіереяхъ; отвѣтомъ былъ указъ: „Въ Ростовъ дается на соизволеніе архіерейское купно съ Сенатомъ, только быть епископу, а не митрополиту" [3]). Мы уже упоминали о проповѣди Стефана на 17 марта 1712 года, гдѣ заключалась выходка противъ фискаловъ; но не одна эта выходка заключалась въ проповѣди: „Се", говорилъ митрополитъ, „имате мзду закона Божія разорители, и слышите громы заповѣдей Божіихъ преступницы: того ради не удивляйтеся, что многомятежная Россія наша доселѣ въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйся, что по толикихъ смятеніяхъ доселѣ не имамы превожделѣннаго мира; кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ; гдѣ правда, тамъ и миръ. Море свирѣпое, море—человѣче законопреступный! почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? берегъ есть законъ Божій, берегъ есть, во еже непрелюбы сотвори, не вожделѣти жены ближняго, не оставляти жены своея; берегъ есть, воеже хранити благочестіе, посты, а наипаче Четыредесятницу; берегъ есть почитати иконы. Христосъ гласитъ въ Евангеліи: аще кто Церкви не послушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь" [4]). Такъ какъ проповѣдь говорилась 17 марта, въ день Св. Алексія человѣка Божія и въ день именинъ царевича Алексѣя, то Стефанъ заключилъ ее молитвою къ Св. Алексію: „О угодниче Божій! не забуди и тезоименника твоего, а особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего, преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ еси домъ свой: онъ такожде по чужимъ домамъ скитается; ты удалился отъ родителей: онъ такожде; ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ: онъ такожде; ты человѣкъ Божій: онъ такожде истинный рабъ Христовъ. Молимъ убо, святче Божій! покрый своего тезоименника, нашу единую надежду, покрый его въ кровѣ крылъ твоихъ, яко любимаго птенца, яко зѣницу отъ всякаго зла соблюди невредимо".

Въ церкви присутствовали сенаторы; на другой день они явились къ митрополиту съ упрекомъ за возмутительную для народа и оскорбительную для царской чести проповѣдь; они вытребовали проповѣдь на письмѣ для отсылки къ государю и запретили Стефану проповѣдовать. Петръ, получа проповѣдь и прочтя въ ней обличеніе человѣку, бросившему свою жену, не хранящему постовъ, не слушающему Церкви и потому долженствующему быть для членовъ Церкви какъ язычникъ и мытарь, замѣтилъ собственноручно: „П е р в о о д н о м у, п о т о м ъ с ъ с в и д ѣ т е л и". Изъ этого видно, что Петръ не считалъ проповѣдника обязаннымъ щадить слабости и пороки сильныхъ; но, въ свою очередь, замѣтилъ, что и Стефанъ не соблюлъ евангельскаго правила, повелѣвающаго сначала обличить наединѣ, потомъ со свидѣтелями, и наконецъ уже въ церкви. Стефанъ написалъ ему оправдательное письмо: „Извѣстно вашему царскому величеству, какъ я на едино повелѣніе царское оставилъ свое схимническое житье, которое обѣщалъ Господу Богу на смертной постели лежачи, и хотя ужасно мнѣ было сломати обѣтъ, однакожъ монаршей воли не дерзалъ противитися и нынѣ послушаніе свое по силѣ моей Божіею помощію управляю, въ проповѣди слова Божія какъ могу—такъ труждаюся. Но врагъ, ненавидя добра человѣческаго, различныя мнѣ въ томъ препятія творитъ, и нынѣ сотворилъ таковымъ образомъ: говорилъ я казанье, кричалъ къ народу, увѣщавая дабы хранили заповѣди Господни, если хотятъ имѣть и на семъ свѣтѣ благополучіе и въ небѣ животъ вѣчный. Были на томъ казаніи господа сенаторы; на другой день они пришли ко мнѣ и стали меня, бѣднаго, обличать, укорять и претить за то, будто я въ бунтъ и мятежъ народъ возмущалъ и будто царской чести касаюся дерзосло-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2991, 3169; Голикова—Дѣянія Петра В., VII, 21.

[2]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Монастырскому Приказу.

[3]) Архивъ Мин. Юстиціи; копіи съ именныхъ указовъ Сенату.

[4]) Кабинетъ I, кн. № 31.

віемъ. Богу свидѣтельствующу, ниже въ помышленіи моемъ, кольми паче въ намѣреніи такого лукаваго дѣла я и не думалъ. Уже тринадцать лѣтъ, какъ въ царствующемъ градѣ, по вашему монаршему указу, проповѣданіемъ слова Божія труждаюся, и вся Москва меня слушала, да и самъ ваше царское величество изволили слушать моей убогой бесѣды, и никто не ощутилъ въ моихъ словахъ мятежа. А господа сенаторы ставятъ мнѣ въ вину то, что я говорилъ о фискалахъ, и хотѣли послать слова мои къ вашему царскому величеству, а мнѣ отселѣ запретили казанья говорить". Стефанъ, попрежнему, просился въ Донской монастырь, гдѣ бы могъ посхимиться; попрежнему онъ остался митрополитомъ и блюстителемъ патріаршаго престола; адмиралъ Апраксинъ далъ ему знать объ этомъ, и Стефанъ писалъ царю: „Яко радостни бываютъ корабленицы, по страшныхъ шумахъ водныхъ получивши ведро, тако и я, волнами печалей смущаемъ, нынѣ получилъ радостную тишину, егда извѣстился писаніемъ его милости господина адмирала о премилостивомъ вашего царскаго величества на мене, раба своего, призрѣніи. Аще же сподоблюся хотя едину литеру, самою монаршею ручкою ко мнѣ начертанну видѣти, то и паче возрадуюся и всѣхъ печалей, сердце мое снѣдающихъ, забуду" [1]). Дѣло Тверитинова съ товарищами произвело новые шумы водные: въ дѣйствіяхъ Стефана царь видѣлъ превышеніе власти, и Яворскій счелъ нужнымъ умолять царя о прощеніи „писаніемъ—слезами, а не чернилами, писаннымъ".

Между тѣмъ царь принялъ мѣры для обезпеченія и себя отъ „шумовъ водныхъ": въ 1716 году Константинопольскій патріархъ Іеремія прислалъ ему разрѣшеніе, по причинѣ нездоровья, ѣсть мясо во всѣ посты, кромѣ недѣли передъ причастіемъ [2]); у того же патріарха испрошено разрѣшеніе употреблять скоромную пищу въ посты солдатамъ за границею во время похода [3]). Въ началѣ 1716 года, Стефану хотѣлось съѣздить въ Нѣжинъ, гдѣ онъ строилъ монастырь; для этого онъ обратился къ новорожденному царевичу Петру Петровичу, поздравилъ его съ пришествіемъ на сей свѣтъ и билъ челомъ, чтобъ исходатайствовалъ ему у отца отпускъ [4]). Отпускъ былъ данъ, но еще прежде митрополитъ получилъ отъ царя любопытное письмо: „Понеже архіереи хотя по положеніямъ и обѣтамъ и обѣщаются хранить церковные уставы вкупѣ; но ради нѣкоторыхъ у насъ небрегомыхъ дѣлъ изъясненіе особливое написавъ, при семъ посылаю". По этому особливому изъясненію, архіерей при поставленіи долженъ былъ обѣщаться: 1) „Еже кого-либо по моей страстной волѣ или какихъ ради ссоръ со мною или съ моими подчиненными вседомовно и единолично не проклинать и отъ таинствъ церковныхъ не отлучать, развѣ кто покажетъ себя явнымъ преступникомъ и разорителемъ заповѣдей Божіихъ или противъ Церкви еретикомъ; а по Христову словеси по тріехъ увѣщаніяхъ непокорнагося и неисправившагося токмо единолично, а не вседомовно проклинать и отлучать. 2) Съ противными Церкви Святой съ разумомъ, правильно и кротостію поступать. 3) Монаховъ содержать по положеннымъ имъ правиламъ и уставамъ, не дая скитаться изъ монастыря въ монастырь и ниже въ мірскіе домы входить. 4) Церквей свыше потребы для прихотей вновь самому мнѣ не строить и другимъ не попускать, дабы потомъ не пустѣли. 5) Такожде священниковъ и дьяконовъ и прочихъ церковниковъ свыше подобающія потребы сквернаго ради прибытка не умножать, ниже для наслѣдія ставить. 6) Паству всю на всякое лѣто, аще возможно будетъ, по крайней же мѣрѣ въ два или въ три года, самому посѣщать и назирать, не ради лихоиманія и чести, но апостольски; запрещать, дабы расколовъ, суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было, дабы невидимыхъ и отъ Церкви не свидѣтельствованныхъ гробовъ за святыню не почитали; притворныхъ бѣснующихъ въ колтукахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ не точію наказывать, но и къ мірскому суду отсылать; дабы Св. иконъ не боготворили и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли, отъ чего противнымъ способъ дается къ поношенію на Православныхъ, но почитали бы оныя по разуму Св. Православныя Каѳолическія Церкви. 7) Въ мірскія дѣла и обряды не входить ни для чего, развѣ какая явная неправда показана будетъ, о томъ первѣе увѣщать, а потомъ и писать на таковыхъ къ его царскому величеству, по апостолу, заступати немощныя [5]).

„Водные шумы" не прекращались. Въ томъ же 1716 году рязанскій дьячекъ Поповъ донесъ, что митрополитъ держалъ на своемъ архіерейскомъ дворѣ Мазепина купчину, который умеръ, оставилъ пожитковъ на 100,000 и больше, а Яворскій объ этомъ не объявилъ. Поповъ доносилъ также, что архіерейскимъ жалованнымъ людямъ въ 1705 году велѣно давать половинное жалованье, а другую половину высылать въ Монастырскій Приказъ; но Яворскій этой половины не отсылалъ, а взялъ себѣ въ келью больше 6,000 рублей; держитъ у себя на оброкѣ посадскихъ людей съ тягла, дворовыхъ и пришлыхъ людей, и оброчныхъ денегъ къ великому государю не высылаетъ; изъ крестьянства съ тягла въ подъячіе, приставы и въ другіе всякіе чины переводитъ; въ 1715 году потаилъ дѣло въ смертномъ убійствѣ и въ винномъ куреньи игуменьи Марѳы Пустынскія; рукополагаетъ церковниковъ въ попы и въ дьяконы, въ томъ числѣ бѣглыхъ и записныхъ солдатъ, изъ крестьянства съ тягла, изъ подъячихъ и пытанныхъ воровъ, не умѣющихъ грамотѣ и школьному ученію, ставитъ по два и по три попа туда, гдѣ

[1]) Кабинетъ II, кн. № 15.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 3020.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 3178.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 28.

[5]) Кабинетъ I, кн. № 31; Полн. Собр. Зак. № 2985.

прежде столько не бывало; ставленнику становится поповство по 20, 30 и 40 рублей, а дьяконство по 15 и 20; даетъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ патрахильныя и постихарныя грамоты на всякій годъ по 4 рубля и больше, и отъ того освященный чинъ весь разорился безъ остатка. Во время дѣла о Мазепныхъ пожиткахъ захваченный по подозрѣнію Малороссіянинъ Савостьянъ Кондратьевъ говорилъ: „Губернаторъ Кіевскій князь Дм. Мих. Голицынъ Святымъ Печерскимъ не вѣруетъ, а вѣруетъ еретичествующей бабѣ, которая ему волшебствуетъ, и какъ ему уволшебствуетъ, но онъ и поѣдетъ въ Петербургъ явиться къ царскому величеству; ту бабу князь поитъ и кормитъ, и держитъ та баба у себя многое число кошекъ вмѣсто сатаны“ [1]).

Дѣло затянулось, а вслѣдъ за нимъ новые водные шумы: дѣло царевича Алексѣя. Петръ сильно подозрѣвалъ Рязанскаго архіерея, который торжественно называлъ Алексѣя „единою надеждою“; но ничего преступнаго не оказалось. Стефанъ остался съ прежнимъ значеніемъ, но столкновенія съ царемъ не прекращались. Въ 1718 году Яворскій получилъ указъ пріѣхать въ Петербургъ; онъ думалъ, что пребываніе будетъ временное, но 16 іюля великій государь указалъ преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому, жить въ С.-Петербургѣ, а при немъ въ первой очереди быть Игнатію, епископу Суздальскому, а прочихъ архіереевъ изъ С.-Петербурга отпустить въ свои епархіи, а по прошествіи первой чреды въ С.-Петербургъ архіереямъ пріѣзжать поочередно противъ того, какъ въ Москву пріѣзжали. Стефанъ, недовольный указомъ, подалъ царю пункты, на которые получилъ рѣзкіе отвѣты: 1) „Выѣхалъ я изъ Москвы“, писалъ Яворскій, „на почтовыхъ подводахъ, не взявъ съ собою ни ризницы, ни пѣвчихъ, ни запасовъ никакихъ, ни платья, ни келейной рухляди, и для скораго выѣзда порядка никакого не учинилъ, ни въ соборной церкви, ни въ приказахъ, ни въ школахъ, ни въ дому своемъ, чая скораго возвращенія; нынѣ, скитаясь въ Петербургѣ, живу въ наемномъ дворѣ, далече отъ церкви и отъ воды, и въ такомъ дворѣ, въ которомъ зимою мнѣ немощному отнюдь жить невозможно, и ожидаю милостиваго отпуска, чтобъ зимою совсѣмъ собраться и здѣсь жить вовсе, и о томъ, что великій государь укажетъ?“ *Отвѣтъ:* „О житьѣ здѣшнемъ уже за три года сказано, и самъ ваша милость на просухѣ хотѣлъ быть, какъ я съ вами прощался на Москвѣ, а затѣмъ въ три года не собрался и не распорядился, не знаю, ибо и болѣе того дѣлано, ѣздилъ на Украйну для освященія церкви“. 2) „Было милостивое слово о дворѣ и написано было ко мнѣ рукою монаршескою: пріѣзжай, а дворъ для тебя будетъ готовъ; сего милостиваго обѣщанія будетъ ли исполненіе или нѣтъ?“ *Отвѣтъ:* „Мѣсто готово, а построить самому можно, понеже всѣмъ архіереямъ опредѣленное дается, а вамъ все какъ было прежде, еще-жь и Тамбовское епископство подданно“. 3) „Во многихъ епархіяхъ архіереевъ нѣтъ“. *Отвѣтъ:* „Выбрать напримѣръ, и подать роспись; также и впредь для такихъ избраній надлежитъ заранѣе добрыхъ монаховъ сюда въ монастырь Невскій привезть, дабы здѣсь жили, чтобъ такихъ не поставить, какъ Тамбовскій и Ростовскій были; а для лучшаго впредь управленія мнится быть удобно Духовной Коллегіи, дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно“ [2]).

Въ Петербургѣ Яворскій долженъ былъ встрѣтиться съ человѣкомъ, противъ котораго не задолго передъ тѣмъ дѣйствовалъ, какъ противъ еретика, встрѣтить товарищемъ по архіерейству и въ приближеніи у царя. Мы уже упоминали о префектѣ Кіевской академіи, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, о которомъ губернаторъ Голицынъ отзывался какъ о единственномъ человѣкѣ изъ кіевскаго духовенства, преданномъ правительству. Этотъ отзывъ и блестящая предика, сказанная Ѳеофаномъ по поводу „преславной викторіи“, остановили навсегда на немъ вниманіе Петра, который взялъ его съ собою въ Прутскій походъ. Преобразователь нашелъ наконецъ между духовными человѣка съ обширною ученостію, съ блестящими дарованіями и вполнѣ сочувствующаго преобразованію, и понятно, что чѣмъ сильнѣе становились столкновенія царя съ Яворскимъ, тѣмъ болѣе сближался онъ съ Прокоповичемъ. Несмотря на всѣ столкновенія съ блюстителемъ патріаршаго престола, несмотря на то, что послѣдній провозгласилъ его достойнымъ отчужденія отъ Церкви, Петръ не удалялъ Стефана, за которымъ, въ его глазахъ, были достоинства и заслуги. Говорятъ объ умѣньи Петра отыскивать повсюду способныхъ людей; но, какъ бы ни было велико подобное умѣнье, все же оно одно недостаточно, потому что способныхъ людей никогда очень много не бываетъ, и нужно еще другое умѣнье,—умѣнье сохранять способныхъ людей. Этимъ умѣньемъ, требующимъ особеннаго нравственнаго величія, также обладалъ Петръ, чему разительнымъ примѣромъ служитъ его поведеніе относительно Яворскаго послѣ знаменитой проповѣди 17 марта 1712 года. Но если онъ хотѣлъ сохранить Стефана, то понятно однако, что все сочувствіе его обратилось къ Ѳеофану. На горизонтѣ явилось новое свѣтило; въ Кіевѣ сказана была предика, какихъ не слыхивали прежде въ Москвѣ, и въ Москвѣ не могли остаться равнодушными; здѣсь, вслѣдствіе долгаго управленія Стефана, его естественно окружали люди преданные, которыхъ выгоды были тѣсно связаны съ его выгодами. Что это тамъ явился за человѣкъ, что за новый ораторъ? Приблизился къ царю: должно быть хочетъ далеко уйти! Молодъ: двадцатью тремя годами моложе пре-

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла тайнаго Преображенскаго Приказа.

[2]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Монастырскому Приказу. Полн. Собр. Зак. № 3239.

освященнаго Стефана. Освѣдомились очень подробно о новомъ ораторѣ, разобрали его сочиненія, и нашли, что еретичествуетъ. А между тѣмъ Ѳеофанъ уже говоритъ предики въ Петербургѣ, скоро будетъ архіереемъ. Стефанъ внушаетъ благочестивѣйшему государю, что Ѳеофанъ „имѣетъ препятіе къ великому архіерейскому сану, потому что въ своемъ ученіи не согласенъ съ Православною Церковію [1]), зараженъ язвою кальвинскою“ [2]). Ѳеофанъ оправдывался;—кому разсудить? Противники говорили, что Ѳеофанъ зараженъ язвою кальвинскою; Ѳеофанъ обличалъ ихъ въ католическихъ стремленіяхъ; онъ пользовался благопріятнымъ временемъ, судомъ надъ царевичемъ Алексѣемъ, раздраженіемъ Петра противъ архіереевъ, въ которыхъ онъ замѣчалъ сочувствіе къ царевичу, сочувствіе, происходившее отъ вражды къ дѣлу преобразованія. Ѳеофанъ, громя въ проповѣдяхъ враговъ царскихъ, въ то же время громилъ и собственныхъ враговъ: „Многіе мыслятъ“, говорилъ онъ, „что не всѣ люди обязаны повиновеніемъ властямъ; что нѣкоторые исключаются, именно священство и монашество. Это тернъ, жало змѣиное, духъ папскій, неизвѣстно какъ насъ коснувшійся; священство есть особое сословіе въ государствѣ, а не особое государство въ государствѣ. Дошло дотого, что самые бездѣльные люди пустились въ дѣло, и дѣло мерзкое и дерзкое; дрожди народа, души дешевыя, люди, родившіеся только для поядѣнія чужихъ трудовъ,—и тѣ возстаютъ на государя своего, на христа Господня! Да вамъ, когда вы хлѣбъ ядите, надобно было бы удивляться и говорить: откуда мнѣ это“ [3]).

1 іюня 1718 года Ѳеофанъ былъ посвященъ въ епископы Псковскіе. Когда пріѣхалъ въ Петербургъ Яворскій, Петръ поручилъ Мусину-Пушкину свести съ нимъ Ѳеофана, и между обоими архіереями произошло примиреніе, по крайней мѣрѣ, видимое.

Царь уже объявилъ, что „для лучшаго управленія мнится быть удобно Духовной Коллегіи“. Яворскій не раздѣлялъ этого мнѣнія царскаго; Ѳеофанъ раздѣлялъ его, и потому онъ долженъ былъ принять на себя составленіе Регламента для новой Коллегіи. Современники передавали слѣдующій разговоръ Петра съ Ѳеофаномъ. *Петръ:* „Скороль вашъ патріархъ поспѣетъ“ (Регламентъ)? *Ѳеофанъ:* „Скоро, я дошиваю ему рясу“.—*Петръ:* „А у меня шапка для него готова“ [4]).—Въ январѣ 1721 года изданъ регламентъ Духовной Коллегіи, исправленный и дополненный царемъ; регламентъ былъ изданъ при такомъ манифестѣ: „Между многими, по долгу богоданныя намъ власти, попеченіями о исправленіи народа нашего и прочихъ подданныхъ намъ государствъ, посмотря и на духовный чинъ и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость, не суетный по совѣсти нашей возымѣли мы страхъ да не явимся неблагодарны Вышнему, аще толикая отъ Него получивъ благопоспѣшества въ исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе чина духовнаго. И когда нелицемѣрный Онъ судія воспроситъ отъ насъ отвѣта о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безотвѣтны. Того ради образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ благочестивыхъ царей, воспріявъ попеченіе о исправленіи чина духовнаго, не видя лучшаго къ тому способа, паче соборнаго правительства (понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ; къ тому-жъ не наслѣдственная власть, того ради вящше небрегутъ), уставляемъ Духовную Коллегію, т. е. духовное соборное правительство, которое, по слѣдующемъ здѣ регламентѣ, имѣетъ всякія духовныя дѣла управлять“.

Въ первой части Регламента излагаются причины учрежденія Коллегіи: 1) Коллегіальное правленіе способнѣе для изслѣдованія истины, чѣмъ единоличное; 2) приговоръ соборный имѣетъ болѣе силы, чѣмъ приговоръ одного лица; 3) дѣла скорѣе рѣшаются; 4) нѣтъ мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду; 5) Коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію; 6) отъ соборнаго правленія нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, какіе происходятъ отъ единаго правителя духовнаго, ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, но, великою высочайшаго пастыря честію и славою удивленный, помышляетъ, что такой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство; такъ самъ собою народъ умствовать привыкъ; что же, когда приложатся плевелные разговоры властолюбивыхъ духовныхъ лицъ и къ сухому хворосту огонь подложатъ? Простыя сердца такъ мнѣніемъ этимъ развращаются, что не столько смотрятъ на самодержца своего, сколько на верховнаго пастыря, и когда услышатъ между ними распрю, то всѣ болѣе духовному, чѣмъ мірскому правителю сочувствуютъ, хотя слѣпо и пребезумно, за духовнаго ратовать и бунтовать дерзаютъ, и льстятъ себя окаянные, что по самомъ Богѣ побораютъ и руки свои не оскверняютъ, но освящаютъ, хотя бы и на кровопролитіе устремились. Такому въ народѣ мнѣнію очень рады бываютъ коварные люди, враждующіе на своего государя: увидавъ ссору государя съ пастыремъ, они пользуются этимъ случаемъ, чтобъ подъ видомъ церковной ревности поднять руки на помазанника Божія, и на такоеже беззаконіе, какъ на дѣло Божіе, подвигаютъ простой народъ. Что же, если и самъ пастырь, надменный о себѣ такимъ же мнѣніемъ, спать не хочетъ? Трудно сказать, какое бѣдствіе можетъ произойти отсюда.

Во второй части Регламента излагаются дѣла,

---

[1]) Рукописи Румянцевскаго музея, № CCCVII.

[2]) Труды Кіевской Духовной Академіи, 1864 г., іюнь.

[3]) Пекарскаго — Наука и Литература при Петрѣ В., I, 486.

[4]) Нартовъ, № 106.

подлежащія Духовной Коллегіи: ей вмѣнено въ обязанность истребить всѣ существующія суевѣрія; для распространенія свѣдѣній о Законѣ Божіемъ сочинить три книги: о догматахъ вѣры, о должностяхъ всякаго чина, собраніе проповѣдей Св. Отецъ о догматахъ и должностяхъ. Епископы обязаны имѣть въ своихъ домахъ школы для приготовленія священниковъ; обязываются не высоко мыслить о своей чести. Для укрощенія весьма жестокой епископовъ славы запрещено водить ихъ подъ руки; пока здоровы, кланяться имъ въ землю. „Оные поклонники самоохотно и нахально стелются на землю, да лукаво, чтобъ степень исходатайствовать, себѣ не по достоинству, чтобъ неистовство и воровство свое покрыть“. Въ главѣ о домахъ училищныхъ, учителяхъ, ученикахъ и церковныхъ проповѣдникахъ Регламентъ говоритъ: „Дурно многіе говорятъ, что ученіе порождаетъ ереси: наши русскіе раскольники не отъ грубости ли и невѣжества такъ жестоко взбѣсновались? Если посмотримъ чрезъ исторію, какъ чрезъ зрительную трубу, на мимошедшіе вѣка, то увидимъ все худшее въ темныхъ, а не въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ“. Регламентъ опредѣлилъ и кругъ предметовъ, долженствующихъ преподаваться въ духовныхъ училищахъ: 1) грамматика вмѣстѣ съ географіею и исторіею; 2) ариѳметика и геометрія; 3) логика или діалектика, ибо это двоименное ученіе составляетъ одно; 4) реторика, вмѣстѣ съ стихотворнымъ ученіемъ, или отдѣльно; 5) физика съ присовокупленіемъ краткой метафизики; 6) политика краткая Пуффендорфова, если найдется потребною; 7) богословіе. На первыя шесть наукъ полагается по году, на богословіе два года [1]).

Президентомъ Духовной Коллегіи, или Синода, былъ назначенъ Стефанъ, митрополитъ Рязанскій; за нимъ по старшинству слѣдовали члены: Ѳеодосій (Яновскій)—архіепископъ Новгородскій, Ѳеофанъ—архіепископъ Псковскій, Петръ—архимандритъ Симоновскій, Леонидъ—архимандритъ Петровскій, Филоѳей—архимандритъ Донской, греческій священникъ Анастасій Кондоиди, Іоаннъ—протопопъ Троицкій, Петръ—протопопъ Петропавловскій, іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ. Мы знакомы съ первымъ и третьимъ членами Синода; надобно познакомиться по вторымъ, потому что еще должны будемъ съ нимъ встрѣтиться послѣ. Ѳеодосій Яновскій, архимандритъ новгородскаго Хутынскаго монастыря въ первыхъ годахъ вѣка, вовсе не отличался ни образованіемъ, ни талантами, не могъ нисколько соперничать въ этомъ отношеніи ни съ Прокоповичемъ, ни съ Яворскимъ; человѣкъ энергическій, неудержливый въ дѣлѣ и словѣ, властолюбивый и корыстолюбивый, монахъ вовсе безъ призванія къ монашеской жизни, Ѳеодосій хотѣлъ, во что бы то ни стало, выдвинуться впередъ; онъ нашелъ для этого вѣрное средство—поддѣлываться подъ преобразовательное направленіе правительства, говоримъ—„поддѣлываться“, потому что не считаемъ себя въ правѣ признавать за Ѳеодосіемъ какія-нибудь сильныя убѣжденія. Петръ былъ радъ, что нашелъ между духовными, между монахами, человѣка умнаго, дѣятельнаго, распорядительнаго и вовсе не похожаго на большинство своихъ собратій, человѣка передоваго относительно церковныхъ преобразованій. Въ 1710 году Ѳеодосій былъ переведенъ въ архимандриты основаннаго Петромъ въ Петербургѣ Александро-Невскаго монастыря, и чрезъ пять лѣтъ поѣхалъ лѣчиться за границу! Но пусть онъ поговоритъ самъ и покажетъ, какими средствами заискивалъ расположеніе царя. Въ 1719 г. Мусинъ-Пушкинъ донесъ государю, что въ новгородскихъ церквахъ по ночамъ какимъ-то чудомъ гудятъ колокола; Петръ поручилъ Ѳеодосію обстоятельнѣе разузнать въ чемъ дѣло, и тотъ отвѣчалъ ему: „Толкованіе такое можетъ приложиться: чему бы оное безсловесное гудѣніе человѣковъ учило, можетъ всякъ имущій умъ разсудить: явь, яко отъ противника; рыдаетъ, яко прелесть его изгонится отъ народовъ Россійскихъ, первое изъ кликушъ чрезъ Петра Великаго; второе чрезъ новопреданные въ хиротонію архіерейскую отъ тогожъ пункты, дабы иконъ не боготворили и тымъ ложныхъ чудесъ не вымышляли; третіе, изъ раскольщиковъ, о которыхъ исправленіи прилежное тщаніе имѣетъ той же Петръ. А противникъ, хотя обновить прежнюю свою прелесть, которую прежде при иконѣ Богородичной на Тихвинѣ чрезъ нѣкоего Юрыша и тому подобныхъ прелестниковъ и кликушъ въ простомъ народѣ разсѣвалъ, какъ въ той бабской исторіи обрѣтается, чему послѣдовали суевѣрные и не простаки. Такъ, мнится, и нынѣ при такой же иконѣ (понеже помянутая въ Деревяницкомъ монастырѣ, въ которомъ оное гудѣніе было, церковь во имя Тихвинской иконы) такожде тщится оную свою прелесть обновить“ [2]). Любопытно такъ же письмо Ѳеодосія къ Петру о причинахъ, почему у него, Ѳеодосія, такъ много враговъ между духовными и свѣтскими людьми: „Всенижайше доношу вашему величеству мизерный: умножишася паче власъ главы моея ненавидящія мя туне; а причины, за которыя ненавидятъ, суть сія: изъ духовныхъ: 1) за приказаніе духовныхъ дѣлъ мимо архіереевъ въ резыдующемъ семъ мѣстѣ; 2) за взятье изъ Москвы и изъ другихъ мѣстъ доброжительныхъ священниковъ и дьяконовъ къ с.-петербургскимъ церквамъ по поданнымъ отъ меня реестрамъ; 3) Рязанскій архіерей за конференцію о поученіи его, на которой изъ духовныхъ былъ только я, гдѣ и прапразился, поборая по правдѣ, не мало оному; 4) за приписаніе изъ Новгородской епархіи нѣкоторыхъ монастырей и Сергіева монастыря вотчинъ къ Невскому монастырю; 5) за взятье изъ домовъ архіерейскихъ и лучшихъ монастырей, по поданнымъ отъ меня реестрамъ, доброжительныхъ іеромонаховъ и іеро-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 3718.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 41.

діаконовъ, а именно—судей, келарей, казначеевъ, соборныхъ старцевъ и прочихъ лучшихъ въ Невскій монастырь; 6) за перемѣну Тихвинскаго архимандрита. Изъ недуховныхъ принципальныхъ и непринципальныхъ персонъ: 7) за крестовыхъ и прочихъ волочащихся поповъ, старцевъ и старицъ, которыхъ перестерегалъ, чтобъ не держали; 8) за раскольниковъ, которыхъ помѣщики и непомѣщики знатные защищаютъ, и сами раскольники злорѣчатъ; 9) за Ивана Синявина, который во флотѣ іеромонаху и другому іеромонаху обиду учинилъ, за которымъ по должности моей, а по просьбѣ ихъ, просилъ сатисфакціи гдѣ надлежитъ, которая не токмо не учинена, но враждебно противъ оныхъ и меня поступаютъ. Изъ всего поспольства: 10) за свѣчи по церквамъ всуе жегомыя, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ чрезъ потребу не жгли; 11) за Пречистыя Тайны, о которыхъ священникамъ приказывано, чтобъ оныхъ за лѣкарство аптекарское здравымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещеніи причастивъ единою оставлялибъ непричастныхъ до познанія добра и зла. И иныхъ причинъ къ помянутой ненависти набралось бы много, но не вмѣстятся на сей бумагѣ, изъ которыхъ ненавистниковъ многіе вредятъ и могутъ вредить всякимъ злорѣчіемъ, не токмо въ народѣ и между собою, но и предъ вашимъ величествомъ, и усумнѣваюся, негли и поврежденъ давно; того ради, припадая къ милосердію вашего величества, прилежно молю, да будетъ повелѣно прочее время мизернаго моего живота скончать мнѣ въ чернеческомъ безмолвіи, да не горшее что безвинно постражду [1])".

Въ спискѣ синодальныхъ членовъ останавливаетъ наше вниманіе имя греческаго священника Анастасія Кондоиди. О своей судьбѣ онъ разсказываетъ самъ въ челобитной къ царю объ увеличеніи содержанія: „Будучи въ Константинополѣ, получалъ я годоваго оклада по 2,000 талеровъ: 500 какъ провѣдникъ патріаршества и 1,500 какъ второй переводчикъ Оттоманской Порты. Но по склонности къ Православной вѣрѣ сталъ я служить вашему царскому величеству, и когда объ этой службѣ узнано, то я не только лишился годоваго оклада, имѣнія и обѣщанной епархіи, но если бы патріархъ не ухоронилъ меня въ своемъ погребѣ въ продолженіе 26 сутокъ, то преданъ былъ бы и смерти, какъ случилось съ товарищемъ моимъ, капитаномъ Францискомъ Грекомъ, котораго поймали и посадили на колъ. Будучи лишенъ имѣнія, я нахожусь въ нуждѣ и между всѣми синодскими членами нѣтъ никого бѣднѣе меня; для пропитанія своего, одѣянія, содержанія верейки (лодки), сухопутнаго поѣзда и служителей, для убранія двора, какъ прилично синодской особѣ, шестью стами рублями въ годъ исправиться никакъ нельзя" [2]).

[1]) Письмо въ Государств. Архивѣ.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 58.

14 февраля 1721 года новоучрежденный Синодъ обратился царю за разрѣшеніемъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) Въ церковныхъ служеніяхъ, гдѣ прежде возносилось патріаршее имя, надобно ли вмѣсто него возносить именованіе правительствующаго духовнаго собранія въ такой формѣ „о святѣйшемъ правительствующемъ собраніи, честнемъ пресвитерствѣ" и проч.? Титулъ святѣйшаго будетъ присвояться только цѣлому собранію, а никому въ частности. Царь отвѣчалъ: возносить о святѣйшемъ Синодѣ, или о святѣйшемъ правительствующемъ Синодѣ. 2) При сношеніяхъ съ Сенатомъ и коллегіями какимъ образомъ письменное обхожденіе имѣть? Прежде на патріаршее имя указовъ ни откуда не присылалось, Духовная же Коллегія имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или еще большую, потому что Соборъ. *Отвѣтъ*: въ Сенатъ вѣдѣніемъ и за подписью всѣхъ, а въ коллегіи такъ, какъ изъ Сената пишутъ, и за подписью только секретарскою. 3) На праздныя епархіи въ духовномъ собраніи избирать ли въ архіереи и, по доношеніи царскому величеству, къ постановленію и къ мѣстамъ опредѣлять ли? *Отвѣтъ*: выбирать по двѣ персоны, а которую—опредѣлимъ посвящать. 4) Опредѣленнаго въ Хинское (Китайское) государство іеромонаха Иннокентія Кунчицкаго архіереемъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ, для близости къ оному государству, посвятить ли, и, для удобнѣйшаго обхожденія, отъ Сибирской епархіи его отдѣлить ли? *Отвѣтъ*: въ архіереи посвятить, но лучше-бъ безъ титула городовъ, понеже сіи города порубежные къ Хинѣ; чтобъ іезуиты не перетолковали инако и бѣдства-бъ не нанесли. 5) Патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, которыя сборами и правленіемъ вѣдомы были въ Монастырскомъ Приказѣ, въ одной Духовной Коллегіи вѣдать ли?—того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а Духовная Коллегія присягою обязалася какъ въ вѣрности, такъ и въ исканіи интереса царскаго величества противъ прочихъ коллегій не меньше; а въ Регламентѣ духовномъ положено, что такое правленіе надлежитъ до Духовной Коллегіи? *Отвѣтъ*: Быть по сему [3]).

Резолюціею о возношеніи именованія одного Синода не былъ доволенъ президентъ Стефанъ Яворскій. Онъ подалъ мнѣніе: „Преосвященнѣйшіе іерархи и прочіи отцы святіи и братія. Понеже вольный голосъ должны имѣти всѣ члены Коллегіи, то дайте и мнѣ вольный голосъ, который таковъ есть: мнѣ видится, что въ ектеніяхъ и возношеніяхъ церковныхъ явственныхъ можно обоя вмѣстити, напримѣръ такъ: о св. православныхъ патріарсѣхъ и о св. правительствующемъ Синодѣ. Какой въ томъ грѣхъ? какой убытокъ славы и чести св. Россійскому Синоду? Кое безмѣстіе и непристойность? паче же Богу пріятно и народу велми угодно было бы. Въ главѣ 6-й Регламента написано:

[3]) Полн. Собр. Зак. № 3734.

ежели дѣла сумнительныя и какого изъясненія требуютъ, чтобъ не скоро спѣшить вершеніемъ, но по изобрѣтенію дѣла и обстоятельству напередъ докладывать и справиться, откуду надлежитъ. Понеже убо сія тако глаголютъ, то сіе дѣло требуетъ послѣдняго рѣшенія и опредѣленія отъ самыя превысочайшія всѣмъ коллегіямъ и всему государству главы. А что помѣта монаршеская написана на первый пунктъ доношенія, отъ сего то только дается знати, какъ нарицатися имать коллегіумъ духовный въ молитвахъ, а объ отставкѣ патріарховъ отъ возношенія ничего не говорится". Подписано: „Стефанъ недостойный митрополитъ, старецъ немощный". Но Синодъ не согласился съ президентомъ на такомъ основаніи: „У самихъ Грековъ нѣтъ обычая возносить имена патріаршія внѣ епархіи или власти патріаршей. Чего же намъ еще больше? на Грековъ смотримъ, отъ Грековъ чину и обычаю учимся, не изобидимъ ихъ, имени патріаршаго не поминая, когда и сами они не поминаютъ; и въ Россіи послѣ патріарховъ россійскихъ никакого другого патріарха, ни вообще именъ патріаршескихъ не поминали" [1]).

Святѣйшій правительствующій Синодъ тотчасъ послѣ учрежденія своего столкнулся съ правительствующимъ Сенатомъ и разными сильными особами; Синодъ подалъ жалобу царю: „Изволилъ ваше величество установить духовное соборное правительство съ такою властію, что всѣмъ, и духовнымъ и мірскимъ людямъ, указовъ его во всемъ, подъ великимъ наказаніемъ, слушать и быть ему въ дѣйствіяхъ своихъ важну и сильну. Но въ самомъ началѣ его дѣйствій являются уничтоженіе и противность, а именно: передано намъ дѣло князя Долгорукаго съ Салтыковымъ, и мы послали къ князю Ив. Ѳед. Ромодановскому, чтобъ отправилъ въ Синодъ содержащихся въ Преображенской канцеляріи подъ арестомъ дворовыхъ людей Салтыкова,—посланъ указъ вашего величества за руками всѣхъ коллегіатовъ; но этотъ вашего величества указъ Ромодановскимъ уничтоженъ, и не только требуемаго исполненія лишенъ, но какъ неважный присланъ къ намъ обратно. Если это оскорбленіе останется безъ сатисфакціи, то и прочимъ еще большая подастся къ презрѣнію смѣлость и данная духовному правительству власть не будетъ имѣть достойнаго дѣйствія и очень будетъ не важна. По пунктамъ, собственною вашего царскаго величества рукою опредѣленнымъ, церковныя вотчины должны быть въ управленіи духовномъ, какъ были въ Монастырскомъ Приказѣ, а теперь, по опредѣленію Сената, велѣно имъ и служителямъ ихъ быть подъ судомъ Юстицъ-Коллегіи. По всемилостивѣйшему опредѣленію вашего величества, духовное правительство отъ прочихъ коллегій отмѣнено, равно какъ Сенатъ, и ежели быть по сенатскому нынѣ опредѣленію, то онымъ вотчинамъ и ихъ служителямъ прежнее отъ мірскихъ властей утѣсненіе будетъ". На это Петръ отвѣчалъ собственноручно: „Опредѣлю по пріѣздѣ, а однакожь видится, что инако нельзя, понеже вѣдѣніе вотчинъ у васъ опредѣлено для поборовъ и между ими расправы и тому подобнаго, дабы въ лучшемъ охраненіи были; а чтобъ съ посторонними случающимся дѣламъ всѣмъ быть у васъ чаю невозможно, понеже при такихъ дѣлахъ казни и наказанія бываютъ, чего вамъ подписывать невозможно, а одному свѣтскому вручить нельзя; другое, что столько будетъ хлопотъ, что настоящаго вашей должности дѣла управить будетъ неколи, которое и безъ иныхъ дѣлъ великихъ трудовъ и времени требуетъ, къ тому-жь крестьяне и служители суть равные, гдѣ бы ни были".

Далѣе Синодъ просилъ: „Въ сенатскомъ приговорѣ опредѣлено, что быть въ Синодѣ тѣмъ секретарямъ и подъячимъ, которые не у дѣлъ, вслѣдствіе чего опредѣляются такіе, которые уже къ дѣламъ негодны, и которыми не только такого важнаго и великаго дѣла, но и легчайшихъ дѣлъ управлять невозможно. Въ томъ же сенатскомъ приговорѣ опредѣлено, чтобъ Синодъ довольствовался дьяками и подъячими Монастырскаго и Патріаршихъ Приказовъ, архіерейскими и знатныхъ монастырей; но изъ этихъ мѣстъ лучшіе приказные люди разобраны уже давно къ дѣламъ коллегіи и въ губерніи, оставлены только негодные". На это Петръ отвѣчалъ: „Которые (секретари и подъячіе) противъ сего желаются, и что оные ни въ Сенатѣ, ни въ коллегіяхъ, но у другихъ дѣлъ, и таковыхъ безъ спору отдать въ Синодъ духовной".

Синодъ просилъ: „Духовныя персоны, до опредѣленія духовнаго правительства, по разнымъ касающимся до нихъ дѣламъ браны были въ разныя канцеляріи и приказы; а отнынѣ дабы вашего величества всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣно было, что бы до духовныхъ персонъ ни касалось, по оговорамъ, производить слѣдствія о томъ въ духовномъ правительствѣ, пока кто-нибудь изъ нихъ не долженъ будетъ подвергнуться розыску гражданскаго суда, дабы иногда безвинные не страдали съ злодѣями въ темницахъ. А ежели какая-нибудь духовная персона взята будетъ въ явномъ злодѣйствѣ, то слѣдовать въ гражданскомъ судѣ, и только для снятія чина присылать въ духовное правительство попрежнему". На это былъ отвѣтъ: „На которыхъ оговоръ какой будетъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) въ какомъ партикулярномъ злодѣяніи, такихъ отсылать къ Синоду, противъ сего пункта силы, пока оные до гражданскаго суда приличны будутъ, а самимъ не брать въ коллегіи или гдѣ индѣ и не держать, и долженъ каждый челобитчикъ въ злодѣяніи на духовныхъ нигдѣ индѣ бить челомъ, токмо въ Синодѣ, сіе разумѣется о брани, бою, кражѣ и прочихъ тому подобныхъ дѣлъ, а не о тѣхъ, которыя тяжебныя дѣла, къ которымъ сами себя духовные привязали, яко какая покупка, промыслы, откупы, торги и прочее тому подобно, еже гдѣ опредѣлено, всѣмъ

[1]) Синодальный Архивъ, годъ 1721, № 9.

тамъ и на духовныхъ бить челомъ, напримѣръ въ иностранныхъ торгахъ—въ Коммерцъ-Коллегіи, во внутреннихъ торгахъ и промыслахъ, откупахъ—въ Камеръ-Коллегіи и прочее тому подобное".

Синодъ просилъ: „О требованіяхъ духовнаго правительства въ Сенатѣ бываетъ докладъ какъ о партикулярныхъ дѣлахъ по реестру, отъ чего происходитъ въ духовныхъ дѣлахъ замедленіе и остановка:—просимъ, чтобъ дѣла духовнаго правительства предлагались къ резолюціи немедленно, мимо реестра". *Отвѣтъ:* „О духовныхъ дѣлахъ надлежитъ прежде всѣхъ коллегійскихъ дѣлъ, первые по нашихъ указахъ, слушать и рѣшить; а что касается до внѣшнихъ дѣлъ, тѣ по реестру съ прочими, яко партикулярные".

Сенатъ разсердился на Синодъ за подачу царю этихъ пунктовъ; онъ писалъ въ своемъ вѣдѣніи Синоду: „Велѣно подъячимъ въ Синодѣ быть, которые не у дѣлъ, къ тому же опредѣлено взять Монастырскаго и Патріаршихъ Приказовъ, архіерейскихъ и знатныхъ монастырей дьяковъ и подъячихъ, вѣдая, что тѣхъ мѣстъ помянутыми служителями удовольствоваться могутъ; а тѣ, которые требованы изъ Синода по реестру, поименно, не опредѣлены для того, чтобъ тѣхъ дѣлъ, у которыхъ они обрѣтаются, не остановить къ поврежденію интереса; и еслибы тѣмъ опредѣленіемъ духовный правительствующій Синодъ былъ и недоволенъ, и о томъ бы надлежало опять писать въ Сенатъ, не трудя тѣмъ царское величество".

Получивъ отъ царя позволеніе взять секретарей и подъячихъ, которые хотя и у дѣлъ, но не въ коллегіяхъ, Синодъ взялъ къ себѣ канцеляриста Корнышова, который находился при постройкахъ на Котлинѣ островѣ. Но постройками завѣдывалъ Меншиковъ; не давши знать въ Синодъ, онъ велѣлъ схватить Корнышова и привести на Котлинъ островъ, гдѣ избилъ его жестоко. „Такими неумѣренными поступками (писалъ Синодъ царю) благоразсудно уставленное отъ вашего величества духовное собраніе, которое всѣмъ повелѣно почитать за важное и сильное правительство, уничтожено" [1]). На первыхъ же порахъ Синодъ долженъ былъ жаловаться на Астраханскаго губернатора Волынскаго, который взялъ насильно въ астраханскомъ Троицкомъ монастырѣ каменныя кельи, гдѣ жили старцы, и помѣстилъ въ нихъ канцеляріи, велѣлъ взять шесть келій кладовыхъ и положилъ въ нихъ свою кладь; приказалъ сломать монастырскія каменныя ворота, караульную каменную келью, деревянную конюшню и разбросать монастырскіе оградные заборы, наконецъ отрѣзалъ монастырскую землю подъ площадь [2]).

Дѣятельность новоучрежденнаго Синода высказывалась не въ однихъ этихъ спорахъ: онъ разослалъ указъ, чтобъ священники отвращали своихъ прихожанъ отъ богопротивнаго обычая обливать водою и купать въ рѣкахъ и прудахъ тѣхъ, которые не бываютъ у заутрени на Св. Недѣлѣ, причемъ иногда люди тонутъ, обливаемые съ просонья и съ похмелья лишаются ума, наконецъ тутъ же воспоминается мерзкій идолъ Купало [3]). Мы видѣли, что во второй половинѣ XVII вѣка Русская Церковь перестала смотрѣть на Католиковъ, какъ на некрещенныхъ, перестала требовать перекрещиванія ихъ при переходѣ въ Православіе; при Петрѣ, съ разрѣшенія Константинопольскаго патріарха, перестали требовать перекрещиванія отъ Протестантовъ [4]). Послѣ этого сдѣланъ былъ третій шагъ: Синодъ издалъ посланіе къ Православнымъ, въ которомъ доказывалъ, что браки съ иновѣрцами позволительны [5]). Это посланіе вызвано донесеніемъ капитана Василія Татищева, отправленнаго въ Сибирь для горнаго дѣла; онъ писалъ, что шведскіе плѣнники охотно приняли бы русское подданство, если бы имъ позволено было жениться на русскихъ дѣвицахъ безъ перемѣны вѣры; но такъ какъ многіе изъ нихъ поженились, но потомъ, за разностію вѣры, женъ у нихъ отняли и выдали за другихъ, то они не хотятъ вступать въ русскую службу, потому что своей вѣры женщинъ достать не могутъ, а русскихъ за нихъ не выдаютъ.—Для увеличенія церковныхъ доходовъ, которые могли бы быть употреблены для бѣдныхъ, постановлено, чтобъ продажа свѣчей производилась отъ церквей; на деньги, отъ этой продажи вырученныя, построить вездѣ при церквахъ богадѣльни для больныхъ нищихъ; для завѣдыванія церковными доходами учреждены были церковные старосты, избираемые прихожанами [6]).

Надобно было приступить къ учрежденію въ Петербургѣ спеціальнаго духовнаго училища; Ѳеофанъ Прокоповичъ подалъ объ этомъ свое мнѣніе: „Мой совѣтъ не принимать мальчиковъ свыше десяти лѣтъ, потому что въ такомъ возрастѣ дѣти еще не очень обучились злонравію, и если обучились, то не окрѣпли обычаемъ, и такихъ нетрудно отучить, также бунтовать и бѣжать прочь не могутъ еще. Академіи великой и свободной дѣлать еще не совѣтую; когда Богъ благословитъ отроческій домъ сей, тогда отъ числа наученныхъ въ немъ явятся изрядные учители, которые возмогутъ и великую академію учить и управлять. Не какихъ-нибудь, но изрядныхъ и свидѣтельствованныхъ учителей надобно, которыхъ призвать бы изъ академій иноземныхъ со свидѣтельствомъ знатныхъ школьныхъ и гражданскихъ властей. Не надобно опасаться, что они дѣтей нашихъ совратятъ къ своей богословіи, потому что можно имъ артикулами опредѣлить, чему они должны учить, и надсматривать, не преподаютъ ли чего нашему исповѣданію противнаго. Пусть преподаютъ они только ученія внѣшнія, языки, философію, юриспруденцію, исто-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 57; дѣла Меншикова въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

[2]) Синодальный Архивъ, 1721 годъ, № 265.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 3771.

[4]) Голикова—Дѣянія Петра В., VI, 56.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 2814.

[6]) Пол. Собр. Зак. № 3746.

рію и проч., а не богословскіе догматы, которымъ ученики будутъ учиться у единовѣрныхъ учителей. Если не опасаются господа русскіе посылать дѣтей своихъ въ академіи иностранныя, гдѣ учителя свободно свои мнѣнія предлагаютъ, то для чего бы опасаться у насъ, гдѣ они артикулами и надсмотромъ связаны будутъ. Но къ начатію ученій можно будетъ пріискать и между нашими людьми. Желаемъ и его величества милостиваго соизволенія просимъ, да прозванъ будетъ домъ сей Садъ-Петровъ, или иноземскимъ нарѣчіемъ Петеръ-Гартенъ" [1]).

Въ то время, когда въ Великой Россіи повсюду шли коренныя преобразованія, Малая Россія, разложеніемъ своего стараго быта, торопила дѣло приравненія своего къ Великой Россіи.

Несмотря на постоянное присутствіе при гетманѣ министра государева, доносы продолжали зрѣть на малороссійской почвѣ, взрытой шатостію и недавними измѣнами. Не поладитъ гетманъ съ какимъ-нибудь сотникомъ,—и сотникъ несетъ доносъ на гетмана Кіевскому губернатору, князю Дм. Мих. Голицыну, о которомъ было извѣстно, что живетъ несогласно съ гетманомъ и смотритъ на него подозрительно. Еще въ 1710 году коропскій сотникъ Логвиненко донесъ Голицыну, что запорожскіе колодники говорили провожавшему ихъ есаулу Шепелю, будто гетманъ Скоропадскій писалъ Орлику, чтобъ тотъ съ своими Запорожцами держался какъ можно долѣе при противной сторонѣ; Логвиненко приводилъ свидѣтелей разсказамъ Шепеля объ этомъ; тотъ же Логвиненко доносилъ, что бывшій дворецкій Орлика, бурмистръ Гроевскій, сказалъ въ коропской ратушѣ: „Мы съ сотникомъ Безносымъ пили за здоровье Орлика, и Безносый говорилъ: „Орликъ въ Бендерахъ гетманомъ, и надобно думать, что будетъ скоро опять у насъ паномъ". Голицынъ далъ знать объ этомъ въ Москву. Правительство, обезпеченное пребываніемъ въ Глуховѣ при гетманѣ министровъ государевыхъ, не ждало или не боялось измѣны Скоропадскаго, и, при наступавшей войнѣ съ Турціею, не хотѣло возбуждать неудовольствія гетмана и волненія на Украйнѣ. Головкинъ отвѣтилъ Голицыну, чтобъ выслалъ въ Москву Логвиненка со всѣми людьми, прикосновенными къ дѣлу Гроевскаго и Безносаго, но свидѣтелей разсказа Шепеля не высылалъ, потому что Запорожцы, говорившіе о перепискѣ Скоропанскаго съ Орликомъ, казнены, и потому производить слѣдствія нельзя. Гетмана Головкинъ старался успокоить насчетъ нерасположенія Голицына,—писалъ: „Я писалъ къ князю Голицыну, чтобъ онъ ни изъ какихъ городовъ и мѣстъ регименту вашего никого не велѣлъ брать, не списавшись съ вами и безъ согласія вашей вельможности, и ежели случится какое дѣло государственное, то дѣлалъ бы согласно съ вами; указовъ ему къ вашей ясновельможности писать не велѣно. Какъ мы видимъ, что у вашей вельможности съ воеводою Кіевскимъ несогласно; однакожь царское величество на вашу вѣрность есть благонадеженъ, и безосновательнымъ никакимъ доносамъ повѣрено не будетъ, въ чемъ изволите, вельможность ваша, быть надеженъ".

Въ Москвѣ бурмистръ Гроевскій разсказалъ, какъ было у него дѣло съ Безносымъ: „Въ прошломъ 1710 году пришелъ ко мнѣ въ корчму бывшій коропорскій сотникъ Кодратъ Безносъ, спросилъ меду, и мы пили медъ вмѣстѣ, только не были гораздо пьяны; и говорилъ мнѣ Безносъ, чтобъ я былъ къ нему ласковъ; я отвѣчалъ: „Теперь, когда ты, Безносъ, уже не сотникомъ, то желаешь моей ласки, а когда былъ сотникомъ, то ходилъ надувшись и на меня не смотрѣлъ". Безносъ мнѣ сказалъ: „Когда и ты былъ у Орлика дворецкимъ, то такъ же былъ надутъ и мало на меня смотрѣлъ". Я ему сказалъ: „Еслибъ Орликъ не измѣнялъ, то добрый былъ панъ, сколько я ему ни служилъ, лихаго слова отъ него не слыхалъ". И Безносъ мнѣ сказалъ, что большое пріятство отъ Орлика имѣлъ и сотничество чрезъ него получилъ. Говоря это, мы оба пили за Орликово здоровье и, выпивши, разошлись". Гроевскій и Безносъ были наказаны за свои непристойныя слова и отпущены домой на Украйну.

Правительство отстранило доносъ Логвиненка на гетмана, сослало въ Архангельскъ знатнаго казака Забѣлу, старавшагося выставить въ подозрительномъ свѣтѣ поведеніе Скоропадскаго; но доносы продолжались, и въ маѣ 1713 года гетманъ писалъ Головкину, что объятъ размышленіемъ: отъ начала гетманства своего имѣетъ несносныя скорби отъ злобныхъ и безбожныхъ клеветниковъ, не только мірскихъ, но и духовныхъ. Канцлеръ попрежнему увѣрялъ его, что царское величество о вѣрности его довольно извѣстенъ. Скоропадскій, по характеру своему, былъ мало опасенъ, но могли быть опасны полковники. Фельдмаршалъ Шереметевъ въ началѣ 1713 года писалъ о необходимости перемѣнить четырехъ подозрительныхъ полковниковъ—Стародубскаго, Лубенскаго, Нѣжинскаго и Прилуцкаго. Головкинъ отвѣчалъ ему: „Ваше сіятельство объ нихъ уже давно были свѣдомы, а въ бытность свою здѣсь прошлаго лѣта царскому величеству не доносили и послѣ не писали, и теперь, при наступленіи кампаніи, въ ожиданіи непріятельскаго прихода, перемѣнить вдругъ четырехъ полковниковъ видится непристойно и небезопасно, къ тому же не знаемъ заочно, кого на ихъ мѣсто опредѣлить добрыхъ и вѣрныхъ".

Кромѣ подозрительныхъ полковниковъ, безпокоило правительство сильное неудовольствіе въ низшемъ слоѣ малороссійскаго народонаселенія. Измѣнничій гетманъ Орликъ писалъ Крымскому хану, что Малороссійскій народъ, приведенный въ отчаяніе московскимъ тиранствомъ, ждетъ его, Орлика, какъ избавителя. Малороссійскій народъ дѣйствительно терпѣлъ много, только не отъ московскаго тиранства. Стольникъ Протасьевъ, оставав-

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 57.

шійся при гетманѣ въ качествѣ министра государева, писалъ Головкину, въ 1714 году, что черный народъ сильно отягощенъ своими полковниками и сотниками; крестьяне и казаки безпрестанно на нихъ работаютъ, мельницы строятъ, сѣно косятъ, домы въ городахъ и на хуторахъ строятъ, да кромѣ того на ратушскіе расходы бываютъ безпрестанно денежные поборы. Протасьевъ писалъ также, что Полтавскому полковнику Черняку нельзя долѣе оставаться на своемъ мѣстѣ, потому что, „кромѣ всякаго своего непостоянства и легкомыслія", онъ непросыпный пьяница, а Полтавскій полкъ ко всякимъ шатостямъ другихъ полковъ склоннѣе; полтавская старшина просила гетмана, чтобъ быть у нихъ полковникомъ Василію Кочубею; Протасьевъ, съ своей стороны, писалъ, что надобно Кочубею дать это мѣсто: пусть, смотря на это, и другіе служатъ царскому величеству такъ же вѣрно, какъ отецъ Кочубея. Василій Кочубей хотя и молодъ, но человѣкъ изрядный и умный, а въ Полтавскомъ полку такой вѣрный человѣкъ нуженъ. На Черняка донесъ полтавскій житель Данила Кондакъ, котораго полковникъ посылалъ въ Запорожскую Сѣчь сказать кошевому Косткѣ Гордѣенку и прочимъ казакамъ: „Не кланяйтесь царю: еще висѣлицы московскія не наполнились, и если поклонитесь, то конечно наполнятся вами". Отпуская Кондака въ Сѣчь, Черняк говорилъ ему: „Видишь меня теперь паномъ, впредь надѣюсь быть чѣмъ-нибудь и больше".

Вслѣдствіе донесеній Протасьева, въ началѣ 1715 года гетманъ получилъ царскую грамоту, въ которой говорилось, что полковники выбираютъ во всякія полковыя должности и въ сотники по своей волѣ, не объявляя гетману,—выбираютъ по своимъ страстямъ, изъ взятокъ; и нѣкоторые изъ выбранныхъ ими подозрительной вѣрности и люди недостойные; кромѣ того, полковники и выбранные ими старшины и сотники отягощаютъ казаковъ и простой народъ разными налогами и взятками. Вслѣдствіе этого государь приказывалъ, чтобъ впередъ, когда опростается въ полку мѣсто старшины или сотника, то полковникъ обязанъ созвать раду изъ полковой старшины и сотниковъ, по общему приговору выбрать двоихъ или троихъ людей заслуженныхъ и неподозрительной вѣрности, и прислать ихъ гетману, который изъ нихъ выбираетъ одного, и избранный приводится къ присягѣ на вѣрность царю, въ присутствіи стольника Протасьева; тѣхъ, которые были въ явной измѣнѣ и опредѣлены въ полковую старшину и сотники, смѣнить; наконецъ гетману приказывалось смотрѣть накрѣпко, чтобъ казакамъ отъ полковниковъ и другихъ чиновниковъ никакихъ обидъ не было. При посылкѣ этой грамоты Головкинъ писалъ Протасьеву: „Развѣдайте и отпишите, какъ эта царская воля въ Малороссіи будетъ принята; извольте всѣмъ вбивать въ голову то, что царское величество дѣлаетъ это, жалѣя о нихъ".

Полковникамъ, разумѣется, царское распоряженіе не понравилось: на нихъ жаловались, что разоряютъ простой народъ; они жаловались, что разоряютъ народъ Москали своими войсковыми поборами, а виноватъ былъ гетманъ, который по своей слабости все позволяетъ. Вмѣсто слабаго Скоропадскаго, назначали въ гетманы Черниговскаго полковника Полуботка, говорили: „Нынѣшній гетманъ человѣкъ смирный, за Украйну стоять не умѣетъ; кто ни нападетъ, всѣ дерутъ; если бы дождаться какъ будетъ гетманомъ Черниговскій полковникъ, не такъ бы онъ за Украйну стоялъ и Москалямъ ее разорять не давалъ; въ его полку безъ его указа Москали ничего не берутъ". Въ Сосницѣ 27 іюня праздновали Полтавскую побѣду; случился тутъ слуга Полуботковъ Ѳедоръ Стычинскій и къ молебну не пошелъ; когда его одинъ изъ сосницкихъ жителей спросилъ, отчего онъ не былъ въ церкви, Стычинскій сказалъ: „Чому вы праздновали, за что Бога благодарили"?—„За то, что царь побѣдилъ Шведа и проклятаго Іуду Мазепу", отвѣчали ему.—„Не Мазепа проклятый Іуда", сказалъ Стычинскій, „а нынѣшній гетманъ проклятый Іуда, потому что не стоитъ за Украйну, и Москали ее разоряютъ; и какъ будетъ нашъ полковникъ гетманомъ, не такъ будетъ за Украйну стоять, и не будутъ ее Москали разорять. Вся Украйна надѣется, что нашему полковнику быть гетманомъ, и намъ, слугамъ его, больше гетманскихъ почесть отдаютъ". Стычинскаго били кнутомъ и сослали въ ссылку.

Слабый Скоропадскій, боясь всѣхъ и желая угодить всѣмъ, разумѣется, не угождалъ никому: въ Малороссіи жаловались на него, что онъ позволяетъ все Москалямъ; а въ Москвѣ знали, что гетманъ позволяетъ все Малороссіянамъ въ ущербъ государственнымъ интересамъ. Несмотря на то, правительство не желало перемѣны гетмана и избѣгало случаевъ оскорблять его. Были поданы доносы о злоупотребленіяхъ Гадяцкаго полковника Черныша, зятя гетманскаго. Доносы оказались справедливыми; Черныша нельзя было долѣе оставлять въ Гадячѣ, но не хотѣли обидѣть гетмана, и Головкинъ въ январѣ 1715 года писалъ Протасьеву: „Надлежитъ вамъ гетману объявить, что когда онъ будетъ, по указу царскаго величества, выбирать и назначать въ генеральные старшины, то между другими написалъ бы и зятя своего, Гадяцкаго полковника Черныша, потому что, по доношеніямъ на него и жалобамъ въ обидахъ, царское величество не изволитъ ему больше быть полковникомъ въ Гадячѣ; по сіе время мы терпимъ для гетмана, потому что отнятіе полковничества у зятя его не можетъ ему, гетману, быть безъ зазору. Надѣюсь, что г. гетманъ приметъ это объявленіе за знакъ моей къ нему пріязни, ибо лучше зятю его быть въ чинѣ генеральной старшины, нежели просто". Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, гетманъ не сдѣлалъ ничего относительно Черныша, и въ іюлѣ получилъ царскую грамоту: „Въ Малороссіи для управленія войсковыхъ генеральныхъ судовъ было прежде всегда

по два человѣка, а теперь одинъ Туранскій, и тотъ уже старъ, и ему одному управлять не безъ трудности; о выборѣ въ генеральную старшину на праздныя мѣста писано было къ тебѣ, подданному нашему, однако по сіе время никто не выбранъ, а ты о томъ къ намъ не писалъ. Поэтому мы, милосердуя о народѣ малороссійскомъ, дабы въ судахъ войсковыхъ не было какихъ затрудненій, указали быть другимъ судьею генеральнымъ полковнику Гадяцкому Ивану Чернышу". Вмѣсто Черныша, полковникомъ Гадяцкимъ былъ назначенъ уже извѣстный намъ сербскій выходецъ Милорадовичъ.

До насъ дошла длинная перечень злоупотребленій, какія позволяли себѣ полковники и сильные люди въ Малороссіи: 1) Много селъ роздано людямъ, замѣшаннымъ въ измѣну Мазепину; много было роздано измѣнничьимъ сродникамъ, попамъ и челядникамъ, которые служатъ въ дворахъ. 2) Гетманъ долженъ запретить полковникамъ разорять простой народъ и отягощать работами, тогда какъ слухъ пущенъ въ народъ, будто онъ отягощенъ вслѣдствіе сбора провіанта на царскую армію и будто малороссійскіе жители отъ этого отягощенія врознь расходятся. 3) Гетманъ жалуется, что во всѣхъ полкахъ казаки обезконѣли, давая подводы проѣзжимъ Великороссійскимъ людямъ, и поэтому казаковъ теперь мало; а по доношеніямъ малороссійскихъ обывателей оказывается, что число казаковъ уменьшается отъ работъ на полковниковъ и оттого, что полковники многихъ старинныхъ казаковъ въ подданство себѣ завели. Нѣжинскій полковникъ въ одной Верклеевской сотнѣ поневолилъ больше 50 человѣкъ; Полтавскій полковникъ Чернякъ почти цѣлую сотню Нехворощенскую поневолилъ; а другими казаками помѣнялся на мужиковъ съ чернецами Нехворощенскаго монастыря; Переяславскаго полка Березинской сотни баба Алексѣиха Забѣловна Дмитрящиха больше 70 человѣкъ казаковъ поневолила. 4) Полковники, безъ воли гетманской, въ полкахъ своихъ села, деревни и мельницы раздаютъ не только роднѣ своей и другимъ постороннимъ, но и челяди своей. 5) Многіе, которые оказались въ явной измѣнѣ, живутъ свободно, а инымъ уряды и маетности даны, генеральная старшина и полковники къ такимъ особливый респектъ имѣютъ: писарь генеральный Григорій Шаргородскій былъ въ явной измѣнѣ, но когда пришелъ изъ Бендеръ отъ Орлика, то поставленъ въ мѣстечкѣ Городищѣ урядникомъ. 6) Гетманъ жалуется, что генералы и офицеры, стоящіе на квартирахъ, на кухни свои съ ратушей требуютъ всякихъ запасовъ, и оттого въ иныхъ городахъ ратуши стали пусты; но здѣсь Малороссіяне сами доносятъ, что хотя такіе запросы и бывали, и съ народу для того на ратуши многіе поборы идутъ, однако тѣмъ корыстуются полковники, сотники, атаманы и войты. Въ 1709 году положено было на дачу компанейскимъ и сердюцкимъ полкамъ брать со всякой продажной куфы горѣлки по два рубля; полковники, пріѣзжая къ гетману, показываютъ, сколько изъ этихъ покуфовныхъ денегъ издержано бываетъ на ратушные расходы: зачѣмъ же еще сбирать на ратушу? 7) Полковники казаковъ сосѣдей своихъ по маетностямъ принуждаютъ за дешевую цѣну продавать свои грунты, мельницы, лѣса и покосы. 8) Многіе изъ Малороссіянъ покупаютъ земли, мельницы, лѣса и покосы въ великороссійскихъ городахъ, въ Путивльскомъ, Рыльскомъ и Сѣвскомъ уѣздахъ, а Малороссіянамъ продавать свои земли Великороссійскимъ людямъ запрещено.

Должны были смѣнить полковниковъ Полтавскаго и Гадяцкаго; въ томъ же 1715 году Протасьевъ далъ знать, что дѣло дошло и до Нѣжинскаго полковника Жураковскаго. Верклеевскій сотникъ Самуилъ Аѳанасьевъ и знатный казакъ Евоpовскій донесли, что Жураковскій выбралъ въ полковые судьи Романа Лазаренка, въ полковые есаулы Тарасенка, въ сотники Пыроцкаго—все людей подозрительной вѣрности, которые и послѣ измѣны Мазепы остались его совѣтниками. Тотъ же Жураковскій накинулъ на одну Верклеевскую сотню куфъ съ пятнадцать вина, кромѣ того въ соль рыбу и сыръ окладываетъ предорогою цѣною; изъ одной Верклеевской сотни изъ старинныхъ казаковъ написалъ насильно въ подданство къ себѣ въ мужики многое число (доносители подали реестръ). Когда король Шведскій и Мазепа были еще въ Украйнѣ, то казаки Верклеевской сотни охотою ходили съ сотникомъ Самуиломъ Аѳанасьевымъ въ войско: въ ихъ отсутствіе отцовъ ихъ и братью держали забивъ въ колодки, а иныхъ безъ милосердія били, и все это дѣлалъ Жураковскій по совѣту своей полковой старшины, измѣна которой явна. Нѣкоторые казаки приходили къ гетману и били челомъ на Жураковскаго; гетманъ далъ имъ универсалы, чтобъ полковникъ впередъ ихъ не обижалъ; но когда они съ этими универсалами явились къ нему, то онъ обобралъ ихъ, билъ, посадилъ въ тюрьму и держалъ до тѣхъ поръ, пока они дали ему на себя записи, что будутъ жить за нимъ навѣки въ подданствѣ.

Государь писалъ гетману, чтобъ полковники крѣпко смотрѣли за своевольными казаками, которые ходятъ на полевыя рѣчки за добычею и сообщаются съ Запорожцами. Когда въ маѣ 1716 года, полковники съѣхали къ гетману въ Глуховъ, и Скоропадскій прочелъ имъ царское письмо и потребовалъ, чтобъ они подписались въ исполненіи воли государевой, то они отказались подписываться, говоря, что имъ нѣтъ никакой возможности въ своихъ полкахъ удерживать своевольныхъ казаковъ отъ ухода въ степи; наконецъ подписались Гадяцкій, Прилуцкій, Полтавскій и Лубенскій, а другіе такъ и разъѣхались, обѣщая вскорѣ прислать ассекурацію за своею и сотниковъ своихъ подписью. Извѣщая объ этомъ Головкина, Протасьевъ писалъ: „Хотя гетманъ ихъ и принуждалъ, чтобъ прислали ассекурацію немедленно, однако они на его прину-

жденіе обращаютъ не много вниманія, и конечно у нихъ то долго не исправится".

Уже давно, при предшественникахъ Петра, однимъ изъ средствъ тѣснѣйшаго сближенія Малороссіи съ Великою Россіею признавались браки Малороссіянъ на Великороссіянкахъ и наоборотъ. Гетманъ Брюховецкій женился въ Москвѣ; Самойловичъ выдалъ дочь за Шереметева; теперь Петръ потребовалъ отъ Скоропадскаго, чтобъ выдалъ дочь за Великороссіянина. Гетманъ или жена его воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ выпросить себѣ имѣній. Настасья Марковна Скоропадская писала царицѣ Екатеринѣ: „Понеже его графское сіятельство (Головкинъ) учинилъ отвѣтъ, что царское величество не изъ малороссійскихъ, но изъ великороссійскихъ персонъ дочери нашей единственной мужа благоволитъ избрать, тогда мы тому монаршему благоволенію весьма благодарны; у великороссійскихъ народовъ есть такое обыкновеніе, что за дочерьми даются зятьямъ изобильныя деревни и угодья; мы убо не имѣемъ таковыхъ угодій и деревень за нашею дочерью дать и ради того, припадая у стопъ ногъ вашего величества, всесмиренно молю исходатайствовать нынѣ при животѣ моего мужа собственно для моего во вдовствѣ пропитанія и за дочерью дачи маетностей нѣсколько".

Маетности были получены, и единственная дочь была выдана въ 1717 году за Петра Толстого, сына Петра Андреевича, который, по возвращеніи изъ Турціи, былъ въ большой милости у царя, особенно послѣ того, какъ привезъ изъ-за границы царевича Алексѣя. Петръ Петровичъ Толстой былъ усыновленъ гетману и сдѣланъ Нѣжинскимъ полковникомъ. Скоропадскій получилъ въ сватѣ могущественнаго покровителя, а Протасьевъ нашелся въ затруднительномъ положеніи. Гетманъ прежде всего нажаловался на него свату, что онъ постарался отдать другимъ землю, которую гетманъ хотѣлъ взять себѣ, и Протасьевъ въ униженныхъ письмахъ долженъ былъ оправдываться предъ сильнымъ человѣкомъ и просить, чтобъ его отозвали изъ Малороссіи: „Дай всемогущій Творецъ вѣчно тому такъ радоваться, кто ваше превосходительство неправыми своими доношеніями на мое мезерство подвигъ такимъ гнѣвомъ. Всепокорно съ горькими слезами вашего превосходительства прошу: умилосердися надо мною, рабомъ своимъ; какъ милостивый Богъ, благоволи исходатайствовать, прежде даже не погибну, чтобъ мнѣ при господинѣ гетманѣ не быть. Умилосердися, премилосердый государь, отецъ мой и патронъ мой, пожалуй не имѣй на меня своего гнѣву, и уже ни о чемъ болѣе не прошу, только чтобъ былъ я отъ милости ясновельможнаго господина гетмана отлученъ".

Протасьевъ не былъ отлученъ отъ гетмана; униженный тонъ писемъ долженъ былъ обезоружить Толстого, и трудно было найти другого человѣка, столь же хорошо знакомаго съ Малороссіею, въ которой продолжались прежнія явленія. Въ томъ же 1718 году стародубскіе жители подали жалобу на своего полковника, Журавку; жители Новгорода — на своего сотника Лисовскаго; прилуцкая полковая старшина — на своего полковника Галагана. Стародубскій полкъ хотѣлъ имѣть своимъ полковникомъ Андрея Миклашевскаго, сына стараго полковника, и полчане подали о томъ гетману заручную челобитную. Но гетманъ, думая, что съ помощію Толстого теперь можно проводить своихъ, прочилъ въ Стародубскіе полковники извѣстнаго намъ Черныша; Миклашевскій, ненавидимый старшиною, былъ извѣстенъ за человѣка, преданнаго Россіи, и потому Меншиковъ, во время бытности своей въ Малороссіи, настаивалъ у царя, чтобъ далъ указъ о назначеніи его полковникомъ: „О Чернышѣ изволите знать, что оный не безъ противности есть", писалъ Данилычъ Петру. Меншиковъ хлопоталъ также о доставленіи полковничества Переяславскаго или другому Милорадовичу, Гаврилѣ, или молдавскому полковнику Танскому, что очень не нравилось гетману и старшинѣ. Любопытна просьба Гаврилы Милорадовича, поданная царю въ апрѣлѣ 1720 года: „Билъ челомъ я въ С.-Петербургѣ, какъ насъ опредѣлили на Украйну: тогда П. А. Толстой при графѣ Гаврилѣ Ивановичѣ и баронѣ П. П. Шафировѣ сіи слова объявилъ: „Ну, господа Милорадовичи! царское величество жалуетъ васъ, полковнику Гаврилѣ 300 дворовъ (а тѣхъ дворовъ и полутораста не получилъ), и при первой аказіи быть вамъ полковниками на Украйнѣ. Брату моему сказали въ то время быть полковникомъ Гадяцкимъ; и вскорѣ потомъ Переяславскаго полка полковникъ Тамара умеръ; я билъ челомъ въ 1717 году, и ваше величество изволили повелѣть мнѣ быть полковникомъ; о семъ же просилъ и на Москвѣ и напоминалъ ея величеству государынѣ царицѣ; въ 1718 году ѣздилъ я паки въ С.-Петербургъ и просилъ милости у государыни царицы, которая изволила господину гетману о семъ говорить и изволила призывать тайнаго совѣтника П. А. Толстого, и сказала ему: „Сходи отъ меня къ гетману и скажи ему, что я сама просила царское величество, и Гаврилѣ Ивановичу приказано, чтобъ быть Милорадовичу полковникомъ. Петръ Андреевичъ говорилъ господину гетману, на что гетманъ сказалъ: „Коли на то воля царскаго величества есть, тогда и будетъ, лишь бы былъ мнѣ послушенъ, а я къ нему буду милостивъ. Прошу вашего величества, да повелитъ мнѣ быть полковникомъ Переяславскимъ". Меншиковъ переслалъ и просьбу Милорадовича и просьбу Танскаго къ Макарову, прося его въ удобный часъ доложить царскому величеству. „Службы ихъ обоихъ довольно извѣстны, писалъ Меншиковъ: „Танскій при Валахахъ довольно услугъ своихъ и вѣрности показалъ, а о Милорадовичѣ вамъ самимъ извѣстно, что лишился дому и имѣнія своего." Въ Петербургѣ сочли нужнымъ послать вѣрнаго и способнаго человѣка на степную границу Малороссіи. Въ концѣ

1720 года полковникъ Скорняковъ-Писаревъ назначенъ былъ комендантомъ въ Полтаву и Переволочну, и получилъ слѣдующую инструкцію: 1) Когда о чемъ-нибудь надобно будетъ съ гетманомъ пересылаться письмами, то списываться съ нимъ учтиво. 2) Съ Полтавскимъ и Переволочинскимъ полковниками и старшиною, и съ казаками, и съ простымъ народомъ имѣть доброе и ласковое обхожденіе; такъ какъ полки эти пограничные, то смотрѣть, чтобъ тамошніе жители были во всякой вѣрности. 3) Чтобъ Малороссіяне на Запорожье съ товарами и ни съ чѣмъ не ѣздили, а Крымцы Запорожцевъ съ собою не привозили; Запорожцевъ ни для чего не пропускать, кромѣ тѣхъ, которые будутъ приходить съ повинною къ царю. 4) Если полковники и старшины будутъ обижать народъ, то говорить, чтобъ не обижали; если не уймутся, принимать челобитныя у обиженныхъ и присылать въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, а самому ни въ какія судебныя и расправныя дѣла не вступать и никого не обижать.

Извѣстія изъ новой Запорожской Сѣчи объясняли предосторожность правительства, которое запрещало всякія сношенія съ нею. Въ 1720 году въ Сѣчь явился проѣздомъ въ Крымъ Нахимовичъ съ письмами отъ короля Шведскаго и Орлика. Въ кругу Нахимовичъ говорилъ: „Я только одинъ къ вамъ пришелъ, а въ Варшавѣ оставилъ Герцыка и Мировича съ коммисарами, и они будутъ меня дожидаться тамъ. Когда я возвращусь изъ Крыма, то изъ Варшавы будутъ къ вамъ присланы съ Герцыкомъ клейноты и деньги, и войско Запорожское будутъ просить къ королю Шведскому, которому противъ царя будутъ помогать четыре короля, да пятый Цесарь“. На это говорилъ кошевой: „Паны молодцы! вотъ видите, что объ васъ и другіе государи стараются, только я вамъ объявляю, что хотя и клейноты будутъ, то кто хочетъ, пусть идутъ куда угодно, а я ни съ мѣста не ворохнусь; пусть себѣ дерутся или мирятся, намъ до того дѣла нѣтъ, намъ надобно сидѣть тихо; а кому надобны будемъ, тѣ насъ сыщутъ“.

На югѣ безпокоила смута малороссійская, на востокѣ—не переставали волноваться Башкирцы. Въ 1712 году Казанскій губернаторъ Апраксинъ писалъ Головкину: „Со стороны пограничныхъ бусурманъ все благополучно; только всегдашніе намъ домашніе злодѣи Башкирцы,— отъ нихъ никакого покоренія и добра не видимъ и живемъ во всегдашнемъ отъ нихъ опасеніи“ [1]). Весною 1720 года полковникъ графъ Головкинъ (сынъ канцлера), стоявшій съ войскомъ въ Мензелинскѣ, получилъ отъ Сената приказаніе ѣхать въ Уфу, призвать Башкирцевъ, всѣхъ дорогъ батырей и старшину, объявить имъ прежнія ихъ вины—какъ они въ прошлыхъ годахъ съ Каракалпаками и съ измѣнникомъ Алдаркомъ, во многихъ тысячахъ, въ Уфимскомъ и въ другихъ уѣздахъ ясачныя мордовскія, черемисскія и другихъ народовъ многія села и деревни выжгли, разорили и многихъ людей побили и въ полонъ побрали; также которые Русскіе и иновѣрцы бѣжали къ нимъ, тѣхъ бѣглецовъ они принимали, по многимъ требованіямъ не высылали и противные отвѣты дѣлали, посылаемыхъ для переписи въ высылкѣ бѣглыхъ не слушались, а нѣкоторыхъ били и за карауломъ держали. Объявивши имъ эти вины, Головкинъ долженъ былъ имъ говорить, чтобъ они перестали такъ поступать и прежнія подати платили, потому что они сами прислали къ великому государю челобитчика Татарина съ заручнымъ челобитьемъ, чтобъ мимо казанскихъ судей для сыску послать кого добраго человѣка, для чего теперь онъ, полковникъ, и посланъ.

Въ этой челобитной башкирской царю говорилось: „Великому государю, поцѣловавъ землю и поклонясь на колѣни рабски, мы нижеподписавшіеся Башкирскаго народа всѣхъ четырехъ дорогъ батыри и старшины симъ объявляемъ: разореніе было не отъ насъ; мы ясаки платили и подводы давали и службы служили; а пріѣхали въ Уфу городъ Михайла Духовъ, Андрей Жихаревъ, и наложили на насъ тягости, которыхъ на отцахъ и дѣдахъ нашихъ положено не было, 72 статьи прибыли наложили. Надѣясь на твою высокую милость, мы съ ними спорили. Да послѣ того пріѣхалъ къ намъ Александръ Савичъ Сергѣевъ со многими полками и бралъ много подводъ, многими бѣдами насъ изнурялъ; призвалъ нашихъ добрыхъ выборныхъ людей, поилъ ихъ зельемъ и виномъ, и порохомъ жегъ на взлетъ, многихъ людей тѣмъ до смерти поморилъ, билъ, мучилъ и въ крѣпкія мѣста запиралъ; стращалъ, что повѣситъ и изрубитъ, и бралъ сказки, что великому государю дать бы 5,000 лошадей да 1,000 человѣкъ людей, и выборные люди поневолѣ сказки дали. Послѣ того Хохловъ выѣхалъ со многими полками на Ногайскую дорогу для разоренія насъ, да за нимъ же выѣхалъ Сидоръ Аристовъ со многими полками, разорилъ деревни наши и пожегъ, и въ полонъ людей бралъ. Пріѣхалъ князь Петръ Ив. Хованскій и сказалъ намъ, что великій государь съ насъ всякія прибыли снялъ и насъ простилъ, и съ того числа по сіе время мы тебѣ ясаки платимъ со всякимъ послушаніемъ, и плѣнныхъ у насъ нѣтъ, бѣглыхъ возвратили и возвращать будемъ“ [2]).

Головкинъ началъ возвращать бѣглыхъ, причемъ главное препятствіе встрѣтилъ въ Мещерякахъ; онъ писалъ къ отцу-канцлеру: „Изъ бѣглецовъ служивые Татары, здѣсь называются они Ме-

---

[1]) Московскій Арх. Мин. Ин. Д.; Малороссійскія дѣла означенныхъ годовъ; тамъ же Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1713. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Малороссійской экспедиціи означенныхъ годовъ; Кабинетъ II, кн. № 25, 47.

[2]) Москов. Арх. Мин. Ин. Д., Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1712.

*

щеряки, ябедники великіе и самыхъ большихъ препятствій ожидаютъ отъ нихъ; не надѣюсь я твердости у Башкирцевъ, пока Мещеряки будутъ между ними". Головкинъ вывелъ отъ Башкирцевъ бѣглыхъ Татаръ, Чувашъ, Черемисъ 594 семьи, 2,271 человѣка обоего пола; но этимъ дѣло, какъ увидимъ, не кончилось. [1]).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Грамота Петра Великаго Черногорцамъ.

Божіею милостію мы, Петръ Первый, царь и самодержецъ Всероссійскій и проч. и проч. и проч.

Преосвященнымъ митрополитомъ, превосходительнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ господамъ губернаторомъ, капитаномъ, княземъ и воеводамъ, и всѣмъ христіаномъ Православно-Греческаго такожe и Римскаго исповѣданія духовнаго и мірскаго чина въ Сервіи, Македоніи, Черногорцамъ и Приморцамъ, Герцеговцемъ, Никшичамъ, Баняномъ, Пивляномъ, Дробнякомъ, Гачаномъ, Перебиняномъ, Кучамъ, Бѣлопавличамъ, Пиперомъ, Васейвичамъ, Братоножичамъ, Климентамъ, Граховляномъ, Рудинаномъ, Поповляномъ, Зубуемъ наше царскаго величества благоволеніе.

Понеже намъ, великому государю, нашему царскому величеству извѣстно какъ въ прошломъ 1711 году, когда противъ насъ салтанъ Турецкій безъ всякія отъ насъ данныя причины войну началъ, вы по нашему желанію и къ вамъ писмянному напоминанію чрезъ полковника нашего Михайла Милорадовича и капитана Ивана Лукачевича отъ Подгорице, которые отъ нихъ вручены преосвященному Даніилу Счепчевичу Негошу, который своею ревностію и вашею христіянскою и ради единовѣрія и единоязычія съ нами, и подражая древнія славы предковъ вашихъ Словенскаго единоплеменнаго съ вами народа, вооружившеся всенародно показали воинскія противъ того общаго христіанству непріятеля храбрыя и славныя дѣйства, за что потомъ, когда тотъ салтанъ Турецкій паки съ нами миръ возобновилъ, — прислалъ въ провинціи ваши турецкія свои войска, которыя многихъ изъ вашихъ народовъ порубили и мучительски умертвили, и иныхъ же по каторгамъ развезли, монастыри же и церкви пожгли и церковныя утвари и ваши пожитки разграбили, о чемъ мы какъ изъ посторонныхъ вѣдомостей, такъ и чрезъ присланныхъ вашихъ ко двору нашему извѣстилися и по христіанской должности соболѣзнуемъ. И повелѣли во всемъ нашемъ православномъ царствіи въ Божіихъ церквахъ и монастыряхъ за оныхъ пострадавшихъ за вѣру христіанскую и вѣнчавшихся мученическимъ вѣнцемъ соборнѣ Бога молить, и поминовеніе творить. Вамъ же въ животѣ оставшимся ратоборцамъ мы, великій государь, наше царское величество, восхотѣли чрезъ сію нашу грамоту вамъ тотъ сначала оной войны ревностной по христіанству и единовѣрію съ нами подвигъ и оказанныя воинскія дѣйства всемилостивѣйше похвалить, и за показанные въ тотъ случай къ намъ великому государю, и ко всему нашему имперію вспоможенія возблагодарить, и хотя за нынѣшнею долгопротяжною съ еретикомъ королемъ Швецкимъ войною, на которую многія иждивенія употреблять мы принуждены, дабы оную какъ наискоряе окончать, не можемъ мы по достоинству и по заслугамъ вашимъ вамъ награжденія учинить; однакожъ во знакъ нашія къ вамъ милости посылаемъ нынѣ съ преосвященнымъ Даніиломъ Негушу Счепчевичемъ митрополитомъ Скендерійскимъ и Приморскимъ чиноначальникомъ вашимъ 160 золотыхъ персонъ нашихъ да денегъ пять тысячъ рублевъ на вспоможеніе разоренньмъ людямъ и большей въ той случай трудъ понесшимъ, да ему преосвященному митрополиту на расплату долговъ его въ семъ случаѣ полученныхъ и на созиданіе разоренныхъ въ митрополіи его церквей и монастырей пять тысячъ рублевъ. А впредь, когда мы миръ благополучный получимъ, и отъ претяжкихъ воинскихъ иждивеній освободимся не оставимъ за ту вашу вѣрную службу нашею царскою милостію вяше наградити. И понеже мы имѣемъ нынѣ съ салтаномъ Турецкимъ миръ, и съ нашей стороны желаемъ оной не нарушимо содержать. Сего ради совѣтуемъ и вамъ имѣть съ нимъ миръ, ежелижбы оный паки на насъ и на государство наше войну (чего въ нынѣшнее время не чаемъ) всчалъ, и въ такомъ случаѣ желаемъ отъ насъ паки по единовѣрію и единоязычію оружію нашему помощи и обнадеживаемъ васъ всякою нашею царскою милостію и награжденіемъ, которая наша милость отъ васъ всѣхъ никогда и впредь неотъемлема будетъ. Впротчемъ объявитъ нашу къ вамъ милость бывшей здѣсь при дворѣ нашемъ преосвященный Даніилъ митрополитъ Скендерійскій. Данъ въ царствующемъ нашемъ градѣ Санктпитербурхѣ лѣта отъ рождества Спасителя нашего 1715, іюля въ 9, государствованія нашего 34.

(Изъ Москов. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.)

II. Письмо князя Меншикова въ Ревель: „Почтенные господа бурмистры и раты ревельскіе! Понеже до сего времени не малые конфузіи происходили отъ здѣшней мѣры локтевъ, ибо великую разницу съ нашимъ аршиномъ имѣютъ, и

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Казанской губерніи 1720 годъ.

того ради чрезъ сіе повелѣваемъ, дабы учрежденіе вы учинили, чтобъ россійскіе аршины всеконечно ввести подъ тяжкимъ штрафомъ царскаго величества, какъ въ прочихъ россійскаго государства земляхъ употребительно.

(Изъ Москов. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ.)

III. Подметное письмо одного Русскаго изъ Голландіи: 1) Сенатъ, оставя главныя дѣла государственныя, вступилъ въ расправы, занимается челобитными и розысками, для своей корысти. 2) Губернаторы радѣютъ токмо о своихъ карманахъ; Кіевская губернія истощена до конца, также Казанская; слышно, Кіевскій губернаторъ высылаетъ въ свой московскій домъ деньги не мѣшками, но уже возами. 3) Купечества весьма мало и, можно сказать, что уже нѣтъ, ибо всѣ торги отняты у купцовъ и торгуютъ высокія персоны и ихъ люди и крестьяне. Извольте, ваше величество, вопросить новыхъ всероссійскихъ купцовъ, т.-е. князя Меншикова, Сибирскаго губернатора князя Гагарина и имъ подобныхъ, могутъ ли они прокормить многое число разореныхъ чрезъ отнятіе торговъ? Бѣдный Строгоновъ! гдѣ онъ нынѣ и ему подобные, и кто нынѣ можетъ возрастить толикое многое число отраслей въ интересъ вашего величества, т.-е. произведеніе бѣдныхъ въ богатые купцы? 4) Иностранные купцы высылаютъ серебро и золото изъ Россіи, что запрещено въ чужихъ земляхъ. Вельможи кладутъ деньги въ чужестранные банки: Меншиковъ, Куракинъ, коммисаръ князь Львовъ. Львовъ въ Голландіи получалъ по 1,000 ефимковъ жалованья, на секретаря и священника по 400, но сихъ персонъ при себѣ никогда не имѣлъ, а жалованье бралъ, хаживалъ самымъ нищенскимъ образомъ, всей Голландіи былъ на посмѣшище, бралъ грабительски изъ опредѣленнаго жалованья навигаторамъ и матросамъ, бывшимъ въ Англіи и Голландіи, отъ чего многіе изъ матросовъ разошлись въ службы другихъ государствъ; также своею лукавою потачкою избаловалъ многихъ русскихъ господчиковъ, присланныхъ сюда за навигацкою наукою; нѣкоторые изъ нихъ уже по закладнымъ и попродали вещи и деревни, и деньги иждиваютъ въ безчиніи: три брата Шереметевыхъ, бывъ въ Венеціи, задолжали и не были выпущены, чего ради мусилъ (долженъ былъ) одинъ изъ нихъ ѣхать въ Русь для денегъ на окупъ братьевъ, кои между тѣмъ сидѣли за карауломъ. Салтыковъ посланъ для самыхъ нужныхъ дѣлъ въ Лондонъ, прибывъ сдѣлалъ банкетъ про нечестныхъ женъ и объявилъ свой характеръ и свое дѣло, и многіе корабли были отъ сего остановлены; имѣетъ метресу, которая ему втрое коштуетъ, чѣмъ жалованье.

(Кабинетъ I, кн. № 58.)

ИСТОРІЯ РОССІИ
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
Томъ семнадцатый.

Глава I.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Несогласныя дѣйствія союзниковъ, Датчанъ и Саксонцевъ въ войнѣ со Шведами. — Кросенскія постановленія. — Остановка союзниковъ подъ Штральзундомъ. — Отношенія къ Англіи и Голландіи. — Отправленіе Меншикова въ Померанію. — Затруднительное положеніе русскаго посланника, князя Долгорукаго, въ Даніи. — Потеря кампаніи 1712 года. — Грусть Петра. — Датчане и Саксонцы поражены Шведами подъ Гадебушемъ. — Посредничество Англіи и Голландіи. — Условія Петра. — Инструкція Меншикову. — Свиданіе Петра съ курфирстомъ Ганноверскимъ и съ королемъ Прусскимъ. — Виды Пруссіи. — Дѣйствія Русскихъ въ Финляндіи. — Дѣйствія Меншикова въ 1713 году. — Голштинскій министръ Гёрцъ. — Дѣло о секвестрѣ померанскихъ городовъ. — Сдача Штетина Меншикову. — Штетинъ отданъ Пруссіи. — Неудовольствіе по этому случаю въ Даніи. — Враждебность Англіи и Голландіи къ Россіи. — Рѣшительность Петра сдерживаетъ эти державы. — Посольство Ягужинскаго въ Данію. — Голштинскія предложенія царю посредствомъ Бассевича. — Дѣло о союзѣ съ Ганноверскимъ курфирстомъ. — Дѣйствія Русскихъ въ Финляндіи въ 1714 году. — Приступленіе Пруссіи и Ганновера къ Сѣверному союзу. — Осада Штральзунда. — Сдача этого города союзникамъ. — Переговоры князя Куракина съ англійскими министрами насчетъ условій мира съ Швеціею. — Петръ выдаетъ племянницу за герцога Мекленбургскаго. — Слѣдствія этого брака. — Столкновеніе Петра съ союзниками по поводу Висмара. — Приготовленія къ высадкѣ въ Швецію со стороны Даніи. — Петръ отлагаетъ высадку. — Смута между союзниками по этому случаю. — Свиданіе Петра съ Прусскимъ королемъ въ Гавельсбергѣ. — Пребываніе въ Голландіи. — Сношенія съ Англіею. — Отношенія Россіи къ Франціи и поѣздка Петра въ Парижъ. — Договоръ Россіи съ Франціею. — Конференціи князя Куракина о мирѣ съ Швеціею. — Постановленія о будущемъ конгрессѣ на Аландскихъ островахъ. — Переговоры съ Даніею. — Отношенія къ Пруссіи. — Переговоры съ Англіею. — Сношенія съ Австрійскимъ Дворомъ.

При разсматриваніи внутренней преобразовательной дѣятельности въ Россіи отъ 1711 до 1721 года, по самому ходу дѣлъ, нельзя не замѣтить отсутствія, иногда очень продолжительнаго, царя-преобразователя. Это отсутствіе условливалось затянувшеюся заграничною войною. Въ Прутскомъ несчастіи Петръ утѣшалъ себя и другихъ тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, прекращеніе Турецкой войны дастъ возможность сосредочить всѣ силы на западѣ и кончить поскорѣе Шведскую войну выгоднымъ миромъ; но и эта надежда на скорое окончаніе тяжелой войны не оправдалась, благодаря слабому содѣйствію союзниковъ.

По возвращеніи изъ Турецкаго похода, не могшаго не подѣйствовать разрушительно на физическое здоровье Петра, онъ, прежде чѣмъ начать новые труды, долженъ былъ отправиться осенью 1711 года въ Карлсбадъ для пользованія тамошними водами. 15 сентября царь началъ употреблять воды, 3 октября уже выѣхалъ изъ Карлсбада, и 14 числа, въ Торгау, опраздновалъ бракъ сына своего, царевича Алексѣя, съ принцессою Вольфенбюттельскою [1]). Между тѣмъ со сцены военныхъ дѣйствій приходили непріятныя вѣсти. Штральзундъ былъ осажденъ союзными войсками, русскими, саксонскими и датскими; но вотъ что писалъ Петру находившійся въ то время тамъ князь Григорій Ѳед. Долгорукій, отъ 3 сентября: „Войска наши, датскія и саксонскія, находятся при Штральзундѣ, а дѣйствія еще никакого не начали затѣмъ, что министры и генералы не могли согласиться насчетъ того, какъ начинать дѣло, а согласиться не могутъ больше по своимъ злобамъ и гордости. Со стороны короля Польскаго желаютъ напередъ добывать островъ Рюгенъ, дабы тамъ непріятельскую кавалерію уничтожить и продовольствіе получить съ острова, а потомъ уже добывать крѣпость. Со стороны короля Датскаго больше желанія, оставя короля Польскаго подъ Штральзундомъ, добывать Висмаръ. Отъ этихъ несогласій, министерскихъ злобъ и перекоровъ хотѣли, ничего не сдѣлавши, разъѣхаться. Мы съ княземъ Васильемъ Лукичемъ Долгорукимъ всѣми силами трудимся не только министровъ и генераловъ, но и ихъ величества до согласія привесть, и думаю, что прежде станутъ добывать островъ Рюгенъ“.

Долгорукому хотѣлось, чтобы король Датскій имѣлъ личное свиданіе съ Петромъ, „понеже“, писалъ князь Григорій, „король Датскій зѣло чело-

---

[1]) Гисторія Свейской войны (Журналъ Петра В.) подъ означеннымъ годомъ.

вѣкъ гордый, и что изволите съ нимъ постановить, то, чаю, ни для чего не отмѣнитъ". Но саксонскій генералъ Флеммингъ не хотѣлъ этого личнаго свиданія между государями, и, подговоря съ собою датскихъ министровъ, Выбея, и Шака, тайно отправился въ бранденбургскій городъ Кросенъ для свиданія съ царемъ и улаженія всего насчетъ будущей кампаніи [1]). 22 октября въ Кросенѣ было совѣщаніе, на которомъ Петръ далъ Флеммингу и датскимъ министрамъ слѣдующіе пункты: 1) Необходимо теперь же овладѣть Штральзундомъ, а если нельзя, то, по крайней мѣрѣ, островомъ Рюгеномъ. 2) Зимою надобно договориться съ курфирстомъ Ганноверскимъ о Бременѣ и Верденѣ, чтобъ къ будущей кампаніи Ганноверскій Дворъ не мѣшалъ, а помогалъ (именно при Дворѣ Англійскомъ). 3) Военныя дѣйствія въ будущую кампанію, какъ сухопутныя, такъ и морскія, начать рано, именно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Петръ изъ Кросена отправился въ Россію; а союзники два мѣсяца понапрасну стояли подъ Штральзундомъ, оправдывая себя тѣмъ, что не привозили артиллеріи и потому нельзя ничего сдѣлать. Рѣшили, что нельзя стоять всю зиму подъ Штральзундомъ,—надобно отступить; но и тутъ подняли споръ: король Польскій говорилъ, чтобъ всѣмъ союзнымъ войскамъ, отступя отъ Штральзунда, зимовать въ Помераніи и удерживать въ блокадѣ Штетинъ, Штральзундъ и Висмаръ; король Августъ представлялъ такъ-же, что если теперь всѣ войска оставятъ Померанію, то на весну имъ трудно будетъ снова войти въ нее, по причинѣ переправъ, которыя непріятель легко можетъ защищать. Но король Датскій никакъ не хотѣлъ оставлять войскъ своихъ въ Помераніи, представляя, что ему нужно войско для охраненія Зеландіи зимою, когда Зундъ замерзаетъ, и непремѣнно хотѣлъ уйти въ Голштинію на зимнія квартиры. Къ усиленію распри между союзниками, королю Августу дали знать, что Датскій король начинаетъ тайные переговоры со Шведами посредствомъ готторпскаго министра Фондерната. Такимъ образомъ, оба короля намѣревались выступить изъ Помераніи; князьямъ Долгорукимъ, Григорію и Василью, стойло большого труда привести ихъ къ тому, что они наконецъ согласились: Датскому королю оставить въ Помераніи 6,000 человѣкъ своего войска, а Саксонцамъ и Русскимъ всѣмъ зимовать тамъ.

Союзники дѣйствуютъ слабо; а между тѣмъ на западѣ грозитъ новая опасность: война Англіи, Австріи и Голландіи противъ Франціи за наслѣдство Испанскаго престола готова прекратиться, что дастъ этимъ державамъ возможность вмѣшаться въ Сѣверную войну. Въ Англіи съ большимъ неудовольствіемъ и подозрительностью смотрѣли на вступленіе русскихъ войскъ въ Померанію. Утверждали, что въ Карлсбадѣ у царя и англійскаго посланника Витворта произошелъ по поводу этого предмета очень крупный разговоръ, такъ что посланникъ счелъ благоразумнѣе уйти. Вмѣсто князя Куракина, посланникомъ въ Англію отправленъ былъ Фонъ-деръ-Литъ. Новый посланникъ доносилъ въ ноябрѣ 1711 года, что государственный секретарь С. Джонъ (знаменитый Болинброкъ), говорилъ: „Союзники въ Помераніи поступаютъ выше всякой мѣры: сначала увѣряли, что хотятъ только выгнать оттуда шведскій корпусъ генерала Крассова, а теперь ясно видно, что ихъ намѣреніе выжить Шведскаго короля изъ Нѣмецкой Земли; это уже слишкомъ!" Переговоры о мирѣ между Франціею и союзниками должны были производиться въ Голландіи, и потому сюда, на помощь Матвѣеву, отправленъ былъ князь Бор. Иван. Куракинъ. Въ ноябрѣ 1711 года Куракинъ далъ знать, что Франція сблизилась съ партіею тори въ Англіи, и англійскій посланникъ объявилъ Голландскому правительству требованіе, чтобъ назначено было мѣсто для посольскихъ съѣздовъ и чтобъ выданы были паспорты французскимъ уполномоченнымъ. Когда депутаты отъ Штатовъ сказали ему, что надобно писать во всѣ провинціи республики, извѣдать общее желаніе, то онъ отвѣчалъ, что его королева рѣшила быть съѣзду, и если Голландія будетъ медлить, то Англія одна назначитъ мѣсто для съѣзда и выдастъ паспорты. „Господа Голландцы", писалъ Куракинъ, „въ великой конфузіи находятся. Мое мнѣніе: если эти государства все больше и больше будутъ приходить въ несогласіе, то конечно въ насъ нужду имѣть будутъ, и въ такомъ случаѣ, принявъ мѣры, требуемыя нашими интересами, не надобно упускать времени заключить съ ними хотя оборонительный союзъ и свой кредитъ устанавливать; но теперь пока надобно относиться одинаково какъ къ Англіи, такъ и къ Голландіи". На это донесеніе канцлеръ Головкинъ отвѣчалъ Матвѣеву и Куракину наказомъ: склонять Штаты къ пріязни и къ вступленію въ союзъ съ царскимъ величествомъ; объявить Штатамъ и цесарскимъ министрамъ, что, въ случаѣ продолженія войны ихъ съ Франціею, царь готовъ помочь имъ войскомъ отъ 10 до 15,000 человѣкъ и больше за обычныя субсидіи и даже безъ субсидій, только на ихъ содержаніи и жалованьи; взамѣнъ этого требовать, чтобъ Австрія и Голландія гарантировали Россіи все завоеванное ею у Швеціи; въ Померанскомъ дѣлѣ царю и его союзникамъ не только не мѣшали, но и помогали. Отвѣтъ Матвѣева былъ очень неудовлетворителенъ: „Изъ всего видимъ, что на ихъ прямое усердіе къ исполненію того, чего отъ нихъ желается, намъ отнюдь опираться нельзя, и никакой надежды возлагать на нихъ не слѣдуетъ; притомъ плохой успѣхъ дѣлъ нашихъ въ Помераніи не можетъ внушить имъ большой охоты помогать намъ противъ Шведскаго короля".

Итакъ, надобно было хорошо вести дѣло въ По-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 13.

мераніи, чтобъ заставить Австрію и Голландію благопріятно смотрѣть на наше предложеніе.

1 марта 1712 года отправился въ Померанію съ войскомъ князь Меншиковъ, а князь Василій Лукичъ Долгорукій долженъ былъ хлопотать дипломатическимъ путемъ, чтобъ союзники дѣйствовали дружно. Задача была тяжелая; прежде всего шли взаимныя обвиненія въ желаніи заключить отдѣльный миръ со Швеціею: время на конференціяхъ проходило въ томъ, что съ обѣихъ сторонъ увѣряли въ несправедливости подобныхъ обвиненій. Долгорукій настаивалъ, чтобъ Датчане высылали флотъ въ море какъ можно раньше: датскіе министры отговаривались неимѣніемъ денегъ. Долгорукій настаивалъ, чтобъ дѣйствовать дружно въ Помераніи: Датчане считали выгоднѣе и легче для себя овладѣть Бременомъ. Долгорукій, въ донесеніяхъ своихъ царю, изъявлялъ опасенія, что отдѣльный миръ между Даніею и Швеціею можетъ состояться, и приводилъ основаніе своимъ опасеніямъ: великую скудость денежную; всѣ единогласно говорили, что войску жалованье давать нечего; министръ и генералъ Шульцъ, имѣющіе особенное вліяніе на короля, люди нерасторопные, скучаютъ множествомъ трудныхъ дѣлъ и слышатъ народную злобу на себя за войну, а народъ раздражаетъ противная министрамъ партія Плессена и Лента, которая находитъ доступъ и къ королю чрезъ сестру его; кромѣ того, Датскій Дворъ опасался, что если Англичане и Голландцы успѣютъ помириться съ Франціею, то не заставили бы Данію окончить войну безъ всякой для нея прибыли; голштинскій министръ Фондернатъ хлопочетъ о мирѣ со Швеціею, опираясь на Плессена и Лента; министрамъ грозитъ опасность и оттого, что король хочетъ перемѣнить метрессу. „Ежели та перемѣна сдѣлается, всѣ дѣла здѣсь перемѣнятся", писалъ Долгорукій: „министры не могутъ ничего сдѣлать противъ Фондерната, такъ онъ утвердилъ себя въ королевской милости чрезъ карлъ и камердинеровъ [1]). Кромѣ того, „держитъ богатый столъ и весь Дворъ кормитъ".

Долгорукій не могъ отговорить Датскаго короля отъ похода въ Бременскую область. Чтобъ оживить военныя дѣйствія въ Помераніи, самъ царь отправился туда въ іюнѣ 1712 года; Меншиковъ стоялъ подъ Штетиномъ, но царь не могъ помочь ему овладѣть этимъ городомъ, потому что Датчане отказавись дать ему свою артиллерію, подъ тѣмъ предлогомъ, что ее должны доставить Саксонцы. Петръ писалъ Датскому королю: „Я чаю, что уже вашему величеству извѣстно, что я не только то число войскъ (которое поставлено въ прошломъ годѣ въ Ярославлѣ съ королевскимъ величествомъ Польскимъ) для здѣшнихъ дѣйствъ поставилъ, но тріекратно болѣе умножилъ, къ тому же и самъ сюды прибылъ, не щадя здоровья своего, чрезъ всегдашнюю фатигу и нынѣшній такъ далекой путь для общихъ интересовъ; но при прибытіи моемъ сюда обрѣлъ войско праздно, понеже артиллерія, отъ васъ обѣщанная, не точію прибыла, но когда я вашего вице-адмирала Сегестета, яко командира надъ оною, спросилъ, который мнѣ отвѣтствовалъ, что оная безъ особливаго вашего указу быть сюда не можетъ. Я зѣло въ недоумѣніи, чего для такія перемѣны чинятся и время такъ благополучное вотще препровождается, изъ котораго, кромѣ убытку какъ въ деньгахъ, а паче въ интересахъ общихъ и посмѣянія отъ непріятелей нашихъ, ничего нѣтъ. Я всегда былъ и есть готовымъ своимъ высокимъ союзникамъ все, что интересъ общій требуетъ, вспомогать, что всегда съ моей стороны исполнено. Ежели же сего моего прошенія (о присылкѣ артиллеріи) исполнить не изволите, то я предъ вами и всѣмъ свѣтомъ оправдаться могу, что сія кампанія здѣсь не отъ меня опровергнута, и тогда я не виновенъ буду, что, будучи безъ дѣйства самъ, а людей своихъ принужденъ буду вывесть въ свою Землю, ибо напрасно убытку отъ дороговизны здѣшней, а наипаче безчестія отъ непріятелей понести не могу. Я здѣсь всѣ мѣста и ихъ положеніе осмотрѣлъ, и какое можетъ дѣйство воинское нынѣ и впредь въ сей Землѣ быть для искорененія отсель непріятелей, о томъ послалъ пункты къ вашему величеству. Сами изволите разсудить, что мнѣ ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ собственнаго интересу нѣтъ; но что здѣсь дѣлаю, то для вашего величества дѣлаю". Кампанія пропала даромъ въ Помераніи, тогда какъ въ Бременской области Датчане овладѣли крѣпостью Штадомъ. Какъ безчестье неуспѣха подѣйствовало на Петра, видно изъ письма его къ Меншикову, когда онъ 19 августа находился въ Вольгастѣ, а свѣтлѣйшій стоялъ подъ Штетиномъ: „Письмо ваше я получилъ, на которое отвѣтствовать кромѣ сокрушенія своего не могу, ибо какъ я къ тебѣ въ другомъ письмѣ писалъ, о всемъ пространно можешь выразумѣть, что еслибъ вѣтеръ не перемѣнился, однимъ днемъ все было бы исполнено, и что дѣлать, когда такихъ союзниковъ имѣемъ, и какъ пріѣдешь, самъ увѣдаешь, что никакими мѣрами инако сдѣлать мнѣ невозможно; я себя зѣло безчастнымъ ставлю, что я сюда пріѣхалъ; Богъ видитъ мое доброе намѣреніе, а ихъ и иныхъ лукавство; я не могу ночи спать отъ сего трактованья" [2]). Такъ какъ подобное трактованье обыковенно отзывалось на здоровьи, то Петръ въ октябрѣ оправился въ Карлсбадъ и Теплицъ для лѣченья. Отдохнувши немного, ему хотѣлось соединить войска всѣхъ союзниковъ и окончить годъ побѣдою, потому что шведскій фельдмаршалъ Стенбокъ, собравши послѣднія средства, выступилъ съ 18,000 войска изъ Помераніи, въ Мекленбургъ. Петръ писалъ изъ Теплица къ Датскому королю, чтобъ тотъ пріѣхалъ къ своимъ войскамъ въ Голштинію и соединился съ русскими

---

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Датскія 1712 года.

[2]) Письмо Петра къ Меншикову, въ Москов. Архивѣ Мин. Иност. Дѣлъ.

войсками для нападенія на непріятеля; потомъ опять писалъ о томъ же изъ Дрездена, 12-го ноября: „Надѣюсь, что ваше величество признаете необходимость такого дѣйствія; паки дружески и братски васъ о семъ прошу, и притомъ объявляю, что хотя мое здоровье требуетъ спокойствія послѣ лѣченія, однако я, видя крайнюю нужду, дабы сего полезнаго дѣла не пропустить, немедленно отъѣзжаю къ войску". Къ Меншикову царь писалъ: „Для Бога, если случай доброй есть, хотя я и не успѣю къ вамъ прибыть, не теряйте времени, но во имя Господне атакуйте непріятеля" [1]).

Изъ Дрездена Петръ поѣхалъ въ Берлинъ, а изъ Берлина, какъ было обѣщано Датскому королю, отправился къ войскамъ своимъ въ Мекленбургію. 28 ноября царь пріѣхалъ въ мѣстечко Лаго, гдѣ была главная квартира русскихъ войскъ; изъ Лаго царь выѣхалъ въ Гистроу, куда велѣлъ слѣдовать и войскамъ. Здѣсь 7-го декабря получено извѣстіе, что Стенбокъ двинулся къ Шверину и Гадебушу съ тѣмъ, чтобы напасть на соединенное датско-саксонское войско, бывшее подъ начальствомъ самого Датскаго короля и саксонскаго фельмаршала Флемминга. Царь отправилъ изъ Гистроу часть своего войска на помощь союзникамъ, пославши сказать имъ, чтобы не вступали въ битву прежде соединенія съ русскимъ войскомъ; на другой день самъ Петръ выѣхалъ изъ Гистроу и отправилъ снова троихъ офицеровъ, одного за другимъ, къ Датскому королю, чтобы не вступалъ въ битву, ибо русское войско находилось только въ трехъ миляхъ; но „господа Датчане, имѣя ревность не по разуму", какъ писалъ Петръ, вступили въ битву и были на-голову поражены Стенбокомъ при Гадебушѣ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, Петръ вернулся назадъ въ Гистроу, куда Датскій король пріѣхалъ съ просьбою помочь ему въ бѣдѣ, и Петръ, въ началѣ 1713 года, двинулся съ войскомъ за Шведами въ Голштинію, разбилъ ихъ при Швабштедѣ и прогналъ изъ Фридрихштата. Изъ этого города онъ увѣдомилъ фельдмаршала Шереметева о Швабштедскомъ дѣлѣ: „Непріятель въ такую Землю зашелъ, что къ оному только идти по дамамъ (плотинамъ), а поле все, испортя слюзы, потопилъ, а на дамахъ сдѣланы были переконы и батареи; однакожь мы, несмотря на то, съ помощію Божіею, отважились онаго атаковать, который хотя и боронилъ оные прекрѣпкіе пассажи, однакожъ изо всѣхъ оныхъ непріятель выбитъ съ немалымъ урономъ".

Между тѣмъ изъ Голландіи, гдѣ происходилъ Утрехтскій конгрессъ для прекращенія войны за Испанское наслѣдство, приходили дурныя вѣсти. Матвѣевъ писалъ, что Англія и Франція, сближаясь другъ съ другомъ, сближаются и со Швеціею. Англія и Голландія предложили свое посредничество для прекращенія Сѣверной войны. Князю Куракину по этому случаю даны были слѣдующія инструкціи: „Надлежитъ объявить министрамъ морскихъ державъ, что царское величество къ миру всякую склонность съ союзниками своими имѣетъ и посредничество морскихъ державъ принимаетъ; но то посредничество, какое морскія державы теперь князю Куракину объявили, царскому величеству и союзникамъ его вредно и предосудительно. Объявили они: если которая нибудь сторона не приметъ посредничества по плану, ими сочиненному, то ее принудить силою. Но это будетъ уже насиліе, а не посредничество. Объявить морскимъ державамъ: если онѣ обнадежатъ, что возвращеніе наслѣдственныхъ русскихъ земель, которыя Шведы отторгли, вмѣсто оказанія помощи, будетъ принято за основаніе, но не какъ вознагражденіе за войну, то его величество ихъ медіацію принимаетъ; о другихъ же провинціяхъ, которыя царское величество желаетъ получить въ вознагражденіе за войну, будетъ объявлено при назначенномъ съѣздѣ. Когда станутъ упоминать о Лифляндіи, то объявить въ общихъ выраженіяхъ, что царское величество твердо стоитъ въ своемъ намѣреніи уступить ее коронѣ Польской" [2]).

Пробывъ нѣсколько времени въ Фридрихштадтѣ, Петръ рѣшился отправиться въ Россію, потому что Стенбокъ, запертый въ шлезвигской крѣпости Теннингенѣ, не былъ болѣе опасенъ. 14 февраля царь выѣхалъ изъ Фридрихштадта, оставивъ Меншикову инструкцію, какъ поступать въ его отсутствіе: „1) искать непріятеля къ капитуляціи принудить или инымъ образомъ къ разоренію его приводить всѣми способами, а наипаче всего, чтобы не ушелъ, для того: 2) надлежитъ у всѣхъ генераловъ, даже до генералъ-маіора брать совѣты на письмѣ о всякомъ важноначинаемомъ дѣлѣ, дабы никто послѣ не могъ отпереться, что онъ инако совѣтовалъ. 3) Стѣсненіе непріятелю какъ возможно ранѣе дѣлать, а потомъ и бомбардированіе, дабы намъ прежде свое дѣло окончить генеральнаго мира, по которомъ, чаю, не безъ помѣшки будетъ. 4) Съ Датскимъ Дворомъ какъ возможно ласкою и низостью поступать, ибо хотя правду станешь говорить безъ уклонности, за зло примутъ, какъ самъ ихъ знаешь, что болѣе чиновъ нежели дѣла смотрятъ. 5) Ежели дастъ Богъ доброе окончаніе съ непріятелемъ, то библіотеку выпросить конечно всю изъ Шлезвига, также и иныхъ вещей, осмотря самому съ Брюсомъ, а особливо глобусъ". — Не теряя надежды, привлечь къ союзу курфирста Ганноверскаго, Петръ заѣхалъ, для свиданія съ нимъ, въ Ганноверъ, и о слѣдствіяхъ свиданія писалъ Меншикову: „Курфирстъ зѣло склоненъ явился и совѣты многіе подавалъ, только что дѣломъ что исполнить, то ни кто не хочетъ". Узнавши о смерти Прусскаго короля Фридриха I-го, Петръ отправился въ Шейнгаузенъ (въ милѣ отъ Берлина) для

[1]) Дѣла Датскія 1712 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.; Голикова Допол. къ Дѣян. П. В. IX, 299.

[2]) Гисторія Свейской войны; Дѣла Голландскія и Шведскія 1712 г.

свиданія съ новымъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I. При покойномъ королѣ Пруссія, въ отношеніи къ Россіи, слѣдовала постоянно одной политикѣ, избѣгая рѣшительнаго шага и выискивая случая пріобрѣсть что-нибудь безъ большихъ усилій съ своей стороны. Еще въ 1711 году царскій чрезвычайный посолъ при Прусскомъ Дворѣ, графъ Александръ Головкинъ, сынъ канцлера, писалъ, что Прусскій Дворъ не хочетъ заключать договора съ Россіей, вопервыхъ, потому, что у Пруссіи нѣтъ достаточнаго количества войска и она не можетъ ввязаться въ такое опасное дѣло, какъ война Шведская; вовторыхъ, нѣтъ соотвѣтствія между тѣмъ, что царь обѣщаетъ дать, и тѣмъ, чего требуетъ отъ короля. Головкинъ представилъ самому королю, какія выгоды для Пруссіи заключаются въ союзѣ съ Россіей: Пруссія получитъ городъ Эльбингъ и часть земли между Вислою и Помераніею. „Очень опасно", отвѣчалъ король, „вступать мнѣ въ это дѣло: царскому величеству Шведы нисколько вреда не сдѣлаютъ, потому что его государство далеко; но на меня, какъ на ближайшаго, нападутъ; а царское величество войска свои даетъ подъ такимъ условіемъ, что во время разрыва съ султаномъ имѣетъ право ихъ отозвать". Головкинъ возражалъ, что хотя въ предложенномъ трактатѣ дѣйствительно такъ сказано, однако царь посылаетъ теперь довольно войска противъ шведскаго Померанскаго корпуса, также короли Польскій и Датскій имѣютъ довольно войска по близости. Король отвѣчалъ: „На Датскаго короля нечего надѣяться: это государь бѣдный и самъ не знаетъ что́ дѣлать". Прусскіе министры прямо объявили Головкину, что царь поступаетъ дурно съ ними, только обѣщая награду за союзъ впослѣдствіи, а не давая ничего впередъ: „Маните вы насъ Эльбингомъ, какъ пса кускомъ мяса", говорили министры. — „У здѣшнихъ господъ министровъ", писалъ Головкинъ, „на одномъ часу разныя слова и отмѣнныя и часто только политичныя". Слова были разныя, но мысль одна, одно желаніе, и желаніе это было такъ сильно, что забывали приличія. Головкину объявили отъ имени королевскаго, что его величество лишенъ всѣхъ средствъ исполнить Маріенвердерскій договоръ, но надѣется и проситъ, чтобы царское величество, по своему доброжелательству къ королю, изволилъ уступить ему городъ Эльбингъ; если отдастъ городъ явно, то Поляки разсердятся, и потому пусть царское величество повелитъ генералу своему выйти изъ города и тайно увѣдомить объ этомъ Пруссаковъ, которые и займутъ Эльбингъ, гдѣ всѣ жители на ихъ сторонѣ, кромѣ магистрата; за это король обѣщается помогать тайно царскому величеству противъ Шведовъ. „Я", писалъ Головкинъ, „для нашихъ нынѣшнихъ обстоятельствъ, заблагоразсудилъ ихъ ласкать и принялъ то на доношеніе. Король, своею особой,—нашей партіи, также и кронъ-принцъ начинаетъ къ намъ склоняться; нынѣшній годъ надобно съ здѣшнимъ Дворомъ пасіенцію имѣть и довольствоваться тѣмъ, чтобъ они намъ помогли артиллеріею, и можетъ быть нѣсколько баталіоновъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ дадутъ, только на это крѣпко нельзя надѣяться". Въ Берлинѣ не спускали глазъ съ Эльбинга. Въ мартѣ 1712 года Головкинъ имѣлъ разговоръ съ министромъ Ильгеномъ, который представлялъ, какія услуги оказываетъ Пруссія Россіи, пропуская царскія войска чрезъ свои земли и оказывая имъ всякое вспоможеніе: „За такія услуги", продолжалъ Ильгенъ, „изволилъ бы царское величество отдать намъ Эльбингъ".—„Царскому величеству", сказалъ Головкинъ, „нельзя этого сдѣлать безъ позволенія короля Польскаго и Рѣчи Посполитой; но если король Прусскій дѣйствительно вступитъ съ нами въ союзъ противъ Швеціи, то царскому величеству можно будетъ представить Польскому королю и Рѣчи Посполитой дѣло такъ, что можетъ быть они и согласятся на передачу Эльбинга Пруссіи".—„Можно и теперь", отвѣчалъ Ильгенъ, „сдѣлать сильныя представленія о необходимости передать Эльбингъ Пруссіи,—можно внушить, что Прусскій король необходимъ союзникамъ для свободнаго прохода войскъ ихъ чрезъ прусскія владѣнія, для закупки хлѣба и другихъ потребностей; что у Прусскаго короля много войска, и если его не удовлетворить отдачею Эльбинга, то онъ можетъ перейти на сторону Швеціи. А вступать нашему королю въ войну противъ Швеціи не нужно, потому что сѣверные союзники довольно сильны и безъ прусской помощи; но король нашъ радъ помогать союзникамъ всячески".—Чрезъ нѣсколько времени Ильгенъ подступилъ съ другой стороны: „Нашъ король", говорилъ онъ Головкину, „хочетъ содержать нейтралитетъ, и, желая водворенія мира на Сѣверѣ, не только хочетъ употребить для этого свой кредитъ при другихъ Дворахъ, но и оружіе; только надобно знать, что́ вы намъ за наши труды дадите, и объявляемъ вамъ напередъ, что изъ-за моднаго Эльбинга мы не станемъ хлопотать,—надобно еще что-нибудь прибавить". Это „что-нибудь" должно было состоять изъ части польской Пруссіи и Курляндіи [1]).

Головкинъ писалъ, что кронъ-принцъ къ намъ склонятся. Теперь кронъ принцъ сталъ королемъ, и надобно было узнать, въ какой степени онъ къ намъ склонился: „Здѣсь", писалъ Петръ Меншикову, „новаго короля я нашелъ зѣло пріятна къ себѣ, но ни въ какое дѣйство онаго склонить не могъ, какъ я могъ разумѣть, для двухъ причинъ: первое, что денегъ нѣтъ; другое, что еще много псовъ духа шведскаго, а король самъ политическихъ дѣлъ не искусенъ, а когда дастъ въ совѣтъ министрамъ, то всякими видами помогаютъ Шведамъ, къ тому же еще не осмотрѣлся. То видѣвъ я, утвердя дружбу, оставилъ. Ежелибъ что могъ сдѣлать здѣсь, конечно, намѣренъ былъ водою къ вамъ поворо-

[1]) Дѣла Прусскія 1711 и 1712 годовъ въ Москов. Архивѣ Министер. Иностр. Д.

титься. Дворъ здѣшній, какъ мы усмотрѣли, уже не такъ чиновенъ сталъ, какъ прежде сего былъ, и многимъ людямъ нынѣшній король отъ Двора своего отказалъ, и впредь чаемъ больше въ отставкѣ будетъ, между которыми есть много изъ мастеровыхъ людей отпускаютъ, которые сами службы ищутъ; также и картины, какъ слышимъ, продавать будутъ; того для когда у васъ дѣла будутъ приходить къ окончанію, тогда генерала Брюса отпустите въ Берлинъ для найму мастеровыхъ людей знатныхъ художествъ, которые у насъ потребны, а именно архитекторы, столяры, мѣдники и прочіе" [1]).

Не склонивши ни курфирста Ганноверскаго, ни Прусскаго короля ни къ какому „дѣйству", Петръ хотѣлъ нанести ударъ врагу со стороны Финляндіи. Намѣреніе свое относительно этой страны онъ изложилъ въ письмѣ къ адмиралу Апраксину еще изъ Карлсбада 30 октября 1712 года: „Сіе главное дѣло, чтобы, конечно, въ будущую кампанію, какъ возможно сильныя дѣйства съ помощію Божіею показать и идти не для разоренія, но чтобъ овладѣть, хотя оная (Финляндія) намъ не нужна вовсе удерживать, но двухъ ради причинъ главнѣйшихъ: первое, было бы что при мирѣ уступить, о которомъ Шведы уже явно говорить починаютъ; другое, что сія провинція есть матка Швеціи, какъ самъ вѣдаешь: не только-что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели Богъ допуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея мягче гнуться станетъ". Немедленно, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, велѣлъ онъ приготовляться къ морскому походу въ эту страну. 26 апрѣля галерный флотъ, состоявшій изъ 95 галеръ 60 карбусовъ и 50 большихъ лодокъ съ 16,000 войска, отплылъ изъ Петербурга къ Финляндіи; самъ Петръ, какъ контръ-адмиралъ, шелъ въ авангардѣ; въ *корде*-баталіи находился генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, въ аріергардѣ—генералъ-лейтенантъ князь Мих. Мих. Голицынъ и контръ-адмиралъ графъ Боцисъ. Въ началѣ мая русскія войска высадились у Гельсингфорса; начальствовавшій здѣсь генералъ Армфельдъ, не дожидаясь приступа, ночью зажегъ городъ и убѣжалъ въ Борго; Русскіе отправились въ Борго; но Шведы очистили передъ ними и этотъ городъ; Русскіе овладѣли безпрепятственно и главнымъ городомъ Финляндіи Або: „не только войска непріятельскаго, но ниже жителей тамо обрѣли, но все найдено пусто". Это было въ концѣ августа; въ октябрѣ Русскіе нашли, наконецъ, непріятеля, который рѣшился принять битву: при рѣкѣ Пелкени, у Тамерсфорса, генералъ Армфельдъ былъ разбитъ Апраксинымъ и Голицынымъ; слѣдствіемъ побѣды было то, что вся почти Финляндія до Каяніи находилась въ рукахъ Русскихъ [2]).

И въ Голштиніи, и въ Помераніи военныя дѣйствія въ 1713 году шли успѣшнѣе, чѣмъ въ предъидущемъ. Въ началѣ марта Меншиковъ изъ Фридрихштадта отправился въ Гузумъ, гдѣ жилъ Датскій король, чтобъ выговорить его министрамъ за неисправную доставку продовольствія русскимъ войскамъ. „Если такъ продолжится", говорилъ свѣтлѣйшій, „то мы принуждены будемъ оставить здѣшнія дѣйства". Датскіе министры разсердились и въ сердцахъ проговорились: „Если станете дорожиться, то мы имѣемъ близкое средство къ миру".—„Если хотите заключить миръ, то говорите прямо", сказалъ Меншиковъ. Министры смутились и стали пенять другъ на друга за то, что проговорились. „Изъ этого случая", писалъ Меншиковъ царю, „отчасти можно признать, что у нихъ не безъ особеннаго промысла насчетъ партикулярнаго мира, тѣмъ больше, что на дняхъ былъ въ Гузумѣ голштинскій министръ, жилъ три дня и, говорятъ, тайно допущенъ былъ къ королю" [3]). Этотъ голштинскій министръ былъ знаменитый впослѣдствіи Гёрцъ. Мы видѣли [4]), что зять и другъ Карла XII, герцогъ Голштинскій, былъ убитъ при Клиссовѣ въ 1702 году; за несовершеннолѣтіемъ сына его, герцога Карла-Фридриха, воспитывавшагося въ Швеціи, администраторомъ Голштиніи былъ родной дядя его, Христіанъ-Августъ, князь-епископъ Любскій, который очутился теперь въ тяжеломъ положеніи слабаго въ борьбѣ между сильными. Передъ союзниками онъ выставлялъ свой нейтралитетъ, а между тѣмъ тайно отдано было приказаніе тенингенскому коменданту впустить Стенбока съ войскомъ въ крѣпость. Теперь министръ Христіана-Августа, Гёрцъ явился къ Датскому Двору съ предложеніемъ, что уговоритъ Стенбока сдаться союзникамъ, но за это голштинскія владѣнія должны быть очищены отъ союзныхъ войскъ и получить вознагражденіе за убытки, причиненные войною. Герцъ изъ Гузума разъѣзжалъ въ Тенингенъ къ Стенбоку, въ Гамбургъ къ другому шведскому фельдмаршалу, Велингу, и, по возвращеніи въ Гузумъ, увѣрялъ Флемминга и князя Вас. Лукича Долгорукаго, что Стенбокъ непремѣнно сдастся. Датскіе министры написали-было уже и договоръ въ томъ смыслѣ, что Стенбокъ сдастся одному Датскому королю, но Долгорукій объявилъ, что онъ на это никакъ не согласится: что Стенбокъ долженъ сдаться всѣмъ союзникамъ, которые должны пріобрѣсти равныя выгоды отъ этой сдачи. Между тѣмъ получены были извѣстія, что въ Тёнингенѣ большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Меншиковъ, тяготясь переговорами безъ конца, писалъ Долгорукому: „Это не дѣло, но гёрцовы штучки, что самимъ вамъ легко разсудить можно: съ начала пересылки съ Стенбокомъ не видали мы ни одного отъ него письма; что Гёрцъ напишетъ или скажетъ, тому и вѣримъ, Гёрцу нужно одно — проволочить время и не допустить

[1]) Письмо Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Д.

[2]) Кабинетъ, I, кн. № 14

[3]) Письмо Меншикова къ Петру В. въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Д.

[4]) Исторія Россіи, т. XIV.

насъ до бомбардированія. Итакъ, оставя это безделье, надобно приступить къ дѣлу, т.-е. поскорѣе начинать бомбардированіе, чего вашему сіятельству и надобно домогаться". Вслѣдствіе этого домогательства, Гёрцъ былъ удаленъ, и союзники вошли въ непосредственныя сношенія съ Стенбокомъ, который сдался имъ 4 мая; а черезъ 20 дней Меншиковъ выступилъ изъ Фридрихштадта, одна часть войска пошла къ Гамбургу, другая—къ Любеку [1]), первый долженъ былъ заплатить 20,000 талеровъ, второй—сто тысячъ марокъ за то, что не прерывали торговыхъ сношеній съ Шведами. Узнавши объ этомъ, Петръ писалъ Меншикову: „Благодарствуемъ за деньги, что взято съ Гамбурга доброю манерою и не продолжа времени, и чтобъ изъ оныхъ добрую часть послать къ Куракину: зѣло нужно для покупки кораблей, ибо когда изъ нихъ добрую часть (и буде возможно и половину) пошлете къ Куракину, то на весну мы можемъ около 30 кораблей и фрегатъ поставить, въ чемъ я надеженъ, что вы сего главнаго дѣла не запомните" [2]).

Датскія войска продолжали осаду Тѐнингена, хотя тамъ и не было болѣе Шведовъ. Отряды союзныхъ войскъ, подъ начальствомъ саксонскаго фельдмаршала Флемминга, взяли островъ Рюгенъ; князь Долгорукій требовалъ у датскихъ министровъ, чтобъ немедленно же была начата осада Штральзунда, который не могъ держаться безъ Рюгена; но его представленій не послушали. Понапрасну такъ же русскій посланникъ противился допущенію Гёрца снова къ Датскому Двору; понапрасну представлялъ, „недоброжелательства Гёрцовы ко всему Сѣверному союзу, и особенно въ коронѣ Датской". Ему отвѣчали, что допущеніемъ Гёрца король покажетъ склонность къ прекращенію вражды съ Домомъ Голштейнъ-Готторпскимъ, и что Гёрцъ, находясь при Датскомъ Дворѣ, не можетъ сдѣлать ничего вреднаго. Но между тѣмъ Гёрцъ, не успѣвшій обратить вниманія Петра на свои предложенія и видѣвшій опаснаго себѣ врага въ Долгорукомъ, бросился къ Меншикову и успѣлъ вкрасться въ его довѣренность: онъ предложилъ ему планъ прорытія чрезъ Шлезвигскія владѣнія канала, который бы соединялъ Балтійское море съ Нѣмецкимъ и избавлялъ русскіе корабли отъ обязанности проходить чрезъ Каттегатъ. Исполненіе предпріятія и выгоды отъ него предоставлялись свѣтлѣйшему князю. Меншиковъ сталъ видаться съ Гёрцомъ, вошелъ въ его планы относительно тѣснаго союза Голштейнъ-Готторпскаго Дома съ Россіею, и шла уже рѣчь о бракѣ молодаго герцога съ царевною Анною Петровною. Но у Гёрца былъ еще другой планъ: такъ какъ союзники имѣли въ виду овладѣть шведскими городами въ Помераніи, то онъ предложилъ, что склонитъ шведскихъ комендантовъ этихъ городовъ къ сдачѣ, но съ тѣмъ, чтобъ города были отданы въ секвестръ Прусскому королю и голштинскому администратору, половина гарнизона въ нихъ будетъ прусская, а другая голштинская. Меншиковъ принялъ предложеніе, которое не могло не понравиться и царю, потому что такимъ образомъ Пруссія, принимая шведскіе города, затягивалась въ враждебныя отношенія къ Швеціи. Въ началѣ іюня графъ Александръ Головкинъ провѣдалъ, что голштинскій тайный совѣтникъ Бассевичъ пріѣхалъ въ Берлинъ и трактуетъ съ тамошнимъ Дворомъ о взятіи Штетина въ секвестръ Пруссіею. Головкинъ немедленно выпросилъ приватную аудіенцію у короля и представилъ ему, что это дѣло надобно улаживать по соглашенію съ Россіею, о чемъ князь Меншиковъ имѣетъ полную инструкцію отъ своего государя. Король отвѣчалъ на это: „Когда такъ, то хорошо, будемъ это дѣло дѣлать вмѣстѣ; пошлю отъ себя кого-нибудь къ князю Меншикову: я царскому величеству всегда добрый другъ и никакихъ противностей интересамъ его величества дѣлать никогда не хочу, но желаю ему во всемъ, сколько можно, помогать. Мы другъ другу никакого зла сдѣлать не можемъ, —наоборотъ, можемъ другъ другу помогать".

Послѣ этой аудіенціи Головкинъ увидался съ Бассевичемъ и прямо объявилъ ему, что знаетъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Берлинъ. Бассевичъ такъ удивился, что скоро не могъ отвѣчать; потомъ, оправившись, началъ говорить: „Вижу, что вы все знаете, и потому не хочу отъ васъ ничего утаивать; дѣйствительно, по указу своего правительства, стараюсь я у здѣшняго Двора, чтобъ король Прусскій взялъ въ секвестръ городъ Штетинъ, и дѣлаемъ мы это дѣло съ согласія вашего фельдмаршала князя Меншикова и саксонскаго фельдмаршала графа Флемминга". Тутъ Головкинъ, въ свою очередь, долженъ былъ сильно удивиться, потому что не имѣлъ никакого извѣстія о согласіи Меншикова.

Послѣ разговора съ Бассевичемъ, Головкинъ имѣлъ разговоръ съ прусскимъ министромъ Ильгеномъ, который объявилъ, что король посылаетъ къ Меншикову генерала Борка. При этомъ Ильгенъ сказалъ: „Надобно признаться, что у насъ это дѣло уже почти было слажено съ Шведами; думаю, что на будущей недѣлѣ Штетинъ былъ бы въ нашихъ рукахъ, для чего и войскамъ нашимъ уже велѣно приблизиться къ границамъ Помераніи; но, изъ дружбы къ царскому величеству и по вашему предложенію, король рѣшился войти по этому дѣлу въ соглашеніе съ вами". Головкинъ спросилъ у Ильгена, будутъ ли теперь Пруссаки помогать союзникамъ. Тотъ отвѣчалъ: „Если намъ помогать вамъ войскомъ, то это будетъ явное объявленіе войны Шведамъ".—„По крайней мѣрѣ, дадите ли намъ свою артиллерію?" спросилъ Головкинъ.—„Король еще подумаетъ", отвѣчалъ Ильгенъ: „артиллерія дорого стоитъ; да и надобно справиться, есть ли въ нашихъ магазинахъ достаточно бомбъ и другихъ принадлежностей;—мы такого

---

[1]) Дѣла Датскія 1713 года въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

[2]) Письма Петра В. къ Меншикову въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

счастливаго случая не пропустимъ и всѣми силами будемъ стараться получить Померанію, чрезъ васъ ли, чрезъ Шведовъ ли". Спустя нѣсколько времени Бассевичъ объявилъ Головкину о дальнѣйшихъ голштинскихъ замыслахъ: „Мы", говорилъ онъ, „ведемъ переговоры съ здѣшнимъ Дворомъ о томъ, чтобъ король Прусскій, въ случаѣ смерти короля Шведскаго, помогъ нашему герцогу получить наслѣдство, т.-е. Шведскую корону, за что обѣщаемъ Прусскому королю Штетинъ съ окрестными землями въ вѣчное владѣніе. Надѣемся", прибавилъ Бассевичъ, „что и царское величество, за наше усердіе, поможетъ Голштинскому герцогу въ полученіи Шведской короны, а не позволитъ перейти ей къ принцесѣ Ульрикѣ, второй сестрѣ Карла XII-го; для-того мы и стараемся о померанскомъ секвестрѣ, чтобъ закрѣпить за нашимъ герцогомъ шведскія провинціи въ Германіи".

Голштинцы обѣщали уговорить штетинскаго шведскаго коменданта Мейерфельда къ сдачѣ; но Мейерфельдъ не поддавался ихъ внушеніямъ, и Голштинцы стали хлопотать, чтобъ Меншиковъ осадилъ Штетинъ и такимъ образомъ напугалъ Мейерфельда; о томъ же хлопотало и Прусское правительство, которое хотѣло пріобрѣсти Штетинъ безъ всякаго съ своей стороны пожертвованія. Поэтому, когда Меншиковъ, въ началѣ іюля, осадилъ Штетинъ, но осада затянулась и для ея ускоренія требовалась прусская артиллерія, то Ильгенъ и другой министръ Грумкау убѣдили короля, что надобно покинуть мысль о секвестрѣ, ибо послать прусскую артиллерію къ Штетину значитъ—явно объявить войну Шведскому королю, притомъ же для этого нужна большая сумма денегъ. Въ Берлинѣ не хотѣли вступить въ открытую войну со Швеціею, но и не хотѣли такъ-же, чтобъ эта держава сохранила прежнюю свою силу: помнили ея тѣсный союзъ съ Франціею, союзъ, противный интересамъ Пруссіи и всей Германіи; помнили ея войну съ Великимъ Курфирстомъ. 10 августа былъ обѣдъ у короля Фридриха-Вильгельма, гдѣ присутствовали посланники русскій, шведскій и голландскій. Король предложилъ тостъ за здоровье Русскаго государя, потомъ Голландскихъ Штатовъ, и забылъ о Шведскомъ королѣ. Шведскій посланникъ Фризендорфъ отказался пить за здоровье царя: вмѣсто того выпилъ за добрый миръ и при этомъ просилъ короля, чтобъ онъ былъ посредникомъ и доставилъ Карлу XII удовлетвореніе, возвратилъ ему Лифляндію и другія завоеванія, ибо король Прусскій не можетъ желать усиленія царя. Король отвѣталъ: „Удовлетвореніе слѣдуетъ царскому величеству, а не Шведскому королю, и я не буду совѣтовать Русскому государю возвращать Ливонію, разсуждая по себѣ, если бы мнѣ случилось отъ непріятеля что завоевать, то я бы не захотѣлъ назадъ возвратить; притомъ царское величество добрый сосѣдъ и другихъ не безпокоитъ; а что касается посредничества, то я въ чужія дѣла мѣшаться не хочу". Фризендорфъ напомнилъ о дружбѣ, которая была всегда между Швеціею и Пруссіею при покойномъ королѣ Фридрихѣ I-мъ; въ отвѣтъ Фридрихъ-Вильгельмъ припомнилъ войну, которую вела Швеція съ Пруссіею при дѣдѣ его, припомнилъ тѣсный союзъ Швеціи со Франціею: „Одного только недостаетъ, чтобъ французскій гербъ былъ на шведскихъ знаменахъ", сказалъ между прочимъ король. Фризендорфъ началъ увѣрять, что такого союза нѣтъ между Швеціею и Франціею. — „А хочешь, разскажу, что ты мнѣ говорилъ шесть недѣль тому назадъ?" сказалъ король. Фризендорфъ испугался: „Я это говорилъ вашему величеству наединѣ, какъ отцу духовному", сказалъ онъ и прибавилъ, „что король все шутитъ".—„Говорю какъ думаю", отвѣчалъ король, „и никого манить не хочу". Въ Берлинѣ не хотѣли усиленія Швеціи, не хотѣли и усиленія Даніи, и потому приняли предложеніе Голштинцевъ, чтобъ требовать отъ Датскаго короля очищенія Голштиніи [1]).

Все это, и отказъ Прусскаго короля взять въ секвестръ Штетинъ, и дѣйствія Пруссіи противъ Даніи въ голштинскомъ интересѣ, не могло нравиться Петру. 19 сентября онъ писалъ Меншикову: „Преизрядная-бъ была польза, чтобъ Штетинъ взять, ибо, чаемъ, король Прусскій для того отсталъ отъ секвестраціи, что король Шведской дипломъ прислалъ отдать оный ему, ежели въ его интересъ вступитъ; что же о Голштинцахъ и Датскихъ — правда, что хотя Дацкіе и неблагодарны явились, и зѣло слѣпо и недобро поступаютъ, однако уже то подлинно есть, что непріятели Шведамъ и намъ, наипаче для моря, зѣло нужны, а на новыхъ друзей Голштинцевъ еще трудно надѣяться; можетъ Богъ изъ Савла Павла сдѣлать, однакоже я въ томъ еще Ѳоминой вѣры; впрочемъ, все полагаю на ваше разсужденіе по тамошнимъ конъюктурамъ, а наипаче того смотрѣть, что армію, не разоря, проводить домой". Вслѣдъ за тѣмъ, 21 сентября, другое письмо въ томъ же родѣ: „Чтобъ, когда Богъ дастъ Штетинъ, отдать за секвестрацію Прусскому, о томъ мое разсужденіе, что то добро, ежели не будетъ противно королю Польскому, ибо оному то обѣщано, а Прусскому отдадимъ безъ всякой съ ихъ стороны къ намъ склонности; буде же королю Польскому сіе не будетъ противно, то для насъ изрядно, а по моему лучше бы отдать не въ секвестрацію, но вовсе, а за то-бъ обязался (Прусскій король) въ Польшу Шведовъ не пускать, также, буде возможно, хотя-бъ четыре полка далъ своихъ королю Польскому, ежели Турки на весну что начнутъ. Что же Голштинцы къ сему зѣло склонны, то для того, чтобъ скоряя оной городъ отъ Пруссаковъ могли назадъ получить, неже отъ насъ. Что же пишете, что Голштинцы каковы были противны намъ, таковы нынѣ склонны—дай Боже, чтобъ была правда, а я

[1]) Дѣла Датскія 1713 года въ Моск. Архивѣ Минист. Иностр. Д.; Дѣла Прусскія 1713 года.

чаю все для того, чтобъ тѣмъ выжить Датчанъ отъ себя, ибо еще ничего намъ дѣломъ не показали какъ Шведамъ помогли Тонингомъ. Для Бога осторожно съ такими поступай; лучше держаться апостола, который къ такимъ пишетъ: покажи мнѣ вѣру свою отъ дѣлъ своихъ; а словамъ вѣрить нечего, ибо хотя иные и хотятъ своего князя королемъ Шведскимъ (сдѣлать)—то правда, да еще старый живъ. Поступки Датчанъ не ладны, да чтожъ дѣлать? а раздражать ихъ не надобно для Шведовъ, а наипаче на морѣ; ежели-бъ мы имѣли довольство на морѣ, тобъ иное дѣло; а когда не имѣемъ, нужда онымъ флатировать, хотя что и противное видѣвъ, чтобъ не отогнать. Что же пишете о трудномъ своемъ дѣлѣ, тому я вѣрю; а что пишете, какъ вамъ поступать съ Голштинцами, на то отвѣтствую, что и оныхъ озлоблять не надлежитъ, но приводить къ тому, чтобъ они, когда ищутъ съ нашей стороны себѣ пріятельства ко вспоможенію короны Шведской князю ихъ (т.-е. чтобъ герцогъ ихъ, какъ племянникъ бездѣтнаго Карла XII, получилъ Шведскую корону), то можно имъ обѣщать, толькобъ они что-нибудь напередъ дѣломъ показали; а пока дѣла въ нашъ интересъ не сдѣлаютъ, ничего имъ не надлежитъ открываться и вѣрить, но содержать въ ласкѣ внѣшней, а не внутренней; прочее воистину не могу за очи резону дать, но полагаюсь въ томъ на васъ, вѣдая доброе сердце ваше" [1]).

Но когда писались эти предостерегательныя письма, указывавшія на необходимость щадить Данію и не довѣрять Голштинцамъ, естественнымъ союзникамъ Шведовъ, Меншиковъ дѣйствовалъ „по тамошнимъ коньюктурамъ". 18 августа, получивъ саксонскую артиллерію, онъ заключилъ съ Флеммингомъ договоръ, по которому обязался взять Штетинъ одними русскими войсками и отдать его въ секвестръ королю Польскому вмѣстѣ съ администраторомъ голштинскимъ; а если король Прусскій пожелаетъ взять его въ секвестръ вмѣстѣ съ голштинскимъ администраторомъ, то можетъ это сдѣлать, заплативши царю и королю Польскому деньги за убытки, понесенные во время осады. Осада шла успѣшно, и когда со стороны осаждающихъ „изъ мортиръ и пушекъ такой трактаментъ былъ Штетину учиненъ, что тотчасъ во многихъ мѣстахъ въ городѣ загорѣлось и превеликій пожаръ учинился", Мейерфельдъ, потерявши надежду долѣе защищать городъ, 19 сентября, при посредствѣ Бассевича, согласился выйти изъ Штетина, отдавши его въ секвестръ королю Прусскому и администратору голштинскому. Меншиковъ позволилъ, чтобы два шведскихъ батальона остались въ городѣ, принесши присягу на вѣрность герцогу Голштинскому. Послѣ этого Меншиковъ поѣхалъ въ бранденбургскій городъ Шветъ, гдѣ заключилъ съ Прусскимъ королемъ окончательный договоръ не только о „секвестраціи" Штетина, но также Рюгена, Штральзунда и Висмара. Покончивши эти дѣла, свѣтлѣйшій князь двинулся къ русскимъ границамъ; въ Помераніи осталось только 6,000 русскаго войска. Прусскій король былъ въ восторгѣ, что получилъ желаемое. „Донесите царскому величеству", говорилъ онъ Головкину, „что я за такую услугу не только всѣмъ своимъ имѣніемъ, но и кровію своею его царскому величеству и всѣмъ его наслѣдникамъ служить буду; и хотя бы мнѣ теперь отъ шведской стороны не только всю Померанію, но корону Шведскую обѣщали, чтобъ я пошелъ противъ интересовъ царскаго величества, то никогда и не подумаю такъ сдѣлать за такую царскаго величества къ себѣ склонность".

Сколько радовались въ Берлинѣ, столько же печалились въ Копенгагенѣ.

Когда при Датскомъ Дворѣ узнали о секвестраціи, то поднялось сильное волненіе. „Большаго зла нельзя сдѣлать нашему королю, какъ этою секвестраціей", сказали датскіе министры Долгорукому: „герцогъ Гоштейнъ-Готторпскій столько же желаетъ добра королю Шведскому, сколько желаютъ ему и сами Шведы; такъ можно ли было допускать его вмѣшиваться въ дѣла Сѣвернаго союза? Королю Прусскому вѣрить трудно, зная сношенія его съ Франціей въ пользу шведскую; сами прусскіе министры открыли, что ихъ король обѣщалъ помогать герцогу Голштейнъ-Готторпскому противъ нашего короля. У насъ начаты были приготовленія, чтобы на будущее лѣто вступить въ Шонію; но теперь нечего думать о войнѣ, надобно искать мира; союзники отняли у нашего короля всѣ способы къ наступательной войнѣ, а оборонительную войну вести—только разоренье безъ всякой прибыли". Долгорукій успокоивалъ ихъ, какъ могъ, спрашивалъ, на какихъ условіяхъ желаютъ они отдать померанскіе города въ секвестръ.—„Отдать одному королю Прусскому, чтобъ о герцогѣ Голштейнъ-Готторпскомъ и помину не было", отвѣчали министры. Сердились не на Меншикова, а на Флемминга, которому приписывали все это злое дѣло; разсказывали, какъ Флеммингъ недавно еще грозился отомстить Датскому Двору за прежнія непріятности. Раздраженіе противъ Голштиніи было тѣмъ сильнѣе, что мирные переговоры между нею и Даніей кончились тѣмъ, что Гёрцъ, не сказавшись никому, тайкомъ уѣхалъ на крестьянской телѣгѣ окольными дорогами; Долгорукому объявили, что Гёрцъ предлагалъ отдѣльный миръ между Даніею и Швеціею; самъ король сказалъ ему: „Вы пророкъ;—что вы предсказывали о Гёрцѣ, то и случилось: онъ предлагалъ такія дѣла, отъ которыхъ былъ бы страшный вредъ Сѣверному союзу".

Скоро пришли извѣстія, которыя оправдывали опасенія Датскаго короля и его министровъ: Прусскій король объявилъ, что Данія должна очистить владѣнія герцога Голштейнъ-Готторпскаго, въ противномъ случаѣ Пруссія заставитъ ее это сдѣлать. Петръ получаетъ письмо отъ Датскаго короля: „Я думаю", пишетъ Фридрихъ IV, „что всѣ эти дого-

---

[1]) Письма Петра В. къ Меншикову въ Моск. Архивъ Мин. Иностр. Д.; Кабинетъ I, кн. № 21.

воры о секвестраціи заключены Меншиковымъ и Флеммингомъ нарочно къ моему вреду, и это уже не въ первый разъ оба они обнаруживаютъ свою вражду противъ меня. Надѣюсь, что ваше величество изволите взглянуть на это дѣло совершенно иначе, и меня, какъ своего вѣрнаго союзника, не оставить, изволите повторить иностраннымъ Дворамъ объявленіе о необходимости прежнихъ распоряженій въ мою пользу относительно Голштейнъ-Готторпскаго дѣла и дать указъ князю Меншикову, чтобъ онъ со всѣми русскими войсками, находящимися въ Помераніи, готовъ былъ помогать мнѣ при первомъ на меня нападеніи съ какой бы то ни было стороны. Вашего величества высокое праводушіе и пониманіе собственнаго интереса требуютъ зрѣлаго обсужденія этого представленія моего и не позволятъ допустить, чтобы необходимое между нами согласіе прекращено было такими отдѣльными договорами. Ваше величество, по своей разсудительности, не можете не усмотрѣть здѣсь враждебныхъ намѣреній и не отвратить ихъ заблаговременно“.

„Трактатъ о секвестрѣ Помераніи мы разсматривали“, отвѣчалъ Петръ, „и нашли, что нѣкоторыя статьи противны нашему общему интересу. Статьи эти приняты княземъ Меншиковымъ по нуждѣ, потому что Прусскій Дворъ безъ нихъ въ секвестръ вступить не хотѣлъ; нашимъ войскамъ нельзя было тамъ долѣе оставаться по причинѣ поздняго времени и недостатка въ продовольствіи. Что касается до отдачи на секвестръ Штральзунда и Висмара, то мы позволимъ отдать ихъ только на такихъ условіяхъ, на какихъ угодно будетъ вамъ и королевскому величеству Польскому; касательно же Штетина, намъ нельзя отречься отъ ратификаціи, ибо договоръ заключенъ съ согласія короля Польскаго, которому городъ этотъ, по раздѣлу, принадлежалъ; надѣемся, что и вашему величеству договоръ противенъ быть не можетъ, потому что при заключеніи его въ Шветѣ находился и нашъ генералъ Девицъ. Однако мы удержались и отъ посылки этой ратификаціи, узнавъ, что между королемъ Прусскимъ и Домомъ Готторпскимъ заключенъ договоръ, въ которомъ находятся вредныя для вашего величества статьи. Мы приказали находящемуся при Прусскомъ Дворѣ графу Александру Головкину требовать, чтобъ эти статьи были исключены, и если наше требованіе будетъ исполнено, то и мы ратификуемъ договоръ о Штетинѣ“.

Представленія графа Александра Головкина въ Берлинѣ, отказъ Англіи давать субсидіи на Датскую войну и неудовольствіе Франціи на то, что Пруссія захватила шведскія владѣнія и хочетъ ихъ удержать за собою, заставили Пруссію отказаться отъ угрожающаго положенія относительно Даніи; впослѣдствіи со стороны Франціи явилось предложеніе, что если Прусскій король хочетъ получить Штетинъ въ вѣчное владѣніе, то долженъ объявить войну Россіи, чтобы заставить ее отказаться отъ всѣхъ своихъ завоеваній. Осторожный Фридрихъ-Вильгельмъ, хорошо знавшій Русскаго царя и его средства, съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе; но въ Даніи не переставали безпокоиться и относительно Пруссіи, и относительно того, что герцогъ Голштинскій былъ ближайшій наслѣдникъ Шведскаго престола. Долгорукій писалъ, что король никакъ не хочетъ помириться съ герцогомъ, если тотъ не отречется отъ правъ своихъ на Шведскій престолъ, или, по крайней мѣрѣ, не обяжется, что, сдѣлавшись Шведскимъ королеаъ, не присоединитъ Голштиніи и Шлезвига къ Швеціи. Царь велѣлъ Долгорукому объявить королю, что и онъ такого же мнѣнія, да и другія государства не допустятъ, чтобы герцогъ владѣлъ Швеціею и Голштиніею. Но хлопоты не ограничивались одною Даніей. Въ февралѣ 1713 года англійскій посланникъ въ Голландіи, лордъ Страффордъ, говорилъ князю Куракину: „Натурально, что Англія никогда не хочетъ видѣть въ разореніи и безсиліи корону Шведскую. Намѣреніе Англіи— содержать всѣ державы на Сѣверѣ въ прежнемъ равновѣсіи. Выгоды нашей торговли требуютъ, чтобы мы старались о прекращеніи Сѣверной войны. Россію трудно помирить съ Швеціей: вашъ государь хочетъ удержать всѣ свои завоеванія, а Шведскій король не хочетъ ничего уступить. По моему мнѣнію, Ливоніи нельзя отнять у Швеціи: надѣюсь, что вашъ государь удовольствуется Петербургомъ, о чемъ у насъ есть уже извѣстія; Нарва, по своему положенію, одинаково нужна обѣимъ державамъ“.—„Во всякомъ случаѣ“, писалъ Куракинъ, „мы съ своими союзниками никакой надежды имѣть не можемъ: министры императорскіе, видя свое безсиліе, очень щадятъ Шведа; здѣшніе Штаты хотя бы и намѣрены были что-нибудь для насъ сдѣлать, да безсильны,—дѣлаютъ только то, что угодно Англіи“. Страффордъ внушалъ вліятельнымъ людямъ въ Голландіи, что если царь будетъ имѣть гавани на Балтійскомъ морѣ, то вскорѣ можетъ выставить свой флотъ ко вреду не только сосѣдямъ, но и отдаленнымъ государствамъ. Англійское купечество, торговавшее на Балтійскомъ морѣ, подало королевѣ проектъ, въ которомъ говорилось, что если царь будетъ имѣть свои гавани, то русскіе купцы станутъ торговать на своихъ корабляхъ со всѣми странами, тогда какъ прежде ни во Францію, ни въ Испанію, ни въ Италію не ѣздили, а вся торговля была въ рукахъ Англичанъ и Голландцевъ; кромѣ того, усилится русская торговля съ Даніей и Любекомъ.

Эти враждебныя заявленія были остановлены угрозою Петра. Возвратился въ Голландію бывшій въ Даніи посланникъ Гоусъ и донесъ своему правительству о разговорахъ, бывшихъ у него съ царемъ. Петръ объявилъ ему, что желаетъ имѣть посредниками Цесаря и Голландскіе Штаты, ибо надѣется на безпристрастіе этихъ державъ; не отвергаетъ и посредничества Англіи, только подозрѣваетъ ее въ нѣкоторой враждебности къ себѣ: „Я“, говорилъ Петръ, „готовъ, съ своей стороны, явить всякую умѣренность и склонность къ миру; но съ

условіемъ, чтобы медіаторы поступили безъ всякихъ угрозъ, съ умѣренностію; въ противномъ случаѣ я вотъ что сдѣлаю: разорю всю Ливонію и другія завоеванныя провинціи, такъ что камня на камнѣ не останется; тогда ни Шведу, ни другимъ претензіи будетъ имѣть не-къ-чему". Передавая эти слова, Гоусъ внушилъ, что съ царемъ надобно поступать осторожно; что онъ очень желаетъ мира, но враждебными дѣйствіями принудить его ни къ чему нельзя. „Сіе донесеніе", писалъ Куракинъ, „нашимъ дѣламъ немалую пользу учинило".

Въ іюнѣ мѣсяцѣ Страффордъ началъ требовать, чтобы Россія, Данія и Саксонія приняли посредничество морскихъ державъ, Англіи и Голландіи, для заключенія мира съ Швеціею. При этомъ датскій и польскій послы объявили Куракину, что имѣютъ указы отъ Дворовъ своихъ при нынѣшнихъ нужныхъ случаяхъ приводить въ интересъ своихъ государей и обѣщать денежныя дачи лорду Страффорду и нѣкоторымъ изъ значительнѣйшихъ сановниковъ Голландской республики; датскій посолъ объявилъ, что готовъ обѣщать Страффорду 20,000 талеровъ; польскій (саксонскій) посланникъ объявилъ, что на всѣ раздачи имѣетъ 40,000 талеровъ, и потому обѣщалъ Страффорду 20,000; той особѣ, которая въ пересылкахъ будетъ съ Страффордомъ, каждый обѣщалъ по 2,000 червонныхъ; требовали и отъ Куракина, чтобъ и онъ обѣщалъ Страффорду 20,000 талеровъ; но тотъ отвѣчалъ, что безъ указу сдѣлать этого не можетъ. Куракинъ обратился къ самымъ вліятельнымъ лицамъ въ Голландской республикѣ съ вопросомъ: какая имъ нужда такъ спѣшить съ своею медіаціей; какой ихъ собственный интересъ въ этомъ заключается.—„Все это мы дѣлаемъ только для виду", отвѣчали они, „нужно намъ утѣшить Англію; а прямаго намѣренія спѣшить съ сѣверными дѣлами у насъ нѣтъ; мы будемъ въ этомъ дѣлѣ сколько возможно тянуть и откладывать, согласно съ интересами царскаго величества"; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было высказано мнѣніе, что царскому величеству не надобно медлить мирными переговорами, потому что если Франція заключитъ миръ съ Цесаремъ, то, имѣя свободныя руки, будетъ усердно помогать Шведскому королю войскомъ и деньгами, не пожалѣетъ и милліоновъ, чтобы возвратить Швеціи прежнюю силу; да не безопасно будетъ и со стороны Турціи. Голландіи нельзя отдаляться отъ Англіи, потому что если Англія, озлобясь, броситъ Голландію и вмѣшается въ сѣверныя дѣла вмѣстѣ съ Франціею и Пруссіей, то Голландія потерпитъ большой убытокъ въ балтійской торговлѣ, да и царскому величеству не будетъ никакой пользы, если Голландія будетъ исключена изъ переговоровъ о сѣверныхъ дѣлахъ.

Когда Куракинъ далъ знать обо всемъ этомъ своему Двору, то получилъ отвѣтъ: отъ медіаціи морскихъ державъ, какъ возможно, отговариваться; но *добрыя средства* (bona officia) принимать; чтобы, по крайней мѣрѣ, въ прелиментарныя статьи внесено было какъ основаніе—возвращеніе старыхъ Русскихъ Земель, уступленныхъ по Столбовскому миру. Ливонія уступается коронѣ Польской съ такимъ условіемъ, чтобы никому другому не была отдана. Если же будутъ непремѣнно требовать, чтобы Ливонія была возвращена Швеціи, то объявить, что царское величество согласенъ отдать и Шведамъ, если король Польскій и Рѣчь Посполитая позволятъ; но отдать Шведамъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы крѣпости были разорены. Если мѣстомъ мирныхъ переговоровъ не захотятъ назначить Данцигъ, то предлагать Бреславль; если же и на это не согласятся, то Брауншвейгъ; а отъ Гаги и другихъ мѣстъ, по дальности, отговариваться. Если захотятъ заключить перемиріе, то принять на 20, или, по крайней мѣрѣ, на 15 лѣтъ, а принять на кратчайшій срокъ—значитъ непріятелю только отдыхъ дать; когда и въ царствованіе Михаила Θеодоровича война была со Шведомъ, то перемиріе заключено было на 30 лѣтъ. Спѣшить переговорами, если будетъ видно, что дѣла у Цесаря съ Франціей, также и въ Англіи, приходятъ къ концу; если же этого не будетъ видно, то длить переговоры и дотянуть, если возможно, до будущей кампаніи. Если морскія державы будутъ сильно держать шведскую сторону, то повторить слова царскаго величества, сказанныя голландскому министру Гоусу, что прежде обратятся въ пепелъ всѣ завоеванныя мѣста, чѣмъ уступятся непріятелю въ цѣлости, ибо отдать крѣпости въ руки непріятельскія—значитъ опять самимъ себѣ змѣю пустить за пазуху. Лорду Страффорду обѣщать 20,000 ефимковъ, если онъ къ интересамъ царскаго величества покажетъ себя дѣйствительно склоннымъ. Въ Англіи уполномоченнымъ для заключенія Сѣвернаго мира назначили Витворта; кажется, онъ къ сѣвернымъ союзникамъ доброжелателенъ, ибо хотя и ласкается къ нынѣшнему торійскому министерству, но сердцемъ—вигъ; обѣщать ему тайно 50,000 ефимковъ, если онъ поможетъ заключенію мира на желаемыхъ условіяхъ. Особѣ, которая будетъ въ пересылкѣ съ лордомъ Страффородомъ, обѣщать 2,000 червонныхъ; на раздачу всѣмъ, кто будетъ помогать, царское величество назначилъ 100,000 ефимковъ[1]).

Съѣздъ уполномоченныхъ для переговоровъ о Сѣверномъ мирѣ назначенъ былъ въ Брауншвейгѣ; но конгрессъ этотъ не повелъ ни къ чему; дѣла шли по желанію царя, т.-е. очень медленно; Англія была занята внутренними дѣлами; Голландіи вовсе не хотѣлось ввязываться въ сѣверныя дѣла; ее болѣе всего безпокоила связь Англіи съ Франціею, кромѣ того еще продолжалась война у Франціи съ императоромъ. Петръ спѣшилъ пользоваться обстоятельствами. Для того, чтобъ окончательно успокоить Датское правительство и побудить его дѣйствовать наступательно противъ Шведовъ, въ 1714 году, Петръ отправилъ на помощь Долгору-

---

[1]) Дѣла Датскія 1713 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.; тамъ же дѣла Голландскія

кову въ Копенгагенъ человѣка, въ которомъ замѣтилъ большія способности и вывелъ изъ деньщиковъ въ генералъ-адъютанты,—Ягужинскаго.

Ягужинскій получилъ наказъ: пріѣхавъ въ Копенгагенъ, представлять: 1) Королевскому величеству извѣстно, что Швеція теперь оружіемъ союзниковъ почти къ паденію приведена; державы, отъ которыхъ она ждала помощи, заняты собственными дѣлами, какъ Англія, такъ и Франція; Бранденбургскій также обязался не только не поступать ко вреду союза, но и не допускать Шведовъ въ Имперію и Польшу; Штетинъ взятъ, и королевское величество и союзники его никакого другого непріятеля, кромѣ Шведовъ, опасаться не могутъ,—однимъ словомъ, Богъ даетъ намъ въ руки непріятеля, только бы мы съ благодарностію приняли; нелѣностно и между собою прямымъ общимъ сердцемъ поступали; все, что кому возможно, дѣлали безъ всякихъ претензій; для того мы просимъ у королевскаго величества совѣта, какъ удобнѣе эту войну выгоднымъ миромъ окончить, и, съ своей стороны, предлагаемъ слѣдующій совѣтъ: 2) такъ какъ нынѣшнею кампаніей Финская Земля вся у непріятеля отнята, корпусъ непріятельскій въ ней разоренъ и дошли мы до самаго *синусъ ботникусъ* (Ботническаго залива), то далѣе намъ сухимъ путемъ идти нельзя, а водою кораблей у насъ мало, мелкихъ судовъ хотя и довольно, однако на нихъ черезъ синусъ ботникусъ перейти нельзя по причинѣ непріятельской эскадры; также и королевскому величеству въ Помераніи, вслѣдствіе заключенной секверстаціи, въ будущую кампанію надъ Штральзундомъ дѣйствовать едва ли возможно; и такъ остается одно морское дѣйствіе. 3) Такъ какъ королевскому величеству другого мѣста не остается для войны, какъ Шонія, которую очень легко можетъ получить, если изволитъ склониться на нашъ совѣтъ, и не только Шонію получитъ, но и миръ, по желанію, вскорѣ заключить будетъ можно, то мы предлагаемъ 15,000 человѣкъ на своихъ морскихъ судахъ, на своихъ деньгахъ и хлѣбѣ, только бы они были подъ защитою датскаго флота. 4) Русскому флоту, по соединеніи съ датскимъ, идти къ шведскому берегу, атаковать баттареи на стокгольмскомъ фарватерѣ или высадиться на берегъ и идти прямо къ Стокгольму. 5) Такъ какъ Шведы, вслѣдствіе вступленія нашего въ Финляндію, ждутъ нападенія, и всѣ свои силы сосредоточатъ у Стокгольма, и идти къ этому городу не безъ труда будетъ, то предлагается и такой способъ: разгласивши, что идемъ къ Стокгольму, идти къ Карлскронѣ и стать флотомъ въ такомъ мѣстѣ, чтобы не выпустить кораблей изъ гавани, а *скампавсямъ* атаковать городъ; если Богъ поможетъ это сдѣлать, то прибыльнѣе будетъ Стокгольма, потому что послѣдняя шведская надежда состоитъ во флотѣ. 6) Когда эти дѣйствія начнутся, король Датскій можетъ войти въ Шонію безъ всякаго опасенія и дѣлать тамъ, что хочетъ. Непріятель тогда съ трехъ сторонъ будетъ окруженъ; флотъ флотомъ запертъ; сухопутныя войска русскія на одно изъ указанныхъ выше мѣстъ устремятся, а датскія въ Шонію войдутъ; тогда, думаю, не только захотятъ мириться, но и бланкетъ пришлютъ. 7) Такъ какъ мы тогда сами будемъ при войскахъ, то чтобы королевское величество изволилъ вручить намъ команду надъ своимъ флотомъ.—Если этихъ предложеній не примутъ, то хотя бы эскадру отъ 7 до 10 кораблей прислали на половинномъ жалованьи, и обнадежили бы, что шведскій флотъ къ намъ не пропустятъ. Если же на послѣднее не согласятся, то и эскадры не надобно; отъ нея только убытокъ, если флотъ шведскій не будетъ удержанъ, а лучше всякому воевать, какъ кто можетъ;—развѣ просить, чтобы дали отъ трехъ до пяти кораблей до окончанія войны, а потомъ мы ихъ отдадимъ, а что будетъ потеряно,—вдвое отдадимъ; если корабль пропадетъ,—новый поставимъ.

Ягужинскій, въ январѣ 1714 года, далъ знать царю, что пріѣздъ его въ Данію оказывается вреденъ: „Король ни во что одинъ не вступаетъ", писалъ Ягужинскій, „и никакимъ образомъ въ разговоръ безъ министровъ не входитъ. Случилось мнѣ, благодаря нѣкоторымъ пріятелямъ, быть позвану ужинать въ метресѣ, гдѣ и король самъ былъ, и тутъ я улучилъ часъ съ нимъ говорить и представлялъ ему всякіе неоцѣненные въ вѣчную ихъ пользу способы; но онъ на все то однимъ словомъ отвѣчалъ, что прежде всего надобно получить письменное обнадеживаніе отъ Прусскаго короля, а потомъ помочь Даніи деньгами: „Безъ того", сказалъ король, „не можемъ ничего начать; можно вамъ и самимъ разсудить, зная наше положеніе, что такъ сильно одни не можемъ дѣйствовать". Ягужинскій хотѣлъ-было продолжать свои представленія, но король, ничего не отвѣчая, ушелъ съ метресою во внутренніе покои.

„Съ министрами", писалъ Ягужинскій, „дѣло идетъ такъ гнило, что и сказать нельзя: другъ друга дрожатъ, боятся, а Выбей и говорить при людяхъ съ нами долго не хочетъ. Мой пріѣздъ сюда оказалъ болѣе помѣшки, чѣмъ пользы, ибо никакъ не хотятъ вѣрить, чтобъ я былъ присланъ безъ большихъ денегъ, и думаютъ, что мы съ княземъ Долгорукимъ крѣпимся и безъ крайней нужды денегъ имъ объявить не хотимъ". Ягужинскій указывалъ двѣ причины, почему Датчане не хотѣли слушать отъ него никакихъ предложеній относительно наступальной войны противъ Шведовъ: „Вопервыхъ, очень *влакомились* въ Голштинію, и выживать ихъ оттуда трудно; много тратятъ на содержаніе тамъ войска и потому недостаетъ у нихъ денегъ на сооруженіе флота; вовторыхъ, задерживаются добываніемъ Тёнингена, прежде взятія котораго трудно добиться у нихъ какого-нибудь рѣшенія" [1]. Когда Ягужинскій и Долгорукій добивались, какъ, по мнѣнію королевскому, царь долженъ дѣйствовать въ будущую кампанію,

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 21; I. № 21.

то имъ отвѣчали, что царь уже все получилъ отъ непріятеля, войска его въ Финляндіи прошли до самаго Ботническаго залива, и потому пусть теперь ведетъ одну оборонительную войну, а королю поможетъ деньгами на вооруженіе флота, потому что теперь нѣтъ другого способа воевать непріятеля какъ моремъ; для этого нуженъ датскій флотъ, а король не можетъ вооружить флотъ за недостаткомъ денегъ.

Царь получилъ отъ непріятеля все по близости границъ своихъ; и король спѣшилъ получить кой-что по близости, спѣшилъ взять Тёнингенъ, а между тѣмъ объявилъ на письмѣ Ягужинскому и Долгорукому, что не можетъ войскъ своихъ отозвать изъ герцогства Шлезвигскаго и Голштинскаго, пока не будетъ обезпеченъ съ нѣмецкой стороны, особенно отъ короля Прусскаго. Вѣрнѣйшій способъ для этого—ввести Прусскаго короля въ интересы сѣверныхъ союзниковъ, и такъ какъ городъ Штетинъ съ окольными землями ему очень нуженъ, то Данія, вмѣстѣ съ Россіею, будетъ согласна дать ему гарантію, но съ условіемъ, чтобъ король Прусскій порвалъ всѣ свои обязательства съ княземъ Голштинскимъ, далъ письменное удостовѣреніе, что ничего въ пользу его предпринимать не будетъ, и чтобъ взаимно гарантировалъ Даніи завоеванныя ею княжества Бременское и Верденское. Если все это будетъ исполнено, то король согласенъ сдѣлать высадку въ Шонію, но не иначе, какъ если царь поможетъ ему деньгами.

2 февраля 1714 года Тёнингенъ сдался Датчанамъ; но это событіе не облегчило царскихъ уполномоченныхъ въ веденіи переговоровъ относительно субсидій: датскіе министры требовали 400,000, кромѣ 150,000, недоплаченныхъ изъ прежнихъ субсидій; потомъ уменьшили сумму до 200,000 ефимковъ, кромѣ недоплаченныхъ, и обѣщались за это соединить свой флотъ съ русскимъ для дѣйствія у Карлскроны, причемъ царь будетъ командовать обоими флотами; сухопутнаго же войска король не можетъ вывести изъ Шлезвига и Голштиніи, опасаясь короля Прусскаго. Съ этимъ Ягужинскій и отправился назадъ въ Россію.

Между тѣмъ къ Петру, который находился въ Ригѣ, явился уже извѣстный намъ голштинскій дипломатъ Бассевичъ хлопотать объ интересахъ своего молодаго герцога.

Передъ отъѣздомъ изъ Берлина, Бассевичъ сообщилъ графу Александру Головкину о цѣли своей поѣздки, высказалъ надежду, что посредствомъ нихъ, Голштинцевъ, можетъ быть заключенъ миръ между Россіею и Швеціею, ибо король Шведскій видитъ и самъ, что при теперешнихъ обстоятельствахъ ему надобно что-нибудь уступить, кого-нибудь удовлетворить, или царя (съ условіемъ, чтобъ онъ оставилъ своихъ союзниковъ), или короля Прусскаго; что король Шведскій охотнѣе удовлетворитъ царя, потому что надѣется на его слово. Шведскій посланникъ Фризендорфъ говорилъ Головкину въ томъ же смыслѣ: „Лучше намъ удовольствовать сильнѣйшаго изъ своихъ непріятелей и съ нимъ помириться“. Но Бассевичъ пріѣхалъ въ Россію не во-время. Мы видѣли, что прежде Петръ подозрительно и неблагосклонно смотрѣлъ на голштинскихъ дипломатовъ, на этихъ маленькихъ людей, стремящихся посредствомъ интригъ заправлять большими дѣлами; а теперь этотъ взглядъ еще болѣе усилился, когда стачка Меншикова съ ними относительно померанскаго секвестра надѣлала царю столько непріятностей въ Даніи. Поведеніе Меншикова въ Помераніи усилило охлажденіе къ нему царя, и враги свѣтлѣйшаго могли дѣйствовать смѣлѣе. Послѣ, когда Пруссія уже приступила къ союзу, Меншиковъ, разговаривая съ голландскимъ резидентомъ Деби, распространился о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергался со времени возвращенія своего изъ Помераніи за секвестръ Штетина, и сказалъ: „Теперь они всѣ молчатъ; этотъ секвестръ долженъ былъ меня погубить, а теперь онъ причиною, что король Прусскій, для охраненія Штетина, столь ему дорогаго, заключилъ новый союзный трактатъ съ царскимъ величествомъ. Такъ вотъ плоды моей дурной администраціи! Что сдѣлала Данія?—ничего; только обманула царское величество!“ Но во время пріѣзда Бассевича плоды померанской администраціи еще не были видны съ хорошей стороны, и самъ Меншиковъ, для оправданія себя, долженъ былъ складывать всю вину на Флемминга, что дало поводъ врагамъ указывать на его неспособность къ дѣламъ. Петръ сказалъ Бассевичу: „Вашъ Дворъ, руководимый обширными замыслами герцога, похожъ на ладью съ мачтою военнаго корабля; малѣйшій боковой вѣтеръ долженъ потопить ее“. Когда Бассевичъ вооружался противъ Даніи, которая ведетъ себя слишкомъ недобросовѣстно и своекорыстно, стремясь овладѣть Тёнингеномъ, когда тамъ уже нѣтъ болѣе Шведовъ, то царь отвѣчалъ, что администраторъ, впустивши Шведовъ въ Тёнингенъ, нарушилъ свой нейтралитетъ и потому теперь несетъ справедливое наказаніе. Бассевичъ возразилъ: „Ихъ дѣйствительно впустили, но въ то же время и выдали“.—„Не хорошо поступили, что впустили“, отвѣчалъ царь: „еще хуже сдѣлали, что измѣнили имъ; государямъ надобно вести себя добросовѣстно“. Бассевичъ и Меншиковъ работали цѣлый день надъ составленіемъ статей, которыя, по ихъ мнѣнію, должны были понравиться царю.

Статьи были слѣдующія: 1) Чтобъ царское величество поручился, что крѣпость Тёнингенская не будетъ разорена; чтобъ герцогскому Голштинскому Дому развязаны были руки дѣйствовать; чтобъ Россія не вступалась за Данію.—На это Петръ отвѣчалъ: „О Тонингѣ, чтобъ не былъ разоренъ, къ королю Датскому писано; а что гарантировать и за своего союзника не вступаться,—того невозможно, ибо хотя-бъ интересъ не требовалъ, то данное обязательство надлежитъ хранить, понеже кто кредитъ потеряетъ, все потеряетъ“. 2) Когда Шведскій престолъ будетъ свободенъ, то царь не

только не будетъ препятствовать молодому герцогу Голштинскому занять его, но еще будетъ помогать по возможности.—*Отвѣтъ:* „Въ семъ не отрицаемся и чаемъ, что и союзникамъ нашимъ сіе противно не будетъ; только надлежитъ вѣдать намѣреніе короля Прусскаго въ томъ, безъ котораго ни во что вступать невозможно". 3) Если король Шведскій возвратится въ свое государство, и потомъ чрезъ посредство другихъ державъ послѣдуетъ общій миръ, то его царское величество обѣщаетъ усильно стараться, чтобъ завоеванныя провинціи, которыя Россія не удержитъ и Швеція назадъ не получитъ, отданы были герцогу Голштинскому.—*Отвѣтъ:* „Будемъ стараться, чтобъ Финляндію сему принцу получить; но чтобъ и его свѣтлость, со своей стороны, въ томъ такожь обще помогъ". 4) Если король Шведскій останется безъ наслѣдниковъ, то царское величество обѣщаетъ постоянно хлопотать за герцога Голштинскаго, и входитъ съ герцогскимъ Домомъ въ сношенія насчетъ мѣръ, какими должно доставить герцогу Шведскій престолъ.—*Отвѣтъ:* „О возстановленіи молодаго принца на престолъ Шведской уже объявлено во второмъ пунктѣ; а чтобъ зарань о томъ какой договоръ чинить—кажется не прилично, понеже король, ради молодости своей, еще отъ натуральной смерти далекъ". 5) Если герцогъ Голштинскій получитъ Шведскій престолъ, то царское величество обѣщаетъ и наслѣдственныя его земли присоединить къ Швеціи и въ этомъ дѣлѣ не ставить никакого препятствія, чтобы со стороны герцога можно было Россію и другія заинтересованныя державы скорѣе въ другомъ удовольствовать.—*Отвѣтъ:* „Сей пунктъ есть зѣло деликатной (къ тому-жь и король Швецкой еще живъ) и сенсъ онаго зѣло на тонкихъ ногахъ носитъ свое сѣдалище". За эти услуги со стороны царскаго величества администраторъ голштинскій за себя и за молодаго герцога обѣщаетъ: 1) Заключается вѣчный союзъ между Голштиніею и Россіею и утверждается бракомъ молодаго герцога со старшею принцессою, дочерью царскаго величества.—*Отвѣтъ:* „За первое благодарствуемъ; что же принадлежитъ о супружествѣ, и то до возраста отложить, ибо хотя я отецъ, однакоже безъ воли ея того учинить невозможно". 2) Бракъ долженъ состояться во всякомъ случаѣ; но если герцогъ не получитъ ни Шведской короны, ни завоеванныхъ провинцій, то царское величество обязывается дать достаточное приданое, настоять на очищеніе Голштинскихъ владѣній, не помогать Даніи.—*Отвѣтъ:* „Что принадлежитъ между Даніею и Голштиніею, о томъ удобнѣе на Брауншвицкомъ конгрессѣ опредѣлить, ибо сіе дѣло не зѣло до насъ касается, яко отдаленныхъ; а чтобы королю Датскому не помогать, то уже выше отказано, ибо лучше можетъ видѣть, что мы отъ союзниковъ оставлены будемъ, неже мы ихъ оставимъ, ибо гоноръ пароля дражая всего есть". 3) Съ герцогской стороны обѣщается, если молодой герцогъ получитъ Шведскую корону, то дастъ царскому величеству на выборъ: либо Ингрію и Карелію отъ Выборга до Нарвы, либо Лифляндію и Эстляндію; то или другое непремѣнно уступлено будетъ Россіи. *Отвѣтъ:* „О Ингріи и Кареліи, яко изначала россійскихъ провинцей, упоминать не надлежитъ, которыя никогда за Шведами не были, пока генералъ Делагардій оныя вмѣсто помочи противъ Поляковъ, вшедъ дружески, въ три года войною отобралъ; къ тому же сей пунктъ есть сѣть: на что ни соизволить—зла не миновать, ибо ежели одна Ингрія останется, а непріятель получитъ Эстляндію и Финляндію, то ради узкости моря Финскаго и фортецій съ обѣихъ сторонъ—Ревеля и Гельсингфорса, въ его волѣ будетъ нашъ форватеръ, чрезъ что повелителемъ будетъ намъ; буде же Лифляндію и Эстляндію удержать, а Ингрію отдать, то отрѣзаны будемъ отъ Россіи". 4) Со стороны Голштиніи обѣщается также: удовольствовать Прусскаго короля и склонить его къ тому, чтобъ помогъ молодому герцогу получить престолъ Шведскій; если герцогъ получитъ этотъ престолъ, то уступить городъ Висмаръ герцогу Мекленбургскому, за котораго царское величество можетъ выдать одну изъ своихъ племянницъ; Бременъ и Верденъ будутъ уступлены князю-администратору голштинскому; такимъ образомъ интересъ сосѣдей будетъ охраненъ, Швеція не усилится чрезъ присоединеніе къ ней наслѣдственныхъ земель герцога Голштинскаго, напротивъ - ослабѣетъ вышеозначенными уступками, и царскому величеству нечего будетъ ея болѣе опасаться. *Отвѣтъ:* „Здѣсь ясно явилось, чтобъ мы не только тамъ короля Датскаго утѣснили, что когда молодой князь будетъ королемъ Шведскимъ, то чтобы и княжество свое удержалъ (что чаю никто не допуститъ); но Бременъ и Верденъ, которые Датскій король завоевалъ, у него изъ рукъ отнять, и на весь свѣтъ показать, какъ мы своихъ союзниковъ трактуемъ. Сею негоціаціею хотятъ съ Датскимъ Дворомъ разлучить, чтобъ мы вѣчный интересъ нашъ противъ всегдашняго непріятеля сами опровергнули". 5) Наконецъ, со стороны голштинской обѣщается царскому величеству позволить для большаго обезпеченія настоящихъ обязательствъ, войска русскія, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, ввести въ Тёнингенъ, и держать эту крѣпость, подъ видомъ секвестра, до совершеннолѣтія герцога. *Отвѣтъ:* „Сего учинить невозможно, понеже мы обязались всѣ прогрессы въ Нѣмецкой Землѣ чинить съ воли своихъ союзниковъ".

Заподозривъ въ предложеніяхъ Бассевича намѣреніе разорвать союзъ между Россіею и Даніею, Петръ рѣшился „все сіе возвратить паки въ тое скрыну (ящикъ), отколѣ вынято". Царь сказалъ Бассевичу: „Если Швеція купитъ дружбу Даніи уступкою Бременской области, дружбу Пруссіи уступкою Штетина, и послѣ того все обратится противъ меня, да еще при посредствѣ васъ, голштинскихъ интригантовъ?—Причины ваши хороши; но у меня есть свои, лучше: было бы недостойно

меня притѣснять союзника (Датскаго короля), который вступаетъ въ переговоры для исправленія своихъ ошибокъ". Эти слова царя объясняются тѣмъ, что еще въ началѣ 1714 года въ Петербургѣ было получено предостереженіе отъ князя Куракина изъ Гаги. Самая знатная и достовѣрная персона подъ великимъ секретомъ сообщила Куракину о цѣляхъ посольства Бассевича, какъ именно онѣ высказались въ его предложеніяхъ. Таинственная персона прибавила, что предложенія Бассевича заключаютъ въ себѣ коварство, Голштинскій Дворъ не имѣетъ прямаго намѣренія привести предлагаемыя дѣла къ окончанію, а только хочетъ заставить царя покинуть датскій союзъ; кромѣ того, этими фальшивыми переговорами Голштинцы стараются озлобить противъ царя старое шведское дворянство, которое хочетъ, мимо герцога Голштинскаго, передать престолъ младшей сестрѣ Карла XII, Ульрикѣ-Элеонорѣ. Та же таинственная персона сообщила Куракину о новомъ трактатѣ при Дворѣ Прусскомъ и объ интригахъ графа Флемминга. Прусскій король обязывался дать Карлу XII въ помощь 40,000 войска, чтобъ Швеція могла отобрать всѣ свои владѣнія у Россіи и Даніи, и сверхъ того завоевать у послѣдней Норвегію, а Карлъ XII за это долженъ уступить Пруссіи Штетинъ съ округомъ; Пруссія получитъ также Эльбингъ и польскую Пруссію отъ короля Августа II, котораго за это Карлъ XII признаетъ Польскимъ королемъ.—Бассевичу было объявлено, чтобъ онъ выѣзжалъ изъ Россіи, что тотъ и исполнилъ 20 апрѣля. Долгорукій долженъ былъ объявить объ этомъ при Датскомъ Дворѣ и прибавить, что царское величество ожидаетъ подобныхъ же поступковъ и со стороны короля въ случаѣ какихъ-нибудь непріязненныхъ для союза предложеній. Но этими ожиданіями ограничиться было нельзя, и, черезъ три дня по отъѣздѣ Бассевича, Петръ написалъ королю Фридриху IV, что согласенъ дать ему на вооруженіе флота 150,000 рублей и, кромѣ того, помогать провіантомъ. Петръ уговаривалъ короля дѣйствовать всѣми силами на шведскихъ берегахъ, тѣмъ болѣе что въ прошлую кампанію датскія войска находились въ бездѣйствіи. Царь извѣщалъ, что онъ удерживаетъ Прусскаго короля отъ всякихъ непріязненныхъ намѣреній; король Фридрихъ-Вильгельмъ далъ письменное обнадеживаніе, что ничего не предприметъ ко вреду Сѣвернаго союза; однако онъ, царь, этимъ обнадеживаніемъ не довольствуется именно потому, что въ немъ ничего не упомянуто о голштинскомъ дѣлѣ. Обѣщая стараться о дальнѣйшихъ, болѣе вѣрныхъ обезпеченіяхъ со стороны Пруссіи, царь требовалъ, чтобъ король Датскій дѣйствовалъ за это усиленно противъ Швеціи, потому что Шведы, не видя для себя опасности со стороны Даніи, обращаютъ теперь всѣ свои силы противъ Россіи. Письмо оканчивалось угрозою, что если Датчане не сдѣлаютъ диверсіи въ Швецію, то и Россія не будетъ болѣе сдерживать Прусскаго короля.

„Денегъ 150,000 рублей мало и время уже позднее":—былъ отвѣтъ Долгорукому отъ короля и министровъ.—„По всѣмъ здѣшнимъ поступкамъ видится, что намѣрены нынѣшнюю кампанію пробыть безъ дѣйствія": писалъ князь Василій Лукичъ къ своему Двору. Царь не давалъ денегъ; а посланникъ англійскій всѣми способами старался внушить королю, какъ опасно для Даніи усиленіе Россіи на Балтійскомъ морѣ; тѣ же внушенія повторялъ и секретарь французскаго посольства. Россія можетъ быть опасна на морѣ; но все же она не такъ опасна, какъ Швеція, врагъ извѣчный, противъ котораго Россія естественная союзница. Этотъ взглядъ сильно противодѣйствовалъ внушеніямъ со стороны Англіи и Франціи; а тутъ еще явились новые союзники.

Въ апрѣлѣ 1714 года, когда князь Куракинъ пріѣхалъ въ Ганноверъ, здѣшній министръ Бернсторфъ объявилъ ему слѣдующее: „Курфюрсту давно уже извѣстны намѣренія царскаго величества отнять у Швеціи ея германскія владѣнія. Курфюрстъ очень къ этому склоненъ; но такъ какъ дѣло не можетъ быть окончено безъ согласія короля Прусскаго, то Берлинскому Двору недавнимъ временемъ внушено, что Пруссія сколько ни трудилась чрезъ Англію и Францію удержать за собою Штетинъ съ округомъ, однако до сего времени получить желаемаго не могла, много было дано ей обѣщаній, и ни одно не исполнено, и потому курфюрстъ совѣтуетъ Прусскому королю войти въ соглашеніе съ сѣверными союзниками и съ Ганноверомъ и склонить Вѣнскій Дворъ къ тому, чтобъ отнять у Шведовъ всѣ владѣнія, находящіяся въ имперіи, и подѣлить ихъ между владѣльцами германскими. Прусскій Дворъ объявилъ свое согласіе на это предложеніе, и въ Ганноверѣ составили слѣдующій планъ дѣлежа. король Прусскій возьметъ Штетинъ съ округомъ, курфюрстъ Ганноверскій—Бременъ и Верденъ, король Датскій—Шлезвигъ, а герцогу Голштинскому за потерю Шлезвига дать земли, которыя бы приносили до 100,000 дохода. Если союзъ состоится, то короли Прусскій и Датскій станутъ добывать Штральзундъ, а курфюрстъ Ганноверскій—Висмаръ; укрѣпленія Висмара должны быть разорены, и самый городъ отданъ герцогу Мекленбургскому. Въ Россіи это предложеніе чрезвычайно понравилось: Головкинъ писалъ къ русскимъ министрамъ за-границу, чтобъ вездѣ помогали приведенію его въ исполненіе. Русскій посланникъ въ Ганноверѣ, Штейницъ, даже давалъ знать, что, и въ случаѣ упорства Датчанъ, Ганноверскій Дворъ согласенъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Россіею и Пруссіею.

Въ концѣ іюля Куракинъ, находясь въ Гагѣ, получилъ новое неожиданное предложеніе: французскій посолъ при Голландскихъ Штатахъ, маркизъ Шатонёфъ пріѣхалъ къ нему и объявилъ, что король его и другія державы много трудились для потушенія Сѣверной войны, но понапрасну, вслѣдствіе препятствій съ обѣихъ враждующихъ сторонъ, особенно же

со стороны Шведскаго короля. Но теперь Карлъ XII рѣшился заключить отдѣльный миръ съ Россіею и обратился къ Французскому королю съ просьбою помирить его съ царемъ. Куракинъ, поблагодаривъ посла за доброе намѣреніе, обѣщалъ донести своему Двору о его предложеніи, замѣтилъ только, что если короли Датскій и Польскій будутъ исключены изъ мирныхъ переговоровъ, то война не кончится и желаніе Людовика XIV успокоить всю Европу не исполнится. Шатонёфъ отвѣчалъ, что король Шведскій старается прежде всего помириться съ царемъ, который въ состояніи сдѣлать ему и зло и добро; а съ другими королями легко можно найти средства помириться. По указу отъ своего Двора, Куракинъ отвѣчалъ Шатонёфу, что царскому величеству небезопасно принять предложеніе Людовика XIV, потому что министры его христіаннѣйшаго величества при Портѣ, и во время переговоровъ съ Цезаремъ, и, наконецъ, при Прусскомъ Дворѣ дѣйствовали постоянно въ пользу Швеціи. Царское величество никогда не отказывался отъ добраго и прибыточнаго мира съ короною Шведскою, только миръ этотъ долженъ быть заключенъ сообща съ союзниками. Для покинутія своихъ союзниковъ и заключенія отдѣльнаго мира причины важной нѣтъ; если же Французскому Двору извѣстно, что союзники царскаго величества искали или ищутъ отдѣльнаго мира, то пусть посолъ объявитъ объ этомъ: и тогда царское величество, смотря по обстоятельствамъ, можетъ свое намѣреніе объявить. Шатонёфъ сказалъ на это, что обо всемъ донесетъ своему Двору; что же касается до дѣйствій французскихъ министровъ въ пользу Швеціи, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, они поступали безъ указа.

Смерть Англійской королевы Анны и вступленіе на Англійскій престолъ Ганноверскаго курфюрста Георга имѣли важное вліяніе на ходъ описываемыхъ событій. Связь Англіи съ Франціею порвалась, и ганноверскій планъ дѣйствія противъ Шведовъ получилъ особенное значеніе вслѣдствіе новаго положенія, пріобрѣтеннаго Ганноверскимъ курфюрстомъ.

Для улаженія дѣла по ганноверскому предложенію, отправился въ Лондонъ князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, хотя здѣсь былъ резидентъ баронъ Шакъ, смѣнившій Фонъ-деръ-Лита. По словамъ голландскаго резидента при Петербургскомъ Дворѣ Деби, Шакъ, былъ отстраненъ по причинѣ ревности и ненависти Русскихъ къ иностранцамъ; по той же причинѣ и баронъ Левенвольдъ не былъ отправленъ посломъ въ Вѣну. Но иначе объясняетъ дѣло князь Куракинъ, который, по пріѣздѣ въ Лондонъ, писалъ Головкину: „Какъ господинъ Шлейницъ (русскій посланникъ въ Ганноверѣ), такъ и баронъ Шакъ ищутъ, чтобъ быть при Англійскомъ Дворѣ, и потому каждый изъ нихъ присылаетъ доношенія въ самомъ обнадеживательномъ тонѣ, пишутъ то, чего я ни отъ кого не слышу; если ихъ доношенія окажутся вѣрными, то прошу, чтобъ они тѣ дѣла и оканчивали; а если мнѣ дѣлать, то чтобъ другіе не вмѣшивались". Въ декабрѣ Куракинъ писалъ: „Говорилъ мнѣ баронъ Шакъ, что желаетъ скоро уѣхать отсюда въ Голштинію для своихъ частныхъ дѣлъ, и требовалъ на то отъ меня согласія; я согласія не далъ, а отдалъ на его волю, потому что незадолго предъ тѣмъ увѣдомился я объ его тайныхъ происках при здѣшнемъ Дворѣ,—ищетъ онъ какимъ бы то ни было образомъ вмѣшаться въ извѣстные переговоры съ Датскимъ Дворомъ и чрезъ это остаться здѣсь на своемъ прежнемъ постѣ; третьяго-дня ганноверскій министръ Роптамъ пріѣзжалъ ко мнѣ и говорилъ, что баронъ Шакъ переписывается съ первымъ датскимъ министромъ Выбеемъ и надѣется чрезъ его посредство склонить Датскаго короля къ уступкѣ Бремена королю Англійскому; для этого-то Шакъ теперь и ѣдетъ въ Данію. Я отвѣчалъ, что баронъ Шакъ вступаетъ въ дѣло какъ частное лицо, а не какъ министръ царскаго величества,—и въ томъ его воля; но такъ какъ онъ еще не взялъ увольненія отъ службы, то слѣдовало бы ему обо всемъ сноситься со мною; и при Датскомъ Дворѣ находится посолъ князь Долгорукій, который пользуется большимъ уваженіемъ не только со стороны министровъ, но и самаго короля, и я надѣюсь, что онъ въ состояніи уладить дѣло такъ же хорошо, какъ и баронъ Шакъ. Я не сомнѣваюсь, что Лондонскій Дворъ будетъ предлагать царскому величеству оставить Шака здѣсь; но я, по своей должности, доношу, что здѣсь лучше быть министру изъ Русскихъ, и потому, что теперь къ интересамъ царскаго величества присоединились дѣла имперскія, причемъ иностранцы имѣютъ собственные свои интересы; и потому, что здѣсь Англичанамъ министръ изъ Русскихъ пріятнѣе, чѣмъ изъ Нѣмцевъ; наконецъ важныхъ дѣлъ здѣсь никогда не будетъ; если что и случится, то попрежнему будетъ трактовано или въ Гагѣ, или въ Брауншвейгѣ."—Несмотря на эти представленія, Шакъ возвратился изъ Копенгагена въ Лондонъ съ прежнимъ значеніемъ, и оставался здѣсь до половины 1716 года, когда былъ смѣненъ Ѳедоромъ Веселовскимъ.

Переговоры о приведеніи въ дѣйствіе ганноверскаго плана затянулись по упорству Даніи, которая хотѣла все вознагражденіе герцогу Голштинскому сложить насчетъ Ганновера; также не соглашалась отдать Бремена и Вердена Ганноверу до общаго мира; Датчане боялись, что курфюрстъ Ганноверскій, выманивъ у нихъ себѣ Бременъ и Верденъ, войдетъ въ соглашенія съ Швеціею, чтобъ та уступила ему эти города [1]).

Такимъ образомъ, 1714 годъ прошелъ безъ военныхъ дѣйствій со стороны Даніи; о Саксоніи и слуху не было: между правительствами Саксонскимъ и Датскимъ господствовало сильнѣйшее несогласіе,—оба упрекали другъ друга въ поступкахъ, противныхъ дружбѣ и союзу. Объ отношеніяхъ

[1]) Дѣла Датскія 1714 г. въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.; Записки Бассевича, напечат. въ Русскомъ Архивѣ 1865 года.

Саксоніи и Польши къ Россіи мы уже знаемъ. Петръ долженъ былъ одинъ вести войну, театромъ которой была попрежнему Финляндія. Въ февралѣ 1714 года князь Мих. Мих. Голицынъ поразилъ генерала Армфельда у Вазы; Выборгскій губернаторъ, полковникъ Шуваловъ, покончилъ покореніе Финляндіи взятіемъ крѣпости Нейшлота. Но самую большую радость доставила Петру побѣда, которую онъ самъ одержалъ надъ шведскимъ флотомъ при мысѣ Гангудѣ (Ганго-Уддъ), между Гельсингфорсомъ и Або, 25 іюля; непріятельскій контръ-адмиралъ Эреншельдъ съ фрегатомъ и десятью галерами попался въ плѣнъ. Петръ овладѣлъ островомъ Аландомъ, что навело ужасъ на Швецію, ибо Аландъ находится только въ 15 миляхъ отъ Стокгольма. Царь съ небывалымъ торжествомъ возвратился въ *парадизъ*, и былъ въ Сенатѣ провозглашенъ вице-адмираломъ. Не такъ счастливъ былъ генералъ-адмиралъ Апраксинъ, который съ галернымъ флотомъ много потерпѣлъ осенью отъ бури; онъ самъ разсказывалъ голландскому резиденту Деби, что болѣе четырехъ недѣль испытывалъ постоянныя бури и страдалъ отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что у него самого не было хлѣба на столѣ; передъ его глазами погибло много судовъ съ людьми. „По крайней мѣрѣ меня утѣшаетъ то“, говорилъ Апраксинъ, „что эти бѣдствія ниспосланы были мнѣ Богомъ, а не потерпѣлъ я ихъ отъ непріятелей царскаго величества“. Всего потонуло 16 галеръ, а людей погибло около 300 человѣкъ [1]).

Царь долженъ былъ торопиться рѣшительными дѣйствіями, пріобрѣтеніемъ какъ можно болѣе выгодъ предъ непріятелемъ, ибо давно уже начали ходить слухи о возвращеніи Карла XII изъ Турціи. Слухи оправдались въ ноябрѣ 1714 года: Карлъ неожиданно явился въ Штральзундѣ. Немедленно отправился туда голштинскій администраторъ Христіанъ-Августъ и представилъ Карлу своего знаменитаго министра Гёрца. Послѣ долгаго разговора, Гёрцъ вышелъ изъ королевскаго кабинета министромъ и любимцемъ Карла XII. Для Гёрца, на котораго дурно смотрѣли при всѣхъ Дворахъ, единственнымъ средствомъ спасенія оставалось овладѣть довѣренностію Карла; сдѣлать это было не трудно, ибо Карлъ возвратился съ неодолимымъ желаніемъ поднять свое падшее значеніе, а средствъ для этого при совершенномъ истощеніи Швеціи не было; у Гёрца достало смѣлости и таланта представить ему, что средства есть, что можно повернуть политическія отношенія Европы въ благопріятную для Швеціи сторону, и Карлъ предался чародѣю. Но въ то время, когда сѣвернымъ союзникамъ начало грозить не оружіе Карла XII, а интрига Гёрца,—что они дѣлали для того, чтобы противодѣйствовать ей большимъ скрѣпленіемъ своего союза?

[1]) Гисторія Свейской войны; Weber — «Das Veränderte Russland», I, 25, Донесеніе Голландскихъ резидентовъ.

Начало 1715 года застало союзниковъ все еще въ переговорахъ объ „Англійскомъ дѣлѣ“, т.-е. о союзѣ съ курфюрстомъ Ганноверскимъ, теперь королемъ Англійскимъ Георгомъ I-мъ. Долгорукій въ конференціяхъ съ датскими министрами истощалъ всѣ средства увѣщанія, чтобъ склонить ихъ къ соглашенію съ королями Англійскимъ и Прусскимъ, представлялъ всю пользу отъ союза, всѣ опасности въ случаѣ, если онъ будетъ отвергнутъ. „Съ одними своими датскими войсками“, говорилъ Долгорукій, „вы не отвратите Шведовъ отъ нападенія на голштинскіе рубежи, особенно если у Карла XII будутъ союзники и если онъ высадитъ изъ Шоніи войска въ Зеландію. Если вы не примете предложенія короля Англійскаго, то Карлъ XII уступитъ ему Бременъ, Прусскому королю отдастъ Штетинъ —и тѣмъ привлечетъ ихъ на свою сторону противъ Сѣвернаго союза“. Министры отвѣчали, что король и они видятъ очень хорошо пользу отъ соглашенія съ Англійскимъ королемъ; но дѣло въ томъ, что эту пользу надобно купить убыткомъ, падающимъ на одного короля Датскаго, который долженъ отдать всѣ свои завоеванія, а награда за это—въ невѣрномъ будущемъ. Чтобъ сдѣлать министровъ склоннѣе къ англо-прусскому союзу, Долгорукій обѣщалъ имъ деньги. Надобно было спѣшить дѣломъ, потому что Франція предложила свое посредничество для соглашенія Пруссіи и Швеціи, и Пруссія соглашалась принять это посредничество. Головкинъ въ Берлинѣ спрашивалъ Ильгена, для чего они такъ торопятся принятіемъ французскаго посредничества,—никакой крайности въ томъ нѣтъ, лучше пообождать, пока окончатся переговоры объ англійскомъ союзѣ, а между тѣмъ можно хорошенько разсмотрѣть дѣло, нѣтъ ли какихъ хитростей со стороны Французскаго Двора. Ильгенъ отвѣчалъ, что, принявши посредничество, они будутъ медлить переговорами до окончанія англійскаго дѣла, и если это дѣло состоится, то они непремѣнно объявятъ войну Швеціи; если же не состоится, то они поневолѣ должны будутъ принять посредничество, ибо не могутъ стоять противъ такого сильнаго государя, какъ король Французскій. Французское посредничество впрочемъ не было принято Пруссіею, потому что императоръ выразилъ Берлинскому Двору свое неудовольствіе по этому случаю. Уговаривая Данію къ новому союзу, Русскій Дворъ старался и объ утвержденіи стараго между Даніею и Саксоніею; посланникъ короля Августа также хлопоталъ объ этомъ въ Копенгагенѣ; но король Фридрихъ смотрѣлъ на это стараніе какъ на новое коварство со стороны Саксонскаго Двора, притомъ въ Даніи ни во что ставили саксонскія войска, и думали, что между королями Польскимъ и Шведскимъ заключенъ былъ тайный миръ. Въ февралѣ 1715 года англійское дѣло было наконецъ рѣшено въ Даніи, которая согласилась уступить королю Георгу Бременъ и Верденъ. Но въ мартѣ датскіе министры забили тревогу, объявили Долгорукому, что король Прус-

скій не хочетъ вступить въ союзъ, не хочетъ изъ-за Штетина воевать со Шведами; что въ такомъ случаѣ Данія и Ганноверъ, если бы даже и вошли другъ съ другомъ въ соглашенія, одни не могутъ ничего сдѣлать противъ Шведовъ, и потому скорая и дѣятельная помощь царя необходима для охраненія датскихъ границъ; видя движеніе русскихъ войскъ, и король Прусскій скорѣе склонится къ союзу: то же самое повторилъ посланнику и самъ король. Долгорукій, видя всеобщій страхъ, старался успокоить короля, представлялъ, что тутъ одно изъ двухъ: или Прусскій Дворъ нарочно отговаривается отъ союза, желая вынудить себѣ еще что-нибудь, и потому надобно посмотрѣть, можетъ быть, требованіе такое, что ему и удовлетворить можно; или король Прусскій, чрезъ посредство Франціи, прекратитъ всѣ несогласія съ Швеціею; но даже и въ этомъ случаѣ опасность еще не очень велика, ибо нельзя предполагать, чтобъ Пруссія рѣшилась заключить наступательный союзъ съ Швеціею, а при нейтралитетѣ Пруссіи, Даніи съ Ганноверомъ легко можно принудить Швецію къ миру. Король соглашался съ этимъ, но твердилъ прежнее, что русская помощь необходима, и датскіе министры приступали къ Долгорукому съ требованіемъ, чтобъ русскія войска поскорѣе входили въ Померанію для дѣйствія въ одно время и противъ Висмара, и противъ Штральзунда. Но у Долгорукаго было свое предложеніе о необходимости соединить датскій флотъ съ русскимъ, чтобъ окончательно очистить Балтійское море отъ шведскихъ кораблей, дать полную безопасность торговымъ судамъ, обезопасить Померанію и самыя датскія владѣнія отъ высадки шведскихъ войскъ. Министры отвѣчали, что соединеніе датскаго и русскаго флота возможно только тогда, когда англійскій флотъ явится въ Балтійскомъ морѣ и запретъ шведскій флотъ въ Карлскронѣ. Послѣ этихъ разговоровъ пріѣхалъ къ Долгорукому отъ короля полковникъ Мейеръ, и сталъ говорить, какъ будто отъ себя, что царское величество обѣщалъ королю нѣкоторую сумму денегъ,—такъ нельзя ли написать, чтобъ деньги были выданы: королю въ нихъ крайняя нужда, нечѣмъ будетъ содержать русскихъ войскъ, которыя придутъ въ Померанію. „Мнѣ нельзя объ этомъ писать", отвѣчалъ Долгорукій; „я знаю, что царскому величеству нужны деньги вслѣдствіе такихъ огромныхъ убытковъ отъ войны; могу написать только въ такомъ случаѣ, если король согласится на соединеніе своего флота съ русскимъ". Долгорукій не говорилъ никому, что ему велѣно обѣщать деньги и домогаться о соединеніи флотовъ, чтобъ „Датчанъ тѣмъ не вздорожить". Датчане твердили прежнее, что до прибытія англійскаго флота нельзя думать о соединеніи русскаго и датскаго флотовъ. Но Долгорукій, ясно понимая дѣло, не возлагалъ большихъ надеждъ на англійскій флотъ; онъ писалъ царю: „Хотя король Англійскій и объявилъ войну, но только какъ курфюрстъ Ганноверскій, и флотъ англійскій идетъ для охраненія своихъ купцовъ; если шведскій флотъ пойдетъ противъ флота вашего величества, то нельзя думать, чтобъ Англичане вступили въ бой со Шведами, потому что Англія противъ Швеціи войны не объявила. И то еще неизвѣстно, захочетъ ли англійскій народъ, чтобъ флотъ его какимъ-бы то ни было способомъ участвовалъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ, и не противно-ль англійскому народу видѣть Швецію въ крайнемъ разореніи. Недавно Англичане дѣйствовали усердно въ пользу Швеціи; положимъ, что новый король можетъ отчасти удержать отъ этого свой народъ; но заставить его явно дѣйствовать противъ Швеціи,—это королю Англійскому будетъ трудно, особенно, когда онъ получилъ корону еще недавно и внутри государства сильное несогласіе. Изъ этого заключаю, что флотъ англійскій въ явныя дѣйствія противъ Швеціи не вступитъ".

Между тѣмъ графъ Александръ Головкинъ хлопоталъ въ Берлинѣ, чтобъ ввести Пруссію въ Сѣверный союзъ. Здѣшнее правительство было въ крайне затруднительномъ положеніи: и сильно хотѣлось получить Штетинъ, и страшно было начать войну съ Швеціею, которой грозилась помогать Франція; не хотѣлось также гарантировать Даніи Шлезвигъ, чего требовали Ганноверъ и Данія; не хотѣлось и давать продовольствія русскому войску, которое должно было дѣйствовать въ Помераніи. Главнымъ виновникомъ нерѣшительности короля въ приступленіи къ Сѣверному союзу былъ министръ Ильгенъ. Головкинъ, видя, что король „на разговорахъ долгихъ скучаетъ и мало выслушиваетъ, а Ильгенъ иногда въ другомъ разумѣ королю доноситъ", и, воспользовавшись извѣстіемъ изъ Вѣны, что императоръ недоволенъ поступками Шведскаго короля, отправилъ въ апрѣлѣ въ Потсдамъ королю письмо: „Вашему величеству представляется теперь такой случай для пріобрѣтенія вѣчной славы и для приращенія вашихъ государствъ, какого, можетъ быть, въ продолженіи многихъ вѣковъ не будетъ", писалъ Головкинъ. „Ваше величество помните, сколько труда предки ваши приложили для полученія Штетина, а теперь ваше величество легко его получить можете, уже дѣйствительно имъ владѣя; удержать на-вѣки его легко посредствомъ обязательства съ царскимъ величествомъ, государемъ моимъ. Ваше величество разсудитъ, что когда Великобританскій король объявитъ войну Швеціи, то Карлъ XII будетъ принужденъ вести оборонительную войну, не думая о наступительной. Хотя Цесарь явно еще не объявляетъ себя въ пользу Сѣвернаго союза, однако въ своихъ циркулярныхъ грамотахъ признаетъ непримиримый и *ссоролюбивый* нравъ Шведскаго короля, который если не будетъ низложенъ оружіемъ, никогда не дастъ покоя имперіи. Съ другой стороны, Франція такъ истощила свои силы, что не можетъ ничего сдѣлать въ пользу Швеціи; а имперскіе князья, дружные со Швеціею, не посмѣютъ тронуться, увидя къ ней нерасположеніе императора. Итакъ вашему величеству нѣтъ ни-

какой опасности приступить къ Сѣверному союзу, чѣмъ пріобрѣтете вѣчную славу, превзойдете ею предковъ своихъ, заслужите уваженіе цѣлаго свѣта и получите для потомства такую пользу, которая приведетъ ваши государства и подданныхъ въ совершенное благополучіе. Слѣдуетъ разсудить и то, что такъ какъ ваше величество уже нѣкоторую противность Шведскому королю показали, то ничего другого отъ него ожидать не можете, кромѣ мщенія, которымъ онъ грозитъ своимъ непріятелямъ и ложнымъ друзьямъ, какъ выражается. Поэтому ничего лучше не можете сдѣлать, какъ при нынѣшнемъ удобномъ случаѣ довершить то, чему положено доброе начало".

Письмо не осталось безъ дѣйствія. Прежде всего король объявилъ, что пойдетъ съ войскомъ въ Померанію. Министры испугались такой безразсудной, по ихъ мнѣнію, рѣшимости короля идти съ войскомъ, не условясь прежде съ членами Сѣвернаго союза. Самъ Ильгенъ началъ теперь хлопотать въ пользу соглашенія съ Даніею и Ганноверомъ, разсуждая, что если это соглашеніе не состоится, а Прусскій король, находясь въ Помераніи, какъ-нибудь столкнется съ Шведами, то вся тяжесть войны обрушится на одну Пруссію. Въ то же время Ильгенъ объявилъ французскому посланнику, что такъ какъ посолъ шведскій до сихъ поръ не далъ Прусскому королю никакого объясненія на многія его требованія и только старается провести Прусскаго короля, то послѣдній больше ждать не будетъ и приметъ свои мѣры. Съ другой стороны, англійскій посланникъ объявилъ прусскимъ министрамъ, что по извѣстіямъ изъ Франціи прусскій посланникъ въ Парижѣ дѣлаетъ какія-то предложенія Французскому Двору; но такъ какъ нельзя вести переговоры съ обоими Дворами вмѣстѣ, то Англійскій король спрашиваетъ въ послѣдній разъ, хочетъ ли Прусскій король вступить съ нимъ въ извѣстное соглашеніе, потому что Англійскій король больше дожидаться не можетъ. Наконецъ Карлъ XII покончилъ всѣ колебанія въ Берлинѣ, начавши непріятельскія дѣйствія противъ Пруссаковъ въ Помераніи. „Я уже теперь больше молчать не могу", сказалъ король Головкину, „и буду отплачивать тѣмъ же; а Французы меня чуть-чуть не обманули; если бы я ихъ послушалъ и только десять дней промедлилъ, то дался бы въ обманъ; теперь ни на кого такъ не надѣюсь, какъ на царское величество, а главное—питаю особенную любовь къ персонѣ его царскаго величества". Эта любовь усиливалась враждою къ королю Шведскому, который не только началъ вытѣснять Пруссаковъ изъ Помераніи, но и презрительно отозвался о Прусскомъ королѣ и прусскомъ войскѣ.

Въ половинѣ мая союзный договоръ съ Пруссіею былъ наконецъ подписанъ. Согласились, что короли Англійскій, Датскій и Прусскій пошлютъ отряды своихъ войскъ для осады Висмара, а между тѣмъ сами короли Датскій и Прусскій будутъ дѣйствовать въ Помераніи. Но представленія Долгорукаго о соединеніи флотовъ попрежнему не имѣли никакого дѣйствія: адмиралы объявили, что если послать флотъ три мили за Борнгольмъ, то это все равно, что его сжечь и все Датское государство ввергнуть въ крайнюю опасность. Англійскій флотъ явился въ Балтійское море; но, вмѣсто того, чтобъ запереть шведскій флотъ въ Карлскронѣ, какъ было обѣщано Датскому правительству, отправился къ Данцигу, Кенигсбергу, къ Ригѣ и Ревелю, намѣреваясь у всѣхъ этихъ мѣстъ оставить по два корабля для безопасности англійскому купечеству. Видя, что нѣтъ никакой надежды на соединеніе флотовъ, Долгорукій требовалъ, по крайней мѣрѣ, чтобъ датскій флотъ заперъ шведскій флотъ въ Карлскронѣ; но ему отвѣчали, что это можетъ быть исполнено только при помощи англійскаго флота. Между тѣмъ настаивали на посылку русскихъ войскъ въ Померанію. Долгорукій давалъ знать въ Петербургъ, что это будетъ напрасный трудъ и убытки, потому что короли Датскій и Прусскій имѣютъ достаточно войска. Одинъ изъ министровъ сказалъ Долгорукому: „Король очень печалится и сомнѣвается, что царское величество не хочетъ сдѣлать для него такой милости, прислать своихъ войскъ". Долгорукій засмѣялся и сказалъ: „Царскому величеству еще печальнѣе и сомнительнѣе, что король не хочетъ послать ему своего флота, безъ котораго царское величество никакой пользы союзу принести не можетъ". На это министръ замѣтилъ, что царь, имѣя до 27 линейныхъ кораблей, можетъ легко дѣйствовать противъ 9 кораблей шведскихъ.

Въ іюлѣ короли Датскій и Прусскій осадили Штральзундъ, который былъ защищаемъ самимъ Карломъ XII. Въ лагерѣ осаждающихъ находились и двое русскихъ посланниковъ: Долгорукій—при королѣ Датскомъ, Александръ Головкинъ—при Прусскомъ. Союзники взяли островъ Уседомъ, и по этому случаю была большая радость; Долгорукій писалъ 23 іюля: „Третьяго-дня король Датскій смотрѣлъ прусскую кавалерію и обѣдалъ у короля Прусскаго, гдѣ для радости о взятіи Уседома гораздо повеселились, и оба короля около стола и безъ дамъ танцовали и прочія подобныя дѣла дѣлали, и табакъ король Датскій курилъ, хотя противу его натуры. По сее время между обоими королями зѣло согласно; только король Датскій не вовсе еще королю Прусскому вѣритъ: ежели, не соверша здѣшнихъ дѣлъ, отсюда отступятъ,—чтобы король Прусскій въ будущую зиму не нашелъ съ королемъ Шведскимъ способовъ къ примиренію". Дѣйствительно, прусскіе министры Ильгенъ и Грункау внушали своему королю, что войною ничего не можетъ получить; Датчане не въ состояніи сдѣлать что-нибудь на морѣ, а безъ этого сухопутныя дѣйствія ни къ чему не поведутъ; что чрезъ посредство Франціи можно гораздо больше получить. Датскій Дворъ надѣялся больше всего на прибытіе русскихъ войскъ; но ихъ прибытіе замедлялось тѣмъ, что въ конференціяхъ датскихъ

и прусскихъ министровъ съ Долгорукимъ и Головкинымъ шли сильные споры о томъ, какъ содержать русскія войска: Датчане, а особенно Прусаки давали слишкомъ мало; Ильгенъ говорилъ прямо датскимъ министрамъ, что его королю русскихъ войскъ не нужно; что къ дѣйствіямъ нынѣшней кампаніи они не поспѣютъ, а къ будущей король получитъ войско отъ нѣкоторыхъ имперскихъ князей. Оказывалось, что Прусскій король имѣлъ въ виду саксонскія войска, которыя обѣщалъ ему Августъ II; видя, что Данія не хочетъ имѣть съ нимъ никакого дѣла, Августъ хотѣлъ принять участіе въ войнѣ посредствомъ Пруссіи, чтобы не лишиться совсѣмъ добычи. Но Датскому королю противнѣе всего было участіе Саксонцевъ въ войнѣ, и потому онъ продолжалъ настаивать на принятіе русскихъ войскъ. Прусскій король уступалъ, но требовалъ, чтобы русскія войска находились въ полномъ его распоряженіи, и когда Долгорукій съ Головкинымъ не согласились на это требованіе, то Ильгенъ прямо сказалъ, что король его возьметъ саксонскія войска, которыя отдаются въ полное его распоряженіе, будутъ стоить гораздо дешевле русскихъ и на зиму возвратятся въ Саксонію, тогда какъ русскимъ надобно готовить зимнія квартиры. Тогда Долгорукій и Головкинъ заключили отдѣльный договоръ съ Датскимъ королемъ, который обѣщалъ давать содержаніе и зимнія квартиры 15 батальонамъ русской пѣхоты и тысячѣ человѣкамъ конницы. Какъ только Прусскій король узналъ о заключеніи этого договора, такъ немедленно же постановилъ и отъ себя договоръ, по которому обязался содержать также русскія войска 15 батальоновъ пѣхоты и 1,000 конницы. Но Долгорукій и Головкинъ при этомъ увѣдомили свое правительство, что короли берутъ русскую пѣхоту не для того, что имѣли мало своей, но для того, чтобы замѣнить свою пѣхоту русскою; увѣдомили также, что и зимнія квартиры, которыя дадутся русскимъ, не будутъ самыя покойныя; притомъ русскія войска будутъ отправлены въ зимнее время осаждать Висмаръ, крѣпость сильную, подъ которою можно ожидать большихъ потерь. Впрочемъ, по мнѣнію Долгорукаго и Головкина, была и польза отъ пребыванія русскихъ войскъ подъ Штральзундомъ: король Прусскій утверждался въ Сѣверномъ союзѣ, король Датскій освобождался отъ опасностей; наконецъ можно будетъ участвовать въ военныхъ совѣтахъ союзниковъ и побуждать ихъ къ скорѣйшему веденію дѣла. При заключеніи договора съ Прусскимъ королемъ, Ильгенъ дѣлалъ сильныя возраженія; и когда Долгорукій и Головкинъ оспаривали его, то онъ „озлобился" на нихъ въ присутствіи короля; но Фридрихъ-Вильгельмъ сказалъ русскимъ посланникамъ: „Между союзниками не надобно употреблять хитрости, особенно съ такимъ союзникомъ, какъ царское величество; надобно стараться, чтобы всякому равную тягость военную несть. Увѣрьте его царское величество, что союзъ съ нимъ считаю самымъ драгоцѣннымъ для себя, и потому во всѣхъ переговорахъ и дѣйствіяхъ я намѣренъ поступать безъ всякой хитрости. Хотя царскому величеству и королю Датскому и внушаютъ противное, однако я пребуду всегда въ твердомъ союзѣ съ ихъ величествами". Сказавши это, король велѣлъ написать договоръ во многихъ пунктахъ противно тому, какъ внушалъ Ильгенъ, за что тотъ еще больше озлобился и продолжалъ вредить дѣлу. Долгорукій и Головкинъ не могли настоять, чтобы русскихъ войскъ не раздѣляли между Датчанами и Прусаками: „Если я", говорилъ король, „несу убытки на ихъ содержаніе, то имѣю право требовать, чтобъ они стояли и всякую службу отправляли вмѣстѣ съ моими войсками; обѣщаюсь заботиться о вашихъ войскахъ точно такъ-же, какъ и о своихъ собственныхъ".

Но всѣ эти хлопоты не повели ни кчему. Русскія войска не пришли подъ Штральзундъ, остались въ Польшѣ, гдѣ, какъ мы видѣли [1]), началось движеніе противъ саксонскихъ войскъ; саксонскіе министры просили королей Датскаго и Прусскаго, чтобы не требовали у царя войскъ въ Померанію; короли согласились; а 12 декабря Штральзундъ сдался, и такимъ образомъ померанская кампанія 1715 года кончилась безъ участія русскихъ войскъ. Царь сильно сердился на это, и срывалъ сердце на посланникѣ своемъ при Польскомъ Дворѣ, князѣ Григоріи Долгорукомъ, который требовалъ отъ фельдмаршала Шереметева, чтобъ онъ остановился въ Польшѣ. Мы видѣли причины, заставлявшія князя Григорія дѣйствовать такимъ образомъ; но царь считалъ померанскія событія важнѣе польскихъ, и писалъ Долгорукому: „Я зѣло удивляюсь, что вы на старости потеряли разумъ свой и дали себя завесть всегдашнимъ обманщикамъ и чрезъ то войска въ Польшѣ оставить. Ты вѣдаешь, что они (Саксонцы) того всегда искали, какимъ бы образомъ нибудь сіе дѣло помѣшать, въ чемъ вамъ гораздо бы смотрѣть надобно". Къ Ягужинскому царь писалъ: „Что же о шгукахъ Флеммინговыхъ, тому не дивлюсь, ибо то ихъ плугъ и коса; но удивляюсь князю Григорью, что онъ на старости дуракъ сталъ и далъ себя за носъ взять".

Между тѣмъ, князь Куракинъ велъ переговоры съ англійскими министрами объ условіяхъ мира съ Швеціею, насчетъ которыхъ получилъ такой наказъ: „О Лифляндіи и Ригѣ написать въ общихъ выраженіяхъ, что царское величество съ королемъ Польскимъ и Рѣчью Посполитою согласился частнымъ образомъ въ претензіяхъ и условіяхъ насчетъ отдачи ихъ Польшѣ; а между тѣмъ королевскимъ вѣрнымъ министрамъ, склоннымъ къ сторонѣ царскаго величества, объявить за секретъ, для чего этотъ пунктъ полагается: царское величество обороною Польши навлекъ на себя войну Турецкую, въ которой, въ противность договору, былъ оставленъ Польшею, вслѣдствіе чего принужденъ былъ

[1]) См. вторую главу XVI тома Исторіи Россіи.

отдать города, стоившіе многихъ милліоновъ, и за это надобно получить отъ Польши вознагражденіе. А когда увидитъ въ министрахъ склонность, то долженъ предлагать въ конфиденціи, чтобы разсудили, какая польза будетъ королю Великобританскому и обѣимъ морскимъ державамъ принуждать царское величество Ригу и Ливонію уступить Польскому королю и Рѣчи Посполитой, потому что эта корона, непостоянная и безпрестаннымъ перемѣнамъ подлежащая, легко можетъ ихъ опять потерять; да хотя бы за нею и остались, то отъ непостоянства Поляковъ купечеству будетъ всякое утѣсненіе и тягость, тогда какъ царское величество обяжется заключить съ морскими державами торговый договоръ для всѣхъ областей своего государства, договоръ на такихъ выгодныхъ условіяхъ, какихъ никогда прежде не было. Должно склонять къ тому министровъ и другими „пристойными раціями по своему искусству и смотря по обстоятельствамъ, обѣщать имъ дачу даже до 200,000 ефимковъ, если они къ тому короля, Англію и Голландію склонятъ“ [1]).

На этотъ разъ никакая „рація“ не могла подѣйствовать, потому что Англія и Голландія не имѣли средствъ принудить Карла XII къ миру съ требуемыми уступками.

Тѣмъ сильнѣе хотѣлъ дѣйствовать Петръ въ 1716 году. Желая какъ можно скорѣе окончить войну, онъ, попрежнему, лучшимъ средствомъ къ тому считалъ высадку на шведскій берегъ. Иначе думали въ Копенгагенѣ. „Если царское величество намѣренъ сильно дѣйствовать“, писалъ Долгорукій въ январѣ, „то нужно начать кампанію ранѣе; въ тайныхъ совѣтахъ здѣсь, какъ я слышалъ, начинаютъ мыслить, чтобы для пользы Датскаго короля сперва добыть Висмаръ, а потомъ ужъ, собравшись, перенести войну въ Шонію. Король Датскій къ добыванію Висмара очень склоненъ и надѣется, что при этомъ большая часть русскихъ войскъ будетъ употреблена“. Въ февралѣ, на вопросъ Долгорукаго, какое намѣреніе его величества насчетъ будущей кампаніи, король отвѣчалъ, что если Висмаръ не сдастся, то надобно его добывать; а если сдастся, то другого мѣста для дѣйствія не остается, кромѣ Шоніи. Для дѣйствій въ Шоніи царь предлагалъ королю двадцать батальоновъ и тысячу драгунъ на королевскомъ пропитаніи и, кромѣ того, еще отрядъ войска на собственномъ иждивеніи; русскій флотъ долженъ былъ соединиться съ датскимъ. По поводу этихъ предложеній происходили конференціи между Долгорукимъ и датскими министрами; но рѣшительно ничего не выходило изъ этихъ конференцій: боялись за Норвегію, угрожаемую Шведами, и не спускали глазъ съ Висмара, который долженъ былъ скоро сдаться, ибо теперь сильный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Послѣ сдачи Висмара король хотѣлъ уговориться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ при личномъ свиданіи съ царемъ, и шли переговоры о мѣстѣ этого свиданія [2]).

24 января Петръ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ царицею и, 18 февраля, прибылъ въ Данцигъ, гдѣ находилась главная квартира фельдмаршала Шереметева. Царь пріѣхалъ не на радость Данцигу: прежде всего онъ наложилъ штрафъ на его жителей, зачѣмъ торгуютъ со Шведами; зачѣмъ въ ихъ гавани находились четыре шведскихъ корабля; потомъ въ устьи Вислы явились двое русскихъ офицеровъ для осмотра всѣхъ кораблей, для захватыванія шведскихъ; наконецъ городъ обязанъ былъ построить четыре каперныхъ судна для дѣйствій противъ непріятеля. А между тѣмъ жители Данцига были свидѣтелями приготовленій къ брачнымъ празднествамъ: Петръ хотѣлъ въ ихъ городѣ сыграть свадьбу своей племянницы, Екатерины Ивановны, съ Мекленбургскимъ герцогомъ Карломъ-Леопольдомъ. Перенесеніе военныхъ дѣйствій на южный берегъ Балтійскаго моря необходимо вело къ сношеніямъ съ Мекленбургомъ. Еще въ 1712 году Петръ посылалъ къ Мекленбургскому Двору барона Шлейница съ просьбою, не согласится ли герцогъ доставлять для русскихъ войскъ мясо, соль и овесъ. Тутъ же обнаружились отношенія, которыя впослѣдствіи должны были играть важную роль. Во время пребыванія Шлейница при Мекленбургскомъ Дворѣ, тамъ же находился и ганноверскій министръ Бернсторфъ. Узнавши о домогательствахъ Шлейница, онъ началъ ему представлять, что надобно оставить Мекленбургъ въ покоѣ, какъ страну нейтральную, за которую вступятся Цесарь и всѣ имперскіе чины; потомъ Бернсторфъ началъ пугать Прусскимъ королемъ, говоря, что онъ находится постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ къ Швеціи, и если союзникамъ не посчастливится въ Помераніи, то будетъ дѣйствовать противъ нихъ съ-тыла. Поведеніе Бернсторфа объяснялось тѣмъ, что онъ былъ Мекленбуржецъ и ему хотѣлось удалить сцену военныхъ дѣйствій отъ родной страны, которая необходимо должна была отъ нихъ терпѣть. Но союзники продолжали дѣйствовать въ Помераніи, причемъ мало обращали вниманія на нейтралитетъ Мекленбурга, брали провіантъ у его жителей; на жалобы герцога отвѣчали, что во всемъ виноваты Шведы, которыхъ союзники имѣютъ право преслѣдовать и въ мекленбургскихъ земляхъ,—такъ пусть герцогъ требуетъ отъ Шведовъ вознагражденія за убытки. Несчастный Мекленбургъ страдалъ вдвойнѣ: и отъ чужой войны, и отъ внутренней ссоры своего герцога съ дворянствомъ. Жалобы дворянства ставили герцога Карла-Леопольда въ непріятныя отношенія къ императору и имперіи, и, въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, ему естественно пришло желаніе искать покрови-

[1]) Дѣла Датскія 1715 г. въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.; тамъ же дѣла Прусскія того же года; тамъ же дѣла Шведскія.

[2]) Дѣла Датскія 1716 г. въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.; тамъ же дѣла Прусскія того же года; тамъ же дѣла Шведскія.

тельства у самаго сильнаго изъ сосѣднихъ государей,—у царя Русскаго. Чтобъ упрочить себѣ это покровительство, Карлъ-Леопольдъ, разведшійся съ первою женой, рѣшился предложить свою руку племянницѣ Петра, Екатеринѣ Ивановнѣ. Но легко понять, какъ должно было смотрѣть на это враждебное герцогу дворянство: герцогъ Карлъ-Леопольдъ, опираясь на могущественнаго дядю, задавитъ враговъ своихъ! Отсюда естественное стремленіе мекленбургскаго дворянства дѣйствовать всѣми силами противъ царя, выживать его войска изъ Мекленбурга, ссорить его съ союзниками, пугать послѣднихъ властолюбивыми замыслами царя, намѣреніемъ его стать твердой ногой на нѣмецкой почвѣ. И мекленбургское дворянство могло успѣшно вести свои интриги, благодаря представителямъ своимъ: Мекленбуржецъ Бернсторфъ былъ министромъ въ Ганноверѣ и владѣлъ полною довѣренностью курфюрста Георга, короля Англійскаго; двое другихъ Мекленбуржцевъ, Гольстъ и Девицъ,—находились въ датской службѣ и такъ же здѣсь пользовались важнымъ значеніемъ, имѣли большое вліяніе на короля. Такимъ образомъ, вступивши на нѣмецкую почву, вступивши въ родственный союзъ съ Мекленбургскимъ герцогомъ по соображенію вѣрныхъ отъ него выгодъ, русскій богатырь былъ опутанъ паутиною интригъ; богатырь, благодаря личнымъ средствамъ своимъ и средствамъ Россіи, вырвался изъ этой паутины; но она заставила его провести много непріятныхъ, безпокойныхъ часовъ, что не могло не подѣйствовать вредно на его, уже и безъ того разстроенное здоровье.

Осенью 1714 года пріѣхалъ въ Петербургъ мекленбургскій посланникъ, баронъ Габихтоталь, *концертовать* супружество своего государя съ племянницею царскаго величества, обѣщая принцессѣ свободное отправленіе вѣры при Дворѣ, предоставляя приданое соизволенію царскаго величества, но требуя, чтобъ при будущемъ Сѣверномъ мирѣ Висмаръ былъ отданъ герцогу подъ надежною гарантіей, и чтобъ герцогъ, по ходатайству царя, получилъ вознагражденіе за понесенные имъ отъ Сѣверной войны убытки. Царь велѣлъ отвѣчать, что согласенъ на бракъ, если герцогъ представитъ вѣрное доказательство своего развода съ первою женою. Въ 1716 году дѣло возобновилось, и 22 января заключенъ былъ въ Петербургѣ брачный договоръ: герцогъ Карлъ-Леопольдъ обязался доставить своей супругѣ свободное отправленіе вѣры Греческаго исповѣданія, такъ же и всѣмъ ея служителямъ, и назначить мѣсто для построенія *надворной капели*; обязался ежегодно выплачивать ей по 6,000 ефимковъ шкатульныхъ денегъ, и давать содержаніе придворнымъ и служителямъ; въ случаѣ вдовства, герцогиня получитъ ежегодно по 25,000 ефимковъ и замокъ для жительства. Царь обѣщается снабдить племянницу свою надлежащими *ювелями* (брилліантами), платьемъ, уборами и экипажемъ. Царь обязуется содѣйствовать всѣми силами, чтобъ герцогъ получилъ Висмаръ со всѣми принадлежностями, также Варнеминде; для этого царское величество обязуется послать къ Висмару корпусъ своихъ войскъ; если же, паче чаянія, герцогъ Висмара не получитъ, то царь обязуется доплатить ему въ приданое сумму отъ 200,000 рублей.

Дѣло было окончено, и Куракинъ опоздалъ со своими совѣтами изъ Гаги. Онъ писалъ 24 февраля: „Женитьба герцога Мекленбургскаго и отдача ему Висмара противны Двору Англійскому. Мой долгъ донести, что никакъ не должно спѣшить этою женитьбою, но прежде обстоятельно узнать о разводѣ герцога съ его первою женою. Я отъ многихъ слышу, что при Цесарскомъ Дворѣ еще идетъ процессъ объ этомъ разводѣ; цесарскій министръ мнѣ говорилъ, что новый бракъ герцога не можетъ считаться законнымъ, и дѣти, отъ него рожденныя, способными къ наслѣдству. Положимъ, что этого брака не желаютъ отъ зависти, не желаютъ, чтобъ царское величество имѣлъ сообщеніе съ имперіею посредствомъ Балтійскаго моря:—то и этого достаточно. Если всѣ друзья царскаго величества завидуютъ или подозрѣваютъ и чрезъ это нынѣшняя дружба можетъ быть потеряна, дружба очень нужная при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, то не знаю, можемъ ли получить столько же пользы отъ герцога Мекленбургскаго, сколько отъ тѣхъ, которыхъ дружбу для него можемъ потерять“. Опоздало и донесеніе Куракина о поѣздкѣ его въ Лондонъ, которую онъ предпринялъ по настоятельной просьбѣ Бернсторфа. Бернсторфъ предложилъ ему проектъ союза Россіи съ Англіею, причемъ Георгъ будетъ дѣйствовать противъ Швеціи уже какъ Англійскій король; Англія гарантируетъ царю всѣ его завоеванія у Швеціи; царь гарантируетъ Ганноверскому Дому Англійскій престолъ. Куракинъ не могъ не заявить, что такое предложеніе будетъ пріятно его государю. Но тутъ Бернсторфъ началъ дѣлать слѣдующія внушенія: „Царское величество имѣетъ намѣреніе, взявши Висмаръ, отдать его герцогу Мекленбургскому; но мой король проситъ царское величество, для любви къ нему и для собственнаго интереса, покинуть это намѣреніе и предоставить Висмаръ въ распоряженіе князей Нижнесаксонскаго округа. Что касается брака герцога Мекленбургскаго съ племянницею царскаго величества, то король въ это дѣло не мѣшается; но я отъ себя дружески вамъ объявляю, что едва ли этотъ бракъ можетъ быть признанъ законнымъ; притомъ если царское величество вникнетъ въ характеръ герцога, то найдетъ его очень непріятнымъ“.

Всѣ эти донесенія получены были уже въ Данцигѣ.

Здѣсь, 8 апрѣля, въ день, назначенный для бракосочетанія, заключенъ былъ съ женихомъ союзный договоръ, по которому царь обязывался доставить герцогу и его наслѣдникамъ совершенную безопасность отъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ безпокойствъ, обѣщалъ для достиженія этихъ цѣлей помогать герцогу войскомъ и военными принадлеж-

ностями, не требуя за то никакого награжденія; на время настоящей войны обѣщалъ дать девять или десять полковъ, которые вступятъ въ службу герцога, присягнутъ ему и останутся въ распоряженіи его одного, съ условіемъ однако, что царь имѣетъ право замѣнять эти полки новыми; въ нынѣшней распрѣ герцога съ его шляхетствомъ царь помогаетъ ему при Цесарскомъ Дворѣ, и если шляхетство предприметъ что-нибудь противъ герцога, то царь защищаетъ его всею своею силою. Герцогъ обѣщаетъ царскимъ подданнымъ, для лучшаго отправленія торговли, жить въ своихъ земляхъ и пристаняхъ, имѣть склады товаровъ и свою церковь, въ которой службу Божію по Греческому исповѣданію свободно отправлять. Герцогъ позволяетъ русскимъ войскамъ всюду проходить чрезъ свои владѣнія и сооружать магазины [1]).

Послѣ подписанія этого договора, въ 4-му часу по полудни совершено было бракосочетаніе въ присутствіи государя, царицы, короля Польскаго и множества знатныхъ лицъ, русскихъ и иностранныхъ; вечеромъ, разумѣется, не обошлось безъ фейерверка.

Свадьба не мѣшала дѣламъ. Петръ былъ очень недоволенъ, что все вниманіе Датчанъ обращено на Висмаръ, и объ исполненіи любимаго плана его, о высадкѣ въ Шонію, не думаютъ. 21 марта онъ написалъ Долгорукому: „Изъ письма вашего усмотрѣли мы съ великимъ удивленіемъ, коимъ образомъ у его величества короля Датскаго никакія предуготовленія не чинятся къ десанту въ Шканію, но что со стороны его королевскаго величества токмо объ осадѣ и добываніи Висмара мыслятъ; но понеже недовольно будетъ хотя и городъ Висмаръ возмется, ибо тѣмъ война наша еще окончена не будетъ, но потребно суть, чтобы въ самую Швецію вступить и тамъ силою оружія непріятеля къ миру принудить. Мы такожде въ томъ намѣреніи такое знатное число наилучшихъ нашихъ войскъ сюды привели, дабы купно съ королемъ Датскимъ десантъ въ Шканію учинить и непріятеля въ срединѣ своего государства атаковать, еже когда учинится и въ томъ съ надлежащею ревностію поступлено будетъ, то король Шведскій и забудетъ транспортъ въ Висмаръ учинить, но, оставя то намѣреніе, принужденъ будетъ всѣ свои мысли къ собственной своей оборонѣ обратить. И тогда Висмаръ, не имѣя болѣе надежды къ сукурсу, самъ принужденъ будетъ сдаться; или можно и такія мѣры взять, чтобъ и то и другое учинить, и Висмаръ добывать, и десантъ въ Шканію въ одно время дѣлать. Того ради вы сіе его королевскому величеству наилучшимъ образомъ представьте и домогайтеся, чтобъ его королевское величество, не упустя времени, къ помянутой десантѣ всѣ потребныя предуготовленія заранѣе учинить указалъ, чтобъ оной всеконечно къ сей кампаніи съ Божіею помощію учинить быть могъ. Вы его величеству объявите, что мы для пользы общаго интересу и для вспоможенія его королевскому величеству такія великія иждивенія несемъ и наилучшимъ своимъ войскамъ въ такіе дальние краи маршировать велѣли, и еще оныя на своемъ жалованьи и часть оныхъ на пропитаніи содержать хочемъ, и то все для того, чтобъ его королевское величество Датское въ состояніе привесть съ желаемымъ сукцессомъ помянутой десантъ предвоспріять. Но ежели сіи наши труды, понесенные убытки и приложенныя радѣнія всуе будутъ и настоящую кампанію только добываніемъ Висмара препроводить, а десанту въ Шканію учинить не хотятъ, то-бъ его королевское величество не надѣялся, чтобъ мы въ предбудущій годъ въ состояніи были ему войсками нашими или инымъ чѣмъ вспомогать, и вновь такія превеликія иждивенія понесть, умалчивая, что между тѣмъ времена отмѣниться могутъ такимъ образомъ, что уже тогда и поздно будетъ оный десантъ предвоспріять“ [2]).

Неудовольствіе увеличивалось жалобами новаго родственника, герцога Мекленбургскаго, на разореніе его Земли датскими, прусскими и ганноверскими войсками, облегавшими Висмаръ; предъявлена была „неслыханная и непристойная претензія“, чтобъ Мекленбургъ платилъ солдатамъ, работавшимъ подъ Висмаромъ. 28 марта Шафировъ, по приказанію Петра, написалъ Долгорукому изъ Данцига, чтобъ онъ сдѣлалъ по этому предмету представленіе Датскому Двору въ „сильныхъ терминахъ“: несправедливо, вмѣсто награды за содѣйствіе успѣхамъ союзниковъ, разорять земли герцога, и безъ того уже потерпѣвшія много убытку отъ войны; герцогъ, раздраженный такими поступками, можетъ обратиться за помощію къ Цесарю и имперскимъ князьямъ, которые и безъ того къ сѣвернымъ союзникамъ не очень склонны; кромѣ родства, царское величество имѣетъ и ту причину заступаться за герцога, что русскія войска уже пришли въ Мекленбургъ и изъ него же должны получить пропитаніе; но если союзныя войска будутъ такимъ образомъ разорять эту Землю, то войскамъ царскаго величества придется голодать.

Русскій царь уже заступается за герцога Мекленбургскаго; взаимныя обязательства дяди и племянника, пребываніе русскаго войска въ Мекленбургѣ въ полной зависимости отъ герцога, съ цѣлію служить ему при подавленіи всѣхъ враговъ его,—все это было извѣстно и приводило въ отчаяніе враждебную герцогу шляхту мекленбургскую, имѣвшую такихъ сильныхъ представителей при Дворахъ Ганноверскомъ и Датскомъ. Понятно, что эти представители должны были употребить всѣ усилія, чтобъ выжить русскія войска изъ Мекленбурга. Единственнымъ средствомъ къ тому было возбужденіе между союзниками подозрѣнія насчетъ властолюбивыхъ намѣреній Петра: вся эта тѣсная

---

[1]) Дѣла Мекленбургскія 1712 — 1716 года въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.; дѣла Голландскія 1716 года.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 29.

связь царя съ герцогомъ Мекленбургскимъ, разглашали Бернсторфъ съ товарищи, клонится къ одному, — чтобъ Русскимъ стать твердою ногою на нѣмецкой почвѣ; царь хочетъ Висмара для герцога; но ясно, что тотъ сейчасъ же уступитъ этотъ городъ могущественному родственнику за какое-нибудь вознагражденіе. Король Георгъ повѣрилъ всему, что внушалъ Бернсторфъ; Датскій король начиналъ колебаться, и Мекленбуржцы его службы тѣмъ удобнѣе дѣйствовали. Мы видѣли, что царь обѣщалъ Карлу-Леопольду Висмаръ въ приданое за племянницею; — исполнить это обѣщаніе было очень важно для Петра, потому что бѣдная русская казна освобождалась этимъ отъ обязанности выплачивать большую сумму денегъ; князь Репнинъ получилъ приказаніе идти къ Висмару съ четырьмя пѣхотными полками и 500 драгунъ для помощи союзникамъ при осадныхъ работахъ и взятія города. 1 апрѣля Репнинъ приблизился къ Висмару и послалъ сказать датскому генералу Девицу и товарищамъ его, что прибылъ по указу царскаго величества въ помощь всѣмъ войскамъ союзнымъ; но получилъ отвѣтъ, что командующіе союзными войсками генералы не имѣютъ отъ Дворовъ своихъ никакихъ указовъ насчетъ русскаго войска, только прусскій генералъ предлагаетъ, чтобъ князь Репнинъ занялъ его посты и принялъ приготовленный провіантъ. Репнинъ, не имѣя указа смѣнить Пруссаковъ у Висмара, отказался. 4 апрѣля пріѣхали къ Репнину всѣ союзные генералы, и Девицъ объявилъ, что Висмаръ сдается. „Хотя“, говорилъ Девицъ, „я и не имѣю отъ Двора своего и отъ союзниковъ никакого относительно васъ указа, однако я не желалъ скрыть отъ васъ о капитуляціи города“. — „Удивительно“, отвѣчалъ Репнинъ, „что вы не имѣете относительно меня никакого указа; но вѣдь вы знаете, что я сюда съ командою присланъ отъ царскаго величества, сѣвернаго сильнаго и твердаго союзника; вы не должны оканчивать капитуляціи, не объявя мнѣ; также когда союзныя войска будутъ посланы для пріема Висмара, то должно послать туда же и часть войскъ царскаго величества, соотвѣтственно числу ихъ“. — Девицу это требованіе очень не понравилось. „Въ трактатахъ о Висмарской осадѣ“, говорилъ онъ, „ничего не упомянуто о русскомъ войскѣ, а только о датскомъ, ганноверскомъ и прусскомъ, и теперь я безъ указа впустить Русскихъ въ городъ не смѣю“. — „Если вы не распорядитесь“, отвѣчалъ Репнинъ, „то я и самъ пошлю; если же моихъ людей не пустятъ въ городъ, то вы будете отвѣчать“ [1]).

Русскія войска не были впущены въ Висмаръ; дѣло чуть-не дошло до драки, Репнинъ принужденъ былъ повернуться назадъ. Петръ, имѣя въ виду высадку въ Шонію, что, по его мнѣнію, должно было имѣть рѣшительное вліяніе на ходъ войны, не хотѣлъ ссориться съ Даніею, и ограничился сильными представленіями королю насчетъ поступка генерала Девица. 1 мая Петръ выѣхалъ изъ Данцига въ Штетинъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ; въ Альтонѣ имѣлъ свиданіе съ королемъ Датскимъ, и 23 числа окончательно уговорились насчетъ высадки русскихъ войскъ въ Шонію — съ одной стороны и на восточный берегъ Швеціи — съ другой, подъ прикрытіемъ англійской эскадры. Уладивши это важное дѣло, Петръ поспѣшилъ въ Пирмонтъ пользоваться тамошними водами; это пользованіе (**куръ**, или **питухъ** — по выраженію Петра) было ему необходимо передъ трудами кампаніи, потому что онъ выѣхалъ и изъ Петербурга нездоровый [2]). Въ половинѣ іюня **куръ** кончился и царь поспѣшилъ въ Ростокъ къ своей галерной эскадрѣ, на которой находилась русская пѣхота, назначенная къ Копенгагену; Петръ самъ хотѣлъ перевезть ее туда, тогда какъ 5,000 конницы шло изъ Мекленбурга чрезъ Голштинію, Шлезвигъ и Фіонію. Между тѣмъ мекленбургскіе друзья дѣйствовали: Долгорукій доносилъ, что Датскій король, разговаривая съ нимъ 22 іюня, сказалъ, что англійскій флотъ едва ли будетъ дѣйствовать противъ Шведовъ; „Англичанамъ,“ продолжалъ король, „противно, что войска царскаго величества вступятъ въ Шонію“. — „Отчего же противно?“ спросилъ Долгорукій. — „Оттого“, отвѣчалъ король, „что они подозрѣваютъ царское величество, а причины подозрѣнія: поступокъ царскаго величества съ Данцигомъ (наложеніе контрибуціи), вмѣшательство въ мекленбургскія дѣла, дѣйствія въ пользу герцога Мекленбургскаго, а теперь еще больше навело подозрѣнія введеніе русскаго войска въ Ростокъ“.

Петръ послалъ Куракину указъ стараться какъ можно скорѣе заключить съ Англіею договоръ, потому что безъ этого англійскій флотъ едва ли что сдѣлаетъ въ пользу Сѣвернаго союза, — адмиралъ Норрисъ даже и въ Балтійское море идти не хочетъ; транспортъ, который долженъ идти отъ Ростока въ Зеландію, замедлилъ, потому что прикрыть его нечѣмъ, и можно опасаться, что кампанія пройдетъ безъ дѣйствія. Надобно думать, что Ганноверцы интригуютъ при Датскомъ Дворѣ; Фабриціусъ, ганноверскій министръ, отвращалъ Датскаго короля отъ высадки въ Шонію, убѣждалъ оставить это предпріятіе и возвратить русскія войска. Куракинъ передалъ Бернсторфу о поведеніи Фабриціуса; тотъ отвѣчалъ, что сомнѣвается въ вѣрности этого извѣстія, и можетъ съ клятвою засвидѣтельствовать, что Дворъ его сильно желаетъ высадки въ Шонію, и что англійскій адмиралъ Норрисъ прикроетъ Зундъ для высадки. Заключеніе договора между Россіею и Англіею откладывалось; Бернсдорфъ не хотѣлъ слышать ни о какой сдѣлкѣ по мекленбургскому дѣлу. Куракинъ объявилъ ему, что если онъ службу свою царскому величеству покажетъ, поможетъ герцогу Мекленбургскому въ

[1]) Дѣла Мекленбургскія 1716 года.

[2]) Исторія Свейской войны; Письма Русскихъ Государей.

полученіи Висмара, то получитъ все, что потребуетъ себѣ и своей фамиліи въ вознагражденіе. Бернсторфъ отвѣчалъ, что онъ, какъ добрый патріотъ, старается объ общихъ интересахъ всего мекленбургскаго дворянства и требуетъ одного, чтобъ герцогъ оставилъ дворянство при прежнихъ привиллегіяхъ безъ всякихъ нападокъ,—и тогда дворянство будетъ вѣрно ему служить [1]).

6 іюля Петръ былъ съ галерною эскардою у Копенгагена, откуда написалъ женѣ: „Дай знать, какъ сюды будете, дабы я васъ могъ встрѣтить, понеже чины неописанные здѣсь, и я вчера въ такой церемоніи былъ, въ какой болѣе двадцати лѣтъ не бывалъ“. Но скоро оказалось, что не однѣ церемоніи будутъ брать дорогое время. „О здѣшнемъ объявляемъ“, писалъ Петръ женѣ, „что болтаемся туне, ибо что молодыя лошади въ каретѣ, такъ наши соединенныя (союзники), а наипаче коренныя: сволочь хотятъ, да коренныя не думаютъ“ [2]). Іюль, самая лучшая пора, проходила въ болтаніи; царь безпрестано пробуждалъ Датчанъ, чтобъ транспортомъ и флотомъ не мѣшкали и чтобъ войско свое собирали къ Копенгагену. Ему отвѣчали, что до прибытія вице-адмирала Габеля изъ Норвегіи нельзя ничего начинать; прежде уборки хлѣба съ полей нельзя идти войскамъ: лагерями повредятъ стоячему хлѣбу. 27 іюля пришелъ Габель съ эскадрою изъ Норвегіи; царь началъ снова торопить, представляя, что нѣтъ уже болѣе отговорки Габелемъ; но движенія не было; датскія транспортныя суда для перевозки русскихъ войскъ изъ Ростока не отправлялись. „Болтаніе туне“ соединенныхъ флотовъ, русскаго, англійскаго и датскаго, продолжалось. Англійскій адмиралъ Норрисъ предлагалъ крейсировать всѣми флотами у Карлскроны; Петръ согласился, но датскій адмиралъ объявилъ, что онъ на то указа не имѣетъ. Въ половинѣ августа самъ Петръ поплылъ къ Штральзунду для ускоренія отправки транспортныхъ судовъ. Возвратясь въ Копенгагенъ, Петръ поѣхалъ изслѣдовать шонскіе берега, куда намѣренъ былъ высадиться, и нашелъ, что Шведы отлично воспользовались медленностію союзниковъ и сильно укрѣпились; Петръ былъ встрѣченъ огнемъ съ батарей; шнава „Принцесса“, на которой находился самъ государь, была пробита ядромъ; другая шнава „Лизета“ также получила значительныя поврежденія. Получены были извѣстія, что непріятель силенъ въ Шоніи, что у него тамъ больше 20,000 войска и берегъ укрѣпленъ редутами и батареями.

Намъ извѣстна постоянная осторожность Петра, которая должна была еще усилиться отъ жестокаго наказанія за прутскую неосторожность. Къ обычной осторожности присоединялась еще теперь подозрительность: зачѣмъ такая медленность, зачѣмъ пропущено самое благопріятное время, зачѣмъ дана непріятелю возможность укрѣпиться? Получались извѣстія, что Бернсторфъ съ товарищами ведетъ крамолу; что генералъ кригскомисаръ Шультенъ подкупленъ и потому нарочно медлилъ транспортомъ, чтобъ заставить Русскихъ сдѣлать высадку въ осеннее, самое неудобное время, „вѣдая“, по словамъ Петра, „что когда въ такое время безъ разсужденія пойдемъ, то или пропадемъ, или такъ окончаемъ, что по ихъ музыкѣ танцовать принуждены будемъ“. 1-го сентября государь созвалъ министровъ своихъ и генераловъ въ „генеральный консиліумъ“, и предложилъ вопросъ: предпринимить ли высадку или нѣтъ, потому что время наступаетъ позднее, а дивизія князя Репнина еще не перевезена и диверсія отъ Аланда не сдѣлана по винѣ Датчанъ. Всѣ единогласно отвѣчали, что высадку надобно отложить до будущаго лѣта. 4-го числа присталъ къ берегу князь Репнинъ; но трехъ драгунскихъ полковъ Датчане, несмотря на письменное обязательство, не перевезли, отговариваясь, что у нихъ нѣтъ столько судовъ. 5-го сентября царь держалъ другой совѣтъ, чтобъ спросить мнѣнія и новоприбывшихъ генераловъ,—и тѣ подтвердили рѣшенія перваго совѣта. Послѣ этого весь сентябрь прошелъ въ пересылкахъ и конференціяхъ между царемъ и королемъ Датскимъ, ихъ генералами и министрами. Съ русской стороны представляли невозможность отважиться на такое важное предпріятіе—въ такое позднее время перевезти на непріятельскіе берега тайкомъ такое большое войско; высадившись, надобно дать сраженіе, потомъ брать города—Ландскронъ и Мальме. Съ русской стороны спрашивали: гдѣ зимовать, если взять города не удастся? На это отвѣчали, что зимовать можно при Елсенорѣ въ окопѣ, а людямъ подѣлать землянки. Но отъ такой зимовки людей должно было пропасть гораздо больше, чѣмъ въ сраженіи. Петръ велѣлъ объявить Датскому Двору рѣшительно, что высадка невозможна, надобно отложить ее до будущей весны. Узнавши объ этомъ объявленіи, мекленбургскіе друзья закричали, что маска снята, царь нарочно самъ медлилъ перевозкою своихъ войскъ, и теперь, подъ предлогомъ поздняго времени, не хочетъ высаживаться на шведскіе берега, потому что находится въ сношеніяхъ со Шведскимъ правительствомъ. Но это еще не все: не могъ онъ безо всякой цѣли привести въ Данію такое большое войско,—надобно опасаться его враждебныхъ замысловъ, надобно беречь Копенгагенъ! И въ Копенгагенѣ всполошились: поставили всю пѣхоту по валамъ, и амбразуры на валахъ прорѣзали; къ адмиралу Норрису присланъ былъ указъ напасть на русскіе корабли и транспортныя суда, если царь не пойдетъ въ Шонію. Норрисъ не могъ исполнить приказанія, потому что оно было прислано изъ ганноверской, а не изъ англійской канцеляріи. Король Георгъ требовалъ, чтобъ англійскій адмиралъ овладѣлъ русскими кораблями и самимъ царемъ, и не отпускалъ Петра до тѣхъ поръ, пока русское войско не очиститъ Даніи и Германіи; но англій-

[1]) Дѣла Датскія 1716 года; дѣла Голландіи того же года.

[2]) Письма Русскихъ Государей.

ское министерство и самъ принцъ Вельскій представили Георгу, что вслѣдствіе разрыва съ царемъ въ Россіи будутъ схвачены англійскіе купцы и корабли, и пресѣчется необходимый для Англіи подвозъ корабельныхъ матеріаловъ; лучше всего пусть король Георгъ частнымъ образомъ и въ глубочайшей тайнѣ внушитъ Датскому королю, что если тотъ приведетъ означенный планъ въ исполненіе, то онъ, король Георгъ, будетъ помогать Даніи въ имѣющей произойти отсюда борьбѣ ея съ Россіею. Но Датскій король, разумѣется, не поддался этимъ внушеніямъ, тѣмъ болѣе что переполохъ скоро кончился: съ русской стороны не обнаруживалось никакого враждебнаго намѣренія, и съ октября царскія войска начали обратно перевозиться изъ Даніи къ Ростоку. Фельдмаршалу Шереметеву велѣно было съ пѣхотою расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Мекленбургѣ, изъ кавалеріи же оставить здѣсь только одинъ полкъ, а прочимъ идти на зимнія квартиры къ польскимъ границамъ [1]). 13 октября царь написалъ Сенату изъ Копенгагена: „Господа сенатъ! Понеже господа Датчане такъ опоздали въ своихъ операціяхъ, что въ сентябрѣ сюда нашихъ перевели, и такъ за позднимъ временемъ дѣйства остановились, а къ будущей кампаніи факцыи разныя не допущаютъ: того для нѣтъ инова способу, только что отъ Аланта непріятеля утѣснять, къ чему всякое приготовленіе чините;—только не усните такъ, какъ въ нынѣшней кампаніи, что адмиралъ (Апраксинъ) принужденъ былъ поворотиться“ [2]).

16 октября самъ Петръ съ царицею Екатериною, которая пріѣхала къ нему въ Копенгагенъ, отправился изъ этого города въ Мекленбургъ; въ Шверинѣ царица осталась, и Петръ отправился одинъ въ Гавельсбергъ, гдѣ дожидался его король Прусскій. Въ то время, когда Ганноверское правительство дѣлало явныя непріятности, когда правительство Датское позволяло себѣ внимать его внушеніямъ,—одинъ король Прусскій обнаруживалъ знаки неизмѣнной вѣрности русскому союзу. Въ сентябрѣ графъ Александръ Головкинъ донесъ царю, что въ Берлинъ пріѣзжала депутація отъ мекленбургскаго дворянства съ просьбою о помощи противъ герцога и царя: депутація уѣхала съ отказомъ, и прусскіе министры обнадежили Головкина, что король ихъ не сдѣлаетъ ничего противнаго царскому величеству, и, для своего великаго почитанія къ нему, хочетъ благопріятствовать и герцогу Мекленбургскому. Тутъ же Головкину было объявлено за великую тайну, что съ англійской стороны внушено было Прусскому королю, будто царь намѣренъ удержать за собою всю Померанію, Штральзундъ и Штетинъ; но король не повѣрилъ этимъ внушеніямъ. Англійскій король предлагалъ Прусскому написать вмѣстѣ грамоту къ царю о выводѣ русскихъ войскъ изъ Мекленбурга, и написать въ сильныхъ выраженіяхъ. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ: пусть пишутъ проектъ грамоты при Англійскомъ Дворѣ; но съ прусской стороны жестокихъ выраженій въ грамоту не внесутъ, имѣя причины не раздражать царя, а угождать ему. Когда Петръ далъ знать Берлинскому Двору, что высадка въ Шонію отложена, то здѣсь безъ возраженія приняты были причины, представленныя царемъ, и вся вина сложена на Датчанъ. Самъ король объявилъ Головкину, что всѣ внушенія Ганноверскаго Двора считаетъ ложными, происходящими отъ частной злобы Бернсторфа, и потому отклонилъ свиданіе съ Англійскимъ королемъ. Изъ Ганновера не переставали приходить въ Берлинъ внушенія, что царь хочетъ овладѣть Гамбургомъ, Любекомъ, Висмаромъ и укорениться въ имперіи; но Фридрихъ-Вильгельмъ не обращалъ на это никакого вниманія, и, въ противность Ганноверскому правительству, внушалъ царю, чтобъ онъ не выводилъ своихъ войскъ изъ Мекленбурга, потому что если Шведскій король нападетъ на Данію, то безъ русскихъ войскъ ни Даніи, ни Пруссіи нельзя будетъ съ нимъ успѣшно бороться, а король Англійскій не поможетъ [3]). Въ Гавельсбергѣ, при личномъ свиданіи государей, былъ скрѣпленъ союзъ между Россіею и Пруссіею. Король Фридрихъ-Вильгельмъ обязался: въ случаѣ нападенія на Россію съ какой-либо стороны, съ цѣлію отнять у нея завоеванныя у Шведовъ области, гарантированныя Пруссіею, послѣдняя помогаетъ Россіи или прямо войскомъ, или диверсіею въ земли нападчика. 17 ноября Петръ выѣхалъ въ Гамбургъ, направляя путь въ Голландію. Отсюда еще въ августѣ мѣсяцѣ Куракинъ сообщилъ любопытныя вѣсти. Пріѣзжалъ къ нему генералъ Рангъ, родомъ Шведъ, но находившійся въ службѣ ландграфа Гессенъ-Кассельскаго. Рангъ сталъ разсказывать, что происходило въ Пирмонтѣ во время пребыванія тамъ царя, къ которому ландграфъ присылалъ своего оберъ-гофмаршала барона Кетлера съ предложеніемъ помириться съ Швеціею; Петръ отвѣчалъ: „Можно ли съ Шведскимъ королемъ переговаривать о мирѣ, когда онъ не имѣетъ никакого желаній мириться и называетъ меня и весь народъ Русскій варварами“? Передавая эти слова Петра, Рангъ замѣтилъ Куракину, что царю несправедливо донесено объ отзывахъ о немъ Карла XII. „Я“, говорилъ Рангъ, „былъ при Шведскомъ королѣ въ Турціи и въ Штральзундѣ съ полгода, и во все это время Карлъ XII отзывался о царскомъ величествѣ съ большимъ уваженіемъ: онъ считаетъ его первымъ государемъ въ цѣлой Европѣ. Надобно всячески стараться уничтожить личное раздраженіе между государями, ибо этимъ проложится дорога къ миру между государствами“.

Куракинъ получилъ указъ отвѣчать Рангу о т ъ

---

[1]) Кабинетъ I, кн. № 7. О пересылкѣ короля Георга съ англійскимъ министерствомъ см. Lord Mahon—History of England, I, 237 по лейпцигск. изд.

[2]) Москов. Архивъ Мин. Иност. Д. Дѣла Приказныя новыхъ лѣтъ 1716 года.

[3]) Москов. Архив. Мин. Иност. Дѣлъ. Дѣла Прусскія 1716 г.

себя, что царь всегда обнаруживалъ склонность къ заключенію мира, и теперь заключить его на полезныхъ условіяхъ склоненъ; если Шведскій король подлинно намѣренъ прекратить войну, то пусть прямо присылаетъ къ царю съ этимъ предложеніемъ; а если явно прислать не хочетъ, то пусть пришлетъ кого-нибудь подъ видомъ переговоровъ о картелѣ, или подъ именемъ посланнаго отъ ландграфа Гессенскаго для испрошенія паспорта въ Швецію. Куракинъ долженъ былъ обнадежить Ранга, что царь допустить къ себѣ этого посланника и велитъ его выслушать, и что этимъ путемъ, обратясь къ царю, какъ главѣ Сѣвернаго союза, Шведскій король скорѣе получитъ миръ, чѣмъ другими способами; но Рангъ долженъ былъ при этомъ поклясться, что никому ничего не объявитъ. Когда Куракинъ сообщилъ все это Рангу, то онъ отвѣчалъ, что Шведскій король ясно видитъ свою выгоду въ заключеніи мира съ царемъ, потому что вся Сѣверная война ведется русскою силою, а не силою союзниковъ, и когда миръ заключенъ будетъ съ Россіею, то союзники такъ же должны будутъ помириться; поэтому-то Карлъ XII далъ полномочіе ландграфу Гессенъ-Кассельскому искать мира съ Россіею.

Кромѣ Ранга, подобныя же предложенія были сдѣланы Куракину и посланникомъ кассельскимъ Дальвикомъ; съ Гёрцомъ же Куракинъ не имѣлъ ни малѣйшаго сообщенія; несмотря на то, при Ганноверскомъ Дворѣ трубили, что онъ сносился съ Гёрцомъ объ отдѣльномъ мирѣ между Россіею и Швеціею, и что уже прелиминарныя статьи подписаны. 6-го декабря въѣхалъ Петръ въ Амстердамъ, куда на другой день пріѣхали за нимъ канцлеръ графъ Головкинъ, подканцлеръ баронъ Шафировъ, тайный совѣтникъ Петръ Толстой, генералы—князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, Иванъ Бутурлинъ, чрезвычайный посолъ при Голландскихъ Штатахъ князь Куракинъ. Петръ ждалъ и царицу, которая должна была ѣхать медленно по причинѣ своей беременности. Въ началѣ декабря онъ писалъ къ ней: „Писалъ я къ вамъ передъ симъ, что и нынѣ подтверждаю, дабы сею дорогою, которою я ѣхалъ, тебѣ не ѣздить, понеже неописанно худа. Также людей не много берите, понеже зѣло дорого станетъ житье въ Голландіи; также и пѣвчихъ, буде не уѣхали, полно (достаточно) половины, а другую оставьте въ Мекленбургіи. Какъ я, такъ и всѣ со мною здѣсь зѣло сожалѣютъ о нынѣшней дорогѣ вашей, и ежели ты можешь снесть, лутче-бъ тамъ осталась, понеже не безъ опасенія отъ худой дороги. Однакожъ будь въ семъ воля твоя, и, для Бога, не подумай, чтобъ я не желалъ вашей ѣзды сюды, чево сама знаешь, что желаю; и лучше ѣхать, нежели печалитца: только не могъ удержатца, чтобъ не написать; а вѣдаю, что не утерпишь". Екатерина должна была остановиться въ Везелѣ, гдѣ 2 января 1717 года родила сына, царевича Павла. Въ отвѣтъ на радостную вѣсть, Петръ писалъ женѣ: „Зѣло радосное твое писаніе вчера получилъ, въ которомъ объявляешь, что Господь Богъ насъ такъ обрадовалъ, что и другова [1]) рекрута даровалъ, за что да будетъ выну хвала Ему и незабвенное благодареніе! Сія вѣдомость вдвое обрадовала: первое о новорожденномъ, а паче—что васъ Господь Богъ свободилъ, отъ чего и мнѣ стало полутче, ибо отъ самово Рождества Христова столь долго сидѣть не могъ, какъ вчерась. Какъ можно будетъ,—поѣду къ тебѣ немедленно". Но на другой день пришла печальная вѣсть, что новорожденный царевичъ скончался и мать очень слаба. Дано было также знать, что причиною этихъ несчастій было пренебреженіе, оказанное царицѣ въ ганноверскихъ владѣніяхъ. Вотъ какъ самъ Петръ говоритъ объ этомъ: „Когда жена моя ѣхала въ Голландію чрезъ Ганноверъ, тогда неслыханнымъ образомъ ругана была, а еще чревата, а имянно, что мужики, которые везли, сбили возницу, также всѣхъ людей отбили отъ кареты и посажали по телѣгамъ какъ воровъ, а сами чрезъ день и всю ночь ѣхали, ниже спать, ниже отдохнуть ей не дали, отъ чего, пріѣхавъ въ Везель, безчастное рожденіе имѣла" [2]). Царь хотѣлъ ѣхать къ больной женѣ, но самъ занемогъ жестокою лихорадкою, которая продожалась до 10 февраля; а царица тѣмъ временемъ оправилась и 2 февраля была уже въ Амстердамѣ.

Между тѣмъ въ Англіи произошли любопытныя событія. 7 февраля царь получилъ отъ резидента своего въ Лондонѣ Веселовскаго слѣдующее донесеніе отъ 1-го февраля: „Четвертаго дня приключился здѣсь случай чрезвычайный и очень полезный интересамъ вашего царскаго величества, а именно: по королевскому указу, шведскій министръ при здѣшнемъ Дворѣ Гилленборгъ въ домѣ своемъ арестованъ, вся переписка его забрана и отнесена въ тайный совѣтъ; въ тотъ же день арестованы три человѣка изъ партіи тори и отправлены чиновники для арестованія многихъ другихъ лицъ по областямъ; также посланы указы во всѣ гавани, чтобъ не выпускать никого безъ паспорта отъ государственнаго секретаря, а въ адмиралтейство посланъ указъ, чтобъ немедленно были вооружены двадцать три корабля. Я увѣдомился, что шведскій министръ арестованъ за то, что, по указу короля своего, вступилъ въ заговоръ противъ короля Георга съ партіею претендента (Іакова III Стюарта); было положено, что въ началѣ марта отъ 8 до 12,000 шведскаго войска высадятся въ Шотландіи и соединятся съ партіею претендента". Петръ отвѣчалъ на это: „Надлежитъ тебѣ, хотя бы пришлось употребить и нѣкоторое иждивеніе, подлинно провѣдать и намъ донесть обстоятельно: имѣетъ ли король Англійскій подлинное намѣреніе объявить войну Швеціи, и можетъ ли склонить парламентъ, чтобъ далъ нужныя субсидіи, и, вооружа флотъ, куда намѣрены его упо-

[1]) Первый—царевичъ Петръ, родившійся въ 1715 г.
[2]) Письма Русскихъ государей.—Кабинетъ I, кн. № 7.

требить. Также показываетъ ли дворъ Англійскій теперь къ намъ какую-нибудь склонность, и какъ съ тобою обращаются англійскіе министры послѣ открытія заговора въ сравненіи съ прежнимъ? Тебѣ надобно часто у нихъ бывать и вывѣдывать объ ихъ намѣреніяхъ удобнымъ образомъ. Если будутъ тебѣ говорить и обнаруживать склонность къ соглашенію съ нами, то можете имъ объявить, что мы дружбы короля Англійскаго желаемъ и въ соглашеніе съ нимъ вступить готовность всегда имѣли и имѣемъ; что мы, для показанія истиннаго своего намѣренія и къ его королевскому величеству нашей дружбы, повелѣли уже фельдмаршалу нашему графу Шереметеву съ двѣнадцатью батальонами войскъ нашихъ изъ Мекленбурга выступить и идти въ Польшу, и въ Мекленбургѣ осталось нашихъ только двадцать батальоновъ, о которыхъ съ Датскимъ дворомъ у насъ продолжаются еще переговоры; и если съ этимъ дворомъ мы не уладимся, что обнаружится скоро, то и остальнымъ войскамъ также велимъ выйти изъ Мекленбурга. Но все это ты имъ говори отъ себя, а не по указу. Можешь объявить по указу только то, что мы очень рады открытію злаго заговора короля Шведскаго, съ чѣмъ королевское величество поздравляемъ, поступокъ его съ шведскимъ министромъ одобряемъ, и что теперь непріятельская злоба короля Шведскаго явна всему свѣту". Какъ былъ радъ Петръ этому случаю, видно изъ письма его къ адмиралу Апраксину: „Нынѣ не правда-ль моя, что всегда я за здоровье сего начинателя пилъ? ибо сего никакою цѣною не купишь, что самъ сдѣлалъ".

Но Петръ радовался понапрасну. Бернсторфъ, какъ доносилъ Веселовскій, далъ ему знать конфиденціально, что хотя, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, нужно было бы войти въ соглашенія съ сѣверными союзниками, однако, пока русскія войска не выйдутъ изъ имперіи, Англійскій король ничего не постановитъ съ сѣверными союзниками; впрочемъ король очень склоненъ содержать крѣпкую дружбу съ царемъ, а что дѣла мекленбургскія служатъ препятствіемъ къ соглашенію, на то нельзя сердиться, ибо эти дѣла касаются интереса и обязанностей королевскихъ.

Скоро Веселовскій далъ знать, что, кромѣ мекленбургскихъ дѣлъ, явилось новое препятствіе къ соглашенію: въ найденныхъ письмахъ у Гилленборга упоминается о Русскомъ Дворѣ, именно о царскомъ медикѣ Арескинѣ, приверженцѣ Стюартовъ. Веселовскій просилъ наставленія, какъ ему дѣйствовать, чтобъ уничтожить всякое подозрѣніе, хотя никто изъ министровъ еще не высказывалъ ему этого подозрѣнія. Подозрѣніе было возбуждено слѣдующими строками въ письмѣ Герца къ барону Шпарре изъ Гаги отъ 11 ноября 1716 года: „Для примиренія съ царемъ дѣйствовать посредствомъ Франціи намъ неудобно, потому что Франція ласкается къ Англіи и не захочетъ ничего сдѣлать безъ согласія съ послѣднею. Другіе каналы также неудобны по медленности. Думаю, что можно поддерживать доброе расположеніе царя посредствомъ довѣреннаго медика, если это расположеніе дѣйствительно таково, какъ объ немъ дано знать. Въ случаѣ, если царь пріѣдетъ сюда и будетъ возможность переговорить съ конфидентомъ, то мы далеко поведемъ дѣла, опять въ предположеніи, какъ я сказалъ, что все, написанное конфидентомъ, основательно".— Болѣе подробное содержаніе сообщеній конфидента находится въ письмѣ Густава Гилленборга къ графу Гилленборгу изъ Гаги отъ 17 ноября 1716: „У милорда Мара есть родственникъ, по имени Ерскинъ, который служитъ медикомъ и тайнымъ совѣтникомъ у царя. Этотъ конфидентъ пишетъ къ Мару: что царь не предприметъ ничего болѣе противъ короля Шведскаго; что онъ поссорился съ своими союзниками; что онъ не можетъ никогда сблизиться съ королемъ Георгомъ, котораго смертельно ненавидитъ; что онъ убѣжденъ въ правахъ претендента; что онъ больше всего желаетъ имѣть случай возстановить его на Англійскомъ престолѣ; что царь, будучи побѣдителемъ, не можетъ первый сдѣлать предложенія королю Шведскому; но если Карлъ XII согласится сдѣлать хотя малѣйшій шагъ, то немедленно все будетъ улажено между ними".

Получивъ эти извѣстія, Петръ 5 марта послалъ указъ Веселовскому подать Англійскому Двору чрезъ государственнаго секретаря оправдательный меморіалъ и, если можно, напечатать его на французскомъ и англійскомъ языкахъ, „для показанія всему свѣту". Если напечатать не позволятъ, то рукописные списки раздать министрамъ и вліятельнымъ членамъ парламента, „особливо дабы то въ народѣ было явно"; выпросить конференцію у министровъ англійскихъ и ганноверскихъ, и засвидѣтельствовать передъ ними отъ имени своего государя, что онъ относительно короля Англійскаго никогда не имѣлъ и не имѣетъ противнаго намѣренія, всегда искалъ его дружбы и добраго согласія; и хотя со стороны королевской много показано недоброжелательствъ въ Копенгагенѣ во время приготовленій къ высадкѣ въ Шонію, да и теперь, благодаря министрамъ короля Георга, Датскій Дворъ не вступаетъ ни въ какое соглашеніе съ Россіею; хотя и при прочихъ Дворахъ, Цесарскомъ, Прусскомъ и на сеймѣ Регенсбургскомъ министры короля Георга старались привести Русскаго государя у всѣхъ въ ненависть и поднимали всю имперію, чтобъ выбить русскія войска,—однако царь не имѣлъ противъ короля Георга никакого противнаго намѣренія, и въ доказательство отправилъ тайнаго совѣтника Толстого, для переговоровъ о дѣйствіяхъ въ будущую кампанію; но Толстой былъ встрѣченъ такъ холодно съ англійской стороны, что переговоры порвались безъ всякой причины. При проѣздѣ короля Георга чрезъ Голландію, тотъ же Толстой и князь Куракинъ отправлены были къ нему съ нужными предложеніями, но не были допущены на аудіенцію; самъ царь хотѣлъ имѣть

личное свиданіе съ королемъ, но тотъ не согласился. Несмотря на все это, царю и въ мысли не приходило помогать претенденту, и все, находящееся въ письмахъ шведскихъ министровъ о Россіи,—безсовѣстная ложь, и ни малѣйшаго ни отъ кого предложенія не было сдѣлано Русскому Двору. Правда, что, когда были порваны переговоры съ королемъ Георгомъ, со стороны претендента къ царю была подсылка объ отдѣльномъ мирѣ между Россіею и Швеціею; однако царское величество и слышать объ этомъ не хотѣлъ, и людей, пріѣхавшихъ съ предложеніемъ отъ претендента, къ себѣ не допускалъ; о заговорѣ же въ пользу претендента и о намѣреніи Шведскаго короля напасть на Англію не было ничего сообщено.—Въ оправдательномъ меморіалѣ было сказано, что медикъ Арескинъ уже тринадцать лѣтъ находится въ службѣ царской и всегда велъ себя такъ, что нельзя повѣрить, чтобъ онъ до такой степени забылся и вступилъ въ непристойную переписку безъ всякаго указа; притомъ онъ только лѣчитъ, и ни къ какимъ совѣтамъ и государственнымъ дѣламъ не употребляется. Царское величество, узнавъ, что нѣкоторые изъ родственниковъ его находятся въ возмущеніи противъ короля Георга, тотчасъ же запретилъ ему имѣть съ ними переписку даже и о частныхъ своихъ дѣлахъ. И теперь, узнавши о перепискѣ шведскихъ министровъ, Арескинъ объявилъ подъ присягою, что никогда подобныхъ писемъ ни къ лорду Мару, ни къ кому другому не писалъ, и подвергаетъ себя жесточайшему наказанію, если гдѣ-нибудь такое письмо его явится. Да и согласно ли съ интересомъ царскаго величества благопріятствовать тому, чтобъ претендентъ получилъ Англійскій престолъ съ помощію короля Шведскаго, которому навсегда останется благодаренъ ко вреду Россіи. Арескинъ, съ своей стороны, также переслалъ Англійскому правительству оправдательную записку.

На объясненія Веселовскаго государственный секретарь отвѣчалъ увѣреніями въ дружественномъ расположеніи своего короля къ царскому величеству; увѣрялъ, что лживыя внушенія шведскихъ министровъ не произвели никакого впечатлѣнія ни на короля, ни на тайный совѣтъ его, и никакого подозрѣнія на Русское правительство нѣтъ: доказательствомъ служитъ то, что Веселовскому не сдѣлано никакого особеннаго противъ другихъ министровъ сообщенія. Что касается доктора Арескина, то для обвиненія его нѣтъ до сихъ поръ никакого прямаго доказательства; надобно думать, что шведскіе министры чрезъ графа Мара старались втянуть его въ свое предпріятіе, и этимъ накинули на него тѣнь подозрѣнія, хотя, быть можетъ, онъ и совершенно невиненъ; если же что, противъ всякаго чаянія, откроется, чѣмъ можно будетъ его уличить, то царскому величеству будетъ донесено приличнымъ образомъ. Въ публикованіи шведской переписки у Англійскаго правительства не было другого намѣренія, какъ обнаружить злые умыслы Шведовъ, и не думаетъ оно, чтобъ этою публикаціею могло кому-нибудь досадить, потому что шведскія разглашенія являются неосновательны и лживы. Король очень чувствителенъ къ продолженію добрыхъ намѣреній царскаго величества, и постарается показать взаимные опыты своей дружбы. Окончилъ свои объясненія государственный секретарь обычнымъ припѣвомъ, что когда русскія войска будутъ выведены изъ Мекленбурга, то безъ сомнѣнія Англія и Россія придутъ въ прежнее доброе согласіе. Тотъ же припѣвъ находился и въ письменномъ отвѣтѣ на меморіалъ Веселовскаго. Здѣсь, между прочимъ, король оправдывался, почему не имѣлъ свиданія съ царемъ и не выслушалъ Толстого и Куракина: „Королю было бы великое удовольствіе имѣть свиданіе съ царемъ при проѣздѣ его въ Голландію, но болѣзнь царскаго величества до этого не допустила. Его королевское величество съ охотою увидалъ бы и выслушалъ господъ Куракина и Толстого, еслибъ они пріѣхали не въ ту минуту, когда его величество на яхту садился и не могъ отложить отъѣзда, чтобъ не пропустить убылой воды“.

Отъ ганноверскихъ министровъ на всѣ предложенія Веселовскаго насчетъ общихъ дѣйствій противъ Швеціи былъ также одинъ отвѣтъ: нельзя вступать ни въ какія соглашенія до вывода русскихъ войскъ изъ Мекленбурга. Петръ, видя, что съ этой стороны нельзя успѣть ни въ чемъ, рѣшился испытать удачи со стороны Франціи, и 24 марта отправился туда изъ Голландіи [1]).

Мы видѣли, что до Петра и при Петрѣ попытки сближенія между Россіею и Франціею постоянно оканчивались неудачно, и Петру приписывалось особенно личное нерасположеніе къ Франціи. Мы оставимъ въ сторонѣ это личное несочувствіе Петра къ Франціи, потому что если оно и существовало, то не было сильно, не имѣло вліянія на политическія соображенія: когда считалось нужнымъ, Петръ никогда не отказывался входить въ сношенія съ Франціею. Сближенію двухъ державъ мѣшало не личное нерасположеніе царя, а совершенная разрозненность ихъ интересовъ, особенно съ того времени, когда „преславная викторія“ обнаружила всю силу Россіи и ея новое значеніе въ европейской семьѣ народовъ. Если мы взглянемъ на предшествовавшую политику Франціи, то легко поймемъ, почему она болѣе другихъ державъ должна была встревожиться появленіемъ на востокѣ Европы новаго могущественнаго государства. Когда, по окончаніи внутренняго процесса собиранія Французской Земли, Франція, пользуясь своими обширными средствами, начала стремиться къ первенству въ Европѣ, то въ этомъ стремленіи встрѣтила сильное сопротивленіе отъ Габсбургскаго Дома: отсюда ожесточенная борьба между нею и Габсбургами; отсюда господствующее направленіе французской политики къ тому, чтобы всѣми средствами вредить послѣднимъ; отсюда союзъ ея съ Турціею.

---

[1]) Дѣла Англійскія 1717 года.

Въ войну за наслѣдство Испанскаго престола, Австрія отомстила Франціи за Тридцатилѣтнюю войну; обнаружилось, что съ Австріею нужно еще вести долгіе счеты; тѣмъ важнѣе становилось для Франціи сохранить старыхъ союзниковъ своихъ, естественныхъ враговъ Австріи, сохранить союзъ съ Турціею, поддержать это государство, упавшее въ концѣ XVII вѣка. Въ это самое время является на сцену сильная Россія; понятно, что Франція отнесется къ ней сообразно съ своими интересами; что для нея первымъ вопросомъ здѣсь будетъ: въ какихъ отношеніяхъ должно быть новое государство къ Австріи и Турціи? Враждебность Россіи къ послѣдней была очевидна; но при этой враждебности къ Турціи Россія должна быть естественною союзницей Австріи, которая также враждебна Турціи; ясно, слѣдовательно, что новое государство должно идти наперекоръ французскимъ интересамъ: ненавистная Австрія пріобрѣтаетъ въ немъ могущественнаго союзника, дружественная Турція—страшнаго врага. Но этого мало. Во время Тридцатилѣтней войны Франція отыскала удобное орудіе для нанесенія тяжелыхъ ударовъ Габсбургамъ: то была Швеція. Съ помощію Франціи, Швеція получила важное значеніе, утвердилась на германской почвѣ; и Швеція исправно платила свой долгъ: въ ней Франція имѣла вѣрную союзницу противъ Австріи и Германіи, посредствомъ ихъ распространяла свое вліяніе и на Восточную Европу. Но теперь является новое государство, которое схватывается съ Швеціею, наноситъ ей страшные удары, отнимаетъ у нея значеніе первенствующей державы на сѣверо-востокѣ Европы и беретъ это значеніе себѣ. Можно было бы помириться еще съ этимъ явленіемъ, если бы Россія могла перенять на себя роль Швеціи въ отношеніи къ Франціи; но она сильнѣе, самостоятельнѣе Швеціи, она враждебна Турціи и потому естественная союзница Австріи. Россія сильна, а подлѣ нея все слабыя государства—Турція, Швеція, Польша. Польша по своей конституціи, вслѣдствіе избирательности королей, находилась всегда подъ чужимъ вліяніемъ; Франція никогда не отказывалась отъ вліянія въ Польшѣ, столь важнаго подъ-бокомъ у Австріи: однажды Французскій принцъ уже былъ на Польскомъ престолѣ; не удалось въ другой разъ,—удастся въ третій и четвертый. Но теперь подлѣ слабой Польши могущественная Россія, которая не преминетъ утвердить свое вліяніе въ Польшѣ: царь уже распоряжается въ ней, какъ у себя дома; но русское вліяніе въ Польшѣ, разумѣется, будетъ противодѣйствовать вліянію французскому, по отношеніямъ къ Австріи и Турціи.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, Франція, какъ мы видѣли, употребляла дипломатическія усилія (другихъ употребить не могла), чтобъ остановить успѣхи преобразованной Россіи, дать оправиться Швеціи посредствомъ Турокъ и уничтожить русское вліяніе въ Польшѣ. Не успѣвши заставить султана возобновить войну съ Россіею, Франція обратилась въ Берлинъ, повела интригу здѣсь, чтобъ заставить Пруссію заступиться за Швецію; но мы видѣли, что и здѣсь не было успѣха.

Неуспѣхъ долженъ былъ повести къ мысли: если нельзя поднять Швецію, если нельзя сломить Россію, то нельзя ли попытаться замѣнить союзъ съ слабою Швеціею союзомъ съ сильною Россіею? Россія была не прочь: лѣтомъ 1711 года, когда на Прутѣ такъ печально для Петра рѣшалось дѣло, затѣянное Франціею въ Константинополѣ, секретарь Григорій Волковъ въ Фонтенебло велъ переговоры съ министрами Людовика XIV о союзѣ между Россіею и Франціею и о посредничествѣ Людовика въ примиреніи царя съ Швеціею и Турціею. Французскіе министры предложили слѣдующія условія: 1) чтобъ царь помогъ Венграмъ противъ Австріи; 2) чтобъ принца Австрійскаго Дома не допустилъ до короны императорской, а помогъ получить эту корону королю Польскому; 3) чтобъ войска датскія и саксонскія были отозваны изъ службы державъ, враждебныхъ Франціи. При такихъ условіяхъ король обѣщался послать желаемые царемъ указы въ Царьградъ. Донося объ этихъ „высокихъ и невозможности касающихся предложеній", Волковъ писалъ: „Явно, что здѣшній Дворъ не пересталъ искать шведскаго интереса, и какъ ни скрытенъ министръ иностранныхъ дѣлъ Торси, однако, въ разговорѣ съ нимъ о Шведѣ, въ лицѣ его и словахъ легко уловить нѣкоторую внутреннюю къ нему склонность. Одинъ мой пріятель, человѣкъ очень свѣдущій въ дѣлахъ, говорилъ мнѣ, что Торси несправедливо съ нашимъ дворомъ поступаетъ и хочетъ его только провесть, а народъ здѣшній весь враждебенъ Россіи, и которыя добрыя вѣдомости о насъ бываютъ, тѣхъ и слышать не хотятъ, и въ печать онѣ не допускаются, почему выгодно было бы курантельщика (редактора газеты) чѣмъ-нибудь приласкать, чтобъ принималъ и печаталъ добрыя о насъ вѣдомости". Прутскій миръ прервалъ переговоры Волкова и показалъ всю вѣрность его донесеній о враждѣ Франціи къ Россіи, враждѣ, которая не переставала высказываться во все остальное время царствованія Людовика XIV. Но послѣ его смерти отношенія перемѣнились.

На Французскомъ престолѣ сидѣлъ ребенокъ, Людовикъ XV; регентъ, герцогъ Филиппъ Орлеанскій, чувствуя слабость Франціи и желая обезпечить свое положеніе, искалъ союза сильныхъ, не заботясь о поддержаніи слабыхъ. Изъ Берлина пошли къ Петру внушенія, что при настоящихъ обстоятельствахъ, при ослабленіи Сѣвернаго союза, было бы выгодно сблизиться съ Франціею, которая сама желаетъ этого сближенія. Въ началѣ декабря 1716 года Петръ получилъ въ Амстердамѣ отъ графа Александра Головкина слѣдующее донесеніе: „Сказывалъ Ильгенъ, что спрашивалъ его французскій министръ, графъ Ротембургъ, какую склонность имѣетъ ваше царское величество къ Франціи, и потомъ онъ, Ротембургъ, свидѣтельствовалъ, что

дукъ д'Орлеанъ охотно желаетъ съ вашимъ царскимъ величествомъ въ доброй дружбѣ пребыть, на что онъ, Ильгенъ, ему сказалъ, что ваше царское величество не несклоненъ къ тому, и Ротембургъ уже писалъ объ этомъ къ своему Двору, и думаетъ вскорѣ получить отвѣтъ. Потомъ Ильгенъ разсуждалъ, что немалая польза можетъ произойти всему Сѣверному союзу, если Франція въ доброе согласіе съ сѣверными союзниками вступитъ и не будетъ помогать общему непріятелю деньгами и другими способами, къ чему, по его, Ильгенову, мнѣнію, можно Францію склонить". 14 декабря получено новое донесеніе: французскій посланникъ объявилъ Прусскому королю, что Франція охотно желаетъ вступить въ доброе согласіе съ Россіею и Пруссіею, причемъ герцогъ Орлеанскій не будетъ дѣлать никакихъ предложеній о Сѣверномъ мирѣ, и въ другихъ случаяхъ не будетъ искать пользы Швеціи, не будетъ ничѣмъ помогать ей, оставитъ ее совсѣмъ. Ильгенъ упомянулъ Ротембургу, не нужно ли пригласить къ союзу и короля Польскаго. „По-моему, не нужно", отвѣчалъ Ротембургъ, „потому что знаю непостоянство Саксонскаго Двора". Ильгенъ внушалъ Головкину, что еслибъ даже и не дошло до настоящаго союза между Россіею, Пруссіею и Франціею, то уже одни переговоры о немъ будутъ полезны: Императоръ, узнавши о нихъ, встревожится и станетъ пріязненнѣе поступать съ Сѣверными союзниками. Петръ, получивши эти донесенія, поручилъ Головкину разузнать, чего потребуетъ Франція отъ Россіи, на какихъ условіяхъ хочетъ вступить съ нею въ соглашеніе. Ротембургъ отвѣчалъ, что Франція желаетъ отъ Россіи и Пруссіи гарантіи послѣднихъ договоровъ ея съ Англіею и Австріею—Утрехтскаго и Баденскаго; желаетъ также оборонительнаго союза съ Россіею и Пруссіею, и при этомъ замѣтилъ, что было бы желательно, еслибъ знатная часть русскаго войска оставалась въ имперіи, на всякій случай. Ротембургъ наивно объяснялъ побужденія своего Двора: Франція, говорилъ онъ, всегда старалась склонять Шведскаго короля къ миру, но до сихъ поръ никакого успѣха въ томъ не имѣетъ; поэтому, видя упрямство короля Шведскаго, безсиліе Швеціи и въ дѣлахъ ея непорядки, Франція хочетъ, вмѣсто нея, получить помощь отъ Россіи и Пруссіи, поэтому и хочетъ, чтобъ царь утвердился въ имперіи, а за Швеціею пустъ и ничего здѣсь не остается.

Петръ велѣлъ Головкину объявить королю, что онъ, царь, готовъ вступить въ соглашеніе съ Франціею, сообща съ Пруссіею; но надобно, чтобъ Франція прямо объявила, что она въ пользу новыхъ своихъ союзниковъ сдѣлать намѣрена, и обо всемъ представила бы формальное предложеніе; также, чтобъ опредѣлено было мѣсто, гдѣ, и министръ, чрезъ котораго будутъ происходить переговоры. Головкинъ, по царскому указу, предлагалъ Голландію, какъ самое удобное мѣсто для переговоровъ, на что соглашался и Прусскій король. Но, будучи готовъ войти въ соглашенія съ Франціею, чтобъ отнять у Шведовъ ихъ постоянную союзницу, Петръ не хотѣлъ служить Франціи орудіемъ для достиженія ея цѣлей, не хотѣлъ, чтобъ она вовлекла его во вражду съ Императоромъ, и потому Головкинъ объявилъ Фридриху-Вильгельму: если дойдетъ до заключенія союза съ Франціею, то не постановлять ничего противнаго Цесарю, дабы свободныя руки имѣть, потомъ заключить союзъ и съ Цесаремъ, если интересы Россіи и Пруссіи того потребуютъ. Головкинъ объявилъ также, что царь находитъ невозможнымъ для себя утвердиться въ Германіи и держать въ ней постоянно русское войско, какъ Франція этого желаетъ. Король отвѣчалъ, что онъ одного мнѣнія съ царскимъ величествомъ, и если соглашеніе съ Франціею состоится и будетъ надобность, то всегда можно русскія войска ввести въ имперію: Пруссія всегда позволитъ имъ свободный проходъ, и Поляки воспрепятствовать ему не въ состояніи.

До Берлинскаго Двора дошли слухи, что въ Голландіи Гёрцъ дѣлалъ предложеніе царю или его министрамъ объ отдѣльномъ мирѣ съ Швеціею. Петръ поручилъ Головкину объявить Прусскому королю, что во время пребыванія его въ Голландіи Гёрца тамъ не было; не было и такихъ предложеній ни отъ него, ни отъ кого-либо другого ни самому царю, ни министрамъ его. Король отвѣчалъ, что онъ самъ получилъ извѣстіе о давнемъ пребываніи Гёрца во Франціи, и, будучи обнадеженъ дружбою царскаго величества, всѣ эти слухи считаетъ неимовѣрными. Ильгенъ сообщилъ Головкину по-секрету извѣстія, полученныя отъ Ротембурга, что Гёрцъ, находясь въ Парижѣ, старается всѣми способами отдалить царя отъ другихъ сѣверныхъ союзниковъ, и особенно отъ короля Прусскаго. Въ дальнѣйшихъ разговорахъ съ Головкинымъ Ильгенъ началъ внушать, что на королей Англійскаго, Датскаго и Польскаго мало надежды: ясно видно, что сѣверные союзники другъ съ другомъ расходятся, только царь съ королемъ Прусскимъ находятся въ твердой дружбѣ; поэтому надобно имъ еще тѣснѣе соединиться и принять мѣры для упрежденія всѣхъ противныхъ замысловъ, составить сообща планъ о мирныхъ условіяхъ и стараться о заключеніи отдѣльнаго мира съ Швеціею. Ильгенъ прямо признался, что, до вступленія своего короля въ войну, онъ отводилъ его отъ нея; но теперь, когда въ войну уже вступили, то онъ находитъ главный интересъ своего короля въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею, и желаетъ, чтобъ царскія войска оставались въ Мекленбургѣ, и чтобъ даже число ихъ увеличилось вдвое: „Мы почти со всѣми перессорились, полагая всю надежду на царское величество", говорилъ Ильгенъ; „и если царское величество насъ оставитъ, то мы будемъ въ большой опасности" [1]).

Если Французскій Дворъ требовалъ отъ Русскаго

---

[1]) Дѣла Французскія 1711 года. — Дѣла Прусскія 1716 и 1717 г.

гарангіи договоровъ Утрехтскаго и Баденскаго, то Петръ первымъ условіемъ союза своего съ Франціею поставилъ гарантію со стороны ея всѣхъ своихъ завоеваній, сдѣланныхъ въ Сѣверную войну. Франція не хотѣла принять этого условія, тѣмъ болѣе что она уже сблизилась съ Англіею, король которой былъ въ явной враждѣ съ Русскимъ царемъ. Таковы были отношенія Россіи къ Франціи, когда Петръ рѣшился самъ ѣхать въ Парижъ. Если мы примемъ въ соображеніе сильное желаніе Петра прекратить какъ можно скорѣе войну, то мы поймемъ причины, заставившія его ѣхать въ Парижъ: надобно было испробовать это послѣднее средство. Какъ сильно желалъ онъ мира, видно изъ письма его къ фельдмаршалу Шереметеву: „Понеже десантъ (въ Шонію) отъ васъ и нѣкоторыхъ генераловъ удержанъ и оставленъ, отъ чего какія худыя слѣдствія нынѣ происходятъ! Англійскій—тотъ (король) не думаетъ, а Датчане ничего безъ него не смѣютъ: и тако со стыдомъ домой пойдемъ. Къ тому-жь, что еслибъ десантъ былъ, уже бы миръ былъ; а нынѣ какъ ты, такъ и прочіе генералы (кои отговаривали десантъ) дайте совѣтъ, какимъ образомъ сію войну къ концу приводить, только бы въ тѣхъ письмахъ отнюдь не было какъ изволишь, и, собравъ, пришли ко мнѣ". — У Петра могло быть и другое побужденіе ѣхать самому во Францію: агентъ царскій во Франціи Кононъ Зотовъ, отъ 17 декабря 1716 года писалъ Петру: „Бонмазари говорилъ съ Дэтре о женитьбѣ (вторичной) царевича Алексѣя на Европской принцессѣ, и искусно спросилъ, не угодно ли будетъ Двору Французскому царевича женить на принцессѣ Французской, именно на дочери дюка д'Орлеанса?—на что маршалъ отвѣчалъ, что весьма радъ слышать такую добрую мысль, и сказалъ, что царскому величеству ни въ чемъ здѣсь не откажутъ. Маршалъ объявилъ обо всемъ дюку, который сказалъ: „Я-де бы радъ былъ, чтобы сіе сегодня учинилося" [1]). Эти увѣренія, что здѣсь ни въ чемъ не откажутъ, могли внушить Петру мысль, которую онъ не покидалъ до конца жизни, —мысль о бракѣ своей дочери Елисаветы съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XV.

Узнавъ о въѣздѣ Петра во французскія границы, регентъ отправилъ къ нему на-встрѣчу маршала Тессе, который и привезъ его въ Парижъ 26 апрѣля, въ 9 часовъ вечера. Для него были приготовлены комнаты королевы въ Луврѣ; но это помѣщеніе ему не понравилось по великолѣпію, и онъ потребовалъ, чтобъ ему отвели квартиру въ домѣ какого-нибудь частнаго человѣка; ему отвели отель де-Ледигьеръ подлѣ арсенала. Но и здѣсь мебель показалась ему слишкомъ великолѣпною; онъ велѣлъ вынуть изъ фургона свою походную постель и постлать ее въ гардеробѣ. Французы-современники такъ описываютъ Петра: онъ былъ высокаго роста, очень хорошо сложенъ, худощавъ, смуглъ, глаза у него большіе и живые, взглядъ проницательный и иногда дикій, особенно когда на лицѣ показывались конвульсивныя движенія. Когда онъ хотѣлъ сдѣлать кому-нибудь хорошій пріемъ, то физіономія его прояснялась и становилась пріятною, хотя всегда сохраняла немного сарматскаго величія. Его неправильныя и порывистыя движенія обнаруживали стремительность характера и силу страстей. Никакія свѣтскія приличія не останавливали дѣятельность его духа; видъ величія и смѣлости возвѣщалъ государя, который чувствуетъ себя хозяиномъ повсюду. Иногда, наскучивъ толпою посѣтителей, онъ удалялъ ихъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ, или просто выходилъ, чтобъ отправиться, куда влекло его любопытство. Если при этомъ экипажи его не были готовы, то онъ садился въ первую попавшуюся карету, даже наемную: однажды онъ сѣлъ въ карету жены маршала Матиньонъ, которая пріѣхала къ нему съ визитомъ, и приказалъ везти себя въ Булонь; маршалъ Тессе и гвардія, приставленная всюду сопровождать его, бѣгали тогда за нимъ, какъ могли. Петръ поражалъ Французовъ и простотою своей одежды: онъ носилъ простое суконное платье, широкій поясъ, на которомъ висѣла сабля, круглый парикъ безъ пудры, не спускавшійся далѣе шеи, рубашку безъ манжетъ. Онъ обѣдалъ въ одиннадцать часовъ, ужиналъ въ восемь [2]).

На другой день послѣ пріѣзда, 27 апрѣля, регентъ пріѣхалъ съ визитомъ къ царю. Петръ вышелъ изъ кабинета, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу герцогу и поцѣловался съ нимъ; потомъ, указавши рукою дверь кабинета, обернулся и вошелъ первый, за нимъ регентъ и князь Куракинъ, служившій переводчикомъ. Въ кабинетѣ хозяинъ и гость сѣли въ креслахъ, Куракинъ остался на ногахъ. Послѣ получасоваго разговора, Петръ всталъ и, вышедши изъ кабинета, остановился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ принялъ регента: тотъ сдѣлалъ ему низкій поклонъ, на который царь отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Несмотря на жгучее любопытство все поскорѣе осмотрѣть въ знаменитомъ городѣ, Петръ нѣсколько дней не выходилъ изъ дому, дожидаясь визита королевскаго: „Объявляю вамъ", писалъ онъ Екатеринѣ 28 апрѣля, „что два или три дня принужденъ въ домѣ быть для визитъ и прочей церемоніи, и для того еще ничего не видалъ здѣсь; а съ завтрее или послѣ завтрее начну все смотрѣть. А сколько дорогою видѣли,— бѣдность въ людяхъ подлыхъ великая" [3]).

На другой день послѣ этого письма, маленькій король сдѣлалъ визитъ гостю. Царь встрѣтилъ его у кареты; дядька королевскій, герцогъ Вилльруа,

---

[1]) Голиковъ—Дѣянія V, 261. Кабинетъ II, кн. № 27. Отъ 20 октября Зотовъ писалъ: «Если же я сіе дерзаю желать изъ интереса какихъ подарковъ (что у насъ могутъ думать), что да будетъ моя голова на колѣ съ Циклеровымъ»...

[2]) Mémoires de Duclos; Mémoires de Saint-Simon, t. XV.

[3]) Письма Русскихъ государей.

сказалъ Петру привѣтствіе вмѣсто своего малолѣтняго воспитанника, послѣ чего оба государя вошли рядомъ въ домъ,—король по правую руку. Посидѣвши съ четверть часа, царь всталъ, взялъ короля на руки и поцѣловалъ нѣсколько разъ, глядя на него съ необыкновенною нѣжностью, послѣ чего оба государя вышли съ прежнею церемоніей. Объ этомъ королевскомъ визитѣ Петръ такъ увѣдомилъ жену: „Объявляю вамъ, что въ прошлый понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній каралища, который пальца на два болѣе Луки нашего (карло); дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ, и по возрасту своему догольно разуменъ, которому седмь лѣтъ“ [1]). На другой день царь отдалъ визитъ королю: увидѣвши, что маленькій Людовикъ спѣшитъ къ нему навстрѣчу къ каретѣ, Петръ выскочилъ изъ нея, побѣжалъ къ королю навстрѣчу, взялъ на руки и внесъ по лѣстницѣ въ залу. Церемонія была такая же, какъ и наканунѣ, съ тѣмъ различіемъ, что теперь король уступалъ правую руку царю.

Дождавшись королевскаго визита, Петръ сейчасъ же пошелъ осматривать Парижъ, заходилъ въ лавки, къ ремесленникамъ, выспрашивая ихъ чрезъ князя Куракина о подробностяхъ ихъ работы, при чемъ обнаруживалъ обширныя познанія. Вещи только красивыя, служившія къ удовольствію, мало его занимали; но все, что имѣло цѣлію пользу, что относилось къ мореплаванію, торговлѣ, къ искусствамъ необходимымъ,—возбуждало его любопытство, и здѣсь онъ приводилъ въ изумленіе вѣрностію, проницательностію взгляда, обнаруживалъ такую же быстроту въ изученіи, какъ и жадность въ пріобрѣтеніи познаній. Онъ только мимоходомъ взглянулъ на королевскіе бриллiанты, но долго разсматривалъ Гобелиновы произведенія, долго оставался въ зоологическомъ саду (jardin des plantes), въ механическихъ кабинетахъ. Въ оперѣ онъ просидѣлъ только до четвертаго акта; но въ тотъ же день цѣлое утро провелъ въ галлереѣ плановъ. Очень понравилось ему въ Инвалидномъ домѣ, гдѣ онъ осмотрѣлъ все до мельчайшихъ подробностей: въ столовой спросилъ солдатскую рюмку вина и выпилъ за здоровье инвалидовъ, называя ихъ товарищами. Осмотрѣвъ загородные дворцы, Петръ отправился въ С.-Сиръ, чтобъ осмотрѣть знаменитую женскую школу, заведенную Ментенонъ: царь посѣтилъ всѣ классы, заставилъ объяснить себѣ всѣ упражненія пансіонерокъ, и потомъ навѣстилъ больную Ментенонъ. Сорбонскіе ученые предложили Петру соединеніе церквей: онъ передалъ это дѣло на обсужденіе русскаго духовенства.

9 іюня царь выѣхалъ изъ Парижа въ Спа для пользованія тамошними водами, которыя употреблялъ до 14 іюля, когда выѣхалъ изъ Спа въ Амстердамъ. Здѣсь, 4 августа, канцлеръ Головкинъ, Шафировъ и Куракинъ—съ русской стороны, французскій посолъ въ Голландіи Шатонефъ—со стороны Людовика XV, и баронъ Книпенгаузенъ—со стороны Прусскаго короля заключили договоръ: Русскій царь и короли Французскій и Прусскій обязались поддерживать миръ, возстановленный трактатами Утрехтскимъ и Баденскимъ, также охранять договоры, которые имѣютъ прекратить Сѣверную войну. Для утвержденія союза между тремя державами, подданные ихъ пользуются взаимно всѣми выгодами, какія имѣютъ націи, наиболѣе покровительствуемыя. Договаривающіеся государи предоставляютъ себѣ взаимное право сохранить всѣ другіе свои договоры и союзы, не противные настоящему союзу; особенно король Французскій выговариваетъ себѣ союзъ, заключенный имъ съ Англіею и Голландіей. Договаривающіеся государи гарантируютъ договоры Утрехтскій и Баденскій, равно какъ тѣ, которые прекратятъ Сѣверную войну. Если одинъ изъ союзниковъ подвергнется нападенію, то другіе обязаны спачала мирными средствами вытребовать ему удовлетвореніе отъ обидчика; но если эти средства не помогутъ, то, по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, союзники должны помогать войсками или деньгами. Царь Всероссійскій и король Прусскій обязуются принять медіацію короля Французскаго для прекращенія Сѣверной войны, при чемъ Французскій король не долженъ употреблять никакого понужденія ни противъ которой стороны; король Французскій обязуется также, по истеченіи срока договору, существующему между его государствомъ и Швеціею (срокъ кончится въ будущемъ апрѣлѣ), не вступать ни въ какое новое обязательство съ Швеціею [2]).

Въ то же время Куракинъ велъ переговоры о мирѣ съ Швеціею. По пріѣздѣ своемъ изъ Спа въ Гагу, 19 іюля, онъ переслался съ извѣстнымъ приверженцемъ Карла XII, генераломъ Понятовскимъ, а на другой день, 20 числа, имѣлъ съ нимъ конференцію. Куракинъ началъ разговоръ тѣмъ, что во время пребыванія въ Спа онъ, Понятовскій, объявилъ ему о присланномъ отъ Шведскаго короля полномочіи секретарю шведскаго посольства Преесу, находящемуся въ Гагѣ; Преесу велѣно вступить въ переговоры съ министрами царскаго величества; для начатія этого дѣла, по соглашенію съ нимъ, Понятовскимъ, онъ, Куракинъ, пріѣхалъ въ Гагу и теперь хочетъ знать, дѣйствительно ли Преесъ имѣетъ полномочіе. Понятовскій отвѣчалъ, что Преесъ дѣйствительно получилъ полномочіе и инструкцію, только въ общихъ выраженіяхъ; по этой инструкціи онъ не можетъ привести къ концу такого великаго дѣла; при томъ въ указѣ ему отъ короля сказано, что онъ будетъ подробно увѣдомленъ о всѣхъ королевскихъ намѣреніяхъ чрезъ указы, данные генералу Рангу; но Рангъ задержанъ въ Англіи. Такъ какъ Герцъ теперь отъѣзжаетъ къ королю въ Швецію, то лучше всего объявить ему объ условіяхъ царскаго величества

---

[1]) Письма Русскихъ государей.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 3098.

для передачи ихъ Карлу XII. Куракинъ замѣтилъ на это, что условія царскаго величества давно объявлены, и жаль, что Преесъ не можетъ окончить дѣло, которое затянется, и драгоцѣнное время будетъ упущено.

27 іюля была другая конференція. Понятовскій объявилъ, что видѣлся съ Гёрцемъ, который предлагаетъ такой способъ переговоровъ: король Шведскій пошлетъ своихъ уполномоченныхъ въ Финляндію на съѣздъ съ царскими министрами,—тамъ будутъ вести переговоры о мирѣ и покончатъ дѣло; что Карлъ XII сдѣлаетъ это безъ потери времени; въ тѣхъ краяхъ вести переговоры гораздо удобнѣе, потому что они будутъ содержаться въ секретѣ. Когда договоръ будетъ заключенъ, то король самъ пожелаетъ видѣться съ царскимъ величествомъ. Баронъ Гёрцъ проситъ царское величество явить къ нему милость, приказать выдать ему свой паспортъ, съ которымъ онъ намѣренъ отправиться въ Ригу, а оттуда переѣхать въ Швецію.

Третья конференція была 29 іюля въ Амстердамѣ. Съ Понятовскимъ пріѣхалъ къ Куракину Преесъ и показалъ свое полномочіе, написанное 30 апрѣля 1717 года,—написано оно по всей формѣ, именно, чтобы переговаривать съ министрами царскаго величества. Куракинъ объявилъ имъ, что государь его согласенъ на предложеніе Гёрца отправить своихъ министровъ въ Финляндію, и желаетъ, чтобы съѣздъ былъ на островѣ Аландѣ и начался черезъ два или три мѣсяца; если въ это время съѣздъ не начнется, то царское величество останется при всѣхъ своихъ обязательствахъ съ союзниками и будетъ искать вмѣстѣ съ ними общей пользы. На другой день, 30 іюля, Куракинъ отдалъ Понятовскому и паспортъ для Гёрца. 12 августа Куракинъ видѣлся съ самимъ Гёрцемъ въ Лоо, гдѣ подтвердили все то, что было условлено съ Понятовскимъ и Преесомъ. Гёрцъ спросилъ Куракина, какъ онъ думаетъ, нужно ли допускать французскаго посла, графа Деламарка, вмѣшаться въ эти переговоры. Куракинъ отвѣчалъ, что воюющія державы обыкновенно дѣлаютъ предложенія чрезъ третью державу; но „мы теперь, министры воюющихъ державъ, нашли способъ быть въ конференціи и безъ посредства третьей державы, согласились о съѣздѣ и о мѣстѣ переговоровъ; умѣли начать одни,—одни и кончимъ, а зачѣмъ впутывать въ дѣло постороннюю державу?“ Особенно надобно быть осторожному относительно графа Деламарка—порученіе, ему данное, довольно извѣстно: ему велѣно стараться о примиреніи короля Англійскаго, какъ курфюрста Ганноверскаго, съ королемъ Шведскимъ. Гёрцъ согласился съ этимъ мнѣніемъ.

Такимъ образомъ Гёрцъ успѣлъ убѣдить Карла XII въ необходимости вступить въ переговоры съ царемъ, миръ съ которымъ предполагалъ большія пожертвованія со стороны Швеціи. Карлъ жилъ одною мыслію и не говорилъ ни о чемъ другомъ, какъ о войнѣ, о возможности отмстить своимъ врагамъ. Гёрцъ писалъ къ голштинскому министру фонъ-Дернату: „Если дѣло удалось, не безпокойтесь о средствахъ, употребленныхъ для успѣха; достаточно, если достигнута цѣль, которую назначилъ король. Онъ самъ очень равнодушенъ къ пути, какой ведетъ къ цѣли, и обнаружилъ бы нетерпѣливость, еслибъ ему предложили много вопросовъ объ этомъ. Если дѣлаемое ему предложеніе ведетъ къ исполненію собственныхъ его желаній, то можно быть увѣрену въ его согласіи. Съ такимъ человѣкомъ можно обходиться только симпатическимъ образомъ. Сопротивляться ему безполезно. Надобно наружнымъ образомъ сообразоваться съ его взглядами, чтобы потомъ, мало-по-малу, склонить его къ своимъ“. Какъ же Гёрцъ приложилъ это правило къ вопросу о русскомъ мирѣ? Онъ писалъ Карлу: „Сила государя состоитъ не въ обширности его владѣній, а въ войскѣ. Слава государя заключается въ томъ, чтобы не щадить своей жизни на войнѣ, геройски идти противъ всякихъ опасностей: безсмертное имя оставитъ по себѣ тотъ государь, который въ широкихъ размѣрахъ измѣнитъ общія отношенія государствъ, подобно Карлу Великому, Карлу V, Густаву-Адольфу и Людовику XIV. Этотъ послѣдній государь, послѣ блестящихъ успѣховъ, былъ одно время пораженъ такими несчастіями, что враги его надѣялись торжествовать окончательно. Несмотря на то, онъ снова поднялся и выполнилъ свое великое дѣло, оторвалъ Испанію отъ Австріи и такимъ образомъ измѣнилъ 300 лѣтъ существовавшія отношенія. Слава такихъ дѣяній продолжается, пока свѣтъ стоитъ. Вашему величеству представляется случай увѣковѣчить свое имя преобразованіемъ отношеній между государствами Сѣвера; но для этого прежде всего нужно войско“.—Чтобы дать это войско Карлу, Гёрцъ истощилъ въ-конецъ шведское населеніе, зная, что король будетъ молчать, не тронется никакими жалобами, ибо равнодушенъ къ средствамъ для достиженія желаемой цѣли. Притомъ Гёрцъ старался представлять королю положеніе Швеціи вовсе не въ такомъ печальномъ видѣ, какъ было на самомъ дѣлѣ: по его словамъ, королевство было еще такъ сильно, что не имѣло надобности принимать предписанныя непріятелями условія; король можетъ еще разъ выступить съ достоинствомъ на всемірную сцену и стяжать неувядаемую славу возстановленіемъ короля Станислава на Польскомъ престолѣ. Пока счастіе улыбалось Карлу, пока весь свѣтъ удивлялся ему и прославлялъ его,—до тѣхъ поръ онъ презиралъ льстивыя внушенія отдѣльныхъ лицъ и гналъ отъ себя льстецовъ; но теперь, когда счастіе отвернулось отъ него и послышались громкія порицанія, лесть отдѣльныхъ лицъ принималась уже какъ желанное утѣшеніе. Представляя королю финансовое положеніе Швеціи вовсе не отчаяннымъ; скрывая, что долги возрасли на 30 милліоновъ, Гёрцъ внушалъ, что Швеція не только поправится, но и процвѣтетъ, если заключенъ будетъ миръ съ Россіею или съ Англіею. Въ концѣ 1716 года и потомъ 1717 Гёрцъ просилъ объ увольненіи; оба

раза Карлъ уговаривалъ его остаться: Гёрцъ соглашался съ условіемъ, чтобы заключенъ былъ миръ съ однимъ изъ враговъ. Избранъ былъ Русскій царь, какъ опаснѣйшій по своимъ личнымъ и государственнымъ средствамъ; онъ могъ оказать помощь Швеціи противъ остальныхъ враговъ, тогда какъ на помощь послѣднихъ противъ Россіи разсчитывать было нельзя [1]).

Петръ сильно желалъ вступить въ мирные переговоры съ Швеціею по своимъ отношеніямъ къ королямъ Саксонскому и Англійскому; отношенія къ Даніи могли только еще болѣе усиливать это желаніе.

По отъѣздѣ царя изъ Даніи, 20 октября Долгорукій былъ у короля съ „комплиментомъ отъ царскаго величества, благодарилъ, отъ имени царя, за удовольствія, испытанныя послѣднимъ въ бытность его въ Копенгагенѣ, увѣрялъ въ постоянной дружбѣ своего государя въ Даніи". Король, съ своей стороны, очень жалѣлъ, что не могъ доставить царскому величеству большихъ удовольствій; обнадеживалъ въ продолженіи дружбы своей къ Россіи; спросилъ, какъ скоро царь увидится съ королемъ Англійскимъ, и сказалъ, что датскіе министры, которые будутъ при этомъ свиданіи, получатъ инструкціи о соглашеніи насчетъ будущей кампаніи. Долгорукій сказалъ на это, что о свиданіи своего государя съ Англійскимъ королемъ не слыхалъ,—знаетъ одно, что царь намѣренъ былъ послать къ Англійскому королю довѣренную особу, которой будетъ наказано вмѣстѣ съ датскими министрами домогаться послѣдняго рѣшенія короля Георга относительно будущей кампаніи. На это король замѣтилъ, что обыкновенно министры не могутъ сдѣлать того, что сами государи при личномъ свиданіи; если царское величество обѣщаетъ Англійскому королю вывести свои войска изъ Мекленбургіи, то и онъ обѣщаетъ выслать свой флотъ въ Финляндію, въ чемъ и Бернсторфъ поможетъ. „Если Бернсторфъ", замѣтилъ Долгорукій, „станетъ что-нибудь совѣтовать королю для частной своей пользы, то можетъ только испортить дѣло, ибо обыкновенно, гдѣ покажется какой-нибудь частный министерскій интересъ, то совѣты министровъ мало принимаются и за важныя не почитаются". Долгорукій доносилъ Петру, что ганноверскій министръ Ботмаръ просилъ у Датскаго короля войска на помощь королю Англійскому, чтобъ датское войско, соединясь съ ганноверскимъ, принудило русскія войска выйти изъ Мекленбурга; но Датскій король отказался дѣйствовать враждебно противъ царя, въ которомъ продолжалъ видѣть союзника. Прусскій посланникъ сказалъ Долгорукому, что и у его короля Англійскій король просилъ войска для изгнанія Русскихъ изъ Мекленбурга; но Прусскій король отказалъ ему въ этомъ, желая продолжать дружбу съ царемъ.

[1]) Дѣла Голландскія 1717 года. — Fryxell, V, III и слѣд.

Въ Копенгагенѣ увѣряли въ продолженіи прежней дружбы и союза, а между тѣмъ обнаруживали сильную подозрительность. Для высадки въ Шонію на будущій годъ царь предлагалъ все свое войско, находившееся въ Мекленбургѣ; но король, министры его и генералы отговаривались всѣми силами отъ этого предложенія и требовали только двадцати баталіоновъ. „Зачѣмъ", спрашивалъ Долгорукій, „имѣя въ близости такое сильное войско, оставить большую его часть и съ малымъ отрядомъ пускаться на такое опасное предпріятіе, вступать во внутренность непріятельской земли, гдѣ врагъ готовъ къ оборонѣ со всѣми своими силами?" — „Шонія," отвѣчалъ генералъ Девицъ, „не можетъ пропитать такого большаго войска; притомъ царская армія можетъ нанесть чувствительный вредъ непріятелю, если перевезетъ свою армію изъ Финляндіи на шведскіе берега, для чего король Англійскій хочетъ прислать двадцать военныхъ кораблей; требуетъ только, чтобъ русскія войска были выведены изъ Мекленбурга".—Король говорилъ то же самое, и на всѣ представленія Долгорукаго твердилъ одно: „Иначе невозможно"!

Среди этихъ безплодныхъ переговоровъ окончился 1716 годъ. 1717 годъ начался тѣмъ же, т.-е. сильными тревогами въ Копенгагенѣ, вслѣдствіе интригъ мекленбургской партіи. Со стороны Ганноверскаго и Саксонскаго Дворовъ Петру сдѣланы были предложенія двинуть свои войска изъ Мекленбурга въ Готторпскія земли и въ передній Померанскій дистриктъ. Испуганный король Датскій обратился къ Петру съ представленіями по этому случаю. Петръ отвѣчалъ ему 8 января: „Предложенія объ этомъ мнѣ были дѣйствительно сдѣланы; но я сейчасъ же понялъ, что этимъ только старались произвести между мною и вашимъ величествомъ несогласіе и подать поводъ къ явному разрыву, и потому отвергъ эти предложенія, имѣя одно постоянное намѣреніе—сохранять дружбу и союзъ съ вашимъ величествомъ, и избѣгать всѣхъ случаевъ, которые могли бы хотя въ чемъ-нибудь ихъ нарушить. Мое поведеніе въ отношеніи къ вамъ таково, что я никакъ не могу понять, какъ вы могли подумать, что я захотѣлъ противъ вашей воли, безъ предварительнаго вашего согласія, двинуть свои войска въ ваши владѣнія на зимнія квартиры, и такимъ образомъ захотѣлъ бы поссориться съ своимъ надежнѣйшимъ союзникомъ, котораго интересъ такъ тѣсно связанъ съ моимъ собственнымъ. Вспомните, что когда мои гвардейскіе и другіе полки въ Зеландіи въ осеннее время терпѣли великую нужду въ дровахъ, то я не позволилъ имъ противъ вашей воли ни одного дерева срубить въ лѣсу или гдѣ-нибудь взять, и потомъ наши войска долгое время принуждены были стоять на морѣ во время противнаго вѣтра, но противъ воли вашей на берегъ выходить имъ я не велѣлъ; я сдѣлалъ все, чтобъ опровергнуть ложныя и коварныя внушенія враговъ нашихъ. Съ великимъ прискорбіемъ вижу изъ вашей гра-

моты, что ваше величество имѣете ко мнѣ такъ мало довѣрія, что, получивъ только извѣстіе, что мнѣ сдѣланы предложенія, и не зная еще, приняты ли они мною, дѣлаете мнѣ такую жестокую, нечаянную и незаслуженную декларацію. Не могу не представить вашему величеству дружелюбно, братски, чтобы вы впередъ не изволили слушать никакихъ дѣлаемыхъ вамъ обо мнѣ несправедливыхъ внушеній и вѣрить имъ. Будьте увѣрены, что эти внушенія дѣлаются людьми злонамѣренными, изъ своихъ частныхъ видовъ ищущими разрушить согласіе между вами; будьте увѣрены, что я не сдѣлаю ничего, что могло бы быть противно нашему союзу и вашему интересу. Ваше величество жалуетесь, что вы одни подвержены опасности отъ общаго непріятеля; но вамъ и безъ моего напоминанія извѣстно, что я всегда и при всякомъ случаѣ готовъ былъ, не щадя своей собственной персоны, всячески вамъ помогать; вы знаете, сколько я старался, передъ отъѣздомъ моимъ изъ Копенгагена, придти къ соглашенію насчетъ будущихъ дѣйствій противъ непріятеля, чтобъ онъ всей своей силы противъ вашего величества обратить не могъ; и тогда, и недавно чрезъ моего посла я дѣлалъ многія предложенія, къ общей пользѣ и къ частному интересу вашего величества касавшіяся, изъ чего можете усмотрѣть, что у меня вовсе нѣтъ намѣренія оставлять васъ одного подъ ударами непріятельскими. Теперь я буду ждать скорѣйшей, послѣдней и категорической резолюціи вашего величества, дабы я заблаговременно могъ приготовиться. Иначе, если вы и теперь не окажете никакой склонности вступить со мною въ соглашеніе, то я не только передъ вами, но и передъ Богомъ и передъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ буду оправданъ. Я не для чего иного до сихъ поръ держалъ свои войска въ Мекленбургѣ, какъ для того, чтобъ быть готову помогать вамъ по близости, и этимъ навелъ на себя негодованіе не только всей Германской имперіи, но и отъ васъ, союзниковъ своихъ, вмѣсто благодарности, принужденъ терпѣть ненависть и непристойныя нареканія; вмѣсто помощи, отъ вашихъ министровъ принужденъ терпѣть всякія противности какъ при цесарскомъ дворѣ, такъ въ Регенсбургѣ и другихъ мѣстахъ".

Когда Долгорукій настаивалъ въ Копенгагенѣ на послѣднюю резолюцію, то ему отвѣчали, что она уже дана:—двадцать батальоновъ русскихъ войскъ—не болѣе для соединеннаго дѣйствія съ датскими къ Шоніи. Ганноверскій посланникъ Ботмаръ говорилъ Долгорукому, что соглашеніе между царемъ и королемъ Великобританскимъ не состоялось по винѣ царя, а король Англійскій былъ намѣренъ непремѣнно помочь царю осьмнадцатью линейными кораблями, если бъ царь велѣлъ своимъ войскамъ выйти изъ Мекленбурга. Долгорукій отвѣчалъ, что, по его свѣдѣніямъ, дѣло шло совершенно иначе: упорство оказалось со стороны короля Англійскаго и, въ доказательство, приводилъ проектъ Бернсторфа, гдѣ говорится только объ обязательствахъ со стороны русской, а о помощи со стороны Англійскаго короля—ни слова. Король Англійскій, сказалъ на это Ботмаръ, не можетъ обязаться письменно въ присылкѣ кораблей изъ опасенія возбудить подозрѣніе Англійскаго народа, а будетъ къ тому склонять англійскихъ правителей; хотя король письменно и не обяжется прислать корабли, однако царское величество можетъ вѣрить и слову королевскому, только бъ русскія войска изъ Мекленбурга выступили.—Въ такихъ важныхъ дѣлахъ, отвѣчалъ Долгорукій, обыкновенно бываютъ письменныя обязательства.—Прусскій посланникъ Гаппе объявилъ Долгорукому, что онъ говорилъ съ датскими министрами о соглашеніи между царемъ и королемъ Датскимъ насчетъ будущей кампаніи, и замѣтилъ изъ ихъ словъ, что здѣсь опасаются взять къ себѣ много русскаго войска, ибо въ такомъ случаѣ Датскій король, будучи слабѣе, найдется въ полной зависимости отъ Русскаго государя: какъ тотъ захочетъ, такъ все и будетъ.

Въ началѣ февраля Долгорукій доносилъ, что насчетъ будущей кампаніи Датскій Дворъ относится очень холодно: ни король, ни министры не упоминаютъ о ней ни слова. Какъ видно, Ганноверскій Дворъ не желаетъ соглашенія между Россіею и Даніею, чтобъ заставить послѣднюю болѣе дорожить дружбою короля Англійскаго; а Ганноверскій Дворъ имѣетъ здѣсь большое вліяніе, потому что на его сторонѣ самые сильные люди—Гольстъ и Девицъ; а другіе министры говорить противное не смѣютъ, хотя и видятъ вредъ интересамъ датскимъ. Сынъ Ботмара, въ откровенномъ разговорѣ съ прусскимъ посланникомъ, сказалъ, что королю Англійскому нѣтъ никакой нужды посылать столько кораблей на помощь Даніи и Россіи и тѣмъ возбуждать подозрѣніе въ Англійскомъ народѣ, потому что король Англійскій при заключеніи мира ничего не получитъ, а Бременское княжество и безъ того за собою удержитъ: и такъ королю Англійскому въ скорѣйшемъ заключеніи Сѣвернаго мира большой нужды нѣтъ. Самъ Ботмаръ, п о д н я в ш и п л е ч и, говорилъ прусскому посланнику, что Англійскій король такъ претерпѣлъ отъ царскаго величества, что страшно слышать. Въ маѣ Долгорукій провѣдалъ „чрезъ секретный способъ", что Ботмаръ предложитъ Датскому Двору изыскать средства принудить русскія войска выступить изъ Мекленбурга, внушая, что отъ этихъ войскъ больше всѣхъ подвергаются опасности короли Англійскій и Датскій, а въ случаѣ согласія Датскаго короля дѣйствовать заодно съ Англійскимъ, —послѣдній велитъ своимъ ганноверскимъ войскамъ приблизиться къ Эльбѣ. Вслѣдствіе этого предложенія, созванъ былъ совѣтъ, на которомъ король и министры приводили многія причины, почему они имѣютъ право подозрѣвать царя, а именно: отсрочку прошлаго года высадки въ Шонію; супружество царевны съ герцогомъ Голштинскимъ, которое въ Даніи считалось дѣломъ рѣшеннымъ; поѣздку царя во Францію вѣроятно для того, чтобъ

посредствомъ Франціи заключить особый миръ съ Швеціею. Относительно войскъ русскихъ, находившихся въ Мекленбургѣ, разсуждали, что царь можетъ приказать имъ добывать Висмаръ или дѣйствовать въ пользу герцоговъ Мекленбургскаго и Голштинскаго; подозрѣніе насчетъ русскихъ войскъ усиливалось слухами, что войска эти около Ростока готовятъ лагерь на 40,000 человѣкъ, и русскимъ войскамъ, которыя въ Польшѣ, велѣно также двинуться въ Мекленбургъ. Въ совѣтѣ было положено: въ виду этой опасности, не уменьшать число датскихъ войскъ, находящихся въ Голштиніи, и держать ихъ въ готовности.

Всей этой тревогѣ положенъ былъ конецъ, когда въ іюню Долгорукій объявилъ, что царское величество приказалъ русскимъ войскамъ выйдти изъ Мекленбурга. На это объявленіе король сказалъ: „Теперь уже всѣ несогласія между царскимъ величествомъ и королемъ Англійскимъ кончились". Долгорукій отвѣчалъ: „Со стороны царскаго величества ни малѣйшей причины не подано къ озлобленію Англійскаго короля, а со стороны короля Англійскаго многія явно показаны,—при всѣхъ Дворахъ министры его дѣлали всевозможныя противности интересамъ нашего государя". Король замѣтилъ, что „Георгъ I-й все это сдѣлалъ для герцогства Мекленбургскаго, объявивъ себя его покровителемъ".—„Король Англійскій", возразилъ Долгорукій, „для нѣкоторыхъ мекленбургскихъ жителей такого вреда всему союзу дѣлать бы не сталъ, вѣрно имѣлъ какую-нибудь причину поважнѣе; когда войска русскія шли въ Датское государство, тогда еще министры Англійскаго короля старались всячески этихъ войскъ не допустить, а потомъ, когда русскія войска перевезены были въ Зеландію, то король Англійскій далъ указъ адмиралу Норрису напасть на русскія войска и флотъ". Король замѣтилъ: „Это правда, король Англійскій старался, чтобъ армія и флотъ датскіе, соединясь съ флотомъ англійскимъ, напали на русскія войска; но ему въ этомъ было отказано; только ни подъ какимъ видомъ объ этомъ никому не разсказывайте. Но какую Англійскій король можетъ получить пользу, препятствуя общимъ дѣламъ всего союза"? Долгорукій отвѣчалъ: „Англійскій король, безо всякаго для себя убытку, хочетъ быть господиномъ Сѣверной войны и мира; всячески старается онъ для этого не допустить ваши величества до соглашенія, чтобъ датскія войска вмѣстѣ съ русскими никогда не были, между тѣмъ ищетъ отдѣльнаго мира, требуя у короля Шведскаго уступки Бремена, за что обѣщаетъ ему вознагражденіе насчетъ сѣверныхъ союзниковъ; если не будетъ въ состояніи сдѣлать этого добрыми средствами, то обѣщаетъ королю Шведскому военную помощь. Царское величество изволилъ разсудить, что не сходно съ интересами его и всего Сѣвернаго союза, понесши неисчетные убытки и неописанные труды, приведши эту войну къ концу, отдать не только всѣ дѣла военныя, но и самый миръ въ волю одного короля Англійскаго. Тогда Англійскій король, увидавъ, что царское величество проникъ его намѣренія, началъ стараться всѣми способами поссорить его съ союзниками".

Король слушалъ со вниманіемъ слова Долгорукаго; но дѣйствія этихъ словъ, хотя и весьма слабыя, какъ увидимъ, оказались не ранѣе сентября, когда Петръ написалъ Долгорукому: „Датскій посланникъ Вестфаленъ объявилъ намъ самимъ и министрамъ нашимъ въ величайшей тайнѣ, какимъ образомъ король его уже начинаетъ усматривать англійскія интриги, что онъ и своими министрами, особенно Мекленбуржцами, обманутъ; Девица удалилъ отъ Двора и намѣренъ стараться вступить съ нами въ прежнее доброе согласіе, для чего и вызываетъ къ себѣ его, Вестфалена. Вамъ надлежитъ на все это обращеніе смотрѣть внимательно, и если вы найдете, что король Датскій подлинно, истинно намѣренъ доброе согласіе съ нами возстановить, то можете объявить, что мы, съ своей стороны, всегда себя склонными къ тому покажемъ. Можете также объявить въ величайшей тайнѣ королю самому или кому-нибудь изъ министровъ вѣрному, который бы этого, кромѣ короля, никому не разсказалъ, что мы слышали, будто его королевское величество съ королемъ Прусскимъ ведетъ переговоры о Штральзундѣ, чтобъ этотъ городъ отдать королю Прусскому на извѣстныхъ условіяхъ. Внушите, чтобъ король Датскій не спѣшилъ этимъ дѣломъ, но прежде снесся съ нами, дабы съ общаго совѣта въ томъ дѣлѣ такъ поступить, какъ сходно будетъ съ интересомъ общимъ и особенно съ интересомъ датскимъ. Если же усмотрите, что король Датскій въ своемъ намѣреніи къ возстановленію добраго согласія съ нами не очень ревностно и истинно поступаетъ, и это возстановленіе, по вашему мнѣнію, не состоится, то удержитесь отъ этого сообщенія, чтобъ они не пронесли, и тѣмъ бы дружбѣ нашей съ королемъ Прусскимъ не повредили; во всякомъ случаѣ, вы должны такъ скрытно и осторожно поступать, чтобъ отнюдь Прусскій Дворъ объ этомъ не свѣдалъ". Долгорукій отвѣчалъ дурными вѣстями: „Маршалокъ и тайный совѣтникъ Гольстъ, сколько я могъ примѣтить, въ прежней у короля милости; противная Датчанамъ сторона содержитъ себя твердо въ милости королевской подарками и интригами, и если на одного кого-нибудь изъ нихъ прогнѣвается, то другіе стараются его возстановить или другого изъ ихъ же партіи на его мѣсто подставить. Изъ противной имъ стороны только двое, Выбей и Сегестетъ, имѣютъ смѣлость съ королемъ говорить, и изъ нихъ Выбей большой трусъ, а Сегестета ваше величество изволите знать; кромѣ нихъ нѣтъ ни одного Датчанина, который бы имѣлъ доступъ къ королю; притомъ же при Дворѣ изъ Датчанъ очень мало дѣльныхъ людей, а которые и есть, тѣхъ самъ Выбей отъ короля отдаляетъ, опасаясь, что они своими способностями опередятъ его. Датскій король желаетъ согласиться съ вашимъ величествомъ

насчетъ дѣйствій противъ непріятеля, но такъ, чтобъ самое важное сдѣлано было войсками русскими, и чтобъ въ это соглашеніе былъ включенъ король Англійскій, отъ тѣсной дружбы съ которымъ Датскій король никакъ отказаться не хочетъ. Король Датскій желаетъ притомъ, чтобъ предложеніе о соглашеніи послѣдовало съ вашей стороны, надѣясь въ такомъ случаѣ вытребовать для себя лучшія условія и показать, что ваше величество къ нему обратились. Не знаю навѣрное, но думаю, что если Датскій король предложенія съ вашей стороны не дождется, то самъ будетъ заискивать. Правда, что генералъ Девицъ въ немилости у короля, но не за невѣрность и интриги, а вотъ по какому случаю: король, будучи въ Голштиніи, расписывалъ квартиры по деревнямъ, гдѣ стоять новоприбывшимъ коннымъ полкамъ, и часть того дѣла приказалъ своему камердинеру, который хотѣлъ посовѣтоваться съ Девицомъ, какъ главнымъ генераломъ; Девицъ осердился и сказалъ ему, что камердинеръ долженъ заниматься париками и платьемъ королевскимъ, а не въ военныя дѣла мѣшаться. Камердинеръ донесъ объ этомъ королю: тотъ призвалъ къ себѣ Девица и, при Выбеѣ, сказалъ ему съ гнѣвомъ, что онъ не имѣетъ никакой власти надъ камердинеромъ и не долженъ былъ читать ему наставленій, когда онъ, король, приказалъ ему распорядиться квартирами. Съ этихъ поръ король обращается съ Девицемъ уже не такъ милостиво и не позволяетъ ему пріѣзжать ко Двору.

Между тѣмъ Вестфаленъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ; ему поручено было составить проектъ соглашенія Россіи съ Даніей насчетъ будущихъ дѣйствій. Проектъ былъ написанъ; но тутъ пришли извѣстія о переговорахъ царя съ Гёрцемъ. Вестфаленъ объявилъ Долгорукому, что король знаетъ о переговорахъ князя Куракина съ Гёрцемъ насчетъ отдѣльнаго мира; знаетъ, что Гёрцъ пріѣзжалъ къ царю въ Лоо, а впослѣдствіи былъ за двѣ мили отъ Берлина, гдѣ министры царскіе, а со стороны Прусскаго короля—Ильгенъ, съ нимъ видѣлись и разговаривали объ отдѣльномъ мирѣ; потомъ даны Гёрцу русскіе и прусскіе паспорты и позволено ему ѣхать въ Швецію черезъ Россію. Ботмаръ сталъ разглашать, что миръ между Россіею и Швеціей уже заключенъ и подписанъ, и у него есть копія съ договора. Скоро и газеты начали говорить объ этомъ мирѣ. Долгорукій увѣрялъ Выбея, что все это пустые слухи,—миръ не заключенъ.—„Хотя миръ не заключенъ", возражалъ Выбей, „но не имѣть подозрѣнія нельзя, ибо Гёрцъ, непріятельскій министръ, вѣдомый злодѣй Сѣверному союзу и вездѣ оглашенный за худаго человѣка, допущенъ былъ съ нимъ въ конференціи".

Въ половинѣ ноября Долгорукій вмѣстѣ съ прусскимъ посланникомъ были приглашены въ конференцію, гдѣ датскіе министры имъ объявили, что для окончанія Сѣверной войны король ихъ намѣренъ вторгнуться съ войскомъ изъ Норвегіи внутрь Швеціи, а царь въ то же время долженъ приказать войскамъ своимъ вступить въ Швецію изъ Финляндіи; но такъ какъ для прикрытія этихъ дѣйствій нужны морскія силы Англійскаго короля, и нужнѣе онѣ для Россіи, чѣмъ для Даніи, Англійскій же король не хочетъ прислать ихъ на помощь до тѣхъ поръ, пока не кончится дѣло въ Мекленбургѣ между герцогомъ и дворянствомъ,— то король Датскій предлагаетъ слѣдующій способъ: объявить герцогу и противной ему сторонѣ, чтобъ они оставили всѣ свои дѣла до окончанія Сѣверной войны въ томъ состояніи, въ какомъ они были при умершемъ герцогѣ Мекленбургскомъ, братѣ нынѣшняго герцога. Долгорукій выразилъ сильное сомнѣніе, что государь его согласится на такую вредную для герцога Мекленбургскаго сдѣлку [1]).

Мы видѣли, что при разрывѣ съ королемъ Англійскимъ, при охлажденіи съ королями Датскимъ и Польскимъ, Петръ старался, по крайней мѣрѣ, сохранить дружбу съ Прусскимъ. Когда въ Берлинѣ узнали о выѣздѣ царя во Францію, то Головкинъ долженъ былъ объявить Фридриху-Вильгельму, что „царское величество изволили сей путь воспріять для удовольствованія своей куріезите", и доносилъ государю, что не слыхалъ онъ, чтобы Прусскій Дворъ насчетъ царскаго путешествія имѣлъ „жалозію". Въ іюнѣ Ильгенъ говорилъ Головкину: „Конечно, надобно имѣть взаимно крайнюю конфиденцію для общаго блага; у насъ больше непріятелей, чѣмъ пріятелей, и потому надобно дѣйствовать осторожно; Англійскій Дворъ больше другихъ на насъ досадуетъ, точно такъ же, какъ и на царское величество; кромѣ того, что намъ нѣсколько разъ объявлялъ, что мы нарушили договоръ, не согласившись дѣйствовать заодно противъ Россіи; французскому посланнику Обервилю, предлагавшему пригласить нашего короля къ союзу, самъ Англійскій король объявилъ, что пока Прусскій король будетъ въ согласіи съ царемъ, то онъ ни въ какое дѣло съ нимъ не вступитъ. Надобно намъ спѣшить своими дѣлами и составить планъ, въ которомъ написать ультиматумъ, безъ чего Россіи и Пруссіи помириться съ Швеціею нельзя; надобно заботиться привести дѣло къ концу; если же оно продлится, то другіе прежде насъ составятъ планъ и могутъ принудить насъ къ миру согласно съ этимъ планомъ".

Въ началѣ сентября пріѣхали въ Берлинъ министры, сопровождавшіе Петра; между ними и прусскими министрами начались конференціи. Русскіе министры объявили, что для мира съ Швеціею царь уступаетъ Финляндію. Прусскіе министры сказали на это: „Мы желаемъ, чтобы царское величество и всѣ свои завоеванія удержалъ, и отъ договоровъ своихъ, заключенныхъ съ вами, не отступимъ; но если непріятель потребуетъ, чтобы царское величество и по сей сторонѣ моря что-

[1]) Дѣла Датскія 1717 года.

нибудь уступилъ, также чтобы Ревель разорить, то царскому величеству угодно ли будетъ на это согласиться? Нельзя ли вмѣсто Ревеля другую гавань сыскать, или нельзя ли Ревель вольнымъ городомъ сдѣлать? Надобно непремѣнно предупредить Англичанъ; если они, вмѣстѣ съ Датчанами, помирятся съ Шведами, то намъ тяжело будетъ. Сверхъ того, если Цесарь съ Турками помирится и въ наши дѣла вмѣшается, то намъ прійдется дурно, особенно будетъ большая опасность королю Прусскому, ибо Цесарь можетъ употребить и противъ него Ганноверцевъ и Саксонцевъ, къ которымъ всѣ католическіе государи пристанутъ. Мы сдѣлали Цесарю много полезныхъ предложеній, но не только успѣха,—и отвѣта не получили; опасаемся, что если миръ не будетъ заключенъ скоро, то не только завоеваннаго за собою не удержимъ, но и въ великую опасность впадемъ, потому что не имѣемъ ни одного союзника".

— „Кромѣ Финляндіи нельзя ничего уступить", отвѣчали русскіе министры, „ибо что касается Ревеля, то эта гавань необходима для русскаго флота, которому безъ того не откуда будетъ выйти въ море. А Лифляндію необходимо намъ удержать даже и въ интересахъ короля Прусскаго, ибо иначе Шведы отнимутъ всѣ средства сообщенія между Россіею и Пруссіей, и не будемъ тогда въ состояніи помогать другъ другу. Кромѣ того, если Лифляндія останется за Шведами, то они получатъ возможность имѣть всегда въ Польшѣ сильную партію къ вреду Россіи и Пруссіи. Да и нѣтъ нужды уступать такъ много непріятелю: лучше продолжать войну, чѣмъ соглашаться на такой опасный миръ, ибо отъ Шведскаго короля при мирѣ, кромѣ бумаги, ничего не получимъ и только дадимъ ему средства къ новому нападенію. Что касается Цесаря, то нельзя ожидать, чтобъ онъ поступилъ такъ жестоко, ибо до сихъ поръ умѣренно поступалъ; и еслибъ онъ захотѣлъ вмѣшаться въ сѣверныя дѣла къ нашему вреду, то можетъ это сдѣлать и по заключеніи Сѣвернаго мира; и если бы Цесарь захотѣлъ что-нибудь предпринять противъ Пруссіи, то царское величество обнадеживаетъ короля своею помощью; Прусскій король, имѣя союзницами Россію и Францію, можетъ не бояться Цесаря, который не захочетъ начать войну съ такими сильными государствами".

Прусскіе министры продолжали выставлять опасность положенія и указывать на необходимость уступокъ со стороны Россіи. Русскіе министры выразили удивленіе, что съ прусской стороны настаиваютъ на уступку Лифляндіи Шведамъ. „Нѣтъ никакой крайности", говорили они, „дѣлать такія большія уступки; кромѣ того, Лифляндію нельзя уступать и потому, что царская резиденція въ Петербургѣ, которую надобно въ совершенную безопасность привести и устроить достаточный барьеръ; и если Лифляндію Шведамъ отдать, то непріятель будетъ отъ Петербурга въ 30 миляхъ и можетъ всегда безпокоить царское величество въ его резиденціи".—„Если царское величество такъ твердо стоять изволитъ", говорили прусскіе министры, „то надобно готовиться къ долгой войнѣ, а между тѣмъ обстоятельства могутъ перемѣниться къ нашему вреду; король Шведскій, увидѣвъ, что съ нами заключить мира не можетъ, помирится съ королями Англійскимъ и Датскимъ, и тогда мы одни останемся; такъ же нельзя знать, не соединятся ли Англія и Данія съ Швеціею противъ насъ".

Между тѣмъ пріѣхалъ въ Берлинъ самъ царь, и по совѣщаніи съ королемъ, учиненъ концертъ: Гавельсбергскій концертъ и прежде заключенный союзъ между Россіею и Пруссіею возобновляется и утверждается во всѣхъ пунктахъ такимъ образомъ, что если кто изъ сѣверныхъ союзниковъ заключитъ отдѣльный миръ съ Швеціею, по которому Шведы останутся опять въ Германіи, или если кто-нибудь станетъ принуждать короля Прусскаго къ уступкѣ Штетина съ округомъ по рѣку Пѣну, то Россія и Пруссія препятствуютъ оному вооруженною силой, соединивъ свои войска. Такъ какъ царское величество теперь дѣйствительно сносится съ Швеціею о мирѣ, то обязуется о всѣхъ этихъ сношеніяхъ немедленно и вѣрно сообщать находящемуся при его Дворѣ прусскому министру, и даже допускать послѣдняго къ трактатамъ, когда онъ этого потребуетъ; охранять интересъ Прусскаго короля, какъ свой собственный, и не заключать ни мира, ни перемирія съ Швеціею безъ того, чтобы Пруссія не получила Штетинъ съ округомъ до рѣки Пѣны. Въ концѣ 1717 года, по настоянію Петра, король Прусскій заключилъ союзный договоръ съ герцогомъ Мекленбургскимъ; но при этомъ Ильгенъ объявилъ Головкину, что король будетъ писать герцогу, что онъ договоръ заключить готовъ, но заранѣе напоминаетъ его свѣтлости, чтобъ изволилъ, при нынѣшнихъ деликатныхъ обстоятельствахъ, поступать умѣренно съ своимъ дворянствомъ, ибо хотя онъ, король, по обязательству своему, будетъ вездѣ держать сторону его свѣтлости и о выгодахъ его по крайней возможности стараться и нарочно разглашать, что въ нужномъ случаѣ дѣйствительно поможетъ:—однако если его свѣтлость императора и имперію противъ себя возбудитъ, то королю нельзя будетъ ему и помочь, ибо его свѣтлость самъ можетъ легко разсудить, что королю противъ императора и имперіи стоять нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ депутату отъ мекленбургскаго дворянства, находившемуся въ Берлинѣ, было объявлено, что король заключилъ съ ихъ герцогомъ договоръ, по которому обязанъ оказывать ему всякую помощь, и потому королевское величество имъ внушаетъ, чтобъ они прежнія противности противъ своего герцога оставили, и вновь ничего не начинали: въ противномъ случаѣ король Прусскій принужденъ будетъ за ихъ герцога вступиться [1]).

Англія не вступалась болѣе въ мекленбургскія дѣла; она хлопотала о заключеніи выгоднаго тор-

---

[1]) Дѣла Прусскія 1717 года.

говаго договора съ Россіею, и для этого желала скорѣйшаго окончанія Сѣверной войны. Въ іюлѣ 1717 года чрезвычайный посланникъ короля Георга, адмиралъ Норрисъ, и уполномоченный при Голландскихъ Штатахъ, министръ Витвортъ, въ Амстердамѣ, въ домѣ канцлера Головкина, имѣли конференцію съ царскими министрами, причемъ Норрисъ объявилъ объ искренней дружбѣ своего короля къ царскому величеству; объявилъ, что ему поручено заключить торговый договоръ съ Россіею, и наконецъ объявилъ, что его королевское величество разсуждаетъ о необходимости прекращенія Сѣверной войны для пользы общей, и желаетъ знать разсужденіе его царскаго величества, какимъ бы образомъ получить общій миръ. Норрису данъ былъ отвѣтъ, что, по извѣстной несклонности короля Шведскаго къ миру и по положенію его Земель, достиженія общаго мира и свободной торговли надѣяться никогда нельзя, если король Шведскій не будетъ принужденъ къ тому силою оружія; а для этого необходимо: чтобъ Англійскій король далъ царскому величеству по меньшей мѣрѣ 15 линейныхъ кораблей; чтобъ эта эскадра была подъ полнымъ начальствомъ царскаго величества и оставалась въ морѣ до тѣхъ поръ, пока русскій флотъ будетъ въ немъ оставаться. Въ такомъ случаѣ царское величество обѣщаетъ сдѣлать высадку на шведскій берегъ и дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы принудить Шведскаго короля къ общему миру и къ удовлетворенію короля и народа Англійскаго. Но такъ какъ нельзя знать, можно ли въ одну кампанію принудить непріятеля къ такому миру, то король долженъ обязаться давать выговоренное число кораблей царскому величеству ежегодно, пока Сѣверная война не кончится благополучнымъ миромъ.

Норрисъ привезъ этотъ отвѣтъ въ Лондонъ, и здѣсь, въ сентябрѣ, министры объявили Веселовскому, что условія, предложенныя его правительствомъ, очень тяжелы: король не можетъ на нихъ согласиться по ограниченности своей власти; не можетъ отдать значительное число англійскихъ кораблей въ полное распоряженіе царю, ибо это противно правамъ, которыми пользуется англійскій флотъ; но — главное — здѣсь выскажется пристрастіе короля, тогда какъ по настоящему состоянію сѣверныхъ дѣлъ Англійскій народъ находится въ сомнѣніи, слѣдуетъ ли королю способствовать сокрушенію Швеціи или нѣтъ; поэтому король долженъ поступать очень осторожно въ дѣлахъ сѣверныхъ, иначе долженъ дать отвѣтъ. Если бы царскому величеству было угодно сообразовать свои требованія съ формами Англійскаго правительства, то твердый и полезный союзъ между обоими государствами былъ бы возможенъ; Англія можетъ помогать Россіи и кораблями, только при другихъ условіяхъ. Петръ считалъ безполезнымъ придумывать другія условія, и Веселовскій, не получая никакихъ приказовъ отъ своего Двора, находился въ неловкомъ положеніи. 1-го октября онъ далъ знать царю, что Англійскій Дворъ не доволенъ холодностью Двора Русскаго. „Смѣю представить“, писалъ Веселовскій, что было бы согласно съ интересомъ вашего величества, чтобъ я отъ времени до времени давалъ здѣшнему Двору хотя наружныя обнадеживанія въ дружбѣ, и что со стороны вашего величества нѣтъ никакого противъ него враждебнаго намѣренія, какъ здѣсь думаютъ. Очевидно, что здѣшній Дворъ пользуется большимъ вліяніемъ на важнѣйшіе Дворы европейскіе и всѣ ихъ проекты знаетъ. По всѣмъ поступкамъ французскаго посланника, аббата Дюбуа, видно, что Французскій Дворъ съ здѣшнимъ вступилъ въ полное соглашеніе, и обо всѣхъ иностранныхъ дѣлахъ съ нимъ откровенно пересылается“.

Пребываніе Дюбуа въ Англіи сильно безпокоило Веселовскаго. „Дюбуа“, писалъ онъ, „ведетъ переговоры чрезвычайно секретно, безотъѣздно живетъ при королѣ, и безпрестанныя имѣетъ конференціи съ англійскими и ганноверскими министрами. Я узналъ чрезъ достовѣрныхъ людей, что онъ привезъ съ собою планъ Сѣвернаго мира, планъ, вредный интересамъ вашего величества, ибо имѣетъ въ въ виду больше партикулярный, чѣмъ генеральный миръ, — предложено королю Георгу помириться съ Швеціею съ удержаніемъ Бремена и Вердена для Ганновера“ [1]).

Англія держалась въ сторонѣ; ея король, какъ курфюрстъ Ганноверскій, искалъ партикулярнаго мира; Данія была приведена въ бездѣйствіе отстраненіемъ Англіи и Ганновера; Французское правительство, изъ сознанія своей слабости, отказывалось отъ своего вліянія на сѣверѣ, покидало Швецію, но не сближалось и съ Россіею, потому что личные виды правителя Франціи заставляли его искать опоры въ Англіи, въ этомъ сильнѣйшемъ теперь государствѣ въ Западной Европѣ; Пруссія, понимая, что на континентѣ нѣтъ теперь державы сильнѣе Россіи, особенно по личнымъ средствамъ ея царя, придерживалась молодой могущественной державы, но откровенно высказывала свой страхъ, съ безпокойствомъ озиралась вокругъ, трепеща за свои новыя пріобрѣтенія. Таково было положеніе дѣлъ въ Европѣ, когда Россія рѣшилась начать мирные переговоры съ Карломъ XII. Но въ то время, когда происходила великая борьба на сѣверѣ; когда первенствующее здѣсь значеніе Швеціи послѣ Полтавской битвы перешло къ Россіи; когда составился союзъ съ цѣлію вытѣснить Шведовъ изъ Германіи и когда союзъ этотъ рушился и союзники начали думать о партикулярныхъ мирахъ, — какъ въ это время велъ себя государь, которому принадлежало первое мѣсто между государями Европы, который, по титулу, былъ верховнымъ владыкою Германіи: — какъ дѣйствовалъ Императоръ, тогда единственный въ Европѣ, Императоръ Священной Римской имперіи? Любопытно, что въ то самое время, когда Франція, послѣ Полтавской битвы,

[1]) Дѣла Англійскія 1717 года.

испугавшись могущества новорожденной Россіи, дѣйствовала враждебно противъ нея, какъ противъ естественной непріятельницы своихъ союзниковъ, Турокъ и Шведовъ, и, слѣдовательно, естественной союзницы своего главнаго врага на континентѣ—Императора, въ это самое время Австрія, какъ будто не понимая естественности этого союза съ Россіею, вела себя въ отношеніи къ послѣдней холодно и даже непріязненно. Причиною были всѣ предшествовавшія отношенія между обѣими державами, начиная съ послѣднихъ годовъ XVII вѣка. Петръ не могъ быть доволенъ эгоистическимъ поведеніемъ Австріи при замиреніи съ Турками; потомъ въ первые годы Сѣверной войны царь испытывалъ только холодность и даже презрѣніе со стороны Вѣнскаго кабинета. Это, разумѣется, доставляло Петру полную свободу дѣйствія; при нуждѣ онъ обращался къ враждебной Императору Франціи съ просьбою о посредничествѣ между нимъ и Карломъ XII, съ обѣщаніемъ вознагражденія за это; то обращался къ бунтовавшему противъ Австріи Рагоци Венгерскому, предлагалъ ему Польскій престолъ; то звалъ на тотъ же престолъ необходимаго для Австріи Евгенія Савойскаго. Послѣ Полтавской побѣды Вѣнскій Дворъ долженъ былъ взглянуть на Россію другими глазами. Къ 1710 году относится любопытный актъ, заключающій въ себѣ неизвѣстно отъ кого идущія предложенія союза Россіи съ Австріею посредствомъ брачнаго союза между ихъ государями: „1) Если царское величество изволитъ сына своего, государя царевича, женить на принцессѣ чужеземной, то цесарское величество (Іосифъ I-й) выдастъ сестру свою или дочь за государя царевича. Изъ того произойдетъ дружба и вѣчный союзъ противъ Шведскаго короля, Турокъ и другихъ непріятелей. 2) Для этого свойства цесарское величество можетъ царское величество признать за цесаря имперіи Русской, и если царское величество пожелаетъ Греческаго государства, то цесарское величество уступитъ безъ сопротивленія и всякую помощь окажетъ; Англичане и Голландцы для того же свойства спорить не будутъ; а если бы царское величество пожелалъ государства Греческаго безъ союза съ цесарскимъ величествомъ, то будетъ сопротивленіе отъ Цесаря, Англичанъ и Голландцевъ. 3) Если царское величество пожелаетъ, то Цесарь признаетъ государя цесаревича (?) королемъ изъ имперіи Русской, Казанскимъ, или Астраханскимъ, или Сибирскимъ, потому что цесарскій сынъ бываетъ Римскимъ королемъ. 4) Если царское величество пожелаетъ, чтобы были на Черномъ морѣ кавалеры Мальтійскіе, то для того же свойства великій магистръ сейчасъ пришлетъ изъ Мальты нѣсколько кавалеровъ и съ ними милліоны денегъ для поселенія и строенія кораблей; царскому величеству отъ этого не будетъ ни малѣйшаго убытка, напротивъ—большая выгода и помощь противъ Турокъ. 5) Если царское величество пожелаетъ королевства Польскаго, то, для того же свойства, оно будетъ подѣлено съ царскимъ величествомъ пополамъ. 6) Если царское величество пожелаетъ, чтобъ была въ Вѣнѣ церковь Греческая для народа Венгерскаго (?!), то, для того же свойства, Цесарь можетъ это сдѣлать. 7) Въ Вѣнѣ приходилъ къ Цесарю русскій посланникъ Урбихъ и доносилъ ясно, будто царское величество сына своего на цесарской сестрѣ или дочери женить не будетъ, а хочетъ взять за царевича у герцога Вольфенбительскаго дочь, и цесарское величество на это разсердился. 8) Принцесса Вольфенбительская не принесетъ царскому величеству чести и выгоды; честь и выгода будутъ только герцогу Вольфенбительскому. Герцогъ Вольфенбительскій вѣчный союзникъ короля Шведскаго, а Урбиху онъ обѣщалъ большія деньги. Въ Вѣнѣ же носится слухъ, будто Урбихъ писалъ къ царскому величеству, что Цесарь не хочетъ имѣть въ свойствѣ царевича, и если Урбихъ такъ писалъ, то ясно, что онъ производитъ ссору. 9) Королямъ Прусскому и Польскому не надобно вѣрить относительно союза, потому что король Прусскій въ свойствѣ съ герцогомъ Вольфенбительскимъ, а король Августъ сватаетъ цесарскую дочь за сына своего. Въ Вѣнѣ же носится слухъ, что король Августъ сватаетъ за царевича изъ Европы принцессъ изъ страха, чтобъ у царскаго величества съ Цесаремъ не было свойства и добраго союза, и королямъ Прусскому и Польскому не было тѣсно между такими великими монархами. 10) У Цесаря двѣ дочери, а сыновей нѣтъ, и если царское величество пожелаетъ взять за сына своего старшую дочь цесареву, то наслѣдникомъ и цесаремъ можетъ быть царевичъ".—Императоръ Іосифъ умеръ; ему наслѣдовалъ братъ его Карлъ VI, до возвращенія котораго изъ Испаніи управляла вдовствующая императрица-мать; но неудовольствія не прекратились, и сердились именно на Урбиха.

Въ іюлѣ 1711 года между Урбихомъ и австрійскимъ министромъ Зейлеромъ были очень непріятные разговоры, вскрывшіе характеръ отношеній между обѣими державами. Зейлеръ сталъ жаловаться, что въ царскихъ грамотахъ къ императрицѣ встрѣчается странность: въ иныхъ дается титулъ величества, въ другихъ - нѣтъ, и потому просилъ его, Урбиха, взять назадъ грамоту, въ которой нѣтъ титула величества. Урбихъ отвѣчалъ: такъ какъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ этотъ титулъ находится, то ясно, что царское величество не думаетъ лишать императрицу его; но если въ нѣкоторой грамотѣ титула нѣтъ, то этому можетъ быть особая причина, именно:—въ одной грамотѣ, отправленной къ царю Вѣнскимъ кабинетомъ, титула величества также не дано. Зейлеръ, услыхавши это, поблѣднѣлъ отъ злобы: „Замолчите", сказалъ онъ Урбиху, „не могу этого выслушивать; мы обманулись, мы думали, что это только канцелярская ошибка, и потому императрица тайно съ великимъ уваженіемъ велѣла отдать назадъ грамоту; а теперь мы принуждены выслушивать, что такой непристойный поступокъ сдѣланъ нарочно, да еще толкуютъ,

что имѣли право это сдѣлать. Нѣмецкая кровь никакъ этого снести не можетъ; дѣло идетъ о славѣ Германіи; вы сами Нѣмецъ, и потому неспособны участвовать въ оскорбленіи, которое наносится Нѣмцамъ; лучше-бъ вамъ было русскую службу оставить, чѣмъ рѣшиться на это". Несмотря на всѣ убѣжденія, Урбихъ рѣшительно отказался взять грамоту назадъ. На другой день является къ нему канцеляристъ отъ имени министровъ; Урбихъ догадался, что канцеляристъ принесъ грамоту, и велѣлъ сказать, что ему некогда,—почтовый день. Тогда канцеляристъ положилъ грамоту въ передней и хотѣлъ уйти. Урбихъ нашелъ себя принужденнымъ выйти къ нему и сдѣлать окрикъ: „Зейлеръ", сказалъ онъ, „трактуетъ царское величество, какъ австрійскаго мужика, а Вратиславъ (другой министръ, родомъ Чехъ), какъ богемскаго мужика; возьмите грамоту и ступайте, — подумайте, что изъ этого можетъ произойти. Видно у васъ еще мало непріятелей, хотите побольше"? Канцеляристъ извинился, что обязанъ дѣлать, что приказано, и ушелъ; но потомъ прокрался въ комнаты Урбиха и положилъ грамоту на столъ. Урбихъ послалъ къ оберъ-гофмейстеру съ жалобою на обиду и безчинство, какое позволилъ себѣ канцеляристъ, нарушивъ права посольской квартиры. Оберъ-гофмейстеръ Траутсонъ отвѣчалъ, что грамоты никакъ нельзя держать въ императорской канцеляріи, ибо въ грамотѣ у императрицы отнято то, что она получила отъ Бога и всего свѣта, и чего никакая держава отнять не можетъ. Урбихъ поѣхалъ самъ къ оберъ-гофмейстеру для объясненій, и выговорилъ, что Австрійское правительство дѣлаетъ все, чтобъ поссориться съ царскимъ величествомъ: всякому извѣстно, что Шведы, пріѣзжающіе изъ Бендеръ, находятъ пристанище въ домѣ Вратислава; что Австрія старалась привести Датскаго короля къ партикулярному миру съ Швеціею, отвлечь Польшу отъ царскаго величества, помѣшать переговорамъ съ Венеціею; турецкаго агу съ великимъ обѣщаніемъ назадъ отослали; обнаружили большую зависть къ успѣхамъ оружія царскаго величества; наконецъ теперь — какъ поступлено съ грамотою царскою! Изо всего видно, что мира и добрыхъ сношеній съ царемъ больше не хотятъ. „И потому я", заключилъ Урбихъ, „желаю знать ваши намѣренія". Оберъ-гофмейстеръ оправдывался: Шведскій король дѣйствительно требовалъ помощи въ примиреніи съ Даніею, но Австрійскій Дворъ никакъ на это не согласился; неосновательно и обвиненіе относительно Польши: можно доказать противное; Шведамъ проѣзда нельзя запретить по нейтральности; чтобъ Австрія мѣшала Россіи въ Венеціи — этого доказать нельзя; молва о поведеніи австрійскаго резидента въ Константинополѣ распущена Рагоцы и другими подобными; возвращать грамоты, написанныя съ умаленіемъ титула,—дѣло обыкновенное, и этотъ поступокъ къ войнѣ вести не можетъ. Отъ оправданій оберъ-гофмейстеръ перешелъ къ обвиненіямъ: царь не только сносится съ общимъ наслѣдственнымъ непріятелемъ, королемъ Французскимъ, и держитъ при своемъ Дворѣ его посланника, но и австрійскимъ бунтовщикамъ явно покровительствуетъ; напротивъ того, съ цесарскими посланниками плохо обходится: послу Вильчеку оказывается мало вниманія, а резидентъ долго бѣгалъ, пока получилъ первую аудіенцію, и когда получилъ, то ему сказано, чтобъ предложилъ дѣло покороче, и государь, не сказавъ ему ни слова, отошелъ прочь; предложеніе со стороны Австріи оборонительнаго и наступательнаго союза не было принято.

Особенно сердились въ Вѣнѣ за то, что Петръ сносился съ Рагоци, какъ съ независимымъ владѣльцемъ.

Стали приходить вѣсти о прутскомъ несчастіи и мирѣ; Урбихъ находился въ неловкомъ положеніи, потому что отъ своего Двора не получалъ никакихъ извѣстія. Въ августѣ былъ въ Вѣнѣ Грекъ, ѣхавшій изъ Вольфенбителя и пробиравшійся къ царю чрезъ Венгрію, Трансильванію и Валахію: это былъ Аоинянинъ Либеріо Коллети, хотѣвшій набрать нѣсколько тысячъ Грековъ для дѣйствія противъ Турокъ. Сильно испугался онъ, услыхавъ въ Вѣнѣ о Прутскомъ мирѣ. „Теперь", говорилъ онъ, „всѣ Греки, полагавшіе всю надежду свою на царя, пропали". Что касается до Австрійскаго правительства, то оно не имѣло причинъ радоваться торжеству Турокъ, страхъ предъ которыми еще не исчезъ въ Вѣнѣ и которыхъ успѣхи были успѣхами Франціи. Австрійскіе министры даже прямо объявили Урбиху, что въ случаѣ несчастія Австрія будетъ помогать Россіи въ войнѣ съ Турками. Когда Петръ, послѣ Прутской кампаніи, пріѣхалъ лѣчиться въ Карлсбадъ, то здѣсь, по распоряженіямъ изъ Вѣны, оказано ему было большое вниманіе. Урбихъ писалъ, что въ Вѣнѣ дѣла идутъ лучше прежняго относительно Россіи, и объяснялъ это приказаніемъ новаго императора Карла. Урбихъ ждалъ, устоитъ ли партія Вратислава, неблагопріятная Россіи, и толковалъ объ этомъ съ венеціанскимъ посломъ, который желалъ заключенія новаго тройнаго союза между Россіею, Австріею и Венеціею противъ Турокъ. Посолъ очень жалѣлъ о несчастной Прутской кампаніи, жалѣлъ не объ Азовѣ, а о двухъ вещахъ: вопервыхъ—объ ущербѣ славы русскаго оружія,—уже начали говорить, что Русскіе еще не выучились военному искусству, и удивляются, почему послѣ кампаніи увольняютъ изъ службы нѣмецкихъ офицеровъ. Вовторыхъ, жалѣлъ о Грекахъ, которые хотѣли всѣ стать на сторонѣ Россіи, а теперь они обезоружены и не будутъ больше вѣрить Русскимъ. Когда венеціанскій посолъ настаивалъ на необходимости оборонительнаго союза между Россіею, Австріею и Венеціею, то Урбихъ отвѣчалъ, что царское величество дѣла не начнетъ, пусть Венеція дѣлаетъ предложенія и побуждаетъ къ тому же и Цесарскій Дворъ.

Въ концѣ 1711 года Урбихъ отправился во

Франкфуртъ на коронацію новаго императора Карла VI; 30 декабря онъ имѣлъ у него аудіенцію, и въ рѣчи своей поставилъ на видъ, что въ венгерскомъ дѣлѣ вина не на русской сторонѣ; что царь предлагалъ Австрійскому Двору союзъ и 20,000 войска противъ недовольныхъ Венгровъ; теперь царское величество съ сожалѣніемъ слышитъ, что нѣкоторые союзники Австріи намѣрены заключить партикулярный миръ съ Франціею. Царское величество желаетъ, чтобъ Цесарю досталась вся Испанская монархія, на которую онъ имѣетъ всѣ права. Урбихъ объявилъ отъ себя, что если императоръ желаетъ продолжать войну съ Франціею и заключить союзъ съ Россіею, то царское величество будетъ готовъ показать свою истинную братскую склонность,—пусть императоръ предложитъ свои условія. Карлъ VI отвѣчалъ очень тихо, чѣмъ напомнилъ отца своего Леопольда: „Покойный братъ, цесарь Іосифъ, говорилъ мнѣ, чтобъ вступить въ тѣсный союзъ съ царскимъ величествомъ, особенно теперь по близкому свойству (вслѣдствіе брака царевича Алексѣя на сестрѣ императрицы)“. Назначено было Урбиху имѣть конференцію съ государственнымъ гофратомъ Консбрухомъ. 1-го января 1712 года они съѣхались, и Консбрухъ объявилъ, что интересъ обоихъ государей требуетъ жить въ согласіи, и согласіе возможно, если съ царской стороны будутъ отстранены мелкія столкновенія и все прошлое будетъ предано забвенію безъ разысканія, кто правъ и кто виноватъ; но главное затрудненіе состоитъ въ томъ, какъ согласить союзъ между Россіею и Австріею съ покровительствомъ, которое царь продолжаетъ оказывать бунтующимъ австрійскимъ подданнымъ, Венграмъ. Урбихъ сталъ объяснять причины этого покровительства, и первое объясненіе вышло очень неудачно: онъ сказалъ, что царь вошелъ въ сношенія съ Рагоци только для того, чтобъ имѣть чрезъ Венгрію свободную и безопасную корреспонденцію. Потомъ Урбихъ поправился и объяснилъ причины поважнѣе: съ одной стороны царь старался отвлечь Венгровъ отъ Шведовъ и Турокъ; съ другой стороны—Вѣнскій Дворъ поступилъ враждебно противъ Россіи, признавши Польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго; притомъ договоръ царя съ Рагоци не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Наконецъ царское величество не разъ объявлялъ, что готовъ оставить Венгровъ и принудить ихъ къ вѣрности императору, если послѣдній заключитъ крѣпкій союзъ съ Россіею. Такъ какъ Урбихъ не имѣлъ никакой инструкціи для заключенія союзнаго договора, то конференція кончилась тѣмъ, что онъ обѣщался обратиться къ своему Двору за этою инструкціею.

Но въ Вѣнѣ не торопились заключеніемъ союзнаго договора: здѣшнее правительство съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣло не на сѣверо-востокъ, а на сѣверо-западъ, на Голландію, гдѣ рѣшался важный вопросъ: оканчивать или продолжать войну за Испанское наслѣдство. Когда Урбихъ торопилъ императорскихъ министровъ покончить дѣло о русскомъ союзѣ, то они прямо ему отвѣчали: „Подождите, пока въ Гагѣ будетъ постановлено о продолженіи войны“. Россіи важно было заключить союзъ съ Австріею; она даже соглашалась помочь ей войскомъ противъ Франціи, ибо Россіи выгодно было продлить войну за Испанское наслѣдство, которая отнимала у Франціи, Англіи, Голландіи и у самаго императора возможность вмѣшаться въ Сѣверную войну, тогда какъ вмѣшательство это не могло быть въ пользу Россіи; съ другой стороны, для Россіи важенъ былъ союзъ съ Австріею, ибо сдерживалъ Турокъ. Но Австрія признавала для себя невозможность продолжать войну безъ Англіи и желала мира, который дѣлалъ для нея ненужною русскую помощь; что же касается Турціи, то гораздо вѣроятнѣе была новая война послѣдней противъ Россіи, а не противъ Австріи. Наконецъ были люди, враждебные Россіи, какъ графъ Вратиславъ и другіе, которые сильно возставали противъ русскаго союза; они представляли, что отъ русскаго вспомогательнаго войска не будетъ никакой пользы: гдѣ ему воевать съ Французами при страшномъ безпорядкѣ, огромныхъ багажахъ, слабой кавалеріи, неискусствѣ воинскомъ, ибо Полтавскую побѣду нельзя приписать искусству Русскихъ,—съ голодными и безсильными людьми дѣло имѣли, и счастье помогло. Взять русское войско въ помощь—значитъ обучить его и показать ему дорогу въ свои земли и усилить царя: полезно ли это? Царь соглашается на союзъ подъ условіемъ, чтобъ императоръ гарантировалъ ему земли, завоеванныя у Шведовъ; по этою гарантіею Австрія только свяжетъ себѣ руки; теперь въ годъ, много въ два, она добьется мира съ Франціею, а тогда эта гарантія будетъ служить препятствіемъ къ миру, мало того,—можетъ вовлечь въ другую войну.

1712 годъ проходилъ въ безполезныхъ стараніяхъ Урбиха заключить оборонительный договоръ, нужда котораго для Россіи увеличилась съ приходомъ непріятныхъ вѣстей изъ Константинополя. Въ Россію доходили слухи, что препятствіемъ къ заключенію союза можетъ служить Урбихъ, которымъ недовольны въ Вѣнѣ. Поэтому туда былъ отправленъ генералъ-адъютантъ Нарышкинъ, съ наказомъ: „Быть ему вмѣстѣ съ Урбихомъ на конференціяхъ съ цесарскими министрами, и смотрѣть накрѣпко, чтобъ баронъ Урбихъ трудился по данной ему инструкціи привести дѣло къ окончанію. Если увидитъ онъ со стороны Цесаря затрудненія, также если недовольны будутъ, что переговоры о союзѣ ведутся посредствомъ Урбиха, то онъ долженъ донести Цесарю, чтобъ изволилъ кого-нибудь прислать съ полномочіемъ къ царю въ Померанію“.

Въ октябрѣ цесарскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ, графъ Вильчекъ, на вопросъ графа Головкина, какой онъ имѣетъ отъ своего Двора наказъ для заключенія союзнаго договора, отвѣчалъ, что если ему будутъ сдѣланы предложенія отъ

Русскаго Двора, то онъ обязанъ ихъ выслушать и писать къ своему Двору. Если царское величество желаетъ вести объ этомъ переговоры, то лучше пусть пошлетъ своего министра къ цесарскому величеству, и лучше было бы, если бы договоръ былъ заключенъ не съ однимъ Австрійскимъ Домомъ, а со всею имперіею; съ Урбихомъ договариваться не будутъ: ибо хотя онъ Цесарю и не противенъ, однако не согласенъ не только съ австрійскими министрами, но и съ министрами союзниковъ царскихъ.—„Не думайте", сказалъ на это Головкинъ, „что царское величество желаетъ съ вами оборонительнаго союза, опасаясь новаго разрыва съ Турціею;—онъ желаетъ только укрѣпить дружбу съ цесарскимъ величествомъ, потому что отъ Турокъ нарушенія мира ожидать нельзя; если же, сверхъ чаянія, Турки введутъ въ Польшу Шведскаго короля съ своими сильными войсками, то въ такомъ случаѣ не будетъ ли опасности и Цесарю?"—„Конечно, будетъ опасность такая же, какъ и царскому величеству", отвѣчалъ Вильчекъ; „поэтому-то Цесарь и склоненъ къ заключенію союза съ Россіею; объявите только проектъ, на какихъ условіяхъ его заключать". Черезъ день послѣ этого разговора Головкинъ объявилъ Вильчеку, что царское величество готовъ послать въ Вѣну министра для переговоровъ о союзѣ, только теперь такого министра нѣтъ, и потому сообщается ему, Вильчеку, проектъ договора для отсылки къ Цесарю, и пусть Цесарь пришлетъ къ нему указъ постановлять здѣсь, но не заключать; когда же будетъ здѣсь постановлено, тѣмъ временемъ государь отзоветъ министра отъ какого-нибудь Двора и пошлетъ въ Вѣну для заключенія договора.

Урбихъ, по причинѣ или подъ предлогомъ болѣзни, самъ началъ просить о годовомъ отпускѣ изъ Вѣны, куда былъ назначенъ изъ Гаги графъ Матвѣевъ. Въ началѣ декабря пріѣхалъ Матвѣевъ въ Вѣну и отдалъ Урбиху отзывную грамоту, отпускъ и царскій портретъ съ алмазами. Матвѣевъ пріѣхалъ въ Вѣну въ то время, когда здѣсь получены были изъ Константинополя вѣсти, что Турція разорвала миръ съ Россіею, и русскіе послы посажены въ Семибашенный замокъ. Матвѣевъ въ этихъ извѣстіяхъ видѣлъ страшное препятствіе дѣлу, для котораго пріѣхалъ; несмотря на то, при представленіи императору, „предлагалъ въ пространныхъ изъясненіяхъ", какое злополучіе должно произойти изъ этой перемѣны, произведенной наговорами общихъ непріятелей, не только интересу царскаго величества, но и самой имперіи Римской, и просилъ, чтобъ его величество, зрѣло обдумавъ, изволилъ ускорить мѣрами для сохраненія общаго мира. Карлъ VI отвѣчалъ увѣреніями въ своей дружбѣ къ царскому величеству и желаніи вступить съ нимъ въ тѣсный союзъ по настоящимъ обстоятельствамъ. Принцъ Евгеній Савойскій также увѣрялъ Матвѣева въ своемъ усердіи къ царскимъ интересамъ, но при этомъ съ великою досадою отозвался о баронѣ Урбихѣ. „Это человѣкъ коварный и злобный", говорилъ Евгеній: „все, что онъ писалъ ко Двору царскаго величества о Цесарѣ и его Дворѣ,—все ложно, пристрастно, по злобѣ; своимъ поведеніемъ онъ могъ произвести между императоромъ и царскимъ величествомъ непримиримую вражду,—самый негодный человѣкъ"! Матвѣевъ не могъ заступиться за Урбиха, ибо самъ писалъ Головкину, что вѣдаетъ господина барона „пронырливыя тонкости".—„Фавориты цесарскіе", писалъ также Матвѣевъ, „заговаривали мнѣ о мѣхахъ лисьихъ и собольихъ для Цесаря, что ему будетъ пріятно, равно какъ и прочимъ вельможамъ. Разсмотря, извольте ихъ удовольствовать и обязать къ нашимъ пользамъ. Здѣсь взятокъ за стыдъ не ставятъ, и безъ того криво глядятъ".

Новыя печальныя вѣсти съ сѣвера: Штейнбокъ разбилъ Датчанъ и Саксонцевъ. „Вѣдомости эти", писалъ Матвѣевъ, „немалую въ нашемъ настоящемъ дѣлѣ причинили помѣшку у здѣшняго Двора, очень торопкаго и боящагося Шведовъ: видя, что дѣла ихъ съ Франціею идутъ дурно, и что въ нашихъ сѣверныхъ дѣлахъ успѣха мало; видя и турецкую склонность къ войнѣ,—Австрійцы сами не знаютъ, куда пріютиться. Изъ словъ принца Евгенія я могу видѣть, что хотя они намъ наотрѣзъ и не откажутъ, но будутъ проволакивать дѣло".

1713 годъ Матвѣевъ началъ очень непріятнымъ донесеніемъ: „Немалое имѣю подозрѣніе, что здѣшній Дворъ старается помирить короля Августа съ Швеціею и этимъ облегчить примиреніе Датскаго короля съ Карломъ XII; а когда эти партикулярные миры будутъ заключены, то думаютъ здѣсь, что царское величество, видя себя всѣми покинутаго и видя, съ другой стороны, войну Турецкую, принужденъ будетъ съ Шведами помириться, и такимъ образомъ Цесарскій Дворъ избавится отъ всѣхъ опасностей, которыя бы могли ему грозить отъ Сѣверной войны изъ Польши". На вопросъ о союзѣ, Матвѣеву прямо сказали, чтобъ царское величество на этотъ разъ извинилъ Цесаря, потому что послѣдній находится въ тяжелыхъ обстоятельствахъ: опасность со стороны Франціи, Англіи и отъ Турокъ; не приведя къ концу собственныхъ дѣлъ, нельзя ничего начать; прибавили, что безъ сообщенія всей имперіи императоръ не можетъ вступить ни съ кѣмъ ни въ какой союзъ; не можетъ вступить съ Россіею ни въ какія письменныя обязательства, пока русскія войска не выступятъ изъ предѣловъ имперіи. Въ февралѣ пришли въ Вѣну извѣстія о перемѣнахъ въ расположеніи султана относительно русской войны, о „трагедіи Свейской", какъ называли ссору Карла XII съ Турками въ Бендерахъ, и, въ началѣ марта, Матвѣевъ доносилъ: „Здѣшній Дворъ въ великомъ трепетѣ, чтобъ пламя войны, по интригамъ французскимъ и англійскимъ, не вспыхнуло въ имперіи, и по этому опасенію отнюдь ничего въ неугодность султану не сдѣлаетъ и въ наши, и въ польскія дѣла, за безмѣрнымъ страхомъ, не вмѣшается". Принцъ Ев

геній прямо сказалъ Матвѣеву, что если императоръ выскажется у Порты въ пользу Россіи, то это будетъ равносильно объявленію войны Туркамъ; но такого невозможнаго и вреднаго австрійскимъ интересамъ поступка царь не можетъ требовать отъ императора. Что императоръ могъ сдѣлать, то сдѣлалъ: посланъ указъ австрійскому министру при Портѣ, чтобъ всячески отвращать султана отъ войны съ Россіею. „Здѣшній Дворъ", писалъ Матвѣевъ, „боится Турецкой войны, потому что никогда еще принцъ Евгеній небылъ со мною такъ учтивъ и откровененъ".

Для избѣжанія безполезныхъ столкновеній, Матвѣеву былъ данъ указъ не называть въ своихъ меморіалахъ царя императоромъ. Матвѣевъ отвѣчалъ: „Указъ исполнять буду, хотя относительно императорскаго титула спору быть не можетъ: не только нынѣшняя королева Великобританская, но и предшественникъ ея, король Вильгельмъ, всегда въ грамотахъ своихъ писалъ нашего государя императорскимъ величествомъ, и многія книги палатныя въ самой имперіи даютъ Русскому царю первое мѣсто послѣ императора, и великую Россію называютъ имперіумъ, безо всякихъ нашихъ запросовъ и трудностей; нашедши, намъ терять неполезно, развѣ на время уклониться. Герцогъ Савойскій сильно желаетъ вступить въ сношенія съ царскимъ величествомъ и обѣщаетъ давать ему титулъ по примѣру королевы Великобританской. Мое мнѣніе: хотя бы эти новыя сношенія съ такимъ отдаленнымъ отъ Россіи государемъ и не были нужны, однако если самъ герцогъ начнетъ пересылку и назоветъ царское величество императоромъ, то это будетъ не безъ прибыли для будущаго времени. Венеціанская и Генуэзская республики, великій герцогъ Тосканскій и другіе мелкіе владѣльцы итальянскіе могли бы послѣдовать примѣру такого сильнаго въ Италіи государя, какъ герцогъ Савойскій; а съ итальянскими державами, особенно съ Венеціанскою республикою, для турецкихъ дѣлъ и для торговли, эту находку въ титулѣ упускать не надобно".

Венеціанская республика готова была теперь дать какой угодно титулъ Русскому царю, потому что снова начала бояться Турецкой войны. Когда приходили вѣсти, что султанъ идетъ на Россію, то венеціанскій посолъ въ Вѣнѣ мало обращалъ вниманія на Матвѣева; но когда стали приходить извѣстія другого рода, то онъ сталъ обходиться съ нимъ чрезвычайно почтительно и самъ проговорился о причинѣ такой перемѣны: „Боюсь", сказалъ онъ Матвѣеву, „чтобъ и нашего посла Турки не посадили въ Семибашенный замокъ". Учтивость въ отношеніи къ Матвѣеву усиливалась и съ венеціанской и съ австрійской стороны; но русскій посолъ считалъ себя въ правѣ не быть довольнымъ вѣнскими обхожденіями, и писалъ Головкину: „Хотя Цесарь и министерство его наружно, по политикѣ, и показываютъ доброжелательство царскому величеству, но я замѣчаю, что природная зависть господствуетъ въ мысляхъ этого любочестиваго и гордаго Двора, не желательно видѣть ему, что миръ у Россіи съ Турціею благополучно и скоро заключается, и царское величество, ставши свободенъ, принудитъ Шведовъ къ полезному для себя миру и, овладѣвъ Ливоніею, при морѣ Балтійскомъ распространитъ свою державу. Нигдѣ при Дворахъ такой зависти и безсоюзія между министрами я не видалъ, какъ здѣсь: коварныя интриги между разными шайками господствуютъ при здѣшнемъ Дворѣ, думаютъ только о своихъ выгодахъ и вредятъ всѣми способами силѣ своего государя. Сюда пришли подлинныя извѣстія, что въ Утрехтѣ французскіе министры предлагали нашему послу, князю Куракину, заключить между Россіею и Франціею договоръ о свободной торговлѣ. Это предложеніе важно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, ибо сближеніе съ Франціею намъ очень полезно. Морскія державы кривымъ окомъ смотрятъ на распространеніе державы его царскаго величества у Балтійскаго моря, и нельзя надѣяться, чтобъ датскій союзъ былъ постояннымъ. При союзѣ Россіи съ Франціею морскія державы будутъ болѣе почитать государства царскаго величества, и Датскій король не посмѣетъ вооружиться. Найдя въ союзѣ съ Россіею свои выгоды, Франція не станетъ заступаться за Швецію, и Австрійскій Домъ будетъ оказывать большее вниманіе къ интересамъ царскаго величества и высоко станетъ почитать его дружбу не по любви, а изъ страха, видя, что Россія соединена съ великою и могущественною державою, Франціею, равною по силѣ съ Австріею. Австрійскій Домъ долженъ будетъ оставить свои прежнія суетныя мнѣнія, будто онъ одинъ только въ нужныхъ случаяхъ былъ прибѣжищемъ царскому величеству. Если царское величесто заключитъ миръ съ Портою, а Цесарь свою войну съ Франціею будетъ продолжать, тогда не будетъ никакой нужды царскому величеству искать чего нибудь у этого гордаго и о собственномъ своемъ интересѣ нерадиваго Двора. Безъ денегъ у Цесаря плохой успѣхъ въ войнѣ, и когда Франція станетъ его одолѣвать, то ему ничего больше не останется, какъ съ покорностью искать помощи у царскаго величества, и готовъ будетъ вступить въ какой угодно союзъ. Но тогда этотъ союзъ едва ли будетъ полезенъ Россіи. Нельзя изъ-за одной любви къ Цесарю вступить въ новыя трудности и войны, особенно когда будемъ держать въ памяти, что Цесарь, при нашихъ затрудненіяхъ, ничего для насъ сдѣлать не подумалъ". Матвѣевъ спѣшилъ предостеречь свой Дворъ и относительно Венеціи: „На дняхъ увѣдомился я подлинно, что венеціанскій сенатъ, избѣгая грозящей ему войны съ Турціею, деньгами возбуждаетъ сановниковъ Порты противъ царскаго величества. Посолъ венеціанскій въ Константинополѣ дѣйствуетъ заодно съ посломъ французскимъ противъ Россіи; и здѣшній венеціанскій посолъ, хотя, по природному своему пронырству, и ласково со мною обходится, но въ то же время вмѣстѣ съ папскимъ нунціемъ всевозможными и тайными спо-

*

собами отвращаетъ цесаря отъ союза съ Россіею. Извольте и у себя равнымъ же образомъ обращаться съ римскимъ духовенствомъ и Венеціанами: пусть не думаютъ, что ихъ темныя злобы намъ не извѣстны".

Миръ между Россіею и Турціею былъ окончательно заключенъ, и Матвѣевъ чрезъ фаворита императорскаго, графа Стелли, уразумѣлъ, что Цесарь сталъ склоненъ къ русскому союзу гораздо больше чѣмъ прежде. Матвѣевъ, успокоенный извѣстіемъ о мирѣ, не находился болѣе подъ вліяніемъ прежняго раздраженія, успѣлъ осмотрѣть дѣло съ разныхъ сторонъ и потому написалъ Головкину: „Хотя при настоящихъ обстоятельствахъ этотъ союзъ и не такъ намъ нуженъ, но можетъ быть очень полезенъ для будущаго времени, по враждебнымъ отношеніямъ нашимъ къ Швеціи и морскимъ державамъ; этимъ союзомъ будутъ сдержаны члены имперіи, склонные къ поданію помощи Шведу, особенно Пруссія; наконецъ будетъ сдержана Франція". Австрійскіе министры пугали Матвѣева тѣмъ, что миръ Россіи съ Турціею едва ли будетъ крѣпокъ, потому что султанъ готовится къ походу противъ Польши, гдѣ хочетъ возстановить Станислава Лещинскаго. Но когда, по полученіи указа отъ своего Двора, Матвѣевъ, осенью 1713 года, началъ со Стелли переговоры о союзѣ, императорскіе министры объявили ему съ крайнимъ неудовольствіемъ, что Цесарь прямо пріятель и свойственникъ царскому величеству, и потому, прежде заключенія договора съ королемъ Прусскимъ и администраторомъ герцогства Голштинскаго о секвестрѣ Штетина, надобно было бы не только для чести цесарской, но—главное—для собственной пользы царскаго величества, согласиться съ Цесаремъ и прочими владѣтелями имперскими, съ Ганноверскимъ и Вольфенбительскомъ Домами. Но крайнее неудовольствіе такъ-же не повело ни-къ-чему, какъ и прежнее желаніе вступать въ союзъ. „Вамъ извѣстна", писалъ Матвѣевъ Головкину, „медленность здѣшняго Двора во всѣхъ дѣлахъ; этою медленностью онъ вездѣ все теряетъ не только въ чужихъ, но и въ своихъ собственныхъ дѣлахъ; притомъ непостоянство Порты въ нашихъ и польскихъ дѣлахъ и слухи о возникновеніи новой вражды въ имперіи между королемъ Прусскимъ и Датскимъ по причинѣ Голштинскаго дѣла усиливаютъ здѣшнюю медленность, потому что цесарскій Дворъ, по обычной своей осторожности, еще выжидаетъ, чѣмъ кончатся всѣ эти дѣла". Въ началѣ ноября Матвѣевъ объявилъ графу Стелли рѣшительно: если заключеніе союзнаго договора попрежнему будетъ откладываться въ-даль, то царское величество впредь ни по какимъ домогательствамъ цесарскимъ и ни при какой тяжкой нуждѣ въ союзъ не вступитъ. Пришелъ ноябрь; Матвѣевъ обратился къ императрицѣ (родной сестрѣ жены царевича Алексѣя Петровича) съ просьбою постараться объ ускореніи дѣла; императрица отвѣчала, что она безотступно проситъ объ этомъ императора какъ по своему кровному свойству съ царскимъ величествомъ, такъ и по всегдашнимъ къ себѣ письмамъ дѣда, герцога Вольфенбительскаго, матери и сестры, принцессы царевичевой, и что Цесарь расположенъ вступить въ союзъ съ Россіею. Наконецъ, 11 декабря, Матвѣеву, дано было знать, что императоръ опредѣлилъ: вступить съ Россіею въ крѣпкую дружбу и оборонительный союзъ, причемъ долженъ быть заключенъ и торговый договоръ. 18 декабря начались у Матвѣева конференціи съ австрійскими министрами, которые предложили заключить оборонительный союзъ на десять лѣтъ противъ всякаго нападчика; но одни татарскіе набѣги не должны считаться поводомъ къ требованію помощи; этотъ союзъ не долженъ разрушать никакой другой союзъ, заключенный прежде Россіею или Австріею; также императоръ сохраняетъ свое право быть посредникомъ для прекращенія Сѣверной войны. Предложены были и тайныя статьи: о немедленной помощи отъ Россіи императору противъ Франціи деньгами или другимъ чѣмъ; о домогательствѣ императора у папы, короля Польскаго и республики Венеціанской, чтобъ царь былъ принятъ въ священный союзъ противъ Турокъ. Матвѣевъ принялъ проектъ договора для донесенія своему Двору; но потомъ, въ разговорѣ наединѣ съ вице-канцлеромъ Шёнборномъ, замѣтилъ неопредѣленность въ выраженіяхъ: ни Швеція, ни Турція явно не обозначены. Вице-канцлеръ отвѣчалъ, что явно назвать Шведа нельзя, потому что онъ тогда не приметъ посредничество императора для прекращенія Сѣверной войны; если же императоръ въ договорѣ явно объявитъ себя противъ Турка, то Франція найдетъ здѣсь причину поднять Порту противъ Австріи, которая не будетъ въ силахъ въ одно время вести войну противъ такихъ двухъ сильныхъ державъ. Вице-канцлеръ прибавилъ, что царскому величеству должна быть извѣстна невозможность для императора заключить съ Россіею союзъ противъ кого-нибудь изъ князей имперскихъ; императоръ не можетъ вступить въ союзъ и противъ Польши, съ которою у него издавна союзъ. Наконецъ, вице-канцлеръ объявилъ, что заключеніе договора должно быть отложено до окончанія войны у императора съ Франціею. На это Матвѣевъ замѣтилъ, что союзъ этотъ едва ли будетъ полезенъ царскому величеству при такихъ изъятіяхъ и условіяхъ, когда императоръ не обязывается помогать Россіи ни противъ Шведа, ни противъ Турка, заклятыхъ непріятелей царскаго величества.

Въ началѣ 1714 года Матвѣевъ началъ извѣщать о скоромъ мирѣ между императоромъ и Франціею; а миръ этотъ долженъ былъ имѣть вліяніе и на отношенія Австріи къ Россіи. „Когда Цесарь", писалъ Матвѣевъ, „будетъ въ согласіи съ Франціею, то Шведа явно озлобить не захочетъ, долженъ будетъ дѣйствовать заодно съ Французскимъ королемъ по смыслу Вестфальскаго договора; хотя Цесарь и все его министерство по наружности добро-

хотствуютъ царскому величеству, но внутренно приращенію державы его величества очень завидуютъ и на будущее время опасаются; большая часть здѣшнихъ министровъ—Шведы".

Въ мартѣ Матвѣевъ возобновилъ представленіе о союзѣ, потому что изъ Петербурга получены были замѣчанія на австрійскій проектъ. Замѣчанія состояли въ томъ, что царь не согласенъ на заключеніе союза по окончаніи войны со Шведами, ибо такой союзъ не принесетъ ему никакой пользы; царь требуетъ, чтобы союзъ заключенъ былъ немедленно противъ всѣхъ нападчиковъ; ибо при нынѣшней войнѣ опасно, чтобы какой-нибудь новый непріятель, особенно Турокъ, не напалъ либо на Россію, либо на Австрію: поэтому-то немедленный оборонительный союзъ и нуженъ, особенно по отношенію къ Польшѣ, ибо Россіи, а еще болѣе Австріи, нужно стараться, чтобы не допустить Турокъ разорить Польское королевство, потому что отъ этого можетъ произойти бѣда для всей Германіи. О набѣгахъ татарскихъ упоминать въ договорѣ не надобно, потому что Татары подданные султана Турецкаго и безъ его воли ничего не дѣлаютъ. Когда оборонительный союзъ заключится противъ всѣхъ нападчиковъ, то исключеніямъ никакимъ быть не слѣдуетъ.—Матвѣевъ сильно сомнѣвался, чтобъ императоръ согласился на эти требованія, и писалъ къ своему Двору: „Придворныя коварства и интриги неисповѣдимы, и хотя Цесарь самъ отъ себя никогда зла не дѣлаетъ, но если другимъ не возбранитъ, то другія державы много могутъ дѣламъ россійскимъ вреда причинить, или короля Датскаго отъ союза русскаго силою оторвать. Для того нужно Цесаря на будущее время попрочить и держаться съ нимъ согласно, хотя бы и съ нѣкоторою убавкой передъ прежними запросами союзъ заключить, и, удержавъ этимъ союзомъ Цесаря при себѣ, другимъ принцамъ злонамѣреннымъ удила на зубы подать. Всегдашнія побѣды царскаго величества надъ обезсиленнымъ непріятелемъ, особенно нынѣшнее торжество въ Финляндіи надъ генераломъ Армфельдомъ, великую зависть здѣсь и вездѣ распространяютъ, и хотя, повидимому, многія правительства нашимъ побѣдамъ радуются, но въ сердцѣ у нихъ другое чувство гнѣздится; поэтому нужно осторожно поступать, чтобы вдругъ не подвигнуть на Россію великое число злосердыхъ принцевъ". Ганноверскій посланникъ далъ знать Матвѣеву о своемъ разговорѣ съ принцемъ Евгеніемъ и министрами по поводу русскаго союза; всѣ согласно объявили ему, что по заключеніи мира съ Франціей Цесарь не имѣетъ нужды въ русскомъ вспомогательномъ войскѣ, потому не можетъ въ настоящее время отъ себя никакой помощи обѣщать царю и обязываться съ нимъ оборонительнымъ союзомъ; но на будущее время, т. е. по окончаніи Сѣверной войны, готовъ заключить союзъ. Вице-канцлеръ Шёнборнъ объяснилъ самому Матвѣеву, что союза немедленно заключать нельзя: ибо если прямо назвать въ договорѣ Шведа и Порту, то въ сущности выйдетъ союзъ наступательный, а не оборонительный; потому что, назвавши прямо эти державы, Цесарь возбудилъ бы ихъ противъ себя, тѣмъ подвергся бы тяжкой отвѣтственности передъ всею имперіей и не могъ бы уже болѣе быть посредникомъ при заключеніи Сѣвернаго мира. Наконецъ былъ присланъ на письмѣ и рѣшительный отказъ вступить въ союзъ на тѣхъ основаніяхъ, какія желательны царю. Матвѣевъ думалъ, что все же полезно заключить съ Цесаремъ союзъ и на будущее время, послѣ примиренія съ Швеціею, потому что Карлъ XII теперь, видя упадокъ своихъ силъ, склонится къ миру, а потомъ, собравшись съ новыми силами, при первомъ удобномъ случаѣ, разорветъ; но оборонительный союзъ Россіи съ Цесаремъ будетъ его сдерживать.

По царскому указу, Матвѣевъ не долженъ былъ отставать отъ дѣла, и твердилъ императорскимъ министрамъ, что Шведъ питаетъ неукротимое отвращеніе къ Дому Австрійскому, и высказалъ уже свою враждебность во время своихъ успѣховъ: какого же добра императоръ можетъ ожидать себѣ отъ него впередъ? Притомъ извѣстно, сколько въ имперіи сильныхъ государей протестантскихъ, склонныхъ къ Шведу и враждебныхъ императору: нужно заранѣе объ этомъ подумать и принять свои мѣры. Но эти внушенія русскаго дипломата не могли имѣть силы, потому что Австрійскій Дворъ долженъ былъ иначе смотрѣть на дѣло. Было время, когда, дѣйствительно, Швеція была опасна Австрійскому Дому, какъ представительница протестантизма, естественная защитница его въ Германіи, выдвинутая для этой роли Франціею противъ Габсбурговъ. Но теперь могущество Швеціи было сокрушено, и если бы даже Швеція успѣла скоро оправиться, то нашла бы себѣ сдержку въ усилившейся Россіи; а въ Германіи начали усиливаться протестантскіе государи, и это усиленіе грозило Австріи большою опасностью, такъ что теперь для нея было важно поддержать Швецію въ Германіи. Пруссія и Ганноверъ сильно хлопотали въ Вѣнѣ, чтобъ императоръ согласился на изгнаніе Шведовъ изъ Германіи; но этими хлопотами возбудили только подозрѣніе при здѣшнемъ Дворѣ: зачѣмъ они хотятъ выгнать Шведовъ?—чтобъ подѣлить ихъ владѣнія по себѣ, усилиться; но какая выгода Австріи усиливать князей протестантской Германіи? Бранденбургскій курфюрстъ и безъ того уже силенъ и опасенъ,—онъ уже король Прусскій; курфюрстъ Ганноверскій будетъ и безъ того уже силенъ, какъ король Англійскій. Знаменитый принцъ Евгеній, первый авторитетъ между государственными людьми Австріи, сильно возсталъ противъ предложеній Пруссіи и Ганновера объ изгнаніи Шведовъ изъ имперіи; но такъ какъ это предложеніе согласовалось съ выгодами Россіи, которая въ Пруссіи и Ганноверѣ пріобрѣтала новыхъ союзниковъ противъ Швеціи, то австрійскіе министры сочли нужнымъ сдѣлать съ своей стороны Матвѣеву внушеніе, что виды Пруссіи и Ганновера не имѣютъ ни-

чего общаго съ пользами царскаго величества: „Короли Прусскій, Датскій и курфюрстъ Ганноверскій", говорили они, „безотступно здѣсь домогаются, чтобы Цесарь позволилъ выгнать Шведа изъ его имперскихъ владѣній. Ясно, что они стараются объ одномъ:—получа эти владѣнія, подѣлить ихъ между собою, отчего царскому величеству никакой выгоды не будетъ; съ другой стороны, Августъ, король Польскій, очень недоволенъ такимъ намѣреніемъ, и отъ этого между сѣверными союзниками является великое безсоюзіе. Цесарь извѣстился, что король Французскій обнадежилъ царское величество, что Шведскій король уступитъ Россіи Финляндію, Ингрію и нѣкоторые города въ Ливоніи, съ тѣмъ, чтобъ царское величество удержалъ за нимъ прежнія шведскія владѣнія въ имперіи. Вотъ почему Цесарь не даетъ отвѣта королямъ Датскому и Прусскому и курфюрсту Ганноверскому, желая прежде узнать намѣреніе царскаго величества, чтобы не сдѣлать чего-нибудь ему неугоднаго".

Царь, въ своемъ желаніи имѣть какъ можно болѣе союзниковъ противъ Шведа и принудить его какъ можно скорѣе къ выгодному для Россіи миру, не могъ входить въ виды Австрійскаго Двора, и Матвѣевъ получилъ указъ помогать всѣми средствами прусскому посланнику. Матвѣевъ отвѣтилъ австрійскимъ министрамъ, что если Цесарь исполнитъ желаніе Прусскаго короля, то этимъ покажетъ свою особенную склонность къ интересамъ царскаго величества. Матвѣеву отвѣчали, что такъ какъ теперь это дѣло дѣлается съ общаго согласія между царскимъ величествомъ и королемъ Прусскимъ, то Цесарь, зная это, станетъ и впредь такъ поступать; онъ думалъ только, что если король Шведскій будетъ лишенъ своихъ германскихъ провинцій, то, собравшись съ силами, по сосѣдству можетъ больше повредить Россіи. Но Матвѣевъ писалъ къ своему Двору, что не вѣритъ сладкимъ словамъ австрійскихъ министровъ, и особенно боится того, что принцъ Евгеній сильно охладѣлъ къ царскимъ интересамъ и очень благопріятствуетъ Шведу. Отношенія къ Франціи такъ же заставляли Вѣнскій Дворъ соблюдать осторожность по шведскимъ дѣламъ. Когда Матвѣевъ не переставалъ домогаться, чтобъ императоръ далъ свое согласіе на изгнаніе Шведовъ изъ имперіи, то вице-канцлеръ Шёнборнъ объявилъ ему: „Императоръ уже объявилъ себя посредникомъ по сѣвернымъ дѣламъ, и потому никакъ не можетъ позволить на исключеніе Швеціи изъ имперіи, въ противномъ случаѣ онъ явился бы явнымъ доброжелателемъ одной сторонѣ и явнымъ противникомъ другой, вслѣдствіе чего потерялъ бы право на посредничество".

Въ концѣ 1714 года пришло извѣстіе о разрывѣ между Турками и Венеціанами, что грозило войною и Австріи по союзу ея съ Венеціею. „Эта новая Турецкая война", писалъ Матвѣевъ, „не безполезна будетъ для войны Сѣверной, когда Турки разорвутъ миръ и съ Цесаремъ. Тогда здѣшній гордый Дворъ, оставя свои прежнія прихоти и поманки Шведу, самъ будетъ заискивать, чтобъ вступить въ союзъ съ царскимъ величествомъ. Принцъ Евгеній, прощаясь съ шведскимъ канцлеромъ Миллеромъ, обошелся съ нимъ холодно. Я въ разговорѣ съ принцемъ выразилъ ему свое удовольствіе по этому случаю и обѣщалъ донесть о его поступкѣ царскому величеству, чѣмъ принцъ былъ доволенъ и обошелся со мною очень ласково, какъ видно, проча себѣ царское величество по причинѣ войны Турецкой".

Еще въ половинѣ года Матвѣеву дано было знать изъ Петербурга, что онъ отзывается изъ Вѣны и назначается въ Польшу. Послѣ этого распоряженія царь получилъ доносъ на Матвѣева изъ Вѣны на французскомъ языкѣ, выходившій, какъ можно полагать, изъ саксонскаго посольства въ Вѣнѣ, ибо Матвѣевъ въ своихъ донесеніяхъ не щадилъ короля Августа и его представителя при императорскомъ Дворѣ: вѣроятно, прослышавъ о новомъ назначеніи Матвѣева, въ Дрезденѣ хотѣли избавиться отъ такого человѣка, очернивъ его передъ царемъ, выставивши его неспособность. Безименный доносчикъ говоритъ, что во время пріѣзда Матвѣева въ Вѣну здѣшній Дворъ былъ очень склоненъ ко вступленію въ тѣсный союзъ съ царемъ, но Матвѣевъ своимъ поведеніемъ уничтожилъ это доброе расположеніе. Матвѣевъ началъ съ того, что сталъ ссориться съ иностранными министрами за рангъ и титулъ превосходительства и вслѣдствіе другихъ неосновательныхъ придирокъ съ его стороны, причемъ не пощадилъ и министровъ союзническихъ. Такъ: онъ споромъ о рангѣ оскорбилъ венеціанскаго посла, любимаго, уважаемаго и имѣющаго большую силу при Вѣнскомъ Дворѣ. Лучшихъ товарищей Матвѣеву подобрала любовница его, Шперлингъ, дочь вѣнскаго лакея, Шведа по происхожденію, который обокралъ въ Вѣнѣ своего господина и ушелъ въ Швецію. Думаютъ, что онъ ведетъ переписку съ своею дочерью, которая, вмѣстѣ съ матерью, живетъ въ домѣ Матвѣева. Самый довѣренный человѣкъ у Матвѣева, знающій всѣ интересы царскіе,—баронъ Фронвиль, который самъ себя назвалъ барономъ, тогда какъ онъ сынъ извѣстнаго шарлатана, бывшаго мошенникомъ въ Парижѣ, потомъ лазутчикомъ французскимъ при Польскомъ Дворѣ. Этого-то барона Фронвиля Матвѣевъ прочилъ на свое мѣсто, въ министры при Вѣнскомъ Дворѣ, и слово уже ему далъ. Фронвиль ввелъ въ домъ къ Матвѣеву разныхъ господъ, которые называютъ себя близкими людьми графа Стелли, любимца императорскаго, чрезъ котораго они обѣщаются помогать успѣху дѣлъ царскихъ. Но графъ Стелли никогда ничего ни для кого не сдѣлалъ, и чѣмъ бы приводить дѣла къ концу, только останавливаетъ ихъ. Матвѣевъ просилъ императора, чтобъ поручилъ веденіе переговоровъ съ нимъ графу Стелли; это сильно повредило интересамъ царскимъ, потому что навлекло Матвѣеву непріязнь всего министерства. Надобно знать лично Матвѣева и видѣть, какъ

онъ управляетъ своими дѣлами, и тогда только можно понять, что человѣкъ, столько лѣтъ обращающійся на дипломатическомъ поприщѣ, можетъ быть такъ неопытенъ въ дѣлахъ европейскихъ и въ интересахъ придворныхъ. Будучи при главномъ Нѣмецкомъ Дворѣ, Матвѣевъ позволяетъ себѣ говорить безчестныя рѣчи о народѣ Нѣмецкомъ; и жена его, въ короткое время своего пребыванія здѣсь, вела себя достойно своего супруга. Принцъ Евгеній говоритъ, что не хочетъ больше имѣть съ Матвѣевымъ никакого дѣла, ибо Матвѣевъ дурно отзывается о немъ за то только, что онъ, принцъ, далъ аудіенцію шведскому министру, какъ будто Вѣнскій Дворъ не нейтральный. Матвѣевъ думаетъ, что государственный вице-канцлеръ графъ Шёнборнъ находится совершенно въ его рукахъ; это было бы желательно для службы царскаго величества, если бы господинъ Матвѣевъ умѣлъ воспользоваться такими отношеніями; но такъ какъ онъ слишкомъ разгласилъ о дружбѣ своей съ Шёнборномъ, то эта дружба можетъ послужить только къ тому, чтобъ Матвѣева сдѣлать имперскимъ графомъ, что́ вѣроятно и сдѣлается, если Матвѣевъ дорого заплатитъ за патентъ. Издержки Матвѣева, экипажъ не дѣлаютъ ему большой чести, потому что онъ всегда ѣздитъ на наемныхъ лошадяхъ. Правда, что получаемыхъ имъ отъ своего Двора денегъ недостаточно, потому что любовница стоитъ ему больше 12,000 гульденовъ въ годъ, и потому онъ обремененъ долгами.

Новый 1715 годъ засталъ еще Матвѣева въ Вѣнѣ, куда вмѣстѣ съ шведскими генералами, проѣзжавшими изъ Турціи въ Швецію вслѣдъ за королемъ своимъ, явился и Орликъ, называвшійся гетманомъ войска Запорожскаго: „По нижайшей и вѣрной должности моего природнаго рабства", писалъ Матвѣевъ, „не могъ я удержать себя въ нѣмомъ молчаніи и видѣть предъ глазами своими того вора, клятвопреступнаго измѣнника и супостата государству Россійскому съ его сообщниками, и потому, ни мало не медля, подалъ здѣшнему Двору меморіалъ о выдачѣ его, измѣнника, въ державу царскаго величества". Матвѣеву отвѣчали „гораздо студено", что едва ли его желаніе будетъ исполнено Цесаремъ, который не можетъ взять назадъ своего слова: онъ обѣщалъ безопасный проѣздъ чрезъ свои владѣнія Шведскому королю со всѣми находившимися при немъ людьми.—„Позволеніе дано Шведамъ", возражалъ Матвѣевъ, „а не ворамъ, измѣнникамъ царскаго величества". На это „гораздо неучтивый и неожиданный" былъ отвѣтъ: прежде самъ царское величество цесарскихъ бунтовщиковъ и начальниковъ мятежа, князя Рагоци и графа Берчени въ Польшѣ держалъ подъ своимъ покровительствомъ, въ службѣ своей ихъ имѣлъ и къ столу своему допускалъ, не обращая вниманія на цесарскую дружбу; а царскій министръ, баронъ Урбихъ, находясь въ Вѣнѣ, не только явно сносился съ венгерскими бунтовщиками, но подъ своею защитою ихъ держалъ и явно въ своей свитѣ ихъ возилъ".—„Случай неравный", возразилъ Матвѣевъ: „когда Цесарь требовалъ ихъ выдачи, то царское величество не могъ ихъ выдать не изъ своего государства,—изъ Польши, могъ только сейчасъ же отъ себя ихъ удалить, что и сдѣлалъ; а если Урбихъ что дѣлалъ по своей дерзости, не по указу, то дѣло частное,—сюда нейдетъ. Услыхавъ о дурномъ поведеніи Урбиха, царское величество не только отозвалъ его отсюда, но и изъ службы своей уволилъ". На это отвѣта не было.

28 февраля Матвѣевъ имѣлъ у Цесаря отпускную аудіенцію. Императоръ говорилъ съ отъѣзжающимъ министромъ долго и милостиво, просилъ донести царскому величеству о своей великой и искренней и постоянной дружбѣ, которую современемъ докажетъ на самомъ дѣлѣ; если же этихъ доказательствъ онъ не могъ дать теперь по обстоятельствамъ, то чтобъ царское величество не принялъ этого за отмѣну дружбы, а онъ, Цесарь, приложитъ, съ своей стороны, всевозможный трудъ о заключеніи Сѣвернаго мира. Императрица просила передать свой низкій поклонъ царю и всему его высокодержавному Дому, увѣрить въ искренней своей дружбѣ и особенномъ уваженіи; говорила, что постоянно старалась охранять интересы царскаго величества, и обѣщала исполнять это и въ отсутствіе Матвѣева; прославляла отеческія милости Петра къ сестрѣ ея кронъ-принцессѣ, о которыхъ та извѣщала ее въ своихъ письмахъ. Матвѣевъ замѣтилъ на это, что хорошо было бы, еслибы и всѣ члены Вольфенбительскаго Дома вели себя такъ же по отношенію къ русскимъ интересамъ, ибо, сверхъ чаянія, несмотря на родственный союзъ, видится противное: правительствующій герцогъ не слѣдуетъ примѣру отца своего, недавно умершаго, Антона-Ульриха;—имѣя 6,000 войска и приказавъ набрать еще 3,000 человѣкъ, сблизился съ ландграфомъ Гессенъ-Кассельскимъ, союзникомъ шведскаго короля, и постоянно во всемъ обнаруживаетъ сильную склонность къ интересамъ шведскимъ.—„Къ сожалѣнію", сказала на это императрица, „не могу скрыть, что герцогъ имѣетъ большую склонность къ Швеціи; но я сомнѣваюсь въ вѣрности вашихъ извѣстій, потому что императоръ недавно писалъ къ герцогу, уговаривая его перемѣнить образъ дѣйствій, и въ послѣднихъ письмахъ, полученныхъ мною отъ родителей, нѣтъ объ этомъ ничего; теперь я сама напишу сильное письмо къ герцогу, чтобъ онъ не сближался съ Швеціею". Взаключеніе императрица приказала оставшемуся послѣ Матвѣева секретарю Ланчинскому доносить ей о всѣхъ дѣлахъ царскихъ, и обѣщала охранять царскіе интересы наравнѣ съ своими.—Матвѣевъ отправился въ Варшаву, но здѣсь получилъ указъ возвратиться въ Россію, гдѣ мы уже видѣли его дѣятельность, какъ президента Юстицъ-коллегіи.

Послѣ Матвѣева въ Вѣну былъ назначенъ резидентомъ Абрамъ Веселовскій, который началъ

свои донесенія съ конца августа 1715 года извѣстіями о предстоящей войнѣ у Цесаря съ Турками. „По предложенію принца Евгенія", писалъ Веселовскій, „насъ не хотятъ приглашать ко вступленію въ союзъ противъ Турокъ; положено начинать войну съ однѣми своими силами. Венеціанскій посолъ сильно старался у здѣшняго Двора, чтобъ Россія приглашена была къ союзу; но ему отказано было безъ объясненія причинъ. Голландскій посолъ думаетъ, что цесарскій Дворъ надѣется на свои большія войска и думаетъ завоевать Царьградъ,—поэтому и не хочетъ допустить русское войско, чтобъ по взятіи Константинополя царь не имѣлъ притязаній на титулъ Восточнаго императора, ибо титулъ этотъ, по мнѣнію здѣшняго Двора, можетъ принадлежать только Римскимъ государямъ". Скоро Веселовскій нашелъ **каналъ**, какъ выражались тогдашніе дипломаты: „Оберъгофъ-канцлеръ, графъ Цинцендорфъ, пользуется большою довѣренностію Цесаря; жена его, которую онъ чрезмѣрно любитъ, имѣетъ сильную страсть къ игрѣ и проигрываетъ большія деньги. Получивъ доступъ въ ихъ домъ, я предложилъ графинѣ, не согласится ли ея мужъ, за извѣстную пенсію, оказывать добрыя услуги царскому величеству. Черезъ три недѣли графиня объявила мнѣ, что съ большимъ трудомъ успѣла уговорить мужа и свела меня съ нимъ. Мы уговорились, что о нашихъ сношеніяхъ, кромѣ царскаго величества, не будетъ знать никто; пенсія будетъ состоять изъ 6,000 ефимковъ, за что Цинцендорфъ обязался съ полною откровенностію передавать о всѣхъ предложеніяхъ, которыя будутъ дѣлаться Вѣнскому Двору со стороны союзниковъ или короля Шведскаго, также помогать во всѣхъ дѣлахъ царскихъ". Но въ Петербургѣ не согласились на эти условія.

Въ 1716 году знаменитое Мекленбургское дѣло возбудило и въ Вѣнѣ такія же подозрѣнія, какія мекленбургскіе дворяне старались возбуждать при другихъ дворахъ. Веселовскій писалъ, что императоръ, получивъ извѣстія о вступленіи русскихъ войскъ въ Мекленбургію, созвалъ въ тайный совѣтъ принца Евгенія, князя Траутсона и графа Цинцендорфа, и всѣ трое увѣрили Карла VI, что царь, удаляясь отъ вступленія въ союзъ съ Австріею противъ Порты, непремѣнно имѣетъ намѣреніе утвердиться въ Германіи; герцогъ Мекленбургскій далъ къ тому поводъ, обѣщая принять русскія войска въ Ростокъ. Для предупрежденія такихъ опасностей, разосланы были грамоты къ курфюрсту Ганноверскому и герцогу Вольфенбительскому, чтобъ они немедленно ввели свои войска въ Ростокъ, если герцогъ Мекленбургскій не оставитъ тамошній магистратъ при прежнихъ правахъ. Принцъ Евгеній, Траутсонъ и Цинцендорфъ внушали императору, что если представится хотя малый способъ къ примиренію съ Турками, то помириться и обратить вниманіе на Германію, потому что когда русскія войска возвратятся назадъ изъ Германіи, а Цесарь въ это время будетъ занятъ войною Турецкою, то царь безпрепятственно можетъ исполнить свое намѣреніе. Это опасеніе, возбужденное царемъ, заставило даже принца Евгенія отложить отъѣздъ свой въ Венгрію. Цесарскому министру при Русскомъ Дворѣ наказано было предложить царю союзъ противъ Турокъ, и Карлъ VI объявилъ, что будетъ ждать извѣстія, какъ царь приметъ это предложеніе, и если не приметъ, то это будетъ служить знакомъ, что онъ хочетъ вмѣшаться въ германскія дѣла. Но потомъ передумали: рѣшили, что нельзя упустить благопріятнаго времени для начатія войны съ Турками и дать имъ возможность овладѣть Далмаціею, послѣ чего они будутъ очень опасны для Австріи. Принцъ Евгеній отправился къ войску. Несмотря на блистательные успѣхи его надъ Турками, въ Вѣнѣ сильно желали поскорѣе прекратить войну по финансовымъ затрудненіямъ, и съ безпокойствомъ смотрѣли на сѣверъ, откуда могло явиться препятствіе успѣхамъ. Изъ Мекленбурга, изъ Ганновера, изъ Даніи приходили къ императору сильныя жалобы на царя, что онъ разоряетъ Мекленбургію своими войсками, хватаетъ тамошнихъ дворянъ по наущенію герцога. Представленій Веселовскаго не слушали, и Цесарь, какъ глава имперіи, выдалъ декретъ, чтобъ директоры того имперскаго округа, къ которому принадлежала Мекленбургія, озаботились вытѣсненіемъ изъ нея русскихъ войскъ. Когда осенью пришла вѣсть, что высадка въ Швецію не состоялась, и что царь, недовольный союзниками, хочетъ заключить отдѣльный миръ съ Швеціею, то это очень встревожило императора, который говорилъ своимъ министрамъ и приближеннымъ: „Въ этомъ больше всего виноватъ Ганноверскій Дворъ, особенно министръ Бернсторфъ, который по своимъ частнымъ видамъ склонилъ короля настаивать на вытѣсненіе русскихъ войскъ изъ Мекленбургіи, и намъ не давалъ покоя, чтобъ выдать противъ нихъ декретъ. Мы долго его не выдавали, наконецъ по императорской обязанности выдали; а теперь думаемъ, что Ганноверскій Дворъ и самъ этому не радъ. Боюсь, чтобы король Шведскій, возвратясь въ Германію и усилясь войсками протестантскихъ князей, не обезпокоилъ насъ во время войны нашей съ Турками, полагая насъ на сторонѣ сѣверныхъ союзниковъ". Министры отвѣчали, что Бернсторфъ подлежитъ за это сильнѣйшему наказанію. Съ другой стороны, Вѣнскій Дворъ сильно раздражался тѣмъ, что, несмотря на всѣ его представленія, русскія войска не выходили изъ Мекленбурга. Въ началѣ 1717 года, когда Веселовскій увѣрялъ принца Евгенія и другихъ министровъ въ дружбѣ и уваженіи, какія царь постоянно питаетъ къ Цесарю, и просилъ не вѣрить внушеніямъ Ганноверскаго Двора, происходящимъ вслѣдствіе личныхъ дѣлъ Бернсторфа и мекленбургской шляхты, то принцъ отвѣчалъ, что все это будетъ пріятно слышать Цесарю; только на словахъ—одно, а на дѣлѣ – другое: Мекленбургія раз-

орена вконецъ русскими войсками. Веселовскій объявилъ, что какъ скоро позволитъ время года, то войска выступятъ изъ Мекленбургіи; что онъ, принцъ, какъ искуснѣйшій генералъ въ цѣломъ свѣтѣ, можетъ легко понять, что въ настоящее время можно уничтожить войско походомъ. Принцъ возразилъ на это: „Если бы за все платили, то можетъ быть такого вопля и не было бы; но каждую почту присылаютъ по сту жалобъ на ваши войска, представляя такое бѣдствіе, что крестьяне начали мереть отъ голода, не имѣя болѣе и соломы, а шляхта отступается отъ имѣній своихъ". Въ апрѣлѣ Веселовскій объявилъ принцу Евгенію о выступленіи русскихъ войскъ изъ Мекленбурга, вслѣдъ зачѣмъ снова началось дѣло о союзѣ: принцъ Евгеній объявилъ, что Цесарю очень пріятно вступить въ союзъ съ царскимъ величествомъ, но просилъ, чтобъ шведскихъ дѣлъ не мѣшать съ другими, ибо въ такомъ случаѣ императору нельзя будетъ принять посредничества для заключенія Сѣвернаго мира; но если царскому величеству угодно будетъ заключить наступательный союзъ противъ Турціи, то со стороны императора показано будетъ всякое облегченіе и взаимное обязательство; только Цесарь проситъ не допускать къ переговорамъ Прусскаго короля [1]).

Но переговоры о союзѣ должны были уступить мѣсто другимъ переговорамъ.

Глава II.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Дѣло царевича Алексѣя Петровича. — Объясненіе отношеній царевича къ отцу изъ условій времени. — Вопросъ о наслѣдственности родовыхъ свойствъ. — Характеръ царевича Алексѣя. — Отношенія его къ старому и новому. — Его воспитаніе и воспитатели. — Его окружающіе. — Духовникъ Яковъ Игнатьевъ. — Царевичъ привыкаетъ враждовать къ отцу и дѣламъ его. — Отношенія къ вельможамъ. — Царевичъ-правитель. — Онъ продолжаетъ учиться.—Поѣздка за границу. — Ученье въ Дрезденѣ. — Женитьба царевича. — Разлука его съ женою. — Отношенія кронъ-принцессы къ царю. — Пріѣздъ ея въ Петербургъ. — Окончательное охлажденіе отца къ сыну. — Будущее царевича. — Столкновеніе этого будущаго съ будущимъ царя. — Семейная жизнь царевича. — Поѣздка Алексѣя въ Карлсбадъ для лѣченья. — Рожденіе дочери у него. — Рожденіе сына и кончина кронъ-принцессы. — Письменное объясненіе царя съ сыномъ. — Царевичъ отказывается отъ наслѣдства. — Петръ требуетъ постриженія. — Царевичъ соглашается и на это.—Петръ медлитъ рѣшеніемъ дѣла и даетъ срокъ сыну одуматься.—Требованіе Петра изъ-за границы, чтобъ Алексѣй или постригся, или пріѣзжалъ къ нему. — Царевичъ, повидимому, ѣдетъ къ отцу въ Данію, но вмѣсто того уѣзжаетъ въ Вѣну и проситъ убѣжища и покровительства у императора Карла VI.—Его укрываютъ сначала въ замкѣ Эренбергѣ въ Тиролѣ и потомъ въ Неаполѣ. — Царь узнаетъ о мѣстопребываніи сына и требуетъ его возвращенія. — Царевичъ возвращается. — Розыскъ въ Москвѣ. — Розыскъ въ Петербургѣ. — Приговоръ суда. — Кончина царевича и разные слухи о ней.

Время, нами описываемое, есть время тяжелой и кровавой борьбы, какая обыкновенно знаменуетъ великіе перевороты въ жизни народовъ. Во время этихъ переворотовъ рушатся самыя крѣпкія связи; борьба не ограничивается жизнію общественною, площадью: она проникаетъ въ заповѣдную внутренность домовъ, вноситъ вражду въ семейства. Божественный Основатель религіи любви и мира объявилъ, что пришелъ не водворить миръ на землѣ, но ввергнуть ножъ среди людей, внести раздѣленіе въ семьи, поднять сына на отца и дочь на мать. Тѣ же явленія представляетъ намъ и гражданская исторія: извѣстна каждому, по школьнымъ воспоминаніямъ, смерть сыновей Брута, принесенныхъ отцомъ въ жертву новому порядку вещей. Неудивительно, что страшный переворотъ, который испытывала Россія въ первую четверть XVIII вѣка, внесъ раздѣленіе и вражду въ семью преобразователя и повелъ къ печальной судьбѣ, постигшей сына его, царевича Алексѣя Петровича.

Наблюдая за наслѣдственностію, за передачею качествъ физическихъ и нравственныхъ отъ родителей дѣтямъ, мы замѣчаемъ, что сумма этихъ качествъ составляетъ родовое достояніе, и притомъ достояніе двухъ родовъ, отцовскаго и материнскаго. Извѣстная часть качествъ изъ этой суммы, въ той или другой степени, передается ребенку подъ вліяніемъ извѣстныхъ благопріятствующихъ условій, причемъ нѣкоторыя условія производятъ то, что качества, принесенныя матерью изъ своего рода, берутъ верхъ надъ качествами отца или уступаютъ имъ мѣсто. Ребенокъ родится въ отца или въ мать; иногда качества того или другой перемѣшиваются и умѣряютъ другъ друга; иногда ребенокъ физически весь въ отца, а нравственно—весь въ мать, или наоборотъ; иногда въ малолѣтствѣ похожъ на одного изъ родителей въ томъ или другомъ отношеніи, а съ развитіемъ становится похожъ на другого. Иногда ребенокъ не похожъ ни на отца, ни на мать; но онъ похожъ на дѣда, на бабку, на какого-нибудь отдаленнаго родственника съ отцовской или материнской стороны, о которомъ едва помнятъ въ родствѣ, ибо мы сказали, что сумма качествъ есть общее родовое достояніе, и только извѣстная часть ихъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, обнаруживается въ новомъ членѣ рода. Говоримъ „обнаруживается", ибо переходятъ всѣ качества, но только часть ихъ при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ развивается, становится видимою; другія

[1]) Дѣла Англійскія означенныхъ лѣтъ.—Голиковъ — Дополн. къ Дѣян. VIII, стр. 411.

же, сокрытыя, какъ бы остаются въ запасѣ. Происходитъ новый бракъ,—являются новыя условія, благопріятныя для развитія этихъ сокрытыхъ родовыхъ качествъ, и они развиваются, отстраняя, заглушая другія, но не уничтожая ихъ, оставляя только подъ спудомъ до-поры-до-времени, до благопріятныхъ для нихъ условій. Такъ, въ извѣстномъ бракѣ мать отстраняетъ въ ребенкѣ качества отца, ребенокъ выходитъ вовсе не похожъ на отца; или отцовскія качества, благодаря условіямъ, принесеннымъ матерью, развиты въ немъ въ такой слабой степени, что сходство усмотрѣть трудно. Но отцовскія качества ни въ какомъ случаѣ не уничтожаются; ребенокъ выростаетъ, мужаетъ, вступаетъ въ бракъ: скрытыя въ немъ отцовскія качества, найдя въ природѣ жены благопріятныя для своего развитія условія, открываются, и ребенокъ, отъ этого брака происшедшій, выходитъ похожъ не на отца, а на дѣда.

Эти явленія, это несходство между родителями и дѣтьми, сходство съ однимъ изъ родителей и несходство съ другимъ—имѣютъ важное значеніе въ жизни семействъ. Сильныя столкновенія часто происходятъ отъ этого между людьми, связанными такимъ крѣпкимъ союзомъ, какъ родители и дѣти. Подобныя столкновенія въ семьяхъ владѣльческихъ ведутъ иногда къ кровавымъ послѣдствіямъ. Константинъ Великій казнилъ роднаго сына, Криспа. Во времена новѣйшія, Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I-й едва не казнилъ сына, знаменитаго впослѣдствіи Фридриха II. Въ семьяхъ владѣльческихъ несходство между отцомъ и сыномъ условливаетъ несходство настоящаго съ будущимъ для многихъ людей, иногда для цѣлаго народа. Недовольные настоящимъ живутъ надеждою лучшаго для нихъ будущаго, и потому обращаются къ представителю этого будущаго для народа, къ наслѣднику престола, и стараются развить и укрѣпить въ немъ несходство съ отцомъ; выставить это несходство въ выгодномъ свѣтѣ, освятить его общимъ благомъ и желаніемъ народа. Другіе, которые сочувствуютъ настоящему или находятъ его выгоднымъ для себя, стараются удалить враждебное для нихъ будущее, враждуютъ къ наслѣднику и усиливаютъ вражду къ нему въ отцѣ. Всего обильнѣе послѣдствіями подобныя отношенія бываютъ во времена сильныхъ переворотовъ въ народной жизни, когда одно начало смѣняетъ въ господствѣ другое. Царствованіе Петра было именно такимъ временемъ для Россіи,—и понятно, почему въ это время вопросъ: сынъ и наслѣдникъ преобразователя похожъ ли на отца,—былъ вопросомъ первой важности.

Мы видѣли, какъ переворотъ, преобразовательное движеніе, при которомъ родился и воспитался Петръ, къ которому приладилась его огненная, не знающая покоя, остановки, натура, повредилъ его семейнымъ отношеніямъ въ первомъ бракѣ. Жена пришлась не по мужу, и царица Евдокія Өеодоровна очутилась въ монастырѣ подъ именемъ старицы Елены; Петръ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Скавронской; но отъ перваго брака остался сынъ и наслѣдникъ, цесаревичъ Алексѣй, родившійся 19 февраля 1690 года. Россія волнуется бурями преобразованія, всѣ истомлены и жаждутъ пристать къ тому или другому берегу; для всѣхъ одинаково важенъ и страшенъ вопросъ: сынъ похожъ ли на отца?

Изъ дошедшихъ до насъ источниковъ мы не можемъ изучить въ подробности характера Евдокіи Өеодоровны, и потому не считаемъ себя въ правѣ рѣшать вопросъ, былъ ли похожъ на мать царевичъ Алексѣй. Но намъ извѣстенъ достаточно характеръ отца, извѣстенъ и характеръ дѣда, и мы имѣемъ полное право сказать, что царевичъ, не будучи похожъ на отца, былъ очень похожъ на дѣда, царя Алексѣя Михайловича. Царевичъ былъ уменъ,—въ этомъ мы можемъ положиться на свидѣтеля самаго вѣрнаго и безпристрастнаго, на самого Петра, который писалъ сыну: „Богъ разума тебя не лишилъ“. Царевичъ Алексѣй былъ охотникъ пріобрѣтать познанія, если это не стоило большаго труда; былъ охотникъ читать и пользоваться прочитаннымъ; сознавалъ необходимость образованія, необходимость для Русскаго человѣка знать иностранные языки [1]). Вообще, говоря о борьбѣ стараго съ новымъ въ описываемое время, о людяхъ, враждебныхъ Петру и его дѣламъ, и включая въ это число собственнаго сына его, должно соблюдать большую осторожность: иначе надобно будетъ поплатиться противорѣчіемъ. Мы видѣли, что въ Россіи прежде Петра сознана была необходимость образованія и преобразованія; прежде Петра началась сильная борьба между старымъ и новымъ; явились люди, которые объявили грѣховною всякую новизну, всякое сближеніе съ Западомъ и его наукою. Но не одни эти люди, не одни раскольники боролись съ Петромъ. До Петра были люди, которые обратились за наукою къ западнымъ сосѣдямъ, учились и учили дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ, выписывали учителей изъ-за польской границы. Но мы видѣли [2]), что это направленіе, обнаружившееся наверху русскаго общества при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ и правительницѣ Софіи Алексѣевнѣ,—это направленіе явилось недостаточнымъ для Петра; съ учеными монахами малороссійскими и бѣлорусскими, съ учителями изъ польскихъ шляхтичей, которые могли выучить по-латыни и по-польски и внушить интересъ къ спорамъ о хлѣбопоклонной ереси,—съ помощію этихъ людей нельзя было сдѣлать Россію одною изъ главныхъ державъ Европы, побѣдить Шведа, добиться моря,

[1]) Въ одномъ письмѣ къ духовнику своему царевичъ пишетъ: «Петра Ивлю, который у Ада пребываетъ, изволь взять и отдать въ школу, которую для ученья, чтобъ онъ дней своихъ не терялъ всуе праздно; учить его вели латинскому и нѣмецкому языкамъ, а буде возможно, хотя бы и французскому языку учился бы». Чтенія Моск. Истор. Общ., годъ 1861, кн. 3.

[2]) См. Исторію Россіи, т. XIII.

создать войско и флотъ, вскрыть естественныя богатства Россіи, развить промышленность и торговлю. Для этого нужны были другіе люди, другія средства;—для этого нужна была не одна школьная и кабинетная работа; для этого нужна была страшная, напряженная дѣятельность, незнаніе покоя; для этого Петръ самъ идетъ въ плотники, шкипера и солдаты; для этого призываетъ всѣхъ Русскихъ людей забыть на время выгоды, удобства, покой и дружными усиліями вытянуть родную Землю на новую, необходимую дорогу. Многимъ этотъ призывъ показался тяжекъ. Къ недовольнымъ принадлежали не раскольники, которые оставались вѣрны своему старому, основному взгляду, только сильнѣе убѣждались въ пришествіи антихриста; — къ недовольнымъ принадлежали не одни низшіе рабочіе классы, которые, безъ яснаго сознанія цѣли, вдругъ увидали на себѣ тяжкія подати и повинности:—къ недовольнымъ принадлежали люди образованные, которые сами учились и учили дѣтей своихъ, которые были охотники побесѣдовать съ знающимъ человѣкомъ, съ духовнымъ лицомъ, а побесѣдовавъ,—попить и понапоить ученаго собесѣдника; которые были охотники и книжку читать ученую или забавную, хотя бы даже на польскомъ или латинскомъ языкѣ, употребить иждивеніе на собраніе библіотеки, были не прочь поѣхать и за-границу, полѣчиться на водахъ и посмотрѣть заморскія диковины, накупить разныхъ хорошихъ вещей для украшенія своихъ домовъ. Однимъ словомъ, они были никакъ не прочь отъ сближенія съ Западною Европою, отъ пользованія плодами ея цивилизаціи; но надобно было сохранять при этомъ приличное сану достоинство и спокойствіе; зачѣмъ эта суетня и бѣготня, незнаніе покоя, покинутіе старой столицы, старыхъ удобныхъ домовъ и поселеніе на краю свѣта, въ самомъ непригожемъ мѣстѣ? Зачѣмъ эти наборы честныхъ людей, отецкихъ дѣтей въ неприличныя ихъ роду службы и работы? Зачѣмъ эта долголѣтняя война, отъ которой всѣ пришли въ конечное разореніе? И царь Алексѣй Михайловичъ велъ долгую и тяжелую войну, но за то православныхъ Черкасъ защитилъ отъ уніи и Кіевъ добылъ; а теперь столько крови проливается и казны тратится все изъ-за этого погибельнаго болота [1])!

Царевичъ Алексѣй Петровичъ, по природѣ своей, былъ именно представителемъ этихъ образованныхъ Русскихъ людей, которымъ дѣятельность Петра также не нравилась, какъ и раскольникамъ, но которые, относительно нравственности побужденій своихъ, уступали жителямъ Выгорѣцкаго скита и Керженскихъ лѣсовъ. Царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ уменъ и любознателенъ, какъ былъ уменъ и любознателенъ дѣдъ его, царь Алексѣй Михайловичъ, или дядя царь Өеодоръ Алексѣевичъ; но, подобно имъ, онъ былъ тяжелъ на подъемъ, неспособенъ къ напряженной дѣятельности, къ движенію безъ устали, которымъ отличался отецъ его; онъ былъ лѣнивъ физически и потому домосѣдъ, любившій узнавать любопытныя вещи изъ книги, изъ разговора только; оттого ему такъ нравились русскіе образованные люди второй половины XVII вѣка, оттого и онъ имъ такъ нравился. Россія въ своемъ поворотѣ, въ своемъ движеніи къ Западу, шла очень быстро; въ короткое время она изживала уже другое направленіе. Царевичъ Алексѣй, похожій на дѣда и дядю, былъ образованнымъ, передовымъ человѣкомъ XVII вѣка, былъ представителемъ стараго направленія; Петръ былъ передовой Русскій человѣкъ XVIII вѣка, представитель иного направленія: отецъ опередилъ сына! Сынъ, по природѣ своей, жаждалъ покоя и ненавидѣлъ все то, что требовало движенія, выхода изъ привычнаго положенія и окруженія. Отецъ, которому, по природѣ его, были болѣе всего противны домосѣдство и лежебокость, во имя настоящаго и будущаго Россіи, требовалъ отъ сына вниманія къ тѣмъ средствамъ, которыя могли обезпечить Россіи пріобрѣтенное ею могущество, а для этого нужна была практическая дѣятельность, движеніе постоянное, необходимое по значенію Русскаго царя, по формѣ русскаго правленія. Вслѣдствіе этихъ требованій—съ одной стороны и естественнаго, неодолимаго отвращенія къ выполненію ихъ—съ другой и возникали изначала печальныя отношенія между отцомъ и сыномъ, отношенія между мучителемъ и жертвою, ибо нѣтъ болѣе сильнаго мучительства, какъ требованіе перемѣнить свою природу: а этого именно и требовалъ Петръ отъ сына.

Отъ рожденія до девяти лѣтъ царевичъ Алексѣй находился при матери. Повторяемъ, что, по недостаточному знакомству съ характеромъ и взглядомъ Евдокіи Өеодоровны, мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что мать, „коснѣвшая“, какъ говорятъ, „въ предразсудкахъ старины, и ненавидѣвшая все, что нравилось Петру“, могла внушить малюткѣ предразсудки старины, приготовить въ немъ какого-то раскольника, какимъ Алексѣй никогда не былъ. Можемъ предполагать, что мать не умѣла и не хотѣла скрыть передъ сыномъ своего раздраженія противъ отца, который являлся въ семьѣ рѣдкимъ и невеселымъ гостемъ. Если ребенокъ любилъ мать, то не могъ получить сильной привязанности къ отцу, который являлся тираномъ матери; съ большею основательностію можемъ предположить, что жители Нѣмецкой слободы, къ которымъ принадлежала дѣвица Монцова, не пользовались хорошею репутаціею въ комнатахъ царицы Евдокіи, и маленькій царевичъ не могъ слышать о нихъ хорошаго слова; можемъ поэтому предположить, что въ 1698 году стрѣльцы говорили правду, утверждая, что царевичъ Нѣмцевъ не любитъ.

Шести лѣтъ Алексѣя начали учить грамотѣ, для чего призванъ былъ Никифоръ Вяземскій, могшій заслужить славу отличнаго грамотѣя умѣньемъ

[1]) См. Исторію Россіи, т. XIV.

писать широковѣщательно, т.-е., по тогдашнему, очень краснорѣчиво. Вяземскій оправдалъ свой выборъ въ письмѣ къ Петру о томъ, какъ началъ преподавать азбуку царевичу: „Приступилъ къ свѣтлой твоей денницѣ, отъ тебя умна солнца изливающе свѣтъ благодати, благословенному и царскихъ чреслъ твоихъ плоду, свѣтлопорфирному великому государю царевичу, сотворихъ о безначальномъ альфы начало, что да будетъ всегда во всемъ забрало благо“ [1]).

Учитель остался при царевичѣ, когда мать была удалена въ суздальскій Покровскій монастырь. Петръ, который всю жизнь тужилъ о томъ, что не получилъ въ молодости прочнаго образованія, хлопоталъ о средствахъ дать его сыну; эти средства легко можно было найти за-границею, и Петръ хотѣлъ отправить сына въ Дрезденъ; но Сѣверная война, какъ видно, помѣшала исполнить это намѣреніе. Между тѣмъ, къ царевичу приставили иностраннаго наставника Нейгебауера, который и долженъ былъ ѣхать съ нимъ за-границу. Мы видѣли, какъ честолюбивый и вспыльчивый Нѣмецъ враждебно столкнулся съ окружавшими царевича кавалерами—Вяземскимъ, Алексѣемъ Ив. Нарышкинымъ, и былъ, вслѣдствіе этого, удаленъ въ 1702 г. [2]). Преемникомъ ему былъ такъ-же уже извѣстный намъ баронъ Генрихъ Гюйссенъ (Гизенъ). По плану воспитанія, составленному новымъ наставникомъ, царевичъ прежде всего долженъ былъ пріобрѣсть необходимое средство образованія, изучить французскій языкъ, какъ самый легкій и наиболѣе употребительный, и, когда станетъ понимать французскія книги, начать преподаваніе наукъ, исторіи и географіи, какъ истинныхъ основаній политики, потомъ математики и т. д. [3]). Но однимъ ученіемъ Петръ не ограничивался, и въ 1703 году вызвалъ сына въ походъ, въ которомъ тотъ участвовалъ въ званіи солдата бомбардирской роты [4]). По возвращеніи изъ похода, въ Москвѣ царь сказалъ Гюйсену: „Самое лучшее, что я могъ сдѣлать для своего государства,—это воспитать своего наслѣдника. Самъ я не могу наблюдать за нимъ, поручаю его вамъ“. Въ слѣдующемъ 1704 году царевичъ былъ въ Нарвѣ по взятіи этого города. Здѣсь Петръ высказалъ сыну свои отношенія къ нему, далъ страшную программу, отъ которой не отступилъ: „Мы благодаримъ Бога за побѣду. Побѣды отъ Него; но мы, съ своей стороны, должны употреблять всѣ силы для ихъ полученія. Я взялъ тебя въ походъ показать тебѣ, что я не боюсь ни труда, ни опасностей. Я сегодня или завтра могу умереть; но знай, что мало радости получишь, если не будешь слѣдовать моему примѣру. Ты долженъ любить все, что служитъ къ благу и чести отечества; долженъ любить вѣрныхъ совѣтниковъ и слугъ, будутъ ли они чужіе или свои, и не щадить трудовъ для общаго блага. Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ и ты не захочешь дѣлать того, что я желаю, то я не признаю тебя своимъ сыномъ: я буду молить Бога, чтобъ онъ наказалъ тебя въ этой и будущей жизни“. Царевичъ, цѣлуя руки отца, клялся, что будетъ подражать ему [5]). Неизвѣстно, по какому побужденію сказалъ Петръ эти грозныя слова; дали ли ему знать, или самъ онъ замѣтилъ въ четырнадцатилѣтнемъ сынѣ отвращеніе отъ физическаго труда, отъ подвиговъ. По крайней мѣрѣ, Гюйсенъ дѣлалъ въ это время самые лестные отзывы о занятіяхъ царевича: Алексѣй прочелъ шесть разъ Библію, пять разъ по-славянски и одинъ разъ по-нѣмецки, прочелъ всѣхъ греческихъ Отцовъ Церкви и всѣ духовныя и свѣтскія книги, которыя когда-либо были переведены на славянскій языкъ; по-нѣмецки и по-французски говорилъ и писалъ хорошо. Гюйсенъ давалъ знать, что царевичъ разуменъ далеко выше возраста своего, тихъ, кротокъ, благочестивъ.

Гюйсенъ, какъ видно, былъ наученъ примѣромъ своего предшественника, не выставлялся впередъ съ претензіями, не искалъ мѣста оберъ-гофмейстера, съ которымъ была соединена большая отвѣтственность (оберъ-гофмейстеромъ былъ Меншиковъ), не сталкивался съ русскими „кавалерами“ и другими близкими къ царевичу людьми, ограничивался однимъ преподаваніемъ — слегка. Въ началѣ 1705 г. онъ разстался съ царевичемъ; мы видѣли, что онъ былъ отправленъ за-границу съ дипломатическими и другими порученіями; а между тѣмъ молодой Алексѣй все болѣе и болѣе затягивался на тотъ путь, за который отецъ грозилъ не признавать его сыномъ своимъ.

Царь въ постоянномъ отсутствіи. Въ Москвѣ управляютъ бояре, которымъ царь изъ разныхъ отдаленныхъ угловъ шлетъ понужденія къ усиленной и самостоятельной дѣятельности, къ какой они не привыкли. Военная и преобразовательная дѣятельность въ разгарѣ; каждый день ждутъ чего-нибудь новаго, труднаго, необычайнаго; наборы людей и денежные поборы безпрестанные. Всѣмъ этимъ тягостямъ не предвидится конца въ настоящее царствованіе; одна надежда на отдыхъ въ царствованіе будущее,—и вотъ всѣ люди, жаждущіе отдыха, обращаются къ наслѣднику. Надежда есть: царевичъ не склоненъ къ дѣламъ отцовскимъ, не охотникъ разъѣзжать безъ устали изъ одного конца Россіи въ другой, не любитъ моря, не любитъ войны,—при немъ будетъ мирно и спокойно. Царевичъ дѣйствительно таковъ отъ природы; но отецъ требуетъ, чтобъ онъ переломилъ свою природу; природа сына возмущается отъ такого противнаго ей требованія отца; тяжело всѣмъ, отъ боярина до послѣдняго бобыля, но тяжелѣе всѣхъ царевичу.

---

[1]) Кабин. II, кн. № 33.

[2]) См. Исторію Россіи, т. XV.

[3]) Переводъ плана въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д. Напечатанъ у Устрялова въ приложеніяхъ къ VI тому Исторіи П. В.

[4]) Журналъ Гизена въ Собраніи разныхъ записокъ Туманскаго, III. 371.

[5]) Записка Гюйссена въ Академіи Наукъ: напечатана въ извлеченіи у Устрялова въ приложеніяхъ къ VI тому И. П. В.

Надобно дѣлать насиліе своей природѣ: отецъ требуетъ,—долгъ велитъ повиноваться отцу. „Повиноваться надобно, когда отецъ требуетъ хорошаго“, говорятъ вокругъ, „а въ дурномъ какъ повиноваться“? Отъ этихъ словъ становится легче; царевичъ чувствуетъ себя правымъ въ своемъ отвращеніи къ той дѣятельности, какой требуетъ отъ него отецъ; царевичъ стоитъ за общее дѣло; съ нимъ народъ угнетенный, жаждущій избавленія отъ бѣдствій, полагающій всю надежду на царевича; легко и пріятно слѣдовать влеченіямъ своей природы и въ то же время знать, что этимъ самымъ пріобрѣтается народная любовь, что, при другихъ условіяхъ, явилось бы какъ нравственная слабость, рабство природнымъ влеченіямъ,—теперь является какъ заслуга, нравственная твердость и подвигъ. Но правду ли говорятъ окружающіе: точно ли дѣла отцовскія неправы и не слѣдуетъ подражать имъ? Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: люди съ авторитетомъ непререкаемымъ, пастыри Церкви, вязатели и рѣшители утверждаютъ это, а царевичъ религіозенъ; для него интересъ церковный на первомъ планѣ; духовенство больше другихъ недовольно дѣлами настоящаго царствованія, сильнѣе другихъ требуетъ, чтобъ эти дѣла были отставлены, и съ этими требованіями, какъ требованіями Божіими, обращается къ наслѣднику. Царевичъ не любитъ разъѣздовъ, походовъ и моря; не любитъ новыхъ мѣстъ; любитъ жить на одномъ старомъ мѣстѣ, въ Москвѣ; здѣсь старая обстановка жизни была бѣдна, новая обстановка слишкомъ еще незначительна: тѣмъ рѣзче выдавалась величественная обстановка церкви, поражала вниманіе, овладѣвала имъ, и царевичъ Алексѣй такой же охотникъ до этой обстановки, какъ и предки его, находившіеся въ подобныхъ же условіяхъ. Когда впослѣдствіи, послѣ женитьбы, у царевича спрашивали, склонна ли его жена къ принятію Православія, то онъ отвѣчалъ: „Я ее теперь не принуждаю къ нашей Православной вѣрѣ; но когда пріѣдемъ съ нею въ Москву, и она увидитъ нашу святую соборную и апостольскую церковь и церковное святыми иконами украшеніе, архіерейское, архимандричье и іерейское ризное облаченіе и украшеніе, и всякое церковное благолѣпіе и благочиніе, — тогда, думаю, и сама безъ принужденія потребуетъ нашей Православной вѣры и Св. крещенія, а теперь еще она ничего нашего церковнаго благолѣпія не видала и не слыхала, а что у насъ нынѣ священникъ отпускаетъ вечерни, утрени и часы въ одной епитрахили,—и того смотрѣть нечего. А у нихъ, по ихъ вѣрѣ, никакого священническаго украшенія нѣтъ, и литургію ихъ пасторъ служилъ въ одной епанчѣ; а когда увидитъ наше церковное благолѣпіе и священно-архіерейское и іерейское одѣяніе, божественное человѣческое безорганное пѣніе,—думаю, сама радостію возрадуется и усердно возжелаетъ соединиться съ нашею Православною Христовою Церковью“ [1]). Но недовольные жаловались, что и это благолѣпіе и благочиніе терпитъ ущербъ: царь, Всероссійскій церковный староста [2]), рѣдко бываетъ въ Москвѣ, живетъ на границахъ или за-границею; въ Москвѣ нѣтъ патріарха всея Руси; церковныя имѣнія отобраны въ Монастырскій Приказъ, доходы и сбереженія идутъ на государственныя нужды, нѣтъ уже прежнихъ средствъ къ поддержанію церковнаго строенія и благолѣпія. Печальное время! Когда же оно прекратится?

Патріарха нѣтъ въ Москвѣ; вмѣсто него блюститель Стефанъ Яворскій изъ „иноземцевъ“, какъ тогда называли Малороссіянъ. И Стефанъ Яворскій становится годъ отъ году все скучнѣе и недовольнѣе; ясно, что ему не нравятся новые порядки; что тяжелъ ему Монастырскій Приказъ и бояринъ графъ Мусинъ-Пушкинъ; ясно, что онъ думаетъ одинаково съ архіереями и іереями изъ Русскихъ и съ надеждою смотритъ на царевича; но Стефанъ митрополитъ человѣкъ необщительный, неоткровенный, прямо ничего не скажетъ; ныньче такъ, а завтра иначе,—смотритъ на двѣ стороны. Съ нимъ не можетъ быть прямыхъ и тѣсныхъ общеній у царевича. Непосредственнѣе и сильнѣе вліяніе духовника Якова Игнатьева, протопопа Верхоспасскаго собора, котораго отношенія къ царевичу Алексѣю напоминаютъ первоначальныя отношенія Никона къ царю Алексѣю Михайловичу; какъ Никонъ для царя Алексѣя былъ собинный пріятель, такъ и внукъ царя писалъ протопопу Якову: „Въ семъ житіи инаго такого труда не имѣю, подобно вашей святыни, въ чемъ свидѣтель Богъ. Самимъ истиннымъ Богомъ засвидѣтельствуюся: не имѣю во всемъ Россійскомъ государствѣ такого друга и скорби о разлученіи, кромѣ васъ. Аще бы вамъ переселеніе отъ здѣшнихъ къ будущему случилось, то ужь мнѣ весьма въ Россійское государство не желательно возвращеніе; только всегда прошу Господа Бога и Его Богоматерь, дабы я сподобился васъ, прежде моего разлученія души грѣшной отъ тѣла, хотя на немногое время видѣть“ [3]). Съ какимъ сознаніемъ своего значенія протопопъ Яковъ приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей при царевичѣ,—видно изъ слѣдующихъ строкъ одного письма его къ Алексѣю, который, въ минуту вспыльчивости, написалъ ему жесткія слова: „Ты забылъ страхъ Божій и обѣщаніе свое предъ Богомъ и предъ святыми Его ангелами и архангелами, когда передъ первою своею исповѣдью у меня, въ спальнѣ твоей, въ Преображенскомъ, я спросилъ тебя передъ Св. Евангеліемъ: будешь ли заповѣди Божіи исполнять, преданія Апостольскія и Св. Отецъ хранить, меня, отца своего духовнаго, почитать, за ангела Божія и апостола имѣть и за судію дѣлъ твоихъ, и хочешь ли меня слушать во всемъ; вѣруешь ли, что я, хотя и грѣшенъ, но такую же имѣю власть священства, отъ Бога мнѣ недостойному

[1]) Чтенія Моск. Историч. Общества, годъ 1861, книга 3.

[2]) Исторія Россіи, т. XIII.

[3]) Чтенія Моск. Ист. Общества, годъ 1861, книга 3.

дарованную, и ею могу вязать и рѣшить, какую власть даровалъ Христосъ апостолу Петру и прочимъ апостоламъ, и хочешь ли смиренія моего священству и власти во всемъ повиноваться и покоряться? На эти вопросы ты отвѣчалъ передъ Евангеліемъ: заповѣди Божіи, преданія Апостольскія и Святыхъ Его всѣ съ радостію хочу творить и хранить, и тебя, отца моего духовнаго, буду почитать за ангела Божія, за апостола Христова и за судію дѣлъ своихъ имѣть, священства твоего, власти слушать и покоряться во всемъ долженъ“ [1]).

И этотъ энергическій человѣкъ былъ представителемъ тѣхъ недовольныхъ лицъ въ русскомъ духовенствѣ, которыя не допускали никакихъ сдѣлокъ съ поведеніемъ Петра, и, видя во всемъ личный произволъ одного человѣка, видѣли единственную возможность исправленія зла въ отстраненіи этого человѣка. Яковъ Игнатьевъ былъ настолько образованъ, что не могъ видѣть въ Петрѣ антихриста; но, считая его простымъ человѣкомъ, желалъ, чтобъ существованіе его прекратилось обыкновеннымъ человѣческимъ путемъ, и рѣшился даже одобрить это желаніе въ родномъ сынѣ Петра. Однажды Алексѣй покаялся ему, что желаетъ отцу своему смерти, и духовникъ отвѣчалъ: „Богъ тебя проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тягости много“. Тотъ же духовникъ старался поддерживать въ Алексѣѣ память о матери, какъ невинной жертвѣ отцовскаго беззаконія; говорилъ ему, какъ любятъ его въ народѣ и пьютъ про его здоровье, называя надеждою россійскою [2]).

Духовникъ, по своей энергіи и вліянію на царевича, долженъ былъ занимать первое мѣсто между людьми, окружавшими Алексѣя, тѣмъ болѣе что никто изъ этихъ „кавалеровъ“—Нарышкиныхъ, Вяземскаго, Колычева и другихъ,—не представлялъ ему соперника по своимъ личнымъ качествамъ. Всѣ пѣли одну пѣсню, которую запѣвалъ Яковъ Игнатьевъ, и молодой царевичъ воспитывался въ безплодной, раздражающей и вмѣстѣ изсушающей нравственныя силы тайной оппозиціи отцовскому правительству. Царевичъ жилъ весело въ „своей компаніи“, привыкалъ пировать „по-русски“, какъ онъ выражался, что не могло не вредить его здоровью, не очень крѣпкому и отъ природы. Ученье и при Гюйссенѣ, какъ видно, было не очень серьезное, несмотря на блистательный аттестатъ наставника. Царевичъ былъ охотникъ читать—и читалъ все, что было переведено на славянскій языкъ, т.-е. преимущественно церковныя книги, что, разумѣется, опять укрѣпляло его въ одномъ направленіи и дѣлало для него необходимымъ разговоръ съ духовными лицами. Мы можемъ повѣрить Гюйссейну, что царевичъ прочелъ Библію на нѣмецкомъ языкѣ, что было ему легко съ учителемъ и когда славянская Библія была уже прочтена нѣсколько разъ; мы можемъ повѣрить, что царевичъ привыкъ, съ большею или меньшею правильностію, объясняться по-французски и по-нѣмецки; но грамматически эти языки не изучались, и другіе предметы проходились; царевичъ страдательно выслушивалъ урокъ учителя, не привыкая къ самодѣятельности, къ преодолѣнію трудностей. Безъ Гюйссена дѣло пошло еще хуже [3]): царевичъ получилъ болѣе возможности заниматься чѣмъ хотѣлъ, что было пріятнѣе. Жилось спокойно, весело, и вдругъ вѣсть, что высшіе, т.-е отецъ съ своими приближенными, ѣдутъ въ Москву, или царь вызываетъ сына къ себѣ! Компаніи становится страшно, всѣхъ страшнѣе, всѣхъ тягостнѣе царевичу. Незамѣтно, безсознательно и безотчетно онъ поставилъ себя въ такія отношенія къ отцу, позволилъ себѣ наслушаться и наговорить о немъ столько дурнаго, что всякое нѣжное, родственное чувство и вмѣстѣ чувство уваженія исчезло,—ихъ замѣнили непріязнь и страхъ. Алексѣю было тяжело, невозможно посмотрѣть отцу прямо къ глаза; если отецъ не зналъ, то онъ самъ зналъ очень много за собою. Зачѣмъ пріѣдетъ отецъ въ Москву? Что прежде всего сдѣлаетъ при свиданіи съ сыномъ?—потребуетъ отчета въ томъ, чему научился, сдѣлаетъ экзаменъ. Сынъ знаетъ, что на экзаменъ не готовъ, слѣдовательно надобно будетъ выслушивать упреки, придется вытерпѣть и побои. А если какъ-нибудь отецъ узнаетъ что нибудь еще?... Мучительное, адское состояніе! Отсюда, разумѣется, первое пламенное желаніе освободиться изъ этого положенія: хотя бы уйти куда-нибудь! А было бы хорошо, если бы навсегда можно было освободиться... Страшная, грѣшная мысль,—надобно покаяться на духу. „Богъ проститъ: мы всѣ того же желаемъ“, отвѣчаетъ духовникъ.

Высшіе уѣхали; стало легко, и легко стало не одному царевичу, не одной его компаніи: легко стало многимъ въ Москвѣ, всѣмъ тѣмъ, для которыхъ пріѣздъ царя былъ также соединенъ съ экзаменомъ. Многіе и по этому одному должны были сочувствовать царевичу. Но, кромѣ того, были и другія причины сочувствія. Сочувствовали царевичу старинные родовитые вельможи. Царь Петръ не вынесъ изъ своей юности никакой непріязни къ боярамъ, съ старымъ родамъ; къ борьбѣ между его матерью и сестрою не примѣшивалась нисколько борьба сословная. Когда началась преобразовательная дѣятельность, преобразователь не обошелъ никого изъ сколько-нибудь способныхъ родовитыхъ людей; но работы было слишкомъ много, работниковъ оказалось мало, и Петръ кликнулъ кличъ по способныхъ людей, въ какихъ бы углахъ они ни скрывались; съ необык-

[1]) Чтенія Моск. Ист. Общества, годъ 1861, книга 3.

[2]) Дѣло о царевичѣ Алекс. Петров. Акты, относящіеся къ дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ, не разъ изданы: полнѣе и вѣрнѣе напечатаны они въ приложеніяхъ къ VI тому Исторіи Петра В. Устрялова; читатель можетъ справляться съ ними, когда мы будемъ цитовать: Дѣло о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ.

[3]) Донесеніе царскаго резидента Плейера; въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова.

новеннымъ искусствомъ, столь важнымъ въ его дѣлѣ, выдвигались наверхъ лучшія силы народа. Подлѣ старыхъ родовитыхъ людей, наверху явилась толпа новыхъ дѣятелей, выхваченныхъ снизу. Такое товарищество не понравилось родовитымъ людямъ, особенно когда выше всѣхъ, главнымъ любимцемъ царя сталъ человѣкъ новый, Меншиковъ, предъ которымъ всѣ люди родовитые должны были преклоняться. Это было тяжелѣе всего для нихъ, и нареканіямъ, жалобамъ на Меншикова, насмѣшкамъ надъ нимъ не было конца, и болѣе всего не прощали они Петру свѣтлѣйшаго князя. Царевичъ слышалъ чаще всего эти громкія жалобы, нареканія и насмѣшки, и, вслѣдствіе этого, привыкалъ видѣть въ свѣтлѣйшемъ князѣ главное зло отцовскаго царствованія,—зло, отъ котораго онъ, царевичъ, прежде всего долженъ былъ освободить Россію. Тѣмъ легче предавался Алексѣй враждѣ къ Меншикову, что здѣсь онъ не долженъ былъ испытывать никакой борьбы, никакихъ нравственныхъ препятствій: Меншиковъ былъ человѣкъ чужой, не по мѣрѣ своей занявшій первенствующее положеніе, обманывавшій царя, слѣдовательно врагъ ему, какъ представляли люди, окружавшіе царевича. Представлялось и другое на видъ: кто ближе къ отцу-царю какъ сынъ и наслѣдникъ; но выходитъ, что ближе сына и наслѣдника—любимецъ, свѣтлѣйшій князь; тутъ уже дѣло прямо касалось Алексѣя, тутъ было соперничество. Соперничество, вражда усиливались еще тѣмъ, что этимъ чувствамъ можно было предаваться втихомолку; въ Преображенскомъ, среди своей компаніи, можно было дѣлать всевозможныя выходки противъ свѣтлѣйшаго князя; но когда являлся отецъ и съ нимъ Меншиковъ,—послѣднему оказывалось всевозможное уваженіе. Когда человѣкъ энергическій стѣсняется въ своихъ прирожденныхъ стремленіяхъ, то онъ даетъ просторъ своимъ чувствамъ и выходитъ на явную борьбу, въ которой гибнетъ или торжествуетъ. Но когда стѣсняется въ своихъ наклонностяхъ и привычкахъ человѣкъ безъ сильнаго характера, какимъ былъ Алексѣй,—то онъ скрываетъ свои чувства, прибѣгаетъ къ орудіямъ слабаго, хитростямъ и обманамъ, и противъ непріязненныхъ для его природы требованій выставляетъ страдательное упорство, всего болѣе раздражающее.

Наконецъ люди, которые не имѣли ничего противъ царя и его любимца, считали необходимымъ примѣняться ко взгляду царевича и окружавшихъ его для обезпеченія себя въ будущемъ: царь не щадитъ себя, подвергается безпрестаннымъ опасностямъ, несчастіе можетъ легко случиться. Этимъ желаніемъ многихъ обезпечить себя въ будущемъ объясняется важное значеніе дяди Алексѣева по матери, Абрама Ѳедоровича Лопухина. Петру доносили на Лопухина: „Бояре твоего указа такъ не слушаютъ, какъ Абрама Лопухина,—въ него вѣруютъ и боятся его. Онъ всѣмъ завладѣлъ: кого велитъ обвинить,—того обвинятъ; кого велитъ оправить,—того оправятъ; кого велитъ отъ службы отставить,—того отставятъ, и кого захочетъ послать,—того пошлютъ [1])“. Лопухинъ имѣлъ вліяніе и на страшнаго Ромодановскаго, что видно изъ слѣдующаго письма царевича къ духовнику: „Слышалъ я отъ зятя вашего, что господинъ Ромодановскій, будучи въ Петербургѣ, доносилъ государю батюшкѣ о немъ, а какъ и для чего,—онъ неизвѣстенъ, и просилъ меня, чтобъ мнѣ о семъ освѣдомиться, и я прошу васъ, изволь о семъ освѣдомиться чрезъ господина Лопухина, а инакъ кромѣ его невозможно, для того—что онъ съ нимъ умѣетъ обходиться [2])“.

Опасенія насчетъ будущаго, могшаго быть очень близкимъ, должно было сдерживать и людей, которымъ не нравилось направленіе, господствовавшее въ компаніи царевича; царь и Меншиковъ не знали объ этомъ направленіи; Петръ не предполагалъ ни въ комъ изъ окружавшихъ сына его враждебнаго для себя вліянія; онъ боялся одного, связей съ Суздалемъ, вліянія матери, и въ эту сторону обращены были всѣ подозрѣнія, всѣ предосторожности. Въ 1708 году царевна Наталья Алексѣевна дала знать брату, что царевичъ тайно видѣлся съ матерью. Отецъ вызвалъ его въ Жолкву и оттуда отправилъ въ Смоленскъ для приготовленія провіанта и сбора рекрутъ; у царевича и при отцѣ были пріятели, какъ видно изъ письма его къ духовнику: „Получилъ я письмо отъ батюшки изъ Тикотина; изволилъ писать, чтобъ мнѣ ѣхать къ нему въ Минскъ, и оттуду пишутъ ко мнѣ друзья мои, чтобъ ѣхать безъ всякаго опасенія“ [3]). Гнѣвъ дѣйствительно прошелъ и царевичъ осенью пріѣхалъ въ Москву съ новымъ значеніемъ,—значеніемъ правителя. Между прочимъ, молодой правитель долженъ былъ наблюдать за укрѣпленіями Москвы на случай прихода Шведовъ; но какъ онъ относился къ этому отцовскому распоряжанію, какъ считалъ его безполезнымъ,—видно изъ письма его къ духовнику, писанному еще до пріѣзда въ Москву: „Король Шведскій намѣренъ идти къ Москвѣ, и отъ батюшки посланъ къ вамъ Иванъ Мусинъ, чтобъ городъ крѣпить для непріятеля, и будетъ войска наши при батюшки сущія его не удержатъ, вамъ нечѣмъ его удержать; сіе изволь про себя держать, и инымъ не объявлять до времени, и изволь смотрѣть мѣста, куда-бъ выѣхать, когда сіе будетъ“ [4]). Царевичъ правитель; но извѣстно, какъ царь былъ требователенъ къ людямъ, занимавшимъ правительственныя должности, особенно въ такой страшный годъ, какъ 1708; въ концѣ года грозное письмо отъ отца къ сыну: „Оставивъ дѣло, ходишь за бездѣльемъ“. Царевичъ, въ испугѣ, обратился къ заступничеству двухъ женщинъ, близкихъ къ Петру:

---

[1]) Исторія Россіи, XVI.

[2]) Чтенія Моск. Ист. Общ. годъ 1861, кн. 3.

[3]) Дѣло о царевичѣ А. П.—Чтенія Московск. Истор. Общества годъ 1861, кн. 3.

[4]) Дѣло о царевичѣ А. П.—Чтенія Московск. Истор. Общества годъ 1861, кн. 3.

„Катерина Алексѣевна и Анисья Кириловна, здравствуйте! Прошу васъ, пожалуйте, освѣдомясь, отпишите, за что на меня есть государя-батюшки гнѣвъ: понеже изволитъ писать, что я, оставя дѣло, хожу за бездѣльемъ; отчего нынѣ я въ великомъ сумнѣніи и печали". Екатерина Алексѣевна любила или считала для себя нужнымъ заступаться у „хозяина" за всѣхъ, кто къ ней обращался. Вслѣдъ за приведеннымъ письмомъ два новыхъ письма къ ней отъ царевича: „За вашу ко мнѣ явленную любовь всеусердно благодарствую и впредь прошу, пожалуй, не остави меня въ какихъ прилучившихся случаяхъ, въ чемъ надѣюсь на вашу милость". Другое: „Зѣло благодарствую за милость вашу къ себѣ, что получилъ чрезъ ваше ходатайство милостивое писаніе государя-батюшки" [1]).

Царевичъ правитель; но царь видитъ, что онъ еще недостаточно приготовленъ, и знаетъ, по собственному опыту, что учиться никогда не поздно. Никифоръ Вяземскій доносилъ царю 14 января 1708 года: „Сынъ твой началъ учиться нѣмецкаго языка чтеніемъ исторіи, писать и атласа розсказаніемъ, въ которомъ владѣнія знаменитые есть города и рѣки, и больше твердилъ въ склоненіяхъ, котораго рода и падежа. И учитель говоритъ: недѣли двѣ будетъ твердить одного нѣмецкаго языка, чтобъ склоненіямъ въ твердость было, и потомъ будетъ учить французскаго языка и ариѳметики. Въ канцелярію въ положенные три дня въ недѣлю ѣздитъ и по пунктамъ городовое и прочія дѣла управляетъ; а ученіе бываетъ по вся дни". Такимъ образомъ на царевича наложена была двойная обязанность, не въ уровень его нравственнымъ и физическимъ силамъ: осьмнадцатилѣтній молодой человѣкъ, вмѣстѣ съ правительственною дѣятельностію, долженъ былъ твердить склоненія, усиленно заниматься математикою, фортификацією, къ чему, какъ видно, онъ не имѣлъ склонности по природѣ. Когда отецъ спрашивалъ у него, какую книгу прислать ему для перевода, то онъ отвѣчалъ: „Учиться фортификаціи, по указу твоему, зачалъ, также и лѣчиться. А что изволилъ писать о книжкѣ, какую мнѣ для переводу прислать, и я прошу о исторіи какой, а иной не чаю себѣ перевести" [2]).

Это было писано въ маѣ 1709 года. Царевичъ учился фортификаціи и вмѣстѣ лѣчился. Лѣченіе было необходимо, потому что въ январѣ 1709 года царевичъ, отводя новонабранные полки къ отцу въ Сумы, простудился и выдержалъ злую лихорадку [3]). Вѣроятно слабость царевича послѣ болѣзни и лѣченія были причиною, что Алексѣй оставался въ Москвѣ во время Полтавской битвы. Но въ концѣ лѣта царевичъ долженъ былъ выѣхать изъ Москвы и надолго,—отецъ отправлялъ его за-границу съ двойною цѣлію: окончить хорошенько ученіе и жениться на какой нибудь иностранной принцессѣ. Наказъ отъ отца сыну заключался въ слѣдующемъ письмѣ: „Зоонъ! объявляемъ вамъ, что, по прибытіи къ вамъ господина князя Меншикова, ѣхать въ Дрезденъ, который васъ туда отправитъ, и кому съ вами ѣхать,—прикажетъ. Между тѣмъ приказываемъ вамъ, чтобы вы, будучи тамъ, честно жили и прилежали больше ученію, а именно: языкамъ, которые уже учишь, нѣмецкій и французскій, такъ геометріи и фортификаціи, также отчасти политическихъ дѣлъ. А когда геометрію и фортификацію скончишь, отпиши къ намъ. За симъ управи Богъ путь вашъ". Князь Меншиковъ приказалъ ѣхать съ царевичемъ князю Юрью Юрьевичу Трубецкому и графу Александру Гавриловичу Головкину, одному изъ сыновей канцлера, въ которыхъ видѣлъ, по его собственному выраженію, „честныхъ и обученыхъ господъ, способныхъ хранить и исполнять все то, что относится къ славѣ государственной и къ собственному интересу его высочества" [4]).

Поѣздкою царевича за-границу была разорвана его компанія; главный членъ ея, духовникъ Яковъ Игнатьевъ, остался въ Москвѣ, но царевичъ велъ съ нимъ постоянную переписку. Не надѣясь скоро возвратиться въ Россію, царевичъ поручилъ духовнику распорядиться продажею и раздачею оставшихся послѣ него вещей, приказывая дѣлать это какъ можно тайнѣе, чтобъ *вышніе*, будучи въ Москвѣ, не провѣдали. Такъ какъ вниманіе *вышнихъ* было обращено къ Суздалю, то царевичъ уговаривалъ духовника быть особенно осторожнымъ въ этомъ отношеніи: „Въ Володимірѣ мнѣ мнится", писалъ Алексѣй, „не надлежитъ вамъ ѣхать, понеже смотрѣльщиковъ за вами много, чтобъ изъ сей твоей поѣздки и мнѣ не случилось какое зло, понеже нынѣ многіе вѣдаютъ, въ какомъ ты у меня состояніи, и что все мое тебѣ ввѣрено, а помнятъ, что нѣчто и туды повезъ. Для Бога не ѣзди, понеже уже съ 30 лѣтъ тамъ не былъ, и великое терпѣлъ, малого ли не стерпишь... Еще прошу для Бога: берегися общенія съ Авраамомъ Ѳедоровичемъ, и въ домъ его не ѣзди, и къ себѣ не пускай, понеже самъ ты извѣстенъ о семъ, что сіе намъ и вамъ не польза, а наипаче вредъ, того ради надобно сего храниться весьма; только о семъ не сумнѣвайся; я такъ для опасенія писалъ, понеже и прежде сего я вамъ о семъ говаривалъ на Москвѣ многажды, чего ради и въ намѣренный путь вамъ возбранилъ ѣхать, опасаясь впредь какого случая, а нынѣ о семъ благодатію Божіею ничего нѣтъ; только пожалуй хранись, понеже любовь между нами мнозіи видятъ, того ради подобаетъ хранитися". Зная, что отецъ, послѣ преславной викторіи, закрѣпившей Петербургъ за Россіею, хочетъ непремѣнно перенести столицу изъ Москвы въ „пара-

[1]) Дѣло о царевичѣ. Письмо, напечат. въ приложен. къ книгѣ Устрялова.

[2]) Дѣло о царевичѣ. Письмо, напечат. въ приложен. къ книгѣ Устрялова.

[3]) Собраніе Записокъ Туманскаго VIII, 8; Письма цар. Ал. Петр., изд. Мурзакевичемъ. Исторія Россіи, т. XV.

[4]) Рукописи Академіи Наукъ; напечат. въ приложен. къ книгѣ Устрялова.

дизъ", царевичъ писалъ духовнику, чтобъ онъ не строилъ (не поправлялъ) дворца его въ Москвѣ. Яковъ Игнатьевъ не могъ ѣхать за-границу, и это ставило царевича въ большое затрудненіе: просить о присылкѣ другого духовника съ докладомъ отцу—могутъ прислать человѣка очень неудобнаго. Царевичъ, для избѣжанія этого неудобства, рѣшался на всякія другія: такъ, въ Лейпцигѣ онъ исповѣдался у греческаго священника чрезъ толмача, который разговаривалъ со священникомъ по-латыни. Наконецъ Алексѣй написалъ такое письмо въ Москву Якову Игнатьеву: „Священника мы при себѣ не имѣемъ и взять негдѣ, а безъ докладу писать явно въ Москву не безъ опасенія; прошу вашей святыни, прінщи священника (кому мочно тайну сію повѣрить) не стараго и чтобъ незнаемый былъ всѣми. И изволь ему сіе объявить, чтобъ онъ поѣхалъ ко мнѣ тайно, сложа священническія признаки, то-есть обрилъ бороду и усы, такожде и гуменцо заростить, или всю голову обрить и надѣть волосы накладныя, и, нѣмецкое платье надѣвъ, отправь его ко мнѣ курьеромъ (такого сыщи, чтобъ могъ верховую нужду понесть); и вели ему сказываться моимъ деньщикомъ, а священникомъ бы отнюдь не назывался, а хорошо-бъ безженной, а у меня онъ будетъ за служителя, и кромѣ меня и Никифора (Вяземскаго) сія тайны вѣдать никто не будетъ. А на Москвѣ какъ возможно сіе тайно держи; и не бралъ бы ничего съ собою надлежащаго іерею, ни требника, только-бъ нѣсколько частицъ причастныхъ, а книги я всѣ имѣю. Пожалуй, пожалуй, яви милосердіе къ душѣ моей, не даждь умрети безъ покаянія! Мнѣ онъ не для чего иного, только для смертнаго случая, такожде и здоровому для исповѣди тайной. А бритіе бороды не сомнѣвался бы онъ: лучше малое преступить, нежели души наша погубити безъ покаянія; а будетъ не благоволиши сего сочинити, души наши Богъ взыщетъ на васъ, аще безъ покаянія отъ житія сего отлучатся" [1]).

Царевичъ выполнялъ наказъ отцовскій, учился въ Дрезденѣ какъ—мы не знаемъ; по крайней мѣрѣ Трубецкой и Головкинъ писали Меншикову изъ Дрездена 30 декабря 1710 года: „Государь царевичъ обрѣтается въ добромъ здравіи и въ наказанныхъ наукахъ прилежно обращается, сверхъ тѣхъ геометрическихъ частей (о которыхъ 7 сего декабря мы доносили), выучилъ еще профондиметрію и стереометрію, и такъ съ Божіею помощью геометрію всю окончилъ".

Въ то время, когда оканчивалась геометрія, приходило къ концу дѣло о женитьбѣ царевича на принцессѣ Софіи-Шарлотѣ Бланкенбургской, внукѣ герцога Брауншвейгъ-Вольфенбительскаго, сестра которой, Елисавета, была замужемъ за Австрійскимъ эрцгерцогомъ Карломъ, добивавшимся Испанскаго престола и потомъ бывшимъ на императорскомъ престолѣ подъ именемъ Карла VI. Извѣстный намъ Урбихъ былъ главнымъ виновникомъ дѣла. Мы видѣли, что въ Вѣнѣ сердились на него за это. Извѣщая свой Дворъ, что вдовствующая императрица сердится, зачѣмъ царевичъ Алексѣй женился не на эрцгерцогинѣ, Урбихъ писалъ: „И мнѣ отъ ея придворныхъ дамъ выговаривано, потому что онѣ въ то же время очень надѣялись ввести въ Россію отправленіе Католической вѣры". По совершеніи брака, Урбихъ писалъ Головкину: „Поздравляю ваше превосходительство съ этимъ событіемъ, потому что вы въ немъ имѣете участіе, и я самъ не мало утѣшенъ, потому что первое основаніе дѣлу положилъ я, не мало трудовъ положилъ и докукъ претерпѣлъ отъ вольфенбительской стороны. Я эту принцессу всегда считалъ благовоспитанною и разумною, и нашелъ, что изъ чужестранныхъ принцессъ она болѣе всѣхъ пригодна для этого брака" [2]). Что Урбихъ былъ правъ и относительно своего участія въ дѣлѣ, и относительно докукъ отъ вольфенбительской стороны, доказываетъ письмо къ нему стараго герцога Антона-Ульриха, дѣда невѣсты, отъ 29 августа 1710 года: „Царевичъ очень встревоженъ свиданіемъ, которое вы имѣли въ Эйзенахѣ съ Шлейницемъ (русскій посланникъ при Брауншвейгскомъ Дворѣ), думая, что вы, конечно, опредѣлили условія супружества, по указу царскаго величества. Причина тревоги та, что народъ (Русскій) никакъ не хочетъ этого супружества, видя, что не будетъ болѣе входить въ кровный союзъ съ своимъ государемъ. Люди, имѣющіе вліяніе у принца, употребляютъ религіозныя внушенія, чтобъ заставить его порвать дѣло, или, по крайней мѣрѣ, не допускать до заключенія брака, протягивая время; они поддерживаютъ въ принцѣ сильное отвращеніе ко всѣмъ нововведеніямъ и внушаютъ ему ненависть къ иностранцамъ, которые, по ихъ мнѣнію, хотятъ овладѣть его высочествомъ посредствомъ этого брака. Принцъ начинаетъ ласково обходиться съ госпожею Фюрстенбергъ и съ принцессою Вейсенфельдскою, не съ тѣмъ, чтобы вступить съ ними въ обязательство, но только дѣлая видъ для царя, отца своего, и употребляя послѣдній способъ къ отсрочкѣ; онъ проситъ у отца позволенія посмотрѣть еще другихъ принцессъ, въ надеждѣ, что между тѣмъ представится случай уѣхать въ Москву, и тогда онъ уговоритъ царя, чтобъ позволилъ ему взять жену изъ своего народа. Сильно ненавидятъ васъ; думаютъ, что выборъ Московской государыни—дѣло такой важности, что его нельзя поручить иностранцу. Царевичъ очень расположенъ къ графу Головкину, сыну канцлера, который одинъ можетъ все дѣло опять привести въ доброе состояніе. Изъ всѣхъ, находящихся при принцѣ, онъ самый благоразумный и честный; но мой корреспондентъ очень не довѣряетъ князю Трубецкому. Госпожа Матвѣева, въ проѣздѣ своемъ черезъ Дрезденъ, объявляла въ разныхъ разговорахъ, что царевичъ никогда не

[1]) Чтенія Моск. Истор. Общ. годъ 1861, кн. 3.

[2]) Дѣла Австрійскія 1711 года.

возьметъ за себя иностранку, хотя Матвѣевъ удовольствованъ былъ Дворомъ Вольфенбительскимъ". 2 сентября новое письмо съ тѣми же докуками: „О намѣреніи царскомъ не сомнѣваюсь", писалъ герцогъ; „но можетъ ли онъ принца принудить къ такому супружеству, и что будетъ съ принцессою, если принцъ женится на ней противъ воли? Какъ бы объ этомъ царю донести и его отъ такихъ людей остеречь" [1]).

Царевичъ дѣйствительно могъ употреблять разныя средства, чтобъ протянуть время, поджидая благопріятнаго случая возвратиться въ Россію неженатымъ. Но случай не представлялся; воля отца, чтобы сынъ женился на иностранной принцессѣ, была непоколебима; Петръ предоставлялъ сыну только выборъ; Шарлота Бланкенбургская нравилась Алексѣю больше другихъ, и 9 ноября ея мать, герцогиня Христина-Луиза, писала Урбиху радостное письмо: „Страхи, которымъ мы предавались, и быть можетъ не безъ основанія, вдругъ разсѣялись въ такое время, когда всего менѣе можно было этого ожидать, разсѣялись какъ туча, скрывающая солнечные лучи, и наступаетъ хорошая погода, когда ждали ненастья. Царевичъ объяснился съ Польскою королевой и потомъ съ моею дочерью самымъ учтивымъ и пріятнымъ образомъ. Моя дочь Шарлотта увѣряетъ меня: что принцъ очень перемѣнился къ своей выгодѣ; что онъ очень уменъ; что у него самыя пріятныя манеры; что онъ честенъ; что она считаетъ себя счастливою и очень польщена честію, какую принцъ и царь оказали ей своимъ выборомъ. Мнѣ не остается желать ничего болѣе, какъ заключенія такого хорошаго начала и чтобъ дѣло не затянулось. Я увѣрена, что все сказанное мною доставитъ вамъ удовольствіе, потому что вы сильно желали этого союза, а я и супругъ мой—мы гордимся дочерью, удостоившеюся столь великой чести" [2]).

Въ началѣ 1711 года Алексѣй объявилъ отцу, что готовъ жениться на принцессѣ Бланкенбургской. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ къ духовнику: „Извѣствую вашей святыни, помянутый курьеръ пріѣзжалъ съ тѣмъ: есть здѣсь князь Вольфенбительской, живетъ близь Саксоніи, и у него есть дочь дѣвица, а сродникъ онъ Польскому королю, который и Саксоніею владѣетъ, Августъ, и та дѣвица живетъ здѣсь въ Саксоніи при королевѣ, аки у сродницы, и на той княжнѣ давно уже меня сватали, однакожъ мнѣ отъ батюшки не весьма было открыто, и я ее видѣлъ, и сіе батюшкѣ извѣстно стало, и онъ писалъ ко мнѣ нынѣ, какъ оная мнѣ показалась, есть ли моя воля съ нею въ супружество; а я уже извѣстенъ, что онъ меня не хочетъ женить на Русской, но на здѣшней, на какой я хочу. И я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, и я его воли согласую, чтобъ меня женить на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ, и лучше ея здѣсь мнѣ не сыскать. Прошу васъ, пожалуй помолись, буде есть воля Божія, чтобъ сіе совершилъ; а буде нѣтъ, чтобъ разрушилъ, понеже мое упованіе въ Немъ, все, какъ Онъ хощетъ, такъ и творитъ, и отпиши, какъ твое сердце чуетъ о семъ дѣлѣ". Сердце духовника чуяло то, что княжна иностранная, иновѣрная, и онъ писалъ къ Алексѣю, нельзя ли ее обратить въ Православіе; царевичъ отвѣчалъ: „Противъ писанія твоего о моемъ собственномъ дѣлѣ понудить ту особу къ воспріятію нашея вѣры весьма невозможно, но развѣ послѣ, когда оная въ наши краи пріѣдетъ, и сама разсмотритъ, може то и сочинити, а прежъ того весьма сему состояться невозможно" [3]).

Отправляясь въ Турецкій походъ, Петръ „для безвѣстнаго пути" устроилъ два семейныхъ дѣла: далъ п а р о л ь Екатеринѣ Алексѣевнѣ и покончилъ дѣло о бракѣ сына. Въ галицкомъ мѣстечкѣ Яворовѣ, 19 апрѣля 1711 года, Петръ утвердилъ проектъ договора, по которому принцессѣ предоставлялось остаться при своемъ Евангелическо-Лютеранскомъ исповѣданіи; дѣти должны быть Греческаго закона; принцесса получала ежегодно отъ царя 50,000 рублей; кромѣ того, должна была получить единовременно, при совершеніи брака, 25,000 рублей [4]). Съ этими статьями царевичъ самъ отправился въ Брауншвейгъ, гдѣ еще долженъ былъ имѣть насчетъ ихъ переговоры съ родственниками невѣсты, не согласятся ли уменьшить количество ежегодной дачи принцессѣ. Объ этихъ переговорахъ онъ писалъ отцу: „По указу, государь, твоему, о деньгахъ повсегодной дачи невѣстѣ моей зѣло я домогался, чтобъ было сорокъ тысячъ, и они сего не соизволили, и просили больше, только я, какъ могъ, старался, и не могъ ихъ на то привести, чтобъ взяли меньше 50,000, и я, по указу твоему, въ томъ же письмѣ, буде они не похотятъ сорока тысячъ, позволилъ до пятидесяти, на сіе ихъ склонилъ съ великою трудностію, чтобъ взяли 50,000, и о семъ довольны, и сіе число вписалъ я въ порожнее мѣсто въ трактатѣ; а что по смерти моей, будетъ она не похочетъ жить въ государствѣ нашемъ, дать меньше дачу, на сіе они весьма не похотѣли и просили, чтобъ быть равной дачѣ по смерти моей какъ на Москвѣ, такъ и въ выѣздѣ изъ нашего государства, о чемъ я много старался, чтобы столько не просили, и однакожъ не могъ сдѣлать, и по указу твоему (будетъ они за сіе заупрямятся написать ровную дачу) и въ трактатѣ написалъ ровную дачу, и сіе учиня подписалъ я, тожде и они своими руками размѣнялись, и тако сіе съ помощію Божіею окончили. Перстня здѣсь не могъ сыскать, и для того послалъ въ Дрезденъ и въ иныя мѣста".

Печальное лѣто 1711 года царевичъ прожилъ у

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 12.
[2]) Дѣла Брауншвейгскія 1710 года.
[3]) Чтенія Моск. Истор. Общ. годъ 1861, кн. 3.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 2354.

родныхъ своей невѣсты. Мы видѣли, что, по возвращеніи изъ Прутскаго похода, Петръ отправился въ Карлсбадъ на воды; здѣсь хотѣлъ онъ и отпраздновать свадьбу своего сына, но потомъ передумалъ и назначилъ для этого саксонскій городъ Торгау. Бракъ былъ совершенъ 14 октября 1711 года, и Петръ извѣстилъ объ этомъ Сенатъ въ слѣдующемъ письмѣ: „Господа Сенатъ! объявляемъ вамъ, что сегодня бракъ сына моего совершился здѣсь въ Торгау, въ домѣ королевы Польской, на которомъ бракѣ довольно было знатныхъ персонъ. Слава Богу, что сіе счастливо совершилось. Домъ князей Вольфенбительскихъ, нашихъ сватовъ, изрядной“ [1]). На четвертый же день послѣ свадьбы новобрачный царевичъ получилъ отъ отца наказъ отправиться въ польскія владѣнія въ Торнъ, и тамъ заняться продовольствіемъ русскихъ войскъ [2]). Царевичъ отправился въ Торнъ недѣли черезъ три послѣ свадьбы; молодая жена пріѣхала къ нему туда только 19 декабря. Эта разлука новобрачныхъ подала поводъ къ разнымъ слухамъ, которые достигли и Вѣны. Урбихъ писалъ отсюда Головкину: „Изъ Саксоніи много нехорошихъ вещей сюда писано, чѣмъ почти весь городъ наполненъ, между прочимъ, что бракъ хотя и совершенъ, однако, къ великому неудовольствію обѣихъ сторонъ: кронъ - принцъ кронъ-принцессу оставилъ, и когда та требовала на два дня сроку, чтобъ дорожную постель взять, кронъ - принцъ ей жестоко отвѣчалъ и уѣхалъ; всѣ придворные служители отставлены. Но когда я въ Вольфенбителѣ и Дрезденѣ навѣдался, то мнѣ отписали совершенно противное, именно—что обѣ стороны довольны“ [3]). Въ перепискѣ царевича съ отцомъ въ это время мы находимъ только одно упоминовеніе о кронъ-принцессѣ; 18 ноября царевичъ пишетъ: „Жена моя еще сюда не бывала; ожидаю вскорѣ, и какъ она будетъ, за людьми ея смотрѣть буду, чтобъ они жили смирно и никакой обиды здѣшнимъ людямъ не чинили“ [4]). Этотъ надзоръ былъ нуженъ, ибо мы видѣли, какіе охотники были Нѣмцы кормиться насчетъ Польши [5]). Въ апрѣлѣ 1712 года пріѣхалъ въ Торнъ Меншиковъ и привезъ царевичу указъ отцовскій ѣхать въ Померанію. Свѣтлѣйшій нашелъ кронъ-принца и кронъ-принцессу въ затруднительномъ положеніи относительно денегъ, и писалъ царю: „Не могъ оставить не донести о сынѣ вашемъ, что какъ онъ, такъ и кронъ-принцесса въ деньгахъ зѣло великую имѣютъ нужду; понеже здѣсь живутъ все на своемъ коштѣ, а порцій и рацій имъ не опредѣлено; а что съ мѣста здѣшняго и было, и то самое нужное, только на управленіе стола ихъ высочествъ; также ни у него, ни у кронъ-принцессы къ походу ни лошадей и никакого экипажа нѣтъ и построить не на что. О опредѣленныхъ ей деньгахъ зѣло проситъ: понеже великую имѣетъ нужду на содержаніе двора своего. Я, видя совершенную у нихъ нужду, понеже ея высочество кронъ-принцесса едва не со слезами о деньгахъ просила, выдалъ ея высочеству Ингерманландскаго полку изъ вычетныхъ мундирныхъ денегъ въ заемъ 5,000 рублей. А ежелибъ не такъ, то всеконечно отсюда подняться-бъ ей нечѣмъ“ [6]).

Кронъ-принцесса отправилась въ Эльбингъ дожидаться возвращенія мужа изъ похода. Между тѣмъ въ Москвѣ любопытствовали, не имѣло ли пребываніе молодыхъ въ Торнѣ никахъ-нибудь слѣдствій, и царевичъ писалъ духовнику: „О зачатіи во чревѣ сопряженные мнѣ хощеши вѣдѣти, радѣтель, и возвѣщаю, что весьма до отъѣзду моего подлинно познати было не можно еще, и повелѣлъ я женѣ, аще будетъ возможно сіе познати, чтобъ до меня немедленно писала. И какъ о семъ получу извѣстіе, есть ли что или нѣтъ, о томъ писаніемъ, не умедля, вашей святыни возвѣщу“ [7]).

Осенью 1712 года пріѣхалъ въ Эльбингъ бригадиръ Балкъ и объявилъ Шарлоттѣ волю царя, чтобъ она выѣзжала изъ этого города, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ Россію, ибо въ письмѣ ея къ царю отъ 28 октября не видно, куда именно она должна была выѣхать. „Вашего царскаго величества милостивѣйшій указъ, который мнѣ чрезъ бригадира Балка объявить повелѣли, не оставила-бъ (какъ того моя должность и требуетъ) исполнить, и я уже въ готовности была отсюда отъѣхать, но понеже того безъ денегъ никоими мѣрами учинить не можно было, того ради прошу вашего царскаго величества всеподданнѣйше то замедленіе во гнѣвъ не принять, ибо коль скоро деньги прибудутъ, то и я, какъ въ прочемъ, и окажу, что вашего царскаго величества указъ отъ меня ненарушимо содержанъ будетъ, я же есмь со всякимъ подданнѣйшимъ респектомъ вашего царскаго величества всеподданнѣйшая и вѣрнопокорнѣйшая невѣстка Шарлотта“ [8]). Деньги не прибыли, какъ видно потому, что царь перемѣнилъ намѣреніе и велѣлъ царицѣ и царевичу, отправлявшимся вмѣстѣ въ Россію, заѣхать въ Эльбингъ и взять съ собою Шарлотту. Но когда они пріѣхали въ декабрѣ въ Эльбингъ, то ея тамъ не застали: она уѣхала къ роднымъ въ Брауншвейгъ. Этотъ поступокъ разсердилъ Петра, какъ видно изъ письма его къ невѣсткѣ, въ январѣ 1713 года: „Вашей любви къ намъ отправленное писаніе отъ 17 января получили мы здѣсь исправно, а изъ того усмотрѣли, что васъ къ нечаянному отъѣзду въ Брауншвигъ привело. Мы о объявленныхъ вами причинахъ разсуждать не будемъ, токмо признаваемъ, что сія ваша скорая и безъ нашего вѣдома взятая резолюція насъ зѣло удивила, а наипаче понеже мы вашему желанію ро-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 2440.
[2]) См. этотъ наказъ въ Исторіи Россіи XVI.
[3]) Дѣла Австрійскія 1711 г., декабрь.
[4]) Чтенія Моск. Истор. Общ. годъ 1861, кн. 3.
[5]) Исторія Россіи, XVI.
[6]) Кабинетъ II, кн. № 15; напечатано въ приложен. къ книгѣ Устрялова.
[7]) Чтенія Моск. Ист. Общ. годъ 1861, кн. 3.
[8]) Дѣла Брауншвейгскія 1712 года.

*

дителей вашихъ видѣть никогдабъ не помѣшали, ежелибъ вы только напередъ насъ о томъ увѣдомили. Что же ваша любовь впрочемъ и о недостаткѣ денежномъ объявляете, то не видимъ мы, чтобъ и то васъ къ такой скорой резолюціи привесть могло. Сожительница наша съ кронъ-принцемъ нашимъ уже предъ нѣкоторымъ временемъ путь свой назадъ въ государство наше и въ Петербургъ предвоспріяла, куды, мы уповаемъ, и ваша любовь за оными слѣдовать будете". Шарлотта писала новыя оправданія, и Петръ, 11 февраля, написалъ ей: „Дружебно любезная госпожа невѣстка! Вашей любви различныя къ намъ отправленныя писанія исправно получили, и изъ оныхъ усмотрѣли, что́ васъ къ скорому отъѣзду изъ Эльбинга въ Брауншвигъ привело. Мы не сомнѣваемся, что вы оныя 5,000 червонныхъ, которые къ вамъ чрезъ сына барона Левольда отправлены, нынѣ ужь исправно получили, и при семъ еще вексель на 25,000 ефимковъ албертусовыхъ на банкира Поппа въ Гамбургъ прилагаемъ, и уповаемъ, что ваша любовь нынѣ путь свой какъ наискорѣе въ Ригу и далѣе въ Петербургъ воспріимите, куда и сожительница наша и кронъ-принцъ нашъ предъ нѣкоторымъ временемъ уже поѣхали, яко же и мы для ускоренія вашего пути въ нашихъ земляхъ потребное учрежденіе учинить укажемъ и впрочемъ о постоянной нашей отеческой склонности обнадеживаемъ, пребывая вашей любви дружебно склонный отецъ".

Это письмо было написано уже въ другомъ тонѣ, чѣмъ прежнее; Шарлоттѣ и ея роднымъ хотѣлось, чтобъ Петръ заѣхалъ къ нимъ въ Брауншвейгъ для окончательнаго примиренія. Не рѣшаясь обратиться прямо къ царю, Шарлотта обратилась къ канцлеру графу Головкину и писала ему: „Я сочла лучше всего обратиться къ вашему сіятельству съ просьбою сдѣлать такъ, чтобъ его царское величество не проѣхалъ мимо насъ: прямая дорога изъ Ганновера въ Берлинъ идетъ чрезъ Брауншвейгъ, и герцогъ, и мой отецъ и моя мать будутъ въ отчаяніи, узнавши, что его величество былъ такъ близко, и они не имѣли чести видѣть его здѣсь, а для меня это будетъ крайнее бѣдствіе, ибо я съ нетерпѣніемъ ожидаю счастливой минуты, когда я могу облобызать руку его величества и услыхать отъ него приказаніе ѣхать къ принцу, моему дорогому супругу. Во всякомъ случаѣ, если его величество не захочетъ быть здѣсь, надѣюсь, что мнѣ окажетъ милость, назначитъ мѣсто, гдѣ бы я могла съ нимъ видѣться". Петръ видѣлся съ нею въ замкѣ Зальцдаленѣ, недалеко отъ Брауншвейга, послѣ чего кронъ-принцесса отправилась въ Россію.

Царевичъ находился съ отцомъ въ Финляндскомъ походѣ во время пріѣзда жены своей. Прибывъ въ Нарву, Шарлотта дала знать о своемъ пріѣздѣ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, которая отвѣчала ей: „Пресвѣтлѣйшая принцесса! Съ особеннымъ моимъ увеселеніемъ получила я благопріятнѣйшее и любительнѣйшее писаніе вашего высочества, и о прибытіи вашемъ въ Нарву и о намѣреніи къ скорому предпріятію пути вашего до С.-Петербурга извѣщена есмь, отъ чего мнѣ всеусердная причиняется радость, такъ что я не хотѣла ни мало оставить ваше высочество о томъ чрезъ сіе мое благосклонно поздравить и извѣстить, что имѣемъ въ нашемъ общемъ сожалѣніи о отбытіи царскаго величества и его высочества государя царевича; елико въ силахъ моихъ будетъ, не премину всякихъ изыскивать способовъ къ увеселенію вашему, и уповаю, что возвращеніе его царскаго величества и его высочества вскорѣ намъ общую подастъ радость. Ожидаю съ нетерпѣливостію того моменту, чтобъ мнѣ при дружебномъ объятіи особы вашей засвидѣтельствовать, коль я всеусердно есмь вашего высочества—Наталія". Канцлеръ Головкинъ писалъ кронъ-принцессѣ: „Свѣтлѣйшая и высочайшая принцесса, моя государыня! Съ толикою радостію, колико я имѣю респекту и благоговѣнія къ особѣ вашего царскаго высочества, получилъ я увѣдомленіе чрезъ господина Нарышкина о счастливомъ прибытіи вашего царскаго высочества въ Нарву и о милостивомъ напоминаніи, которымъ ваше царское высочество изволили меня почтить въ присутствіи сего генеральнаго офицера, и понеже я всегда профессовалъ жаркую ревность къ вашему царскому высочеству, того ради я не могъ, ниже долженъ былъ оставить, чтобъ ваше царское высочество не извѣстить чрезъ сіе о нижайшихъ моихъ респектахъ, и чтобъ не отдать должнѣйшаго моего поздравленія о прибытіи вашего царскаго высочества, и такожде и не возблагодарить покорнѣйше за то, что ваше царское высочество благоволили меня великодушно въ напамятованіи своемъ сохранить. Если бы я не удержанъ былъ всемѣрно здѣ дѣлами его царскаго величества, отъ сего-жь бы моменту предался бы я въ должной моей покорности до вашего царскаго высочествія, дабы мнѣ все помянутое персонально вашему царскому высочеству подтвердить; но понеже невозможно мнѣ удовольствовать моей ревности, въ томъ принужденъ я еще ближайшаго прибытія сюда вашего царскаго высочества обождать, и тогда не премину придатися ко двору вашего царскаго высочества воспріять честь еже засвидѣтельствовать вашему царскому высочеству, съ коликимъ респектомъ и благоговѣніемъ я есмь", и проч. [1]).

Торжественная встрѣча, сдѣланная кронъ-принцессѣ въ Петербургѣ, радушный пріемъ со стороны царицы и другихъ лицъ царскаго семейства произвели на Шарлотту и ея родныхъ благопріятное впечатлѣніе, успокоили ихъ. Лѣтомъ 1713 года посолъ Матвѣевъ писалъ изъ Вѣны къ Головкину: „Изъ дому императрицы узналъ я, что „государыня принцесса царевича" 6 іюня писала къ ней частное письмо изъ Петербурга, отзываясь съ великими похвалами о расположеніи къ ней госу-

[1]) Дѣла Брауншвейгскія 1713 года.

дарыни царицы и государыни царевны и всѣхъ высокихъ особъ русскихъ, и съ какими почестями она, принцесса, была принята при своемъ пріѣздѣ. Очень нужно, чтобъ ваше превосходительство изволилъ ей, государынѣ принцессѣ, вручить интересъ его царскаго величества и меня, дабы ея высочество изволила къ императрицѣ о томъ особое партикулярное письмо написать и чрезъ васъ на меня прислать, что можетъ принести много пользы интересамъ царскаго величества: императрица можетъ сдѣлать все, что захочетъ, а она ея высочество чрезвычайно любитъ. Такимъ образомъ государыня принцесса возбудитъ хорошее мнѣніе о дворѣ царскаго величества, покажетъ, что она у царскаго величества находится въ особой милости и любви, и этимъ уничтожатся противные слухи, распускаемые злонамѣренными людьми, потому что здѣсь уже много разъ подняты были плевелы, будто ея высочество находится въ самомъ дурномъ состояніи и уничиженіи отъ нашего народа, живетъ въ нуждѣ и запрещено ей переписываться съ родственниками". Въ декабрѣ того же года императрица пространно говорила Матвѣеву о милости царя, царевича и всего царскаго Дома къ ея сестрѣ, чѣмъ она, императрица, и мужъ ея чрезвычайно довольны [1]).

Царевича не было при встрѣчѣ жены: онъ находился съ отцомъ въ Финляндскомъ походѣ. По возращеніи оттуда въ Петербургъ, онъ опять скоро уѣхалъ въ Старую Русу и Ладогу для распоряженія насчетъ постройки судовъ [2]). Это было послѣднее извѣстное намъ порученіе, возложенное отцомъ на Алексѣя.

Долговременное пребываніе за-границею для окончанія ученія, пребываніе въ Польшѣ для распоряженія продовольствіемъ войска, участіе въ Померанскомъ и Финляндскомъ походахъ царь считалъ необходимою школой для сына; вмѣстѣ со школою здѣсь было испытаніе для царевича; испытаніе оказалось неудовлетворительнымъ. Петръ съ ужасомъ замѣтилъ, что сынъ исполняетъ безпрекословно всѣ его приказанія, но что тутъ исключительнымъ побужденіемъ былъ страхъ; отвращеніе отъ дѣятельности, которую Петръ считалъ необходимою для своего и послѣдующаго царствованія, было очевидно въ Алексѣѣ. Когда, въ 1713 году, Алексѣй возвратился изъ-за границы, то отецъ принялъ его ласково и спрашивалъ, не забылъ ли того, чему учился. „Не забылъ",—отвѣчалъ царевичъ. Петръ, для испытанія, велѣлъ ему принести чертежи, имъ сдѣланные. Страхъ напалъ на Алексѣя: „что, если отецъ заставитъ чертить при себѣ, а я не умѣю"? Какъ быть? одно средство — испортить правую руку. Царевичъ взялъ въ лѣвую руку пистолетъ и выстрѣлилъ по правой ладони, чтобъ пробить пулею; пуля миновала руку, только сильно опалила порохомъ [3]). Въ этомъ поступкѣ весь человѣкъ. Алексѣй былъ похожъ на тѣхъ людей, которые увѣчатъ себя, чтобъ не попасть въ солдаты.

Петръ сначала сердился, бранилъ, билъ, потомъ утомился, пересталъ говорить съ сыномъ: дурной признакъ для Алексѣя; лучше бы отецъ продолжалъ сердиться, бранить и бить; а холодность и невниманіе, предоставленіе самому себѣ, молчаніе—это страшный признакъ ослабленія родительскаго чувства, признакъ ожесточенія. Что же сынъ?—замѣтивъ страшный признакъ, испугается этой холодности и бросится къ отцу за примиреніемъ? Но сынъ давно уже охладѣлъ и ожесточился; давно въ присутствіи отца лежалъ на немъ тяжкій гнетъ, и только въ отдаленіи отъ него дышалось свободно: „не токмо дѣла воинскія и прочія отца его дѣла, но и самая его особа зѣло ему омерзѣла и для того всегда желалъ отъ него быть въ отлученіи" [4]). Желаніе исполнилось: царевича не безпокоятъ, не посылаютъ въ походъ или смотрѣть за постройкою этихъ проклятыхъ судовъ. Когда его звали обѣдать къ отцу или къ Меншикову, когда звали на любимый отцовскій праздникъ, на спускъ корабля, то онъ говорилъ: „Лучше-бъ я на каторгѣ былъ или въ лихорадкѣ лежалъ, чѣмъ тамъ быть". Отецъ сердится, не говоритъ;—но что изъ этого? Будущее принадлежитъ не ему, а царевичу. Отецъ съ сыномъ разошлись по отношенію къ самому важному вопросу,—вопросу о будущемъ.

Царевичу будущее улыбается. Отецъ еще не старъ, но часто и сильно припадаетъ, долго не проживетъ, и съ нимъ исчезнутъ всѣ его дѣла. Что думалъ трезвый,—въ томъ проговаривался пьяный: „Близкіе къ отцу люди будутъ сидѣть на кольяхъ, и Толстая, и Арсеньева, свояченица Меншикова; Петербургъ не долго будетъ за нами". Когда его остерегали, что опасно такъ говорить, слова передадутся, и тѣ люди будутъ въ сомнѣніи, перестанутъ къ нему ѣздить, и такъ уже рѣдко ѣздятъ,—царевичъ отвѣчалъ: „Я плюю на всѣхъ; здорова бы была мнѣ чернь". Но царевичъ зналъ хорошо, что не одна чернь за него. За него духовенство, и не одни русскіе архіереи, даже скрытный, осторожный иноземецъ Стефанъ Яворскій,—и тотъ рѣшается высказываться за него. Еще до женитьбы Петра на Екатеринѣ, Яворскій говорилъ Алексѣю: „Надобно тебѣ себя беречь; если тебя не будетъ, отцу другой жены не дадутъ; развеѣ мать твою изъ монастыря брать?—только тому не быть, а наслѣдство надобно" [5]). Отцу другую жену дали; но это не успокоило Яворскаго, и онъ крикнулъ знаменитую проповѣдь 17 марта 1712 года [6]).

[1]) Дѣла Австрійскія 1713 года.

[2]) Письма царевича, изд. Мурзакевичемъ

[3]) Дѣло о царевичѣ, напеч. въ прилож. къ книгѣ Устрялова.

[4]) Дѣло о царевичѣ, напеч. въ прилож. къ книгѣ Устрялова.

[5]) Дѣло о царевичѣ, напеч. въ прилож. къ книгѣ Устрялова.

[6]) Исторія Россій XVI.

Алексѣй испугался неосторожности митрополита Рязанскаго, и писалъ духовнику: „Что же пишешь, радѣтель, о Акулининѣ родителѣ, отцѣ Іосифѣ, чтобъ его привести на мѣсто новопреставльшагося, и я бы радъ воистину, и буду какъ возможно промышлять черезъ людей; а и вы тамъ не плошитеся, черезъ кого возможно дѣлайте, понеже чаю тамъ вамъ свободнѣе, нежели намъ здѣсь, понеже Рязанскій у рождшаго мя за нѣкакія казанія есть въ ненавидѣніи великомъ, и того ради мнѣ писать къ нему опасно, и говорятъ, что ему быть отлучену отъ сего управленія, въ немъ же есть, и того ради вамъ легчая сіе чрезъ кого-нибудь дѣлать; а я совѣтую, чтобъ вамъ съ симъ человѣкомъ съ опасностію обходиться, не въ коротке, чтобъ не причинился какой вредъ, однакожъ вѣдаю, что вамъ не можно съ нимъ не обводиться, донд еже онъ не отлученъ отъ правленія сего; того ради пишу, чтобъ съ опасеніемъ больше и не въ частое бываньe" [1]). Яворскій держался на своемъ важномъ мѣстѣ, и царевичу съ разныхъ сторонъ говорили: „Рязанскій къ тебѣ добръ, твоей стороны и весь онъ твой" [2]).

Между знатнымъ духовенствомъ былъ только одинъ человѣкъ, вполнѣ преданный Петру и дѣламъ его и потому державшій себя вдалекѣ отъ Алексѣя: то былъ извѣстный уже намъ Өеодосій Яновскій [3]). За то царевичъ и его приближенные не щадили гнѣвныхъ выходокъ и насмѣшекъ надъ Өеодосіемъ. „Дивлюся батюшкѣ, за что любитъ архимандрита Невскаго?"—говорилъ Алексѣй; „развѣ за то, что вноситъ въ народъ лютерскіе обычаи и разрѣшаетъ на вся" [4]). Выписали стихъ изъ церковной службы на день Полтавской битвы, начинавшійся словами: „Врагъ креста Христова", и на „подпиткахъ" въ компаніи царевича пѣвали его, примѣняя къ Өеодосію; говорили, что этотъ стихъ хорошо пѣть, когда Өеодосія будутъ посвящать въ архіереи. Никифоръ Вяземскій написалъ этотъ стихъ съ нотами, и говорилъ, что далъ бы пять рублей пѣвчимъ, чтобъ пропѣли его, потому что Өеодосій иконъ не почитаетъ.

Архіереи за царевича и много знатныхъ вельможъ за него же,—именно самые знатные, которымъ тяжко было занимать второстепенныя мѣста, когда на первыхъ мѣстахъ были люди худородные, и на самомъ видномъ Меншиковъ. Изъ старыхъ княжескихъ родовъ въ это время преимущественно выдавались два рода, Рюриковичи—Долгорукіе и Гедиминовичи—Голицыны. Долгорукіе вышли на видъ только при новой династіи, особенно при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. При Петрѣ эта фамилія была очень хорошо представлена: двое Долгорукихъ съ честію занимали важнѣйшіе дипломатическіе посты—Григорій Өеодоровичъ и Василій Лукичъ; третій, Василій Владиміровичъ, считался однимъ изъ лучшихъ генераловъ; наконецъ четвертый,—знаменитый сенаторъ, энергическій князь Яковъ Өеодоровичъ Долгорукій, представитель фамиліи. Чѣмъ лучше была обставлена Долгоруковская фамилія, чѣмъ болѣе считала она за собою правъ; тѣмъ тягостнѣе для нея было сносить преобладаніе Меншикова, а вскрывшіяся злоупотребленія любимца и холодность къ нему царя подавали надежду, что свѣтлѣйшій можетъ потерять свое важное значеніе. Новая царица, связанная съ Меншиковымъ прежними отношеніями, естественная его покровительница, не могла нравиться Долгорукимъ, и тѣмъ приверженнѣе были они къ законному наслѣднику. Царевичъ видѣлъ эту приверженность, несмотря на осторожность князя Якова Өеодоровича; когда Алексѣй говорилъ ему, что хочетъ пріѣхать къ нему въ гости, то старикъ отвѣчалъ: „Пожалуй ко мнѣ не ѣзди; за мною смотрятъ другіе, кто ко мнѣ ѣздитъ". Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій говорилъ царевичу: „Ты умнѣе отца; отецъ твой хотя и уменъ, только людей не знаетъ, а ты умныхъ людей знать будешь лучше" [5]). Смыслъ словъ былъ ясенъ: отецъ уменъ, но людей не знаетъ, потому что держитъ въ приближеніи Меншикова, Головкина; ты людей будешь знать лучше, потому что будешь держать въ приближеніи Долгорукихъ. Голицыны, у которыхъ стремленіе къ первенству составляло родовое преданіе со временъ Ивана III, имѣли теперь своимъ представителемъ князя Димитрія Михайловича. Человѣкъ, по жестокости характера своего, неспособный возбуждать къ себѣ сильной привязанности, умный, образованный, но безъ особенныхъ блестящихъ способностей, князь Димитрій вступилъ на служебное поприще съ сознаніемъ своихъ правъ родовыхъ и личныхъ; служилъ усердно—и все оставался въ тѣни, на мѣстахъ второстепенныхъ, онъ, представитель самой знатной фамиліи, а между тѣмъ Меншиковъ съ подобными ему занимаютъ мѣста высшія, находятся въ приближеніи. Голицынъ, по внушенію оскорбленнаго самолюбія, объясняетъ себѣ это явленіе исключительно тѣмъ, что эти худородные люди обязаны своимъ возвышеніемъ худымъ, низкимъ средствамъ, къ которымъ онъ, Голицынъ, не способенъ; онъ ненавидитъ и презираетъ; презрѣніе даетъ ему право ненавидѣть, и ненависть усиливаетъ презрѣніе, какъ свое основаніе. Князь Димитрій не можетъ никакъ помириться съ новымъ бракомъ царя, бракомъ унизительнымъ, незаконнымъ въ глазахъ Голицына: тѣмъ сильнѣе была его преданность сыну царскому, отъ законнаго, честнаго брака рожденному. Голицынъ сочувствовалъ Алексѣю и потому, что оба они были люди стараго образованія, образованія царя Өеодора Алексѣевича; извѣстныя намъ [6]) столкновенія Голицына съ Паткулемъ, отвративъ его отъ иностранцевъ, какъ проводни-

---

[1]) Чтенія Моск. Ист. Общ. годъ 1861, кн. 3.
[2]) Дѣло о царевичѣ.
[3]) Исторія. Россіи XVI.
[4]) Дѣло о царевичѣ.
[5]) Дѣло о царевичѣ.
[6]) Исторія Россіи, т. XV.

ковъ новаго преобразовательнаго направленія, отвратили его отъ послѣдняго. „Князь Дмитрій", говорилъ царевичъ, „мнѣ былъ другъ вѣрный и говаривалъ, что „я тебѣ всегда вѣрный слуга". Онъ много книгъ мнѣ изъ Кіева приваживалъ по прошенію моему, и такъ—отъ себя; и я ему говаривалъ:—гдѣ ты берешь?—„У чернецовъ-де кіевскихъ: они-де очень къ тебѣ ласковы и тебя любятъ" [1]). Фамилія Голицыныхъ была такъ же хорошо обставлена; родной братъ князя Димитрія, Михайла Михайловичъ—былъ одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и искусныхъ генераловъ Петра; кромѣ того, князь Михайла отличался необыкновенно привлекательнымъ и рыцарскимъ характеромъ, который заставилъ и иностранцевъ съ восторгомъ отзываться о немъ, хотя Голицынъ, подобно брату, не любилъ иностранцевъ [2]). Извѣстенъ разсказъ, что когда однажды Петръ предложилъ Голицыну самому назначить себѣ награду, то Голицынъ сказалъ: „Прости, государь, князя Репнина";—а Репнинъ былъ ему недругъ. Можно, если угодно, не вѣрить этому разсказу; но для насъ важно то, что о человѣкѣ ходили подобные разсказы; что человѣка считали способнымъ на подобные поступки. Несмотря на то, что князь Михайла былъ виднѣе и любимѣе брата, онъ, по старинѣ, имѣлъ князя Димитрія, какъ старшаго, „въ отца мѣсто", не смѣлъ садиться передъ нимъ и совершенно былъ въ его волѣ, раздѣлялъ его взгляды; поэтому царевичъ говорилъ: „Князь Михайла Михайловичъ былъ мнѣ другъ же" [3]). Третій Голицынъ, занимавшій видное мѣсто Рижскаго губернатора, князь Петръ Алексѣевичъ, не рознился въ направленіи съ своими родичами и былъ такъ же другъ царевичу [4]). Старый фельдмаршалъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, несмотря на свое значеніе и долгую, непрерывную тяжелую службу, не видѣлъ себя въ приближеніи, оскорблялся, получая указы отъ другихъ, испытывая безцеремонное обращеніе отъ царя, съ которымъ Мальтійскій рыцарь не сходился характеромъ; Шереметеву поэтому такъ же не нравилась придворная обстановка, не нравился Меншиковъ, и тѣмъ сильнѣе былъ онъ преданъ царевичу: „Въ главной арміи Борисъ Петровичъ и прочіе многіе изъ офицеровъ мнѣ друзья. Борисъ Петровичъ говорилъ мнѣ, будучи въ Польшѣ, въ Острогѣ, при людяхъ немногихъ моихъ и своихъ: „Напрасно ты малаго не держишь такого, чтобъ знался съ тѣми, которые при Дворѣ отцовѣ;—такъ бы ты все вѣдалъ". Извѣстный дипломатъ, князь Борисъ Куракинъ заявилъ такъ же свою приверженность къ царевичу;—однажды въ Помераніи онъ спросилъ у него: „Добра къ тебѣ мачиха?"—„Добра", отвѣчалъ Алексѣй. Куракинъ замѣтилъ на это: „Покамѣстъ у ней сына нѣтъ, то къ тебѣ добра; а какъ у ней сынъ будетъ,—не

[1]) Дѣло о царевичѣ.
[2]) Записки Дюка де-Лиріи.
[3]) Дѣло о царевичѣ.
[4]) Дѣло о царевичѣ.

такова будетъ" [5]). Однимъ словомъ, царевичъ могъ считать своими друзьями почти всѣхъ родовитыхъ людей, ибо они смотрѣли на него, какъ на человѣка, при которомъ не будетъ Меншикова съ товарищами. По ненависти къ Меншикову [6]), по злобѣ и на Петра за недавнюю опалу, къ доброжелателямъ царевича принадлежатъ Александръ Кикинъ, тѣмъ болѣе что Иванъ Васильевичъ Кикинъ былъ казначеемъ Алексѣя [7]). Другіе надѣялись отдохнуть, когда Алексѣй будетъ царемъ, потому что не предвидѣлось покоя, возможности заняться своими дѣлами при царѣ, который не понималъ, какъ можно сидѣть дома безъ дѣла. Семенъ Нарышкинъ говорилъ царевичу: „Горько намъ!" Говоритъ (царь), „что вы дома дѣлаете? Я не знаю, какъ безъ дѣла дома быть". Онъ нашихъ нуждъ не знаетъ; а будешь домъ свой смотрѣть хорошенько, часу не найдешь безъ дѣла. Когда-бъ ему прилучилось придти домой, а иное дровъ нѣтъ, иное инова нѣтъ, такъ бы узналъ, что мы дома дѣлаемъ". Царевичъ вполнѣ сочувствовалъ этимъ людямъ, стремившимся отъ общественной дѣятельности, отъ службы домой, къ домашнимъ занятіямъ. Различіе между отцомъ и сыномъ заключалось въ томъ, что для отца былъ тѣсенъ домъ: хотя его домъ былъ дворецъ, ему было просторно, легко дышать, когда онъ разъѣзжалъ по Россіи, по Европѣ, по безбрежному морю Сынъ не терпѣлъ этихъ разъѣздовъ, этой широты, и стремился въ домъ, въ тѣсный, домашній кругъ, гдѣ тихо, уютно и покойно. „У него вездѣ все готово; то-то онъ нашихъ нуждъ не знаетъ" [8]), отвѣчалъ царевичъ на жалобы Нарышкина. Наслѣдникъ Русскаго, Петровскаго престола становился совершенно на точку зрѣнія частнаго человѣка, приравнивалъ себя къ нему, говорилъ о „нашихъ нуждахъ". Сынъ царя и героя-преобразователя имѣлъ скромную природу частнаго человѣка, заботящагося прежде всего о дровахъ. И дѣйствительно, Алексѣй былъ хорошій хозяинъ, любилъ заниматься отчетами по управленію своими собственными имѣніями, дѣлать замѣчанія, писать резолюціи.

Алексѣй увѣренъ, что за него духовенство, родовитые вельможи, простой народъ; онъ покоенъ насчетъ своего будущаго, настоящее можно какъ-нибудь и перетерпѣть, лишь бы порѣже видѣться съ отцомъ и его любимцами. Но чѣмъ покойнѣе сынъ относительно своего будущаго, тѣмъ безпокойнѣе отецъ относительно своего, и если, для успокоенія себя насчетъ будущаго, отецъ рѣшится воспользоваться своимъ настоящимъ?.. Отецъ работалъ безъ устали; видѣлъ уже, какъ зрѣли плоды имъ насажденнаго, но вмѣстѣ чувствовалъ упадокъ физическихъ силъ и слышалъ зловѣщіе голоса: „Умретъ—и все погибнетъ съ нимъ; Россія возвра-

[5]) Дѣло о царевичѣ.
[6]) Исторія Россіи XVI.
[7]) Чтенія Моск. Ист. Общ. 1861 года, кн. 3.
[8]) Дѣло о царевичѣ.

тится къ прежнему варварству". Эти зловѣщіе голоса не могли бы смутить его, еслибъ онъ оставлялъ по себѣ наслѣдника, могшаго продолжать его дѣло. Понятно, что Петръ не могъ позволить себѣ страннаго требованія, чтобъ сынъ его и наслѣдникъ обладалъ всѣми тѣми личными средствами, какими обладалъ онъ самъ; но онъ считалъ совершенно законнымъ для себя требованіе, чтобъ сынъ и наслѣдникъ имѣлъ охоту къ продолженію его дѣла, имѣлъ убѣжденіе въ необходимости продолжать его именно въ томъ самомъ направленіи. Недостатокъ сильныхъ способностей восполнялся легкостью дѣла, ибо начальная, самая трудная его часть уже была совершена; дѣло было легко и потому, что преемнику приходилось работать въ кругу хорошихъ работниковъ, приготовленныхъ отцомъ; для успѣха при такихъ условіяхъ нужна была только охота, сочувствіе къ дѣлу, нужно было сыну быть однимъ изъ птенцовъ отца, однимъ изъ его помощниковъ, сотрудниковъ. Но Петръ, при своей работѣ, въ сонмѣ сотрудниковъ не досчитывался одного,—родного сына и наслѣдника! При перекличкѣ Русскихъ людей, имѣвшихъ право и обязанность непосредственно помогать преобразователю въ его дѣлѣ, царевичъ-наслѣдникъ объявился въ н ѣ т ѣ х ъ! Единственное средство упрочить будущность своему дѣлу,—это отстранить человѣка, который долженъ быть главнымъ препятствіемъ этому, отстранить наслѣдника отъ наслѣдства. Эта мысль необходимо должна была явиться въ головѣ Петра, какъ скоро онъ увидалъ въ сынѣ отвращеніе къ отцовскому дѣлу. Мысль не могла не придти въ голову и другимъ; у Петра могла она вырваться въ видѣ угрозы. Чѣмъ болѣе высказывалось отвращеніе царевича къ отцовскому дѣлу, чѣмъ менѣе оставалось надежды на перемѣну: тѣмъ болѣе у отца должна была укрѣпляться мысль объ его отстраненіи. Другимъ людямъ, которымъ выгодно было отстраненіе Алексѣя, было не нужно и опасно пытаться укрѣплять эту мысль, ибо укрѣпленіе шло необходимо само собою: надобно было только оставить дѣло его естественному теченію; вмѣшательствомъ можно было только повредить себѣ, ибо Петръ, по своей проницательности, могъ сейчасъ увидать, что другіе дѣлаютъ тутъ свое дѣло. Если мачиха считала выгоднымъ для себя отстраненіе пасынка, то она должна была всего болѣе стараться скрывать свои чувства и желанія передъ мужемъ и другими; князь Василій Владиміровичъ Долгорукій говорилъ царевичу: „Кабы на государевъ жестокій нравъ да не царица,—намъ бы жить нельзя, я бы первый измѣнилъ". Цѣль Екатерины Алексѣевны состояла въ томъ, чтобъ заискать всеобщее расположеніе, стараясь услуживать всѣмъ, быть ко всѣмъ „доброю"; добра была она и къ пасынку, которому не могла выставить соперника въ собственномъ сынѣ. Если Екатерина и Меншиковъ не хотѣли или не могли поссорить отца съ сыномъ въ 1711 году, когда положеніе царевича упрочивалось бракомъ его на иностранной принцессѣ, то безполезно было хлопотать объ этомъ впослѣдствіи, когда ссора и безъ нихъ стала необходимостію по возвращеніи Алексѣя изъ-за границы, при первомъ сопоставленіи отца съ сыномъ въ правительственной дѣятельности; притомъ Меншикову нельзя было въ это время дѣйствовать противъ Алексѣя, потому что онъ самъ былъ въ нравственной опалѣ: прежнихъ близкихъ отношеній его къ Петру не было болѣе.

Враждебныя отношенія между отцомъ и сыномъ вскрылись сами собою, безъ посторонняго посредства. Но не могла ли имѣть вліянія на вскрытіе этихъ отношеній семейная жизнь царевича, отношенія его къ женѣ? Впослѣдствіи, въ письмѣ къ императору Карлу VI и въ публичномъ обвиненіи сына, Петръ указывалъ и на дурное обращеніе его съ женою; но эти памятники, по своему значенію, по своимъ цѣлямъ, не могутъ насъ останавливать: для насъ самое важное, рѣшительное значеніе въ этомъ случаѣ имѣетъ письмо Петра къ сыну, гдѣ онъ выставляетъ, почему поведеніе Алексѣя не можетъ ему нравиться, почему онъ считаетъ своею обязанностію отстранить его отъ наслѣдства. Въ этомъ письмѣ о семейной жизни Алексѣя—ни слова, какъ увидимъ. Изо всего можно усмотрѣть, что поведеніе кронъ-принцессы въ Россіи не могло возбудить въ Петрѣ, въ его семействѣ и въ окружавшихъ его никакой привязанности. Какъ видно, Шарлотта, пріѣхавъ въ Россію, осталась к р о н ъ - п р и ц е с с о ю, и не употребила никакого старанія сдѣлаться женою Русскаго царевича, Русскою великою княгинею. Въ оправданіе ея можно сказать, что отъ нея этого не требовалось: ее оставили при прежнемъ Лютеранскомъ исповѣданіи; жила она въ новооснованномъ Петербургѣ, гдѣ ей трудно было познакомиться съ Россіею. Но не могла же она не видѣть, какъ было важно для сближенія съ мужемъ принять его исповѣданіе; не могло скрыться передъ нею, что онъ и окружавшіе его сильно этого желаютъ; что же касается до петербургской обстановки, то, вглядѣвшись внимательно, мы видимъ, что Дворъ не только царевича, но и самаго царя былъ чисто русскій. Кронъ-принцесса не сблизилась съ этими Дворами; она замкнула себя въ своемъ Дворѣ, который весь, за исключеніемъ одного русскаго имени, былъ составленъ изъ иностранцевъ [1]). Мы не станемъ возражать противъ отзыва царевича Алексѣя о кронъ-принцессѣ, что она была „человѣкъ добрый"; но мы видимъ, что она отнеслась къ Россіи и ко всему русскому съ нѣмецкимъ національнымъ узкимъ взглядомъ, не хотѣла быть Русскою, не хотѣла сближаться съ Русскими, не хотѣла, не могла преодолѣть труда, необходимаго для иностранки при подобномъ сближеніи; гораздо легче, покойнѣе было оставаться при своемъ, со своими. Но отчужденіе такъ близко граничитъ съ враждою; можно дога-

---

[1]) Москов. Архивъ. Мин. Ин. Д. Дѣла историческія. Изъ 18 придворныхъ одинъ Бестужевъ—Русскій.

дываться, что окружавшіе кронъ-принцессу иностранцы не говорили съ уваженіемъ и любовію о Россіи и Русскихъ: иначе кронъ-принцессѣ пришла бы охота сблизиться съ страною и народомъ, достойными уваженія и любви. Какъ у мужа не было охоты къ отцовской дѣятельности: такъ у жены не было охоты стать Русскою и дѣйствовать въ интересахъ Россіи и царскаго семейства, употребляя свое вліяніе на мужа. Петру не могло нравиться это отчужденіе невѣстки и недостатокъ вліянія ея на мужа, тогда какъ на это вліяніе онъ долженъ былъ сильно разсчитывать. Онъ имѣлъ право надѣяться, что сильная привязанность и сильная воля жены будутъ могущественно содѣйствовать воспитанію еще молодаго человѣка, отученію его отъ тѣхъ взглядовъ и привычекъ, которые отталкивали его отъ отцовской дѣятельности. Онъ могъ думать, что сынъ женится — перемѣнится, и ошибся въ своихъ разсчетахъ: невѣстка отказалась помогать ему и Россіи; мужъ и жена были похожи другъ на друга—косностію природы; энергія, наступательное движеніе противъ препятствій были чужды обоимъ; природа обоихъ требовала бѣжать, запираться отъ всякаго труда, отъ всякаго усилія, отъ всякой борьбы. Этого бѣгства другъ отъ друга было достаточно для того, чтобъ бракъ былъ нравственно безплоденъ. Камердинеръ царевича разсказывалъ любопытный случай изъ семейной жизни Алексѣя: „Царевичъ былъ въ гостяхъ, пріѣхалъ домой хмеленъ, ходилъ къ кронъ-принцессѣ, а оттуда къ себѣ пришелъ, взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: „Вотъ-де Гаврило Ивановичъ (Головкинъ) съ дѣтьми своими жену мнѣ чертовку навязали; какъ-де къ ней ни приду, все-де сердитуетъ и не хочетъ со мною говорить; развѣ-де я умру, то ему (Головкину) не заплачу. А сыну его, Александру—головѣ его быть на колѣ и Трубецкаго: они-де къ батюшку писали, чтобъ на ней жениться“.—Я ему молвилъ: „Царевичъ-государь, изволишь сердито говорить и кричать; кто услышитъ и пронесутъ имъ; будетъ имъ печально и къ тебѣ ѣздить не станутъ и другіе, не токмо они“. Онъ мнѣ молвилъ: „Я плюну на нихъ, здорова бы мнѣ была чернь. Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи—приходскимъ священникамъ, а священники—прихожанамъ; тогда они и нехотя меня владѣтелемъ учинятъ“.—Я стою молчу. Онъ мнѣ говоритъ: „Что ты молчишь и задумался“? Я молвилъ: „Что мнѣ, государь, говорить“?—Посмотрѣлъ на меня долго и пошелъ молиться въ крестову. Я пошелъ къ себѣ. Поутру призвалъ меня и сталъ мнѣ говорить ласково и спрашивалъ: „Не досадилъ ли вчерась кому“? Я сказалъ „нѣтъ“. — „Инъ не говорилъ ли я пьяный чего“? Я ему сказалъ, что говорилъ что̀ писано выше. И онъ мнѣ молвилъ: „Кто пьянъ не живетъ?—у пьянаго всегда много лишнихъ словъ. Я по-истинѣ себя очень зазираю, что я пьяный много сердитую и напрасныхъ словъ много говорю, а послѣ о семъ очень тужу. Я тебѣ говорю, чтобъ этихъ словъ напрасныхъ не сказывать. А буде ты скажешь, вѣдь-де тебѣ не повѣрятъ; я запрусь, а тебя станутъ пытать“.—Самъ говорилъ, а самъ смѣялся“ [1]). Кронъ-принцессѣ тѣмъ легче было удалиться отъ мужа и отъ всѣхъ Русскихъ, что съ нею пріѣхала въ Россію ея родственница и другъ, принцесса Юліана-Луиза Остъ-Фрисландская, которая, какъ говорятъ, вмѣсто того, чтобъ стараться о сближеніи между мужемъ и женою, только усиливала разладъ [2]). Подобные друзья бываютъ ревнивы: не любятъ, чтобъ другъ ихъ имѣлъ, кромѣ ихъ, еще другія привязанности; но намъ не нужно предполагать положительныхъ стремленій со стороны принцессы Юліаны; довольно того, что кронъ-принцесса имѣла привязанность, которая замѣняла ей другія, имѣла въ Юліанѣ человѣка, съ которымъ могла отводить душу на чужбинѣ; а принцесса Остъ-Фрисландская, съ своей стороны, не дѣлала ничего, чтобъ заставить Шарлотту подумать о своемъ положеніи, о своихъ обязанностяхъ къ новому отечеству. Кронъ-принцесса жаловалась, что нехорошо,—и Юліана вторила ей, что нехорошо, и тѣмъ услаждали другъ друга; а какъ сдѣлать лучше,—этого придумать не могли.

Въ 1714 году у царевича разстроилось здоровье; медики присовѣтовали ему ѣхать въ Карлсбадъ; онъ написалъ объ этомъ къ отцу, и получилъ позволеніе. Кикинъ думалъ, что царевичу надобно воспользоваться этимъ случаемъ и продлить пребываніе за-границею, даже остаться тамъ для избѣжанія столкновеній съ отцомъ: „Когда вылѣчишься“, говорилъ Кикинъ Алексѣю, „напиши къ отцу, что еще на весну надобно тебѣ лѣчиться, а между тѣмъ поѣдешь въ Голландію; а потомъ, послѣ вешняго курса, можешь въ Италіи побывать, и тѣмъ отлученіе свое года два или три продолжить“. Показавши отцовское письмо канцлеру Головкину, Алексѣй взялъ у него паспортъ на имя офицера, ѣдущаго въ Германію, и объявилъ, что отправляется немедленно. Канцлеръ представлялъ ему опасности, какъ въ дорогѣ, такъ и во время пребыванія въ Карлсбадѣ, и просилъ позволенія написать прежде, кому слѣдуетъ, о безопасномъ проѣздѣ. Но онъ не только писать, никому и говорить не позволялъ, чтобъ скрыть отъ иностранныхъ министровъ, и на другой день уѣхалъ. Но царь писалъ Головкину, чтобъ тотъ принялъ мѣры предосторожности, и канцлеръ написалъ русскому министру въ Вѣну, Матвѣеву, чтобъ тотъ попросилъ императора послать въ Карлсбадъ какого-нибудь вѣрнаго человѣка, придавши ему, для большей безопасности; и солдатъ; также на возвратномъ пути дать провожатыхъ до цесарскихъ границъ; написалъ и къ сыну своему, Александру, въ Берлинъ, чтобъ Прусскій король далъ конвой; подо-

[1]) Дѣло о царевичѣ.

[2]) Büsching's Magasin t. XV.

зрительную Саксонію царевичъ долженъ былъ объѣхать“ [1]).

8 августа къ графу Матвѣеву явился чешскій канцлеръ, графъ Шликъ, и объявилъ, что императоръ приказалъ сдѣлать всѣ нужныя распоряженія для безопасности царевича, и онъ, канцлеръ, вчера отправилъ курьера къ Чешскому правительству съ великимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ выслана была въ Карлсбадъ вѣрная особа и караулъ. Канцлеръ прибавилъ, что слухи о прибытіи царевича въ Карлсбадъ стали ходить въ обществѣ по частнымъ письмамъ, а не изъ императорскаго дворца, и чтобы царскій Дворъ не приписалъ ихъ неосторожности какой-нибудь со стороны Цесаря. „Я“, писалъ Матвѣевъ, „усмотря то опасеніе и не желая, для всякихъ случаевъ, повѣрять перу, отправляю на почтѣ съ малолюдствомъ жену мою отсюда въ Карлсбадъ, подъ предлогомъ ея собственной болѣзни, чтобъ она его царскому высочеству подробно обо всемъ сама донесла, какъ слѣдуетъ ему отъ тѣхъ слуховъ всемѣрно опасаться. Я по сіе время, къ немалому удивленію, никакихъ писемъ, ни вѣдомости изъ Карлсбада отъ его высочества не получилъ, хотя подъ притворнымъ именемъ съ 31 іюля по два раза въ недѣлю посылалъ къ его высочеству письма“ [2]).

Въ Карлсбадѣ царевичъ читалъ церковныя лѣтописи Баронія и дѣлалъ изъ нихъ выписки. Нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ любопытны, показывая, какъ онъ былъ занятъ своею скрытою борьбою съ отцовскою дѣятельностію; напримѣръ; „Не цесарское дѣло вольный языкъ унимать; не іерейское дѣло, что разумѣютъ, не глаголати. Аркадій цесарь повелѣлъ еретиками звать всѣхъ, которые хотя малымъ знакомъ отъ Православія отлучаются. Валентіанъ цесарь убитъ за поврежденіе уставовъ церковныхъ и за прелюбодѣяніе. Максимъ цесарь убитъ оттого, что повѣрилъ себя женѣ. Во Франціи носили долгое платье, а короткое Карлусъ Великій заказывалъ, и похвала долгому, а короткому сопротивное. Хилперикъ Французскій король убитъ для отъему отъ церквей имѣнія. Чудо великое Іоанна Милостиваго, когда медъ (въ отбираніи злата отъ Ираклія, царя Греческаго, отъ церкви) обратился въ злато“. Тутъ же видно, какъ царевичъ былъ внимателенъ къ извѣстіямъ о папскихъ притязаніяхъ, какъ старался опровергать ихъ и указывать на извѣстія, свидѣтельствующія о неправдѣ католическихъ стремленій; напримѣръ: „Патріархъ Цареградскій Евфимій Геласія папу на судъ звалъ.—О верховности престола въ Римѣ писаніе подъ именемъ Геласія папы до епископовъ Дарданіи противно Вселенскимъ соборамъ.—Симмахъ папа сужденъ отъ своихъ архіереевъ на соборѣ, а безъ собору пріяти престола не могъ (гдѣ сіе еже надъ соборъ папа?).—Іустиніанъ будто писалъ къ папѣ, что онъ глава всѣмъ (не весьма правда, а хотя-бъ писалъ, то намъ его письмо не подтвержденіе). Симонія стара въ Римѣ.—Іоаннъ Постникъ, Цареградскій патріархъ, похуленъ, пристрастія ради, что равнялся Римскому, что есть правда, понеже Христосъ святителей всѣхъ уровнялъ.—Іоаннъ папа былъ жена, что самъ Скарга (хотя не ясно) свидѣтельствуетъ; а что онъ написалъ, что по слабому его сердцу звали женою, что все слабо дѣлалъ, и то гдѣ, что непогрѣшимъ папа?—Папа Іоаннъ Десятый и прочіе, предъ нимъ и по немъ, худы были, что не иное есть, только-что за отлученіе отъ православныя церкви благодать Божія отъяся отъ Римлянъ“ [3]).

Приходило время возвращаться въ Россію; царевичъ пишетъ къ Кикину—какъ быть? дѣлать ли такъ, какъ говорено было съ нимъ, или нѣтъ? Кикинъ отвѣчаетъ: „Тебѣ сіе дѣлать, не доложа отцу, не безопасно отъ гнѣва его; пиши къ нему и проси позволенія; а ты своего дѣла не забывай!“ Царевичъ рѣшился ѣхать въ Россію; но возвращался туда съ мрачными мыслями; однажды, подпивъ, говорилъ онъ окружающимъ: „Быть мнѣ пострижену, и будетъ я волею не постригусь, то неволею постригутъ же, и не то, чтобы нынѣ отъ отца, и послѣ его мнѣ на себя того жъ ждать, что Василья Шуйскаго, постригши, отдадутъ куда въ полонъ. Мое житье худое!“ По возвращеніи въ Петербургъ, когда увидѣлся съ Кикинымъ, тотъ спросилъ его: „Былъ ли кто у тебя отъ Двора Французскаго“!—„Никто не былъ“, отвѣчалъ царевичъ.—„Напрасно“, продолжалъ Кикинъ, „ты ни съ кѣмъ не видался отъ Французскаго Двора и туды не уѣхалъ: король человѣкъ великодушный; онъ и королей подъ своею протекціею держитъ; а тебя ему не великое дѣло продержать“. Царевичъ спросилъ его, что значатъ въ письмѣ его слова: „А ты своего дѣла не забывай“.—„Я писалъ“, отвѣчалъ Кикинъ, „чтобъ ты уѣхалъ во Францію; и явно мнѣ писать нельзя; тебѣ-бъ можно догадаться самому“ [4]).

Отправляясь въ Карлсбадъ, Алексѣй оставилъ жену свою беременною по осьмому мѣсяцу. Царь, находившійся въ отсутствіи, хотѣлъ, чтобы въ это важное время рожденія перваго ребенка у наслѣдника, при кронъ-принцессѣ были знатныя особы изъ Русскихъ; онъ, по собственному опыту, зналъ, что иногда выдумывается непріязненными людьми насчетъ рожденія царскихъ дѣтей, какъ его провозглашали подмѣненнымъ сыномъ Лефорта, а теперь еще хуже: родитъ Нѣмка иновѣрная, окруженная только своими Нѣмцами; отсутствіе его самого, царицы и царевича заставляло еще болѣе брать предосторожности, и Петръ написалъ невѣсткѣ: „Я бы не хотѣлъ васъ трудить; но отлученіе супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятельство не-

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 21.

[2]) Дѣла Австрійскія 1714 года.

[3]) Чтенія Моск. Ист. Общ. 1861 г., кн. 3.

[4]) Дѣло о царевичѣ.

обузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь. И понеже уже вездѣ прошелъ слухъ о чреватствѣ вашемъ вящше года, того ради, когда благоволитъ Богъ вамъ приспѣть къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый анштальтъ учинить, о чемъ вамъ донесетъ г. канцлеръ графъ Головкинъ, по которому извольте неотмѣнно учинить, дабы тѣмъ всѣмъ, ложь любящимъ, уста заграждены были"[1]). *Анштальтъ* состоялъ въ томъ, чтобы жена канцлера, графиня Головкина, генеральша Брюсъ и Ржевская, носившая титулъ князь-игуменьи, находились безотлучно при кронъ-принцессѣ. Послѣдняя не дала себѣ труда вникнуть въ смыслъ распоряженія, хотя это было и не очень трудно, потому что и у нихъ, на образованномъ Западѣ, рожденіе царскихъ дѣтей было окружаемо большими, непріятными для родильницы, предосторожностями. Кронъ-принцесса обидѣлась — и написала царю письмо съ упреками, въ раздраженномъ и раздражающемъ тонѣ. Въ этомъ письмѣ кронъ-принцесса показала себя однимъ изъ тѣхъ существъ, съ которыми пріятно имѣть какъ можно меньше дѣла; которыя, встрѣтивъ что-нибудь не по себѣ, безо всякаго обсужденія дѣла, сейчасъ же начинаютъ вопить о притѣсненіяхъ, о страданіяхъ; назначеніе трехъ Русскихъ женщинъ явилось въ глазахъ Шарлотты незаслуженнымъ и необычнымъ поступкомъ, который для нея чрезвычайно былъ *sensible*; въ этомъ распоряженіи она видѣла торжество *malice*, вслѣдствіе чего она должна страдать и наказываться за лжи безбожныхъ людей, тогда какъ ея *conduite* и совѣсть будутъ ея свидѣтелями и судьями на страшномъ судѣ. Для чего эти предосторожности противъ злыхъ языковъ? Царь столько разъ обѣщалъ ей свою милость, отеческую любовь и заботливость: такъ если кто осмѣлится оскорбить ее лжею и клеветою, тотъ долженъ быть наказанъ какъ великій преступникъ. Извѣстно, что никакая ложь и клевета не могутъ запятнать ея, кронъ-принцессу; однако скорбитъ душа, что завистники и преслѣдователи ея имѣютъ такую силу, что могли подвести подъ нее такую интригу. Богъ—ея единственное утѣшеніе и прибѣжище *на чужбинѣ* (!!),—услышитъ вздохи и сократитъ дни страданія существа, всѣми покинутаго. — Головкинъ и генеральша Брюсъ предложили кронъ-принцессѣ повивальную бабку: это въ глазахъ кронъ-принцессы было великою немилостію со стороны царя, нарушеніемъ брачнаго договора, въ которомъ было предоставлено ей свободное избраніе служителей; если будетъ чужая бабка, то глаза кронъ-принцессы наполнятся слезами и сердце обольется кровію. Шарлотта просила, чтобъ назначенію трехъ русскихъ дамъ былъ данъ такой видъ, какъ будто бы она сама требовала этого вслѣдствіе отсутствія царя и царевича. Просьба была исполнена. Увѣдомляя Петра о разрѣшеніи кронъ-принцессы дочерью Натальею (12 іюля), Головкинъ писалъ: „О письмѣ, государь, вашемъ никто у меня не вѣдаетъ, и разглашено здѣсь, что то учинено по ихъ прошенію"[2]). Три дамы присутствовали при рожденіи царевны, и одна изъ нихъ, Ржевская, такъ описывала Петру свое житье у кронъ-принцессы: „По указу вашему, у ея высочества кронъ-принцессы я и Брюсова жена живемъ и ни на часъ не отступаемъ, и она къ намъ милостива. И я обѣщаюсь самимъ Богомъ, ни на великіе милліоны не прельщусь и рада вамъ служить отъ сердца моего, какъ умѣю. Только отъ великихъ куплиментовъ и отъ присѣданія хвоста и отъ нѣмецкихъ яствъ глаза смутились"[3]).

Узнавъ въ Ревелѣ о разрѣшеніи кронъ-принцессы, и Петръ, и Екатерина спѣшили поздравить ее. Екатерина писала: „Свѣтлѣйшая кронъ-принцесса, дружебнолюбезная государыня невѣстка! Вашему высочеству и любви я зѣло обязана за дружебное ваше объявленіе о счастливомъ разрѣшеніи вашемъ и рожденіи принцессы дочери. Я ваше высочество и любовь всеусердно о томъ поздравляю, и желаю вамъ скораго возвращенія совершеннаго вашего здравія, и дабы новорожденная принцесса благополучно и счастливо взрость могла. Я ваше высочество и любовь обнадежить могу, что я зѣло радовалась, получа вѣдомость о вышепомянутомъ вашемъ счастливомъ разрѣшеніи; но зѣло сожалѣю, что я счастья не имѣла въ томъ времени въ Петербургѣ присутствовать. Однако-жь мы здѣсь не оставили публичнаго благодаренія Богу за счастливое ваше разрѣшеніе отдать. Я же не оставлю вашему высочеству и любви всѣ желаемые опыты нашей склонности и къ вашей особѣ имѣющей любви, при всякомъ случаѣ, оказать, въ чемъ ваше высочество и любовь прошу благоволите обнадеженны быть, такожде, что я всегда пребуду вашего высочества и любви дружебноохотная мать Екатерина"[4]).

О тонѣ письма, присланнаго Петромъ, можно судить по отвѣту кронъ-принцессы, которая называетъ это письмо очень *облигантнымъ*, наполненнымъ такими милостивыми заявленіями, которыя укрѣпили ея довѣренность; принцесса пишетъ, что такъ какъ она на этотъ разъ манкировала родить принца, то надѣется въ слѣдующій разъ быть счастливѣе[5]).

Въ слѣдующемъ, 1715 году кронъ-принцесса дѣйствительно произвела на свѣтъ сына, названнаго Петромъ; сначала все, казалось, было благополучно, но потомъ, вслѣдствіе поспѣшности встать съ постели (на четвертый день), принимать поздравленія, она почувствовала себя нехорошо, и скоро оказались такія признаки, что врачи объявили ее безнадежною[6]). Больная сама сознавала свое по-

---

[1]) Кабинетъ I, кн. № 60.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 19 и 21.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 25.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 21.
[5]) Кабинетъ II, кн. № 22.
[6]) Brevis ac sincera relatio status morbi et. c. quam producunt Sacrae Gzareae Majestatis medici ordinarii, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

ложеніе, и потому, призвавъ барона Левенвольда, объявила ему свои желанія. Они состояли въ томъ, чтобъ при дѣтяхъ ея, вмѣсто матери, оставалась принцесса Ость-Фрисландская; если же государь на это не согласится, то пусть Левенвольдъ отвезетъ принцессу самъ въ Германію; просила написать къ ея роднымъ, что она была всегда довольна расположеніемъ къ ней царя и царицы; все обѣщанное въ контрактѣ было исполнено, и сверхъ того оказано много благодѣяній. И теперь, несмотря на собственную болѣзнь, государь прислалъ къ ней князя Меншикова и всѣхъ своихъ медиковъ. Левенвольдъ долженъ былъ просить мать умирающей и сестру, императрицу, чтобъ она постаралась возстановить дружбу между царемъ и Цесаремъ, потому что отъ этого союза будетъ много пользы ея дѣтямъ [1]).

Петръ былъ дѣйствительно боленъ, несмотря на то, онъ посѣтилъ умирающую [2]). Отсутствіе царицы объяснялось тѣмъ, что она была на послѣднихъ дняхъ беременности. 22 октября кронъ-принцесса скончалась. Царевичъ былъ при ней до послѣдней минуты, три раза падалъ въ обморокъ отъ горя и былъ [3]) безутѣшенъ. Въ такія минуты сознаніе проясняется: кронъ-принцесса была „добрый человѣкъ"; если „сердитовала", отталкивала отъ себя, то не безъ причины; грѣхи были на душѣ у царевича, а онъ былъ также „добрый человѣкъ". Кронъ-принцесса скончалась; медики объяснили ходъ болѣзни. Но должны были явиться люди, которые не хотѣли ограничиться медицинскими объясненіями. Печаль свела кронъ-принцессу въ могилу: говорили они. Такъ доносилъ своему Двору Австрійскій резидентъ Плейеръ. Причины этой печали, по словамъ Плейера, заключались въ томъ, что деньги, назначенныя кронъ-принцессѣ на содержаніе, выплачивались неаккуратно, съ большимъ трудомъ, никогда не выдавали ей болѣе 500 или 600 рублей разомъ, такъ что она постоянно нуждалась и не могла платить своей прислугѣ; она и ея придворные задолжали у всѣхъ купцовъ. Кронъ-принцесса замѣчала также зависть при царскомъ Дворѣ по поводу рожденія принца; она знала, что царица тайно старалась ее преслѣдовать, и по всѣмъ этимъ причинамъ она была въ постоянной печали [4]).—Что касается тайныхъ преслѣдованій царицы, то они остались тайною для Плейера и для насъ; какъ въ 10 дней, во время болѣзни, кронъ-принцесса могла замѣтить зависть по поводу рожденія принца,—это такъ же тайна, которую резидентъ намъ не постарался вскрыть. Единственною причиною смертельнаго горя, которую Плейеръ постарался особенно уяснить, остается неаккуратная доставка денегъ, доставка малыми суммами. Мы не можемъ приписать этой одной объясненной для насъ причинѣ печаль кронъ-принцессы, сведшую ее въ могилу, хотя никакъ не станемъ утверждать, что кронъ-принцесса была очень довольна и весела въ Россіи; что она находилась въ наилучшихъ отношеніяхъ къ мужу, свекру и къ мачихѣ мужа; но мы не можемъ быть удовлетворены причинами, приводимыми господиномъ резидентомъ.

Царевичъ былъ очень печаленъ, и не одна была у него печаль о потерѣ жены. Онъ потомъ самъ разсказывалъ, что его положеніе ухудшилось, когда пошли у него дѣти; мы видѣли, что на дорогѣ изъ Карлсбада онъ уже говорилъ, что его пострегутъ и не вслѣдствіе настоящаго гнѣва отцовскаго: теперь родился и сынъ, значитъ — неспособнаго отца можно было отстранить отъ престола. Въ самомъ дѣлѣ, въ шестой день по смерти жены, въ день ея похоронъ, царевичъ получилъ отъ отца слѣдующее письмо, подписанное еще 11 октября [5]).

„Объявленіе сыну моему. Понеже всѣмъ извѣстно есть, что передъ начинаніемъ сея войны, какъ нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ Шведовъ, которые не только ограбили толь нужными отеческими пристаньми, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задернули завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ, когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководцемъ былъ и есть), о коль великое гоненіе отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискусства въ войнѣ, претерпѣли, и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дондеже достойной степени, вышереченнаго Руководца помощію, дошли! И тако сподобилися видѣть, что оный непріятель, отъ котораго трепетали, едва не въ вящшее отъ насъ нынѣ трепещетъ. Что все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и прочихъ истинныхъ сыновъ россійскихъ равноревностныхъ трудами достижено. Егда же сію Богомъ данную нашему отечеству радость разсмотряя, обозрюся на линію наслѣдства, едва не равная радости горесть меня снѣдаетъ, видя тебя наслѣдника весьма на правленіе дѣлъ государственныхъ непотребнаго (ибо Богъ не есть виновенъ, ибо разума тебя не лишилъ, ниже крѣпость тѣлесную весьма отнялъ; ибо хотя не весьма крѣпкой природы, обаче и не весьма слабой); паче же всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать хощешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ по-

---

[1]) Реляція Левенвольда царю, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ.

[2]) Донесеніе цесарскаго резидента Плейра, въ прилож. къ книгѣ Устрялова.

[3]) Донесеніе цесарскаго резидента Плейра, въ прилож. къ книгѣ Устрялова.

[4]) Донесеніе цесарскаго резидента Плейра, въ прилож. къ книгѣ Устрялова.

[5]) Дѣло о царевичѣ. Почему письмо не отдано было раньше? Потому что Петръ былъ боленъ. Эта причина, намъ извѣстная, уничтожаетъ всякую нужду въ догадкахъ. Если бы мы не знали о болѣзни, то позволительно было бы одно объясненіе: естественно любятъ откладывать тяжелыя дѣла, рѣшительные шаги. Одинъ поступокъ человѣка объясняется другимъ; послѣ Петръ отложилъ же рѣшеніе дѣла, далъ сыну долгій срокъ на размышленіе. Если бы онъ хотѣлъ только поскорѣе отдѣлаться отъ сына, то постригъ бы его немедленно до отъѣзда своего за границу.

читаютъ. Я не научаю, чтобъ охочь былъ воевать безъ законныя причины, но любить сіе дѣло и всею возможностію снабдѣвать и учить; ибо сія есть едина изъ двухъ необходимыхъ дѣлъ къ правленію, еже распорядокъ и оборона. Не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равновѣрныхъ намъ Грековъ; не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили, и единымъ миролюбіемъ побѣждены, и, желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ некончаемую работу тиранамъ отдалъ? Аще кладешь въ умѣ своемъ, что могутъ то генералы по повелѣнію управлять,—то сіе воистину не есть резонъ, ибо всякъ смотритъ начальника, дабы его охотѣ послѣдовать, что очевидно есть: ибо, во дни владѣнія брата моего, не всѣ ли паче прочаго любили платье и лошадей, а нынѣ оружіе? хотя кому до обоихъ дѣлъ нѣтъ; и до чего охотникъ начальствуяй, до того и всѣ, а отъ чего отвращается, отъ того—всѣ. И аще сіи легкія забавы, которыя только веселятъ человѣка, такъ скоро покидаютъ, колми же паче сію зѣло тяжкую забаву (сирѣчь оружіе) оставятъ! Къ тому же, не имѣя охоты, ни въ чемъ обучаешься и такъ не знаешь дѣлъ воинскихъ. Аще же не знаешь, то како повелѣвать оными можеши и какъ доброму доброе воздать и нерадиваго наказать, не зная силы въ ихъ дѣлѣ? Но принужденъ будешь, какъ птица молодая, въ ротъ смотрѣть. Слабостію ли здоровья отговариваешься, что воинскихъ трудовъ понести не можешь? Но и сіе не резонъ: ибо не трудовъ, но охоты желаю, которую никакая болѣзнь отлучить не можетъ. Спроси всѣхъ, которые помнятъ вышепомянутаго брата моего, который тебя несравненно болѣзненнѣе былъ и не могъ ѣздить на досужихъ лошадяхъ; но, имѣя великую къ нимъ охоту, непрестанно смотрѣлъ и передъ очми имѣлъ, чего для никогда бывало, ниже нынѣ есть такая здѣсь конюшня. Видишь, не все трудами великими, но охотою. Думаешь ли, что многіе не ходятъ сами на войну, а дѣла правятся! Правда, хотя не ходятъ, но охоту имѣютъ, какъ и умершій король Французскій, который не много на войнѣ самъ бывалъ, но какую охоту великую имѣлъ къ тому и какія славныя дѣла показалъ въ войнѣ, что его войну театромъ и школою свѣта называли, и не точію къ одной войнѣ, но и къ прочимъ дѣламъ и мануфактурамъ, чѣмъ свое государство паче всѣхъ прославилъ. Сіе все представя, обращуся паки на первое, о тебѣ разсуждая: ибо я есмь человѣкъ и смерти подлежу, то кому вышеписанное, съ помощію Вышняго насажденіе и уже нѣкоторое и возращенное оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю (сирѣчь все, что Богъ далъ, бросилъ). Еще жь и сіе воспомяну, какова злаго нрава и упрямаго ты исполненъ! Ибо сколь много за сіе тебя бранивалъ, и не точію бранилъ, но и бивалъ, къ тому жъ сколько лѣтъ почитай не говорю съ тобою; но ничто сіе успѣло, ничто пользуетъ, но все даромъ, все на сторону, и ничего дѣлать не хочешь, только-бъ дома жить и имъ веселиться, хотя отъ другой половины и все противно идетъ. Однакожъ всего лучше, всего дороже! Безумный радуется своею бѣдою, не вѣдая что̀ можетъ отъ того слѣдовать (истину Павелъ святой пишетъ: како той можетъ церковь Божію управить, иже о домѣ своемъ не радитъ) не точію тебѣ, но и всему государству. Что все я съ горестію размышляя и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же ни, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный, и не мни себѣ, что ты одинъ ты у меня сынъ, и что я сіе только въ устрастку пишу: воистину (Богу изволшу) исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то како могу тебя непотребнаго пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, неже свой непотребный!“

Письмо было написано до рожденія внука, а теперь, на другой день послѣ отдачи письма, царица родила и сына, царевича Петра, Алексѣй долженъ былъ помнить слова Куракина: „Покамѣсть у мачихи сына нѣтъ, то къ тебѣ добра; и какъ у ней сынъ будетъ, не такова будетъ“. Близкіе люди разсказывали, что когда царевичъ Петръ родился, то Алексѣй много дней былъ печаленъ [1]); но они позабыли или не знали о полученномъ письмѣ отъ отца, что̀ совпало съ рожденіемъ брата; причина печали могла быть двойная. Что отвѣчать отцу?—просить прощенія въ томъ, что заслужилъ гнѣвъ, обѣщать исправленіе:—потребуетъ не словъ, а дѣла, опять начнетъ мучить, посылать къ войску и Богъ знаетъ куда, и какъ ему угодить, и для чего угождать? У мачихи сынъ,—теперь будетъ недобра; лучше отказаться отъ наслѣдства и жить въ покоѣ, а тамъ что Богъ дастъ. Но царевичъ рѣшился на это не безъ совѣта съ близкими людьми. Такими были старый учитель Никифоръ Вяземскій, Александръ Кикинъ. И Вяземскій и Кикинъ совѣтовали отказаться отъ наслѣдства. Кикинъ говорилъ: „Тебѣ покой будетъ, какъ ты отъ всего отстанешь, лишь бы такъ сдѣлали; я вѣдаю, что тебѣ не снести за слабостію своею; а напрасно ты не отъѣхалъ, да ужъ того взять негдѣ“. Вяземскій говорилъ: „Воленъ Богъ да корона [2]); лишь бы покой былъ“. Рѣшившись отвѣчать отцу въ этомъ смыслѣ, царевичъ поѣхалъ къ графу Ѳедору Матвѣевичу Апраксину и къ князю Василью Владиміровичу Долгорукому съ просьбою, чтобъ въ разговорѣ съ Петромъ уговаривали его лишить старшаго сына наслѣдства и отпустить на житье въ деревню, гдѣ бы могъ жизнь кончить. Эта поѣздка и просьба показываютъ, что Алексѣй боялся чего-нибудь худшаго; и Кикинъ опасался того же, говоря: „Лишь

[1]) Дѣло о царевичѣ.

[2]) Т.-е. государство. Всѣ эти образованные люди перваго направленія преобразовательной эпохи употребляли польскія слова.

бы такъ сдѣлали" Алексѣй отвѣчалъ: „Если отецъ станетъ со мною говорить, я приговаривать готовъ". Князь Василій говорилъ то же, но прибавилъ: „Давай писемъ хоть тысячу, еще когда-то что будетъ! старая пословица: Улита ѣдетъ, коли-то будетъ; это не запись съ неустойкою, какъ мы прежъ сего межъ себя давывали" [1]).

Царевичъ черезъ три дня подалъ отцу письмо: „Милостивѣйшій государь-батюшка! Сего октября въ 27 день 1715 года, по погребеніи жены моей, отданное мнѣ отъ тебя, государя, вычелъ, на что иного донести не имѣю, только, буде изволишь, за мою непотребность, меня наслѣдія лишить короны Россійской, буди по воли вашей. О чемъ и я васъ, государя, всенижайше прошу, понеже вижу себя къ сему дѣлу неудобна и непотребна, также памяти весьма лишенъ (безъ чего ничего возможно дѣлать), и всѣми силами умными и тѣлесными (отъ различныхъ болѣзней) ослабѣлъ и непотребенъ сталъ къ толикаго народа правленію, гдѣ требуетъ человѣка не такого гнилаго, какъ я. Того ради наслѣдія (дай Боже вамъ многолѣтное здравіе)! Россійскаго по васъ (хотя бы и брата у меня не было, а нынѣ, слава Богу, братъ у меня есть, которому дай Боже здоровье) не претендую и впредь претендовать не буду, въ чемъ Бога свидѣтеля полагаю на душу мою, и, ради истиннаго свидѣтельства, сіе пишу своею рукою. Дѣтей моихъ вручаю въ волю вашу; себѣ же прошу до смерти пропитанія. Сіе все предавъ въ ваше разсужденіе и волю милостивую, всенижайшій рабъ и сынъ Алексѣй".

Послѣ отдачи письма пріѣхалъ къ царевичу князь Василій Владиміровичъ Долгорукій и царскимъ именемъ потребовалъ, чтобъ Алексѣй показалъ ему отцовское письмо; по прочтеніи письма, князь Василій сказалъ: „Я съ отцомъ твоимъ говорилъ о тебѣ; чаю, тебя лишитъ наслѣдства, и письмомъ твоимъ, кажется, доволенъ. Я тебя у отца съ плахи снялъ. Теперь ты радуйся, дѣла тебѣ ни до чего не будетъ". Петръ, по словамъ Долгорукаго, былъ доволенъ письмомъ сына, и въ то же время князь Василій хвалился, что снялъ Алексѣя съ плахи. Въ дѣйствительности Петръ былъ очень недоволенъ письмомъ сына. Царь своимъ письмомъ хотѣлъ рѣшительно объясниться съ сыномъ, высказать ему ясно, чего онъ отъ него хочетъ; показать, что его требованія не заключаютъ въ себѣ ничего труднаго, невозможнаго; хотѣлъ пригрозить отлученіемъ отъ наслѣдства; ждалъ раскаянія, объясненій со стороны сына, которыя бы могли вести къ новымъ объясненіямъ съ его стороны, вести къ улаженію дѣла:—и вмѣсто того получаетъ въ короткихъ словахъ отказъ отъ наслѣдства. Надобно исполнить угрозу, лишить наслѣдства: дѣло въ высшей степени непріятное и трудное. Петръ былъ очень раздраженъ и, какъ видно изъ словъ Долгорукаго, въ сердцахъ дѣлалъ сильныя выходки противъ сына: „Я тебя у отца съ плахи снялъ", говорилъ князь Василій. Мѣсяцъ не отвѣчалъ ничего Петръ сыну, а черезъ мѣсяцъ опасно заболѣлъ. Какъ обыкновенно бывало, горе, раздраженіе приготовляли Петру болѣзненный припадокъ, а какая-нибудь неосторожность была поводомъ; такъ и настоящій болѣзненный припадокъ, вѣроятно, былъ приготовленъ неудавшимся объясненіемъ съ сыномъ, а именинный пиръ у адмирала Апраксина—послѣднею каплею, переполнившею сосудъ. Болѣзнь была такъ опасна, что министры и сенаторы ночевали въ царскихъ покояхъ. 2 декабря Петръ пріобщился Св. Таинъ, послѣ чего сталъ поправляться. Во время этой болѣзни Кикинъ говорилъ царевичу: „Отецъ твой не боленъ тяжко, и онъ исповѣдывается и причащается, нарочно являя людямъ, что онъ гораздо бы боленъ, а все притворъ; а что причащается,—у него законъ на свою стать". Какой смыслъ этихъ странныхъ словъ? Зачѣмъ было Петру, по мнѣнію Кикина, притворяться тяжело больнымъ? Не думалъ ли Кикинъ, что Петръ притворялся тяжело больнымъ съ цѣлію вывѣдать расположеніе царевича: какъ онъ будетъ вести себя въ такую важную минуту, и выкажутся ли люди, расположенные къ царевичу, какъ выскажется народъ относительно престолонаслѣдія?

Въ Рождество Христово Петръ вышелъ въ первый разъ изъ дому въ церковь; его нашли лучше, чѣмъ ожидали, но все же блѣднымъ, упалымъ [2]). 19 января 1716 года Петръ написалъ сыну другое письмо, послѣднее напоминаніе еще: „Понеже, за своею болѣзнію, доселѣ не могъ резолюцію дать, нынѣ же на оное отвѣтствую: письмо твое на первое письмо мое я вычелъ, въ которомъ только о наслѣдствѣ вспоминаешь и кладешь на волю мою то, что́ всегда и безъ того у меня. А для чего того не изъявилъ отвѣту, какъ въ моемъ письмѣ? ибо тамъ о вольной негодности и неохотѣ къ дѣлу написано много болѣе, нежели о слабости тѣлесной, которую ты только одну воспоминаешь. Также, что я за то нѣсколько лѣтъ недоволенъ тобою, то все тутъ пренебрежено и не упомянуто, хотя и жестоко написано. Того ради разсуждаю, что не зѣло смотришь на отцово прещеніе, что подвигло меня сіе остатнее писать; ибо когда нынѣ не боишься, то какъ по мнѣ станешь завѣтъ хранить? Что же приносишь клятву, тому вѣрить невозможно для вышеписаннаго жестокосердія. Къ томужъ и Давидово слово: всякъ человѣкъ ложь. Такожь хотя-бъ и истинно хотѣлъ хранить, то возмогутъ тебя склонить и принудить большія бороды, которыя, ради тунеядства своего, нынѣ же не въ авантажѣ обрѣтаются, къ которымъ ты и нынѣ склоненъ зѣло. Къ тому же чѣмъ воздаешь рожденіе отцу своему? Помогаешь ли въ такихъ моихъ несносныхъ печаляхъ и трудахъ, достигши такого совершеннаго возраста? Ей, николи! Что всѣмъ извѣстно есть, но паче ненавидишь дѣлъ

[1]) Дѣло о царевичѣ.

[2]) Донесенія голландскихъ резидентовъ.

моихъ, которыя я для людей народа своего, не жалѣя здоровья своего, дѣлаю, и конечно по мнѣ разорителемъ оныхъ будешь. Того ради такъ остаться, какъ желаешь быть, ни рыбою, ни мясомъ—невозможно; но или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ: ибо безъ сего духъ мой спокоенъ быть не можетъ, а особливо, что нынѣ мало здоровъ сталъ. На что, по полученіи сего, дай немедленно отвѣтъ или на письмѣ, или самому мнѣ на словахъ резолюцію. А буде того не учинишь, то я съ тобой какъ съ злодѣемъ поступлю. Петръ" [1]).

Царевичъ опять совѣтуется съ Кикинымъ и Вяземскимъ. Кикинъ, придумывая разныя средства какъ бы скрыть Алексѣя отъ гнѣва отцовскаго, уже и прежде останавливался на монастырѣ, какъ на безопасномъ убѣжищѣ до поры-до-времени, а когда придетъ это время,—можно и разстричься. Это Кикинъ выражалъ такъ: „Вѣдь клобукъ не прибитъ къ головѣ гвоздемъ, можно его и снять". И теперь онъ совѣтуетъ, что надобно исполнить отцовское требованіе: „Теперь такъ хорошо", говоритъ онъ, „а впредь что будетъ—кто вѣдаетъ"? Вяземскій говорилъ: „Когда иной дороги нѣтъ, то идти въ монастырь; да пошли по отца духовнаго и скажи ему, что ты принужденъ идти въ монастырь, чтобъ онъ вѣдалъ; онъ можетъ сказать и архіерею Рязанскому о семъ, чтобы про тебя не думали, что ты за какую вину постриженъ". Совѣтъ Вяземскаго былъ исполненъ относительно духовника, петербургскаго протопопа Георгія; но Стефану Яворскому сообщено не было.

На другой же день, 20 января, Петръ получилъ отвѣтъ отъ сына: „Милостивѣйшій государь-батюшка! Письмо ваше я получилъ, на которое больше писать за болѣзнію своею не могу. Желаю монашескаго чина и прошу о семъ милостиваго позволенія. Рабъ вашъ и непотребный сынъ Алексѣй".

И послѣднее средство не подѣйствовало! монастырь не испугалъ! Сынъ торжествовалъ надъ отцомъ. Петру оставалось или исполнить угрозу, постричь сына, чего ему вовсе не хотѣлось; или уступить, откладывать тяжкое дѣло. Петръ естественно выбралъ послѣднее. Сынъ готовился въ монастырь. У него была любовница Афросинья Ѳедорова, крѣпостная Никифора Вяземскаго. Царевичъ, будучи боленъ въ это время, далъ ей два письма,—одно къ старому духовнику Якову, другое къ Ивану Кикину, говоря: „Когда я умру, отдай тѣ письма, они тебѣ денегъ дадутъ". Въ письмахъ говорилось, что царевичъ идетъ въ монастырь по принужденію, и чтобъ протопопъ и Кикинъ дали вручительницѣ извѣстную сумму изъ хранившихся у нихъ царевичевыхъ денегъ. Сынъ сбирался въ монастырь, отецъ сбирался за-границу въ долгій походъ. Передъ отъѣздомъ Петръ пришелъ къ больному сыну проститься и спросилъ о резолюціи на извѣстное дѣло; царевичъ отвѣчалъ, что не можетъ быть наслѣдникомъ по слабости и желаетъ въ монастырь „Одумайся, не спѣши", говорилъ ему отецъ; „напиши мнѣ потомъ, какую возьмешь резолюцію".

Слава Богу, уѣхалъ безъ резолюціи! Дѣло отложилось въ даль, а тамъ что Богъ дастъ! Кикинъ ѣдетъ въ Карлсбадъ провожать царевну Марью Алексѣевну и говоритъ царевичу: „Я тебѣ мѣсто какое-нибудь сыщу". Можно ждать, что напишетъ Кикинъ, какое сыщетъ мѣсто; отецъ живетъ за-границею и не торопитъ. 18 іюня 1716 г. умерла тетка Алексѣя, царевна Наталья Алексѣевна, имѣвшая важное значеніе въ жизни царевича: послѣ заточенія матери, онъ перешелъ къ ней на руки; ей приписывали и размолвку Петра съ первою женою; она внимательно слѣдила, чтобъ Алексѣй не сносился съ матерью, и доносила брату. Разумѣется, что Лопухины ненавидѣли ее за это Когда царевна умерла, то одинъ изъ приближенныхъ къ царевичу сказалъ ему: „Вѣдаешь ли ты, что все на тебя худое было отъ нея?—я слышалъ отъ Аврама (Лопухина)" [2]). Но изъ другихъ угловъ были другія вѣсти. Голландскій резидентъ Деби доносилъ своему правительству: „Особы знатныя и достойныя вѣры говорили мнѣ, что покойная великая княжна Наталія, умирая, сказала царевичу Алексѣю: „Пока я была жива, я удерживала брата отъ враждебныхъ намѣреній противъ тебя; но теперь умираю,—и время тебѣ самому о себѣ промыслить; лучше всего при первомъ случаѣ отдайся подъ покровительство императора" [3]).

И Кикинъ давно толковалъ о бѣгствѣ за-границу; но какъ это сдѣлать? Былъ случай во время поѣздки въ Карлсбадъ, но пропущенъ; теперь подъ какимъ предлогомъ выѣхать изъ Россіи?

Самъ отецъ даетъ возможность выѣхать. 26 августа онъ пишетъ сыну изъ Копенгагена: „Мой сынъ! Письма твои два получилъ, въ которыхъ только о здоровьи пишешь; чего для симъ письмомъ вамъ напоминаю. Понеже когда прощался я съ тобою и спрашивалъ тебя о резолюціи твоей на извѣстное дѣло, на что ты всегда одно говорилъ, что къ наслѣдству быть не можешь за слабостію своею и что въ монастырь удобнѣе желаешь; но я тогда тебѣ говорилъ, чтобъ еще ты подумалъ о томъ гораздо и писалъ ко мнѣ, какую возьмешь резолюцію, чего ждалъ семь мѣсяцевъ; но по ся поры ничего о томъ не пишешь. Того для нынѣ (понеже время довольно на размышленіе имѣлъ), по полученіи сего письма, немедленно резолюцію возьми, или первое, или другое. И буде первое возьмешь, то болѣе недѣли не мѣшкай, поѣзжай сюда, ибо еще можешь къ дѣйствамъ поспѣть. Буде же другое возьмешь, то отпиши куды, и въ которое время и день (дабы я покой имѣлъ въ моей совѣсти, чего отъ тебя ожидать могу). А сего

[1]) Дѣло о царевичѣ.

[2]) Дѣло о царевичѣ.

[3]) Донесеніе голландскихъ резидентовъ.

доносителя пришли съ окончаніемъ: буде по первому, то когда выѣдешь изъ Петербурга; буде же другое, то когда совершишь. О чемъ паки подтверждаемъ, чтобы сіе конечно учинено было, ибо я вижу, что только время проводишь въ обыкновенномъ своемъ неплодіи"[1]).

Медлить нельзя было болѣе; самъ отецъ отворилъ дорогу изъ Россіи. Царевичъ былъ на своей мызѣ, когда получилъ отцовское письмо; онъ немедленно поѣхалъ въ Петербургъ и объявилъ Меншикову о резолюціи своей ѣхать въ походъ, по указу государя, и что поѣдетъ прежде даннаго срока: „Когда приду проститься съ братцемъ и сестрицами, тогда тотчасъ и поѣду", говорилъ Алексѣй свѣтлѣйшему князю[2]). Камердинеру своему, Ивану Большому Аѳанасьеву, царевичъ велѣлъ приготовляться въ дорогу, какъ ѣздили прежде въ нѣмецкіе края, а самъ сталъ плакать: „Какъ мнѣ оставить Афросинью и гдѣ ей быть? Не скажешь ли кому, что я буду говорить"? спросилъ царевичъ Аѳанасьева, и когда тотъ обѣщался молчать, Алексѣй началъ: „Я Афросинью съ собою беру до Риги. Я не къ батюшкѣ поѣду; поѣду я къ Цесарю или въ Римъ". Аѳанасьевъ сказалъ на это: „Воля твоя, государь, только я тебѣ не совѣтникъ".— „Для чего"? спросилъ царевичъ.— „Того ради", отвѣчалъ Аѳанасьевъ: „когда это тебѣ удастся, то хорошо; а когда не удастся, тогда ты же на меня будешь гнѣваться".— „Однако ты молчи про это, никому не сказывай"! говорилъ царевичъ, „только у меня про это ты знаешь да Кикинъ; онъ для меня въ Вѣну провѣдывать поѣхалъ, гдѣ мнѣ лучше быть. Жаль мнѣ, что я съ нимъ не увижусь: авось на дорогѣ увижусь". Царевичъ проговорился и другому изъ своихъ домашнихъ, Ѳедору Дубровскому. „Ѣдешь ли къ отцу, поѣзжай для Бога"! говорилъ ему Дубровскій". „Я поѣду, Богъ знаетъ, къ нему, или въ другую сторону", отвѣчалъ Алексѣй. Дубровскій сказалъ на это: „Многіе ваши братья бѣгствомъ спасалися; я чаю, тебя сродники не оставятъ". Тутъ Дубровскій сталъ просить у царевича денегъ 500 рублей для отсылки матери въ Суздаль; Алексѣй далъ деньги. Дубровскій вспомнилъ и о дядѣ царевича по матери, Аврамѣ Лопухинѣ: „Чаю, отецъ Аврама, дядю твоего, распытаетъ". Царевичъ сказалъ на это: „За что, когда онъ не вѣдаетъ? Когда уже подлинно будете извѣстны, что я отлучился, въ то время можешь и Авраму сказать, буде хочешь; а нынѣ не сказывай никому!" Передъ отъѣздомъ царевичъ заѣхалъ въ Сенатъ, чтобъ проститься съ сенаторами; при этомъ онъ сказалъ на ухо князю Якову Долгорукому: „Пожалуй, меня не оставь"!— „Всегда радъ", отвѣчалъ Долгорукій, „только больше не говори: другіе смотрятъ на насъ". Сенатъ выдалъ царевичу на дорогу 2,000 рублей, да князь Меншиковъ тысячу червонныхъ.

26 сентября 1716 года Алексѣй выѣхалъ изъ Петербурга на Ригу; съ нимъ были: Афросинья, братъ ея, Иванъ Ѳедоровъ, и трое слугъ. Царевичу было мало тѣхъ денегъ, какія онъ получилъ въ Петербургѣ на дорогу въ Копенгагенъ, и потому въ Ригѣ онъ занялъ у оберъ-коммисара Исаева 5,000 червонныхъ и 2,000 мелкими деньгами.

Изъ Риги Алексѣй отправился на Либаву; не доѣзжая четырехъ миль до этого города, онъ встрѣтилъ тетку свою, царевну Марью Алексѣевну, которая возвращалась съ Карлсбадскихъ водъ Царевичъ остановился, сѣлъ въ карету къ теткѣ и имѣлъ съ нею любопытный разговоръ. „Ѣду къ батюшкѣ", объявилъ царевичъ теткѣ. — „Хорошо", отвѣчала царевна: „надобно отцу угождать, то и Богу пріятно; что-бъ прибыли было, когда-бъ ты въ монастырь пошелъ"?— „Ужь не знаю", сказалъ царевичъ, „буду угоденъ или нѣтъ; ужь я себя чуть знаю отъ горести, я бы радъ куды скрыться". При этихъ словахъ онъ заплакалъ. „Куды тебѣ отъ отца уйтить? вездѣ тебя найдутъ", сказала тетка. Царевичъ остановился и не сказалъ ни слова о дѣлѣ, которое лежало у него на сердцѣ. Тутъ царевна начала говорить о своемъ дѣлѣ, которое лежало у нея на сердцѣ. Дочь Милославской, она осторожнымъ поведеніемъ своимъ умѣла до сихъ поръ предохранить себя отъ братней опалы, умѣла скрывать свои чувства; но тутъ не считала нужнымъ скрывать; она не могла переносить новой женитьбы брата, считала первый бракъ единственно честнымъ и законнымъ; стояла за Евдокію, какъ, наоборотъ, дочь Нарышкиной, царевна Наталья, была противъ Евдокіи. Царевна Марья естественно была за Алексѣя; но ее оскорбляло въ немъ равнодушіе къ матери, эгоизмъ, постыдная трусость, какія онъ обнаруживалъ въ этомъ случаѣ. Тетка была мужественнѣе племянника, она стала упрекать Алексѣя: „Забылъ ты мать, не пишешь и не посылаешь къ ней ничего. Послалъ ли ты послѣ того, какъ чрезъ меня была посылка"?— „Послалъ", отвѣчалъ царевичъ, имѣя въ виду 500 рублей, отданные Дубровскому. Царевна принудила племянника написать матери маленькое письмецо.— „Я писать опасаюсь", говорилъ Алексѣй. — „А что"? возражала царевна, „хотя-бъ тебѣ и пострадать, такъ бы нѣтъ ничего: вѣдь за мать, не за иного кого".— „Что въ томъ прибыли", говорилъ Алексѣй, „что мнѣ бѣда будетъ, а ей пользы изъ того не будетъ ничего". Въ этихъ словахъ высказался весь человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые способны приводить резоны, что ни для кого нѣтъ пользы отъ исполненія обязанности, тогда какъ другіе, сильные нравственно люди исполняютъ обязанность, не думая, считая безчестнымъ ставить вопросъ: будетъ ли отъ этого какая кому польза.— „Жива матушка или нѣтъ"?—спросилъ нѣжный сынъ.— „Жива", отвѣчала тетка, „и было откровеніе ей самой и инымъ, что отецъ твой возьметъ ее къ себѣ, и дѣти будутъ, а такимъ образомъ:

[1]) Дѣло о царевичѣ.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 28.

отецъ твой будетъ боленъ и во время болѣзни его будетъ нѣкакое смятеніе, и прійдетъ отецъ въ Троицкій монастырь на Сергіеву память, и тутъ мать твоя будетъ же, и отецъ исцѣлѣетъ отъ болѣзни, и возьметъ ее къ себѣ, и смятеніе утишится. И Петербургъ не устоитъ за нами: быть ему пусту; многіе о семъ говорятъ". Отъ Евдокіи разговоръ перешелъ естественно къ Екатеринѣ: „У насъ", говорила царевна, „осуждаютъ отца твоего, что онъ мясо ѣстъ въ посты; то нѣтъ ничего; то пуще, что онъ мать твою покинулъ. У насъ архіереи дураки: это ни во что ставятъ и поминаютъ эту царицу особливо; Іовъ Новгородскій, труся, сіе дѣлаетъ; иноземцы (т. е. Малороссіяне) знаютъ лучше божественное писаніе: Дмитрій да Ефремъ и Рязанскій, также и князь Ѳедоръ Юрьевичъ (Ромодановскій), при объявленіи царицы (т. е когда Екатерина была объявлена царицею), не благо сіе приняли; къ тебѣ они склонны". Когда и прежде, царевичъ начиналъ хвалиться добрымъ расположеніемъ къ себѣ царицы Екатерины, то царевна Марья возражала: „Что хвалишься?—вѣдь она не родная мать, гдѣ ей такъ тебѣ добра хотѣть"?

„Повидайся съ Кикинымъ; онъ желаетъ тебя видѣть", сказала, между прочимъ, царевна племяннику. Это свиданіе было въ Либавѣ. „Нашелъ ли ты мнѣ мѣсто какое"? спросилъ царевичъ Кикина.—„Нашелъ, поѣзжай въ Вѣну къ Цесарю: тамъ не выдадутъ. Сказывалъ мнѣ Веселовскій, что его спрашиваютъ при Дворѣ, за что тебя лишаютъ наслѣдства. И я ему сказалъ: вѣдаешь ты самъ, что его не любятъ, и чаю для того больше, а не для чего иного. И какъ я увѣрился, что онъ, Веселовскій, въ отечество не намѣренъ возвратиться, того ради сталъ я съ нимъ говорить смѣлѣе, и спросилъ его про тебя: какъ онъ сюда пріѣдетъ, примутъ ли его? И онъ мнѣ сказалъ: я поговорю съ вице-канцлеромъ Шенборномъ,—онъ ко мнѣ добръ. И по нѣсколькомъ времени сказалъ, что онъ съ Шенборномъ говорилъ, и онъ Цесаря спрашивалъ въ разговорѣ, и Цесарь говорилъ, что онъ приметъ его какъ своего сына, и чаю дастъ тысячи по три гульденовъ на мѣсяцъ". Царевичъ спросилъ Кикина: „Зачѣмъ ты въ Вѣну ѣздилъ, для меня или для чего иного"?—„Мнѣ", отвѣчалъ Кикинъ, „иного дѣла не было, кромѣ тебя. А спросился я у царевны Марьи Алексѣевны побывать въ Вѣнѣ для своихъ нуждъ; и она мнѣ приказала уговаривать Прозоровскаго, чтобъ возвратился. Если отецъ къ тебѣ пришлетъ кого-нибудь уговаривать тебя, то не ѣзди: онъ тебѣ голову отсѣчетъ публично". Царевичъ спросилъ: „Когда ко мнѣ будутъ присланные въ Гданскъ или Королевецъ, что мнѣ дѣлать?" Кикинъ отвѣчалъ: „Уйди ночью одинъ или возьми дѣтину одного, а багажъ и людей брось; а если два будутъ присланы, то притвори себѣ болѣзнь, и изъ тѣхъ одного пошли напередъ, а отъ другого уйди".—„Когда бы письма отъ батюшки не было, какъ бы мнѣ уѣхать?" говорилъ царевичъ. Кикинъ отвѣчалъ: „Я хотѣлъ такимъ образомъ сдѣлать, чтобъ ты сказалъ, что самъ ѣдешь къ отцу, и такъ бы ушелъ. Отецъ тебя не пострижетъ нынѣ, хотябъ ты хотѣлъ; ему князь Василій (Владиміровичъ Долгорукій) приговорилъ, чтобъ тебя при себѣ держать неотступно и съ собою возить повсюду, чтобъ ты отъ волокиты умеръ, понеже ты труда не понесешь. И отецъ сказалъ: „хорошо такъ". И разсуждалъ ему князь Василій, что въ чернечествѣ тебѣ покой будетъ и можешь ты долго жить. И по сему слову я дивлюсь, что давно тебя не взяли; и нынѣ тебя зовутъ для того, и тебѣ, кромѣ побѣгу, спастись ничѣмъ инымъ нельзя".

Царевичъ сказалъ Кикину о своемъ разговорѣ съ камердинеромъ Иваномъ Аѳанасьевымъ. Это очень обезпокоило Кикина, тѣмъ болѣе что Аѳанасьевъ зналъ объ его участіи въ дѣлѣ. Чтобъ не имѣть такого опаснаго свидѣтеля въ Петербургѣ, Кикинъ сталъ просить царевича написать Аѳанасьеву, чтобъ ѣхалъ къ нему: „Когда Ивана въ Питербурхѣ не будетъ", говорилъ онъ, „то неоткуда пронестися сему; кромѣ насъ двоихъ съ нимъ, никто не вѣдаетъ; а меня въ Питербурхѣ при тебѣ не было, то на меня и подозрѣнія не будетъ; а если Иванъ въ Питербурхѣ будетъ, то не безопасно, чтобъ не промолвился съ кѣмъ".—„Думаю, что Иванъ не поѣдетъ", сказалъ на это царевичъ. Тогда Кикинъ придумалъ другое средство: „Ты напиши другое письмо, будто у тебя съ нимъ рѣчей никакихъ о семъ не было, а бѣжать ты вздумалъ въ пути, и чтобъ онъ, взявъ вещи алмазныя, ѣхалъ; а я велю ему то письмо подать князю Меншикову, будто-бъ онъ твою тайну открылъ, то имъ разыскивать не будутъ". Царевичъ написалъ письмо: „Иванъ Аѳанасьевичъ! По полученіи сего письма, поѣзжай ко мнѣ, понеже я взялъ свое намѣреніе, что гдѣ ни жить, а къ вамъ не возвращаться (для немилости вышнихъ нашихъ), о которой, еще къ прежнимъ въ подтвержденіе, въ Ригѣ получилъ письмо изъ Копенгагена. А что не взялъ я васъ съ собою, понеже не малаго къ сему намѣренія не имѣлъ. А ѣхать тебѣ надлежитъ въ Гамбургъ и тамъ освѣдомиться о мнѣ. Я вамъ истину пишу, что не имѣлъ намѣренія; когда-бъ имѣлъ, то бы тебя взялъ силою; хотѣлъ взять и учителя, только онъ самъ меня просилъ, чтобъ остаться". Кикинъ уговорилъ царевича написать и другое письмо къ князю Василію Владиміровичу Долгорукому съ благодарностію за любовь: „Если на меня суспетъ (подозрѣніе) о твоемъ побѣгѣ будетъ, то я объявлю письмо твое къ князю Василью писанное, и скажу: знать онъ съ нимъ совѣтовалъ, что его благодаритъ; я сіе письмо перенялъ". Мы видѣли, какимъ образомъ Кикинъ возбудилъ въ царевичѣ раздраженіе противъ князя Василья, разсказавши, какъ Долгорукій совѣтовалъ царю держать сына при себѣ, чтобъ его уморить волокитою. Царевичъ написалъ письмо: „Князь Василій Владиміровичъ! Благодарствую за всѣ ваши ко мнѣ благодѣянія, за что при моемъ случаѣ долженъ отслужить вамъ". Царевичъ раз-

сказалъ Кикину о своемъ разговорѣ съ Меншиковымъ при отъѣздѣ объ Афросиньѣ. Меншиковъ спрашивалъ его: „Гдѣ ты ее оставляешь?“—„Возьму до Риги и потомъ отпущу въ Петербургъ“, отвѣчалъ Алексѣй.—„Возьми ее лучше съ собою“, сказалъ свѣтлѣйшій. Этотъ разсказъ возбудилъ въ Кикинѣ мысль, нельзя ли кинуть суспетъ и на Меншикова: „Напиши“, говорилъ онъ царевичу, „письмо къ Меншикову, чтобъ Ивану Аѳанасьеву далъ подводъ и отправилъ бы его; да благодари, что присовѣтовалъ взять дѣвку съ собою: можетъ быть, что князь покажетъ твое письмо отцу, и онъ будетъ о немъ имѣть суспетъ.“ [1])

Устроивши все такимъ образомъ, Алексѣй разстался съ Кикинымъ. Кикинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ жалобами на царевича. Дѣйствительно ли онъ имѣлъ причину жаловаться, или выдумалъ ее? По пріѣздѣ въ Петербургъ, Кикинъ послалъ за Иваномъ Аѳанасьевымъ и началъ разговоръ вопросомъ: „Есть ли у тебя съ дороги отъ царевича письмо?“—„Нѣтъ“, отвѣчалъ тотъ,—„Я съ нимъ видѣлся“, отвѣчалъ Кикинъ, „и на меня царевичъ что-то очень сердитъ: сказалъ, будто я съ Долгоруковымъ его продаю, а какимъ образомъ—о томъ ничего не сказалъ. Поговорилъ немного со мною и скоро отъ меня поѣхалъ; только сказалъ, что къ тебѣ писано, чтобъ ты за нимъ поѣхалъ. Приказалъ же тебѣ сказать, чтобъ ты то письмо съ собою взялъ, которое къ нему отъ отца пришло, и велѣлъ тебѣ ѣхать осторожно, чтобъ ты не попался навстрѣчу царскому величеству. Буде послышишь, что государь ѣдетъ, въ тѣ поры отъѣзжай въ сторону и ожидай какъ проѣдетъ.—Не слыхалъ ли ты, Иванъ, отъ царевича, за что онъ на меня сердитъ, что въ дорогѣ со мною сердито говорилъ?—Сему я очень удивляюсь; или не слыхалъ ли какихъ обо мнѣ разговоровъ“?—„Не слыхалъ“, отвѣчалъ Аѳанасьевъ. Разумѣется Кикинъ могъ нарочно говорить Аѳанасьеву, что царевичъ сердитъ на него, Кикина: если Аѳанасьева возьмутъ и станутъ спрашивать, то показаніе о непріязненныхъ отношеніяхъ между царевичемъ и Кикинымъ можетъ быть полезно послѣднему. Мы увидимъ, какъ впослѣдствіи Кикинъ дѣйствительно настаивалъ на эти непріязненныя отношенія для своего оправданія. Но, съ другой стороны, могли быть дѣйствительно причины неудовольствія, заключавшіяся, кромѣ подозрительнаго поведенія Кикина, и въ самомъ характерѣ Алексѣя: онъ бѣжитъ изъ Россіи за-границу, чтобъ не выбирать между монастыремъ и невыносимымъ для него положеніемъ при отцѣ. Но бѣжать развѣ легкое дѣло? Какъ бѣжать, куда, если скоро узнаютъ и поймаютъ; если и не поймаютъ, то какъ примутъ на чужой сторонѣ чужіе люди: какъ жить?—всѣ эти вопросы должны были сильно тревожить и раздражать Алексѣя. Встрѣчается человѣкъ, присовѣтовавшій бѣгство, и Алексѣй срываетъ на немъ свое сердце, тѣмъ болѣе что Кикинъ, указывая, куда ѣхать, не сказалъ ничего вѣрнаго: хорошо примутъ, не выдадутъ, будутъ давать деньги на содержаніе; но это все одни предположенія Кикина и Веселовскаго; ничто не приготовлено, трудное и опасное дѣло ничѣмъ не облегчено, а труда, физическаго труда болѣе всего боялся Алексѣй; ему говорятъ, что отецъ вызываетъ его къ себѣ, чтобы заморить волокитою, а теперь впереди развѣ не волокита, и гдѣ ей конецъ, что изъ всего этого будетъ?

Чрезъ нѣсколько дней послѣ разговора съ Кикинымъ, Аѳанасьевъ получилъ письмо отъ царевича, гдѣ тотъ писалъ, чтобы камердинеръ ѣхалъ за нимъ немедленно и нагонялъ въ Данцигѣ; Аѳанасьевъ объявилъ письмо Меншикову, и тотъ отпустилъ его, давши паспортъ и подорожную [2]).

Опасный человѣкъ уѣхалъ. Кикинъ могъ спокойнѣе дожидаться развязки. Но Аѳанасьевъ скоро возвратился: онъ нигдѣ не могъ сыскать царевича.

Царевичъ внезапно уѣхалъ изъ Петербурга: говорили, что поѣхалъ къ отцу; но вотъ уже прошло много времени и не слышно, пріѣхалъ ли онъ къ царю и что при немъ дѣлаетъ. Это сильно безпокоило близкихъ людей. Московскій духовникъ, Яковъ Игнатьевъ, писалъ письмо за письмомъ: „Молю тя, премилостиваго моего, аще ли не подлежитъ тайнѣ, и достоинъ ничтожность моя вѣдѣнія, помилуй, увѣдоми мя, чесого ради скоропоятое отъ Питербурха отшествіе твое, и все ли во здравіи и во благополучности, и не есть ли якова гнѣвоизліянія на тя, и къ какому дѣлу опредѣленность тебѣ, и въ радости ли и въ веселіи, дабы и намъ ничтожнымъ сицевое слышавъ, яже о благородіи твоемъ, по многу порадованнымъ быти и веселитися“. Въ безпокойствѣ Яковъ Игнатьевъ говоритъ другому близкому человѣку, ключарю Ивану Аѳанасьеву: „Царевичъ государь говаривалъ со мною: „Батюшка велѣлъ мнѣ либо жениться, либо пострищися, а мнѣ пострищися не хочется, также и жениться не хочется, потому что батюшка изволитъ меня женить паки на иноземкѣ, и я не знаю что дѣлать; не знаю, нищету воспріяти, да съ нищими скрытися до времени; не знаю, - отъити куда въ монастырь и быть съ дьячками, или отъѣхати въ такое царство, гдѣ приходящихъ пріемлютъ и никому не выдаютъ“.—И я, продолжалъ духовникъ, теперь не вѣдаю, гдѣ государь царевичъ обрѣтается“. Въ ноябрѣ духовникъ получилъ странное письмо. На одной сторонѣ рукою Никифора Вяземскаго было написано: „О насъ если изволишь и о нашемъ бытіи вѣдать, и мы при милости государя царевича, слава Богу, живы, и живемъ въ Нарвѣ, а ожидаемъ по вся дни самодержавнѣйшаго государя нашего“. На оборотѣ письма написано было рукою царевича: „Батюшко, изволь сказать всѣмъ тѣмъ, къ которымъ мои грамотки есть въ пакетѣ на твое имя, Ивану Аѳанасьевичу, чтобы ко мнѣ больше не писали и самъ не изволь писать ко мнѣ, для того, - что самъ изво-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 28.

[2]) Дѣло о царевичѣ.

лишь вѣдать; помолись, чтобъ поскорѣе совершилось, а чаю, что не умедлится; пожалуй, сіе письмо, кромѣ себя да ключаря, не изволь казать никому, и ему прикажи, чтобъ никому не сказывалъ, а инымъ изволь приказать словомъ въ разговорѣ, а не указомъ, будто отъ себя гаданіемъ, и чтобъ сіе было тайно" [1]).

Безпокоились въ Москвѣ; сильно безпокоились и за-границею. 21 декабря Петръ получилъ отъ курьера извѣстіе, что царевичъ ѣдетъ къ нему,— и послѣ того никакого слуха. 4 декабря царица Екатерина писала Меншикову изъ Шверина: „О государѣ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ никакой вѣдомости по се время не имѣемъ, гдѣ его высочество нынѣ обрѣтается, и о семъ мы не мало сожалѣемъ". Отъ 10 декабря другое письмо: „Съ немалымъ удивленіемъ принуждена вашей свѣтлости объявить, что о его высочествѣ государѣ царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ ни малой вѣдомости по се время не имѣемъ, гдѣ его высочество нынѣ обрѣтается, и о семъ мы не мало сожалѣемъ" [2]). Екатерина жалѣла; Петръ дѣйствовалъ: далъ приказаніе стоявшему въ Мекленбургѣ съ войскомъ генералу Вейде разыскивать; резиденту своему въ Вѣнѣ, Абраму Веселовскому, поручилъ тайно развѣдать о мѣстѣ пребыванія царевича [3]), и далъ объ этомъ знать императору Карлу VI собственноручнымъ письмомъ, прося, что если Алексѣй находится въ императорскихъ владѣніяхъ, то приказать отправить его съ Веселовскимъ, придавъ для безопасности нѣсколько офицеровъ, „дабы мы его отечески исправить для его благосостоянія могли" [4]). Порученіе, данное Веселовскому, и письмо къ императору доказываютъ, что Петръ догадывался куда скрылся сынъ.

Распоряженія были сдѣланы въ концѣ 1716 года; въ началѣ 1717 начали приходить указанія на слѣды бѣглеца; слѣды сходились въ Вѣнѣ и здѣсь исчезали [5]).

По разсказу извѣстнаго намъ императорскаго вице-канцлера, графа Шёнборна [6]), царевичъ явился къ нему поздно вечеромъ 10 ноября 1716 года, и сталъ говорить ему съ сильными жестикуляціями, съ ужасомъ озираясь во всѣ стороны и бѣгая изъ угла въ уголъ: „Я прихожу сюда просить Цесаря, своего свояка, о протекціи, чтобъ онъ спасъ мнѣ жизнь,—меня хотятъ погубить; хотятъ у меня и у моихъ бѣдныхъ дѣтей отнять корону. Цесарь долженъ спасти мою жизнь, обезпечить мнѣ и моимъ дѣтямъ сукцессію; отецъ хочетъ отнять у меня жизнь и корону, а я ни въ чемъ не виноватъ, ни въ чемъ не прогнѣвилъ отца, не дѣлалъ ему зла; если я слабый человѣкъ, то Меншиковъ меня такъ воспиталъ, пьянствомъ разстроили мое здоровье; теперь отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ управленію, но у меня довольно ума для управленія. Одинъ Богъ Владыка и раздаетъ наслѣдства, а меня хотятъ постричь и въ монастырь запрятать, чтобы лишить жизни и сукцессіи; но я не хочу въ монастырь. Цесарь долженъ спасти мнѣ жизнь". Тутъ Алексѣй въ изнеможеніи бросился на стулъ и закричалъ: „Ведите меня къ Цесарю"! Потомъ спросилъ пива; ему дали мозельскаго вина, и между тѣмъ Шёнборнъ старался успокоить его, увѣрялъ, что онъ въ совершенной безопасности, и что немедленно представить его Цесарю нельзя:—поздно, да и прежде Цесарь долженъ обстоятельно узнать, что понудило царевича рѣшиться на такой поступокъ. Алексѣй началъ опять: „Я ничего не сдѣлалъ отцу, всегда былъ ему послушенъ, ни во что не вмѣшивался; я ослабѣлъ духомъ отъ преслѣдованія и потому, что меня хотѣли запоить до смерти; отецъ былъ добръ ко мнѣ; когда у меня пошли дѣти и жена умерла, то все пошло дурно, особенно когда явилась новая царица и родила сына; она съ княземъ Меншиковымъ постоянно раздражала отца противъ меня: оба люди злые, безбожные, безсовѣстные. Я противъ отца ни въ чемъ не виноватъ; люблю и уважаю его по заповѣдямъ, но не хочу постричься и отнять права у бѣдныхъ дѣтей моихъ, а царица и Меншиковъ хотятъ меня уморить или въ монастырь запрятать. Никогда у меня не было охоты къ солдатству; но за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ отецъ поручилъ мнѣ управленіе, и все шло хорошо, отецъ былъ доволенъ; но когда пошли у меня дѣти, жена умерла, а у царицы сынъ родился, то захотѣли меня замучить до смерти или запоить; я спокойно сидѣлъ дома, но годъ тому назадъ принужденъ былъ отцомъ отказаться отъ наслѣдства и жить приватно, или въ монастырь идти. Напослѣдокъ пріѣхалъ курьеръ съ приказомъ: или къ отцу ѣхать, или немедленно постричься въ монахи; исполнить первое—погубить себя разными мученіями и пьянствомъ, второе—погубить и тѣло и душу; потомъ дали знать, чтобъ я берегся отцовскаго гнѣва, и что приверженцы царицы и Меншикова хотятъ отравить меня изъ страха, потому что отецъ становится слабъ здоровьемъ. Поэтому я притворился, что ѣду къ отцу, и добрые пріятели присовѣтовали мнѣ ѣхать къ Цесарю, который мнѣ своякъ и великій, великодушный государь, котораго отецъ уважаетъ: Цесарь окажетъ мнѣ покровительство; къ Французамъ и къ Шведамъ я не могъ идти, потому что это враги моего отца, котораго я не хотѣлъ гнѣвить. Говорятъ, будто я дурно обходился съ моею женой, сестрою императрицы; но Богу извѣстно, что не я дурно съ нею обходился, а отецъ да царица, которые хотѣли заставить ее служить себѣ, какъ простую горничную, но она по своей эдукаціи къ этому не привыкла, и сильно

[1]) Чтенія Моск. Ист. Общ. 1861 г., кн. 3.
[2]) Письмо Екатерины къ Меншикову въ Государств. Архивѣ.
[3]) Дѣло о царевичѣ.
[4]) Письмо въ тайномъ Вѣнскомъ архивѣ; напечатано въ прилож. къ книгѣ Устрялова.
[5]) Донесенія Веселовскаго въ дѣлѣ о царевичѣ; Вейде. Кабин. II, кн. № 26, 31.
[6]) Записки Шёнборна о царевичѣ напечатаны въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова.

печалилась; ктому же заставляли меня и ее терпѣть недостатокъ, и особенно стали дурно обходиться, когда у ней пошли дѣти. Хочу къ Цесарю: Цесарь не оставитъ меня и моихъ дѣтей, не выдастъ меня отцу, потому что отецъ окруженъ злыми людьми, и самъ очень жестокъ, не цѣнитъ человѣческой крови, думаетъ, что, какъ Богъ, имѣетъ право жизни и смерти; онъ уже много пролилъ невинной крови; часто самъ налагалъ руку на несчастныхъ обвиненныхъ; онъ чрезвычайно гнѣвливъ и мстителенъ, не щадитъ никого; и если Цесарь выдастъ меня отцу, то это все равно, что самъ меня казнитъ; да если бы и отецъ меня пощадилъ, то мачиха и Меншиковъ не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не замучатъ до смерти или не отравятъ".

Алексѣй хотѣлъ непремѣнно представиться императору и императрицѣ; но Шёнборнъ внушалъ, что гораздо выгоднѣе для него скрыть свое пребываніе въ императорскихъ владѣніяхъ подъ глубокою тайной. Алексѣй согласился, и 12 ноября былъ перевезенъ изъ Вѣны въ ближнее мѣстечко Вейербургъ. Сюда въ началѣ декабря Цесарь прислалъ одного изъ своихъ министровъ разузнать обстоятельнѣе въ чемъ дѣло, чтобъ можно было дѣйствовать съ увѣренностію, узнать,—не предпринималъ ли чего-нибудь Царевичъ противъ отца и въ какомъ положеніи его дѣти. Царевичъ повторялъ то же, что уже прежде говорилъ графу Шёнборну; клялся, что не замышлялъ противъ отца никакого возмущенія, хотя сдѣлать это было легко, потому что Русскіе любятъ его, царевича, и ненавидятъ царя за худородную царицу и злыхъ любимцевъ; за то, что онъ отмѣнилъ древніе, добрые обычаи и ввелъ дурные; за то, что не щадитъ ихъ денегъ и крови; за то, что онъ тиранъ и врагъ своего народа;—надобно опасаться, чтобы за все это подданные не умертвили его, и Богъ его не наказалъ. Царевичъ распространился въ подробностяхъ объ отцовой арміи, о его министрахъ и боярахъ, говоря, что бо́льшая часть ихъ, особенно Меншиковъ и лейбъ-медикъ,—льстецы и злые люди, которые вовлекаютъ царя во множество дурныхъ поступковъ, чему служитъ примѣромъ мечта объ императорскомъ титулѣ, которая, кромѣ непріятности, не дастъ отцу ничего существеннаго. Отецъ, по природѣ, добръ и справедливъ, но легко воспламеняется гнѣвомъ и становится свирѣпъ; но онъ, царевичъ, не хочетъ никогда ничего предпринимать противъ отца, любитъ его и уважаетъ, только не хочетъ къ нему возвращаться, и проситъ Цесаря не выдавать его, и надѣется, что пощадятъ невинную кровь его и бѣдныхъ дѣтей его. Начавши говорить о дѣтяхъ, царевичъ пришелъ въ сильное волненіе и заплакалъ; онъ объявилъ, что насчетъ дѣтей не оставилъ никакого распоряженія: надѣется на Бога, на доброе сердце отца своего и на гувернантку, мадамъ Рогэнъ, поручаетъ ихъ такъ же Цесарю и цесаревѣ.

Въ Вѣнѣ рѣшили укрывать царевича, пока не представится случай помирить его съ отцомъ; но, чтобъ удобнѣе укрыть, положили перевезти его въ тирольскую крѣпость Эренбергъ и держать его подъ видомъ государственнаго арестанта. Царевичъ былъ доволенъ обхожденіемъ эренбергскаго коменданта, но жаловался на недостатокъ нужныхъ вещей, которыя должно выписывать издалека, и требовалъ присылки греческаго священника. Священника ему не прислали; но графъ Шёнборнъ переслалъ ему любопытныя извѣстія изъ Россіи, сообщенныя въ Вѣну царскимъ резидентомъ при Петербургскомъ Дворѣ Плейеромъ. Тревога по случаю отъѣзда царевича была возбуждена, по словамъ Плейера, царевною Марьею Алексѣевною, которая, пріѣхавъ къ дѣтямъ Алексѣя, расплакалась и сказала: „Бѣдныя сироты! нѣтъ у васъ ни отца, ни матери! жаль мнѣ васъ!" Знатные люди начали присылать къ иностранцамъ: не получали ли тѣ какихъ извѣстій о царевичѣ. Пронесся слухъ, что Алексѣй схваченъ близъ Данцига царскими людьми и отвезенъ въ дальній монастырь; другіе говорили, что онъ ушелъ въ цесарскія владѣнія и лѣтомъ тайно пріѣдетъ къ матери; разсказывали, что въ Мекленбургѣ гвардейскіе и другіе полки сговорились царя убить, царицу и дѣтей ея заключить въ тотъ самый монастырь, гдѣ сидѣла прежняя царица, которую освободить, и правленіе отдать Алексѣю, какъ настоящему наслѣднику. „Здѣсь всѣ склонны къ возмущенію", писалъ Плейеръ: „и знатные и незнатные только и говорятъ о презрѣніи, съ какимъ царь обходится съ ними, заставляя дѣтей ихъ быть матросами и корабельными плотниками, хотя они уже истратились за-границею, изучая иностранные языки; что ихъ имѣнія разорены вконецъ податьми, поставкою рекрутъ и работниковъ въ гавани, крѣпости и на корабельное строеніе" [1]).

Царевичъ не долго утѣшался этими извѣстіями. 19 марта 1717 года пріѣхалъ въ Вѣну капитанъ гвардіи Александръ Румянцевъ съ тремя другими офицерами: имъ велѣно было схватить Алексѣя и отвезти въ Мекленбургъ; а между тѣмъ Веселовскій уже зналъ, что молодой знатный Русскій, пріѣхавшій въ Вѣну подъ именемъ Коханскаго, отправленъ въ тирольскую крѣпость Эренбергъ. Румянцевъ отправился въ Тироль для обстоятельнаго разузнанія, гдѣ Алексѣй, а Веселовскій началъ дѣйствовать дипломатическимъ путемъ. Онъ добился свиданія съ принцемъ Евгеніемъ и объявилъ ему, что Коханскій живетъ въ Тиролѣ подъ покровительствомъ Цесаря, а царское величество объ этомъ ничего не знаетъ, что можетъ почесть знакомъ непріязни къ себѣ. „Ничего не знаю", отвѣчалъ Евгеній; „но хотя бы Цесарь и дѣйствительно далъ ему убѣжище въ своихъ земляхъ для безопасности, то это будетъ только безопасность, а не протекція; совѣсть не допуститъ Цесаря возбуждать сына противъ отца и приводить ихъ на большую ссору; но, быть можетъ, Цесарь поста-

---

[1]) Донесеніе Плейера напечатано въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова.

рается утолить уже существующую злобу, въ чемъ царское величество можетъ быть твердо обнадеженъ". При другомъ свиданіи, принцъ объявилъ Веселовскому, что Цесарь ничего не знаетъ о Коханскомъ. Въ апрѣлѣ возвратился Румянцевъ изъ Тироля съ извѣстіемъ, что царевичъ тамъ, въ крѣпости Эренбергъ. Тогда Веселовскій, на приватной аудіенціи, подалъ Цесарю царскую грамоту и объявилъ, что царскому величеству очень чувствительно будетъ слышать, какъ цесарскіе министры отвѣчали, что извѣстной особы въ цесарскихъ владѣніяхъ нѣтъ и Цесарь о ней не знаетъ, а теперь получено достовѣрное извѣстіе, что особа живетъ въ Эренбергѣ на цесарскомъ содержаніи; такъ не угодно ли будетъ Цесарю, по своему праводушію, исполнить требованіе царскаго величества. Императоръ отвѣчалъ, что ему не донесено о пребываніи въ его земляхъ извѣстной персоны. Потомъ началась проволочка времени: Цесарь обѣщалъ отвѣчать самъ на царскую грамоту, и, подъ разными предлогами, не отвѣчалъ [1]).

Когда при Вѣнскомъ Дворѣ узнали, что мѣстопребываніе царевича открыто Русскими, то въ Эренбергъ отправленъ былъ секретарь Кейль извѣстить Алексѣя, въ какомъ положеніи его дѣло, и предложить ему на выборъ—или возвратиться къ отцу, или переѣхать подальше, въ Неаполь. Царевичъ съ радостію согласился на послѣднее, умоляя только не выдавать отцу [2]). Въ Вѣнѣ предвидѣли это рѣшеніе, предвидѣли слѣдствія, опасность для Австріи со стороны раздраженнаго царя, и спѣшили обратиться за помощію къ врагу Петра, Георгу Англійскому, предложить ему вопросъ: намѣренъ ли онъ, какъ курфюрстъ и какъ родственникъ Брауншвейгскаго Дома, защитить принца. При этомъ выставлялось бѣдственное положеніе добраго царевича, ясное и постоянное тиранство отца, не безъ подозрѣнія яда и подобныхъ русскихъ г а л а н т е р е й [3]).

Царевичъ немедленно выѣхалъ изъ Эренберга съ секретаремъ Кейлемъ и Афросиньею, переодѣтою пажемъ. Но Румянцевъ снова былъ въ Тиролѣ и слѣдилъ за царевичемъ до самаго Неаполя, куда Алексѣй пріѣхалъ 6 мая, и чрезъ два дня былъ помѣщенъ въ крѣпости С.-Эльмо. Петру императоръ послалъ оскорбительно-уклончивый отвѣтъ: заявляя свою преданность царю и царскому Дому, императоръ писалъ, что будетъ стараться, чтобъ Алексѣй не впалъ въ непріятельскія руки, но былъ наставленъ сохранить отеческую милость и послѣдовать стезямъ отцовскимъ, по праву своего рожденія.

Видя, что въ Вѣнѣ рѣшились укрыть Алексѣя и не выдавать, Петръ отправилъ къ императору тайнаго совѣтника Петра Андреевича Толстого и того же капитана Румянцева, давши имъ 1-го іюля въ Спа такой наказъ: „1) Ѣхать имъ въ Вѣну, и, пріѣхавъ, просить у Цесаря приватной аудіенціи, и при оной подать нашу грамоту, и изустно предлагать, что мы подлинно извѣстились чрезъ посланнаго нашего капитана Румянцева, что сынъ нашъ Алексѣй, не хотя былъ послушенъ волѣ нашей и быть въ кампаніи военной съ нами въ прошломъ году, проѣхалъ въ Вѣну, и тамъ принятъ подъ протекцію цесарскую, и отосланъ тайно жъ въ тирольской замокъ Эренбергъ, и тамъ нѣсколько мѣсяцевъ задержанъ за крѣпкимъ карауломъ. И хотя нашъ резидентъ отъ его цесарскаго величества и чрезъ министровъ его домогался о пребываніи его вѣдать, и потомъ и грамоту нашу самому ему подалъ, но на то никакого отвѣту не получилъ; но, противно тому, вмѣсто удовольства на наше чрезъ ту грамоту прошеніе, отосланъ сынъ нашъ изъ того замка наскоро, и за крѣпкимъ карауломъ, въ городъ Неаполь, и содержится тамъ въ замкѣ же за карауломъ. И что намъ чувственнѣе всего, то есть, что цесарское величество на то наше прошеніе ни письменно, ни изустно никакого отвѣту явственно не учинилъ, но зѣло въ темныхъ терминахъ къ намъ чрезъ свою собственноручную грамоту токмо отвѣтствовалъ, въ которой не токмо иного чего, но ниже о его пребываніи въ своей области не объявилъ. И для чего такъ изволитъ цесарское величество съ нами поступать непріятно,—о томъ требовать декларацін. 2) Ежели станетъ Цесарь отрекаться невѣдѣніемъ о пребываніи сына нашего—и имъ говорить, что тому невозможно быть, ибо не токмо онъ, капитанъ, яко очевидецъ, но уже и вся Европа о томъ вѣдаетъ, что онъ въ его области, и какъ принятъ и изъ одного мѣста въ другое перевезенъ, какъ выше объявлено, и можетъ быть, что уже и изъ Неаполя куда вывезенъ въ другое мѣсто, однакожь вѣдаемъ, что то безъ его воли учиниться не можетъ; и ежели въ томъ онъ, Цесарь, упорно стоять будетъ, что онъ не вѣдаетъ, гдѣ онъ, то объявить, что мы изъ того уже самую его непріязнь къ себѣ и нѣкоторую противную интенцію видимъ, и противъ того свои мѣры брать принуждены будемъ. И ежели иной резолюціи отъ него не получать, то о томъ доносить намъ, не отъѣзжая; а притомъ развѣдывать всякими образы сына нашего о пребываніи и искать Цесаря склонить къ вышеписанному всякими образы, и чрезъ министровъ его, показуя изъ того злыя слѣдованія и прочая. 3) Буде же Цесарь станетъ говорить, что сынъ нашъ отдался подъ его протекцію, и что не можетъ его противно воли его выдать, и что онъ къ тому не склоненъ, чтобъ къ намъ возвратиться, и иныя отговорки и опасенія затѣйныя будетъ объявлять, то представлять, что намъ не можетъ то инако, какъ чувственно быть, что онъ хочетъ меня съ сыномъ судить, чего у насъ и съ подданными чинить необычайно, но сыну надлежитъ повиноваться во всемъ волѣ отцовой; а мы, яко самодержавный государь, ничѣмъ ему, Цесарю, не подчинены и всту-

[1]) Дѣло о царевичѣ.
[2]) Записки Шёнборна.
[3]) См. въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова № 76 и 77.

ваться ему въ то не надлежитъ, но надлежитъ его къ намъ отослать; а мы, яко отецъ и государь, по должности родительской, его милостиво паки примемъ и тотъ его поступокъ простимъ и будемъ его наставлять, дабы, оставя свои прежніе непотребные поступки, поступалъ въ пути добродѣтели и послѣдовалъ нашимъ намѣреніямъ, и такъ можетъ привратить къ себѣ паки наше отеческое сердце; и тѣмъ его цесарское величество покажетъ и надъ нимъ милость, и заслужитъ себѣ и отъ Бога воздаяніе, и отъ насъ благодареніе; а и отъ него, сына нашего, будетъ за то вѣчно возблагодаренъ, нежели за то, что онъ нынѣ содержанъ въ его области, яко невольникъ, или какой злодѣй, за крѣпкимъ карауломъ и подъ именемъ нѣкотораго бунтовщика, графа венгерскаго, къ предосужденію нашей чести и имени. 4) Буде станетъ говорить о жалобахъ его, какъ отъ него, сына моего, или отъ другихъ внушено, будто было ему какое отъ насъ принужденіе, то объявлять, что то все самая ложь, а особливо ссылаться на письмо то, которое я ему изъ Копенгагена писалъ, что оное Цесарь видѣлъ ли; и буде не видалъ, чтобъ велѣлъ взять и самъ выразумѣлъ,—изъ чего явно усмотритъ, что неволи не было; и ежели-бъ неволею я хотѣлъ дѣлать, то-бъ на что такъ писать?—и силою-бъ могъ сдѣлать, и кромѣ письма. Но понеже мы желали, чтобъ онъ, сынъ нашъ, послѣдовалъ нашимъ стезямъ и обучался, какъ воинскимъ, такъ и политическимъ дѣламъ, и онъ не имѣлъ къ тому никакого склоненія, и токмо склоненъ былъ къ обхожденію съ худыми людьми, того ради мы его всякими образы, и добродѣтелью и угрозами, трудились на путь добродѣтелей привесть, что оный, принявъ за противно, и можетъ быть отъ кого наговоренъ къ самой своей погибели, такое намѣреніе воспріялъ; и что, чаю, его цесарскому величеству самому и цесаревѣ его извѣстно, какъ онъ съ сестрою ея величества, супругою своею, обходился, и потому могутъ и о другихъ разсуждать. И наконецъ стараться имъ всякимъ образомъ и домогаться, дабы его Цесарь съ ними къ намъ послалъ, и употреблять въ томъ и ласку, и угрозы, по состоянію дѣла смотря. А буде въ томъ весьма откажутъ, то домогаться, чтобъ по послѣдней мѣрѣ пустилъ ихъ къ сыну нашему, дабы они могли съ нимъ видѣться, объявляя, что они имѣютъ отъ насъ къ нему и на письмѣ и на словахъ такія предложенія, что чаютъ оному будутъ пріятны и самъ на то склонится и просить его цесарское величество будетъ, чтобы отпустилъ его къ намъ. 5) Но буде, паче чаянія, и въ томъ, подъ какимъ-нибудь претекстомъ и отговорками, Цесарь откажетъ и ихъ весьма съ сыномъ нашимъ видѣться не допуститъ, то протестовать нашимъ именемъ и объявлять, что мы сіе примемъ за явный разрывъ и показанное намъ непріятство и насиліе, и будемъ предъ всѣмъ свѣтомъ въ томъ на него, Цесаря, чинить жалобы и искать будемъ неслыханную и несносную намъ и чести нашей учиненную обиду отмстить. И домогаться о томъ отъ него на письмѣ отвѣту яснаго и чрезъ меморіалы, для чего онъ такъ чинитъ. Однакожь, не описавшись къ намъ и безъ указу, не отъѣзжать. 6) Буде позволитъ имъ съ сыномъ нашимъ видѣться, и имъ ѣхать, гдѣ онъ, сынъ нашъ, обрѣтается, и подать ему наше письмо и изустно говорить ему то, что имъ приказано, также и сіе объявлять, какое онъ намъ тѣмъ своимъ поступкомъ безславіе, обиду и смертную печаль, а себѣ бѣдство и смертную бѣду нанесъ, и что онъ то учинилъ напрасно и безо всякой причины, ибо ему отъ насъ никакого озлобленія и неволи ни къ чему не было, но все на его волю мы полагали и никогда-бъ ни къ чему, кромѣ того, что къ пользѣ его потребно было, противъ воли его не принуждали, и чтобъ онъ разсудилъ: что онъ учинилъ и какъ ему во весь свой вѣкъ и въ такомъ странствіи и заключеніи быть? И того-бъ ради послушалъ нашего родительскаго увѣщанія, возвратился къ намъ; а мы ему тотъ поступокъ родительски простимъ, и примемъ его паки въ милость нашу и обѣщаемъ содержать отечески во всякой свободѣ и милости, и довольствѣ, безо всякаго гнѣва и принужденія, употребляя впрочемъ удобь вымышленные къ тому раціи и аргументы. Нежели онъ къ тому склонится, то требовать, чтобъ онъ о томъ объявилъ Цесарю чрезъ письмо и просилъ бы его объ отпускѣ къ намъ, такожъ и приставникомъ своимъ то свое намѣреніе объявилъ. И получа то письмо, ѣхать къ Цесарю и домогаться объ отпускѣ его безотступно, и трудиться, чтобъ его привезть съ собою къ намъ. 7) Буде же къ тому весьма онъ, сынъ нашъ, не склонится, то объявить ему именемъ нашимъ, что мы, за то его преслушаніе, предадимъ его клятвѣ отеческой, такожъ и церковной, и объявимъ во все государство наше и въ прочія то его непокорство, и чтобъ онъ разсудилъ, какой ему животъ будетъ. Ибо, кромѣ того, не думалъ бы онъ, чтобъ могъ быть безопасенъ: развѣ что вѣчно въ заключеніи и за крѣпкимъ карауломъ захочетъ быть, и такъ и душѣ своей въ будущемъ и тѣлу, и въ семъ вѣцѣ мученіе заслужитъ. Инако же не оставимъ его мы всякимъ способомъ искать за то его непокорство наказать, и буде инаго способа не найдемъ, то и вооруженною рукою Цесаря къ выдачѣ его принудимъ, и чтобъ онъ разсудилъ, что ему изъ того потомъ послѣдовать будетъ. И ежели онъ на то все не склонится, то его спрашивать о его намѣреніи, когда онъ на то ни на что не склоняется, дабы онъ объявилъ для донесенія намъ. И что онъ объявитъ, о томъ писать и ожидать отъ насъ указу“ [1]).

Къ сыну Петръ написалъ; „Понеже всѣмъ есть извѣстно, какое ты непослушаніе и презрѣніе волѣ моей дѣлалъ, и ни отъ словъ, ни отъ наказанія не послѣдовалъ наставленію моему; но наконецъ, обольстя меня и заклинаясь Богомъ при прощаніи со мною, потомъ что учинилъ?—ушелъ и отдался,

---

[1]) Моск. Архивъ Мин. Иностр. Д.

яко измѣнникъ, подъ чужую протекцію! Что не слыхано не точію междо нашихъ дѣтей, но ниже междо нарочитыхъ подданныхъ. Чѣмъ какую обиду и досаду отцу своему и стыдъ отечеству своему учинилъ! Того ради посылаю нынѣ сіе послѣднее къ тебѣ, дабы ты по волѣ моей учинилъ, о чемъ тебѣ господинъ Толстой и Румянцевъ будутъ говорить и предлагать. Буде же побоишься меня, то я тебя обнадеживаю и обѣщаюсь Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься. Буде же сего не учинишь, то яко отецъ, данною мнѣ отъ Бога властію, проклинаю тебя вѣчно; а яко государь твой, за измѣнника объявлю и не оставлю всѣхъ способовъ тебѣ, яко измѣннику и ругателю отцову, учинить, въ чемъ Богъ мнѣ поможетъ въ моей истинѣ. Ктому помяни, что я все не насильствомъ тебѣ дѣлалъ; а когда-бъ захотѣлъ, то почто на твою волю полагаться?—что-бъ хотѣлъ, то-бъ сдѣлалъ“ [1]).

Толстой и Румянцевъ пріѣхали въ Вѣну 26 іюля, и на третій день были у Цесаря, вмѣстѣ съ Веселовскимъ, на приватной аудіенціи. Карлъ VI выразилъ сожалѣніе, что грамота его показалась царю неясною, и обѣщалъ дать отвѣтъ, который удовлетворитъ царскому величеству.—Въ это время въ Вѣнѣ жила герцогиня Вольфенбительская, теща императора и царевича. Толстой отправился къ ней, былъ принятъ ласково и показалъ ей въ нѣмецкой копіи письмо государя къ сыну. Герцогиня, прочтя письмо, сильно смутилась и обѣщала, по близкому свойству, искать всѣхъ способовъ, „чтобъ сдѣлать славное дѣло: такого великаго монарха примирить съ сыномъ его“. Толстой отвѣчалъ, что примиренія никакого тутъ быть не можетъ, кромѣ того, чтобъ Цесарь отослалъ царевича съ нимъ, Толстымъ, къ отцу; въ такомъ случаѣ царь его проститъ, а иначе предастъ проклятію. „Избави Боже, чтобъ до этого не дошло“, отвѣчала герцогиня: „по тому что эта клятва падетъ и на внучатъ моихъ“? Толстой написалъ царю: „Что герцогиня говоритъ, будто не вѣдаютъ они, гдѣ нынѣ царевичъ обрѣтается,—сіе, мнится мнѣ, говорятъ для того, чтобъ, не объявляя о пребываніи его въ земляхъ цесарскихъ, стараться примирить его съ вами. А я, по моей рабской должности, доношу вашему величеству мое слабое мнѣніе, что Цесаря въ посредствѣ такого примиренія допускать не безопасно: понеже Богъ вѣдаетъ, какія онъ кондиціи предлагать будетъ! къ-тому-жъ, между вашимъ величествомъ и сыномъ вашимъ какому бытъ посредству? Сіе можетъ назваться больше насильствомъ, а не посредствомъ“ [2]).

Императоръ отдалъ трудное дѣло на разсмотрѣніе троихъ министровъ, графа Цинцендорфа, графа Штаренберга и князя Траутсона. Министры, собравшись въ тайной конференціи, положили: 1) Объявить Толстому, что церевича приняли, желая оказать услугу царю, чтобъ Алексѣй не попался въ непріятельскія руки, и обходятся съ нимъ не какъ съ арестантомъ, но какъ съ принцемъ; отцовское письмо будетъ сообщено царевичу, и если онъ не захочетъ возвратиться, то позволено будетъ Толстому ѣхать въ Неаполь для переговоровъ съ нимъ. Въ этихъ пересылкахъ и перепискахъ выиграется время, и, смотря по тому, какъ кончится нынѣшній походъ царя, можно будетъ говорить съ нимъ смѣлѣе или скромнѣе. 2) Это происшествіе очень важно и опасно, потому что царь, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, можетъ съ многочисленными войсками, расположенными въ Польшѣ по Силезской границѣ, вступить въ Силезію и тамъ остаться до выдачи ему сына; а по своему характеру,—можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ волнующаяся чернь легко къ нему пристанетъ. 3) Необходимо какъ можно скорѣе найти средство къ отпору, особенно заключеніемъ союза съ королемъ Англійскимъ. 4) Наконецъ не надобно терять ни минуты въ бездѣйствіи [3]).

Императоръ одобрилъ мнѣніе конференціи, и графъ Цинцендорфъ объявилъ Толстому и Румянцеву, что Цесарь отправитъ къ царевичу курьера и будетъ своимъ письмомъ склонять его, чтобъ возвратился къ отцу, а неволею послать его будетъ предосудительно для цесарской власти, противно всесвѣтнымъ правамъ и будетъ знакомъ варварства. Толстой испугался мысли, что какъ скоро Алексѣй узнаетъ, что убѣжище его открыто, то выѣдетъ изъ цесарскихъ владѣній, и потому началъ настаивать, чтобъ курьера не посылали, а отправили его, Толстого, въ Неаполь. Герцогиня Вольфенбительская совѣтовала Толстому ѣхать въ Неаполь и обѣщала писать царевичу, уговаривать его возвратиться къ отцу. „Я натуру царевичеву знаю“, говорила она, „и думаю, что царское величество изволитъ трудиться напрасно, принуждая его къ военнымъ дѣламъ, потому что онъ лучше желаетъ имѣть въ рукахъ своихъ четки, чѣмъ пистолеты; только горюю я сильно, чтобъ немилость и клятва царскаго величества на внука моего не упала“ [4]).

Толстому и Румянцеву позволено было отправиться въ Неаполь. 24 сентября пріѣхали они въ этотъ городъ, и 26 видѣлись съ царевичемъ въ домѣ вице-короля графа Дауна. „Мы нашли его въ великомъ страхѣ“, доноситъ Толстой, „о чемъ ежели подробно вашему величеству доносить, потребно будетъ много времени и много бумаги; но кратко доносимъ, что былъ онъ въ томъ мнѣніи, будто мы присланы его убить; а больше опасался капитана Румянцева, о чемъ намъ сказывалъ вицерой; того ради въ тотъ часъ не учинилъ намъ никакого отвѣта, кромѣ того, что уѣхалъ онъ безъ воли вашего величества подъ протекцію цесарскую, опасаясь вашего гнѣву, будто ваше величество, изво-

[1]) Дѣло о царевичѣ.

[2]) Донесенія Толстого въ Моск. Арх. Мин. Иностр. Д.

[3]) Протоколъ конференціи напечатанъ въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова.

[4]) Донесенія Толстого въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.

ляя отлучить его отъ наслѣдства короны Россійской, изволилъ принуждать къ постриженію; а о возвращеніи своемъ говорилъ: „Сего часа не могу о томъ ничего сказать, понеже надобно мыслить о томъ гораздо".—28 числа было второе свиданіе. Царевичъ объявилъ, что боится ѣхать къ отцу, явиться предъ его разгнѣваннымъ лицемъ вскорѣ, а почему возвратиться не смѣетъ—о томъ объявитъ протектору своему, цесарскому величеству. Толстой и Румянцевъ начали угрожать ему жестоко; объявили, что царь будетъ доставать его и вооруженною рукою. Царевичъ смутился, вызвалъ вице-короля въ другую комнату и говорилъ съ нимъ нѣсколько времени; потомъ вышелъ и сказалъ, чтобъ ему дали время на размышленіе. „Можетъ быть", сказалъ онъ, „напишу что-нибудь въ отвѣтъ батюшкѣ на его письмо, и тогда уже дамъ окончательный отвѣтъ".—„Сколько можемъ видѣть", доносилъ Толстой, „многими разговорами съ нами только время продолжаетъ, а ѣхать къ вашему величеству не хочетъ, и не чаемъ, чтобъ безъ крайняго принужденія поѣхалъ. Также доносимъ вашему величеству, что вицерой великое прилежаніе чинитъ, чтобъ царевичъ къ вашему величеству поѣхалъ, и сказалъ намъ въ конфиденціи, что онъ получилъ отъ Цесаря саморучное письмо, дабы всѣми мѣрами склонять царевича, чтобъ поѣхалъ къ вашему величеству, а по послѣдней мѣрѣ куды ни есть, только-бъ изъ его области немедленно выѣхалъ; понеже Цесарь весьма не хочетъ непріятства съ вашимъ величествомъ. Понеже, государь, между царевичемъ и вицероемъ въ пересылкахъ одинъ токмо вицероевъ секретарь употребляется, съ которымъ мы уже имѣемъ пріятство,—и оному говорили, обѣщая ему награжденіе, дабы онъ царевичу, будто въ конфиденцію сказалъ, чтобъ не имѣлъ крѣпкой надежды на протекцію цесарскую, понеже Цесарь оружіемъ его защищать не будетъ и не можетъ при нынѣшнихъ случаяхъ, понеже война съ Турками не кончилась, а съ Гишпанцами начинается, что оный секретарь обѣщалъ учинить".

Въ то же время Толстой писалъ въ Вѣну Авраму Веселовскому: „Мои дѣла въ великомъ находятся затрудненіи: ежели не отчаится наше дитя протекціи, подъ которою живетъ, никогда не помыслитъ ѣхать. Того ради надлежитъ вашей милости тамо во всѣхъ мѣстахъ трудиться, чтобъ ему явно показали, что его оружіемъ защищать не будутъ, а онъ въ томъ все свое упованіе полагаетъ. Мы долженствуемъ благодарить усердіе здѣшняго вицероя въ нашу пользу; да не можетъ преломить замерзѣлаго упрямства. Сего часу не могу больше писать, понеже ѣду къ нашему звѣрю, а почта отходитъ".

„Замерзѣлое упрямство" было переломлено такими средствами: графъ Даунъ, по письму императора, долженъ былъ употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобъ царевичъ согласился ѣхать къ отцу. Но сначала всѣ старанія его оставались тщетными, потому что царевичъ опирался на обѣщаніе покровительства, даннаго императоромъ. Вице-король обратился къ Толстому за совѣтомъ, что ему дѣлать. Толстой отвѣчалъ: „Говорите ему, что Цесарь оружіемъ защищать его не будетъ, потому что причины не имѣетъ; Цесарь обѣщалъ ему покровительство, но уже исполнилъ свое обѣщаніе, покровительствовалъ ему до тѣхъ поръ, пока царь обѣщалъ ему свое прощеніе, если онъ только съ повиновеніемъ возвратится. Теперь Цесарь уже не имѣетъ никакой обязанности держать его, ибо ясно, что онъ по упрямству только своему не хочетъ ѣхать къ отцу; съ какой стати Цесарь будетъ изъ-за него вести несправедливую войну съ царемъ, находясь и безъ того въ войнѣ съ двухъ сторонъ? И ежели дойдетъ до войны, то принужденъ будетъ и противъ воли его выдать отцу".—„Такъ сурово говорить ему не могу", сказалъ Даунъ. Потомъ объявилъ Толстому: „Я намѣренъ его постращать, будто хочу отнять у него женщину, которую онъ при себѣ держитъ" (Афросинью). Это сдѣлать Даунъ могъ по своимъ инструкціямъ, ибо въ Вѣнѣ воображали, что царь больше всего сердитъ на сына за Афросинью, удаленіе которой могло служить лучшимъ средствомъ къ примиренію. Но Толстому это средство понравилось по другимъ причинамъ.—„Я ему то дѣлать совѣтовалъ", писалъ Толстой къ одному изъ министровъ, для того, чтобъ царевичъ изъ того увидалъ, что цесарская протекція ему не надежна, и поступаютъ съ нимъ противъ его воли. А потомъ увѣщалъ я секретаря вицероева, который во всѣхъ пересылкахъ былъ употребленъ, и человѣкъ гораздо уменъ, чтобъ онъ будто за секретъ царевичу сказалъ всѣ вышеписанныя слова, которыя я вицерою совѣтовалъ царевичу объявить, и далъ тому секретарю 160 золотыхъ червонныхъ, обѣщая ему наградить впередъ, что оный секретарь и учинилъ. И, возвратясь отъ царевича, привезъ ко мнѣ его письмо, прося меня, чтобъ я къ нему пріѣхалъ одинъ, что я немедленно и учинилъ. И, пріѣхавъ, сказалъ ему, будто я получилъ отъ царскаго величества саморучное письмо, въ которомъ будто изволилъ ко мнѣ писать, что конечно доставать его намѣренъ оружіемъ, ежели вскорѣ добровольно не поѣдетъ, и что войска свои въ Польшѣ держитъ, чтобъ ихъ вскорѣ поставить на зимовыя квартиры въ Силезію, и прочая, что могъ вымыслить къ его устрашенію; а наипаче то, будто его величество немедленно изволитъ самъ ѣхать въ Италію. И сіе слово ему толковалъ, будто сожалѣя о немъ, что когда его величество сюда пріѣдетъ, то кто можетъ возбранить его видѣть, и чтобъ онъ не мыслилъ что сему нельзя сдѣлаться, понеже ни малаго въ томъ затрудненія нѣтъ, кромѣ токмо изволенія царскаго величества; а то ему и самому извѣстно, что его величество давно въ Италію ѣхать намѣренъ, а нынѣ наипаче для сего случая всемѣрно вскорѣ изволитъ поѣхать. И такъ сіе привело его въ страхъ, что въ томъ моментѣ мнѣ сказалъ, ежe

всеконечно ѣхать къ отцу отважится. И просилъ меня, чтобъ я назавтра къ нему пріѣхалъ купно съ капитаномъ Румянцевымъ: „Я-де уже завтра подлинный вамъ учиню отвѣтъ". И съ этимъ я отъ него поѣхалъ прямо къ вицерою, которому объявилъ, что было потребно, прося его, чтобъ немедленно послалъ къ нему сказать, чтобъ онъ дѣвку отъ себя отлучилъ, что онъ, вицерой, и учинилъ: понеже выразумѣлъ я изъ словъ его (царевича), что больше всего боится ѣхать къ отцу, чтобъ не отлучилъ отъ него той дѣвки. И того ради просилъ я вицероя учинить предреченный поступокъ, дабы съ трехъ сторонъ вдругъ пришли къ нему противныя вѣдомости, т. е. что помянутый секретарь отнялъ у него надежду на протекцію цесарскую, а я ему объявилъ отцевъ къ нему вскорѣ пріѣздъ и прочая, а вицерой—разлученіе съ дѣвкою. И когда присланный отъ вицероя объявилъ ему разлученіе съ дѣвкою, тотчасъ ему сказалъ, чтобъ ему дали сроку до утра: „А завтра-де я присланнымъ отъ отца моего объявлю, что я съ ними къ отцу моему поѣду, предложа имъ только двѣ кондиціи, которыя я уже сегодня министру Толстому объявилъ". А кондиціи тѣ: первая, чтобъ ему отецъ позволилъ жить въ его деревняхъ; а другая, чтобъ у него помянутой дѣвки не отнимать. И хотя сіи государственныя кондиціи паче мѣры тягостны, однакожь я и безъ указу осмѣлился на нихъ позволить словесно. А когда мы назавтра къ нему съ капитаномъ Румянцевымъ пріѣхали, онъ намъ тотчасъ объявилъ, что безъ прекословія ѣдетъ купно съ нами, и притомъ насъ просилъ, чтобы мы ему исходатайствовали у отца той милости, дабы повелѣлъ ему на оной дѣвкѣ жениться, не доѣзжая до С.-Петербурга. О семъ я его величеству мое слабое мнѣніе доношу: ежели нѣтъ въ томъ какой противности, чтобъ изволилъ ему на то позволить, для того что онъ тѣмъ весьма покажетъ себя во весь свѣтъ, еже не отъ какой обиды ушелъ, токмо для той дѣвки; другое, — Цесаря весьма огорчитъ, и уже никогда ему ни въ чемъ вѣрить не будетъ; третіе, — что уже отъиметъ опасность о его пристойной женитьбѣ къ доброму свойству, отъ чего еще и здѣсь не безопасно. Мнѣ мнится, что сіе ничему предбудущему противно не будетъ, но въ своемъ государствѣ покажетъ, какого онъ состоянія. А когда благоволитъ Богъ мнѣ быть въ С.-Петербургѣ, уже безопасно буду хвалить Италію и штрафу за то пить не буду [1]), понеже не токмо дѣйствительный походъ (царя), но и одно намѣреніе быть въ Италіи добрый ефектъ ихъ величествамъ и всему Россійскому государству принесло".

3 октября Толстой извѣстилъ Петра, что царевичъ согласился ѣхать въ Россію. Достигнувъ такъ неожиданно скоро своей цѣли, Толстой боялся, чтобъ добыча какъ-нибудь не ушла изъ рукъ, и потому писалъ царю: „Благоволи, всемилостивѣйшій государь, о возвращеніи къ намъ сына вашего содержать нѣсколько времени секретно, для того: когда это разгласится, то опасно, чтобы кто-нибудь, кому это противно, не написалъ къ нему какого соблазна, отчего можетъ, устрашась, перемѣнить свое намѣреніе". 4 октября царевичъ самъ написалъ отцу въ тревожномъ состояніи духа, что выразилось въ письмѣ: „Всемилостивѣйшій государь-батюшка! Письмо твое, государь милостивѣйшій, чрезъ господъ Толстого и Румянцева получилъ, изъ котораго, также изустнаго мнѣ отъ нихъ милостивое отъ тебя, государя, мнѣ, всякія милости недостойному, въ семъ моемъ своевольномъ отъѣздѣ, будетъ я возвращуся, прощеніе, о чемъ со слезами благодаря и припадая къ ногамъ милосердія вашего, слезно прошу объ оставленіи мнѣ преступленій моихъ, мнѣ, всякимъ казнямъ достойному. И надѣяся на милостивое обѣщаніе ваше, полагаю себя въ волю вашу, и съ присланными отъ тебя, государя, поѣду изъ Неаполя на сихъ дняхъ къ тебѣ, государю, въ С.-Петербургъ. Всенижайшій и непотребный рабъ и недостойный назватися сыномъ Алексѣй" [2]).

Но царевичъ не прямо отправился изъ Неаполя въ Петербургъ; онъ потребовалъ, чтобъ ему дали прежде съѣздить въ Бари поклониться мощамъ Св. Николая. Толстой и Румянцевъ поѣхали вмѣстѣ съ нимъ въ Бари. Возвратясь оттуда въ Неаполь, они 14 октября выѣхали изъ этого города по дорогѣ въ Римъ. Толстой и Румянцевъ дали знать царю, что Алексѣй неотступно требуетъ, чтобъ они выпросили ему позволеніе обвѣнчаться на Афросиньѣ до пріѣзда въ Петербургъ, и, подъ предлогомъ, что хочетъ осматривать Римъ, Венецію и другіе города, будетъ медлить въ дорогѣ, дожидаясь на самомъ дѣлѣ указа о женитьбѣ, чтобъ по этому принять свои мѣры. Царь 17 ноября изъ Петербурга отвѣчалъ сыну на его письмо изъ Неаполя отъ 4 октября: „Письмо твое я здѣсь получилъ, на которое отвѣтствую: что просишь прощенія, которое уже вамъ предъ симъ чрезъ господъ Толстова и Румянцова письменно и словесно обѣщано, что и нынѣ подтверждаю, въ чемъ будь весьма надеженъ. Также о нѣкоторыхъ твоихъ желаніяхъ писалъ къ намъ господинъ Толстой, которыя также здѣсь вамъ позволятся, о чемъ онъ вамъ объявитъ. Петръ" [3]). Толстому и Румянцеву Петръ писалъ: „Мои господа! Письмо ваше я получилъ, и что сынъ мой, повѣря моему прощенію, съ вами дѣйствительно уже поѣхалъ, что меня зѣло обрадовало. Что же пишете, что желаетъ жениться на той, которая при немъ, и въ томъ весьма ему позволится, когда въ наши краи пріѣдетъ, хотя въ Ригѣ или въ своихъ городахъ, или хотя въ Курляндіи

[1]) На царскихъ пирахъ провинившійся наказывался тѣмъ, что долженъ былъ выпить большой кубокъ вина: отсюда выраженіе *пить штрафъ*. Изъ словъ Толстого видно, что онъ когда-нибудь за излишнія похвалы Италіи выпилъ штрафъ.

[2]) Дѣло о царевичѣ.

[3]) Дѣло о царевичѣ.

у племянницы въ домѣ; а чтобъ въ чужихъ краяхъ жениться,—то больше стыда принесетъ. Буде же сомнѣвается, что ему не позволятъ, и въ томъ можетъ разсудить: когда я ему такъ великую вину отпустилъ, а сего малаго дѣла для чего мнѣ ему не позволить? О чемъ и напредъ сего писалъ, — и въ томъ его обнадежилъ, что и нынѣ паки подтверждаю; также и жить гдѣ похочетъ въ своихъ деревняхъ, въ чемъ накрѣпко моимъ словомъ обнадежьте его" [1]).

Толстого очень безпокоилъ проѣздъ чрезъ Вѣну; но царевичъ непремѣнно хотѣлъ остановиться въ этомъ городѣ, чтобъ поблагодарить императора. Неизвѣстно, какими средствами дѣло было устроено такъ, что царевичъ согласился проѣхать Вѣну тайкомъ, не видавшись съ императоромъ. Карлъ VI заключилъ изъ этого, что Толстой и Румянцевъ нарочно не допустили царевича до свиданія съ нимъ, боясь, чтобъ Алексѣй не перемѣнилъ своего намѣренія ѣхать къ отцу,—заключилъ, что его везутъ неволею. Узнавши, что царевичъ поѣхалъ на Брюнъ, императоръ послалъ секретное предписаніе Моравскому генералъ-губернатору задержать подъ какимъ-нибудь предлогомъ Алексѣя, видѣться съ нимъ наединѣ и допытаться, какъ его уговорили ѣхать къ отцу, не было ли употреблено принужденія, точно ли устранены причины подозрѣнія и страха, заставившія его отдаться подъ покровительство императора. Если царевичъ скажетъ, что не желаетъ ѣхать дальше, то отвести ему удобное помѣщеніе и смотрѣть, чтобъ люди его чего-нибудь съ нимъ не сдѣлали. Толстой не пустилъ генералъ-губернатора къ царевичу и требовалъ, чтобъ ихъ отпустили немедленно; генералъ-губернаторъ не отпускалъ и послалъ въ Вѣну за инструкціями. Здѣсь рѣшили, что всего лучше избавиться отъ царевича съ сохраненіемъ приличія; надобно желать, чтобъ онъ не измѣнилъ своего намѣренія возвратиться къ отцу; императоръ сдѣлалъ все, что предписывали великодушіе, честь, родство; царевичъ самъ не захотѣлъ воспользоваться этимъ. Продолжать ему покровительствовать при непостоянствѣ его и угрожающей государству опасности отъ царя, — было бы безразсудно; у царевича нѣтъ настолько ума, чтобъ можно было надѣяться отъ него какой-нибудь пользы. Генералъ-губернаторъ долженъ непремѣнно видѣть царевича и сказать ему привѣтствіе; можетъ употребить для этого даже и силу. Если царевичъ при этомъ опять будетъ просить покровительства, то объявить ему, что онъ свободенъ дѣлать все, что ему угодно. Силу употреблять было не нужно: генералъ-губернаторъ былъ допущенъ къ царевичу и объявилъ, что императору было бы пріятно видѣться съ его высочествомъ, и онъ удивляется, почему царевичъ не захотѣлъ этого. Алексѣй извинялъ себя грязнымъ видомъ послѣ путешествія и неимѣніемъ приличнаго экипажа, и сказалъ, что поручилъ резиденту Веселовскому изъявить свою благодарность императору. Царевичъ самъ не входилъ въ дальнѣйшія изъясненія; говорить съ нимъ наединѣ генералъ-губернатору было невозможно: Толстой и Румянцевъ стояли близко и внимательно слушали разговоръ [2]). Послѣ генералъ-губернаторскаго комплимента, путешественники немедленно отправились въ путь, и пріѣхали въ Россію безъ дальнѣйшихъ приключеній. 31 января 1718 года царевичъ уже былъ въ Москвѣ. Афросинья отстала отъ него еще за-границею по причинѣ беременности.

Отецъ пріѣхалъ въ Россію прежде сына. Въ другой разъ возвращался Петръ изъ продолжительнаго заграничнаго путешествія не на радость себѣ. Въ первый разъ возвратился онъ, услыхавъ, что сѣмя Ивана Михайловича Милославскаго растетъ, и поднялъ страшный стрѣлецкій розыскъ. Казалось, вредное сѣмя было вырвано: Софья умерла въ монастырѣ, стрѣльцы исчезли, вмѣсто нихъ явилось новое войско, Полтавское войско и Гангудскій флотъ; замыслы астраханскихъ раскольниковъ, донской голутьбы, гетмана Мазепы не удались. Прошло много лѣтъ, исполненныхъ великихъ трудовъ, страшныхъ бѣдствій и неожиданной славы. Новое сѣмя, казалось, брошено было на плодоносную почву и обѣщало богатую жатву. Русскій флагъ побѣдоносно развѣвался на Балтійскомъ морѣ; Рига, Ревель, Финляндія были покорены; царь добивалъ Шведа на чужой землѣ, изъ Даніи устраивалъ высадку въ Швецію; сцена русскаго дипломатическаго дѣйствія обхватила всю Европу; русскіе интересы переплелись съ интересами Германіи, Англіи, Франціи. Кто могъ вообразить что-нибудь подобное лѣтъ восемь тому назадъ? И вдругъ -извѣстіе, что сѣмя Ивана Михайловича Милославскаго выросло опять, и теперь выросло въ родномъ сынѣ царя! Царевичъ ушелъ изъ Россіи, отдался подъ покровительство чужаго государя, жалуясь на тиранство отца, позоря его дѣла, выставляя въ черномъ свѣтѣ людей близкихъ. До сихъ поръ по Европѣ шла слава великаго царя; теперь пошло безславіе; семейный недугъ открылся передъ всѣми; сынъ позвалъ отца на судъ передъ Европою. Бѣглецъ возвращается; но трудное и страшное дѣло впереди: какъ поступить съ нимъ? Объ исправленіи, перемѣнѣ—думать больше нечего; до бѣгства было только упрямство, неповиновеніе; теперь обнаружилась уже вражда, не допускающая примиренія; оставить Алексѣя жить спокойно въ деревняхъ его —значитъ оставить непримиримаго врага своему Дому, будущему Россіи, женѣ и дѣтямъ. Но это еще не все: могъ ли Алексѣй, при его характерѣ, рѣшиться одинъ на исполненное имъ дѣло? Тутъ должны быть совѣтники. Кто они? Отъ домашнихъ царевича дѣло идти не могло: не такіе это люди! Должны быть другіе. Кто они? Прежде всего мысленные взоры

[1]) Московскій Архивъ Мин. Ин. Д.

[2]) Бумаги тайнаго Вѣнскаго архива—въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова.

царя обращаются къ монастырю, гдѣ живетъ невольная постриженница, инокиня Елена: тамъ должны были знать; но должны были знать и другіе; и ограничивался ли умыселъ одною Россіею, не работали ли тутъ враги внѣшніе? Алексѣй долженъ все открыть: долженъ быть сильный розыскъ!

Многимъ становилось страшно при мысли о розыскѣ. Безпокоились, когда узнали, что царевичъ скрылся; обрадовались, когда узнали, что онъ у Цесаря. Гофмейстерина при дѣтяхъ царевича, мадамъ Рогэнъ, говорила Аѳанасьеву: „Слава Богу, и вы молитесь; какъ я слышу, царевичъ въ хорошемъ охраненіи у Цесаря обрѣтается; пишутъ ко мнѣ, что онъ отсюда свѣтлѣйшимъ княземъ изгнанъ; только онъ ему послѣ заплатитъ“. Иванъ Нарышкинъ говорилъ: „Какъ сюда царевичъ пріѣдетъ,—вѣдь онъ тамъ не вовсе будетъ,—то онъ тогда уберетъ свѣтлѣйшаго князя съ прочими; чаю достанется и учителю (Вяземскому) съ роднею, что онъ его, царевича, продавалъ князю“. Другіе разговоры пошли, когда узнали, что царевичъ возвращается въ Россію. Иванъ Нарышкинъ говорилъ: „Іуда Петръ Толстой обманулъ царевича, выманилъ; и ему не перваго кушать“. Говорили, что Толстой подпоилъ царевича. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій говорилъ князю Богдану Гагарину: „Слышалъ ты, что дуракъ царевичъ сюда идетъ, потому что отецъ посулилъ женить его на Афросиньѣ? Жолвъ ему—не женитьба! Чортъ его несетъ! Всѣ его обманываютъ нарочно“. Кикинъ сильно встревожился, послалъ за Аѳанасьевымъ и началъ ему говорить: „Знаешь ли, что царевичъ сюда ѣдетъ?“—„Не знаю“, отвѣчалъ Аѳанасьевъ; „только слышалъ отъ царицы, когда была у царевичевыхъ дѣтей, говорила, какъ царевичъ въ Римъ пришелъ, и какъ встрѣчали“.—„Я тебѣ подлинно сказываю, что ѣдетъ“, продолжалъ Кикинъ: „только что̀ онъ надъ собою сдѣлалъ? Отъ отца ему быть въ бѣдѣ; а другіе будутъ напрасно страдать“.—„Буде до меня дойдетъ, я, что вѣдаю, скажу“, сказалъ Аѳанасьевъ.—„Что ты это сдѣлаешь?“ возразилъ Кикинъ: „вѣдь ты себя умертвишь. Я прошу тебя, и другимъ служителямъ пожалуй поговори, чтобъ они сказали, что я у царевича давно не былъ. Куда-нибудь скрыться! Поѣхалъ бы ты на встрѣчу къ царевичу до Риги, и сказалъ бы ему, что отецъ сердитъ, хочетъ суду предавать, того ради въ Москвѣ всѣ архіереи собраны“. Аѳанасьевъ отвѣчалъ, что ѣхать не смѣетъ, боится князя Меншикова. Потомъ предложилъ послать брата своего, и Кикинъ выхлопоталъ ему подорожную за вице-губернаторскою подписью; но и брата Аѳанасьевъ не послалъ, чтобы въ бѣду не попасть.

Такимъ образомъ, царевичъ не узналъ, что̀ ждетъ его въ Москвѣ. 3 февраля, въ понедѣльникъ, въ кремлевскій дворецъ собралось духовенство и свѣтскіе вельможи; явился царь,—и ввели царевича безъ шпаги. Отецъ обратился къ нему съ выговорами; тотъ бросился передъ нимъ на колѣни, признался себя во всемъ виновнымъ и со слезами просилъ помилованія. Отецъ обѣщалъ ему милость при двухъ условіяхъ: если откажется отъ наслѣдства и откроетъ всѣхъ людей, которые присовѣтовали бѣгство. Царевичъ на все согласился, и тутъ же написалъ повинную: „Понеже, узнавъ свое согрѣшеніе предъ вами, яко родителемъ и государемъ своимъ, писалъ повинную и прислалъ оную изъ Неаполя,—такъ и нынѣ оную приношу, что я, забывъ должность сыновства и подданства, ушелъ и поддался подъ протекцію цесарскую и просилъ его о своемъ защищеніи. Въ чемъ прошу милостиваго прощенія и помилованія“. Потомъ царь вышелъ съ сыномъ въ другую комнату, гдѣ царевичъ открылъ ему своихъ сообщниковъ. Послѣ этого всѣ пошли въ Успенскій соборъ, гдѣ царевичъ передъ Евангеліемъ отрекся отъ престола и подписалъ клятвенное обѣщаніе: „Я нижепоименованный обѣщаю предъ Св. Евангеліемъ, что понеже я, за преступленіе мое предъ родителемъ моимъ и государемъ, его величествомъ, изображенное въ его грамотѣ и въ повинной моей, лишенъ наслѣдства Россійскаго престола,—того ради признаваю то, за вину мою и недостоинство, заправедно, и обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ, въ Троицѣ славимымъ Богомъ и судомъ Его той волѣ родительской во всемъ повиноваться и того наслѣдства никогда ни въ какое время не искать и не желать и не принимать его ни подъ какимъ предлогомъ. И признаваю за истиннаго наслѣдника брата моего, царевича Петра Петровича. И на томъ цѣлую Св. Крестъ и подписуюсь собственною моею рукою“.

Въ тотъ же день былъ обнародованъ царскій манифестъ, въ которомъ, изложивъ мѣры, принятыя для приличнаго воспитанія Алексѣя, и описавъ недостойное поведеніе послѣдняго и бѣгство, Петръ говорилъ: „Наши посланные употребляли всѣ способы уговорить его къ возвращенію, какъ обнадеживаніями, такъ и угрозами, что мы его вооруженною рукою будемъ отыскивать и что Цесарь изъ-за него съ вами войны вести не захочетъ. Но онъ на все это не посмотрѣлъ и не захотѣлъ къ намъ ѣхать до тѣхъ поръ, пока, видя его упорство, цесарскій вицерой цесарскимъ именемъ ему представилъ, чтобъ онъ ѣхалъ, ибо Цесарь ни по какому праву его удерживать не можетъ и при нынѣшней съ Турками и Испанцами войнѣ, съ нами за него въ ссору вступать не можетъ. Тогда, опасаясь, чтобъ намъ не выдали его и противъ воли, согласился къ намъ ѣхать. И хотя онъ, сынъ нашъ, за такіе противные поступки, особенно за это передъ всѣмъ свѣтомъ нанесенное намъ безчестіе чрезъ побѣгъ свой и клеветы, на насъ разсѣянныя, какъ злорѣчащій отца своего и сопротивляющійся государю своему, достоинъ былъ смерти,—однако мы, соболѣзнуя о немъ отеческимъ сердцемъ, прощаемъ его и отъ всякаго наказанія освобождаемъ. Однако, въ разсужденіи его недостоинства, не можемъ, по совѣсти своей, оставить

его послѣ себя наслѣдникомъ престола Россійскаго, зная, что онъ, своими непорядочными поступками, всю полученную по Божіей милости и нашими неусыпными трудами славу народа нашего и пользу государственную утратитъ, которую съ такимъ трудомъ мы получили, и не только отторгнутыя отъ государства нашего провинціи возвратили, но и вновь многіе знатные города и земли получили, также и народъ свой во многихъ воинскихъ и гражданскихъ наукахъ къ пользѣ государственной и славѣ обучили—то всѣмъ извѣстно. И такъ, сожалѣя о государствѣ своемъ и вѣрныхъ подданныхъ, дабы отъ такого властителя въ худшее прежняго состояніе не были приведены, мы, властію отеческою, по которой, по правамъ государства нашего, и каждый подданный нашъ сына своего воленъ лишить наслѣдства и другому сыну передать, и какъ самодержавный государь, для пользы государственной, лишаемъ сына своего, Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства послѣ насъ престола нашего Всероссійскаго, хотябъ ни единой персоны нашей фамиліи по насъ не осталось. И опредѣляемъ и объявляемъ по насъ престола наслѣдникомъ другого сына нашего, Петра, хотя еще и малолѣтняго, ибо инаго возрастнаго наслѣдника не имѣемъ, и заклинаемъ сына нашего Алексѣя родительскою клятвою, дабы того наслѣдства ни въ какое время себѣ не претендовалъ и не искалъ. Желаемъ же отъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, духовнаго и мірскаго чина и всего народа всероссійскаго, дабы, по сему нашему изволенію и опредѣленію, отъ насъ назначеннаго въ наслѣдство сына нашего, Петра, за законнаго наслѣдника признавали и почитали и обѣщаніемъ предъ Св. алтаремъ, надъ Св. Евангеліемъ и цѣлованіемъ Креста утвердили. Всѣхъ же тѣхъ, кто сему нашему изволенію въ которое-нибудь время противны будутъ и сына нашего, Алексѣя, отнынѣ за наслѣдника почитать и ему въ томъ вспомогать станутъ и дерзнутъ,—измѣнниками намъ и отечеству объявляемъ".

На другой день, 4-го февраля, царевичу были предложены письменные пункты о сообщникахъ: „Понеже вчерась прощеніе получилъ на томъ, дабы всѣ обстоятельства донести своего побѣгу и прочаго тому подобнаго; а ежели что утаено будетъ, то лишенъ будешь живота; на что о нѣкоторыхъ причинахъ сказалъ ты словесно, но лучше очистить письменно по пунктамъ. Все, что къ сему дѣлу касается, хотя что здѣсь и не написано, то объяви и очисти себя, какъ на сущей исповѣди; а ежели что укроешь и потомъ явно будетъ, на меня не пеняй: понеже вчерась предъ всѣмъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ".

Царевичъ показалъ о Кикинѣ, Вяземскомъ, Дубровскомъ, царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, князѣ Василіи Владиміровичѣ Долгорукомъ, Аѳанасьевѣ,—показалъ не все; показалъ, что въ Неаполѣ секретарь Кейль принудилъ его написать въ Россію письмо сенаторамъ и архіереямъ: „Есть извѣстія", говорилъ Кейль, „что вы умерли; по другимъ извѣстіямъ вы пойманы и сосланы въ Сибирь,—поэтому дайте знать о себѣ въ Россію; а не напишете, то мы не станемъ васъ держать". Царевичъ написалъ въ Сенатъ и двумъ архіереямъ, Ростовскому и Крутицкому въ такомъ смыслѣ: „Думаю, васъ, и всѣхъ удивилъ мой безвѣстный отъѣздъ, къ которому меня принудило великое озлобленіе и непорядокъ, особенно когда въ началѣ прошлаго года едва меня не постригли въ монахи; но Богъ далъ случай мнѣ уѣхать, и теперь нахожусь подъ охраною нѣкотораго великаго государя (который обѣщалъ меня не оставить и въ нужный часъ помочь), пока Господь не повелитъ возвратиться, при которомъ случаѣ прошу, не забудьте меня. Если услышите отъ людей, желающихъ изгладить обо мнѣ память, что меня въ живыхъ нѣтъ, или случилось со мною какое-нибудь другое несчастіе, то не извольте вѣрить".

Кикинъ не успѣлъ скрыться: онъ былъ схваченъ и приведенъ къ врагу своему, Меншикову. Увидавши князя, онъ спросилъ его: „Князь Василій Долгорукій взятъ ли?" — „Не взятъ", отвѣчалъ Меншиковъ. Тутъ Кикинъ сказалъ: „Насъ истяжутъ, а Долгорукихъ царевичъ, пожалѣвъ фамилію, закрылъ". Истязаніе началось немедленно, и Кикинъ признался: что къ царевичу хаживалъ и про отъѣздъ его зналъ, въ Либавѣ видѣлся и совѣтовалъ ѣхать къ Цесарю; будучи въ Вѣнѣ, ни о чемъ не хлопоталъ и съ тамошними министрами ни о чемъ не говорилъ; совѣтовалъ царевичу, если не удастся у Цесаря, ѣхать къ папѣ и въ другія мѣста. О постриженіи говорилъ: „Лучше теперь постричься, а наслѣдство ваше впредь благовременно не уйдетъ; но не говорилъ, что клобукъ не гвоздемъ будетъ прибитъ". О побѣгѣ и чтобъ царевичу остаться въ чужихъ краяхъ много разъ и въ разныя времена совѣтовалъ послѣ смерти кронъпринцессы. Когда царевичъ отъѣзжалъ въ Карлсбадъ, то не помнится, совѣтовалъ, или нѣтъ, прожить три года, и по возвращеніи изъ Карлсбада говорилъ: „Напрасно оттуда пріѣхалъ, лучшебъ отъѣхать во Францію и тамъ жить; говорилъ это на слова царевича: „Напрасно я сюда пріѣхалъ, а когда Богъ изволитъ, что буду монархомъ, тогда васъ честью и прочимъ удовольствую". Совѣтовалъ не возвращаться, если отецъ пришлетъ за царевичемъ.

Кикина привели въ Москву—и здѣсь другая пытка: послѣ 25 ударовъ кнутомъ, онъ отвѣчалъ на вопросы, зачѣмъ совѣтовалъ именно къ Цесарю уѣхать. „Вѣнскій Дворъ ему знакомъ, потому что онъ въ Вѣнѣ былъ, и ѣздилъ для того, чтобы царевичу путь показать. Съ Веселовскимъ говорилъ: „Какъ будетъ царевичъ въ Вѣнѣ, не выдадутъ ли его?" Тотъ отвѣчалъ: „Чаю, не выдадутъ". А подлиннаго намѣренія ему не сказывалъ. На вопросъ: „Въ какую надежду долгое его-бъ (царевича) тамошнее бытье (въ Вѣнѣ) было и что по-

томъ дѣлать намѣрены были?“ — отвѣчалъ: „Въ такую надежду, что царевичъ хотѣлъ его не оставить, а дѣлать ничего не былъ намѣренъ, только въ Вѣнѣ прожить“. Чрезъ нѣсколько дней Кикинъ попросилъ чернилъ и бумаги, чтобъ все объявить на письмѣ, и написалъ уже другое: „Когда повелѣно ѣхать царевичу въ Нѣмецкія Земли, тогда мнѣ онъ говорилъ, что радъ той посылкѣ. Я спросилъ: для чего радъ?—сказалъ, что „будетъ жить тамъ, какъ хочетъ“. Я ему отвѣтствовалъ: „Надобно смотрѣть, съ чѣмъ назадъ пріѣхать, понеже государь изволитъ на немъ взыскивать дѣло, за чѣмъ онъ посланъ“. Сказалъ мнѣ: „Сколько мочно, стану учиться“. А когда онъ пріѣхалъ сюда, сказывалъ мнѣ, что ему тамошнія мѣста полюбились. Я ему говорилъ: „Ежели бы онъ хотѣлъ, то бы и государь нѣкоторое еще время велѣлъ быть, понеже то и ему было угодно, только-бъ не даромъ жить“. Послѣ того времени, увидя я, что пріѣхалъ онъ оттуда съ тѣмъ же, съ чѣмъ поѣхалъ, началъ отъ него отдаляться, и года за два до нынѣшняго его отъѣзда былъ я въ его домѣ развѣ трижды или четырежды, въ чемъ свидѣтельствуюсь дому его людьми; и въ Карлсбадъ поѣхалъ я, съ нимъ не простясь. А что я ему будто совѣтовалъ, чтобъ идти въ то время во Францію,—и то явная немилость. И еслибъ то какимъ образомъ дѣлано было, и я бы ему объявилъ; а то дѣлалъ для него, но онъ бы о томъ не вѣдалъ, и тому статься нельзя. Да и ни единаго случая ни малаго для знакомости мнѣ двора Французскаго нѣтъ, и прежде сего не бывало, и не видалъ ничего тамошняго состоянія, какъ бы мнѣ его посылать; и для чего было мнѣ то дѣлать?—понеже не настояло къ тому ниже малой причины. А что тамъ живетъ король Англійскій (изгнанный Стюартъ), то онъ, чаю, отъ многихъ сотъ людей слыхалъ, а я о томъ съ нимъ истинно не говаривалъ. Не упамятую, въ которое время пріѣхалъ ко мнѣ царевичъ до свѣту; я у него спросилъ: „Для чего такъ“?—Сказалъ мнѣ, что онъ былъ у князя Василія Владиміровича (Долгорукаго) и Ѳедора Матвѣевича (Апраксина) для нѣкотораго дѣла, и говорилъ мнѣ, чтобъ я къ нему пріѣхалъ. И какъ пріѣхалъ, сказывалъ мнѣ, что государь къ нему изволилъ писать. Я ему на то отвѣтствовалъ (истинно какъ предъ Богомъ отвѣтъ дамъ) симъ образомъ: что отецъ вашъ не хочетъ, чтобъ вы были наслѣдникомъ однимъ именемъ, но самымъ дѣломъ. Онъ мнѣ сказалъ: „Кто же тому виноватъ, что меня такого родили? Правда, природнымъ умомъ я не дуракъ, только труда никакого понести не могу“. Я ему говорилъ: „Изъ сихъ двухъ дѣлъ одно, которое ни есть, сдѣлать надобно“. И спрашивалъ меня, что ему лучше дѣлать. Я ему отвѣчалъ, чтобъ постричься, понеже онъ самъ о себѣ говоритъ, что никакихъ дѣлъ понесть не можетъ. А что „клобукъ гвоздемъ не прибитъ“,—истинно не говаривалъ. Когда встрѣтился цесаревичъ въ Либау, какъ онъ ѣхалъ изъ Петербурга, тогда пришелъ ко мнѣ самъ на квартиру и спрашивалъ меня, давно ли я государя видѣлъ и не слыхалъ ли чего о немъ. Я сказалъ, что государя видѣлъ въ Гданску, ѣдучи туды, а о немъ ничего не слыхалъ. Сказалъ мнѣ: „Челомъ бью и на твоемъ жалованіи“. Я спросилъ: на чемъ? Сказалъ мнѣ: „Правда или неправда, только я слышалъ“. Я сказалъ, что ничего не дѣлывалъ. И, выпивъ водки, пошелъ отъ меня, а мнѣ приказалъ, чтобъ я не ходилъ къ нему на квартиру, и то знатно, для своей дѣвки сдѣлалъ. А на другой день, передъ отъѣздомъ, пришелъ я къ нему на квартиру, и тутъ былъ у него капитанъ князь Шаховской и прочіе офицеры, а кто—не упомню. И, вышедъ, отдалъ письмо капитану Шаховскому; и послѣ того въ скорости спросилъ у меня царевичъ: „Не посылаетъ ли кого въ Петербургъ нарочно государыня царевна“? Я ему сказалъ, что сегодня или завтра поѣдетъ. Тогда, вынувъ письмо изъ пазухи въ другой палатѣ, отдалъ мнѣ и говорилъ, чтобъ послать немедленно; и послѣ того въ другой разъ говорилъ, что письмо нужное, а ежели Ивана Аѳанасьева не застанетъ, чтобъ отдалъ брату его; и я то письмо взялъ, привезъ съ собою въ Петербургъ и Ивана Аѳанасьева засталъ въ Петербургѣ, и спрашивалъ у него, имѣетъ ли онъ письмо отъ царевича.—Сказалъ, что имѣетъ, и велитъ ѣхать, догоняя; за собою немедленно, и поѣдетъ вскорѣ. И какъ онъ сказалъ, что поѣдетъ, тогда я оное письмо удержалъ у себя, и послѣ его отъѣзду на третій день распечаталъ, и какъ увидѣлъ о такомъ его намѣреніи, объявить опасся, чтобъ не привесть себя въ розыскъ, понеже явнаго свидѣтельства посторонняго никакого нѣтъ, и хотѣлъ видѣть, какой тому дѣлу будетъ конецъ. А что царевичъ изволилъ говорить, будто я его послалъ въ Вѣну, и то истинно напрасно, по немилости своей: знатно, увидавъ, что я еще до отъѣзда государева въ Копенгагенъ, доносилъ государынѣ царицѣ и послѣ того въ Гданску, когда еще здѣсь былъ царевичъ, доносилъ государю, и еслибъ въ то время, по тому моему доношенію, повелѣно было освидѣтельствовать, тогдажъ бы намѣреніе его то и другое было явно, понеже и нынѣ ему въ томъ запереться невозможно, что говорилъ ему князь Василій Долгорукій, что будто онъ царевича у государя съ плахи снялъ, и спрашивалъ у него (Долгорукій): ежели онъ въ чемъ можетъ царевичу впредь служить, то онъ радъ, хотябъ и животъ ему свой за него положить. Понеже и князь Яковъ Ѳедоровичъ (Долгорукій), не знаю для чего, посылалъ брата моего къ царевичу предъ его отъѣздомъ, чтобъ онъ къ государю не ѣздилъ, а лучше чтобы постригся. На что братъ ему мой отвѣтствовалъ, что онъ съ такими дѣлами не поѣдетъ. И ежели бы я зналъ про побѣгъ въ Вѣну, для чего бы мнѣ Ивану Аѳанасьеву не сказать, чтобъ онъ ѣхалъ за нимъ. А по возвращеніи своемъ изъ Шверина Иванъ Аѳанасьевъ сказывалъ мнѣ, что царевичъ ко мнѣ давно почалъ быть немилостивъ. А ежели бы мнѣ готовить мѣсто царевичу въ Вѣнѣ, тогда бы я сдѣлалъ при себѣ,

мочно ли тамъ жить, или не примутъ. А не дѣлавъ ничего, и посылать: „Поѣзжай въ Вѣну!“ — сіе было бы глупѣе всякаго скота. И если бы я ему совѣтовалъ ѣхать куда-нибудь, то надлежало быть между нами цыфири и какъ содержать корреспонденцію. И сами ваше царское величество изволите милостиво, божески предусмотрѣть сего дѣла, понеже какую ему во мнѣ для своего возвращенія назадъ полагать надежду? А что ему на меня по немилости своей говорить, и тому есть явныя причины: первое, что я отъ него за долгое время отсталъ; вторая—за доношеніе мое; и ежелибъ онъ мнѣ былъ надобенъ, я бы на него и не доносилъ. И царевичъ о томъ извѣстенъ, что ему ничего не будетъ, а что скажетъ, тому вѣрятъ“.

Эта записка, важная въ томъ отношеніи, что обрисовываетъ характеръ писавшаго ее, разумѣется, не могла нисколько облегчить участи Кикина, а только могла произвести еще большее противъ него раздраженіе въ царѣ. На двухъ новыхъ пыткахъ Кикинъ подтвердилъ прежнія показанія, а не тѣ, которыя подалъ въ запискѣ, и министры приговорили „учинить ему смертную казнь ж е с т о к у ю“. Ивана Аѳанасьева приговорили просто къ смертной казни. Къ смертной же казни былъ приговоренъ дьякъ Ѳедоръ Вороновъ, на котораго Аѳанасьевъ показалъ, что зналъ отъ него о побѣгѣ царевича, объявилъ готовность служить царевичу и далъ Аѳанасьеву цыфирь для веденія переписки.

Кикинъ напрасно боялся, что князь Василій Владиміровичъ Долгорукій уйдетъ отъ бѣды: Долгорукаго схватили въ Петербургѣ и въ оковахъ привезли въ Москву. Страшный ударъ, страшное безчестье готово было поразить знаменитый родъ, и старшій князь, Яковъ Ѳедоровичъ, написалъ Петру: „Премилосердый государь! Впалъ я злымъ несчастіемъ моимъ въ ненавистное Богу и человѣкамъ имя злодѣйскаго рода. Утверждаюся сердцевидцемъ Создателемъ моимъ, что весь родъ мой всегда непоколебимо пребывалъ въ вѣрности. Въ началѣ царствованія твоего, во время богомерзкаго бунта, дядя и братъ мой злую смерть приняли за истинную вѣрность къ державѣ вашего величества; потомъ я съ троими братьями, въ Троицкомъ монастырѣ и всегда противны злу были, не боясь, явно показывали себя въ вѣрной службѣ вашего величества, готовы были всегда умереть, и въ томъ намѣреніи прежде были, и нынѣ пребываемъ, и должны пребывать до смерти нашей. Недавно въ поученіи нѣкоемъ [1]) явились непристойныя слова; когда я ихъ услышалъ, то, не устрашась и не разсуждая лица сильнаго, вмѣнится ли то мнѣ за благо, обличилъ и явно запретилъ, за что мнѣ въ воздаяніе обѣщана, какъ и слышу, лютая на колѣ смерть. Вижу нынѣ сродниковъ моихъ, впадшихъ въ нѣкоторое погрѣшеніе, хотя дѣла ихъ подлинно не вѣдаю, однако то вѣдаю, что никогда они ни въ какихъ злохитрыхъ умыслахъ не были, чему и причина есть: весь мой родъ обязанъ всѣмъ высокой милости вашего величества. Развѣ явилась вина ихъ въ какихъ дерзновенныхъ словахъ? Извѣстно вашему величеству оное дерзновенное состояніе и слабость необузданнаго языка, который иногда съ разумомъ не согласуется; иногда и то, можетъ быть,—необузданный языкъ произносилъ, чего никогда и въ умѣ не имѣлъ человѣкъ. Ино есть дѣло злое, ино есть слово съ умысломъ и намѣреніемъ злымъ, ино есть слово дерзновенное безъ умыслу, и хотя не безвинное, однако не такой достойное мести, какой достойны злодѣи, умысломъ виновные. Пусть за такое слово будетъ тяжко однимъ виновнымъ; а насъ бы безвинныхъ, во время старости нашей, тѣ ихъ вины не губили, ибо намъ собою всенароднаго обычая перемѣнить нельзя: порокъ одного злодѣя привязывается и къ невиннымъ сродникамъ. Того ради, падая, яко неключимые рабы, молимъ: помилуй, премилосердый государь, да не снидемъ въ старости нашей во гробъ съименемъ злодѣйскаго рода, которое можетъ не только отнять доброе имя, но и безвременно вервь живота пресѣчь“.

Министры (князь Иванъ Ромодановскій, Шереметевъ, графъ Головкинъ, Мусинъ-Пушкинъ, Стрѣшневъ, адмиралъ Апраксинъ, князь Петръ Прозоровскій, Петръ Шафировъ, Алексѣй Салтыковъ, Василій Салтыковъ) приговорили: „Если бы на князя Василья показывалъ не царевичъ, а другой кто-нибудь, то слѣдовалъ бы розыскъ; а повѣрить вполнѣ словамъ царевича трудно: царевичъ самъ показывалъ, что князь Василій относительно побѣга не былъ его совѣтникомъ, и, по совѣту Кикина, написано было къ князю Василью письмо для того, чтобъ набросить на него подозрѣніе. А за дерзкія слова князь Василій заслуживаетъ быть сосланнымъ съ лишеніемъ чина и имѣнія“. Князь Василій подалъ объясненіе: „Я говорилъ царевичу: письмо подай немедленно (отцу объ отреченіи отъ престола), и бояться тебѣ нечего, и по требованію отцову хотябъ 10 или 20 писемъ давать надобно: это не такія письма, какъ между нашею братьею прежде бывали, съ с е а з а м и и съ неустойкою, и опасаться этого нечего. А можетъ быть говорилъ: „хотя и тысячу писемъ давай“—того не упомню. А говорилъ, чтобъ его къ тому привесть, чтобъ то письмо подалъ конечно, видя, что царскому величеству и государственному интересу надобно“. Долгорукій былъ сосланъ въ Соликамскъ.

Учитель Никифоръ Вяземскій въ показаніи своемъ настаивалъ, что онъ уже давно въ немилости у царевича: въ 1711 году, въ Вольфенбителѣ, въ герцоговомъ домѣ, царевичъ дралъ его за волосы, билъ палкою и сбилъ съ двора; въ 1712 г. онъ хотѣлъ его убить до смерти подъ Штетиномъ, о чемъ извѣстно князю Меншикову, канцлеру Головкину и другимъ.—Вяземскій былъ сосланъ въ Архангельскъ

Одновремено съ этимъ розыскомъ шелъ дру-

[1]) Въ извѣстной проповѣди Яворскаго 17 марта 1712 года.

гой. Капитанъ-поручикъ гвардіи Григорій Скорняковъ-Писаревъ былъ отправленъ 4 февраля въ суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ жила инокиня Елена, бывшая царица Евдокія Ѳедоровна. Посланный засталъ инокиню въ мірскомъ платьи, и въ церкви на жертвенникѣ нашелъ таблицу, по которой поминали вмѣстѣ съ царемъ Петромъ благочестивѣйшую и великую государыню Евдокію Ѳедоровну. Скорняковъ-Писаревъ повезъ Евдокію въ Москву, и далъ знать о необходимости схватить Абрама Лопухина, князя Семена Щербатаго и суздальскаго протопопа Андрея Пустыннаго, которые могли показать „многое воровство". Видя бѣду, Евдокія написала еще съ дороги повинную царю: „Всемилостивѣйшій государь! Въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ не упомню, по обѣщанію своему пострижена я была въ суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ въ старицы, и наречено мнѣ было имя Елена. И по постриженію въ иноческомъ платьѣ ходила съ полгода; и, не восхотя быть инокою, оставя монашество и скинувъ платье, жила въ томъ монастырѣ скрытно, подъ видомъ иночества, мірянкою. И то мое скрытіе объявилось чрезъ Григорья Писарева. И нынѣ я надѣюсь на человѣколюбивыя вашего величества щедроты. Припадая къ ногамъ вашимъ, прошу милосердія, того моего преступленія о прощеніи, чтобъ мнѣ безгодною смертію не умереть. А я обѣщаюся попрежнему быти инокою и пребыть въ иночествѣ до смерти своей, и буду Бога молить за тебя, государя. Вашего величества нижайшая раба, бывшая жена ваша Авдотья".

Монахини Покровскаго монастыря показали, что къ бывшей царицѣ ѣздилъ юродивый Михайла Босой, привозилъ отъ царевны Марьи Алексѣевны деньги и подарки; онъ же привезъ ей извѣстіе объ уходѣ царевича, и пророчествовалъ, что Евдокія будетъ взята къ Москвѣ. Босой показалъ, что пророчествовалъ спроста, объ уходѣ царевича узналъ отъ царевны Марьи, которая говорила, что за-границею ему будетъ лучше, проживетъ какъ въ раю, а здѣсь бы его постригли. Монахиня Маремьяна показала: „Мы не смѣли говорить царицѣ, для чего она монашеское платье сняла. Она много разъ говаривала: „Все наше, государево; и государь за мать свою чтǒ воздалъ стрѣльцамъ — вѣдь вы знаете, а и сынъ мой изъ пеленокъ вывалился". Маремьяна показала на любовную связь Евдокіи съ присланнымъ въ Суздаль для солдатскаго набора Степаномъ Глѣбовымъ. Глѣбовъ показалъ: „Какъ я былъ въ Суздалѣ у набора солдатскаго, тому лѣтъ съ восемь или съ девять, въ то время привелъ меня въ келью къ бывшей царицѣ духовникъ ея Ѳедоръ Пустынный, и подарковъ къ ней чрезъ онаго духовника прислалъ я, и сшелся съ нею въ любовь. И послѣ того, тому года съ два, пріѣзжалъ я къ ней и видѣлъ ее; и я къ ней письма посылалъ о здоровьи, и она ко мнѣ присылала-жъ". Евдокія написала собственною рукою: „Я съ нимъ блудно жила въ то время, какъ онъ былъ у рекрутскаго набора, въ томъ и виновата". Сынъ Глѣбова показалъ, что отецъ былъ въ дружбѣ съ епископомъ Ростовскимъ Досиѳеемъ, съ ключаремъ Ѳедоромъ Пустыннымъ и съ ризничимъ Петромъ. Послѣдній показалъ: „Когда царское величество изволилъ сочетаться законнымъ бракомъ, приходилъ къ нему въ Суздаль поддьяконъ Иванъ Пустынный и, смѣяся, говорилъ: „Вотъ бывшая царица все чаяла, что государь ее возьметъ и будетъ она попрежнему царицею съ пророчества епископа Досиѳея; когда онъ былъ архимандритомъ (Новоспасскимъ въ Москвѣ), принесъ къ ней двѣ иконы и велѣлъ ей предъ ними класть по нѣскольку сотъ поклоновъ; а Досиѳей отъ тѣхъ иконъ будто видѣлъ видѣніе, что она будетъ попрежнему царицею, и отъ того она чуть не задушилась, поклоны кладучи". Досиѳей показалъ, что послѣ объявленія брака царя съ Екатериною Алексѣевною пріѣзжалъ къ нему Глѣбовъ и говорилъ: „Для чего вы, архіереи, за то не стоите, что государь отъ живой жены на другой женится?" Глѣбовъ, кромѣ любовной связи съ Евдокіею, ни въ чемъ не признавался. Съ Досиѳея сняли епископскій санъ; на Соборѣ передъ архіереями онъ сказалъ: „Посмотрите, и у всѣхъ чтǒ на сердцахъ? Извольте пустить уши въ народъ, чтǒ въ народѣ говорятъ; а на имя не скажу". На пыткахъ Досиѳей, теперь уже разстрига Демидъ, признался, что поминалъ Евдокію царицею, какъ и другіе, пророчествоволъ царицѣ и царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, желалъ смерти Петра и воцаренія сына его. Пѣвчій царевны Марьи Алексѣевны, Журавскій, показалъ, что Досиѳей пріѣзжалъ къ царевнѣ и разсказывалъ о своихъ видѣніяхъ, будто государь скоро умретъ и будетъ смущеніе; пророчествовалъ, что государь возьметъ бывшую царицу, и будутъ у нихъ два дѣтища. Журавскій, увѣдомляя Лопухина о возвращеніи царевича изъ-за границы, прибавилъ о царевнѣ Марьѣ: „Точію снѣдаетъ ея милостивое сердце отъ воздыханій всенародныхъ печаль". Журавскій показалъ, что слышалъ, какъ царевна говаривала Абраму Лопухину о великихъ податяхъ, о продолжительной войнѣ, о разореніи народномъ; какъ говорила о царевичѣ: „Хорошо сдѣлалъ, что ушелъ; тамъ ему жить лучше". Журавскій оговорилъ извѣстную намъ княгиню Настасью Голицыну, что она переносила вѣсти изъ государева дома и тужила о возвращеніи царевича. Абрамъ Лопухинъ признался, что желалъ смерти Петра и воцаренія Алексѣя.

Глѣбовъ и Демидъ были приговорены къ жестокой смертной казни (Глѣбовъ посаженъ на колъ, Демидъ — колесованъ); Пустынный и Журавскій — къ обыкновенной смертной казни; другіе оговоренные наказаны тѣлесно, не исключая и женщинъ, и сосланы; нѣкоторые послѣ наказанія освобождены. Инокиня Елена отправлена въ Ладогу въ тамошній женскій монастырь [1]).

Вмѣстѣ съ главными участниками въ дѣлѣ ца-

---

[1]) Дѣло о царевичѣ.

ревича и царицы былъ казненъ въ Москвѣ, никѣмъ изъ нихъ неоговоренный, подъячій Артиллерійскаго Приказа, Ларіонъ Докукинъ. По фискальскому доношенію, Докукинъ, въ 1714 году, былъ вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ съ приходными и расходными книгами, и, вслѣдствіе такой бѣды, присталъ къ толпѣ недовольныхъ, сталъ жаловаться на гоненіе изъ града въ градъ, на лишеніе домовъ, торговъ, промысловъ, на лишеніе благочестія отъ лестныхъ ученій, отъ измѣненія обычаевъ, платья и словъ своего Славянскаго языка, ругательнаго обезчещенія персонъ своихъ брадобритіемъ; сталъ жаловаться на смѣшеніе съ иновѣрными языки, на отнятіе древесъ самыхъ нужныхъ, рыбныхъ ловель, торговыхъ заводскихъ промысловъ, на несносныя подати; на то, какъ пришельцевъ иновѣрныхъ всѣми благами наградили, а христіанъ бѣдныхъ голодомъ поморили, святыя церкви опустошили. Въ 1715 году въ Петербургѣ, на паперти Симеоновской церкви, нашли подметное письмо; письмо сожгли, и автора не отыскали: авторъ былъ Докукинъ. Недовольный подъячій сблизился съ недовольнымъ царевичемъ, получилъ отъ него богатую милостыню и возвратился въ Москву. Сюда въ 1718 году привезли царевича, отрѣшили его отъ наслѣдства, заставили присягать другому царевичу—Петру. Докукинъ подписалъ подъ присягою: „За неповинное отлученіе и изгнаніе отъ Всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго государя царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстью и судомъ Божіимъ и пресвятымъ Евангеліемъ не кленусь и на томъ животворящаго Креста Христова не цѣлую и собственною своею рукою не подписуюсь; еще къ тому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти въ свидѣтельство изрядное, хотя за то и царской гнѣвъ на мя произліется,— буди въ томъ воля Господа Бога моего Іисуса Христа, по волѣ Его святой за истину азъ, рабъ Христовъ, Иларіонъ Докукинъ, страдати готовъ. Аминь, аминь, аминь". Этотъ присяжный листъ и „малоизбранное отъ книги Назіанзина" Докукинъ подалъ самому Петру въ церкви, 2 марта, въ Сборное Воскресенье. Въ „Бѣдности" (такъ называлась тюрьма Преображенскаго Приказа) Докукинъ объяснилъ: „На присягѣ подписалъ своеручно онъ, Ларіонъ, соболѣзнуя объ немъ, царевичѣ, что онъ природный и отъ истинной жены; а наслѣдника царевича Петра Петровича за истиннаго не признаетъ, потому что хотя нынѣшняя государыня царица и христіанка, но когда государя не будетъ, а царевичъ Петръ Петровичъ будетъ царствовать, и въ то время она царица сообщится съ иноземцами и будетъ отъ нихъ христіанамъ снова (вредъ), потому что она не здѣшней породы; а то все выписывалъ и на присягѣ подписалъ онъ одинъ, а пришелъ съ тѣмъ явиться, чтобъ пострадать за слово Христово". Послѣ тройнаго розыска Докукинъ былъ колесованъ [1]).

[1]) Есипова: Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, I, 157.

Московскій розыскъ кончился. Петръ спѣшилъ въ Петербургъ, потому что скоро долженъ былъ начаться по близости Аландскій конгрессъ. 11 марта царица Екатерина писала въ Петербургъ Меншикову изъ Преображенскаго: „Прошу, прикажите очистить для царевича Алексѣя Петровича дворъ бывшій Шелтинговъ, гдѣ стоялъ шведскій шаутбенахтъ, и, что испорчено, велите починить и полы вымыть и вычистить, также прикажите осмотрѣть дворъ и вычистить хоромы царевны Марьи Алексѣевны" [2]). Свѣтлѣйшій князь долженъ былъ сильно радоваться ходу дѣла въ Москвѣ: враги его, Кикинъ, Долгорукій попались. Царь, раздраженный на враговъ Меншикова, естественно станетъ милостивѣе къ нему. Одно безпокоило Меншикова: какое тяжкое впечатлѣніе произведетъ все это дѣло на царя; а извѣстно было, какъ эти впечатлѣнія отражаются на разстроенномъ уже его здоровьи. Меншиковъ писалъ Екатеринѣ: „Хотя я твердо уповаю, что ваше величество его царское величество отъ приключившейся печали (которая, по волѣ Божіей, отъ злодѣевъ, или отъ сыновъ дьявольскихъ, наступила) отвлекать изволите, однако же чрезъ сіе всемилостивѣйшую нашу мать государыню слезно умоляю, дабы отъ оной его царское величество отвращать, и ни малаго сокрушенія, отчего, какъ сами ваше величество довольно изволите разсудить, что ни малой пользы, кромѣ непотребнаго его величества здравію и тяжкаго вреда, допускать изволили, такожъ и себя о томъ и ниже какому сумнѣнію отдавать, по превысокомудрымъ своимъ разсужденіямъ все оное уничтожить. Слава Богу, что оный крыющійся огнь по Его, сотворшаго насъ, къ вашему величеству человѣколюбивой милости, ясно открылся, которой уже нынѣ, съ помощію Божіею, весьма искоренить и оное зло запаленіе погашеніемъ истребить возможно, о чемъ паки всенижайшій ваше величество прошу, дабы какъ его величество, такъ и себя не точію какому сокрушенію, ниже мнѣнію отдавать изволили, но положить оное въ Его святую волю" [3]).

18 марта царь отправился въ Петербургъ. Царевичъ былъ съ нимъ, и ничто еще въ это время не предвѣщало страшной развязки его дѣла: онъ жилъ однимъ желаніемъ увидѣться съ Афросиньею и жениться на ней, о чемъ въ Свѣтлый праздникъ умолялъ царицу, упавъ ей въ ноги. Въ половинѣ апрѣля Афросинья пріѣхала въ Петербургъ. Она была допрошена и показала, что царевичъ въ Эренбергѣ писалъ письма по-русски, писалъ къ Цесарю съ жалобами на государя; говорилъ ей, что въ войскѣ русскомъ бунтъ, объ этомъ пишутъ въ газетахъ; что около Москвы волненіе—это изъ прямыхъ писемъ. Слыша о смутѣ, царевичъ радовался, говорилъ: „Авось либо Богъ дастъ намъ случай съ радостью возвратиться". Изъ Неаполя также

[2]) Письма Екатерины въ Государ. Архивѣ.
[3]) Чтенія Моск. Ист. Общ. 1861 года, кн. 3.

царевичъ часто писалъ Цесарю жалобы на отца; а передъ пріѣздомъ Толстого писалъ къ архіерею письмо по-русски; а первыя письма писалъ къ двумъ архіереямъ не въ крѣпости Эренбергѣ, а еще на квартирѣ. Прочтя въ газетахъ, что меньшой царевичъ боленъ, говорилъ ей: „Вотъ видишь, что Богъ дѣлаетъ; батюшка дѣлаетъ свое, а Богъ свое"! Говорилъ, что ушелъ оттого, будто государь искалъ всячески, чтобъ ему живу не быть; сказывалъ ему Кикинъ, будто онъ слыхалъ, какъ о томъ говорилъ государю князь Василій Долгорукій. Говорилъ о сенатахъ: „Хотя батюшка и дѣлаетъ, что хочетъ, только какъ еще сенаты похотятъ; чаю, сенаты и не сдѣлаютъ, что хочетъ батюшка". Письмо къ архіереямъ писалъ для того, чтобы въ Петербургѣ ихъ подметывать, а иныя и архіереямъ подавать. Говаривалъ: „Я старыхъ всѣхъ переведу, и изберу себѣ новыхъ по своей волѣ; когда буду государемъ, буду жить въ Москвѣ, а Петербургъ оставлю простымъ городомъ; корабли держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни съ кѣмъ имѣть не хочу; буду довольствоваться старымъ владѣньемъ, зиму буду жить въ Москвѣ, а лѣто въ Ярославлѣ". Читая въ газетахъ о какихъ-нибудь видѣніяхъ, или извѣстія, что въ Петербургѣ тихо и спокойно, говаривалъ, что видѣнія и тишина недаромъ: „Можетъ быть, отецъ мой умретъ, или бунтъ будетъ; отецъ мой, не знаю, за что меня не любитъ, и хочетъ наслѣдникомъ сдѣлать брата моего, а онъ еще младенецъ, и надѣется отецъ мой, что жена его, моя мачиха, умна; и когда, сдѣлавши это, умретъ, то будетъ бабье царство! И добра не будетъ, и будетъ смятеніе: иные станутъ за брата, а иные за меня". Когда Толстой пріѣхалъ въ Неаполь, то царевичъ хотѣлъ изъ цесарской протекціи уѣхать къ папѣ Римскому, но Афросинья его удержала. Когда уже рѣшился ѣхать къ отцу, отдалъ ей письма черныя, которыя писалъ къ Цесарю съ жалобами на отца, и велѣлъ ихъ сжечь; а когда еще тѣ письма не были сожжены, приходилъ къ царевичу секретарь вицероя Неаполитанскаго, и царевичъ изъ тѣхъ писемъ сказывалъ ему нѣкоторыя слова по-нѣмецки, и онъ, секретарь, записывалъ, и написалъ одинъ листъ, а писемъ было всѣхъ листовъ съ пять".

Эти показанія дали другой оборотъ дѣлу. Царевичу были выставлены неполнота и неправильность его прежнихъ показаній. Алексѣй далъ дополнительныя показанія, указалъ извѣстныя намъ лица, къ нему расположенныя, на которыхъ онъ надѣялся. Петръ спрашивалъ сына: „Когда слышалъ, будто бунтъ въ Мекленбургіи въ войскѣ, радовался и говорилъ: „Богъ не такъ дѣлаетъ, какъ отецъ мой хочетъ"; а когда радовался, то, чаю, не безъ намѣренія было,—ежелибъ вправду то было, то, чаю, и присталъ бы къ онымъ бунтовщикамъ и при мнѣ"?—Алексѣй отвѣчалъ: „Когда-бъ дѣйствительно такъ было, бунтъ въ Мекленбургіи, и присылали бы по меня, то бы я съ ними поѣхалъ; а безъ присылки поѣхалъ ли, или нѣтъ, прямо не имѣлъ намѣренія; а паче и опасался безъ присылки ѣхать. А чаялъ быть присылкѣ по смерти вашей, для того, что писано, что хотѣли тебя убить, и чтобъ живаго тебя отлучили, не чаялъ. А хотя-бъ и при живомъ прислали, когда-бъ они сильны были, то-бъ могъ и поѣхать".

Все было сказано. Передъ Петромъ не былъ сынъ, неспособный и сознающій свою неспособность, бѣжавшій отъ принужденія къ дѣятельности и возвратившійся съ тѣмъ, чтобъ погребсти себя въ деревнѣ съ женщиною, къ которой пристрастился: передъ Петромъ былъ наслѣдникъ престола, твердо опиравшійся на свои права и на сочувствіе большинства Русскихъ людей, радостно прислушивавшійся къ слухамъ о замыслахъ, имѣвшихъ цѣлію гибель отца, готовый воспользоваться возмущеніемъ, если бы даже отецъ и былъ еще живъ, лишь бы возмутившіеся были сильны. Но этого мало; программа дѣятельности по занятіи отцовскаго мѣста уже начертана: близкіе къ отцу люди будутъ замѣнены другими, все пойдетъ наоборотъ; все, что стоило отцу такихъ трудовъ, все, изъ-за чего подвергался онъ такимъ бѣдствіямъ и наконецъ получилъ силу и славу для себя и для государства,—все это будетъ ниспровергнуто, причемъ, разумѣется, не будетъ пощады второй женѣ и дѣтямъ отъ нея. Надобно выбирать: или онъ, или они; или преобразованная Россія въ рукахъ человѣка, сочувствующаго преобразованію, готоваго далѣе вести дѣло, или видѣть эту Россію въ рукахъ человѣка, который со своими Досиѳеями будетъ съ наслажденіемъ истреблять память великой дѣятельности. Надобно выбирать: средняго быть не можетъ, ибо заявлено, что клобукъ не гвоздемъ будетъ къ головѣ прибитъ. Для блага общаго надобно пожертвовать недостойнымъ сыномъ; надобно однимъ ударомъ уничтожить всѣ преступныя надежды. Но казнить родного сына! Сначала Петръ въ Москвѣ былъ склоненъ снисходительно смотрѣть на сына; въ немъ видно было желаніе оправдать Алексѣя чрезъ обвиненіе другихъ. Царь говорилъ Толстому: „Когда-бъ не монахиня, не монахъ и не Кикинъ, Алексѣй не дерзнулъ бы на такое неслыханное зло. Ой бородачи! многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ сердцевѣдецъ и судья вѣроломцамъ. Я хотѣлъ ему блага, а онъ всегдашній мой противникъ". Толстой отвѣчалъ: „Кающемуся и повинующемуся милосердіе, а старцамъ пора обрѣзать перья и поубавить пуха".—„Не будутъ летать, скоро, скоро!" сказалъ на это Петръ.

Но въ Петербургѣ, послѣ показаній Афросиньи и новыхъ признаній царевича, расположеніе перемѣнилось. Тяжко было положеніе Петра при страшномъ выборѣ: „Страдаю, а все за отечество, желая ему полезное: враги пакости мнѣ дѣютъ демонскія; труденъ разборъ невинности моей тому,

кому дѣло сіе невѣдомо, Богъ зритъ правду“ [1]). Петръ не рѣшился на выборъ, не рѣшился быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, особенно когда онъ далъ сыну обѣщаніе простить его; онъ созвалъ знатнѣйшее духовенство, министровъ, сенаторовъ, генералитетъ и далъ имъ, 13 іюня, слѣдующее объявленіе,—духовенству: „Понеже вы нынѣ уже довольно слышали о малослыханномъ въ свѣтѣ преступленіи сына моего противъ насъ, яко отца и государя своего, и хотя я довольно власти надъ онымъ по божественнымъ и гражданскимъ правамъ имѣю, а особливо по правамъ Россійскимъ (которыя судъ между отца и дѣтей и у партикулярныхъ людей весьма отмещутъ) учинить за преступленіе по волѣ моей, безъ совѣта другихъ,—однакожъ боюсь Бога, дабы не погрѣшить, ибо натурально есть, что люди въ своихъ дѣлахъ меньше видятъ, нежели другіе въ ихъ. Такожъ и врачи: хотябъ и всѣхъ искуснѣе который былъ, то не отважится свою болѣзнь самъ лѣчить, но призываетъ другихъ. Подобнымъ образомъ и мы сію болѣзнь свою вручаемъ вамъ, прося лѣченія оной, боясь вѣчныя смерти. Ежели-бъ одинъ самъ оную лѣчилъ, иногда бы, не познавъ силы въ своей болѣзни, а наипаче въ томъ, что я, съ клятвою суда Божія, письменно обѣщалъ оному своему сыну прощеніе и потомъ словесно подтвердилъ, ежели истинно скажетъ. Но хотя онъ сіе и нарушилъ утайкою наиважнѣйшихъ дѣлъ и особливо замыслу своего бунтовнаго противъ насъ, яко родителя и государя своего, но однакожъ, дабы не погрѣшить въ томъ, и хотя его дѣло не духовнаго, но гражданскаго суда есть, которому мы оное на осужденіе безпохлѣбное, чрезъ особливое объявленіе, нынѣ же предали; однакожъ мы, желая всякаго о семъ извѣстія и воспоминая слово Божіе, гдѣ увѣщеваетъ въ такихъ дѣлахъ вопрошать и чина священнаго о законѣ Божіи, какъ написано во главѣ 17 Второзаконія, желаемъ и отъ васъ, архіереевъ и всего духовнаго чина, яко учителей слова Божія, не издадите каковый о семъ декретъ, но да взыщите и покажете о семъ отъ Св. Писанія намъ истинное наставленіе и разсужденіе: какого наказанія сіе богомерзкое и Авессаломову прикладу уподобляющееся намѣреніе сына нашего, по божественнымъ заповѣдямъ и прочимъ Св. Писанія прикладамъ и по законамъ, достойно. И то намъ дать за подписаніемъ рукъ своихъ на письмѣ, дабы мы, изъ того усмотря, неотягченную совѣсть въ семъ дѣлѣ имѣли. Въ чемъ мы на васъ, яко по достоинству блюстителей божественныхъ заповѣдей и вѣрныхъ пастырей Христова стада и доброжелательныхъ отечествія, надѣемся и судомъ Божіимъ и священствомъ вашимъ заклинаемъ, да безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія въ томъ поступите“. Объявленіе свѣтскимъ особамъ разнилось отъ приведеннаго только окончаніемъ: „Прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, чему достойно, не ѳлатируя (или не похлѣбуя) мнѣ и не опасаясь того, что ежели сіе дѣло легкаго наказанія достойно, и когда вы такъ учините осужденіемъ, чтобъ мнѣ противно было, въ чемъ вамъ клянуся самимъ Богомъ и судомъ Его, что въ томъ отнюдь не опасайтеся, такожъ и не разсуждайте того, что тотъ судъ вашъ надлежитъ вамъ учинить на моего, яко государя вашего, сына; но, несмотря на лицо, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобъ совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія и отечество наше безбѣдно“!

18 іюня духовенство представило свое разсужденіе: выписавши примѣры и правила изъ Ветхаго и Новаго Завѣта относительно обязанности дѣтей къ родителямъ, оно заключило: „Вся же сія превысочайшему монаршескому разсужденію съ должнымъ покореніемъ предлагаемъ, да сотворитъ Господь, что есть благоугодно предъ очима Его: аще по дѣломъ и по мѣрѣ вины восхощетъ наказати падшаго,—имать образцы, яже отъ Ветхаго Завѣта выше приведохомъ; аще благоизволитъ помиловати,—имать образъ самого Христа, который блуднаго сына кающагося воспріятъ; жену, въ прелюбодѣяніи яту и каменіемъ побіенія по закону достойную, свободну отпусти, милость паче жертвы превознесе. Милости, рече, хощу, а на жертвы. И усты апостола своего рече: милость хвалится на судѣ. Имать образецъ и Давида, который гонителя своего сына Авессалома, хотяше пощадѣти: ибо вождямъ своимъ, хотящимъ на брань противу Авессалому изыти, глаголаше: пощадите ми отрока моего Авессалома. И отецъ убо пощадѣти хотяше, но само правосудіе Божіе не пощадило есть того. Кратко рекше: сердце царево въ руцѣ Божіи есть. Да изберетъ тую часть, аможе рука Божія того преклоняетъ“. Подписались: Стефанъ, митрополитъ Рязанскій; епископы: Ѳеофанъ Псковской, Алексій Сарскій, Игнатій Суздальскій, Варлаамъ Тверской, Ааронъ Корельскій; два греческихъ митрополита — Ставропольскій Іоанникій и Ѳиваидскій Арсеній; четыре архимандрита, два іеромонаха.—Было ясно, что духовенство указывало на прощеніе, выставляя тутъ примѣръ наивысшій, примѣръ Спасителя; но духовенство не заблагоразсудило ничего сказать насчетъ обѣщанія, даннаго царемъ сыну, тогда какъ на основаніи этого обѣщанія царевичъ возвратился, и Петръ именно указывалъ на обѣщаніе свое, требуя очищенія совѣсти.

Свѣтскіе чины, приглашенные опредѣлить наказаніе, хотѣли уяснить для себя преступленіе. Имъ нужно было прежде всего удостовѣриться, дѣйствительно ли Алексѣй виновенъ въ возмутительныхъ замыслахъ противъ отца-государя. Для этого царевичъ 17 іюня приведенъ былъ изъ крѣпости (гдѣ уже содержался съ 14 іюня) въ Сенатъ. Здѣсь Алексѣй показалъ, что цесарскій резидентъ Плейеръ писалъ къ имперскому вице-канцлеру, графу Шёнборну въ Вѣну: призывалъ его, Плейера, Абрамъ Лопухинъ и спрашивалъ, гдѣ обрѣтается нынѣ царевичъ и есть ли объ немъ вѣдомость; причемъ объявилъ: за царевича здѣсь стоятъ и заворапи-

[1]) Нартовъ, № 156, 158.

ваются уже кругомъ Москвы, потому что объ немъ разныхъ вѣдомостей много. Плейерово письмо было приложено къ письму графа Шёнборна къ царевичу; Алексѣй, прочтя письмо, сжегъ его, и когда говорилъ Афросиньѣ о вѣстяхъ отъ Плейера, то объ Абрамѣ Лопухинѣ промолчалъ. Потомъ царевичъ объявилъ, что надѣялся на чернь, слыша отъ многихъ, что его въ народѣ любятъ, именно отъ Сибирскаго царевича, отъ Дубровскаго, Никифора Вяземскаго и отъ духовника Якова, который ему говаривалъ, что его въ народѣ любятъ и пьютъ про его здоровье, называютъ его надеждою Россійскою. Потомъ, отведя въ сторону князя Меншикова, Шафирова, Толстого и генерала Бутурлина, царевичъ сказалъ имъ: „Я имѣлъ надежду на тѣхъ людей, которые старину любятъ такъ, какъ Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ); я познавалъ ихъ изъ разговоровъ, когда съ ними говаривалъ, и они старину хваливали"; а больше ему въ томъ подали надежду слова князя Василья Долгорукаго: „Давай отцу своему писемъ отрицательныхъ отъ наслѣдства, сколько онъ хочетъ"; ктому же говорилъ мнѣ, что я умнѣе отца моего, и что отецъ мой хотя и уменъ, только людей не знаетъ, а я умныхъ людей знать буду лучше. На архіерея Рязанскаго надѣялся по предикѣ, видя его склонность къ себѣ. А о Петербургѣ пьяный говаривалъ: „Когда зашли далеко въ Копенгагенъ, то чтобъ не потерять какъ Азова".

19 іюня Алексѣя пытали: дано ему 25 ударовъ. Онъ объявилъ: на кого онъ въ прежнихъ своихъ повинныхъ написалъ и предъ сенаторами сказалъ, то все правда, ни на кого не затѣялъ и никого не утаилъ. При этомъ дополнилъ: какъ былъ у него въ Петербургѣ духовникъ его, Яковъ Игнатьевъ, и на исповѣди онъ сказалъ ему, Якову: „Я желаю отцу своему смерти"; и духовникъ отвѣчалъ: „Богъ тебя проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти". Также, будучи теперь въ Москвѣ, духовнику своему, Варлааму, на исповѣди сказалъ, что отцу своему въ повинныхъ сказалъ не все и желалъ отцу своему смерти. Варлаамъ отвѣчалъ: „Богъ тебя проститъ, а надобно тебѣ отцу своему правду сказать". Яковъ Игнатьевъ на пыткѣ подтвердилъ слова царевича. Абрамъ Лопухинъ показалъ: „Сошедшись съ Плейеромъ на дорогѣ, я спросилъ его, гдѣ теперь царевичъ, не у васъ ли"? Плейеръ отвѣчалъ: „Въ Цесаріи у насъ". Я сказалъ: „Чаю, царевича не оставятъ тамъ; а у насъ много тужатъ объ немъ и не безъ замѣшанія будетъ въ народѣ". И тѣ слова сказалъ я со словъ Казанскаго ландрата Акинѳіева, который говорилъ: „Можетъ быть, что Цесарь его не оставитъ; а въ народѣ многіе объ немъ сожалѣютъ, и, правда, у насъ на Низу въ народѣ будетъ не безъ замѣшанія". Сибирскій царевичъ говорилъ мнѣ: „По отъѣздѣ царевича отсюда въ чужіе края были здѣсь слезы превеликія, князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій такъ по немъ плакалъ, что затрясся". Когда я былъ въ домѣ вице-адмирала Крейца и пришла вѣдомость, что царевичъ у Цесаря, то вице-адмиралъ, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: „Тамъ ему будетъ не худо". Князь Иванъ Львовъ, бывши у меня въ домѣ, радовался, что царевичъ отъѣхалъ къ Цесарю: „Тамъ", говорилъ Львовъ, „сыскалъ онъ мѣсто изрядное, и Цесарь его не оставитъ; если-бъ мнѣ былъ случай отлучиться отсюда, я бы его тамъ сыскалъ". Князь Иванъ Львовъ показалъ: „Въ домѣ Абрама Лопухина былъ я, по призыву, пять или шесть разъ, и о царевичѣ разговаривали, когда не было еще слуха объ отъѣздѣ его къ Цесарю". Абрамъ говорилъ: „Поѣхалъ царевичъ къ отцу,—что отецъ съ нимъ будетъ дѣлать"? Я отвѣчалъ: „Что съ нимъ дѣлать?—будетъ попрежнему въ полку поручикомъ".—„Не постригутъ ли его тамъ"? спросилъ Абрамъ. Я разсмѣялся: „Кому тамъ его постригать? И монастырей тамъ нѣтъ".—„Не убили-бъ его: безлюдно ѣдетъ", сказалъ Абрамъ. Я отвѣчалъ: „Тамъ не только такой знатной персонѣ, но когда и я ѣзжалъ на почтахъ одинъ,—страху не было".

22 іюня Толстой получилъ записку отъ царя: „Сегодня, послѣ обѣда, съѣзди (въ крѣпость) и спроси (у царевича), и запиши не для розыску, но для вѣдѣнія: 1) Что причина, что не слушалъ меня и ни мало ни въ чемъ не хотѣлъ дѣлать того, что мнѣ надобно, и ни въ чемъ не хотѣлъ угодное дѣлать; а вѣдалъ, что сіе въ людяхъ не водится, также грѣхъ и стыдъ? 2) Отъ чего такъ безстрашенъ былъ и не опасался за непослушаніе наказанія? 3) Для чего иною дорогою, а не послушаніемъ, хотѣлъ наслѣдства (какъ я говорилъ ему самъ), и о прочемъ, что къ сему подлежитъ спроси".

Толстой спросилъ; царевичъ отвѣчалъ: „1) Моего къ отцу моему непослушанія и что не хотѣлъ того дѣлать, что ему угодно, хотя и вѣдалъ, что того въ людехъ не водится и что то грѣхъ и стыдъ, причина та, что со младенчества моего нѣсколько жилъ съ мамою и съ дѣвками, гдѣ ничему иному не обучился, кромѣ избныхъ забавъ, и больше научился ханжить, къ чему я и отъ натуры склоненъ; а потомъ, когда меня отъ мамы взяли, также съ тѣми людьми, которые тамо при мнѣ были, а именно Никифоръ Вяземскій, Алексѣй да Василій Нарышкины; и отецъ мой, имѣя о мнѣ попеченіе, чтобъ я обучился тѣмъ дѣламъ, которыя пристойны къ царскому сыну, также велѣлъ мнѣ учиться Нѣмецкаго языку и другимъ наукамъ, что мнѣ было зѣло противно, и чинилъ то съ великою лѣностію, только-бъ чтобы время въ томъ проходило, а охоты къ тому не имѣлъ. А понеже отецъ мой часто тогда былъ въ воинскихъ походахъ, а отъ меня отлучался, того ради приказалъ ко мнѣ имѣть присмотръ свѣтлѣйшему князю Меншикову; и когда я при немъ бывалъ, тогда принужденъ былъ обучаться добру; а когда отъ него былъ отлученъ, тогда вышеупомянутые Вяземскій и Нарышкины, видя мою склонность ни къ чему иному, только чтобъ ханжить и конверсацію имѣть съ попами и чернцами и къ нимъ часто ѣздить и подпивать, а въ томъ мнѣ не токмо претили, но и сами тожъ со мною охотно дѣ-

лали. А понеже они отъ младенчества моего при мнѣ были, и я обыклъ ихъ слушать и бояться, и всегда имъ угодное дѣлать, а они меня больше отводили отъ отца моего и утѣшали вышеупомянутыми забавами, и по-малу не токмо дѣла воинскія и прочія отъ отца моего дѣла, но и самая его особа зѣло мнѣ омерзѣла, и для того всегда желалъ отъ него быть въ отлученіи. А когда уже было мнѣ приказано въ Москвѣ государственное правленіе въ отсутствіи отца моего, тогда я, получа свою волю (хотя я и зналъ, что мнѣ отецъ мой то правленіе вручилъ, приводя меня по себѣ къ наслѣдству), и въ большія забавы съ попами и чернцами и съ другими людьми впалъ. Къ тому-жъ моему непотребному обученію великій помощникъ былъ мнѣ Александръ Кикинъ, когда при мнѣ случался. А потомъ отецъ мой, милосердуя о мнѣ и хотя меня учинить достойна моего званія, послалъ меня въ чужіе краи; но и тамо я, уже въ возрастѣ будучи, обычая своего не перемѣнилъ; и хотя мнѣ бытность моя въ чужихъ краяхъ учинила нѣкоторую пользу, однакожь вкорененныхъ во мнѣ вышеписанныхъ непотребствъ вовсе искоренить не могла. 2) А что я былъ безстрашенъ и не боялся за непослушаніе отъ отца своего наказанія,—и то происходило ни отъ чего иного, токмо отъ моего злонравія (какъ самъ истинно признаю): понеже хотя и имѣлъ я отъ отца моего страхъ, однакожь не такой, какъ надлежитъ сыну имѣть, но токмо, чтобъ отъ него отдалиться и волю его не исполнить. 3) А для чего я иною дорогою, а не послушаніемъ хотѣлъ наслѣдства, то можетъ всякъ легко разсудить, что я уже когда отъ прямой дороги вовсе отбился и не хотѣлъ ни въ чемъ отцу моему послѣдовать, то какимъ же было инымъ образомъ искать наслѣдства, кромѣ того, какъ я дѣлалъ и хотѣлъ оное получить чрезъ чужую помощь? И ежели-бъ до того дошло, и Цесарь бы началъ то производить въ дѣло, какъ мнѣ обѣщалъ, и вооруженною рукою доставать мнѣ короны Россійской, то-бъ я тогда, не жалѣя ничего, доступалъ наслѣдства, а именно: ежели бы Цесарь за то пожелалъ войскъ россійскихъ въ помощь себѣ противъ какова-нибудь своего непріятеля, или бы пожелалъ великой суммы денегъ, то-бъ я все по его волѣ учинилъ, также и министрамъ его и генераламъ далъ бы великіе подарки. А войска его, которыя бы мнѣ онъ далъ въ помощь, чѣмъ бы доступать короны Россійской, взялъ бы я на свое иждивеніе, и однимъ словомъ сказать: ничего бы не жалѣлъ, только чтобы исполнить въ томъ свою волю".

25 іюня была вторая пытка: дано 15 ударовъ. Алексѣй сказалъ, что все объявленное имъ прежде справедливо, никого не поклепалъ и никого не утаилъ; прибавилъ: учитель Вяземскій въ разговорахъ съ нимъ, говаривалъ: „Степанъ Бѣляевъ съ пѣвчими при отцѣ твоемъ поютъ—„Богъ идѣже хощетъ", побѣждается естества чинъ, и тому подобные стихи; а то все поютъ, маня отцу твоему; а ему то и любо, что его съ Богомъ равняютъ". А о Рязанскомъ (Стефанѣ Яворскомъ) отъ многихъ слыхалъ, да и Ѳедоръ Дубровскій ему говорилъ, что „Рязанскій къ тебѣ добръ, и твоей стороны, и весь онъ твой". Къ Кіевскому митрополиту онъ, царевичъ, письма писалъ, чтобъ тамъ привесть къ возмущенію тамошній народъ; а дошло-ль оно до его рукъ, не знаетъ.

24 іюня состоялся приговоръ суда: „Сенатъ и стану воинскаго и гражданскаго, по нѣколикократномъ собраніи, по здравому разсужденію и по христіанской совѣсти, не посягая и не похлѣбствуя и несмотря на лица, по предшествующимъ голосамъ, единогласно и безъ всякаго прекословія, согласились и приговорили, что онъ, царевичъ Алексѣй, за всѣ вины свои и преступленія главныя противъ государя и отца своего, яко сынъ и поданный его величества, достоинъ смерти: потому что хотя его царское величество ему, царевичу, въ письмѣ своемъ обѣщалъ прощеніе въ побѣгѣ его, ежели добровольно возвратится, но какъ онъ и того себя тогда-жъ недостойна сочинилъ, о томъ довольно объявлено въ выданномъ отъ царскаго величества прежнемъ манифестѣ, и именно, что онъ поѣхалъ не добровольно. И хотя его царское величество, милосердствуя о немъ, сынѣ своемъ, родительски, при данной ему на пріѣздѣ съ повинною на Москвѣ 3 числа февраля аудіенціи обѣщалъ прощеніе и во всѣхъ его преступленіяхъ, однакожь то учинить изволилъ предъ всѣми съ такимъ яснымъ выговоромъ, что ежели онъ, царевичъ, все то, что онъ по то число противнаго противъ его величества дѣлалъ или умышлялъ и о всѣхъ особахъ, которыя ему въ томъ были совѣтниками и сообщниками, или о томъ вѣдали, безъ всякой утайки объявитъ; а ежели что или кого-нибудь утаитъ, то обѣщанное прощеніе не будетъ ему въ прощеніе, что онъ, повидимому, тогда принялъ съ благодарными слезами, обѣщалъ клятвенно все безъ утайки объявить, и то потомъ и крестнымъ и Св. Евангелія цѣлованіемъ въ соборной церкви утвердилъ. Но онъ, царевичъ, на то въ отвѣтномъ и повинномъ своемъ письмѣ отвѣтствовалъ весьма неправдиво, и не токмо многія особы, но и главнѣйшія дѣла и преступленія, а особливо умыслъ свой бунтовный противъ отца и государя своего и намѣренный изъ давнихъ лѣтъ подыскъ и произыскиваніе къ престолу отеческому и при животѣ его, чрезъ разные коварные вымыслы и притворы, и надежду на чернь, и желаніе отца и государя своего скорой кончины утаилъ; по которымъ его, царевичевымъ, всѣмъ поступкамъ и изустнымъ и письменнымъ объявленіямъ и по послѣднему отъ 22 іюня сего году собственноручному письму явно, что онъ, царевичъ, не хотѣлъ съ воли отца своего наслѣдства прямою и отъ Бога опредѣленною дорогою и способы, по кончинѣ отца своего государя, получить; но, чиня ему все въ противность, намѣренъ былъ противъ воли его величества по надеждѣ своей, не токмо чрезъ бунтовщиковъ, но чрезъ чужестранную цесарскую помощь и войска, которыя

онъ уповалъ себѣ получить, и съ разореніемъ всего государства и отлученіемъ отъ онаго того, чего-бъ отъ него за то ни пожелали, и при животѣ государя отца своего достигнуть. И явно по всему тому, что онъ для того весь свой умыслъ и многія ему въ томъ согласующіяся особы таилъ до послѣднято розыску и явнаго обличенія въ намѣреніи такомъ, чтобъ и впредь то богомерзкое дѣло противъ государя отца своего и всего государства, при первомъ способномъ случаѣ, въ самое дѣло производить. И тѣмъ всѣмъ царевичъ себя весьма недостойна того милосердія и обѣщаннаго прощенія государя отца своего учинилъ, что и самъ онъ, какъ въ прибытіи отца своего государя, при всемъ вышеупомянутомъ всѣхъ чиновъ духовныхъ и мірскихъ и всенародномъ собраніи, призналъ, такъ и потомъ, при опредѣленныхъ отъ его величества нижеподписавшихся судьяхъ, и изустно и письменно объявилъ. Итакъ по вышеписаннымъ, божественнымъ, церковнымъ, гражданскимъ и воинскимъ правамъ, которыя два послѣднія, а именно гражданскія и военныя, не токмо за такое уже чрезъ письмо и дѣйствительные происки противъ отца и государя, но хотя-бъ токмо противъ государя своего, за одно помышленіе бунтовное, убивственное, или подъисканіе къ государствованію, казнь смертную безъ всякой пощады опредѣляютъ, коль же паче сіе сверхъ бунтовнаго, мало прикладное въ свѣтѣ, богомерзкое, двойное, родителей убивственное намѣреніе, а именно въ началѣ на государя своего, яко отца отечествія, и по естеству на родителя своего милостивѣйшаго, — таковую смертную казнь заслужилъ. Хотя сей приговоръ мы, яко раби и подданніи, съ сокрушеніемъ сердца и слезъ изліяніемъ изрекаемъ, въ разсужденіи, что намъ, яко самодержавной власти подданнымъ, въ такой высокій судъ входить, а особливо на сына самодержавнаго всемилостивѣйшаго царя и государя своего оный изрекать—не достоило было; но однакожь, по волѣ его, то симъ свое истинное мнѣніе и осужденіе объявляемъ съ такою чистою и христіанскою совѣстію, какъ уповаемъ непостыдно въ томъ предстать предъ страшнымъ, праведнымъ и нелицемѣрнымъ судомъ Всемогущаго Бога, подвергая впрочемъ сей нашъ приговоръ и осужденіе въ самодержавную власть, волю и милосердое разсмотрѣніе его царскаго величества всемилостивѣйшаго монарха". Подписали: Князь Меншиковъ, графъ Апраксинъ (генералъ-адмиралъ), графъ Головкинъ (канцлеръ), князь Яковъ Долгорукій, графъ Мусинъ - Пушкинъ, Тихонъ Стрѣшневъ, графъ Петръ Апраксинъ (сенаторъ), Петръ Шафировъ, Петръ Толстой, князь Димитрій Голицынъ, генералъ Адамъ Вейде, генералъ Иванъ Бутурлинъ, графъ Андрей Матвѣевъ, князь Петръ Голицынъ (сенаторъ), Михайла Самаринъ (сенаторъ), генералъ Григорій Чернышевъ, генералъ Иванъ Голицынъ, генералъ князь Петръ Голицынъ, ближній стольникъ князь Иванъ Ромодановскій, бояринъ Алексѣй Салтыковъ, князь Матвѣй Гагаринъ (Сибирскій губернаторъ), бояринъ Петръ Бутурлинъ, Кирилла Нарышкинъ (Московскій губернаторъ), и еще сто три человѣка менѣе высокихъ чиновъ [1]).

Въ „Записной книгѣ С.-Петербургской гарнизонной канцеляріи" читается: „26 іюня по полуночи въ 8 часу начали сбираться въ гарнизонъ его величество, свѣтлѣйшій князь, князь Яковъ Ѳедоровичъ (Долгорукій), Гаврило Ивановичъ (Головкинъ), Ѳедоръ Матвѣевичъ (Апраксинъ), Иванъ Алексѣевичъ (Мусинъ - Пушкинъ), Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ), Петръ Андреевичъ (Толстой), Петръ Шафировъ, генералъ Бутурлинъ; и учиненъ былъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гарнизонѣ до 11 часа, разъѣхались. Того жъ числа пополудни въ 6-мъ часу, будучи подъ карауломъ въ Трубецкомъ раскатѣ въ гарнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился". 30 іюня царевичъ былъ похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ въ одномъ мѣстѣ съ женою, въ присутствіи царя и царицы.

Петръ, въ рескриптахъ къ заграничнымъ министрамъ своимъ, такъ велѣлъ описать кончину сына: послѣ объявленія сентенціи суда царевичу, „Мы, яко отецъ, боримы были натуральнымъ милосердія подвигомъ съ одной стороны, попеченіемъ же должнымъ о цѣлости и впредь будущей безопасности государства нашего—съ другой, и не могли еще взять въ семъ зѣло многотрудномъ и важномъ дѣлѣ своей резолюціи. Но Всемогущій Богъ, восхотѣвъ чрезъ собственную волю и праведнымъ Своимъ судомъ по милости Своей насъ отъ такого сумнѣнія, и Домъ нашъ и государство отъ опасности и стыда свободити, пресѣкъ вчерашняго дня (писано іюня 27-го) его, сына нашего Алексѣя, животъ, по приключившейся ему по объявленіи оной сентенціи и обличеніи его толь великихъ противъ насъ и всего государства преступленій, жестокой болѣзни, которая вначалѣ была подобна апоплексіи. Но хотя потомъ онъ и паки въ чистую память пришелъ и по должности христіанской исповѣдался и причастился Св. Таинъ, и насъ къ себѣ просилъ, къ которому мы, презрѣвъ всѣ досады его, со всѣми нашими здѣ сущими министры и сенаторы пришли, и онъ чистое исповѣданіе и признаніе тѣхъ всѣхъ своихъ преступленій противъ насъ со многими покаятельными слезами и раскаяніемъ намъ принесъ, и отъ насъ въ томъ прощенія просилъ, которое мы ему, по христіанской и родительской должности, и дали; и тако онъ сего іюня 26, около 6 часовъ пополудни, жизнь свою христіански скончалъ" [2]).

Но понятно, что при такихъ обстоятельствахъ дѣла оффиціальнымъ изложеніемъ его не довольствовались. До насъ дошли два другихъ подробныхъ изложенія его: одно—иностранное [3]), которое говоритъ, что царевичъ былъ отравленъ, другое—

[1]) Дѣло о царевичѣ.
[2]) Дѣла Польскія 1717 г.
[3]) P. H. Bruce—Memoirs, London, 1782.

русское [1]), утверждающее, что онъ былъ задушенъ подушками; въ обоихъ авторы разсказа присутствовали при событіи! Взглянемъ, какъ оно отразилось и въ народѣ, что можемъ узнать изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи. Въ 1721 году попъ Игнатій говорилъ: „Слышалъ онъ, что въ С.-Петербургѣ государь собралъ въ Сенатъ архіереевъ и другихъ многихъ людей, и говорилъ, чтобъ дать судъ на царевича за непослушаніе, и тогда-жъ въ ту палату вошелъ царевичъ, не снялъ шапки передъ государемъ, и сказалъ: „Что мнѣ, государь-батюшка, съ тобою судиться? и завсегда передъ тобою виноватъ“, и пошелъ вонъ; а государь молвилъ: „Смотрите, отцы святіи, такъ ли дѣти отцовъ почитаютъ!“ И пріѣхалъ государь въ свой домъ, царевича билъ дубиною, и отъ тѣхъ побоевъ царевичъ и умеръ. Царя дважды хотѣли убить, да не убьютъ: сказываютъ ему про то нечистые духи“ [2]). Въ одномъ изъ дѣлъ того же года записаны слова столяра Королька: „Пока государь здравствуетъ, по то время и государыня царица жить будетъ, а ежели его, государя, не станетъ, тогда государыни царицы и свѣтлѣйшаго князя Меншикова и духъ не помянется, того для что и нынѣ уже многіе великому князю (Петру Алексѣевичу) сказываютъ, что по ея государыни царицы наговору, государь царевича своими руками забилъ кнутомъ до смерти; а наговорила она государыня царица государю такъ: „Какъ тебя не станетъ, а мнѣ отъ твоего сына и житья не будетъ“; и государь, послушавъ ее, билъ его, царевича, своими руками кнутомъ, и отъ того онъ, царевичъ, и умеръ“. По словамъ Королька, старуха Кулбасова говорила: „Чаю, вѣстимо великому князю, что батюшки его не стало. Быть было царицею свѣтлѣйшей княгинѣ, да поспѣшила Екатерина Алексѣевна, Богъ знаетъ, какого она чина, мыла сорочки съ Чухонками; по ея наговору и царевичъ умеръ; подъ-часъ будто его жалѣетъ, да не какъ родная мать. Она же государю говорила: „Какъ царевичъ сядетъ на царство—и онъ возьметъ свою мать, и въ то время мнѣ отъ твоего сына и житья не будетъ“. И по тѣмъ ся словамъ государь пошелъ въ застѣнокъ къ царевичу и былъ тамъ розыскъ. Государь своими руками его, царевича, билъ кнутомъ, а уже потомъ Богъ знаетъ что сдѣлалось“ [3]).

Православные, по смерти царевича Петра Петровича, случившейся въ 1719 году, видѣли законнаго наслѣдника въ великомъ князѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и видѣли въ немъ мстителя за смерть отцовскую. Иначе относились къ великому князю Петру раскольники. За Соликамскомъ, по рѣкѣ Тагилѣ, жили раскольники, старцы и старицы, бѣжавшіе съ Керженца; здѣсь говорилось: „Мы странствуемъ и скитаемся въ лѣсахъ, гонимы отъ еретической вѣры; роды царскіе пошли неистовы: царевна Софья была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна сестра ея [4]). И государь Петръ Алексѣевичъ такой же, сжился съ простою Шведкою, да ее за себя и взялъ, и мы за такого государя за здравіе Бога не молимъ, молимся, чтобъ онъ возвратился въ истинную вѣру. Отъ царевича Алексѣя Петровича родился царевичъ отъ Шведки, съ зубами,—не простъ человѣкъ. Царь ненавистникъ истинной вѣрѣ, Шведъ обмѣнный; образа пишутъ съ Шведскихъ персонъ; платье возлюбилъ Шведское, со Шведами пьетъ и ѣстъ, изъ ихъ королевства не выходитъ, и Шведъ у него въ набольшихъ; извелъ Русскую царицу, отъ себя сослалъ въ монастырь, чтобъ съ нею царевичевъ не было, и царевича Алексѣя Петровича извелъ, своими руками убилъ, для того, чтобъ ему, царевичу, не царствовать, и взялъ за себя Шведку, и та царица дѣтей не родитъ; и онъ сдѣлалъ указъ, чтобъ за предбудущаго государя крестъ цѣловать, и крестъ цѣлуютъ за Шведа,—одноконечно станетъ царствовать Шведъ, либо его государевъ родственникъ, или царицы Екатерины братъ; и великій князь Петръ Алексѣевичъ родился отъ Шведки съ зубами,—онъ антихристъ“.

Колодники говорили: „Захотѣли вы у государя милости: онъ и сыну своему царевичу своими руками голову отсѣкъ“! Другіе говорили, что запыталъ.

Крестьяне, жалуясь на тягости, говорили, что царевичъ Алексѣй Петровичъ живъ и идетъ съ силою своею противъ царскаго войска подъ Кіевъ.

Въ 1723 году явился въ Псковѣ самозванецъ, который назывался царскимъ братомъ, и раскольники толковали: явился братъ, скоро явится и царевичъ Алексѣй Петровичъ! Самозванецъ былъ псковскаго Печерскаго монастыря монахъ Михайла Алексѣевъ; оказалось, что онъ раскольникъ, крестился двумя перстами; разсказывалъ, что отецъ его, царь Алексѣй Михайловичъ, посадилъ его на царство въ Грузинской Землѣ, а потомъ служилъ въ Преображенскомъ полку генераломъ. Тогда же въ Вологодской провинціи явился самозванецъ, нищій Алексѣй Родіоновъ, польскаго происхожденія, назвался царевичемъ Алексѣемъ. Окольные жители показали, что Родіоновъ восемь лѣтъ уже какъ осумасбродилъ, и въ сумасбродствѣ сжегъ дворъ свой [5]).

Прошелъ мѣсяцъ послѣ кончины царевича; Петръ находился въ Ревелѣ, и оттуда, 1 августа, съ корабля Ингерманландіи, написалъ женѣ: „Что приказывала съ Макаровымъ, что покойникъ нѣчто открылъ,—когда Богъ изволитъ васъ видѣть [6]); я

[1]) Письмо Александра Румянцева къ Дмитрію Ив. Титову. Напечатано въ приложеніяхъ къ книгѣ Устрялова, не съ очень впрочемъ исправнаго списка.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 61.

[3]) Напечатано въ Чтеніяхъ Московск. Историч. Общ. 1861 года, книга 3.

[4]) И бояре ходили къ нимъ и робятъ тѣ царевны носили и душили, и иныхъ на дому кормили. Дѣло Тайнаго Преображ. Приказа. 1723 г. въ архивѣ Мин. Юстиціи.

[5]) Дѣло Тайнаго Преображ. Приказа, 1723 и 1724 гг., въ архивѣ Мин. Юстиціи.

[6]) Т.-е. поговоримъ объ этомъ, когда увидимся.

здѣсь услышалъ такую диковинку про него, что чуть не пуще всего, что явно явилось"[1]). Что такое онъ могъ услыхать про Алексѣя въ Ревелѣ? Не о сношеніяхъ ли его съ Швеціею? Есть извѣстіе, что царевичъ обращался къ Гёрцу съ просьбою о шведской помощи, и Гёрцъ уговорилъ Карла XII войти въ сношеніе съ Алексѣемъ посредствомъ Понятовскаго, пригласить его въ Швецію и обѣщать помощь, и когда Алексѣй вскорѣ послѣ того отдался Толстому и Румянцеву, то Гёрцъ жаловался, что изъ неумѣстнаго мягкосердечія упущенъ отличный случай получить выгодныя условія мира[2]). Но и послѣ смерти царевича, въ Швеціи не отказывались отъ надежды воспользоваться смутою въ Россіи: все ждали здѣсь народнаго возстанія, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Глава III.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Аландскій конгрессъ. — Смерть Карла XII и закрытіе конгресса. — Военныя дѣйствія противъ Швеціи. — Отношенія Россіи къ иностраннымъ державамъ съ 1718 по 1721 годъ. — Возобновленіе сношеній съ Швеціей. — Ништадтскіе переговоры и миръ. — Значеніе Сѣверной войны. — Петръ императоръ. — Отношенія иностранныхъ державъ къ Россіи послѣ Ништадтскаго мира. — Торжества въ Россіи.

Мы видѣли, что въ августѣ 1717 года, въ Лоо, между княземъ Куракинымъ и Гёрцемъ было положено начать мирные переговоры на Аландскихъ островахъ, причемъ Гёрцу данъ былъ паспортъ для проѣзда чрезъ русскія владѣнія въ Швецію. Правителямъ Остзейскихъ провинцій, чрезъ которыя лежалъ путь Гёрцу, велѣно было содержать дѣло „въ высшемъ секретѣ, чтобъ никто не вѣдалъ".— 20 октября изъ Риги дали знать, что накануне Гёрцъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, только не секретно. Самъ Гёрцъ писалъ Шафирову съ сожалѣніемъ, что ему нигдѣ не удается съ нимъ видѣться, потому что подканцлеръ уже проѣхалъ въ Петербургъ, а видѣться было бы надобно, чтобъ узнать подробнѣе о намѣреніяхъ царскаго величества насчетъ мира и не привезти въ Швецію одни общія заявленія. Получивши объ этомъ донесеніе отъ Шафирова, Петръ написалъ ему: „Гёрцъ когда желаетъ видѣться, лучше ему позволить быть въ Петербургъ явно (ибо въ Ригу уже явно пріѣхалъ), а чрезъ Ревель уже и безъ претекста поздно, ибо лучше удовольственна отпустить, неже съ сумнѣніемъ или зѣло холодно; а гдѣ съ нимъ видѣться, о томъ съ вами самъ переговорю".

По возвращеніи въ Швецію, Гёрцъ, въ концѣ ноября, далъ знать, что Карлъ XII вышлетъ своихъ уполномоченныхъ, какъ скоро получитъ извѣстіе, что царскіе уполномоченные находятся въ Або. Этими уполномоченными были назначены генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ и канцеляріи совѣтникъ Остерманъ: съ шведской стороны—Гёрцъ и Гиллембергъ. 5 января 1718 года Петръ писалъ къ Брюсу изъ Москвы въ Петербургъ: „Если вы изъ Петербурга еще не выѣхали, то надобно вамъ немедленно ѣхать, и передъ отъѣздомъ объявить министрамъ союзниковъ нашихъ Прусскому, Польскому, Ганноверскому и Датскому, что такъ какъ мы прежде государямъ ихъ сообщали все, что намъ съ пріятельской стороны было предложено и обѣщали впередъ то же дѣлать, то приказали имъ и теперь объявить слѣдующее: баронъ Гёрцъ писалъ къ нашимъ министрамъ, что, пріѣхавъ въ Швецію, онъ объявилъ своему королю о склонности нашей къ генеральному миру, о чемъ при свиданіи съ нимъ нашъ посолъ, Куракинъ, объявилъ ему на словахъ, и что король его согласился отправить министровъ своихъ на конгрессъ, мѣстомъ котораго съ прусской и польской стороны предложенъ городъ Данцигъ. Но съ нашей стороны Гёрцу объявлено, что мы, не опредѣливъ напередъ прелиминарныхъ условій, и не видя, будутъ ли съ шведской стороны предложены намъ выгодныя условія, на публичный конгрессъ министровъ нашихъ послать не можемъ; поэтому король Шведскій, для показанія склонности своей къ миру, намѣренъ прислать нѣкоторыхъ своихъ министровъ въ какое-нибудь мѣсто недалеко отъ Финляндіи, чтобъ они могли, съѣхавшись съ нашими министрами, напередъ объ этомъ переговорить. Для выслушанія ихъ предложеній мы велѣли ѣхать вамъ, потому что вамъ и безъ того надобно было ѣхать въ Финляндію для приготовленія къ будущему воинскому походу. Объявите министрамъ, что вамъ велѣно только выслушать шведскія предложенія, не вступая ни въ какіе договоры; что мы эти предложенія сообщимъ союзникамъ и безъ ихъ согласія ни въ какіе прямые трактаты не вступимъ".

Письмо уже не застало Брюса и Остермана въ Петербургѣ: они отправились въ Або, откуда пересылались съ Гёрцемъ. Послѣдній требовалъ, чтобъ съ обѣихъ сторонъ предварительно прислано было по человѣку на Аландъ для соглашенія о томъ, какъ съѣзжаться. По этому случаю Брюсъ и Остерманъ 13 февраля писали царю: „Мы разсуждаемъ, что ежели при томъ съѣздѣ церемоніи

[1]) Письма Русскихъ государей.

[2]) Fryxell, V, 202. Ссылка на донесенія Французскаго посланника и на письмо Гёрца къ Карлу отъ 5 января 1718 г., хран. въ Швед. государ. архивѣ.

смотрѣть, то не только много времени потеряно будетъ, но и многія другія неудобства и остановки главному дѣлу произойти могутъ; поэтому мы отвѣчали Гёрцу, чтобъ при съѣздахъ никакимъ церемоніямъ съ обѣихъ сторонъ не быть для скорѣйшаго окончанія дѣла". Царь отвѣчалъ: „Для избѣжанія всякихъ церемоній предложите барону Гёрцу такой способъ: зимою занять для конференцій двѣ камеры, одну подлѣ другой, и среднюю между ними стѣну вырубить, такъ чтобъ въ обѣихъ камерахъ можно было поставить одинъ столъ; съ одной стороны будете входить вы и садиться, а съ другой—въ то же время шведскіе уполномоченные; лѣтомъ же можно поставить съ обѣихъ сторонъ по намету; такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ будетъ равенство, всякій будетъ сидѣть въ своей каморѣ или наметѣ безъ всякаго спора о предсѣдательствѣ; такимъ образомъ поступали при многихъ конгрессахъ, а именно при Карловицкомъ. Надобно вамъ стараться, чтобъ Шведы согласились на это, и съѣздъ состоялся безъ потери времени, ибо уже время къ воинскому походу приближается".

Чтобъ скорѣе приступить къ дѣлу, старались отстранить всѣ споры о церемоніяхъ; но природа выставила со своей стороны препятствіе: въ апрѣлѣ ледъ мѣшалъ переѣхать на Аландъ. Петръ торопилъ своихъ уполномоченныхъ, требовалъ, чтобъ они торопили шведскихъ. Условія, которыя Брюсъ и Остерманъ должны были предложить Шведамъ, состояли въ слѣдующемъ: 1) Провинціи Ингрія, Ливонія, Эстляндія съ городомъ Ревелемъ и Карелія со всѣми ихъ городами, островами, мѣстами, дистриктами и подданными, также городъ Выборгъ должны быть уступлены царскому величеству въ вѣчное владѣніе. 2) Великое княжество Финляндское царское величество уступаетъ королю Шведскому съ тѣмъ, чтобъ границѣ быть отъ Выборга по рѣку Кюмень, оттуда до Нейшлота и такъ до старой русской границы, какъ удобнѣе. 3) Шеры возлѣ Финскаго берега должны быть свободны для проѣзда Россійскаго народа и прочимъ царскимъ подданнымъ со всякими судами; равно шведскимъ подданнымъ позволяется свободный проѣздъ въ области царскаго величества моремъ во всѣхъ мѣстахъ; гаваней на Финской сторонѣ съ обѣихъ сторонъ вновь не укрѣплять; для защиты же своихъ земель вольно каждому, гдѣ хочетъ, въ своемъ владѣніи по своему произволу строить крѣпости. 4) Торговля между обоими государствами свободная. 5) Король Августъ II долженъ быть оставленъ въ покойномъ владѣніи престоломъ Польскимъ, признанъ отъ Шведскаго короля, и между Швеціею и Польшею долженъ быть заключенъ миръ. 6) Королю Прусскому долженъ быть уступленъ городъ Штетинъ съ дистриктомъ. 7) Если король Датскій захочетъ помириться съ Швеціею, возвративъ все у нея завоеванное, то и онъ долженъ быть включенъ въ этотъ трактатъ. 8) Если король Англійскій, какъ курфирстъ Брауншвейгскій, захочетъ помириться съ Швеціею на благоразумныхъ условіяхъ во время шести мѣсяцевъ, то и ему предоставляется право приступить къ трактату.—Посылая инструкціи, Петръ писалъ уполномоченнымъ: „Вы по инструкціи исполняйте со всякимъ осмотрѣніемъ, чтобъ вамъ шведскихъ уполномоченныхъ глубже въ негоціацію ввесть и ее въ скорости не порвать, ибо интересъ нашъ нынѣ того требуетъ, и весьма съ ними ласково поступайте, и подавайте имъ надежду, что мы къ миру съ королемъ ихъ истинное намѣреніе имѣемъ и разсуждаемъ, что со-временемъ можемъ, по заключеніи мира, и въ тѣсную дружбу и ближайшія обязательства съ его величествомъ вступить. И если они на условія не согласятся, станутъ говорить, что король не можетъ принять ихъ за тягостію, то по послѣдней мѣрѣ можете объявить имъ секретно, что если они насъ удовольствуютъ, то можемъ за то помочь имъ получить въ другой сторонѣ такія выгоды, что имъ тотъ убытокъ вознаградится; внушите имъ, что хотя бы они и помирились съ Ганноверскимъ, Датскимъ или другимъ кѣмъ изъ нашихъ союзниковъ съ уступкою имъ изъ своихъ владѣній, то они этимъ себѣ никакой пользы и облегченія въ войнѣ не получатъ, если съ нами будутъ продолжать войну, ибо мы и одни съ тѣми союзниками, которые при насъ останутся, въ состояніи противъ нихъ не только оборонительно, но и наступательно воевать, и уже приготовились къ тому. Хотя король Англійскій и обѣщаетъ имъ, какъ думаемъ, нѣкоторыя выгоды, однако всѣмъ извѣстно, что онъ, какъ король Англійскій, не можетъ сдержать своихъ обѣщаній, ибо народъ Англійскій не захочетъ изъ-за его частнаго нѣмецкаго интереса потерять съ нами дружбу и коммерцію. И прочіе резоны объявляйте, показывая, что мы съ ними миру желаемъ, но и войны не боимся. Если станутъ говорить, зачѣмъ мы за всѣхъ союзниковъ стараемся, то отвѣчайте, что если намъ о Прусскомъ и Польскомъ короляхъ не постановить условій, то этотъ миръ будетъ на слабомъ основаніи, ибо намъ нельзя ихъ оставить въ войнѣ, а по умѣренности предложенныхъ условій видятъ они наше къ себѣ истинное расположеніе. Если они станутъ говорить, зачѣмъ не упомянуто то, что Датскій король долженъ возвратить Голштинскому герцогу его земли, то объявите, что мы этихъ земель Датскому королю не гарантировали, поэтому объ нихъ не упоминаемъ и въ томъ даемъ Шведамъ свободу. Какъ важно условіе, постановленное объ Англійскомъ королѣ, сами могутъ разсудить, и за него стоять не будемъ. Старайтесь по данной инструкціи какъ можно скорѣе заключить договоръ, который однако долженъ быть содержанъ въ тайнѣ; что бы они предлагать вамъ ни стали, берите на доношеніе, а конгрессъ не разрывайте ни за что".

Къ Остерману Петръ написалъ особое письмо: „Повелѣваемъ вамъ особливо, чтобъ вы частнымъ образомъ трудились съ барономъ Гёрцомъ въ дру-

жбу и конфиденцію войти и старались съ нимъ наединѣ разговаривать. При этихъ разговорахъ обнадежьте его въ нашей къ нему особенной склонности, что мы его доброжелательными и правдивыми поступками довольны и признаемъ, что этотъ конгрессъ состоялся его одного радѣніемъ. Если усмотрите его склонность и разсудите за благо, то можете обѣщать ему въ подарокъ хотя до ста тысячъ рублей и впередъ всякое награжденіе, только бы онъ трудился заключить миръ по нашему желанію. Взявши съ него честное слово соблюдать тайну, объявите ему, что мы желаемъ не только съ Швеціею миръ заключить, но и обязаться дружбою. Когда между обѣими державами прежняя вражда и зависть исчезнетъ, а вѣчная дружба установится, то не только можемъ себя отъ всѣхъ другихъ обезопасить, но и балансъ въ Европѣ содержать, и можемъ потомъ, кого сами заблагоразсудимъ, къ себѣ въ ту пріязнь принять, къ чему много охотниковъ будетъ. Мы знаемъ, что хотя бы мы чрезъ оружіе свое и привели короля Шведскаго къ уступкѣ всего нами завоеваннаго, то Швеція всегда будетъ искать удобнаго случая возвратить себѣ потерянное и такимъ образомъ война не пресѣчется. Поэтому мы предлагаемъ слѣдующій способъ къ искорененію всѣхъ ссоръ: если король уступитъ намъ провинціи, которыя теперь за нами (кромѣ Финляндіи), то мы обяжемся помочь ему вознаградить его потери въ другомъ мѣстѣ, гдѣ ему нужно. Если станетъ говорить, чтобъ мы возвратили Лифляндію, то отвѣчайте, что чрезъ это возвращеніе миръ не будетъ крѣпокъ: жалузія еще болѣе усилится по близости нашей резиденціи теперь въ Петербургѣ, всегда другъ на друга непріятельскими и подозрительными глазами будемъ смотрѣть, а королю вмѣсто выгоды одинъ убытокъ, потому что принужденъ будетъ въ лифляндскихъ городахъ содержать сильные гарнизоны“.

12 мая начались конференціи. Шведскіе министры просили русскихъ объявить мирныя условія; тѣ отвѣчали, что условія были объявлены княземъ Куракинымъ Гёрцу, который конечно донесъ о нихъ королю, и король далъ свое рѣшеніе, о чемъ они и просятъ шведскихъ министровъ объявить. Тогда Гёрцъ въ длинной рѣчи разсказалъ весь ходъ дѣла и объявилъ, что ни о какихъ условіяхъ ни отъ кого никогда не слыхалъ; князь Куракинъ говорилъ ему одно, что такъ какъ во время его, Гёрцева, ареста секретарю Прейсу прислано было недостаточное полномочіе, то царское величество желаетъ, чтобъ присланъ былъ кто-нибудь съ достаточнымъ полномочіемъ и инструкціею для заключенія мира, и притомъ его, Гёрца, обнадежилъ, что царское величество въ такомъ случаѣ, сверхъ ихъ ожиданія, заключитъ миръ на резонабельныхъ условіяхъ; но о самыхъ условіяхъ, не было сообщено ни слова. Русскіе министры, видя, что съ шведской стороны никоимъ образомъ высказаться не хотѣли, сказали, что надобно однако положить начало дѣлу, главный пунктъ котораго состоитъ въ томъ, чтобъ знать королевское намѣреніе насчетъ завоеванныхъ провинцій. Шведскіе министры отвѣчали, что король желаетъ возвращенія всего у него взятаго; русскіе—сказали на это, что царское величество желаетъ удержать все имъ завоеванное, и если съ шведской стороны не объявится что-нибудь другое порезонабельнѣе, то согласиться будетъ трудно. Гёрцъ объявилъ, что миръ не состоится, если предварительно не будетъ положено о возвращеніи королю Лифляндіи и Эстляндіи, чтобъ потомъ объ этихъ провинціяхъ уже и не упоминать и вести переговоры только объ остальныхъ. Русскіе отвѣчали, что миръ не состоится, если предварительно не будетъ положено, что Лифляндія и Эстландія остаются за Россіею, послѣ чего пойдутъ переговоры о Финляндіи, ибо царское величество, для прочности мира и безопасности своего государства, не можетъ допустить, чтобъ въ срединѣ его земель оставалось какое-нибудь шведское владѣніе. Шведы говорили, что въ такомъ случаѣ и Финляндія не долго останется за ними, ибо изъ Ревеля царское величество всегда будетъ въ состояніи переходить черезъ Финскій заливъ и завоевывать Финляндію, и что королю не для чего заключать мира, который отдастъ его на произволъ сосѣдямъ; притомъ Лифляндія и Эстляндія такъ разорены, что ихъ и въ 50 лѣтъ поправить нельзя, и до тѣхъ поръ содержаніе ихъ королю будетъ очень тяжело. Царское намѣреніе ясно, продолжали Шведы: онъ желаетъ усилить свои связи съ Германскою имперіею и установить свое купечество на Балтійскомъ морѣ; но если Рига, Ревель и другія гавани будутъ за нимъ, то онъ въ короткое время такъ усилится, что Шведы и Датчане будутъ вытѣснены изъ Балтійскаго моря; друзья царскіе, Англичане, всюду объ этомъ внушаютъ и возбуждаютъ подозрѣніе. Шведы толковали объ убыткахъ, которые причинила имъ Сѣверная война, и на этомъ основаніи требовали въ вознагражденіе Лифляндію и Эстляндію. Русскіе указывали, что Россія понесла не меньшіе убытки; что царскія мирныя предложенія были постоянно отвергаемы королемъ, который возбудилъ еще Турокъ къ войнѣ; для прекращенія этой войны нужно было отдать султану Азовъ и Таганрогъ, стоившіе милліоновъ: за это надобно получить вознагражденіе отъ Шведовъ. Королевскіе уполномоченные говорили, что Лифляндія и Эстляндія—бастіоны королевства Шведскаго; что королю лучше потерять все въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ уступить ихъ Россіи.

Остерманъ въ особомъ письмѣ писалъ: „Шведскіе министры ясно даютъ знать, что имъ съ другой какой-то стороны, противной этому миру, дѣлаются многія предложенія, но что король больше склоненъ къ миру съ царскимъ величествомъ. По поступкамъ Гёрца видно, что онъ не донесъ королю объ условіяхъ, а просто объявилъ, что надѣется получить полезный отдѣльный миръ съ Россіею. Между тѣмъ мы подъ рукою дѣлаемъ швед-

скимъ министрамъ внушенія, которыя могутъ быть полезны. Мы подлинно знаемъ, что дѣло это, мимо министровъ, ведется самимъ королемъ, для чего находится здѣсь генералъ-адъютантъ баронъ Шпаръ, ведущій переписку прямо съ королемъ. Мы стараемся его ласкать и дѣлать ему всякія приличныя внушенія. Говорилъ мнѣ партикулярно баронъ Гёрцъ, что у него нѣтъ въ Швеціи ни одного друга; что Шведы подали королю пространную записку противъ мира съ Россіею, но онъ, Гёрцъ, опровергъ ее; что король склоненъ къ миру, но камнемъ преткновенія служитъ Ревель, ибо, уступивъ его, Шведы будутъ считать себя рабами, зависящими отъ произвола царскаго. Мнѣ кажется, что они охотнѣе пожертвуютъ Лифляндіею, чѣмъ Ревелемъ, ибо Гёрцъ и Гиллемборгъ рѣдко говорятъ о Лифляндіи. Гёрцъ часто упоминаетъ слово: эквивалентъ; это мнѣ подаетъ надежду, что если бы мы могли ихъ обезпечить эквивалентомъ въ другомъ мѣстѣ, то можно было бы заключить съ ними добрый миръ; по моему мнѣнію, это единственное для насъ средство. Обстоятельства намъ благопріятствуютъ: король хочетъ съ нами мира, заключивъ который будетъ искать въ другомъ мѣстѣ себѣ вознагражденія; оба находящіеся здѣсь уполномоченные, изъ собственныхъ выгодъ, будутъ дѣлать все на свѣтѣ, чтобъ утвердить короля въ такомъ намѣреніи; оба питаютъ злобу къ Англіи; всѣ ихъ намѣренія клонятся къ тому, чтобъ, по заключеніи мира съ Россіею, всѣми силами напасть на короля Англійскаго.

Головкинъ и Шафировъ на всѣ эти донесенія отвѣчали: „Вы хорошо дѣлаете, что больше не упрекаете Гёрца въ его запирательствѣ насчетъ сообщенныхъ ему условій,—не нужно его озлоблять. Объявите Гиллемборгу, что братъ его, находящійся у насъ въ плѣну, освобождается безъ размѣна; старайтесь войти въ дружбу и конфиденцію съ Шпаромъ; дайте ему изъ отправленныхъ къ вамъ червонныхъ, соболей и камокъ, сколько заблагоразсудите, дайте и Гиллемборгу; можете обѣщать знатныя дачи, хотя такую же сумму, какъ и Гёрцу, обѣщаете; царское величество дастъ, только-бъ миръ заключенъ былъ по его желанію". Царь писалъ Остерману: „Гёрцъ упоминалъ объ эквивалентѣ; можете отъ себя объявить, что у насъ такихъ мѣстъ не обрѣтается, которыя мы могли бы дать имъ въ эквивалентъ; а если они разумѣютъ другія страны, то пусть объявятъ ясно; приводите ихъ къ тому, чтобъ они сами объявили; если же нельзя, то можете завести рѣчь отъ себя, что, по озлобленію, которое король Англійскій нанесъ обѣимъ сторонамъ, всего лучше искать вознагражденія изъ его земель, сверхъ возвращенія Бремена и Вердена, и что, по вашему мнѣнію, мы не откажемся помочь имъ въ этомъ. Если станутъ вамъ говорить что-нибудь явно о претендентѣ, требуя ему помощи, то можете сказать, что мы и въ томъ, по вашему мнѣнію, помочь имъ не откажемся, и можно будетъ внести въ договоръ объ этомъ особую статью". По поводу претендента Шафировъ далъ знать Остерману, 9-го іюня: „На сихъ дняхъ прибылъ сюда нарочно отъ претендента нѣкоторый человѣкъ, съ которымъ я имѣлъ разговоръ у генерала Ягужинскаго. Объявилъ онъ мнѣ, что былъ въ Швеціи, гдѣ имѣлъ долгіе разговоры съ барономъ Гёрцемъ, который объявилъ ему, что они, Шведы, въ пользу претендента хотѣли сдѣлать высадку въ Англію прежде заключенія мира, съ Россіею, но онъ, Гёрцъ, имъ это отсовѣтовалъ, представляя, что это гораздо удобнѣе сдѣлать по заключеніи мира, въ противномъ случаѣ царь могъ бы помѣшать предпріятію какою-нибудь диверсіею въ ихъ землѣ; а по заключеніи мира, можетъ-быть, самъ царь имъ въ томъ поможетъ. Гёрцъ, разговаривая съ нимъ объ условіяхъ мира съ Россіею, объявилъ, что царю нельзя заключить мира безъ Ревеля и Ливоніи, съ чѣмъ согласенъ и онъ, Гёрцъ, который получилъ отъ короля инструкцію заключить миръ во что бы то ни стало, хотя бы съ уступкою всего, чтобъ Шведамъ можно было исполнить свое намѣреніе въ пользу претендента".

Между тѣмъ, на конференціи, бывшей 2-го іюня, Гёрцъ объявилъ, что Ревель не можетъ остаться за Россіею, и если царское величество на это согласится, то можно найти способы обезпечить съ этой стороны безопасность Россіи.—„Какіе это способы"? спросили русскіе министры.—„Мнѣ нужно ѣхать къ королю для полученія его послѣдняго рѣшенія", отвѣчалъ Гёрцъ, причемъ далъ слово, что возвратится въ три недѣли, и просилъ, чтобъ и русскіе министры въ это время постарались получить отъ своего Двора послѣднія условія. На другой день Остерманъ послалъ царю особое письмо: „Съ самаго начала конгреса я старался войти съ барономъ Гёрцемъ въ конфиденціи и фамиліарную дружбу, въ чемъ былъ не безъ успѣха, примѣняясь къ его нраву и великой амбиціи. Баронъ истинную склонность имѣетъ къ заключенію мира, какъ для своихъ собственныхъ выгодъ, такъ и по своей собственной злобѣ на другихъ. Но въ дѣлѣ заключенія мира онъ имѣетъ противъ себя всѣхъ Шведовъ вообще, какъ потому, что Шведы завидуютъ положенію, полученному у нихъ иностранцемъ, такъ и по другимъ побужденіямъ: они лучше хотятъ, чтобъ король потерялъ всѣ свои провинціи въ Германіи, чѣмъ уступилъ что-нибудь Россіи на здѣшней сторонѣ. Они разсуждаютъ, что отъ германскихъ провинцій Швеція не получаетъ никакихъ выгодъ, только тратитъ множество денегъ и должна быть всегда готова вступить изъ-за нихъ въ войну, тогда какъ изъ провинцій, завоеванныхъ теперь Русскими, она получаетъ большіе доходы и безопасность со стороны Россіи. Баронъ Гёрцъ мнѣ нѣсколько разъ объявлялъ, что если ваше величество Ревель уступить не изволите, то очень трудно будетъ короля склонить къ миру; и былъ онъ много дней очень печаленъ и откровенно признался мнѣ, что неуспѣхъ въ заключеніи мира будетъ ему очень тяжекъ. Я ему представлялъ, что Шведскому королю никогда нельзя будетъ возвра-

тить войною потерянныя провинціи, а царское величество на другихъ условіяхъ мира не заключитъ, и если онъ, Гёрцъ, поможетъ заключенію мира, то я обѣщаю стараться, чтобъ царское величество не былъ противъ короля, когда тотъ станетъ вознаграждать себя въ другой сторонѣ. Баронъ Гёрцъ это предложеніе мое откинулъ далеко и сказалъ, что король за такія провинціи никакого вознагражденія получить не можетъ, ибо это крѣпости королевства Шведскаго, и если ихъ уступить, то Швеція всегда будетъ въ волѣ царской. Я ему сказалъ на это, что провинціи уже потеряны для Швеціи: онѣ за вашимъ величествомъ; королю остается одно,—сдѣлать такъ, чтобъ дружба вашего величества послужила ему вмѣсто этихъ такъ-называемыхъ крѣпостей. Потомъ мы имѣли съ нимъ пространные разговоры о вознагражденіи, которое можетъ получить король въ другомъ мѣстѣ. Онъ меня спросилъ, можетъ ли онъ по моему предложенію начать дѣло у короля,—и я, взявши съ него честное слово, чтобъ объ этомъ, кромѣ его и короля никто не узнаетъ, объявилъ, что можетъ. Тогда Гёрцъ сказалъ мнѣ, что чрезъ переписку этого дѣла вести нельзя, надобно ему самому ѣхать къ королю. Будучи убѣжденъ, что никто не можетъ такъ способствовать дѣлу, какъ пребываніе самого Гёрца при королѣ, я не только его не отвращалъ, но и побуждалъ ѣхать: согласились, чтобъ Гёрцъ ѣхалъ при первомъ попутномъ вѣтрѣ, и, чтобъ никто не могъ узнать причины отъѣзда, уговорились на другой день имѣть конференцію и въ ней говорить то самое, что вашему величеству извѣстно изъ общаго нашего донесенія. Гёрцъ говорилъ также о герцогѣ Мекленбургскомъ, чтобъ его куда-нибудь перевесть въ другое владѣніе, и далъ знать, что имѣетъ въ виду Лифляндію; но я ему сказалъ, что этому невозможно статься, и надобно имъ о чемъ-нибудь другомъ думать. Говорилъ о королѣ Польскомъ, будто хочетъ корону Польскую сдѣлать наслѣдственною въ своемъ Домѣ, на что король Шведскій никакъ согласиться не можетъ. Гёрцъ далъ знать, что его король, по смерти Августа, хочетъ видѣть Лещинскаго на Польскомъ престолѣ. Я ему отвѣчалъ, что, сколько знаю интересы вашего величества, для Россіи, да и для другихъ державъ не нужно, чтобъ корона Польская стала наслѣдственною; о Лещинскомъ же я смолчалъ, будто не понялъ Гёрцева намека. Передъ отъѣздомъ Гёрцъ просилъ меня обнадежить ваше величество, что онъ будетъ дѣлать все возможное, дабы заслужить милость вашего величества; а я ему сказалъ, что онъ можетъ надѣяться на самую лучшую соболью шубу, какая только есть въ Россіи, и что до ста тысячъ ефимковъ будетъ къ его услугамъ, если наши дѣла счастливо окончатся".

9 іюля возвратился Гёрцъ и на конференціи объявилъ, что король не иначе можетъ согласиться на уступку Ревеля, какъ если получитъ эквивалентъ; на конференціи русскіе министры никакъ не могли отъ него добиться, какой именно эквивалентъ хочетъ получить Карлъ XII; но потомъ, въ частномъ разговорѣ, Гёрцъ далъ явственно знать, что король хочетъ получить эквивалентъ изъ Датскихъ владѣній и желаетъ, чтобъ царь ему въ томъ помогъ. Гёрцъ далъ также понять, что король желаетъ возстановленія Станислава Лещинскаго на Польскомъ престолѣ, и что это должно быть однимъ изъ главныхъ условій мирнаго договора. Изъ Гёрцевыхъ словъ было видно, что Лифляндія и Эстляндія будутъ безспорно уступлены Россіи, но о Выборгѣ будетъ еще споръ. Брюсь и Остерманъ прямо объявили шведскимъ министрамъ, чтобъ они и не думали о возвращеніи Выборга, потому что этотъ городъ отъ Петербурга въ близкомъ разстояніи, и царское величество въ своей резиденціи никогда безопасенъ быть не можетъ, если Выборгъ будетъ за Швеціею. Внѣ конференціи Гёрцъ сообщилъ Остерману слѣдующую записку: „Если Швеція такими великими уступками съ своей стороны будетъ способствовать приращенію силъ Россіи, то и Швеція должна получить такія приращенія, которыя бы уравновѣсили силы обѣихъ державъ. Для этого нужно: во 1) границы Финляндскія съ сухопутной стороны такъ опредѣлить, чтобъ Швеція съ этой стороны была совершенно безопасна. 2) Надобно вести дѣло такъ, чтобы важнѣйшія державы въ Европѣ не имѣли причинъ ему противиться, и потому относительно возвращенія Бремена и Вердена король Шведскій не будетъ требовать помощи царскаго величества; если же король Англійскій, кромѣ этого пункта, будетъ противиться исполненію общаго плана, то Россія и Швеція будутъ дѣйствовать противъ него сообща. 3) Швеція не можетъ уступить Пруссіи что-нибудь изъ своего, и потому надобно придумать, какъ бы доставить ей отъ Польши Эльбингъ и Вармію; король Прусскій будетъ этимъ очень доволенъ, особенно когда увидитъ миръ между Россіею и Швеціею, увидитъ, что и Англія вышла изъ игры. 4) Что касается Польши, то по взгляду политическому шведскій интересъ требуетъ удержать на Польскомъ престолѣ короля Августа и помочь ему утвердить наслѣдственность въ Домѣ Саксонскомъ, ибо Швеція и Польша имѣютъ одинакій интересъ приводить себя въ безопасность съ русской стороны. По тому же самому политическому взгляду, наоборотъ, царское величество долженъ стараться возстановить на Польскомъ престолѣ Станислава Лещинскаго, человѣка не царской крови, и потому не могущаго найти помощь внѣ Польши; король же Августъ будетъ непремѣнно стараться о томъ, чтобъ его сынъ и наслѣдникъ по курфюршеству былъ назначенъ и наслѣдникомъ короны Польской. Но у Шведскаго короля то, что честно, всегда беретъ верхъ надъ тѣмъ, что полезно, и потому онъ будетъ возстановлять на Польскомъ престолѣ Станислава, причемъ царское величество не имѣетъ никакихъ причинъ отказать ему въ помощи. 5) Данія есть единственный непріятель, отъ котораго Швеція можетъ получить себѣ вознагражденіе,

и это вознагражденіе должно быть получено соединенными силами Россіи и Швеціи. 6) По заключеніи мира съ Россіею и королемъ Англійскимъ у Швеціи за моремъ останется одна Померанія, что недостаточно и небезопасно: поэтому надобно подумать о переселеніи; герцогу Мекленбургскому надобно отыскать такой эквивалентъ, который бы заставилъ его добровольно уступить свои мекленбургскія земли Швеціи,—герцогъ согласится охотно на переселеніе по причинѣ вражды съ своимъ дворянствомъ и ненависти, какую онъ навлекъ на себя этою враждою; положеніе его очень дурно; онъ подвергается большой опасности, какъ скоро царское величество лишитъ его своего покровительства. Исполненіе плана должно состоять въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Миръ между Россіею и Швеціею не долженъ быть объявляемъ и подъ рукою не давать объ немъ знать до тѣхъ поръ, пока весь планъ не придетъ въ исполненіе. 2) Чтобъ немедленно по заключеніи мира положенныя возвращенія и уступки съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы. 3) Зимою кончить переговоры съ Прусскимъ Дворомъ. 4) Весною, какъ можно ранѣе, русская осьмидесятитысячная армія должна двинуться въ Польшу, подъ предлогомъ возстановленія всюду Сѣвернаго мира. 5) Король въ это время велитъ перевезти сорокатысячную армію въ Мекленбургъ, чему царское величество способствуетъ своими воинскими и транспортными судами. 6) Изъ осьмидесяти тысячъ русскаго войска, имѣющаго вступить въ Польшу, 20,000 человѣкъ будутъ отправлены въ Мекленбургъ для соединенія съ шведскою арміею; причемъ получатъ хлѣбъ и фуражъ отъ короля; сверхъ того, царское величество склонитъ герцога Мекленбургскаго присоединить и его войска. 7) Король съ этою арміею пойдетъ въ Голштинію, чтобъ оттуда проникнуть въ Данію; въ то же время другая шведская армія въ 40,000 человѣкъ будетъ дѣйствовать противъ Норвегіи. 8) Въ Польшѣ царское величество не будетъ производить никакихъ непріятельскихъ дѣйствій, только будетъ требовать отъ нея пропитанія войскамъ, и во время дѣйствій противъ Даніи у Швеціи съ королемъ Августомъ могутъ производиться мирные переговоры; а когда съ Даніею дѣла окончатся, то останутся одни польскія дѣла, которыя легко будетъ покончить: Поляки, желающіе видѣть на престолѣ своемъ природнаго государя, будутъ рады избавиться отъ воинскихъ тягостей и безпокойствъ; съ другой стороны, король Августъ не захочетъ видѣть въ другой разъ Шведскаго короля въ Саксоніи съ сильною арміею. 9) Тутъ же и интересы герцога Мекленбургскаго могутъ быть опредѣлены. 10) Когда такимъ образомъ миръ на Сѣверѣ возстановленъ будетъ, тогда можно смотрѣть, какъ бы и другія державы въ ту же систему привести. Большихъ затрудненій тутъ не будетъ, ибо не скоро сыщется такая держава, которая-бъ не согласилась быть въ дружбѣ и союзѣ съ двумя государствами, могущими выставить въ поле 200,000 войска.

15 іюля Головкинъ и Шафировъ получили отъ Остермана письмо: „Гёрцъ далъ мнѣ знать, что ему будетъ очень пріятно, если я, для полученія скорѣйшаго рѣшенія, самъ къ вамъ поѣду,—нельзя на письмѣ донести обо всемъ, что надобно знать царскому величеству и вамъ, дабы рѣшить дѣло, отъ котораго зависитъ все благополучіе Россійскаго государства. Я намѣренъ ѣхать, какъ скоро послѣднее шведское намѣреніе заподлинно вывѣдаю. Всепокорно прошу о заступленіи предъ царскимъ величествомъ, чтобъ мой пріѣздъ не былъ принятъ немилостиво“.

Остерманъ поѣхалъ къ царю, а Гёрцъ—снова въ Стокгольмъ. 31 іюля Остерманъ былъ уже опять на Аландскихъ островахъ; на другой день возвратился и Гёрцъ, смутный, печальный. Начались переговоры о финляндскихъ границахъ. Гёрцъ требовалъ, чтобъ Кексгольмъ остался за Швеціею; Остерманъ не соглашался, показывалъ ему на картѣ, что это мѣсто великой важности для царя, чтобъ не оставить Шведовъ у себя съ тылу и привести въ безопасность свою резиденцію, тогда какъ для Швеціи Кексгольмъ не имѣетъ почти никакого значенія. Видя упорство Гёрца, Остерманъ обратился за объясненіями къ находящему при Гёрцѣ голштинскому юстицъ-рату Штамкену, и тотъ объяснилъ, что Гёрцъ обѣщалъ королю уступку Кексгольма и теперь боится знаменитаго упрямства Карла XII и торжества враговъ своихъ въ случаѣ несогласія съ русской стороны. Самъ Гёрцъ наконецъ сказалъ, что если дѣло не состоится, то онъ, чтобъ не подвергнуться насмѣшкамъ и поруганію отъ всего народа, немедленно выйдетъ изъ службы короля Шведскаго. Вторая трудность состояла въ королѣ Прусскомъ, котораго нельзя было склонить къ возвращенію Штетина, въ ожиданіи эквивалента въ будущемъ. Гёрцъ написалъ новый проектъ, и опять Остерманъ отправился въ Россію, а Гёрцъ—въ Швецію для переговоровъ съ министромъ Миллеромъ, который сначала былъ на его сторонѣ, а теперь сталъ противъ и написалъ опроверженіе его плана: по мнѣнію Миллера, этотъ планъ вовлекалъ Швецію въ такую войну, которой конца предвидѣть нельзя; притомъ король Шведскій долженъ тотчасъ уступить царю все имъ завоеванное, а царь, съ своей стороны, обязывается содѣйствовать намѣреніямъ короля только въ будущемъ, и Богу извѣстно, будетъ ли въ состояніи исполнить свои обязательства по какимъ-нибудь новымъ обстоятельствамъ; наконецъ, хотя теперь въ Россіи и нѣтъ возмущенія, но по всѣмъ публичнымъ и другимъ извѣстіямъ видно, что возмущеніе вспыхнетъ непремѣнно, отчего Швеція получитъ облегченіе въ мирныхъ условіяхъ.

4 сентября Остерманъ, возвратившійся на конгрессъ, доносилъ царю: „Трудился я всячески наши здѣшнія дѣла глубже испытать и заподлинно

увѣдомился, что не только баронъ Миллеръ, но и всѣ Шведы, отвращая короля отъ здѣшняго мира, такія ему злыя внушенія сдѣлали о баронѣ Гёрцѣ, злѣе которыхъ быть не можетъ, и дѣло зашло такъ далеко, что въ Стокгольмѣ разглашаютъ на улицахъ публично, будто баронъ Гёрцъ вашему царскому величеству за великія деньги королевскій интересъ продалъ, вашему величеству совѣтъ подалъ и дорогу показалъ, какъ вамъ нечаянно на Стокгольмъ напасть и имъ овладѣть. Баронъ Гёрцъ, увидя противъ себя такія интриги, утвердился еще больше въ прежней своей склонности къ здѣшнимъ дѣламъ, и намѣренъ такъ дѣйствовать у короля, чтобъ у иныхъ его непріятелей отъ того и шея засвербѣла. Изъ разговоровъ съ графомъ Гиллемборгомъ я замѣтилъ, что и онъ сталъ колебаться и едва ли не перешелъ на противную сторону; но всѣ его поступки можно уничтожить, потому что онъ у короля ни малѣйшаго кредита не имѣетъ, и, какъ креатура барона Гёрца, всегда будетъ принужденъ поступать по его волѣ. По всѣмъ обстоятельствамъ дѣла и по нраву королевскому можно надѣяться, что Гёрцъ своихъ непріятелей преодолѣетъ и съ окончательнымъ королевскимъ рѣшеніемъ сюда возвратится". Чрезъ нѣсколько времени Гёрцъ далъ знать Остерману изъ Швеціи, что король опять склонился къ заключенію мира съ Россіею по извѣстному плану; но еще держатъ его въ нѣкоторомъ сомнѣніи слухи о волненіяхъ въ Россіи: онъ боится, что если эти слухи основательны, то царь не будетъ въ состояніи исполнить свои обязательства; по мнѣнію Гёрца, эти сомнѣнія лучше всего можно разсѣять, освободивъ изъ плѣна фельдмаршала графа Реншельда, который можетъ разувѣрить короля относительно этихъ слуховъ, и какъ скоро фельдмаршалъ возвратится въ Швецію, онъ, Гёрцъ, возвратится на Аландскіе острова. Петръ соглашался на освобожденіе Реншельда съ тѣмъ, чтобъ взамѣнъ король освободилъ русскихъ плѣнныхъ, генерала Головина и князя Трубецкаго.

Съ одной стороны Карлу XII внушали, чтобъ онъ не спѣшилъ заключеніемъ мира съ царемъ, потому что въ Россіи возмущеніе; съ другой, именно изъ Англіи, внушали, что между Россіею и Турціею готова вспыхнуть война, о чемъ стали уже писать и въ газетахъ; князь Григорій Долгорукій доносилъ, что и въ Польшѣ стараются объ этомъ разрывѣ Россіи съ Турціею. По этому случаю Остерманъ писалъ Головкину и Шафирову: „Думаю, что надобно и намъ заранѣе постараться не только о томъ, чтобъ Гродненскій сеймъ былъ разорванъ какъ можно скорѣе, но также и о томъ, чтобъ подъ рукою какую-нибудь новую конфедерацію противъ короля возбудить, причемъ не пожалѣть ни трудовъ, ни денегъ. Такая конфедерація всегда интересамъ царскаго величества полезна будетъ, хотя-бъ и здѣшній миръ не состоялся, потому что, во 1) подъ тѣмъ предлогомъ можетъ его величество всегда войска свои въ Польшѣ держать. 2) Конфедераціею король Августъ принужденъ будетъ съ большею осторожностію и не такъ явно противъ насъ поступать. 3) Пока войска наши въ Польшѣ будутъ, то и Цесарь десять разъ подумаетъ прежде, чѣмъ предпринять что-нибудь противъ царскаго величества. 4) И король Прусскій тѣмъ легче въ нашихъ интересахъ удержанъ будетъ. 5) Чрезъ конфедерацію царское величество всегда силенъ будетъ въ Польшѣ, и обѣ стороны по его волѣ поступать принуждены будутъ. 6) Если же миръ со Швеціею состоится, то конфедерація можетъ служить предлогомъ къ исполненію извѣстнаго намѣренія. Причинъ къ конфедераціи довольно: желаніе короля Августа передать Польскій престолъ сыну своему; стремленіе короля къ самодержавію, стараніе его возбудить Турокъ противъ царскаго величества, а слѣдовательно и противъ Польши, чтобъ между тѣмъ исполнить намѣреніе свое насчетъ сокрушенія вольности Рѣчи Посполитой,—всего этого достаточно для возбужденія Польши противъ короля. Можно еще прибавить, что онъ Туркамъ и Цесарю обѣщалъ нѣкоторыя уступки изъ владѣній Рѣчи Посполитой; и если къ этому придутъ деньги и обѣщаніе, подъ рукою, покровительства царскаго, то, думаю, это дѣло будетъ не очень трудно. Во всѣхъ нашихъ дѣлахъ ни на кого намъ не надобно обращать такого вниманія, какъ на Цесаря. По одержаніи нынѣшней побѣды надъ Испанцами, безъ сомнѣнія, онъ еще больше возгордится, и, по извѣстной своей склонности, все возможное станетъ дѣлать, чтобы весь свѣтъ возбудить противъ насъ. Если нельзя съ нимъ миновать разрыва, и онъ уже теперь Турокъ на насъ возбуждаетъ, то я думаю, что Турки лучше захотятъ возвратить себѣ то, что теперь уступили Цесарю, нежели воевать съ нами, ибо, по взятіи Азова, я не вижу, что имъ изъ областей царскаго величества еще угодно было бы взять; можетъ быть, что Турки, если будутъ обнадежены помощію, скорѣе противъ Цесаря, чѣмъ противъ насъ, поднимутся, и не худо было бы теперь заранѣе внушать Портѣ объ этомъ, потому что всегда лучше предупредить, чѣмъ быть предупрежденнымъ".

Между тѣмъ на Аландскіе острова пріѣхалъ назначенный къ размѣнѣ фельдмаршалъ Реншельдъ. Остерманъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ надлежащимъ образомъ приготовить его и внушить ему такія мнѣнія, какія могли бы способствовать къ заключенію мира. „Царское величество", говорилъ Остерманъ, „при настоящей войнѣ не имѣетъ въ виду завоеваній; онъ хочетъ одного—привести свое государство въ совершенную безопасность отъ Швеціи, и потомъ, вмѣстѣ съ королемъ Шведскимъ, основать новую систему въ Германіи, чрезъ что держать въ почтеніи тѣ державы, которыя хотятъ предписывать всѣмъ законы". — „Если государь вашъ вступитъ съ нашимъ королемъ въ извѣстныя обязательства", отвѣчалъ Реншельдъ, то душу свою сатанѣ продаю, если король не заключитъ мира съ

Россіею". Остерманъ счелъ также нужнымъ объяснить фельдмаршалу подробно ходъ дѣла о царевичѣ Алексѣѣ, чтобъ онъ могъ, по пріѣздѣ въ Швецію, опровергнуть всѣ лживыя разглашенія.

Остерманъ воспользовался прекращеніемъ конференцій вслѣдствіе отсутствія Гёрца и написалъ „Разсужденіе о состояніи Аландской негоціаціи", и переслалъ его къ государю, какъ свое „партикулярное малоумное мнѣніе", которое можетъ состояться и не состояться. „Эта мирная негоціація", говоритъ авторъ, „есть дѣло одного барона Гёрца. Гёрцъ такъ силенъ у короля, что по произволу управляетъ всѣмъ въ Швеціи. Король, какъ государь войнолюбивый, самъ мало имѣетъ попеченія о своихъ интересахъ, и единственное удовольствіе находитъ въ томъ, чтобъ каждый день съ кѣмъ-нибудь драться, или, когда нѣтъ къ тому удобнаго случая, верхомъ скакать. По всему надобно думать, что онъ находится въ несовершенномъ разумѣ; а какъ онъ упрямъ,—это видно изъ прежнихъ его поступковъ. Баронъ Гёрцъ человѣкъ умный, но притомъ чрезвычайно гордый и много о себѣ думающій: не знаю, отыщется ли еще другой человѣкъ, въ этомъ отношеніи ему подобный; онъ ищетъ одного—прославиться, и, для достиженія этой цѣли, ни себя, ни трудовъ, ни имѣнія своего не жалѣетъ. Король поручилъ ему все управленіе финансами, хотя онъ до сихъ поръ ему не присягалъ и въ службу его не вступалъ. Гёрцъ, зная королевскій нравъ, зная, чѣмъ скорѣе всего можетъ удержать себя въ милости Карла XII, создалъ ему вновь войско, для чего не только почти всѣ ремесленники, но изъ крестьянъ одинъ изъ двухъ взятъ въ солдаты; Гёрцъ ввелъ мѣдныя деньги, а серебряныя почти всѣ взялъ въ казну; жалованье войску и всѣ другія государственныя уплаты производятся мѣдными деньгами, и дабы офицеры и солдаты отъ мѣдныхъ денегъ убытка не понесли, для того почти каждой вещи цѣна опредѣлена, по какой офицерамъ и солдатамъ продавать, но другимъ подданнымъ все вольною цѣною продается. Крестьяне не могутъ продавать никому съѣстныхъ припасовъ, но обязаны поставлять ихъ въ королевскіе магазины. Этимъ Гёрцъ получилъ кредитъ у короля; но легко понять, въ какомъ кредитѣ находится Гёрцъ у всего разореннаго имъ народа! Всѣмъ знатнымъ Шведамъ противно, что они у короля не имѣютъ никакого значенія и чужестранецъ въ ихъ государствѣ по своей волѣ всѣмъ располагаетъ; другіе жалѣютъ о себѣ и о разореніи отечества своего; всѣ, для своего частнаго интереса, внутренно желаютъ, чтобъ король лишился своихъ владѣній въ Германіи! Естественно, что Гёрцъ имѣетъ мало друзей между Шведами; что всѣ Шведы противны плану примиренія, имъ начертанному; всѣ ищутъ его низверженія. Его царское величество такъ несчастливъ въ своихъ союзникахъ, что не только почти всѣ отъ него отстали, но и вмѣсто должной благодарности за добро зломъ воздать ищутъ. Отъ нихъ ото всѣхъ есть партикулярныя мирныя предложенія, развѣ отъ одного—короля Датскаго—нѣтъ, потому что онъ себя и весь свой интересъ вручилъ доброму человѣку Бернсторфу, и на него, какъ на спасителя своего, всю надежду положилъ. По такому состоянію Сѣверного союза и по всѣмъ такимъ мерзкимъ поступкамъ союзниковъ царскаго величества, естественно, Шведы смотрятъ, съ которой стороны они большую пользу могутъ себѣ получить, особенно потому, что имъ ни съ какой стороны теперь къ миру сильнаго принужденія нѣтъ: вмѣсто того, чтобъ Шведамъ за нами ходить, каждый за ними ходитъ и къ себѣ приглашаетъ. Поступки со стороны царскаго величества при здѣшнемъ конгрессѣ были слѣдующіе. Такъ какъ было усмотрѣно, вся негоціація отъ одного барона Гёрца зависитъ, то признали необходимымъ всевозможными способами войти съ нимъ въ конфиденцію. Стали примѣняться къ его честолюбивому нраву, безмѣрно почитать его, ласкать, всѣ его дѣла хвалить и, сколько честь царскаго величества при такихъ случаяхъ допускала, униженно съ нимъ поступать; сверхъ того, при всѣхъ случаяхъ его обнадеживали особымъ уваженіемъ и милостію царскаго величества; и не думаю, чтобъ какой другой министръ, безъ всякаго почти торгу, на такую знатную уступку согласился, хотя бы на то и указъ имѣлъ. Съ нашей стороны ни на что именемъ царскаго величества не согласились; но на которыя статьи, по указамъ, согласиться было возможно, о тѣхъ Гёрцу объявлено, что о принятіи ихъ будутъ стараться. Противныя внушенія и вѣдомости, приходившія на конгрессъ къ Шведамъ и останавливавшія здѣшнія дѣла, другими внушеніями и нарочно сочиненными вѣдомостями старались опровергнуть. О Цесарѣ имъ внушено, что заключенный имъ миръ съ Турками не крѣпокъ; что Турки охотно воспользуются всякимъ случаемъ возвратить потерянное въ послѣдней войнѣ. И теперь пристойнымъ образомъ внушено Шведамъ, будто короли Англійскій и Датскій хотятъ впустить царскія войска въ Штадъ и Шральзундъ; внушено, какія слѣдствія могутъ произойти для нихъ отъ этого, будутъ ли они когда-нибудь въ состояніи возвратить себѣ эти мѣста. Насчетъ Франціи подана имъ надежда, что и она, по заключеніи мира, къ намъ обратится. Относительно Англіи доказано, какъ мало король Георгъ въ состояніи исполнить свои обѣщанія, и наоборотъ показано, что Шведы никогда не могутъ возвратить своихъ провинцій, завоеванныхъ Русскими. Всѣхъ прочихъ изъ шведской свиты фамиліарнымъ и учтивымъ обхожденіемъ и подарками къ себѣ склонили.

„Что касается до состоянія Швеціи", продолжаетъ Остерманъ, „то она сильно разорена, и народъ ждетъ спасенія отъ мира. Швеція долго содержать большаго войска не можетъ; король принужденъ будетъ съ нимъ изъ Швеціи куда-нибудь выступить, чтобъ у чужаго двора лошадей своихъ привязать: иначе прокормить его невозможно. Въ Норвегіи, куда король хочетъ впасть, дѣйствовать трудно, безъ большого

урона достичь своихъ намѣреній нельзя; а какимъ образомъ онъ этотъ уронъ потомъ восполнитъ?— развѣ Швецію совершенно обнажитъ отъ людей! При Стокгольмѣ и на здѣшнихъ берегахъ во все лѣто былъ небольшой корпусъ, а теперь зимою еще меньше останется. Ни что такъ Швецію къ заключенію мира не можетъ принудить, какъ впаденіе въ нее русскихъ войскъ и разореніе всѣхъ мѣстъ до Стокгольма. Надобно и то принять въ соображеніе, что король Шведскій, по его отважнымъ поступкамъ, когда-нибудь или убитъ будетъ, или, скача верхомъ, шею сломитъ. Если это случится по заключеніи съ нами мира, то смерть королевская освободитъ насъ отъ дальнѣйшаго исполненія обязательствъ, въ которыя входимъ. Но хотя бы и миръ не состоялся, то такой случай намъ къ немалой пользѣ такъ же можетъ послужить, ибо тогда Швеція раздѣлится на двѣ большія партіи, а именно: первая—наслѣднаго принца Гессенъ-Кассельскаго, въ которой почти всѣ военные находятся; вторая—герцога Голштинскаго, къ которой принадлежитъ духовенство и чужестранныя державы. Кто бы изъ нихъ наслѣдство ни получилъ, для утвержденія своего принужденъ будетъ больше всего искать мира съ царскимъ величествомъ, ибо ни тотъ, ни другой для своего интереса не захотятъ потерять нѣмецкія провинціи и въ удержаніи ихъ бо́льшую нужду имѣютъ, нежели въ Лифляндіи или Эстляндіи.

„Шведы прежде многія письма подъ чужимъ именемъ печатали и повсюду распространяли, внушая о великихъ и дальнихъ царскаго величества намѣреніяхъ. Думаю, что теперь было бы не безполезно съ нашей стороны въ Голландіи и Англіи разсѣвать письма о важныхъ намѣреніяхъ короля Англійскаго къ предосужденію народа; также и въ Польшѣ—о намѣреніяхъ короля Августа и Цесаря. Матеріалъ къ тому достаточный, и притомъ не лживый, а правдивый; въ тамошнихъ краяхъ можно людей сыскать, которые такія письма сочинять могутъ. Подобныя внушенія дѣйствуютъ на народъ, особенно на Англійскій и Польскій. Недурно и Туркамъ заранѣе внушить о намѣреніяхъ короля Августа, и что Цесарь хочетъ ему помогать и потому и племянницу свою за сына его выдалъ“.

Въ началѣ ноября возвратился Гёрцъ и объявилъ, что король согласенъ на заключеніе мира, если царь обяжется прямо помогать ему противъ Даніи. Русскіе уполномоченные отказали ему въ этомъ рѣшительно и объявили, что если Шведы не окончатъ дѣла на прежнихъ условіяхъ, то царское величество долго продолжать конгрессъ не позволитъ; въ формальной декларации они объявили, что далѣе декабря мѣсяца конгрессъ продолженъ не будетъ. Гёрцъ далъ честное слово, что въ четыре недѣли все кончится, и опять уѣхалъ въ Швецію. За два дня до его отъѣзда Штамкенъ объявилъ Остерману, какъ будто въ великой конфиденціи, что когда онъ съ фельдмаршаломъ Реншельдомъ поѣхалъ съ Аландскихъ острововъ въ Стокгольмъ, то фельдмаршалъ открылъ ему, что желалъ бы между одною изъ царскихъ дочерей и молодымъ герцогомъ Голштинскимъ заключить брачный союзъ. Штамкенъ спросилъ объ этомъ Гёрца, и тотъ отвѣчалъ, что дѣло очень хорошее, но одна въ немъ большая трудность,—различіе вѣры, потому что герцогъ Голштинскій считается наслѣдникомъ короны Шведской, а народъ Шведскій королеву нелютеранку имѣть не пожелаетъ. Остерманъ отвѣчалъ Штамкену, что когда миръ состоится, тогда будетъ время подумать и о способахъ еще больше укрѣпить этотъ миръ. „Хотя“, писалъ Остерманъ царю, „Штамкенъ говорилъ мнѣ это какъ будто отъ себя, однако легко можно разсудить, что отъ себя онъ бы сдѣлать этого не посмѣлъ, если бъ не имѣлъ приказанія отъ Гёрца“.

Назначенныя четыре недѣли прошли; Гёрцъ не возвращался. 14 декабря пріѣхалъ на Аландскіе острова камердинеръ барона Шпара и привезъ какое-то извѣстіе, отъ котораго всѣ Шведы пришли въ сильное смущеніе. На другой день пришелъ къ русскимъ уполномоченнымъ Штамкенъ и, прося покровительства царскаго величества, объявилъ странныя вѣсти: 7 числа прискакалъ въ Стокгольмъ курьеръ изъ Норвегіи, и вслѣдъ за тѣмъ молодой герцогъ Голштинскій, баронъ Гёрцъ и всѣ Голштинцы были внезапно арестованы, всѣ находившіеся у Стокгольма корабли задержаны; и вся заграничная корреспонденція запрещена. Съ 14 до 23 числа не было изъ Швеціи никакого извѣстія; 23 числа, когда шведскіе уполномоченные обѣдали у русскихъ, имъ пришли сказать, что на островъ пріѣхалъ шведскій капитанъ. При этой вѣсти Гилленборгъ сильно переполошился и сейчасъ пошелъ на свою квартиру, а Штамкенъ остался въ русской квартирѣ; много разъ присылали съ шведской стороны звать его домой, но онъ не пошелъ, а остался ночевать у Русскихъ. На другой день открылось, что король убитъ въ Норвегіи, при осадѣ Фридрихсгаля, всѣ голштинскіе министры арестованы, и капитанъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ взять Штамкена. Но капитанъ уѣхалъ назадъ безъ Штамкена, который остался у русскихъ уполномоченныхъ [1]).

Смерть Карла XII поднимала вопросъ: кому быть его преемникомъ на престолѣ Шведскомъ. Ближайшимъ наслѣдникомъ былъ сынъ старшей сестры короля, Карлъ-Фридрихъ, герцогъ Голштинскій, находившійся въ войскѣ при дядѣ, во время смерти послѣдняго. Но старинная вражда Шведовъ къ Голштинскому Дому чрезвычайно усилилась въ послѣдніе три года, когда въ Голштинцахъ Гёрцъ съ товарищи видѣли виновниковъ разоренія Швеціи. Вслѣдствіе этого образовалась сильная партія, которая желала видѣть на престолѣ младшую сестру Карла XII, Ульрику-Элеонору, мужъ которой, Фридрихъ, наслѣдный принцъ Гессенскій, пра-

[1]) Москов. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ; дѣла Аландскаго конгресса.

вился своею пріятною наружностію, общительностію, благоразуміемъ. Принцъ высказывалъ мирныя наклонности, что вполнѣ согласовалось съ общею потребностію, и тѣмъ болѣе имѣло цѣны, что онъ былъ извѣстенъ своею храбростію, тогда какъ молодой герцогъ Голштинскій не могъ обратить на себя вниманія ни однимъ сильно выдающимся достоинствомъ. Карлъ XII оказывалъ одинаковое расположеніе къ племяннику и къ сестрѣ, и приводилъ въ отчаяніе ихъ приверженцевъ своимъ равнодушіемъ къ вопросу о престолонаслѣдіи. Когда ему представляли необходимость назначить наслѣдника, то онъ отвѣчалъ: „Всегда сыщется голова, которой придется въ пору Шведская корона. Довольно съ меня держать въ повиновеніи народъ, пока я живъ; могу ли я надѣяться, что онъ будетъ мнѣ послушенъ и послѣ моей смерти“ [1])? По подлѣ голштинской и гессенской партіи все сильнѣе и сильнѣе становилась партія либеральная. Безцеремонное обращеніе Карла и Гёрца съ имуществомъ и жизнію Шведовъ заставило не только дворянство, но и всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей желать ограниченія королевской власти. Либераламъ нравилось соперничество между Голштинскимъ и Гессенскимъ Домами: для полученія короны соперники должны будутъ пожертвовать самодержавіемъ.

Либералы не ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Въ то время, какъ герцогъ Голштинскій, по нерѣшительности своей, не воспользовался первыми минутами по смерти дяди, чтобъ привлечь на свою сторону войско и заставить его провозгласить себя королемъ,—тетка его, Ульрика-Элеонора, спѣша перехватить корону, купила ее у Сената цѣною самодержавія. Она была избрана королевою на условіяхъ ограниченія власти, и коронована въ мартѣ 1719 года; герцогъ Голштинскій, преслѣдуемый ненавистію тетки, оставилъ Швецію. Либеральная партія ознаменовала свое торжество казнью Гёрца. Въ своей ненависти къ этому министру, могла ли она продолжать и докончить его дѣло,—заключить миръ съ Россіею на условіяхъ, требуемыхъ царемъ? Понятно, что должно было осилить мнѣніе, по которому слѣдовало поступить вопреки Гёрцову плану, пожертвовать германскими владѣніями, какъ безполезными для Швеціи, помириться на этихъ условіяхъ со всѣми своими врагами, и продолжать войну съ одною Россіею для возвращенія Лифляндіи и Эстляндіи. Но сначала надѣялись выиграть время, надѣялись, что царь будетъ уступчивѣе при перемѣнѣ обстоятельствъ.

Послѣ извѣстія о смерти Карла XII, Остерманъ уѣхалъ съ конгресса въ Петербургъ; на Аландскихъ островахъ остался одинъ Брюсъ, которому, въ февралѣ 1719 года, Гиллемборгъ вручилъ грамоту королевы Элеоноры для отправленія къ царю, причемъ объявилъ, что королева надѣется на возстановленіе прежней дружбы между Россіею и Швеціею, желаетъ продолженія конгресса и, вмѣсто барона Гёрца, отправляетъ на Аландскіе острова барона Лиліенштета. Брюсъ, имѣя царскій указъ, обратился къ Гиллемборгу съ вопросомъ, какъ Шведское правительство намѣрено окончить дѣло, потому что интересъ царскаго величества требуетъ полученія немедленно объ этомъ свѣдѣнія. Гиллемборгъ отвѣчалъ, что не можетъ объявить ничего опредѣленнаго, потому что правительство занято внутренними дѣлами: еще покойный король не похороненъ, королева не коронована, сеймъ еще не кончился. При этомъ Гиллемборгъ заговаривалъ, что теперь русскимъ уполномоченнымъ надобно поступать въ условіяхъ своихъ снисходительнѣе; что Шведы сильно будутъ домогаться Лифляндіи и Эстляндіи; что всѣ сѣверные союзники у нынѣшней королевы домогаются мира, и французскій министръ при Шведскомъ Дворѣ, графъ Деламаркъ, для этого отправился въ Копенгагенъ; что королева скорѣе помирится съ союзниками, чѣмъ покойный король. Брюсъ доносилъ своему Двору, что Лиліенштетъ скоро не пріѣдетъ, Гиллемборгъ одинъ отказывается вступить въ переговоры, и по всему видно, что Шведы хотятъ только протянуть время.

11 марта въ Петербургѣ Остерманъ подалъ царю Всеподданнѣйшее генеральное разсужденіе, касающееся до учиненія мира съ Швеціею: „По всѣмъ извѣстіямъ, партія принцессы преодолѣла. Королева, для пріобрѣтенія народной любви, тотчасъ отреклась отъ неограниченной власти, и достовѣрно, что Шведы самовластнаго короля больше имѣть не захотятъ, на нынѣшнемъ сеймѣ правительство Шведское въ древнее состояніе приведутъ, и примутъ такія мѣры, чтобъ никогда никакой король самодержавія въ Швеціи получить не могъ. Шведское государство, впрочемъ, въ такое состояніе пришло, что всѣми силами будетъ стараться о заключеніи со всѣми мира, и, какая бы партія ни одолѣла, принуждена искать мира. Интересъ Швеціи состоитъ въ томъ, чтобъ привести дѣло къ общему съѣзду, и на немъ договариваться о мирѣ со всѣми своими непріятелями. Царское величество опаснѣйшій и сильнѣйшій непріятель короны Шведской, и не надобно сомнѣваться, что Шведы всѣми силами будутъ искать мира съ его величествомъ. На Аландѣ Шведамъ доказано, что хотя бы они съ другими миръ и заключили, и, понадѣясь на чью-нибудь помощь, продолжали войну съ Россіею, то этимъ продолженіемъ войны Швеція придетъ только въ конечное разореніе, и, сверхъ того сами, они могутъ разсудить, что имъ на чужую помощь мало можно надѣяться, ибо никто для Швеціи не станетъ вести долгую войну съ такимъ сильнымъ и отдаленнымъ государемъ, какъ царское величество. Англія для возвращенія Лифляндіи Швеціи не захочетъ погубить свою торговлю въ Россіи, и во всякомъ случаѣ царское величество еще 30 лѣтъ можетъ продолжать войну не только оборонительную, но и на-

[1]) Fryxell, V, 125.

ступательную. Шведы это понимаютъ; но все же надобно предполагать, что они будутъ хлопотать о какомъ-нибудь смягченіи условій. За нѣмецкія провинціи Шведы стоять не будутъ, но будутъ стараться, чтобъ за нихъ получить какое-нибудь облегченіе съ здѣшней стороны, въ чемъ король Англійскій и другія недоброжелательныя Россіи государства на общемъ съѣздѣ всячески будутъ Швеціи помогать. О людяхъ, которые теперь имѣютъ сильнѣйшее вліяніе на принцессу Ульрику-Элеонору, о графѣ Гильденштернѣ, Таубе и Миллерѣ (изъ нихъ два послѣдніе Лифляндцы)—извѣстно, что они несклонны къ уступкамъ Россіи. При такихъ обстоятельствахъ еслибъ можно было съ королемъ Англійскимъ и другими союзниками возобновить прежнее согласіе, то этотъ путь безъ сомнѣнія былъ бы лучшій; но по всему видно, что это невозможно. Швеція пришла въ совершенную нищету: нѣтъ ни денегъ, ни людей, и если бы царское величество первымъ вешнимъ временемъ нанесъ Швеціи сильное разореніе, то этимъ не только покончилъ бы войну, но предупредилъ бы и всѣ другіе вредные замыслы; если во время этого разоренія въ Швеціи будетъ происходить борьба партій, то какая-нибудь партія пристанетъ къ Россіи; если же и не будетъ борьбы партій, то народъ, видя конечную свою погибель, будетъ требовать немедленнаго мира съ Россіею".

На другой день, 12 марта, Брюсу было отправлено приказаніе побуждать Гиллемборга всевозможными способами, чтобъ назначенный ему въ товарищи баронъ Лилиенштетъ пріѣзжалъ скорѣе на Аландскіе острова; если же нельзя, то пусть Гиллемборгъ получитъ указъ возобновить переговоры и безъ товарища, ибо интересъ царскаго величества не позволяетъ быть въ долгомъ безвѣстіи относительно шведскихъ намѣреній; при этомъ Брюсъ долженъ былъ объявить, что Россія безъ Пруссіи не можетъ вести переговоровъ, и потому прусскій уполномоченный Мардефельдъ поѣхалъ на Аландскіе острова вмѣстѣ съ Остерманомъ. Остерманъ отправился съ такими инструкціями: царское величество заключитъ миръ не иначе, какъ получивъ въ вѣчное владѣніе Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію со всѣми городами, островами, берегами и дистриктами, городъ Выборгъ и надлежащую границу съ Финляндской стороны, также часть Кареліи со включеніемъ Кексгольма. Если получить это будетъ нельзя безъ всякаго взаимнаго обязательства, въ такомъ случаѣ царское величество обяжется помогать Швеціи въ полученіи ей выгодъ съ другой стороны, но чтобъ Шведы объявили имъ, какой помощи требуютъ. Или, вмѣсто того, царское величество за уступку Лифляндіи обѣщаетъ въ два года и въ четыре срока заплатить милліонъ рублей деньгами или нужными для Швеціи вещами.

Въ Стокгольмъ отправленъ былъ бригадиръ Лефортъ, который, „пришедъ къ королевѣ, долженъ былъ учинить оной отъ его царскаго величества комплиментъ сожалительный въ пристойныхъ терминахъ о смерти брата ея, а потомъ поздравить королеву о вступленіи оной на престолъ, еже его царскому величеству зѣло пріятно, и благодарить притомъ ей, королевѣ, за учиненную о всемъ ономъ его царскому величеству чрезъ присланную грамоту нотификацію, что его царское величество изволилъ принять за особливой знакъ склонности ея къ его величеству, и что его царское величество, съ своей стороны, повелѣлъ засвидѣтельствовать, что онъ истинную склонность имѣетъ — настоящую между обоими государствами отъ многихъ лѣтъ продолжающуюся войну и кровопролитіе благополучнымъ и къ пользѣ обѣихъ странъ подданнымъ постояннымъ миромъ прекратить". Отъ министровъ Лефортъ долженъ былъ требовать, чтобъ Лилиенштетъ отправленъ былъ немедленно на Аландъ; если же со стороны шведской будетъ промедленіе, то царское величество принужденъ будетъ принять свои мѣры, какихъ требуютъ настоящія обстоятельства; „и того ради дабы они о томъ его царскому величеству немедленную и категорическую резолюцію учинили".

На представленіи королевѣ, Лефортъ началъ говорить комплиментъ по-французски; но Ульрика-Элеонора просила его говорить по-нѣмецки, и отвѣчала: что она очень благодарна царскому величеству за его грамоту; что миръ не состоялся не по ея винѣ, и что она послѣднее свое рѣшеніе объявитъ министрамъ своимъ, находящимися на Аландѣ. Потомъ королева сняла „рукавицы", дала Лефорту поцѣловать руку и ушла въ свой аппартаментъ. Лефортъ пошелъ къ мужу королевы, наслѣдному принцу Кассельскому, къ которому было также письмо отъ царя. Принцъ сказалъ, что онъ царскому величеству очень обязанъ за честь, ему оказанную, и просилъ Лефорта бывать у него. Министры объявили Лефорту, что они охотно желаютъ мира съ Россіею, но мира сноснаго; и если добрыхъ условій получить нельзя, то чины государственные скорѣе намѣрены все потерять, чѣмъ учинить миръ непристойный и безчестный.

Между тѣмъ, 4 апрѣля пріѣхалъ Остерманъ на конгрессъ, и 6-го оба уполномоченные донесли: „По всѣмъ шведскимъ поступкамъ довольно видно, что они надѣятся получить съ вашимъ величествомъ миръ на легчайшихъ условіяхъ, и продолжаютъ конгрессъ, во-первыхъ, для того, чтобъ не дать Россіи придти въ прежнее согласіе съ союзниками; во-вторыхъ, чтобъ удержать ее отъ воинскихъ дѣйствій противъ Швеціи". Гиллемборгъ требовалъ, чтобъ со стороны русскихъ уполномоченныхъ предложены были вновь мирныя условія, ибо на старыхъ условіяхъ заключить мира нельзя: всѣ въ Швеціи того мнѣнія, что лучше съ Россіею остаться въ войнѣ, чѣмъ уступить такія провинціи, которыя Шведскому королевству служатъ хлѣбными амбарами; что лучше, для полученія мира съ другими непріятелями, потерять нѣмецкія провинціи, отъ которыхъ нѣтъ никакой выгоды, и продолжать

съ Россіею оборонительную войну, дожидаясь благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. По мнѣнію Брюса и Остермана, царь, для полученія мира, долженъ былъ предпринять какое-нибудь „сильное дѣйство", а между тѣмъ продолжать переговоры на Аландѣ, чтобъ они не остерегались и не спѣшили заключеніемъ мира съ другими; и такъ какъ въ Швеціи большая нужда во всемъ, особенно въ съѣстныхъ припасахъ, и Голландцы съ Англичанами при первой возможности повезутъ туда хлѣбъ, то необходимо запретить вывозъ хлѣба хотя на одинъ годъ изъ русскихъ и прусскихъ гаваней; также препятствовать, чтобъ его не вывозили изъ Данцига. Уполномоченные замѣчали, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, Шведы стараются развести царя съ королемъ Прусскимъ и съ каждымъ вести особые переговоры; для этого отказываютъ въ допущеніи Мардефельда на конгрессъ, и Мардефельдъ получилъ письмо отъ наслѣднаго принца Гессенъ-Кассельскаго съ приглашеніемъ пріѣхать на свиданіе. Такъ какъ при настоящей формѣ правительства въ Швеціи не только принцъ, но и сама королева имѣютъ очень мало силы, то невѣроятно, чтобъ принцъ сдѣлалъ это приглашеніе безъ вѣдома государственнаго совѣта; вѣроятно, письмо написано для того, чтобъ сдѣлать Мардефельду нѣкоторыя внушенія или испытать его, не склонится ли король Прусскій къ особливымъ переговорамъ. Уполномоченные писали, что если Шведы рѣшатся пожертвовать своими провинціями въ Германіи, то Прусскій король, получивши желаемыя земли, не останется на русской сторонѣ".

Это замѣчаніе было очень важно для Петербургскаго Двора. Въ Берлинѣ графъ Александръ Головкинъ увѣрялъ барона Ильгена честнымъ словомъ, что царь безъ включенія Пруссіи не подпишетъ мирнаго договора съ Швеціею, какъ бы онъ ни былъ выгоденъ для Россіи; чтобъ король былъ благонадеженъ и, съ своей стороны, поступалъ бы такимъ образомъ. Ильгенъ отвѣчалъ, что король нисколько въ этомъ не сомнѣвается, только, по ходу дѣла на Аландѣ, опасно, чтобъ другіе не предупредили своимъ миромъ, отчего общимъ интересамъ можетъ произойти большой вредъ, особенно Прусскій король останется въ большой опасности по положенію своихъ земель въ имперіи, ибо Цесарь можетъ легко вмѣшаться въ Штетинское дѣло, и Прусскому королю трудно будетъ противиться. Головкинъ увѣрялъ въ сильной помощи царской; представлялъ, что если Швеція обнаруживаетъ мало склонности къ миру, то надобно ее принудить, для чего царь намѣренъ употребить оружіе и запретилъ выпускать хлѣбъ изъ своихъ гаваней въ продолженіи года, что долженъ сдѣлать у себя и Прусскій король, и Данцигъ принудить къ тому же. Ильгенъ отвѣчалъ, что такое запрещеніе не поможетъ, потому что Шведы могутъ получить хлѣбъ изъ Германіи, Фландріи, Англіи и другихъ странъ, которымъ будетъ выгода, а прусскимъ подданнымъ— убытокъ.

Въ половинѣ мая царь отправилъ на Аландъ третьяго уполномоченнаго,—генералъ-майора Павла Ягужинскаго, съ прибавкою къ Остермановской инструкціи еще слѣдующаго пункта: „Если бы на всѣхъ тѣхъ условіяхъ Швеція не захотѣла уступить Лифляндію въ вѣчное владѣніе, то при послѣдней крайности царское величество соизволитъ, чтобъ Лифляндія оставлена была въ русскомъ владѣніи отъ тридцати до двадцати лѣтъ, и по окончаніи этого срока она будетъ возвращена Швеціи".

27 мая пріѣхалъ на Аландскіе острова и другой шведскій уполномоченный, Лиліенштетъ. Начались конференціи. Русскіе уполномоченные прежде всего объявили, что не войдутъ въ переговоры безъ участія Мардефельда; шведскіе отвѣчали, что не могутъ допустить этого участія, потому что съ Пруссіею дѣло пойдетъ объ имперскихъ земляхъ, къ чему нельзя приступить безъ предварительнаго согласія Цесаря, какъ главы имперіи.—„Мы васъ хорошо понимаемъ", сказали на это русскіе уполномоченные: „ваши поступки клонятся къ одному,—чтобъ разлучить насъ съ Пруссіею; но это вамъ не удастся". Шведы объявили, что скоро должны получить указъ о Мардефельдѣ, и приступили къ главному дѣлу. Лиліенштетъ внушалъ, что въ Швеціи многіе были того мнѣнія, чтобъ прежде помириться съ другою стороною, однако превозмогло рѣшеніе заключить миръ съ Россіею; но если благоразумнаго мира съ Россіею получить не могутъ, то принуждены будутъ помириться и съ другою стороною. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что имъ неприлично разсуждать о томъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ полезно шведскимъ интересамъ, ибо каждый умный человѣкъ самъ это легко можетъ разсудить; и потому просятъ ни грозить примиреніемъ съ другими,—эта угроза только дѣло испортитъ, ибо царское величество не имѣетъ причины бояться Швеціи и всѣхъ ея помощниковъ. Но Лиліенштетъ продолжалъ стращать; спрашивалъ, извѣстно ли царю, что противъ него ведутся большія интриги, что недавно и союзъ противъ него заключенъ.—„Царское величество знаетъ своихъ друзей и недруговъ", отвѣчали русскіе уполномоченные; „вы намекаете на союзъ, недавно заключенный между Цесаремъ и королями Англійскимъ и Польскимъ; но время покажетъ вамъ, противъ кого заключенъ этотъ союзъ; Цесарь и король Англійскій всѣми средствами ищутъ возстановить прежнее согласіе съ царскимъ величествомъ".

Царь, по согласію съ Прусскимъ королемъ, писалъ къ своимъ уполномоченнымъ, чтобъ они, въ ожиданіи рѣшенія вопроса о Мардефельдѣ въ Стокгольмѣ, договаривались безъ него со Шведами вмѣстѣ о своемъ и прусскомъ дѣлѣ, для чего Мардефельдъ черезъ нихъ пусть дѣлаетъ предложенія. Если Шведы будутъ требовать, чтобъ прежде кончить дѣло о русскихъ требованіяхъ, то согласиться и на это, только объявить, что хотя бы между Россіею и Швеціею и было все улажено, но послѣ тутъ же на Аландскихъ островахъ Шве-

ды съ прусскимъ уполномоченнымъ не уладятся, то и трактатъ съ Россіею будетъ вмѣненъ ни во что. „Предаемъ то дѣло въ ваше управленіе, а мы съ своей стороны намѣрены между тѣмъ воинскія операціи чинить и тѣмъ ихъ къ миру принудить".

Между тѣмъ, графъ Александръ Головкинъ узналъ въ Берлинѣ, что здѣсь ганноверская партія сильно интригуетъ, чтобъ отвлечь короля Фридриха-Вильгельма отъ Россіи и заставить его вступить въ соглашеніе съ королемъ Георгомъ Англійскимъ. Фридриху-Вильгельму представленъ уже былъ и проектъ этого соглашенія: Англійскій король гарантировалъ Пруссіи Штетинъ съ дистриктомъ по рѣку Пину и съ островами Узедомомъ и Волиномъ; Прусскій король гарантировалъ Ганноверу княжество Бременское и Верденское; король Польскій включался въ трактатъ; онъ гарантировалъ Пруссіи и Ганноверу ихъ пріобрѣтенія, за что Швеція должна признать его на Польскомъ престолѣ; короли Прусскій и Англійскій будутъ стараться, чтобъ Швеція послала своихъ министровъ на Брауншвейгскій конгрессъ для мирнаго постановленія. Головкинъ представилъ королю, какія будутъ вредныя слѣдствія этого соглашенія: отлучивши его отъ Россіи, будутъ потомъ съ нимъ дѣлать, что захотятъ; помощь короля Англійскаго по прежнимъ примѣрамъ извѣстна. „Я конечно такъ глубоко съ Англичанами въ обязательство не вступлю, чтобъ моя добрая дружба съ царскимъ величествомъ могла быть повреждена", отвѣчалъ король. — „Вашему величеству", говорилъ Головкинъ, „извѣстны вредныя для Пруссіи намѣренія Польскаго короля, и я не знаю, для чего бы вамъ, изъ угожденія королю Англійскому, собственнымъ интересамъ вредъ наносить".—„Я этого предложенія о королѣ Польскомъ не приму", отвѣчалъ король. Головкинъ указалъ потомъ на Брауншвейгскій конгрессъ, какъ на коварное средство, употребленное королемъ Георгомъ для того, чтобъ отвести Пруссію отъ Аландскаго конгресса.—„Я и самъ вижу", отвѣчалъ король, „что мало пользы на Брауншвейгскомъ конгрессѣ будетъ для общихъ нашихъ интересовъ, и всячески отъ него уклоняться буду; однако, если Цесарь вступится и, какъ глава имперіи, потребуетъ, чтобъ князья имперскіе, участвующіе въ Сѣверной войнѣ, послали министровъ своихъ на этотъ конгрессъ, то въ такомъ случаѣ и мнѣ нельзя будетъ не послать своего министра, для чего надобно спѣшить аландскими переговорами. Англійскій король желаетъ подлинно знать, не имѣю ли я съ царскимъ величествомъ какихъ трактатовъ противъ имперіи, и чтобъ я впредъ въ подобные трактаты не вступалъ. Мнѣ легко было дать въ этомъ обнадеживаніе, потому что и дѣйствительно у меня съ царскимъ величествомъ наступательныхъ союзовъ нѣтъ; но если Цесарь станетъ на насъ нападать,—въ такомъ случаѣ естественно всякому себя оборонять и свои мѣры принимать. Я непремѣнно въ доброй дружбѣ и твердомъ соединеніи съ царскимъ величествомъ пребуду, я въ царскомъ величествѣ имѣю единаго истиннаго и прямаго друга себѣ".

Узнавъ, что король призывалъ къ себѣ министровъ, Головкинъ поѣхалъ къ Ильгену и спрашивалъ, въ какомъ смыслѣ составленъ отвѣтъ на англійскія предложенія. Ильгенъ показалъ ему три пункта, написанные королевскою рукою, изъ которыхъ одинъ какой-нибудь долженъ быть внесенъ въ трактатъ, вмѣсто пункта о королѣ Польскомъ: 1) Короли Англійскій и Прусскій не будутъ мириться безъ включенія и удовольствованія царя, короля Датскаго и Польскаго. 2) Если министры англійскіе не согласятся, то написать, что король Англійскій и Прусскій не заключатъ такого мира съ Швеціею, который былъ бы предосудителенъ прочимъ сѣвернымъ союзникамъ и противенъ существующимъ между ними договорамъ. 3) Если англійскіе министры непремѣнно будутъ требовать внесенія пункта о Польскомъ королѣ, то Прусскій король требуетъ: a) чтобъ король Польскій и Рѣчь Посполитая отказались отъ притязаній своихъ на Бранденбургскую Пруссію; b) чтобъ король Польскій взялъ назадъ грамоту свою, въ которой говорилъ, что имѣетъ довольно причинъ вмѣшиваться въ прусскія дѣла; c) чтобъ Рѣчь Посполитая признала за прусскими королями королевскій титулъ; d) чтобъ король Польскій и Рѣчь Посполитая гарантировали Штетинъ съ дистриктомъ.—Ильгенъ замѣтилъ при этомъ, что, благодаря такимъ условіямъ, едва ли Англійскій король согласится заключить договоръ; если же согласится, то царскому величеству будетъ выгодно, и Берлинскій Дворъ тѣмъ удобнѣе можетъ содѣйствовать къ примиренію царя съ королемъ Англійскимъ. „Это такъ", отвѣчалъ Головкинъ; „но зачѣмъ остался пунктъ о Брауншвейгскомъ конгрессѣ: когда Цесарь въ то дѣло вступится, то, получа силу, захочетъ, чтобъ все по его волѣ дѣлалось". Ожиданія Ильгена сбылись: англійскій посланникъ при Берлинскомъ Дворѣ, Витвортъ, объявилъ, что, по инструкціямъ своимъ, онъ не можетъ согласиться на включеніе въ договоръ пунктовъ, требуемыхъ Прусскимъ королемъ.

Между тѣмъ шведскіе уполномоченные на Аландѣ явно длили время: то говорили, что день-со-дня ждутъ изъ Швеціи указа насчетъ переговоровъ о прусскомъ мирѣ; то вдругъ объявили, что Гиллемборгу необходимо самому ѣхать въ Стокгольмъ по какому-то непредвидѣнному обстоятельству. Русскіе уполномоченные отвѣчали на это объявленіе: „Мы хорошо понимаемъ, куда всѣ эти ваши поступки клонятся; но время, быть можетъ, вамъ покажетъ, что вы сами себя обманываете". Царь хотѣлъ показать это слѣдующимъ образомъ: въ іюлѣ мѣсяцѣ русскій флотъ изъ 30 военныхъ кораблей, 130 галеръ и 100 малыхъ судовъ отплылъ къ шведскимъ берегамъ. Генералъ-майоръ Ласси направился къ Стокгольму, присталъ у мѣстечка Грина,—и окрестная страна запылала: 135 деревень, 40 мельницъ, 16 магазиновъ, два города—

*

Остгаммеръ и Орегрундъ,—9 желѣзныхъ заводовъ были выжжены; огромное количество желѣза, людскихъ и конскихъ кормовъ, чего ратные люди не могли взять съ собою, было брошено въ море. Адмиралъ Апраксинъ присталъ къ Ваксгольму,—только въ семи миляхъ отъ Стокгольма, и такъ же опустошилъ окрестную страну. Добыча, полученная Русскими, оцѣнивалась болѣе чѣмъ въ милліонъ талеровъ,—и вредъ, причиненный Швеціи,—въ 12 милліоновъ. Казаки были въ полуторѣ мили отъ Стокгольма. Въ надеждѣ на впечатлѣніе, какое будетъ произведено походомъ, Петръ отправилъ въ Швецію Остермана за рѣшительнымъ отвѣтомъ. 10 іюля Остерманъ отправился въ Стокгольмъ подъ бѣлымъ флагомъ и возвратился съ грамотою, въ которой королева предлагала царю Нарву, Ревель и Эстляндію, но требовала возвращенія Финляндіи и Лифляндіи. Два непріязненные къ Россіи сенатора, Таубе и Делагарди, въ очень недружескихъ и непристойныхъ выраженіяхъ, выговаривали Остерману, что царь присылаетъ своего министра съ мирными предложеніями, а войска его жгутъ шведскія области; сенаторы чрезмѣрно хвалились своими сильными войсками и говорили, что никогда не дадутъ приневолить себя къ миру. Остерманъ отвѣчалъ, что такіе недружескіе разговоры никакъ не могутъ содѣйствовать къ ускоренію мира; что царское величество никогда не сомнѣвался, чтобъ у нихъ не было войска, и что если миръ не состоится, то будетъ много случаевъ съ обѣихъ сторонъ показать свою храбрость. Принца Кассельскаго Остерманъ нашелъ весьма несклоннымъ къ миру съ Россіею; онъ и сама королева въ „жестокихъ терминахъ“ выговаривали ему, что въ то время, какъ онъ является съ мирными предложеніями, Русскіе жгутъ деревни и дома въ близости Стокгольма; и хотя бы у нихъ склонность къ миру и была, то по такимъ поступкамъ вся она пропадаетъ, ибо они не позволятъ принуждать себя къ миру.— „Заключите со мною прелиминарный трактатъ,—и непріятельскія дѣйствія сейчасъ же прекратятся“, отвѣчалъ Остерманъ. Принцъ Кассельскій и президентъ сената, графъ Кронгельмъ, говорили, что они ничего бы такъ не желали, какъ если бы русскія войска высадились на шведскіе берега; что они сами очистили бы имъ мѣсто, чтобъ сраженіемъ окончить дѣло. Остерманъ отвѣчалъ, что русскимъ войскамъ извѣстна вѣрность и любовь къ отечеству Шведскаго народа. Графъ Гиллемборгъ объявилъ Остерману посекрету, что большая часть сенаторовъ противится миру съ Россіею, и теперь они еще больше озлоблены сожженіемъ своихъ имѣній отъ русскихъ войскъ, а между тѣмъ англійскій посолъ дѣлаетъ великія обѣщанія и подкупаетъ, кого можетъ, великими деньгами. Графъ Кронгельмъ говорилъ Остерману: „Я самъ вижу вредныя слѣдствія для Швеціи отъ продолженія войны; но теперь и тѣ, которые прежде были склонны къ миру, такъ озлоблены разореніями, претерпѣнными отъ русскихъ войскъ, что хотятъ лучше совсѣмъ пропасть, чѣмъ согласиться на такой миръ“. Остерманъ сказалъ ему на это: „Вы, графъ, сами убѣждены, что при продолженіи войны настоящая форма правленія у васъ недолго простоитъ и дѣло кончится народнымъ возстаніемъ“. — „Народъ очень противенъ миру“, возразилъ Кронгельмъ.— „Народъ“, отвѣчалъ Остерманъ, „непостояненъ въ своихъ мнѣніяхъ: которые сегодня не желаютъ мира, завтра съ жаромъ будутъ его требовать“ [1]).

21 августа Петръ далъ уполномоченнымъ своимъ указъ: „Повелѣваемъ вамъ, по полученіи сего, быть на томъ конгрессѣ еще одну недѣлю для ожиданія туда изъ Швеціи прибытія назначенныхъ отъ королевскаго величества министровъ или присылки новаго къ барону Лилиенштету о вступленіи съ вами въ мирную негоціацію указу; а когда тѣ шведскіе министры изъ Швеціи на Аландъ и прибудутъ, или вмѣсто того, указъ къ барону Лилиенштету новый пришлется, но ежели шведскіе министры станутъ предлагать о мирѣ съ нами прежнія свои взмѣрительныя кондиціи и несогласныя съ основаніемъ нашихъ послѣднихъ кондицій, то вамъ, не продолжая о томъ съ ними негоціацію болѣе двухъ недѣль, по прошествіи той вышеупомянутой недѣли, тотъ конгрессъ разорвать и ѣхать съ Аланда къ двору нашему; но при отъѣздѣ своемъ оттуду отдать вамъ шведскимъ полномоченнымъ министрамъ грамоту къ королевскому величеству Шведской, въ отвѣтъ на присланную отъ нея къ намъ съ тобою, нашимъ канцеляріи совѣтникомъ, и притомъ имъ, полномочнымъ, объявить, что ежели ея королевское величество, усмотря наши благонамѣренные къ миротворенію поступки (и по разорваніи онаго конгресса), восхощетъ иногда съ нами миръ на основаніи вышеозначенныхъ предложенныхъ ей послѣднихъ кондицій чинить, то мы отъ того не отрицаемся, и дабы ея королевское величество въ такомъ случаѣ немедленно паки на Аландъ или прямо къ двору нашему съ полною мочью и съ довольными инструкціями прислала изъ министровъ, кого изволитъ“. Брюсъ съ товарищами объявилъ объ этомъ указѣ Лилиенштету, и тотъ далъ знать объ немъ въ Стокгольмъ. 6 сентября Лилиенштетъ объявилъ русскимъ уполномоченнымъ, что получилъ указъ изъ Стокгольма: королева объявляетъ, что въ послѣднихъ условіяхъ своихъ довольно показала свое желаніе къ миру, ибо хотѣла сдѣлать знатныя, чрезвычайно для нея чувствительныя уступки; но царское величество принять ихъ не хочетъ и велѣлъ объявить, что если въ три недѣли предложенный имъ ультиматумъ принятъ не будетъ, то его уполномоченные имѣютъ указъ уѣхать съ Аландскихъ острововъ; поэтому и королева приказываетъ своему уполномоченному, барону Лилиенштету, ѣхать съ острововъ и порвать конгрессъ. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что имъ ничего болѣе не остается, какъ готовиться къ отъѣзду [2]).

[1]) Дѣла Шведскія 1719 г.

[2]) Дѣла Аландскаго конгресса. Брюсъ съ Аланда при-

Такъ кончился Аландскій конгрессъ. Съ 1716 года дипломатическая война велась между Русскимъ царемъ и Англійскимъ королемъ, и Швеціи надобно было выбирать между ними. Подъ вліяніемъ Гёрца, Карлъ XII склонялся къ миру и союзу съ Россіею; по смерти Карла новое правительство естественно склонилось на сторону Англіи. Лѣтомъ 1719 года посланники короля Георга, англійскій и ганноверскій, заключили миръ съ Швеціею, которая уступила Ганноверу Бременъ и Верденъ. Слѣдствіемъ этого мира было порваніе Аландскаго конгресса. Но Швеція одна была не въ состояніи воевать съ Россіею: ей нужно было помочь. Георгъ не могъ оказать дѣятельной, непосредственной помощи, потому что не могъ заставить Англію объявить войну Россіи; ему оставалось поднимать противъ царя другія государства, вслѣдствіе чего дипломатическая борьба загорѣлась съ новою силой, и далеко оставила за собою борьбу военную. Сильно велась она въ Вѣнѣ, гдѣ была удобная почва. Дѣло царевича Алексѣя произвело снова охлажденіе между царемъ и Цесаремъ; а съ другой стороны покушенія Испаніи возвратить себѣ прежнія владѣнія въ Италіи заставляли императора сближаться съ Англіею, заискивать у ея короля. Въ январѣ 1718 года, Абрамъ Веселовскій далъ знать изъ Вѣны, что Цесарь велѣлъ президенту рейхсгофрата, графу Виндишгрецу, тайно внушить ганноверскому посланнику, какую услугу король Георгъ окажетъ императору и всей имперіи, если заключитъ отдѣльный миръ съ Швеціею. Императоръ сильно опасается отдѣльнаго мира Россіи съ Швеціею, потому что тогда произойдетъ большое смятеніе въ имперіи, и герцогъ Мекленбургскій присужится своими войсками Шведскому королю. Въ мартѣ Веселовскій объявилъ императору о лишеніи царевича Алексѣя наслѣдства и о назначеніи наслѣдникомъ царевича Петра Петровича. Императоръ отвѣчалъ: „Мы царю, вашему государю, за сообщеніе новаго опредѣленія очень обязаны, и надѣемся, что онъ самъ всего лучше можетъ знать, что полезнѣе ему и государству его бытъ можетъ“. Непріятности только начинались. Въ апрѣлѣ Веселовскій явился къ императору съ жалобою на резидента при Русскомъ Дворѣ, Плейера, который сообщилъ своему Двору ложныя извѣстія, оскорбительныя для особы царя. Веселовскій просилъ, чтобъ Плейеръ былъ немедленно отозванъ и на его мѣсто былъ присланъ другой. Чрезъ нѣсколько времени опять является Веселовскій къ императору и разсказываетъ, какъ, въ бытность царевича въ Неаполѣ, присылалъ къ нему вице-канцлеръ графъ Шёнборнъ своего секретаря съ требованіемъ, чтобъ царевичъ написалъ письмо къ сенаторамъ и архіереямъ, что онъ и сдѣлалъ противъ воли, и письма эти находятся у вицеканцлера:—такъ чтобъ цесарское величество, по всегдашней дружбѣ и склонности къ царскому величеству, приказалъ эти письма отдать ему, Веселовскому. Императоръ отвѣчалъ съ удивленіемъ, что онъ никогда не приказывалъ вице-канцлеру требовать отъ царевича подобныхъ писемъ, и безъ указа онъ этого сдѣлать не могъ. Веселовскій отправился къ принцу Евгенію, къ графу Цинцендорфу; тѣ повторяли слова императора; Веселовскій возражалъ, что царевичу не-для-чего затѣвать басенъ. Обѣщали по этому и Плейерову дѣлу имѣть особую министерскую конференцію, и начали тянуть время. Веселовскій жаловался принцу Евгенію, что такъ долго не хотятъ рѣшить такого предъ всѣмъ свѣтомъ праведнаго дѣла. Принцъ отвѣчалъ: „Какъ можетъ царское величество ставить въ вину резиденту Плейеру, что онъ доносилъ своему государю слышанныя имъ отъ людей извѣстія? Народное право тутъ не нарушено, и не видно, чтобъ Плейеръ имѣлъ какія сношенія съ подданными царскаго величества“.—„Изъ донесенія видно“, говорилъ Веселовскій, „что либо онъ все это выдумалъ для ослабленія дружбы царскаго величества съ императоромъ, либо имѣлъ сообщеніе съ преступными подданными царскаго величества, которые ему сообщили такія вѣдомости въ ущербъ славы и интересу государя своего“. Видя, что принцъ Евгеній продолжаетъ защищать Плейера, Веселовскій объявилъ, что если императоръ не отзоветъ Плейера, то царь принужденъ будетъ самъ выслать его изъ Россіи. Евгеній съ немалымъ фукованіемъ (раздраженіемъ) сказалъ, что донесетъ объ этомъ императору.

Это доношеніе оставалось безъ послѣдствій, несмотря на сильное стараніе резидента получить скорѣйшее рѣшеніе. Онъ объявилъ министрамъ, что въ такой медленности царь увидитъ знакъ нерасположенія императора къ себѣ. „Императоръ“, отвѣчали министры, „всегда желалъ сохранять дружбу съ царскимъ величествомъ; а какъ царское величество съ нами поступаетъ,—мы это узнали подъ рукою“.—„Скажите, что такое вы узнали“? спросилъ Веселовскій; но министры уклонились отъ отвѣта. Между тѣмъ, резидентъ провѣдалъ о сношеніяхъ Польскаго короля съ Вѣнскимъ Дворомъ. Представлены были два мемуара: въ первомъ Августъ II жаловался, что Польша постоянно подвергается насиліямъ и обидамъ со стороны царя, и, не будучи въ состояніи противиться собствен-

слалъ для куріозите нѣкоторыя гисторіи о Карлѣ XII, слышанныя отъ барона Шпара и другихъ: „Король уже весь сталъ сѣдъ и оплѣшивѣлъ и токмо по обѣимъ сторонамъ за ушами немного волосъ кудреватыхъ осталось. Встаетъ всегда въ часъ пополуночи и тотчасъ садится на лошадь и ѣздитъ до осмаго часа непрестанно вскачь. Онъ нынѣ уже употребляетъ постелю. Онъ веселаго нраву, любитъ слушать пѣніе веселыхъ пѣсенъ, и хотя онъ къ женскому полу весьма стыдливъ, однакожъ любитъ, чтобъ о такихъ утѣшныхъ дѣлахъ поглубже при немъ разговаривали, но и самъ временемъ о подробностяхъ того дѣла прилежно испытуетъ. Окромѣ воды и кислаго молока онъ ничего не пьетъ и любитъ токмо самыя простыя твердыя ѣства, а по вечерамъ пшенную молочную кашу. Когда по Бендерской акціи паша Бендерской къ нему пришелъ и подлѣ его на тюфякахъ сѣлъ, и тогда король съ досады на того пашу, будто ненарочно, одною ногою на-отмашь зацѣпя шпорою, кафтанъ сверху до низу разодралъ“.

ными войсками (а саксонскихъ въ Польшу впускать не хотятъ), прибѣгаетъ къ императору съ просьбою, чтобъ онъ принялъ мѣры къ отвращенію этого зла. Онъ, король Августъ, получилъ извѣстіе, что царь намѣренъ выдать племянницу свою, овдовѣвшую герцогиню Курляндскую, за претендента (Стюарта) и доставить ему Польскій престолъ по смерти его, Августа; а какой произойдетъ вредъ Цесарю и другимъ сосѣднимъ державамъ, когда Польша почти-что соединена будетъ съ Россіею,—о томъ самъ Цесарь можетъ разсудить. Во второмъ мемуарѣ Августъ объявляетъ, что царь ведетъ переговоры объ отдѣльномъ мирѣ съ Швеціею, и хотя обнадеживаетъ его, Августа, что безъ общаго согласія мира не заключитъ, но онъ ему не вѣритъ, и проситъ императора убѣдить Англійскаго короля, чтобъ тотъ, когда будетъ заключать отдѣльный миръ съ Швеціею, включилъ въ свой договоръ и Польскаго короля. Императоръ послалъ объ этомъ указъ къ посланнику своему въ Лондонъ, и Англійскій король обѣщалъ исполнить желаніе императора.

Наконецъ, въ маѣ мѣсяцѣ, принцъ Евгеній объявилъ Веселовскому, что императоръ изъ присланной копіи Плейерова донесенія не можетъ усмотрѣть ничего, что было бы противно международному праву, или чтобъ его резидентъ имѣлъ сообщеніе съ царскими подданными, но что онъ доносилъ все слышанное, исполняя свою обязанность; поэтому императоръ не долженъ его отзывать, и не хочетъ допустить, чтобъ иностранная держава принуждала его перемѣнять своихъ министровъ, ибо одна держава не можетъ предписывать закона другой. Что же касается трехъ писемъ царевича Алексѣя, то вице-канцлеръ былъ спрошенъ передъ всѣми министрами, и обнаружилось, что царевичъ самъ эти письма прислалъ къ вице-канцлеру для отсылки въ Польшу; но письма не отправлены, оставлены здѣсь, изъ чего можно видѣть доброе расположеніе императора къ царскому величеству. Тутъ принцъ Евгеній показалъ Веселовскому издали три запечатанныя письма. Веселовскій замѣтилъ, что такой отвѣтъ императора будетъ очень непріятенъ царю, который не можетъ впредь съ полною откровенностію сноситься съ Плейеромъ, и доброе согласіе между двумя Дворами не можетъ быть поддержано такимъ лицомъ. Принцъ отвѣчалъ, что другого рѣшенія со стороны императора не будетъ. Веселовскій просилъ, чтобъ отдали ему письма царевича, и въ томъ получилъ отказъ. Шёнборнъ, именемъ императора, объяснилъ Веселовскому, что Плейеръ не будетъ отозванъ; а если будетъ высланъ силою, въ такомъ случаѣ императоръ уже знаетъ, что дѣлать. Самъ императоръ сказалъ резиденту: „Мы надѣемся, что объ отозваніи Плейера министры наши вамъ уже нашу резолюцію объявили, и о трехъ письмахъ прикажемъ вамъ дать отвѣтъ вскорѣ". Потомъ Шёнборнъ показалъ Веселовскому одно письмо царевича, и когда тотъ спросилъ, почему показано одно письмо, а не всѣ три,—отвѣчалъ со смѣхомъ: „Я о другихъ не знаю".

Поведеніе Вѣнскаго Двора объяснялось извѣстіями Веселовскаго въ іюлѣ мѣсяцѣ, что съ Турками у Австріи заключенъ выгодный миръ, и что императоръ отправляетъ въ Польшу чрезвычайнаго посла возбуждать Рѣчь Посполитую противъ пребыванія русскихъ войскъ въ Польшѣ; что императоръ уговорился съ королемъ Августомъ не только вытѣснить русскія войска изъ Польши, но добиться того, чтобъ впредъ они ни подъ какимъ предлогомъ туда не входили безъ позволенія цесарскаго и Рѣчи Посполитой. Для этого и для сѣверныхъ дѣлъ положено отправить 25,000 войска въ Силезію и Богемію на границы и, смотря по состоянію дѣлъ, прибавить еще 10,000. Главное намѣреніе Вѣнскаго Двора состоитъ въ томъ, чтобъ поддержать возложенное на Ганноверъ порученіе—заставить герцога Мекленбургскаго выслать русскія войска изъ своихъ владѣній; помирить герцога съ дворянствомъ его на условіяхъ, требуемыхъ послѣднимъ, какъ правымъ, и городъ Ростокъ привести въ прежнія отношенія къ герцогу. Кромѣ того, Вѣнскій Дворъ опасается короля Прусскаго, зная, что онъ очень склоненъ къ Россіи; боятся, что если состоится миръ между Россіею и Швеціею, то Прусскій король соединитъ свои войска съ шведскими; увѣрены, что Карлъ XII, по заключеніи мира съ Россіею, высадится у Данцига, вступитъ въ Германію, и будетъ война за вѣру Протестантскую, потому что, послѣ несчастія Шведскаго короля подъ Полтавою, въ австрійскихъ владѣніяхъ начали притѣснять Протестантовъ, и теперь представленія шведскаго резидента на этотъ счетъ отстранены. Въ Вѣнѣ боятся также русскихъ войскъ, которыя стоятъ въ Польшѣ; боятся, что если три тысячи русскихъ войскъ, стоящія въ Мекленбургѣ, будутъ оттуда вытѣсненны, то царь отомститъ за это и за непріятности по дѣлу царевича впаденіемъ въ Силезію. Когда датскій посланникъ замѣтилъ одному австрійскому министру: „Чего вамъ бояться вторженія русскихъ войскъ въ Силезію,—теперь у васъ миръ съ Турками и вы можете сейчасъ же отправить значительный корпусъ войска и вытѣснить Русскихъ", то Австріецъ отвѣчалъ: „Правда; только пока царскія войска туда отправятся, Русскіе между тѣмъ сдѣлаютъ то же въ Силезіи, что дѣлали въ Польшѣ и Мекленбургѣ: побравши все съ собою, уйдутъ и усы оботрутъ; гдѣ потомъ искать удовлетворенія? Россія съ нами не граничитъ, а начинать войну—съ нашимъ интересомъ не сходно". Наконецъ, съ австрійской стороны сдѣланъ былъ запросъ Портѣ, для чего она терпитъ пребываніе русскихъ войскъ въ Польшѣ, когда это запрещено послѣднимъ договоромъ ея съ Россіею.

Въ началѣ августа пріѣхалъ въ Вѣну генералъ-адъютанъ баронъ Левенвольдъ, которому въ Петербургѣ данъ былъ наказъ представить Вѣнскому Двору постоянное желаніе царя заключить съ нимъ союзъ; но всѣ предложенія объ этомъ съ рус-

ской стороны до сихъ поръ остаются напрасными; видя это, царь заключилъ союзный договоръ съ Франціею; но и тутъ, когда Французское правительство требовало, чтобъ Россія, при нарушеніи Утрехтскаго и Баденскаго договоровъ, обязалась помогать Франціи войскомъ за субсидію, то царь не согласился вступить въ это обязательство, не желая сдѣлать что-нибудь противное Цесарю. Царь надѣется, что Цесарь, усмотря такія его доброжелательные поступки, перестанетъ вѣрить ложнымъ и неосновательнымъ внушеніямъ насчетъ Россіи. Царь не имѣлъ никогда никакого намѣренія вмѣшиваться въ имперскія дѣла и пріобрѣсти владѣнія въ имперіи, какъ разглашаютъ недоброжелательные люди; это ясно изъ того, что, имѣя въ рукахъ Штетинъ, отдалъ его въ поссесію королю Прусскому; легко могъ получить Висмаръ и Штральзундъ, но никогда ихъ не домогался. Вступился за герцога Мекленбургскаго, зная, что его преслѣдуютъ по письмамъ барона Бернсторфа, мекленбургскаго дворянина, который извлекаетъ для себя большія выгоды изъ ссоръ между герцогомъ и его дворянствомъ. Всѣ ложныя противъ Россіи внушенія происходятъ отъ Ганноверскаго Двора. Цесарь не доволенъ манифестомъ царскимъ о царевичѣ Алексѣѣ, гдѣ сказано, что Цесарь склонилъ царевича къ выѣзду изъ своихъ земель; но, во-первыхъ, это правда; во-вторыхъ, манифестъ изданъ только для подданныхъ царскаго величества, а потомъ напечатанъ на иностранныхъ языкахъ иноземными министрами, въ чемъ Русское правительство не виновато. Съ польской стороны дѣлаются внушенія, будто царь выдаетъ племянницу свою за претендента; но это явная ложь; по просьбамъ Польскаго короля, царь сговорилъ-было эту племянницу свою за герцога Вейсенфельскаго; но такъ какъ это дѣло отъ нихъ разными штуками промедлено, то царь заблагоразсудилъ сговорить племянницу за родственника короля Прусскаго, старшаго сына маркграфа Филиппа. Русскія войска не выходятъ изъ польскихъ владѣній потому, что жители Данцига обѣщали пресѣчь всякія сношенія съ Шведами и дѣйствовать противъ нихъ, что долженъ былъ имъ приказать сдѣлать государь ихъ, король Польскій; но онъ до сихъ поръ не сдѣлалъ на этотъ счетъ никакого распоряженія, и потому царь приказалъ князю Репнину съ его дивизіею оставаться въ Польшѣ до тѣхъ поръ, пока жители Данцига исполнятъ свое обѣщаніе, тѣмъ болѣе что изъ многихъ мѣстъ получаются вѣдомости о намѣреніи короля Шведскаго высадиться у Данцига. Левенвольдъ долженъ поступать, смотря по тамошнимъ дѣламъ, по совѣту Веселовскаго; но долженъ остерегаться, чтобъ не показать со стороны царскаго величества боязни или униженія, а стараться только объ искорененіи враждебныхъ внушеній и добиться отозванія Плейера.

На первой аудіенціи императоръ сказалъ Левенвольду: „Мы его любви, царю вашему государю, за обнадеживаніе въ дружбѣ, очень благодарны, чего и съ нашей стороны себѣ надѣяться можетъ; что же касается резидента нашего Плейера, то мы, разсмотря его поведеніе и поступокъ, удовольствуемъ въ томъ его любовь, царя“. Прошелъ августъ, сентябрь,—удовольствованія не было; ждали вѣрныхъ извѣстій о ходѣ Аландскаго конгресса, а между тѣмъ Прусскій король, испугавшись, что Австрія съ торжествомъ вышла изъ Турецкой войны, прислалъ въ Вѣну министра своего, Книпгаузена, поздравить Цесаря съ блестящимъ миромъ и внушить, что король его собираетъ большое войско только для собственной защиты, къ пользѣ имперіи и на службу цесарскаго величества; обнадежить, что при аландскихъ переговорахъ не заключитъ мира со Шведами, а въ Мекленбургскомъ дѣлѣ исполнитъ порученіе Цесаря относительно примиренія герцога съ его дворянствомъ, и если герцогъ цесарскаго приказанія ослушается, то поступитъ съ нимъ по имперской конституціи. „Знатно“, писалъ Веселовскій, „что Прусскій дворъ, по обыкновенной своей политикѣ, сомнѣваясь въ благопріятномъ исходѣ аландскихъ переговоровъ, хочетъ про запасъ прислужиться у Цесаря своими внушеніями“. Проходилъ и октябрь—удовольствованія не было; но Левенвольдъ и Веселовскій получили рескриптъ, въ которомъ царь изъявлялъ готовность содѣйствовать мирному рѣшенію Мекленбургскаго дѣла. Тонъ императорскихъ министровъ тотчасъ перемѣнился, когда Веселовскій объявилъ имъ объ этомъ; они стали обнадеживать резидента, что, по особенному почтенію къ царскому величеству, Цесарь покажетъ всевозможную склонность къ герцогу и сдѣлаетъ такъ, что герцогъ получитъ надъ своимъ дворянствомъ такія же права, какія имѣли его предшественники, только бы царское величество уговорилъ герцога не оказывать императору дальнѣйшаго сопротивленія; а Цесарь простилъ ему все прежнее для царскаго величества. Царское величество обнадеживаетъ, что въ имперскія дѣла мѣшаться не хочетъ,— такъ изволилъ бы вывести изъ Мекленбурга свои четыре батальона. Съ этимъ Левенвольдъ и отправился назадъ въ Петербургъ. Цѣль его посольства была достигнута въ томъ отношеніи, что Плейеръ былъ отозванъ. Между тѣмъ, съ польской стороны продолжалась работа: Флеммингъ вмѣстѣ съ англійскимъ посланникомъ хлопоталъ о заключеніи съ императоромъ оборонительнаго союза, котораго главная цѣль—вытѣсненіе русскихъ войскъ изъ Польши. Но Вѣнскій Дворъ откладывалъ дѣло, выжидая, чѣмъ кончится Аландскій конгрессъ. Въ декабрѣ Веселовскій узналъ, что проектъ оборонительнаго союза между Австріею и Польшею уже поданъ императору. Резидентъ отправился къ министрамъ съ протестомъ; министры отвѣчали ему, что союзъ еще не заключенъ, да и нѣтъ въ немъ ничего предосудительнаго интересамъ царскаго величества: дѣло естественное и никому не противное, что императоръ и король Августъ хотятъ обязаться взаимною обороною земель своихъ, особенно при нынѣшнихъ обстоятель-

ствахъ, когда видятъ постоянное пребываніе русскихъ войскъ въ Мекленбургѣ и въ Польшѣ и переговоры на островѣ Аландѣ съ королемъ Шведскимъ, не имѣя никакихъ свѣдѣній объ этихъ переговорахъ—быть можетъ тамъ заключаются какіе-нибудь вредные для Цесаря договоры. Веселовскій отвѣчалъ, что если императоръ обнадежитъ царя своимъ словомъ, что герцогу Мекленбургскому обиды передъ дворянствомъ сдѣлано не будетъ, то четыре русскихъ батальона будутъ немедленно выведены; также русскія войска выйдутъ и изъ Польши, когда исчезнетъ опасеніе насчетъ высадки Шведовъ у Данцига; касательно же аландскихъ переговоровъ онъ, резидентъ, обнадеживаетъ царскимъ именемъ, что ничего вреднаго для Цесаря тамъ не становится; но заключеніе союза между императоромъ и королемъ Польскимъ, разумѣется, заставитъ и царя принять мѣры для своей безопасности. Прусскій резидентъ также протестовалъ противъ союза, и ему отвѣчали, что союзъ оборонительный и, потому, никому вреденъ быть не можетъ; Прусскому королю тревожиться нечего, и если онъ захочетъ приступить къ союзу, то его примутъ; а союзъ необходимъ, потому что русскія войска стоятъ въ Польшѣ.—„Они стоятъ потому, что грозитъ высадка Шведовъ къ Данцигу", говорилъ резидентъ.—„Предлогъ пустой", отвѣчали министры: „Шведскій король въ Норвегіи и не думаетъ о высадкѣ; мы видимъ русское намѣреніе, чтобъ только на чужихъ проторяхъ жить и разорять Польшу; но противъ этого мы должны принять мѣры". Веселовскій сообщилъ своему Двору извѣстіе о планѣ императора, переданное вѣрнымъ человѣкомъ: когда будетъ заключенъ оборонительный союзъ съ королемъ Польскимъ, то предложить на Регенсбургскомъ сеймѣ всѣмъ князьямъ имперіи, не хочетъ ли кто изъ нихъ приступить къ этому союзу, и такимъ образомъ ввести въ него всю имперію; цѣль союза будетъ—выслать русскія войска изъ Мекленбурга и Польши, и принять мѣры, чтобъ никогда они въ Германію и Польшу не вступали; такимъ образомъ, король Прусскій будетъ оторванъ отъ Россіи и принужденъ вступить въ союзъ имперіи съ Польшею. При этомъ если даже будетъ заключенъ миръ между Россіею и Швеціею, и Карлъ XII вторгнется въ Германію, то онъ будетъ уже непріятелемъ всей имперіи.

Веселовскому дали знать, что императоръ сердится, зачѣмъ въ Петербургѣ не допустили Плейера откланяться царю передъ отъѣздомъ; министры повторяли, что резидентъ не сдѣлалъ никакого жестокаго преступленія, а исполнялъ только свои обязанности. Веселовскій объявилъ, что русскимъ войскамъ уже велѣно отодвинуться отъ Данцига къ своимъ границамъ, причемъ опять возставалъ противъ союза Цесаря съ Польшею. Императоръ велѣлъ отвѣчать, что благодаритъ царя за это, и надѣется, что будутъ выведены и тѣ четыре батальона, которые находятся въ Мекленбургѣ; что же касается до союза съ Польшею, то какъ царь воленъ заключать союзы съ кѣмъ угодно, не сообщая объ этомъ Цесарю, такъ точно и послѣдній воленъ дѣлать то же, не давая знать царю, тѣмъ болѣе что и царь не сообщаетъ въ Вѣну ничего объ Аландскомъ конгрессѣ; впрочемъ, императоръ накрѣпко обнадеживаетъ царя, что въ союзномъ договорѣ его съ Польшею не содержится ничего предосудительнаго ни русскимъ, ни прусскимъ интересамъ.

31 декабря Веселовскій донесъ о полученномъ въ Вѣнѣ извѣстіи, что Шведскій король убитъ; это извѣстіе произвело при Дворѣ величайшую радость. Императоръ былъ увѣренъ, что кто бы ни занялъ Шведскій престолъ, а его непремѣнно пригласятъ въ посредники для рѣшенія сѣверныхъ дѣлъ. Флеммингъ, услыхавъ о смерти Карла XII, сейчасъ же началъ хлопотать, чтобъ къ союзному договору между императоромъ и королемъ Польскимъ прибавлена была статья о Лифляндіи, которая должна принадлежать Польскому королю въ силу договора его съ царемъ. Флеммингъ говорилъ, что для включенія этой статьи въ договоръ онъ готовъ раздать 200,000 цесарскимъ министрамъ; заключеніе оборонительнаго договора стоило ему 100,000 гульденовъ. Передъ Веселовскимъ Флеммингъ клялся, что онъ не сдѣлалъ Вѣнскому Двору никакихъ предосудительныхъ для Россіи внушеній; просилъ, чтобъ царь не вѣрилъ злымъ внушеніямъ Прусскаго Двора, который употребилъ всѣ средства поссорить Польскаго короля съ царемъ; интригами Прусскаго Двора разстроенъ бракъ Курляндской герцогини съ герцогомъ Вейсенфельскимъ, и герцогиня сговорена за маркграфа Бранденбургскаго; но польскій интересъ не можетъ допустить, чтобъ кто-нибудь изъ принцевъ Бранденбургскихъ получилъ Курляндію. Поэтому онъ, Флеммингъ, предлагаетъ именемъ королевскимъ, что если царь уничтожитъ договоръ о бракѣ своей племянницы съ маркграфомъ Бранденбургскимъ и выдастъ ее за герцога Вейсенфельскаго или даже за другого какого-нибудь принца, то онъ, Флеммингъ, обѣщаетъ настоять у республики Польской, чтобъ мужъ герцогини былъ избранъ въ герцоги Курляндскіе; въ противномъ случаѣ, какъ король, такъ и Рѣчь Посполитая не допустятъ, чтобъ маркграфъ Бранденбургскій получилъ Курляндію. Наконецъ, если царь вознаградитъ нѣкоторымъ образомъ короля Августа за Лифляндію, то король гарантируетъ Россіи завоеванныя у Шведовъ области; въ чемъ должно состоять вознагражденіе,—Флеммингъ не сказалъ, но требовалъ, чтобъ для этого былъ присланъ къ королю одинъ изъ знатнѣйшихъ министровъ царскихъ.

Между тѣмъ, въ Вѣнѣ съ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ кончится вопросъ о наслѣдствѣ Шведскаго престола; радовались, когда слышали, что корона достанется Ульрикѣ-Элеонорѣ, ибо думали, что герцогъ Голштинскій такой же дикой природы, какъ и покойный Карлъ XII, и потому пойдетъ по слѣдамъ дяди. Неблагопріятная для Россіи, для Аландскаго конгресса перемѣна въ Швеціи не за-

медлила отразиться на отношеніяхъ Вѣнскаго Двора къ Петербургскому.

4 февраля 1719 года вице-канцлеръ, графъ Шёнборнъ, присылаетъ къ Веселовскому съ просьбою, чтобъ тотъ пріѣхалъ къ нему немедленно. Веселовскій пріѣзжаетъ, и ему объявляютъ императорскій указъ: такъ какъ резиденту Плейеру запрещенъ былъ пріѣздъ ко Двору, изъ чего ясно, что резидентъ тамъ не нуженъ; поэтому и цесарское величество заблагоразсудилъ запретить царскому резиденту пріѣздъ къ своему Двору, и означенный резидентъ въ восемь дней, безъ отпускной аудіенціи, долженъ выѣхать изъ Вѣны, и въ самомъ скорѣйшемъ времени оставить наслѣдственныя императорскія земли. Веселовскій протестовалъ, но понапрасну. Ему объявили, что обида, нанесенная Плейеру, нанесена не ему, но самому императору,—дважды ему былъ запрещенъ пріѣздъ ко Двору, отпускной аудіенціи ему не дали, не дали и обыкновеннаго подарка. Веселовскій доносилъ своему Двору, что изъ достовѣрнаго источника узналъ онъ о причинѣ злобы: принцесса Ульрика-Элеонора поручила своему резиденту въ Вѣнѣ тайно обнадежить Цесаря, что она желаетъ его дружбы и полагаетъ на него большую надежду; также, для показанія своего доброжелательства и откровенности, обѣщаетъ переслать всѣ вредныя для имперіи предложенія, сдѣланныя царемъ покойному Шведскому королю. Веселовскому сообщено было также, что Вѣнскій Дворъ узналъ о соглашеніи, существующемъ, будто, между Россіею и враждебною Императору Испаніею; будто въ Петербургѣ находится испанскій эмиссаръ, именемъ С.-Илеръ, а въ Испаніи также русскій агентъ, и правительство Испанское назначило царю субсидіи. Наконецъ Веселовскому сообщили извѣстіе, за достовѣрность котораго онъ впрочемъ не ручался, что въ Кроаціи вспыхнуло возстаніе: жители напали на кавалерійскій полкъ и побили много солдатъ; нѣкоторые изъ заводчиковъ смуты пойманы и объявили, что возстали по наущенію царя.

Торговый агентъ русскій, Бузи, былъ также высланъ изъ Вѣны; Петръ, въ отмщеніе, велѣлъ выслать іезуитовъ изъ Москвы; но извѣстныя намъ обстоятельства, явившіяся къ осени 1719 года, побудили царя возобновить сношенія съ императоромъ. Притомъ чрезъ Прусскій Дворъ было узнано, что императоръ готовъ прекратить ссору, и если будетъ присланъ въ Вѣну кто-нибудь изъ царскихъ министровъ, то будетъ принятъ пріятно. Чтобъ испробовать почву, въ октябрѣ былъ отправленъ въ Вѣну генералъ-лейтенантъ Вейсбахъ, подъ предлогомъ своихъ частныхъ дѣлъ. Ему было наказано объясниться съ принцемъ Евгеніемъ, что всѣ извѣстія о враждебныхъ для императора сношеніяхъ царя съ Швеціею, Испаніею и Турціею вымышлены: все это интриги королей Англійскаго и Польскаго, которые для своихъ частныхъ цѣлей хотѣли ссорить императора съ царемъ.

Въ началѣ 1720 года Вейсбахъ пріѣхалъ въ Вѣну и началъ дѣйствовать посредствомъ надворнаго военнаго совѣтника фонъ-деръ-Клея. Тотъ далъ ему знать, что объ успѣшномъ окончаніи дѣла сомнѣваться не слѣдуетъ, но онъ долженъ приготовиться отвѣчать на слѣдующій упрекъ со стороны Вѣнскаго Двора: сынъ царевича Алексѣя и принцессы Вольфенбительской нарочно лишенъ всякаго мужскаго воспитанія и отданъ въ женскія руки, дабы съ малолѣтства внушить ему женскую покорность, потому что царь твердо намѣренъ выдать одну изъ дочерей своихъ за нѣмецкаго принца и сдѣлать его наслѣдникомъ, а внука лишить наслѣдства. Вейсбахъ отвѣчалъ, что все это чистая ложь: воспитаніе принца поручено искуснымъ мужчинамъ; дано ему нѣсколько солдатъ, которыми онъ уже самъ командуетъ; также дана малая артиллерія для забавы, какъ о томъ каждому въ Петербургѣ извѣстно; всѣмъ извѣстно, какую любовь царь и царица питаютъ къ своему внуку, хранятъ его какъ зѣницу ока; царь самъ часто ночью встаетъ и навѣщаетъ принца.

Скоро явился къ Вейсбаху любопытный гость, тайный совѣтникъ герцога Голштинскаго, Бассевичъ, и объявилъ, что хочетъ предложить царскому величеству дѣло великой важности: такъ какъ извѣстно, что Цесарь и другія державы никогда не допустятъ, чтобъ Лифляндія осталась за Россіею, то, вмѣсто того, чтобъ возвращать ее Польшѣ или Швеціи, царю гораздо полезнѣе уступить ее герцогу Голштинскому, выдавъ за него одну изъ своихъ дочерей; герцогъ имѣетъ неоспоримыя права на Шведскій престолъ, и если царь поможетъ ему получить этотъ престолъ, то онъ въ бладарность уступитъ тогда Лифляндію Россіи. Конечно, герцогъ можетъ получить Лифляндію и съ помощію Цесаря; но тогда ему придется вступить въ бракъ съ одною изъ императрицыныхъ племянницъ, чего ему не хочется, а желаетъ онъ именно жениться на одной изъ царскихъ дочерей. Вейсбахъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ дать на это предложеніе никакого отвѣта, можетъ только на письмѣ переслать его въ Петербургъ. Но Бассевичъ не хотѣлъ дать своего предложенія на письмѣ и обѣщалъ самъ ѣхать въ Петербургъ.

22 января Вейсбахъ имѣлъ конференцію съ вице-канцлеромъ Шёнборномъ, который объявилъ, что императоръ заблагоразсудилъ вступить съ царскимъ величествомъ въ доброе согласіе и допустить его, Вейсбаха, на аудіенцію. Извѣстіе объ этомъ рѣшеніи сильно встревожило англійскаго посланника, который началъ доказывать, что императоръ безъ вѣдома своихъ союзниковъ, короля Англійскаго и Польскаго, не можетъ вступить ни въ какіе трактаты съ царемъ. На это возразили, что оборонительный союзъ между императоромъ и королями Англійскимъ и Польскимъ не заключенъ именно противъ царя. Вейсбахъ былъ принятъ императоромъ, который сказалъ ему: „Намъ пріятно слышать, что нашъ другъ и братъ, великій царь склоненъ прежнюю дружбу съ нами возобновить;

мы, съ нашей стороны, все потребное къ тому приложить хотимъ, о чемъ вы вашему государю донесть и въ нашей дружбѣ обнадежить можете“. Шёнборнъ объявилъ, что если царь хочетъ возобновляемую дружбу совершенно утвердить, то чтобъ сильно аккредитованный министръ поспѣшилъ своимъ пріѣздомъ въ Вѣну.

Когда объ этомъ узнали въ Петербургѣ, то немедленно отправили въ Вѣну дѣйствительнаго камергера, тайнаго совѣтника, генералъ-майора и гвардіи капитана Павла Ягужинскаго, съ такою инструкціею: „Когда онъ будетъ обнадеженъ въ дружбѣ Цесаря къ царскому величеству, въ возобновленіи добраго согласія и корреспонденціи и въ забвеніи всего прошлаго, то долженъ просить себѣ отпуска и объявить, что царское величество, въ знакъ своей дружбы, изволитъ прислать къ царю резидента, а Цесарь изволилъ бы прислать своего резидента,—такую особу, которая бы могла содержать добрую корреспонденцію и дружбу между обоими государями и обрѣталась бы у Цесаря въ нѣкоторомъ кредитѣ, чтобъ и царское величество могъ имѣть довѣренность; Ягужинскій долженъ крѣпко противиться, чтобъ не былъ посланъ резидентомъ снова Плейеръ“.

Въ концѣ апрѣля Ягужинскій пріѣхалъ въ Вѣну, и былъ очень ласково принятъ всѣми министрами, начиная отъ принца Евгенія; духовникъ императора, іезуитъ, держалъ длинную рѣчь о томъ, что онъ, кромѣ царскаго величества, не видитъ въ цѣлой Европѣ другого государя, котораго дружба была бы полезнѣе и приличнѣе для императора. Хотя Англичане и помогаютъ Цесарю противъ Испаніи, однако все дѣлаютъ въ торговыхъ видахъ и въ другихъ своихъ интересахъ, и особенно хотятъ обязывать Цесаря дѣйствовать противъ претендента (Стюарта),—но это противно интересу и правосудію Цесаря.—Такая рѣчь была очень понятна въ устахъ іезуита, который долженъ былъ считать нечестивымъ союзъ императора съ протестантскою династіею въ Англіи въ ущербъ династіи католической, и который долженъ былъ сочувственно смотрѣть на царя, готоваго всегда принять сторону Стюартовъ по враждѣ къ Ганноверской династіи. Кромѣ того, по случаю столкновеній Католиковъ съ Протестантами въ самой имперіи, Англійскій король, какъ курфюрстъ Ганноверскій, принялъ сторону Протестантовъ, тогда какъ императоръ долженъ былъ принять сторону Католиковъ. Такимъ образомъ, католическая ревность Габсбурговъ подрывала союзъ ихъ съ Англіею; наконецъ сильное вліяніе короля Георга въ протестантской Германіи, повелительный тонъ англійскихъ министровъ, память о недавней измѣнѣ Англіи, оставившей своего союзника, императора, и заключившей отдѣльный миръ съ Франціею, а потомъ тѣсно сблизившейся съ послѣднею,—все это сильно раздражало Вѣнскій Дворъ, и заставляло его жаловаться на наглость Англичанъ, которые дорого продавали императору свою помощь въ новой войнѣ Испанской. Императоръ на первой аудіенціи объявилъ Ягужинскому, что его присылка ему пріятна, и что онъ никогда не преминетъ оказывать всякую дружбу, усердіе и любовь къ царскому величеству. Но и Ягужинскій долженъ былъ жаловаться на медленность Вѣнскаго Двора. Графъ Шёнборнъ сказалъ ему, чтобъ онъ подалъ письменно свои предложенія; Ягужинскій отвѣчалъ, что онъ присланъ для возобновленія дружбы; и такъ какъ Вѣнскій Дворъ объявилъ склонность ко вступленію въ ближайшій союзъ съ царскимъ величествомъ, то онъ, Ягужинскій, имѣетъ указъ объявить о готовности своего государя ко вступленію въ этотъ союзъ; пусть Вѣнскій Дворъ отправитъ своего министра съ полномочіемъ въ Петербургъ для переговоровъ, чтобъ время не проходило въ перепискахъ, и ему, Ягужинскому, пусть сообщатъ проектъ, на какомъ основаніи долженъ быть заключенъ союзъ. Шёнборнъ отвѣчалъ, что Цесарь ко всему готовъ, но надобно, чтобъ предложенія были сдѣланы съ русской стороны.

Въ это время пріѣхалъ въ Вѣну герцогъ Мекленбургскій и съ женою, Екатериною Ивановою, несмотря на то, что Ягужинскій писалъ ей, чтобъ не ѣздила. „Герцогъ“, доносилъ Ягужинскій въ іюнѣ, „имѣлъ на сихъ дняхъ аудіенцію у Цесаря, который изволилъ принять его ласково и обѣщалъ помогать ему въ скорѣйшемъ окончаніи его дѣлъ; кажется, герцогъ при здѣшнемъ Дворѣ будетъ не безъ пріятелей, если станетъ поступать по здѣшнему обхожденію, а старый свой нравъ оставитъ“. Кромѣ этого герцога-родственника, въ Вѣнѣ жилъ другой герцогъ, который добивался быть родственникомъ царскому величеству,—герцогъ Голштинскій. По доношеніямъ Ягужинскаго, посланники англійскій и шведскій старались всѣми силами удержать герцога, чтобъ не искалъ царскаго покровительства; но герцогъ не поддавался; министры его поступали „очень откровенно“ съ Ягужинскимъ и являли радѣніе къ интересамъ царскимъ.

Наконецъ австрійскіе министры удосужились и вступили съ Ягужинскимъ въ конференціи, о результатѣ которыхъ онъ доносилъ такъ: „Все дѣло въ томъ состоитъ, что здѣшній Дворъ отъ стороны вашего величества предложеній о ближайшемъ сообязательствѣ ожидаетъ, а сами того отнюдь учинить и первыми быть не хотятъ. Англійскій посланникъ всѣми средствами старается доброму намѣренію Двора здѣшняго съ вашимъ величествомъ помѣшать; но до сихъ поръ никакого успѣха не имѣетъ, и внушаетъ теперь между прочими лжами и ту, будто ваше величество съ Турками союзъ намѣрены заключить. Герцогъ Голштинскій съ нетерпѣніемъ ожидаетъ рѣшеній вашего величества на его предложенія и безпрестанно меня объ этомъ спрашиваетъ. По своимъ молодымъ лѣтамъ, онъ постояннаго состоянія и немалаго ума“. Герцогъ уѣхалъ изъ Вѣны въ Венгрію, объяснивши Ягужинскому причину отъѣзда такимъ образомъ, что онъ находится въ Вѣнѣ въ затруднительномъ по-

ложеніи: изъ Петербурга нѣтъ никакихъ извѣстій, а между тѣмъ англійскій посланникъ не даетъ ему покоя съ своими предложеніями. По отъѣздѣ его, явились къ Ягужинскому двое голштинскихъ министровъ съ просьбою донести царю: если онъ не можетъ согласиться на всѣ предложенія герцога, то они будутъ и тѣмъ довольны, если Россія будетъ помогать герцогу въ возстановленіи его въ наслѣдственныхъ земляхъ. Отъ этого возстановленія русская торговля получитъ немалую пользу, потому что герцогъ, при помощи царской, можетъ легко и скоро провести каналъ отъ Екернфорда въ рѣку Эйдеръ, и такимъ образомъ, минуя Зундъ, купеческія суда могли бы гораздо ближе ходить изъ Балтійскаго моря въ Голландію и Англію. Потомъ Бассевичъ сообщилъ Ягужинскому „въ крайней конфиденціи", что, по донесенію ихъ министра изъ Парижа, регентъ, герцогъ Орлеанскій, желаетъ, вмѣстѣ съ царемъ, помочь герцогу Голштинскому въ возвращеніи его земель, и чтобъ въ Шлезвигѣ провести новый каналъ для удобства торговыхъ сношеній между Россіею и Франціею. Герцогъ Орлеанскій такъ расположенъ къ ихъ герцогу, что подарилъ ему 300,000 ливровъ. Бассевичъ домогался, чтобъ царь: во 1) выдалъ дочь свою, царевну Анну Петровну, за герцога; 2) гарантировалъ его наслѣдственныя земли, ибо Россія, какъ морская держава, не можетъ допустить Данію усилиться; 3) обѣщалъ какъ у Шведскаго народа домогаться, такъ и съ расположенными къ герцогу государями войти въ соглашеніе насчетъ обезпеченія герцогу наслѣдства Шведской короны; 4) если царь захочетъ что-нибудь уступить изъ завоеваннаго у Швеціи, то чтобъ уступилъ герцогу Голштинскому, причемъ можетъ быть постановлено секретное условіе владѣть герцогу уступленнымъ участкомъ въ званіи генералъ-губернатора, а когда сдѣлается королемъ Шведскимъ,—то возвратитъ эти земли Россіи въ вѣчное владѣніе. Самъ герцогъ объявилъ Ягужинскому, что если царское величество удостоитъ его высокой чести принятія въ кровный союзъ, то онъ безусловно предаетъ себя во всемъ въ высокую его волю, надѣясь, что тогда царское величество изволитъ поступить съ нимъ милостивѣйше, какъ съ сыномъ; герцогъ прибавилъ, что еслибъ онъ получилъ покровительство царя, то Шведы, узнавъ объ этомъ, могли бы поднять явный мятежъ, ибо у него въ Швеціи довольно друзей, которые потому только не смѣютъ обнаружить своей приверженности къ нему, что видятъ его въ безпомощномъ состояніи. О герцогѣ Мекленбургскомъ Ягужинскій писалъ въ іюлѣ: „Герцогу Мекленбургскому я предложилъ мою службу въ его дѣлахъ; однако онъ себя содержитъ очень скрытно, и, можетъ быть, не хочетъ объявить канала, который проходитъ, опасаясь, чтобъ тѣмъ дѣлу своему не повредить; а я, не зная, куда обратиться, боюсь, чтобъ не разбиться, и вмѣсто услуги, не помѣшать; герцогъ, кажется, не безнадеженъ насчетъ добраго успѣха; между тѣмъ государыня царевна Екатерина Ивановна изволитъ здѣсь пребывать весьма инкогнито".

Кромѣ этихъ дѣлъ, Ягужинскій хлопоталъ еще въ Вѣнѣ о томъ, чтобъ узнать о мѣстопребываніи бывшаго здѣсь резидента царскаго, Абрама Веселовскаго, который, будучи отосланъ отъ императорскаго Двора, не возвратился въ Россію. Ягужинскій доносилъ, что открытію мѣстопребыванія Веселовскаго и выдачѣ денегъ, оставленныхъ имъ въ Вѣнѣ, больше всего препятствуетъ графъ Шёнборнъ, „вѣдая за собою интриги, которыя онъ съ нимъ, Веселовскимъ, во время царевичева дѣла имѣлъ". — „Я пытался", писалъ Ягужинскій, „чрезъ домашнихъ Шёнборновыхъ и секретарей его, чтобъ уступкою многаго числа денегъ или его, Шёнборна, склонить, или чтобъ сказали, гдѣ деньги; но тѣ не только-что отвѣчать,—и слышать о томъ не хотѣли".

Въ августѣ Ягужинскій донесъ, что со стороны австрійскихъ министровъ обнаружена къ нему холодность; причиною вѣсти,—что царь принялъ англо-французское посредничество и вступилъ въ переговоры съ Швеціею. Императору хотѣлось быть самому единственнымъ посредникомъ при заключеніи Сѣвернаго мира, для чего онъ пригласилъ всѣхъ участниковъ въ войнѣ прислать уполномоченныхъ на Брауншвейгскій конгрессъ. Царь согласился, но въ проектѣ договора, присланномъ къ Ягужинскому, было сказано, что царь принимаетъ посредничество съ тѣмъ условіемъ, если Цесарь обѣщаетъ и обязуется свою медіацію произвесть въ дѣйство только добрыми средствами (bonis officiis), не употребляя никакого понужденія, и во всемъ прочемъ поступать такъ, какъ весьма безстрастному импарціальному медіатору принадлежитъ. Это условіе очень не понравилось въ Вѣнѣ; австрійскіе министры толковали слово: „безстрастный" такъ, что царь подозрѣваетъ въ императорѣ недоброжелательство къ Россіи, хотя императоръ своими дѣйствіями постоянно доказываетъ, что совершенно равнодушенъ къ Сѣверной войнѣ, отъ которой ему нѣтъ ни пользы, ни убытка, и только по христіанскому чувству хочетъ мира и тишины между народами. Условіе безпристрастія было, впрочемъ, принято, но не въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ въ русскомъ проектѣ, причемъ австрійскіе министры настаивали, чтобъ царь какъ можно скорѣе высылалъ своихъ уполномоченныхъ въ Брауншвейгъ, дабы отнять у другихъ державъ предлогъ уклоняться отъ конгресса. Отвѣтъ на другія статьи русскаго проекта, именно объ оборонительномъ союзѣ, откладывался, и, въ концѣ октября, Ягужинскому объявили, что о договорѣ будетъ наказано отправляемому къ царскому Двору Чешскому штатгалтеру, графу Кинскому, причемъ давали знать, что императоръ, не видя, какъ пойдетъ дѣло на Брауншвейгскомъ конгрессѣ, не можетъ вступать ни въ какія обязательства, ибо это было бы противно его значенію посредника. Ягу-

жинскій спрашивалъ министровъ, какъ относится Цесарь къ дѣлу герцога Голштинскаго. Ему отвѣчали, что Цесарь очень жалѣетъ о несчастіи герцога, и такъ горячо принялъ его сторону, что король Датскій принужденъ былъ немедленно же возвратить ему Голштинію; что же касается Шлезвига и другихъ претензій герцога, то Цесарь хочетъ ему помогать, только одинъ ничего сдѣлать не можетъ, и дѣло откладывается до конгресса. Конгрессъ не сходилъ съ языка австрійскихъ министровъ: по ихъ словамъ, стоило только царю отправить своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ, то злонамѣренныя державы уймутся отъ своихъ интригъ; король Англійскій добивался, чтобъ императоръ далъ ему инвеституру на Бременъ и Верденъ; но императоръ не согласился; изъ этого царь можетъ видѣть ясно, какъ императоръ къ нему склоненъ. Король Англійскій—главный противникъ царя, онъ все откладываетъ конгрессъ и другихъ къ тому же побуждаетъ; уже по этому одному царь долженъ поспѣшать присылкою своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ, чтобъ сдѣлать непріятность своему врагу, и, кромѣ того, можетъ сыскать пріятелей на конгрессѣ.

Въ этихъ переговорахъ прошелъ 1720 годъ и два первые мѣсяца 1721. Въ мартѣ при Вѣнскомъ Дворѣ узнали непріятную новость, что Россія, для примиренія съ Швеціею, не нуждается въ посредничествѣ Цесаря и въ Брауншвейгскомъ конгрессѣ. Этимъ оканчивалась дипломатическая борьба въ Вѣнѣ [1]). Мы видѣли, что императоръ и Англійскій король считали необходимымъ сближеніе съ Польшею, ибо только чрезъ нее можно было непосредственно дѣйствовать противъ Россіи. Русской дипломатіи поэтому нужнѣе всего было не уступать здѣсь непріятелю.

Намъ уже извѣстно, въ какихъ отношеніяхъ находилась Россія къ Польшѣ и ея королю въ 1717 году; союзъ, впрочемъ, считался продолжающимся, и, въ началѣ 1718 года, князь Григорій Ѳед. Долгорукій, находясь въ Дрезденѣ, объявилъ Августу II-му, что у Росссіи съ Швеціею должны начаться мирные переговоры, но что Брюсу велѣно только выслушать шведскія предложенія и взять ихъ на доношеніе царю, который ни въ какіе прямые трактаты безъ согласія съ его Польскимъ величествомъ не вступитъ. Король благодарилъ и говорилъ, что онъ въ этомъ не сомнѣвается по крѣпкой дружбѣ и союзу съ царскимъ величествомъ. Но, несмотря на „крѣпкую дружбу и союзъ", настоящія враждебныя отношенія высказывались при каждомъ удобномъ случаѣ. Такъ: когда Петръ потребовалъ, чтобъ Польское правительство подтвердило конвенцію его съ жителями Данцига, которые обязались пресѣчь всѣ сношенія съ Швеціею и вооружить противъ нея каперовъ, то Флеммингъ отвѣчалъ Долгорукому: „Теперь на королѣ польскихъ дѣлъ никогда не взыскивайте, потому что конфедерація, за вашимъ покровительствомъ, отняла у него всю силу. Чины Рѣчи Посполитой жаловались, что русское войско все еще не оставляетъ Польши. — „Утвердите Данцигскую конвенцію,—и оно уйдетъ", отвѣчалъ Долгорукій. Но, кромѣ Данцигской конвенціи было еще другое польское дѣло, которое царь взыскивалъ на королѣ: въ январѣ 1718 года онъ получилъ просьбу: „Бьютъ челомъ богомольцы твои отъ всѣхъ благочестивыхъ монастырей литовскихъ и бѣлорусскихъ мужскихъ и дѣвичьихъ [2]), о благочестіи святомъ, которое Поляки всеконечно хотятъ во всемъ государствѣ своемъ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ искоренить и на сеймѣ Варшавскомъ унію вездѣ конституціею укрѣпить, потому что въ государствѣ Польскомъ ни одинъ монастырь или приходская церковь въ благочестіи обрѣтается, но всѣ нуждою и насиліемъ обращены въ унію; а въ великомъ княжествѣ Литовскомъ только вышеписанные монастыри великое и нестерпимое гоненіе день ото дня и часъ отъ часу все больше терпятъ; Православіе Святое съ великою борьбою и преніемъ о вѣрѣ восточной сохраняютъ, прочіе же премногіе монастыри уже принуждены къ уніи; и если въ нынѣшнее нужное гонительное время отъ вашего царскаго величества, единаго намъ по Богѣ упованія, вскорѣ не получимъ помощи, и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ искони насажденное благочестіе вконецъ искоренится и всегдашнее о здравіи вашего величества богомоліе перестанетъ, монастыри превращены будутъ въ костелы, и намъ нужно будетъ разбѣжаться въ разныя страны отъ насилія и податей, которыми убогія обители вконецъ разоряются. Міорскій монастырь, приписной къ Кутеинскому, силою отняли на плебанію, также и Лукомскій силою взяли на унію; двоимъ іеромонахамъ головы и бороды дочиста обрили, самихъ нещадно били и, какъ мертвыхъ, за ноги изъ монастыря вытащили; одинъ изъ нихъ—Варлаамъ—оттого и умеръ". — Вслѣдствіе этой просьбы, Петръ написалъ Долгорукому: „Повелѣваемъ вамъ королю и чинамъ Рѣчи Посполитой надлежащія представленія учинить и накрѣпко домогаться, чтобъ благочестивымъ монастырямъ по мирному договору никакого отягощенія и принужденія къ принятію уніи не было; отъ чрезвычайныхъ налоговъ и поборовъ были бы они освобождены и сравнены съ другими польскими жителями; которые епископы по причинѣ благочестія изгнаны, снова были бы возвращены въ свои епархіи. Вы должны на будущемъ сеймѣ прилагать стараніе, чтобъ въ конституцію внесено и подтверждено было о свободномъ отправленіи вѣры Православной.

[1]) Дѣла Австрійскія 1718, 1719, 1720 и 1721 годовъ.

[2]) Виленскаго, Вевскаго (?), Кронскаго, Брестскаго, Слуцкаго, Минскаго, Борисовскаго, Новодворскаго, Сурдецкаго, Купятицкаго, Кутеинскаго, Буйницкаго, Мстиславскаго, Соломерецкаго, Морковскаго, Могилевскаго, Шклоскаго, Горецкаго, Полоцкаго, Друйскаго, Десенскаго, Крыжборскаго, Невельскаго, Вохорскаго, Гриневскаго, да дѣвичьихъ: Кутеинскаго же Баркалабовскаго, Мазаловскаго, Костюповскаго.

Можете самому королю, примасу и другимъ польскимъ сенаторамъ и министрамъ нашимъ именемъ объявить, что мы болѣе не можемъ терпѣть, чтобъ, въ противность договора, Православіе въ Польшѣ гонимо и до всеконечнаго искорененія приведено было, о чемъ и наша грамота къ королю и Рѣчи Посполитой отправлена. Мы заблагоразсудили имѣть особливаго человѣка для охраненія благочестія въ Польшѣ, для того отправимъ нашего нарочнаго и повелимъ ему жить въ Могилевѣ при епископѣ и охранять благочестивыя епархіи, монастыри и церкви, за нихъ у чиновъ Рѣчи Посполитой заступаться, и если удовлетворенія не получитъ, то будетъ къ вамъ обстоятельно писать".

Было еще третье непріятное дѣло съ Польскимъ королемъ. Мы видѣли, что старшая племянница царя, Анна Ивановна, была выдана замужъ за герцога Курляндскаго; но въ скорости послѣ брака молодой герцогъ умеръ, и ему наслѣдовалъ старый, неспособный и нелюбимый дядя его, Фердинандъ, послѣдній изъ Кетлеровъ. Молодая вдова, обезпеченная брачнымъ договоромъ въ Курляндіи и оставшаяся здѣсь, племянница могущественнаго царя, не могла остаться долго безъ жениховъ, тѣмъ болѣе что съ ея рукою былъ тѣсно связанъ вопросъ о Курляндскомъ наслѣдствѣ. Король Августъ предложилъ Петру выдать ее за принца Саксенъ-Вейсенфельскаго, съ обѣщаніемъ хлопотать у Рѣчи Посполитой, чтобъ она согласилась на отстраненіе Фердинанда отъ Курляндскаго престола, который займетъ принцъ Вейсенфельскій. Петръ согласился, и было положено, что король въ восемь недѣль пришлетъ ратификацію брачнаго договора. Но прошло шесть мѣсяцевъ, а ратификація не присылалась, и царю дали знать объ интригахъ Августа при Вѣнскомъ Дворѣ. Между тѣмъ Прусскій король предложилъ Петру выдать Анну за своего двоюроднаго брата, маркграфа Филиппа Бранденбургъ-Шведскаго. Видя въ сближеніи съ Бранденбургскимъ Домомъ гораздо болѣе выгоды, чѣмъ съ Саксонскимъ; опасаясь, чтобъ Августъ не провелъ и тѣмъ „не учинилъ афронту племянницѣ", и зная, что Прусскій король имѣетъ многія и справедливыя претензіи на герцогскія имѣнія въ Курляндіи и многія изъ нихъ у него въ залогѣ,—Петръ принялъ предложеніе и не хотѣлъ перемѣнить своего намѣренія и тогда, когда министръ короля Августа въ Петербургѣ, баронъ Лосъ, объявилъ, что ратификація его государя получена имъ. Августъ II-й оскорбился, тѣмъ болѣе что ему было очень тяжело передать Курляндію во враждебный Бранденбургскій Домъ. Когда Лосъ сталъ дѣлать выговоры царскимъ министрамъ, то ему отвѣчали, что „царское величество воленъ въ своемъ домашнемъ дѣлѣ сдѣлать по своей волѣ", и что о Курляндскомъ наслѣдствѣ въ договорѣ съ Прусскимъ Дворомъ ничего не постановлено.

Долгорукій доносилъ, что въ Польшѣ становится трудно. Король Августъ сближается съ Австріею, сватаетъ сына своего за эрцъ-герцогиню; Цесарь, заключивъ миръ съ Турками, хочетъ вытѣснять русскія войска изъ Мекленбурга и принуждать царя; къ Сѣверному миру, хочетъ поджигать Польскій сеймъ противъ Россіи, и вообще всякой противности во всѣхъ сторонахъ царю ищетъ; Поляки страшно озлоблены на Россію за частые переходы ея войскъ чрезъ ихъ земли, и ведутъ частыя сношенія съ Турками и Татарами. Французскій посланникъ, Безанваль, говорилъ Долгорукому, что надобно остерегаться Цесаря, который конечно старается поднять Турокъ и Поляковъ противъ Россіи. Изъ желанія служить царскому величеству, Безанваль совѣтовалъ обходиться съ Поляками поласковѣе, чтобъ не оттолкнуть ихъ къ Австріи. Княгиня Рагоци разсказывала Долгорукому, что Поляки часто совѣтуются, какъ бы начать сопротивленіе противъ русскихъ войскъ. „Подтверждаю", писалъ Долгорукій, „что теперь въ Полякахъ къ вашему величеству есть великая перемѣна,—и доброжелательные удаляются". Коронный канцлеръ Шембекъ, увѣряя въ своей преданности царю, говорилъ Долгорукому, что царь всю прежнюю дружбу, труды и разоренія короля и Рѣчи Посполитой забылъ, положился во всемъ на новыхъ безполезныхъ друзей, Францію и короля Прусскаго. Прусскій король и такъ ни за что получилъ Померанію. Эта дружба Цесарю и всѣмъ другимъ державамъ внушаетъ подозрѣніе, а Рѣчь Посполитая все болѣе и болѣе разоряется русскими войсками, которыя чрезъ земли короля Прусскаго проходятъ на своемъ пропитаніи и этимъ обогащаютъ его подданныхъ, а въ Польшѣ все даромъ берутъ. И теперь генералъ князь Репнинъ уже отъ своей границы повернулъ назадъ и подошелъ къ Данцигу, а король и Рѣчь Посполитая ни мало не виноваты въ томъ, что не могутъ, по правамъ, безъ сейма утвердить Данцигской конвенціи. Трактатъ Курляндскій съ принцемъ Вейсенфельскимъ отвергнутъ, чѣмъ король на весь свѣтъ опозоренъ, а Рѣчь Посполитая, всегда боявшаяся Пруссіи со стороны Курляндской, думаетъ, что этимъ способомъ царское величество желаетъ оторвать Курляндію отъ Польши и передать Пруссіи. Маркграфу Бранденбургскому стать герцогомъ Курляндскимъ Рѣчь Посполитая никогда не позволитъ; а принца Вейсенфельса не только Курляндцы желаютъ, но и всѣ Поляки его любятъ.—Безанваль внушалъ, что Дворъ Саксонскій хлопочетъ у Двора Цесарскаго о передачѣ Польскаго престола сыну Августа II-го; оба Двора хотятъ ссорить Поляковъ съ царемъ, и хотятъ раздѣлить Польшу между собою; что, при нынѣшнемъ мирномъ трактатѣ у Цесаря съ Турками, цесарскіе министры возбуждали Порту противъ Россіи, о чемъ и теперь стараются. Король Августъ затѣмъ же отправилъ отъ себя въ Константинополь Француза Ламака. Шведскому королю Дворы Вѣнскій, Англійскій и Голландцы предлагаютъ, чтобъ не заключалъ мира съ Россіею, обѣщая помочь ему возвратить всѣ завоеванія царя.—Долгорукій не нашелъ другого способа противо

дѣйствовать враждебнымъ движеніямъ, какъ разглашать подъ рукою, что русскія войска присланы въ Польшу не для одного исполненія Данцигской конвенціи, но больше для пользы Рѣчи Посполитой, потому что король Августъ посредствомъ Вѣнскаго Двора хочетъ сдѣлать сына преемникомъ своимъ въ Польшѣ. Долгорукій просилъ царя прислать подарковъ, „понеже въ такомъ случаѣ безъ того быть невозможно".

„Внушайте Полякамъ", писалъ царь Долгорукому, „что мы о противныхъ намѣреніяхъ короля ихъ и Цесаря хорошо извѣстны; нашъ общій съ Рѣчью Посполитою интересъ не можетъ допустить ихъ до исполненія своихъ намѣреній; для этого мы и держимъ въ Польшѣ Репнинскій корпусъ, и если увидимъ умноженіе опасности, то будемъ принуждены и еще знатное число войскъ нашихъ въ Польшу ввесть, и уже велѣли имъ приблизиться къ польскимъ границамъ. Обнадежьте всѣхъ, что мы съ королемъ Шведскимъ безъ включенія Рѣчи Посполитой мира не заключимъ; былъ бы допущенъ и королевскій полномочный министръ на конгрессъ, если бы былъ Полякъ, а не Саксонецъ, и имѣлъ свое полномочіе отъ Рѣчи Посполитой. Примите заранѣе свои мѣры, чтобъ будущій сеймъ разорвался; чтобъ на немъ ничего не было постановлено ко вреду нашему и по желанію королевскому и цесарскому подущенію. Соболей и камокъ на раздачу вамъ пришлемъ на двѣ тысячи рублей. О Курляндскомъ дѣлѣ внушайте, что я отстранилъ бракъ принца Вейсенфельскаго именно потому, что узналъ о вредныхъ замыслахъ короля Августа насчетъ наслѣдственности Саксонской династіи въ Польшѣ, а принцъ Вейсенфельскій королю — свой; относительно же Бранденбургскаго брака договорено, чтобъ Курляндіи быть всегда безпрекословно подъ протекціею короля и Рѣчи Посполитой, подъ правительствомъ особеннаго герцога. Для собственнаго вашего свѣдѣнія объявляемъ, что мы держимъ войска въ Польшѣ для предостереженія замысловъ короля Августа и Цесаря противъ насъ и короля Прусскаго, особенно, чтобъ король Прусскій, испугавшись войскъ цесарскихъ, не отсталъ отъ насъ; и — такъ крайняя нужда требуетъ, чтобъ наши войска еще нѣсколько времени въ Польшѣ постояли, пока мы увидимъ, чѣмъ кончатся переговоры на Аландѣ. Мы отовсюду получаемъ извѣстія, что король Августъ на насъ очень злобенъ за то, что мы никакъ не вошли въ его планъ раздѣла Польши или установленія въ ней самодержавія, даже не согласились признать наслѣдственность Саксонской династіи въ Польшѣ, о чемъ его министры намъ безпрестанныя предложенія дѣлали; еще недавно баронъ Лосъ предлагалъ намъ выдать племянницу или дочь нашу за сына королевскаго".

Въ началѣ октября начался сеймъ въ Гроднѣ, куда за королемъ отправился и Долгорукій. Дѣло началось дурно; поднялись страшные крики противъ русскихъ войскъ; грозили посполитымъ рушеньемъ. Долгорукій писалъ царю: „Если бы при нынѣшнемъ случаѣ не было въ Прусахъ нашихъ войскъ, то я въ Полякахъ никогда бы не сомнѣвался; не только Цесарь или Порта, но и король не могъ бы ничего сдѣлать, и на-вѣки были бы Поляки наши пріятели; а теперь очень сомнительно, не было бы посполитаго рушенья и не приняли бы Поляки какой-нибудь протекціи, враждебной намъ, потому что нѣтъ ни одного человѣка, кому бы не были противны наши войска, что королевскому интересу великая помощь. Зная о всѣхъ внушеніяхъ Полякамъ, король изволитъ на меня смотрѣть немилосердымъ окомъ; приватной аудіенціи мнѣ не далъ, — велѣлъ сказать, что при нынѣшнемъ случаѣ со мною секретно говорить не можетъ; если у меня есть какое дѣло, чтобъ я говорилъ публично при всей Рѣчи Посполитой. Разорвать сеймъ очень трудно, потому что ни къ какимъ другимъ дѣламъ не хотятъ приступить, пока наши войска не будутъ выведены; всѣ наши доброжелатели и гетманы опасаются со мною секретно говорить, и ко мнѣ съ визитомъ боятся ѣздить, ибо послы сеймовые кричатъ, что они виноваты въ присутствіи русскихъ войскъ въ Польшѣ и что за это берутъ отъ царя пенсіи. Когда я бываю при Дворѣ, то за мною ходятъ шпіоны, все подслушиваютъ и не допускаютъ Поляковъ говорить со мною секретно; а когда къ кому-нибудь пріѣду, то непремѣнно въ то же время пріѣдетъ и кто-нибудь съ королевской стороны". Подать представленіе насчетъ гоненія на Православныхъ Долгорукій не имѣлъ возможности.

На сеймѣ рѣшили отправить царю письмо съ просьбою, чтобъ велѣлъ вывести свои войска изъ Польши. Король добивался, чтобъ опредѣлено было заранѣе посполитое рушенье, и когда пришлется неудовлетворительный отвѣтъ отъ царя, то король имѣлъ бы право немедленно же назначить время и мѣсто для сбора; но встрѣтилъ сопротивленіе, особенно со стороны Литвы и Волыни, которыя требовали ждать царскаго отвѣта, и если придетъ отвѣтъ благопріятный, то и посполитое рушенье не нужно; если же неблагопріятный, — то пусть король соберетъ экстраординарную конную раду, на которой и опредѣлено будетъ посполитое рушенье. Приближался срокъ сейму, 3 ноября. Долгорукій подкупилъ посла Ошмянскаго повѣта Корбута, который наканунѣ срока прокричалъ свое: „Не позволямъ", и скрылся въ монастырѣ; король и его приверженцы деньгами и обѣщаніемъ уговорили Корбута, и, 3 ноября, въ послѣдній день, привезли въ каретѣ на сеймъ. Здѣсь король, не вставая, сидѣлъ день и ночь и половину другого дня, заперши ставни у оконъ, безъ свѣчъ, и такимъ образомъ изъ двухъ дней и ночи сдѣлали одинъ день; многіе послы спали, многіе ушли. Рѣшили сеймъ отложить, но срокъ и мѣсто отдали въ королевскую волю; также дали ему право, смотря по обстоятельствамъ, созвать посполитое рушенье. „Я никогда въ Польшѣ короля такимъ сильнымъ и владѣтельнымъ не видалъ, какъ на нынѣшнемъ сеймѣ", писалъ Долгорукій: „точно самодержецъ!

Но если изволите милостиво на прошеніе о выводѣ войскъ отвѣчать, то, думаю, не только посполитаго рушенья,—и сейма не будетъ, и не вижу, чтобъ могъ король противъ вашего величества что въ Польшѣ сдѣлать".

Самодержавіе Августа II-го въ Польшѣ скоро оказалось. Тайно ночью пріѣхалъ къ Долгорукому гетманъ польный Литовскій Денгофъ, который, именемъ всѣхъ своихъ товарищей гетмановъ, объявилъ, что они давно сами хотѣли съ нимъ видѣться, только король запретилъ бывать у него въ продолженіи сейма: видятъ они многіе королевскіе поступки, противные ихъ вольности и правамъ; видятъ, что онъ старается сдѣлать сына своимъ наслѣдникомъ посредствомъ Австрійскаго Двора, и что теперь не только другіе, но и они, гетманы, стали безсильны; поэтому просятъ они высокой протекціи царскаго величества, ибо если они впередъ болѣе того усмотрятъ, то хотятъ составить конфедерацію, на которую согласны и другія знатныя фамиліи, Потоцкіе, Сапѣги, чтобъ царское величество изволилъ начертать планъ дѣйствія. Для повѣрки словъ Денгофа, Долгорукій видѣлся съ гетманомъ Потѣемъ, и тотъ подтвердилъ ему то же самое, прося убѣдительно, чтобъ государь велѣлъ вывести войска свои изъ Польши, ибо тогда ни одинъ Полякъ не станетъ на сторонѣ королевской противъ Россіи".

Въ декабря царь прислалъ отвѣтъ на прошеніе сейма, что велѣлъ князю Репнину вывести свой корпусъ изъ Польши. „Король", писалъ Долгорукій, „всѣмъ показываетъ довольное лицо по поводу этого отвѣта; но внутри у него другое". Король жалѣлъ, что не удалось ему поднять посполитое рушеніе. Но рушеніе поднималось въ другомъ смыслѣ: къ царю обращалось за покровительствомъ Православное духовенство, притѣсняемое Католиками; къ нему обращались гетманы, которые жаловались, что стали безсильны; къ нему обратились и Лютеране, притѣсняемые въ отправленіи своей вѣры; знаменитый диссидентскій вопросъ, имѣвшій такое значеніе въ исторіи паденія Польши, начинался уже теперь. Въ сентябрѣ 1718 года польскіе Протестанты обратились къ царю съ просьбою защитить ихъ отъ гоненій. Они писали: „Не только мы, но и вся старая Русь подразумѣвается подъ именемъ диссидентовъ, и вмѣстѣ съ нами подвергается гоненію: такъ много церквей, епископовъ, монастырей отпало, и почти вся шляхта русская отъ своего закона отступила, не имѣя доступу къ должностямъ по причинѣ своего благочестія. Такъ какъ теперь дошли дотого, что и самого короля духовенство не слушаетъ и на грамоты его не смотрятъ, то никто насъ не осудитъ, что мы прибѣгаемъ къ вашему царскому величеству, ибо вы посредникъ между королемъ и Рѣчью Посполитою и виновникъ общаго мира, и тѣмъ, которые терпятъ насиліе, не имѣютъ покоя, которыхъ права и привилегіи уничтожаются, не только вольно, но и должно прибѣгать къ вашему величеству".

Гетманы и диссиденты обращались въ Петербургъ; король Августъ съ своимъ Флеммингомъ обращались въ Вѣну хлопотать о заключенія тройнаго союза между императоромъ и королями Англійскимъ и Польскимъ. Доброжелательствующій Россіи стражникъ коронный Потоцкій сообщилъ Долгорукому, что король, заключивъ этотъ союзъ, будетъ стараться вовлечь въ него и Рѣчь Посполитую; надѣется, что и король Прусскій будетъ скоро членомъ союза,—говоритъ, что союзъ этотъ угоденъ будетъ всѣмъ въ Европѣ, когда увидятъ, что посредствомъ него царь будетъ отодвинутъ отъ береговъ Балтійскаго моря и въ европейскія дѣла такъ далеко вмѣшиваться не будетъ. Долгорукій доносилъ: „Я, какъ возможно, всѣ противные замыслы королевскіе Полякамъ объявляю, что онъ съ Цесаремъ и Англійскимъ королемъ союзъ заключилъ, чтобъ сына своего сдѣлать наслѣдникомъ въ Польшѣ, а потомъ быть „абсолютомъ", и если Рѣчь Посполитая не будетъ имѣть покровительства вашего величества, то конечно король всю свою волю исполнитъ, отчего не только принципалы польскіе, но и многіе изъ шляхты въ великомъ размышленіи. Извольте, государь, какъ возможно, Дворъ Берлинскій удерживать, потому что здѣшній король и его креатуры ищутъ всѣми мѣрами оторвать его отъ вашего величества; также извольте кого-нибудь къ Портѣ, забѣгая, послать, чтобъ постоянно содержала миръ съ вашимъ величествомъ. Извольте, государь, нынѣ въ интересахъ нашихъ бодро смотрѣть, и всего нужнѣе Поляковъ при своей сторонѣ держать; думаю, не худо бы чрезъ какова корреспондента и въ Испаніи о союзѣ отозваться; а я о томъ здѣсь за секретъ корреспондентамъ кардинала Алберони говорилъ писать, чтобъ съ Цесаремъ скоро не мирились и съ вашимъ величествомъ искали союза; они мнѣ обѣщали писать и думаютъ, что король Испанскій не только будетъ искать союза съ Россіею, но и большими субсидіями на войска станетъ ссужать". Флеммингъ, устроившій въ Вѣнѣ тройной союзъ, говорилъ, по возвращеніи своемъ, Долгорукому: „При Дворѣ царскаго величества я вымалеванъ какъ Муринъ (Негръ) напрасно, потому что всегда служилъ царскому величеству вѣрно, какъ своему королю, и теперь въ предосужденіе царскому величеству ничего не дѣлалъ; по дѣламъ своимъ я свѣтелъ, а не теменъ, и король съ царскимъ величествомъ всегда желаетъ содержать прежнюю дружбу, только равную братскую, а не повелительную".—„Царское величество", отвѣчалъ Долгорукій, „всегда имѣлъ и теперь желаетъ имѣть съ королемъ братскую равную дружбу, а повелителемъ никогда не былъ и теперь того желать не изволитъ; а ваши дѣла какъ будутъ свѣтлы предъ царскимъ величествомъ, это скоро покажетъ время".

Доказательства не замедлили. Польскіе министры

объявили Долгорукому, что король и Рѣчь Посполитая не могутъ никого по смерти герцога Фердинанда допустить на Курляндскій престолъ, и непремѣнно намѣрены раздѣлить Курляндію на воеводства и слить съ Польшею, на что имѣютъ полное право, и воспрепятствовать въ этомъ никто имъ не можетъ. Примасъ объявилъ, что если царь не будетъ отдавать Курляндію маркграфу Бранденбургъ-Шведскому за дружбу Прусскаго короля, то Рѣчь Посполитая всегда будетъ въ союзѣ съ Россіею, а царское величество будетъ имѣть протекторомъ, потому что Прусскій Дворъ болѣе всѣхъ опасенъ Польшѣ, особенно теперь, когда у него такъ много войска. Между тѣмъ, король велъ контръ-мину противъ Долгорукаго, разглашая, что царь нарочно возбуждаетъ всѣми мѣрами Рѣчь Посполитую противъ него, Августа, чтобъ можно было ему всегда свои войска на польскомъ хлѣбѣ содержать. Долгорукій, въ свою очередь, разглашалъ, что самое пламенное желаніе короля—поссорить Рѣчь Посполитую съ Россіею, чтобъ подъ этимъ предлогомъ ввести въ Польшу войска свои и чужія, и мало-по-малу утвердить наслѣдственное и неограниченное правленіе. Послѣднія внушенія сильно дѣйствовали: Потоцкій (епископъ Варминскій), Любомирскій (подкоморій коронный), Сапѣга (писарь Литовскій) и другіе паны допытывались у Долгорукаго: какого рода отношенія между Россіею и Пруссіею; можно ли имъ надѣяться на помощь послѣдней, если ихъ король и Цесарь что-нибудь начнутъ въ Польшѣ? Долгорукій отвѣчалъ, чтобъ были благонадежны, ждали помощи отъ обоихъ Дворовъ, и не боялись какого-либо ущерба для себя: царь ручается, что ни самъ ничего не возьметъ изъ польскихъ владѣній, ни другому не дастъ. „Король", доносилъ Долгорукій, „великими деньгами и раздачею вакантныхъ мѣстъ многихъ къ своей сторонѣ приводитъ, а намъ такъ прежде времени дѣлать убыточно; довольно было бы, еслибъ я могъ сблизиться съ ними, бывать въ компаніи и чаще къ себѣ звать; но мнѣ изъ жалованья своего такую фигуру имѣть трудно: изволите сами вѣдать, какіе они расходы на одномъ венгерскомъ винѣ употребляютъ".

Въ августѣ мѣсяцѣ, тайно ночью, явился къ Долгорукому гость: тотъ самый Грудзинскій, староста Равскій, который въ Великой Польшѣ разбилъ Кіевскій полкъ, по оплошности полковника Гордона. Грудзинскій объявилъ, что присланъ своимъ принципаломъ, Сапѣгою, старостою Бобруйскимъ, который желаетъ быть въ службѣ подъ протекціею царскаго величества, какъ прежде служилъ королю Шведскому. Причиною было то, что Австрійское правительство, „по природной гордости нѣмецкой и ненасытной хищности", какъ выражался Сапѣга, отобрало пограничныя земли, ему принадлежавшія.

Между тѣмъ король Августъ отпраздновалъ свадьбу сына своего на эрцъ-герцогинѣ, племянницѣ императора, и бывшимъ у него въ Дрезденѣ панамъ сталъ внушать, какъ выгодно будетъ Польшѣ, съ цѣлію охранить себя отъ властолюбивыхъ замысловъ Россіи, войти въ оборонительный союзъ съ императоромъ и королемъ Англійскимъ, заключенный имъ, Августомъ, въ Вѣнѣ; но паны отмолчались и между собою толковали, что союзъ и дружба нѣмецкая имъ подозрительны, и что нельзя допускать короля до разрыва съ Россіею. Изъ пановъ Долгорукій особенно дорожилъ Потоцкимъ, стражникомъ короннымъ, которому и далъ 2,000 червонныхъ; Потоцкій принялъ деньги за великую милость, но боялся тратить ихъ, потому что червонцы были русскіе. Разнесся слухъ, что царь прислалъ деньги и женѣ стражника короннаго; тогда гетманша Синявская приступила къ Долгорукому, чтобъ и ей возобновлена была прежняя ежегодная дача по семи тысячъ рублей.

Въ Петербургѣ безпокоило молчаніе сильнѣйшихъ людей въ Рѣчи Посполитой, гетмановъ, послѣ того какъ Литовскій польный гетманъ Денгофъ такъ сильно высказался противъ короля Долгорукому. Въ Польшу отправленъ былъ полковникъ Димитрій Еропкинъ, съ цѣлію вывѣдать расположеніе гетмановъ и указать на враждебные замыслы короля. Еропкинъ прежде всего свидѣлся тайкомъ съ Денгофомъ въ деревнѣ недалеко отъ Вильны. Гетманъ объявилъ, что онъ неотмѣнно остается при намѣреніи, объявленномъ князю Долгорукому, но еще нѣтъ повода къ начатію дѣла, да и нельзя начать безъ сейма. Флеммингъ публично объявилъ предъ многими сенаторами, что онъ заключилъ союзъ съ Цесаремъ и королемъ Англійскимъ только отъ одной Саксоніи, а не отъ короля Польскаго и Рѣчи Посполитой. Если бы король съ своими союзниками и хотѣлъ начать войну съ Россіею, то Корона и Литва этого никакъ не позволятъ, и чуть что-нибудь обнаружится, то немедленно будетъ прислана отъ нихъ къ царю просьба о покровительствѣ; а теперь прежде времени ничего начинать не слѣдуетъ. О гетманѣ великомъ коронномъ Синявскомъ Денгофъ посекрету объявилъ Еропкину, что жена его склонна къ королю; о гетманѣ великомъ Литовскомъ Потѣѣ сказалъ, что онъ совершенно при королевской сторонѣ, и ѣздить къ нему не надобно, или, по крайней мѣрѣ, говорить не очень откровенно. „Но пусть царское величество будетъ благонадеженъ", говорилъ Денгофъ: „воевать мы съ Россіею не станемъ; если царское величество имѣлъ отъ короля прежде какіе проекты, клонящіеся къ поврежденію Рѣчи Посполитой, то приказалъ бы ихъ публиковать, чтобъ этимъ привести короля въ большую ненависть и скорѣе устроить конфедерацію; русскія войска должны быть на границахъ, чтобъ быть готовыми въ случаѣ надобности". Взаключеніе Денгофъ жаловался, что всѣ письма къ нимъ съ почты приходятъ распечатанныя. Еропкинъ предложилъ ему 2,000 червонныхъ; гетманъ отказался; тогда Еропкинъ отдалъ ихъ духовнику его для передачи гетману, и при другомъ свиданіи Денгофъ благода-

рилъ царское величество за милость и увѣрялъ въ своей вѣрной службѣ.

Потѣя Еропкинъ нашелъ въ имѣніи его недалеко отъ Люблина. И великій гетманъ объявилъ, что они не допустятъ короля ни до войны съ Россіею, ни до наслѣдственности; обнадеживалъ, что гетманъ Синявскій находится неотмѣнно при сторонѣ царскаго величества, а польный коронный гетманъ Ржевускій подозрителенъ, потому что очень друженъ съ канцлеромъ короннымъ. Въ мѣстечкѣ Любомлѣ видѣлся Еропкинъ съ Ржевускимъ и получилъ отъ него тѣ же самыя заявленія. Къ Синявскому во Львовъ Ржевускій ѣздить не совѣтовалъ, потому что тамъ большое стеченіе народа и пріѣздъ русскаго агента можетъ повредить всѣмъ гетманамъ, за которыми зорко смотрятъ. Ржевускій объявилъ, что если Еропкинъ поѣдетъ къ Синявскому, то онъ, Ржевускій, принужденъ будетъ писать къ Двору королевскому, съ чѣмъ онъ былъ къ нему присланъ, ибо не хочетъ преждевременно возбудить противъ себя ненависть въ королѣ, а Синявскій, по склонности своей къ королю, непремѣнно напишетъ. Еропкинъ не поѣхалъ во Львовъ.

Сеймъ, бывшій въ началѣ 1720 года, разорвался на вопросѣ объ отобраніи у фельдмаршала Флемминга регулярныхъ польскихъ войскъ и о порученіи ихъ попрежнему гетманамъ. „Думаю“, писалъ Долгорукій, „что на будущемъ сеймѣ войска у Флемминга отберутъ; хотя король и особенно Флеммингъ сильно ухаживаютъ за гетманами, однако послѣдніе не думаютъ имъ уступать, и всѣ четверо находятся между собою въ большомъ небываломъ согласіи; я ихъ вашего величества милостію и покровительствомъ накрѣпко обнадежилъ, такъ что они короля не боятся, и вся Рѣчь Посполитая, довольная согласіемъ гетмановъ, такъ же короля не боится“. Но король долженъ былъ приготовиться къ борьбѣ на будущемъ сеймѣ, и Долгорукій писалъ царю: „Король хочетъ послать секретно отъ себя на сеймики великія деньги, дабы прежнихъ пословъ, доброжелательныхъ вашему величеству, на будущій сеймъ не выбирали, а выбирали бы его приверженцевъ. Говорятъ, что на будущій сеймъ изъ Англіи и отъ другихъ Дворовъ будутъ высланы большія деньги, которыми интересъ вашего величества хотятъ ниспровергнуть; и хотя наши доброжелатели и обнадеживаютъ меня, однако сомнительно, чтобъ деньги не подѣйствовали: сами изволите знать, какъ Поляки къ взяткамъ склонны и какое въ нихъ постоянство. Въ такое нужное время надобно, чтобъ и я здѣсь былъ не безъ силы; извѣстно вашему величеству, какая сумма ко мнѣ къ прошлому сейму прислана; но изъ тѣхъ 10,000 червонныхъ еще предъ сеймомъ далъ стражнику Потоцкому 2,000, и тѣмъ всѣ королевскія противныя дѣла на сеймѣ опровергъ и вашего величества интересъ удержалъ. Не изволите ли что въ запасъ прислать, также и для подарковъ изъ нарочитыхъ китайскихъ вещей“.

Но король Августъ старался подкапывать русское вліяніе не одними деньгами: по всей Польшѣ было разглашено, что царь принялъ медіацію короля Англійскаго для мира съ Швеціею, и положено Ревель уступить послѣдней, за что Россіи хотятъ отдать какую-нибудь польскую провинцію. „Король“, писалъ Долгорукій, „гдѣ меня увидитъ, не можетъ смотрѣть, отворачивается, публично свой гнѣвъ являетъ; отъ многихъ слышу, будто на сеймѣ хочетъ усильно стараться, чтобъ меня отъ Двора отослать; но я больше всего боюсь, чтобъ внезапно не побралъ у меня писемъ, которыя могутъ великій вредъ сдѣлать“. Между тѣмъ Долгорукій дѣлалъ вредъ королю, перезывая изъ его службы въ русскую Миниха. „Говорилъ я“, доносилъ Долгорукій, „генералъ-майору Миниху, командующему коронными регулярными войсками, чтобъ принялъ службу вашего величества, понеже онъ человѣкъ изрядный и зѣло неглупый, войско не токмо рекрутовалъ, но и мундиромъ убиралъ и училъ, и въ инженерномъ дѣлѣ лучше его въ королевской службѣ нѣтъ, также и архитектъ изрядный, котораго я видѣлъ въ практикѣ, какъ дѣлалъ домъ маршалка короннаго, который новой моды и между лучшими въ Варшавѣ. Минихъ мнѣ отвѣчалъ, что принимаетъ для себя великое счастіе быть въ службѣ вашего величества, а въ здѣшней службѣ ему своихъ наукъ практиковать невозможно, можетъ все забыть и на милость королевскую не можетъ надѣяться, потому что Флеммингъ является ему главнымъ непріятелемъ“.

Между тѣмъ король Августъ отправилъ въ Петербургъ полномочнаго посла Хоментовскаго, воеводу Мазовецкаго, одного изъ своихъ приверженцевъ. Въ то время, когда король Августъ, какъ курфирстъ Саксонскій, уже заключилъ прелиминарный мирный договоръ съ Швеціей, посолъ его явился въ Петербургъ съ требованіемъ выговоренныхъ по прежнимъ договорамъ субсидій и съ требованіемъ Ливоніи. На первое требованіе ему отвѣчали, что субсидіи царь обязался давать на дѣйствующія противъ общаго непріятеля войска, а гдѣ войска королевскія дѣйствуютъ противъ Шведовъ? Относительно Ливоніи отвѣчали: царское величество дѣйствительно обѣщалъ уступить Лифляндію королю и Рѣчи Посполитой, и отъ этого обѣщанія никогда не отрекался и теперь не отрекается, и отдалъ бы Ригу немедленно, еслибъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ могъ это сдѣлать безопасно. Но всему свѣту извѣстно, какимъ образомъ прочіе сѣверные союзники отступили отъ союза съ царскимъ величествомъ, и не только съ короною Шведскою заключили партикулярный миръ съ исключеніемъ Россіи, но король Великобританскій обязался помогать Швеціи въ возвращеніи ей завоеванныхъ царскимъ величествомъ провинцій; также извѣстно, какъ съ непріятельской стороны дѣлаются приготовленія, чтобъ заставить Россію возвратить Ливонію Швеціи. Но этого мало: король Польскій, вопреки договорамъ и обна-

деживаніямъ, заключилъ прелиминарный трактатъ съ Швеціей, въ которомъ выговорено, что Оливскій мирный трактатъ подтверждается во всѣхъ его статьяхъ; а по Оливскому трактату, Рига и Ливонія должны оставаться за Швеціей. Кромѣ того, въ своемъ прелиминарномъ договорѣ, Польскій король обязался вмѣстѣ съ Швеціею употребить всѣ способы для прекращенія сѣверныхъ несогласій; это обязательство могло быть заключено только противъ Россіи, которая одна осталась въ войнѣ съ Швеціей. Ясно, что король, требуя Ливонію отъ царскаго величества, не можетъ имѣть другого намѣренія, какъ возвратить ее Швеціи въ исполненіе подтвержденнаго Оливскаго договора; но царское величество никакъ не можетъ на это согласиться, имѣя въ виду какъ безопасность собственныхъ владѣній, такъ и безопасность союзной Рѣчи Посполитой. Возраженіе, что прелиминарный договоръ заключенъ королемъ только какъ курфирстомъ Саксонскимъ, и Ливонія должна быть отдана Польшѣ,—не имѣетъ значенія, потому что въ договорѣ говорится объ Оливскомъ трактатѣ, который до Саксоніи нисколько не касается, ибо заключенъ между Польшею и Швеціей. Царское величество никогда не отречется отъ своего обязательства уступить Ливонію Рѣчи Посполитой, если послѣдняя твердо и нерушимо пребудетъ въ союзѣ съ Россіей.

Отвѣтивъ на требованія Хоментовскаго, царскіе министры представили ему свои требованія: „Извѣстно, какимъ образомъ по договорамъ надлежитъ содержать находящихся въ Польшѣ и Литвѣ людей Греческаго исповѣданія, и какъ ихъ содержатъ теперь, какое имъ тамъ великое притѣсненіе, гоненіе и принужденіе къ уніи. Епископъ Луцкій Кириллъ Шумлянскій, когда послѣ посвященія въ Кіевѣ прибылъ на свою епархію, то подвергся жестокому гоненію и принужденъ былъ возвратиться въ Кіевъ; король, несмотря на то, что подтвердилъ его избраніе своимъ универсаломъ, выдалъ новый универсалъ, запрещавшій признавать Кирилла Луцкимъ епископомъ на томъ основаніи, что онъ поставленъ въ Кіевѣ. Въ 1712 году отправлена была къ королю грамота, въ которой царское величество просилъ о возстановленіи Шумлянскаго, согласно съ договорами; но на эту грамоту до сихъ поръ не было отвѣта. Шумлянскій живетъ въ Кіевѣ и получаетъ пропитаніе отъ царскаго величества, потому что въ Польшѣ отняты у него и отцовскія маетности. Гоненіе на людей Греческаго исповѣданія продолжается и въ другихъ мѣстахъ. Вмѣсто опредѣленныхъ по договорамъ четырехъ епископій Греческаго исповѣданія, остался одинъ епископъ въ Могилевѣ—Бѣлорусскій, князь Четвертинскій, да и въ этомъ Бѣлорусскомъ епископствѣ церкви насиліями обращаются къ уніи. За 25 лѣтъ предъ симъ приписной къ оршанскому Кутеинскому монастырю Міорскій монастырь окольною шляхтою обращенъ насильно въ унію. Въ 1714 году въ Мстиславскомъ воеводствѣ, въ селѣ Шамовѣ, шляхтичъ Шпилевскій, угрожая священнику жестокими побоями и отнятіемъ имѣнія, обратилъ въ унію церковь Петропавловскую. Въ 1715 году въ Оршанскомъ повѣтѣ князь Лукомскій, пріѣхавъ въ Лукомскій же монастырь, схватилъ игумена Варлаама и другого іеромонаха, обрилъ имъ головы, бороды и усы, и, послѣ жестокихъ побоевъ, велѣлъ вытащить за ноги изъ монастыря, отчего игуменъ и умеръ, а монастырь отданъ былъ уніатамъ. Съ 1715 по 1720 годъ обращено было въ унію въ мѣстечкахъ Невлѣ, Себежѣ и Копосѣ сорокъ церквей; въ экономіи Могилевской—пять церквей; въ маетностяхъ каштеляна Витебскаго, Огинскаго,—пять церквей; въ повѣтѣ Оршанскомъ—двадцать церквей; за́мковая гомельская церковь Св. Николая обращена въ уніатскую мачихою старосты Гомельскаго Красинскаго, и протопопъ Греческаго исповѣданія выгнанъ. Недавно, въ февралѣ нынѣшняго 1720 года, въ Мстиславлѣ ксендзы и шляхта ворвались въ замковую Николаевскую церковь, сбросили съ престола сосуды съ запасными Дарами, и стали устраивать посвоему; но когда народъ Греческаго исповѣданія сбѣжался къ церкви, то ксендзы, послѣ сильнаго сопротивленія, должны были оставить церковь. По воеводствамъ литовскимъ разъѣзжаетъ уніатскій митрополитъ Кишка и принуждаетъ къ уніи духовенство Греческаго исповѣданія. Въ Польшѣ и Литвѣ духовенству Греческаго исповѣданіе запрещено созывать соборы; епископы не допускаются въ сенатъ; шляхта не только не допускается въ сенатъ, но и на сеймы въ послахъ и ни въ какія другія коммисіи, а мѣщане—въ магистратскія и другія должности. Царское величество требуетъ, чтобъ означенные епархіи, монастыри и церкви были возвращены людямъ Греческаго исповѣданія, которымъ должно быть также позволено строить новые монастыри и церкви; чтобы возвращены были и тѣ епископіи, монастыри и церкви, которыхъ начальное духовенство самовольно приняло унію; и впредь, если кто-нибудь изъ начальныхъ духовныхъ лицъ или священниковъ обратится въ унію или католицизмъ, то ихъ епархіи, монастыри и церкви по этому случаю не отнимаются у людей Греческаго исповѣданія, потому что епархіи, монастыри и церкви не принадлежатъ этимъ лицамъ въ собственность. Кто силою обращенъ въ унію и захочетъ принадлежать Греческому исповѣданію, тотъ можетъ перейти безпрепятственно. Кто станетъ впередъ дѣлать препятствіе при отправленіи Греко-Россійскаго богослуженія, тотъ подвергается суду и наказанію по законамъ. Должны быть позволены соборы духовные и мірскіе, для интересовъ Греческаго исповѣданія созываемые; чтобъ позволено было епископамъ Греческаго исповѣданія засѣдать въ сенатѣ; чтобъ шляхта и мѣщане допускались ко всѣмъ должностямъ наравнѣ съ Католиками и уніатами; чтобъ имѣнія архіерейскія, монастырскія и церковныя не подвергались лишнимъ налогамъ; чтобы тяжбы духовныхъ лицъ Греческаго

исповѣданія судились предъ обыкновенными судами; чтобы все означенное въ этихъ требованіяхъ внесено было въ конституцію на будущемъ сеймѣ; а для лучшаго освидѣтельствованія помянутыхъ обидъ и возвращенія отнятыхъ насиліемъ епископствъ, монастырей и церквей—назначена была немедленно коммисія, въ которой долженъ быть членъ и отъ стороны царскаго величества.

Осенью 1720 года въ Варшавѣ собрался сеймъ; но собравшіеся не хотѣли ничего начинать прежде, чѣмъ король отберетъ команду надъ коронными войсками у Флемминга; король не соглашался. Между тѣмъ англійскій посланникъ Шкотъ, шведскій генералъ-лейтенантъ Траутфеттеръ и саксонскіе министры ѣздили по всѣмъ польскимъ магнатамъ, приглашали къ себѣ пословъ повѣтовыхъ (сеймовыхъ депутатовъ) и уговаривали ихъ къ войнѣ противъ Россіи, обѣщая большія выгоды, возвращеніе Кіева и Смоленска, и представляя, какою опасностію Польшѣ грозитъ увеличивающаяся сила царя; представляя, что союзныя войска, въ своихъ движеніяхъ противъ Россіи, будутъ проходить преимущественно чрезъ Пруссію и немного захватятъ Литвы, причемъ провіантъ и фуражъ будутъ покупать за деньги. Паны, пріѣзжая къ Долгорукому, разсказывали ему объ этихъ предложеніяхъ, и получили въ отвѣтъ объявленіе, что теперь русскихъ регулярныхъ войскъ на ихъ границѣ около ста тысячъ, и если какія-нибудь чужія войска дойдутъ въ Польшу, то немедленно вступятъ въ нее и русскія, не спрашивая о дорогѣ; за регулярными войсками вступятъ и разные нерегулярные народы, Татары, Калмыки и другіе, которые за провіантъ и фуражъ платить не будутъ. Въ то же время Долгорукій доносилъ царю, что Минихъ не хочетъ заключать контракта, но во всемъ полагается на высокую милость и волю царскую. Долгорукій прибавилъ, что если Минихъ перейдетъ въ русскую службу, то польская пѣхота вся разойдется: никто не будетъ содержать ся въ такомъ порядкѣ.

Долгорукій старался всѣми силами, чтобы сеймъ разошелся въ положенный срокъ (шесть недѣль) безъ засѣданій. „Думаю“, писалъ онъ, „что для интересовъ вашего величества будетъ полезно, если сейма не будетъ; посолъ Хоментовскій не донесетъ сейму о своемъ неуспѣшномъ посольствѣ въ Петербургъ, и отвѣтъ, ему данный, не будетъ прочтенъ до будущаго сейма; такимъ образомъ король, его приверженцы и министры иностранные лишатся хорошаго средства дѣйствовать противъ Россіи. Король говоритъ, что я въ прошлый сеймъ роздалъ 90,000—и сеймъ разорвалъ, а теперь—будто обѣщалъ раздать 100,000, чтобъ не допустить сейму начаться. Но у меня канцеляристы одиннадцать мѣсяцевъ живутъ безъ жалованья, въ великой нуждѣ; что прислано ко мнѣ изъ дому для моего пропитанія, и то трачу для поддержанія интереса вашего величества и всего государства. Кромѣ того, занимаю деньги. Во всю мою бытность въ Польшѣ, рѣдко когда мнѣ было такъ трудно, какъ теперь, потому что саксонскіе и другихъ Дворовъ министры разсыпаютъ большія деньги на сеймѣ; однако за помощію Божіею надѣюсь, что ничего важнаго не сдѣлаютъ, и на этихъ дняхъ сеймъ безъ засѣданій расползется“.

Сеймъ дѣйствительно расползся 25 октября. Гетманы, многіе сенаторы и повѣтовые послы просили Долгорукаго, чтобъ при общемъ мирѣ царское величество не оставилъ Рѣчи Посполитой, которая ни отъ кого никакого предложенія о мирѣ принимать не будетъ, надѣясь во всемъ на покровительство царскаго величества. Долгорукій съ торжествомъ доносилъ, что врагамъ царскаго величества не удалось поднять Польшу, единственную страну, чрезъ которую можно было дѣйствовать противъ Россіи, ибо черезъ море дѣйствовать трудно.

Король Августъ, видя неуспѣхъ, сталъ думать о сближеніи съ старымъ пріятелемъ своимъ,—царемъ. Долгорукій въ декабрѣ послалъ просьбу царю позволить пріѣхать ему въ Петербургъ; король, прощаясь съ нимъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ Варшавы, просилъ отправить въ Петербургъ сына, Сергѣя Григорьевича, съ порученіемъ отъ него, короля, къ царскому величеству. Порученіе состояло въ томъ, чтобъ возстановить прежнюю дружбу между двумя государями. Но такъ какъ прерванная дружба можетъ быть прочно возстановлена только чрезъ объясненіе причинъ неудовольствія, то Долгорукій долженъ былъ объяснить Петру: что союзъ короля съ императоромъ, на который такъ жалуется царь, есть союзъ чисто оборонительный, вынужденный отстраненіемъ короля отъ участія въ Аландскомъ конгрессѣ; что съ Швеціею король не заключилъ никакого договора, ибо не имѣлъ къ тому никакихъ побужденій; правда, что Швеція предложила прелиминарный договоръ, и, можетъ быть, царю сообщенъ этотъ проектъ, но большая разница между проектомъ договора и заключеннымъ уже договоромъ; а король прямо объявилъ Шведскому Двору, что предложенный договоръ еще не можетъ быть заключенъ. Такимъ образомъ, царь не имѣетъ причинъ жаловаться на короля, а король имѣетъ много причинъ: отстраненіе отъ участія въ Аландскомъ конгрессѣ, дѣло принца Вейсенфельскаго, сношенія съ Портою Оттоманскою и Станиславомъ Лещинскимъ, Данцигское дѣло; но король нигдѣ ни на что не жаловался и ничего не предпринималъ противъ царя, будучи увѣренъ, что рано или поздно царское величество признаетъ ложность внушеній, сдѣланныхъ ему противъ короля. Для бо̀льшаго успѣха своего объясненія, король счелъ нужнымъ прибавить угрозу: „Царь помнитъ договоръ, заключенный имъ съ королемъ и Рѣчью Посполитою,—такъ надобно, чтобъ онъ сообщилъ королю свои намѣренія относительно Ливоніи. Интересъ царя требуетъ, чтобъ онъ какъ можно скорѣе объяснилъ королю свои виды; королю надобно ихъ знать для предупре-

жденія событій, которыя могутъ случиться мимо его воли. Что, если театръ войны перенесется въ Польшу? Король не можетъ остаться одинъ: онъ долженъ принять ту или другую сторону. Онъ естественно больше всего желаетъ жить въ дружбѣ съ сосѣдями; но если сосѣди не хотятъ жить въ дружбѣ, хотятъ обращаться какъ съ врагами или съ покоренными, то поневолѣ надобно искать другихъ, которые бы вели дѣло иначе. Мы предлагаемъ дружбу за дружбу. Иностранныя государства знаютъ очень хорошо, какъ важно для нихъ, чтобъ никто въ Польшѣ не разыгрывалъ роль хозяина; они хорошо такъ же знаютъ сильную и слабую сторону царя, и потому могутъ воспрепятствовать ему хозяйничать въ Польшѣ".

Князь Сергѣй Долгорукій отправился съ этимъ порученіемъ въ Петербургъ, и въ 1721 году возвратился съ отвѣтомъ: „Предлагая о возобновленіи дружбы, не слѣдовало возобновлять дѣлъ, напоминаніе о которыхъ можетъ быть только противно царскому величеству. О мирныхъ переговорахъ у Россіи съ Швеціею король не только зналъ, но и побуждалъ къ тому чрезъ министровъ своихъ, еще въ Голландіи, чрезъ барона Лоса, и потомъ въ Берлинѣ—чрезъ графа Мантейфеля и того же Лоса, а въ допущеніи королевскаго министра на Аландскій конгрессъ царское величество никакихъ препятствій не дѣлалъ, напротивъ—велѣлъ домогаться объ этомъ у шведскихъ министровъ. Король не имѣлъ никакой причины для своей безопасности, какъ онъ говоритъ, заключить извѣстный Вѣнскій договоръ, потому что его величеству ни откуда никакой опасности не было; а съ какою цѣлію этотъ договоръ заключенъ—это всему свѣту извѣстно. Касательно прелиминарнаго договора съ Швеціею царскому величеству извѣстно, что онъ подписанъ графомъ Флеммингомъ и шведскимъ генераломъ Траутфеттеромъ, и потомъ въ Швеціи ратификованъ. Въ дѣлѣ принца Вейсенфельскаго виноватъ король, зачѣмъ такъ долго не присылалъ ратификацію договора. Въ Константинополѣ ничего ко вреду королевскому не предлагалось. На предложеніе Станислава Лещинскаго царское величество всегда отвѣчалъ отказомъ. Королю хорошо извѣстно, какой былъ вредъ общимъ интересамъ отъ жителей Данцига; отъ короля и Рѣчи Посполитой требовали удовлетворенія, не получили—и принуждены были добыть его сами. Царское величество показалъ королю столько дружбы и благодѣяній, сколько возможно ему было безъ потери собственнаго интереса, и если въ чемъ не могъ его королевскому величеству услужить, такъ это потому, что встрѣтилъ препятствіе въ собственномъ интересѣ, который имѣетъ много общаго съ интересомъ Рѣчи Посполитой. Относительно угрозы, что театръ войны перенесется въ Польшу, которая должна будетъ принять ту или другую сторону, царское величество спокоенъ и безопасенъ, потому что онъ ничего не ищетъ въ Польшѣ, кромѣ сохраненія тамошнихъ правъ и вольностей; онъ не думаетъ, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей питалъ противъ него за это злобу или зависть, кромѣ враговъ и тѣхъ, кому это непріятно. Впрочемъ, опытъ показалъ, что царское величество, въ надеждѣ на правоту своего дѣла, не привыкъ позволять кому бы то ни было пугать себя угрозами" [8]).

Царь былъ спокоенъ и безопасенъ относительно Польши, и потому могъ не обращать вниманія на угрозы Польскаго короля. Русское вліяніе побѣдило въ Польшѣ вліяніе англійское, австрійское и вліяніе Польскаго короля; тройной союзъ не повелъ ни къ чему въ Польшѣ. Но посмотримъ: какое впечатлѣніе произвелъ онъ на Пруссію,—эту хищную и робкую державу, трепетавшую за свои новыя пріобрѣтенія; какъ изворачивалась она между Россіею и тройнымъ союзомъ, когда перемѣны въ Швеціи по смерти Карла XII поставили царя въ затруднительное положеніе.

Въ январѣ 1719 года графъ Александръ Головкинъ именемъ царскимъ просилъ у короля Фридриха-Вильгельма откровеннаго мнѣнія и совѣта, какъ поступать въ шведскихъ дѣлахъ, какой стороны выгоднѣе держаться: стороны ли герцога Голштинскаго, или принца Гессенскаго. „Теперь объявлять себя еще не время," отвѣчалъ король; „если по вѣрнымъ вѣдомостямъ окажется, что партія герцога Голштинскаго будетъ сильнѣе, то я не только его сторону принять, но и дочь мою за него замужъ выдать готовъ; если же партія Гессенскаго принца возьметъ верхъ, то и съ нимъ сладить можно. Теперь ничего другого дѣлать нельзя, только надобно намъ, больше прежняго, вмѣстѣ держаться, и ждать вѣрныхъ вѣдомостей изъ Швеціи". Когда Головкинъ сталъ говорить объ ожидаемомъ въ Берлинѣ пріѣздѣ принца Евгенія, то король сказалъ: „Я васъ паролемъ моимъ обнадеживаю, что противъ царскаго величества ни во что не вступлю и о всѣхъ предложеніяхъ откровенно сообщу, ибо одного только въ свѣтѣ имѣю друга,— его царское величество, на котораго впрямь надѣяться могу, и взаимно его величество на меня твердо надѣяться можетъ, и въ томъ вѣрно, пока живъ, стоять буду; только и съ другой стороны, смотря по положенію земель моихъ, принужденъ я наружную дружбу соблюдать и остерегаться, чтобъ ни Цесарю, ни церсарству не подать причины къ враждѣ, а Саксонцы, несмотря на то, что они великіе интриганы, ничего мнѣ не сдѣлаютъ, когда я съ царскимъ величествомъ буду въ крѣпкомъ союзѣ".

Изъ Швеціи начали приходить вѣсти, что Англійскій Дворъ беретъ тамъ верхъ, и въ Берлинѣ стали очень безпокоиться. Ильгенъ толковалъ Головкину: „Россіи и Пруссіи непремѣнно нужно спѣшить заключеніемъ мира съ Швеціею, чтобъ другіе не предупредили; тогда будетъ поздно, особенно намъ". Головкинъ отвѣчалъ: „Мы стараемся о мирѣ, но не-для-чего заключать его съ урономъ, ибо

---

[8]) Дѣла Польскія 1718, 1719, 1720 и 1721 годовъ.

нечего бояться, если Россія и Пруссія будутъ въ твердомъ союзѣ". Въ началѣ апрѣля король сообщилъ Головкину посекрету: „Англійскій король говорилъ моему резиденту, что если я хочу непремѣнно удержать за собою Штетинъ, то входилъ бы съ нимъ въ тѣснѣйшую связь, и онъ будетъ стараться доставить Штетинъ Пруссіи, и при этомъ совѣтовалъ, чтобъ я порвалъ союзъ съ царскимъ величествомъ; но такъ какъ я на Бернсторфа сердитъ, то онъ, король, хочетъ переговаривать объ этомъ дѣлѣ чрезъ англійскихъ министровъ и прислалъ въ Берлинъ Витворта". — „Англійскій король", отвѣчалъ Головкинъ", теперь ласкаетъ только для того, чтобъ разлучить Пруссію отъ Россіи; но изъ прежнихъ примѣровъ видно, что отъ Англіи надѣяться нечего; когда склонили ваше величество къ Штральзундской кампаніи, то король Англійскій обѣщалъ и войско, и флотъ, и ничего не далъ". Головкинъ просилъ не слушать англійскихъ предложеній; король повторилъ увѣренія, что останется въ тѣсной дружбѣ и союзѣ съ царскимъ величествомъ и будетъ откровенно сообщать всѣ предложенія Витворта. Шведскія дѣла, отъ хода которыхъ зависѣло сохраненіе Штетина, не могли поглотить все вниманіе Прусскаго правительства: оно не спускало глазъ съ Польши, чтобъ не дать Саксоніи усилиться здѣсь, и Фридрихъ-Вильгельмъ говорилъ Головкину: „Цесарь желаетъ помириться съ вашимъ государемъ, и царскому величеству надобно это сдѣлать, обѣщать ему не вмѣшиваться въ имперскія дѣла, но съ тѣмъ, чтобъ Цесарь не вмѣшивался въ польскія; интересамъ Россіи и Пруссіи будетъ очень вредено, если наслѣдный принцъ Саксонскій получитъ Польскую корону; этого никакъ нельзя допустить, и если будетъ нужно, то я всѣ свои войска употреблю". Прусскіе министры объявили Головкину, что они разослали по Польшѣ своихъ агентовъ склонять Поляковъ на прусскую сторону и внушать имъ, что король Августъ добивается самодержавія въ Польшѣ и наслѣдственности для своего Дома.

Витвортъ пріѣхалъ съ предложеніемъ оборонительнаго союза между Пруссіею и Ганноверомъ. Король объявилъ Головкину, что англійскій посланникъ не предлагаетъ ничего противъ Россіи. „Надѣюсь", отвѣчалъ Головкинъ, „что ваше величество безъ согласія царскаго величества ни во что съ королемъ Англійскимъ вступить не изволите, такъ какъ и царское величество безъ сообщенія съ вашимъ величествомъ ничего не дѣлаетъ; а если вашему величеству угодно примириться съ Англійскимъ королемъ, то это необходимо сдѣлать съ общаго согласія съ царскимъ величествомъ, который, какъ извѣстно, всегда обнаруживалъ готовность къ примиренію".—„Конечно не вступлю ни во что, что бы могло быть противъ интересовъ царскаго величества", сказалъ король: „пусть царское величество будетъ благонадеженъ, что я его ни на короля Англійскаго, ни на кого другого не промѣняю. Я Англичанамъ въ обманъ не дамся:—и такъ довольно меня провели". Но, при этихъ увѣреніяхъ, Фридрихъ-Вильгельмъ настаивалъ, чтобъ царь отказался отъ Лифляндіи и этимъ ускорилъ миръ съ Швеціею. „Я желаю", говорилъ король, „чтобъ все за царскимъ величествомъ осталось, особенно Лифляндія, чтобъ имѣть сообщеніе съ царскимъ величествомъ и, въ случаѣ нужды, скорѣе получить отъ него помощь; но хотя Швеція сама и не въ состояніи теперь продолжать войны, однако другіе, помирясь съ нею, могутъ ей помогать, и тогда какой вредъ общимъ интересамъ можетъ произойдти,—царское величество изволитъ легко самъ разсудить". Головкинъ отвѣчалъ: „Когда свое получатъ, то за чужое не много стоять будутъ, не захотятъ подвергать себя опасности".—„Правда", сказалъ король, „въ чужихъ дѣлахъ не такъ ревностно будутъ поступать, какъ въ своихъ; только Шведы едва ли прямое намѣреніе къ миру имѣютъ". Головкинъ отвѣчалъ: „Если они добровольно не помирятся, то надобно ихъ принудить; царское величество употребитъ для этого и оружіе, и запретитъ вывозъ съѣстныхъ припасовъ изъ своего государства; проситъ и ваше величество, чтобъ хотя на нынѣшній годъ запрещенъ былъ вывозъ хлѣба изъ Пруссіи, ибо чрезъ это получите миръ по своему желанію".—„Не могу", сказалъ король, „разорять свои земли: на такихъ условіяхъ шведскій миръ мнѣ очень дорого обойдется".

Въ Петербургѣ нашли, что, въ виду опасности отъ предложеній Витворта, надобно дѣйствовать рѣшительнѣе въ Берлинѣ, и потому туда отправился человѣкъ, болѣе способный къ энергическимъ дѣйствіямъ, чѣмъ Александръ Головкинъ,—Петръ Андреевичъ Толстой. На первой аудіенціи Толстой такъ объявилъ королю о причинахъ своего пріѣзда: „Я присланъ за тѣмъ, чтобы ваше величество по ближайшимъ обязательствамъ съ царскимъ величествомъ и по письменнымъ и устнымъ обѣщаніямъ своимъ не изволилъ бы никакого трактата заключать съ королемъ Англійскимъ безъ включенія Россіи, и я имѣю полномочіе договариваться о такомъ совокупномъ договорѣ". Король отвѣчалъ: „Я не сдѣлаю ничего противнаго царскому величеству, которому предложенный Англіею трактатъ не можетъ быть предосудителенъ". Министрамъ прусскимъ Толстой объявилъ: „Если вы заключите договоръ съ Англіею безъ включенія Россіи, то можетъ ли дружба вашего короля съ царскимъ величествомъ оставаться въ прежней силѣ? Хотя бы вы сами и желали поддержанія этой дружбы, то интриги Ганноверскаго Двора вамъ помѣшаютъ. Если вы, вопреки моимъ представленіямъ, договоръ съ Англіею заключите, то я, не вступая больше ни во что, отсюда уѣду, и царское величество въ поступкѣ вашего Двора не только увидитъ противность, но и будетъ считать себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязательствъ съ Прусскимъ Дворомъ". Въ такомъ же смыслѣ была написана царская грамота къ королю. Прусскіе министры жаловались Толстому, что грамота написана

въ „жестокихъ экспрессіяхъ“, будто къ подданному: развѣ король Прусскій не воленъ вступать въ договоръ, съ кѣмъ хочетъ, безъ позволенія царскаго? Толстой отвѣчалъ: „Въ царской грамотѣ нѣтъ угрозъ, а только выставлены на видъ вредныя послѣдствія договора между Пруссіею и Англіею безъ включенія Россіи, тѣмъ болѣе что царское величество меня сюда прислалъ съ полномочіемъ для заключенія общаго договора; царское величество соглашается на всѣ Двору Англійскому пріятныя условія, и потому для чего вамъ исключать Россію изъ договора“?— „Нашъ Дворъ“, говорили министры, „желаетъ заключить договоръ съ Дворомъ Англійскимъ только для того, чтобъ у него войти въ кредитъ и тѣмъ скорѣе соединить съ нимъ и Дворъ Русскій; кромѣ того, намъ предлагаются очень полезныя условія, а именно: Георгъ, какъ король Англійскій, а не какъ курфирстъ Ганноверскій только, хочетъ гарантировать намъ Штетинъ съ дистриктомъ, а чтобъ мы гарантировали ему Бременъ и Верденъ и корону Англійскую для его династіи, по пресѣченіи которой Англійскій престолъ можетъ перейти и къ Прусскому Дому. Хотя бы король нашъ и охотно желалъ включить въ договоръ царское величество, но Англійскій король никакъ этого не хочетъ, потому что питаетъ противъ царскаго величества большое неудовольствіе; Витвортъ говорилъ, что изъ Россіи въ Испанію отправлено двое Англичанъ бунтовщиковъ, и царское величество ведетъ переписку съ претендентомъ“.

Положеніе Пруссіи было затруднительно: съ одной стороны Англійскій король предлагаетъ выгодный договоръ, съ исключеніемъ Россіи; съ другой—царь требуетъ включенія, и разсердить его отказомъ опасно. Черезъ день послѣ перваго разговора, Ильгенъ является къ Толстому и говоритъ, что Англійскій король не отвергаетъ рѣшительно включенія Россіи въ договоръ, но откладываетъ; король Прусскій всячески старался и впредь будетъ стараться объ этомъ включеніи; но если не успѣетъ, то не думаетъ, чтобъ царское величество пожелалъ лишить его великихъ выгодъ, предлагаемыхъ съ англійской стороны. Ильгенъ просилъ не останавливать заключенія договора, который можетъ быть только полезенъ Россіи, потому что Прусскій Дворъ, сблизившись съ Англійскимъ, можетъ ослабить силу Бернсторфа. Толстой отвѣчалъ: „Напрасно трудитесь намъ доказывать, что заключаемый вами договоръ безвреденъ для Россіи; здѣшнему Двору надобно зрѣло размыслить и выбрать—русскую или англійскую дружбу; рѣшайте только дѣло скорѣе, чтобъ мнѣ можно было возвратиться въ Россію; если вы предпочтете Англію, то мнѣ здѣсь больше дѣлать нечего“. Слова Толстого сильно обезпокоили Ильгена. Созвали совѣтъ и придумали средство. Король призвалъ къ себѣ графа Головкина и объявилъ, что хочетъ дать царскому величеству письменное удостовѣреніе въ безвредности для Россіи договора, заключаемаго имъ съ Англіею, и въ томъ, что безъ Россіи не помирится съ Швеціею. Головкинъ отвѣчалъ, что такимъ поступкомъ всѣ обязательства между Россіею и Пруссіею пресѣкаются. Тогда явились къ Толстому два министра, Ильгенъ и Книпгаузенъ, и, съ прискорбнымъ видомъ, предложили другое средство: были они у Витворта и требовали, чтобъ Англійскій король чрезъ формальную декларацію принялъ Прусскаго короля медіаторомъ въ переговорахъ своихъ съ Русскимъ Дворомъ. Витвортъ не нашелъ въ этомъ трудности, но потребовалъ, чтобъ король Прусскій принялъ Англійскаго короля медіаторомъ къ примиренію своему съ Польскимъ королемъ; когда это сдѣлается, то обѣщаетъ король Прусскій вмѣстѣ съ Англійскимъ всячески трудиться, чтобъ король Польскій оставленъ былъ въ спокойномъ владѣніи Польшею, а Рѣчь Посполитая осталась при своихъ вольностяхъ и привилегіяхъ, и чтобъ Польша, равно какъ и имперія, не были никѣмъ безпокоимы.

Толстой, увидавъ, что дѣло сходится къ оборонительному союзу, заключенному въ Вѣнѣ, отвѣчалъ, что донесетъ своему государю о предложеніи Прусскаго Двора, который, до полученія отвѣта изъ Петербурга (отвѣтъ придетъ въ 30 дней), долженъ удержаться отъ заключенія договора съ Англіею. Тридцатидневный срокъ встревожилъ прусскихъ министровъ; всѣ свои рѣчи оканчивали они припѣвомъ, что имъ такихъ великихъ выгодъ отъ англійскаго договора пропустить нельзя. Король призвалъ Толстого и Головкина, и сталъ имъ говорить: „Если бы меня Англійскій Дворъ одинъ къ этому дѣлу понуждалъ, то я бы легко могъ уклониться; но договоръ этотъ съ такими полезными условіями предложенъ мнѣ нарочно, съ согласія Цесаря и Франціи, чтобъ меня испытать, подлинно ли я съ царскимъ величествомъ противъ Цесаря обязался, какъ о томъ слухи были. И если я этотъ полезный мнѣ договоръ откину, то утвердятся въ этомъ мнѣніи, что я противъ Цесаря съ царскимъ величествомъ обязался; и если я это дѣло пропущу, то меня императоръ, Англія и Франція разорить могутъ: неужели царское величество пожелаетъ мнѣ бѣды?“ Толстой потребовалъ отпуска; но король не отпустилъ его. Ильгенъ увѣрялъ царскихъ министровъ, что хотя Прусскій Дворъ и заключаетъ договоръ съ королемъ Англійскимъ, но дружба эта будетъ только по наружности, чтобъ въ кредитъ войти, а съ царскимъ величествомъ дружба будетъ всегда усердная,—все будетъ дѣлаться въ пользу Россіи, обо всемъ будетъ откровенно сообщаться.

Въ началѣ августа Толстой и Головкинъ усмотрѣли прусскихъ министровъ въ сильномъ смущеніи: пришли вѣсти изъ Стокгольма, что тамъ готовъ мирный договоръ между Англіею и Швеціею, будетъ возобновленъ и старый оборонительный союзъ между этими державами. Ильгенъ съ печальнымъ лицомъ разсуждалъ, какъ вредно будетъ для Пруссіи заключеніе договора между Швеціею и

Англіею, и опять просилъ, чтобъ Россія не мѣшала заключенію договора между Пруссіею и Англіею. Узнавъ, что договоръ этотъ уже подписанъ, Толстой и Головкинъ прямо обратились къ королю съ вопросомъ, правда ли это. Король отвѣчалъ: „Скажу вамъ правду, что договоръ министрами подписанъ, но еще не ратификованъ, и подписанъ условно, что если Штетина не получу, то договоръ не будетъ имѣть никакой силы. Въ договорѣ не только ничего противнаго царскому величеству нѣтъ, но я сдѣлалъ письменную протестацію, что ни во что противъ царскаго величества не вступлю, и надѣюсь, что царское величество, по своему правосудію и высокой склонности, которую ко мнѣ всегда обнаруживать изволилъ, не поставитъ мнѣ въ нарушеніе дружбы и обязательствъ, когда я получу себѣ выгоды безъ вреда его интересамъ. Не поступлю я съ царскимъ величествомъ такъ, какъ Англійскій король, который теперь уже явно съ Швеціею противъ Россіи соединился; я, пока живъ, царскому величеству истинный другъ и ничего противнаго ему не предприму, развѣ царское величество меня въ томъ упредитъ, чего однако не думаю, ибо имѣю честь знать его великодушное сердце. Меня Цесарскій и Англійскій Дворъ обѣщаніемъ великихъ выгодъ покушались противъ царскаго величества возбудить, однако я ни на что не посмотрѣлъ; а Саксонцы внушаютъ мнѣ, будто они съ царскимъ величествомъ согласились, чтобъ меня лишить королевскаго достоинства и Эльбингской претензіи; но я ничему не вѣрю, ибо царское великодушное сердце знаю". Инымъ тономъ говорилъ Ильгенъ: „Съ вашей стороны мы видимъ только жестокіе поступки къ себѣ, ни малаго авантажа себѣ искать намъ не позволяете, а съ другой стороны король Англійскій дѣлаетъ намъ всякую угодность; предки наши гораздо безсильнѣе насъ были, однако себя безобидно содержали, а король мой имѣетъ 60 тысячъ войска и не безъ друзей". Толстой отвѣчалъ на это: „Если вашъ Дворъ такихъ полезныхъ новыхъ друзей себѣ нашелъ, а старыхъ отвергаетъ, то я, будучи присланъ трудиться о сохраненіи старой дружбы, больше не нахожу себѣ здѣсь никакого дѣла, и потому дайте мнѣ отпускъ, чтобъ я поскорѣе возвратился къ своему государю и донесъ ему о здѣшнихъ дѣлахъ". Тутъ Ильгенъ спустилъ тонъ и началъ говорить, что пребываніе Толстого въ Берлинѣ нужно, ибо Витвортъ объявилъ, что готовъ вступить съ нимъ въ переговоры по заключеніи договора съ Пруссіею и при посредничествѣ Прусскаго короля. Толстой отвѣчалъ: „Я присланъ сюда договариваться съ Англійскимъ Дворомъ сообща съ вами, а не порознь; но такъ какъ здѣшній Дворъ свой договоръ съ Англійскимъ уже заключилъ, то мнѣ царскій указъ велитъ отсюда уѣзжать". Тутъ Ильгенъ объявилъ, что его Дворъ, для показанія своего добраго намѣренія, желаетъ заключить съ Россіею новую конвенцію о сѣверныхъ дѣлахъ, и именно: такъ какъ король Польскій старается на будущемъ сеймѣ ввести Рѣчь Посполитую въ союзъ вѣнскій, то Россія и Пруссія должны всѣми силами этому препятствовать, стараться всѣми способами и деньгами, чтобъ сеймъ былъ разорванъ; король на эти издержки опредѣлилъ ежегодно 100,000 талеровъ. Стараться, чтобъ наслѣдный принцъ Саксонскій ни при отцѣ, ни послѣ отца не вступилъ на Польскій престолъ; но чтобъ по смерти короля Августа Поляки выбрали короля изъ своего народа. Стараться, чтобъ Флеммингъ лишенъ былъ командованія регулярнымъ войскомъ въ Польшѣ.

Въ октябрѣ Толстой выѣхалъ изъ Берлина. Послѣ его отъѣзда Головкинъ былъ встревоженъ намѣреніемъ короля ѣхать въ Ганноверъ для свиданія съ королемъ Георгомъ, который хотя былъ ему тесть, однако до послѣдняго времени особенно нѣжныхъ родственныхъ отношеній между ними не замѣчалось. Головкинъ написалъ Ильгену, что поѣдетъ за королемъ; тотъ показалъ ему собственноручный отвѣтъ королевскій: „Ильгенъ! увѣрь графа Головкина, что не сдѣлается ничего противу царя ни прямо, ни непрямо; что я ѣду не за дѣлами, но только видѣться съ тестемъ, а иначе я взялъ бы министровъ; а графъ Головкинъ худо дѣлаетъ, что при мнѣ ѣхать хочетъ; лучше ему оставаться, ибо ему тамъ не будетъ безъ противности". Головкинъ остался въ Берлинѣ.

Пруссія сблизилась съ Англійскимъ королемъ; Англійскій король былъ нуженъ, потому что чрезъ него Пруссія получила Штетинъ отъ Шведовъ; но нельзя было разрывать и съ Россіею: Россія была нужна въ Польшѣ, съ которой Прусскій король не спускалъ глазъ, чтобъ не дать усилиться здѣсь Саксоніи и Австріи. Фридрихъ-Вильгельмъ говорилъ Головкину въ началѣ 1720 года: „Мнѣ нельзя съ Саксонцами глубоко вступать, потому что вредно моимъ интересамъ, если наслѣдный принцъ Саксонскій взойдетъ на престолъ Польскій, а еще того вреднѣе будетъ, когда этимъ способомъ Цесарь Поляковъ въ свою волю получитъ и въ такую силу придетъ, что, можетъ быть, захочетъ въ имперіи монархію установить; тогда не только для свѣтской власти, но и для вѣры Протестантской очень опасно будетъ. Скажу вамъ по секрету: король Англійскій отправилъ въ Польшу посланника Шкота и далъ ему 60,000 ефимковъ для возбужденія Поляковъ противъ царскаго величества; и Франція такую же сумму денегъ на тотъ предметъ опредѣлила. А я къ царскому величеству особенное почтеніе имѣю; когда я принужденъ былъ къ англійской партіи пристать, то отъ великой перемѣны въ болѣзнь впалъ, потому что противъ своей воли и склонности принужденъ былъ необходимо это сдѣлать и дружбу царскаго величества къ себѣ нѣкоторымъ образомъ потерять". Головкинъ сказалъ на это, что хотя царскому величеству сначала это было и очень чувствительно, однако онъ не уменьшилъ своего добраго расположенія къ королевскому величеству. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ: „Не думаю, чтобъ со стороны царскаго

величества дружба и откровенная пересылка была попрежнему, и я подалъ тому причину приступленіемъ къ англійской партіи, хотя и противъ моей воли и склонности; а персонально непремѣнную дружбу и особливое почтеніе къ его царскому величеству имѣю и всегда буду радоваться, если какую счастливую вѣдомость о немъ получу. Я вижу, что непріятели царскаго величества не въ состояніи ему ничего сдѣлать безъ меня, а я ни во что противное ему не вступлю, и накажи меня Богъ, если это сдѣлаю; только, какъ вѣрный другъ, совѣтую царскому величеству, чтобъ изволилъ стараться о мирѣ съ Швеціею, хотя бы съ нѣкоторою малою и уступкою теперь, а послѣ, современемъ, можно будетъ и опять взять". Но когда Головкинъ настаивалъ, чтобъ всѣ эти устныя увѣренія въ дружбѣ и нежеланіи дѣлать что-нибудь противное получали болѣе опредѣленную форму въ новомъ союзномъ договорѣ между Пруссіею и Россіею, то король отвѣчалъ: „Не могу; подождите; при нынѣшнихъ деликатныхъ конъюнктурахъ нельзя мнѣ заключить договора съ царскимъ величествомъ."— „Отчего же нельзя?" возражалъ Головкинъ; „какъ я слышу, переговоры вашего величества съ Швеціею приходятъ къ окончанію". Король отвѣчалъ: „Этого недовольно, что заключенъ будетъ миръ у меня съ Швеціею; надобны на уступку мнѣ Штетина согласіе и инвеститура императорскія, безъ чего Штетинское владѣніе непрочно; а для полученія императорскаго согласія и инвеституры необходимы мнѣ англійское вліяніе и помощь; притомъ англійская дружба мнѣ нужна и для вѣры Протестантской, за которую можетъ возгорѣться война по столкновеніямъ въ курфюршествѣ Пфальцскомъ. По этимъ причинамъ мнѣ никакъ нельзя заключить договора съ царскимъ величествомъ; но чтобы государь вашъ не изволилъ имѣть обо мнѣ никакого сомнѣнія, то я дамъ декларацію о моей постоянной и нерушимой дружбѣ, что я ни съ кѣмъ не обязался ко вреду царскому величеству и впредь не обяжусь, и противъ него ни прямо, ни посредственно не поступлю, но буду сохранять строгій нейтралитетъ". Головкинъ требовалъ, чтобъ заключенъ былъ договоръ, въ которомъ прямо было бы сказано, что король не позволитъ войскамъ другихъ государствъ проходить чрезъ свои земли и учреждать магазины. „Велю внести въ декларацію", отвѣчалъ король, „что въ Пруссіи этого не позволю; о Германскихъ же провинціяхъ обѣщать не могу, потому что по нашей конституціи вольно имперскимъ князьямъ проводить свои войска по всей имперіи. Объявляю вамъ посекрету, что шведскій генералъ Траутфеттеръ будетъ ѣздить по всѣмъ имперскимъ князьямъ и склонять ихъ подать помощь Швеціи; только я не думаю, чтобъ изъ этого какой успѣхъ былъ. Я сердечно желаю, чтобъ Лифляндія осталась за царскимъ величествомъ, въ чемъ состоитъ мой собственный интересъ, потому что Шведы изстари моимъ предкамъ непріятели, а мнѣ и подавно не могутъ быть пріятелями за Штетинъ, и если они Штральзундъ и Лифляндію опять получатъ, то съ двухъ сторонъ будутъ меня безпокоить". Передавая Головкину свое собственноручное письмо къ царю, король говорилъ: „Я къ перу не горазло засбыченъ, и царское величество не изволилъ бы меня въ томъ зазрить, что письмо мое простое,—только сердце мое къ его царскому величеству истинное".

Прусскій король заключилъ миръ съ Швеціею, получилъ въ вѣчное владѣніе Штетинъ за извѣстную сумму денегъ; но этимъ пожертвованіемъ Швеція не пріобрѣла себѣ союзника: Фридрихъ-Вильгельмъ сдержалъ свое обѣщаніе царю, остался вполнѣ нейтральнымъ, потому что сдержать это обѣщаніе было ему выгодно. Англійскій Дворъ долженъ былъ убѣдиться, что Прусскій король не пожертвуетъ ни однимъ солдатомъ для Швеціи. Тщетно въ 1721 году приверженцы Англійскаго короля представляли Фридриху-Вильгельму, какъ опасно будетъ для Пруссіи, если царь удержитъ Лифляндію; король отвѣчалъ, что онъ нисколько не опасается, потому что увѣренъ въ личной дружбѣ къ себѣ царя. Ему представляли, что если для него Россія не опасна по личнымъ отношеніямъ къ нему царя, то будетъ опасна для его наслѣдниковъ. „Наслѣдники сами о себѣ должны заботиться", отвѣчалъ король. Ильгенъ писалъ къ французскому посланнику, что никакими способами нельзя отвратить Фридриха-Вильгельма отъ горячей привязанности къ царю, точно такъ, какъ нельзя уничтожить въ немъ страсти къ высокимъ гренадерамъ. Петръ удовлетворялъ этой страсти своего друга, присылалъ къ нему изъ Россіи великановъ; но нельзя думать, чтобъ Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился пожертвовать хотя однимъ высокимъ гренадеромъ своей горячей привязанности къ царю [1]).

Ни въ Вѣнѣ, ни въ Варшавѣ, ни въ Берлинѣ Англійскому Двору не удалось сдѣлать ничего въ пользу Швеціи,—ничего, что бы заставило царя смягчить условія мира и удержаться отъ нападеній на истощенную, не могшую обороняться Швецію. Оставался Копенгагенъ.

Въ 1718 году изъ сѣверныхъ союзниковъ труднѣе всѣхъ приходилось Датскому королю, потому что на его Норвегію направлены были удары все еще страшнаго Карла XII. Легко понять поэтому, какую радость произвело въ Копенгагенѣ извѣстіе о смерти Шведскаго короля. Князь Василій Лукичъ Долгорукій писалъ къ своему Двору въ началѣ 1719 года: „По смерти короля Шведскаго здѣшній Дворъ очень сталъ гордъ; надѣется, безъ всякихъ дѣйствій, полезный миръ получить, и для того, кромѣ короля Англійскаго, всѣхъ союзниковъ презираетъ". Датское правительство съ торжествомъ дало знать союзнымъ Дворамъ, что Норвегія очищена отъ Шведовъ. Долгорукій, поздравивъ короля съ этимъ счастливымъ событіемъ, предложилъ уговориться, какъ дѣйствовать впередъ. Въ кон-

[1]) Дѣла Прусскія 1719, 1720 и 1721 годовъ.

ференціи, бывшей по этому случаю въ мартѣ мѣсяцѣ, датскіе министры говорили Долгорукому: „Если теперь начинать только переписку о томъ, какъ дѣйствовать, то въ перепискѣ все время пройдетъ, а между тѣмъ Аландскій конгрессъ будетъ продолжаться и будутъ тамъ хлопотать дѣло къ концу привести".—„Что соглашеніе между Россіею и Даніею не послѣдовало ранѣе,—въ томъ виноватъ король Датскій", отвѣчалъ Долгорукій, „ибо отъ царскаго величества предлагалось много разъ, но съ королевской стороны ни малѣйшаго знака склонности не показано".—Датскіе министры возражали: „Король не хотѣлъ входить ни въ какое соглашеніе, видя, что на Аландѣ начаты мирные переговоры".—„Предложенія были дѣланы прежде Аландскаго конгресса", отвѣчалъ Долгорукій; „да и во время Аландскаго конгресса было объявлено, что царское величество порветъ конгрессъ, если король войдетъ въ соглашеніе. Царское величество сдѣлаетъ это и теперь, если увидитъ, что Датское величество возобновитъ прежнюю дружбу и войдетъ въ соглашеніе о дѣйствіяхъ противъ непріятеля". Но министры продолжали дѣлать выходки противъ Аландскаго конгресса: „Зачѣмъ было такимъ способомъ конгрессъ начинать"? Долгорукій отвѣчалъ: „Прежде начатія конгресса о немъ было вамъ сообщено и предложено, чтобъ отправленъ былъ на него датскій уполномоченный; но король не захотѣлъ этого; о ходѣ переговоровъ вамъ сообщалось".—„А зачѣмъ вы намъ не помогли, когда Шведскій король воевалъ Норвегію"? продолжали министры: „вы обѣщали помочь весною, но до весны вся Норвегія могла бы пропасть".—„Всякій можетъ разсудить", отвѣчалъ Долгорукій, „что въ то время нельзя было ничего сдѣлать: все равно, если бъ Зундъ и Каттегатъ покрылись льдомъ, то хотя-бъ всѣ войска датскія въ Норвегіи съ голоду померли и вся Норвегія пропала,—король Датскій не могъ бы послать туда помощи. При первомъ возможномъ случаѣ помощь была обѣщана; чего же вы еще больше требуете"? Этими перекорами, разумѣется, нельзя было подвинуть дѣла. Долгорукій доносилъ, что въ Даніи хотятъ длить время, пытаются заключить миръ съ Швеціею; если же увидятъ безуспѣшность попытокъ, тогда обратятся къ Россіи; продолжать войну королю Датскому очень трудно по недостатку денегъ, и никакихъ приготовленій къ войнѣ здѣсь не дѣлаютъ, въ надеждѣ на миръ.

Но въ Петербургѣ не хотѣли длить время, и въ апрѣлѣ прислали въ Копенгагенъ графа Платона Мусина-Пушкина узнать окончательное рѣшеніе Датскаго правительства. Царь предлагалъ соединить русскій флотъ съ датскимъ и овладѣть островомъ Готландомъ, который будетъ принадлежать Датскому королю, а сухопутныя войска будутъ дѣйствовать—русскія отъ Финляндіи, а датскія—въ Шоніи или, по крайней мѣрѣ, въ Норвегіи. Датское правительство не согласилось на удаленіе своего флота отъ своихъ береговъ; тогда Долгорукій и Мусинъ-Пушкинъ предложили во время дѣйствія сухопутныхъ войскъ въ означенныхъ мѣстахъ запереть датскимъ флотомъ шведскій въ Карлскронѣ. Король отвѣчалъ, что о заключеніи шведскаго флота въ Карлскронѣ надобно говорить съ англійскимъ адмираломъ, потому что однимъ датскимъ флотомъ запереть Карлскронскую гавань нельзя,—Данія должна оберегать своимъ флотомъ два моря: Нѣмецкое и Балтійское. Долгорукій и Мусинъ-Пушкинъ спрашивали: если царское величестко начнетъ сухопутныя дѣйствія, то Датскій король гдѣ начнетъ свои сухопутныя дѣйствія? Долго добивались отвѣта, и не получили никакого. Долгорукій доносилъ: „По всѣмъ поступкамъ здѣшняго Двора видно, что король Датскій хочетъ, для своего облегченія, чтобъ войска русскія дѣйствовали противъ Шведовъ въ одно время съ датскими и принудили Шведовъ къ скорѣйшему миру; но не хочетъ письменнаго уговора, чтобъ не войти въ новыя съ Россіею обязательства и тѣмъ не разсердить короля Англійскаго, такъ же и при будущемъ заключеніи мира имѣть свободныя руки; надѣются, что король Англійскій при этомъ заключеніи мира много имъ поможетъ, особенно въ удержаніи Шлезвига".

Въ концѣ лѣта 1719 года порваніе Аландскаго конгресса и сближеніе Швеціи съ Англіею заставили царя послать указъ Долгорукому опять попытаться предложить Датскому королю войти въ соглашеніе и наикрѣпчайшее обязательство съ Россіею насчетъ дѣйствій противъ общаго непріятеля. Выслушавъ это предложеніе, король сказалъ: „Лучше пусть каждый изъ насъ, безъ всякихъ соглашеній, дѣйствуетъ съ своей стороны". Въ ноябрѣ, узнавъ, что между Даніею и Швеціею уже заключено перемиріе, Долгорукій подалъ мемоціалъ, въ которомъ говорилъ, что это перемиріе есть нарушеніе обязательствъ, существующихъ между Россіею и Даніею. Ему отвѣчали, что король заключилъ перемиріе по необходимости; что положеніе Даніи не позволяетъ поступить иначе и, по настоящимъ обстоятельствамъ, король имѣетъ причины не раздражать своихъ сосѣдей и союзниковъ. Когда Долгорукій просилъ короля, чтобъ не заключалъ мира съ Швеціею безъ царя, тотъ отвѣчалъ: „Я не виноватъ, что непріятель не хочетъ уступить того, что царское величество хочетъ удержать изъ своихъ завоеваній".

Наступилъ 1720 годъ, прошло четыре мѣсяца: мира не было заключено между Швеціею и Даніею; но правительство послѣдней не думало и о войнѣ. Въ маѣ Долгорукій доносилъ: „Указомъ вашего величества повелѣно мнѣ сей Дворъ склонять къ продолженію войны; вашему величеству изъ прежнихъ моихъ донесеній извѣстно, что я пристойными способами королю самому о томъ говорилъ, представляя всѣ резоны и внушая, что къ полученію полезнаго мира не много надобно труда и времени. Но всѣ тѣ мои слова неприлежно изволилъ слушать и малѣйшаго знака склонности по сіе время мнѣ не показано; и по всѣмъ оказательствамъ

ни мало о продолженіи войны не мыслятъ". Несмотря на то, князь Василій Лукичъ не упускалъ случая исполнять царскій указъ. Узнавъ, что Швеція предлагаетъ Даніи очень невыгодныя для послѣдней условія мира, Долгорукій опять приступилъ къ королю съ предложеніемъ русской помощи для полученія выгоднаго мира. „Дѣйствительно", сказалъ король, „Шведы ведутъ себя очень гордо въ мирныхъ переговорахъ и за уступку всей Помераніи только 500,000 ефимковъ обѣщаютъ; также и въ другихъ условіяхъ отъ согласія еще очень далеко; надобно весь смыслъ потерять, чтобъ на такихъ условіяхъ заключить миръ". Долгорукій завѣтилъ на это: „Если при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда государство Шведское въ такой слабости находится, ваше величество ничего отъ Швеціи не получите, то послѣ во многіе вѣка такого удобнаго случая не будетъ".—„До мира еще далеко", сказалъ король, „а перемиріе я еще продлилъ на шесть недѣль по крайней нуждѣ: денегъ нѣтъ, военныхъ дѣйствій начинать нечѣмъ". — „Царско евеличество", отвѣчалъ Долгорукій, „и не требуетъ, чтобъ вы немедленно начали военныя дѣйствія,—только не заключайте мира. Царское величество желаетъ знать одно, – что вы не поспѣшите миромъ".— „Только-бъ Англичане не принудили", отвѣчалъ король, и съ этими словами отошелъ отъ Долгорукаго. Датскіе министры наконецъ высказались: „Если царь дастъ денегъ, то они возобновятъ войну". Но Долгорукій отклонилъ это условіе.

Англичане принудили. Въ концѣ іюня мирный договоръ между Швеціею и Даніею былъ подписанъ: Датскій король возвращалъ Швеціи всѣ свои завоеванія въ Помераніи и Норвегіи за 600,000 ефимковъ и за уступку зундской пошлины; Англія и Франція гарантировали Даніи обладаніе Шлезвигомъ. Послѣ этого князь Долгорукій былъ переведенъ на болѣе важный постъ—въ Парижъ, а на его мѣсто въ Копенгагенъ былъ назначенъ знаменитый впослѣдствіи Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ [1]).

Такъ шла дипломатическая борба между Россіею и Англіею при Дворахъ средней и сѣверной Европы. Перейдемъ далѣе на западъ. Здѣсь на важномъ центральномъ дипломатическомъ постѣ, въ Гагѣ, находился князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, слѣдилъ за отношеніями западныхъ государствъ, отношеніями, къ которымъ Россія никакъ не могла быть теперь равнодушна. Движеніе здѣсь на западѣ исходило изъ Испаніи, которая хотѣла поднять свое значеніе, возвратить свои италіянскія владѣнія, отнятыя у нея во время войны за наслѣдство ея престола, и для этого должна была вступить въ войну съ императоромъ, получившимъ эти владѣнія. Англія, озабоченная болѣе всего быстрымъ развитіемъ морскихъ силъ Испаніи, совершившимся благодаря дѣятельности знаменитаго министра ея, кардинала Альберони, Англія спѣшила подать руку императору; Испанія, съ своей стороны, должна была дѣйствовать враждебно противъ Ганноверской династіи и хлопотать въ пользу претендента Стюарта. Политика Франціи превратилась въ личную политику правителя ея, герцога Филиппа Орлеанскаго, который, боясь притязаній Испанскаго короля Филиппа V-го на регентство и престолонаслѣдіе во Франціи (въ случаѣ смерти Людовика XV), тѣсно сблизился съ Георгомъ Англійскимъ по одинаковости враждебныхъ отношеній къ Испаніи. Такъ образовался союзъ между императоромъ, Англіею и Франціею противъ Испаніи; но союзники хотѣли сдѣлать свой союзъ четвернымъ, присоединивъ Голландію. Понятно, что Испанія старалась не допустить Голландію приступить къ союзу, и князь Куракинъ, по отношеніямъ Россіи къ Англіи и императору, долженъ былъ сблизиться съ испанскимъ посланникомъ и дѣйствовать съ нимъ заодно. 2 августа 1718 года Куракинъ донесъ, что былъ у него испанскій посолъ маркизъ Беретти и объявилъ, что его государь желаетъ дружбы и союза съ царскимъ величествомъ, видя въ томъ общій интересъ обѣихъ монархій; что король его обѣщаетъ выставить тридцать военныхъ кораблей и тридцать тысячъ войска, которые должны соединиться съ флотомъ и войсками русскими, для дѣйствія противъ общихъ непріятелей. Куракинъ писалъ, что Дворъ Испанскій надѣется на вмѣшательство Россіи и Пруссіи въ имперскія дѣла по заключеніи мира съ Швеціею, и что это вмѣшательство будетъ въ интересахъ Швеціи и Испаніи. Беретти разсуждалъ, что если ни одно изъ сѣверныхъ государствъ не заступится за Испанію, то королю ея одному противъ Франціи, Англіи и Цесаря трудно будетъ вести войну. Беретти объявилъ при этомъ Куракину, что Шведскій король просилъ у нихъ денегъ и до сихъ поръ проситъ; но кардиналъ Альберони ничего не далъ и впредь не дастъ, если Швеція не вступитъ съ ихъ Дворомъ въ союзъ и не обяжется помогать прямо или диверсію сдѣлать; да и при заключеніи союза съ Швеціею будутъ они смотрѣть, будетъ ли Карлъ XII въ состояніи исполнить свои обязательства, но главное,—будетъ ли у него миръ съ Россіею; ибо если мира не будетъ, то дать ему деньги все равно что потерять.

Царь велѣлъ отвѣчать Беретти, что ему было очень пріятно услыхать о королевскомъ желаніи вступить съ нимъ въ дружбу и союзъ; только изъ предложенія, сдѣланнаго въ такихъ общихъ выраженіяхъ, нельзя узнать: противъ кого будетъ заключенъ союзъ, гдѣ войскамъ и кораблямъ соединяться, какія предпринимать дѣйствія и противъ кого. Беретти объявилъ, что союзъ долженъ быть заключенъ противъ Цесаря и Англіи; на другіе же вопросы онъ отвѣчать не въ состояніи безъ указа отъ Двора своего. Между тѣмъ, извѣстіе о пораженіи испанскаго флота англійскимъ произвело безпокойство въ Петербургѣ, и 19 сентября царь ве-

---

[1]) Дѣла Датскія 1719, 1720 и 1721 годовъ.

лѣлъ написать къ Куракину: „Можетъ быть, король Испанскій при такомъ несчастіи захочетъ помириться съ Цесаремъ; такъ вы, подъ величайшимъ секретомъ, сообщите испанскому послу наше мнѣніе, чтобъ король его не заключилъ скоро мира съ цесаремъ, но тянулъ бы переговоры какъ можно долѣе, потому что Цесарь и король Англійскій уже не могутъ нанести ему большаго вреда,—внутри Испаніи дѣйствовать имъ нельзя. Пусть Испанскій король старается протянуть время до тѣхъ поръ, пока у насъ будетъ заключенъ миръ съ Швеціею, а можетъ быть и союзъ. Мы объ этомъ стараемся и имѣемъ надежду на успѣхъ; но пусть и съ испанской стороны дѣйствуютъ въ Швеціи въ нашу пользу. А когда между Россіею и Швеціею будетъ заключенъ миръ, то Испанскій король можетъ надѣяться себѣ пользы какъ отъ насъ, такъ и отъ Швеціи.“—На это объявленіе Беретти отвѣчалъ, что король его не заключитъ мира, имѣя деньги, полученныя отъ конфискаціи имущества англійскихъ подданныхъ въ Испаніи. Беретти обѣщалъ писать своему правительству, чтобъ немедленно отправленъ былъ въ Швецію агентъ хлопотать о скорѣйшемъ заключеніи мира между царемъ и Карломъ XII-мъ, причемъ распространился о томъ, какъ счастливъ его король, что такой великій монархъ ищетъ его дружбы и печется о его интересахъ, и что король будетъ стараться отслуживать за это царскому величеству при всѣхъ случаяхъ. Куракинъ ждалъ отъ Беретти еще другого предложенія, что видно изъ письма его царю: „Я при многихъ случаяхъ желалъ вѣдать, ежели посолъ гишпанскій имѣетъ указы предлагать мнѣ о всемъ томъ, какъ ихъ резидентъ въ Венеціи то учинилъ Саввѣ Рагузинскому, а именно, что король Гишпанскій намѣренъ свататься (т.-е. сватать сына) за дочь вашего величества, а вмѣсто приданаго желаетъ шесть кораблей, а за то обѣщаетъ сумму на годъ два милліона, и въ послѣдней конференціи съ нимъ, посломъ, усмотрѣлъ я, что онъ указовъ не имѣетъ, или, и имѣвъ, не предлагаетъ, ожидая заключенія мира вашего величества съ Швеціею“.

Въ то время, какъ послы русскій и испанскій вели переговоры о союзѣ, обязывая другъ друга величайшимъ секретомъ, англійскій посланникъ явно говорилъ правительству Штатовъ, что если оно не приступитъ къ четверному союзу немедленно, то Англійскій король вышлетъ въ испанскія моря эскадру и велитъ хватать всѣ голландскія торговыя суда, идущія въ Испанію,—и тогда будетъ видно, кто больше убытку понесетъ.

9 ноября Беретти сообщилъ Куракину отвѣтъ на царскіе вопросы, присланный изъ Мадрида: 40,000 испанскаго войска будетъ употреблено въ Италіи противъ Австрійцевъ; 20 кораблей испанскихъ соединятся съ эскадрами русскою и шведскою для изгнанія короля Георга изъ Англіи, и когда эта цѣль будетъ достигнута, то Испанія, не издерживая болѣе денегъ на флотъ, дастъ субсидіи царскому величеству. Куракинъ нашелъ, что и эти предложенія также общи, какъ и прежнія, и потому поставилъ новые вопросы: 1) 20 кораблей испанскихъ всѣ ли военные, или между ними нѣсколько фрегатовъ? Беретти отвѣчалъ: 20 кораблей всѣ военные; фрегаты—особо. 2) Въ какомъ мѣстѣ и въ какое время испанскій флотъ долженъ соединиться съ эскадрами сѣверныхъ державъ? *Отвѣтъ*: Въ морѣ англійскомъ противъ Шотландіи; о времени же должно послѣдовать соглашеніе впредь. 3) Какіе способы для изгнанія изъ Англіи короля Георга? *Отвѣтъ*: Изъ письма кардинала Альберони видно, что онъ имѣетъ тамъ надежную партію; царское величество и король Шведскій должны приготовить по семи тысячъ человѣкъ войска для высадки въ Шотландію; соединясь съ приверженцами Стюарта; эти войска легко могутъ выгнать короля Георга; король Испанскій не можетъ выслать своихъ войскъ для этой высадки, потому что они ему нужны въ Италіи и на границахъ французскихъ. 4) По изгнаніи короля Георга обѣщаются субсидіи: на сколько лѣтъ и по скольку на годъ? *Отвѣтъ*: По скольку на годъ—этого въ указѣ не объявлено, извѣстно одно, что дана будетъ сумма не малая; но дана она будетъ съ тѣмъ, чтобъ царское величество и король Шведскій, вступя въ имперію, напали на Ганноверскія владѣнія Георга, также на императора и продолжали войну до полученія честнаго, прибыточнаго и постояннаго мира. Куракинъ замѣтилъ, что обязанности не уравнены: Россія и Швеція должны будутъ высадить свои войска въ Шотландію и выгонять короля Георга безо всякаго вознагражденія, потому что субсидіи назначаются только по его изгнаніи за новыя дѣйствія въ имперіи. Беретти обѣщалъ донести объ этомъ замѣчаніи своему Двору, и чрезъ нѣсколько времени объявилъ, что испанскій агентъ Ирландецъ Лолесъ уже проѣхалъ въ Швецію съ порученіемъ стараться о примиреніи Карла XII-го съ царемъ, и чтобъ Шведскій король сдѣлалъ высадку въ Шотландію въ будущемъ апрѣлѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, за что получитъ 200,000 голландскихъ ефимковъ субсидіи; всѣ эти деньги уже въ Амстердамѣ у банкировъ, только не будутъ выданы Карлу XII-му прежде завоеванія Норвегіи, потому что транспортъ въ Шотландію безъ этого состояться не можетъ. Агентъ дѣйствительно поѣхалъ, но понапрасну: Карла XII-го не было болѣе въ живыхъ.

Смерть Карла XII уничтожила въ самомъ зародышѣ сближеніе Россіи съ Испаніею. Въ 1719 году, послѣ разрыва Аландскаго конгресса, когда миръ, а потомъ и оборонительный союзъ между Швеціею и Англіею поставили Россію въ затруднительное положеніе, Куракинъ переслалъ въ Петербургъ свое мнѣніе о положеніи дѣлъ: „Съ перваго взгляда кажется, что Швеція миромъ и союзомъ съ Англіею пріобрѣла великія выгоды; но кто посмотритъ вдаль,-иначе разсуждать будетъ. Короли Англійскій и Прусскій дали Шведамъ довольно денегъ для исправленія разореннаго; Шведы будутъ получать

также субсидіи отъ Англіи и Франціи, что дастъ имъ средство къ оборонѣ; флотъ англійскій будетъ ихъ защищать отъ нападенія русскихъ войскъ и флота. Такимъ образомъ, Швеція будетъ въ безопасности. Но этимъ она и должна ограничиться, потому что англійскихъ и французскихъ субсидій недостаточно для войны наступательной. Швеція продала свои германскія провинціи Ганноверу и Пруссіи, и этимъ лишилась своего прежняго значенія въ Европѣ, благодаря которому многимъ законы предписывала; но взамѣнъ не пріобрѣла ничего, потому что деньги будутъ въ одинъ годъ истрачены. Вся надежда Швеціи на дружбу Англіи; но въ чемъ будетъ состоять англійская помощь? Развѣ Англія согласится объявить войну Россіи, помогая Швеціи въ наступательномъ противъ нея движеніи? Прямо напасть на русскія области нѣтъ никакой возможности для Швеціи. Остается одно средство,— ввести свои войска въ Польшу; но гдѣ высадиться: въ Штральзундѣ?—но Штральзундъ еще за Датскимъ королемъ. Потомъ позволитъ ли Прусскій король пройти шведскимъ войскамъ въ Польшу? Для него вовсе не выгодно видѣть войну въ своемъ сосѣдствѣ, допустить Швецію придти въ силу и вступить въ союзъ съ королемъ Польскимъ; притомъ неизвѣстно, заключитъ ли Данія миръ съ Швеціею. Съ русской стороны надобно стараться не допускать до этого мира, и хотя большой выгоды отъ этого не будетъ, ибо Данія, по своей слабости и недостатку въ деньгахъ, не согласится дѣйствовать вмѣстѣ съ нами противъ Шведовъ,—однако довольно того, что у Швеціи и Англіи руки будутъ связаны; довольно имъ будетъ хлопотать около Датскаго короля, стращать его и къ миру принуждать. Король Польскій можетъ заключить миръ съ Швеціею и наступательный союзъ противъ Россіи. Лично онъ былъ бы къ этому и склоненъ, да сила въ немъ не велика: все зависитъ отъ Рѣчи Посполитой, которая войны съ Россіею не начнетъ; неспособность ея къ этому извѣстна при Дворѣ царскомъ и повсюду. Надежда Польскаго короля на помощь отъ Двора Цесарскаго останется тщетною: явнымъ образомъ этотъ Дворъ никогда не выступитъ противъ Россіи, развѣ подъ рукою будетъ одними словами помогать врагамъ ея; но ни войска, ни денегъ не дастъ; перваго—по многимъ причинамъ, а вторыхъ—потому, что нѣтъ ихъ. Какъ же теперь должно поступать Россіи, какія предпринимать предосторожности? Во-первыхъ, надобно стараться держать при себѣ Рѣчь Посполитую Польскую. Вовторыхъ, несмотря на то, что король Прусскій миръ заключилъ съ Швеціею, надобно продолжать быть въ добромъ согласіи съ Берлинскимъ Дворомъ, потому что онъ, заключивъ миръ, не вошелъ ни въ какія обязательства съ Англіею и Швеціею противъ царскаго величества, и собственный интересъ его требуетъ жить въ добромъ согласіи съ Россіею. Правда, онъ поступилъ малодушно, заключивъ отдѣльный миръ съ Швеціею; но этотъ миръ служитъ къ ослабленію Швеціи, а не къ усиленію; если же скажутъ, что Россія лишилась союзника, то отъ Пруссіи такая же была бы польза, еслибъ она и не заключила мира съ Швеціею: все равно вела бы себя нейтральною. Съ Англіею надобно избѣгать рѣшительнаго разрыва и кораблей англійскихъ подданныхъ не захватывать; пусть съ ихъ стороны начнутся непріятельскія дѣйствія, чтобъ можно было парламенту и народу показать справедливость Россіи и неправоту короля и министерства. Намъ надобно сблизиться съ главами партіи тори и чрезъ нихъ препятствовать въ парламентѣ проведенію предложеній отъ Двора; побуждать англійское купечество, заинтересованное въ русской торговлѣ, дѣлать свои представленія парламенту, въ формѣ писемъ отъ одного къ другому, безъимянно печатать въ Англіи, для народнаго вѣдѣнія, о томъ, какіе дальніе виды министерство, получа Бременъ и Верденъ, имѣетъ къ предосужденію англійской свободы, какой вредъ произойдетъ для балтійской торговли и проч. Съ Голландіею надобно жить въ дружбѣ и стараться объ усиленіи торговли съ нею, для чего ввести въ нашихъ гаваняхъ добрые порядки, чтобъ не было столкновеній съ голландскими купцами. На Французскій Дворъ я мало возлагалъ надежды и впередъ не возлагаю: несмотря на всѣ обѣщанія, данныя намъ герцогомъ Орлеанскимъ; онъ обязался платить субсидію Швеціи безъ всякой выгоды для Франціи, только въ угоду королю Англійскому. Общность интересовъ между Россіею и Испаніею побуждаетъ ихъ къ союзу; но чрезъ разореніе флота Испанія потеряла главную свою силу, осталась тѣломъ безъ рукъ: нѣтъ у нея того, чѣмъ вдали доставать можетъ; и такъ теперь обязываться съ нею трудно; но прежде можно было бы что-нибудь сдѣлать для взаимной пользы. Остается теперь самый трудный вопросъ: что лучше—мириться или продолжать войну? Разумѣется, надобно всячески стараться о мирѣ. Главное затрудненіе съ шведской стороны составляетъ уступка Ливоніи, Ревеля, Выборга. Ревель, Кексгольмъ и Выборгъ намъ возвратить нельзя по ихъ положенію; а Ливонію Швеція не уступитъ переговорами: надобно принудить ее къ этому оружіемъ. Но успѣхъ оружія зависитъ отъ перемѣны въ отношеніяхъ между европейскими государствами. Окончаніе Испанской войны должно разрушить четверной или пятерной (если считать герцога Савойскаго) союзъ. Франція долго не вынесетъ рабства, въ какомъ она находится теперь у Англіи: въ колоніяхъ уже начались между ними столкновенія. Съ другой стороны, Франція завидуетъ великой силѣ Цесаря, и если теперь герцогъ Орлеанскій, для личнаго своего интереса, находится въ дружбѣ съ Австрійскимъ Дворомъ, то по окончаніи Испанской войны будетъ поступать иначе, и прежде всего Франція подниметъ Турокъ противъ Цесаря. Голландія, оскорбленная гордыми поступками Англіи, охотно вступитъ въ союзъ съ Франціею. Оканчиваю итальянскою пословицею: Chi guadagna il tempo—guadagna

il vita (кто выигрываетъ время, выигрываетъ жизнь)“.

Испанія кончила тѣмъ, что, для удовлетворенія императора, Англіи и Франціи, пожертвовала кардиналомъ Альберони. Съ его удаленіемъ рушились обширные замыслы, въ которыхъ юго-западъ Европы соединялся съ сѣверо-востокомъ. Въ началѣ 1720 года Куракинъ доносилъ царю: „По дисграціи, учиненной кардиналу Альберони, я съ посломъ гишпанскимъ коммуникацію пресѣкъ, убѣгая всякаго подозрѣнія“. Въ это время Куракинъ хлопоталъ о томъ, чтобъ не состоялся въ Голландіи шведскій заемъ, по шести процентовъ, съ порукою Штатовъ. „Время пришло деликатное“, писалъ Куракинъ, „и должность каждаго изъ вѣрныхъ подданныхъ свое мнѣніе съ чистою совѣстію объявлять. Интересъ вашего величества нынѣ весьма требуетъ, чтобъ торговля въ Балтійскомъ морѣ съ русской стороны оставлена была совершенно свободною и спокойною, потому что Англія и Швеція на морѣ будутъ очень сильны, и запретить вывозъ хлѣба и прочаго въ Швецію будетъ невозможно; притомъ возстановленіе свободной торговли уничтожитъ неудовольствіе здѣсь и въ другихъ странахъ; и я остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что Голландскую республику содержать нейтральною, съ Цесаремъ дружбу возстановить, особенно же Прусскаго короля и Польшу въ неотмѣнной дружбѣ содержать. Считаю своею обязанностію доносить, какъ усиливается здѣсь неудовольствіе вслѣдствіе запрещенія съ русской стороны вольной торговли на Балтійскомъ морѣ, арестованіе кораблей въ Данцигѣ и конфискаціи груза; неудовольствіе распространяется и между тѣми, которые были склонны къ интересамъ вашего величества“. Петръ призналъ справедливость мнѣнія Куракина, и объявилъ вольную торговлю въ Балтійскомъ морѣ, съ возвращеніемъ прежде конфискованныхъ товаровъ, что произвело очень благопріятное впечатлѣніе въ Голландіи.

Здѣсь Куракинъ легко уладилъ дѣло, подобное которому такъ трудно было уладить въ Вѣнѣ. Одинакой участи съ Плейеромъ подвергся голландскій резидентъ Деби, котораго непріятныя для Русскаго Двора донесенія были перехвачены. Деби писалъ своему правительству, что боится бунта въ Россіи; что здоровье царя непрочно, а наслѣдникъ, царевичъ Петръ,—чрезвычайно слабаго здоровья, не ходитъ и не говоритъ, и постоянно боленъ; что царевичъ Алексѣй умеръ не своею смертію, что ему открыты были жилы; что Гёрцъ въ частномъ разговорѣ съ Брюсомъ, на островѣ Аландѣ, предложилъ проектъ брака между герцогомъ Голштинскимъ и царевною Анною; Деби писалъ, что царица будетъ поддерживать этотъ проектъ, чтобъ обезпечить себѣ убѣжище въ случаѣ нужды. Домъ Деби былъ окруженъ стражею, все у него было опечатано. Жалобы правительства Штатовъ на такое нарушеніе народнаго права Куракинъ отстранилъ замѣчаніемъ, что само Голландское правительство недавно поступило точно такъ же, арестовавъ Гёрца по требованію Англійскаго правительства, когда открыты замыслы Гёрца и Гиллемборга въ пользу претендента. Отозваннаго изъ Петербурга Деби Штаты отправили въ Стокгольмъ; Куракинъ протестовалъ противъ этого, но понапрасну [1]).

Программа Куракина выполнялась: Голландія оставалась нейтральною; съ Цесаремъ сношенія были возобновлены; съ Прусскимъ королемъ и Польшею находились въ особенной дружбѣ; наконецъ не разрывали и съ Англіею. Здѣсь можно было дѣйствовать точно такъ же, какъ и въ Польшѣ, потому что и здѣсь интересъ короля былъ отдѣленъ отъ интереса народа: въ своемъ собственномъ ганноверскомъ интересѣ, чтобъ закрѣпить Бременъ и Верденъ за Ганноверомъ, король Георгъ заключилъ миръ и оборонительный союзъ съ Швеціею; но захочетъ ли Англійскій народъ изъ-за ганноверскаго интереса тратиться на безплодную оборону Швеціи, потому что одною этою обороною нельзя принудить Россію отказаться отъ своихъ требованій? Благоразуміе требовало отъ Россіи отдѣлить въ Англіи народъ отъ короля, и, враждуя съ послѣднимъ, оставаться въ мирѣ съ первымъ. Лѣтомъ 1719 года, въ то время какъ въ Стокгольмѣ велись дѣятельные переговоры для сближенія Англіи съ Швеціею ко вреду Россіи, русскій резидентъ въ Лондонѣ, Ѳедоръ Веселовскій, внушалъ Англичанамъ, что ганноверскіе министры, изъ своихъ частныхъ видовъ, употребляютъ всевозможныя коварства, чтобъ ссорить Россію и Пруссію съ Англіею, и произвели такую смуту, что Англія кажется Дворомъ Ганноверскимъ, потому что управляется его интересами и политикою, и тѣ, которые не согласуются съ страстями этого Двора, принуждены быть въ несогласіи и съ Англіею. Веселовскій доносилъ своему Двору, что внушенія его производятъ большое впечатлѣніе; что между Англичанами начинается ропотъ на силу ганноверскихъ министровъ, и говорятъ, что надобно положить конецъ этой силѣ.

Съ такими-жъ внушеніями Веселовскій обратился и къ англійскому государственному секретарю Стенгопу: „Царскія войска“, говорилъ резидентъ, „выведены изъ Мекленбурга; несмотря на то, ганноверскіе министры не перестаютъ клеветать на царское величество, приписывая ему враждебныя намѣренія противъ Цесаря, имперіи, Польши, чтобъ прикрасить этимъ свой договоръ, заключенный въ Вѣнѣ, и особенно, чтобъ поссорить Россію съ Англіей. Но ихъ коварства опровергнуты передъ цѣлымъ свѣтомъ великодушнымъ поступкомъ нашего государя, который оставилъ интересы своего ближняго свойственника, герцога Мекленбургскаго, для сохраненія спокойствія въ Германіи. Съ Англіею царское величество поступаетъ всегда доброжелательно и надѣется, что она не пойдетъ противъ его интерсовъ. Но если онъ обманется въ своей

[1]) Дѣла Голландскія съ 1718 по 1721 годъ. Донесенія Голландскихъ резидентовъ.

надеждѣ, если Англія заключитъ хотя оборонительный союзъ съ Швеціею, то онъ будетъ смотрѣть на это, какъ на объявленіе войны Россіи".— „Мы имѣемъ причины опасаться", отвѣчалъ Стенгопъ, „что у царскаго величества нѣтъ доброжелательныхъ намѣреній относительно Англіи; мы основываемъ свои опасенія не на лживыхъ внушеніяхъ ганноверскихъ министровъ, но на подлинныхъ извѣстіяхъ, что эмиссары претендента (Стюарта) не только живутъ постоянно при Дворѣ Царскомъ, но трактуютъ съ министрами объ интересахъ претендента; какъ же послѣ того Англія можетъ имѣть мнѣніе о добрыхъ намѣреніяхъ царскаго величества къ Англіи? Видимъ и другія доказательства нерасположенія царскаго величества къ Англіи: нашимъ купцамъ запрещенъ свободный торгъ съ Швеціею; и если съ русской стороны продолжится намѣреніе лишать торговли своихъ пріятелей, то мы наконецъ принуждены будемъ принять свои мѣры".—По словамъ Веселовскаго, ему легко было опровергнуть „слабые резоны" Стенгопа; онъ отвѣчалъ, что сильно сомнѣвается въ справедливости извѣстій о претендентовыхъ эмиссарахъ въ Петербургѣ; но еслибъ даже это было и правда, то почему Англія до сихъ поръ не вошла на этотъ счетъ въ соглашеніе съ Россіею, какъ то сдѣлала съ другими державами? Что же касается до запрещенія торговать съ Швеціею, то это сдѣлано потому, что Швеція запретила торговлю съ Россіею; пусть всѣ тогда державы настоятъ, чтобъ Швеція уничтожила это запрещеніе,—и Россія позволитъ свободную торговлю съ Швеціею. Стенгопъ сказалъ на это: „Англія, по общности торговыхъ выгодъ и по услугамъ, которыя она оказала царскому величеству въ настоящей Сѣверной войнѣ, можетъ требовать со стороны Россіи вниманія къ своимъ интересамъ; а заключать конвенцію насчетъ претендента неприлично, потому что Англія и безъ того надѣется на доброе расположеніе царскаго величества".—„Какія услуги Англія оказала Россіи въ настоящей войнѣ?" спросилъ Веселовскій.—„Англія", отвѣчалъ Стенгопъ, „допустила царя сдѣлать большія завоеванія и утвердиться въ Балтійскомъ морѣ; кромѣ того, посылала свой флотъ и помогала предпріятіямъ царскимъ".—„Англія", сказалъ Веселовскій, „допустила царское величество дѣлать завоеванія потому, что у нея не было средствъ помѣшать этому, не имѣла и желанія благопріятствовать успѣхамъ Россіи, но, по обстоятельствамъ, должна была оставаться нейтральною; флотъ свой посылала въ Балтійское море для защиты своей торговли и для обороны короля Датскаго въ силу заключеннаго съ нимъ обязательства".

Узнавъ, что Англія снаряжаетъ сильный флотъ въ Балтійское море, царь велѣлъ Веселовскому спросить у Стенгопа, съ какимъ намѣреніемъ этотъ флотъ будетъ отправленъ. Стенгопъ отвѣчалъ, что флотъ отправляется къ Датскому королю по примѣру прошлаго года, причемъ Англія, кромѣ охраненія торговли, не имѣетъ никакой другой цѣли. „Не знаю", сказалъ Стенгопъ, „какую причину имѣетъ царское величество сомнѣваться насчетъ Англіи; но мы имѣемъ важную причину опасаться Россіи, потому что эмиссары претендента при Дворѣ царскомъ договариваются о низверженіи короля Георга".—„Я весьма опасаюсь", писалъ Веселовскій царю: „нѣтъ ли между якобитами (приверженцами Іакова Стюарта), находящимися въ Россіи, какого-нибудь лживаго человѣка, который, или будучи подкупленъ, или изъ недоброжелательства, сообщаетъ здѣшнему Двору и то, что, можетъ быть, его товарищи и не дѣлаютъ; но вѣрно то, что англійское министерство принимаетъ это дѣло за высшую себѣ обиду, которою оправдываетъ всѣ враждебныя дѣйствія Ганноверскаго Двора противъ вашего величества. Также весь народъ, по разглашеніямъ якобитовъ, убѣжденъ, что ваше величество находитесь въ согласіи съ Испаніею и, при удобномъ случаѣ, намѣрены, вмѣстѣ съ нею, сдѣлать высадку въ Англію".

Къ Веселовскому явились члены русской торговой компаніи и разсказывали, какъ они были у Стенгопа съ вопросомъ, могутъ ли отправлять свои корабли въ русскія гавани, ибо слухъ есть, что между королемъ ихъ и царемъ происходитъ несогласіе, и Стенгопъ отвѣчалъ имъ, что могутъ отправлять свои корабли въ Россію безопасно, король намѣренъ сохранить доброе согласіе съ царемъ.— „Это скрытое коварство!" сказалъ Веселовскій купцамъ: „англійскіе министры хотятъ принудить царское величество къ разрыву съ Англіею, но до сихъ поръ не могли еще преодолѣть умѣренность нашего государя. Но если бы имъ удалось вывести его изъ терпѣнія и принудить къ какому-нибудь враждебному дѣйствію, то они объявятъ въ народѣ, что Россія напала на Англію безъ всякой причины; что они, министры, и не думали о войнѣ съ нею—доказательство: они объявили членамъ русской компаніи, что могутъ безопасно отправить корабли свои въ русскія гавани. А между тѣмъ они работаютъ всюду противъ интересовъ царскаго величества, причемъ интересъ Англійскаго народа приносится въ жертву страстямъ Бернсторфа. Для удовлетворенія этимъ страстямъ, раболѣпное министерство англійское положило разорвать съ Россіею, что доказываютъ переговоры съ Швеціею, посылка Витворта къ Прусскому Двору съ цѣлію отвлечь его отъ Россіи. Въ интересѣ отечества своего. приложите сильныя старанія для предупрежденія разрыва между Англіею и Россіею, подайте письменныя представленія самому королю". Купцы, по словамъ Веселовскаго, согласились съ его мнѣніемъ и обѣщали уговаривать старшинъ компаніи подать представленіе королю. Но въ совѣтѣ компаніи, державномъ по этому случаю, большинствомъ голосовъ было рѣшено, что должно успокоиться на заявленіи Стенгопа и не дѣлать новыхъ представленій правительству.

Въ іюнѣ англійскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Норриса, явился въ Балтійское море

Царь отправилъ къ адмиралу письмо, въ которомъ требовалъ объясненія, зачѣмъ онъ присланъ, ибо прежде, при подобныхъ отправленіяхъ флота, ему, царю, всегда давали знать объ этомъ заранѣе; и если теперь адмиралъ не объяснитъ письменно цѣли своего порученія, приблизится къ русскому флоту или къ русскимъ берегамъ, то съ царской стороны это молчаніе будутъ почтено за знакъ злоумышленія, и будутъ приняты надлежащія мѣры для безопасности. Въ концѣ письма царь заявлялъ, что онъ противъ короля и короны Великобританской, ни противъ какого другого государства, кромѣ Швеціи, враждебныхъ намѣреній не имѣетъ. Норрисъ отвѣчалъ изъ Копенгагена: „Передъ отъѣздомъ моимъ я говорилъ съ г. Веселовскимъ о походѣ моемъ сюда; сказалъ ему, что надѣюсь на сохраненіе добраго согласія между нашими государями. Потому съ крайнею покорностію пріемлю смѣлость засвидѣтельствовать вашему величеству удивленіе мое насчетъ опасенія, выраженнаго въ письмѣ вашемъ“. Но въ сентябрѣ, когда еще царскіе уполномоченные, Брюсъ и Остерманъ, находились на Аландскихъ островахъ, получаютъ они на царское имя слѣдующее письмо изъ Стокгольма отъ англійскаго посланника при тамошнемъ Дворѣ, Картерета: „Король Великобританскій, государь мой, повелѣлъ мнѣ донести вашему царскому величеству, что королева Шведская приняла его посредничество для заключенія мира между вашимъ величествомъ и короною Шведскою. Королева Шведская приняла посредничество Великобританіи потому, что эта держава никогда не принимала участія въ Сѣверной войнѣ; уповается, что это разсужденіе принято будетъ и вашимъ величествомъ; что ваше величество соизволите повелѣть пресѣчь всѣ непріятельскія дѣйствія въ знакъ принятія посредничества и склонности къ миру. Я прошу позволенія донести вашему величеству, что король, государь мой, повелѣлъ кавалеру Норрису придти съ флотомъ къ здѣшнимъ берегамъ какъ для защиты торговли его подданныхъ, такъ и для поддержанія его медіаціи, и что его величество, вмѣстѣ съ королемъ Французскимъ и другими своими союзниками (между которыми находится и Швеція), принялъ мѣры, чтобъ его медіація получила ожидаемый успѣхъ и чтобы въ скоромъ времени прекращена была война, которая такъ долго тревожила Сѣверъ“. Вмѣстѣ съ письмомъ отъ Картерета, получено было и письмо отъ Норриса въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ; кромѣ того, адмиралъ предлагалъ свои услуги для начатія мирныхъ переговоровъ между Россіею, Швеціею и Англіею. Брюсъ и Остерманъ, „усмотря весьма необыкновенный и гордый поступокъ англійскихъ посла и адмирала“, отвѣчали Картерету, что они не могутъ препроводить подобныхъ писемъ къ царскому величеству, и надѣются, что король Великобританскій свои мнѣнія и чувства въ дѣлѣ столь великой важности не оставитъ объявить царскому величеству или самъ, или чрезъ своего министра, находящагося въ Петербургѣ, а такіе чрезвычайные способы и пути непотребны.

Въ ноябрѣ открылся парламентъ. Въ тронной рѣчи о сѣверныхъ дѣлахъ, о вспоможеніи, оказанномъ Швеціи, было сказано глухо: „Одно протестантское государство получило своевременно нашу помощь, и нашими послѣдними договорами положено такое основаніе союза между великими протестантскими державами, что безопасность нашей святой религіи можетъ считаться крѣпко обезпеченною“ Между прочимъ, въ тронной рѣчи находилось слѣдующее мѣсто: „Наши домашнія несогласія, преувеличенныя за границею, внушили нѣкоторымъ иностраннымъ державамъ ложное мнѣніе о нашихъ силахъ, и онѣ вздумали обходиться съ нами такимъ образомъ, какого корона Великобританіи никогда не стерпитъ, пока я ее ношу“. Веселовскій, пересылая тронную рѣчь въ Петербургъ и указывая на послѣднее мѣсто въ ней, замѣчаетъ: „Здѣсь скрытымъ, но хитрымъ изображеніемъ дано знать о письмѣ вашего величества къ адмиралу Норрису, которое выставлено какъ оскорбленіе, нанесенное коронѣ Англійской. Отъ такихъ хитростей и подлоговъ, отъ пенсій, чиновъ и подарковъ, раздаваемыхъ членамъ парламента, чего другого можно ожидать, кромѣ всякаго снисхожденія и одобренія всему, чего Дворъ желаетъ. Противная партія хотя предлагала вѣрные резоны, но все понапрасну, потому что не достоинство мнѣній, но число голосовъ преодолѣваетъ. Такъ какъ я вижу, что министры прилежно за мною смотрятъ и о всѣхъ разговорахъ навѣдываются, то я съ осторожностію и въ умѣренныхъ выраженіяхъ внушаю все, что потребно къ интересамъ вашего величества“. Въ концѣ года Веселовскій доносилъ о неблагопріятномъ расположеніи англійской публики къ Россіи: „Вообще сожалѣютъ о бѣдственномъ состояніи Швеціи, а къ силѣ вашего величества такую зависть питаютъ, что никакихъ резоновъ не принимаютъ; опасаются, что ваше величество намѣрены стать повелителемъ на Балтійскомъ морѣ, и если Швецію оставить безъ помощи, то кто можетъ поручиться, что вы ея не завоюете. Да хотя бы этого и не случилось, то какое будетъ равновѣсіе между сѣверными державами? Эти разсужденія слышалъ я отъ членовъ парламента, доброжелательныхъ вашему величеству и обѣщавшихъ мнѣ постоянно дѣйствовать въ интересѣ вашего величества“.

Хотѣлось защитить Швецію и возстановить равновѣсіе на сѣверѣ; но не хотѣлось и разрывать съ Россіею, вступить въ войну, не обѣщавшую скорыхъ и вѣрныхъ успѣховъ и выгодъ. Въ началѣ 1720 года друзья увѣряли Веселовскаго, что въ обѣихъ партіяхъ, виговъ и тори, изъ десяти человѣкъ непремѣнно восемь разрывъ съ Россіею считаютъ противнымъ англійскому интересу. Министры очень хорошо это знаютъ, и если желаютъ разрыва съ Россіею, то никакъ не откроютъ этого желанія нынѣшнему парламенту, но будутъ раздражать

Русскій Дворъ до тѣхъ поръ, пока разрывъ естественно послѣдуетъ. Въ январѣ пріѣхалъ курьеръ изъ Стокгольма, и разнесся слухъ по всему городу, что царь принимаетъ посредничество короля Георга и есть надежда на скорое заключеніе мира между Россіею и Швеціею. „Откуда это разглашеніе произошло и на какомъ основаніи, знать подлинно не могу", писалъ Веселовскій, „только примѣчаю, что всѣ этому рады, и не могу довольно изобразить, какъ сильно и придворные, и члены парламента желаютъ добраго согласія между обоими Дворами, и какъ непріятна имъ мысль о разрывѣ съ вашимъ величествомъ".

Слухъ оказался ложнымъ; царь не принималъ посредничества Англіи; меморіалъ, поданный Веселовскимъ, и отвѣтъ на него со стороны короля Георга, заключавшіе взаимныя обвиненія, не могли вести къ сближенію [2]). И въ 1720 году снарядили флотъ, который адмиралъ Норрисъ долженъ былъ вести опять въ Балтійское море для защиты Швеціи. 6 апрѣля Стенгопъ, увидавши Веселовскаго при Дворѣ, подошелъ къ нему и сказалъ: „Чтобъ вы никакой причины къ жалобамъ противъ насъ не имѣли, мы сообщимъ вамъ списокъ съ договора нашего со Швеціею и съ инструкціи, которую мы даемъ адмиралу Норрису. Онъ отправляется, по силѣ этого договора, только на помощь Швеціи, и въ вашей волѣ заключить миръ или нѣтъ, и насъ признать за пріятелей или непріятелей, и какъ вы поступите въ отношеніи къ намъ,—такъ и мы поступимъ въ отношеніи къ вамъ". Сказавши это, Стенгопъ сейчасъ же отошелъ отъ Веселовскаго. „Это причитаю себѣ за авантажъ", писалъ резидентъ, „ибо если бы я хотя нѣсколько словъ сказалъ не по немъ, то безъ противности не разошлись бы, потому что зѣло запальчивый человѣкъ". На другой день, вмѣсто обѣщанныхъ копій съ договора и инструкціи, Стенгопъ прислалъ Веселовскому слѣдующее письмо: „Король, мой государь, приказалъ своему адмиралу, кавалеру Норрису, отплыть какъ можно скорѣе въ Балтійское море съ эскадрою военныхъ кораблей, которые должны, въ силу договора съ Швеціею, соединиться съ морскими силами этой державы для прикрытія ея областей и для содѣйствія заключенію выгоднаго для обѣихъ сторонъ мира между Россіею и Швеціею. Мнѣ приказано сообщить вамъ объ этихъ распоряженіяхъ и повторить вамъ отъ имени королевскаго предложеніе его посредничества и добрыхъ услугъ для ускоренія миромъ, который такъ необходимъ обѣимъ воюющимъ сторонамъ и такъ выгоденъ всѣмъ народамъ, участвующимъ въ торговлѣ сѣверныхъ морей".

8 мая царь, будучи въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, велѣлъ отправить указы къ генералъ-адмиралу графу Апраксину и къ Рижскому генералъ-губернатору князю Репнину: когда будутъ отъ адмирала англійскаго Норриса или посла Картерета или отъ другого какого-нибудь командира или министра англійскаго присланы письма на имя царскаго величества, то ихъ не принимать, а сказать присланному и письменно отвѣчать, что письма приняты быть не могутъ, ибо всему свѣту извѣстно, что адмиралъ Норрисъ посланъ на помощь къ Швеціи. Если же имѣется къ царскому величеству отъ короля грамота, то велѣно ее принять и переслать къ государю; также если адмиралъ будетъ писать къ русскимъ министрамъ, къ адмиралу и генераламъ, то письма его принимать.

30 мая, находясь близъ Наргена, Норрисъ отправилъ слѣдующее письмо къ главнокомандующему въ Ревелѣ, генералу фонъ-Делдену: „Король, государь мой, велѣлъ мнѣ идти съ эскадрою въ это море для полученія справедливаго и умѣреннаго мира между Россіею и Швеціею, для пользы подданныхъ его величества и дружественныхъ съ нимъ народовъ. Король истинно желаетъ, чтобъ это христіаннѣйшее дѣло счастливо и какъ можно скорѣе было приведено къ окончанію; для этого онъ велѣлъ мнѣ возобновить предложеніе посредничества, и далъ полномочіе министру своему при Стокгольмскомъ Дворѣ и мнѣ посредствовать между обѣими коронами". При этомъ прислано было и письмо на имя царя, которое фонъ-Делденъ отослалъ назадъ по указу. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ отправилъ Норрису письмо отъ себя: „Такъ какъ его царское величество, мой всемилостивѣйшій государь, истинное желаніе имѣетъ всегда существовавшую дружбу между нимъ и королевскимъ величествомъ и короною Великобританскою постоянно продолжать, избѣгая всѣхъ случаевъ, которые могутъ подать причину къ непріязни, то ваше высокоблагородіе не можете принять за противное, что я, при нынѣшнемъ вашемъ приближеніи съ флотомъ великобританскимъ къ здѣшнимъ мѣстамъ, служебно къ вамъ отзываюсь и васъ достойнымъ образомъ прошу мнѣ сообщить, въ какомъ намѣреніи вы приближаетесь съ флотомъ къ здѣшнимъ мѣстамъ? Въ ожиданіи отвѣта, я надѣюсь, что ваше высокоблагородіе отъ здѣшнихъ мѣстъ и крѣпостей ихъ будете держаться въ пристойномъ отдаленіи, ибо министры королевскіе объявили резиденту царскаго величества въ Лондонѣ, что вы отправлены на помощь непріязненной намъ коронѣ Шведской, и приближеніе ваше къ укрѣпленіямъ здѣшнихъ мѣстъ можетъ быть принято нами за явный знакъ непріязни, и мы принуждены будемъ употребить надлежащія мѣры предосторожности".

[2]) Дѣла Англійскія 1720 года. Въ отвѣтъ на меморіалъ читаемъ о сношеніяхъ Русскаго Двора съ Якобитами. On n'ignore pas les negotiations du nommé Jernégan et du chevalier Hugh Patterson, beau frère du cydevant lord Mar avec le ministere Russien pendant le sejour du Czar en Hollande. On a en connaissance des intrigues de ce même ministere tant avec le cydevant duc d'Ormond pendant le sejour qu'il fit incognito à Mittau, qu'avec le chevalier Harry Sterling et le sus dit Jernégan à Petersbourg, aussi bien que de la correspondance qui s'etablit par le moyen de ce dernier entre le Czar et la cour d'Espagne. Tout le monde a su le grand nombre des sujets rebelles de sa majèsté, a qui le Czar a donné toute sorte de protection et d'encouragement.

Норрисъ отвѣчалъ, что онъ явился предложить посредничество короля своего къ доброму миру, и когда царское величество изволитъ принять это посредничество, то онъ, Норрисъ, готовъ будетъ къ его услугамъ. На это Апраксинъ написалъ, по царскому повелѣнію, что если королевское величество Великобританское заблагоразсудитъ его царскому величеству о какихъ дѣлахъ предлагать, то изволилъ бы прислать, по обычаю, своего министра или его, Норриса, съ кредитивомъ и полномочіемъ: царское величество изволитъ присланнаго принять дружелюбно, его предложеніе выслушать и вступить, по возможности, въ переговоры [1]).

Попытка испугать Россію не удалась: посредничество въ угрожающей формѣ было отстранено, и въ то самое время, когда Норрисъ грозилъ, русскія войска опустошали шведскіе берега; отрядъ, подъ начальствомъ бригадира фонъ-Менгдена, углубился на 5 миль внутрь страны, не встрѣчая никакого сопротивленія, сжегъ два города и 41 деревню съ 1,026 крестьянскими дворами [2]). Петръ писалъ Ягужинскому: „Партія наша подъ командою бригадира фонъ-Менгдена въ Швецію впала и паки счастливо чрезъ море перешла къ своимъ берегамъ. Правда, хотя не гораздо великій непріятелю убытокъ учиненъ, только, славу Богу, что сдѣлано предъ глазами помощниковъ ихъ, и чему препятствовать ничего не могли“ [3]).

Въ Англіи оппозиція сильно смѣялась надъ министерствомъ, сильно смѣялась надъ подвигами королевскаго флота, посланнаго на защиту Швеціи и не помѣшавшаго Русскимъ опустошать ея берега. Англія не возобновляла болѣе попытокъ къ посредничеству. За это дѣло принялась Франція.

Мы видѣли, что Франція, по смерти Людвика XIV, въ правленіе герцога Орлеанскаго, сбизилась съ Россіею, и были важныя основанія, почему Франція, истощенная, потерявшая свое первенствующее на западѣ значеніе, дорожила этимъ сближеніемъ. Но, вь то же время, личный интересъ регента заставлялъ его сближаться съ Англіею, которой король, Георгъ I-й, былъ въ сильной враждѣ съ царемъ. Интересы Россіи въ Парижѣ защищалъ въ это время баронъ Шлейницъ, переведенный царемъ къ Французскому Двору отъ Ганноверскаго. „Англія“, писалъ Шлейницъ изъ Парижа въ 1718 г., „и здѣсь старается всѣми силами уничтожить дѣйствіе тройнаго союза, заключеннаго между Россіею, Франціею и Пруссіею. Сверхъ того, я имѣю подлинныя вѣдомости изъ Вѣны, что Англійскій Дворъ велѣлъ обнадежить Цесаря, чтобъ онъ нисколько не опасался этого союза. Англійскій посланникъ при Французскомъ Дворѣ, Стерсъ, старается уговорить регента, чтобъ онъ способствовалъ заключенію партикулярнаго мира между королемъ Англійскимъ и Швеціею, и самъ вступилъ въ оборонительный союзъ съ Англіею и Швеціею для противодѣйствія планамъ вашего величества, грозящимъ спокойствію всей Европы. Стерсъ имѣетъ большой кредитъ у регента; почти не проходитъ дня, чтобъ не сидѣли они часа по два запершись; правда, что эти тайныя конференціи касаются испанскихъ и итальянскихъ дѣлъ; но я знаю навѣрное, что и сѣверныя дѣла тутъ не бываютъ забыты“. Когда Шлейницъ объявилъ регенту объ отрѣшеніи отъ наслѣдства царевича Алексѣя, тотъ отвѣчалъ: „Поздравляю царское величество отъ всего сердца съ окончаніемъ такого важнаго и нужнаго дѣла, отъ котораго зависятъ спокойствіе и согласіе въ семействѣ царскомъ, благополучіе всей Россійской монархіи и всѣхъ подданныхъ, твердость и безопасность союзовъ, съ Россіею заключенныхъ. Царское величество, въ бытность свою во Франціи, открылъ мнѣ по секрету о своемъ намѣреніи; признаюсь, тогда я боялся, не опасно ли это дѣло; но теперь мнѣ остается только удивляться искусству царскаго величества, съ какимъ онъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ“. Потомъ регентъ распространился о своихъ отношеніяхъ къ Россіи: „Мое истинное намѣреніе — сблизиться какъ можно тѣснѣе съ царскимъ величествомъ и королемъ Прусскимъ. Я стараюсь всѣми силами о примиреніи Испаніи съ Цесаремъ; но этимъ самымъ примиреніемъ я сдѣлаю Испанію и Австрію сильными и опасными для Франціи. Для избѣжанія этой опасности, мнѣ нужно имѣть контрбалансъ, который всего лучше я могу найти въ союзѣ съ Россіею и Пруссіею, и, если можно, съ Швеціею. Нужно образовать сильную партію въ Германіи, что всего лучше сдѣлать чрезъ Пруссію; но я не хочу впасть въ ту же ошибку, какую здѣсь сдѣлали въ началѣ войны за Испанское наслѣдство, ибо Франція, заключая союзы въ имперіи, начала съ ногъ, а голову забыла; но я теперь начну съ головы, т.-е. съ царскаго величества“.

Одно было на словахъ, другое—на дѣлѣ. На словахъ былъ интересъ Франціи, вѣрно понимаемый; на дѣлѣ былъ—интересъ герцога Орлеанскаго, который нужно было обезпечить отъ притязаній короля Испанскаго; а чтобъ съ успѣхомъ противодѣйствовать Испаніи, нужно было сблизиться съ императоромъ и съ Англіею. И вотъ Франція входитъ въ четверной союзъ (съ Англіею, императоромъ и Голландіею) противъ Испаніи. Мы видѣли, что, угрожаемая съ четырехъ сторонъ, Испанія обращалась къ далекой Россіи, имѣвшей съ нею одинакій интересъ по непріязненнымъ отношеніямъ къ Англіи и императору. И въ Парижѣ испанскій посланникъ Челламаре объявилъ Шлейницу, что король велѣлъ ему быть съ нимъ въ дружбѣ и хочетъ быть съ царскимъ величествомъ въ тѣсной дружбѣ и конфиденціи. Между тѣмъ, регентъ продолжалъ увѣрять Шлейница въ своемъ дружескомъ расположеніи къ Россіи; объявилъ, что четверной союзъ не имѣетъ никакого отношенія къ сѣвернымъ дѣламъ, не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго для Россіи; велѣлъ поздравить царя съ очевидною помощію Божіею, оказанною ему въ смерти

[1]) Дѣла Англійскія 1720 г.
[2]) Дѣла Шведскія 1720 г.
[3]) Голиковъ. Дѣянія VII, 106, 10.

царевича Алексѣя; велѣлъ объявить царю, что по заключеніи мира и, какъ надобно полагать, союза между Россіею и Швеціею, онъ, регентъ, вступитъ въ ближайшія обязательства съ обѣими державами. „Я знаю", говорилъ регентъ, „что король Испанскій хочетъ заключить союзъ съ царскимъ величествомъ. Я ничего не имѣю противъ этого союза и надѣюсь, что царское величество, при заключеніи его, не войдетъ ни въ какое обязательство, противное интересу Франціи, короля ея или моему собственному, точно такъ, какъ я, входя въ обязательства съ Англіею, не позволилъ и никогда не позволю внести какое-нибудь условіе, вредное для Россіи; у меня одна цѣль: во время малолѣтства королевскаго не дать Франціи вмѣшаться въ какую-нибудь войну".

Но Шлейницъ узналъ, что въ договорѣ между Франціею и Англіею находится секретная статья, по которой союзники и по достиженіи своей цѣли относительно Испаніи остаются въ обязательствѣ взаимнаго вспоможенія до прекращенія Сѣверной войны. Шлейницъ узналъ так-же, что Англія и императоръ втягиваютъ регента въ сѣверныя дѣла посредствомъ всемогущаго министра его, прежняго наставника и развратителя, аббата Дюбуа, которому императоръ обѣщалъ выхлопотать кардинальство, а Лондонскій Дворъ за союзный договоръ съ Франціею заплатилъ сто тысячъ ефимковъ и назначилъ на все время союза пенсію въ тридцать, а по другимъ — въ пятьдесятъ тысячъ ефимковъ. Люди вліятельные, члены совѣта регентства, имена которыхъ Шлейницъ опасался предать письму, говорили ему, что въ совѣтѣ регентства герцогъ Орлеанскій предлагалъ уже принять немедленное участіе въ сѣверныхъ дѣлахъ; но, кромѣ нѣкоторыхъ креатуръ его, всѣ другіе члены совѣта отвѣчали, что это участіе вовсе не въ интересѣ Франціи, и что, по крайней мѣрѣ, надобно подождать окончанія дѣлъ испанскихъ. Нѣкоторые „конфиденты" присовѣтовали Шлейницу попросить у регента объясненія, почему его слова не соотвѣтствуютъ дѣлу. Застигнутый врасплохъ вопросомъ Шлейница, герцогъ отвѣчалъ, что его подлинное намѣреніе и интересъ короны Французской заключаются въ томъ, чтобъ поддерживать равновѣсіе на сѣверѣ. Шлейницъ нашелъ, что этотъ отвѣтъ „состоитъ на винтахъ". Конфиденты говорили ему, что, по вѣрному извѣстію, ими полученному, Цесарь, чрезъ графа Фирмонда, предлагалъ Рѣчи Посполитой Польской оборонительный и наступательный союзъ, обѣщая освобожденіе отъ русскихъ войскъ; сильно стараются о томъ, чтобъ поднять султана противъ Россіи, и въ этомъ дѣлѣ болѣе другихъ участвуетъ король Польскій,—бунтуютъ и казаковъ на Украйнѣ. Шлейницъ самъ видѣлъ, въ какой тѣсной дружбѣ былъ англійскій посланникъ въ Парижѣ Стерсъ съ польскимъ (саксонскимъ) министромъ Сумомъ, а прусскій посланникъ Книпгаузенъ вдругъ прекратилъ съ Шлейницемъ всякое сообщеніе. Только испанскій посолъ, именемъ короля своего, настаивалъ на скорѣйшее заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза между Россіею и Испаніею; говорилъ, что надобно возбудить въ Англіи внутреннее волненіе, для чего надобно согласиться съ Швеціею насчетъ возобновленія прежняго плана Гёрца, сдѣлать высадку въ пользу претендента; надобно также, чтобъ царь, вступивъ въ тѣсный союзъ съ Испаніею, сильно дѣйствовалъ противъ императора въ Польшѣ и Германіи; надобно, чтобъ герцогъ Орлеанскій перемѣнилъ свой образъ дѣйствія, въ противномъ случаѣ надобно, съ помощью Испаніи, произвести переворотъ во Франціи и уничтожить, для истиннаго интереса этой державы, вредные союзы ея съ императоромъ и Англіею. Шлейницъ замѣтилъ, что послѣднее очень трудно; недавно открыты были сношенія съ Испаніею герцога де-Мэна (побочнаго сына Людовика XIV), за что онъ пострадалъ вмѣстѣ съ другими своими сообщниками; теперь регентъ на-сторожѣ и силенъ. На это Челламаре отвѣчалъ: „Регентъ скоро увидитъ, что обманулся, удаливъ герцога де-Мэна, ибо найдетъ мѣсто послѣдняго занятымъ снова согласно съ истиннымъ интересомъ Франціи"

Аббатъ Дюбуа имѣлъ обстоятельныя свѣдѣнія о замыслахъ Испаніи, т.-е. кардинала Альберони: онъ зналъ, что Испанскій Дворъ предлагаетъ Карлу XII чрезъ Гёрца высадку въ Шотландію, для чего необходимъ союзъ съ Россіею. Дюбуа, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ по этому поводу длинный разговоръ съ Шлейницемъ; представлялъ, что „выгоды, которыя можетъ получить Россія отъ испанскаго союза, нельзя уравнять съ непріятностями, которыя могутъ произойти отъ озлобленія большей части и притомъ сильнѣйшихъ державъ Европы и собственныхъ союзниковъ Россіи. Царь намѣренъ утвердиться на Балтійскомъ морѣ и установить свою торговлю; но для этого можно найти способы повѣрнѣе испанскаго союза. Регентъ готовъ помочь ему въ отысканіи этихъ способовъ. Усиленіе императора и тѣсный союзъ его съ Англіею, разумѣется, не могутъ нравиться Россіи; но они одинаково не нравятся и Франціи. Но прежде всего Испанія должна помириться съ императоромъ, должна быть прекращена война, которую она ведетъ въ Италіи; а потомъ Испанія можетъ быть присоединена къ союзу между Россіею, Швеціею, Франціею и Пруссіею. Царя нельзя осуждать за то, что онъ выслушиваетъ испанскія предложенія: ему пріятно видѣть, какъ державы самыя отдаленныя нуждаются въ его дружбѣ. Не худо было бы, еслибъ царь, съ одной стороны, не отталкивалъ отъ себя Испанію, а съ другой—принялъ предложенный мною планъ, и, когда возгорится рѣшительная война между императоромъ, Англіею и Испаніею, Россія можетъ предложить свое посредничество, что доставитъ ей славу и пользу. Если мирные переговоры у Россіи и Пруссіи съ Швеціею еще продолжаются, то регентъ готовъ всѣми силами помогать скорѣйшему заключенію мира, лишь бы только въ договорахъ

не заключалось условій о вторженіи въ Англію и о возбужденіи войны въ Германіи. Если переговоры прерваны, то пусть сѣверные союзники составятъ общій планъ примиренія: тогда Франція, Англія и Цесарь вынудятъ у Швеціи миръ по этому плану. Регентъ объявляетъ царю въ высшей конфиденціи, что отъ него, регента, зависитъ заключеніе мира между Швеціею и курфюрстомъ Ганноверскимъ: недавно король Шведскій прислалъ ему свой оригинальный проектъ этого мира и отдалъ дѣло въ его руки; регентъ увѣренъ, что Англійскій король приметъ предлагаемыя Швеціею условія; но—онъ даетъ царю честное слово—проектъ не выйдетъ изъ его рукъ и не будетъ сообщенъ Англіи, пока регентъ не узнаетъ, что или миръ заключенъ между Россіею и Швеціею, или переговоры прерваны. Неотмѣнное намѣреніе регента состоитъ въ томъ, чтобъ, по заключеніи мира между Испаніею и Цесаремъ, вступить въ тѣсный союзъ съ Россіею, Швеціею, Пруссіею и Испаніею для поддержанія европейскаго равновѣсія. Не нужно доказывать, что этотъ союзъ необходимъ вслѣдствіе усиленія императора и тѣсной связи его съ Англіею. Равновѣсіе на Балтійскомъ морѣ можетъ быть потеряно, когда Швеція лишится своихъ провинцій, лежащихъ въ Германіи; но это для Франціи уравновѣсится союзомъ съ Россіею и Пруссіею".—Дюбуа нѣсколько разъ бросался обнимать Шлейница, прося его, чтобъ это важное дѣло велось со всевозможнымъ стараніемъ и величайшею тайною.

Несмотря на подозрительное поведеніе регента, на союзъ его съ Англіею, въ Петербургѣ всячески старались „менажировать" Францію, какъ тогда выражались, если не для настоящаго, то для будущаго. У царя родилась дочь Наталья, и Шлейницъ получилъ указъ просить короля Людовика XV быть воспріемникомъ новорожденной царевны. Воспитатель короля, маршалъ Виллъруа, говорилъ Шлейницу по этому случаю о любви и высокомъ уваженіи молодаго короля къ царю; какъ Людовикъ часто спрашиваетъ, гдѣ теперь царь, чѣмъ занимается. Виллъруа жалѣлъ, что принцесса, къ которой король призванъ въ крестные отцы, очень молода и король не можетъ такъ долго дожидаться, хотя бы и желательно было видѣть ее Французскою королевою. Дюбуа прибавилъ при этомъ, что какъ ни изумительна мудрость царскаго величества, однако, при назначеніи короля воспріемникомъ къ царевнѣ, онъ позабылъ, что, по католическому правилу, король жениться на ней не можетъ; впрочемъ, можно надѣяться, что папа окажетъ учтивость и дастъ разрѣшеніе.

1 декабря 1718 года Шлейницъ донесъ своему Двору о важномъ, по обстоятельствамъ для Россіи происшествіи: испанскій посолъ, князь Челламаре, былъ арестованъ въ своемъ домѣ, къ нему приставили 50 человѣкъ мушкетеровъ, всѣ письма его захватили; вмѣстѣ съ тѣмъ посажено въ Бастилію нѣсколько знатныхъ Французовъ; были перехвачены письма Челламаре къ Альберони о заговорѣ въ Парижѣ въ пользу Испанскаго короля Филиппа V, который долженъ былъ вступить съ войскомъ во Францію. Въ концѣ мѣсяца пришло извѣстіе о смерти Карла XII; Французское правительство обрадовалось въ надеждѣ, что сношенія Испаніи съ Швеціею о союзѣ порвутся.

Шлейницъ понялъ трудность своего положенія при такихъ новыхъ „конъюнктурахъ". „При жизни короля Шведскаго", писалъ онъ, въ началѣ 1719 года, „какъ въ Лондонѣ, такъ и здѣсь все бы сдѣлали, чтобъ только удержать ваше величество отъ союзныхъ дѣйствій съ Швеціею и Испаніею противъ Англійскаго короля и Цесаря. Но сначала объявленіе короля Прусскаго, что онъ не будетъ мѣшаться въ испанскія дѣла и не приметъ никакихъ мѣръ, вредныхъ для четвернаго союза, а потомъ смерть короля Шведскаго привели Англійскаго короля и регента въ совершенную безопасность: они не боятся теперь ни завоеванія Норвегіи Шведами, ни продолженія Аландскаго конгресса, и знаютъ, что, кто бы ни вступилъ на Шведскій престолъ, ничего не можетъ предпринять при страшномъ истощеніи Швеціи; впрочемъ Англія, какъ здѣсь, такъ и въ Гагѣ, явно объявила себя за принцессу Ульрику". Шлейницъ опасался, что теперь можетъ составиться сильный союзъ противъ Россіи, который станетъ предписывать ей условія мира, какъ то сдѣлалъ четверной союзъ съ Испаніею.

Регентъ, которому про запасъ нуженъ былъ союзъ съ Россіею и Пруссіею, хотѣлъ воспользоваться смертью Карла XII для скорѣйшаго заключенія Сѣвернаго мира; онъ предложилъ свое посредничество,—Россія и Англія приняли его; но сейчасъ же оказалось, что Англія при этомъ хотѣла выиграть только время, занять Россію и покончить переговоры о своемъ партикулярномъ мирѣ съ Швеціею. Регентъ продолжалъ поступать дружелюбно въ отношеніи къ Россіи: онъ далъ предписаніе посланнику своему въ Стокгольмѣ, графу Деламарку, чтобъ склонять Шведскую королеву къ продолженію Аландскаго конгресса, въ чемъ тотъ и успѣлъ; за это англійскій посолъ въ Парижѣ жаловался на Деламарка, обвиняя его въ пристрастіи къ Россіи. Шлейницу шептали на ухо, чтобъ царь не тратилъ времени, заключилъ миръ съ Швеціею на умѣренныхъ условіяхъ, имѣя въ виду выгоды, которыя должны произойти отъ союза между Россіею, Швеціею, Пруссіею, Франціею и Испаніею. Польскій и австрійскій министры хлопотали, чтобъ регентъ приступилъ къ тройному оборонительному союзу, заключенному въ Вѣнѣ между императоромъ, Англіею и Польшею для противодѣйствія Россіи. Когда Шлейницъ освѣдомился объ этомъ у Дюбуа, тотъ отвѣчалъ: „Не опасайтесь; регентъ не дастъ себѣ связать руки въ сѣверныхъ дѣлахъ вступленіемъ въ этотъ союзъ".

Пришла вѣсть, что Англійскій король заключилъ миръ и оборонительный союзъ съ Швеціею. Шлейницъ, увѣренный, что Англія будетъ притягивать

*

Францію и Голландію къ этому союзу, отправился къ Дюбуа съ представленіями, что Англія и въ сѣверныхъ дѣлахъ хочетъ поступить какъ въ испанскихъ: составить союзъ, принудить Россію къ миру, забрать въ свои руки балтійскую торговлю и получить первенство въ Европѣ; неужели это согласно съ интересами Франціи? Дюбуа отвѣчалъ, что у регента никогда не было въ мысляхъ, чтобъ король Англійскій навѣки присоединилъ Бременъ и Верденъ къ Ганноверу; регентъ въ сѣверныхъ дѣлахъ руки себѣ связать не дастъ и въ англо-шведскій союзъ не вступитъ; этотъ союзъ заключенъ не только безъ содѣйствія, даже безъ вѣдома Франціи. Чрезъ нѣсколько времени Дюбуа объявилъ Шлейницу, что король Англійскій предложитъ царю свое посредничество.—„Какъ царское величество можетъ принять это посредничество, когда пристрастіе Англіи къ Швеціи и зависть ея къ морскому могуществу Россіи такъ очевидны?"—возразилъ Шлейницъ: „регентъ дастъ отвѣтъ передъ потомствомъ, если вступитъ въ англо-шведскій союзъ и не воспрепятствуетъ отторженію Пруссіи отъ русскаго союза". Дюбуа отвѣчалъ: „Если вы меня спрашиваете, женюсь ли я,—то я ничего не могу сказать вамъ, кромѣ того, что я не женился"

Скоро пришло извѣстіе и о женитьбѣ. Прусскій король сказалъ русскимъ министрамъ, Толстому и Головкину, что еслибъ онъ имѣлъ дѣло съ однимъ Англійскимъ королемъ, то не заключилъ бы съ нимъ договора; но французскій посланникъ, графъ Ротембургъ, вмѣстѣ съ посланникомъ императорскимъ, принуждалъ его къ заключенію этого договора и грозилъ. Шлейницъ поѣхалъ объясниться по этому поводу съ самимъ регентомъ. Герцогъ сначала отвѣчалъ, что не давалъ никакихъ подобныхъ инструкцій Ротембургу; но когда Шлейницъ потребовалъ, чтобъ регентъ выразилъ свое неодобреніе Ротембургу за самовольный поступокъ, то герцогъ объявилъ, что Ротембургъ оказалъ только содѣйствіе къ соглашенію между двумя курфюрстами, Бранденбургскимъ и Ганноверскимъ, которыхъ вражда была противна французскимъ интересамъ; но Ротембургъ дѣйствовалъ такъ, вслѣдствіе даннаго королемъ Прусскимъ заявленія, что въ договоръ его съ Англійскимъ королемъ не будетъ внесено ничего вреднаго для Россіи. Дюбуа объявилъ, что миръ Швеціи и съ Англіею, и съ Пруссіею очень непріятенъ для Франціи, которая не могла желать, чтобъ Швеція лишилась своихъ владѣній въ Германіи. Но что же дѣлать!—Франція тутъ ни въ чемъ не виновата: виновата Россія, которая своимъ нападеніемъ въ Швецію заставила Шведскую королеву отдаться въ руки Англійскаго короля. Франція теперь ничѣмъ не можетъ помочь, ибо не можетъ идти противъ Англіи и императора, съ которыми у нея одинъ интересъ въ испанскихъ дѣлахъ. „Когда Россія увидала", сказалъ на это Шлейницъ, „что Швеція на Аландѣ только проводитъ время и переговариваетъ съ Англійскимъ королемъ объ отдѣльномъ мирѣ; когда увидала, что оставлена своими союзниками,—то ей не оставалось ничего болѣе, какъ прибѣгнуть къ оружію. Царское величество всѣ свои завоеванія сдѣлалъ безъ союзниковъ, и удержитъ ихъ безъ союзниковъ, для чего способъ покажетъ Богъ и время, при нынѣшнихъ большихъ приготовленіяхъ царскихъ водою и сухимъ путемъ". Дюбуа отвѣчалъ: „У меня правило, отъ котораго не отступлю никогда,—если державы, съ которыми имѣю дѣло, сами не входятъ со мною въ объясненія насчетъ своихъ предпріятій, то я ихъ никогда первый не спрашиваю,—пусть дѣлаютъ что хотятъ; а потомъ принимаю свои мѣры, и никакихъ выговоровъ, тѣмъ менѣе угрозъ не дѣлаю, потому что это дѣлу не помогаетъ, а можетъ сильно повредить. Увидимъ, что окажется въ сѣверныхъ дѣлахъ, и будемъ поступать согласно съ интересомъ короля, Франціи и регента, и съ неизмѣнною преданностію къ царскому величеству".—Донося объ этомъ разговорѣ, Шлейницъ писалъ: „По моему мнѣнію, не много пользы отсюда ожидать можно, пока продолжается размолвка у вашего величества съ Англіею; однако не должно ссориться съ регентомъ, и на будущее время надобно удержать для себя отворенныя двери".

6 октября 1719 года, Дюбуа формально предложилъ Шлейницу посредничество Французскаго короля къ примиренію Россіи съ Швеціею. По этому поводу, въ началѣ декабря, у Шлейница съ Дюбуа было любопытное объясненіе. Шлейницъ выразилъ надежду, что регентъ покажетъ полное безпристрастіе при посредничествѣ точно такъ, какъ царь поступалъ до сихъ поръ въ испанскихъ дѣлахъ. На это Дюбуа отвѣчалъ: „Регентъ ни въ какія новыя и ближайшія обязательства не вступилъ; но о безпристрастіи царскаго величества въ испанскихъ дѣлахъ лучше не упоминайте; регенту и особенно мнѣ извѣстны всѣ сношенія между Россіею и Испаніею, извѣстны во всѣхъ подробностяхъ; извѣстно, что Ирландецъ Лолесъ былъ у царя въ Ревелѣ до нападенія русскихъ войскъ на Швецію, и вице-канцлеръ Шафировъ имѣлъ съ нимъ тайныя конференціи; потомъ Лолеса нѣсколько времени держали въ Данцигѣ тайно и во время военныхъ дѣйствій имѣли съ нимъ постоянную переписку, и хотя переговоры съ нимъ не повели ни къ чему рѣшительному, потому что онъ дѣлалъ предложенія общія и широкія, и Лолесъ уѣхалъ ни-съ-чѣмъ, однако царское величество возобновилъ сношенія прямо съ Альберони чрезъ другой каналъ, и соглашался, за извѣстныя субсидіи, заключить оборонительный и наступательный союзъ. Этотъ союзъ царскому величеству безполезенъ за отдаленіемъ, безполезенъ и потому, что кардиналъ Альберони не въ состояніи будетъ выплатить обѣщанныя субсидіи, а между тѣмъ этотъ союзъ заставитъ членовъ четвернаго союза объявить себя въ сѣверныхъ дѣлахъ противъ Россіи; съ другой стороны,—сношенія съ царскимъ величествомъ даютъ только кардиналу Альберони возможность отвращать Испанскаго короля отъ заключенія мира". Шлейницъ отвѣчалъ, что все ска-

занное Дюбуа большею частію справедливо, но что ему, Шлейницу, неизвѣстно о возобновленіи сношеній съ Альберони. „Я это знаю", сказалъ Дюбуа, „отъ человѣка, который не только слышалъ изъ устъ Альберони, но и на письмѣ видѣлъ. Впрочемъ, это не будетъ имѣть никакого вліянія на расположеніе регента дѣйствовать въ пользу царскаго величества". Тутъ Дюбуа взялъ Шлейница за руку и сказалъ: „Запомните хорошенько нынѣшній день; черезъ шесть мѣсяцевъ я вамъ о немъ напомню, когда вы будете благодарить регента за услуги, оказанныя имъ Россіи, несмотря на секретныя сношенія царскаго величества съ Испаніею, и несмотря на затруднительное положеніе, въ какомъ теперь находится регентъ относительно Англіи и императора". — „Если царское величество будетъ имѣть причину благодарить регента, то я передамъ эту благодарность съ величайшимъ удовольствіемъ", сказалъ Шлейницъ. Дюбуя, хитро улыбаясь, продолжалъ: „Я знаю, что послѣднія сношенія съ Испаніею происходили не чрезъ васъ; но все же вы принимали нѣкоторое участіе въ испанскихъ дѣлахъ". Шлейницъ зналъ, что о его участіи въ испанскихъ дѣлахъ извѣстно Дюбуа изъ бумагъ, захваченныхъ у Челламаре, и потому сказалъ: „Я знаю хорошо, что вы хотите сказать; но вы помните, что я тогда же принесъ вамъ покаяніе и получилъ прощеніе". — „Теперь еще не время объясняться объ этомъ", отвѣчалъ Дюбуа; „подождемъ, когда кончатся испанскія дѣла,—и тогда посмѣемся насчетъ прошлаго".

17 декабря Шлейницъ получилъ царскій рескриптъ, подписанный 16 ноября. На основаніи этого рескрипта, Шлейницъ подалъ регенту слѣдующій меморіалъ: „Нижеподписавшійся, полномочный министръ его величества царя всея Россіи, имѣетъ указъ объявить вашему королевскому высочеству именемъ царя, своего государя, что его величество принимаетъ охотно предложеніе христіаннѣйшаго величества насчетъ посредничества о мирѣ между его царскимъ величествомъ и королевою и короною Шведскою, если его христіаннѣйшее величество изволитъ ему дать декларацію на письмѣ, за рукою вашего королевскаго высочества, что его христіаннѣйшее величество не имѣетъ никакого обязательства, ни прямымъ, ни посторроннимъ образомъ, съ королевою и короною Шведскою, ниже съ какимъ инымъ союзникомъ ея, или съ какою иною державой, кто бы они ни были, противнаго силѣ и смыслу договора, заключеннаго съ его царскимъ величествомъ и подписаннаго въ Амстердамѣ 4 числа августа по старому стилю 1717 года [1]). Причины, заставляющія его величество царя требовать этой деклараціи, суть повторительныя извѣстія, которыя его величество получилъ отъ министровъ своихъ, пребывающихъ при другихъ иностранныхъ Дворахъ, что министры его христіаннѣйшаго величества, по согласію съ министрами его Британскаго величества, дѣйствуютъ почти при всѣхъ европейскихъ Дворахъ въ пользу королевы и короны Шведской. Царь, мой государь, знаетъ еще, что министръ его христіаннѣйшаго величества при королѣ Прусскомъ усиленно старался привести его Прусское величество къ заключенію послѣднихъ договоровъ съ Англійскимъ королемъ, которые довели до отдѣльнаго мира между Пруссіею и Швеціею, съ исключеніемъ царскаго величества. Подлинно извѣстно также, что его христіаннѣйшее величество велѣлъ заплатить недавно значительныя суммы отчасти въ самомъ Стокгольмѣ прямо Шведской королевѣ, отчасти ландграфу Гессенъ-Кассельскому. Но больше всего удивило его царское величество содержаніе писемъ британскаго министра, лорда Картерета, и адмирала Норриса, написанныхъ неупотребительнымъ между великими государями слогомъ: въ обоихъ говорится, что король Англійскій вмѣстѣ съ христіаннѣйшимъ королемъ и прочими своими союзниками, между которыми находится и Швеція, принялъ мѣры для скорѣйшаго окончанія Сѣверной войны. Нижеподписавшійся проситъ всепокорно ваше королевское высочество дать ему письменный скорый отвѣтъ на этотъ меморіалъ, потому что въ такомъ важномъ дѣлѣ дорога каждая минута, и царь, государь его, будетъ поступать по содержанію вашего отвѣта: или начнетъ мирные переговоры, или будетъ продолжать войну противъ Швеціи".

Въ началѣ 1720 года регентъ отвѣчалъ, что союзный договоръ 1717 года онъ свято исполнялъ и всегда исполнять будетъ; но требуемую письменную декларацію дать не можетъ, потому что это противно его чести. Если царь повѣритъ его обнадеживаніямъ и приметъ посредничество, то увидитъ, что онъ, регентъ, будетъ поступать съ совершеннымъ безпристрастіемъ; впрочемъ, если съ русской стороны питается хотя малѣйшее недовѣріе къ этому посредничеству, то ему, регенту, во всякомъ случаѣ будетъ пріятно, когда царское величество заключитъ миръ съ Швеціею прямо или при посредничествѣ какой-нибудь другой державы.

Прошло три мѣсяца. Въ апрѣлѣ является къ Шлейницу графъ Деламаркъ, бывшій французскимъ посломъ въ Стокгольмѣ, съ тайными предложеніями отъ регента. „Съ Испаніею", началъ Деламаркъ, „заключенъ теперь миръ, и это обстоятельство заставляетъ регента безъ потери времени думать о союзѣ съ нѣкоторыми державами, а именно—о союзѣ между Россіею, Франціею, Испаніею, Швеціею, Пруссіею и нѣкоторыми болѣе значительными имперскими князьями Протестантскаго исповѣданія, между которыми находится ландграфъ Гессенъ-Кассельскій. Приступить къ этому союзу надобно немедленно; но такъ какъ этого сдѣлать нельзя прежде мира между Россіею и Швеціею, то регентъ берется хлопотать объ этомъ мирѣ и велѣлъ Дюбуа объявить вамъ, что онъ ни прямо съ Швеціею и ни съ какою другою державой не находится въ такомъ обязательствѣ, какое могло бы

[1]) См. стр. 365.—XVII тома.

быть противно союзному договору его съ Россіею 1717 года, или могло бы поколебать безпристрастіе его, какъ посредника. Мало того: регентъ обязывается и впредь не вступать въ подобныя обязательства. Императоръ, Англія, Польша сильно настаивали, чтобъ регентъ вошелъ въ такія обязательства; но онъ рѣшительно отказался, и здѣсь заключается настоящая, хотя и тайная, причина несогласія съ королемъ Англійскимъ. Регентъ надѣется, что такое поведеніе его заслужитъ довѣренность царскаго величества, и посредничество его примется безо всякихъ письменныхъ деклараций. Англійскій король велѣлъ пригрозить Шведской королевѣ, сенату и государственнымъ чинамъ, что онъ флота въ Балтійское море не пошлетъ или назадъ отзоветъ, какъ скоро королева Шведская безъ его вѣдома покусится вступить въ переговоры съ царемъ. Англійскій король какъ въ испанскихъ, такъ и въ сѣверныхъ дѣлахъ употреблялъ имя регента совершенно произвольно, безо всякаго соглашенія съ нимъ; какъ, напримѣръ, въ письмахъ лорда Картерета и адмирала Норриса, отправленныхъ къ царскому величеству. Англійскіе министры французскаго министра въ Стокгольмѣ, Кампредона, принудили къ тайному договору между Англіею, Франціею и Швеціею. Регентъ не одобрилъ этотъ поступокъ Кампредона, поступившаго безъ полномочія; но такъ какъ до сихъ поръ Франція должна избѣгать всего, что можетъ возбудить въ Англіи преждевременное подозрѣніе и недовѣріе въ Швеціи, то регентъ могъ удержать ратификацію договора только подъ тѣмъ предлогомъ, что въ проектѣ договора дѣло не достаточно уяснено. Для предупрежденія подобныхъ поступковъ со стороны Англіи, регентъ послалъ указъ всѣмъ своимъ министрамъ при иностранныхъ Дворахъ, чтобъ они по сѣвернымъ дѣламъ безъ инструкціи ни въ какія соглашенія не вступали. Если предполагаемый союзъ состоится, то всѣ европейскія дѣла будутъ отъ него зависѣть; это тотъ самый союзъ, о которомъ царское величество, въ бытность свою въ Парижѣ, предлагалъ регенту. Регентъ для этихъ секретныхъ изъясненій потому назначилъ меня, что англійскіе министры, находящіеся здѣсь, зорко смотрятъ на его поступки, и онъ не могъ рѣшиться призвать васъ въ свой кабинетъ; кромѣ того, Дюбуа не долженъ объ этомъ ничего знать. Регентъ знаетъ, что царское величество находится въ сношеніяхъ съ герцогомъ Голштинскимъ, который намѣренъ отправиться въ Петербургъ, чтобъ вступить тамъ въ бракъ съ старшею царевною. Это дѣло очень важно: смотря по тому, какъ его поведутъ, можно—или всю Европу вовлечь въ долгую войну, или способствовать заключенію общаго Сѣвернаго мира. Если герцогъ, въ злобѣ своей на королеву Шведскую, успѣетъ склонить царское величество вести дѣло до крайности для доставленія ему Шведскаго престола, то, въ случаѣ дурнаго успѣха, онъ лишится своихъ наслѣдственныхъ земель и всякой надежды быть когда-нибудь королемъ Шведскимъ, и обязательства въ отношеніи къ нему царскаго величества будутъ противны предлагаемому регентомъ союзу. Но если царское величество отдастъ герцогу за дочерью въ приданое завоеванныя у Швеціи провинціи и потребуетъ, чтобъ герцогъ былъ признанъ наслѣдникомъ Шведскаго престола послѣ тетки его и ея мужа, если у нихъ дѣтей не будетъ, то регентъ готовъ помогать этому всѣми своими силами". Донося объ этихъ изъясненіяхъ Деламарка, Шлейницъ писалъ: „Я вѣрю, что регентъ поступаетъ искренно; ему союзъ съ императоромъ и Англіею уже наскучилъ; лордъ Стерсъ поступалъ съ нимъ какъ съ рабомъ и сильно огорчалъ его своими гордыми поступками. Регентъ видитъ, какъ онъ своею помощію въ дѣлахъ испанскихъ усилилъ Австрійскій Домъ, и теперь не находитъ другого средства поправить дѣло, кромѣ союза, предлагаемаго имъ вашему величеству. Что же касается наслѣдства Французской короны въ случаѣ бездѣтной смерти короля, то для обезпеченія его себѣ регентъ не нуждается въ помощи императора и Англіи, ибо, благодаря распоряженіямъ генералъ-контролера Лау, наличныя деньги всего народа въ рукахъ у регента, у народа—только однѣ бумаги. Никакой король Французскій, даже покойный Людовикъ XIV, не былъ такъ самовластенъ и силенъ внутри государства, какъ герцогъ Орлеанскій, хотя онъ только регентъ, а не король".— Въ то же время воспитатель короля, маршалъ Вилльруа, свелъ у себя Шлейница съ шведскимъ сенаторомъ Шпаромъ, чтобъ они вступили въ мирныя соглашенія прямо, безо всякаго посредничества.

Наступилъ май мѣсяцъ. Вѣтеръ подулъ изъ Вѣны; узнали, что тамъ ведутся переговоры о сближеніи Россіи съ Австріею, которая также хочетъ быть посредницею въ сѣверныхъ дѣлахъ. Деламаркъ опять пріѣзжаетъ къ Шлейницу съ тайными изъясненіями: „Регентъ увидалъ, что императоръ, въ своихъ сношеніяхъ съ царскимъ величествомъ болѣе имѣетъ въ виду втянуть Россію въ дальнѣйшую войну, а не привести къ заключенію мира, и для этого Вѣнскій Дворъ употребляетъ герцога Голштинскаго. Въ имперіи идетъ теперь вражда между Католиками и Протестантами; императоръ, разумѣется, доброхотствуетъ Католикамъ; но, съ другой стороны, боится соединенія Англіи, Швеціи и Пруссіи, къ которымъ пристанутъ и всѣ другіе протестантскіе владѣльцы Германіи. Силою противиться этому союзу для императора не пришло еще время, и потому онъ хочетъ отдалить опасность продолженіемъ Шведской войны". При этомъ Деламаркъ сообщилъ Шлейницу коллективное письмо, присланное регенту отъ имперскихъ князей—Гессенъ-Кассельскаго, Гессенъ-Дармштадтскаго, Саксенъ-Готскаго и Вольфенбительскаго: князья пишутъ, что они готовы выставить армію отъ 30 до 40,000 человѣкъ для обезпеченія имперіи отъ замысловъ иностранныхъ государствъ, для сохраненія Вестфальскаго мира и для спасенія Швеціи отъ

погибели; армія будетъ выставлена, если регентъ дастъ субсидіи. Регентъ, по словамъ Деламарка, сейчасъ же догадался, гдѣ эта машина сочинена; догадался, что она главнымъ образомъ направлена противъ Россіи, и отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, имперія вовсе не нуждается въ арміи, потому что ни одна чужая держава ей не угрожаетъ, да и Швеція заключила миръ съ курфюрстомъ Ганноверскимъ, съ Пруссіею, миръ съ Даніею скоро будетъ заключенъ; надобно ожидать, что не замедлитъ и примиреніе съ Россіею.

3 іюня, въ Екатерингофѣ, Петръ подписалъ составленную въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ инструкцію поручику гвардіи, графу Платону Мусину-Пушкину: „Ѣхать ему въ Парижъ наскоро на экстраординарной почтѣ, объявляя въ нашей Землѣ, что посланъ въ Голландію для нѣкоторыхъ партикулярныхъ коммисій, а за-границею объявлять, что ѣдетъ на воды; ѣхать прямымъ путемъ, не заѣзжая въ Голландію. Пріѣхавъ въ Парижъ, стать на особливой квартирѣ, потомъ быть у барона Шлейница и объявить ему, что присланъ съ отвѣтомъ къ нему на его реляціи и вручить ему рескриптъ. Объявить при этомъ, что посланы съ нимъ къ регенту двѣ грамоты,—одна о томъ же дѣлѣ, а другая—кредитивъ для отправленія партикулярнаго комплимента, и чтобъ онъ, Шлейницъ, представилъ его регенту на приватной аудіенціи. Потомъ какъ можно скорѣе домогаться ему быть у регента на приватной аудіенціи одному,—домогаться секретно, чтобъ Шлейницъ о томъ провѣдать скоро не могъ; объявить регенту наединѣ, что такъ какъ дѣло, о которомъ мы писали къ нему, великой важности, то угодно ли его высочеству вести его чрезъ барона Шлейница, какъ человѣка нѣмецкой націи, и пріятна ли ему его персона. Если регентъ объявитъ, что персона Шлейница ему пріятна,—то отдать послѣднему нужныя бумаги; если же объявитъ, что неугодна,—то бумаги удержать и объявить регенту, что мы не только переговоры поручимъ другому министру Россійской націи, именно князю Куракину, но и велимъ отозвать Шлейница совсѣмъ отъ Двора Французскаго; объявить, что если персона Шлейница регенту и не противна, то все мы желаемъ, чтобъ онъ велъ переговоры не одинъ, а вмѣстѣ съ княземъ Куракинымъ.“ Въ грамотѣ къ регенту были объявлены условія, на которыхъ царь соглашался заключить миръ съ Швеціею при французскомъ посредничествѣ.

13 іюня Мусинъ-Пушкинъ пріѣхалъ въ Парижъ; 19 былъ у регента на приватной аудіенціи вмѣстѣ съ Шлейницемъ; только 4 августа удалось ему быть одному. На вопросъ Мусина-Пушкина, вѣритъ ли онъ Шлейницу, регентъ отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія, лучше вѣрится природному, чѣмъ чужестранному“, и послалъ за Дюбуа, которому поручилъ переговорить о подробностяхъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ, причемъ сказалъ: „Шлейницъ—Нѣмецъ, оттого я ему мало вѣрю“. Дѣло съ Дюбуа шло медленно, ибо внутреннія дѣло поглощали все вниманіе регента: финансовая система Лау рушилась! 21 августа Дюбуа объявилъ Мусину-Пушкину, будто регентъ сказалъ: „Надобно намъ прежде объ этомъ подумать.“ Потомъ Дюбуа сказалъ: „О которомъ дѣлѣ мы съ Шлейницемъ говорили,—все, отъ слова до слова, въ Ганноверѣ, въ Швеціи и Вѣнѣ извѣстно. Кромѣ Шлейница, некому этого разгласить. Хотя это разглашеніе не можетъ въ нашемъ дѣлѣ никакого препятствія сдѣлать, однако надобно принять другія мѣры, а князю Куракину сюда пріѣхать нельзя, потому что нельзя будетъ утаить его пріѣзда“. Какъ скоро въ Петербургѣ получили донесенія Мусина-Пушкина объ этомъ разговорѣ Дюбуа, то Шлейницъ былъ отозванъ и на его мѣсто назначенъ князь Василій Лукичъ Долгорукій; но еще прежде царь велѣлъ Мусину-Пушкину предложить регенту прислать въ Петербургъ аккредитованнаго министра, съ которымъ можно было бы обо всемъ откровенно объясниться и который, съ другой стороны, доносилъ бы своему правительству вѣрныя извѣстія [1]).

И отрицательные результаты, добытые изъ сношеній съ Франціею, отсутствіе враждебности,—были важны. Особенно были важны они по отношенію къ Турціи, гдѣ французское вліяніе считалось всегда преобладающимъ. Съ разныхъ сторонъ приходили въ Петербургъ извѣстія, что враги Россіи стараются снова поднять противъ нея султана. Турецкая война поставила бы въ это время Россію въ крайне затруднительное положеніе, и, для ея отвращенія, отправленъ былъ посланникомъ въ Константинополь извѣстный уже намъ Алексѣй Дашковъ. Въ началѣ 1719 года пріѣхалъ онъ въ Константинополь, и въ іюлѣ доносилъ, что представленіе его султану все откладывается: наговариваетъ англійскій посланникъ, чтобъ аудіенціи ему не давать прежде пріѣзда въ Константинополь императорскаго посла. По словамъ англійскаго посланника, Дашковъ пріѣхалъ склонять Порту къ возобновленію войны противъ императора; и если императорскій посланникъ на дорогѣ узнаетъ, что султану дѣлаются такія предложенія, то возвратится назадъ. Узнавъ объ этомъ, Дашковъ далъ знать рейсъ-еффенди и визирю (Ибрагимъ-пашѣ), что онъ очень недоволенъ: не видя отъ него никакихъ противностей, слушаютъ фальшивыя наущенія англійскаго министра въ цесарскихъ интересахъ; не зная еще, кто будетъ крѣпче содержать дружбу съ Портою,—царь или Цесарь,—уже начинаютъ дѣлать непріятности царю, тогда какъ онъ, Дашковъ, пріѣхалъ вовсе не за тѣмъ, чтобъ поднимать султана противъ императора, но укрѣплять дружбу царя съ султаномъ, отстраняя всякія противности. Аудіенція дана была немедленно со всякою подобающею честію: „Султанъ (Ахметъ) самъ являлъ себя гораздо веселымъ и часто посматривалъ на меня, когда я говорилъ передъ нимъ ора-

[1]) Дѣла Французскія 1718, 1719 и 1720 годовъ.

цію", доносилъ Дашковъ. „И то", продолжаетъ посланникъ, „обратилось къ немалому посрамленію англійскаго министра, который тотчасъ же объявилъ себя моимъ непріятелемъ публично; я послѣ аудіенціи послалъ къ нему, также къ министрамъ французскому и голландскому съ объявленіемъ о моемъ пріѣздѣ; французскій и голландскій посланники прислали на другой день первыхъ своихъ переводчиковъ съ поздравленіемъ, но англійскій не прислалъ, и теперь днемъ и ночью старается, чтобъ какое-нибудь повреждение сдѣлать интересамъ вашего величества и меня отбить отъ здѣшняго Двора. Видя, что его труды не остаются безъ дѣйствія, выпросилъ я у визиря самую приватную аудіенцію, чтобъ никто при ней не былъ". По совѣту съ преданнымъ Россіи переводчикомъ голландскаго посольства Тейльсомъ [1]), Дашковъ написалъ для визиря слѣдующіе пункты: 1) Царь желаетъ содержать договоры съ Портою во всякой цѣлости. 2) Царь прислалъ своего посланника для уничтоженія враждебныхъ внушеній, которыя дѣлаются съ цѣлію поссорить Порту съ Россіею. 3) Царь, съ своей стороны, не слушаетъ никакихъ враждебныхъ Портѣ внушеній, и доказалъ это тѣмъ, что не принялъ отъ императора и Венеціи предложенія вступить съ ними въ союзъ противъ Порты; за это Цесарь озлобился и старается всѣми средствами, самъ и черезъ другихъ, поссорить Порту съ Россіею; помогаютъ ему въ этомъ короли Англійскій и Польскій, какъ Нѣмцы, члены имперіи, одинъ курфюрстъ Ганноверскій, а другой Саксонскій; кромѣ того, для свойства и для интересовъ: король Англійскій—по испанскимъ дѣламъ, чтобъ могъ что-нибудь, въ союзѣ съ Цезаремъ, у Испаніи оторвать; а король Польскій,—чтобъ, съ помощію Цесаря, Польшу въ абсолютство привести, что сосѣднимъ государствамъ современемъ очень вредно будетъ. 4) Царское величество имѣетъ средства отомстить врагамъ своимъ,—имѣетъ войско и флотъ, ктому же не безъ друзей и въ самой Германіи. 5) Извѣстно ли Портѣ, что Крымскій ханъ имѣетъ частыя пересылки съ королемъ Польскимъ, за нѣсколько мѣсяцевъ публично присылалъ посла въ Варшаву съ предложеніемъ 60,000 войска противъ Россіи?

Визирь, выслушавъ пункты, сказалъ: „Правда, что много на васъ Портѣ наносятъ, однако Порта не слушаетъ, особенно когда ты теперь здѣсь. Когда прочли четвертый пунктъ визирь обрадовался, что царь не боится императора. Пунктъ присовѣтовалъ написать Тейльсъ: „Порта", говорилъ онъ, „получила такія извѣстія, что Цесарь хочетъ войну начать съ Россіею, а царь не въ состояніи дать отпора и очень боится Цесаря; и если Туркамъ не объявить, что такого страха нѣтъ, то интерсъ царя будетъ у Порты въ презрѣніи и посланникъ русскій въ утѣсненіи". Дашковъ выхлопоталъ письменные отвѣты на свои пункты: 1) Порта сохраняетъ миръ съ Россіею и ложнымъ внушеніямъ вѣрить не будетъ. 2) Хану посланъ указъ, чтобъ возвратилъ русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ разбойниками Татарами безъ его вѣдома. 3) Тѣ, которые предлагали царю союзъ противъ Порты, на мирномъ конгрессѣ [2]) предлагали Портѣ союзъ противъ Россіи; но Порта ложнымъ внушеніямъ вѣрить не будетъ. 4) Насчетъ предложеній хана Польшѣ царь получилъ ложныя извѣстія: ханъ не могъ этого предлагать безъ воли султана.

Дашковъ писалъ, что съ нимъ обходятся очень хорошо, какъ и съ министрами другихъ державъ; дали лѣтній приморскій домъ въ Буюкдере, хотя англійскій посолъ и много хлопоталъ, чтобъ его не выпускали изъ Константинополя: „Развѣ вы не знаете, какъ Греческій народъ склоненъ къ русскому"? внушалъ Англичанинъ визирю. Визирь смутился, призвалъ караульнаго, стоявшаго у русскаго посланника, и спрашивалъ, часто ли ходятъ Греки къ Дашкову. Караульный отвѣчалъ, что посланникъ, какъ только пріѣхалъ въ Константинополь, такъ заказалъ караульному не пускать къ себѣ Грековъ и людямъ своимъ запретилъ съ ними знаться. Визирь успокоился и велѣлъ пускать всѣхъ свободно къ Дашкову. Этимъ воспользовался князь Рагоци, нашедшій убѣжище въ Турціи, и отдалъ визитъ посланнику. Дашковъ былъ у него первый, потому что визирь сказалъ ему о Рагоци: „Онъ нашъ пріятель; говоритъ, что и вашъ великій пріятель: можно вамъ у него быть". Чтобъ войти въ довѣренность визиря и тѣмъ успѣшнѣе противодѣйствовать внушеніямъ со стороны Англіи и Австріи, Дашковъ не ѣздилъ ни къ кому, не спросившись прежде у визиря. Съ Рагоци Дашковъ долженъ былъ сблизиться и совѣтоваться въ важныхъ дѣлахъ, потому что прежнихъ пріятелей уже не было. „Которыхъ мы имѣли здѣсь пріятелей, тѣ всѣ намъ теперь для Цесаря недоброхотны; и говорить мнѣ здѣсь теперь не съ кѣмъ ни о какихъ дѣлахъ, потому что и голландскій посолъ безпрестанно съ цесарскимъ и пьетъ, и ѣстъ вмѣстѣ, и дружба великая. Сколько я ни старался чрезъ стараго Тейльса, чтобъ мнѣ тайно видѣться съ голландскимъ посломъ, но онъ со мною не видался; да и Тейльсъ старый бездѣльничаетъ для сына своего Николая, который при цесарскимъ послѣ. Тейльсъ только манитъ здѣсь мнѣ для своей бѣдности, чтобъ брать отъ вашего величества деньги, а сдѣлать ничего не умѣетъ и не можетъ, во-первыхъ, оглохъ совсѣмъ, да и глупъ сталъ и къ Портѣ не ходитъ; что-бъ я съ нимъ ни говорилъ,—сейчасъ женѣ скажетъ и меньшому сыну, и все это очутится въ ушахъ у цесарскаго посла. Послѣдній старается всѣми способами ссорить Порту съ вашимъ величествомъ, и теперь пропустилъ слухи по всему Константинополю, что визирь обѣщалъ ему посадить меня въ

[1]) См. томъ XVI.

[2]) При заключеніи мира у императора съ Турціею.

Семибашенный замокъ и объявить войну вашему величеству. Я испугался и сталъ просить у визиря приватной аудіенціи; цесарскій посолъ съ другими послами началъ стараться, чтобъ аудіенціи мнѣ не дали; только о французскомъ послѣ (маркизѣ де-Бонаке) не слышу, чтобъ мѣшался въ цесарскія дѣла. Но приватной аудіенціи я добился и сейчасъ же увидалъ, что въ уши визирю уже надули. Спросилъ меня: „Есть ли ваши войска въ Польшѣ?"—Я отвѣчалъ, что есть. „Вы говорите на Цесаря, а сами что дѣлаете"? сказалъ визирь, только не съ сердцемъ. Я ему объяснилъ, что войска не для завоеванія Польши, а для того, чтобъ король Августъ чего не сдѣлалъ надъ польскою вольностію. Визирь развеселился. Я сталъ ему говорить о противныхъ поступкахъ Цесаря, который вступилъ въ великую гордость пріобрѣтеніемъ себѣ завоеванныхъ земель отъ Турціи, и спросилъ его мнѣнія: не противно ли будетъ Портѣ, если ваше величество съ другими союзниками объявятъ войну Цесарю и королю Польскому; и сама Порта не поднимается ли на него въ такое удобное время для отмщенія ему его неправыхъ поступковъ? Визирь очень обрадовался этимъ рѣчамъ и отвѣчалъ: „Если царское величество имѣетъ отъ Цесаря такія противности, то можетъ воевать, помоги ему Богъ; и Порта его не оставила бы, еслибъ это случилось передъ заключеніемъ нашего мира съ нимъ."—Я сказалъ ему: „Нужда и законъ ломаетъ, не только мирный договоръ; вы не изъ доброй воли съ нимъ помирились".—„Увидимъ", сказалъ визирь, „какъ вы начнете: все можетъ статься".—Есть при мнѣ приставъ, ага, великій мнѣ пріятель, и живетъ въ Царѣградѣ, точно мой стряпчій: всякій день ходитъ къ Портѣ, и что тамъ услышитъ, все мнѣ пересказываетъ; я ему своихъ денегъ даю по 30 левковъ на мѣсяцъ; а отъ христіанъ нечего надѣяться,—всѣ на цесаревой сторонѣ. Турки думаютъ, что будетъ непремѣнно война между Россіею и императоромъ, и для того про запасъ стали готовиться: если ваше величество одолѣетъ Цесаря, то они пойдутъ на послѣдняго; если же Цесарь одолѣетъ насъ, то они противъ вашего величества пойдутъ отъ страха предъ Цесаремъ и чтобъ пріобрѣсти что-нибудь отъ насъ въ награду потеряннаго. Для этого немедленно надобно заключить съ ними вѣчный миръ. Я не видалъ злѣйшаго непріятеля вашему величеству, какъ Англійскій король: министръ его старается, чтобъ каждый день сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность. Былъ у визиря, настаивалъ, чтобъ меня здѣсь не было; говорилъ, что въ Польшѣ русскія войска вопреки договорамъ, прославлялъ побѣды Цесаря надъ Испаніею".

Въ декабрѣ императорскій посолъ явился къ визирю съ предложеніемъ оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Россіи. Визирь отвѣчалъ: „Быть тому нельзя; папа проклянетъ императора за союзъ съ бусурманами; императоръ при коронаціи присягаетъ не дружиться съ ними".—„Правда", сказалъ посолъ, „но не сомнѣвайтесь, мы это сдѣлаемъ другимъ способомъ".—„Какимъ"?—спросилъ визирь.—„Увидите на дѣлѣ", отвѣчалъ посолъ, „только прежде всего вышлите русскаго посланника, чтобъ онъ не мѣшалъ намъ". Явился и англійскій посолъ съ тѣмъ же требованіемъ: „Если вы", говорилъ онъ, „русскаго посланника не вышлете, и этимъ подозрѣнія у императорскаго Двора не уничтожите, то всѣхъ христіанскихъ государей противъ себя вооружите; царь вамъ тогда не поможетъ, потому что занятъ Шведскою войною; лучшій его пріятель, король Прусскій, и тотъ отъ него отступилъ". Внушенія подѣйствовали, и Порта рѣшила выслать Дашкова; прислано уже было ему приказаніе выѣхать, потому что дѣлъ съ нимъ нѣтъ никакихъ. Дашковъ послалъ подарки къ визиреву кегаѣ и къ рейсъ-ефенди съ просьбою о помощи. Рейсъ-ефенди съ переводчикомъ Порты принялись хлопотать и склонили визиря къ тому, что велѣлъ Дашкову прислать меморіалъ, въ которомъ посланникъ написалъ, что государь его готовъ заключить вѣчный миръ съ Портою, и потому надобно узнать, на какихъ условіяхъ Порта желаетъ заключить его. Дашковъ просилъ, чтобъ ему позволено было остаться до отъѣзда императорскаго посла или до возвращенія его, посланникова, курьера изъ Петербурга. Остаться позволили, но съ условіемъ, чтобъ Дашковъ жилъ на свой счетъ. Дѣло было ведено съ величайшею тайною, иначе австрійскій и англійскій послы п е р е к у п и л и бы кегая и рейсъ-ефенди. Дашковъ доносилъ, что изъ всѣхъ иностранныхъ министровъ оказываетъ къ нему расположеніе одинъ французскій посолъ, который говорилъ ему: „Больше всего старайтесь сохранить миръ съ Портою, тогда и Шведскую войну счастливо окончите". Князь Рагоци давалъ знать, что французскій посолъ внушаетъ съ другой стороны визирю, чтобъ Порта не разрывала съ Россіею. „Несмотря на то", писалъ Дашковъ, „я еще осторожно обхожусь съ французскимъ посломъ, потому что всегда бываетъ вмѣстѣ съ посломъ цесарскимъ, и Франція въ союзѣ съ императоромъ. Хотя меня переводчикъ Порты и увѣрялъ, что посолъ притворный другъ цесарскій, однако не могу съ нимъ откровенно поступать, пока не получу явнаго знака его пріязни. А у Порты онъ имѣетъ добрый кредитъ, и я всячески склоняю его къ интересамъ вашего величества и склонять буду: далъ ему мѣхъ соболій и переводчика его въ службу вашего величества склонилъ за 600 левковъ пенсіи. А еслибъ французскій посолъ говорилъ Портѣ за Цесаря, то она сейчасъ бы склонилась на его слова, и никто не могъ бы намъ столько зла сдѣлать, какъ онъ, потому что силенъ онъ у Порты и нейтраленъ, потому Порта ему и вѣритъ. Не угодно ли будетъ вашему величеству назначить ему пенсію, потому что голландскому послу давать пенсіи теперь не за что,—весь на цесарской сторонѣ и кредита у Порты никакого не имѣетъ".

Въ январѣ 1720 года переводчикъ Порты раз-

сказалъ Дашкову, что императорскій посолъ былъ у визиря, подалъ грамоту отъ Шведской королевы, въ которой, благодаря за помощь, оказанную брату ея, Карлу XII, Ульрика-Элеонора просила не оставить Швецію въ настоящихъ ея нуждахъ. Потомъ посолъ говорилъ визирю, что въ Константинополѣ чернь очень недовольна послѣднимъ миромъ съ Австріею, и всего безопаснѣе султану выѣхать въ Адріанополь, тѣмъ болѣе что оттуда ближе будетъ наблюдать за движеніями русскихъ войскъ, которыя стягиваются на Украйну, готовясь къ войнѣ съ Портою; послѣдней надобно поэтому объявить войну заблаговременно и высылать свои войска, чтобъ Русскіе не предупредили. Визирь промолчалъ. Видя, что Порта не поддается, австрійскій и англійскій послы придумали новое средство: предложили, именемъ своихъ государей, чтобъ Порта приняла посредничество между Россіею и Швеціею, и принудила царя возвратить Швеціи свои завоеванія, потому что если Россія удержитъ все завоеванное, то и Туркамъ будетъ не безопасно отъ такого сильнаго сосѣда. Визирь призвалъ въ тайную конференцію французскаго посла и спрашивалъ его, какъ друга и нейтрала, чтобъ далъ совѣтъ что́ тутъ дѣлать. Французскій посолъ отвѣчалъ, что не должно принимать посредничества, которое поведетъ только къ безполезной и убыточной ссорѣ съ Россіею, а отъ Швеціи за то какого ждать награжденія? „Сами разсудите“, говорилъ посолъ, „что царь всего завоеваннаго возвратить не можетъ и ваше предложеніе отвергнетъ,—слѣдствіемъ будетъ война между нимъ и вами, и въ этой войнѣ царь будетъ правъ передъ всѣмъ свѣтомъ, потому что не онъ ее началъ“.—„Что же намъ дѣлать“? спрашивалъ визирь. — „Завтра же призовите царскаго министра“, отвѣчалъ посолъ, „объявите ему прямо, кто вамъ что доноситъ, что предлагаетъ, изъ чего окажется ваша правдивая дружба; потомъ говорите ему, чтобъ онъ просилъ царя о присылкѣ полномочія для заключенія вѣчнаго мира, ибо миръ съ Россіею вамъ всего выгоднѣе“. — „Какъ ты намъ сказалъ, такъ и будетъ“, отвѣчалъ визирь, послалъ за Дашковымъ и объявилъ ему все, какъ совѣтовалъ французскій посолъ. Послѣдній прислалъ сказать Дашкову, что если царское величество хочетъ заключить выгодный миръ съ Турціею, то спѣшилъ бы этимъ дѣломъ при нынѣшнемъ визирѣ и нынѣшнихъ министрахъ, потому что визирь человѣкъ миролюбивый, а министры всѣ большіе взяточники, сами просятъ безстыдно, и съ такими лучше дѣло имѣть, чѣмъ съ безкорыстными. Дашковъ доносилъ, что французскій посолъ дѣйствительно трудится въ интересахъ царскихъ, но что онъ человѣкъ корыстолюбивый: уже освѣдомлялся, какая шла пенсія отъ Русскаго Двора голландскому послу; также и жена его любитъ подарки, и давала знать Дашкову, что ей нужно соболей на шапку, за которыхъ она обѣщаетъ отслужить. Дашковъ послалъ ей двѣ пары соболей и мѣхъ горностаевый.

Полномочіе было получено изъ Петербурга, и, 30 мая, Дашковъ вступилъ въ переговоры съ рейсъ-ефенди. „Турки“, доносилъ онъ царю, „спрашиваютъ у меня великихъ подарковъ, и принужденъ я всѣмъ давать вдвое: султану подарилъ я мѣхъ соболій въ 1,600 левковъ и семь другихъ мѣховъ немалой цѣны, да шесть паръ соболей; но эти подарки были ему непріятны, требовалъ отъ меня чернаго лисья мѣха. Визирю принужденъ былъ я въ другой разъ давать; не знаю, обойдусь ли я 4,000 червонныхъ, присланныхъ со мною, потому что изъ этихъ денегъ я уже далъ французскому послу 1,000 червонныхъ, да переводчику Порты 500“. Дѣло сначала шло успѣшно, — и вдругъ остановилось, благодаря Франціи, хотя со стороны послѣдней не было никакого умысла помѣшать ему. Порта все жаловалась Французскому правительству, что въ послѣдней войнѣ съ Австріею оно оставило ее безъ помощи, выдало императору, тогда какъ прежде никогда не бывало, чтобъ Франція допустила Австрію такимъ образомъ стѣснить Турцію. Чтобъ прекратить жалобы, изъ Франціи отвѣчали, что причиною всему было малолѣтство королевское и недостатокъ денегъ въ казнѣ; но теперь Французскій Дворъ твердо обнадеживаетъ Порту, что если императоръ опять захочетъ объявить войну Турціи, то Французы готовы противъ него дѣйствовать; если даже Турки сами объявятъ войну императору, то Франція не будетъ противъ этого. Французское правительство обѣщало даже дать письменнее удостовѣреніе въ этомъ, и турецкій посолъ отправился за нимъ въ Парижъ. Когда Турки получили обнадеживаніе, что Франція ихъ не оставитъ, то у нихъ отпала охота заключать договоръ съ Россіею, потому что главнымъ побужденіемъ къ сближенію съ Россіею былъ страхъ предъ императоромъ, надѣялись повести дѣло къ заключенію оборонительнаго и наступательнаго союза съ царемъ. Тутъ опять явился на сцену англійскій посолъ, чтобъ не допустить до заключенія вѣчнаго мира между Россіею и Турціею, тогда какъ де-Бонакъ продолжалъ сильно помогать Дашкову. Австрійскій резидентъ, вслѣдствіе возобновленія пріязненныхъ сношеній своего Двора съ Петербургскимъ, явно не мѣшалъ дѣлу, но при случаѣ говаривалъ турецкимъ министрамъ: „Зачѣмъ вы заключаетъ вѣчный миръ съ царемъ?—у васъ есть миръ, а потомъ обстоятельства могутъ перемѣниться“. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ враждебныхъ внушеній и препятствій, только 5 ноября 1720 года Дашкову удалось превратить Адріанопольскій договоръ 1713 года въ договоръ вѣчнаго мира между Россіею и Портою [1]).

Въ то время, когда Россія обезпечила себя со стороны Турціи; когда старанія Англійскаго короля поднять султана противъ царя и тѣмъ заставить послѣдняго умѣрить свои требованія относительно Швеціи остались тщетными; когда такимъ образомъ

[1]) Дѣла Турецкія 1719 и 1720 годовъ.

исчезла послѣдняя надежда связать руки царю:— въ это самое время произошло прекращеніе дипломатическихъ сношеній между Георгомъ и Петромъ. Въ это время русскимъ резидентомъ въ Лондонѣ былъ уже не Ѳедоръ Веселовскій. Бѣгство брата его, Абрама, и предполагаемое укрывательство въ Англіи побудили царя смѣнить Ѳедора Веселовскаго, и на мѣсто его былъ назначенъ Михайла Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, родной братъ русскаго министра въ Копенгагенѣ. Мы видѣли, что уже давно между царемъ и королемъ Англійскимъ происходила борьба меморіалами, которые, будучи обнародованы, имѣли цѣлію изложеніемъ неправдъ короля и его министерства склонить на сторону Россіи общественное мнѣніе въ Англіи и Европѣ. Такъ какъ со стороны короля Георга былъ обнародованъ отвѣтъ на меморіалъ, поданный Веселовскимъ, то, въ октябрѣ 1720 года, Бестужевъ, въ опроверженіе этого отвѣта, подалъ новый меморіалъ, или предложеніе. Мы не будемъ приводить содержанія этого длиннаго акта [1]), —укажемъ только на любопытнѣйшія мѣста, относящіяся къ послѣднимъ поступкамъ Георга: „Предлагать медацію и тогда же дѣлать угрозы—суть вещи противорѣчительныя и несовмѣстныя между собою; предлагать медіацію для примиренія государя съ его непріятелемъ и тогда же объявить, что сдѣлали союзъ съ симъ непріятелемъ, —сіе ясно показуетъ, что медіація не съ тѣмъ предлагается, чтобъ достигнуть до сего примиренія, но что ищутъ причинъ ко враждѣ и разрыву. Заключеніе отвѣта великобританскихъ министровъ довольно показуетъ, что ваше величество не посредникомъ, но судьею хотите быть и давать законы, и что министры вашего величества мнятъ, что его царское величество долженъ безъ противорѣчія покориться законамъ, каковые они разсудятъ ему предписать. Оставляется неучастной публикѣ разсуждать, что̀ такое мнѣніе великобританскихъ министровъ, и ихъ изъясненія благопристойны ли и справедливы ли. Его царское величество не разсудилъ за благо ни малаго о семъ вниманія учинить, ибо онъ зависитъ токмо отъ Бога, отъ Коего единаго имѣетъ свое священное достоинство, власть и силу.. Оставить своихъ союзниковъ, соединиться съ непріятелемъ такого союзника, съ коимъ многіе вѣки въ постоянной и непремѣнной дружбѣ пребывали, помощію котораго получили толь многія пользы и толь великіе прибытки, и ввести ихъ между собою въ открытый разрывъ:— сіе есть неизвинительно предъ Богомъ и предъ человѣки. Министры вашего величества предлагаютъ, яко бы Великая Британія никогда не брала участія въ нынѣшней Сѣверной войнѣ, и сія самая корона не имѣетъ никакой пользы въ Бременѣ и Верденѣ. Сіи провинціи по Вестфальскому трактату должны были остаться за Швеціею, который великобританскою короною гарантированъ. Великая Британія не имѣетъ никакой причины завидовать счастію его царскаго величества, и, напротивъ того, для обоихъ народовъ взаимственно полезно, чтобъ доброе согласіе и дружба навсегда между двухъ монархій пребывали. Никакой не можетъ пользы произойти Великобританской коронѣ отъ разрыва съ Россіею, а напротивъ того—можетъ великихъ убытковъ ожидать. Умалчиваютъ, что поступки вашего величества доведутъ васъ до лишенія справедливыхъ требованій должнаго Швеціею возмездія за нѣсколько сотъ кораблей съ ихъ грузами, взятыхъ Шведами у Англичанъ, и чрезъ сіе ваше величество лишитесь справедливаго удовольствія, котораго бы по праву и по справедливости могли требовать. Если все сіе дѣлается токмо въ намѣреніи получить уступленіе и сохраненіе Бремена и Вердена въ пользу курфирстскаго Брауншвейгъ-Люнебургскаго Дома, то является, что болѣе сдѣлали, нежели надлежитъ: понеже что касается до сего, то уже ваше величество достигли до сего предмета чрезъ учиненныя ему гарантіи сихъ двухъ провинцій его царскимъ величествомъ и королями Польскимъ, Датскимъ и Прусскимъ. И если бы ваше величество заблагоразсудили пребыть тверды въ союзахъ съ его царскимъ величествомъ, то бы Швеція принуждена была согласиться на общій миръ, чѣмъ бы намѣренія сѣверныхъ союзниковъ исполнены были и давно бы уже общее спокойство возстановлено. И такъ не нужно для утвержденія Бремена и Вердена Брауншвейгъ-Люнебургскому курфирстскому Дому приводить Великобританскую корону въ обязательства, клонящіяся прервать древнія узы дружбы между нею и Россіею и довести до разрыва. Добрая дружба и согласіе между Россіею и Великобританіею были всегда для торговли великобританской націи источникъ великихъ пользъ и прибытковъ; разрывъ же не можетъ ей неубыточенъ быть. Его царское величество не подалъ никакой причины прервать толь твердо установленную и толь полезную обѣимъ націямъ дружбу. Для показанія искренняго своего благоволенія къ Великобританской націи хотѣлъ дать ей коммерческимъ трактатомъ многія выгоды. Его царское величество еще и нынѣ склоненъ сохранять сію дружбу, и учиненное имъ объявленіе англійскимъ купцамъ о позволеніи имъ свободной торговли во всѣхъ своихъ областяхъ—есть ясное тому доказательство, и тѣмъ болѣе, что сіе онъ учинилъ въ то время, когда ваше величество и ваши министры непріятельски съ его царскимъ величествомъ поступали, посылая флотъ противъ него на помощь его непріятелю и возбуждая противъ его величества всѣ державы, не исключая и Турковъ".

Явная цѣль меморіала,—выставить предъ Англійскимъ народомъ, что его интересы приносятся въ жертву желанію упрочить Бременъ и Верденъ за Ганноверомъ, выставить вмѣстѣ неумѣнье вести дѣло, потому что Бременъ и Верденъ были крѣпки и безъ того Ганноверу: нужно было только сохранять Сѣверный союзъ и не увлекаться внушеніями

[1]) Онъ напечатанъ въ приложеніи къ VII тому Дѣяній П. В. Голикова.

мекленбургскихъ господъ, Бернсторфа съ товарищами,—все это должно было въ высшей степени раздражить короля Георга и его министерство. Бестужеву было объявлено, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Англіи въ восемь дней. Но Петръ остался до конца вѣренъ своей политикѣ: повѣстивъ Англичанамъ, находившимся въ Россіи, о прекращеніи дипломатическихъ сношеній съ королемъ ихъ, онъ объявилъ имъ, что не разрываетъ съ Англіею,—и они могутъ спокойно оставаться и торговать въ Россіи [1]).

Это событіе не произвело никакой перемѣны въ ходѣ дѣлъ. Король Георгъ не получилъ больше средствъ дѣйствовать противъ Россіи въ пользу Швеціи, и Швеція давно уже увидала, что жестоко обманулась въ своихъ разсчетахъ, перемѣнивъ Гёрцевъ планъ: уступки Ганноверу, Пруссіи и Даніи были сдѣланы понапрасну; Россію нельзя было заставить ни насколько уменьшить свои требованія, Англія защищала плохо, и никто не поднимался противъ Россіи въ угоду королю Георгу.

Въ маѣ 1720 года пріѣзжалъ въ Петербургъ шведскій генералъ-адъютантъ фонъ-Виртенбергъ съ объявленіемъ о возведеніи на престолъ мужа королевы Ульрики-Элеоноры, принца Фридриха, и возвратился съ отвѣтомъ, что царское величество склоненъ къ возстановленію мира и древней дружбы между Россіею и Швеціею. Но мы видѣли, что въ то же самое время, несмотря на присутствіе въ Балтійскомъ морѣ англійской эскадры, русскія войска опустошили шведскіе берега, а въ концѣ іюля князь Мих. Мих. Голицынъ разбилъ шведскую эскадру при островѣ Гренгамѣ. Петръ по этому случаю писалъ Меншикову: „Правда, не малая викторія можетъ почесться, потому что при очахъ господъ Англичанъ, которые ровно Шведовъ оборонили, какъ ихъ земли, такъ и флотъ [2])“. Въ августѣ отправился въ Стокгольмъ поздравить новаго короля съ восшествіемъ на престолъ генералъ-адъютантъ Александръ Румянцевъ, и былъ принятъ тамъ съ большою лаской: король выразилъ ему свое искреннее желаніе какъ можно скорѣе покончить войну и, предложилъ начать мирные переговоры въ Финляндіи, именно въ Або. Когда Румянцевъ, возвратившись, донесъ объ этомъ государю, тотъ велѣлъ ему написать шведскому государственному секретарю Гепкену, что русскіе министры будутъ отправлены въ Финляндію, только не въ Або, гдѣ находится генералитетъ и всѣ магазины для русскаго войска, и потому съѣзду быть тамъ непристойно и по великой тѣснотѣ невозможно. Въ этихъ пересылкахъ окончился 1720 годъ.

Мѣстомъ конгресса былъ выбранъ городъ Ништадтъ, министрами назначены тѣ же лица, которыя вели Аландскіе переговоры,—Брюсъ и Остерманъ; послѣдній выпросилъ себѣ титулъ барона и тайнаго совѣтника канцеляріи; съ Шведской стороны были назначены графъ Лиліенштетъ и баронъ Штремфельдъ [3]). Между тѣмъ, въ февралѣ 1721 года пріѣхалъ въ Петербургъ полномочный французскій министръ Кампредонъ, прежде бывшій въ Стокгольмѣ,- пріѣхалъ скрѣпить дружбу между Россіею и Франціею и содѣйствовать примиренію Россіи съ Швеціею. Въ конференціи, бывшей 21 февраля, русскіе министры объявили Кампредону, что царское величество уже объявилъ регенту о своихъ условіяхъ, убавить изъ нихъ ничего не можетъ, и если у него, Кампредона, есть указъ трактовать на этихъ условіяхъ, то государь укажетъ вступить въ переговоры.—„Если эти условія составляютъ ультиматумъ“, отвѣчалъ Кампредонъ, „то посредничество невозможно; посредничество состоитъ въ томъ, чтобъ сближать обѣ стороны взаимными уступками“. Русскіе министры сказали на это, что царское величество уступаетъ Швеціи цѣлое великое княжество Финляндское, другого же уступить нельзя и не-для-чего, потому что царское величество въ прежнемъ благополучіи, а Шведамъ надежды имѣть, кажется, не на что, и передъ прежнимъ ихъ состояніе не лучше стало. 28 февраля Кампредонъ былъ на партикулярной аудіенціи у царя и просилъ позволенія ѣхать въ Швецію, чтобъ склонять короля къ миру представленіемъ о силахъ Россіи, о невозможности для Швеціи бороться съ нею; просилъ также позволенія объявить Шведамъ, въ утѣшеніе имъ, что за уступленныя земли царь согласенъ дать имъ нѣкоторое вознагражденіе; наконецъ просилъ позволенія объявить, что уступленныя Швеціею провинціи останутся за Россіею, не будутъ переданы никому другому (конечно, разумѣя здѣсь герцога Голштинскаго). Царь согласился, и Кампредонъ отправился въ Швецію [4]). Русскіе министры пріѣхали въ Ништадтъ 28 апрѣля 1721 года и застали уже тамъ шведскихъ уполномоченныхъ. Послѣдніе начали дѣло требованіемъ, чтобъ имъ сообщены были условія, на какихъ царь желаетъ заключить миръ. Имъ отвѣчали, что условія были объявлены на Аландскомъ конгрессѣ и потомъ сообщены Шведскому правительству французскимъ посланникомъ Кампредономъ. „Объ Аландскихъ условіяхъ теперь нечего думать“, сказали Шведы: „въ то время Швеція имѣла четверыхъ непріятелей, изъ которыхъ съ Датскимъ и Прусскимъ королемъ миръ заключила, съ Польскимъ, надобно надѣяться, также скоро помирится, а король Англійскій, какъ всѣмъ извѣстно, теперь союзникъ Швеціи, на помощь котораго она всегда надѣется; теперь эту помощь для наступательной войны Швеція не приняла, желая скорѣйшаго заключенія мира“. Брюсъ отвѣчалъ: „Царское величество, когда былъ въ союзѣ съ упомянутыми королями, почти никакой отъ нихъ помощи не имѣлъ; отъ Англичанъ Швеція

[1]) Дѣла Англійскія 1720 года.

[2]) Голиковъ, Дѣянія VII, 128.

[3]) Дѣла Шведскія 1720 и 1721 года.

[4]) Дѣла Французскія 1721 года.

никакой помощи не получитъ, какъ видно изъ примѣра прошлаго года, и царское величество всегда въ состояніи противъ враговъ своихъ одинъ войну вести".—„Мы думаемъ", сказали Шведы, „что царское величество желаетъ удержать за собою Лифляндію и Выборгъ; но если они останутся за Россіею, то мы всѣ въ Швеціи должны будемъ въ отчаяніи и безо всякаго довольства померѣть, и скорѣе согласимся дать обрубить себѣ руки, чѣмъ подписать такой мирный договоръ". — „Безъ Лифляндіи и Выборга царское величество мира не заключитъ, а Швеціи будетъ довольно получить опять Финляндію", отвѣчалъ Брюсъ. — „На Аландскомъ конгрессѣ было предложено оставить Лифляндію за Россіею только на время", замѣтили Шведы. — „Это предложеніе было сдѣлано тогда, чтобъ помѣшать заключенію мира у Швеціи съ Англіею", отвѣчалъ Брюсъ.

Англійскій флотъ опять явился въ Балтійскомъ морѣ, и опять не помѣшалъ генералу Ласси съ 5,000 войска высадиться на шведскіе берега и опустошить ихъ, сжечь три городка, 19 приходовъ, 79 мызъ, 506 деревень съ 4,159 крестьянскими дворами. Въ Ништадтѣ шведскіе уполномоченные становились все сговорчивѣе. Они сильно стояли только за Выборгъ; а изъ Лифляндіи требовали хотя Пернау и острова Эзеля. — „Выкиньте это изъ головы", отвѣчалъ имъ Брюсъ, „Пернау принадлежитъ къ Лифляндіи, гдѣ намъ сосѣда имѣть вовсе не нужно; а Выборга отдать вамъ нельзя". — „Мы уступимъ всю Лифляндію", продолжали Шведы, „только на двухъ условіяхъ: чтобъ царское величество заплатилъ намъ за нее секретно извѣстную сумму денегъ, да чтобъ не вмѣшивался въ дѣло герцога Голштинскаго; мы сами и многіе другіе у насъ къ его сторонѣ склонны; но теперь, вслѣдствіе присяги всего государства, ничего въ пользу его сдѣлать нельзя. Послѣ нынѣшняго короля герцогъ имѣетъ несомнѣнное право на Шведскую корону и получить можетъ, потому что, кромѣ него, нѣтъ никого на линіи; только онъ можетъ получить корону по волѣ государственныхъ чиновъ, а не насиліемъ. Да просимъ, чтобъ царское величество не посылалъ теперь войскъ своихъ въ Швецію для ея разоренія, потому что отъ этого будетъ большое препятствіе здѣшнему нашему дѣлу: и Аландскій конгрессъ прекратился отъ того же".— „Если царское величество", отвѣчалъ Брюсъ, „пошлетъ свое войско въ Швецію, то отъ этого здѣшнему дѣлу никакого препятствія не будетъ, а еще скорѣе миръ будетъ заключенъ".

Соглашаясь на уступку Лифляндіи, Шведы продолжали стоять за Выборгъ: „Этотъ городъ ключъ Финляндіи", говорили они; „если онъ останется за Россіею, то вся Финляндія всегда будетъ въ волѣ царскаго величества. Мы готовы дать всякое ручательство въ безопасности Россіи со стороны Выборга; обяжемся не держать болѣе 400 человѣкъ гарнизона; выхлопочемъ гарантіи другихъ державъ, но города уступить не можемъ". Наконецъ Шведы уступили и Выборгъ, спорили толеко объ округѣ его [1]).

Шведы уступали Лифляндію подъ условіемъ, чтобъ царь не вмѣшивался въ дѣло герцога Голштинскаго. Мы видѣли старанія герцога и его министровъ въ Вѣнѣ сблизиться съ Русскимъ Дворомъ и заставить царя принять къ сердцу интересъ герцога предложеніемъ брачнаго союза между нимъ и царевною Анною. На донесенія Ягужинскаго объ этомъ дѣлѣ, Петръ писалъ: „На предложеніе сего герцога о супружествѣ съ старшею царевною отвѣтствовать не могу нынѣ двухъ ради причинъ: первое,—еще не знаемъ, что въ нынѣшнихъ непрестанныхъ отмѣнахъ послѣдовать можетъ; другое,—что его самого не знаемъ, а надобно, чтобы онъ самъ ко Двору моему пріѣхалъ, а сіе для него полезно будетъ и потому, понеже нынѣ въ Швеціи его партія паки стала усиливаться". Въ другомъ письмѣ къ Ягужинскому Петръ имѣлъ неосторожность написать, что не заключитъ мира съ Швеціею, пока не сдѣлаетъ герцога наслѣдникомъ, въ чемъ готовъ и письменно обязаться. Въ Петербургѣ объ интересахъ герцога хлопоталъ извѣстный намъ Штамкенъ въ званіи посланника голштинскаго; но на всѣ свои представленія получалъ неопредѣленные отвѣты въ такомъ родѣ: „Царское величество радостнаго отмѣненія въ дѣлахъ герцога и постояннаго благоповеденія охотно желаетъ, и что его царскому величеству зѣло пріятно будетъ, когда онъ добрыми своими оффиціями при являющихся случаяхъ къ споспѣшествованію его королевскаго высочества блага и интереса способствовать можетъ; его царское величество отъ господина посланника милостиво желаетъ, дабы онъ его королевское высочество о семъ и о имѣющей къ нему его царскаго величества доброй службѣ и склонности наилучшимъ образомъ обнадежилъ". Въ концѣ сентября 1720 года Штамкенъ подалъ промеморію: „Его королевское высочество желаетъ и царское величество въ служебной преданности проситъ, чтобъ въ предбудущій миръ между Россіею и Швеціею его королевское высочество такимъ образомъ включенъ былъ, чтобъ наслѣдіе Шведскаго государства ему и его потомству опредѣлено и въ своей силѣ содержано было". Шафировъ отвѣчалъ: „Царское величество сомнѣнія не имѣлъ его королевскаго высочества благоосновательное право къ Шведской коронѣ, даннымъ уже титуломъ королевскаго высочества, признать; также изъ праволюбія весьма склоненъ его королевскому высочеству въ томъ, какъ то только учинено быть можетъ, болѣе помогать, и объявить велѣлъ, что онъ не только при учиненіи мира съ Швеціею сколько возможно за его королевское высочество интересоваться будетъ, но и въ продолженіе войны (такъ какъ миръ еще далеко отстоитъ) изволитъ все учинить къ его королевскаго высочества пользѣ; пусть его высо-

[1]) Дѣла Шведскія 1721 года.

чество только объявитъ, какъ при будущихъ военныхъ операціяхъ наилучшимъ образомъ ему можетъ быть услужено".

12 декабря 1720 года призванъ былъ къ царскому величеству въ зимній старый домъ голштинскій посланникъ Штамкенъ, и подканцлеръ объявилъ ему о сообщеніи генерала Кришпина князю Василью Лукичу Долгорукому въ Копенгагенѣ, что онъ, Кришпинъ, имѣетъ порученіе отъ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ шведскихъ сенаторовъ заѣхать къ герцогу Голштинскому въ Бреславль, объявить ему о ихъ склонности къ нему, о неудовольствіи ихъ на короля, и пусть онъ, герцогъ, старается объ усиленіи своей партіи въ Швеціи. — Штамкенъ отвѣчалъ, что и онъ получилъ отъ своего Двора извѣстіе, что въ Швеціи хотятъ заставить короля объявить наслѣдникомъ герцога Голштинскаго; Англичане же и Датчане всѣми способами стараются отводить герцога отъ царскаго величества. Царь объявилъ ему на это, что всѣ датскія и англійскія интриги и ласкательства клонятся къ одному—отвесть герцога отъ Россіи и потомъ провесть; никто не имѣетъ такихъ средствъ и такихъ причинъ помогать герцогу, какъ Россія: ибо какъ можетъ ему помочь Датскій король противъ Швеціи, съ которою онъ только-что получилъ миръ, и, съ обидою герцога, выговорилъ себѣ у Швеціи и Англіи Шлезвигъ, и какая сила одного Датскаго короля противъ Швеціи? А Ганноверцы стараются только о своемъ интересѣ, чтобъ удержать за собою Бременъ и Верденъ. — „Я", говорилъ царь герцогу, „къ полученію въ Швеціи сукцессіи, также и въ прочемъ всѣми силами помогать буду, и если герцогъ сюда въ Петербургъ пріѣхать изволитъ, то мнѣ будетъ легче показать это на самомъ дѣлѣ, потому что я съ Швеціею въ войнѣ и сильно вооружаюсь къ будущей веснѣ: такъ герцогову интересу очень можетъ помочь, когда въ Швеціи узнаютъ, что онъ имѣетъ такую сильную помощь".

Какъ только подулъ попутный вѣтеръ, Штамкенъ выплылъ съ разсужденіемъ: заключенію мира между Россіею и Швеціею главнымъ препятствіемъ служатъ Лифляндія и Эстляндія. Шведы думаютъ, что они безъ этихъ провинцій и Ревельской гавани пробыть не могутъ, а царское величество не хочетъ уступить этихъ провинцій, чтобъ быть спокойнымъ въ новомъ утвержденіи своемъ на Балтійскомъ морѣ; и для того предается въ разсужденіе,— не можетъ ли царскому величеству пріятный способъ быть, когда герцогъ Голштинскій приведенъ будетъ въ посредство. Этому государю въ Швеціи хотя и неправда учинена, что на его наслѣдственное право не обращено вниманія, однако право, на время пріостановленное насиліемъ, не уничтожается. Дабы его царское величество могъ имѣть совершенное довѣріе къ герцогу, для этого за основаніе постановляется супружество между герцогомъ и старшею дочерью царскаго величества. Для вспоможенія такому супружескому союзу, царскому величеству нетрудно будетъ Лифляндію и Эстляндію уступить зятю своему герцогу въ суверенную и наслѣдственную собственность. Никто этому не можетъ прекословить, потому что провинціи уступаются законному наслѣднику Шведскаго государства и эта уступка будетъ приписана особенной умѣренности царскаго величества. Извѣстно, что герцогъ имѣетъ въ Швеціи друзей и приверженцевъ, хотя они до сего времени лица показать не смѣютъ; когда же герцогъ сдѣлается владѣльцемъ Лифляндіи и Эстляндіи, то, можетъ быть, мнѣніе въ Швеціи измѣнится, и друзья герцога громче говорить и явственнѣе показываться станутъ. У чужихъ державъ отнимется предлогъ противиться возрастающей силѣ Россіи на Балтійскомъ морѣ. Когда герцогъ вступитъ на Шведскій престолъ, Россія и Швеція соединятся самымъ крѣпкимъ союзомъ, слѣдствіемъ котораго будетъ почтеніе Европы. Выгодное положеніе герцоговыхъ Готторпскихъ земель не можетъ быть оставлено безъ вниманія въ отношеніи торговомъ.

16 января 1721 года царь написалъ герцогу: „Свѣтлѣйшій герцогъ, дружебнолюбезнѣйшій племянникъ! Мы какъ чрезъ вашего министра, при васъ пребывающаго Штамкена, такъ и чрезъ нашего, въ Вѣнѣ обрѣтающагося, дѣйствительнаго камергера Ягужинскаго о нашемъ къ вашему высочеству и любви имѣющемъ истинномъ и благосклонномъ намѣреніи васъ обстоятельно уже увѣдомили, и притомъ и то объявить велѣли, что вашего высочества и любви скорѣйшій пріѣздъ сюды не токмо намъ весьма пріятенъ, но и къ споспѣшествованію собственныхъ вашихъ интересовъ весьма потребенъ будетъ. Мы вашему высочеству и любви чрезъ сіе паки о томъ засвидѣтельствовать и притомъ васъ обнадежить восхотѣли, что мы къ вамъ и вашимъ интересамъ благосклонное намѣреніе имѣемъ, ежели вашему высочеству и любви угодно намъ удовольство показать—васъ здѣсь у насъ видѣть, то мы случай имѣть будемъ вамъ вящіе опыты въ томъ подать и съ вашимъ высочествомъ и любовью все то концертовать, что къ вашимъ интересамъ и къ общему обѣихъ сторонъ благу полезно быть можетъ, понеже то чрезъ пространныя негоціаціи и чрезъ многія переписки учинено быть не можетъ, и токмо много времени всуе препровождаетъ".

Герцогъ принялъ предложеніе, и, 27 іюня, въ день празднованія преславной викторіи, въѣхалъ въ Петербургъ. О пріемѣ, ему сдѣланномъ, приведемъ слова Бассевича, не отвѣчая за ихъ достовѣрность: „Какъ ни дружественъ и ни великолѣпенъ былъ пріемъ, сдѣланный герцогу царемъ, но для него пріемъ этотъ получилъ еще особенную цѣну по тому расположенію, которое высказала ему царица. Вполнѣ увѣренная въ своемъ величіи, она, не боясь уронить себя въ присутствіи герцогини Курляндской, сказала угнетенному принцу, что, одушевленная сознаніемъ долга, внушаемаго ей высотою положенія, она принимаетъ живое участіе въ интересахъ герцога, и что для нея, супруги

величайшаго изъ смертныхъ, небо прибавило бы еще славы, даруя ей въ зятья того, котораго она была бы подданною, если-бъ счастіе не измѣнило Швеціи и если-бъ Швеція не нарушала присяги, данной ею Дому великаго Густава. Слова эти заставили проливать слезы всѣхъ присутствовавшихъ: такъ трогательно умѣла говорить эта государыня. Если-бъ дѣло зависѣло отъ нея, ничто не было бы упущено, чтобъ безъ промедленія возстановить Карла-Фридриха въ его правахъ. Но хотя вліяніе ея на душу великаго царя могло сдѣлать много, однако не все. Она была его второю страстью, государство—первою, и потому всегда благоразумно уступала мѣсто тому, что должно было предшествовать ей“ [1]).

Оказывалось, что интересъ государства, главной страсти Петра, требовалъ не вмѣшивать Голштинскаго дѣла въ мирные переговоры со Швеціею.

Брюсъ и Остерманъ прислали свое разсужденіе о шведскомъ состояніи: „Шведское государство, какъ по внѣшнему, такъ и по внутреннему состоянію своему, принуждено искать мира съ царскимъ величествомъ. Единственная надежда для Швеціи была на помощь англійскую, да на субсидіи ганноверскія и французскія; но у этихъ державъ, кромѣ шведскихъ, своихъ домашнихъ дѣлъ довольно. Въ Швеціи находятся три партіи: 1) королевская; 2) тѣхъ, которые хотятъ поддерживать нынѣшнее правительство; 3) партія герцога Голштинскаго; но при этомъ должно замѣтить, что люди, склонные къ герцогу Голштинскому, хотятъ свою вольность и нынѣшнюю конституцію сохранить. Король хочетъ престолонаслѣдіе перенести въ Кассельскій Домъ; шведскіе уполномоченные прямо намъ объявляютъ, что они знаютъ объ этомъ намѣреніи короля, но никогда до его исполненія не допустятъ: королевскому намѣренію никто такъ не мѣшаетъ, какъ герцогъ Голштинскій, и король спѣшитъ заключеніемъ мира съ Россіею, чтобъ царское величество не вступилъ съ герцогомъ Голштинскимъ въ обязательство. Приверженцы нынѣшняго правительства не меньше короля желаютъ мира, боясь, чтобъ король, во время войны, не нашелъ средствъ осуществить свое намѣреніе, и чтобъ государство не подверглось большому несчастію, если Россія вступится за герцога Голштинскаго. Партія голштинская съ ними во всемъ согласна. Итакъ можно сказать, что пребываніе герцога Голштинскаго при Дворѣ царскаго величества служитъ для Шведовъ немалымъ побужденіемъ къ миру; но при его заключеніи всѣ хотятъ постановить, чтобъ царское величество не вступался въ домашнее дѣло Швеціи, и не думаемъ, чтобъ отъ этого условія отстали: это фундаментъ мирнаго договора. Другой главный пунктъ состоитъ томъ, чтобъ имѣнія въ уступленныхъ областяхъ были возвращены прежнимъ владѣльцамъ, потому что въ числѣ шведскаго дворянства очень много Лифляндцевъ и Эстляндцевъ, которымъ въ Швеціи нечѣмъ кормиться, и хотятъ получить насущный хлѣбъ чрезъ возвращеніе своихъ имѣній посредствомъ мира“.

Уже наступилъ іюль мѣсяцъ. Шведскіе уполномоченные предложили заключить сперва прелиминарный трактатъ со обозначеніемъ главныхъ условій, а потомъ разсуждать о подробностяхъ въ продолженіи шести недѣль. Когда Брюсъ и Остерманъ дали объ этомъ знать въ Петербургъ, то Петръ отвѣчалъ: „На то соизволить намъ невозможно, ибо не можемъ иной причины въ томъ признать, кромѣ того, чтобъ имъ время, а потомъ, по конъюнктурамъ смотря, главный трактатъ разными затрудненіями и кондиціями вымышленными вдаль проволочь и проискивать изъ того какой себѣ пользы. Но если они истинное намѣреніе имѣютъ, то могутъ и безъ того во время двухъ или трехъ недѣль и главный трактатъ съ нами заключить, понеже уже въ семъ трактатѣ, который нынѣ прелиминарнымъ хотятъ учинить, всѣ главныя дѣла опредѣляются, и въ другомъ, кромѣ нѣкоторыхъ церемоній и гарантій, не знаемъ, что-бъ могло присовокуплено быть. И тако вамъ на томъ стоять, чтобъ главный трактатъ нынѣ заключить, къ чему можете имъ двѣ или три недѣли сроку дать. Но ежели они будутъ требовать того для опасности отъ нашихъ воинскихъ дѣйствій и ради опасаемаго нѣкотораго обязательства съ герцогомъ Голштинскимъ, то можете развѣ вмѣсто прелиминарнаго трактата на то позволить, чтобъ главные пункты написаны были и отъ васъ съ обѣихъ сторонъ состоявшіеся подписаны и размѣнены съ заключеніемъ такимъ, что на сіи главные пункты съ обѣихъ сторонъ соизволено и соглашеноcь, и что онымъ такимъ образомъ быть внесеннымъ въ главный трактатъ безпрекословно, и что и прочіе пункты главнаго трактата имѣютъ быть окончены и весь трактатъ постановленъ въ опредѣленный срокъ, а именно—въ двѣ или три недѣли, а по высшей мѣрѣ и въ мѣсяцъ. И когда тако сіи пункты между вами размѣнены будутъ, то при томъ можете имъ обѣщать и постановить, что всѣ воинскія дѣйства съ обѣихъ сторонъ престать имѣютъ, и до совершенія главнаго мирнаго трактата сей армистиціумъ содержанъ быть имѣетъ, и въ такомъ случаѣ имѣете писать къ генераламъ нашимъ, которые указъ имѣть будутъ отъ всякихъ воинскихъ дѣйствъ тогда удержаться; а ежели съ шведской стороны будутъ требоваться больше къ тому времени, то можно будетъ признать, что они то чинятъ, дабы провесть сію компанію безъ дѣйства, на что намъ позволить невозможно“.

Шведы согласились оставить прелиминарный договоръ; но дѣло тянулось: за спорами о финляндскихъ границахъ, о герцогѣ Голштинскомъ, о включеніи въ договоръ короля Англійскаго, какъ курфюрста Ганноверскаго, чего требовали Шведы, и чего не хотѣли Русскіе; о включеніи въ договоръ короля и Рѣчи Посполитой Польской, чего требовали

---

[1]) Дѣла Голштинскія 1719, 1720 и 1721 годовъ. Голиковъ—Дѣянія VII, 134, 171.

Русскіе и на что не соглашались Шведы. О герцогѣ Голштинскомъ Петръ написалъ своимъ уполномоченнымъ: „Понеже герцогъ Голштинскій насъ просилъ и министры его, бывъ съ нашими министры въ конференціи, то прошеніе подтвердили, чтобъ о его интересѣ еще покрѣпче говорить, объявляя изъ Швеціи отъ своихъ склонныхъ (приверженцевъ) письма, что ежели на томъ стоять будемъ, то будто на то позволятъ, и они въ то дѣло крѣпко вступить поводъ имѣть будутъ: того ради, можете еще о томъ приложить стараніе и показать всѣ резоны о сукцессіи его, герцоговой, о которыхъ голштинскіе министры нашимъ министрамъ объявили; но буде весьма на то не склонятся, то, по соглашеніи о всѣхъ прочихъ нашихъ кондиціяхъ, можете напослѣдокъ отъ того отступить, дабы сіе дѣло нашему дѣлу не могло шкоды (вреда) нанесть. Однакожь понеже король (Шведскій) самъ деклароваль, что и онъ не можетъ о сукцессіи прежде времени и ваканціи трона упоминать, то потрудитесь тотъ пунктъ въ такомъ случаѣ тако изобразить, дабы и ему тѣмъ ко исканію дому своему сукцессіи путь былъ пресѣченъ“ [1]).

Пока тянутся переговоры въ Ништадтѣ, посмотримъ, что дѣлалось въ другихъ странахъ, при другихъ Дворахъ, наиболѣе заинтересованныхъ ходомъ этихъ переговоровъ. Еще въ апрѣлѣ князь Куракинъ изъ Гаги сообщилъ царю извѣстіе о письмѣ короля Англійскаго къ Шведскому. Георгъ писалъ, что флотъ Англійскій, по обѣщанію, готовъ выступить въ Балтійское море, но просилъ Шведскаго короля взять въ соображеніе положеніе дѣлъ въ Европѣ и какимъ бы то ни было образомъ заключить миръ съ Россіею, потому что Англія болѣе не можетъ тратить такъ много денегъ на высылку эскадръ; нынѣшнее отправленіе эскадры стоило 600,000 фунтовъ, и адмиралъ Норрисъ, по состоянію своего флота, можетъ только прикрыть Швецію отъ непріятельскаго нападенія. Въ королевскомъ совѣтѣ только однимъ голосомъ взяло верхъ мнѣніе тѣхъ, которые настаивали на необходимость отправленія Норриса, чтобъ не подвергнуть Швецію крайнему разоренію отъ русскихъ войскъ. Въ іюлѣ Куракинъ далъ знать, что англійскій посланникъ при Прусскомъ Дворѣ, Витвортъ, проѣздомъ изъ Берлина, былъ у него и увѣдомилъ, что прелиминарный мирный договоръ скоро долженъ быть заключенъ между Россіею и Швеціею, и правительство послѣдней рѣшилось, во что бы то ни стало, кончить войну. При этомъ Витвортъ говорилъ, что миромъ съ Швеціею должны прекратиться и всѣ несогласія царскаго величества съ Англійскимъ Дворомъ; что онъ, Витвортъ, помня всѣ милости царя къ себѣ, ничего такъ не желаетъ, какъ видѣть доброе согласіе между царемъ и королемъ Георгомъ, потому что первое основаніе дружбы между Россіею и Великобританіею положено имъ, Витвортомъ, въ бытность его при Дворѣ царскомъ, и теперь желаетъ онъ приложить всѣ свои старанія къ возстановленію добраго согласія между обѣими державами, чтобъ съ обѣихъ сторонъ преданы были забвенію всѣ бывшія неудовольствія, которыя не такъ сильны, чтобъ вести къ вѣчной или продолжительной враждѣ. Война Сѣверная почти уже кончилась, и взаимный интересъ обѣихъ державъ требуетъ возстановленія дружественныхъ отношеній, какъ для торговли, такъ и для другихъ дѣлъ. Витвортъ просилъ о всѣхъ этихъ добрыхъ намѣреніяхъ донести царскому величеству. Куракинъ спросилъ, говорилъ ли онъ все это по указу отъ Двора своего, или самъ собою:—Витвортъ отвѣчалъ, что хотя указу у него и нѣтъ, но онъ знаетъ, что Двору его это будетъ пріятно; теперь онъ ѣдетъ въ Спа на воды, и, между тѣмъ, будетъ хлопотать чрезъ своихъ пріятелей при Дворѣ о сближеніи Англіи съ Россіею [2]).

Въ Вѣнѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1721 года, Ягужинскій объявилъ графу Шёнборну, что Французскій Дворъ предложилъ свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Швеціею, и царь принялъ предложеніе. Шёнборнъ отвѣчалъ, что Цесарь теперь съ Франціею въ мирѣ и доброй дружбѣ, и ему не будетъ противно, если Царь, при его посредничествѣ, приметъ и французское,—только необходимо отправить уполномоченныхъ на Брауншвейгскій конгрессъ. Но ударъ былъ впереди: Ягужинскій объявилъ, что уже положено съѣхаться русскимъ уполномоченнымъ съ шведскими въ Финляндіи. „Мы очень благодарны за это сообщеніе“, отвѣчалъ Шёнборнъ, „естественно всякому государю желать мира и принимать всякія предложенія, которыя къ тому клонятся; мы просимъ объ одномъ: если на съѣздѣ дѣло станетъ улаживаться, то царское величество изволилъ бы сообщить объ этомъ заранѣе здѣшнему Двору, чтобъ императорскіе министры понапрасну въ Брауншвейгѣ не ждали, отчего Цесарю было бы не безъ стыда“. Потомъ Шёнборнъ распространился о склонности Цесаря къ дружбѣ съ царемъ и объ особенномъ великомъ уваженіи къ его особѣ; доказательствомъ служитъ то, что сколько враги царскіе ни трудились возбудить Цесаря противъ Россіи, всѣ старанія ихъ остались напрасными, ибо Цесарь принялъ себѣ за правило, что съ царскимъ величествомъ ему дѣлить нечего и враждовать не-за-что. Потомъ Шёнборнъ сталъ превозносить выгоды, которыя проистекутъ для обоихъ государствъ отъ усиленной торговли между ихъ подданными; наконецъ сказалъ: если между ихъ величествами утвердится дружба, то многихъ чрезъ это можно будетъ держать въ респектѣ и гордость ихъ укротить, ибо кто тогда осмѣлится напасть на оба союзные высочайшіе Дома?

Съ этимъ Ягужинскій и уѣхалъ изъ Вѣны, гдѣ остался резидентъ камеръ-юнкеръ Людовикъ Ланчинскій. 29 марта Ланчинскій писалъ: „Теперь

---

[1]) Дѣла Шведскія 1721 г.

[2]) Дѣлa Голландскія 1721 г.

здѣсь Страстная недѣля, всѣ молятся, кромѣ англійскихъ министровъ, которые никогда не празднуютъ, а все лживые вымыслы разсѣеваютъ, стараются пускать слухи, которые хотя бы на два или три дня произвели непріятное въ отношеніи къ Россіи впечатлѣніе. Не удалось увѣрить, что Турки хотятъ начинать войну: теперь поднимаютъ старое, будто Ягужинскій пріѣзжалъ только для вида, безъ прямаго намѣренія утвердить дружбу съ Цесаремъ, но для отведенія его отъ соглашенія съ Англійскимъ королемъ, что царское величество и не думаетъ мириться съ Швецію чрезъ медіацію цесарскую, и что финляндскіе переговоры приходятъ уже къ окончанію". Но при этомъ резидентъ доносилъ, что англійская партія упала въ Вѣнѣ, изъ министровъ ея держится только одинъ графъ Цинцендорфъ. По отзыву вліятельныхъ лицъ, пріѣздъ Ягужинскаго былъ полезенъ императорскому правительству въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, англійскій посланникъ удержался отъ наглыхъ поступковъ и принужденъ былъ отправиться изъ Вѣны съ одними праздными обѣщаніями инвеституръ для своего короля на Бременъ и Верденъ, и злобу свою при этомъ высказать побоялся, чтобъ не ускорить сближенія Австріи съ Россіею; когда Протестантамъ сообщенъ былъ сильный и непріятный для нихъ рескриптъ императорскій, то они объявили, что будутъ дожидаться спокойно обѣщанной имъ управы именно въ томъ предположеніи, что цесарскій Дворъ употребилъ въ рескриптѣ высокій цесарскій стиль, надѣясь на дружбу съ Царемъ.

Англійскій посланникъ продолжалъ пугать австрійскихъ министровъ извѣстіями о замыслахъ царя, о высадкѣ русскихъ войскъ въ шведскую Померанію. Между тѣмъ царь, узнавъ о неудовольствіи императора на Англію и не предвидя еще скораго и благопріятнаго конца Ништадтскихъ переговоровъ, велѣлъ Ланчинскому объявить въ Вѣнѣ, что графъ Александръ Головкинъ отправляется уполномоченнымъ на Брауншвейгскій конгрессъ. Тогда англійскій и ганноверскій посланники стали внушать, что Головкинъ отправляется въ Брауншвейгъ только для виду и будетъ тамъ только излегка трактовать, что царь возобновилъ сношеніе съ Испаніею и непремѣнно двинетъ свои войска въ имперію, причемъ на Пруссію надѣяться нечего. Внушенія дѣйствовали; австрійскіе министры были въ большомъ раздумьи; безпокоило ихъ и то, что на Брауншвейгскій конгрессъ отправляется съ русской стороны одинъ только уполномоченный—графъ Головкинъ, тогда какъ прежде говорилось и о князѣ Куракинѣ: въ Брауншвейгъ ѣдетъ одинъ, а въ Ништадтѣ двое! Отъ 31 мая Ланчинскій доносилъ: „Отправленіе графа Головкина въ Брауншвейгъ не произвело здѣсь сильнаго впечатлѣнія; ждали этого съ великимъ нетерпѣніемъ, и когда сдѣлалось, то относятся очень равнодушно. Недавно еще о дѣлахъ вашего величества разсуждали какъ о собственныхъ съ доброжелательствомъ, о пользахъ русскаго союза съ радостію разговоръ вели, на англійскую партію нападали, а теперь на вопросъ короткимъ словомъ отрывисто отвѣчаютъ. Одинъ министръ недавно сказалъ: „На русскую дружбу надѣяться нельзя, потому что есть у нихъ какое-нибудь скрытное намѣреніе". Ланчинскій началъ доискиваться причины охлажденія, и узналъ: изъ Стокгольма получено письмо, что у Россіи съ Швеціею заключены прелиминарныя статьи на основаніи кампредоновыхъ предложеній. Ланчинскій поѣхалъ для объясненій къ графу Шёнборну, и тотъ говорилъ ему съ жаромъ: „Пусть Дворъ царскаго величества разсмотритъ дружбу къ себѣ и поступки другихъ государствъ, и сравнитъ наше поведеніе, которое всегда основаніемъ имѣетъ честность; изъ-за этой честности Австрійскій Домъ часто терпѣлъ вредъ, но никогда отъ нея не отступаетъ. Мирные переговоры у васъ во многихъ мѣстахъ начинались, но нигдѣ не удалось мира заключить; поэтому попробуйте и насъ хотя однажды въ Брауншвейгѣ, и посмотрите, доброжелательно ли будемъ къ вамъ поступать; если недоброжелательно, то принимайте всякія мѣры къ вашей пользѣ".

Пришло извѣстіе, что графъ Головкинъ, оскорбленный неучтивостію шведскаго уполномоченнаго, выѣхалъ изъ Брауншвейга. Пошли новые толки. Австрійскіе министры говорили Ланчинскому: „Трудно понять, чтобъ графъ Головкинъ самъ собою, безъ указа, оставилъ конгрессъ; скорѣе онъ присланъ въ Брауншвейгъ для соблюденія формы, имѣя указъ искать предлога для скорѣйшаго отъѣзда; но нельзя надивиться, какъ Дворъ царскаго величества, оставя цесарское прямодушіе, можетъ имѣть довѣренность къ лукавымъ и враждебнымъ предложеніямъ самаго злаго врага царскаго, короля Англійскаго. Кто устроилъ Ништадтскій конгрессъ?—регентъ французскій; а регентъ кто?—вассалъ англійскій. Въ томъ и затаено лукавство вашихъ враговъ, что вдругъ рѣшили во всемъ исполнить желанія царскаго величества. Но надолго ли этотъ бумажный миръ станетъ, и кто его будетъ гарантировать? Можетъ ли царское величество положиться на гарантію Англійскаго короля, который, еслибъ можно, весь свѣтъ поднялъ бы противъ царя: намъ самимъ: предлагалъ субсидіи на 40,000 войска, чтобъ только заставить насъ дѣйствовать противъ Россіи. Можетъ быть, французская гарантія обѣщается? Но можно ли повѣрить, чтобъ Франція, особенно теперь, когда приближается совершеннолѣтіе молодаго короля, покинула искони союзную и основными интересами съ собою связанную Швецію? Прочіе сообщники Англіи не по ея ли нотамъ поютъ? Не великая штука получить; но надобно укрѣпить на будущее время! Всѣ тѣ державы, которыя вамъ мнимыя выгоды доставляютъ, въ то же время уже въ запасъ здѣсь намъ о многихъ противныхъ намѣреніяхъ вашихъ внушаютъ. А когда у васъ миръ съ Швеціею состоится, то тѣ же Англичане и ихъ сообщники намъ станутъ го-

ворить: развѣ не справедливы были наши внушенія, что царь не намѣренъ вести переговоры въ Брауншвейгѣ, и на другіе каналы надѣется? Нашъ Дворъ увидитъ, какъ вы безъ всякой нужды домогались отъ насъ безпристрастнаго посредничества, и конгрессъ нашъ продолженъ на посмѣшище! Потомъ Англичане по степенямъ будутъ трудиться и то доказать, что присылки Вейсбаха и Ягужинскаго были только для вида, чтобъ позабавить насъ, и что царь съ Цесаремъ въ доброй дружбѣ быть не желаетъ; наконецъ, отыскавъ какой-нибудь предлогъ, будутъ стараться привести васъ съ собою въ соглашеніе, если возстановленный вашъ кредитъ снова поврежденъ будетъ. Надолго ли Шведы хотятъ съ вами мириться — это легко вамъ подвергнуть повѣркѣ: предложите имъ необходимое условіе (conditio sine qua non), чтобъ мирный договоръ былъ подтвержденъ генеральнымъ трактатомъ въ Брауншвейгѣ и былъ гарантированъ Цесаремъ, — увидите, какъ шведскіе министры будутъ переминаться и ни за что на это не согласятся. Англійскій посланникъ недавно здѣсь передъ своею шайкою хвалился, что онъ еще прошлаго года послалъ королю своему проектъ, что надобно царю на время все уступить, дабы спасти Швецію отъ крайняго разоренія, и что это единственный способъ скоро все возвратить, лишь бы умѣючи поступить". Слухи о большихъ уступкахъ, дѣлаемыхъ Швеціею Россіи, тревожили Австрійскій Дворъ; это дѣлается недаромъ: хотятъ, съ помощію Россіи, утвердить Гессенскую династію на Шведскомъ престолѣ, а Гессенскій Домъ противенъ Австріи по его зависимости отъ Франціи. Потому въ Вѣнѣ предъ Ланчинскимъ начали изъявлять сожалѣніе, что герцогъ Голштинскій безъ нужды оставленъ; еслибъ царь велѣлъ объявить необходимымъ условіемъ признаніе герцога наслѣдникомъ, то Швеція, будучи въ крайнемъ упадкѣ, не порвала бы отъ этого переговоровъ, и сенатъ могъ бы принудить короля оставить свои частные интересы; сенатъ не весь французскими деньгами закупленъ; и изъ тѣхъ, которые эти деньги брали, есть приверженцы герцога Голштинскаго; партія гессенская взяла силу ни отъ чего иного, какъ отъ успѣха въ переговорахъ, а король Фридрихъ народомъ нелюбимъ, ибо только наружно Лютеранинъ, а въ сердцѣ Кальвинистъ. По крайней мѣрѣ, надобно было внести условіе, что интересы герцога Голштинскаго въ цѣлости отлагаются до Брауншвейгскаго конгресса.

Чѣмъ сильнѣе становились слухи о скоромъ и выгодномъ для Россіи окончаніи Ништадтскихъ переговоровъ, тѣмъ сильнѣе со стороны австрійскихъ министровъ становились заявленія о желаніи дружбы и союза съ царскимъ величествомъ. Ланчинскій доносилъ: „Видя, что Ништадтское дѣло разрушить трудно, объявляютъ, что и безъ конгресса друзьями быть могутъ и къ союзу готовы, дабы, озлобя Англичанъ, вмѣстѣ не потерять и дружбы вашего величества; но при этомъ все сомнѣваются, нѣтъ ли, сверхъ партикулярнаго мира, какой другой мистеріи въ Ништадтскомъ трактатѣ". Шёнборнъ говорилъ Ланчинскому: „Никакіе государи такого добраго дѣла устроить не могутъ, какъ царь и Цесарь, къ пользѣ и тишинѣ всего христіанства. Когда эти два монарха соединятся, то никто на нихъ не посягнетъ, и будетъ въ Европѣ напрасныхъ войнъ поменьше. Интересы обоихъ сходны, особенно противъ Турокъ. Хотя было мнѣніе, будто мы королю Польскому хотимъ помогать въ полученіи неограниченной власти, но оно не имѣло никакого основанія, ибо какъ царскому, такъ и цесарскому величествамъ одинаково нужно, чтобъ Польша оставалась въ прежнемъ своемъ положеніи и вольности, а курфюрстовъ въ короляхъ и такъ довольно; если наша эрцъ-герцогиня вышла за Саксонскаго принца, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы намѣрены были помогать ея мужу противъ собственныхъ австрійскихъ интересовъ. Но подозрѣніе уже исчезло, и я не знаю, что бы могло теперь помѣшать нашему союзу" [1]).

Мы видѣли, что къ Польскому королю въ Дрезденъ возвратился съ отвѣтомъ на его предложенія князь Сергій Григорьевичъ Долгорукій (старикъ, отецъ его, уѣхалъ, въ Петербургъ и здѣсь остался). Августъ принялъ князя Сергія очень милостиво и показалъ видъ, что доволенъ царскимъ отвѣтомъ. Причина такого пріема сейчасъ же объяснилась; король началъ говорить: „Здѣсь носятся слухи, что царское величество заключилъ миръ съ Швеціею; но я не вѣрю этимъ слухамъ, ибо я царскимъ величествомъ обнадеженъ, что меня не изволитъ оставить". Долгорукій увѣрилъ его, что безъ включенія Польши миръ не будетъ заключенъ. Между тѣмъ произошло любопытное происшествіе. Въ Берлинъ къ Прусскому королю явились два Жида, факторы короля Августа, Леманъ и Мейеръ, съ словеснымъ предложеніемъ о раздѣлѣ Польши, а именно: король Прусскій долженъ помочь королю Польскому получить самодержавіе въ Польшѣ, за что получитъ въ вѣчное владѣніе Польскую Пруссію и Вармію; Прусскій король долженъ склонять къ этому и Русскаго царя, который получитъ за это всю Литву; когда Польскій король узнаетъ, что царь согласенъ, то будетъ склонять къ тому и Цесаря, который за согласіе также получитъ значительную часть Польскихъ земель, пограничныхъ съ Венгріею и Силезіею. Прусскій король, не давая Жидамъ опредѣленнаго отвѣта, увѣдомилъ объ этомъ царя; царь отвѣчалъ дружескимъ совѣтомъ, чтобъ король Фридрихъ-Вильгельмъ не вступалъ въ эти планы Польскаго короля, ибо они противны Богу, совѣсти и вѣрности, и надобно опасаться отъ нихъ дурныхъ послѣдствій, и что касается до него, царя, то онъ не только никогда не вступитъ въ подобные планы, но и будетъ помогать Рѣчи Посполитой противъ всѣхъ, кто войдетъ въ виды короля Августа. Леманъ повторилъ Прусскому королю предложеніе чрезъ берлинскаго Жида Гуммерта, давая знать, что о на-

---

[1]) Дѣла Австрійскія 1721 г.

мѣреніяхъ короля Августа уже сообщено тайнымъ образомъ и Вѣнскому Двору. Фридрихъ-Вильгельмъ велѣлъ отвѣчать Жидамъ, чтобъ они напередъ извѣстили его, какъ предложеніе будетъ принято Цесаремъ. Петръ счелъ нужнымъ дать знать объ этомъ епископу Варминскому, позволивъ ему подъ глубочайшею тайною сообщить и нѣкоторымъ другимъ польскимъ вельможамъ, кому заблагоразсудитъ:—пусть развѣдаютъ объ этомъ хорошенько другими путями и себя остерегутъ [1]).

Возвратимся на Сѣверъ.

Наступилъ сентябрь. Петръ отправился въ Выборгъ. 3 числа царь былъ на Лисьемъ носу, когда пріѣхавшій изъ Ништадта курьеръ подалъ ему бумаги; онъ распечатываетъ...

„Всемилостивѣйшій Государь! При семъ къ вашему царскому величеству всеподданнѣйше посылаемъ подлинный трактатъ мирный, который сего часу съ шведскими министрами заключили, подписали и размѣнялись. Мы оный перевесть не успѣли, понеже на то время потребно было, и мы опаслись, дабы между тѣмъ вѣдомость о заключеніи мира не пронеслась. Токмо вашему царскому величеству всеподданнѣйше доносимъ, что оный въ главныхъ дѣлахъ во всемъ противъ указовъ вашего величества написанъ, и для лучшаго извѣстія при семъ прилагаемъ изо всѣхъ артикуловъ краткій экстрактъ. Мы ваше царское величество тѣмъ по рабской нашей должности всеподданнѣйше поздравляемъ и молимъ Бога, дабы оный вашу дражайшую особу въ непремѣнномъ святомъ своемъ сохраненіи имѣлъ и ваше царское величество чрезъ единые ваши труды и высокомудрое управленіе симъ полученнымъ вѣчно славнымъ миромъ пользоваться, и всѣ прочія свои намѣренія къ собственно желаемому счастливому окончанію привесть могли, еже отъ всего своего сердца желаемъ вашего царскаго величества всенижайшіе рабы—Яковъ Брюсъ, Андрей Остерманъ. Августа 30 дня, въ четвертомъ часу пополуночи".

Договоръ состоялъ изъ слѣдующихъ статей; 1) Вѣчный, истинный и неразрывный миръ между царскимъ величествомъ и его преемниками, и его; королевскимъ величествомъ Шведскимъ и его преемниками. 2) Съ обѣихъ сторонъ общая амнистія; изъ нея исключаются русскіе казаки измѣнники, которые послѣдовали за шведскимъ войскомъ. 3) Всѣ непріятельскія дѣйствія, въ четырнадцать дней по подписаніи договора, а если можно и прежде, прекращаются. 4) Съ шведской стороны уступаются царскому величеству и его преемникамъ, въ полное, неотрицаемое, вѣчное владѣніе и собственность завоеванныя царскаго величества оружіемъ провинціи: Лифляндія, Эстляндія, Ингрія, часть Кареліи съ дистриктомъ Выборгскаго лена, со всѣми аппартиненціями и депенденціями, юрисдикціею, правами и доходами. Оныя въ вѣчныя времена къ Россійскому государству присовокуплены быть и остаться имѣютъ.—При этомъ пунктѣ Брюсъ и Остерманъ замѣтили: „Понеже шведскіе министры отнюдь допустить не хотѣли, чтобъ прежнее обязательство, дабы сіи провинціи никому иному не уступить въ семъ артикулѣ осталось, того ради мы вмѣсто того внесли, что сіи провинціи вѣчно къ Россійскому государству присовокуплены остаться имѣютъ, въ чемъ и то разумѣется, что оныя иному никому уступить невозможно; и хотя шведскіе министры на нашу экспрессію долго не позволяли, однакожь мы напослѣдокъ ихъ къ тому склонили".—Эта экспрессія нужна была противъ польскихъ притязаній на Лифляндію. 5) Царское величество возвращаетъ Швеціи великое княжество Финляндское, кромѣ той части, которая въ разграниченіи выговорена. Сверхъ того, царское величество обѣщаетъ королевскому величеству и государству Шведскому заплатить два милліона ефимковъ. 6) Королевское величество имѣетъ право въ вѣчныя времена свободно закупать хлѣбъ въ Ригѣ, Ревелѣ и Аренсбургѣ ежегодно на 50,000 рублей, безпошлинно, кромѣ тѣхъ чрезвычайныхъ случаевъ, когда вывозъ хлѣба изъ Россіи будетъ запрещенъ всѣмъ народамъ. 7) Его царское величество наикрѣпчайше обѣщаетъ, что онъ въ домашнія дѣла королевства Шведскаго, яко въ форму правительства, и въ актъ наслѣдства, отъ чиновъ государства единогласно соизволенныя и присягою укрѣпленныя, мѣшаться не будетъ, никому кто-бъ ни былъ, въ томъ ни прямо, ни посторонне, какимъ ни есть образомъ не вспоможетъ, но паче къ показанію истинной сосѣдственной дружбы всему, что тому противно вознамѣряется, и его царскому величеству извѣстно учинится, всякимъ образомъ мѣшать и упредить искать изволитъ. 8) Опредѣляются границы. 9) Жители уступленныхъ Россіи провинцій пользуются правами, какія они имѣли подъ шведскимъ владычествомъ. 10) Жителямъ этихъ провинцій не будетъ никакого принужденія въ совѣсти; Евангелическая вѣра, церкви и школы будутъ содержаны, какъ прежде были подъ шведскимъ владѣніемъ; однако Греческая вѣра впредь свободно и безъ помѣшанія въ оныхъ также отправлена быть можетъ. 11) Царское величество обѣщаетъ, что каждый хотя оный въ землѣ или внѣ оной обрѣтается, который справедливую претензію на маетности въ Лифляндіи, Эстляндіи и Эзелѣ имѣетъ, и оную надлежащимъ образомъ засвидѣтельствовать и доказать можетъ, своимъ правомъ безпрекословно пользоваться и чрезъ немедленный розыскъ и изъясненіе такихъ претензій до владѣнія ему праведно принадлежащей маетности паки достичь имѣетъ. 12) Въ Лифляндіи, Эстляндіи, на Эзелѣ, въ Нарвѣ и Выборгѣ возвращаются прежнимъ собственникамъ конфискованныя во время войны земли и дома, также аренды другимъ отданныя, которыхъ срокъ еще не прошелъ; но эти владѣльцы обязаны, при вступленіи во владѣніе, присягнуть на подданство царскому величеству: кото-

[1]) Дѣла Польскія 1721 г.

рые же не захотятъ присягнуть, тѣмъ дается трехгодичный срокъ для продажи своихъ имѣній. 13) Военноплѣнные освобождаются безъ выкупа, кромѣ желающихъ добровольно остаться и принявшихъ въ Россіи Греческую вѣру. То же разумѣется о всѣхъ вывезенныхъ во время войны людяхъ. 14) Король и Рѣчь Посполитая Польскіе, какъ союзники царскаго величества, именно въ сей миръ включаются; и такъ какъ на здѣшнемъ мирномъ конгрессѣ уполномоченныхъ отъ нихъ нѣтъ, то Шведскій король обѣщаетъ, что онъ немедленно отправитъ своихъ уполномоченныхъ въ то мѣсто, о которомъ будетъ условлено съ королемъ и Рѣчью Посполитою польскою, и, подъ медіаціею царскаго величества, съ ними вѣчный миръ заключить изволитъ, однако такъ, чтобъ въ договорѣ ничего не было такого, что бы настоящему съ Россіею заключенному миру было противно. 15) Свободная торговля между подданными обоихъ государствъ. 16) Послы будутъ сами себя содержать. 17) Отъ стороны шведской король Великобританскій включается въ сей мирный трактатъ, однако съ предоставленіемъ того, въ чемъ его царское величество отъ его королевскаго величества Великобританскаго себя иногда обижена находитъ, о чемъ прямо между его царскимъ величествомъ и королемъ Великобританскимъ дружески трактовано и соглашено быть имѣетъ; такожде могутъ другія державы, которыя оба высокодоговаривающіеся во время трехъ мѣсяцевъ, по воспослѣдованіи ратификацій именовать будутъ, къ сему мирному трактату съ общаго соизволенія приступить. Въ сепаратномъ артикулѣ было постановлено, что обѣщанные Россіею два милліона ефимковъ выплачиваются по 500,000 ефимковъ на четыре срока,—послѣдній въ сентябрѣ 1724 года. Брюсъ и Остерманъ писали царю: „Герцога Голштинскаго мы наилучшимъ образомъ рекомендовали, и здѣсь пребывающіе министры обнадеживаютъ, что, когда случай придетъ, кромѣ него никто иной выбранъ не будетъ, и съ великими клятвами увѣряютъ, что они, со всею своею фамиліею, никому иному, кромѣ него не дадутъ голоса“.

„Высокоблагородный и благородный, намъ любезно вѣрные!“ писалъ Петръ Брюсу и Остерману 10 сентября: „отправленный отъ васъ нашей гвардіи капралъ Обрѣзковъ, въ бытность нашу у Котлина острова, къ намъ прибылъ съ заключеннымъ мирнымъ трактатомъ, съ которою всерадостною вѣдомостью мы сами въ 4-й день сего мѣсяца сюда прибыли и воздали Всевышнему благодареніе за такой благополучный миръ, и тотъ отъ васъ присланный трактатъ немедленно перевесть велѣли, и коего часу оный на россійскій языкъ могли успѣть перевесть, то того же времени мы оный весь и присланную отъ васъ образцовую ратификацію съ великимъ нашимъ удовольствомъ и увеселеніемъ слушали, и всѣ пункты въ томъ трактатѣ содержанные и чрезъ ваши труды постановленные мы всемилостивѣйше апробовали“.

Отъ того же числа сохранилась засвидѣтельствованная Брюсомъ копія другого письма царскаго къ уполномоченнымъ: „Господа полномочные! Я намѣренъ былъ ѣхать къ Выборху для границъ; но, пріѣзжая къ Дубкамъ, получилъ отъ васъ уже подписанный и размѣненный трактатъ, которая нечаямая такъ скорая вѣдомость насъ и всѣхъ зѣло обрадовала и что сія трехвременная жестокая школа такой благой конецъ получила, понеже трактатъ такъ вашими трудами сдѣланъ—хотя написавъ намъ и только для подписи послать Шведамъ—болѣе бы того учинить нечего, за что вамъ зѣло благодарствуемъ, и что славное въ свѣтѣ сіе дѣло ваше никогда забвенію предатися не можетъ, а особливо, что николи наша Россія такого полезнаго мира не получала; правда, долго ждали, да дождались, еже всегда будетъ Богу, всѣхъ благъ виновному выну хвала“. Здѣсь выраженіе: „Трехвременная жестокая школа“ объясняется письмомъ Петра къ князю Василію Лукичу Долгорокому въ Парижъ: „Всѣ ученики науки въ семь лѣтъ оканчиваютъ обыкновенно; но наша школа троекратное время была (21 годъ), однакожъ, слава Богу, такъ хорошо окончилась, какъ лучше быть невозможно“ [1]).

Петръ одинаково благодарилъ обоихъ уполномоченныхъ, Брюса и Остермана. Во время ништадтскихъ переговоровъ мы не замѣчаемъ, чтобы послѣдній такъ рѣзко выдавался на первый планъ, какъ это было во время Аландскаго конгресса. Брюсъ, какъ видно, принималъ свои мѣры, чтобъ товарищъ не игралъ главную роль въ Ништадтѣ. Остерманъ долженъ былъ писать Макарову: „Вамъ извѣстно о противныхъ на меня доношеніяхъ господина генерала-фельдцейгмейстера Брюса безъ всякой моей вины и заслуженія. Я воистинно доброй и честной человѣкъ, и не хочу и не пожелаю съ нимъ въ какомъ несогласіи быть, и истиннымъ Богомъ засвидѣтельствую, что кромѣ услуженія всякаго и паче и больше, можетъ быть, какъ надлежало, никакого случая къ такимъ противностямъ отъ меня не подано. Пожалуйте, извольте къ нему партикулярно отъ себя написать, чтобъ онъ жилъ со мною согласно, и ежели онъ чаетъ причину имѣть къ жалобамъ на меня, чтобъ онъ мнѣ самому лучше о томъ напередъ объявилъ, ибо все то лучше какъ для него, такъ и для меня, нежели безъ основанія жаловаться и государю докучать“ [2]).

Но это несогласіе между уполномоченными не помѣшало дѣлу. Великая Сѣверная война прекратилась. Взглянемъ на ея значеніе. Какъ для развитія отдѣльнаго человѣка необходимо, чтобъ онъ покинулъ одиночество, узкую сферу и пріобрѣталъ познанія различными путями посредствомъ ученія, чтенія, бесѣдъ съ живыми людьми, путешествія: такъ и для цѣлыхъ народовъ необходимое условіе развитія состоитъ въ покинутіи одиночества, въ

---

[1]) Дѣла Шведскія 1721 г.
[2]) Кабинетъ II, 56.

расширеніи сферы умственной и практической дѣятельности посредствомъ знакомства съ новыми странами и народами, въ общей жизни съ ними; и чѣмъ болѣе странъ и народовъ входитъ въ эту общую жизнь,—тѣмъ развитіе ихъ многообразнѣе и сильнѣе, богаче результатами. Вотъ почему въ жизни человѣчества имѣютъ великое значеніе тѣ эпохи, когда для народовъ происходитъ расширеніе круга ихъ дѣятельности, когда многіе страны и народы какимъ бы то ни было способомъ соединяются для общей дѣятельности, для взаимнаго вліянія другъ на друга. Такъ, въ древнемъ мірѣ, когда народы обыкновенно соединялись только путемъ насилія, завоеванія,—великое значеніе имѣетъ дѣятельность Александра Македонскаго, соединившая западную и восточную цивилизацію; дѣятельность Рима, приведшая подъ одну державу народы древняго историческаго міра. Древняя исторія оканчивается появленіемъ на сцену новыхъ странъ, новыхъ народовъ, бывшихъ до тѣхъ поръ за оградою историческаго міра. Въ такъ называемой Средней Исторіи важнѣйшее по своимъ результатамъ явленіе есть знакомство западнаго міра съ востокомъ посредствомъ Крестовыхъ походовъ. Такъ называемая Новая Исторія начинается расширеніемъ сферы дѣятельности европейскаго человѣка чрезъ открытіе Новаго Свѣта и новыхъ путей въ отдаленныя части Стараго. Черезъ два вѣка послѣ этого новое великое, богатое результатами явленіе: восточная часть Европы, до сихъ поръ мало извѣстная, жившая одиноко, является на сцену, входитъ въ общую жизнь Европы; европейская земля собирается (кромѣ Балканскаго полуострова). Это новое расширеніе исторической сцены гораздо важнѣе, чѣмъ то, которое произошло въ концѣ XV вѣка и которымъ начинается Новая Исторія. Тогда европейскій человѣкъ познакомился съ новыми странами и народами, которые страдательно подчинились его вліянію; теперь же вошло въ общую жизнь сильное европейско-христіанское государство, представитель многочисленнаго европейскаго, историческаго племени, Славянскаго, бывшаго до сихъ поръ подъ спудомъ. Если, входя въ общую жизнь, Россія необходимо подчиняется вліянію другихъ европейскихъ народовъ, то, съ другой стороны, при условіяхъ своей силы, она обнаруживаетъ сильное вліяніе на судьбу другихъ народовъ, на общую жизнь Европы. Это вліяніе высказалось впервые въ Сѣверной войнѣ.

Чтобъ понять роль Россіи въ этой войнѣ, вліяніе, которое она оказала, и вліяніе, которое приняла (ибо одно нераздѣльно съ другимъ при общей жизни и дѣятельности), надобно обратить вниманіе на то, въ какомъ положеніи находилась тогда Европа. Въ началѣ Новой Исторіи мы видимъ въ Европѣ сильное религіозное движеніе, религіозную борьбу, вслѣдствіе раскола, происшедшаго въ Западной Церкви; всѣ явленія, болѣе или менѣе, примыкаютъ къ этой борьбѣ. Съ Вестфальскаго мира вѣроисповѣдный вопросъ теряетъ свое прежнее первостепенное значеніе. На первый планъ выступаютъ отношенія чисто политическія; движенія, борьбы происходятъ оттого, что нѣкоторыя государства стремятся усилить себя насчетъ сосѣдей; пріобрѣсти наибольшее вліяніе на дѣла Европы—и встрѣчаютъ сопротивленіе въ другихъ; стремленіямъ къ преобладанію, къ игемоніи противопоставляется система политическаго равновѣсія. Важнѣйшіе дѣятели этой эпохи, продолжающейся отъ Вестфальскаго мира до Французской революціи (1789 г.), суть четыре государя: Людовикъ XIV, Петръ Великій, Фридрихъ II-й и Екатерина II-я. Значеніе Россіи видно уже изъ того, что изъ четверыхъ она дала двоихъ—и величайшихъ—дѣятелей. Франція вышла изъ Средней Исторіи въ Новую самымъ сильнымъ, наиболѣе выгодно поставленнымъ государствомъ континентальной Европы, и, по характеру своего народонаселенія, устремилась немедленно воспользоваться своими выгодами, усилиться насчетъ Италіи и Германіи, получить игемонію въ Европѣ; въ этихъ стремленіяхъ она встрѣчается съ Габсбургскомъ Домомъ, встрѣчается съ нимъ въ Испаніи и Нидерландахъ, въ Германіи, Италіи, встрѣчается, вступаетъ въ борьбу, сдерживается. Новую политическую Исторію западной, а потомъ и восточной, всей Европы можно разсматривать, какъ исторію борьбы противъ преобладанія Франціи. Только внутреннія смуты Франціи даютъ передышку Европѣ; какъ только эти внутреннія смуты прекращаются, Европа должна готовиться къ борьбѣ. Усобицы при послѣднихъ Валуа, смуты въ малолѣтство Людовика XIII и Людовика XIV были этими передышками для Европы; при Генрихѣ IV, въ правленіе Ришелье, и, наконецъ, при Людовикѣ XIV Франція слѣдуетъ своему исконному стремленію къ игемоніи. Это стремленіе обнаруживается сильнѣе прежняго при Людовикѣ XIV, благодаря выгодѣ его положенія среди истощенной Испаніи, занятой внутренними дѣлами Англіи, раздробленныхъ, слабыхъ Италіи и Германіи, стѣсненной Турками Австріи. Дѣло оканчивается однако сильною коалиціею противъ Франціи, и Великій король умираетъ съ увянувшими лаврами. Дѣятельность Людовика XIV была послѣднимъ блестящимъ проявленіемъ старой монархической, королевской Франціи; съ 1715 по 1789 годъ Франція въ верхнихъ слояхъ своихъ уже не та: Европа безопасна отъ ея стремленій къ преобладанію; опасность придетъ, и самая страшная, небывалая, но уже отъ новой,—революціонной, императорской Франціи, и въ борьбѣ Европы съ этою новою Франціею главное участіе приметъ новое государство восточной Европы, Россія.

Въ то время, когда Великій король Франціи вступилъ въ свою послѣднюю войну, войну за Испанское наслѣдство, въ Европѣ сѣверо-восточной загарается также страшная война. Какъ на западѣ противъ Франціи образуется союзъ изъ императора, Англіи и Голландіи: такъ на сѣверовостокѣ образуется союзъ изъ Россіи, Даніи и

Польскаго короля (курфюрста Саксонскаго) противъ Швеціи, которая въ послѣднее время играла на сѣверѣ ту же роль, какую Франція играла на западѣ, такъ же стремилась здѣсь къ преобладанію, обрывая сосѣдей. Противъ опаснаго союза Швеція выставила короля-героя, побѣдами котораго пріобрѣла новую славу, новое значеніе. Но какъ Людовикъ XIV былъ самый блестящій изъ воинственныхъ, истыхъ королей Франціи, и вмѣстѣ послѣдній изъ нихъ: такъ и Карлъ XII былъ послѣдній изъ Шведскихъ королей-героевъ, утвердившихъ за Швеціею важное значеніе на сѣверѣ. Противъ Людовика XIV судьба дала союзникамъ великихъ полководцевъ—принца Евгенія, герцога Марльборо: противъ Карла XII Сѣверные союзники не могли выставить никого въ родѣ Евгенія и Марльборо, но Россія выставила противъ него своего царя—Петра, котораго дѣятельность представляетъ противоположность въ дѣятельности и Людовика XIV, и Карла XII. И Французскій и Шведскій короли воспользовались прежде нихъ бывшими, приготовленными для нихъ средствами и вконецъ истощили ихъ въ своей блестящей дѣятельности. Для геніальнаго царя ничего не было приготовлено, кромѣ убѣжденія въ невозможности оставаться при старомъ, кромѣ робкихъ попытокъ ощупью пробраться къ новому; Петръ создалъ новыя, могучія средства своею небывалою въ исторіи дѣятельностію и вызовомъ силъ народныхъ къ многообразной и напряженной дѣятельности. Петръ не былъ вовсе воинственный государь; его задача, необыкновенно ясно имъ сознанная, состояла въ преобразованіи, т.-е. въ пріобрѣтеніи новыхъ, необходимыхъ средствъ исторической жизни для своего народа; война была предпринята съ тою же цѣлію,—съ цѣлію дать Россіи мѣсто у сѣвернаго Средиземнаго историческаго моря, поточто Балтійское и Нѣмецкое моря мы должны разсматривать какъ одно сѣверное Средиземное море, соотвѣтствующее, по важности своего значенія для Сѣверной Европы, южному Средиземному морю. Ясно сознавая положеніе своего народа въ семьѣ другихъ европейскихъ народовъ, Петръ смотрѣлъ на свою внутреннюю и внѣшнюю дѣятельность какъ на школу, которую долженъ былъ пройти народъ, для занятія достойнаго мѣста. Спокойно смотрѣлъ онъ на первые робкіе шаги ученика въ военной школѣ, какою была для Русскихъ Сѣверная война; не смущался пораженіями, потому что нехорошо, если постоянный успѣхъ избалуетъ ученика; терпѣливо разсчитывалъ на постепенность, медленность ученія: сперва Русскіе выучатся побѣждать непріятеля малочисленнаго, имѣя на своей сторонѣ превосходство числа,—потомъ выучатся побѣждать съ равными, а наконецъ и съ меньшими силами. Такая скромность взгляда на свои средства, соединенная съ неутомимою дѣятельностію для ихъ увеличенія, съ желѣзною волею, непоколебимымъ рѣшеніемъ не оканчивать войны безъ пріобрѣтенія морскаго берега, разумѣется, должны были повести къ успѣху; средства Россіи, несмотря на всю затруднительность, тяжесть положенія и ропотъ на это, невидимо росли день-ото-дня; средства Швеціи уменьшались день-ото-дня, и черезъ 20 лѣтъ восточное Балтійское поморье находилось въ русскихъ рукахъ; степной, восточный періодъ Русской Исторіи кончился, морской, западный періодъ — начался. Впервые Славяне, послѣ обычнаго отступленія своего предъ Германскимъ племенемъ на востокъ, къ степямъ, повернули на западъ и заставили Нѣмцевъ отдать себѣ часть береговъ Сѣвернаго Средиземнаго моря, которое стало-было Нѣмецкимъ озеромъ.

Таково было главное слѣдствіе Сѣверной войны: Швеція потеряла свое первенствующее положеніе на сѣверо-востокѣ, которое заняла Россія; но этимъ не ограничивалось значеніе великаго событія. Занявшая мѣсто Швеціи, держава была держава новая, не участвовавшая прежде въ общей европейской жизни, - держава, приносившая европейской исторіи цѣлый новый міръ отношеній, держава громаднѣйшая, которой границы простирались до Восточнаго океана и сходились съ границами Срединной имперіи,—держава Славянская, держава принадлежащая къ Восточной Церкви, естественная представительница племенъ славянскихъ, естественная защитница народовъ Греческаго исповѣданія. Давно исторія не видала явленія, болѣе обильнаго послѣдствіями.

Петръ, въ борьбѣ съ Карломъ XII, имѣлъ союзниковъ: сначала королей Датскаго и Польскаго (курфюрста Саксонскаго), потомъ Прусскаго и Англійскаго (курфюрста Ганноверскаго). Для уясненія слѣдствій этого союза мы должны обратить вниманіе на отношенія міра Германскаго къ міру Славянскому вообще. Уже было сказано, что до XVIII вѣка Славяне постоянно отступали передъ натискомъ Германскаго племени, оттѣснявшаго ихъ все болѣе и болѣе на востокъ. Одни изъ славянскихъ племенъ не только подчинились Нѣмцамъ, но и онѣмечились; другія, послѣ долгой борьбы, подчинились Нѣмцамъ съ сохраненіемъ своей народности. Изъ двухъ отраслей Славянскаго племени, восточной и западной, двумъ самымъ сильнымъ народамъ, Русскому и Польскому, исторія вначалѣ предоставила двѣ борьбы для охраны Славянства: Русскому — борьбу съ восточными азіатскими хищниками, Польскому — съ Нѣмцами. Русскій народъ, послѣ многовѣковой страшной борьбы, уничтожилъ господство азіатцевъ на великой восточной равнинѣ Европы и занялъ Сѣверную Азію. Но Польскій народъ не выполнилъ своей задачи, не поддержалъ своихъ западныхъ собратій въ борьбѣ съ Германскимъ племенемъ, далъ послѣднему онѣмечить польскія земли — Померанію, Силезію; не сладивъ съ Пруссами, призвалъ на помощь Нѣмцевъ, которые сладили съ ними и онѣмечили ихъ. Но, отступая предъ Нѣмцами на западѣ, Поляки двигались на востокъ и стремились здѣсь вознаградить себя насчетъ своихъ же Славянъ,—на

счетъ Русскаго народа, заставляя его ополячиваться посредствомъ Католицизма. Уступая Нѣмцамъ цѣлыя области польскія, Поляки захватили русскій Галичъ, и, чрезъ соединеніе съ Литвою, притянули къ себѣ западныя Русскія княжества. Но когда Восточная Россія, собравшись около Москвы и покончивши съ торжествомъ борьбу на востокѣ, естественно и необходимо поворачивала на западъ для соединенія съ Россіею Западною и для пріобрѣтенія средствъ къ дальнѣйшей исторической жизни, то въ этомъ стремленіи своемъ должна была столкнуться съ Польшею, стремившеюся съ запада на востокъ и старавшеюся отнять у западно-русскаго народонаселенія его національность. Это столкновеніе вело къ продолжительной и сильной борьбѣ, въ которой, къ концу XVII вѣка, обозначилось явное преимущество Россіи надъ полумертвою отъ страшной внутренней болѣзни Польшею.

Но трупъ собиралъ около себя орловъ. Западные сосѣди Польши, Нѣмцы, видѣли въ ней легкую добычу, и стали хлопотать, какъ бы усилиться на ея счетъ, захватить всю, и если нельзя, то подѣлить добычу. Германія не достигла государственнаго единства посредствомъ усиленія одной изъ своихъ частей насчетъ всѣхъ другихъ. Сильнѣйшее изъ германскихъ владѣній, которое долго боролось за дѣйствительное господство надъ Германіею и у государей котораго осталось первенство номинальное, соединенное съ императорскимъ титуломъ,— австрійское владѣніе Габсбурговъ распространилось не на германской почвѣ, но насчетъ Венгріи, Италіи и преимущественно странъ славянскихъ. Примѣръ Австріи не остался безъ подражанія для другихъ нѣмецкихъ владѣній, по исконному стремленію Нѣмцевъ распространяться на востокъ насчетъ Славянъ. Любопытно, что какъ Поляки, не выдерживая натиска Нѣмцевъ на западѣ, обратились къ востоку, чтобъ распространиться тамъ насчетъ Россіи: такъ Нѣмцы не выдерживаютъ натиска Французовъ на западѣ, уступаютъ Франціи нѣмецкія области, и стремятся на востокъ, желая распространиться тамъ насчетъ Славянъ. Обезсилѣвшая Польша представляла теперь Нѣмцамъ возможность распространяться на востокъ. Курфюрстъ Саксонскій, посредствомъ избранія, становится королемъ Польскимъ. Но титулъ Польскаго короля съ тѣмъ ничтожнымъ, пожизненнымъ пользованіемъ властію, какое предоставлялось королю въ Польшѣ, не могъ удовлетворить Саксонскаго курфюрста: онъ хочетъ усилиться насчетъ Польши, сдѣлаться наслѣдственнымъ ея королемъ, самовластнымъ, и, для достиженія этой цѣли, не прочь подѣлиться польскими владѣніями съ сосѣдями. Въ этихъ стремленіяхъ сначала мѣшаетъ ему Швеція, потомъ Россія. Онъ бросается къ Австріи и Англіи; но эти державы могли помочь ему только словами, а не дѣломъ; онъ выходитъ изъ Сѣверной войны безо всякаго пріобрѣтенія, долженъ удовольствоваться тѣмъ, что остается королемъ Польскимъ: быть можетъ, послѣ удастся передать этотъ титулъ и сыну своему.

И такъ одинъ изъ германскихъ курфюрстовъ становится королемъ, благодаря Польшѣ. Но подлѣ курфюрста Саксонскаго — короля Польскаго—есть еще другой нѣмецкій курфюрстъ, Бранденбургскій, который усилился насчетъ Польши, на ея счетъ сталъ королемъ. Курфюрсты Бранденбургскіе были вассалами Польши по герцогству Прусскому, воспользовались бѣдою, слабостію Польши, освободились отъ вассальной зависимости и приняли королевскій титулъ по Пруссіи, не принадлежавшей къ Германіи, въ которой они оставались курфюрстами. Такимъ образомъ, Польша двухъ князей нѣмецкихъ сдѣлала королями на свой счетъ. Оба эти князя естественные соперники другъ другу, потому что оба хотятъ усиливаться насчетъ Польши. Прусскій король не спускаетъ глазъ съ нея и никакъ не хочетъ допустить, чтобъ курфюрстъ Саксонскій сдѣлался въ ней наслѣдственнымъ и самовластнымъ королемъ: тутъ онъ крѣпко держится Россіи, по единству интересовъ.

Въ то время какъ Нѣмцы стараются усилить себя на востокѣ насчетъ полумертвой Польши, Россія съ своимъ Петромъ рѣшительно поворачиваетъ на западъ къ морю. Но, чтобъ добиться его, ей нужно вступить въ борьбу съ Швеціею; сосѣди пользуются этимъ случаемъ и вступаютъ въ союзъ съ царемъ: одни—чтобъ усилиться насчетъ Швеціи, другіе—чтобъ положить предѣлъ завоевательнымъ стремленіямъ этой державы, третьи—чтобъ вытѣснить Шведовъ съ германской почвы и подѣлить между собою ихъ владѣнія здѣсь. Не всѣ союзники получили желаемое. Паткуль, считавшій Ливонію нѣмецкою страною, предложилъ ее Саксонскому курфюрсту Августу, который, какъ Польскій король, долженъ былъ воспользоваться претензіями Польши на Ливонію, отнятую у нея Шведами. Но планъ Паткуля, не хотѣвшаго уступать Россіи даже и Нарвы, не удался: Ливонія досталась Россіи, а не Саксоніи. Августъ вышелъ изъ Сѣверной войны ни-съ-чѣмъ. Данія имѣла удовольствіе видѣть низложеніе своей страшной соперницы, Швеціи, но не могла возвратить отъ нея своихъ старыхъ провинцій, удовольствовалась Шлезвигомъ, за который однако должна была заплатить полувѣковымъ мучительнымъ безпокойствомъ вслѣдствіе связи Голштинскаго Дома съ могущественною Россіею. Послѣ другихъ вошли въ союзъ два курфюрста—Бранденбургскій и Ганноверскій, меньше другихъ понесли военныхъ тягостей и получили хорошую добычу. Не бросаться въ предпріятія сколько-нибудь опасныя или требующія значительныхъ пожертвованій, выжидать времени и продать свою помощь какъ можно дороже, получить хорошую добычу съ наименьшими пожертвованіями:—вотъ политика курфюрста Бранденбургскаго, короля Прусскаго, политика, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ. Курфюрстъ Ганноверскій, также безъ пожертвова-

ній съ своей стороны, выхватилъ изъ-подъ рукъ Датскаго короля Бременъ и Верденъ. Оба курфюрста были нѣмецкіе патріоты: они имѣли въ виду вытѣснить чужихъ, Шведовъ, съ нѣмецкой почвы. Бранденбургскій не шелъ дальше, не заглядывалъ слишкомъ далеко впередъ; Ганноверскому мекленбургская шляхта указала новую страшную опасность для Германіи: Русскіе займутъ мѣсто Шведовъ на ея почвѣ,—и Ганноверскій забилъ тревогу. Онъ силенъ, онъ король Англійскій; Англія же, послѣ войны за Испанское наслѣдство, заняла мѣсто Франціи на западѣ, стала первенствующею здѣсь державою, стала тѣмъ на западѣ, чѣмъ Россія стала на востокѣ, и Европа приготовлялась быть зрительницею борьбы между этими двумя первенствующими державами. Но сейчасъ же оказалось, что Англія, какъ держава островная, морская, торговая, при односторонности своихъ средствъ, при отсутствіи большихъ сухопутныхъ силъ, при односторонности, узкости своихъ интересовъ, не можетъ для континентальной Европы занять мѣсто Франціи. Англіи было непріятно развитіе новорожденныхъ морскихъ силъ Россіи, Англіи хотѣлось бы поддержать Швецію и этимъ поддержать равновѣсіе на сѣверѣ; но ей хотѣлось, чтобы это сдѣлалось посредствомъ другихъ,—она не могла для этого пожертвовать своими непосредственными торговыми выгодами; заглядывать далеко въ будущее, тревожиться отдаленными опасностями для практической Англіи было такъ же неблагоразумно, какъ и оставаться спокойною при видѣ явной опасности; опасность отъ Россіи была слишкомъ далека; Россія не Испанія, не при-атлантическая держава. Поэтому Англія не могла дать своему королю, курфюрсту Ганноверскому, той помощи, какой бы ему хотѣлось въ борьбѣ его за континентальные интересы, заставила его ограничиться дипломатическими средствами, заставила его въ отношеніи взятой имъ подъ свое покровительство Швеціи играть самую жалкую и постыдную роль: онъ обобралъ ее въ Германіи въ виду вознагражденія для нея на восточномъ берегу Балтійскаго моря, и этого вознагражденія не доставилъ; только новыя трехлѣтнія военныя бѣдствія выиграла Швеція отъ англійскаго союза. Три германскихъ курфюрста были въ это время королями: Саксонскій—по Польшѣ, Бранденбургскій—по Пруссіи, Ганноверскій—по Англіи. Въ ихъ рукахъ, повидимому, была будущность Германіи; но Саксонскій и Ганноверскій по отношеніямъ къ своимъ королевствамъ, по конституціямъ и положенію послѣднихъ, не могли усилиться на ихъ счетъ; прочнѣе и выгоднѣе было положеніе Бранденбургскаго, хотя менѣе блистательно; сюда присоединилась личность Фридриха-Вильгельма I-го, скопидома, нѣмецкаго Калиты, приготовившаго для Пруссіи матеріальныя средства стать перворазрядною державою при знаменитомъ сынѣ его.

Отдавая должную справедливость генію Петра, необыкновенной ясности взгляда, выдержливости и умѣнью пользоваться обстоятельствами, мы не должны однако забывать, что обстоятельства сильно помогали ему. Въ началѣ войны, послѣ Нарвскаго пораженія, Карлъ XII уходитъ во владѣнія короля Августа и даетъ Петру возможность собираться съ средствами и учить свое войско, своихъ солдатъ, офицеровъ, генераловъ и фельдмаршаловъ, постепенно проходить съ ними военную школу. На востокѣ важно было то, что бунтъ Астраханскій не соединился съ бунтомъ Донскихъ казаковъ; на югѣ, Турція, истомленная войною, бывшею въ концѣ XVII вѣка, оставалась равнодушною зрительницею борьбы до самой Полтавской битвы. На западѣ, одновременно съ Сѣверною войною, шла война за Испанское наслѣдство, не дававшая западнымъ державамъ возможности вмѣшиваться въ дѣла сѣверо-восточныя; и послѣ Утрехтскаго мира движенія Испаніи отвлекали ихъ вниманіе отъ этихъ дѣлъ. Но важнѣе всего было то, что война за Испанское наслѣдство истощила главную изъ западныхъ державъ, Францію, отнявъ у нея прежнія средства и вліяніе, вліяніе, которое не могло быть благопріятно для Россіи по отношеніямъ Франціи къ Швеціи и Турціи. Англія, выдвинувшаяся на первый планъ, не могла дѣйствовать такъ, какъ могла дѣйствовать Франція, когда была на первомъ планѣ; ослабѣвшая Франція, чтобъ подняться сколько-нибудь, должна прислоняться къ другимъ державамъ: она поневолѣ въ союзѣ со своими извѣчными врагами, Англіею и Австріею, и, чтобъ избавиться отъ вліянія послѣднихъ, обращаетъ взоры на востокъ, хочетъ тамъ составить союзъ и опираться на него, осторожно и ласково обходится съ Россіею, видя въ ней главу будущаго, нужнаго ей союза, и въ Константинополѣ французскій посланникъ помогаетъ русскому. Австрія повидимому вышла со славою и съ прибылью изъ войны за Испанское наслѣдство и изъ войны съ Турціею; но она своими успѣхами здѣсь была обязана таланту иностранца, принца Евгенія Савойскаго; внутри была она слаба по своему пестрому составу; притомъ ее сильно безпокоили явленія, происходившія въ имперіи: тяжело ей было видѣть, что здѣсь три курфюрста сдѣлались королями, получили важное значеніе и самостоятельность; самый слабый изъ нихъ искалъ ея помощи и союза,—Саксонскій; она готова была съ нимъ сблизиться и помогать ему, тѣмъ болѣе что онъ, для Польской короны, былъ Католикъ; съ большою подозрительностію и страхомъ смотрѣла она на Бранденбургскаго и Ганноверскаго, представителей протестантской Германіи; Ганноверскій, какъ Англійскій король, былъ съ нею въ союзѣ по дѣламъ испанскимъ; но этотъ союзъ былъ тяжелъ для нея, оскорблялъ ея гордость, оскорблялъ ея католическую ревность. При такихъ отношеніяхъ Австрія не могла быть опасна для Россіи, могла вредить ей только словомъ, а не дѣломъ.

Но какія бы благопріятныя обстоятельства ни присоединялись къ средствамъ царя и народа Русскаго въ Сѣверной войнѣ,—война эта, окончившись такимъ блистательнымъ миромъ для Россіи, измѣ-

няла положеніе Европы: подлѣ Западной Европы, для общей дѣятельности съ нею, явилась новая Европа, Восточная, что сейчасъ же отразилось въ европейскомъ организмѣ, отозвалось всюду отъ Швеціи до Испаніи. Легко понять, какое чувство при извѣстіи о мирѣ должно было овладѣть Русскими людьми, которые прошли „троевременную школу, такъ кровавую и жестокую, и весьма опасную, и нынѣ такой миръ получили незаслуженною отъ Бога милостію“ [1]). Чрезъ знакомство съ европейскою цивилизаціею, чрезъ сильное и быстрое расширеніе своей сферы, до тѣхъ поръ столь узкой, они сознавали себя людьми новыми, живущими новою, настоящею жизнію; но при этомъ народное чувство ихъ было вполнѣ удовлетворено тѣмъ великимъ значеніемъ, какое они получили въ этой гордой и недоступной имъ прежде Европѣ; не покорными только учениками явились они здѣсь, но самостоятельными и сильными участниками въ общей дѣятельности, заняли почетное мѣсто, заставили относиться къ себѣ съ уваженіемъ. Напряженныя усилія, тяжкія пожертвованія были вознаграждены небывалою славою, неожиданными выгодами. Трудъ не пропалъ даромъ и былъ такъ блистательно оправданъ. Такъ блистательно былъ оправданъ великій человѣкъ, руководившій народъ свой, знаменитый корабельный плотникъ, знаменитый шкиперъ, такъ искусно проводившій корабль свой чрезъ опасныя мѣста.

4 сентября въ Петербургѣ сильное волненіе: царь неожиданно возвратился изъ своей поѣздки, плыветъ и каждую минуту стрѣляетъ изъ трехъ пушекъ на своей бригантинѣ; трубачъ трубитъ: что что значитъ?... Миръ!

Толпы собираются у Троицкой пристани; съѣзжается знать духовная и свѣтская. Встрѣченный торжественными кликами, Петръ ѣдетъ въ Троицкій соборъ къ молебну. Приближенные знаютъ, чѣмъ подарить его: генералъ-адмиралъ, флагманы, министры просятъ принять чинъ адмирала отъ краснаго флага. А между тѣмъ на Троицкой площади уже приготовлены кадки съ виномъ и пивомъ, устроено возвышенное мѣсто. На него всходитъ царь и говоритъ окружающему народу: „Здравствуйте и благодарите Бога, Православные, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціею счастливый вѣчный миръ“. Сказавши это, Петръ беретъ ковшъ съ виномъ и пьетъ за здоровье народа, который плачетъ и кричитъ: „Да здравствуетъ государь“! Съ крѣпости раздаются пушечные выстрѣлы; постановленные на площади полки стрѣляютъ изъ ружей [2]). По городу съ извѣстіями о мирѣ ѣздятъ 12 драгунъ съ бѣлыми чрезъ плечо перевязями, со знаменами и лавровыми вѣтвями; предъ ними по два трубача. 10 числа начался большой маскарадъ изъ 1,000 масокъ и продолжался

[1]) Изъ письма Петра къ Синявину, напечат. у Голикова—Дѣянія VII, 340.

[2]) У Голикова—разсказъ очевидца Богданова VII, 343.

цѣлую недѣлю. Петръ веселился, какъ ребенокъ, плясалъ по столамъ и пѣлъ пѣсни [3]).

Вторичное церковное торжество было назначено на 22 октября. За день, 20 числа, Петръ пріѣхалъ въ Сенатъ и объявилъ, что, въ знакъ благодарности за Божію милость, даетъ прощеніе всѣмъ осужденнымъ преступникамъ, освобождаетъ государственныхъ должниковъ, слагаетъ недоимки, накопившіяся съ начала войны по 1718 годъ. Въ тотъ же день Сенатъ рѣшилъ поднести Петру титулъ „Отца Отечества, Императора и Великаго“.

22 октября царь со всѣми вельможами у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ. Послѣ обѣдни читается мирный договоръ; Ѳеофанъ Прокоповичъ говоритъ проповѣдь, въ которой описываетъ всѣ знаменитыя дѣла царя, за которыя онъ достоинъ называться Отцомъ Отечества, Императоромъ и Великимъ. Тутъ подходятъ къ Петру сенаторы, и канцлеръ графъ Головкинъ говоритъ рѣчь: „Вашего царскаго величества славныя и мужественныя воинскія и политическія дѣла, чрезъ которыя токмо единыя вашими неусыпными трудами и руковожденіемъ мы, ваши вѣрные подданные, изъ тьмы невѣдѣнія на ѳеатръ славы всего свѣта, и тако рещи, изъ небытія въ бытіе произведены и въ общество политичныхъ народовъ присовокуплены;—и того ради како мы возможемъ за то и за настоящее исходатайствованіе толь славнаго и полезнаго мира по достоинству возблагодарити? Однакожь, да не явимся тщи въ зазоръ всему свѣту: дерзземъ мы, именемъ всего Всероссійскаго государства подданныхъ вашего величества всѣхъ чиновъ народа, всеподданнѣйше молити, да благоволите отъ насъ, въ знакъ малаго нашего признанія толикихъ отеческихъ намъ и всему нашему отечеству показанныхъ благодѣяній, титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго приняти. Виватъ, виватъ, виватъ Петръ Великій, Отецъ Отечествія, Императоръ Всероссійскій“! Сенаторы три раза прокричали: „виватъ“; за ними повторилъ этотъ крикъ весь народъ, стоявшій внутри и внѣ церкви; раздался колокольный звонъ, звуки трубъ, литавръ и барабановъ, пушечная и ружейная стрѣльба.

Петръ отвѣчалъ, что „желаетъ весьма народу Россійскому узнать истинное дѣйствіе Божіе къ пользѣ нашей въ прошедшей войнѣ и въ заключеніи настоящаго мира; должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи Греческой; надлежитъ стараться о пользѣ общей, являемой Богомъ намъ очевидно внутри и внѣ, отъ чего народъ получитъ облегченіе“ [4]).

Не разъ предшественникамъ Петра и ему самому указывали на титулъ императора Восточнаго; но Петръ отвергнулъ эту ветхость и принялъ титулъ „Императора Всероссійскаго“; родная страна не была отлучена отъ славы царя своего, впервые оказано было уваженіе къ народности.

[3]) Дневникъ Берхгольца I, 168 и слѣд.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 3840.

Какъ же эта новизна, принесенная Восточною Европою, принята была въ Европѣ Западной? Пруссія и Голландія признали немедленно новый титулъ Русскаго царя. Другіе медлили.

Въ Вѣнѣ, на объявленіе Ланчинскаго о заключеніи мира, императоръ отвѣчалъ: „Равно какъ мы всегда охотно принимаемъ участіе во всемъ, что къ удовольствію и пользѣ царя, вашего государя, происходитъ, такъ и въ нынѣшнемъ случаѣ сорадуемся о семъ счастливомъ сукцессѣ, и впредь желаемъ отъ сердца царю, вашему государю, продолженія всякихъ благополучій". Тутъ все это было сказано внятно. Но иное произошло на другой аудіенціи, когда Ланчинскій увѣдомилъ Карла VI, что Петръ принялъ императорскій титулъ. „Я", пишетъ резидентъ, „вшедъ въ камору аудіенціи и учиня три обыкновенные поклона, началъ рѣчь, преднаписанную мнѣ въ указѣ, и оную отправилъ гораздо въ-слухъ отъ слова до слова, примѣчая тѣмъ же временемъ, какую мину его величество показать изволитъ; но ничего перемѣннаго не усмотрѣлъ, и его величество, по своему обычаю, изволилъ стоять при столѣ неподвижно, и мою рѣчь спокойно выслушалъ, и потомъ изволилъ мнѣ отвѣтствовать, но толь невнятно и толь скоро, что я ни словъ, ни въ какую силу не выразумѣлъ; но не могъ я требовать у его величества экспликаціи, для того что многіе примѣры есть, что когда въ чемъ не изволитъ себя изъяснить, то и повторнѣ невнятно же отвѣтствовать обыкъ, и въ таковыхъ случаяхъ чужестранные себя адресуютъ къ имперскому вице-канцлеру". Вице-канцлеръ все извинялся, что не имѣлъ времени говорить съ Цесаремъ; другіе министры отмалчивались; между ними была рознь: одни говорили, что лучше заранѣе признать титулъ и тѣмъ одолжить царя, нежели современемъ послѣдовать примѣру другихъ; что первенство между императорами все же останется за Цесаремъ священной Римской имперіи. Другіе говорили, что если признать императорскій титулъ царя, то и король Англійскій потребуетъ того же, подъ предлогомъ, что Англичане издавна свою корону зовутъ императорскою (the imperial crown), а потомъ и другіе короли, у которыхъ нѣсколько королевствъ, будутъ искать того же: такимъ образомъ императорское отличіе уничтожится. Придворный поэтъ Невенъ (Newen) подвергся преслѣдованію и насмѣшкамъ за то, что по поводу Ништадтскаго мира написалъ стихи въ честь Петра, котораго назвалъ „августѣйшимъ". Въ концѣ 1721 года отправлено были отъ Цесаря двѣ грамоты къ новому императору, и обѣ со старымъ титуломъ. Рѣшеніе дѣла было отложено [1]).

Изъ Дрездена князь Сергій Долгорукій доносилъ, что саксонскіе министры хотя и рады, что король ихъ включенъ въ Ништадтскій договоръ, однако можно было замѣтить, какъ сильно завидовали они выгоднымъ для Россіи условіямъ мира. Флеммингъ разсказалъ Долгорукому подробно исторію предложенія о раздѣлѣ Польши: по его словамъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1721 года пріѣхалъ въ Дрезденъ Жидъ Леманъ и, отъ имени Прусскаго короля, предлагалъ королю Августу раздѣлить Польшу; король велѣлъ говорить съ Жидомъ Флеммингу, который сказалъ ему, что дѣло состояться не можетъ, и чтобъ онъ не смѣлъ больше о немъ говорить. Между тѣмъ, изъ Дрездена дали знать саксонскому министру при Прускомъ Дворѣ, чтобъ освѣдомился у самого короля, приказывалъ ли онъ Жиду Леману сдѣлать подобное предложеніе. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ, что удивляется, почему предложеніе Жида принято такъ странно въ Дрезденѣ, и желаетъ повидаться съ Флеммингомъ. Тотъ отправился въ Берлинъ. Король самъ ничего съ нимъ не говорилъ, но Ильгенъ спросилъ: не Саксонское ли правительство поручило Жиду Леману предложить Прусскому королю раздѣлъ Польши? Флеммингъ отвѣчалъ, что нѣтъ, но что Жидъ пріѣзжалъ съ этимъ предложеніемъ въ Дрезденъ отъ имени Прусскаго короля. Ильгенъ спросилъ: а что думаетъ Флеммингъ о проектѣ раздѣленія Польши, который Леманъ подалъ Цесарскому Двору чрезъ посредство герцога Бланкенбургскаго? Флеммингъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ о проектѣ; тогда Ильгенъ прочелъ ему копію проекта и сказалъ, что о немъ сообщено ими царю, который отвѣчалъ, что дѣло состояться не можетъ; императоръ отвѣчалъ то же самое. Призвали Жида Лемана, который вошелъ съ трепетомъ и со слезами; пригласили русскаго посланника, графа Головкина, и Ильгенъ спросилъ Жида, откуда пришла ему мысль предлагать раздѣлъ Польши. Жидъ отвѣчалъ: „Господь Богъ послалъ мнѣ ее на разумъ, и я вознамѣрился наказать Поляковъ, какъ самыхъ дурныхъ людей въ цѣломъ свѣтѣ".

Но въ Петербургѣ не хотѣли довольствоваться этимъ объясненіемъ. „Сами вы высокопросвѣщенно разсудить изволите", писалъ Петръ королю Августу, „что никто этого не можетъ почесть за вымыселъ такихъ бездѣльныхъ людей, которые, кромѣ торгу, ничего не привыкли предпринимать. Никто этому не повѣритъ и потому еще, что, къ великому нашему удивленію, Жиды въ столь важномъ дѣлѣ не только не спрошены насчетъ подробностей, не арестованы и розыску не подвергнуты, но, какъ слышимъ, Леману вся вина отпущена безъ малѣйшаго наказанія. Мы ваше королевское величество дружебно просимъ, дабы вы помянутыхъ Жидовъ, Лемана и Мейера, повелѣли взять за арестъ и учинить имъ въ присутствіи князя Сергѣя Долгорукаго инквизицію, и, по изслѣдованіи сего дѣла, намъ надъ оными преступниками и надъ ихъ наставниками надлежащую сатисфакцію дать, дабы, на то смотря, другіе впредь въ такія важныя дѣла безъ указу вступать и насъ съ сосѣдственными государствами, особенно же съ Рѣчью Посполитою, ссорить и великими государями такъ играть не отваживались".

---

[1]) Дѣла Австрійскія 1721 года.

Жиды были арестованы, подвергнуты допросу и показали, что никто имъ такого порученія не давалъ, а придумали они сами потому, что Леманъ имѣетъ много должниковъ въ Польшѣ и надѣялся, что посредствомъ раздѣла ея легче получить свои деньги [1]).

Между тѣмъ русскіе министры при иностранныхъ Дворахъ давали великолѣпные пиры и праздники по поводу мира. Приготовлялась праздновать и старая Москва, куда къ концу году отправился Дворъ. 18 декабря новый императоръ торжественно вступилъ въ древнюю столицу царей и въ Успенскомъ соборѣ благодарилъ Бога за миръ, который далъ Россіи море и обезопасилъ новую приморскую столицу. Маскарады, фейерверки, иллюминаціи, ѣзда по улицамъ въ великолѣпно украшенныхъ морскихъ судахъ, поставленныхъ на сани, ознаменовали московскія празднества. Но Петръ недаромъ отвѣчалъ Сенату въ Троицкомъ соборѣ, что, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ: среди праздниковъ шли приготовленія къ походу—на востокъ, къ Каспійскому морю.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Въ 1717 году, между англійскимъ духовенствомъ обнаружилось движеніе для соединенія англиканской церкви съ Восточною Православною. При этомъ движеніи, разумѣется, не могла быть обойдена Православная Россія съ ея великимъ царемъ, и двое епископовъ, Іеремія Колльеръ и Арчибальдъ Кампбелль обратились къ Петру со слѣдующимъ письмомъ изъ Лондона (8 октября 1717 г.):

Serenissima Majestas,

Nuper per Archimandritam Archiepiscopi Thebaidos Londini comitem, nobis innotuit, Majestatem Tuam pro summa benignitate res nostras propius aspexisse, et conatui nostro Ecclesiis Graecis et Britannicis coalescendis, favisse, ultroque in se recepisse, Articulos ex utraque parte concessos, ad quatuor Patriarchas Orientales perferendos, curaturam. Nos tali honore ex insperato dignati, officii nostri esse duximus, Majestati Tuae gratias quam maximas humillime agere: Et cum tanto Principi cordi est dissidiis sopiendis, et concordiae inter Ecclesias revocandae, operam navare, speramus rem ad felicem exitum perductum iri. Fatemur quidem, mutationes quasdam tam Religionem quam Rempublicam spectantes, partes nostras ad paucos redegisse: sed non latet Majestatem Tuam Jus Fasque non semper pluribus adesse, nec suffragiis colligenda. Coepta Majestatis Tuae tam pietate insignia, prospero rerum cursu rependantur: Diu laetus terris intersis, Tibi ipsi et subditis felix; ac tandem, Gloriae et dierum satur, ad fastigium altius evehendus.

Hoc animitus in votis habent
Majestatis Tuae
maximo cultu deditissimi
Jeremias Collierius, Episc.
Archibaldus Campbell Episcopus.

Канцлеръ Головкинъ получилъ слѣдующее письмо:

Mon Seigneur,

J'ay l'honneur de vous écrire à présent sur la recommandation du reverend père Gennadius Archimandrite de l'Eglise d'Alexandrie mon très cher ami, qui depuis son retour d'Hollande m'a informé qu'il avoit communiqué non seulement à votre Excellence, mais aussi à sa Majesté Csarienne mon desir d'entrer en communion avec l'Eglise Grecque, et d'avoir mes Ordres Sacrés confirmés par une autorité Catholique et Apostolique. Il est vray, Mon Seigneur, que je demandais cette grace au reverendissime Arsenius Archeveque et Metropolite de Thebais, qui pour son humilité, pieté et autorité dans l'Eglise Catholique j'avois en grande veneration. Votre Excellence me permettra de vous donner les raisons qui m'y ont porté. Il me paroit que l'Eglise Anglicane n'étoit ni virtuellemeut, ni actuellement en communion avec aucune part de l'Eglise Catholique, ni avec aucune Eglise qui a une succession regulière des Evêques et des Pretres deriveé des Apôtres, ou par la Participation de la S. S. Eucharistie, ou par des lettres communicatives selon l'usage de l'Eglise Ancienne; et ayant de plus examiné et consideré l'autorité des Evêques et Prêtres de cette Eglise, elle me paroissoit plutôt humaine et politique, que vraiment Ecclesiastique, Apostolique et Divine. Ce qui me fit ardemment desiré que s'il y avoit quelque defaut ou manquement dans les ordres Sacrés que j'avois reçus, il pouvoit être suppleé et rectifié par une autorité Catholique et Apostolique, et que je pourrois être reçu en Communion avec l'Eglise Grecque comme étant plus Catholique que celle des Latins, et plus exempte des innovations que l'Eglise Latine a fait dans la religion Chretienne: c'est pourquoi je demandais cette grace du reverendissime Arsenius, ce qu'il m'aurait accordé s'il n'avait été empêché par des accidens dont il n'est pas necessaire d'incommoder Votre Excellence. J'ay toujours pourtant le même desir de rentrer

---

[1]) Дѣла Польскія 1721 года.

dans l'union de l'Eglise Catholique, pourvu que cela se pourrait faire sur des principes et conditions vrayement catholiques, et par des moyens propres et regulieres selon la pratique de l'Eglise Catholique et Ancienne en de telles occasions, et j'ay raison de croire qu'il y a bien des autres icy, qui souhaitent la même chose avec moi. Et je prend la liberté de representer à Votre Excellence cette affaire sur le repport qu'on m'a fait de votre grande bonté et zèle pour l'Eglise Catholique et le bien des âmes, dont vous avez donné les marques par les bons offices que vous avez rendu au reverend Père Gennadius. Ce m'était aussi un grand plaisir d'entendre que Sa Majesté Csarienne avoit pris les souffrances de l'Eglise Grecque tant à coeur, et qu'il avoit envoyé le reverendissime Arsenius en Moscovie avec tant de marques de sa faveur et protection royale; et que de son affection paternelle pour le bien spirituel de ses sujets qui sont icy, il avoit donné ordre de pourvoir une maison ou chapelle, où le reverend Gennadius pourrait celebrer les offices divines à leur profit et consolation spirituelle. Et comme les actions grandes et glorieuses que Sa Majesté a fait, et les travaux infatigables qu'il a pris de faire cultiver à son peuple tous les arts liberaux et mechaniques, et de planter en son pays la politesse, ont rendu son nom illustre dans tout le monde, et le font meriter le nom de Grand et de Héros beaucoup plus que ne faisait Alexandre ou les autres héros de l'antiquité; aussi je supplie très humblement le Grand Dieu de le faire encore plus grand et glorieux en l'inspirant un zèle veritable et chretienne pour le bien de l'Eglise Catholique. Et assurèment un prince si grand et magnanime peut faire beaucoup pour l'honneur de notre Seigneur Jesus Cgrist, pour l'interêt de son Eglise (qui est son royaume sur la terre) pour faire agréer les différences qui ont depuis si longtemps dechiré et divisé l'Eglise, et pour restorer cette union qui doit etre entre tous les membres de Jesus Christ. Votre Excellence me permettra encore de l'informer que j'ay déjà commencé avec une petite et pauvre congregation de celebrer (quoique d'une manière secrette) l'Eucharistie sacré par une liturgie plus catholique et plus conforme aux anciennes, que celle dont on use à présent dans l'Eglise icy, et de faire revivre l'ancienne discipline de l'Eglise tout à fait negligée parmi nous, et que je tache de composer une liturgie encore plus parfoite selon les plus anciennes liturgies Grecques, mais pour accomplir un tel oeuvre il me faudrait d'assistance et aussi d'appuy pour en pouvoir user en publique. Mais je me confie dans la protection de Dieu Tout puissant, qu'il suscitera des fauteurs et fournira les moyens necessaires pour me mettre en état de finir avec son aide l'ouvrage qu'il m'a donné à faire à la gloire de son saint nom, le bien de cette Eglise et l'avancement de l'union catholique. C'est à ce bon Dieu et à son protection et benediction celeste que je recommande Votre Excellence, étant avec beaucoup de respect

Mon Seigneur

Votre très humble et très obéissant serviteur en notre Seigneur

Jesus Crist

Patrice Cockburn.

Londres le 9 d'Octobre 1717.

Эти духовные, которые называли себя „остатками древняго Православія въ Британіи", отправили на Востокъ нѣсколько предложеній, прося на нихъ согласія у тамошняго духовенства. На эти предложенія составлены были отвѣты „соборнымъ Восточные Церкви судомъ и присудомъ, при собраніи и со извѣстнѣйшимъ разсмотрѣніемъ всесвятѣйшаго вселенскаго патріарха Константинопольскаго, новаго Рима, господина Іереміи, и прислучившихся блаженнѣйшихъ и святѣйшихъ патріарховъ, Александрійскаго господина Самуила и Іерусалимскаго господина Хрисанѳа, вкупѣ съ сошедшимся множествомъ преосвященныхъ митрополитовъ и прехвальнаго клироса Христовы великія церкви, въ Константинополѣ въ лѣто 1718, въ мѣсяцѣ апрѣлѣ, индиктіона 11".

Британское духовенство требовало, чтобъ Іерусалимская церковь признана была за начало всего церковнаго единенія и всѣхъ другихъ церквей матерью, вслѣдствіе чего Іерусалимскій епископъ долженъ имѣть предсѣдательство предъ всѣми другими христіанскими епископами. Константинопольскому епископу должна принадлежать одинакая честь съ Римскимъ епископомъ. Останки британскихъ церквей, принявшіе Евангеліе отъ пришельцевъ изъ Іерусалима, прежде подчиненія своего Римской церкви и ея епископу, исповѣдующіе каѳолическую вѣру, отъ Апостоловъ преданную и на древнѣйшихъ Соборахъ Никейскомъ и Константинопольскомъ въ символъ сложенную, да считаются частію Каѳолической Церкви, общность имѣющею съ Апостолами и Святыми Отцами Соборовъ.— Восточное духовенство отвергло это требованіе, какъ несогласное съ древнимъ чиномъ, уставленнымъ древними Православными царями и утвержденнымъ на Соборахъ: „Британское духовенство хочетъ явиться мудрѣе богоносныхъ отцовъ, какъ будто отъ неразумія опредѣлившихъ порядокъ патріаршихъ престоловъ! Притомъ это дѣло вовсе не касается догматовъ вѣры; если же британское духовенство, признавая, что получило свѣтъ истинной вѣры изъ Іерусалима, хочетъ быть непремѣнно подъ властію Іерусалимскаго патріарха, то это ему позволяется".

Англійское духовенство обѣщало снова ввести древнѣйшую англиканскую литургію и отвергнуть

новую, какъ несогласную съ восточною православною литургіею. На это восточное духовенство отвѣчало, что Православная Церковь признаетъ одну литургію, которая должна быть введена и въ Англіи; англиканская же литургія ему неизвѣстна и подозрительна, не внесено ли въ нее еретиками что-нибудь противное благочестію: надобно прежде съ нею ознакомиться.

Англійское духовенство требовало, чтобъ главою Церкви признавался одинъ только Христосъ; чтобъ это достоинство не присвоивалось никому изъ людей, и особенно изъ мірскихъ. *Отвѣтъ*: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть единственный Глава Церкви земной и небесной; но такъ какъ Онъ Самъ поставилъ надъ своимъ зданіемъ Апостоловъ и архіереевъ, давъ имъ власть вязать и рѣшить, то и всякій у насъ архіерей есть глава, подчиненный общей Главѣ; настоятели церквей, называемые главами, принимаютъ имя это отъ истиннаго Главы, совершаютъ дѣла Главы и къ Нему возводятъ совершаемое, а не къ себѣ самимъ".

Англійское духовенство принимало исхожденіе Духа Св. отъ Отца, принимало причащеніе подъ обоими видами, отвергало чистилище. Восточное духовенство отозвалось съ похвалою объ этомъ согласіи съ Православною Церковію; но не согласилось съ предложеніемъ не равнять авторитета Соборовъ съ авторитетомъ Св. Писанія и признать возможность измѣнять постановленія Соборовъ; восточное духовенство отвѣчало, что измѣненіе возможно только въ вещахъ второстепенныхъ, относящихся къ обычаямъ; напримѣръ, сѣвернымъ жителямъ можно позволить ѣсть рыбу въ Великій постъ, потому что у нихъ нѣтъ плодовъ и овощей, и то опять по соборному же приговору, и никто изъ членовъ Церкви не имѣетъ права дѣлать, что ему вздумается; въ божественныхъ же догматахъ не можетъ быть никакого измѣненія противъ соборныхъ рѣшеній.

Англійское духовенство требовало, чтобъ въ почитаніи Богородицы слава Божія не отдавалась твари, Святая Дѣва не восхвалялась больше самого Бога. На это восточное духовенство отвѣчало словами пророка Давида: „Убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ". Въ Православной Церкви никогда не отдается слава Божія ни Богородицѣ, ни какому другому, сотворенному существу; поклоненіе жертвоприносительное или служебное воздаемъ единому Богу, а рабственное святымъ, почитая ихъ какъ рабовъ вѣрныхъ и истинныхъ друзей Божіихъ; преклоняемся и предъ земными царями, но за это нельзя называть насъ человѣкослужителями и говорить, что мы служимъ твари болѣе, чѣмъ Создавшему. Христосъ ходатай есть примиренія нашего съ Богомъ и Отцомъ, Онъ примирилъ насъ съ Нимъ, бывшихъ врагами вслѣдствіе преступленія Адамова; ни ангелъ, ни человѣкъ, но самъ Господь спасъ насъ, и спасены мы благодатію. А святые и Богородица ходатайствуютъ о грѣхахъ нашихъ, послѣ крещенія сдѣланныхъ; ходатайствуютъ о покаяніи нашемъ, о избавленіи отъ бѣдъ и напастей.

О таинствѣ евхаристіи англійское духовенство предлагало принимать таинство, н е в и д я самого Христа, поклоняться ему духомъ, какъ истинно присутствующему, не поклоняясь святымъ присутствія его символамъ. Восточное духовенство отвергло это предложеніе, какъ хульное, ибо послѣ пресуществленія чрезъ наитіе Св. Духа хлѣбъ и вино не суть символы только, но истинное тѣло и кровь Христовы; нельзя поправлять слова Господа; не сказалъ Онъ: в ъ с е м ъ, или п о д ъ с и м ъ, или с ъ с и м ъ есть тѣло Мое, а сказалъ прямо: „сіе есть тѣло Мое".

Объ иконахъ англійское духовенство предлагало: почитая святыхъ, не считаемъ незаконнымъ имѣть ихъ изображенія, но опасаемся соблазна для Іудеевъ и Магометанъ; боимся такъ-же, чтобъ простые люди изъ нашего народа не прельстились и не предались нечестивому идолослуженію; поэтому просимъ, чтобъ девятое правило втораго Никейскаго Собора о иконахъ истолковано было такимъ образомъ, чтобъ всякое погрѣшеніе предупреждено и всякій соблазнъ былъ отнятъ. На это восточное духовенство отвѣчало: „Святыхъ, Богородицу и самого Христа почитать въ иконахъ — у насъ древнее обыкновеніе, любовно принимаемое и благочестиво совершаемое. Взирая на изображенія Святыхъ и подвиговъ ихъ, христіанинъ возбуждается къ подражанію, ибо живопись есть молчаливая исторія, такъ какъ исторія есть вѣщающая живопись. Боитесь соблазнить Іудеевъ, Магометанъ и нѣкоторыхъ, называемыхъ у насъ иконоборцами; но о разрѣшеніи субботы многіе Жиды соблазнялись, однако Господь и Апостолы не обращали вниманія на этотъ соблазнъ и продолжали разрѣшать субботу; Жиды и Магометане соблазняются нашими священнодѣйственными таинствами: такъ что же, мы должны перестать совершать ихъ? Наши и неграмотные до сихъ поръ иконамъ поклоняются, но въ вѣрѣ нисколько не повредились и въ идолослуженіе не уклонились, умѣютъ отвѣчать, что честь иконы къ изображенному восходитъ; девятое правило втораго Никейскаго Собора, какъ установленное сонмомъ Святыхъ мужей подъ наитіемъ Св. Духа, отклонить нельзя, какъ вы просите".

(Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ)

II. Отъ господина канцлера (Головкина) къ Михаилу Кантакузину.

Славнѣйшій и благороднѣйшій господине и пріятелю! Понеже царское величество мой всемилостивѣйшій государь чрезъ доношеніе племянника вашего г. графа Ѳому Кантакузина и другихъ довольно извѣстенъ о вашей христіанской ревности и о непремѣнной къ его величеству вѣрной службѣ: того ради повелѣлъ мнѣ вашей милости за сіе возблагодарить и обнадежить высокою своею милостію и достойнымъ награжденіемъ, не токмо персонѣ ва-

шей, но и прочимъ вашимъ родственникамъ въ вѣрности къ его царскому величеству сущимъ. Что же ваша милость объявляете о горячести сердецъ Православнаго народа сущимъ подъ властію турецкою и и цесарскою противъ общаго непріятеля салтана Турскаго, особливо же, что полковникъ сербскій Вулинъ до 20,000 въ готовности войска имѣетъ, и тотъ полковникъ Вулинъ и другой съ нимъ Тукелинъ и Хаджи прислали нынѣ отъ себя и къ царскому величеству нарочнаго поручика съ объявленіемъ готовыхъ себя къ службѣ его царскаго величества съ 10,000 человѣкъ войска и просятъ о семъ извѣстія и соизволенія отъ его царскаго величества. А понеже врагъ всего христіанства салтанъ Турской весьма намѣренъ злобу свою на Православныхъ христіанъ изнести, и, несмотря на мирное прошлаго лѣта постановленіе и на исполненіе всего по договору со стороны царскаго величества, хощетъ вѣроломный разрывъ мира учинить и противъ его, благочестиваго монарха нашего, войну паки всчать, и не токмо что публично оную объявить повелѣлъ, но и указы о сборѣ войска къ границамъ нашимъ разослалъ и самъ въ тотъ походъ готовится: того ради царское величество оное салтана Турскаго вѣроломство и неправедно начатую отъ Турковъ войну праведному суду Всевышняго вруча, принужденъ паки справедливое свое оружіе воспріять, уповая на всемилостивѣйшее въ правдѣ Божіе вспоможеніе. И тако всемилостивѣйше повелѣлъ мнѣ къ милости вашей писать, дабы вы, по христіанской своей ревности и знаемой къ его величеству вѣрности, къ помянутымъ полковникамъ сербскимъ Тукелину, Вулину и Хаджи писали, и по извѣстному вашему искусству къ тому ихъ дѣйствительно привели, чтобъ они съ тѣмъ войскомъ, какъ они сами объявляютъ, съ 10,000 человѣкъ или хотя и вяще добрыхъ, конныхъ и доброво оруженныхъ людей на службу его царскаго величества противъ общаго всего христіанства непріятеля пришли, и какъ возможно скоро къ границамъ Россійскимъ въ совокупленіе съ войски Россійскими поспѣшили, и противъ того общаго непріятеля оружіе свое съ войски царскаго величества соединили, за что имъ давано будетъ его царскаго величества жалованье. А когда они, полковники, пойдутъ въ походъ и въ коликомъ числѣ войскъ,—о томъ далибъ знать напередъ чрезъ васъ и чрезъ нарочныхъ своихъ посланныхъ племяннику вашему генералъ-майору Ѳомѣ, который нынѣ въ войскѣ при Кіевѣ, ибо то дѣло, по указу царскаго величества, вручено ему; а въ тамошніе края, кромѣ вашей милости, ни къ кому о семъ отсюды не писано, и когда они въ тотъ походъ пойдутъ, тобъ они, идучи, трудились какимъ способомъ учрежденные турскіе магазины зжечь. Также изволите и иныхъ христіанъ подъ властію турскою сущихъ, къ тому побуждать и склонять приняти оружіе противъ того общаго непріятеля, обѣщая имъ за службы ихъ его царскаго величества милостію и награжденіемъ, и что будетъ о семъ чинитися, также и о тамошнихъ поведеніяхъ и о непріятельскихъ намѣреніяхъ, поелику возможно, навѣдався изволите къ намъ писать. Когда же тѣ войска будутъ въ собраніи, и можете увѣдомить достовѣрно, что они на службу государеву придутъ и маршъ свой воспріимутъ, и ежели, будутъ имѣть нужду въ деньгахъ прежде нежели придутъ къ нашимъ границамъ, то изволь ваша милость или изъ своей казны или у иныхъ кого сыскать, имъ дать по ефимку на каждаго человѣка, что милости вашей заплачено будетъ съ награжденіемъ, извольте въ то повѣрить; а когда они придутъ въ совокупленіе съ войскомъ ц. в., то имъ дано будетъ полное жалованье, а полководцамъ особливая милость и награжденіе. При семъ пребываю неизмѣнный другъ Г. Головкинъ. Изъ Санктпетербурга 25 марта 1712; послано съ сербяниномъ Дмитріемъ Семеновымъ. Марта въ 21 сіе письмо изволилъ царское величество слушать у господина канцлера и притомъ былъ господинъ Рагузинской.

(Московск Архивъ Министер. Иностр. Дѣлъ.)

III. Переводъ (современный) съ перехваченнаго донесенія Голландскаго резидента Деби отъ 8 іюля нов. стиля 1718 года. Хотя царевичъ Алексѣй Петровичъ чаялъ, что чрезъ полученное прощеніе и для того публикованный манифестъ о своемъ животѣ увѣренъ былъ (понеже его царское величество самъ его болѣе за проведеннаго, нежели проводителя и главу того замысла почиталъ), однакоже объ немъ весьма инако оказывается. Метреса царевича случай подала на открытіе наивящихъ тайностей. Она есть низкой породы изъ Финляндіи, плѣнная и къ блуду съ принцемъ Алексѣемъ обнаженнымъ ножомъ и угроженіемъ смерти принужденная особа. Многіе чаютъ, что она, по принятіи Греческой вѣры и первому рожденію чрезъ Греческаго священника и духовнаго отца того принца, который такожде посаженъ, въ пути дѣйствительно вѣнчана съ царевичемъ, и видится, что сіе нѣкоторымъ образомъ основательно есть, понеже, когда помянутая метреса отъ царя совершенное прощеніе получила, нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи оной назадъ отданы и ей при томъ сказано было, что когда она замужъ выйдетъ, то предбудущему ея мужу хорошее приданое изъ казны выдано будетъ; она на это отвѣтствовала: „Къ первому блуду я принуждена была, и послѣ того принца никто при моемъ боку лежать не будетъ", о которыхъ словахъ разны сумнѣнія учинены были, которыя болѣе къ тому клонятся, что она еще вовсе надежду не потеряла въ которое время нибудь корону на себѣ видѣть. Хотя она чрезъ глубочайшую покорность и объявленіе того, что она вѣдаетъ, себя при сихъ опасныхъ временахъ ищетъ въ полученную милость отъ царя утвердить, однакожь она чрезъ изустное свое объявленіе много тягости, какъ несчастливому принцу, такъ и участникамъ его причинила, такъ же чрезъ письма, которыя они къ нему писали и у нея найдены. Довольно удивиться не можно о дальныхъ намѣ-

реніяхъ, которыя онъ, принцъ, имѣлъ къ разоренію и смерти всѣхъ царскихъ министровъ, служителей и всѣхъ чужестранныхъ, такожде о злыхъ намѣреніяхъ, которыя онъ противъ своего государя и отца имѣлъ: онъ токмо добраго случая ожидалъ оныя въ дѣйство произвесть, и тогда-бъ пророчества въ Москвѣ казненнаго архіерея Ростовскаго по человѣческому разсужденію правдивыя были, когда-бъ Божія милость сего священнаго (т -е. царя) не сохранила. Весь свѣтъ не могъ разсудить, для чего его царское величество въ желанномъ отъ дацкаго десантѣ на Сканію не хотѣлъ вспомоществовать; но главнѣйшая причина, которая царя отъ того удержала, было кровопролитіе, которое его величеству уже тогда здѣсь въ государствѣ пріуготовляли, и пока бъ своими вѣрными войсками ихъ кровь пролилъ, тогда-бъ его ко владѣнію желающій сынъ время и случай получилъ, дабы Россію паки въ прежней хаосъ и безобразіе привесть. Его царское величество уже тогда въ Копенгагенѣ о тайныхъ проектахъ нѣкоторыхъ недовольныхъ подданныхъ отчасти увѣдомленъ былъ и отъ вѣрныхъ его служителей ему совѣтовано было, дабы лучшими своими войсками гораздо не отдаляться и чрезъ то случай не подать, чтобъ домашній огонь распалиться могъ.

(Московск. Архивъ Министер. Иностр. Дѣлъ.)

Отъ 30 іюня Деби писалъ, что царь, передъ смертію царевича, въ продолженіи восьми дней каждый день молился на колѣняхъ съ горькими слезами, прося Богда внушить ему мысли, согласныя съ его честію и съ благомъ народа и государства.

(Донесенія Голландскихъ резидентовъ.)

IV. Урбихъ канцлеру Головкину (въ 1712 году): „О врученной мнѣ коммисіи о началѣ славянскаго народа и о ихъ языкѣ я старался, и разнымъ особамъ ученымъ въ Прагѣ коммиссіи далъ всѣ тѣ книги, которыя о томъ писаны, пріискать и ко мнѣ прислать; но никто больше въ томъ служить не можетъ, какъ тайный совѣтникъ Лейбницъ въ Ганноверѣ; я его о томъ просилъ, который мнѣ еще передъ отъѣздомъ моимъ записку вручилъ; я уповаю, что то описаніе царскому величеству угодно будетъ“. Въ запискѣ Лейбница Сарматы и Гунны причислены къ Славянамъ; народы, дѣйствительно принадлежащіе къ Славянскому племени, перечислены вѣрно; славянское происхожденіе Болгаръ доказывается названіемъ ереси Богомиловъ.

V. Графъ Александръ Головкинъ къ отцу изъ Берлина (1712 года): „Господинъ Ильгенъ проситъ, чтобъ госпожѣ Монсовой, женѣ покойнаго Кейзерлинга, позволено было изъ Москвы выѣхать въ Прусы для своихъ нуждъ“.

VI. Меншиковъ князю Вас. Лукичу Долгорукому въ Копенгагенъ (1713 года): „Во всѣхъ курантахъ печатаютъ государство наше Московскимъ, а не Россійскимъ, и того ради извольте у себя сіе престеречь, чтобъ печатали Россійскимъ, о чемъ и къ прочимъ ко всѣмъ Дворамъ писано“.

(Московъ. Архивъ Министер. Иностр. Дѣлъ.)

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ восемнадцатый.

Глава I.

Царствованіе Императора Петра Великаго.

Дѣла восточныя.—Сношенія съ Китаемъ: посольство Избранта; Измайлова.—Походъ полковника Бухгольца къ Эркети.—Онъ оттѣсненъ Калмыками.—Основаніе Омска.—Походъ въ Хиву князя Александра Бековича Черкасскаго.—Его гибель тамъ.—Хивинскій посланникъ умираетъ въ Петербургской крѣпости.—Дѣла калмыцкія.—Усобица между Калмыками.—Смерть хана Аюки.—Дѣятельность астраханскаго губернатора Волынскаго при избраніи ему преемника.—Отношенія къ Кубанской ордѣ и Кабардѣ.—Столкновеніе здѣсь у Россіи съ Турціею.—Сношенія съ Персіею; посольство туда Волынскаго.—Бѣдственное положеніе Персіи.—Настаиваніе Волынскаго, что должно дѣйствовать въ Персіи и на Кавказѣ вооруженною рукою.—Персидскіе бунтовщики берутъ Шемаху и наносятъ большой уронъ русской торговлѣ.—Петръ, по окончаніи Сѣверной войны, рѣшается на походъ къ Персію.—Волынскій описываетъ состояніе горскихъ князей.—Петръ отправляется въ Астрахань по Окѣ и Волгѣ.—Плаваніе по Каспійскому морю.—Высадка въ Аграханскомъ заливѣ.—Занятіе Дербента.—Возвращеніе отъ Дербента.—Основаніе крѣпости Св. Креста.—Переговоры съ Персидскимъ правительствомъ.—Полковникъ Шиповъ занимаетъ городъ Рящъ; генералъ Матюшкинъ занимаетъ Баку.—Мирный договоръ съ Персіею.—Распоряженія Петра въ новопріобрѣтенномъ краѣ.—Сношенія съ Армянами.—Столкновеніе съ Турціею по поводу дѣлъ персидскихъ.—Мирное окончаніе этихъ столкновеній.—Отношенія къ Грузіи.

До сихъ поръ мы видѣли Петра преимущественно на западныхъ границахъ его государства; видѣли, какъ онъ добивался моря и на его берегахъ построилъ новую столицу. Здѣсь была главная опасность, здѣсь была великая цѣль, достиженіе которой было завѣщано великому человѣку предками. Но и здѣсь дѣятельность Петра не была одностороння: онъ не спускалъ глазъ съ Востока, зная хорошо его значеніе для Россіи, зная, что матеріальное благосостояніе Россіи поднимется, когда она станетъ посредницею въ торговомъ отношеніи между Европою и Азіею. Употребляя всѣ усилія, чтобъ утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, Петръ рылъ каналъ для соединенія его съ Каспійскимъ моремъ. Страны востока, отъ Китая до Турціи, одинаково обращали на себя вниманіе Петра. Мы видѣли[1]), какъ, при встрѣчѣ русскихъ владѣній съ китайскими, вслѣдствіе дѣятельности открывателей и покорителей новыхъ землицъ, опредѣлились границы между двумя государствами въ правленіе Софіи. Въ 1692 году отправился въ Китай Датчанинъ Елизарій Избрантъ съ государевою грамотою къ богдыхану Шингъ-Дсу, извѣстному болѣе подъ именемъ Кгангъ-Ги (Всеобщій покой), прославленному іезуитами за покровительство, ихъ ордену оказанное, выставленному ими за образецъ государя (царствовалъ отъ 1662 до 1722 года). Когда Избрантъ пріѣхалъ въ царствующій градъ Пежинъ (Пекинъ), то его тѣснотою заставили нарушить обычай, по которому царская грамота отдавалась непосредственно государю, заставили передать ее ближнимъ богдыхановымъ людямъ. Когда грамота была переведена, то Избранту объявили выговоръ отъ богдыхана за то, что въ грамотѣ царское имя и титулъ написаны прежде, а богдыхановы послѣ; грамота и подарки отданы были назадъ. Избрантъ не хотѣлъ ихъ брать; но ему объявили, что, въ случаѣ его упорства, царская грамота будетъ брошена, а онъ будетъ выбитъ изъ царства съ безчестіемъ; Избрантъ взялъ грамоту и подарки, и тогда ближніе люди объявили ему, что богдыханъ изъ-за грамоты съ великими государями ссориться не будетъ и отправитъ къ нимъ свою грамоту, только титулъ напишетъ иначе, чѣмъ онъ написанъ въ русской грамотѣ, напишетъ просто „Бѣлымъ царямъ". На это Избрантъ не согласился; несмотря на то, онъ былъ допущенъ къ богдыхану, причемъ кланялся ему, по китайскому обычаю, становясь на колѣни. Богдыханъ былъ „обличіемъ мунгальскимъ, усы немалые, борода небольшая, черная". Богдыханъ жаловалъ Избранта изъ своихъ рукъ чрезъ ближняго человѣка горячимъ виномъ и спрашивалъ у него чрезъ іезуитовъ: „Изъ Московскаго государства до Французской, Италійской и Польской Земель какъ скоро можно поспѣть сухимъ и водянымъ путемъ?" Избрантъ отвѣчалъ,

[1]) Исторія Россіи, т. XIV.

что во Францію можно поспѣть недѣль въ десять, въ Италію—въ двѣнадцать и въ Польшу—въ двѣ недѣли. Избранту было наказано: требовать отъ Китайскаго правительства, чтобъ выданы были измѣнники изъ сибирскихъ инородцевъ, освобождены были русскіе плѣнники; чтобъ богдыханъ приказалъ высылать въ Москву серебра добраго пудъ по тысячѣ и больше съ своими купчинами, которые покупали бы всякіе русскіе и нѣмецкіе товары, какіе будутъ имъ годны; чтобъ приказалъ высылать дорогіе камни, пряныя зелья и всякіе коренья, которые въ Китайскомъ государствѣ водятся; приказалъ своимъ Китайцамъ пріѣзжать въ Россійское государство со всякими товарами; приказалъ въ Китайскомъ государствѣ дать мѣсто подъ церковь, которая будетъ построена царскою казною. Кромѣ того, Избранту было наказано развѣдать о разныхъ дѣлахъ, и онъ, заплативъ большія деньги, развѣдалъ отъ іезуита Француза, что богдыханъ желаетъ сохранять миръ съ Россіею; но желаетъ ли пересылаться послами и посланниками, и отправлять купчинъ съ своимъ серебромъ и товарами, также простыхъ купцовъ,—объ этомъ самомъ важномъ для Русскаго правительства дѣлѣ разузнать ничего не могъ, хотя, по наказу, и разглашалъ между китайскими купцами о вольной торговлѣ, какую ведутъ въ Россіи иноземцы, и о дорогихъ русскихъ товарахъ.

Въ 1719 году Петръ отправилъ къ богдыхану лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитана Льва Измайлова, въ чинѣ чрезвычайнаго посланника. Измайловъ торжественно, съ большою пышностію въѣхалъ въ Пекинъ и объявилъ богдыхановымъ ближнимъ людямъ, что пріѣхалъ отъ его императорскаго величества съ любительною грамотою для подтвержденія и возобновленія прежней дружбы; что для избѣжанія всякихъ споровъ въ грамотѣ находится одинъ богдыхановъ титулъ, а императорское величество изволилъ только подписать высокое имя свое безъ титуловъ. Ближніе люди уговаривали Измайлова, чтобъ онъ, когда будетъ у богдыхана, поступалъ учтиво, потому что когда былъ у богдыхана русскій посланникъ Николай Спафари, и богдыханъ спросилъ его, учился ли онъ астрономіи, то онъ отвѣчалъ, что учился; когда же богдыханъ спросилъ объ одной звѣздѣ, которая называется Золотой Гвоздь, то Спафари отвѣчалъ очень грубо: „Я на небѣ не бывалъ, и именъ звѣздамъ не знаю.“ Грамоты не требовали сначала къ ближнимъ людямъ, удовольствовались латинскимъ спискомъ, потому что посланникъ былъ человѣкъ знатный и умный. Измайловъ объявилъ іезуитамъ, что если они будутъ радѣть императорскому величеству, то государь отблагодаритъ за это ихъ общество, позволено имъ будетъ посылать письма черезъ Сибирь посредствомъ Русскихъ людей и другія многія вольности получатъ. Іезуиты объявили готовность служить посланнику. На аудіенціи богдыханъ сказалъ во всеуслышаніе, что онъ хотя и имѣлъ и имѣетъ древніе законы, запрещающіе принимать грамоты чужестранныхъ пословъ, однако теперь, почитая императора Россійскаго, какъ своего равнаго друга и сосѣда, оставляетъ прежніе законы и принимаетъ грамоту изъ рукъ посланника. Но отъ колѣнопреклоненія Измайловъ освобожденъ не былъ. Богдыханъ объявилъ ему, что, изъ дружбы къ императорскому величеству, онъ устроилъ нарочно для него, посланника, пиръ, на которомъ присутствуютъ всѣ знатные люди; спрашивалъ, знаетъ ли онъ астрономію или другія какія художества и есть ли при немъ люди, умѣющіе играть на инструментахъ. Измайловъ отвѣчалъ, что онъ астрономіи не учился, а музыканты у него есть, которые играютъ на трубахъ и на скрипкахъ. Потомъ богдыханъ спрашивалъ у посланника, какія науки въ Россіи. Измайловъ отвѣчалъ, что есть въ Россіи всякія науки и ученые: математики, астрономы, инженеры, архитекторы и другіе разные художники и музыканты. Богдыханъ спрашивалъ, не противно-ль посланнику, что іезуиты помѣщены выше его. „Я ихъ держу не чиновными людьми“, говорилъ богдыханъ, „они живутъ въ государствѣ моемъ болѣе двухъ сотъ лѣтъ, и никакого другого дѣла не имѣютъ, кромѣ религіознаго, въ чемъ я имъ не препятствую; притомъ это люди ученые и много людей въ моемъ государствѣ научили разнымъ наукамъ, и самъ я у нихъ математикѣ и астрономіи выучился“. Спрашивалъ, не противно ли посланнику, что онъ разговариваетъ съ нимъ чрезъ іезуитовъ, и передали ли іезуиты, что онъ оказываетъ къ императорскому величеству любовь. Измайловъ отвѣчалъ, что довольно слышалъ отъ іезуитовъ о дружбѣ его къ императорскому величеству, что его, богдыханова, милость является ко всѣмъ, а особенно къ ученымъ людямъ, о чемъ и въ Европѣ извѣстно.

Потомъ Измаймовъ былъ позванъ въ другой разъ во дворецъ, и богдыханъ сказалъ ему: „Прежде ты былъ на аудіенціи по нашему обыкновенію, а теперь поступай по своему, ѣшь и веселись запросто“. Принесли столъ и поставили кушанье, очень хорошо изготовленное. Когда посланникъ кончилъ обѣдъ и поклонился по-европейски, богдыханъ началъ говорить: „Скажу я тебѣ два слова; ты на нихъ ничего не отвѣчай, только держи въ памяти, чтобъ донести своему государю: царское величество такой великій и славный монархъ, владѣніе имѣетъ большое, и слышалъ я, что изволитъ ходить противъ непріятеля своего на корабляхъ, а море махина великая, и бываютъ на томъ морѣ волны огромныя, и отъ того бываетъ страхъ немалый; такъ чтобъ изволилъ свое здоровье хранить, потому что есть у него добрые воины и вѣрные слуги, и изволилъ бы ихъ посылать, а самъ былъ бы въ покоѣ, ибо я желаю быть съ его величествомъ въ великой дружбѣ; не въ указъ говорю, чтобъ непріятелямъ своимъ не противился, но жалѣя объ особѣ его величества. Хотя изъ Россіи уходятъ въ нашу сторону человѣкъ по 20 и по 30, также изъ моихъ владѣній въ Россію, но

отъ такихъ бездѣльниковъ дружба наша никогда не повредится. Изъ-за чего намъ ссориться? Россія государство холодное и дальнее; еслибъ я послалъ свои войска, то всѣ померзли бы, и хотя бы чѣмъ-нибудь и завладѣли, то какая въ томъ прибыль? А наша сторона жаркая, и если императорское величество пошлетъ противъ меня свои войска, то могутъ напрасно померетъ, потому что къ жару непривычны, и хотя бы и завладѣли чѣмъ нибудь — не великая прибыль, потому что въ обоихъ государствахъ земли множество".

Въ конференціи съ министрами, Измайловъ началъ хлопотать о свободной и безпошлинной торговлѣ; требовалъ: чтобы русскіе купцы могли имѣть свою церковь; чтобъ въ Китаѣ былъ русскій генеральный консулъ и вице-консулы по разнымъ городамъ съ правами, какія они имѣютъ во всемъ свѣтѣ; такія же права должны получить и китайскіе подданные въ русскихъ владѣніяхъ. Китайцы отвѣчали: „У нашего государя торговъ никакихъ нѣтъ, а вы купечество свое высоко ставите; мы купеческими дѣлами пренебрегаемъ,—у насъ ими занимаются самые убогіе люди и слуги, и пользы намъ отъ вашей торговли никакой нѣтъ, товаровъ русскихъ у насъ много, хотя бы ваши люди и не возили, и въ провожаніи вашихъ купцовъ намъ убытокъ". Измайловъ настаивалъ. Къ счастію для Китайцевъ, пришло извѣстіе, что 700 человѣкъ Монголовъ перебѣжало за русскую границу. Этому случаю обрадовались и объявили Измайлову, что до тѣхъ поръ не дадутъ отвѣта на его предложенія, пока не кончится дѣло о бѣглецахъ. Съ этимъ Измайловъ и долженъ былъ выѣхать изъ Пекина. Онъ оставилъ-было тамъ агента Ланга; но и его Китайцы поспѣшили выпроводить; притѣсняли русскихъ купцовъ, не слушая представленій Ланга и повторяя, что у нихъ торговля считается дѣломъ ничтожнымъ и для нея не стоитъ русскому агенту жить въ Пекинѣ; не пустили и епископа Иннокентія Кульчицкаго, назначеннаго для построенія русской церкви и утвержденія миссіи въ Пекинѣ; дѣлали и захваты на Русской землѣ, все жалуясь на невыдачу монгольскихъ перебѣжчиковъ [1]).

Съ Китаемъ не ладилось. Но приходили извѣстія о металлическихъ богатствахъ Средней Азіи, и Петръ, сильно нуждаясь въ деньгахъ, не оставилъ безъ вниманія эти извѣстія. Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ донесъ, что въ Сибири, близъ калмыцкаго городка Эркети, на рѣкѣ Дарьѣ, добываютъ песочное золото. Въ 1714 году отправили туда полковника Бухгольца, велѣли ему идти на Ямышь-озеро, гдѣ построить крѣпость на зимовье, а по веснѣ идти къ Эркети, овладѣть ею и провѣдывать объ устьи Дарьи рѣки. Въ началѣ 1716 года Бухгольцъ далъ знать, что крѣпость построена, но къ Эркети идти за малолюдствомъ не безопасно, и что солдаты отъ него бѣгутъ, ибо въ сибирскихъ городахъ всякихъ гулящихъ людей принимаютъ и вольно имъ тамъ жить. По отправленіи этого извѣстія, къ крѣпости, гдѣ сидѣлъ Бухгольцъ, пришло Калмыковъ болѣе 10,000 человѣкъ; Русскіе бились съ ними 12 часовъ, отбили, но непріятель сталъ кругомъ, пресѣкъ сообщеніе и прислалъ слѣдующее письмо: „Черенъ Дондукъ господину полковнику послалъ письмо. Напередъ сего Контайши съ великимъ государемъ жили въ совѣтѣ, и торговали, и пословались, и прежде Русскіе люди ѣзжали, а города не страивали. Война стала, что указу государева о строеніи города нѣтъ и городъ построенъ ложными словами, и если война будетъ, то я буду жить кругомъ города, и людей твоихъ никуда не пущу и изъ города никого не выпущу: запасы твои всѣ издержатся, и будете голодны, и городъ возьму; и если ты не хочешь войны, то съѣзжай съ мѣста, и какъ прежде жили, такъ будемъ и теперь жить и торговать, станемъ жить въ совѣтѣ и любви". Въ гарнизонѣ обнаружилась болѣзнь, солдаты начали мереть, и Бухгольцъ, 28 апрѣля, разоривъ крѣпость, ушелъ на дощаникахъ внизъ по Иртышу, и на устьи рѣки Оми построилъ другую крѣпость, гдѣ и оставилъ свое войско. Въ 1719 году, Лихаревъ, посланный, какъ мы видѣли, въ Сибирь для разыскиванія о поведеніи князя Матвѣя Гагарина, между прочимъ, получилъ наказъ: „Трудиться всѣми мѣрами разузнать о золотѣ эркецкомъ, подлинно ли оно есть, и отъ кого Гагаринъ узналъ, тѣхъ людей отыскать, также и другихъ знающихъ людей, и ѣхать съ ними до тѣхъ крѣпостей, гдѣ посажены наши люди, и, тамъ развѣдавъ, стараться, сколько возможно, чтобъ дойти до Зайсана озера, и если туда дойти возможно и тамъ берега такіе, что есть лѣса и прочія потребности для жилья, то построить у Зайсана крѣпость и посадить людей; потомъ провѣдывать о пути отъ Зайсана озера къ Эркети, какъ далеко и возможно ли дойти; также, нѣтъ ли вершинъ какихъ рѣкъ, которыя подались къ Зайсану, а впали въ Дарью рѣку или въ Аральское море. Все это дѣлать, сколько возможно, и въ *газардъ* не входить, чтобъ даромъ людей не потерять и убытку не причинить; также разыскать о подполковникѣ Бухгольцѣ, какимъ образомъ у него Ямышевскую крѣпость Контайшинцы взяли, также и о прочихъ его худыхъ поступкахъ" [2]).

Это увѣщаніе: „не входить въ газардъ" было нужно послѣ несчастнаго исхода другой экспедиціи, имѣвшей цѣлію ту же соблазнительную Эркеть, только съ другого конца. Въ маѣ 1714 года Петръ далъ указъ Сенату: „Послать въ Хиву (къ хану) съ поздравленіемъ на ханство, а оттоль ѣхать въ Бухары къ хану, сыскавъ какое дѣло торговое, а дѣло настоящее—чтобъ провѣдать про городъ Эркетъ, сколько далеко оный отъ Каспійскаго моря, и нѣтъ

[1]) Китайскія дѣла 1692—1722 годовъ.

[2]) Архивъ Министер. Юстиціи, дѣла Сената по Сибирской губерніи.

*

ли какихъ рѣкъ оттоль, или хотя не отъ самаго того мѣста, однакожъ въ близости, въ Каспійское море". Въ началѣ 1716 года для этого провѣдыванія отправленъ былъ князь Александръ Бековичъ Черкасскій, бывшій уже прежде на Каспійскомъ морѣ и описавшій часть его береговъ. Петръ далъ слѣдующій наказъ: „1) Надлежитъ надъ гаванью, гдѣ бывало устье Аму-Дарьи рѣки, построить крѣпость человѣкъ на тысячу, о чемъ просилъ и посолъ хивинскій. 2) Ѣхать къ хану Хивинскому посломъ, а путь держать подлѣ той рѣки и осмотрѣть прилежно теченіе ея, также и плотины, если возможно эту воду опять обратить въ старое ложе, а прочія устья запереть, которыя идутъ въ Аральское море. 3) Осмотрѣть мѣсто близъ плотины, или гдѣ удобно, на настоящей Аму-Дарьѣ рѣкѣ для строенія же крѣпости тайнымъ образомъ, и если возможно будетъ, то и тутъ другой городъ сдѣлать. 4) Хана Хивинскаго склонить къ вѣрности и подданству, обѣщая ему наслѣдственное владѣніе, для чего предложить ему гвардію, чтобъ онъ за то радѣлъ въ нашихъ интересахъ. 5) Если онъ охотно это приметъ и станетъ просить гвардіи и безъ нея не будетъ ничего дѣлать, опасаясь своихъ людей, то дать ему гвардію, сколько пристойно, но чтобъ была на его жалованьи; если же станетъ говорить, что содержать ее ему нечѣмъ, то на годъ оставить ее на своемъ жалованьи, а потомъ чтобъ онъ платилъ. 6) Если такимъ или другимъ образомъ ханъ склонится на нашу сторону, то просить его, чтобъ послалъ своихъ людей, при которыхъ и нашихъ два человѣка было бы, водою по Сыръ-Дарьѣ рѣкѣ вверхъ до Эркети городка для осмотрѣнія золота. 7) Также просить у него судовъ, и на нихъ отпустить купчину по Аму-Дарьѣ рѣкѣ въ Индію, наказавъ, чтобъ изъѣхалъ се пока суда могутъ идти, и потомъ продолжалъ бы путь въ Индію, примѣчая рѣки и озера, и описывая водяной и сухой путь, особенно водяной, и возвратиться изъ Индіи тѣмъ же путемъ; если же въ Индіи услышитъ о лучшемъ пути къ Каспійскому морю, то возвратиться тѣмъ путемъ и описать его. 8) Будучи у Хивинскаго хана, провѣдать и о Бухарскомъ: нельзя ли его хотя не въ подданство, то въ дружбу привести такимъ же образомъ, ибо и тамъ также ханы бѣдствуютъ отъ подданныхъ. 9) Для всего этого надобно дать регулярныхъ 4,000 человѣкъ, судовъ сколько нужно, грамоты къ обоимъ ханамъ, также купчинѣ къ ханамъ и къ Моголу. 10) Изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина и навигаторовъ человѣкъ пять или больше послать, которыхъ употребить въ обѣ посылки: въ первую подъ видомъ купчины, другую—къ Эркети. 11) Инженеровъ дать двухъ человѣкъ. 12) Нарядить казаковъ Яицкихъ полторы тысячи, Гребенскихъ 500, да сто человѣкъ драгунъ съ добрымъ командиромъ, которымъ идти подъ видомъ провожанія каравана изъ Астрахани и для строенія города; и когда они придутъ къ плотинѣ, тутъ велѣть имъ стать и по рѣкѣ прислать къ морю, для провожанія князя Черкасскаго, сколько человѣкъ пристойно. Командиру смотрѣть накрѣпко, чтобъ съ жителями обходились ласково и безъ тягости. 13) Поручику Кожину приказать, чтобъ онъ тамъ развѣдалъ о пряныхъ зельяхъ и о другихъ товарахъ, и какъ для этого дѣла, такъ и для отпуска товаровъ придать ему двухъ человѣкъ добрыхъ изъ купечества, чтобъ не были стары". Изъ переписки съ Черкасскимъ до насъ дошло письмо къ нему Петра, отъ 13 мая 1716 года: „Письмо это и пробу золота и камня, изъ чего зѣло дорогую краску дѣлаютъ, получилъ я и за оное вамъ благодарствуемъ; что же о посылкѣ до Иркети, и, буде вамъ можно будетъ, пошли, буде нельзя—оставить можно. О послѣ бухарскомъ писалъ ты въ Сенатъ, чтобъ вамъ сообщили, съ чѣмъ оный пріѣхалъ; Бухарцевъ и Хивинцевъ свободить нынѣ нельзя, понеже они въ перепискахъ съ Турки явились для отданія Астрахани; но ежели ханы ихъ объ нихъ станутъ просить, то можешь обѣщать ихъ отпустить при своемъ возвращеніи, ежели ханы будутъ доброе намѣреніе къ намъ имѣть. Что же пишешь—ежели ханъ Хивинскій не склонится, и я не могу знать въ чемъ, только велѣно вамъ, чтобъ въ дружбѣ были и чтобъ купчину послать водою въ Индію, и ежели надобна имъ гвардія; только о гвардіи не похотятъ—и то въ ихъ воли, а въ дружбѣ чаю не откажутъ, также и купчину удержать имъ нельзя, а буде, паче чаянія, купчину водою не пропустятъ и въ дружбѣ откажутъ, а болѣе нечего дѣлать, только что тѣ два города дѣлай и плотину разори, и по рѣкѣ вверхъ сколько время допуститъ и смотри току ея, и впрочемъ трудись неотложно по крайней мѣрѣ исполнить по даннымъ вамъ пунктамъ, а ко мнѣ не описывайся для указовъ, понеже какъ и самъ пишешь, что невозможно изъ такой дальности указы получать".

Сенатъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для отправленія экспедиціи, и, осенью 1716 года, Черкасскій выѣхалъ въ Каспійское море изъ устьевъ Волги, и присталъ къ урочищу Тюкъ-Караганъ, гдѣ велѣлъ строить крѣпость, въ мѣстѣ, по показанію Кожина, чрезвычайно неудобномъ: не было тутъ ни земли, ни лѣса, воды свѣжей,—только одинъ песокъ, нанесенный моремъ. Отъ Тюкъ-Карагана Черкасскій поѣхалъ далѣе моремъ и, въ началѣ ноября, присталъ къ урочищу Красныя Воды, гдѣ велѣлъ строить другую крѣпость, также, по отзывамъ Кожина, на дурномъ мѣстѣ, не имѣющемъ ни лѣса, ни воды, ни травы, при глухомъ заливѣ, гдѣ морская вода стоячая и гнилая. Съ Красныхъ Водъ Черкасскій возвратился къ Тюкъ-Карагану, гдѣ въ оставленномъ для строенія крѣпости отрядѣ было больныхъ солдатъ и матросовъ съ 700 человѣкъ, да умерло со 120 человѣкъ. 20 февраля 1717 года Черкасскій возвратился въ Астрахань, куда съ разныхъ сторонъ приходили дурныя вѣсти; находящійся въ русскомъ подданствѣ калмыцкій ханъ Аюка писалъ: „Служилые люди идутъ

въ Хиву, и намъ слышно, что тамошніе Бухарцы, Кайсаки, Каракалпаки, Хивинцы сбираются вмѣстѣ, хотятъ на служилыхъ людей идти боемъ; а я слышалъ, тамъ воды нѣтъ, и сѣна нѣтъ государевымъ служилымъ людямъ: какъ бы худо не было“! Посланные Черкасскимъ въ Хиву люди также давали знать о непріятельскихъ сборахъ: „боятся, что Черкасскій придетъ не въ качествѣ посла, а возьметъ Хиву обманомъ. Посланцамъ Черкасскаго говорили: „Для чего вы города строите на чужой землѣ“? Взявши въ Астрахани 600 человѣкъ драгунъ, Яицкихъ, Гребенскихъ казаковъ, астраханскихъ дворянъ, Татаръ, Черкесъ, Хивинцевъ, Бухарцевъ и другихъ народовъ тысячи съ три человѣкъ, Черкасскій пошелъ весною въ Хиву сухимъ путемъ, и, черезъ нѣсколько времени, разнеслась вѣсть, что онъ погибъ въ этомъ походѣ со всѣмъ отрядомъ.

Въ октябрѣ 1717 года, яицкій казакъ Татаринъ Ахметевъ, бывшій въ этомъ отрядѣ, разсказывалъ, что 15 августа поутру Черкасскій пришелъ къ озерамъ рѣки Дарьи, дней за шесть пути отъ Хивы; и въ тотъ самый день и ночью войско сдѣлало себѣ крѣпость, обрылось землею, и ровъ съ трехъ сторонъ, а съ четвертой – озеро. На другой же день утромъ явилось хивинское войско, конное и пѣшее, и стало бить изъ пищалей и пускать стрѣлы, и въ три дня побило казаковъ человѣкъ съ десять; Черкасскій отбивался изъ крѣпости, стрѣляя изъ пушекъ и ружей. На четвертый день ханъ прислалъ къ Черкасскому съ мирными предложеніями, и знатные Хивинцы цѣловали Коранъ, что надъ государевыми войсками зла никакого не сдѣлаютъ и будутъ соблюдать мирное постановленіе. Послѣ этого Черкасскій ѣздилъ къ хану съ подарками. Ханъ сталъ ему говорить, что всего русскаго войска въ Хивѣ прокормить нельзя, надобно разставить его отрядами въ пяти городахъ. Черкасскій согласился, и отрядъ Яицкихъ казаковъ, изъ 240 человѣкъ, въ которомъ находился Ахметевъ, отправился въ назначенное ему мѣсто въ сопровожденіи тысячи человѣкъ конныхъ Хивинцевъ. Отрядъ ночевалъ въ степи спокойно, но на другой день утромъ провожатые стали разбирать казаковъ по рукамъ и перевязали, оружіе, лошадей и пожитки взяли себѣ; казаковъ повезли дальше подъ карауломъ, но Ахметева отпустили съ дороги. Онъ пришелъ въ Хиву, на гостиный дворъ, гдѣ нашелъ двухъ Яицкихъ казаковъ, которые разсказали ему, что ханъ сталъ собирать войско послѣ того, какъ пріѣхали къ нему посланники отъ Калмыцкаго хана Аюки; наканунѣ прихода Ахметева возвратился въ Хиву ханъ изъ похода и велѣлъ выставить на висѣлицѣ двѣ головы. Хивинцы говорили, что это головы князя Черкасскаго и бывшаго при немъ Астраханскаго дворянина князя Михайлы Заманова. Ахметевъ видѣлъ въ Хивѣ и живыхъ Русскихъ людей, бывшихъ въ войскѣ Черкасскаго: ходятъ порознь за караулами, говорить другъ съ другомъ не могутъ. Ахметевъ уѣхалъ изъ Хивы тайкомъ, въ караванѣ, отправлявшемся въ Астрахань. По разсказу Калмыка Бакши, бывшаго въ походѣ съ Русскими, Хивинскій ханъ договорился съ Черкасскимъ, что послѣдній будетъ принятъ въ Хивѣ какъ обыкновенный посланникъ; Черкасскій съ своимъ отрядомъ пошелъ къ Хивѣ, и ханъ шелъ съ нимъ вмѣстѣ, вмѣстѣ ѣли и пили; но, за день пути до города, Хивинцы разобрали Русскихъ безъ бою и привели въ Хиву. На другой день ханъ разсказывалъ Бакшѣ, что онъ князей Черкасскаго и Заманова казнилъ, отсѣкъ имъ головы и, снявши кожу, велѣлъ набить травою и поставить у воротъ. Бакша видѣлъ головы, но не могъ признать, дѣйствительно ли это головы Черкасскаго и Заманова, потому что кожа снята и набита травою.

Прошло почти три года. Въ маѣ 1720 пріѣхалъ въ Астрахань хивинскій посолъ Вейсъ-Мамбетъ и прислалъ списокъ съ ханской грамоты къ царю: „Прежде“, писалъ ханъ, „имѣли мы съ вами дружелюбіе, которое и теперь имѣть желаемъ; но между вами и нами произошла ссора оттого: пришла къ намъ вѣдомость, что ѣдетъ къ намъ посломъ Девлетъ-Гирей (?); мы обрадовались, но потомъ услыхали, что Девлетъ-Гирей между нашихъ улусовъ хочетъ строить города; мы ему это запретили, но онъ не послушался и городъ построилъ; потомъ прислалъ къ намъ своего посланца съ тѣмъ, чтобъ чрезъ большую Дарью рѣку мостъ мостить, что онъ чрезъ ту рѣку будетъ переправляться съ войскомъ,—такъ мы бы прислали къ нему лошадей. Мы отправили къ нему переговорить обо всемъ посланника; надъ этимъ посланникомъ нашимъ у Девлетъ-Гирея ругались, хотѣли его связать и убить до смерти; посланникъ ушелъ и объявилъ намъ, что Девлетъ-Гирей пріѣхалъ не для посольства, но для строенія города. Мы опять послали къ нему еще слугъ своихъ; но онъ, не допустя ихъ до себя, началъ въ нихъ стрѣлять изъ пушекъ, произошелъ бой—и въ то время многихъ нашихъ людей побили, и наши люди многихъ Русскихъ людей побили и Девлетъ-Гирея привезли со всякими Русскими людьми ко мнѣ, и которые Русскіе люди взяты живые,—и тѣхъ удержали мы у себя на случай, если вы, великій государь, у насъ ихъ спросите, а у насъ съ вами войну вести и въ умѣ нѣтъ“. Только въ концѣ августа изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ посланъ былъ указъ Астраханскому губернатору: Хивинскаго посла послать въ Петербургъ, давъ ему подводы и кормовыя деньги не какъ послу, но какъ арестанту, чѣмъ только ему съ людьми его можно быть сыту; отправить съ нимъ офицера съ пристойнымъ числомъ солдатъ, который долженъ смотрѣть, чтобъ посолъ какъ-нибудь не ушелъ, однако долженъ обходиться съ нимъ политично и ласково; впрочемъ объявить ему, что онъ отправляется за арестомъ потому, что его ханъ поступилъ непріятельски съ княземъ Черкасскимъ, отправленнымъ въ характерѣ посольскомъ.

Въ началѣ 1721 года посланника привезли въ Петербургъ. Его привели въ Иностранную Коллегію

и поставили передъ министрами. „Какой у тебя словесный приказъ отъ хана"? спросили его министры. Посланникъ отвѣчалъ: „Приказалъ мнѣ ханъ донести царскому величеству, что изъ давнихъ лѣтъ между россійскими и хивинскими народами бывала любовь и торговля, но по нѣкоторому случаю эта любовь и торговля пресѣклись, и потому проситъ ханъ, чтобъ прежняя любовь установилась и торговля умножилась". — „Мы думаемъ", сказали министры, „что въ цѣломъ свѣтѣ и ни въ какомъ законѣ нѣтъ того, чтобъ пословъ убивать; для чего вы посла царскаго величества, князя Черкасскаго, безвинно убили"?—„Правда, что это сдѣлано", отвѣчалъ посланникъ, „однако онъ къ намъ пріѣзжалъ не какъ посолъ, но какъ непріятель, построилъ городъ и въ немъ оставилъ съ 8,000 человѣкъ войска; потомъ къ намъ пріѣхалъ и, не доѣзжая до Хивы за 15 дней, убитъ нашими войсками на бою, а остальные люди и до сихъ поръ въ Хивинской Землѣ, и ханъ ихъ всѣхъ желаетъ отдать.—„Ханъ твой",говорили министры, „самъ прежде присылалъ къ царскому величеству съ просьбою построить городъ для умноженія торговли, а потомъ такому великому монарху сдѣлалъ такую обиду,—посла его невинно убилъ! Можетъ быть, ханъ твой на тебя сердитъ и прислалъ тебя на жертву, чтобъ здѣсь тебя повѣсили за князя Черкасскаго"?—„Воля ваша", отвѣчалъ посланникъ: „только ханъ прислалъ меня съ объявленіемъ, что желаетъ быть въ любви и отдать всѣхъ плѣнныхъ".

Посланника заключили въ крѣпость, гдѣ онъ скоро и умеръ. Съ однимъ изъ пріѣхавшихъ съ нимъ Хивинцевъ отправлена была къ хану грамота, за подписью канцлера и подканцлера, съ увѣдомленіемъ о смерти посланника и съ требованіемъ отпустить всѣхъ плѣнныхъ. Въ январѣ 1722 года вышелъ изъ Хивы плѣнный Яицкій казакъ и разсказывалъ, что когда хану подана была грамота, то онъ топталъ ее ногами и отдалъ играть молодымъ ребятамъ [1]).

Говорили, что Калмыцкій ханъ Аюка сносился съ Хивою ко вреду Россіи, которой власть онъ признавалъ, Казанскому губернатору было много дѣла съ Калмыками, этими послѣдними представителями движенія среднеазіятскихъ кочевыхъ ордъ на западъ, въ европейскіе предѣлы. Калмыки запоздали, натолкнулись на сильную Россію и, волеюневолею, должны-были подчиниться ей. Подчиненность была шаткая. Казанскій губернаторъ не разъ съѣзжался въ степи съ Аюкою ханомъ и со всѣми его тайшами, для постановленія условій этой подчиненности. Аюка обѣщался служить вѣрно великому государю и не откочевывать никуда отъ рѣки Волги; въ случаѣ непріятельскаго прихода къ Астрахани, Тереку, Казани и Уфѣ, по письму отъ губернатора, посылать своихъ ратныхъ людей съ дѣтьми своими, внучатами и другими тайшами и служить заодно съ Русскими людьми; не пускать своихъ Калмыковъ на нагорную сторону Волги, и ослушниковъ отсылать въ русскіе города головою. Царицынская линія, ровъ, охраняемый войсками между Волгой и Дономъ, мѣшала Калмыкамъ переброситься къ Крыму и соединиться съ Татарами противъ Россіи.

Въ 1715 году Аюка писалъ великому государю, что Башкирцы, Крымцы, Кубанцы и Каракалпаки ему непріятели и безъ помощи русскихъ войскъ нельзя ему кочевать между Волгою и Яикомъ. Вслѣдствіе этого письма, велѣно было постоянно находиться при Аюкѣ стольнику Димитрію Бахметеву съ отрядомъ изъ 600 человѣкъ, изъ которыхъ 300 регулярныхъ и 300 иррегулярныхъ (казаковъ). Скоро Калмыкамъ не понравилось присутствіе Бахметева, и Аюка просилъ государя перевести его комендантомъ въ Саратовъ, съ обязанностію охранять Калмыковъ. Просьба была исполнена. Бахметевъ долженъ былъ, съ одной стороны, охранять Аюку, а съ другой—смотрѣть, чтобы ханъ и Калмыки его съ турецкими подданными не ссорились и, безъ указа государева, не входили съ ними въ мирные договоры, пересылокъ тайныхъ и письменныхъ не имѣли. Второе порученіе выполнять было очень трудно: между кубанскими Татарами и Кабардинцами происходили войны, въ которыя втягивались и Калмыки, особенно сынъ Аюки. Бахметевъ писалъ, что самъ ханъ „человѣкъ умный и разсудительный, а сынъ его Чапдержапъ другого состоянія, но улусомъ и дѣтьми люденъ". Въ этихъ войнахъ принималъ участіе извѣстный уже намъ товарищъ Булавина, Игошка Некрасовъ, бѣжавшій на Кубань; въ 1717 году Некрасовцы и Кубанцы были разбиты Кабардинцами и Калмыками, Некрасовъ былъ взятъ въ плѣнъ, но чрезъ три дня отпущенъ. Аюка жаловался Бахметеву, что надъ сыномъ своимъ Чапдержапомъ и другими тайшами не имѣетъ воли; они бы еще больше своевольничали, еслибъ не знали, что царское величество къ нему, хану, милостивъ и для его охраненія прислалъ своихъ служилыхъ людей. Чапдержапъ говорилъ посланцу Бахметева: „Бахметевъ не велитъ ходить на Кубанцевъ, а Кубанцы Русскихъ людей и Калмыковъ разоряютъ, а мнѣ Русскихъ людей и Калмыковъ жаль, и хочу Кубанцевъ разорить безъ остатка; Турецкаго султана и Крымскаго хана они мало и слушаютъ; я радъ хотя съ собакою идти на Кубанцевъ, а Бахметева и другихъ никого слушать не буду,—буду слушать указу царскаго величества, каковъ будетъ присланъ за государевою подписью и печатью, съ деньщикомъ, который могъ бы между мною и Кубанцами разсудить, за дѣло ли я съ ними ссорюсь или нѣтъ".

Осенью 1723 года между Калмыками произошла усобица. Чапдержапъ умеръ, оставивши нѣсколько сыновей, изъ которыхъ старшій, Досангъ, поссорился съ младшимъ Дундукъ-Дашею за то, что Досангъ не хотѣлъ отпустить отъ себя млад-

[1]) Журналъ Петра В., часть II; дѣла Хивинскія 1720 г.; дѣла Калмыцкія 1717 года; Кабинетъ I, кн. № 14.

шаго брата, хотѣлъ, чтобъ тотъ кочевалъ при немъ; Дундукъ-Даши уѣхалъ къ дѣду Аюкѣ съ жалобой, но улусовъ его Досангъ не отпустилъ отъ себя.

Въ это время у хана Аюки находился капитанъ Беклемишевъ, заступившій мѣсто Бахметева. Аюка прислалъ сказать Беклемишеву, что Досангъ, пріѣзжавшій къ нему, Аюкѣ, для мировой, не дожидаясь суда ханскаго, поѣхалъ въ свой улусъ, а сынъ его, Аюки, Черенъ-Дундукъ и внучата Дундукъ-Омбо и Дундукъ-Даши идутъ съ войскомъ воевать Досанга. Беклемишевъ велѣлъ отвѣчать, чтобъ Аюка не допускалъ своихъ сыновей и внучатъ до войны, иначе навлечетъ на себя гнѣвъ императорскаго величества; пусть ханъ разсудитъ, что Досангъ кочуетъ близъ Краснаго Яра, и если переберется съ улусами своими чрезъ Бузанъ къ Астрахани, то императорскія войска изъ этого города будутъ его охранять, и воевать безъ императорскаго указа не допустятъ, потому что Досангъ послалъ просить суда у его императорскаго величества, и всѣмъ имъ надобно просить суда у его же величества, а не самимъ другъ съ другомъ управляться. Этотъ отвѣтъ не понравился Аюкѣ, и онъ прислалъ къ Беклемишеву съ выговоромъ: „По указу его императорскаго величества, велѣно тебѣ быть при мнѣ и охранять меня, и моихъ улусныхъ людей въ обиду никому не давать; а ты мнѣ ни въ чемъ не помогаешь, и я буду жаловаться на тебя его императорскому величеству“. Беклемишевъ отвѣчалъ: „Я при тебѣ для донесенія императорскому величеству о службѣ и вѣрности твоей; если ты мнѣ объявляешь объ обидахъ твоимъ улуснымъ людямъ отъ Русскихъ людей, то я пишу въ городъ къ командирамъ, которые даютъ судъ и оборону; объяви, въ чемъ мое неохраненіе и какія улуснымъ людямъ твоимъ обиды“?—„Не помогаешь ты мнѣ въ ссорѣ внучатъ моихъ“, велѣлъ сказать ханъ; „не требуешь изъ городовъ войскъ, которыя прежде были при мнѣ; и еслибъ они теперь были съ тобою при мнѣ, то внучата мои, боясь ихъ, волю мою исполняли бы“.—„Войска, назначенныя для твоего охраненія“, отвѣчалъ Беклемишевъ, „находятся въ астраханскомъ гарнизонѣ, о чемъ къ тебѣ писано въ грамотѣ императорской, и если тебѣ надобны будутъ войска, то ты долженъ писать къ астраханскому губернатору, причемъ и я писать буду; только теперь ни откуда на тебя нападенія нѣтъ; а если хочешь войскъ на внука своего Досанга, то послать ихъ безъ указа императорскаго величества никто не можетъ“. Послѣ этого Аюка призвалъ къ себѣ Беклемишева и говорилъ ему: „Требую вашего совѣта, что мнѣ дѣлать со внучатами“?—„Надобно ихъ удержать отъ войны“, отвѣчалъ Беклемишевъ.—„Они меня не послушаются“, сказалъ ханъ.—„Если они васъ не слушаются“, отвѣчалъ Беклемишевъ, „то надобно вамъ писать императорскому величеству, чтобъ велѣлъ ихъ развести, и въ Астрахань писать, чтобъ императорскія войска до указа не допускали ихъ биться“.—„Благодаренъ за совѣтъ“, сказалъ Аюка, „только я не надѣюсь, чтобъ астраханскій губернаторъ пожелалъ мнѣ добра, онъ—держитъ сторону Досангову, потому что взялъ съ него сто лошадей“. Аюка написалъ однако въ Астрахань, послалъ и къ сыну своему, чтобъ не ходилъ войною на Досанга, а къ послѣднему просилъ съѣздить Беклемишева. Тотъ поѣхалъ и услышалъ отъ Досанга: „Я безъ императорскаго указа самъ не нападу; а если на меня нападутъ, то противиться буду“. Беклемишевъ писалъ Головкину: „Ссора Досанга съ братомъ непремѣнно окончилась бы, но ханъ Аюка не желаетъ, чтобъ внучата его, Чапдержаповы дѣти, жили вмѣстѣ, хочетъ онъ ихъ развести и этимъ обезсилить Досанга, а сдѣлать сильнѣе всѣхъ сына своего Черенъ-Дундука; и хотя онъ мнѣ объявлялъ, что желаетъ примиренія, но дѣлаетъ это лукавствомъ. По моему мнѣнію, никакъ не надобно допускать Досанга до крайняго разоренія; если его оставить и этимъ усилить Черенъ-Дундука, то послѣдній будетъ въ волѣ ханскаго внука, Дундука-Омбо, который императорскому величеству очень невѣренъ и весь крымской партіи; и если мы Досанга въ такомъ зломъ случаѣ оставимъ, то уже никто изъ владѣльцевъ не будетъ имѣть надежды на охраненіе отъ его величества“.

Въ томъ же смыслѣ писалъ императрицѣ Екатеринѣ и астраханскій губернаторъ, извѣстный Волынскій: „Между Досангомъ и Дундукъ-Дашею въ медіацію вступилъ ханъ Аюка и, по многимъ пересылкамъ и съѣздамъ, такъ ихъ помирилъ, что одинъ другого ищутъ смерти, и уже оторвалъ отъ Досанга шестерыхъ законныхъ его братьевъ; тутъ же и Бату, котораго силой къ тому принудили, и всѣ идутъ войной противъ Досанга, а онъ остался только съ тремя братьями; противъ его-жъ, Досанга, идутъ и дѣти ханскія, оба съ ханскими войсками, съ ними-жъ и внукъ ханскій Дундукъ-Омбо съ своими войсками. Итакъ ханъ, сплетчи сіе, прислалъ ко мнѣ съ объявленіемъ о сей ссорѣ, и что онъ, сколько могъ, трудился и мирилъ, но не могъ смирить ихъ; что онъ за несчастіе себѣ причитаетъ, что его никто будто не слушаетъ, а онъ опасенъ въ томъ гнѣву его императорскаго величества, и для того проситъ меня, чтобъ я вступилъ между внучатъ его въ медіацію и до войны-бъ не допустилъ ихъ; буде же кто меня не послушаетъ и будетъ начинать войну, чтобъ я съ тѣмъ поступалъ какъ съ непріятелемъ; но сіе, видится мнѣ, только одна политика и, можетъ быть, что хочетъ вѣдать, какъ съ моей стороны къ Досангу поступлено будетъ; а съ другой стороны говорилъ про меня ханъ, будто за секретъ, съ Васильемъ Беклемишевымъ, что я держу партію Досангову и взялъ съ него себѣ сто лошадей, что ежели правда, изволилъ бы его императорское величество приказать меня самого на сто частей разсѣчь; а не только брать, истинно о томъ и не слыхалъ, только въ прошломъ году Досангъ прислалъ ко мнѣ двѣ лошади, и то истинно такія, что обѣ не стоятъ больше 10 рублевъ, изъ которыхъ одна

и теперь жива, на которой воду возятъ. Я чаю, что рѣдкій такъ несчастливъ, какъ я, и отъ своихъ, и отъ чужихъ за то, что не дѣлаю по ихъ волямъ; а ханъ Аюка можетъ быть за то сердится, что я не плутую съ нимъ вмѣстѣ, и хотя нынѣ есть на меня гнѣвъ его императорскаго величества, однако-жъ уповаю на Бога, что современемъ изволитъ его величество самъ милостивѣйше усмотрѣть мою невинность; и хотя оный плевелъ и сѣетъ на меня ханъ, однако-жъ я, несмотря на сіе, вѣдая мою чистую совѣсть, буду всѣми мѣрами трудиться, чтобъ Досанга до разоренія не допустить, а для того нынѣ послалъ къ нему, по прошенію его, пять пудъ пороху и пять пудъ свинцу (и то сдѣлалъ тайно отъ хана, о чемъ, чаю, и не провѣдаетъ), понеже я смотрю на то, чтобъ между ханомъ и Досангомъ балансъ былъ; а ежели тотъ или другой изъ нихъ придетъ въ силу, тогда трудно иного будетъ по смерти Аюкиной учинить ханомъ. Итакъ я принужденъ нынѣ ѣхать за Красный Яръ въ степь, гдѣ соединились Досанговы улусы; а для устрашенія имъ взялъ 200 человѣкъ солдатъ, да 50 человѣкъ драгунъ и 100 человѣкъ казаковъ Донскихъ".

Въ 50 верстахъ отъ Астрахани, на рѣкѣ Берекетѣ, Калмыки Аюкины напали на Досанга; огненный и лучной бой продолжался съ утра до третьяго часа по полудни, когда на мѣсто битвы пріѣхалъ Волынскій и развелъ сражающихся. „Въ этой игрушкѣ", писалъ Волынскій Головкину, „думаю, что съ обѣихъ сторонъ пропало около ста человѣкъ, а раненыхъ и больше, въ плѣнъ взяли Досанговы Калмыки 14 человѣкъ, но у Досанга будетъ недочету около 6,000 кибитокъ, съ лошадьми и скотомъ; я еще захватилъ кибитокъ съ 2,000 съ женами и переправилъ черезъ двѣ рѣки къ Красному Яру, а то бы и тѣ совсѣмъ пропали; однимъ словомъ сказать: если-бъ не ускорили наши нѣсколькими часами, то здѣшнихъ (Калмыковъ) и духу не было бы. Я думалъ, что эта ссора будетъ вредить нашему интересу, однако надѣюсь, что по этому случаю многіе сдѣлаются христіанами; у меня объ этомъ уже говорено, и надѣюсь убѣдить кого-нибудь изъ Чандержановыхъ дѣтей, а дѣла ихъ можно поправить современемъ безъ всякаго труда". Въ февралѣ 1724 года умеръ Аюка, и въ маѣ Петръ послалъ приказаніе Волынскому ѣхать въ калмыцкіе улусы и на мѣсто Аюки опредѣлить въ ханы изъ калмыцкихъ владѣльцевъ Доржу Назарова, у котораго въ 1722 году взятъ реверсъ, что когда онъ будетъ опредѣленъ въ ханы, то дастъ въ аманаты сына своего; чтобъ этотъ реверсъ теперь Доржа подтвердилъ и сына своего въ аманаты отдалъ; если же калмыцкіе владѣльцы не захотятъ выбрать его, Доржу, въ ханы, то склонять ихъ къ тому лаской и подарками; если же и это не поможетъ, то дѣйствовать противъ нихъ войскомъ, какъ противъ непріятелей. Волынскій отправился въ Саратовъ, откуда въ концѣ іюля писалъ Остерману: „Дѣло мое зѣло непорядочно идетъ, и по сіе время не малаго основанія не могу сдѣлать, понеже Калмыки всѣ въ разнотѣ и великая нынѣ между ними конфузія, такъ что сами не знаютъ, что дѣлаютъ, и что день, то новое, но не на чемъ утвердиться невозможно и вѣрить никому нельзя, кромѣ главнаго ихъ Шахуръ-Ламы да Ямана, которые, видится, въ своемъ обѣщаніи въ вѣрности постоянны, только передъ другими малолюдны; и за тѣмъ и на лучшаго Доржу Назарова, какъ вижу по всѣмъ его поступкамъ, худая надежда: и по сіе время не могъ его видѣть, всегда отговаривается Каракалпаками, что ему будто оставить улусовъ нельзя; а мнѣ къ нему ѣхать невозможно затѣмъ, что прочіе всѣ и паче подозрительны будутъ. Сего моменту Шахуръ-Лама и Яманъ прислали ко мнѣ съ тѣмъ, что ханская жена сына своего Черенъ-Дундука склонила въ партію къ Дунду-Омбѣ, и Дунду-Омбо намѣренъ разорять улусы ихъ и, соединяся съ ханскою женой, итить сильно чрезъ линею, хотя въ томъ войска наши и препятствовать будутъ; и уже Шухуръ-Лама и Яманъ идутъ съ улусами своими для охраненія сюда къ Саратову. И хотя, можетъ быть, что чрезъ линею бригадиръ Шамардинъ и не перепуститъ, но когда легкіе будутъ маячить противъ линеи, а прочіе станутъ перебираться Волгу, то какъ возможно и кѣмъ удержать ихъ? Посланы отъ меня къ Дунду-Омбѣ и къ Дундукъ-Дашѣ астраханскій дворянинъ, а къ ханской женѣ и Черенъ-Дундуку—саратовскій, черезъ которыхъ, какъ могъ, обнадеживалъ, а что сдѣлается—не знаю. Дай Боже, чтобъ сіе ихъ намѣреніе отмѣнилось, какъ уже много того было; но ежели не склонятся нынѣ, а будетъ время приближаться къ зимѣ, то что имъ будетъ иное дѣлать, кромѣ того, что куда-нибудь будутъ способны искать, а Волга имъ всего легче! Того ради, государь мой, прошу васъ показать ко мнѣ милость, чтобъ повелѣно было нѣсколькимъ полкамъ драгунскимъ изъ команды князя Михайла Михайловича (Голицына) стать по Дону, а бригадиръ Шамардинъ, чтобъ содержалъ линею, также и по Волгѣ занялъ пасы; и хотя, государь мой, и уничтожено извѣстное мое донесеніе о пѣхотныхъ баталіонахъ, а подъ нынѣшній случай, еслибъ было здѣсь близко, то-бъ великая была изъ того польза, понеже такую дикую бестію, кромѣ страха и силы, ничѣмъ успокоить не возможно. Сколько дѣлъ, государь мой, я ни имѣлъ, но такого бѣшенаго еще не видалъ, отчего въ великой печали; покорно прошу васъ, государя моего, милостиво меня не оставить въ такой моей напасти; по твоему обѣщанію, какъ я по древней вашей, государя моего, дружбѣ вашею ко мнѣ милостію обнадеженъ".

Въ урочищѣ Узени Доржа Назаровъ разбилъ наголову напавшихъ на него Каракалпаковъ, Киргизовъ и Башкирцевъ, и, въ знакъ своей побѣды, прислалъ Волынскому въ подарокъ 415 ушей человѣческихъ. Между тѣмъ у „дикой бестіи" продолжалась прежняя конфузія: Черенъ-Дундукъ надѣялся быть ханомъ, но имѣлъ противъ себя родную мать

Дарма-Балу, которая сильно интриговала, манила и Доржу Назарова, и Досанга, а больше всего внука мужа своего Аюки, Дундука-Омбо. Послѣднiй мутилъ всѣми улусами и заставилъ всѣхъ присягнуть въ послушанiи ханской женѣ. Черенъ-Дундукъ долго противился присягѣ, представляя, что она ему мать, которую онъ и безъ присяги долженъ почитать и слушать, наконецъ присягнулъ на такомъ условiи, что будетъ исполнять приказанiя своей матери, если они не будутъ противны волѣ императора. Волынскому давали знать изъ улусовъ, что Дундукъ-Омбо съ другими владѣльцами-родичами уговаривались бѣжать и отдаться подъ покровительство Крымскаго хана, но узнавъ, что на Дону переправы заняты русскими войсками, приняли намѣренiе прорваться чрезъ линiю, надѣясь, что русскiя войска не въ состоянiи растянуться по ней; для этого приготовили для каждаго человѣка по лопаткѣ, и хотятъ, пришедши къ линiи, биться съ русскими войсками, а между тѣмъ жены и ихъ дѣти будутъ бросать кибиточные войлоки въ ровъ и засыпать землею съ валу. Если и это не удастся, то намѣрены пересылками съ Волынскимъ тянуть время, пока Донъ замерзнетъ,—и тогда они убѣгутъ въ Крымъ. Дарма-Бала, Черенъ-Дундукъ и Дундукъ-Омбо съ другими владѣльцами присягнули другъ другу жить и умереть вмѣстѣ, и отправили на Кубань къ Бахты-Гирею султану пословъ съ просьбою, чтобъ приходилъ съ кубанскими войсками на линiю къ нимъ на помощь. Дундукъ-Омбо прислалъ сказать начальствующему на линiи, бригадиру Шамардину: „Если теперь намъ за линiю или за Волгу идти не позволишь, то развѣ намъ, Калмыкамъ, и скотинѣ нашей померетъ, потому что заперты въ такой тѣснотѣ, что ни хлѣба и ничего другого нѣтъ“. Волынскiй писалъ Остерману: „Покорно васъ прошу по милости своей меня охранить, что я не часто пишу, понеже опасенъ, не развѣдавъ подлинно, доносить, а вскорѣ развѣдать и узнать ложь съ правдою зѣло трудно, понеже сiя бестiя бродятъ въ розницѣ всѣ. Итакъ не хочется въ дуракахъ остаться; да этобъ еще и ничто, только боюсь, чтобъ не прiяли въ иной образъ и не подумали, что я стращаю; а нынѣ я всякаго дурака счастливѣе почитаю, понеже они легче могутъ отвѣтъ дать. Также покорно прошу и въ томъ меня охранить, что я намѣренъ объявить намѣстничество ханскому сыну Черенъ-Дундуку, если того крайняя нужда требовать будетъ, а чаю безъ того и обойтиться нельзя, понеже и безъ того надъ здѣшними власть ханская худая будетъ; а еще либо и то случится, что однимъ другого при случаѣ и потравить можно“.

1-го сентября 1724 года Волынскiй съѣхался съ Доржею Назаровымъ на луговой сторонѣ и спросилъ его, хочетъ ли онъ быть ханомъ, какъ ему обѣщано въ 1722 году. Доржа отвѣчалъ: „Кто-бъ не желалъ себѣ такого великаго счастья, и я волѣ его величества не противенъ; но какъ это сдѣлается— не знаю и не надѣюсь, потому что по смерти хана Аюки по линiи должно быть ханомъ сыну его Черенъ-Дундуку, или ближнимъ ихъ фамилiй, Дундуку-Омбо или Досангу, а я хотя и той же фамилiи, но дальше ихъ; итакъ, если я буду ханомъ, то они мнѣ послушны не будутъ; а когда не будутъ слушать, то какой я ханъ буду?—если кто изъ нихъ сдѣлаетъ какую непрiятность, то императорское величество изволитъ на мнѣ взыскать, а мнѣ ихъ удержать нельзя, потому что передъ ними всѣми я безсиленъ“. *Волынскiй:* „Будь только вѣренъ; а въ томъ не сомнѣвайся, что на тебѣ будутъ взыскивать всякiя непрiятности, сдѣланныя противъ твоей воли; слушаться тебя будутъ, потому что когда объявленъ будешь ханомъ, то всѣ владѣльцы должны будутъ тебѣ присягать; а кто станетъ противиться, того можно и войсками принудить; императорскимъ указомъ тебя велѣно оборонять“. *Доржа:* „Все это хорошо, и я очень благодаренъ за такую высокую милость; но знай, что владѣльцы нагорной стороны всѣ этому противны; для виду они признаютъ меня ханомъ, но только всѣ разбѣгутся, кто куда знаетъ, да еще мои улусы разорятъ и самого меня убьютъ: извѣстно, какой своевольный и безстрашный народъ Калмыки“. *Волынскiй:* „Уйти имъ нельзя, войска наши заступили всѣ дороги; до разоренiя твоихъ улусовъ мы ихъ не допустимъ“. *Доржа:* „Пока ты будешь, можетъ быть, они меня и не обидятъ; но тебѣ не всегда со мною быть“. *Волынскiй:* „Нарочно для тебя буду зимовать въ Царицынѣ и буду держать при тебѣ Донскихъ казаковъ, тысячи двѣ, пока все успокоится; лучше тебѣ прикочевать поближе къ Царицыну, чтобъ удобнѣе тебя защищать; но скажи, въ комъ ты больше всего сомнѣваешься?“ *Доржа:* „Поближе къ Царицыну можно прикочевать, но и пятью тысячами казаковъ всѣхъ улусовъ не закрыть, войска ваши пропадутъ и я пропаду, а сомнѣваюсь я во всѣхъ равно“. *Волынскiй:* „Ты опасаешься Черенъ-Дундука и его матери Дарма-Балы; нельзя ли такъ сдѣлать: Черенъ-Дундука объявить намѣстникомъ ханскимъ, чтобъ всѣ владѣльцы нагорной стороны были ему послушны, а онъ тебѣ, а на матери его ты женись“.—Доржа согласился, хотя сначала отговаривался отъ женитьбы, представляя старость ханши, которую онъ почитаетъ какъ мать [1]). Волынскiй думалъ, что дѣло улажено, потребовалъ, чтобъ Доржа, по прежнему обѣщанiю, отдалъ сына своего въ аманаты. Калмыкъ отвѣчалъ: „Лучше тогда мнѣ сына своего отдать, когда ханомъ сдѣланъ буду; а теперь, прежде времени, ничего не видавъ, какъ можно мнѣ сына своего отдать; сына лишусь, а ханомъ быть не допустятъ другiе владѣльцы, и хотя буду названъ ханомъ, а никто слушаться не будетъ, то что въ моемъ ханствѣ?“ *Волынскiй:* „Пока не возьму отъ тебя сына, ханомъ тебя объявлять не буду; не теряй напрасно времени, говори прямо: дашь или не дашь?“ *Доржа:* „Одинъ не могу отдать; буду совѣтоваться съ же-

---

[1]) «Который уже не зѣло и тайно живетъ съ нею», писалъ Волынскiй.

ною и съ большимъ сыномъ". Съ этимъ и разстались; и черезъ нѣсколько дней Доржа далъ знать, что сына не отдастъ и ханомъ быть не хочетъ, послѣ чего откочевалъ въ степь къ Яику.

Пріѣхалъ Шахуръ-Лама, и Волынскій сталъ съ нимъ совѣтоваться насчетъ Черенъ-Дундука. Лама говорилъ: „По нынѣшнимъ поступкамъ Черенъ-Дундука можно надѣяться, что и впредь императорскому величеству будетъ вѣренъ и никуда не уйдетъ; простые Калмыки съ Волгою, Яикомъ и Дономъ ни за что разстаться не хотятъ и всякаго владѣльца, который бы захотѣлъ уйдти, конечно одного оставятъ; а если Черенъ-Дундукъ задумаетъ что нибудь недоброе, то я донесу,—тогда его и перемѣнить можно будетъ". Послѣ этого разговора Волынскій поѣхалъ къ ханшѣ и объявилъ, что императоръ повелѣлъ, до указа, объявить сына ея Черенъ-Дундука ханскимъ намѣстникомъ; онъ долженъ принести присягу и дать реверсъ за своею подписью. Ханша разсмѣялась и, обратясь къ своимъ, сказала: „Ничего не видя, уже велятъ подписываться!"—„А гдѣ императорская грамота?" спросила она, обратясь къ Волынскому. Тотъ отвѣчалъ: „Грамота отдана будетъ послѣ; я пріѣхалъ теперь только изъявить вамъ свое почтеніе".—„Пришли ко мнѣ грамоту императорскую", сказала ханша: „что намъ можно сдѣлать, – въ томъ мы послушаемся, а чего нельзя, и почему нельзя,—о томъ будемъ писать императору и, получа указъ, будемъ по нему поступать, а безъ того дѣтей своихъ приводить къ присягѣ не стану. Кто изъ насъ, ты или я честнѣе, и къ кому государь и государыня милостивѣе?"—„Я присланъ его величествомъ не честью считаться, а о вашихъ дѣлахъ говорить", отвѣчалъ Волынскій, и, возвратясь домой, сочинилъ требуемую грамоту и отослалъ къ ханшѣ.

„Я нынѣ принужденъ", писалъ Волынскій Остерману, „объявлять намѣстничество впредь до указу Аюкину сыну, Черенъ-Дундуку, понеже необходимая нужда того требуетъ, для-того-что Дундукъ-Омбо всячески трудится, чтобъ никому ханомъ не быть, и ханскую жену такъ наострилъ, что она не только иного, ни сына своего допустить не хочетъ, причитая себѣ и то за обиду, и если намѣстничествомъ Черенъ-Дундука отъ него Дундукъ-Омбы не оторвать, то отъ нихъ впредь, кромѣ противности, никакой пользы надѣяться невозможно. Хотя знатные Калмыки доброжелательные равно почитаютъ его и Досанга, что и самая правда, понеже они оба и глупы, и пьяны, а Черенъ-Дундукъ видится еще поглупѣе,—онъ же и съ эпилепсіею, однако улусами своими мало не вдвое сильнѣе Досанга, а къ тому-жь много при немъ и людей умныхъ и добрыхъ, въ томъ числѣ и Шахуръ-Лама, который къ его императорскому величеству является зѣло усерденъ и многія въ томъ прямыя пробы показалъ, а въ Калмыцкомъ народѣ онъ сильнѣе всякаго хана, и всѣ его такъ содержатъ, какъ бы уже святаго; и другіе есть такіе, кому можно повѣрить и съ ними все дѣлать, понеже у нихъ знатные Зайсанги въ народѣ больше имѣютъ силу, нежели ихъ владѣльцы, а владѣльцы безъ общаго согласія ни одинъ, кромѣ Дундукъ-Омбы, собою ничего дѣлать не можетъ, что никогда и Аюка не дѣлывалъ, а что хотѣлъ, то все дѣлывалъ чрезъ своихъ креатуръ, которые какъ надуютъ народу въ пустыя головы, такъ и сдѣлается; а въ Досанговыхъ улусахъ дѣльный одинъ Билютка, и тотъ только на свой интересъ, а впрочемъ трудно повѣрить, и если его императорское величество изволитъ пожаловать Досанга главнымъ, то конечно надѣлаетъ Билютка между ними столько пакостей, что потомъ трудно и разобрать будетъ".

16 сентября пріѣхалъ къ Волынскому Черенъ-Дундукъ съ родственниками и знатными Калмыками. Губернаторъ объявилъ ему, что если онъ желаетъ быть намѣстникомъ ханскимъ, то долженъ присягнуть: во 1) служить императорскому величеству вѣрно и все чинить по его указамъ; 2) противности никакой не чинить и прочихъ владѣльцевъ къ тому не допускать, а за кѣмъ какое зло увѣдаетъ,—о томъ заблаговременно доносить; 3) съ непріятелями императорскаго величества никакого дружелюбія не имѣть, и съ чужестранными безъ указа пересылокъ не имѣть; 4) судъ и справедливость чинить надлежащую, никого до разоренія не допускать, кражи и воровства всѣми мѣрами искоренять и въ томъ никого не жалѣть; 5) Татаръ никакихъ въ своихъ улусахъ не держать и прочихъ владѣльцевъ до того не допускать. Черенъ-Дундукъ началъ говорить: „Если императорское величество будетъ жаловать такъ, какъ и отца моего хана Аюку, то я безъ присяги буду служить вѣрно".—„Такъ съ государемъ договариваться нельзя", отвѣчалъ Волынскій; „надобно тебѣ служить вѣрно; когда его величество изволитъ увидѣть твою вѣрность и службы,—тогда въ высокой его милости оставленъ не будешь". Калмыки всего сильнѣе стояли противъ пункта, запрещавшаго имъ ссориться съ чужими народами безъ позволенія Русскаго правительства; наконецъ согласились, и, 19-го числа, Черенъ-Дундукъ присягнулъ, а на другой день послѣдовало торжественное объявленіе его ханскимъ намѣстникомъ. Тутъ же Досангъ помирился съ родственниками и, на радостяхъ, пилъ вмѣстѣ съ Черенъ-Дундукомъ цѣлыя сутки.

Черенъ-Дундукъ былъ доволенъ, но не была довольна его мать. Дарма-Бала пріѣхала къ сыну и стала ему выговаривать, для чего онъ бѣжалъ отъ ея стороны, держитъ сторону Досанга и слушается Волынскаго; расплакалась, драла себѣ лицо и волосы, и, выдравъ нѣсколько волосъ, бросила ихъ на Черенъ-Дундука, приговаривая, что эти выдранные волосы по смерти взыщутся на немъ. Волынскому дали знать, что Дарма-Бала, Дундукъ-Омбо, Доржа Назаровъ и другіе калмыцкіе владѣльцы намѣрены весною будущаго 1725 года откочевать къ независимымъ отъ Россіи Калмыкамъ; Дарма-Бала уговариваетъ къ тому же и Черенъ-Дундука, но онъ не соглашается. Шахуръ-Лама жаловался

Волынскому, что онъ былъ миротворцемъ между Досангомъ и его родственниками, но, вмѣсто благодарности, обѣ стороны на него сердятся. „Теперь", говорилъ Лама, „всѣ вла дѣльцы у насъ люди молодые, не знаютъ надъ собою страха и уклонились въ непостоянство; станешь ихъ успокоивать, а они за это сердятся; если ты ихъ не уймешь, то будешь виноватъ въ послабленіи". Волынскій отвѣчалъ: „Ты у нихъ главная духовная персона; если ты ихъ не успокоишь, то мнѣ какъ это сдѣлать; тутъ нечего дѣлать, когда ваши владѣльцы любятъ воровство и ложь; кто воръ и разбойникъ, того называютъ добрымъ человѣкомъ и воиномъ, а лжеца—умнымъ; при этомъ какъ вашему народу быть спокойну?"—„Сущая правда", сказалъ Шахуръ-Лама: „теперь въ нашемъ народѣ завелся кабардинскій обычай, и современемъ Калмыки будутъ такіе же кровомстители, какъ и настоящіе Кабардинцы, и для этого Калмыкамъ надобно заблаговременно просить императора, чтобъ велѣлъ ихъ привесть въ доброй порядокъ и возмутителей смирить; но объ этомъ мнѣ, какъ монаху, просить неприлично". Нуждаясь въ помощи Шахуръ-Ламы, Волынскій боялся сильно дѣйствовать для распространенія христіанства между Калмыками, какъ отъ него требовалъ Сенатъ. Сенатъ приказывалъ объявить Досангу, что ему не отдадутъ взятыхъ у него родственниками улусовъ до тѣхъ поръ, пока онъ не приметъ христіанства. Волынскій отвѣчалъ: „Хотя буду трудиться и склонять его, но если онъ не захочетъ, то никакими мѣрами нельзя его улусовъ держать". Объ этомъ доложили въ Сенатѣ самому государю, и Петръ подписалъ: „Отдать каждому свое". Сенатъ прибавилъ, что если Досангъ захочетъ креститься, то его крестить; а если не захочетъ, то не принуждать, и улусы отдать безъ задержанія, къ крещенію же склонять его ласкою, а не принужденіемъ [6]).

Такія хлопоты доставляла Средняя, степная Азія новой имперіи въ лицѣ своихъ представителей, Калмыковъ, которымъ нравились привольныя кочевья между Волгой, Яикомъ и Дономъ, но не нравилось то, что за эти приволья они должны были платить свободою: европейское государство наложило на нихъ свою руку, и, чтобъ высвободиться изъ-подъ этой руки, калмыцкіе владѣльцы рвались къ своимъ, или на востокъ, къ независимымъ отъ Россіи Калмыкамъ, или на западъ—къ Крыму. Важное значеніе для нихъ въ этомъ отношеніи имѣла Кубанская орда, и Русское правительство должно было зорко смотрѣть на нее: отсюда ждали помощи недовольные Калмыки; сюда бѣжали съ Дону казаки, которымъ не удалось отстоять свою волю отъ Москвы. Во время Турецкой войны 1711 года, нужно было сдержать Кубанцевъ, и въ ихъ Землю предпринималъ удачный походъ казанскій и астраханскій губернаторъ, Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ; онъ опустошилъ страну и разбилъ Татаръ, возвращавшихся съ большимъ полономъ изъ Саратовскаго и Пензенскаго уѣздовъ: 2,000 Русскихъ людей получили свободу [1]). Миръ съ Турціею, строго соблюдаемый съ русской стороны, не сдерживалъ Кубанцевъ, номинальныхъ подданныхъ султана. Въ 1717 году кубанскій владѣлецъ, Бахты-Гирей, напалъ на Пензенскій уѣздъ и побралъ въ плѣнъ нѣсколько тысячъ народа [2]). Отношенія къ Кубани, важныя для безопасности Юго-Восточной украйны, заставляли обращать вниманіе на Кабарду, народонаселеніе которой находилось въ постоянной враждѣ съ Кубанцами. Мы видѣли [3]), что еще съ XVI вѣка, когда русскія границы достигли устьевъ Волги чрезъ покореніе Астрахани, Россія, волею-неволею, должна была вмѣшиваться въ дѣла кавказскихъ народовъ. Интересы трехъ большихъ государствъ, Россіи, Турціи и Персіи, сталкивались на перешейкѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, среди варварскаго, раздробленнаго, порозненнаго въ вѣрѣ народонаселенія, части котораго находились въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ. Россія, призываемая на помощь христіанскимъ народонаселеніемъ, не могла позволить усилиться здѣсь магометанскому вліянію, особенно турецкому; а теперь, въ эпоху преобразованія, имѣвшую цѣлію развитіе промышленныхъ силъ народа, къ интересамъ религіознымъ и политическимъ присоединился интересъ торговый,—стремленіе обезпечить русскую торговлю въ странѣ, издавна обогащавшей купцовъ московскихъ.

Турецкая война 1711 года и послѣ постоянный страхъ передъ ея возобновленіемъ должны были обращать вниманіе Петра на Кавказскій перешеекъ. Кубанской ордѣ хотѣли противопоставить Кабарду и, съ этою цѣлію, въ 1711 году отправился туда князь Александръ Бековичъ Черкасскій, который увѣдомилъ Петра, что черкесскіе владѣльцы, прочтя царскую грамоту, изъявили готовность служить

[6]) Дѣла Калмыцкія означенныхъ годовъ. — Секретн. протоколъ Сената 1724 года въ Архивѣ Мин. Юстиціи.

[1]) «Послужной списокъ Кубанскаго походу», рукопись Императ. Публич. Библіот. Извлеченіе напечатано въ Военномъ Сборникѣ, мартъ 1867 года. Здѣсь говорится, что Апраксинъ, прибывъ въ Царицынъ, печалился, кого оставить послѣ себя въ Казани, и потомъ вздумалъ о сынѣ своемъ и послалъ въ Казанскую губернію указъ въ такой силѣ, что оставляетъ сына своего, четырехмѣсячнаго Алексѣя Апраксина, намѣстникомъ, а по малолѣтству его опредѣлилъ къ нему старыхъ своихъ слугъ, которымъ приказалъ его именемъ всякія дѣла справлять. Указъ свой онъ приказалъ прочесть при собраніи казанскихъ жителей, на публичномъ мѣстѣ, въ присутствіи сына, котораго велѣлъ при этомъ держать подъ одѣяломъ.— Въ концѣ рукописи находится приписка: «А какъ онъ самъ въ Казань возвратился, тогда того сына своего приказалъ мамѣ вынести подъ одѣяломъ въ палату, гдѣ множество людей было, и благодарилъ его за мудрые его поступки; а онъ сталъ плакать, и ближвій бояринъ ко всѣмъ людямъ молвилъ тако: «Вотъ-ста, смотрите, какое у меня умное дитя: обрадовался мнѣ да и плакать сталъ», и люди къ нему отвѣтствовали: «Весь, государь, въ тебя». На то онъ людямъ сказалъ: «Да не въ когоже де-ста быть, что не въ насъ, Апраксиныхъ.

[2]) Дѣла Калмыцкія.

[3]) Исторія Россіи, т. VI.

великому государю всею Кардой. „По этому увѣренію", писалъ Черкасскій, „я ихъ къ присягѣ привелъ по ихъ вѣрѣ". Турки дѣйствовали съ своей стороны. Въ 1714 году тотъ же Черкасскій далъ знать, что посланцы Крымскаго хана склоняютъ въ турецкое подданство вольныхъ князей, владѣющихъ близъ горъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, обѣщая имъ ежегодное жалованье. Въ Большой Кабардѣ ханскіе посланцы не имѣли успѣха; но князья кумыцкіе прельстились ихъ обѣщаніемъ, вслѣдствіе чего встало волненіе въ странѣ. Черкасскій писалъ, что Турки намѣрены соединить подъ своею властію всѣ кавказскіе народы вплоть до Персидской границы: „И ежели оное турецкое намѣреніе исполнится, то, когда война случится, могутъ немалую силу показать, понеже оный народъ лучшій въ войнѣ, кромѣ регулярнаго войска. Ежели ваше величество соизволите, чтобъ оный народъ не допустить подъ руку турецкую, но паче привесть подъ область свою, то надлежитъ, не пропуская времени, о томъ стараться; а когда уже Турки ихъ подъ себя утвердятъ,—тогда уже будетъ поздно и весьма невозможно того чинить. А опасности никакой въ превращеніи ихъ не будетъ, понеже народъ тамъ вольный есть и никому иному не присутствуетъ, но паче вамъ есть причиненный: непередь сего изъ тѣхъ кумыцкихъ владѣльцевъ шевкаловъ въ подданство для вѣрности вашему величеству и дѣтей своихъ въ аманаты давывали; токмо незнаніемъ или неискусствомъ воеводъ вашихъ сей интересъ государственный по сіе время оставленъ. И ежели ваше величество соизволите приклонить тѣхъ народовъ пригорныхъ подъ свою область, немалый страхъ будетъ въ Персидѣ во всей, и могутъ во всемъ вашей волѣ послѣдовать" [1]).

Черкасскій отправился въ Хиву, и мы видѣли печальный конецъ его тамъ. Въ сношеніяхъ съ народами Кавказскаго перешейка явился другой, болѣе искусный и счастливый дѣятель:—Артемій Петровичъ Волынскій.

Въ 1715 году Волынскій отправленъ былъ посланникомъ въ Персію, чтобъ быть при шахѣ впредь до указу на резиденціи. Онъ получилъ инструкцію: „Ѣдучи по владѣніямъ шаха Персидскаго, какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ, всѣ мѣста, пристани, города и прочія поселенія и положенія мѣстъ, и какія гдѣ въ море Каспійское рѣки большія впадаютъ, *и до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ мочно ѣхать отъ моря, и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая бы впала въ сіе море* [2]), и есть ли на томъ морѣ и въ пристаняхъ у шаха суды военныя или купеческія, такожъ какія крѣпости и фортеціи,—присматривать прилежно и искусно и провѣдывать о томъ, а *особливо про Гилянь, и какія горы и непроходимыя мѣста кромѣ одного нужнаго пути* (*какъ сказываютъ*) *отдѣлили Гилянь и прочія провинціи по Каспійскому морю лежащія отъ Персиды*, однакожь такъ, чтобы того не признали Персіяне, и дѣлать о томъ секретно журналъ повседневный, описывая все подлинно. Будучи ему въ Персіи, присматривать и развѣдывать, сколько у шаха крѣпостей и войска, и въ какомъ порядкѣ, и не вводятъ ли европейскихъ обычаевъ въ войнѣ. Какое шахъ имѣетъ обхожденіе съ Турками, и нѣтъ ли у Персовъ намѣренія начать войну съ Турками, и не желаютъ ли противъ нихъ съ кѣмъ въ союзъ вступить. Внушать, что Турки главные непріятели Персидскому государству и народу, и самые опасные сосѣди всѣмъ, и царское величество желаетъ содержать съ шахомъ добрую сосѣдскую пріязнь. Смотрѣть, какимъ способомъ въ тѣхъ краяхъ купечество россійскихъ подданныхъ размножить, и нельзя ли чрезъ Персію учинить купечество въ Индію. Склонять шаха, чтобъ повелѣно было Армянамъ весь свой торгъ шелкомъ сырцомъ обратить проѣздомъ въ Россійское государство, представляя удобство водянаго пути до самаго С.-Петербурга, вмѣсто того, что они принуждены возить свои товары въ турецкія области на верблюдахъ, и *буде невозможно то сло ами и домогательствомъ сдѣлать, то нельзя ли дачею шаховымъ ближнимъ людямъ; буде и симъ нельзя будетъ учинить, не мочно-ль препятствія какова учинить, Смирнскому Алепскому торгамъ гдѣ и какъ?* Развѣдывать объ Армянскомъ народѣ, много ли его и въ которыхъ мѣстахъ живетъ, и есть ли изъ нихъ какіе знатные люди изъ шляхетства или изъ купцовъ, и каковы они къ сторонѣ царскаго величества; обходиться съ ними ласково и склонять къ пріязни; также освѣдомиться, нѣтъ ли какихъ иныхъ въ тѣхъ странахъ христіанскихъ или иновѣрныхъ съ Персами народовъ, и ежели есть, каковы оные состояніемъ".

Въ мартѣ 1717 года Волынскій пріѣхалъ въ Испагань, претерпѣвши на дорогѣ большія трудности и непріятности. „Ужъ меня рѣдкая бѣда миновала", писалъ онъ канцлеру. Въ Испагани сначала онъ былъ принятъ недурно, но чрезъ нѣсколько дней, не объявляя ничего, заперли его въ домѣ, приставили такой крѣпкій караулъ, что пресѣкли всякое сообщеніе, и это продолжалось полтора мѣсяца, а когда узнали о прошлогоднемъ приходѣ князя Черкасскаго на восточный берегъ Каспійскаго моря и о строеніи крѣпостей, то заперли еще крѣпче; пошли слухи, что нѣсколько тысячъ русскаго войска впало въ Гилянь, и что множество Калмыковъ находится около Терека. Три раза Волынскій былъ у шаха Гуссейна, имѣлъ нѣсколько конференцій съ визиремъ: съ персидской стороны соглашались на всѣ предложенія посланника, и вдругъ позвали его на послѣднюю аудіенцію, и объявили отпускъ. Всѣ представленія Волынскаго остались тщетными; онъ возражалъ, что не можетъ ѣхать, не окончивъ дѣлъ; ему отвѣчали, что дѣла будутъ кончены по его желанію, только

[1]) Персидская война 1722—1725 года, Русскій Вѣстникъ, апрѣль 1867 года.

[2]) Напечатанное *курсивомъ*—написано собственною рукою Петра Великаго.

бы теперь взялъ шахову грамоту къ царю. „Этому трудно вѣрить“, писалъ Волынскій, „ибо здѣсь такая нынѣ глава, что онъ ни надъ подданными, но у своихъ подданныхъ подданный, и чаю рѣдко такого дурачка можно сыскать между простыхъ, не токмо изъ коронованныхъ; того ради самъ ни въ какія дѣла вступать не изволитъ, но во всемъ положился на своего намѣстника, Ехтма-Девлета, который всякаго скота глупѣе; однако у него такой фаворитъ, что шахъ у него изо рта смотритъ, и что велитъ, то дѣлаетъ. Того ради здѣсь мало поминается имя шахово, только его, прочіе же всѣ, которые при шахѣ ни были поумнѣе,—тѣхъ всѣхъ изогналъ, и нынѣ, кромѣ его, почти никого нѣтъ, и такъ дѣлаетъ что хочетъ, и такой дуракъ, что ни дачею, ни дружбой, ни разсужденіемъ подойтить невозможно, какъ уже я пробовалъ всякими способами, однакожо не помогло ничто. Какъ я слышалъ, они такъ въ консиліи положили, что меня здѣсь долго не держать, того ради, чтобъ не узналъ я состояніе ихъ государства; но хотя-бъ еще и десять лѣтъ жить, больше уже не о чемъ провѣдывать и смотрѣть нечего и дѣлъ никакихъ не сдѣлать, ибо они не знаютъ, что такое дѣла и какъ ихъ дѣлать, притомъ лѣнивы, о дѣлѣ же ни одного часа не хотятъ говорить; и не только постороннія, но и свои дѣла идутъ у нихъ безпутно; какъ попалось на умъ,—такъ и дѣлаютъ безо всякаго разсужденія; отъ этого такъ свое государство разорили, что, думаю, и Александръ Великій въ бытность свою не могъ войною такъ разорить. Думаю, что сія корона къ послѣднему разоренію приходитъ, если не обновится другимъ шахомъ; не только отъ непріятелей, и отъ своихъ бунтовщиковъ оборониться не могутъ, и уже мало мѣстъ осталось, гдѣ бы не было бунта; одинъ отъ другого всѣ пропадаютъ, а тутъ и я съ ними, не знаю за что, пропадаю; не пьянствомъ, не излишествомъ, но самою нищетою нажилъ на себя по сіе время четырнадцать тысячъ долгу. Думаю, меня Богъ опредѣлилъ на погибель, потому что и сюда съ великимъ страхомъ ѣхалъ, а отсюда еще будетъ труднѣе по здѣшнему безстрашію. Поѣду чрезъ Гилянь, хотя тамъ теперь и моровое повѣтріе: поѣду, чтобъ тотъ край видѣть. Другого моимъ слабымъ разумомъ я не разсудилъ, кромѣ того, что Богъ ведетъ къ паденію сію корону, на что своимъ безумствомъ они насъ влекутъ сами. Не дивлюсь, видя ихъ глупость: думаю, что это Божія воля къ счастію царскому величеству; хотя настоящая война наша (Шведская) намъ и возбраняла-бъ, однако, какъ я здѣшнюю слабость вижу, намъ безо всякаго опасенія начать можно, ибо не только цѣлою арміею, но и малымъ корпусомъ великую часть къ Россіи присовокупить безъ труда можно, къ чему удобнѣе нынѣшняго времени не будетъ, ибо если впредь сіе государство обновится другимъ шахомъ, то, можетъ быть, и порядокъ другой будетъ“.

Волынскій выѣхалъ изъ Испагани 1 сентября 1717 года, заключивъ передъ отъѣздомъ договоръ, по которому русскіе купцы получили право свободной торговли по всей Персіи, право покупать шелкъ сырецъ повсюду, гдѣ захотятъ и сколько захотятъ. Посланникъ зимовалъ въ Шемахѣ, и здѣсь имѣлъ досугъ еще лучше изучить состояніе Персидскаго государства и характеръ его народонаселенія. Сознаніе своей слабости наводило сильный страхъ предъ могущественною Россіею: ждали неминуемой войны и вѣрили всякимъ слухамъ о сосредоточеніи русскихъ войскъ на границахъ. Въ началѣ 1718 года въ Шемахѣ съ ужасомъ разсказывали другъ другу, что въ Астрахань царь прислалъ 10 бояръ съ 80,000 регулярнаго войска; что при Терекѣ зимуетъ нѣсколько сотъ кораблей. Шемахинскій ханъ пользовался этими слухами, чтобы не выходить съ войскомъ на помощь шаху, и когда Волынскій замѣчалъ, что ханъ можетъ поплатиться за это, то ему отвѣчали: „Хану ничего не будетъ, у насъ никому наказанья нѣтъ, и потому всякій дѣлаетъ, что хочетъ: когда нѣтъ страха, чего бояться“! Въ Шемаху пріѣхалъ къ Волынскому Грузинецъ Форседанъ-Бекъ, съ которымъ посланникъ видался и въ Испагани. Этотъ Форседанъ-Бекъ служилъ у Грузинскаго князя Вахтанга Леоновича, который, по принятіи магометанства, сдѣланъ былъ главнымъ начальникомъ персидскихъ войскъ. Вахтангъ прислалъ Форседанъ-Бека съ просьбою къ Волынскому, чтобъ тотъ благодарилъ царя за милости, оказанныя въ Россіи его родственникамъ, и просилъ, чтобъ Православная Церковь не предала его, Вахтанга, проклятію за отступничество: онъ отвергся Христа не для славы міра сего, не для богатства тлѣннаго, но только для того, чтобъ освободить семейство свое изъ заключенія, и хотя онъ принялъ мерзкій законъ магометанскій, но въ сердцѣ останется всегда христіаниномъ, и надѣется опять обратиться въ христіанство съ помощію царскаго величества. „Пора“, говорилъ Форседанъ, „государственныя дѣла дѣлать, пиши черезъ меня къ Вахтангу, какъ ему поступать съ Персіянами; а если ты пробудешь здѣсь въ Шемахѣ до осени, то Вахтангъ къ этому времени совсѣмъ управится“. Форседанъ говорилъ такъ, какъ будто Волынскій присланъ воевать съ Персіянами. Посланникъ замѣтилъ ему: „Я присланъ не для войны, а для мира; я былъ бы совершенно сумасбродный человѣкъ, если бы сталъ воевать, имѣя при себѣ одинъ свой дворъ“. — „Въ Персіи не такъ думаютъ“, отвѣчалъ Форседанъ: „говорятъ, что ты и городъ здѣсь въ Шемахѣ себѣ строишь“. Въ это время въ Шемахѣ узнали, что, отправленный Волынскимъ въ Россію для доставленія государю слона, дворянинъ Лопухинъ едва спасся отъ напавшихъ на него Лезгинцевъ, и Форседанъ говорилъ по этому случаю Волынскому: „Конечно, царское величество не оставитъ отомстить горскимъ владѣтелямъ за такую пакость; надо покончить съ этими бездѣльниками, пора христіанамъ побѣждать басурманъ и искоре-

нить ихъ". Форседанъ говорилъ, что шахъ своимъ войскамъ денегъ не платитъ, отчего они служить не будетъ, а Узбекскому хану послалъ въ подарокъ 20,000 рублей на русскія деньги за то, что Узбеки или Хивинцы убили князя Александра Бековича Черкасскаго. Волынскій взялъ письма отъ Вахтанга для доставленія теткѣ его, царицѣ Имеретійской, жившей въ Россіи, но самъ остерегался войти въ письменныя сношенія съ главнокомандующимъ персидскою арміею [1]).

Какъ видно, были люди, выставлявшіе на видъ неуспѣшность дѣйствій Волынскаго въ Персіи: по возвращеніи въ Россію, въ началѣ 1719 года, Артемій Петровичъ счелъ нужнымъ написать извѣстное уже намъ письмо къ Макарову, съ просьбой донести государю и государынѣ о его разореніи, десперации, одинокости и пустотѣ, злой ненависти и брани къ нему отъ многихъ [2]). Брань многихъ не имѣла однако слѣдствій, и въ томъ же году Волынскій былъ сдѣланъ Астраханскимъ губернаторомъ. 22 марта 1720 года новому губернатору Петръ далъ наказъ въ слѣдующихъ пунктахъ: „1) Чтобъ принца Грузинскаго искать склонить такъ, чтобъ онъ въ потребное время былъ надеженъ намъ, и для сей посылки взять изъ Грузинцевъ дому Арчилова. 2) Архіерея, для всякихъ тамъ случаевъ, чтобъ посвятить Донскаго архимандрита. 3) Офицера выбрать, чтобъ или туды, или назадъ ѣдучи сухимъ путемъ отъ Шемахи, вѣрно осмотрѣлъ пути, удобенъ ли. Также, живучи въ Шемахѣ, будто для торговыхъ дѣлъ (какъ положено съ Персы), всего присматривать. 4) Чтобъ неудобный путь отъ Терека до Учи сыскать какъ миновать, и буде нельзя землею,—чтобъ моремъ, для чего тамъ надобно при морѣ сдѣлать крѣпость и по-малу строить магазейны, амбары и прочее, дабы въ удобномъ случаѣ за тѣмъ не было остановки. 5) Суды наскоро дѣлать прямыя морскія и прочее все, что надлежитъ къ тому по-малу подъ рукою готовить, дабы въ случаѣ ни за чѣмъ остановки не было; однакожъ все въ великомъ секретѣ держать".—Въ сентябрѣ того же года отправленъ былъ въ Персію капитанъ Алексѣй Баскаковъ съ наказомъ: „Ѣхать въ Астрахань и оттуда въ Персію подъ какимъ видомъ будетъ удобнѣе, и поступать такимъ образомъ: 1) ѣхать отъ Терека сухимъ путемъ до Шемахи для осматриванія пути, удобенъ ли для прохода войска, водами, кормами конскими и прочимъ. 2) Отъ Шемахи до Апшерона и оттуда до Гиляни смотрѣть того же, освѣдомиться также и о рѣкѣ Курѣ. 3) О состояніи тамошнемъ и о прочихъ обстоятельствахъ насматриваться и навѣдываться, и все это дѣлать въ высшемъ секретѣ" [3]).

Въ 1721 году Волынскій ѣздилъ въ Петербургъ; неизвѣстно, былъ ли онъ вызванъ, или самъ пріѣхалъ, узнавши о возможности начать войну Персидскую. Какъ видно, онъ возвратился изъ Петербурга въ ожиданіи скорой южной войны и пріѣзда царскаго въ Астрахань, потому что 23-го іюня писалъ царицѣ Екатеринѣ: „Вашему величеству всепокорно доношу. Въ Астрахань я прибылъ, которую я вижу пусту и совсѣмъ разорену, поистинѣ, такъ, что хотя бы и нарочно разорять, то-бъ больше сего невозможно. Первое, крѣпость здѣшня во многихъ мѣстахъ развалилась, и худа вся; въ полкахъ здѣшнихъ въ пяти ружья только съ 2,000 фузей съ небольшимъ годныхъ, а прочее никуда не годится; а мундиру, какъ на драгунахъ, такъ и на солдатахъ, кромѣ одного полку, ни на одномъ нѣтъ, и ходятъ иные въ балахонахъ, которыхъ не давано лѣтъ болѣе десяти, а вычтено у нихъ на мундиръ съ 34,000 рублей, которые въ Казани и пропали; а провіанту нашелъ я только съ 300 четвертей. Итакъ, всемилостивѣйшая государыня, однимъ словомъ донесть, и знаку того нѣтъ, какъ надлежитъ быть пограничнымъ крѣпостямъ, и на что ни смотрю, за все видимая бѣда мнѣ, которой и миновать невозможно, ибо ни въ три года нельзя привесть въ добрый порядокъ; а куда о чемъ отсюда написано, ни откуды никакой резолюціи нѣтъ, и уже поистинѣ, всемилостивая мать, не знаю что и дѣлать, понеже вижу, что всѣ останутся въ сторонѣ, а мнѣ одному бѣдному отвѣтствовать будетъ. Не прогнѣвайся, всемилостивѣйшая государыня, на меня, раба вашего, что я умедлилъ присылкою къ вашему величеству арапа съ арапкою и арапченкою, понеже арапка беременна, которая, чаю, по дву или трехъ недѣляхъ родитъ,—того ради боялся послать, чтобъ на дорогѣ не повредилась; а когда освободится отъ бремени и отъ болѣзни,—немедленно со всѣмъ заводомъ отправимъ къ вашему величеству" [4]).

Обезопасивъ себя этимъ письмомъ насчетъ могущихъ быть упрековъ въ дурномъ состояніи ввѣреннаго ему города, Волынскій продолжалъ писать Петру о необходимости дѣйствовать въ Персіи и на Кавказѣ вооруженною рукою, а не политикою. Какъ видно, въ Петербургѣ внушено было Волынскому, что до окончанія Шведской войны трудно начать непосредственно войну Персидскую, но что онъ можетъ ускорить распаденіе Персіи поднятіемъ зависѣвшихъ отъ нея народовъ кавказскихъ. 15 августа Волынскій писалъ царю: „Грузинскій принцъ (Вахтангъ) прислалъ ко мнѣ и къ сестрѣ своей съ тѣмъ, чтобъ мы обще просили о немъ ваше величество, дабы вы изволи учинить съ нимъ милость для избавленія общаго ихъ христіанства, и показываетъ къ тому способъ: 1) Чтобъ ваше величство изволили къ нему прямо въ Грузію ввести войскъ своихъ тысячъ пять или шесть и повелѣли засѣсть въ его гарнизоны, объявляя, что онъ видитъ въ Грузіи несогласіе между шляхетствомъ; а ежели войска ваши введены будутъ въ Грузію, то уже и поневолѣ принуждены будутъ многіе его партію взять. 2) Чтобъ для лучшаго ему

[1]) Дѣла Персидскія означенныхъ годовъ.

[2]) Исторія Россіи, XVI, письмо отъ 11-го февраля 1719 г.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 30.

[4]) Письмо Волынскаго въ Государ. Архивѣ.

увѣренія изволили сдѣлать десантъ въ Персію въ тысячахъ въ десяти или больше, чтобъ отобрать у нихъ Дербентъ или Шемаху, а безъ того вступить въ войну опасенъ. 3) Просилъ, чтобъ изволили сдѣлать крѣпость на рѣкѣ Терекѣ, между Кабарды и Гребенскихъ казаковъ, и посадить русскій гарнизонъ для свободной съ Грузіею коммуникаціи и для его охраненія. И, какъ видится, государь, по моему слабому мнѣнію, всѣ его предполагаемые резоны не безсильны. Вахтангъ представляетъ о слабомъ нынѣшнемъ состояніи персидскомъ и какая будетъ вамъ собственная изъ оной войны польза, и какъ Персіяне оружію вашему противиться не могутъ. Ежели вы изволите противъ шаха въ войну вступить, онъ, Вахтангъ, можетъ поставить въ поле своихъ войскъ отъ 30 до 40,000, и обѣщается пройти до самой Гиспагани, ибо онъ Персіянъ бабами называетъ".

Считая резоны одного Грузинскаго принца не безсильными, Волынскій не совѣтовалъ сближаться съ владѣльцами другихъ, иновѣрныхъ народовъ Кавказа, и указывалъ на оружіе, какъ на единственное средство держать ихъ въ страхѣ и подчиненіи русскимъ интересамъ. О владѣльцѣ Тарковскомъ, шевкалѣ Алди-Гиреѣ, Волынскій писалъ Петру: „На него невозможно никакой надежды имѣть вамъ, ибо весьма въ сторонѣ шаховой; вижу по всѣмъ дѣламъ его, что онъ плутъ, и потому зѣло опасно ему ваше намѣреніе открывать, чтобъ онъ прежде времени не далъ о томъ знать Двору шахову, и для того я не намѣренъ имѣть съ нимъ конгрессъ, какъ ваше величество мнѣ повелѣли. И, мнѣ мнится, здѣшніе народы привлечь политикою къ сторонѣ вашей невозможно, ежели въ рукахъ оружія не будетъ, ибо хотя и являются склонны, но только для однихъ денегъ, которыхъ (народовъ), по моему слабому мнѣнію, надобно бы такъ содержать, чтобъ безъ причины только ихъ не озлоблять, а вѣрить никому невозможно. Также, кажется мнѣ, и Даудбекъ (Лезгинскій владѣлецъ) ни къ чему не потребенъ; но отвѣтствуетъ мнѣ, что конечно желаетъ служить вашему величеству, однакожь, чтобъ вы изволили прислать къ нему свои войска и довольное число пушекъ, а онъ отберетъ города у Персіянъ, и которые ему удобны, то себѣ оставитъ (а именно Дербентъ и Шемаху), а прочіе уступаетъ вашему величеству, кои по той сторонѣ Куры рѣки до самой Испагани, чего въ рукахъ его никогда не будетъ, и такъ хочетъ, чтобъ вашъ—трудъ, а его—польза".

Прежде мѣстность Ендери, слывшая у Русскихъ подъ именемъ Андреевой деревни, и Аксай принадлежали Таркамъ; но одинъ изъ шевкаловъ тарковскихъ подѣлилъ ихъ между своими сыновьями, и въ описываемое время въ Андреевой деревнѣ было семь владѣльцевъ, отличавшихся разбойничьимъ характеромъ; народонаселеніе состояло изъ помѣси разныхъ сосѣднихъ народцевъ; въ томъ числѣ были и русскіе казаки, бѣжавшіе сюда послѣ неудачи Булавинскаго бунта. „Мнѣ мнится", писалъ Волынскій, „весьма бы надобно учинить отмщеніе Андреевскимъ владѣльцамъ, отъ чего великая польза: 1) Они не будутъ имѣть посмѣянія надъ нами и впредь смирнѣе жить будутъ. 2) Оная причина принудитъ многихъ искать протекціи вашей, и всѣ тамошніе народы будутъ оружія вашего трепетать, и затѣмъ страхомъ вѣрнѣе будутъ. Однакожь видится нынѣ къ тому уже прошло время, идти туда не съ кѣмъ и не съ чѣмъ. Надѣялся я на Аюкая хана (Калмыцкаго), однакожь отъ него ничего нѣтъ, ибо, какъ вижу, худа его зѣло стала власть. Такожь многократно писалъ я къ Яицкимъ и къ Донскимъ казакамъ, но Яицкіе не пошли, а Донскіе хотя и были, токмо иного ничего не сдѣлали, кромѣ пакости: оставя прямыхъ непріятелей, Андреевскихъ владѣльцевъ, разбили улусъ Ногайскаго владѣльца султана Махмута, зѣло вашему величеству потребнаго, котораго весьма озлобили; потомъ пошли въ Кабарду по призыву Арасланъ-бека и князей Александровыхъ братьевъ (Александра Бековича Черкасскаго), понеже у нихъ двѣ партіи, и тако у противной разбили нѣсколько деревень, также и скотъ отогнали;—чѣмъ больше привели ихъ между собою въ ссору, и, въ томъ ихъ оставя, и себя не богатя, возвратились на Донъ". Волынскій, по обыкновенію своему, не пропускалъ случая писать и къ царицѣ Екатеринѣ, все выставляя свою неутомимую дѣятельность, свое трудное, безпомощное положеніе. Такъ писалъ онъ къ ней отъ 15 августа; „Всеподданнѣйше прошу ваше величество показать ко мнѣ, рабу вашему, высокую милость, предстательствомъ всемилостивѣйшему государю, дабы мнѣ повелѣно было, по возвращеніи моемъ изъ Терека, быть въ будущей зимѣ ко Двору вашего величества, а поистинѣ къ тому не такъ влечетъ меня собственная нужда, какъ дѣла ваши того требуютъ, ибо надобно вездѣ самому быть, а безъ того, вижу, ничто не дѣлается; если же впредь ко взысканію, то, чаю, одному мнѣ оставаться будетъ. Ношу честь паче мѣры и достоинства моего; однакожь клянусь Богомъ, что со слезами здѣсь бѣдную жизнь мою продолжаю, такъ что иногда животу моему не радъ, понеже, что ни есть здѣсь, все разорено и опущено, а исправить невозможно, ибо въ рукахъ ничего нѣтъ, къ тому-жь наслалъ на меня Богъ такихъ дикихъ сосѣдей, которыхъ дѣла и поступки не человѣческіе, но самые звѣрскіе, и рвутъ у меня во всѣ стороны; я не чаю, чтобъ которая подобна губернія дѣлами была здѣшнему пропастному мѣсту, понеже, кромѣ губернскихъ дѣлъ, война здѣсь непрестанная, а людей у меня зѣло мало, и тѣ наги и не вооружены. Также въ прочихъ губерніяхъ опредѣлены губернаторамъ въ помощь камериры, рентмейстеры и земскіе судьи, а у меня никого нѣтъ, и во всѣхъ дѣлахъ принужденъ самъ трудиться, такъ что истинно перо изъ рукъ моихъ не выходитъ. Еще его величество изволилъ показать милость, что пожаловалъ мнѣ Кикина, отъ котораго въ канцелярскихъ дѣлахъ хотя уже мнѣ нѣкоторая помощь, а то-бъ я могъ уже

и послѣдняго ума лишиться, ибо всего отвсюды на мнѣ на одномъ взыскиваютъ, а о чемъ куда ни пишу, ни откуды резолюціи нѣтъ. Сверхъ того, чужестранныя дѣла я долженъ отправлять и мучить животъ свой съ такими дикими варварами; также здѣшняго порта флотъ и вся коммерція и притомъ рыбныя и соляныя дѣла моего-жь труда требуютъ. И тако ежели ваше величество не сотворите надо-мною бѣднымъ милость, то я поистинѣ или пропаду, или остатняго ума лишенъ буду. Я подпишуся въ томъ на смерть, что не токмо моему такому слабому и малолѣтному уму, но кто-бъ какой остроты ни былъ, одинъ всѣхъ дѣлъ управить не можетъ, хотя бы какъ ни трудился. Однакожь не знаю, какъ и мнѣ больше того трудиться, понеже и такъ засталъ уже достаточнымъ чернецомъ и богомольцомъ, и такую регулу держу, что изъ двора никуды не выхожу, кромѣ канцеляріи, да изрѣдка въ церковь".

Въ сентябрѣ Волынскій получилъ извѣстіе, которое, по его мнѣнію, должно было непремѣнно побудить царя къ начатію войны. Распаденіе Персіи началось и съ сѣвера, и сопровождалось страшнымъ براномъ для русской торговли, въ пользу которой Петръ хлопоталъ и дипломатическимъ путемъ, въ пользу которой единственно готовъ былъ и воевать. Мы видѣли, что Лезгинскій владѣлецъ Даудбекъ хотѣлъ подняться на шаха съ помощію Россіи. Но такъ какъ Волынскій не подалъ ему никакой надежды на эту помощь, то онъ рѣшился не упускать благопріятнаго времени и начать дѣйствія въ союзѣ съ Казыкумыцкимъ владѣльцемъ Суркаемъ. 21 іюля Даудбекъ и Суркай явились у Шемахи, 7 августа взяли городъ и стали жечь и грабить знатные домы. Русскіе купцы оставались покойны, обнадеженные завоевателями, что ихъ грабить не будутъ; но вечеромъ 4.000 вооруженныхъ Лезгинъ и Кумыковъ напали на русскія лавки въ гостиномъ дворѣ, приказчиковъ прогнали саблями, нѣкоторыхъ побили, а товары всѣ разграбили, цѣною на 500,000 рублей; одинъ—Матвѣй Григорьевъ Евреиновъ—потерялъ на 170,000, вслѣдствіе чего этотъ богатѣйшій въ Россіи купецъ въ-конецъ разорился. Отъ Волынскаго пошло немедленно письмо къ царю: „Мое слабое мнѣніе доношу по намѣренію вашему,—къ начинанію законнѣе сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите вступить за свое; второе – не противъ Персіянъ, но противъ непріятелей ихъ и своихъ; къ тому-жь и Персіянамъ можно предлагать (ежели они бы стали протестовать), что ежели они заплатятъ ваши убытки, то ваше величество паки ихъ отдать можете (т. е. завоеванное), и такъ можно предъ всѣмъ свѣтомъ показать, что вы изволите имѣть истинную къ тому причину. Также мнится мнѣ, что ранѣе изволите начать, то лучше и труда будетъ меньше, а пользы больше, понеже нынѣ оная бестія еще внѣ состоянія и силы. Паче всего опасаюсь и чаю, что они конечно будутъ искать протекціи турецкой, что имъ и сдѣлать, по моему мнѣнію, прямой резонъ есть; что если учинятъ, тогда вашему величеству уже будетъ трудно не токмо чужаго искать, но и свое отбирать; того ради, государь, можно начать и на предбудущее лѣто, понеже не великихъ войскъ сія война требуетъ, ибо ваше величество уже изволите и сами видѣть, что не люди,—скоты воюютъ и разоряютъ; инфантеріи больше десяти полковъ я бы не желалъ, да къ тому кавалеріи четыре полка, и тысячи три нарочитыхъ казаковъ, съ которыми войску можно идти безъ великаго страха, только-бъ была исправная аммуниція и довольное число провіанта" [1]).

Сѣверная война прекратилась, и новому императору ничто не мѣшало обезпечить русскую торговлю на берегахъ Каспійскаго моря. Въ декабрѣ Петръ отвѣчалъ Волынскому: „Письмо твое получилъ, въ которомъ пишете о дѣлѣ Даудбека и что нынѣ самый случай о томъ, что вамъ приказано предуготовлять. На оное ваше мнѣніе отвѣтствую, что сего случая не пропустить зѣло то изрядно, и мы уже довольную часть войска къ Волгѣ маршировать велѣли на квартиры, отколь весною пойдутъ въ Астрахань. Что же пишете о принцѣ Грузинскомъ—оного и прочихъ христіанъ, ежели кто къ сему дѣлу желателенъ будетъ, обнадеживайте, но чтобъ до прибытія нашихъ войскъ ничего не зачинали (по обыкновенной дерзости тѣхъ народовъ), а тогда поступали бы къ совѣту". Макаровъ писалъ Волынскому: „Здѣсь о взятіи Шемахи согласно съ вашимъ мнѣніемъ всѣ разсуждаютъ, ибо есть присловица крестьянская: когда завладѣлъ кто лычкомъ, принужденъ будетъ платить ремешкомъ; а надѣюсь, что все вскорѣ сбудется такъ, какъ вы писали; а между тѣмъ буду стараться о указѣ, укажетъ ли вамъ его величество быть въ Москвѣ. Шафранное коренье изволилъ его величество смотрѣть, и отдано оное садовникамъ въ оранжерею, и указалъ къ вамъ отписать, чтобы вы приложили свой трудъ о разводѣ хлопчатой бумаги" [2]).

Въ это время Волынскаго занимали дѣла въ Кабардѣ, гдѣ безпрестанно ссорившіеся другъ съ другомъ князья требовали посредничества Астраханскаго губернатора. Отъ 5 декабря онъ писалъ царю: „Я сюда въ казачьи верхніе Гребенскіе городки прибылъ, куда нѣкоторые кабардинскіе князья еще до меня прибыли, затягивая меня къ себѣ, чтобъ противную партію имъ черезъ меня искоренить, или, по послѣдней мѣрѣ, противныхъ князей выгнать вонъ, а имъ въ Кабардѣ остаться однимъ; однако я имъ отказалъ и что я неволею

[1]) Кабинетъ II, кн. № 54; письма Голынскаго къ импер. Екатеринѣ въ Государ. Архивѣ; приведенное письмо имѣетъ такой PS: «При семъ всеподданнѣйше доношу: арапка вашего величества родила сына, отъ котораго ужъ не отрекусь, что я ему отецъ, ибо воспріемникомъ ему былъ, и тако хотя онъ и мой сынъ, однакожь не въ меня родился, въ мать; таковъ бѣлъ, какъ сажею вымачканъ, и зѣло смѣшонъ».

[2]) Кабинетъ I, кн. № 30.

мирить не буду, и призывалъ противную имъ партію лаской, и такъ сдѣлалось, что пріѣхалъ и дядя ихъ, съ кѣмъ у нихъ ссора, а оный первенство во всей Кабардѣ имѣетъ, котораго съ великимъ трудомъ изъ Кабарды я выманилъ, ибо онъ зѣло боялся отъ того, что крымскую партію держалъ; такъ же при немъ пріѣхали мало не всѣ лучшіе уздени; и хотя я сначала имъ довольно выговаривалъ, для чего они, оставя протекцію вашего величества, приводили въ Кабарду Крымцевъ, однакожь напослѣдокъ то отпустилъ имъ и попрежнему милостію вашего величества обнадежилъ, и потомъ помирилъ ихъ, однакожь съ присягою, чтобъ имъ быть подъ протекціею вашею, и притомъ и со взятіемъ вѣрныхъ аманатовъ. И тако вся Кабарда нынѣ видится подъ рукою вашего величества; токмо не знаю, будетъ ли имъ изъ моей медіаціи впредь польза, понеже между ними и во-вѣки миру не бывать, ибо житье ихъ самое звѣрское, и не токмо посторонніе, но и родные другъ друга за бездѣлицу рѣжутъ, и я чаю такого удивительнаго дѣла мало бывало или и никогда; понеже по изслѣдованіи дѣла не сыскался виноватый ни одинъ и праваго никого нѣтъ; а за что первая началась ссора, то уже изъ памяти вышло; итакъ, за что дерутся и рѣжутся,—истинно ни одинъ не знаетъ, только ужь вошло у нихъ то въ обычай, что и перемѣнить невозможно. Еще-жъ приводитъ ихъ къ тому нищета, понеже такъ нищи, что нѣкоторые князья ко мнѣ затѣмъ не ѣдутъ, что не имѣютъ платья, а въ овчинныхъ шубахъ ѣхать стыдно, а купить и негдѣ и не-на-что, понеже у нихъ монеты никакой нѣтъ, лучшее было богатство скотъ, но и то все Крымцы обобрали, а нынѣ князей кормятъ уздени, и всего ихъ мерзкаго житья и описать невозможно; только одно могу похвалить, что всѣ такіе воины, какихъ въ здѣшнихъ странахъ не обрѣтается, ибо что Татаръ или Кумыковъ тысяча, тутъ Черкесовъ довольно двухъ сотъ" [1]).

Въ началѣ 1722 года, когда Дворъ находился въ Москвѣ, получено было извѣстіе отъ русскаго консула въ Персіи, Семена Аврамова, что Афганцы, возставшіе противъ шаха Гуссейна подъ начальствомъ Махмуда, сына Мирвеизова, 18 февраля стояли уже только въ 15 верстахъ отъ Испагани. Шахъ выслалъ противъ нихъ войско, но оно было поражено, и первый побѣжалъ любимецъ шаха, главный визирь Эхтиматдевлетъ; побѣдитель 7 марта подошелъ къ Испагани и расположился въ предмѣстіяхъ. Гуссейнъ, по требованію народа, назначилъ намѣстникомъ старшаго сына своего, но Персіяне обнаружили неудовольствіе,—и шахъ назначилъ втораго сына; когда и этотъ не понравился, то назначенъ былъ третій сынъ, Тохмасъ-Мирза. Но эти распоряженія не поправили дѣла; послѣ второй проигранной битвы Персіяне совершенно потеряли духъ, а жулжинскіе Армяне, называвшіеся такъ по имени предмѣстія, гдѣ жили, всѣ передались на сторону побѣдителя. Потомъ изъ Константинополя было получено извѣстіе, что Афганцы овладѣли Испаганью [2]).

При такихъ извѣстіяхъ медлить было нельзя, тѣмъ болѣе что Турки прежде всего могли воспользоваться паденіемъ Персіи и утвердиться на берегахъ Каспійскаго моря, которое Петръ считалъ необходимымъ для Балтійскаго моря. Въ апрѣлѣ Петръ писалъ изъ Москвы къ генералъ-майору Матюшкину, завѣдывавшему приготовленіемъ судовъ на Верхней Волгѣ: „Увѣдомьте насъ, что лодки мая къ пятому числу поспѣютъ ли, также и ластовыхъ судовъ къ тому времени сколько можетъ поспѣть? И достальныя ластовыя суда сколько къ которому времени могутъ поспѣть, о томъ чаще къ намъ пишите и въ дѣлѣ поспѣшайте". Матюшкинъ долженъ былъ доставить суда въ Нижній къ 20-му мая, причемъ обѣщалъ и недодѣланныя суда взять съ собою и додѣлывать дорогою [3]). Часть гвардіи отправилась изъ Москвы 3-го мая на судахъ внизъ по Москвѣ-рѣкѣ. 13 мая выѣхалъ самъ императоръ сухимъ путемъ въ Коломну, гдѣ соединились съ нимъ генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, Петръ Андреевичъ Толстой, котораго Петръ бралъ съ собою для переписки, и другіе вельможи; въ Коломну же пріѣхала и императрица Екатерина Алексѣевна, отправлявшаяся вмѣстѣ съ мужемъ въ походъ. Изъ Коломны Петръ со всѣми своими спутниками отправился Окою въ Нижній, куда пріѣхалъ 26-го мая и пробылъ до 30, дня своего рожденія. День этотъ Петръ праздновалъ такимъ образомъ: рано пріѣхалъ онъ съ своей галеры на берегъ и пошелъ къ Апраксину въ его квартиру; побывъ здѣсь нѣсколько времени, поѣхалъ верхомъ въ соборную церковь къ литургіи; послѣ обѣдни вмѣстѣ съ императрицею пошелъ пѣшкомъ къ архіерею, при колокольномъ звонѣ, продолжавшемся полчаса; послѣ звона началась стрѣльба въ городѣ изъ тринадцати пушекъ; послѣ городовой стрѣльбы стрѣляли у Строганова на дворѣ изъ нѣсколькихъ пушекъ. Затѣмъ началась пушечная стрѣльба съ судовъ. Стрѣльба кончилась ружейнымъ залпомъ, причемъ полки были разставлены на луговой сторонѣ по берегу. Отъ архіерея императоръ и императрица поѣхали въ домъ Строганова, гдѣ обѣдали вмѣстѣ съ прочими господами; послѣ обѣда, въ 6-мъ часу, отправились къ купцу Пушкину, а оттуда Петръ переѣхалъ на свою галеру и въ 9-мъ часу отправился далѣе Волгою къ Астрахани [4]).

18 іюля Петръ съ пѣхотными полками отплылъ изъ Астрахани и на другой день вышелъ въ море; конница шла сухимъ путемъ по направленію къ Дербенту. Пѣхоты считали 22,000, конницы 9,000, 20,000 казаковъ, столько же Калмыковъ, 30,000 Татаръ и 5,000 матросовъ. 27 іюля, въ день Ган-

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 54.

[2]) Дѣла Персидскія 1722 года.

[3]) Персидская война.—въ Русскомъ Вѣстникѣ.

[4]) Журналъ, составленный тайнымъ совѣтникомъ канцеляріи Степановымъ,—въ Персидскихъ дѣлахъ 1722 года.

гудской побѣды, войска высадились на берегъ въ Аграханскомъ заливѣ; Петръ ступилъ на землю первый: его принесли на доскѣ четыре гребца, потому что за мелководіемъ шлюпки не могли пристать къ берегу. На мѣстѣ высадки немедленно устроили ретраншементъ. Въ тотъ же день было получено непріятное извѣстіе, что бригадиръ Ветерани, отправленный для занятія Андреевой деревни, былъ въ ущельи осыпанъ стрѣлами и пулями непріятельскими. Растерявшись, Ветерани, вмѣсто того чтобъ какъ можно скорѣе выбираться изъ ущелья, остановился и вздумалъ отстрѣливаться, тогда какъ непріятель, скрытый въ лѣсу на горахъ, былъ невидимъ; вслѣдствіе этого потеряно было 80 человѣкъ; тогда полковникъ Наумовъ, видя ошибку бригадира, согласился съ остальными офицерами, бросился на Андрееву деревню, овладѣлъ ею и превратилъ въ пепелъ. Въ Аграханскомъ заливѣ Петръ имѣлъ любопытный разговоръ съ молодымъ офицеромъ Соймоновымъ, котораго расторопность и знаніе дѣла императоръ тотчасъ замѣтилъ. Соймоновъ распространился передъ Петромъ, что западные европейцы ѣздятъ далеко въ Восточную Индію, а Русскимъ отъ Камчатки близко. Государь слушалъ внимательно; но когда молодой человѣкъ кончилъ, сказалъ ему: „Слушай: я то все знаю, да не нынѣ, да то далеко; былъ ты въ Астрабатскомъ заливѣ?—знаешь ли, что отъ Астрабада до Балха въ Бухаріи и до Водокшана и на верблюдахъ только 12 дней ходу, а тамъ во всей Бухаріи средина всѣхъ восточныхъ коммерцій, и видишь ты горы и берегъ подлѣ оныхъ до самаго Астрабада простирается, и тому пути никто помѣшать не можетъ“.

Дождавшись кавалеріи, которая много натерпѣлась въ степномъ походѣ, и разославши манифесты къ окрестнымъ народамъ съ требованіемъ мирнаго подчиненія, Петръ, 6-го августа, выступилъ въ походъ къ Таркамъ и на другой день ему былъ представленъ владѣлецъ Тарковскій Адиль-Гирей. Императоръ принялъ его, стоя передъ гвардіею; Адиль-Гирей объявилъ, что до сихъ поръ служилъ Русскому государю вѣрно, а теперь будетъ особенно вѣрно служить. Когда бывшій господарь, князь Кантемиръ, перевелъ эти слова, Петръ отвѣчалъ: „За службу твою будешь ты содержанъ въ моей милости.“ Въ тотъ же день были представлены государю султанъ Махмудъ Аксайскій съ двумя другими владѣльцами; увидавши императора, они пали на колѣни и объявили, что желаютъ быть подъ покровительствомъ его величества; Петръ обнадежилъ ихъ своею милостію и покровительствомъ. 12 августа войско приблизилось къ Таркамъ съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою, и стало лагеремъ подъ городомъ. За пять верстъ до города встрѣтилъ государя Адиль-Гирей, когда Петръ ѣхалъ передъ гвардіею въ строевомъ платьи. Шевкалъ сошелъ съ лошади, низко поклонился императору и поздравилъ съ пріѣздомъ. Государь снова обнадежилъ его своею милостію и увѣрилъ, что подданнымъ его не будетъ никакой обиды отъ русскаго войска. Потомъ шевкалъ подошелъ къ каретѣ императрицы, поклонился низко и поцѣловалъ землю. На другой день Петръ ѣздилъ для гулянья въ Тарковскія горы, въ сопровожденіи трехъ драгунскихъ ротъ, осматривалъ старинную башню, откуда, по просьбѣ Адиль-Гирея, отправился къ нему въ домъ. Сначала гости были въ двухъ большихъ комнатахъ съ каменными фонтанами; потомъ хозяинъ повелъ ихъ въ комнату, гдѣ живутъ жены, убранную коврами и зеркалами; вошли двѣ жены шевкала въ сопровожденіи другихъ знатныхъ женщинъ, поклонились въ землю и цѣловали правую ногу императора, а послѣ, по ихъ просьбѣ, допущены и къ рукѣ. Принесли скатерть, поставили разныя кушанья и фрукты; шевкалъ налилъ въ чашки горячаго вина и поднесъ государю. Петръ сейчасъ же обратилъ вниманіе на множество цининной посуды въ домѣ шевкала, и спросилъ откуда ее берутъ; Адиль-Гирей отвѣчалъ, что ее дѣлаютъ въ персидскомъ городѣ Мешетѣ. На прощанье хозяинъ подарилъ гостю сѣраго аргамака въ золотой збруѣ. 14-го августа обѣ жены шевкала были у императрицы, цѣловали ногу и руку, и поднесли шесть лотковъ винограду. 15-го августа, въ Успеньевъ день, государь и государыня слушали всенощную и обѣдню въ церкви Преображенскаго полка; по окончаніи обѣдни, Петръ самъ размѣрилъ около того мѣста, гдѣ стояла церковь, и положилъ камень, то же сдѣлала и императрица и всѣ присутствовавшіе, и такимъ образомъ быстро набросанъ былъ курганъ въ память русской обѣдни предъ Тарками.

16-го августа войско выступило въ походъ къ Дербенту. Султанъ Махмудъ Утемишскій не отзывался; къ нему посланы были три Донскихъ казака съ письмомъ; посланные были умерщвлены и султанъ напалъ на русское войско, но былъ пораженъ, и столица его, мѣстечко Утемишъ, состоявшее изъ 500 домовъ, обращено въ пепелъ. При этомъ побѣдители были поражены способомъ веденія войны, какой употреблялъ непріятель: „Зѣло удивительно сіи варвары бились: въ обществѣ нимало не держались, но побѣжали, а партикулярно десператно бились, такъ что, покинувъ ружье, якобы отдаваясь въ полонъ, кинжалами рѣзались, и одинъ во фрунтъ съ саблею бросился, котораго драгуны наши приняли на штыки.“ Дербентъ не сопротивлялся: 23 августа императоръ былъ встрѣченъ наибомъ Дербентскимъ за версту отъ города; наибъ палъ на колѣни и поднесъ Петру два серебряные ключа отъ городскихъ воротъ [1]). Императоръ такъ описалъ свой походъ въ письмѣ Сенату: „Мы отъ Астрахани шли моремъ до Терека, а отъ Терека до Аграхани; отколь послали

[1]) Журналъ Степанова; Описаніе похода Петра В., составленное въ 1779 г., напеч. въ Русск. Вѣстникѣ, апрѣль 1867 г. Кабинетъ I, кн. № 30. Рукопись Публич. Библ. отд. IV, № 63; экстрактъ журналовъ мореплаванія.

универсалы, а тамъ, выбрався на землю, дожидались долго кавалеріи, которая несказанный трудъ въ своемъ маршѣ имѣла отъ безводицы и худыхъ переправъ, а особливо тотъ корпусъ, который отъ Астрахани шелъ съ генераломъ-майоромъ Кропотовымъ. Къ бригадиру Ветеранію посланъ былъ указъ, чтобъ онъ шелъ къ Андреевой деревнѣ и оную разорилъ, ежели не укрѣплена, какъ слухъ носился, и когда оный еще съ прямой дороги къ нимъ и не поворотилъ, но сталъ прямою дорогою приближаться, то отъ оныхъ атакованъ былъ; потомъ съ помощію Божіею непріятель побитъ, и деревню ихъ, въ которой, сказываютъ, съ три тысячи дворовъ было, разорили и выжгли безъ остатка, и пришли къ намъ, а потомъ и Кропотовъ отъ Астрахани, и какъ обоихъ дождались, пошли до сего мѣста (Дербента); дорогою все видѣли смирно и отъ владѣльцевъ горскихъ принимаиы пріятно лицемъ (а сія пріятность ихъ была въ такой ихъ волѣ, какъ проповѣдь о божествѣ Христовѣ, реченная: что намъ и Тебѣ, Іисусе, Сыне Бога живаго). Только какъ вошли во владѣнье салтана Махмута Утемишевскаго, оный ничѣмъ къ намъ не отозвался, того ради послали къ нему съ письмомъ трехъ человѣкъ Донскихъ казаковъ августа 19-го по-утру, и того же дня 3 часа пополудни изволилъ сей господинъ нечаянно насъ атаковать (чая насъ неготовыхъ застать), которому гостю зѣло были ради (а особливо ребята, которые свисту не слыхали), и, принявъ, проводили его кавалеріею и третьею частію пѣхоты до его жилища, отдавая контравизитъ, и, побывъ тамъ для увеселенія ихъ, сдѣлали изо всего его владѣнія фейерверкъ, для утѣхи имъ (а именно; сожжено въ одномъ его мѣстечкѣ, гдѣ онъ жилъ, съ 500 дворовъ, кромѣ другихъ деревень, которыхъ по сторонамъ сожгли 6). Какъ взятые ихъ, такъ и другіе владѣльцы сказываютъ, что ихъ было 10,000; такое число не его, но многихъ владѣльцевъ подъ его именемъ, и чуть не половина пѣхоты, изъ которыхъ около 600 человѣкъ отъ нашихъ побиты, да взято въ полонъ 30 человѣкъ; съ нашей стороны убито 5 драгунъ да семь казаковъ, а пѣхотѣ ничего не досталось, ни урону, ни находки, понеже ихъ не дождались. Потомъ, когда приближались къ сему городу (Дербенту), то наибъ сего города (намѣстникъ) встрѣтилъ насъ и ключъ поднесъ отъ воротъ. Правда, что сіи люди нелицемѣрною любовію приняли и такъ намъ ради, какъ бы своихъ изъ осады выручили. Изъ Баки такія-жъ письма имѣемъ, какъ изъ сего города (Дербента) прежде приходу имѣли; того ради и гарнизонъ туда отправимъ, и тако въ сихъ краяхъ, съ помощію Божіею, футъ получили [1]), чѣмъ васъ поздравляемъ. Маршъ сей хотя не далекъ, только зѣло труденъ отъ безкормицы лошадямъ и великихъ жаровъ“ [2]).

Сенаторы отвѣчали Петру изъ Москвы, что, „по случаю побѣдъ въ Персіи и за здравіе Петра Великаго, вступившаго на стези Александра Великаго, всерадостно пили“ [3]). Сенаторы могли увидать изъ письма Петра, что самъ императоръ не намѣренъ былъ продолжать похода далѣе Дербента и хотѣлъ только послать гарнизонъ въ Баку; письмо было написано 30 августа, а наканунѣ, 29, уже держанъ былъ военный совѣтъ вслѣдствіе затруднительнаго положенія войска. Надобно было выгрузить муку изъ 12 ластовыхъ судовъ; но передъ выгрузкою ночью всталъ жестокій сѣверный вѣтеръ, отъ котораго суда начали течь; до полудня выливали воду, наконецъ потеряли силы, и оставалось одно средство—пуститься къ берегу и посадить суда на мель. Суда выгрузили, но муки подмокло и испортилось много. Ждали еще изъ Астрахани 30 судовъ, нагруженныхъ провіантомъ, находившихся подъ начальствомъ капитана Вильбоа, но о нихъ не было слуха. На военномъ совѣтѣ Петръ подалъ мнѣніе: „Понеже требовано письменнаго разсужденія о сей кампаніи, что чинить надлежитъ, на что отвѣтствую: Вильбоа ждать по та мѣстъ, что на всю армію осталось не меньше какъ на три недѣли провіанту, и на годъ или, по меньшей мѣрѣ, на 8 мѣсяцевъ на Дербентской гарнизонъ, и тогда возвратиться къ Сулаку, и тамъ учинить консилій, которымъ итить въ Астрахань, и которымъ зимовать около Терека для дѣланія на Сулакѣ фортеціи изъ страха горскимъ жителямъ и дѣйства къ будущей кампаніи Буде же извѣстіе получимъ о Вильбоѣ, что оной не будетъ, то лучше ранѣе поворотиться, и изъ Астрахани какъ поскорѣе отправить на надежныхъ судахъ гарнизонъ съ провіантомъ и частью артиллеріи городовой къ Баку, дабы конечно сего лѣта съ помощію Божіею сіе мѣсто захватить, ибо не знаемъ будущаго конъюнктуръ, каковы будутъ“. Вильбоа далъ знать, что онъ пришелъ въ Аграханскій заливъ, а далѣе идти боится, потому что суда въ плохомъ состояніи, и по открытому морю на нихъ плыть трудно. Тогда, оставивъ въ Дербентѣ гарнизонъ подъ начальствомъ полковника Юнкера, Петръ съ остальнымъ войскомъ выступилъ изъ Дербента къ Астрахани и шелъ осторожно, какъ видно изъ слѣдующаго приказанія: „При пароли объявить вѣдомости Дербентскія (хотя оные и неимовѣрны, но для опасности людемъ), чтобъ были осторожны и не отставали, а буде телѣга испортится или лошадь станетъ, тотчасъ изъ веревки вонъ и разбирать, что нужно, по другимъ, телѣгамъ, а ненужное бросить. Тако-жъ объявить подъ смертью,—кто оставитъ больнаго и не посадитъ его на возъ“. На мѣстѣ, гдѣ рѣка Аграхань отдѣляется отъ рѣки Сулака, Петръ заложилъ новую крѣпость Св. Креста; крѣпость эта должна была прикрывать русскія границы вмѣсто прежней Терской крѣпости, положеніе которой государь нашелъ очень неудобнымъ. Въ то время, когда полагалось основаніе новой крѣпости, атаманъ Красно-

[1]) То есть стали твердою ногою.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 30.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 61.

щекій съ Донцами и Калмыками ударилъ въ концѣ сентября на Утемишскаго султана Махмуда, который не переставалъ враждовать къ Россіи. Краснощекій разорилъ все, что осталось отъ прежняго погрома, или возникло вновь, много порубилъ непріятелей; взялъ въ плѣнъ 350 человѣкъ и захватилъ 11,000 рогатаго скота, кромѣ другой добычи. У Аграханскаго ретраншемента Петръ сѣлъ на суда и отплылъ въ Астрахань, куда прибылъ 4 октября благополучно; но генералъ-адмиралъ, плывшій сзади, вытерпѣлъ четырехдневный страшный штормъ. 6-го ноября Петръ проводилъ отрядъ войска, отплывшій изъ Астрахани въ Гилянь, подъ начальствомъ полковника Шипова, которому дана была такая инструкція: „Приставъ (къ берегу), дать о себѣ знать въ городѣ Ряшѣ, что онъ присланъ для ихъ охраненія, и чтобъ они ничего не опасались; потомъ выбраться къ деревнѣ Перибазаръ и тутъ учинить небольшой редутъ съ палисады, для охраненія мелкихъ судовъ; самому не гораздо въ большихъ людехъ перво итить въ Ряшъ и осмотрѣть мѣста для лагеря у онаго и, выбравъ удобное мѣсто близъ города, пристать со всѣми и сдѣлать траншементъ съ палисады-жъ, также на больныхъ, и ежели очень холодно будетъ, взять квартиры; но смотрѣть того накрѣпко, дабы жителямъ утѣсненія и обиды отнюдь не было и обходились бы зѣло пріятельски и не сурово (кромѣ кто будетъ противенъ), но ласкою, обнадеживая ихъ всячески; а кто будетъ противенъ,— и съ тѣмъ поступать непріятельски. И ежели непріятель придетъ, оборонять сіе мѣсто до послѣдней возможности. Когда уже жители обойдутся и опасаться не станутъ, тогда по-малу чинить знакомство со оными и развѣдывать не только что въ городѣ, но и во всей Гиляни какіе товары, а именно: сколько шелку въ сободное время бывало; на сколько денегъ, и что шаху пошлинъ бывало и другимъ по карманамъ, и сколько нынѣ и отъ чего меньше: только-ль отъ замѣшанія внутренняго или въ Гиляни отъ какакого неосмотрѣнія, или какой препоны; равнымъ образомъ и о прочихъ товарахъ, и что чего бывало и нынѣ есть, и куды идетъ и на что мѣняютъ или на деньги все продаютъ. Провѣдать про сахаръ -- гдѣ родится. Также сколько возможно развѣдать о провинціяхъ Маздеранъ (Мазандеранъ) и Астрабата, что тамъ родится. Сдѣлать въ деревнѣ Перибазарѣ два или три погреба для питья подъ башнею или какимъ-нибудь другимъ строеніемъ каменнымъ, чтобъ было холоднѣе“. 7 числа Петръ отправился въ Москву, куда 13 декабря имѣлъ торжественный въѣздъ [1]).

Вмѣстѣ съ движеніемъ войскъ шли переговоры съ Персидскимъ правительствомъ. Еще 25 іюня въ Астрахани Петръ велѣлъ отправить слѣдующіе пункты русскому консулу въ Персіи, Семену Аврамову: „Предлагай шаху старому или новому, или кого сыщешь, по силѣ кредитовъ, что мы идемъ къ Шемахѣ не для войны съ Персіею, но для искорененія бунтовщиковъ, которые намъ обиду сдѣлали, и ежели имъ (т.-е. Персидскому правительству) при семъ крайнемъ ихъ разореніи надобна помощь, то мы готовы имъ помогать и очистить отъ всѣхъ ихъ непріятелей, и паки утвердить постоянное владѣніе персидское, ежели они намъ уступятъ за то нѣкоторыя, по Каспійскому морю лежащія, провинціи; понеже вѣдаемъ, что ежели въ сей слабости останутся и сего предложенія не примутъ, то Турки не оставятъ всею Персіею завладѣть, что намъ противно, и не желаемъ не только имъ, но себѣ оною владѣть; однакожъ, не имѣя съ ними (Персіянами) обязательства, за нихъ вступиться не можемъ, но только по морю лежащія земли отберемъ, ибо Турокъ тутъ допустить не можемъ. Ещежъ сіе имъ предложи: ежели сіе выписанное не примутъ, какая имъ польза можетъ быть, когда Турки вступятъ въ Персію? Тогда намъ крайняя нужда будетъ берегами по Каспійскому морю овладѣть, понеже Турковъ тутъ допустить намъ невозможно, и такъ они, пожалѣя части, потеряютъ все государство“ [2]).

Аврамовъ получилъ эти пункты, находясь въ Казбинѣ, и обратился къ наслѣднику шахову, Тохмасу, съ предложеніемъ помощи, для чего долженъ быть отправленъ къ императору посолъ. О вознагражденіи за помощь Аврамовъ не сказалъ ничего, чтобъ не встрѣтить препятствія дѣлу въ „замерзѣлой спеси и гордости“ Персіянъ. Увидѣвъ при этомъ, что Тохмасъ человѣкъ молодой и непривычный къ дѣламъ, Аврамовъ вошелъ въ переговоры съ вельможами, предложилъ, чтобъ отправленъ былъ посолъ съ полномочіемъ договариваться о вознагражденіи, если императоръ потребуетъ его за помощь. Персіяне согласились. Давая знать о результатѣ своихъ переговоровъ, Аврамовъ доносилъ, что Персидское государство въ-конецъ разоряется и пропадаетъ: Алимерданъ-ханъ, на котораго полагалась вся надежда, измѣнилъ и ушелъ къ Турецкой границѣ; Афганцы безпрепятственно разоряли мѣста, оставшіяся за шахомъ; Курды опустошали окрестности Тавриза; наслѣдникъ престола Тохмасъ не могъ набрать больше 400 человѣкъ войска. Измаилъ-бекъ, назначенный посломъ въ Россію, со слезами говорилъ Аврамову: „Вѣра наша и законъ въ-конецъ пропадаютъ, а у нашихъ господъ лжи и спеси не умаляется“.

Между тѣмъ полковникъ Шиповъ, благодаря сильному сѣверному вѣтру, неожиданно скоро проплылъ пространство между устьями Волги и устьями Куры, въ концѣ ноября 1722 года вошелъ въ эту рѣку и потомъ, въ качествѣ шахова союзника, занялъ большой городъ Ряшъ, куда губернаторъ нехотя впустилъ русское войско, не имѣя средствъ къ сопротивленію. „Опасаюсь я жителей Ряша“, писалъ Шиповъ: „слышно, что противъ насъ и войско собираютъ; лѣсу даютъ рубить на дрова съ великою нуждою и причитаютъ себѣ въ обиду: у

[1]) Кабинетъ I, кн. № 30.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 60.

насъ-де съ лѣсу шаху подать даютъ, и мы-де васъ не звали. Я обхожусь съ ними ласково и уговариваю какъ можно; но они намъ не ради и желаютъ насъ выжить. Всѣ богатые люди здѣсь въ великой конфузіи; не знаютъ куда склониться, и ежели-бъ нашихъ людей было больше, то, надѣясь на нашу защиту, они бы къ намъ склонились, а нынѣ, видя насъ малолюдныхъ, очень боятся своихъ, чтобъ за то ихъ не разорили". Ежедневно увеличивалось въ городѣ число вооруженныхъ Персіянъ, и Шиповъ, узнавъ отъ грузинскихъ и армянскихъ купцовъ, что войска набралось уже 15,000, да пришли еще два сосѣднихъ губернатора, велѣлъ укрѣпить караванъ-сарай, гдѣ жилъ съ своимъ отрядомъ. Губернаторъ прислалъ спросить его, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Шиповъ отвѣчалъ: „Европейскія воинскія правила требуютъ такой предосторожности, хотя и нѣтъ никакой явной опасности". Въ концѣ февраля 1723 года, три губернатора, по шахову указу, прислали объявить Шипову, что они въ состояніи сами защищать себя отъ непріятелей, въ его помощи не нуждаются, и потому пусть онъ уходитъ, пока его къ тому не принудятъ. Шиповъ отвѣчалъ, что онъ присланъ императоромъ, безъ указа котораго назадъ не двинется, да еслибъ и хотѣлъ уйти, такъ не-на-чемъ: изъ судовъ, на которыхъ онъ приплылъ, два ушли въ Россію съ шаховымъ посланникомъ, Измаилъ-бекомъ, и потому ему нужно сначала отправить въ Дербентъ всѣ тягости, и когда суда возвратятся, сѣсть на нихъ съ войскомъ. Персіяне успокоились, думая, что Шиповъ сначала отошлетъ артиллерію, которой боялись больше всего. Суда, привезшія Шипова, дѣйствительно начали приготовляться къ отплытію, потому что начальствовавшій ими капитанъ-лейтенантъ Соймоновъ окончилъ возложенное на него порученіе описать мѣста при устьи Куры. 17 марта Соймоновъ, оставивши три судна въ устьяхъ Куры, съ остальными вышелъ въ море,—но не взялъ съ собою ни одной пушки. Узнавши объ этомъ, Персіяне начали опять приступать къ Шипову, чтобъ вышелъ изъ Ряща; но полковникъ не двигался. Персіяне начали обстрѣливать караванъ-сарай, убили одного офицера; Шиповъ дожидался ночи: онъ велѣлъ одной гренадерской ротѣ выйти изъ караванъ-сарая въ поле и, обошедъ кругомъ, напасть на непріятеля съ-тыла, а двумъ остальнымъ ротамъ велѣлъ выступить изъ переднихъ воротъ и напасть на Персіянъ въ лицо. Непріятель, увидавши, что на него нападаютъ съ двухъ сторонъ, совершенно потерялъ духъ и бросился бѣжать; Русскіе преслѣдовали бѣгущихъ по всѣмъ улицамъ города, и убили больше тысячи человѣкъ. Такъ же удачно сто человѣкъ Русскихъ отразили 5,000 Персіянъ, напавшихъ на три судна, оставленныя Соймоновымъ.

Когда такимъ образомъ Шиповъ утверждался въ Рящѣ, генералъ-майоръ Матюшкинъ дѣйствовалъ противъ Баку. Какъ важно было овладѣть этимъ городомъ для Петра,—видно изъ его инструкціи къ Матюшкину: „Идтить къ Бакѣ какъ наискорѣе и тщиться оный городъ съ помощію Божіею конечно достать, понеже ключъ всему нашему дѣлу оный; а когда Богъ дастъ, то оный подкрѣпить сколько можно и дожидаться новыхъ гекботовъ съ провіантомъ и артиллеріею, которой быть въ городѣ и съ людьми. Велѣно послать 1,000 человѣкъ; но ежели нужда будетъ, то прибавить сколько надобно, и беречь сіе мѣсто паче всего, понеже для него все дѣлаемъ. Всѣхъ принимать въ подданство, которые хотятъ, тѣхъ, чья земля пришла къ Каспійскому морю. Изъ Баки ѣхать на устье рѣки Куры, осмотрѣть гавани и устье рѣки Куры, взявъ капитана-поручика Соймонова, также и по рѣкѣ Курѣ нѣсколько вверхъ того для, понеже, какъ ты и самъ слышалъ, что у Баки сказываютъ кормами конскими зѣло скудно, а дровъ и нѣтъ, а у насъ положено сіе мѣсто главное для сбору войска; а ежели то увидишь, что правда, того для осмотрѣть мѣста по Курѣ рѣкѣ, дабы тамъ впредь для сего мѣста устроить хорошій городъ вмѣсто Баки для рандеву войску впредь; а нынѣшнимъ лѣтомъ сдѣлать на устьѣ, въ самомъ крѣпкомъ мѣстѣ или близь устья, ежели на устьѣ такого мѣста не сыщется, малую крѣпостъ человѣкъ на 300, дабы непріятель не захватилъ, но наша поссесія была. И сіе управя, возвратиться вамъ въ Астрахань къ будущей зимѣ, дабы зимою намъ съ вами о семъ дѣлѣ переговорить". Въ іюлѣ 1723 года Матюшкинъ приплылъ съ четырьмя полками изъ Астрахани къ Баку и послалъ сказать начальствовавшему въ городѣ султану, что явился взять городъ въ защиту отъ бунтовщиковъ, и прислалъ письмо отъ персидскаго посланника Измаилъ-бека, который писалъ о томъ же. Изъ Баку отвѣчали, что жители города, вѣрные подданные шаха, четыре года умѣли отбиваться отъ бунтовщика Дауда и не нуждаются ни въ какой помощи и защитѣ. Матюшкинъ высадилъ войско, прогналъ Персіянъ, хотѣвшихъ помѣшать высадкѣ, и началъ приготовляться къ приступу, но Бакинцы поспѣшили сдать городъ. Оставивши въ Баку комендантомъ бригадира, князя Барятинскаго, Матюшкинъ отплылъ назадъ въ Астрахань. Петръ очень обрадовался взятію Баку и написалъ Матюшкину: „Письмо ваше я получилъ съ великимъ довольствомъ, что вы Баку получили (ибо не безъ сомнѣнія отъ Турковъ было), за которые ваши труды вамъ и всѣмъ при васъ въономъ дѣлѣ трудившимся благодарствуемъ и повышаемъ васъ чиномъ генералъ-лейтенанта. Немалое и у насъ бомбардированіе того вечера было, когда сія вѣдомость получена" [1]).

17 сентября Петръ писалъ новому генералъ-лейтенанту: „Поздравляю со всѣми провинціями, по берегу Каспійскаго моря лежащими, понеже посолъ Персидскій оныя уступилъ". Договоръ былъ подписанъ въ Петербургѣ 12 сентября 1723 года и состоялъ въ слѣдующихъ главныхъ статьяхъ:

---

[1]) Дѣла Персидскія 1722 и 1723 г.; Описаніе похода въ Русск. Вѣстн. Кабинетъ I, кн. № 30.

1) Его императорское величество Всероссійскій обѣщаетъ его шахову величеству Тахмасибѣ добрую и постоянную свою дружбу и высокомонаршеское свое сильное вспоможеніе противъ всѣхъ его бунтовщиковъ, и для усмиренія оныхъ и содержанія его шахова величества на Персидскомъ престолѣ изволитъ, какъ скоро токмо возможно, потребное число войскъ въ Персидское государство послать, и противъ тѣхъ бунтовщиковъ дѣйствовать, и все возможное учинить, дабы оныхъ ниспровергнуть, и его шахово величество при спокойномъ владѣніи Персидскаго государства оставить. 2) А насупротивъ того его шахово величество уступаетъ императорскому величеству Всероссійскому въ вѣчное владѣніе городы Дербень, Баку со всѣми къ нимъ принадлежащими и по Каспійскому морю лежащими землями и мѣстами, такожде и провинціи Гилянь, Мазандеранъ и Астрабатъ, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество къ его шахову величеству противъ его бунтовщиковъ въ помочь посылаетъ, не требуя за то денегъ.

Петръ уже хозяйничалъ въ уступленныхъ областяхъ; въ маѣ 1724 года написалъ пункты Матюшкину: „1) Крѣпость Св. Креста додѣлать по указу; въ Дербентѣ цитадель сдѣлать къ морю и гавань дѣлать; 3) Гилянь уже овладѣна, надлежитъ Мазандераномъ также овладѣть и укрѣпить; а въ Астрабатской пристани, ежели нужно, дѣлать крѣпость, для того работныхъ людей, которые опредѣлены на Куру, употребить въ вышеписанныя дѣла; 4) Баку укрѣпить; 5) о Курѣ развѣдать, до которыхъ мѣстъ можно судами мелкими идти, чтобъ подлинно вѣрно было; 6) сахаръ освидѣтельствовать и прислать нѣсколько, также и фруктовъ сухихъ; 7) о мѣди также подлинное свидѣтельство учинить: для того взять человѣка, который пробы умѣетъ дѣлать; 8) бѣлой нефти выслать тысячу пудъ или сколько возможно; 9) цитроны, сваря въ сахарѣ, прислать; однимъ словомъ, какъ владѣніе, такъ и сборы всякіе денежные и всякую экономію въ полное состояніе привесть; стараться всячески, чтобъ Армянъ призывать и другихъ христіанъ, если есть, въ Гилянь и Мазандеранъ и ожилять (поселять), а басурманъ зѣло тихимъ образомъ, чтобъ не узнали, сколько возможно убавлять, а именно—турецкаго закона (суннитовъ).Также,когда осмотрится, далъ бы знать, сколько возможно тамъ русской націи на первый разъ поселить. О Курѣ подлиннаго извѣстія не имѣемъ: иные говорятъ, что пороги; а нынѣ пріѣзжалъ Грузинецъ,—сказываетъ, что отъ самой Ганжи до моря пороговъ нѣтъ, но выше Ганжи пороги; объ этомъ, какъ о главномъ дѣлѣ, надлежитъ освѣдомиться, а кажется лучше нельзя, какъ посылкою для какого-нибудь дѣла въ Тифлисъ къ пашѣ. Сіе писано, не зная тѣхъ сторонъ; для того дается на ваше разсужденіе: что лучше—то дѣлайте, только чтобъ сіи уступленныя провинціи, особливо Гилянь и Мазандеранъ, въ полное владѣніе и безопасность приведены были“ [1]).

Но „уступленныя провиціи“ были уступлены только въ Петербургѣ. Для ратификаціи договора, заключеннаго Измаилъ-беемъ, отправились въ Персію Преображенскаго полка унтеръ-лейтенантъ князь Борисъ Мещерскій и секретарь Аврамовъ. Въ апрѣлѣ 1724 года въѣхали они въ персидскія владѣнія, и встрѣча была дурная: на нихъ напала вооруженная толпа; къ счастію, выстрѣлы ея никому не повредили. Когда Мещерскій жаловался на такую встрѣчу, то ему отвѣчали: „Ребята играли,—не изволь гнѣваться; мы ихъ сыщемъ и жестоко накажемъ“. Шахъ принялъ Мещерскаго съ обычною церемоніею; но этимъ все дѣло и кончилось: посолъ не могъ добиться никакого отвѣта и принужденъ былъ уѣхать ни-съ-чѣмъ. На возвратномъ пути на горахъ подвергся непріятельскому нападенію; было узнано, что Персидское правительство хотѣло именно погубить Мещерскаго, и дѣйствовало такъ по внушеніямъ шевкала Тарковскаго, который доносилъ о слабости Русскихъ въ занятыхъ ими провинціяхъ. По возвращеніи Мещерскаго, императорскіе министры подали мнѣніе, чтобъ Матюшкинъ написалъ шаху или его первому министру съ представленіями, что между Россіею и Турціею заключенъ договоръ насчетъ персидскихъ дѣлъ; что Персія можетъ спастись единственно принятіемъ этого договора, и погибнетъ, если вооружитъ противъ себя соединенныя силы такихъ могущественныхъ государствъ. Министры считали необходимымъ увеличить число регулярнаго войска въ новозанятыхъ областяхъ, чтобъ, съ одной стороны, распространить русскія владѣнія и военными дѣйствіями устрашить Персіянъ, а съ другой—удерживать Турокъ. 11 октября, въ Шлиссельбургѣ, подано было Петру мнѣніе министровъ, и онъ далъ такую резолюцію: „Нынѣ посылать къ шаху непотребно, потому что теперь отъ него никакого полезнаго отвѣта быть не можетъ; пожалуй объявитъ и то, что они договоръ подтвердятъ и потребуютъ помощи не только противъ Афганцевъ, но и противъ Турокъ: тогда хуже будетъ. Надобно стараться, чтобъ Грузины, которые при шахѣ, какъ-нибудь его увезли или, по крайнѣй мѣрѣ, сами отъ него уѣхали; для этого писать къ Вахтангу и устроивать это дѣло чрезъ его посредство. Писать къ генералу-майору Кропотову, чтобъ онъ искуснымъ и пристойнымъ способомъ старался поймать шевкала за его противные поступки“ Относительно умноженія русскихъ войскъ императоръ объявилъ, что развѣ прибавить нерегулярныхъ полковъ, о пропитаніи которыхъ пусть подумаютъ министры [2]).

Лучшимъ средствомъ для закрѣпленія занятыхъ провинцій за Россіею Петръ считалъ усиленіе въ

[1]) Персидская война 1722—1725 года въ Русскомъ Вѣстникѣ.

[2]) Дѣла Персидскія 1724 г.

нихъ христіанскаго народонаселенія и уменьшеніе магометанскаго. Мы видѣли, что императоръ прямо указывалъ на Армянъ. Въ XVII вѣкѣ между этимъ народомъ и Россіею происходили сношенія по дѣламъ чисто торговымъ; съ начала XVIII вѣка пошли сношенія другого рода. Въ концѣ іюня 1701 года, въ Смоленскъ, изъ-за литовскаго рубежа, явились три иностранца: одинъ назывался Израиль Орія, другой—Оруховичъ, третій—былъ римскій ксендзъ. Представленный боярину Головину, Орія объявилъ себя Армяниномъ знатнаго происхожденія, разсказалъ, что онъ уже 20 лѣтъ живетъ въ Западной Европѣ, и теперь, снесшись съ армянскими старшинами, находящимися въ Персіи, составилъ планъ освободить своихъ соотечественниковъ отъ тяжкаго ига персидскаго; императоръ и курфюрстъ Баварскій охотно соглашаются помогать этому дѣлу, но признаютъ необходимымъ содѣйствіе царя Русскаго. „Наши начальные люди", говорилъ Орія, „будутъ употреблять всѣ свои силы, чтобъ поддаться великому царю Московскому; больше пятнадцати или двадцати тысячъ человѣкъ войска намъ не надобно, потому что у невѣрныхъ нѣтъ войска въ Великой Арменіи; есть 5 губернаторовъ,—каждый живетъ въ неукрѣпленномъ городѣ съ отрядомъ въ полтораста человѣкъ, и какъ скоро наши начальные люди услышатъ приближеніе русскихъ войскъ, то въ 24 часа выгоняетъ невѣрныхъ и въ 15 дней овладѣютъ всею Землею. Грузины желаютъ того же самаго для себя. Содержаніе царскимъ войскамъ будутъ доставлять наши начальные люди; у меня бѣлый листъ за десятью печатями: о чемъ ни договорюсь съ царскимъ величествомъ, – все будетъ исполнено". Видя, что царь занятъ Шведскою войною и не можетъ отдѣлить значительную часть своихъ войскъ для освобожденія Армянъ, Орія подалъ предложеніе, чтобъ послано было 25,000 войска, составленнаго изъ казаковъ и Черкесовъ; такъ какъ тѣ и другіе живутъ на границѣ, то походъ будетъ безподозрителенъ и безъ слуха; на знаменахъ войсковыхъ должно быть изображено съ одной стороны распятіе, а съ другой—царскій гербъ. Войско должно идти на Шемаху, потому что это городъ большой, торговый, но не укрѣпленъ, населенъ Армянами, и занять его будетъ легко, а Шемаха—ключъ къ Армянской Землѣ. Армянскіе начальные люди съ войсками своими соберутся въ городѣ Нахичевани и, взявши царскія знамена, пойдутъ на непріятелей. Городъ Эривань взять легко, потому что тамъ живетъ много Армянъ; пороховая казна и другіе военные припасы въ рукахъ армянскихъ. А когда войско овладѣетъ Тавризомъ, городомъ богатѣйшимъ, то можетъ пустить загоны на всѣ четыре стороны и великую добычу получить, потому что села богатыя. Извѣстно, какъ Стенька Разинъ съ 3,000 казаковъ овладѣлъ Гилянью и державъ ее много лѣтъ: шахъ ничего не могъ ему сдѣлать; а теперь казаки пойдутъ въ этотъ походъ охотно, потому что добыча имъ будетъ громадная. Въ Армянской странѣ 17 провинцій, въ которыхъ соберется 116,000 человѣкъ войска, да грузинскаго войска соберется съ 30,000; турецкіе Армяне придутъ на помощь персидскимъ, и разумъ не можетъ обнять, сколько богатствъ у всѣхъ Армянъ тамошнихъ. Шахъ Персидскій не можетъ собрать болѣе 38,000 человѣкъ, а какъ лишится Армянъ и Грузинъ, то не останется у него и 20,000, и тѣ заняты войною съ Бухарцами. Теперь самое удобное время воевать Персовъ, потому что они не готовы, и всѣ христіане на нихъ возстали по причинѣ великаго гоненія.

Орія написалъ письмо самому государю: „Безъ сомнѣнія вашему царскому величеству извѣстно, что въ Армянской Землѣ въ-старину былъ король и князья христіанскіе, а потомъ отъ несогласія своего пришли подъ иго невѣрныхъ. Больше 250 лѣтъ стонемъ мы подъ этимъ игомъ, и какъ сыны Адамовы ожидали пришествія Мессіи, Который бы избавилъ ихъ отъ вѣчной смерти: такъ убогій нашъ народъ жилъ и живетъ надеждою помощи отъ вашего царскаго величества. Есть пророчество, что въ послѣднія времена невѣрные разсвирѣпѣютъ и будутъ принуждать христіанъ къ принятію своего прескверкаго закона: тогда придетъ изъ августѣйшаго Московскаго Дома великій государь, превосходящій храбростію Александра Македонскаго; онъ возьметъ царство Армянское и христіанъ избавитъ. Мы вѣримъ, что исполненіе этого пророчества приближается".

Такъ какъ Орія называлъ себя посланцомъ курфюрста Баварскаго, принимавшаго такое живое участіе въ судьбѣ Арманъ, то ему отвѣчали, что царское величество, будучи занятъ Шведскою войною, не можетъ отправить значительнаго войска въ Персію, но пусть курфюрстъ пришлетъ на помощь свое войско съ добрыми инженерами, офицерами и со всякими воинскими припасами, а въ Персію государь пошлетъ, подъ видомъ купца, вѣрнаго человѣка для подлиннаго увѣренія и разсмотрѣнія тамошнихъ мѣстъ. Орія отвѣчалъ, что Русскій человѣкъ ничего тамъ не провѣдаетъ, лучше послать гонца, съ которымъ поѣдетъ онъ самъ, и повезетъ царскую обнадеживательную грамоту къ армянскимъ старшинамъ, что они будутъ приняты подъ русскую державу со всякими вольностями, особенно съ сохраненіемъ вѣры; такую же обнадеживательную грамоту надобно послать и къ Грузинамъ, и пусть ее напишетъ находящійся въ Россіи Имеретинскій царь Арчилъ Вахтанговичъ. Обнадеживательную грамоту Армянамъ послать прилично, потому что подобныя же грамоты уже отправлены имъ отъ Цесаря и курфюрста Баварскаго.

На этомъ остановилось дѣло въ 1701 г.; весною 1702 г. Оріи было объявлено, что царское величество принимаетъ его предложеніе благопріятно, начать и совершить предпріятіе не отрицается, только не теперь, потому что теперь идетъ война Шведская, и начинать другую войну трудно; а когда Шведская

война кончится, то освобожденіе Армянъ будетъ предпринято непремѣнно. Это объявляется Оріи и товарищу его словесно, а они могутъ обнадежить старшинъ своего народа письменно. Осенью 1703 г. Орія поднесъ Петру карту Арменіи: „Изъ этого чертежа", писалъ онъ, „можно видѣть, что во всемъ государствѣ нѣтъ другой крѣпости, кромѣ Эривани. Богъ да поможетъ войскамъ вашимъ завоевать ее, и тогда всю Арменію и Грузію покорите; въ Анатоліи много Грековъ и Армянъ: тогда увидятъ Турки, что это прямой путь въ Константинополь. Я здѣсь ничего не дѣлаю, и потому прошу отпустить къ Цесарю и курфюрсту освѣдомиться, какую помощь они могутъ подать; прошу также дать мнѣ чинъ полковника карабинерскаго, чтобъ тѣмъ удобнѣе я могъ набрать всякихъ оружейныхъ художниковъ". Просьба была исполнена. Въ 1707 году полковникъ Орія, возвратившись изъ западной поѣздки, отправленъ былъ въ Персію подъ видомъ папскаго посланника, но умеръ на возвратномъ пути въ Астрахани.

Въ Россіи остался товарищъ Оріи, архимандритъ Минасъ Вартапетъ. Въ ноябрѣ 1714 года онъ подалъ предложеніе: „Израиль Орія, въ бытность свою въ Персіи, склонилъ Армянскаго патріарха и нѣсколько армянскихъ духовныхъ ѣхать съ собою въ Москву; но когда онъ умеръ въ Астрахани, то патріархъ и всѣ другіе духовные возвратились назадъ. Я нашелъ слѣдующій удобный способъ привести Армянъ подъ покровительство Россіи: на Каспійскомъ морѣ есть удобная пристань, называемая Низовая, между двухъ рѣкъ; значительныхъ поселеній тутъ нѣтъ, только много деревень; для того, чтобъ царскимъ войскамъ можно было безопасно тутъ пристать, пусть государь пошлетъ грамоту шаху, чтобъ позволено было построить здѣсь армянскій монастырь,—а строятся обыкновенно эти монастыри обширно и могутъ замѣнять крѣпости; на построеніе этого монастыря изволилъ бы царское величество помочь деньгами. Для отвлеченія подозрѣнія отъ меня, государь благоволитъ приказать построить армянскую церковь въ Петербургѣ: тогда будетъ ясно, что я занимаюсь только построеніемъ церквей".

Въ началѣ 1716 года Вартапетъ отправился въ Персію и повезъ письмо отъ Шафирова къ Волынскому такого содержанія: „Въ данной вамъ инструкціи помянуто, что, будучи въ Персіи, навѣдаться о народѣ Армянскомъ, какъ онъ тамъ многолюденъ и силенъ, и склоненъ ли къ сторонѣ царскаго величества. Теперь для того же ѣдетъ изъ Москвы въ Персію извѣстный вамъ Минасъ Вартепатъ будто для отысканія пожитковъ, оставшихся послѣ умершаго Израиля Оріи; оказывайте ему нужную помощь, только не возбудите подозрѣнія". Вартапетъ возвратился въ архіепископскомъ чинѣ и привезъ грамоту отъ Армянскаго патріарха Исаіи, живущаго въ монастырѣ Канзасарѣ; въ грамотѣ говорилось: „Когда ваше величество свои воинскія дѣла начать изволите, тогда прикажите насъ напередъ увѣдомить, чтобъ я съ моими вѣрными людьми, по возможности и по требованію вашему, могъ служить и приготовиться". Что же касается главнаго патріарха, живущаго въ Эчміадзинѣ, тотъ на словахъ обѣщалъ служить вѣрно, но письмо далъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что Вартапетъ у него былъ и говорилъ съ нимъ о дѣлахъ, которыя приняты любительно и пріятно. Эчміадзинскій патріархъ объявилъ, что онъ не можетъ обязаться вѣрностію царю, опасаясь Персіянъ и нѣкоторыхъ Армянъ. Въ 1718 году Вартапетъ подалъ пункты, въ которыхъ просилъ, отъ имени всѣхъ Армянъ: освободить ихъ отъ басурманскаго ига и принять въ русское подданство; что теперь время приниматься за это дѣло, потому что варвары бѣдствуютъ извнѣ и внутри; что этому дѣлу много доброжелателей, но есть и противники, между прочимъ и епископъ Армянскій, находящійся въ Казани; изо всего видно, что онъ и пріѣхалъ въ Россію для провѣдыванія; если возвратится въ Персію, то всѣ вѣрные пропадутъ, и патріарху можетъ грозить смерть; поэтому епископа и слугу его надобно посадить въ монастырь, держать честно, но не позволять ни съ кѣмъ имѣть сношенія".

Неизвѣстно, какъ было поступлено съ епископомъ; но извѣстно, что въ началѣ 1722 года посажены были по монастырямъ священникъ армянскій Араратскій и Армянинъ Адамъ Павловъ, которому священникъ открылъ тайну сношеній Русскаго Двора съ Армянами, а священнику открылъ эту тайну Вартапетъ. Считая виновникомъ своей бѣды Вартапета, Араратскій подалъ императору просьбу, въ которой указывалъ, что Вартапетъ—католикъ, ограбилъ армянскую церковь въ Москвѣ и подговаривалъ его, Араратскаго, чтобъ онъ всѣхъ Армянъ обращалъ въ католицизмъ; когда русскія дѣвушки выходили за Армянъ замужъ, то Вартапетъ вѣнчалъ ихъ по католическому обряду. Этотъ доносъ, какъ видно, не повредилъ Вартапету, и, въ концѣ года, Тифлисскій армянскій епископъ писалъ ему, что сто тысячъ вооруженныхъ Армянъ готовы пасть къ стопамъ императорскимъ, и чтобъ русскія войска спѣшили въ Шемаху; если же до марта 1723 года не будутъ, то Армяне пропадутъ отъ Лезгинъ. По прошествіи означеннаго срока, уже патріархъ Армянскій Нерсесъ обратился прямо къ императору съ просьбою о заступленіи, „какъ пророкъ Моисей освободилъ Израиля отъ рукъ Фараоновыхъ". Вслѣдствіе этой просьбы, отправлена была „императорская милость и поздравленіе честному народу Армянскому, обрѣтающемуся въ Персіи". Въ грамотѣ объявлялось, что Армяне могутъ безпрепятственно пріѣзжать въ Россію для торговли; повезъ ее Армянинъ Иванъ Карапетъ, которому велѣно было обнадежить Армянскій народъ императорскою милостію, увѣрить въ готовности государя принять ихъ подъ свое покровительство и освободить изъ-подъ ига невѣрныхъ; но прежде всего Русскимъ нужно утвердиться на Каспійскомъ морѣ, овладѣть прибрежными мѣстами, и

потому пусть Армяне подождутъ короткое время; если же главнымъ Армянамъ никакъ нельзя оставаться въ ихъ странѣ, то пусть переѣзжаютъ въ города, занятые русскими войсками, а народъ останется въ своихъ жилищахъ и поживетъ спокойно, пока русское войско приготовится къ его освобожденію.

Въ началѣ 1724 года Карапетъ пріѣхалъ въ монастырь Канзасаръ къ патріарху Исаіи, около котораго собралось 12,000 армянскаго войска. Восемь дней праздновали Армяне, узнавши, что Русскій государь принимаетъ ихъ подъ свое покровительство, и объявили, что если императорское величество не изволитъ прислать къ нимъ войска на помощь, то они просятъ, чтобъ позволено было имъ поселиться у Каспійскаго моря, въ Гиляни, Сальянѣ, при Баку и Дербентѣ, потому что они подъ игомъ бусурманскимъ болѣе быть не хотятъ, хотя и Персы и Турки зовутъ ихъ къ себѣ. Въ одной Карабахской провинціи Армянъ будетъ со 100,000 дворовъ, а въ другой провинціи—Капанъ—еще болѣе Армянъ, и всѣ они одинаково хотятъ быть подъ покровительствомъ Россіи. Въ октябрѣ того же 1724 года два патріарха, Исаія и Нерсесъ, прислали Петру новую грамоту: „О всѣхъ нашихъ нуждахъ черезъ четыре или пять писемъ мы вашему величеству доносили, но ни на одно отвѣта не получили; находимся въ безнадежности, какъ будто мы вашимъ величествомъ забыты, потому что три или четыре уже года живемъ въ распущенности, какъ овцы безъ пастыря. До сихъ поръ, имѣя непріятелей съ четырехъ сторонъ, по возможности оборонялись; но теперь пришло множество турецкаго войска—и много персидскихъ городовъ побрано; просимъ съ великими слезами помочь намъ какъ можно скорѣе: иначе Турки въ три мѣсяца все возьмутъ и христіанъ побьютъ“ [1]).

Петръ не получилъ уже этой грамоты; но онъ и безъ армянской просьбы всего болѣе опасался Турокъ: мы видѣли, что онъ приказалъ занимать новозанятыя области Армянами и удалять магометанъ турецкаго закона. Интересы Россіи и Турціи необходимо сталкивались по отношенію къ Персіи; Петръ спѣшилъ занять Прикаспійскія области Персіи и потому, чтобъ не дать утвердиться здѣсь Туркамъ; если христіанское народонаселеніе Персіи, Армяне, Грузины, прибѣгали подъ покровительство Русскаго императора, то магометанское народонаселеніе Закавказья, Лезгинцы, овладѣвшіе Шемахою, изъ боязни предъ Русскими, должны были отдаться подъ покровительство султана. Въ 1722 году, въ то время, когда Петръ готовился въ Москвѣ къ походу Персидскому, русскій резидентъ въ Константинополѣ, Неплюевъ, давалъ ему знать, что Лезгинцы, превозглашая себя настоящими мусульманами одного съ Турками закона, прислали просить покровительства султана, признавая его своимъ верховнымъ государемъ; объявили, что въ знакъ подданства уже чеканятъ монету съ именемъ султана Ахмета и каждую пятницу молятся за него въ мечетяхъ; требовали, чтобъ Порта немедленно отправила къ нимъ пашу для управленія. Порта содержала это дѣло въ большой тайнѣ, потому что въ то же время находился въ Константинополѣ и персидскій посолъ; съ другой стороны, она заботливо озиралась на Россію, и, зная, что, при взятіи Шемахи, Лезгинцы враждебно поступили съ Русскими, довѣдывалась у нихъ, какъ было дѣло. Лезгинцы, разумѣется, оправдывали себя; разсказывали, что русскимъ купцамъ было велѣно собраться въ одно мѣсто со всѣми своими пожитками, и еслибъ они такъ сдѣлали, то не потерпѣли бы ни малѣйшаго вреда; но они, увлекшись корыстолюбіемъ, стали брать почти у всѣхъ Шемаханцевъ дорогія вещи на сохраненіе, что было имъ именно запрещенно; тогда войско, видя себя лишеннымъ добычи и узнавъ, что все лучшее спрятано у Русскихъ, бросилось на нихъ, побило и ограбило. Порта дала такой отвѣтъ лезгинскимъ посланнымъ, что султанъ не подастъ противъ нихъ помощи шаху; принять же ихъ въ покровительство хотя и желаетъ, но не можетъ, ибо это будетъ подозрительно и Персіи, и Россіи, которая раздражена погромомъ купцовъ своихъ въ Шемахѣ.

21 апрѣля Неплюевъ былъ у визиря и объявилъ ему, что персидскіе бунтовщики побили въ Шемахѣ русскихъ купцовъ и разграбили ихъ товары, за что императоръ требуетъ отъ шаха удовлетворенія, а бунтовщики, какъ говорятъ, боясь мести со стороны Россіи, обратились къ Портѣ съ просьбою о покровительствѣ. Визирь отвѣчалъ, что дѣйствительно были у нихъ какіе-то люди съ устною просьбою о покровительствѣ, обѣщаясь быть въ зависимости отъ Порты, подобно Крымскому хану, но что Порта потребовала отъ нихъ письменнаго заявленія ихъ желаній. „Мы знаемъ,“ продолжалъ визирь, „что эти бунтовщики немалую сдѣлали обиду русскимъ купцамъ: потому, если и письменно будутъ просить у насъ покровительства, то мы ихъ защищать не будемъ, пока вашъ государь не получитъ полнаго удовлетворенія.“ Французскій посолъ говорилъ Неплюеву, что если Русскіе ограничатся только Прикаспійскими провинціями и не будутъ со стороны Арменіи и Грузіи приближаться къ турецкимъ границамъ, то Порта останется равнодушною, а быть можетъ что нибудь и себѣ возьметъ со стороны Вавилона. Неплюевъ отвѣчалъ, что его императоръ не желаетъ разрушенія Персидскаго государства, и другихъ къ тому не допуститъ. Французъ замѣтилъ на это. „Такъ всегда говорятъ вначалѣ; а я говорю, какъ добрый другъ, что ни вы Туркамъ, ни Турки вамъ воспрепятствовать не могутъ; но лучше къ турецкимъ границамъ не приближаться, а преслѣдовать свою цѣль и поскорѣе овладѣть Прикаспійскими областями. Донесите вашему государю, чтобъ онъ письменно не заявлялъ Портѣ, что не хочетъ никакихъ завоеваній въ Персіи, да и сами вы на словахъ отходите, потому что нынче обяжетесь на письмѣ, а завтра

[1]) Дѣла Армянскія означенныхъ лѣтъ.

явятся такія обстоятельства, которыя заставятъ совершенно иначе дѣйствовать".

Скоро Неплюевъ долженъ былъ сообщить тревожное извѣстіе: шахъ, стѣсненный Магометъ Мирвеисомъ, прислалъ въ Константинополь съ просьбою о помощи; но въ Диванѣ рѣшили, что нельзя подавать помощи шииту противъ суннита Магомета, а надобно объявить послѣднему, что Порта не будетъ препятствовать ему овладѣть Персіею, если онъ признаетъ зависимость свою отъ султана. Съ другой стороны, англійскій посолъ внушалъ визирю: что Россія хочетъ объявить войну Даніи и сближается съ Вѣнскимъ Дворомъ; что Русскій императоръ хочетъ женить своего внука, великаго князя Петра, на племянницѣ Цесаря; но если эти двѣ сильныя имперіи соединятся, то будетъ дурно и Англіи, и Портѣ. Кромѣ того, послы англійскій, венеціанскій и резидентъ австрійскій разглашали, что Русскій государь вступилъ въ Персію съ 100,000 войска, а когда возьметъ провинціи Ширванскую, Эриванскую и часть Грузіи, тогда турецкіе подданные, Грузины и Армяне, сами вступятъ подъ русское покровительство, а оттуда близко и къ Трапезунту, отчего современемъ можетъ быть Турецкой имперіи крайнее разореніе. Французскій посолъ далъ знать, что жители той области, гдѣ главный городъ Тифлисъ, просили помощи у Турокъ, и Эрзерумскому пашѣ велѣно защищать ихъ, занять подъ этимъ предлогомъ Тифлисъ, а съ другой стороны Эривань. Неплюевъ писалъ: „По моему мнѣнію, весьма нужно для персидскихъ дѣлъ посла французскаго наградить, а мнѣ очень трудно отъ внушеній другихъ министровъ: внушаютъ Портѣ, что Русскій государь уменъ и Турокъ обманываетъ миромъ; теперь возьметъ персидскія провинціи, и если султанъ не воспрепятствуетъ ему въ этомъ оружіемъ, то онъ съ той стороны нападетъ на Турцію". Когда вниманіе всѣхъ было поглощено персидскими дѣлами, пріѣхалъ польскій интернунцій съ своимъ страхомъ предъ раздѣломъ. „Король и республика прислали меня сюда", говорилъ онъ визирю, узнавъ, что между Россіею и Портою заключенъ тайный союзъ: „обѣ державы согласились овладѣть Польшею и раздѣлить ее пополамъ, и я присланъ къ Портѣ увѣдомиться объ этомъ". Визирь отвѣчалъ: „У насъ намѣренія такого и договора съ государемъ Русскимъ не бывало; напротивъ, въ договорѣ нашемъ съ Россіею утверждено охранять вольность республики и никому не вступать съ войскомъ въ ея придѣлы, кромѣ тѣхъ случаевъ, если вы сами введете чужія войска въ свою Землю, или пожелаете корону сдѣлать наслѣдственною".

Въ августѣ мѣсяцѣ секретарь рейсъ-еффенди сообщилъ посекрету переводчику русскаго посольства, Мальцеву, что если императоръ не будетъ распространять своихъ завоеваній въ Персіи далѣе Шемахи, которою имѣетъ право овладѣть за причиненныя здѣсь Лезгинцами обиды русскимъ купцамъ, то Порта этому не воспрепятствуетъ, хотя и будетъ ей непріятно; но если Русскій государь, по взятіи Шемахи, вознамѣрится взять подъ свою державу Имеретинцевъ и Грузинъ, то этого Порта никакъ позволить не можетъ, ибо она хочетъ присоединить Грузинъ, находящихся подъ персидскимъ владычествомъ, къ тѣмъ, которые уже находятся подъ ея властію, потому что если персидскіе Грузины отойдутъ къ Россіи, то, въ случаѣ разрыва ея съ Портою, и турецкіе Грузины отойдутъ къ ней же. Порта будетъ дожидаться, что́ произойдетъ нынѣшнимъ лѣтомъ, ибо ей со всѣхъ сторонъ внушаютъ, что русскія войска будутъ имѣть большіе успѣхи въ Персіи, и это современемъ будетъ опасно для Турціи. Чрезъ нѣсколько времени „другой другъ" сообщилъ въ посольство, что Портѣ извѣстно о пребываніи русскаго войска въ Дагестанѣ и о построеніи новой крѣпости, извѣстно и о томъ, что нѣкоторые народы склоняются къ Россіи, а именно—Грузины и Черкесы, что подаетъ явную причину къ разрыву между Россіею и Турціею. Порта не препятствовала вступленію русскихъ войскъ въ персидскія владѣнія, думая, что государь Русскій хочетъ только принудить Лезгинцевъ къ уплатѣ вознагражденія за убытки, а не намѣренъ овладѣвать областями. Визирь пригласилъ къ себѣ Неплюева, при немъ вынулъ изъ мѣшка донесеніе Крымскаго хана, Азовскаго паши и Лезгинцевъ, и началъ говорить: „Вашъ государь, преслѣдуя своихъ непріятелей, вступаетъ въ области, зависящія отъ Порты: это развѣ не нарушеніе вѣчнаго мира? Если бы мы начали войну съ Шведами и пошли ихъ искать чрезъ ваши земли, то что бы вы сказали? И къ Лезгинцамъ по такому малому дѣлу не слѣдовало твоему государю собственною особою съ великими войсками идти: могъ бы удовлетвореніе получить и чрезъ наше посредство. Мы видимъ, что государь вашъ сорокъ лѣтъ своего царствованія проводитъ въ постоянной войнѣ: хотя бы на малое время успокоился и далъ покой и друзьямъ своимъ; а если онъ желаетъ нарушить съ нами дружбу, то могъ бы и явно объявить намъ войну; мы, слава Богу, въ состояніи отпоръ сдѣлать."—„Не могу вѣрить", отвѣчалъ Неплюевъ, „чтобъ государь мой вступилъ въ предѣлы Оттоманской имперіи; что же касается Лезгинцевъ, то государь мой заблаговременно далъ знать султану о движеніи своихъ войскъ противъ нихъ, потому что получить удовлетвореніе не въ силахъ". Визирь увернулся въ сторону, объявилъ, что большія обиды турецкимъ подданнымъ отъ казаковъ и отъ пограничнаго начальника Ивана Хромого, и Порта имѣетъ право требовать за это удовлетворенія. Разговоръ, начавшійся жесткими словами, кончился очень дружелюбно. Неплюевъ увѣрялъ, что дружба между обѣими высокими имперіями какъ храмина, построенная на камнѣ, который вѣтры не поколеблютъ; а визирь объявилъ, что Порта желаетъ заключить съ Россіею оборонительный и наступательный союзъ безъ всякихъ исключеній. „Этимъ союзомъ", говорилъ визирь, „бу-

демъ страшны всему свѣту; Цесарь Римскій съ Польшею и Венецією въ союзѣ, и объ этомъ намъ дали знать для показанія силы своей стороны; и хотя мы, Турки, съ Русскими разной вѣры, но это не препятствіе, потому что вѣра относится къ будущей жизни, а на этомъ свѣтѣ союзы заключаются не по вѣрѣ, а по государственному интересу".

Черезъ нѣсколько времени отъ Порты дано знать Неплюеву, что Грузины, подданные персидскіе, имѣющіе столицею Тифлисъ, взбунтовались противъ Персидскаго шаха и дѣлаютъ набѣги на подданныхъ Порты; поэтому рѣшено въ Диванѣ, чтобъ Эрзерумскій паша съ 50,000 войска вступилъ въ персидскую Грузію и сдержалъ ея жителей; Порта дѣлаетъ это, охраняя себя и вмѣстѣ шаха Персидскаго, а не для того, чтобъ овладѣть Грузіею. „Видя здѣшнія замѣшательства", писалъ Неплюевъ, „я обѣщалъ визирскому кегаѣ и рейсъ-эффенди по тысячѣ червонныхъ, чтобъ они постарались сохранить дружбу, пока Порта получитъ отвѣтъ вашего величества черезъ своего посланнаго, къ вамъ отправленнаго; турецкія дѣла и слова непостоянны: можетъ произойти бунтъ, или визирь перемѣнится, или къ Татарамъ склонится, или Татары самовольно нападутъ на русскіе предѣлы,—и отъ подобнаго случая можетъ произойти ссора; поэтому соизвольте на границахъ остерегаться и приготовляться къ войнѣ. Порта принимаетъ въ свое подданство Даудъ-хана, и хочетъ сначала овладѣть персидскою Грузіею, а потомъ вытѣснить русскія войска изъ Дагестана. Разсуждаютъ здѣсь какъ знатные люди, такъ и простой народъ, чтобъ имъ двинуться всею силою противъ Россіи; безпрестанно посылается аммуниція и артиллерія въ Азовъ и Эрзерумъ. Видя все это, я письма нужныя черныя сжегъ, а иныя переписалъ въ цифры, а сына моего поручилъ французскому послу, который отправилъ его въ Голландію. Самъ я готовъ варварскія озлобленія терпѣть, и послѣднюю каплю крови за имя вашего величества и за отечество пролить; но повели, государь, послать указъ въ Голландію князю Куракину, чтобъ сына моего своею протекціею не оставилъ; повели опредѣлить сыну моему жалованье на содержаніе и ученіе, и отдать его въ академію для сціенціи учиться иностраннымъ языкамъ, философіи, географіи, математикѣ и прочихъ историческихъ книгъ чтенія; умилостивься, государь, надъ десятилѣтнимъ младенцемъ, который современемъ можетъ вашему величеству заслужить".

Въ началѣ ноября кегая великаго визиря сообщилъ Неплюеву приказаніе Порты писать императору, чтобъ вышелъ изъ персидскихъ владѣній, потому что пребываніе здѣсь русскихъ войскъ внушаетъ сильное подозрѣніе всѣмъ окрестнымъ государямъ, и Турецкій народъ покоенъ быть не можетъ. Особенно встревожило Порту извѣстіе, что Русскій императоръ находится въ дружескихъ сношеніяхъ съ Персидскимъ шахомъ: сейчасъ же заключили, что между Россіею и Персіею готовится союзъ противъ бунтовщиковъ. Въ то же время Татары подкинули самому султану бумагу, въ которой упрекали его за неосмотрительность: „Министры тебя обманываютъ". говорилось въ бумагѣ; „ты и не узнаешь, какъ Русскій царь разоритъ половину твоего государства". Султанъ сильно смутился, хотѣлъ казнить визиря, противъ котораго готовился и бунтъ въ народѣ; но визирь сохранилъ жизнь и мѣсто тѣмъ, что велѣлъ войскамъ двинуться въ Грузію. Также пошелъ слухъ въ Константинополѣ, что Лезгинцы нанесли страшное пораженіе русскому войску, и самъ Петръ едва спасся моремъ въ Астрахань; догадывались, что этотъ слухъ пущенъ нарочно для успокоенія народа. Впрочемъ, основаніемъ слуху служило дѣйствительное отплытіе Петра въ Астрахань. Неплюевъ узналъ, что между Портою и Хивою происходятъ сношенія о союзѣ оборонительномъ и наступательномъ противъ Россіи. Рагоци, въ интересахъ котораго было сохраненіе мира и пріязни между Россіею и Турціею, составилъ проектъ примиренія интересовъ обоихъ государствъ; Турки, говорилось въ проектѣ, по единовѣрію, хотятъ взять себѣ Дагестанъ; но по тому же единовѣрію Россія должна была взять персидскую Грузію и для торговыхъ выгодъ гавань на Каспійскомъ морѣ; когда Россія и Турція подѣлятъ такимъ образомъ кавказскія области, то примутъ на себя посредничество между Персидскимъ шахомъ и Мирвеизомъ.

Въ концѣ года, когда получено было достовѣрное извѣстіе, что Петръ изъ Дербента возвратился назадъ, великій визирь прислалъ объявить Неплюеву, что этимъ возвращеніемъ уничтожены всѣ подозрѣнія, и Порта желаетъ сохраненія и усиленія постановленной съ Россіею дружбы; но въ то же время Порта спѣшила воспользоваться удаленіемъ Русскаго императора, чтобъ какъ можно выгоднѣе устроить свои дѣла на Кавказѣ. Къ Даудъ-беку отправлена была жалованная грамота, по которой онъ принимался въ подданство Порты на правахъ Крымскаго хана, давался ему титулъ ханскій и власть надъ двумя областями — Дагестаномъ и Ширваномъ; при этомъ ему внушалось, чтобъ онъ старался покорить и другія ближайшія персидскія провинціи, которыя также поступятъ въ его владѣніе; внушалось, чтобъ онъ всѣми средствами старался вытѣснить русскій гарнизонъ изъ Дербента и изъ другихъ тамошнихъ мѣстъ; послано къ нему 30,000 червонныхъ и обѣщано вспоможеніе войскамъ. Неплюевъ за 100 червонныхъ досталъ копію съ грамоты къ Дауду и съ инструкціи, данной посланному къ нему.

Петръ, еще не зная объ этомъ, поручилъ Неплюеву предложить Портѣ согласиться насчетъ персидскихъ дѣлъ. Въ февралѣ 1723 года, великій визирь пригласилъ къ себѣ русскаго резидента и объявилъ ему, что соглашаться не-въ-чемъ: Магометъ, или, какъ обыкновенно его называли отцовскимъ именемъ, Мирвеизъ, овладѣлъ персидскою столицею Испаганью и большею частію провинцій;

съ другой стороны,—Ширваномъ, Ардебилемъ и Арменіею овладѣлъ Даудъ-бекъ лезгинскій, который теперь вступилъ въ подданство къ Портѣ, да и Мервеизъ скоро долженъ послѣдовать его примѣру; Русскому государю, слѣдовательно, опасаться теперь нечего: всѣ эти народы теперь подданные турецкіе, русское купечество у нихъ будетъ вполнѣ безопасно. Неплюевъ замѣтилъ, что со стороны Россіи война начата для полученія удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное русскимъ подданнымъ въ Шемахѣ. Визирь отвѣчалъ, что „удовлетвореніе уже получено, потому что императоръ прошелъ съ войскомъ до Дербента и разорилъ все на пути; правда, Порта обѣщала не принимать въ подданство Дагестанъ; но она обѣщала это тогда, когда просьбы отъ его жителей не получала, а теперь они присили принять ихъ по единовѣрію, и отказать имъ было нельзя, и если Русскій государь нынѣшнимъ годомъ вступитъ съ войскомъ въ персидскія владѣнія, то Даудъ, Мирвеизъ и всѣ тамошніе народы противъ него соединятся, и Порта, по единовѣрію, какъ защитница магометанскихъ народовъ, принуждена будетъ также воружиться. Слѣдствія войны неизвѣстны, и если-бы даже вашему государю удалось завладѣть нѣкоторыми провинціями, то удержать ихъ не можетъ, потому что всѣ тамошніе народы - магометане, и будутъ стараться всѣми средствами Русихъ отъ себя выгнать; и шевкала Тарковскаго Даудъ принудитъ, по единовѣрію, поддаться Портѣ." Визирь окончилъ свою рѣчь словами: „Всякій бы желалъ для себя большихъ пріобрѣтеній, но равновѣсіе сего свѣта не допускаетъ; напримѣръ, и мы бы послали войско противъ Италіи и прочихъ малосильныхъ государей, но другіе государи не допустятъ; поэтому и мы за Персіею смотримъ."

На третій день послѣ разговора, къ Неплюеву пріѣхалъ переводчикъ Порты и объявилъ, что на общемъ совѣтѣ постановлено сообщить Русскому государю, чрезъ его резидента, что если онъ считаетъ себя въ правѣ чего искать на Лезгинцахъ или Мирвеизѣ, то долженъ съ своими требованіями обращаться къ Портѣ, потому что Персія теперь въ подданствѣ у Порты, и Русскій государь долженъ вывести свои войска изъ персидскихъ областей, въ противномъ же случаѣ Порта принуждена будетъ вступить съ нимъ за Персію въ войну. Переводчикъ Порты сообщилъ Неплюеву посекрету, что на дняхъ англійскій посолъ подалъ Портѣ меморіалъ на турецкомъ языкѣ, гдѣ говорится, что, по сообщеніямъ отъ Прусскаго Двора, Русскій государь собираетъ огромное войско и хочетъ выступить въ походъ противъ Дагестана и распространить свои владѣнія до Чернаго моря; Порта, говорилось въ меморіалѣ, должна беречься Россіи, бороться съ которой легко, ибо Русскій государь не въ дружбѣ ни съ однимъ изъ европейскихъ государей: всѣ они ему злодѣи. Неплюевъ повидался съ французскимъ посломъ Де-Бонакомъ, и тотъ ему сказалъ: „Донесите своему Двору, что все дѣло въ двухъ словахъ: сохранять миръ съ Турціею и не вступаться въ персидскія дѣла; продолжать войну въ персидскихъ областяхъ—разорвать съ Турціею." Неплюевъ очень дорожилъ совѣтами и сообщеніями Де-Бонака, и подарилъ ему два мѣха собольихъ въ 1,300 рублей [1]).

Де-Бонакъ, съ умысломъ или безъ умысла, говорилъ слишкомъ рѣшительно. Диванъ не хотѣлъ войны съ Россіею и только стращалъ, выставляя нравственную для себя необходимость воевать; нравственной необходимости не было: Персія не была въ подданствѣ у Порты, Мирвеизъ не думалъ признавать свою зависимость отъ султана; въ Константинополѣ хлопотали не о защитѣ новаго правовѣрнаго Персидскаго шаха, но хотѣли прежде всего овладѣть христіанскою Грузіею, чтобъ не перепустить ея въ русскія руки и не быть отрѣзанными отъ магометанскихъ народовъ Кавказа. Турки угрозами надѣялись заставить Русскаго императора покинуть Кавказскія страны; но Петра трудно было напугать, особенно когда пріобрѣтеніе Каспійскаго побережья онъ считалъ необходимымъ дополненіемъ къ пріобрѣтенію побережья Балтійскаго. 4 апрѣля онъ сдѣлалъ нужныя приготовленія къ войнѣ съ Турками, назначилъ князя Михаила Михаиловича Голицына главнымъ начальникомъ Украинской арміи; полки были отпущены съ работъ на квартиры и велѣно имъ быть въ готовности; посланъ указъ не высылать Малороссійскихъ казаковъ на каналъ, воротить тѣхъ, которые уже вышли, и быть имъ готовыми на службу [2]); а 9 апрѣля Петръ велѣлъ написать Неплюеву: „Наши интересы отнюдь не допускаютъ, чтобъ какая другая держава, чья-бъ ни была, на Каспійскомъ морѣ утвердилась; а что касается Дербента и другихъ мѣстъ, въ которыхъ наши гарнизоны находятся, то они никогда во владѣніи персидскихъ бунтовщиковъ, ни Лезгинцевъ, ни Мирвеиза, не бывали, а по собственному ихъ письменному и словесному прошенію, какъ то бывшему при Дворѣ нашемъ турецкому посланнику явно доказано, подъ покровительство наше добровольно отдались, и если Порта, въ противность вѣчному миру, будетъ принимать подъ свое покровительство Лезгинцевъ, нашихъ явныхъ враговъ, то тѣмъ менѣе должно быть противно Портѣ, если мы принимаемъ подъ свое покровительство народы, не имѣющіе никакого отношенія къ Портѣ и находящіеся въ дальнемъ отъ нея разстояніи, на самомъ Каспійскомъ морѣ, до котораго намъ никакую другую державу допустить нельзя. Если Порта, безо всякой со стороны нашей причины, хочетъ нарушить вѣчный миръ, то мы предаемъ такой беззаконный поступокъ суду Божію, и къ оборонѣ своей, съ помощію Божіею, потребные способы найдемъ". Но въ это время, когда продолженіе военныхъ дѣйствій на берегахъ Каспійскаго моря условливало войну Турецкую,

[1]) Дѣла Турецкія 1722 и 1723 г.

[2]) Дѣла и протоколы Сената въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

Петръ былъ обезпокоенъ однимъ явленіемъ, касавшимся интересовъ дорогой ему русской торговли: императоръ узналъ, что въ Италію привезено много икры изъ Константинополя, тогда какъ эта страна обыкновенно снабжалась икрою изъ Россіи; немедленно отправляется порученіе къ Неплюеву разведать, откуда пошла эта икра, приготовлена ли она въ Турціи, или доставлена русскими купцами, и, въ последнемъ случае,—изъ какихъ местъ.

Русскія войска поплыли къ Баку, а Турція не объявляла войны Россіи, несмотря на внушенія англійскаго посланника, что его король вместе съ Датскимъ королемъ хочетъ напасть на Россію. Туркамъ хотелось прежде утвердиться въ Арменіи и Грузіи. Петру это очень не нравилось. 14 и 18 іюля и 8 августа происходили конференціи между Неплюевымъ, рейсъ-еффенди и Де-Бонакомъ, который былъ приглашенъ въ качестве посредника. Неплюевъ объявилъ, что его императоръ, несмотря на убытки, причиненные Лезгинцами русской торговле, не пошлетъ противъ нихъ своихъ войскъ, если Порта запретитъ Лезгинцамъ нападать на те города, въ которыхъ находятся русскіе гарнизоны, и не будетъ вводить своихъ войскъ въ персидскія провинціи, Арменію и Грузію, до техъ поръ, пока между Россіею и Турціею будетъ все улажено насчетъ персидскихъ делъ. Рейсъ-еффенди отвечалъ, что Порта имеетъ права не только на Грузію и Арменію, но и на все прикаспійскія области, а Россія на последнія не имеетъ никакого права, особенно потому, что народы, здесь обитающіе, Магометанской веры: недавно шевкалъ Тарковскій и другіе владельцы писали Порте, чтобы, по единоверію, освободила ихъ изъ русскихъ рукъ. Неплюевъ возражалъ, что это разсужденіе политическимъ правамъ противно; вера не служитъ определеніемъ границъ, ибо если бы определять границы по вере, то во всемъ свете мира не было бы: сколько христіанскихъ народовъ подъ властію Порты, а магометанскихъ подъ властію Россіи! Неплюевъ объявилъ решительно, что императоръ не допуститъ къ каспійскимъ берегамъ никакой другой державы, и особенно Турціи.

Между темъ англійскій посланникъ продолжалъ внушать Порте, что война съ Россіею не опасна, что внутри новой имперіи происходятъ замешательства. Посолъ завелъ сношенія и съ человекомъ, который, въ случае войны, могъ быть полезенъ Туркамъ: то былъ известный намъ Орликъ, называвшійся гетманомъ войска Запорожскаго. Орликъ, привезенный Карломъ XII въ Швецію, теперь пріехалъ оттуда въ турецкія владенія и жилъ въ Салоникахъ, откуда, посредствомъ одного Шведа, жившаго при англійскомъ после, передавалъ Порте разныя предложенія; онъ домогался, чтобъ султанъ вызвалъ его въ Константинополь, обещая, въ случае войны съ Россіею, поднять противъ нея казаковъ. Визирь потребовалъ, чтобъ онъ изъяснилъ обстоятельно. какимъ образомъ надеется возмутить Украйну и имеетъ съ русскими казаками сношенія. Неплюевъ писалъ, что до объявленія войны Орлика въ Константинополь не вызовутъ.

Въ конце года, по указу отъ своего Двора, Неплюевъ въ новой конференціи съ рейсъ-еффенди и Де-Бонакомъ предложилъ остановить военныя действія съ обеихъ сторонъ. Порта, уже овладевшая Тифлисомъ, отвечала, что она готова остановить свои войска, но не прежде, какъ они овладеютъ городами Эриванью и Генджею; согласились однако съ обеихъ сторонъ послать начальствующимъ войсками приказъ, чтобъ они поступали между собою дружески, пока дело не решится на дальнейшихъ конференціяхъ въ Константинополе. Въ это время Порта узнала о договоре, заключенномъ между Россіею и Персіею въ Петербурге. На конференціи 23 декабря рейсъ-еффенди выразилъ свое удивленіе: въ Персіи государя нетъ, и потому она естественно переходитъ во владеніе Порты, а между темъ Русскій государь публикуетъ какой-то договоръ, заключенный съ человекомъ, Порте неизвестнымъ. Резидентъ отвечалъ, что въ Персіи есть государь Тохмасибъ, который наследовалъ престолъ законнымъ образомъ после отца. Съ этимъ-то законнымъ шахомъ заключенъ у Россіи договоръ, съ обещаніемъ помогать ему противъ бунтовщиковъ, а шахъ за эту помощь уступилъ Россіи известныя земли. Такимъ образомъ, Порта знаетъ теперь, чемъ Россія владеетъ; известно и Русскому императору, чемъ Порта въ Персіи овладела; и такъ какъ Персія обоимъ государствамъ соседственна, то, для уничтоженія всякихъ подозреній, императоръ предлагаетъ, чтобъ оба государства не распространяли больше своихъ владеній въ Персіи, остались при томъ, чемъ действительно въ настоящее время владеютъ; чтобъ турецкія войска не переходили реку Куру; въ Шемахе пусть владеетъ Даудъ-бекъ, но чтобъ турецкихъ войскъ въ этомъ городе никогда не было и городъ не былъ укрепленъ. Рейсъ-ефенди твердилъ свое: что Персія вся принадлежитъ султану; что Тохмасибъ не можетъ быть законнымъ шахомъ, потому что отецъ его живъ, хотя еще и въ неволе. И какая польза Русскому государю отъ договора съ Тохмасибомъ, который принужденъ бежать въ Араратскія горы и живетъ тамъ какъ дикій человекъ; скоро вся Персія покорится Туркамъ, и все тамошніе народы естественно встанутъ противъ Русскихъ и выгонятъ ихъ вонъ, потому что тамъ искони нога христіанская никогда не бывала; въ договоре съ Тохмасибомъ Русскій государь обязанъ стоять за него противъ всехъ его непріятелей, следовательно и противъ Турокъ; значитъ, вечный миръ у Россіи съ Портою нарушенъ. Въ конференціи 30 декабря рейсъ-еффенди сказалъ, что султанъ объявилъ о русскихъ требованіяхъ своимъ министрамъ, духовенству и воинскому чину,—и все единогласно отвечали, что объ этихъ требованіяхъ слышать не могутъ, но готовы кровію своею защищать Персію, которая теперь, не имея своего го-

сударя, принадлежитъ Портѣ и нога христіанская въ Персіи никогда не бывала; поэтому дается указомъ султанскимъ послѣднее рѣшеніе — договариваться о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь находятся русскіе гарнизоны, а до другого ни до чего Русскому государю дѣла нѣтъ. Неплюевъ отвѣчалъ, что онъ остается при прежнихъ своихъ предложеніяхъ. Этимъ кончились переговоры въ 1723 году. 2 января 1724 года переводчикъ Порты пріѣхалъ къ Неплюеву съ вопросомъ, принимаетъ ли онъ условія Порты, или нѣтъ. Неплюевъ отвѣчалъ, что безъ указу государя своего этихъ условій принять не можетъ. „Въ такомъ случаѣ", сказалъ переводчикъ, „объявляется война, и ты долженъ выбрать одно изъ трехъ: или возвратиться въ отечество, или быть при визирѣ въ походѣ, или жить въ Царѣградѣ простымъ человѣкомъ, ибо Порта съ этой минуты не признаетъ тебя больше за министра. Хотя у насъ и нѣтъ обычая при такихъ случаяхъ оставлять министровъ на свободѣ, однако для тебя дѣлается исключеніе за твое доброе поведеніе". Неплюевъ, разумѣется, выбралъ возвращеніе въ Россію. Онъ послалъ немедленно же за паспортомъ, но ему паспорта не давали, а между тѣмъ Де-Бонакъ дѣлалъ Портѣ представленія, что война ей въ Персіи будетъ тяжела, ибо тамошній народъ враждебенъ Туркамъ, и Мирвеиза, какъ человѣка дикаго, надобно опасаться; Россія увеличитъ число враговъ, а быть можетъ русская дружба современемъ Портѣ пригодится; правда, что Русскій государь много земель себѣ забираетъ; но къ турецкимъ границамъ не приближается, и отъ французскаго посла при Петербургскомъ Дворѣ, Кампредона, есть вѣрныя извѣстія, что Россія не начнетъ войны, если Порта первая не нарушитъ мира. Благодаря этимъ внушеніямъ, султанъ рѣшилъ: войны Россіи не объявлять, но приготовиться къ ней.

Вслѣдъ за тѣмъ, Неплюевъ имѣлъ приватную аудіенцію у великаго визиря въ присутствіи Де-Бонака. Резидентъ началъ говорить, что все недоразумѣніе произошло отъ предложеній слишкомъ общихъ и неопредѣленныхъ; а еслибъ откровенно сообщили другъ другу, кто чего желаетъ, то давно бы дѣло было кончено. Визирь сказалъ на это: „Резидентъ говоритъ совершенную правду, и Порта объявитъ, чего желаетъ. Положимъ, что у шаха Гуссейна было три сына: одинъ Турецкій государь, другой —Русскій, а третій, меньшой,—Тохмасибъ; по смерти Гуссейна каждому изъ нихъ слѣдуетъ имѣть свою часть; Россійскій государь взялъ уже себѣ долю; теперь слѣдуетъ Портѣ получить свою, и пусть французскій посолъ, какъ посредникъ, выдѣлитъ каждому надлежащую часть, чтобъ никому обидно не было".—„Очень благодаренъ, за такую честь", отвѣчалъ Де-Бонакъ, „только по моему раздѣлу наибольшая часть слѣдуетъ младшему, и я буду держать его сторону, какъ самаго слабаго". Визирь началъ-было дѣлежъ, уступалъ Россіи берега Каспійскаго моря до сліянія рѣки Аракса съ Куромъ, откуда должны были начинаться турецкія владѣнія, но Неплюевъ и Де-Бонакъ объявили, что безъ новыхъ указовъ изъ Россіи дѣла рѣшить нельзя, и французскій посолъ предложилъ отправить за этими указами въ Петербургъ племянника своего, Дальона. Визирь согласился, прибавивъ, что желаетъ заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза между Россіею, Турціею и Франціею; объ Англіи же Турки прямо говорили, что въ угоду ей нельзя ссориться съ Россіею: въ прошлыхъ годахъ Англія обязалась помогать Швеціи противъ Россіи, а какъ помогла? Несмотря на то, со стороны Англіи продолжались внушенія, что Русскій государь хочетъ овладѣть не только персидскою, но и всею восточною торговлею, вслѣдствіе чего товары, шедшіе прежде въ Европу чрезъ турецкія владѣнія, пойдутъ черезъ Россію, и тогда Англичане и другіе Европейцы выѣдутъ изъ Турціи, къ великому ущербу короны султановой. Поэтому Порта оружіемъ должна остановить успѣхи Русскихъ на Востокѣ; и если Порта объявитъ Россіи войну, то получитъ денежное вспоможеніе не только отъ короля, но и отъ всего народа Англійскаго.

Въ началѣ мая Дальонъ возвратился изъ Россіи вмѣстѣ съ русскимъ курьеромъ, и у Неплюева начались конференціи съ турецкими министрами, причемъ резидентъ сейчасъ же замѣтилъ перемѣну въ тонѣ у Турокъ. Они не хотѣли слышать объ ограниченіи своихъ будущихъ завоеваній въ Персіи, и визирь притворялся, что забылъ объ условіяхъ, имъ самимъ прежде предложенныхъ. Еще болѣе удивило Неплюева то, что Де-Бонакъ, получившій предъ тѣмъ 2,000 червонныхъ отъ Россіи, явно бралъ сторону Турокъ, и однажды сказалъ Неплюеву: „Развѣ вы хотите ослушаться указа государя своего, что моихъ совѣтовъ не принимаете; или подозрѣваете меня во враждѣ къ Россіи? Но государь вашъ не такъ смотритъ на дѣло: онъ собственноручно изволилъ мнѣ писать, чтобъ настоящіе переговоры какъ можно скорѣе приводить къ концу, и во всемъ положился на меня; если вы не отступите отъ своего требованія, то я слагаю съ себя посредничество". Въ другой разъ Де-Бонакъ сказалъ резиденту, что не хочетъ съ нимъ больше говорить, и выслалъ его изъ своего дома. Донося о трудностяхъ, какія онъ претерпѣлъ при заключеніи договора, Неплюевъ писалъ: „Больше того нынѣ безъ войны получить было нельзя; но хотя не очень ясно, однако сущность дѣла вся внесена. Отъ французскаго посла, вмѣсто помощи, были только одни препятствія; проектъ трактата разъ десять переправляли; я желалъ, чтобъ все ясно было, а французскій посолъ при Туркахъ прямо говорилъ, что резидентъ споритъ не дѣльно, въ турецкомъ проектѣ разумѣется все то, чего онъ требуетъ; а племянникъ его, Дальонъ, какъ ребенокъ, при переводчикѣ Порты сказалъ: „Не знаешь ты, что мы имѣемъ изъ Россіи проектъ за подписаніемъ министерскимъ и во всемъ уполномочены", и нѣкоторыя слова о Лезгинцахъ говорилъ; но переводчикъ Порты

этого Туркамъ, по моей просьбѣ, не сказалъ. Дальонъ, по пріѣздѣ въ Царьградъ, не видавшись съ посломъ, прямо взятъ былъ къ визирю, и тамъ, невоздержаніемъ ребяческимъ, сказалъ, что ваше величество на всѣ турецкія предложенія склонился, кромѣ самыхъ неважныхъ пунктовъ, и тѣ резидентъ имѣетъ право устранить; сказалъ также, что вы сильно желаете мира".

Разъ десять исправленный договоръ наконецъ былъ составленъ такимъ образомъ: Шемаха останется подъ владѣніемъ вассала Порты, Дауда. Пространство отъ города Шемахи по прямой линіи къ Каспійскому морю раздѣляется на три равныя части; изъ этихъ трехъ частей двѣ, лежащія къ Каспійскому морю, должны принадлежать Россіи, а третья, ближайшая къ Шемахѣ, будетъ находиться во владѣніи Дауда подъ верховною властью Порты. Отъ Дербента на 22 часа пути внутрь страны будетъ поставленъ знакъ; отъ этого знака проведется прямая линія къ югу—къ тому мѣсту, гдѣ, по означенному выше способу, обозначится граница между русскими владѣніями и Шемахинскою областію: страна по правую сторону отъ этой линіи внутрь страны будетъ принадлежать Портѣ, по лѣвую, къ морю—Россіи. Наконецъ, отъ того мѣста, гдѣ будетъ обозначена граница между русскими владѣніями и Шемахою, проведется прямая линія къ мѣсту сліянія рѣкъ Аракса и Кура: здѣсь будетъ граница между Россіею, Турціею и Персіею. Шемаха не будетъ укрѣплена и въ ней не будетъ турецкаго гарнизона, исключая тотъ случай, когда владѣлецъ тамошній воспротивится власти султана, или между жителями произойдетъ смута; и тогда турецкія войска не прежде перейдутъ рѣку Куру, какъ увѣдомивъ о своемъ движеніи русскихъ комендантовъ, и по утишеніи смуты ни одинъ человѣкъ изъ турецкаго войска не долженъ оставаться въ Шемахѣ. Императоръ Всероссійскій обѣщаетъ склонять шаха Тохмасиба къ уступкѣ Турціи занятыхъ ея войскомъ персидскихъ провинцій; если же шахъ не захочетъ уступить Россіи или Портѣ выговоренныхъ ими провинцій, то Россія и Порта дѣйствуютъ противъ него заодно. Договоръ былъ подписанъ 12 іюня 1724 г

Для размѣны ратификацій отправленъ былъ въ Константинополь чрезвычайнымъ посланникомъ извѣстный намъ бригадиръ Александръ Румянцевъ, на котораго возложено было также разграниченіе, вмѣстѣ съ коммисарами Порты, русскихъ и турецкихъ владѣній на Кавказѣ. Относительно этого разграниченія Петръ собственноручно написалъ Румянцеву слѣдующую промеморію: „1) Мѣра часовая чтобъ была правдивая, а не укорочена. 2) Смотрѣть накрѣпко мѣстоположеніе, а именно отъ Баки до Грузіи какая дорога, сколь долго мочно съ войскомъ иттить, и мочно-ль фуражъ имѣть и на сколько лошадей, и путь каковъ для войска. 3) Мочно-ль провіанту сыскать. 4) Армяне далеко-ль отъ Грузіи и отъ того пути. 5) Которыхъ пошлетъ въ Азовъ, чтобъ тогожь смотрѣли дорогою возлѣ Чернаго моря такожь христіяне послѣдніе далеко-ль живутъ отъ Тамани или Кубани. 6) Курою рѣкою возможно-ль до Грузіи иттить судами хотя малыми. 7) Состояніе и силу Грузинцевъ и Армянъ".

Румянцевъ отправился. Думая, что онъ уже въ Константинополѣ, Петръ велѣлъ послать къ нему рескриптъ: „Пріѣхали къ намъ армянскіе депутаты съ просьбою защитить отъ непріятелей; если же мы этого сдѣлать не въ состояніи, то позволить имъ перейти на житье въ наши новопріобрѣтенныя отъ Персіи провинціи. Мы имъ объявили, что помочь имъ войскомъ не можемъ вслѣдствіе заключеннаго съ Портой договора, а поселиться въ прикаспійскихъ нашихъ провинціяхъ позволили и нашу обнадеживательную грамоту послали. Если Турки станутъ вамъ объ этомъ говорить, то отвѣчайте, что мы сами Армянъ не призывали, но они насъ по единовѣрію просили взять ихъ подъ свое покровительство. Намъ, ради христіанства, Армянамъ, какъ христіанамъ, отказать въ томъ было нельзя, какъ и визирь самъ часто объявлялъ, что по единовѣрію просящимъ покровительства отказать невозможно; надобно смотрѣть только, чтобъ земли принадлежали тому, за кѣмъ выговорены въ договорѣ, и народамъ не надобно препятствовать переходить въ ту или другую сторону. Портѣ еще выгоднѣе будетъ, когда Армяне выйдутъ, потому что она тогда безъ сопротивленія землями ихъ овладѣетъ. Прибавь, что если Порта захочетъ перезывать къ себѣ бусурманъ изъ пріобрѣтенныхъ нами отъ Персіи провинцій, то намъ это не будетъ противно; станутъ требовать письменнаго обнадеживанія,—дайте" [1]).

„Намъ нельзя, по христіанству, отказать въ покровительствѣ христіанамъ". Таково было послѣднее рѣшеніе Петра по восточнымъ дѣламъ; рѣшеніе, которое хорошо должны были понимать въ Константинополѣ, потому что здѣсь провозглашено было то же самое начало. Но Армяне не были единственные христіане, которымъ Россія должна была покровительствовать въ бывшихъ областяхъ Персидскаго государства; еще ближе Армянъ къ Русскимъ, по исповѣданію, былъ другой христіанскій народъ—Грузины. Но этотъ народъ былъ самостоятельнѣе Армянъ, у него были свои цари, и мы видѣли, что одинъ изъ нихъ, Вахтангъ, *царь Восточной Иверіи* [2]), или Карлатинскій, имѣвшій пребываніе въ Тифлисѣ, хотя поневолѣ, какъ самъ говорилъ, былъ однако Мусульманиномъ [3]) и имѣлъ важное значеніе при шахѣ Гуссейнѣ въ Персіи. Мы видѣли также сношенія этого Вахтанга съ Волынскимъ и виды Петра на помощь его въ намѣреваемой войнѣ. Въ началѣ 1722 года, когда Петръ находился въ Москвѣ, собираясь въ походъ, къ нему пріѣхалъ отъ Вахтанга посланникъ, князь Борисъ Туркестановъ, съ грамотою, написанною по-

[1]) Дѣла Турецкія 1724 г.

[2]) Vartanch, Orientalis Ibeirae Rex, какъ онъ подписывался подъ латинскими своими грамотами къ Петру.

[3]) Какъ видно, воспользовавшись распаденіемъ Персіи, Вахтангъ снова перешелъ въ христіанство.

латыни *римскими патерами*; въ этой грамотѣ царь Восточной Иверіи просилъ покровительства Русскаго императора. Петръ взялъ Туркестанова съ собою въ походъ и отправилъ его изъ Астрахани 2 іюля, давши такое письмо къ Вахтангу: „Письмо ваше мы на Москвѣ получили и присланнаго отъ васъ князя Бориса Туркестанова устное доношеніе выслушали, на которое заранѣе отвѣчать за непотребно разсудили. Но нынѣ, по прибытіи нашемъ въ Астрахань, чрезъ того же князя Бориса отвѣчаемъ, что мы надѣемся, какъ онъ къ вамъ пріѣдетъ, уже на персидскихъ берегахъ быть. Думаемъ, что вамъ эта вѣдомость будетъ пріятна, и вы, для пользы христіанства, по ревностному своему обѣщанію, съ вашими войсками къ намъ будете; только надобно, чтобъ прочіе вашего народа христіане, которые подъ турецкою властію теперь находятся, никакого движенія не дѣлали, чтобъ тѣмъ не привлечена была Турція напрасно къ затрудненію сего отъ Бога благословеннаго дѣла". Устно Туркестановъ долженъ былъ объявить Вахтангу желаніе императора, чтобъ онъ напалъ на Лезгинцевъ; и, когда пойдетъ для соединенія съ русскими войсками, чтобъ заказалъ своимъ подъ смертною казнію не разорять и не притѣснять жителей, но обнадеживать ихъ, чтобъ оставались въ своихъ домахъ и ничего не боялись, „понеже отъ-того много зла послѣдовать будетъ, первое, что разбѣгутся и намъ все пусто будетъ, что мы себѣ просимъ; другое — что мы всѣхъ огорчимъ, и чрезъ то все потеряемъ".

Туркестановъ возвратился съ новою грамотою, въ которой Вахтангъ, называя Петра „неугасимою лампадою при гробѣ Христовѣ и вѣнцомъ четырехъ патріарховъ, и себя—потомкомъ Давида и Соломона", увѣрялъ въ своемъ послушаніи Русскому государю, котораго пришествія они всѣ, христіане, ожидали, какъ Адамъ, сидя въ аду, ждалъ сошествія Христа-Избавителя. Вахтангъ писалъ, что онъ получилъ и отъ шаха приказаніе идти на Лезгинцевъ; а Туркестановъ объявилъ, что Турки присылали къ Вахтангу, требуя, чтобъ онъ поддался султану и соединилъ свои войска съ турецкими для войны противъ Персіи, за что получитъ власть надъ всѣми христіанами, подданными Порты въ Грузіи и Иверіи; но Вахтангъ отвѣчалъ, что не хочетъ измѣнить Персидскому шаху. Въ октябрѣ Вахтангъ писалъ, что онъ въ походѣ на Лезгинцевъ, но что Кахетинскій царь Константинъ, враждуя съ нимъ, помогаетъ непріятелю.

Съ дороги изъ Дербента назадъ въ Астрахань, Петръ отправилъ къ Вахтангу подпоручика Ивана Толстого склонять царя, чтобъ онъ убѣдилъ шаха уступить Россіи Каспійское прибрежье и христіанскія свои владѣнія для сохраненія остальнаго, съ помощію императора, отъ бунтовщиковъ и притязаній Порты. Толстому Петръ далъ слѣдующіе пункты: „Говорить, разсуждать, внушать и утверждать: 1) о поворотѣ нашемъ, что весьма нельзя было далѣе идти; 2) что намъ невозможно вдаль ходить съ такими войсками, не учредя магазиновъ, что чинить надобно чрезъ море, и ежели не скоро сдѣлается сіе, чтобъ сумнѣнья не имѣли. Сіе всякими образы имъ показывать и укрѣплять ихъ. 3) О дѣлѣ шаха Персидскаго понуждать принца, разсуждая ему собственную его пользу, также когда шахъ самъ уступитъ, то уже никому во оное вмѣшиваться будетъ нельзя, а шаху, въ такой будучи нуждѣ, для чего-бъ наше предложеніе не принять: —понеже лучше малое потерять ему, нежели все государство свое, а можетъ быть и животъ свой. Смотрѣть, примѣчать и, развѣдывая, писать слѣдующее двоякимъ образомъ: что подлинно знаетъ—заподлинно и писать, а что слухомъ, —слухомъ и писать: 1) Каковъ народъ и сила ихъ воинская, какое ружье и манира сколько сбирается. 2) Весь ли народъ ихъ нашего закона или разныхъ, и которыхъ какая часть. 3) Какой порядокъ и какое послушаніе къ принцу и прочимъ, и силенъ ли онъ въ полной власти или на шавкальскую походитъ. 4) Какъ слышимъ, что безъ нашихъ войскъ опасаются въ дѣло вступать: какая опасность и отъ кого, или для домашней розности. 5) Возможно-ль изъ нихъ сыскать такихъ людей, которые бы похотѣли поселиться близъ Дербента и Шемахи, такжеежели изъ нестройныхъ оные добры, мочноль нанять ихъ въ собственную нашу службу и почемъ возьмутъ." Въ началѣ ноября Толстой далъ знать изъ Тифлиса, что онъ здѣсь Вахтанга не нашелъ, нашелъ побочнаго сына его Вахушта въ должности правителя. Вашухтъ пришелъ въ ужасъ, когда узналъ о возвращеніи императора изъ Дербента въ Астрахань, и Толстой ничѣмъ не могъ его успокоить; Вахуштъ представлялъ всю опасность, въ какой находится Грузія: Эрзерумскій паша, по указу султана, уже въ другой разъ присылалъ съ угрозами, что если Грузины не поддадутся Портѣ, то Земля ихъ будетъ разорена. Вахуштъ упросилъ Толстого молчать о возвращеніи императора, чтобъ народъ не пришелъ въ отчаяніе. Объ этомъ народѣ Толстой писалъ: „Народъ здѣшній зѣло доброжелателенъ къ вашему величеству, и безъ молитвы не помянутъ высокаго имени вашего; когда меня увидятъ на улицѣ, то поднимаютъ руки на небо и просятъ Бога, чтобъ видѣть больше Русскихъ".

Вахтангъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и взялся охотно исполнить порученіе императора относительно мирныхъ переговоровъ съ шахомъ; но скоро собственныя его отношенія къ Персіи измѣнились. 30 января 1723 года въ Тифлисъ пришелъ указъ шаха, что онъ пожаловалъ ханство Грузинское Кахетинскому владѣльцу. Послѣдній немедленно явился подъ Тифлисомъ, но Вахтангъ не уступилъ ему, — и началась усобица. Въ это самое время Эрзерумскій паша явился на границѣ съ войскомъ, требуя подданства Портѣ. Вахтангъ не соглашался; но Грузины собрали совѣтъ и объявили царю, что надобно поддаться на время, пока не услышатъ о прибытіи Русскаго императора въ Шемаху. „Если намъ

не поддаться на время", говорили они, „то пропадемъ совсѣмъ, потому что шахъ на насъ сердитъ, Турецкій султанъ тоже, и войска его стоятъ на границѣ; у насъ же твой братъ, Кахетинскій ханъ, сидитъ на шеѣ, хочетъ нами завладѣть силою." Толстой и князь Туркестановъ возражали: „Пуще вы пропадете, когда поддадитесь такому сильному бусурману,—изъ его рукъ вамъ выбиться будетъ трудно, да и Русскаго государя прогнѣваете; онъ пришелъ для вашего избавленія, но вы съ нимъ не соединились; теперь потерпите только два мѣсяца—и услышите о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ". Но Грузинцы объявили, что не имѣютъ никакихъ средствъ противиться такимъ сильнымъ врагамъ, и поддались Туркамъ. Это подданство не избавило однако Грузію отъ усобицы: Кахетинскій владѣлецъ выгналъ Вахтанга изъ Тифлиса; изгнанникъ нашелъ убѣжище въ Россіи [1]).

Глава II.

Продолженіе царствованія Императора Петра Великаго.

Сношенія съ Польшею.—Пріѣздъ въ Москву Бѣлорусскаго епископа, князя Четвертинскаго, съ жалобами на притѣсненія отъ католиковъ и уніатовъ.—Петръ требуетъ отъ короля назначенія коммисіи для разбора жалобъ Русскихъ людей и назначаетъ отъ себя членами коммисіи переводчика Рудаковскаго и ученаго монаха Рудинскаго.—Прусскій король обращается къ Русскому императору съ просьбою заступиться за евангеликовъ, гонимыхъ въ Польшѣ.—Сеймъ 1722 года.—Дѣло объ императорскомъ титулѣ.—Дѣятельность русскаго министра, князя Долгорукаго, во время сейма.—Дѣятельность коммисара Рудаковскаго въ пользу Православныхъ въ польскихъ областяхъ.—Непріятности у Рудаковскаго съ Долгорукимъ.—Князь Василій Лукичъ Долгорукій въ Польшѣ.—Неуспѣхъ королевскій на сеймѣ.—Сношенія съ Римскимъ Дворомъ по Православно-Русскому дѣлу.—Дѣла Курляндскія.—Дѣятельность Петра Бестужева въ Курляндіи.—Сношенія съ Австріею.—Мекленбургское дѣло.—Сношенія съ Пруссіею.—Сношенія съ Даніею.—Требованіе освобожденія русскихъ кораблей отъ зундской пошлины.—Переговоры и союзъ съ Швеціею.—Сношенія съ Франціею.—Желаніе Петра выдать дочь свою, Елисавету, за короля Людовика XV.—Другіе женихи изъ французскихъ принцевъ.—Сношенія съ претендентомъ Стюартомъ.—Сношенія съ Испаніею.

Если относительно Армянъ Петръ высказался, что „нельзя по христіанству отказать въ покровительствѣ христіанамъ", то понятно, что онъ не могъ оставить безъ покровительства христіанъ и Русскихъ людей, которые не переставали просить помощи противъ гоненія отъ польскихъ католиковъ и уніатовъ. Въ январѣ 1722 года, когда императоръ былъ въ Москвѣ, пріѣхалъ туда Бѣлорусскій епископъ Сильвестръ, князь Четвертинскій, „обиженъ и изгнанъ отъ Ляховъ и уніатовъ." Сильвестръ представилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ длинный списокъ обидъ и притѣсненій, какія терпитъ Православное духовенство отъ шляхты; самъ епископъ носилъ на рукѣ знаки ранъ, полученныхъ такимъ образомъ: въ Оршанскомъ повѣтѣ шляхтичъ Свяцкій сталъ принуждать въ вотчинѣ своей Православнаго священника къ уніи; тотъ не согласился и получилъ за это, по приказанію пана, нѣсколько сотъ палочныхъ ударовъ. Сильвестръ, встрѣтившись съ Свяцкимъ на дорогѣ недалеко отъ Могилева, сталъ выговаривать ему за поступокъ съ священникомъ: тогда Свяцкій, вмѣсто отвѣта, вынулъ саблю и нанесъ епископу двѣ раны въ руку. Священниковъ привязывали къ четыремъ кольямъ и били до тѣхъ поръ, пока закричатъ, что согласны на унію; панъ поѣдетъ на лошади, а священника прицѣпитъ веревкою и гонитъ три версты пѣшкомъ. Бискупъ Виленскій подъ смертною казнью запретилъ строить вновь Православныя церкви.

Получивши это донесеніе, Петръ написалъ королю: „Единственный способъ для пресѣченія жалобъ духовныхъ и мірскихъ людей Греческаго исповѣданія, для освидѣтельствованія обидъ и для полученія за нихъ удовлетворенія — это немедленное назначеніе коммисіи, членами которой должны быть наши коммисары, и уже нами назначенъ для этого переводчикъ при посольствѣ въ Варшавѣ, Игнатій Рудаковскій, и съ нимъ одинъ монахъ изъ Заиконоспасскаго монастыря учитель (Іустинъ Рудинскій), которымъ мы повелѣли жить въ Могилевѣ, сдѣлать подробное изслѣдованіе объ обидахъ людямъ Греческаго исповѣданія и представить ко Двору вашего королевскаго величества

---

[1]) Дѣла Грузинскія 1722—1724 годовъ; Кабинетъ I, кн. № 30. Здѣсь находится письмо Петра къ капитану гвардіи Баскакову отъ 19 апрѣля 1723 г.: «Просилъ насъ принцъ Грузинской, чтобъ ему послать въ крѣпость нашъ деташементъ, который посылается 2,000 человѣкъ подъ командою твоею, и когда ты прибудешь къ крѣпости Св. Креста, тогда велѣть корпусу итить немедленно къ Грузіи, и, не доходя оной, остановиться въ безопасномъ мѣстѣ, а тебѣ ѣхать наскоро въ Грузію напередъ и объявить принцу о нихъ, и сказать, что нынѣшнимъ лѣтомъ болѣе того послать не могли, пока утвердимся на Каспійскомъ морѣ, а особливо въ Баки и провіантъ и прочее приготовимъ для походу въ Шемаху и къ нимъ, и притомъ ему говорить, что такой малый корпусъ послали, надѣясь на нихъ яко на христіанъ, чтобъ они ихъ не выдали, и смотрѣть какъ они въ томъ поступятъ: ежели гораздо ревностно и желательно, а Турки еще не близко и могутъ наши ускорить, то немедленно послать по нихъ, чтобъ шли, и, когда придутъ, посадить ихъ въ крѣпости и прочее чинить по совѣту принцеву. Буде же Турки уже ускорили или такъ ускорятъ, что наши весьма не могутъ ихъ предварить, то оныхъ поворотить къ крѣпости Св. Креста, также ежели весьма ихъ Грузинъ ненадежныхъ увидишь, и въ такомъ случаѣ поворотить же; но сей послѣдній случай гораздо осмотрятся сдѣлать. А ежели Турки по предложенію нашему въ Грузію и къ Лезгинцамъ войскъ своихъ не пошлютъ, то и сей деташементъ удержать лучше».

съ требованіемъ исправленія по силѣ договора о вѣчномъ мирѣ 1686 года и по ихъ правамъ и привилегіямъ. Если же, паче чаянія, по этому нашему представленію и прошенію, удовлетворенія, по силѣ договора, не воспослѣдуетъ, то мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія". Мы видѣли, что уже въ описываемое время дѣло о Православныхъ Русскихъ соединялось съ дѣломъ о протестантахъ, притѣсняемыхъ также католиками въ Польшѣ, и вопросъ принималъ уже характеръ диссидентскаго вопроса; мы видѣли, что польскіе протестанты уже обращались къ Петру съ просьбою о помощи. Въ описываемое время Прусскій Дворъ обратился къ Русскому императору съ просьбою заступиться за *евангеликовъ*, гонимыхъ въ Польшѣ.

Русскимъ министромъ при Дворѣ Августа II продолжалъ быть князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій. Въ началѣ 1722 года онъ хлопоталъ о томъ, чтобы король призналъ императорскій титулъ Русскаго государя; когда онъ обращался съ этимъ дѣломъ къ нѣкоторымъ доброжелательнымъ сенаторамъ, тѣ отвѣчали, что Рѣчь Посполитая согласится, если король не будетъ препятствовать; только одно сомнѣніе: не дастъ ли этотъ титулъ будущимъ государямъ Русскимъ претензій на русскія области, находящіяся подъ польскимъ владычествомъ. „Но не все ли равно", отвѣчалъ имъ Долгорукій, „что быть царемъ или императоромъ всея Россіи?". Несмотря на то, паны продолжали толковать, что можно дать императорскій титулъ только подъ условіемъ письменнаго удостовѣренія, что императоръ и его преемники не будутъ претендовать на русскія области, находящіяся за Польшею. Видѣли опасность въ титулѣ, и не видали ея въ явленіяхъ, по поводу которыхъ Петръ писалъ Долгорукому: „Содержаніе нашей грамоты къ королю объяви сенаторамъ и министрамъ польскимъ всѣмъ съ яснымъ представленіемъ, что если удовлетворенія не послѣдуетъ, то будемъ принуждены сами его искать; домогайся съ крайнимъ прилежаніемъ, чтобъ опредѣлили немедленно коммисаровъ, при которыхъ долженъ находиться и нашъ коммисаръ Рудаковскій, и, прежде чѣмъ коммисары съ польской стороны будутъ назначены, отправь немедленно Рудаковскаго изъ Варшавы въ Могилевъ, чтобы онъ жилъ при тамошнемъ епископѣ князѣ Четвертинскомъ, и обо всѣхъ обидахъ людямъ Греческаго исповѣданія подлинно еще освѣдомился, и приготовилъ всѣ доказательства для коммисіи, и старался бы о томъ, чтобы Греческаго исповѣданія людямъ впередъ гоненія не было. Можешь объявить прусскому министру въ Польшѣ, что получилъ указъ заступиться за евангеликовъ, и, если по интересамъ нашимъ заблагоразсудишь, можешь при случаѣ и объ нихъ при Польскомъ Дворѣ представленія дѣлать и взаимно требовать отъ прусскаго министра, чтобъ онъ и тебѣ въ дѣлахъ людей Греческаго исповѣданія помогалъ".

Въ сентябрѣ начался сеймъ, причемъ со стороны Двора обнаружилось прежнее стремленіе укрѣпить наслѣдство Польскаго престола за сыномъ Августа II. Зная, что русскій министръ будетъ препятствовать этому всѣми силами, придворная партія распустила слухъ, что Русскіе потерпѣли сильный уронъ въ Персіи; разглашали также, что Долгорукій будетъ угрозами вынуждать у сейма признаніе императорскаго титула за своимъ государемъ, и если сеймъ не согласится, то 60,000 русскаго войска вступятъ въ Польшу; внушали посламъ сеймовымъ, что если Рѣчь Посполитая согласится дать царю императорскій титулъ, то Петръ, основываясь на этомъ титулѣ, отберетъ у Польши всѣ русскія провинціи; король можетъ въ такомъ случаѣ защитить республику, но за это долженъ быть обнадеженъ, что сынъ его получитъ Польскій престолъ. Долгорукій платилъ тою же монетой, выдумывая объ успѣхахъ русскаго оружія въ Персіи. Впрочемъ, русскій министръ былъ вполнѣ убѣжденъ, что посредствомъ сейма король никогда не въ состояніи провести *сукцессіи*, т.-е. заставить Поляковъ согласиться признать его сына наслѣдникомъ престола, и удивлялся, какъ Берлинскій Дворъ можетъ этого бояться. Августъ II, по мнѣнію Долгорукаго, могъ достичь своей цѣли только интригами и смутою. „Если же", писалъ Долгорукій, „паче чаянія, будетъ отъ Двора предложеніе сейму о сукцессіи, то буду протестовать и сеймъ до окончанія не допущу". На сеймѣ возобновилось старое дѣло, чтобы Флеммингъ сдалъ команду надъ польскими войсками природному Поляку; Дворъ этому противился попрежнему; Долгорукій, подкупая пословъ сеймовыхъ, заставлялъ ихъ требовать, чтобы Флеммингъ непремѣнно сдалъ команду. Но если послы сеймовые могли подчиниться вліянію русскаго министра, за то почти всѣ магнаты были на сторонѣ Двора и готовы были исполнить желаніе Августа насчетъ удержанія команды при Флеммингѣ и увеличенія числа регулярныхъ войскъ, въ чемъ заключалось вѣрнѣйшее средство для короля достигнуть своей цѣли относительно наслѣдства, особенно при помощи Австріи и пользуясь отсутствіемъ Русскаго государя въ дальній походъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Долгорукій считалъ необходимымъ разорвать сеймъ на вопросѣ о Флемминговой командѣ, чтобы „пресѣчь предосудительныя дворскія намѣренія". Увидѣвши опасность отъ дѣйствія Долгорукаго, Дворъ рѣшился уступить въ дѣлѣ Флемминговой команды, чтобы только согласились продолжать сеймъ хоть на три дня, и въ это время объявить, что такъ какъ послѣ отнятія команды у саксонскаго фельдмаршала король не можетъ считать себя болѣе безопаснымъ, то требуетъ другихъ мѣръ для своей безопасности, а именно—заключенія оборонительнаго союза съ Австріею. Но „добродѣтельные", по выраженію Долгорукаго, послы не допустили до продолженія сейма, который, по истеченіи законнаго срока, и разошелся, ничего не рѣшивъ.

Между тѣмъ назначенный съ русской стороны

коммисаромъ Игнатій Рудаковскій писалъ императору, что Римскій клиръ усильно хочетъ воспротивиться порученной ему коммисіи; говорятъ, будто это новость, чрезвычайно вредная государству, и Русскій государь хочетъ самовластно повелѣвать въ государствѣ вольномъ. „Римскій клиръ," писалъ Рудаковскій, „всячески будетъ стараться, какъ бы мнѣ повредить или обнести меня у Двора вашего величества, ибо, видя мое неусыпное стараніе, предполагаетъ, что если я буду жить въ Литвѣ, то всѣ ихъ надежды на превращеніе Православныхъ въ унію исчезнутъ; можетъ быть, и нашихъ заставятъ мнѣ вредить, особенно тѣхъ, которые противны вѣрѣ нашей благочестивой. У всѣхъ Римлянъ то намѣреніе, чтобы небольшимъ удовлетвореніемъ вашихъ требованій усыпить Дворъ вашего величества и тѣмъ удобнѣе впослѣдствіи искоренять Греческое исповѣданіе въ здѣшнихъ краяхъ". Король писалъ Петру, что назначитъ требуемую коммисію; по жалобѣ пинскихъ монаховъ на захваченіе Православныхъ монастырей и церквей въ унію, поведено было дѣло въ судѣ, и состоялся приговоръ о возвращеніи отнятыхъ церквей и монастырей Православнымъ, несмотря на сильное сопротивленіе католическаго духовенства.

Этимъ неслыханнымъ прежде въ Польшѣ дѣломъ закончился 1722 годъ. Въ началѣ 1723 года король Августъ уѣхалъ изъ Варшавы въ Дрезденъ. Долгорукій отправился за нимъ, и въ Бреславлѣ видѣлся съ королевичемъ Константиномъ, сыномъ бывшаго короля Яна Собѣскаго, объявилъ ему волю императора и внушалъ ему, чтобы королевичъ въ потребное время старался о своихъ интересахъ, т. е. о полученіи Польскаго престола. Константинъ отвѣчалъ, что въ Польшѣ всего болѣе надѣется на фамилію князей Вишневецкихъ, и съ покорностію поручалъ себя покровительству императора. А между тѣмъ въ Саксоніи и Польшѣ людей, враждебныхъ Россіи, радовали вѣсти, что Турція непремѣнно объявитъ войну Россіи, если Петръ не откажется отъ своихъ персидскихъ завоеваній. Флеммингъ нарочно показалъ Долгорукому письмо короннаго гетмана Синявскаго, который писалъ, что Турки непремѣнно объявятъ войну Россіи, причемъ и Швеція съ Англіею и Даніей соединятъ противъ нея свои флоты. Такъ какъ, по мнѣнію Синявскаго, русскія войска пойдутъ чрезъ Польшу, то гетманъ требовалъ созванія чрезвычайнаго сейма для изысканія средствъ, какъ бы воспрепятствовать этому. „При Дворѣ Русскомъ", говорилъ Флеммингъ, „имѣютъ обыкновеніе упрекать саксонскихъ министровъ въ недоброжелательствѣ; но теперь видите, какъ доброжелательны къ вамъ Поляки!" Тутъ же Флеммингъ, сообщилъ слухъ, будто во время прошлаго сейма прусскій посланникъ Шверинъ далъ Долгорукому на расходъ три тысячи червонныхъ. „Я этихъ денегъ у Шверина не требовалъ и не получалъ", отвѣчалъ Долгорукій, а императору написалъ: „Очень меня удивляетъ, что господа министры прусскіе, резидующіе при Польскомъ Дворѣ, не могутъ ничего секретно дѣлать, ибо всѣ ихъ поступки здѣшнему Двору извѣстны". По счету издержкамъ сеймовымъ, представленному Долгорукимъ своему Двору, выходитъ, что у Шверина взято было только двѣ тысячи червонныхъ; роздано было 2,590 червонныхъ, изъ нихъ 800 гетману литовскому Денгофу, а остальные — посламъ сеймовымъ.

Между тѣмъ Рудаковскій дѣйствовалъ въ Западной Россіи. Въ Пинскѣ онъ съ торжествомъ привелъ въ исполненіе декретъ королевскій о возвращеніи Православнымъ церквей ихъ, отданныхъ уніатамъ. Тщетно ксендзы и уніаты вопили какъ бѣсноватые: „Намъ бѣда! намъ грозитъ смерть! лучше бы намъ было видѣть въ этихъ церквахъ Турокъ или Жидовъ, чѣмъ проклятыхъ схизматиковъ!" Тщетно католическій епископъ Луцкій грозилъ проклятіемъ всѣмъ католикамъ, которые присутствовали при отобраніи церквей, желая этимъ возбудить католиковъ противъ Православныхъ: никто не двинулся. Въ Минскѣ Рудаковскій спасъ одного мѣщанина, котораго насильно обратили въ католицизмъ, и когда онъ возвратился къ отцовской вѣрѣ, то хотѣли сжечь. Пріѣхавши въ Могилевъ и осмотрѣвшись, Рудаковскій написалъ Петру: „Для прекращенія здѣшнихъ гоненій на Церковь Восточную два способа легкихъ: первый способъ—шляхтича Соколинскаго, какъ самаго свирѣпаго гонителя Церкви Восточной, живущаго въ двухъ миляхъ отъ русской границы, схватить и увезти въ Россію подъ предлогомъ, что титулуется незаконно архіепископомъ Смоленскимъ и Сѣверскимъ. Второй способъ — схватить и вывезть въ Россію Линдорфа, старосту Мстиславскаго, живущаго также на границѣ, подъ предлогомъ, что въ прошлыхъ годахъ грабилъ казну вашего величества близъ Борисова: отъ этихъ тяжкихъ гонителей Церковь Восточная не иначе можетъ освободиться; другіе же, увидавъ это, всѣ скроются, и исчезнетъ память ихъ съ шумомъ; покричатъ Поляки, по обычаю своему, и тотчасъ же замолчатъ. А если такимъ пугаломъ не постращать, то трудно будетъ съ ними справляться; такъ и теперь въ Пинскѣ я отобралъ церкви, а за убытки и разореніе гдѣ взять? Обратиться въ Римъ, гдѣ правды нѣтъ? — легче выпить воду въ морѣ, чѣмъ найти справедливость въ Римѣ. Мы будемъ искать своего судомъ, а враги Церкви въ другихъ мѣстахъ будутъ грабить, и дѣлу конца не будетъ; а когда эти двѣ особы будутъ схвачены, то сейчасъ прекратятся всѣ обиды. А что епископъ Бѣлорусскій вашему величеству доносилъ о гоненіяхъ на Церковь Восточную, то все правда, развѣ что забылъ написать".

Но въ то время, какъ Рудаковскій предлагалъ эти мѣры противъ гонителей Восточной Церкви, онъ самъ и вмѣстѣ съ епископомъ Бѣлорусскимъ подверглись страшному оскорбленію отъ своихъ Православныхъ монаховъ. Епископъ, князь Четвертинскій, пригласилъ Рудаковскаго ѣхать вмѣстѣ въ Кутеинскій монастырь близъ Орши, для освидѣтель-

ствованія жизни тамошнихъ монаховъ, о которыхъ донесено было много нехорошаго. Но монахи встрѣтили епископа тѣмъ, что начали бить людей его, и когда онъ велѣлъ отдать зачинщиковъ бунта подъ стражу, то игуменъ вскочилъ на лошадь, прискакалъ въ городъ Оршу, велѣлъ бить въ набатъ и всполошилъ множество шляхты и черни, крича, что воры и разбойники напали на монастырь. Толпа съ криками: „Бей, руби Москалей и попа схизматика!“ бросилась на епископа и Рудаковскаго, избила ихъ, ограбила и держала подъ стражею, пока не вступилось въ дѣло мѣстное начальство. Донося императору объ этой „трагедіи“, Рудаковскій писалъ: „Во всемъ виноваты русскіе архіереи, которые своими благословительными грамотами вмѣшиваются въ эту епархію, освобождая посвященныхъ ими здѣшнихъ іеромонаховъ отъ подчиненія епископу Бѣлорусскому. Можно ли епископу Ростовскому вмѣшиваться въ епархію Кіевскую, и архіепископу Кіевскому—въ епархію Новгородскую? это не позволяется; только въ одну епархію Бѣлорусскую чуть не всѣ епископы вмѣшиваются и тянутъ къ себѣ благословительными листами, а чрезъ это гинетъ здѣсь вѣра наша Православная, ибо монахи, имѣя благословительные листы, живутъ непотребно въ пьянствѣ и всякомъ развратѣ, а когда епископъ Бѣлорусскій захочетъ ихъ смирить, то они объявляютъ, что зависятъ отъ Кіевскаго архіерея и своею бездѣльною жизнію возбуждаютъ только насмѣшки враговъ Церкви, которые были въ большомъ страхѣ послѣ отобранія церквей въ Пинскѣ, а теперь подняли головы. Повели, государь, чтобъ Кіевскій архіерей не вмѣшивался въ эту епархію и чтобъ св. Синодъ всѣ прежде данныя благословительныя грамоты уничтожилъ. Истинно, государь, здѣсь и безъ этихъ благословительныхъ грамотъ тошно, ибо всѣ единодушно желаютъ вѣру благочестивую искоренить, и Православные находятся въ болѣе унизительномъ положеніи, чѣмъ Жиды, а благословительные листы собственныхъ дѣтей противъ пастыря своего поднимаютъ, и въ несогласіи вѣра наша гинетъ. Епископъ, князь Четвертинскій, слезно проситъ ваше величество, чтобъ вы позволили ему зависѣть единственно отъ св. Синода“.

И въ самомъ Могилевѣ, гдѣ жилъ Рудаковскій, католики не упускали случая оскорблять Православныхъ: такъ, въ свой праздникъ Тѣла Господня, потребовали, чтобъ былъ звонъ у Православныхъ церквей, и когда епископъ не далъ своихъ людей для звона, то католики прислали своихъ и звонили. Въ другихъ, болѣе отдаленныхъ мѣстахъ католикамъ была своя воля; а какая была возможность, по словамъ Рудаковскаго, удержать людей, которые считали средствомъ къ спасенію души нанести обиду Православному или протестанту! Рудаковскій предлагалъ своему правительству средство сдержать пановъ, отличавшихся особенною ревностію въ гоненіи на Православіе: конфисковать товары ихъ въ Ригѣ. Значительнѣйшіе изъ русскаго духовенства въ Бѣлоруссіи предлагали Рудаковскому другое средство: поднять простой народъ и перебить всѣхъ католиковъ и уніатовъ, потому что, говорили они, простой народъ весь пойдетъ за нами,—не только тѣ, которые еще остались въ Православіи, но и тѣ, которые силою совращены въ унію. Рудаковскій отвѣчалъ имъ, чтобъ позабыли и думать объ этомъ, а дожидались бы покровительства Русскаго императора, который уже прислалъ его, Рудаковскаго, для защиты Восточной Церкви. Духовенство со слезами отвѣчало, что имъ въ такомъ адскомъ тиранствѣ жить невозможно, если не будетъ скорой помощи отъ императорскаго величества. Положеніе самого Рудаковскаго, какъ „проклятаго Москаля схизматика“, вовсе не было завидно: какой-то кармелитскій монахъ уже ломился къ нему въ домъ съ угрозою убить его, и потомъ объявилъ, что былъ подкупленъ для убійства. Непріятность положенія Рудаковскаго усиливалась еще нерасположеніемъ князя Долгорукаго, который, повидимому, разсердился на коммисара за то, что тотъ доносилъ своему Двору и о дѣлахъ, не касавшихся столкновеній Русскихъ людей съ католиками и уніатами. Въ дѣлѣ Кутеинскаго монастыря Долгорукій не заступился за Рудаковскаго и епископа, напротивъ: написалъ императору, что князь Четвертинскій поступилъ неправильно, ибо Кутеинскій монастырь находился подъ вѣдомствомъ Кіевскаго архіерея,—и Рудаковскій получилъ изъ Петербурга приказаніе ограничиться наблюденіемъ, чтобъ католики и уніаты не притѣсняли Православныхъ, и не вмѣшиваться въ дѣла Православнаго духовенства.

Долгорукій продолжалъ и въ 1724 году неблагопріятно относиться о Рудаковскомъ: „Здѣсь“, писалъ онъ Петру, „безпрестанныя жалобы на переводчика Рудаковскаго; думаю, на сеймѣ немалыя неудовольствія и жалобы будутъ на его недискретные съ ними поступки; притомъ мѣшается въ дѣла ему не порученныя:—извольте это ему высокимъ своимъ указомъ запретить и повелѣть дискретно съ тамошними жителями обходиться, потому что могутъ недискретно съ нимъ поступить, что высокому гонору вашего величества противно, ибо его уже нечестно трактовали за его насильственные и неучтивые поступки“. Вслѣдствіе этого донесенія, Рудаковскому присланъ былъ новый выговоръ за недискретные поступки и, кромѣ того, выговоръ за дурной языкъ его донесеній: „Въ реляціяхъ твоихъ употребляешь ты зѣло многія польскія и другія иностранныя слова и термины, за которыми самаго дѣла выразумѣть невозможно; того ради впредь тебѣ реляціи свои къ намъ писать всѣ россійскимъ языкомъ, не употребляя иностранныхъ словъ и терминовъ“. Рудаковскій отвѣчалъ: „Враги Церкви усиливаются повредить мнѣ и обнести меня, невиннаго, предъ вашимъ величествомъ (а отъ князя Сергѣя Григоріевича Долгорукаго ни я, ни епископъ не получаемъ въ обидахъ нашихъ отвѣта), потому что неусыпное мое стараніе о вручен-

ныхъ мнѣ интересахъ очень имъ непріятно, когда происходятъ небывалыя въ этихъ краяхъ дѣла: такъ и теперь, по просьбѣ жителей повѣтовъ Мозырскаго, Петриковскаго и Рѣчицкаго, посланы два духовныхъ лица, которыя съ пятьдесятъ церквей, находившихся подъ уніатскимъ игомъ, возвратили въ нѣдра Восточной Церкви и донесли мнѣ, что весь народъ воеводства Кіевскаго и другихъ склоняется къ вѣрѣ Православной и отъ уніи усердно отступить желаетъ; только надобна помощь на будущемъ сеймѣ. Очень мнѣ горько, что обвиненіямъ на меня, ни въ чемъ не виноватаго, дается вѣра; очень чувствительно мнѣ и то, что министръ вашего величества, пребывающій въ Варшавѣ, зная самъ очень хорошо о всѣхъ здѣшнихъ притѣсненіяхъ Православнымъ, изволитъ вѣрить ложнымъ донесеніямъ, а истиннымъ съ нашей стороны не вѣритъ и дурно пишетъ обо мнѣ. Получилъ я извѣстія изъ Варшавы, что все римское духовенство и люди ихъ закона (въ которомъ и изъ нашихъ нѣкто обрѣтается) хлопочутъ изъ всѣхъ силъ, чтобъ меня и порученное мнѣ дѣло ниспровергнуть".

Въ западно-русскихъ областяхъ пошелъ слухъ, что будущій сеймъ будетъ имѣть важное вліяніе на судьбу Православныхъ жителей: или судьба ихъ улучится, если Русскій государь рѣшительно возьметъ ихъ подъ свое покровительство; въ противномъ случаѣ Поляки примутъ рѣшительныя мѣры противъ Восточной Церкви. Петръ счелъ нужнымъ отправить на помощь къ князю Сергѣю Долгорукому болѣе опытнаго и искуснаго родственника его, князя Василья Лукича, вызваннаго изъ Парижа. Князю Василью дано было два кредитива: одинъ съ характеромъ полномочнаго министра, другой—чрезвычайнаго и полномочнаго посла, изъ которыхъ первый онъ долженъ былъ вручить королю при пріѣздѣ своемъ въ Варшаву, а другой объявить только въ случаѣ крайней необходимости. Долгорукій долженъ былъ пріѣхать въ Польшу до начатія предварительныхъ областныхъ сеймиковъ, и стараться: чтобъ съ этихъ сеймиковъ на генеральный сеймъ отправлены были послы, доброжелательные Русскому императору и Рѣчи Посполитой; стараться, чтобъ маршалкомъ (предсѣдателемъ) на генеральный сеймъ былъ выбранъ также доброжелательный къ Россіи человѣкъ; домогаться на сеймѣ, чтобъ жители Греческаго исповѣданія получили удовлетвореніе въ обидахъ, также чтобъ получили удовлетвореніе пограничные жители Россійской имперіи, пострадавшіе отъ Поляковъ; стараться объ отнятіи команды надъ войсками у Флемминга и возвращеніи ея гетманамъ; побуждать подъ рукою къ тому же и прусскаго министра. Если Поляки не будутъ соглашаться давать государю титула императора Всероссійскаго изъ опасенія, что подъ этимъ титуломъ будутъ заключаться русскія земли, находящіяся подъ владычествомъ Польши, то согласиться, чтобъ данъ былъ такой титулъ: „Императоръ и самодержецъ Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи",—титутъ старый, признанный Польшею, въ которомъ только слово: „царь" замѣнено словомъ „императоръ". Домогаться выдачи измѣнника, Малороссійскаго казака Нахимовскаго, который бѣжалъ съ Мазепою, былъ потомъ при Орликѣ, употреблявшемъ его въ сношеніяхъ съ Портою и Крымомъ, и теперь высланъ Турками въ Польшу. Никакъ не допускать, чтобъ наслѣдство Польской короны было упрочено въ домѣ Саксонскомъ. Сдѣлать представленія въ пользу диссидентовъ.

Князь Василій Лукичъ началъ свои донесенія изъ Варшавы печально: у короля сильная партія, въ которой Потоцкіе, Чарторыйскіе, всѣ гетманы; эти люди склонили къ королевской сторонѣ и множество шляхетства, вслѣдствіе чего маршалкомъ сеймовымъ единогласно выбранъ Потоцкій, братъ примаса, который находится совершенно въ волѣ королевской. Дѣла, которыми долженъ заняться сеймъ, очень важны: 1) Увеличеніе числа войскъ, къ чему многіе показываютъ склонность; это дѣло самое трудное, потому что наши внушенія здѣсь подозрительны по причинѣ сосѣдства. 2) Дѣло Курляндское:—разсуждаютъ, что Курляндія принадлежитъ Рѣчи Посполитой и другія державы не имѣютъ права въ нее вмѣшиваться; говорятъ, что по смерти князя Фердинанда Курляндію надо раздѣлить на воеводства. Это дѣло хотя и опасное, но все же не такъ опасно, какъ первое. 3) Подтвержденіе прежнихъ договоровъ съ Цесаремъ. „Видя всѣ эти опасности", писалъ Долгорукій, „ожидая и другихъ, и не видя ничего надежнаго, что бы можно на этомъ сеймѣ къ пользѣ вашего величества сдѣлать, намѣренъ я, въ случаѣ, если все будетъ дѣлаться по желанію королевскому, разорвать сеймъ, ибо это наилучшій способъ къ пользѣ вашего императорскаго величества".

Съ этою цѣлію Долгорукіе начали пріискивать между послами людей отважныхъ, посредствомъ которыхъ можно было бы, при нуждѣ, разорвать сеймъ; согласились насчетъ этого и съ прусскимъ министромъ. Примасъ Потоцкій, съ своей стороны, грозилъ посламъ коннымъ сеймомъ или конфедераціею, если они позволятъ разорвать сеймъ, и, чтобъ уничтожить всякую причину къ неудовольствію, Флеммингъ сдалъ команду надъ войсками гетманамъ. Долгорукіе не отчаявались и продолжали искать отважныхъ людей для разорванія сейма; знатные и богатые послы не брались за это опасное дѣло; одинъ знатный посолъ обѣщалъ сыскать изъ небогатыхъ пословъ двоихъ, которые согласятся разорвать сеймъ, но требовалъ, чтобъ Долгорукіе сказали заранѣе, что за это дадутъ. Одинъ посолъ обѣщалъ разорвать сеймъ; отыскивали другого; прусскій министръ объявилъ, что и онъ надѣется пріискать смѣльчаковъ. Но эти труды и издержки оказались ненужными, ибо скоро явился поводъ къ несогласію: король и его партія требовали, что такъ какъ Флеммингъ сдалъ команду, то, по крайней мѣрѣ, гвардія должна остаться подъ командою

королевскою; но другіе послы на это не соглашались. Въ этихъ спорахъ подошло 2 ноября, срокъ, назначенный для окончанія сейма, и послы разъѣхались, ничего не сдѣлавши; король, при самыхъ благопріятныхъ для себя, повидимому, условіяхъ не выигралъ ничего, ничѣмъ не вознаградилъ себя за то, что его саксонскій фельдмаршалъ потерялъ начальство надъ польскимъ войскомъ.

Послѣ сейма Долгорукій имѣлъ конференцію съ польскими министрами и сенаторами, и представилъ имъ требованія своего Двора, какъ они были обозначены въ его инструкціи. На эти требованія онъ получилъ такой отвѣтъ: король хочетъ неотмѣнно сохранять дружбу царскаго величества, дѣло же признанія императорскаго титула откладываетъ до будущаго сейма. Подданные короля и Рѣчи Посполитой закона Греческаго всякій разъ, когда прибѣгали подъ защиту королевскую, были выслушиваемы и получали удовлетвореніе; доказательство— церкви имъ возвращены, а послѣ того никакой жалобы не было. Диссиденты въ государствахъ королевскихъ не должны ничего опасаться, пока сами живутъ спокойно. Съ своей стороны, польскіе министры предъявили Долгорукому слѣдующіе пункты: о неотлагаемомъ возвращеніи Риги и Лифляндіи въ силу союзнаго трактата; объ очищеніи Курляндіи и Семигаліи; о томъ, что Польша должна спокойно владѣть городами Чигириномъ, Каневомъ, Терехтемировымъ, Черкасами и другими пограничными; объ уплатѣ польскимъ и литовскимъ войскамъ милліоновъ въ силу союзнаго договора; о возвращеніи пушекъ въ Польшу и Литву; о возвращеніи плѣнныхъ. Упомянуто было и о томъ, что уже два года, какъ въ Могилевѣ живетъ Рудаковскій, неизвѣстно почему называющійся коммисаромъ царскаго величества; онъ мѣшается въ дѣла духовныя, нарушаетъ миръ между католическимъ духовенствомъ и дизунитами;—противными своими и лживыми реляціями можетъ на гнѣвъ привести царское величество. „Поэтому мы требуемъ", писали польскіе министры, „чтобъ этотъ резидентъ бюлъ отозванъ, ибо не помнимъ, чтобъ когда либо прежде подобные коммисары жили въ земляхъ нашихъ и вмѣшивались въ дѣла духовныя". Наконецъ Поляки требовали, чтобъ епископъ Переяславскій къ попамъ польскихъ областей коммисаровъ своихъ не присылалъ [1]).

Православно-русское дѣло въ польскихъ областяхъ, которымъ такъ усердно занялся Петръ, естественно вело къ сношеніямъ съ главою католицизма, могшимъ, по разнымъ соображеніямъ, умѣрить ревность польскихъ фанатиковъ. Еще до окончанія Сѣверной войны Петръ поручилъ находившемуся въ Венеціи Саввѣ Рагузинскому снестись съ Дворомъ папы Климента XI и поставить ему на видъ, что, кромѣ іезуитовъ, другіе католическіе духовные могутъ быть допущены въ Россію, только бы не мѣшались въ ненадлежащую имъ корреспонденцію и въ дѣла политическія, за что именно высланы іезуиты. Савва Владиславичъ исполнилъ порученіе, и кардиналъ Отобони отвѣчалъ ему: что духовные разныхъ орденовъ, капуцины, францисканы, кармелиты, будутъ заниматься только религіознымъ ученіемъ и богослуженіемъ; что папа обяжетъ ихъ подъ жестокимъ наказаніемъ и мысленно не вмѣшиваться въ государственныя и гражданскія дѣла; что если папа получитъ отъ Русскаго государя желаемую грамоту для своего духовенства въ Россіи, то отблагодаритъ за это признаніемъ титуловъ и, кромѣ того, пришлетъ дорогой подарокъ, статую или какую-нибудь другую античную вещь. Смерть Климента XI порвала сношенія. Весною 1722 года пріѣхалъ въ Россію іезуитъ Николай Джанпріамо, возвращавшійся въ Европу изъ Китая. Іезуиту дали свободный пропускъ и воспользовались случаемъ, чтобъ чрезъ него переслать отъ имени канцлера Головкина посьмо къ кардиналу Спинолѣ съ жалобою на гоненія, претерпѣваемыя Православными въ Польшѣ. „Повелѣлъ мнѣ его величество", говорилось въ грамотѣ Головкина, „писать къ вашему преимуществу, чтобъ вы представили дѣло верховнѣйшему понтифексу и склонили бы его послать въ Польшу крѣпкій указъ не обижать людей Греческаго исповѣданія въ противность трактатамъ, но дать совѣсти ихъ покой и свободу, ибо надъ совѣстью одинъ Богъ имѣетъ власть. И если католики польскіе и литовскіе не перестанутъ гнать христіанъ Греческаго закона и принуждать ихъ съ такимъ непристойнымъ насиліемъ къ уніи, то его императорское величество принужденъ будетъ, противъ своего желанія, въ возмездіе запретить духовнымъ Латинскаго закона отправлять въ Россіи свое богослуженіе". Только въ началѣ 1724 года іезуитъ отвѣчалъ русскому канцлеру, что кардиналъ Спинола писалъ къ папскому нунцію въ Польшѣ Сантини, съ требованіемъ подробнаго изложенія дѣла. Сантини отвѣчалъ, что въ Римѣ желаютъ имѣть подробнѣйшія свѣдѣнія, тѣмъ болѣе что изъ Польши извѣщаютъ, что Русскій государь уже заявилъ свои требованія Польскому Двору; но въ этихъ требованіяхъ многіе пункты невѣрны, и въ Римѣ ждутъ изъ Польши вѣрныхъ извѣстій для окончанія дѣла [2]).

Вмѣстѣ съ вопросомъ Православно-Русскимъ въ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ важенъ былъ вопросъ Курляндскій. Мы видѣли [3]), что этотъ вопросъ былъ поднятъ преждевременною смертію молодаго герцога Курляндскаго Фридриха-Вильгельма, мужа племянницы Русскаго государя. Герцогиня-вдова, Анна Іоанновна, которой содержаніе было обезпечено брачнымъ договоромъ, оставалась въ Курляндіи, и при ней, для охраненія ея и русскихъ интересовъ, находился генералъ-коммисаръ Петръ Бестужевъ, отецъ уже извѣстныхъ

[1]) Дѣла Польскія 1722—1724 годовъ.

[2]) Дѣла Римскія 1721—1724 годовъ.

[3]) Исторія Россіи, т. XVII.

намъ дипломатовъ Михайла и Алексѣя Петровичей Бестужевыхъ. Бестужеву было много дѣла, потому что съ интересами Анны и ея дяди сталкивались: интересы герцога Фердинанда, которому хотѣлось удалить изъ Курляндіи опасную соперницу; интересы курляндскаго дворянства, которому не хотѣлось удовлетворять требованіямъ Анны относительно имѣній и доходовъ, выговоренныхъ въ брачномъ трактатѣ; интересы Польскаго короля, которому хотѣлось помирить герцога Фердинанда съ его подданными и объявить брачный договоръ покойнаго герцога недѣйствительнымъ, по причинѣ несовершеннолѣтія Фридриха-Вильгельма, и, такимъ образомъ, уничтожить претензіи герцогини-вдовы или, по крайней мѣрѣ, выдать ее за одного изъ своихъ; интересы Польши, которая не хотѣла, чтобы черезъ Анну вступилъ на Курляндскій престолъ новый Домъ, а хотѣла, чтобы, по смерти или устраненіи стараго и бездѣтнаго Фердинанда, Курляндія была присоединена къ Польшѣ и раздѣлена на воеводства. Пруссія, по своимъ инстинктамъ, не спускала глазъ съ Курляндіи; но, зная, что тутъ ничего нельзя сдѣлать безъ сильной Россіи, соединяла свои интересы съ интересами послѣдней и хлопотала о бракѣ Анны съ маркграфомъ Бранденбургъ-Шведскимъ, что, какъ мы видѣли, было противно королю Польскому. При столкновеніи всѣхъ этихъ интересовъ, курлядское дворянство естественно дѣлилось на партіи. Въ 1718 году Бестужевъ доносилъ Петру: „Здѣшніе доброжелатели мнѣ предлагали, чтобы государыня царевна до окончанія дѣла о преемствѣ престола (о сукцессіи) отсюда не отлучалась бы, потому что въ ея отсутствіе отъ противныхъ людей многія факціи происходить могутъ, и могутъ эти люди излишнюю въ дѣлахъ имѣть бодрость, и доброжелательные намъ не будутъ имѣть надлежащей смѣлости; а въ резиденціи ея высочество наибольшій свой авторитетъ, яко сущая здѣшней Земли государыня, можетъ одержать". Для усиленія русской партіи, Бестужевъ пользовался высказавшимся намѣреніемъ Поляковъ раздѣлить Курляндію на воеводства, и представлялъ письменно высокоблагороднымъ господамъ, оберъ-ратамъ и благородному рыцарству: „Можете разсудить, что тогда всѣ вольности какъ въ гражданскомъ дѣлѣ, такъ и въ вѣрѣ уничтожатся, ибо извѣстно, что въ Польшѣ и Литвѣ лютеране терпятъ великое гоненіе, никто изъ нихъ ни до какой правительственной должности не допускается. Поэтому царское величество велѣлъ объявить королю и республикѣ Польской, что онъ, для сосѣдства, никакъ не допуститъ раздѣленія Курляндіи на воеводства, и дѣлаетъ это не для одной племяницы своей, но для сосѣдственнаго благороднаго рыцарства и земства курляндскаго, и нарушенія древнихъ правъ Курляндіи допустить не хочетъ; не желаетъ онъ пріобрѣсть себѣ ни цѣлую Курляндію, ни какую либо часть ея,—и другого сдѣлать это допустить не можетъ".

На сеймѣ 1719 года была сильная борьба между русскою и польскою партіями: первая настаивала на рѣшенія—просить короля и республику, чтобы Курляндія осталась попрежнему подъ нѣмецкимъ герцогскимъ управленіемъ; вторая, главами которой были Косцюшко и Эденъ, хотѣла просить только объ удержаніи нѣмецкаго управленія, не упоминая о герцогѣ. Наконецъ русская партія взяла верхъ; но въ Польшѣ не отказывались отъ своихъ притязаній, и, въ мартѣ 1723 года, Петръ писалъ Бестужеву: „О кандидатѣ съ нашей стороны пришлется вскорѣ, а между тѣмъ, чѣмъ возможно, держите, и ежели не вредно, то хотя такихъ кандидатовъ выбирать нѣсколько, которые сами не похотятъ (пока мы вамъ отпишемъ о подлинномъ), дабы Поляковъ удержать тѣмъ или инымъ способомъ." Для увеличенія претензій вдовствующей герцогини Бестужевъ предложилъ своему Двору выкупить на имя Анны герцогскія земли, находившіяся въ закладѣ у дворянства, что было исполнено и, какъ легко понять, возбудило сильное неудовольствіе въ Польшѣ и въ польской партіи въ Курляндіи. Въ 1724 году въ Польшѣ нaряженъ былъ судъ надъ курляндскимъ дворянствомъ, которое взяло отъ вдовствующей герцогини выкупныя деньги; судъ рѣшилъ, что дворяне должны возвратить взятыя деньги, и, сверхъ того, наложилъ на нихъ штрафъ за то, что они поступили вопреки коммисіоннымъ декретамъ, запрещавшимъ уступать закладныя герцогскія земли людямъ сильнымъ и иностранцамъ. Дворяне явились къ Бестужеву съ представленіями, что они взяли выкупныя деньги и передали земли герцогинѣ, исполняя желаніе Русскаго императора и вовсе не считая герцогиню иностранкою, но видя въ ней свою государыню; дворяне просили, чтобъ императоръ заступился за нихъ у короля и республики Польской, и не допустилъ ихъ до нищеты. Петръ велѣлъ Бестужеву обнадежить дворянство, что русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ указъ требовать у Польскаго правительства уничтоженія декрета, какъ выданнаго въ предосужденіе племянницы императора, ибо выкупъ земель сдѣланъ въ силу брачнаго договора съ покойнымъ герцогомъ. Курляндскіе дворяне могли положиться на слово Петра, потому что слово это было всегда съ силою;—такъ, когда Бестужевъ жаловался, что Курляндское правительство поступаетъ вопреки русскимъ интересамъ, то императоръ немедленно написалъ къ командующему въ Прибалтійскихъ областяхъ генералу: „Пишетъ къ намъ изъ Митавы Петръ Бестужевъ, что курляндскіе ландраты чинятъ нѣкоторыя противности, и племянницы нашей, царевны Анны Ивановны, ни въ чемъ не слушаютъ, а именно—придворнымъ ея служителямъ квартиръ не даютъ, такожъ и на почту лошадей не ставятъ; сверхъ того, когда корабль нашъ, называемый „Фонделигъ", у Либавской пристани съ пенькою и съ канатами разбило, то людямъ нашимъ никакой помочи не учинили и провіанту имъ не дали; того для пошлите отъ себя въ Курляндію къ правителямъ и объявите, чтобъ

они никакой противности племянницѣ нашей, царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, отнюдь не чинили и во всемъ ея волю, яко государыни своей, исполняли, такожъ и нашихъ интересовъ не пренебрегали; въ противномъ случаѣ объявите имъ и то, что ежели впредь такъ будутъ дѣлать, то вы имѣете указъ ввести въ Курляндію полкъ драгунъ; и ежели они отъ той своей противности не отстанутъ, и за тѣмъ вашимъ объявленіямъ будутъ противны, то дѣйствительно исполняйте, и полкъ въ Курляндію введите, и разставьте по квартирамъ" [1]).

Бестужевъ, заботясь объ интересахъ вдовствующей герцогини, былъ не въ ладахъ съ ея матерью, царицею Прасковьею Өеодоровною, что видно изъ письма къ ней царицы Екатерины Алексѣевны: „Объ отправленіи въ Курляндію дочери вашей Анны Іоанновны отъ его царскаго величества уже довольно писано къ свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу, и надѣюсь я, что онъ для того пути деньгами и сервизомъ конечно снабдилъ, ибо его свѣтлости о томъ указъ посланъ; а когда Богъ дастъ, ея высочество въ Курляндію прибудетъ, тогда не надобно вашему величеству о томъ мыслить, чтобы на вашемъ коштѣ ея высочеству, дочери вашей, тамъ себя содержать, ибо уже заранѣе все то опредѣлено, чѣмъ ея домъ содержать, для чего тамъ Петръ Бестужевъ оставленъ, которому въ лучшихъ городахъ, а именно въ Либавѣ, въ Виндавѣ и въ Митавѣ, всякіе денежные поборы для того нарочно велѣно сбирать. Что же ваше величество упоминаете, чтобы для того всю опредѣленную сумму на ваши комнаты на будущій на весь годъ взять и на расходы употребить въ Курляндіи для тамошняго житья, что я за благо не почитаю, ибо я надѣюсь, что и безъ такого великаго убытку ея высочество, дочь ваша, можетъ тамъ прожить. Что же о Бестужевѣ, дабы ему не быть, и понеже оный не для одного того дѣла въ Курляндіи опредѣленъ, чтобъ ему быть только при Дворѣ вашей дочери, но для другихъ многихъ его царскаго величества нужнѣйшихъ дѣлъ, которыя гораздо того нужнѣе, и ежели его изъ Курляндіи отлучить для одного только вашего дѣла, то другія всѣ дѣла станутъ, и то его величеству зѣло будетъ противно; и зѣло я тому удивляюсь, что ваше величество такъ долго гнѣвъ свой на него имѣете, ибо онъ зѣло о томъ печалится и оправданіе себѣ приноситъ, что онъ конечно учинилъ то не съ умыслу, но остерегая честь дѣтей вашихъ, въ чемъ на него гнѣвъ имѣете. Что же изволите упоминать, чтобы быть при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ Андрею Артемоновичу (Матвѣеву) или Львову, и тѣ оба обязаны его величества нужными и великими дѣлами. А что изволите приказывать о пажахъ, чтобъ взять изъ школьниковъ русскихъ, и я совѣтую лучше изволите приказать взять изъ Курляндцевъ, ибо которые и при царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Русскіе, Чемисовъ и прочіе, и тѣ гораздо плохи" [2])

Польша, занятая внутренними дѣлами, больная страшною внутреннею болѣзнію, не могла обращать вниманія на дѣла восточныя, которыя въ описываемое время такъ сильно занимали Петра. Иначе было въ Австріи. Въ іюнѣ 1722 года Ланчинскій писалъ изъ Вѣны, что тамъ главное содержаніе разговоровъ составляютъ военныя дѣйствія Русскихъ въ Персіи; разсматривали дѣло съ разныхъ сторонъ; особенно толковали, что Петръ, занявши значительнѣйшія мѣста на Каспійскомъ морѣ, станетъ хлопотать объ установленіи сообщеній съ Индіею вплоть до Персидскаго залива, и это ему будетъ легко при смутѣ персидской. Въ Вѣнѣ рѣдко кто не имѣлъ у себя на столѣ карты Азіи для наблюденія за ходомъ событій. Англійская партія внушала, какъ неблагоразумно поступало Австрійское правительство, не заключивши съ Англіею союза противъ Россіи до Ништадтскаго мира, а теперь царь своими завоеваніями въ Персіи можетъ основать государство сильнѣе Римскаго. Осенью вниманіе Ланчинскаго было отвлечено отъ восточныхъ дѣлъ рескриптомъ, полученнымъ отъ своего Двора: „Король Прусскій объявилъ намъ о несогласіяхъ, происшедшихъ у него съ Дворомъ Цесарскимъ, и просилъ нашего содѣйствія къ ихъ прекращенію; поэтому мы повелѣваемъ тебѣ объявить цесарскому министерству, что такъ какъ бывшія несогласія между Прусскимъ и Цесарскимъ Дворами до сихъ поръ не только не успокоены, но еще болѣе усиливаются, и такъ какъ мы имѣемъ счастіе съ обоими Дворами быть въ дружбѣ, то, если цесарскому величеству угодно, мы готовы употребить свои добрыя оффиціи для прекращенія этихъ несогласій. Это представленіе надобно тебѣ сдѣлать искуснымъ образомъ, отнюдь не подать Цесарскому Двору подозрѣнія, будто мы намѣрены въ этомъ дѣлѣ сильно заступаться за короля Прусскаго". Ланчинскій, ведя разговоръ съ графомъ Шёнборномъ о польскихъ дѣлахъ, сдѣлалъ предложеніе и о Прусскомъ дѣлѣ. Шёнборнъ, поблагодаривъ за предложеніе, отвѣчалъ, что прежде всего надобно знать, куда клонится мнѣніе Русскаго государя: если къ дѣламъ имперскимъ, то они должны быть предоставлены своему свободному теченію. Источникъ несогласія между двумя Дворами извѣстенъ: Прусскому резиденту отказано было отъ Цесарскаго Двора, и немедленно отправленъ былъ курьеръ въ Берлинъ съ объясненіемъ вины резидента; но Прусскій король, не дождавшись курьера, отказалъ отъ своего Двора цесарскому резиденту, ни въ чемъ не виноватому. Если-бы король Прусскій не принадлежалъ къ имперскимъ владѣльцамъ, то конечно Цесарь не пропустилъ бы такого тяжкаго оскорбленія; но Цесарь поступилъ долготерпѣливо, какъ отецъ съ сыномъ, и требовалъ одного,—чтобы король принялъ опять его министра къ своему

[1]) Дѣла Курляндскія 1712—1724 г.; Кабинетъ I, кн. № 64; письма Петра В. въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 64

Двору. Если Русскій Дворъ захочетъ вразумить Прусскій относительно несправедливости его поступка, то Цесарю это будетъ пріятно.

Въ Россіи попрежнему безпокоились, не будетъ ли Вѣнскій Дворъ помогать наслѣдному принцу Саксонскому, женатому на цесарской племянницѣ, получить и Польскую корону. Ланчинскій успокоивалъ на этотъ счетъ, писалъ, что Вѣнскій Дворъ считаетъ это противнымъ государственному интересу Австріи и частному интересу дочерей Цесаря: зачѣмъ усиливать Домъ, который въ свое время будетъ оспаривать право цесарскихъ дочерей на Австрійскія владѣнія; поэтому въ Вѣнѣ положили не отказывать Саксонцамъ наотрѣзъ и уклоняться отъ рѣшительнаго отвѣта. Относительно недружелюбныхъ дѣйствій австрійскаго резидента въ Константинополѣ Ланчинскій также сообщалъ успокоительныя увѣренія цесарскихъ министровъ, что между Россіею и Австріею не можетъ быть никакихъ столкновеній: Австрія не можетъ завидовать пріобрѣтеніямъ Россіи на Балтійскомъ морѣ, потому что Швеція была всегда враждебна Австрійскому Дому; слѣдовательно интересъ Австріи требуетъ безсилія Швеціи. Относительно Востока Австрія имѣетъ побужденія желать тамъ распространенія русской торговли, ибо нѣтъ причинъ къ войнѣ между Россіею и Австріею, тогда какъ другія государства, обогащаясь отъ торговли на Востокѣ, употребляютъ свое богатство въ войнахъ противъ Австріи,—однимъ словомъ, нѣтъ еще такихъ двухъ Дворовъ на свѣтѣ, которыхъ интересы были бы такъ тѣсно связаны, какъ интересы Дворовъ Русскаго и Австрійскаго. При этихъ увѣреніяхъ у австрійскихъ министровъ проглядывалъ страхъ, чтобъ Россія не сблизилась съ Франціею и Испаніею. Особенно сильно встревожила Вѣну поѣздка Ягужинскаго въ Берлинъ, и принцъ Евгеній обошелся холодно съ Ланчинскимъ. Холодность усилилась, когда пронесся слухъ, что Ягужинскій отправился въ Парижъ для переговоровъ объ упроченіи Польскаго престола за герцогомъ Шартрскимъ, сыномъ регента—герцога Орлеанскаго—и о заключеніи брачнаго союза съ Бурбонскимъ Домомъ. Петръ требовалъ отъ Вѣнскаго Двора, чтобъ онъ употребилъ свои добрыя услуги въ Константинополѣ для отстраненія столкновеній между Россіею и Портою по поводу персидскихъ дѣлъ. Вѣнскій Дворъ обѣщалъ, но, въ то же время, получено было извѣстіе, что объ этомъ хлопочетъ французскій посолъ въ Константинополѣ, и къ Ланчинскому обратились съ упреками: „Если вы намъ довѣряете и считаете нашъ кредитъ у Порты сильнымъ, то зачѣмъ обращаетесь къ Франціи? Если же думаете, что Франція лучше вамъ можетъ услужить тамъ, то зачѣмъ обращаетесь къ намъ?“

Въ началѣ 1723 года Вѣнскій Дворъ былъ въ затруднительномъ положеніи: происходитъ какое-то сближеніе между Россіею и Пруссіею, Франціею и Испаніею; съ единственнымъ союзникомъ Австріи, королемъ Англійскимъ, у Цесаря столкновенія по религіознымъ дѣламъ, причемъ защитникъ католицизма въ Германіи, Цесарь, не можетъ уступить защитнику протестантизма, курфюрсту Ганноверскому, который, какъ король Англійскій, пользуется своимъ временемъ и гордо заявляетъ свои требованія. Въ тайномъ совѣтѣ, всегдашній противникъ англійской партіи, графъ Шёнборнъ, требовалъ, чтобъ Цесарь высказалъ свое неудовольствіе противъ короля Англійскаго, какъ имѣетъ на то право Цесарь противъ курфюрста, и чувствительнымъ образомъ унялъ бы этого постояннаго своего контролера; графъ Цинцендорфъ совѣтовалъ умѣренность, представляя пользу англійской дружбы, безъ которой Цесарь не можетъ быть безопасенъ въ Италіи, если возгорится война съ Испаніею. Но графъ Шёнборнъ возражалъ, что лучше дойти до крайности, чѣмъ переносить такія оскорбленія, и притомъ надобно знать, съ кѣмъ Испанія имѣетъ большую охоту воевать,—съ Цесаремъ или съ Англіею. Кто ей больше вреда сдѣлалъ,—Цесарь или Англія? Помириться съ Испаніею нѣтъ возможности, и тогда Англійскій король увидитъ, что выиграетъ. Мнѣніе Шёнборна раздѣлялъ и принцъ Евгеній, который крупно поговорилъ съ англійскимъ посланникомъ и объявилъ ему, что Цесарь и войну вести, и миръ заключить можетъ безъ короля Англійскаго. Посланникъ присмирѣлъ; съ австрійской стороны рѣшили удовольствоваться этимъ и не доводить дѣла до крайности. Такого рода отношенія не давали Вѣнскому Двору возможности слишкомъ охлаждаться съ Россіею. Посланники англійскій, саксонскій и датскій твердили австрійскимъ министрамъ, что усиленіе Россіи будетъ имѣть страшныя послѣдствія, что Русскій царь намѣренъ взять Данцигъ; но получили отвѣтъ, что въ свое время, когда дѣла назрѣютъ, Цесарь приметъ нужныя мѣры.

Между Петербургскимъ и Вѣнскимъ Дворами было еще одно трудное дѣло—Мекленбургское. Въ маѣ 1723 года графъ Шёнборнъ объявилъ Ланчинскому, что Цесарь, изъ особеннаго уваженія къ дружбѣ Русскаго государя, пока могъ, сносилъ и дѣлалъ видъ, что не обращаетъ вниманія на непослушаніе и противные поступки герцога Мекленбургскаго; но теперь болѣе сносить не можетъ, совѣсть и званіе императорское побуждаютъ его положить этому конецъ. Герцогъ выѣхалъ изъ Имперіи и не хочетъ знать декретовъ императорскихъ, поступаетъ какъ сущій бунтовщикъ. Несмотря на всѣ его неправды, Цесарь оставилъ ему ежегодный доходъ въ 100,000 талеровъ; а еслибъ герцогъ явился предъ судною коммисіею, то Цесарь охотно помогъ бы ему окончить всѣ дѣла и процессы самымъ благопріятнымъ образомъ. Но герцогъ презрѣлъ добрымъ расположеніемъ Цесаря, который не можетъ болѣе допускать Мекленбургъ до крайняго разоренія. Герцогъ оставилъ послѣ себя въ управленіи самыхъ плохихъ и дерзкихъ людей, которые цесарскимъ коммисарамъ говорятъ въ глаза, что они цесарской власти надъ собою не

признаютъ и, при полученіи цесарскихъ декретовъ, присыльныхъ безчестятъ, бьютъ до смерти. Изъ уваженія къ Русскому государю, Цесарь хочетъ употребить теперь послѣднее средство:—отправить герцогу рескриптъ, въ которомъ, какъ отецъ Имперіи, будетъ его уговаривать возвратиться въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ; если же въ это время не возвратится, то Цесарь будетъ принужденъ назначить въ Мекленбургъ правительство и покончить тамошнія дѣла своею властію. Ланчинскій послѣ этого сообщенія нашелъ случай видѣться съ однимъ человѣкомъ, „искуснымъ въ цесарскихъ дѣлахъ", у котораго и выспросилъ о причинѣ рѣшенія насчетъ Мекленбурга. „Искусный человѣкъ" отвѣчалъ, что, вслѣдствіе отсутствія герцога, Ганноверцы обнаружили намѣреніе укорениться въ Мекленбургѣ, а это было бы предосудительно Вѣнскому Двору и всей Имперіи. Тутъ Ланчинскій понялъ смыслъ словъ Шёнборна, что Цесарь „не можетъ допускать Мекленбурга до крайняго разоренія". Петръ велѣлъ просить Цесаря обождать приведеніемъ въ исполненіе своего рѣшенія, пока онъ успѣетъ уговорить герцога къ послушанію. Эта просьба была принята съ большимъ удовольствіемъ; Шёнборнъ отвѣчалъ Ланчинскому, что срокъ можно продолжить, лишь бы герцогъ сдѣлалъ первый шагъ, прислалъ бы Цесарю грамоту въ почтительныхъ выраженіяхъ и просьбу объ отсрочкѣ. Грамота была прислана; но герцогъ разослалъ также грамоты и къ имперскимъ князьямъ съ жалобами на притѣсненія, и все не являлся въ Германію. Это сильно раздражало Вѣнскій Дворъ. Когда Ланчинскій сталъ домогаться у принца Евгенія вывода экзекуціоннаго войска изъ Мекленбурга,—тотъ отвѣчалъ ему, что этого нельзя сдѣлать, пока герцогъ не возвратится и всѣ дѣла не будутъ улажены; тутъ Евгеній разгорячился и, повысивъ голосъ, продолжалъ: „Для чего вывести экзекуціонное войско?—развѣ для того, чтобъ Мекленбургскому Двору дать волю головы рубить, вѣшать, колесовать, какъ герцогъ недавно распорядился? Вы говорите о грамотѣ, которую герцогъ прислалъ къ Цесарю; но герцогъ разослалъ другія грамоты къ имперскимъ князьямъ въ жестокихъ выраженіяхъ противъ Цесаря; кромѣ того, въ Мекленбургѣ велѣлъ прочесть по всѣмъ церквамъ съ каѳедръ бумагу, въ которой опорочено все, что сдѣлано по цесарскимъ указамъ, и запрещено исполнять эти указы подъ тяжкими наказаніями. Неужели это знакъ истинной покорности и желанія возвратиться"? Ланчинскій возражалъ, что герцогъ желаетъ возвратиться въ Мекленбургъ и управлять какъ слѣдуетъ; но какъ ему возвратиться, когда экзекуціонныя войска еще тамъ:—это значило бы отдаться въ руки врагамъ своимъ. Если герцогъ наказалъ нѣкоторыхъ своихъ подданныхъ, то по справедливости: всякій имперскій князь право меча имѣетъ. Евгеній отвѣчалъ на это: „Я уже довольно уяснилъ дѣло; здѣшній Дворъ совсѣмъ другія вѣдомости имѣетъ о произведенныхъ герцогомъ казняхъ; что же касается права меча, то еще вопросъ: имперскій князь, который находится внѣ имперіи, въ явной непокорности цесарскимъ указамъ, можетъ ли пользоваться своимъ правомъ въ имперіи. Вы подаете надежду, что герцогъ возвратится; но мы очень хорошо знаемъ, что этого не будетъ; мы его здѣсь видѣли, нравъ его въ-конецъ узнали, и знаемъ, что теперь онъ еще хуже сталъ". Шёнборнъ на домогательство Ланчинскаго отвѣчалъ: „Невинно пролитая кровь людей, казненныхъ герцогомъ, остается на Цесарѣ, который виновенъ въ томъ, что такъ долго медлилъ; намѣреніе вашего государя помогать родственнику—похвально; но вы не можете обнадежить, что герцогъ изъявитъ покорность, а мы на эту покорность нисколько не надѣемся и въ эту игру болѣе играть не станемъ".

Въ этой „игрѣ" окончился 1723 годъ. Новый 1724 Ланчинскій началъ донесеніемъ, что Мекленбургское дѣло въ самомъ дурномъ положеніи при Вѣнскомъ Дворѣ, и никакія представленія не дѣйствуютъ: „И кто виноватъ, что Мекленбургскій Дворъ не употребляетъ себѣ въ пользу высокую вашего императорскаго величества помощь и, презирая всѣ добрые совѣты, самъ спѣшитъ къ своей погибели?" Несмотря на то, Ланчинскій выхлопоталъ еще двухмѣсячный срокъ для герцога. Что же касается до взглядовъ австрійскаго министерства на восточныя дѣла, то Ланчинскій доносилъ, что полюбовная сдѣлка у Россіи съ Портою не непріятна Вѣнскому Двору; здѣсь думали: „Лучше миръ, чѣмъ война, къ которой бы и мы какимъ-нибудь образомъ могли быть привлечены, а тѣмъ временемъ враги Австрійскаго Дома могли бы зацѣпить насъ и съ другой стороны". „Но при этомъ", продолжалъ Ланчинскій, „не перестаютъ злостныя внушенія, что когда ваше императорское величество настоящія дѣла по желанію окончите, то можете что-нибудь предпринять и противъ Европы. На это здѣсь отвѣчаютъ такъ: „Въ чьихъ рукахъ Каспійское море ни останется, намъ дѣла нѣтъ,—очень далеко; а если Русскій государь вздумаетъ предпринять что-нибудь другое еще, то способы сопротивленія найти можно; притомъ государь этотъ очень хорошо знаетъ разницу между европейскою и азіатскою войною: иное дѣло въ восточныхъ сторонахъ дѣйствовать, гдѣ нужно только придти, чтобъ города и области побрать; иное дѣло въ европейскихъ краяхъ, гдѣ вездѣ есть съ кѣмъ поговорить" [1]).

Въ Вѣнѣ мало заботились о распространеніи русскихъ владѣній на востокѣ; гораздо съ большимъ вниманіемъ слѣдили за отношеніями новой могущественной имперіи къ европейскимъ державамъ. Ближе другихъ была Пруссія, съ которою, какъ мы видѣли, давно уже у Австріи были непріятности. Мы видѣли такъ же, какъ Пруссія дѣйствовала заодно съ Россіею въ Польшѣ изъ соперничества съ Саксоніею, усиленія которой насчетъ

[1]) Дѣла Австрійскія 1722—1724 г.

Польши она никакъ не хотѣла допустить. Въ началѣ 1722 года Саксонскій Дворъ попытался, нельзя ли сблизиться съ Пруссіею и отвлечь ее отъ Россіи въ дѣлахъ польскихъ. Баронъ Ильгенъ сообщилъ графу Александру Головкину, что Флеммингъ чрезъ прусскаго посланника въ Дрезденѣ представилъ свою готовность содѣйствовать примиренію Пруссіи съ Австріею: онъ надѣется, по своему кредиту въ Вѣнѣ, успѣть въ этомъ дѣлѣ, но Пруссіи необходимо приступить къ извѣстному Вѣнскому трактату, которымъ устанавливался союзъ между Австріею и Саксоніею. Ильгенъ увѣрялъ Головкина, что Пруссія никогда не приступитъ къ Вѣнскому трактату и не приметъ никакихъ ласкательныхъ предложеній. По словамъ Ильгена, главнымъ виновникомъ этого дѣла былъ ганноверскій министръ Бернсторфъ. Англійскій посланникъ въ Берлинѣ, Витвортъ, по наблюденіямъ Головкина, такъ-же хлопоталъ о примиреніи Пруссіи и Австріи, но, по мнѣнію Головкина, если бы даже примиреніе и состоялось, то большаго согласія и довѣренности между Пруссіею и Австріею не будетъ. Интересы Пруссіи требовали держаться больше всего Россіи, хотя, разумѣется, Пруссія, и безъ англійскихъ внушеній, не могла не обезпокоиваться близостію могущественной имперіи; вотъ почему она спѣшила стать твердою ногою въ Курляндіи, чтобъ подавить здѣсь вліяніе Россіи, и король Фридрихъ-Вильгельмъ считалъ нужнымъ внушить Русскому императору, что Россіи опасно что либо предпринимать противъ Европы. Онъ говорилъ Головкину: „Я не возобновлю съ Даніею трактата о гарантіи Шлезвига, пока не получу извѣстія, что произойдетъ съ герцогомъ Голштинскимъ при вашемъ Дворѣ, ибо не хочу сдѣлать никакого шага, противнаго его императорскому величеству, хотя и не думаю, чтобъ его величество, по заключеніи такого славнаго и полезнаго мира, изволилъ вступить въ новыя предпріятія;—въ противномъ случаѣ, я долженъ сообщить въ высшей конфиденціи, вся Европа получитъ великое подозрѣніе.“ Съ русской стороны спѣшили успокоить короля: такъ, когда Россія предъявила требованіе, чтобъ корабли ея свободно проходили чрезъ Зундъ, не платя пошлины Датскому правительству, то Головкинъ предупредилъ прусское министерство, что императоръ въ этомъ дѣлѣ будетъ употреблять только приличные и дружескіе способы, и не предприметъ ничего, что бы могло подать поводъ къ войнѣ. Доброжелательные Россіи люди въ Берлинѣ, между которыми былъ принцъ Ангальтъ, увѣдомили Головкина, что надобно успокоить короля относительно Курляндіи, и посланникъ при первомъ удобномъ случаѣ представилъ королю, что это дѣло деликатное и скоро не можетъ быть окончено; опасно поспѣшностію въ немъ раздражить Поляковъ и оттолкнуть ихъ отъ Россіи и Пруссіи. Король, какъ казалось, остался доволенъ объясненіемъ, но замѣтилъ, что нехудо бы заранѣе согласиться какъ относительно Курляндіи, такъ и всѣхъ вообще польскихъ дѣлъ. На это былъ отвѣтъ, что императоръ твердо стоитъ при заключенномъ въ 1718 году договорѣ о супружествѣ герцогини Анны съ маркграфомъ Карломъ Бранденбургъ-Шведскимъ; но приводить немедленно въ исполненіе этотъ договоръ противно интересамъ Россіи: надобно поддерживать польскій сеймъ въ оппозиціи королю Августу; но если начать Курляндское дѣло, то этимъ раздражится сеймъ и усилится сторона королевская. Въ октябрѣ 1722 года Головкинъ объявилъ королю, что императоръ велѣлъ министру своему въ Варшавѣ, князю Долгорукому, дѣйствовать противъ саксонскихъ плановъ сообща съ министромъ прусскимъ Шверином; но при этомъ проситъ приказать Шверину дать Долгорукому нужную для общаго дѣла сумму денегъ. Король согласился, чтобъ деньги даны были на росписку, но министры прибавили, чтобъ деньги были возвращены какъ можно скорѣе, потому что Шверинъ самъ въ нихъ нуждается для подкуповъ.

Польскій сеймъ разорвался, и въ Берлинѣ опять все вниманіе обратилось на Курляндію, успѣхъ въ которой зависѣлъ отъ Россіи. Поэтому, въ началѣ 1723 года, Фридрихъ-Вильгельмъ говорилъ Головкину: „Если Вѣнскій Дворъ впрямь моей дружбы хочетъ искать, то для двухъ причинъ: или хочетъ возбудить меня противъ Франціи, или заключить какой-нибудь союзъ, предосудительный вашему императору; но я держусь Русскаго императора, а не Римскаго, и никакою выгодою не позволю себя увлечь противъ него. Что же касается до союза противъ Франціи, то изъ него мало выгоды могу себѣ надѣяться, ибо Цесарь не захочетъ—да и не можетъ—дать мнѣ въ награду ни малаго округа въ Нѣмецкой Землѣ; а деньгами не приманитъ, потому что своихъ у меня довольно. Былъ у меня саксонскій генералъ Секендорфъ и разговаривалъ о важныхъ матеріяхъ, а именно: внушалъ мнѣ, что императоръ Русскій въ великой силѣ обрѣтается, отчего другимъ державамъ не безъ подозрѣнія, а особливо эта сила всего опаснѣе мнѣ, какъ ближайшему сосѣду; также что Польскій Дворъ подлинную вѣдомость имѣетъ, что между Россіею и Франціей союзъ заключается, отъ котораго другимъ можетъ произойти немалое предосужденіе, поэтому Вѣнскій, Лондонскій и Дрезденскіе Дворы между собою соглашаются о необходимыхъ мѣрахъ для своей безопасности. При этомъ онъ всячески внушалъ, чтобъ и я приступилъ къ этому союзу. Я ему отвѣчалъ, что императоръ Русскій находится со мною въ дружбѣ, и отъ него я ни малой себѣ опасности не вижу; преимущественно желаю, чтобы сила его особенно увеличилась, дабы Вѣнскій Дворъ принужденъ былъ умѣреннѣе поступать и другихъ поболѣе уважать. Потомъ Секендорфъ говорилъ, что я старался о разорваніи послѣдняго сейма въ Польшѣ и истратилъ на это много денегъ, тогда какъ этихъ издержекъ можно было бы избѣжать и немалыя выгоды получить, если бы я съ королемъ Польскимъ заодно держался: такъ, если бы я помогъ Польскому королю упро-

чить Польскій престолъ и за сыномъ его, то бы онъ могъ доставить мнѣ епископствоВарминское и Померанію. Я спросилъ его, когда король Польскій мнѣ это дастъ; Секендорфъ отвѣчалъ: „Когда все исполнится по желанію моего государя". — Головкинъ представилъ королю, что Саксонцы коварствуютъ, требуютъ дѣла рискованнаго, а что обѣщаютъ, того долго ждать, и дать это не зависитъ отъ ихъ воли. А хотя бы они и могли достигнуть своей цѣли, то легко можно разсудить, что, получа наслѣдственность, могутъ легко ввести въ Польшу и самодержавіе, а съ самодержавіемъ легко могутъ не только отобрать то, что уступятъ, но захватятъ и прусскія земли. Король сказалъ на это: „Правда, и я того же мнѣнія, и потому вашему императору и мнѣ съ великою осторожностью надобно поступать и на саксонскія предложенія не склоняться. Съ какою тяжкою клятвой прежде Саксонскій Дворъ отпирался отъ жидовскаго Леманова проекта о раздѣлѣ Польши, а теперь возобновляетъ объ этомъ дѣло". Разговоръ любопытный: и король и русскій посланникъ представляютъ другъ другу невыгоду склониться на саксонскія предложенія, какъ бы совершенно забывъ, что на этотъ предметъ заключено уже было обязательство между Россіей и Пруссіей въ февралѣ 1720 года; обѣ державы обязались смотрѣть, чтобъ республика Польская осталась при своихъ правахъ и привилегіяхъ, а если бы королевскій Польскій Дворъ обнаружилъ намѣреніе ниспровергнуть ея вольности, или сталъ бы склонять республику къ союзу, заключенному въ Вѣнѣ между Цесаремъ и королями Великобританскимъ и Польскимъ, то Россія и Пруссія совѣтомъ и дѣломъ должны этому противиться и помогать Рѣчи Посполитой, чтобъ она осталась въ прежнемъ положеніи; особенно никакимъ образомъ не допускать, чтобъ кронъ-принцъ Саксонскій вступилъ на Польскій престолъ при жизни или по смерти отцовской.—Такъ мало значенія имѣли договоры, и такъ много значенія имѣли, по тогдашнему выраженію, „конъюнктуры".

Между Пруссіей и Австріей произошло наконецъ видимое примиреніе; но въ то же время Фридрихъ-Вильгельмъ заключилъ договоръ съ Георгомъ Англійскимъ и Ганноверскимъ, для общаго дѣйствія при защитѣ протестантскихъ интересовъ въ Германіи, и, въ началѣ 1724 года, Прусскій король говорилъ Головкину: „Никогда я вашего императора ни на кого не промѣняю, потому что ни съ кѣмъ у меня такой дружбы нѣтъ; хотя я съ Римскимъ Цесаремъ и помирился, однако большой конфиденціи нѣтъ и не будетъ; съ королемъ Польскимъ такъ-же прямой дружбы нельзя имѣть. Никогда не вступлю ни въ какія соглашенія ни противъ завоеваній вашего императора въ послѣднюю войну со Шведами, ни противъ правъ герцога Голштинскаго на Шведскій престолъ, ни противъ возвращенія ему Шлезвига; желаю, чтобъ онъ получилъ опять Шлезвигъ, и, смотря по обстоятельствамъ, не отказываюсь и помогать ему въ этомъ; однако буду ждать доброй компаніи, и одинъ въ это дѣло не вступлю, и прежде другихъ не начну". Прусскіе министры жаловались Головкину на Саксонскій Дворъ, который будто бы хлопочетъ въ Италіи и въ Имперіи у католическихъ князей составить католическій союзъ—съ цѣлью не допускать усиливаться значительныхъ протестантскихъ владѣльцевъ; хочетъ побудить и Польскую республику приступить къ союзу, заключенному между Австріей, Баваріей и Саксоніей. „Если это удастся Саксонскому Двору", говорили министры, „то онъ сольетъ оба союза въ одинъ; религія будетъ предлогомъ, а главною цѣлью — утвержденіе наслѣдственности Польскаго престола въ Саксонской династіи; и Курляндію хотятъ отдать принцу Саксенъ-Нейштадтскому".

Эти опасенія ослабѣли вслѣдствіе неудачи Саксонскаго дѣла въ Польшѣ. Петербургскому Двору хотѣлось, чтобы Берлинскій Дворъ приступилъ къ союзу, заключенному между Россіей и Швеціей; но въ Берлинѣ спрашивали безъ церемоніи: „что намъ за это дадите?" Изъ Петербурга не могли дать удовлетворительнаго отвѣта. Притомъ между обоими Дворами произошла нѣкоторая холодность: первою причиной была Курляндія; брачный курляндскій договоръ былъ переписанъ: вмѣсто маркграфа Фридриха поставленъ маргграфъ Карлъ Бранденбургъ-Шведскій. Но договоръ оставался на бумагѣ. Когда, въ іюлѣ 1724 года, Петру донесли о требованіи Прусскаго Двора порѣшить Курляндское дѣло, по причинѣ скоро ожидаемой смерти герцога Фердинанда, то имперторъ указалъ „по прежнимъ указамъ отъ этого рѣшенія еще отдалиться". Берлинскій кабинетъ постоянно спрашивалъ Петербургскій: „Когда же кончится курляндское дѣло?" Изъ Петербурга постоянный отвѣтъ: „Подождите!"— „Долго ли же ждать"? говорили въ Берлинѣ и сердились. Другая причина холодности, чуть ли не важнѣйшая заключалась въ томъ, что Петръ, въ угоду Фридриху-Вильгельму, страстному охотнику до высокорослыхъ солдатъ, прислалъ ему нѣсколько русскихъ великановъ. Король былъ очень доволенъ, думая, что великаны подарены ему. Но Петръ не считалъ позволительнымъ для себя дѣлать такіе подарки и потребовалъ великановъ назадъ, обѣщая на смѣну прислать новыхъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, скрѣпя сердце, разстался съ великанами; но ему готовился страшный ударъ: новые, присланные изъ Россіи солдаты были малорослѣе прежнихъ! Король долго не могъ позабыть этого, и когда Головкину нужно было говорить съ нимъ о важныхъ дѣлахъ, то доброжелательные къ Россіи люди внушали посланнику, что время неудобное: рана въ сердцѣ королевскомъ по поводу великановъ еще слишкомъ свѣжа [1]).

Мы видѣли, что Данія, при выходѣ изъ Сѣверной войны, удержала за собою Шлезвигъ; но эта добыча не была обезпечена, потому что герцогъ

[1]) Дѣла Прусскія 1722—1724 г.; протоколы резолюцій Петра В. въ приказныхъ дѣлахъ новыхъ лѣтъ Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ.

Голштинскій не отказывался отъ Шлезвига. Враждою этого слабосильнаго владѣльца можно было бы и пренебречь; но у него были права на Шведскій престолъ, а главное — онъ находился въ Петербургѣ, ища руки дочери царской, и, въ случаѣ этого брака, Даніи надобно было имѣть дѣло не съ герцогомъ Голштинскимъ, но съ могущественною Россіей, помощь которой обезпечивала герцогу и Шведскій престолъ. Алексѣй Бестужевъ писалъ изъ Копенгагена въ 1722 году, что Датскій Дворъ признаетъ Петра императоромъ Всероссійскимъ, но съ условіемъ гарантіи Шлезвига или, по крайней мѣрѣ, удаленія герцога Голштинскаго изъ Россіи. „Но по моему мнѣнію", писалъ Бестужевъ, „герцога надобно удерживать въ Россіи, пока здѣшній Дворъ все исполнитъ по желанію вашего величества, потому что онъ все сдѣлаетъ изъ страха, а не отъ пріязни. Здѣшній Дворъ уже хорошо мнѣ знакомъ: можно вести съ нимъ успѣшные переговоры только тогда, когда герцогъ въ Петербургѣ, а уѣдетъ — здѣсь сейчасъ же поднимутъ головы, притомъ же ганноверскій министръ Ботмаръ во всѣхъ вашихъ интересахъ сильно препятствуетъ." Требованія Россіи касались не одного императорскаго титула: по мысли Бестужева, Русскій Дворъ потребовалъ у Датскаго безпошлиннаго прохода черезъ Зундъ всѣхъ кораблей, выходящихъ изъ русскихъ гаваней и возвращавшихся въ нихъ. Когда Бестужевъ объявилъ объ этомъ требованіи въ конференціи съ датскими министрами, то канцлеръ, графъ Гольстъ, и тайный совѣтникъ Гольстъ поблѣднѣли. Бестужевъ, донося своему Двору объ уклончивыхъ отвѣтахъ Датскаго правительства насчетъ зундской пошлины, писалъ, что оно въ своемъ упорствѣ поддерживается ганноверскимъ посланникомъ Ботмаромъ, который управляетъ Даніею посредствомъ обоихъ Гольстовъ, получающихъ ежегодную пенсію изъ Ганновера, тогда какъ природные Датчане отстранены отъ дѣлъ и сильно негодуютъ на такой порядокъ вещей. Ботмаръ обнадеживалъ Датское правительство, что, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій со стороны Россіи, англійская эскадра явится въ Зундѣ. Бестужевъ писалъ Петру, что Россіи не нужно объявлять войны, а стоитъ только поставить на военную ногу войско и флотъ: народъ Англійскій съ флотомъ своимъ понапрасну плавать соскучится, очень соскучится и король Датскій, принужденный снаряжать флотъ при большой нуждѣ въ деньгахъ; природные Датчане и Норвежцы прямо говорятъ, что англійскій флотъ только введетъ ихъ правительство въ большіе убытки, а такъ-же мало поможетъ, какъ, незадолго передъ тѣмъ, Швеціи.

Весною разнесся въ Даніи слухъ, что Петръ даетъ герцогу Голштинскому отъ 30 до 40,000 войска и 30 линейныхъ кораблей, кромѣ фрегатовъ и галеръ. Датское правительство повѣрило слуху и стало спѣшить вооруженіемъ флота. Но въ то время какъ въ Даніи со страхомъ ждали появленія русскихъ кораблей, въ Россіи строились и спускались суда по Волгѣ для Каспійскаго похода, и Петръ писалъ Бестужеву, чтобъ онъ склонялъ Датское правительство къ отмѣнѣ зундской пошлины посторонними и искусными внушеніями безъ всякихъ угрозъ. „Нѣтъ никакой нужды", отвѣчалъ Бестужевъ, „грозить здѣшнему Двору, потому что онъ и безъ всякихъ угрозъ въ неописанномъ страхѣ обрѣтается отъ присутствія герцога Голштинскаго въ Россіи и отъ поѣздки туда герцога Мекленбургскаго, и отъ переговоровъ вашего величества съ Франціею и Испаніею". Страхъ сталъ исчезать, когда начали приходить извѣстія объ отправленіи Петра съ войскомъ въ Астрахань; и наоборотъ: въ Россіи были обезпокоены извѣстіемъ, что Данія хлопочетъ о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза съ Швеціею противъ Россіи; Бестужеву велѣно было спросить объясненій по этому дѣлу у министровъ или у самого короля. Но Бестужевъ отвѣчалъ, что не находитъ нужнымъ спѣшить, ибо Датскій Дворъ припишетъ это страху — и возгордится; напротивъ: надобно показывать, что Русскій Дворъ не обращаетъ большаго вниманія на этотъ союзъ, будучи увѣренъ, что Данія и съ Англіею, и съ Швеціею вмѣстѣ не въ состояніи нанести никакого вреда Россіи; тѣмъ болѣе что въ Даніи всѣ страстно желаютъ союза съ Россіею, кромѣ двоихъ Гольстовъ, которые дѣйствуютъ по внушеніямъ изъ Ганновера, а Ботмару нужно стращать здѣшній Дворъ Россіею и заставлять его всюду искать себѣ противъ нея союзовъ; такъ, недавно былъ распущенъ слухъ, что государь Русскій отправился не въ Астрахань, а въ Архангельскъ, и русскій флотъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Гордона, уже находится въ Балтійскомъ морѣ, что опять нагнало страхъ на Датскій Дворъ. Скоро Бестужевъ имѣлъ удовольствіе донесть, что Датскій Дворъ, видя нерасположеніе Швеціи къ союзу съ нимъ, отрицается всячески, что не искалъ шведскаго союза, и безпрестанно упоминаетъ (подобно въ фабулахъ лисицѣ), что этого союза и получить не желаетъ. Бестужевъ твердилъ одно: что не надобно отпускать герцога Голштинскаго изъ Россіи, иначе Датскій Дворъ возгордится и не исполнитъ русскихъ требованій.

Когда Петръ возвратился изъ Персидскаго похода, то Ботмаръ успѣлъ увѣрить Датскій Дворъ, что ему нечего опасаться Россіи: царь отступилъ съ большимъ урономъ, по причинѣ бурь на Каспійскомъ морѣ, потерялъ и лошадей въ тяжеломъ походѣ, но главное — Порта вооружается противъ Россіи, и царю не до Сѣвера. Бестужевъ доносилъ, что при такихъ обстоятельствахъ нельзя возобновлять предложенія о зундской пошлинѣ, лучше пока возобновить требованіе императорскаго титула; но чтобъ получить здѣсь успѣхъ, необходимо дать канцлеру Гольсту 10,000 червонныхъ, тайному совѣтнику Гольсту 6,000, тайному совѣтнику Ленту — 6,000, да управляющему иностранными дѣлами, фонъ-Гагену — 3,000, ибо точно такимъ же способомъ Ганноверскій Дворъ отвлекъ Данію отъ рус-

скаго союза. Гольстовъ, Лента и Гагена Бестужевъ надѣялся имѣть на своей сторонѣ за 25,000 червонныхъ, но онъ уже имѣлъ за себя вліятельнаго при королѣ человѣка, военнаго оберъ-секретаря Габеля, который 10 марта 1723 года устроилъ ему секретную аудіенцію, проведши его къ королю потаеннымъ ходомъ. Бестужевъ началъ свою рѣчь просьбою, чтобы его величество не вѣрилъ злымъ внушеніямъ насчетъ враждебныхъ замысловъ императора, который, напротивъ, весьма склоненъ пребывать въ прежней дружбѣ, утвердить ее и вступить въ ближайшія обязательства, если король, прежде вступленія въ договоры, въ знакъ дружбы и учтивости, признаетъ его Всероссійскимъ императоромъ и освободитъ русскіе корабли отъ зундской пошлины. Король отвѣчалъ: „Никогда не вѣрилъ я злымъ внушеніямъ противъ вашего государя и не повѣрю. Какъ Швеція ни трудилась склонить меня къ наступательному союзу противъ его величества,—я не согласился; какъ ни домогался король Георгъ и какъ ни старается теперь склонить меня къ союзу, вредному для вашего государя,—я еще ни въ какія съ нимъ обязательства не вступилъ, предпочитая дружбу и союзъ вашего государя и желая угождать ему во всемъ. Донесите его величеству одному: если я получу отъ Россіи гарантію на Шлезвигъ и герцогъ Голштинскій дастъ за себя и за наслѣдниковъ своихъ обязательство, что уступаетъ Шлезвигъ Даніи безо всякой претензіи на будущее время, то я обязываюсь дать герцогу титулъ королевскаго высочества и помогать ему въ полученіи Шведской короны. Такъ же, если вашъ государь вооружится противъ короля Георга въ пользу претендента или для отобранія Бремена и Вердена герцогу Голштинскому, или вступитъ съ войсками въ Мекленбургъ, то я не только останусь нейтральнымъ, но подъ рукою всякую помощь оказывать обяжусь, а именно: во всѣхъ моихъ гаваняхъ флотъ русскій найдетъ свободную пристань. Если же при такомъ моемъ расположеніи и при такихъ выгодныхъ предложеніяхъ вашъ государь отвергнетъ мою дружбу, то конечно его величество не удивится, что я буду принужденъ вступить въ союзъ съ королемъ Георгомъ. Опять подтверждаю, донесите объ этихъ словахъ моихъ только его величеству одному, а чтобъ министръ мой при Русскомъ Дворѣ, Вестфаленъ, ничего не зналъ, ибо я желаю, чтобъ трактатъ заключенъ былъ чрезъ посредство одного Габеля, а моему тайному совѣту былъ бы неизвѣстенъ, и пусть его величество дастъ вамъ полномочіе для его заключенія". — Бестужевъ замѣтилъ, что, кромѣ этого предложенія королевскаго, онъ долженъ донести императору о ходѣ дѣла насчетъ императорскаго титула и зундской пошлины. „При заключеніи трактатовъ", отвѣчалъ король, „охотно признаю за вашимъ государемъ императорскій титулъ; но если его величество требуетъ этого до заключенія трактатовъ, не давая никакого вознагражденія и держа при своемъ Дворѣ моего непріятеля, герцога Голштинскаго, то не могу считать этого за знакъ дружбы. Что же касается до освобожденія русскихъ кораблей отъ зундской пошлины, то я этого не могу сдѣлать, ибо сейчасъ Шведы, Англичане, Голландцы и другіе народы потребуютъ того же, и отказать имъ будетъ нельзя; впрочемъ, я могу исполнить желаніе его величества на томъ условіи, если онъ согласится ежегодно отпускать въ Данію безплатно извѣстное количество пеньки, смолы и дегтю, чтобъ на этомъ основаніи можно было отказать другимъ народамъ". Донося объ этомъ разговорѣ, Бестужевъ писалъ, чтобъ ему немедленно были высланы 3,000 червонныхъ для врученія Габелю.

Въ Россіи, разумѣется, не считали приличнымъ и выгоднымъ отнимать у герцога Голштинскаго всякую надежду на возвращеніе Шлезвига за нейтралитетъ Даніи въ войнѣ съ королемъ Георгомъ,—въ войнѣ, которую Петръ вовсе не хотѣлъ начинать, и 1723 годъ прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ о зундской пошлинѣ; въ Даніи все утѣшали себя надеждою на войну между Россіею и Турціею по поводу персидскихъ дѣлъ. Въ мартѣ 1724 года король занемогъ, и Бестужевъ писалъ въ Петербургъ, что причина болѣзни—извѣстіе о заключеніи союза между Россіею и Швеціею; если же Датскій Дворъ получитъ извѣстіе о примиреніи Россіи съ королемъ Англійскимъ, то пуще ужаснется, тѣмъ болѣе что Датскій Дворъ обыкновенно весною бываетъ не такъ храбръ, какъ зимою; боялись не только за Шлезвигъ, но и за Норвегію. Скоро пришла и новая страшная вѣсть: Турція вошла въ соглашеніе съ Россіею по дѣламъ персидскимъ,—войны не будетъ! Датскій король началъ хлопотать о свиданіи съ королями Англійскимъ и Прусскимъ, чтобъ устроить тройной союзъ между Даніею, Англіею и Пруссіею противъ Россіи и Швеціи; но Прусскій король отклонилъ свиданіе, чтобъ не возбудить подозрѣній Русскаго Двора. Тогда въ Копенгагенѣ рѣшились на отчаянн.. средство: начали внушать министрамъ союзныхъ съ Россіею Дворовъ, что царь предлагалъ Даніи гарантировать Шлезвигъ и въ четыре недѣли выслать герцога Голштинскаго изъ своихъ владѣній, если король дастъ царю императорскій титулъ и освободитъ русскіе корабли отъ зундской пошлины. Но это средство ни къ чему не могло послужить, и въ Даніи уже считали Шлезвигъ потеряннымъ [1]).

Теперь обратимся къ Швеціи и посмотримъ, какимъ образомъ между нею и Россіею былъ заключенъ союзъ, такъ напугавшій Данію.

Послѣ Ништадтскаго мира, резидентомъ въ Швецію отправился родной братъ резидента въ Даніи, Михайла Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, который началъ свои донесенія о Швеціи такими словами: „Какъ я вижу, здѣсь настоящая Польша стала: всякій себѣ господинъ, и подчиненные начальниковъ своихъ не слушаютъ, и никакого порядка нѣтъ".

---

[1]) Дѣла Датскія 1722—1724 г.

Первымъ дѣломъ Бестужева было предложить добрыя услуги Россіи въ примиреніи Шведскаго короля съ герцогомъ Голштинскимъ; но резидентъ „довольно примѣтилъ", что это предложеніе королю очень противно. Въ маѣ 1722 года Бестужевъ доносилъ, что въ Стокгольмѣ пронеся слухъ, будто цесаревна Елисавета Петровна сговорена за герцога Голштинскаго; эта вѣсть произвела большую тревогу при Дворѣ и большую радость въ голштинской партіи. Любопытно видѣть, какъ Русскіе даровитые люди, отысканные Петромъ и разосланные имъ на дипломатическіе посты, старались вникать не только въ настоящее положеніе государствъ и ихъ взаимныя отношенія, но изучали исторію, и, на основаніи историческихъ соображеній, выводили свои заключенія о настоящихъ интересахъ. Бестужеву были подозрительны частыя конференціи цесарскаго посланника Фрейтага и ганноверскаго министра съ четырьмя шведскими сенаторами, графомъ Горномъ, Дикеромъ, Тессиномъ и Делагарди, которыхъ онъ называетъ республиканцами, т.-е. приверженцами той формы правленія, какая была введена въ Швеціи по смерти Карла XII. Какъ же объяснялъ себѣ Бестужевъ эти частыя конференціи и тѣсную дружбу? „Я думаю", писалъ онъ Петру, „что они хотятъ Данію, Швецію и Норвегію соединить подъ одну корону, какъ было такъ-называемое Кальмарское соединеніе во время Датской королевы Маргариты, и что этотъ проектъ Цесарскій и Ганноверскій Дворы будутъ поддерживать: это только мое мнѣніе". Бестужевъ взялъ слишкомъ высоко: хлопотали не о возстановленіи Кальмарскаго союза. Баронъ Шпаръ, шведскій посланникъ при Англійскомъ Дворѣ, представилъ своему королю проектъ тройнаго союза между Швеціею, Даніею и Англіею, причемъ король Англійскій обѣщалъ привлечь къ союзу и Голландію. Король чрезвычайно ласкалъ англійскаго посланника, съ которымъ онъ постоянно ужиналъ вмѣстѣ у кассельскаго посланника; иногда на этихъ ужинахъ бывалъ и датскій посланникъ—и болѣе никого. Король прежде всего хлопоталъ, чтобъ перевести наслѣдство Шведской короны въ свой Кассельскій Домъ; но для этого единственнымъ средствомъ считалось возстановленіе самодержанія, и король всю зиму и лѣто ѣздилъ по провинціямъ, задабривая и подкупая вліятельныхъ людей, чѣмъ сильно раздражилъ противъ себя аристократію. Сенаторы говорили Бестужеву, что они ясно видятъ намѣреніе королевское ниспровергнуть конституцію, и потому возлагаютъ большія надежды на Русскаго государя, который не допуститъ до этого ниспроверженія. „Очень удивительно", писалъ Бестужевъ, „что частный королевскій совѣтъ состоитъ изъ людей незнатныхъ и *бескредитныхъ*; одинъ изъ нихъ—Нейгебауеръ, который былъ учителемъ у покойнаго царевича Алексѣя Петровича; другіе—подобные ему". Опасаясь болѣе всего герцога Голштинскаго и его связи съ Россіею, король написалъ французскому посланнику при Русскомъ Дворѣ, Кампредону, что онъ готовъ дать Петру императорскій титулъ, если царь не вступитъ ни въ какія обязательства съ герцогомъ Голштинскомъ и удалитъ его отъ своего Двора. Бестужевъ, по указу, объявилъ королю, что императоръ не вступитъ съ герцогомъ ни въ какія обязательства, которыя могутъ быть вредны его королевскому величеству, но самъ король можетъ разсудить, что удаленіе герцога было бы противно чести и славѣ императора, который желаетъ примирить герцога съ королемъ, ибо только такимъ средствомъ можно будетъ удержать герцога отъ враждебныхъ предпріятій относительно короля; послѣ этого примиренія герцогъ и выѣдетъ изъ Россіи. Король отвѣчалъ, что онъ отъ примиренія съ герцогомъ не удаляется, пусть только герцогъ пришлетъ въ Швецію своего министра и исправитъ свои прежніе поступки; однако голштинскій министръ долженъ пріѣхать въ Стокгольмъ послѣ сейма, потому что во время сейма онъ будетъ интриговать. Бестужевъ сказалъ на это: „Голштинскій министръ пріѣдетъ тогда, когда вашему величеству будетъ угодно, только бы ваше величество изволили склониться къ примиренію и обадежили меня, что когда герцогъ первый шагъ сдѣлаетъ, и чрезъ своего министра признаетъ и поздравитъ ваше величество королемъ, то ваше величество дадите герцогу титулъ королевскаго высочества". Это предложеніе королю очень не понравилось, и онъ сейчасъ началъ говорить о другомъ.

Въ январѣ 1723 года открылся сеймъ. Маршаломъ былъ выбранъ президентъ камеръ-коллегіи Лагербергъ, „самый добрый патріотъ, противникъ намѣреніямъ Двора, а герцогу Голштинскому доброжелательный", по отзыву Бестужева. „Изъ сего можно видѣть", писалъ резидентъ, „что партія дворовая очень безсильна передъ другою, хотя и множество было закуплено. Я вполнѣ надѣюсь, что король на этомъ сеймѣ не увеличитъ своей силы и власти, тѣмъ менѣе успѣетъ относительно передачи наслѣдства въ Кассельскій Домъ; королевская партія объ этомъ и упоминать не смѣетъ" Королевская партія потерпѣла пораженіе и, при выборахъ въ секретный комитетъ, состоявшій изъ ста человѣкъ и вѣдавшій тайныя дѣла, какъ-то: заключеніе союзовъ и т. п., оказалось, что изъ выбранныхъ 98 человѣкъ—патріоты, т.-е противники королевскимъ намѣреніямъ, и только двое изъ королевской партіи. Несмотря на объявленіе короля Бестужеву, чтобы голштинскій посланникъ пріѣзжалъ послѣ сейма, извѣстный намъ Бассевичъ, въ званіи чрезвычайнаго посла герцогова, явился въ Стокгольмѣ въ самомъ началѣ сейма; король послалъ-было приказъ въ Финляндію задержать Бассевича, но общественное мнѣніе принудило его возвратить этотъ приказъ. Бассевичъ привезъ Бестужеву тысячу червонныхъ для необходимыхъ издержекъ на сеймѣ. Скоро королевская партія потерпѣла третье пораженіе: изъ среды сеймовыхъ депутатовъ отъ крестьянскаго сословія явилось

предложеніе усилить власть королевскую; депутаты городскаго сословія увѣдомили объ этомъ депутатовъ дворянскихъ, и депутаты трехъ сословій—дворянскаго, духовнаго и городскаго — единогласно отвергли предложеніе и постановили: сыскать между крестьянскими депутатами зачинщиковъ дѣла и наказать какъ измѣнниковъ; при этомъ рѣшеніи раздались громкія рукоплесканія со стороны депутатовъ отъ дворянства и была великая радость по всему городу. Нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ дворянскихъ депутатовъ говорили Бестужеву, что если бы депутаты отъ духовнаго и городскаго сословій одобрили крестьянское предложеніе, то они, дворяне, разорвали бы сеймъ и отправили депутацію къ Русскому императору съ просьбою о покровительствѣ, потому что, по седьмому параграфу Ништадтскаго договора, императоръ обязался поддерживать настоящую форму правленія въ Швеціи. „Я знаю", писалъ Бестужевъ, „что шляхетство стращало депутатовъ духовныхъ и городовыхъ этимъ седьмымъ параграфомъ; стращало, что потребуетъ у Русскаго императора войска и галеръ для охраненія своей вольности,—и этою угрозой многихъ удержало. Такимъ образомъ, король понапрасну трудился и по провинціямъ ѣздилъ, и множество денегъ понапрасну истратилъ; ваше величество пользуетесь здѣсь великимъ уваженіемъ, и, пока нынѣшняя форма правленія существуетъ, ни малаго опасенія со стороны шведской не имѣю".

Но если Бестужевъ писалъ, что Россія не могла ничего опасаться со стороны Шведскаго короля, то и послѣднему писали, что ему нечего опасаться со стороны Россіи. Въ началѣ марта пріѣзжаетъ къ Бестужеву Бассевичъ и показываетъ письмо, полученное имъ изъ Россіи отъ французскаго посланника Кампредона; въ письмѣ говорилось, что императоръ началъ принимать герцога Голштинскаго очень холодно, и что Россія находится въ дурномъ состояніи: денегъ нѣтъ, ожидаютъ голода, войско въ самомъ жалкомъ положеніи, третья доля его и 50,000 лошадей пропали въ Персидскомъ походѣ, наконецъ ожидается Турецкая война. Бестужевъ провѣдалъ, что Кампредонъ тѣ же самыя извѣстія препроводилъ Шведскому королю черезъ кассельскую канцелярію и они уже сообщаются, будто по секрету, нѣкоторымъ лицамъ. Эти внушенія, впрочемъ, не имѣли никакого дѣйствія, тогда какъ сильное впечатлѣніе произвело объявленіе, сдѣланное отъ имени императора Бестужевымъ графу Горну, президенту иностранной коллегіи, самому вліятельному тогда вельможѣ въ Швеціи; объявленіе состояло въ слѣдующемъ: „Такъ какъ къ его императорскому величеству приходятъ извѣстія, будто король старается ниспровергнуть настоящую форму правленія и сдѣлаться самодержавнымъ, то его императорское величество приказалъ мнѣ наисильнѣйшимъ образомъ обнадежить всѣхъ добрыхъ патріотовъ, что онъ, по обязательству мирнаго трактата, не оставитъ ихъ своею помощію и перемѣнить настоящую форму правленія не допуститъ". Это объявленіе привело въ восторгъ Горна, и онъ просилъ резидента пріѣхать на другой день къ графу Делагарди. У Делагарди Бестужевъ нашелъ Горна и еще двухъ патріотовъ, и всѣ просили Бестужева благодарить императора за такую великую милость. Бассевичъ, по настоянію сейма, получилъ наконецъ аудіенцію у короля, который все откладывалъ ее, желая протянуть время до окончанія сейма. „Дѣла герцога Голштинскаго находятся въ наилучшемъ состояніи", писалъ Бестужевъ: „можно было бы на этомъ сеймѣ утвердить за нимъ и наслѣдство Шведскаго престола, только понадобились бы большія деньги; ибо хотя у герцога и много доброжелателей, но даромъ ничего дѣлать не хотятъ,—люди здѣсь *интересоватые*, ктому же бѣдны, и можно сказать, что за деньги все здѣсь получить можно". Бассевичъ подалъ меморіалъ съ требованіемъ для герцога титула королевскаго высочества; сеймъ согласился, и въ томъ же засѣданіи опредѣлилъ признать за Русскимъ государемъ императорскій титулъ. Извѣстіе, что государственные чины опредѣлили дать герцогу Голштинскому титулъ королевскаго высочества, сильно опечалило короля; партія его оробѣла, и „лучшіе его партизаны томнымъ видомъ являются, власно яко бы имъ великое несчастіе случилось", по выраженію Бестужева. Всѣ думали, что король, скрѣпя сердце, утвердитъ рѣшеніе сейма, но онъ объявилъ, что очень недоволенъ этимъ рѣшеніемъ, и далъ письменный протестъ, подсанный его рукою; королева отъ себя дала также письменный протестъ; въ обоихъ протестахъ говорилось, что признаніе герцога королевскимъ высочествомъ предосудительно государству, служа какъ бы признаніемъ правъ герцога на Шведскую корону. Въ слѣдующемъ засѣданіи сейма придворная партія поддерживала протесты, но партіи голштинская и патріотическая пересилили придворную, будучи въ десять разъ многочисленнѣе, и сеймъ объявилъ, что своего рѣшенія не перемѣнитъ. Поступокъ короля и королевы только сильно раздражилъ государственные чины, отчего выигрывалъ герцогъ Голштинскій. *Друзья* сообщили Бестужеву за тайну, что въ протоколѣ секретнаго комитета явился планъ, по которому король хотѣлъ сдѣлаться самодержавнымъ и упрочить наслѣдство Шведской короны въ Кассельскомъ Домѣ, для чего обѣщалъ королю Прусскому остальную часть Помераніи, если тотъ поможетъ ему.

Петръ былъ очень доволенъ, пожаловалъ Бестужева въ камергеры и далъ ему званіе чрезвычайнаго посланника; но, въ то же время, онъ поручилъ ему узнать, не нуждается ли голштинская партія въ помощи русскаго флота, чтобы провозгласить на томъ же сеймѣ герцога Голштинскаго наслѣдникомъ Шведскаго престола. Но, на вопросъ Бестужева, *доброжелательные* единогласно отвѣчали, что они за доброе намѣреніе императора благодарятъ и отъ всего сердца желали бы утвердить наслѣдство за герцогомъ Голштинскимъ на этомъ

же сеймѣ, только этого сдѣлать нельзя: король, противъ чаянія, согласился на все, что государственные чины отъ него требовали, и потому теперь надобно удержаться отъ дальнѣйшихъ намѣреній, чтобы не испортить дѣла, не навести подозрѣнія и не повредить довѣренности, какую нація имѣетъ къ Русскому императору. Люди, находившіеся тайно въ службѣ герцога и сидѣвшіе въ секретномъ комитетѣ, также совѣтовали не начинать дѣла о наслѣдствѣ, которое герцога не минуетъ, только бы онъ продолжалъ вести себя такъ, какъ велъ до сихъ поръ. Послѣ этихъ объявленій надобно было удовольствоваться пенсіею, которую сеймъ назначилъ герцогу; кромѣ того, Бестужевъ сейчасъ же предложилъ оборонительный союзъ между Россіею и Швеціей. Предложеніе было принято, несмотря на старанія англійскаго и датскаго министровъ помѣшать дѣлу; сеймъ, заканчиваясь, уполномочилъ сенатъ заключить договоръ, который и былъ заключенъ 22 февраля 1724 г.; постановили: что если одна изъ договаривающихся державъ подвергнется нападенію отъ какого-нибудь *европейскаго христіанскаго* государства, то другая обязана употребить добрыя услуги для примиренія; если же всѣ старанія окажутся тщетными, то выставить войско; Россія выставляетъ 12,000 пѣхоты, 4,000 конницы, 9 кораблей линейныхъ, три фрегата; Швеція выставляетъ 8,000 пѣхоты, двѣ тысячи конницы, шесть кораблей линейныхъ, два фрегата. Жалованье вспомогательнымъ войскамъ платитъ ихъ государство, государство же вспомоществуемое доставляетъ провіантъ, фуражъ и квартиры. Генеральная команда принадлежитъ государству вспомоществуемому; но каждое важное дѣйствіе напередъ обсуждается въ совѣтѣ, въ присутствіи генерала со стороны государства помогающаго. Договаривающіяся державы объявляютъ, что у нихъ ни съ кѣмъ нѣтъ союза, который бы могъ быть противенъ заключаемому союзу. Если какая-нибудь другая держава захочетъ вступить въ этотъ союзъ, то можетъ это сдѣлать, не иначе, впрочемъ, какъ съ соизволенія обѣихъ договаривающихся державъ. Долженъ быть какъ можно скорѣе заключенъ договоръ торговый. Оборонительный союзъ заключается на 12 лѣтъ. Къ этимъ статьямъ договора присоединены были два секретныхъ артикула и одинъ сепаратный. Въ первомъ—секретномъ артикулѣ—говорилось: „Такъ какъ владѣющій герцогъ Голштейнъ-Шлезвигскій уже много лѣтъ лишенъ своего княжества Шлезвигскаго, и такъ какъ императору Всероссійскому и королю Шведскому очень потребно, чтобъ этотъ, имъ обоимъ близкій государь получилъ свое, и такимъ образомъ возстановленъ быть могъ совершенный покой на сѣверѣ,—поэтому Россія и Швеція обязуются наисильнѣйшимъ образомъ домогаться этого, какъ при Датскомъ, такъ и при другихъ Дворахъ, и если никакія представленія не помогутъ, то Россія и Швеція съ другими державами, и особенно съ Цесаремъ Римскимъ, будутъ совѣтоваться и разсуждать, какимъ бы образомъ это дѣло безопасно могло быть приведено къ окончанію". Второй секретный артикулъ заключалъ такое обязательство: „Такъ какъ ихъ величества Россійское и Шведское полагаютъ, что цѣль оборонительнаго союза, именно покой и безопасность ихъ государствъ и подданныхъ, не можетъ быть достигнута, если въ королевствѣ Польскомъ произойдетъ безпокойство отъ причинъ внутреннихъ или отъ побужденія внѣшняго,—поэтому ихъ величества крѣпко договорились между собою предотвращать и утушать подобныя безпокойства, и особенно стараться, чтобъ республика Польская сохраняла свою древнюю вольность, привилегіи, пакта конвента, и прочія ей принадлежащія права". Въ сепаратномъ артикулѣ за Швеціею утверждалось право, въ продолженіи 12 лѣтъ, т.-е. срока оборонительнаго союза, безпошлинно вывозить изъ Россіи товаровъ на 100,000 рублей.

Въ іюнѣ Бестужевъ объявилъ о помолвкѣ цесаревны Анны Петровны за герцога Голштинскаго, и по этому случаю писалъ императору: „Не могу довольно изобразить всеобщую здѣсь радость лучшихъ, среднихъ и подлыхъ людей. Это супружество принимается за основаніе истинной, ненарушимой и вѣчной дружбы между Россіею и Швеціею. Правда, что Двору и его партіи это очень непріятно, но въ націи истинно всѣ радуются, говорятъ: хотя всѣ герцога оставили, но Всевышній его не оставилъ,—нашелъ ему такого милостиваго и великаго покровителя; партія придворная день-ото-дня умаляется, и какъ ея члены, такъ и республиканцы на истинный путь приходить начинаютъ" [1]).

По заключеніи союза съ Россіею, шведскіе министры предложили англійскому и ганноверскому посланникамъ свое посредничество для примиренія ихъ короля съ Русскимъ императоромъ; на ихъ предложеніе изъ Англіи былъ полученъ отвѣтъ, что это дѣло уже ведется Французскимъ правительствомъ и должно скоро придти къ окончанію. Мы видѣли, что въ 1721 году, во время заключенія Ништадтскаго мира, въ Парижѣ былъ князь Василій Лукичъ Долгорукій, смѣнившій Шлейница, на котораго пало подозрѣніе въ нескромности. По заключеніи мира, Петръ велѣлъ Долгорукому съѣздить къ Дюбуа и поблагодарить за помощь, оказанную Франціею при мирныхъ переговорахъ. Съ такою же благодарностію Долгорукій ѣздилъ потомъ и къ самому регенту, послѣ чего писалъ къ своему Двору, что Англійскій король сердится на Дюбуа, зачѣмъ не включили его въ мирный договоръ между Россіею и Швецію, и Дюбуа, боясь негодованія Англійскаго короля, хочетъ поправить дѣло, т.-е. помирить Георга съ Петромъ. „Теперь пора", говорилъ Дюбуа Долгорукому, „пора приступить къ главному дѣлу между Россіею и Франціею. Для утвержденія такого славнаго и полезнаго мира, какой получила Россія, нужны гаран-

[1]) Дѣла Шведскія 1722—1724 г.

тіи, нужна гарантія королей Французскаго и Испанскаго; но если Россія вступитъ въ союзъ съ Франціею и Испаніею, то нужно включить въ него и короля Англійскаго, какъ курфюрста Ганноверскаго,—иначе Англійскій король вступитъ въ союзъ съ Цесаремъ и другими. Не думаю, чтобъ вашъ государь, изъ желанія отомстить королю Англійскому, потерялъ изъ виду пользу, какую можетъ получить отъ примиренія съ нимъ; притомъ, если Англійскій король согласится помочь герцогу Голштинскому въ возвращеніи Шлезвига, то вашъ государь еще болѣе умножитъ свою славу; а я знаю, что король Англійскій хочетъ помириться съ вашимъ государемъ". Сначала Дюбуа просилъ Долгорукаго донести своему Двору объ этомъ разговорѣ; но потомъ вдругъ прислалъ письмо съ просьбою, чтобъ было умолчано, и сильно безпокоился, не опоздалъ ли, не отправилъ ли уже Долгорукій своихъ донесеній въ Петербургъ,—ибо „въ такомъ случаѣ," говорилъ Дюбуа, „я буду принужденъ чрезъ Кампредона отречься при вашемъ Дворѣ отъ всѣхъ моихъ словъ." Причину такой перемѣны Дюбуа выставилъ ту, что съ англійской стороны нѣтъ никакого отзыва о примиреніи съ Россіею; а если ему начать о томъ говорить, то Англійскій король загордится, и дѣло примиренія труднѣе будетъ вести къ концу: поэтому онъ будетъ ждать, пока съ англійской стороны заговорятъ о примиреніи. Но по мнѣнію Долгорукаго, причина была другая: Дюбуа хотѣлось показать, что съ англійской стороны холодны относительно примиренія съ Россіею,—потому послѣдняя не должна быть очень требовательна. О признаніи императорскаго титула за Русскимъ государемъ регентъ сказалъ Долгорукому: „Если бы это дѣло зависѣло отъ меня, то я бы исполнилъ желаніе его величества; но дѣло такой важности, что надобно о немъ подумать" [1]).

Въ сношеніяхъ съ Франціею Петръ не покидалъ своей любимой мысли породниться съ Людовикомъ XV. 6 мая 1721 года Долгорукій получилъ отъ него указъ хлопотать о брачномъ союзѣ между королемъ и цесаревною Елисаветою Петровною [2]). Но въ концѣ года Долгорукій увѣдомилъ императора, что регентъ, сблизившись съ Испаніею, устроилъ двойной бракъ: первый—между наслѣдникомъ Испанскаго престола и дочерью регента, а второй—между Людовикомъ XV и Испанскою инфантою, которая была по четвертому году; условились привезти ее во Францію и воспитывать здѣсь до совершеннолѣтія. Въ 1722 году нашлись другіе женихи между французскими принцами, но эти женихи хотѣли взять въ приданое — Польшу. 5 января 1722 года Долгорукій писалъ изъ Парижа: „Въ экстрактѣ изъ кампредоновыхъ реляцій, которыя я домогался видѣть, написано, что изъ тѣхъ, которые въ совѣтъ вашего императорскаго величества не входятъ и въ конференціяхъ съ нимъ, Кампредономъ, не были, нѣкто одинъ предлагалъ ему о супружествѣ между дщерью вашего императорскаго величества, Елисаветою Петровною, и сыномъ дука регента, дукомъ Шартромъ, и когда то супружество скончается, тогда ваше императорское величество изволите его, дука Шартра, учинить королемъ Польскимъ". Мы видѣли, какъ Россію и другія сосѣднія государства занималъ вопросъ, кому должна достаться Польша по смерти Августа II; не хотѣли, чтобъ она перешла къ сыну его; но кто же могли быть другіе кандидаты? Во время отсутствія Петра въ Персидскій походъ, 30 октября 1722 года министры его держали тайный совѣтъ. Вначалѣ прочли письмо императора къ канцлеру отъ 16 октября; въ письмѣ говорилось: „Понеже изъ присланныхъ реляцій видится, что о слабости короля Августа отъ всѣхъ пишутъ, и что для того спѣшитъ о наслѣдствѣ сыну своему (о чемъ указъ вамъ есть, какъ то предварить); въ тѣхъ же реляціяхъ пишутъ, что при другихъ Дворахъ подъ рукою уже кандидатовъ пріискиваютъ, а съ нашей стороны въ томъ спятъ, а ежели вскорѣ то случится, то мы останемся; того ради не худо-бъ въ запасъ и намъ сіе чинить и обнадежить кого, что въ такомъ случаѣ помогать будемъ; а о персонѣ я лучше не знаю, какъ о томъ, о комъ при отъѣздѣ говорилъ". Тайные совѣтники вспомнили, что Петръ говорилъ о королевичѣ Константинѣ Собѣскомъ, и въ этомъ смыслѣ отправили инструкцію князю Сергѣю Долгорукому въ Варшаву [3]). Но князь Василій Лукичъ писалъ изъ Парижа о другихъ кандидатахъ [4]): „Какъ сталъ быть здѣсь слухъ, что король Польскій началъ быть боленъ и по всѣмъ оказательствамъ жизни его продолжительной быть не чаютъ, то при здѣшнемъ Дворѣ начали быть предложенія и негоціаціи, кого по нынѣшнемъ королѣ избрать на тотъ престолъ. Министры англійской и саксонской усильно домогаются здѣсь, чтобъ утвердить на томъ престолѣ сына нынѣшняго короля; сіе завѣрно мнѣ сказано; также слышалъ я, будто и Цесарь того же у здѣшняго Двора домогается. Регентъ и кардиналъ

[1]) Дѣла Французскія 1721 года.— Относительно отозванія Шлейница, до насъ дошло письмо Алексѣя Юрова, находившагося въ Парижѣ агентомъ по мануфактурной части. 22 апрѣля 1720 г. Юровъ писалъ: «Баронъ Шлейницъ у Двора здѣшняго нимало пріятенъ: нѣкогда дукъ д'Орлеанъ хотѣлъ писать до вашего в—ства, чтобъ его перемѣнить; тогда услышалъ лордъ Штеръ, посолъ англійскій, пришедъ ко абе-де-Буа, какъ могъ старался, чтобъ не писать, показывая ему резоны, что имъ не мѣшаетъ, а ежели будетъ другой, то намъ помѣха будетъ въ дѣлахъ. Второе, что ни малаго раденія, ни вѣрности не имѣетъ, ниже скрытности въ дѣлахъ; неумолкаемое же сѣтованіе всему свѣту отъ него происходитъ иногда о томъ, что малъ его характеръ, или что мало ему жалованья и ради своего недовольства чаетъ покинуть службу вашу, что видя дворъ здѣшній не очень сталъ привѣтивать, хотя и всегда не очень открытны были, а нынѣ и пуще. Ни чести, ни прибыли отъ него нимало является,—соизволили бы избрать иного кого ко двору здѣшнему, который бы могъ быть меньше убыточенъ и больше вѣренъ и радѣтеленъ». Кабинетъ I, № 59.

[2]) Письма разныхъ особъ въ Государ. Архивѣ.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 59.

[4]) Дѣла Французскія; донесеніе отъ 24 августа 1722 г.

Дюбуа на тѣ предложенія мало склонности показали и разсуждали, что прибыточнѣе Франціи возвести на тотъ престолъ Рагочаго (Рагоци), чтобъ былъ противенъ Цесарю. Предъ нѣсколькимъ временемъ Контъ де-ла Маркъ разсуждалъ со мною партикулярно, не можно-ль учинить супружества между вашею среднею дщерію [1]) и дукомъ Бурбонскимъ, и чтобъ вы изволили помощи возвести его, дука Бурбонскаго, на Польскій престолъ, а Франція съ ея стороны о томъ стараться будетъ. Я отвѣчалъ, что воли вашей не вѣдаю, однако говорилъ, что удобнѣе быть супружеству между дукомъ Бурбонскимъ и меньшею дщерью царя Іоанна Алексѣевича (Прасковьею), а среднюю вашу дщерь сочетать съ сыномъ дука регента, дукомъ Шартромъ. Сего мѣсяца, въ 13, ѣздилъ я нарочно въ Версалію, и кардиналъ началъ мнѣ говорить, что при Дворѣ вашемъ цесарскій министръ старается, чтобъ учинить обязательство между вами и Цесаремъ, только онъ, кардиналъ, не надѣется, чтобъ вы къ тому склониться изволили, ибо легко изволите усмотрѣть, что союзъ съ королемъ Французскимъ вамъ прибыточнѣе, чѣмъ съ Цесаремъ. Я ему отвѣчалъ, что негоціація (съ Франціею) не продолжается только за ними, ибо Кампредонъ никакого указа и донынѣ о томъ не получилъ; кардиналъ обѣщалъ отправить нарочнаго курьера къ Кампредону съ инструкціею. Кардиналъ сказалъ, что императорскій титулъ данъ будетъ тотчасъ по заключеніи союза. Кардиналъ продолжалъ, что при Портѣ нѣкоторыя державы стараются склонить Турокъ къ войнѣ противъ васъ, и, какъ скоро онъ о томъ увѣдалъ,—тотчасъ отправилъ нарочныхъ курьеровъ къ послу французскому въ Царьградъ съ указомъ, дабы всевозможными способами старался отвращать Порту отъ войны съ вами. Потомъ кардиналъ, взявъ меня за руку, сказалъ, что онъ любитъ меня, какъ родпаго брата, и для того откроетъ мнѣ послѣдній важный секретъ: дукъ-регентъ можетъ учинить супружество между средней дщерію вашей и сыномъ своимъ дукомъ Шартромъ, и потомъ вы соизволите помощи къ возведенію дука Шартра на Польскій престолъ; дукъ-регентъ презрѣлъ дочь Цесаря и дочь короля Португальскаго, и намѣренъ обязаться свойствомъ съ вами".

Женихи и требованіе ихъ Польши въ приданое не нравились Петру. Въ томъ же 1722 году князь Василій Лукичъ былъ отозванъ изъ Франціи; его мѣсто занялъ камеръ-юнкеръ князь Александръ Куракинъ, сынъ извѣстнаго князя Бориса Ивановича Куракина. Старикъ-отецъ его продолжалъ быть посланникомъ въ Гагѣ, гдѣ, между прочимъ, онъ долженъ былъ наблюдать, чтобъ въ газетахъ не печаталось ничего предосудительнаго противъ Россіи, и опровергать печатаемое. Легко понять, какъ трудно было Куракину исполнять эту обязанность въ республикѣ при свободной печати. Однажды Куракинъ получаетъ императорскій указъ: „Для чего онъ такія ложныя и вымышленныя повѣсти о Россіи не опровергаетъ и, какъ видно, курантерамъ (газетчикамъ) въ печатаніи ихъ свобода дается".—„Сія экспрессія такъ чувственна мнѣ есть, что нахожу себя внѣ ума, какимъ образомъ могу на сіе вашему величеству доносить", отвѣчалъ Куракинъ; „отъ младенческихъ лѣтъ своихъ служилъ и служу вашему величеству съ такою вѣрностію и усердіемъ, какія только возможны наивѣрнѣйшему изъ подданныхъ. Во всѣхъ дѣлахъ по указамъ вашего величества поступалъ и къ желаемому концу ихъ доводилъ; но относительно газетеровъ, къ моему собственному несчастію, не могу достигнуть желаемой цѣли; не одинъ я изъ министровъ приношу на нихъ жалобы, но предупредить этого никто не можетъ. Притомъ опровергать печатающіяся о Россіи извѣстія очень опасно, ибо я часто не знаю истиннаго положенія дѣлъ и опроверженіемъ могу повредить интересамъ вашего величества, какъ, напримѣръ, относительно герцога Голштинскаго: не знаю, быть можетъ, дѣйствительно существуютъ какія-нибудь обязательства, сходныя съ интересомъ вашего величества. Такъ, въ прошлыхъ годахъ, когда генералъ Вейсбахъ былъ отправленъ съ порученіемъ въ Вѣну, я, по указу вашего величества, разгласилъ здѣсь и въ газетахъ напечаталъ, что генералъ поѣхалъ въ Вѣну по собственнымъ дѣламъ, безо всякаго порученія отъ правительства, и вотъ Вейсбахъ пишетъ мнѣ съ жестокими выговорами, что я повреждаю интересы вашего величества" [2]).

Когда молодой князь Александръ Куракинъ былъ назначенъ во Францію, отецъ его, осенью 1722 года, поѣхалъ туда же и велѣлъ объявить кардиналу Дюбуа, что пріѣхалъ на короткое время, во первыхъ, для того, чтобъ рекомендовать ему сына своего; во-вторыхъ, посовѣтоваться съ искусными врачами насчетъ своего разстроеннаго здоровья, отъ Двора же своего не имѣетъ никакого порученія. Дюбуа велѣлъ ему отвѣчать, что будетъ обходиться съ

---

[1]) Елисавета Петровна—средняя между Анною и Натальею Петровнами.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 59—Дѣла Голландскія 1722 г. Извѣстіе, которое такъ разсердило Петра, относилось къ браку царевны Анны Петровны съ однимъ изъ Нарышкиныхъ, который долженъ наслѣдовать престолъ. Опроверженіе было напечатано въ Амстердамской Французской газетѣ 19 іюня 1722 г. такимъ образомъ: «Grande-Russie. De Moscou le 18 Mai. On est ici dans une etrange surprise sur les nouvelles que quelques gazettes hollandoises et surtout la Française d'Amsterdam ont debitées et répandues dans le public contre toute verité et sans aucun fondement, tant au sujet de la succession d'un certain Nariskin à l'empire russien, que par rapport a certains pretendus mariages, et. c.». Извѣстіе о герцогѣ Голштинскомъ было напечатано въ Урехтской газетѣ 1 іюня 1722 г., изъ Данцига: «On apprend de Moscow, que le Czar n'y fût pas plutôt de retour d'Olonitz, que le duc de Holstein lui présenta un memoire pour le prier de lui faire savoir sa dernière resolution sur son mariage avec la princesse fille ainée de S. M. Szarienne. On lui donna une réponse par écrit, par laquelle on lui déclarait que la princesse continuant dans son aversion pour la personne de ce prince, S. M. Szarienne ne trouvoit pas qu'il fût raisonable de la contraindre à cet égard».

*

нимъ какъ съ своимъ старымъ знакомымъ и пріятелемъ, и поговоритъ съ нимъ обстоятельно. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней, послѣ обѣда кардиналъ пригласилъ Куракина въ кабинетъ и началъ длинный разговоръ: „Я тебя могу обнадежить, что герцогъ-регентъ питаетъ глубокое уваженіе къ царскому величеству и намѣренъ связать Францію и Россію тѣснымъ союзомъ, и хотя съ нашей стороны это намѣреніе было показано, однако со стороны вашего Двора объясненіе было не пространное. Правда, теперь за отлучкою царскою дѣлать нечего; будемъ ожидать его счастливаго возвращенія, и тогда Кампредонъ начнетъ дѣло, а я могу объявить тебѣ свое мнѣніе. Его царское величество есть великій монархъ, дѣяніями своими получилъ великую славу, распространилъ свое государство и въ такую привелъ себя силу, что пользуется всеобщимъ уваженіемъ въ Европѣ. Разсуждаю, что его величество не желаетъ болѣе распространять своихъ предѣловъ, а только надобно стараться пріобрѣтенное сохранять; для этого нѣтъ лучшаго способа, какъ заключить тѣсный союзъ съ Франціею, которая также не намѣрена болѣе распространять своихъ владѣній, но только старается охранять свою безопасность и поддерживать уваженіе къ себѣ въ другихъ государствахъ. И когда Франція съ Россіею будутъ въ тѣсномъ союзѣ, тогда онѣ могутъ держать въ своихъ рукахъ балансъ европейскихъ интересовъ, повелѣвать другими, и могутъ оставаться всегда въ дружбѣ безо всякой ревнивости. Главный вопросъ въ Европѣ, относительно котораго надобно принимать мѣры, это вопросъ объ Австрійскомъ наслѣдствѣ, соединенный съ вопросомъ о наслѣдствѣ въ Имперіи, если Цесарь умретъ безъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Вслѣдствіе брачныхъ союзовъ съ Австрійскимъ Домомъ, ближайшихъ наслѣдниковъ двое—курфюрсты Саксонскій и Баварскій; да у нынѣшняго Цесаря есть дочь:—такъ надобно заранѣе объ этомъ помыслить, котораго претендента держаться, а мы, будучи въ союзѣ другъ съ другомъ, сдѣлаемъ все, что захотимъ. Притомъ по всему можно видѣть, что въ Германіи рано или поздно дойдетъ до войны вслѣдствіе религіозныхъ столкновеній: интересъ Франціи и Россіи требуетъ вмѣшательства въ это дѣло. Поэтому я разсуждаю, что царскому величеству надлежитъ беречь свои силы на будущее время, а теперь не вдаваться ни въ какія предпріятія, которыя могли бы во многихъ государяхъ возбудить опасенія и принудили ихъ къ союзу между собою; такъ, прошлою весною, когда разгласилось, что царское величество намѣренъ вступить въ Имперію въ интересахъ герцоговъ Голштинскаго и Мекленбургскаго, то Цесарь обѣщалъ Англійскому королю дать 30,000 войска; короли Датскій, Шведскій и мелкіе владѣльцы имперскіе такъ-же были склонны къ этому обязательству. Я тебѣ объявляю, что теперь нашъ планъ состоитъ въ томъ, чтобъ Цесарь былъ въ одиночествѣ, не допускать его въ тѣсные союзы съ другими державами: поэтому мы трудимся всячески Англію держать при себѣ и не допустить ея возобновить прежнюю дружбу съ Цесаремъ, потому что Англія сильна и важна по положенію своему и богатству, и еслибъ она теперь отдѣлилась отъ насъ, то могла бы держать противъ насъ балансъ и помѣшать всѣмъ нашимъ намѣреніямъ. Я бы желалъ,—и надобно стараться, чтобъ царское величество всѣ несогласія съ Англіею прекратилъ, и если нельзя помириться за какими нибудь трудностями, то, по послѣдней мѣрѣ, не надобно раздражать Англичанъ, чтобъ не заставить ихъ отдаться въ руки Цесарю, откуда произойдетъ немалое предосужденіе нашимъ общимъ интересамъ. На Прусскій Дворъ совершенно полагаться не надобно, потому что нѣтъ у него твердости: во всякомъ опасномъ случаѣ старается держать себя нейтральнымъ. Я знаю, что царскому величеству донесено, будто у насъ не прямое намѣреніе искать его дружбы; но это сущая неправда: могу тебя обнадежить, что ничего такъ не желаемъ, какъ утвердить дружбу съ его величествомъ, и что видимъ въ этомъ свой интересъ. Напоминаю о Швеціи, какъ была намъ полезна ея дружба, и Густавъ-Адольфъ какія выгоды Франціи доставилъ; но теперь Швеція такъ упала, что не имѣемъ на нее никакой надежды и, вмѣсто нея, желаемъ имѣть дружбу съ царскимъ величествомъ, которая намъ будетъ въ десять разъ выгоднѣе какъ по великой силѣ его, такъ и по положенію Россіи.“

Старику Куракину дѣлались внушенія и съ другой стороны, во время этого краткаго пребыванія его во Франціи. Маршалъ Тессэ говорилъ ему, нельзя ли устроить бракъ между герцогомъ Бурбономъ и одною изъ дочерей царскихъ, и въ такомъ случаѣ герцога сдѣлать королемъ Польскимъ. Куракинъ спросилъ у маршала, отъ себя ли онъ это только говоритъ, или по приказанію герцога Бурбона. Тессэ отвѣчалъ, что говоритъ отъ себя, по-дружески, и требуетъ мнѣнія Куракина: какъ онъ думаетъ—согласится ли на это царь. Куракинъ сказалъ, что ему безъ донесенія нельзя узнать о согласіи своего государя, и потому просилъ его переговорить сначала съ герцогомъ Бурбономъ и тогда объявить подлинно, чтобъ можно было написать въ Россію основательно. Тессэ отвѣчалъ, что дѣло это при нынѣшнихъ обстоятельствахъ чрезвычайно деликатное: если Кампредонъ провѣдаетъ о немъ при Русскомъ Дворѣ и дастъ знать герцогу Орлеанскому и кардиналу Дюбуа, то это сильно повредитъ какъ ему, маршалу, такъ и самому герцогу Бурбону; герцогъ Орлеанскій и кардиналъ Дюбуа не позволятъ привести дѣла къ окончанію: лучше оставить такъ до удобнаго времени. Въ 1723 году умеръ кардиналъ Дюбуа, за нимъ послѣдовалъ и герцогъ Орлеанскій; первымъ министромъ сдѣлался герцогъ Бурбонъ-Конде. Эти перемѣны при Французскомъ Дворѣ требовали присутствія здѣсь опытнаго дипломата, и Петръ велѣлъ опять ѣхать во Францію старику Куракину, Борису Ивановичу. Передъ отъѣздомъ, изъ Гаги еще, Куракинъ ни-

салъ императору, что маршалъ Тессэ, получившій теперь важное значеніе по близости къ герцогу Бурбону, былъ у его сына и между прочими разговорами, упомянулъ: „О чемъ я говорилъ отцу, то до сихъ поръ остается въ прежнемъ положеніи; отпиши къ нему."—„И понеже нынѣ я туды отъѣзжаю", писалъ старикъ Куракинъ, „прошу ваше величество повелѣть мнѣ объявить, также и самому дуку де-Бурбону, ежели говорить самъ будетъ, понеже дукъ де-Бурбонъ самъ первымъ министромъ есть и опасности ни отъ кого болѣе не имѣетъ, и ко мнѣ всегда особливую склонность являлъ. При семъ же доношу вашему величеству, что здѣсь получено извѣстіе чрезъ тайную корреспонденцію, что король Французскій какъ никогда склонности не имѣлъ жениться на дочери Испанскаго, а нынѣ весьма не хочетъ и намѣренъ ее въ Гишпанію отослать, и что начинаетъ иную искать."

Какъ только Куракинъ пріѣхалъ въ Парижъ (въ началѣ 1724 года), то Тессэ объявилъ ему, что „дукъ" теперь опасности ни отъ кого не имѣетъ и попрежнему желаетъ вступить въ бракъ съ одною изъ русскихъ цесаревенъ, въ надеждѣ, что тесть поможетъ ему получить Польскій престолъ по смерти короля Августа, ибо та корона „весьма въ рукахъ и волѣ Русскаго государя: кому захочетъ отдать, тому и будетъ." — „Помянутый дукъ", писалъ Куракинъ, „очень преданъ интересамъ вашего величества, равно какъ и всѣ министры, особенно епископъ Фрежюсъ (Флёри), учитель королевскій, и маршалъ Девильяръ; отъ епископа теперь все зависитъ, потому что держитъ короля въ своихъ рукахъ. Разсуждая со мною о положеніи дѣлъ въ Европѣ, онъ мнѣ сказалъ, что Французскій король, руководясь своею совѣстію и интересомъ Франціи, рано или поздно долженъ заступиться за кавалера Св. Георгія (Стюарта, претендента на Англійскій престолъ). Изъ этого можно понять какой онъ партіи, и всѣ первыя особы въ государствѣ ничего такъ не желаютъ, какъ твердой дружбы съ Испанскимъ королемъ и тѣснаго союза съ вашимъ величествомъ. Если вашему величеству не угодно исполнить желаніе герцога Бурбона относительно брака и Польши, то, по крайней мѣрѣ, надобно его манить надеждою и тянуть переговоры, какъ Англія покойнаго герцога Орлеанскаго держала при себѣ въ рабствѣ, маня Французскою короною" [1]).

Петру не угодно было исполнить желаніе герцога Бурбона; старинное сильное желаніе его встрепенулось, когда Куракинъ далъ ему знать, что Людовикъ XV не хочетъ жениться на Испанкѣ, и онъ тотчасъ написалъ посланнику: „Пишешь о двухъ дѣлахъ: первое, что дукъ де-Бурбонъ сватается на нашей дочери; другое, что король не хочетъ жениться на гишпанской; того ради зѣло-бъ мы желали, чтобъ сей женихъ намъ зятемъ былъ, въ чемъ гораздо прошу всѣ возможные способы къ тому употребить твой трудъ по крайней возможности, а первое можешь на описку взять или иной отлагательный способъ употребить ласковымъ образомъ" [2]).—„Денно и нощно о томъ думаю", отвѣчалъ Куракинъ, „и способы ищу и всегда искать буду и открывать каналы, къ тому способные чрезъ друзей моихъ, по моему здѣсь кредиту, самъ внушаю старымъ, сынъ мой внушаетъ молодымъ, окружающимъ короля; но необходимо сдѣлать внушеніе самому королю; только дѣло это такое деликатное, какъ ваше величество лучше меня, раба своего, соизволите знать и разсудить. Во-первыхъ, надобно сдѣлать королю внушеніе такъ, чтобъ дукъ и прочіе, желающіе поддержать связь съ Испаніею, о томъ не узнали преждевременно; во-вторыхъ, внушеніе должно быть сдѣлано самымъ деликатнымъ образомъ; въ-третьихъ, должна быть сохраняема величайшая тайна. Донесу, напримѣръ, какъ открываются подобныя деликатныя дѣла: я знаю навѣрное, что посолъ португальскій Донъ-Луи имѣетъ указъ хлопотать о дочери своего короля и предлагаетъ условіе, чтобъ инфанту Испанскую, которая здѣсь живетъ, отдать въ обмѣнъ за сына короля Португальскаго, который сходенъ съ нею лѣтами; другой, герцогъ Лотарингскій, также хлопочетъ о своей дочери, и министры обоихъ Дворовъ имѣютъ портреты всей фамиліи своихъ государей и раздаютъ копіи съ портретовъ обѣихъ принцессъ многимъ придворнымъ, чтобъ король могъ ихъ увидать. Предоставляю мудрому разсужденію вашего величества, не надобно ли и намъ то же сдѣлать; но я портретовъ государынь цесаревенъ до сихъ поръ еще не имѣю. Теперь кратко донесу объ интригахъ при здѣшнемъ Дворѣ по этому дѣлу: существуетъ большая партія изъ такихъ лидей, которые безпрестанно бываютъ около короля для его забавы, но въ дѣлахъ никакой силы не имѣютъ; они, видя нежеланіе короля вступить въ бракъ съ инфантою, внушаютъ, чтобъ разорвалъ условіе и женился на другой принцессѣ; этимъ они хотятъ заслужить милость короля, вырваться изъ порабощенія правительственныхъ лицъ и себя сдѣлать людьми. Но дукъ де-Бурбонъ съ своими всячески старается, чтобъ король остался при прежнемъ намѣреніи; и такъ время покажетъ намъ, кто выиграетъ этотъ процессъ; но всѣ того мнѣнія, что первая партія восторжествуетъ. О состояніи короля доношу, что теперь онъ такъ же самовластенъ, какъ и прадѣдъ его; правда, дѣлъ правленія онъ на себя не перенимаетъ, но для своихъ забавъ все повелительно чинитъ и никто не смѣетъ ему противорѣчить, даже самъ епископъ Фрежюсъ, потому что, зная нравъ его, боится потерять его милость".

Изъ дѣлъ чисто политическихъ на первомъ планѣ было возстановленіе дипломатическихъ сношеній между Россіею и Англіею при посредствѣ Франціи. По мнѣнію старика Куракина, интересъ Россіи требовалъ уступить желанію Франціи и при-

[1]) См. выше примѣчаніе 2 на стр. 742.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 59. Также отдѣльныя письма Куракина въ Государ. Архивѣ.

мириться съ Англіею, тѣмъ болѣе что примиреніе будетъ только для вида. Такъ понималъ дѣло и герцогъ Бурбонъ, настаивая, въ разговорахъ съ Куракинымъ, на примиреніи и представляя, что примиреніе это развяжетъ Франціи руки для вступленія въ тѣснѣйшій союзъ съ Россіею. Куракинъ писалъ Петру, что, по его мнѣнію, надобно помириться съ королемъ Георгомъ безъ всякихъ условій и объясненій, предать забвенію все прошлое, отправить министровъ и возобновить корреспонденцію. Предвидя возраженіе, что возобновленіе дипломатическихъ сношеній между Россіею и Англіею можетъ ослабить партію тори и претендента Стюарта, котораго въ Россіи считали нужнымъ поддерживать, Куракинъ писалъ, что какъ скоро въ Лондонѣ будетъ русскій министръ, то въ немъ обѣ партіи найдутъ поддержку, и чрезъ него гораздо удобнѣе можно будетъ вести съ ними корреспонденцію, чѣмъ теперь, не имѣя никого въ Англіи [1]). Герцогъ Бурбонъ прямо объявилъ Куракину, что онъ истинный другъ претенденту, никогда отъ этой дружбы не отстанетъ, и просилъ донести Петру, что въ *свое время* будетъ имѣть всякое стараніе объ интересахъ кавалера Св. Георгія, какъ обыкновенно называли претендента. Король и весь Дворъ питаютъ такія же чувства къ кавалеру; но теперь, по обстоятельствамъ европейскихъ дѣлъ, Франція не можетъ сдѣлать для него ничего полезнаго, и потому должна молчать о своемъ добромъ къ нему расположеніи. Франція принуждена всячески стараться о сохраненіи мира въ Европѣ и, для этого, должна поддерживать дружбу съ Англійскимъ королемъ Георгомъ. Но если со стороны Англіи дружба эта будетъ чѣмъ-нибудь нарушена, то Франція принуждена будетъ принять свои мѣры и вступить въ соглашеніе съ Россіею для возведенія на Англійскій престолъ кавалера, что будетъ легко сдѣлать такимъ двумъ могущественнымъ государствамъ; притомъ для начатія войны въ Европѣ нужно дать время королю Людовику XV придти въ такой возрастъ, въ которомъ онъ былъ бы способенъ заниматься дѣлами [2]).

Петру хотѣлось сблизиться съ Франціею и вовсе не хотѣлось сблизиться съ королемъ Георгомъ Англійскимъ; но Французское правительство, боясь раздражить Англію, требовало, чтобъ, прежде заключенія союза между Россіею и Франціею, первая примирилась съ Англійскимъ королемъ. Наконецъ Петръ согласился вести черезъ Францію дѣло о примиреніи своемъ съ Англійскимъ королемъ, требуя, чтобъ послѣдній снова принялъ Бестужева къ Двору своему въ качествѣ русскаго министра. Французскій Дворъ обратился съ этимъ дѣломъ къ Англійскому, и получилъ отвѣтъ, что король Георгъ въ великимъ удовольствіемъ принимаетъ желаніе Русскаго государя, охотно отправитъ посла въ Петербургъ и дастъ царю императорскій титулъ, но относительно принятія Бестужева находится трудность; управляющій французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Морвиль, объявилъ однако Куракину, что Франція старается уничтожить и эту трудность.

На этомъ остановились сношенія между Россіею и Франціею относительно Англіи. Мы видѣли, что Французское правительство давало знать Русскому, что сближеніе съ королемъ Георгомъ должно быть только видимое; что сочувствіе обѣихъ державъ къ претенденту, или кавалеру Св. Георгія, какъ его тогда называли, должно сохраняться въ прежней силѣ. Претендентъ продолжалъ сношенія съ Петромъ, на котораго Стюартисты или Якобиты надѣялись болѣе, чѣмъ на какого другого государя Европы, вслѣдствіе явной вражды его къ королю Георгу. Въ апрѣлѣ 1722 года, повѣренный претендента, Томасъ Гордонъ, давалъ знать императору, что по всѣмъ извѣстіямъ изъ Англіи тамошній народъ терпитъ большія тягости отъ настоящаго министерства и всѣ усердно желаютъ возстановленія на престолѣ законнаго короля. „Истинно доношу“, писалъ Гордонъ, „что они требуютъ только помощи въ 6,000 человѣкъ войска съ оружіемъ еще на 20,000 человѣкъ и съ аммуниціею, соотвѣтствующею этому числу. Если это великое дѣло исполнится съ помощію вашего императорскаго величества, то не только увѣнчаетъ безсмертною славою всѣ великія дѣянія вашего прехвальнаго царствованія, но и будетъ содѣйствовать счастливому окончанію послѣдующихъ вашихъ предпріятій. Для отправленія русскихъ войскъ ваше императорское величество, по своей высокой мудрости, соизволите указать такое мѣсто, гдѣ бы можно было это сдѣлать съ наибольшею тайною, ибо счастливый исходъ дѣла преимущественно зависитъ отъ тайны. При проходѣ кораблей и транспортовъ чрезъ Зундъ надобно распорядиться такъ, чтобъ они были свободны отъ посѣщенія датскихъ офицеровъ для осмотра и взиманія пошлины; и когда войска благополучно достигнутъ назначеннаго мѣста въ Британіи, то военные корабли и транспорты должны возвратиться, не теряя ни минуты времени, чтобъ непріятель не захватилъ ихъ въ свои руки“ [3]). Въ іюнѣ того же года претендентъ, король Іаковъ, писалъ Петру, что у него недостаетъ словъ для вы-

---

[1]) Касательно сношеній Русскаго Двора съ претендентомъ любопытно письмо Куракина отъ 27 апрѣля 1724 года: «Четвертаго-дня былъ у меня полковникъ Добіонъ, или названный Перентъ, который имѣлъ коммисію о извѣстныхъ интересахъ кавалера св. Жоржа при дворѣ вашего величества, и отдалъ мнѣ указъ вашего величества отъ 5 января. Со онымъ же полковникомъ былъ у меня генералъ Дилонъ, который здѣсь при дворѣ престерегаетъ всѣ интересы помянутаго кавалера св. Жоржа. Они общее предложили мнѣ желаніе своего государя, дабы я въ интересахъ ихъ всякое вспоможеніе учинилъ здѣсь при дворѣ, и объявили мнѣ, что дукъ де-Бурбонъ первый министръ есть весьма добрымъ другомъ ихъ Государю и склоннымъ въ интересѣ ихъ, того бо ради я съ нимъ, дукомъ, о интересахъ ихъ началъ говорить, а другимъ министрамъ никому о томъ не сообщать».

[2]) Письма Куракина въ Государ. Архивѣ.

[3]) Письмо Гордона въ Государ. Архивѣ.

раженія благодарности за доброе расположеніе, оказываемое ему императоромъ такое долгое время; чувства, столь достойныя его императорскаго величества, могутъ только привлечь къ нему новыя благословенія Неба и доставить имени его еще бо̀льшую славу въ Европѣ, ибо поддержаніемъ праваго дѣла Стюартовъ онъ можетъ установить прочный миръ въ Европѣ. Іаковъ посылалъ при этомъ планъ высадки русскихъ войскъ въ Англію и просилъ какъ можно скорѣе привести его въ исполненіе; этотъ планъ былъ не иное что, какъ распространеніе плана, находившагося въ письмѣ Гордона. Персидскій походъ Петра объяснялъ въ глазахъ претендента, почему на его планъ не могли обратить вниманія въ Россіи. Въ началѣ 1723 года онъ написалъ другое письмо, въ которомъ, поздравляя съ успѣхами Персидской войны, изъявлялъ надежду, что императоръ обратитъ нѣкоторое вниманіе на сообщенія, сдѣланныя отъ имени претендента русскому министру въ Парижѣ. Іаковъ увѣрялъ Петра, что все дѣло между ними останется въ величайшемъ секретѣ, и что никогда еще не представлялось такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для высадки въ Англію, какъ теперь [1]). Но время для этихъ увѣреній было выбрано очень неудобное: персидскія и, еще болѣе связанныя съ ними, турецкія дѣла занимали все вниманіе Петра; и, кромѣ того, несмотря на всю вражду свою къ королю Георгу, онъ не могъ думать о высадкѣ своихъ войскъ въ пользу претендента безъ помощи другихъ державъ, особенно Франціи, а во Франціи твердили о необходимости примиренія съ настоящимъ правительствомъ Англіи.

Съ 1723 года видимъ постоянное русское посольство въ Испаніи. Отправленный въ Мадридъ, въ званіи совѣтника посольства, камеръ-юнкеръ князь Сергѣй Димитріевичъ Голицынъ, получилъ инструкцію: смотрѣть на всѣ поступки Испанскаго Двора, воинскія приготовленія, вооруженія флота; развѣдывать, въ какой дружбѣ и обязательствахъ король Испанскій находится съ другими державами, особенно съ Франціею, и не намѣренъ ли начать войны въ Италіи съ Цесаремъ или съ Англіею для полученія отъ нея Гибралтара и Портъ-Магона; пріятна ли присылка его, Голицына, ко Двору Испанскому, и въ конфиденціи объявить министрамъ испанскимъ склонность императора къ установленію добраго купечества между Россіею и Испаніею, чтобы получать товары изъ первыхъ рукъ. Отвѣчая на эти пункты, Голицынъ доносилъ, что испанская армія, простирающаяся отъ 40 до 50,000 человѣкъ, находится въ самомъ жалкомъ положеніи, жалованье офицерамъ не выплачивается; флотъ въ такомъ же состояніи: искусныхъ офицеровъ и матросовъ почти нѣтъ, кораблей строится очень мало, въ мореплаваніи Испанцы не имѣютъ никакого искусства; а иностранцамъ, которые у нихъ въ великой ненависти, высшаго начальства не поручаютъ; матеріалы для строенія, снащеванія и вооруженія кораблей получаютъ съ сѣвера, хотя Испанія все это имѣетъ въ изобиліи и могла бы снабжать и другія государства; нѣтъ въ этихъ дѣлахъ искусныхъ людей; нѣтъ порядочнаго адмиралтейства и арсенала. Поэтому Испанія не въ состояніи ничего начать, ибо не только дѣйствовать наступательно,—и себя защищать не можетъ отъ набѣга Африканцевъ; слѣдовательно никакой надежды на Испанію имѣть нельзя. Купечество національное въ Испаніи бѣдное и въ торговомъ дѣлѣ неискусное; мануфактуръ никакихъ нѣтъ.— Въ то время, когда князь Голицынъ сообщалъ изъ Мадрида такія печальныя извѣстія о состояніи Испаніи, въ Россіи патеръ Арчелли, повѣренный герцога Пармскаго, велъ переговоры о бракѣ Испанскаго инфанта Фердинанда на малолѣтней дочери Петра, цесаревнѣ Наталіи; но дѣло не повело ни къ какимъ результатамъ [2]).

[1]) Дѣла Англійскія 1722 и 1723 годовъ.

[2]) Дѣла Испанскія 1723 и 1724 годовъ

Глава III.

Окончаніе царствованія Императора Петра Великаго.

Внутренняя дѣятельность правительства въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго.—Учрежденіе генералъ-прокурора, герольдмейстера и рекетмейстера.—Табель о рангахъ; гербы.—Дѣло Шафирова.—Указы, бывшіе слѣдствіемъ шафировскаго дѣла.—Казнь оберъ-фискала Нестерова.—Злоупотребленія Меншикова. — Выборы. — Сенатская контора въ Москвѣ; дѣятельность ея предсѣдателя, графа Матвѣева.—Коллегіи.—Недостатокъ людей. — Областное управленіе и суды.—Судебные коммисары.—Финансы.—Войско.—Торговля.—Ладожскій каналъ.—Препятствія развитію торговли.—Промышленность; препятствія ея развитію.—Заводская дѣятельность въ странахъ приуральскихъ; Геннинъ и Татищевъ.—Столкновенія Татищева съ Демидовыми.—Овцеводство.—Ремесла.—Городское устройство.—Крестьяне.—Полиція.—Нравы и обычаи.—Просвѣщеніе. — Молодой Кантемиръ. — Татищевъ. — Русская исторія.—Школы.—Проектъ академіи.—Переводъ книгъ.—Патріаршая библіотека.—Искусство.—Посылка учителей къ Сербамъ.—Церковь.—Положеніе Синода.—Вопросъ о жалованьи синодальнымъ членамъ.—Назначеніе оберъ-прокурора въ Синодъ.—Подчиненныя Синоду мѣста.—Соединенныя засѣданія Сената и Синода.—Синодальный судъ. — Устройство чернаго духовенства.—Воспитательные дома въ монастыряхъ.—Бѣлое духовенство.—Раскольники.—Отношенія къ протестантамъ и католикамъ.—Мѣры противъ суевѣрій.—Юродивые.—Старанія Петра о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа.—Малороссія.—Учрежденіе Малороссійской Коллегіи.—Смерть гетмана Скоропадскаго.—Распоряженіе Сената по случаю этого событія.—Избраніе новаго гетмана отлагается.—Хлопоты малороссійской старшины объ этомъ избраніи.—Столкновенія ея съ Малороссійскою Коллегіей.—Великороссійскіе полковники въ Малороссіи; наказъ имъ.—Полковники Апостолъ и Полуботокъ ищутъ гетманства.—Рознь между чиновными людьми и простымъ народомъ въ Малороссіи.—Старшина-Полуботокъ съ товарищами вызываются въ Петербургъ за самовольныя распоряженія.—Запрещеніе докучать государю просьбами объ избраніи гетмана.—Челобитчики на Полуботка и товарищи его пріѣзжаютъ въ Петербургъ.—Отправленіе Румянцева въ Малороссію на слѣдствіе.—Интриги Полуботка и товарищей его въ Петербургѣ и Малороссіи.—Ихъ берутъ подъ стражу и подвергаютъ допросу.—Переписка Петра съ Румянцевымъ.—Дѣло старшины въ Вышнемъ судѣ.—Смерть Полуботка въ крѣпости.—Дѣла на юго-восточныхъ украйнахъ.—Уставъ о престолонаслѣдіи.—Сопротивленіе этому уставу.—Толки о наслѣдникѣ.—Переписка Петра съ герцогомъ Голштинскимъ.—Объявленіе герцога женихомъ цесаревны Анны.—Дѣятельность императрицы Екатерины.—Вопросъ объ ея титулѣ.—Ея коронованіе.—Дѣло Монса.—Болѣзнь и смерть Петра Великаго.—Оцѣнка его дѣятельности и характера.

Одно изъ величайшихъ событій европейской и всемірной исторіи совершилось: восточная половина Европы вошла въ общую жизнь съ западною; чтобы ни задумывалось теперь на Западѣ,—взоры невольно обращались на Востокъ; малѣйшее движеніе русскихъ кораблей, русскаго войска приводило въ великое волненіе кабинеты; съ безпокойствомъ спрашивали: куда направится это движеніе? Боялись, что великій царь, покончившій Сѣверную войну съ такимъ необычайнымъ успѣхомъ и обладающій неслыханною энергіей, не оставитъ въ покоѣ Европы, и вздохнули спокойнѣе, когда узнали, что онъ занятъ дѣлами восточными. Въ ноябрѣ 1723 года Куракинъ писалъ Петру изъ Гаги: „Не могу умолчать о всѣхъ здѣшнихъ разсужденіяхъ и славѣ персональной вашего императорскаго величества, понеже сія война Персидская въ короткомъ времени съ такимъ великимъ прогрессомъ слѣдуетъ, что весьма всѣмъ удивительна; наипаче же во время ситуацій дѣлъ сходныхъ въ Европѣ начата и слѣдуетъ, что никто онымъ намѣреніямъ помѣшать не можетъ, и такъ великая слава имени вашего еще превзошла въ высшій тотъ градусъ, что ни которому монарху чрезъ многіе секули могли приписать. Правда же, желюзія не убавляется отъ многихъ потенцей, но иначе умножается о великой потенціи вашего величества; но что могутъ дѣлать?—токмо пацієнцію имѣть. Всѣ потенціи завистливыя и злонамѣренныя къ великой потенціи вашего величества радуются, что ваше величество въ войнѣ Персидской окупацію имѣете, желая, чтобъ, оная продолжались на нѣсколько лѣтъ, дабы они съ сей стороны крѣпче стать могли“ [1]). Но войну Персидскую Петръ предпринялъ въ видахъ торговыхъ и съ цѣлію не допустить Турцію одну усилиться насчетъ Персіи; когда же, вслѣдствіе этого, начинала грозить война Турецкая, то Петръ всѣми своими силами постарался отвратить ее. Изъ этого легко можно было видѣть, что громадная дѣятельность Петра не была обращена на отношенія внѣшнія, на завоеванія. Война была для него только средствомъ для внутренней дѣятельности: тутъ поприще было обширнѣе, разнообразнѣе и труднѣе, препятствія сильнѣе, враги многочисленнѣе, скрытнѣе и опаснѣе, пораженія частыя и тяжкія, успѣхи медленные,—въ далекомъ будущемъ.

Обратимся къ этой борьбѣ, къ тяжкому для царя и народа процессу преобразованія, какъ онъ совершался въ послѣдніе годы жизни Преобразователя съ усиленною энергіей.

Прежде всего, разумѣется, Петръ долженъ былъ имѣть дѣло съ учрежденіемъ, у котораго „все было въ рукахъ“, по словамъ учредителя, съ высокоправительствующимъ Сенатомъ. Мы видѣли, что съ учрежденіемъ коллегій въ Сенатъ вошли президенты ихъ; но Петръ скоро увидалъ неудобства этого отношенія Сената къ коллегіямъ и откровенно признался въ неосмотрительности. Въ указѣ 12 января 1722 года онъ говоритъ: „Понеже правленіе сего государства, яко нераспоряженнаго

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 63.

предъ симъ, непрестанныхъ трудовъ въ Сенатѣ требуетъ, и члены сенатскіе, почитай всѣ, свои Коллегіи имѣютъ, того ради не могутъ онаго снесть; сіе сначала не смотря учинено, что нынѣ исправить надлежитъ, сіе и прочее къ тому надлежащее какъ слѣдуетъ: 1) Чтобъ кромѣ двухъ Воинскихъ Коллегій и Иностранной выбрать иныхъ президентовъ, такожъ въ Сенатъ прибавить изъ министровъ, которые нынѣ при чужестранныхъ Дворахъ, дабы сенатскіе члены партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились о распорядкѣ государства и правомъ судѣ, и смотрѣли бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ; а нынѣ, сами будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить? 2) Президенты Воинскихъ Коллегій и Иностранной и Бергъ-Коллегіи должности не будутъ имѣть ходить въ Сенатъ, кромѣ нижеписанныхъ причинъ: а) Когда какія нужныя вѣдомости. b) Когда новый указъ въ государствѣ публиковать надлежитъ. с) Когда судъ генеральный, d) или какое новое дѣло, рѣшенія требующее. е) Когда я присутствую. Понеже довольно дѣла будетъ, каждому въ своей коллегіи. 3) Ревизіонъ-Коллегіи быть въ Сенатѣ, понеже едино дѣло есть, что Сенатъ дѣлаетъ, и не разсмотря тогда учинено было". Современники выставляли такую *настоящую* причину, по который Петръ вывелъ изъ Сената коллежскихъ президентовъ: члены коллегій не смѣли противорѣчить своимъ президентамъ, какъ сенаторамъ, отчего происходило много несправедливостей; потомъ, когда приносились жалобы на какую-нибудь коллегію, т.-е. на ея призедента, въ Сенатъ, то другіе сенаторы не выдавали своего товарища—и жалобы оставались безъ послѣдствій. Вслѣдъ за тѣмъ изданъ былъ указъ о должности Сената: Сенатъ долженъ былъ состоять изъ дѣйствительныхъ тайныхъ и тайныхъ совѣтниковъ по назначенію государя; Сенатъ рѣшаетъ тѣ дѣла, которыя въ коллегіяхъ рѣшены быть не могутъ; всѣ губернаторы и воеводы должны доносить Сенату о нападеніи непріятелей, о язвѣ, о какихъ-нибудь замѣшательствахъ и другихъ важныхъ событіяхъ; въ отсутствіе государя Сенатъ рѣшаетъ дѣла по жалобамъ на неправый судъ коллегій и канцелярій; выбираетъ въ высшіе чины баллотировкою, отъ совѣтника коллегіи и выше, кромѣ придворныхъ, а въ низшіе чины безъ баллотировки. Но и при этой перемѣнѣ Петръ не надѣялся, чтобы дѣла въ Сенатѣ пошли совершенно по его желанію, и потому не могъ отдѣлаться отъ мысли назначить при сенатѣ человѣка, который бы наблюдалъ за правильнымъ ходомъ дѣлъ. Мы видѣли, что еще въ 1715 году поставленъ былъ при Сенатѣ генеральный ревизоръ, или надзиратель указовъ. Потомъ стали выбираться изъ гвардіи штабъ-офицеры, которые помѣсячно состояли при Сенатѣ въ званіи такихъ надзирателей указовъ; они должны были: „1) Смотрѣть, дабы сенаторы должность свою исправляли по данной имъ инструкціи 1718 года. 2) Смотрѣть того, дабы указы не только что на письмѣ были сдѣланы, но чтобъ экзекуція на всѣ указы, какъ возможность допустить, чинена была. 3) Такожь смотрѣть, дабы все чинилось въ Сенатѣ по второму пункту, который написанъ въ должность оберъ-секретарю Щукину, и по оному исполнять ему все неотложно. Ежели кто того чинить не будетъ, то три раза напомянуть, а буде на третьемъ словѣ кто не будетъ чинить, тотчасъ итить къ намъ или писать. А ежели кто станетъ браниться или невѣжливо поступать,—такого арестовать и отвести въ крѣпость, и намъ потомъ дать знать. Сіе чинить нелицемѣрно; а ежели пренебрежетъ,—то лишенъ будетъ всего и къ тому смертію казненъ или шельмованъ будетъ" [1]). Но и эта форма надзора оказывалась неудовлетворительною; Петръ продолжалъ жаловаться: „Ничто такъ ко управленію государства нужно имѣть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды". Для ослабленія этой вредной дѣятельности, Петръ въ началѣ 1722 года, учредилъ при Сенатѣ „генералъ прокурора, т.-е. стряпчаго отъ государя и отъ государства". Этимъ стряпчимъ былъ назначенъ извѣстный намъ Ягужинскій. Генералъ-прокуроръ былъ обязанъ „сидѣть въ Сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ, и во всѣхъ дѣлахъ, которые къ сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени, по регламентамъ и указамъ отправлялъ. Такъ-же накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ и указомъ исполнялись. Такожъ долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы Сенатъ въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ; а если что увидитъ противное сему, тогда въ тотъ же часъ повиненъ предлагать Сенату явно, съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они, или нѣкоторые изъ нихъ, не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили; а ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ протестовать, и оное дѣло остановить и немедленно донесть намъ, если весьма нужное, а о прочихъ въ бытность нашу въ Сенатѣ, или помѣсячно, или понедѣльно, какъ указъ имѣть будетъ. А ежели какое неправое доношеніе учинитъ по какой страсти, то будетъ самъ наказанъ, по важности дѣла. Долженъ смотрѣть надъ всѣми прокуроры, дабы въ своемъ званіи истинно и ревностно поступали. Долженъ отъ фискаловъ доношенія принимать и предлагать Сенату и инстиговать; такъ же за фискалами смотрѣть, и ежели что худо увидитъ,—немедленно доносить Сенату. Генералъ и оберъ-прокуроры ничьему суду не подлежатъ, кромѣ нашего. О которыхъ дѣлахъ указами ясно не изъяснено, о

[1]) Кабинетъ I, кн. № 32. Берхгольцъ II, № 48 Пол. Собр. Зак. № 3877; 3978.

тѣхъ предлагать Сенату, чтобъ учинили на тѣ дѣла ясные указы. И понеже сей чинъ, яко око наше и стряпчей о дѣлахъ государственныхъ: того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ".

Желая удержать за Сенатомъ значеніе верховнаго правительственнаго учрежденія, желая пріучить сенаторовъ думать надъ важными вопросами государственной жизни, желая имѣть въ нихъ добрыхъ помощниковъ и совѣтниковъ себѣ и не быть принужденнымъ рѣшать важныя дѣла безъ предварительнаго обсужденія ихъ лучшими людьми, Петръ сдѣлалъ такое распоряженіе: „Если случатся въ Сенатѣ такія дѣла, по которымъ рѣшенія безъ доклада императору полагать нельзя, то объ нихъ прежде разсуждать въ Сенатѣ и подписывать свои мнѣнія, а потомъ докладывать его величеству, потому что безъ этого его величеству одному опредѣлить трудно" [1]).

Мы видѣли, что, кромѣ „суда нелицемѣрнаго" и заботы о финансахъ, Сенатъ обязанъ былъ смотрѣть, чтобъ молодые люди не отбывали отъ службы; для этого, въ 1721 году, учреждена была должность герольдмейстерская, о которой Петръ собственноручно писалъ такъ: „Повиненъ (герольдмейстеръ) во всемъ государствѣ всѣхъ дворянъ списки имѣть троякіе: 1) кто у дѣлъ у какихъ и гдѣ; 2) кто безъ дѣлъ; 3) дѣтей ихъ, которыя еще не въ возрастѣ, также кто родится и умретъ мужескаго пола. И понеже у насъ еще ученіе не гораздо вкоренилось, такожъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ почитай ничего нѣтъ: того ради, пока академіи исправятся, чтобъ краткую школу сдѣлать и ему вручить, дабы отъ всякой знатныхъ и среднихъ дворянскихъ фамилій обучать экономіи и гражданству; такожъ смотрѣть ему, дабы въ гражданствѣ болѣе того отъ каждой фамиліи не было, дабы служилыхъ на землѣ и морѣ не оскудить. И повиненъ нынѣ смотрѣть всѣхъ, которые кроются въ домахъ или подъ имянемъ малыхъ дѣтей по городамъ, и оныхъ сыскивать, не маня никому подъ штрафомъ натуральной или политической смерти, но имѣть всегда въ вѣдѣніи, когда по какимъ дѣламъ гражданскимъ какія персоны попадаются" [2]). Тогда же учреждена была должность генералъ-рекетмейстера, обязаннаго: принимать и разсматривать жалобы на медленное или несправедливое рѣшеніе какой-либо коллегіи; понуждать къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ, докладывать Сенату о правильныхъ жалобахъ, быть ходатаемъ за челобитчиковъ, особенно за безгласныхъ, безсильныхъ, утѣсненныхъ, и представлять такихъ самому государю.

Изъ словъ Преобразователя относительно герольдмейстерскихъ обязанностей видно, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился онъ относительно служилыхъ людей: для громаднаго, открытаго со всѣхъ сторонъ и окруженнаго врагами государства нужны были войско и флотъ; выгодныя внѣшнія условія, въ которыхъ находилось теперь государство, были куплены страшнымъ напряженіемъ силъ; но это напряженіе не могло очень уменьшиться и теперь, ибо пріобрѣтенное значеніе и выгоды надобно было сохранять тѣмъ же средствомъ, какимъ онѣ были пріобрѣтены; и Петръ твердитъ Русскимъ людямъ, чтобъ они, удовольствовавшись пріобрѣтеннымъ, не складывали рукъ, „дабы не имѣть жребія монархіи Греческой". А между тѣмъ, для полученія возможности сохранить пріобрѣтенное значеніе и выгоды посредствомъ вооруженной силы, необходимо было гражданское развитіе государства, необходимо было прежде всего удовлетворительное состояніе финансовъ: для этого нужна была наука, нужны знающіе люди,—но откуда ихъ взять? Ихъ нужно приготовить изъ тѣхъ же служилыхъ людей: „Герольдмейстеръ долженъ брать ихъ изъ служилыхъ людей и приготовлять для гражданства, но не много, чтобъ не оскудить арміи и флота". Такимъ образомъ, сильнѣе всего давало себя чувствовать это постоянное зло Русской Земли, физическій недостатокъ въ людяхъ, несоотвѣтствіе народонаселенія пространству громаднаго государства. Но какъ бы то ни было, развитіе, начинавшееся вслѣдствіе дѣятельности преобразовательной эпохи, остановиться не могло. Отъ половины IX до конца XVII вѣка Россія представляла первобытное государство съ рѣзкимъ признакомъ неразвитости: служба военная не была отдѣлена отъ гражданской; какъ при Св. Владимірѣ, такъ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дружинники или служилые люди, дѣлившіеся на нѣсколько разрядовъ или чиновъ, были воины, но по окончаніи похода занимали и гражданскія должности. Только при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, какъ мы видѣли, является мысль отдѣлить гражданскія должности отъ военныхъ; но мысль эта осталась только на бумагѣ. При Петрѣ развитію была дана такая сила, что раздѣленіе должностей явилось необходимостію, что и высказалось въ табели о рангахъ, гдѣ всѣ должности или чины были размѣщены въ извѣстномъ порядкѣ, по классамъ, и подлѣ должностей или чиновъ военныхъ являются гражданскіе и придворные. Въ январѣ 1722 года двое сенаторовъ, Головкинъ и Брюсъ, и двое генералъ-майоровъ— Матюшкинъ и Дмитріевъ-Мамоновъ—*сочинили* табель о рангахъ. Въ этой табели подлѣ чина генерала-отъ-кавалеріи или инфантеріи видимъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; и это не былъ чинъ въ нашемъ значеніи слова: дѣйствительные тайные совѣтники на самомъ дѣлѣ были членами тайнаго совѣта, собиравшагося обыкновенно для обсужденія важныхъ, преимущественно иностранныхъ дѣлъ. Современники разсказываютъ, что когда Петръ хотѣлъ возвести въ дѣйствительные тайные совѣтники графа Брюса, то послѣдній самъ отказался отъ этой чести, представивъ, что хотя онъ

[1]) Кабинетъ.—Берхгольцъ II. Протоколы Сената въ Архивѣ Минист. Юстиціи (11 мая 1722 г.). Пол. Собр. Зак. № 3979.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 32.

и вѣрный подданный, но иновѣрецъ. Въ пунктахъ, приложенныхъ къ табели о рангахъ, говорилось: „Сыновьямъ Россійскаго государства князей, графовъ, бароновъ, знатнѣйшаго дворянства, также служителей (чиновниковъ) знатнѣйшаго ранга, хотя мы позволяемъ для знатной ихъ породы, или ихъ отцовъ, въ публичной ассамблеѣ знатныхъ чиновъ, гдѣ Дворъ находится, свободный доступъ предъ другими нижняго чина, и охотно желаемъ видѣть, чтобъ они отъ другихъ во всякихъ случаяхъ по достоинству отличались, однако мы для того никому никакого ранга не позволяемъ, пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ, и за оныя характера не получатъ. Потомки служителей русскаго происхожденія или иностранцевъ, первыхъ 8 ранговъ, причисляются къ лучшему старшему дворянству, хотя бы и низкой породы были. Понеже статскіе чины прежде не были распоряжены, и для того, почитай, никто или зѣло мало надлежащимъ порядкомъ снизу свой чинъ заслужилъ изъ дворянъ, а нужда нынѣ необходимая требуетъ и въ вышніе статскіе чины: того ради брать, кто годенъ будетъ, хотя бы оный и никакого чина не имѣлъ. Но понеже сіе въ рангахъ будетъ оскорбительно воинскимъ людямъ, которые во многія лѣта и какою жестокою службою оное получили, а увидятъ, безъ заслуги, себѣ равнаго или выше: того ради, кто въ который чинъ и возведенъ будетъ, то ему рангъ заслуживать лѣтами, какъ слѣдуетъ". Къ табели о рангахъ приложенъ былъ также пунктъ о слѣдствіяхъ пытки для чести служащаго человѣка: „Въ пыткѣ бываетъ, что многіе злодѣи, по злобѣ, другихъ приводятъ; того ради, который напрасно пытанъ, въ безчестные причесться не можетъ, но надлежитъ ему дать нашу грамоту съ изложеніемъ его невинности" Тогда же Петръ распорядился, чтобъ были разсмотрѣны случаи, когда употребляется пытка, и велѣлъ отмѣнить ее въ случаяхъ неважныхъ. Впослѣдствіи именно отмѣнена была пытка при розыскахъ о порубкѣ лѣсовъ. При сочиненіи табели о рангахъ, въ Сенатѣ возникъ вопросъ о гербахъ, гдѣ и для чего кому даваны: рѣшено для примѣра сыскать и выписать изъ латинскихъ и польскихъ книгъ [1]).

Давши Сенату стряпчаго отъ государя и государства, Петръ отправился въ Персидскій походъ. Сенатъ остался въ Москвѣ. Но уже при самомъ отправленіи императора въ походъ явились признаки, предвѣщавшіе очень непріятныя столкновенія въ Сенатѣ безъ государя. Въ Коломнѣ оберъ-прокуроръ Сената, Скорняковъ-Писаревъ, забѣжалъ къ императрицѣ съ жалобами на свое положеніе вслѣдствіе ссоры съ генералъ-прокуроромъ. Осенью 1722 г. самъ Петръ получаетъ отъ того же Скорнякова письмо, въ которомъ, поздравляя со вступленіемъ въ Дербентъ, оберъ-прокуроръ прибавлялъ: „А безъ вашего величества жить намъ, бѣднымъ, скучно". Въ этихъ словахъ заключалось не простое выраженіе преданности. Въ письмѣ къ Екатеринѣ Скорняковъ объяснилъ причины своей скуки: „А безъ васъ намъ, бѣднымъ, жить зѣло трудно; о чемъ я вашему величеству въ Коломнѣ доносилъ, то уже бѣднымъ со мною и чинится: Павла Ивановича (Ягужинскаго) нѣкоторые плуты привели на меня на недоброхотство, и, то видя, изъ господъ Сената нѣкоторые чинятъ мнѣ обиды, а паче господинъ баронъ Шафировъ великія чинитъ мнѣ обиды; неоднократно въ Сенатѣ кричалъ на меня и въ дѣлахъ вашихъ при Павлѣ Ивановичѣ говорить мнѣ не велитъ, и въ день полученія вѣдомости о входѣ вашихъ величествъ въ Дербентъ, въ домѣ Павла Ивановича, видя меня-зѣло шумнаго (пьянаго), заколол-было меня шпагою, и послѣ того за мое спорное ему предложеніе называлъ меня въ Сенатѣ лживцемъ, чего уже мнѣ по пожалованной вашимъ величествомъ саржи (должности) терпѣть не мочно, токмо же о семъ его императорскому величеству доносить не дерзаю, дабы тѣмъ его величество не утрудить, но васъ, всемилостивѣйшую государыню, прошу ежели отъ него чрезъ кого будутъ на меня, бѣднаго, и помощи кромѣ васъ неимѣющаго, какіе навѣты донесетъ, сіе мое слезное прошеніе въ полезное время его императорскому величеству (донести), дабы я, бѣдный, отъ него и отъ согласниковъ его не понесъ напраснаго оклеветанія". Но скоро оберъ-прокуроръ потерялъ терпѣніе и послалъ письмо прямо Петру съ жалобами на свою горькую жизнь отъ нападеній Шафирова; а нападенія начались тогда, когда онъ, Писаревъ, поссорился съ генералъ-прокуроромъ: „Живу въ такихъ горестяхъ, что не чаю живъ дождаться вашего величества, ибо боюся, чтобъ на мнѣ не взыскалося неисправленіе дѣлъ; а что говорю, - ничто не успѣваетъ, токмо же паче въ злобѣ Павла Ивановича на меня приводятъ, и говорятъ мнѣ явно, яко оный Шафировъ, тако и прочіе ему подобные, чтобъ я при Павлѣ Ивановичѣ ничего на говорилъ; а ему злохитренно предлагаютъ, что будто я у него въ слова впадаю. И нынѣ паче на меня Павелъ Ивановичъ, по наговору отъ него, Шафирова, озлобился и публично при Сенатѣ кричалъ на меня и бить челомъ хотѣлъ, а онъ, Шафировъ, льстя ему, написалъ на меня ему доношеніе, въ которомъ лицемѣрно его хвалилъ".

Между тѣмъ генералъ-прокурору нужно было, по приказанію императора, выѣхать изъ Москвы; его должность долженъ былъ исправлять Скорняковъ-Писаревъ. Ягужинскій написалъ по этому случаю Петру, что и при немъ обычное сенатское несогласіе не могло быть сдержано, ссоры и брани становятся все сильнѣе, а послѣ его отъѣзда можно опасаться, чтобъ партіи страсти своей не продолжали; поэтому онъ, Ягужинскій, отъѣзжая, оставилъ въ Сенатѣ письменное предложеніе, чтобъ партикулярныя ссоры и брани оставлены были до воз-

[1]) Протоколы Сената въ Архивѣ Мин. Юстиціи; Пол. Собр. Зак. № 3890. *Сочинили*, т.-е. дали окончательный видъ, ибо надъ табелью много работалъ самъ Петръ (см. Пекарскаго Наука и Литература въ Россіи II, 569).

вращенія императора. Тутъ-же генералъ-прокуроръ объяснялъ Петру, что вся ссора пошла изъ за Почепскаго дѣла князя Меншикова, возникшаго по жалобѣ гетмана Скоропадскаго, что свѣтлѣйшій завелъ себѣ къ Почепу, которымъ владѣлъ, много лишнихъ людей и земель. Подробнѣе разсказывалъ дѣло Шафировъ въ письмѣ своемъ къ Петру: „32 года я уже у дѣлъ, 25 лѣтъ лично извѣстенъ вашему величеству, и до сихъ поръ ни отъ кого такой обиды и гоненія не терпѣлъ, какъ отъ оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева. Озлобился онъ на меня за то, что, при слушаніи и сочиненіи приговора по дѣлу князя Меншикова о размежеваніи земель Почепскихъ, не захотѣлъ я допустить противнаго указамъ вашимъ. Писаревъ трудился изо всѣхъ силъ склонить меня на свою сторону, сначала наговорами, потомъ крикомъ, стращалъ гнѣвомъ князя Меншикова; но я остался непреклоннымъ. По указу вашего величества велѣно было князю Меншикову отдать только то, что ему гетманъ послѣ Полтавской баталіи къ Почепу далъ; казаковъ Почепскихъ и другихъ велѣно было изъ-за караула освободить и быть имъ по прежнимъ ихъ правамъ и вольностямъ; но въ сенатскомъ приговорѣ написано было, что посылается въ Малороссію особый чиновникъ для изслѣдованія, принадлежатъ ли къ Почепу сотни и города Баклань и Мглинъ, о казакахъ же вовсе умолчено. Увидавши такой, неправильно сочиненный приговоръ, мы обратились къ оберъ-секретарю съ вопросомъ, для чего онъ позволилъ себѣ такую неправильность. Тутъ вскочилъ съ своего мѣста оберъ-прокуроръ и началъ, вмѣсто оберъ-секретаря, говорить съ крикомъ, что такъ слѣдуетъ написать для ясности, и что намъ на князя Меншикова посягать не надлежитъ. Я на то ему отвѣчалъ, что говорю съ оберъ-секретаремъ, а не съ нимъ, а онъ самъ знаетъ, что приговоръ составленъ не такъ. Онъ принужденъ былъ уступить, и мы ихъ фальшивый приговоръ почти весь перечернили“.

Въ этомъ дѣлѣ Шафировъ торжествовалъ надъ Скорняковымъ-Писаревымъ; вмѣстѣ торжествовала партія родовитыхъ людей, въ лицѣ сенаторовъ Голицына и Долгорукаго, надъ Меншиковымъ: Шафировъ, человѣкъ худородный, былъ только орудіемъ. Но, при тогдашней общей легкой нравственности въ служебныхъ отношеніяхъ, Шафировъ далъ возможность врагамъ своимъ поправиться и дѣйствовать на него наступательно: онъ позволилъ себѣ употребить свое сенаторское вліяніе для того, чтобъ брату его, Михайлѣ, было выдано лишнее жалованье при переходѣ изъ одной службы въ другую. Въ другое время, при другихъ отношеніяхъ, дѣло могло легко сойти съ рукъ; но теперь за Шафировымъ смотрѣли самые зоркіе глаза,—глаза враговъ. Скорняковъ-Писаревъ протестовалъ противъ незаконности дѣла; Шафировъ долженъ былъ защищаться; а защищаться было крайне трудно, надобно было прибѣгать къ отчаяннымъ средствамъ: такъ, онъ требовалъ справиться, сдѣланъ ли вычетъ изъ жалованья у иноземцевъ, которые отпущены изъ службы, желая подвести своего брата подъ разрядъ иноземцевъ. Но оберъ-прокуроръ отвѣчалъ на эту натяжку: „Михаила Шафировъ не иноземецъ, но жидовской природы, холопа боярскаго, прозваніемъ Шаюшки сынъ, а отецъ Шаюшкинъ былъ въ Оршѣ у школьника шафоромъ, котораго родственникъ и нынѣ обрѣтается въ Оршѣ Жидъ Зелманъ“. Шафировъ возражалъ: „Его величество самъ отца моего зналъ и жаловать изволилъ; и ни у кого онъ въ кабальномъ холопствѣ не былъ; но хотя въ малыхъ самыхъ лѣтахъ плѣненъ, однако еще при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ въ чинъ дворянскій произведенъ, въ которомъ и животъ скончалъ“. Скорняковъ писалъ: „Отецъ Шафирова служилъ въ домѣ боярина Богдана Хитрово, а по смерти его сидѣлъ въ шелковомъ ряду въ лавкѣ, и о томъ многіе московскіе жители помнятъ“.

Но Шафирова должна была болѣе всего тревожить мысль, что, при взглядѣ Петра на обязанности къ государю и государству, неумолимый императоръ долженъ произнести строгій приговоръ надъ сенаторомъ, рѣшившимся пожертвовать казеннымъ интересомъ въ пользу брата. Въ письмахъ своихъ къ Петру Шафировъ называлъ дѣло неважнымъ и обыкновеннымъ, и старался выставить вины Скорнякова-Писарева,—писалъ: „Когда мы были въ дому г. генералъ-прокурора и при случившейся радостной вѣдомости о вступленіи вашего величества въ городъ Дербень веселились, то онъ, Писаревъ, началъ сперва брань и драку съ прокуроромъ Юстицъ-Коллегіи Ржевскимъ и уже въ другорядь его билъ, и пришелъ безо всякой причины и ко мнѣ и началъ меня поносить, будто я своровалъ и ту выписку брата своего, утаясь отъ него, подлогомъ сенаторамъ предложилъ; и хотя я зѣло шуменъ былъ, однакоже дважды отъ него съ учтивствомъ отходилъ, но онъ въ третіе меня атаковалъ, и не токмо бранью, но и побоими грозилъ, что ежели-бъ то отъ г. генералъ-прокурора не пресѣчено было, конечно могло и воспослѣдовать. Могу по присягѣ донести, что по отъѣздѣ г. генералъ-прокурора не прошло ни одного сенатскаго сидѣнья, въ которомъ бы оберъ-прокуроръ нѣкоторыхъ дѣлъ и приговоровъ по страсти и въ противность вашимъ указамъ не предлагалъ, и съ крикомъ и съ бранью не принуждалъ господъ сенаторей подписывать, что, по благополучномъ вашего величества пришествіи сюда, могу ясно доказать. И маловажныя дѣла прежде нужнѣйшихъ отъ него по страсти предлагаются, и въ томъ числѣ нѣкоторыя и такія дѣла, которыя при г. генералъ-прокурорѣ отъ насъ уже рѣшены. Вся злоба на меня происходитъ отъ непріятелей моихъ за то, что я, по должности своей присяжной, видя противности вашихъ интересовъ, не молчу, отъ которыхъ токмо сіе нынѣ доношу: 1) Усмотрѣлъ я, что Воинская Коллегія, протестуясь въ невыдачѣ изъ статсъ-конторы по окладу надлежащихъ денегъ въ оную коллегію, представляла, что отъ

того многіе полки по году и больше безъ жалованія, отъ чего множество стало бѣжать,—предлагалъ я, дабы статсъ-контору принудить къ выдачѣ немедленно денегъ на армію, и притомъ оную и Камеръ-Коллегію счесть, такожь чтобъ и съ Военною Коллегіею счетъ учинить онымъ велѣть. Отъ оныхъ коллегій счетъ учиненъ и отъ статсъ-конторы показано, что хотя есть нѣкоторая недодача за недостаткомъ денегъ, но то чинится и для того, что Военная Коллегія полнаго окладу не можетъ никогда издержать, потому что армія никогда въ комплектѣ не живетъ, къ тому же офицеровъ, получающихъ иноземческій окладъ, нынѣ не много, большіе вычеты съ офицеровъ, отпущенныхъ по домамъ, штрафы, жалованье, оставшееся отъ мертвыхъ и бѣглыхъ,—всѣхъ этихъ лишковъ Военная Коллегія никогда не беретъ въ разсчетъ и претендуетъ на полный комплектъ; и коммисарство доноситъ, что Военная Коллегія по волѣ своей беретъ и изъ онаго на неокладные расходы по нѣскольку сотъ тысячъ, которымъ никогда счету не показываетъ, и отъ того въ окладныя дачи солдатскія и драгунскія не достаетъ. И я о томъ и при князѣ Меншиковѣ и безъ него оберъ-прокурору многократно говорилъ, чтобъ взять у Военной Коллегіи подлинному приходу и расходу вѣдѣніе, дабы знать, куды тѣ деньги употреблены; но вмѣсто исполненія за то отъ него и отъ другихъ на себя вящее гоненіе навелъ. 2) По доношенію изъ Военной Коллегіи въ Сенатъ предложено, чтобъ послать для розыску на Яикъ полковника съ двумя роты, пѣхотною и драгунскою, и велѣть тому при томъ переписать казаковъ всѣхъ и выслать всѣхъ пришлыхъ съ 203 года, и велѣть имъ отвозить оныхъ на своихъ подводахъ до Казани, и буде они въ томъ ослушны учинятся, то-бъ послать два полка, пѣхотный и конный на нихъ, и велѣть къ тому ихъ принудить; а буде то все совершится, и тожь бы учинить и съ Донскими казаками. И я, вѣдая изъ устъ самого князя Меншикова, что та посылка чинится болѣе для того, понеже онъ сказываетъ, что тамо его мужиковъ будто съ 500 человѣкъ слишкомъ, и я опасенъ, чтобъ тѣхъ казаковъ, какъ и прежь сего, не подвигнуть къ возмущенію, предлагалъ, чтобъ силою того не чинить, не донесши вашему величеству, и полковъ бы не посылать безъ указу, а буде противности ихъ въ розыску не явятся, то-бъ по окончаніи онаго повелѣть бы переписать всѣхъ казаковъ, но до указу не вывозить, но прислать перепись напередъ въ Сенатъ, что зѣло противно князю Меншикову и Писареву было; но понеже сенаторы склонились на мое мнѣніе—и того ради такъ приговоръ и учиненъ".

Для Петра не могло быть не ясно, что удары Шафирова направлены не столько на Писарева, сколько на человѣка, стоявшаго сзади него, котораго оберъ-прокуроръ былъ только вѣрнымъ слугою: первый пунктъ былъ направленъ противъ Военной Коллегіи, но призедентомъ ея былъ свѣтлѣйшій князь; второй пунктъ былъ прямо направленъ противъ Меншикова. Враги Шафирова, кромѣ непосредственныхъ писемъ къ императору, дѣйствовали чрезъ императрицу, чрезъ Макарова; дѣйствовали и противъ Ягужинскаго, который былъ не на сторонѣ свѣтлѣйшаго князя. Ягужинскому, по его характеру, не хотѣлось кому-нибудь кланяться, отъ кого-нибудь зависѣть. Вѣроятно, не безъ соображенія съ этимъ характоромъ, Петръ и назначилъ его генералъ-прокуроромъ. Писаревъ писалъ къ тайному кабинетъ-секретарю: „Прежде сего послалъ я къ вамъ объ сидѣньи Павла Ивановича (Ягужинскаго) въ Сенатѣ объ одномъ мѣсяцѣ, нынѣ же посылаю и на прочіе три мѣсяца, изъ которыхъ изволишь усмотрѣть, что во многіе дни въ Сенатѣ не бывалъ, а въ иные и былъ по часу и полчаса, а то все чинилося отъ частыхъ компаней и отъ лукавства Шафирова и отъ его единомышленниковъ, подобныхъ ему, ибо всегда ему предлагали, что изволь веселиться, а дѣла будутъ исправлены, а мнѣ многажды сказывали, что на мнѣ тѣхъ дѣлъ не взыщется, что чинилося при Павлѣ Ивановичѣ, и ему лукавствомъ говорили, чтобъ мнѣ при немъ ничего не говорить, чѣмъ его на пущую злобу на меня привели" [1]).

Положеніе Шафирова было плохо вслѣдствіе дѣла о братнемъ жалованьи; скоро оно еще ухудшилось вслѣдствіе сцены, происшедшей въ Сенатѣ 31 октября. Въ этотъ день слушалось дѣло о почтѣ, дѣло личное для Шафирова, который управлялъ почтою. Во время разсужденія сенаторовъ, входитъ Шафировъ. Оберъ-прокуроръ говоритъ ему, что господа Сенатъ слушаютъ и разсуждаютъ о почтовомъ дѣлѣ, которое лично до него касается и, потому, онъ долженъ выйти вонъ, по указу ему быть не надлежитъ. „По твоему предложенію я вонъ не пойду, тебѣ высылать меня непригоже", отвѣчаетъ Шафировъ. Оберъ-прокуроръ снимаетъ со шкафа доску, на которой наклеенъ былъ указъ, предписавшій судьямъ выходить при слушаніи дѣлъ о родственникахъ ихъ, и читаетъ указъ.—„Ты меня, какъ сенатора, вонъ не вышлешь и указъ о выходѣ сродникамъ къ тому не слѣдуетъ", говоритъ Шафировъ, и предлагаетъ сенаторамъ, что онъ почтою былъ по его императорскаго величества указу пожалованъ во всемъ, какъ Виніусъ и его сынъ, о чемъ извѣстно графу Головкину и князю Меншикову, и этого дѣла безъ именнаго указа рѣшить имъ невозможно. Канцлеръ, графъ Головкинъ, давно непримиримый врагъ Шафирова, говоритъ, что такого именнаго указа нѣтъ, дѣло рѣшить можно и Шафирову выйти вонъ надобно. Послѣ долгихъ разговоровъ, оберъ-прокуроръ предлагаетъ сенаторамъ, чтобъ приказали наконецъ сдѣлать такъ, какъ указъ повелѣваетъ.—„Что ты объ этомъ предлагаешь!" кричитъ ему Шафировъ, „ты мой главный непріятель и ты воръ, и меня ты воромъ называешь и письменно протестовалъ, будто

[1]) Кабинетъ I, кн. № 58.

я государя обманулъ." Тутъ заговорилъ свѣтлѣйшій князь вмѣстѣ съ Головкинымъ, что если въ Сенатѣ оберъ-прокуроръ воръ, то какъ имъ дѣла отправлять? Скорняковъ-Писаревъ объявилъ, что ему оставаться больше нельзя. „Напрасно на меня гнѣваетесь и вонъ высылаете!" кричалъ Шафировъ: „вы и всѣ мнѣ главные непріятели, свѣтлѣйшій князь—за почепское дѣло, а на графа Головкина у меня многое челобитье самому государю и въ сенатѣ, и потому вамъ объ этомъ приговаривать не надлежитъ." — „Ты пожалуйста меня не убей", говоритъ ему Меншиковъ.— „Тебя убить! ты всѣхъ побьешь!" отвѣчалъ Шафировъ. Меншиковъ объявляетъ, что, по словамъ Шафирова, онъ всѣхъ побьетъ.— „Я не говорю", отвѣчаетъ Шафировъ, „что ты всѣхъ побьешь, но можешь всѣхъ побить; я не помирволилъ тебѣ въ почепскомъ дѣлѣ, и за то на меня отъ тебя злоба; только я за тебя, какъ Волконскій и князь Матвѣй Гагаринъ, петли на голову не положу." Тутъ Меншиковъ, Головкинъ и Брюсъ вышли изъ Сената; Долгорукій, Голицынъ, Матвѣевъ и Шафировъ остались и объявили, что намѣрены слушать дѣла; но оберъ-прокуроръ объявилъ, что присутствовать не будетъ, потому что Шафировъ при всѣхъ называлъ его воромъ.— 2 ноября, въ отсутствіе Шафирова, Меншиковъ подалъ мнѣніе, что Шафировъ за противозаконныя его дѣйствія долженъ быть отрѣшенъ отъ Сената. Сенаторы рѣшили принять и записать предложеніе, и доложить, когда пріѣдетъ государь. 13 ноября явился въ Сенатъ Шафировъ и просилъ, чтобъ сообщено было ему, какая учинена резолюція по предложенію Меншикова на его счетъ; оберъ-прокуроръ отвѣчалъ, что ему дадутъ знать объ этомъ, когда приговоръ будетъ закрѣпленъ, а теперь надобно слушать очередныя дѣла.— „Пожалуйста ты со мною не говори: у меня съ тобою ссора!" отвѣчалъ ему Шафировъ.— „Надобно слушать дѣла", повторялъ оберъ-прокуроръ: „мнѣ велѣно васъ въ этомъ понуждать: вотъ указъ"!— „Боже милостивый! мнѣ тебя слушать!" сказалъ Шафировъ. 15 ноября опять была перебранка между Шафировымъ и Скорняковымъ-Писаревымъ. „Да будетъ вамъ извѣстно", говорилъ Шафировъ сенаторамъ, „что оберъ-прокуроръ никогда ни о чемъ не даетъ мнѣ говорить, и теперь сердится на меня за то, что я напомнилъ о запущеніи дѣлъ въ надворномъ судѣ."— „Да будетъ извѣстно, что баронъ почти каждый день въ дѣлахъ помѣшательства чинитъ", говорилъ оберъ-прокуроръ. Шафировъ предлагалъ, чтобъ мнѣніе на его счетъ Меншикова запечатать или заручить, чтобъ его въ чемъ нибудь не перемѣнили, и, вставши, промолвилъ, намекая на Меншикова: „Я въ подрядѣ не бывалъ и шпага съ меня снята не была" [1]).

Для рѣшенія дѣла ждали возвращенія государя изъ Персидскаго похода. 9 января 1723 года Петръ прислалъ указъ господамъ Сенату: „Доносили намъ письменно въ дорогѣ возвращающемуся изъ Персіи оберъ-прокуроръ Писаревъ на барона Шафирова, что онъ, когда дѣло его слушали о почтѣ, вонъ по указу не вышелъ и назвалъ его воромъ, также и въ иныхъ дѣлахъ противныхъ; а баронъ Шафировъ на него писалъ (и на нѣкоторыхъ изъ Сенату), что дѣлаетъ по страстямъ противно указу, которое дѣло нынѣ буду разыскивать, что надлежало бъ чинить въ Сенатѣ. Но понеже оба объявили противныхъ себѣ въ Сенатѣ: Шафировъ двухъ— князя Меншикова и графа Головкина, а Писаревъ глухо — Шафировыхъ друзей, которому велите именовать, дабы съ обѣихъ сторонъ противнымъ ихъ въ семъ розыску не быть. Такожъ объявить имъ, чтобъ при томъ розыску какъ въ доношеніяхъ, такъ и въ отвѣтахъ все писали или говорили о матеріи одной, о которой доносить или отвѣтствовать будутъ за одинъ токмо тотъ пунктъ, о чемъ спрашиваютъ, а о другой бы матеріи отнюдь бы не упоминали подъ жестокимъ осужденіемъ. И ежели что имъ каждому для оправданія какіе списки изъ какихъ дѣлъ понадобятся, давали безвозбранно."— Спрошенный по этому указу Писаревъ отвелъ князей—Григорія Θедоровича Долгорукаго и Димитрія Михайловича Голицына. Судъ, названный *Вышнимъ*, былъ назначенъ изъ сенаторовъ— Брюса, Мусина-Пушкина и Матвѣева, изъ генераловъ – Бутурлина, Головина, Димитріева-Мамонова, бригадира Воейкова, полковника Блеклаго, гвардейскихъ капитановъ Бредихина и Баскакова. Князья Долгорукій и Голицынъ, какъ свидѣтели, показывали въ пользу Шафирова; но Меншиковъ, Брюсъ, Головкинъ, Мусинъ - Пушкинъ и Матвѣевъ показывали въ пользу Скорнякова-Писарева противъ Шафирова. Долгорукій и Голицынъ изъ свидѣтелей сдѣлались подсудимыми, ибо они вдвоемъ подписали указъ о выдачѣ лишняго жалованья Михайлѣ Шафирову и утвердили, что Шафировъ могъ оставаться въ Сенатѣ во время слушанія и разсужденія о его дѣлѣ. Шафировъ, видя, что оправданъ быть не можетъ, написалъ письмо государю: „Припадая къ стопамъ ногъ вашего императорскаго величества, слезно прошу прощенія и помилованія въ преступленіи моемъ, понеже я признаю, что прогнѣвилъ ваше величество своимъ дерзновеніемъ въ томъ, что по высылкѣ оберъ-прокурора изъ Сената не вышелъ, такожъ, что дерзнулъ я по вопросу приказать приписать Кирееву (секретарю) въ приговоръ брата своего о выдачѣ ему жалованья на третью треть по указу, разумѣя то, когда о той выдачѣ указъ повелѣваетъ, и въ томъ преступленіи своемъ не могу предъ вашимъ величествомъ никакого оправданія принесть, но молю покрыть то мое беззаконіе кровомъ милости своея, понеже клянусь Вышнимъ, что учинилъ то безхитростно. Помилуй меня сираго и никого помощника, кромѣ вашего величества, имущаго". Князь Голицынъ написалъ: „Про указъ о высылкѣ судей при слушаніи дѣлъ о родственникахъ ихъ вѣдалъ и говорилъ только съ господами сенато-

[1]) Протоколы Сената въ Архивѣ Минист. Юстиціи.

рами разговоромъ, и то сущею своею простотою, а не противъ указу, и въ томъ прошу вашего императорскаго величества милостиваго прощенія". Князь Долгорукій отвѣчалъ, что про указъ, что при слушаніи дѣлъ сродникамъ не быть, аккуратно и понятно онъ истинно не слыхалъ, понеже оный указъ состоялся безъ него, а еслибъ онъ о томъ указѣ обстоятельно былъ свѣдомъ, то-бъ было ему и самому въ пользу, понеже, по причинѣ свойства съ барономъ Шафировымъ, могъ бы онъ въ слушаньи о почтовомъ дѣлѣ выписки вонъ выйти и тѣмъ всѣхъ трудностей избыть, да и другіе сенаторы Шафирова вонъ не высылали. Однако онъ, князь Долгорукій, сіе объявляетъ не для оправданія своего, понеже должно быть ему тѣ указы обстоятельно вѣдать и въ томъ проситъ отъ его величества милостиваго прощенія, дабы напомнены были прежнія его рабскія службы".

Судъ приговорилъ Шафирова къ смертной казни по смыслу указа 17 апрѣля 1722 года, „дабы никто не дерзалъ инымъ образомъ всякія дѣла вершить и располагать не противъ регламентамъ, не отговариваясь ничѣмъ, ниже толкуя инако; буде же кто оный указъ преступитъ подъ какою отговоркою ни есть, то, яко нарушитель правъ государственныхъ и противникъ власти, казненъ будетъ смертію безъ всякія пощады, и чтобъ никто не надѣялся ни на какія свои заслуги, ежели въ сію вину впадетъ". Кромѣ поведенія своего въ Сенатѣ и выдачи лишняго жалованья брату, Шафировъ былъ обвиненъ въ тратѣ государевыхъ денегъ на свои расходы во время поѣздки во Францію; у полковника Воронцевскаго взялъ въ закладъ деревню подъ видомъ займа, не давъ ему ничего денегъ [1]).

15 февраля, рано утромъ, Кремль уже былъ наполненъ народомъ; въ этотъ день назначена была смертная казнь сенатору и подканцлеру Шафирову. Осужденнаго въ простыхъ саняхъ привезли изъ Преображенскаго Приказа; по прочтеніи приговора, сняли съ него парикъ и старую шубу, и взвели на эшафотъ, гдѣ онъ нѣсколько разъ перекрестился, сталъ на колѣни и положилъ голову на плаху. Топоръ палача уже взвился на воздухѣ,—ударилъ по дереву: тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ провозгласилъ, что императоръ, въ уваженіе заслугъ Шафирова, замѣняетъ смертную казнь заточеніемъ въ Сибирь. Шафировъ поднялся на ноги и сошелъ съ эшафота со слезами на глазахъ. Въ Сенатѣ, куда привели Шафирова, старые товарищи жали ему руки и поздравляли съ помилованіемъ; но Шафировъ оставался въ мрачномъ расположеніи духа; говорятъ, что когда медикъ, опасаясь слѣдствія сильнаго потрясенія, пустилъ ему кровь, то Шафировъ сказалъ: „Лучше бы открыть мнѣ большую жилу, чтобъ разомъ избавить отъ мученія". Многіе, особенно Дворъ герцога Голштинскаго и министры иностранные, искренно жалѣли о Шафировѣ, расхваливая его честность. „Правда", говорили: „онъ былъ немного горячъ, но все же легко принималъ дѣлаемыя ему представленія, и на его слово можно было вполнѣ положиться" [2]). Петръ освободилъ Шафирова и отъ ссылки въ Сибирь: онъ содержался въ Новгородѣ, подъ строгимъ карауломъ, такъ что и въ церковь не позволено было ходить; семейство находилось при немъ; на содержаніе имъ давали 33 копѣйки въ день.

Но и Скорняковъ-Писаревъ не торжествовалъ. Петръ нашелъ его поведеніе въ Сенатѣ незаконнымъ и неприличнымъ, и разжаловалъ въ солдаты съ отобраніемъ деревень. Но Петръ не любилъ терять способныхъ людей, и опредѣлилъ бывшаго оберъ-прокурора надсматривать за работами на Ладожскомъ каналѣ. И здѣсь Писаревъ имѣлъ несчастіе заслужить неодобреніе государя, что видно изъ резолюціи Петра въ маѣ 1724 года: „Сказать, что онъ за дерзновеніе брани въ Сенатѣ довольно наказанъ и въ старый чинъ достоинъ былъ бы, но въ канальномъ дѣлѣ потачка и недосмотръ; того ради, за оную вину тому себя учинилъ недостойнымъ; но для нынѣшняго торжества (коронація императрицы) и обличенія Шафирова дается чинъ полковничій и половина взятыхъ деревень". У Долгорукаго и Голицына отняты были чины, сказанъ имъ домовый арестъ до указу и наложенъ штрафъ по 1,550 рублей на гошпиталь, за то, что 1) „не слушавъ выписки, учиненной по челобитью Михайлы Шафирова, и не освидѣтельствовавъ о надлежащей ему жалованной дачѣ, прежде закрѣпы оберъ-секретарской, за просьбу брата его, барона Шафирова, безъ согласія другихъ сенаторовъ, только двое продерзливо приговоръ подписали, по коему опредѣлили оному Шафирову выдать жалованье безъ вычету, да сверхъ того и на излишнюю треть. 2) Пренебреженіемъ, хотя и неумышленно, но непорядочно поступили и говорили, будто Шафирову при слушаніи выписки можно быть" [3]). Долгорукій и Голицынъ обратились къ императрицѣ съ просьбою о ходатайствѣ, и получили освобожденіе отъ ареста и возстановлены были въ чинахъ. Видѣли, какъ гордый князь Димитрій Михайловичъ нѣсколько разъ стукалъ головою въ землю передъ Екатериною, благодаря ее за милостивое заступленіе [4]). Но штрафъ снятъ не былъ. Голицынъ писалъ Макарову: „Занявъ, 500 рублей заплатилъ, достальныхъ не имѣю чѣмъ заплатить, опричь займомъ, и житье мое въ Петербургѣ съ убыткомъ, не имѣю ни одного загона земли, все покупаючи жилъ, и дворъ строю въ долгъ". Долгорукій писалъ о томъ же. Въ январѣ 1724 года, Петръ, въ присутствіи своемъ въ канцеляріи Вышняго суда, подписалъ: „Не править".

Причины строгости и наказанія, которому подвергся Шафировъ, Петръ высказалъ впослѣдствіи, въ указѣ 5 февраля 1724 года: „Кто въ судѣ

[1]) Дѣло о Шафировѣ въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

[2]) Дневникъ Берхгольца III, 29—30.

[3]) Дѣло о Шафировѣ въ Архивѣ Мин. Юстиціи. Протоколы Сената.

[4]) Дневникъ Берхгольца III, 33.

неправду учинитъ или въ какомъ ни есть дѣлѣ ему повѣренномъ, или въ чемъ его должность есть, а онъ то неправдою будетъ дѣлать по какой страсти вѣдѣніемъ, и вольно—такого, яко нарушителя государственныхъ правъ и своей должности, казнить смертію натуральною или политическою, по важности дѣла, и всего имѣнія лишить. Когда кто въ своемъ званіи погрѣшитъ, то бѣду нанесетъ всему государству, яко слѣдуетъ: когда судія страсти ради какой или похлѣбства, а особливо когда лакомства ради погрѣшитъ, тогда первое станетъ всю коллегію тщиться въ свой фарватеръ сводить, опасаясь отъ нихъ извѣта, а увидѣвъ то,—подчиненные въ какой роспускъ впадутъ? - понеже страха начальныхъ бояться весьма не станутъ для того, понеже начальнику страстному уже наказывать подчиненныхъ нельзя, ибо когда лишь только примется за виноватаго, то оный смѣло станетъ неправду свою покрывать выговорками непотребными, дая очьми знать, а иной и на ухо шепнетъ, или чрезъ друга прикажетъ, что если не поманитъ ему, то онъ доведетъ на него;—тогда судья, яко невольникъ, принужденъ прикрывать, молчать, попускать. Что же изъ сего послѣдуетъ?—не иное что, только подчиненныхъ распустное житіе, безстрашіе, людямъ разореніе, еще горшее, прочимъ судьямъ соблазнъ. Понеже, видя другого неправдою богатящася и ничего за то наказанія неимущаго, рѣдкій кто не прельстится, и тако по-малу всѣ въ безстрашіе придутъ, людей въ государствѣ разорятъ, Божій гнѣвъ подвигнутъ, и тако паче партикулярной измѣны можетъ быть государству не точію бѣдство, но и конечное паденіе: того ради надлежитъ въ винахъ званія своего волею и вѣдѣніемъ преступившихъ такъ наказывать, якобы кто въ самый бой должность свою преступилъ, или какъ самаго измѣнника, понеже сіе преступленіе вящше измѣны, ибо объ измѣнѣ, увидавъ, остерегутся, а отъ сей не всякій остережется, но можетъ зѣло гладко подъ кровлею долго теченіе свое имѣть и злой конецъ получить".

Чтобъ не повторялись неприличныя сцены, подобныя происшедшимъ между Шафировымъ и Писаревымъ, Петръ издалъ указъ въ январѣ 1724 года: „Надлежитъ обрѣтающимся въ Сенатѣ, въ Синодѣ, коллегіяхъ и канцеляріяхъ, и во всѣхъ судныхъ мѣстахъ всего государства, судьямъ и пришедшимъ предъ судъ, чинно поступать, понеже судъ Божій есть: проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ". За брань и крики положенъ штрафъ въ 10 рублей, за повтореніе безчинства 100 рублей и арестъ; кто провинится больше трехъ разъ, у того отнимается чинъ и треть имѣнія; если же кто дерзнетъ рукою, то казнится политическою смертію. Всѣ правители судебныхъ мѣстъ должны съ челобитчиками и доносителями учтиво поступать; за брань наказываются штрафомъ, равнымъ трехмѣсячному жалованью обиженнаго, у котораго, кромѣ того, обидчикъ долженъ просить прощенія; а если дерзнетъ рукою, то судъ по воинскимъ правамъ. Тогда же запрещено отговариваться невѣдѣніемъ государственныхъ уставовъ: „Ежели о какомъ указѣ, гдѣ при какомъ дѣлѣ помянуто будетъ и кто въ то время не возьметъ того указа смотрѣть и пренебрежетъ, а станетъ невѣдѣніемъ послѣ отговариваться, такихъ наказывать впервые отнятіемъ чина на время и штрафомъ, равнымъ годовому жалованью, въ другой разъ—третьею долею всего имѣнія, въ третій разъ лишеніемъ всего имѣнія и чина вовсе" [1]).

Крайнее невниманіе къ закону и казнѣ, такъ глубоко укоренившееся въ нравахъ Русскихъ людей, заставило Петра показать страшный примѣръ, снявши съ плахи, заточить человѣка, оказавшаго ему большія услуги, сенатора и вице-канцлера. Но одновременно съ этимъ тяжелымъ для Преобразователя дѣломъ шло другое: уличенъ былъ въ злоупотребленіяхъ человѣкъ, прославившійся открытіемъ и преслѣдованіемъ злоупотребленій, оберъ-фискалъ Нестеровъ. Попался онъ по дѣлу ярославскаго провинціалъ-фискала Саввы Попцова. Еще въ 1718 г. Ярославецъ, посадскій человѣкъ Иванъ Сутягинъ, подалъ въ Сенатъ челобитную на Попцова, жаловался на обиды, разореніе, на побои и увѣчье. Изъ Сената челобитная была отослана въ Юстицъ-Коллегію, изъ коллегіи отослана въ ярославскій надворный судъ — и тутъ почила. Но Сутягинъ, котораго характеръ выражался въ фамиліи, не хотѣлъ успокоиться, и снова подалъ просьбу въ Сенатъ. На запросъ изъ Сената, почему дѣло не изслѣдовано, ярославскій надворный судъ отвѣчалъ, что надобно было допрашивать Ярославцевъ, посадскихъ людей, которые вѣдомы въ главномъ магистратѣ, о чемъ изъ Юстицъ-Коллегіи, по тремъ доношеніямъ, повелительнаго указа не получено, и дѣло изъ ярославскаго надворнаго суда переслано въ Сенатъ. Въ этихъ пересылкахъ прошло четыре года. Сутягинъ не успокоивался, и въ 1722 году послалъ просьбу самому государю, доносилъ на фискала, что держитъ бѣглыхъ солдатъ, недорослей изъ шляхетства, гулящихъ людей, чрезъ свойственника своего, Лихарева, собиралъ въ уѣздѣ съ крестьянскихъ дворовъ безъ указу по гривнѣ съ двора, не платилъ съ своихъ крестьянскихъ дворовъ денежныхъ сборовъ и нарядовъ, не ставилъ рекрутъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, отпускалъ рекрутъ изъ взятокъ, пользовался казенными деньгами. Дѣло двинулось. Макаровъ написалъ Ягужинскому: „Понеже сіе дѣло не малой важности, указалъ его императорское величество челобитную и пункты отослать вашему превосходительству, дабы по тому дѣлу изслѣдовали въ Сенатѣ или особливо въ вашей конторѣ". По изслѣдованіи оказалось, что Попцовъ, вопреки инструкціи, вступался въ дѣла, гласъ о себѣ имѣющія, имѣлъ съѣзжій дворъ, держалъ колодниковъ, и не только на подвѣдомственныхъ ему фискаловъ, но на бурмистровъ, соляныхъ

---

[1]) Дѣло о Шафировѣ, Голик. Дѣян. П. В. IX, 79. Допол. къ Дѣян. XIV, 13, 21.

головъ и на другихъ чиновъ людей налагалъ штрафы.

Попцова казнили смертію. Но онъ оговорилъ Нестерова, и, въ ноябрѣ 1722 года, по указу его императорскаго величества, генералъ-лейтенантъ и генералъ-прокуроръ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій да лейбъ-гвардіи капитанъ и Военной Коллегіи прокуроръ Егоръ Ивановичъ Пашковъ, приговорили: оберъ-фискаломъ Алексѣемъ Нестеровымъ, по дѣламъ, показаннымъ на него отъ бывшаго провинціалъ-фискала Саввы Попцова и отъ другихъ въ преступленіи указовъ и во взяткахъ разыскивать въ застѣнкѣ и пытать для того: указомъ его императорскаго величества учрежденъ онъ былъ онымъ чиномъ для смотрѣнія и искорененія за другими всякихъ неправдъ; но онъ, забывъ свою должность, чинилъ: Попцовъ, состоя въ командѣ его, вступилъ въ немалые откупа, а онъ, Нестеровъ, вмѣсто того, чтобъ его отрѣшить и протестовать гдѣ надобно, взялъ съ него за это взятку, часы серебряные боевые въ 120 рублей, одѣяло на лисьемъ мѣху, да сверхъ того договорились, чтобъ еще Попцовъ далъ ему денегъ 300 рублей; да и прежде Попцовъ давалъ ему взятки рожью, скотиною, парчами, лошадьми. Съ Ларіона Воронцова за опредѣленіе въ Сибирь воеводою взялъ 500 рублей; за откупъ кабаковъ 500 рублей и проч.—Нестеровъ, не допуская себя до пытокъ, во всемъ повинился; но отъ пытокъ все же не ушелъ, потому что показанія его найдены неправильными. Дѣло перешло въ Вышній судъ, гдѣ присутствовали сенаторы, генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры гвардіи. Знаменитый оберъ-фискалъ былъ приговоренъ къ смерти, и приговоръ былъ исполненъ. Надобно было думать, что немногіе жалѣли о Нестеровѣ: въ январѣ 1722 года, по случаю выборовъ въ президенты Юстицъ-Коллегіи, Нестеровъ подалъ жалобу, что съ нимъ въ десятокъ никто не сообщается: такъ общество, въ своихъ высшихъ слояхъ, упорно продолжало обнаруживать свое отвращеніе къ фискаламъ. Но Петръ не уничтожилъ должности: въ январѣ 1723 г. въ сенатскихъ протоколахъ читаемъ: „Понеже бывшій оберъ-фискалъ Нестеровъ явился нынѣ во многихъ преступленіяхъ, того ради его императорское величество указалъ искать въ генералъ-фискалы и оберъ-фискалы добрыхъ людей, и для того объявить всѣмъ коллегіямъ, ежели кто знаетъ къ оному дѣлу достойныхъ кого—и таковыхъ дабы писалъ въ кандидаты и имена прислать на генеральный дворъ“ [1]).

Курбатовъ умеръ подъ судомъ; Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ и оберъ-фискалъ Нестеровъ казнены смертію, сенаторъ и вице-канцлеръ Шафировъ съ плахи посланъ въ ссылку; первый вельможа въ государствѣ, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, уличенъ въ злоупотребленіяхъ и долженъ платить громадный начетъ. Меншиковъ хотѣлъ воспользоваться Ништадтскимъ миромъ, радостью Петра, и подалъ ему просьбу по формѣ, на гербовой бумагѣ: „Всенижайше у вашего императорскаго величества прошу милости для нынѣшней всенародной о состояніи съ короною Свейскою вѣчнаго мира радости и на воспоминаніе Полтавской баталіи и Батуринскаго взятья, пожаловать мнѣ во владѣніе городъ Батуринъ съ предмѣстьемъ и съ уѣздомъ, что къ нему прежь сего принадлежало, и съ хуторами и съ мельницами, и съ землями, и съ жителями, кто на той землѣ поселясь нынѣ живутъ. Я ваше императорское величество не хотѣлъ-было симъ прошеніемъ утруждать, но сего ради, что ваше императорское величество изволилъ повелѣть по взятьи оный городъ разорить, и дабы никто въ немъ не жилъ; а нынѣ въ предмѣстьи того города и въ уѣздѣ живутъ поселясь всякаго чина люди, а именно Чечеля, который во время измѣны Мазепиной былъ наказнымъ гетманомъ и хотѣлъ съ меня живаго кожу содрать, жена его и дѣти и другіе бывшіе въ измѣнѣ съ Мазепою“ [2]). Государь не исполнилъ просьбы, и мы видѣли, что Даниличъ задумалъ другими средствами расширить свои владѣнія въ Малороссіи, прибирая земли и людей къ Почепу; но гетманъ подалъ жалобу, и знаменитое Почепское дѣло кончилось не къ выгодѣ свѣтлѣйшаго, и онъ долженъ былъ въ началѣ 1723 года просить прощенія у Петра, писалъ ему: „Понеже отъ младыхъ моихъ лѣтъ воспитанъ я при вашемъ императорскомъ величествѣ и всегда имѣлъ и нынѣ имѣю вашего величества превысокую отеческую ко мнѣ милость и чрезъ премудрое вашего величества отеческое ко мнѣ призрѣніе наученъ и награжденъ какъ рангами, такъ и деревнями и прочими иждивеніями паче моихъ сверстниковъ; а нынѣ по дѣлу о почепскомъ межеваніи по взятіи инструкціи признаваю свою предъ вашимъ величествомъ вину и ни въ чемъ по тому дѣлу оправданія принесть не могу; но во всемъ у вашего величества всенижайше слезно прошу милостиваго прощенія и отеческаго разсужденія, понеже, кромѣ Бога и вашего величества превысокой ко мнѣ милости, иного никакого надѣянія не имѣю и отдаюсь во всемъ въ волю и милосердіе вашего величества“ [3]). Екатерина, по обычаю, сильно ходатайствовала за своего стараго пріятеля; Петръ простилъ его (хотя слѣдствіе по Почепскому дѣлу и продолжалось), но сказалъ женѣ: „Меншиковъ въ беззаконіи зачатъ, во грѣсѣхъ родила мать его, и въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой, и если онъ не исправится, то быть ему безъ головы“ [4]). Въ это время Даниличъ сильно заболѣлъ, и Петръ не утерпѣлъ, написалъ ему ласковое письмо. Меншиковъ ожилъ и отвѣчалъ: „Вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее писаніе, писанное въ Городнѣ минувшаго февраля отъ 26 числа со всякимъ моимъ рабскимъ почтеніемъ и радостію я по-

[1]) Слѣдственныя дѣла въ Архивѣ Мин. Юстиціи № 57/273, 58/274; Кабин. II, кн. 94. Протоколы Сената.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 58.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 65.

[4]) Нартовъ.

лучилъ, за которое и за всемилостивѣйшее ваше о приключившейся мнѣ болѣзни сожалѣніе вашему величеству всенижайшее мое рабское приношу благодареніе, и немалое имѣю, получа оное всемилостивѣйшее писаніе, порадованіе и отъ болѣзни моей паче докторскихъ пользованій свободу. Всенижайше благодарствую, что ваше величество, по превысокой своей отеческой ко мнѣ милости, изволилъ пожаловать въ Городню въ новопостроенный домъ мой и за мое здоровье кушать. Истину вашему величеству доношу, что оный домъ я построилъ для шествія вашего величества, дабы вашему величеству отъ таракановъ не было опасенія“ [1]). Въ слѣдующемъ году новыя вины и новыя просьбы къ императрицѣ о ходатайствѣ; 4 апрѣля 1724 года Меншиковъ писалъ Екатеринѣ: „Всемилостивѣйше просилъ я у его императорскаго величества во всѣхъ моихъ винахъ для завтрашняго торжественнаго праздника живоноснаго Христова Воскресенія милостиваго прощенія, съ котораго прошенія при семъ прилагаю для извѣстія вашему величеству копію, и при томъ всенижайше прошу вашего матерняго всемилостивѣйшаго предстательства и заступленія, понеже, кромѣ Бога и вашихъ величествъ превысокой ко мнѣ отеческой милости, иного никакого надѣянія не имѣю“ [2]).

Таковъ былъ самый видный изъ господъ Сената. Но, несмотря на всѣ разочарованія, на всѣ страшныя искушенія, Петръ вѣрилъ въ будущее Россіи, вѣрилъ въ Русскихъ людей и въ возможность ихъ совершенствованія, и неуклонно употреблялъ мѣры, которыми думалъ ускорить это совершенствованіе. Одною изъ такихъ мѣръ онъ считалъ допущеніе къ участію въ выборахъ; любилъ самъ присутствовать при выборахъ въ Сенатѣ и блюсти за ихъ правильностію и безпристрастіемъ. Въ началѣ 1722 года нужно было баллотировать президента Юстицъ-Коллегіи. 19 числа, по выходѣ изъ Сената, императоръ и сенаторы расположились въ столовой палатѣ; сюда же призваны были генералъ-майоры и гвардіи майоры и другіе офицеры, члены Коллегіи, 100 человѣкъ выборныхъ изъ дворянства. Послѣ присяги написали имена кандидатовъ, которыхъ оказалось 12; государь объявилъ, что ни эти кандидаты, ни родственники ихъ не должны участвовать въ баллотировкѣ и даже присутствовать въ палатѣ. Изъ 12 особъ наибольшее число балловъ получили трое: графъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ (70), генералъ-майоръ Ушаковъ (41) и Степанъ Колычевъ (41). Какъ обыкновенно и вездѣ бывало, на право выбора смотрѣли сначала, какъ на тяжелую обязанность, и старались освободиться отъ нея, особенно въ областяхъ, гдѣ дворянъ было мало и пріѣзжавшіе въ отпускъ изъ полковъ хотѣли пожить дома спокойно; вслѣдствіе этого, дворяне вмѣсто себя посылали на выборы приказчиковъ своихъ. Въ 1724 году Петръ предписалъ: коммисаровъ, опредѣляемыхъ для сбора подушныхъ денегъ, выбирать самимъ помѣщикамъ, и приказчикамъ ихъ въ выборѣ тѣхъ земскихъ коммисаровъ не быть. Въ декабрѣ мѣсяцѣ предписано было всѣмъ помѣщикамъ, а въ поморскихъ городахъ и въ другихъ подобныхъ мѣстахъ, гдѣ дворянъ нѣтъ,—тамошнимъ обывателямъ, кому они между собою вѣрятъ, съѣзжаться въ одно мѣсто, гдѣ полковой дворъ, и въ наступающій новый годъ въ земскіе коммисары на мѣсто прежняго выбрать другого. Если на прежняго коммисара будутъ челобитчики, то помѣщики или обыватели судятъ его, и, въ чемъ явится виновенъ, штрафуютъ и по экзекуціи рапортуютъ губернаторамъ и воеводамъ; развѣ кто смерти или публичному наказанію будетъ подлежать,—такого отсылаютъ въ надворный судъ или, гдѣ надворныхъ судовъ нѣтъ, къ воеводамъ [3]).

Въ концѣ царствованія, мѣстопребываніе Сената утверждено было въ Петербургѣ, но въ Москвѣ учреждена Сенатская Контора, въ которой долженъ былъ всегда присутствовать одинъ изъ сенаторовъ, имѣвшій, по своему званію, первенствующее значеніе въ старой столицѣ. Въ 1724 году представителемъ правительствующаго Сената въ Москвѣ былъ графъ Матвѣевъ, который такъ писалъ о своей дѣятельности Макарову: „Здѣсь все состоитъ благополучно, и хотя я при многотрудныхъ дѣлахъ здѣшнихъ и непрестанныхъ хлопотахъ обращаюсь, однакожъ и дороги здѣшнія отъ воровъ и разбойниковъ неоплошно очищаю, изъ которыхъ въ малое время число многое поймано и скорыя экзекуціи имъ уже учинены безъ продолженія времени по мѣстамъ тѣхъ же дорогъ; и въ недавнихъ числахъ разбойничій атаманъ, прозвищемъ Карпашъ, поймань, а нигдѣ не пытанъ, который по Можайкѣ, на Татаркѣ и по инымъ разнымъ дорогамъ много лѣтъ уже разбивалъ, по которому надѣюся и до большаго впредь ихъ компаніи того сонмища добраться“ [4]).

Одною изъ самыхъ трудныхъ обязанностей Сената было устройство коллегій, областнаго управленія и областныхъ судовъ. Хотѣли обойтись какъ можно меньшимъ числомъ чиновниковъ, по недостатку людей и по недостатку денегъ; но это крайне трудно было сдѣлать по недостатку людей образованныхъ и привычныхъ, умѣвшихъ вести порядокъ, который сберегаетъ время, облегчаетъ трудъ, упрощаетъ дѣлопроизводство. Особенно спѣшили избавиться отъ иностранцевъ въ коллегіяхъ: ихъ сначала ввели туда по необходимости, но далеко не всѣ оказались способными и полезными. Въ началѣ 1722 года Петръ, сидя въ Сенатѣ въ Москвѣ, говорилъ: „Иноземцамъ коллежскимъ членамъ для смотра велѣлъ быть изъ С.-Петербурга въ Москву, и изъ нихъ президентамъ разобрать, и буде которые годны и къ дѣламъ потребны,—и тѣхъ объявить, а неподобныхъ отпустить“. Подобно Сенату,

[1]) Кабинетъ II, кн. № 63.

[2]) Письмо въ Государ. Архивѣ.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 94; Протоколы Сената въ Архивѣ Мин. Юстиціи; Пол. Собр. Зак. №№ 4458, 4533.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 67.

и коллегіи, находясь постоянно въ Петербургѣ, должны были имѣть въ Москвѣ свои конторы. Обязанность опредѣленія на всѣ мѣста способныхъ людей, какъ въ коллегіяхъ, такъ и въ провинціяхъ, лежала особенно на генералъ-прокурорѣ, и Ягужинскій писалъ Петру въ походъ въ августѣ 1722 года: „Люди, какъ въ коллегіи, такъ и въ провинціи во всѣ чины едва не всѣ опредѣлены; однакожь воистину трудно было людей достойныхъ сыскивать, и понынѣ еще во сто человѣкъ числа не могутъ набрать; въ штатѣ сколько можно трудился противъ адмиралтейскаго уставу и другія коллегіи уравнять; но для множества излишнихъ дѣлъ не можно удовольствовать другія, а особливо Камеръ-Коллегію, такимъ малымъ числомъ служителей, какъ въ адмиралтейской опредѣлено“ [1]).

Недостатокъ достойныхъ людей особенно долженъ былъ чувствоваться въ областномъ управленіи. Мы видѣли, что Петръ хотѣлъ и этому управленію дать коллегіальную форму учрежденіемъ ландратовъ, среди которыхъ губернаторъ былъ бы „не яко властитель, но яко президентъ“; но въ 1719 г. онъ замѣнилъ ихъ воеводами, и въ какихъ отношеніяхъ находились послѣдніе къ губернаторамъ — мы не знаемъ; не знаемъ и побужденій, которыя заставили Петра отказаться отъ своей прежней мысли, хотя легко догадаться, что причиною тому былъ недостатокъ въ людяхъ [2]). Извѣстнѣе намъ ходъ дѣла объ отдѣленіи управленія отъ суда, дѣла чрезвычайно труднаго сколько по недостатку въ людяхъ и деньгахъ, столько же и потому, что люди высокопоставленные, сами господа Сенатъ, не признавали надобности этого отдѣленія и не пропускали случая внушать государю о трудности, вредѣ и убыточности дѣла. 10 января 1722 года, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ въ Сенатѣ предлагалъ Петру, что въ губерніяхъ и провинціяхъ и городахъ учиненнымъ провинціальнымъ судьямъ въ правленіи особомъ быть неприлично; а когда бы тѣ суды подчинить воеводамъ, то, по его мнѣнію, было бы лучше. Такъ объ этомъ предложеніи занесено въ протоколахъ; но, разумѣется, предложеніе было сдѣлано не въ такомъ краткомъ видѣ; что Апраксинъ представилъ сильныя доказательства въ пользу своего мнѣнія, видно изъ того, что Петръ тутъ съ нимъ согласился и указалъ нижніе суды подчинить воеводамъ. Но 12 февраля читаемъ въ протоколѣ, что указъ о подчиненіи судовъ воеводамъ отложенъ; 27 февраля въ разсужденіи положено, чтобы въ городахъ, въ которыхъ главныхъ судовъ не будетъ, опредѣлить тѣхъ городовъ отъ воеводъ судебныхъ коммисаровъ для управленія малыхъ дѣлъ. Около Москвы учинить въ трехъ мѣстахъ провинціальные суды, и въ Галичѣ учинить два суда, а въ Москвѣ будетъ надворный судъ. 4 апрѣля государь указалъ: „Во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ всякія расправы чинить и судить губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ, кромѣ тѣхъ городовъ, гдѣ учинены надворные суды, а къ нимъ для вспоможенія въ знатные городы, гдѣ надворныхъ судовъ нѣтъ, дать по два человѣка ассесоровъ, а въ прочія провинціи по одному ассесору; а которые городы отъ всѣхъ провинцій отстоятъ до 200 верстъ,—и въ тѣхъ городахъ учинить для суда по особому судебному коммисару, которымъ судить дѣла до 50 рублей; и быть тѣмъ коммисарамъ подъ командою тѣхъ провинцій воеводъ. Для осмотрѣнія всякихъ дѣлъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, чтобы во всякихъ дѣлахъ была правда, посылать каждый годъ изъ сенатскихъ членовъ по одному, да при немъ изъ каждой коллегіи по одному человѣку“.—Въ то время, когда Сенатъ хлопоталъ объ устройствѣ судовъ въ областяхъ, къ нему пришло странное челобитье отъ цыгана Масальскаго, который просилъ, чтобы велѣно было ему вѣдать всѣхъ цыганъ въ Смоленской губерніи. Сенатъ отказалъ [3]).

Людей нѣтъ, денегъ нѣтъ! слышалось со всѣхъ сторонъ; а Сенатъ долженъ былъ помнить пунктъ наказа, даннаго ему при его учрежденіи: „Денегъ какъ возможно собирать“. По первой ревизіи 1722 года лицъ податнаго состоянія оказалось 5.967,313 человѣкъ, въ томъ числѣ 172,385 купечества; городовъ въ имперіи было 340. По иностраннымъ же извѣстіямъ было 273 города, 49,447 домовъ мѣщанскихъ (горожанъ), 761,526 избъ крестьянскихъ. Въ Московской губерніи 39 городовъ, 18,450 домовъ мѣщанскихъ и 256,648 избъ; въ Петербургской 28 городовъ, 10,324 дома и 152,650 избъ; въ Кіевской—56 городовъ, 1,864 дома и 25,816 избъ; въ Архангельской—20 городовъ, 4,302 дома и 92,298 избъ; въ Сибирской—30 городовъ, 3,740 домовъ и 36,154 избы; въ Казанской 54 города, 2,545 домовъ и 20,571 изба; въ Нижегородской—10 городовъ, 3,694 дома и 78,562 избы. Мы видѣли, что по разсчету, сдѣланному въ 1710 г., доходы простирались до 3.134,000 рублей; но въ 1725 году ихъ было 10.186,707 рублей по русскимъ извѣстіямъ; по иностраннымъ же въ 1722 году доходы простирались до 7.859,833 рублей. Съ дворцовыхъ, синодскаго вѣдѣнія, съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ всякаго званія людей и крестьянъ бралось подушной подати по 74 копѣйки съ души; а съ государственныхъ крестьянъ (черносошныхъ, Татаръ, ясачныхъ и т. п.), сверхъ 74 копѣекъ, по 40 копѣекъ, вмѣсто тѣхъ доходовъ, что платили дворцовые во дворецъ, синодскаго вѣдѣнія въ Синодъ, помѣщиковые помѣщикамъ. Заплативши эти 74, или 114 копѣекъ, крестьянинъ былъ свободенъ отъ всякихъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей и подводъ. Платежъ подушныхъ разложенъ былъ на три срока: въ январѣ и февралѣ, въ мартѣ и апрѣлѣ, въ октябрѣ и ноябрѣ. Съ купцовъ и цеховыхъ брали по 120 копѣекъ съ души [4]).

[1]) Протоколы Сената въ Архивѣ Мин. Юстиціи; Кабинетъ II, кн. № 61; Пол. Собр. Зак. № 3887.
[2]) См. Ист. Росс. XVI.
[3]) Протоколы Сената.
[4]) Голикова Допол. XVIII, 484; Кампредонъ; Полн. Собр. Зак. №№ 4533, 4565.

*

Несмотря на увеличеніе доходовъ и всю бережливость Петра, финансы не были въ удовлетворительномъ положеніи. Война Шведская прекратилась; но шла война Персидская, долгое время грозила война Турецкая, и, что хуже всего, оказался сильный неурожай,—и надобно было, для поддержанія финансовъ, прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, предъ которыми Петръ обыкновенно не останавливался.

Въ февралѣ 1723 года государь указалъ: „Для настоящей нужды въ деньгахъ давать приказнымъ людямъ и имъ подобнымъ на жалованье, вмѣсто денегъ, сибирскими и прочими казенными товарами, кромѣ служивыхъ людей и мастеровыхъ". Тогда же выданъ былъ новый указъ: когда придетъ какая нужда въ деньгахъ на какое дѣло необходимое,—искать способу, отколь оную сумму взять; а когда никакого способу не найдется, тогда нужды ради разложить оную сумму на всѣхъ чиновъ государства, которые жалованье получаютъ, духовныхъ и мірскихъ, кромѣ призванныхъ въ нашу службу чужестранныхъ мастеровыхъ, также унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ и морскихъ нижнихъ служителей, съ рубля, по чему доведется изъ жалованья, дабы никто особливо не былъ обиженъ, но общее бы лишеніе для той нужды всѣ понесли, а вырывомъ не чинили" [1]). Очень скоро, въ апрѣлѣ того же года, понадобилось искать способа достать денегъ, и способъ былъ найденъ такой: „Понеже въ нынѣшнемъ настоящемъ времени случилось оскудѣніе въ деньгахъ и въ хлѣбѣ, ибо хлѣбъ во всемъ государствѣ мало родился; къ тому еще имѣется вѣдомость, что отъ стороны Турковъ не безопасно отъ войны, и вѣдомо намъ учинилось, что въ Военную Коллегію на содержаніе арміи съ 720 года, также въ адмиралтейство на дачу морскимъ и адмиралтейскимъ служителямъ жалованья сумма великая въ недосылкѣ", того ради повелѣвалось вычесть изъ жалованья у всѣхъ четвертую часть, удержать хлѣбное жалованье, давать половинные раціоны генералитету и офицерамъ, прибавить на горячее вино по 10 копѣекъ на ведро, а на французское вино акцизу, возвысить цѣну на гербовую бумагу [2]).

Въ Военную и Адмиралтейскую Коллегію сумма великая въ недосылкѣ. На вновь созданное войско и флотъ, давшіе Россіи новое значеніе въ Европѣ, должно было тратиться наибольшее число денегъ. 25 октября 1722 года явился въ Сенатъ Меншиковъ, какъ президентъ Военной Коллегіи, въ сопровожденіи генералъ-майора Лефорта и троихъ полковниковъ, и объявилъ, что изъ многихъ мѣстъ къ нимъ въ Военную Коллегію пишутъ изъ полковъ, что, не получая жалованья, солдаты бѣгутъ изъ полковъ [2]). Кромѣ жалованья, важный вопросъ состоялъ въ томъ, какъ помѣщать постоянное войско. Въ 1724 г. Сенатъ нашелъ, что располагать солдатъ по крестьянскимъ дворамъ нельзя: тѣмъ деревнямъ, въ которыхъ стоять будутъ, передъ тѣми, у которыхъ постоя не будетъ, немалая тягость. Поэтому положено построить слободы, въ которыхъ сдѣлать сержантамъ каждому по избѣ, прочимъ унтеръ-офицерамъ двоимъ одна, рядовымъ троимъ—одна-жь, и ставить въ тѣхъ слободахъ не меньше капральства и не больше роты; въ каждой ротѣ сдѣлать оберъ-офицерамъ дворъ, въ которомъ бы было двѣ избы офицерамъ съ сѣнями, и одна изба людямъ; также въ срединѣ полка сдѣлать штабу дворъ восемь избъ, при томъ дворѣ шпиталь; строить полками, а гдѣ полковъ не будетъ,—крестьянами и посадскими людьми и разночинцами, которые въ подушный сборъ положены [3]).

Въ концѣ царствованія Петра число регулярнаго сухопутнаго войска простиралось до 210 тысячъ съ половиною, въ томъ числѣ въ гвардіи 2,616 человѣкъ, въ армейскихъ полкахъ конныхъ 41,547, пѣхотныхъ—75,165, въ гарнизонахъ 74,128, въ ландмилицкихъ украинскихъ полкахъ 6,392, въ артиллеріи и инженерныхъ ротахъ—5,579. Войско нерегулярное состояло изъ 10 малороссійскихъ полковъ, въ которыхъ считалось 60,000 человѣкъ; изъ пяти слободскихъ казацкихъ полковъ, въ которыхъ было 16,000 человѣкъ; Донскимъ казакамъ выдавалось жалованье на 14,266 человѣкъ, Яицкимъ—на 3,195 человѣкъ, Терскимъ—на 1,800, Гребенскимъ—на 500, Чугуевскимъ на 214; въ казанскихъ пригородахъ старой службы служивыхъ людей 3,615, въ Сибири—9,495: всего 109,085 человѣкъ, не считая инородцевъ. Флотъ состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей; галеръ и другихъ судовъ въ немъ считалось 787; людей на всѣхъ судахъ было 27,939. Число служилыхъ людей увеличилось шляхетствомъ новозавоеванныхъ провинцій, какъ тогда называли Прибалтійскія области. Въ 1723 году выданъ былъ указъ объ опредѣленіи лифляндскаго и эстляндскаго шляхетства въ русскую и военную службу на такомъ же основаніи, на которомъ россійскія шляхетскія дѣти въ нее поступаютъ [4]). Уравненіе относилось къ жалованью: Лифляндцы и Эстляндцы, какъ русскіе подданные, получали одинаковое жалованье съ Русскими, тогда какъ иностранцы, приглашенные въ русскую службу, получали больше. Еще раньше, въ 1722 году, государь указалъ патріаршихъ дворянъ впредь писать ровно съ прочими дворянами, а патріаршими имъ не писаться и особо ихъ не отдѣлять [5]). Дворяне, почему-нибудь освобожденные отъ службы, платили за это. Отъ описываемаго времени, именно отъ 1723 года, дошла до насъ любопытная просьба извѣстной княгини Настасьи Голицыной: „По вашему императорскаго величества указу велѣно мнѣ брать въ

[1]) Пол. Собр. Зак. №№ 4161, 4163; Протоколы Сената; Пол. Собр. Зак. № 4193; здѣсь указъ напечатанъ безъ предисловія.

[2]) Протоколы Сената.

[3]) Протоколы Сената.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 4309; Голиковъ, Дополн. къ Дѣян. XVIII, 440 и слѣд.

[5]) Протоколы Сената 1 мая.

жалованье съ Алексѣева сына Милославскаго положенныхъ на него вмѣсто службы денегъ по 300 рублей, и оный Милославскій по 719 годъ тѣ деньги мнѣ отдавалъ, а съ 719 году и донынѣ не платилъ ничего. Повели, государь, тѣ жалованныя мнѣ деньги на немъ, Милославскомъ, доправить и отдать мнѣ“ [1]).

При особенныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ доходовъ недоставало для покрытія расходовъ, чрезвычайно усилившихся вслѣдствіе преобразовательной дѣятельности, особенно вслѣдствіе заведенія постояннаго войска и флота. Но въ то же время увеличивались и доходы: Балтійскіе берега были пріобрѣтены; лѣтомъ 1722 года къ Петербургу пришло 116 иностранныхъ кораблей [2]); къ Рижскому порту въ приходѣ было кораблей 231, изъ Риги отошло кораблей съ товарами 235; пошлинъ съ нихъ сошло 125,510 ефимиковъ, кромѣ порціи городской [3]). Въ 1724 году къ Петербургу пришло кораблей уже 240, къ Нарвѣ 115, къ Ригѣ 303, къ Ревелю 62, къ Выборгу 28. Въ сентябрѣ 1723 года велѣно было печатать прейсъ-куранты иностраннымъ товарамъ въ знатнѣйшихъ торговыхъ городахъ Европѣ, „дабы знали, гдѣ что дешево или дорого“. И въ заграничные порты являлись русскіе корабли: такъ, въ маѣ 1722 года Бестужевъ писалъ изъ Стокгольма, что туда прибылъ русскій корабль изъ Петербурга, принадлежащій Барсукову. Бестужевъ доносилъ также, что въ то же время пріѣхали изъ Ревеля и Або русскіе купцы съ мелочью, привезли немного полотна, ложки деревянныя, орѣхи каленые, продаютъ на саняхъ, и нѣкоторые на улицѣ кашу варятъ у моста, гдѣ корабли пристаютъ. Узнавши объ этомъ, Бестужевъ запретилъ имъ продавать орѣхи и ложки, и чтобы впредь съ такою бездѣлицей въ Стокгольмъ не ѣздили и кашу на улицѣ не варили, а наняли бы себѣ домъ и тамъ свою нужду исправляли. Одинъ крестьянинъ князя Черкасскаго пріѣхалъ въ Стокгольмъ съ огромною бородой и привезъ также незначительный товаръ; Бестужевъ пишетъ, что Шведы насмѣхаются надъ этимъ крестьяниномъ. Въ другомъ донесеніи Бестужевъ писалъ: „Русскіе купцы никакого послушанія не оказываютъ, безпрестанно пьяные бранятся и дерутся между собою, отъ чего немалое безчестіе Русскому народу; и хотя я вашего величества указъ имъ и объявлялъ, чтобъ они смирно жили и чистенько себя въ платьи содержали, но они не только себя въ платьи чисто не содержатъ, но нѣкоторые изъ нихъ ходятъ въ старомъ русскомъ платьи, безъ галстука, также нѣкоторые и съ бородами по улицамъ бродятъ.“ На Западѣ только смѣялись; но въ разбойничьемъ Крыму было хуже. Неплюевъ писалъ изъ Константинополя въ 1724 году: „Не только полезно, но и нужно въ настоящій союзный договоръ внести, чтобы были русскіе консулы въ Шемахѣ и въ крымскихъ городахъ—Хотинѣ, Бендерѣ и Перекопѣ. Можетъ быть при Дворѣ вашего величества всего еще неизвѣстно, какъ въ Крыму подданные ваши страдаютъ въ мирное время, какъ я тому былъ самовидецъ; многіе купцы обижены, ограблены и въ тюрьмахъ засажены, и со всѣхъ съ нихъ берутъ гарачъ вопреки договору. А консулы могли бы купцовъ и всякихъ пріѣзжихъ охранять“. Мы видѣли, какъ основателя Петербуга и купцовъ русскихъ и иностранныхъ занималъ вопросъ о направленіи движенія товаровъ къ Балтійскому и Бѣлому морямъ; въ 1721 году было постановлено: къ Архангельску возить товары изъ тѣхъ областей, которыя прилегли къ Двинской системѣ безъ переволоковъ землею, причемъ пенька вся должна обращаться въ Петербургъ; для Риги товары грузятся на рѣкахъ Каспле, Двинѣ и Торопѣ; въ Нарву возятъ товары одни Псковичи. Работы по Ладожскому каналу шли успѣшно, благодаря тому, что ими распоряжался знаменитый генералъ Минихъ, котораго, какъ мы видѣли, рекомендовалъ князь Долгорукій изъ Варшавы. Петръ былъ очень доволенъ Минихомъ и мечталъ, какъ поѣдетъ водою изъ Петербурга и сойдетъ на берегъ въ Москвѣ въ Головинскомъ саду, на Яузѣ. Но не всѣ находившіеся вмѣстѣ съ Минихомъ при работахъ были довольны имъ: крутой и вспыльчивый характеръ давалъ себя чувствовать; такъ, майоръ Алябьевъ, находившійся при канальной ладожской канцеляріи, писалъ въ 1723 году къ Меншикову: „Вашей свѣтлости всепокорно доношу, какъ въ бытность въ селѣ Назьѣ господинъ генералъ-лейтенантъ Минихъ трясъ меня дважды за воротъ и называлъ меня при многихъ свидѣтеляхъ дердивелемъ и шельмою, и бранилъ м... по русски“ [5]).

Но если торговля должна была усиливаться вслѣдствіе пріобрѣтенія морскихъ береговъ и заботъ правительства, очень хорошо понимавшаго важное значеніе ея, то старый порядокъ вещей, котораго никакое правительство сломить было не въ состояніи, противопоставлялъ страшныя препятствія желанному усиленію торговли. Въ продолженіи многихъ вѣковъ служилое сословіе привыкло непосредственно кормиться насчетъ промышленнаго народонаселенія; въ государствѣ земледѣльческомъ горожане-промышленники не могли пріобрѣсть важнаго значенія, составить аристократію движимаго имущества, денежную аристократію, не привыкли къ самостоятельному значенію, самостоятельной дѣятельности, къ самоуправленію. Самоуправленіе, данное Петромъ, застало въ-расплохъ, и посадскіе люди вели

[1]) Кабинетъ II, кн. № 65.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 59.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 94.

[4]) См. Приложенія къ XVIII тому.

[5]) Пол. Собр. Зак. № 4293. Дѣла Шведскія 1722 г. Дѣла Турецкія 1724 г.; Дѣла Меншикова въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ; Голик., Дѣянія Петра В. IX, 135. О намѣреніи Петра завести сношенія съ Индіею и Мадагаскаромъ мы не упоминаемъ, потому что дѣло осталось безъ результатовъ. См. Голикова Дѣянія Петра В. XVIII, 430; Дополн. XIV; 198—203, 252—272.

себя въ этомъ отношеніи очень неряшливо; исправленіе обязанностей самоуправленія казалось лишнею тягостью, богатые тѣснили бѣдныхъ и заставляли ихъ жалѣть о воеводахъ, а между тѣмъ старинныя отношенія *мужей* къ *мужикамъ*, вслѣдствіе чего служивый человѣкъ презрительно относился къ промышленному человѣку и позволялъ себѣ на его счетъ всякаго рода насилія,—эти старинныя отношенія давали себя безпрестанно чувствовать, причемъ самоуправленіе, данное промышленному сословію, усиливало нерасположеніе къ нему въ людяхъ, у которыхъ вырывали изъ рукъ богатую добычу. Приведемъ нѣсколько примѣровъ тому. Главный магистратъ представилъ длинный списокъ купецкихъ людей, которые были захвачены разными вѣдомствами и судебными мѣстами, и, несмотря на промеморіи главнаго магистрата, ни сами они, ни дѣла ихъ не были пересланы въ это учрежденіе, и нѣкоторые изъ нихъ умерли въ жестокомъ заключеніи. Бургомистры и ратманы московскаго магистрата писали въ главный магистратъ, что ратманы отъ купечества въ засѣданія не ходятъ, а имъ однимъ всякихъ дѣлъ отправлять невозможно. Костромскіе ратманы доносили въ главный магистратъ: „Въ 719 году, послѣ пожарнаго времени, костромская ратуша построена изъ купеческихъ мірскихъ доходовъ, и ту ратушу отнялъ безъ указу самовольно бывшій костромской воевода Стрѣшневъ, а теперь въ ней при дѣлахъ полковникъ и воевода Грибоѣдовъ. За такимъ утѣсненіемъ взятъ былъ вмѣсто податей у оскудѣлаго посадскаго человѣка подъ ратушу дворъ, и тотъ дворъ въ 722 году отнятъ подполковника Татаринова на квартиру, и теперь въ немъ стоитъ безъ отводу самовольно асcесоръ Радиловъ; и, за такимъ отнятіемъ ратуши, дѣваться имъ съ дѣлами негдѣ; по нуждѣ взята въ наемъ Николаевской пустыни, что на Бабайкахъ, монастырская келья, самая малая и утѣсненная, для того, что иныхъ посадскихъ дворовъ въ близости нѣтъ, и отъ того утѣсненія сборовъ сбирать негдѣ, также и въ дѣлахъ немалая остановка“.

По одному дѣлу велѣно было послать въ Зарайскъ изъ коломенскаго магистрата одного бурмистра; но коломенскій магистратъ донесъ: этому бурмистру въ Зарайскѣ быть невозможно, потому что „въ Коломнѣ въ магистратѣ у отправленія многихъ дѣлъ одинъ бурмистръ, а другого бурмистра, Ушакова, ѣдучи мимо Коломны въ Нижній-Новгородъ, генералъ Салтыковъ билъ смертнымъ боемъ, и отъ того не только въ Зарайскъ, но и въ коломенскій магистратъ ходитъ съ великою нуждою временемъ. А съ другимъ бурмистромъ такой случай: оберъ-офицеръ Волковъ, которому велѣно быть при персидскомъ послѣ, прислалъ въ магистратъ драгунъ, и бурмистра Тихона Бочарникова привели къ нему, Волкову, съ ругательствами, и велѣлъ Волковъ драгунамъ, поваля бурмистра, держать за волосы и за руки, и билъ тростью, и драгунамъ велѣлъ бить палками и топтунами, и ефесами, потомъ плетьми смертно, и отъ того бою лежитъ Бочарниковъ при смерти. По приказу того же Волкова, драгуны били палками ратмана Дьякова, также били городоваго старосту, и за отлучкою этихъ битыхъ въ Коломнѣ по указамъ всякихъ дѣлъ отправлять не могутъ. Да въ 716 году воинскіе люди убили изъ ружья Евдокима Иванова, а кружечнаго сбора бурмистра били такъ, что онъ умеръ. Въ 718 году драгуны застрѣлили изъ фузей гостиной сотни Григорья Логинова въ его домѣ“. Изъ псковскаго магистрата въ главный присланъ былъ длинный списокъ обидъ посадскимъ людямъ [1]).

Что же было дѣлать промышленнымъ людямъ, чтобъ избѣжать такихъ притѣсненій, безчестья? Въ старину они закладывались за сильныхъ людей, которые и обороняли ихъ отъ своей братіи. Но въ XVII вѣкѣ противъ закладничества были приняты строгія мѣры. Трудно стало закладываться за частныхъ людей, стали закладываться за особъ Царскаго Дома. Мы видѣли, какъ разбогатѣвшіе ямщики записались въ сѣнные истопники къ комнатѣ царевны Натальи Алексѣевны [2]). Когда въ Сенатѣ, въ 1722 году, было окончательно рѣшено: „бѣломѣстцамъ лавокъ за собою, а купцамъ деревень имѣть не надлежитъ“ [3]), и главный магистратъ распорядился исполненіемъ этого рѣшенія, то служители Двора герцогини Мекленбургской, Екатерины Ивановны, подали ей просьбу: „Въ прошедшихъ годахъ имѣли мы въ торгу свободное время и торговали невозбранно, только съ этого промысла платили въ окладную палату положеннаго съ насъ на годъ по 25 рублей, поносовую палату (?) по 2 рубля, въ слободу давали мы посадскимъ людямъ въ подмогу по 10 рублей, настоящія пошлинныя деньги также платили. Въ нынѣшнемъ 724 году присланъ указъ изъ главнаго магистрата во всѣ ряды: велѣно бѣломѣстцевъ описать, лавки ихъ запечатать и торговать запретить, дабы бѣломѣстцы записывались въ слободы въ равенство съ купечествомъ. А намъ записываться въ слободу невозможно, потому что отцы наши служили при дворахъ государевыхъ и мы нынѣ служимъ при домѣ вашего высочества. Просимъ, чтобы намъ повелѣно было содержаться въ прежнемъ состояніи торговъ нашихъ“.

Промышленники небогатые дорожили мѣстами придворныхъ служителей при малыхъ Дворахъ, чтобы безобиднѣе и выгоднѣе торговать; промышленники богатѣйшіе стремились занять важныя мѣста при большомъ Дворѣ, чтобъ избавиться отъ необезпеченнаго положенія. Въ началѣ 1722 года именитому человѣку, Александру Строганову, объявлено въ Сенатѣ, что онъ пожалованъ въ бароны [4]). Въ 1724 году Марія Строганова съ дѣтьми Александромъ и Николаемъ били челомъ: „Пожалованы мы призрѣніемъ нынѣ сына моего меньшаго

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи—Дѣла Главнаго Магистрата и дѣла Сената по Главному Магистрату.
[2]) Исторія Россіи, XVI.
[3]) Протоколы Сената.
[4]) Протоколы Сената.

(Сергѣя) въ комнату государыни цесаревны. А я, раба ваша, не свѣдома, какимъ порядкомъ себя между другими вести; также и сыновья мои чину никакого себѣ не имѣютъ, а указомъ вашего величества всему гражданству опредѣлены различные чины и мѣста по своимъ рангамъ, чтобъ всякъ между собою свое достоинство вѣдалъ. Просимъ, дабы я пожалована была мѣстомъ, а дѣти мои чинами ради приходящаго всенароднаго торжества коронованія императрицы" [1]). Примѣру Строгановыхъ послѣдовалъ богатый купеческій сынъ Алексѣй Гурьевъ и подалъ просьбу императрицѣ Екатеринѣ: „Отецъ мой изъ купечества изъ гостиной сотни опредѣленъ и былъ въ С.-Петербургѣ инспекторомъ, и умеръ въ 1714 г. Я остался безъ всякаго опредѣленія и былъ подъ протекціею царицы Прасковіи Ѳедоровны, а послѣ ея кончины немалыя мнѣ чинятся обиды и нападки отъ многихъ людей; а въ купечествѣ я нигдѣ никакими дѣлами не обязанъ и торговъ какъ прежде не имѣлъ, такъ и нынѣ никакихъ не имѣю. Прошу вашего величества высокой милости, дабы для всемірной радости (коронаціи Екатерины) повелѣно было мнѣ быть при домѣ вашего величества и жить въ Москвѣ, и о томъ дать мнѣ вашъ государевъ указъ за службы отца моего и для усерднаго радѣнія и учиненной вашему величеству прибыли, что родственники мои построили своими деньгами городъ каменный на рѣкѣ Яикѣ и для рыбной ловли учугъ, который и нынѣ зовется нашимъ прозваніемъ: Гурьевъ-городокъ, и сталъ въ 289,942 рубля, и отъ того города собирается прибыли въ вашу казну по нѣскольку тысячъ рублей" [2]).

Трудно было противостоять искушенію выйти изъ промышленнаго сословія послѣ того, что случилось съ купцомъ Богомоловымъ, по разсказу зятя его, Ивана Воинова. „Тесть мой, гостиной сотни Алексѣй Васильевичъ Богомоловъ былъ въ Москвѣ знатный и богатый человѣкъ, имѣлъ у себя каменья драгоцѣннаго, алмазныхъ вещей, жемчугу, золотой и серебряной посуды, червонцевъ и талеровъ и денегъ многочисленную казну; изъ высокихъ господъ, также именитый человѣкъ Строгановъ, гости и гостиной сотни, чернослободцы, иноземцы и Греки, купецкіе люди и всякихъ чиновъ брали у него взаймы денегъ; а дворъ его въ Москвѣ былъ въ Бѣломъ городѣ подлѣ Вознесенскаго Варсонофьевскаго дѣвичьяго монастыря, палатнаго строенія много и ограда каменная, а цѣною тотъ дворъ стоитъ пяти тысячъ и больше. И былъ тесть мой вхожъ въ домъ блаженной памяти къ князю Борису Алексѣевичу Голицыну, потому что онъ, князь, всякія дорогія вещи у него покупалъ; и по той его познати (знакомству) пріѣзжалъ въ домъ къ тестю моему сынъ князя Бориса Алексѣевича, князь Сергѣй Борисовичъ, будто ради посѣщенія, и, усмотря тестя моего древность и одиночество, жены, дѣтей и родственниковъ кромѣ меня нѣтъ, приказалъ людямъ своимъ сослать всѣхъ людей, которые жили у тестя моего въ домѣ при немъ, а вмѣсто нихъ поставилъ къ тестю моему въ домъ своихъ людей, человѣкъ съ десять, будто для оберeганья и чтобъ постою не было, и приказалъ людямъ своимъ тестя моего со двора никуда не спускать, также и къ нему не пускать ни меня и никого; когда тесть мой упросится слезно къ церкви Божіей сходить, и тогда за нимъ люди княжіе ходили, а одного его не пускали, и про то извѣстно Варсонофьевскаго монастыря священникамъ съ причетниками, игуменьѣ съ сестрами, тутошнимъ сосѣдямъ и той церкви прихожанамъ. Въ 713 году князь Сергѣй Борисовичъ побралъ тестя моего пожитки и другія вещи, и весь скарбъ его къ себѣ взялъ, также всякія крѣпости на должниковъ и на закладные дворы и лавки, съ пожитками тестя моего забралъ вмѣстѣ и мои, которые стояли у тестя, и отъ того разоренья пришелъ я во всеконечную скудость, одолжалъ и скитаюсь съ женою и дѣтьми по чужимъ дворамъ; а тестя моего отослалъ князь съ людьми своими неволею въ Богоявленскій монастырь; тесть мой тутъ плакался, потому что князь отлучилъ его отъ дому и отъ пожитковъ и отъ обѣщаннаго его кладбища, Варсонофьевскаго монастыря, гдѣ онъ приказывалъ тѣло свое похоронить, потому что въ томъ монастырѣ тесть мой построилъ церковь и нынѣ та гробница есть. И съ этой печали тесть мой въ Богоявленскомъ монастырѣ и умеръ бѣльцомъ, и погребенъ тамъ" [3]).

Фабричная промышленность усиливалась, но не такъ, какъ бы хотѣлось Петру, который въ указѣ 1723 года такъ объяснялъ причины неуспѣха: „Или не крѣпко смотрятъ и исполняютъ указы, или охотниковъ мало; также фабриканты разоряются отъ привозимыхъ изъ-за границы товаровъ; напримѣръ, одинъ мужикъ открылъ краску баканъ; я велѣлъ испробовать ее живописцамъ, а тѣ сказали, что она уступитъ одной венеціанской, а съ нѣмецкою равна, а иной и лучше:—надѣлали ее много—и никто не покупаетъ за множествомъ привезенной изъ-за границы. Жалуются и другіе фабриканты, и за этимъ надобно крѣпко смотрѣть и сноситься съ Коммерцъ-Коллегіею; а если она не будетъ смотрѣть, то Сенату протестовать и намъ объявить, ибо фабрикамъ нашимъ прочіе народы сильно завидуютъ и всѣми способами стараются ихъ уничтожить подкупами, какъ много опытовъ было. Что мало охотниковъ, и то правда, понеже нашъ народъ, яко дѣти, не ученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ:—не все-ль неволею сдѣлано? и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ про-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 69.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 70.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 58.

изошелъ. Такъ и въ мануфактурныхъ дѣлахъ не предложеніемъ однимъ (какъ то чинится тамъ, гдѣ уже и обыкло, и не такъ, какъ нынѣ дѣлается; заведя, да не основавъ, оставятъ, какъ недавно каламинковый заводъ, за одною машиною совершенства своего достигнутъ не можетъ) дѣлать, но и принуждать, и вспомогать наставленіемъ, машинами и всякими способами; и яко добрымъ экономамъ быть, принужденіемъ отчасти; напримѣръ предлагается: гдѣ валяютъ полсти тонкія, тамъ принудить шляпы дѣлать (дать мастеровъ), такъ чтобъ неволно было ему полстей продавать, ежели положенной части шляпъ при томъ не будетъ; гдѣ дѣлаютъ юфть, тамъ кожи на лосинное дѣло и прочее, что изъ кожъ; а когда уже заведется, тогда можно и безъ надсмотрителей быть, а именно: вручить надсмотръ бургомистрамъ того города, давъ имъ пробы за печатьми Коллегіи, и таковы-жъ у себя оставить и осмотрѣть потомъ, въ рядахъ таковы-ль продаютъ, и буде будутъ хуже дѣлать, править штрафы. Которые мастера вывезены будутъ изъ другихъ государствъ, освидѣтельствовать немедленно, знаютъ ли они свое дѣло; и буде не знаютъ,—тотчасъ и отпустить безо всякаго озлобленія; буде же годны,—содержать во всякомъ довольствѣ; а ежели и контрактъ выдетъ, и свои уже обучатся, а онъ не похочетъ ѣхать, такихъ отнюдь не отпускать. А буде который самъ похочетъ, такого прежде отпуску объявить въ Коллегіи и допросить, волею-ль онъ отъѣзжаетъ и нѣтъ ли, или не было-ль ему какой тѣсноты, и доволенъ ли отъѣзжаетъ, и буде скажетъ доволенъ,—и онаго отпустить; буде скажетъ, что какую противность или недовольство, или хотя не скажетъ, но видъ дастъ недовольства, о томъ Коллегіи накрѣпко розыскать и жестоко наказать, и тщиться его гдѣ употребить, а не отпускать. Буде же весьма не захочетъ жить, то отпустить съ совершеннымъ удовольствіемъ, дабы, пріѣхавъ, жалобы не имѣлъ, что ихъ худо трактуютъ, и такъ бы впредь вывозъ мастеровъ не пресѣченъ былъ. Которыя фабрики и мануфактуры у насъ уже заведены, то надлежитъ на привозныя такія вещи накладывать пошлину на всѣ, кромѣ суконъ. Краски и прочіе матеріалы, которые къ фабрикамъ вывозятъ изъ чужихъ государствъ, такихъ матеріаловъ имѣть у себя по нѣскольку при Коллегіи, и изъ нихъ посылать виды въ государство, не сыщутся-ль такіе матеріалы, обѣщая довольную дачу по дороговизнѣ оныхъ". Разумѣется, и относительно фабрикъ существовали тѣ же неблагопріятныя условія, какъ и въ торговлѣ: фабрики, принадлежащія сильнымъ вельможамъ, были обезпеченнѣе фабрикъ, принадлежавшихъ купцамъ. Правительство, по крайней мѣрѣ, дѣлало все, чтобъ поощрять къ устроенію фабрикъ и заводовъ: первый, кто устроитъ заводъ, освобождался отъ службы; также освобождались отъ службы товарищи его, которые вступятъ въ товарищество не позднѣе полутора лѣтъ отъ основанія завода. Въ описываемое время упоминаются фабрики: шелковыя, принадлежавшія компаніи, въ Москвѣ и Петербургѣ; истопника Милютина—въ Москвѣ; ямщиковъ Суханова съ товарищи—въ Казани и Астрахани; шелковый заводъ Армянина Сафара Васильева въ двухъ дняхъ ѣзды отъ Терека; позументнаго дѣла фабрики въ Москвѣ и Петербургѣ Карчагина; игольная фабрика Томилина въ уѣздѣ Переяславля Рязанскаго. Парусныя фабрики: князя Меншикова въ Московскомъ уѣздѣ на Клязьмѣ, Филатова въ Малоярославлѣ, Плавильщикова въ Московскомъ уѣздѣ, на Клязьмѣ, Хвастливаго съ товарищи въ Орлѣ и Рязанскомъ уѣздѣ. Полотняный и крахмальный заводы императрицы—въ Екатерингофѣ; полотняная фабрика Тамеса, или Тамсена, и товарищей въ Москвѣ. Суконныя фабрики: Щеголина съ товарищи, Сабельникова, Воронина, Александрова, Прана, Фибика—въ Москвѣ, казенная—въ Казанской и двѣ въ Воронежской губерніи. Коломиночная казенная въ Петербургѣ, Волкова въ Москвѣ, Шпалерная казенная въ Петербургѣ, шпалерная тисненая—тамъ же. Кожевенныя: Исаева въ Петербургѣ, Истомина въ Нарвѣ, Жукова въ Московскомъ уѣздѣ. Лосинная Петрова—тамъ же; казенная лосинная въ Воронежской губерніи. Казенные восковые заводы въ Петербургѣ. Волосяная фабрика Кобылякова въ Москвѣ. Шляпные и чулочные заводы въ Воронежской губерніи; чулочная фабрика Момбріона въ Москвѣ. Казенная бумажная мельница въ Московскомъ уѣздѣ; бумажная и карточная мельница Багарета въ Петербургскомъ уѣздѣ. Сахарный заводъ въ Петербургѣ иноземца Вестова съ товарищи.

Благодаря посѣщенію герцогомъ Голштинскимъ фабрики Тамеса, или Тамсена, въ Москвѣ, мы знаемъ о ней замѣчательныя подробности, сохранившіяся въ Дневникѣ камеръ-юнкера герцогова Берхгольца. Всѣ сидѣвшіе за станкомъ работники были русскіе; были и русскіе мастера, и Тамесъ надѣялся, что они скоро замѣнятъ ему иностранцевъ. На фабрикѣ было 150 ткацкихъ станковъ и приготовлялись всѣ сорта полотна, отъ грубаго до самаго тонкаго, прекрасныя скатерти и салфетки, тонкій и толстый тикъ, тонкіе канифасы для камзоловъ, цвѣтные носовые платки. Содержаніе фабрики обходилось до 400 рублей въ мѣсяцъ. Благодаря тому же Берхгольцу, мы знаемъ подробности о знаменитомъ золотошвейномъ заведеніи барона Строганова, находившемся въ его домѣ въ Москвѣ; здѣсь работало около 100 дѣвицъ. Писчебумажныя фабрики шли успѣшно, такъ что въ 1723 году велѣно было во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ употреблять бумагу россійскаго дѣла [1]).

Въ числѣ казенныхъ фабрикъ была коломиночная въ Петербургѣ; но оказалось, что произведенія ея не раскупаются, потому что цѣна была положена почти такая же, какъ и привознымъ изъ-за моря коломинкамъ, которыя были гораздо лучше и

[1]) Кабинетъ II, кн. № 60; I. №№ 53, 56; Берхгольцъ, II, 92 и слѣд., 136 и слѣд.

шире русскихъ. Тогда Петръ приказалъ продавать произведенія русскихъ фабрикъ дешевле, именно полотна и коломинки почему въ дѣлѣ стали, кромѣ жалованья мастеровымъ, притомъ велѣлъ принимать полотно въ штатсъ-контору для раздачи вмѣсто жалованья. Но Мануфактуръ-Коллегія доносила, что хотя цѣна и сбавлена по пяти копѣекъ съ аршина, однако нѣтъ надежды, чтобъ и по такой цѣнѣ покупали; присланные изъ магистрата цѣновщики оцѣнили очень дешево, отъ трехъ до десяти копѣекъ, тогда какъ на фабрикѣ аршинъ коломинки обходится по 14 копѣекъ съ половиною, и такъ какъ, за неимѣніемъ никакихъ денегъ, коломиночная мануфактура остановилась, то Мануфактуръ-Коллегія проситъ, чтобъ отъ Кабинета эти коломинки велѣно было взять въ штатсъ-контору и употребить на жалованье или принять въ Военную Коллегію на матросскій мундиръ, а за нихъ прислать деньги въ Мануфактуръ-Коллегію [1]).

Сильная заводская дѣятельность шла въ странахъ приуральскихъ, гдѣ въ 1723 году, въ честь императрицы основанъ былъ городъ Екатеринбургъ, и куда былъ перемѣщенъ Геннинъ, показавшій свои способности на олонецкихъ заводахъ. Въ сентябрѣ 1723 года онъ писалъ Петру: „Хотя я въ трудахъ разорвуся, однако заводы новые, желѣзные и мѣдные не могу скорѣе строить и умножить; остановка истинно не отъ меня, то ты повѣрь мнѣ, но остановка есть, что у меня не много искусныхъ людей въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ, а вездѣ самъ для дальняго разстоянія быть и указать не могу, и плотники здѣсь не такъ, какъ олонецкіе, но пачкуны; того ради понуждай Бергъ-Коллегію, чтобъ она штейгеровъ побольше прислала для сыску и копанія мѣдныхъ и прочихъ рудъ“ [2]). Не можемъ не привести и другого любопытнаго письма отъ 4 апрѣля 1724 года: „Екатеринбургскіе заводы и всѣ фабрики въ дѣйствѣ. Въ Екатеринбургской крѣпости и на Уктусѣ уже выплавлено 1,500 пудъ чистой мѣди, и отправлено къ пристани для отсылки къ Москвѣ; и мѣдной руды ко онымъ заводамъ на Полевой уже на цѣлый годъ добыто и въ то короткое время съ малымъ убыткомъ, и долженъ я благодарить Бога о моемъ счастіи, что я такое богатое рудяное мѣсто обложилъ. Еще нынѣ лучше является на Полевой; и надѣюсь, что въ малыхъ лѣтахъ тотъ убытокъ, во что заводы Екатеринбургскіе стали, все заплатится и потомъ великая прибыль пойдетъ. Прочіе желѣзные твои заводы исправлены и въ Катеринбурхѣ, такожъ на Уктусскихъ, Каменскихъ и Алапаевскихъ заводахъ руды, уголья и дровъ на уголье на цѣлый годъ изготовлено. И гдѣ такая богатая желѣзная руда есть, что на Алапаевскихъ заводахъ! Половина желѣза изъ нея выходитъ, а на Олонцѣ пятая доля выходитъ: то великая разность! Нынѣ на Каменскихъ заводахъ льютъ пушки на артиллерію. Который заводъ при Пыскорѣ капитанъ Татищевъ и сержантъ Украинцевъ строили по моему приказу, нынѣ зачнутъ плавить руду. Строгановымъ, видя нынѣ, что Богъ открылъ много руды, а прежде сего жили они какъ Танталусъ, весь въ золотѣ и огороженъ золотомъ, а не могли достать въ такомъ образѣ, что жили они въ мѣди, а голодны. И нынѣ просили меня, чтобъ я съ ними товарищъ былъ и указалъ имъ какъ плавить и строить, такожъ на ихъ кошт заводъ отмежевать и при Яйвѣ три мѣста рудныхъ, то я съ радостію радъ и сдѣлаю, а ваши мѣста не отдамъ, понеже надобно прежде твой убытокъ, во что заводы стали, возвратить, такожде и что Бергъ-Коллегія беретъ жалованье. И они могутъ, ежели охотники, такожде довольно руды добывать: кромѣ твоего богатаго мѣста, другихъ тамо мѣстъ довольно. И покамѣсть не приведу въ дѣйство нынѣшній заводъ при Пыскорѣ, не пойду безъ твоего указа; покамѣсть могута моя есть, я радъ трудиться, токмо были-бъ пріятели заочно кому хвалить мой трудъ, безъ того не такъ. Пожалуй, послушай меня и не рѣши горныхъ здѣшнихъ дѣлахъ и положи на меня, какъ я прикажу. Я тебѣ желаю добра, а не себѣ, и хочу прежде всѣ убытки тебѣ возвратить, что въ 25 лѣтъ издержано на горное дѣло. И ты нынѣ не отдавай тѣхъ шахтъ и штолатъ при Полевой и при Яйвѣ рѣкѣ, гдѣ я на тебя добываю руду, для того что очень богато и безъ труда добываемъ, а возлѣ тѣхъ мѣстъ есть довольно и другихъ такихъ рудныхъ мѣстъ, гдѣ мы, компанейщики, можемъ добывать руды; я бы самъ себѣ худа не желалъ и тѣ мѣста на себя взялъ, только не хочу, а тебѣ желаю добра; а коли положишь сіе дѣло на Бергъ-Коллегію разсмотрѣть, то они истинно здѣшняго дѣла не знаютъ каково, и никто кромѣ самовидца и кто трудится здѣсь. Я нынѣ на истинномъ пути въ горныхъ дѣлахъ, и дай мнѣ волю; а когда другихъ слушаешь, которые мнѣ поперекъ, то ты вѣкъ въ своемъ желаніи не пріидешь въ концъ, хотя и радѣешь“ [3]).

Геннинъ упоминаетъ о капитанѣ Татищевѣ какъ строителѣ Пыскорскаго завода. Знаменитый впослѣдствіи Василій Никитичъ Татищевъ здѣсь началъ свое поприще, какъ горный чиновникъ и прежде всего столкнулся съ Демидовыми: тѣ жаловались государю, и Петръ велѣлъ изслѣдовать дѣло Геннину, который такимъ образомъ донесъ о немъ: „1) Когда Татищевъ здѣшніе заводы и дистрикты не вѣдалъ и о заставахъ не доносилъ, то свободно было тайными дорогами съ заповѣдными товары и съ прочими съѣстными припасы, безъ выписей и не заплатя пошлинъ, на Демидовы заводы пріѣзжать, какъ и нынѣ явилось; а какъ пресѣклось, то стало тѣмъ мужикамъ досадно, и жаловались Демидову, иное вправдѣ, а болѣе лгали, чтобъ такимъ крѣпкимъ заставамъ не быть; а Демидовъ мужикъ упрямъ; видя, что ему другіе стали въ карты смотрѣть, не справясь, повѣря мужицкой

[1]) Кабинетъ, II, кн. № 67.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 62.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 66.

злобѣ, жаловался для того: до сего времени никто не смѣлъ ему, боясь его, слова выговорить, и онъ здѣсь поворачивалъ, какъ хотѣлъ. 2) Ему не очень мило, что вашего величества заводы станутъ здѣсь цвѣсть, для того что онъ могъ больше своего желѣза продавать и цѣну наложить, какъ хотѣлъ, и работники-бъ вольные всѣ къ нему на заводы шли, а не на ваши; а понеже Татищевъ, по пріѣздѣ своемъ, началъ прибавливать или стараться, чтобъ вновь строить вашего величества заводы, и хотѣлъ по горной привилегіи поступать о рубкѣ лѣсовъ и обмежевать рудныя мѣста порядочно: и то ему также было досадно, и не хотѣлъ того видѣть, кто-бъ ему о томъ указалъ. 3) И хотя прежь сего до Татищева вашего величества заводы были, но коммисары, которые оные вѣдали, бездѣльничали много и отъ заводовъ плода почитай не было; а мужики отъ забалованныхъ Гагаринскихъ коммисаровъ разорились, и Демидову отъ нихъ помѣшательства не было и противиться ему не могли, а Демидовъ дѣлалъ, что онъ желалъ, и чаю ему любо было, что на заводахъ вашего величества мало работы было и опустѣли. 4) Наипаче Татищевъ показался ему гордъ, то старикъ не залюбилъ съ такимъ сосѣдомъ жить, и искалъ какъ бы его отъ своего рубежа выжить, понеже и деньгами онъ не могъ Татищева укупить, чтобъ вашего величества заводамъ не быть. 5) Емужь досадно было, что Татищевъ сталъ съ него спрашивать отъ желѣза десятую долю. Ваше величество изволили мнѣ дать отъ гвардіи сержанта Украинцева, чтобъ безъ бытности моей быть ему надъ всѣми заводами директоромъ, и хотя онъ человѣкъ добрый, но не смыслитъ сего дѣла, и десятеро въ Украинцеву мѣру не смыслятъ. Того ради вашему величеству отъ радѣтельнаго и вѣрнаго моего сердца, какъ отцу своему объявляю: къ тому дѣлу лучше не сыскать, какъ капитана Татищева, и надѣюся, что ваше величество изволите мнѣ въ томъ повѣрить, что я онаго Татищева представляю безъ пристрастія, не изъ любви или какой интриги, или бъ чьей ради просьбы,—я и самъ его рожи калмыцкой не люблю, но, видя его въ дѣлѣ весьма права и къ строенію заводовъ смысленна, разсудительна и прилежна; и хотя я ему о томъ представлялъ, но онъ мнѣ отговаривается, что ему у того дѣла быть нельзя: первое, что ваше величество имѣетъ на него гнѣвъ и подозрѣніе, котораго опасаясь, смѣло какъ надлежитъ (дѣйствовать), не посмѣетъ и чрезъ то дѣло исправно не будетъ; также ежели онъ не увидитъ вашей къ себѣ милости, то нѣтъ надежды уповать за трудъ награжденія, и особливо въ такомъ отдаленіи, гдѣ и великаго труда видать не можно, ежели не чрезъ предсѣдательство другихъ получить. Третіе, ежели на Демидова управы учинено за оболганіе не будутъ и убытки его награждены не будутъ, то онъ и впредь съ нимъ будетъ во враждѣ и безпокойствѣ, чрезъ что пользѣ вашего величества не безъ вреда быть-можетъ, и сихъ ради причинъ онъ, Татищевъ, здѣсь быть охоты не имѣетъ. Пожалуй, не имѣй на него, Татищева, гнѣву и выведи его изъ печали и прикажи ему здѣсь быть оберъ-директоромъ или оберъ-совѣтникомъ" [1]).

На сѣверо-востокѣ Строгановы увидали выгоду отъ рудныхъ промысловъ и сами просили знающаго человѣка помочь имъ въ начинаніи дѣла: на югѣ силою нужно было заставлять землевладѣльцевъ заниматься улучшеннымъ овцеводствомъ. Въ 1722 году въ Сенатѣ было опредѣлено: овецъ которые содержатся на овчарныхъ заводахъ, раздать въ тамошнихъ мѣстахъ, расположа по числу деревень на многовотчинныхъ людей, хотя бы кто и принять не захотѣлъ; овецъ этихъ и при нихъ овчаровъ содержать точно такъ, какъ ихъ содержали на заводахъ; приплодъ отъ овецъ получать имъ себѣ, а шерсть продавать на суконные заводы, которую покупать у нихъ по опредѣленной достойной цѣнѣ [2]). Въ Малороссію былъ отправленъ въ 1724 году такой указъ: „Объявляемъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, малороссійскимъ жителямъ всякаго чина и достоинства, что мы, для пользы всего нашего государства, учинили суконныя фабрики, на которыя потребно много овечьей шерсти, а такъ какъ Малую Россію Богъ благословилъ, больше другихъ краевъ нашего государства, способнымъ воздухомъ къ размноженію овецъ и доброй шерсти, но Малороссіяне, не имѣя искусства въ содержаніи овецъ, шерсть къ суконному дѣлу негодную (хотя и множество ея имѣютъ) за безцѣнокъ продаютъ: для этого мы въ 1722 году въ Москвѣ говорили съ гетманомъ Скоропадскимъ; также указомъ нашимъ писано изъ Мануфактуръ-Коллегіи къ гетману и генеральному писарю Савичу и полковнику Полуботку, чтобъ въ Малороссіи господари овецъ своихъ содержали по шленскому обыкновенію, и правила, какъ овецъ содержать, къ нимъ посланы; но до сихъ поръ никакого успѣха въ томъ дѣлѣ въ Малороссіи нѣтъ, ибо гетманъ Скоропадскій вскорѣ потомъ умеръ, а Полуботокъ и Савичъ, какъ недоброжелатели своему отечеству и намъ (въ чемъ уже и обличились), не хотѣли видѣть въ дѣйствіи повелѣнія нашего, и утаили его, и никому присланныхъ правилъ не объявили; а между тѣмъ уже нѣкоторые великороссійскіе помѣщики, также и въ слободскихъ полкахъ начали по тѣмъ правиламъ содержать овецъ и отъ того прибыль великую противъ прежняго получаютъ, такъ что продаютъ шерсть по два рубля по двѣ гривны и больше, а по прежнему содержанію овецъ только по полтинѣ и по 20 алтынъ пудъ въ продажу идетъ. Мы опять теперь повелѣваемъ малороссійскимъ жителямъ овецъ своихъ содержать по правиламъ и шерсть продавать на наши суконныя фабрики, а мастеровъ, которые будутъ, каждаго наставлять въ содержаніи овецъ, велѣли мы содержать на нашемъ жалованьи". Не смотря на всѣ

[1]) Кабинетъ II, кн. № 92.
[2]) Протоколы Сената.

препятствія, число фабрикъ и заводовъ въ концѣ царствованія Петра простиралось до 233 [1]).

Въ 1722, 1723 и 1724 годахъ пріѣхали изъ Англіи, Голландіи и Франціи русскіе мастеровые, учившіеся тамъ: столяры домоваго убора трое; столяры кабинетнаго дѣла четверо; столяры, которые дѣлаютъ кровати, стулья и столы,—двое; замочнаго мѣднаго дѣла четверо; мѣднаго литейнаго дѣла двое, грыдоровальнаго одинъ, инструментовъ математическихъ одинъ. Петръ велѣлъ построить имъ дворы и давать жалованье два года, а потомъ дать каждому на заводъ денегъ съ довольствомъ, дабы кормились своею работою, и о томъ имъ объявить, чтобъ заводились и учениковъ учили, а на жалованье бы впредь не надѣялись [2]).

На Западѣ ремесла имѣли цеховое устройство; сочли нужнымъ ввести это устройство и въ Россіи. Устройство цеховъ вмѣстѣ съ образованіемъ образцоваго магистрата въ Петербургѣ императоръ поручилъ главному магистрату; но тотъ медлилъ, и Петръ 19 января 1722 года далъ такой указъ оберъ-президенту магистрата: „Понеже давно имѣется указъ и регламентъ о исправленіи дѣла вамъ врученнаго, а именно - о учиненіи перво магистрата правильнаго и цеховъ въ Петербургѣ въ примѣръ другимъ городамъ, а потомъ въ Москвѣ и тако въ протчихъ; но по се время никакого успѣху въ томъ не дѣлается; того ради симъ опредѣляемъ, что ежели въ Питербурхѣ сихъ двухъ дѣлъ, т.-е. магистрата и цеховъ, не учините въ пять мѣсяцевъ или полгода, то ты и товарищъ твой Исаевъ будете въ работу каторжную посланы.“ Въ апрѣлѣ 1722 года, по выходѣ изъ Сената, велѣно Димитрію Соловьеву „учинить съ иностранныхъ учрежденій о цехахъ извѣстіе и внесть въ Сенатъ.“ Соловьевъ обѣщалъ сдѣлать это къ завтрашнему утру. Такая *досужливость* не могла позволить держать знаменитыхъ братьевъ въ долгой опалѣ, когда знающіе и смышленые люди были такъ нужны; другой братъ, Осипъ, былъ уже ассесоромъ въ Коммерцъ-Коллегіи. Только въ концѣ 1724 года выработана была инструкція магистратамъ, посредствомъ которыхъ Преобразователь хотѣлъ „всего россійскаго купечества разсыпанную храмину паки собирать.“ Магистраты должны были состоять изъ президента, двоихъ бургомистровъ и четырехъ ратмановъ. Собираніе разсыпной храмины должно было начаться тѣмъ, что магистраты собирали изо всѣхъ мѣстъ и записывали въ посадъ и въ тягло всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей, которые, не желая съ посадскими служить и податей платить, вышли изъ слободъ какимъ-нибудь образомъ и подлогомъ въ разные чины, въ крестьянство и въ закладчики, какъ будто за долги; отданы. Такимъ образомъ, новое учрежденіе должно было начинать борьбою съ явленіемъ, котораго не могла побороть древняя Россія. Потомъ магистраты должны были заботиться о безопасности городовъ отъ пожара, имѣть достаточное число нужныхъ для того инструментовъ и распоряжаться вмѣстѣ съ гражданскими квартирмистрами и другими лицами, которыхъ магистратъ опредѣлитъ къ тому изъ гражданъ. Магистраты должны были переписать всѣхъ гражданъ мужескаго и женскаго пола съ ихъ дѣтьми, братьями, зятьями и племянниками, внучатами, пріемышами, служителями, работниками и захребетниками; должны знать, когда кто родится или умретъ (извѣстія объ этомъ можно получать отъ приходскихъ священниковъ), и присылать ежегодно въ главный магистратъ вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ. Граждане должны быть раздѣлены на три части, не включая гостей и гостиную сотню. Въ первомъ отдѣлѣ, называемомъ первою гильдіею, находятся знатные купцы, городовые доктора, аптекаря, лѣкаря, судовые промышленники. Ко второй гильдіи принадлежатъ торгующіе мелочными товарами и всякими харчевыми припасами и ремесленные люди; остальные же, а именно — всѣ подлые люди, находящіеся въ наймахъ, въ черныхъ работахъ и т. п., хотя суть и граждане и въ гражданствѣ числятся, только къ знатнымъ и регулярнымъ гражданамъ не принадлежатъ. Изъ каждой гильдіи должно выбрать изъ первостатейныхъ по нѣскольку человѣкъ въ старшины, которые, особенно первой гильдіи, во всѣхъ гражданскихъ совѣтахъ должны помогать магистрату; изъ этихъ старшинъ одинъ избирается въ старосты и одинъ къ нему въ товарищи, которые имѣютъ попеченіе обо всемъ, что надлежитъ къ гражданской пользѣ, и предлагаютъ объ этомъ магистрату. Магистратъ въ важныхъ дѣлахъ долженъ старостъ и старшинъ призывать и съ ними совѣтоваться. Въ третьемъ разрядѣ, между подлыми людьми, должны быть выборные старосты и десятскіе, которые доносятъ магистрату о всякихъ ихъ нуждахъ. Старосты и старшины, съ согласія всѣхъ гражданъ, дѣлаютъ уравненіе въ подушномъ сборѣ, смотря по состоянію каждаго гражданина, чтобъ достаточные и несемейные облегчены, а средніе, бѣдные и семьянистые отягчены не были Магистраты должны стараться; о размноженіи мануфактуръ или рукодѣлій, особенно такихъ, которыхъ прежде не бывало; лѣнивыхъ и гулякъ понуждать работать; стараться, чтобъ дѣти не только зажиточныхъ, но и бѣдныхъ людей учились читать, писать и ариѳметикѣ, и для того, при церквахъ или гдѣ пристойно, учредить школы; стараться, чтобъ обѣднѣвшіе, особенно престарѣлые и дряхлые граждане мужескаго и женскаго пола въ богадѣльни были пристроены, а постороннихъ, кромѣ гражданъ, въ городовыя богадѣльни не принимать. Гдѣ возможно, стараться учредить ярмарки. Смотрѣть, чтобъ гражданамъ отъ постороннихъ разныхъ чиновъ и отъ пріѣзжихъ купецкихъ людей въ ихъ торгахъ и ремеслахъ помѣшательства, также и пріѣзжимъ купецкимъ и уѣзднымъ людямъ отъ гражданъ въ цѣнахъ и проволочкѣ времени утѣсненія и принужде-

[1]) Кабинетъ I, кн. № 33; Голикова, Допол. къ Дѣян. П. В. т. XVII, стр. 412.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 72.

нія не было. Во всякія городовыя и купечеству приличныя службы употреблять изъ подлыхъ или обѣднѣвшихъ гражданъ, чтобъ отъ того могли себѣ пропитаніе имѣть и положенную подать платить. Если по смерти гражданина останутся малолѣтнія дѣти, то магистратъ долженъ смотрѣть, чтобъ душеприказчики, назначенные родителями, имѣли малолѣтнихъ сиротъ въ добромъ призрѣніи и воспитаніи, а имѣніе ихъ въ добромъ храненіи; если же родители сами не назначатъ душеприказчиковъ, то магистратъ обязанъ выбрать людей добрыхъ, кому во всемъ вѣрить можно.

„Магистратъ", говорилось въ инструкціи, „имѣетъ правдиво, честно и чинно себя держать, дабы въ такой знатности и почтеніи были, какъ и въ другихъ государствахъ, и чтобъ, яко дѣйствительные начальники, отъ гражданъ почитаны и отъ его императорскаго величества рангомъ удостоены быть могли" [1]).

Нерадѣнія и безпорядки, господствовавшіе въ прежнихъ ратушахъ при перемѣнныхъ по выборамъ бургомистрахъ, понудили Петра учредить для городоваго управленія коллегію изъ постоянныхъ членовъ, которыхъ граждане должны были почитать какъ дѣйствительныхъ начальниковъ; но горожане, посредствомъ своихъ старостъ и старшинъ, должны были принимать постоянное участіе въ дѣлахъ городскаго управленія.

Самый многочисленный классъ первоначальныхъ промышленниковъ, хлѣбопашцы, продолжали заявлять о своемъ незавидномъ положеніи побѣгами. Правительство не могло улучшить ихъ быта освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, повторяло указы объ отдачѣ бѣглыхъ людей и крестьянъ прежнимъ помѣщикамъ съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ пожитками; о наказаніи старостъ и приказчиковъ за содержаніе бѣглыхъ, о взысканіи съ владѣльцевъ деревень за позволеніе принимать бѣглыхъ людей и за водвореніе ихъ. Землевладѣльцы хотѣли-было порѣшить и съ половниками, но правительство удержалось отъ этой мѣры. Въ 1723 г. императоръ предписалъ переписчикамъ согласиться съ землевладѣльцами сѣверныхъ областей (поморскихъ городовъ) насчетъ половниковъ, переходящихъ съ одной земли на другую, и прислать въ Сенатъ мнѣнія, какой придумать способъ, чтобъ половники, переходя съ мѣста на мѣсто, не избывали подушнаго сбора. Переписчикъ, бригадиръ Фамендинъ, прислалъ мнѣніе, чтобы половниковъ въ другія мѣста не переводить и запретить имъ переходъ указами; такое же мнѣніе прислалъ и полковникъ Солнцевъ; но генералъ-майоръ Чекинъ писалъ, что хотя, по мнѣнію землевладѣльцевъ, должно укрѣпить половниковъ за ними, какъ за помѣщиками, однако, по его мнѣнію, половниковъ укрѣплять въ крестьянство не слѣдуетъ. Сенатъ, въ январѣ 1725 года, согласился съ Чекинымъ, позволилъ половникамъ вольный переходъ, какъ съ частныхъ земель на казенныя, такъ и наоборотъ, только каждому половнику позволено было переходить въ одномъ своемъ уѣздѣ [2]). Для облегченія участи крестьянъ у правительства осталось два средства: отстранять помѣщиковъ, могшихъ употреблять во зло свое право, отъ управленія крестьянами и, при особенныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ для сельскаго хозяйства, уменьшать крестьянскія повинности. Въ первомъ отношеніи замѣчателенъ указъ: „Понеже, какъ послѣ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей движимое и недвижимое имѣніе даютъ въ наслѣдіе дѣтямъ ихъ, таковымъ дуракамъ, что ни въ какую науку и службу не годятся, а другіе, несмотря на ихъ дурачество, для богатства отдаютъ за нихъ дочерей своихъ и свойственницъ за мужъ, отъ которыхъ добраго наслѣдія къ государственной пользѣ надѣяться не можно, къ тому-жъ, и оное имѣніе получа, безпутно расточаютъ, а подданныхъ бьютъ и мучатъ и смертныя убійства чинятъ и недвижимое въ пустоту приводятъ:—того ради повелѣваемъ какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людямъ, и ежели у кого въ фамиліи нынѣ есть или впредь будутъ таковые, подавать о нихъ извѣстіе въ Сенатъ, а въ Сенатѣ свидѣтельствовать, и буде по свидѣтельству явятся таковые, которые ни въ науку, ни въ службу не годились и впредь не годятся, отнюдь жениться и замужъ идтить не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать, и деревень наслѣдственныхъ и никакихъ за ними не справливать, а велѣть вѣдать такія деревни по приказной запискѣ и ихъ, негодныхъ, съ тѣхъ деревень кормить и снабдить ближнимъ ихъ родственникамъ, а буде родственниковъ не будетъ, то ближнимъ же ихъ свойственникамъ" [3]). Лѣтомъ 1723 года Сенатъ получилъ доношенія изъ Московской губерніи и другихъ провинцій, что, вслѣдствіе неурожая, бывшаго два года сряду, крестьяне находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи, ѣдятъ льняное сѣмя и дубовые желуди, мѣшая съ мякиною, бываютъ по нѣскольку дней безъ пищи, многіе отъ этого пухнутъ и умираютъ, иныя села и деревни стоятъ пусты: крестьяне вышли въ разныя мѣста для прокормленія. А между тѣмъ, кромѣ денежныхъ сборовъ, въ одной Московской губерніи показано провіантской недоимки 472,832 четверти, изъ Камеръ-Коллегіи для правежу этой недоимки посланы такіе жестокіе указы, что велѣно продавать пожитки и неплатящихъ ссылать въ галерную работу, вслѣдствіе чего бѣдные крестьяне принуждены сами проситься въ галерную работу. Сенатъ опредѣлилъ для такихъ нуждъ удержать правежъ до 1-го сентября нынѣшняго года, и на 723 годъ провіантскіе положенные сборы сбирать въ августѣ мѣсяцѣ, какъ

---

[1]) Протоколы Сената; Кабинетъ I, кн. № 53; Пол. Собр. Зак. 4624.

[2]) Пол. Собр. Зак. № 3939. Журналы и протоколы Сената 1725 г.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 3949.

новый хлѣбъ поспѣетъ [1]). Подушная перепись крестьянъ происходила съ затрудненіемъ: въ селѣ Лопаткахъ, Воронежскаго уѣзда, попъ Герасимъ возмущалъ жителей и приводилъ къ кресту и евангелію, чтобъ они людей и крестьянъ отъ свидѣтельства утаивали и другъ на друга въ томъ не доносили; однодворцы Куркины, по согласію съ попомъ, утаили крестьянъ и дали присягу. Виновные были казнены смертію. Въ апрѣлѣ 1723 года, въ Петербургской губерніи, въ провинціяхъ и въ Олонецкомъ уѣздѣ, сверхъ прежде поданныхъ сказокъ, явилось прописныхъ мужескаго пола душъ 70,492 человѣка [2]).

Успѣхъ торговли и промышленности всякаго рода зависѣлъ отъ состоянія путей сообщенія и общественной безопасности. Мы видѣли заботы Преобразователя о томъ и другомъ; но дѣло новое встрѣчало сильныя препятствія и прежде всего въ природныхъ условіяхъ страны, громадной и малонаселенной. Осенью 1722 года, голландскій резидентъ ѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ около пяти недѣль, вслѣдствіе грязи и поломанныхъ мостовъ; на одной станціи 8 дней ждали лошадей [3]). Но продолжительность пути и неудобства его были еще малымъ зломъ въ сравненіи съ отсутствіемъ безопасности на дорогахъ, въ деревняхъ и на улицахъ городскихъ. Мы видѣли, о чемъ прежде всего увѣдомилъ сенаторъ Матвѣевъ, оставшійся въ Москвѣ представителемъ высшаго учрежденія:— о поимкѣ и казни разбойниковъ. Въ 1722 году сенаторы имѣли разсужденіе и объявили московскому вице-губернатору Воейкову, что около Москвы умножились великіе разбои, и какія мѣры онъ принимаетъ для ихъ прекращенія. Воейковъ отвѣчалъ, что у него для этого опредѣлены особые люди въ Можайскъ и другія мѣста, въ остальныя же мѣста послать некого,—драгуны стары, дряхлы и лошадей не имѣютъ [4]). По донесенію голландскаго резидента, въ концѣ 1722 года, въ Петербургѣ въ одинъ день казнили 24 разбойника: вѣшали, колесовали, вѣшали за ребра. Но жестокія казни не прекращали зла, и попрежнему старались уменьшать число гулящихъ людей. Въ 1722 году велѣно было въ Москвѣ священническихъ дѣтей, которыя при переписи явятся лишними, опредѣлять кто куда захочетъ—въ посадъ или къ кому во дворъ, чтобъ гулящихъ не было [5]). Распоряженія противъ нищихъ продолжаются—доказательство ихъ недѣйствительности: „Слѣпыхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, которые работать не могутъ, ни стеречь, а кормятся міромъ и не помнятъ чья они были,—отдавать въ богадѣльни. Малолѣтнихъ, которые не помнятъ же, чьи они прежде были, которые 10 лѣтъ и выше, писать въ матросы, а которые ниже тѣхъ лѣтъ,—такихъ отдавать для воспитанія тѣмъ, кто ихъ къ себѣ принять захочетъ, въ вѣчное владѣніе, и кому отданы будутъ,—за тѣми писать въ подушный сборъ; а которыхъ никто не приметъ,—тѣхъ отдавать для пропитанія въ богадѣльни же, въ которыхъ имъ быть до десяти лѣтъ, а потомъ присылать въ матросы же [8]). Въ Москвѣ, въ Кремлѣ и Китай-городѣ велѣно строить всѣмъ каменные домы по улицамъ, а не во дворахъ, и крыть черепицею; передъ каждымъ домомъ мостить мосты (троттуары) изъ дикаго камня; заборовъ не дѣлать, а ставить тыны, чтобъ ворамъ не свободно было перелазить. Въ рядахъ передъ иконами велѣно ставить свѣчи въ фонаряхъ, а безъ фонарей нигдѣ не ставить, потому что былъ отъ этого въ рядахъ пожаръ великій, и многіе купцы пришли въ разореніе и скудость. Велѣно было сдѣлать по концамъ улицъ подъемныя рогатки, которыя по ночамъ опускать и имѣть при нихъ вооруженные караулы изъ уличныхъ жителей; у кого изъ нихъ не будетъ ружья, тѣ должны являться съ грановитыми большими дубинами; всѣ должны имѣть трещотки [7]).

Голодъ вызвалъ въ 1723 году слѣдующія мѣры: въ мѣстахъ, гдѣ обнаружился голодъ, велѣно описать у постороннихъ излишній хлѣбъ, чей бы онъ ни былъ, и сдѣлать смѣту, сколько кому всякаго хлѣба въ годъ надобно для собственныхъ и крестьянскихъ расходовъ, и оставлять каждому хлѣба на годъ или на полтора, а остальное раздавать неимущимъ крестьянамъ до новаго хлѣба, сколько кому будетъ нужно, взаймы съ росписками, и, когда хлѣбъ уродится, возвратить по роспискамъ тѣмъ людямъ, у которыхъ былъ взятъ. При раздачѣ хлѣба смотрѣть накрѣпко, чтобъ подъ видомъ скудныхъ и хлѣба неимущихъ не брали такіе, которые свой хлѣбъ спрятали; также у купцовъ и промышленниковъ хлѣбъ описать, чтобъ они, скупая у продавцовъ, не продавали высокою цѣною и тѣмъ не причиняли бы народу большей тягости. Велѣно было изъ губерній и провинцій доставлять въ Камеръ-Коллегію еженедѣльныя вѣдомости объ урожаѣ хлѣба и о справочныхъ цѣнахъ [6]).

Если изложеныя препятствія къ улучшенію матеріальнаго быта заключались, съ одной стороны, въ матеріальныхъ условіяхъ страны, то съ другой—коренились въ нравственномъ состояніи общества, далеко неудовлетворительномъ. Ссора Шафирова съ Скорняковымъ-Писаревымъ во всѣхъ ея подробностяхъ, поведеніе вельможъ, фискаловъ, обращеніе сильныхъ и служилыхъ людей съ людьми промышленными служатъ доказательствомъ этой неудовлетворительности. Современники Петра разсказывали слѣдующій случай: императоръ, слушая въ Сенатѣ дѣла о казнокрадствѣ, сильно разсердился и сказалъ генералъ-прокурору Ягужин-

[1]) Протоколы Сената.
[2]) Протоколы Сената.
[3]) Донесенія голландскихъ резидентовъ.
[4]) Протоколы Сената.
[5]) Протоколы Сената.
[6]) Пол. Собр. Зак. № 4335.
[7]) Пол. Собр. Зак. № 4047, 3885, 4538.
[8]) Пол. Собр. Зак. № 4168.

скому: „Напиши именной указъ, что если кто и на столько украдетъ, что можно купить веревку, то будетъ повѣшенъ“ [1]). — „Государь“, отвѣчалъ Ягужинскій: „неужели вы хотите остаться императоромъ одинъ безъ служителей и подданныхъ? Мы всѣ воруемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ больше и примѣтнѣе, чѣмъ другой“. Петръ разсмѣялся и ничего не сказалъ на это. Приведемъ еще нѣсколько рѣзкихъ примѣровъ въ другомъ родѣ. Давно уже извѣстный намъ дипломатъ, сенаторъ князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій, въ 1722 году, испыталъ непріятность, которую онъ такъ описывалъ императору. „Сего декабря 18 числа, по публичномъ вашего величества тріумфальномъ въѣздѣ (по возвращеніи изъ Персидскаго похода), былъ я при вашемъ величествѣ въ Преображенской съѣзжей избѣ, гдѣ, по отлученіи вашего величества, князь Иванъ Ромодановскій, умысля за партикулярную свою злобу, по факціямъ моихъ злохотящихъ, билъ меня и всякими скверными лаями лаялъ, называлъ меня воромъ и предателемъ государства, и будто ваше величество не только меня кнутомъ наказать, но и голову отсѣчь намѣреніе имѣть изволили; однакожъ я, опасаясь вашего величества гнѣву, во всемъ ему уступалъ и просилъ Гаврилу Ивановича (Головкина) и другихъ, дабы его отъ того удержали; и онъ, выпустя другихъ, велѣлъ снять съ меня шпагу и взять за арестъ, какъ сущаго вора, гдѣ мало не сутки былъ держанъ, и потомъ указомъ всемилостивѣйшей государыни императрицы свободился, и у вашего величества за учиненную мнѣ смертную обиду сатисфакціи просилъ, о чемъ нынѣ слезно прошу сотворить со мною милость, дабы мнѣ не остаться на-вѣки въ нестерпимомъ ругательствѣ, такожъ противъ всенародныхъ правъ учиненный публичный аффронтъ характеру тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и вашего величества кавалеріи безъ отмщенія отпустить не изволили. Помилуй, государь, не дай мнѣ безпорочный вѣкъ мой нынѣ при старости безвременно окончить въ безчестіи“ [2]).

Приведемъ и разсказъ другихъ лицъ объ этомъ событіи. Въ этотъ день у князя Ромодановскаго, въ Преображенскомъ Приказѣ, было, въ присутствіи императора, угощеніе для знатнѣйшихъ русскихъ вельможъ, и государь, уѣзжая оттуда, просилъ хозяина продолжать хорошенько поить гостей, хотя всѣ они были уже порядочно пьяны. Такъ какъ между княземъ Ромодановскимъ и княземъ Долгорукимъ существовала давняя непріязнь, и Долгорукій не хотѣлъ отвѣчать, какъ слѣдовало, на предложенный ему Ромодановскимъ тостъ, то оба старика, послѣ сильныхъ ругательствъ, схватились за волоса, и, по крайней мѣрѣ, полчаса били другъ друга кулаками, причемъ никто изъ присутствовавшихъ не потрудился рознять ихъ. Князь Ромодановскій, страшно пьяный, оказался, какъ разсказываютъ, слабѣйшимъ; однако послѣ драки велѣлъ своимъ караульнымъ арестовать Долгорукаго, который, въ свою очередь, когда его опять освободили, не хотѣлъ изъ-подъ ареста ѣхать домой и говорилъ, что будетъ просить удовлетворенія у императора. Но вѣроятно ссора эта ничѣмъ не кончится, потому что подобныя кулачныя схватки въ нетрезвомъ видѣ случаются здѣсь нерѣдко и остаются безъ послѣдствій. Новый порядокъ вещей высказывается здѣсь тѣмъ, что Долгорукій протестуетъ во имя всенародныхъ правъ противъ публичнаго аффронта, нанесеннаго дѣйствительному тайному совѣтнику и кавалеру (андреевскому). Мы видѣли, что членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, Степановъ, жалуясь на подканцлера Шафирова писалъ: „Я о моей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ не токмо побои, но и брани терпѣть“ [3]). Человѣкъ не обезпеченъ: начинаютъ стремиться обезпечивать себя чиномъ, ссылаясь на всенародныя права. Мы должны привѣтствовать это начинаніе, ибо тѣмъ же путемъ, т.-е. обращеніемъ болѣе и болѣе сильнаго вниманія на всенародныя права, общество мало-по-малу придетъ къ обезпеченію человѣка, какъ человѣка, а не совѣтника канцеляріи только.

Мало-по-малу, — ибо нравы народа не измѣняются указами. Но если дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ не былъ обезпеченъ отъ публичнаго аффронта, то что же приходилось терпѣть людямъ, которые не были даже и совѣтниками канцеляріи? Мы это видѣли, говоря о положеніи промышленныхъ людей. Если сановники, князья, въ личныхъ своихъ или родовыхъ ссорахъ позволяли себѣ публично позорить и бить другъ друга, не понимая какой вредъ наносятъ они всѣмъ своимъ, то нечего удивляться, что промышленные люди усобицами отягчали еще болѣе свое незавидное положеніе. Вотъ примѣръ: вятскій купецъ Александръ Шеинъ имѣлъ до 100,000 рублей капитала, и платилъ въ казну съ торговъ своихъ по 3,000 рублей пошлинъ. Поссорился онъ съ женою и вздумалъ, по старому обычаю, постричь ее. Тесть Шеина, Филатьевъ, узнавъ объ этомъ, обратился съ просьбою о помощи къ свойственнику своему, дьяку страшнаго Преображенскаго Приказа, Нестерову. Дьякъ помогъ: Шеина схватили и привели въ Преображенское, и сказали ему указъ, что онъ за поклепъ тещи своей, будто онъ испорченъ ея пронскомъ, довелся смертной казни. Благодаря Ништадтскому миру, Шеинъ остался съ головою, но былъ битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь навѣки, все имѣніе конфисковано. Когда, въ 1723 г., Петръ, узнавши о сильныхъ злоупотребленіяхъ въ Преображенскомъ, велѣлъ публиковать, чтобы всѣ объявили, какія кто обиды потерпѣлъ отъ дьяковъ Преображенскаго Приказа, то за Нестеровымъ нашлось много винъ; движимое имѣніе его импера-

[1]) Пол. Собр. Зак. № 4272.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 58; Берхгольцъ, II, 348, 340.

[3]) Исторія Россіи XVI.

торъ велѣлъ отдать московскихъ мяснымъ рядовъ старостамъ за мясо, взятое у нихъ безденежно въ Преображенское на кормъ звѣрямъ [1]).

Астраханскій губернаторъ Волынскій продолжалъ отличаться безцеремонностію своего обращенія съ ближними, подпалъ за это гнѣву Петра, но не унимался. Вслѣдствіе Персидской войны, онъ долженъ былъ въ своей губерніи имѣть дѣло съ двумя генералами, Кропотовымъ и Матюшкинымъ, съ которыми не преминулъ поссориться. Въ одномъ письмѣ, жалуясь на нихъ Петру, онъ разсказываетъ слѣдующее: „При семъ я и мою продерзость вашему величеству доношу: обрѣтается при Астраханскомъ портѣ мичманъ Егоръ Мещерскій, который подлинно дуракъ и пьяница, и не только не достоинъ быть мичманомъ, ни въ квартирмейстерахъ не годится, и никакого дѣла приказать ему невозможно, что самая правда; и которые морскіе офицеры его знаютъ, по совѣсти и чести своей въ томъ засвидѣтельствовать могутъ, что онъ таковъ, какъ я доношу. И такъ нынѣ многія шалости показавъ, взятъ былъ въ домъ къ генералу-лейтенанту г. Матюшкину для ихъ домашней забавы, гдѣ его публично держали за дурака и поили его, и вино на голову выливали, и зажигали, и мазывали его сажею, и прочія ему дѣлывали дурачествы, и онъ, при нихъ живучи, многихъ бранивалъ и бивалъ, что все терпѣли ему и упускали; между тѣмъ въ домѣ его, г. Матюшкина, увеселяя ихъ, выбранилъ и меня и жену мою, и дочь такою пакостною бранью, какой никому вытерпѣть нельзя, что, слыша, г. Матюшкинъ не токмо ему не возбранилъ, но еще и смѣялся, что зѣло мнѣ стало обидно, и для того я ему, г. Матюшкину, тогда же говорилъ, что мнѣ сія брань зѣло чувственна и я того не заслужилъ, и хотя ему, г. Матюшкину, гнѣвно будетъ, однакожь я такого ругапія для его дурака терпѣть не буду, на что онъ мнѣ самъ сказалъ, что онъ за дурака на меня сердиться не будетъ, какъ я хочу съ нимъ, Мещерскимъ, и потомъ, я, увидавъ, что отъ него, г. Матюшкина, сатисфакціи мнѣ никакой не учинено, примания его, Мещерскаго, къ себѣ и за то, что онъ мною другихъ веселилъ, сажалъ его на деревянную кобылу, понеже не могъ такого поношенія вытерпѣть“ [1]).

Женщины не уступали мужчинамъ въ продерзостяхъ. Въ 1722 году въ Тайной Канцеляріи держался дворцовый стряпчій Деревнинъ; ночью является туда царица Прасковья Ѳедоровна, отнимаетъ Деревнина у караульныхъ и начинаетъ его бить, служители ея жгутъ его свѣчами, обливаютъ голову и лицо крѣпкою водкой и зажигаютъ; несчастный сгорѣлъ бы, если бы караульные не погасили [3]).

Русскіе люди понимали, что́ должно служить противодѣйствіемъ всѣхъ этихъ продерзостей:—знаніе всенародныхъ правъ, могшее быть только слѣдствіемъ общей жизни съ другими образованными народами, которая обязывала къ образованію. Петръ зналъ это лучше другихъ и не хотѣлъ, чтобъ его дочери были похожи на царицу Прасковью Ѳедоровну: съ 1715 года царевенъ Анну и Елисавету ежедневно училъ пофранцузски Рамбуръ [4]). Молодой человѣкъ, пришлецъ, усыновленный въ Россіи, которому суждено было быть однимъ изъ первыхъ дѣятелей въ нашей младенческой литературѣ, князь Антіохъ Кантемиръ, въ 1724 году, обратился къ Петру съ самою доступною для Преобразователя просьбой. „Крайнее желаніе имѣю учится и склонность въ себѣ усмотряю чрезъ латинскій языкъ снискать науки, а именно—знаніе исторіи древнія и новыя, и географіи, юриспруденціи и что къ стату политическому надлежитъ; имѣю паки и къ математическимъ наукамъ немалую охоту, также между дѣлъ и къ миніатурѣ. Но понеже вышепомянутыя науки какъ рачительно снискиваются, такъ и удобнѣе пріобрѣтаются въ знаменитыхъ окрестныхъ государствъ академіяхъ, требуется къ нѣколиколѣтнему тамъ пребыванію и денежное иждивеніе, а сиротство мое и крайній въ деньгахъ недостатокъ сами собою вашему императорскому величеству довольно вѣдомы суть, того ради прошу хотя малое что на тамошнее иждивеніе пожаловать“ [5]).

Въ концѣ своего царствованія, Петръ отправилъ за границу и другого, впослѣдствіи знаменитаго труженика русской науки. Мы встрѣтились съ Татищевымъ на екатеринбургскихъ заводахъ, гдѣ Геннинъ умѣлъ отличить его способности. Петръ впрочемъ не исполнилъ желанія Геннина, не оставилъ Татищева начальникомъ заводовъ, а вызвалъ его въ Петербургъ. Самъ Татищевъ разсказывалъ, что Демидовъ обвинялъ его во взяточничествѣ. На вопросъ Петра, справедливо ли обвиненіе, Татищевъ отвѣчалъ: „Я беру; но въ этомъ ни предъ Богомъ, ни предъ вашимъ величествомъ не погрѣшаю“, и началъ разсуждать, что судья не виноватъ, если рѣшитъ дѣло какъ слѣдуетъ и получитъ за это благодарность; что вооружаться противъ этой благодарности вредно, потому что тогда въ судьяхъ уничтожится побужденіе посвящать дѣламъ время сверхъ узаконеннаго и произойдетъ медленность, тяжкая для судящихся. Петръ отвѣчалъ: „Правда; но позволить этого нельзя, потому что безсовѣстные судьи подъ видомъ доброхотныхъ подарковъ станутъ насильно вымогать“. Другіе современники передавали отвѣтъ Петра такъ: „Ты забылъ, что для добраго судьи служба есть священный долгъ, причемъ ему и въ мысль не приходитъ временная корысть, и что ты дѣлаешь изъ мзды, то онъ дѣлаетъ изъ добродѣтели“. Понятно,

[1]) Кабинетъ II, кн. № 77.

[2]) Письмо Волынскаго въ Государств. Архивѣ.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 58.

[4]) Письма разныхъ лицъ въ Государ. Архивѣ.

[5]) Кабинетъ II, кн. № 69. Есть извѣстіе, что Кантеміръ, когда ему было только 10 лѣтъ, поднесъ Петру сочиненную имъ проповѣдь на греческомъ языкѣ съ переводомъ на русскій. Царь остался очень доволенъ проповѣдію и, привезши мальчика въ воскресенье въ Заиконоспасскій монастырь, велѣлъ ему произнесть ее въ церкви съ каѳедры. Голикова, Дѣянія Петра В. IX, 50.

что Татищевъ долженъ былъ произвести на Петра такое же впечатлѣніе, какое произвелъ на Геннина: понравиться онъ ему не могъ, но въ то же время нельзя было отрицать у него большихъ способностей. Петръ не отправилъ Татищева на заводы, гдѣ онъ могъ прилагать свою теорію о *благодарности* судьямъ, но отправилъ въ Швецію для призыва потребныхъ къ горнымъ и минеральнымъ дѣламъ мастеровъ. При отъѣздѣ, Петръ поручилъ Татищеву: осмотрѣть знатныя строенія, работы, горные промыслы, заводы, денежное дѣло, кабинеты, библіотеки, особенно каналъ Обигскій; достать, по возможности, всему чертежи и описанія; взять изъ школъ молодыхъ Русскихъ людей и раздать въ Швеціи для наученія горному дѣлу; смотрѣть и освѣдомляться о политическомъ состояніи, явныхъ поступкахъ и скрытныхъ намѣреніяхъ Швеціи. Татищевъ возвратился въ Россію уже по смерти Петра и представилъ отчетъ о полезныхъ учрежденіяхъ въ Швеціи и о вредныхъ условіяхъ. Нанимать мастеровъ въ Швеціи его не допустили; онъ могъ принять въ русскую службу только одного мастера, умѣющаго рѣзать твердый камень и отбирать; но онъ успѣлъ раздать 16 русскихъ учениковъ на разные заводы. Въ 1723 году пріѣхали въ Петербургъ ученики, которые въ Парижѣ учились философіи: Иванъ Горлецкій, Тарасъ Посниковъ, Иванъ Каргопольскій. Петръ велѣлъ Синоду освидѣтельствовать ихъ въ наукахъ и опредѣлить къ дѣлу. Неизвѣстно, къ какого рода русскимъ ученикамъ въ Англіи относился указъ 1723 года: „Вѣдомо намъ учинилось, что нѣкоторые изъ васъ, будто боясь наказанія за непорядочное житье въ Англіи, опасаются ѣхать по нашему указу въ отечество: того для симъ всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ, чтобы по нашему указу, когда станетъ господинъ Гольденъ, купецъ англійскій, васъ отправлять въ Россію, чтобы безъ всякаго прекословья ѣхали въ отечество безъ всякой боязни, понеже мы всѣхъ, хотя кто что и непотребно сдѣлалъ, во всемъ прощаемъ и милостиво обнадеживаемъ, что никакого наказанія не понесутъ, но паче милостиво будутъ приняты, какъ уже нѣкоторые изъ васъ, пріѣхавъ сюда, дѣла свои, чему училисъ, отправляютъ и награждены нашимъ жалованьемъ и домами“ [1]).

Мысль о Русской Исторіи не переставала занимать Петра; если онъ видѣлъ по опыту Поликарпова, что рано было думать о ея сочиненіи,—по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ приготовить матеріалы къ великому дѣлу, и, въ февралѣ 1722 года, приказалъ изъ всѣхъ епархій и монастырей взять въ Москву въ Синодъ всѣ рукописи, заключающія въ себѣ лѣтописи, степенныя книги, хронографы и т. п., списать ихъ, списки оставить въ библіотекѣ, а подлинники отослать въ прежнее мѣсто, откуда взяты [2]). Составленіе исторіи своего времени Петръ поручилъ Ѳеофану Прокоповичу. Во время Персидскаго похода онъ думалъ объ исправленіи и пополненіи этой исторіи и пересылалъ Прокоповичу указанія. Прокоповичъ отвѣчалъ ему: „Что присланнымъ нынѣ вашего величества указомъ, въ достопамятной славныхъ вашего величества дѣлъ исторіи пополнить и исправить мнѣ повелѣно, то дѣломъ исполнить усердно тщуся. А понеже оная исторія не безтрудно собиралась и не безъ того чаю, что иныя славныя и знатныя дѣла невѣдѣніемъ или небреженіемъ журналистовъ и безъ описанія оставлены суть: того ради пришло мнѣ нынѣ на мысль, дабы нынѣшній вашего величества походъ обстоятельне былъ описанъ и что гдѣ знатное и къ исторіи достойно случится, не оставлено бы было, но все бы записывано съ надлежащими обстоятельствы, а удобный къ тому способъ видится мнѣ сей: чтобы повелѣно было наблюдать всѣхъ сихъ случаевъ и дѣйствъ адъютантамъ или кому то наипаче прочихъ свойственно есть, и, наблюдая вся сія, описывать имъ или объявлять опредѣленнымъ на то собственнымъ журналистамъ, а тѣ записки сообщалися-бъ обрѣтающемуся при вашемъ величествѣ въ ономъ походѣ Лаврентію, архимандриту Воскресенскому, который содержать сіе можетъ и записывать будетъ безъ всякаго украшенія простымъ стилемъ, изъ чего можно будетъ своимъ временемъ и съ украшеніемъ исторію сію собрать“ [3]).

Спеціальныя школы продолжали возникать вслѣдствіе сознанія той или другой потребности. Въ новыхъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ нельзя было обойтись безъ знающихъ дѣлопроизводителей, иностранцы были крайне неудобны, посланныхъ за-границу молодыхъ Русскихъ было очень недостаточно, и, въ ноябрѣ 1721 года, Петръ предписалъ: „учинить школу, гдѣ учить подьячихъ ихъ дѣлу; а именно—цыфири и какъ держать книги, ко всякому дѣлу пристойныя, и кто тому не выучится, къ дѣламъ не употреблять; къ сему ученью опредѣлить, а именно: ариѳметику, форму книгамъ, табели, стиль письма и прочее, что доброму подьячему надлежитъ, куды-бъ приказные люди дѣтей своихъ повинны были отдавать, також изъ стороны кто похочетъ быть приказнымъ; також учиться опредѣленнымъ въ коллегію молодымъ дворянамъ, и сіе въ Сенатѣ опредѣлить“ [4]). Выраженіе о молодыхъ дворянахъ при коллегіяхъ имѣетъ тотъ же смыслъ, какой мы видѣли уже въ наказѣ герольдмейстеру, гдѣ сказано: „Пока академіи исправятся, чтобы краткую школу сдѣлать, дабы отъ всякихъ знатныхъ и среднихъ дворянскихъ фамилій обучать экономіи и гражданству“.

„Пока академіи исправятся“, т. е. пока академіи дадутъ возможность имѣть образованныхъ молодыхъ людей для гражданской службы. Что же это были за академіи? О нихъ объявился указъ 28 ян-

[1]) Кабинетъ II, кн. №№ 71, 81; I, №№ 31, 53. Голиковъ—Допол. къ Дѣяніямъ П. В. XVII. 349.
[2]) Пол. Собр. Зак. № 3908.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 61.
[4]) Пол. Собр. Зак. № 3845.

варя 1724 года [1]), изданный слѣдовательно ровно за годъ до смерти Преобразователя: „Учинить академію, въ которой бы учились языкамъ, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ и переводили бы книги. На содержаніе оныхъ опредѣлить доходы, которые сбираются съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, таможенныхъ и лицентныхъ 24,912 рублей. Къ расположенію художествъ и наукъ употребляются обычайно два образа зданія: первый образъ называется университетъ; второй—академія, или социететъ художествъ и наукъ. Понеже нынѣ въ Россіи зданіе къ возращенію художествъ и наукъ учинено быть имѣетъ, того ради невозможно, чтобъ здѣсь слѣдовать въ прочихъ государствахъ принятому образу, но надлежитъ, смотря по состоянію здѣшняго государства, какъ въ разсужденіи обучающихъ, такъ и обучающихся, и такое зданіе учинить, чрезъ которое бы не токмо слава сего государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась, но и чрезъ обученіе и расположеніе оныхъ польза въ народѣ впредь была. При заведеніи простой академіи наукъ обои намѣренія не исполнятся, ибо хотя чрезъ оную художества и науки въ своемъ состояніи производятся и распространяются, однакожь-де оныя не скоро въ народѣ расплодятся, а при заведеніи университета меньше того, ибо когда разсудить, что еще прямыхъ школъ, гимназіевъ и семинаріевъ нѣтъ, въ которыхъ бы молодые люди началамъ обучиться и потомъ выше градусы наукъ воспріять и угодными учинить себя могли, то невозможно, дабы при такомъ состояніи университетъ нѣкоторую пользу учинить могъ. И тако потребнѣе всего, чтобъ здѣсь такое собраніе заведено было, ежелибъ изъ самолучшихъ ученыхъ людей состояло, которые довольны (способны) суть: 1) науки производить и совершить, однакожъ-де тако, чтобъ они тѣмъ наукамъ 2) молодыхъ людей публично обучали, и чтобъ они 3) нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментъ всѣхъ наукъ паки обучать могли. И такимъ бы образомъ одно зданіе съ малыми убытками тоеже бы съ великою пользой чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ" (академія, университетъ и гимназія).

„Невозможно, чтобъ здѣсь слѣдовать въ прочихъ государствахъ принятому образу". Невозможность эта проистекла отъ неразвитости Россіи. Въ маленькомъ мѣстечкѣ, потребности жителей котораго очень ограничены, промышленность и торговля далеко не обширны,—въ одной лавкѣ продается все нужное, и предметы роскоши для богатаго, и предметы первой необходимости для каждаго самаго бѣднаго. Начинаетъ мѣстечко рости, увеличивается народонаселеніе, увеличиваются его потребности, и первоначальная лавка, гдѣ прежде продавалось все вмѣстѣ, теперь раздѣляется на нѣсколько лавокъ, гдѣ продаются только извѣстные роды товаровъ,—происходитъ такимъ образомъ развитіе, доходящее въ большихъ городахъ до высшей степени. Этотъ законъ развитія есть законъ общій явленіямъ народной жизни, и благо правительствамъ, которыя нейдутъ противъ этого закона, умѣютъ содѣйствовать правильному развитію, но боятся торопить развитіе. Такой неразвитой Россіи первой четверти XVIII вѣка удовлетворяло учрежденіе, которое долженствовало быть академіею наукъ, университетомъ, педагогическимъ институтомъ и гимназіею вмѣстѣ, долженствовало быть сѣменемъ, изъ котораго впослѣдствіи развились бы всѣ эти учрежденія.

Неразвитость относительно школъ высказывалась въ описываемое время и въ томъ, что академія, основанная въ Москвѣ до Петра и носившая, по условіямъ общественнаго развитія, смѣшанный церковно-гражданскій характеръ, удерживала его и теперь, несмотря на законъ объ учрежденіи академіи съ чисто гражданскимъ характеромъ. Необходимость для московской академіи сохранить свой прежній характеръ условливалась преимущественно тѣмъ, что петербургскаго учрежденія было мало для громадной Россіи.

Новая академія, по указу Петра, должна была заниматься и переводомъ книгъ; но пока академія не устроилась, этимъ дѣломъ долженъ былъ заниматься новоучрежденный Синодъ. Заботы о переводѣ нужныхъ книгъ Петръ попрежнему не покидалъ нигдѣ и ни для чего. Находясь въ Астрахани для Персидскаго похода, въ іюлѣ 1722 года, Петръ писалъ въ Синодъ: „Книгу, которую переводилъ Савва Рагузинскій о Славенскомъ народѣ съ итальянскаго языка (Orbini i regno degli Slavi), другую, которую переводилъ князь Кантемиръ о магометанскомъ законѣ, ежели напечатаны, то пришлите сюда, не мѣшкавъ; буде же не готовы, велите немедленно напечатать и прислать". Въ октябрѣ 1724 года Петръ писалъ въ Синодъ: „Посылаю при семъ книгу Пуфендорфа, въ которой два трактата: первый—о должности человѣка и гражданина, другой—о вѣрѣ христіанской; но требую, чтобъ первый токмо переведенъ былъ, понеже въ другомъ не чаю къ пользѣ нужда быть". Къ тому же времени относится другая любопытная собственноручная записка въ Синодъ, въ которой ярко обрисовался человѣкъ: „Указъ трудящимся въ переводѣ экономическихъ книгъ: понеже Нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобъ велики казались, чего, кромѣ самаго дѣла и краткаго передъ всякою вещію разговора, переводить не надлежитъ, но и вышереченный разговоръ, чтобъ не праздной ради красоты, но для вразумленія и наставленія о томъ чтущему былъ, чего ради и о хлѣбопашествѣ трактатъ выправить (вычерня негодное), и для примѣру посылаю, дабы по сему книги предложены были безъ лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и у чтущихъ охоту отъемлютъ". Къ послѣднимъ годамъ жизни относятся и заботы

[1]) Полн. Собр. Зак. № 4443.

Петра о драгоцѣнной патріаршей библіотекѣ, переименованной теперь въ синодальную: въ началѣ 1723 года Синодъ получилъ указъ напечатать немедленно и представить императору каталогъ рукописей этой библіотеки, составленный Скіадою; весной 1724 года Петръ велѣлъ содержать библіотеку особливо отъ ризницы, „а не купно съ нею имѣть, какъ прежде сего донынѣ было". Искусства попрежнему не забывались: въ 1723 году директору отъ строеній велѣно архитектурныхъ учениковъ, находящихся въ Римѣ, Усова и Еропкина, взять въ Петербургъ, а вмѣсто нихъ послать въ Италію двухъ же „добрыхъ робятъ".

Крайне нуждаясь сама въ учителяхъ, заводя академію наукъ, которая въ то же время была университетомъ и гимназіею, Россія должна была заботиться и о просвѣщеніи другихъ славянскихъ народовъ. Сербскій архіепископъ Моисей Петровичъ, пріѣхавшій въ Россію поздравить Петра съ Ништадтскимъ миромъ, привезъ отъ своего народа просьбу, въ которой Сербы, величая Петра новымъ Птоломеемъ, умоляли прислать двоихъ учителей, латинскаго и славянскаго языка, также книгъ церковныхъ: „Будь намъ второй апостолъ, просвѣти и насъ, какъ просвѣтилъ своихъ людей, да не скажутъ враги наши: гдѣ есть Богъ ихъ"? Петръ велѣлъ отправить книгъ на 20 церквей, 400 букварей, сто грамматикъ. Синодъ долженъ былъ сыскать и отправить въ Сербію двоихъ учителей, которымъ полагалось по 300 рублей жалованья человѣку [1]).

Синодъ переживалъ трудное время, время начальной дѣятельности, и въ какую эпоху! Въ сентябрѣ, 1723 года объявлена была грамота Антіохійскаго и Константинопольскаго патріарховъ, признававшихъ Синодъ [2]); но, въ то же время, Ѳеодосій, архіепископъ Новгородскій, представъ его императорскому величеству, докладывалъ: 1) О безсиліи Синода, которое происходитъ оттого, что сообщаемыя въ Сенатъ вѣдѣнія и посылаемые въ коллегіи и канцеляріи многіе указы оказываются недѣйствительными; отъ учрежденія Синода, съ 1721 года, на сообщенныя въ Сенатъ вѣдѣнія, которыхъ больше ста, и на посланные въ коллегіи и канцеляріи многіе указы не только дѣйствительнаго исполненія, но и отвѣтовъ долгое время не получалось. 2) По сообщенному въ Сенатъ вѣдѣнію, генералъ-рекетмейстеръ Павловъ, который подозрѣвается въ расколѣ, въ Синодъ не присланъ. 3) Генералитетъ, который взыскиваетъ доимки, не допускаетъ синодальныхъ служителей собирать настоящіе доходы на этотъ годъ, отчего происходитъ остановка. Императоръ, выслушавши докладъ, велѣлъ сказать въ Сенатѣ именной указъ, чтобъ по всѣмъ вышеозначеннымъ пунктамъ Синодъ получилъ удовлетвореніе и генералъ-рекетмейстеръ былъ отправленъ въ Синодъ немедленно [3]). По смерти Стефана Яворскаго, Синодъ не получилъ другого президента. Это званіе сначала было установлено на основаніи значенія Синода, какъ духовной коллегіи; но Синодъ немедленно же выдался изъ ряда другихъ колегій и сталъ наравнѣ съ Сенатомъ, который не имѣлъ президента; уничтожено было и названіе митрополита, которое предполагало подчиненіе ему другихъ архіереевъ, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Важное затрудненіе въ первые годы представлялъ вопросъ о жалованьи синодальнымъ членамъ. Оклады имъ, по тому времени, были значительные: вице-президентъ получалъ 2,500 рублей, совѣтникъ 1,000, ассесоръ 600 рублей. Но откуда брать деньги? Табельные доходы были всѣ распредѣлены, и въ 721 и въ 722 годахъ синодальные члены и приказные служители должны были получать жалованье изъ собранныхъ въ Синодъ денегъ съ раскольниковъ, съ неисповѣдывавшихся, изъ штрафныхъ денегъ и лазаретныхъ [4]). Но въ январѣ 1723 года Синодъ получаетъ грозный указъ: „Понеже вѣдомо намъ учинилось, что Монастырскимъ Приказомъ, который въ вѣдѣніи синодскомъ, великая сумма въ положенныя мѣста не дослана, отъ которой недосылки полевой арміи бѣднымъ солдатамъ въ дачѣ жалованья учинилась остановка и не получаютъ уже близко года, а иные и по году, того для пока та недосланная сумма въ опредѣленныя мѣста отъ васъ не выплатится, по то время денежнаго жалованья, какъ себѣ, такъ и прочимъ вашимъ подчиненнымъ и по монастырямъ чернецамъ (также и на строеніе) давать запрещается, кромѣ хлѣба и прочихъ нужныхъ необходимыхъ потребъ, что къ пропитанію надлежитъ". Синодъ отвѣчалъ: „По оному вашего величества указу о собраніи и платежѣ оной недосланной суммы (что хотя и не отъ синодскаго неисправленія, но отъ неудовольствованія изъ Камеръ-Коллегіи книгъ и отъ неприсылки изъ Сената потребныхъ къ тѣмъ сборамъ офицеровъ и царедворцевъ учинилось) попеченіе Синодъ всегда имѣлъ и имѣетъ со всякимъ усердіемъ и нынѣ о томъ указами подтверждаетъ и жестокимъ прещеніемъ; а о дачѣ жалованья, также и о строеніи доноситъ: понеже въ строеніяхъ находится гошпиталь лѣчебная, по именному вашего величества указу въ Москвѣ строящаяся, на которую нѣсколько казны уже и употреблено и еще требуется и преминуть того нельзя; также и изъ членовъ и служителей синодскихъ свѣтскаго чина, кромѣ опредѣленнаго имъ жалованья, никакихъ доходовъ всеконечно не имѣющіе обрѣтаются, которымъ нынѣ сказано ѣхать въ С.-Питербурхъ, а подняться весьма безъ дачи жалованья невозможно". Петръ написалъ: „Дать жалованья на полгода, которые ѣдутъ въ Питербурхъ, тѣмъ, которые вотчинами не владѣютъ, но токмо съ жалованья одного пропитаніе имѣютъ". Ѳеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ

---

[1]) Указы Петра В. въ Синодальномъ Архивѣ; Кабинетъ I, кн. № 53. Протоколы Сената 1724 г.; Голиковъ—Дѣянія Петра В. 110.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 4310.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 61.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 64.

Псковскій, обратился къ императору съ просьбою: „Побуждаемый скудостію моею и уповая на отческое милосердіе вашего величества, дерзаю всемилостивѣйшаго моего государя турбовать симъ моимъ прошеніемъ. Врученная мнѣ епархія велми скудна; въ прошломъ году писано ко мнѣ изъ дома архіерейскаго, что по раздачѣ церковнымъ и домовымъ служителямъ осталось денегъ рубль тридцать алтынъ и четыре деньги. А домъ я засталъ весьма нагій и пометеный. И тако на едино хлѣбородіе нѣкая осталась-было надежда, но и того скудно: триста дворовъ сказуютъ на лице насилу сыщется; моромъ пустоты много сдѣлалося. И еще чрезъ нѣсколько лѣтъ прежде меня и при мнѣ великій недородъ былъ. Ещежь бы сноснѣйшая скудость была въ Псковѣ; но понежѣ жить велѣно въ С.-Петербургѣ (что мнѣ благопріятно и радостно есть), то и иждивеніе стало не по доходамъ; пиво, дрова, иногда же и сѣно покупаемъ, негдѣ скотины держать, некуда лошадей выгнать. Села подмосковныя (которыя мнѣ всемилостивѣйшій государь пожаловалъ) еще мнѣ никакого доходу (кромѣ сѣна для лошадей) не показали ради великаго прошлолѣтняго неплодствія; и понежъ нужда явилася покупать лошадки и прочую скотину для навозу и другихъ потребъ, то еще и убытокъ сталея; вся польза, какова-то будетъ, еще въ надеждѣ и ожиданіи, и если бы ваше императорское величество не пожаловалъ меня изначала нѣсколько тысячьми рублевъ, воистину бы крайняя нужда и изначала была. Нынѣ вся была надежда на синодское жалованіе. А симъ деньгамъ было бы у меня иное мѣсто: робятъ маленькихъ до двадцати человѣкъ учу, кормлю и одѣваю, да и библіотеку порядочную собираю, на тысячу шестьсотъ рублевъ уже книгъ купилъ, и если я могу, никогда куповать не перестану, и и служа таковой прихоти моей, служу, кажется, и общей пользѣ; никому никогда (хотя бы крайняя нужда) библіотеки продавать не мышлю, но по мнѣ будетъ тамъ, гдѣ государь повелитъ. А нынѣ и жалованіе давать не велѣно: и такъ я въ самую крайнюю нужду пришелъ. На извѣстной вашего величества милости уфундовалъ упованіе, занялъ въ Синодѣ въ прошломъ году 3,200 рублевъ, надѣяся выплатить изъ жалованныхъ денегъ, упросивъ срокъ четырехъ годовъ, и купилъ домъ, хотя еще нужной пристройки требующій. А нынѣ, по предложенію г. оберъ-прокурора синодальнаго, домогаются на мнѣ выплаты долга того, когда я ничего не имѣю, и жалованья лишенъ сталъ". Въ январѣ 1724 г. состоялся именной указъ: „если члены Синода могутъ изъ своихъ епархій, монастырей и церквей получать изъ остающихся за расходомъ денегъ сумму, равную положенному имъ жалованью, то пусть получаютъ и въ такомъ случаѣ жалованья уже не требуютъ; если же этихъ денегъ по окладу не достанетъ, или вовсе ничего не придетъ, то должны просить и получать изъ государственной суммы" [1]).

[1]) Кабинетъ II, кн. № 65; I, кн. № 31. По доношенію Өеофана Прокоповича, епархія его доставила ему въ 1721 году 1,031 рубль 15 алтынъ, но что изъ нихъ было израсходовано 1,029 рублей на нужды его каөедры. Синодал. Архивъ, дѣла 1722 г. № 351. П. Собр. Зак № 4407.

Өеофанъ Прокоповичъ упоминаетъ о оберъ-прокурорѣ синодальномъ. 11 мая 1722 года государь указалъ Сенату: „Въ Синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, чтобъ имѣлъ смѣлость и могъ управленія синодскаго дѣла знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ, и дать ему инструкцію, примѣняясь къ инструкціи генералъ-прокурора". Выбранъ полковникъ Болтинъ [2]). Подчиненные Синоду приказы были: 1) Духовная дикастерія въ Москвѣ, гдѣ управителемъ былъ синодальный совѣтникъ—архіепископъ Крутицкій, ассесорами три архимандрита. 2) Монастырскій Приказъ, гдѣ управителемъ былъ судья, при немъ совѣтникъ и два ассесора—всѣ свѣтскіе. 3) Приказъ Церковныхъ Дѣлъ, гдѣ былъ судья архимандритъ, и при немъ игуменъ. 4) Канцеляріи розыскныхъ раскольничьихъ дѣлъ [3]). При Сенатѣ находился *духовнаго Синода агентъ* [4]). Члены Синода нерѣдко призывались въ Сенатъ для общихъ совѣщаній, секретныхъ и несекретныхъ. Иногда при этихъ засѣданіяхъ присутствовалъ самъ государь. Такъ было 12 апрѣля 1723 года, когда было разсуждаемо и постановлено: когда кто сговоритъ для вступленія въ бракъ, то отцовъ и матерей жениха и невѣсты приводить къ присягѣ, что бракъ заключается по согласію ихъ дѣтей; изъ нижнихъ чиновъ люди даютъ эту присягу при священникахъ и судьяхъ свѣтскихъ, а знатные—при синодальныхъ членахъ и архіереяхъ. Въ домахъ господскихъ церквей строить не позволять; въ монастыряхъ церквамъ быть: одной соборной, другой—теплой, третьей—больничной, чтобы больше службъ не было, а прочія церкви оставить развѣ для праздниковъ годовыхъ. При этомъ Новгородскій архіерей Өеодосій предлагалъ, что больше трехъ церквей не нужно потому, что иконостасы, церковные уборы и кровли тратятся. Больныхъ солдатъ, которые посланы будутъ въ монастыри, причитать вмѣсто убылыхъ старцевъ и содержать ихъ въ монастыряхъ; а кто въ монастыряхъ жить не захочетъ, тѣмъ корму не давать. Меншиковъ замѣтилъ, что этого нельзя сдѣлать, потому что многіе больные имѣютъ женъ. Въ этомъ же засѣданіи опредѣлено было принять энергическія мѣры для поддержанія Православія въ польскихъ областяхъ, именно: Өеодосій Новгородскій предложилъ объ утѣсненіяхъ Православныхъ въ Могилевѣ. Петръ отвѣчалъ, что надобно туда опредѣлить коммисара для наблюденія, и если гоненіе не уймется, то съ гонителями надобно управиться какъ пристойно; въ то мѣсто, гдѣ Православные, послать резидента, который долженъ купить дворъ и построить для Православныхъ церковь. Постановлено также: въ мо-

[2]) Протоколы Сената.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 64.

[4]) Протоколы Сената.

настыряхъ и церквахъ надгробные камни опустить въ землю и надписать наверху ихъ, кто погребенъ, и который камень останется—употребить на мощеніе и на починку церквей; въ монастыряхъ женскихъ сдѣлать госпитали и перевесть женскіе монастыри туда, гдѣ каменныя ограды. Тутъ же Синодъ предложилъ: раскольникамъ носить платье, какъ и бородачамъ, старинное, кромѣ красныхъ цвѣтовъ, потому что при томъ платьи для признаку раскольники должны носить красные козыри. Государь согласился на это предложеніе [1]).

При самомъ учрежденіи своемъ Синодъ долженъ былъ заниматься извѣстнымъ намъ дѣломъ о разводѣ Салтыковыхъ [2]), дѣломъ новымъ и труднымъ. По поводу этого дѣла Ѳеодосій Новгородскій писалъ императрицѣ Екатеринѣ: „Всенижайше доношу вашему величеству о дѣлѣ г. Салтыкова съ женою его, которые хотятъ, чтобы дѣло по ихъ желанію было сдѣлано, а виноватаго-бъ не было, къ томужъ и чести своей очень берегутъ и одинъ другому не уступаетъ; когда она подала челобитную на мужа въ Синодъ, тогда его въ С.-Петербургѣ не было, а когда онъ прибылъ, тогда она изъ С.-Петербурга провалилась, а онъ безъ нея не хочетъ противъ ея челобитья отвѣтствовать, отъ чего немалая въ Синодѣ трудность. И ежели впредь такъ будутъ поступать, то намъ нечѣмъ будетъ и начать. Не изволите ли ваше величество увѣдомиться чрезъ царевну, герцогиню Курляндскую, о ея, Салтыковой, отъ мужа въ Митавѣ, побояхъ, такожде и у доктора ея высочества, который ежели ее, Салтыкову, послѣ тѣхъ побоевъ пользовалъ лѣкарствами; секретарю вашего величества взять бы сказку за рукою онаго доктора, которая бы намъ къ рѣшенію дѣла много помогла, понеже побоевъ смертныхъ и несмертныхъ никто такъ тонко не можетъ разсуждать, какъ доктора. Сіе написавъ, ежели что непристойное, всенижайше прошу прощенія“ [3]). Въ этомъ любопытномъ письмѣ скрываются причины той медленности, какою отличалось тогда наше судопроизводство. Отецъ Салтыковой, князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій, также въ письмѣ къ императрицѣ указываетъ на другія причины медленности: „Всѣмъ обидимымъ милостивая мать! Извѣстно вашему величеству, какія дочь моя отъ мужа своего нестерпимыя обиды и смертные побои терпѣла и совсѣмъ ограблена, и нынѣ безъ всякаго милостиваго страждетъ разсужденія, что еще по се время не только праваго рѣшенія и ни начала по неусыпному моему прошенію въ ея извѣстномъ дѣлѣ нѣтъ, когда многія противныя сильныя особы людей въ пользу его просятъ и принуждаютъ; а моего никакого истиннаго прошенія принять не хотятъ и къ себѣ ни съ какою истиною меня не допускаютъ; того ради, помянутый зять мой въ Москвѣ и по деревнямъ всегда ѣздитъ и донынѣ гуляетъ и веселится, и мнѣ ругается, и я съ моею фамиліею въ слезахъ едва живъ обрѣтаюсь, что по се время ни въ которой коллегіи ни единаго моего праваго дѣла окончить, ни правымъ, не виноватымъ учинить не хотятъ, токмо безстыдно все продолжаютъ до того времени, чтобъ я отсюды по прежнему отъѣхалъ“ [4]).

Главными обязанностями новоучрежденнаго Синода, по мысли учредителя, были: устройство духовенства, преимущественно чернаго, противодѣйствіе расколу, преслѣдованіе суевѣрій и распространеніе религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ народѣ.

Мы видѣли, что древняя Россія передала новой монашество въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, рѣзко засвидѣтельствованномъ церковнымъ и гражданскимъ правительствами. Мѣры, принятыя Преобразователемъ для исправленія зла, не имѣли успѣха: только ярче выказали зло, онѣ возбудили сильную вражду къ Преобразователю, который, разумѣется, отвѣчалъ тѣмъ же чувствомъ. Отъ 1722 г. осталось написанное рукою Петра толкованіе заповѣдей; на одной сторонѣ написаны заповѣди, на другой—какіе грѣхи противны тому. Противъ 1-й заповѣди написано: „Идолопоклонники и атеисты“. Противъ 2-й: „Кто страха Божія не имѣетъ и все почитаетъ легко, другіе отъ незнанія ученія“. Противъ 3-й: „Тѣжъ, о которыхъ во второмъ пунктѣ писано, и презорцы и лѣнивые“. Противъ 4-й: „Тожъ, что во 2-мъ и 3-мъ. 5—„Разбойники и имъ подобные“. 6. „Есть отъ тѣхъ же страха Божія неимущихъ, есть отъ нужды, есть отъ великаго вожделѣнія“. 7—„Тати“. 8—„Бездушники“. 9—„Ябедники“. 10—„Они-жь“. „Описавъ всѣ грѣхи противъ заповѣдей, единъ токмо нахожу грѣхъ лицемѣрія или ханжества необрѣтающійся—чего для? Того ради, понеже заповѣди суть разны и преступленія разны противъ каждой, сей же грѣхъ всѣ вышеписанные въ себѣ содержитъ. Противъ первой грѣхъ есть атеиство (атеизмъ), который въ ханжахъ есть фундаментомъ, ибо первое ихъ дѣло сказывать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса всѣ вымышленныя; и когда сами они вымыслили, то вѣдаютъ уже, что не Богъ то дѣлалъ, но они; какая же вѣра въ оныхъ; а когда оной нѣтъ, то суть истинные атеисты. Противъ второй страха Божія неимущіе, понеже когда лгутъ на Бога, какой уже страхъ Божій въ нихъ обрѣстися можетъ? Противъ третей: сія равна второй, къ томужъ прилагается: *святи его*, сирѣчь молися; молитва же отъ ханжей пріятна ли Богу, которая во лживыхъ чудесахъ и фарисейскихъ мѣстахъ и атеистовской совѣстью исполнена! Противъ четвертой: можетъ быть, что натуральныхъ отцовъ нѣкоторые почитаютъ (но сіе на удачу), но пастырей, иже суть вторые по натуральныхъ отцы отъ Бога опредѣлены, какъ почитаютъ? когда первое ихъ мастерство въ томъ, чтобы по послѣдней мѣрѣ ихъ обманутъ, а вящи тщатся бѣдство имъ приключить

[1]) Протоколы Сената.
[2]) Исторія Россіи, XVI.
[3]) Письмо въ Государ. Архивѣ.
[4]) Письмо въ Государ. Архивѣ.

подчиненныхъ пастырей оболганіемъ у вышнихъ, и вышнихъ всѣяніемъ въ народъ хульныхъ про оныхъ словъ, подвизая ихъ къ бунту, какъ многихъ головы на кольяхъ свидѣтельствуютъ. Противъ пятой: который на свѣтѣ разбойникъ только можетъ людей погубить какъ заводчикъ бунта, и все то чинятъ образомъ святыни, подъ видомъ агнца, прикрытые его кожей. На шестую: какъ бы могъ мужъ незнакомаго человѣка къ женѣ допустить, и особливо бодраго и хорошаго, а ханжу еще и подъ руку принявъ, отведетъ для благословенія и пророчества, и, провожая назадъ, руки выцѣлуетъ и накланяется, считая за великую себѣ добродѣтель (что такого адскаго сына въ свояки себѣ принялъ). На седьмую: не токмо одною рукой, но духомъ и обоими все крадутъ. На восьмую: въ семъ ихъ мастерство состоитъ, какъ выше писано. На девятую и десятую: сіе все безъ разбору, понеже чѣмъ бы имъ питаться какъ слѣдуетъ? Скажутъ, что явилась икона гдѣ въ лѣсу или на иномъ мѣстѣ и явленіе было, чтобъ на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню, а монастырю безъ деревень быть нельзя, какъ недавно такое дѣло было въ Преображенскомъ, что два крестьянина пришли и сказали такое явленіе, чтобъ построить монастырь и господина ихъ деревню тутъ отдать. И тако сей грѣхъ все въ себѣ содержитъ; а изъ грѣховъ прочихъ не каждый можетъ, напримѣръ, колибъ разбойникъ сталъ ханжить, ктобъ его въ артель принялъ? Когда-бъ изъ шумницъ (пьяницъ) кто пришелъ на кабакъ святымъ образомъ и не сталъ бы пить и шалить съ ними, всѣ-бъ отъ него побѣжали; когда-бъ охотникъ молодой до Венуса пришелъ бы въ компанію дѣвицъ въ ханжескомъ образѣ, то ни у одной бы дружбы не сыскалъ. Когда-бъ тать такъ себя учинилъ, товарищей бы не нашель, понеже чаяли-бъ, что ихъ искушаетъ. Наконецъ Христосъ Спаситель ничего апостоламъ Своимъ боятися не велѣлъ, а сего весьма велѣлъ; блюдитеся, рече, отъ кваса фарисейскаго, еже есть лицемѣріе"[1]).

Петръ велѣлъ доставить точныя вѣдомости о числѣ монаховъ и монахинь, и обдумывалъ мѣры, какъ бы ограничить число ихъ и оставшимся дать достойную дѣятельность. Оказалось во всѣхъ епархіяхъ монаховъ 14,534 человѣка, монахинь 10,673, всего 25,207[2]). Въ ноября 1722 года была конференція у сенаторовъ съ синодальными членами о прокормленіи отставныхъ офицеровъ и солдатъ въ монастыряхъ; архіепископъ Новгородскій говорилъ, что ихъ довольствовать въ Синодѣ не-изъчего; господа Сенатъ разсуждали, чтобъ ихъ довольствовать изъ выбылыхъ монашескихъ окладовъ и изъ сбору съ раскольниковъ; синодальные члены говорили, что эти сборы опредѣлены уже на канцелярскихъ служителей; опредѣлили доложить государю. Тутъ же Ѳеодосій Новгородскій поднялъ вопросъ, слѣдуетъ ли постригать молодыхъ людей въ монахи[3]). Когда эти мнѣнія были доложены государю, то въ январѣ 1723 года изданъ былъ указъ: „Впредь отнюдь никого не постригать; и сколько изъ обрѣтающагося нынѣ числа оныхъ монаховъ и монахинь будетъ убывать, о томъ въ Синодъ репортовать повсемѣсячно, и на тѣ убылые мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ"[4]).

По возвращеніи изъ Персидскаго похода, Петръ прилежнѣе занялся дѣломъ о монашествѣ. Основная мысль уже высказалась въ январѣ 1723 года въ указѣ о московскомъ Чудовѣ монастырѣ: „Имѣть монаховъ такихъ, которые достойны-бъ были къ произведенію на начальства духовныя; а которые тамо суть подъ стѣною токмо стоящіе,—тѣхъ въ иные переводить монастыри, въ которыхъ монахи своими питаются трудами"[5]). Наконецъ, послѣ многократныхъ *черченій* (исправленій), первоначальной записки, Петръ такъ высказалъ взглядъ свой на монашество и его происхожденіе: „Монашество явилось во-первыхъ отъ людей, уединенія по совѣсти желающихъ, и безъ всякой страсти или мнѣнія, якобы невозможно въ мірѣ спастись, но ради токмо природной къ тому склонности; другіе мучителей и гонителей ради укрывались и невольно, хотя соблюсти душу свою. Монастыри же—въ тѣхъ же пустыняхъ имѣли и такимъ же правиломъ яко и уединенные жили, не требуя прочіихъ трудами туне насыщитися. Когда Греческіе императоры нѣкоторые, покинувъ свое званіе, ханжить начали, и паче ихъ жены, тогда нѣкоторые плуты къ онымъ подошли и монастыри уже въ самыхъ городахъ строить испросили и денежныя помочи требовали, еще же горше, яко не трудитися, но трудами другихъ туне питатися восхотѣли, къ чему императоры весьма склонны явились и великую часть погибели самимъ себѣ и народу стяжали,—на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря даже до Царягорода на 30 верстахъ съ 300 монастырей было, и такъ какъ отъ прочаго несмотрѣнія, такъ и отъ сего въ такое бѣдство пришли: когда Турки осадили Царьгородъ, ниже 6,000 человѣкъ воиновъ сыскать могли. Сія гангрена и у насъ зѣло было распространяться начала подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ, но еще Господь Богъ прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ, которые (т.-е. русскіе) въ умѣренности оныхъ держали. Могутъ ли у насъ монахи имя свое дѣломъ исполнить?—но сего весьма климатъ сѣверный нашея страны не допускаетъ и безъ трудовъ своихъ или чужихъ весьма пропитатися не могутъ. Нужда въ нынѣшнемъ монашествѣ имѣется трехъ ради винъ: 1) ради удовольствованія прямою совѣстію оное желающихъ; 2) для архіерейства, понеже не позволено быти, кромѣ монаховъ, хотя прежде съ 300 лѣтъ по Христѣ не монахи были и многія чудеса на Соборахъ явили; 3) при-

[1]) Кабинетъ I, кн. № 31.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 64. Репортъ доставленъ въ октябрѣ 1724 г.
[3]) Протоколы Сената.
[4]) Полн. Собр. Зак. №№ 4151, 4183.
[5]) Указы Петра въ Синодал. Архивѣ.

мѣра ради апостола Павла, который хотя обрѣзаніе и отрѣшилъ всячески, но ученика своего Тимоѳея обрѣза Іудей ради" [1]). Въ январѣ 1724 года данъ именной указъ Синоду: „Хотя въ Регламентѣ Духовномъ о монахахъ уже изъяснено, и како оныхъ содержать опредѣлено, но кратко, понеже тогда аще и о всемъ его исправленіи была нужда, но вящшая была верховной архіерейской власти, которую примѣромъ папы Римскаго, противно повелѣнія Божія, распространять нѣкоторые тщились, въ чемъ великою тягость истины желатели въ семъ понесли исправленіи, и, съ помощію Божіею, исправили, опредѣлили и постановили. Нынѣ же, имѣя свободное время, при расположеніи правильно всѣхъ дѣлъ въ государствѣ, и о семъ чинѣ пространно объявя людямъ, также расположить и уставить должно есть для пользы вѣчной и временной людямъ и изрядства обществу. Надлежитъ искать способы, какимъ бы образомъ иной путь предъ Богомъ угодный и предъ людьми непостыдный и неблазненный былъ, понеже нынѣшнее житіе монаховъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность, то сколько забабоновъ (суевѣрій), расколовъ и возмутителей произошло,—всѣмъ вѣдомо есть; также у насъ почитай всѣ изъ поселянъ, то что оные оставили, явно есть: не точію не отреклись, но приреклись доброму и довольному житію, ибо дома былъ троеданникъ, т.-е. дому своему, государству и помѣщику, а въ монахахъ все готовое, а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть, ибо только одну долю отъ трехъ противъ поселянъ работаютъ. Прилежатъ ли же разумѣнію божественнаго писанія и ученія? - всячески нѣтъ. А что говорятъ молятся, то и всѣ молятся, сію отговорку отвергаетъ Василій Св. Что же прибыль обществу отъ сего?—воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть. Находится же оный способъ житія празднымъ симъ не праздный, но богоугодный и незазорной, еже служити прямымъ нищимъ, престарѣлымъ и младенцамъ" Вслѣдствіе этого опредѣляется двѣ цѣли для монашества: 1) служеніе страждущему человѣчеству, 2) образованіе изъ себя властей церковныхъ. Распредѣляются по монастырямъ отставные солдаты и другіе нищіе, которымъ монахи должны прислуживать; монахини также должны служить престарѣлымъ и больнымъ своего пола, кромѣ того заниматься воспитаніемъ сиротъ, для чего отдѣляется нѣсколько монастырей, остальныя занимаются рукодѣліемъ, а монахи хлѣбопашествомъ. Для приготовленія же ученыхъ монаховъ должны быть учреждены двѣ семинаріи: въ Петербургѣ и Москвѣ [2]).

[1]) Кабинетъ I, кн. № 31. Въ другомъ спискѣ послѣдній пунктъ зачеркнутъ и сначала поправлено: вмѣсто *трехъ* винъ *двухъ* винъ.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 4450.

Мы видѣли, что, для призрѣнія подкидываемыхъ младенцевъ, Петръ велѣлъ въ 1715 году построить гошпитали: въ Москвѣ—мазанки, а въ другихъ городахъ— деревянные. Число младенцевъ возрастало годъ отъ году все болѣе и болѣе: въ 1724 году, въ одной московской губернской канцеляріи ихъ находилось 865 человѣкъ, 396 мужескаго и 469 женскаго пола разнаго возраста, отъ полугода и меньше до 8 лѣтъ; издержалось на нихъ 4,731 рубль, считая на человѣка по 5 рублей 15 атлынъ и 5 денегъ на годъ. При нихъ находилось 218 кормилицъ, изъ которыхъ каждой шло на годъ по 3 рубля денегъ и по 3 четверти хлѣба. Канцелярія доносила, что кормилицы и младенцы живутъ по разнымъ мѣстамъ, потому что указныхъ госпиталей не построено, и быть можетъ вмѣсто незаконныхъ умершихъ младенцевъ поставлены законные, чего усмотрѣть нельзя, ибо никакого признака нѣтъ; на валовыхъ смотрахъ двое младенцевъ, украденные кормилицами, были узнаны отцомъ да матерью, а нѣсколько другихъ младенцовъ усмотрѣно у родныхъ матерей на указномъ корму. Теперь для воспитанія подкинутыхъ младенцевъ въ Москвѣ назначены были монастыри. Въ маѣ 1724 года капитанъ гвардіи Баскаковъ получилъ указъ: взявъ доходы монастырскіе, раздѣлить слѣдующимъ образомъ: 1) Чиновнымъ монастырскимъ. 2) На церковныя потребы. 3) Прочее раздѣлить натрое. двѣ доли больнымъ, треть—служащимъ монахамъ. 4) На деньги, которыя больнымъ опредѣлены, дѣлать и содержать постели, бѣлье и прочее по регламенту о гошпиталяхъ. 5) Въ сиротскихъ монастыряхъ первой и второй пунктъ равно содержать съ прочими. 6) Служащихъ монахинь также съ прочими. 7) А о младенцахъ малыхъ, среднихъ и до семи лѣтъ порядокъ содержать по своему произволенію, примѣняясь по домашнему, однакожъ лишнее надобно, дабы бѣлье и чистота хорошая была. 9) Также, чтобъ когда пять лѣтъ минетъ, учили грамотѣ изъ монахинь. 10) Въ выведенномъ монастырѣ сдѣлать школу, гдѣ обучать ариѳметикѣ и геометріи. 11) Монастыри для больныхъ, старыхъ и увѣчныхъ – Вознесенскій и Чудовъ; для сиротъ—Новодѣвичій; для школъ—который опредѣлятъ отъ Синода. Относительно сиротскаго Новодѣвичьяго монастыря Баскаковъ распорядился такимъ образомъ: здѣсь было 36 полугодовыхъ младенцевъ; на каждаго шло по 2 рубля денегъ въ годъ; къ нимъ было приставлено 18 кормилицъ, получавшихъ по 3 рубля и по 5 четвертей хлѣба въ годъ; 36 годовымъ младенцамъ шло каждому по 2 рубля денегъ и по полторы четверти хлѣба; къ нимъ было приставлено 18 монахинь, каждой шло по 6 рублей и по 5 четвертей. То же содержаніе получали и двухлѣтніе младенцы. Трехлѣтніе и четырехлѣтніе получали по 3 рубля и по 2 четверти: къ нимъ приставлены были монахини,—къ троимъ по одной, и получали по 6 рублей и 5 четвертей. Пятилѣтніе получали то же содержаніе, но къ нимъ приставлено было по одной монахинѣ

къ четверымъ. Шестилѣтніе получали по 3 рубля 50 копѣекъ и по 2 четверти съ осьмушкою хлѣба; для обученія ихъ грамотѣ приставлено было шесть монахинь [1]). Въ маѣ 1724 года Синодъ получилъ указъ: „Святѣйшій Синодъ! деньги, сбираемыя за штрафъ съ раскольниковъ, безъ указу нашего ни на какіе расходы не держите, понеже оныя нужны нынѣ для строенія въ монастыряхъ и на ученіе сиротъ, пока вся экономія ваша окончится“ [2]). Но такъ какъ воспитательные домы могли быть устроены не во всѣхъ монастыряхъ, то положено было учить монахинь прядильному мастерству; въ 1722 году въ синодскую канцелярію прислано было съ прядильнаго двора въ Покровскомъ 50 мастерицъ и прялей съ инструментами для разсылки по женскимъ монастырямъ, гдѣ онѣ должны были учить монахинь своему исскуству. По этому случаю Сенатъ предложилъ Синоду, чтобъ не подчинять всѣхъ монахинь этимъ бабамъ и дѣвкамъ, посланнымъ съ прядильнаго двора, потому что есть старицы изъ знатныхъ, также престарѣлыя [3]).

Относительно бѣлаго духовенства дѣло было труднѣе: здѣсь имѣлось дѣло не съ людьми, которые бѣжали отъ труда и нужны въ жизнь болѣе спокойную и привольную,—здѣсь нужно было позаботиться объ улучшеніи матеріальнаго быта; а гдѣ было взять для этого средствъ при тогдашнемъ финансовомъ состояніи? Мы видѣли, что прежде, для улучшенія положенія священниковъ, старались ограничить число ихъ при церквахъ и освободить ихъ отъ обязанности покупать себѣ домы; теперь послѣднее распоряженіе было распространено на дьяконовъ и причетниковъ, которые, подобно священникамъ, должны были жить въ домахъ, купленныхъ и поддерживаемыхъ на сборныя церковныя деньги; но этихъ средствъ было мало. Въ ноябрѣ 1722 года въ соединенной конференціи сенаторы вмѣстѣ съ членами Синода разсуждали о мѣрахъ болѣе дѣйствительныхъ, и ничего не могли придумать. Рѣшили, какъ обыкновенно рѣшалось тогда въ трудныхъ случаяхъ, узнать, какъ дѣлается въ другихъ странахъ; въ протоколѣ записали: „О опредѣленіи при церквахъ священникомъ и церковнымъ служителемъ трактамента разсуждено: выписавъ изъ правъ другихъ христіанскихъ народовъ и предложить впредь къ разсужденію общему“ [4]). Пока продолжали старое, запретили строить новыя церкви безъ указа изъ Синода: „Понеже всякому здраворазсудному извѣстно, какое то небреженіе славѣ Божіей въ лишнихъ церквахъ и множествѣ поповъ“ [5]). Доходъ приходскихъ священниковъ уменьшался тѣмъ, что богатые люди имѣли своихъ священниковъ при домовыхъ церквахъ. Относительно этихъ такъ называемыхъ крестовыхъ священниковъ предполагалась такая мѣра: „О священникахъ крестовыхъ учинить бы предѣлъ, кому держать, кому не держать, понеже отъ оныхъ многое безчиніе, и унять ихъ невозможно. И ежели кому позволится крестоваго попа держать, дабы тотъ хозяинъ повиненъ былъ приходскимъ своимъ священникамъ дать такой же трактаментъ, какой оному крестовому на годъ данъ будетъ, а за всякое его безчиніе обязанъ бы былъ отвѣтствовать. А ежели никому не позволится (т.-е. имѣть крестовыхъ поповъ), штрафовать бы оныхъ волочащихъ поповъ чѣмъ тяжкимъ, хотя на время и до каторжной работы, дабы прочіе страхъ имѣли и безъ отпусковъ своихъ архіереевъ не волочились. На заставахъ заказать бы накрѣпко, дабы поповъ и чернецовъ, хотя и начальныхъ, которые не позваны будутъ и отъ своихъ архіереевъ не явятъ пропусковъ, къ С.-Петербургу не пропускать, такожде и нищихъ волочагъ, понеже и отъ тѣхъ немалое зло въ людехъ бываетъ“ [6]).

Нужда заставляла и лучшихъ людей рѣшаться на поступки, незаконность которыхъ они ясно сознавали; въ 1722 году, въ бытность Синода въ Москвѣ, церкви Девяти Мучениковъ священникъ Михаилъ Тимоѳеевъ подалъ повинное доношеніе, что въ 719 году, находясь у дѣла въ тіунской палатѣ, трудился онъ неусыпно два года безъ всякаго вознагражденія и, не получая отъ церкви и отъ требъ дохода, пришелъ въ крайнюю нищету и вынужденъ былъ, для прокормленія себя и домашнихъ своихъ, принимать отъ челобитчиковъ добровольныя приношенія деньгами, съѣстными припасами и напитками. Состоя нынѣ при инквизиторскихъ дѣлахъ и желая снять съ себя всякое подозрѣніе, онъ представилъ списокъ всѣмъ принятымъ подаркамъ и просилъ, по случаю заключенія мира съ Швеціею, прощенія вины своей. Синодъ, какъ видно, былъ затрудненъ этимъ повиннымъ доношеніемъ, и только въ половинѣ 1725 г. состоялось опредѣленіе: „Истязанія чинить ему не надлежитъ; но токмо вмѣсто истязанія отъ инквизиторства его отрѣшить и впредь къ дѣламъ не опредѣлять, но токмо быть ему у церкви Девяти Мучениковъ попрежнему, а вышеописанными взятками впредь его никому не порочить и тѣхъ взятокъ (97 рублей, 3 червонца, да припасовъ на 196 рублей 93 копѣйки), буде о томъ ни отъ кого челобитной не будетъ, не взыскивать“ [7]).

Мы видѣли, что прежде Петръ распоряжался обученіемъ дѣтей бѣлаго духовенства, *кто пожелаетъ*, въ школахъ заранѣе, чтобъ были годны въ попы. Но въ описываемое время онъ призналъ за нужное не ограничиваться желающими; въ 1723 г. изданъ былъ указъ: „Поповскихъ, дьяконскихъ и причетническихъ дѣтей набирать въ школы всѣхъ тѣхъ, которые учиться могутъ, и которые въ ученіи быть не похотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею, и учить ихъ въ надеждѣ священства“ [8]).

[1]) Кабин. II. кн. № 66; I, кн. № 31.
[2]) Кабинетъ I, кн. № 31.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 64. Протоколы Сената.
[4]) Протоколы Сената; Полн. Собр. Зак. № 4120.
[5]) Полн. Собр. Зак. 412?.
[6]) Кабинетъ I, кн. № 31
[7]) Синодал. Архивъ 1722 г. № 1169.
[8]) Полн. Собр. Зак. № 4291.

Петръ не былъ того мнѣнія, что въ войскѣ могутъ быть священники, способные только исправлять требы, и въ 1723 году писалъ въ Синодъ, чтобъ въ полки опредѣлять священниковъ изъ ученыхъ въ школахъ. Объ отношеніяхъ сельскихъ священниковъ къ крестьянамъ Сенатъ, въ общемъ засѣданіи съ Синодомъ, постановилъ, чтобъ въ праздничные дни прихожане приходили въ церковь поочередно, и домовъ своихъ пустыми не оставляли; если крестьянинъ въ чемъ-нибудь ослушается священника, то послѣдній, прежде чѣмъ писать объ этомъ архіерею, долженъ объявить своимъ церковникамъ и старостамъ, чтобъ крестьянину, по письму одного священника, въ городъ волокиты не было. Обратили вниманіе и на вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, которымъ запрещено было вступать во вторичный бракъ безъ выхода изъ духовнаго званія: въ апрѣлѣ 1724 года Петръ указалъ: вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, которые учились въ школахъ и могутъ послужить въ проповѣди слова Божія, обнадежить, что ежели они вступятъ въ второбрачіе, то могутъ быть при архіереяхъ въ учителяхъ и у дѣлъ въ духовныхъ совѣтахъ и управленіяхъ [1]).

Прежде Петръ требовалъ отъ паствы соблюденія благочинія въ церквахъ, безмолвнаго стоянія во время божественной службы; теперь обратился къ пастырямъ, и, въ 1723 году, указалъ именнымъ указомъ—всѣмъ архіереямъ и прочимъ духовнымъ властямъ отъ Синода объявить, чтобъ они въ св. церквахъ, во время божественнаго чтенія и пѣнія, никакихъ челобитчиковъ ни съ какими челобитьями, также приказныхъ людей ни съ какими докладами, кромѣ государственныхъ великихъ и коснѣнія нетерпящихъ дѣлъ, отнюдь къ себѣ не допускали и сами никого для такихъ дѣлъ не призывали, но упражнялись бы въ богомысліи и молитвахъ, и тѣмъ подавали бы приходящимъ на молитву людямъ образъ благоговѣйнаго въ церквахъ стоянія [2]). Въ церквахъ во время литургіи доброхотныя подаянія велѣно собирать въ два кошелька: одинъ—для церковныхъ потребъ, другой—на гошпиталь [3]).

Какъ съ учрежденіемъ Сената соединено было учрежденіе фискаловъ, такъ при учрежденіи Синода установлена была должность протоинквизитора, или главнаго фискала по дѣламъ духовнаго вѣдомства, который обязанъ былъ выбирать провинціалъ-инквизиторовъ; должность ихъ главнымъ образомъ состояла въ наблюденіи, чтобъ каждый чинъ исполнялъ свои обязанности, и въ донесеніи о преступленіяхъ [4]).

Разумѣется, прежде всего инквизиторы должны были наблюдать за раскольниками. Первымъ дѣломъ новоучрежденнаго Синода было изданіе пастырскаго увѣщанія къ раскольникамъ [5]). Тогда же Синодъ объявилъ, чтобъ всѣ раскольническіе учители являлись для споровъ съ Синодомъ свободно, безъ всякой боязни, наблюдая только должную учтивость въ спорахъ; что никто изъ нихъ не будетъ задержанъ, если даже и не согласится съ Синодомъ; но если кто не явится въ назначенный срокъ, тотъ подвергается гражданскому суду и казни [6]). Но, въ январѣ 1725 года, въ увѣщаніи къ Православнымъ противъ распространителей раскола, Синодъ жалуется, что по этому приглашенію никто изъ раскольническихъ учителей не явился на споры: „Когда ихъ прежде взыскивано неволею къ суду и наказанію за хуленія ихъ на Церковь Божію и за развращеніе простаго народа, тогда они клеветы въ народѣ пускали сицевыя: „Неправедно страждемъ, за древнее благочестіе, гоненіе терпимъ и казни пріемлемъ, понеже не хотяще послушать нашего оправданія и доводовъ, которые имамы отъ божественнаго писанія, осуждаютъ насъ въ ссылки, во узы, въ темницы, и на смерть“. А нынѣ, когда ихъ призывано волею на любовный и безопасный честный разговоръ, не изволили явиться; кая тому причина?—не иная, токмо неправота ихъ“ [7]).

Кромѣ приглашенія раскольническихъ учителей къ спорамъ, Синодъ объявилъ: „Всякъ, кто бы ни былъ, ежели въ книгахъ прежде печатанныхъ, также и которыя впредь съ разсужденія и опредѣленія синодальнаго будутъ печатаны, покажется ему какое-нибудь сомнѣніе, приходилъ бы съ объявленіемъ этого сомнѣнія въ святѣйшій правительствующій Синодъ безъ всякаго подозрѣнія и опасенія, и ему сіе сомнѣніе разрѣшено будетъ отъ Св. Писанія“. Въ этомъ объявленіи Синодъ, между прочимъ, говоритъ о раскольникахъ: „Показалось имъ что-нибудь за истинное, хотя и весьма ложное и непотребное,—они въ своемъ мнѣніи и закрѣпили“. Противъ этого мѣста, на полѣ, Петръ написалъ собственноручно: „И въ томъ и до смерти стоятъ, и въ мученичество себѣ вмѣняютъ, изъ которыхъ одинъ примѣръ объявимъ здѣ: въ 1701 году воръ Талицкой ради возмущенія людей писалъ письма, будто антихристъ уже пришелъ, которому его ученію послѣдовалъ нѣкто шорникъ Иванъ Савинъ и въ томъ со удивленіемъ какія муки терпѣлъ, не внимая никакого отъ духовныхъ наставленія, за которое злодѣяніе и на смерть осужены, что все съ радостію принялъ. Но когда, во время казни копченіемъ, Талицкой, не стерпя того, покаялся и снятъ съ онаго, то, видя оное, Савинъ спросилъ караульщиковъ для чего онаго сняли, отъ которыхъ увѣдалъ, что повинился, тогда просилъ и о себѣ, котораго также сняли, и желалъ видѣть его, и когда допущенный спросилъ его, впрямь ли онъ повинился и для чего? Тогда Талицкой все подробно сказалъ, что все то ложь, чему училъ; а въ какую горесть при семъ тотъ Савинъ и съ какими сле-

---

[1]) Указы Петра В. въ Синодал. Архивѣ. Протоколы Сената. Пол. Собр. Зак. № 4499.

[2]) Указы Петра В. въ Синодал. Архивѣ. Протоколы Сената. Полн. Собр. Зак. № 4499.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 4277.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 3870.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 3891.

[6]) Полн. Собр. Зак. № 3925.

[7]) Полн. Собр. Зак. № 4635.

зами раскаявался и пенялъ на Талицкова, для чего въ такую бѣду его привелъ, что онъ ни для чего, только вмѣняя то за истину, страдать радъ былъ"[1]).

Раскольническіе учители не являлись въ Синодъ для споровъ о вѣрѣ, а между тѣмъ не переставали распространять свое ученіе; Синодъ началъ требовать сильныхъ мѣръ. Въ 1722 году, въ общей конференціи Синода съ Сенатомъ въ Москвѣ, архіепископъ Ѳеодосій Новгородскій говорилъ, что многіе раскольники по окладу денегъ не платятъ, на Бутыркахъ жители мало не всѣ раскольники и посланнымъ для платежа денегъ не даютъ и грозятъ побить, хотя бы къ нимъ и офицера послали[2]). Въ докладныхъ пунктахъ своихъ государю Синодъ говорилъ: „Для поимки раскольническихъ учителей, которые, хотя тайно по домамъ, а кой-гдѣ имѣли и долговременное пребываніе, размножаютъ раскольническую прелесть и отвращаютъ простонародье отъ Церкви, очень потребенъ, кажется, такой указъ, чтобъ людямъ, посылаемымъ отъ духовнаго правительства для поимки этихъ учителей, оказываемо было безпрепятственное послушаніе, и свѣтскіе управители не требовали бы при этомъ отъ своихъ командировъ указа. И если въ поимкѣ этихъ лжеучителей (что до исправленія души надлежитъ) такой вольности Синоду дано не будетъ, то не только неудобно будетъ ихъ сыскать и искоренить, но еще болѣе подъ укрывательствомъ и защитою безъ боязни пріумножаться и многихъ къ своей прелести привлекать могутъ, что будетъ Святой Церкви крайне вредно, ибо, по вѣдомостямъ изъ Москвы, раскольники такъ умножились, что въ нѣкоторыхъ приходахъ никого, кромѣ нихъ, нѣтъ, и всѣ по запискѣ подъ двойнымъ окладомъ значатся въ раскольникахъ. Въ отысканіи лжеучителей свѣтскіе управители духовнымъ не только не помогаютъ, но и препятствуютъ: такъ вязниковскій судья Опрянинъ прислалъ подъячаго съ приставами и силою взялъ изъ-за рѣшетки къ себѣ на дворъ явившагося въ расколѣ подъячаго Лютова, котораго держали у духовныхъ дѣлъ подъ карауломъ, и на указъ, присланный изъ Приказа Церковныхъ Дѣлъ, Опрянинъ не далъ никакого отзыва". Петръ отвѣчалъ на докладъ: „Брать такихъ, кто отъ Синода гдѣ къ кому опредѣленъ будетъ безъ всякаго препятствія и свѣтскимъ начальникамъ въ томъ имъ вспомогать, и кто преслушаетъ сего,—будетъ штрафованъ, яко преслушатель указа; но дабы для какой страсти духовные приставники не затѣвали на кого напрасно, того для повиненъ духовный приставникъ, взявъ такова, ни мало державъ, привести самъ къ свѣтскому начальнику, гдѣ онъ приведенный вѣдался, или начальнику того мѣста, ежели далеко тотъ, гдѣ оной вѣдомъ; тогда свѣтскій начальникъ долженъ его освидѣтельствовать тогожъ дни, и буде увидитъ, что раскольникъ, отдать духовному приставнику; буде же увидитъ, что въ немъ того нѣтъ, то и такого отдать ему, но при томъ сказать, что онъ будетъ о томъ писать въ Синодъ и Сенатъ, и, отдавъ, писать немедленно, и когда такой репортъ получатъ, тогда во Синодѣ при двухъ членахъ сенатскихъ то изслѣдовать и рѣшить, чего будетъ кто достоинъ"[3]).

Извѣстный намъ Питиримъ Нижегородскій продолжалъ свою дѣятельность противъ раскольниковъ. Въ іюлѣ 1722 года онъ увѣдомлялъ Петра, что двое раскольническихъ учителей, старецъ Никонъ и старецъ Пахомій—обратились къ Св. Церкви, и онъ, съ цѣлію обратить и другихъ, снова поставилъ ихъ правителями надъ ихъ согласіями на Керженцѣ[4]). Тогда же, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ Ржевскимъ, онъ писалъ Петру, что по указу велѣно раскольникамъ быть на каторгѣ, пока обратятся, а когда обратятся, тогда ихъ для опредѣленія отсылать въ Синодъ, а въ Сибирь ихъ посылать не велѣно. Несмотря на то, явился въ Нижній изъ Петербурга капитанъ съ каторжными колодниками, которыхъ велѣно ему отвесть въ Сибирь. „Увѣдомились мы", пишетъ Питиримъ, „что посланы съ нимъ раскольники необратившіеся, въ томъ числѣ Василій Власовъ, злой раскола заводчикъ и учитель, которому не только въ ссылкѣ, но и на семъ свѣтѣ, по мнѣнію нашему, быть не надлежитъ; также многіе раскольники, опасные и неопасные, бѣгутъ и селятся въ сибирскихъ же городахъ, и ежели этимъ каторжнымъ раскольникамъ позволено будетъ быть въ тѣхъ городахъ и дастся имъ воля, то они, собравшись съ бѣглыми раскольниками, могутъ произвести немалыя пакости къ возмущенію народному"[5]). Петръ отвѣчалъ указомъ Сенату: „Впредь раскольниковъ отсюдь въ Сибирь посылать не велите, ибо тамъ и безъ нихъ раскольниковъ много, а велите ихъ посылать въ Рогервикъ"[6]).

А раскольники все ждали антихриста. Въ мартѣ 1722 года, въ Пензѣ, на базарѣ, монахъ взобрался на крышу лавки, поднялъ клобукъ на палкѣ и началъ кричать, что Петръ антихристъ, будетъ всѣхъ печатать, и только тѣмъ, кто запечатанъ, будетъ давать хлѣбъ. То былъ страдавшій падучею болѣзнію, полупомѣшанный монахъ Варлаамъ, въ міру драгунскій капитанъ Василій Левинъ. Въ Тайной Канцеляріи Левинъ оговорилъ многихъ, въ томъ числѣ и митрополита Стефана Яворскаго, то винился, то снова повторялъ прежнее. Его казнили смертію въ Москвѣ. Въ 1723 году раскольники ходили по деревнямъ и учили: „Какъ то нынѣ минуло два года, праздновали двѣ недѣли (Ништадтскій миръ), и былъ по всѣмъ церквамъ звонъ во весь день отъ утра и до вечера, и въ то время антихристъ садился на престолъ, и подѣланы въ Москвѣ Красныя ворота, только наши

---

[1]) Указы Петра В. въ Синодал. Архивѣ.

[2]) Протоколы Сената.

[3]) Указы Петра В. въ Синодал. Архивѣ.

[4]) Кабинетъ II, кн. № 61.

[5]) Кабинетъ II, кн. № 61.

[6]) Архивъ Минист. Юстиціи, дѣла Сената по Синоду.

староверы въ тѣ ворота не ѣздятъ. Пройдетъ еще семь лѣтъ—и антихристъ явится и выдастъ 70 *колыртствъ*" [1]). Относительно ожиданія антихриста одинъ изъ самыхъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи раскола представляетъ жизнь монаха Самуила. „Было благочестіе, а нынѣ отпало, какъ и Римъ; царь Петръ--антихристъ, потому что владѣетъ самъ одинъ, и патріарха нѣтъ, а то его печать, что бороды брить и у драгуновъ раскаты". Такъ говорилъ монахъ Савва въ Тамбовѣ дьячку Степану; тотъ испугался и перестал ходить въ церковь. Пошелъ къ духовнику, а духовникъ, какъ нарочно, сталъ разсказывать: „Какъ мы бывали на Воронежѣ въ пѣвчихъ и пѣвали предъ государемъ и при компаніи, проклинали измѣнниковъ кое-какихъ, и дошелъ разговоръ до Талицкаго, и государь говорилъ: „Такой онъ воръ Талицкій; ужь и я антихристъ! о, Господи! ужь и я антихристъ предъ тобою!" и мы, то слыша, думали: къ чему онъ это говоритъ— Богъ знаетъ". А у дьячка Степана отъ этихъ словъ духовника сомнѣніе все болѣе и болѣе усиливалось, и началъ онъ убѣждаться, что царь Петръ прямой антихристъ; да и въ Кирилловой старопечатной книгѣ написано, что во имя Симона Петра имать сѣсти гордый князь міра сего, антихристъ. Степанъ рѣшился постричься. Разговорился съ одною женщиной, а та разсказываетъ, что родственники ея были въ Суздалѣ, гдѣ содержалась царица, и царица говорила людямъ: „Держите вѣру христіанскую, это не мой царь, иной выше". Степанъ постригся отъ живой жены въ тамбовскомъ Трегуляевскомъ монастырѣ и названъ былъ Самуиломъ. Ему говорили, что первое гоненіе будетъ на монастыри: „Нѣтъ нужды", отвѣчалъ онъ, „уйду тогда въ горы". Въ Трегуляевскомъ монастырѣ Самуилъ сходится съ другимъ монахомъ, Филаретомъ, и тотъ разсказываетъ: „Теперь надъ нами царствуетъ не нашъ государь, царь Петръ Алексѣевичъ, а Лефортовъ сынъ; царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ женѣ своей: „Если сына не родишь, то разлюблю тебя". Она родила дочь, а у Лефорта въ это время родился сынъ: царица изъ страха и размѣнялась". Пріѣхалъ въ Трегуляевскій монастырь дяди Самуила, монахъ Никодимъ, изъ Мигулинскаго Троицкаго монастыря инквизиторъ; племянникъ разсказалъ ему о своихъ сомнѣніяхъ относительно антихриста. „Нѣтъ, не антихристъ", отвѣчалъ дядя, „а развѣ предтеча". Съ другой стороны, шелъ слухъ, что нижегородскіе раскольники называютъ антихристомъ архіерея своего Питирима, за его преслѣдованіе старой вѣры. Скоро потомъ забрали всѣхъ монаховъ Трегуляевскаго монастыря въ Воронежъ по какому-то дѣлу; тамъ Самуилъ написалъ письмо, что Петръ антихристъ, и подбросилъ на неизвѣстный дворъ. Монаховъ отпустили; на дорогѣ изъ Воронежа, въ селѣ Избердеѣ, Самуилъ встрѣтился съ сыномъ боярскимъ Лежневымъ, который говорилъ: „Носится слухъ, что нашъ государь пошелъ въ Стекольню, и тамъ его посадили въ заточеніе, а это не нашъ государь". А Самуилъ думалъ: антихристъ! Пришелъ указъ не читать книгу Ефремову и Соборникъ; пришелъ Духовный Регламентъ: явно, что царствуетъ антихристъ, отводитъ отъ монашества,—надобно бѣжать въ пустыню! Самуилъ бѣжалъ; но его поймали, отослали снова въ Трегуляевскій монастырь и посадили на цѣпь. Сидя на цѣпи, онъ тосковалъ, что царствуетъ антихристъ, не хотѣлъ кланяться игумену: „какъ мнѣ ему кланяться?—онъ слуга антихристовъ". Наконецъ Самуилу удалось уйти въ степь, а оттуда пробраться къ казакамъ, и гдѣ найдетъ какого бурлака, простаго человѣка, внушаетъ, что царствуетъ антихристъ; нашелъ попа, который на ектеніяхъ поминалъ вмѣсто императора „имперетерь", и объяснялъ: имперетерь потому, что людей перетерли. Въ это время въ Самуилѣ, благодаря его впечатлительной натурѣ, произошла перемѣна: попались ему въ руки книги, распространявшіяся правительствомъ противъ раскола; сомнѣнія его разсѣялись, и онъ, возвратясь въ свой монастырь, началъ проповѣдывать Православіе. Но тутъ новое искушеніе: его взяли изъ Трегуляевскаго монастыря и отвезли въ московскій Богоявленскій, откуда онъ долженъ былъ посѣщать училище. Самуилъ былъ не прочь почитать книги и подумать надъ прочитаннымъ, но въ лѣтахъ уже недѣтскихъ учиться грамматикѣ было ему тяжело: не явится на урокъ— ждетъ плети отъ префекта. Онъ снова сталъ раздражаться противъ новаго порядка и его виновника, хотя уже и не считалъ его болѣе антихристомъ. А тутъ еще сильное искушеніе: пришло извѣстіе, что жена вышла замужъ за другого; съ одной стороны—мысль, что она совершила, по апостолу, прелюбодѣяніе по его винѣ. Но кто виноватъ въ этой винѣ?—тотъ же Петръ, потому что и жена хотѣла постричься, но ей не велѣли; съ другой стороны—ревность. Самуилъ не могъ быть равнодушенъ при мысли, что жена его принадлежитъ другому. А товарищъ, монахъ Петръ, все бранитъ Духовный Регламентъ, все поджигаетъ этою бранью Самуила; наконецъ тотъ не вытерпѣлъ и началъ писать на бумажкахъ ругательства противъ императора. Одну такую бумажку нашли, и Самуила взяли въ Тайную Канцелярію; онъ оправдывался, что писалъ не для того, чтобъ распространять въ народѣ, а для покою въ совѣсти; но ему не вѣрили—и казнили смертью[2]).

Случаи самосожженія повторялись: узнали, что въ Ишимской волости находятся раскольники, и туда отправился полковникъ Парфеньевъ для увѣщанія и обращенія, а если не обратятся, то для взятія двойнаго оклада; но раскольники въ двухъ пустыняхъ сами себя сожгли [3]). Спокойно

[1]) Архивъ Минист. Юстиціи, дѣла Тайнаго Преображ. Приказа 1724 г. Дѣло Левина напечатано у Есипова въ „Раскольничьихъ дѣлахъ XVIII стол."

[2]) Государст. Архивъ, дѣла Тайной Канцеляріи, исторія Самуила уже была мною изложена въ „Православномъ Обозрѣніи" за 1861 г.

[3]) Синодал. Архивъ 1723 г. № 458.

держали себя Выговцы; съ ними случилось любопытное происшествіе. Подъячій Саблинъ подделалъ указъ, уполномочивавшій его взять деньги съ Выговской пустыни; но тамъ были люди опытные, распознали, что указъ фальшивый, и представили Саблина на Петровскіе заводы [1]).

Такія явленія встрѣчались между раскольниками, державшимися, по ихъ словамъ, старой вѣры, т.-е. старыхъ книгъ; но мы видѣли уже другія явленія ереси. Знаменитый еретикъ, лѣкарь Димитрій Тверитиновъ, раскаялся въ своемъ заточеніи и, въ 1722 году, просилъ, чтобъ ему дали духовника [2]); но то направленіе ереси, какое мы видѣли у него, не ослабѣвало. Въ 1724 году ходилъ какой-то Алексѣй Поповъ и училъ: доведется молиться на небо духомъ и истиною,—таковыхъ поклонниковъ Богъ принимаетъ, а иконамъ поклоняться не достоитъ, иконы—дѣло рукъ человѣческихъ. Въ Москвѣ явился человѣкъ многолѣтній—не Іоаннъ ли Богословъ явился?—въ послѣднемъ времени явятся Іоаннъ Богословъ и Илія, и Енохъ. Какъ императоръ ходилъ въ низовый походъ, сказываютъ, что въ полкахъ явился великимъ возрастомъ человѣкъ и называли его богатыремъ: не Енохъ ли явился [3])? Въ слѣдующемъ году былъ сысканъ въ Астрахани еретикъ Артемій Ивановъ, который говорилъ, что Сынъ Божій на крестѣ распятъ не былъ, но былъ вмѣсто него пророкъ Евсевій; называлъ иконы идолами, поклоняющихся имъ—идолопоклонниками, церковь—вертепомъ разбойниковъ, и таинства церкви уничтожалъ [4]).

Расколъ, отпаденіе отъ Церкви имѣлъ и у насъ въ Россіи такія же послѣдствія, какъ и въ другихъ странахъ. Разъ высвободившись отъ авторитета Церкви, раскольники раздѣлились на многоразличные толки, и это раздѣленіе, усиливаясь съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, не знало границъ. Протестантскаго вліянія отрицать нельзя; оно явственно, напримѣръ, въ Тверитиновѣ; но и безъ протестантскаго вліянія дѣло шло дальше и дальше извѣстнымъ, покатымъ путемъ. Смута, множество толковъ, невозможность добраться до истины посредствомъ людей, усиливали стремленіе ограничиваться однимъ Св. Писаніемъ; но и Писаніе толковалось различно. Чтобъ уйти отъ этихъ толковъ, начали стремиться войти въ непосредственное сношеніе съ духовнымъ міромъ, съ божествомъ; начали съ того, что стали ждать появленія людей, долженствующихъ быть вѣстниками великаго переворота, который уничтожитъ смуту и водворитъ царство истины; вмѣстѣ съ появленіемъ антихриста ждали появленія Іоанна Богослова, Еноха, Иліи. Кончили тѣмъ, что стали приводить себя въ напряженное, неестественное состояніе, думая, что въ этомъ состояніи отрѣшаются отъ земнаго и получаютъ наитіе свыше, даръ пророчества; въ мужчинахъ, наиболѣе способныхъ къ этимъ упражненіямъ, стали видѣть христовъ; въ женщинахъ—богородицъ; еще одинъ шагъ—и Христосъ историческій исчезалъ, и каждый, посредствомъ извѣстныхъ упражненій, приводящихъ въ восторженное состояніе, могъ стать христомъ. Средства приводить себя въ такое восторженное состояніе съ религіозною цѣлію одинаковы во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, у шамановъ и дервишей, у финскихъ волхвовъ, о которыхъ разсказываетъ древняя русская лѣтопись, у трясущихся мужиковъ и бабъ, о которыхъ упоминается въ Стоглавѣ, и въ западно-европейскихъ сектахъ. Производить крайнія русскія секты XVIII вѣка и теперь существующія, развившіяся изъ религіознаго движенія XVII вѣка, которое мы называемъ расколомъ,—производить ихъ отъ старинныхъ Богомиловъ точно такъ же ошибочно, какъ производить ихъ отъ Квакеровъ, и точно такъ же будетъ натяжкою производить западныхъ Альбигойцевъ отъ тѣхъ же Богомиловъ. Но мы возвратимся къ этому предмету, когда надобно будетъ описывать вскрытіе означенныхъ сектъ предъ правительствомъ и обществомъ.

Борясь съ расколомъ, Синодъ не упускалъ изъ вниманія протестантовъ и католиковъ. Такъ, онъ прислалъ вѣдѣніе въ Сенатъ по поводу доношеній Іоакима, епископа Астраханскаго, который писалъ, что въ 1718 году пріѣхалъ въ Астрахань черезъ Персію Римской вѣры патеръ Антоній, который въ 1721 году построилъ близъ православной церкви кирху съ главою и крестомъ. Спрошенный епископомъ, отвѣчалъ, что построилъ церковь по приказу губернатора Волынскаго. Въ 720 году лютеранскій пасторъ Яганъ Сикилисъ построилъ близъ православной церкви свою церковь и поставилъ на ней четвероконечный крестъ, а въ 721 году отъ живаго мужа жену Православной вѣры обвѣнчалъ съ драгуномъ лютеранской вѣры; слѣдовало по этому дѣлу допросить пастора, но нельзя ничего сдѣлать изъ страха передъ губернаторомъ Волынскимъ, который запретилъ духовнаго приказа судьѣ дѣлать что-либо безъ его повелѣнія. Синодъ въ своемъ вѣдѣніи изъявилъ желаніе, чтобъ впредь Волынскій въ духовныя дѣла не вступался. Сенатъ послалъ Волынскому указъ не вступаться въ духовныя дѣла, и потребовалъ отвѣта по обвиненіямъ [5]). Въ концѣ 1723 года изданъ былъ любопытный указъ, чтобъ католики, живущіе въ Петербургѣ, требовали пасторовъ только изъ Французовъ [6]); предпочтеніе, оказанное Галликанской церкви, какъ болѣе свободно относящейся къ папѣ, понятно; кромѣ того, побужденіемъ могли служить и дружественныя отношенія къ Франціи.

Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ раскола, обязанностію Синода было, по Духовному Регламенту, уничтоженіе суевѣрій. Какъ вездѣ, такъ и тутъ Преобразо-

[1]) Синодал. Архивъ 1721 г., № 315.
[2]) Архивъ Минист. Юстиціи, дѣла Сената по Синоду
[3]) Архивъ Минист. Юстиціи, дѣла Тайнаго Преображ. Приказа.
[4]) Государ. Архивъ, дѣла Тайной Канцеляріи.

[5]) Архивъ Минист. Юстиціи, дѣла Сената по Синоду.
[6]) Полн. Собр. Зак. № 4376

ватель хотѣлъ дѣйствовать объясненіями и наставленіями. Изъ дома секретаря Монастырскаго Приказа, Макара Бѣляева, былъ взятъ въ Синодъ серебряный ковчегъ съ изображеніемъ мученика Христофора; въ ковчегѣ хранились мощи, которыя, по освидѣтельствованіи, оказались слоновою костью. Императоръ велѣлъ перелить ковчегъ въ какой-нибудь церковный сосудъ, а слоновую кость положить въ синодальную кунстъ-камеру и написать на нее трактатъ съ такимъ объявленіемъ, что прежде, когда духовныхъ инквизицій не было, употреблялись такія и тому подобныя суперстиціи (суевѣрія), которыя и отъ приходящихъ въ Россію Грековъ производились, что нынѣ синодальнымъ тщаніемъ уже истребляется [1]). Въ 1723 году св. Синодъ приговорили: сочинить увѣщаніе съ такимъ разсужденіемъ, что годоваго артуса и богоявленской воды храненіе для благочестія не нужно, ибо благословенные хлѣбы можно получать на каждой литургіи и вода освящается часто; въ строеніи золотыхъ и серебряныхъ на иконы окладовъ, подсвѣчниковъ и лампадъ особеннаго славѣ Божіей и благочестію приплода никакого нѣтъ, а вмѣсто этихъ, не завѣщанныхъ, но самопроизвольныхъ строеній изъ монастырской и церковной казны должно усердное имѣть попеченіе о строеніи страннопріимницъ [2]). Велѣно было отобрать въ церковную казну привѣски у образовъ и употреблять ихъ на церковныя потребности [3]). Часовни были разоряемы, крестные ходы отмѣнены. Излишняя ревность возбуждала ропотъ въ людяхъ и несуевѣрныхъ, боявшихся переступленія должныхъ границъ въ стремленіи очищать общество отъ суевѣрій. Сенатъ счелъ своею обязанностію вмѣшаться въ дѣло, въ отсутствіе государя. Въ іюлѣ 1722 г. господа Сенатъ призвали синодальнаго оберъ-секретаря и говорили ему, что отъ разоренныхъ часовенъ разбросаны кресты и главы, и валяются безъ призору, отчего происходитъ большой соблазнъ; также и крестныхъ ходовъ отмѣнять не слѣдуетъ: если синодальнымъ персонамъ ходить самимъ нѣтъ времени, то можно опредѣлить кого-нибудь изъ свободныхъ [4]).

Мѣра преслѣдованія юродивыхъ могла найти полное оправданіе въ слѣдующемъ случаѣ. Въ 1723 году, по доношенію коломенскаго инквизитора, въ Синодъ былъ представленъ юродивый Василій Босой. Выслушавъ разспросныя рѣчи, Синодъ приговорилъ отослать его въ Юстицъ-Коллегію, ибо юродивый показалъ, что юродствовалъ притворно; въ городѣ Бѣлевѣ убилъ священника за то, что тотъ не хотѣлъ его исповѣдать; въ Орлѣ столкнулъ съ моста младенца за то, что тотъ дразнилъ его; въ вотчинѣ Ромодановскихъ, въ селѣ Просвиряковѣ, волшебствомъ разлучилъ крестьянина съ женою; ходя по селамъ, дѣвичья полу людей волшебствомъ превратилъ на растлѣніе человѣкъ съ двадцать; будучи въ Калугѣ, волшебству научилъ десять человѣкъ; чтобъ не чувствовать холода, ходя зимою въ одной рубашкѣ, босикомъ, весною рвалъ малую крапиву, потомъ въ горшкѣ, безъ воды, выжималъ сокъ и мазался; училъ двоеперстному сложенію. Демоновъ имѣлъ у себя въ услуженіи; водянымъ демонамъ давалъ всякій скотъ по ихъ требованію: когда погонятъ скотъ поить, и въ то время отдавалъ имъ въ воду; а воздушные бѣсы ему безъ всякаго прекословія послушны, не уговариваясь, тогда какъ водяные безъ уговору, безъ подачки, ничего не дѣлаютъ, а главный надъ всѣми бѣсами сатана Миха; изъ Калуги въ Кіевъ онъ, юродивый, былъ принесенъ демонскою силою въ семь часовъ [5]).

Подобныя явленія могли ослабляться возможнымъ распространеніемъ религіозно нравственнаго просвѣщенія въ народѣ. Мы видѣли, что по Духовному Регламенту возлагалась на Синодъ обязанность сочинить три необходимыя для народа книги. Ѳеофанъ Прокоповичъ сочинилъ Букварь, вышедшій подъ заглавіемъ: „Первое ученіе отрокомъ". Въ предисловіи говорится: „Понеже мнози, у насъ чинъ отеческій имущіи, и сами мало что знаютъ о законѣ Божіи, настала нужда общая сочинить книжицу съ толкованіемъ десятословія законнаго, отъ Бога преданнаго, но и сіе еще не много пользовало, ибо въ Россіи были таковыя книжицы, но понеже славянскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны, того ради лишалися доселѣ отроцы подобающаго себѣ воспитанія. Видя убо толикую въ народѣ своемъ тщету, Всероссійскій монархъ, императоръ и государь нашъ всемилостивѣйшій Петръ Великій и, яко отецъ отечества, поболѣвъ сердцемъ о такомъ несчастіи подданныхъ своихъ, началъ прилежно разсуждать, какъ уставить въ Россіи дѣйствительное и необходимое правило отроческаго воспитанія. И вдохнулъ ему Богъ, по его желанію, таковой премудрый совѣтъ: повелѣть сочинити книжицу съ яснымъ толкованіемъ Закона Божія и Символа Вѣры, и Молитвы Господней и девяти блаженствъ, и напечатать оную съ букваремъ, дабы отроцы читать учащіеся по буквахъ и слогахъ, во утвержденіе чтенія своего не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися. А по семъ уже, въ вѣрѣ и Законѣ Божіи наставленіи, могли бы съ пользою учить псалмы и молитвы. И се повелѣніемъ его императорскаго величества и напечатана таковая книжица, по которой учими отроцы могутъ познати волю Божію и страха Господня отъ младыхъ ногтей научитися". Сохранилась маленькая собственноручная записка Петра: „Чтобъ мужикамъ сдѣлать какой маленькій регулъ и читать по церквамъ для вразумленія". Въ февралѣ 1723 года Синодъ распорядился: вмѣсто прежняго чтенія книгъ Ефрема Сирина, Соборника и другихъ, читать въ Великій постъ по церквамъ

[1]) Указы Петра въ Синодал. Архивѣ.
[2]) Синодальный Архивъ, дѣло 1723 г., № 239.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 3888.
[4]) Протоколы Сената
[5]) Синодал. Архивъ. 1723 г., № 382.

букварн съ толкованіемъ заповѣдей Божіихъ, распредѣля ихъ умѣренно, чтобъ приходящіе въ церковь и готовящіеся къ исповѣди и причастію Св. Таинъ, слыша заповѣди Божіи и толкованія ихъ, и осмотрясь въ своей совѣсти, лучше могли къ истинному покаянію себя приготовить [1]). Въ апрѣлѣ 1724 года Петръ прислалъ въ Синодъ указъ: „Святѣйшій Синодъ! понеже разговорами я давно побуждалъ, а нынѣ письменно, дабы краткія поученія людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣемъ), также сдѣлать книгу, гдѣ бъ изъяснить, что́ непремѣнный законъ Божій, и что́ совѣты, и что́ преданія отеческія, и что́ вещи средні, и что́ только для чину и обряду сдѣлано, и что́ непремѣнное, и что́ по времени и случаю перемѣнилось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть. О первыхъ кажется мнѣ, что просто написать тако, чтобъ и поселянинъ зналъ, или на два, поселянамъ простые, въ городахъ покрасивѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется, въ которыхъ бы наставленія, что́ есть прямой путь спасенія—истолкованъ былъ, а особливо вѣру, надежду и любовь (ибо о первой и послѣдней зѣло мало знаютъ и не прямо что знаютъ, а о середней и не слыхали); понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное, въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладонъ. О страданіи Христовомъ толкуютъ только за одинъ первородный грѣхъ, а спасеніе дѣлами своими получать, какъ выше писано“ [2]). Еще прежде Петръ велѣлъ собрать римскій, лютеранскій и кальвинскій катихизисы и прочія церковныхъ дѣйствъ книги, и, переведши на славянскій языкъ, для знанія и вѣдѣнія напечатать [3]).

Отъ преобразовательнаго движенія въ Великой Россіи обратимся къ такимъ же движеніямъ въ Малой. Мы видѣли положеніе Малороссіи предъ окончаніемъ Сѣверной войны, положеніе, вызывавшее постоянно вмѣшательство царскаго правительства, заставлявшее его усиливать свои средства для сохраненія общихъ государственныхъ интересовъ. Ништадтскій миръ позволялъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Въ началѣ 1722 года, когда новый императоръ торжествовалъ этотъ миръ въ Москвѣ, пріѣхалъ туда и гетманъ Скоропадскій съ поздравленіями; его приняли почетно, но этимъ все и ограничилось. 29 апрѣля состоялся указъ: для прекращенія возникшаго въ малороссійскихъ судахъ и войскѣ безпорядка, велѣно быть при гетманѣ бригадиру Вельяминову и шести штабъ-офицерамъ изъ украинскихъ гарнизоновъ, на основаніи договоровъ, постановленныхъ съ прежними гетманами. Такимъ образомъ, одинъ чиновникъ, находившійся при гетманѣ, замѣненъ коллегіею. На жалобу Скоропадскаго, что пункты Хмельницкаго этимъ уничтожаются, Петръ отвѣчалъ собственноручно: „Вмѣсто того какъ постановлено Хмельницкимъ, чтобъ верхней апелляціи быть у воеводъ великороссійскихъ, оная (т.-е. коллегія) учреждена, и тако ничего нарушенія постановленнымъ пунктамъ съ Хмельницкимъ не мнить, но будетъ сіе для исполненія по онымъ“. Въ маѣ обнародованъ былъ манифестъ [4]) объ учрежденіи Малороссійской Коллегіи подъ предсѣдательствомъ бригадира Вельяминова; обязанности новой коллегіи были обозначены такъ: 1) Надзирать за скорымъ и безпристрастнымъ производствомъ дѣлъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, и обиженнымъ оказывать законное удовлетвореніе. 2) Имѣть вѣрную вѣдомость о денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ сборахъ и принимать ихъ отъ малороссійскихъ урядниковъ и войтовъ. 3) Производить изъ этихъ денегъ жалованье, съ гетманскаго совѣта, сердюкамъ и компанейцамъ; имѣть приходныя и расходныя книги и ежегодно представлять ихъ прокурору въ Сенатъ. 4) Препятствовать, съ гетманскаго также совѣта, генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ изнурять работами казаковъ и посполитыхъ людей. 5) Смотрѣть, чтобъ драгунамъ отводимы были квартиры безъ всякаго исключенія, даже въ гетманскихъ помѣстьяхъ, кромѣ двора, гдѣ онъ живетъ, также дворовъ старшинъ, священно-и церковно-служителей. 6) Разсматривать, вмѣстѣ съ полковыми командирами, имѣющія поступать жалобы отъ нижнихъ чиновъ и Малороссіянъ. 7) Наблюдать, чтобъ присылаемые къ гетману указы отъ государя и Сената были записываемы въ генеральной канцеляріи и въ свое время доставлялись рапорты; также препятствовать писарямъ гетманскимъ подписывать вмѣсто него универсалы и отправлять ихъ изъ коллегіи.

Съ такимъ подаркомъ Скоропадскій отправился домой. Въ іюлѣ, въ отсутствіе государя, Сенатъ былъ встревоженъ извѣстіемъ, что гетманъ 3-го числа умеръ. Немедленно приговорили: Малую Россію до избранія другого гетмана вѣдать и всѣмъ управлять полковнику Черниговскому Полуботку, вмѣстѣ съ генеральною старшиною, только во всѣхъ дѣлахъ и совѣтахъ, и посылкахъ универсаловъ имѣть сношеніе съ бригадиромъ Вельяминовымъ, и о томъ послать имъ грамоту. Къ бригадиру Вельяминову послать указъ съ нарочнымъ курьеромъ: написать, чтобъ ѣхалъ въ Глуховъ какъ можно скорѣе по почтѣ, и, пріѣхавши туда, смотрѣлъ накрѣпко, чтобъ при этой ваканціи, какъ въ старшинѣ, такъ и въ прочихъ не было никакихъ противностей и народъ къ тому побуждаемъ не былъ; смотрѣть, чтобъ безъ его вѣдома никакихъ универсаловъ и писемъ о дѣлахъ не посылали, о томъ провѣдывать ему тайно. Къ генералу, князю Трубецкому, Кіевскому губернатору, послать указъ, чтобъ ѣхалъ какъ можно скорѣе по почтѣ въ Кіевъ, смотрѣлъ и провѣдывалъ тайно, чтобъ заграничныхъ и внутреннихъ никакихъ тайныхъ пересылокъ и факцій не было и не произошло бы смятеній, особенно

[1]) Кабинетъ I, кн. № 31; Полн. Собр. Зак. № 41172.
[2]) Полн. Собр. № 4493.
[3]) Полн. Собр. № 4143.

[4]) Полн. Собр. № 4010.

чтобъ не было пересылокъ отъ Запорожцевъ, Орлика, отъ прочихъ измѣнниковъ и изъ Крыму; чтобъ не только старыя заставы хорошо содержаны, но и новыя прибавлены были. О томъ же послать указъ и къ командующему войсками генералу Вейсбаху [1]). Въ Сенатѣ безпокоились, не полагаясь на Полуботка; оберъ-прокуроръ Скорняковъ-Писаревъ писалъ Макарову: „Изволишь стараніе приложить, чтобъ кого въ Малороссію его величество приказалъ отправить для правленія гетманскаго изъ знатныхъ, понеже отъ Полуботка правленію надлежащему быть я не надѣюсь, ибо онъ совѣсти худой“ Между тѣмъ, двое знатныхъ войсковыхъ товарищей отправились къ Петру въ Астрахань съ просьбою о позволеніи избрать новаго гетмана; сенаторы написали къ находившемуся при императорѣ графу Петру Андреевичу Толстому, что они, съ общаго совѣта, отпустили малороссійскихъ пословъ въ Астрахань, ибо, не отпустивши ихъ, можно возбудить сомнѣніе относительно исполненія просьбы; астраханскому губернатору писано, чтобъ задержалъ ихъ въ Астрахани, и если государь прикажетъ отпустить ихъ назадъ, то не прикажетъ ли объявить имъ, что дѣло объ избраніи новаго гетмана отлагаетъ до своего возвращенія изъ похода. „И такимъ образомъ“, писали сенаторы, „никакого сомнѣнія имъ не будетъ, и можетъ то тако до воли его императорскаго величества остаться. А что мы бригадиру Вельяминову обще съ старшиною подписываться не велѣли,— и то учинили для того, чтобъ сначала сею новостію ихъ не потревожить, и о томъ просимъ указу“. Согласно со мнѣніемъ сенаторовъ, Петръ отвѣчалъ, что прошеніе Малороссіянъ исполнится, когда онъ возвратится изъ похода. Но до этого возвращенія двѣ власти, стоявшія другъ подлѣ друга въ Малороссіи, успѣли перессориться. Въ октябрѣ Полуботокъ съ товарищами прислалъ въ Сенатъ жалобу на Малороссійскую Коллегію, которая, мимо старшины, не сносясь и не совѣтуясь съ нею, посылаетъ полковникамъ указы, требуя извѣстій, сколько въ которомъ полку маетностей, мельницъ и другихъ угодій; назначено также послать въ полки десять офицеровъ глуховскаго гарнизона— неизвѣстно зачѣмъ. Изъ войсковой канцеляріи коллегія требуетъ выписокъ, универсаловъ, розысковъ, купчихъ и другихъ документовъ по дѣламъ тѣхъ челобитчиковъ, которые приходятъ съ жалобами въ коллегію, чего войсковая канцелярія давать не можетъ, потому что такого обыкновенія въ ней никогда не бывало и канцеляристовъ немного. Коллегія для сборныхъ денегъ требуетъ особливыхъ еще счетчиковъ, чего нѣтъ въ монаршей инструкціи. Коллегія о самыхъ малыхъ дѣлахъ присылаетъ указы старшинѣ именемъ его императорскаго величества, требуетъ отвѣтовъ и исполненія, чего они исполнять не могутъ при всеедневныхъ трудностяхъ въ управленіи дѣлъ малороссійскихъ. — Вельяминовъ съ своей стороны жаловался, что старшина плохо исполняетъ императорскіе указы и словесно объявляетъ, что они не въ командѣ Малороссійской Коллегіи. Старшины прислали жалобу на имя императора: „Ваше величество указали въ Малороссіи быть коллегіи для высшей апелляціи, а Малороссійская Коллегія принимаетъ на свой судъ такія дѣла, которыя въ полковыхъ и генеральныхъ судахъ нашихъ не бывали, и посылаетъ солдатъ за обжалованными знатными людьми и старшиною, и рѣшаетъ дѣла по своему усмотрѣнію, вслѣдствіе чего судьи наши скоро останутся безъ дѣла. Насъ велѣно изъять изъ вѣдѣнія Иностранной Коллегіи и подчинить Сенату; а Малороссійская Коллегія указы вашего величества ежедневно къ намъ присылаетъ, приказываетъ всякій день исполнять и подавать себѣ обо всемъ доношенія, какъ своимъ подчиненнымъ“ [5]).

Сенатъ, разсмотрѣвъ всѣ эти жалобы, постановилъ: по частнымъ дѣламъ Вельяминову вѣдомостей и копій изъ канцеляріи не требовать; а когда у старшины будутъ совѣты о важныхъ дѣлахъ, то въ нихъ участвовать одному Вельяминову и брать съ сентенцій и универсаловъ копіи, а коллегіи въ тѣ дѣла не мѣшаться. Коллегіи принимать дѣла только по апелляціи. Указовъ старшинѣ не посылать, а сноситься промеморіями съ учтивостію, а съ угрозами отнюдь не писать; если же окажутъ сопротивленіе, то писать объ этомъ въ Сенатъ. Съ требованіями извѣстій о маетностяхъ, мельницахъ и прочемъ къ полковникамъ не посылать иначе, какъ съ совѣта старшины [6]).

Старшина, поблагодаривъ за такое опредѣленіе отношеній въ ея пользу, прислала доношеніе, что теперь стало извѣстно, зачѣмъ коллегія посылала офицеровъ въ полки: посланы они были съ указами во всенародное объявленіе, чтобъ всякій обиженный являлся съ жалобою прямо въ Глуховъ въ коллегію, не опасаясь своей старшины, и дѣло его будетъ немедленно рѣшено; чернь отъ этого взволновалась и не только перестала слушаться старшины и владѣльцевъ своихъ, но подняла старыя дѣла, давно рѣшенныя, какъ со владѣльцами и старшиною, такъ и между собою, встали другъ на друга и прямо отправились въ коллегію. Тѣ же офицеры всюду ревизовали мельницы, бани, насѣки и прочее, и эта ревизія привела людей въ сомнѣніе. Но Вельяминовъ далъ знать, что старшина, не объявя ему, учредила въ Глуховѣ собственный судъ, кромѣ генеральнаго; въ этомъ новомъ судѣ судьи будутъ изъ полковыхъ старшинъ по три человѣка съ тѣмъ, чтобъ жить имъ въ Глуховѣ по мѣсяцу, перемѣняясь. Вельяминовъ писалъ, что въ Малороссійской Коллегіи приняты челобитныя только на старшину, на судью, писаря и есаула, потому что въ генеральный судъ на нихъ бить челомъ нельзя: сами они здѣсь присутствуютъ. Въ отвѣтъ на это, Сенатъ постановилъ въ февралѣ 1723 года: если у генеральной старшины будутъ какіе совѣты о важныхъ

---

[1]) Архивъ Минист. Юстиціи, дѣла Сената по Малорос. Экспед.

дѣлахъ безъ сообщенія Вильяминову, то бригадиръ долженъ имѣть всякій проискъ или приласкать тайно особыхъ людей и, развѣдавъ, обличить старшину и, въ то же время, писать въ Сенатъ,—только смотрѣть, чтобъ народа Малороссійскаго чѣмъ не озлобить. Если кто будетъ бить челомъ на судей, то эти дѣла судить другимъ, причемъ судьямъ, на которыхъ будетъ подано челобитье, не быть; а если кто будетъ бить челомъ на весь судъ въ неправомъ рѣшеніи, въ такомъ случаѣ дѣло переносится въ Малороссійскую Коллегію [1]). Какъ только въ Малороссіи прослышали, что императоръ на возвратномъ пути въ Москву, пошла отъ старшинъ грамота къ Меншикову съ просьбою ходатайствовать объ оказѣ для избранія гетмана; а когда узнали, что Петръ уже въ Москвѣ, то, въ январѣ 1723 года, прислали самому императору грамоту, въ которой просили исполнить обѣщаніе, данное въ походѣ, — позволить избраніе гетмана. Не получивши отвѣта, въ маѣ мѣсяцѣ послали новую просьбу въ Петербургъ о томъ же: „Прислать въ Малую Россію монаршій свой указъ, дабы, противъ правъ данныхъ и обыкновенія въ войскѣ Малороссійскомъ, вольными голосами избранъ былъ гетманъ безъ продолженія, понеже безъ гетмана впредь во всякихъ дѣлахъ управляться съ великою есть нуждою и трудностію". Къ этой просьбѣ прибавлены были еще другія: о выборѣ полковниковъ изъ Малороссіянъ на давно упразднившіяся мѣста въ Стародубѣ, Переяславлѣ и Полтавѣ; объ облегченіи Малороссіянъ относительно вывода бѣглыхъ, войсковыхъ постоевъ и отправленія казацкихъ отрядовъ на канальную (Ладожскую) работу и въ крѣпости Св. Креста. Но въ 1722 году Стародубскій полкъ билъ челомъ государю, чтобъ пожаловалъ полковника „изъ великороссійскихъ персонъ, именно стольника Ѳедора Протасьева или кого иного, боящагося Бога и ихъ вольностей хранительнаго мужа", потому что отъ прежняго своего полковника Жураковскаго полкъ испыталъ страшныя притѣсненія. Вслѣдствіе этого, Петръ велѣлъ опредѣлить въ малороссійскіе города Великороссіянъ, но сначала подъ именемъ комендантовъ для приготовленія къ перемѣнѣ [2]). Въ началѣ 1723 года Петръ далъ Сенату указъ: „Объявить казакамъ и прочимъ служилымъ Малороссіянамъ, что въ малороссійскіе полки, по ихъ желанію, опредѣляются полковники изъ Русскихъ, и притомъ же объявить, что ежели отъ тѣхъ русскихъ полковниковъ будутъ имъ какія обиды, то мимо всѣхъ доносили бы его величеству, а посылаемымъ въ полковники инструкціи сочинять изъ артикуловъ воинскихъ, дабы никакихъ обидъ подъ смертною казнію никому не чинили" [3]). Въ инструкціи, данной полковнику Кокошкину, назначенному въ Стародубскій полкъ, говорилось: „Такъ какъ обыватели Малороссійскаго Стародубскаго полка несносныя обиды и разореніе терпѣли отъ полковника Журавки и для того били челомъ, чтобъ дать имъ полковника великороссійскаго, поэтому въ незабытной памяти имѣть ему, Кокошкину, эту инструкцію, разсуждая, для чего онъ посланъ, а именно: чтобъ Малороссійскій народъ былъ свободенъ отъ тягостей, которыми угнетали его старшины. Прежніе полковники и старшина грабили подчиненныхъ своихъ, отнимали грунты, лѣса, мельницы, отягчали сборомъ питейныхъ и съѣстныхъ припасовъ и работами при постройкѣ своихъ домовъ, также казаковъ принуждали изъ казацкой службы идти къ себѣ въ подданство,—то ему, Кокошкину, надобно этого бояться какъ огня и пропитаніе имѣть только съ полковыхъ маетностей. Прежніе тянули дѣла въ судахъ,—а ему надобно быть праведнымъ, нелицемѣрнымъ и безволокитнымъ судьею. Надобно удаляться ему отъ обычной прежнихъ правителей гордости и суровости, поступать съ полчанами ласково и снисходительно. Если же онъ и инструкціи не исполнитъ и станетъ жить по примѣру прежнихъ черкасскихъ полковниковъ, то онъ и за малое преступленіе будетъ непремѣнно казненъ смертію, какъ преслушатель указа, нарушитель правды и разоритель государства" [4]). Кромѣ опредѣленія великороссійскихъ полковниковъ, Сенатъ еще въ засѣданіи 22 октября 1722 года опредѣлилъ писать особливо и секретно Вельяминову, чтобъ онъ, по возможности, побуждалъ Малороссіянъ просить, чтобъ у нихъ судъ былъ по уложенью и по правамъ его величества [5]).

Такимъ образомъ, смерть Скоропадскаго повела въ Малороссіи къ столкновенію двухъ стремленій: стремленія правительства императорскаго воспользоваться рознью между старшиною съ остальнымъ народонаселеніемъ и приравнять Малороссію къ Великой Россіи, и стремленія старшины—удержать старый порядокъ вмѣстѣ съ гетманствомъ. Искателями послѣдняго были двое полковниковъ: одинъ — Миргородскій, Данила Апостолъ, который понималъ, гдѣ сила, и хотѣлъ получить гетманство посредствомъ императора; въ мартѣ 1723 года онъ писалъ Петру: „Вашему императорскому величеству не безъизвѣстно есть, что я службу вашего императорскаго величества произвожу яко полковникъ тому уже больше сорока лѣтъ безъ всякаго порока, чего ради, видя ваше императорское величество мою вѣрную службу, многажды отъ вашего величества высочайшимъ милостивымъ словомъ призрѣнъ былъ; а понеже нынѣ въ Малороссіи гетмана не обрѣтается, а старѣе меня изъ малороссійскихъ полковниковъ никого нѣтъ, — да повелитъ ваше державство меня, нижайшаго вашего раба, пожаловать за мою вѣрную службу въ Малороссіи гетма-

[1]) Кабинетъ I, кн. № 58. Дѣла Сената по Малорос. Экспед.

[2]) Московск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Дѣла князя Меншикова. Дѣла Сената по Малорос. Экспедиціи.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 33.

[4]) Инструкція эта находится въ Импер. Публичной Библіотекѣ.

[5]) Протоколы Сената.

номъ на мѣсто умершаго гетмана Скоропадскаго, за которую вашего императорскаго величества высочайшую милость долженъ всегда въ службѣ вашего императорскаго величества за ваше величество кровь свою проливать" [1]). Въ то же время Апостолъ отправилъ письмо къ Меншикову съ просьбою ходатайствовать предъ императоромъ о томъ же; съ Меншиковымъ у Апостола была постоянная переписка, въ которой полковникъ не щадилъ лести передъ свѣтлѣйшимъ княземъ [2]).

Апостолъ выставлялъ свою старую службу; но виднѣе его былъ полковникъ Черниговскій, Павелъ Полуботокъ, энергію котораго въ основаніи независимости Малороссіи противопоставляли уже давно слабости Скоропадскаго [3]). Апостолъ хотѣлъ получить гетманство черезъ императора; Полуботокъ, уже управлявшій Малороссіею въ отсутствіе, а теперь, по смерти Скоропадскаго, составлялъ себѣ партію между знатью, интересы которой, въ ущербъ низшему народонаселенію, онъ хотѣлъ поддержать во что бы то ни стало. Въ концѣ 1722 года Полуботокъ и генеральная старшина предложили Вельяминову разослать по всей Малороссіи универсалы въ такомъ смыслѣ: извѣстно-де имъ учинилось, что посполитство, поданные легкомысленные, показывая самовольство, не хотятъ владѣльцамъ своимъ оказывать надлежащаго послушанія;—такъ, если гдѣнибудь обнаружится отъ нихъ сопротивленіе, то виновныхъ сажать въ тюрьмы и, по разсмотрѣнію вины, публично наказывать нещадно. Вельяминовъ отвѣчалъ, что не согласенъ на разсылку такихъ универсаловъ, потому что на ихъ основаніи начальные люди станутъ и безъ всякой вины притѣснять посполитство, какъ прежде было. Вельяминовъ предлагалъ, что если крестьяне гдѣ нибудь окажутъ сопротивленіе владѣльцамъ, то прежде освидѣтельствовать дѣло, и, по освидѣтельствованіи, положить наказаніе, а всѣмъ безъ повода объявлять такой страхъ не нужно. Но Полуботокъ съ товарищами не послушались и разослали универсалы, какіе хотѣли, тогда какъ разсылка универсаловъ безъ согласія Вельяминова была запрещена въ указѣ [4]).

Петръ былъ не охотникъ до ослушанія указовъ; время было показать, что указъ императора или правительствующаго Сената долженъ имѣть и въ Малороссіи такую же силу, какъ въ Великой Россіи; наконецъ важно было при тогдашнихъ обстоятельствахъ удалить изъ Малороссіи самыхъ строптивыхъ и ненадежныхъ людей. Полуботокъ вмѣстѣ съ генеральнымъ писаремъ Савичемъ и генеральнымъ судьею Чернышевымъ были потребованы въ Петербургъ къ отвѣту. Въ то же время посланъ былъ указъ Малороссійской Коллегіи: доходы денежные и хлѣбные сбирать въ казну урядникамъ и войтамъ Малороссійскаго народа, и принимать у нихъ въ коллегіи опредѣленнымъ для того людямъ; изъ этихъ сборныхъ денегъ жалованье давать по пунктамъ Богдана Хмельницкаго; а чтобы сборщики поступали справедливо и отъ описей ничего не брали, то по тѣмъ же пунктамъ Хмельницкаго опредѣлить надзирателями въ каждый полкъ по одному человѣку изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ добрыхъ, которые даны будутъ изъ Военной Коллегіи. Сборы, которые прежде взимались въ Малороссіи на гетмана, полковниковъ, сотниковъ и прочую старшину съ казаковъ убогихъ и посполитыхъ людей, а старшина, знатные казаки, войсковые товарищи, монастыри и церкви не платили,— эти сборы взимались бы со всѣхъ ровно, отъ вышнихъ и до нижнихъ чиновъ, не исключая никого. Посполитые люди бьютъ челомъ, чтобъ имъ быть въ казацкой службѣ попрежнему, потому что дѣды ихъ и отцы, а нѣкоторые и сами прежде служили въ казакахъ много лѣтъ, а старшины и другіе владѣльцы взяли ихъ, нѣкоторыхъ и поневолѣ, къ себѣ въ подданство: для подлинной справки по такимъ челобитнымъ взять изъ войсковой канцеляріи съ прежнихъ и нынѣшнихъ казацкихъ реестровъ списки, и если по справкѣ окажется, что дѣды и отцы челобитчиковъ точно были въ казакахъ, то и ихъ писать въ казаки; если же прежнихъ давнихъ реестровъ не сыщется, въ такомъ случаѣ свидѣтельствовать малороссійскими жителями и, по свидѣтельству, писать въ казаки [5]).

Чѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовалъ Петръ въ пользу посполитства, тѣмъ сильнѣе должно было становиться желаніе знати имѣть гетмана, въ которомъ надѣялись найти опору противъ ненавистной коллегіи и ея президента, тѣмъ сильнѣе становились просьбы, докуки, интриги для достиженія этой цѣли. Въ маѣ 1723 года старшина снова била челомъ о позволеніи избрать гетмана, обратились и къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбою явить къ нимъ свое патронство, чтобы государь повелѣлъ избрать гетмана вольными голосами изъ Малороссіянъ. На это Петръ отвѣчалъ указомъ въ іюнѣ 1723 года: „Какъ всѣмъ извѣстно, что со временъ перваго гетмана Богдана Хмельницкаго, даже до Скоропадскаго, всѣ гетманы явились измѣнниками, и какое бѣдствіе терпѣло отъ того наше государство, особливо Малая Россія, какъ еще свѣжая память есть о Мазепѣ: то и надлежитъ пріискать въ гетманы вѣрнаго и извѣстнаго человѣка, о чемъ и имѣемъ мы непрестанное стараніе; а пока оный найдется, для пользы вашего края, опредѣлено правительство, которому велѣно дѣйствовать по данной инструкціи; и такъ до гетманскаго избранія не будетъ въ дѣлахъ остановки, почему о семъ дѣлѣ докучать не надлежитъ" [6]). Этотъ указъ замѣчателенъ тѣмъ, что государь объявилъ о своемъ стараніи сыскать достойнаго человѣка въ гетманы,

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 65.

[2]) Дѣла кн. Меншикова въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Д.

[3]) Исторія Россіи, XVI.

[4]) Протоколы Сената.

[5]) Кабинетъ I, кн. № 33.

[6]) Полн. Соб. Закр. № 4252; Дѣла Малороссійскія 1723 г.

слѣдоватсльно во всякомъ случаѣ гетманъ будетъ назначенъ, а не избранъ.

Полуботокъ, Савичъ и Чернышъ, пріѣхавши въ Петербургъ, подали императору челобитную о содержаніи Малороссіи при прежнихъ правахъ. Но Малороссія двоилась, и скоро явились въ Петербургѣ казаки, Сухота и Ламака, присланные отъ Стародубскаго полка, да священникъ Любецкій, и подали государю челобитную, въ которой жаловались на обиды старшинъ и просили великороссійскихъ полковниковъ и великороссійскаго суда. По словамъ Полуботка съ товарищами, Сухота, Ламака и священникъ были подосланы Малороссійскою Коллегіей. Получивши эту челобитную, Петръ отправилъ въ Малороссію довѣреннаго человѣка, Румянцева, для осмотра городовъ, а подъ тѣмъ предлогомъ велѣлъ ему освѣдомиться: 1) коллегіи и судовъ великороссійскихъ всѣ ли Малороссіяне желаютъ; 2) полковниковъ русскихъ всѣ ли хотятъ; 3) о челобитной, которая отъ старшины подана, вѣдаютъ ли старшина и казаки; 4) отъ постоевъ ли драгунскихъ или отъ притѣсненій владѣльцевъ и старшины люди расходятся; 5) какія починены обиды отъ старшины казакамъ въ отнятіи земель и мельницъ.

Но Полуботокъ, Савичъ и Чернышъ не дремали. Они подкупили сенатскихъ подъячихъ,—тѣ сообщили имъ инструкцію Румянцева. Тогда они отправили въ Малороссію наказъ малороссійскимъ правителямъ, какъ дѣйствовать, а именно: внушать народу, чтобъ на спросъ Румянцева всѣ единогласно отвѣчали требованіемъ сохраненія старины, и никто бы не отвѣчалъ въ смыслѣ челобитной, привезенной Сухотою и Ламакою; для этого полковники должны были предложить полковой старшинѣ, сотникамъ, чтобъ они вознаградили обиженныхъ ими для предупрежденія жалобъ Румянцеву, чтобъ всѣ ему отвѣчали: „Кто былъ обиженъ, тотъ уже получилъ вознагражденіе; а если впередъ будутъ обиды, то могутъ и у своего суда удовлетвореніе получить“; представить Румянцеву письма, присланныя полковниками въ генеральную канцелярію, что народъ расходится отъ драгунскихъ постоевъ. Также должны были объявить Румянцеву, что Ламака съ Сухотою и попъ Любецкій не сами собою въ Петербургъ пріѣхали и челобитную не сами сочинили, но сочинена она въ Малороссійской Коллегіи и переписана малороссійскимъ письмомъ; подписались подъ нею дьячки и другіе люди, державшіеся въ коллегіи за преступленія, и съ этою челобитною Ламаку, Сухоту и попа прислалъ бригадиръ Вельяминовъ на ямскихъ подводахъ, давши имъ на прогоны и на проѣздъ деньги. Съ такимъ наказомъ отправленъ былъ въ Малороссію человѣкъ Полуботка, Лаговичъ, который долженъ былъ словесно приказать сыну Полуботка, Андрею, отцовскимъ именемъ призвать къ себѣ сотника Любецкаго и обнадежить его, что старикъ Полуботокъ, по возвращеніи изъ Петербурга, дастъ ему полное удовлетвореніе, если только онъ не допуститъ до челобитья людей своей сотни, да и самъ не будетъ бить челомъ на него, Полуботка.

Но не хотѣли довольствоваться одною борьбой съ Малороссійскою Коллегіей въ Малороссіи,—написали двѣ челобитныя и отправили съ ними въ Петербургъ канцеляриста Ивана Романовича. 10 ноября 1723 года, когда Петръ выходилъ изъ церкви Св. Троицы, Романовичъ подалъ ему челобитныя. Государь пошелъ въ свѣтлицы (домъ, называемый „Четыре Фрегата“), и тамъ распечаталъ полученныя бумаги, а между тѣмъ Полуботокъ, Савичъ и Чернышъ, вмѣстѣ со многими другими Малороссіянами, стояли у дома, дожидаясь, что скажетъ имъ Петръ по выходѣ. Но они не дождались его: найдя въ бумагахъ „неосновательныя и противныя прошенія“, государь велѣлъ взять за арестъ Романовича, старшину и всѣхъ Малороссіянъ, бывшихъ въ Петербургѣ, и захватить ихъ бумаги, какъ находившіеся при нихъ въ Петербургѣ, такъ и въ домахъ ихъ въ Малороссіи, что долженъ былъ сдѣлать Румянцевъ. Въ этихъ бумагахъ найдена была черновая промеморія отправлявшемуся въ Малороссію посланцу насчетъ отвѣтовъ Румянцеву. 15 декабря старшинѣ былъ сдѣланъ допросъ: „Отъ кого увѣдомились вы о посылкѣ г. Румянцева въ Малороссію и о содержаніи его коммисіи? Въ вашей промеморіи написано: предложить господамъ правителямъ, что если они претерпѣли и претерпѣваютъ поношенія и укоризны отъ бригадира Вельяминова, то писали бы жалобу въ Сенатъ; такъ совѣтуютъ лица высокія;—кто эти люди“? Старшина отвѣчала: „Промеморія сочинена по общему ихъ совѣту и согласію старшинъ канцеляристомъ Николаемъ Ханенкомъ; узнали они чрезъ Румянцевскаго бандуриста, что Румянцевъ посылается для розыску о коллегіи,—хотятъ ли ея и полковниковъ русскихъ; а Петръ Андреевичъ Толстой съ пріѣзду ихъ въ августѣ мѣсяцѣ объявлялъ, что для розыску въ обидахъ и взяткахъ пошлется въ Малую Россію особа. О совѣтѣ высокихъ особъ канцеляристъ написалъ самъ, а не по ихъ приказу“ [1]).

Но потомъ старшина объявила, что узнала о поѣздкѣ Румянцева не отъ бандуриста, а отъ подкупленныхъ ею подъячихъ, вслѣдствіе чего Петръ, въ январѣ 1724 года, далъ указъ господамъ Сенату: „Самимъ вамъ вѣдомо, что секретныя дѣла вынесены отъ подъячихъ Черкасамъ, и зѣло удивительно, что какъ ординарныя, такъ и секретныя дѣла въ Сенатѣ по повытьямъ; того ради, получа сіе, учините по примѣру Иностранной Коллегіи, чтобъ секретныя дѣла было особливо у надежныхъ людей, чтобъ впредь такого скаредства не учинилось“ [2]). Между тѣмъ Румянцевъ далъ знать изъ Малороссіи, что, согласно инструкціи изъ Петербурга отъ старшины, изъ генеральной канцеляріи разосланы по городамъ внушительныя письма; далъ знать, что въ Малороссіи извѣстно о тайныхъ дѣ-

[1]) Бумаги, относящ. къ дѣлу Полуботка, въ Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 68.

лахъ, дѣлавшихся въ Петербургѣ; что въ захваченныхъ имъ бумагахъ мало сыскано относящагося къ дѣлу. Петръ отвѣчалъ ему: „Которые (люди) изъ канцеляріи писали пункты по городамъ научительные и прочіе къ тому дѣлу кто въ важности явился,—пришли сюды немедленно, также и писаря Валкевича, а на ихъ мѣсто выберите добрыхъ людей, которые къ нынѣшнему ихъ дѣлу не приставали и желали быть коллегіи. Что же пишешь, что они про всѣ дѣла, которые тайно дѣланы, вѣдаютъ, и то здѣсь сыскано такимъ образомъ: когда взяты за арестъ, то найдены въ письмахъ ихъ копіи, о которыхъ сказали, что давали имъ подъячіе изъ Сената, которыхъ нашлось трое, и винились. Что же въ цыдулѣ пишешь, что мало сыскалось, и то конечно утаено, понеже въ черныхъ ихъ письмахъ найдено, что они писали въ домы свои, чтобъ убирались: того ради можете постращать домашнихъ ихъ; тако-жъ надлежитъ публиковать, кто ихъ пожитки скажетъ, дать довольную часть изъ оныхъ; какое доношеніе Валкевичъ подалъ на Полуботка и прочихъ,—такіе сысканы здѣсь въ черныхъ ихъ письмахъ; прочее чините по указу; а что сдѣлали, тѣмъ мы довольны. Оставьте мѣсто нарочитое уряда Данилѣ Забѣлѣ, который прежде доносилъ на старшину, которое тогда не повѣрено, а нынѣ все сбылось, и оный впредь отправится на Украйну по окончаніи розыску“. Черезъ нѣсколько дней другое письмо: „Въ прошломъ году писалъ сюда Черниговскій архіерей къ Псковскому архіерею, что въ домѣ у него Борковскій говорилъ при свидѣтеляхъ о перепискахъ отъ Полуботка съ Орликомъ, и по тому письму посланъ былъ указъ къ губернатору Кіевскому изъ Тайной Канцеляріи, дабы разыскалъ о томъ, и оный губернаторъ прислалъ сюды розыскъ, въ которомъ не найдено конца, а можетъ быть что и есть подлинно извѣстіе о томъ дѣлѣ, да за страхомъ отъ Полуботка не объявляютъ правды; а понеже онъ, Полуботокъ, и прочіе нынѣ здѣсь явились въ великихъ преступленіяхъ, того для, по приложенной при семъ росписи, сбери тѣхъ людей, которые въ розыску были, и обнадежь ихъ, чтобъ они безъ всякой опасности ѣхали сюды для обличенія Полуботка, и отправь ихъ сюды не за арестомъ, но токмо съ офицеромъ для провожанія“ [1]).

Дѣло Полуботка съ товарищами отдано было въ Вышній судъ. Прежде всего они были спрошены, зачѣмъ, безъ согласія Вельяминова, разослали универсалы устрашительные для простаго народа. Они отвѣчали, что отъ самого Вельяминова запрещенія не слыхали, и, въ свою очередь, жаловались на бригадира, что онъ послалъ во всѣ полки съ офицерами универсалъ, чтобъ подданные своихъ владѣльцевъ и старшинъ ни въ чемъ не боялись; шли бы съ челобитьемъ на нихъ въ коллегію, и по тѣмъ универсаламъ отъ подданныхъ начались къ владѣльцамъ и старшинамъ противности: владѣльца Забѣлу побили и волосы выдрали, старосту села Погребковъ били смертнымъ боемъ. Второе обвиненіе: когда у нихъ бываютъ совѣты о важныхъ дѣлахъ, тогда они должны давать знать Вельяминову, которому надобно присутствовать при такихъ совѣтахъ; но они ему о нихъ не объявляли. На это былъ уклончивый отвѣтъ, что важныя дѣла случаются у нихъ не часто. Третье обвиненіе: кромѣ генеральнаго суда въ Глуховѣ, собственный судъ учредили, не объявивъ объ этомъ Вельяминову. На это отвѣчали, что обьявляли, и онъ сказалъ: „хорошо“ [2]). Но по слѣдствію въ Малороссіи оказалось, что челобитная, поданная Полуботкомъ, Савичемъ и Чернышемъ отъ имени всего Малороссійскаго народа, этому народу не извѣстна;—что Полуботокъ съ товарищами принудилъ нѣкоторую старшину, бывшую въ Глуховѣ, приложить руки къ бѣлому листу, на которомъ послѣ написалъ челобитную, чтобъ Малороссійской Коллегіи не быть, а вмѣсто нея быть генеральному суду изъ семи особъ. Полуботокъ съ товарищами объяснили дѣло такъ, что первая челобитная написана была у нихъ въ Глуховѣ малороссійскимъ письмомъ, къ которой и руки были приложены, а на бланкетѣ прикладывали руки для того, чтобъ челобитную переписать письмомъ великорусскимъ, что и было сдѣлано ими по пріѣздѣ въ Петербургъ; но они признались, что внесли въ челобитную, безъ вѣдома рукоприкладывателей, пунктъ о генеральномъ судѣ изъ семи особъ. Всѣхъ полковъ полковая старшина, сотники, бунчуковые товарищи и отъ каждаго полка по нѣскольку сотъ казаковъ единогласно отвѣчали предъ Румянцевымъ и засвидѣтельствовали протестаціями за своими руками, что они объ этой челобитной не знаютъ, а подавали челобитныя о сбавкѣ съ нихъ положенныхъ сборовъ. На очной ставкѣ съ Лаговичемъ, Полуботокъ, Савичъ и Чернышъ признались, что давали ему упомянутую выше инструкцію [3]). Старосенжаровскіе жители показали на сотника своего Выблаго, что онъ уговаривалъ ихъ требовать единогласно отмѣны Малороссійской Коллегіи и сборовъ. Узнано было: что когда въ Малороссіи узнали объ арестѣ Полуботка, то домовая его служанка Марья сожгла его письма: что отставной катъ (палачъ) Игнатовъ вмѣстѣ со вдовою Натальею Кривкою ворожили, чтобъ быть Полуботку гетманомъ; что, по приказанію Полуботка, убита была краморка Марья Матвѣиха; катъ Игнатовъ объявилъ, что Полуботокъ приказывалъ ему убить значковаго казака Загоровскаго и другихъ людей, чтобъ на него не доносили; стародубскіе мѣщане подали жалобу на Полуботка, что пограбилъ у нихъ деньги. Попался и Апостолъ: наказной полковникъ Шеметъ не давалъ жалованья казакамъ, бывшимъ въ Персидскомъ походѣ и оставленнымъ за болѣзнями въ Терскомъ городкѣ; на эти деньги куплены были для Апостола верблюдъ и пять лошадей. Петру дали знать также, что Полуботокъ съ товарищами

[1]) Кабинетъ I, кн. № 63.

[2]) Дѣла Тайной Канцеляріи въ Государств. Архивѣ.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 4651.

посылалъ письмо въ Запорожье; это особенно было для него важно, что видно изъ письма его къ Румянцеву отъ 14 марта 1724 года: „Потщитесь послать кого въ Запорожье (а лучше-бъ изъ такихъ, которые гораздо озлоблены отъ старшинъ), дабы то письмо достать, которое писала старшина къ нимъ, и денегъ можете за то употребить до 5,000 изъ взятыхъ старшинскихъ, и чаю за сію сумму сіе получить можно". Русскій резидентъ въ Константинополѣ, Неплюевъ, доносилъ: „Изъ Крыма пріѣхалъ французскій консулъ, который сказывалъ мнѣ въ секретѣ, что этимъ годомъ въ разныя времена пріѣзжали изъ Украйны отъ нѣкоторыхъ казацкихъ командировъ, которыхъ Татары зовутъ Барабашами, люди къ татарскому главному мурзѣ Кантемиръ-Бею съ жалобами, что у нихъ всѣ прежнія привилегіи отняты, о чемъ они били челомъ въ Петербургѣ, но ничего не успѣли; поэтому они, украинскіе жители, желаютъ поддаться подъ турецкую протекцію, но безъ помощи турецкой сдѣлать того не могутъ, потому что на Украйнѣ у нихъ русскаго войска много. Мурза совѣтовалъ хану Сайдетъ-Гирею вступиться въ эти казацкія дѣла; но ханъ не согласился, во-первыхъ, потому, что Порта строго наказала ему сохранять дружбу съ Россіею, а во-вторыхъ, особенно потому, что онъ человѣкъ миролюбивый [1]). Петръ самъ долженъ былъ присутствовать въ Вышнемъ судѣ, потому что Чернышъ подговорилъ камергера Чевкина ходатайствовать за нихъ передъ императрицею; Чевкинъ совѣтовалъ поднести Екатеринѣ въ подарокъ 500 червонцевъ, завернувши ихъ въ бумажку, или спрятавши въ стаканѣ [2]). Полуботокъ умеръ въ крѣпости; судьбу товарищей его увидимъ въ слѣдующее царствованіе.

Въ другой странѣ казаковъ,—на Дону, старыя формы быта мирно уступали новымъ отношеніямъ къ государству, непреоборимое могущество котораго было сознано послѣ неудачи Булавинскаго бунта. Еще въ ноябрѣ 1716 года атаманъ Максимъ Фроловъ писалъ князю Меншикову: „Пожалуй, государь мой и батко, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ, подай руку помощи и заступи великому государю о самыхъ моихъ нынѣшнихъ крайныхъ нуждахъ, дабы мнѣ быть въ войску Донскомъ войсковымъ атаманомъ по вся годы безъ перемѣны за мою службу и за старость имяннымъ его величества государя указомъ на писмѣ, такожде какъ и бывшій войсковой атаманъ Петръ Емельяновъ былъ пожалованъ; а нынѣ я выбранъ войсковымъ атаманомъ съ общаго войсковаго согласія". Въ 1722 году атаманъ Василій Фроловъ, братъ Максима, прислалъ въ Москву сына и племянника „ради изученія въ школѣ книгъ латинскаго и нѣмецкаго писанія и другихъ политическихъ наукъ". Василій Фроловъ умеръ въ слѣдующемъ году; на его мѣсто выбрали Ивана Матвѣева; но коммисія, назначенная для разбора турецкихъ жалобъ на казацкіе разбои, приговорила его къ уплатѣ денегъ за разбитыя имъ турецкія арбы. На Донъ пришелъ императорскій указъ, что поэтому Матвѣевъ не можетъ быть атаманомъ, а назначается атаманомъ, впредь до указу, изъ старшинъ Андрей Ивановъ Лопатинъ. Казаки отвѣчали, что Лопатинъ „удовольствованъ, войсковымъ атаманомъ почтенъ".

На востокѣ инородцы продолжали волноваться. Мы видѣли, что въ 1720 году, для успокоенія Башкирцевъ и вывода отъ нихъ плѣнныхъ, отправленъ былъ Сенатомъ полковникъ графъ Головкинъ. Весною 1722 года, онъ возвратился, привезъ чертежъ Башкирской Земли, и объявилъ, что выслалъ бѣглыхъ съ 7 іюня 1720 по 1-е марта 722 года 4,965 семей, а людей обоего пола 19,815. Но въ 1724 году опять началось бѣгство къ Башкирцамъ, которые выходили противъ сыщиковъ боемъ. Отправленъ былъ новокрещенинъ тайно, будто бѣглый, развѣдать, что дѣлается у Башкирцевъ. Башкирцы приняли его и сказали: „Для чего тебѣ жить въ Казанскомъ уѣздѣ; будетъ скоро война съ Русью, и будетъ война не такая, что прежде была; съ нами будутъ Сибирскіе и Яицкіе казаки". Приходили извѣстія, что новокрещены чистятъ копья и стрѣлы точатъ; ясачные Татары отказывались платить подушное и давать рекрутъ. У Башкирцевъ было собраніе въ Уфимскомъ уѣздѣ, на озерѣ Берсевенъ; пріѣхалъ батырь Алдарко съ 700 человѣкъ, пріѣхалъ сынъ измѣнника Сеитка, бѣжавшій въ 1707 году къ Киргизамъ, съ нимъ пріѣхало Киргизъ 500 человѣкъ; собирались Башкирцы и Татары отовсюду на это озеро, хотѣли осадить Уфу, потому что на Уфѣ было трое судей, а они требовали, чтобъ оставленъ былъ одинъ, а двоихъ отдать имъ,—прибыльщики имъ не надобны.

Но при этихъ безпокойствахъ со стороны степной Азіи вниманіе Петра не переставало обращаться на самую отдаленную азіятскую границу, къ берегамъ Восточнаго океана: здѣсь нужно было удовлетворить требованію науки, выставленному Лейбницемъ,—узнать, соединяется ли Азія съ Америкою. 2 января 1719 года написана была инструкція геодезистамъ изъ навигаторовъ, Ивану Евреинову и Ѳедору Лужину: „Ѣхать вамъ до Тобольска и отъ Тобольска, взявъ провожатыхъ, ѣхать до Камчатки и далѣе, куды вамъ указано, и описать тамошнія мѣста, сошлася-ль Америка съ Азіею, что надлежитъ зѣло тщательно сдѣлать". Евреиновъ и Лужинъ не узнали, сошлася ли Америка съ Азіей, они только доставили Петру карту Курильскихъ островов въ 1722 году. Петръ, разумѣется, не удовлетворился этимъ, и, въ 1725 году, написалъ инструкцію капитану Берингу. „1) Надлежитъ на Камчаткѣ, или въ другомъ тамъ мѣстѣ, сдѣлать одинъ или два бота съ палубами. 2) На оныхъ ботахъ (плыть) возлѣ земли, которая идетъ на нордъ, и по чаянію (понеже оной конца не знаютъ)

[1]) Архивъ Мин. Юстиціи, секретный протоколъ Сената 22 ноября 1724 г.; Кабинетъ I, кн. № 33; дѣла Турецкія 1724 г.

[2]) Бумаги по дѣлу Полуботка въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

*

кажется, что та земля часть Америки. 3) И для того искать, гдѣ оная сошлася съ Америкою (съ Азіею), и чтобъ доѣхать до какого города европейскихъ владѣній, и самимъ побывать на берегу, и взять подлинную вѣдомость, и, поставя на карту, пріѣзжать сюды" [1]).

Такова была новая странная Имперія, на западѣ прислонившаяся къ Балтійскому морю, а на восточныхъ границахъ своихъ разрѣшавшая вопросъ—соединяется ли Азія съ Америкою. Но не мало людей въ Россіи и за-границею должна была занимать мысль о будущемъ этой Имперіи, мысль о томъ, кто будетъ преемникомъ великаго человѣка, давшаго новое значеніе своему народу. Старшій сынъ былъ принесенъ въ жертву этому новому значенію; младшій потомъ умеръ; оставался внукъ, сынъ Алексѣя, Петръ; но о характерѣ этого шестилѣтняго ребенка нельзя было сдѣлать никакого удовлетворительнаго вывода, какъ нельзя было сдѣлать его и впослѣдствіи; притомъ объявить маленькаго Петра наслѣдникомъ престола—значило возбудить надежды людей, жалѣвшихъ объ отцѣ его, какъ представителѣ извѣстнаго порядка вещей; возбудить опасенія людей, которые высказались противъ Алексѣя, а на этихъ-то людей императоръ всего болѣе разсчитывалъ для поддержанія своего дѣла. Въ началѣ 1722 года, во время торжествъ Ништадтскаго мира, происходившихъ въ древней столицѣ, Петръ издалъ уставъ о наслѣдіи престола: „Понеже всѣмъ вѣдомо есть, какою авессаломскою злостію надменъ былъ сынъ нашъ Алексѣй, и что не раскаяніемъ его оное намѣреніе, но милостію Божіею всему нашему отечеству пресѣклось, а сіе не для чего иного у него взросло, токмо отъ обычая стараго, что большему сыну наслѣдство давали, къ тому-жъ одинъ онъ тогда мужеска пола нашей фамиліи былъ, и для того ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ. Сей недобрый обычай не знаю чего для такъ былъ затвержденъ, ибо не точію въ людяхъ по разсужденію умныхъ родителей бывали отмѣны, но и въ Св. Писаніи видимъ; еще-жъ и въ нашихъ предкахъ оное видимъ (примѣръ Іоанна III). Въ такомъ же разсужденіи въ прошломъ 1714 году, милосердуя мы о нашихъ подданныхъ, чтобъ партикулярные ихъ домы не приходили отъ недостойныхъ наслѣдниковъ въ разореніе, хотя и учинили мы уставъ, чтобъ недвижимое имѣніе отдавать одному сыну, однакожъ отдали то въ волю родительскую, которому сыну похотятъ отдать, усмотря достойнаго, хотя и меньшому мимо большихъ, признавая удобнаго, который бы не расточилъ наслѣдства. Кольми же паче должны мы имѣть попеченіе о цѣлости всего нашего государства, которое съ помощію Божіею нынѣ паче распространено, какъ всѣмъ видимо есть; чего для благоразсудили сей уставъ учинить, дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя, кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнить, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ" [2]). Не довольствуясь побужденіями, высказанными въ этомъ манифестѣ, Петръ поручилъ Ѳеофану Прокоповичу написать подробное оправданіе мѣры; сочиненіе Ѳеофана вышло подъ заглавіемъ: „*Правда воли монаршей*".

Петръ хотѣлъ, чтобъ подданные присягнули въ признаніи этой воли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалось сопротивленіе. Раскольники толковали: „Взялъ за себя Шведку, и та царица дѣтей не родитъ, и онъ сдѣлалъ указъ, чтобъ за предбудущаго государя крестъ цѣловать, и крестъ цѣлуютъ за Шведа, однаконечно станетъ царствовать Шведъ". Монахи говорили: „Видишь, государь выбираетъ на свое мѣсто Нѣмчина, знамо къ царевнѣ, а внука своего сослалъ, и никто про него не вѣдаетъ, а нынѣ прикладываютъ руки, кого онъ, государь, изволитъ выбрать". Тарскіе жители не пошли къ присягѣ; возмутили ихъ: полковникъ Иванъ Нѣмчиновъ, казакъ Иванъ Подуша, Петръ Богачовъ, Димитрій Вихоревъ, Василій Исецкій. Въ Тару для розыску пріѣхалъ изъ Тобольска полковникъ Батасовъ, въ инструкціи котораго было сказано, чтобъ не ожесточать сопротивляющихся, не заставить ихъ разбѣжаться. Вслѣдствіе этого, Батасовъ освободилъ Подушу изъ заключенія, отдавъ на поруки. Но кротость не помогла. Богачевъ, первый заводчикъ смуты, ушелъ, а Нѣмчиновъ съ 60-ю человѣками заперся въ хоромахъ; 49 человѣкъ онъ выпустилъ, а съ остальными поджегъ подъ собою порохъ, но не удачно; всѣ были взяты живые; Нѣмчиновъ и четыре человѣка, наиболѣе пострадавшіе отъ взрыва, умерли, но остальные выздоровѣли [3]).

Манифестъ отнималъ право у великаго князя Петра Алексѣевича, который могъ быть преемникомъ только по волѣ дѣда, если успѣетъ поправиться ему. Но если не поправится, не изберетъ же Петръ совершенно чужаго? Въ церквахъ поминали Царскую Фамилію такъ: „Благочестивѣйшаго государя нашего Петра Великаго, императора и самодержца Всероссійскаго, благочестивѣйшую великую государыню нашу императрицу Екатерину Алексѣевну. И благовѣрныя государыни цесаревны. Благовѣрную царицу и великую княгиню Параскеву Ѳеодоровну. И благовѣрнаго великаго князя Петра Алексѣевича. И благовѣрныя цесаревны великія княжны". Великій князь Петръ стоялъ ниже тетокъ своихъ цесаревенъ, и потому естественно обращали вниманіе на дочерей Петра, тѣмъ болѣе что знали вліяніе императрицы Екатерины на мужа,—и вопросъ

[1]) Переписка князя Меншикова въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ; дѣла Донскія въ Москов. Отдѣл. Архива Главнаго Штаба.—Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Казанской губерніи. — Кабин. I, кн. № 56. — Ежемѣсячныя сочиненія, апрѣль 1758 г. Голикова—Дѣянія XI, 187.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 3893.

[3]) Архивъ Минист. Юстиціи, дѣла Преобр. Тайнаго Приказа, годы 1723 и 1724.

о бракѣ цесаревенъ былъ, слѣдовательно, вопросомъ первой важности. Безпокоились не въ одной Россіи: безпокоились и въ Вѣнѣ, гдѣ считали своимъ интересомъ и своею обязанностію поддерживать право великаго князя Петра, роднаго племянника императрицы Римской по матери. Австрійскій посолъ вошелъ съ представленіями къ Петербургскому Двору, что великій князь Петръ не получаетъ достойнаго воспитанія, живетъ во дворцѣ, окруженный женщинами, вслѣдствіе чего можетъ оказаться ни къ чему неспособнымъ: изъ этого видно, что его императорское величество не хочетъ объявить его наслѣдникомъ престола; но можетъ ли отсюда произойти что-нибудь доброе, кромѣ нарушенія союза между двумя имперіями? Посолъ объявилъ при этомъ, что слышалъ, будто цесаревна Анна Петровна будетъ выдана замужъ за Александра Нарышкина, котораго императоръ объявитъ своимъ наслѣдникомъ, а цесаревна Елисавета выйдетъ замужъ за герцога Голштинскаго [1]).

Слухъ о бракѣ цесаревны Анны съ Александромъ Нарышкинымъ, попавшій, какъ мы видѣли, и въ иностранныя газеты, оказался ложнымъ. Петръ, сильно хлопоча, чтобъ младшая цесаревна вышла замужъ за Французскаго короля, долго медлилъ дать свое согласіе на бракъ старшей съ герцогомъ Голштинскимъ. Послѣ Ништадтскаго мира герцогъ остался въ Россіи; но Петръ молчалъ о свадьбѣ. Императоръ сбирался въ далекій Персидскій походъ, съ нимъ уѣзжала и Екатерина, особенно расположенная къ герцогу, а тотъ все не объявлялся женихомъ. Бассевичъ обратился къ Петру съ письмомъ: „Ваше императорское величество милостивѣйше разсудить изволите, какъ доволенъ и сердечно радъ я былъ, когда его королевское высочество поручилъ мнѣ свои дѣла, и ваше величество обнадежили меня въ Вѣнѣ чрезъ генерала Ягужинскаго. А теперь съ особенною печалію вижу, какъ его королевское высочество сердечно сокрушается, что ваше величество такъ затрудняетесь выдать за него одну изъ государынь цесаревенъ. Что можетъ ваше императорское величество удерживать отъ заключенія этого союза? Родъ его между владѣтельными Домами одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ; онъ, слава Богу, достаточно уменъ, никакого лукавства въ немъ нѣтъ, а богобоязливость и скромность его обѣщаютъ цесаревнѣ жизнь самую желанную. Права его на короны и княжества явны. Цесарь никогда не отступится отъ своей гарантіи насчетъ Шлезвига; несомнѣнно, что Цесарь лучше желаетъ видѣть шведскую корону на головѣ его королевскаго высочества, чѣмъ принца Гессенскаго. Если бы возможно было вашему императорскому величеству примириться съ королемъ Англійскимъ, то Англія, за согласіе на уступку Бремена и Вердена, всячески помогла бы его королевскому высочеству въ дѣлахъ Шлезвигскомъ и Шведскомъ Прусскій Дворъ исполнитъ желаніе герцога, который далъ свое согласіе насчетъ Помераніи. Голландія желаетъ помочь герцогу, король Польскій—также. Кардиналъ Дюбуа посланнику герцогову обѣщалъ, что когда ваше величество своимъ министрамъ указъ дадите, то Франція помогать герцогу готова. Любовь шведской націи къ его королевскому высочеству во Франціи довольно извѣстна, а когда бы узнали, что герцогъ сталъ зятемъ вашего величества, то еще сильнѣе стали бы помогать въ надеждѣ на будущую дружбу, и такимъ образомъ большая часть государствъ и знатные люди въ Швеціи, которые можетъ быть еще не склонны къ герцогу, возьмутъ его сторону; а ваше императорское величество такое важное славное дѣло безъ войны совершите. Вашему величеству, какъ прозорливому монарху, довольно извѣстно, что всѣ государства завидують вашему увеличивающемуся могущесву, которое они, по смерти вашего величества, будутъ стараться подорвать; но если ваше величество или вашъ наслѣдникъ будетъ въ союзѣ съ Шведскимъ государствомъ, то враждебныя дѣйствія всего свѣта будутъ напрасны; а союзъ съ Швеціею всего лучше можетъ состояться посредствомъ герцога, ибо онъ многихъ тамъ имѣетъ на своей сторонѣ; другіе очень многіе будутъ бояться, что ваше величество въ опасное время зятя своего не оставите; а изъ исторіи извѣстно, что маленькое войско достаточно для низверженія противниковъ въ такой странѣ, гдѣ имѣется много доброжелательнаго народа. На сеймѣ сто тысячъ рублей могутъ много сдѣлать, а эту сумму выдать готовы съ охотою. Лифляндскіе и Эстляндскіе жители обязаны всегда поступать по волѣ вашего величества. Если ваше императорское величество его королевскому высочеству одну цесаревну пожалуете, то въ Швеціи люди, преданные герцогу, свободнѣе станутъ обнаруживать свою преданность. Если вашему величеству не угодно будетъ старшую цесаревну выдать, то герцогъ будетъ доволенъ и младшею. Сколько я могъ усмотрѣть, герцогъ обѣихъ государынь цесаревенъ квалитеты сердечно любитъ. А спокойнѣе и лучше бы, по лѣтамъ, жениться ему на старшей цесаревнѣ“. Самъ герцогъ написалъ: „Такъ какъ до настоящаго времени, по многократному нашему исканію, не имѣлъ я счастія получить ваше отеческое соизволеніе на брачный союзъ съ ея высочествомъ цесаревною, то снова покорнѣйше представляю возрастающее въ себѣ чувствительное безпокойство. Надѣюсь милостивѣйшаго и скорѣйшаго выслушанія, потому что отъ продолжительнѣйшаго молчанія принужденъ опасаться невозвратимаго убытка, и мнѣ болѣе въ такой неизвѣстности быть невозможно“. Петръ отвѣчалъ: „Свѣтлѣйшій герцогъ, дружелюбно любезный племянникъ! Два ваши письма, единое отъ васъ самихъ, другое отъ министра вашего Бассевича, я принялъ, въ которыхъ содержаніе двухъ дѣлъ, первое о свойствѣ чрезъ васъ съ Домомъ моимъ; другое —чтобъ вамъ помочь въ вашихъ дѣлахъ, къ чему многіе

[1]) Записка о разговорѣ, бывшемъ съ цесарскимъ посломъ, безъ числа и года, въ Государ. Архивѣ.

потентаты охоту имѣютъ, ежели мы приступимъ; на что отвѣтствую, что я съ оными потентатами со всею моею охотою вступить готовъ и трудиться по всякой возможности въ томъ дѣлѣ. Что же принадлежитъ о супружествѣ, то и въ томъ я отдаленъ не былъ, ниже хочу быть, понеже ваше доброе состояніе довольно знаю и отъ сердца васъ люблю; но прежде нежели ваши дѣла въ лучшее состояніе дѣйствительно приведены будутъ, въ томъ обязаться не могу, ибо ежелибъ нынѣ то я учинилъ, то-бъ иногда и противъ воли и пользы своего отечества дѣлать принужденъ бы былъ, которое мнѣ паче живота моего есть".

Только въ 1724 году, когда дѣйствительно, посредствомъ союза, заключеннаго между Россіею и Швеціею, дѣла герцога приведены были въ лучшее состояніе, Петръ далъ свое согласіе на бракъ его съ своею старшеею дочерью. Въ іюлѣ, во время совѣщаній Петра съ министрами, между прочимъ, было донесено о герцогѣ Голштинскомъ и о сомнѣніи, въ которомъ еще въ Швеціи находятся насчетъ супружества его съ одною изъ цесаревенъ, также объ интригахъ, происходящихъ въ Швеціи противъ герцога; изъ Швеціи требовали плана: какимъ образомъ надобно поступать въ дѣлахъ герцога Голштинскаго для исполненія заключеннаго союзнаго договора. Послѣ долгихъ разсужденій, Петръ объявилъ, что онъ очень желаетъ вступленія въ бракъ одной изъ своихъ дочерей съ герцогомъ Голштинскимъ; но относительно интересовъ герцога лучше вести переговоры при Русскомъ Дворѣ и смотрѣть, чтобъ это дѣло всегда и преимущественно находилось въ рукахъ Русскаго государя, и хотѣлъ еще имѣть разсужденіе объ этомъ предметѣ. 24 ноября, въ день имянинъ императрицы, послѣдовало обрученіе цесаревны Анны съ герцогомъ. Въ силу новаго закона, по которому право назначать преемника престола принадлежало царствующему государю, цесаревна должна была въ брачномъ договорѣ отказаться за себя и за потомство свое отъ всѣхъ притязаній на Русскій престолъ. Это отреченіе подтверждено было герцогомъ и скрѣплено присягою невѣсты и жениха. Герцогъ обязался оставить свою супругу въ Греческомъ законѣ и въ будущей резиденціи своей построить и содержать церковь „по греческому обыкновенію". Имѣющіе родиться отъ заключеннаго брака принцы должны были воспитываться въ лютеранской вѣрѣ, а принцессы—въ вѣрѣ и исповѣданіи Греческой Церкви. Отецъ невѣсты обѣщалъ снабдить свою „дружелюбно любезную дщерь" уборомъ, клейнодами, платьемъ и, сверхъ того, дать въ приданое и вѣно триста тысячъ рублей; герцогъ обязался своей „сердечно-любезной супругѣ" положить также 300.000 рублей и выдавать ежегодно по пяти процентовъ; также обязался дать „утренній подарокъ" (Morgengabe)—50,000 ефимковъ, и до выплаченія этой суммы давать ежегодно по пяти процентовъ; наконецъ обязался выплачивать своей супругѣ ежегодно по 6,000 рублей ларечныхъ и ручныхъ денегъ, такъ чтобы будущая герцогиня получала всего въ годъ 23,000 рублей; а для обезпеченія этого дохода герцогъ обѣщался дать ей въ закладъ извѣстное число земельныхъ участковъ; герцогъ долженъ содержать и придворныхъ служителей своей супруги. Въ случаѣ смерти герцога, герцогиня-вдова получаетъ по смерть земли Триттау и Рейнбекъ съ окрестными имѣніями, что должно приносить 50,000 ефимковъ чистаго дохода. Если герцогъ получитъ Шведскій престолъ, то обязывается придать своей супругѣ къ вышеозначенному все то, что слѣдуетъ королевамъ Шведскимъ [1]).

Петръ также хотѣлъ скрѣпить и права жены своей [2]). Екатерина попрежнему пользовалась большимъ вліяніемъ на мужа; попрежнему къ ней обращались всѣ опальные, всѣ нуждавшіеся въ чемъ-нибудь съ просьбами о ходатайствѣ предъ государемъ; попрежнему она охотно исполняла эти просьбы, охотно давала чувствовать свое смягчающее, благодѣтельное вліяніе. Это вліяніе простиралось и на одну изъ линій Царскаго Дома, на линію царя Ивана Алексѣевича. Вдова послѣдняго, царица Прасковья Ѳедоровна вовсе не отличалась мягкимъ характеромъ, какъ мы уже могли видѣть изъ ея поступка съ дворцовымъ стряпчимъ въ Тайной Канцеляріи. Петръ отдалъ ей островъ Петровскій, принадлежавшій прежде дѣтямъ царевича Алексѣя, но огородъ, принадле-

---

[1]) Кабинетъ I, кн. № 22; отвѣтъ Петра отъ 18 апрѣля 1722 года. Протоколы резолюцій Петра В въ приказныхъ дѣлахъ новыхъ лѣтъ Москов. Архива Мин. Ин. Д.—Полн. Собр. Зак. № 4605.

[2]) Мы уже видели прежде извѣстія о родствѣ Екатерины; новыя подробности находятся въ письмахъ къ ней Петра Бестужева (въ Государст. Архивѣ). Бестужевъ пишетъ изъ Риги 25 іюня 1715 года „Въ прошломъ году въ С.-Петербургѣ в. в-ства указомъ объявилъ Матѳей Алсуфьевъ и далъ мнѣ роспись, дабы въ Крышборхѣ сыскалъ фамилію Веселевскихъ и Дуклясовъ; и по тому в. в-ства указу и въ Крышборхъ ѣздилъ и кого могъ—тѣхъ фамилій сыскалъ, и онымъ при семъ всенижайшее доношеніе прилагаю; 2) Вильгельмъ Ганъ Курлянецъ; у него четыре сестры: первая Катерина Лиза была за мужемъ въ Крейсбурхѣ за Яномъ Веселевскимъ. Вторая сестра Дорота была за Сковородскимъ, имѣла два сына и четыре дочери, была лютерскаго закону, одинъ Карлъ, другой Фрицъ въ польскихъ Лифляндахъ, одна дочь Анна, другая Доротея—обѣ въ польскихъ Лифляндахъ замужемъ, *третья—Катерина—жила въ Крейсбурхѣ у тетки своей Маріи-Анны Веселевской* [3]), которую въ 12 лѣтъ возраста ея взялъ въ Лифлянды шведскій маріенбургскій пасторъ; четвертая Анна въ повѣтріе умерла. Третья сестра Ганова Софья за Гендербергомъ; у ней два сына въ Курляндіи въ Субочѣ живы. Четвертая сестра Ганова Марія-Анна была за другимъ Веселевскимъ; у нихъ остался сынъ Андрей Веселевскій и нынѣ живетъ въ Крейсбурху. Вдова Катерина-Лиза послѣ Веселевскаго вышла замужъ за Лаврина Дукляса, родила съ нимъ 6 сыновъ, померла въ повѣтріе; одинъ сынъ ея Симонъ Дуклясъ и нынѣ живъ въ Крейсбурхѣ".—Родилась Екатерина въ 1683 году, ибо 5 апрѣля 1724 года ей минулъ 41 годъ по донесенію голландскаго резидента.

[3]) Отсюда фамилія *Василевская*, подъ которою Екатерина была извѣстна въ Россіи, см. Исторію России XVI.

жавшій кронъ-принцессѣ и отдаленный отъ острова протокою, Петръ утвердилъ за внучатами. Царица Прасковья, безъ указа, завладѣла и огородомъ; тщетно Меншиковъ и Петръ Апраксинъ представляли ей незаконность этого поступка: она никого не хотѣла слушать, и объ этомъ дѣлѣ надобно было писать къ Екатеринѣ [1]). Мы видѣли, что Екатерина должна была смягчать гнѣвъ царицы Прасковьи на Петра Бестужева, находившагося при царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ, герцогинѣ Курляндской. Быть можетъ, за Бестужева царица Прасковья разсердилась и на дочь свою Анну [2]). Императрица Екатерина II разсказывала своимъ приближеннымъ, что царица Прасковья такъ осердилась на дочерей своихъ Екатерину и Анну, что при смерти прокляла ихъ и потомство ихъ [3]). Это преданіе имѣло основаніе, но дѣло было преувеличено вслѣдствіе несчастій потомства царевны Екатерины Ивановны, а можетъ быть преувеличивали не безъ желанія угодить восторжествовавшей линіи Петра Великаго. О гнѣвѣ царицы Прасковьи на дочь Екатерину мы не знаемъ ничего; что же касается до гнѣва на Анну, то дѣло кончилось прощеніемъ со стороны матери, по ходатайству императрицы Екатерины. До насъ дошло предсмертное письмо царицы Прасковьи къ дочери Аннѣ. „Любезнѣйшая моя царевна Анна Ивановна! Понеже нынѣ болѣзни во мнѣ часъ отъ часу умножились и такъ отъ оныхъ стражду, что уже и жизнь свою отчаяла, того для симъ моимъ письмомъ напоминаю вамъ, чтобъ вы молились обо мнѣ Господу Богу; а ежели Его, Творца моего, воля придетъ, что я отъ сего свѣта отъиду и съ вами разлучусь, то не забывайте меня въ поминовеніи. Также слышала я отъ моей вселюбезнѣйшей невѣстушки, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, что ты въ великомъ сумнѣніи, яко бы подъ запрещеніемъ или паче реши проклятіемъ отъ меня пребываешь; и въ томъ нынѣ не сумнѣвайся,— все вамъ для вышеупомянутой ея величества, моей вселюбезнѣйшей государыни невѣстушки, отпускаю и прощаю васъ во всемъ, хотя въ чемъ вы предо мною и погрѣшили" [4]).

Когда Петръ принялъ титулъ императора, то рождался вопросъ о титулѣ супруги его и дѣтей. 23 декабря 1721 года Синодъ и Сенатъ, будучи въ Москвѣ, имѣли въ синодальной крестовой палатѣ конференцію; такъ какъ его величество титулуется

[1]) Письмо Петра Апраксина къ Екатеринѣ въ Государств. Архивѣ.

[2]) Въ Государ. Архивѣ находится слѣдующее письмо Бестужева къ Екатеринѣ изъ Митавы 18 августа 1719 года: „Дерзаю просить о сынѣ моемъ Михайлѣ, котораго нынѣ государыня царевна Екатерина Ивановна безъ всякой его вины изъ службы ему отказала; чаю быть, что оное ея царское величество учинила, токмо угождая своей государынѣ матери, что ея величество государыня царица безвинно на меня высокой свой гнѣвъ имѣетъ." Екатерина отказала отъ службы сыну Бестужева, но Анна не отказывала самому Бестужеву.

[3]) Рукопись библіотеки Эрмитажа № 90.

[4]) Кабинетъ I, кн. № 63.

„Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій", то какъ бы съ этимъ титуломъ согласить титулъ и государыни царицы и дѣтей его величества; разсуждали долго — и согласились именовать ея величество „Императрицею или Цесаревою", а дѣтямъ именоваться „Цесаревнами", а что въ прежнемъ многолѣтіи употреблялось въ титулѣ: *тишайшему*, *избранному*, *почтенному*, и то заблагоразсудили выключить; также и тамъ, гдѣ въ титулахъ вспоминалось великому князю (Петру Алексѣевичу) и цесаревнамъ *благородство*, признали приличнѣе употреблять слово „*благовѣрные*", потому что титуловаться благородствомъ ихъ высочеству по нынѣшнему употребленію низко, ибо благородство и шляхетству дается. Петръ согласился съ этимъ рѣшеніемъ, только, вмѣсто „*цесаревой*", велѣлъ возглашать: „Императрицѣ ея цесаревину величеству" [5]). Въ 1723 году Петръ вознамѣрился короновать Екатерину; а 15 ноября подписанъ былъ слѣдующій манифестъ: „Понеже всѣмъ вѣдомо есть, что во всѣхъ христіанскихъ государствахъ непремѣнно обычай есть потентатамъ супругъ своихъ короновать и не точію нынѣ, но и древле у Православныхъ императоровъ Греческихъ сіе многократно бывало (слѣдуютъ примѣры), и понеже не невѣдомо есть, что въ прошедшей двадцати-единолѣтней войнѣ коль тяжкіе труды, и самый смертный страхъ отложа собственной нашей персонѣ, за отечество наше полагали, что съ помощію Божіею и окончили, что еще Россія такъ честнаго и прибыточнаго мира не видала и во всѣхъ дѣлахъ славы такъ никогда не имѣла, въ которыхъ вышеописанныхъ нашихъ трудахъ наша любезнѣйшая супруга, государыня императрица Екатерина великою помощницею была; и не точію въ семъ, но и во многихъ воинскихъ дѣйствахъ, отложа немочь женскую, волею съ нами присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче въ Прутской кампаніи съ Турки, почитай отчаянномъ времени какъ мужески, а не женски поступала, - о томъ вѣдомо всей нашей арміи, и отъ нихъ несумнѣнно всему государству: того ради данною намъ отъ Бога самовластію за такіе супруги нашея труды" и проч. [6]).

Коронація Екатерины совершилась въ Москвѣ съ великимъ торжествомъ 7 мая 1724 года. Но черезъ полгода Екатерина испытала страшную непріятность: былъ схваченъ и казненъ любимецъ и правитель ея вотчинной канцеляріи, камергеръ Монсъ, братъ извѣстной Анны Монсъ. Вышній судъ 14 ноября 1724 года приговорилъ Монса къ смерти за слѣдующія вины: 1) Взялъ у царевны Прасковьи Ивановны село Оршу съ деревнями въ вѣдѣніе вотчинной канцеляріи императрицы и оброкъ бралъ себѣ. 2) Для отказу той деревни посылалъ бывшаго прокурора воронежскаго надворнаго суда Кутузова и потомъ его же отправилъ въ вотчины нижегородскія императрицы для розыску, не требуя его

[5]) Архивъ Минист. Юстиціи. Дѣла Сената по Синоду.

[6]) Кабинетъ I, кн. № 63.

изъ Сената. 3) Взялъ съ крестьянина села Тонинскаго Соленикова 400 рублей за то, что сдѣлалъ его стремяннымъ конюхомъ въ деревнѣ ея величества, а оный Солениковъ не крестьянинъ, а посадскій человѣкъ. Вмѣстѣ съ Монсомъ попались: сестра его Матрена Балкъ, которую били кнутомъ и сослали въ Тобольскъ; секретарь Монса Столѣтовъ, который послѣ кнута сосланъ въ Рогервикъ въ каторжную работу на 10 лѣтъ; извѣстный шутъ камеръ-лакей Иванъ Балакиревъ, котораго били батогами и сослали въ Рогервикъ на три года. Балакиреву читали такой приговоръ: „Понеже ты, отбывая отъ службы и отъ инженернаго ученія, принялъ на себя шутовство, и чрезъ то Вилимомъ Монсомъ добился ко Двору его императорскаго величества, и въ ту бытность при Дворѣ во взяткахъ служилъ Вилиму Монсу и Егору Столѣтову".

Къ непріятностямъ отъ Монсовой исторіи присоединились непріятности отъ неисправимаго Меншикова, у котораго Петръ принужденъ былъ отнять президенство въ Военной Коллегіи; президентомъ ея былъ назначенъ князь Репнинъ. Макаровъ и члены Вышняго суда были также обвинены во взяткахъ [1]). Все это дѣйствовало на здоровье Петра. Онъ доживалъ только 53-й годъ своей жизни. Несмотря на частые припадки болѣзни и на то, что уже давно самъ себя называлъ старикомъ, императоръ могъ надѣяться жить еще долго и имѣть возможность распорядиться великимъ наслѣдствомъ согласно съ интересами государства. Но дни его уже были сочтены: никакая натура не могла долго выдерживать такой дѣятельности. Когда, въ мартѣ 1723 года, Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ по возвращеніи изъ Персіи, то его нашли гораздо здоровѣе, чѣмъ какъ онъ былъ передъ походомъ. Лѣтомъ 1724 года онъ сильно занемогъ; но во второй половинѣ сентября началъ видимо поправляться, гулялъ по временамъ въ своихъ садахъ, плавалъ по Невѣ. 22 сентября у него сдѣлался сильный припадокъ [2]); говорятъ, онъ пришелъ отъ него въ такое раздраженіе, что прибилъ медиковъ, браня ихъ ослами; потомъ опять оправился; 29 сентября присутствовалъ при спускѣ фрегата, хотя сказалъ голландскому резиденту Вильду, что все чувствуетъ себя немного слабымъ [3]). Несмотря на то, въ началѣ октября, онъ отправился осматривать Ладожскій каналъ, вопреки совѣтамъ своего медика Блюментроста; потомъ поѣхалъ на Олонецкіе желѣзные заводы, выковалъ тамъ собственными руками полосу желѣза вѣсомъ въ три пуда; оттуда отправился въ Старую Русу для осмотра соловаренъ; въ первыхъ числахъ ноября поѣхалъ водою въ Петербургъ, но тутъ, у мѣстечка Лахты, увидавъ, что плывшій изъ Кронштадта ботъ съ солдатами сѣлъ на мель, не утерпѣлъ, самъ поѣхалъ къ нему и помогалъ стаскивать судно съ мели и спасать людей, причемъ стоялъ по поясъ въ водѣ. Припадки немедленно возобновились; Петръ пріѣхалъ въ Петербургъ больной и не могъ уже оправиться; дѣло Монса такъ же не могло содѣйствовать выздоровленію. Петръ уже мало занимался дѣлами, хотя и показывался публично, по обыкновенію. 17 января 1725 года болѣзнь усилилась; Петръ велѣлъ близъ спальни своей поставить подвижную церковь и 22 числа исповѣдался и пріобщился; силы начали оставлять больнаго, онъ уже не кричалъ, какъ прежде, отъ жестокой боли, но только стоналъ. 26 числа ему стало еще хуже; освобождены были отъ каторги всѣ преступники, невиновные противъ первыхъ двухъ пунктовъ и въ смертоубійствахъ; въ тотъ же день надъ больнымъ совершено елеосвященіе. На другой день, 27 числа, прощены всѣ тѣ, которые были осуждены на смерть или на каторгу по военнымъ артикуламъ, исключая виновныхъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, смертоубійцъ и уличенныхъ въ неоднократномъ разбоѣ; также прощены тѣ дворяне, которые не явились къ смотру въ назначенные сроки. Въ этотъ же день, въ исходѣ втораго часа, Петръ потребовалъ бумаги, началъ-было писать, но перо выпало изъ рукъ его;—изъ написаннаго могли разобрать только слова: „*отдайте все...*"; потомъ велѣлъ позвать дочь Анну Петровну, чтобъ она написала подъ его диктовку; но когда она подошла къ нему, то онъ не могъ сказать ни слова. На другой день, 28 января, въ началѣ шестаго часа полуночи, Петра Великаго не стало. Екатерина находилась при немъ почти безотлучно: она закрыла ему глаза [4]).

Въ страшныхъ страданіяхъ физическихъ, съ полнымъ признаніемъ человѣческой слабости, съ требованіемъ подкрѣпленія свыше, подкрѣпленія религіознаго, умеръ величайшій изъ историческихъ дѣятелей. Мы уже говорили въ свое время о томъ: какъ приготовлена была дѣятельность Петра всею предшествовавшею исторіей; какъ необходимо истекла изъ нея; какъ требовалась народомъ, который долженъ былъ путемъ страшнаго переворота, посредствомъ необычнаго напряженія силъ выйти изъ отчаяннаго положенія на новую дорогу, къ новой жизни. Но это нисколько не уменьшаетъ величія человѣка, который, при совершеніи такого труднаго подвига, подалъ мощную руку великому народу, необычайною силою своей воли напрягъ всѣ его силы, далъ направленіе движенію. Исторія ни одного народа не представляетъ намъ такого великаго, многосторонняго преобразованія, сопровождавшагося такими великими послѣдствіями, какъ для внутренней жизни народа, такъ и для его значенія въ общей жизни народовъ, во всемірной Исторіи. Западные народы, западные историки,

[1]) Дѣла Тайной Канцеляріи въ Государств. Архивѣ Приложеніе № 13. Herrmann: Geschichte des russisch. Staates, IV, 443.

[2]) Задержаніе мочи. См. Приложенія.

[3]) Донесенія голландскихъ резидентовъ.

[4]) Голикова—Дѣянія П. В. IX, 193 и слѣд.

при вкоренившемся у нихъ предразсудкѣ объ исключительномъ господствѣ въ новой исторіи Германскаго племени, при очень понятномъ страхѣ потерять монополію исторической дѣятельности, при трудности, невозможности спокойно и безпристрастно изучить Россію, ея настоящее и прошедшее, не могутъ, не хотятъ оцѣнить по достоинству всемірно-историческаго значенія явленій, происшедшихъ въ Восточной Европѣ въ первую четверть XVIII вѣка. Несмотря на то, однако они принуждены обращаться къ результатамъ этихъ явленій, т.-е. къ рѣшительному вліянію Россіи на судьбы Европы, на судьбы слѣдовательно всего міра, и въ Россіи должны признать представительницу Славянскаго племени, чѣмъ и уничтожается монополія племени Германскаго. Отсюда весь гнѣвъ, отсюда стремленіе умалить значеніе и Славянскаго племени и Русскаго народа, внушить страхъ предъ честолюбіемъ новаго дѣятеля, предъ грозою, которая собирается съ Востока надъ цивилизаціею Запада. Но эти нелюбезныя отношенія Запада и представителей его науки къ Россіи всего лучше показываютъ намъ ея значеніе и вмѣстѣ значеніе дѣятельности Петра, виновника соединенія обѣихъ половинъ Европы въ общей дѣятельности.

Но оставимъ чужихъ и обратимся къ своимъ. Въ сознаніи Русскаго народа Петровскій переворотъ, разумѣется, представляетъ самое важное явленіе, около котораго сосредоточивается возбужденная наукою мысль. Благоговѣйное, религіозное отношеніе къ дѣятельности Преобразователя, господствовавшее долгое время послѣ его смерти, вызвало во второй половинѣ XVIII вѣка противодѣйствіе. Въ этомъ противодѣйствіи высказывалось поступательное движеніе, духовное развитіе Русскаго народа. При извѣстныхъ условіяхъ явились новыя потребности, новые взгляды на средства, которыми поддерживается историческая жизнь народа; религіозное отношеніе къ дѣятельности Петра Великаго; освященіе, которое лежало на результатахъ этой дѣятельности, естественно препятствовало поступательному движенію, отрицая всякое измѣненіе, какъ незаконное; обыкновенно считаютъ необходимымъ для приданія законности новому отрицать правильность стараго, стремятся снять съ него освященіе, умалить его значеніе и, встрѣчая сопротивленіе со стороны поклонниковъ стараго, стремятся поругать, разбить кумиръ, разрушить жертвенникъ и храмъ, чтобы воздвигнуть на ихъ мѣсто другой храмъ, постановить другой кумиръ. Не довольствовались приведеніемъ въ соотношеніе дѣятельности Петра съ новою дѣятельностью своего времени, не довольствовались тѣмъ, что говорили: „Петръ Великій сотворилъ тѣло, Екатерина II влагаетъ съ него душу“,—начали укорять Петра, что онъ и для своего времени дѣйствовалъ неправильно, незаконно, измѣнялъ старое лучшее на новое худшее. Эта крайность противодѣйствія не имѣла сильнаго отзыва, XVIII вѣкъ завѣщалъ XIX-му многотомный панегирикъ дѣятельности Отца Отечества, и книга Голикова заслонила собою книгу Болтина, заключавшую рѣзкія выходки противъ дѣятельности Преобразователя; однако самое направленіе труда Голикова, стараніе автора постоянно оправдывать во всемъ своего героя, показываютъ намъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка русская мысль работала надъ великимъ явленіемъ и противоположные взгляды сталкивались.

Въ XIX вѣкѣ опять новыя условія, которыя вызвали враждебный взглядъ на дѣятельность Петра. Крайности французской революціи, потрясенія государствъ и насилія надъ народами, произведенныя Французскою имперіей, результатомъ революціи, страхъ предъ возобновленіемъ революціонныхъ движеній заставили относиться враждебно вообще ко всѣмъ быстрымъ нарушеніямъ стараго, усилили охранительное направленіе, которымъ отличался и авторъ „Исторіи Государства Россійскаго“, давшій дѣятельности Ивана III предпочтеніе предъ дѣятельностью Петра Великаго. Скоро явились другія причины, поведшія въ литературѣ къ враждебнымъ выходкамъ противъ дѣятельности Преобразователя. Мыслители XVIII вѣка имѣли въ виду преимущественно человѣка, отвлеченно взятаго, его отвлеченныя права; въ XIX вѣкѣ обнаружилось противодѣйствіе этому направленію, оказавшемуся одностороннимъ; гнетъ, испытанный народами отъ Французской имперіи, пробудилъ національное чувство, и народы бросились къ изученію своего прошедшаго, съ цѣлію выяснить и укрѣпить свою національность, что и повело къ господству принципа національности, во имя котораго совершались и совершаются важныя событія нашего времени. Направленіе, въ сущности высокое и благодѣтельное, въ крайностяхъ своихъ породило на Западѣ германофильство, въ Россіи—славянофильство: переворотъ, совершенный Петромъ, который провозгласилъ несостоятельность древне-русскаго, чисто національнаго быта и потребовалъ отъ своего народа, чтобъ онъ заимствовалъ учрежденія и обычаи у народовъ чуждыхъ,—такой переворотъ не могъ возбудить сочувствія въ людяхъ, служившихъ господствующему принципу времени съ крайнимъ увлеченіемъ. Сюда присоединялся доведенный также до крайности взглядъ на значеніе народныхъ массъ, безъ должнаго опредѣленія отношенія ихъ къ своимъ историческимъ представителямъ. Петръ явился страшнымъ деспотомъ, который, руководясь своимъ произволомъ, своимъ личнымъ взглядомъ, заставилъ насильно часть своего народа, высшіе слои общества, перемѣнить древніе прадѣдовскіе нравы и обычаи на новые, чуждые, тогда какъ низшіе слои народонаселенія сослужили передъ отечествомъ великую, святую службу, оставшись вѣрны старинѣ: такимъ образомъ произошло раздвоеніе между высшими и низшими слоями народонаселенія, что и составляетъ главное зло Русской Земли, начиная съ царствованія Петра.

И этотъ второй протестъ противъ дѣятельности Петра, протестъ XIX вѣка, не можетъ быть принятъ въ наукѣ. Мы имѣемъ полное право не сочувствовать крутымъ переворотамъ въ направленіяхъ народной жизни. Бури очищаютъ воздухъ; но опустошенія, которыя онѣ по себѣ оставляютъ, показываютъ, что это очищеніе куплено дорогою цѣною. Сильныя лѣкарства условливаются сильными болѣзнями, и мы знаемъ, что допетровская Россія накопила въ себѣ много болѣзней, и явленія преобразовательной эпохи всего лучше указываютъ на нихъ. Политическое тѣло оздоровѣло, получило средства къ продолженію жизни, и жизни богатой сильными проявленіями; но историкъ впалъ бы въ непозволительную односторонность, если бы не замѣтилъ, что сильныя средства обыкновенно оставляютъ по себѣ и неблагопріятныя для организма послѣдствія. Эпоха преобразованія не представляетъ въ этомъ случаѣ исключенія. Не дѣло историка безусловно восхищаться всѣми явленіями этой эпохи, безусловно оправдывать всѣ средства, употреблявшіяся Преобразователемъ для лѣченія застарѣлыхъ недуговъ Россіи; но, изображая дѣятельность человѣческую съ необходимою въ ней темною стороною, историкъ имѣетъ право изображать дѣятельность Петра, какъ дѣятельность великаго человѣка, послужившаго болѣе другихъ для своего народа и для человѣчества.

Время переворотовъ есть время тяжкое для народовъ: такова была и эпоха преобразованія. Жалобы на тягости великія слышались со всѣхъ сторонъ,—и не напрасно. Русскій человѣкъ не зналъ покоя отъ наборовъ: наборъ въ тяжелую безпрерывную военную службу пѣхотную, въ новую службу морскую; наборъ въ работники для новыхъ трудныхъ работъ въ мѣстахъ отдаленныхъ и непривлекательныхъ; наборъ въ школы свои; наборъ для отсылки въ ученіе за-границу. Для войска и флота, для работъ, школъ и больницъ, для содержанія дипломатовъ и для дипломатическихъ подкуповъ нужны деньги, а денегъ нѣтъ въ бѣдномъ государствѣ: тяжкія подати деньгами и натурою ложатся на всѣхъ; въ нужныхъ случаяхъ вычитаютъ изъ жалованья; люди достаточные разоряются постройкою домовъ въ Петербургѣ; взято все, что можно было только взять, все отдано на откупъ; у бѣднаго народа нашелся предметъ роскоши, дубовые гробы,—и тѣ отобрала казна и продаетъ дорогою цѣной; раскольники платятъ двойной окладъ; бородачи окупаютъ свои бороды. Предписаніе за предписаніемъ: ищите руды, ищите красокъ, доставляйте *монстровъ*, ухаживайте за овцами не такъ какъ прежде, выдѣлывайте кожи, стройте суда поновому, не смѣйте ткать узкихъ полотенъ, возите товары не на сѣверъ, а на западъ. Правительственныя мѣста, суды новые: не знаютъ куда обратиться; члены этихъ мѣстъ и судовъ не умѣютъ обходиться съ новымъ дѣломъ; отсылаютъ бумаги изъ одного учрежденія въ другое,—волокита страшная; новое бѣдствіе: постоянная вооруженная сила легла на безоружное народонаселеніе. Укрываются отъ тяжкой службы; но не всѣмъ это удается; жестокое наказаніе грозитъ ослушникамъ указа; и нельзя жениться дворянину неграмотному. А между тѣмъ подъ новыми французскими кафтанами и париками старая грубость нравовъ; то же неуваженіе къ человѣческому достоинству въ себѣ и другихъ; самыя безобразныя явленія въ шуму (въ пьянствѣ), которыми долженъ оканчиваться каждый пиръ. Женщина введена въ общество мужчинъ, но она не окружена должнымъ уваженіемъ къ ея полу, къ ея обязанностямъ: беременную ее заставляютъ пить чрезъ мѣру. Члены высшихъ учрежденій ссорятся, бранятся другъ съ другомъ самымъ грубымъ образомъ; взяточничество сильно попрежнему; слабый подверженъ всѣмъ насиліямъ отъ сильнаго, попрежнему *мужъ* позволяетъ себѣ все надъ *мужикомъ*, благородные—надъ подлымъ народомъ.

Но это только одна сторона; есть другая. Народъ проходитъ трудную школу. Строгій учитель не щадитъ наказаній лѣнивымъ и нарушателямъ уставовъ; но дѣло не ограничилось одними угрозами и наказаніями. Народъ дѣйствительно учится; учится не одной цыфири и геометріи, не въ однѣхъ школахъ, русскихъ и заграничныхъ: народъ учится гражданскимъ обязанностямъ, гражданской дѣятельности. При изданіи каждаго важнаго постановленія, при введеніи важнаго преобразованія, законодатель объясняетъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, почему новое лучше стараго. Русскій человѣкъ впервые получаетъ наставленія подобнаго рода. Что намъ кажется теперь столь простымъ и всѣмъ доступнымъ, то предки наши узнали впервые изъ указовъ и манифестовъ Петровыхъ. Впервые мысль Русскаго человѣка была возбуждена, его вниманіе обращено на важные вопросы государственнаго и общественнаго строя; сочувственно или несочувственно обращались къ словамъ и дѣламъ царя,—все равно, надъ этими словами и дѣлами думали; эти слова и дѣла постоянно будили Русскаго человѣка. Что могло погубить общество одряхлѣвшее, народъ неспособный къ развитію,—треволненія преобразовательной эпохи, незнаніе покоя,—то развило силы молодаго и крѣпкаго народа, долго спавшаго и нуждавшагося въ сильномъ толчкѣ для пробужденія. Поучиться было чему. Наверху Правительствующій Сенатъ, Синодъ, всюду коллегіальное устройство, преимущества котораго подробно изложены въ Духовномъ Регламентѣ; повсюду выборное начало; промышленное сословіе изъято изъ вѣдѣнія воеводъ, ему дано самоуправленіе. Вся система Петра была направлена противъ главныхъ золъ, которыми страдала древняя Россія: противъ разрозненности силъ, непривычки къ общему дѣлу, противъ отсутствія самодѣятельности, отсутствія способности начинать дѣло. Эти-то недостатки и условливали возможность всякой силѣ легко пробиваться сквозь неплотно сомкнутые ряды, рости не въ мѣру, переходить должныя границы и тѣ-

спить все вокругъ. Указанными недостатками страдала прежняя царская Дума; Петръ учреждаетъ Сенатъ, которому присягали, котораго указовъ должны были слушаться, какъ указовъ царскихъ. Петръ не ревновалъ къ созданной имъ власти, не ограничивалъ ее, наоборотъ: онъ постоянно и безцеремонно требовалъ, чтобъ Сенатъ пользовался своимъ значеніемъ, чтобъ былъ именно правительствующимъ; упреки, выговоры Петра Сенату были за медленность, вялость, за отсутствіе распорядительности, за неумѣнье заставить привести свои приговоры немедленно въ исполненіе. Прежде Русскій человѣкъ, принимавшій порученіе правительства, ходилъ на помочахъ; ему не вѣрили, боялись его малѣйшаго движенія и потому спеленывали, какъ ребенка, въ длинный, подробный наказъ, и при каждомъ новомъ случаѣ, неопредѣленномъ въ наказѣ, взрослый ребенокъ требовалъ наставленія. Эта привычка требовать указовъ сильно сердила Петра, какъ мы видѣли: „Дѣлайте по своимъ соображеніямъ: какъ я могу вамъ указывать изъ-за такой дали!“—писалъ Петръ просящимъ указовъ. Коллегіальное устройство, встрѣтилъ ли онъ его на Западѣ, присовѣтано ли оно было ему Лейбницемъ—все равно:—Петръ употреблялъ его всюду, какъ могущественное средство пріучить Русскихъ людей къ общему, нестѣсненному дѣйствію. Изъ-за отдѣльныхъ лицъ выдвинулись учрежденія, и надъ всѣми ими поднялось государство, о настоящемъ значеніи котораго Русскіе люди услыхали въ первый разъ теперь, когда должны были присягать государству. Мы не остановимся на этой картинѣ, какъ на оконченной; мы очень хорошо знаемъ, что при Петрѣ и послѣ него было сильное противодѣйствіе его системѣ; что привычка служить лицамъ, при извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, брала верхъ; что выраженіе: „*господа сенатъ*“ немедленно же стало замѣняться выраженіемъ: „*господа сенаты*“; но идеи, разъ введенныя въ жизнь и закрѣпленныя учрежденіями, цѣлою системою государственнаго строя, не исчезаютъ, несмотря на всѣ желанія отдѣлаться отъ нихъ; формы, и лишенныя содержанія, напоминаютъ о немъ, побуждаютъ требовать его возвращенія; храмъ и безъ богослуженія призываетъ къ молитвѣ; все, введенное великимъ человѣкомъ, освящается его именемъ и надолго даетъ направленіе послѣдующей дѣятельности. Не нужно много говорить о несостоятельности мнѣнія, будто привычка къ дѣятельности сообща была сильна въ древней Россіи и начала исчезать вслѣдствіе преобразованія. Сильныя привычки не скоро уступаютъ самымъ сильнымъ противодѣйствіямъ и никакъ, разумѣется, не могутъ ослабѣть отъ условій самыхъ благопріятныхъ. Если бы Русскіе промышленные люди привыкли къ общему дѣйствію въ древней Россіи, то они не представили бы такихъ печальныхъ явленій въ петровскихъ ратушахъ и магистратахъ, гдѣ богатые разоряли бѣдныхъ, а выборные брали взятки и не исполняли своихъ обязанностей; объясненіе этому явленію найдемъ въ древней Россіи, изъ которой идутъ жалобы на такія же явленія въ городахъ, идутъ просьбы, чтобъ правительство защитило отъ *мужиковъ-горлановъ* обидчиковъ. Шли жалобы на воеводскія притѣсненія: правительство сдѣлало все, что могло,- освободило отъ воеводъ, дало самоуправленіе; правительство могло дать другія, лучшія формы—и дало; но вдохнуть вдругъ способность къ самоуправленію оно не было въ состояніи; такую способность можно было пріобрѣсть только постепенно, если ея не было прежде; а что прежде ея не было,—это обнаружилось немедленно. Если же спросятъ, зачѣмъ промышленные люди были выдѣлены изъ общей дѣятельности съ другими сословіями относительно города, то на это пусть отвѣчаютъ коломенскіе бургомистры, съ которыми такъ хорошо обходились люди другого сословія. Возможность общаго дѣйствія людямъ изъ разныхъ общественныхъ круговъ условилась постепеннымъ и постояннымъ движеніемъ въ духѣ системы Петра Великаго; эта возможность могла бы явиться и скорѣе, если бы его системѣ слѣдовали неуклонно.

Выставивъ значеніе государства, заставивъ, повидимому, приносить этому новому божеству тяжелыя жертвы и самъ подавая примѣръ, Петръ однако принялъ мѣры, чтобъ личность не была подавлена, а получила должное, уравновѣшивающее развитіе. На первомъ мѣстѣ здѣсь, разумѣется, должно быть поставлено образованіе, введенное Петромъ, знакомство съ другими народами, опередившими нашъ народъ въ развитіи. Мы знаемъ, что въ допетровской Россіи былъ силенъ родовой союзъ; продолжительность его существованія объясняется легко изъ положенія общества, которое не могло дать своимъ членамъ должнаго обезпеченія, и они должны были искать его въ частныхъ союзахъ. Таковъ былъ прежде всего естественный кровный союзъ членовъ одного рода. Старшіе, какъ мы знаемъ [1]), защищали младшихъ, и за то имѣли надъ ними власть, ибо отвѣчали за нихъ предъ правительствомъ. Такъ было вездѣ, во всѣхъ слояхъ общества, нигдѣ самостоятельный Русскій человѣкъ не представлялся одинъ, но всегда съ братьями и племянниками; безродность и безсемейность до послѣдняго времени являлись выраженіями крайне бѣдственнаго положенія. Понятно, что родовой союзъ стѣснялъ развитіе личности; государство не могло дать личной заслугѣ силы надъ родовыми правами; ревнивый до крайности къ порухѣ родовой чести, старинный Русскій человѣкъ былъ равнодушенъ къ чести личной. Но въ концѣ XVII вѣка государственныя требованія такъ усилились, что родъ съ своимъ единствомъ не могъ устоять, и уничтоженіе мѣстничества нанесло сильный ударъ родовому союзу въ высшемъ слоѣ общества, въ служилыхъ людяхъ. Преобразованіе нанесло ударъ окончательный рѣшительнымъ, исключительнымъ вниманіемъ къ личной заслугѣ, выдвинутіемъ на

---

[1]) Ист[...]ія Россіи, т. IX.

верхъ людей, которые стали безконечно „выше своихъ старыхъ родителей“ (т.-е. родственниковъ), введеніемъ въ службу большого числа иностранцевъ; для людей новыхъ стало выгодно являться безродными, и многіе изъ нихъ охотно начали выводить свое происхожденіе изъ чужихъ странъ. Относительно низшихъ слоевъ народонаселенія ударъ родовому союзу былъ нанесенъ подушнымъ окладомъ; стало исчезать прежнее выраженіе: „Такой-то съ братьями и племянниками“, ибо братъ и племянникъ каждый сталъ платить за себя особо, явился отдѣльнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ. Не только прежнія родовыя отношенія должны были исчезать, но и въ самой семьѣ, требуя глубокаго уваженія отъ дѣтей къ родителямъ [1]), Петръ призналъ право личности, предписывая, чтобъ браки совершались съ согласія дѣтей, безъ произвола родителей; право личности признано было и въ крѣпостномъ, ибо помѣщикъ долженъ былъ присягать, что не принуждаетъ своихъ крестьянъ къ невольному браку. Мы слышали безпристрастный отзывъ современника, Русскаго человѣка, объ испорченности нашихъ служилыхъ людей въ XVII и началѣ XVIII вѣка, о ихъ равнодушіи къ чести; между ними существовала позорная поговорка: „Бѣгство хоть нечестно, да здорово“. При Петрѣ вывелась эта поговорка, и онъ самъ свидѣтельствовалъ, что во второй половинѣ Сѣверной войны бѣгство съ поля сраженія прекратилось. Наконецъ получила признаніе личность женщины, вслѣдствіе освобожденія ея изъ терема.

Такъ воспитывались Русскіе люди въ суровой школѣ преобразованія! Страшные труды и лишенія не пропали даромъ. Начертана была обширная программа на много и много лѣтъ впередъ, начертана была не на бумагѣ: она начертана была на землѣ, которая должна была открыть свои богатства предъ Русскимъ человѣкомъ, получившимъ, посредствомъ науки, полное право владѣть ею; на морѣ, гдѣ явился русскій флотъ; на рѣкахъ—соединенныхъ каналами; начертана была въ государствѣ новыми учрежденіями и постановленіями; начертана была въ народѣ посредствомъ образованія, расширенія его умственной сферы, богатыхъ запасовъ умственной пищи, которую доставилъ ему открытый Западъ и новый міръ, созданный внутри самой Россіи. Большая часть сдѣланнаго была только въ началѣ, иное—въ грубыхъ очеркахъ, для многаго приготовлены были только матеріалы, сдѣланы были только указанія; поэтому мы и назвали дѣятельность преобразовательной эпохи программою, которую Россія выполняетъ до сихъ поръ и будетъ выполнять, уклоненіе отъ которой сопровождалось всегда печальными послѣдствіями. Различные толки и сужденія за и противъ, толки о томъ, какъ быть съ тѣмъ или другимъ дѣломъ, оставшимся отъ эпохи преобразованія, были именно тѣмъ благодѣтельнымъ послѣдствіемъ умственнаго возбужденія, которое дало Русскому народу возможность жить новою жизнію и выполнять программу Преобразователя. Возможность такого возбужденія условливалась именно всестороннимъ движеніемъ, всестороннимъ преобразованіемъ, необходимымъ при томъ состояніи, въ какомъ находился русскій государственный организмъ, страдавшій застоемъ, отсутствіемъ средствъ къ развитію; но все же это былъ организмъ, въ которомъ нельзя было, начавши преобразованіе въ одномъ органѣ, не начать его въ другомъ. Это было бы крайне вредно, если бы и было возможно. Историкъ не позволитъ себѣ утверждать, что не было никакого вреда въ этой всесторонности преобразованія: вредъ былъ необходимо, вслѣдствіе неприготовленности средствъ къ всестороннему преобразованію, неприготовленности какъ въ руководимыхъ, такъ и въ руководителяхъ, начиная съ главнаго руководителя, самого Петра, въ которомъ, при всемъ уваженіи къ его генію, мы должны видѣть человѣка, существо, ограниченное въ своихъ средствахъ. Но мы должны признать, что Россіи въ описываемое время посланъ былъ человѣкъ, способный изъ двухъ золъ выбрать гораздо меньшее, именно преобразованіе всестороннее и дѣятельное, которое не поставило Русскаго человѣка только въ положеніе ученика относительно Западной Европы, но въ то же время поставило его и въ положеніе взрослаго, сильнаго дѣятеля въ общей политической жизни, и этимъ обезпечило ему самостоятельное внутреннее развитіе, ибо внѣшняя безопасность, важное политическое значеніе, широкая историческая сцена дѣйствія составляютъ для народа необходимыя условія его внутренняго развитія. Русскому человѣку легко было принять значеніе ученика при видѣ столь быстраго успѣха въ ученіи, при видѣ величія и славы, окружавшихъ Россію и ея великаго царя, которымъ такъ могли гордиться Русскіе люди и который такъ вѣрилъ въ свой народъ, такъ любилъ его, никогда не промѣнивая своихъ на чужихъ.

Никогда ни одинъ народъ не совершилъ такого подвига, какой былъ совершенъ Русскимъ народомъ въ первую четверть XVIII вѣка. На исторической сценѣ явился народъ малоизвѣстный, бѣдный, слабый, не принимавшій участія въ общей европейской жизни; неимовѣрными усиліями, страшными пожертвованіями онъ далъ законность своимъ требованіямъ, явился народомъ могущественнымъ, но безъ завоевательныхъ стремленій, успокоившійся, какъ только пріобрѣтено было необходимое для его внутренней жизни. Человѣка, руководившаго народомъ въ этомъ подвигѣ, мы имѣемъ полное право назвать величайшимъ историческимъ дѣятелемъ, ибо никто не можетъ имѣть большаго значенія въ исторіи цивилизаціи. Петръ не былъ вовсе славолюбцемъ-завоевателемъ, и въ этомъ явился полнымъ представителемъ своего народа, не-

[1]) Слова Петра: „Не почитающіе давшихъ имъ жизнь суть самыя неблагодарнѣйшія твари; а неблагодарность изъ всѣхъ пороковъ есть наигнуснѣйшій“,—Голикова—Допол. къ Дѣян. П. В. XVII, 141.

завоевательнаго по природѣ племени и по условіямъ своей исторической жизни. Геній Петра высказывался въ ясномъ уразумѣніи положенія своего народа и своего собственнаго, какъ вождя этого народа: онъ сознаъ, что его обязанность вывести слабый, бѣдный, почти неизвѣстный народъ изъ этого печальнаго положенія посредствомъ цивилизаціи. Трудность дѣла представилась ему во всей полнотѣ по возвращеніи изъ-за границы, когда онъ могъ сравнить видѣнное на Западѣ съ тѣмъ, что онъ нашелъ въ Россіи, которая встрѣтила его Стрѣлецкимъ бунтомъ. Онъ испыталъ страшное искушеніе, сомнѣніе, но вышелъ изъ него, вполнѣ увѣровавши въ нравственныя силы своего народа, и не замедлилъ призвать его къ великому подвигу, къ пожертвованіямъ и лишеніямъ всякаго рода, показывая самъ примѣръ во всемъ этомъ. Ясно сознавши, что Русскій народъ долженъ пройти трудную школу, Петръ не усумнился подвергнуть его страдательному, унизительному положенію ученика, но, въ то же время, онъ успѣлъ уравновѣсить невыгоды этого положенія славою и величіемъ, превратить его въ дѣятельное, успѣлъ создать политическое значеніе Россіи и средства для его поддержанія. Петру предстояла трудная задача; для образованія Русскихъ людей необходимо было вызывать иностранныхъ наставниковъ, руководителей, которые естественно стремились подчинить учениковъ своему вліянію, стать выше ихъ; но это унижало учениковъ, которыхъ Петръ хотѣлъ сдѣлать какъ можно скорѣе мастерами; Петръ не поддался искушенію, не принялъ предложенія вести дѣло успѣшно съ людьми выученными, вполнѣ приготовленными, но иностранцами:—хотѣлъ, чтобъ свои, Русскіе, проходили дѣятельную школу, хотя бы это стоило и большихъ потерь, сопровождалось большими неудобствами. Мы видѣли, какъ онъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ иностраннаго фельдмаршала; видѣли, какъ на всѣхъ высшихъ мѣстахъ поставилъ Русскихъ людей, а иностранцамъ далъ только второстепенныя, и мы видѣли, какъ Петръ былъ награжденъ за вѣру въ свой народъ, за преданность ему. Такъ же съ необыкновенною осторожностію, умѣньемъ не перейти должныя границы, разрѣшена была Петромъ трудная задача церковнаго преобразованія. Онъ уничтожилъ одноличное управленіе и замѣнилъ его коллегіальнымъ, или соборнымъ, что вполнѣ соотвѣтствовало духу Восточной Церкви; мы видѣли, что одною изъ главныхъ заботъ Петра было поднятіе русскаго духовенства посредствомъ образованія; несмотря на сильное и понятное нерасположеніе къ монашеству, онъ не уничтожилъ этого учрежденія, подобно Генриху VIII Англійскому,—только старался дать ему болѣе соотвѣтствующую его характеру дѣятельность.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни изучали эпоху преобразованія, мы должны придти въ изумленіе предъ нравственными и физическими силами Преобразователя. Силы развиваются упражненіемъ, и мы не знаемъ ни одного историческаго дѣятеля, сфера дѣятельности котораго была бы такъ обширна. Родившись съ умомъ необыкновенно возбужденнымъ, чуткимъ ко всему, Петръ изощрилъ эту чуткость до высшей степени, съ малолѣтства прислушиваясь и приглядываясь самъ ко всему, не направляемый, не ограничиваемый никѣмъ, а возбуждаемый обществомъ, уже стоявшимъ на поворотѣ, колебавшимся между двумя направленіями, волнуемымъ уже вопросами о старомъ и новомъ, когда подлѣ старой Москвы уже виднѣлся авангардъ Запада, Нѣмецкая слобода. У Петра была старинная русская богатырская природа: онъ любилъ широту и просторъ; отсюда объясняется, что, кромѣ сознательнаго влеченія къ морю, онъ имѣлъ еще и безсознательное; богатыри старой Руси стремились въ широкую степь,—богатырь новой стремился въ широкое море: мѣстности, сжатыя горами, были для него непріятны, тяжелы; такъ онъ жаловался женѣ на мѣстоположеніе Карлсбада: „Мѣсто здѣшнее такъ весело, что можно честною тюрьмою назвать, понеже между такихъ горъ сидитъ, что солнца почитай не видать“. Въ другомъ письмѣ онъ называетъ Карлсбадъ ямою [1]).

Богатырскимъ силамъ соотвѣтствовали страсти, не умѣренныя правильнымъ, искуснымъ воспитаніемъ. Мы знаемъ, какъ могъ разнуздываться сильный человѣкъ въ древнемъ русскомъ обществѣ, не выработавшемъ должныхъ границъ каждой силѣ: могло ли такое общество сдерживать страсти человѣка, стоявшаго на самомъ верху? Но одна наблюдательная женщина-современница отозвалась совершенно справедливо о Петрѣ, что это былъ очень хорошій и вмѣстѣ очень дурной человѣкъ. Не отвергая и не умаляя черной стороны характера Петра Великаго, не забудемъ стороны свѣтлой, которая перевѣшивала черную и могла такъ сильно привязывать къ нему людей. Если гнѣвъ Петра разражался иногда такъ страшно надъ людьми, которыхъ онъ считалъ врагами отечества, врагами общаго блага, то сильно привязывался онъ и сильно привязывалъ къ себѣ людей съ наклонностями противоположными. Дѣло, совершенное Петромъ, было совершено имъ съ помощію людей способныхъ, которыхъ онъ умѣлъ отыскать всюду и сохранить. Въ этомъ отыскиваніи способныхъ людей нельзя видѣть одного личнаго дѣла Петра; ему стоило только дать своимъ приближеннымъ почувствовать, что ничѣмъ нельзя угодить ему такъ, какъ пріисканіемъ способныхъ людей,—и началась дѣйствительная гоньба за способностями. Послушаемъ одного изъ птенцовъ Петровыхъ, извѣстнаго намъ по дипломатической дѣятельности въ Турціи, Неплюева, какъ онъ былъ выведенъ въ люди: этотъ разсказъ вскроетъ намъ тайну великаго императора отыскивать способныхъ людей. Неплюевъ учился заграницею навигаціи; по возвращеніи въ Россію, онъ, вмѣстѣ съ товарищами, былъ представленъ Петру, который сказалъ генералъ-адмиралу, графу Апра-

[1]) Письма Русскихъ государей; стр. 16, 25.

ксину: „Я хочу ихъ самъ увидѣть на практикѣ, а нынѣ напишите ихъ во флотъ гардемаринами“. Тутъ сталъ говорить членъ Адмиралтейской Коллегіи Григорій Петровичъ Чернышевъ: „Государь! люди, по волѣ твоей отлученные отъ родныхъ въ чужихъ краяхъ, по бѣдности сносили тамъ голодъ и холодъ; учились по возможности, желая угодить тебѣ, и въ чужомъ государствѣ были уже гардемаринами, а теперь, возвратясь въ надеждѣ за службу и науку получить награжденіе, отсылаются ни съ чѣмъ, и будутъ наравнѣ съ тѣми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имѣли“. Государь назначилъ имъ экзаменъ въ коллегіи, въ своемъ присутствіи, и, оставшись доволенъ отвѣтами Неплюева, произвелъ его въ поручики морскаго галернаго флота, причемъ, давая Неплюеву цѣловать свою руку, сказалъ: „Видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли, а все оттого: показать вамъ примѣръ и хотя подъ старость видѣть достойныхъ помощниковъ и слугъ отечеству“. Скоро послѣ этого Петръ опредѣлилъ Неплюева смотрителемъ и командиромъ надъ строящимися морскими судами,—должность, въ которой онъ почти ежедневно видѣлъ Петра. Государь началъ говорить, что въ маломъ будетъ путь, а Чернышевъ и адмиралъ Змаевичъ стали преподавать малому искусство, какъ сохранить расположеніе государя: „Будь исправенъ, будь проворенъ и говори правду,—сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; онъ больше разсердится, если солжешь“. Скоро Неплюевъ подвергся экзамену и въ этомъ искусствѣ. Однажды онъ пришелъ на работу, а Петръ уже тутъ; Неплюевъ сильно перепугался—и первою мыслію было бѣжать домой и сказаться больнымъ; но потомъ вспомнились совѣты Чернышева, и онъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ находился государь. „А я уже, мой другъ, здѣсь!“ сказалъ ему Петръ. „Виноватъ, государь“, отвѣчалъ Неплюевъ: „вчера я былъ въ гостяхъ, долго засидѣлся, оттого и опоздалъ.“ Петръ взялъ его за плечо и пожалъ; тотъ вздрогнулъ, думая, что пришла бѣда; но государь началъ говорить: „Спасибо, малый, что говоришь правду, Богъ проститъ! кто бабѣ не внукъ!“

Въ Константинополь Неплюевъ попалъ такимъ образомъ. Въ первыхъ числахъ января 1721 года былъ *трактаментъ* для всей знати и для офицеровъ гвардейскихъ и морскихъ, почему былъ тутъ и Неплюевъ. Отобѣдавъ съ товарищами прежде, онъ всталъ изъ-за стола и отправился въ комнату, гдѣ государь сидѣлъ еще за столомъ. Петръ былъ очень веселъ, и скоро началъ такой разговоръ: „Надобенъ мнѣ человѣкъ, который бы зналъ италіянскій языкъ, для посылки въ Константинополь резидентомъ“. Головкинъ отвѣчатъ, что такого не знаетъ. „А я знаю“, сказалъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ: „очень достойный человѣкъ, да та бѣда, что очень бѣденъ“.—„Бѣдность не бѣда“, отвѣчалъ Петръ: „этому помочь можно скоро: но кто это такой?“—„Да вотъ онъ за тобой стоитъ“, сказалъ Апраксинъ.—„За мною стоитъ много“, возразилъ Петръ.—„Да твой хваленый, что у галернаго строенія“, отвѣчалъ Апраксинъ. Петръ оборотился, взглянулъ на Неплюева и сказалъ: „Это правда, Ѳедоръ Матвѣевичъ, что онъ хорошъ; да мнѣ бы хотѣлось его у себя имѣть“. Но потомъ, подумавши, государь приказалъ назначить Неплюева резидентомъ въ Константинополь. Когда тотъ подошелъ къ нему благодарить, упалъ въ ноги, цѣловалъ ихъ и плакалъ, то Петръ поднялъ его и сказалъ: „Не кланяйся, братецъ: я вамъ отъ Бога приставникъ, а должность моя смотрѣть того, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять; буде хорошъ будешь—не мнѣ, а болѣе себѣ и отечеству добро сдѣлаешь; а буде худъ—такъ я истецъ, ибо Богъ того отъ меня за всѣхъ васъ востребуетъ, чтобъ злому и глупому не дать мѣста вредъ дѣлать; служи вѣрою и правдою! вначалѣ Богъ, а по Немъ и я долженъ буду не оставить тебя“ [1]).

Сознаніе обязанностей своихъ къ Богу, глубокое религіозное чувство высказывалось постоянно у Петра, поднимало духъ его въ бѣдахъ и не давало заноситься въ счастіи. Въ послѣдній годъ своей жизни, 16 августа 1724 г., составляя программу для торжества Ништадтскаго мира, Петръ писалъ: „Надлежитъ въ первомъ стихѣ помянуть о побѣдахъ, а потомъ силу писать во всемъ праздникѣ слѣдующую: 1) Неискусство наше во всѣхъ дѣлахъ. 2) А наипаче въ начатіи войны, которую, не вѣдая противныхъ силы и своего состоянія, начали какъ слѣпые. 3) Бывшіе непріятели всегда не только въ словахъ, но и въ исторіяхъ писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тѣмъ насъ. 4) Какія имѣли внутреннія замѣшанія, также и дѣла сына моего, такожь и Турковъ подвигли на насъ. 5) Всѣ прочіе народы политику имѣютъ, дабы балансъ въ силахъ держать межъ сосѣдовъ, а особливо, чтобы насъ не допускать до свѣта разума, во всѣхъ дѣлахъ, а наипаче въ воинскихъ; но то въ дѣло не произвели, но яко бы закрыто было сіе предъ ихъ очесами. Сіе по-истинѣ чудо Божіе; тутъ возможно видѣть, что всѣ умы человѣческіе ничто есть противъ воли Божіей. Сіе пространно развести надлежитъ, а сенсу довольно“ [2]).

Необыкновенное величіе, соединенное съ сознаніемъ ничтожества всѣхъ умовъ человѣческихъ, строгое требованіе исполненія обязанностей, строгое требованіе правды, умѣнье выслушивать возраженія самыя рѣзкія; чрезвычайная простота, общительность, благодушіе: все это сильно привязывало къ Петру лучшихъ людей, имѣвшихъ случай сближаться съ нимъ, и потому легко понять впечатлѣніе, произведенное на нихъ вѣстію, о кончинѣ великаго императора. Неплюевъ пишетъ: „1725 года въ февралѣ мѣсяцѣ получилъ я плачевное извѣстіе, что отецъ отечества, Петръ, императоръ 1-й, отъидс отъ сего свѣта. Я омочилъ ту бумагу сле-

[1]) Жизнь Неплюева, имъ самимъ написанная, въ Отеч. Запискахъ Свиньина, 1825 г.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 63.

зами, какъ по должности о моемъ государѣ, такъ и по многимъ его ко мнѣ милостямъ, и, ей-ей, не лгу, былъ болѣе сутокъ въ безпамятствѣ, да иначе бы мнѣ и грѣшно было: сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни,—все его началомъ имѣетъ, и что бы впредь ни дѣлалось,—отъ сегоисточника черпать будутъ; а мнѣ собственно, сверхъ вышеписаннаго, былъ государь и отецъ милосердый; да вчинитъ Господь душу его, многотрудившуюся о пользѣ общей, съ праведными!" [1]).

Другой приближенный къ Петру человѣкъ, Нартовъ, говоритъ: „Еслибъ когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайныхъ дѣлъ его (Петра), вострепеталъ бы отъ ужаса, что содѣлывалось противъ сего монарха. Мы, бывшіе сего великаго государя слуги, вздыхаемъ и проливаемъ слезы, слыша иногда упреки жестокосердія его, котораго въ немъ не было. Когда бы многіе знали, что претерпѣвалъ и какими онъ уязвляемъ былъ горестями, то ужаснулись бы; колико снисходилъ онъ слабостямъ человѣческимъ и прощалъ преступленія, незаслуживающія милосердія; и хотя нѣтъ болѣе Петра Великаго съ нами, однако духъ его въ душахъ нашихъ живетъ, и мы, имѣвшіе счастіе находиться при семъ монархѣ, умремъ вѣрными ему и горячую любовь нашу къ земному богу погребемъ вмѣстѣ съ собою. Мы безъ страха возглашаемъ объ отцѣ нашемъ для того, что благородному безстрашію и правдѣ учились отъ него".

Глава IV.

Царствованіе Императрицы Екатерины I-й Алексѣевны.

Значеніе времени, протекшаго отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II.—Положеніе старой и новой знати при смерти Петра Великаго.—Гвардія.—Совѣщаніе о престолонаслѣдіи.—Восшествіе на престолъ Екатерины.—Манифестъ объ этомъ.—Спокойствіе Петербурга.—Отправленіе генерала Дмитріева-Мамонова въ Москву для сохраненія порядка.—Событія въ древней столицѣ во время присяги.—Рѣчи въ народѣ о Петрѣ и Екатеринѣ.—Похороны Петра Великаго. — Выходка Ягужинскаго. — Стремленія Меншикова. — Толстой, Апраксинъ, Ягужинскій; ссора послѣдняго съ Меншиковымъ.—Герцогъ Голштинскій. — Характеръ императрицы. — Вопросъ о крестьянахъ. — Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. — Составъ Совѣта. — Отношенія его къ Сенату. — Возобновленіе крестьянскаго вопроса въ связи съ финансовымъ.—Рѣшеніе ихъ.—Ревизія графа Матвѣева въ Московской губерніи.—Поддержаніе флота.—Поправка денежнаго дѣла.—Заботы объ уложеніи.—Мѣры для усиленія торговли.—Горные промыслы.—Ладожскій каналъ и Минихъ.—Войско.—Отступленіе отъ программы Петра Великаго.—Просвѣщеніе.—Нравы и обычаи.—Церковь.—Дѣло архіепископа Ѳеодосія.—Донесеніе архіепископа Георгія Дашкова.—Синодъ и Верховный Тайный Совѣтъ. — Перемѣны въ Синодѣ. — Расколъ. — Отношенія къ западнымъ исповѣданіямъ.—Дѣла на украйнахъ.

Люди Западной Европы, смотря на удивительныя явленія, происходившія въ первой четверти XVIII вѣка въ Европѣ Восточной, говорили, что всѣ эти преобразованія суть слѣдствія одной личной воли царя, со смертію котораго все введенное имъ рушится и возстановится старый порядокъ вещей. Теперь Преобразователь былъ во гробѣ,—и наступило время провѣрки, проченъ ли установленный имъ порядокъ. Желѣзной руки, сдерживавшей враговъ преобразованія, не было болѣе; Петръ не распорядился даже насчетъ своего преемника; Русскіе люди могли теперь свободно распорядиться, свободно рѣшить вопросъ, нуженъ ли имъ новый порядокъ, и ниспровергнуть его въ случаѣ рѣшенія отрицательнаго. Но этого не случилось: новый порядокъ вещей остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворотъ со всѣми его послѣдствіями, какъ необходимо вытекшій изъ условій предшествовавшаго положенія Русскаго народа. Время отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II обыкновенно разсматривалось какъ время печальное, непривлекательное, время малоспособныхъ правителей, дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ любимцевъ. Но мы не можемъ раздѣлять этотъ взглядъ. Названное время имѣетъ высокій интересъ для историка именно потому, что здѣсь Русскіе люди были предоставлены самимъ себѣ въ виду громаднаго матеріала, даннаго преобразованіемъ. Какъ они распорядятся этимъ матеріаломъ?—вотъ вопросъ, съ которымъ историкъ обратится къ своимъ источникамъ. Они должны ему сказать, было ли названное время временемъ застоя или движенія, а вторая половина XVIII вѣка въ Россіи, царствованіе Екатерины II, было ли результатомъ этого движенія и въ какомъ смыслѣ. Идеи и люди Екатерининскаго царствованія явились ли по мановенію знаменитой императрицы, или были приготовлены прежде, стоятъ въ необходимой связи съ движеніемъ, совершившимся въ тридцать пять лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго?

Кто будетъ преемникомъ императора: женщина или ребенокъ?—вотъ вопросъ, который волновалъ Петербургъ наканунѣ смерти Петра. Народное большинство, разумѣется, было за единственнаго мужескаго представителя династіи, великаго князя Петра Алексѣевича; за него была знать, считавшая его единственно законнымъ наслѣдникомъ, рожден-

---

[1]) Жизнь Неплюева.

нымъ отъ достойнаго царской крови брака; за него были всѣ тѣ, на приверженность которыхъ надѣялся и несчастный отецъ его,—всѣ тѣ, которые съ воцареніемъ сына Алексѣева надѣялись отстранить ненавистную толпу выскочекъ и во главѣ ихъ Меншикова. Носились слухи, что эти родовитые вельможи замышляли, возведши на престолъ малолѣтняго Петра, заключить Екатерину и дочерей ея въ монастырь. Екатерина должна была дѣйствовать по инстинкту самосохраненія, и нашла себѣ помощниковъ, находившихся въ одинаковомъ съ нею положеніи. Въ этомъ положеніи находился Меншиковъ, котораго ничего не стоило погубить противной сторонѣ вслѣдствіе обвиненій, лежавшихъ на немъ, вслѣдствіе явной опалы отъ Петра: новому правительству можно было погубить Меншикова во имя стараго, дать видъ, что произноситъ приговоръ, который произнесъ бы и Петръ, еслибъ не былъ остановленъ рукою смерти. Въ такомъ же положеніи находился Толстой, на котораго смотрѣли, какъ на главнаго виновника несчастій царевича Алексѣя, и который, слѣдовательно, не могъ ожидать ничего добраго при воцареніи сына его. Генералъ-прокуроръ Ягужинскій, обязанный своимъ высокимъ мѣстомъ Петру, нелюбимый родовитою знатью, какъ выскочка и человѣкъ честолюбивый, стремившійся играть самостоятельную, первостепенную роль, не могъ ждать для себя ничего хорошаго при воцареніи внука Петрова, т.-е. при торжествѣ старой знати; тесть Ягужинскаго, канцлеръ графъ Головкинъ, такъ же не могъ надѣяться удержаться на своемъ важномъ мѣстѣ и защитить своихъ; старикъ, по природѣ своей, не былъ способенъ дѣйствовать въ рѣшительную минуту, могъ только помогать совѣтами своему энергическому зятю Ягужинскому. Макаровъ имѣлъ право такъ-же ждать для себя бѣды при торжествѣ старой знати, тѣмъ болѣе что на немъ лежали важныя обвиненія. Члены Синода, учрежденія новаго въ Церкви,—а церковныя новизны болѣе всякихъ другихъ многимъ кажутся непріятны и опасны,—члены Синода, при воцареніи сына Алексѣева, имѣли полное право бояться противодѣйствія хотя нѣкоторымъ мѣрамъ прежняго царствованія, и прежде всего коллегіальному управленію Церкви, а новый патріархъ конечно уже не будетъ избранъ изъ синодальныхъ членовъ. Всего больше должны бояться двое главныхъ членовъ Синода, Ѳеодосій Новгородскій и Ѳеофанъ Псковскій: первый, успѣвшій, по собственному сознанію, нажить себѣ множество враговъ непріятнымъ характеромъ и ревностію, иногда не по разуму, къ новому порядку; притомъ въ послѣднее время на него явились тяжелыя обвиненія, которыми враги его могли бы легко воспользоваться. Ѳеофанъ, даровитый и тѣмъ болѣе опасный защитникъ тѣхъ мѣръ, которыя прежде всего могли быть найдены неудобными при воцареніи великаго князя Петра, неуважаемый старою знатью, какъ архіерей, нелюбимый, какъ пришлецъ и выскочка,—Ѳеофанъ былъ въ опасномъ положеніи и какъ авторъ „Духовнаго Регламента“, и особенно какъ авторъ „Правда воли монаршей“, какъ защитникъ мѣры, которая была явно направлена къ уничтоженію правъ сына Алексѣева. Мы не знаемъ, были ли люди, которые считали себя въ правѣ не желать вступленія на престолъ малолѣтняго Петра во имя высшихъ интересовъ, т.-е. изъ боязни сильной, гибельной для отечества реакціи новому порядку вещей: изо всего было ясно, что никто изъ людей, высоко стоявшихъ, не думалъ противодѣйствовать просвѣщенію, связи съ образованнымъ Западомъ, никто не желалъ возвращенія ко временамъ царя Алексѣя Михайловича; но все же безкорыстные приверженцы новаго порядка могли опасаться мѣръ, ему вредныхъ, напримѣръ покинутія Петербурга, а слѣдовательно и флота и т. п. Наконецъ могли бояться большихъ бѣдъ при малолѣтнемъ государѣ, въ томъ опасномъ по своей новости внутреннемъ и внѣшнимъ положеніи, въ какомъ покидалъ Россію Преобразователь.

Какъ бы то ни было, были сильныя личныя побужденія, заставлявшія многихъ людей противиться воцаренію великаго князя Петра; эти люди были поставлены высоко, имѣли большія средства дѣйствовать, но, что всего важнѣе, имѣли сильныя личныя средства, умъ, энергію, усиленную сознаніемъ страшной опасности своего положенія. Это были люди, выдвинутые Петромъ на первый планъ за ихъ способности, и были они окружены людьми, также способными, которыхъ будущность была тѣсно связана съ ихъ будущностію. Въ рядахъ противныхъ были люди второстепенные по своему положенію и по своимъ личнымъ средствамъ,—люди, не отличавшіеся особенною энергіею; для нихъ было очень важно воцарить великаго князя Петра, взять въ его малолѣтство правленіе въ свои руки, очистить Дворъ отъ худородныхъ выскочекъ; но въ случаѣ неудачи имъ не грозила такая опасность, какая грозила Меншикову и Толстому, въ случаѣ ихъ неудачи. Силы борцовъ во всѣхъ отношеніяхъ были неравныя, и легко было предвидѣть, на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ.

Когда Екатерина увидала, что нѣтъ болѣе надежды на продолженіе жизни Петра, то поручила Меншикову и Толстому дѣйствовать въ пользу своихъ правъ [1]). Прежде всего, разумѣется, нуж-

[1]) Мы въ своемъ разсказѣ слѣдуемъ преимущественно донесеніямъ Французскаго посланника Кампредона, отличающимся полнымъ согласіемъ съ обстоятельствами. Что касается извѣстій, сообщаемыхъ Бассевичемъ (Eclairissemens, въ Бюшинговомъ Магазинѣ, т. IX), то мы, не пренебрегая нѣкоторыми подробностями, не можемъ во всемъ полагаться на слова автора. Бассевичъ явно преувеличиваетъ значеніе своего Двора и свое собственное. Странно предположить, чтобъ Екатерина поручила ему, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, заботиться о своихъ интересахъ; что онъ могъ, иностранецъ, безъ матеріальныхъ средствъ, сдѣлать въ ея пользу? Разумѣется, такъ какъ интересы Голштинскаго Двора были тѣсно связаны съ интересами Екатерины, то Бассевичъ долженъ былъ суетиться, могъ подать какой-нибудь совѣтъ, занять денегъ у иностран-

но было склонить на свою сторону войско, находившееся въ Петербургѣ. Гвардія была предана до обожанія умирающему императору; эту привязанность переносила она и на Екатерину, которую видѣла постоянно съ мужемъ и которая умѣла казаться солдату настоящею „полковницею". Офицеры явились добровольно къ императрицѣ съ увѣреніями въ своей преданности и готовности пролить кровь свою для поддержанія ея на престолѣ. Несмотря на то, сочли нужнымъ обѣщать денежныя выдачи; гарнизонъ и другія войска, не получавшія 16 мѣсяцевъ жалованья, были удовлетворены. Были разосланы указы, чтобъ войска, находившіяся на работахъ, оставили ихъ и возвратились къ своимъ полкамъ для отдыха и для молитвы за императора; въ столицѣ стража была удвоена на всѣхъ постахъ, и отряды пѣхоты двигались по улицамъ для предупрежденія волненій. Въ чемъ другомъ состояла дѣятельность Меншикова и Толстаго - мы не знаемъ, только секретарь Меншикова увѣрялъ впослѣдствіи, что нажилъ себѣ болѣзней, помогая въ это время совѣтомъ и дѣломъ своему патрону [1]).

Въ ночь на 28 число вельможи, зная о предстоящей кончинѣ императора, собрались въ одной изъ комнатъ дворца для совѣщанія о его преемникѣ. Главами приверженцевъ великаго князя Петра являлись князья—Голицынъ, Долгорукій, Репнинъ; двое братьевъ Апраксиныхъ раздѣлились: младшій Петръ Матвѣевичъ, президентъ Юстицъ-Коллегіи, недовольный въ послѣднее время,—былъ между приверженцами великаго князя; старшій, генералъ-адмиралъ,—держался противной стороны; кромѣ другихъ побужденій, въ эту сторону могла его тянуть тѣсная связь съ Меншиковымъ и Толстымъ; но какъ бы то ни было, имѣть старика Апраксина на своей сторонѣ было очень важно для Екатерины. Важно было и то, что на ея сторону сталъ генералъ Иванъ Буртулинъ, который былъ подполковникомъ гвардіи вмѣстѣ съ Меншиковымъ; происходя изъ старинной фамиліи, Буртулинъ однако былъ на сторонѣ новыхъ людей по враждебнымъ отношеніямъ къ Репнину, президенту Военной Коллегіи. Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ съ товарищами понимали невыгоду своего положенія, недостаточность своихъ средствъ и потому готовы были на сдѣлку: предлагали возвести на престолъ великаго князя Петра, а за малолѣтствомъ его поручить правленіе императрицѣ Екатеринѣ вмѣстѣ съ Сенатомъ, представляя, что только этимъ средствомъ можно избѣжать междоусобной войны. Но Меншиковъ, Толстой и Апраксинъ поняли всю опасность этого предложенія для себя: „Это распоряженіе", говорилъ Толстой, „именно произведетъ междоусобную войну, которой вы хотите избѣжать, потому что въ Россіи нѣтъ закона, который бы опредѣлялъ время совершеннолѣтія государей; какъ только великій князь будетъ объявленъ императоромъ, то часть шляхетства и большая часть подлаго народа станутъ на его сторонѣ, не обращая никакого вниманія на регентство. При настоящихъ обстоятельствахъ Россійская имперія нуждается въ государѣ мужественномъ, твердомъ въ дѣлахъ государственныхъ, который бы умѣлъ поддержать значеніе и славу, пріобрѣтенныя продолжительными трудами императора, и который бы въ то же время отличался милосердіемъ для содѣланія народа счастливымъ и преданнымъ правительству; всѣ требуемыя качества соединены въ императрицѣ: она пріобрѣла искусство царствовать отъ своего супруга, который повѣрялъ ей самыя важныя тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушіе и свою любовь къ народу, которому доставила безконечныя блага вообще и въ частности, никогда не сдѣлавши никому зла; притомъ права ея подтверждаются торжественною коронаціею, присягою, данною ей всѣми подданными по этому случаю, и манифестомъ императора, возвѣщавшимъ о коронаціи". Слова Толстого находили сильное отзвучіе въ одномъ углу залы, гдѣ собрались гвардейскіе офицеры; никто изъ приверженцевъ великаго князя Петра не рѣшался спросить, зачѣмъ тутъ эти офицеры, а приверженцы Екатерины знали зачѣмъ. Раздались барабаны—и присутствовавшіе узнали, что около дворца стоятъ оба гвардейскіе полка. Репнинъ рѣшился спросить: „Кто осмѣлился привести ихъ сюда безъ моего вѣдома? развѣ я не фельдмаршалъ?"—„Я велѣлъ придти имъ сюда, по волѣ императрицы, которой всякій подданный долженъ повиноваться, не исключая и тебя", отвѣчалъ Бутурлинъ. Членамъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ нашептывали: „Вѣдь вы подписали смертный приговоръ царевичу". Сильные споры продолжались до четырехъ часовъ утра; наконецъ князь Репнинъ, боявшійся, какъ говорятъ, усиленія враждебной ему фамиліи Голицыныхъ, объявилъ, что онъ согласенъ съ Толстымъ: надобно возвести на престолъ императрицу Екатерину безъ всякаго ограниченія, пусть властвуетъ, какъ властвовалъ супругъ ея. Тутъ и канцлеръ Головкинъ, молчавшій до сего времени, объявилъ, что онъ того же мнѣнія; за нимъ всѣ присутствовавшіе, кто волею, кто неволею, объявили, что согласны. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, какъ старшій сенаторъ, велѣлъ позвать кабинетъ-секретаря Макарова, и спросилъ: нѣтъ ли какого завѣщанія или распоряженій государя насчетъ преемника.

наго негоціанта, но онъ даже не можетъ выставить и этихъ услугъ своихъ. Суетясь, пробираясь всюду въ качествѣ министра герцога Голштинскаго, нареченнаго зятя покойнаго императора, Бассевичъ, въ глазахъ людей недальновидныхъ, могъ явиться вождемъ, дѣйствующимъ лицомъ въ драмѣ; могъ толковать: „мы пахали". Мы даже не думаемъ, чтобъ онъ отворилъ окно въ залѣ совѣта, ибо не думаемъ, чтобъ въ январѣ мѣсяцѣ не были вставлены зимнія рамы во дворцѣ. Что главными дѣятелями, сообразно всѣмъ обстоятельствамъ, были Меншиковъ и Толстой, объ этомъ, кромѣ Кампредона, свидѣтельствуетъ и саксонскій резидентъ Лефортъ; по его словамъ, императрица облекла Меншикова и Толстого диктаторскою властію (Herrmann - Geschichte des russischen Staates, IV, 472).

[1]) См. Приложенія, № 2.

„Ничего нѣтъ“, отвѣчалъ Макаровъ. Тогда Апраксинъ объявилъ, что, въ силу коронаціи императрицы и присяги, данной ей всѣми чинами имперіи, Сенатъ провозглашаетъ ее императрицею и самодержицею со всѣми правами, какими пользовался супругъ ея. Составили актъ, который былъ подписанъ всѣми сенаторами и другими сановниками.

Покончивши это трудное дѣло, вельможи отправились въ комнату умирающаго. Когда Петръ испустилъ духъ, они снова возвратились на прежнее мѣсто. Чрезъ нѣсколько времени явилась туда и Екатерина съ герцогомъ Голштинскимъ; обливаясь слезами, она обратилась къ сенаторамъ съ трогательною рѣчью, поручала себя имъ, какъ сирота и вдова, поручала имъ и все свое семейство, особенно герцога Голштинскаго, въ надеждѣ, что они будутъ оказывать ему такую же любовь, какою удостоивалъ его покойный императоръ, и выполнятъ волю послѣдняго относительно брака герцога на царевнѣ. Когда она кончила свою рѣчь, генералъ-адмиралъ Апраксинъ бросается передъ нею на колѣни и объявляетъ ей рѣшеніе Сената; зала оглашается кликами присутствующихъ; на улицѣ раздаются восклицанія гвардіи.

Почти одновременно съ извѣстіемъ о кончинѣ императора, въ Петербургѣ узнали о восшествіи на престолъ императрицы. Много новаго видѣли Русскіе люди въ послѣднія 25 лѣтъ, и теперь, когда уже Преобразователь испустилъ духъ, увидали небывалое явленіе—женщину на престолѣ. Но какимъ образомъ она взошла на престолъ?—Она была избрана вельможами; но избравшіе не хотѣли прямо объявить Россіи объ этомъ избраніи. Въ манифестѣ отъ Синода, Сената и генералитета, говорилось: „О наслѣдствіи престола Россійскаго не токмо единымъ его императорскаго величества блаженной и вѣчнодостойной памяти манифестомъ, февраля 5 дня прошлаго 1722 года, въ народѣ объявлено, но и присягою подтвердили всѣ чины государства Россійскаго, да быть наслѣдникомъ тому, кто по волѣ императорской будетъ избранъ. А понеже въ 1724 году удостоилъ короною и помазаніемъ любезнѣйшую свою супругу, великую государыню нашу, императрицу Екатерину Алексѣевну, за ея къ Россійскому государству мужественные труды, какъ о томъ довольно объявлено въ народѣ печатнымъ указомъ прошлаго 1723 года ноября 15 числа: того для св. Синодъ и высокоправительствующій Сенатъ и генералитетъ согласно приказали: во всенародное извѣстіе объявить печатными листами, дабы всѣ, какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго всякаго чина и достоинства люди о томъ вѣдали, и ей, всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержицѣ Всероссійской, вѣрно служили“ [1]). Короновaніе Екатерины было выставлено, какъ назначеніе ея наслѣдницею престола по закону 5 февраля

[1]) Полн. Собр. Зак. № 4643.

Въ Петербургѣ присягнули спокойно. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ это время здѣсь, писалъ своему Двору: „Скорбь о смерти царя всеобщая; о немъ мертвомъ такъ же жалѣютъ, какъ боялись и уважали его живаго; мудрости его правленія и постояннымъ заботамъ его о просвѣщеніи народа обязаны полною безопасностію, которою пользуются здѣсь до сихъ поръ; незамѣтно ни малѣйшаго безпокойнаго движенія“ [2]).

Въ Петербургѣ все было тихо; но боялись волненія въ Москвѣ. Туда немедленно былъ отправленъ генералъ Дмитріевъ-Мамоновъ, съ порученіемъ распорядиться военными силами для сохраненія порядка. Отъ 2 февраля Мамоновъ уже доносилъ императрицѣ, что онъ пріѣхалъ въ Москву наканунѣ, въ 9 часу пополуночи, и принялъ команду; по рапортамъ числилось въ старой столицѣ 2,041 человѣкъ солдатъ, но на дѣлѣ Мамоновъ нашелъ меньше, и потому удержалъ 1,000 человѣкъ пѣшихъ драгунъ, которые должны были выступить въ Нарву, также велѣлъ прибыть въ Москву изъ губерніи съ вѣчныхъ квартиръ 365 конныхъ драгунъ [3]). Графъ Матвѣевъ, бывшій, какъ мы видѣли, въ Москвѣ въ званіи предсѣдателя сенатской конторы, писалъ Макарову 9 февраля: „Сего мѣсяца въ 3-е, по полученіи здѣсь того злоплачевнаго изъ С.-Петербурга съ сенатскимъ курьеромъ извѣстія и печальнаго манифеста, когда при безчисленномъ множествѣ собранія всякаго чину людей здѣсь въ соборной великой церкви публично о той трагедіи было прочтено, такой учинился отъ народу всего, наипаче же при панихидѣ, вой, крикъ, вопль слезной, что нельзя женамъ больше того выть и горестно плакать, и воистину такого ужасу народнаго отъ рожденія моего я николи не видалъ и не слыхалъ, что, какъ слышно, и по всѣмъ приходамъ и улицамъ по той же публикаціи чинилося, и все при Господней помощи до сего времени здѣсь такъ тихо, какъ и прежде сего было, и для будущей осторожности впредь всѣ способныя и безопасныя мѣры у меня съ генералъ-майоромъ Дмитріевымъ-Мамоновымъ упрежены и приняты суть“ [4]). Несмотря однако на эти успокоительныя извѣстія, когда, въ мартѣ мѣсяцѣ, Макаровъ доложилъ императрицѣ о возвращеніи Мамонова въ Петербургъ, то она сказала, чтобы генералъ провелъ праздникъ Пасхи въ Москвѣ и смотрѣлъ, не будетъ ли въ праздничные гулящіе дни какихъ шалостей. Относительно раскольниковъ Сенатъ и Синодъ согласно разсудили приводить ихъ въ Москвѣ къ присягѣ въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ присягаютъ и Православные; но распорядиться приводомъ ихъ къ присягѣ московское начальство должно было по совѣту съ Питиримомъ, архіепископомъ нижегородскимъ, который для этого спѣшилъ изъ Петербурга въ Москву [5]).

[2]) См. Приложенія № 12.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 71.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 72.
[5]) Кабинетъ II, кн. № 71, Журналы и Проток. Сената.

Шалостей не было; но во время приведенія къ присягѣ нѣкоторые оказали сопротивленіе. Двое братьевъ, уроженцы пригородка Судислава, Костромской провинціи, изъ подлыхъ людей, какъ тогда говорилось, объявили Матвѣеву и Мамонову, что они къ присягѣ не пойдутъ, императрицу за государыню себѣ не признаютъ и прежде не признавали, и никогда вѣрными не были, потому что они по указамъ въ двойной платежъ раскольниками подписались, и этимъ платежемъ денегъ свободу себѣ получили и, разъ объявивши себя раскольниками, вѣрными имъ быть нельзя. Ихъ подвергли жестокой пыткѣ, дали 30 ударовъ кнутомъ, жгли вѣниками, но ничего не добились: раскольники не только не охнули, но ни однимъ составомъ не дрогнули, лежали, закуся языкъ. Донося объ этомъ, Матвѣевъ писалъ, что отъ двойнаго оклада на раскольниковъ государству прибыль малая, а раскольничеству попущеніе, и впередъ можетъ быть большой вредъ: лучше бы двойной окладъ снять и, расписавъ раскольниковъ по частямъ, гонять вмѣсто солдатъ на всякія тежелыя работы, какъ сдѣлали Львовичи Нарышкины съ своими раскольниками, чашниковскими крестьянами. Впрочемъ, раскольники, которые такъ испугали Матвѣева „своею неподобною адскою замерзѣлостью", вытерпѣли только первую пытку; когда же ихъ привели въ другой разъ въ застѣнокъ, то объявили себя готовыми присягать [1]). И въ другихъ мѣстахъ оказались ослушники, которые говорили, что Екатерина не прямая царица; другіе говорили: „Креста цѣловать не буду; если женщина царемъ, то пусть и крестъ цѣлуютъ женщины". Толковали: „Нестаточное дѣло женщинѣ быть на царствѣ, она же иноземка". Неправильность брака Екатерины съ Петромъ находили въ томъ, что воспріемникомъ ея, при обращеніи въ Православіе, былъ царевичъ Алексѣй, слѣдовательно Петръ женился на внукѣ своей. Извѣстная уже намъ сказка о плѣнѣ настоящаго Петра въ Швеціи стала теперь оканчиваться тѣмъ, что онъ освободился изъ плѣна и скоро явится. Изюмскаго уѣзда, Святогорскаго монастыря, старецъ Варлаамъ разсказывалъ: „Царь нашъ Петръ живъ, ходилъ въ Турецкую Землю посломъ, а изъ той Земли пошелъ въ городъ Стекгольмъ, а тотъ городъ держитъ царица; и къ той царицѣ отписалъ Турокъ: „Пошелъ къ тебѣ посолъ Русскій царь, понеже наши земли онъ осматриваетъ"; а та царица его не отпустила, посадила подъ караулъ, и вмѣсто его изобрала такогожъ молодца и послала его въ Россію на царство. И по пріѣздѣ своемъ началъ бороды брить и платья рѣзать по-своему, и жаловалъ своихъ невѣрныхъ въ высокіе чины, и никто его не позналъ, токмо познала царица, и онъ ее отъ себя отринулъ и взялъ себѣ иную, а самъ пошелъ на службу, а царевичъ остался на царствѣ; и говорилъ ему царевичъ: „Ты изволишь идти на службу и меня оставляешь на царство; позволь мнѣ сдѣлать звонъ, чтобъ было слышно по всей землѣ"; а по отъѣздѣ его на службу царевичъ началъ невѣрныхъ гнать, чтобъ ихъ не было въ царствѣ, и, услыша, онъ возвратился назадъ и царевича уходилъ самъ, а потомъ и самъ умеръ, а ее пожаловалъ на царство. А теперь царь нашъ изъ неволи избавился чрезъ купецкаго человѣка, который ѣздилъ на корабляхъ съ товаромъ, а пришедши, поднесъ той царицѣ великіе дары, и она за тотъ даръ его чествовала, и пошелъ онъ по темницамъ милостыни давать, и нашелъ его въ особой темницѣ, а съ нимъ дву человѣкъ, и сталъ онъ тое царицу просить на корабль къ себѣ на банкетъ, и та царица на корабль съ своими служителями пришла и гуляла довольно, и помянутый купецъ поднесъ имъ пойла, и отъ того пойла они всѣ уснули, и съ тѣми кораблями отъ того города уѣхалъ и ихъ увезъ; и какъ они проснулись, стали его просить, чтобъ онъ отпустилъ ихъ и „чего желаешь, то тебѣ дадимъ", и, онъ имъ сказалъ: „Ничего отъ васъ не хочу, только дайте мнѣ трехъ невольниковъ", и отдали царя Петра и съ нимъ двухъ человѣкъ, и взявши онъ привезъ. Да удивляюсь я, что онъ и понынѣ не объявится; а о царевичѣ сказываютъ, что у тестя своего Цесаря". Варлаамъ объявилъ, что онъ слышалъ этотъ разсказъ отъ дегтярнаго дѣла мастера. Толковали, что Екатерина испортила Петра. Казакъ-раскольникъ говорилъ: „Когда государь преставлялся, про себя самъ говорилъ: „Еще бы мнѣ жить, да міръ меня проклялъ". Жестокъ онъ государь былъ, а сказываютъ, что внукъ его жесточае его будетъ". Попъ говорилъ: „Похваляютъ, что императоръ нашъ былъ мудренъ; а что его мудрость? затѣялъ подушну перепись себѣ на безголовье, а всему народу на изнуренье, и вручилъ свое государство нехристіанскому роду, что хорошаго—указалъ по формѣ молиться за невѣрныхъ. Все то изложили и указали и всю землю вязали большіе бояре; какъ прежде сего они, бояре, проливали кровь стрѣлецкую, такъ и имъ, боярамъ, отольется кровь на главы ихъ: вдолголь или вкороткѣ будетъ не безъ смятенія". Монахиня говорила: „Я за царицу Бога не молю, молю Бога за царевича: какая она царица"? Но этими выходками и ограничилось сопротивленіе [2]).

При спокойной скорби совершились въ Петербургѣ печальныя церемоніи. Никогда во время жизни Преобразователя новые обычаи, которые усвоила себѣ Россія, не высказывались такъ рѣзко, какъ во время его похоронъ, потому что при жизни онъ не позволялъ роскоши, но гробъ его постарались окружить всевозможнымъ великолѣпіемъ. 30 января набальзамированное тѣло покойнаго императора было выставлено въ меньшей дворцовой залѣ, и народъ былъ допущенъ для прощанія. Между тѣмъ генералы Брюсъ и Бокъ приготовляли печальную залу, которая была готова къ 13 февраля. Между обыч-

[1]) Кабин. II, кн. № 72.

[2]) Извлеченія изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи въ Государств. Архивѣ; Кабин. II, кн. № 85.

*

ными украшеніями, употреблявшимися въ подобныхъ случаяхъ при Дворахъ европейскихъ, виднѣлись пирамиды съ надписями; на одной читали:

ОТЪ ПОПЕЧЕНІЯ О ЦЕРКВИ.

Именемъ и дѣломъ Петру Верховному подражавый,
Боговѣнчанный верхъ нашъ Петръ остави насъ.
Ревнитель благочестія, рачитель исправленія,
Суевѣрія и лицемѣрія ненавистникъ.
О жените церковный Христе! Утѣши невѣсту Твою.

НА ДРУГОЙ: О ИСПРАВЛЕНІИ ГРАЖДАНСТВА.

Что воздаси, о Россія! истинному отродившему тебя отцу твоему?
Онъ тебя уставы правительскими мудрую,
Законы судебными здравую,
Искусствъ различіемъ благообразрую сотвори.
Едина въ тебѣ благодарствія сила
Въ вѣрности и послушаніи ко наслѣдницѣ его.

НА ТРЕТЬЕЙ: ОТЪ ОБУЧЕНІЯ ВОИНСТВА.

Изнемогъ тѣломъ, но не духомъ,
Уснулъ отъ трудовъ, Сампсонъ россійскій.
Трудолюбіемъ подалъ силы воинству,
Бѣдствіемъ же своимъ безопасіе отечеству.
Но, о премѣненія жалостнаго!
Почившу же ему временно, вѣчно же торжествующу,
Стонемъ мы и сѣтуемъ.

НА ЧЕТВЕРТОЙ: ОТЪ СТРОЕНІЯ ФЛОТА.

Новаго въ мірѣ, перваго въ Россіи Іафета,
Власть, страхъ и славу на морѣ простерщаго,
И намъ въ сообщеніе вселенную приведшаго,
Плавающаго уже не узримъ.
Нынѣ намъ воды—слезы наши,
Вѣтры—воздыханія наши.

13 февраля гробъ императора былъ перенесенъ въ печальную залу; въ первыхъ числахъ марта увидали подлѣ него другой гробъ, шестилѣтней дочери Петра, цесаревны Натальи. 8 марта тѣло императора было вывезено въ Петропавловскій соборъ; процессія раздѣлялась на 166 нумеровъ; гробъ цесаревны несли. По окончаніи литургіи въ соборѣ, взошелъ на каѳедру Ѳеофанъ Прокоповичъ и произнесъ знаменитую проповѣдь, начинавшуюся словами: „Что се есть? до чего мы дожили, о Россіяне! что видимъ? что дѣлаемъ?—Петра Великаго погребаемъ!“ Проповѣдь была кратка, но говореніе ея продолжалось около часа, потому что прерывалось плачемъ и воплемъ слушателей, особенно послѣ первыхъ словъ. Въ утѣшеніе ораторъ рѣшился сказать: „Не весьма же, Россіяне! изнемогаемъ отъ печали и жалости; не весьма бо и оставилъ насъ сей великій монархъ и отецъ нашъ. Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ; безмѣрное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его дѣлами означилося, при насъ есть. Какову онъ Россію свою сдѣлалъ, такова и будетъ; сдѣлалъ добрымъ любимую,—любима и будетъ; сдѣлалъ врагомъ страшною,—страшна и будетъ; сдѣлалъ на весь міръ славною,—славная и быти не перестанетъ. Оставилъ намъ духовная, гражданская и воинская исправленія. Убо оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ“.

Тѣло посыпали землею, закрыли гробъ, разостлали на немъ императорскую мантію и оставили на катафалкѣ подъ балдахиномъ среди церкви. Такъ оставался онъ до 21 мая 1731 года [1]).

31 марта 1725 года въ Петропавловскомъ соборѣ шла всенощная; входитъ генералъ-прокуроръ Ягужинскій, становится близъ праваго клироса и говоритъ, показывая на гробъ Петра: „Могъ бы я пожаловаться, да не услышитъ, что сегодня Меншиковъ показалъ мнѣ обиду, хотѣлъ мнѣ сказать арестъ и снять съ меня шпагу, чего я надъ собою отроду никогда не видалъ“ [2]).

Что же такое случилось, за что поссорились птенцы Петра?

Меншиковъ обижаетъ. Возведеніе на престолъ Екатерины было торжествомъ и спасеніемъ для свѣтлѣйшаго князя. Въ послѣднее время жизни Петра онъ мало могъ имѣть надежды возвратить довѣріе и расположеніе императора; отнятіе мѣста президента Военной Коллегіи показывало ему, что государь не намѣренъ ограничиваться однѣми угрозами и денежными взысканіями. Но смерть Петра и воцареніе внука его грозили еще большею опасностью: и вотъ опасности больше нѣтъ,—восходитъ на престолъ Екатерина, которая до послѣдней минуты была ревностною защитницею Меншикова, при которой онъ будетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо былъ при покойномъ императорѣ. Надежды, повидимому, сбылись; Меншиковъ получилъ такую большую власть, какую только подданный можетъ имѣть, доносили иностранные министры Дворамъ своимъ [3]). Мѣсто президента Военной Коллегіи было ему возвращено. Меншикову, по его характеру, хотѣлось бы еще больше силы и власти, большихъ почестей, и Екатерина, какъ видно, должна была сдерживать его алчность. Сдерживать было необходимо: враждебная ей сторона родовитыхъ вельможъ потерпѣла пораженіе, не могла возвести на престолъ великаго князя; но она существовала и была сильна: — тронуть ее, пренебрегать ею было очень опасно, а главнымъ виновникомъ неудовольствія этой партіи былъ Меншиковъ; всего болѣе оскорбляло громадное, подавляющее значеніе этого выскочки; дать еще больше значенія Меншикову значило—не только раздражить сильную партію, но и заставить броситься въ нее и другихъ людей, прежде отъ нея далекихъ и приверженныхъ къ Екатеринѣ. Императрица не могла не видѣть, что опасность только устранена на время, но не уничтожена; что она обязана своимъ восшествіемъ на престолъ преимущественно малолѣтству великаго князя Петра, который въ глазахъ огромнаго большинства народа остается законнымъ наслѣдникомъ; что слѣдовательно партія родовитыхъ вельможъ будетъ всегда имѣть поддержку въ этомъ большинствѣ. Въ Петербургѣ гвардія на сторонѣ Екатерины; но есть еще армія; постоянный страхъ нагоняла украинская армія, находившаяся подъ начальствомъ популярнѣйшаго изъ генераловъ,

[1]) Голикова, Дѣянія Петра В. IX, 211 и слѣд.
[2]) Кабинетъ I, кн. № 58.
[3]) Кампредонъ.

князя Михайлы Михайловича Голицына, который былъ совершенно въ волѣ старшаго брата, князя Димитрія Михайловича. Враждебнаго движенія украинской арміи ждали въ первые дни царствованія Екатерины, и потомъ, когда возникало неудовольствіе, начинали ходить слухи о заговорѣ противъ Екатерины въ пользу великаго князя Петра, сейчасъ же присоединялись слухи о движеніяхъ украинской арміи [1]). Отсюда понятны причины, почему Меншикова сдерживали. Ему хотѣлось быть генералиссимусомъ; хотѣлось, чтобы прекращено было всякое слѣдствіе по его злоупотребленіямъ; хотѣлось получить Батуринъ, котораго ему не далъ Петръ Великій. Но 1725 годъ проходилъ, и Меншиковъ не получалъ желаемаго. Приближалось 24 ноября, день именинъ Екатерины, и Меншиковъ обращается съ письмомъ къ Макарову, оставшемуся въ прежнемъ значеніи и теперь. Тонъ письма, униженный и повелительный вмѣстѣ, всего лучше обрисовываетъ тогдашнее положеніе Меншикова: „Въ первомъ моемъ прошеніи включено о штрафѣ и счетѣ; но такъ какъ по приговору Сената, по силѣ милосердыхъ ея императорскаго величества указовъ, велѣно какъ съ прочихъ со всѣхъ, такъ и съ меня всѣ штрафы снять, то вашу милость просимъ—о томъ ея величество трудить не извольте, а извольте доложить ея величеству по послѣднему нашему прошенію и пунктамъ и по краткимъ табелямъ, которыя я вамъ отдалъ, и сіе изволите исполнить, не упустя нынѣшняго времени, въ чемъ на вашу милость, яко на моего благодѣтеля, есмь благонадеженъ и пребываемъ вашей милости доброжелательный". Чрезъ день Меншиковъ подалъ письмо самой императрицѣ: „Всенижайше просилъ я у вашего величества на поданные мои просительные пункты рѣшенія, на которые и нынѣ симъ моимъ всенижайшимъ краткимъ письмомъ паки прошу милостивѣйшей резолюціи, а именно – о первомъ пунктѣ (т. е. о званіи генералиссимуса) предаю въ милосердіе вашего величества, и отъ его императорскаго величества хотя я тѣмъ былъ и не пожалованъ, однако-жь по волѣ его величества то дѣлалъ, что тому чину дѣлать надлежитъ; и отъ его императорскаго величества въ правительствующій Сенатъ и въ канцеляріи, и во все государство указы были посланы за собственною его величества рукою, чтобъ какъ отъ его величества, такъ и отъ меня посланныхъ указовъ всѣ слушали и по онымъ исполняли; и тако изъ сихъ двухъ резоновъ единое вашему величеству учинить возможно, и я прошу не для себя, но для самодержавной власти вашего величества. На прочіе пункты (насчетъ Батурина) прошу не вновь какого награжденія, но противъ даннаго отъ его величества диплома и собственною его величества рукою подписанія, вмѣсто взятыхъ моихъ вотчинъ; а о службѣ моей и вѣрности какъ при живогѣ его императорскаго величества, такъ и по кончинѣ бывшихъ вашему императорскому величеству извѣстно: и, того ради, уповаю, что ваше величество, по превысокой своей матерней ко мнѣ милости, въ день тезоименитства своего тѣмъ меня обрадовать изволите" [2]). Но Меншиковъ не былъ обрадованъ: только въ декабрѣ 1725 года уничтожены счетныя дѣла его, и только въ іюнѣ 1726 г. данъ ему Батуринъ съ 1,300 дворовъ и 2,000 дворовъ, принадлежавшихъ къ Гадяцкому замку [3]).

Подлѣ Меншикова виднѣе другихъ при Дворѣ Екатерины стоялъ графъ Петръ Андреевичъ Толстой, по своимъ способностямъ, тонкому и твердому уму, умѣнью дать дѣлу желаемый оборотъ, наконецъ по единству интересовъ; императрица, какъ замѣчали [4]), рѣшительно не могла обойтись безъ его совѣтовъ. Но конечно и безъ совѣтовъ Толстого Екатерина понимала, что если, съ одной стороны, Меншиковъ былъ сила, которой она не должна была лишать себя при своемъ вовсе нетвердомъ положеніи, то, съ другой стороны, эту силу надобно было сдерживать, чтобъ не возбудить всеобщаго неудовольствія. По единству интересовъ, Толстой не могъ ссориться съ Меншиковымъ; старикъ Апраксинъ попрежнему крѣпко держался обоихъ; но третье самое видное лицо подлѣ Меншикова и Толстого, Ягужинскій, по характеру своему, не могъ щадить свѣтлѣйшаго князя при спорѣ о дѣлахъ, и выходилъ изъ себя, особенно когда былъ *шуменъ*, по тогдашнему выраженію. Такъ, 31 марта 1725 года, въ спорѣ о внѣшней политикѣ онъ наговорилъ множество оскорбительныхъ вещей Меншикову и генераль-адмиралу Апраксину, послѣ чего отправился въ Петропавловскій соборъ и тамъ, какъ мы видѣли, громко жаловался на Меншикова, обращаясь къ гробу Петра Великаго. Скандалъ былъ страшный; императрица сильно разсердилась на Ягужинскаго. Герцогъ Голштинскій выпросилъ у нея прощеніе генералъ-прокурору съ условіемъ, что онъ будетъ просить прощенія у Меншикова и генералъ-адмирала, что Ягужинскій и исполнилъ [5]).

Герцогъ Голштинскій выпросилъ прощеніе Ягужинскому; по крайней мѣрѣ дѣлу данъ былъ такой видъ; герцогъ же Голштинскій сильно хлопоталъ о возвращеніи Шафирова изъ ссылки, и Шафировъ, въ мартѣ 1725 года, возвратился въ Петербургъ и

[1]) Кампредонъ.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 72.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 33; II, кн. № 73: „По всѣмъ имѣющимся въ Сенатѣ, въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ счетнымъ дѣламъ, кои начались до 721 году, штрафовъ и начетовъ съ г. генералъ-фельдмаршала свѣтл. князя Меншикова и съ наслѣдниковъ его спрашивать и впредь слѣдовать не велѣно, и велѣно ихъ уничтожить; и для того такія счетныя дѣла всѣ изо всѣхъ мѣстъ, гдѣ имѣются, собрать немедленно въ ревизію и запечатать, а ему, генералъ-фельдмаршалу, впредь до оправданія дать изъ Сената указъ".

[4]) Кампредонъ.

[5]) Кампредонъ. Le duc d'Holstein a obtenu la grace à condition qu'il demandroit pardon, comme il a fait, au prince et à l'amiral, qu'il promettait, par écrit de ne plus s'enivrer, et que s'il lui arrivait désormais d'insulter quelqu'un dans le vin il consentait qu'on le rendit criminel pour toutes ses autres fautes.

былъ очень милостиво принятъ императрицею и цесаревнами, хотя и не получилъ прежняго значенія. По ходатайству герцога Голштинскаго, сынъ казненнаго князя Гагарина получилъ часть отцовскаго имѣнія. Это новая сила! 21 мая 1725 года, въ Троицкомъ соборѣ, совершенъ былъ наконецъ бракъ герцога съ старшею цесаревною, Анною Петровною, и, по случаю этого торжества, люди, извѣстные своимъ нерасположеніемъ ко второму браку Петра Великаго и къ дѣтямъ отъ этого брака, получили важныя награды: князь Михайла Михайловичъ Голицынъ произведенъ въ фельдмаршалы; братъ его, князь Димитрій Михайловичъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій, графъ Петръ Апраксинъ произведены въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 1725 году иностранные министры при Русскомъ Дворѣ были увѣрены, что Екатерина объявитъ своею наслѣдницею цесаревну Анну Петровну; герцогъ старался выставить себя съ выгодной стороны, являлся примирителемъ вельможъ, старался войти въ Сенатъ, чтобъ получить опытность во внутреннихъ дѣлахъ и познакомиться съ духомъ народа. Говорили, что вельможамъ это было непріятно, потому что они хотѣли управлять государствомъ при женщинѣ. Это неудовольствіе однако не было опасно для герцога: между вельможами не было единства, каждый старался опередить другихъ въ довѣріи императрицы. Говорили, что Екатеринѣ нечего опасаться, если только она будетъ хорошо содержать войско, чрезвычайно ей преданное. Говорили также, что герцогъ Голштинскій не способенъ къ самостоятельному дѣйствію, что имъ руководитъ министръ его, Бассевичъ, человѣкъ, соединявшій съ чрезвычайно пылкимъ воображеніемъ смѣлость, способность втираться, но имѣвшій мало скромности и правоты [1]).

Вельможи хотѣли управлять при женщинѣ, и теперь дѣйствительно управляли. Въ ночь на 28 января много было говорено въ пользу Екатерины, въ пользу ея мужества и способностей правительственныхъ, которыя были развиты подъ руководствомъ великаго человѣка, не имѣвшаго отъ нея тайнъ государственныхъ. Но, оставя въ сторонѣ желаніе сторонниковъ Екатерины превознести ея достоинства, мы должны замѣтить, что знаменитая ливонская плѣнница принадлежала къ числу тѣхъ людей, которые кажутся способными къ правленію, пока не принимаютъ правленія. При Петрѣ она свѣтила не собственнымъ свѣтомъ, но заимствованнымъ отъ великаго человѣка, котораго она была спутницею; у нея доставало умѣнья держать себя на извѣстной высотѣ, обнаруживать вниманіе и сочувствіе къ происходившему около нея движенію; она была посвящена во всѣ тайны личныхъ отношеній окружающихъ людей. Ея положеніе, страхъ за будущее держали ея умственныя и нравственныя силы въ постоянномъ и сильномъ напряженіи. Но вьющееся растеніе достигало высоты, благодаря только тому великану лѣсовъ, около котораго обвивалось; великанъ сраженъ—и слабое растеніе разостлалось по землѣ. Екатерина сохранила знаніе лицъ и отношеній между ними, сохранила привычку пробираться между этими отношеніями; но у нея не было ни должнаго вниманія къ дѣламъ, особенно внутреннимъ и ихъ подробностямъ, ни способности почина и направленія. Въ этомъ отношеніи мѣсто Петра Великаго оставалось празднымъ. А между тѣмъ поднимались со всѣхъ сторонъ вопросы, не терпящіе отлагательства въ рѣшеніи. Среди развалинъ стараго поднимались новыя зданія, иныя недостроенныя, другія только начатыя, третьи уже разрушающіяся. Великой трудности было дѣло разобраться въ матеріалѣ преобразованія. Посмотримъ же, какъ люди, оставленные Петромъ Россіи, разбирались въ немъ.

Въ самомъ началѣ царствованія, 5 февраля 1725 года, императрица указала: изъ подушныхъ денегъ, изъ 74 копѣекъ, убавить по четыре копѣйки. Но генералъ-прокуроръ Ягужинскій счелъ своею обязанностію подать императрицѣ записку, въ которой требовалъ болѣе дѣйствительныхъ мѣръ для облегченія крестьянъ. „Конъюнктуры", писалъ Ягужинскій, „такого состоянія суть, что прилежнаго и скораго разсужденія къ поправленію нынѣшняго въ государствѣ состоянія требуютъ, и впредь какъ внутри, такъ и внѣ государства для цѣлости государства и народа мѣры взять крайняя нужда настоитъ. И хотя я, вашего величества нижайшій рабъ, по всепокорнѣйшей своей должности, донынѣ собственными трудами и всегдашнимъ о всѣхъ нуждахъ напоминаніемъ продолжалъ, однакожь мало что успѣваетъ, и большая часть токмо въ разговорахъ о той и другой нуждѣ съ сожалѣніемъ и туженіемъ бываетъ, а прямо никто не положитъ своего ревностнаго труда; совѣсть же моя долѣе того смотрѣть не можетъ, и тако, должность и совѣсть свою очищая, представляю о томъ вашему величеству. И чтобъ обо всемъ вашему величеству совершенно быть извѣстну, то, мнится, надлежитъ у всѣхъ господъ министровъ порознь взять на письмѣ, какимъ образомъ въ настоящихъ конъюнктурахъ всякій по своей должности совѣтъ дастъ поступать; а какъ я усматриваю, не безъ нужды суть слѣдующія: 1) Внутренняя опасность, что уже нѣсколько лѣтъ хлѣбу родъ худой и отъ подушнаго сбору происходитъ великая тягость отъ того, а) что бѣглые и умершіе и взятые въ солдаты въ 719 году не выключены; б) престарѣлые, увѣчные и младенцы, отъ которыхъ никакой работы нѣтъ, въ тотъ же окладъ положены, а подушныя деньги правятъ на наличныхъ, чего ради въ такое неурожайное время крестьяне не токмо лошадей и скотъ, но и сѣменной хлѣбъ распродавать принуждены, а сами терпѣть голодъ, и большая часть можетъ быть такихъ, что къ пропитанію своему впредь никакой надежды не имѣютъ, и великое уже число является умершихъ ни отъ чего иного, токмо отъ голоду (и не безужасно слышать, что

[1]) Кампредонъ, Берхгольцъ, IV, 131, 138. 157.

одна баба отъ голоду дочь свою, кинувъ въ воду, утопила), и множество бѣгутъ за рубежъ польскій и въ Башкиры, чему и заставы не помогаютъ, и такой послѣ расположенія полковъ на квартиры въ душахъ ущербъ является, что въ одномъ Вологодскомъ полку, который расположенъ въ Казанской губерніи, убыло слишкомъ 13,000 душъ, изъ которыхъ показано умершихъ 8,000, бѣглыхъ 3,000, взятыхъ въ солдаты 340, а прочіе вдвое написаны и вывезены бѣглые на прежнія жилища. Да въ той же губерніи изъ опредѣленнаго числа душъ на тамошній гварнизонный полкъ бѣжало въ Башкиры 2,043 души. И ежели далѣе сего такъ продолжить и подушныя деньги править на оставшихъ, то всякому Россійскаго отечества сыну, соболѣзнуя, разсуждать надлежитъ, дабы тѣмъ такъ славнаго государства нерадивымъ смотрѣніемъ не допустить въ конечную гибель и бѣдство".

По мнѣнію Ягужинскаго, необходимо было убавить еще подушную подать, потому что полки, находясь внутри государства, могутъ жить и на половинномъ жалованьи. Офицеровъ отпускать, попеременно, домой; также надобно, хотя изъ младшихъ братьевъ оставлять по хозяину въ домѣ, ибо тогда только будутъ крестьяне въ призрѣніи и государственные сборы порядочны. Привести въ исполненіе указъ Петра Великаго, чтобъ одинъ изъ сенаторовъ объѣзжалъ всѣ провинціи для пресѣченія воровства и приведенія въ порядокъ сборовъ; онъ долженъ имѣть право наказывать тѣлесно и казнить смертію: иначе ни страха, ни порядка въ провинціяхъ не будетъ. Доходовъ всѣхъ около 8 милліоновъ, а нѣтъ ли какого ущерба,—того безъ ревизіи знать нельзя; надобно вазстановить Ревизіонъ-Коллегію, чтобъ могла безъ докладу Сенату считать и взыскивать. Всякое государство держится на двухъ подпорахъ,—земледѣліи и торговлѣ; но послѣдняя теперь въ чрезвычайно слабомъ состояніи. Тарифъ составленъ и внесенъ въ Сенатъ для аппробаціи; но сенаторы такъ же опытны въ торговомъ дѣлѣ, какъ и въ кузнечномъ, потому не диво, если что и просмотрѣно будетъ въ тарифѣ. Всѣмъ извѣстно, какъ портовые служители обижаютъ купцовъ по тарифу, и такъ объ этомъ надобно подумать, чтобъ иностранное купечество не отогнать. Осенью 1725 года Ягужинскій поднялъ крестьянскій вопросъ въ Сенатѣ. Ему возражали: „Неурожай не всеобщій; въ другихъ мѣстахъ рожь родилась средняя, а яровой всегда родился изрядно и предъ прошлыми годами хлѣбъ вездѣ дешевле. Крестьянъ отъ побѣговъ удержать можно такимъ образомъ: надобно изъ нихъ выбрать сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ и перепоручить всѣхъ круглою порукою, о чемъ изъ Военной Коллегіи указами объявлено, а нынѣ надобно о томъ вторично подтвердить, отчего побѣги удержать можно; это будетъ крѣпче карауловъ, потому что всѣ крестьяне другъ друга принуждены будутъ караулить; нельзя тому статься, чтобъ крестьяне другъ о другѣ не узнали, ибо кто захочетъ бѣжать, тотъ передъ побѣгомъ спроваживаетъ изъ домовъ въ другія, способныя къ побѣгу мѣста скотъ и пожитки, и съ собою берутъ женъ и дѣтей, а иные передъ побѣгомъ все продаютъ". Но эти замѣчанія не подѣйствовали; Сенатъ далъ императрицѣ такое мнѣніе: „Блаженной памяти государь императоръ указалъ армію и гарнизоны положить на число мужескаго пола душъ, и на содержаніе ихъ брать со всѣхъ тѣхъ, которые написаны въ сказкахъ въ 719 году, по 74 копѣйки съ души, а прежде бывшіе сборы всѣ отставить; а въ нынѣшнемъ 1725 году ея императорскаго величества указомъ сбавлено по 4 копѣйки съ души. Нынѣ дѣйствительнымъ сборомъ оказалось, что никакимъ образомъ того платежа понести не могутъ, и осталось того положеннаго на нихъ окладу въ доимкѣ на прошлый годъ близъ милліона; а сего года на прошедшія двѣ трети собрано развѣ съ малымъ чѣмъ половина по слѣдующимъ невозможностямъ: 1) Нѣсколько лѣтъ неурожай. 2) Платежемъ подушныхъ денегъ земскіе коммисары и обрѣтающіеся на вѣчныхъ квартирахъ штабъ и оберъ-офицеры такъ притѣсняютъ, что не только пожитки и скотъ распродавать принуждены, но многіе и въ землѣ посѣянный хлѣбъ за безцѣнокъ отдаютъ, и оттого необходимо принуждены бѣгать за чужія границы. 3) Правятъ на наличныхъ крестьянахъ подушныя деньги за отданныхъ въ рекруты, умершихъ, бѣглыхъ, дряхлыхъ, увѣчныхъ и младенцевъ. Сенатъ предлагалъ: выключить убылыхъ, и на 1726 годъ взять съ наличныхъ по 60 коп., а на будущіе годы брать по 70; уменьшить расходы на армію, уменьшить число войска [1]).

Трудный вопросъ, связанный со многими другими, былъ предоставленъ рѣшенію другого учрежденія.

Въ апрѣлѣ 1725 года государыня указала правительствующему Сенату для доклада приходить къ ней каждую недѣлю по пятницамъ; но въ томъ же мѣсяцѣ уже пронесся слухъ, что надъ Сенатомъ будетъ поставлено новое высшее учрежденіе, членами котораго будутъ немногія, самыя довѣренныя и знатныя лица [2]). Въ началѣ 1727 года эта мысль осуществилась по слѣдующему, какъ разсказываютъ [3]), поводу. Въ послѣднихъ числахъ 1725 года въ Сенатѣ происходилъ жаркій споръ. Минихъ прислалъ требовать 15,000 солдатъ для окончанія Ладожскаго канала; требованіе поддерживали Толстой и генералъ-адмиралъ Апраксинъ, говоря, что необходимо окончить такую полезную работу, необходимо кончить ее и изъ уваженія къ памяти Петра Великаго. Меншиковъ говорилъ противъ, указывалъ, что войска погибаютъ на работахъ, и что солдаты набираются съ такими издер-

[1]) Кабинетъ I, кн. № 33. Полн. Собр. Зак. № 4650. Чтенія Моск. Истор. Общ. 1860 г. кн. IV.

[2]) Донесенія саксон. министра Лефорта своему Двору, у Herrmann — Gesch. des russ. Staates, IV, 480; Кабинетъ II, кн. № 73.

[3]) Кампредонъ.

жками и заботами не для того, чтобъ землю копать. Ему замѣчали, что если бы нѣсколько солдатъ и погибло на каналѣ, то все же эта работа полезна для войска: солдаты заняты, а между тѣмъ сохраняются деньги, которыя бы пошли на наемъ работниковъ. Тутъ Меншиковъ покончилъ споръ, вставши и объявивши по приказанію императрицы, что этотъ годъ ни одинъ солдатъ не будетъ употребленъ на каналѣ, ибо она назначаетъ для войска другое занятіе. Сенаторы разошлись, крайне оскорбленные: совершенно равный имъ товарищъ объявляетъ имъ волю императрицы и смѣется надъ ними, заставляя ихъ спорить понапрасну. Начали разсуждать о средствахъ, какъ бы сломить значеніе Меншикова; говорили, что не станутъ ѣздить въ Сенатъ. Въ началѣ новаго 1726 года разнесся слухъ: что недовольные вельможи хотятъ возвести на престолъ великаго князя Петра, съ ограниченіемъ его власти; что Австрійскій Дворъ благопріятствуетъ этому; что движеніе начнется въ украинской арміи, которою начальствуетъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ. Толстой, видя опасность для Екатерины и ея дочерей, началъ хлопотать, какъ бы прекратить неудовольствіе; ѣздилъ къ Меншикову, Голицыну, Апраксину, и результатомъ этихъ поѣздокъ и совѣщаній было учрежденіе *Верховнаго Тайнаго Совѣта*, гдѣ главные сановники должны быть членами съ равнымъ значеніемъ, подъ предсѣдательствомъ самой императрицы, гдѣ, слѣдовательно, никто не могъ провести ничего безъ общаго вѣдома и обсужденія. Указъ объ учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, изданный въ февралѣ 1726 года, говорилъ слѣдующее: „Понеже усмотрѣли мы, что тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникамъ и кромѣ сенатскаго правленія есть немалый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) Что они часто имѣютъ, по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и о другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. 2) Изъ нихъ же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, отчего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ въ тайномъ совѣтѣ немалое имъ чинится помѣшательство, да и въ Сенатѣ въ дѣлахъ остановка и продолженіе, оттого, что они, за многодѣльствомъ, не могутъ вскорѣ чинить резолюціи и на государственныя внутреннія дѣла. Того для за благо мы разсудили и повелѣли съ нынѣшняго времени при Дворѣ нашемъ, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ учредить Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ мы будемъ сами присутствовать. Въ томъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ быть при насъ изъ первыхъ сенаторовъ, а вмѣсто ихъ въ Сенатъ выбраны будутъ другіе, которые всегда при одномъ сенатскомъ правленіи будутъ. Быть при насъ въ Тайномъ Верховномъ Совѣтѣ нижеписаннымъ персонамъ: генералъ-фельдмаршалу и тайному дѣйствительному совѣтнику, свѣтлѣйшему князю Меншикову; генералъ-адмиралу и тайному дѣйствительному совѣтнику графу Апраксину; государственному канцлеру, тайному дѣйствительному совѣтнику, графу Головкину; тайному дѣйствительному совѣтнику графу Толстому; тайному дѣйствительному совѣтнику князю Голицыну; вице-канцлеру и тайному дѣйствительному совѣтнику барону Остерману“.

Избранные члены подали императрицѣ „мнѣніе не въ указъ о новомъ учрежденномъ Тайномъ Совѣтѣ“: „1) Тайный Совѣтъ можетъ для домашнихъ и внутреннихъ дѣлъ въ среду, а для чужестранныхъ дѣлъ въ пятокъ съѣзжаться; но когда случится много дѣлъ, то назначается чрезвычайный съѣздъ. 2) Такъ какъ ея величество въ Тайномъ Совѣтѣ президентство сама имѣетъ, и есть причина надѣяться, что она персонально часто присутствовать будетъ, то этотъ Тайный Совѣтъ не слѣдуетъ считать за особливую коллегію, потому что онъ служитъ только къ облегченію ея величества въ тяжкомъ бремени правленія, всѣ дѣла скорѣе будутъ отправляться и не одинъ человѣкъ будетъ думать о приращеніи безопасности ея величества и государства; чтобъ безопаснѣе высокимъ ея именемъ указы выходили, надобно писать въ нихъ такъ: вначалѣ: „Мы, Божіею милостію“ и проч., въ срединѣ: „повелѣваемъ“ и проч., и на концѣ: „данъ въ Тайномъ Совѣтѣ“. 3) Никакимъ указамъ прежде не выходить, пока они въ Тайномъ Совѣтѣ совершенно не состоялись, протоколы не закрѣплены и ея величеству для всемилостивѣйшей аппробаціи прочтены не будутъ, и потомъ могутъ они быть закрѣплены и разосланы дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Степановымъ. 4) Рапорты, доношенія или представленія, которые могутъ приходить на рѣшеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ, подписываются прямо на имя ея императорскаго величества, съ прибавкою „къ поданію въ Тайномъ Совѣтѣ“. 5) Когда ея величество сама присутствовать изволитъ, то въ ея всемилостивѣйшее соизволеніе о томъ предлагать, что заблагоразсудитъ; когда же она присутствовать не изволитъ, то лучше каждому члену дать какой-нибудь департаментъ или повытье, о какихъ дѣлахъ онъ предлагать имѣетъ, дабы прежде довольно разсудить: а) потребное ли это дѣло; б) какъ его лучше рѣшить, дабы тѣмъ легче было императорскому величеству принять свое рѣшеніе. 6) Въ Тайномъ Совѣтѣ надобно два протокола держать: одинъ образомъ журнала, который подписывать не нужно; другой долженъ содержать резолюцію и опредѣленія, и его члены закрѣпляютъ. 7) Тайному Совѣту надобно имѣть свою канцелярію и дѣла раздѣлить, чтобъ всепорядочно было и безъ конфузіи благовременно отправлено быть могло. Такъ какъ канцелярія должна служить образцомъ для другихъ, то надобно, чтобъ въ ней не было столько ненужной переписки, и штатъ ненужными служителями не отягощать; поэтому въ учрежденіи канцеляріи надобно поступать очень осторожно и все постановить съ великимъ разсужденіемъ, дабы и въ содержаніи секретныхъ дѣлъ безопаснѣе было. 8) Чужестранные министры

остаются при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; но коллегія должна всегда о предложеніяхъ нихъ доносить ея императорскому величеству въ Тайномъ Совѣтѣ. 9) Дѣла, подлежащія вѣдѣнію Тайнаго Совѣта, суть: а) чужестранныя; б) всѣ тѣ, которыя до ея императорскаго величества собственнаго рѣшенія касаются. 10) Сенатъ и прочія коллегіи остаются при своихъ уставахъ; но дѣла особенной важности, о которыхъ въ уставѣ нѣтъ опредѣленій, или которыя подлежатъ собственному рѣшенію ея императорскаго величества, они должны, съ своимъ мнѣніемъ, передавать въ Верховный Тайный Совѣтъ. 11) Первыя три коллегіи (Иностранная, Военная и Морская) подъ Сенатомъ быть не могутъ, какъ и безъ того Иностранная никогда отъ него не зависѣла 12) Аппеляціи на Сенатъ и на три коллегіи къ ея императорскому величеству должны быть позволены и разсматриваются въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; но если аппеляція окажется неосновательною, то аппелировавшій наказывается лишеніемъ жизни, чести и имѣнія, чтобъ ея величество и Тайный Совѣтъ дерзкими аппеляціями утруждаемы не были. 13) Такъ какъ Тайному Совѣту принадлежитъ надзоръ надъ всѣми коллегіями и прочими учрежденіями, о чемъ еще разныя полезныя опредѣленія могутъ быть постановлены, то не надобно очень торопиться, потому что все это дѣлается высочайшимъ ея императорскаго величества именемъ, дабы польза всей имперіи тѣмъ лучше могла быть получена и въ народѣ наибольшее прославленіе находила и явна была. Такъ какъ сношенія съ Сенатомъ и другими коллегіями остановились за тѣмъ, что не знаютъ, какъ Сенатъ титуловать, ибо правительствующимъ уже писать невозможно, для того Сенату придать титулъ *высокоповѣренный*, или просто *высокій* Сенатъ. Синодъ пишетъ въ Сенатъ указы о старыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ, о новыхъ же доноситъ ея императорскому величеству въ Тайномъ Совѣтѣ".

Императрица одобрила проектъ, только замѣтила: на 3 пунктъ:—о важныхъ дѣлахъ, составя протоколы на мѣрѣ и не подписавъ, напередъ для аппробаціи ея императорскому величеству вносить одному или двоимъ членамъ совѣта, и, по аппробаціи, подписывать и въ дѣйство производить. На 5-й: объ особыхъ департаментахъ составить особое мнѣніе съ изъясненіемъ На 13-й: не лучше ли Синоду съ Сенатомъ сноситься промеморіями, или какъ прежде Синодъ сносился съ Вышнимъ судомъ; о новыхъ же синодскихъ дѣлахъ и какъ Синоду впредь выдавать указы,—объ этомъ составить мнѣніе съ изъясненіемъ. Отнявши у Сената титулъ *правительствующаго*, сочли послѣдовательнымъ отнять его и у Синода [1]).

Новость произвела сильное впечатлѣніе. Иностраннымъ министрамъ представилось, что это шагъ къ перемѣнѣ формы правленія [2]). Между сенаторами, не попавшими въ Верховный Тайный Совѣтъ, страшное неудовольствіе. Изъ шести членовъ новаго учрежденія старое родовитое вельможество имѣло только одного представителя, князя Дмитрія Михайловича Голицына; между пятью остальными, людьми новыми, выдвинувшимися при Петрѣ Великомъ, не видали одного изъ самыхъ видныхъ, Ягужинскаго, который былъ въ отчаяніи: по всѣмъ вѣроятностямъ, въ его исключеніи была сдѣлана уступка Меншикову, съ которымъ Ягужинскій не переставалъ враждебно сталкиваться и послѣ описанной исторіи 31 марта. Обиженъ былъ Матвѣевъ, котораго, какъ сенатора, отправили ревизовать Московскую губернію; на его мѣсто, предсѣдателемъ московской Сенатской конторы, отправили старика, графа Ивана Мусина-Пушкина. И этотъ былъ сильно обиженъ. Самъ старикъ и сынъ его, графъ Платонъ, писали объ этомъ Макарову. Чтобъ обратить на себя вниманіе, старикъ просилъ увольненія отъ всѣхъ дѣлъ, за старостью. Ему не отвѣчали, и онъ объявилъ, что если угодно ея величеству, то онъ остается у дѣлъ. „Покорно прошу", писалъ онъ Макарову, „приложенное письмо вручить свѣтлѣйшему князю, понеже я мню, что нѣтъ ли его свѣтлости на меня какого гнѣву, ибо многое уже время отъ его свѣтлости я къ себѣ писемъ не имѣю и на мои письма не изволитъ писать, и, можетъ быть, что здѣшніе мои злодѣи могутъ его свѣтлости напрасно меня и обнести; токмо я ни въ чемъ его свѣтлость не прогнѣвилъ, и прогнѣвить мнѣ невозможно за его ко мнѣ и дѣтямъ моимъ милость, и по указамъ его свѣтлости всегда безъ всякія противности все исполнялъ, того ради васъ прошу, если есть его свѣтлости на меня гнѣвъ, прошу меня предъ нимъ оправдать" [3]).

Ягужинскій, Матвѣевъ, Мусинъ-Пушкинъ не въ числѣ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а Нѣмецъ Остерманъ—тамъ! Мы видѣли дѣятельность Остермана при Петрѣ Великомъ; видѣли, какъ онъ выдвинулся при немъ. Какъ видно, Петръ былъ недоволенъ Шафировымъ, какъ вице-канцлеромъ, быть можетъ по враждебности его отношеній къ Головкину; это видно изъ письма Скорнякова-Писарева къ императору въ октябрѣ 1722 года: „О немъ же Шафировѣ изволилъ ваше величество Павлу Ивановичу (Ягужинскому) и мнѣ говорить, чтобъ ему только сидѣть въ Сенатѣ, а въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ управлять Гаврилу Ивановичу (Головкину) и Остерману съ прочими, а онъ и нынѣ ту коллегію за вице-президента вѣдаетъ" [4]). Такимъ образомъ, съ паденіемъ Шафирова возвышался Остерманъ. Однако Петръ не далъ ему званія вице-канцлера. Послѣ смерти Петра, въ началѣ новаго царствованія, иностранные министры замѣчали, что Остерманъ не пользуется прежнимъ зна-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 4830; Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ. «Мнѣніе не въ указъ" предложено было герцогомъ Голштинскимъ и потерпѣло очень немного измѣненій при обсужденіи прочими членами. Полн. Собр. Зак. № 4925

[2]) Кампредонъ.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 78. Полн. Собр. Зак. № 5017.

[4]) Кабинетъ I, кн. № 58.

ченіемъ [1]); но это было не надолго. Безъ Остермана обойтись было трудно. Юныя, широкія натуры Русскихъ людей, оставленныхъ Россіи Петромъ, были мало склонны къ постоянному усидчивому труду, къ соображенію, изученію всѣхъ подробностей дѣла, чѣмъ особенно отличался Нѣмецъ Остерманъ, имѣвшій также важное преимущество въ образованіи своемъ, въ знаніи языковъ нѣмецкаго, французскаго, италіанскаго, усвоившій себѣ и языкъ русскій. И вотъ, при каждомъ важномъ, запутанномъ дѣлѣ, баронъ Андрей Ивановичъ необходимъ, ибо никто ни сумѣетъ такъ изучить дѣло, такъ изложить его,—и баронъ Андрей Ивановичъ незамѣтно идетъ все дальше; его пропускаютъ, тѣмъ болѣе что онъ не опасенъ, не безпокоенъ, онъ одинъ не добивается исключительнаго господства: гдѣ ему!—онъ такой тихій, робкій, сейчасъ и уйдетъ, скроется, заболѣетъ; онъ ни во что не вмѣшивается, а между тѣмъ онъ вездѣ;—безъ него пусто, неловко, нельзя начать никакого дѣла; всѣ спрашиваютъ: гдѣ же Андрей Ивановичъ? Для министровъ иностранныхъ это человѣкъ важный и опасный: онъ при обсужденіи дѣла не закричитъ, какъ неистовый Ягужинскій, но тихонько укажетъ на такую „конъюнктуру", что испортитъ все дѣло. 24 ноября 1725 года, въ день именинъ императрицы, Остерманъ былъ сдѣланъ вице-канцлеромъ; въ началѣ 1726 года попалъ въ списокъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Каково же было узнать объ этомъ графамъ Мусину-Пушкину и Матвѣеву? Мусинъ-Пушкинъ думалъ, что могущественный Меншиковъ помѣшалъ ему быть членомъ новаго верховнаго учрежденія; но Меншиковъ самъ скоро получилъ большую непріятность въ этомъ учрежденіи. 17 февраля Макаровъ объявилъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, что „ея величества соизволеніе есть, дабы его королевское высочество герцогъ Голштинскій присутствовалъ въ Совѣтѣ, когда ему донесутъ, что бытность его потребна". Для Меншикова это было неожиданно; онъ спросилъ Макарова, такъ ли онъ понялъ повелѣніе государыни, и въ точности ли объявилъ его Совѣту. Когда Макаровъ отвѣтилъ утвердительно, то свѣтлѣйшій князь отправился къ императрицѣ для испрошенія „вящшей резолюціи"; но этой вящшей резолюціи не воспослѣдовало. 23 февраля герцогъ явился въ засѣданіе Совѣта и просилъ о занесеніи въ протоколъ заявленія его, что онъ хочетъ быть принятъ въ Совѣтѣ какъ членъ и товарищъ; что онъ не хочетъ и не можетъ одинъ самъ собою ничего опредѣлять и брать на себя, но желаетъ, вмѣстѣ съ другими членами, совѣтомъ и дѣломъ служить благу ея императорскаго величества и общему. Герцогъ проситъ членовъ Совѣта при каждомъ дѣлѣ объявлять свободно и откровенно свое мнѣніе, что будетъ ему особенно пріятно, тѣмъ болѣе что онъ въ русскихъ дѣлахъ еще неопытенъ.—Какъ бы то ни было однако, герцогъ, какъ членъ царскаго Дома, занявъ первое мѣсто, оттѣснилъ свѣтлѣйшаго князя на второе.

Въ слѣдующемъ году императрица сочла нужнымъ изъясниться обстоятельнѣе насчетъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: „Въ началѣ прошлаго года изобрѣли мы за потребно при насъ учредить Верховный Тайный Совѣтъ, состоящій изъ такихъ членовъ, которые всѣ еще при его императорскомъ величествѣ блаженнѣйшія памяти въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ употреблены были и на которыхъ вѣрность и ревностное радѣніе къ интересамъ нашимъ и къ нашему и государства нашего благополучію мы совершенную надежду имѣемъ; и понеже мы сей Совѣтъ учинили верховнымъ и при боку нашемъ не для чего иного, только дабы оной въ семъ тяжкомъ бремени правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ вѣрными своими совѣтами и безстрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ намъ споможеніе и облегченіе учинилъ, а тако всѣ дѣла по довольномъ зрѣломъ и совѣстномъ уваженіи и разсужденіи отъ насъ рѣшены и потому отправлены быть могли. Того ради и наше всемилостивѣйшее соизволеніе есть, чтобъ не токмо о дѣлахъ по учиненному отъ насъ регламенту въ сей Верховный Тайный Совѣтъ вносимыхъ, но и обо всѣхъ другихъ до нашей и государства нашего пользы касающихся въ ономъ напередъ зрѣлое разсужденіе и вѣрные, совѣстные и безкорыстные совѣты отправлены, общія мнѣнія записаны и со оными потомъ намъ для полученія нашего всемилостивѣйшаго рѣшенія предложены были. И дабы сіе впредь вящшимъ порядкомъ къ пользѣ нашей и государства нашего учинено быть могло, того ради изобрѣли за благо слѣдующія опредѣленія учинить: 1) Понеже любезнѣйшій нашъ зять, его королевское высочество герцогъ Голштинскій, по нашему милостивому требованію, въ семъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствуетъ, и мы на его вѣрное радѣніе къ намъ и къ интересамъ нашимъ совершенно положиться можемъ; того ради и его королевское высочество, яко нашъ любезнѣйшій зять, и по достоинству своему, не токмо надъ прочими членами первенство и во всѣхъ приключающихся дѣлахъ первый голосъ имѣетъ, но и мы его королевскому высочеству позволяемъ изъ другихъ Верховному Тайному Совѣту подчиненныхъ мѣстъ всѣ такія вѣдомости требовать, которыя къ дѣламъ, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложеннымъ, для лучшаго оныхъ изъясненія ему потребны могутъ быть. 2) Повелѣваемъ, чтобъ никто никакія дѣла, до нашего рѣшенія и до разсужденія сего нашего Верховнаго Совѣта принадлежащія, собою партикулярно отнюдь не отправлялъ, но обо всемъ напередъ во ономъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предлагалъ, дабы съ зрѣлаго разсужденія и общаго совѣта обо всемъ опредѣленіе учинено быть могло, развѣ отъ насъ кому партикулярно и особливо что учинить повелѣно будетъ. 3) Повелѣваемъ, дабы такожде изъ какихъ партикулярныхъ канцелярій

[1]) Кампредонъ.

никакія дѣла, до другого суда или коллегіи касающіяся, отправлены не были, но для отправленія и исполненія отосланы были куды оныя по званію своему принадлежатъ. 4) И понеже наше всемилостивѣйшее соизволеніе есть, дабы обо всѣхъ дѣлахъ, до нашихъ и государства нашего интересовъ касающихся, напередъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ для общаго зрѣлаго разсужденія предложено было, того ради и мы впредь накакихъ такихъ партикулярныхъ доношеній о дѣлахъ, о которыхъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложено и общее мнѣніе записано не было, ни отъ кого принимать не будемъ, развѣ кто имѣетъ доносить о такихъ дѣлахъ, которыя никому иному, кромѣ намъ самимъ, повѣрены быть могутъ 5) Ежели случится, что въ нашихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ между членами сего нашего Верховнаго Совѣта разныя мнѣнія будутъ и, по общемъ совѣстномъ и безпристрастномъ уваженіи всѣхъ тѣхъ мнѣній, однакожъ между тѣми членами объ одномъ мнѣніи согласно быть не можетъ, то въ такомъ случаѣ тѣ дѣла отнюдь въ дѣйство не произвесть,—несмотря на то, хотя-бъ съ которой стороны и больше голосовъ было, но должны тогда каждый свое мнѣніе съ обстоятельнымъ изображеніемъ всѣхъ резоновъ на письмѣ во ономъ Совѣтѣ подать, и потомъ намъ для рѣшенія объ оныхъ доложить. 6) И также дѣла въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ лучшимъ и основательнымъ порядкомъ отправлены быть могутъ, ежели, по примѣру другихъ государствъ, дѣла между членами по особливымъ департаментамъ раздѣлены будутъ, и для того такожде при учиненіи регламента Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ насъ всемилостивѣйше повелѣно было, дабы о такихъ департаментахъ особливое мнѣніе написано и намъ всеподданнѣйше предложено было; но сіе до сего времени еще не учинено: того ради надлежитъ немедленно тому учинить проектъ, и намъ объ ономъ для всемилостивѣйшей аппробаціи доложить".

Императрица объявила, что сама будетъ присутствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; но 12 февраля Меншиковъ, какъ президентъ Военной Коллегіи,—получилъ указъ: „Хотя мы опредѣлили въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ имѣть консиліи, или тайные совѣты, о всѣхъ важныхъ дѣлахъ; однакожъ въ которые дни не будемъ мы сами тамъ присутствовать, то о важныхъ воинскихъ дѣлахъ, а именно — о состояніи арміи и о движеніи оной или которой дивизіи, или нѣсколькихъ полковъ, также и о приготовленіи магазиновъ и о прочемъ, что къ соблюденію секрета надлежитъ, доносить намъ самимъ, яко президенту отъ Воинской Коллегіи, а кромѣ насъ самихъ рапортовъ и вѣдомостей никому не сообщать" [1])

Нужно было прежде всего опредѣлить отношенія новаго учрежденія къ старому Сенату. 12 февраля Сенатъ слушалъ указъ, присланный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; въ указѣ говорилось, что Сенатъ долженъ писать въ Совѣтъ доношенія, а Совѣтъ будетъ присылать Сенату указы; что съ коллегіями Иностранною, Военною и Адмиралтейскою Сенатъ долженъ сноситься промеморіями. Оскорбленные сенаторы опредѣлили, что такъ какъ въ указѣ императрицы, объявленномъ имъ 9 февраля, повелѣно исправлять дѣла по указамъ, регламентамъ и сенатской должности, а не написано, чтобы Сенатъ подчиненъ былъ Верховному Тайному Совѣту,—то указъ, присланный изъ Верховнаго Совѣта, возвратить туда съ объявленіемъ, что Сенатъ безъ указа за собственною рукою императрицы, вопреки должности своей, подчинить себя опасается. Въ силу этого рѣшенія, сенатскій экзекуторъ Елагинъ отправился къ правителю канцеляріи Верховнаго Тайнаго Совѣта Степанову, съ тѣмъ чтобы возвратить ему указъ. Степановъ отвѣчалъ ему, что онъ не смѣетъ принять отъ него указа, и чтобъ онъ ѣхалъ къ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; Елагинъ возражалъ, что ему ни къ кому ѣхать не велѣно, велѣно отдать указъ ему, Степанову; а если онъ указа не приметъ, то онъ его положитъ. Степановъ отвѣчалъ, что если онъ, Елагинъ, будетъ указъ оставлять, то онъ ему его за пазуху положитъ. Тогда экзекуторъ повезъ указъ назадъ, а на другой день Макаровъ пріѣхалъ въ Сенатъ съ объявленіемъ, что ея величество повелѣла исполнять указъ, и въ тотъ же день императрица словесно повторила сенаторамъ это повелѣніе исполнять указъ временно, пока дана будетъ подробная инструкція Прежнее названіе Сената „*правительствующій*" замѣнено словомъ „*высокій*" [1]). Опредѣлено, что „Сенатъ избираетъ собственныхъ членовъ и представляетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ для утвержденія, въ штатскія коллегіи президентовъ и вице-президентовъ и совѣтниковъ Сенату выбирать, сперва кандидатовъ и оныхъ для опредѣленія намъ въ Верховный Тайный Совѣтъ представить, а въ другіе коллежскіе члены и въ прочіе нижніе чины выбирать по указу, какъ и прежде было, достойныхъ. Сенату-жъ выбирать и объявлять въ провинціи воеводъ, ассесоровъ, камерировъ, рентмейстеровъ и земскихъ и судныхъ коммисаровъ; въ губерніяхъ президентовъ въ надворные суды и земскихъ секретарей; а губернаторовъ, вице-губернаторовъ, оберъ-комендантовъ и комендантовъ, которые изъ воинскихъ чиновъ,—такихъ выбирать, снесшись съ Воинскою Коллегіею, и намъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ для опредѣленія представлять" [3]).

28 марта въ Верховный Тайный Совѣтъ допущены были сенаторы и оберъ-прокуроръ съ доношеніями и слушанъ реестръ этимъ доношеніямъ; повелѣно: доношенія принять и доложить въ другое собраніе. Но, еще до впущенія сенаторовъ, герцогъ

[1]) Кабинетъ I, кн. № 33. Протоколы Верх. Тайн. Совѣта въ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Д. Тамъ же указы въ Верхов. Тайн. Совѣтъ.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 4853.

[3]) Кабинетъ I, кн. № 33; II, № 72, 72. Протоколы Верх. Тайн. Совѣта.

Голштинскій объявилъ свое мнѣніе, что когда въ Верховный Тайный Совѣтъ приходить будутъ сенаторы съ дѣлами, то при нихъ этихъ дѣлъ не читать и о нихъ не разсуждать, дабы они того, что Верховный Тайный Совѣтъ разсуждать станутъ, прежде времени не вѣдали, и, принимая у нихъ доношенія о дѣлахъ, отпускать ихъ и дѣла слушать безъ нихъ, и потомъ, когда будетъ надобно, ихъ призывать. Съ этимъ мнѣніемъ всѣ согласились и опредѣлили поступить по сему. Герцогъ не понималъ по-русски; чтобъ помочь бѣдѣ, 18 апрѣля допущенъ былъ въ Верховный Тайный Совѣтъ молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій (внукъ Григорія Ѳедоровича), сказанъ ему чинъ въ камеръ-юнкеры и велѣно быть при герцогѣ Голштинскомъ для перевода съ русскаго языка на нѣмецкій. Герцогъ продолжалъ заниматься отношеніями Сената къ Верховному Тайному Совѣту; такъ, въ іюлѣ онъ спрашивалъ, на всѣ ли посланные въ Сенатъ указы репортуютъ; исполнено или не исполнено и почему не исполнено. Ему отвѣчали, что на нѣкоторые указы есть отвѣты, а на нѣкоторые нѣтъ, и на какіе именно указы нѣтъ отвѣта,—тѣмъ представлена роспись. Всѣ члены согласно приказали послать въ Сенатъ указъ, чтобъ немедленно исполняли тѣ указы, на которые не отвѣчали, и дали бы отвѣтъ, почему такъ долго не репортовали [1]).

Осенью 1726 года опять поднялся крестьянскій вопросъ въ связи съ финансовымъ, и отъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта потребованы были мнѣнія относительно пяти пунктовъ: 1) Какимъ образомъ облегчить крестьянство въ подушныхъ деньгахъ. 2) Снимаемую съ крестьянъ сумму, необходимую для поддержанія арміи, изъ какихъ доходовъ добавить. 3) Какъ разсмотрѣть штатъ. 4) Какъ исправить: денежное дѣло; 5) юстицію; 6) торговлю. Приглашены были къ подачѣ мнѣній по этимъ вопросамъ и другіе сановники. Меншиковъ, Остерманъ, Макаровъ и Волковъ подали такое мнѣніе: „Какъ вредно для государства несогласіе,—о томъ нечего упоминать; это обнаруживается не только въ духовныхъ и другихъ государственныхъ дѣлахъ, но и относительно бѣдныхъ русскихъ крестьянъ, которые не отъ одного хлѣбнаго недорода, но и отъ подати подушной разоряются и бѣгаютъ, также отъ несогласія у офицеровъ съ земскими управителями и у солдатъ съ мужиками. Если армія такъ нужна, что безъ нея государству стоять невозможно, то и о крестьянахъ надобно имѣть попеченіе, потому что солдатъ съ крестьяниномъ связанъ, какъ душа съ тѣломъ, и когда крестьянина не будетъ, тогда не будетъ и солдата. Теперь надъ крестьянами десять и больше командировъ находится вмѣсто того, что прежде былъ одинъ, а именно: изъ воинскихъ, начавъ отъ солдата до штаба и до генералитета, а изъ гражданскихъ—отъ фискаловъ, коммисаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ до воеводъ, изъ которыхъ иные не пастырями, но волками, въ стадо ворвавшимися, называться могутъ; тому-жь подобны и многіе приказчики, которые, за отлучкою помѣщиковъ своихъ, надъ бѣдными крестьянами чинятъ, что хотятъ. Поэтому надобно всему генералитету, офицерамъ и рядовымъ, которые у переписки, ревизіи и на экзекуціи, велѣть ѣхать немедленно къ своимъ командамъ, ибо мужикамъ бѣднымъ страшенъ одинъ въѣздъ и проѣздъ офицеровъ и солдатъ, коммисаровъ и прочихъ командировъ, тѣмъ страшнѣе правежъ и экзекуціи: крестьянскихъ пожитковъ въ платежъ податей недостаетъ, и крестьяне не только скотъ и пожитки продаютъ, но и дѣтей закладываютъ, а иные и врознь бѣгутъ. Надобно замѣтить, что хотя и прежде крестьяне бѣгали, однако бѣгали въ своемъ государствѣ отъ одного помѣщика къ другому, а теперь бѣгутъ въ Польшу, къ Башкирцамъ, въ Запорожье, въ расколъ: и такъ мы нашими крестьянами снабжаемъ не только Польшу, но и собственныхъ своихъ злодѣевъ. Сверхъ того, часто перемѣняемые командиры такого разоренія не чувствуютъ, никто изъ нихъ ни о чемъ больше не думаетъ, какъ только о томъ, чтобъ взять у крестьянина послѣднее въ подать и этимъ выслужиться, не принимая въ разсчетъ того, что послѣ крестьянинъ безо всего останется или вовсе куда-нибудь убѣжитъ". Послѣ этого введенія, предложены были слѣдующія мѣры: „1) Для скорѣйшаго облегченія крестьянъ въ платежѣ подушной подати на 1727 годъ дать сроку до сентября мѣсяца. 2) Доимки платить помѣщикамъ въ январѣ, мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1727 года, а которые помѣщики не заплатятъ, на тѣхъ доправить съ процентомъ. 3) Сборы получить воеводамъ, которымъ на помощь дать по одному штабъ-офицеру въ каждую провинцію; одинъ штабъ-офицеръ за свою провинцію лучше можетъ отвѣтъ дать, чѣмъ многіе, и вмѣстѣ 500 командировъ будетъ только 50 штабъ-офицеровъ. 4) Чтобъ у воеводъ не было распри съ этими офицерами, дать воеводамъ рангъ полковничій на время воеводства. 5) Такъ какъ крестьяне ничѣмъ такъ не скудны, какъ деньгами, положить платежъ подушнаго оклада на половину деньгами или двѣ трети, а другую половину или треть платить провіантомъ или фуражемъ. 6) Двѣ части офицеровъ, урядниковъ и рядовыхъ, которые изъ шляхетства, отпустить по домамъ, а третью долю оставить при полкахъ,—иноземцевъ и безпомѣстныхъ, которые безъ жалованья прожить не могутъ, отчего будетъ двойная прибыль: жалованье ихъ въ казнѣ останется, деревни свои осмотрятъ и въ порядокъ приводить станутъ. 7) Поставить полки на квартирахъ въ хлѣбныхъ мѣстахъ. 8) Купечество въ Россійскомъ государствѣ едва не совсѣмъ разорено, и такъ какъ оно воли требуетъ, то размотрѣть въ особой коммисіи, не полезнѣе ли будетъ купечеству дать волю ѣздить туда съ товаромъ, куда ему способно, и для того отворить портъ Архангельскій. 9) Нельзя при этомъ случаѣ не упомянуть о холстахъ россійскихъ, которыми

---

[1]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта въ Государ. Архивѣ.

прежде у Города большой торгъ былъ, много тысячъ крестьянъ кормилось и немалая пошлина въ казну сбирались; а когда указъ состоялся, чтобъ не ткать больше узкихъ холстовъ, но ткать холсты на широкія берда, то крестьянству прибыла немалая тягость и въ казну убытокъ, потому что крестьянину широкаго стану сдѣлать нечѣмъ и широкаго берда купить не сможетъ, а у иныхъ крестьянъ и въ избахъ столько мѣста нѣтъ, гдѣ такой широкій станъ поставить; да и широкіе холсты за-море мало потребны, больше узкіе требуются; разорились отъ этого крестьяне сѣверные, у которыхъ хлѣба мало родится. 10) Къ Архангельску провозъ товаровъ дешевле былъ, чѣмъ къ Петербургу: отъ Москвы до Архангельска съ пуда по гривнѣ и три алтына, отъ Ярославля—по 6 и 5 копѣекъ, съ Вологды—по 4 и по 3 копѣйки; въ Петербургъ изъ Ярославля и изъ Москвы по 6 алтынъ и по 2 гривны, а изъ дальнихъ мѣстъ по полуполтинѣ и по 10 алтынъ и больше. 11) Лишнихъ управителей и канцеляріи, и конторы, земскихъ комисаровъ, вальдмейстеровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить, равно какъ и Манфактуръ-Коллегію. Можно опредѣлить изъ большихъ фабрикантовъ безъ жалованья, которые хотя на одинъ мѣсяцъ зимою для совѣта въ Москву будутъ съѣзжаться, и безъ приговоровъ и протоколовъ коллежскихъ всѣ неважныя опредѣленія дѣлать, а о важныхъ доносить. 12) Нельзя не упомянуть, что, кромѣ штата, однимъ отставнымъ и къ сборамъ опредѣленнымъ солдатамъ „идетъ жалованья около 70,000 рублей; этого прежде не бывало, и пользы отъ того никакой нѣтъ, кромѣ ссоръ и кражи, и для того не лучше ли положить всѣ эти сборы на магистраты".—Канцлеръ графъ Головкинъ подалъ мнѣніе, чтобъ всѣ дѣла исправлять воеводамъ подъ надзоромъ губернаторовъ; губернаторамъ, чтобъ не употребляли во зло свою власть, дать въ товарищи ассесоровъ—человѣка по три или четыре; на губернаторовъ должна быть аппеляція въ Юстицъ-Коллегію.—По мнѣнію князя Димитрія Михайловича Голицына, посадскіе люди по городамъ должны быть въ вѣдѣніи губернаторовъ, потому что теперь у нихъ нѣтъ охранителя и защитника, особенно отъ проѣзжихъ, въ постояхъ и другихъ нападкахъ. „Я при этомъ не имѣю въ виду уничтоженія магистрата", замѣчалъ Голицынъ, „потому что посадскіе люди о всякихъ своихъ нуждахъ будутъ обращаться въ главный магистратъ". Торговля въ государствѣ, по мнѣнію Голицына, должна быть вольная, въ рукахъ народа, а въ однѣ руки ея отнюдь допускать не надобно, также и государевы торги выгоднѣе пресѣчь и отдать въ народъ же, которому позволить всюду въ государствѣ и за-границею торговать, ибо интересъ государства соблюдается одинаково, гдѣ бы торговля ни отправлялись, лишь бы государство отъ того обогащеніе себѣ имѣло; и для распространенія торговли въ Петербургѣ достаточно уменьшить пошлину, также и торгующимъ, особенно пріѣзжимъ иноземцамъ давать всякія льготы, въ торговлѣ безопасность отъ убытковъ и всячески ихъ приманивать. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ для исправленія финансовъ предлагалъ вычетъ изъ жалованья, увольненіе военнаго шляхетства въ домы, въ платежахъ вѣдать крестьянъ помѣщикамъ, солдатъ поселить въ городахъ [1]).

Подалъ мнѣніе и герцогъ Голштинскій. Касательно облегченія крестьянъ въ подушныхъ деньгахъ онъ предлагалъ, по примѣру Швеціи и другихъ государствъ, опредѣлить возрастъ, прежде и послѣ котораго крестьянинъ не долженъ платить по неспособности къ работѣ, именно 10 и 60 лѣтъ; также назначить срокъ, послѣ котораго крестьяне не обязаны платить за бѣглыхъ своихъ собратій. Теряемая на крестьянахъ сумма можетъ быть пополнена отчасти уничтоженіемъ, отчасти сокращеніемъ многихъ спеціальныхъ и частію ненужныхъ канцелярій и конторъ. Относительно штата и денежнаго дѣла учредить особую комисію, причемъ сдѣлать различие между внутренними областями и завоеванными землями (Прибалтійскимъ краемъ), ибо въ первыхъ всякое учрежденіе можетъ быть основано только на экономическихъ соображеніяхъ, а въ другихъ—на трактатахъ и привилегіяхъ. Касательно юстиціи, очень полезно было бы прибавить въ Юстицъ-Коллегію нѣсколько человѣкъ, знающихъ русскія права, и двухъ человѣкъ, знающихъ права нѣмецкія, особенно лифляндскія; если же не угодно будетъ платить жалованье послѣднимъ, то предоставить окончательное рѣшеніе дѣлъ гофгерихту въ Ригѣ и оберъ-ландъ-герихту въ Ревелѣ, или съ аппеляціею прямо въ Сенатъ, или Верховный Тайный Совѣтъ. „Что касается поправленія коммерціи", писалъ герцогъ, „то я думаю, что сбавка пошлинъ и уничтоженіе больше всего вредныхъ для торговли и промышленности откуповъ, какъ-то въ Швеціи я самъ усмотрѣлъ и многими иными мѣрами доказать могу, къ поправленію коммерціи не мало способствовать можетъ" [2]).

Съ 4 ноября въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ началось разсужденіе, какимъ бы образомъ сдѣлалось крестьянамъ облегченіе въ сборѣ подушныхъ денегъ, ибо дотого дойдетъ, что взять будетъ не съ кого, бѣгутъ за рубежъ и въ дальніе сибирскіе города. Разсуждали, что надобно сбавить по 12 или по 20 копѣекъ съ души. При этомъ графъ Толстой предлагалъ, что необходимо ревизовать въ приходахъ и расходахъ Военную, Адмиралтейскую и Камеръ-Коллегію; а что велѣно взять у нихъ только вѣдомости,—отъ того дѣло только затянется, а крестьянамъ никакой пользы не будетъ. 14 ноября, когда разсуждали объ инструкціи, посланной изъ Военной Коллегіи во всѣ губерніи къ генералитету, то графъ Толстой опять представлялъ, что въ этой инструкціи есть пункты, очень тяжкіе для народа. Черезъ мѣсяцъ Военная Коллегія, вѣроятно вслѣдствіе вниманія, обращен-

[1]) Кабинетъ I, кн. № 33.
[2]) Кабинетъ I, кн. № 33.

наго на ея дѣйствіе, представила доношеніе, что для облегченія крестьянъ надобно брать съ нихъ натурою, а не деньгами. Всѣ уже согласились на эту мѣру, какъ опять Толстой началъ говорить, что если брать во всѣхъ мѣстахъ вообще натурою, то это можетъ быть тяжко для народа: въ одномъ мѣстѣ съѣстные припасы будутъ въ низкой цѣнѣ, а верстахъ въ девяти или двадцати они продаются высокою цѣною; поселянинъ, для своей выгоды, лучше отвезетъ туда и продастъ, а указныя подати деньгами заплатитъ;—такъ лучше отдать крестьянамъ на волю, кто хочетъ платить деньгами, кто натурою. „Оное предложеніе Верховный Тайный Совѣтъ принялъ за благо". Разсужденіе о крестьянахъ продолжалось и въ 1727 году: 30 января рѣшено вывесть изъ уѣздовъ генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, которые находятся у сборовъ и на экзекуціяхъ и которые посланы для ревизіи. Подушный сборъ положенъ на воеводъ, которымъ на помощь придается въ товарищи по одному изъ штабъ-офицеровъ на каждую провинцію; а чтобъ у воеводъ не было съ этими офицерами распри, то провинціальнымъ воеводамъ данъ рангъ полковничій на время, пока будутъ воеводами; воеводы и съ ними означенные штабъ-офицеры подчиняются губернаторамъ. А которые офицеры посланы для сбору рекрутъ, тѣхъ, по представленію Меншикова, рѣшено не высылать, пока рекруты собраны и для отводу въ полки приняты будутъ; однако выбирать рекрутъ губернаторамъ и воеводамъ, офицерамъ же понуждать, чтобъ были собраны и имъ отданы немедленно. Наконецъ, въ февралѣ, изданъ указъ, чтобъ на майскую треть 1727 года съ крестьянъ подушной подати не брать [1]); что не добрано за прошлые годы изъ подушнаго сбора, то выбрать непремѣнно до сентября мѣсяца, а платить эту доимку за крестьянъ самимъ помѣщикамъ или, въ небытность ихъ въ деревняхъ, приказчикамъ, старостамъ и выборнымъ; править на нихъ, а не на крестьянахъ, ибо извѣстно, что, въ небытность помѣщиковъ въ деревняхъ, приказчики ихъ что хотятъ, то дѣлаютъ, слѣдовательно и доимки причиною они.

Считали тяжкою для крестьянъ подушную подать; но ревизія, сдѣланная графомъ Матвѣевымъ въ Московской губерніи, показала ясно, что крестьяне отягчены не подушною податью, а людьми, приставленными управлять ими и которые хотѣли кормиться на ихъ счетъ:—зло, отъ котораго страдала древняя Россія и противъ котораго новая, преобразованная Россія не имѣла еще средствъ, несмотря на всѣ усилія Преобразователя. Матвѣевъ получилъ такую инструкцію: „Понеже блаженной памяти его императорское величество повелѣлъ изъ сенатскихъ членовъ одному для лучшей государственной пользы и управленія дѣлъ ѣздить по государству погодно и смотрѣть, чтобъ дѣлали правду,—того ради мы заблагоразсудили отправить васъ въ Москву, куда, вамъ прибывъ и разведавъ, гдѣ есть больше въ ближнихъ провинціяхъ Московской губерніи неисправностей отъ управителей и отъ народа жалобъ, въ тѣ провинціи напередъ и ѣхать и чинить слѣдующее: 1) Осмотрѣть за гражданскими управителями, а наипаче въ провинціальныхъ судахъ, что правдою ли людей судятъ. 2) Также земскіе коммисары и офицеры порядочно ли подушныя деньги съ крестьянъ собираютъ, и не чинятъ ли имъ какихъ обидъ и налоговъ въ строеніи вѣчныхъ квартиръ или въ чемъ другомъ, и все-ль во врученныхъ имъ дѣлахъ по указамъ поступаютъ. 3) И ежели что усмотрите за управителями и земскими коммисарами противное указамъ, то слѣдовать и чинить рѣшеніе, снесшися съ генералитетомъ и штабомъ, которые въ тѣхъ провинціяхъ опредѣлены; а которые явятся въ важныхъ преступленіяхъ—и тѣхъ держать за крѣпкимъ карауломъ, а между тѣмъ писать къ намъ въ Кабинетъ сокращенно, а подлиннѣе въ Сенатъ" [2]).

Матвѣевъ отправился и, въ концѣ августа 1726 г., писалъ Макарову: „Въ Александровой слободѣ всѣхъ селъ и деревень крестьяне податьми дворцовыми черезъ мѣру ихъ гораздо неосмотрительно отъ главныхъ правителей слободы той обложены и отягчены, уже множество бѣглецовъ и пустоты явилося, и въ слободѣ, не токмо въ селахъ и деревняхъ—не крестьянскіе, но нищенскіе прямые имѣютъ свои дворы; къ тому-жъ и не безъ нападочныхъ тягостей къ собственной своей, а не къ дворцовой прибыли". Изъ Переяславля-Залѣсскаго другое письмо: „Непостижныя воровства и похищенія не токмо казенныхъ, но и подушныхъ сборовъ деньгами отъ камерира, коммисаровъ и отъ подъячихъ здѣшнихъ я нашелъ, при которыхъ по указамъ порядочныхъ приходныхъ и расходныхъ книгъ здѣсь у нихъ отнюдь не было, кромѣ валяющихся гнилыхъ и непорядочныхъ ихъ записокъ по лоскуткамъ; до розыску ими болѣе 4,000 на лице тѣхъ краденыхъ денегъ отъ меня уже сыскано. По тѣмъ же воровскимъ дѣламъ изобличился въ рентереѣ ихъ первый подъячій Бурнашовъ, который, забравъ всѣ указы и письма приказныя, отсюда вывезъ въ деревню свою и скрылъ, и тѣ отъ меня нынѣ въ сундукахъ и кулькахъ сысканы. Нашелъ я еще здѣсь остатокъ школы бывшаго оберъ-фискала вора Нестерова и клеврета его, бывшаго здѣшняго провинціалъ-фискала Саввы Попцова. Здѣсь нынѣ человѣкъ 30 за караулы крѣпкими содержатся". Въ Суздалѣ Матвѣевъ учинилъ экзекуцію: повѣсилъ копіиста камерирской конторы да пищика за похищенія изъ подушнаго и другихъ сборовъ 1,101 рубля; другіе изъ подъячихъ были жестоко наказаны и впредь имъ у дѣлъ быть не велѣно; похищенныхъ денегъ и со штрафомъ взыскано 4,539 рублей. Въ Суздалѣ ревизоръ пробылъ долго: 24 ноября, въ день именинъ императрицы, онъ угостилъ всякаго чина людей 70 человѣкъ „до положенія ризъ", по его

[1]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 33.

выраженію; отсюда же онъ писалъ: „Въ здѣшнемъ городѣ великое со дня на день умноженіе изъ крестьянъ нищеты, человѣкъ по 200 и больше, и отвсюду ихъ крестьянъ въ низовые городы побѣгъ чинится многочисленный отъ всеконечной ихъ скудости,—подушнаго платить нечѣмъ. Крестьяне синодальной команды подаютъ прошенія объ обидахъ и излишнихъ сборахъ сверхъ положеннаго на нихъ подушнаго оклада“ [1]).

Такъ было въ Московской губерніи; но что было въ другихъ? Въ январѣ 1726 года велѣно Новгородской провинціи коммисаровъ, Никиту Арцыбашева, Григорія Баранова, которые въ Обонежской пятинѣ у сбора денежной казны явились въ презрѣніи указовъ и въ похищеніи казны и въ излишнихъ сборахъ и взяткахъ,—казнить смертію, повѣсить въ той Обонежской пятинѣ, также подъячаго Волоцкаго, и, написавъ вины ихъ на жести, прибить къ тѣмъ висѣлицамъ, и такъ ихъ съ висѣлицъ не снимать. Облегченіе въ платежѣ подушныхъ денегъ, выводъ военныхъ командъ:—вотъ все, что могло сдѣлать правительство для крестьянъ въ описываемое время. Но искоренить главное зло—стремленіе каждаго высшаго кормиться насчетъ низшаго и насчетъ казны—оно не могло: для этого нужно было совершенствованіе общества, а этого надобно было еще ждать. Въ этомъ ожиданіи крестьянскіе побѣги не могли прекратиться, несмотря на жестокія наказанія, которымъ подвергали людей, содѣйствовавшихъ побѣгамъ. На западной границѣ пойманы были двое крестьянъ, которые за 4 алтына провели ночью мимо заставъ за польскій рубежь крестьянина съ женою и дѣтьми. Ихъ было велѣно пытать накрѣпко, не знаютъ ли они другихъ такихъ, которые за рубежъ бѣжать подговаривали и мимо заставъ проводили. По розыску, велѣно было ихъ повѣсить на тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя они проводили тайно бѣглыхъ, тѣлъ ихъ съ висѣлицъ не снимать, и публиковать въ Смоленской провинціи въ знатныхъ селахъ и деревняхъ, и прибить листы о винахъ ихъ, дабы другіе, смотря на такую казнь, того чинить не дерзали [2]).

Крестьянскій вопросъ былъ тѣсно связанъ съ финансовымъ. Вслѣдствіе облегченія крестьянъ будетъ убыль въ доходахъ, надобно слѣдовательно сократить расходы. Указывали на лишнія канцеляріи, конторы и даже коллегіи, и въ тѣхъ коллегіяхъ, которыхъ коснуться было нельзя, указывали на слишкомъ большое число членовъ, отчего въ жалованьи происходитъ напрасный убытокъ, а въ дѣлахъ успѣха не бываетъ. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ рѣшили оставить въ каждой коллегіи по шести человѣкъ, а именно: президента, вице-президента, двоихъ совѣтниковъ, двоихъ ассесоровъ, одной половинѣ изъ нихъ быть въ Петербургѣ при коллегіи, другой жить по домамъ, съ перемѣною погодно; также, гдѣ есть прокуроры и экзекуторы, тѣмъ между собою перемѣняться погодно, и которые будутъ въ Петербургѣ, тѣмъ жалованье давать, а которые по домамъ,—тѣмъ не давать. Императрица утвердила это рѣшеніе Совѣта съ тою прибавкою, чтобъ отпускать коллежскихъ членовъ домой по примѣру офицеровъ, именно тѣхъ, которые сами захотятъ; также утвердила рѣшеніе Совѣта, чтобы штатсъ-контору подчинить Камеръ-Коллегіи и быть президенту одному.

Мы видѣли, что при Петрѣ для судныхъ дѣлъ опредѣлены коммисары въ тѣхъ городахъ, которые отъ провинціальныхъ городовъ въ разстояніи 200 верстъ и больше, и суду этихъ коммисаровъ подлежали иски не болѣе какъ въ 50 рублей. Теперь нашли обременительнымъ для жителей подобныхъ городовъ по всякому иску, который больше 50 рублей, ѣздить за 200 и болѣе верстъ, и потому по всѣмъ городамъ судъ отданъ воеводамъ, причемъ недовольные получили право переносить свои дѣла къ воеводѣ провинціальнаго города; отъ послѣдняго дѣла переносились въ надворные суды [3]). Императрица утвердила это рѣшеніе Совѣта, разсуждая: первое, что чинъ воеводскій уѣзднымъ людямъ въ отправленіи всякихъ дѣлъ можетъ быть страшнѣе; второе, что и по прежнему обыкновенію въ такихъ же городахъ, которые приписаны были къ большимъ городамъ, бывали также воеводы. Указомъ же 24 февраля 1727 года велѣно было: „Какъ надворные суды, такъ и всѣхъ вышнихъ управителей, и канцеляріи, и конторы, земскихъ коммисаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставать, и положить всю расправу и судъ попрежнему на губернаторовъ и воеводъ, а отъ губернаторовъ апелляцію въ Юстицъ-Коллегію, чтобъ нашимъ подданнымъ тѣмъ показано быть могло облегченіе, и, вмѣсто бы разныхъ и многихъ канцелярій и судей, знали токмо одну канцелярію, а на многихъ бы судей и на ихъ подчиненныхъ въ дачѣ жалованья напраснаго убытку не было“. Крестьяне, приказчики и прочіе чины синодскаго вѣдомства, кромѣ духовныхъ, въ судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ отданы также въ вѣдомство губернаторовъ и воеводъ. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсуждали также, что теперь въ провинціальныхъ городахъ воеводы и съ ними по нѣскольку человѣкъ ассесоровъ, секретарей; кромѣ того, особливыя канцеляріи и конторы имѣютъ камериры, рентмейстеры и вальдмейстеры, при которыхъ состоятъ подъячіе и солдаты, отчего происходитъ: 1) въ дѣлахъ непорядки и продолженіе; 2) въ дачѣ жалованья напрасный убытокъ; 3) народу отъ многихъ и разныхъ управителей тягостей и волокиты. А такъ какъ прежде бывали во всѣхъ городахъ одни воеводы, и всякія дѣла, какъ государевы, такъ и челобидчиковы, также по присылаемымъ изъ всѣхъ Приказовъ указамъ исправляли одни и были безъ жалованья, и управленіе однимъ человѣ-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 78.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 73, 80.
[3]) Кабинетъ II, кн. 77.

комъ было лучше, люди были довольны: то Совѣтъ рѣшилъ изложить всѣ эти обстоятельства и доложить ея величеству. Императрица утвердила, что въ провинціяхъ, кромѣ Петербурга, Москвы и Тобольска, рентмейстерамъ и ихъ подчиненнымъ не быть, а быть, какъ у сборовъ, такъ и у расхода однимъ камерирамъ. Указомъ 7 марта 1727 года уничтожена рекетмейстерская контора при Сенатѣ и должность генералъ-рекетмейстера велѣно исправлять сенатскому оберъ-прокурору [1]).

Еще только разсуждали, принимали мѣры относительно сокращенія расходовъ, а между тѣмъ правительство получило заявленія, что доходовъ недостаетъ для поддержанія самыхъ важныхъ учрежденій прошлаго царствованія. Въ ноябрѣ 1726 года, тайный кабинетъ-секретарь Макаровъ объявилъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, что изъ Кронштадта писалъ въ Кабинетъ вице-адмиралъ Сиверсъ, требуетъ 30,000 рублей на поправку самыхъ нужныхъ тамошнихъ работъ, и если не будетъ прислано, то и больше разорится; и хотя деньги на кронштадтскія постройки обыкновенно шли изъ Кабинета, но теперь въ Кабинетѣ денегъ очень мало, и въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ надобно искать способа, откуда на этотъ предметъ взять денегъ. Не угодно ли будетъ взять изъ почтовой конторы тысячъ десять рублей; также справиться, нельзя ли сыскать какую-нибудь сумму въ канцеляріи бывшаго Вышняго суда; дѣла этой канцеляріи давно именнымъ собственноручнымъ указомъ велѣно разослать въ разныя другія мѣста по принадлежности, но они до сихъ поръ не разобраны, и оттого канцелярскимъ служителямъ идетъ понапрасну жалованье, а дѣлъ никакихъ нѣтъ. Опредѣлили: справиться, гдѣ какія есть деньги; нашли въ Камеръ-Коллегіи 20,000 рублей—и отослали Сиверсу [2]).

Мы видѣли, что въ программѣ необходимыхъ мѣръ выставлена была и поправка денежнаго дѣла. Въ началѣ 1727 года; для необходимыхъ крайнихъ государственныхъ нуждъ, для облегченія народнаго въ податяхъ, велѣно было какъ можно скорѣе увеличить число мѣдной пятикопѣечной монеты, на первый разъ сдѣлать не меньше двухъ милліоновъ; велѣно чеканить ихъ старымъ штемпелемъ, подъ тѣмъ видомъ, что готовятся онѣ только на перемѣну старыхъ пятикопѣечниковъ, а что сверхъ того будетъ сдѣлано, чтобъ о томъ никто знать не могъ; велѣно поступать съ великою осторожностію, чтобъ въ другихъ государствахъ прежде времени объ этихъ новыхъ деньгахъ не узнали и предосудительнаго для Россіи разсужденія не имѣли. Для устройства этого дѣла, отправленъ былъ въ Москву генералъ-майоръ Александръ Яковлевичъ Волковъ. Московскіе монетные дворы изъяты были изъ вѣдѣнія Бергъ-Коллегіи и отданы въ вѣдѣніе Кабинета, непосредственно же были поручены президенту сенатской конторы, графу Ивану Александровичу Мусину-Пушкину, и при немъ сыну его, статскому совѣтнику, графу Платону, да Бергъ-Коллегіи совѣтнику, Василью Никитичу Татищеву, только-что возвратившемуся изъ-за границы. Татищевъ получилъ такую инструкцію: „Ѣхать въ Москву и чинить тамъ по сему: 1) Понеже на монетныхъ московскихъ дворахъ вѣсовъ равныхъ и исправныхъ нѣтъ, отчего происходятъ казнѣ государственной убытки и многимъ невиннымъ людямъ обиды и разоренія; для этого освидѣтельствовать вѣсы и, если найдутся фальшивые, заарестовать. 2) По розыскамъ явилось, что денежныхъ дворовъ мастера и работники крадутъ съ денежныхъ дворовъ золото, серебро и спасти—для дѣланія воровскихъ денегъ, изъ чего многихъ людей погибель и разореніе происходитъ, причина же тому знамо изъ того, что или строенія не довольно тверды, или смотрѣнія недостаетъ“ [3]).

8 февраля Волковъ пріѣхалъ въ Москву и вручилъ указъ графу Мусину-Пушкину: „Хотя сего старца“, пишетъ Волковъ, „нашелъ я весьма дряхла, однако-жь къ исполненію повелѣнія показалъ себя зѣло ревностна; возблагодаря Бога за высоко-матернее вашего величества къ народу милосердіе, отъ великой радости прослезился и того часу вступилъ въ дѣло“. Волковъ, вмѣстѣ съ графомъ Платономъ Мусинымъ-Пушкинымъ, сочли нужнымъ ѣздить на монетные дворы каждый день по два и по три раза, иначе все бы дѣло „раковымъ ходомъ“ пошло. „Непорядка и разоренія монетныхъ дворовъ изобразить никоимъ образомъ нельзя“, писалъ Волковъ. „Я не могу разсудить, съ какою совѣстію прежніе управители такъ чинили! Истинно, какъ послѣ непріятельскаго или пожарнаго разоренія: всѣ инструменты разбросаны безъ всякаго призрѣнія, многіе подъ снѣгомъ на дворахъ находятся, деревянное гнило, а желѣзное перепорчено; для этой починки я опредѣлилъ цѣлую слободу артиллерійскихъ кузнецовъ; какъ управители, такъ и минцъ-мейстеры до сихъ поръ не могутъ знать, что у нихъ цѣлаго и что испорченнаго, и когда дѣло пришло къ началу, хватились — нѣтъ ни формъ, во что плавить, ни мѣховъ къ кузницамъ, для чего послалъ я нарочно одного офицера въ Тулу на желѣзные заводы“. Татищевъ, въ письмахъ своихъ къ Макарову, вторилъ Волкову: „Осмотрѣлъ я всѣ денежные дворы и нахожу ихъ такъ, какъ они во время Поляковъ брошены и до сего дня въ нихъ никто не бывалъ. Если мы всѣ мѣдныя копѣйки изъ народа выведемъ, то будетъ очень трудно, потому что серебряныхъ очень мало и на размѣну малыхъ торговъ недостаточно, особенно для крестьянъ пятикопѣечники неудобны, поэтому надобно дѣлать копѣекъ столько же, какъ было. Полушки для бездѣльной ихъ работы подаютъ причины къ воровству, надобно ихъ передѣлать, и такъ какъ на монетныхъ дворахъ управиться съ этимъ невозможно, то надобно сдѣлать водяныя машины. Вѣсы же

---

[1]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

[2]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

[3]) Кабинетъ I. кн. № 33.

освидѣтельствовалъ и нашелъ, что присланный со мною изъ Бергъ-Коллегіи пудъ здѣшняго тяжелѣе девятью золотниками; здѣшнія гири дѣланы по присланной изъ коллегіи гирѣ, только такъ дурно, что и между собою по золотнику несходны; присланная же со мною фунтовая гиря явилась предъ здѣшнею четвертью тяжелѣе, только и эта неправдивая, и потому видно, что въ Бергъ-Коллегіи правильныхъ гирь нѣтъ, откуда проистекаетъ немалый государственный вредъ, о чемъ я доносилъ ея императорскому величеству съ представленіемъ, какъ устроить дѣло. Имѣются здѣсь въ разныхъ канцеляріяхъ разные описные пожитки, между которыми много находится золота и серебра въ мелочахъ и выжигѣ, также въ окладахъ и образахъ. Съ образовъ оклады снимать не надобно безъ крайней нужды, но промѣнивать ихъ — битые на ефимочное, а золоченые — на чистое серебро; охотниковъ на такой промѣнъ много; на такъ какъ продажа ихъ происходитъ изъ разныхъ мѣстъ, то происходитъ великое похищеніе и ограбленнымъ обида; поэтому надобно было бы особенную контору для этого сдѣлать". Въ мартѣ мѣсяцѣ Татищевъ писалъ, что уже дѣло идетъ успѣшно: „Монетные дворы отъ бывшаго ихъ разоренія въ такое состояніе, въ какомъ они теперь, и въ годъ привести было бы нельзя, если бы дѣлать не съ такою силою и властію, съ какою Алексѣй Яковлевичъ дѣлалъ. Поистинѣ удивительно, что въ такое короткое время почти все вновь сдѣлано, и можно уже надѣяться на Бога, что дѣло пойдетъ безъ остановки, только-бъ такая была помощь послѣ него, такъ теперь" [1]).

„Какъ исправить юстицію?" — стояло въ программѣ. Какъ исправить юстицію, когда нѣтъ ни Уложенія, ни Свода Законовъ? — могли спрашивать со всѣхъ сторонъ. Дѣло Уложенія остановилось, потому что изъ членовъ коммисіи, назначенной при Петрѣ, осталось только двое. Вѣроятно вспомнили, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Уложеніе было составлено скоро и при его составленіи были выборные изъ разныхъ чиновъ: не пойдетъ ли дѣло успѣшнѣе при этомъ способѣ? Сенатъ, разсуждая, „дабы Уложенье при довольномъ числѣ членовъ сочиняемо было съ поспѣшеніемъ, приказали: быть при томъ сочиненіи членамъ изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата по двѣ персоны" [2]). Разумѣется, эти персоны не могли помочь дѣлу безъ предварительной работы, которая была поручена оберъ-секретарямъ — Ключареву, Сверчкову, Познякову и секретарю Веселовскому, при которыхъ находился переводчикъ. Всѣмъ имъ сказанъ указъ съ запискою, чтобъ они Уложенье къ окончанію привели и принадлежащія чужестранныя права, которыя указомъ повелѣно, съ россійскимъ Уложеніемъ по главамъ свели въ 1726 году непремѣнно; а если они въ томъ учинятся неисправны, то жалованье имъ давать не будутъ [3]).

[1]) Кабинетъ II, кн. № 85.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 4658.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 80.

Угроза не подѣйствовала: оберъ-секретари учинились неисправны. Остерманъ придумалъ средство для ускоренія дѣла — поручить его Нѣмцу. Въ концѣ 1726 года онъ предложилъ Верховному Тайному Совѣту, что есть профессоръ Вренгштейнъ, науки высокой: не дать ли ему коммисію для поправленія Уложенія? Опредѣлили: выписать на меморію [4]). Въ 1726 году занялись архивами: по доношенію вотчинной коллегіи велѣно, для лучшаго содержанія вотчинныхъ дѣлъ въ государственномъ архивѣ въ добромъ охраненіи и порядкѣ, всѣ столпы, имѣющіеся въ вотчинной коллегіи, переписать въ тетради и переплесть въ дестевыя книги, и впредь этихъ столповъ болѣе никуда изъ государственнаго архива не брать, а содержать ихъ для споровъ въ сохранномъ сухомъ мѣстѣ. Для этого велѣно учредить особую коммисію, выбрать изъ знатнаго шляхетства одного, да изъ прежде бывшихъ оберъ-секретарей одного, да къ нимъ придать трехъ секретарей, а для переписки дѣлъ взять изъ губерній и изъ большихъ провинцій по одному канцеляристу, а изъ прочихъ по одному копиісту, и быть имъ въ С.-Петербугѣ погодно съ перемѣною, а вмѣсто жалованья давать имъ отъ каждой исправленной тетради по 10 копѣекъ [5]).

Какъ исправить торговлю? — стояло въ концѣ программы. Мы видѣли, что поднятъ былъ вопросъ о томъ, нужно ли стягивать торговлю въ Балтійскомъ морѣ. Въ ноябрѣ 1725 года, князь Куракинъ писалъ изъ Голландіи, совѣтуя возстановить торговлю въ Архангельскѣ. Императрица объявила, что сама будетъ говорить объ этомъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; велѣно Сенату снестись съ другими коллегіями и сдѣлать справки, чтобъ яснѣе можно было донесть объ этомъ ея величеству. 19 декабря слушано быдо сенатское доношеніе о свободной торговлѣ, и разсуждали учинить докладъ съ предложеніемъ мнѣнія о порученіи коммисіи о купечествѣ барону Остерману, потому что способнѣе его къ такому дѣлу другой персоны не изобрѣли. 30 декабря дѣло о вольной торговлѣ было рѣшено, позволено везти товары куда хотятъ — въ Архангельскъ или въ Петербургъ; а 30 января 1727 года купцы голландскіе, англійскіе и гамбурскіе подали въ Верховный Тайный Совѣтъ просьбу — назначить вмѣсто умершаго Баженинова въ президенты къ купеческимъ дѣламъ въ Архангельскѣ купца Ивана Рычкова. Просьба была исполнена. Такъ какъ больше всего боялись ненужныхъ расходовъ, то въ маѣ 1726 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ происходило разсужденіе о кораблѣ, который былъ изготовленъ къ отпуску во Францію: отпускать ли; — будетъ ли прибыль изъ этой посылки. Императрица сказала, что надобно отпустить, хотя бы убытки были: надобно отпустить, вопервыхъ, для обученія въ навигаціи; вовторыхъ, — для слуху народнаго, что рус-

[4]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
[5]) Кабинетъ II, кн. № 80.

скіе корабли ходятъ во французскія гавани. Сенатъ представилъ о необходимости допустить въ компанію къ русскимъ корабельнымъ компанейщикамъ иностранца Борста, для содержанія порядочной конторы и заморской корреспонденціи. Верховный Тайный Совѣтъ согласился, но съ такимъ изъясненіемъ, чтобъ русскіе купцы постарались лѣтъ въ десять, а по меньшей мѣрѣ въ 15,—выучить конторныхъ служителей русскихъ [1]). Въ виду торговыхъ удобствъ на сибирскихъ заводахъ, сдѣлано было такое распоряженіе: велѣно было изъ тамошней мѣди дѣлать вмѣсто монетъ *платы*, потому что они удобны въ купечествѣ и во всякихъ расходахъ, отъ нихъ купцамъ и всякимъ промышленникамъ, счетчикамъ тягости не будетъ; не будетъ въ счетахъ продолженія и отъ плохихъ монетъ спору и убытковъ; всякій можетъ ихъ, какъ и прочіе товары, внутри и за-границу посылать безъ опасенія убытка, потому что они, по внутреннему ихъ вѣсу и по добротѣ матеріала, равны съ серебряными и золотыми добрыми монетами, отчего торгу и вексельному курсу никакой убыли не будетъ [2]).

Относительно городоваго управленія, въ указѣ 24 февраля 1727 года велѣно было: „Магистраты, для лучшаго посадскимъ людямъ охраненія, подчинить губернаторамъ и воеводамъ". Тѣмъ же указомъ уничтожалась Мануфактуръ-Коллегія: „Всѣмъ фабрикамъ вѣдомымъ быть въ Коммерцъ-Коллегіи, а для неважныхъ дѣлъ опредѣлить изъ самихъ фабрикантовъ безъ жалованья, которымъ хотя на одинъ мѣсяцъ зимою для совѣту въ Москву съѣзжаться и, безъ приговоровъ и протоколовъ коллежскихъ, всѣ неважныя опредѣленія чинить; и быть у фабрикантовъ протекторомъ сенатору Новосильцеву, къ которому бы они могли адресоваться".

Знаменитый начальникъ олонецкихъ, а потомъ сибирскихъ заводовъ, Геннинъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ оскорбленъ невниманіемъ, оказаннымъ ему по смерти Преобразователя. Онъ написалъ Макарову 9 апрѣля 1725 года: „Я принужденъ напоминать вамъ, что мнѣ стыдно такъ здѣсь шататься за мою государству радѣтельную чрезъ 26 лѣтъ службу: я обруганъ и обиженъ, мой чинъ генералъ-майорскій въ Военной-Коллегіи и въ артиллеріи не вспоминается и не числится: живу безъ караульщиковъ, деньщиковъ и безъ жалованья, и не знаю, откуда получать, чѣмъ питаться въ такомъ здѣшнемъ дорогомъ мѣстѣ, ежели долго волочиться за резолюціей. И понеже я истинно признаю, что отъ моихъ сильныхъ недруговъ принужденъ я терпѣть печаль и ругательство развѣ за то, что я его величеству вѣрно радѣлъ и льстить не могъ, но прямою дорогою шелъ и для государственнаго интересу смѣло говорилъ; однако надѣюсь я, что Богъ и всемилостивѣйшая государыня императрица также и ваше благородіе меня не оставите въ моемъ прошеніи. Отшествіемъ во блаженный покой нашего всемилостивѣйшаго государя, отца отечества, протектора моего и хранителя отъ всѣхъ недруговъ, размотрителя моихъ трудовъ меня сокрушаетъ такъ, что истинно могу подъ симъ подписаться вмѣсто присяги, что нашъ всемилостивѣйшій монархъ мое тщаніе, разумъ и память съ собою во гробъ взялъ и мнѣ отъ оныхъ и прочихъ печалей болѣе служить невозможно и несносно, ибо я 26 лѣтъ служилъ нашему монарху въ трудахъ и охотно, не исполняя свои прихоти, а нынѣ вижу въ себѣ малое здоровье и желаю достальное свое короткое время служить Всевышнему Монарху, а отъ недруговъ прочь въ покоѣ, и чтобъ меня наградить токмо на пропитаніе мастностями въ Лифляндіи. А ежели я въ своемъ прошеніи несчастливъ, какъ и прежде сего въ исканіи деревень, что и прежнія мои деревни отъ меня отняты безвинно, а вмѣсто тѣхъ хотя другія дать обѣщали-было, и до сего времени не даны, то я, болѣе онаго не ищу и ея величества не смѣю утрудить, но токмо покорно прошу о отпускѣ во отечество мое съ милостію, а не съ гнѣвомъ" [3]).

Преданія Петра Великаго продолжались: полезнаго человѣка не выпустили изъ Россіи, но отправили назадъ на уральскіе заводы. Здѣсь, послѣ внимательнаго наблюденія, Геннинъ нашелъ, что Татищевъ былъ правъ, предлагая Петру Великому отдать екатеринбургскіе заводы въ компанію съ тѣмъ, чтобъ 20 лѣтъ съ нея ничего не брать; тогда Геннинъ не согласился на передачу заводовъ съ этимъ условіемъ, и, по его представленію, передача была отложена до времени. Теперь, въ началѣ 1726 года, онъ писалъ Екатеринѣ: „Отъ заводовъ прибыль уповаю получить, ежели по требованію моему будетъ исполнено, а впредь обѣщать не могу, ибо, по основательному изслѣдованію, чрезъ три года явилось, что всѣ руды лежатъ непостоянно, не такъ какъ въ Германіи, но болѣе гнѣздами, малыми и большими слоями, отрывными и разсыпанными частями, такъ что нельзя на нихъ всеконечную на многіе годы имѣть надежду". Геннинъ соглашался теперь отдать заводы въ компанію. „Сія есть причина моего о томъ представленія: ежели, по несчастію, руды пресѣкутся и надлежащая прибыль прекратится, дабы тогда не было сказано, что я обѣщалъ впредь прибыль, а вмѣсто того сдѣлалъ убытокъ. Слезно прошу для самого Бога, призри меня въ своей высокой матерней милости, поговори недругамъ моимъ, чтобъ они до меня милостивы были и въ милости своей содержать обнадежили. И хотя я предъ ними и предъ всѣми виноватъ и недостоинъ того, чтобъ они мнѣ добро творили, однакожъ прошу, чтобъ надо мною гибели не искали; а ежели ваше императорское величество меня не призрите, то я буду Богу плакаться на недруговъ моихъ, и отъ нихъ терпѣть и печаль принимать

[1]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 71.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 71.

радъ за нашего блаженной памяти его императорскаго величества, для того, что ради исполненія его воли и указовъ недруговъ себѣ я нажилъ, и чаю, что такой человѣкъ не родится, который бы всякому могъ услужить". Въ описываемое время всѣ сибирскіе, пермскіе и кунгурскіе мѣдные и желѣзные заводы и горныя дѣла приносили въ годъ доходу 113,008 рублей [1]).

И другой знаменитый иностранецъ счелъ-было необходимымъ для себя оставить русскую службу по смерти Петра Великаго. Мы уже приводили извѣстіе о столкновеніи Меншикова съ другими сенаторами по поводу требованія Минихомъ войскъ для работъ на Ладожскомъ каналѣ. Въ ноябрѣ 1726 года, Минихъ прислалъ въ Верховный Тайный Совѣтъ слѣдующее донесеніе: „Свою важную и обширную работу въ 1724 году я такъ исполнялъ, что его императорское величество октября 14 дня того же году, какъ соизволилъ осматривать работу, свое удовольствіе собственноручно письменно объявлялъ, и декабря 11 дня въ Сенатѣ, особливо за дешево учиненные всякіе подряды, словесно благодарилъ, и потомъ 29 декабря далъ мнѣ право представлять въ чины. Сей великій и славный каналъ, которому подобнаго по ширинѣ и глубинѣ въ свѣтѣ не имѣется, подъ моею дирекціею совсѣмъ отдѣланъ былъ, еслибъ по его императорскаго величества указу въ 1724 году наряженные 16,000 человѣкъ, да въ 1725 году 25,000 человѣкъ на каналъ прибыли; но въ 1724 году только 3,000, въ 1725, за преставленіемъ его императорскаго величества, около 8,000 рабочихъ солдатъ, а въ нынѣшнимъ 1726, по настоящимъ обстоятельствамъ, очень мало солдатъ на каналѣ было. По должности моей, нынѣшняго числа (22 ноября), за полгода до истеченія срока моей капитуляціи, доношу, дабы о будущей работѣ было сдѣлано распоряженіе и директоръ назначенъ былъ" [2]). Отпустить его не хотѣли и, въ февралѣ 1727 года, объявили ему, что онъ будетъ снабженъ перемѣною чина и прочимъ милостивымъ награжденіемъ съ фамиліею [3]); но Меншиковъ не переставалъ противиться исполненію требованій Миниха относительно Ладожскаго канала: въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, по поводу проекта Миниха, представленнаго въ Верховный Тайный Совѣтъ, онъ объявилъ, что по нынѣшнему времени солдатъ въ работу на каналѣ употребить никакъ нельзя, и 14 марта состоялся указъ: будущимъ лѣтомъ додѣлывать Ладожскій каналъ до рѣки Нази одними вольными людьми съ помощію одного только московскаго гарнизона, который и теперь находится при каналѣ; на эту додѣлку отпустить 51,000 рублей [4]).

Меншиковъ не посылалъ войска на Ладожскій каналъ подъ предлогомъ, что оно дорого и назначается для другого употребленія; въ Сенатѣ и въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, при разсужденіяхъ о различныхъ финансовыхъ мѣрахъ и облегченіи народа, постоянно указывали на войско, на необходимость его поддержанія. Войско было дѣйствительно необходимо для Россіи по ея положенію, какъ всегда, такъ особенно теперь, когда нужно было поддержать новое значеніе Россіи, созданное Петромъ Великимъ. Наборъ войска былъ тяжелъ для малолюдной Россіи, и потому, строго запрещая побѣги крѣпостныхъ людей, правительство должно было позволить желающимъ выходъ изъ крѣпостнаго состоянія въ войско. Въ іюлѣ 1726 года Сенатъ представилъ-было въ Верховный Тайный Совѣтъ мнѣніе, что надобно запретить вольницу, т.-е. уничтожить право крѣпостныхъ людей записываться добровольно въ солдаты. Въ Совѣтѣ долго разсуждали; сама императрица присутствовала въ засѣданіи и объявила, что вольницу вовсе пресѣчь не слѣдуетъ, и чтобъ, подумавъ, еще написали мнѣніе и представили средство, какимъ бы образомъ въ томъ полегчить, а вовсе вольницу не пресѣчь [5]). Въ 1726 году въ войскѣ было полныхъ генераловъ 5, изъ нихъ 2 иностранца; генералъ-майоровъ 19, изъ нихъ 8 иностранцевъ; бригадировъ 22, изъ нихъ 5 иностранцевъ; полковниковъ 115, изъ нихъ 32 иностранца. Въ томъ же году было отмѣнено баллотированіе офицеровъ товарищами, причемъ сказано, что и покойный императоръ уже видѣлъ неудобство этого способа производства въ чины. Измѣнено было и распоряженіе Петра относительно расположенія войскъ по дистриктамъ. Вредъ этого распоряженія видѣли въ растянутости полковъ и въ притѣсненіяхъ, которымъ подвергались крестьяне отъ солдатъ. Какъ для лучшаго содержанія полковъ, такъ и для облегченія свободы подданныхъ, императрица повелѣла полки селить при городахъ, и преимущественно пограничныхъ и такихъ, гдѣ хлѣбъ дешевле и обиліе лѣса: это будетъ содѣйствовать быстротѣ сборовъ, въ случаѣ внезапныхъ и скорыхъ походовъ, и офицерскому надзору надъ солдатами; гражданству и уѣзднымъ людямъ въ продажѣ всякихъ припасовъ можетъ быть выгода, а въ таможенныхъ и кабацкихъ доходахъ пополненіе; особенно же крестьянству будетъ великое облегченіе; гражданству же тяжести никакой не будетъ, потому что солдаты будутъ жить особыми слободами и въ одномъ мѣстѣ, гдѣ скорѣе на преступниковъ у ихъ командировъ управу сыскать будетъ можно. „Когда конъюнктуры допустятъ", велѣно было двѣ части офицеровъ, урядниковъ и рядовыхъ, которые изъ шляхетства, отпускать по домамъ, чтобъ могли привести свои деревни въ надлежащій порядокъ, и такимъ отпу-

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 77.

[2]) Кабинетъ, кн. II, № 79. Минихъ подписывался: фонъ Мюннихенъ.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 85.

[4]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта; Полн. Собр. Зак. № 5030.

[5]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта; Полн. Собр. Зак. № 5030.

скимъ жалованья не давать, третью долю оставлять при полкахъ иноземцевъ и безпомѣстныхъ, которые безъ жалованья прожить не могутъ [1]).

Такова была, въ первое время по смерти Преобразователя,правительственная дѣятельность относительно поддержанія матеріальныхъ средствъ Россіи. Мы можемъ видѣть, какъ люди, оставленные Петромъ наверху—все Русскіе люди—распорядились на первыхъ порахъ матеріаломъ преобразованія. Первый вопросъ былъ финансовый, возбужденный несостоятельностію крестьянъ въ платежѣ податей. Русскіе люди высказали взглядъ на государство какъ на организмъ, въ которомъ всѣ части тѣсно связаны между собою, и нельзя заботиться о войскѣ, не заботясь въ то же время о крестьянинѣ; сдѣлали все, что могли, для облегченія крестьянина; мѣры эти, какъ писали изъ Москвы, произвели неописанную радость въ народѣ [2]); но, разумѣется, главнаго сдѣлать не могли, не могли сдѣлать, чтобъ сильные не бросались на слабыхъ, какъ волки, по выраженію самихъ правителей; висѣлицы, поставленныя Матвѣевымъ во время его ревизіи, могли производить только временное облегченіе. Тотъ же финансовый вопросъ, необходимость сокращенія расходовъ заставлялъ далѣе разбираться въ матеріалахъ преобразованія. Послышалось со всѣхъ сторонъ: „Слишкомъ много правителей, разныхъ канцелярій и конторъ,—надобно ихъ сократить" Здѣсь предстояло трудное дѣло: иное можно было сократить, уничтожить, но такъ, чтобъ не коснуться основныхъ мыслей Преобразователя, напримѣръ, отдѣленія администраціи отъ суда и финансоваго управленія. Пошли отъ мысли, что прежде, когда все сосредоточено было въ рукахъ воеводы, было лучше, проще и выгоднѣе для государства. Дѣйствательно было проще и, повидимому, выгоднѣе для государства: воеводы не брали жалованья, кормились насчетъ подчиненныхъ; но была опущена изъ виду главная мысль Преобразователя, что— народъ долженъ воспитываться, развивать свои силы въ новыхъ учрежденіяхъ, учиться. Проще, легче, удобнѣе было нанять иностранное войско, иностранныхъ генераловъ и офицеровъ, чѣмъ учить своихъ и во время ученія терпѣть пораженія; легче было послать министрами къ чужимъ Дворамъ образованныхъ, ловкихъ иностранцевъ, чѣмъ терпѣть непріятности и вредъ отъ неопытности своихъ; но Петръ не соблазнился этою легкостію: училъ своихъ и военному, и дипломатическому искусству въ дѣйствительной службѣ, предъ вооруженнымъ или невооруженнымъ врагомъ. Люди, оставленные Россіи Петромъ, не имѣли его вѣры въ способности Русскаго народа, въ возможность для него пройти трудную школу, испугались этой трудности и отступили назадъ. Посадскіе люди терпятъ много отъ проѣзжихъ: некому ихъ защитить,—надобно дать имъ защитника въ воеводѣ, подчинить ихъ ему попрежнему; но сами правители назвали воеводъ волками;—какое же покровительство отъ волка? И забыты были жалобы посадскихъ людей на воеводъ, такъ громко раздававшіяся въ древней Россіи. Любопытны слова императрицы, что чинъ воеводскій уѣзднымъ людямъ въ отправленіи всякихъ дѣлъ можетъ быть *страшнѣе*.

Программа Преобразователя показалась слишкомъ обширна; на первый разъ отступили отъ нея. Къ счастію, не отступили отъ програмы относительно нравственныхъ средствъ народа, которыя были въ зародышѣ, но, развиваясь, обѣщали вѣрный, хотя и медленный успѣхъ во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни. Мы видѣли, что Петръ завелъ печатныя вѣдомости, въ которыхъ печаталось все „надлежащее къ вѣдѣнію народному": извѣстія должны были доставляться въ типографію изо всѣхъ коллегій и канцелярій. Когда Петръ умеръ, то сочли излишнимъ присылать эти извѣстія; но Екатерина, въ апрѣлѣ 1725 года, приказала снова доставлять свѣдѣнія, объявивъ въ указѣ, что доставленіе это прекратилось невѣдомо для чего [3]). Въ декабрѣ того же года исполнена мысль Петра: учреждена академія наукъ; президентомъ ея, былъ назначенъ лейбъ-медикъ Блюментростъ [4]). И относительно школъ придумано было средство сократить расходы соединеніемъ школъ различныхъ вѣдомствъ. При Петрѣ въ областяхъ существовали школы свѣтскія, находившіяся подъ вѣдѣніемъ Адмиралтейской Коллегіи, и школы или семинаріи при архіерейскихъ домахъ; въ октябрѣ 1726 года Адмиралтейская Коллегія представила въ Верховный Тайный Совѣтъ доношеніе о соединеніи школъ свѣтскихъ съ семинаріями—и быть имъ въ вѣдѣніи синодскомъ, вслѣдствіе чего Адмиралтейская Коллегія освобождалась, разумѣется, отъ хлопотъ и, главное, отъ издержекъ; Верховный Тайный Совѣтъ согласился [5]). Мы упоминали о посылкѣ Татищева въ Швецію, о возвращеніи его и новой дѣятельности въ Москвѣ Но здѣсь мы должны упомянуть о хлопотахъ Татищева въ Швеціи насчетъ собранія матеріаловъ Русской Исторіи. Въ апрѣлѣ 1725 года онъ писалъ служившему при Кабинетѣ Черкасову: „О исторіи нынѣ пространно писать не могу; но весьма отъ многихъ знатныхъ и ученыхъ людей извѣстился, что много обрѣтается полезнаго. И сіе неудивительно, что здѣсь обстоятельныя доказательства суть о древней Россійскихъ князей столицѣ въ Ладогѣ, такожь о многихъ союзахъ и супружествахъ между Россіею и Швеціею. Такожъ докторъ ѳеологіи Бенселіусъ (Бензель), здѣсь славный человѣкъ, обѣщалъ мнѣ въ Упсалѣ множество

[1]) Кабинетъ II; кн. № 77. Пол. Собр. Зак. № 4896.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 85. Волковъ Макарову: „Указъ объ отсрочкѣ въ податяхъ и о выѣздѣ генералитета и офицеровъ изъ уѣдовъ такую радость здѣсь въ народѣ принесъ, что описать невозможно: кто ни услышитъ, всѣ, перекрестясь, съ великими слезами блажатъ милость ея и. в-ства».

[3]) Полн. Собр. Зак. № 4694.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 4807.

[5]) Журналы Верхов. Тайн. Сов.; Полн. Собран. Закон. № 4975.

русскихъ древнихъ письменныхъ книгъ показать и притомъ обѣщалъ дать списать. А описаніе Сибири (Табберта фонъ-Штраленберга) безо всякой противности состоитъ и паче къ славѣ и пользѣ россійской; въ предисловіи же намѣренъ (авторъ) великія дѣла блаженной памяти его величества по крайней возможности изобразить, въ которомъ и я, колико разумѣю, трудъ мой приложу". 25 іюля 1725 года Татищевъ писалъ Черкасову изъ Стокгольма: „Гисторію Россійскую писать подрядилъ и далъ напередъ 10 червонныхъ, чаю вскорѣ, будетъ готова. Нынѣ увѣдалъ я, что въ началѣ войны нашей одинъ Шведъ, бывшій въ Россіи, написалъ книгу съ великою какъ его величеству, такъ и всему народу похвалою, а поносителей бранитъ, которую по тогдашней злобѣ не токмо продавать запретили, но почитай всю сожгли, и оную обѣщалъ мнѣ библіотекарь дать списать. Ежелибъ я деньги мои имѣлъ, то-бъ я всѣ здѣшнія, до Россійской Исторіи касающіяся книги купилъ, на которыя надобно до 100 червонныхъ, и ежели-бъ занять могъ, то-бъ не жалѣлъ, ибо многое намъ неизвѣстное въ древности находится" [1]. Такимъ образомъ, въ человѣкѣ, отправленномъ въ Швецію наблюдать за горнымъ дѣломъ и политическимъ состояніемъ страны, высказалась страсть къ Русской Исторіи, къ собиранію матеріаловъ для нея, страсть, которая впослѣдствіи заставитъ его положить столько труда на сводъ источниковъ древней Русской Исторіи.

Татищевъ заказывалъ Русскую Исторію въ Швеціи; въ Россіи заботились о томъ, чтобы была написана подробная исторія Петра Великаго. Это дѣло поручили Шафирову, который подалъ доношеніе, что „къ повелѣнному мнѣ сочиненію гисторіи о преславныхъ дѣйствіяхъ и житіи его императорскаго величества Петра Великаго потребно: 1) Для вспоможенія въ выписываніи и переводѣ съ иностранныхъ языковъ изъ гисторіи прошу, дабы опредѣленъ былъ сынъ мой Исай Шафировъ, который нынѣ до указу опредѣленъ былъ въ герольдмейстерскую контору. 2) Дабы повелѣно было барону Гизену да Иностранной Коллегіи гисторіи описателю аббату Крусали, когда я временемъ требовать буду для совѣту или справки о какихъ принадлежащихъ къ той гисторіи дѣлахъ, оные бы то по требованію моему исполняли. 3) Дабы даны мнѣ были къ тому дѣлу: Иностранной Коллегіи студентъ Алексѣй Протасовъ для письма латинскаго, нѣмецкаго и другихъ языковъ, да для русскаго письма копіисты. Чтобъ сыну моему и вышеписаннымъ тремъ человѣкамъ жалованье давано было, а о пропитаніи моемъ съ моею фамиліей предаю во всемилостивѣйшее изволеніе ея величества; такожъ прошу, дабы мнѣ со всѣми къ сочиненію той гисторіи потребными людьми опредѣлена была удобная квартира вмѣстѣ, и опредѣлено-бъ было давать на то потребное число бумаги и чернилъ. 4) Чтобъ повелѣно было изъ Кабинета, изъ Иностранной Коллегіи и отъ барона Гизена тѣ гисторіи ко мнѣ прислать, и понеже къ сочиненію оной гисторіи потребны и другія книги, того ради прошу, чтобъ даны мнѣ были: поколѣнныя или родословныя книги Россійскихъ великихъ государей и прочихъ фамилій Россійскихъ и лѣтописцы письменные Россійскіе древніе, которые сбираны въ Кабинетъ, въ Иностранную Коллегію и герольдмейстерскую контору и индѣ. Книги на россійскомъ и иностранномъ языкахъ, взятыя въ домахъ моихъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, которыя отданы здѣсь въ библіотеку, а на Москвѣ, чаю, обрѣтаются въ конторѣ Вышняго суда, также, чтобъ повелѣно было изъ библіотеки петербургской, ежели къ тому потребны будутъ какія книги, по письменному моему требованію, на время мнѣ давать. 5) Чтобъ изъ разрядныхъ и другихъ записокъ дано мнѣ было извѣстіе о избраніи на престолъ Россійскаго царства Михаила Ѳеодоровича и о бракахъ его, и о рожденіи дѣтей его величества, также царя Алексѣя Михайловича, царя Ѳеодора Алексѣевича и воспослѣдствующемъ предъ его кончиною Стрѣлецкомъ бунтѣ, и какъ оный бунтъ по избраніи Петра Великаго умножился, и какимъ образомъ потомъ царь Іоаннъ Алексѣевичъ на престолъ купно произведенъ, и о всѣхъ происшедшихъ дѣлѣхъ съ рожденія его императорскаго величества по начатіи гисторіи, которая въ Кабинетѣ сбирана.—Надлежитъ имѣть ко извѣстной гисторіи о послѣдующемъ извѣстіе: 1) Какъ содержанъ царь Петръ Алексѣевичъ, яко царевичъ, съ матерью своею по смерти царя Алексѣя Михайловича. 2) Какою болѣзнію болѣзновалъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ предъ смертію и задолго ль былъ боленъ до кончины. И, по смерти его, какъ избраніе царя Петра Алексѣевича воспослѣдовало, и что чинилось по избраніи маія по 15 число, когда главный бунтъ начался. 3) Что во время того бунту съ его величествомъ отъ бунтующихъ случилось. 4) Какія внутреннія интриги въ томъ и отъ кого были. 5) Какимъ образомъ Хованскій казненъ и съ какого случаю. 6) Какія интриги и умыслы на его величество до казни Щакловитаго и отъ него были, и какъ они и отъ кого открылись, и какимъ образомъ та перемѣна учинилась и царевна въ монастырь сослана. 7) Какимъ образомъ царское величество охоту къ воинскому дѣлу и экзерциціямъ получилъ, и наборъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ" [2], и проч. Возбужденіе этихъ вопросовъ дѣлаетъ честь смыслу бывшаго вице-канцлера, но, съ другой стороны, показываетъ неприготовленность его къ исполненію задачи, ибо съ этими вопросами онъ долженъ былъ обратиться къ самому себѣ и искать ихъ рѣшенія въ своихъ источникахъ, а не обращаться съ требованіемъ этого рѣшенія къ правительству; Шафировъ хотѣлъ писать исторію Петра

[1] Кабинетъ II, кн. № 74. Подробнѣе будетъ въ обзорѣ дѣятельности Татищева по Русской Исторіи.

[2] Кабинетъ II, кн. № 65.

Великаго по извѣстнымъ ему готовымъ матеріаламъ (Гисторія Свейской войны, или такъ называемый журналъ Петра Великаго), а что не было приготовлено такимъ образомъ, того онъ требовалъ отъ правительства! Эта неприготовленность, неумѣнье взяться за дѣло, самому отыскать что нужно, разумѣется, должны были помѣшать дѣлу въ самомъ началѣ; Шафировъ не написалъ исторіи Петра Великаго. Но очень можетъ быть, что возбужденіе вопросовъ о событіяхъ во время малолѣтства Петра заставило старика Матвѣева написать извѣстныя записки объ этомъ времени.

Шафировъ упоминаетъ о баронѣ Гизенѣ, или Гюйсенѣ, который могъ быть ему полезенъ, ибо самъ занимался составленіемъ исторіи Петра Великаго. Мы уже давно потеряли изъ виду этого человѣка: онъ былъ въ удаленіи, въ опалѣ, забытъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, Петръ разсердился на него за царевича Алексѣя, относительно котораго онъ не исполнилъ своей обязанности, прославляя успѣхи царевича въ ученіи, чего на самомъ дѣлѣ не было, и такимъ образомъ обманывалъ отца. Въ іюнѣ 1726 года, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, по представленію свѣтлѣйшаго князя, происходило разсужденіе о баронѣ Гизенѣ и о службахъ его, что онъ такъ оставленъ и живетъ многіе годы безъ жалованья; напослѣдокъ велѣли записать указъ быть ему въ Военной Коллегіи совѣтникомъ, а о жалованьи справиться, на которые годы ему дачи не было, и хотя не все, однако въ удовольствіе ему выдать [1]).

Хотѣли поддержать начатки образованія, которыми Россія была обязана предшествовавшему царствованію; для этого нужно было позаботиться и о типографіи, которая терпѣла отъ общаго недостатка въ деньгахъ и терпѣла болѣе другихъ учрежденій, ибо многіе тогда могли смотрѣть на нее, какъ на учрежденіе вовсе неважное. Въ началѣ царствованія Екатерины, директоръ типографіи, Михайла Аврамовъ, донесъ, что типографскимъ служителямъ дано на 1723 годъ, вмѣсто денегъ, казенными товарами: приказнымъ—камками, а мастеровымъ людямъ—книгами, и то за вычетомъ четвертой части; товары эти продавали съ немалымъ убыткомъ; на 1724 годъ мастеровымъ людямъ хлѣбнаго ничего, а приказнымъ денежнаго и хлѣбнаго не выдано. За неотпускомъ денегъ и за непродажею книжною, нынѣ въ конторѣ типографской денегъ ничего нѣтъ, бумаги и прочихъ потребныхъ припасовъ купить не на что, отчего типографія пришла въ очень худое состояніе; приказные и мастеровые люди терпятъ несносную нужду, платьемъ и обувью весьма обносились, вслѣдствіе чего и на работу имъ впредь ходить будетъ невозможно [2]).

Въ типографской конторѣ денегъ нѣтъ, потому что книги не распродаются. Трудно было и надѣяться, чтобъ книги, хотя ихъ было очень немного, распродавались при начаткахъ только образованія, когда требовалось такъ мало для удовлетворенія умственнымъ потребностямъ. Съ неряшествомъ умственнымъ въ тѣсной связи находилось неряшество физическое, несмотря на полицейскія распоряженія относительно соблюденія чистоты въ городѣ, сдѣланныя въ прежнее царствованіе. Теперь обыкновенно жалуются на нездоровость климата въ столицѣ, основанной Петромъ. Но не такъ было въ описываемое время для людей, успѣвшихъ пріобрѣсти лучшія привычки. Новая столица, несмотря на извѣстныя неблагопріятныя условія своего положенія, отличалась чистотою воздуха вслѣдствіе незначительности еще народонаселенія и лучшаго соблюденія полицейскихъ правилъ, тогда какъ въ Москвѣ, при большомъ народонаселеніи и несоблюденіи правилъ чистоты, воздухъ былъ убійственный въ извѣстныя времена года, особенно въ центральныхъ частяхъ, гдѣ скучивалось жилье. Генералъ-майоръ Волковъ, отправленный въ Москву для устройства монетнаго дѣла, писалъ Макарову 25 февраля: „Извольте меня изъ этого пропастнаго мѣста вывесть; истинно опасаюсь, чтобъ не занемочь; только два дня какъ началась оттепель, но отъ здѣшней извѣстной вамъ чистоты такой сталъ бальзамовой духъ и такая мгла, что изъ избы выйти нельзя. Какое здѣсь многонародное мѣсто, можно видѣть изъ того, что однихъ канцелярій и конторъ съ 50, колодниковъ болѣе 1,000 человѣкъ, караульщиковъ рогаточныхъ съ большими дубинами съ 2,500 человѣкъ; по одной таможенной запискѣ въ одно прошлое лѣто съ 45,000 быковъ и съ 50,000 барановъ здѣсь вышло, кромѣ партикулярныхъ пригоновъ въ домы господскіе“ [3]). Приведемъ нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ чертъ изъ жизни общества. Генералъ-майоръ Андрей Ушаковъ подалъ императрицѣ просьбу: „Былъ я въ домѣ вашего величества, и тамъ же случился быть отъ гвардіи подпоручикъ Пальчиковъ, который говорилъ мнѣ весьма сердито, съ злобою такія уязвительныя слова: „Не такъ де ты дѣлаешь, какъ прежде при государѣ“. Да повелитъ ваше высокодержавство онаго Пальчикова допросить, въ чемъ онъ меня усмотрѣлъ противъ прежняго въ нынѣшнемъ отмѣнна“ [4]). Въ 1725 году подана была жалоба на извѣстнаго намъ Посошкова зятемъ его, кіевскаго гарнизона полковникомъ, Петромъ Роде. Изъ этой жалобы мы узнаемъ, что въ 1725 году купецкій человѣкъ, Иванъ Тихоновъ Посошковъ былъ взятъ подъ караулъ въ Тайную Канцелярію. Роде пишетъ, что у Посошкова есть деревни купленныя и заводы винные въ разныхъ городахъ, а владѣетъ деревнями, не справя ихъ за собою по купчимъ, потому что купецкимъ людямъ покупать и справлять за собою деревень не велѣно, если не имѣютъ фабрикъ.

[1]) Журналы Верхов. Тайн. Совѣта.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 73.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 85.
[4]) Кабинетъ II, 75.

Когда Посошковъ выдавалъ дочь свою замужъ за Роде, то обѣщалъ подъ клятвою дать ей въ награжденіе 1,000 рублей денегъ да деревню, да приданнаго на триста рублей, чему онъ, Роде, можетъ поставить свидѣтелей. Но обѣщаніе не было исполнено. Посошковъ показалъ, что когда онъ выдавалъ замужъ дочь свою за перваго мужа, полковника Барыкова, тогда отдалъ все, что обѣщалъ; Барыковъ умеръ, а за Роде дочь его вышла безъ его вѣдома, и онъ новому зятю ничего не обѣщалъ. Императрица указала недвижимое имѣніе Посошкова, кромѣ дворовъ петербургскаго и новгородскихъ, отдать дочери его, женѣ Роде, въ награжденіе [1]).

Если въ характерѣ и дѣятельности великаго Преобразователя мы нерѣдко встрѣчали черты, которыя указывали въ немъ представителя общества очень еще юнаго, то понятно, что мы еще долго будемъ встрѣчаться съ подобными чертами. Такъ, напримѣръ, 1 апрѣля 1725 года жители Петербурга были разбужены страшнымъ набатомъ во всемъ городѣ: императрица пошутила надъ ними,—обманула ихъ для 1 апрѣля.

При Дворѣ продолжался еще старый обычай жаловать знатнымъ людямъ сшитое платье. Такъ, въ 1727 году, по указу Екатерины, сшита была пара платья суконнаго съ золотымъ позументомъ для князя Михаила Владиміровича Долгорукаго [2]).

Правительство подмѣтило рѣзкую черту грубости нравовъ въ низшихъ слояхъ народонаселенія и поспѣшило принять противъ нея мѣры. Въ іюлѣ 1726 года изданъ былъ указъ: ея императорскому величеству стало извѣстно, что въ кулачныхъ бояхъ, которые бываютъ на Адмиралтейской сторонѣ, на Аптекарскомъ острову и въ прочихъ мѣстахъ въ многолюдствѣ, многіе люди, вынувъ ножи, за другими бойцами гоняются; другіе, положа въ рукавицы ядра, каменья и кистени, бьютъ многихъ безъ милости смертными побоями, и это убійство между подлыми въ убійство и въ грѣхъ не вмѣняется, также и пескомъ въ глаза бросаютъ; поэтому кулачнымъ боямъ въ Петербургѣ безъ позволенія главной полицейской канцеляріи не быть; а кто захочетъ биться для увеселенія, тѣ должны выбрать между собою сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, и записывать свои имена въ главной полиціймейстерской канцеляріи; выбранные сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе должны осмотрѣть, чтобъ у бойцовъ никакого оружія и прочихъ инструментовъ къ увѣчному бою не было, и, во время бою, чтобъ дракъ не было; и кто упадетъ, лежачаго не бить [3]).

[1]) Дѣла Тайной Канцеляріи.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 85. Подробности: фіолетовое сукно было заплачено по 2 рубля 75 копѣекъ за аршинъ, за работу дано 8 рублей, всего пара стоила 135 рублей 42 коп. Приписка Макарова и Ив. Черкасова: „Вышеописанное платье сдѣлано по указу ея и. в-ства и для того оныя деньги заплатить изъ соляныхъ денегъ, и о томъ въ соляную контору послать указъ". О набатѣ 1 апрѣля см. Берхгольца IV, 133.

[3]) Полн. Собр. Зак № 4939, 5023.

Разумется, Церковь лучше выборныхъ сотскихъ и полиціймейстерскихъ канцелярій могла прекратить подобныя явленія внушеніями, что убійство и на кулачномъ бою есть страшный грѣхъ. Вскорѣ по смерти Петра, вниманіе высшаго церковнаго правительства было поглощено судьбою, постигшею старшаго члена его, Ѳеодосія, архіепископа Новгородскаго. Мы уже довольно познакомились съ этимъ человѣкомъ, энергическимъ, но неудержливымъ въ дѣлѣ и словѣ, властолюбивымъ и корыстолюбивымъ [4]). Онъ былъ готовъ на преобразованія въ Церкви; но когда эти преобразованія начинали клониться къ уменьшенію его значенія и доходовъ,—онъ былъ очень недоволенъ и не умѣлъ сдерживать своего неудовольствія. Честолюбіе его было оскорблено тѣмъ, что, по смерти Стефана Яворскаго, онъ не былъ назначенъ президентомъ Синода; корыстолюбіе—урѣзываніемъ доходовъ, недачею жалованья. Въ Москвѣ, когда полученъ былъ указъ о сочиненіи штата, Ѳеодосій рѣзко высказался противъ новыхъ порядковъ. „Отнялъ Богъ милость свою отъ этого государства, потому что духовные пастыри сильно порабощены и пасомыя овцы надъ пастырями власть взяли. Однако можетъ явиться Филиппъ митрополитъ, который не пощадилъ своей крови за Церковь, да надобно смотрѣть, что случилось послѣ изгнанія Филиппова: Богъ самъ перстомъ показалъ какъ на фамиліи царской, такъ и во всемъ государствѣ внутреннимъ нестроеніемъ, моровою язвою, разореніемъ чуть не всего государства и премногими бранями" [5]). Филиппъ митрополитъ послѣ этого не сходилъ съ языка у Ѳеодосія, и 30 апрѣля, въ селѣ Покровскомъ, онъ вздумалъ сильно поговорить съ Петромъ о новыхъ порядкахъ. Петръ разсердился—и Ѳеодосій страшно струсилъ. На другой день онъ шлетъ письмо къ Екатеринѣ: „Вчерашняго числа въ Покровскомъ селѣ, безуміемъ моимъ не выразумѣвъ благопотребной воли всемилостивѣйшаго государя, прогнѣвалъ я, окаянный, его императорское величество такъ много, какъ никто больше; того ради, пребываю въ великомъ страхѣ и отчаяніи, не имѣю въ такомъ своемъ бѣдствіи никакого способу, только дерзаю утруждать ваше величество: умилосердися, великая государыня, надо мною, окаяннымъ, заступи милостію своею у всемилостивѣйшаго государя и благоволи вручить его величеству приложенное здѣсь мое рабское доношеніе, чтобъ мнѣ невозбранно было пріити и просить въ моей великой винѣ милостиваго прощенія и милованія" [6]).

Петръ простилъ Ѳеодосія; но тотъ скоро забылъ бѣду. Когда, послѣ коронаціи Екатерины, разсуждали, какъ поминать ее на эктеніяхъ, Ѳеодосій сказалъ: „Какова та молитва будетъ, что по указу молиться" [7]). Но скоро пришла другая бѣда: на

[4]) Исторія Россіи XVI.

[5]) Дѣла Тайн. Преобр. Приказа въ Архивѣ Минист. Юстиціи; Русск. Архивъ 1864 года, № 2.

[6]) Письмо въ Государ. Архивѣ.

[7]) Русскій Архивъ.

Ѳеодосія былъ поданъ доносъ въ расхищеніяхъ: въ 706 году Новгородской епархіи архіерейскія и монастырскія вотчины взяты были въ вѣдѣніе въ новгородскую приказную палату, а архіерею и въ монастыри велѣно давать указное: но въ 707 году, по прошенію митрополита Іова и властей его епархіи, тѣми вотчинами велѣно имъ владѣть попрежнему, за что платить каждый годъ по 11,000 рублей; они же, Іовъ и власти, обѣщали скотъ и хлѣбъ, что у нихъ за расходами будетъ оставаться, отдавать въ государеву казну; но этихъ денегъ епархія не платила. Кромѣ того, поданъ былъ доносъ на судью новгородскаго архіерейскаго дома, Андроника, въ денежномъ и хлѣбномъ похищеніи и во взяткахъ. Петръ велѣлъ Толстому изслѣдовать дѣло, но умеръ [1]). У Ѳеодосія спала гора съ плечъ. Страшнаго Петра не было болѣе; на его престолѣ сидѣла женщина, боявшаяся, что не прочна на престолѣ, боявшаяся приверженцевъ великаго князя. Ѳеодосій разнуздался, не скрывалъ своей радости, что Петра нѣтъ болѣе, и все рѣзче и рѣзче высказывался противъ новыхъ порядковъ, противъ униженія духовной власти передъ свѣтскою. 12 апрѣля Ѳеодосій въ каретѣ подъѣхалъ къ мосту, который находился предъ домомъ императрицы; часовой остановилъ лошадей, объявивъ, что не велѣно пропускать въ экипажахъ далѣе моста. Ѳеодосій вышелъ изъ кареты въ страшномъ гнѣвѣ, махалъ тростью и говорилъ: „Я самъ лучше свѣтлѣйшаго князя". Тоже повторяли за нимъ и служки его, браня часоваго дуракомъ. Вошедши въ переднюю, онъ обратился къ дежурному офицеру: „Зачѣмъ меня не пускаютъ: мнѣ при его величествѣ вездѣ бывалъ свободный входъ; вы боитесь только палки, которая васъ бьетъ, а наши палки больше другихъ; шелудивыя овцы не знаютъ, кого не пускаютъ". Дѣло осталось безъ послѣдствій. 20 апрѣля пріѣхалъ къ Ѳеодосію камеръ-юнкеръ сказать ему именемъ императрицы, что на другой день должна быть въ Петропавловскомъ соборѣ панихида по усопшемъ государѣ. „Мы готовы", отвѣчалъ Ѳеодосій, и сталъ жаловаться на свою обиду: „Я и впредь опасаюсь ѣздить ко Двору ея величества, чтобъ и впредь такъ же не обругали часовые, развѣ пришлютъ да неволею велятъ взять".—„Если вамъ такая обида, то надобно просить милости государыни императрицы", сказалъ камеръ-юнкеръ. „Такъ же было и при императорѣ", отвѣчалъ Ѳеодосій: „не пропустили меня въ адмиралтейство, и за то я не получилъ никакой сатисфакціи, хотя и просилъ; а теперь и я искать не хочу". На другой день, послѣ панихиды, оберъ-гофмейстеръ Олсуфьевъ подошелъ къ Ѳеодосію съ приглашеніемъ къ императорскому столу. „Мнѣ быть въ домѣ ея величества не можно, понеже я обезчещенъ", отвѣчалъ Ѳеодосій. Оберъ-гофмейстеръ два раза повторялъ приглашеніе; Ѳеодосій отвѣчалъ: „Развѣ изволитъ прислать нарочнаго, чтобъ проводили". Нарочнаго не прислали, и Ѳеодосій не былъ на обѣдѣ.

На другой день, 22 апрѣля, явился во дворецъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и, отъ имени другихъ синодальныхъ членовъ, донесъ императрицѣ, что Ѳеодосій часто говорилъ непристойныя слова. Вслѣдствіе этого донесенія, 25 числа, въ домѣ канцлера графа Головкина, собрались генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ и графъ Толстой, къ которымъ явились два архимандрита изъ синодальныхъ членовъ, и подали письменный доносъ о непристойныхъ словахъ Ѳеодосія. Онъ говорилъ про императрицу: „Будетъ трусить, мало только подождать". Послѣ самъ Ѳеодосій такъ объяснялъ эти слова: „Былъ разговоръ со Псковскимъ (Ѳеофаномъ Прокоповичемъ) о трактаментѣ сенаторовъ въ домѣ ея величества на Святой недѣлѣ, а синодскихъ членовъ на томъ трактаментѣ не было, и тѣ рѣчи говорилъ отъ глупости, а не отъ злобы, что станетъ трусить въ такой силѣ, что нынѣ задабриваютъ сенаторовъ, чтобъ добрѣ дѣла управляли, а сохрани Богъ, когда въ нихъ какое несогласіе къ добру общему будетъ: тогда духовныхъ станутъ задабривать, чтобъ увѣщевали къ согласію добра общаго. А что мало только подождать—говорилъ отъ словъ, которыя слышалъ, что будто Цесарь намѣренъ тайно прислать въ Россію съ деньгами, которыми бы склонять здѣшнихъ министровъ въ свою партію".

Архимандриты донесли, что недавно въ синодской палатѣ Ѳеодосій говорилъ по поводу штата: „Никто духовнымъ недоброжелательны, всѣ уклонишася вкупѣ,—какого тутъ благословенія Божія ожидать? Воистину скоро гнѣвъ Божій снидетъ на Россію, и какъ станетъ междоусобіе, тутъ-то увидятъ всѣ, отъ первыхъ и до послѣднихъ"! При этихъ словахъ сталъ онъ *швыкать* и руками посѣченіе показывать. Говорилъ въ Синодѣ же: „Государь старался ниспровергнуть это духовное правительство, и для того насъ утѣснялъ штатомъ и недачею жалованья, а теперь смотрите: мы всѣ живы, а онъ умеръ, его нѣтъ". Когда ему объявили, что государыня приказала синодальнымъ членамъ собраться на служеніе панихиды по покойномъ императорѣ, то онъ, поднявши глаза къ небу, говорилъ: „Боже милостивый, какое тиранство! Чего Церковь дождалась? Мірская власть повелѣваетъ духовной молиться,—это слову Божію весьма противно: Апостолъ Павелъ *молитъ* христіанъ молиться за царя, а не принуждаетъ; служить буду: боюсь, чтобъ въ ссылку не сослали; только услышитъ ли Богъ такую молитву"! Приводя извѣстіе изъ 3-й книги Царствъ о болѣзни сына царя Іеровоама, говорилъ, что Богъ за грѣхи отца не пощадилъ и груднаго младенца, и не только одно дитя, но и всю фамилію искоренилъ. Ярославскому архимандриту Кондоиди сказалъ: „Видалъ ты такой судъ Божій, что какъ онъ (Петръ) хотѣлъ учинить штатъ духовный, то и умре"?

Подали доносы и другіе члены Синода. Твер-

[1]) Кабинетъ II, кн. № 80; I, № 31.

ской архіепископъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, писалъ, что Ѳеодосій постоянно бранился, всякаго чина людей Рускихъ называлъ безумными, нехристями, хуже Турокъ и всякихъ варваровъ, атеистами, идолопоклонниками. Синодскій оберъ-прокуроръ Болтинъ показалъ, что Ѳеодосій особенно сердитъ былъ на сенаторовъ, называлъ ихъ гонителями духовенства, сравнивалъ, по выраженію Болтина, „злато съ блатомъ", Петра Великаго—съ царемъ Иваномъ Грознымъ, а разстриженнаго монаха Варлаама Овсянникова, бывшаго синодскаго оберъ-секретаря, съ Филиппомъ митрополитомъ; говорилъ, что Петра умертвилъ Богъ за разстриженіе этого Варлаама. Въ разныя времена то защищалъ Петра, обвиняя во всемъ сенаторовъ; то дѣлалъ выходки противъ покойнаго императора; говорилъ: „Его величество желалъ все дѣлать доброе, да не допускаютъ сенатори; ей,-ей, свягая христіанская душа,—да наговорщики не допускаютъ за злобу отъ сенаторей на Синодъ за отнятіе поповъ, и что у нихъ церкви (домовыя) запечатаны и тѣмъ всю ихъ гордыню пресѣкли. Доколѣ будетъ тиранство надъ Церковію, дотолѣ добра надѣяться невозможно и суевѣріе не искоренится, понеже пастыри ни въ чемъ не могутъ имѣть воли, а въ Церкви монархіи нѣтъ и никакой не бывало; какіе мы управители? никто насъ не слушаетъ". Въ другой разъ говорилъ о Петрѣ: „За воинскія дѣла не-для-чего его хвалить; воевалъ онъ отъ младенческой своей охоты и изъ тщеславія, а не для государственной пользы. Излишняя его охота къ слѣдованію тайныхъ дѣлъ показуетъ мучительское его сердце, жаждущее крови человѣческой. Онъ дѣлаетъ указы и передѣлываетъ, какъ человѣкъ непостоянный или неблагоразсудный безъ всякаго резона. Бывало, Филиппъ Пальчиковъ придетъ къ государю и наговоритъ ему того, что онъ всю ночь уснуть не можетъ; такіе наговорщики его и уморили. Былъ государь великой амбиціи, глубокихъ и безпокойныхъ замысловъ: новыя одни за другими дѣла заводилъ; сегодня задумалъ великое дѣло, завтра еще больше затѣетъ; съ наговоровъ бездушныхъ людей и доносителей о всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ особахъ началъ имѣть, какъ о невѣрныхъ себѣ, худое мнѣніе и подозрительство, и обо мнѣ также, никому не вѣрилъ, только молодымъ своимъ придворнымъ и злосовѣстнымъ людамъ, для чего и тайныхъ имѣлъ шпіоновъ, которые надъ всѣми надзирали, и такъ иногда смущали его, что почью спать не могъ: для того подозрѣнія всѣхъ боялся, за не очень важныя слова повелѣвалъ казнить смертію, а можно было и безъ такого кровопролитія въ словахъ подлыхъ людей и во всемъ положиться на промыслъ Божій. Я по се время всегда думалъ, что мнѣ отъ его рукъ кончина житія будетъ; это размышленіе во мнѣ родилось отъ того, какъ я еще въ молодыхъ лѣтахъ пріѣхалъ въ Москву съ шляхтою смоленскою, приведены были въ палату и пожалованы къ рукѣ; кланялся я царю Ивану Алексѣевичу—и ничего; а какъ пришелъ къ рукѣ царя Петра Алексѣевича, тогда такой напалъ на меня страхъ, что едва не упалъ, и колѣни затряслись; съ этого времени всегда разсуждалъ, что мнѣ отъ той руки и смерть будетъ". Говорилъ: „Іерусалимъ и прочія Святыя мѣста отдалъ Богъ варварамъ Туркамъ, огнявъ у христіанъ за ихъ суевѣріе, что они поклоняются гробу Господню; тогожъ надѣяться и Русскому государству, идолопоклонствующему суевѣріямъ. Кабинетъ раскольщикамъ прибѣжище и заступленіе. Сколько людей переказнено, а воровство не убываетъ, совѣсть въ людяхъ незавязанная; надобно обучать чрезъ школы, и оттого познаютъ Бога, и что есть грѣхъ, только безъ денегъ сего сдѣлать нельзя, а инструментъ желѣзный не велика диковинка, дать двѣ гривны".

Ѳеодосій винился въ одномъ, отвергалъ другое, клялся, что забылъ, говорилъ-ли третье; обвинялъ своихъ сочленовъ, на него доносившихъ, писалъ императрицѣ: „Никогда въ домѣ вашего величества и нигдѣ словъ, касающихся до высокой чести вашего величества и до цѣлости государственной, не говорилъ, и если говорилъ, то для чего архіепископъ Псковскій не засвидѣтельствовалъ въ то время обрѣгающимся людямъ, которыхъ была полна палата? А что сенатскіе члены на Святой недѣлѣ трактованы, а синодскіе—нѣтъ, то и самъ его преосвященство говорилъ. Въ Синодѣ по разнымъ временамъ говорилъ я съ пререканіемъ, что Синоду много противниковъ и трудъ духовныхъ персонъ тщетный; а другихъ словъ истинно не помню, и еслибъ неумѣренныя мои въ св. Синодѣ какія слова были, для чего св. Синода слышавшіе члены тѣхъ словъ въ протоколъ не велѣли записать; но когда увидали за преступленіе мое о негодованіи на меня вашего величества, тогда изволили доносить".

Но Ѳеодосій хорошо зналъ, сколько онъ нажилъ себѣ враговъ и какъ ему трудно оправдаться. Онъ обратился къ герцогу Голштинскому,—чрезъ него послалъ просьбу императрицѣ: „Хотя великая моя предъ вашимъ величествомъ вина недостойна меня сотворила всякаго прощенія и помилованія, однако, уповая на великое вашего величества всѣмъ виноватымъ изливаемое милосердіе, симъ моимъ всенижайшимъ доношеніемъ паки безъ извиненія, ради вручителя вашему величеству сего доношенія, вседражайшаго зятя вашего и всей государской высокой фамиліи и ради вѣчнаго поминовенія блаженныя и вѣчнодостойныя памяти императорскаго величества, всенижайше прошу милостивѣйшаго прощенія и помилованія. А ежели вашему величеству сумнительна прежняя моя и нынѣшняя къ вашему величеству убогая вѣрность и услуга рабская, то симъ моимъ доношеніемъ подтверждаю тако: что, по кончинѣ императорскаго величества, добрымъ и согласнымъ совѣтомъ Всевышній сдѣлалъ и всѣ вѣрные подданные вашего величества присягою утвердили, въ которой по чистой моей къ вашему величеству и къ отечеству вѣрности не остался и я убогой, но прежде всѣхъ оную учинилъ и подписалъ, то и содержать

ту мою присягу до кончины жизни моей тщуся непремѣнно. Вашего императорскаго величества всеподданный и всенижайшій молитвенникъ, всеблагожелательный *виноватый* Ѳеодосій, архіепископъ Новгородскій, 30 апрѣля 1725 года“ [1]).

Но открылись другія вины: *гонитель суевѣрій* забиралъ иконы изъ церкви, обдиралъ съ нихъ оклады и сливалъ въ слитки, отбиралъ церковную серебряную утварь, колокола и прочее церковное имѣніе, и употреблялъ на свои домашнія нужды; распилилъ образъ Николая Чудотворца въ Никольскомъ монастырѣ, что на Столпѣ. 11 мая состоялся приговоръ: „Императрица, слушавъ поданныхъ на Новгородскаго архіерея Ѳеодосія въ церковныхъ его противныхъ поступкахъ доношеній и подлинныхъ доказательствъ синодальныхъ членовъ о непотребныхъ его продерзостныхъ и непристойныхъ словахъ и его архіерейскихъ двухъ повинныхъ руки его писемъ (въ которыхъ приносилъ вину свою точію въ нѣкоторыхъ малыхъ продерзостяхъ, а въ самыхъ важныхъ дѣлахъ запирался), и его Ѳеодосіевыхъ на вопросные пункты подписанныхъ отвѣтовъ, которыми себя призналъ и рукою своею подъ каждымъ пунктомъ вину свою подписалъ, —указала: понеже онъ, Ѳеодосій, за тѣ учиненныя его къ Церкви Божіей и указамъ ихъ величествъ противности и непристойныя слова довелся смерти; но ея величество, для поминовенія ея величества, во всемъ государствѣ къ виннымъ показанной высокой своей милости и его, Ѳеодосія, лишить и смертію казнить не указала, а повелѣла отъ синодскаго правленія Новгородской епархіи и архимандріи монастыря Александровскаго его отрѣшать и сослать его въ дальній монастырь, а именно въ Корельскій на устьи Двины, и содержать его тамъ подъ карауломъ неисходно, и давать ему на одежду и на пищу по 200 рублей на годъ. Бывшаго синодскаго оберъ-прокурора Ивана Болтина послать къ дѣламъ въ Сибирь, а старца Варлаама Овсянникова сослать въ Соловецкій монастырь въ братство“. Болтинъ былъ наказанъ за то, что не доносилъ на Ѳеодосія, по должности своей, и въ допросахъ не объявилъ того, что послѣ засвидѣтельствовано всѣми синодальными членами. Потомъ нашлось еще несмотрѣніе по должности, не означенное въ указѣ, за которое его велѣли немедленно отправить въ Сибирь и къ дѣламъ не употреблять. Приговоръ „бывшему Новгородскому архіерею Ѳедосу“ былъ обнародованъ торжественно, съ барабаннымъ боемъ; иностранцы удивлялись, что никто не жалѣлъ объ осужденномъ, напротивъ: всѣ знатные и незнатные говорили, что съ нимъ поступлено слишкомъ милостиво [2]). Въ октябрѣ 1725 года объявлено было во всенародное извѣстіе, что Синодъ узналъ о новой винѣ *плута Ѳедоса*: въ 1724 году онъ приказалъ синодскому секретарю Герасиму Семенову написать форму присяги императору и прибавилъ, чтобъ и ему духовные присягали по такой формѣ: „Также и собственной моей правильной власти, великому господину, св. Правительствующаго Синода вице-президенту, преосвященному Ѳеодосію обязуюся во всемъ по должности моей вѣренъ и весьма покоренъ быть и все до его архіерейской чести принадлежащее по послѣдней моей силѣ умножать и охранять“ [3]). Въ августѣ 1726 года Екатерина дала указъ графу Толстому съ товарищами, слѣдовавшими дѣло Ѳеодосія: „Имѣющіяся въ Новгородѣ, въ архіерейскомъ домѣ, у чашника, да въ С.-Петербургѣ, у казначея Ѳеодосія серебро, жемчугъ, каменья, облаченія, церковныя книги, колокола, посуду мѣдную и оловянную, лошадей и рогатую скотину, что отбиралъ въ новгородскій архіерейскій домъ безъ указу нашего бывшій архіерей Ѳедосъ и судья Андроникъ, изъ соборной Софійской церкви и изъ монастырей, что нынѣ изъ тѣхъ вещей, по изслѣдованію дѣла, за пропажами и за расходами, имѣется на лицѣ, велите отдать все, что откуда было взято по росписямъ именно съ росписками; а изъ серебра, которое въ слиткахъ, велите сдѣлать, какъ вы заблагоразсудите, церковные сосуды и раздать въ тѣ монастыри или церкви, откуда то серебро взято и слито, или въ другіе бѣдные церкви и монастыри, гдѣ серебряныхъ сосудовъ не имѣется, съ совѣту Новгородскаго архіепископа Ѳеофана. Саккосъ старинный, шитый по атласу бѣлому золотомъ, съ котораго бывшій архіерей Ѳедосъ съ оплечья, съ рукавовъ и съ подолу жемчугъ снялъ, велите попрежнему возобновить и сдѣлать на память такъ, какъ былъ, и которые каменья и жемчугъ и прочія украшенія съ него сняты были, то все по прежнему положить, и сдѣлать на немъ, гдѣ прилично, надпись, что сей саккосъ испорченъ былъ бывшимъ архіереемъ Ѳедосомъ, а по указу нашему паки возобновленъ“ [4]). Мы видѣли, что и прежде сенаторы, на которыхъ такъ былъ сердитъ Ѳеодосій, противодѣйствовали нѣкоторымъ нововведеніямъ, шедшимъ преимущественно отъ Новгородскаго архіепископа; теперь члены Верховнаго Тайнаго Совѣта продолжаютъ это противодѣйствіе послѣ паденія Ѳеодосія: въ сентябрѣ 1726 года они имѣли разсужденіе, что при прежнемъ Новгородскомъ архіереѣ Ѳедосѣ выданы указы, чтобъ въ городахъ и уѣздахъ священникамъ со святынею и съ иконами въ домы къ обывателямъ не ходить; но, быть можетъ, это какъ городскіе жители, такъ и крестьяне ставятъ себѣ въ озлобленіе, и потому разсудили взять объ этихъ указахъ вѣдомости и, разсмотря ихъ, доложить ея величеству съ представленіемъ мнѣнія, чтобы въ томъ поступаемо было по древнему христіанскому обыкновенію [5]).

Такъ покончилъ свою дѣятельность Никонъ XVIII вѣка. Оба, и Никонъ, и Ѳеодосій, въ своихъ стремленіяхъ призывали къ себѣ на помощь память о Св. Филиппѣ, но не удачно, и Болтинъ

[1]) Русскій Архивъ.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 4717; Журналы и протоколы Сената. Берхгольцъ IV, 148.

[3]) Кабинетъ I, № 33; Полн. Собр. Зак. № 4788.

[4]) Кабинетъ I, кн. № 30.

[5]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

имѣлъ полное право сказать, что здѣсь сравненіе злата съ блатомъ. Филиппъ вступился за самое священное свое право, непризнаваемое грознымъ царемъ, — право печалованія объ опальныхъ; въ исторіи столкновеній Никона и Θеодосія встрѣчаемъ Монастырскій приказъ, штаты, неприглашенія къ обѣденному столу во дворецъ. Знаменательно различіе между этими представителями русскаго архіерейства въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, между Филиппомъ, Никономъ и Θеодосіемъ; это различіе объясняетъ намъ много въ исторіи русской Церкви, объясняетъ прежде всего, почему Θеодосій носилъ титулъ не митрополита, не патріарха, а вице-президента Синода. Никонъ старался выставлять себя мученикомъ, царя Алексѣя мучителемъ,—и понапрасну: никто не признавалъ этого отношенія; Θеодосію казалось, что онъ погибнетъ отъ руки Петра; но страхъ былъ напрасенъ: Петръ казнилъ архіерея Досиѳея, рѣшившагося снизойти до лжепророчества; но не тронулъ Стефана Яворскаго за обличеніе, сказанное при всемъ народѣ, тѣмъ менѣе могъ быть озлобленъ словами, сказанными въ тѣсномъ кругу въ потѣшномъ покровскомъ домѣ; Θеодосій палъ въ царствованіе преемницы Петра, женщины, которая избѣгала сильныхъ мѣръ противъ видныхъ лицъ, палъ—вслѣдствіе враждебнаго движенія своихъ собратій, причемъ вскрылись такіе грѣхи, за которые не пощадилъ бы его Петръ Великій. Θеодосій высказывалъ совершенно справедливую мысль, что жестокими казнями воровства вывести нельзя, что для этого нужно нравственное воспитаніе народа; школы: но зачѣмъ же заставили Петра повторять указъ о сочиненіи необходимыхъ для народнаго наставленія книгъ? и зачѣмъ было, указывая на средства уменьшить воровство, забирать въ свою пользу изъ церквей образа и колокола и спарывать дорогія украшенія съ облаченій?

Въ дѣлѣ Θеодосія Θеофанъ Псковскій подвергся также непріятности. Мы видѣли, что синодскій секретарь, Герасимъ Семеновъ, былъ привлеченъ къ дѣлу, какъ сторонникъ Θеодосія; Θеофанъ въ Синодѣ назвалъ его прямо ребелизантомъ (бунтовщикомъ), умышлявшимъ бунтъ вмѣстѣ съ Θеодосіемъ. Герасимъ Семеновъ подалъ доношеніе, что въ началѣ 1722 года Петръ Великій велѣлъ въ Синодѣ разсмотрѣть обвиненіе на Θеофана въ неправославіи, обвиненіе, подписанное Стефаномъ Яворскимъ, Іоанникіемъ и Софроніемъ Лихудами, Θеофилактомъ Лопатинскимъ, Гедеономъ Вишневскимъ, Аѳанасіемъ Кондоиди. Въ Синодѣ Лопатинскій и Вишневскій не отреклись отъ своего обвиненія; но Θеодосій явился посредникомъ и уговорилъ обоихъ подать доношеніе, что они въ сочиненіяхъ Θеофана не находятъ никакого противнаго мудрованія. Герасимъ Семеновъ объявлялъ, что онъ самъ принялъ дѣло отъ графа Мусина-Пушкина, но потомъ этого дѣла въ синодальномъ архивѣ болѣе не видалъ. Потомъ Герасимъ Семеновъ доносилъ, что въ букварѣ, сочиненномъ Θеофаномъ, усмотрѣлъ онъ нѣсколько важныхъ „дубитаній", нѣсколько неправославныхъ мнѣній; доносилъ, что Θеофанъ, крича на петропавловскаго протопопа, зачѣмъ онъ поставилъ въ соборѣ лишнія иконы, сказалъ: „такъ стало-быть государь еретикъ, что онъ велѣлъ поставить столько иконъ, а протопопъ поставилъ вдвое больше".—Но этотъ доносъ не имѣлъ для Θеофана вредныхъ послѣдствій: онъ получилъ Новгородскую архіепископію и занялъ въ Синодѣ мѣсто Θеодосія. Θеодосій вооружался противъ новыхъ порядковъ, благодаря которымъ уменьшались доходы духовенства. Противъ нихъ вооружился въ описываемое время другой архіерей, извѣстный уже намъ Георгій Дашковъ, теперь архіепископъ Ростовскій и членъ Синода. Георгій подалъ Екатеринѣ такое доношеніе: „Яко самому Богу, такъ и вашему величеству служу вѣрно: для того не могу умолчать, чтобы не донесть вашему величеству, ибо происходитъ относительно духовенства такой безпорядокъ, какого искони не бывало. У архіереевъ и монастырей съ церквей сборы и деревни отнимаютъ, и опредѣляютъ на вновь учрежденныхъ правителей, на приказныхъ, на иностранцевъ, на гошпитали, на богадѣльни, на нищихъ. И то правда, что церковное имѣніе нищихъ имѣніе для государственной славы; но, какъ видно, судей и приказныхъ не накормить; иностранцевъ не наградить, а богадѣленъ и нищихъ не обогатить, домы же архіерейскіе и монастыри, въ иныхъ мѣстахъ и церкви чуть не богадѣльнями стали; архіереи и прочіе духовные бродятъ, какъ, бывало, иностранцы, или еще хуже, ибо служителей и потребнаго къ церковной службѣ въ достаточномъ количествѣ не имѣютъ, и приходятъ въ нищенское состояніе; а деревенскіе священники—и хуже нищихъ, потому что многихъ изъ податныхъ денегъ на правежахъ бьютъ, и оплатиться не могутъ. Того-бъ надлежало разсмотрѣть, чтобъ было къ государственной пользѣ, но только то затмилось" [1]).

Мы видѣли, что въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ сочли нужнымъ отмѣнить запрещеніе ходить духовенству со святынею по домамъ прихожанъ: отмѣна этого *Θеодосовскаго* запрещенія, разумѣется, облегчала дѣйствительно жалкое состояніе деревенскихъ священниковъ. Что же касается архіерейскихъ домовъ и монастырей, то нѣкоторымъ изъ нихъ сдѣлано было облегченіе—насчетъ синодальныхъ членовъ. Однажды, въ самомъ началѣ 1727 г., Макаровъ, пожалованный въ тайные совѣтники, пришелъ въ Верховный Тайный Совѣтъ съ предложеніемъ, что въ доношеніяхъ отъ Синода упоминается указъ Петра Великаго, по которому синодальнымъ членамъ, архіереямъ изъ епархій, архимандритамъ изъ монастырей присылалось, кромѣ денегъ, съѣстное, дрова и прочее въ зачетъ опредѣленнаго имъ жалованья. Указъ этотъ, говорилъ Макаровъ, должно уничтожить, потому что архіереи сами себѣ указъ сочинили и толковали въ немъ, какъ имъ было надобно, вопреки указу 17 апрѣля

[1]) Кабинетъ I, кн. № 31.

1722 года, чтобы указа на указъ не выдавать; бывшій Новгородскій архіерей Ѳеодосій жаловался, что когда синодальные члены изъ Петербурга въ свои епархіи пріѣдутъ, то имъ келій теплыхъ не даютъ, и Петръ Великій изволилъ тогда говаривать, чтобы на первое время для пріѣзду архіерейскаго и архимандричья давать пищу, а не въ такомъ смыслѣ указъ императора былъ, какъ архіереи сами собою сдѣлали, да сами-жъ и подписались: указъ объявленъ въ Синодѣ архіереями Ѳеофаномъ и Ѳеофилактомъ, они же къ записному указу и подписались. Члены Совѣта единогласно положили указъ отмѣнить, получать синодальнымъ членамъ только одно жалованье, а изъ епархій къ себѣ въ Петербургъ ничего отнюдь не брать [1]). Въ самомъ же началѣ 1727 года императрица, въ указѣ Верховному Тайному Совѣту, говорила: „При учиненіи регламента Верховному Тайному Совѣту отъ насъ повелѣно было о синодскомъ правленіи сочинить особливое мнѣніе на доношеніе намъ, а оныя синодскія и духовныя дѣла извѣстнымъ образомъ въ весьма слабомъ порядкѣ находятся: того ради такожде потребно, дабы члены Верховнаго Тайнаго Совѣта и члены синодальные каждой особливо о сихъ синодскихъ и духовныхъ дѣлахъ и какъ оныя впредь наилучшимъ образомъ содержаны и отправлены быть могутъ, свое мнѣніе, какъ скоро возможно, письменно сочинилъ, и оное намъ подалъ, и понеже оныя синодскія и духовныя дѣла такъ важны и весьма нужны, что надлежитъ безъ всякаго упущенія времени надлежащее опредѣленіе объ нихъ учинить, того ради оныя мнѣнія по крайней мѣрѣ намъ въ настоящемъ январѣ мѣсяцѣ подать“.

Дѣла шли медленно въ Синодѣ, особенно дѣло школьное и книжное, и потому пришли къ мысли освободить синодальныхъ членовъ отъ хозяйственнаго управленія; вспомнили, что и Петръ хотѣлъ оставить духовное собраніе при однихъ духовныхъ дѣлахъ. Въ іюлѣ 1726 года, Синодъ былъ раздѣленъ на два департамента, или апартамента; въ первомъ засѣдали шестеро архіереевъ: Ѳеофанъ Прокоповичъ, теперь архіепископъ Новгородскій, Георгій Дашковъ—Ростовскій, Ѳеофилактъ—Рязанскій, Іосифъ—Воронежскій, Кондоиди—Вологодскій, Игнатій—бывшій Суздальскій; они должны были управлять всякія духовныя дѣла Всероссійской Церкви, стараться объ учрежденіи школъ, объ ученіи народномъ (въ церквахъ), о лучшихъ и ученыхъ священнослужителяхъ, вѣдать типографію, стараться о печатаніи книгъ, которыя были бы согласны съ церковнымъ преданіемъ; однако о тѣхъ книгахъ, которыя должны быть вновь сочинены и печатаемы, также если какіе императорскіе указы должны быть выданы,—должны представлять для одобренія императрицы въ Верховный Тайный Совѣтъ, и безъ этого одобренія не печатать. Этимъ членамъ Синода до своихъ епархій ни въ чемъ не касаться; въ епархіяхъ должны быть викаріи. Въ другомъ департаментѣ, который будетъ называться Коллегіею Синодальной Экономіи, быть суду и расправѣ, также онъ завѣдываетъ финансовымъ управленіемъ, по примѣру прежде бывшаго патріаршаго разряда и другихъ патріаршихъ приказовъ, и къ этимъ расправнымъ дѣламъ опредѣлить шесть свѣтскихъ особъ. Писать: „духовный Синодъ“, а не „святѣйшій „Синодъ“, и вице-президентовъ отставить, ибо эти чины приличны болѣе къ свѣтскимъ правленіямъ“ [2]).

Нашли медленность Синода въ напечатаніи и распубликованіи указа Петра Великаго о монастыряхъ и монахахъ. Въ маѣ 1726 года Макаровъ спросилъ новаго оберъ-прокурора Синода, Баскакова, о причинахъ этой медленности; Баскаковъ отвѣчалъ, что онъ спрашивалъ членовъ Синода, и они сказали, что о печатаніи и публикованіи этого указа имъ не приказано и въ присылкѣ изъ Кабинета его не было. Но по справкѣ оказалось, что копіи съ указа разосланы во всѣ епархіи, кромѣ малороссійскихъ, а подлинный указъ, за подписью Петра Великаго, хранится въ синодальномъ архивѣ [3]).

Ѳеодосій, настаивавшій на сильныя мѣры противъ раскольниковъ, жаловался, что въ послѣднее время они находятъ себѣ поблажку въ Кабинетѣ. Жаловался и знаменитый Питиримъ Нижегородскій именно на то, что вѣдѣніе раскольниковъ и сборовъ съ нихъ двойнаго оклада отошли отъ него и отъ вице-губернатора Ржевскаго въ общія финансовыя и правительственныя мѣста: „Будетъ немалое упущеніе“, писалъ Питиримъ, „ибо заочныя дѣла безъ настоящаго собственнаго нашего присмотру и понужденія могутъ производимы быть такъ закрытно, какъ за завѣсою, и между тѣхъ дѣлъ плуты раскольщики, по замерзѣлымъ своимъ воровскимъ обычаямъ, чрезъ поноровку приходскихъ поповъ, могутъ производить себя подлогомъ, яко волцы въ одеждахъ овчихъ, подъ именемъ православныхъ христіанъ; ибо при вѣдомствѣ моемъ явились въ сыску многіе такіе подлогомъ при церкви обрѣтающіеся раскольники, за что приходскихъ поповъ послано на галеры болѣе 70 человѣкъ, а съ другихъ взято штрафовъ съ 1,500 рублей. Раскольщики злую дерзость противъ прежняго уже много пуще нынѣ возымѣли: поповъ приходскихъ, которые тщатся ихъ расколъ не укрывать, паче же приводить къ обращенію, тѣхъ воровски тайнымъ обычаемъ убиваютъ до смерти со многимъ и различнымъ поруганіемъ; а отколѣ имъ такая придадеся дерзость и въ какой надеждѣ,—того признать не можно. Такожде раскольщики и за бороды не платятъ, отговариваясь инымъ платежемъ, который положенъ на нихъ особливый за расколъ, а не за ношеніе бородъ, да и тѣмъ, въ другихъ-де губерніяхъ и епархіяхъ съ раскольщиковъ за бороды не правятъ, а въ Нижегородской епархіи съ нихъ, раскольщиковъ, какъ за расколъ,

[1]) Журналы Верхов. Тайн. Совѣта.

[2]) Кабинетъ I, кн. № 31; II, № 77.

[3]) Кабинетъ II, кн № 77.

такъ и за бороды правили безъ упуску, понеже блаженныя памяти его императорское величество чрезъ докладъ нашего смиренія повелѣлъ править и за бороды". Въ другомъ письмѣ къ Макарову Питиримъ писалъ: „Раскольщики въ немалое дерзновеніе пришли обаче не туне: первое, что Юрья (Ржевскій) отъ насъ помощію выключенъ; второй— разглашаютъ, что будто Юрьѣ въ Нижнемъ и не быть впредь; третье, синодальнаго вѣдомства городъ Арзамасъ, Ерополчь и Вязниковская слобода, которыя въ расколѣ подобна Керженцу, Гороховецъ изъ св. Синода были опредѣлены указомъ 1722 года раскольническими и духовными дѣлами и рукоположеніемъ въ священство въ Нижегородской епархіи, изъ которыхъ чрезъ трудъ нашъ въ обращеніи болѣе 10,000; а въ прошломъ 1726 году отъ вѣдѣнія моего указомъ изъ св. Синода отрѣшены къ дикастеріи; и сія вся раскольщики видѣвши, разглашаютъ предъ простыми о мнѣ: емуде и отъ всѣхъ дѣлъ раскольническихъ будетъ отказано. И правда, таковыми случаи немалое подадеся имъ на мя дерзновеніе: смолчать грѣхъ, а и говорить не безъ сомнѣнія, яко-бы любоначалія иша" [1]).

Относительно западныхъ исповѣданій Синодъ замѣтилъ, что при католической церкви въ Петербургѣ находятся четыре колокола; спросили у священника Якова Діалогія, по какому указу онъ держитъ колокола;—тотъ отвѣчалъ, что онъ съ товарищами, при опредѣленіи въ церковь, нашли уже въ ней колокола. Синодъ представилъ Верховному Тайному Совѣту, что при католической и другихъ кирхахъ колоколамъ быть не слѣдуетъ, потому что изстари въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ колоколовъ при такихъ кирхахъ не было. Совѣтъ положилъ: справиться съ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, нѣтъ ли какихъ на этотъ счетъ контрактовъ и привилегій, и, послѣ отрицательнаго отвѣта, велѣно было снять колокола [2]).

Противъ протестантовъ хотѣли напечатать книгу Стефана Яворскаго — «Камень вѣры»; но, по извѣстному намъ распоряженію, этого нельзя было сдѣлать безъ одобренія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Книга была представлена, и Совѣтъ рѣшилъ: отослать ее къ Тверскому архіепископу Ѳеофилакту Лопатинскому для просмотра,— не явится ли въ ней какого подозрѣнія или чего къ закону россійскому ненадобнаго; и какъ онъ ее разсмотритъ,—пусть рапортуетъ въ Совѣтъ. При этомъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ замѣтилъ, что отчасти въ этой книгѣ находится и ненадобное [3]).

Извѣстно [4]), что въ царствованіе Петра Великаго нѣкоторые англійскіе епископы изъявили желаніе присоединиться къ Восточной Православной Церкви. Въ октябрѣ 1725 года Синодъ подалъ императрицѣ докладъ, что по указу Петра Великаго находящійся въ Петербургѣ Александрійской патріархіи протосингелъ Іаковъ посыланъ былъ въ разныхъ годахъ неоднократно въ Великобританію къ тамошнимъ епископамъ для нѣкотораго немаловажнаго дѣла съ письмами, и въ бытность свою тамъ имѣлъ трудъ немалый и небезопасный. При этомъ Аѳанасій Кондоиди писалъ Макарову. „Такъ какъ я, по указу Петра Великаго, опредѣленъ былъ коммисаромъ Греческой націи, и потому, исполняя обязанность моего званія, объявляю особое мое мнѣніе, по которому лучше быть въ Англіи протосингелу Іакову, чѣмъ тамошнему греческому архимандриту Геннадію, вопервыхъ,—за службы Іакова, его труды, раченія, попеченія, бѣдствія и страхи; во-вторыхъ, уменьшатся издержки казны государевой; въ-третьихъ, протосингелъ Іаковъ присягалъ въ вѣрности ея императорскому величеству, и можетъ намъ приносить немалую пользу, будучи искусенъ въ дѣлахъ политическихъ; въ-четвертыхъ, протосингелъ отчасти разумѣетъ по-русски и можетъ, находящихся въ Англіи, Русскихъ исповѣдывать и прочихъ Св. Таинъ сподоблять, а тамошній архимандритъ не только не знаетъ ничего по-русски, но и въ Россіи никогда не бывалъ" [5]).

Такъ въ первые два года по смерти Преобразователя люди, оставленные имъ Россіи, разбирались въ матеріалахъ преобразованія; какъ же при этомъ разборѣ, при этой трудной внутренней работѣ поддерживалось значеніе Россіи, пріобрѣтенное при Петрѣ? Но прежде нежели приступимъ къ отвѣту на этотъ вопросъ, посмотримъ, что́ дѣлалось на украйнахъ.

Мы видѣли, какъ въ Малороссіи люди, хотѣвшіе поддержать старину, проиграли свое дѣло, отдѣливши свои интересы отъ интересовъ остальнаго народонаселенія; правительству, въ его стремленіяхъ къ приравненію, стоило только опереться на интересы низшихъ слоевъ народонаселенія, чтобъ уничтожить попытки приверженцевъ старины. Такимъ образомъ, приравненіе Малороссіи къ Великой Россіи послѣдовало точно такъ же, какъ и приравненіе Новгорода къ Москвѣ. Полуботокъ умеръ въ Петербургской крѣпости до рѣшенія своего дѣла. При Екатеринѣ оно было рѣшено. Въ февралѣ 1725 года новое правительство издало указъ, въ которомъ говорилось, что Петръ Великій устроилъ въ Малороссіи коллегію для охраненія подлаго Малороссійскаго народа отъ тяжкихъ обидъ, чинимыхъ ему генеральною старшиною, полковниками и прочими урядниками; но генеральная старшина и нѣкоторые полковники, не отставая отъ прежняго своего обычнаго сквернаго лакомства и чинимыхъ подлому народу обидъ и разореній, посылали отъ себя въ Малую Россію универсалы, повелѣвая полковой старшинѣ подлый

[1]) Кабинетъ II, кн. № 85.

[2]) Кабинетъ II, кн. № 85. Журналы Верхов. Тайн. Совѣта.

[3]) Журналы Верх. Тайн. Сов. 26 апрѣля 1727 года.

[4]) См. Приложенія къ XVII тому «Исторіи Россіи».

[5]) Кабинетъ II, кн. № 73.

народъ, ежели въ такихъ тяжкихъ имъ обидахъ владѣльцамъ своимъ хотя малую обиду учинятъ, вязать, въ тюрьмы брать и нещадно публично карать: это было донесено его величеству Малороссійскою Коллегіею и отъ четырехъ полковъ, а именно—Стародубскаго, Нѣжинскаго, Миргородскаго и Черниговскаго,—отъ полковой старшины, куренныхъ, сотенныхъ и казацкихъ атамановъ и казаковъ на генеральныхъ старшинъ челобитье и многія жалобы произошли; просили о защищеніи и призрѣніи и отъ тягостей избавленіи, вслѣдствіе чего старшина была вызвана въ Петербургъ. По исчисленіи извѣстныхъ противозаконныхъ поступковъ старшины, въ указѣ говорится: за такія вины Черныша, Савича, Жураковскаго и Лизогуба съ семействами, также семейство Полуботка должно было сослать въ Сибирь и отнять имѣніе; но императрица, для поминовенія Петра Великаго, указала имъ жить въ Петербургѣ безвыѣздно „для того, чтобъ народу Малороссійскому впредь отъ нихъ обидъ и разоренія не было". Одинакой участи подвергся и Миргородскій полковникъ Апостолъ [1]). Ката (палача) Семена Игнатова и челядника Полуботкова Карпа Луценко, которые, по приказанію Полуботка, задавили и бросили въ воду краморку Марью Матвѣиху, сначала велѣно было казнить смертію на Украинѣ, но потомъ приговоръ былъ измѣненъ: велѣно ихъ бить кнутомъ, и, вырѣзавъ ноздри, сослать въ Рогервикъ на вѣчную работу; другихъ, которымъ Полуботокъ приказывалъ о убійствѣ, но они не исполнили приказа, однако и не донесли объ этомъ, велѣно, учиня наказанье, сослать въ Сибирь въ ссылку [2]). Верховный Тайный Совѣтъ, тотчасъ послѣ своего учрежденія, 11 февраля, занялся дѣлами малороссійскими и разсуждалъ, что пока еще съ Турками до разрыва не дошло, для удовольствованія и приласканія Малороссіянъ, выбрать изъ нихъ же человѣка годнаго и вѣрнаго въ гетманы; новыя подати всѣ сложить, а брать только тѣ, которыя сбирались при гетманахъ на войско; суды должны быть составлены изъ однихъ Малороссіянъ съ переносомъ дѣлъ въ Малороссійскую Коллегію. Въ маѣ 1726 года, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсуждали о Миргородскомъ полковникѣ Апостолѣ, и рѣшили отпустить его на Украину, а въ Петербургѣ оставить сына его; императрица согласилась, но прибавила, чтобъ взять съ стараго Апостола крѣпкую присягу въ вѣрности. Осенью на тѣхъ же условіяхъ были отпущены въ Малороссію—Лизогубъ, Чернышъ и Жураковскій [3]).

Мы видѣли, что Петръ, убѣдившись въ виновности Полуботка съ товарищами, велѣлъ возвратить изъ Архангельска въ Малороссію знатнаго казака Данила Забѣлу, сосланнаго при Скоропадскомъ за доносы. Забѣла подалъ теперь Екатеринѣ новое доношеніе. „Чтобы впередъ въ Малой Россіи не было измѣны", писалъ Забѣла: „надобно выбрать вѣрнаго человѣка, который, не жалѣя сродниковъ и прочихъ, только единому вашему величеству радѣлъ бы по Богѣ и всякіе порядки въ Малороссіи устроилъ вмѣстѣ съ господиномъ Вельяминовымъ или съ кѣмъ другимъ, потому что, хотя десять коллегій учредите въ Малороссіи, но всего не можете провѣдать такъ, какъ отъ одного изъ нашихъ вѣрныхъ. Прежде всего надобно сдѣлать такъ: какіе при измѣнѣ были начальные и знатные люди, тѣмъ отнюдь не владѣть селами и должностей правительственныхъ не занимать; самыхъ виноватыхъ изъ нихъ собрать въ одно мѣсто и назвать его: Измѣнничья или Мазепинская слобода; дать имъ мѣсто некорыстное для поселенія, пусть строятся какъ хотятъ, только бы каменныхъ домовъ не строили; остальныхъ взять въ Петербургъ, чтобъ они тамъ селами не владѣли, и жалованье давать имъ опредѣленное изъ ихъ же доходовъ, а не такъ, какъ Чернышу ежегодно присылается, кромѣ денегъ, больше ста воловъ. Полковниковъ и сотниковъ поставить вновь вѣрныхъ, утвердить ихъ присягою и наградить селами и другими пожитками, взятыми у измѣнниковъ; не жалѣть при этомъ никого, потому что враговъ жалѣть—себя не жалѣть; начать съ гетманихи (вдовы Скоропадскаго) съ братомъ ея Андреемъ: они желали побѣды надъ государемъ проклятому Мазепѣ, за котораго и теперь умираютъ. Въ Глуховѣ и теперешніе управители остаются въ великой измѣнѣ, иные не по мѣрѣ своей завладѣли городами и многими селами; что отъ проклятаго Мазепы и отъ Скоропадскаго кому дано,—все то перебрать и всѣмъ вездѣ по достоинству дать, кому что слѣдуетъ, а чего кому не надлежитъ, то взять на ваше величество. Гетманы измѣняли особенно потому, что имъ однимъ давали чрезмѣрную силу, власть и вѣру, точно самодержцы были; разбогатѣвши, не только фельдмаршаловъ ни за что почитали, но хотѣли, чтобъ и государева имени никогда не поминали, а только бы одно ихъ имя поминалось, тайкомъ и монархами себя, бывало, называютъ. Безъ подписи генеральной старшины и полковниковъ не принимать отъ гетмана никакого дѣла и не вѣрить имъ; учредить ординатовъ и силу дать имъ такую, чтобъ могли судить по челобитію на гетмановъ; поставить 12 ординатовъ для правосудія, построить домы каменные, большіе для славы, надъ домомъ чтобъ былъ орелъ съ надписью: «Домъ ея императорскаго величества, приказъ или юстиція». Также и по полкамъ судили бы полковники съ старшиною своею по юстиціямъ, и сотники съ своими сотенными старшинами судили бы тоже въ юстиціяхъ; для этого приказать мудрымъ людямъ составить книгу правосудную; а если бы по сотнямъ, полкамъ и въ ординацкихъ судахъ не было правосудія, то переносить дѣла въ Малороссійскую Коллегію; а если бы и въ Коллегіи дѣло было рѣшено несправедливо, то переносить его въ Кабинетъ къ вашему императорскому величеству, и кабинетъ-секретарь, какъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 4651.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 73.
[3]) Журналы и протоколы Верх. Тайн. Сов.

повѣренный, долженъ о всемъ доносить подъ совѣстію. Не должно отягощать воинскихъ людей: ни съ мельницъ, ни селъ не брать поборовъ, съ купецкихъ людей и поспольства установить поборы надлежащіе. Съ монастырскихъ селъ и мельницъ можно брать всякіе поборы, потому что нѣкоторые изъ архіереевъ и многіе изъ прочихъ начальныхъ монаховъ о измѣнѣ вѣдали и совѣтовали съ проклятымъ Мазепою; по селамъ монашескимъ десятую часть мужиковъ оставить, а девять частей въ казаки на службу взять, потому что монахи сильно притѣсняютъ своихъ мужиковъ, также и въ другихъ селахъ притѣсняютъ, насильно изъ казаковъ въ мужики идти принуждаютъ, отнимаютъ и убиваютъ; для этого монахамъ по селамъ жить не слѣдуетъ, пусть свѣтскихъ приказчиковъ держатъ, а иное сами бы работали, какъ имъ законъ велитъ; держать села монахамъ только по универсаламъ прежнихъ гетмановъ до Ивана Самойловича, а мазепинскіе и скоропадскаго универсалы уничтожить, ибо для плутовства своего много лишнимъ завладѣли. Другимъ монахамъ мудрымъ приказать, чтобъ заводили школы латинскія, дабы въ государствѣ умножились мудрые люди. Протопопамъ и попамъ также ненадобно селъ давать, ибо они не лучше, притомъ отъ помѣщиковъ содержаніе получаютъ; изъ протопоповъ нѣкоторые мѣшались во время измѣны не въ свое дѣло. Подати надобно учредить наилучшимъ образомъ, чтобъ не говорили, что встали противъ общаго отягощенія народнаго, позабывъ, что сами народъ погубили взятками и убійствами, не могши ничѣмъ насытиться. Есть въ Малороссіи проклятаго Мазепы племянники и друзья любимые, нетронуты, потому что при измѣнѣ не были; такихъ надобно особенно опасаться и усмирять, отобравши у нихъ села и мельницы,—вѣрнымъ отдать. Скоропадскій съ своею супругою при министерствѣ Протасьева большое плутовство размножили; вѣрнымъ великая была пагуба отъ Протасьева изъ-за взятокъ; и у моей жены больше 15 куфъ вина взяли и сулили мнѣ сто рублей. Проклятый Мазепа и Скоропадскій очень опасались того, чтобъ въ Чигиринѣ не сдѣлали другого гетмана; можно это сдѣлать и теперь, чтобъ и та сторона Днѣпра была подъ державою вашего величества.—Чернышъ знаетъ, какъ проклятый Мазепа писалъ ко мнѣ, искушая меня, обѣщался быть ко мнѣ милостивъ, какъ отецъ, клялся, лежа больной въ Батуринѣ, говорилъ: „будь мнѣ вѣренъ, а не государю, и я тебѣ чего надобно дамъ“. Прошу ваше величество не объявлять о моемъ доношеніи, чтобъ не отомстили моимъ дѣтямъ, какъ самого меня едва не погубили, когда мое доношеніе стало извѣстно гетману Скоропадскому; публиковалъ онъ его по всей Малороссіи, и за мою вѣрность и правду мнѣ и дѣтямъ моимъ всегда будетъ укоризна и ненависть отъ тѣхъ, кто написанъ въ моемъ доношеніи, поэтому опасно служить вѣрою и правдою или что доносить вашему величеству. Во время гетманства проклятаго Мазепы и Скоропадскаго укоряли меня вѣрностію дѣда моего Забѣлы, говорили: „Когда бы не дѣдъ твой Забѣла, не была бы Малороссія подъ государемъ и Москвою, а ты такой же врагъ нашъ, что въ государя и Москалей вѣруешь“ [1])

Попытка Мазепы увлечь Малороссію къ измѣнѣ была послѣднею: народъ не откликнулся на гетманскій призывъ и Нарвскій побѣдитель сталъ Полтавскимъ побѣжденнымъ; нравственныя и матеріальныя средства оказались на сторонѣ царя, на сторонѣ единства Россіи. Полуботокъ съ товарищами попытались мирными уже средствами противодѣйствовать приравненію; и эта попытка не удалась, царь обратился опять къ большинству, которое стало на его сторонѣ въ 1708 году. Въ другой казацкой странѣ, на Дону, также научились изъ Булавинскаго опыта, что борьба казаковъ съ государствомъ была невозможна и при самыхъ неблагопріятныхъ для государства обстоятельствахъ. Донцы были спокойны, спокойно брали свое жалованье: 17,142 руб. денегъ, 7,000 четвертей ржи, 500 ведеръ вина [2]). Но казацкія силы отливали далѣе на востокъ,—въ степь, на Яикъ, ибо тамъ казакъ имѣлъ настоящее свое значеніе, тамъ онъ стоялъ на-сторожѣ Русской Земли, постоянно бился съ степняками, разминалъ въ широкомъ полѣ плеча богатырскія въ борьбѣ съ поганью. Въ 1725 году пріѣхалъ въ Петербургъ съ Яика легкой станицы атаманъ Араповъ съ товарищами, и просилъ позволенія завести поселеніе и построить крѣпость для обереганія границы на заставахъ по Яику, выше Яицкаго городка, на устьи рѣки Сакмары близъ Башкирцевъ, гдѣ переправляются и ходятъ въ Россію непріятельскіе Каракалпаки и Киргизъ-Кайсаки, и ближнимъ къ тому мѣсту городамъ причиняютъ большое разореніе и людей въ плѣнъ забираютъ. Сенатъ согласился, но съ условіемъ, если яицкій атаманъ и все войско пожелаютъ и усмотрятъ надобность въ этомъ новомъ поселеніи для обереганія границы; но и въ такомъ случаѣ быть Арапову и товарищамъ его подъ смотрѣніемъ войсковаго атамана и другихъ яицкихъ старшинъ и казаковъ, и Военная Коллегія должна подтвердить имъ накрѣпко, чтобъ они отнюдь бѣглыхъ, какъ Великороссіянъ, такъ и Малороссіянъ, не принимали [3]).

Граница Россіи съ степными кочевниками переносилась все далѣе и далѣе на востокъ: вмѣсто Днѣпра и Оки, какъ было прежде, она очутилась теперь на Яикѣ. Здѣсь Каракалпаки и Киргизы играли роль старинныхъ Половцевъ и Татаръ; сильная орда Калмыцкая, зашедшая къ Волгѣ, обхвачена была государствомъ и понапрасну билась въ его крѣпкихъ объятіяхъ. Мы видѣли, что при Петрѣ съ калмыцкими отношеніями къ Россіи была связана дѣятельность Астраханскаго губернатора Волынскаго. Волынскій принадлежалъ къ

[1]) Кабинетъ I, кн. № 65.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 73.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 73.

числу тѣхъ людей, которые всѣмъ были обязаны Петру и которые однако имѣли побужденіе не очень печалиться о смерти великаго Преобразователя; подобно Меншикову и Ѳеодосію, Волынскій могъ думать, что событіе 28 января 1725 года избавитъ его отъ бѣды. Онъ потерялъ расположеніе Петра своими поступками, своимъ старовоеводскимъ поведеніемъ; на него наложенъ былъ штрафъ за то, что выдалъ жалованье своимъ подчиненнымъ безъ ассигнацій штатсъ-конторы; упомянутый уже нами поступокъ его съ Мещерскимъ возбудилъ сильное неудовольствіе. Въ своихъ бѣдахъ Волынскій и жена его прибѣгали обыкновенно къ ходатайству Екатерины; Волынскій всеподданнѣйше доносилъ ей о всѣхъ дѣлахъ, какъ царствующему государю; напримѣръ, въ мартѣ 1723 года онъ писалъ ей: „Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доношу: Персидскій посолъ сюда прибылъ, который объявилъ о себѣ, что онъ отъ шахова сына, который нынѣ короновался шахомъ, отправленъ полномочнымъ посломъ и имѣетъ просить ваше величество о войскахъ для обороны отъ ихъ непріятелей, также ежели повелѣно ему будетъ отъ вашего величества вступить въ какіе трактаты, велѣно ему такъ заключить, на какихъ кондиціяхъ ваше величество изволите. Донесши сіе, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше и нижайше прошу ваше императорское величество содержать меня сирагои послѣдняго вашего раба и милостиво не оставить въ материнской милости и милостивой протекціи“ [1]).

Материнская милость оказалась черезъ пять мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ Екатерины; въ іюлѣ 1725 года Волынскій былъ сдѣланъ Казанскимъ губернаторомъ, вѣроятно для прекращенія столкновеній его съ генералами Кавказскаго или, какъ тогда называли, Низовскаго корпуса; велѣно выдать ему удержанное при Петрѣ жалованье; сложить штрафныя деньги; Калмыцкія дѣла велѣно было вѣдать ему попрежнему [2]). Волынскій отвѣчалъ на эти распоряженія такимъ письмомъ къ императрицѣ отъ Камышенки [3]): „Получилъ я указъ изъ Сената о томъ, что ваше императорское величество повелѣли положенный безвинно на меня штрафъ 12,000 рублевъ снять, а паче соизволили освободить изъ астраханской пеклы, и что я между здѣшнихъ варваръ волочуся на моихъ собственныхъ проторяхъ, за тѣ мои убытки наградить. Я, волочася здѣсь, нынѣ уже было дотого дошелъ, что Калмыки за мое къ нимъ безкорыстное благодѣяніе и за труды и самого меня убить или поймать хотѣли. Дабы уже всему ихъ бѣшенству конецъ былъ, для того, можетъ быть, пробуду здѣсь до октября мѣсяца или далѣ. Когда уже ваше императорское величество соизволили Калмыцкимъ дѣламъ быть въ моей дирекціи въ Казанской губерніи, — я въ томъ предаюсь въ волю вашего величества“.

Между Калмыками опять начались усобицы. Намѣстникъ Черенъ-Дундукъ, видя, что Волынскій не хочетъ принести ему въ жертву Досанга, хотѣлъ призвать себѣ на помощь кубанскихъ Татаръ, но Волынскій помѣшалъ сношеніямъ Калмыковъ съ Татарами. Скоро однако онъ убѣдился, что отъ Досанга нельзя ожидать никакого добра: „Я желалъ“, писалъ Волынскій, „чтобъ Калмыки были раздѣлены на двѣ партіи, и до сего времени держалъ больше Досангову сторону: но теперь вижу, что онъ человѣкъ непотребный, забылъ благодѣянія государя Петра Великаго и мои труды; забылъ, что я спасъ его отъ смерти, изъ нищихъ сдѣлалъ сильнымъ владѣльцемъ; забывши все это, онъ искалъ покровительства Кубанцевъ, послѣ чего нельзя уже ждать отъ него никакого добра; кромѣ того, при немъ людей умныхъ и добрыхъ нѣтъ. Черенъ-Дундукъ хотя не умнѣе его и такой же пьяница, однако человѣкъ съ совѣстію, да и люди при немъ отцовскіе умные и добрые есть, чрезъ которыхъ все можно дѣлать. Сколько Досанга подъ протекціею ея императорскаго величества ни держать, но совершенно уберечь нельзя, потому что онъ предъ тою стороною безсиленъ, а держать при немъ всегда наши войска очень убыточно и трудно, да и ту сторону можемъ этимъ отогнать, и пути въ немъ не будетъ, потому что у него люди воры, а братъ его, Нитаръ-Держи, надъ всѣми ворами архиплутъ; всѣ владѣльцы и простой народъ другой стороны на нихъ страшно озлоблены, потому что отъ нихъ ни другу, ни недругу спуску нѣтъ: всѣхъ обокрали кругомъ. Такъ какъ Досангу все равно пропадать же, то, по моему мнѣнію, надобно сдѣлать такъ: объявя всѣ его дурныя дѣла, объявивъ, что императрица отнимаетъ отъ него свою руку, отдать его на судъ Черенъ-Дундуку, чтобъ управился съ нимъ самъ; та сторона такою милостію будетъ довольна; въ противномъ случаѣ они самовольно его погубятъ и будутъ хвастаться, что сдѣлали это, несмотри на покровительство, оказываемое нами Досангу“. Императрица отвѣчала, чтобъ Волынскій поступалъ по тамошнему состоянію дѣлъ и по своему разсужденію. Досангъ началъ исправляться — по-калмыцки: удавилъ брата своего Нитаръ-Доржи и прислалъ трупъ его къ Волынскому.

Между тѣмъ дѣло Мещерскаго не затихало, и, въ концѣ года, Волынскій пишетъ императрицѣ изъ Пензы: „Я засвидѣтельствуюся Богомъ и дѣлами моими, что я никакой вины моей не знаю; однакожь, какъ извѣстно вашему императорскому величеству о многихъ персонахъ, ко мнѣ немилостивыхъ, отъ которыхъ нынѣ такое наглое гоненіе терплю, что по-истинѣ сія печаль меня съ свѣта гонитъ и въ такое отчаяніе привела, что я не смѣю ни на какое дѣло отважиться, понеже что ни дѣлано, рѣдкое проходило безъ взысканія, и я только въ томъ живу, что непрестанно отвѣтствую и за добрыя дѣла такъ, какъ бы за злыя; и тако сколько ни было слабаго ума моего, истинно весь потерялъ, и

[1]) Письмо въ Государ. Архивѣ.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 73.
[3]) Кабинетъ II, № 71; письмо отъ 31 августа 1725 г.

такъ сбитъ съ пути, что ужъ и самъ себѣ въ своихъ дѣлахъ не вѣрю. Сотвори надо мною бѣднымъ божескую милость и чтобъ указомъ вашего императорскаго величества повелѣно было мнѣ въ нынѣшней зимѣ хотя на малое время побывать ко Двору вашего императорскаго величества". Въ слѣдующемъ письмѣ [1]) объясняется причина бѣды: „Военная Коллегія приказала за мичмана Мещерскаго судить меня военнымъ судомъ. Служу я съ ребяческихъ моихъ лѣтъ и уже въ службѣ 23 года однако никакого штрафа не себѣ не видалъ, и ни съ кѣмъ на судѣ сроду моего не бывалъ; а нынѣ прогнѣвилъ Бога, что будутъ судить меня съ унтеръ-офицеромъ; а паче съ совершеннымъ дуракомъ и съ пьяницею; извѣстно всѣмъ, что онъ, Мещерскій, ни къ чему не потребенъ и дуракъ, и пьяница, для того онъ, Мещерскій, и жилъ въ домѣ генерала Матюшкина въ прямыхъ дуракахъ, гдѣ многихъ бранивалъ и бивалъ, также многіе и его бивали, и напоя пьянаго, и сажею марывали и ливали ему на голову вино и зажигали; онъ же бывалъ въ домѣ его остриженъ и по-жидовски, а и кромѣ того и въ прочихъ во многихъ домахъ, куда-бъ онъ ни пришелъ, вездѣ смѣивались надъ нимъ; неоднократно валивался онъ пьяный по кабакамъ и ганивался за многими съ палками и каменьемъ. Прошу дабы прежде освидѣтельствовано было онаго Мещерскаго состояніе, также и то, какія мнѣ учинилъ обиды, и какъ въ домѣ генерала Матюшкина бранилъ меня и бѣдную жену мою, и, сущева младенца, дочь мою, чего ни послѣднему унтеръ-офицеру снести невозможно".

Въ Петербургѣ готовили Волынскому новую непріятность. 15 декабря 1725 года въ домѣ императрицы собрался Тайный Совѣтъ по иностраннымъ дѣламъ; присутствовали: Меншиковъ, Апраксинъ, Головкинъ, Толстой, Остерманъ, Ягужинскій. Читали послѣднія донесенія Волынскаго о приближеніи Киргизъ-Кайсаковъ и Каракалпаковъ къ Яику и о намѣреніи ихъ ударить на Калмыковъ. Тутъ генералъ-прокуроръ Ягужинскій донесъ о мнѣніи Сената, чтобъ Волынскому быть у одного дѣла: или у Калмыцкаго и жить въ Саратовѣ, или управлять Казанскою губерніею, а вмѣсто него къ калмыцкому дѣлу назначить другого, котораго подчинить генералъ-фельдмаршалу, князю Михайлѣ Михайловичу Голицыну, причемъ Голицынъ долженъ имѣть главную квартиру въ Рыбномъ и командовать надъ всѣми войсками по Волгѣ и Дону, кромѣ Астрахани и крѣпости Св. Креста. По долгомъ разсужденіи, императрица изволила опредѣлить: Волынскому оставаться и губернаторомъ Казанскимъ и у калмыцкихъ дѣлъ, и такъ какъ онъ для послѣднихъ долженъ быть въ частой отлучкѣ, то придать ему въ товарищи вице-губернатора для управленія губернскими дѣлами во время его отсутствія; но по калмыцкимъ дѣламъ Волынскій долженъ быть подчиненъ фельдмаршалу князю Голицыну, который долженъ имѣть главную квартиру въ Рыбномъ и командовать войсками по Волгѣ и Дону, согласно съ мнѣніемъ Сената [2]).

Защитивъ такимъ образомъ Волынскаго, оставивъ при немъ обѣ важныя должности, хотя и съ подчиненіемъ Голицыну по калмыцкимъ дѣламъ, императрица на его жалобныя письма и просьбы о позволеніи пріѣхать въ Петербургъ отвѣчала въ мартѣ: „Господинъ губернаторъ! Письма твои всѣ до насъ доходятъ, изъ которыхъ мы усмотрѣли, что въ немаломъ ты сумнѣніи находишься о томъ, яко бы мы имѣемъ на тебя гнѣвъ свой: и то тебѣ мнѣніе пришло въ голову напрасно, и хотя прежде, по письмамъ Еропкина, отчасти имѣли нѣкоторое сумнѣніе, однако-жъ потомъ въ скоромъ времени чрезъ письма свои ты выправился, и остался въ томъ помянутый Еропкинъ, что неправо о томъ онъ доносилъ, а вашими поступками, въ положенныхъ на васъ дѣлахъ, мы довольны. Что же представляешь свои нужды и просишься для того, также и для доношенія о нѣкоторыхъ тамошнихъ важныхъ дѣлахъ ко Двору нашему: и нынѣ тебѣ ко Двору быть невозможно затѣмъ, что писалъ къ намъ недавно генералъ-фельдмаршалъ князь Голицынъ, что Черенъ-Дундукъ согласился съ Кубанцами и ищутъ чинить нападеніе на Донскихъ казаковъ и на Петра Тайшина, и для того надлежитъ вамъ подлинно о томъ провѣдывать и до того не допускать; а потомъ, тако-жъ и по осмотрѣніи нужныхъ дѣлъ въ Казанской губерніи, въ іюнѣ мѣсяцѣ пріѣзжайте къ намъ въ Петербургъ" [3]).

Несмотря на это утѣшительное письмо, дѣло о Мещерскомъ продолжалось. 30 апрѣля Волынскій писалъ опять Екатеринѣ: „По присланному изъ Военной Коллегіи указу повелѣно генералъ-лейтенанту Чекину судить меня военнымъ судомъ за Мещерскаго, который былъ у генералъ-лейтенанта Матюшкина въ дуракахъ. И понеже хотя Адмиртейская Коллегія и показала надо мною такую немилость, какой еще образъ, какъ началося регулярное войско въ государствѣ, ни надъ кѣмъ не бывало, чтобъ кто изъ штабъ-офицеровъ былъ суженъ съ унтеръ-офицеромъ, а паче что съ публичнымъ дуракомъ,—однакожъ по всѣмъ военнымъ артикуламъ вины моей не сыщется, ежели меня будутъ судить правильно, но останется въ томъ генералъ-лейтенантъ Матюшкинъ: первое, что онъ держалъ у себя унтеръ-офицера въ дуракахъ и попускалъ его не токмо ругать, но и бить офицеровъ; второе, что оной Мещерской бранилъ меня въ домѣ его при немъ и говорилъ, что мнѣ и женѣ моей и дочери висѣлицы не миновать, въ чемъ онъ не токмо ему (не) воспретилъ, но еще тому и смѣялся, и мнѣ никакой сатисфакціи не учинилъ" [4]).

То, чего не могъ сдѣлать Сенатъ относительно Волынскаго, то сдѣлалъ Верховный Тайный Совѣтъ: осенью 1726 года калмыцкія дѣла были

[1]) Кабинетъ II, № 71; письмо отъ 24 декабря 1725 г.

[2]) Кабинетъ II, № 73; Калмыцкія дѣла 1725 года.
[3]) Кабинетъ I, кн. № 63.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 77.

взяты у Волынскаго. Верховный Тайный Совѣтъ донесъ императрицѣ, что онъ требовалъ на его мѣсто кандидатовъ изъ Военной Коллегіи, которая представила генералъ-майоровъ Шереметева и Кропотова; Екатерина отвѣтила, что Шереметевъ и Кропотовъ у калмыцкихъ дѣлъ быть неспособны и Кропотовъ ктому же боленъ [1]).

Калмыцкія дѣла дѣйствительно требовали способнаго человѣка. Мы видѣли, какія были получены въ Петербургѣ извѣстія о калмыцкихъ замыслахъ противъ Донскихъ казаковъ. Одинъ изъ калмыцкихъ владѣльцевъ, братъ Досанга, принялъ христіанство и названъ былъ Петромъ; но этотъ поступокъ возбудилъ противъ него неудовольствіе въ родичахъ. Новообращенный посылалъ къ брату своему, Досангу, мурзъ требовать раздѣленія улусовъ; но Досангъ велѣлъ отвѣчать, что не дастъ улусовъ человѣку, который принялъ христіанскую вѣру и надѣется на Русскихъ людей; пусть проситъ Русскаго Бога и христіанъ: они ему помогутъ. Петръ Тайшинъ дѣйствительно обратился къ христіанамъ, писалъ къ князю Михайлу Михайловичу Голицыну, что если императрица и онъ, князь, ему не помогутъ, то онъ останется у своихъ въ презрѣніи, и всѣ будутъ ему смѣяться. Голицынъ написалъ Досангу, что если онъ оставитъ брата въ убожествѣ, тотъ станетъ искать милости и суда у императрицы, и она прикажетъ его судить, то, получа гнѣвъ, будетъ ему стыдно. Угроза подѣйствовала—и Досангъ раздѣлился полюбовно съ братомъ [2])

Кромѣ Калмыковъ, Башкирцы не переставали возбуждать опасенія. Геннинъ, который на Олонецкихъ заводахъ заступался за раскольниковъ, теперь на Уральскихъ заводахъ заступался за инородцевъ, притѣсняемыхъ русскими чиновниками, и указывалъ на вредныя слѣдствія такихъ притѣсненій. Геннинъ давалъ знать, что въ Вятской провинціи коммисары собираютъ съ инородцевъ большіе сборы, а отписокъ имъ въ полученіи не даютъ, отчего инородцы приходятъ въ разореніе; они просили Геннина, чтобъ для сборовъ опредѣленъ былъ особой командиръ, добрый человѣкъ, и они будутъ платить всегда бездоимочно. Въ той же провинціи фискалъ поставилъ заставу, у которой берутъ съ Вотяковъ и другихъ инородцевъ по 20 копѣекъ съ возу хлѣба; въ Соликамской провинціи берутъ съ нихъ обыкновенную пошлину, а когда возвращаются домой и покупаютъ изъ казны соль, то берутъ у нихъ по 12 копѣекъ съ возу, а росписокъ нигдѣ не даютъ. Геннинъ опасался, чтобъ инородцы, выведенные изъ терпѣнія, не возмутились вмѣстѣ съ Башкирцами. Башкирцы также жаловались Геннину, что ихъ разоряетъ табачный откупщикъ Бѣлопашинцевъ, принуждаетъ ихъ покупать гнилой табакъ, который продаетъ вмѣсто пуда 30 фунтовъ, и если они купятъ хорошаго табаку на сторонѣ, то откупщикъ ихъ разоряетъ. Башкирцы же жаловались Геннину на уфимскихъ судей, что волочатъ ихъ верстъ за 700, а правосудія никакого не оказываютъ, берутъ взятки; поэтому они просили, чтобъ былъ надъ ними одинъ судья [3]). Правительство поручило Геннину изслѣдовать, какія обиды терпятъ Башкирцы отъ откупщиковъ; Геннинъ, въ свою очередь, поручилъ это дѣло вѣрному человѣку, бургомистру купеческой ратуши Юхневу, который указалъ грабительство; „отчего", писалъ Геннинъ, „тайная искра, которая подъ пепломъ тлѣетъ, можетъ современемъ огненное пламя родить" [4]).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1. Письмо къ кн. Меншикову отъ полковника Ивана Бухгольца изъ Тобольска, 11 февраля 1717 года.

Доношу вашей высокой свѣтлости: въ прошломъ 714 году противъ доношенія господина губернатора Сибири, князя Матв. Петр. Гагарина, его царскому величеству, отправленъ я по именному е. в. указу въ Сибирь, и велѣно въ Тобольскѣ у г. губернатора Сибири взять войска 1,500 человѣкъ и со онымъ войскомъ иттить въ новопостроенную крѣпость Ямышеву, и, перезимовавъ, иттить къ калмыцкому городку Еркетю и оной городокъ достать и укрѣпить, и провѣдать на Дарьѣ рѣкѣ, какъ Калмыки промышляютъ песошное золото. И въ 716 году іюня въ въ 30, взявъ я войска 2,450 человѣкъ и пришедъ, у Ямышева озера въ октябрѣ мѣсяцѣ построилъ городъ; а прежъ того писаль я до его величества, что Контайша Колмыцкой владѣтель имѣетъ у себя многія войска и того для мнѣ до назначенныхъ мѣстъ иттить не безпечно, на что я себѣ никакого указа не получилъ, и февраля въ 11 того-жъ 717 году (?) пришли внезапу въ ночи отъ вышепомянутаго владѣтеля Контайши войска тысячъ десять и больши, и прежде разъѣзды и караули скрали, и лошадей государевыхъ и офицерскихъ мало не всѣхъ отогнали, и приступили къ крѣпости и къ квартирѣ, и приступали часовъ съ 12; обаче съ помощію Божіею оныхъ отъ крѣпости и отъ другихъ мѣстъ отбили, и, отступя, оные Калмыки недалече остановились и отакобали крѣпость и другія мѣста караулами такъ

[1]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
[2]) Кабинетъ II, кн. № 77.
[3]) Кабинетъ II, кн. № 71.
[4]) Кабинетъ II, кн. № 77.

крѣпко: четырехъ, государь, человѣкъ, послалъ я въ розныя числа въ Тобольскъ со извѣстіемъ, и оные всѣ впали въ руки непріятелю, и волею Божіею пришла въ войскѣ у насъ на людей болѣзнь, отъ которой въ сутки человѣкъ по 20 и больше помирало, и болѣзнь въ людехъ непрестанно умножалась; и, опасаясь, государь, чтобъ артилерія и многая амуниція не досталась въ руки непріятелю и не надѣясь къ себѣ ни откуду сикурсу, апрѣля въ 28, разоря оную крѣпость, съ малыми здоровыми людьми уступилъ на судахъ внизъ по Иртышу до усть рѣки Оми, гдѣ нынѣ я построилъ городъ; а въ прошломъ же 716 году декабря въ 16 присланъ ко мнѣ указъ великаго государя, велѣно мнѣ иттить до Зайсанъ-Норъ озера, чрезъ которое прошла рѣка Иртышъ, и на ономъ озерѣ построить городъ немалой, и противъ того указу подалъ я г. губернатору доношеніе, что оное озеро во владѣніи Контайши выше Ямышева вверхъ по Иртышу въ дальнемъ разстояніи, и проходъ судовой и сухопутный велми трудной и дойтить малыми войски и новыми людьми невозможно; и на оное доношеніе его сіятельство изволилъ мнѣ сказать на словахъ, что вел. государь, уничтожая (презирая) народъ Калмыцкой, не указалъ великихъ войскъ посылать; и конечно указалъ малолюдствомъ до того мѣста итти. И о семъ вашей высокой свѣтлости доношу; понеже до онаго озера за многими войски Калмыцкаго владѣтеля Контайши, которой имѣетъ у себя войскъ великое число оружейныхъ и къ войнѣ обычныхъ и, ежели покажетъ противность дойтить невозможно, и нетокмо они могутъ за оное озеро войну имѣть, но и за Ямышево съ великими войски Контайша брата своего прислалъ съ войною, и ежели, государь, нынѣ отправлюсь я до оныхъ мѣстъ, ясно вашей высокой свѣтлости доношу, что многой интересъ его величества утратится, и могу я въ Калмыцкія руки впасть и съ войски безвѣстно, а истинно, государь, оной народъ напрасно уничтоженъ. Всепокорно и нижайше вашей высокой свѣтлости рабски прошу о милосердомъ заступленіи, дабы я, не отправляясь въ такую дальность, могъ прежде видѣть его царское величество.

2. Письмо Алексѣя Волкова къ кн. Меншикову 30 октября 1725 года.

Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, мой патронъ! Ваша свѣтлость милостиво напомнить изволите, что какимъ образомъ меня, почитаю, отъ самаго младенчества, въ вашу милость милостиво принять и отчески воспитать и обучить и всегда содержать изволили; и помощію Божіею и вашей свѣтлости милостивымъ призрѣніемъ дошелъ до такого состоянія, что Его Божественною благостію и вашимъ отческимъ снабдѣніемъ истинно доволенъ, и долженъ всегда о здравіи и благополучіи вашей свѣтлости и всего вашего высокопочтеннаго дому Бога молить и съ моею обыкновенною вѣрностію и прилежностію вашей свѣтлости и всему дому вашему служить до кончины моей, и, надѣяся на помянутую вашу ко мнѣ отческую милость, никогда-бъ хотѣлъ я о семъ мыслить, чтобъ и ваша свѣтлость, бывъ довольны моею, могу смѣло сказать, безпримѣрною къ вашей свѣтлости и къ вашему княжескому высокопочтенному дому вѣрностію и толь многолѣтнею и вашей свѣтлости весьма прибыточною службою, паче же имѣя ко мнѣ всегда постоянно вашу отческую милость, а при нынѣшней моей смертоносной болѣзни, а наипаче при пришедшемъ самомъ часѣ смертномъ, который непостижимый Всевышняго промыселъ отвратить отъ меня изволилъ, вашимъ долгомъ турбовать меня изволили, не взирая на то, что всѣхъ сердца къ слезному соболѣзнованію и сожалѣнію обо мнѣ благость Божія обратить тогда изволила; и хотя-бъ ваша свѣтлость и не изволили имѣть надежды въ животѣ моемъ, но я не токмо все свое имѣніе, но дѣтей моихъ и душу свою рекомендовалъ по Бозѣ въ ваше милостивое отческое призрѣніе, и шлюсь на мою духовную, что я не упустилъ того вашей свѣтлости долгу, но именно написалъ; ежели милости показать не изволите, то продать часть моихъ деревень или-бъ оную ваша свѣтлость на себя взять благоволили, въ которомъ намѣреніи и нынѣ есмь. Ежели ваша свѣтлость не изволите напамятовать прешедшей моей двадесятолѣтней вѣрной службы, я могу во имя Господне предъ всѣмъ свѣтомъ сказать: что никто вашей свѣтлости какъ изъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ слугъ, вѣрно и непорочно не служилъ какъ я, ежели всѣ прошедшіе случаи милостиво напомнить изволите, а именно: чаю въ памяти вашей свѣтлости: 1) Что я сколько лѣтъ держалъ вашъ домовой приходъ и расходъ и во всемъ учинилъ я вашей свѣтлости порядочной отчетъ такъ вѣрно, что ни единая денга ваша не утрачена. 2) Отправлялъ вашу собственную коресподенцію со всякимъ охраненіемъ вашего интереса и секрета. 3) А въ бывшемъ счетѣ вашей свѣтлости, въ канцеляріяхъ князя Долгорукова и князя Голицына какой я днепощной трудъ имѣлъ и о ползѣ вашей старался, о томъ вашей свѣтлости и всѣмъ довольно извѣстно, и что по канцеляріямъ нашимъ на вашу свѣтлость было напрасно написано, то моимъ трудомъ и стараніемъ все сложено. 4) А во время бывшихъ противъ вашей свѣтлости разныхъ претензій какимъ образомъ, не взирая ни на какіе страхи, забывъ животъ свой, должность адвоката отправлялъ, о томъ всѣмъ же извѣстно, за что отъ нѣкоторыхъ судей немалой гнѣвъ и страхъ претерпѣлъ. А паче всего во время бывшихъ баталій, акцій и блокадъ неотступно при вашей свѣтлости

былъ, охраняя ваше здравіе со всякимъ тщаніемъ, и при всякихъ случаяхъ служилъ по всякой возможности, какъ совѣтомъ, такъ и дѣломъ. 5) Отсталъ ли я отъ вашей свѣтлости и при послѣднемъ бывшемъ престрашномъ и рыдательномъ случаѣ, во время кончины всемилостивѣйшаго государя императора? Но какое мое стараніе совѣтомъ и дѣломъ было, о томъ какъ вашей свѣтлости, такъ и прочимъ многимъ извѣстно (Богомъ свидѣтельствуюсь, что отъ того и настоящая болѣзнь мнѣ приключилась).

3. Реопортъ, коликое число по реопортамъ изъ заставъ явилось въ Питербурхъ въ пріѣздѣ изъ городовъ съ хлѣбомъ и прочими припасы сего 723 года января съ 7 по 20 число возовъ.

1) Къ дому ихъ Импер. В.—ства и Государыни И—цы 173; 2) разныхъ чиновъ людей съ припасы шляхетства 2,067; 3) купецкихъ людей съ товары 1,763, итого 4,003. Съ *20 по 26 число:* 1) къ дому императора и императрицы 183; 2) къ дому царицы Прасковьи Ѳеодоровны 236; 3) къ шляхетству съ припасами 904; 4) купецкихъ людей съ товары 2,276: итого 3,599. Съ 26 января по 2 февраля: 1) къ дому императора и императрицы 45; 1) къ шляхетству 1,022; 3) купецкихъ людей съ товары 307, итого: 1,374. Со 2 по 9 февраля: 1—54; 2—846; 3—825, итого: 1,725. Съ 16 по 23 февраля: 1—173; 2—674; 3—221; итого: 1,068. Съ 23 февраля по 2 марта: 1—263; 2—592; 3—584; итого 1,439. Со 2 по 9 марта: 1—161; 2—201; 3—3; итого: 365. Съ 9 по 16 марта: 1—65; 2) къ дому царицы Прасковьи Ѳеодоровны 5; 3—128; 4—9; итого: 207. Съ 16 по 23 марта: 1—10, 2—43, итого: 53. Съ 23 по 30 марта: 1—16; 2) къ дому царицы Прасковьи Ѳеодоровны 2; 3—66; 4—14; итого 98. Съ 30 марта по 6 апрѣля: 1—32; 2—80; 3—27, итого 139. Съ 6 по 13 апрѣля: 1—16; 2—130; 3—9; итого 155

---

4) *Изъ письма Девьера къ Меншикову 11 марта 1723 года:* „И о семъ не умолчу вашей свѣтлости донести, что сего марта 9 числа, въ первомъ часу пополудни, государыня царевна Марія Алексѣевна отъ сего свѣта преставися, и одержима была каменною, цынготною и другими болѣзнями, и сего вечера въ Петропавловскомъ соборѣ погребать будутъ“.

5) *Изъ письма Девьера къ Меншикаву 12 марта 1723 года:* „Что вчерашняго числа вашей свѣтлости я доносилъ, что имѣлось быть погребеніе государыни царевны Маріи Алексѣевны, - однако-ж вчерась того не учинено за тѣмъ, что не исправились, а будетъ то погребеніе нынѣ, и велѣно съѣжаться отъ генералитета и до штапъ-офицеровъ съ женами въ четвертомъ часу пополудни въ домъ за Фонтанкою рѣчкою, гдѣ ея высочество жила“.

6) *Изъ письма Акинѳія Демидова къ кн. Меншикову 15 февраля 1727 года:* „Писали ко мнѣ санктпетербургскіе приказчики мои, что Бергъ-совѣтникъ Василій Татищевъ подалъ ея и. в—ству челобитную, возбуждая паки то дѣло, которое было съ отцемъ моимъ Никитою Демидовичемъ въ сущей нелицемѣрной нашей правдѣ какъ предстати судищу Христову, отвращая отъ народнаго разоренія и завоцкаго опустѣнія: токмо до нынѣ оной Василій Татищевъ желаетъ со мной помиритца и проситъ дву тысячъ рублевъ; но однако-жь хотя совѣсть меня къ тому и понуждаетъ, понеже какъ вашей высококняжей свѣтлости извѣстно, что я сталъ одинакъ и здѣшныхъ заводовъ положить некакова, къ томужь я весьма къ такимъ дѣламъ не заобычаенъ, и ежели мнѣ за приказными дѣлами бродить, то конечно во всѣхъ моихъ завоцкихъ промыслахъ учинитца остановка и раззореніе; ибо заводы яко дѣтище малое непрестаннаго требуютъ къ себѣ добраго надзиранія, токмо я подъ такимъ сомнѣніемъ остаюсь, понеже которой приговоръ до мнѣнія господина артиллеріи генералъ-майора Геннина въ вышнемъ судѣ и учиненъ и въ томъ того не показано, чтобъ ему Василью Татищеву какую награду учинить, но однакожь въ семъ на высокое вашей высококняжей свѣтлости отческое милосердіе полагаюсь, какъ ты, государь, о семъ соизволишь, хотя ему что и дать—быть такъ, что намъ отъ нихъ терпѣть, ибо на нихъ и работаю, которое за благодареніемъ Бога моего и терпѣти понуждаюсь. Чрезъ самую мою крайнюю и необходимую нужду принужденъ и вашу высококняжую свѣтлость трудить, ибо многое бывшаго отца моего и мое прошеніе въ Бергъ-коллегіи о дачѣ намъ Лапаевскихъ казенныхъ заводовъ со крестьяны, токмо и понынѣ на то резолюціи я не получилъ; а въ томъ прошеніи сила та, ибо мнѣ заводы кромѣ слободъ ненужны, понеже за помощію Божіею, у насъ и своихъ заводовъ довольно, токмо за недачею мнѣ къ тѣмъ вновь заведеннымъ моимъ заводамъ крестьянъ часто тѣ заводы недѣйствительны стоятъ; а ежели мнѣ оныхъ Алопаевскихъ заводовъ съ слободами не отдадутъ, то прошу хотябъ по данному доношенію съ мнѣніемъ отъ Бергъ-коллегіи въ правительствующій Сенатъ опредѣлили мнѣ къ тѣмъ къ новозаведеннымъ моимъ одному мѣдному и къ семи желѣзнымъ заводамъ изъ крестьянъ по двѣсти дворовъ: пожалуй, и милостивый отецъ и государь, не оставь сей моей просьбы для государственной пользы“.

7) *Отъ того же къ тому же 18 апрѣля 1724 г.:* Въ благодареніи содѣтеля моего Бога

остаюсь, что съ господиномъ совѣтникомъ Татищевымъ въ происшедшемъ между нами дѣлѣ состоялся миръ; того ради нижайше вашу высококняжую свѣтлость прошу: буди, государь, по отеческой своей милости за меня заступникъ, чтобъ сему подобно смиритца и съ благороднымъ господиномъ генераломъ-лейтенантомъ Салтыковымъ по дѣлу моему съ нимъ въ сысканіи на мнѣ за бѣглыхъ его крестьянъ пожилыхъ денегъ, которыхъ мы купили съ Нижегородскою Фокинскою вотчиною и перевели въ Сибирь на заводы, отдать бы ему тѣ деньги, которыя онъ по тому дѣлу въ пошлину употребилъ, ибо, государь, воистину такія тяжебныя дѣла весьма мнѣ не заобычны, и немалую завсегда печаль мнѣ наносятъ и отлучаютъ отъ управленія завоцкаго". (Дѣла князя Меншикова въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. дѣлъ.)

8) *Число дворовъ и доходовъ въ дворцовыхъ селахъ и волостяхъ*: въ Московской губерніи 17,000 дворовъ, и съ нихъ 35,799 рублей доходу; въ Петербургской 4,324 двора и 11,087 доходу; въ Кіевской 913 дворовъ и 1,341 рубль доходу; въ Архангельской 326 дворовъ и 768 доходу; въ Новгородской 14,194 двора и 34,623 доходу; въ Азовской 5,333 двора и 10,528 доходу; въ Казанской число дворовъ не показано, а доходу 341 рубль, всего 42,090 дворовъ и 94,490 рублей доходу.

Сборъ пошлинъ съ кораблей въ 1724 и 1725 годахъ:

			КОРАБЛИ.	ДЕНЬГИ.
Въ Петербургѣ	въ 1724	г.	240	10,723 руб.
	1725	„	242	17,682
„ Архангельскѣ	1724	„	22	1,122
	1725	„	12	217
„ Колѣ	1724	„	4	—
	1725	„	5	—
„ Нарвѣ	1724	„	115	1,950
	1725	„	170	4,749
„ Ригѣ	1724	„	303	
	1725	„	386	
„ Ревелѣ	1724	„	62	
	1725	„	44	
„ Выборгѣ	1724	„	28	
	1725	„	72	

(Кабинетъ II, кн. № 72.)

9) *Въ 1724 году въ Кабинетъ императрицы отпущено 23,819 рублей*; изъ того въ расходѣ жалованья: комнаты ея величества 5,305; комнаты цесаревны Анны Петровны 794, Елисаветы Петровны 467, Натальи Петровны 268, комнаты великаго князя 869. При распредѣленіи жалованья значится гофъ-юнкеръ Семенъ Мавринъ, которому жалованья 200 рублей. Между прислугой Елисаветы Петровны два пажа Александръ и Андрей Шуваловы. (Слѣдственныя дѣла въ Архивѣ Мин. Юстиціи, № 72/288.)

10) *Свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу всего духовнаго сбора пастырей доношеніе*, притомъ и мнѣнісихъ ему объявляется: 1) Рождественскимъ и крещенскимъ царскимъ часамъ удобно быти въ царствующемъ градѣ С.-Петербургѣ въ палатѣ, идеже прежь сего отправлялися. (На поляхъ резолюція: „быть по сему".)—2) При томъ дѣйствѣ быти соборному протопопу Георгію съ верховнымъ діакономъ Иваномъ Аѳонасьевымъ. („Быть".)—3) Въ день Рождества Христова послѣ литургіи надлежитъ быти духовнымъ и прочимъ служителямъ для духовнаго согласія въ Крестовой Палатѣ именуемой астеріи. („Быть".)—4) По расположеніи того ли или выной день надлежитъ духовнымъ съ Животворящимъ Крестомъ въ дому князь-папы быти, и, прославя Христа, ему, князь-папѣ, а онъ имъ, духовнымъ, долженствуетъ поздравити, а порознь въ домы ихъ не ѣздить, понеже царскаго величества присутствія не обрѣтается. („Быть такъ, какъ при царскомъ величествѣ было".)—5) При домахъ государскихъ, гдѣ повелитъ его свѣтлость славити, или довольствоватца одною вышепомянутою крестовою. („Въ дому ц. в. быть, а государынѣ царевнѣ доложить".)—6) Котораго дня повелитъ его свѣтлѣйшество для славленія быти у себя въ дому? („На другой день праздника".)—7) Надлежитъ быти въ дому адмирала сіятельнѣйшаго графа Ѳеодора Матвѣевича тогожели или выной день? („Въ иной день".)—8) Также надлежитъ быти въ канцеляріи высокопочтеннаго Сената, а по славленіи ихъ высочества общо поздравить, а порознь въ домы ихъ не ѣздить. („Ѣздить порознь въ домы".)—9) Всѣ духовные усовѣтовали для надлежащаго времени быть въ среднемъ одѣяніи, т.-е. въ одныхъ рясахъ. („Дается на волю вашу".)—10) О всемъ вышеписанномъ онъ свѣтлѣйшій князь своимъ благоразуміемъ како повелитъ быти, чего весьма требуемъ, понеже его свѣтлость надъ симъ царствующимъ градомъ вышній губернаторъ и повелитель. (Изъ дѣлъ князя Меншикова въ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

11) *Въ 1721 году въ полку Кіевскомъ было казаковъ*: конныхъ 1,657, пѣшихъ 1,269, поспольства достаточнаго 1,563, посполитыхъ убогихъ 2,421, всего 6,910. Въ полку Черниговскомъ всѣхъ казаковъ 6,406, всего поспольства 12,132, всего 18,538. Въ Стародубовскомъ — казаковъ 4,123, поспольства 11,694, всего 15,817. Въ Нѣжинскомъ—казаковъ 9,945, поспол. 6,306, всего 16,251. Въ Переяславскомъ—казак. 700, поспол. 5,772, всего 12,472. Въ Лубенскомъ—казаковъ 10,655, поспол. 9,470, всего 20,125. Въ Миргородскомъ—казаковъ 4,840, поспол. 11,640, всего 16,480. Въ Полтавскомъ—казаковъ 5,135, поспол 8,704, всего 13,839.—Въ Гадяцкомъ—казаковъ 5,809, поспол. 5,890, всего 11,699.—Въ Прикуцкомъ—казаковъ 3,310, поспол 7,028, всего 10,338. (Тотъ же архивъ.)

12) *Описаніе кончины Петра В. въ донесеніи французскаго посланника Кампредона 10 февраля 1725 года.* La maladie prevenoit d'un reste de vieux mal venérien mal guéri. Depuis son retour du voyage de Ladoga, il n'a jouit que d'une santé fort languissante, il s'est peu appli-

qué aux affaires, quoiqu'il parut en public à son ordinaire. La nuit de 20 au 21 janvier il fut attaqué d'une retention d'urine très violente; on lui donna les remèdes et l'on publia quelques jours après qu'il était hors de dangers; on appelle cependant plusieurs médecins et entre autres un Itailen nommé Lazariti, homme très capable, qui étant informé de la cause du mal du Czar la jugea sans risque pourvu qu'on suivit la manière de traiter qu'il proposait, à savoir de dégager la vessie de l'urine qu'y croupissoit pour prevenir l'inflammation et ensuite guerir l'ulcère qu'on ne doute point qu'il n'ait au col de la vessie. M-r Blumentrost rejetta d'abord un avis que ne venoit point de lui, et continuant sa cure palliative, le Czar resta au même état jusqu'a samedi matin 3 de ce mois. Il se trouva plus mal vers le soir, et la nuit il eut de si grandes convulsions, qu'on ne crut point qu'il en reviendrait; elles furent suivies d'un dévoiement, et le dimanche matin on s'aperçut que son urine était fort puante, le médecin Italien insista de nouveau sur la necessité de pomper l'urine de la vessie, ce qui fut neanmoins différé jusqu'au lendemain à dix heures qu'un chirurgien Anglais nommé Horn lui fit opération avec succès, ayant tiré près de quatre livres d'urine; elle étoit d'une infection épouventable melée ds morceaux de chair et de membranes corrompues; cependant le Czar se trouva soulagé, il reposa quelques heures, et l'on debita dans le public qu'il était hors de dangers. Il passa la nuit du lundi au mardi assez tranquillement; mais ce jour-lá vers les dix heures, ayant demandé à manger, on lui donna du gruaut d'avoine; il en eut à peine avalé quelques cuillerées, que la fièvre le prit; ce fut alors qu'on ne douta plus que la partie ne fut attaquée de la gangrène et par conséquent sans remède; cependant aucun des médecins n'osoit porter cette nouvelle à la Czarine, mais M-r le C-te de Tolstoy ayant interrogé M-r Lazariti, lui dit que si on avait quelques mesures à prendre pour le bien de l'Etat, il était temps d'y travailler, le Czar n'ayant que peu à vivre. En effet la nuit de mardi au mercredi les convulsions le reprirent; elles furent suivies d'un grand délire, pendant lequel on lui entendit dire qu'il avait sacrifié son propre sang. Il se jetta hors de son lit nonobstant les efforts de ceux qui le gardaient; il voulut qu'on lui ouvrit la fenêtre pour prendre l'air, mais il tomba aussitôt en faiblesse; on le remit au lit, et depuis ce moment jusqu'u celui de sa mort, l'on peut dire qu'il a été dans une agonie continuelle, n'ayant pu dire que quelques paroles, ni faire aucune disposition testamentaire, soit par la crainte qu'on a eu de lui proposer comme un présage de sa fin prochaine, soit que la Czarine et ses amis connussent assez les intentions du prince moribond pour ne pas vouloir hazarder quelque changement que la faiblesse de l'esprit accablé sous le poids des grandes douleurs auroit pu occasionner. La Czarine ne l'a presque point quitté et elle lui ferma la bouche et les yeux avant-hier huitième de ce mois à 5 heures du matin. Hier on exposa ce prince dans son lit de parade, où tout le monde est admis à lui baiser la main. L'affection de sa mort est universelle, et l'on peut dire avec verité qu'il est aussi regretté dans le tombeau qu'il a été craint et respecté sur le trone; aussi n'est ce qu'à la sagesse de son gouvernement et aux soins continuels qu il a pris de civiliser sa nation, que l on est redevable de la sureté parfaite dont on jouit ici jusqu'a présent où l'on ne remarque aucune espèce de mouvement que ceux de la tristesse parmi les troupes et le peuple.

13) *Подметное письмо 1724 года:* „Въ 723 году уставить изволилъ (государь) канцелярію, которая пишется Вышнимъ Судомъ. Вышняго Суда господа, по согласію съ Макаровымъ, чинили, желая себѣ, чрезъ ево, Макарова, стараніе, у вашего величества описныхъ деревень, понеже по всѣмъ о деревняхъ прошеніямъ докладываетъ вашему в—ству оный Макаровъ, а именно: Дмитріевъ-Мамоновъ, полковникъ Блеклый, Егоръ Пашковъ, Алексѣй Баскаковъ, Иванъ Бахметевъ, которымъ уже и дано не мало, токмо еще якобы недовольны; графъ Мусинъ-Пушкинъ да графъ Матвѣевъ отъ него, Макарова, весьма одолжены, ибо что до нихъ касалось напредъ сего и нынѣ по доношеніямъ фискальскимъ важныхъ интересныхъ дѣлъ, то все имъ Макаровымъ закрыто. Генералъ Бутурлинъ и Головинъ только въ то время пріѣзжали, когда имъ они повѣстятъ, и что оные господа предложатъ, къ тому они и подписывались, а капитанъ Бредихинъ хотя и всегда съ ними въ канцеляріи бывалъ, токмо однимъ голосомъ противъ ихъ дѣлать ему было нечева", (Госуд. Архивъ.)

14) *Челобитная людей боярскихъ Петру В.* (безъ года): „Просимъ и молимъ и умильно вопіемъ, да тя на милость приклонимъ о свободствѣ, дабы намъ изъ Содому и Гомору отраднѣе было. На семъ нашемъ приношеніи къ тебѣ, великому государю, сановніи твои бояре и князи тебѣ великому государю станутъ возбранять, чтобъ намъ у нихъ, яко въ Содомѣ и Гоморѣ, мучитися, яко лви зубы челюсти своими пожираютъ и якоже зміи ехидные разсвирѣпся напрасно попираютъ и якоже волцы свирѣпіи біютъ насъ яко немилостивые пилаты: великій государь, смилуйся пожалуй!" (Москов. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ.)

15) *Письмо Императрицы Екатерины къ бригадиршѣ Марьѣ Румянцовой 19 января 1725 года* „Письмо ваше отъ 8 числа января мы получили, чрезъ которое увѣдомились, что Богъ вамъ даровалъ сына Петра, со онымъ новорожденнымъ вамъ поздравляемъ; что же желаете, дабы вмѣсто насъ была воспріемницею царица Имеретинская, и, по-

желанію вашему, даемъ вамъ позволеніе, дабы вмѣсто насъ присутствовала воспріемницею помянутая царевна (?) Имеритинская, о чемъ мы къ ней отъ себя писали и то письмо при семъ прилагаемъ, впрочемъ желаемъ оному новорожденному младенцу благополучнаго просвѣщенія св. крещеніемъ и счастливаго воспитанія въ увеселеніе вамъ". (Письмо въ Государ. Архивѣ.) Этотъ новорожденный младенецъ былъ знаменитый впослѣдствіи графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій.

16) *Просьба Екатеринѣ I-й Елисаветы Лефортъ, вдовы знаменитаго Франца:* „Въ дряхлости и престарѣлыхъ лѣтахъ обрѣтающеяся вдова генерала Франца Лефорта доношу, что я принуждена отъ племянника моего генералъ-майора Петра Лефорта толико несносныхъ обидъ и противностей претерпѣвать, такъ якобы ему пріятно было сѣдые мои волосы отъ печали въ гробъ положить". Дѣло состояло въ томъ, что Петръ В. пожаловалъ своему любимцу Францу Лефорту вотчину, которая потомъ записана была за Петромъ Лефортомъ съ оставленіемъ однако въ пожизненное владѣніе вдовы Францевой; но Петръ Лефортъ владѣлъ вотчиною и пользовался доходами, хотѣлъ овладѣть и остальнымъ имѣніемъ, тогда какъ у него былъ двоюродный братъ, Польскій посланникъ Яганъ Лефортъ, который ничего не получилъ, но, по словамъ Елисаветы, питалъ къ ней сыновнюю нѣжность. (Кабинетъ, II, кн. № 75.)

17) *Письмо жены Волынскаго, Александры, къ императрицѣ Екатеринѣ, 25 октября 1723 года.* „Прогнѣвали мы Бога, что вижу гнѣвъ Его И. В—ства на мужа моего: того ради, всемилостивѣйшая государыня, припадая къ ногамъ вашего в—ства, прошу со слезами; умилосердись, премилосердая государыня мать, покажи надъ нами сирыми божескую милость, не дай мнѣ бѣдной безвременно умереть, понеже и кромѣ того всегда была больна, а нынѣ, видя себя въ такомъ зломъ бѣдствѣ, и послѣдняго живота лишаюсь. Извѣстно вамъ, всемилостивѣйшая государыня, что у насъ сирыхъ и отецъ и мать, вся наша надежда только что ваше в—ство". (Государ. Архивъ.)

18) *Письмо Волынскаго къ императрицѣ Екатеринѣ, 23 ноября 1723 года.* Послѣ поздравленія съ именинами, Волынскій продолжаетъ: „При семъ всеподданнѣйше прошу милостиво мнѣ, послѣднему рабу вашему, упустить, что я за бѣдами моими укоснилъ должнаго моего рабскаго благодаренія приносить вашему в—ству за показанныя ко мнѣ высокія паче достоинства моего милости, что ея высочество, всемилостивѣйшая государыня наша цесаревна Анна Петровна соизволила дѣвочку мою милостиво именовать своею крестницею. Поистинѣ могу донести вашему в - ству, такъ меня сей годъ бѣдами посѣтилъ Богъ, что не знаю, какъ во мнѣ остался животъ мой, а жена моя бѣдная и прежде худа въ здоровьѣ была, а нынѣ такъ дошла, что и послѣдняго здоровья лишилась и многократно была безгласна, и нынѣ еще заболѣла. И тако, всемилостивѣйшая государыня мать, вижу себя, что лишилъ меня Богъ всякой утѣхи, одна только радость наша и вся надежда и упованіе на высокую милость вашего в - ства". (Государ. Архивъ.)

19) *Въ 1707 году Петръ указалъ:* „Лучшаго ради благолѣпія и чести св. иконъ имѣти о нихъ въ художествѣ управленіе и повелительство духовное, по апостольскимъ и св. отецъ правиламъ, преосвященному Стефану митрополиту Рязанскому и Муромскому, а во искусствѣ того иконнаго и живописнаго художества надъ изуграфы иконнаго и живописнаго письма, которые пишутъ св. иконы, московскихъ градскихъ и иностранныхъ пріѣзжихъ во всей Всероссійской своей державѣ надзирать и вѣдать ихъ, кромѣ всѣхъ приказовъ, и свидѣтельствовать иконы, объявлять признаками, которые впредь имъ даны будутъ, и смотрѣть прилежно у себя Ивану Зарудному, и приказать ему съ подтвержденіемъ, чтобъ изуграфы св. иконъ писанія благолѣпно и удобноподобно по древнимъ свидѣтельствованнымъ подлинникамъ и образомъ искуснымъ и тщательнымъ писаніемъ управляли съ великимъ прилежаніемъ въ добродѣтельномъ житіи кромѣ пьянства и кощунствъ. И учинить списки и записную книгу для всякаго осмотрѣнія и свидѣтельства мудрымъ искуснѣйшимъ иконнаго и живописнаго писанія изуграфомъ кто имяны; а неискуснымъ и нерачительнымъ св. иконъ не писать. И вѣдать ему Ивану съ вѣдома преосвящ. Стефана митрополита; а за высочайшую честь, св. иконъ и въ благопотребномъ изуграфствѣ управительнаго надсмотрѣнія писатися ему Ивану суперъ-интендентором". (Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла князя Меншикова.) Иконастасы въ петербургскіе соборы, Петропавловскій и Исаакіевскій, дѣлалъ тотъ же Зарудный въ Москвѣ. Онъ умеръ въ 1727 году, не додѣлавъ Исаакіевскаго иконостаса; додѣлывать поручено было подмастерьямъ Заруднаго подъ надзоромъ архитектора Усова. (Кабинетъ II, кн. № 85.)

ДОПОЛНЕНІЯ.

1) *Письмо кн. Димитрія Мих. Голицына изъ Кіева къ кн. Меншикову 1717 года, февраля 5.* „Свѣтлѣйшій князь и милостивѣйшій нашъ патронъ, изволилъ ваша свѣтлость ко мнѣ писать, дабы прислать изъ Кіева въ Питербурхъ Казнодѣя (проповѣдника) Прибыловича. Доношу вашей свѣтлости, такой монахъ въ Печерскомъ монастырѣ есть, токмо человѣкъ не есть состоянія добраго, но еритичествуетъ противъ Восточныя Церкви, и такое нынѣ чинилъ дерзновеніе: отъ сколькихъ лѣтъ

принята была въ церкви молитва Манасія царя Іудейска, положенная въ часословѣ—вымаралъ и внушаетъ, что не должно призывать на помощь пресвятую Богоматерь и св. угодниковъ Божіихъ и за усопшихъ творить поминовенія и преданія церкви и соборы святыхъ Божіихъ уничтоживаетъ, и какъ я былъ вашъ вѣрный слуга, такъ и нынѣ по должности своей доношу вашей свѣтлости, дабы вы были объ немъ извѣстны, ибо ежели-бъ я ево прислалъ, а онъ бы и тамо показалъ блевотину свою, чтобъ изволилъ имѣть на меня пареканіе, что я, вѣдая о его бездѣльи, вашей свѣтлости не донесъ, и прошу вашей свѣтлости на сіе респонсу, и ежели повелѣніе ваше будетъ, пришлю ево безъ замедленія. При семъ къ вашей свѣтлости посылаю пять календаровъ сего 1717, кіевскаго друку".

2) *Письмо кн. Димитрія Мих. Голицына изъ Кіева къ кн. Меншикову 1717 года, сентября 20.* „Писалъ ко мнѣ братъ князь Михайло Михайловичъ, что ваша свѣтлость мой государь изволили показать ко мнѣ заочную патронскую милость, за что я не могу чѣмъ заслужитъ, токмо да воздастъ вамъ Вседержитель, и впредь вашей свѣтлости, моего государя и благодѣтеля, прошу, дабы я въ оной же вашей патронской милости былъ не оставленъ; мнѣ свои несносныя напрасныя обиды не можетъ перомое вашей свѣтлости отъ болѣзни своей изъяснить, которые дѣются отъ г. Головкина, которой, не взпрая суда Божія и внѣшняго, всякими способы ищетъ, какъ бы мнѣ пакость нанесть; воистинно, мой государь, совѣсть моя не зазритъ, чтобъ я государевымъ хотя малымъ былъ корыстенъ, а что Богъ изволитъ, въ томъ воля Его всещедраго. Мой милостивой отецъ и государь, во все свое время благодѣтеля и милостиваго своего патрона инаго я не сыскалъ какъ вашу свѣтлость, и хотя я въ вѣрности вашей не первой вашъ слуга, однакожь и не послѣдній, въ чемъ изволите сами признать, и въ надеждѣ вашей патронской отеческой милости прошу во всѣхъ случаяхъ и въ обидахъ меня не оставить".

3) *Письмо адмирала Апраксина къ Меншикову 19 августа 1716 года.* „Свѣтлѣйшій князь, милостивый мой патронъ. Вашей свѣтлости моего милостиваго отца и благодѣтеля письмо съ приложенною копіею съ другимъ разговоромъ изъ Санктпетербуга іюля отъ 30 я здѣсь настоящаго августа 16 числа сохранно получилъ, за которую вашу отческую милость приношу мое нижайшее поклоненіе и долженствую служить до послѣдняго моего живота, и не дивлю на сіе понеже есть злоба древняя и безъ того обойтитца не можетъ, и желалъ и желаетъ поглотить многихъ; но Богъ всемилостивый до того не допустилъ и впредь надѣюсь на милостивыя-жъ его щедроты, изволишь разсудить совестную злобу какъ всѣми мѣрами проискиваетъ, но и того бездѣлья не оставилъ, что нѣсколько саженъ камня отъ Ревеля на порозжихъ тялкахъ привезено, что истово потеряніе государственному интересу? и хотябъ я по своему чину одно ластовое судно и подлинно для своихъ нуждъ имѣлъ, и затобъ не мнилъ на себѣ возъимѣть царскова величества гнѣва, однакожь все сіе оставляю на судъ Вышняго и его царскаго величества, и надѣюсь во всѣхъ своихъ дѣлахъ быти правъ и получить сатисфакцію, протчее оставляю и прошу вашу къ себѣ отчю милость содержи меня по своей милости, изволишь напомнить первая злоба на меня родилась, что я своимъ исканіемъ привязался къ вамъ и явно меня о семъ просили и вашей свѣтлости чрезъ многіе факціи предъявляли, дабы чѣмъ вашу свѣтлость отъ меня отлучить, но Богъ всемилостивый по высокому вашему разумѣнію сердца вашего отъ меня отвратить не изволилъ".

4) *Изъ письма адм. Апраксина къ кн. Меншикову изъ Ревеля, 20 іюня 1717 года:* „Особливо вамъ, моему милостивому патрону благодарствую за показанную заочную высокую ко мнѣ милость, о чемъ писалъ ко мнѣ братъ мой Петръ Матвѣевичъ, также извѣстился отъ моего истиннаго благодѣтеля Александра Вас. Кикина, о которомъ прилежно прошу: ежели ему случатся какія нужды, не изволь его оставить".

(Дѣла кн. Меншикова въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.)

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ девятнадцатый.

Глава I.

Окончаніе царствованія императрицы Екатерины I Алексѣевны.

Дѣла внѣшнія. — Персидская война. — Мнѣніе Остермана о Персидскихъ дѣлахъ. — Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій назначенъ главнокомандующимъ. — Его донесенія. — Дѣла Турецкія. — Неудачи Турокъ въ Персіи. — Дѣятельность Долгорукаго. — Внушенія французскаго посланника Туркамъ. — Отношенія Россіи къ Франціи. — Ганноверскій союзъ. — Появленіе англійской эскадры у русскихъ береговъ въ угрожающемъ положеніи. — Союзъ Россіи съ Австріею. — Дѣла Польскія. — Торнское дѣло. — Дѣятельность коммисара Рудаковскаго въ Могилевѣ. — Дѣла Курляндскія. — Посольство Ягужинскаго въ Польшу. — Дѣла Шведскія; отправленіе въ Стокгольмъ князя Василія Лукича Долгорукаго. — Приступленіе Швеціи къ Ганноверскому союзу. — Отношенія къ Даніи. — Отношенія къ Пруссіи. — Общій взглядъ на внѣшнія отношенія Россіи при Екатеринѣ I-й. — Вопросъ о престолонаслѣдіи. — Мнѣніе Остермана о соглашеніи интересовъ. — Герцогъ Голштинскій — епископъ Любскій, женихъ цесаревны Елисаветы. — Заботливость о войскѣ. — Меншиковъ переходитъ на сторону великаго князя Петра. — Движеніе противной стороны. — Дѣло Девьера. — Завѣщаніе Екатерины. — Кончина ея. — Провозглашеніе великаго князя Петра Алексѣевича императоромъ.

Разбираясь въ матеріалѣ преобразованія, стараясь выйти изъ затруднительнаго положенія финансоваго, правительство Екатерины I-й постоянно имѣло въ виду необходимость войска. И, дѣйствительно, войско было нужно, ибо опасность постоянно грозила съ юга и запада. Персидская война не прекратилась Петербургскимъ договоромъ, который не хотѣли подтверждать въ Персіи, да и некому было подтверждать при страшной смутѣ, господствовавшей въ этой странѣ. Въ Рящѣ русское войско съ генераломъ Матюшкинымъ постоянно должно было отбиваться отъ нападенія Персіянъ, хотя и постоянно отбивалось съ успѣхомъ, несмотря на многочисленность враговъ. Въ Сальянѣ полковникъ Зимбулатовъ съ офицерами были зазваны на обѣдъ княгинею и измѣннически умерщвлены. Шамхалъ Тарковскій Алди-Гирей измѣнилъ и, поддерживаемый сосѣдними владѣльцами, приходилъ осаждать крѣпость Св. Крестъ, былъ прогнанъ, но не переставалъ враждовать. Въ апрѣлѣ 1725 года Сенатъ постановилъ о Персидскихъ дѣлахъ слѣдующее: генералу Матюшкину послать указъ, чтобъ завоеваніе Мазандерана и Астрабада до времени отложилъ; для полученія большаго простора долженъ, по возможности, распространять русское владычество въ Гиляни и укрѣпляться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идутъ сообщенія изъ другихъ областей съ Гилянью, чтобъ получить безопасность отъ непріятеля; если для очищенія воздуха и безопасности отъ подходу непріятельскаго понадобится вырубить лѣсъ, пусть вырубаетъ по своему усмотрѣнію, какіе бы лѣса ни были. На Курѣ или близъ Куры долженъ занять постъ и хотя маленькую крѣпостцу сдѣлать, по своему разсмотрѣнію; также устроить сообщенія отъ Гиляни къ рѣкѣ Курѣ и укрѣпиться въ нашихъ границахъ близъ моря [1]). Такимъ образомъ, кругъ военныхъ дѣйствій уже былъ ограниченъ.

При учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, представляя общій обзоръ отношеній Россіи къ чужимъ государствамъ, говорилъ о Персидскихъ дѣлахъ, что, по послѣднимъ извѣстіямъ, они находятся въ самомъ печальномъ положеніи: въ Гиляни русскія войска не только не могутъ распространяться внутрь страны, но съ великимъ трудомъ удерживаются и въ занятыхъ прежде мѣстахъ; жители всѣ разбѣжались, податей никакихъ не платится, и, кромѣ народнаго возмущенія, отъ Казбинской и Мосульской стороны собираются многочисленныя персидскія войска. Изъ Сальянской области и съ рѣки Куры Русскіе принуждены отступить въ Баку; шаховы войска хотятъ идти къ Баку и засѣсть у нефтяныхъ источниковъ; окрестные князьки согласились вырубить въ Дербентѣ Русскихъ и Армянъ; горскіе народы всѣ въ собраніи, и отъ нихъ гарнизонъ въ крѣпости Св. Креста находится въ великомъ утѣсненіи. При этомъ надобно обращать вниманіе на слѣдующее обстоятельство: по договору съ Портою, Россія долж-

---

[1]) Протоколы Сената, въ архивѣ Мин. Юстиціи.

на склонить шаха Тохмасиба къ принятію этого договора или вмѣстѣ съ Портою возвести на престолъ другого шаха; если это дѣло затянется, то Порта можетъ большею частію Персіи овладѣть, и даже шахъ Тохмасибъ, изъ страха предъ сильнымъ наступленіемъ Турокъ, можетъ и совершенно имъ поддаться. Турки, увидя слабость Русскихъ въ тѣхъ странахъ, могутъ соединиться съ тамошними народами и принять намѣреніе вытѣснить русскія войска. Дѣйстовать для предотвращенія этихъ опасностей Россія можетъ двумя способами: способомъ наступательнымъ—овладѣть всѣми остальными уступленными провинціями, и шаха Тохмасиба низвергнуть; но для этого нужна сила и войско. Другой способъ оборонительный: отложить на время завоеваніе другихъ провинцій и укрѣпляться только въ занятыхъ уже мѣстахъ; наблюдать за дѣйствіями Турокъ и приводить шаха Тохмасиба къ принятію нашего договора съ Портою; о совершенномъ же покинутіи Персидскихъ дѣлъ не должно и думать,—это значило бы отворить ворота всѣмъ этимъ народамъ въ сердце Россіи. Остерманъ больше всего опасался Турокъ, и потому совѣтовалъ показать себя твердыми въ Персіи, приготавливаться къ войнѣ Турецкой, а между тѣмъ склонять всячески Персіянъ, Армянъ и Грузинъ на свою сторону, даже обѣщать шаху возвращеніе части завоеваннаго. Мнѣнія, поданныя другими членами Совѣта, въ сущности были сходны съ мнѣніемъ Остермана. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній, а именно въ мнѣніи князя Меншикова, проглядывало сильное желаніе отдѣлаться отъ персидскихъ завоеваній, которыя слишкомъ дорого стоятъ. 30 марта члены Совѣта ходили къ императрицѣ съ доношеніемъ такого своего мнѣнія: персидскія провинціи и мѣста всѣ содержать не только очень трудно, но почти невозможно по огромнымъ расходамъ и вредному для русскаго войска климату; въ опредѣленные туда 20 баталіоновъ отправлено уже рекрутъ 29,000 человѣкъ, а теперь еще большаго числа требуютъ; поэтому не лучше ли искать способа мало-по-малу изъ этихъ персидскихъ дѣлъ выйти, однако съ тѣмъ, чтобъ Турки не могли въ Персіи утвердиться; нельзя ли для склоненія шаха на свою сторону уступить ему всѣ три провинціи, Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ.—Императрица согласилась [2]).

Но затрудненіе состояло въ томъ, что не съ кѣмъ было заключать мира, некому уступать выговоренныхъ въ трактатѣ областей. Шахъ Тохмасибъ не былъ владѣльцемъ всей Персіи; въ Испагани господствовалъ афганскій похититель Эшрефъ, убившій въ 1725 году брата своего Магомета-Мирвеиза. Турки пользовались смутою въ Персіи, дѣйствовали наступательно, и успѣхи ихъ волновали все магометанское народонаселеніе. Остерманъ въ своей запискѣ упоминалъ, что Дербентъ и даже крѣпость Св. Креста находились въ опасности. Но это было не совсѣмъ такъ: въ октябрѣ 1725 года, генералъ-маіоры Кропотовъ и Шереметевъ ходили опустошать владѣніе шамхала и сожгли двадцать селеній, въ томъ числѣ и Тарки, столицу Шамхала, состоявшую изъ 1,000 дворовъ; всего дворовъ было сожжено 6,110. Шамхалъ, имѣя только 3,000 войска, не могъ сопротивляться превосходному числу Русскихъ, у которыхъ однихъ казаковъ и Калмыковъ было 8,000 человѣкъ, не считая регулярныхъ войскъ, двухъ полковъ пѣхоты и двухъ—кавалеріи. Алди-Гирей ушелъ изъ Тарокъ вмѣстѣ съ турецкимъ посланникомъ и разослалъ грамоты къ другимъ горскимъ владѣльцамъ, прося помощи, но получилъ отказъ. Въ слѣдующемъ году, въ половинѣ мая, былъ объявленъ новый походъ; въ крѣпость Св. Креста явился Андреевскій владѣлецъ Гайдемиръ и, отъ имени шамхала, просилъ отложить походъ на три дня: самъ шамхалъ пріѣдетъ въ это время къ генераламъ, а потомъ отправится въ Петербургъ просить милости у императрицы. Генералы велѣли ему сказать, что будутъ дожидаться его три дня, но похода не отложили. 20 мая, когда Русскіе стали лагеремъ у мѣстечка Кумтаркалы, шамхалъ прислалъ въ аманаты двоихъ мальчиковъ, внука своего—Аракъ-Бека—и сына одного князька, а самъ стоялъ при ущельи, дожидаясь, чтобъ выѣхалъ къ нему генералъ Шереметевъ и обнадежилъ, что его не убьютъ въ русскомъ лагерѣ. Вмѣсто Шереметева, отправился полковникъ Еропкинъ и привезъ шамхала въ лагерь; потомъ Алди-Гирея отправили въ крѣпость Св. Креста и посадили подъ стражу. Въ Петербургѣ хотѣли отправить на Кавказъ искуснаго генерала, который бы сосредоточилъ всю власть въ своихъ рукахъ, и одинъ былъ въ отвѣтѣ. Выборъ палъ на опальнаго петровскаго времени, князя Василія Владиміровича Долгорукаго. Новый главнокомандующій въ августѣ писалъ Макарову изъ крѣпости Св. Креста: „Никогда такой слабой команды я не видалъ; прошу для интереса государственнаго прислать сюда добраго и искуснаго командира. Зрѣлое око имѣть надобно на здѣшнихъ горскихъ и другихъ владѣльцевъ; что же ко мнѣ писано о шевкалѣ, то доношу, что его отнюдь освобождать не надобно; держать его здѣсь, а если въ Астрахань послать, то всѣхъ владѣльцевъ въ конфузію и въ размышленіе можетъ привесть. Я объявлялъ шевкалу всѣ продерзости его, и чтобъ онъ вину свою заслужилъ, возвратилъ бы солдатъ и другихъ людей, кои у него были въ полону и кои лошади дѣтьми его взяты и другими подвластными; обѣщая возвратить и просился самъ, давая за себя поруки. Я ему отвѣчалъ: видя тебя такого въ продерзостяхъ слабаго (неудержливаго), отпустить невозможно, покажи себя справедливымъ: будучи въ нашихъ рукахъ, чрезъ письма все возврати; пиши ко всѣмъ владѣльцамъ, подвластнымъ князьямъ и къ дѣтямъ своимъ, чтобъ они всѣ были въ вѣрности къ ея императорскому величеству; когда увидимъ отъ тебя вѣрность, можешь и свободу полу-

---

[2]) Дѣла Верхов. Тайнаго Совѣта въ Москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

чить. Все то принялъ съ радостію и послалъ письма. Чтобъ шевкалу не быть, а раздѣлить его власть по другимъ зѣло полезно, только трудно дѣлать по здѣшнему состоянію; однако буду съ здѣшними владѣльцами въ Дербентѣ разговоръ имѣть; а что велѣно мнѣ написать во мнѣніи, ктобъ удобнѣе изъ владѣльцевъ на шевкалово мѣсто, о семъ не могу писать: еще ихъ не знаю, а надѣюсь всѣ равны,—кто будетъ шевкалъ, всякій будетъ воръ, такого они состоянія люди; полезнѣе-бъ не быть шевкалу".

Изъ Дербента въ сентябрѣ Долгорукій писалъ: „Какъ Дагестанскіе, такъ и Горскіе владѣльцы безъ противности себя показываютъ, и, по здѣшнимъ оборотамъ, я съ ними нынѣ для разграничиванія обхожусь поласковѣе, чтобъ безъ всякаго помѣшательства въ коммисіи господина Румянцева дѣла окончились. За то мнѣ сумнителенъ и печаленъ отъѣздъ мой въ Гилянь: какъ на Сулукѣ, такъ и въ Дербентѣ безнадежные командиры, о чемъ уже многажды я доносилъ, и зѣло мнѣ удивительно, что отъ васъ скорой резолюціи не учинено. Изволь разсудить, какая крайняя нужда для государственнаго интереса, чтобъ были здѣсь командиры добрые. Здѣшній народъ такой обычай имѣетъ, чтобъ командиры были вездѣ генералы, то и боятся и въ дѣло ставятъ, они того не знаютъ, что генералъ-майоръ или генералъ-поручикъ; гдѣ имя генеральское помянется, то и боятся; а ежели гдѣ полковникъ комендантомъ, хотя бы онъ какого сословія ни былъ, страху отъ него не имѣютъ и въ дѣло его не ставятъ, и называютъ его „маленькой господинъ". Самая нужда быть добрымъ командирамъ на Сулакѣ и въ Дербентѣ, понеже между Дербентомъ и Сулакомъ всѣхъ владѣльцевъ жилище. Меня отправили для исправленія дѣлъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и дали мнѣ полную мочь, чтобъ я привелъ въ доброе состояніе и безопасность: какъ возможно мнѣ одному здѣшнія дѣла въ доброе состояніе привести? Въ такой опасности Дербентъ и Сулакъ остаются, что нималой надежды нѣтъ, кромѣ милости Божіей. Здѣшняго корпуса генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры безъ прибавки жалованія пропитать себя не могутъ по здѣшней дороговизнѣ; офицеры пришли въ крайнюю нищету несносную, что уже одинъ майоръ и три капитана съ ума сбрели; уже многіе знаки свои и шарфы закладываютъ; съ начала здѣшняго похода безпеременно здѣсь, кромѣ несноснаго здѣшняго воздуху, въ великихъ трудахъ обрѣтаются, безпрестанно по карауламъ, въ партіяхъ, на работахъ; а другіе ихъ братья—всѣ служатъ въ корпусѣ на Украйнѣ, въ великой выгодѣ и покоѣ, а жалованье получаютъ ровное; что̀ на Украйнѣ купить на рубль, здѣсь на 10 рублевъ того не сыщешь; и, по моему мнѣнію, или въ жалованьи прибавку учинить, или офицерамъ съ перемѣною быть. Еще есть изъ перемѣны офицеровъ и государственная польза, коли офицеры обращаются въ воинскихъ случаяхъ всегда въ практикѣ; какая польза—одни служатъ, другіе покоятся"[1]).

Въ это время Долгорукій былъ ободренъ неудачами Турокъ.

Мы видѣли, что еще Петръ отправилъ въ Константинополь бригадира Румянцева, который оттуда долженъ былъ ѣхать для проведенія новой границы между Россіею и Турціею во взятыхъ у Персіи областяхъ. Когда пришла страшная вѣдомость о кончинѣ Петра, то первымъ дѣломъ Румянцева было внушить французскому посланнику Дандрезелю, смѣнившему Бонака, что эта перемѣна не произведетъ въ Россіи никакихъ внутреннихъ смутъ, и просить его, чтобъ онъ старался внушать то же самое и Портѣ. Румянцевъ писалъ императрицѣ: „Теперь, кажется, всѣ противныя мнѣнія у Турокъ отняты; однако, по ихъ непостоянству, вполнѣ вѣрить нельзя; я и резидентъ (Неплюевъ) стараемся, и кажется, что ничего не опущено въ дѣлахъ вашего величества. Теперь вся сила въ томъ состоитъ, чтобъ въ Персіи войска наши не ослабѣли, и хотя бы знакъ сдѣлать, что туда войскъ прибавлено, потому что Турки, какъ намъ, такъ и послу французскому безпрестанно говорятъ, что нашихъ войскъ въ Персіи мало и дѣйствовать противъ Тохмасиба по силѣ трактата нельзя". Въ августѣ 1725 года, извѣщая о взятіи Турками Тавриза и о дальнѣйшихъ движеніяхъ ихъ, Румянцевъ писалъ: „По силѣ вашего величества указовъ будемъ всячески сами и чрезъ французскаго посла трудиться и пристойнымъ образомъ отвращать Турокъ отъ дальнѣйшихъ дѣйствій, но не думаемъ, чтобъ могли ихъ удержать; а они постоянно упрекаютъ, что въ Гиляни и другихъ мѣстахъ наши войска не дѣйствуютъ".

Турки заняли провинцію Лористанъ; на представленія Румянцева и Неплюева, что этимъ нарушается послѣдній договоръ, ибо перейдена граница, въ немъ означенная, получались увертливые отвѣты; а между тѣмъ русскіе министры получили извѣстія, что Турки распоряжаются отправленіемъ войска въ Дагестанъ и вошли въ переговоры съ Эшрефомъ, требуя отъ него подданства султану; объ отправленіи Румянцева для проведенія границы не было и помину, и, къ довершенію непріятностей, со стороны французскаго посла оказалась холодность. На представленіе Румянцева и Неплюева, что Порта нарушаетъ договоръ, вступая въ сношеніе съ бунтовщикомъ Эшрефомъ, имъ отвѣчали, что договоръ былъ бы нарушенъ, еслибъ Тохмасибъ его принялъ; но такъ какъ этого не послѣдовало, и Турки съ оружіемъ въ рукахъ, съ потерею людей и денегъ, должны были забирать выговоренные въ трактатѣ города, то они не имѣютъ никакой обязанности отвергать предложеніе Эшрефа, по единовѣрію съ нимъ и потому еще, что, владѣя въ

[1]) Кабинетъ II, кн. № 77, 78.—Записки Марковича, ч. 1; С.-Петербургскія Вѣдомости 1726 года.

Испагани, онъ ихъ сосѣдъ, и странно было бы Портѣ преслѣдовать единовѣрнаго суннита и стараться объ утвержденіи на Персидскомъ престолѣ шіита. Наконецъ, визирь велѣлъ объявить: вмѣсто того, чтобъ искать человѣка, кого бы возвести на Персидскій престолъ, не лучше ли Россіи и Турціи раздѣлить между собою Персію, какъ добрымъ друзьямъ.

Русскіе министры не приняли этого предложенія, настаивая на точное исполненіе послѣдняго договора. 9 декабря 1725 года явился къ Румянцеву переводчикъ Порты съ объявленіемъ, что ему не будутъ болѣе давать кормовыя деньги, ибо онъ посолъ, а не коммисаръ. Причиною такого поступка со стороны Порты было то, что наканунѣ былъ у визиря англійскій посланникъ; Румянцевъ, обнадеживая переводчика милостію императрицы, выспросилъ у него, что сообщилъ Англичанинъ. Сообщенія состояли въ томъ, что Цесарь Римскій, покинувъ Англію и французское посредничество, заключилъ съ Испаніею союзный договоръ; Англія же, Франція и Пруссія заключили между собою союзъ, къ которому полезно было бы присоединиться и Портѣ; Голландія будетъ вмѣстѣ съ ними же, но Россійскій Дворъ въ этотъ союзъ не вступилъ, потому что герцогъ Голштинскій, посредствомъ Россіи, старается отнять у Датскаго короля Шлезвигъ; Англія не можетъ на это позволить, потому что гарантировала Шлезвигъ Даніи. И съ Римскимъ Цесаремъ у Русской государыни, по причинѣ частныхъ дѣлъ, союза быть не можетъ, и такимъ образомъ Россія находится безъ союзниковъ.

18 декабря въ Константинополѣ раздались пушечные выстрѣлы: праздновали взятіе Ардевиля. На представленіе Румянцева, что здѣсь новое нарушеніе договора, ему отвѣчали, что Турки вовсе не хотѣли брать Ардевиль, но жители сами просили принять ихъ въ подданство.

1726 годъ Румянцевъ и Неплюевъ начали извѣстіемъ о *студености* французскаго посла, о томъ, что онъ получилъ отъ Двора своего указы, послѣ чего тайно началъ сходиться съ англійскимъ посломъ въ частныхъ домахъ для совѣщаній. Но отъ этихъ совѣщаній не послѣдовало ничего вреднаго русскимъ дѣламъ, потому что, съ одной сторны, Порта обманулась насчетъ предложеній, которыя надѣялись получить отъ Эшрефова посла: вмѣсто просьбы о принятіи въ подданство, Эшрефъ объявлялъ, что онъ занялъ Персидскій престолъ, какъ самостоятельный государь, и требовалъ возвращенія занятыхъ Турками персидскихъ областей; съ другой стороны, Порту встревожило извѣстіе о заключеніи союза между Россіею и Австріею. Въ маѣ мѣсяцѣ, Румянцевъ былъ отпущенъ на свою коммисію разграниченія, и, на прощаніи, визирь просилъ его увѣрить императрицу, что Порта находится въ твердомъ намѣреніи содержать дружбу. Прежде было постановлено, что вмѣстѣ съ Румянцевымъ долженъ отправиться на Персидскую границу чиновникъ французскаго посольства, какъ представитель посредствующей державы; но теперь французскій посолъ далъ знать, что, не получая на свой запросъ никакого отвѣта отъ своего Двора, не можетъ отпустить чиновника.

По отъѣздѣ Румянцева, Неплюевъ имѣлъ длинный разговоръ съ великимъ визиремъ: „Я долженъ объявить откровенно“, говорилъ резидентъ, „что и прежде не безподозрительны были для Россіи дѣйствія Турціи, которая переходила условленную границу; но съ нашей стороны молчали. Порта начала и съ другой стороны распространять свои владѣнія: взяла Ардевиль, хочетъ овладѣть и Казбиномъ, а эти мѣста очень близки отъ Гиляни, и если Порта будетъ продолжать свои движенія, то произойдетъ нарушеніе не только персидскому трактату, но и вѣчно постановленной дружбѣ, потому что Россія не можетъ допустить къ Каспійскому морю никакой державы, не можетъ такъ же допустить и Персію до паденія: давно уже мы твердимъ Портѣ, что Россія считала и считаетъ эти два пункта главными“.

— „Удивительно предложеніе русское“, отвѣчалъ визирь; „сами вы ничего не дѣлаете, и Портѣ совѣтуете, чтобъ сложа руки сидѣла. Порта беретъ города только для того, чтобъ охранить ихъ отъ похитителя Эшрефа, и дѣлаетъ это по просьбѣ самихъ жителей и для собственной безопасности, чтобъ не отдать ихъ въ руки узурпатору. То же самое надобно дѣлать и Россіи съ своей стороны. Порта желаетъ, чтобъ персидскіе города были въ русскихъ рукахъ, а не у Эшрефа; точно такъ же и Россія должна быть довольна, что Порта забираетъ персидскіе города въ свою протекцію, не допуская ихъ попасть въ руки общаго непріятеля Эшрефа; а послѣ обо всемъ можно по силѣ договора согласиться. Удивительно, что Россія лучше желаетъ видѣть персидскія области въ рукахъ Эшрефа, чѣмъ у Турокъ, не разсуждая того, что когда Эшрефъ утвердится, то современемъ и у Россіи отберетъ Гилянь и Дербентъ, такъ какъ теперь Портѣ заявилъ претензію на всю Персію“.

— „Если будемъ препираться политическими аргументами“, говорилъ Неплюевъ, „то словъ наплодимъ много, а прибыли не получимъ никакой, потому что съ обѣихъ сторонъ много такихъ резоновъ найдется. Но я, оставя свой министерскій характеръ, какъ желатель покоя, въ надеждѣ на вашу благосклонность и мудрое разсужденіе, беру смѣлость показать натуральные резоны этого дѣла. Хотя Россія и въ дружбѣ съ Портою, но обѣ онѣ великія державы и не могутъ безъ подозрѣнія смотрѣть на успѣхи другъ друга, не могутъ не бояться сближенія своихъ границъ. Для сохраненія дружбы между ними необходимо самое точное исполненіе договоровъ и значительное разстояніе между ихъ границами. Что же касается Эшрефа, то онъ не можетъ подать повода къ такой зависти, потому что онъ послѣдняя паутина на свѣтѣ, владѣетъ почти одною Испаганью и не пользуется

любовію Персидскаго народа; и съ Кандагаромъ у него сношенія пресѣклись, потому что тамъ другой владѣлецъ явился, ему враждебный, и потому силамъ Эшрефовымъ не откуда умножиться, но день ото дня ослабѣваютъ, и для изгнанія его довольно одного согласія между обѣими имперіями, и легко можно разсудить, что Порта взяла Ардевиль не для защиты отъ Эшрефа, потому что этотъ городъ очень далеко отъ него".

Визирь, разсмѣявшись, началъ говорить: „Напрасно пренебрегаете вы народомъ, который владѣетъ цѣлымъ Персидскимъ государствомъ; но, оставя всѣ споры, объяснюсь и я откровенно: не вѣрю я, что Россія склонитъ шаха Тохмасиба на принятіе трактата, хотя и старается объ этомъ; шахъ упрямится, и имѣетъ причины упрямиться, потому что Россія противъ него ничего не дѣйствуетъ; одна Порта съ огромными издержками и кровопролитіемъ забрала свою долю, которую надѣялась получить по русской медіаціи; и теперь держитъ въ тѣхъ краяхъ 150,000 войска. Россія легко можетъ разсудить, какія издержки на это мы должны употреблять, и можемъ ли такое число войска содержать тамъ праздно: разумѣется, мы должны употреблять его для изгнанія непріятеля и полученія себѣ покоя. Порта думаетъ, что русскія предложенія состоятъ въ однихъ словахъ, а не въ дѣлѣ; видно, что Россія хочетъ только время проводить подъ разными предлогами. Но если Россія хочетъ имѣть успѣхъ въ тѣхъ странахъ, то она должна имѣть тамъ сильный корпусъ войскъ, безъ чего тамошнихъ дѣлъ окончить нельзя, хотя бы шахъ Тохмасибъ и принялъ трактатъ, ибо по тому трактату Россія должна ему сильно помогать; не только Эшрефа надобно выгнать, но и другихъ Персіянъ привесть подъ руку шахову, ибо многіе ханы захотятъ независимости въ своихъ областяхъ. Если бы Порта знала, что Россія непремѣнно склонитъ шаха къ принятію трактата, то могла бы еще подождать мѣсяцъ или два и удержать военныя дѣйствія въ Персіи; но такой склонности отъ шаха не надѣется". Неплюевъ сказалъ, что двухъ мѣсяцевъ мало для полученія обстоятельнаго отвѣта отъ Тохмасиба, и визирь согласился ждать четыре мѣсяца [1]).

Черезъ четыре мѣсяца дѣла Турокъ пошли дурно: Эшрефъ разбилъ ихъ войска. 30 ноября Долгорукій писалъ императрицѣ съ Кавказа: „Турецкія дѣйствія въ Персіи зѣло въ слабость приходятъ; Армяне неоднократно Турокъ побили и требуютъ съ нашими войсками соединиться; слезно просятъ хотя-бъ нѣкоторую часть къ нимъ прислать; а мнѣ за указомъ вашего императорскаго величества того учинить нельзя для озлобленія Турокъ, и, сколько могу, Армянъ обнадеживаю, чтобъ съ терпѣливостью ожидали нѣсколько времени; однакожъ видятъ они, что отъ насъ имъ никакой пользы и надежды нѣтъ, и, сколько могутъ, съ великою отвагою противъ Турокъ мужественно поступаютъ; и ежелибъ въ нынѣшнее благополучное время соединиться было можно нашимъ войскамъ съ Армянами, видя слабость турецкую, можно-бъ надѣяться, что дѣйства наши сильны могли быть. А что велѣно мнѣ Армянъ уговаривать, чтобъ въ завоеванныхъ нашихъ провиціяхъ въ Персіи, гдѣ похотятъ, селились бы, и Армяне о томъ слышать не хотятъ. и, правда, великой резонъ есть: оставить мѣста угодныя и идти въ безплодныя! Паша, который былъ опредѣленъ для разграничиванія съ г. Румянцевымъ. пошелъ изъ Шемахи на Армянъ, и ежели Турки пользу какую надъ Армянами получать и приведутъ въ подданство къ себѣ,—зѣло сожалѣть намъ ихъ, Армянъ, что мы ихъ оставили, и впредь намъ Армянъ трудно къ себѣ присовокупить будетъ. Если бы въ нынѣшнее время, при здѣшнемъ зломъ и проклятомъ народѣ, не Левашева (генералъ-майора) крѣпкаго и искуснаго, и вѣрнаго, и радѣтельнаго поступкомъ содержана была здѣшняя страна,—великая бы опасность чаялась. О здѣшнемъ гилянскомъ состояніи доношу о воздухѣ, какой зной язвительный, нездоровый; ктому же солдаты пропитаніе имѣютъ зѣло скудное,—только хлѣбъ и вода; къ томужъ и жалованья солдаты не получали одиннадцать мѣсяцевъ; работы великія, партіи непрестанныя, трудъ несутъ несносный, а выгоды не имѣютъ, лѣкарствъ я засталъ ничего нѣтъ, а коли и отпускаютъ лѣкарствы, равно какъ на другіе полки, на Сулакъ и въ Дербентъ, а сюда надлежитъ, по здѣшнему злому воздуху, отпускать втрое противъ другихъ мѣстъ; къ томужъ лѣкарей мало зѣло и комплету нѣтъ; надлежитъ быть здѣсь дохтуру и аптекарю съ полною аптекою, а другому дохтуру въ Астрахани, понеже лазаретъ въ Астрахани великій; къ Сулаку изъ Дербени и изъ Баки присылаются больные,—одному дохтуру какъ можно вездѣ усмотрѣть! Лучше людей жалѣть, нежели денегъ на жалованье дохтурамъ и лѣкарямъ".

Не дожидаясь распоряженій изъ Петербурга, Долгорукій велѣлъ выдать солдатамъ жалованье изъ мѣстныхъ сборовъ персидскою монетою по настоящей цѣнѣ; по недостатку лѣкарствъ велѣлъ покупать вино, уксусъ и другіе матеріалы насчетъ медицинской канцеляріи. Кавалеріи содержать было нельзя, потому что прокормленіе каждой лошади становилось въ годъ около 40 рублей, травы не было, кромѣ осоки; лошадей кормили соломою и пшеномъ. Въ русскомъ войскѣ было двѣ иностранныхъ роты, армянская и грузинская; каждому человѣку въ нихъ давалось жалованья по 15 р.; русскихъ казаковъ было 250 человѣкъ, которые служили безъ жалованья, и между тѣмъ были чрезвычайно полезны. Долгорукій назначилъ имъ жалованье по 10 рублей человѣку: „По мнѣнію моему", писалъ онъ, „лучше своимъ дать жалованье,—они же и служатъ больше и непріятелю страшнѣе; правда, и Армяне и Грузинцы служатъ изрядно, однако казаки отважнѣе дѣйствуютъ".

1727 годъ Долгорукій началъ прежними увѣща-

---

[1]) Дѣла Турецкія 1725 и 1726 годовъ.

ніями—воспользоваться слабостію Турокъ и предпринять наступательное движеніе. Въ январѣ онъ писалъ Макарову изъ Рящи: „Видя турецкую слабость, не надобно пропускать благополучнаго времени и не дать въ силу войти Туркамъ; и въ слабости Турки вступаютъ въ наши провинціи, а еслибы они были въ старой своей силѣ, то не посмотрѣли бы на трактатъ: все по берегу Каспійскаго моря, что въ нашу сторону надлежитъ, намѣрены присовокупить къ себѣ. Чего намъ дожидаться, ежели нынѣ себѣ пользы не сыщемъ; а когда въ силу войдутъ Турки, то мы не только прибыли не получимъ въ Персіи,—и стараго удержать трудно. Иной надежды не находится, что въ нынѣшнее благополучное время, согласясь съ кѣмъ надлежитъ, помянутыхъ мнимыхъ пріятелей выгнать изъ Персіи, и самимъ въ ней усилиться и утвердиться, и тѣмъ государственный убытокъ исправить".

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Долгорукій доносилъ самой императрицѣ изъ провинціи Ленкоранской: „Изъ Рящи поѣхалъ я, января 29, сухимъ путемъ ради многихъ причинъ къ нашей пользѣ: первая, чтобъ Турки и Кизильбаши (Персіяне), къ намъ недоброжелательные, видѣли, что мы, какъ водою, такъ и землею свободно путь имѣемъ. 2) Корреспонденція будетъ скорѣе сухимъ путемъ. 3) Великое учинено обнадеживаніе обывателямъ, по Каспійскому морю лежащимъ. Во всѣхъ провинціяхъ, коими я ѣхалъ, съ великою радостію меня встрѣчали ханы, салтаны и всѣ старшины, по ихъ обычаю, съ своими музыками, и во всемъ меня довольствовали; не токмо которые въ нашу порцію достались, но которые по трактату и не въ нашей порціи,—всѣ желаютъ быть въ подданствѣ вашего императорскаго величества, и просятъ меня, чтобъ я ихъ принималъ въ протекцію Россійской имперіи, чего мнѣ учинить чрезъ трактатъ и безъ указу невозможно; однакожъ, какъ могу, съ ними обхожусь ласково и вовсе не отказываю, чтобъ ихъ не озлобить до времени. И такъ весь здѣшній народъ желаетъ вашего императорскаго величества протекціи съ великою охотою, видя, какая отъ насъ справедливость, что излишняго мы съ нихъ ничего не требуемъ, и смотримъ крѣпко, чтобъ отнюдь ни мало имъ обиды отъ насъ не было, и крѣпкими указы во всѣ команды отъ меня подтверждено подъ жестокимъ штрафомъ; а которые въ Турецкомъ владѣніи—такъ ожесточены, вконецъ разорены, и такое ругательство и тиранство Турки дѣлаютъ, какъ больше того быть нельзя. И такъ всѣ народы, какъ христіане, такъ и басурманы,—всѣ противъ нихъ готовы, только просятъ, чтобъ была имъ надежда на насъ".

По возвращеніи въ Дербентъ, Долгорукій писалъ въ апрѣлѣ: „Прибылъ я сухимъ путемъ въ Дербень счастливо и въ проѣздъ свой привелъ въ подданство вашему императорскому величеству провинціи, лежащія по берегу Каспійскаго моря, а именно: Кергеруцкую, Астаринскую, Ленкоранскую, Кизылъ-Агацкую, Уджаруцкую, Сальянскую; степи: Муранскую, Шегосвенскую, Мазаригскую, съ которыхъ будетъ доходу на годъ около ста тысячъ рублевъ. Пріѣздъ мой великую пользу учинилъ: какъ въ послушаніе и надежду весь народъ пришли, равнымъ образомъ непріятель въ великое сумнѣніе, понеже, какъ Турки, такъ и при Дворѣ Тахмасибовомъ, и всѣ недоброжелательные Персіяне имѣли надежду о слабости нашей, будто мы только можемъ держаться по гварнизонамъ и за безсиліемъ больше не можемъ никакихъ дѣйствъ въ Персіи показывать. И я, видя помянутое ихъ мнѣніе, показалъ себя, что мы можемъ дѣйства сильныя показывать: напередъ себя отправилъ бригадира Штернштанца человѣкъ въ пятистахъ, и потомъ, взявъ съ собою 300 человѣкъ драгунъ, пошелъ; изъ того числа оставилъ въ Астарѣ сто человѣкъ, а со мною двѣсти было, и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ крѣпости приказалъ дѣлать, а именно: въ Астаринской и Ленкоранской; а непріятелю въ страхъ, чтобъ не думали о нашей слабости. Всѣхъ удивило, и въ великое размышленіе пришли, что мы сухимъ путемъ тракты узнали. Въ небытность мою въ Дербенѣ, писалъ ко мнѣ генералъ-маіоръ Румянцевъ, что здѣсь начинаются шатости отъ Горскихъ—Сурхая и Усмея, а до прибытія моего здѣшнія мѣста содержалъ онъ, генералъ-маіоръ Румянцевъ, благоизрядно, въ чемъ я имъ за то доволенъ; ежелибъ его, Румянцева, въ небытность мою здѣсь не было, то-бъ немалая опасность быть могла" Къ Макарову Долгорукій писалъ: „Легко можно разсудить, что мой трудъ несносный на седьмомъ десяткѣ, въ такое злое время, такой дальній путь со вьюками проѣхалъ покалмыцки. Отъ роду своего не видывалъ, чтобъ кто въ эти лѣта началъ жить калмыцкимъ манеромъ" [1]).

Въ Петербургѣ были очень довольны дѣйствіями Долгорукаго—поднятіемъ значенія Россіи съ малыми средствами; но никакъ не хотѣли принимать его совѣта и дѣйствовать противъ Турціи, тѣмъ болѣе что со стороны послѣдней не было опасности. Неплюевъ доносилъ въ началѣ 1729 года, что султанъ, человѣкъ жестокій и трусливый, сильно испугался успѣховъ Эшрефа надъ турецкими войсками; боялся онъ возмущенія народнаго и что Турки могутъ провозгласить султаномъ Эшрефа, по единовѣрію, какъ суннита. Султанъ обратился къ визирю съ требованіемъ, чтобъ какъ можно скорѣе былъ заключенъ миръ съ Эшрефомъ; но визирь представилъ, что „несчастіе произошло отъ недосмотра Ахмета, паши Вавилонскаго, ввѣрившагося Курдамъ, которыхъ ему и въ службу принимать было не велѣно; а теперь можно распорядиться лучше,—послать большое войско и пригласить Русскій Дворъ къ общему дѣйствію, отъ чего, по договору, онъ отказаться не можетъ. Этими средствами Эшрефа можно искоренить; если же Богъ послалъ его въ наказаніе, то ничто не поможетъ; однако безвременно и безъ нужды искать—

[1]) Кабинетъ II, № 85.

у него мира не слѣдуетъ; послать къ нему теперь съ просьбою о мирѣ—значитъ обнаружить свою слабость и подвигнуть его еще больше на Турцію, а народы сосѣдніе получатъ о насъ дурное мнѣніе“. Эти представленія въ первое время не успокоили султана; онъ сердился и бранилъ визиря всячески; тотъ отвѣчалъ, что если его представленія неугодны, то султанъ воленъ смѣнить его и назначить человѣка болѣе искуснаго. Султанъ въ сердцахъ уѣхалъ отъ визиря, но черезъ четыре дня прислалъ ему соболью шубу и во всемъ на него положился.

Визирь хотѣлъ продолжать войну; но французскій посланникъ внушалъ муфтію и другимъ сановникамъ, что Портѣ лучше заключить отдѣльный миръ съ Эшрефомъ, какъ можно скорѣе; тогда Эшрефъ всѣ свои силы обратитъ противъ Россіи и свяжетъ ей руки, а между тѣмъ Порта могла бы, въ союзѣ съ Франціею и другими ганноверскими союзниками, возвести на Польскій престолъ Станислава Лещинскаго, чѣмъ расторгнется сообщеніе между Австріею и Россіею и отнимется у нихъ средство помогать другъ другу. А если обѣ имперіи останутся въ покоѣ, въ связи съ Польшею и Венеціею, то Портѣ современемъ немалый вредъ произойти можетъ. Во всѣхъ мѣстахъ явились подметныя письма, что война съ Эшрефомъ беззаконная по единовѣрію [1]).

Такимъ образомъ, въ царствованіе преемницы Петра Великаго въ короткое время отношенія измѣнились: Франція вмѣсто того, чтобъ помогать Россіи, какъ прежде, дѣйствуетъ противъ нея въ Константинополѣ. При вступленіи на престолъ Екатерины, въ Парижѣ находился старый князь Куракинъ, котораго Людовикъ XV обнадеживалъ неизмѣнною своею дружбою къ ея величеству. Все еще имѣлось въ виду примиреніе Россіи съ Англіею посредствомъ Франціи, и Куракинъ уже требовалъ отъ Англійскаго правительства доказательства, что оно дѣйствительно желаетъ этого примиренія. Агентъ его въ Лондонѣ, Третьяковъ, далъ ему знать, что русскій эмигрантъ, Аврамъ Веселовскій, подалъ парламенту просьбу о принятіи его въ англійское подданство. Куракинъ обратился къ государственному секретарю, графу Морвилю, съ просьбою — употребить французское вліяніе при Англійскомъ Дворѣ для того, чтобъ Веселовскій съ братомъ не только не были приняты въ англійское подданство, но и позволено было ихъ арестовать, что въ Петербургѣ будетъ принято за особенный знакъ дружбы Французскаго короля, и Дворъ Англійскій покажетъ этимъ истинное свое желаніе возстановить доброе согласіе съ Россіею. Морвиль обѣщалъ исполнить желаніе Куракина, который отправилъ въ Англію канцеляриста своего Колушкина съ такимъ наказомъ: отдать письмо корреспонденту Самуилу Гольдену и съ нимъ совѣтоваться,—какъ бы Аврама Веселовскаго и брата его, Ѳедора, арестовать. Причины ареста объявить Гольдену такія: оба брата были при иностранныхъ Дворахъ резидентами, и, не сдавъ своихъ коммисій и отчета въ издержанныхъ деньгахъ, ушли въ Англію, и до сихъ поръ жили скрытно; поэтому надобно ихъ теперь арестовать, послѣ чего императорскій Дворъ обстоятельно объявитъ всѣ причины и счеты. По пріѣздѣ въ Лондонъ, Колушкинъ долженъ провѣдать, гдѣ Веселовскіе живутъ и кто имъ покровительствуетъ изъ министровъ и лордовъ; узнавши о мѣстѣ жительства, стараться арестовать, причемъ, въ нужномъ случаѣ, получить покровительство французскаго посла. Но Колушкинъ не могъ отыскать Веселовскихъ, просьба которыхъ впрочемъ осталась безъ исполненія въ парламентѣ.

Мы видѣли, что еще Петръ Великій возложилъ на Куракина порученіе—высватать царевну Елисавету за Людовика XV. Отъ 22 марта Куракинъ писалъ: „Всѣ мы, министры иностранные, стараемся всячески открыть намѣреніе здѣшняго Двора на счетъ женитьбы королевской, но никакъ намъ это не удается; по слухамъ, имѣется въ виду дочь Станислава Лещинскаго, но и этому слуху вѣрить еще нельзя. Вѣрно одно, что король женится въ нынѣшнемъ году, и потому ищутъ принцессу, сотвѣтствующую его лѣтамъ“. Но отъ 14 мая Куракинъ далъ знать, что старанія герцога Бурбона и епископа Флёри увѣнчались наконецъ успѣхомъ: король согласился жениться на Маріи, дочери Станислава Лещинскаго. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ Куракинъ писалъ: „Понеже супружество короля Французскаго уже заключено съ принцессою Станислава, и такъ сіе симъ окончилось; теперь доношу и напоминаю прежнее желаніе дука де-Бурбона, который требовалъ себѣ въ супружество цесаревну Елизабету Петровну“. Въ сентябрѣ новое предложеніе по старому сватовству: „Передъ четырьми годами“, писалъ Куракинъ, „его императорскому величеству было предложено отъ умершаго дука Дорлеанса о супружествѣ государыни цесаревны за сына его, нынѣ владѣющаго дука Дорлеанса, перваго принца крови и наслѣдника короны Французской, ежели король дѣтей имѣть не будетъ, который (дукъ) нынѣ овдовѣлъ. И ежели вашего величества высокое намѣреніе къ тому супружеству государыни цесаревны есть, то велите меня снабдить указами“. Къ этому времени поспѣлъ и портретъ Елисаветы; отсылая его къ Куракину, Макаровъ писалъ: „Зѣло сожалѣю, что умедлилъ онымъ портретомъ живописецъ, ибо писалъ близко году, и нынѣ предъ тою персоною государыня цесаревна гораздо стала полнѣе и лучше“.

На Куракина было возложено и другое семейное дѣло: онъ долженъ былъ хлопотать объ интересахъ герцога Голштинскаго вмѣстѣ съ посланникомъ его Цедергельмомъ. Но Куракину было трудно это дѣлать по причинамъ, какія онъ самъ выставилъ въ донесеніи своемъ отъ 27 марта: „Баронъ

[1]) Дѣла Турецкія 1727 года.

Шлейницъ усилилъ свои интриги противъ меня и успѣлъ присоединить къ себѣ барона Цедергельма, который, по наставленію Шлейница и по своему малодушію, доноситъ своему Двору все, что можетъ быть на меня вымышлено. Я умолчу о другихъ разглашеніяхъ; но честь и вѣрность побуждаютъ меня упомянуть о двухъ главныхъ: вопервыхъ, разглашаютъ, что я принадлежу къ партіи внука вашего величества и потому, гдѣ только могу, повреждаю ваши интересы. Во-вторыхъ, разглашаютъ, будто я здѣсь внушаю о себѣ и о сынѣ своемъ, что по смерти великаго князя, внука вашего, мы, по свойству своему съ нимъ (Куракинъ былъ женатъ на Лопухиной, родной сестрѣ царицы Евдокіи Ѳеодоровны), имѣемъ право на Россійскій престолъ. Первое разглашеніе опровергается вѣрностію, какую я показалъ во время дѣла умершаго царевича, отца великаго князя; во все это время я держалъ себя чуждымъ всѣхъ интригъ и партій, ибо честолюбіе мое состоитъ въ томъ, чтобъ проводить жизнь честно и безпорочно. Что же касается до свойства моего съ великимъ княземъ, то это свойство съ самаго начала вредило моему счастію, нанося постоянное безпокойство. Я надѣялся, наконецъ, снискать себѣ спокойствіе своею вѣрною службою, но враги не хотятъ дать мнѣ покою". Изъ Петербурга потребовали указанія на тѣ лица, которыя сообщили Куракину о разсѣваемыхъ противъ него слухахъ; Куракинъ отказался дать эти указанія, потому что „предостереженія бываютъ между друзьями, особами знатными и министрами иностранными; пунктъ этотъ деликатный, въ немъ состоитъ честь каждаго и жизнь". При этомъ Куракинъ писалъ, что въ исполненіе присяги предастъ все забвенію и готовъ дѣйствовать заодно съ барономъ Цедергельмомъ.

Но всѣ эти семейныя дѣла не могли имѣть успѣха вслѣдствіе охлажденія, происшедшаго между Петербургскимъ и Версальскимъ Дворами по причинамъ политическимъ. Франція, разорвавъ съ Испаніею, вслѣдствіе несостоявшагося брака между Людовикомъ XV и инфантою, и угрожаемая союзомъ Испаніи съ Австріею, искала союза съ Россіею, къ которому должна была приступить и Англія. Кампредонъ велъ дѣло въ Петербургѣ, Куракинъ—во Франціи. „Если бы не герцогъ Голштинскій съ Бассевичемъ, то дѣло о союзѣ съ Франціею и Англіею и теперь находилось бы въ томъ же положеніи, въ какомъ было въ минуту кончины царя", писалъ Кампредонъ въ концѣ апрѣля 1725 года. Причиною медленности было то, что главные вельможи раздѣлились на двѣ стороны по вопросу объ англо-французскомъ союзѣ: Меншиковъ, Апраксинъ, Голицынъ, Толстой и, повидимому, Остерманъ были склонны къ союзу; но канцлеръ графъ Головкинъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Репнинъ и Ягужинскій были противъ него; особенно горячился Ягужинскій, настаивая, что никакъ нельзя союзиться съ Англіею; въ этихъ то спорахъ объ англо-французскомъ союзѣ *шумный* Ягужинскій поссорился съ Меншиковымъ и пошелъ въ Петропавловскій соборъ жаловаться на обидчика предъ гробомъ Петра. Кампредонъ такъ распредѣлялъ 60,000 червонныхъ назначеннымъ русскимъ вельможамъ за союзный договоръ между Россіею и Франціею: гратификаціи публичныя—канцлеру графу Головкину, графу Толстому и барону Остерману по 3,000, Степанову 1,500, секретарямъ и другимъ чиновникамъ 1,000. Гратификаціи секретныя: Меншикову 5,000, Толстому, Апраксину и Остерману по 6,000, Голицыну 4,000, Долгорукому 3,000, Макарову 4,000, Ягужинскому 2,000, Бассевичу 6,000, Рагузинскому 6,000. Приближеннымъ къ императрицѣ дамамъ, Олсуфьевой и Вильбуа—подарки на 1,000 червонныхъ. Но Кампредона не столько безпокоили горячность Ягужинскаго и упорство Головкина, крайняя осмотрительность и осторожность Долгорукаго, сколько двусмысленное поведеніе Остермана, могущественное вліяніе котораго при рѣшеніи вопросовъ внѣшней политики не было тайною для иностранныхъ дипломатовъ, и который не проговаривался ни передъ живыми, ни передъ мертвыми. Кампредонъ началъ подозрѣвать, что Остерманъ не очень расположенъ къ Франціи и Англіи. Въ самомъ началѣ царствованія Екатерины приверженцы ея подозрительно смотрѣли на Австрію, которой не могло быть пріятно отстраненіе отъ престола великаго князя Петра, племянника цесаревны, и эти отношенія естественно заставляли склоняться къ французскому союзу; но съ теченіемъ времени дѣла перемѣнились, обнаружилась неодолимая трудность заключенія союза съ Франціею, потому что Россія, имѣя прежде всего въ виду Турцію, съ которою ежеминутно можно было ожидать разрыва по дѣламъ Персидскимъ, требовала, чтобъ Франція обезпечивала русскіе интересы относительно этой державы; но Франція, охотно желая имѣть на сѣверо-востокѣ Европы сильную союзницу, которая замѣнила бы ей обезсилившую Швецію, не могла однако пожертвовать своею старинною союзницею, Турціею. „Всему свѣту извѣстно", говорилъ Морвиль Куракину, „какъ Франціи полезна дружба султанова; съ какою бы европейской державою Франція ни находилась въ союзѣ, союзъ ея съ Турціею долженъ быть ненарушимъ; надобно вспомнить, какія выгоды получили мы въ прошлые годы отъ Турціи противъ Австрійскаго Дома; кромѣ того, треть королевства Французскаго получаетъ свое благосостояніе отъ торговли, производящейся во владѣніяхъ султана; король не можетъ согласиться ни на какое условіе, которое могло бы дать хотя малѣйшее подозрѣніе Портѣ". Вторая трудность заключалась въ Голштинскомъ дѣлѣ: Россія требовала, чтобъ герцогъ Голштинскій получилъ, по крайней мѣрѣ, равносильное вознагражденіе за потерю Шлезвига, и чтобъ Франція не мѣшала Россіи добыть ему это вознагражденіе, если Датскій Дворъ отвергнетъ представленія Англіи и Франціи; но Франція и Англія хотѣли только обязаться хлопотать о до-

ставленіи герцогу какого-нибудь вознагражденія за Шлезвигъ, не нарушая гарантіи, данной ими Даніи на это герцогство. Наконецъ Россія требовала, чтобы Франція и Англія настояли на очищеніи Мекленбургскихъ владѣній отъ ганноверскихъ войскъ; но Франція и Англія обѣщали только заботиться объ интересахъ герцога Мекленбургскаго безъ нарушенія законовъ Германской имперіи.

Переговоры еще продолжались, когда, въ сентябрѣ, Куракинъ далъ знать своему Двору о заключеніи въ Ганноверѣ союза между Франціею, Англіею и Пруссіею противъ Австріи и Испаніи. Въ началѣ 1726 года, Куракинъ доносилъ, что онъ по возможности старается переговоры продолжать и отъ времени до времени предлагаетъ разные способы къ соглашенію, но на каждое предложеніе одинъ отвѣтъ, что Французское правительство не можетъ ничего измѣнить въ своемъ послѣднемъ рѣшеніи, причемъ французскіе министры прибавляли, что у Россіи идутъ переговоры о союзѣ съ Австріею, и потому Франція должна дожидаться, чѣмъ кончиться это дѣло. „Сомнительно одно“, говорилъ Морвиль, „чтобъ Австрійскій Дворъ оказалъ Русскимъ такія же услуги, какія оказаны были Франціею. Франція повсюду старалась дѣйствовать въ интересахъ Россіи; но ваши министры повсюду дѣйствуютъ противъ интересовъ королевскихъ, особливо въ Испаніи и Гагѣ: графъ Головкинъ Голландскимъ Штатамъ всячески запрещалъ и мѣшалъ, чтобъ не приступали къ Ганноверскому союзу“.— „А вы зачѣмъ стараетесь склонить Швецію къ Ганноверскому союзу“, говорилъ Куракинъ: „развѣ это не вредитъ русскимъ интересамъ! Вы знаете, что Швеція въ союзѣ съ Россіею, и потому вамъ слѣдовало предложить о приступленіи къ союзу не одной Швеціи, но и Россіи“. Такъ какъ главный интересъ Россіи въ это время сосредоточивался въ Турціи, то Куракинъ требовалъ, чтобы французскій посланникъ въ Константинополѣ продолжалъ свое посредничество между Россіею и Портою. На это Морвиль отвѣчалъ: „Со стороны нашего короля никогда не будетъ дано нашему послу въ Константинополѣ указовъ дѣйствовать противъ интересовъ Русской государыни и помогать въ чемъ бы то ни было королю Англійскому; то же самое будетъ соблюдено и относительно французскихъ министровъ при другихъ Дворахъ. Но король не можетъ приказать своему послу при Портѣ продолжать медіацію въ интересахъ Русскихъ; скажу прямо, что посолъ нашъ получилъ приказаніе отстать отъ медіаціи и оставить всѣ дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь находяться“.— „Это объявленіе изумляетъ меня“, отвѣчалъ Куракинъ: „извѣстно, какъ пламенно государыня наша желала заключенія союза съ вами и до сихъ поръ не перестала этого желать; но дѣло остановилось по вашей винѣ; дѣла въ вашихъ рукахъ: отнимите трудности, вами противопоставляемыя,—и договоръ немедленно будетъ заключенъ“. Морвиль отвѣчалъ: „Всему свѣту извѣстно, въ какой тѣсной дружбѣ находится теперь вашъ Дворъ съ Вѣнскимъ, и можетъ быть въ сію минуту союзный договоръ между ними уже и заключенъ; но какой бы союзъ ни былъ заключенъ вами съ Цесаремъ, онъ будетъ всегда предосудителенъ Франціи. Объявляю опять: у насъ рѣшено нигдѣ ничѣмъ не вредить интересамъ Россіи, и этимъ на будущее время оставить отворенныя ворота для пріятельскихъ сношеній и дружбы съ вами и вступленія, при случаѣ, въ тѣсныя обязательства, ибо Франція не отступитъ отъ плана находиться съ Россіею въ тѣсныхъ обязательствахъ“. Куракинъ отвѣчалъ, что старанія Франціи привлечь къ себѣ въ союзъ Швецію должны казаться гораздо подозрительнѣе въ Петербургѣ, чѣмъ переговоры Россіи съ Австріею для Французскаго Двора; но императрица смотритъ на это равнодушно, чтобъ сохранитъ дружбу съ Французскимъ королемъ и на будущее время оставить отворенными ворота для тѣсныхъ обязательствъ.

Между тѣмъ Кампредонъ изъ Петербурга далъ знать своему Двору, что въ Россіи дѣлаются морскія приготовленія для войны съ Даніею; а 15 апрѣля Куракинъ написалъ въ Петербургъ, что англійская эскадра изъ 20 кораблей назначена въ Балтійское море по требованію Двора Датскаго, также и по требованію короля Шведскаго и его партіи, которая хочетъ этимъ средствомъ усилиться и настоять на приступленіи къ Ганноверскому союзу.

Дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ англійская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Уоджера (Wager), явилась передъ Ревелемъ, и адмиралъ переслалъ императрицѣ грамоту короля Георга, въ которой говорилось, что сильныя вооруженія Россіи въ мирное время возбудили подозрѣнія въ правительствѣ Англіи и въ союзникахъ, и потому неудивительно, что онъ, король, отправилъ въ Балтійское море сильную эскадру для предотвращенія опасностей, могущихъ произойти отъ русскихъ вооруженій. „Ваше величество“, писалъ Георгъ, „хорошо знаете, что мы всегда желали не только сохраненія тишины въ Европѣ, но и установленія полнаго согласія и дружбы между Великобританіею и Россіею. По вступленіи вашего императорскаго величества на престолъ, мы немедленно, вмѣстѣ съ королемъ Французскимъ, объявили вамъ о нашей готовности окончить переговоры, начатые при покойномъ императорѣ; но по долговременныхъ и праздныхъ отлагательствахъ мы усмотрѣли, что министры вашего величества требовали внесенія въ проектированный договоръ такихъ отмѣнъ, которыя не соотвѣтствуютъ истинному Россійской имперіи интересу, противны обязательствамъ, въ какихъ мы находимся съ Франціею и другими государствами, и способны привести Сѣверныя державы къ новымъ смутамъ. Не можемъ также скрыть нашего великаго удивленія, въ какое мы были приведены извѣстіемъ, что при вашемъ Дворѣ принимаются мѣры въ пользу претендента на корону нашу. Послѣ

этого вашему императорскому величеству не будетъ удивительно, что мы, принужденные заботиться о безопасности нашихъ государствъ, о соблюденіи обязательствъ, заключенныхъ съ нашими союзниками, и о сохраненіи всеобщей тишины на Сѣверѣ, угрожаемой военными приготовленіями вашего величества, признали необходимымъ отправить сильный флотъ на Балтійское море, съ цѣлію предупредить новыя смуты въ тамошнихъ прибрежныхъ странахъ, препятствуя флоту вашего величества выходить изъ гаваней. Но при этомъ мы усердно желаемъ, чтобы ваше императорское величество, зрѣло разсудя объ истинномъ интересѣ вашего народа, позволили ему пользоваться благословеннымъ миромъ, полученнымъ цѣною столькой крови и денегъ подъ руководствомъ покойнаго императора. Усердно желаемъ, чтобъ ваше императорское величество, вмѣсто принятія такихъ мѣръ, которыя необходимо вовлекутъ Россію въ войну и весь Сѣверъ приведутъ въ смятеніе, изволили явить своему народу и свѣту опытъ вашей склонности къ миру и пребыванію въ дружбѣ съ вашими сосѣдями".

Екатерина отвѣчала: „Не хотимъ скрыть своего удивленія, что мы получили грамоту вашего величества не прежде появленія вашего флота у нашихъ береговъ; было бы сходнѣе съ принятымъ между государствами обычаемъ, если бы вашему королевскому величеству угодно было объясниться о своихъ напрасныхъ подозрѣніяхъ по поводу вооруженія нашего флота, и не поступать такъ недружественно прежде полученія нашего отвѣта. Тогда, безъ всякихъ убытковъ съ вашей стороны, вы бы увѣрились, что мы вовсе не намѣрены нарушать покой на Сѣверѣ; напротивъ—стараемся отклонить все то, что можетъ подать поводъ къ этому нарушенію. А теперь вы отвергаете всѣ дружественные и справедливые способы и пути къ окончанію переговоровъ, и требуете отъ насъ того, что нашему интересу и, важнѣе всего, нашей чести и славѣ и самой справедливости прямо противно. Изъ этого оказывается одно, что министры вашего королевскаго величества никогда не имѣли прямаго намѣренія къ заключенію союза между Россіею и Англіею, и отправленіе эскадры—есть слѣдствіе той злобы, которую нѣкоторые изъ вашихъ министровъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, постоянно, вездѣ и явно противъ насъ показываютъ. Ваши министры не могли придумать ничего новаго, и потому предъявили старое, ложное и гнилое нареканіе за сношенія наши съ претендентомъ. Вы вольны давать своимъ адмираламъ указы, какіе заблагоразсудите; но при этомъ не извольте принять за противное, если мы, когда захотимъ отправить флотъ свой въ море, не допустимъ себя воздержаться отъ этого вашего королевскаго величества запрещеніемъ; и какъ мало желаемъ мы сами себя возвышать и другимъ законы предписывать, такъ мало же намѣрены принимать законы и отъ кого-нибудь другого, будучи самодержавною и абсолютною государынею, которая не зависитъ ни отъ кого, кромѣ единаго Бога. Впрочемъ, мы весьма склонны и готовы съ вашимъ королевскимъ величествомъ постоянное доброе согласіе содержать, и ничего не предпримемъ, что могло бы нарушить дружбу между обоими государствами, такъ какъ оба государства должны признать, что эта дружба для нихъ очень полезна. Совершенно справедливо, что покойный императоръ, будучи оставленъ всѣми своими союзниками, съ неописанными трудами добылъ блаженный миръ своему государству, и наша главная цѣль состоитъ въ сохраненіи этого мира; но мы знаемъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда мы, по примѣру нашего супруга, будемъ всегда наготовѣ въ нужномъ случаѣ доставить нашимъ союзникамъ потребную помощь и нашихъ вѣрныхъ подданныхъ отъ всякаго нападенія оборонить. Съ этою-то цѣлію и сдѣланы тѣ приготовленія, которыя возбудили подозрѣнія въ вашемъ величествѣ". Вслѣдъ затѣмъ, по примѣру Петра, Екатерина издала объявленіе, что, несмотря на враждебные поступки Англійскаго короля, подданные его будутъ пользоваться въ Россіи свободною торговлей.

Въ половинѣ 1726 года Куракинъ далъ знать объ удаленіи герцога Бурбона отъ дѣлъ. Этотъ переворотъ былъ, повидимому, благопріятенъ для Россіи. „Теперь", писалъ Куракинъ, „Французскій Дворъ не такъ поступаетъ, какъ при герцогахъ Орлеанскомъ и Бурбонѣ, не уступаетъ всѣмъ требованіямъ Двора Англійскаго, ибо епископъ Фрежюсъ (Флёри) имѣетъ только въ виду интересъ французскій безъ всякой страсти, и пенсіи отъ Англіи никакой не беретъ; маршалъ Дюксель такого же характера и человѣкъ упрямый, не во всемъ будетъ соглашаться съ Англіею". Въ августѣ мѣсяцѣ Куракинъ сообщилъ Флёри о заключеніи союза между Россіею и Австріею: „Ея величество", говорилъ Куракинъ, „изъ уваженія и постоянной дружбы къ вашему королю, приказали мнѣ объявить вамъ объ этомъ, изъ чего ясно можете видѣть, что ничего предосудительнаго для Франціи этотъ договоръ не заключаетъ. Ея величество имѣетъ непремѣнное намѣреніе пребыть всегда съ королемъ вашимъ въ добромъ согласіи и заключить союзный договоръ, если съ вашей стороны обнаружится къ тому склонность". Флёри и Морвиль благодарили за откровенный поступокъ и взаимно обнадеживали намѣреніемъ своего короля къ содержанію дружбы съ Русскою государыней. Вслѣдъ затѣмъ Куракинъ донесъ, что Англія не перестаетъ дѣйствовать враждебно противъ Россіи, именно: хочетъ, вмѣстѣ съ Швеціею и Даніею, потребовать отъ Россіи, чтобъ она изъ завоеваній Петра Великаго удержала только земли до Ревеля, остальныя же земли отдала герцогу Голштинскому, въ вознагражденіе за Шлезвигъ; если же Россія откажется исполнить это требованіе, то союзники объявятъ ей войну. Но этотъ англійскій планъ не нравится Французскому Двору, который согласенъ, вмѣстѣ съ Англіею, сдѣлать упомянутыя предложенія Россіи, но уча-

ствовать въ войнѣ противъ нея никакъ не хочетъ;—требуетъ, чтобъ ему оставаться нейтральнымъ. Куракинъ, извѣщая объ этомъ, совѣтовалъ готовиться къ веснѣ 1727 года, чтобъ не ограничиться оборонительною войной, но тотчасъ послѣ ея объявленія дѣйствовать наступательно противъ Швеціи и привести въ трепетъ Стокгольмъ; потомъ Куракинъ совѣтовалъ возстановить поскорѣе торговлю Архангельска, ибо, въ случаѣ появленія на Балтійскомъ морѣ враждебныхъ эскадръ, русская морская торговля прекратится на цѣлый годъ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что этотъ совѣтъ былъ принятъ.

Но, къ веснѣ 1727 года, военная гроза стала собираться на другой сторонѣ: Испанцы начали осаду Гибралтара, ждали открытія военныхъ дѣйствій между Австріею и Франціею, а Россія послѣднимъ договоромъ обязалась, въ случаѣ нападенія на Австрію, помогать ей войсками. Это очень тревожило Французское правительство, во главѣ котораго стоялъ миролюбивый, робкій кардиналъ Флёри. На конференціяхъ съ Куракинымъ, Флёри увѣрялъ, что Франція первая не нападетъ на императора, почему Русская государыня не будетъ имѣть никакой обязанности двигать свои войска; да и во всякомъ случаѣ можно уклониться отъ этого обязательства, потому что обыкновенно война начинается такъ, что трудно разобрать, кто первый напалъ. Флёри толковалъ также, что Англія не думаетъ предпринимать что-нибудь противъ Россіи, но высылаетъ эскадру въ Балтійское море только для того, чтобъ защитить Данію отъ Россіи, которая своими вооруженіями грозитъ нарушеніемъ покоя на Сѣверѣ [1]).

Итакъ союзъ съ Австріею, о которомъ шли такіе длинные и безполезные переговоры при Петрѣ Великомъ, дѣйствительно былъ заключенъ при его преемницѣ и возбуждалъ такое опасеніе на Западѣ. Во время предсмертной болѣзни Петра, посланникъ его въ Вѣнѣ, Ланчинскій, хлопоталъ о приступленіи Австріи къ Шведскому союзу и о томъ, чтобъ Цесарь помогъ въ дѣлѣ возвращенія герцогу Голштинскому Шлезвига. Ему отвѣчали: „Окажите намъ полную довѣренность, а не половинную, какъ теперь дѣлается; ищете помощи у Цесаря, чтобъ герцогу Голштинскому достался Шлезвигъ: здѣшній Дворъ на это согласенъ; но въ то же время съ особеннымъ стараніемъ ведете вы переговоры съ Франціею и Англіею, не только о томъ же дѣлѣ, но и о примиреніи съ Англіею, а намъ о ходѣ этихъ переговоровъ ничего не сообщаете, и по всему ясно, что на другихъ вы полагаете большую надежду. Мы хорошо помнимъ, въ какомъ положеніи находились мы съ своимъ титулярнымъ посредничествомъ Сѣвернаго мира: одна воюющая держава за другою отдѣльно примирялись, а мы, державши столько лѣтъ министровъ въ Брауншвейгѣ и понесши немалые убытки, принуждены были прекратить конгрессъ безплодно и не къ чести себѣ. Не упоминаемъ другихъ случаевъ: всегда насъ къ дѣламъ послѣ праздника приглашаете, къ чему мы не привыкли. Если надѣетесь, что мы можемъ помочь, то ищите помощи; если же разсуждаете, что и безъ насъ черезъ другихъ можете достигнуть своихъ цѣлей,—то не безпокойте насъ“. Въ Вѣнѣ ждали, чѣмъ кончатся переговоры о примиреніи Россіи съ Англіею, и до того времени не хотѣли высказываться.

Когда Ланчинскій въ торжественной аудіенціи объявилъ Карлу VI о кончинѣ Петра и о вступленіи на престолъ Екатерины, то Цесарь сказалъ внятно: „Нынѣ правительствующая царица насъ обнадеживаетъ о желаніи своемъ продолжать дружбу, къ чему и мы, съ нашей стороны, охотно способствовать будемъ“. Потомъ императоръ сказалъ еще словъ съ двадцать, но невнятно, такъ что посланникъ ничего не понялъ. Осенью Ланчинскому начали внушать, что Франція дѣйствуетъ въ Константинополѣ противъ Россіи и Австріи. Когда Ланчинскій вывѣдывалъ, что думаетъ Вѣнскій Дворъ о бракѣ Французскаго короля на дочери Станислава Лещинскаго, и не принимаются ли по этому случаю какія мѣры съ Польскимъ королемъ, то ему отвѣчали: „Оставьте мысль, будто нашъ Дворъ имѣетъ намѣреніе помогать наслѣдному принцу Саксонскому въ полученіи Польской короны; такое намѣреніе было бы явно противъ интереса цесарскихъ дочерей; развѣ захочетъ нашъ Дворъ усиливать Домъ Саксонскій для того, чтобъ послѣ онъ помѣшалъ цесарской дочери получить въ наслѣдство Австрійскія Земли, или, по крайней мѣрѣ, могъ что-нибудь отторгнуть онъ Венгріи, Силезіи или Богеміи. Если бы еще у Цесаря были сыновья, то могло бы еще быть подозрѣніе, хотя такъ же неосновательное, ибо интересъ Цесаря требуетъ, чтобъ польское правленіе оставалось въ безурядицѣ. Правда, Двору нашему супружество Французскаго короля съ дочерью Лещинскаго не совсѣмъ пріятно; но опасность отъ Лещинскаго еще очень далека: не видно, чтобъ онъ былъ очень честолюбивъ; если же что впередъ отъ него окажется, то въ свое время и мѣры принять можно. Теперь въ Европѣ образуются двѣ партіи,—въ одной Цесарь, Испанія и другія державы, которыя захотятъ съ ними соединиться; въ другой—Франція и Англія съ союзниками; такъ вашему Двору надобно рѣшиться однажды навсегда: нашей ли или противной стороны держаться“.

Успѣхи Турокъ въ Персіи произвели очень непріятное впечатлѣніе въ Вѣнѣ, и хотя, на требованія Ланчинскаго, чтобъ не оставались при этомъ равнодушными и подумали о слѣдствіяхъ, отвѣчали, что дѣло идетъ въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи, пусть морскія державы и Россія о немъ заботятся,—однако извѣстія съ дальняго Востока не могли не имѣть вліянія на склонность Вѣнскаго Двора удовлетворить давнему требованію Двора Петербургскаго,—приступить къ Шведско-

[1]) Дѣла Французскія 1725—1727 годовъ. Донесенія Кампредона въ Госуд. архивѣ; дѣла Англійскія.

*

Русскому оборонительному союзу. При этомъ Ланчинскій получилъ слѣдующіе вопросы: 1) Въ оборонительномъ договорѣ Россіи съ Швеціею означены только европейскія державы, и потому въ Вѣнѣ желаютъ знать, угодно ли Русской государынѣ ввести въ договоръ и Турокъ. 2) О Польшѣ надобно объясниться откровенно, особенно о Курляндіи; надобно постановить ненарушимымъ правиломъ, что Польшѣ оставаться при своей вольности и безъ ущерба земель, ибо интересъ обѣихъ сторонъ того требуетъ. Съ русской стороны надобно съ Польшею обходиться пріязненнѣе, потому что она не только въ общую партію годна, но и въ дѣйствіяхъ противъ Турокъ полезна. Можно думать, что Россія хочетъ если не удержать Курляндію, то, по крайней мѣрѣ, отдать ее принцу, который долженъ жениться на одной изъ русскихъ принцессъ: надобно знать, какой это принцъ. Въ это время Восточную Европу сильно занимало возмущеніе, вспыхнувшее въ Торнѣ, вслѣдствіе столкновенія протестантовъ съ католиками; протестантскія державы считали своею обязанностію вступиться за своихъ единовѣрцевъ и не выдавать ихъ Польскому правительству. Австрійскіе министры внушали Ланчинскому, что надобно и въ Торнскомъ дѣлѣ поступать умѣренно, и такъ какъ видно, что Прусскій король подъ этимъ предлогомъ хочетъ отторгнуть отъ Польши какую-нибудь провинцію, то кажется надобно съ русской стороны объявить Прусскому королю, что Россія не можетъ допустить Польшу до разоренія, а тѣмъ менѣе до уменьшенія ея государственной области. 3) Надобно обозначить подробно о числѣ войска и о способѣ, какимъ Россія намѣрена помогать герцогу Голштинскому въ возвращеніи ему Шлезвига.—„Знайте", внушали Ланчинскому, „что всѣ противности происходятъ отъ англійскихъ интригъ; вамъ черезъ кого-нибудь третьяго совѣтуютъ удержать Курляндію, можетъ быть, для какого-нибудь Гессенскаго принца; вамъ обѣщаютъ отъ того славу, а на самомъ дѣлѣ стараются поссорить васъ съ Польшею. Также стараются черезъ Прусскаго короля поднять войну, будто за религію, а на самомъ дѣлѣ хотятъ васъ и насъ засуетить, чтобъ мы не были въ состояніи помочь герцогу Голштинскому, ибо дѣло извѣстное, что у насъ съ Польшею старый союзъ, и въ Торнскомъ дѣлѣ мы не можемъ оставить ея безъ помощи; и еслибъ за Курляндію вы поссорились съ Польшею, то какъ въ такомъ случаѣ поступать нашему Двору, чью сторону держать?"

Ланчинскій получилъ отъ своего Двора порученіе вести переговоръ о союзѣ; къ Петербугскому Двору, гдѣ до сихъ поръ находился только секретарь посольства, отправленъ былъ посломъ графъ Рабутинъ. Испанскій посолъ, извѣстный Рипперда, устроившій союзъ между между Австріею и Испаніею, пріѣзжалъ къ Ланчинскому, „зѣло откровенно и ласково обшелся, и равно какъ есть нрава зѣло усерднаго, такъ безъ всякихъ обстоятельствъ объявилъ", что Дворъ Англійскій, увидѣвъ признаки союза между Россіею, Австріею и Испаніею, понизилъ голосъ и начинаетъ искать примиренія въ Вѣнѣ.—„Но я", говорилъ Рипперда, „всячески буду этому мѣшать, потому что все обманъ,—стараются только о томъ, какъ бы опять разъединить и произвести холодность; я уже получилъ полномочіе договориться съ вами и Швеціею о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, причемъ король мой согласенъ гарантировать герцогу Голштинскому Шлезвигъ; другое полномочіе получилъ я на заключеніе такого же договора съ Португаліею, и необходимо все это дѣло должно быть окончено въ нынѣшнемъ году".

Но въ концѣ 1725 года дѣло только началось и шло очень медленно. Въ началѣ 1726 года Ланчинскій былъ у принца Евгенія съ повтореніемъ многократныхъ прежнихъ представленій, чтобъ Вѣнскій Дворъ принялъ во вниманіе усиленіе Турокъ въ Персіи, что вредно какъ всему христіанству, такъ особенно Цесарю. Принцъ отвѣчалъ что англійскій посланникъ въ Константинополѣ подучаетъ Турокъ къ войнѣ противъ Россіи и Австріи, и для того совѣтуетъ имъ помириться съ ханомъ Эшрефомъ, причемъ хвастается Ганноверскимъ трактатомъ. „Мы", говорилъ принцъ, „разумѣется, обращаемъ большное вниманіе на Турецкія дѣла, и къ нашему резиденту при Портѣ скоро отправленъ будетъ указъ, чтобъ обходился съ русскими министрами откровенно и помогалъ имъ при всякомъ случаѣ". Когда послѣ этого Ланчинскій началъ говорить ему, чтобъ поскорѣе составленъ былъ проектъ союзнаго договора, то принцъ отвѣчалъ, что Вѣнскій Дворъ вполнѣ увѣренъ въ желаніи Россіи заключить съ нимъ союзъ, точно такъ же, какъ и Австрія желаетъ этого; но сильно сомнѣвается относительно Швеціи, которая, по многимъ извѣстіямъ, близка къ Ганноверскому союзу: дѣйствуютъ деньги,—Англичане 100,000 фунтовъ переслали въ Швецію; но во всякомъ случаѣ Цесарь готовъ заключить союзъ съ Россіею и безъ Швеціи. Оказывалось, что въ Вѣнѣ хотѣли, чтобъ Россія приступила къ союзу на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ приступила къ нему Испанія; надѣялись, что одно заключеніе союза между Россіею и Австріею удержитъ Турокъ отъ враждебныхъ дѣйствій противъ обоихъ Дворовъ; въ случаѣ же, если бы англійскія внушенія въ Константинополѣ взяли верхъ, то надѣялись управиться съ Турками въ союзѣ съ Россіею, къ которому должна была пристать и Венеція; эта республика сильно встревожена была успѣхами Турокъ въ Персіи и толковала о возобновленіи священнаго союза.

Въ апрѣлѣ 1726 года пріѣхалъ въ Петербургъ чрезвычайный цесарскій посланникъ, графъ Рабутинъ. Послѣ долгихъ переговоровъ съ нимъ и пересылокъ съ Ланчинскимъ, послѣдній заключилъ наконецъ въ Вѣнѣ, 6 августа 1726 года, договоръ между „освященнымъ цесарскимъ и королевскимъ католическимъ величествомъ и освященнымъ всерос-

сійскимъ величествомъ". Цесарь приступилъ къ союзу, заключенному между Россіею и Швеціею 1724 года, а Русская государыня приступила къ мирному трактату, заключенному между Испаніею и Австріею въ 1725 году, вслѣдствіе чего приняла на себя гарантію всѣхъ государствъ и провинцій, находящихся во владѣніи цесарскомъ, такъ что если кто нападетъ на Цесаря по причинѣ заключеннаго имъ договора съ Испаніею или по какой-нибудь другой причинѣ, то Русская государыня подаетъ ему помощь и, въ случаѣ нужды, объявляетъ войну нападчику и не заключаетъ съ нимъ мира, пока Цесарь не получитъ удовлетворенія. Цесарь, съ своей стороны, перенимаетъ гарантію всѣхъ государствъ и областей, находящихся во владѣніи ея всероссійскаго величества въ Европѣ, и, если кто нападетъ на нее по какой бы то ни было причинѣ, обязуется подать помощь и, въ случаѣ нужды, объявить наступательную войну, и не заключать мира, пока Россія не получитъ удовлетворенія. Договаривающіяся державы обязуются не давать убѣжища и помощи взбунтовавшимся подданнымъ и вассаламъ другъ друга, и, узнавая о вредныхъ умыслахъ, немедленно другъ другу сообщать о нихъ и содѣйствовать ихъ уничтоженію. Относительно взаимной помощи въ случаѣ вражьяго нападенія условлено, что обѣ державы присылаютъ другъ другу по 30,000 войска, именно—20,000 инфантеріи и 10 тысячъ драгунъ. Если бы Россія вознамѣрилась вооружить флотъ и употреблять его съ согласія Цесаря, то флотъ этотъ имѣетъ безопасное пристанище не только во всѣхъ цесарскихъ, но и въ испанскихъ владѣніяхъ. Положено пригласить къ заключаемому союзу короля, королевство Польское, и окончательно примирить ихъ съ Швеціею. Кромѣ того, Цесарь обѣщалъ помогать герцогу Голштинскому въ возвращеніи Шлезвига, и, наконецъ, въ секретнѣйшемъ артикулѣ обязательство Цесаря—подавать помощь вообще противъ всѣхъ нападчиковъ—было повторено именно относительно Турціи.

По отношеніямъ къ Востоку сочли необходимымъ заключить союзъ съ Австріею; но, разумѣется, не хотѣли быть принужденными исполнять условія союза вслѣдствіе войны Австріи съ ганноверскими союзниками, и потому сильно хлопотали о примиреніи Франціи съ Испаніею, чтобъ отнять у Франціи необходимость держаться Англіи. Въ началѣ 1727 года Ланчинскій говорилъ австрійскимъ министрамъ, чтобъ они похлопотали о примиреніи Франціи съ Испаніею. Принцъ Евгеній отвѣчалъ ему: „Мы сами этого желаемъ, но добрымъ способомъ, а Франція желаетъ этого своимъ способомъ". Въ Вѣнѣ не надѣялись на миръ, готовились къ войнѣ, вслѣдствіе чего и Россія должна была двинуть корпусъ войскъ къ границамъ [1]).

Въ Польшѣ, въ началѣ царствованія Екатерины, особенно занималъ вопросъ Торнскій. Зная, что Петръ ужъ являлся въ Польшѣ покровителемъ не одного православнаго Русскаго народонаселенія, но и всѣхъ диссидентовъ, министры протестантскихъ Дворовъ въ Варшавѣ обратились къ русскому министру, князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукому, съ требованіемъ, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ ними, поддерживалъ торнскихъ протестантовъ. Но Долгорукій совѣтовалъ своему Двору поступать осторожно: „Въ дѣлѣ Торнскомъ", писалъ онъ, „лучше нейтрально поступить, потому что, если-бъ, паче чаянія, у Польскаго Двора съ Прусскимъ произошло столкновеніе, то ваше величество будете тогда въ состояніи принять посредничество; также надобно смотрѣть, чтобъ не привести Поляковъ въ отчаяніе и не дать Саксонскому Двору повода исполнять свое намѣреніе, ибо когда Поляки увидятъ вашего величества соглашеніе съ Дворомъ Прусскимъ, котораго они опасаются и вообще ненавидятъ,—тогда, не видя себѣ ниоткуда надежды, принуждены будутъ принять предложеніе австрійскаго посланника, графа Вратислава, и заключить союзъ съ Дворомъ Цесарскимъ. Поляки Прусскаго Двора не боятся, Торнскаго декрета для него не измѣнятъ, и почти всѣ желаютъ войны съ Пруссіею, но при этомъ, по внушенію придворныхъ креатуръ, опасаются, что ваше величество вооружитесь противъ нихъ вмѣстѣ съ Прускимъ королемъ".

Въ Могилевѣ Рудаковскій продолжалъ свою коммисію. Отъ 24 февраля 1725 г. онъ написалъ еще на имя Петра любопытное донесеніе. „Въ здѣшнихъ краяхъ отъ злоковарственныхъ и злозамышляющихъ враговъ пobликуются, сердце и утробу мою проникающія, вѣдомости, что будто ваше императорское величество соизволилъ переселитися въ небесные чертоги, чему я, рабъ вашъ, не имѣя извѣстія отъ Двора вашего величества, весьма вѣры дать не могу. Слыша объ этомъ, мухи мертвыя носъ поднимать начинаютъ, думаютъ, что Русская имперія уже погибла, всюду радость, стрѣльба и попойки, и мнѣ отъ ихъ похвальбы изъ Могилева выѣзжать нельзя, да и въ Могилевѣ жизнь моя не безопасна". Извѣстіе о спокойномъ воцареніи Екатерины вывело Рудаковскаго изъ тяжелаго положенія: онъ поднялъ голову въ свою очередь, и началъ толковать, что новая императрица не оставитъ въ сиротствѣ Церковь Восточную, но будетъ всѣми силами ее оборонять, какъ единая благочестивая государыня и протекторка святаго благочестія. Донося о слухѣ, что будетъ война между Польшею и протестантскими державами по поводу Торнскаго дѣла, Рудаковскій писалъ: „Смѣху достойна отвага здѣшняго народа, у котораго нѣтъ ни денегъ, ни магазиновъ, ни войска, ни пушекъ, ни мелкаго оружія; который надѣется на одни свои сабли, да и тѣ уже очень позаржавѣли; правда, мелкая шляхта сядетъ на коней, но не для сопротивленія непріятелямъ, а только для грабежа и разоренія своего отечества. Если этотъ огонь загорится, то ни я, ни князь Четвертинскій, епископъ Бѣлорусскій, не можемъ оставаться здѣсь спокойно; да хотя бы огонь и не за-

[1]) Дѣла Австрійскія 1725—1727 годовъ.

горѣлся, то мнѣ безъ отряда русскихъ воинскихъ людей оставаться здѣсь нельзя, потому что многіе изъ шляхты присягнули лишить меня жизни; особенно враждебенъ мнѣ, за мою горячность къ Восточной Церкви, шляхтичъ Петръ Свяцкій". Страхъ предъ послѣдствіями Торнскаго дѣла былъ выгоденъ для Православныхъ, которыхъ теперь на время оставили въ покоѣ.

Въ апрѣлѣ 1725 года Рудаковскій былъ вызванъ въ Петербургъ, по какому случаю канцлеръ писалъ епископу Сильвестру, князю Четвертинскому, чтобъ онъ не сомнѣвался относительно этого вызова: императрица не оставитъ Православныхъ безъ защиты, и какъ скоро Рудаковскій дастъ отчетъ о подлинномъ состояніи Православныхъ въ Польшѣ, то или онъ возвратится, или кто-нибудь другой будетъ отправленъ на его мѣсто. Въ отвѣтъ на увѣдомленіе канцлера, Четвертинскій писалъ самъ императрицѣ: „Отзывъ Рудаковскаго сильно опечалилъ Церковь Божію и меня съ Православными, какъ корабельщиковъ на морѣ при усилившихся жестокихъ вѣтрахъ. Слезно прошу, да извольте подать руку помощи мнѣ, окруженному отовсюду смертными злоключеніями, и немедленно отправить къ намъ какую-нибудь особу, дабы заступалъ насъ, какъ господинъ коммисаръ, здѣсь обрѣтавшійся, или его же самого, потому что онъ знаетъ здѣшній край и его обычаи, стоялъ за правду и не молчалъ противъ враговъ нашихъ".

Опасенія епископа не были напрасны. Въ іюнѣ онъ писалъ императрицѣ: „По отъѣздѣ коммисара изъ Могилева, двоихъ служителей моихъ посадили въ тюрьму безо всякой причины, оковали имъ руки и ноги, стоящихъ къ стѣнѣ за шею приковали и шесть недѣль голодомъ морятъ; боясь такой же бѣды, прочіе духовные и мірскіе люди разбѣжались, оставя меня съ однимъ священникомъ. Если не присланъ будетъ скоро коммисаръ, то принужденъ буду оставить церковное правленіе. Тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ іезуиты на могилевскихъ мѣщанъ, которые не надѣются больше на русское покровительство. Также недавно прислали ко мнѣ мѣщане бѣшенковицкіе съ жалобою, что Православный священникъ отъ нихъ изгнанъ, и скоро они принуждены будутъ сдѣлаться уніатами. Виленскій бискупъ Чернявскій постановилъ, чтобъ церкви Православныя не строились выше школъ жидовскихъ; въ Оршѣ запрещено строить каменныя церкви; а частныя обиды дѣлаются Православнымъ каждый день".

Но, въ то же время, пришелъ въ Синодъ доносъ на Сильвестра изъ полоцкаго Богоявленскаго монастыря, вслѣдствіе чего Синодъ отправилъ къ нему такое посланіе: „Радуемся духовно о вашемъ благочестіи, въ которомъ Бѣлорусская епархія въ томъ же съ Великороссійскою и всею Восточною Церковію въ соединеніи непоколебимо пребываетъ. О семъ радуемся, яко о общемъ нашемъ и вашемъ спасеніи. Не безпечальны же есмы, слышаще о другихъ дѣлахъ твоихъ, неприличныхъ Православному епископу, именно: будто ты, господинъ епископъ, не по Бозѣ и не по доброй совѣсти, но по властолюбію, Православные монастыри, не подлежащіе твоей власти, вооруженною силою наѣзжая, подъ власть свою побиваешь, и по сребролюбію своему грабишь, противящихся озлобляешь и убиваешь, и своего, похищеннаго тобою, просящихъ — предаешь анаѳемѣ, и прочая, и прочая. Аще убо помянутая непотребная дѣла въ тебѣ обрѣтаются, господинъ епископъ, престани по доброжелательному нашему совѣту оными славитися себѣ на безчестіе; не простирай насильно власти твоея за предѣлы епархіи твоея, въ монастыри, подлежащіе Кіевской каѳедрѣ; похищенное возврати полоцкому Богоявленскому монастырю по реестру, при семъ написанному, и къ клятвѣ не буди скоръ".

Между тѣмъ, въ маѣ того же 1725 года, по поводу сейма, назначенъ былъ опять чрезвычайнымъ министромъ въ Польшу князь Василій Лукичъ Долгорукій, который, по пріѣздѣ въ Варшаву, нашелъ на первомъ планѣ Торнское дѣло. Въ сентябрѣ онъ писалъ императрицѣ: „По состоянію здѣшнихъ дѣлъ наилучшій способъ въ Торнскомъ дѣлѣ тотъ, чтобъ склонять обѣ заинтересованныя стороны къ принятію медіаціи вашего величества; для этого нужно, чтобъ короли Англійскій и Прусскій и другія государства, вступающіяся вмѣстѣ съ ними за диссидентовъ, не ослабѣвали въ своихъ домогательствахъ, требуя скораго окончанія дѣла, употребляя угрозы словомъ и дѣломъ; и я въ это время всѣми способами буду склонять Поляковъ къ принятію медіаціи вашего величества и поступать съ ними умѣренно". Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Долгорукій донесъ: „Не видя совершенно твердости въ поступкахъ протестантскихъ государей, я до сихъ поръ въ Торнское дѣло горячо вступать не хотѣлъ, чтобъ прежде времени не показать намѣреніе вашего величества, и тѣмъ не озлобить которой-нибудь изъ заинтересованныхъ сторонъ".

Къ концу 1725 года, Торнское дѣло затихло, потому что Пруссія, принявшаяся-было такъ горячо за него, испугалась возможности религіозной войны и ослабѣла въ своей настойчивости. Вмѣсто Торнскаго дѣла, на первый планъ выдвинулось дѣло Курляндское. Мы видѣли, что, въ ожиданіи смерти стараго и бездѣтнаго герцога Фердинанда, сосѣднія державы хлопотали, чтобы будущность Курляндіи устроилась согласно съ ихъ интересами, причемъ дѣло усложнялось и затруднялось тѣмъ, что претенденты на Курляндскій престолъ должны были вмѣстѣ быть и женихами герцогини-вдовы Анны Іоанновны. Короли Польскій и Прусскій предлагали своихъ кандидатовъ; Россія колебалась и медлила, не желая проводить вліянія этихъ королей на Курляндію; а Поляки хотѣли присоединить Курляндію къ своему государству, какъ вымороченный ленъ, раздѣлить ее на воеводства, чего никакъ не хотѣли допустить Россія и Пруссія, чего не хотѣлъ и король Польскій, хотя явно и не могъ этому противодѣйствовать. Самые вліятельные польскіе вельможи

говорили Долгорукому: „Курляндія безспорно принадлежитъ Рѣчи Посполитой; республика готова оружіемъ защищать свои права и не допустить, чтобъ Фердинандъ имѣлъ преемника, зная, что новый Курляндскій князь будетъ имѣть родственниковъ или друзей, отчего Рѣчи Посполитой великія безпокойства и опасность, а Рѣчь Посполитая въ своихъ владѣніяхъ хочетъ быть спокойна, и для того не пожалѣетъ не только денегъ, но и крови". До сихъ поръ дѣло шло тихо, потому что претенденты дѣйствовали только дипломатическимъ путемъ, посредствомъ покровительствовавшихъ имъ Дворовъ; но теперь явился претендентъ, который захотѣлъ взять съ бою невѣсту и герцогство. То былъ молодой Морицъ, графъ Саксонскій, побочный сынъ Польскаго короля Августа II. Морицъ, уже заключившій разъ бракъ по разсчету съ богатою наслѣдницею, Викторіею фонъ-Лёбенъ, развелся съ нею, и теперь искалъ другой богатой невѣсты. Такою была герцогиня Анна Курляндская. Кромѣ того, саксонскій посланникъ въ Петербургѣ, Лефортъ, писалъ Морицу, что можно взять Курляндію въ приданое и за болѣе привлекательною невѣстою, именно за второю дочерью императрицы Екатерины, Елисаветою Петровною. Морицъ объявилъ Долгорукому, что желаетъ знать, согласна ли будетъ императрица на то, чтобы онъ занялъ Курляндскій престолъ, а безъ соизволенія ея величества дѣла не начнетъ. Литовскій подканцлеръ, князь Чарторыйскій, говоря Долгорукому, что напрасно Морицъ затѣваетъ такое неосновательное дѣло, прибавилъ, что, по слухамъ, дѣло начато по согласію съ Русскою государынею. Долгорукій отвѣчалъ, что ея величество не имѣетъ никакого понятія о затѣяхъ Морица. Весною 1726 года, при Польскомъ Дворѣ рѣшили отправить Морица въ Курляндію и Петербургъ, подъ предлогомъ претензій, которыя его мать, графиня Кенигсмаркъ, имѣла на нѣкоторыя земли въ Прибалтійскихъ областяхъ. 24 апрѣля, король Августъ разговаривалъ въ своемъ саду съ Долгорукимъ, въ присутствіи Морица. Разговоръ зашелъ о слухѣ, что императрица Екатерина отправилась въ Ригу; король сказалъ Морицу: „Если этотъ слухъ справедливъ, то тебѣ только половину дороги ѣхать" Послѣ этого разговора Морицъ началъ говорить Долгорукому, что король велѣлъ ему самому ѣхать ко Двору императрицы и просить ея соизволенія начинать Курляндское дѣло; Морицъ при этомъ спросилъ у Долгорукаго, что̀ онъ ему присовѣтуетъ. Тотъ отвѣчалъ, что лучше ему дожидаться въ Варшавѣ извѣстія о согласіи императрицы, и Морицъ объявилъ, что будетъ дожидаться. 7 мая Долгорукій писалъ въ Петербургъ „2 числа пріѣзжалъ ко мнѣ Морицъ и сказалъ, что король непремѣнно велитъ ему ѣхать въ Петербургъ, какъ можно скорѣе, и потому онъ, Морицъ, хочетъ выѣхать того же числа; но я его разными разсужденіями удержалъ, и надѣюсь еще удержать до 14 числа, но больше не надѣюсь, потому что король очень спѣшитъ его поѣздкою; удерживаю его здѣсь для того: если это дѣло вашему императорскому величеству не угодно, то чтобъ поѣздкою Морица не подать Полякамъ напраснаго подозрѣнія на ваше императорское величество. Я вижу, что король, не желая озлобить Рѣчи Посполитой, ничего явно въ пользу Морица дѣлать не хочетъ; и что̀ по сіе время дѣлается,—король отъ всего отрекается и хочетъ помогать только подъ рукою разными способами. Литовскій гетманъ Потѣй и нѣкоторые другіе изъ вельможъ, для короля, помогаютъ Морицу въ этомъ дѣлѣ, а другіе помогать обѣщаютъ. А ввести Морица въ Курляндію думаютъ такимъ образомъ: король тайно отъ министровъ польскихъ подписалъ позволеніе Курляндцамъ созвать сеймъ для избранія герцога; но на этомъ позволеніи нѣтъ печати, и хотя Морицъ давалъ подканцлеру коронному, Липскому, тысячу червонныхъ за приложеніе печати, однако тотъ не согласился; поэтому король велѣлъ Морицу ѣхать въ Петербургъ чрезъ Вильну, гдѣ живутъ гетманъ Потѣй и канцлеръ Литовскій Вишневецкій, который долженъ приложить литовскую печать къ королевскому позволенію".

Между тѣмъ, еще въ мартѣ Бестужевъ далъ знать изъ Митавы, что туда пріѣхалъ литовскаго войска генералъ-кригсъ-комисаръ, курляндскій шляхтичъ Карпъ, съ вѣрящимъ письмомъ отъ Литовскаго гетмана Потѣя къ курляндскимъ оберъратамъ. Карпъ объявилъ, что король позволяетъ просить себѣ герцога, какого захотятъ, только бы онъ былъ угоденъ королю, который обѣщаетъ содержать Курляндію при древнихъ правахъ и вольностяхъ, при сеймѣ помогать и до раздѣленія на воеводства не допускать. Карпъ явился и къ Бестужеву съ объявленіемъ, что онъ присланъ въ Митаву разузнать, пріятенъ ли будетъ Курляндцамъ принцъ Морицъ Саксонскій, также при Дворѣ царевны Анны провѣдать, согласна ли она будетъ вступить въ бракъ съ Морицемъ, и если императрица будетъ согласна на этотъ бракъ, то можно въ Митавѣ сочинить и свадебный договоръ. Оберъраты, съ своей стороны, объявили Бестужеву, что они желаютъ имѣть герцогомъ Морица съ тѣмъ, чтобъ онъ женился на герцогинѣ Аннѣ. Несмотря на эту подготовку въ Митавѣ, король Августъ, особенно по настоянію канцлера короннаго Шембека, перемѣнилъ, разумѣется наружно, свое намѣреніе и запретилъ Морицу ѣхать въ Курляндію. Но Морицъ не послушался и тайкомъ ускользнулъ изъ Варшавы. Въ Митавѣ онъ представился герцогинѣ Аннѣ и успѣлъ ей сильно понравиться; успѣлъ онъ понравиться и курляндскому дворянству: „Моя наружность имъ понравилась", писалъ Морицъ. Пріѣхалъ изъ Варшавы отправленный туда еще въ 1724 году курляндскій депутатъ Бракль и объявилъ, именемъ королевскимъ, что если Курляндцы выберутъ въ герцоги Морица, то онъ, король, склонитъ Рѣчь Посполитую признать его, и съ русской стороны не будетъ накакого пре-

пятствія; другого же никакого кандидата ни король, ни Рѣчь Посполитая не допустятъ и раздѣлятъ Курляндію на воеводства [1]).

Но что скажутъ объ этомъ въ Варшавѣ, Берлинѣ, и особенно въ Петербургѣ? Въ Петербургѣ 16 мая, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, разсуждали, что Морица въ герцоги Курляндскіе по многимъ причинамъ допустить невозможно, а надобно вмѣсто него пріискать другого принца, который бы королямъ Прусскому и Польскому не былъ противенъ,— именно двоюроднаго брата герцога Голштинскаго, втораго сына умершаго епископа Любскаго. Императрица одобрила это рѣшеніе, прибавивъ, что и покойный императоръ не согласился посадить на Курляндскій престолъ герцога Вейсенфельскаго, какъ Саксонскаго принца [2]). Къ Петру Бестужеву въ Курляндію отправленъ былъ 31 мая указъ: „Избраніе Морица противно интересамъ русскимъ и курляндскимъ: 1) Морицъ, находясь въ рукахъ королевскихъ, принужденъ будетъ поступать по частнымъ интересамъ короля, который чрезъ это получитъ большую возможность приводить въ исполненіе свои планы въ Польшѣ; а планы эти и намъ и всѣмъ прочимъ сосѣдямъ курляндскимъ могутъ быть иногда очень противны, отчего и для самой Курляндіи могутъ быть всякія сомнительныя послѣдствія. 2) Между Россіею и Пруссіею существуетъ соглашеніе удержать Курляндію при прежнихъ ея правахъ; Россія не хочетъ навязать курляндскимъ чинамъ герцога изъ Бранденбургскаго Дома; но если они согласятся на избраніе Морица, то Прусскій Дворъ будетъ имѣть полное право сердиться, зачѣмъ Бранденбургскому принцу предпочтенъ Морицъ. И тогда Курляндія со стороны Пруссіи не будетъ имѣть покоя. Пруссія скорѣе согласится на раздѣленіе Курляндіи на воеводства, чѣмъ на возведеніе въ ея герцоги Саксонскаго принца. 3) Поляки никогда не позволятъ, чтобъ Морицъ былъ избранъ герцогомъ Курляндскимъ и помогалъ отцу своему въ его замыслахъ относительно Рѣчи Посполитой“ [3]). Но представленія Бестужева не имѣли никакой силы. Всѣ депутаты, съѣхавшіеся на сеймъ, хотя и порознь, но единогласно отвѣчали, что они со стороны Россіи имѣютъ обѣщаніе не допускать до нарушенія ихъ правъ; теперь они поступаютъ по своимъ правамъ, и крѣпко надѣются, что императрица ихъ правъ нарушить не велитъ, а позволитъ царевнѣ Аннѣ вступить въ бракъ съ графомъ Морицемъ; если они выпустятъ изъ рукъ настоящій счастливый случай, то онъ уже никогда не возвратится, Курляндія будетъ раздѣлена на воеводства,—и память ея погибнетъ. 18 іюня сеймъ единогласно избралъ Морица. Анна послала къ Меншикову и Остерману письма съ просьбою, чтобъ убѣдили императрицу дать согласіе на бракъ ея съ Морицемъ. Между тѣмъ, кромѣ Морица и герцога Голштинскаго, явились и другіе претенденты: старый герцогъ Фердинандъ предложилъ принца Гессенъ-Кассельскаго. Разумѣется, въ Петербургѣ не могли принять этого предложенія по извѣстнымъ отношеніямъ къ Шведскому королю, также Гессенскому принцу; въ Петербургѣ, подлѣ прежняго кандидата, молодаго епископа Любскаго, явился новый — свѣтлѣйшій князь Меншиковъ. Уже лѣтъ пятнадцать тому назадъ Меншиковъ сталъ хлопотать о Курляндскомъ престолѣ, и въ 1711 году хотѣлъ предложить Польскому королю 200,000 рублей, если тотъ поможетъ его предпріятію; въ Курляндіи составилась партія въ пользу Меншикова, главою которой былъ генералъ Ренне; но при Петрѣ Меншикову было трудно ставить свои личныя выгоды подлѣ государственныхъ; теперь же обстоятельства перемѣнились. 2 апрѣля 1726 года Меншиковъ написалъ князю Василью Лукичу, въ Варшаву, слѣдующее письмо: „Г. Бестужевъ изъ Митавы пишетъ, что королевское величество Польской предлагалъ курляндскому правительству, дабы выбрали кого желаютъ въ князи Курляндскіе, а понеже тогда какъ я первый разъ имѣлъ маршъ Помераніи, многіе знатные изъ шляхетства курляндскаго мнѣ желали въ князи; и господинъ фельдмаршалъ Флеммингъ и Дворъ королевской къ тому въ тѣ времена были склонны; того ради вашего сіятельства, какъ истиннаго моего друга, прошу, изволить въ семъ случаѣ меня помогать и моею персоною у тамошнихъ министровъ какъ наилутче къ тому рекомендовать, и господамъ Флеммингу и Шембеку, или кому ваша милость за потребно разсудитъ, нѣкоторую сумму денежную отъ меня обѣщать, дабы въ томъ помогли, и надѣюсь, что его королевское величество за ихъ протекціею тую милость мнѣ явить изволитъ паче егда вѣрностію моею и услугами обнадеженъ будетъ“ [4]). 18 іюня императрица изволила разсуждать въ Совѣтѣ, что ни принца Гессенъ-Кассельскаго, по представленію герцога Фердинанда, ни принца Морица, по старанію короля Польскаго, по многимъ причинамъ, допускать къ избранію въ герцоги Курляндскіе не надлежитъ. Всѣ члены Совѣта единогласно совѣтовали, что для уничтоженія этихъ выборовъ и для избранія кандидатовъ, представленныхъ съ русской стороны, надобно отправить немедленно въ Курляндію знатныхъ персонъ. Императрица приказала ѣхать князю Меншикову подъ предлогомъ осмотра войскъ для предосторожности отъ англійской и датской эскадръ, а въ случаѣ надобности,—для устрашенія Курляндцевъ, можно выставить полки за Двину, но при этомъ не предпринимать никакихъ непріятельскихъ дѣйствій; для склоненія курляндскихъ чиновъ къ выбору русскихъ кандидатовъ, вмѣстѣ съ Меншиковымъ, ѣхать князю Василью Лукичу Долгорукому. Если Курляндцы не согласятся на выборъ князя Меншикова, то предложить имъ герцога Голштинскаго, сына епископа

[1]) Дѣла Польскія 1725—1726 годовъ.

[2]) Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Моск. архивѣ мин. ин. д.

[3]) Кабинетъ II, кн. № 77.

[4]) Дѣла Польскія и Курляндскія 1726 года.

Любскаго; потомъ прибавлены были еще два кандидата,—принцы Гессенъ-Гомбургскіе, находившіеся въ русской службѣ [1]). На мѣсто князя Долгорукаго былъ назначенъ въ Польшу бывшій въ Стокгольмѣ Михайла Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

26 іюня, пріѣхавъ въ Митаву, князь Долгорукій призвалъ членовъ правительства, сеймоваго маршала, депутатовъ, и объявилъ имъ, что императрица графа Морица въ герцоги Курляндскіе допустить никакъ не изволитъ, и если онъ уже избранъ, то эти выборы должны быть уничтожены, и долженъ быть избранъ или князь Меншиковъ, или герцогъ Голштинскій; въ противномъ случаѣ императрица лишитъ ихъ своего покровительства и, быть можетъ, возбудитъ противъ нихъ Рѣчь Посполитую. Маршалъ отвѣчалъ, что сеймъ кончился, депутаты разъѣхались, а которые остались, тѣ ничего сдѣлать не могутъ; вновь созвать депутатовъ и уничтожить выборы нельзя, ибо это противно ихъ правамъ и обычаямъ: князя Меншикова избрать нельзя, потому что онъ не нѣмецкаго происхожденія и не лютеранскаго закона; герцогу же Голштинскому только 13 лѣтъ и до совершеннолѣтія никакой пользы Курляндіи отъ него не будетъ; притомъ они не могутъ избирать никого безъ позволенія королевскаго. „Когда хотятъ драться, то берутъ всегда секундантовъ", сказалъ имъ Долгорукій, намекая на то, что имъ предстоитъ борьба съ Польшею, причемъ необходима русская помощь. Курляндцы отвѣчали, что не имѣютъ нужды въ секундантахъ, потому что биться не хотятъ; однако обѣщали подумать [2]). Но отъ этого думанія Долгорукій не получилъ никакой пользы: всѣ дальнѣйшіе переговоры оканчивались упорнымъ отказомъ. 27 іюня пріѣхалъ въ Ригу Меншиковъ, и такъ описывалъ императрицѣ случившееся съ нимъ здѣсь: „Вашему величеству всенижайше доношу: прибылъ я въ Ригу сего мѣсяца 27 числа, а 28, увѣдавъ о моемъ прибытіи, прибыла сюда царевна Анна Ивановна въ коляскѣ съ одною дѣвушкою, и, не бывъ въ городѣ, стала за Двиною и прислала ко мнѣ служителя своего, который мнѣ объявилъ о прибытіи ея высочества и просилъ, дабы я къ ея высочеству пріѣхалъ туда повидаться, что́, я выслушавъ, тотчасъ поѣхалъ, и когда прибылъ въ квартиру ея высочества, тогда изволила принять меня благопріятнымъ образомъ и, приказавъ всѣхъ выслать и не вступая въ дальніе разговоры, начала рѣчь о извѣстномъ курляндскомъ дѣлѣ съ великою слезною просьбою, чтобъ въ утвержденіи герцогомъ Курляндскимъ князя Морица и, по ея желанію, о вступленіи съ нимъ въ супружество могъ я исходатайствовать у вашего величества милостивѣйшее позволеніе, представляя резоны: первое, что уже столько лѣтъ какъ вдовствуетъ; второе; что блаженные и вѣчно достойные памяти государь императоръ имѣлъ о ней попеченіе и уже о ея супружествѣ съ нѣкоторыми особами и трактаты были написаны, но не допустилъ того нѣкоторый случай. На что я со учтивостію ея высочеству отвѣтствовалъ, что ваше величество онаго Морица до герцогства Курляндскаго для вредительства интересовъ россійскихъ и польскихъ допустить не изволите; второе - ея высочеству въ супружество съ нимъ вступать неприлично, понеже оной рожденъ отъ метресы, а не отъ законной жены, что́ вашему величеству и ея высочеству и всему государству будетъ безчестно; третье, ваше величество изволите трудиться для интересовъ Россійской имперіи, чтобъ оная отъ сей стороны всегда была безопасна и для пользы всего княжества Курляндскаго, дабы оное подъ высокою вашего величества протекціею при своей вѣрѣ и вольности въ вѣчныя времена попрежнему было. И для того изволили указать представить сукцессоровъ, которые написаны въ инструкціи князя Долгорукаго, дабы ея высочество о такомъ вашемъ высокомъ соизволеніи была извѣстна и избирала изъ того лучшее; что же Петръ Бестужевъ, имѣя вашего величества указы и вѣдая того дѣла важность, не такъ поступалъ и повидимому чинилъ факціи,—объ ономъ особливой указъ имѣю, которое мое предложеніе ея высочество выслушавъ, разсудила все то свое намѣреніе оставить, и наивящшее желаетъ дабы въ Курляндіи герцогомъ быть мнѣ, понеже она во владѣніи своихъ деревень надѣется быть спокойна; ежели же другой кто избранъ будетъ, то она не можетъ знать, ласково-ль съ нею поступать будетъ, и дабы ея не лишалъ вдовствующаго пропитанія; притомъ же съ великимъ прошеніемъ упоминала, чтобъ Бестужева ни до какого бѣдства не допустить и быть бы ему при ней попрежнему, на что ея высочеству паки я отвѣтствовалъ: ежели она чрезъ трудъ свой то Морицево избраніе опровергнетъ и вмѣсто того учинитъ такъ, какъ вашего величества высокое есть изволеніе, то я о отпущеніи вины его ваше величество съ покорностію просить буду, на что съ великою охотою склонилась, объявляя, что для опроверженія того Морицова дѣла призоветъ къ себѣ канцлера Кейзерлинга, и прикажетъ ему курляндскимъ правителямъ и депутатамъ къ опроверженію того Морицева дѣла всѣ вышеописанные представлять резоны, и съ тѣмъ намѣреніемъ вчерашняго числа поѣхала въ Митаву. А послѣ отъѣзду ея высочества, пополуночи въ первомъ часу, прибылъ въ Ригу тайный дѣйствительный совѣтникъ князь Долгорукій и Бестужевъ, которые мнѣ объявили, что князь Долгорукій, по силѣ своей инструкціи, предоставлялъ имя мое и герцога Голштейнскаго, а о Гессенъ-Гомбурскихъ князьяхъ еще не упоминалъ. Курляндцы отвѣтствовали, что того учинить невозможно: меня—для вѣры, а принца Голштейнскаго—что еще молодъ; притомъ же депутаты князю Долгорукому объявляли, что о имени моемъ по киршпилямъ нигдѣ было не упомянуто, а ежелибъ о

[1]) Дѣла Верхов. Тайн. Совѣта.

[2]) Журналъ Морица — Кабин. Ц. кн. № 77; дѣла Курляндскія.

имени моемъ по киршпилямъ было объявлено заблаговременно, то-бъ въ томъ дѣлѣ могли инако поступать; а понеже объявлено было объ одномъ Морицѣ, котораго они по своимъ правамъ изобрали и перемѣнять не будутъ, а ежелибъ того не учинили, то-бъ Рѣчь Посполитая раздѣлила Курляндію на воеводства и вся-бъ Курляндія отъ того могла пропасть, на что князь Долгорукій имъ предлагалъ, что то они учинили интересамъ Россійской имперіи весьма противно, и ежели не отмѣнятъ, то съ ними другимъ образомъ поступлено будетъ, что, выслушавъ, хотѣли совѣтовать. Бестужеву я говорилъ, для чего онъ по силѣ вашего величества указовъ о мнѣ и о князѣ Голштейнскомъ не предлагалъ и то дѣло пропустилъ,—и онъ мнѣ на то отвѣтствовалъ, что ему велѣно о томъ стараться подъ рукою, о чемъ онъ подъ рукою старался и съ нѣкоторыми о томъ на словахъ и спорилъ, на что ему я пока припоминалъ, хотябъ онъ о томъ и подлинно указу не имѣлъ, однакожъ, видя такой противной случай, письмянно-бъ протестовалъ и оного Морица до того не допускалъ; но понеже изо всѣхъ его оправданій повидимому кажется, что во избраніи Морицовомъ желаніе было для того, чтобъ царевнѣ вступить съ нимъ въ супружество, а Бестужеву вѣчно остаться въ Курляндіи" [1]). По отсылкѣ этого письма, Меншиковъ отправился въ Митаву съ большимъ конвоемъ и велѣлъ отряду русскихъ войскъ вступить ночью въ этотъ городъ. На другой день утромъ Морицъ явился къ нему и не заводилъ рѣчи о причинѣ его пріѣзда; Меншиковъ самъ сталъ говорить, и говорилъ то же самое, что́ и князь Долгорукій прежде, только съ большею силою. „Императрица желаетъ", говорилъ онъ, „чтобъ курляндскіе чины собрались снова и произвели новые выборы, которые могутъ пасть только или на меня, или на герцога Голштинскаго, или на одного изъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, единственно для этого дѣла я и въ Митаву пріѣхалъ".—„Сеймъ кончился", отвѣчалъ Морицъ, „чины разъѣхались; сеймъ выбралъ меня, и не можетъ выбрать другого; а если заставить выбрать силою, то принужденіе отниметъ у выборовъ всю важность. Или Курляндія будетъ раздѣлена на воеводства и присоединена къ Польшѣ, или удержитъ свою древнюю форму правленія, въ какомъ случаѣ я одинъ могу быть герцогомъ; или, наконецъ, Курляндія будетъ завоевана Россіею".— „Ничего этого не будетъ", сказалъ Меншиковъ.— „Что же будетъ съ Курляндіей?" спросилъ Морицъ.—„Она не можетъ искать другого покровительства, кромѣ русскаго", отвѣчалъ Меншиковъ. Въ тотъ же день онъ призвалъ сеймоваго маршала, канцлера и нѣкоторыхъ депутатовъ, и объявилъ имъ о необходимости произвесть новые выборы; въ противномъ случаѣ грозилъ имъ Сибирью, а Курляндіи - введеніемъ въ нее 20,000 русскаго войска [2]).

Когда Меншиковъ, 3-го іюля, далъ знать объ этомъ въ Петербургъ, то здѣсь встревожились и разсердились на свѣтлѣйшаго за такой крутой поворотъ дѣла, могшій повлечь къ большимъ непріятностямъ при тогдашнихъ отношеніяхъ Россіи. Герцогиня Анна Іоанновна, пріѣхавшая въ это время въ Петербургъ, усиливала раздраженіе своими жалобами. Императрица написала Меншикову: „Мы вполнѣ одобряемъ объявленіе, сдѣланное вами графу Морицу и курляндскимъ чинамъ, что мы избраніемъ графа Морица очень недовольны и не можемъ согласиться на него, какъ на противное правамъ Рѣчи Посполитой. Но что касается до того, что вы принудили ихъ собрать новый сеймъ для избранія кандидатовъ, по предложенію князя Василья Лукича, то мы не знаемъ, будетъ ли это полезно нашимъ интересамъ и намѣреніямъ: мы избраніе графа Морица особенно опорочили тѣмъ, что оно совершилось вопреки правамъ Рѣчи Посполитой; а если теперь мы сами, безъ вѣдома и согласія Рѣчи Посполитой, будемъ принуждать курляндскіе чины къ новымъ выборамъ, то Рѣчь Посполитая за это на насъ можетъ озлобиться, и курляндскіе чины станутъ говорить, будто они силою принуждены къ новому избранію, и чтобъ этимъ не сдѣлать нашимъ намѣреніямъ остановки и вдругъ не затѣять безвременной ссоры съ королемъ и Рѣчью Посполитою. Поэтому, пока вы тамъ будете, надобно вамъ разсуждать и совѣтоваться съ княземъ Васильемъ Лукичемъ, который состояніе этого дѣла въ Польшѣ лучше знаетъ, и поступайте съ общаго съ нимъ согласія, какъ полезнѣе будетъ нашимъ интересамъ, чтобъ безвременно съ Рѣчью Посполитою въ ссору не вступить; и если Рѣчь Посполитая взглянетъ враждебно на новые выборы, то не лучше ли будетъ сперва хлопотать въ Польшѣ, чтобъ Рѣчь Посполитую къ нашимъ намѣреніямъ склонить, ибо потомъ легко будетъ чины курляндскіе и добрымъ способомъ привести къ тому, что будетъ сочтено для насъ полезнымъ. Хотя вы пишете, чтобъ вамъ побыть еще тамъ, пока сеймъ окончится, и хотя это было бы недурно, однако и здѣсь вы надобны для совѣта о нѣкоторыхъ новыхъ и важныхъ дѣлахъ, особенно о шведскихъ, ибо пришла вѣдомость, что Швеція къ Ганноверцамъ пристаетъ; поэтому вамъ долго медлить тамъ нельзя, но возвращайтесь сюда" [3]).

Меншиковъ выѣхалъ изъ Митавы, а 28 іюля въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ полученъ былъ указъ императрицы: „Понеже нынѣ курляндскія дѣла находятся въ великой конфузіи, и не можемъ знать, кто въ томъ дѣлѣ правъ или виноватъ, того для надлежитъ немедленно освидѣтельствовать и изслѣдовать о поступкахъ тайнаго совѣтника Бестужева, что онъ, будучи въ Курляндіи, все ли по указамъ чинилъ, и потомъ у рейхсмаршала нашего князя Меншикова и у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Долгорукаго взять на письмѣ

[1]) Дѣла Меншикова въ Москов. архивѣ мин. ин. д.
[2]) Кабин. II, кн. № 77.

[3]) Тамъ же I, кн. 59.

репорты на указы наши и освидѣтельствовать, что, будучи въ Курляндіи, все ли они тако чинили, какъ тѣ наши указы повелѣвали". Совѣтъ, въ засѣданіи 2 августа, оправдалъ Бестужева; но на другой день императрица сама присутствовала въ Совѣтѣ и объявила, что, по ея мнѣнію, Петръ Бестужевъ не безъ вины: указы были посланы съ осмотрѣніемъ, и если бы по нихъ поступлено было, то-бъ ни до чего не дошло. Несмотря однако на это, Екатерина приказала дѣло прекратить. Въ засѣданіи Совѣта 6-го августа, императрица разсуждала о томъ, какъ несостоятельно желаніе свѣтлѣйшаго князя, ея подданнаго, быть герцогомъ Курляндскимъ, до чего конечно ни король, ни Поляки допустить не могутъ; поэтому приказала послать указъ Михайлѣ Бестужеву, чтобъ онъ больше о Меншиковѣ при Дворѣ Польскомъ не предлагалъ, но старался о другихъ кандидатахъ, и если Польскій Дворъ ихъ не приметъ, то дать на его волю, кого самъ захочетъ, кромѣ Морица и принца Гессенъ-Кассельскаго [1]).

Видѣли, что Меншиковъ раздражилъ Курляндцевъ противъ Россіи, и хотѣли изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное свѣтлѣйшимъ, потому что прежде всего хотѣли поддержать въ Курляндцахъ отвращеніе къ слитію съ Польшею. Въ концѣ 1726 года положили отправить въ Митаву генералъ-майора Девьера, которому дали секретную инструкцію: „Надобно вамъ тайнымъ образомъ развѣдать, кто изъ Курляндцевъ желаетъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, и кто этого не желаетъ; кто относится доброжелательно къ Россіи и требуетъ ея покровительства. Надобно вамъ искуснымъ образомъ чины курляндскіе уговаривать, чтобъ они крѣпко стояли при своихъ правахъ, чтобъ быть имъ попрежнему, подъ особымъ своимъ герцогомъ. Доброжелательныхъ Курляндцевъ обнадежьте нашею милостію и прилежно трудитесь всякими способами имъ внушать, чтобъ они и противную партію къ себѣ склоняли, чтобъ всѣ сообща стояли при своихъ правахъ; при этомъ можно раздавать подарки и денежныя дачи; такъ же провѣдайте, нельзя ли склонить къ принятію подарковъ тѣхъ польскихъ вельможъ, которые назначены будутъ въ коммисію для рѣшенія курляндскаго дѣла; но такъ какъ это дѣло очень деликатное, то поступайте какъ можно осторожнѣе и скрытнѣе. Также развѣдайте о Морицѣ, гдѣ онъ теперь и въ какомъ положеніи находится; постарайтесь съ нимъ повидаться и разузнать обо всѣхъ его намѣреніяхъ,—но чтобъ это свиданіе происходило тайнымъ образомъ и не могло возбудить подозрѣнія ни въ Полякахъ, ни въ Курляндцахъ" [2]).

10-го января 1727 года Девьеръ уже донесъ императрицѣ о своемъ свиданіи съ Морицемъ: „Вчерашняго дня удалось мнѣ видѣть тайно господина Морица, и, сколько могъ я примѣтить, желаетъ онъ сильно быть подъ покровительствомъ вашего величества и во всемъ полагается на вашу волю. Когда случалось въ разговорѣ упоминать о имени вашего величества, то у него изъ глазъ слезы выступали; замѣтивъ это раза два и три, я спросилъ у него, отъ чего это онъ плакать хочетъ. И онъ отвѣчалъ: „Сердце у меня болитъ, что добрые люди обнесли меня государынѣ напрасно; много разъ писалъ я ея величеству, чтобъ быть мнѣ въ Петербургѣ и донести обстоятельно, какъ дѣло было, и какъ насъ обнадеживали". Морицъ хочетъ просить у вашего величества высокой милости и дать такое обѣщаніе въ вѣрности, какое угодно будетъ вашему величеству. А если ваше величество подозрѣваете, что онъ можетъ поступать вопреки интересамъ русскимъ, то это дѣло несбыточное, потому что Курляндцы не обязаны никому помогать: въ этомъ состоитъ ихъ право; да хотя бы и хотѣли, то не могутъ по недостатку средствъ. Морицъ говоритъ о здѣшнемъ герцогѣ, что онъ почти никакой власти не имѣетъ, какъ будто кукла, и Курляндцы не только помогать другимъ, и самихъ себя едва прокормить могутъ.—Здѣшніе дворяне почти всѣ его любятъ и всѣ, въ честь его, носятъ такое же платье, какъ и онъ; онъ ѣздитъ часто къ нимъ по деревнямъ, и дворяне иногда говорятъ между собою въ компаніяхъ: „Надобно намъ за него умереть".

Несмотря на это донесеніе Девьера, столь благопріятное для Морица, въ Петербургѣ посмотрѣли иначе на дѣло, принявъ во вниманіе тогдашнія *конъюнктуры*. Здѣсь разсуждали, что дѣло графа Морица, при нынѣшнихъ конъюнктурахъ, весьма деликатно и небезопасно, во-первыхъ потому, что за него надобно въ ссору вступить съ Рѣчью Посполитою; а русскіе интересы теперь требуютъ, что если уже войны миновать невозможно, то по крайней мѣрѣ надобно стараться, чтобъ она не была на границахъ. Во-вторыхъ, въ этой ссорѣ ни откуда ея величеству помощи не будетъ, ниже отъ самого короля Польскаго, который, ни въ качествѣ курфюрста Саксонскаго, съ Рѣчью Посполитою ссориться или намъ противъ нея помогать не можетъ, и до сихъ поръ никакихъ пред-

---

[1]) Дѣла Верх. Тайн. Совѣта.

[2]) Письма Девьера въ Госуд. архивѣ; дѣла Курляндскія.—Лефортъ продолжалъ сватать Морицу невѣстъ и требовалъ, чтобъ онъ самъ пріѣхалъ въ Петербургъ, «qu'il fasse belle figure, grande table, fêtes, cadeaux, car les femelles aiment la joye et le parti russien demande ça. J'ose dire aussi qu'il faut des largesses à propos». Графъ Мантейфель спрашивалъ Лейферта: «Dites moi à l'oreille, combien vous croyez qu'il faut droit au C. de S. pour gagner les amis en vos cantons»? Лефортъ отвѣчалъ: „La chose n'est pas facile á déterminer, il s'agit de savoir si c'est pour Nan (Анна) ou pour Lis, (Елисавета). La princesse Elisabeth est une place forte à emporter non impossible, car à l'aide du cofre fort la place se rendra. La D. de Courlande coutera, mais pas tant. L'on juge ici, que si la pr. Elisabeth manque, l'on serait mieux de s'attacher à la fille de Menzikow, qu'à la D. de Courlande, elle aura des espèces, sera bien fournie". Потомъ Лефортъ предлагалъ графиню Софью Карловну Скавронскую. Weber's, Moritz, Graf von Sachsen.

ложеній объ этомъ не сдѣлалъ. Въ-третьихъ, принявши сторону Морица, озлобляемъ короля Прусскаго и вовсе его потерять можемъ. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на сообщеніе, сдѣланное на дняхъ отъ Цесарскаго Двора о согласіи и обязательствахъ, въ которыхъ будто Морицъ находится съ Англіею, и намѣренъ Англичанамъ отдать одну гавань въ Курляндіи. Вслѣдствіе этого рѣшенія, 21-го января императрица велѣла написать Девьеру: „Такъ какъ мы изъ реляцій твоихъ усмотрѣли, что сеймъ отложенъ до 14-го февраля, то, пользуясь этой отсрочкою, пріѣзжайте сюда къ намъ на время; и хотя писалъ къ вамъ нашимъ указомъ тайный совѣтникъ Макаровъ, чтобъ съ извѣстною персоною свиданіе отложить, но такъ какъ мы усмотрѣли изъ вашей реляціи, что свиданіе уже произошло, то быть тому такъ, только впредь свиданія съ нимъ болѣе не имѣйте, и, по возможности, отъ него удаляйтесь, чтобъ больше не нажить подозрѣнія". 4-го февраля написана была новая тайная инструкція Девьеру: „Курляндцевъ продолжайте накрѣпко обнадеживать, что мы имъ всемѣрно будемъ помогать держаться при прежнихъ правахъ и привилегіяхъ, не упоминая притомъ ни о графѣ Морицѣ, ни о какомъ иномъ кандидатѣ, и эти обнадеживанія можете дѣлать явно и тайно, только словесно, а не письменно. Если Курляндцы будутъ требовать, чтобъ вы объявили имъ намѣреніе Россіи относительно графа Морица, то можно двумъ или тремъ особамъ изъ главныхъ сторонниковъ Морица, которымъ совершенно вѣрить можно, въ самомъ высшемъ секретѣ объявить, что, поспѣшивъ своимъ избраніемъ, самъ онъ виноватъ въ томъ, что Рѣчь Посполитая на послѣднемъ сеймѣ приняла такія жестокія рѣшенія, и если мы станемъ теперь тотчасъ же снова твердить о Морицѣ, то этимъ только раздразнимъ Поляковъ и сами заставимъ ихъ какъ можно скорѣе привести въ исполненіе принятыя на сеймѣ рѣшенія. Поэтому надобно сперва стараться какъ-нибудь утишить дѣло и политическими, умными и умѣренными поступками хотя немного нынѣшнюю ихъ горячность утолить и основательнымъ доказательствомъ правъ курляндскихъ склонить Поляковъ къ тому, чтобъ они отъ своего намѣренія отстали. Такъ какъ герцогъ Фердинандъ еще живъ и до смерти его Полякамъ Курляндіи раздѣлить нельзя, то неприлично теперь частымъ упоминаніемъ о графѣ Морицѣ съ Рѣчью Посполитою ссориться, отчего самому Морицу не только никакой пользы не будетъ, но дѣло его еще больше будетъ испорчено. Надобно Курляндцамъ внушить, чтобъ они на своемъ сеймикѣ о Морицѣ помолчали и выборовъ его не подтверждали и не уничтожали. Можете двумъ или тремъ особамъ секретно дать знать, что естественно и необходимо напередъ тайно согласиться о графѣ Морицѣ съ королемъ Польскимъ и принимать съ нимъ въ этомъ дѣлѣ мѣры сообща".

Итакъ Курляндское дѣло могло рѣшиться только въ Польшѣ, съ которою въ Петербургѣ не хотѣли ссориться въ виду опасностей отъ Ганноверскаго союза. Бестужевъ, по прибытіи своемъ въ Варшаву, долженъ былъ объявить королю, что „императрицѣ извѣстно его желаніе доставить Курляндію принцу Морицу; но пусть онъ самъ разсудитъ, что наибольшая часть Рѣчи Посполитой этому сильно противится, и потому озлобится не только на него, но и на Россію; что будетъ сильно озлобленъ и король Прусскій, ибо извѣстно, что покойный императоръ заключилъ съ нимъ договоръ насчетъ передачи Курляндіи одному изъ Бранденбургскихъ принцевъ; и хотя императрица, въ угодность его королевскому величеству Польскому, объ исполненіи этого договора старанія прилагать не будетъ, однако не можетъ согласиться и на избраніе принца Морица, для избѣжанія ссоры съ королемъ Прусскимъ. Императрица имѣла зрѣлое разсужденіе, избирала изо всѣхъ принцевъ, кто бы не былъ никому противенъ, и особенно его королевскому величеству Польскому, и никогда не умѣла найти удобнѣе свѣтлѣйшаго князя Меншикова, который ни съ какими другими посторонними державами не имѣетъ никакихъ партикулярныхъ интересовъ, его королевскому величеству и никакому другому государю противенъ быть не можетъ. Поэтому ея императорское величество повелѣла ему, Бестужеву, просить его королевское величество, чтобъ онъ, по дружбѣ, показалъ свое снисхожденіе, и также склонилъ Рѣчь Посполитую на избраніе князя Меншикова, который всегда пользовался особенною его королевскою милостію и во всѣхъ случаяхъ показывалъ къ нему особенное благоговѣніе, а получа новое благодѣяніе, останется вѣчно благодаренъ; императрица также, со своей стороны, можетъ показать всевозможную склонность относительно другихъ намѣреній королевскихъ".—Бестужевъ долженъ былъ склонять къ тому же и сына Августа II, наслѣднаго принца Саксонскаго, давши ему искуснымъ образомъ знать, что Россія за то можетъ быть ему полезна въ его честолюбивыхъ интересахъ. Съ подобными же предложеніями Бестужевъ долженъ было обратиться и къ саксонскимъ министрамъ, пользовавшимся особеннымъ расположеніемъ короля. Вельможамъ польскимъ Бестужевъ долженъ былъ объявить, что Россія никакъ не можетъ допустить до раздѣленія Курляндіи на воеводства; Курляндія должна остаться въ прежнемъ положеніи; но такъ какъ Рѣчи Посполитой не можетъ нравиться, чтобъ Курляндскимъ герцогомъ былъ принцъ Саксонскій или Брандебургскій, то Русскій Дворъ и предлагаетъ князя Меншикова, который оказалъ великія услуги какъ Россіи, такъ и Польшѣ; кромѣ того, по владѣніямъ своимъ въ Польшѣ, онъ польскій шляхтичъ, и въ этомъ званіи всегда будетъ стараться о благополучіи Рѣчи Посполитой, которой пріятно и полезно, если на престолъ Курляндскій сядетъ кто-нибудь изъ ея шляхтичей. Если ни король, ни польскіе вельможи не примутъ этого

предложенія, то предложить въ кандидаты двоюроднаго брата герцога Голштинскаго; если не согласятся и на это,—то одного изъ князей Гессенъ-Гомбургскихъ.

Король на предложеніе Бестужева о Меншиковѣ отвѣчалъ: „Все то, что со стороны ея величества мнѣ приходитъ, очень мнѣ пріятно",—и болѣе ни слова. Вельможи польскіе отговорились тѣмъ, что дѣло можетъ рѣшиться только на сеймѣ, который скоро долженъ собраться въ Гроднѣ. 3 августа 1726 года, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ рѣшили отправить въ Польшу на Гродненскій сеймъ Ягужинскаго, который привыкъ при Петрѣ исполнять важныя дипломатическія порученія. Мы видѣли, что уже и къ Бестужеву былъ отправленъ указъ не хлопотать болѣе о Меншиковѣ; теперь Ягужинскому было наказано: „Всевозможные труды прилагать, дабы Рѣчь Посполитую не допустить до вредныхъ для Россіи предпріятій относительно Курляндіи, особенно не допустить до раздѣла Курляндіи на воеводства, также до утвержденія принца Морица и до избранія принца Гессенъ-Кассельскаго, и въ необходимомъ случаѣ стараться сеймъ разорвать; со стороны ея величества представлять кандидатовъ прежнихъ, кромѣ князя Меншикова; если же Польскій Дворъ ни на одного изъ кандидатовъ не согласится, то дать на волю, пусть выберутъ кого хотятъ, только-бъ не Морица и не принца Гессенъ-Кассельскаго". Ягужинскій отправился прямо на сеймъ, и 26-го сентября писалъ изъ Гродна: „Я представлялъ польскимъ министрамъ, что государственныя причины не позволятъ сосѣднимъ державамъ согласиться па перемѣны въ курляндскомъ устройствѣ; пусть дѣлаютъ кого хотятъ герцогомъ, только не Морица; но Поляки упрямятся, и потому единственное средство помѣшать дѣлу—это порвать сеймъ". Черезъ мѣсяцъ онъ доносилъ: „Неизвѣстно, чѣмъ кончится настоящій сеймъ; шестая уже недѣля, какъ онъ продолжается, и дѣла никакого не сдѣлано, только безпрестанный крикъ и сочиненія разныхъ проектовъ о Курляндіи; заводчикъ часовъ, бискупъ Краковскій Шанявскій, который не только курляндское дѣло ведетъ со всею горячностію, но и въ диссидентскомъ дѣлѣ неусыпно трудится, т. е. хлопочетъ объ искорененіи диссидентовъ. Я, сколько смысла и силы имѣлъ, мѣшалъ всѣмъ этимъ предпріятіямъ и не безъ нѣкотораго успѣха: благодаря разнымъ затрудненіямъ, сеймъ затянулся, не сдѣлавши ни малѣйшаго дѣла, и подозрѣваютъ, что я виновникъ этого. Какъ бы то ни было, никакого основанія въ Курляндскомъ дѣлѣ еще не положено, и хотя король манитъ Рѣчь Посполитую обѣщаніями выдать всѣ оригинальные документы о Курляндіи и не защищать Морица, однако все ограничивается одними обѣщаніями. Король дѣйствительно былъ уже намѣренъ выдать оригинальные документы насчетъ Морицева избранія; но пріятельницы Морица, находящіяся при королѣ, именно—жена маршалка Бѣлинская и гетманша Потѣйха слезно просили короля, чтобъ удержался отъ выдачи документовъ, въ противномъ случаѣ получитъ дурную славу во всемъ свѣтѣ, а на споры и шумъ Поляковъ смотрѣть нечего: пошумятъ и перестанутъ. Съ другой стороны, Рѣчь Посполитая твердо стоитъ на томъ, чтобъ Морица выслать не только изъ Курляндіи, но и изъ Польши; въ Курляндію хотятъ послать коммисію судить Курляндцевъ; сверхъ того, на послѣдней сессіи подконюшій Литовскій предлагалъ послать депутацію къ послу французскому и объявить Морица безчестнымъ, чтобъ онъ не былъ терпимъ и во Франціи, гдѣ имѣетъ полкъ и доходъ. Королевскіе сторонники въ посольской избѣ обнадеживаютъ Поляковъ, что король все Курляндское дѣло и Морица выдастъ Рѣчи Посполитой, пусть что съ ними хочетъ, то и сдѣлаетъ, и этимъ средствомъ они достигаютъ того, что сеймъ не рвется; также стараются привести пословъ въ соединеніе съ сенаторскою избою, гдѣ надѣются все по своему желанію сдѣлать. Здѣшнія дамы къ сибирскимъ (т.-е. китайскимъ) шелкамъ большую охоту имѣютъ, и потому нехудо было бы прислать сюда нѣсколько, также и мѣховъ лисьихъ, горностаевыхъ и овчинныхъ. Что же касается до короля, то онъ великій охотникъ до завѣсовъ китайскихъ и всякихъ обоевъ персидскихъ, и потому нужно и такихъ вещей сюда нѣсколько прислать. Безстыдный воевода Троцкій, Огинскій, безпрестанно, какъ только со мною увидится, спрашиваетъ, не пришли ли ко мнѣ мѣха, и удивляется, что ея величество позабыла о немъ; я отговариваюсь однимъ, что сибирскіе караваны всегда зимою приходятъ, и теперь еще не пришли".

Сеймъ кончился 30 октября; назначена была коммисія о Курляндіи изъ бискупа Варминскаго Шембека, воеводы Полоцкаго Денгофа, воеводы Мазовецкаго Хоментовскаго, воеводы Троцкаго Огинскаго. Коммисары должны были договариваться съ Курлянцами насчетъ будущей формы правленія у нихъ. Король кассировалъ выборы Морица и выдалъ оригинальныя бумаги, относящіяся къ этому дѣлу. Король уступилъ, чтобъ склонить Поляковъ къ утвержденію стараго договора съ Цесаремъ; но Поляки позволили только вступить въ переговоры съ цесарскимъ посломъ и принять дѣло къ рѣшенію на будущій сеймъ. Было сдѣлано другое предложеніе,—о вступленіи въ переговоры со Шведами, и многіе депутаты закричали, что согласны; но другіе объявили, что хотя желаютъ всегда быть въ дружбѣ съ Швеціею, но такъ какъ шведскаго министра въ Польшѣ не находится, то они не могутъ понять, откуда можетъ произойти такое предложеніе. Дѣло этимъ и остановилось. Возбуждено было подозрѣніе, что короли Польскій и Шведскій находятся другъ съ другомъ въ тайныхъ сношеніяхъ и посредникомъ употребляютъ литовскаго подскарбія Понятовскаго, шведскаго приверженца въ прошлую войну. Ягужинскій былъ увѣренъ въ тайныхъ соглашеніяхъ между двумя

королями, тѣмъ болѣе что со стороны Августа II-го не видалъ никакого расположенія къ Россіи. Когда посолъ хотѣлъ вывѣдать намѣреніе короля относительно Курляндскаго дѣла, то Августъ отвѣчалъ ему: „Я не могу тутъ ничего ни сдѣлать, ни присовѣтовать, потому что какъ только Поляки подмѣтятъ мое желаніе, противное ихъ намѣренію, то не миновать конфедераціи; я былъ бы радъ, если бы Морицъ получилъ помощь отъ Россіи; я сталъ бы помогать подъ рукою, по возможности". Дальнѣйшей откровенности Ягужинскій не могъ добиться, а генералъ Флюгъ, съ которымъ онъ свелъ дружбу, сказалъ ему подъ секретомъ, что когда король у себя разговаривалъ о Россіи, то сказалъ: „Я не вѣрю Русскимъ". Въ это время Ягужинскій получаетъ письмо отъ Анны, герцогини Курляндской: „Какъ здѣсь слышу, что Курляндское дѣло въ Польшѣ весьма худо идетъ, и Поляки коммисію сюда отправлять хотятъ для щету моихъ деревень и моей претензіи, и ежели до того допущено было, то-бъ великое предосужденіе россійскимъ интересамъ было; такожъ слышно, что князю Фердинанту хотятъ лѣнъ дать, и то также противъ россійскихъ интересовъ, изъ чего здѣшняя земля въ великую канфузію и въ дишперацію приходитъ, и то все дѣлаетца чрезъ здѣшнихъ плутовъ Костюшки іофемберховой фамиліи и Бухольца и Рацкова, которымъ предстатель великой канцлеръ Шамбекъ; я васъ прилежно прошу, пріискавъ къ тому удобные способы, до того не допустить, а паче до отправленія сюда коммисіи; чѣмъ меня во вѣки одолжите, и за что, доколѣ жива, вашу любовь буду въ памяти имѣть и пребываю вамъ всегда доброжелательна Анна".

И въ Петербургѣ желали того же самаго; но легко было написать: „Пріискавъ къ тому удобные способы, до того не допустить", трудно было исполнить. Ягужинскій видѣлъ, что единственное средство сдержать Поляковъ, — это дѣйствовать рѣшительно, дѣйствовать, а не говорить только; но въ Петербургѣ были озабочены Ганноверскимъ союзомъ, дѣлами Шведскими, и не хотѣли дѣйствовать по Курляндскому дѣлу, чтобъ не поссориться съ Поляками. Девьеръ писалъ Макарову изъ Митавы: „Извольте объявить ея величеству, чтобъ изволили сильное стараніе имѣть при Польскомъ Дворѣ о курляндскихъ дѣлахъ, потому что безъ того ничему доброму сдѣлаться нельзя. Хотя Курляндцы истиннымъ сердцемъ хотятъ стоять при своихъ правахъ, однако принуждены требовать помощи ея величества, а безъ того держаться не могутъ по своему безсилію. Если отъ нашего Двора не будетъ сильнаго старанія о томъ, чтобъ не допустить Курляндію до раздѣла или присоединенія къ коронѣ Польской, то Курляндцы принуждены будутъ отдаться въ волю Полякамъ; пословица говоритъ: „Сила солому ломитъ", а другая — „Съ сильнымъ не дерись, съ богатымъ не тянись". Такъ и въ ихъ дѣлахъ Курляндскихъ: если не будетъ на кого имъ опереться, то они будутъ принуждены поступать по волѣ короны Польской. О вышеупомянутомъ дѣлѣ извольте ея величество предостерегать, чтобъ осторожны въ томъ дѣлѣ были, чтобъ не допустить до ссоры; а если допустить до ссоры, то извольте видѣть, въ какомъ состояніи наше государство. Какъ видно, наши министры на сеймѣ никакого старанія о Курляндіи не имѣли; а если-бъ имѣли, то-бъ никогда корона Польская не рѣшилась дѣлать того, что на сеймѣ положили". Это требованіе — дѣйствовать рѣшительно, какъ дѣйствовали при Петрѣ, и въ то же время уклоняться отъ ссоры — ставило Ягужинскаго въ непріятное положеніе, сердило его. Въ раздраженіи онъ написалъ слѣдующее письмо къ Макарову, 7 января 1727 года: „Въ Курляндскомъ дѣлѣ здѣсь у Поляковъ никакими мѣрами ничего исходатайствовать нельзя; и хотя умные люди между ними разсуждають, что силою не могутъ одолѣть, если Курляицы хотя одни, сами собою, заупрямятся, но все хотятъ попытаться: можетъ быть и удастся! Мы, съ своей стороны, должны Курляндцевъ обнадеживать, что будемъ защищать ихъ права, но при этомъ мы не должны ихъ пугать, ибо въ этомъ дѣлѣ остался только одинъ, — ласковый способъ. Приходится дѣйствовать однимъ, потому что на Прусскаго короля нѣтъ надежды, скорѣе надобно ожидать тайнаго согласія съ Поляками. Король Польскій еще боленъ, и раньше трехъ недѣль сюда не пріѣдетъ; между тѣмъ вольница польская всѣ по деревнямъ живутъ и до прибытія королевскаго мало ихъ съѣдется. Флеммингъ также умиралъ, а теперь оба, и король и Флеммингъ, ожили, и, когда съѣдутся, будетъ назначена конференція; а что на ней произойдетъ, о томъ можете узнать отъ бывшаго при здѣшнемъ Дворѣ министра, князя Долгорукаго, ибо уже нѣсколько лѣтъ сряду всѣмъ нашимъ министрамъ дается одинъ отвѣтъ. Но если такихъ бывалыхъ и искусныхъ людей ни съ чѣмъ отправляли, то мнѣ нечего ждать. Я неоднократно доносилъ, ясно изобразивъ все дѣло, и удивляюсь, что до сихъ поръ не присылаютъ мнѣ никакого указу, какъ далѣе поступать, и по данной мнѣ инструкціи больше дѣлать нечего, ибо Поляки, видя только наши словесныя представленія и не опасаясь никакого дѣйствія, не могутъ быть приведены къ резону. Хотя-бъ велѣно было мнѣ говорить въ прибавку, что если не отмѣнятъ своего рѣшенія, то силою будемъ ихъ удерживать и коммисаровъ въ Курляндію не пустимъ. Такъ поступаетъ съ ними Цесарь: если Поляки не дадутъ удовлетворенія за пограничныя обиды, то онъ пошлетъ полкъ или два въ тѣ мѣста, гдѣ была сдѣлана обида, — и сдѣлаетъ самъ себѣ удовлетвореніе; не теперь, а современемъ не миновать и съ нашей стороны того же. Князь Иванъ Юрьевичъ (Трубецкой) пишетъ ко мнѣ изъ Кіева, чтобъ я жаловался здѣсь на тамошнія обиды, которыя становятся нестерпимы; но здѣсь жалобами можно достигнуть только того, что назначатъ коммисаровъ для развода пограничныхъ ссоръ, и

когда съѣдутся—Богъ вѣсть, а между тѣмъ обиды дѣлаются попрежнему. Ктому же въ нашихъ пограничныхъ дѣлахъ заинтересованъ каждый шляхтичъ, ибо наши бѣглые Русскіе почти у каждаго есть, и церквей Греческаго исповѣданія множество въ шляхетскихъ имѣніяхъ: то кто заставитъ ихъ добровольно выдать бѣглыхъ?—поневолѣ надобно будетъ послѣдовать примѣру Цесаря. Изволили вы упоминать о русскомъ орденѣ для Мантейфеля; но онъ ему не надобенъ, потому что уже польскую ленту носитъ, да и Флеммингъ никакой другой не носитъ, кромѣ польской; ктому же ни Мантейфеля, ни Флемминга лентами не склонить на нашу сторону, ибо старый противный духъ еще въ нихъ находится, и если бы Саксонцы не боялись насъ, то давно бы въ Ганноверскій союзъ стали склоняться. Впрочемъ, оставлю это въ глубочайшее разсужденіе другимъ, *которые только любятъ поперекъ въъзжать*; *зная и не зная состоянія дѣлъ*",

Въ мартѣ 1727 года пріѣхалъ въ Варшаву курляндскій депутатъ Медемъ съ просьбою отъ Курлянцевъ, чтобъ ихъ оставили при прежнихъ правахъ и никакой коммисіи о перемѣнѣ ихъ правленія не было бы. Когда эта просьба была прочтена въ совѣтѣ, собранномъ у примаса Потоцкаго, то всѣ присутствовавшіе единогласно закричали, что такого бунтовщика и присланнаго отъ бунтовщиковъ надобно взять подъ стражу и судить, что и было исполнено. „Мы", писали Ягужинскій и Бестужевъ, „при такомъ ихъ дикомъ поступкѣ не знаемъ что дѣлать: если прямо вступиться въ дѣло, то ихъ пуще разъяришь; если же дать имъ волю, то пуще загордятся. Будемъ смотрѣть, какъ лучше поступить. Что касается до отправленія коммисіи въ Курляндію, то гетманы послали уже третьи подтвердительные указы къ войску, чтобъ готово было къ маю; войско станетъ у границъ курляндскихъ, чтобъ войти въ эту страну по первому требованію коммисаровъ. Хотя это грозное войско и не очень опасно, потому что невелико, однако если имъ позволить отправить свою коммисію, то легко могутъ осмѣлиться сыграть торнскую трагедію: дѣло зависитъ отъ мудраго расположенія вашего величества и отъ милостивой защиты бѣдной Курляндіи. О раздѣленіи Курляндіи на воеводства Поляки больше не думаютъ, хотятъ оставить правительство нѣмецкое; только не хотятъ слышать объ избраніи новаго герцога. На наши представленія въ пользу Курляндіи, одинъ жестокій отвѣтъ,—что мы въ ихъ домашнія дѣла не имѣемъ права мѣшаться. Отъ другихъ министровъ помощи никакой не имѣемъ" [1]).

Ягужинскій не утерпѣлъ, чтобъ не задѣть Меншикова, который „въѣхалъ поперекъ" въ курляндское дѣло. Были обвиненія и на Ягужинскаго; до насъ дошло слѣдующее любопытное письмо Михайлы Бестужева къ сестрѣ, княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ Волконской: „Изъ вашего письма увѣдомился я, что Свѣчниковъ, по приказу Павла Ивановича (Ягужинскаго), старается, чтобъ Голембовскому быть здѣсь въ Польшѣ резидентомъ, и что уже о томъ Свѣчниковъ Алексѣю Васильевичу (Макарову) говорилъ. Я даю на разсужденіе, сходно ли это съ интересомъ нашимъ, чтобъ Поляку быть министромъ въ Польшѣ, и какъ можно ему дѣла повѣрить! Можно Поляку быть нашимъ министромъ при другомъ Дворѣ, какъ Ланчинскій въ Вѣнѣ, а не при Польскомъ. Злясь на то, что его здѣсь не оставили, о чемъ его стараніе было, онъ хочетъ. чтобъ и мнѣ не быть, и рекомендуетъ такого человѣка, которому быть нельзя. Ктому же у Голембовскаго не тѣ поступки и не тѣ ухватки, какіе слѣдуетъ министру имѣть. Сію цедулку можете показать Антону Мануиловичу (Девьеру) и всячески до того не допускать, представляя означенные резоны. Павелъ все сватаетъ дочь свою за Поляковъ, а изъ Москвы велѣлъ себѣ привезти всякаго запасу и на продажу китайскихъ вещей и мѣховъ, въ той надеждѣ, что ему здѣсь остаться Усмотрѣлъ я, что Свѣчниковъ Макарову говорилъ отъ Павла о Голембовскомъ, чтобъ ему въ Польшѣ резидентомъ быть; не извольте этого допускать для того: какъ Поляку въ Польшѣ дѣла повѣрить! И такъ Павелъ худо дѣлалъ, что ему все открывалъ; я объ этомъ уже къ вамъ писалъ, какъ скоро провѣдалъ, что Павелъ приказалъ Свѣчникову о немъ стараться. О поѣздкѣ моей за королемъ надобно умолчать: я для того писалъ,—думалъ, что Павла оставятъ здѣсь; а теперь, такъ какъ онъ поѣдетъ отсюда, то надобно умолчать, развѣ сами повелятъ ѣхать, и на то надобны деньги. Можешь узнать дружбу ко мнѣ Павлову изъ того: Голембовскаго хотѣлъ сдѣлать резидентомъ, а о себѣ писалъ къ тестю своему (канцлеру Головкину), чтобъ ему здѣсь остаться, а меня бы копнуть. Онъ же, будучи пьянъ, одному саксонскому министру говорилъ, чтобъ ему король далъ здѣсь староство: „Я-де здѣсь останусь, а въ Россію нынѣ не поѣду", и разныхъ другихъ рѣчей множество болтаетъ, какъ напьется пьянъ, что мерзко слышать; не только министру не прилично такъ говорить, но и простому человѣку не слѣдуетъ; однимъ словомъ сказать: человѣкъ этотъ совсѣмъ плохъ, я чаялъ въ немъ больше пути и дѣла. Антонъ Мануиловичъ (Девьеръ) справедливо объ немъ разсуждаетъ; истинно я въ немъ чаялъ больше проку, а теперь вижу, что просто вѣтреница; что ни говоритъ—слушать нечего. Намъ онъ пріятелемъ не будетъ, извольте въ этомъ свои мѣры взять. Онъ писалъ о секретарѣ Голембовскомъ, который находится при мнѣ, чтобъ его сдѣлать здѣсь резидентомъ; но такъ какъ этотъ секретарь Полякъ родомъ, и ему одному повѣрить дѣлъ здѣсь нельзя, то Ягужинскому, какъ полномочному, здѣсь быть и другому съ нимъ. Этотъ секретарь Голембовскій не такой человѣкъ, чтобъ ему министромъ быть. Богъ его такимъ не сдѣлалъ, и

---

[1]) Дѣла Польскія 1726—1727 годовъ; Кабинетъ I, кн. № 59.

онъ, кромѣ языка, не только въ резиденты, и въ секретари не годится. Онъ Ягужинскому угождаетъ сватаньемъ дочери его за Поляковъ, также и племянницу его, Ивана Головкина дочь; и такъ какъ Павелъ сдѣлалъ Ланчинскаго Поляка министромъ въ Вѣнѣ, то и этотъ того же отъ него хочетъ. Правда, что Ланчинскій въ дѣло годится, притомъ же онъ при Нѣмецкомъ Дворѣ; а Полякъ при Польскомъ Дворѣ опасенъ, хотя бы и годился, и нельзя его пускать во всѣ письма глядѣть, какъ Павелъ дѣлалъ, а я до того не допускалъ. Изволь объ этомъ съ Антономъ Мануиловичемъ въ конфиденціи поговорить, чтобъ никакъ до этого не допустить. Также Павелъ писалъ къ Макарову, чтобъ домогаться о голубой лентѣ Лосу, который у насъ прежде посланникомъ былъ, да другому, оберъ-шталмейстеру королевскому: кстати ли это? Король имъ и своей ленты не дастъ, которая не въ такомъ почтеніи, какъ наша; развѣ красную ленту — то пусть даютъ. Павелъ только хочетъ чрезъ это показать силу свою, будто онъ у насъ при Дворѣ силенъ. Объ этомъ также скажи Антону Мануиловичу, чтобъ не допустить"[1]). Девьеръ долженъ былъ взять свои мѣры, — и взялъ; 21 января 1727 года онъ писалъ къ императрицѣ изъ Митавы: „Сказано мнѣ за тайну оберъ-ратами, что министръ вашего величества при Польскомъ Дворѣ будто бы никакого старанія о курляндскомъ дѣлѣ не имѣетъ, и будто подъ рукой Полякамъ говоритъ, чтобъ они никакого опасенія не имѣли, потому что ваше императорское величество въ курляндскомъ дѣлѣ никакого имъ помѣшательства дѣлать не соизволите, и хотя во всемъ я не вѣрю, однако бѣшенство его что-нибудь можетъ сдѣлать"[2]).

Девьеръ бездоказательно обвинялъ Ягужинскаго въ томъ, что онъ дѣйствовалъ въ Польшѣ вопреки русскимъ интересамъ; то же обвиненіе легло на Меншикова въ шведскихъ дѣлахъ—и легло съ доказательствами.

Въ концѣ царствованія Петра Великаго мы оставили въ Стокгольмѣ представителемъ Россіи Мих. Петр. Бестужева. Увѣдомляя графа Головкина о разнесшейся по городу вѣсти о кончинѣ Петра, Бестужевъ писалъ: „Доброжелательные и добрые патріоты отъ всего сердца опечалились, а я въ такую альтерацію и конфузію пришелъ, что не могу опомниться и лихорадку получилъ; однако черезъ силу ко Двору ѣздилъ и увидалъ короля и его партизановъ въ немалой радости". Новой государынѣ Бестужевъ писалъ: „Дворъ сильно надѣялся, что отъ такого внезапнаго случая въ Россіи произойдетъ великое замѣшательство и всѣ дѣла ниспровергнутся; но когда узнали, что ваше величество вступили на престолъ и все окончилось тихо, то придворные стали ходить повѣся носъ; такимъ образомъ, этотъ случай открылъ сердца многихъ людей. Намѣреніе здѣшняго Двора было въ мутной водѣ рыбу ловитъ; надѣялись, что герцогъ Голштинскій принужденъ будетъ выѣхать изъ Россіи, отъ которой не будетъ имѣть болѣе поддержки, и тутъ можно будетъ вести кассельскія интриги и умножать свою партію. Эта надежда превратилась въ дымъ вступленіемъ на престолъ вашего величества; партія герцога Голштинскаго здѣсь теперь не уменьшится; только при нынѣшнихъ конъюнктурахъ надобно ее ласкать, а враговъ приводить на истинный путь умнымъ и пріятнымъ обхожденіемъ".

Шведскимъ посломъ къ Петербургскому Двору, кромѣ прежняго Цедеркрейца, назначенъ былъ одинъ изъ Голштинской партіи, баронъ Цедергельмъ. Бестужевъ просился пріѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ, чтобъ участвовать непосредственно въ переговорахъ и получить подробнѣйшую инструкцію. Это ему было дозволено; но потомъ Бестужевъ уже не возвращался въ Стокгольмъ. Объясненіемъ этому служатъ отношенія къ голштинскому министру въ Швеціи, Рейхелю, зятю Бассевича. Передъ отъѣздомъ, въ домѣ Цедергельма, Рейхель подошелъ къ Бестужеву и началъ его упрекать во враждѣ къ нему, въ желаніи удилить его изъ Стокгольма и въ неблагодарности, потому что своимъ настоящимъ положеніемъ Бестужевъ былъ обязанъ тестю его, Бассевичу; взаключеніе разговора, Рейхель вызвалъ Бестужева на дуэль. Шведскіе вельможи потушили дѣло, помирили Рейхеля съ Бестужевымъ; несмотря на то, послѣдній писалъ своему *патрону* Остерману, чтобъ онъ постарался, до его пріѣзда въ Петербургъ, утушить злобу Бассевича. Но злоба не была утушена: 7 августа 1725 года, въ Тайномъ Совѣтѣ, держанномъ въ Иностранной Коллегіи, Бассевичъ подалъ меморіалъ, чтобъ Бестужева въ Швецію не посылать, и что герцогъ уже доносилъ объ этомъ императрицѣ.

Вмѣсто Бестужева, въ Стокгольмъ былъ отправленъ чрезвычайнымъ посланникомъ флотскій капитанъ, графъ Николай Головинъ. Новый посланникъ далъ знать, что виднѣе всѣхъ вельможъ въ Швеціи графъ Горнъ, человѣкъ великаго ума, и его нужно всевозможными средствами уловлять въ русскую партію. Въ сентябрѣ 1725 года Головинъ далъ знать, что вѣрные друзья предлагаютъ усилить ревельскій флотъ, что должно произвести впечатлѣніе и помѣшать ганноверскимъ интригамъ; а между тѣмъ въ Стокгольмѣ уже распускались слухи, что герцогъ Голштинскій скоро явится въ Швеціи съ русскимъ войскомъ, для занятія престола. Въ декабрѣ Головинъ доносилъ, что часто происходятъ тайныя конференціи у короля съ министрами французскимъ и англійскимъ, въ которыхъ бываетъ иногда графъ Горнъ или гофмаршалъ Дибенъ: „Имѣю подозрѣніе", писалъ Головинъ, „что эти конференціи идутъ о славнѣйшей ганноверской алліанціи, въ которую нынѣ призывается Швеція". Въ конференціи съ коммисарами сената министры французскій и англійскій явно предлагали Швеціи союзъ. Предложеніе перешло изъ коммисіи въ сенатъ, причемъ поданы были письмен-

[1]) Дѣла Курляндскія.
[2]) Письма Девьера въ Госуд. архивѣ.

ные протесты отъ сенаторовъ Тессина, Велинга и Гилленборга.

1726 годъ Головинъ началъ извѣщеніемъ, что доброжелательные обнадеживаютъ его, что не допустятъ правительство свое приступить къ Ганноверскому союзу; но французскій и англійскій министры деньгами привлекаютъ многихъ на свою сторону и разглашаютъ, что король и его партія дали имъ твердое обѣщаніе, что Швеція приступитъ къ Ганноверскому союзу; посредствомъ денегъ и подарковъ знаютъ они все, что происходитъ ежедневно въ Стокгольмѣ. 15 февраля графъ Горнъ объявилъ Головину указомъ отъ короля и сената, что въ сенатѣ принято рѣшеніе продолжать конференціи о Ганноверскомъ союзѣ и выслушивать дальнѣйшія предложенія министровъ англійскаго и французскаго, и обѣщалъ сообщить, что̀ будетъ постановлено на этихъ конференціяхъ. Въ сенатѣ же принято было рѣшеніе не упоминать въ конференціяхъ о возвращеніи Шлезвига герцогу Голштинскому до окончанія переговоровъ; при этомъ большинство голосовъ въ сенатѣ оказалось у королевской партіи. Несмотря на то, доброжелательные продолжали увѣрять, что Швеція никогда не приступитъ къ Ганноверскому союзу; а баронъ Гепкинъ ручался, что изъ конференціи ничего не выйдетъ, и просилъ Головина писать объ этомъ императрицѣ. Въ апрѣлѣ графъ Горнъ прислалъ въ сенатъ письмо, присланное къ нему изъ Петербурга отъ шведскаго посланника при тамошнемъ Дворѣ, Цедеркрейца. Цедеркрейцъ извѣщалъ о разговорѣ своемъ съ Бассевичемъ, который будто бы сказалъ ему, что если Шведское правительство будетъ дѣйствовать вопреки интересамъ герцога Голштинскаго, то Россія пошлетъ къ берегамъ Швеціи галерный флотъ съ 30,000 войска. Письмо произвело сильное дѣйствіе, и въ сенатѣ состоялось рѣшеніе послать инженеровъ во всѣ крѣпости и осмотрѣть ихъ, а король предложилъ привести въ движеніе полки и дѣлать другія военныя приготовленія. Вмѣсто русскаго галернаго флота, явились англійская эскадра, и члены королевской партіи принялись говорить, что эскадра спасла Швецію отъ нашествія Русскихъ.

Въ концѣ іюня въ сенатѣ происходила подача голосовъ по вопросу, приступать ли Швеціи къ Ганноверскому союзу или нѣтъ. Въ пользу утвердительнаго отвѣта были голоса графовъ Горна, Таубе, Делагарди, Экеблата, Ливена, Банера, Шпара и два королевскихъ голоса; за отрицательный отвѣтъ объявили себя графы Кронгельмъ, Тессинъ, Дикеръ, Гилленборгъ, Лагербергъ, старый Горнъ и баронъ Цедергельмъ, возвратившійся изъ Петербурга. Вслѣдствіе такого отношенія голосовъ дѣло было оставлено. Несмотря на то, въ іюлѣ Головинъ доносилъ, что, благодаря англійскимъ деньгамъ, королевская партія усиливается, и по всѣмъ обстоятельствамъ можно видѣть, что графъ Горнъ, прежде созванія сейма, постарается ввести Швецію въ Ганноверскій союзъ. Горнъ прямо объявилъ Головину, что король и сенатъ давно уже приняли намѣреніе приступить къ Ганноверскому союзу, и приведутъ это въ исполненіе при первомъ удобномъ случаѣ; и когда Головинъ замѣтилъ ему, что императрица въ такомъ случаѣ должна принимать свои мѣры, то онъ отвѣчалъ, что Русская государыня можетъ принимать мѣры, какія ей угодно, а Швеція имѣетъ право входить въ договоры съ державами, смотря по единству интересовъ, и, въ настоящемъ случаѣ, новыя обязательства Швеціи не находятся въ противорѣчіи съ прежними ея обязательствами относительно Россіи. Наконецъ, въ сенатѣ принято было рѣшеніе приступить къ Ганноверскому союзу, и теперь доброжелательные начали утѣшать Головина тѣмъ, что сеймъ не согласится на это рѣшеніе.

Въ сентябрѣ собранъ былъ сеймъ, и, несмотря на увѣренія благонамѣренныхъ, что русская партія сильнѣе, предсѣдателемъ сейма, или ландмаршаломъ былъ избранъ графъ Горнъ. Головинъ приписывалъ это торжество противной партіи раздачѣ большихъ суммъ. „А которымъ отъ меня дачи происходили", писалъ онъ, „и тѣ всѣ зѣло твердо и и непоколебимо спорили". Головинъ доносилъ, что при этихъ выборахъ ни одного знатнаго лица не было на сторонѣ Горна; дало перевѣсъ мелкое шляхетство и офицерство, подкупленное деньгами, и если бы извѣстная сумма пришла изъ Россіи мѣсяцемъ прежде, то бо́льшую часть офицерства и дворянства можно было бы склонить къ руской партіи. Потерпѣвши неудачу въ дворянскомъ сословіи, Головинъ обратился къ купеческому, которому далъ нѣкоторую сумму и обѣщалъ бо́льшую; купцы обѣщали склонить сословіе духовное и крестьянское; вся эта вербовка депутатовъ, по разсчету Головина, не должна была стать дороже 5,000 червонныхъ. Герцогъ Голштинскій писалъ къ своему министру въ Стокгольмъ, чтобъ выдалъ генералъ-майору Стаалю 500 рублей на раздачу мелкому дворянству и офицерству; но у голштинскаго министра не было денегъ, — и Головинъ счелъ полезнымъ выдать 500 рублей своихъ [1]).

Видя такое затруднительное положеніе дѣлъ, въ Петербургѣ рѣшили отправить въ Стокгольмъ искуснѣйшаго дипломата, князя Василія Лукича Долгорукова, какъ скоро онъ возвратится изъ Курляндіи; разсуждали, что надобно дѣйствовать подкупами; если же не удастся, то сильно протестовать. Въ засѣданіи Тайнаго Совѣта, 6 августа, опредѣлено послать въ Швецію вексель въ 20,000 рублей на раздачу шляхетству и другимъ мелкимъ персонамъ, которыя скудны, а силу имѣютъ; а прочимъ — главнымъ — обѣщать знатные подарки, если они сдѣлаютъ по желанію Русскаго Двора. Князю Долгорукому опредѣлено давать по 100 рублей на день; на ливрею и экипажъ отпустить 11,000 рублей, отпустить обои на одну комнату, сервизъ серебряный. Императрица отъ себя обѣщала отпустить

[1]) Дѣла Шведскія и Голштинскія означенныхъ годовъ.

портретъ свой и разныхъ винъ, также балдахинъ, тотъ самый, который былъ въ Академіи, когда императрица недавно тамъ присутствовала, „разсуждать изволила, что не надобно робко съ Швеціею поступать“ [1]).

Князь Василій Лукичъ нашелъ въ Стокгольмѣ два враждебныхъ лагеря одинъ противъ другаго: одна партія тянула Швецію въ Ганноверскій союзъ; другая, *доброжелательная* въ глазахъ русскаго посланника, не хотѣла этого союза. Сначала могло казаться, что силы обѣихъ партій находятся въ равновѣсіи; но скоро опытный дипломатъ началъ удостовѣряться, что „доброжелательные“ слабѣе. Одинъ изъ самыхъ доброжелательныхъ былъ Цедергельмъ; но онъ показался Долгорукому „человѣкомъ остроты не пущей“, какъ называютъ,— добрымъ человѣкомъ; Гепкинъ оказался поострѣе; съ Велингомъ нельзя было говорить ни о какомъ дѣлѣ, потому что къ нему приставлены были два офицера: онъ былъ обвиненъ королемъ въ томъ, что въ 1722 году побуждалъ его занять у Прусскаго короля деньги и заложить островъ Вольгастъ. „Говорятъ“, писалъ Долгорукій, „что острѣе всѣхъ здѣсь графъ Горнъ, только и его еще не видалъ; а изъ доброжелательныхъ никого нѣтъ большой остроты; королева здѣшняя, какъ говорятъ, Русскаго народа очень не любитъ“. 25 ноября Долгорукій писалъ: „Третьяго-дня мнѣ сказано, что король въ тотъ самый день говорилъ одному изъ сенаторовъ: „Скажите мнѣ сущую правду, какія партіи составляются здѣсь противъ меня, и какими способами Русская государыня хочетъ лишить меня престола“? Сенаторъ отвѣчалъ, что онъ ничего объ этомъ не знаетъ и не слыхалъ. Ваше величество изъ этого изволите усмотрѣть, какія со стороны Россіи опасности королю внушены, и если онъ такое мнѣніе имѣетъ, то какъ его склонить къ постоянной съ вашимъ величествомъ дружбѣ? Я для этого намѣренъ, послѣ аудіенціи, искать случаевъ, какъ бы мнѣ чаще съ королемъ видѣться и внушить ему, что онъ совершенно безопасенъ со стороны вашего величества, а потомъ стану ему показывать, какая опасность грозитъ ему отъ короля Англійскаго. Только, какъ я слышу, король мнителенъ отъ природы и вѣритъ людямъ мало-знающимъ, которые при немъ; съ чужестранцами въ разговоры глубокіе не входитъ, только развѣ что выслушаетъ; однако, я буду случая искать ему самому обо всемъ донести, а черезъ людей нельзя, потому что еще никого не знаю. Надѣюсь, что аудіенціею моею здѣсь не замедлятъ, и что я успѣю съѣздить съ визитами не только къ мужчинамъ, но и къ дамамъ, и, отдавъ визиты, могу ихъ звать къ себѣ. Я намѣренъ былъ вчерашняго числа торжествовать тезоименитство вашего императорскаго величества и дѣлалъ къ тому приготовленія, особенно намѣренъ былъ для подлаго народа пустить вино; но нѣкоторые изъ здѣшнихъ мнѣ сказывали, будто король для того аудіенцію откладывалъ, чтобъ я не устроивалъ этого торжества, и особенно чтобъ подлаго народа не ласкалъ. Хотя я королевскаго намѣренія подлинно не знаю, но, какъ только я объ этомъ услышалъ, тотчасъ распустилъ слухъ, что торжество отложено, и будетъ устроено дней десять спустя послѣ аудіенціи. Иначе мнѣ было сдѣлать нельзя, потому что ни одна дама ко мнѣ не поѣхала бы, пока я не сдѣлалъ бы имъ визитовъ; а визитовъ частнымъ лицамъ прежде королевской аудіенціи сдѣлать нельзя“.

29 ноября была, наконецъ, аудіенція. Для произведенія сильнаго впечатлѣнія, Долгорукій подарилъ: золотую шпагу королевскому капитану, который привезъ его на яхтѣ, капитанъ поручику серебряную посуду, рядовымъ матросамъ далъ по два червонныхъ, унтеръ-офицерамъ – по шести. Всѣ остались очень довольны; шпагу король велѣлъ принести къ себѣ и разсматривалъ. „Мое намѣреніе“, доносилъ Долгорукій, „чтобъ короля, и особенно Горна, который здѣсь всемогущъ, отвратить отъ англійской стороны; если же этого нельзя, то, по крайней мѣрѣ, смягчить, чтобы на нынѣшнемъ сеймѣ не приступили къ Ганноверскому союзу,—для того я намѣренъ къ Горну привязаться всевозможными способами, чтобъ увидать, нельзя ли какъ-нибудь съ нимъ сдѣлать по моему намѣренію; но и другихъ способовъ помѣшать союзу не упущу. До сихъ поръ король обходится со мною милостиво, и говоритъ со мною чаще, чѣмъ съ другими, однако о постороннихъ дѣлахъ; у Горновой жены я дважды былъ, и тутъ видѣлъ Горна одного; началъ съ нимъ говорить о дѣлѣ, но окончить не могъ. Баронъ Спаръ, министръ шведскій при Дворѣ Англійскомъ, нарочно изъ Англіи пріѣхалъ сюда для сейма; какъ мнѣ сказано, король Англійскій далъ ему 5,000 фунтовъ стерлинговъ для склоненія здѣсь къ союзу. Я не разъ говорилъ съ нимъ противъ союза; бывали разговоры болѣе часа и споры великіе; потомъ Спаръ у меня обѣдывалъ, и я у него однажды. Это мое поведеніе относительно короля Горна и Спара возбудило было-подозрѣніе въ нѣкоторыхъ изъ доброжелательныхъ; но я главнымъ изъ нихъ объяснилъ, для чего я то дѣлаю, и что я присланъ не праведныхъ спасти, а грѣшныхъ: не смогу ихъ оттянуть къ моей сторонѣ, то, быть можетъ, наведу на нихъ подозрѣніе у ихъ единомышленниковъ тѣмъ, что они со мною ласково обходятся. Противная сторона очень сильна, особенно Горномъ и Дворомъ: англійскія деньги, говорятъ, раздаются здѣсь въ большомъ количествѣ, не только частнымъ людямъ, но и самъ король, говорятъ, получаетъ пенсію отъ Англійскаго короля; Горнъ, говорятъ, получилъ 160,000 рублей; а доброжелательная партія очень слаба и состоитъ изъ людей робкихъ, - поэтому я принужденъ здѣсь сильнѣе дѣйствовать и говорить, ибо преданные намъ люди говорить не смѣютъ, главные болѣе другихъ опасаются. Король пригласилъ меня ѣздить съ нимъ

[1]) Протоколъ Верховн. Тайн. Совѣта.

на медвѣжью охоту, и я приготовился: мнѣ сказали, что это знакъ милости и что всего удобнѣе говорить съ его величествомъ о дѣлахъ во время охоты. Здѣшній Дворъ несравненно хуже Датскаго: начиная съ главныхъ, большинство людей посредственные, а есть такіе, что съ трудомъ и говорятъ. Горнъ показался мнѣ человѣкъ острый и лукавый: надобно съ нимъ будетъ обходиться умѣючи и зацѣплять его тѣмъ, къ чему онъ склоненъ и что ему надобно, а силою одолѣть его очень трудно. Здѣшній сеймъ очень похожъ на ярмарку: всѣ торгуются и одинъ про другого разсказываетъ, кому что дано; только смотрятъ, чтобъ на судѣ нельзя было изобличить, ибо наказаніе—смертная казнь".

Только 13 декабря Долгорукій началъ праздновать именины императрицы: въ этотъ день обѣдали у него сенаторы, иностранные министры и другія знатныя особы съ женами, а 15 числа былъ балъ и *машкара*: начался въ 5 часовъ пополудни и кончился въ 5 часовъ пополуночи; позвано было 500 человѣкъ обоего пола, всѣ безъ исключенія, которые могли входить въ „знатныя компаніи", и всѣ ужинали; графини Горнъ и Делагарди были выбраны—одна королевою бала, а другая—вице-королевою; послѣ ужина хозяинъ послалъ спросить обѣихъ дамъ, примутъ ли онѣ отъ него подарокъ, но обѣ отказались.

Ни обѣдъ, ни балъ съ машкарой не помогали. Когда Долгорукій потребовалъ конференцій, то для переговоровъ съ нимъ назначили людей противной партіи, которые спрашивали: для чего въ нынѣшнемъ году такъ сильно вооружили русскій флотъ; зачѣмъ приведено 40,000 войска въ Петербургъ; зачѣмъ готовили сухари съ такою поспѣшностію, что не было ни одного лучшаго дома, чтобы ихъ не пекли. Жаловались, что слышали не только словесныя, но и письменныя угрозы со стороны Русской государыни. Тѣ изъ приверженцевъ Ганноверскаго союза, которые не хотѣли разрывать и съ Россіею, толковали, что эта держава не имѣетъ никакой причины считать вступленіе Швеціи въ Ганноверскій союзъ такимъ противнымъ для себя дѣломъ, потому что Швеція, находясь въ дружбѣ съ Англійскимъ королемъ, можетъ черезъ него добиться удовлетворенія герцогу Голштинскому въ Шлезвигскомъ дѣлѣ и примирить Россію съ Англіею. Главами ганноверской партіи были Горнъ, Делагарди и фонъ-Кохенъ. Двое послѣднихъ, по словамъ Долгорукаго, готовы, какъ раскольники, отдать сжечь себя живыми за короля Англійскаго; а Делагарди, какъ говорили, получалъ изъ Англіи ежегодную пенсію въ 4,000 фунтовъ. Горнъ поѣхалъ на Святки въ деревню и взялъ съ собою двоихъ лучшихъ членовъ секретной коммисіи, Белке и Левенгаупта, чтобъ уговаривать ихъ къ Ганноверскому союзу: одному обѣщалъ деревню въ Бременской области въ 30,000 рублей, другому—фельдмаршальскій жезлъ.

Англійская, или ганноверская партія перевѣшивала потому, что въ ней были способные и энергичные люди, чего недоставало русской партіи. Ганноверская партія не пренебрегала никакими средствами: въ залу, гдѣ собиралась секретная коммисія, подкинуто было извѣщеніе о заговорѣ, цѣлію котораго было лишить короля и королеву престола и возвести на него герцога Голштинскаго, причемъ прописаны были имена заговорщиковъ—членовъ русской партіи. Людей, не принадлежавшихъ ни къ какой партіи, застращиваніями заставляли приставать къ ганноверской: однимъ внушали, что когда герцогъ Голштинскій будетъ возведенъ на престолъ, то у нихъ отберутъ ихъ земли и раздадутъ другимъ,—указывая кому именно раздадутъ; другимъ шептали, что отнимутъ у нихъ чины. „Я никакъ не думалъ встрѣтить здѣсь такія затрудненія", писалъ Долгорукій въ январѣ 1727 года; „главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что всѣ важныя дѣла рѣшаются въ секретной коммисіи, а съ членами ея говорить никакъ нельзя, потому что имъ подъ присягою запрещено сноситься съ иностранными министрами. Король въ разсужденія о важныхъ дѣлахъ не входитъ, а съ вельможами, которые хотятъ приступить къ Ганноверскому союзу, говорить нечего: легче турецкаго муфтія въ христіанскую вѣру обратить, чѣмъ ихъ отвлечь отъ Ганноверскаго союза; всякое дѣло и слово надобно закоулками проводить до того мѣста, гдѣ оно надобно". Въ началѣ февраля Долгорукій писалъ: „Были у меня двѣ особы изъ доброжелательныхъ и, ради самого Бога, просили, чтобъ я именемъ вашего величества обѣщалъ субсидіи, ибо только однимъ этимъ способомъ можно помѣшать акцессіи; Горнъ беретъ верхъ только представленіемъ, что Швеція находится въ крайней бѣдности, а король Англійскій обѣщаетъ субсидію безусловно". Долгорукій находился въ затруднительномъ положеніи: онъ имѣлъ указъ обѣщать субсидіи только въ томъ случаѣ, когда бы Швеція согласилась, вмѣстѣ съ Россіею, вступить въ Шлезвигское дѣло; но если упомянуть объ этомъ условіи, то можно было все дѣло испортить, ибо придворная партія закричала бы, что Россія вовлекаетъ Швецію въ войну. Сказать неопредѣленно, что получатъ субсидіи, если вступятъ съ Россіею въ какое-нибудь общее дѣло для собственной пользы,—станутъ привязываться, въ чемъ состоитъ эта общая польза; а если не объявить точно и опредѣленно, то станутъ говорить, что русскій посланникъ ихъ только обманываетъ для отвлеченія отъ акцессіи. „Дѣло такое трудное", писалъ Долгорукій, „что я до сихъ поръ не найду къ нему приступа". Долгорукій нашелъ такой приступъ, что обѣщалъ неопредѣленныя субсидіи, но не получилъ никакого отвѣта на свое предложеніе.

Въ мартѣ ганноверская партія достигла своей цѣли. Нѣкоторые члены секретной коммисіи, взявшіе русскія деньги, противились акцессіи; Горнъ рѣшился перекупить ихъ, и дня въ три уладилъ дѣло: небогатымъ купцамъ и сельскимъ священни-

камъ дали по пяти сотъ и по тысячѣ червонныхъ. Употребивши это могущественное средство, Горнъ держалъ членовъ секретной коммисіи отъ семи часовъ утра до восьми пополудни, и довелъ дѣло до того, что, вмѣсто удовлетворенія герцогу Голштинскому за Шлезвигъ, чего прежде упорно требовала коммисія, согласились довольствоваться однѣми добрыми услугами Франціи и Англіи, и тутъ ограничились словесными обѣщаніями, потому что министры французскій и англійскій отказались внести этотъ пунктъ въ договоръ, ибо короли ихъ обязались прежде удерживать Шлезвигъ за Даніею. Согласились отпустить за-границу шведскія войска, въ числѣ 8,000, на помощь Англіи и Франціи, которыя за это обѣщали платить субсидіи въ продолженіе трехъ лѣтъ, и платить каждый годъ впередъ по 200,000 червонныхъ; но Шведское правительство просило по 300,000 червонныхъ въ годъ — и въ продолженіе всего времени, пока договоръ будетъ въ силѣ. На этомъ дѣло остановилось. Долгорукій совѣтовался съ цесарскимъ и голштинскимъ министрами, какія теперь употребить послѣднія средства для удержанія Швеціи отъ акцессіи, — и не могли ничего придумать, кромѣ денегъ. Долгорукій обѣщалъ съ русской стороны платить ежегодно по сту тысячъ рублей въ продолженіе трехъ лѣтъ, да столько же обѣщалъ цесарскій министръ отъ своего государя.

Но и это не помогло: акцессія была принята; король и сенатъ согласились на нее. Чтобъ истощить всѣ средства сопротивленія, Долгорукій и Фрейтагъ, цесарскій министръ, роздали еще 4,000 червонныхъ, чтобъ произвести, по крайней мѣрѣ, сильный крикъ въ полномъ собраніи сейма. — „Мало надежды“, писалъ Долгорукій, „чтобъ могли передѣлать, когда уже сдѣлано; однако увидимъ, что тотъ крикъ произведетъ“.

Крикъ не произвелъ ничего: акцессія прошла окончательно на сеймѣ. Но Долгорукаго, привыкшаго при Петрѣ къ уваженія, съ какимъ относились къ могущественной Россіи, особенно оскорбило невниманіе шведскихъ вельможъ къ предложеніямъ представителя Русской императрицы. „При другихъ Дворахъ, къ которымъ я былъ посыланъ, такихъ необыкновенныхъ и гордыхъ поступковъ не видѣлъ“, писалъ онъ въ Петербургъ. „Хотя я знатныя субсидіи отъ вашего величества и отъ Цесаря обѣщалъ, однако здѣшніе правители не только не отвѣчали учтивою благодарностію, но даже не отозвались ни однимъ словомъ. По такимъ здѣшняго Двора гордымъ поступкамъ, видится, не прилично мнѣ здѣсь быть въ характерѣ, въ какомъ я сюда присланъ“. Въ концѣ марта, Долгорукій писалъ: „По всѣмъ поступкамъ королевскимъ и Горновымъ и ихъ партіи видится, что они мыслятъ о войнѣ противъ Россіи; а безъ такого намѣренія, такъ нагло и гордо презря обязательство съ вашимъ императорскимъ величествомъ, акцессіи они бъ не учинили и въ такое тѣсное обязательство съ королемъ Англійскимъ не вошли, особенно въ то время, когда онъ вамъ непріятель. И если они вскорѣ войны не начнутъ, то конечно за недостаткомъ и невозможностію, но на все это совершенно положиться нельзя, ибо, какъ я слышу, усильно и неусыпно трудятся экономію и государственные доходы, какъ возможно, лучше исправить, войско, флотъ и все нужное къ войнѣ въ доброе состояніе привесть. Поэтому, для всякаго опаснаго случая, нужно Выборгъ снабдить гарнизономъ, артиллеріею, амуниціею и провіантомъ. Ежели ваше императорское величество повелите войска къ Выборгу или къ рубежамъ финляндскимъ послать, — всепокорно прошу, прежде нежели войска посланы будутъ, повелѣть меня отсюда отозвать, чтобъ я успѣлъ выѣхать; а ежели здѣсь увѣдаютъ, что войска къ рубежамъ идутъ, то, по нынѣшнимъ здѣшнимъ поступкамъ, можно опасаться, что меня здѣсь удержатъ, о чемъ одинъ изъ друзей моихъ уже мнѣ и говорилъ“. Въ секретнѣйшей реляціи Долгорукій доносилъ, что, такъ какъ графъ Горнъ былъ единственнымъ виновникомъ приступленія Швеціи къ Ганноверскому союзу, то нельзя не предвидѣть его замысловъ, которые клонятся къ возвращенію завоеванныхъ Россіею провинцій и къ доставленію современемъ Шведской короны Англійскому принцу. Нѣкоторыя изъ доброжелательныхъ Россіи лицъ желаютъ, чтобъ къ Выборгу скорѣе были присланы русскія галеры съ 20,000 войска, подъ предводительствомъ фельдмаршала князя Голицына, дабы этимъ способомъ принудить къ созванію новаго сейма и къ выбору новаго маршала, вмѣсто Горна, уничтожить союзъ съ Англійскимъ королемъ и утвердить прежній союзъ съ Россіею.

10 апрѣля въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсуждали о шведскихъ дѣлахъ. Понятно было сильное безпокойство герцога Голштинскаго, у котораго стокгольмскія событія грозили отнять надежду на наслѣдство Шведскаго престола и на возвращеніе Шлезвига. Герцогъ говорилъ, что въ Петербургѣ находится шведскій капитанъ, который, за убійство своего соперника на поединкѣ, принужденъ былъ покинуть отечество, и предлагаетъ съ четырьмя полками конницы завоевать всю Финляндію. Герцогъ потомъ совѣтовалъ министрамъ исполнить желаніе австрійскаго посланника, графа Рабутина, пригласить его на конференцію и всѣ его предложенія принимать на доношеніе императрицѣ; внушалъ, чтобы не только на эту конференцію, но и на всѣ другія допускался съ его, герцоговой стороны, министръ его, графъ Бассевичъ. Наконецъ герцогъ совѣтовалъ писать въ Швецію князю Долгорукому, требовать отъ него и отъ тамошнихъ доброжелателей мнѣнія, какъ Россіи поступить со Швеціею по случаю присоединенія ея къ Ганноверскому союзу. Члены совѣта согласились, и Остерманъ сейчасъ же написалъ проектъ рескрипта Долгорукому. Всѣ члены одобрили проектъ; одинъ Меншиковъ требовалъ добавить, чтобъ посолъ взялъ отъ русскихъ доброжелателей списокъ ихъ имѣній, дабы, въ случаѣ войны

можно было щадить ихъ; но, вопреки Меншикову, въ рескриптѣ написали, чтобъ Долгорукій увѣдомилъ, какъ велика партія доброжелательныхъ къ Россіи людей, предупредивъ ихъ, что приступленіе Швеціи къ Ганноверскому союзу заставитъ Россію принять сильныя мѣры, и требовалъ ихъ согласія на это.

Но прежде полученія этого рескрипта, Долгорукій объяснилъ главную причину, почему въ Швеціи рѣшились порвать съ Россіею и съ такимъ презрѣніемъ относились къ представленіямъ ея посланника. „Горнъ и его партія", писалъ Долгорукій отъ 13 апрѣля, „всякому внушаютъ, что за акцессію отъ стороны вашего величества ни малѣйшаго опасенія нѣтъ, и впредь не будетъ; а нынѣ въ самомъ крайнемъ секретѣ мнѣ сказано, что шведскій министръ Цедеркрейцъ, который при Дворѣ вашего императорскаго величества, въ реляціи своей писалъ, будто при Дворѣ вашего императорскаго величества между нѣкоторыми изъ главныхъ особъ великія несогласія. Ту его реляцію читали въ секретной коммисіи, и король съ Горномъ и со всею его партіею очень обрадовались, и разсуждаютъ, что, по причинѣ этихъ несогласій, ни малѣйшей опасности съ русской стороны коронѣ Шведской быть не можетъ. Отъ другихъ слышу, что и въ частныхъ письмахъ о томъ сюда пишутъ, и это производитъ здѣсь немалую радость и безопасность". Въ этомъ донесеніи Долгорукій говорилъ неопредѣленно о великихъ несогласіяхъ между главными лицами; но гораздо опредѣленнѣе писалъ онъ Меншикову еще въ декабрѣ 1726 года: „Для собственнаго вашей свѣтлости извѣстія не хотѣлъ я преминуть, не увѣдомя вашу свѣтлость: сказывали мнѣ человѣкъ пять или шесть, всякій за секретъ, что писалъ сюда шведскій министръ Цедеркрейцъ, будто онъ имѣлъ съ вами разговоръ, въ которомъ будто вы изволили ему дать знать, что здѣшняя акцессія не весьма противна ея императорскому величеству будетъ, ежели корона Шведская можетъ исходатайствовать его королевской свѣтлости (герцогу Голштинскому) удовольствіе въ дѣлѣ шлезвигскомъ. Тотъ разговоръ, какъ я слышу, противная партія въ пользу себѣ толкуетъ. Прошу вашу свѣтлость содержать сіе тайно, а особливо не объявлять, что я вамъ доносилъ; я не хотѣлъ преминуть, чтобъ по должности моей вашу свѣтлость о семъ не увѣдомить". Впослѣдствіи было узнано о письмѣ Меншикова къ шведскому сенатору Дибену, гдѣ свѣтлѣйшій князь увѣрялъ, что, русскіе министры въ Стокгольмѣ дѣйствуютъ противъ акцессіи только для вида, изъ угожденія новому союзу съ Цесаремъ; что онъ, Меншиковъ, имѣя въ рукахъ войско, не допуститъ до войны; что здоровье императрицы очень слабо, и чтобы, въ случаѣ ея кончины, пріятельскія внушенія его не были забыты въ Швеціи, когда ему понадобится какая-нибудь помощь. Меншиковъ сообщалъ Цедеркрейцу о всемъ, происходившемъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, за что получилъ черезъ него англійскими деньгами 5,000 червонныхъ [1]).

Голштинское дѣло сообщало особенное значеніе отношеніямъ Россіи къ Даніи. Когда въ Копенгагенѣ получено было извѣстіе о кончинѣ Петра, то произвело неописанную радость; по словамъ резидента Ал. Петр. Бестужева: „Изъ первыхъ при Дворѣ яко генерально и всѣ подлые съ радости опилися-было". Королева въ тотъ же день въ четыре церкви для нищихъ и въ гошпитали послала тысячу ефимковъ, подъ предлогомъ благодарности Богу за выздоровленіе короля; но въ городѣ повсюду говорили, что королева благодарила Бога за другое, потому что король выздоровѣлъ уже недѣлю тому назадъ, да и прежде король часто и опаснѣе болѣлъ, однако королева ни гроша ни въ одну церковь не посылала. Только король велъ себя прилично и сердился на тѣхъ, которые обнаруживали нескромную радость. Радость эта происходила отъ того, что ожидали смуты въ Россіи; уже мечтали о томъ, что Цесарь дастъ королю инвеституру и гарантію на Шлезвигъ, и оба Двора, какъ Вѣнскій, такъ и Копенгагенскій, обяжутся доставить Русскій престолъ великому князю Петру Алексѣевичу, что легко будетъ сдѣлать, потому что Шведы, Поляки и Турки воспользуются смутою для своихъ выгодъ. Восторгъ прекратился, когда слѣдующая почта привезла извѣстіе, что Екатерина признана самодержавною императрицею безо всякой смуты. Въ высшихъ кругахъ, впрочемъ, еще не теряли надежды на смуту: камергеръ Габель говорилъ публично и рѣшительно, что черезъ три мѣсяца получится извѣстіе о страшной смутѣ въ Россіи. Въ этомъ ожиданіи и въ надеждѣ на то, что Россія во всякомъ случаѣ будетъ занята Персидскими, Турецкими и Польскими (по поводу Торнской смуты) дѣлами, королевская фамилія со всѣмъ Дворомъ находилась „въ добромъ и веселомъ гуморѣ" и въ полнѣйшей безопасности, такъ что Бастужевъ писалъ, что теперь самое удобное время предпринять что-нибудь въ пользу герцога Голштинскаго. Даже извѣстіе, что русскій флотъ приготовляется къ походу, не произвело впечатлѣнія; при Дворѣ гововили: „Мы уже привыкли, что русскій флотъ каждое лѣто воду мутитъ, выходя въ море для обученія компасу и навигаціи".

Но въ маѣ „добрый и веселый гуморъ" исчезъ по тревожнымъ вѣстямъ изъ Петербурга отъ датскаго резидента при тамошнемъ Дворѣ, Вестфалена: пушки, которыя-было уже начали свозить съ кораблей въ арсеналъ, опять поворотили на корабли, которые были приготовлены наспѣхъ безъ достаточнаго числа матросовъ. Слабая Данія находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи: Англія и Франція предлагали помощь противъ Россіи, но за то требовали вступленія въ Ганноверскій союзъ; а съ другой стороны присылалъ Цесарь съ обѣща-

[1]) Кабинетъ I, кн. № 59. Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ въ Москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ. Дѣла Меншикова тамъ же.

ніями дѣйствовать въ пользу Даніи, если она обяжется не давать никому своихъ войскъ, кромѣ него, за субсидію: нужна была помощь Англіи и Франціи, и страшно было отвергнуть предложеніе Цесаря, который могъ соединиться съ Россіею и Швеціею. Рѣшили тянуть время, и если съ русской стороны не будетъ нападенія, то не вступать ни съ кѣмъ въ обязательства, при первомъ же появленіи русскаго флота у датскихъ береговъ вступить въ союзъ съ Англіею и Франціею. Но ганноверскіе союзники не могли успокоиться на такомъ рѣшеніи Даніи; они представляли ей, что бояться нечего, если она вступитъ въ ихъ союзъ: Пруссія и Голландія въ числѣ союзниковъ, Швецію уговорятъ непремѣнно приступить къ нему; съ другой стороны, Англія и Франція употребятъ всѣ усилія поднять Турокъ противъ Россіи, противъ которой вооружится и Швеція, для возвращенія завоеванныхъ у нея провинцій.

Осенью, когда русскій флотъ возвратился въ Ревель, Бестужевъ имѣлъ разговоръ съ канцлеромъ графомъ Гольстомъ: „Для чего“, говорилъ резидентъ, „Данія каждый годъ тратится на вооруженіе флота по ложнымъ внушеніямъ, будто русскій флотъ выходитъ изъ своихъ гаваней съ враждебными противъ Даніи намѣреніями; кажется Датскій Дворъ можетъ ясно видѣть, что русскій флотъ выходитъ въ море только для упражненій“.— „Что же дѣлать?“ отвѣчалъ Гольстъ: „мы не можемъ помѣшать, чтобъ русскій флотъ не выходилъ въ море для упражненій, а между тѣмъ ежегодный выходъ его возбуждаетъ здѣсь подозрѣнія, и мы не можемъ не предпринимать мѣръ предосторожности“.— „Лучше было бы обоимъ государямъ вступить въ соглашеніе; этимъ средствомъ Данія скорѣе достигнетъ безопасности, чѣмъ вступленіемъ въ разные союзы“, замѣтилъ Бестужевъ. Канцлеръ отвѣчалъ, что Данія ни въ какіе союзы не вступаетъ, и предпочитаетъ дружбу Русской государыни, желая возобновить ее и утвердить древнимъ союзомъ. „Датская дружба“, говорилъ Гольстъ, „для Россіи надежнѣе, чѣмъ какая-нибудь другая; притворство другой новой дружбы современемъ окажется, когда Турки вооружатся противъ Россіи; Данія же всегда желала, чтобъ Россія была сильнѣе своихъ сосѣдей; для собственныхъ интересовъ Данія не можетъ соперничать съ Россіею“. Пріятели внушали Бестужеву, что если оберъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ, фонъ-Гагену, дать тысячу червонныхъ и четыре тысячи посулить, да канцлеру, графу Гольсту, посулить 20,000 червонныхъ, то эти деньги болѣе принесутъ пользы герцогу Голштинскому, чѣмъ 50 русскихъ линейныхъ кораблей въ Балтійскомъ морѣ, потому что Датскій король охотнѣе вступитъ въ соглашеніе съ Россіею и останется нейтральнымъ, чѣмъ пристанетъ къ какой-нибудь сторонѣ. Но въ Россіи считали дѣломъ очень труднымъ уладиться съ Датскимъ Дворомъ насчетъ Шлезвигскаго дѣла и не хотѣли тратиться попустому; ждали, чтобъ Данія сдѣлала первый шагъ и указала какой-нибудь выходъ изъ затрудненія.

Весною 1726 года, на датскихъ водахъ явился англійскій флотъ, и Бестужевъ примѣтилъ, что король и весь Дворъ чрезвычайно обрадовались гостямъ, избавлявшимъ ихъ отъ безпокойства насчетъ прогулки русскаго флота. Ганноверскій министръ, Ботмаръ, встрѣтившись при Дворѣ съ Бестужевымъ, спросилъ его: видѣлъ ли онъ англійскій флотъ, и сталъ хвалить его: „Прекрасный флотъ“!—„Этого флота я еще не видалъ“, отвѣчалъ Бестужевъ, „но тотъ флотъ, который въ 1721 году возвращался отъ береговъ Швеціи въ Англію, я видѣлъ; зачѣмъ теперь флотъ сюда пришелъ: развѣ гдѣ нибудь война?“ — „Въ Петербургѣ дѣлаются большія военныя приготовленія“, сказалъ Ботмаръ. Бестужевъ отвѣчалъ ему, что, по адмиралтейскому уставу Петра Великаго, треть флота ежегодно должна выходить въ море для упражненій.— „Вездѣ слышно объ угрозахъ, которыя переносить нельзя“, возразилъ Ботмаръ. Бестужевъ доносилъ въ Петербургъ, что съ появленіемъ англійскаго флота всѣ стали чуждаться его, резидента, какъ зачумленнаго.

Осенью англійская эскадра возвратилась, не тронувши русскаго флота. Это обстоятельство и союзъ Россіи съ Австріею удержали Данію отъ приступленія къ Ганноверскому союзу; и когда, весною 1727 года, англійская эскадра опять появилась на датскихъ водахъ, и англійскій адмиралъ требовалъ, чтобъ датскій флотъ соединился съ его флотомъ, то получилъ отказъ; при этомъ Бестужевъ узналъ о донесеніяхъ Вестфалена изъ Петербурга, что съ русской стороны не будетъ противъ Даніи никакого непріятельскаго поступка [1]).

Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ 1-й прослезился, когда графъ Александръ Головкинъ объявилъ ему о кончинѣ Петра, и увѣрялъ, что будетъ продолжать дружбу и къ его преемницѣ. „Я, по смерти своего дражайшаго друга, хочу показать свою вѣрность“, сказалъ король, и сталъ носить трауръ даже въ Потсдамѣ, чего никогда не дѣлывалъ; всѣмъ велѣлъ носить трауръ четверть года, тогда какъ по другихъ государяхъ носили только шесть недѣль. На вопросъ своего посланника въ Петербургѣ, Мардефельда, какъ ему носить трауръ,—король отвѣчалъ: „Какъ по мнѣ“. Головкинъ писалъ императрицѣ: „При нынѣшнихъ конъюнктурахъ надобно дорожить дружбою короля Прусскаго, и если ваше величество изволите принять какія-нибудь мѣры къ продолженію взаимной дружбы, то имѣю надежду успѣть въ этомъ, особенно если со стороны вашего величества будетъ сдѣлано королю что-нибудь угодное, именно присылкою нѣсколькихъ великановъ, потому что этимъ способомъ и при блаженной памяти императорѣ важныя дѣла были исправлены; и другія государства этимъ же способомъ его склоняютъ“. Король

[1]) Дѣла Датскія означенныхъ годовъ.

самъ предложилъ заключить оборонительный союзъ между Россіею и Пруссіею, и особенно обращалъ вниманіе Екатерины на Польшу: „Надобно намъ между собою ближайшимъ образомъ согласиться“, говорилъ онъ Головкину; „надобно откровенно другъ другу объявить свое мнѣніе, ибо легко можетъ случиться, что король Польскій осуществитъ свои вредные замыслы, и тогда трудно и поздно будетъ препятствовать; надо заранѣе обо всемъ между собою согласиться: недаромъ саксонскіе полки приготовляются,—какіе-нибудь злые помыслы имѣютъ“. Фридрихъ-Вильгельмъ велѣлъ объявить саксонскому посланнику, что если черезъ девять дней Саксонскій Дворъ не объявитъ подлиннаго намѣренія о приготовленіяхъ своихъ войскъ, то прусское войско соберется при саксонской границѣ. „Если Саксонцы“, говорилъ король Головкину, „несмотря на то, вступятъ въ свои лагери близъ моихъ границъ, то я прямо на нихъ пойду, и потомъ что сдѣлается,—не я буду виноватъ, и всѣ потери съ нихъ требовать буду. Саксонцы такой народъ, что имъ отнюдь ни въ чемъ вѣрить нельзя; но если бъ какое другое сосѣднее государство войско свое сбирало, напримѣръ, если бъ вашихъ войскъ собралось хотя бы сто тысячъ при самыхъ моихъ границахъ, то я бы ни малѣйшаго подозрѣнія не имѣлъ, потому что я ничего отъ васъ не опасаюсь“.

Саксонскій Дворъ уступилъ и велѣлъ своему посланнику объявить Фридриху-Вильгельму, что не будетъ больше собирать полковъ на бранденбургскихъ границахъ. Король успокоился; но лѣтомъ 1725 года пришла грамота отъ Англійскаго короля, что Россія вооружаетъ флотъ противъ Даніи въ пользу герцога Голштинскаго, и потому Пруссія, гарантировавъ Даніи Шлезвигъ, обязана помочь и въ этомъ случаѣ дипломатическимъ путемъ, а въ случаѣ нужды—и войскомъ. Отвѣтная грамота Прусскаго Двора была „въ генеральныхъ и прикрытыхъ терминахъ, чтобы Англійскій Дворъ не могъ ни за явный отказъ, ни за обѣщаніе принять“. Но Европа подѣлилась на два союза—Англо-Французскій и Австро-Испанскій; Фридрихъ-Вильгельмъ отправился въ Ганноверъ для свиданія съ Англійскимъ королемъ, и, по возвращеніи, объявилъ Головкину: „Такъ какъ Вѣнскій Дворъ съ Испаніею вступилъ въ тѣсный союзъ, и другія католическія державы къ этому союзу приглашаетъ, то король Англійскій нашелъ нужнымъ образовать другой сильный союзъ, и я вступилъ въ этотъ союзъ, который имѣетъ главною цѣлью сохраненіе Вестфальскаго и Оливскаго договоровъ; но увѣряю васъ, что въ этомъ новомъ союзѣ нѣтъ ничего предосудительнаго русскимъ интересамъ, и всѣ желаютъ, чтобъ и Россія въ него вступила, того же особенно желаю и я“. Россія не приступала къ Ганноверскому союзу; но это не мѣшало Фридриху-Вильгельму сохранить съ нею дружественныя отношенія; онъ объявлялъ, что съ Англіею и Франціею онъ только въ оборонительномъ союзѣ, и очень радъ быть въ такомъ же союзѣ съ Россіею. „Когда мы“, говорилъ король, съ покойнымъ императоромъ Русскимъ въ доброй дружбѣ были, то изрядную фигуру дѣлали“.

Въ мартѣ 1726 года прусскіе министры предложили Головкину, не угодно ли будетъ Русскому Двору посредничество Прусскаго для отстраненія препятствій, мѣшающихъ Россіи приступить къ Ганноверскому союзу; и такъ какъ главное препятствіе состоитъ въ требуемомъ Россіею вознагражденіи герцогу Голштинскому за Шлезвигъ, то Прусскій король предлагаетъ отдать герцогу Курляндію. Головкинъ отказался принять это предложеніе на доношеніе, сообразивъ, что: 1) онъ ничего не знаетъ о намѣреніи императрицы относительно Курляндіи; 2) герцогъ Голштинскій уже разъ не согласился на это предложеніе, сдѣланное ему прямо Берлинскимъ Дворомъ; 3) дѣло можетъ произвести непріятное впечатлѣніе на Поляковъ. Въ Петербургѣ были очень довольны поступкомъ Головкина: „Сей поступокъ весьма апробуется, и впредь такимъ же способомъ отъ того уклонялся бы“. Дружескія сношенія Петербургскаго Двора съ Вѣнскимъ сильно безпокоили Фридриха-Вильгельма; но Головкинъ относительно австро-русскаго союза говорилъ ему то же, что король говорилъ о вступленіи своемъ въ Ганноверскій союзъ: „Если и заключенъ будетъ какой-нибудь договоръ, то въ немъ не будетъ ничего предосудительнаго для Пруссіи, а можетъ быть еще подастся случай выговорить что-нибудь въ ея пользу“.—„Я желаю одного“, отвѣчалъ король, „чтобъ Цесарь оставилъ меня въ покоѣ,—тогда и я бы оставилъ его въ покоѣ; я потому и къ Ганноверскому союзу приступилъ“. Когда былъ присланъ изъ Петербурга давно желанный проектъ союзнаго договора между Россіею и Пруссіею, то король, изъявляя готовность принять этотъ проектъ, повторялъ, что желаетъ посредствомъ Россіи получить отъ Вѣнскаго Двора обнадеживаніе, что Дворъ этотъ не только не будетъ дѣлать впередъ никакихъ противностей Пруссіи, но и будетъ ей благопріятствовать. „Другіе меня вовсе оставятъ, а съ Цесарскимъ Дворомъ у меня не гораздо большая гармонія, поэтому-то я и желаю получить письменное обнадеженіе отъ Цесарскаго Двора, что онъ фаворабельнымъ ко мнѣ себя покажетъ, и тогда дѣла основательно поведены быть могутъ. По нынѣшней ситуаціи дѣлъ въ Европѣ, легко можетъ война произойти, а мои земли въ серединѣ стали, и легко можетъ театрумъ войны въ моихъ земляхъ быть, и я все думаю, какъ бы это добрымъ способомъ отъ себя отвести“.

Таковы были внѣшнія отношенія Россіи при Екатеринѣ I. Мы видѣли, какъ въ разныхъ странахъ, враждебныхъ новой имперіи, обрадовались при извѣстіи о неожиданной преждевременной смерти великаго царя. Ожиданія были обмануты: внутренней смуты въ Россіи не послѣдовало; несмотря на то, Россія находилась въ затруднительномъ положеніи: Русскіе люди прежде всего требовали отдыха, и не было болѣе человѣка, который могъ возбуждать ихъ къ постоянной дѣятельности:

вниманіе было поглощено внутренними дѣлами, тяжелою разборкою въ матеріалахъ преобразованія, финансовыми затрудненіями. Хотѣли поскорѣе развязаться съ войною Персидскою, особенно въ ожиданіи войны Турецкой и столкновеній западныхъ. Смерть Петра произвела свое дѣйствіе: къ Россіи обращались уже не съ такимъ уваженіемъ, какъ въ послѣднее время предшествовавшаго царствованія; англійскій флотъ сторожилъ русскіе берега, и теперь надъ нимъ не насмѣялись такъ, какъ насмѣялся Петръ опустошеніемъ шведскихъ береговъ; въ Швеціи русская партія поникла; въ дѣлахъ курляндскихъ остерегались раздражить Польшу. Но и Западная Европа, съ своей стороны, боялась войны: противъ союза Ганновернаго образовался союзъ Австро-Испанскій, къ которому естественно примкнула Россія и возстановила равновѣсіе. Дряхлый правитель Франціи, кардиналъ Флёри, полный представитель одряхлѣвшей Французской монархіи, сильно боялся, что австрійское войско будетъ подкрѣплено тридцати-тысячнымъ русскимъ корпусомъ; Англія также не хотѣла тратиться на войну, отъ которой не ждала непосредственныхъ для себя выгодъ, и довольствовалась тѣмъ, что защитила Данію. Прусскій король боялся больше всего, чтобъ въ его землѣ не былъ театрумъ войны,—и Россія могла прожить въ мирѣ опасное время по смерти Петра Великаго, когда нужно было рѣшать столько важныхъ внутреннихъ вопросовъ, и прежде всего вопросъ о престолонаслѣдіи.

Приверженцы Екатерины, настоявши на возведеніи ея на престолъ, не рѣшали страшнаго для себя вопроса, а только отсрочивали его рѣшеніе. „Не сомнѣваются, что при Екатеринѣ дѣла пойдутъ хорошо; но сердца всѣхъ за сына царевичева“, писалъ саксонскій посланникъ Лефортъ къ своему Двору. Легко было возвести на престолъ Екатерину во время малолѣтства великаго князя Петра; но неужели этотъ, единственный мужескій представитель династіи, относительно правъ котораго нельзя было навести ни малѣйшаго сомнѣнія, и въ лѣтахъ совершенныхъ будетъ отстраненъ въ пользу одной изъ дочерей Екатерины? Мужескій потомокъ царей будетъ отстраненъ въ пользу женщины, которая выйдетъ за мужъ или за иностраннаго принца, или за русскаго своего подданнаго,—въ обоихъ случаяхъ неудобство громадное. Милостями и ласками Екатерина надѣялась привязать къ себѣ и къ своимъ дѣтямъ старыхъ вельможъ; но милости и ласки способны привязать къ правительству твердому; у слабаго же берутъ награды и озираются кругомъ, ища чего нибудь болѣе твердаго. При первомъ неудовольствіи вельможъ на правительство по поводу Меншикова, грозное имя великаго князя Петра переходило изъ устъ въ уста, и напуганному воображенію уже представлялась украинская армія, двигающаяся къ Петербургу, подъ начальствомъ любимаго вождя, князя Михаила Михайловича Голицына. Неудовольствіе вельможъ, при разрозненности стремленій ихъ къ личнымъ выгодамъ, одно могло быть и не опасно; но опасно оно было тѣмъ, что находило поддержку въ огромномъ большинствѣ народа, для котораго было немыслимо отстраненіе Петра II-го въ пользу тетки, какъ немыслимо было прежде отстраненіе Петра I-го въ пользу сестры. Событія конца прошлаго вѣка были въ свѣжей памяти у всѣхъ, и для всѣхъ ясны были причины паденія царевны Софіи. Поминовеніе въ церквахъ обѣихъ цесаревенъ прежде великаго князя Петра Алексѣевича, какъ намекъ на отстраненіе послѣдняго; первенство герцога Голштинскаго предъ великимъ княземъ при погребеніи Петра Великаго; хвастовство Бассевича, что онъ возвелъ Екатерину на тронъ и держитъ ее въ своихъ рукахъ:—возбуждали сильное неудовольствіе, которое начало высказываться подметными письмами. Послѣ 2 апрѣля 1726 года, присутствія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ не было двѣ недѣли: императрица была потревожена подметными письмами, направленными противъ постановленія, по которому царствующій государь имѣлъ право назначать себя преемника Подозрѣвали, что эти подметныя письма есть дѣло людей значительныхъ; министры совѣтовались между собою на словахъ, и каждый изъ нихъ лично изъяснялъ императрицѣ, какими, по его мнѣнію, способами можно оградить престолъ отъ потрясеній. Остерманъ подалъ письменное мнѣніе, въ которомъ всего лучше выставлено было затруднительное положеніе правительства въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Остерманъ предлагалъ, для примиренія интересовъ, женить великаго князя Петра Алексѣевича на цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Зная, что главнымъ препятствіемъ этому браку будетъ близость родства, Остерманъ писалъ: „Вначалѣ, при сотвореніи міра, сестры и братья посягали, и чрезъ то токмо человѣческій родъ распложался; слѣдовательно такое между близкими родными супружество отнюдь общимъ натуральнымъ и божественнымъ законамъ не противно, когда Богъ Самъ оное, яко средство міръ распространить, употреблялъ“. Но для насъ важнѣе всего тѣ соображенія Остермана, изъ которыхъ оказывалась невозможность отстранить великаго князя въ пользу цесаревенъ: „Если же наслѣдство на одномъ изъ ея величества дѣтей или кровныхъ наслѣдниковъ, съ исключеніемъ великаго князя, установить, то всегда въ Россійскомъ государствѣ раздѣленія и партіи останутся, и можетъ какой бездѣльный, бѣдный и мизерабельный мужикъ, подъ фальшивымъ именемъ, однакожъ, себѣ единомышленниковъ прибрать; чего же не можетъ государь при взрослыхъ лѣтахъ учинить, котораго рожденіе неложно и которое ему въ государствѣ не токмо многое почтеніе придаетъ, но и его многіе сродники знатные великую часть націи сочиняютъ, который такожъ и внѣ государства на Рим-

[1]) Дѣла Прусскія.

скаго Цесаря, яко своего дядю, сильную подпору въ способное время уповать можетъ. Не можетъ такая мудрая императрица ни 12 человѣкъ изъ своихъ вельможъ въ соединеніи содержать; какъ же возможно уповать, чтобъ, по смерти ея, принцессы, которыя въ правительствѣ гораздо не такъ обучены, безъ нападковъ и опасности осталися? При которыхъ смятеніяхъ обѣ всего своего благоповеденія лишиться могутъ".

Но Остерманъ зналъ, что бракъ между Петромъ и Елисаветою не обезпечивалъ интересовъ дочерей Екатерины: Петръ могъ поступить съ своею женою подобно дѣду, развестись и заключить ее въ монастырь, тѣмъ болѣе что оправданіе найти было легко,—незаконность брака по причинѣ близкой степени родства. Въ избѣжаніе этого, Остерманъ предлагалъ, при заключеніи брака, опредѣлить порядокъ престолонаслѣдія: по смерти Екатерины на престолъ взойдетъ великій князь Петръ, а принцесса Елисавета получитъ въ наслѣдственное владѣніе провинціи, завоеванныя у Швеціи. Въ случаѣ, если у нея кровныхъ наслѣдниковъ не будетъ, то эти провинціи поступаютъ во владѣніе наслѣдниковъ принцессы Анны Петровны, причемъ тотъ изъ ея наслѣдниковъ, который будетъ призванъ на Шведскій престолъ, не можетъ получить ихъ. Если и великій князь и принцесса Елисавета умрутъ бездѣтны, то они не должны располагать послѣ себя престоломъ, но должно опредѣлить, чтобъ находящійся тогда въ живыхъ наслѣдникъ принцессы Анны вступилъ на престолъ. Чтобъ принцесса Елисавета была безопасна во владѣніи завоеванныхъ провинцій, жители ихъ заблаговременно должны присягнуть обѣимъ принцессамъ, а находящіеся въ нихъ всѣ полки должны поклясться, что по смерти императрицы будутъ находиться въ послушаніи у принцессы Елисаветы. Весь народъ Русскій и самъ великій князь должны подтвердить присягою это постановленіе; великій князь подтверждаетъ его вторично, когда придетъ въ совершенныя лѣта, и, чтобы все получило надлежащее начало, принцесса Елисавета должна быть назначена немедленно губернаторомъ завоеванныхъ провинцій, какъ эрцгерцогиня Австрійская была въ Брабантѣ; Римско-Цесарскій Дворъ и Швеція должны гарантировать это постановленіе; всѣ члены Императорской Фамиліи должны его одобрить и съ присягою подписать. По словамъ Остермана, бракъ Петра съ Елисаветою примиритъ партіи, утушитъ смятенія, возвратитъ спокойствіе народу и поселитъ въ сосѣднихъ державахъ уваженіе къ Россіи [1]).

Въ этомъ проектѣ чрезвычайно ясно была выставлена невозможность отстранить великаго князя Петра въ пользу цесаревенъ; но, разумѣется, средство, предложенное Остерманомъ для соединенія интересовъ тетокъ и племянника, не могло быть принято: искушать Русскій народъ бракомъ племянника на родной теткѣ было нельзя, и упрочивать незаконный и, потому, легко расторжимый бракъ прибалтійскими областями—было безполезно, ибо гарантіи чужихъ державъ не могли спасти ихъ отъ вторичнаго завоеванія, тѣмъ болѣе что защищать ихъ отъ Русскаго императора должны были—русскіе же полки! Екатеринѣ оставалось одно: настаивать на своемъ правѣ назначить себѣ преемника и предоставить дѣло времени, предоставить себѣ рѣшить его, „смотря по конъюнктурамъ". Во всякомъ случаѣ, нужно было заботиться о ближайшихъ интересахъ своихъ дочерей, и мы видѣли, какъ Екатерина хлопотала о возвращеніи Шлезвига герцогу Голштинскому. Относительно второй дочери, цесаревны Елисаветы, желанный отцомъ и матерью бракъ ея съ королемъ Французскимъ не состоялся; бракъ съ побочнымъ сыномъ Августа II-го, искателемъ приключеній Морицемъ, былъ слишкомъ непривлекателенъ. Явился женихъ болѣе приличный. Въ Петербургъ пріѣхалъ двоюродный братъ герцога Голштинскаго, старшій родной братъ назначавшаго въ герцоги Курляндскіе, Карлъ, титулярный епископъ Любскій, былъ обласканъ, получилъ орденъ Св. Андрея и, 5 (16) декабря 1726 года, написалъ императрицѣ слѣдующее письмо: „Чрезъ нѣкоторое время весь свѣтъ единому премудрому вѣдѣнію всещедраго Бога удивлялся, по которому случилося, что его королевское высочество, государь герцогъ Карлъ-Фридрихъ Шлезвигъ-Голштинскій, предъ нѣкоторыми лѣтами въ Россію пріѣхалъ, чтобъ ему здѣсь издалеча милостиво поданную сильную руку помощи нынѣ принять. Потомъ, за благословеніемъ Божіимъ, съ нимъ здѣсь толь счастливо учиненное кровное свойство есть тому явственное доказательство, что его королевское высочество самый тотъ путь нашелъ, чрезъ который Богъ опредѣлилъ его паки благословить, и его всему княжескому Дому крѣпкую подпору ко впредбудущему благоповеленію показать. При семъ его королевскому высочеству весьма увеселительно быть имѣетъ, что чрезъ нѣкоторое время взаимно въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ уже явственно оказалося, что съ нимъ учиненное соединеніе Россійскому государству такожъ свою превеликую пользу съ собою приноситъ и впредь тому еще вящше полезнѣе быть имѣетъ. Сіи разсужденія, всемилостивѣйшая императрица, такожъ и меня, яко его королевскаго высочества ближняго кровнаго сродника, возбудили, по его склонному совѣту, сюды пріѣхать, чтобъ такъ о помянутомъ благословенномъ слѣдованіи нынѣ вкупѣ порадоваться возмощи, какъ и особливо счастіе имѣти вашему императорскому величеству персонально знаему быть и вашу неоцѣненную превысочайшую милость въ глубочайшей покорности получить. И къ полученію оной съ Божіею помощію имѣю я толь наивящщую надежду, понеже ваше императорское величество (за что пока всепокорнѣйшее благодареніе воздаю) мнѣ чрезъ пожалованіе кавалеріи Св. Андрея уже милостивый опытъ тому по-

---

[1]) Москов. архив. министр. иностран. дѣлъ, портфели Миллера, № 140.

дали. Ежели же предвидѣніе всевысочайшаго Бога то такъ устроило, чтобъ я съ моей стороны не зналъ себѣ въ свѣтѣ вящшаго счастія желать, какъ чтобъ и я удостоенъ быть могъ отъ вашего императорскаго величества вторымъ Голстинскимъ сыномъ (für einen zweiten Holsteinischen Sohn) въ вашу императорскую высокую фамилію воспріяту быть. Можетъ быть, отъ меня весьма смѣло учинено, что я дерзаю вашему императорскому величеству вдругъ такое откровенное представленіе чинить. Но ежели я въ томъ проступился, то ваше императорское величество да соизволитъ милостиво сіе мое преступленіе токмо истинному, совершенному высокопочтенію приписать, съ которымъ я несравненныя добродѣтели и высокія дарованія прекраснѣйшей принцессы Елизаветы, ея императорскаго высочества, въ моемъ сердцѣ почитаю и которое далѣе утаить мнѣ невозможно было. Якоже и я оставить не могу вашего императорскаго величества симъ всепокорнѣйше просить ко мнѣ высокую свою милость явить, высокопомянутую принцессу, дщерь свою, ея императорское высочество мнѣ въ законную супругу матернею высочайшею милостію позволить и даровати. Утвержденіе моего временнаго благоповеденія предается симъ токмо въ руцѣ великаго Бога и вашего императорскаго величества, и привосокупляю еще токмо къ сему сіе вѣрное обнадеживаніе, что я во всю свою жизнь готовъ буду за ваше императорское величество, императорскую фамилію и за интересъ Россійскаго государства и послѣднюю каплю крови радостно отдать и сакрификовать. Въ ожиданіи скорой, всемилостивѣйшей и склонной резолюціи, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего императорскаго величества всепокорнѣйшій предавнѣйшій слуга Карлъ, бискупъ Любецкій" [1]).

Склонная резолюція послѣдовала, принцъ Карлъ Голштинскій сталъ женихомъ цесаревны Елисаветы. Старшій герцогъ Голштинскій, подкрѣпленный этою новою связью, могъ думать, что крѣпко утвердился въ Россіи; это утвержденіе было ему теперь тѣмъ болѣе необходимо, что надежда на Шведское наслѣдство, такъ усилившаяся въ послѣднее время царствованія Петра, начала снова ослабѣвать. Но въ то самое время, когда изъ Стокгольма приходили дурныя вѣсти о торжествѣ партіи, враждебной Россіи и герцогу Голштинскому, онъ былъ пораженъ извѣстіемъ, что Меншиковъ просилъ императрицу о согласіи на бракъ его дочери съ великимъ княземъ Петромъ, и что Екатерина дала согласіе.

До сихъ поръ люди, всего болѣе содѣйствовавшіе возведенію на престолъ Екатерины, хотя и сознавали, какъ трудно будетъ въ другой разъ отстранить отъ престола великаго князя Петра въ пользу одной изъ его тетокъ, однако могли надѣяться, что Екатерина проживетъ еще долго и обстоятельства могутъ нѣсколько разъ измѣниться въ ихъ пользу. Остерманъ грозилъ возстаніями народа за Петра, какъ единственнаго законнаго наслѣдника; ему могли отвѣчать, что войско на сторонѣ Екатерины, что оно будетъ и на сторонѣ дочерей ея. Привязанность войска сильно поддерживалась. Въ газетахъ, которыми правительство старалось дѣйствовать на общественное мнѣніе, подлѣ заботливости Екатерины о просвѣщеніи, о продолженіи дѣлъ Петра, особенно выставлялась заботливость ея о войскѣ: „Ея императорское величество", печаталось въ глазахъ, „матернее имѣетъ попеченіе къ своимъ подданнымъ, а наипаче въ тѣхъ дѣлахъ, кои начаты при его величествѣ, дабы ихъ всемѣрно въ дѣйствіе произвести, а наипаче о наукахъ молодыхъ шляхтичей, для которыхъ новые профессоры изъ другихъ краевъ выѣхали, и ко онымъ профессорамъ великую показала милость и высокую свою протекцію, и указала имъ прежнюю Академію разсмотрѣть и вновь еще молодыхъ шляхтичей набирать и школы умножать. Немалое имѣетъ попеченіе о воинскихъ дѣлахъ, и въ прочемъ, что принадлежитъ къ удовольствію полковъ, и часто изволитъ сама при экзерциціяхъ присутствовать. Между тѣми же полезными государству и подданнымъ своимъ дѣлами, не оставила въ Питергофѣ, яко въ любимомъ мѣстѣ государя императора, на память его величества славныхъ дѣлъ, нѣкоторые домы додѣлывать и игровыми водами и прочими украшеніями украшать". Подъ девятымъ числомъ ноября 1725 года въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" читали извѣстіе, что императрица дѣлала смотръ Ингерманландскому полку на лугу, гдѣ стоитъ большой глобусъ; потомъ вошла въ шатеръ и всѣхъ офицеровъ изъ рукъ своихъ напитками жаловала; тутъ же были цесаревны и герцогъ Голштинскій. Въ 1726 году читали извѣстіе о слѣдующемъ случаѣ: „На гаптвахтѣ, что у Зимняго Дома, караульный капитанъ-поручикъ Петръ Чичеринъ, когда поспѣшалъ ко фрунту для отданія чести цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, наткнулся на протазанъ и жестоко покололся, такъ что не чаяли живу ему быть. Ея величество того жъ момента изволила, вставъ изъ-за кушанья, сама выйти къ тому раненому и указала его отнесть въ особливую палату, архіатеръ лейбъ-медикусъ и лѣкари придворные призваны, и указала того раненаго при себѣ перевязать, и потомъ едва не по вся дни изволила его сама надзирать. И тако тотъ офицеръ чрезъ помощь Божію и милостивое призрѣніе животъ свой спасъ". Потомъ читали, что на гвардейскіе полки сдѣланъ мундиръ преизрядный, какого никогда въ тѣхъ полкахъ не бывало.

На войско крѣпко надѣялись; но для войска нуженъ былъ искусный предводитель, и такимъ былъ фельдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, первая военная знаменитость, оставленная славнымъ царствованіемъ Петра. Толстой, несмотря на весь его умъ и ловкость, не могъ занимать перваго мѣста при рѣшительномъ дѣйствіи, и уступалъ его Меншикову, именно какъ полководцу. Вотъ почему

[1]) Кабинетъ I. кн. № 59.

Меншиковъ былъ такъ необходимъ для партіи приверженцевъ Екатерины и ея дочерей, ибо кого можно было противопоставить другому фельдмаршалу, любимому вождю украинской арміи, князю Михаилу Михайловичу Голицыну? Вотъ почему можно принять извѣстіе, что когда, во время отсутствія Меншикова въ Курляндію, противъ него въ Петербургѣ поднялась сильная буря, то герцогъ Голштинскій своимъ предстательствомъ у императрицы поспѣшилъ успокоить эту бурю. Но если Меншиковъ былъ такъ необходимъ для партіи Екатерины и дочерей ея, то легко понять ужасъ и раздраженіе этой партіи, когда узнали, что свѣтлѣйшій измѣняетъ ей. Что же побудило главу партіи къ этой измѣнѣ?

Меншиковъ, подобно Остерману, долженъ былъ понимать, какъ трудно было бы отстранить отъ престола великаго князя Петра; долженъ былъ понимать, что на него, Меншикова, какъ на самое видное лицо въ противной Петру партіи, должна была обрушиваться вся ненависть приверженцевъ великаго князя,—а къ этимъ приверженцамъ принадлежало народное большинство. Въ подметныхъ письмахъ говорилось: „Извѣстіе дѣтямъ россійскимъ о приближающейся погибели Россійскому государству, какъ при Годуновѣ надъ царевичемъ Димитріемъ учинено: понеже князь Меншиковъ истиннаго наслѣдника, внука Петра Великаго, престола уже лишилъ, а поставляютъ на царство Россійское князя Голштинскаго. О горе, Россія! смотри на поступки ихъ, что мы давно проданы“. Мысль, что преемникомъ Екатерины долженъ быть Петръ, не ослабѣвала въ народѣ: осенью 1726 года ходили слухи, что императрица послѣ имянинъ своихъ поѣдетъ въ Москву короновать внука. Аранскаго (нижегородскаго) монастыря архимандритъ Исаія поминалъ на ектеніяхъ: „Благочестивѣйшаго великаго государя нашего Петра Алексѣевича“, вмѣсто „Благовѣрнаго великаго князя“, и, когда ему возражали, отвѣчалъ: „Хотя мнѣ голову отсѣките, буду такъ поминать, а противъ присланной формы поминать не буду, потому что онъ нашъ государь и наслѣдникъ“ [1]). Меншикова выставляли Годуновымъ; но въ чью пользу онъ, по мнѣнію народа, готовъ былъ совершить годуновское дѣло?—Въ пользу герцога Голштинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, для чего Меншиковъ долженъ былъ выставлять себя въ такомъ ненавистномъ свѣтѣ, подвергаться такимъ опасностямъ, поддерживать дѣло трудное, почти невозможное?—Для того, чтобъ, по восшествіи на престолъ цесаревны Анны или Елисаветы, уступить все свое вліяніе какому-нибудь Бассевичу! Меншиковъ сталъ добиваться Курляндскаго герцогства для обезпеченія будущности своей и своего семейства, потерпѣлъ неудачу—и долженъ былъ подумать о чемъ нибудь другомъ. Додумался ли онъ самъ? Есть извѣстіе, что другіе указали ему средства выйти изъ затруднительнаго положенія.

[1]) Дѣла Тайной Канцеляріи въ Госуд. Архивѣ.

Россія заняла важное мѣсто среди европейскихъ державъ съ могущественнымъ вліяніемъ, особенно на судьбу державъ сосѣднихъ. Понятно, что послѣднія должны были заботливо слѣдить за внутренними перемѣнами въ ней и сильно волноваться вопросомъ: кто будетъ преемникомъ Екатерины. Особенно этотъ вопросъ былъ важенъ для Даніи, которой вступленіе на Русскій престолъ герцогини Голштинской грозило страшною опасностію, а вступленіе великаго князя Петра уменьшало или даже уничтожало опасность. Датскій министръ въ Петербургѣ, Вестфаленъ, долженъ былъ больше всѣхъ трудить свою голову надъ придумываніемъ средствъ, какими можно было помочь возвести на престолъ великаго князя Петра, и наконецъ нашелъ средство: оно состояло въ томъ, чтобъ отнять у партіи, враждебной Петру, ея главу, Меншикова, и заставить его дѣйствовать въ пользу Петра. Но Вестфаленъ, по извѣстнымъ отношеніямъ своего Двора къ Русскому, не могъ самъ дѣйствовать, и обратился къ министру другого Двора, котораго интересы относительно престолонаслѣдія въ Россіи были тождественны съ интересами датскими. Мы видѣли, что Остерманъ, разбирая средства великаго князя Петра, указывалъ на поддержку, которую онъ долженъ найти у Австрійскаго Двора, будучи племянникомъ цесаревны. Теперь съ Австрійскимъ Дворомъ былъ заключенъ союзъ, и посланникъ Цесаря, графъ Рабутинъ, занималъ самое видное мѣсто въ Петербургѣ между представителями европейскихъ Дворовъ, пользовался наибольшею довѣренностію и доступомъ. Къ нему-то и обратился Вестфаленъ съ предложеніемъ привлечь Меншикова на сторону великаго князя указаніемъ на блестящую будущность, которая ожидаетъ его при Петрѣ, если онъ выдастъ за него дочь свою; со стороны Цесаря Рабутинъ обѣщалъ Меншикову первый фьефъ, какой только сдѣлается вакантнымъ въ имперіи. Разумѣется, Меншиковъ долженъ былъ съ радостію принять это предложеніе, представлявшее ему такой блестящій выходъ изъ его затруднительнаго положенія. Оставалось получить согласіе императрицы на бракъ великаго князя съ княжною Меншиковою. Свѣтлѣйшій воспользовался тѣмъ, что дочь его была сговорена за польскаго выходца, графа Сапѣгу, но императрица взяла этого жениха для своей племянницы Скавронской, и Меншиковъ, въ вознагражденіе, началъ просить согласія на бракъ своей дочери съ великимъ княземъ. Императрица согласилась. Нужно ли объяснять это согласіе однимъ упадкомъ нравственныхъ силъ въ Екатеринѣ; о которомъ доносили нѣкоторые иностранные министры Дворамъ своимъ, или Екатерина видѣла невозможность отстранить отъ престола великаго князя въ пользу одной изъ дочерей своихъ, и думала, что упрочиваетъ ихъ положеніе, соединяя съ будущимъ императоромъ человѣка, на признательность котораго имѣла право разсчитывать?

Какъ бы то ни было, дѣло было рѣшено въ

мартѣ 1729 года, и это рѣшеніе привело въ ужасъ цесаревенъ и ихъ приверженцевъ. Обѣ цесаревны бросились къ ногамъ матери, заклиная ее подумать о гибельныхъ слѣдствіяхъ сдѣланнаго ею шага. Къ нимъ на помощь явился Толстой съ своими представленіями: онъ говорилъ объ опасности, какой императрица подвергаетъ своихъ дѣтей и своихъ самыхъ вѣрныхъ слугъ; грозилъ, что послѣдніе, не будучи въ состояніи съ этихъ поръ быть ей полезными, принуждены будутъ ее покинуть; онъ самъ скорѣе подвергнетъ жизнь свою опасности, чѣмъ станетъ спокойно дожидаться страшныхъ послѣдствій ея согласія на просьбу Меншикова. Екатерина защищалась, говорила, что не можетъ измѣнить слову, данному по фамильнымъ причинамъ, и бракъ великаго князя на Меншиковой не перемѣнитъ нисколько ея тайнаго для всѣхъ намѣренія относительно престолонаслѣдія. Несмотря на то, представленія Толстого произвели сильное впечатлѣніе на Екатерину, и герцогъ Голштинскій сталъ надѣяться на побѣду; рѣчь Толстого была положена на бумагу; Бассевичъ носилъ ее въ карманѣ и всѣмъ читалъ. Но радость была не продолжительна: Меншиковъ имѣлъ вторую секретную аудіенцію,—и дѣло было рѣшено окончательно [1]).

Меншиковъ торжествовалъ. На его сторонѣ, по крайней мѣрѣ повидимому, былъ представитель стараго вельможества, князь Дм. Мих. Голицынъ, который видѣлъ себя наконецъ у цѣли своихъ желаній: въ противномъ лагерѣ раздоръ, и посредствомъ того самаго Меншикова, который возвелъ на престолъ Екатерину, можно возвести Петра, а тамъ что Богъ дастъ! Соединенные противники были неодолимы, а поодиночкѣ можно одолѣть и Меншикова. Другіе понимали дѣло именно такъ, что Голицынъ ласкаетъ Меншикова только до-поры-до-времени; но Меншикову, какъ человѣку его происхожденія, обремененному до сихъ поръ ненавистію старой знати, пріятно было думать, что теперь онъ становится съ нею заодно, въ челѣ ея. Съ нимъ заодно былъ первый дѣлецъ, Остерманъ, который видѣлъ всю невозможность обойти великаго князя и присталъ къ партіи, на сторонѣ которой былъ теперь вѣрный успѣхъ. Меншиковъ, Голицынъ, Остерманъ и австрійскій посланникъ Рабутинъ составляли теперь тайный совѣтъ, въ которомъ разсуждалось о будущемъ Россіи, и всего важнѣе было то, что Россія принимала охотно это будущее, которое вполнѣ ее удовлетворяло, обезпечивая ея спокойствіе.

Меншиковъ торжествуетъ, онъ въ безопасной пристани, а Толстой съ товарищами играетъ въ опасную, отчаянную игру. Гдѣ же его товарищи? Ихъ не видно: онъ одинъ, а два году тому назадъ ихъ было много,—и все сильные люди. Ягужинскій, заклятой врагъ Меншикова, человѣкъ смѣлый, далеко въ Польшѣ; тесть его, графъ Головкинъ, слишкомъ остороженъ, напроломъ не пойдетъ; великій адмиралъ, графъ Апраксинъ, въ затруднительномъ положеніи между двумя друзьями—Меншиковымъ и Толстымъ, раздѣлившимися теперь въ противоположныхъ стремленіяхъ; а какъ было прежде хорошо, покойно старику опираться на такихъ двоихъ друзей, и какъ обоимъ друзьямъ было выгодно держаться за такого старика! Говорили, что Апраксинъ сдѣлалъ выборъ, сталъ на сторону Толстого; но отъ него трудно было ожидать дѣятельной помощи въ минуту рѣшительную. Такимъ образомъ, Толстому нечего было надѣяться на людей, высоко стоявшихъ,—великаго канцлера и великаго адмирала; онъ долженъ былъ обратиться къ людямъ второстепеннымъ, кто посмѣлѣе; таковы были: старый генералъ Ив. Ив. Бутурлинъ и только-что возвратившійся изъ курляндской посылки графъ Девьеръ,- оба враждебные Меншикову, несмотря на то, что Девьеръ былъ женатъ на родной сестрѣ свѣтлѣйшаго, Аннѣ Даниловнѣ. Недавно, только во время курляндской посылки, Девьеръ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, но онъ уже мечталъ о мѣстѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Бутурлинъ и Девьеръ были равнодушны къ вопросу, кто будетъ преемникомъ Екатерины; они боялись одного—усиленія Меншикова, и если они желали отстраненія отъ престола Петра, такъ потому только, что Петръ вступалъ въ бракъ съ дочерью Меншикова; одинъ Толстой прямо не хотѣлъ Петра, боясь, что сынъ отплатитъ ему за то, что онъ сдѣлалъ противъ отца.

„Меншиковъ“, говорилъ Бутурлинъ, „что хочетъ— то и дѣлаетъ, и меня, мужика стараго, обидѣлъ: команду отдалъ мимо меня младшему, къ тому жъ и адъютанта отнялъ, и откуда онъ такую власть взялъ? – развѣ за то онъ меня обижаетъ, что я ему много добра дѣлалъ, о чемъ онъ самъ хорошо знаетъ, а теперь забыто! Такъ-то онъ знаетъ, кто ему добро дѣлаетъ! Не думалъ бы онъ того, что князь Дм. Мих. Голицынъ и братъ его, и князь Борисъ Ив. Куракинъ, и ихъ фамиліи допустили его, чтобъ онъ властвовалъ; напрасно онъ думаетъ, что они ему друзья; какъ только великій князь вступитъ на престолъ, то они скажутъ Меншикову: „Полно, миленькій, и такъ ты нами долго властвовалъ, поди прочь! Если-бъ великій князь сдѣлался наслѣдникомъ по волѣ ея величества, то князь Борисъ Ивановичъ (Куракинъ, какъ близкій родственникъ) тотчасъ прикатилъ бы сюда. Меншиковъ не знаетъ съ кѣмъ знаться: хотя князь Димитрій Михайловичъ манитъ или льститъ, не думалъ бы, что онъ ему вѣренъ, - только для своего интереса“.

Девьеръ толковалъ такъ же о Меншиковѣ: „Чтожъ вы молчите?“ говорилъ онъ Толстому; „Меншиковъ овладѣлъ всѣмъ Верховнымъ Совѣтомъ; лучше-бъ было, если-бъ меня въ Верховный Совѣтъ опредѣлили“. Толстой толковалъ свое: „Если великій князь будетъ на престолѣ, то бабку его возьмутъ изъ монастыря, а она будетъ мнѣ мстить за

[1]) Донесенія Вестфалена и Маньяна, въ Госуд. Арх.

мои къ ней грубости, и будетъ дѣла покойнаго императора опровергать“. Всѣ соглашались, что бракъ великаго князя на дочери Меншикова опасенъ: Меншиковъ больше добра будетъ хотѣть зятю своему, чѣмъ императрицѣ и ея дочерямъ. Но какъ быть? Ждать; а если что случится съ императрицею?— Меншиковъ дремать не будетъ. Надобно представить императрицѣ необходимость распорядиться поскорѣе престолонаслѣдіемъ. Но которую выбрать изъ дочерей? Девьеру и Бутурлину больше нравилась старшая, Анна Петровна: „Нравомъ она изряднымъ умильна и пріемна, и умъ превеликій, много на отца походитъ и человѣчествомъ изрядная; и другая цесоревна изрядная, только будетъ посердитѣе“. Но Толстой былъ за Елисавету, потому что мужъ Анны, герцогъ Голштинскій, смотрѣлъ на Россію только какъ на средство добыть престолъ Шведскій. Елисавету Петровну надобно возвести на престолъ; но какъ освободить ее отъ страшнаго соперника, великаго князя Петра? Онъ еще малъ, пусть поучится, потомъ онъ поѣдетъ за-границу еще поучиться, какъ дѣлаютъ другіе принцы, а тѣмъ временемъ цесаревна коронуется и утвердится на престолѣ.

Но главнымъ орудіемъ успѣха считалось войско, и герцогъ Голштинскій говорилъ Толстому: „Хочу просить себѣ у государыни чина генералиссимуса, а лучше, если бъ мнѣ отдали Военную Коллегію,—я бы тогда силенъ былъ въ войскѣ и ея величеству вѣренъ“.—„Изрядно“, отвѣчалъ Толстой; „извольте промышлять къ своей пользѣ, что вамъ угодно“.

Всѣ эти рѣчи происходили въ ожиданіи, что время еще не ушло, что можно еще помѣшать браку великаго князя на дочери Меншикова, женихъ еще молодъ, ему надобно учиться въ Россіи, надобно учиться за-границею, а между тѣмъ можно склонить императрицу назначить наслѣдницею цесаревну Елисавету. Разумѣется, медлить было опасно, потому что здоровье Екатерины не было надежно: надобно поскорѣе обратиться съ этою просьбой къ императрицѣ; но кто возьмется за такое деликатное дѣло? Толстой брался, подговаривалъ и Девьера, чтобъ и тотъ не упустилъ благопріятнаго случая. Девьеръ трусилъ, подбивалъ Бутурлина, котораго считалъ посмѣлѣе: „Что же вы не доносите императрицѣ“? говорилъ онъ ему; „я говорилъ о доносѣ съ Толстымъ, и тотъ сказалъ: лучше донесть изъ насъ кому одному“. „Для чего вы къ ея величеству не ходите“? спрашивалъ Девьеръ Бутурлина.—„Насъ не пускаютъ“, отвѣчалъ тотъ.— „Напрасно затѣваете“, продолжалъ Девьеръ, „сами лѣнитесь и не ходите, а говорите, что не пускаютъ. Герцогъ Голштинскій говорилъ, что онъ пробовалъ дѣлать императрицѣ намеки, но она промолчала.

Рѣшительная минута наступила ранѣе, чѣмъ ожидали эти господа. 10 апрѣля у императрицы открылась горячка. Герцогъ Голштинскій прислалъ сказать Толстому, чтобъ пріѣхалъ для совѣщанія въ домъ къ Андрею Ушакову; Толстой отправился къ Ушакову, но не засталъ его дома и пошелъ во дворецъ. На дорогѣ нагоняетъ его герцогъ Голштинскій въ коляскѣ, сажаетъ его съ собою и везетъ къ себѣ; пріѣхавши домой, разсказываетъ ему, что императрица очень больна, мало надежды на выздоровленіе; тутъ приходитъ Андрей Ушаковъ, и герцогъ говоритъ: „Если императрица скончается, не распорядившись насчетъ престолонаслѣдія, то мы всѣ пропадемъ; нельзя ли теперь ея величеству говорить, чтобъ объявила наслѣдницею дочь свою“.—„Если прежде этого не сдѣлано, то теперь уже поздно, когда императрица при смерти“, отвѣчалъ Толстой, и Ушаковъ согласился съ этимъ.

Одни, чувствуя свою слабость, говорили, что поздно; другіе, въ сознаніи своей силы, спѣшили достигнуть цѣли своихъ стремленій. По поводу опасной болѣзни императрицы созваны были во дворецъ: члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, Сенатъ, Синодъ, маіоры гвардіи и президенты коллегій для совѣщанія о престолонаслѣдіи. Было три предложенія: за цесаревну Елисавету, за цесаревну Анну и за великаго князя Петра. Послѣднее, разумѣется, взяло верхъ, и согласились, чтобъ новый императоръ оставался несовершеннолѣтнимъ до 16 лѣтъ; во время малолѣтства, Верховный Тайный Совѣтъ сохраняетъ свое настоящее значеніе и составъ, кромѣ того что цесаревны—Анна и Елисавета—занимаютъ въ немъ первыя мѣста. Никакое его рѣшеніе не имѣетъ силы, если не будетъ подписано всѣми членами безъ исключенія; великій князь и всѣ его подданные должны обязаться страшною клятвой не мстить никому изъ подписавшихъ смертный приговоръ его отцу. При совершеннолѣтіи государя, цесаревны получаютъ по 1.800,000 рублей и между ними поровну раздѣляются всѣ брилліанты ихъ матери.

Въ то время, когда Толстой рѣшилъ, что уже опоздали, Девьеръ, своимъ неосторожнымъ поведеніемъ во дворцѣ, далъ Меншикову возможность захватить въ свои руки враждебныхъ ему людей. Послѣ 16 апрѣля канцлеръ графъ Головкинъ получаетъ отъ Меншикова бумагу при слѣдующей запискѣ: „Извольте собрать всѣхъ къ тому опредѣленныхъ членовъ и объявить указъ ея величества, и всѣмъ. не вступая въ дѣло, присягать, чтобъ поступать правдиво и никому не манить, и о томъ дѣлѣ ни съ кѣмъ нигдѣ не разговаривать и не объявлять, кромѣ ея величества, и завтра поутру его допросить, и что онъ скажетъ, о томъ донесть ея императорскому величеству, а розыску надъ нимъ не чинить“. Указъ состоялъ въ томъ, что коммисія должна была допросить генералъ-лейтенанта Девьера по слѣдующимъ пунктамъ: „1) Понеже объявили намъ ихъ высочества государыни цесаревны, что сего апрѣля 16 числа, во время нашей, по волѣ Божіей, при жестокой болѣзни параксизмуса, всѣ доброжелательные наши подданные были въ превеликой печали, а Антонъ Девіеръ, въ то время будучи въ домѣ нашемъ, не только не былъ въ печали, но и веселился, и плачущуюся Софью Карлусовну (Скавронскую, племянницу императрицы)

вертѣлъ вмѣсто танцевъ и говорилъ ей: „Не надобно плакать". 2) Въ другой палатѣ самъ сѣлъ на кровать и посадилъ съ собою его высочество великаго князя, и нѣчто ему на ухо шепталъ; въ тотъ часъ и государыня цесаревна Анна Петровна, въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у стола въ той же палатѣ, плакала; и въ такой печальный случай онъ, Девьеръ, не вставъ противъ ея высочества и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, но со злой своей продерзости говорилъ ея высочеству, сидя на той кровати: „О чемъ печалишься? выпей рюмку вина!" И, говоря то, смѣялся, и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ. 3) Когда выходила въ ту палату государыня цесаревна Елисавета Петровна въ печали и слезахъ, и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ, и смѣялся о нѣкоторыхъ персонахъ. 4) Его высочество великій князь объявилъ, что онъ, Девіеръ, въ то время, посадя его съ собою на кровати, говорилъ ему: „Поѣдемъ со мной въ коляскѣ, будетъ тебѣ лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой". И притомъ его высочеству напоминалъ, что его высочество сговорилъ жениться, а они за нею (за невѣстою его) будутъ волочиться, а его высочество будетъ ревновать. 5) Ея высочество великая княжна (Наталья Алексѣевна, сестра великаго князя Петра) объявила, что въ то время рейхсмаршалъ, генералъ-фельдмаршалъ свѣтлѣйшій князь, видя его, Девіеровы, такіе злые поступки, ея высочеству говорилъ, чтобъ она никого не слушала, но была бы всегда при матушкѣ съ нимъ, свѣтлѣйшимъ княземъ, вмѣстѣ".

Девьеръ отвѣчалъ, что 16 апрѣля, въ домѣ ея величества, въ покояхъ, гдѣ дѣвицы сидятъ, попросилъ онъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ: князя Никиту Трубецкаго называли шутя товарищи его Егоромъ, и когда онъ, Девьеръ, попросилъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ, то Трубецкой на это слово обернулся, и всѣ засмѣялись; великій князь спросилъ у него: „Чему вы смѣетесь"? И онъ. Девьеръ, ему объяснилъ, что Трубецкой этого не любитъ, и шепнулъ на ухо, что онъ къ тому же и ревнивъ. Софью Карлусовну вертѣлъ ли — не помнитъ. Цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ говорилъ упомянутыя въ обвиненіи слова, утѣшая ее. Цесаревна Елисавета Петровна сама не велѣла никому вставать. Великому князю означенныхъ въ обвиненіи словъ не говорилъ, а прежде говаривалъ часто, чтобъ изволилъ учиться, а какъ надѣлъ кавалерію — худо учится, и еще какъ сговорятъ жениться, станетъ ходить за невѣстою и будетъ ревновать, и учиться не станетъ. — Коммисія представила эти отвѣты императрицѣ, отъ имени которой было написано слѣдующее: „Мнѣ о томъ великій князь самъ доносилъ самую истину; я и сама его (Девьера) присмотрѣла въ его противныхъ поступкахъ, и знаю многихъ, которые съ нимъ сообщники были, и понеже оное все чинено отъ нихъ было къ великому возмущенію, того ради объявить Девьеру последнее, чтобь онъ объявилъ всѣхъ сообщниковъ".

Получивши на пыткѣ 25 ударовъ, Девьеръ объявилъ о извѣстныхъ намъ разговорахъ съ Толстымъ и Бутурлинымъ. Кромѣ этихъ лицъ и Ушакова, къ дѣлу примѣшаны были: извѣстный уже намъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, который, какъ мы видѣли, находился при герцогѣ Голштинскомъ; — всѣ эти лица высказывались противъ брака великаго князя Петра на дочери Меншикова. 6 марта состоялся указъ: „Девьера и Толстого, лишивъ чина, чести и деревень данныхъ, сослать — Девьера въ Сибирь, Толстого съ сыномъ Иваномъ — въ Соловки; Бутурлина, лиша чиновъ, сослать въ дальнія деревни; Скорнякова-Писарева, лиша чина, чести, деревень и бивъ кнутомъ, послать въ ссылку; князя Ивана Долгорукаго отлучить отъ Двора и, унизя чиномъ, написать въ полевые полки; Александра Нарышкина лишить чина и жить ему въ деревнѣ безвыѣздно; Ушакова опредѣлить въ команду, куда слѣдуетъ". Потомъ прибавлено: „Девьеру, при ссылкѣ, учинить наказанье, бить кнутомъ" [1]).

Герцогъ Голштинскій находился въ самомъ печальномъ положеніи: хотя и соглашались, чтобъ цесаревны занимали первыя мѣста въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и обѣщали имъ деньги и бриліанты, но это не было обезпечено; не обезпечена была русская помощь при достиженіи главныхъ цѣлей — возвращенія Шлезвига и добытія Шведскаго престола. „Гдѣ вы, мой любезный Бассевичъ", говорилъ герцогъ своему министру, „если теперь вы намъ не поможете, то мы вконецъ пропали". Бассевичъ отправляется къ Меншикову, начинаетъ ему представлять съ „умиленіемъ", что обѣ цесаревны, Анна и Елисавета — дочери Петра Великаго, которому онъ, Меншиковъ, можетъ приписать свое счастіе. Меншиковъ пришелъ въ умиленіе и согласился выдать на каждую принцессу по милліону денегъ, установить порядокъ престолонаслѣдія и подтвердить договоры съ герцогомъ Голштинскимъ; все это должно заключаться въ завѣщаніи императрицы, гдѣ также должно быть означено, что Петръ долженъ вступить въ супружество съ дочерью Меншикова. Но кто сочинитъ завѣщаніе? Никто не отыскивался. Тогда Бассевичъ, не могши вытерпѣть, по его словамъ, чтобъ герцогъ и обѣ принцессы пришли всѣ въ крайнюю нищету, сочинилъ наскоро завѣщаніе, которое Меншиковъ далъ подписать цесаревнѣ Елисаветѣ. Герцогъ Голштинскій обязывается при этомъ заплатить свѣтлѣйшему князю съ милліона 80,000 руб.: 60,000 впередъ, 20,000 при послѣдней выдачѣ. Несмотря на то, Меншиковъ сказалъ Бассевичу, что герцогъ долженъ выѣхать изъ Россіи, потому что ему, какъ Шведу, не довѣряютъ [2]).

---

[1]) Дѣло Девьера въ Государ. Архивѣ.
[2]) Отвѣты Бассевича, тамъ же.

Нужно было спѣшить съ завѣщаніемъ. Мы видѣли, что императрица занемогла 10 апрѣля; 16, когда Девьеръ неприлично велъ себя во дворцѣ, былъ кризисъ, послѣ котораго стало легче, и нѣсколько дней надѣялись на выздоровленіе; но потомъ кашель, прежде слабый, сталъ усиливаться, обнаружилась лихорадка, больная стала ослабѣвать день-ото-дня, и явились признаки поврежденія легкаго. 6 мая, въ девятомъ часу пополудни, Екатерина скончалась.

На другой день, 7 мая, собрались въ дворецъ: вся Царская Фамилія, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, Синода, Сената, генералитетъ, и начали читать завѣщаніе покойной императрицы, подписанное собственною ея величества рукою, какъ сказано въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Завѣщаніе это состояло изъ 15 пунктовъ: „1) Великій князь Петръ Алексѣевичъ имѣетъ быть сукцессоромъ; 2) и именно со всѣми правами и прерогативами, какъ мы онымъ владѣли. 3) До... лѣтъ не имѣетъ за юностію въ правительство вступать. 4) Во время малолѣтства имѣютъ администрацію нести наши обѣ цесаревны, герцогъ и прочіе члены Верховнаго Совѣта, которой обще изъ 9 персонъ состоять имѣетъ. 5) И симъ имѣть полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, токмо опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отмѣнять. 6) Множествомъ голосовъ вершать всегда, и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ. 7) Великій князь имѣетъ въ совѣтѣ присутствовать; а по окончаніи администраціи ни отъ кого отвѣта не требовать. 8) Ежели великій князь безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣетъ по немъ цесаревна Анна съ своими десцендентами; по ней цесаревна Елисавета и десценденты, а потомъ великая княжна и ея десценденты наслѣдовать, однакожъ мужеска пола наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ. Однакожъ никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который не Греческаго закона, или кто уже другую корону имѣетъ 9) Каждая изъ цесаревенъ понеже отъ короннаго наслѣдства своего роднаго отца выключены, въ нѣкоторое награжденіе, кромѣ приданыхъ 300 т. рублевъ и приданаго, одинъ милліонъ рублей наличными деньгами получить и оныя во время малолѣтства великаго князя, имъ по малу заплачены быть, которыхъ ни отъ нихъ, ни отъ ихъ супруговъ никогда назадъ не требовать; такожъ имѣютъ онѣ, обѣ цесаревны, всѣ наши мобиліи въ камняхъ драгоцѣнныхъ, деньгахъ, серебрѣ, уборахъ и экипажѣ, которыя намъ, а не коронѣ принадлежатъ, у себя и у своихъ удержать, наши же лежащія маетности и земли, которыми мы, пока короны и скипетра не получили, владѣли, имѣютъ между нашими ближними сродниками нашей собственной фамиліи чрезъ правительство администраціи по праву раздѣлены быть 10) Пока лѣта администраціи продолжаются, имѣетъ каждой цесаревнѣ сверхъ прежнихъ по 100,000 рублевъ плачено быть. 11) Принцессу Елисавету имѣетъ его любовь герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій и бискупъ Любецкой въ супружество получить, и даемъ ей наше матернее благословеніе; такоже имѣютъ наши цесаревны и правительство администраціи стараться между его любовью (т.-е. великимъ княземъ Петромъ) и одною княжною князя Меншикова супружество учинить. 12) Его королевскаго высочества герцога Голштинскаго дѣло шлезвицкаго возвращенія и дѣло Шведской короны по взятымъ обязательствамъ имѣетъ накрѣпко исполнено и Россійское государство, такъ какъ и великій князь къ тому обязанъ быть. Что же его королевское высочество герцогъ здѣсь по се число получалъ, не имѣетъ никогда назадъ требовано или на счетъ поставлено быть. 13) Все сіе имѣетъ тотчасъ по смерти нашей, кромѣ что до пункта его королевскому высочеству праведно принадлежащей сукцессіи въ Швеціи касается, публиковано, присягою утверждено и твердо содержано; а кто тому противенъ будетъ, яко измѣнникъ наказанъ быть и Римскаго Цесаря гарантіи на сіе искать. 14) Фамилія между собою имѣетъ, подъ опасеніемъ нашей матерней клятвы, согласно жить и пребывать; великому князю Голштинскаго Дому, пока нашей цесаревны потомство онымъ владѣть будетъ, не оставлять, но по полученіи совершеннаго возраста, чего еще не достанетъ, исполнить. Напротивъ того, и Голштинской Домъ и его королевское высочество, когда герцогъ Шведской престолъ получитъ, тоже съ Россіею чинить имѣетъ. 15) Такожъ имѣетъ цесаревнамъ, когда онѣ отсюда поѣдутъ, свободный транспортъ позволенъ быть, такожъ и на голштинское посольство способной и отъ всякихъ тягостей и судебнаго принужденія уволенной домъ изъ государственной казны купленъ быть“ [1]).

Когда прочтенъ былъ этотъ знаменитый тестаментъ, въ которомъ, именемъ Екатерины, отмѣнялся законъ Петра Великаго о правѣ царствующаго государя назначать себѣ преемника, и устанавливался порядокъ престолонаслѣдія, то всѣ присутствовавшіе начали поздравлять новаго императора и присягать ему; гвардія, собранная предъ

[1]) Въ такомъ видѣ дошелъ до насъ русскій текстъ завѣщанія; въ такомъ видѣ онъ находится въ Госуд. Архивѣ и напечатанъ въ Полн. Собр. Зак. подъ № 5070. Нѣтъ цифры, опредѣляющей—до какихъ лѣтъ императоръ долженъ считаться несовершеннолѣтнимъ; недостаетъ 12 пункта; въ одиннадцатомъ же пропущено, кого именно регентство обязано было женить на княжнѣ Меншиковой, и выходитъ, что и цесаревна Елисавета и княжна Меншикова должны выйти за одно и то же лицо—герцога Голштинскаго младшаго! Былъ ли исправленный русскій текстъ, подписанный Екатериною или Елисаветою? Существовало преданіе, будто былъ, и истребленъ императрицею Анною. Составитель свода дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, подъ заглавіемъ: «Управленіе Всероссійской Имперіи во время бывшаго Верховнаго Тайнаго Совѣта», рукописи, находящейся въ Москов. архивѣ министр. иностр. дѣлъ, говоритъ, что объ этомъ объявляла ему особа, достойная вѣроятія по своему высокому положенію; иностранный текстъ правиленъ относительно пунктовъ о бракахъ, и въ 3-мъ пунктѣ означено, что императоръ считается несовершеннолѣтнимъ до 16 лѣтъ.

Зимнимъ Дворцомъ, также присягнула и крикнула: „Виватъ“! Послѣ этого всѣ отправились къ обѣднѣ и молебну, а по возвращеніи изъ церкви собрались въ залу, гдѣ бывало засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Здѣсь Петръ II сидѣлъ въ креслахъ императорскихъ подъ балдахиномъ; на правой сторонѣ, на стульяхъ, сидѣли: цесаревна Анна Петровна, ея супругъ, великая княжна Наталья Алексѣевна и великій адмиралъ графъ Апраксинъ; по лѣвую руку—цесаревна Елисавета Петровна, Меншиковъ, канцлеръ графъ Головкинъ и князь Дм. Мих. Голицынъ. Остерманъ, получившій должность оберъ-гофмейстера, стоялъ подлѣ императорскихъ креселъ справа; также „почтены были стулами“ Ростовскій архіепископъ Георгій да вновь вступившій въ русскую службу Полякъ, фельдмаршалъ графъ Сапѣга. Снова прочтено завѣщаніе и рѣшено: записать въ протоколъ, что все должно по тому тестаменту исполнять; протоколъ подписанъ всѣми сидѣвшими, начиная съ императора, потомъ генералитетомъ и Сенатомъ [1]).

Тестаментъ былъ обнародованъ, хотя тутъ же и пошли слухи, что онъ подложный: графъ Сапѣга, не отходившій отъ постели умирающей императрицы, увѣрялъ, что онъ ничего не видалъ и не слыхалъ. Но на завѣщаніе, какъ видно, мало обратили вниманія: для огромнаго большинства права новаго государя были безспорны. Не боялись смуты и въ старой Москвѣ, и не дѣлали никакихъ тамъ распоряженій. Макаровъ увѣдомилъ о восшествіи на престолъ Петра II главное лицо въ Москвѣ, старика графа Мусина-Пушкина слѣдующимъ любопытнымъ письмомъ, гдѣ Петръ является государемъ по завѣщанію, по избранію и по наслѣдству: „7 мая, въ девятомъ часу утра, собрались въ большую залу вся Императорская Фамилія, весь Верховный Тайный Совѣтъ, св. Синодъ, сенаторы, генералитетъ и прочіе знатные воинскіе и статскіе чины: по ея императорскаго величества *тестаменту*, учинено *избраніе* на престолъ Россійской новымъ императоромъ *наслѣдственному* государю, его высочеству великому князю Петру Алексѣевичу“ [2]).

Глава II.

Царствованіе императора Петра II Алексѣевича.

Меншиковъ.—Его мѣры для упроченія своей власти.—Переѣздъ императора въ домъ Меншикова.—Обрученіе Петра съ дочерью послѣдняго.—Остерманъ, Минихъ, Голицыны и Долгорукіе.—Герцогъ Голштинскій; его выѣздъ изъ Россіи.—Царица-бабка.—Шафировъ.—Разогнаніе бестужевскаго кружка.—Макаровъ, Матвѣевъ и Волынскій.—Планъ преподаванія молодому императору.—Верховный Тайный Совѣтъ; Сенатъ.—Финансы.—Уничтоженіе главнаго магистрата.—Дѣятельность коммисіи о коммерціи.—Смягченіе нравовъ.—Дѣла церковныя.—Борьба Ѳеофана Прокоповича съ его врагами.—Возстановленіе гетманства въ Малороссіи.—Паденіе Меншикова.—Положеніе Голицыныхъ.—Положеніе Остермана.—Причины выгоднаго положенія Долгорукихъ.—Царица-бабка; переписка ея съ Остерманомъ.—Переѣздъ Двора въ Москву.—Отношенія императора къ бабкѣ по отцу.—Отношенія къ другой бабкѣ, по матери, герцогинѣ Бланкенбургской.—Рѣшительный фаворъ Долгорукихъ.—Меншиковъ въ Березовѣ.—Новая бѣда съ бестужевскимъ кружкомъ.—Герцогиня Анна Курляндская и ея фаворитъ Биронъ.—Герцогиня Голштинская Анна Петровна; рожденіе у нея сына Карла-Петра-Ульриха; ея кончина.—Придворныя движенія.—Дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Уничтоженіе Преображенскаго Приказа.—Коллегіи.—Областное управленіе.—Полиція.—Хлопоты о составленіи Уложенія.—Дѣятельность коммисіи о коммерціи.—Дурное состояніе арміи и флота.—Дѣло адмирала Змаевича.—Дѣятельность геодезистовъ.—Академія наукъ.—Состояніе Церкви.—Продолженіе борьбы Ѳеофана Прокоповича съ врагами.—Дѣла на украинахъ.—Внѣшняя дѣятельность: дѣла Персидскія, Турецкія, Французскія, Австрійскія, Польскія, Курляндскія, Шведскія, Датскія, Прусскія, Китайскія.—Рѣшеніе вопроса о соединеніи Азіи съ Америкою.—Помоловка императора на княжнѣ Долгорукой.—Болѣзнь Петра.—Замыслъ Долгорукихъ.—Кончина императора.

Новый императоръ былъ признанъ безпрекословно; безпокойство, вызванное вопросомъ о престолонаслѣдіи, прекратилось; но второму императору, какъ называли Петра, было только одиннадцать лѣтъ. До совершеннолѣтія долженъ управлять Россіей Верховный Тайный Совѣтъ вмѣстѣ съ цесаревнами. „Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ, а никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ“, было сказано въ завѣщаніи, которое всѣ поклялись исполнять; но всѣмъ было хорошо извѣстно, что въ послѣднее время Меншиковъ повелѣвалъ въ Верховномъ Совѣтѣ. Меншикову теперь уже нельзя было пріобрѣсти большей силы, большаго значенія: поэтому онъ оставилъ все, какъ было, и только хлопоталъ о томъ, чтобъ удержать власть въ своихъ рукахъ. Средствами къ тому были: полное подчиненіе молодаго императора своему вліянію, сосредоченіе въ своихъ рукахъ военнаго управленія, составленіе для себя сильной партіи изъ людей способныхъ и значительныхъ, и удаленіе людей враждебныхъ или подозрительныхъ.

Оставить Петра во дворцѣ, по одну сторону Невы, а самому жить въ своемъ домѣ, на Васильевскомъ островѣ, было опасно для Меншикова: свой глазъ вѣрнѣй всякаго другого, и потому свѣтлѣйшій князь перевезъ императора въ свой домъ на островъ, который, вмѣсто Васильевскаго, велѣно было называть Преображенскимъ. 25 мая совершено было торжественное обрученіе императора на

[1]) Журналъ Верх. Тайн. Сов.

[2]) Записная книга Кабинета въ Госуд. архивѣ. О слухахъ насчетъ подложности завѣщанія см. донесенія Лефорта, въ 3-мъ томѣ Сборника Русск. Истор. общ.

княжнѣ Марьѣ Александровнѣ Меншиковой, которую стали поминать въ церквахъ великою княжною и нареченною невѣстою императора; 34,000 рублей ежегодно назначено было на содержаніе ея особаго Двора. Еще прежде, 13 мая, Меншиковъ получилъ наконецъ давно желанное званіе генералиссимуса, котораго такъ хотѣлось и герцогу Голштинскому при Екатеринѣ; теперь не было въ войскѣ человѣка, равнаго Меншикову.

И, кромѣ войска, всюду нужно было имѣть преданныхъ людей. Меншикову должно отдать честь, что онъ настоящимъ образомъ понялъ свои обязанности въ отношеніи къ молодому императору,—понялъ, что Петру надобно долго и много учиться, чтобъ быть достойнымъ вторымъ императоромъ. Кому же ввѣрить надзоръ за воспитаніемъ? Способнѣе не было Андрея Ив. Остермана, человѣка, знавшаго много и умѣвшаго прилагать свои знанія къ дѣлу, слѣдовательно могшаго научить и другого подобному же приложенію; притомъ Остерманъ имѣлъ уже заслуги относительно Петра: онъ въ 1726 году такъ убѣдительно представилъ невозможность отстранить его отъ престола. Еще при Екатеринѣ, какъ только улажено было дѣло о женитьбѣ великаго князя на дочери Меншикова, Остерманъ былъ сдѣланъ оберъ-гофмейстеромъ Петра, съ обязанностію руководить воспитаніемъ. Вице-канцлера стали уже видать на прогулкахъ вмѣстѣ съ его воспитанникомъ. Отъ этого времени до насъ дошла любопытная записка Остермана къ Меншикову: „За его высочествомъ великимъ княземъ я сегодня не поѣхалъ, какъ за болѣзнію, такъ и особливо за многодѣльствомъ, и работаю какъ отправленіемъ курьера въ Швецію, такъ приготовленіемъ отпуска на завтрашней почтѣ, и, сверхъ того, разсуждаю, *чтобъ не вдругъ очень на него налегать*“. По восшествіи на престолъ Петра, Остерманъ сталъ получать по 6,000 рублей жалованья, тогда какъ канцлеръ Головкинъ и князь Дим. Мих. Голицынъ получали по 5,000 [1]). Остерманъ — сила, драгоцѣнный человѣкъ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, а между тѣмъ онъ не опасенъ, у него нѣтъ связей, знать смотритъ на него свысока, Головкинъ его не любитъ, какъ помощника слишкомъ даровитаго; обязанный такъ много Меншикову, онъ долженъ остаться ему вѣренъ, какъ человѣкъ, не могущій обойтись безъ сильной подпоры. Притомъ, какъ говорятъ, во все царствованіе Екатерины, Остерманъ, чуя гдѣ сила, постоянно держался Меншикова, тѣмъ болѣе что Толстой былъ его заклятой врагъ, быть можетъ за расположеніе къ великому князю Петру и Австріи; а привязанность къ австрійскому союзу, кромѣ другихъ соображеній и побужденій, могла происходить въ Остерманѣ изъ убѣжденія, что великій князь, племянникъ цесаревны, не можетъ быть отстраненъ отъ престола. Изъявлено было расположеніе и къ другому даровитому иностранцу, ставшемуся послѣ Петра, Миниху: ему дано было 5,000 рублей за труды по Ладожскому каналу [2]).

Мы уже видѣли, что переходъ на сторону Петра сближалъ Меншикова съ знатью, и теперь генералиссимусъ старался упрочить это сближеніе. Бутурлинъ могъ быть правъ, говоря, что князь Дим. Мих. Голицынъ наружно показывалъ преданность Меншикову, пока тотъ былъ ему нуженъ для возведенія на престолъ Петра, но, по крайней мѣрѣ въ первое время царствованія Петра, продолжались лады между ними. Меншиковъ, забывъ прошлое, старался привязать къ себѣ и другую знатную фамилію — Долгорукихъ; князь Алексѣй Григорьевичъ получилъ мѣсто гофмейстера при великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, мѣсто важное по тому вліянію, какое имѣла великая княжна на брата, императора. Приближеніе отца необходимо вело, хотя вѣроятно не вдругъ, къ приближенію сына, князя Ивана Алексѣевича, несмотря на то, что этотъ молодой человѣкъ такъ недавно еще подвергся опалѣ за противодѣйствіе браку Петра на дочери Меншикова Князь Михаилъ Владиміровичъ Долгорукій былъ сдѣланъ сенаторомъ. Братъ его, князь Василій Владиміровичъ, еще не зная о кончинѣ Екатерины, писалъ къ Меншикову съ Кавказа 11 мая: „За высокую вашу, моего государя и отца, милость, показанную къ брату моему и ко мнѣ неотплатную, попремногу благодарствую, и не могу чѣмъ заслужить до смерти моей того, только могу просить Всемогущаго Бога, да воздастъ вамъ, моему отцу, всевышне за ваше великодушіе со всею вашею высокою фамиліею. Вашей свѣтлости высокою милостію мы взысканы; по вѣрной вашей свѣтлости службѣ къ ея императорскому величеству и чистой вашей совѣсти предстательствуешь, видя всѣхъ насъ къ ея императорскому величеству вѣрныя заслуги; все получаемъ чрезъ ваше предстательство, и со всякою охотою свидѣтельствую самимъ Богомъ и всѣмъ сердцемъ, сколько слабаго моему смыслу есть, съ радостію служу, не жалѣя своего здоровья, и прошу у Всевышняго, чтобъ могъ я исправно положенныя на мнѣ дѣла управить и пользу принесть отечеству своему и вѣрную свою услугу на старости моей ея императорскому величеству показать, и всю свою надежду имѣю на вашу свѣтлость, моего милостиваго государя и отца, и надѣюсь на великодушіе вашей свѣтлости, что оставленъ вашею высокою милостію не буду, и кромѣ васъ, моего государя и отца, надежды не имѣю, какъ вашей милости самому извѣстно“. [3]).

Желая привязать къ себѣ, съ одной стороны, людей даровитыхъ, государственныхъ работниковъ неутомимыхъ, съ другой—людей знатныхъ, Меншиковъ въ то же время безпощадно преслѣдовалъ людей, въ которыхъ зналъ или подозрѣвалъ вражду

[1]) Дѣла Меншикова въ Москов. арх. мин. иностр. дѣлъ. Журналы Верх. Тайн. Сов.

[2]) Журналъ 2 іюня Верх. Тайн. Сов.

[3]) Дѣла Меншикова въ Моск. архивѣ мин. иностран дѣлъ.

къ себѣ и которые стояли на его дорогѣ. Мы видѣли, какъ еще до смерти Екатерины онъ объявилъ Бассевичу, что герцогъ Голштинскій долженъ оставить Россію. 19 мая герцогъ Голштинскій засѣдалъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; явился Бассевичъ и донесъ Совѣту словесно объ опасной болѣзни принца Голштинскаго, епископа Любскаго, жениха цесаревны Елисаветы Петровны, послѣ чего Бассевичъ подалъ меморіалъ: 1) о дачѣ цесаревнамъ двухъ засвидѣтельствованныхъ копій съ завѣщанія императрицы Екатерины и съ приглашенія Цесаря къ гарантіи этого завѣщанія; 2) объ опредѣленіи коммисаровъ къ описи оставшихся послѣ покойной императрицы алмазовъ, золота и проч.; 3) объ опредѣленіи, изъ какихъ сборовъ получать назначенныя герцогу Голштинскому и цесаревнѣ Елисаветѣ 100,000 рублей на годъ; 4) о ежегодной уплатѣ извѣстной части изъ отказаннаго въ завѣщаніи обѣимъ цесаревнамъ милліона рублей; 5) о покупкѣ для голштинскаго посольства особаго двора въ Петербургѣ; 6) о позволеніи занять для герцогской свиты нѣсколько комнатъ въ Академіи. На этотъ разъ меморіалъ остался безъ отвѣта.

Въ тотъ же день, т. е. 19 мая, епископъ Любскій умеръ. Слишкомъ черезъ мѣсяцъ, 27 іюня, Голштинское дѣло было возобновлено въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ: призванъ былъ гофмейстеръ цесаревны Елисаветы, Сем. Григор. Нарышкинъ, которому объявлено, чтобъ онъ, по данной ему копіи брачнаго договора съ герцогомъ Голштинскимъ, всячески наблюдалъ и предостерегалъ, всѣ ли обязательства этого договора будутъ исполняться со стороны герцога; приданые 300,000 рублей всѣ уже выплачены, и герцогъ въ полученіи этой суммы прислалъ росписку,—потому приказали, чтобы Нарышкинъ сдѣлалъ отъ имени членовъ Верховнаго Совѣта цесаревнѣ Аннѣ представленіе, что они для выгоды ея высочества желаютъ знать, выплачиваются ли ей надлежащіе проценты. На другой день, 28 іюня, министры герцога Голштинскаго, Бассевичъ и Стамке, явились въ Верховный Тайный Совѣтъ и объявили формально о намѣреніи своего государя и его супруги выѣхать изъ Россіи, причемъ подали новый меморіалъ, заключавшій въ себѣ тѣ же требованія, какія мы видѣли въ меморіалѣ 19 мая. Члены Совѣта согласились удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, только отказали въ выдачѣ копіи съ завѣщанія императрицы Екатерины, объявивъ, что дать эту копію неприлично и невозможно, къ тому же она герцогу и не нужна, ибо распоряженіе касательно наслѣдства Русскаго престола зависитъ исключительно отъ воли императора. Разумѣется, голштинскіе министры могли возразить, что въ завѣщаніи, которое всѣ, начиная съ императора, поклялись исполнять, прямо опредѣленъ былъ порядокъ престолонаслѣдія. Наконецъ голштинскимъ министрамъ было объявлено, что изъ имѣнія покойной императрицы для цесаревны Елисаветы оставлено будетъ столько, сколько дано уже герцогинѣ Аннѣ Петровнѣ, остальное же пойдетъ въ равный раздѣлъ между обѣими сестрами [1]). 24 іюля, отъ имени императора, за подписью членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, герцогу Голштинскому дана была декларація, въ которой говорилось, что всѣ трактаты и секретные артикулы, которые императоръ Петръ I заключилъ съ Швеціею въ пользу герцога и съ нимъ самимъ, равно какъ тайная конвенція, заключенная императрицею Екатериною съ Цесаремъ насчетъ Шлезвига, накрѣпчайшимъ образомъ возобновляются и утверждаются; и пока Шлезвигское дѣло не будетъ окончено, герцогъ получаетъ отъ Россіи ежегодно по 100,000 цесарскихъ гульденовъ; изъ назначеннаго ему милліона рублей герцогъ получаетъ до отъѣзда 200,000, остальные выплачиваются въ восемь лѣтъ [2]). Впослѣдствіи Бассевичъ показалъ, какъ мы видѣли, что между нимъ и Меншиковымъ было условлено, чтобъ герцогъ изъ этого милліона заплатилъ Меншикову 80,000 рублей, именно: 60,000 впередъ, а 20,000 при послѣдней выдачѣ. Когда все дѣло было окончено и Бассевичъ привезъ Меншикову 60,000 рублей и письменное обязательство герцога уплатить остальныя 20,000, то Меншиковъ отдалъ это обязательство Бассевичу назадъ, сказавши ему: „Ваше превосходительство много при томъ труда имѣлъ: я дарю тебѣ эти 20,000, возьми ихъ съ герцога, ты ихъ заслужилъ“. Бассевичъ взялъ записку и отдалъ ее герцогу, говоря, что отдаетъ въ его волю, чѣмъ ему угодно будетъ наградить его. Герцогъ, взявши записку, надавалъ Бассевичу много устныхъ и письменныхъ обѣщаній, но не далъ ни копѣйки денегъ; напротивъ, цесаревна Елисавета Петровна подарила ему алмазный крестъ, доставшійся ей послѣ отца; и этотъ крестъ герцогъ вымѣнилъ у Бассевича на свой, который, по меньшей мѣрѣ, стоилъ 4,000 ефимковъ дешевле [3]).

Герцогъ и герцогиня Голштинскіе уѣхали изъ Петербурга (25 іюля). По пріѣздѣ въ свою резиденцію, Киль, Анна Петровна писала къ сестрѣ въ Петербургъ: „Государыня, дорогая моя сестрица! Доношу вашему высочеству, что я, слава Богу, въ добромъ здоровьи сюда пріѣхала съ герцогомъ, и здѣсь очень хорошо жить, потому что люди очень ласковы ко мнѣ; только ни одинъ день не проходитъ, чтобъ я не плакала по васъ, дорогая моя сестрица: не вѣдаю, каково вамъ тамъ жить. Прошу васъ, дорогая сестрица, чтобъ вы изволили писать ко мнѣ почаще о здравіи вашего высочества. При семъ посылаю къ вашему высочеству гостинецъ: опахало, такое, какъ здѣсь всѣ дамы носятъ, мушечную коробку, зубочистку, готовальню, орѣхи; прислала бы здѣшнихъ фруктовъ, только невозможно; крестьянское платье, какъ здѣсь носятъ, а шапку прошу ваше высочество отдать Микитѣ Волокитѣ и бѣлую шляпу. Впрочемъ, рекомендую себя въ неотмѣнную любовь, и остаюсь

[1]) Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Моск. арх. иностр. дѣлъ.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 5128.
[3]) Отвѣты Бассевича въ госуд. архивѣ.

вѣрная до гроба сестра и услужница Анна. Прошу ваше высочество отдать мой поклонъ всѣмъ петербургскимъ, а наши Голштинцы приказали отдать свой поклонъ вашему высочеству“ [1]).

Мы видѣли, что Толстой, вооружаясь противъ возведенія на престолъ Петра II, выражалъ опасенія насчетъ вліянія, которое должна будетъ получить бабка Петра, инокиня Елена (Авдотья Ѳедоровна Лопухина). И Меншиковъ, подобно Толстому, не могъ надѣяться добраго расположенія къ себѣ отъ первой жены Петра Великаго; но оставлять въ заключеніи бабку императора было нельзя: Елену освободили изъ Шлиссельбурга и отправили прямо въ Москву, гдѣ она была помѣщена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, съ приличнымъ содержаніемъ. 3 іюня велѣно было освободить Елену, а 26 іюля въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялся именной указъ объ отобраніи манифестовъ 1718 года по дѣлу царевича, Глѣбова и Досиѳея, чтобы впредь ни въ какихъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и по церквамъ ихъ не было и не читали; а кто имѣетъ ихъ изъ частныхъ людей, тѣ должны приносить въ Петербургѣ въ Сенатъ, въ Москвѣ—въ сенатскую контору, по городамъ и уѣздамъ отдавать губернаторамъ и воеводамъ; утаившіе будутъ отданы подъ судъ. Вмѣстѣ съ означенными манифестами, были отобраны: манифестъ 1718 года о наслѣдствѣ и уставъ о наслѣдствѣ престола Россійскаго 1722 года: этимъ хотѣли показать, что Петръ II есть законный императоръ по наслѣдству, и что уставъ Петра Великаго потерялъ силу [2]).

Меншиковъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ своего заклятаго врага Шафирова, который, возвращенный, какъ мы видѣли, изъ ссылки Екатериною, получилъ мѣсто президента Коммерцъ-Коллегіи. Но еще въ мартѣ 1726 года Меншиковъ выхлопоталъ указъ, по которому президентъ Коммерцъ-Коллегіи долженъ былъ отправиться въ Архангельскъ для устройства китоловной компаніи. Говорятъ, что Остерманъ, для котораго бывшій вице-канцлеръ былъ очень опасенъ, поддерживалъ старую вражду и опасенія Меншикова. Шафировъ, по нездоровью, остановился въ Москвѣ; но 12 іюня 1727 года въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ рѣшили, что надобно опредѣлить въ Коммерцъ-Коллегію президента настоящаго, а Петру Шафирову имѣть только титулъ президента этой Коллегіи, и быть ему въ Архангельскѣ для завѣдыванія дѣлами китоловной компаніи; 19 числа приказано было послать въ Москву къ графу Мусину-Пушкину указъ, чтобъ Петра Шафирова выслалъ въ Архангельскъ къ китоловному дѣлу немедленно [3]). Ягужинскому, бывшему генералъ-прокурору, потомъ посланнику въ Польшѣ, велѣно было отправиться въ противоположную сторону—въ Украинскую армію.

Дѣло Девьера вскрыло для Меншикова кружокъ людей молодыхъ, невидныхъ, которые однако старались подняться наверхъ съ помощію Петра II. Въ числѣ людей, выведенныхъ Петромъ Великимъ за даровитость и образованіе, были хорошо уже извѣстные намъ члены семьи Бестужевыхъ-Рюминыхъ, состоявшей изъ отца, Петра, котораго мы видѣли русскимъ министромъ въ Курляндіи, и сыновей: Михайлы—министра въ Швеціи и потомъ въ Польшѣ, и Алексѣя—министра въ Даніи. Бестужевымъ и особенно самому даровитому и самому честолюбивому изъ нихъ, Алексѣю, не хотѣлось ограничиваться дипломатическими мѣстами, оставаться постоянно вдалекѣ отъ Россіи, безъ непосредственнаго вліянія на дѣла, въ зависимости отъ другихъ; ихъ тянуло въ столицу, ко Двору, къ источнику силы и почестей. Это стремленіе во что бы то ни стало выдвинуться, заискать, пользуясь конъюктурами, едва-было не погубило Алексѣя Бестужева въ самомъ началѣ, когда онъ, по волѣ Петра, служилъ камеръ-юнкеромъ при Дворѣ курфюрста Ганноверскаго и короля Англійскаго Георга. Въ 1717 году, узнавши, что царевичъ Алексѣй ушелъ изъ Россіи и находится подъ покровительствомъ императора, Алексѣй Бестужевъ 7 мая отправилъ къ нему слѣдующее письмо: „Serenissime et augustissime altesuccedens Princeps gratiosissime Domine Czarewicz. Такъ какъ отецъ мой, братъ и вся фамилія Бестужевыхъ пользовалась особою милостію вашею, то я всегда считалъ обязанностью изъявить мою рабскую признательность, и ничего такъ не желалъ отъ юности, какъ служить вамъ; но обстоятельства не позволяли. Это принудило меня, для покровительства, вступить въ чужестранную службу, и вотъ уже четыре года я состою камеръ-юнкеромъ у короля Англійскаго. Какъ скоро вѣрнымъ путемъ я узналъ, что ваше высочество находится у его цесарскаго величества, своего шурина, и я по теперешнимъ конъюнктурамъ замѣчаю, что образовались двѣ партіи, притомъ же воображаю, что ваше высочество, при нынѣшнихъ очень важныхъ обстоятельствахъ, не имѣете никого изъ своихъ слугъ, я же чувствую себя достойнымъ и способнымъ служить вамъ въ настоящее важное время, посему осмѣливаюсь вамъ писать и предложить вамъ себя, какъ будущему царю и государю, въ услуженіе. Ожидаю только милостиваго отвѣта, чтобъ тотчасъ уволиться отъ службы королевской, и лично явлюсь къ вашему высочеству. Клянусь Всемогущимъ Богомъ, что единственнымъ побужденіемъ моимъ есть высокопочитаніе къ особѣ вашего высочества“ [4]).

Царевичъ истребилъ письмо, только нѣмецкій переводъ его сохранился въ вѣнскомъ архивѣ; бѣда не коснулась Бестужева по слѣдственному дѣлу,

---

[1]) Письма цесаревны Анны къ сестрѣ, въ Госуд. архивѣ. Въ одномъ изъ писемъ Анна Петровна пишетъ сестрѣ: „Доношу вамъ, что герцогъ да Маврушка изволочились: ни одного дня дома не сидятъ, все въ одной карстѣ ѣздятъ либо въ гости, или въ комедію“.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 5131.

[3]) Журналы Верх. Тайн. Сов. - Лефортъ.

[4]) Приложенія къ VI тому Исторіи царств. Петра В., Устрялова.

*

ибо царевичъ и устно не показалъ на него; но несчастный исходъ дѣла царевичева не истребилъ въ Бестужевыхъ убѣжденія, что права сына Алексѣева рано или поздно получатъ силу, и что надобно держаться великаго князя Петра, а также и Вѣнскаго Двора, котораго интересы были такъ тѣсно связаны съ интересами роднаго племянника Цесарева. Алексѣй Бестужевъ, ставши русскимъ министромъ въ Копенгагенѣ, сносился съ Вѣною, а родная сестра его, княгиня Аграфена Петровна Волконская, была въ Петербургѣ душою кружка, который сосредоточивался около Двора великаго князя Петра. Главною связью кружка съ этимъ Дворомъ служилъ Семенъ Аѳанасьевичъ Мавринъ, завѣдывавшій съ 1719 года воспитаніемъ великаго князя. Это мѣсто, какъ видно, Мавринъ получилъ по указанію императрицы Екатерины, при которой находился безотлучно въ пажахъ съ 1711 года; въ 1725 году онъ былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры, получилъ за службы въ вѣчное владѣніе деревни въ Гдовскомъ и Кобыльскомъ уѣздахъ [1]); въ началѣ 1727 года онъ упоминается уже въ числѣ камергеровъ [2]) и пользовался немаловажнымъ значеніемъ, потому что о свадьбѣ его на камеръ-фрейлинѣ княжнѣ Лобановой, гувернанткѣ графини Софьи Скавронской, племянницы императрицыной, упоминаетъ саксонскій посланникъ Лефортъ въ своихъ донесеніяхъ. Другими членами кружка были: кабинетъ-секретарь Иванъ Черкасовъ, совѣтникъ Военной Коллегіи Егоръ Пашковъ, сенаторъ Нелединскій, секретарь Исаакъ Павловичъ Веселовскій, братъ извѣстнаго бѣглеца Абрама Веселовскаго, Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, арабъ Петра Великаго, воспитанный имъ за-границею. Принадлежность Бестужевыхъ къ этому кружку объясняетъ намъ, почему Михаилъ Петровичъ Бестужевъ былъ удаленъ изъ Швеціи, по настоянію Бассевича и голштинскаго министра при Стокгольмскомъ Дворѣ, какъ человѣкъ, непріязненный герцогу Голштинскому. Союзъ России съ Австріею и, вслѣдствіе того, сильное вліяніе Вѣнскаго Кабинета въ Петербургѣ, потомъ извѣстіе о перемѣнѣ въ судьбѣ великаго князя внушили Алексѣю Петровичу Бестужеву большія надежды, показывая ему въ то же время основательность его разсчетовъ. Отъ 23 мая 1727 года онъ писалъ сестрѣ своей, княгинѣ Волконской: „Какъ къ Рабутину (австрійскому посланнику въ Петербургѣ) отсюда писано, такъ и къ Вѣнскому Двору, дабы онъ, Рабутинъ, инструированъ былъ стараться о васъ, чтобы вамъ при государынѣ великой княжнѣ цесарскаго высочества (Натальѣ Алексѣевнѣ, сестрѣ Петра II) оберъ-гофмейстериной быть, такожде чтобъ и друзья наши, Абрамъ Петровичъ (Ганнибалъ) и Исакъ Павловичъ (Веселовскій) достойнѣйше награждены были. Вы извольте согласно съ помянутымъ Рабутиномъ о томъ стараться. Что же принадлежитъ до брата нашего и до меня, и я намѣренъ потерпѣть, дондеже вы награжденіе свое, чинъ оберъ-гофмейстерины, получите, и помянутые друзья наши, ибо награжденіе мое чрезъ Вѣнскій Дворъ никогда у меня не уйдетъ. Согласитесь съ Рабутиномъ о себѣ и о вышеписанныхъ друзьяхъ нашихъ, такожде и о родителѣ нашемъ прилежно чрезъ Рабутина стараться извольте, чтобъ пожалованъ былъ графомъ, что Рабутинъ легко учинить можетъ“ [3]).

Но Алексѣй Петровичъ Бестужевъ жестоко обманулся въ своихъ надеждахъ: Рабутинъ умираетъ, а въ бумагахъ Девьера находятъ письма къ нему отъ Бестужевыхъ, отъ княгини Волконской, изъ которыхъ видна тѣсная связь между всѣми этимъ враждебными Меншикову людьми, ибо свѣтлѣйшій князь былъ убѣжденъ, то Петръ Бестужевъ разстраивалъ его курляндскіе планы. Ненависть Бестужевыхъ къ камергеру Левенвольду, который былъ одинъ человѣкъ съ Остерманомъ, указываетъ на сильную борьбу Маврина и его кружка съ Остерманомъ и Левенвольдомъ, причемъ назначеніе Остермана оберъ-гофмейстеромъ при великомъ князѣ Петрѣ должно было возбудить крайнее ожесточеніе въ Мавринѣ и его друзьяхъ. Какъ бы то ни было, одновременно съ арестованіемъ Девьера, стражи были поставлены и въ домъ княгини Волконской, которой запрещенъ пріѣздъ ко Двору. Важныхъ уликъ не было. Несмотря на то, къ княгинѣ Аграфенѣ Петровнѣ явился секретарь Меншикова, Андрей Яковлевъ, и объявилъ ей, чтобъ ѣхала въ Москву, жила тамъ, или въ деревняхъ, гдѣ хочетъ; принесъ и подорожную, гдѣ было сказано глухо, чтобъ посланнымъ людямъ давать подводы, безъ означенія именъ. Противъ другихъ членовъ кружка также не было никакихъ уликъ, и потому ихъ могли разослать только въ почетную ссылку, давши порученія въ сибирскіе города. Мавринъ и Ганнибалъ отправлены были въ Тобольскъ, послѣдній—съ порученіемъ строить крѣпость, потому что былъ инженеромъ; изъ Казани, 29 іюня, онъ писалъ Меншикову: „Не погуби меня до конца имене своего ради, и кого давить такому превысокому лицу такого гада и самая послѣдняя креатура на земли, котораго червя и трава можетъ сего свѣта лишить: нищъ, сиръ, беззаступенъ, иностранецъ, нагъ, босъ, алченъ и жажденъ; помилуй, заступникъ и отецъ и защититель сиротамъ и вдовицамъ“ [4]) и проч. Иванъ Черкасовъ, въ званіи синодскаго оберъ-секретаря, отправленъ въ Москву для описи церковной утвари; 7 іюня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было рѣшено: „О Иванѣ Черкасовѣ въ Сенатѣ объявить, чтобы по посланному къ нимъ указу объ отправленіи его въ Москву чинили немедленно“ [5]). Изгнанникъ Ѳедоръ Веселовскій, не

---

[1]) Кабинетъ II, кн. № 73, 75. Въ 1722 году конюхъ Тяпкинъ говорилъ, что Семенъ Мавринъ имѣлъ связь съ княжной Анной Лобановой (дѣла Тайн. Канц.).

[2]) С.-Петербургскія Вѣдомости 1727 года.

[3]) Слѣдственныя дѣла о Бестужевѣ и кн. Волконской въ Государ. архивѣ.

[4]) Дѣла Меншикова въ Москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

[5]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

зная, что дѣлается въ Россіи, думалъ, что съ восшествіемъ на престолъ сына царевича Алексѣя наступило удобное время просить позволенія возвратиться въ Россію. 19 іюня въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ читано было письмо его изъ Лондона, гдѣ онъ, объявляя причины своего бѣгства, просилъ о помилованіи. Но въ Совѣтѣ нашли оправданія его незаслуживающими уваженія. Остерманъ понесъ письмо къ Меншикову, и тотъ объявилъ, что нельзя дать помилованія. Когда старикъ, генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, завелъ-было рѣчь въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ о Мавринѣ и Петровѣ, за что они сосланы, то Остерманъ сталъ просить его, чтобъ онъ больше объ этомъ не говорилъ.

Царевна Анна Ивановна спѣшила умилостивить Меншикова унизительными письмами: „Вашей свѣтлости многія милости ко всѣмъ людямъ показаны, и какъ прежде, такъ и нынѣ чрезъ вашу свѣтлость получили многія милости; также и государыня моя матушка и всѣ мы много отъ вашей свѣтлости одолжены. И съ покорностію прошу вашу свѣтлость: какъ прежде я имѣла вашей свѣтлости къ себѣ многую любовь и милость, тако и нынѣ и по нынѣшнемъ нашемъ свойству меня не оставить, но содержать въ милости и протекціи, въ которую протекцію вашей свѣтлости и себя нижайше рекомендую". Въ томъ же родѣ Анна писала письмо и къ женѣ Меншикова, и къ свояченицѣ его, Варварѣ Арсеньевой; но все напрасно [1])!

Петръ Михайловичъ Бестужевъ вызванъ былъ изъ Митавы въ Петербургъ и задержанъ здѣсь, несмотря на жалобные вопли герцогини о возвращеніи необходимаго ей человѣка; самой царевнѣ Меншиковъ не позволилъ пріѣхать въ Петербургъ для поздравленія императора съ восшествіемъ на престолъ.

Кабинетъ, существовавшій при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I, подъ управленіемъ знаменитаго кабинетъ-секретаря Макарова, былъ упраздненъ, какъ ненужный при малолѣтнемъ императорѣ; Макаровъ лишился своего важнаго значенія, въ которомъ не могъ всѣмъ угодить, и былъ назначенъ президентомъ въ Камеръ-Коллегію. Пріятель его, графъ Матвѣевъ, по просьбѣ, за долголѣтнія службы, отъ дѣла уволенъ и позволено ему жить гдѣ захочетъ. Волынскій, уволенный отъ губернаторства въ Казани, жилъ въ Петербургѣ въ званіи шталмейстера; его назначили министромъ ко Двору герцога Голштинскаго, потомъ передумали и назначили въ Украинскую армію. Герольдмейстеръ и оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Санти, былъ засланъ далеко въ Сибирь по связи съ Толстымъ, которому онъ служилъ переводчикомъ.

Семена Маврина не было болѣе при императорѣ; при Петрѣ не было и учителя Зейкина. Иванъ Алексѣевичъ Зейкинъ былъ учителемъ въ домѣ Александра Львовича Нарышкина, съ которымъ ѣздилъ заграницу. Въ 1722 году онъ получилъ отъ Петра Великаго слѣдующую записку: „Господинъ Зейкинъ, понеже время приспѣло учить внука нашего, того ради, вѣдая ваше искусство въ такомъ дѣлѣ и добрую вашу совѣсть, опредѣляемъ васъ къ тому, которое дѣло начни съ Богомъ по осени". Зейкинъ сталъ отговариваться, выставляя свою неспособность къ такому важному дѣлу, и дѣло затянулось надолго. Въ ноябрѣ 1723 года Зейкинъ получилъ отъ государя записку уже въ другомъ тонѣ: „Указъ г. Зейкину: опредѣляемъ васъ учителемъ къ нашему внуку, и, когда сей указъ получишь, вступи въ дѣла свои немедленно". Но и послѣ этого указа Александръ Львовичъ Нарышкинъ не отпускалъ Зейкина. Тогда Петръ написалъ Макарову: „Нарышкинъ его не отпускаетъ, притворяя удобъ-возможные подлоги, и также я не привыкъ жить съ такими, которые не слушаются смирно; того ради, скажи и объяви сіе письмо, что ежели Зейкинъ по указу не учинитъ, то я не надъ Зейкинымъ, но надъ нимъ (Нарышкинымъ) то учиню, что́ доводится преслушникамъ чинить, ибо все сіе отъ него происходитъ". 10 іюля 1727 года Зейкинъ былъ выпровоженъ за-границу въ Венгрію, его отечество. Тверской архіепископъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій, вооружаясь противъ лютеранства, хвалилъ благочестіе и ученіе Зейкина; говорилъ, что онъ былъ бы очень надобенъ въ нынѣшнее время къ наставленію государя въ добрыхъ правилахъ и благочестіи. Мавринъ и Зейкинъ были отстранены; Остерманъ остался одинъ; но, кромѣ Петра, для него очень было важно подчинить своему вліянію сестру императора, великую княжну Наталью. Она была только годомъ старше брата, но была развита выше своего возраста, особенно, быть-можетъ, вслѣдствіе болѣзненности, чахоточности, хотя, разумѣется, мы не имѣемъ надобности вѣрить восторженнымъ отзывамъ о необыкновенныхъ способностяхъ Натальи, сохранившимся въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ: извѣстно, какъ партія, примыкающая къ высоко-поставленному лицу, обыкновенно преувеличиваетъ достоинства этого лица, тогда какъ партія противная, наоборотъ, уменьшаетъ ихъ. Петръ очень любилъ сестру, съ которою вмѣстѣ выросъ, и слушалъ ея; Остерману нетрудно было овладѣть волею великой княжны, которая была доступнѣе внушеніямъ учителя, чѣмъ мальчикъ, который думалъ объ одномъ, какъ бы изъ класса вырваться поскорѣе куда-нибудь, гдѣ повеселѣе. Въ бумагахъ Остермана сохранилось слѣдующее писаніе Петра II на латинскомъ языкѣ: „Каждый разъ какъ я съ собою разсуждаю, сколь много надлежащее воспитаніе императора содѣйствуетъ безопасности и благоденствію народа, не могу не принесть неизмѣнной признательности свѣтлѣйшей княжнѣ, моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣщаніями, помогаетъ благоразумными совѣтами, изъ которыхъ каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрные подданные ощущаютъ живѣйшую радость. Какъ могу я когда-либо забыть столько заслугъ

[1]) Письма Русскихъ государей.

ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣе нѣкогда будетъ мое государство, тѣмъ болѣе, признавая плоды ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она найдетъ во мнѣ благодарнаго брата и императора"[1]).

Должно быть, еще Зейкинъ выучилъ Петра полатыни, ибо мы видимъ, что онъ на этомъ языкѣ переписывается съ Остерманомъ, т.-е. набираетъ латинскія слова, оставляя фразу русскою. Остерманъ составилъ планъ ученія, въ который входила: 1) Древняя исторія: „Читать исторію и вкратцѣ главнѣйшіе случаи прежнихъ временъ, перемѣны, приращеніе и умаленіе разныхъ государствъ, причины тому, а особливо добродѣтели правителей древнихъ съ воспослѣдовавшею потомъ пользою и славою представлять. И такимъ образомъ можно во время полугода пройти Ассирійскую, Персидскую, Греческую и Римскую монархіи до самыхъ новыхъ временъ, и можно къ тому пользоваться авторомъ первой части историческихъ дѣлъ Ягапомъ Гибнеромъ, и для пріискиванія такъ называемымъ Билдерзааломъ". 2) Новая Исторія: „Новую исторію трактовать, и въ оной, по приводу г. Пуфендорфа, новое дѣяніе каждаго, и особливо пограничныхъ государствъ, представлять, и впрочемъ извѣстіе о правительствующей фамиліи каждаго государства, интересѣ, формѣ правительства, силѣ и слабости по-малу подавать". 3) Географія, „Географія отчасти по глобусу, отчасти по ландкартамъ показывать, и къ тому употреблять краткое описаніе Гибнерово". 4) Математическія операціи, ариѳметика, геометрія и прочія математическія части и искусствъ изъ механики, отпитки и проч. Обозначены были и забавы: концертъ музыческій, стрѣльба, игра подъ названіемъ вальянтенишпиль, бильярдъ, ловля на острову. Но, кромѣ того, сохранилась записка, подписанная самимъ Петромъ, гдѣ говорится: „Въ понедѣльникъ пополудни отъ 2 до 3-го часа учиться, а потомъ солдатъ учить; по полудни вторникъ и четвергъ съ собаки на полѣ; по полудни въ среду солдатъ обучать; по полудни въ пятницу съ птицами ѣздить; по полудни въ субботу музыкою и танцованіемъ; по полудни въ воскресенье въ лѣтній домъ и въ тамошніе огороды"[2]).—Ѳеофанъ Прокоповичъ написалъ: „Какимъ образомъ и порядкомъ надлежитъ багрянороднаго отрока наставлять въ христіанскомъ законѣ".

По плану Остермана, Петръ долженъ былъ каждую середу и пятницу присутствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. 21 іюня, въ началѣ одиннадцатаго часа, императоръ пріѣхалъ въ Совѣтъ и объявилъ: „Послѣ какъ Богъ изволилъ меня въ малолѣтствѣ всея Россіи императоромъ учинить, наивящшее мое стараніе будетъ, чтобъ исполнить должность добраго императора, то-есть, чтобъ народъ мнѣ подданный съ богобоязненностію и правосудіемъ управлять; чтобъ бѣдныхъ защищать, обиженнымъ вспомогать, убогихъ и неправедно отягощенныхъ отъ себя не отогнать, но веселымъ лицемъ жалобы ихъ выслушать, и, по похваленному императора Веспасіана примѣру, никого отъ себя печальнаго не отпускать". Послѣ, во все время господства Меншикова, мы не встрѣчаемъ извѣстій о присутствіи Петра въ Тайномъ Совѣтѣ. Меншиковъ присутствовалъ также очень рѣдко; Остерманъ не присутствовалъ или приходилъ поздно; къ нимъ обоимъ тайный совѣтникъ Степановъ носилъ дѣла на домъ для полученія ихъ мнѣнія; такъ, подъ 19 іюля, читаемъ въ журналѣ: „Написанный указъ о раздѣленіи ихъ высочествамъ государынямъ цесаревнамъ вещей носилъ тайный совѣтникъ Василій Степановичъ къ барону Андрею Ивановичу Остерману, и, возвратясь, донесъ, что тому указу быть въ той силѣ Андрей Ивановичъ согласился, а свѣтлѣйшаго князя о томъ доложить не получилъ". Иногда отъ свѣтлѣйшаго князя объявлялись приказы, чтобъ изволили издать такой-то указъ. Присутствовали обыкновенно трое: Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ.

Вслѣдствіе предполагавшагося упраздненія Кабинета, 24 мая Верховный Тайный Совѣтъ объявилъ именной указъ, чтобъ о новыхъ и важныхъ дѣлахъ, о которыхъ прежде писали прежде всего въ Кабинетъ, теперь прямо доносили въ Совѣтъ, именно: о нападеніи непріятеля, о моровой язвѣ или о какихъ-нибудь замѣшательствахъ; относительно же трехъ первыхъ пунктовъ, т.-е. злоумышленія противъ государя, измѣны и возмущенія, изъ ближнихъ къ Петербургу губерній и провинцій писать въ Сенатъ, изъ дальнихъ—въ Москву къ генералъ-губернатору князю Ромодановскому[3]). Относительно Сената Верховный Тайный Совѣтъ показалъ свою власть 17 іюля: впущенъ былъ сенатскій оберъ-прокуроръ Воейковъ, и выговаривано ему о неисправленіи дѣлъ сенатскихъ, что съѣзды бываютъ не ежедневно и то пріѣзжаютъ поздно; по счетамъ большой суммы не взыскиваютъ, и для чего онъ, оберъ-прокуроръ, должности своей не исполняетъ; приказано неисправленіе его должности расписать, и, для лучшаго въ отправленіи сенатскихъ дѣлъ порядка, подавать ежедневно журналы, кто въ какой часъ пріѣдетъ и какъ будутъ отправляться дѣла[4]).

Главный упрекъ Сенату былъ за невзысканіе значительныхъ суммъ. Работа надъ средствами поправленія финансовъ продолжалась въ Совѣтѣ. По указу 9 февраля запрещено было посылать коммисаровъ и подъячихъ для сбору подушныхъ денегъ, велѣно было принимать эти деньги земскимъ коммисарамъ въ городахъ, въ надеждѣ, что под-

[1]) Сборникъ Русскаго Историч. Общества, II. 233. Документы, относящіеся къ Зейкину, уже напечатаны въ статьѣ Есипова: „Ссылка князя Меншикова", въ Отечеств. Зап. 1860 и 1861 года. Отзывъ Лопатинскаго, см. въ книгѣ Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ", стр. 467.

[2]) Записка въ Госуд. архивѣ.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 5078.

[4]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

данные будутъ платить подушную подать исправно въ указные сроки; но надежда не оправдалась: подданные не уплачиваютъ подати сами въ опредѣленное время. Вслѣдствіе этого, изданъ былъ указъ: губернаторамъ и воеводамъ посылать отъ себя нарочныхъ въ вотчины, не заплатившія податей, и, взявши въ города, править деньги на самихъ помѣщикахъ, а гдѣ ихъ самихъ нѣтъ,—на ихъ приказчикахъ, старостахъ, выборныхъ и крестьянахъ, а въ дворцовыхъ и духовныхъ вотчинахъ на управителяхъ и крестьянахъ. Недоборъ будетъ взысканъ на губернаторахъ и воеводахъ; они же будутъ отвѣчать, если посланные ими нарочные позволятъ себѣ обижать уѣздныхъ людей [1]). 1 іюня въ Совѣтѣ разсуждали о томъ, чтобъ сложить поворотныя деньги; въ указѣ, обнародованномъ 20 іюля, говорилось, что поворотный сборъ съ привозныхъ всякихъ возовъ указано отставить для народной пользы и для пресѣченія воровства отъ сборщиковъ; сумму, которая получалась отъ этого сбора, взявъ сборъ средняго года, разложить на кабацкія питейныя продажи [2]). Имѣя въ виду недостатокъ людей и денегъ, продолжали разбирать, нѣтъ ли какихъ учрежденій и должностей, которыя можно было бы уничтожить. Мы видѣли, что въ предшествовавшее царствованіе рѣшились подчинить магистраты губернаторамъ и воеводамъ; теперь пришли къ мысли, что лучше совсѣмъ ихъ уничтожить, потому что люди понапрасну заняты, а дѣла въ губерніяхъ поручить губернаторамъ и воеводамъ [3]). Мысль эта не была приведена въ исполненіе; но порѣшили съ главнымъ магистратомъ; 18 августа изданъ былъ указъ: „Понеже городовые магистраты повелѣно подчинить губернаторамъ, того ради указали мы въ С.-Петербургѣ главному магистрату не быть, а учинить только для суда здѣшняго купечества въ ратушѣ одного бургомистра и съ нимъ двухъ бурмистровъ, кромѣ тѣхъ, которые были нынѣ въ магистратѣ членами, и быть имъ погодно съ перемѣною за выборомъ купецкихъ людей, добрымъ и знатнымъ людямъ; а которыя дѣла имѣютъ быть между иностранныхъ купцовъ, тѣмъ дѣламъ быть въ Коммерцъ-Коллегіи“ [4]). Въ Совѣтѣ кто-то спросилъ: „Когда онаго магистрата не будетъ, то городовые магистраты, ежели имъ отъ воеводъ обида происходить будетъ, къ кому писать будутъ“? Но вопросъ этотъ остался безъ отвѣта [5]). Въ Совѣтѣ разсуждали также, чтобъ въ Москвѣ коллежскимъ конторамъ не быть, а посылать изъ коллегій указы прямо къ Московскому губернатору; въ Синодѣ оберъ-секретарю не быть; московской синодальной конторѣ и дикастеріи не быть, а быть Духовному Приказу подъ вѣдѣніемъ Крутицкаго архіерея; Коллегіи Экономіи и Камеръ-Конторѣ не быть [6]). Хотѣли перевести Вотчинную Коллегію въ Москву, но затруднялись тѣмъ, что прежній указъ о перепискѣ дачъ и столбцовъ былъ не исполненъ, и теперь хотѣли ограничиться только описаніемъ дачъ и столбцовъ и снятіемъ точныхъ копій съ однихъ ветхихъ дѣлъ; ибо если Коллегія въ Москву отпустится, то чтобъ дѣла не распропали. Былъ вопросъ о переводѣ Камеръ и Юстицъ-Коллегій въ Москву, но тутъ же рѣшили оставить ихъ въ Петербургѣ [7]).

Мы видѣли, что въ предшествовавшее царствованіе забота о поднятіи торговли возложена была на Остермана, предсѣдателя коммисіи о коммерціи. Коммисія работала. Петръ Великій, имѣя въ виду заведеніе своихъ мануфактуръ, поднялъ пошлину съ сырыхъ произведеній, отпускаемыхъ изъ Россіи за-границу: такъ съ льняной и пеньковой пряжи бралось по 37½ процентовъ. Коммисія о коммерціи нашла, что съ такою высокою пошлиною пряжи отпускать нельзя, отчего русскому купечеству и крестьянству большое разореніе, ибо прежде пряжи отпускалось за-границу много, и какъ купечество, такъ и крестьянство имѣли отъ того пропитаніе, и пошлинъ сходило много, тогда какъ теперь ни пошлинъ въ казну, ни народной пользы. Коммисія представляла, что надобно позволить отпускать пряжу, взимая по пяти процентовъ ефимками; а русскіе фабриканты должны уговариваться заблаговременно съ поставщиками пряжи, чтобы поставляли имъ пряжу лучшую, чтобъ можно было дѣлать въ Россіи полотна одинакія съ заморскими. Представленіе коммисіи было утверждено [8]). Остерманъ исходатайствовалъ указъ: „Ежели который городъ или кто партикулярно въ купечествѣ имѣетъ какое недовольство или въ чемъ признаваетъ тягость, или и сами усмотрятъ, что какъ генерально и партикулярно къ распространенію и умноженію купечества полезно быть можетъ, и чтобъ объявляли безъ всякаго сумнѣнія и опасенія съ яснымъ доказательствомъ, и подавалибъ въ городахъ письменно нашимъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ и воеводамъ, которымъ, принимая то, не удерживая, отсылать въ учрежденную коммисію въ С.-Петербургъ, по которому чинено будетъ въ той коммисіи разсмотрѣніе къ народной пользѣ“ [9]). По доношенію той же коммисіи, сибирскій торгъ мягкою рухлядью велѣно отдать въ вольную торговлю для всенародной пользы [10]).

Но при этихъ заботахъ о матеріальныхъ средствахъ государства, встрѣчаемъ распоряженіе, которое служитъ признакомъ смягченія нравовъ: стремленіе дать народу лучшее воспитаніе, истребляя слѣды варварскихъ, азіатскихъ привычекъ.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5079.
[2]) Тамъ же, № 5125.
[3]) Журналы Верх. Тайн. Сов. 12 іюня.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 5142.
[5]) Журналы Верх. Тайн. Сов. 4 августа.
[6]) Тамъ же, іюня 23.
[7]) Тамъ же, іюня 1, 12, 13.
[8]) Полн. Собр. Зак. № 5080.
[9]) Тамъ же, № 5093.
[10]) Пол. Собр. № 5110.

10 іюля объявленъ былъ именной указъ: „Которые столбы въ С.-Петербургѣ внутри города на площадяхъ каменные сдѣланы, и на нихъ также и на кольяхъ винныхъ людей тѣла и головы потыканы, тѣ всѣ столбы разобрать до основанія, а тѣла и взоткнутыя головы снять и похоронить“ [1].

Къ сожалѣнію, блюстительница народной нравственности, главная участница въ народномъ воспитаніи, Церковь, представляла неутѣшительныя явленія, которыя ослабляли уваженіе къ ея пастырямъ. Сильныя жалобы Ростовскаго архіепископа Георгія на оскудѣніе доходовъ были теперь услышаны; 26 мая объявленъ былъ именной указъ: „Ростовской епархіи всѣ епаршескіе сборы изъ домовыхъ вотчинъ, какъ денежные, такъ и хлѣбные доходы отдать до предбудущаго нашего указу въ вѣдомство той епархіи архіепископу Георгію, на содержаніе соборной и домовыхъ, и ружныхъ церквей, и на собственнные его и домовыхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ служителей, обрѣтающихся въ той епархіи и въ С.-Петербургѣ, расходы, также сиропитательницы и ружниковъ; и для того, которые доходы положены были собирать въ синодскую камеръ-контору, нынѣ тѣхъ доходовъ не брать; также и ему, архіерею, ни на какое содержаніе больше тѣхъ опредѣленныхъ съ его епархіи доходовъ не требовать, и всѣ надлежащіе расходы исправлять тѣми епаршескими и собираемыми съ домовыхъ вотчинъ доходами, кромѣ собираемыхъ съ вѣнечныхъ памятей пошлинъ, которыя по прежнему указу отсылать на гошпиталь“ [2]. 12 іюня члены Верховнаго Тайнаго Совѣта разсуждали о томъ, чтобъ деревни отдать архіереямъ попрежнему, архіереи же должны платить въ Камеръ-Коллегію положенные на эти деревни сборы [3].

Но послышалась жалоба съ другой стороны, не на матеріальные недостатки, а на ослабленіе той мѣры, посредствомъ которой Петръ Великій старался поднять нравственное значеніе духовенства. Ректоръ московскихъ славяно-греко-латинскихъ школъ, архимандритъ Гедеонъ Вишневскій, донесъ Синоду, что указомъ 1723 года велѣно во всѣхъ монастыряхъ переписать молодыхъ монаховъ и выслать въ школы для ученія; но прислано только изъ Смоленской епархіи два іеродіакона, изъ которыхъ одинъ и теперь въ школахъ, а другой бѣжалъ, да изъ Сибирской епархіи одинъ іеродіаконъ, который въ 1726 году, по указу изъ московской синодальной канцеляріи, отпущенъ дамой въ Сибирь; да своею охотою учатся четыре человѣка; изъ прочихъ епархій и изъ московскихъ монастырей, хотя въ нихъ и довольно молодыхъ и къ ученію способныхъ монаховъ, изъ которыхъ бы могъ быть плодъ Церкви и произошли бы въ учители и предикаторы, и понынѣ никто не присылыванъ. Синодъ приговорилъ—послать подтвердительные указы о высылкѣ молодыхъ монаховъ въ Москву [4].

Въ отношеніяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта къ Синоду мы не замѣчаемъ уваженія, должнаго верховному церковному правительству. Мы видѣли, что съ Англіею у Русской Церкви были постоянныя сношенія, и канцлеръ графъ Головкинъ представилъ Совѣту письмо находящихся въ Англіи русскихъ духовныхъ особъ, въ которомъ объявляли, что присланъ къ нимъ изъ Синода указъ о приводѣ къ присягѣ новому императору, но имъ приводить къ присягѣ некого. Распоряженіе Синода, если въ немъ и заключалась нѣкоторая неосмотрительность, не заслуживало однако того, чтобъ на него нужно было обратить большое вниманіе; несмотря на то, Совѣтъ рѣшилъ: синодскихъ членовъ, призвавъ, выговорить, что имъ такого указа, не спросясь, посылать не надлежало [5]. Спустя немного времени послѣ того, въ одно изъ засѣданій Совѣта явился оберъ-секретарь и объявилъ отъ свѣтлѣйшаго князя приказъ, чтобъ изволили опредѣлить указомъ Коломенскому архіерею имѣть смотрѣніе надъ петербургскими попами, по примѣру архіерея Крутицкаго, завѣдывающаго духовенствомъ московскимъ [6]. Странно, что петербургское духовенство поручалось Коломенскому архіерею, мимо архіепископа Новгородскаго; но этотъ архіепископъ, самый представительный членъ Синода по дарованіямъ и образованности, былъ вовлеченъ въ непріятное дѣло, которое было не безъ вліянія на отношенія Верховнаго Тайнаго Совѣта къ Синоду.

Мы видѣли, что церковныя преобразованія, совершившіяся при Петрѣ, возбуждали неудовольствіе не въ однихъ низшихъ слояхъ народонаселенія, но и между сенаторами, которые и указывали Синоду на нѣкоторыя крайности и неприличіе пріемовъ въ этихъ перемѣнахъ. Главными поборниками нововведеній въ дѣлѣ церковномъ считались двое главныхъ членовъ Синода, Ѳеодосій Яновскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Первый, человѣкъ страстный, неосторожный, непослѣдовательный и невыдававшійся своими дарованіями, палъ въ началѣ царствованія Екатерины—и никто не жалѣлъ о немъ. Ѳеофанъ былъ ловокъ, остороженъ и послѣдователенъ, потому не сталкивался съ Петромъ; Преобразователь видѣлъ въ немъ человѣка, вполнѣ сочувствовавшаго преобразованію; разбирать же, въ чемъ Ѳеофанъ переходилъ должные предѣлы или нѣтъ, Петръ не имѣлъ возможности. Стефанъ Яворскій съ своими приверженцами упрекалъ Ѳеофана въ неправославіи, но на самого Стефана сыпались такіе же упреки изъ столицы Православія, Константинополя; Петръ защитилъ Стефана отъ Константинопольскаго патріарха, и тѣмъ болѣе могъ считать своимъ правомъ и обязанностію защитить Ѳеофана отъ Рязанскаго митрополита.

[1] Полн. Собр. Зак. № 5118.
[2] Полн. Собр. Зак. № 5081.
[3] Журналы Верх. Тайн. Сов.
[4] Полн. Собр. Зак. № 5091.
[5] Журналы Верх. Тайн. Сов. 25 іюля.
[6] Журналъ 14 августа.

Но другіе смотрѣли иначе на дѣло, и считали Ѳеофана главнымъ виновникомъ непріятныхъ имъ церковныхъ преобразованій. Навлекши на себя негодованіе однихъ, какъ авторъ „Духовнаго регламента“, Ѳеофанъ навлекъ на себя негодованіе другихъ, какъ авторъ „Правды воли монаршей“,—сочиненія, направленнаго противъ правъ великаго князя Петра. Понятно, что Ѳеофанъ долженъ былъ примкнуть къ сторонѣ, которая хлопотала о возведеніи на престолъ Екатерины, и вздохнулъ свободно, когда эти хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Мы видѣли, что паденіе Ѳеодосія очистило для Ѳеофана первое мѣсто въ Синодѣ; но архіепископъ Новгородскій скоро увидалъ, что твердой руки, поддерживавшей его, не было болѣе, что Екатерина и для него не могла замѣнить Петра. И человѣкъ, менѣе Ѳеофана проницательный, могъ легко усмотрѣть слабость императрицы, происходившую сколько отъ характера, столько же и отъ положенія, чрезвычайно непрочнаго, что заставляло ее продолжать и на престолѣ прежній образъ дѣйствій, къ какому она привыкла при жизни мужа, т.-е. угождать всѣмъ, заискивать у всѣхъ, не обращая большого вниманія на послѣдовательность, на подчиненіе отдѣльныхъ отношеній общему, единому плану дѣйствія. Екатерина уступала всякой силѣ, желая съ каждою жить въ ладу, не имѣть ни одной противъ себя. Она покровительствовала Ѳеофану, но, въ то же время, уступила просьбамъ людей, нерасположенныхъ къ нему, которые хотѣли ввести въ Синодъ ему соперника, человѣка совершенно противоположнаго направленія и характера, именно Георгія Дашкова, архіепископа Ростовскаго. Мы видѣли дѣятельность Георгія во время Астраханскаго бунта,—дѣятельность, которая обратила на него вниманіе Петра; Дашковъ былъ сдѣланъ келаремъ, потомъ архимандритомъ Троицкаго монастыря, а въ 1718 году посвященъ въ епископы въ Ростовъ, даже несмотря на то, что не былъ ученымъ монахомъ и даже несмотря на то, что не былъ оправданъ по доносу въ злоупотребленіяхъ богатою казною Троицкаго монастыря. Въ лицѣ новаго Ростовскаго архіерея, энергическаго, честолюбиваго, ловкаго, умѣвшаго заводить связи и пробиваться къ своей цѣли всякими средствами, способнаго природными дарованіями прикрывать недостатокъ образованія,—въ лицѣ Дашкова получили своего представителя тѣ великорусскіе духовные, которые были отстраняемы отъ высшихъ степеней ненавистными *ляшенками*, малороссійскими монахами, управлявшими Русскою Церковію потому только, что учились въ школахъ. Георгій не могъ равнодушно снести, что ляшенки наполняли Синодъ, а онъ не былъ членомъ священной коллегіи; тотчасъ же, въ 1721 году, онъ столкнулся съ Синодомъ, написавши къ нему доношеніе, „весьма противное и дерзостное во многихъ нарекательныхъ терминахъ“; Синодъ отвѣчалъ ему выговоромъ съ угрозою, что если не испроситъ у Синода прощенія, то не останется безъ должнаго наказанія. Дашковъ смирился, но не оставилъ мысли попасть въ Синодъ какимъ бы то ни было способомъ; онъ обратился къ любимцу императрицы, Монсу, съ просьбою, чтобъ тотъ выхлопоталъ ему или мѣсто вице-президента въ Синодѣ, или, по крайней мѣрѣ, переводъ на Крутицы: мѣсто Крутицкаго архіерея было очень важно, вопервыхъ потому, что онъ завѣдывалъ московскимъ духовенствомъ, во-вторыхъ—потому, что Дворъ и Сенатъ посѣщали древнюю столицу и долго въ ней оставались. Ни то, ни другое желаніе Георгія не было исполнено въ царствованіе Петра Великаго; но онъ недолго дожидался: Екатерина въ 1725 году назначила его членомъ Синода, несмотря на нежеланіе послѣдняго. Время было благопріятно: люди, враждебные церковнымъ нововведеніямъ и нововводителямъ, могли высказываться свободнѣе безъ Петра; Екатеринѣ могли указать, и сама она могла замѣтить—раздраженіе противъ неблагоразумныхъ нововводителей въ разныхъ слояхъ общества, начиная съ высшаго, и, разумѣется, въ ея выгодахъ было смягчить это раздраженіе, пріобрѣсти популярность болѣе православнымъ поведеніемъ; не безъ разсчета могли поступить строго съ Ѳеодосіемъ, принести его въ жертву всеобщему неудовольствію, и не безъ разсчета спѣшили назначить въ Синодъ въ товарищи Прокоповичу и Лопатинскому не-ляшенка, человѣка съ противоположнымъ направленіемъ.

Георгій, представитель стараго направленія въ Церкви, членъ Синода; Ѳеофану, представителю новаго, неловко; онъ недоволенъ: недоволенъ Екатериною, которая измѣняла въ его глазахъ дѣлу Петра Великаго, возвышая людей, враждебныхъ этому дѣлу; недоволенъ особенно Меншиковымъ, который, какъ главный между птенцами Петра, не поддерживалъ своихъ, позволялъ давать дорогу людямъ, имъ враждебнымъ. Ѳеофана не трогали, какъ знаменитость прошлаго царствованія и по неимѣнію поводовъ, но поводы могли найтись, и дѣйствительно нашлись.

Еще въ началѣ 1725 года, Синоду было донесено, что въ псковскомъ Печерскомъ монастырѣ лежатъ на полу 70 иконъ со снятыми окладами и вѣнцами, и въ допросѣ показывали, что снимать вѣнцы и оклады приказывалъ архимандритъ монастыря Маркеллъ Родышевскій, а Маркелла поставилъ архимандритомъ и судьею архіерейскаго дома Ѳеофанъ. Въ 1725 году Ѳеофану удалось замять дѣло—выручить своего кліента; но въ началѣ 1726 года дѣло возобновилось, быть можетъ, не безъ цѣли привлечь къ нему и Ѳеофана, оставшагося теперь главою нововводителей. Маркеллъ пріѣхалъ въ Петербургъ отвѣчать предъ Синодомъ на обвиненіе, ходилъ къ Ѳеофану; однажды явился онъ къ нему въ большомъ страхѣ и разсказывалъ, что два раза встрѣтилъ гвардейскаго солдата, который грозилъ ему: „Будемъ васъ, Ѳеодосовщину, за то, что ругаете и обираете Св. иконы, съ вашими начальниками, скоро губить; помни

это крѣпко! вотъ скоро дождемся колокола—и будетъ вамъ"! Сначала Ѳеофанъ старался успокоить Маркелла и, приписывая его ужасъ болѣзненному состоянію, призывалъ къ нему доктора; но потомъ счелъ необходимымъ препроводить его для допросовъ въ Преображенскую Канцелярію. Поступокъ совершенно понятный: человѣкъ свидѣтельствуетъ о приготовляющейся смутѣ,—пусть онъ донесетъ объ этомъ, гдѣ слѣдуетъ, ибо если бы Маркеллъ самъ пошелъ съ доносомъ въ Преображенскую Канцелярію и въ допросѣ сказалъ, что объявлялъ объ угрозахъ солдата преосвященному Новгородскому, то послѣдняго не поблагодарили бы. Ѳеофанъ впрочемъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что убѣдился въ притворствѣ Маркелла, отчего родился въ немъ страхъ, не знаетъ ли и въ самомъ дѣлѣ онъ чего-нибудь подобнаго и не распускаетъ ли этихъ слуховъ нарочно для смущенія народа и для опечаленія ея величества. Какъ бы то ни было, если понятенъ поступокъ Ѳеофана, то понятно также, что Маркеллъ, отосланный въ Преображенскую Канцелярію человѣкомъ, отъ котораго ждалъ только милости и защиты, сильно раздражился противъ Ѳеофана и рѣшился выпутаться изъ своего страшнаго положенія и, вмѣстѣ, отомстить Ѳеофану и пріобрѣсть расположеніе и защиту его враговъ доносомъ на Новгородскаго архіерея.

Въ Преображенской Канцеляріи Маркеллъ показалъ, что онъ боленъ меланхоліею, которую навели на него слова двоихъ александровскихъ монаховъ; одинъ сказалъ ему: „Богъ знаетъ, увидимся ли съ тобою!" а другой говорилъ: „Я подарилъ тебѣ одну лютеранскую книгу, возьми у меня еще двѣ такія же". Изъ этихъ словъ Маркеллъ заключилъ, не грозитъ ли бѣда нѣкоторымъ синодальнымъ членамъ за ихъ противности къ Церкви, и боялся не взяли бы и его понапрасну, потому что онъ о противностяхъ къ Церкви нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ знаетъ и объявитъ, гдѣ будетъ приказано. Меланхолія напала на него еще и оттого, что шелъ за нимъ какой-то унтеръ-офицеръ, бранилъ бывшаго архіерея Ѳедоса за иконоборство и, обратившись къ нему, Маркеллу, сказалъ: „Вы и ваши начальники — такіе же иконоборцы и Церкви противники, потому что противъ Ѳедоса ни въ чемъ не спорили, помните, что за это скараетъ васъ Богъ". На другой день, гвардейскіе солдаты, указывая на него, говорили: „Это все Ѳедосовщина; хорошо бы всю Ѳедосовщину истребить". Маркеллъ объявилъ и о разговорахъ своихъ съ Ѳеофаномъ политическаго содержанія. Однажды Ѳеофанъ говорилъ ему: „Государыня императрица благоволила немного ошибиться въ томъ, что свѣтлѣйшаго князя изволила допустить до всего, за что всѣ на него негодуютъ, такъ что и ея величеству не очень пріятно, что она то изволила сдѣлать. По-истинѣ говорю, что и наипаче ея величество и на престолѣ Всероссійскомъ утвердилъ, а то по кончинѣ его императорскаго величества стали-было иные насчетъ этого прекословить. А нынѣ многіе негодуютъ, особенно за свѣтлѣйшаго князя, что ея величество изволила ему вручить весь домъ свой, и Богъ знаетъ, что будетъ далѣе. Подождать мало: вотъ въ скоромъ времени у насъ произойдетъ что-нибудь великое; про ея императорское величество говорятъ и то, что она иноземка и лютеранка. Когда императрица изволила смотрѣть строю, и въ то время чуть ее изъ ружей не убили дважды, и пулею убило человѣка, который былъ отъ нея въ полусажени, изъ чего видно, что многіе ея величеству не благопріятствуютъ; только одинъ кажется вѣренъ—графъ Толстой, но и тотъ, какъ всѣ вознегодуютъ, къ нимъ же приклонится; и то захотѣлось ей жеманиться, да отнюдь не пристало, потому что вотъ на нее какіе замахи; а воинство муштровать есть на то генералы, а не ея дѣло".—При немъ, Маркеллѣ, былъ у Ѳеофана Александроневскій архимандритъ и говорилъ: „Вчерашняго числа былъ у насъ въ монастырѣ свѣтлѣйшій князь и пѣлъ молебенъ". Ѳеофанъ, покачавъ головою, сказалъ на это: „На что Бога обманывать: онъ самый недобрый человѣкъ, многимъ зло дѣлаетъ, а показываетъ себя богомоломъ и молебны поетъ". Спрошенный:—кто именно синодальные члены и какія противности къ Церкви имѣютъ, Маркеллъ представилъ обличеніе на Ѳеофана въ неправославныхъ мнѣніяхъ, и указалъ на людей, которые раздѣляютъ эти мнѣнія, между прочимъ на извѣстнаго проповѣдника, Гавріила Бужинскаго. Между тѣмъ, въ Синодѣ продолжалось дѣло о Маркеллѣ, и явилось на него новое обвиненіе: между его вещами нашли епитрахиль и пелену со споротыми жемчугами. Синодъ прислалъ въ Преображенскую Канцелярію вопросные пункты Маркеллу, и тотъ отвѣчалъ, что онъ обиралъ жемчугъ съ епитрахили и пелены по приказанію Ѳеофана [1]).

Императрица, по докладу Тайной Канцеляріи, приказала потребовать объясненія отъ Ѳеофана. Ѳеофанъ представилъ объясненія. Ему легко было написать, что Маркеллъ оклеветалъ его относительно „непристойныхъ словъ"; но нѣкоторымъ, особенно Меншикову, трудно было повѣрить, что Маркеллъ все это выдумалъ. Ѳеофанъ далъ такой смыслъ своимъ рѣчамъ о государынѣ и Меншиковѣ: „Когда мнѣ сказалъ страхованіе свое и слова мятежныя Маркеллъ, тогда, отводя его отъ онаго страха или мечтанія, говорилъ я, что солдатъ, который будто на него и прочихъ кричалъ и угрожалъ мятежемъ и сѣченіемъ, былъ нѣкто отъ малконтентовъ; таковый (молвилъ я), ярости полный, увидя тебя и дѣло твое объ окладахъ иконныхъ слышавъ, ядъ гнѣва своего на тебя изблевалъ.

[1]) Все это дѣло подробно изложено въ книгѣ г. Чистовича: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время". Мы не можемъ согласиться съ объясненіями г. Чистовича, ибо не думаемъ, чтобъ историкъ имѣлъ право бездоказательно приписывать историческимъ лицамъ то или другое дѣло. Такъ г. Чистовичъ доносъ Маркелла на Ѳеофана рѣшительно приписываетъ наущенію Дашкова, тогда какъ на это нѣтъ никакихъ доказательствъ, и дѣло объясняется гораздо проще негодованіемъ Маркелла на Ѳеофана, ото-

На примѣръ же малконтентовъ воспомянувъ о письмѣ подметномъ и о выстрѣленной пулѣ на экзерцицiи, и приложилъ и сiе, что, можетъ быть, нѣкiи ярятся и на князя свѣтлѣйшаго за превосходство его; все же то сказалъ я вкратцѣ и не къ безчестiю князя свѣтлѣйшаго и не къ поношенiю ея величества, но просто къ его (Маркеллову) утѣшенiю, понеже сей лукавецъ притворялъ себѣ великiй страхъ и трепетъ. Нерядовой же и клеветникъ, который слово похвальное передѣлать умѣетъ на ругательное. Онъ и предики мои похвальныя перетолкуетъ на хульныя. Воспоминаю, какова извѣстная моя и къ ея императорскому величеству и ко всей ея величества высокой фамилiи и ко всему Россiйскому государству вѣрность; ибо не токмо никто и никогда ни въ дѣлѣ, ниже въ словѣ моемъ, никакой не могъ признать противности, но и многими дѣйствiями моими должная моя вѣрность свидѣтельствована стала. Свидѣтельствуютъ о ней многiя мои проповѣди и не едина книжица изданная, въ которыхъ тщательно и многократно поучаю, какъ вѣрни подданнiи и послушливы должны быть государямъ своимъ; свидѣтельствуютъ иныя мои сочиненiя, которыми, какъ ни есть, по силѣ моей, славѣ ихъ величества послужилъ я. Тожь свидѣтельствуется и отъ прошлогодскаго дѣла о Θеодосiи. А еще въ прошлыхъ 1708 и 1709 годахъ, когда Мазепина измѣна была и введенный оною въ отечество непрiятель,—каковъ я тогда былъ къ государю и государству, засвидѣтельствуетъ его сiятельство, князь Димитрiй Михайловичъ Голицынъ. Но, паче всего, каковое о моей вѣрности свидѣтельство блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государь императоръ неоднократно произносилъ, ихъ сiятельству высокимъ министрамъ извѣстно. А о Маркеллѣ, какъ къ плутовству охотный онъ, всѣ вѣдаютъ, кто его изблизка знаетъ: и въ прошломъ 1718 году, когда онъ тщался клеветою погубить преосвященнаго Θеофилакта, Тверскаго архiепископа, его величество государь императоръ, яко премудрѣйшiй государь, и слушать не похотѣлъ".

Ссылкою на свидѣтельство Петра Великаго Θеофанъ начинаетъ защиту свою противъ обвиненiй въ неправославiи: „Извѣстно всѣмъ, что я поученiй никогда не говорилъ, развѣ въ присутствiи множества честныхъ людей, но и самаго императора. Смотри же, благоразсудный, какъ бѣснуется Маркеллъ: всѣхъ честныхъ людей, безъ всякаго изъятiя, въ дураки ставитъ. Самъ Петръ Великiй, не меньше премудрый, какъ и сильный монархъ, въ предикахъ моихъ не узналъ ереси, а въ преблаженной кончинѣ своей и съ лобзанiемъ принималъ сiе мое ученiе (объ оправданiи вѣрою), которое Маркеллъ ересью нарицаетъ. Извѣстно же намъ, что тотъ же монархъ двѣ предики Маркелловы въ Кронштадтѣ, яко безумныя и хульныя, обличилъ; а въ моихъ не усмотрѣлъ, что усмотрѣлъ Маркеллъ. Что же надлежитъ до моихъ книжицъ, первую (о отроческомъ наставленiи) апробовалъ императорское величество, и какъ именнымъ указомъ его сдѣлана, такъ его-жь величества указомъ вездѣ разослана и повелѣно изъ нея учить дѣтей россiйскихъ; а книжицу „О блаженствахъ" его-жь величество въ въ Низовомъ походѣ прочелъ и на письмѣ своемъ своеручномъ прислалъ объ оной книгѣ таковое въ Синодъ свидѣтельство, что въ ней показуется прямой путь спасенiя. Кто-жь не видитъ, коликое Маркеллово дерзновенiе? Кто бо не видитъ, что онъ терзаетъ славу толикаго монарха?"

Маркеллъ обвинялъ Θеофана въ мнѣнiи, что одно Св. Писанiе полезно намъ къ спасенiю, а Св. Отецъ писанiе имѣетъ въ себѣ многiя неправости,—потому не надобно его въ великой чести имѣть и на него полагаться. Θеофанъ отвѣчаетъ: „Всѣ мы учимъ и исповѣдуемъ, что едино Св. Писанiе есть ученiе основательное о главнѣйшихъ догматахъ богословскихъ; прiемлемъ и преданiя, оному непротивная,—а Св. Отецъ книги, хотя и во второмъ по Св. Писанiи мѣстѣ полагаемъ, однакоже многополезныя нарицаемъ. О моемъ къ отеческимъ книгамъ почитанiи не едино свидѣтельствуетъ дѣло мое: привожу въ предикахъ изъ книгъ отеческихъ свидѣтельства, тожь дѣлаю въ книжицѣ „О блаженствахъ" и въ книжицѣ „Правда воли монаршей", и въ книжицѣ „О крещенiи", и проч.; и въ библiотекѣ моей есть особливая отъ иныхъ прочiихъ часть всѣхъ церковныхъ учителей, авторовъ числомъ больше 600 содержащая, на которыя издержалъ я больше тысящы рублевъ. И давно уже, по силѣ, обучаюсь и навыкаю вѣдать, о чемъ который Отецъ Св. пишетъ, дабы въ случающихся церковныхъ нуждахъ скоро

славшаго его въ Преображенскую Канцелярiю. Эту отсылку г. Чистовичъ приписываетъ желанiю Θеофана отклонить синодское дѣло о похищенiи церковныхъ вещей, говоритъ: „Нельзя не сознаться въ хитрости этого маневра". Въ другомъ мѣстѣ г. Чистовичъ говоритъ: „Θеофанъ держалъ Маркелла въ Тайной Канцелярiи такъ крѣпко, что его не вырветъ оттуда никакая *духовная* сила. Пустить его въ Синодъ—значило погубить дѣло, на которое потрачено столько ума и хитрости, значило обречь себя участи Θеодосiя". Никакого ума и хитрости мы тутъ не видимъ, ибо цѣль не была достигнута, и Θеофанъ былъ такъ уменъ, что сознавалъ невозможность достигнуть цѣли, невозможность дѣломъ Тайной Канцелярiи затушить синодское дѣло. *Духовная* сила не вырвала Маркелла изъ Преображенской Канцелярiи, но ей и не нужно было этого: Маркеллъ и въ Преображенской Канцелярiи отвѣтилъ на допросные пункты Синода, и отвѣтилъ обвиненiемъ Θеофана,—большаго онъ не могъ бы сказать и въ Синодѣ; да еще, кромѣ того, обвинилъ Θеофана въ еретичествѣ. Ясно, что Θеофанъ отослалъ Маркелла въ Преображенскую Канцелярiю подъ влiянiемъ страха, наведеннаго на него рѣчами Маркелла о готовящемся возстанiи противъ иконоборцевъ, т.-е. противъ самого Θеофана. Въ Синодѣ Маркеллъ могъ сказать противъ Θеофана одно, что онъ приказалъ ему спарывать жемчугъ и снимать оклады съ иконъ, а въ Преображенской Канцелярiи онъ обвинилъ его въ еретичествѣ и въ продерзостныхъ рѣчахъ. Если бы было малѣйшее доказательство въ пользу объясненiй г. Чистовича, то уже никакъ нельзя было бы назвать поступокъ Прокоповича хитрымъ маневромъ, а надобно было удивляться страшной ошибкѣ его. Такъ-же совершенно бездоказательно г. Чистовичъ приписываетъ Θеодосiю Яновскому и Синодскому оберъ-прокурору Болтину доносъ на Маркелла въ святiи окладовъ съ иконъ.

можно было выписывать свидѣтельства. А Маркеллъ, подлинно вѣдаю, ни единой никогда книги отеческой и въ рукахъ не держалъ, развѣ у меня въ шкафѣ стоящія и неотверзтыя видѣлъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ о Маркеллѣ: „И не ложно могу сказать, что еслибы такъ часто хлѣбъ ѣлъ онъ, какъ книги читаетъ, то въ три-четыре дни не стало бы его".

Маркеллъ обвинялъ Ѳеофана: „Св. иконъ въ чести достодолжной не содержитъ, а содержитъ такъ, какъ содержатъ люторы". Ѳеофанъ отвѣчаетъ: „Протолковалъ бы Маркеллъ, какая честь иконамъ Св. достодолжная—и тогда бы то или другое говорилъ на меня. А мое о чести, иконамъ Св. подобающей, толкованіе напечатано въ наставленіи отроческомъ, и не мое самого, но всего Собора Седьмаго". Маркеллъ доносилъ: „Мнитъ Ѳеофанъ и прочимъ сказываетъ, что водоосвященіе въ церкви суевѣріе есть и ни къ чему оное не полезно". Ѳеофанъ отвѣчаетъ: „А для чегожъ въ домовой моей церкви водоосвященіе бываетъ, и въ мою и въ прочіи келіи приходитъ священникъ съ водокропленіемъ!" Между прочими обвиненіями Маркеллъ написалъ: „Чудотворца Николая многажды бранилъ Ѳеофанъ и называлъ Русскимъ Богомъ". Ѳеофанъ отвѣчаетъ: „Да не сподобитъ мене Богъ достигнуть онаго блаженства, которое и Николай Св. и прочіи угодницы Божіи получили, если не лжетъ Маркеллъ! А то правда, что плотникамъ и другимъ простакамъ, по случаю, говорилъ, дабы Св. Николая не боготворили, съ полезнымъ разсужденіемъ, для того, что память Св. Николая выше господскихъ праздниковъ ставятъ". Маркеллъ написалъ: „Говоритъ, что ученія никакого добраго въ Церкви Св. нѣтъ, а въ лютеранской церкви все ученіе изрядное". Ѳеофанъ отвѣчаетъ: „Говорилъ часто со вздыханіемъ не о лютеранахъ однихъ, но и о папистахъ, кальвиникахъ, арминіанахъ и о самыхъ злѣйшихъ и магомотанскому злочестію близкихъ социніанахъ, что у нихъ школъ и академій и людей ученыхъ много, а у насъ мало. И ино есть ученіе, иноже ученый человѣкъ. Ученіе церковное въ Св. Писаніи, такожъ въ соборахъ правильныхъ и книгахъ отеческихъ. А ученый человѣкъ, который умѣетъ языки, знаетъ многія исторіи, искусенъ въ философскихъ и богословскихъ преніяхъ, хотя добраго, хотя злаго онъ исповѣданія. Моя же рѣчь есть о ученыхъ людяхъ, а не о церковномъ ученіи, въ книгахъ заключенномъ. Извѣстно всѣмъ ученымъ, каковаго ученія Маркеллъ,—что нетокмо не челъ и не читаетъ ни Св. Писанія, ни отеческихъ, ни соборныхъ и никакихъ книгъ, но и разумѣть не можетъ, и изъ латинскаго языка перевесть не умѣетъ; и когда нѣкую книжицу переводить тщался, то между безчисленными смѣшными погрѣшеніи и сей толкъ положилъ, который и доселѣ для забавы воспоминается. Написано было: „эра троянская", а онъ перевелъ—„мать троянская". И не дивно: еще бо и въ школахъ тупость его вѣдома была. Изъ котораго его невѣжества произошло, что и въ сихъ пунктахъ своихъ нѣкіе главные Церкви Св. догматы ересью нарекл. Какъ же таковой невѣжа можетъ чіе ученіе разсуждать и судить? Дадимъ же ему и умѣніе и силу искусства богословскаго (которой не бывало), и если въ 47 артикулахъ мои ереси содержатся, какъ то онъ описуетъ, то я не рядовый, по мнѣнію его, еретикъ. Для чего же Маркеллъ доселѣ молчалъ; для чего не охранялъ Церкви отъ толь вреднаго развратника? Еще же и вящше, для чего мене не отвращался, но благословенія у меня требовалъ, и отцемъ и пастыремъ нарицалъ мене, и имя мое, яко пастырское, въ церкви при священнослуженіяхъ возносилъ? Была бы его вина, еслибъ онъ толь многія ереси за мною вѣдалъ, не скоро, гдѣ надлежитъ, донеслъ, хотя бы и свободенъ доносилъ: а то тогда уже доноситъ, когда въ важномъ дѣлѣ за арестъ уже посаженъ. А по шестому правилу Св. Собора Втораго Вселенскаго, не важно на архіерея доношеніе того, который самъ донесенъ, покамѣстъ самъ не оправдится". Ѳеофанъ, заключилъ свою защиту такъ: „Если я не отъ всего сердца желаю сыномъ Россійскимъ спасеннаго пути и вѣчнаго блаженства, и если Маркеллъ прямо и по совѣсти сія на мене написалъ, то да буду анаѳема отъ Христа Іисуса, Господа моего! А на него клятва сія и на его (аще кіи суть) сообщниковъ и пособниковъ падетъ, аще не покаются".

Несмотря на неудовлетворительность отвѣтовъ Ѳеофана, относительно „непристойныхъ словъ", его не могла постигнуть участь Ѳеодосія: Ѳеодосій не имѣлъ блестящихъ способностей, рѣзко выдававшихся достоинствъ, и выходки его противъ благодѣтеля еще болѣе оправдывали нерасположеніе къ нему, тогда какъ Ѳеофанъ былъ знаменитъ своими дарованіями и ученостію, занималъ въ этомъ отношеніи безспорно первое мѣсто въ русскомъ духовенствѣ; былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ украшеній великаго царствованія, слава котораго осѣняла и царствованіе настоящее. Ѳеофанъ былъ великолѣпный памятникъ Петровскаго времени; разрушить памятникъ значило—наругаться надъ этимъ временемъ; недаромъ Ѳеофанъ настаивалъ на то, что вся его дѣятельность, противъ которой теперь вооружаются, освящена одобреніемъ Петра Великаго: это имѣло особенный смыслъ для Екатерины, которая блистала свѣтомъ, заимствованнымъ отъ Петра. Притомъ Ѳеофанъ не возбуждалъ противъ себя такого всеобащго негодованія, какъ Ѳеодосій; напротивъ: за Ѳеофана были люди, которымъ дорогъ былъ новый порядокъ вещей, новорожденное русское просвѣщеніе, въ глазахъ которыхъ ударъ Ѳеофану былъ тяжелымъ ударомъ этому просвѣщенію; можно сказать, что въ глазахъ этихъ людей, для которыхъ новый порядокъ вещей представлялся свѣтомъ въ сравненіи съ прежнею тьмою,—въ глазахъ этихъ людей Ѳеофанъ былъ наслѣдникомъ Петра, главнымъ носителемъ идей преобразованія въ смыслѣ образованія. Ѳеофанъ былъ вождемъ этихъ людей въ ихъ борьбѣ съ дѣтьми

ирака, Георгіемъ Дашковымъ съ товарищи. Низверженіе ученѣйшаго архіепископа Новгородскаго было бы въ глазахъ этихъ людей и въ глазахъ Европы самымъ вѣрнымъ знакомъ покинутія дѣла Петрова и возвращенія къ прежнему варварству; но подать этотъ знакъ никакъ не могли согласиться люди, съ устъ которыхъ не сходило, по крайней мѣрѣ оффиціально, имя великаго Преобразователя. Ѳеофанъ недаромъ старается выставить свое дѣло съ Маркелломъ какъ борьбу науки, учености съ невѣжествомъ. Но если бы даже и рѣшились низвергнуть Ѳеофана, то какимъ способомъ можно было это сдѣлать, воспользовавшись настоящимъ доносомъ Маркелла? Былъ одинъ доносъ безъ свидѣтелей; по обычному порядку, надобно было пытать доносчика; и если бы онъ на пыткѣ не сговорилъ, то надобно было пытать обвиненнаго, – и этотъ обвиненный былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ! Разумѣется, Екатерина не могла на это согласиться, и потому данъ былъ такой указъ: „Архимандрита Маркелла Родышевскаго, за его сумнительныя продерзкія слова, держать въ С.-Петербургской крѣпости отъ другихъ колодниковъ особо, подъ крѣпкимъ карауломъ, до указу. А что онъ, Родышевскій, показалъ на Новгородскаго архіепископа Ѳеофана о непристойныхъ словахъ и о церковныхъ противностяхъ, и тому его показанію вѣрить не указала (императрица) потому: оный архіерей въ отвѣтахъ написалъ, подъ заключеніемъ проклятія и анаѳемы, что онъ противъ показанія его, архимандричья, непристойныхъ словъ и прочихъ не говаривалъ и никакой противности къ Церкви Святой не имѣетъ; да и потому: оный архимандритъ въ Преображенскую Канцелярію взятъ по доношенію онаго архіерея въ его сумнительныхъ къ устрастію смертнаго мятежа словахъ, о чемъ оный архимандритъ хотя не во всемъ, однакоже показалъ, что-де былъ въ нѣкоторой боязни отъ приключившейся ему меланхоліи, чего было ему, собою разсуждая, о таковыхъ страхованіяхъ говорить и сумнѣнія имѣть, не зная подлинно, не надлежало“.

По этому указу Ѳеофанъ выходилъ съ торжествомъ изъ дѣла: вѣрить доносу было не указано; но Ѳеофану было сдѣлано другое объявленіе, въ которомъ ему показано, что онъ не вполнѣ оправдался, что онъ остается въ подозрѣніи не только относительно непристойныхъ словъ, но и относительно православія своего образа мыслей и поступковъ, и чтобъ впредь велъ себя, какъ прилично Православному, *Великороссійскому* архіерею, иначе не будетъ ему такого снисхожденія, какое оказано теперь: „Слушавъ его отвѣты, *въ которыхъ нѣкоторые противъ показанія архимандрита Маркелла и неподлинно изъяснены*, слѣдовать и тому архимандритскому показанію вѣрить императрица не указала; а впредь ему, архіерею, противностей Св. Церкви никакихъ не чинить, и имѣть чистое, безсоблазненное житіе, какъ всѣ *Великороссійскіе* Православные архіереи живутъ; также чтобъ и въ служеніи и въ прочихъ церковныхъ порядкахъ нимало отмѣны не чинилъ предъ Великороссійскими архіереями; а если онъ въ противности Св. Церкви, по чьему изобличенію, явится виновенъ, и въ томъ ему отъ ея императорскаго величества милости показано не будетъ“ (8 декабря 1726 года).

Но бѣда этимъ не кончилась. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Екатерина умираетъ; на престолъ восходитъ Петръ II, противъ правъ котораго было направлено знаменитое сочиненіе Ѳеофана „Правда воли монаршей“; Меншиковъ, озлобленный на Ѳеофана по дѣлу Родышевскаго, теперь всемогущій правитель. Новгородскому архіепископу нельзя было ожидать ничего добраго для себя. Первый ударъ состоялъ въ томъ, что „Правду воли монаршей“ велѣно было отбирать; второй ударъ полученъ по поводу стараго дѣла Родышевскаго. Мы видѣли, что указомъ Екатерины велѣно было держать Маркелла въ крѣпости *до указу*, слѣдовательно должны были снова поднять и пересмотрѣть это дѣло, чтобъ положить окончательное рѣшеніе. Меншиковъ не могъ низвергнуть Ѳеофана и теперь по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ онъ не могъ этого сдѣлать при Екатеринѣ, тѣмъ болѣе что теперь нужно было еще уничтожить рѣшеніе покойной императрицы; но сочли нужнымъ повторить для Ѳеофана униженіе, уже испытанное имъ въ прошлое царствованіе. 20 іюня, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсужденіе имѣли по дѣлу Новгородскаго архіерея съ архимандритомъ Маркелломъ, и положено архимандрита послать въ Невскій монастырь и жить ему тамъ въ братствѣ; архіерея призвать въ Верховный Тайный Совѣтъ и объявить ему: „Понеже по тому дѣлу является немалая важность, *а онъ въ отвѣтахъ своихъ многаго не изъяснилъ*, о чемъ надлежало было въ подлинникъ изслѣдовать, однакожь то оставляется, но чтобъ онъ зналъ, что ему то оставленіе учинено изъ его императорскаго величества милости“ [1]).

Въ то время какъ представитель малороссійскихъ духовныхъ, вызванныхъ Петромъ для распространенія просвѣщенія между духовенствомъ великороссійскимъ, подвергался униженію, что естественно поднимало людей, враждебныхъ ляшенкамъ, архіереевъ изъ Великороссіянъ и главнаго изъ нихъ Георгія Дашкова, который уже начиналъ мечтать о патріаршествѣ,—въ это время на родинѣ Ѳеофана происходила перемѣна въ угоду Малороссійскому народу, какъ говорили въ Петербургѣ, но вопреки мысли Петра Великаго: рѣшено было уничтожить Малороссійскую Коллегію и возстановить гетманское достоинство. Побужденіями къ тому могли быть: 1) Общее движеніе, высказавшееся по смерти Петра, къ возстановленію прежней простѣйшей формы одноличнаго управленія, требующей менѣе денегъ и людей; 2) постоянное опасеніе Турецкой войны, въ которой Малороссія, по своему положенію, должна играть важ-

[1]) Журналы Верх. Тайн. Сов.

ную роль, и потому хотѣли, чтобъ Малороссіяне были довольны и привязаны къ Россіи, и движенія казацкаго войска имѣли болѣе единства. Еще при Екатеринѣ, въ началѣ 1726 года, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было положено: прежде войны съ Турками приласкать Малороссіянъ, позволивъ имъ выбрать изъ своей среды гетмана; подати, съ нихъ собираемыя, отмѣнить, а въ разсужденіи сборовъ на жалованье и содержаніе войскъ поступать, какъ бывало прежде при гетманахъ; судъ и расправу производить имъ самимъ, и одни аппеляціонныя дѣла отправлять въ Малороссійскую Коллегію; наконецъ, 3) къ возстановленію прежняго порядка могли побудить жалобы на членовъ Малороссійской Коллегіи и ея президента Вельяминова. Меншиковъ могъ имѣть личныя побужденія: пріобрѣсти благодарность и расположеніе вліятельнѣйшихъ жителей Малороссіи и вѣрнаго слугу въ гетманѣ, которымъ назначалъ своего стараго кліента, Апостола. Новый императоръ, въ первое засѣданіе свое въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, опредѣлилъ: „Въ Малой Россіи, ко удовольствію тамошняго народа, постановить гетмана и прочую генеральную старшину во всемъ по содержанію пунктовъ, на которыхъ сей народъ въ подданство Россійской Имперіи вступилъ“ [1]). Еще 12 мая объявленъ былъ именной указъ: „Пожаловали мы, милосердуя о своихъ подданныхъ, Малороссійскаго народа, указали: доходы съ нихъ денежные и хлѣбные собирать тѣ, которые надлежатъ по пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго, и которые сбираны при бытности бывшихъ потомъ гетмановъ; а которые всякіе доходы положены съ опредѣленія коллегіи по доношеніямъ генералъ-майора Вельяминова вновь, тѣ оставить вовсе, и впредь съ нихъ не сбирать, и о томъ въ Малую Россію къ тамошней старшинѣ и во всѣ полки послать наши указы изъ Сената, и притомъ ихъ обнадежить, что къ нимъ въ Малую Россію гетманъ и старшина будутъ опредѣлены впредь вскорѣ, какъ прежде было по договору гетмана Богдана Хмельницкаго; а Малороссійской Коллегіи президенту Вельяминову съ приходными и расходными книгами быть въ С.-Петербургъ немедленно“ [2]). Того же числа въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ отвергнуто было предложеніе Сената о позволеніи Великороссіянамъ покупать земли въ Малороссіи, „чтобъ оттого Малороссіянамъ не было учинено озлобленія“ [3]). До Петра Великаго дѣла малороссійскія и казацкія были вѣдомы въ Посольскомъ Приказѣ; Петръ Великій дѣла казацкія, какъ дѣла извѣстной части войска, отдалъ въ вѣдѣніе Военной Коллегіи, а дѣла малороссійскія передалъ изъ Иностранной Коллегіи въ Сенатъ, чѣмъ уничтожалось значеніе этихъ областей, какъ отдѣльныхъ отъ имперіи, ибо только въ этомъ смыслѣ сношенія съ ними могли производиться чрезъ Иностранную Коллегію. Теперь же, когда задумано было возстановленіе гетманства, 16 іюня, въ присутствіи Меншикова, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было положено — малороссійскимъ дѣламъ быть въ Иностранной Коллегіи попрежнему [4]).

22-го іюля былъ изданъ указъ: въ Малороссіи гетману и генеральной старшинѣ быть и содержать ихъ по трактату гетмана Богдана Хмельницкаго; а для выбора въ гетманы и въ старшину послать тайнаго совѣтника Ѳеодора Наумова, которому и быть при гетманѣ министромъ [5]). Инструкцію Наумову, составленную въ Иностранной Коллегіи, тайный совѣтникъ Степановъ носилъ къ свѣтлѣйшему князю, и его свѣтлость въ секретныхъ пунктахъ о выборѣ въ сотники и другіе чины добрыхъ людей дополнить велѣлъ: „кромѣ Жидовъ“; притомъ же разсуждать изволилъ, что полковникъ Лубенскій, шуринъ гетмана Скоропадскаго, изъ Жидовъ, и много отъ него народу въ полку его тягости,— такъ лучше его отставить. Относительно Жидовъ, Меншиковъ остался вѣренъ взгляду Петра Великаго; такъ и послѣ, на докладѣ о Жидахъ, приказалъ: „Чтобъ Жидовъ въ Россію ни съ чѣмъ ни впускать“ [6]).

Малороссія получила гетмана; Лифляндское шляхетство просило сейма,— и въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ на 1727 годъ сеймъ позволили, разсуждая, что нынѣ тамъ генералъ Леси (Lacy, Ласси, Лассій) съ командою [7]).

Таковы были правительственныя распоряженія въ первые четыре мѣсяца царствованія Петра II, когда власть сосредоточивалась въ рукахъ Меншикова. Черезъ четыре мѣсяца Меншиковъ палъ. Какія же были причины его паденія?—Отвѣчаютъ обыкновенно: придворныя интриги, указываютъ на Остермана, на Долгорукихъ, князя Алексѣя Григорьевича и его сына, Ивана, какъ на главныхъ виновниковъ низверженія Меншикова. Но обратимъ прежде всего вниманіе на источникъ власти Меншикова, на его отношенія къ императору. Начнемъ съ того, что на положеніе, какое имѣлъ Меншиковъ въ описываемое время, онъ не имѣлъ никакого права; въ знаменитомъ завѣщаніи Екатерины I-й онъ не былъ назначенъ правителемъ: вся власть была передана Верховному Тайному Совѣту. Меншиковъ распоряжался, заставлялъ Совѣтъ принимать свои мнѣнія, дожидаться своихъ рѣшеній единственно потому, что никто ему не противорѣчилъ, никто не спрашивалъ у него, по какому праву онъ такъ поступаетъ. Но почему же его боялись и молчали, почему считали его сильнымъ? Во-первыхъ потому, что между людьми, могшими не молчать, не было никакого единства: всѣ жили врознь, и кто бы хотѣлъ высказаться противъ Меншикова,—тотъ не имѣлъ никакой увѣренности, что

[1]) Дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ Московск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 5073.
[3]) Журналы Верх. Тайн. Сов.
[4]) Тамъ же.—Полн. Собр. Зак. № 5098.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 5127.
[6]) Журналы Верх. Тайн. Сов.
[7]) Журналы Верх. Тайн. Сов

другіе его поддержатъ, не выдадутъ свѣтлѣйшему; во-вторыхъ, Меншиковъ былъ будущій тесть императора, который жилъ въ его домѣ, находился въ его рукахъ. До тѣхъ поръ, пока существовали такія отношенія между Петромъ и Меншиковымъ, пока всѣ думали, что воля Меншикова и воля Петра одно и то же,—до тѣхъ поръ всѣ преклонялись предъ Меншиковымъ. Слѣдовательно, вотъ гдѣ былъ источникъ власти свѣтлѣйшаго князя, источникъ власти всѣхъ людей, близкихъ къ самодержавному государю, всѣхъ фаворитовъ. Но фаворъ Меншикова былъ самаго непрочнаго свойства. Въ первые дни мальчикъ подчинился человѣку, который казался очень силенъ, который содѣйствовалъ его возведенію на престолъ; но очень скоро, безъ всякаго посторонняго внушенія, при первомъ непріятномъ чувствѣ отъ неисполненія какого-нибудь желанія, должна была явиться мысль: по какому праву этотъ человѣкъ мною распоряжается, меня воспитываетъ, держитъ въ плѣну? Эта мысль должна была явиться особенно тогда, когда надобно было расплачиваться за услуги, которыя не могли очень ясно сознаваться, когда нужно было обручиться съ дочерью Меншикова, которая вовсе не нравилась. Мальчикъ былъ не охотникъ учиться, любилъ погулять, страстно любилъ охоту; но обо всемъ надобно спрашиваться свѣтлѣйшаго князя и часто ждать суроваго отказа, и по какому праву онъ отказываетъ! Баронъ Андрей Ивановичъ—другое дѣло: онъ воспитатель, умнѣйшій, ученѣйшій человѣкъ, получше Меншикова знаетъ что̀ надобно дѣлать, но и онъ не отказываетъ.

При такихъ отношеніяхъ, столкновенія между Петромъ и Меншиковымъ были необходимы и должны были обнаружиться очень скоро. При такихъ отношеніяхъ, что было дѣлать окружающимъ, на какую сторону становиться? Легко было предвидѣть, что рано или поздно дѣло кончится разрывомъ: не вооружая пока противъ себя Меншикова, надобно упрочить свое положеніе при Петрѣ—стараніемъ ему понравиться; а ему никакъ нельзя понравиться внушеніемъ, что надобно слушаться Меншикова, да и какъ это внушать! Легко внушать мальчику, что надобно слушаться отца, сестры, наставника, кого-нибудь уполномоченнаго закономъ; но свѣтлѣйшаго князя кто уполномочивалъ распоряжаться? Положеніе Остермана было труднѣе всѣхъ: онъ былъ обязанъ смотрѣть, чтобъ молодой императоръ хорошо учился, не потакать его стремленію къ удовольствіямъ, и въ этомъ отношеніи онъ долженъ былъ дѣйствовать заодно съ Меншиковымъ; но нельзя же слишкомъ налегать на мальчика, особенно въ лѣтнюю пору, когда Дворъ переѣхалъ въ одинъ изъ „веселыхъ домовъ“, въ Петергофъ; очень удобно понравиться государю, складывая всю вину стѣснительныхъ мѣръ на Меншикова; притомъ находиться подъ властію Меншикова, отдавать емуво всемъ отчетъ—очень стѣснительно: тяжелый, повелительный, несимпатичный человѣкъ, и что онъ смыслитъ въ воспитаніи, и по какому праву распоряжается? Когда его не будетъ, никто не будетъ мѣшать искусному воспитателю взять совершенно воспитанника въ свои руки.

Итакъ баронъ Андрей Ивановичъ очень добрый человѣкъ, онъ же самый умный и ученый человѣкъ:—это постоянно говоритъ сестрица Наталья Алексѣевна; а сестрица Наталья Алексѣевна необыкновенная умница, которую надобно во всемъ слушаться; это послѣднее говоритъ—Андрей Ивановичъ, самый умный и ученый человѣкъ. Съ барономъ Андреемъ Ивановичемъ весело,—онъ такой добрый; весело съ сестрицей: сироты изначала привыкли жить душа въ душу; весело съ князьями Долгорукими,—добрые люди, только и хлопочутъ о томъ, какъ бы угодить, какъ бы повеселить. Но всего веселѣе съ тетушкой, цесаревной Елисаветой Петровной.

Елисаветѣ Петровнѣ было 17 лѣтъ; она останавливала взоры всѣхъ своею стройностію, круглымъ, чрезвычайно миловиднымъ личикомъ, голубыми глазами, прекраснымъ цвѣтомъ лица. Веселая, живая, беззаботная, чѣмъ отличалась отъ своей серьезной сестры Анны Петровны, Елисавета была душою молодаго общества, которому хотѣлось повеселиться: смѣху не было конца, когда Елисавета станетъ представлять кого-нибудь, на что она была мастерица; доставалось и людямъ близкимъ, напримѣръ мужу старшей сестры, герцогу Голштинскому [1]). Неизвѣстно—три тяжелые удара, смерть матери, смерть жениха и отъѣздъ сестры, надолго ли набросили тѣнь на веселое существо Елисаветы; по крайней мѣрѣ мы видимъ ее спутницею Петра II-го въ его прогулкахъ, и встрѣчаемъ извѣстіе о сильной привязанности его къ ней. Близкое родство благопріятствуетъ частымъ свиданіямъ и безцеремонному обращенію, а между тѣмъ могло быть узнано, что умнѣйшій и ученѣйшій человѣкъ, баронъ Андрей Ивановичъ, подавалъ проектъ о необходимости брака Петра на Елисаветѣ,—брака, примирявшаго всѣ партіи и упрочивавшаго спокойствіе государства. Какъ было бы тогда весело! А теперь эта скучная, противная Меншикова! Баронъ Андрей Ивановичъ безспорно самый добрый, умный и ученый человѣкъ.

Прусскій Дворъ хлопочетъ, какъ бы устроить

---

[1]) Weber—Moritz Graf von Sachsen, p. 92. Портретъ Елисаветы, сдѣланный саксонскимъ посланникомъ Лефортомъ: „C'est une blonde, qui n'est pas aussi grande que sa soeur et qui incline à devenir plus puissante. Elle est d'ailleurs bien faite et d'une belle moyenne tai le; un visage rond, fort gracieux, des yeux bleus remplis de jus de moineau, le teint beau et belle gorge. Pour l'humeur et les inclinations, elles sont bien différentes de son ainée, c'est un esprit extrêmement enjoué qui se soucie peu de la pluie ou du beau temps, d'une grande vivacité, qui tire assez sur l'étourderie, toujours un pied en l'air et ne songeant à rien de solide, ayant l'ailleurs l'admirable talent de savoir contrefaire la démarche et les gestes d'un chacun, elle n'épargne pas même ses proches p. c le Duc. Possédant très bien le français, l'allemand passablement, il semble qu'elle soit née pour la France, n'aimant que faux brillant.

бракъ Елисаветы съ однимъ изъ своихъ принцевъ, имѣя въ виду приданое — Курляндію; но Елисавета отклоняетъ предложеніе: она желаетъ остаться въ Россіи; за нее идетъ споръ у Петра съ сестрою его Натальею, которую безпокоитъ дружба брата съ теткою; но Петръ не хочетъ ничего слышать; мальчикъ сталъ упрямъ, повелителенъ, онъ не терпитъ противорѣчій и проводитъ время на охотѣ, въ веселыхъ прогулкахъ съ неразлучною спутницею — цесаревною Елисаветою Петровною. Чего же смотритъ Меншиковъ? Онъ сильно боленъ: кровохарканіе и лихорадка изнурили его вконецъ; онъ собирается умирать, пишетъ прекрасное наставительное письмо императору, указываетъ ему его обязанности относительно Россіи, „этой недостроенной машины"; увѣщеваетъ слушаться Остермана и министровъ, быть правосуднымъ, пишетъ и къ членамъ Верховнаго Совѣта, поручаетъ имъ свою семью [1]). Что будетъ, когда умретъ Меншиковъ? Многимъ будетъ легко, — избавятся отъ деспота; старинныя фамиліи поднимутся; князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ будетъ имѣть первый голосъ въ гражданскихъ дѣлахъ, братъ его — фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ — въ военныхъ. Но уже той силы въ правительствѣ, какая была при Меншиковѣ, не будетъ. Императоръ не женится на княжнѣ Меншиковой [2]).

Меншиковъ выздоравливаетъ, но роковая болѣзнь уже произвела свое дѣйствіе: Петръ пожилъ на свободѣ и, разумѣется, употребитъ всѣ усилія, чтобы не возвратиться назадъ къ своему тюремщику. Не хочетъ этого возвращенія Остерманъ, великая княжна Наталья, цесаревна Елисавета, не хотятъ Долгорукіе и весь Дворъ, не хотятъ члены Верховнаго Тайнаго Совѣта. Все готово, но никто не рѣшится начать дѣла, кромѣ императора, хотя этому императору только 12 лѣтъ. Меншиковъ вызываетъ его на борьбу, потому что въ государствѣ и во дворцѣ играетъ роль самовластнаго господина. Еще передъ болѣзнію у него была сцена съ императоромъ. Цехъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ государю 9,000 червонныхъ, которые Петръ отослалъ въ подарокъ своей сестрѣ; но посланный встрѣтился съ Меншиковымъ, который велѣлъ ему отнести деньги въ свой кабинетъ, сказавши при этомъ: „Императоръ еще очень молодъ и потому не умѣетъ распоряжаться деньгами, какъ слѣдуетъ". Петръ, узнавши объ этомъ, спрашиваетъ у Меншикова раздраженнымъ голосомъ, какъ онъ смѣлъ помѣшать исполненію его приказанія. Свѣтлѣйшій князь, который никакъ не ожидалъ подобнаго вопроса отъ покорнаго до сихъ поръ мальчика, сначала обезпамятѣлъ, потомъ отвѣчалъ, что государство нуждается въ деньгахъ, казна истощена, и что онъ въ тотъ же день хотѣлъ представить проектъ, какъ лучше употребить эти деньги. Петръ топнулъ ногою и сказалъ: „Я тебя научу, что я императоръ и что мнѣ надобно повиноваться". Съ этими словами онъ повернулся къ нему спиною и пошелъ; Меншиковъ отправился за нимъ и успѣлъ успокоить мальчика, еще не привыкшаго къ подобнымъ выходкамъ [3]).

По выздоровленіи, Меншиковъ, какъ видно, забылъ эту сцену. Царскому камердинеру дано было 3,000 рублей для мелкихъ расходовъ императора; Меншиковъ потребовалъ отчета у камердинера, и, узнавъ, что онъ далъ Петру небольшую сумму изъ этихъ денегъ, разбранилъ его и прогналъ. Петръ поднялъ изъ за-этого страшный шумъ и принялъ снова къ себѣ камердинера. Въ другой разъ Петръ потребовалъ у Меншикова 500 червонныхъ. „Зачѣмъ?" — спрашиваетъ Меншиковъ. — „Надобно", отвѣчаетъ Петръ, и, получивши деньги, опять даритъ ихъ сестрѣ. Меншиковъ, взбѣшенный, велитъ взять деньги у великой княжны. Петръ выходитъ изъ себя, не можетъ равнодушно ни видѣть, ни слышать Меншикова [4]); а тутъ старикъ, великій канцлеръ, графъ Головкинъ умоляетъ государя заступиться за его зятя Ягужинскаго, котораго Меншиковъ ссылаетъ въ Украинскую армію. Петръ говоритъ объ этомъ съ Меншиковымъ, требуетъ удержанія Ягужинскаго въ Петербургѣ; но Меншиковъ не соглашается, и, послѣ крупнаго разговора съ самимъ Головкинымъ, Меншиковъ настаиваетъ на своемъ: Ягужинскій долженъ выѣхать изъ Петербурга [5]). Меншиковъ видитъ, что Долгорукіе служатъ ему дурную службу при Петрѣ, — хочетъ опереться на Голицыныхъ, хочетъ устроить бракъ своего сына на дочери фельдмаршала Голицына [6]); князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, чуя бѣду, хлопочетъ о соединеніи Головкина, Голицына и Апраксина противъ Меншикова [7]). Но болѣе другихъ долженъ отвѣчать Остерманъ за поведеніе своего воспитанника. Остерманъ продолжаетъ давать отчетъ Меншикову, переписывается съ нимъ, когда отправляется на охоту съ императоромъ. 19 августа онъ писалъ Меншикову: „Сего момента получилъ я вашей великокняжеской свѣтлости милостивѣйшее писаніе отъ 19. Его императорское величество радуется о счастливомъ вашей великокняжеской свѣтлости прибытіи въ Ораніенбомъ, и отъ сердца желаетъ, чтобъ сіе гуляніе ваше дражайшее здравіе совершенно возставить могло, еже и мое вѣрное всепокорнѣйшее желаніе есть; при семъ вашей высококняжеской свѣтлости всенижайше доношу, что его императорское величество намѣренъ завтра послѣ обѣда отсюда итти и ночевать въ Стрѣльнѣ, а оттуда, въ понедѣльникъ, — въ Ропшу, и надѣсь, что въ четвертокъ изволитъ прибыть въ Петергофъ, и хотя здоровье мое весьма плохое, однакожъ тудажъ побреду. Вашу высокняжескую свѣтлость всепокорнѣйше прошу о про-

[1]) Письма въ Государ. архивѣ.

[2]) Депеша Лефорта въ Сбор. русск. истор. общества, т. III.

[3]) Manstein. Mémoires sur la Russie.

[4]) Лефортъ.

[5]) Депеши Маньяна.

[6]) Лефортъ.

[7]) Маньянъ

долженіи вашей высокой милости, и, моля Бога о здравіи вашемъ, пребываю съ глубочайшимъ респектомъ вашей высококняжской свѣтлости всенижайшій слуга А. Остерманъ". Петръ приписалъ: „И я при семъ вашей свѣтлости и свѣтлѣшей кнегине и невесте и своячине и тетке и шурину поклонъ отдаю любителны. Петръ". 21 августа новое донесеніе изъ Стрѣльны: „Вашей высококняжеской свѣтлости милостивѣйшее писаніе изъ Ораніенбома я вчерашнягожъ дня во время самаго выѣзду изъ С.-Петербурга въ путь исправно получилъ и вашей высокняжеской свѣтлости за оное всепокорнѣйше благодарствую, и при семъ въ скорости токмо сіе доношу, что его императорское величество вчерашняго дня ввечеру, въ 9 часу, слава Богу, счастливо сюда прибыть изволилъ, и сего утра, позавтракавъ, поѣдемъ въ Ропшинскую мызу при провожденіи всей охоты нашей. Его императорское величество писанію вашей высококняжеской свѣтлости весьма обрадовался и купно съ ея императорскимъ высочествомъ любезно кланяются, а на особливое писаніе нынѣ ваша свѣтлость не изволите погнѣваться, понеже учрежденіемъ охоты и другихъ въ дорогу потребныхъ предуготовленій забавлены, а изъ Ропши надѣюсь писать будутъ. Я хотя весьма худъ и слабъ и нынѣшней ночи разными припадками страдалъ, однакожъ ѣду" [1]). Любопытно, что ни Петръ, ни сестра его, въ приготовленіяхъ къ охотѣ, не находятъ времени написать Меншикову.

26 августа, въ Петергофѣ, въ день именинъ великой княжны Натальи, Меншиковъ узналъ, что Остерманъ обманывалъ его въ своемъ письмѣ насчетъ расположенія императора къ нему. Только-что Меншиковъ начиналъ говорить съ Петромъ, тотъ поворачивался къ нему спиною, на поклоны свѣтлѣйшаго князя онъ не обращалъ никакого вниманія, былъ очень доволенъ, что могъ унижать его. „Смотрите", сказалъ онъ одному изъ приближенныхъ, „развѣ я не начинаю вразумлять его?" На невѣсту свою онъ также не обращалъ никакого вниманія; услыхавъ, что Меншиковъ жалуется на это, Петръ сказалъ: „Развѣ не довольно, что я люблю ее въ сердцѣ; ласки излишни; что касается до свадьбы, то Меншиковъ знаетъ, что я не намѣренъ жениться ранѣе 25 лѣтъ" [2]).

Приближенные видятъ, что борьба въ разгарѣ; но чѣмъ дѣло кончится—не извѣстно, и, повидимому, Меншиковъ господствуетъ, какъ прежде. Въ началѣ августа, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ было постановлено, что такъ какъ расходы государственные опредѣляются вопреки назначенію своему, то не выдавать ни откуда денегъ безъ собственноручнаго повелѣнія императорскаго. Въ началѣ сентября изданъ указъ, что это постановленіе не касается князя Меншикова, потому что еще при Петрѣ I словесныя и письменныя повелѣнія его исполнялись; притомъ же онъ, по бытности его всегда при Дворѣ, часто получаетъ приказы отъ самого императора.

Въ Ораніенбаумѣ, имѣніи Меншикова, къ 3-му сентября готовилось большое торжество—освященіе церкви. Меншикову хотѣлось непремѣнно, чтобъ императоръ присутствовалъ на торжествѣ: это уничтожило бы слухи о непріятностяхъ между ними, и притомъ можно было бы постараться разными средствами смягчить Петра и устроить примиреніе. Самыя униженныя просьбы со стороны свѣтлѣйшаго князя были употреблены, чтобы склонить Петра къ посѣщенію Ораніенбаума, и тотъ сначала не отказывался; но когда все было готово,—послалъ сказать, что не будетъ; есть извѣстіе, что Меншиковъ имѣлъ неосторожность не пригласить цесаревну Елисавету [3]).

Церковь была освящена безъ императора. Это было въ воскресенье; на другой день, 4 числа, Меншиковъ пріѣхалъ въ Петергофъ на ночь, и едва могъ вскользь видѣться съ императоромъ. Быть-можетъ на другой день, день именинъ цесаревны Елисаветы, можно будетъ найти случай объясниться. Тщетная надежда: рано утромъ императоръ отправился на охоту; великая княжна Наталья, чтобъ не встрѣтиться съ Меншиковымъ, выпрыгнула въ окно и отправилась вмѣстѣ съ братомъ. Осталась именинница, цесаревна Елисавета. Меншиковъ пошелъ поздравлять ее; на сердцѣ было очень тяжело, хотѣлось облегчить себя высказавшись; и вотъ свѣтлѣйшій начинаетъ жаловаться цесаревнѣ на неблагодарность Петра, вычисляетъ свои заслуги и заключаетъ, что, видя всѣ свои старанія тщетными, хочетъ удалиться въ Украйну и принять тамъ начальство надъ войскомъ [4]). Не дождавшись возвращенія царя въ Петергофъ, Меншиковъ отправляется въ Петербургъ со всѣмъ семействомъ. Но въ этотъ же самый день въ Петербургѣ, въ засѣданіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ присутствовали Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ, объявленъ былъ указъ его величества интенданту, Петру Мошкову: „Лѣтній и зимній домы, гдѣ надлежитъ, починить и совсѣмъ убрать, чтобъ къ приходу его величества совсѣмъ были готовы, и спрошенъ онъ, Мошковъ, былъ, какъ тѣ домы вскорѣ убраны быть могутъ"; Мошковъ донесъ, что дни въ три убраны быть могутъ [5]).

Дворцы надобно было прежде всего убрать тѣми вещами императора, которыя находились въ домѣ Меншикова, и въ среду, 6 числа, по приказанію Верховнаго Тайнаго Совѣта, всѣ вещи императора были перенесены изъ Меншиковскаго дома въ Лѣтній Дворецъ. Въ этотъ день Петръ былъ на охотѣ и ночевалъ въ Стрѣльнѣ; а на другой день, въ четвергъ, 7 числа, пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ Лѣтнемъ Дворцѣ. Онъ и съ нимъ вмѣ-

[1]) Дѣла Меншикова въ Москов. архивѣ минист. иностр. дѣлъ; тамъ же портфели Малиновскаго.
[2]) Лефортъ.

[3]) Маньянъ.
[4]) Лефортъ.
[5]) Журн. Верх. Тайн. Сов.

стѣ многіе другіе освобождались изъ-подъ ига Меншикова; но можно ли было имъ на этомъ успокоиться, покончить борьбу, оставивъ Меншикова въ прежнемъ значеніи генералиссимуса, члена Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ его огромнымъ богатствомъ, съ вліяніемъ на войско, на администрацію, гдѣ у него вездѣ были свои люди, или отпустивъ его начальствовать войскомъ на Украйнѣ? Борьба, разгорѣвшаяся до такой степени, что императоръ говорилъ: „Я покажу, кто императоръ, я или Меншиковъ" [1]), не могла такъ кончиться; Петръ не могъ выносить присутствія Меншикова: имъ вдвоемъ было тѣсно; прекрасное средство—освобождаться изъ подобныхъ отношеній отъѣздомъ падшаго вельможи заграницу - еще не было тогда изобрѣтено; притомъ Меншиковъ выходилъ изъ ряду обыкновенныхъ падшихъ министровъ; его побоялись бы отпустить заграницу. Намъ говорятъ, что Петръ былъ упоренъ въ своихъ желаніяхъ не по лѣтамъ; мы знаемъ, какъ былъ упоренъ его отецъ; но у отца упорство было страдательное, потому что ему воли не было; а у сына была теперь воля; его желанія всѣми исполнялись, кромѣ Меншикова, и легко понять, какъ не любилъ онъ Меншикова: „Или я императоръ, или онъ". Ненависть увеличивалась еще тѣмъ, что было обязательство жениться на дочери Меншикова; ненависть увеличивалась тѣмъ, что Меншиковъ считалъ себя въ правѣ упрекать въ неблагодарности. Ненависти можно было предаться,—она оправдывалась тѣмъ, что, освобождая себя изъ-подъ ига, Петръ освобождалъ и другихъ, всю Россію: сестра Наталья Алексѣевна не можетъ выносить Меншикова; говорятъ, она первая поклялась, что нога ея не будетъ въ его домѣ [2]); царевна Елисавета не можетъ быть расположена къ Меншикову, особенно послѣ удаленія сестры, цесаревны Анны. 5 сентября, въ Петергофѣ Меншиковъ съ-полчаса тайно разговаривалъ съ Остерманомъ, и есть очень вѣроятное извѣстіе, что разговоръ былъ крупный, ибо Меншиковъ, видя отвращеніе Петра къ себѣ, долженъ былъ прежде всего потребовать объясненія у воспитателя. Чтобъ пригрозить Остерману, Меншиковъ сталъ его упрекать въ томъ, что онъ старается отвратить императора отъ Православія, за что будетъ колесованъ. Остерманъ отвѣчалъ, что онъ такъ ведетъ себя, что колесовать его не за что, но что онъ знаетъ человѣка, который можетъ быть колесованъ [3]). Наталья, Елисавета, Остерманъ были главные привязанности и авторитеты; Долгорукіе и съ ними весь Дворъ вторили имъ; члены Верховнаго Тайнаго Совѣта не окажутъ сопротивленія.

Свѣтлѣйшій князь въ страшномъ положеніи, въ какомъ никогда не бывалъ при Петрѣ I, потому что тогда отъ гнѣва грознаго царя были у него постоянно два могущественные защитника—Екатерина и самъ Петръ. Но теперь гдѣ защитники? Меншиковъ въ мучительной тоскѣ ищетъ на кого бы опереться; пишетъ къ князю Михаилу Михайловичу Голицыну: „Изволите ваше сіятельство поспѣшать сюда, какъ возможно на почтѣ, и когда изволите прибыть къ перспективой дорогѣ, тогда изволите къ намъ и къ брату вашему князю Дмитрію Михайловичу Голицыну прислать съ нарочнымъ извѣстіе и назначить число, въ которое намѣрены будете сюда прибыть, а съ Ижоры опять же обоихъ насъ паки увѣдомить, понеже весьма желаемъ, дабы ваше сіятельство прежде всѣхъ изволили видѣться съ нами". Голицыны приласканы, довольны: они помогутъ, потому что не захотятъ видѣть усиленія Долгорукихъ или Нѣмца Остермана. Этотъ Остерманъ больше всѣхъ виноватъ: онъ обманывалъ, увѣрялъ въ добромъ расположеніи Петра и сестры его; Остермана надобно непремѣнно свергнуть; но кѣмъ замѣнить, кто былъ бы угоденъ? Некѣмъ больше, какъ старымъ учителемъ Зейкинымъ, и свѣтлѣйшій пишетъ къ Зейкину, который еще не успѣлъ выѣхать изъ Россіи: „Господинъ Зейкинъ! Понеже его императорское величество изволилъ вспамятовать ваши службы и весьма желаетъ васъ видѣть, того ради изволите ѣхать сюда немедленно; ежели же за распутіемъ ѣхать сюда не похочете, тогда извольте быть у Александра Львовича Нарышкина, а мы тебя весьма обнадеживаемъ, что мы васъ не оставимъ, а паче прежняго въ милости содержаны быть имѣете".

Еще день-другой - и, быть можетъ, Меншиковъ вспомнилъ бы и о Мавринѣ; но ему не дали времени припомнить людей, на которыхъ бы онъ могъ опереться въ борьбѣ съ приближенными Петра. Въ тотъ самый день, когда онъ писалъ письма къ Голицыну и Зейкину, 7 сентября, Петръ, по своемъ прибытіи въ Петербургъ, послалъ объявить гвардіи, чтобъ она слушалась только его приказаній, которыя будутъ объявлены ей майорами ея, княземъ Юсуповымъ и Салтыковымъ. Вечеромъ этого дня невѣста императора и ея сестра явились въ Лѣтній Дворецъ поздравить Петра съ пріѣздомъ, но были такъ приняты, что должны были очень скоро уѣхать. 8 сентября, въ пятницу, въ день Рождества Богородицы, судьба Меншикова рѣшилась: поутру къ нему явился майоръ гвардіи, генералъ-лейтенантъ Семенъ Салтыковъ, съ объявленіемъ ареста, чтобъ онъ со двора своего никуда не съѣзжалъ [4]). Услыхавъ это, Меншиковъ упалъ въ обморокъ; ему пустили кровь; жена его, вмѣстѣ съ сыномъ и сестрою Варварою Арсеньевою, поспѣшила во дворецъ, гдѣ на колѣняхъ встрѣтила императора, возвращавшагося отъ обѣдни; но Петръ не обратилъ никакого вниманія на просьбы этой достойной женщины, которую всѣ уважали и о которой всѣ жалѣли. Она бросилась къ великой княжнѣ Натальѣ, къ цесаревнѣ Елисаветѣ,—но и тѣ ушли отъ нея, не сказавши ни слова. Оставалась послѣдняя надежда,—нельзя ли умилостивить Остермана, убѣ-

[1]) Лефортъ.
[2]) Лефортъ.
[3]) Лефортъ.

[4]) Журналы Верх. Тайн. Сов.

дить его, что онъ можетъ не бояться колесованія и не погубивъ свѣтлѣйшаго князя. Три четверти часа княгиня стояла на колѣняхъ предъ Остерманомъ, понапрасну [1]). Барону Андрею Ивановичу нужно было спѣшить въ Верховный Тайный Совѣтъ, куда долженъ былъ пріѣхать самъ императоръ. Здѣсь Петръ подписалъ указъ: „Понеже мы всемилостивѣйшее намѣреніе взяли отъ сего времени сами въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ присутствовать, и всѣмъ указамъ отправленнымъ быть за подписаніемъ собственныя нашея руки и Верховнаго Тайнаго Совѣта, того ради повелѣли, дабы никакихъ указовъ или писемъ, о какихъ бы дѣлахъ оныя ни были, которые отъ князя Меншикова, или отъ кого-бъ иного партикулярно писаны или отправлены будутъ, не слушать, и по онымъ отнюдь не исполнять, подъ опасеніемъ нашего гнѣва; и о семъ публиковать всенародно во всемъ государствѣ и войскѣ изъ Сената“ [2]).

Меншиковъ прислалъ чрезъ Салтыкова слѣдующее письмо къ императору: „Всемилостивѣйшій государь императоръ! По вашего императорскаго величества указу сказанъ мнѣ арестъ; и хотя никакого вымышленнаго предъ вашимъ величествомъ погрѣшенія въ совѣсти моей не нахожу, понеже все чинилъ я ради лучшей пользы вашего величества, въ чемъ свидѣтельствуюсь нелицемѣрнымъ судомъ Божіимъ, развѣ, можетъ быть, что вашему величеству или вселюбезнѣйшей сестрицѣ вашей, ея императорскому высочеству, учинилъ забвеніемъ, и невѣдѣніемъ, или въ моихъ вашему величеству для пользы вашей представленіяхъ,—и въ такомъ моемъ невѣдѣніи и недоумѣніи всенижайше прошу за вѣрныя мои къ вашему величеству извѣстныя службы всемилостивѣйшаго прощенія, и дабы ваше величество изволили повелѣть меня изъ-подъ ареста свободить, памятуя реченіе Христа Спасителя нашего: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ. Сіе все предаю на всемилостивѣйшее вашего величества разсужденіе, я же обѣщаюсь мою къ вашему величеству вѣрность содержать даже до гроба моего. Также сказанъ мнѣ указъ, чтобъ мнѣ ни въ какія дѣла не вступаться, такъ что я всенижайше и прошу, дабы ваше величество повелѣли для моей старости и болѣзни отъ всѣхъ дѣлъ меня уволить вовсе, какъ по указу блаженной и вѣчной достойной памяти ея императорскаго величества уволенъ генералъ-фельдцейгмейстеръ Брюсъ. Что же я Кайсарову далъ письмо, дабы безъ подписанія моего расходовъ не держать, а словесно ему неоднократно приказывалъ, чтобы безъ моего или Андрея Ивановича Остермана приказу расходовъ не чинилъ, и то я учинилъ для того, что понеже штатъ еще не оконченъ, и онъ къ тому опредѣленъ на время, дабы подъ образомъ повелѣнія вашего величества напрасныхъ расходовъ не было. Ежели же ваше величество изволите о томъ письмѣ разсуждать въ другую силу,—и въ томъ моемъ недоумѣніи прошу милостиваго прощенія“ [3]). На письмо это не послѣдовало никакого отвѣта.

На другой день, 9 сентября, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ докладывали его величеству о князѣ Меншиковѣ и о другихъ лицахъ, къ нему близкихъ, по запискѣ руки барона Остермана, которая была сочинена передъ приходомъ государя по общему совѣту всѣхъ членовъ. Меншикова лишали всѣхъ чиновъ и орденовъ, и ссылали въ дальнее имѣніе его—Ораніенбургъ. Государь согласился; по его выходѣ изъ Совѣта, указъ о лишеніи чиновъ былъ написанъ; государь подписалъ его въ своихъ покояхъ и отправилъ объявить его Меншикову генерала Семена Салтыкова, который привезъ во дворецъ двѣ кавалеріи, взятыя у бывшаго генералиссимуса—Андреевскую и Александровскую. 10 числа, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ продолжали разсуждать о Меншиковѣ. Положили: дать офицеру Пырскому, назначенному провожать его, 500 рублей на расходы, да на 50 подводъ прогонныхъ денегъ, а за другія 50 подводъ князь Меншиковъ долженъ былъ платить свои деньги. Призвали Новгородскаго архіерея и сказали ему указъ, чтобъ впредь „обрученной невѣсты“ въ церквахъ не поминали. Призвали Алексѣя Макарова и Петра Мошкова и приказали имъ, чтобъ они взяли у Меншикова большой яхонтъ. Во время этихъ распоряженій Меншиковъ присылаетъ просьбу изъ четырехъ пунктовъ: 1) Государыни обрученной невѣсты Маріи Александровны ея гофмейстеръ проситъ милости уволить въ деревни свои; 2) о деньгахъ, пожалованныхъ на жалованье ея высочеству и служителямъ, которые опредѣлены были и заслуженное жалованье не брали, оныя-бъ (деньги) позволено было вывезть,—сумма 34,000; 3) свѣтлѣйшій князь проситъ съ покорностію милости о дохтурѣ и о лѣкарѣ, который лѣкарь шведской породы и полоненъ, и при немъ живетъ съ 20 лѣтъ,—чтобъ повелѣно было при немъ отпустить; 4) о Петрѣ Апостолѣ, гетманскомъ сынѣ, который жилъ при его свѣтлости, позволено-ль будетъ его съ собою взять?—Прежде всего призвали гетманскаго сына и сказали ему указъ, чтобъ онъ съ княземъ Меншиковымъ не ѣздилъ, а жилъ въ Петербургѣ безвыѣздно и часто являлся въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. На остальные пункты послѣдовали рѣшенія: 1) кто захочетъ *съ нею* ѣхать, тотъ бы ѣхалъ, а кто захочетъ остаться, — тотъ бы оставался; 2) о жалованныхъ деньгахъ справиться; 3) дохтуру и лѣкарю съ княземъ Меншиковымъ ѣхать позволить [4]). Въ тотъ же день, въ 4 часа пополудни, Меншиковъ выѣхалъ изъ Петербурга. Впереди огромнаго поѣзда ѣхали четыре кареты шестернями: въ первой сидѣлъ самъ свѣтлѣйшій князь съ женою и свояченицею Варварою Арсеньевою; во второй—сынъ его съ карлою; въ третьей—двѣ княжны съ двумя служанками; въ четвертой—братъ

[1]) Лефортъ.
[2]) Журналы Верх. Тайн. Сов.—Полн. Собр. Зак. № 5151.
[3]) Москов. архивъ министер. иностр. дѣлъ.
[4]) Журналы Верх. Тайн. Сов.

княгини, Арсеньевъ и другіе приближенные люди; всѣ были въ черномъ. Поѣздъ провожалъ гвардейскій капитанъ съ отрядомъ изъ 120 человѣкъ [1]). По городу ходили слухи о страшныхъ злоупотребленіяхъ Меншикова и о томъ, что онъ не довольствовался своимъ положеніемъ, но простиралъ взоры къ коронѣ; разсказывали, что найдено письмо Меншикова къ Прусскому Двору, гдѣ онъ просилъ дать ему взаймы 10 милліоновъ, обѣщаясь возвратить вдвое, какъ только получитъ Русскій престолъ; разсказывали, что уже отданы были приказанія удалить, подъ разными предлогами, гвардейскихъ офицеровъ, чтобъ замѣнить ихъ людьми, вполнѣ преданными Меншикову. Начали толковать и о завѣщаніи Екатерины: разсказывали, что герцогъ Голштинскій и Меншиковъ заставили цесаревну Елисавету подписать это завѣщаніе вмѣсто матери, которая ничего о немъ не знала; говорили, что будетъ нехорошо и Голштинскому Двору, и уже читали на озабоченномъ лицѣ его министра сознаніе затруднительности своего положенія. Догадывались, что Меншикова не оставятъ покойнымъ въ Ораніенбургѣ,—что его вмѣстѣ съ свояченицею зашлютъ въ Сибирь, а жену съ дѣтьми оставятъ на свободѣ; а другіе предсказывали, что оба, мужъ и жена, недолго наживутъ [2]).

По словамъ стороннихъ наблюдателей, трудно было изобразить всеобщую радость, произведенную паденіемъ Меншикова. Многіе, разумѣется, радовались отъ души; другіе же показывали радостный видъ, чтобъ угодить радующимся отъ души. Въ Килѣ обрадовались отъ души. Цесаревна Анна Петровна писала сестрѣ: „Что изволите писать объ князѣ, что его сослали, и у насъ такая же печаль сдѣлалась объ немъ, какъ у васъ“. Въ другомъ письмѣ Анна писала: „Зѣло меня порадовало письмо ваше, что увѣдомилась о здравіи вашемъ, такожде что государь вамъ пожаловалъ деревни матушкины, чѣмъ васъ поздравляю, матушка моя, и дай Боже, чтобъ такъ бы всегда счастливой вамъ быть; при томъ прошу васъ—пожалуйте не отставайте отъ государя. Пожалуй, Лестоку поклонъ мой райской отдай и поблагодари за обнадеженіе милости его, такожде изволь у него спросить, такъ ли онъ много говоритъ про Гришку да Маѳушку“ [3]).

Отъ души былъ радъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Онъ писалъ къ одному изъ архіереевъ: „Молчаніе наше извиняется нашимъ великимъ бѣдствіемъ, претерпѣннымъ отъ тираніи, которая, благодаря Бога, уже разрѣшилась въ дымъ. Ярость помѣшаннаго человѣка, чѣмъ болѣе возбуждала противъ него всеобщей ненависти и предускоряла его погибель, тѣмъ болѣе и болѣе со дня на день усиливала свое свирѣпство. А мое положеніе было такъ стѣснено, что я думалъ, что все уже для меня кончено. Поэтому я не отвѣчалъ на твои письма и, казалось, находился уже въ царствѣ молчанія. Но Богъ, воздвигающій мертвыхъ, защитникъ нашъ, Богъ Іаковль, разсыпавши совѣты нечестивыхъ и сомкнувши уста зіяющаго на насъ земнаго тартара, оживотворилъ насъ по безпредѣльному Своему милосердію“ [4]).

Отъ души были рады члены кружка Бестужевыхъ и Маврина, которые думали, что, по низверженіи Меншикова, опять откроется имъ доступъ ко Двору; что Петръ прежде всего вспомнитъ о старыхъ своихъ приверженцахъ. Пашковъ писалъ Черкасову въ Москву: „Прошла и погибла суетная слава прегордаго Голіаѳа, котораго Богъ сильною десницею сокрушилъ; всѣ этому очень рады, и я, многогрѣшный, славя Св. Троицу, пребываю безъ всякаго страха; у насъ все благополучно, и такихъ страховъ теперь ни отъ кого нѣтъ, какъ было при князѣ Меншиковѣ“.

Радовались напрасно.

Меншиковъ свергнутъ; надобно было подѣлить наслѣдство; это наслѣдство—была воля малолѣтняго царя, которою надобно было овладѣть, чтобъ стать въ челѣ управленія, занять мѣсто свѣтлѣйшаго князя. Ошибались тѣ, которые думали, что власть перейдетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, а Совѣтъ будетъ находиться подъ вліяніемъ самаго виднаго изъ своихъ членовъ, князя Димитрія Михайловича Голицына, опиравшагося на брата своего, фельдмаршала князя Михаила, теперь первую военную знаменитость Россіи. Голицыны дѣйствительно сіяли собственнымъ свѣтомъ, но этотъ свѣтъ былъ слабъ въ сравненіи съ тѣмъ, которымъ озарялись ближайшія къ солнцу планеты. Никто изъ вельможъ не имѣлъ большаго права на расположеніе и благодарность Петра, какъ Голицыны, изначала и постоянно приверженцы его отца и его самого, считавшіе его одного законнымъ преемникомъ дѣда. Но эта приверженность по принципу рѣдко оцѣнивается, какъ слѣдуетъ; тѣмъ менѣе могла она быть оцѣнена теперь, по характеру Голицына, по характеру и положенію Петра. Самый лестный отзывъ о князѣ Димитріи состоялъ въ томъ, что это былъ человѣкъ честный, но жесткій; онъ не былъ способенъ, для какой бы то ни было цѣли, отказаться отъ своей самостоятельности и независимости, передать себя въ полное распоряженіе другому; совершенно былъ неспособенъ постоянно смотрѣть въ глаза, угодничествомъ добиться *фавору* при Дворѣ,—а при тогдашнихъ условіяхъ только фаворитъ могъ занять первое мѣсто. Меншиковъ, фаворитъ Петра I, не хотѣлъ быть фаворитомъ Петра II, хотѣлъ быть опекуномъ, отцомъ—и чѣмъ покончилъ? Изъ-подъ тяжелой опеки освободились, и конечно поостерегутся дать большое значеніе человѣку, который хотя сколько-нибудь напоминалъ бы прежняго опекуна. И, дѣйствительно, современники-наблюдатели указываютъ намъ на сильное нерасположеніе Петра къ Голицынымъ, указываютъ на неблагосклонный пріемъ импе-

[1]) Лефортъ.
[2]) Лефортъ.
[3]) Письма въ Государ. архивѣ.
[4]) Труды Кіевск. дух. Академіи 1865 г

раторомъ первой военной знаменитости имперіи, князя Михаила Голицына, только-что пріѣхавшаго въ Петербургъ [1]). Объясняли это тѣмъ, что Голицыны въ послѣднее время сблизились съ Меншиковымъ и хотѣли выдать дочь фельдмаршала князя Михаила за молодого Меншикова. Ходилъ слухъ, что фельдмаршалъ на представленіи своемъ императору заступался за Меншикова [2]); быть-можетъ, произнесены были непріятныя слова, что не слѣдуетъ наказывать, ссылать человѣка безъ суда. Естественно, что Голицыны были не прочь поослабить значеніе свѣтлѣйшаго князя, заставить его искать въ другихъ, подѣлиться властію, были не прочь дать Верховному Тайному Совѣту то значеніе, какое предоставлено было ему въ извѣстномъ тестаментѣ, но не хотѣли совершеннымъ низверженіемъ Меншикова поднимать Долгорукихъ или Остермана съ его Левенвольдомъ. Голицынъ не могъ бороться за фаворъ: онъ не имѣлъ рѣшительно къ тому средствъ ни въ характерѣ, ни въ положеніи, не будучи человѣкомъ близкимъ, придворнымъ. Главою могущественной аристократической партіи онъ быть не могъ. Новая Россія не наслѣдовала отъ старой—аристократіи; она наслѣдовала только нѣсколько знатныхъ фамилій или родовъ, которые жили особенно, безъ сознанія общихъ интересовъ и обыкновенно во враждѣ другъ съ другомъ; единства не было никакого, слѣдовательно не было никакой самостоятельной силы: сильною могла стать та или другая фамилія только черезъ фаворъ. Фавору добиваться, за фаворъ бороться могли только люди близкіе; они только могли дѣлить Меншиковское наслѣдство. Послѣ паденія Меншикова, виднѣе всѣхъ при Дворѣ и ближе всѣхъ къ императору остался Остерманъ. Но положеніе Остермана попрежнему было очень затруднительно: онъ былъ воспитатель молодаго императора, долженъ заботиться о томъ, чтобы Петръ хорошо воспитывался, хорошо учился; а Петръ не хотѣлъ учиться, хотѣлъ жить въ свое удовольствіе. При Меншиковѣ положеніе Остермана облегчалось тѣмъ, что онъ могъ нравиться, угождать, являясь добрѣе, снисходительнѣе свѣтлѣйшаго князя, *не налегая такъ*. А теперь Петръ слышать не хочетъ о серьезныхъ занятіяхъ, всю ночь напролетъ гуляетъ съ молодымъ камергеромъ, княземъ Ив. Алекс. Долгорукимъ, ложится въ 7 часовъ утра. Всѣ представленія Остермана остаются тщетными, усиливать ихъ и раздражать Петра опасно: будетъ то же, что съ Меншиковымъ, потому что враги подживдаютъ первой вспышки неудовольствія Петра на воспитателя, чтобъ свергнуть послѣдняго; а съ другой стороны, вся отвѣтственность за дурное поведеніе императора, за дурное воспитаніе его лежитъ на Остерманѣ, и враги такъ же воспользуются этимъ, чтобъ выказать предъ своими и чужими все недостоинство воспитателя. Однажды Остерманъ обратился къ Петру съ просьбою уволить его отъ должности воспитателя, ибо иначе ему придется дать строгій отчетъ; у Петра сердце не успѣло очерствѣть, онъ былъ очень привязанъ къ Остерману: со слезами на глазахъ онъ умолялъ его остаться; но къ вечеру не преодолѣлъ искушенія и, по обычаю, пробѣгалъ всю ночь по городу [3]); своей воли не доставало, а чужая не сдерживала. Остерманъ, видя, что плыть противъ теченія нельзя, пошелъ на сдѣлку съ совѣстью и съ обстоятельствами: онъ рѣшился остаться при Петрѣ, пользоваться своимъ вліяніемъ на него для достиженія своихъ цѣлей по дѣламъ управленія, въ которыхъ онъ теперь не признавалъ себѣ соперника, но не учить и не воспитывать человѣка противъ его воли, не одобрять поведенія Петра, не угождать исполненіемъ его желаній, но и не раздражать безполезными наставленіями.

Остерманъ удержался; Петръ пересталъ видѣть въ немъ скучнаго воспитателя съ вѣчными выговорами и наставленіями, видѣлъ въ немъ искуснаго, необходимаго министра съ обширными способностями и познаніями, которыхъ никто отвергать не могъ, и успокоился, не выдавалъ Остермана врагамъ. Враги эти были разъединены и робки, не смѣли огорчать императора непріятными для него предложеніями, а предложеніе объ удаленіи Остермана было бы ему очень непріятно; нужно было рѣшиться на сильную борьбу и съ Петромъ, который исполнялъ только то, что было ему пріятно, и съ великою княжною Натальею, продолжавшею имѣть сильное вліяніе на брата и продолжавшею быть подъ сильнымъ вліяніемъ Остермана.

Сначала зашевелился-было старикъ, великій канцлеръ Головкинъ, которому Остерманъ былъ очень неудобенъ, какъ человѣкъ, заслонявшій его въ иностранныхъ дѣлахъ. Противъ Остермана трудно было что-нибудь выставить, кромѣ равнодушія къ религіи, и, говорятъ, Головкинъ обратился однажды къ нему съ такими словами: „Не правда ли, странно, что воспитаніе нашего монарха поручено вамъ, человѣку не нашей вѣры, да, кажется, и никакой“. Думали, что Головкинъ хочетъ замѣнить Остермана своимъ сыномъ [4]). Но борьба съ Остерманомъ была не подъ-силу Головкину, особенно когда ходила страшная молва, что Голицыны хотятъ захватить власть въ свои руки и возвратить Меншикова; а мы видѣли, въ какомъ отношеніи находился Головкинъ къ Меншикову, который сослалъ затя его, Ягужинскаго, въ Украинскую армію. Ягужинскаго возвратили тотчасъ же послѣ паденія Меншикова, пожаловали въ генералы отъ кавалеріи и въ капитанъ-лейтенанты отъ кавалергардіи; но дѣла могли пойти иначе съ усиленіемъ Голицыныхъ и возвращеніемъ Меншикова, который, обязанный теперь Голицынымъ, конечно не будетъ препятствовать возвышенію близкаго имъ

[1]) Лефортъ.
[2]) Маньянъ.

[3]) Лефортъ.
[4]) Маньянъ.

человѣка—Шафирова, а Шафировъ Головкину острый ножъ; изъ двухъ золъ надобно было выбирать меньшее: Головкинъ выбираетъ Остермана. Намъ указываютъ партію, членами которой были — Апраксинъ, Головкинъ и Остерманъ, и, 26 сентября, состоялось рѣшеніе Верховнаго Тайнаго Совѣта: быть Петру Шафирову въ Москвѣ до зимняго пути, а зимнимъ путемъ ѣхать въ Архангельскъ [1]).

Труднѣе было Остерману бороться съ Долгорукими, которые сначала такъ же хотѣли свергнуть его. Положеніе Долгорукихъ и дѣятельность ихъ, были очень просты и легки; они должны были какъ можно чаще находиться съ императоромъ, во всемъ угождать ему, дѣлать себя чрезъ это пріятными и необходимыми, пріобрѣсти фаворъ. Долгорукіе, какъ видно, сдѣлали уже большіе успѣхи на этомъ поприщѣ и при Меншиковѣ, когда князь Алексѣй былъ гофмейстеромъ при великой княжнѣ Натальѣ. Теперь, чтобъ имѣть право быть еще чаще при Петрѣ, онъ выпросилъ себѣ мѣсто помощника воспитателя, т.-е. помощника Остерманова при самомъ императорѣ; сынъ его, князь Иванъ, сдѣланъ камергеромъ на мѣсто Левенвольда, а Левенвольдъ получилъ мѣсто гофмаршала при великой княжнѣ. Охотники до разныхъ соображеній сейчасъ же обратили вниманіе на то, что у Долгорукаго хорошенькія дочери, которыя должны играть роль. Долгорукіе въ самомъ началѣ сильно схватились съ Остерманомъ [2]), который мѣшалъ имъ своимъ авторитетомъ; но получили отпоръ, увидали, что вліяніе Остермана на Петра поколебать очень трудно. Въ свою очередь, когда Остерманъ вздумалъ было указать Петру, что постоянное общество молодого Долгорукаго вредитъ ему, то императоръ не отвѣчалъ ни слова. Остерманъ заболѣлъ отъ этого молчанія, и Петръ два раза въ день ѣздилъ навѣщать его съ сестрою и теткою, Елисаветою Петровною [3]). Несмотря на молодость, Петръ съ извѣстнаго рода смысломъ распоряжался отношеніями къ близкимъ людямъ: прямо показывалъ Остерману, что онъ его любитъ, считаетъ необходимымъ для дѣлъ правительственныхъ,— пусть, онъ и занимается этими дѣлами, но не вмѣшивается въ его удовольствія, гдѣ необходимы ему Долгорукіе, которыхъ онъ не выдастъ Остерману точно такъ, какъ не выдастъ Остермана Долгорукимъ. И Долгорукіе, и Остерманъ наконецъ должны были понять свои взаимныя отношенія, понять предѣлы того круга дѣятельности, которые начерталъ для нихъ Петръ,—и успокоились. Но это успокоеніе, разумѣется, не могло быть полно и произойти вдругъ.

Послѣ паденія Меншикова, взоры всѣхъ, хотѣвшихъ подѣлить его наслѣдство, обратились къ Москвѣ, куда свѣтлѣйшій князь перевелъ бабку императора, инокиню Елену, которая однако не иначе называла себя какъ *царицею*. Петръ и сестра его, по чужимъ внушеніямъ и сами по себѣ, должны были чувствовать неловкость въ присутствіи ославленной бабушки, репутацію которой нельзя было возстановить обобраніемъ петровыхъ манифестовъ о ея похожденіяхъ. Внуки были довольны, что они въ Петербургѣ, а бабушка въ Москвѣ; но бабушка не была этимъ довольна, и 21 сентября написала внуку: „Державнѣйшій императоръ, любезнѣйшій внукъ! Хотя давно желаніе мое было не токмо поздравить ваше величество съ воспріятіемъ престола, но паче васъ видѣть; но, по несчастію моему, по сіе число не сподобилась, понеже князь Меншиковъ, не допустя до вашего величества, послалъ меня за карауломъ къ Москвѣ. А нынѣ увѣдомилась, что за свои противности къ вашему величеству отлученъ отъ васъ; и тако пріемлю смѣлость къ вамъ писать и поздравить. Притомъ прошу: если ваше величество къ Москвѣ вскорѣ быть не изволите, дабы мнѣ повелѣли быть къ себѣ, чтобъ мнѣ по горячности крови видѣть васъ и сестру вашу, мою любезную внуку, прежде кончины моей". Вслѣдъ затѣмъ другое письмо: „Дай, моя радость, мнѣ себя видѣть въ моихъ такихъ несносныхъ печаляхъ; какъ вы родились, не дали мнѣ про васъ слышать, ниже видѣть васъ". Петръ отвѣчалъ: „Дорогая и любезная государыня бабушка! Понеже мы увѣдомились (только теперь!) о бывшемъ вашемъ задержаніи и о нынѣшнемъ вашемъ прибытіи къ Москвѣ, того ради я не хотѣлъ оставить чрезъ сіе самъ къ вамъ писать и о вашемъ намъ весьма желательномъ здравіи освѣдомиться. И для того прошу васъ, государыня, дорогая бабушка, не оставить меня въ пріятнѣйшихъ своихъ писаніяхъ о своемъ многолѣтнемъ здравіи. Такожде прошу ко мнѣ отписать: въ чемъ я вамъ могу услугу и любовь мою показать,—еже я вѣрно исполнять не премину. Я самъ ничего такъ не желаю, какъ чтобъ васъ видѣть, и надѣюсь, что съ Божіею помощію еще нынѣшней зимы то учиниться можетъ". Это свиданіе, необходимое вслѣдствіе преднамѣренной поѣздки государя въ Москву для коронаціи, безпокоило многихъ; что, если кровь заговоритъ и внукъ подчинится вліянію бабушки, единственнаго роднаго существа у круглыхъ сиротъ? Предусмотрительный Остерманъ постарался тотчасъ же пріобрѣсть благосклонность царицы, тѣмъ болѣе что его легче можно было погубить въ ея мнѣніи, какъ иностранца, выведеннаго Петромъ I-мъ. Вмѣстѣ съ первымъ письмомъ отъ внука, Елена получила письмо и отъ его воспитателя; „Всемилостивѣйшая государыня", писалъ Остерманъ, „когда я о подлинномъ состояніи вашего величества увѣдомился, то я не оставилъ его императорскому величеству немедленно о томъ доносить; и потому его величество самъ изволилъ при семъ къ вашему величеству писать, при которомъ случаѣ и я дерзновеніе воспріялъ ваше величество о всеподданнѣйшей моей вѣрности обнадежить, о которой какъ его императорское величество, такъ и впрочемъ

[1]) Журналы Верх. Тайн. Сов.
[2]) Лефортъ.
[3]) Лефортъ.

всѣ тѣ, которые къ вашему величеству принадлежатъ, сами вящс засвидѣтельствовать могутъ". Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ писемъ, въ которыхъ баронъ Андрей Ивановичъ обнадеживалъ царицу „въ горячести", какую чувствуетъ къ ней внукъ, и увѣрялъ, что „по своей должности не пренебрежетъ его величество при тѣхъ склонностяхъ содержать стараться". Царица отвѣчала: „Благодарна за услугу твою, что хранишь здоровье внука моего, и впредь о томъ же прошу, чтобъ мнѣ порадоваться, какъ услышу про здоровье ихъ, и за писаніе твое благодарю-жъ, и впредь прошу; а за твою услугу воздастъ тебѣ Богъ, а сколько силы моей будетъ, и я вамъ всегда доброхотствовать буду". Жена Остермана, Марѳа Ивановна, урожденная Стрѣшнева, также писала царицѣ, „вручала себя въ высочайшую ея величества милость", увѣряя при этомъ, что мужъ ея государю и ей, царицѣ, со всякимъ усердіемъ вѣрно служитъ и служить будетъ. 22 октября Остерманъ, посылая царицѣ службу, сочиненную въ день рожденія государя, рисунокъ фейерверка, сожженнаго въ этотъ день, и манифестъ о коронаціи, писалъ: „Яко я на семъ свѣтѣ ничего иного не желаю, окромѣ чтобъ его императорскому величеству безо всякихъ моихъ партикулярныхъ прихотей и страстей прямыя и вѣрныя свои услуги показать, такъ и ваше величество соизволите всемилостивѣйше благонадежны быть о моей вѣрнѣйшей преданности къ вашего величества высокой особѣ. Потому не распространяю, понеже вѣдаю, что какъ его императорское величество, такъ и ея императорское высочество, государыня великая княжна, мнѣ въ томъ вѣрное свидѣтельство подать изволятъ, и вѣрная моя служаба всегда болѣе въ самомъ дѣлѣ, нежели пустыми словами явна будетъ". Елена поняла послѣднія слова такъ, что Остерманъ жалуется на людей, которые наносили ей на него, писали пустыя слова противъ него, и отвѣчала: „Еще-жъ ты упоминаешь, что будто ясно мнѣ пустыми словами, и я истинно объ васъ ничего пустова не слыхала, кромѣ всякой услуги ко внуку моему и ко мнѣ; и ежелибъ кто мнѣ и говорилъ, и у меня никогда етова не бывало, чтобъ мнѣ вѣрить, и впредь не будетъ что я вижу отъ васъ услугу къ нему и къ себѣ. И какъ ты началъ служить, такъ и служи и храни ево здоровье; и я чаю, что ты ни на ково ево здоровье не промѣняешь, и надѣюсь на тебя крѣпко" [1]). Объ этомъ письмѣ царицы узнали, и пошелъ слухъ, что дѣйствительно Долгорукіе, отецъ и сынъ, писали Еленѣ письмо, въ которомъ выставляли свои заслуги, а на Остермана взводили всевозможныя обвиненія; что Елена переслала письмо Долгорукихъ къ Остерману, и въ своемъ письмѣ хвалила его и благодарила за попеченіе о ея внукахъ [2]).

Но во время этой борьбы не забывали о Меншиковѣ. Сильно боялись энергической свояченицы

[1]) Письма Русскихъ государей.
[2]) Лефортъ.

свѣтлѣйшаго князя, Варвары Арсеньевой, и, 5 октября, Остерманъ, пришедши въ Верховный Тайный Совѣтъ, объявилъ, чтобъ Варвару послать въ Александровъ монастырь и взять ордена у сына и дочерей Меншикова, также и у Василія Арсеньева, шурина его. Послѣ Андрей Ивановичъ объявилъ въ Совѣтѣ, что кавалеріи Св. Екатерины, взятыя у сына и дочерей Меншикова, императоръ подарилъ сестрицѣ своей; кавалерія Св. Александра отдана князю Ивану Долгорукому, а перстень обручальный взятъ ко Двору его величества. Петръ попрежнему дѣлалъ подарки сестрицѣ; и Остерманъ заботился о ней попрежнему: такъ, еще въ сентябрѣ онъ принесъ въ Совѣтъ алмазы, которые предлагалъ купить для великой княжны за 85,000 рублей; члены Совѣта, видя, что алмазы очень дешевы, согласились купить [3]). Остерманъ приходилъ и объявлялъ. Петръ позабылъ свое обѣщаніе—присутствовалъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, и члены его воспользовались первымъ случаемъ, чтобъ напомнить ему объ этомъ обѣщаніи. Въ ноябрѣ русскій посланникъ при Шведскомъ Дворѣ, графъ Головинъ, донесъ объ извѣстномъ письмѣ Меншикова къ шведскому сенатору Дибену. Донесеніе Головина было прочтено въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, послѣ чего члены его представили государю, что по всѣмъ поступкамъ Шведовъ видны ихъ непріязненные замыслы противъ Россіи; чтобъ дать Шведамъ отпоръ, они, министры, прилагаютъ всевозможное стараніе о содержаніи войска въ добромъ порядкѣ и приведеніи его въ лучшее состояніе, чѣмъ какъ было при Меншиковѣ; что приказано вооружить къ будущей веснѣ 24 линейныхъ корабля и 120 галеръ, и что, для поощренія и усмотрѣнія трудовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, нужно присутствіе его величества. На это государь изъявилъ свое благоволеніе и обѣщалъ чаще присутствовать въ Совѣтѣ. Насчетъ Меншикова Петръ разсуждалъ, что такіе поступки его могутъ почесться измѣною, и приказалъ послать къ нему нарочнаго, который бы обо всемъ допросилъ его съ принужденіемъ и угрозами; также приказалъ опечатать все его имѣніе и обстоятельно пересмотрѣть находившіяся при немъ и въ Петербургѣ письма. Къ Меншикову отправленъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Плещеевъ, которому, кромѣ шведскихъ дѣлъ, велѣно было допросить Меншикова о деньгахъ, взятыхъ съ герцога Голштинскаго [4]). Секретарь Меншикова, Вистъ, представилъ въ Верховный Тайный Совѣтъ біографію Меншикова (исторію о княжомъ житіи), сочиненную барономъ Гизеномъ [5]).

Въ концѣ 1727 года начались сборы Двора въ Москву для коронаціи. Эта поѣздка имѣла теперь совершенно другое значеніе, чѣмъ послѣднія поѣздки Петра Великаго въ древнюю столицу. Теперь,

[3]) Журналы Верх. Тайн. Сов.
[4]) Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Москов. архивѣ. минист. иностр. дѣлъ.
[5]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

на вопросъ, долго ли останется Дворъ въ Москвѣ, уже слышался отвѣтъ: быть можетъ, навсегда; а этотъ отвѣтъ былъ очень пріятенъ однимъ и приводилъ въ отчаяніе другихъ. Нравился онъ русскимъ вельможамъ, которые до сихъ поръ не могли привыкнуть къ неудобствамъ новооснованнаго города, въ странѣ печальной, болотистой, вдали отъ ихъ деревень, доставка запасовъ изъ которыхъ соединялась съ большими затрудненіями и расходами, тогда какъ Москва была мѣсто нагрѣтое, центральное, окруженное ихъ имѣніями, расположенными въ разныхъ направленіяхъ, и откуда такъ легко было доставлять все нужное для содержанія барскаго дома и огромной прислуги,—а это было главное при отсутствіи денегъ, при неразвитой еще роскоши, требующей произведеній иностранныхъ. Ужасомъ обдавалъ этотъ отвѣтъ тѣхъ, которые въ удаленіи изъ „парадиза" видѣли удаленіе отъ дѣла Петра Великаго, удаленіе отъ Европы, пренебреженіе моремъ, флотомъ, упадокъ значенія Россіи, какъ Европейской державы. Боялись переѣзда въ Москву люди, созданные новымъ, преобразовательнымъ направленіемъ, и въ его ослабленіи видѣвшіе ослабленіе собственнаго значенія; въ челѣ такихъ людей стоялъ человѣкъ, самый видный по своей государственной дѣятельности и близкій къ государю,—Остерманъ. За-границей смотрѣли такъже на это дѣло: какъ только узнали здѣсь о паденіи Меншикова, такъ сейчасъ же явилась мысль, что вельможи увезутъ императора въ Москву, и Россія возвратится къ прежнему допетровскому порядку. Польскій король объявилъ объ этомъ Испанскому герцогу Лиріа, отправлявшемуся въ Россію въ качествѣ посланника. Житель Пиренейскаго полуострова, Лиріа, привыкъ приписывать англійскимъ деньгамъ страшное могущество, и потому первая мысль, пришедшая ему въ голову, была та, что англійскія деньги заставятъ и Русскаго царя поселиться навсегда въ Москвѣ [1]). Одни съ надеждою, другіе со страхомъ ожидали слѣдствій свиданія императора съ бабушкою; въ Петербургъ доходили вѣсти, что Шафировъ, подъ предлогомъ болѣзни, не поѣхалъ въ Архангельскъ по первому пути, а вмѣсто того ежедневно бываетъ у старой царицы [2]).

Въ началѣ января 1728 года Дворъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву; но на дорогѣ императоръ заболѣлъ и принужденъ былъ пробыть двѣ недѣли въ Твери [3]). Петръ остановился на нѣсколько времени подъ Москвою, чтобъ приготовиться къ торжественному въѣзду. Бабушка рвалась къ нему; писала къ великой княжнѣ Натальѣ: „Пожалуй, свѣтъ мой, проси у братца своего, чтобъ мнѣ васъ видѣть и порадоваться вами: какъ вы и родились, не дали мнѣ про васъ слышать, не токмо что видѣть". Писала къ Остерману: „За вѣрную вашу службу ко внуку моему и къ намъ я по премногу благодарствую, а у меня истинно на васъ надѣяніе крѣпкое. Только о томъ васъ прошу, чтобъ мнѣ внучатъ своихъ видѣть и вмѣстѣ съ ними быть; а я истинно съ печали чуть-жива, что ихъ не вижу. А я истинно надѣюсь, что и вы мнѣ будете ради, какъ я при нихъ буду; и мнѣ истинно уже печали наскучили, и признаваю, что мнѣ въ такихъ несносныхъ печаляхъ и умереть; и ежелибъ я съ ними вмѣстѣ была, и я-бь такія свои несносныя печали всѣ позабыла. И такъ меня свѣтлѣйшій князь 30 лѣтъ крушилъ, а нынѣ опять сокрушаютъ, а я не знаю сіе чинится отъ ково". Къ самому Петру писала: „Долго ли, мой батюшка, мнѣ васъ не видать? или васъ и вовсе мнѣ не видать? а я съ печали истинно умираю, что васъ не вижу; дайте, мой батюшка, мнѣ васъ видѣть! хотя бы я къ вамъ пріѣхала". Писала опять къ Остерману: „Долго ли вамъ меня мучить, что по сю пору въ семи верстахъ внучатъ моихъ не дадите мнѣ ихъ видѣть! а я съ печали истинно сокрушаюсь. Прошу васъ: дайте хотя-бъ я на ихъ поглядѣла, да умерла" [4]).

4 февраля былъ торжественный въѣздъ въ Москву. Когда было первое свиданіе съ бабушкою,—неизвѣстно; извѣстно только, что оно было холодно со стороны внука, который потомъ явно избѣгалъ свиданій съ старою царицею; и братъ, и сестра при свиданіи съ бабушкою имѣли при себѣ цесаревну Елисавету, чтобъ старушка не увлекалась разговорами о нѣкоторыхъ деликатныхъ дѣлахъ; но увѣряли, что царица успѣла поговорить внуку о его поведеніи, совѣтовала ему лучше жениться, хотя даже на иностранкѣ, чѣмъ вести такую жизнь, какую онъ велъ до сихъ поръ [5]). Внѣшнія приличія были соблюдены: 9 февраля Петръ явился въ Верховный Совѣтъ и, не садясь на свое мѣсто, стоя объявилъ, что онъ, изъ любви и почтенія къ государынѣ, бабушкѣ своей, желаетъ, чтобъ ея величество, по своему высокому достоинству, была содержана во всякомъ довольствѣ: такъ пусть члены Совѣта учинятъ опредѣленіе и ему донесутъ. Сказавши это, императоръ удалился, а члены Совѣта принялись разсуждать о штатѣ для царицы, и назначили ей по 60,000 рублей въ годъ и волость до 2,000 дворовъ. Съ этимъ рѣшеніемъ отправились къ царицѣ князья Василій Лукичъ Долгорукій и Димитрій Михайловичъ Голицынъ, причемъ донесли ей, что если и сверхъ того изволитъ чего потребовать, то его величество, по особенной своей къ ней любви и почтенію, исполнитъ ея требованіе [6]). Опредѣливши содержаніе бабушки по отцу, не забыли и бабушку по матери: Остерманъ объявилъ въ Совѣтѣ, чтобъ бабкѣ его величества, герцогинѣ Блакенбургской, давать пенсію по 15,000 рублей въ годъ [7]). Эта бабушка очень хло-

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, кн. II, письма о Россіи въ Испанію дюка де-Лиріа.
[2]) Тамъ же.
[3]) Манштейнъ.
[4]) Письма Русскихъ государей.
[5]) Лиріа.
[6]) Журналы Верх. Тайн. Сов.
[7]) Журналы Верх. Тайн. Сов.

потала, чтобъ внукъ велъ себя получше и берегъ свое здоровье: до насъ дошли два письма ея, какъ видно, къ брауншвейгскому повѣренному въ дѣлахъ при Русскомъ Дворѣ, въ которыхъ она поручаетъ обратиться къ князю Ивану Долгорукому и сказать ему отъ ея имени, что, зная, какъ императоръ уважаетъ его достоинства, она умоляетъ его уговорить молодого государя, чтобъ онъ больше заботился о своемъ драгоцѣнномъ здоровьи. Въ другомъ письмѣ герцогиня пишетъ: „Дайте почувствовать князю Ивану Долгорукому необходимость вывезти императора изъ Москвы. Князь Долгорукій, человѣкъ знатнаго происхожденія, не такой какъ Меншиковъ, вышедшій изъ черни, человѣкъ безъ воспитанія, безъ благородныхъ чувствъ и принциповъ; это обстоятельство доставляетъ мнѣ безконечное удовольствіе, ибо я не сумнѣваюсь, что этотъ вельможа (Долгорукій) всегда будетъ внушать моему дорогому императору чувства, достойныя великаго монарха“ [1]).

Рѣшительный фаворъ Долгорукихъ обозначился тотчасъ по пріѣздѣ Двора въ Москву: наканунѣ торжественнаго въѣзда, князья Василій Лукичъ и Алексѣй Григорьевичъ назначены были членами Верховнаго Тайнаго Совѣта; 11 февраля молодой князь Иванъ Алексѣевичъ сдѣланъ былъ оберъ-камергеромъ. Князь Алексѣй и сынъ его были всѣмъ обязаны приближенію, фавору. Но между Долгорукими были двое, извѣстныхъ своими способностями и заслугами: знаменитый дипломатъ, князь Василій Лукичъ, какъ мы видѣли, получилъ мѣсто въ верховномъ правительственномъ учрежденіи; здѣсь онъ достойно представлялъ фамилію подлѣ главы другой, соперничествующей фамиліи, подлѣ князя Димитрія Михайловича Голицына, и подлѣ другого соперника по приближенію и перваго дѣльца,—подлѣ Остермана. Но у Голицыныхъ былъ знаменитый полководецъ, князь Михаилъ Михайловичъ, фельдмаршалъ; Долгорукіе противъ него выставили свою военную знаменитость, князя Василія Владиміровича, котораго военное поприще было прервано опалою, но въ послѣднее время было возстановлено въ Персіи; Долгорукимъ было важно имѣть его при себѣ, и потому, подъ предлогомъ болѣзни, онъ былъ вызванъ изъ Персіи, и, 25 февраля, на другой день коронаціи, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Трубецкимъ, губернаторомъ Кіевскимъ. Минихъ былъ пожалованъ въ графы: эту милость приписывали тому, что Минихъ сговорилъ жениться на оберъ-гофмейстеринѣ цесаревны Елисаветы, графинѣ Салтыковой. Генералъ-майоръ Волынскій, назначенный-было Меншиковымъ къ удаленію, остался въ Россіи и былъ возстановленъ на старомъ своемъ мѣстѣ, Казанскомъ губернаторствѣ, съ порученіемъ ему дѣлъ Башкирскихъ [2]). Мы видѣли, что Шафировъ не поѣхалъ по зимнему пути въ Архангельскъ; о немъ доносили, что онъ очень боленъ, страдаетъ меланхоліею и безпрестаннымъ жаромъ: докторъ опасается за его жизнь [3]). Въ февралѣ 1728 года Шафировъ уволился отъ всѣхъ дѣлъ по его челобитной [4]); такимъ образомъ, онъ избавился отъ почетной ссылки въ Архангельскъ, какую назначилъ ему свѣтлѣйшій князь.

Но самъ Меншиковъ покончилъ ссылкою въ Сибирь. Находившійся при немъ въ Раненбургѣ, офицеръ Мельгуновъ, прислалъ требованіе, что для лучшаго надзора необходимо прибавить еще капральство. По этому поводу 16 января Верховный Тайный Совѣтъ имѣлъ разсужденіе, не лучше-ль послать князя Меншикова куда-нибудь подальше, напримѣръ въ Вятку, и держать при немъ караулъ не такъ большой. 9 февраля Остерманъ объявилъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, что его императорское величество изволилъ о князѣ Меншиковѣ разговаривать, чтобъ его куда-нибудь послать, а пожитки его взять, оставивъ княгинѣ и дѣтямъ тысячъ по десяти на каждаго, да нѣсколько деревень, и чтобъ объ этомъ члены Совѣта изволили впредь учинить опредѣленіе, потому что изъ Военной и другихъ коллегій и канцелярій подаются доношенія, что князь Меншиковъ взялъ изъ казны деньги и матеріалы, и требуютъ возвращенія изъ пожитковъ его; также Мельгуновъ пишетъ, что многіе служители Меншикова требуютъ отпуску; изъ деревень къ нему пишутъ—и онъ отвѣчаетъ [5]). Верховный Тайный Совѣтъ почему-то замедлилъ своимъ рѣшеніемъ; но дѣло подвинулось тѣмъ, что, 24 марта, у Спасскихъ воротъ, было найдено подметное письмо въ пользу Меншикова; слѣдствіемъ было то, что 9 апрѣля изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта былъ данъ указъ Сенату о посылкѣ Меншикова съ семействомъ въ Березовъ, о дачѣ имъ и людямъ ихъ кормовыхъ денегъ по шести рублей на день, и о постриженіи Варвары Арсеньевой въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ Сорскомъ женскомъ монастырѣ, и о дачѣ ей по полуполтинѣ на день [6]).

Ссылка Меншикова въ Сибирь не улучшила участи тѣхъ, которые были имъ сосланы. Мы видѣли, какъ обрадовались паденію Меншикова члены Бестужевскаго кружка; но оставшіеся изъ нихъ въ Петербургѣ очень скоро увидали, что возвратить сосланныхъ и пробиться ко Двору будетъ очень трудно: тамъ сильные люди боролись за власть, и одинъ изъ этихъ сильныхъ людей, Остерманъ, съ своимъ пріятелемъ Левенвольдомъ знали прежнія связи и стремленія Маврина и Бестужевыхъ. Въ участи Девьера произошла только та перемѣна, что женѣ его позволено было отправиться къ нему, т.-е. сочли удобнымъ сослать сестру Меншикова, подъ видомъ позволенія соединиться

---

[1]) Письма въ Госуд. архивѣ.
[2]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
[3]) Донесенія въ Верх. Тайн. Сов., въ Госуд. архивѣ.
[4]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
[5]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.
[6]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта. — Полн. Собр. Зак. № 5252.

съ мужемъ [1]). Въ сентябрѣ 1727 года Егоръ Пашковъ писалъ княгинѣ Волконской: „О суетномъ состояніи нашемъ всего вамъ описать не могу: такъ было хорошо отъ крайнихъ пріятелей нашихъ, которые насъ безъ совѣсти повреждали; много того случалось, что и смотрѣть на нихъ не смѣли; однакоже ото всѣхъ ихъ нападеній избавилъ насъ Богъ, а ихъ слава суетная пропала вся до конца. Надлежитъ вамъ чаще ѣздить въ Дѣвичій монастырь искать способу себѣ какова. О Семенѣ Мавринѣ и объ Аврамѣ стараюся, чтобъ ихъ взять изъ ссылки, да не могу чрезъ кого учинить, – всѣ проклятые злы на нихъ какъ собаки. Нынѣ у насъ много хотятъ быть первыми, а какъ видимъ по ихъ ревности безсовѣстной, не потеряютъ ли и послѣдняго. Про компанію нашу прежнюю часто и милостиво изволитъ упоминать (Петръ), только отъ прежнихъ нашихъ непріятелей не можно свободнаго способу сыскать, какъ бы порядочно донесть, однакоже хотя и съ трудомъ, только дѣлаемъ сколько возможно". Черкасову Пашковъ писалъ: „Мнѣ кажется, лучше вамъ быть до зимы въ Москвѣ и чаще ѣздить молиться въ Дѣвичь монастырь чудотворному образу Пресвятой Богородицы. О вѣрныхъ пріятеляхъ нашихъ, объ Абрамѣ и объ Семенѣ прилежно стараюсь, какимъ бы случаемъ ихъ взять, и кажется, что многіе объ нихъ сожалѣютъ, а говорить никто не хочетъ за поврежденіемъ себя (т.-е. боясь повредить себѣ), а Левольдъ безсовѣстно старою своею компаніею ихъ повреждаетъ и всячески тщится, чтобъ ихъ не допустить ко взятію; надлежитъ вамъ съ княгинею Аграфеною Петровною стараться, чтобъ какимъ случаемъ дойти государыни царицы Евдокіи Ѳедоровны, и будетъ допуститъ какой случай, обо всемъ донести съ яснымъ доказательствомъ о ссылкѣ ихъ въ Сибирь, а впредь, уповая на милость Божію, какъ прибудемъ въ Москву, безсовѣстная *клеотура*, можно надѣяться, что скоро пропадетъ, а ихъ никому удержать будетъ невозможно. Нынѣ у насъ въ Питербурхѣ многіе говорятъ и показываютъ вѣрность свою, кто какія заслуги показалъ, которые безмѣрно трусятъ и боятся гнѣву государыни царицы Евдокіи Ѳедоровны, и паче всѣхъ боится безсовѣстная *клеотура* Левольдова; однимъ словомъ сказать, какъ будемъ въ Москвѣ, все будетъ другое". За-границею, въ Копенгагенѣ, разумѣется, дѣло не казалось такъ труднымъ, и Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, получивъ извѣстіе о паденіи Меншикова, былъ въ полной надеждѣ, что сестра его и пріятели могутъ снова явиться въ Петербургѣ и начать прежнюю дѣятельность. Въ октябрѣ онъ писалъ сестрѣ: „Конечнобъ по желанію всѣхъ васъ и коегождо особно учинилось, ежелибъ смерть графа Рабутина въ томъ не попрепятствовала, и ежелибъ его императорское величество да не свободилъ имперію свою отъ ига варварскаго, тобъ мнѣ трудно было толь скоро всѣмъ вамъ вспомочь; нынѣ же уповаю, что вы съ друзьями нашими и безъ посторонней помощи, по отлученіи извѣстнаго варвара (Меншикова) всякой сами себѣ вспомочь можете. Понеже чрезъ печатные указы публиковано, чтобъ указовъ Меншикова не слушать, того ради, не ожидая себѣ никакого позволенія, поспѣшите въ Петербургъ, о чемъ и къ друзьямъ нашимъ, господину Маврину и прочимъ, совѣтуйте, ибо такъ онымъ, какъ и вамъ не отъ его императорскаго величества, но отъ Меншикова повелѣно было". Въ ноябрѣ Алексѣй Бестужевъ писалъ: „Посолъ цесарскій, графъ Вратиславъ, въ пользу всѣхъ васъ отъ Двора своего накрѣпко инструированъ, токмо оная помощь медленна будетъ, ибо онъ ко Двору нашему прежде не можетъ прибыть какъ послѣ Пасхи. И того ради стараться такъ о себѣ, какъ о Мавринѣ, Петровѣ и Веселовскомъ чрезъ заступу царевны Анны Ивановны".

Ссыльные не считали возможнымъ безъ позволенія отправиться въ Петербургъ; но и они крѣпко надѣялись, что Бестужевы съ своими петербургскими пріятелями освободятъ ихъ. Абрамъ Петровъ писалъ княгинѣ Волконской изъ Томска: „Что вы мнѣ обѣщали сдѣлать, пожалуй не запамятуй, чтобы *Панталонъ* и *Козелъ* (Михайла и Алексѣй Бестужевы) приложили къ тому свое стараніе, особливо больше моя надежда на Козла, что онъ меня не оставитъ". Мавринъ мечталъ уже о Дворѣ, о приближеніи, и писалъ Волконской изъ Тобольска: „Прошу, чтобъ вы трудъ приложили за меня, а нынѣ случай будетъ изрядный, какъ здѣсь слышно, что его императорское величество изволитъ прибыть въ Москву и конечно съ бабушкою своею будетъ видѣться, и тутъ можно будетъ обо мнѣ бѣдномъ вспомнить. Княгинѣ Настасьѣ Ѳедоровнѣ (Лобановой) можете вы растолковать, что у нихъ при его величествѣ никого нѣтъ, на кого бы они прямо свою надежду имѣли, и имъ такой человѣкъ надобенъ. Я всегда былъ ихъ слуга".

Изъ Тобольска, Томска и Копенгагена торопили; изъ Петербурга совѣтовали поступать осторожнѣе. Пашковъ писалъ княгинѣ Волконской: „Писалъ я къ вамъ, чтобъ порядочнаго искать случая, на которое мое письмо изволите объявлять, что сыскать не черезъ кого; въ томъ опасаться не изволите, можетъ Богъ хотя одного не оставитъ компаніи нашей, то будемъ довольны; сколько мерзкой клеотурѣ (креатурѣ—Остерману и Левенвольду) не искать себѣ защищенія по своимъ худымъ дѣламъ, только имъ себя не можно никакъ закрыть; вѣдаютъ они и сами, что дѣлали худо, да миновать нынѣ никакъ нельзя, что имъ всѣмъ обидъ заплатить. Отважно ни въ какое дѣло вступать не извольте, пока время покажетъ спокойное. Надлежитъ вамъ всѣмъ, буде станете ѣздить въ Дѣвичь монастырь, беречься Степановой Лопухина сестры, которая старицею, чѣмъ бы васъ не повредила, понеже они люди добрые и очень всѣмъ извѣстны по своей совѣсти бездѣльной". Пашковъ отыскивалъ

[1]) Журналы Верх. Тайн. Сов.

членовъ разогнанной партіи и просилъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома хлопотать при каждомъ удобномъ случаѣ о попавшихъ въ бѣду: „Просилъ я о васъ Кириллу Петровича Матюшкина", писалъ онъ Черкасову въ Москву, „чтобъ онъ васъ не оставилъ въ случаѣ хорошемъ, что и онъ обѣщалъ, а онъ компаніи нашей и добрый человѣкъ" [1]).

Но главная надежда партій основывалась на двухъ лицахъ Царскаго Дома: на старой царицѣ и на царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ. Мы видѣли, какъ послѣдняя не щадила униженныхъ просьбъ къ Меншикову и Остерману, чтобъ только отпустили назадъ къ ней въ Митаву необходимаго ей Петра Михайловича Бестужева. Понятно, въ какомъ восторгѣ была Анна, получивши извѣстіе о паденіи Меншикова. Немедленно отправила она письмо императору: „Я неоднакратно просила, чтобъ мнѣ позволено было по моей должности вашему императорскому величеству съ воспріятіемъ престола Россійскаго поздравить и цѣловать вашего величества дорогіе ручки; но получила на всѣ мои письма отъ князя Меншикова отвѣтъ, чтобъ мнѣ не ѣздить. Нынѣ паки всепокорно вашего императорскаго величества прошу повелѣть мнѣ, для моей поѣздки въ Петербургъ, поставить въ прибавку почтовыхъ, какъ прежде мнѣ давано было, лошадей". Такія же письма были отправлены къ великой княжнѣ Натальѣ и къ Остерману [2]). Но Анна позабыла, что у Остермана были такія же сильныя побужденія, какъ и у Меншикова, не давать ходу Бестужевской партіи, не допускать ея покровительницу, герцогиню Курляндскую, хлопотать за нее при личномъ свиданіи съ императоромъ; Остерманъ тѣмъ болѣе долженъ былъ теперь остерегаться Бестужевыхъ, что Петръ Михайловичъ не сидѣлъ сложа руки въ Петербургѣ, но, увидавши борьбу между Остерманомъ и Долгорукими, сталъ заискивать у послѣднихъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и, только въ концѣ 1727 года, Анна получила приглашеніе отправиться прямо въ Москву на коронацію; тогда же отпущенъ былъ къ ней и Бестужевъ, ибо стало извѣстно, что онъ не можетъ быть опасенъ,—что у Анны уже другой фаворитъ.

Этотъ фаворитъ былъ знаменитый Эрнстъ-Иванъ Биронъ, или Биренъ, сынъ придворнаго служителя герцоговъ Курляндскихъ. Говорятъ, что онъ еще въ 1714 году пріѣзжалъ въ Петербургъ искать мѣста при Дворѣ принцессы Софіи, жены царевича Алексѣя, но получилъ отказъ, какъ человѣкъ низкаго происхожденія. Достовѣрно одно, что въ 1722 году онъ долго сидѣлъ подъ арестомъ въ Кенигсбергѣ за то, что участвовалъ въ ночной дракѣ съ городскою стражею. По возвращеніи въ Курляндію, онъ былъ принятъ ко дворцу герцогини Анны, благодаря покровительству оберъ-гофмейстера Бестужева. Это покровительство объясняли связью оберъ-гофмейстера съ сестрою Бирона [3]).

Оберъ-камеръ-юнкеръ Биронъ сопровождалъ герцогиню въ Москву на коронацію Екатерины въ 1724 году, и сблизился тамъ съ *своими*, съ камергеромъ Левенвольдомъ, что видно изъ письма его къ послѣднему отъ 25 іюля 1725 года: Биронъ описываетъ несчастіе, случившееся съ нимъ въ Кенигсбергѣ; говоритъ, что онъ выпущенъ оттуда только съ условіемъ заплатить 700 талеровъ штрафу, и проситъ ходатайствовать предъ Прусскимъ Дворомъ о сложеніи штрафа. Не знаемъ, получилъ ли Биронъ желаемое; знаемъ только, что онъ сталъ извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ какъ знатокъ въ лошадяхъ и хорошій человѣкъ. До насъ дошелъ указъ императрицы Бестужеву: „Немедленно отправить въ Бреславль оберъ-камеръ-юнкера Бирона, или другого, который бы зналъ силу въ лошадяхъ и охотникъ къ тому былъ и добрый человѣкъ, для смотрѣнія и покупки лошадей" [4]). Въ отсутствіе Бестужева, задержаннаго Меншиковымъ въ Петербургѣ, Биронъ сблизился съ герцогинею и сталъ ея фаворитомъ, такъ что, когда Бестужевъ возвратился въ Митаву, то былъ принятъ ласково, но между собою и Анною уже нашелъ другого человѣка. Герцогиня отправилась въ Москву; по прежнимъ разсчетамъ, тамъ своимъ вліяніемъ она должна была поднять „компанію"; но теперь сдѣлаетъ ли она это, уже высвободившись изъ-подъ вліянія Бестужева, находясь подъ другимъ враждебнымъ вліяніемъ? Бестужевъ писалъ своей дочери, княгинѣ Волконской въ Москву: „Я въ несносной печали; едва во мнѣ духъ держится, потому что чрезъ злыхъ людей другъ мой сердечный отъ меня отмѣнился, а вашъ другъ (Биронъ) болѣе въ кредитѣ остался; но вы объ этомъ не давайте знать, вы должны угождать и твердо поступать и служить во всемъ, чтобъ въ кредитѣ быть и ничѣмъ нимало не раздражать, только утѣшать во всемъ и искусно смотрѣть, что о насъ будетъ (Биронъ) говорить, не въ противность ли? Вы ищите случая, какъ бы вамъ съ вашими непріятелями помириться и брата помирить, а такъ какъ друзей Маврина допускать не будутъ, то вы осторожно поступайте; съ Дмитріемъ Соловьевымъ дружески поступайте; отпишите осторожно подъ чужимъ конвертомъ о состояніи Двора ея высочества (Анны); отпишите, какъ ея высочество отъ кого принята будетъ. Степанъ Лопухинъ какъ былъ вамъ непріятель, такъ и мнѣ дѣлалъ обиды и затѣвалъ на меня, а теща его ко мнѣ добра; вы ищите чрезъ нея случай съ уклонкою съ ними въ дружбу войти. Абрамова жена (Лопухина) вамъ сватья и ласкова, вы ищите дружбы

[1]) Дѣло княг. Волконской въ Государ. архивѣ.

[2]) Письма Русскихъ государей.

[3]) Тамъ же. Здѣсь, на 154 стр. переписи Анны Ивановны напечатанъ доносъ на Бестужева, присланный кѣмъ-то въ Петербургъ. Здѣсь говорится, что Бестужевъ обкрадываетъ герцогиню и водитъ къ себѣ фрейлину Биронъ и даетъ ей по 1,000 талеровъ и припасы, а придворные служители гибнутъ съ голода. Говорится, что Бестужевъ укралъ болѣе 20,000; фрейлинамъ дѣтей надѣлалъ и проч.

[4]) Кабинетъ I, кн. № 65; Чтенія Москов. истор. общ. годъ 1862, кн. 1.

и съ другими, кто имѣетъ кредитъ. Вы про ея высочество ни съ кѣмъ ничего, кромѣ милости ея, не говорите, потому что обѣщано мнѣ въ милости содержать. Ради Бога осторожно живите и пишите, и какъ ея высочество сюда поѣдетъ, вы старайтесь съ нею ѣхать или и напередъ отпроситесь, усмотря какъ лучше. Особенно вы должны пріобрѣсть любовь князя Алексѣя Григорьевича и Павла Ивановича (Ягужинскаго), Степана Васильевича. Если вамъ станутъ говорить о фрейлинѣ Бироновой, то дѣлайте видъ, что ничего не знаете. Поговорите у себя въ домѣ со Всеволожскимъ [1]), чтобъ между служителями ея высочества было какъ можно болѣе смуты и безпорядка, потому что я знаю жестокіе поступки того господина (Бирона). Вы о моей обидѣ не давайте знать, какъ будто ничего не знаете; служите старательно и вѣрно безо всякой противности, хотя что и видите—молчите, только меня увѣдомляйте; всего печальнѣе для меня то, что я не знаю, въ какомъ состояніи находитесь вы и прежніе ваши друзья; однако я слышу, что Александръ (Бутурлинъ) въ кредитѣ. Я въ такой печали нахожусь, что всегда жду смерти, ночей не сплю; знаешь ты, какъ я того человѣка (Анну) люблю, который теперь отъ меня отмѣнился". Въ мартѣ 1728 года Бестужевъ писалъ дочери: „Послалъ я Салова къ вамъ, и велѣлъ ему побывать на Москвѣ, и отъ кого можно освѣдомиться, нѣтъ ли гнѣва на меня ея высочества, потому что изъ писемъ вижу и опасаюсь, чтобъ нашъ пріятель (Биронъ) за наши многія къ нему благодѣянія не заплатилъ бы многимъ зломъ. Чтобъ объ немъ (Саловѣ) никто, кромѣ васъ, не зналъ, и чтобъ сестра ваша не знала [2]) также, чтобъ онъ остерегался всѣхъ тамъ людей (при Дворѣ герцогини), а особливо тенориста и Кобозова, отъ котораго все зло мнѣ происходитъ [3]). Салова у себя не держите, отправьте ко мнѣ немедленно, велите ѣхать не скоро; матери и мужу не сказывайте, что онъ у меня былъ; ради Бога осторожнѣе, чтобъ не дознались, что отсюда ѣхалъ: они могутъ мнѣ обиду сдѣлать: хотя бы она (Анна) и не хотѣла, да онъ (Биронъ) принудитъ" [4]).

Никакія осторожности не помогли. Люди князя Никиты Волконскаго, Зайцевъ и Добрянскій, явились къ Остерману и донесли, что помѣщицѣ ихъ, княгинѣ Волконской, за продерзости ея велѣно жить въ деревнѣ, не въѣзжая въ Москву, а она живетъ въ подмосковной деревнѣ двоюроднаго своего брата Ѳедора Талызина [5]), откуда ѣздитъ тайно подъ Москву въ Тушино, для свиданія съ Юріемъ Нелединскимъ и съ другими нѣкоторыми людьми, между прочимъ видѣлась и съ секретаремъ Исакомъ Веселовскимъ; ведетъ тайную переписку со многими лицами въ Москву и другія мѣста. Недавно привезъ тайно же изъ Митавы отъ отца ея, Петра Бестужева, человѣкъ его письма, зашитыя въ подушкѣ. Волконскую схватили и со всѣми письмами отъ родныхъ и друзей.—10 мая 1728 года въ собраніи Верховнаго Тайнаго Совѣта она была допрошена и объявила, что дѣйствительно видѣлась въ Тушинѣ съ Нелединскимъ и Веселовскимъ, съ первымъ по свойству, а со вторымъ по давнему знакомству и дружеству. У нея потребовали объясненія темныхъ мѣстъ въ письмахъ, къ кому относятся неблагопріятные отзывы; она нигдѣ не показала на Остермана, вмѣсто него вставляла царевну Анну, хотя иногда и не кстати. Волконская запиралась, что, по письмамъ къ ней, въ Москву не ѣздила и ни у кого не была: но у Талызина нашли отъ нея такое письмо: „Въ Слободѣ (Нѣмецкой) побывай и поговори извѣстной персонѣ, чтобъ, сколько ему возможно, того каналью хорошенько рекомендовалъ Курлянца, а онъ уже отъ меня слышалъ, и провѣдалъ бы, нѣтъ ли отъ канальи какихъ происковъ къ моему родителю, понеже ему легко можно знать отъ Александра (Бутурлина), и чтобъ поразгласилъ о немъ гдѣ пристойно, что онъ за человѣкъ". Въ допросѣ княгиня Волконская объявила, что извѣстная персона въ Слободѣ—это лѣкарь цесаревны Елисаветы, Лестокъ, а каналья—Биронъ.

Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ состоялось такое мнѣніе, что „княгиня Волконская и ея пріятели дѣлали партіи и искали при Дворѣ его императорскаго величества для собственной своей пользы дѣлать интриги, и тѣми интригами причинить при Дворѣ безпокойство, и, дабы то свое намѣреніе сильнѣе въ дѣйство произвесть могли, искали себѣ помощи чрезъ Вѣнскій Дворъ, и такъ хотѣли вмѣшать посторонняго государя въ домовыя его императорскаго величества дѣла, и въ такой ихъ, Волконской и брата ея Алексѣя, откровенности можетъ быть, что они сообщали тѣмъ чужестраннымъ министрамъ и о внутреннихъ здѣшняго государства дѣлахъ; сверхъ же того провѣдывали о дѣлахъ и словахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта". За такія вины Совѣтъ разсудилъ: княгиню Волконскую сослать до указу въ дальній женскій монастырь и содержать ее тамъ неисходно подъ надзоромъ игуменьи; сенатору Нелединскому въ Сенатѣ у дѣлъ впредь до указа не быть; Егору Пашкову въ Военной Коллегіи не быть; Веселовскаго сослать въ Гилянь; шталмейстера Кречетникова записать въ прапорщики и послать служить въ армейскіе полки; Черкасова—въ Астрахань къ провіантскимъ дѣламъ. Это мнѣніе отправлено было къ князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукому, при такомъ письмѣ: „Сіятельный князь! Понеже дѣло княгини Волконской и прочихъ по тому дѣлу ко окончанію приведено, того ради ваше сіятельство просимъ,

[1]) Въ извѣстномъ доносѣ говорится: «На разбой посылалъ (Бестужевъ) ночью трехъ человѣкъ, одинъ изъ нихъ прапорщикъ Всеволожскій».

[2]) Въ другихъ письмахъ Бестужевъ пишетъ: «Я и всѣ мы въ такое несчастіе пришли черезъ сестру вашу, только надобно имѣть терпѣніе».

[3]) Въ извѣстномъ доносѣ говорится: «У него (Бестужева) есть бѣглый солдатъ Кабозовъ».

[4]) Дѣло кн. Волконской.

[5]) Деревня Талызина, Дѣдово—въ 30 вер. отъ Москвы.

изволите по тому мнѣнію его величеству доложить, и что изволитъ указать, о томъ насъ увѣдомить. А что написано о Егорѣ Пашковѣ, чтобъ ему у дѣлъ въ Военной Коллегіи не быть, и то въ такой силѣ, что по отлученіи отъ этихъ дѣлъ опредѣлить его на Воронежъ вице-губернаторомъ. Вашего сіятельства слуги: Апраксинъ, Головкинъ, братъ вашъ князь В. Долгоруковъ". Князь Алексѣй прислалъ отвѣтъ: „Сіятельные тайные дѣйствительные совѣтники, мои милостивые государи, по письму вашихъ сіятельствъ и по присланномъ приговорѣ его императорскому величеству докладывалъ и чрезъ сіе мое объявляю: его величество по приговору вашихъ сіятельствъ быть повелѣлъ, и, такое сіе донесши, пребываю вашихъ сіятельствъ нижайшій слуга князь Алексѣй Долгорукой" [1]).

Оба брата княгини Волконской, Алексѣй и Михаилъ Бестужевы, хотя и заподозрѣнные въ приговорѣ, остались однако на своихъ дипломатическихъ постахъ; но отецъ ихъ не могъ остаться спокойно въ Курляндіи. Когда дѣло Волконской вскрылось, Бестужевъ былъ взятъ изъ Курляндіи „съ опалою", бумаги его были запечатаны. Царевна Анна съ Бирономъ были въ это время въ Москвѣ. Конечно „креатуры" дали знать „канальѣ Курляндцу", какъ онъ трактуется въ захваченныхъ письмахъ. Бестужевъ недаромъ писалъ: „Они могутъ мнѣ обиду сдѣлать; хотя бъ *она* и не хотѣла, да *онъ* принудитъ". Возвратившись въ Митаву, Анна старалась поддержать „высочашую милость" императора и сестры его „всеглубочайшимъ респектомъ", которымъ дышатъ ея письма къ нимъ, и угожденіями. Въ одномъ письмѣ она увѣдомляетъ великую княжну Наталью: „Доношу вашему высочеству, что нѣсколько собакъ сыскано какъ для его величества, такъ и для вашего высочества, и прежде августа послать невозможно: охотники сказываютъ, что испортить можно, ежели въ нынѣшнее время послать. И прошу ваше высочество донести государю братцу о собакахъ, что сысканы; и еще буду стараться". Анна старалась насчетъ собакъ для императора и сестры его; Биронъ, будучи въ Москвѣ, обѣщалъ князю Ивану Долгорукому сыскать для него собаку; по возвращеніи въ Митаву, ни о чемъ больше не думалъ какъ объ исполненіи своего обѣщанія, и нашелъ собаку самой лучшей породы. За собакъ долженъ былъ расплатиться Бестужевъ. Въ началѣ августа 1728 года Анна писала царевнѣ Натальѣ: „О себѣ вашему высочеству нижайше доношу: въ разореньѣ и печаляхъ своихъ жива. Всепокорно, матушка моя и государыня, прошу не оставить меня въ высокой и неотмѣнной вашего высочества милости, понеже вся моя надежда на вашу высокую милость" Въ томъ же мѣсяцѣ оказалось, отъ кого было разоренье и печали. Великая княжна получила такое письмо отъ Анны: „По необходимой моей нуждѣ послала я камеръ-юнкера Корфа въ Москву, велѣла донести его императорскому величеству, какимъ образомъ меня разорилъ и расхитилъ Бестужевъ, котораго камеръ-юнкера рекомендую въ высокую милость вашего высочества и покорно прошу меня не оставить милостивымъ защищеніемъ. А моя вся надежда крѣпкая на ваше высочество" [2]). Въ просьбѣ своей императору Анна писала: „Вашего величества свѣту похвальное правосудіе упричиняетъ, что я прибѣжище мое къ вашему величеству пріемлю и во всей покорности представляю, коимъ образомъ прежній мой оберъ-гофмейстеръ Бестужевъ обманомъ поступалъ: 1) онъ, Бестужевъ, чрезъ свою злую диспозицію меня разорилъ; 2) подлинныя доказательства мои, касающіяся отдачи вдовьихъ маетностей моихъ, которыя отданы отъ здѣшняго княжескаго правленія, тайно утащилъ и къ великому поврежденію моему съ собою увезъ, чрезъ что я осталась безъ обороны, изъ чего довольно можно усмотрѣть, что понеже я на вѣрность его полагалась, а онъ меня невѣрно чрезъ злую диспозицію свою обманулъ и въ великій убытокъ привелъ чрезъ *финесы* свои, какъ обо всемъ отъ меня посланный камеръ-юнкеръ Корфъ обстоятельно представитъ и доказательство учинитъ". Вслѣдствіе этой просьбы, учреждена была коммисія, чтобъ считать Бестужева. Корфъ былъ обвинителемъ; но Бестужевъ, въ свою очередь, началъ насчитывать на Анну свои вещи и деньги [3]). Дѣло затянулось, несмотря на то, что Анна просила Остермана приказать какъ можно скорѣе окончить его: „Понеже вашему превосходительству извѣстно, что я разорена, а нынче мой камеръ-юнкеръ въ Москвѣ, и ежели еще долго пробудетъ, и мнѣ не безъ убытку его содержать такъ долго. А я на ваше превосходительство въ весьма великой надеждѣ, что ваше превосходительство меня не оставите по вашей ко мнѣ склонности и дружбѣ; а мнѣ изволь вѣрить, что я вамъ и вашей фамильѣ вѣчно пребуду въ вѣрности и отслужу за вашу ко мнѣ великую склонность" [4]). Вмѣсто Бестужева, Русскій Дворъ назначилъ для управленія дѣлами Анны Курляндца Рацкаго, вступившаго въ русскую службу. Рацкій писалъ Остерману, что при Дворѣ герцогини много лишнихъ людей и царствуетъ сильная роскошь не по средствамъ: гофмаршаломъ Сакенъ, оберъ-гофмейстериною — Фонъ-Денъ-Рекъ, камергеромъ—Биронъ, сверхъ того, три камеръ-юнкера, шталмейстеръ надъ двумя пугами и футтеръ-маршалъ, двѣ камеръ-фрейлины, одна камеръ-фрау и множество графовъ, рейтмейстеровъ, секретарей, переводчиковъ и комнатныхъ служителей, которые всѣ ни за что получали жалованье; сверхъ того, герцогиня приняла еще въ службу Курляндца Корфа, назначеннаго въ Москву резидентомъ, съ жалованьемъ по 1,200 рублей въ годъ; Рацкій жаловался также, что его дурно принимаютъ при Дворѣ Анны [5]).

---

[1]) Дѣло кн. Волконской.

[2]) Письма Русскихъ государей.

[3]) Дѣло въ Государ. архивѣ.

[4]) Письма Русскихъ государей.

[5]) Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

Паденіе Меншикова и вліяніе цесаревны Елисаветы должны были сближать молодаго императора съ родной его теткою, герцогинею Анною Петровною. Въ концѣ февраля 1728 года пріѣхалъ въ Москву изъ Голштиніи майоръ Дитмаръ съ извѣстіемъ, что 10 (21) февраля у цесаревны Анны родился сынъ герцогъ Петръ, и съ просьбою къ императору быть воспріемникомъ; Дитмаръ получилъ 300 червонныхъ въ подарокъ за радостное извѣстіе; при Дворѣ былъ балъ по этому случаю. Ѳеофанъ Прокоповичъ счелъ нужнымъ отправить длинное поздравительное письмо герцогу и герцогинѣ: „Родился Петру Первому внукъ, Второму—братъ, августѣйшимъ и державнымъ сродникамъ и ближнимъ—краса и приращеніе, Россійской державѣ—опора и, какъ заставляетъ ожидать его кровное происхожденіе, — великихъ дѣлъ величайшая надежда. А смотря на васъ, счастливѣйшіе родители, я плачу отъ радости, какъ недавно плакалъ отъ печали, видя васъ пренебрегаемыхъ, оскорбляемыхъ, отверженныхъ, униженныхъ и почти уничтоженныхъ нечестивѣйшимъ тираномъ. Теперь для меня очевидно, что вы у Бога находитесь въ числѣ возлюбленнѣйшихъ чадъ, ибо Онъ посѣщаетъ васъ наказаніями, а послѣ печалей возвеселяетъ, какъ и всегда дѣлаетъ съ людьми благочестивыми“. Описавши огорченія, претерпѣнныя мужемъ и женою, Ѳеофанъ особенно останавливается на притѣсненіи отъ Меншикова и не даетъ пощады падшему: „Васъ постигло то, что почти превышаетъ мѣру вѣроятія. Этотъ бездушный человѣкъ, эта язва, этотъ негодяй, которому нѣтъ подобнаго, васъ, кровь Петрову, старался унизить до той низкой доли, изъ которой самъ, рукою вашихъ родителей, былъ возведенъ почти до царственнаго состоянія и, въ-добавокъ, наглый человѣкъ показалъ примѣръ неблагодарной души въ такой же мѣрѣ, въ какой былъ облагодѣтельствованъ. Этотъ колоссъ изъ пигмея, оставленный счастіемъ, которое довело его до опьяненія, упалъ съ великимъ шумомъ. Что же касается до васъ, то вы можете ожидать всего лучшаго отъ того, что поставленъ въ безопасности августѣйшій вашъ племянникъ, нашъ всемилостивѣйшій государь; но и въ вашемъ домѣ Отецъ щедротъ посѣтилъ васъ своею милостію, даровалъ вамъ сына. Поздравляя васъ съ такимъ благомъ, дарованнымъ для васъ, для августѣйшей фамиліи, для многихъ царствъ и народовъ, молю всеблагаго Бога, чтобъ Онъ, услышавъ ваши молитвы, увѣнчалъ ваши надежды исполненіемъ, и сохранилъ родителей и рожденнаго невредимо радостными и цвѣтущими на многія лѣта“.

Пожеланія Ѳеофана не пошли въ-прокъ. По поводу крещенія новорожденнаго принца, въ Килѣ была иллюминація и фейерверкъ. Герцогиня хотѣла смотрѣть ихъ и стояла у открытаго окна въ холодную и сырую ночь; придворныя дамы представляли ей опасность и затворили окно; она смѣялась надъ ними, хвалясь своимъ русскимъ здоровьемъ; но ихъ опасенія сбылись: герцогиня простудилась и скончалась на десятый день [1]) (4 мая). Такъ какъ въ завѣщаніи она просила, чтобъ тѣло ея положено было при гробахъ родительскихъ, то велѣно было отправить въ Голштинію генералъ-майора Бибикова съ архимандритомъ, тремя священниками, діаконами и пѣвчими и потребною утварью на кораблѣ „Рафаилъ“ и фрегатѣ „Крейсеръ“, подъ командою контръ-адмирала Бредаля [2]).

Въ томъ же году случилась бѣда съ человѣкомъ, котораго при Петрѣ Великомъ придворные слухи назначали женихомъ цесаревны Анны Петровны, съ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ. Мы видѣли, что онъ попался въ девьеровское дѣло и былъ сосланъ въ свои деревни. Нарышкинъ жилъ въ подмосковномъ селѣ своемъ Чашниковѣ; когда ему дали знать, что императоръ охотился по близости, и что ему, Нарышкину, слѣдуетъ выѣхать къ государю съ поклономъ, то онъ отвѣчалъ: „Что мнѣ ему съ чего поклоняться? Я и почитать его не хочу; я самъ таковъ же, какъ и онъ, и думалъ на царствѣ сидѣть, какъ онъ; отецъ мой государствомъ правилъ; дай мнѣ выйти изъ этой нужды—я знаю что сдѣлать!“—„Его императорское величество, по примѣрной своей къ милосердію склонности и великодушію, не указалъ оное дѣло розыскомъ вести, и чтобъ оное, яко весьма мерзкое и ужасное, не могло-бъ разгласиться и въ народѣ разсѣяно быть, того ради его величество указалъ послать его, Нарышкина, въ дальнюю его деревню“.

Цесаревна Елисавета осталась въ Россіи—предметомъ исканія для разныхъ жениховъ, предметомъ нескончаемыхъ толковъ для придворныхъ министровъ иностранныхъ. Виднѣе всѣхъ молодыхъ людей былъ фаворитъ императора, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, привязанность Петра къ которому достигла высшей степени, и вотъ начинаются толки, что князь Иванъ влюбленъ въ Елисавету, и что Остерманъ, безъ котораго ничто не можетъ сдѣлаться, нарочно раздуваетъ эту страсть, чтобъ погубить обоихъ, и Елисавету и Долгорукаго. Откажутъ въ рукѣ Елисаветы знаменитому жениху всѣхъ выгодныхъ невѣстъ, Морицу Саксонскому, выскажется князь Долгорукій съ негодованіемъ о предложеніи Морица,—это служитъ подтвержденіемъ, что онъ самъ имѣетъ виды на цесаревну. Другой вопросъ первой важности, занимающій всѣхъ:—это въ какихъ отношеніяхъ находятся двѣ силы — Долгорукіе и Остерманъ. Остерманъ столкнулся съ фаворитомъ, поссорились; Остерманъ помирился съ фаворитомъ—вотъ важнѣйшія новости: отъ этого зависитъ возвращеніе Двора въ Петербургъ, чего желаетъ Остерманъ и чего не хотятъ русскіе вельможи. Если фаворитъ помирился съ Остерманомъ, то и онъ будетъ уговаривать императора возвратиться въ Петербургъ; да прочно ли это примиреніе? Князь Иванъ ненавидитъ Остер-

[1]) Записки Штелина о Петрѣ III.

[2]) Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Москов. архивѣ министр. иностр. дѣлъ.

мана; а князь Алексѣй расположенъ теперь къ Остерману, считаетъ его умницею; князь Алексѣй не любитъ сына своего Ивана, фаворита, любитъ другого,—вслѣдствіе чего самые представительные изъ Долгорукихъ дѣлятся: князь Василій Лукичъ на сторонѣ князя Алексѣя, направляетъ имъ; князь Василій Владиміровичъ - на сторонѣ фаворита. Остерманъ пользуется этимъ разъединеніемъ, держится, и крѣпко держится, направляетъ дѣлами внутренними и внѣшними. Его не любятъ, противъ него работаютъ при Дворѣ; но случись какое-нибудь трудное дѣло въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ,—всѣ обращаются къ Остерману, потому что онъ трудолюбивъ, на него всѣ любятъ складывать тяжесть подробностей.

Остерманъ держится крѣпко, но покоенъ быть не можетъ; онъ силенъ разъединеніемъ противниковъ; но его партія слаба, ему не на кого опереться въ случаѣ невзгоды; уже толковали, что старый Головкинъ долженъ будетъ отказаться отъ должности великаго канцлера; но его мѣсто займетъ не Остерманъ, а князь Василій Лукичъ Долгорукій, человѣкъ, имѣющій большую дипломатическую опытность и свой взглядъ, противоположный взгляду Остермана. Петръ отвыкъ совершенно отъ серьезнаго занятія, отъ серьезныхъ разговоровъ; кто хотѣлъ приблизиться къ нему, тотъ долженъ былъ говорить о вещахъ ему пріятныхъ, доступныхъ, объ охотѣ, собакахъ и т. п. Остерманъ не могъ, не умѣлъ объ этомъ говорить: что же ему оставалось? Да и трудно было найти доступъ къ императору: онъ надолго уѣзжаетъ изъ Москвы на охоту съ Долгорукими, которые могли, умѣли съ нимъ говорить, умѣли забавлять его, и потому овладѣли имъ. Петръ дичалъ, горизонтъ его суживался; ему неловко уже становилось при чужихъ людяхъ, а чужими становились всѣ тѣ, которые не участвовали въ его забавахъ. Внукъ завелъ свою *компанію;* но эта компанія походила однимъ только на компанію дѣда—безцеремонностію, грубостію обращенія. Фаворитъ охорашивался предъ иностранными министрами, которые заявляли ему, что онъ не Меншиковъ, не изъ черни, но человѣкъ знатный, образованный; что ему слѣдуетъ блюсти за молодымъ государемъ, сдерживать его; фаворитъ охорашивался, начиналъ играть роль недовольнаго и отзываться съ презрѣніемъ о компаніи, въ которой отецъ его былъ главнымъ лицомъ; фаворитъ говорилъ, что не ѣздитъ за городъ съ государемъ потому, что не хочетъ быть свидѣтелемъ глупостей, которыя заставляютъ дѣлать Петра, и наглости, съ какою компанія обращается съ нимъ [1]). Но иностранные министры подозрѣвали, что фаворитъ не ѣздитъ съ царемъ для того только, чтобъ во время отсутствія царя предаваться собственнымъ удовольствіямъ; русскіе современники своими разсказами подтверждали ихъ подозрѣнія [2]).

Фаворитъ съ негодованіемъ отзывался о забавахъ императора во время его выѣздовъ; но если онъ дѣйствительно чувствовалъ негодованіе, то не имѣлъ силы характера, гражданскаго мужества для того, чтобъ воспользоваться своимъ вліяніемъ для противодѣйствія этимъ забавамъ, или считалъ, подобно Остерману, всякое противодѣйствіе безполезнымъ для царя, и только вреднымъ для того, кто захочетъ противодѣйствовать. Фаворитъ уклонялся отъ выѣздовъ по какимъ бы то ни было побужденіямъ; не провожала императора и тетка, цесаревна Елисавета: между нею и племянникомъ произошло охлажденіе; она жила въ уединеніи; но вредныя для ея репутаціи слухи не переставали кружить въ обществѣ; пріятели Долгорукихъ толковали, что князь Алексѣй нарочно увозитъ императора такъ часто и на такое продолжительное время изъ Москвы, чтобъ удалить его отъ опасной Елисаветы. Сталъ нравиться императору камергеръ, князь Сергѣй Димитріевичъ Голицынъ, сынъ князя Димитрія, человѣкъ, по отзывамъ современниковъ, достойный; допустить вліяніе Голицыныхъ—страшная опасность для Долгорукихъ, и князя Сергѣя постарались удалить, назначивъ его посланникомъ въ Берлинъ. Прежде сильнымъ вліяніемъ на императора пользовалась сестра его, великая княжна Наталья, проводница остермановскаго вліянія; но болѣзненная Наталья занемогла лѣтомъ 1728 года, не могла слѣдить за братомъ, провожать его на охоту, и 22 ноября скончалась. Такимъ образомъ, не было болѣе никакого вліянія, которое бы противодѣйствовало вліянію Долгорукихъ; изъ женщинъ Петра провожали на его прогулки княгиня Долгорукая, жена князя Алексѣя, съ двумя дочерьми, и стали толковать, что одна изъ нихъ будетъ объявлена невѣстою императора.

[1]) Маньянъ, Лирія, Лефортъ, у Германа—Geschichte des russ. Staates.

[2]) Князь М. Щербатовъ (о поврежденіи нравовъ въ Россіи) говоритъ: «Кн. Ив. Алекс. Долгоруковъ былъ молодъ, любилъ распутную жизнь, и всѣми страстями, къ каковымъ подвержены младые люди, не имѣющіе причины обуздывать ихъ, былъ обладаемъ. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліе мѣсто прежде бывшаго порядку заступили. Въ примѣръ сему, къ стыду того вѣка скажу, что слюбился онъ, или, лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ между прочими жену К. Н. Е. Т., рожденную Головкину, и не токмо безъ всякой закрытности съ нею жилъ, но при частныхъ съѣздахъ у К. Т. съ другими своими младыми сообщниками пивалъ до крайности, бивалъ и ругивалъ мужа, бывшаго тогда офицеромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ генералъ-майора, и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ прелюбодѣянія жены своей сносящаго. И мнѣ самому случилось слышать, что единожды, бывъ въ домѣ сего кн. Трубецкаго, по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ выкинуть его въ окошко, и если Степанъ Васильевичъ Лопухинъ, свойственникъ государевъ по бабкѣ его Лопухиной, бывшій тогда камеръ-юнкеромъ у Двора и въ числѣ любимцевъ князя Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было. Но любострастіе его одною или многими не удовольствовалось, и онъ иногда пріѣзжающихъ женщинъ, изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружающіе его однородцы и другіе младые люди, самымъ распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не болѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ Турокъ во взятомъ градѣ».

„Все въ Россіи въ страшномъ разстройствѣ,“ доносили иностранные посланники своимъ Дворамъ: „царь не занимается дѣлами и не думаетъ заниматься; денегъ никому не платятъ, и Богъ знаетъ, до чего дойдутъ финансы; каждый воруетъ, сколько можетъ. Всѣ члены Верховнаго Совѣта нездоровы и не собираются; другія учрежденія также остановили свои дѣла; жалобъ бездна; каждый дѣлаетъ то, что ему придетъ на умъ. Объ исправленіи всего этого серьезно никто не думаетъ, кромѣ барона Остермана, который одинъ не въ состояніи сдѣлать всего“ [1]). Въ этихъ извѣстіяхъ была правда. Дѣйствительно, съ перваго взгляда все должно было представляться въ страшномъ разстройствѣ; но, при этомъ видимомъ разстройствѣ правительственной машины, болѣе внимательные наблюдатели [2]) замѣчали однако, что народъ вообще былъ доволенъ; это довольство происходило прежде всего отъ мира, продолжавшагося уже семь-восемь лѣтъ, отъ уменьшившися тягостей, поборовъ людьми и деньгами, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ при Екатеринѣ I-й; но послѣдствія этихъ мѣръ оказывались только теперь; торговля и промышленность усиливались, благодаря дѣятельности остермановской „коммисіи о коммерціи“. Что же касается до злоупотребленій, до безцеремоннаго обращенія съ казенными деньгами, то всякій иностранецъ и прежде, и послѣ могъ услыхать нѣсколько поразительныхъ примѣровъ, и, на ихъ основаніи, провозглашать страшное разстройство. Посмотримъ же, на основаніи свидѣтельствъ неголословныхъ, что было сдѣлано въ это время и хорошаго и дурного [3]).

Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ половина членовъ—Апраксинъ, Головкинъ и Голицынъ—были недовольны; императоръ не присутствуетъ въ Совѣтѣ, и двое членовъ его, князь Алексѣй Долгорукій и Остерманъ, являются посредниками между императоромъ и Совѣтомъ; сами они почти никогда не ходятъ въ засѣданія, и къ нимъ нужно посылать мнѣнія Совѣта съ просьбою провести дѣло, доложивъ императору. Мы привели образчикъ подобной отсылки мнѣнія Совѣта къ князю Алексѣю Долгорукому по поводу дѣла княгини Волконской. Для примѣра подобныхъ же сношеній съ Остерманомъ можно привести слѣдующій случай: 4 сентября 1728 года, въ собраніи Совѣта положено было перемѣнить при гетманѣ въ Малороссіи министра, послать вмѣсто Ѳедора Наумова кого-нибудь другого, и представлены кандидаты, генералы—Матюшкинъ, Мамоновъ и Салтыковъ—съ запискою; объ этомъ рѣшеніи посланъ былъ къ барону Андрею Ивановичу Остерману оберъ-секретарь, которому велѣно просить барона, чтобъ изволилъ о томъ доложить императорскому величеству. Остерманъ приказалъ господамъ министрамъ донесть, что по запискѣ ихъ императору докладывать нельзя, потому что не означено точно, кому изъ трехъ особъ быть при гетманѣ; онъ, баронъ, думаетъ, что императоръ изволитъ спрашивать ихъ министерскаго мнѣнія, и для того изволили бы точно опредѣлить, кому при гетманѣ быть; баронъ изволилъ при этомъ также сказать, что завтра у цесаревны Елисаветы Петровны на имянинахъ изволитъ быть императоръ, будутъ и министры,—слѣдовательно тутъ всѣмъ сообща можно будетъ доложить его величеству. Министры, Апраксинъ, Головкинъ, князь Василій Лукичъ Долгорукій и Голицынъ, написали другую записку, гдѣ указали прямо на Салтыкова; но докладъ послѣдовалъ только 23 октября, и государь посылать Салтыкова въ Малороссію не указалъ [4]). 9 ноября того же года Совѣтъ потерялъ старшаго изъ своихъ членовъ, генералъ-адмирала графа Апраксина.

Восшествіе на престолъ Петра II-го удовлетворяло огромное большинство въ народѣ, и потому не могло быть значительныхъ протестовъ; Преображенскому Приказу было мало дѣла, и его уничтожили 4 апрѣля 1729 года въ самый приличный день, въ Страстную пятницу; дѣла его были раздѣлены между Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ, смотря по важности. Сенаторамъ опять въ 1728 году Верховный Совѣтъ сдѣлалъ замѣчаніе въ небрежномъ отправленіи должности, велѣлъ спросить, для чего не сидятъ [5]). Въ коллегіяхъ попрежнему чувствовался недостатокъ въ способныхъ членахъ; опытъ показалъ, что приглашеніемъ иностранцевъ горю помочь нельзя, и Остерманъ, въ маѣ 1728 года, представилъ, что въ коллежскихъ членахъ великій недостатокъ, и когда случаются ваканціи или отлучки, тогда опредѣляются отъ другихъ дѣлъ люди непривычные. Поэтому разсуждено, чтобъ во всѣ коллегіи выбрать по три человѣка изъ молодаго шляхетства, которымъ быть тамъ для обученія, и хотя имъ голосовъ не имѣть, однако разсужденія отъ нихъ требовать [6]). Лѣтомъ того же года велѣно было коллегіямъ—Военной, Юстиціи, Камеръ, Бергъ и Ревизіонъ и докладной канцеляріи быть въ Москву,—знакъ, что Дворъ намѣренъ былъ остаться въ древней столицѣ; въ Петербургѣ оставлены были конторы подъ управленіемъ одного члена. Въ Москвѣ уже начали чувствовать неудобства сосредоточенія всѣхъ дѣлъ въ губернаторской канцеляріи, и потому начали думать объ учрежденіи особыхъ приказовъ, одного для дѣлъ гражданскихъ, другого—для уголовныхъ, въ которыхъ было бы по одному судьѣ съ товарищемъ; изъ Московской губерніи было показано 21,388 нерѣшенныхъ дѣлъ [7]). Въ сентябрѣ составленъ былъ въ Сенатѣ и одобренъ въ Тайномъ Совѣтѣ наказъ губернаторамъ, воеводамъ и ихъ то-

[1]) Лирія, Лефортъ.
[2]) См. Отзывъ Манштейна о царствованіи Петра II.
[3]) Журналы Верх. Тайн. Сов.
[4]) Журналы Верх. Тайн. Сов.
[5]) Журналы Верх. Тайн. Сов.
[6]) Журналы Верх. Тайн. Сов.
[7]) Журналы Верх. Тайн. Сов.—Полн. Собран. Закон. № 5281; Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Государ. архивѣ.

варищамъ [1]), необходимый вслѣдствіе того, что въ предшествовавшее царствованіе отступили отъ направленія Петра Великаго, соединили всѣ дѣла попрежнему въ одномъ губернаторскомъ и воеводскомъ управленіи, только подчинивши городовыхъ воеводъ провинціальнымъ воеводамъ, а этихъ—губернаторамъ. Въ наказѣ говорится: „Всѣ прежде бывшія въ разныхъ конторахъ дѣла, *а нынѣ въ единой собранныя*, между канцелярскими служителями росписать, какъ прежде бывало, повытья или столы, то-есть: у которыхъ судныя и розыскныя дѣла или счеты и прочее имъ подобное, у такихъ никакого денежнаго прихода не было-бъ, а у которыхъ денежный пріемъ и расходъ, такимъ прочихъ судныхъ и розыскныхъ дѣлъ не придавать. Во всѣхъ городахъ въ ратушахъ бурмистрамъ судъ имѣть между купечествомъ, и кто на купцовъ будетъ бить челомъ, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, которыя поручены губернаторамъ и воеводамъ, въ гражданскихъ дѣлахъ отъ бурмистровъ аппеляціи къ воеводамъ и губернаторамъ, а отъ губернатора въ Юстицъ-Коллегію. Дворцовые крестьяне судятся между собою въ Дворцовой Канцеляріи, но въ уголовныхъ дѣлахъ у губернаторовъ и воеводъ. Синодскаго вѣдомства крестьянамъ и приказчикамъ и прочимъ чинамъ, кромѣ духовныхъ, въ судахъ и розыскныхъ дѣлахъ быть въ вѣдѣніи губернаторовъ и воеводъ, а въ крестьянскихъ собственныхъ ссорахъ, въ брани, въ бою, въ займахъ, расправу имѣть управителямъ и приказчикамъ такъ, какъ помѣщики съ своими крестьянами поступаютъ". Подушный сборъ положенъ на губернаторовъ и воеводъ, которые имѣютъ окладныя книги и по этимъ книгамъ собираютъ деньги по третямъ года; для сбора быть при нихъ земскимъ коммисарамъ; деньги эти губернаторы отдаютъ штабъ-офицерамъ, присланнымъ Военною Коллегіею, а эти отсылаютъ куда слѣдуетъ по указамъ. Кромѣ подушныхъ денегъ, собираемыхъ на войско, губернаторы и воеводы должны имѣть отъ Камеръ-Коллегіи окладную книгу всякимъ доходамъ. Если гдѣ явится моровая язва, то около тѣхъ мѣстъ по всѣмъ дорогамъ и по малымъ стежкамъ поставить крѣпкія заставы, дабы отнюдь никакого проѣзда и прохода не было. Въ которыхъ домахъ язва явится, изъ тѣхъ домовъ людей вывесть въ особыя пустыя мѣста и около ихъ завалить и зарубить лѣсомъ, дабы они никуда не расходились, а пищу и питье приносить имъ и класть въ виду отъ нихъ и, не дожидаясь ихъ, принесшимъ здоровымъ людямъ отходить немедленно, а домы ихъ съ пожитками, скотомъ и лошадьми, если, возможно, сжечь съ такимъ осмотрѣніемъ, чтобъ оттого другіе домы не погорѣли. За безопасностію отъ пожаровъ въ городахъ смотрятъ ратуши и бурмистры подъ вѣдѣніемъ губернаторовъ и воеводъ. Мѣры предосторожности старыя: для стряпни лѣтомъ дѣлать печи на дворахъ, въ огородахъ, подальше отъ строенія, а въ хоромахъ лѣтомъ нигдѣ не должны топить и поздно съ огнемъ не сидѣть; если особой печи за тѣснотою сдѣлать будетъ нельзя, то съ мая по сентябрь топить только два раза въ недѣлю.

Старыя предосторожности противъ огня, старые пожары! 23 апрѣля 1729 года, въ шесть часовъ вечера, въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ загорѣлся домъ, и въ полчаса пламя обхватило уже шесть или восемь домовъ. Гвардейскіе солдаты съ топорами въ рукахъ прибѣжали на пожаръ, и стали, какъ бѣшеные, врываться въ дома и грабить, грозя топорами хозяевамъ, когда тѣ хотѣли защищать свое добро, и все это происходило передъ глазами офицеровъ, которые не могли ничего сдѣлать. Другіе Русскіе, сбѣжавшіеся на пожаръ, говорили громко: „Что за важность! горятъ все Нѣмцы да Французы". Государя не было въ Москвѣ; увидавши зарево, онъ прискакалъ во весь духъ, и его присутствіе остановило грабежъ; солдаты начали помогать тушить. Пожаръ однако продолжался до двухъ часовъ ночи; сгорѣло 124 дома, не считая флигелей и службъ; потеря простиралась до 300,000 рублей. Когда Петру донесено было о грабежѣ, то онъ велѣлъ забрать виновныхъ; но фаворитъ постарался затушить дѣло, чтобъ выгородить гренадеръ, которые всѣ были замѣшаны, а онъ былъ ихъ капитаномъ [2]).

Другое бѣдствіе продолжало свирѣпствовать въ прежнихъ размѣрахъ: это разбои, происходившіе особенно на Восточной Украйнѣ, въ странахъ близкихъ къ казачеству, гдѣ еще пахло разинскимъ духомъ. Въ 1728 году Верховный Тайный Совѣтъ узналъ, что въ Алатырскомъ уѣздѣ разбойники, человѣкъ съ 40, выжгли село князя Куракина, Пряшево, и приказчика убили; сожжено было двѣ церкви и больше 200 дворовъ. Писали, что пострадало не одно это село, и разбойники стоятъ близъ Алатыри въ большомъ количествѣ со всякимъ оружіемъ и пушками, и хвалятся, что возьмутъ и разорятъ городъ, гдѣ гарнизона нѣтъ, и для поимки воровъ послать некого. Писали, что разбойники ѣздятъ многолюдствомъ и разоряютъ въ Пензенской провинціи и другихъ низовыхъ уѣздахъ, помѣщиковъ и крестьянъ мучатъ и бьютъ; самое главное пристанище ихъ въ селѣ Торцевѣ, гдѣ поселилось, года въ четыре, всякаго *многонаброднаго* народа съ пять тысячъ человѣкъ, живутъ въ горахъ, земляныхъ избахъ и лачугахъ; другіе поселились въ пустыхъ мѣстахъ на вершинѣ рѣки Хопра, по двумъ рѣчкамъ Сетреницамъ и по рѣчкѣ Терешкѣ; иные вновь селятся въ пустыхъ разоренныхъ деревняхъ на рѣчкѣ Печалойкѣ, а деревни эти разорены и выжжены за воровство, и жители высланы на старыя жилища. Совѣтъ предписалъ деревни эти опять разорить, бѣглыхъ бить кнутомъ и выслать на прежнія жилища, и вновь селиться не

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5333.

[2]) Маньянъ и Лиріа.

позволять; противъ разбойниковъ послать генералъ-майора или полковника съ драгунами [1]).

Еще было старое зло, противъ котораго правительство тщетно придумывало разныя средства: то были грабежи и проволочка дѣлъ въ судахъ. Мы видѣли, что въ царствованіе Екатерины, для скорѣйшаго составленія Уложенія, придумали назначить къ этому дѣлу по двѣ персоны изъ духовныхъ, гражданскихъ, военныхъ и изъ магистрата. Но дѣло не двинулось. Теперь придумали другое средство; вѣроятно кто-нибудь вспомнилъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были выборные изъ областей. Кромѣ того, перемѣнили планъ: оставили сводъ Русскаго Уложенія съ иностраннымъ, велѣли прежнее Уложеніе пополнить, для чего всѣ указы и новоуказныя статьи разобрать,—которыя изъ нихъ явятся въ пополненіе старому Уложенію, а не въ противность, или что еще потребно сверхъ того пополнить, то выписывать и приносить въ Сенатъ, а въ Сенатѣ слушать немедленно; и когда будетъ утверждено, подавать въ Верховный Тайный Совѣтъ, и когда здѣсь будетъ одобрено, то, напечатавъ, присоединять къ соотвѣтствующимъ главамъ Уложенія. Чтобъ не было проволочки, какъ только разобраны будутъ соотвѣтствующіе извѣстной главѣ указы, такъ сейчасъ же представлять ихъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, не дожидаясь остальныхъ. Для этого дѣла выслать въ Москву изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ, за выборомъ изъ шляхетства, которымъ давать по полтинѣ на день человѣку жалованья [2]). Новая тяжелая служба! Только-что нѣкоторые высвободились изъ полковъ по недавнимъ указамъ, чтобъ пожить въ деревняхъ, и вотъ надобно снова ѣхать въ Москву! Разумѣется, начали отбывать; притомъ лучшіе и знающіе люди были у дѣлъ, и здѣсь былъ въ нихъ недочетъ:—гдѣ же было сыскать праздныхъ? Прислали кого-попало, вовсе недобрыхъ и незнающихъ людей, глухихъ и хромыхъ, старыхъ и дряхлыхъ, мелкопомѣстныхъ, имѣвшихъ по одному двору, или даже и ни одного,—и опять указъ: „Указали мы офицеровъ и дворянъ, которыя изъ губерній высланы къ Москвѣ для сочиненіе Уложенія, нынѣ отпустить въ домы ихъ попрежнему; а къ губернаторамъ послать наши указы, чтобъ на ихъ мѣсто выбрали другихъ знатныхъ и добрыхъ людей, которые-бъ къ тому дѣлу были достойны, изъ каждой губерніи по *два* человѣка, согласясь губернаторамъ обще съ дворянами, и тѣ выборы, закрѣпя имъ, губернаторамъ и тѣмъ дворянамъ, прислать прежде ихъ (выборныхъ) высылки въ Верховный Тайный Совѣтъ, а ихъ самихъ до нашего указа къ Москвѣ не высылать. А ежели усмотрѣно будетъ, что губернаторы выберутъ къ тому дѣлу неспособныхъ людей, то взыскано будетъ на нихъ, и для того повелѣно будетъ съ такими людьми къ Москвѣ быть самимъ губернаторамъ или товарищамъ ихъ, чтобъ могли сами отвѣтствовать“ [3]).

Относительно поправки финансовъ, казалось, все было придумано въ прошедшее царствованіе, какъ бы ограничить расходы, и оставалось только барону Остерману въ своей коммисіи о коммерціи хлопотать о поднятіи промышленности и торговли, и посредствомъ ихъ увеличивать доходы. По доношенію коммисіи о коммерціи, императорское величество, милосердуя къ вѣрнымъ своимъ подданнымъ, повелѣлъ табачный торгъ отворить въ вольную продажу съ платежемъ пошлинъ, дабы купечество отъ преждебывшей при табачной продажѣ службы не токмо были свободны, но тѣмъ табачнымъ торгомъ пользовались; а казенную продажу и табачные откупы отставить, и впредь онымъ не быть, и ни подъ какимъ предлогомъ и вымысламъ не вчинать [4]). Коммисія о коммерціи увидала пониженіе вексельнаго курса, вредъ отъ этого торговлѣ, убытокъ казнѣ; начала разсуждать, отчего это происходитъ, и нашла, что изъ разныхъ коллегій и канцелярій ежегодно за моря переводятъ чрезъ вексель большія суммы денегъ; въ Россіи иноземцамъ по договору за высылку матеріаловъ выдаются изъ казны большія деньги; русскіе купцы за море на свой счетъ товаровъ мало, или и ничего не посылаютъ, и кому изъ нихъ случится въ деньгахъ нужда за моремъ, берутъ у иноземцевъ векселя; и когда на вексель изъ казны отдача случается, то иноземцы векселя низко держатъ. Для поправленія вексельнаго курса, коммисія признавала лучшимъ средствомъ то, чтобъ русскіе купцы сами умножили отпуски своихъ товаровъ за море и корреспондентовъ имѣли, потому что въ другихъ государствахъ деньги на государственные расходы чрезъ купцовъ переводятъ, а своего государственнаго капитала въ чужихъ краяхъ не имѣютъ. Но такъ какъ нельзя скоро сравнять русское купечество съ иностраннымъ въ этомъ отношеніи, то коммисія придумала такой способъ: чтобъ казенные товары, которые продаются при русскихъ гаваняхъ, поташъ, смольчугъ, сибирское желѣзо, икру, клей, треску и сало продавать въ 1728 году на готовые ефимки, которые отдать въ Голландіи или Гамбургѣ кому-нибудь въ коммисію, чтобъ при первомъ случаѣ хотя небольшой капиталъ въ тамошнихъ мѣстахъ завесть; если въ нынѣшнемъ году казенные товары будутъ у портовъ дешевѣть, то отпустить ихъ на казенный счетъ въ коммисію этому извѣстному лицу и приказать, чтобъ тамъ ихъ продали, а вырученные ефимки держали для подачи по векселямъ въ готовности; а съ 1729 года учредить особенную коммисію, или контору, которая бы, по образцу регулярныхъ купеческихъ конторъ, могла производить покупку и продажу казенныхъ товаровъ за моремъ и держать деньги и

[1]) Журналы Верх. Тайн. Сов.; Полн. Собран. Закон. № 5290.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 5287.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 5412. Сборникъ Русск. истор. общ. II, 394.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 5164.

векселя для государственныхъ расходовъ, также безъ подрядовъ высылать иностранное серебро въ монетное дѣло [1]). Въ 1729 году коммисія о коммерціи сочинила Вексельный Уставъ [2]) „для пользы и лучшаго распорядка въ купечествѣ и для удержанія излишнихъ расходовъ и опасностей“.

Усиленіе промысловъ было также предметомъ заботъ коммисіи о коммерціи. Такъ, она нашла, что слюдяный промыселъ въ Архангельской губерніи и Сибири не размножается потому, что берутъ съ промышленниковъ въ казну десятый пудъ лучшею слюдою, и другія препятствія дѣлаются. По представленію коммисіи, промыслу слюдою дана была вольность,—кто захочетъ, тотъ и промышляетъ безпрепятственно, и вмѣсто десятаго пуда брать пошлину съ настоящей цѣны по гривнѣ съ рубля [3]). По представленію той же коммисіи, съ 1728 года соляные промыслы и продажа соли отданы были въ вольную торговлю [4]). Наконецъ коммисія о коммерціи представила, что изъ сибирскихъ отдаленныхъ мѣстъ ѣздить за позволеніемъ заводить разные металлическіе заводы не только въ Петербургъ, но и въ Екатеринбургскій бергъ-амтъ тяжело, притомъ же заводчикъ долженъ серебро и мѣдь отдавать въ казну и платить отъ прибыли десятую долю, что невозможно дѣлать изъ отдаленныхъ сибирскихъ мѣстъ, и потому въ землѣ скрытое богатство и общая польза остается туне. Вслѣдствіе этого представленія, состоялся указъ: за Тобольскомъ въ Иркутской и Енисейской провинціяхъ всякій можетъ строить заводы, какіе захочетъ, свободно и безвозбранно, и всѣ выработанные металлы и минералы свободно продавать съ платежемъ одной таможенной пошлины; десятой доли отъ прибыли не брать десять лѣтъ; но за границу золото и серебро отпускать запрещается. Горное начальство должно оказывать этимъ заводчикамъ всякое вспоможеніе, давать мастеровъ и учениковъ безденежно. Такъ какъ въ Сибири находятся многіе цвѣтные каменья, то добыватели могутъ продавать ихъ безъ всякой пошлины и явки [5]).

О крестьянахъ особой коммисіи не было; но вопросъ, возбудившій такое сильное вниманіе въ предшествующее царствованіе, вопросъ о необходимости облегченія участи крестьянъ,—удерживалъ свою важность и теперь: въ іюлѣ 1729 года Сенату объявленъ былъ приказъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобъ подушныхъ денегъ въ работную пору не правили [6]).

Всѣ современники, какъ описывающіе черными красками состояніе Россіи въ царствованіе Петра II, такъ и находившіе свѣтлыя стороны въ этомъ времени, одинаково жалуются на печальное состояніе арміи и флота. Роспускъ офицеровъ по домамъ, предпринятый, какъ мы видѣли, въ финансовыхъ цѣляхъ, не могъ не подѣйствовать вредно на армію и флотъ; кромѣ того, послѣ ссылки Меншикова, не было президента Военной Коллегіи; Минихъ былъ вице-президентомъ; но когда Коллегія отправилась въ Москву, онъ остался въ Петербургѣ по другимъ своимъ занятіямъ. Въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ разсуждали, что когда Военною Коллегіею завѣдывалъ князь Меншиковъ, то, вслѣдствіе непорядочнаго управленія, армія пришла въ слабость, оказывается недостатокъ въ аммуниціи и магазинахъ; многіе молодые и способные офицеры отставлены, и потому необходимо опредѣлить въ Военную Коллегію президента человѣка знатнаго, заслуженнаго и умнаго, который бы могъ все то поправить; также очень нужно быть генералъ-кригсъ-коммисару для осмотрѣнія армейскихъ полковъ; въ эту должность надобно взять Григорія Чернышева изъ Риги; въ Смоленскѣ, какъ порубежномъ городѣ, нужно быть русскому губернатору; въ Ригу, на мѣсто Чернышева, отправить Матюшкина; въ Петербургъ генералъ-губернаторомъ назначить князя Ивана Трубецкаго. Въ октябрѣ 1729 года Верховный Тайный Совѣтъ доложилъ государю, что въ Военной Коллегіи уже давно нѣтъ президента и членовъ недостаточно, вслѣдствіе чего въ дѣлахъ слабое отправленіе и остановка, особенно относительно добраго содержанія арміи, снабженія ея какъ людьми, такъ и мундиромъ. Въ 1726 г., при императрицѣ Екатеринѣ, велѣно было для этого учредить особую коммисію, но указъ не былъ приведенъ въ исполненіе; поэтому Верховный Тайный Совѣтъ думаетъ, что теперь надобно его привести въ исполненіе, разсмотрѣть, какимъ бы образомъ армію содержать въ добромъ и исправномъ порядкѣ, безъ излишнихъ расходовъ; освидѣтельствовать армейскіе полки съ того времени, какъ начался подушный сборъ: сколько въ каждомъ году который получилъ жалованья, мундира и аммуниціи, провіанта и фуража, и что противъ положенія въ которомъ году должно быть въ остаткѣ. Коммисія должна разсмотрѣть штабъ и оберъ-офицеровъ, которые, по кончинѣ Петра Великаго, отъ армейской службы отставлены и опредѣлены къ дѣламъ, также которые и вовсе отъ дѣлъ уволены, и если которые изъ нихъ окажутся еще годными къ армейской службѣ, тѣхъ опредѣлить въ нее попрежнему, чтобъ при полкахъ было больше старыхъ офицеровъ. Въ этой коммисіи быть генералъ-фельдмаршаламъ, находящимся теперь въ Москвѣ, и съ ними потребному числу изъ генералитета и полковниковъ [7]). Но обстоятельства помѣшали и теперь коммисіи составиться; не могло осуществиться и намѣреніе Остермана — устроить весною 1729 года въ окрестностяхъ Москвы лагерь въ 12 или 15 тысячъ человѣкъ и попробовать,

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5273.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 5410.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 5171.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 5219.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 5163.
[6]) Полн. Собр. Зак. № 5451.

[7]) Полн. Собр. Зак. № 5474; дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ Гос. архивѣ.

*

нельзя ли этимъ средствомъ удержать хотя на нѣсколько времени Петра отъ его безплодныхъ поѣздокъ и дать ему нѣкоторое понятіе о военномъ искусствѣ [1]). Но люди, въ рукахъ которыхъ находилась теперь власть, успѣли провести выгодную для себя мѣру, которой, какъ мы видѣли, они не могли провести при Екатеринѣ: запрещено было принимать въ полки вольницу изъ боярскихъ людей и крестьянъ [2]).

Строеніе кораблей было прекращено, хотѣли ограничиться строеніемъ однѣхъ галеръ. Въ 1728 г., въ собраніи Верховнаго Тайнаго Совѣта, бывшемъ въ Слободѣ (Нѣмецкой), во дворцѣ, по довольномъ разсужденіи, императоръ указалъ: для избѣжанія напрасныхъ убытковъ корабли большіе, средніе и малые фрегаты, что касается корпуса ихъ и принадлежащаго къ нимъ такелажа, содержать во всякой исправности и починкѣ, чтобъ, въ случаѣ нужды, немедленно можно было вооружить ихъ къ походу; провіантъ и прочіе припасы заготовлять на нихъ подождать, только изготовить изъ меньшихъ кораблей пять—для обыкновеннаго крейсированія въ морѣ, для обученія офицеровъ и матросовъ, а въ море безъ указу не входить; фрегатовъ къ Архангельску послать два, да сверхъ того два флейта; а въ Остзеѣ крейсировать двумъ фрегатамъ, однако не далѣе Ревеля; галерамъ же быть въ полномъ числѣ, готовить и дѣлать ихъ неослабно [3]). Разсказываютъ, что Остерманъ, желая все возвратить Петра въ Петербургъ, подговорилъ родственника его, моряка Лопухина, представить ему, что флотъ исчезаетъ вслѣдствіе удаленія его отъ моря; Петръ отвѣчалъ: „Когда нужда потребуетъ употребить корабли, то я пойду въ море; но я не намѣренъ гулять по немъ, какъ дѣдушка“ [4]).

И кратковременное царствованіе Петра II-го не обошлось безъ суда надъ однимъ изъ самыхъ видныхъ людей, обвиненнымъ въ казнокрадствѣ. Въ декабрѣ 1727 года, велѣно было судить адмирала Змаевича за то, что онъ: имѣя въ своемъ завѣдываніи галерную верфь и галерную гавань, и строеніе переведенцамъ свѣтлицъ, подъ видомъ займа отъ опредѣленныхъ при тѣхъ дѣлахъ оберъ-офицеровъ, бралъ на свои потребы много казенныхъ матеріаловъ; отдалъ иностранному шкиперу, будто по знакомству, казенные канаты безденежно; по его приказанію, майоръ Пасынковъ передѣлывалъ списки служителей, которымъ слѣдовали заработныя деньги, съ прибавкою на тѣхъ, которымъ, по указамъ, денегъ давать не слѣдовало, и, вслѣдствіе этой передѣлки, Змаевичъ получилъ 333 рубля, въ чемъ и повинился; при подрядѣ присвоилъ себѣ 1,100 бревенъ; большое число служителей своей команды бралъ для своей собственной работы, въ чемъ не запирался. Судъ приговорилъ: Змаевича и Пасынкова къ смертной казни; но, по рѣшенію императора, Змаевичъ пониженъ былъ чиномъ, написанъ впредь до выслуги въ вице-адмиралы и посланъ въ Астрахань командиромъ тамошняго порта, а за ущербъ, причиненный казнѣ, велѣно взять съ него втрое; Пасынковъ написанъ въ капитаны и посланъ на службу въ новозавоеванныя Персидскія провинціи [5]).

Если поддержка арміи и флота въ томъ состояніи, въ какомъ они находились при Петрѣ Великомъ, встрѣчала сильное препятствіе въ самомъ второмъ императорѣ, который ни по лѣтамъ, ни по привычкамъ не былъ способенъ даже играть въ солдаты и корабли, то остальныя дѣла Преобразователя, которыя не шли въ разрѣзъ склонностямъ государя и интересамъ вельможъ, поддерживались и развивались, ибо сознательнаго, преднамѣреннаго противодѣйствія дѣлу преобразованія мы не замѣчаемъ ни въ комъ изъ Русскихъ людей, стоявшихъ въ это время на-верху. Петръ Великій разослалъ по всему государству геодезистовъ для составленія ландкартъ и описанія областей. Дѣло шло, но къ концу не приходило. Въ 1728 году, Сенатъ, видя, что изъ многихъ губерній и провинцій ландкарты въ Сенатъ уже присланы, а изъ нѣкоторыхъ городовъ не присланы, слушалъ выписокъ, доношеній и справокъ, и, разсуждая, что ландкарты нужны, и если полнаго описанія не кончить, то сводить сдѣланныя уже ландкарты въ общія губернскія, тѣмъ менѣе составить изъ нихъ государственную—нельзя, распорядился разсылкою геодезитовъ для составленія ландкартъ остальнымъ мѣстамъ. Изъ Сибирской губерніи прислана была только одна ландкарта Тобольскаго уѣзда, и потому Сибирскому губернатору подтверждено понуждать геодезистовъ въ описаніи и составленіи ландкартъ, въ которыхъ означать не только жилье Русскихъ, но и кочевья тамошняго народа; журналы вести, и изъ нихъ прилагать къ ландкартамъ экстракты, гдѣ какіе народы, какихъ вѣръ и чѣмъ питаются, и какой гдѣ хлѣбъ родится или не родится, и о прочемъ, что прилично географическому описанію. Сенату стало извѣстно, что нѣкоторые геодезисты, ѣздя по уѣздамъ, понуждаютъ подавать себѣ сказки о деревняхъ, рѣкахъ, озерахъ, болотахъ и разстояніяхъ, чѣмъ вводятъ крестьянъ въ убытокъ и свое дѣло задерживаютъ, и потому имъ велѣно накрѣпко подтвердить, чтобъ они письменныхъ сказокъ не требовали, но словесно спрашивали и записывали у себя въ журналѣ [6]).

Вы видѣли, что по смерти Петра Великаго учрежденія прекратили присылку извѣстій для напечатанія въ газетахъ; Екатерина, узнавши объ этомъ, предписала присылать попрежнему; но Сенатъ не распорядился привести въ исполненіе указъ императрицы; теперь Академія Наукъ вошла въ Сенатъ съ доношеніемъ, что при академической типографіи печатаются газеты на латинскомъ, нѣмец-

---

[1]) Лиріа.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 5161.
[3]) Журналы Верх. Тайн. Сов.
[4]) Маньянъ.
[5]) Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Госуд. архивѣ.
[6]) Полн. Собр. Зак. № 5320.

комъ и россійскомъ діалектахъ съ иностранныхъ газетъ, и чтобъ велѣно было изъ коллегій, канцелярій и конторъ всякія вѣдомости для напечатанія въ газетахъ присылать въ Академію; Сенатъ привелъ въ исполненіе указъ покойной императрицы [1]). Академія имѣла свою типографію. Въ октябрѣ 1727 г., по доношенію Синода, велѣно быть друкарнямъ (типографіямъ) въ двухъ мѣстахъ: для напечатанія указовъ—въ Сенатѣ; для напечатанія же историческихъ книгъ, которыя на россійскій языкъ переведены и въ Синодѣ одобрены будутъ,—при Академіи; а прочія типографіи, которыя были въ Синодѣ и въ Александровскомъ монастырѣ, перевесть въ Москву и печатать только однѣ церковныя книги, и Синоду смотрѣть прилежно, чтобъ въ печатаніи этихъ книгъ никакихъ погрѣшеній и противности какъ закону, такъ и Церкви быть не могло [2]).

Академія Наукъ, требуя для печатаемыхъ ею газетъ извѣстій отовсюду, сама заявляла въ газетахъ о своей дѣятельности по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ. Такъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 22 февраля 1729 года было напечатано: „Въ будущій понедѣльникъ, т.-е. 24 дня сего мѣсяца, въ 9-мъ часу поутру, будетъ здѣшняя императорская Академія Наукъ, ради торжественнаго дня коронованія Его Императорскаго Величества публичное собраніе имѣть, въ которомъ г. профессоръ Лейтманъ предлагать будетъ о новоизобрѣтенныхъ вѣскахъ безъ стрѣлки, которые зѣло исправно сдѣланы, такожде и о поліэдрѣ, которое персону Его Императорскаго Величества Петра Втораго, безобразнѣ изображенную, весьма ясно показуетъ, на что г. профессоръ Мейеръ именемъ всея Академіи будетъ отвѣтствовать“. — 25 февраля напечатанъ былъ отчетъ о торжествѣ: „Вчерашнее публичное собраніе Академіи Наукъ зѣло преславно отправлялось. Были: епископъ Псковскій Рафаилъ, адмиралъ Сиверсъ, графъ Минихъ. Обѣ машины были всѣмъ осмотрителемъ, ради осмотрѣнія оныхъ, поставлены, причемъ большая часть особливо о искуснограненомъ поліэдрѣ удивлялася, понеже во ономъ вмѣсто написаннаго въ срединѣ доски Россійскаго орла персону Его Императорскаго Величества Петра Втораго видѣли, которая изъ многихъ межъ другими фигурами раздѣленныхъ частей паки совершенно соединялася, и оную зѣло ясно видѣть возможно было“.—29 октября Академія удивила праздникомъ не въ честь какого нибудь русскаго счастливаго событія, но въ честь рожденія дофина во Франціи. „29 октября отправлялъ г. профессоръ Делиль, ради счастливаго рожденія дофина во Франціи, великое торжествованіе. Торжество происходило въ большой академической залѣ. При входѣ въ залу и внизу на лѣстницѣ поставлено было на караулъ 30 человѣкъ гренадеровъ. Все кушанье было зѣло деликатное и въ великомъ множествѣ. Самыя лучшія виноградныя питія были каждому по требованію подаваны, а за здравіе пили при играніи на трубахъ и битіи на литаврахъ; снаружи были такожде всѣ палаты со всѣхъ сторонъ иллуминованы; такожде имѣла бы и большая башня обсерваторіи во всѣхъ жильяхъ лампадами иллуминована, и на спицѣ той башни иллуминованный лазоревыми золотыми лилеями украшенный небесный кругъ поставленъ быть, но великій вѣтръ и дождевая погода въ томъ препятствовали. А какъ покушали, чинено пріуготовленіе къ балу, который отъ г. Штерлинга съ госпожею Делилшею и отъ г. генералъ-майора фонъ-Тессина съ фрейлиною фонъ-Сивершею начатъ“.

Академія Наукъ подѣлила типографію съ Синодомъ; въ ея рукахъ изданіе „Вѣдомостей“; но у Синода осталась цензура книгъ, печатаемыхъ въ академической типографіи. Западное образованіе допускается подъ условіемъ—не вредить Православію. Для многихъ вопросъ объ отношеніяхъ нововводимаго просвѣщенія, преобразованія къ старому Православію былъ на первомъ планѣ; Церковь должна быть охранена отъ вліянія иновѣрныхъ учителей. Не подвергалась ли уже она этому вліянію; чисты ли отъ него всѣ пастыри Церкви? Новая форма церковнаго управленія достаточна ли для того, чтобъ охранить Православіе въ опасной борьбѣ: не слѣдуетъ ли возвратиться къ прежней формѣ, тѣмъ болѣе что движеніе къ старымъ формамъ уже началось въ областномъ управленіи? Эти вопросы занимали очень многихъ, и потому неудивительно, что, по поводу ихъ, происходитъ борьба, за нихъ хватаются люди, преслѣдуя свои личные интересы, нападая на своихъ враговъ и соперниковъ, или защищаясь отъ нихъ. Мы видѣли, какъ, по смерти Преобразователя, когда свободнѣе и спокойнѣе можно было заняться разными вопросами, возбужденными преобразованіемъ, главный дѣятель преобразованія въ сферѣ церковной, Ѳеофанъ Прокоповичъ, подвергся нападеніямъ; враги увидали, что это не Ѳеодосій Яновскій, что его не такъ легко свергнуть, какъ послѣдняго; но за то и Ѳеофану пришлось пережить тяжелое время, когда онъ, первый архіерей Русскій, оставленъ былъ въ подозрѣніи, когда ему объявили, что онъ освобождается отъ должнаго ему наказанія только по милости императора. Разумѣется, онъ не могъ быть покоенъ при Меншиковѣ, въ которомъ видѣлъ врага своего. Послѣ ссылки свѣтлѣйшаго князя, Ѳеофанъ вздохнулъ спокойнѣе, но не избавился отъ опасности: попрежнему долженъ былъ вести трудную оборонительную войну, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за движеніями враговъ. Самымъ главнымъ, самымъ опаснымъ врагомъ Ѳеофана былъ естественно самый видный по энергіи, способностямъ и связямъ архіерей Георгій Ростовскій, стремившійся къ первенству, думавшій и о возстановленіи патріаршества—для себя [3]), и по-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5267.

[2]) Полн. Собр. Зак. 5175.

[3]) Письмо протоіерея Алексѣева къ императору Павлу.

тому необходимо сталкивавшійся съ Ѳеофаномъ, занимавшимъ первое мѣсто. Обстоятельства послѣ ссылки Меншикова были таковы, что могли возбуждать въ разныхъ лицахъ разныя надежды и заставлять ихъ начинать движеніе, начинать борьбу; но обстоятельства были вмѣстѣ таковы, что не допускали рѣшительнаго окончанія борьбы. Когда Меншиковъ сильною рукой держалъ правленіе, — тогда рѣшеніе всѣхъ вопросовъ зависѣло отъ него, и конечно онъ не могъ благосклонно отнестись къ мысли о возстановленіи патріаршества. Послѣ его паденія, такого сосредоточенія власти уже не было: все зависѣло оттого, кто въ извѣстную минуту и въ извѣстномъ вопросѣ окажетъ больше вліянія на молодого императора. За это вліяніе спорили или дѣлили его полюбовно Остерманъ и Долгорукіе. Остерманъ не могъ, разумѣется, желать возстановленія патріаршества, и всѣ симпатіи его были обращены къ Ѳеофану: оба они были дѣти однихъ и тѣхъ же условій извѣстнаго времени и должны были подавать другъ другу руки для поддержанія этихъ условій, для поддержанія направленія, господствовавшаго при Петрѣ Великомъ. Долгорукимъ не было ни времени, ни охоты думать о вопросахъ, подобныхъ вопросу о возстановленіи патріаршества: у нихъ было одно на умѣ—удержаться въ фаворѣ, закрѣпить его для себя какъ можно сильнѣе. Для другихъ вельможъ придворныя отношенія, придворная смута была на первомъ планѣ; все вниманіе ихъ было обращено туда, всѣ другія дѣла покидались; при случаѣ могли потолковать о Синодѣ и патріаршествѣ, и высказать свое сочувствіе къ послѣднему, высказать больше сочувствія къ Георгію, чѣмъ къ Ѳеофану; но словами это сочувствіе и ограничилось, и Георгій Дашковъ понапрасну раздаривалъ лошадей своихъ вліятельнымъ людямъ, какъ утверждали его враги. Такимъ образомъ, Ѳеофанъ могъ держаться крѣпко противъ всѣхъ нападеній, на него направленныхъ. Другая, громадная выгода его положенія состояла въ томъ, что враги были гораздо ниже его по своимъ личнымъ средствамъ: борьба съ нимъ была тяжела; если и Меншиковъ не могъ рѣшиться наложить свою тяжелую руку на эту звѣзду краснорѣчія и учености, то кого другого можно было заставить содѣйствовать низверженію Ѳеофана? Многіе могли его не любить, какъ Остермана; но когда представлялся случай, требовавшій особеннаго знанія и умѣнья, то должно было обращаться къ Ѳеофану, какъ въ затруднительныхъ вопросахъ дипломатіи и внутренней администраціи обращались къ барону Андрею Ивановичу. Преобразованіе сдѣлало свое дѣло: оно породило потребности, для удовлетворенія которымъ необходимы были Остерманы и Ѳеофаны; Ѳеофанъ Прокоповичъ могъ быть свергнутъ такимъ же Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, но никакъ не Георгіемъ Дашковымъ съ товарищи.

Но Георгій, послѣ паденія Меншикова, началъ борьбу, думая, что обстоятельства теперь благопріятны; его, какъ многихъ другихъ, манила надежда на Москву, куда собирался Дворъ для коронаціи, манила надежда на вліяніе царицы-бабки. Средство дѣйствовать противъ Ѳеофана было указано: обвиненіе въ неправославіи; орудіе также готовое—старый обвинитель, Маркеллъ Родышевскій. Маркеллъ, въ концѣ 1727 года, подаетъ въ Верховный Тайный Совѣтъ доносъ, что съ 1722 года появились въ Россіи разныя книжки неизвѣстно чьего сочиненія, и неизвѣстно кто осмѣлился одобрить эти книжки указомъ императора Петра Великаго и тѣмъ опорочить его преславное имя, потому что въ нихъ содержится кальвинская и лютеранская ересь. Но прежде, чѣмъ доносъ былъ поданъ, Ѳеофанъ узналъ о немъ, досталъ его и представилъ въ Синодъ вмѣстѣ съ своими опроверженіями. „Въ этомъ злорѣчіи", пишетъ Ѳеофанъ, „заключается не одна ложь, но плевелы и клеветы мятежныя,—Синодъ обвиняется въ ереси и достойной смерти дерзости, ибо выходитъ, что Синодъ дерзнулъ опорочить славное имя Петра Великаго, потому что книжки напечатаны по приказанію Синода". Заключеніе Ѳеофанъ внушаетъ Синоду, что „хотя мятежесловъ Маркеллъ дерзокъ и шатокъ, безстыденъ и безсовѣстенъ, однако отнюдь не отважился бы такъ поступать самъ собою, но есть одинъ или нѣсколько людей, которые для интересовъ своихъ, имъ душепагубныхъ, Церкви же и государству зловредительныхъ, сего злодѣя употребляютъ къ такому возмущенію, и его въ продерзостяхъ безпечальна творятъ и великими обѣщаніями дурака обнадеживаютъ". Въ доказательство этого, Ѳеофанъ скоро представилъ въ Синодъ распросныя рѣчи двухъ своихъ слугъ, которые разговаривали съ Маркелломъ въ Невскомъ монастырѣ; по ихъ показанію, Маркеллъ говорилъ: „Я желаю покориться его преосвященству (Ѳеофану), пошелъ бы я на колѣняхъ въ домъ его архіерейства изъ Невскаго монастыря, только-бъ меня во всей моей винѣ простилъ; да не велитъ мнѣ вышняя моя власть, преосвященный Ростовскій, который вскорѣ будетъ патріархомъ, да превысокіе мои господа и милостивцы, на которыхъ я надѣюсь".

Съ такимъ напутствіемъ отъ обѣихъ борющихся сторонъ отправился Синодъ въ Москву. 8 января выѣхалъ Дворъ изъ Петербурга; 13 убѣжалъ изъ Невскаго монастыря Маркеллъ—прямо въ Москву, оставивъ на имя архимандрита любопытное письмо: „Понеже получилъ я именной его величества словесный указъ — ѣхать мнѣ, по моей челобитной, въ Москву, того ради и поѣду прямо, и гнать за мною не для чего, понеже въ лицо, а не отъ лица ѣду, не ухожу, только отъ бѣдъ избавляюся. *Кто му несобственный нѣкакой имѣю интересъ явитися ея величеству, всепресвѣтлѣйшей го-*

гдѣ авторъ, на основаніи дошедшихъ до него слуховъ, говоритъ, что Дашковъ добивался въ патріархи (Русск. Архивъ, 1863 г.). На Дашкова указываетъ Кантемиръ во II сатирѣ: «Задумчивъ, какъ хотѣвшій патріархомъ стати, когда лошади свои раздарилъ некстати».

сударынѣ императрицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ". Когда въ Синодѣ началось дѣло Маркелла, то Ѳеофанъ отстранилъ Дашкова, какъ причастнаго къ дѣлу. Тогда Маркеллъ, видя бѣду, сдѣлалъ то же, что́ часто дѣлывали люди въ его положеніи: перевелъ дѣло въ Преображенскую канцелярію, объявивъ за собою государево слово. Здѣсь онъ донесъ, что въ службѣ на праздникъ по случаю мира съ Швеціею заключается поношеніе чести царевича Алексѣя Петровича; въ „Правдѣ воли монаршей" написано противъ правъ царствующаго государя и т. д. Доносить объ этомъ было не нужно, потому что все это было всѣмъ извѣстно, и, въ мартѣ 1729 года, по указу Верховнаго Тайнаго Совѣта, Родышевскій былъ отосланъ въ Симоновъ монастырь, чтобъ быть ему тамъ неисходно [1]). Ѳеофанъ остался нетронутъ, и надежды Дашкова на патріаршество не осуществились; не осуществились надежды на покровительство „государыни императрицы Евдокіи Ѳеодоровны".

Какъ только по смерти Петра Великаго обнаружилось враждебное движеніе противъ главныхъ дѣятелей церковнаго преобразованія, когда Ѳеодосій былъ сосланъ, и Ѳеофанъ подвергся нападкамъ за неправославное, именно протестантское направленіе, такъ естественно должны были вспомнить о покойномъ Стефанѣ Яворскомъ, который обвинялъ Прокоповича въ томъ же направленіи. Мы видѣли, что еще при Екатеринѣ подняли вопросъ объ изданіи книги Яворскаго: „Камень Вѣры", написанный противъ протестантовъ. При Петрѣ II Верховный Тайный Совѣтъ окончилъ это дѣло: въ засѣданіи 25 октября 1727 года велѣно: книгу „Камень Вѣры", которую свидѣтельствовалъ Тверской архіерей (Ѳеофилактъ Лопатинскій), къ нему послать, чтобъ онъ на ней подписалъ своеручно, что онъ ее свидѣтельствовалъ, а какъ подпишетъ, послать въ Синодъ при указѣ, чтобъ, напечатавъ ее, пустить въ продажу. На другой день посланный къ Ѳеофилакту донесъ, что архіерей книгу своеручно не засвидѣтельствовалъ, а объявилъ, что ему ее еще надобно посвидѣтельствовать и поправить, и чтобъ на то время дано было ему до 28 числа [2]). Съ такими предосторожностями была издана наконецъ книга, которой суждено было имѣть такую громкую извѣстность.

Но въ то время, когда печатали книгу противъ протестантовъ, генералъ-майоръ Алексѣй Потемкинъ донесъ изъ Смоленска, что здѣсь между шляхтою распространяется католицизмъ, и нѣкоторые изъ принявшихъ латинство Смольнянъ находятся въ Москвѣ; одинъ изъ нихъ, Ларіонъ Лярскій, уѣхалъ за польскій рубежъ и постригся въ ксендзы. Верховный Тайный Совѣтъ велѣлъ: Смоленскаго епископа выслать въ Москву, а на его мѣсто назначить другого, вызвать въ Москву и всѣхъ Смольнянъ, принявшихъ латинство; въ Смоленскѣ завести школу. Смоленскій епископъ Гедеонъ составилъ пункты о мѣрахъ къ удержанію смоленской шляхты отъ принятія латинства; пункты были утверждены Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и состояли въ слѣдующемъ: находящимся на границѣ караульнымъ офицерамъ и драгунамъ подтвердить съ жестокимъ прещеніемъ, чтобъ изъ Польши и изъ Литвы не допускали въѣзжать въ Россію римскихъ ксендзовъ, а смоленскую шляхту—выѣзжать за границу безъ указа и паспортовъ. Если какой-нибудь ксендзъ пріѣдетъ по своимъ дѣламъ, о такомъ объявлять губернатору, а губернаторъ даетъ знать архіерею; ксендзу назначается время, въ какое онъ долженъ исправить всѣ свои дѣла, и берется съ него письменное обязательство, чтобъ онъ Русскихъ людей по Римской вѣрѣ не исповѣдывалъ и не причащалъ, никакими вымыслами къ своей вѣрѣ не склонялъ, въ домы ихъ для того ни тайно, ни явно не ходилъ, и не носилъ другого платья, кромѣ того, какое носятъ ксендзы. У всѣхъ смоленскихъ шляхтичей взять сказки подъ жестокимъ истязаніемъ, чтобъ они нигдѣ съ римскими ксендзами ни тайно, ни явно сообщенія не имѣли, въ домы къ себѣ ихъ не пускали, для исповѣди къ нимъ не ходили и никакихъ наговоровъ отъ нихъ не слушали. Ослушниковъ ксендзовъ и шляхтичей брать и, сковавъ, присылать въ Синодъ немедленно; Сенатъ разспрашиваетъ ихъ и доноситъ немедленно же въ Верховный Тайный Совѣтъ, и послабленія въ томъ никому никакого не дѣлаетъ. Смоленской шляхтѣ дѣтей своихъ для науки за-границу въ Литву и никуда отнюдь не отдавать,—отдавать въ смоленскія, московскія и кіевскія школы. Если кто по обученіи въ русскихъ школахъ захочетъ ѣхать въ другія государства, тѣхъ отпускать подъ присягою и брать поруки, что отъѣзжающій за-границею не останется, вѣры Греческаго исповѣданія не перемѣнитъ и противъ Россійской имперіи въ службу нигдѣ ни къ кому не вступитъ. Смоленской шляхтѣ въ домахъ своихъ для обученія дѣтей и родственниковъ отнюдь не держать римскихъ учителей и инспекторовъ, а имѣть инспекторовъ изъ русскихъ подданныхъ и вѣры Греческаго исповѣданія; если же такихъ сыскать не могутъ, то по нуждѣ могутъ брать изъ-за границы только Православной вѣры Греческаго исповѣданія и со свидѣтельствомъ архіерейскимъ; а когда русскихъ инспекторовъ будетъ довольно, тогда изъ-за границы не брать никого, чтобъ подъ видомъ Православныхъ не было Римской вѣры ксендзовъ. Если изъ-за польскаго рубежа Римской вѣры дѣвицы и вдовы захотятъ выйти за мужъ за смоленскихъ шляхтичей, то имъ это позволять, когда онѣ примутъ Православную вѣру Греческаго исповѣданія, а смоленской шляхтѣ дочерей и родственницъ за-границу замужъ не выдавать за католиковъ и уніатовъ. Изъ смоленской шляхты желающихъ—постригать въ монахи въ указныя лѣта, а возвратившихся изъ-за-границы шляхтичей, которые

[1]) Чистовича—Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.
[2]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

стали тамъ ксендзами и захотятъ быть въ Греческой вѣрѣ монахами или бѣльцами, принимать и писать о томъ въ Синодъ. Школы въ Смоленскѣ завести и быть имъ въ городѣ при монастырѣ; учителей брать изъ кіевскихъ монастырей и изъ московскихъ школъ, по указамъ изъ Синода; учить латинскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, и которые захотятъ быть въ священникахъ,—тѣхъ учить и Греческому языку. Смольнянъ, принявшихъ католицизмъ, сначала велѣно было отправить въ ссылку и деревни отобрать въ казну; но въ сентябрѣ 1728 года Остерманъ объявилъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ императорскій указъ, чтобъ ихъ не ссылать, оставить на житье въ Москвѣ и деревни не конфисковать [1]).

Но въ то время, какъ принимались такія строгія мѣры, чтобъ ксендзы не пробрались въ Смоленскъ и, подъ видомъ учителей и инспекторовъ, не водворялись въ шляхетскихъ домахъ, ксендзъ подъ этимъ именно видомъ пробрался въ Москву и совѣщался здѣсь съ русскими духовными о соединеніи Церквей. Этотъ ксендзъ былъ аббатъ Жюбэ, пріѣхавшій въ 1728 году въ Россію подъ видомъ наставника дѣтей княгини Ирины Петровны Долгорукой, урожденной Голицыной, которая приняла католицизмъ, будучи съ мужемъ своимъ, княземъ Сергѣемъ, въ Голландіи. Пользуясь покровительствомъ двухъ самыхъ сильныхъ фамилій, Долгорукихъ и Голицыныхъ, и посланника испанскаго, герцога Лиріи, Жюбэ, въ подмосковной Голицына, толковалъ о соединеніи Церквей съ Тверскимъ архіереемъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и другими знатными духовными лицами [2]).

Неизвѣстно по какимъ побужденіямъ приняты были мѣры и противъ протестантской пропаганды. Въ ноябрѣ 1728 года препозитамъ лютеранскихъ церквей объявленъ былъ синодскій указъ, чтобъ пасторы не дерзали Русскихъ Православныхъ христіанъ учить своимъ догматамъ и привлекать въ лютеранскую или другія вѣры. Приходящихъ на исповѣдь дѣтей духовныхъ пасторы должны спрашивать, не были ли они въ вѣрѣ Греческаго исповѣданія, и если окажется, что были, то такихъ не принимать, но немедленно объявлять о нихъ въ канцеляріи Синода. При бракахъ спрашивать, оба ли сопрягающіяся лица лютеранской вѣры, одно изъ нихъ не Греческаго ли исповѣданія, и невѣста не оставила ли живаго мужа за несогласіемъ относительно вѣры [3]).

Касательно дѣлъ на Украйнахъ, на Дону шелъ старый и жизненный для казачества вопросъ—о выдачѣ бѣглыхъ. Лѣтомъ 1728 года, отправился въ Черкаскъ полковникъ Таракановъ, чтобъ высланы были всѣ бѣглые, поселившіеся на Дону съ 1695 года. Казаки собрали кругъ, прочли императорскую грамоту, посовѣтовались и пришли къ Тараканову съ объявленіемъ, что во всемъ будутъ исполнять государевъ указъ и вышлютъ бѣглыхъ, поселившихся у нихъ съ 1712 года; о пришедшихъ же съ 1695 по 1712 годъ посылаютъ въ Москву старшихъ бить челомъ его императорскому величеству: выслать этихъ бѣглыхъ нельзя, потому что изъ нихъ у нихъ старшины и всѣ лучшіе люди и его императорскаго величества слуги; если ихъ выслать, то всѣ городки опустошить; службы служить, границы и черты охранять будетъ некому. Вмѣстѣ съ этими вѣстями пришли вѣсти болѣе тревожныя: полковникъ Роговскій, командированный съ полкомъ въ транжементъ на перемѣну, пріѣхалъ въ урочище Распопинскій Юртъ; наказной атаманъ Якимъ Расторгуевъ выѣхалъ къ нему на-встрѣчу, привезъ проводниковъ, но при этомъ началъ говорить: „Дай тебѣ Богъ дойти до транжемента въ добромъ здоровьи, потому что у насъ на Дону и по другимъ запольнымъ рѣкамъ несмирно,—казаки волнуются, потому что хотятъ высылать бѣглыхъ съ 1695 года; опасно, чтобъ, собравшись, не ушли на Кубань: по степнымъ мѣстамъ въ Кубани дорога имъ безвозбранная".—Фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, донося объ этомъ въ Верховный Тайный Совѣтъ, писалъ: „Я далъ указъ Чекину, что если изъ разспросовъ Расторгуева будетъ достовѣрно казацкое возмущеніе, далъ бы мнѣ знать какъ можно скорѣе, а самъ бы съ полками былъ готовъ; смотря по ходу дѣла, я самъ пойду для усмиренія казаковъ или пошлю генерала Вейсбаха. Только доношу: Чекинъ рапортовалъ мнѣ, что въ его полкахъ больныхъ болѣе 600 человѣкъ, и число ихъ безпрестанно увеличивается, на день занемогаетъ человѣкъ по 20 и по 30, штабъ и оберъ-офицеры едва не всѣ больны, и если казацкое возмущеніе дѣйствительно вспыхнетъ, то тамошнимъ царицынскимъ корпусомъ утушить его нельзя; въ Малороссіи и слободскихъ полкахъ находится только 10 полковъ, но и то за раскомандированіемъ очень малолюдны, едва по 300 человѣкъ въ полку; притомъ здѣшнія мѣста оставить не безопасно, и на ландмилицію за ея новостію, что люди огня не видали, слабая надежда" [4]).

Когда въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ выслушано было донесеніе Голицына и отписки Донскаго войска съ просьбою не выдавать бѣглыхъ раньше 1712 года, то рѣшили бѣглыхъ вывозить съ 1710 года; атамана Расторгуева подвергнуть розыску; князь Голицынъ долженъ послать въ команду свое предписаніе, чтобъ прежде времени съ Донскими казаками не поступали жестоко [5]). Расторгуевъ съ пытки не повинился; но такъ какъ полковникъ Роговскій подтвердилъ свое показаніе присягою, то атамана сослали въ Сибирь [6]). При всякомъ слухѣ о какой-нибудь смутѣ, о самозванцѣ,

---

[1]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.—Полн. Собр. Зак. № 5238, 5251, 5322.

[2]) Le Catholicisme Romain en Russie — par M. le Comte Dm. Tolstoy, I, 164.—Чистовича—Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 369.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 5343.

[4]) Донесеніе фельдмарш. Голицына въ Государств. Арх.

[5]) Журналы Верх. Тайн. Совѣта.

[6]) Дѣла Тайной Канцеляріи въ Государ. Архивѣ.

казаки были тутъ: такъ, разглашали, что у Евдокіи Лопухиной есть сынъ, котораго она хочетъ воцарить, и что онъ живетъ на Дону у казаковъ, и что подметныя письма, явившіяся въ Петербургѣ, подкинуты казаками. Смутъ впрочемъ никакихъ не было при Петрѣ II; даже раскольники въ своихъ пророчествахъ говорили: „Антихристовы страсти—исповѣдныя всенародныя тричастныя книги умершимъ, новорожденнымъ (метрическія книги), и нашимъ Россійскимъ государствомъ овладѣваютъ еретики, и что нынѣ Синодъ, то антихристовъ престолъ, и будетъ князь великій императоромъ вторымъ, и при немъ сыщется истинная вѣра предъ Богомъ, и будетъ людямъ жить добро, да не долго" [1]).

Съ Донскими казаками не велѣли поступать жестоко, потому что приходили извѣстія о калмыцкихъ и башкирскихъ движеніяхъ. Въ концѣ 1727 года получены были изъ Казани извѣстія, что Калмыки находятся не въ прежнемъ состояніи: къ Дундуку-Омбо пріѣхали башкирскіе посланцы, 12 человѣкъ, и объявили, что у нихъ пронесся слухъ, будто Калмыки намѣрены воевать противъ Россіи, и если это правда, то приняли бы они и Башкирцевъ къ себѣ въ союзъ; эти посланцы остались у Дундука-Омбо, дожидаются, на что рѣшатся Калмыки, переправившись съ луговой стороны на горную. Вслѣдствіе этого, Русскимъ правительствомъ отправлены были по всѣмъ дорогамъ увѣщательныя грамоты, чтобъ Башкирцы жили спокойно, и если отъ кого есть имъ обиды, чтобы жаловались, и получатъ удовлетвореніе безъ волокиты; могутъ ѣхать съ жалобами въ Петербургъ или Москву; ассесоръ Уфимской провинціи Лихачевъ, обвиняемый Башкирцами въ обидахъ и взяткахъ, былъ вызванъ къ отвѣту [2]).

Въ распоряженіяхъ относительно Малороссіи, состоявшихся при Меншиковѣ, не было сдѣлано никакой перемѣны. Въ тайной инструкціи Наумова говорилось: „Хотя въ грамотѣ его императорскаго величества, съ нимъ посланной къ Малороссійскому народу, и въ данной ему инструкціи написано, что его императорское величество указалъ въ Малой Россіи гетмана выбрать по прежнему обыкновенію, однако сіе избраніе написано для лица, а въ самомъ дѣлѣ его императорскаго величества соизволеніе быть гетманомъ Миргородскому полковнику Данилу Апостолу, зачаемо, что отъ народу не иной кто, но онъ, Апостолъ, по старшинству и по заслугамъ и ради имѣющагося его у нихъ кредиту избранъ будетъ. Прибывъ въ Глуховъ, смотрѣть и развѣдывать, его ли, Данила Апостола, въ гетманы народъ будетъ избирать; и ежели-бъ нѣкоторые изъ того народа о комъ иномъ намѣреніе имѣли въ гетманы обирать, въ такомъ случаѣ того предостерегать и путь къ тому предуготовить, чтобъ конечно Данила Апостола, а не иного кого, въ гетманы народъ избралъ. А какъ пріѣдетъ въ Глуховъ Данила Апостолъ,—и ему объявить секретно, что его императорское величество указалъ его, а не иного кого, въ гетманы обрать, и чтобъ онъ служилъ вѣрно и непоколебимо. Ежели, паче чаянія, старшина и народъ Малороссійскій Данила Апостола въ гетманы обирать не станутъ, а будутъ выбирать иного кого по своей волѣ, и ему, Наумову, того учинить не допустить, и то обраніе подъ какимъ пристойнымъ претекстомъ остановить, и писать въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ". Наумовъ, пріѣхавъ въ Глуховъ 18 сентября, объявилъ, что государь указалъ быть у нихъ въ Малороссіи гетману попрежнему, кого они выберутъ изъ Малороссійскаго народа вольными голосами по прежнему обыкновенію. Потомъ Наумовъ спрашивалъ *партикулярно и обще*, кого хотятъ выбрать въ гетманы, и получилъ единогласный отвѣтъ, что Миргородскаго полковника, Данилу Павловича Апостола. 1 октября созвана была рада изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Министръ спрашивалъ всѣхъ вслухъ: кого себѣ избираютъ въ гетманы. И всѣ единогласно сказали, что желаютъ Миргородскаго полковника. И долгое время всѣ его просили до послѣдняго человѣка, а онъ отговаривался, что старъ и такого великаго правленія понести не можетъ. Тогда тайный совѣтникъ и министръ объявилъ, что, по избранію Малороссійскаго народа, его императорское величество жалуетъ Апостола въ гетманы. Тутъ полковники, подхватя его подъ руки, поставили на столъ, всѣ поздравляли его и шапками на него махали. Новоизбранный билъ челомъ за милость его императорскаго величества, а народъ кланялся. Изъ чиновниковъ упраздненной Малороссійской Коллегіи Наумовъ долженъ былъ нѣкоторыхъ удержать въ Глуховѣ, потому что явилась странность: онъ привезъ съ собою копію съ приходныхъ вѣдомостей, получавшихся въ Сенатѣ отъ президента Коллегіи Вельяминова; но когда Наумовъ сравнилъ эти вѣдомости съ поданною ему въ Глуховѣ за секретарскою рукою, то нашелъ большую разницу, а именно—въ 1722 году въ сенатской вѣдомости показано было въ приходѣ 45,527 руб., а въ коллежской 22,672; въ 1723 г.—въ первой 85,854, а во второй 47,734; въ 1724 г.—въ первой 141,342, во второй 108,054. Наумову велѣно было подъ рукою провѣдать о коллежскихъ членахъ, и услыхалъ онъ о великихъ обидахъ отъ нихъ народу.

Сильныя жалобы поданы были Наумову также на войсковыхъ командировъ изъ Нѣмцевъ, находившихся въ Малороссіи; къ жалобамъ Малороссіянъ присоединялись жалобы полковниковъ изъ Великороссіянъ. Полтавскій полковникъ писалъ на генерала Вейсбаха, что постоянно требуетъ для разныхъ домовыхъ посылокъ подводъ, сторожей, водовозовъ, ремесленниковъ, бабъ для кухни; по обывательскимъ лугамъ коситъ сѣно даровыми работниками и возитъ его на полковыхъ подводахъ; рыбаковъ беретъ перемѣнно по четыре человѣка съ сотни; двѣ слободы поселилъ себѣ на обыватель-

[1]) Выписка изъ тайныхъ дѣлъ въ Государ. Архивѣ.
[2]) Дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ Государ. Архивѣ.

скихъ земляхъ людьми Полтавскаго полка, и уволилъ эти слободы отъ квартирной и порціонной обязанности. На генералъ-поручика Роппа и генералъ-майора Дукласа Нѣжинскій полковникъ Хрущовъ съ старшиною показали, что Роппъ занялъ себѣ квартиру не по указу и безъ отводу; требуетъ неуказныхъ всякихъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ ежедневно; находящійся при немъ прапорщикъ Михневъ билъ коммисара смертнымъ боемъ и окровавилъ, а полковника Хрущова Роппъ держалъ подъ карауломъ, отобравъ шпагу, а старшину полковую грозилъ бить кіями; племянникъ его, прапорщикъ Виттинъ, пришедши въ прилуцкую ратушу, требовалъ у войта подводъ безъ прогоновъ; войтъ не далъ, и за то былъ прибитъ плетью; обозному того же полка Виттинъ проломилъ голову. Дукласъ—отяготилъ народъ въ Переяславскомъ полку требованіями лѣса на постройки. Наумовъ написалъ Вейсбаху, чтобъ изслѣдовалъ о поступкахъ Роппа и Дукласа; полковникамъ посланъ указъ, чтобъ лишняго никому ничего не давали, а кто будетъ насильно брать,—о томъ писали бы къ нему и присылали обстоятельныя вѣдомости. Наумовъ оканчиваетъ свои донесенія такъ: „А чтобъ въ томъ справедливость была учинена, о томъ познать не по чему, понеже и на самаго его, генерала Вейсбаха, обиды показываются болѣе другихъ".

Въ наказѣ Наумову говорилось: выбрать кандидатовъ въ генеральную старшину, а именно—въ обозные, генеральные судьи, генеральные писаря, есаулы, бунчуковые, хорунжіе и прочіе чины, которые при гетманахъ обыкновенно бывали, а выбирать въ тѣ кандидаты по совѣту съ Наумовымъ во всякій чинъ человѣка по два и по три, и Наумову притомъ смотрѣть и предостерегать, чтобъ кандидаты были люди добрые и ни въ чемъ не подозрительные, особенно такіе, которые были вѣрны во время измѣны Мазепиной; имена избранныхъ прислать въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, а до полученія указа быть при гетманѣ въ тѣхъ чинахъ наказнымъ (исправляющимъ должность), потому что безъ старшины гетману быть нельзя. Наумовъ писалъ, что въ обозные лучше всего назначить полковника Галагана, ибо хотя онъ и писать не умѣетъ, однако отличался всегда вѣрностію императорскому величеству; къ судейской должности способны Троцына и Стороженко, къ писарской—Турковскій, хотя и говорятъ, что онъ не изъ знатныхъ; въ есаулы достойны Гамалѣя и Лисенко, люди добрые и смирные; въ хорунжіе—Березна; въ бунчужные—Василій Савичъ.

Относительно суда и расправы было постановлено: быть по прежнему ихъ обыкновенію суду въ городахъ на ратушахъ у сотниковъ; отсюда дѣла переносятся въ полковой судъ, на который апелляція въ Глуховъ въ генеральному войсковому суду. Но такъ какъ на этотъ судъ были жалобы отъ Малороссійскаго народа и теперь приходятъ, что въ немъ дѣлаются большія неправды изъ-за взятокъ, вслѣдствіе чего бѣдные казаки и посполитство бываютъ обвинены, полковая старшина, на которую подаются челобитья отъ казаковъ и простыхъ людей, случаются въ свойствѣ и дружбѣ съ генеральными судьями, и потому не можетъ быть безъ похлебства,—то императоръ указалъ въ этомъ генеральномъ судѣ засѣдать изъ Русскихъ троимъ. Если кто генеральнымъ судомъ не будетъ доволенъ, тотъ можетъ подавать челобитную гетману, который разсматриваетъ и вершитъ дѣла вмѣстѣ съ Наумовымъ.

Относительно податей Наумовъ долженъ былъ объявить Малороссійскому народу, что новые сборы, положенные при существованіи Коллегіи, уничтожаются.

Такъ какъ прежде полковники назначали сами сотниковъ и другихъ урядниковъ, безъ объявленія гетману, по своимъ личнымъ отношеніямъ и за взятки, то теперь велѣно было полковнику собирать раду изъ полковой старшины и сотниковъ, и на этой радѣ, по общему приговору, назначать двоихъ или троихъ кандидатовъ, и присылать ихъ къ гетману и Наумову, которые изъ нихъ выбираютъ, по ихъ мнѣнію, достойнѣйшаго.

Но и Наумовъ долженъ былъ столкнуться съ гетманомъ, и прежде всего относительно судебнаго порядка. Мы видѣли, какъ опредѣленъ былъ этотъ порядокъ, какъ постановлена была апеляція отъ суда городоваго къ генеральному и отъ генеральнаго—къ гетману. Несмотря на то, продолжалось прежнее обыкновеніе подавать челобитныя на имя гетманское, и гетманъ, постаринѣ, принявъ челобитную, отдавалъ ее въ генеральную канцелярію генеральному писарю, который прикажетъ на оборотѣ челобитной выписать кратко, кто и о чемъ проситъ, на кого жалуется, и къ отвѣтчику посылается отъ гетмана универсалъ, или позывный листъ, съ приказаніемъ, чтобъ онъ или помирился съ истцомъ, или явился бы на срокъ къ гетману, и когда явится, то гетманъ посылаетъ обоихъ въ генеральный судъ. „Это напоминаніе отъ гетмана прежде суда не худо", писалъ Наумовъ; „но бываетъ у нихъ и то, что гетманъ посылаетъ, мимо генеральнаго суда, сыщиковъ, которые привозятъ свои сыски въ генеральную канцелярію, и гетманъ по этимъ сыскамъ судитъ самъ, мимо генеральнаго суда. Тутъ не безъ сомнѣнія, да и порядку нѣтъ", продолжаетъ Наумовъ; „и другія подобныя резолюціи бываютъ изъ генеральной канцеляріи Я этому противлюсь; но гетманъ отвѣчаетъ мнѣ, что въ томъ состоитъ ихъ прежній судъ, а въ императорской грамотѣ написано, что суду и расправѣ быть по прежнему ихъ обыкновенію". Потомъ гетманъ, получивъ челобитье, не сообщая о немъ генеральному суду, поручалъ судъ извѣстнымъ лицамъ. Наумовъ указалъ нѣсколько такихъ случаевъ, которые продолжались несмотря на представленія его гетману. Когда случалось нѣкоторыя дѣла слушать Наумову вмѣстѣ съ гетманомъ и, съ общаго согласія, полагать рѣшенія, по обыкновенію

съ императорскимъ титуломъ, то гетманъ не скрѣплялъ этихъ приговоровъ, отговариваясь, что прежде у нихъ приговоры на письмѣ не дѣлались и не закрѣплялись. Наконецъ гетманъ, отправляясь въ Москву, посылалъ въ генеральный судъ универсалы, чтобъ, до счастливаго его возвращенія на резиденцію, приговоровъ по извѣстнымъ дѣламъ не приводили въ исполненіе.

Мы видѣли, что всѣ новые сборы, положенные при существованіи Малороссійской Коллегіи, были уничтожены. Но Наумовъ долженъ былъ привести въ извѣстность и порядокъ финансовое положеніе страны. Поэтому, до избранія гетманскаго и послѣ него, много разъ принимался онъ говорить съ старшиною и духовенствомъ, какимъ образомъ собирать подати съ Малороссійскаго народа, и спрашивалъ у нихъ, были ли прежде какіе-нибудь сборы съ Малороссіи въ казну государеву. Всѣ единогласно отвѣчали, что не были. Наумовъ показывалъ имъ пункты Богдана Хмельницкаго; на это былъ отвѣтъ, хотя и не единогласный, что говорено было посланцами Хмельницкаго, а въ грамотѣ его объ этомъ не было прошено, и хотя посланцы и говорили о сборѣ въ царскую казну, но на дѣлѣ ничего не сдѣлано. Брюховецкій, будучи въ Москвѣ, согласился на сборъ доходовъ въ царскую казну, но по возвращеніи измѣнилъ, и дѣло осталось безъ исполненія. Наумовъ уговаривалъ старшину и духовенство, чтобъ Малороссія платила въ императорскую казну ежегодно извѣстную сумму денегъ, но не могъ уговорить. Изъ доходовъ, объявленныхъ Малороссійскою Коллегіею на бумагѣ, на лицо не оказалось до 100,000 рублей.

Въ 1728 году гетманъ, пріѣхавъ въ Москву на коронацію, билъ челомъ, чтобъ возвращены были Малороссіи ея старыя права, по пунктамъ Богдана Хмельницкаго; чтобъ никто изъ Великороссіянъ не вступался въ суды войсковые. На это въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ былъ написанъ отвѣтъ, что Малороссіяне будутъ судиться своими въ сотенныхъ и полковыхъ судахъ; но если кто будетъ недоволенъ рѣшеніемъ послѣднихъ, то имѣетъ право переносить дѣло въ генеральный судъ, состоящій изъ трехъ Великороссіянъ и трехъ Малороссіянъ; гетманъ получаетъ значеніе президента этого суда, и мимо нижнихъ судовъ прямо въ генеральный судъ челобитенъ подавать нельзя; если же кто не будетъ доволенъ и рѣшеніемъ генеральнаго суда, тотъ можетъ бить челомъ императору въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. На просьбу объ избраніи урядниковъ вольными голосами, изъ „родимцовъ малороссійскихъ“, былъ отвѣтъ, что генеральную старшину и полковниковъ выбирать вольными голосами нѣсколько кандидатовъ и требовать императорскаго указа, которымъ одинъ изъ кандидатовъ и опредѣляется; кандидаты же въ полковую старшину и сотники выбираются вольными голосами, и одинъ изъ нихъ утверждается гетманомъ, который обязанъ писать объ этомъ императору, съ объясненіемъ причинъ утвержденія. Относительно сбора доходовъ было постановлено, что, для предупрежденія гетманскаго произвола при сборѣ и расходованіи, учредить подскарбіевъ,—одного изъ Великороссіянъ, и другого изъ Малороссіянъ. Отмѣненъ былъ указъ, изданный при Меншиковѣ, чтобъ Великороссіянамъ не покупать имѣній въ Малороссіи; сказано: „Продажа въ всей Россійской имперіи маетностей и прочаго недвижимаго должна быть свободна, и потому Великороссіянамъ, какъ въ великороссійскихъ городахъ, всякія недвижимыя имѣнія покупать и продавать невозбранно, причемъ опредѣляется всѣмъ Великороссіянамъ, владѣющимъ землями въ Малороссіи, съ тѣхъ земель службы, подати и повинности отправлять и все нести съ прочими Малороссіянами, равно и быть подъ судомъ малороссійскимъ; только великороссійскимъ вотчинникамъ запрещается въ малороссійскія деревни свои переводить крестьянъ изъ деревень великороссійскихъ“. О раскольникахъ, поселившихся въ Стародубскомъ и Черниговскомъ полкахъ, опредѣлено: „Выслать ихъ, по важнымъ резонамъ, невозможно; а вѣдать ихъ тому, кто при гетманѣ будетъ;—онъ долженъ послать добраго офицера и освидѣтельствовать; а если ихъ сверхъ прежней переписи прибавилось, то и окладу на нихъ прибавить, и собираемыя деньги присылать въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Если раскольники обидятъ кого-нибудь изъ Малороссіянъ, то судить ихъ и, по сыску, указъ чинить гетману вмѣстѣ съ тѣмъ, кто будетъ при немъ отъ его императорскаго величества. А что они другихъ въ свою ересь обращаютъ, за то грозить имъ смертною казнію, и велѣть по возможности ихъ самихъ отъ ереси отводить, какъ въ Великой Россіи дѣлается, и нѣкоторые обращаются“. Такимъ образомъ, гетманъ не получилъ желаемаго, но всего болѣе непріятно ему было то, что онъ былъ подчиненъ главнокомандующему Украинскою арміею, фельдмаршалу Голицыну.

Вѣсть о возстановленіи малороссійской старины, объ избраніи гетмана скоро достигла Запорожцевъ и подала имъ надежду, что Русское правительство согласится снова принять ихъ въ подданство. Кто-то распустилъ у нихъ слухъ, что гетманомъ назначенъ Сапѣга, и они прислали къ нему письмо съ шляхтичемъ Хмелевскимъ, въ которомъ выражали желаніе удалиться отъ Агарянской страны, и, поклонившись его императорскому величеству, подъ его властію попрежнему жить. Кошевымъ подписался Павелъ Ѳеодоровичъ. Наумову и гетману велѣно было такъ отвѣчать Хмелевскому словесно: „Мы не безнадежны, что милосердый монархъ склонится на желаніе Запорожцевъ, вины ихъ проститъ и при удобномъ случаѣ въ державу свою попрежнему принять укажетъ, какъ и Малую Россію въ прежнее состояніе возстановилъ и гетману быть повелѣлъ; но для этого Запорожцамъ нужно показать непоколебимую вѣрность, въ знакъ которой должны сноситься со мною и съ гетманомъ, увѣдомляя насъ о тамошнихъ происшествіяхъ“. Но въ

Запорожьи желали болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны Россіи; отсюда писали къ гетману: „Хотимъ поклониться его царскому пресвѣтлому престолу, и вашу вельможность просимъ: умилосердись, какъ щедро-любивый отецъ, не отпусти насъ погибать, чтобъ мы не подпали врагамъ Татарамъ на расхищеніе. Доброувѣщательныхъ писемъ вашихъ не можемъ слышать, потому что начальствующіе, находясь подъ игомъ татарскимъ, боятся войску объявлять; а когда умилосердится ваша вельможность и подастъ намъ свою помощь войсковую, тогда все будетъ явно и ясно. Мы обѣщаемся монаршему маестату и вашей вельможности вѣрно служить до конца нашей жизни, и все войско Запорожское низовое на Старую Сѣчу собирается, отъ крымской стороны совсѣмъ отступаетъ, потому что ханъ нѣсколько сотъ нашей братьи на свою службу заслалъ за море, и атамана кошеваго со всею старшиною захватилъ подъ свою державу".

5 іюня 1728 года, Верховный Тайный Совѣтъ, слушавъ доношеніе фельдмаршала князя Голицына, гетмана Апостола и тайнаго совѣтника Наумова и письмо Запорожцевъ, въ которыхъ они объявляютъ свое намѣреніе—забравъ изъ Новой Сѣчи войсковые клейноты, перейти въ Старую Сѣчь и объявить, что они находятся подъ покровительствомъ его императорскаго величества, — разсудилъ: вопервыхъ, присланныхъ къ гетману изъ Запорожья четырехъ казаковъ отправить назадъ съ такимъ же словеснымъ приказомъ, какъ и въ прошломъ году, прибавя, что если въ нынѣшнее время учинятъ какія противности турецкой сторонѣ, то они въ русскія границы никакъ впущены не будутъ. Вовторыхъ, послать указы къ фельдмаршалу и гетману, чтобъ они повсюду подтвердили: Запорожцевъ, если они будутъ многолюдствомъ и съ ружьемъ, отнюдь не принимать и отъ границъ отбивать оружіемъ, а подъ рукою словесно обнадеживать ихъ, что при удобномъ времени они будутъ приняты; это объявлять имъ, при случаѣ, тайно, чрезъ важныхъ людей, и отъ другихъ содержать въ наивысшемъ секретѣ. Полагается на расужденіе фельдмаршала, къ кому изъ Запорожцевъ и подарки посылать, чтобъ ихъ содержать склонными къ сторонѣ его императорскаго величества. Втретьихъ, въ Царьградъ, къ резиденту Неплюеву писать, чтобъ онъ принесъ Портѣ на Запорожцевъ жалобу, что, по слуху, они изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ поселены по трактатамъ, хотятъ приближаться къ русскимъ границамъ, переходить въ Старую Сѣчь и другія мѣста, гдѣ, по договорамъ, строенію быть не слѣдуетъ: такъ чтобъ Порта не допускала ихъ до этого, ибо отъ этихъ безпокойныхъ и непостоянныхъ людей и безъ того купечеству русскому происходятъ обиды. Понемногу и безъ оружія Запорожцевъ велѣно было принимать и прежде и теперь, и Полтавскій полковникъ доносилъ, что по первое іюня 1728 г. пришло Запорожцевъ на житье въ Малороссію 201 человѣкъ, а въ послѣднихъ числахъ приходятъ ватагами человѣкъ по десяти и пригоняютъ съ собою стада; болѣе желаютъ жить по Самарѣ и ниже ея. Голицыну писали изъ Москвы, что этого много, и нельзя защищать тѣхъ Запорожцевъ, которые поселятся по Самарѣ, потому что, по договору, эта рѣка въ сторонѣ турецкой. Но въ то время, когда въ Москвѣ дѣлались распоряженія о непринятіи Запорожцевъ, они поднялись и перешли на Старую Сѣчь, приславъ на имя императора такую грамоту, отъ 30 мая: „Склонивши сердецъ своихъ порушенныя мысли ко благому обращенію и повергши мизерныя главы свои до стопы ногъ вашего императорскаго величества, отлагаемся отъ бусурманской державы. Осмотрѣлись мы, что вѣрѣ Святой, Православной, Церкви Восточной и вашему императорскому величеству достойно и праведно надлежитъ намъ служить, а не подъ бусурманомъ магометански погибать. Отвори сердца своего источникъ къ намъ, своимъ чадамъ, разрѣши ласково преступленія нашего грѣхъ и нареки насъ попрежнему сынами жребія своего императора. Еще же просимъ: подайте намъ войсковое отъ руки своей подкрѣпленіе, дабы не попали мы въ расхищеніе невѣрнымъ варварамъ, ибо не знаемъ, зачѣмъ орды отъ всѣхъ своихъ краевъ подвинулись: для того ли, что мы уже отъ нихъ отступили со всѣми своими клейнотами 24 мая, и пребываемъ уже въ Старой Сѣчи, или они это дѣлаютъ по своимъ замѣшательствамъ".

Но, вслѣдъ затѣмъ, къ генералу Вейсбаху явился кошевой атаманъ Иванъ Петровъ Гусакъ и разсказывалъ: „Въ Новой Сѣчи отъ Крымскаго хана было намъ много притѣсненій; въ прошломъ 1727 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Калга-салтанъ, стоя по рѣкѣ Бугу, забралъ на промыслахъ казаковъ съ двѣ тысячи, повелъ ихъ въ Бѣлогородчину, и тамъ показалъ хану нѣкоторыя противности; пришелъ въ Бѣлогородчину самъ ханъ, Калгу схватилъ и сослалъ въ Царьградъ, а Запорожцевъ, бывшихъ при немъ, разослалъ на каторги, а другихъ распродали, будто бы за то, что они съ Калгою бунтовали, а Калга прежде говорилъ, что беретъ ихъ по приказу ханскому. Видя такое насиліе, мы и стали совѣтоваться, что лучше быть попрежнему подъ державою его императорскаго величества въ своей Православной вѣрѣ, нежели у бусурмана терпѣть неволю и разореніе. Когда мы забирали клейноты и хоругвь, чтобъ идти въ Старую Сѣчь, то старый кошевой измѣнникъ, Костя Гордѣенко, да Карпъ Сидоренко и другіе стали намъ говорить: „Для чего же намъ изъ Новой въ Старую Сѣчь идти?—намъ и тутъ жить хорошо!" Однако они насъ не могли удержать, да и не могли много говорить, боясь, чтобъ ихъ войскомъ не убили. И чтобъ отъ нихъ больше возмущенія не было, то мы взяли Костю Гордѣенка и Карпа Сидоренка подъ караулъ и везли ихъ подъ карауломъ до самой Старой Сѣчи, и, пріѣхавъ туда, отколотили ихъ палками и отпустили на свободу. Послѣ этого мы послали въ Глуховъ къ гетману; но посланные возвратились ни съ чѣмъ, объявивъ, что гетмана въ

Глуховѣ нѣтъ,—онъ въ Москвѣ; тогда войско стало волноваться, начали говорить: „Если мы отъ императорскаго величества милости не получимъ, то кошеваго и старшину, которые перевели насъ сюда, побьемъ до смерти; испугавшись этого, я ушелъ".

Въ мартѣ 1729 года, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ писалъ императору, что, по вѣстямъ, Турки хотятъ объявить войну Россіи, и потому надобно принять Запорожцевъ. Ему отвѣчали изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, чтобъ онъ въ обнадеживаніи Запорожцевъ насчетъ принятія ихъ при способномъ и удобномъ случаѣ поступалъ по своему мнѣнію и по прежнимъ указамъ, потому что теперь еще нѣтъ удобнаго времени, пока не обнаружится явная противность съ турецкой стороны.

Въ 1727 году, при возстановленіи гетманства, подвергся опалѣ Лубенскій полковникъ Андрей Марковичъ; явились жалобы на его злоупотребленія; но главною причиною опалы, какъ видно, было близкое родство съ Скоропадскими и Полуботками и вражда гетмана Апостола. Сынъ Андрея Марковича, Яковъ, отправился въ Москву хлопотать за отца и вмѣстѣ за тетку, вдову бывшаго гетмана Скоропадскаго, которую тѣснилъ новый гетманъ. Этотъ Яковъ оставилъ по себѣ любопытныя записки, которыя переносятъ насъ въ тогдашнюю Москву, старую столицу новой, преобразованной Россіи, и обрисовываютъ намъ отношенія Малороссіянъ къ императорскому правительству. Съ начала эпохи преобразованія Малороссіянинъ, ѣхавшій въ Москву или Петербургъ, былъ увѣренъ, что найдетъ тамъ покровителей въ землякахъ своихъ, какъ между знатнымъ чернымъ, такъ и между бѣлымъ духовенствомъ. Такъ и нашъ Яковъ Марковичъ, пріѣхавъ въ Москву, прямо остановился у духовника государева, отца Тимоѳея Васильевича. Марковичъ пріѣхалъ въ Москву въ январѣ 1728 года, когда еще всѣ думали, что царица-бабка будетъ имѣть сильное вліяніе на дѣла; и вотъ онъ отправляется въ Новодѣвичій монастырь, куда ведетъ его тамошній священникъ Василій и приводитъ къ игуменьѣ изъ Малороссіянокъ, Олимпіадѣ Коховской, къ которой онъ привезъ письмо отъ тетки Скоропадской; былъ у царицы, которая подчивала его изъ своихъ рукъ водкой. Когда онъ пировалъ послѣ этого у священника Василія, туда же пріѣхалъ карла царицы, и Марковичъ счелъ за нужное побрататься съ нимъ и, въ знакъ любви, подарить пять червонныхъ. Понятно, что Марковичъ не могъ обійти представителя малороссійскихъ духовныхъ—Ѳеофана Прокоповича. Онъ былъ у него нѣсколько разъ, и записалъ о чемъ шла бесѣда: „Ввечеру былъ у архіерея Новгородскаго, гдѣ и архимандритъ Круликъ былъ, и тутъ происходилъ разговоръ о сентенціи картезіановъ, всякое чувство отъ животныхъ всѣхъ отнимающихъ, а только единому человѣку, имущему умъ, причитающихъ, будто чувство безъ ума не можетъ быть; и потому называютъ они животныхъ автоматами. Въ разговорѣ же было то, что оное мнѣніе Картезія есть некрѣпкое, ибо явственно споритъ противъ повседневныхъ экспериментовъ, по которымъ видимы диковинные животныхъ поступки, которымъ безъ чувствій и безъ памятствованія (якое Картезій чувствомъ называетъ) невозможно быть. Также о существѣ духа размышленіе было, что не въ самомъ помышленіи онаго духа существо содержится, но есть особливѣйшее нѣчто, чего мы не видимъ, но должны признать. Изъ такого разсужденія можно нѣкоторый видъ дебелаго и весьма скуднаго помышленія животнымъ причесть, однако онаго безсмертнымъ назвать невозможно, а какое оно есть—неизвѣстно, для того что не только духа, но и тѣла существъ (сущности) не знаемъ, и отъ незнаемой вещи знаемую утверждать невозможно, развѣ вопреки". Но не всегда у Ѳеофана Прокоповича были такіе философскіе разговоры. Въ другой разъ Марковичъ записалъ: „Ѣздилъ до архіерея Новгородскаго, который въ разговорѣ объявлялъ мнѣ способъ садить регулярно малину, ежевику и другія ядоды; онъ же сказывалъ и способъ дѣлать простые барометры". Наконецъ записано: „Ѣздилъ до архіерея Новгородскаго, который въ разговорѣ сказывалъ, чтобъ пиво было вскорѣ свѣтло, должно песку крупнаго, придавши къ оному мало сахару, разжарить и всыпать въ бочку, то за недѣлю, а много за двѣ, будетъ свѣтло".

Монастырями и архіерейскими подворьями малороссійскому челобитчику, разумѣется, ограничиться было нельзя, и потому Марковичъ немедленно отправился къ секретарю Иностранной Коллегіи, Курбатову, и отдалъ ему письмо отъ отца и тетки Скоропадской, вмѣстѣ съ 30-ю червонными; потомъ опять былъ у секретаря, поигралъ съ нимъ въ карты (шнипъ-шнапъ) и на другой уже день отправился къ канцлеру, графу Головкину, съ просительнымъ письмомъ отъ отца и Скоропадской, и чрезъ день Курбатовъ далъ ему письмо Головкина къ Наумову, чтобъ не притѣснять старика Марковича. Молодой Марковичъ счелъ нужнымъ побывать и у другихъ вельможъ; но важнѣе всего было побывать у производителя дѣлъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Степанова, а къ производителямъ дѣлъ и секретарямъ съ пустыми руками ѣздить было нельзя, и Марковичъ къ письмамъ отца и Скоропадской присоединилъ 40 червонныхъ. При такихъ средствахъ дѣло пошло на-ладъ, и старика Марковича велѣно сдѣлать генеральнымъ подскарбіемъ.

Между тѣмъ молодой Марковичъ, человѣкъ любознательный, покупалъ въ Москвѣ книги: купилъ шесть польскихъ книгъ за семь рублей съ гривною: Speculum Saxonum, Конституціи коронныя, Статутъ, Твардовскій, о Турецкомъ государствѣ и Политику Аристотелеву, да, сверхъ того, книжку о небо-земныхъ глобусахъ за полтину; купилъ русскую книжку—Синопсисъ, за полтину, книжку о князьяхъ—за полтину; для церкви годовую Минею за 23 рубля, два календаря, за полтину. Возвратясь въ Малороссію, онъ пересчиталъ свои книги

и нашелъ, что ихъ было 340. У иноземца Морица онъ купилъ въ Москвѣ барометръ: заплатилъ рубль.

Но не одними книгами и барометрами запасался Малороссіянинъ въ столицѣ,—покупалъ рыбу: за осетра, двѣ лососи и 10 стерлядей заплатилъ 3 рубля, за фунтъ икры—5 копѣекъ; за фунтъ чаю—5 рублей съ полтиной, за фунтъ кофе 20 алтынъ, за фунтъ сахару канарскаго—полкопы, за 20 свѣчекъ благовонныхъ 16 копѣекъ. Купилъ камлоту на кунтушъ, заплатилъ по 20 алтынъ за аршинъ; мѣхъ бѣличій купилъ за 2 рубля 20 алтынъ; 18 паръ соболей—за 140 рублей; въ телѣжномъ ряду купилъ англійскую коляску за 22 рубля, карету за 38 рублей. Квартира въ Китаѣ-городѣ, у Москворѣцкихъ воротъ, три избы съ кладовою и погребомъ, стоила ему три рубля въ мѣсяцъ.

Марковичъ воспользовался своею поѣздкою въ Москву, чтобъ полѣчиться у знаменитаго доктора Быдла (Бидлоо); докторъ прописалъ ему рецептъ на декоктъ, а на другой день прислалъ лѣкаря, который поставилъ ему піявки и получилъ за это четыре талера [1]).

Изъ дѣлъ внѣшнихъ попрежнему болѣе всего тяготила томительная война Персидская. Сначала боялись турецкихъ успѣховъ, а потомъ стали безпокоиться, что Турки, потерпѣвъ неудачу, поспѣшатъ помириться съ Эшрефомъ, который будетъ имѣть возможность обратиться со всѣми силами противъ Россіи. 17-го ноября 1727 года, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ предложено было императору о Персидскихъ дѣлахъ, что Эшрефъ побѣдилъ Турокъ, которые теперь ищутъ мира, хотя съ уступкою всего, а это можетъ быть вредно для Россіи; представляли, что солдатамъ русскимъ отъ воздуха въ тамошнихъ мѣстахъ немалая убыль. Государь, наслышавшись этихъ толковъ и жалобъ прежде, разсуждалъ, что намъ отъ Гиляни никакой прибыли нѣтъ, а только убытокъ въ людяхъ и казнѣ. Представляли о непріязненныхъ намѣреніяхъ Калмыковъ, вступившихъ въ связь съ возмутившимися Башкирцами; что между Калмыками находится турецкій подданный Бахты-Гирей-дели салтанъ, котораго до сихъ поръ нельзя было ни приманить, ни поймать; что для этого и теперь Верховный Тайный Совѣтъ посылаетъ указы съ нарочными къ Калмыкамъ и Донскимъ казакамъ. Государь изволилъ сказать, что казаки скоро поймать его могутъ.

Мы видѣли, что человѣкъ, посланный при Екатеринѣ для возстановленія единства и силы движенія русскихъ войскъ въ Прикаспійскихъ областяхъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, оказался, по соображеніямъ своихъ родственниковъ, нужнѣе въ Москвѣ. При отъѣздѣ онъ получилъ рескриптъ, что хотя въ Прикаспійскихъ областяхъ опасность очевидная, однако нельзя послать туда сильной помощи по европейскимъ обстоятельствамъ, которыя заставляютъ держать въ готовности армію на западѣ; что въ Персію изъ Казани и Воронежа назначены два регулярныхъ полка съ Донскими казаками, но двигаются еще шесть полковъ къ Казани, чтобъ, въ случаѣ нужды, явиться на помощь персидскому корпусу.

Долгорукій сдалъ начальство генераламъ Левашову и Румянцеву, сдалъ и обязанность заключить миръ съ Эшрефомъ, хотя бы съ уступкою всѣхъ завоеванныхъ у Персіи провинцій, выговоривъ одно условіе, чтобы Персіяне не допускали Турокъ на берега Каспійскаго моря. Въ 1729 году русскихъ войскъ въ прикаспійскихъ областяхъ было 17 пѣхотныхъ полковъ и семь конныхъ. Положено было увеличивать только нерегулярные полки, для чего написали Румянцеву, чтобъ онъ, сколько возможно, велѣлъ князю Бековичу-Черкасскому набирать изъ Грузинъ, Армянъ и горскихъ Черкесъ таковыхъ, которые бы къ войнѣ были обычны и во всемъ исправны, обѣщая каждому жалованья по 15 рублей въ годъ или и больше. Положено было также убѣдить Донскихъ атамановъ Краснощёченка, Ивана Матвѣева и Данилу Ефремова, чтобъ они подговорили добровольно двѣ или три тысячи Донскихъ казаковъ и съ ними поселились около крѣпости Св. Креста и около рѣки Аграхани, за что назначить Краснощёченку жалованья по 1,000 рублей и обнадежить, что онъ будетъ надъ этими казаками войсковымъ атаманомъ [2]).

Турки дѣйствительно заключили миръ съ Эшрефомъ.

Неплюевъ началъ свои донесенія новому императору сообщеніемъ словъ рейсъ-эффенди, что если въ нынѣшнюю кампанію Турки будутъ оставлены Россіею безъ помощи, то въ счастіи и несчастіи отрекутся отъ исполненія договора и не будутъ признавать за Россіею персидскихъ областей, выговоренныхъ въ трактатѣ. Резидентъ представлялъ самому визирю, что вина на сторонѣ Турокъ; Тавризскій паша нарушаетъ трактатъ, вступаясь въ принадлежащія Россіи мѣста; Даудъ-Бекъ Шемаханскій также поступаетъ непріятельски; коммисія разграниченія не окончена по турецкой же винѣ; русскія войска могутъ тогда только дѣйствовать противъ общаго непріятеля, когда будутъ покойны со стороны границъ. Визирь возражалъ: „Хотя бы все это и правда была, но странно, что вы, будучи здѣсь резидентомъ, не можете намъ означить, сколько русскихъ войскъ въ Персіи, отговариваетесь, что число ихъ вамъ неизвѣстно: ясно, что тамъ войскъ очень мало, поэтому о числѣ ихъ и не объявляете. Пограничныя ширванскія дѣла вовсе не имѣютъ важности: надобно прежде съ общимъ непріятелемъ управиться, а другія дѣла рѣшить всегда время будетъ, и если бъ русское войско двинулось въ Персію, то на пути могло бы всѣ мѣста взять въ свое владѣніе; если же придавать важ-

---

[1]) Дѣла Сената по Малороссійской Экспедиціи въ Архивѣ Минист. Юстиціи.—Дневныя Записки Якова Марковича, ч. I.

[2]) Протоколы Верх. Тайн. Совѣта.

ность пограничнымъ ссорамъ, то и Порта имѣетъ имѣетъ право жаловаться, что Россія подданнымъ своимъ, Калмыкамъ, позволяетъ соединяться съ турецкими измѣнниками, и Грузинскаго хана Вахтанга отправила въ Персію будто для веденія переговоровъ съ Тахмасибомъ, а Вахтангъ между тѣмъ бунтуетъ турецкихъ подданныхъ". Резидентъ на это сказалъ: „Россія отъ принятія общихъ мѣръ по трактату не отрекается, только бы Порта отстранила зависящія отъ нея затрудненія, именно—окончила бы ширванское разграниченіе по договору и велѣла Даудъ-Беку и пашамъ своимъ сохранять договоръ". Визирь отвѣчалъ: „Какъ бы ни было, мы, съ своей стороны, отстранимъ всѣ затрудненія, пошлемъ крѣпкіе указы, чтобъ паша и Даудъ-Бекъ въ русскія владѣнія не вступали, и коммисары произвели разграниченіе немедленно; за это Россія должна сдержать Калмыковъ, вызвать изъ Персіи отправленнаго ею туда Грузинскаго царя Вахтанга, и велѣть своимъ генераламъ, чтобъ они, по возможности, дѣйствовали противъ общаго врага Эшрефа. Порта ничего отъ Персіи не желаетъ, кромѣ своей доли; Порта не требуетъ большаго числа войскъ русскихъ; но пусть ваши генералы, по возможности, сдѣлаютъ диверсію, вступятъ съ разореніемъ въ землю общаго непріятеля, пусть подойдутъ къ Казбину, если къ Испагани идти не въ состояніи; главное дѣло—изгнать общаго непріятеля, послѣ чего Порта на все будетъ готова—раздѣлить ли Персію, или поставить тамъ независимаго государя. Россіи надобно разсудить: если Порта одна побѣдитъ, то она отъ всѣхъ обязательствъ признаетъ себя свободною; а если, паче чаянія, Эшрефъ побѣдитъ, то онъ будетъ враждовать одинаково къ Россіи и къ Турціи, сколько мочи его станетъ".—„Извините меня за откровенность", сказалъ на это резидентъ; „я не понимаю, почему Порта въ мартѣ мѣсяцѣ не приняла этого рѣшенія и упустила благопріятное время, потому что тогда мои предложенія были точно такія же, какія теперь вы сами мнѣ сдѣлали; теперь бы ширванское разграниченіе было уже окончено, всѣ затрудненія отстранены, и нашимъ генераламъ ничего больше бы не оставалось, какъ дѣйствовать противъ общаго непріятеля". Визирь смолчалъ на это и велѣлъ подавать шербетъ.

Скоро послѣ этого Неплюевъ сталъ доносить о возможности мира между Турціею и Эшрефомъ; писалъ, что не только султану и министерству, но и всему Турецкому народу Персидская война омерзѣла, кажется несносною. Эшрефъ прислалъ къ турецкому муфтію и ко всѣмъ мулламъ письмо, въ которомъ говорилъ, что султанъ поступаетъ противозаконно, отторгнувъ персидскія провинціи и не признавая его, Эшрефа, законнымъ государемъ Персидскимъ, тогда какъ онъ завоевалъ Персію у еретиковъ. Эшрефъ писалъ, что муллы отдадутъ отвѣтъ предъ Богомъ за междоусобное кровопролитіе между мусульманами; а онъ стоитъ въ ополченіи, готовый къ миру и войнѣ, надѣясь на правду свою. По выслушаніи этого письма, всѣ муллы единогласно сказали: „Изо всего видно, что помощь Божія съ Эшрефомъ, а не съ нами; слѣдовательно противъ воли Вышняго отваживаться нельзя, но лучше заблаговремено мира искать". На это визирь сказалъ, что Эшрефъ запрашиваетъ взятыхъ Турками областей и безъ того не мирится. Муллы отвѣчали, что прежде невѣрнымъ Полякамъ отдали Каменецъ: тѣмъ легче теперь можно сдѣлать уступку единовѣрному Эшрефу. Визирь остался очень доволенъ этимъ отвѣтомъ, ибо видѣлъ невозможность продолжать войну по безпорядочности и несклонности народа, предвидя и для себя близкую погибель, если приключится новое несчастіе, тѣмъ болѣе что требовали отправленія его самого въ Персію. Рѣшили приступить къ мирнымъ переговорамъ, которые были поручены Вавилонскому (Багдадскому) пашѣ Ахмету, и, 19 октября 1727 года, получено было въ Константинополѣ извѣстіе, что мирный договоръ съ Эшрефомъ заключенъ. Рейсъ-эффенди, объявляя объ этомъ Неплюеву, прибавилъ, что если и Россія пожелаетъ помириться съ Эшрефомъ, то Порта не отрекается употребить къ тому свои старанія. Русскій Дворъ изъявилъ на это согласіе.

Но это согласіе не могло повести ни къ чему. Весь 1728 годъ прошелъ въ спорахъ Неплюева съ турецкими министрами насчетъ пограничныхъ столкновеній. Турки жаловались, что Калмыки, соединясь съ ихъ бунтовщикомъ Бахты-Гиреемъ, опустошаютъ ихъ владѣнія. Неплюевъ жаловался, что турецкіе паши въ новыхъ границахъ вступаются въ принадлежащіе Россіи земли и народы. Неплюевъ писалъ своему Двору: „Не думаю, чтобъ Турки легкомысленно провинціи вашего величества дѣйствительно обезпокоить дерзнули, и войны съ Россіею они удаляются по многимъ причинамъ: 1) знаютъ неискусство своихъ войскъ; 2) настоящее министерство ищетъ себѣ покоя; 3) еслибъ они и получили что нибудь отъ Россіи со стороны Персіи, то Россіи отъ этого вреда не будетъ, а имъ можетъ быть большой вредъ отъ войны съ европейской стороны, гдѣ у нихъ никакихъ приготовленій нѣтъ, а здѣсь они одинъ Азовъ не промѣняютъ на всѣ персидскія провинціи. Однако за такой варварскій непостоянный Дворъ ручаться нельзя: можетъ случиться перемѣна министерству или другой какой случай, а въ такихъ случаяхъ у нихъ принимаются скорыя и слѣпыя мѣры. Теперь они, сколько возможно, желаютъ держать персидскія владѣнія вашего величества въ безпокойствѣ". Въ 1729 г. Неплюевъ писалъ: „Всѣ пограничные паши, также и Суркай, пишутъ къ Портѣ, что если она не вытѣснитъ Русскихъ изъ Персіи, то никогда не можетъ обезопасить тамъ своихъ владѣній, потому что русскіе генералы возмущаютъ тамошніе народы противъ Турокъ и въ нужномъ случаѣ оказываютъ имъ покровительство; вытѣснить же Русскихъ изъ Персіи можно, потому что ихъ тамъ немного". Вѣсти объ этихъ письмахъ передалъ Неплюеву пе-

реводчикъ Порты, который прибавилъ, что не знаетъ ничего о рѣшеніяхъ Порты по этому дѣлу, но замѣчаетъ въ ней холодность къ Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ Неплюевъ донесъ: „Изо всего видно, что Турки намѣрены въ будущую осень напасть на персидскія наши провинціи, считая это время самымъ благопріятнымъ, ибо въ октябрѣ и ноябрѣ въ европейскомъ климатѣ зима, препятствующая воинскимъ дѣйствіямъ. Я здѣсь почти не имѣю никакого значенія, потому что Турки моихъ предложеній не слушаютъ, о дѣлахъ мнѣ не сообщаютъ, посылать курьера запрещаютъ. Непріятели визиря внушили султану, что Русскихъ давно можно было бы выгнать изъ Персіи, но время упущено вслѣдствіе неспособности визиря къ войнѣ; онъ заключилъ съ Россіею договоръ, предосудительный Портѣ,—уступилъ Россіи многія персидскія провинціи съ единовѣрными Туркамъ народами, которыхъ султанъ долженъ былъ по единовѣрію защищать, а не отдавать въ подданство невѣрнымъ. Султанъ съ гнѣвомъ выговаривалъ за это визирю, почему тотъ принужденъ на все отваживаться. Миръ можетъ сохраниться въ двухъ случаяхъ: если Турки увидятъ, что Россія готова къ войнѣ и что находится въ союзѣ съ Цесарскимъ Дворомъ; азіатскимъ войскамъ уже велѣно двигаться въ персидскія области“. Потомъ другое извѣстіе: „Хотя не все утихло, но и не возрастаетъ: только пограничные наши ложными своими извѣстіями не перестаютъ плевелы сѣять“. Цесарскій резидентъ Дальнамъ предъявилъ полномочіе быть посредникомъ въ спорахъ между Россіею и Турціею; но Неплюевъ опасался, чтобы Турки не предложили посредничества французскаго посла, на томъ основаніи, что послѣдній договоръ у нихъ съ Россіею заключенъ былъ при посредничествѣ Франціи [1]).

Франціи не довѣряли попрежнему. При вступленіи на престолъ Петра II, Куракинъ, извѣщая о предстоящемъ заключеніи договора между Франціею, Англіею, Испаніею и императоромъ, писалъ, что во Франціи очень рады мирному окончанію дѣла, но что министръ англійскій въ Парижѣ, Вальполь, недоволенъ: ему лучше бы хотѣлось войны; онъ боится, что Франція, сблизившись съ Испаніею и Австріею, освободится изъ рабства Англіи. „И всю сію оперу“, писалъ Куракинъ, „при помощи Божеской, надѣемся увидать въ свое время“. Для окончательнаго улаженія дѣлъ назначенъ былъ конгрессъ въ Камбрэ, и Россія, какъ принимавшая участіе въ послѣднихъ движеніяхъ въ качествѣ союзницы императора, назначила на конгрессъ своихъ уполномоченныхъ, князя Бориса Куракина и графа Александра Головкина. По наказу, они должны были стараться: о допущеніи своемъ прямо ко всѣмъ переговорамъ, какъ представители стороны интересованной; чтобъ дѣло герцога Голштинскаго было окончено на конгрессѣ; чтобъ при постановленіи генеральной гарантіи и Россія была въ нее включена. Между тѣмъ умеръ Англійскій король Георгъ I, которому наслѣдовалъ сынъ его, Георгъ II; этою перемѣною хотѣли воспользоваться для возстановленія пріязненныхъ сношеній между Россіею и Англіею. Флёри былъ посредникомъ, и, 27 августа, Вальполь, пріѣхавъ къ Куракину, объявилъ ему, что король его ничего такъ не желаетъ, какъ предать забвенію все прошлое, возстановить дружбу и сношенія съ Русскимъ императоромъ, и готовъ отправить отъ себя знатнаго человѣка поздравить Петра II съ восшествіемъ на престолъ, причемъ надѣется, что и со стороны Русскаго Двора будетъ поступлено такимъ же образомъ.

Но князю Борису Куракину не суждено было привести къ окончанію всѣхъ этихъ дѣлъ: 18 сентября онъ умеръ, и мѣсто его занялъ сынъ его, князь Александръ, съ титуломъ совѣтника посольства. Но и князь Александръ въ 1728 году получилъ позволеніе возвратиться въ Россію, потому что весь интересъ сосредоточился теперь въ Суассонѣ, гдѣ былъ назначенъ конгрессъ вмѣсто Камбрэ. Въ Суассонъ отправился одинъ графъ Александръ Головкинъ, который получилъ новый подробнѣйшій наказъ: по пріѣздѣ въ Суассонъ онъ прежде всего долженъ освѣдомиться объ установленныхъ тамъ порядкахъ относительно церемоніала. Его императорское величество въ церемоніалѣ излишняго ничего не требуетъ, но, кромѣ Цесаря Римскаго, никому изъ коронованныхъ главъ первенства уступить не можетъ. Наблюдать, чтобъ съ нимъ поступаемо было такъ, какъ съ министрами ганноверскихъ союзниковъ, преимущественно съ шведскими. Относительно возвращенія Шлезвига герцогу Голштинскому или достойнаго ему вознагражденія долженъ согласиться съ цесарскими министрами и дѣлать все то, что они станутъ; особенно должно дѣйствовать на кардинала Флёри, представляя ему, что французскій интересъ требуетъ улаженія этого дѣла съ полнымъ удовлетвореніемъ герцога. Стараться, чтобъ Россія непремѣнно включена была въ общую гарантію; если же представится затрудненіе по причинѣ Турокъ и Персіянъ, то его величество будетъ доволенъ, если гарантія будетъ постановлена относительно однихъ европейскихъ его владѣній. Болѣе всего графъ Головкинъ долженъ быть въ согласіи съ цесарскими министрами, искать ихъ довѣренности и помогать имъ во всѣхъ ихъ требованіяхъ, которыя не противны русскимъ интересамъ, потомъ долженъ искать довѣрія кардинала Флёри; особенно стараться провѣдать о намѣреніяхъ Франціи относительно Швеціи и Даніи; внушить кардиналу Флёри, что Русскій императоръ вовсе не думаетъ заставлять Швецію возвести на престолъ герцога Голштинскаго, предоставляя это дѣло волѣ Божіей и склонности Шведскаго народа; возбудить въ кардиналѣ подозрѣніе относительно замысловъ Англіи въ Швеціи. Съ министрами англійскими долженъ имѣть политическое дружеское обхожденіе, объявлять имъ, что съ русской стороны никакой при-

[1]) Дѣла Турецкія.

чины къ озлобленію не подано, у обоихъ государствъ нѣтъ причины другъ другу завидовать, и потому могутъ находиться въ вѣчной дружбѣ [1]).

Болѣе всего Головкинъ долженъ былъ дѣйствовать въ согласіи съ цесарскими министрами. Ланчинскій началъ свои донесенія новому императору извѣстіемъ о радости, въ какой находится Вѣнскій Дворъ, начиная съ Цесаря и цесаревы, что племянникъ послѣднихъ занялъ Русскій престолъ, и хотя копія съ завѣщанія Екатерины и не была еще получена въ Вѣнѣ, но уже толковали, что оно написано въ всемъ предусмотрительно и основательно, и только по волѣ Божіей скипетръ перешелъ изъ одной руки въ другую и спокойствіе Русскаго государства упрочено. Ланчинскій, именемъ новаго императора, повторялъ о высокомъ почитаніи его къ Цесарю и цесаревѣ и о истинномъ намѣреніи не только сохранять прежнюю дружбу, но и еще болѣе укрѣплять ее. Но вслѣдъ за тѣмъ Ланчинскій донесъ своему Двору, что въ Вѣнѣ *безплодность* въ дѣлахъ еще продолжается; ограничивались увѣреніями, что Цесарь намѣренъ на конгрессѣ стараться прилежно о Шлезвигскомъ дѣлѣ, и выражали увѣренность, что на конгрессѣ ни Гибралтаръ за Англіею, ни Шлезвигъ за Даніею остаться не могутъ. Въ доказательство своей тѣсной связы съ Вѣнскимъ Дворомъ, Русское правительство велѣло Ланчинскому объявить цесарскимъ министрамъ, что со стороны Россіи не дано еще никакого рѣшительнаго отвѣта, ибо императоръ будетъ ждать совѣта Римскаго цесарскаго величества, какъ при настоящихъ конъюнктурахъ поступить. Принцъ Евгеній отвѣчалъ: „И намъ Англичане дѣлаютъ предложенія въ разныхъ мѣстахъ, однако не видимъ ихъ прямаго намѣренія, и знаемъ, что въ то же время они дѣлаютъ Цесарю всевозможныя непріятности. Съ русской стороны надобно зрѣло разсудить, что Англичане отторгнули отъ русскаго союза Швецію, деньгами и интригами приклонили ее къ Ганноверскому союзу, и безпрестанно при Шведскомъ Дворѣ куютъ противъ интересовъ русскихъ; герцога Голштинскаго гонятъ несносно, и не только стараются отнять у него всякую надежду на Шведскій престолъ, но, что хуже всего, стараются приготовить путь къ этому престолу для одного изъ своихъ принцевъ. Прошлаго года съ такою гордостію присылали въ Балтійское море эскадру, и если не сдѣлали никакого вреда, какъ только потому, что нашли Россію въ готовности отражать силу силою. Какъ же такія великія противности могутъ они загладить тѣмъ, что пришлютъ къ Русскому Двору министра? Всего лучше вамъ удержаться отъ отвѣта на англійскія предложенія и смотрѣть на обращеніе конъюнктуръ“. Послѣ этого Русскій Дворъ считалъ себя въ правѣ требовать, чтобъ между нимъ и Вѣнскимъ Дворомъ произошло полное соглашеніе насчетъ того, какъ ихъ уполномоченнымъ дѣйствовать на Суассонскомъ конгрессѣ, чтобъ на основаніи этого соглашенія можно было и дать инструкцію русскому уполномоченному. Ланчинскій требовалъ у австрійскихъ министровъ, чтобъ они объявили, какъ они намѣрены дѣйствовать на конгрессѣ относительно русскихъ интересовъ, именно гарантій русскихъ владѣній и вознагражденія герцога Голштинскаго. Министры отвѣчали уклончиво, что у нихъ еще нѣтъ системы относительно дѣйствій на конгрессѣ; что все должно зависѣть отъ хода переговоровъ, но что Цесарь, съ своей стороны, употребитъ всѣ старанія для удовлетворенія желаніямъ Русскаго государя; къ этому отвѣту принцъ Евгеній прибавилъ, что Англія старается оттѣснить Россію отъ европейскихъ дѣлъ, Австрія же, наоборотъ, старается ввести ее въ европейскія дѣла.

Несмотря на уклончивость Австріи относительно русскихъ требованій, въ началѣ 1729 года Ланчинскій, по приказанію своего Двора, долженъ былъ объявить цесарскимъ министрамъ отъ имени своего государя, что, каковъ бы ни былъ исходъ Суассонскаго конгресса, Русскій императоръ никогда не отступитъ отъ цесарскаго величества и всегда пребудетъ твердо и нерушимо при союзѣ съ нимъ. За это принцъ Евгеній отплатилъ объявленіемъ, что если дойдетъ до трактата относительно Шлезвигскаго дѣла, то въ этомъ трактатѣ будетъ положено доброе основаніе и опредѣлится срокъ, въ который герцогу Голштинскому должно быть дано удовлетвореніе, и что Цесарь ни на что не согласится прежде, чѣмъ Русскій государь и герцогъ Голштинскій заявятъ, что довольны рѣшеніемъ дѣла. Ланчинскому указывали надежду на благопріятный исходъ голштинскаго дѣла въ томъ, что Франція и Англія хотя и гарантировали Датскому королю обладаніе Шлезвигомъ, однако признали, что герцогу Голштинскому надобно дать вознагражденіе. Въ Россіи желали, чтобъ Суассонскій конгрессъ кончился генеральнымъ и формальнымъ трактатомъ, а не какимъ-нибудь провизіональнымъ актомъ, ибо для Россіи и Австріи всего важнѣе порвать Ганноверскій союзъ, а этого можно достигнуть только въ первомъ случаѣ. На представленія Ланчинскаго объ этомъ принцъ Евгеній отвѣчалъ: „Какъ это сдѣлать, чтобъ Ганноверскій союзъ разорвался? Какъ союзникамъ ганноверскимъ запретить, чтобъ и послѣ формальнаго трактата они не продолжали оставаться въ прежнемъ союзѣ?“ Другіе министры прибавляли, что какъ Цезарю никто не можетъ запретить, послѣ какого бы то ни было Суассонскаго трактата, оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ съ своими союзниками, такъ и ганноверскимъ союзникамъ нельзя запретить оставаться при старыхъ обязательствахъ. Остерманъ по этому случаю писалъ Ланчинскому, что австрійскіе министры не поняли въ чемъ дѣло: если въ Суассонѣ будетъ заключенъ формальный трактатъ, прекращающій всѣ столкновенія, то Франція необходимо выйдетъ изъ Ганноверскаго союза, ибо кому не извѣстно, да и сами француз-

---

[1]) Дѣла Французскія.

скіе министры, не таясь, нашему послу не разъ говорили, что настоящія ихъ обязательства собственнымъ и естественнымъ французскимъ интересамъ противны, и что они ищутъ одного,—какъ бы съ честію выйти изъ этихъ обязательствъ и снова получить свободныя руки поступать по натуральнымъ своимъ интересамъ.

Россія могла еще сквозь пальцы смотрѣть на уклончивость и неопредѣленность отвѣтовъ Австрійскаго кабинета на вопросы не первой важности для нея, ибо Австрійскій союзъ считался необходимымъ по отношеніямъ турецкимъ и польскимъ,—преимущественно первымъ; но Австрійскій Кабинетъ обнаруживалъ такую же уклончивость и относительно другой союзницы своей, Испаніи, которая не хотѣла смотрѣть на это сквозь пальцы, потому что Испанскій Дворъ, повинуясь желаніямъ королевы Елисаветы, настойчиво добивался испомѣщенія испанскихъ принцевъ въ Италіи; въ этомъ заключалась главная цѣль союза Испаніи съ императоромъ. Франція и Англія воспользовались медленностію, уклончивостію Австріи въ исполненіи желаній Испаніи и предложили послѣдней получить желаемое съ ихъ помощію. Испанскій Дворъ принялъ предложеніе, и, въ ноябрѣ 1729 г., былъ заключенъ въ Севильѣ договоръ между Испаніею—съ одной стороны, Франціею, Англіею и Голландіею—съ другой. Австрія осталась одна съ Россіею. Этотъ Севильскій договоръ измѣнилъ отношенія иностранныхъ министровъ при Русскомъ Дворѣ: испанскій посланникъ, герцогъ Лиріа, который прежде дѣйствовалъ заодно съ австрійскимъ посланникомъ, графомъ Вратиславомъ, теперь сталъ дѣйствовать наперекоръ ему, хлопотать, чтобъ Россія не исполняла обязательствъ своего договора съ Австріею, не посылала своего войска на помощь Цесарю.

Кромѣ дѣлъ западно-европейскихъ, предметомъ сношеній между обоими Дворами были дѣла польскія, ибо въ Москву и Вѣну приходили извѣстія о стараніяхъ Швеціи и Франціи посадить по смерти Августа II на Польскій престолъ Станислава Лещинскаго. На представленія Ланчинскаго по этому поводу, графъ Цинцендорфъ отвѣчалъ, что Вѣнскій Дворъ думаетъ, согласно съ Русскимъ, что Польшу надобно удерживать при нынѣшнемъ ея состояніи безъ всякой перемѣны, Станислава Лещинскаго отъ Польскаго престола отстранить непремѣнно, а потомъ, смотря по ходу дѣлъ, возвести на престолъ или наслѣднаго принца Саксонскаго, или Пяста; получено также извѣстіе, что нѣкоторые польскіе вельможи склонны къ брату Португальскаго короля, инфанту дону-Эмануелю, но что, впрочемъ, о польскихъ дѣлахъ нужно сноситься и съ королемъ Прусскимъ [1]).

Въ Польшѣ на первомъ планѣ продолжало стоять Курляндское дѣло. Ягужинскій былъ отозванъ изъ Варшавы еще при Екатеринѣ, оставивъ тамъ одного Бестужева, который въ первомъ донесеніи своемъ новому императору писалъ: „По полученіи извѣстія о кончинѣ ея величества, Поляки сильно загордились и начали явно говорить, что Курляндію дѣлить на воеводства; они льстили себя надеждою, что въ Россіи, при нынѣшнемъ случаѣ, произойдетъ смута, которою они воспользуются,—чего желаютъ, тѣмъ себя и льстятъ. Я всякими мѣрами опровергаю эти ихъ разсужденія, и, получая академическія печатныя вѣдомости, давалъ имъ читать, чтобъ они могли видѣть, что, за помощію Всемогущаго, въ Россіи все тихо и благополучно". Въ юнѣ 1727 года, Бестужевъ извѣщалъ, что Морицъ отправился въ Курляндію и, будучи въ Дрезденѣ. говорилъ польскимъ министрамъ, что, изъ уваженія къ королю и для общаго блага, готовъ отказаться отъ притязаній на титулъ герцога Курляндскаго и ограничиться штатгалтерствомъ; если же и этого нельзя, то можетъ согласиться на такую сдѣлку: когда назначенная коммисія прибудетъ въ Курляндію, то пусть его обнадежатъ, что будутъ избирательные воеводы, причемъ онъ надѣется быть избраннымъ, а онъ за это обѣщаетъ склонить Курляндцевъ къ принятію предложеній коммисіи, потому что пользуется между ними большою любовію и довѣріемъ.

Въ Россіи не хотѣли допустить ни одной изъ этихъ сдѣлокъ, а чтобъ отнять у Поляковъ поводъ распоряжаться въ Курляндіи, генералъ Леси, перейдя съ войскомъ Двину, выгналъ Морица изъ этой страны (въ августѣ 1727 г.). Но Морицъ и тутъ не хотѣлъ успокоиться относительно Россіи: въ ноябрѣ того же года присланный совѣтникъ Баконъ подалъ въ Верховный Тайный Совѣтъ слѣдующія предложенія: такъ какъ Морицъ одинъ только можетъ удержать Поляковъ отъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, то если Россія признаетъ его герцогомъ Курляндскимъ, онъ обяжется быть русскимъ данникомъ, будетъ платить ежегодно по 40,000 рублей до того времени, пока Курляндія формально приметъ покровительство Россіи и сдѣлается членомъ ея, причемъ онъ, Морицъ, даетъ честное слово держать столько войска, сколько ему предпишетъ Россія. Въ началѣ 1728 года, Бакону было объявлено, что предложеніе его не можетъ быть принято, и чтобъ онъ немедленно выѣхалъ изъ Россіи. Но, въ то же самое время, саксонскій посланникъ Лефортъ доносилъ своему Двору, что Минихъ поднялъ вопросъ о бракѣ Морица на цесаревнѣ Елисаветѣ, и отправленіе Бакона Лефортъ объяснялъ такъ: „Всѣ разговоры съ Бакономъ и поспѣшность, съ какою его отправили имѣютъ одинъ сокровенный смыслъ: ступайте и привозите его къ намъ". Годъ слишкомъ Лефортъ манилъ Морица этимъ бракомъ, и только въ мартѣ 1729 года написалъ, что нѣтъ болѣе надежды. Но еще прежде предложенія Морицева изумило предложеніе стараго герцога Фердинанда, который объявилъ, что желаетъ вступить въ бракъ съ цесаревною Елисаветою или съ другою Русскою принцессою. Въ Верховномъ

[1]) Дѣла Австрійскія.

Тайномъ Совѣтѣ рѣшили: относительно цесаревны Елисаветы отказать, предложить ему царевну Анну Ивановну, или если не согласится, то сестру ея, царевну Прасковью.

Но возвратимся къ Курляндіи. Здѣсь Леси, по изгнаніи Морица, послалъ польскимъ коммисарамъ объявленіе, чтобъ они удержались отъ вступленія въ Курляндію. На жалобы польскихъ министровъ Бестужевъ отвѣчалъ, что высылкою Морица императоръ сдѣлалъ угодное королю и Рѣчи Посполитой, и поступилъ согласно съ своими интересами, ибо есть извѣстіе, что Морицъ имѣлъ сношеніе съ враждебными Россіи державами; притомъ онъ вступилъ въ Курляндію съ немалыми людьми и военною аммуниціею, получивъ отъ нѣкоторой державы значительную сумму денегъ; наконецъ, онъ сталъ укрѣпляться на островѣ, поджидая къ себѣ еще людей; и потому, предупреждая вредныя слѣдствія этихъ поступковъ, императоръ распорядился согласно съ своими интересами и согласно союзному договору съ королемъ и Рѣчью Посполитою. Что же касается до объявленія генерала Леси, чтобъ коммисары не вступали въ Курляндію, то коммисія назначена была для уничтоженія выборовъ графа Морица; а такъ какъ онъ со всѣми своими людьми высланъ изъ Курляндіи, то этимъ самымъ выборы уничтожены и въ коммисіи нѣтъ болѣе никакой нужды. Въ разговорѣ съ великимъ канцлеромъ коронным Шембекомъ Бестужевъ объявилъ, что Россія не допуститъ до перемѣны формы правленія въ Курляндіи; а Шембекъ отвѣчалъ, что Рѣчь Посполитая по смерти герцога Фердинанда никогда не допуститъ до избранія новаго герцога, хотя бы изъ этого проистекли дурныя послѣдствія.

Несмотря на объявленія Леси, польскіе коммисары въѣхали въ Курляндію и начали свое дѣло; Леси протестовалъ. По этому поводу Бестужевъ имѣлъ крупный разговоръ съ польскими министрами въ октябрѣ: „Для чего“, кричали Поляки, „генералъ Леси противъ нашей коммисіи протестуетъ и такъ явно въ наши домашнія дѣла мѣшается! Еще мы вами не завоеваны, чтобъ вы могли законы намъ предписывать; мы объявимъ объ этомъ не только предъ всѣми Дворами европейскими, но и при Портѣ“. Бестужевъ повторялъ одно, что Курляндія Польшею не завоевана, присоединилась добровольно, и Россія не можетъ допустить нарушенія въ ея правительственной формѣ; дѣло Курляндское не домашнее польское, а публичное; Турокъ императоръ не боится, и эти угрозы Портою приносятъ Полякамъ болѣе стыда, чѣмъ чести и пользы. Въ Курляндіи образовались партіи: одна, желавшая сохранить старый порядокъ и потому державшаяся Россіи, хотѣвшей того же самого, и польская; коммисары начали притѣснять членовъ первой и выдвигать на важныя должности членовъ второй, отставили ландгофмейстера Бринка и должность его передали главному противнику Россіи, оберъбургграфу Костюшкѣ, католику; канцлера Кайзерлинга посадили подъ арестъ, и на его мѣсто канцлеромъ сдѣланъ Бракель, который орудовалъ Морицевымъ дѣломъ. Въ ноябрѣ Бестужевъ представилъ польскимъ министрамъ, что коммисары ихъ въ Курляндіи позволяютъ себѣ жестокости и насилія, нѣкоторые оберраты и депутаты сеймовые были содержаны подъ стражею, и оберраты поневолѣ должны были дать коммисарамъ запись, что по смерти герцога Фердинанда не будутъ избирать себѣ новаго герцога и даже предъявлять право свое на избраніе. Противъ такихъ поступковъ генералъ Леси протестовалъ именемъ императорскимъ, а теперь онъ, Бестужевъ, объявляетъ, что императоръ никогда не допуститъ до измѣненія правительственной формы въ Курляндіи. Поляки отвѣчали: „Если бы Курляндцы сами просили вашего государя о покровительствѣ и помощи, то была бы еще причина ему вступаться въ это дѣло; но такъ какъ просьбы никакой нѣтъ, то удивительно, что посторонняя держава въ наши домашнія дѣла хочетъ мѣшаться; что же касается до коммисіи, то она не имѣетъ права что-либо установить въ Курляндіи, но должна о всемъ томъ, на чемъ согласится съ Курляндцами, донести сейму, который утвердитъ эти соглашенія, или не утвердитъ“.

Въ концѣ 1727 года, Бестужевъ получилъ отъ своего Двора приказаніе не предлагать ничего болѣе польскимъ министрамъ о курляндскихъ дѣлахъ, но дожидаться сейма. Но сейма не было въ 1728 году по причинѣ болѣзни королевской, и всѣ дѣла остановились, кромѣ одного, о притѣсненіяхъ Православнымъ отъ католиковъ. Въ началѣ 1728 года, Бѣлорусскій епископъ, князь Четвертинскій, прислалъ императору подробное описаніе бѣдствій, которымъ подвергалась его епархія послѣ отзыва коммисара Рудаковскаго: „Повелѣно было моему смиренію доносить о своихъ нуждахъ князьямъ Долгорукимъ, Василью Лукичу и Сергію Григорьевичу, бывшимъ тогда при Польскомъ Дворѣ; они старательно предлагали королю и Рѣчи Посполитой, чтобъ насъ оставили въ покоѣ; но ничего не воспослѣдовало,—только однѣ деклараціи. На сеймѣ 1726 года генералъ Ягужинскій прилагалъ неусыпный трудъ, чтобъ Православнымъ была отрада, и получилъ декларацію, что наше дѣло должно окончиться на конференціяхъ. Теперь министръ Бестужевъ также всячески старается о насъ, но получаетъ одинъ отвѣтъ, что дѣло рѣшится на сеймѣ; а на сеймѣ о немъ ни полслова: отлагаютъ до конференцій. Прежде всего прошу, чтобъ г. Бестужевъ исходатайствовалъ позволеніе управлять по моей смерти Бѣлорусскою епархіею назначенной отъ меня особѣ до тѣхъ поръ, пока изберутъ другого епископа, ибо многіе уніаты уже теперь стараются получить привилегію и восхитить престолъ Бѣлорусскій; чтобъ выданъ былъ королевскій универсалъ, запрещающій обижать Православныхъ и отбирать у нихъ церкви, пока не назначатъ къ сейму коммисаровъ для разсмо-

тренія обидъ; прошу о присылкѣ въ Могилевъ русскаго коммисара, потому что прежній былъ великою помощію для Православныхъ; прошу дать указъ изъ св. Синода, чтобъ архіепископъ Кіевскій не вступался въ мою епархію, равно какъ и другіе архіереи".

Эта просьба была послѣдняя: 13 февраля 1728 года князь Четвертинскій скончался; духовенство немедленно избрало игумена Гедеона Шишку намѣстникомъ и архидіакона Каллиста Заленскаго администраторомъ Бѣлорусской епископіи; но могилевскій магистратъ обратился къ Кіевскому архіерею съ просьбою назначить намѣстника и съ жалобою на Заленскаго, что онъ при жизни епископа Сильвестра ссорился съ городомъ и братствомъ, и теперь сильно вредитъ вѣрѣ благочестивой, потому что въ немъ нѣтъ ни вѣры, ни благочестія, ни правды,—одинъ обманъ и лесть, старается всячески высвободиться изъ-подъ власти Кіевскаго архіерея. Магистратъ просилъ, чтобъ духовенство не дѣлало ничего безъ горожанъ, которымъ должно быть предоставлено свободное избраніе достойнаго въ епископы. Такую же жалобу магистратъ отправилъ и прямо въ Синодъ, называя Заленскаго волкомъ въ кожѣ овчей, приписывая ему то, что церковь каѳедральная, сдѣланная изъ досокъ, гніетъ, тогда какъ онъ на ея строеніе собираетъ большія деньги съ вѣнечныхъ памятей; священники, угнетаемые имъ, обращаются въ унію, а Кіевскій архіерей доносилъ Синоду, что Заленскій хочетъ похитить Могилевское епископство и отступить отъ православія, причемъ многія знатныя особы изъ католиковъ и шляхты стоятъ за него.

Синодъ передалъ дѣло въ Верховный Тайный Совѣтъ, который, въ маѣ 1728 года, отправилъ въ Могилевъ смоленскаго шляхтича Швейковскаго, приказавъ ему увидаться наединѣ съ архидіакономъ Заленскимъ и сказать ему, что при императорскомъ Дворѣ онъ, архидіаконъ, извѣстенъ какъ человѣкъ, управлявшій лѣтъ 20 всѣми дѣлами епархіи при прежнемъ епископѣ, и потому пріѣхалъ бы онъ самъ въ Москву для донесенія, какого бы человѣка добраго, благочестиваго и вѣры Православной блюстителя выбрать на епископію Бѣлорусскую. Потомъ Швейковскій долженъ былъ развѣдать пристойнымъ образомъ: кто изъ членовъ магистрата люди постоянные и Православія ревнители, и поговорить съ такими тайно, чтобъ архидіаконъ не узналъ, сказать имъ, что прошенія ихъ приняты милостиво императоромъ, который приказалъ узнать, кого они изъ своихъ духовныхъ считаютъ достойнымъ епископства, чтобъ Русскому Двору можно было помочь такому при избраніи и утвержденіи королевскомъ. Наконецъ, Швейковскій долженъ былъ въ Могилевѣ и въ другихъ мѣстахъ разспросить у Православныхъ Русскихъ людей, духовныхъ и мірскихъ, въ чемъ между духовными и свѣтскими людьми и особливо между магистратомъ и архидіакономъ распря, и каковъ самъ архидіаконъ въ благочестіи и духовномъ правленіи, можно ли ему вѣрить.

Въ августѣ воротился Швейковскій изъ Бѣлоруссіи и донесъ, что магистратъ между могилевскими духовными не знаетъ ни одного достойнаго человѣка, и проситъ прислать къ нимъ кого нибудь отъ Синода или изъ Кіева. Въ то же время пріѣхалъ въ Москву и Заленскій, привезъ письмо отъ всего духовенства, которое заявляло о достоинствахъ архидіакона и просило вѣрить ему во всемъ. Такъ какъ Могилевцы, не имѣя на кого указать изъ своихъ, избраніе епископа предоставили Синоду, то въ Москвѣ и выбранъ былъ Межигорскій архимандритъ Арсеній Берло, и для прекращенія усобицы рѣшено было, что Заленскій не возвратится болѣе въ Могилевъ. Но смута этимъ не прекратилась: новый епископъ писалъ въ Москву, что прибытіе его въ Могилевъ тамошнимъ жителямъ и особенно братству непріятно, съ братствомъ заодно и бывшій намѣстникъ Гедеонъ Шишка, и вскорѣ по пріѣздѣ его, епископа Арсенія, явились на него пасквили, противъ чего онъ протестовалъ въ могилевской ратушѣ, объявивъ, что этотъ позоръ терпитъ онъ отъ Шишки. Арсеній писалъ также, что ругатели вѣры Православной грозятъ его убить; шляхта въ селахъ и городахъ Православныя церкви насильно отторгаетъ къ уніи. Іезуиты могилевскіе, имѣя у себя въ школѣ двухъ воспитанниковъ, сыновей знатныхъ горожанъ могилевскихъ, совратили-было ихъ въ свою Римскую церковь; стараніемъ игумена Братскаго монастыря Сильвестра мальчиковъ отняли у іезуитовъ и снова присоединили къ Православію; но за это католическій епископъ позвалъ къ суду игумена и русскихъ горожанъ. Епископъ прибавлялъ, что всѣ эти затрудненія и бѣдствія дѣлаются по интригамъ Каллиста Заленскаго, бывшаго архидіакона могилевскаго. Канцлеръ, графъ Головкинъ, отвѣчалъ Арсенію, что напрасно онъ нарекаетъ на Гедеона Шишку, человѣка честнаго и заявившаго о своемъ расположеніи къ нему, Арсенію; что пасквили написаны врагами Православія, и не слѣдовало ему жаловаться на нихъ въ ратушѣ, но оставить ихъ безъ вниманія, ибо въ тамошнемъ вольномъ государствѣ много того бываетъ; Поляки иногда и на своихъ государей пишутъ пасквили, но такихъ злодѣевъ сыскать нельзя; о гоненіяхъ на Православіе должно писать къ русскому посланнику въ Варшавѣ; интригъ отъ Каллиста Заленскаго никакихъ быть не можетъ, потому что онъ самъ не захотѣлъ возвращаться въ Могилевъ и уже поставленъ архимандритомъ въ Межигорскій монастырь. „Ваше преосвященство", писалъ Головкинъ, „должны сноситься съ Заленскимъ и требовать его совѣта, потому что вы еще теперь не можете узнать тамошнихъ людей; да и съ Гедеономъ Шишкою извольте пріятно обходиться, какъ съ человѣкомъ, знающимъ всѣ тамошнія дѣла, и совѣтоваться съ нимъ".

Избранный въ Москвѣ, Арсеній Берло не могъ въ Могилевѣ называться епископомъ и назывался

только номинатомъ до полученія королевскаго утвержденія. Объ этомъ утвержденіи долженъ былъ хлопотать снова отправленный въ Варшаву, въ качествѣ полномочнаго министра, князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій, хотя Михайла Бестужева и оставили тамъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Въ началѣ 1729 года, Долгорукій писалъ: „О епископѣ Бѣлорусскомъ хотя чаю быть не безъ трудности, дабы изъ кіевскихъ архимандритовъ позволили, однакожъ всемѣрно стараться буду“. При свиданіи съ примасомъ Потоцкимъ, Долгорукій объявилъ ему, что онъ присланъ для обнадеженія короля и республики непремѣнною дружбой; императоръ не имѣетъ никакихъ партикулярныхъ интересовъ въ королевствѣ Польскомъ, имѣетъ только одинъ общій съ Рѣчью Посполитою интересъ,—именно, чтобъ она въ своихъ правахъ и вольностяхъ была ненарушима во-вѣки; посланникъ прибавилъ, что, императоръ особенно уважаетъ его, примаса, лично и всю его фамилію. Поблагодаривши за это, примасъ началъ говорить, что короля очень долго нѣтъ въ Польшѣ; жаловался, что Августъ имѣлъ свиданіе съ Прусскимъ королемъ, что возбуждаетъ подозрѣніе, не постановили ли они что-нибудь противнаго вольности польской и не было бы сдѣлано какого насилія относительно королевскаго избранія. Посланникъ, именемъ своего государя, обнадежилъ, что въ такомъ случаѣ Россія будетъ помогать Рѣчи Посполитой, равно какъ и Австрія. Потоцкимъ очень не нравилось возвышеніе Понятовскаго, котораго король прочилъ въ гетманы. Возвышеніе Понятовскаго, по его отношеніямъ къ Швеціи и Лещинскому, не нравилось и Россіи, и потому Долгорукій долженъ былъ дѣйствовать сообща съ Потоцкими, въ чемъ ихъ и обнадеживалъ. Брату примасову, маршалку надворному Потоцкому, хотѣлось быть гетманомъ, хотѣлось и короны; но Долгорукій писалъ къ своему Двору: „Для интересовъ вашего величества, ни Лещинскаго, ни Потоцкихъ не надобно, а по моему рабскому разсужденію—годнѣе всѣхъ въ гетманы кто-нибудь изъ князей Вишневецкихъ“.

Свиданіе Польскаго и Прусскаго королей сильно безпокоило польскихъ вельможъ и русскаго посланника. Долгорукій отправился въ Дрезденъ, и оттуда давалъ знать въ Москву о трактатѣ, будто бы заключенномъ между Саксоніею и Пруссіею, по которому Пруссія обязалась помогать возведенію Саксонскаго наслѣднаго принца на Польскій престолъ, за что получитъ Польскую Пруссію, а Прусскій король обѣщалъ отдать свои швейцарскія владѣнія Морицу, вмѣсто Курляндіи; если же Пруссіи нельзя будетъ получить Польской Пруссіи, то король Августъ обязался уступить ей часть Лузаціи. Долгорукій не сомнѣвался въ существованіи подобнаго трактата: „Понеже“, писалъ онъ, „нужнѣе Прусскому Двору Польскіе Пруссы, нежели кусокъ въ Швейцарахъ. Дворъ здѣшній, повидимому, никогда надеженъ не былъ на свои прогрессы, какъ нынѣ, и во всѣхъ компаніяхъ говорятъ почти публично и уже какъ бы заподлинно, что королевичъ королемъ будетъ въ Польшѣ“. Изъ Москвы успокоивали Долгорукаго: „Есть ли какія секретныя обязательства между королями Польскимъ и Прусскимъ насчетъ Польскаго престола, о томъ до сего времени подлинно провѣдать мы не могли, и можно думать, что такихъ обязательствъ нѣтъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, при нынѣшнемъ министерствѣ прусскомъ за такую химеру, какъ пріобрѣтеніе Польской Пруссіи, не возьмутся, ибо никто изъ сосѣдей не допуститъ, чтобъ Польская Пруссія была оторвана отъ Рѣчи Посполитой, особливо Цесарь никогда на это не согласится; несмотря на то, надобно вамъ стараться подлинно провѣдывать о тайныхъ обязательствахъ между двумя Дворами, чтобъ мы могли заблаговременно свои мѣры взять“. Но Долгорукій не успокоивался, и причиною безпокойства выставлялъ сильный наборъ войска въ Саксоніи и небывалую прежде дружбу съ Пруссіею; а возвратившись въ Варшаву, посланникъ доносилъ, что здѣсь всѣ убѣждены насчетъ трактата между Саксоніею и Пруссіею о возведеніи наслѣднаго принца Саксонскаго на Польскій престолъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ открылся сеймъ въ Гроднѣ: „Неимовѣрно“, писалъ Долгорукій, „съ какимъ желаніемъ король и всѣ придворные сторонники стремятся доставить гетманскую булаву Понятовскому, не жалѣя ни труда, ни денегъ,—всѣ единодушно, кромѣ фамиліи Потоцкихъ, князя Сангушки и гетмана Литовскаго Потѣя, которые со мною чрезвычайно сблизились. Я обѣщаю Потоцкимъ милость вашего величества и вспоможеніе для полученія гетманства члену ихъ фамиліи; надѣюсь, что королю ни въ чемъ не будетъ успѣха и сеймъ скоро разорвется, потому что, по рабской моей должности, неусыпное стараніе имѣю, и на сеймикахъ нѣкоторыхъ пословъ избрать помогъ пристойными дачами“. Сеймъ разорвался [1]).

Въ Швеціи, послѣ отъѣзда князя Василья Лукича Долгорукаго, остался попрежнему въ званіи чрезвычайнаго посланника графъ Николай Головинъ. Онъ началъ свои донесенія новому императору жалобами на холодность, какую оказывало ему Шведское правительство. Какой-то благонадежный другъ за великую конфиденцію сказывалъ Головину, что шведское министерство ищетъ всякаго способа, какъ бы заставить Русскій Дворъ объявить Швеціи войну, чтобъ можно было приписать Россіи начало враждебнаго движенія, и, такимъ образомъ, въ силу договора о приступленіи къ Ганноверскому союзу, требовать помощи отъ Франціи и Англіи. Съ русскимъ посланникомъ обходились холодно, а присланнаго отъ султана агу осыпали ласками. Графъ Горнъ съ товарищами вездѣ разглашалъ, что теперь самое благопріятное время для отобранія у Россіи завоеваній Петра Вели-

---

[1]) Дѣла Польскія и Курляндскія; Протоколы Верх. Тайн. Совѣта; Weber's Moritz Graf von Sachsen.

каго. Отправили шведскому посланнику въ Петербургѣ Цедеркрейцу приказаніе объявить русскимъ министрамъ, что Шведское правительство не будетъ давать ихъ государю императорскаго титула, если Россія не уступитъ Швеціи Выборга. Но Цедеркрейцъ отвѣчалъ, что такое предложеніе теперь дѣлать неудобно, потому что правительство въ Россіи идетъ порядочно, никакой смуты нѣтъ и впередъ ожидать нельзя; войско въ хорошемъ состояніи, и хотя относительно флота есть упущенія, однако все можно исправить въ непродолжительное время. Эти донесенія заставили перемѣнить тонъ: Горнъ, чрезъ своихъ сторонниковъ, началъ разглашать, что такъ какъ герцогъ Голштинскій и его министры удалены изъ Россіи, то этимъ всѣ столкновенія между Русскимъ и Шведскимъ Дворами прекращаются. Въ сентябрѣ, Головинъ сообщилъ любопытное извѣстіе: „Здѣсь недоброжелательные къ Россіи люди очень жалѣютъ объ удаленіи князя Меншикова отъ Двора,—говорятъ явно, что они потеряли въ своихъ намѣреніяхъ великаго патрона". Въ то же время Головинъ далъ знать, что къ турецкому агѣ пріѣзжали министры англійскій и французскій, и говорили, чтобъ онъ отписалъ своему Двору о необходимости приготовляться къ войнѣ съ Россіею и Цесаремъ. Война должна быть начата будущей весною, когда Швеція, съ помощію англійскаго и французскаго флотовъ, нападетъ на Россію. Ага дѣйствительно написалъ объ этомъ къ Портѣ, за что получилъ отъ англійскаго и французскаго министровъ 2,000 червонныхъ. Горнъ и сенаторъ Дибинъ, съ своей стороны, говорили агѣ, что если по его старанію Порта объявитъ войну Россіи, то онъ получитъ отъ Шведскаго правительства 10,000 червонныхъ, а въ задатокъ подарили ему 1,000 червонныхъ и мѣхъ соболій. Надежный пріятель сказалъ Головину, что какъ скоро турецкій ага выѣдетъ изъ Стокгольма, то король пошлетъ отъ себя къ Портѣ, въ званіи чрезвычайнаго посланника, Нейгебауера, который уже былъ тамъ министромъ при Карлѣ XII. Головинъ доносилъ, что такъ-называемые доброжелательные, баронъ Цедергельмъ и графъ Тесинъ, просятъ пенсіоновъ, выставляя на видъ, что пострадали за приверженность къ Россіи; къ этимъ двоимъ Головинъ прибавлялъ также графа Дикера; но въ Россіи противъ его донесенія замѣтили: „Мнится, что хотя-бъ и дать на-годъ-на-другой по нѣскольку, когда усмотримъ, какъ наши дѣла съ Швеціею обойдутся". Въ Швеціи также дожидались, какъ дѣла въ Россіи обойдутся. Головинъ доносилъ, что графъ Горнъ и его партія безстыдно льстятъ себя надеждою, что въ Россіи будетъ бунтъ, и царь намѣренъ вовсе оставить Петербургъ и жить въ Москвѣ.

Но въ концѣ 1727 года вѣтеръ перемѣнился: король принялъ Головина чрезвычайно милостиво, и было указано, что съ двухъ сторонъ, изъ Англіи и изъ Франціи, пришли внушенія не ссориться съ Россіею до времени. Горнъ также началъ разсыпаться въ увѣреніяхъ насчетъ своей преданности къ Россіи, и объявилъ, что въ скоромъ времени представитъ доказательство этой преданности. Впрочемъ Горнъ имѣлъ и другія побужденія перемѣнить обращеніе съ Головинымъ: онъ разладилъ съ королемъ, а король продолжалъ ласкать турецкаго агу, подущая его писать къ Портѣ противъ Россіи, именно, что скоро будетъ бунтъ на Украйнѣ и Порта можетъ воспользоваться этимъ случаемъ для приведенія Украйны подъ свою власть, а Швеція въ это время отберетъ завоеванныя у нея Петромъ Великимъ области.

Въ началѣ 1728 года Головинъ доносилъ, что вражда между королемъ и Горномъ день-ото-дня увеличивается, и Горнъ соединяется съ русскимъ сторонникомъ, фельдмаршаломъ графомъ Дикеромъ, для поддержанія шведской вольности, угрожаемой королемъ. На это извѣщеніе посланникъ получилъ отвѣтъ изъ Россіи: „Вражду между графомъ Горномъ и королемъ содержать, и, ежели возможно, еще умножать весьма-бъ полезно было, но потребно будетъ въ томъ со всякою осторожностью поступать" —„Буду объ этомъ стараться", писалъ Головинъ, „только надобно имѣть нѣкоторую сумму денегъ для раздачи фаворитамъ графа Горна, чтобъ они побуждали его къ большей ссорѣ съ королемъ; теперь время перетянуть Горна на русскую сторону, и сдѣлать это легко, заплативши ему 12,000 ефимокъ, которые долженъ ему герцогъ Голштинскій, потому что при послѣднемъ свиданіи графъ Горнъ упоминалъ мнѣ объ нихъ, ставя себѣ въ обиду, что герцогъ не отдастъ ему долга".

Въ ноябрѣ 1728 года пріѣхалъ въ Стокгольмъ на-побывку бывшій въ Петербургѣ посланникомъ баронъ Цедеркрейцъ, и донесъ королю, что сухопутное войско русское находится въ добромъ порядкѣ и можетъ выступить въ походъ по объявленіи указа въ три дня; касательно галернаго флота объявилъ, что хотя каждый годъ строится по нѣскольку галеръ, однако теперь галерный флотъ передъ прежнимъ сильно уменьшается, а корабельный флотъ приходитъ въ прямое разореніе, потому что старые корабли, находящіеся въ Кронштадтѣ, всѣ гнилы и на будущій годъ изъ кронштадтской гавани больше четырехъ или пяти линейныхъ кораблей вскорѣ вывести нельзя, а постройка новыхъ кораблей ослабѣла, потому что, при отъѣздѣ его, только два или три линейныхъ корабля при петербургскомъ адмиралтействѣ на штапеляхъ были, изъ которыхъ одинъ къ будущей осени можетъ быть готовъ. Въ адмиралтействѣ такое несмотрѣніе, что флотъ и въ три года нельзя привести въ прежнее состояніе, а объ этомъ приведеніи въ прежнее состояніе и не думаютъ. Но разсказы объ упадкѣ русскаго флота не могли успокоить короля, когда въ то же время давали знать, что сухопутное войско въ порядкѣ, слѣдовательно Финляндія не можетъ быть безопасна. Король удивилъ Головина своимъ ласковымъ обхожденіемъ и высказываніемъ желаній сблизиться съ Россіею. Посланникъ приписывалъ это сближенію своему съ графомъ Гор-

номъ и неудовольствію Шведовъ на Англичанъ. Но, какъ видно, была еще другая важнѣйшая причина: придворная партія интриговала, чтобъ брату королевскому, Гессенъ-Кассельскому принцу Георгію данъ былъ въ Швеціи чинъ генералъ-фельдцеймейстера и такимъ образомъ проложенъ былъ путь къ престолу Шведскому; но такъ какъ права Голштинскаго Дома на Шведскій престолъ поддерживались Россіею, то король хотѣлъ сблизиться съ Русскимъ Дворомъ, въ надеждѣ, что императоръ, для дружбы съ Швеціею, откажется отъ покровительства герцогу Голштинскому. Головинъ доносилъ, что голштинская партія слабѣетъ, во-первыхъ, оттого, что членамъ ея не выплачиваются пенсіоны, а во-вторыхъ—отъ высокомѣрнаго обращенія голштинскаго резидента въ Стокгольмѣ, Рейхеля, котораго перемѣнить нѣтъ надежды, потому что онъ зять Бассевича.

Предложеніе о назначеніи Гессенскаго принца фельдцейгмейстеромъ не прошло въ Сенатѣ; но король все продолжалъ заискивать дружбу Русскаго императора. Въ апрѣлѣ 1729 года онъ отозвалъ Головина въ свой кабинетъ и объявилъ, что желаетъ возстановленія дружбы и тѣснаго союза между Россіею и Швеціею; распространялся въ похвалахъ Петру II, мудрости его правленія, и въ заключеніе сказалъ, что получены вѣрныя извѣстія о намѣреніи императора предпринять лѣтомъ путешествіе въ Германію, и если ему угодно будетъ ѣхать чрезъ Кассель, то онъ, король, сильно желалъ бы тамъ съ нимъ повидаться. Но возстановленіе дружбы и союза зависѣло не отъ одного короля; а Горнъ объявилъ Головину, что это возстановленіе произойдетъ, когда Россія поможетъ Швеціи въ ея денежныхъ нуждахъ, именно—заплатитъ за нее голландскій долгъ, и при этомъ давалъ знать, что и онъ долженъ получить за свои труды вознагражденіе. О голландскомъ долгѣ сказалъ Головину и самъ король. На донесенія объ этомъ Головинъ получилъ такой отвѣтъ изъ Москвы: „Что надлежитъ до голландской претензіи, то вовсе въ томъ не отказывай, но и не обязывайся платежемъ, а подъ пристойными предлогами отводи дѣло вдаль, ибо надлежитъ и намъ смотрѣть, какимъ образомъ Швеція впередъ будетъ поступать относительно насъ, особливо когда сеймъ будетъ“ [1]).

Легко понять, что извѣстіе о вступленіи на престолъ Петра II нигдѣ не было принято съ такимъ восторгомъ какъ въ Даніи. Ал. Петр. Бестужевъ, описывая, въ своихъ донесеніяхъ этотъ восторгъ, прибавляетъ: „Король надѣется получить вашу дружбу и готовъ искать ее всевозможными способами, прямо и посредствомъ Цесаря; впрочемъ здѣшній Дворъ съ безпокойствомъ ждетъ извѣстія,—герцогъ Голштинскій попрежнему ли будетъ присутствовать въ вашемъ Тайномъ Совѣтѣ, ибо въ такомъ случаѣ король Датскій не можетъ поступать откровенно съ вашимъ величествомъ, и, не получа искренней вашей дружбы, не можетъ потерять дружбу королей Французскаго и Англійскаго; вотъ почему хотя здѣшній Дворъ и не хочетъ отпустить свою эскадру въ море, тѣмъ менѣе соединить ее съ англійскою, однако долженъ въ запасъ приберегать связь съ Англіею и Франціею, и, чтобъ выманить субсидіи, велѣлъ тремъ полкамъ выступить въ Голштинію“. Герцогъ Голштинскій выѣхалъ изъ Россіи,—и Датскій Дворъ успокоился, объявляя на всѣ стороны, что хочетъ держаться строгаго нейтралитета [2]).

Въ Пруссіи, въ іюлѣ 1727 года, Головкинъ замѣтилъ любопытную перемѣну во взглядѣ на польскія дѣла. Когда русскій министръ, по обыкновенію, началъ говорить Фридриху-Вильгельму, что, въ случаѣ смерти Августа II, по требованію общихъ интересовъ Россіи и Пруссіи, надобно хлопотать о возведеніи на Польскій престолъ какого-нибудь шляхтича, то король отвѣчалъ: „Я и самъ того же мнѣнія; но если, паче чаянія, въ Польшѣ образуются двѣ сильныя партіи, Саксонская и Станислава Лещинскаго, то лучше будетъ поддерживать саксонскую партію, чѣмъ Станиславову“. Перемѣна объяснялась тѣмъ, что Франція и Англія съ своими союзниками начали стараться о возведеніи на престолъ Лещинскаго, что было бы вредно для Пруссіи и всей Германской имперіи, потому что Станиславъ будетъ всегда держаться Франціи и Англіи; и для общихъ интересовъ полезнѣе было бы, чтобъ наслѣдный принцъ Саксонскій сталъ королемъ Польскимъ, ибо онъ удобнѣе можетъ преодолѣть сторонниковъ Лещинскаго, чѣмъ Пястъ. Но, разумѣется, Пруссія не хотѣла помогать Саксоніи даромъ,—и та обѣщала ей не выкупать Эльбинскаго округа, но оставить его въ вѣчномъ владѣніи Пруссіи. Касательно Курляндскаго дѣла прусскіе министры прямо говорили Головкину: „Если нашему принцу нельзя быть въ Курляндіи, то зачѣмъ намъ и вмѣшиваться въ дѣла этой страны; намъ пріятнѣе, чтобъ это герцогство раздѣлено было на воеводства, чѣмъ досталось такому принцу, который не былъ бы склоненъ къ нашей сторонѣ“. Между тѣмъ, прусскій посланникъ, Мардефельдъ, сдѣлалъ Петербургскому Кабинету также предложеніе относительно кандидатуры наслѣднаго принца Саксонскаго въ Польшѣ. Головкинъ, по указу своего Двора, объявилъ лично королю, что такая перемѣна въ прусской политикѣ не *безудивительна* для Русскаго императора, который думаетъ, что къ этимъ саксонскимъ намѣреніямъ надобно относиться осторожно. Король отвѣчалъ: „Теперь образовались въ Европѣ двѣ партіи—цесарская и французская: Польша должна непремѣнно пристать къ одной изъ нихъ, и потому надобно заранѣе принять въ разсужденіе, какая партія общимъ интересамъ можетъ быть полезнѣе; а я думаю, что наслѣдный принцъ Саксонскій, принадлежащій къ цесарской партіи, гораздо

[1]) Дѣла Шведскія.

[2]) Дѣла Датскія.

полезнѣе Лещинскаго, который втянетъ Польшу во французскую партію". Головкинъ замѣтилъ на это, что не слѣдуетъ необходимо предполагать приступленія Польши къ какой нибудь изъ европейскихъ партій: Польша живетъ особнякомъ, и при избраніи короля будетъ смотрѣть на свои интересы, а между тѣмъ и европейскія отношенія могутъ перемѣниться; его величество можетъ самъ разсудить, какъ полезно будетъ для Россіи и Пруссіи, если на Польскій престолъ вступитъ король, у котораго будетъ 20,000 и больше собственнаго войска, и какія бы выгодныя условія ни были предложены Пруссіи со стороны Саксоніи,—всѣ эти условія химерическія и никогда исполнены быть не могутъ. Король отвѣчалъ, что если императоръ не желаетъ видѣть Саксонскаго наслѣднаго принца на Польскомъ престолѣ, то и онъ, король, не дастъ на это своего согласія и будетъ свято соблюдать договоры съ Россіею [1]).

Еще въ царствованіе Екатерины, въ 1725 году, отправленъ былъ въ Китай иллирійскій графъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Савва Владиславичъ Рагузинскій: „понеже съ китайской стороны для приключившихся пограничныхъ нѣкоторыхъ несогласій не токмо съ Россійскою имперіею отправленіе купечества пресѣчено и, по прежнему обыкновенію, отправленный россійскій караванъ въ Китай не пропускается, но и агентъ Лоренцъ Лангъ, бывшій при Дворѣ ханови въ Пекинѣ, и всѣ россійскіе купецкіе люди изъ китайскаго владѣнія предъ двумя годами высланы, и наиглавнѣйшая съ китайской стороны претензія и домогательство чинится въ разграниченіи земель и объ отдачѣ перебѣжчиковъ". Какъ Владиславичъ началъ свое трудное дѣло, видно изъ доношенія его, присланнаго изъ Иркутска въ маѣ 1726 года. „По прибытіи въ Тобольскъ, трудился я сколько могъ въ тамошней канцеляріи для пріисканія вѣдомостей о бѣглецахъ и о границахъ, и о прочемъ, и что могъ собрать, то взялъ съ собою, хотя ничего въ подлинномъ совершенствѣ получить не могъ за худымъ управленіемъ прежнихъ губернаторовъ и комендантовъ, и за такимъ дальнимъ разстояніемъ мѣстъ и разности народовъ. Пріѣхавши въ Иркутскъ, получилъ я письма отъ агента Ланга, изъ Селенгинска, и при нихъ ландкарту нѣкоторой части пограничныхъ земель. Эту ландкарту я осмотрѣлъ подробно и увидалъ, что изъ нея мало пользы будетъ, потому что въ ней, кромѣ рѣки Аргуна, ничего не означено, а разграничивать нужно въ немалыхъ тысячахъ верстъ на обѣ стороны. Увидѣлся я здѣсь съ четырьмя геодезистами, которые посланы для сочиненія ландкартъ сибирскимъ провинціямъ, и отправилъ двоихъ изъ нихъ для описанія тѣхъ земель, рѣкъ и горъ, которыя начинаются отъ рѣки Горбицы до Каменныхъ горъ, и отъ Каменныхъ горъ до рѣки Уди, потому что при графѣ Головинѣ все это осталось неразграниченнымъ. Другихъ же двоихъ геодезистовъ отправилъ я вверхъ по Иркуту рѣкѣ, которая изъ степей монгольскихъ течетъ подъ этотъ городъ, и оттуда велѣлъ имъ изслѣдовать пограничныя мѣста до рѣки Енисея, гдѣ Саянскій камень, и до рѣки Абакана, которая близъ пограничнаго города Кузнецка; также велѣно имъ ѣхать по Енисею рѣкѣ за Саянскій камень до вершинъ. Всѣ пограничныя крѣпости—Нерчинскъ, Иркутскъ, Удинскъ, Селенгинскъ—находятся въ самомъ плохомъ состояніи; все строеніе деревянное и отъ ветхости развалилось; надобно ихъ хотя палисадами укрѣпить для всякаго случая. И Китайцы люди неслуживые,—только многолюдствомъ и богатствомъ горды, и не думаю, чтобъ имѣли намѣреніе съ вашимъ величествомъ воевать; однако разсуждаютъ, что Россія имѣетъ необходимую нужду въ ихъ торговлѣ, для полученія которой сдѣлаетъ все по ихъ желанію".

Въ августѣ 1727 года, съ рѣчки Буры, Владиславичъ писалъ: „Сибирская провинція, сколько я могъ видѣть и слышать, не губернія, но имперія, всякими обительными мѣстами и плодами украшена: въ ней больше сорока рѣкъ, превосходящихъ величиною Дунай, и больше ста рѣкъ, превосходящихъ величиною Неву, и нѣсколько тысячъ малыхъ и среднихъ. Земля благообильная къ хлѣбному роду, къ рыболовлямъ, звѣроловлямъ, рудамъ разныхъ матеріаловъ и разныхъ мраморовъ; лѣсовъ предовольно, и, чаю, такого преславнаго угодья на свѣтѣ нѣтъ; только очень запустѣла за многими причинами, особенно отъ превеликаго разстоянія, отъ малолюдства, глупости прежнихъ управителей и непорядковъ пограничныхъ. Во всей Сибири нѣтъ ни единаго крѣпкаго города, ни крѣпости, особенно на границѣ по сю сторону Байкальскаго моря. Селенгинскъ не городъ, не село,—а деревушка съ 250 дворишковъ и двумя деревянными церквами, построенъ на мѣстѣ ни къ чему негодномъ и открытомъ для нападеній; четвероугольное деревянное укрѣпленіе таково, что, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, въ два часа будетъ все сожжено; а Нерчинскъ, говорятъ, еще хуже".

Съ августѣ 1726 года до мая 1727 г. отъ Владиславича не было никакихъ донесеній, потому что онъ находился въ это время въ Пекинѣ, и всѣ сношенія, по распоряженію Китайскаго Двора, были пресѣчены. По словамъ Владиславича, императрицыну грамоту богдыханъ принялъ на престолѣ своими руками съ превеликимъ почтеніемъ, и прочее обхожденіе чинено по достоинству императрицы и соотвѣтственно характеру посла, съ большою отмѣною противъ прежняго. Потомъ, для переговоровъ, опредѣлены были три верховные министра, съ которыми Владиславичъ имѣлъ болѣе тридцати конференцій. Съ китайской стороны явились сильные запросы: объявили, что Монгольская Земля простирается до Тобольска, потомъ спустились до Байкала и рѣки Ангары, гдѣ хотѣли провести границу. Своихъ перебѣжчиковъ насчитывали больше

[1]) Дѣла Прусскія

шести тысячъ. Въ 23-й конференціи согласились на словахъ и трактатъ написали начерно, что каждая имперія должна владѣть тѣмъ, чѣмъ теперь владѣетъ, безъ прибавки и умаленія. Но спустя два дня, министры объявили Владиславичу, что они говорили это отъ себя и его тѣшили, а богдыханъ не согласился, потому что монгольскіе владѣльцы прислали просьбу, чтобъ Россійской имперіи земель ихъ не уступать; что послѣ Головинскаго мира Русскіе завладѣли монгольскими землями на нѣсколько дней, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по недѣлѣ ходу; и если это имъ не будетъ возвращено, то они станутъ отыскивать свое, хотя и вконецъ разорятся. Потомъ министры принесли проектъ трактата съ такими крючками и неправдою, что немалая часть Сибирской губерніи отрывалась отъ Русской имперіи. Восемь конференцій Китайцы настаивали на принятіи этого проекта,—то грозили послу, то обѣщали большое награжденіе. Владиславичъ отвѣчалъ *равномѣрною гордостію*, какъ самъ выражается, что онъ не измѣнникъ и предатель отечества, и о такомъ трактатѣ слышать не хочетъ, не только его подписывать. Тогда начали притѣснять посла и свиту его, и наконецъ стали посылать свитѣ соленую воду, отчего половина людей занемогла. Когда и тутъ Владиславичъ объявилъ, что хотя бы всѣ и померли, но договора не подпишетъ, Китайцы сказали ему: „Ты упрямецъ, а не посолъ; ты пріѣхалъ сюда только для поздравленія богдыхана и отдачи подарковъ; возьми подарки къ своей императрицѣ и поѣзжай ни съ чѣмъ". Призванный въ верховный совѣтъ, Владиславичъ говорилъ: „Россійская имперія дружбы богдыхана желаетъ, но и недружбы не очень боится, будучи готова къ тому и другому".—„Или ты намъ на войну объявляешь"! сказали Китайцы.—„Войну объявить указу не имѣю", отвѣчалъ Владиславичъ; „но если вы Росссійской имперіи не дадите удовлетворенія и со мною не обновите мира праведно, то съ вашей стороны миръ нарушенъ; и если что̀ потомъ произойдетъ противно и непорядочно,—Богу и людямъ будетъ отвѣтчикъ тотъ, кто правдѣ противится". Послѣ этого Китайцы потребовали проекта отъ посла и, получивъ его, поднесли богдыхану: тотъ нѣсколько разъ прочелъ и наконецъ рѣшилъ, что въ Пекинѣ ничего не заключать, дабы монгольскихъ владѣльцевъ не озлобить, а послать на границу съ Владиславичемъ трехъ министровъ, на границѣ всѣ дѣла окончить и границу опредѣлить.

„Я болѣе жилъ за честнымъ карауломъ, чѣмъ вольнымъ посломъ", писалъ Владиславичъ: „какъ можно видѣть изъ всѣхъ ихъ поступковъ, они войны сильно боятся, но отъ гордости и лукавства не отступаютъ; а такого непостоянства отъ рожденія моего я ни въ какомъ народѣ не видалъ, воистину никакого резону человѣческаго не имѣютъ, кромѣ трусости, и еслибъ граница вашего императорскаго величества была бы въ добромъ порядкѣ, то все-бъ можно дѣлать по-своему; но, видя границу отворену и всю Сибирь безъ единой крѣпости, и видя, что Русскіе часто къ нимъ посольство посылаютъ, Китайцы пуще гордятся, и что ни дѣлаютъ, все изъ боязни войны, а не отъ любви. Въ мою бытность въ Пекинѣ имѣлъ я письменныя сношенія съ тамошними іезуитами и многія извѣстія чрезъ нихъ получилъ; они очень усердствовали, однако могли оказать мало помощи, потому что сами терпятъ большія притѣсненія отъ нынѣшняго богдыхана; нѣкоторые бояре китайскіе, которые приняли-было римскую вѣру, казнены за это, и всякая религія, кромѣ китайской, подвержена гоненію; поэтому преосвященному Кульчицкому (Иннокентію, назначенному въ Китай еще Петромъ Великимъ), хотя и договоръ заключится, въ Пекинѣ быть нельзя. Государство Китайское вовсе не такъ сильно, какъ думаютъ и какъ многіе историки ихъ возвышаютъ. Я имѣю подлинныя извѣстія о ихъ состояніи и силахъ, какъ морскихъ, такъ и сухопутныхъ. Нынѣшнимъ ханомъ никто не доволенъ, потому что дѣйствительно хуже римскаго Нерона государство свое притѣсняетъ и уже нѣсколько тысячъ людей казнилъ, а нѣсколько милліоновъ ограбилъ. Изъ двадцати четырехъ его братьевъ только трое пользуются его довѣріемъ, прочіе же одни казнены, и другіе находятся въ жестокомъ заключеніи; въ народѣ нѣтъ ни крѣпости, ни разума, ни храбрости, только многолюдство и чрезмѣрное богатство, и, какъ Китай начался, столько золота и серебра въ казнѣ не было какъ теперь, а народъ помираетъ съ голоду; народъ малодушный, какъ Жиды. Ханъ тѣшится сребролюбіемъ и домашними чрезмѣрными забавами; никто изъ министровъ не смѣетъ говорить правду; почти всѣ старые министры отставлены, какъ военные, такъ и гражданскіе; на ихъ мѣстахъ молодые, которые тѣшатъ хана полезными репортами и безпрестанною стрѣльбою, пушечною и ружейною, будто для воинскихъ упражненій, а болѣе для устрашенія народа и ханскихъ родственниковъ, чтобъ не бунтовали. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Пекина, я завелъ цифирную переписку съ французскимъ іезуитомъ, патеромъ Парени, который пользовался большимъ расположеніемъ покойнаго хана, и хотя теперешній ханъ къ нему не очень благоволитъ, однако часто его въ совѣтъ призываютъ. Этотъ патеръ нашелъ возможность установить тайную дружбу между мною и ханскимъ тайнымъ совѣтникомъ—аллегодою—Маси, который сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя полезныя предостереженія; я его одарилъ, и онъ обѣщалъ мнѣ помогать въ пограничныхъ переговорахъ, которые я буду вести съ китайскими министрами".

20 августа 1727 года, на рѣкѣ Бурѣ, Владиславичъ заключилъ съ китайскими министрами договоръ на основаніи, какого онъ домогался въ Пекинѣ, т.-е. чтобъ обѣ имперія на будущее время владѣли тѣмъ, чѣмъ теперь владѣютъ. Съ сѣверной стороны на рѣчкѣ Кяхтѣ караульное строеніе Россійской имперіи; съ южной стороны, на сопкѣ Орогойтѣ, караульный знакъ Срединной имперіи;

между этими караулами раздѣлить землю пополамъ, и тутъ будетъ отправляться съ обѣихъ сторонъ пограничная торговля. Отсюда на обѣ стороны отправитъ коммисаровъ для опредѣленія границы, которую проводить между русскими и монгольскими караулами и маяками. Если вблизи владѣнія Русскихъ или Монгольскихъ людей находятся какія-нибудь сопки, хребты и рѣки, то ихъ причесть за границу; а гдѣ сопокъ, хребтовъ и рѣкъ нѣтъ,—прилегли степи, то раздѣлить по срединѣ поровну отъ обоихъ владѣній. Донося объ этомъ уже императору Петру II-му, Владиславичъ писалъ: „Могу ваше императорское величество поздравить съ подтвержденіемъ дружбы и обновленіемъ вѣчнаго мира съ Китайскою имперіею, съ установленіемъ торговли и разведеніемъ границы къ немалой пользѣ для Россійской имперіи и неизреченной радости пограничныхъ обывателей, въ чемъ мнѣ помогалъ Богъ, счастіе вашего величества и слѣдующія причины: во-первыхъ, я былъ отправленъ съ поздравленіемъ новаго богдыхана со вступленіемъ на престолъ, что было ему чрезвычайно пріятно, и онъ велѣлъ меня принять въ Пекинѣ; иначе я бы въ этомъ городѣ не былъ и ни одного бы дѣла не окончилъ. Во-вторыхъ, въ бытность мою въ Сибири, пріискалъ я на Китайцевъ съ русской стороны большія претензіи, которыя дали мнѣ возможность держаться твердо въ Пекинѣ; всегда я имъ на одно слово отвѣчалъ двумя и грозилъ войною, хотя и не явно. Я представлялъ имъ, что Россія сносила ихъ обиды до настоящаго времени потому, что вела три войны, Шведскую, Турецкую и Персидскую, которыя всѣ кончила чрезвычайно для себя выгодно; теперь же, не имѣя ни съ кѣмъ войны, послала меня къ нимъ искать дружбы и удовлетворенія. Въ-третьихъ, чрезъ подарки, посредствомъ отцовъ іезуитовъ, сыскалъ я въ Пекинѣ доброжелательныхъ людей, которые хотя мнѣ помочь не могли, однако посредствомъ тайной переписки открывали мнѣ многіе замыслы, лукавства и намѣренія китайскихъ министровъ. Больше всѣхъ я обязанъ названному мною въ прежнемъ донесеніи тайному совѣтнику (по ихъ „аллегода“) Маси, которому я послалъ съ караваномъ въ подарокъ мягкой рухляди на 1,000 рублей, а посреднику, патеру Парени,—на сто рублей. Въ-четвертыхъ, на границѣ труднѣе всего было мнѣ спорить съ однимъ изъ китайскихъ министровъ, дядею богдыхана, Лонготою, и вдругъ, въ полночь 8 августа, пріѣхали изъ Пекина офицеры и этого гордаго Лонготу взяли и отвезли въ столицу подъ крѣпкимъ карауломъ; оставшіеся же два министра были гораздо умѣреннѣе. Кромѣ того, сблизился я съ однимъ старымъ тайшою, или князькомъ монгольскимъ, который пользуется большимъ уваженіемъ между Китайцами; онъ меня во всемъ предостерегалъ и увѣдомлялъ о поступкахъ и замыслахъ китайскихъ министровъ, и о чемъ они днемъ съ нимъ совѣтовались, о томъ давалъ онъ мнѣ знать чрезъ своего свойственника. За это я его наградилъ и обѣщалъ давать ежегодно по двадцати рублей до самой смерти, а долго онъ не проживетъ, потому что ему за 70 лѣтъ. Въ-пятыхъ, прибытіе Тобольскаго гарнизоннаго полка на границу, закрытіе нѣкоторыхъ городовъ и мѣстъ палисадами, построеніе новой крѣпости на Чикойской стрѣлкѣ, вѣрность ясачныхъ иноземцевъ, бывшихъ въ добромъ вооруженіи со мною на границѣ,—болѣе всего помогли заключенію выгоднаго договора“. При этомъ Владиславичъ доносилъ о разныхъ злоупотребленіяхъ въ Сибири: такъ пограничные правители отправляли въ Китай своихъ людей для торгу или для другихъ частныхъ прихотей, а въ грамотахъ писали ихъ посланниками и посланцами, вслѣдствіе чего въ Китаѣ давали имъ кормъ и подводы. Сборщики ясака черныхъ соболей брали себѣ, а въ казну ставили желтыхъ, которыхъ коптили такъ искусно, что ни Владиславичъ, ни Сибирскій губернаторъ не могли отличить копченаго соболя отъ настоящаго; но Китайцы различали, и это дѣлало большой подрывъ каравану, отпускаемому правительствомъ съ его товарами.

Большую заботу доставляло Владиславичу устройство церковныхъ дѣлъ въ Пекинѣ. Онъ писалъ въ Петербургъ, что архіерея послать туда нельзя, ибо это возбудитъ сильное подозрѣніе Китайцевъ и взволнуетъ европейцевъ другихъ исповѣданій. Вслѣдствіе этого, Иннокентію Кульчицкому велѣно было остаться въ Сибири въ санѣ епископа Иркутскаго, а въ Пекинъ назначенъ былъ архимандритъ Вознесенскаго иркутскаго монастыря Антоній, который въ сентябрѣ 1729 года пріѣхалъ въ Селенгинскъ, но вмѣсто іеромонаха привезъ съ собою только одного бѣлаго священника, „который совершенный шумница“ (пьяница). Антоній жаловался, что Иннокентій, осердясь на него, не далъ ему священниковъ, не выдалъ за первый годъ жалованья и показывалъ всякія другія противности, какъ явному непріятелю. Инокентій, съ своей стороны, писалъ Владиславичу на Антонія, что тотъ вконецъ разорилъ монастырь, монастырскихъ денегъ на немъ болѣе 3,000 рублей, и просилъ эти деньги съ него взыскать. „Кто изъ нихъ правъ, о томъ Богъ вѣдаетъ“, писалъ Владиславичъ въ Петербургъ.

Заключенный на Бурѣ договоръ былъ найденъ въ Россіи очень выгоднымъ, и Владиславичъ былъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена Александра Невскаго [1]). На другомъ концѣ Сибири, Берингъ, выполняя инструкцію Петра Великаго, нашелъ, что Азія отдѣляется отъ Америки широкимъ проливомъ, и, послѣ пятилѣтняго путешествія, въ мартѣ 1730 года, возвратился въ Россію: онъ не засталъ уже здѣсь и *втораго* императора.

Въ началѣ сентября 1729 года Петръ выѣхалъ въ сопровожденіи Долгорукихъ изъ Москвы съ 620 собаками, и возвратился только въ началѣ ноября. Слѣдствія такой долгой отлучки оказались

---

[1]) Дѣла Китайскія.

19 ноября, когда торжественно было объявлено, что императоръ вступаетъ въ бракъ съ дочерью князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, Екатериною, которой было 17 лѣтъ. 30 ноября было обрученіе; княжну Екатерину Алексѣевну уже начали называть „императорскимъ высочествомъ“. По рукамъ ходила рѣчь фельдмаршала Долгорукаго, сказанная имъ племянницѣ при поздравленіи: „Вчера я былъ твой дядя, нынѣчѣ ты моя государыня, и я буду твой вѣрный слуга. Позволь дать тебѣ совѣтъ: смотри на своего августѣйшаго супруга не какъ на супруга только, но какъ на государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему пріятно. Твоя фамилія многочисленна, но, слава Богу, она очень богата и члены ея занимаютъ хорошія мѣста; итакъ, если тебя будутъ просить о милости кому-нибудь, хлопочи не въ пользу имени, но въ пользу заслугъ и добродѣтели: это будетъ настоящее средство быть счастливою, чего тебѣ желаю“ [1]).

Но, вмѣстѣ съ этою рѣчью, ходили слухи, что фельдмаршалъ Долгорукій, наиболѣе уважаемый изо всей фамиліи, противился браку племянницы съ императоромъ, какъ не могущему повести къ добру. Ходило много зловѣщихъ слуховъ: предсказывали, что Долгорукіе, идя по стопамъ Меншикова, будутъ имѣть одинаковую съ нимъ участь; ихъ всѣ ненавидятъ; они не хотятъ пріобрѣсти ничьего расположенія, женятъ императора силою, употребляя во зло его малолѣтство; но когда онъ достигнетъ 15 или 16 лѣтъ, то вѣрные министры разъяснятъ ему сущность дѣла, тогда онъ раскается въ своей женитьбѣ,—и Долгорукіе погибли, а царица навѣрное кончитъ монастыремъ [2]). Толковали, что Долгорукіе уже дѣлятъ между собою высшія должности: Алексѣй хочетъ быть генералиссимусомъ или первымъ министромъ, Иванъ—великимъ адмираломъ, Василій Лукичъ—великимъ канцлеромъ, Сергѣй—оберъ-шталмейстеромъ. Но иностранные министры зорко подсматривали, какъ обходится императоръ съ своею невѣстою, и поражались холодностію ихъ отношеній: точь-въ-точь, какъ Петръ обходился съ прежнею своею невѣстою, княжною Меншиковою; но при этомъ шли слухи, что невѣста и неохотно принимала бы нѣжности жениха, потому что сердце ея отдано другому, графу Миллезимо, родственнику цесарскаго посла, графа Вратислава [3]).

Петръ находился теперь въ болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ при Меншиковѣ. Тогда онъ вооружился за свои права противъ человѣка, беззаконно похитившаго власть и употреблявшаго ее во зло; тогда онъ схватился съ человѣкомъ, который хотѣлъ держать его въ рукахъ, не давать ему воли, оскорблялъ его, людей къ нему близкихъ, тиранствовалъ, какъ увѣряли, надъ Россіею. Но къ Долгорукимъ другія отношенія: они постоянно, самымъ ревностнымъ образомъ, исполняли всѣ его желанія, угождали, забавляли его безъ малѣйшаго прекословія; онъ самъ отдался имъ въ руки,—его притянула къ нимъ его собственная страсть, нерасположеніе заниматься серьезнымъ дѣломъ, желаніе забавляться, развлекаться. Какимъ бы образомъ ни было сдѣлано внушеніе о бракѣ, онъ его принялъ, согласился, не имѣя силъ порвать съ людьми, къ которымъ привыкъ, не имѣя силъ вынести печальныхъ лицъ *компаніи*; онъ согласился,—дѣло не безъ него сдѣлалось, его не принуждали. Какъ легко ему было оборачиваться спиною къ Меншикову, такъ тяжело было это сдѣлать относительно Долгорукихъ. А между тѣмъ тяжело и сохранить прежнія отношенія: невѣста не нравится, самолюбіе страдаетъ; позволилъ завести себя дальше, чѣмъ слѣдовало; какъ они смѣли!—но самъ согласился, самъ одобрилъ и оправдалъ ихъ смѣлость; гдѣ была сила воли, гдѣ характеръ? И всѣ считаютъ его безхарактернымъ ребенкомъ, потому что съ какой стати ему, императору, жениться на Долгорукой, которая старше его и которая вовсе ему не нравится? Раздраженіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ труднѣе выходъ изъ положенія, возбуждающаго раздраженіе.

„Царь начинаетъ стряхать съ себя иго“, пишутъ иностранные министры къ своимъ Дворамъ въ началѣ 1730 года: недавно тайкомъ, ночью, уѣхалъ онъ къ Остерману и у него имѣлъ совѣщаніе еще съ двумя другими членами Верховнаго Тайнаго Совѣта. Видѣлся онъ и съ теткою цесаревною Елисаветою, которая со слезами жаловалась ему на свое печальное положеніе: во всемъ терпитъ она страшный недостатокъ, даже соли не отпускаютъ сколько надобно. Петръ отвѣчалъ, что онъ не виноватъ: онъ много разъ давалъ приказанія удовлетворить ея требованіямъ; но онъ скоро найдетъ средство разбить свои оковы. До самаго конца ходили упорные слухи, что фаворитъ хочетъ жениться на принцессѣ Елисаветѣ, но что она никакъ не соглашается на это, и объявила, что скорѣе вовсе не выйдетъ замужъ, чѣмъ выйдетъ за подданнаго. Ненависть къ ней Долгорукихъ могла происходить отсюда; могла происходить и изъ опасенія ея вліянія надъ Петромъ: они постоянно могли видѣть въ ней помѣху своимъ планамъ. Слухъ, что ей грозилъ монастырь отъ Долгорукихъ, подтверждается послѣдующимъ признаніемъ князя Ивана, который приписывалъ опалу своей фамиліи наговорамъ цесаревны, и объявилъ, что хотѣлъ сослать ее въ монастырь, и съ отцомъ своимъ наединѣ о томъ говаривалъ для того, что казалась къ нимъ немилостива [4]).

Долгорукіе готовились къ двумъ свадьбамъ: свадьбѣ императора на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и свадьбѣ фаворита князя Ивана на графинѣ Натальѣ Борисовнѣ Шереметевой, дочери покойнаго фельдмаршала. Враги Долгорукихъ тол-

[1]) Маньянъ.
[2]) Лиріа.
[3]) Лефортъ.

[4]) Лефортъ, Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ, въ Госуд. Архивѣ.

ковали о несогласіяхъ, господствовавшихъ въ фамиліи: князь Алексѣй не можетъ терпѣть сына Ивана, котораго ненавидитъ также и сестра, невѣста императора, потому что фаворитъ не даетъ ей бриліантовъ, принадлежавшихъ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

6 января водоосвященіе на Москвѣ-рѣкѣ и парадъ: войска къ Іордани велъ фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ Долгорукій; когда они построились въ каре, пріѣхалъ императоръ изъ Слободского или Лефортова дворца, гдѣ жилъ въ это время, и занялъ полковничье мѣсто.

На другой день слухи, что императоръ нездоровъ; придворные озабочены, грустны,—значитъ болѣзнь опасная. У государя—оспа!

Иностранные министры уже толкуютъ о томъ, что будетъ, если случится несчастіе; указываютъ на четыре партіи: партію цесаревны Елисаветы, партію царицы-бабки, партію невѣсты, княжны Долгорукой, партію малолѣтняго герцога Голштинскаго; и самыя сильныя изъ этихъ партій—партія царицы-бабки и невѣсты, Долгорукой [1]). Идутъ слухи, что князь Алексѣй хочетъ обвѣнчать больного Петра въ постели на своей дочери. Больше всѣхъ иностранныхъ министровъ волнуется датскій, Вестфаленъ. Три года тому назадъ ему удалось отстранить герцогиню Голштинскую и сестру ея отъ Русскаго престола; но теперь опасность возобновляется. Вестфаленъ разъѣзжаетъ то къ Долгорукимъ, то къ Голицынымъ. Князю Василью Лукичу онъ говоритъ: „Слышалъ я, что князь Димитрій Голицынъ желаетъ, чтобъ быть наслѣдницею цесаревнѣ Елисаветѣ, и если это сдѣлается, то сами вы знаете, что нашему Двору это будетъ очень непріятно; если не вѣрите, то я вамъ письменно сообщу объ этомъ, чтобъ вы могли показывать всякому, съ кѣмъ у васъ будетъ разговоръ“. Князь Василій отвѣчалъ ему: „Теперь, слава Богу, оспа высыпала, и есть большая надежда, что императоръ выздоровѣетъ; но если и умретъ, то приняты мѣры, чтобъ потомки Екатерины не взошли на престолъ; можете писать объ этомъ къ своему Двору, какъ о дѣлѣ несомнѣнномъ“. Вестфаленъ однако прислалъ письменное заявленіе, которое состояло въ слѣдующемъ: „Слухи носятся, что его величество очень боленъ, и если престолъ Россійскій достанется Голштинскому принцу, то нашему Датскому королевству съ Россіею дружбы имѣть нельзя. Обрученная невѣста—изъ вашей фамиліи, и можно удержать престолъ за нею, какъ Меншиковъ и Толстой удержали престолъ за Екатериною Алексѣевною; по знатности вашей фамиліи, вамъ это сдѣлать можно, притомъ вы больше силы и права имѣете“. Князь Василій Лукичъ прочелъ письмо въ кругу родныхъ, но тутъ объ этомъ дѣлѣ не разсуждали, потому что императору стало легче [2]).

Но скоро ему опять стало хуже. Изъ Головинскаго дворца, гдѣ жилъ князь Алексѣй Григорьевичъ съ семействомъ, посланы были гонцы по родственникамъ, чтобъ съѣзжались. Родственники съѣхались и нашли князя Алексѣя въ спальнѣ, на постели. „Императоръ боленъ“, началъ онъ, „и худа надежда, чтобъ живъ былъ: надобно выбирать наслѣдника“. Князь Василій Лукичъ спросилъ: „Кого вы въ наслѣдники выбирать думаете?“ Князь Алексѣй указалъ пальцемъ вверхъ и сказалъ: „Вотъ она!“ Наверху жила дочь его, обрученная невѣста. Князь Сергѣй Григорьевичъ началъ говорить: „Нельзя ли написать духовную, будто его императорское величество учинилъ ее наслѣдницею?“ На это возразилъ князь Василій Владиміровичъ: „Неслыханное дѣло вы затѣваете, чтобъ обрученной невѣстѣ быть Россійскаго престола наслѣдницею! Кто захочетъ ей подданнымъ быть?—не только посторонніе, но и я, и прочіе нашей фамиліи никто въ подданствѣ у ней быть не захочетъ. Княжна Катерина съ государемъ не вѣнчалась“.—„Хоть не вѣнчалась, но обручалась“, сказалъ князь Алексѣй.—„Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное“, возразилъ князь Василій Владиміровичъ: да если-бъ она за государемъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы во учиненіи ея наслѣдницею не безъ сомнѣнія было“. Григорьевичи представляли ему, что стоитъ только энергически приняться за дѣло, и въ успѣхѣ сомнѣваться нельзя: „Мы уговоримъ графа Головкина и князя Димитрія Михайловича Голицына; а если они заспорятъ, то мы будемъ ихъ бить. Ты въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ-майоръ, и въ Семеновскомъ полку спорить о томъ будетъ некому“.—„Что вы ребячье врете“, возразилъ князь Василій Владиміровичъ, „какъ тому можно сдѣлаться? И какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ, не только будутъ меня бранить, но и убьютъ“. Послѣ этого спора князь Василій Владиміровичъ уѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Михайлою. Тогда князь Василій Лукичъ, сѣвши у камина на стулъ и взявъ листъ бумаги да чернилицу, началъ-было писать духовную, но скоро пересталъ и сказалъ: „Моей руки письмо худо, кто бы получше написалъ?“ Сталъ писать князь Сергѣй Григорьевичъ со словъ Василья Лукича и Алексѣя Григорьевича, и написалъ два экземпляра. Тутъ князь Иванъ Алексѣевичъ, вынувъ изъ кармана листъ бумаги, началъ говорить: „Вотъ посмотрите письмо государевой и моей руки: письмо руки моей слово въ слово какъ государево письмо; я умѣю подъ руку государеву подписываться, потому что я съ государемъ въ шутку писывалъ“, и написалъ: „Петръ“. Всѣ нашли, что похоже, и рѣшили, чтобъ Иванъ подписалъ подъ духовною, если государь, за тяжкою его болѣзнію, самъ подписать духовной будетъ не въ состояніи [3]).

Государь уже не былъ въ состояніи подписывать. Въ бреду онъ все звалъ къ себѣ Андрея Ива-

---

[1]) Лиріа.

[2]) Маньянъ.—Слѣдственное дѣло о Долгорукихъ.

[3]) Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ.

новича (Остермана); наконецъ произнесъ зловѣщія слова: „Запрягайте сани, хочу ѣхать къ сестрѣ“ [1])—и скончался съ 18 на 19 января, во второмъ часу ночи, 14 лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ со днями.

Глава III.

Царствованіе императрицы Анны Іоанновны.

Избраніе Анны на престолъ.—Ограниченіе самодержавія.—Неудовольствія въ духовенствѣ, генералитетѣ и шляхетствѣ. — Посольство въ Митаву. — Анна соглашается на условія, ей предложенныя. — Поведеніе Ягужинскаго; его арестъ. — Мнѣнія о государственномъ устройствѣ, подававшіяся въ Верховный Тайный Совѣтъ.—Проекты Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Пріѣздъ Анны.—Похороны Петра II-го.—Торжественный въѣздъ Анны въ Москву. — Новая форма присяги.—Движенія партій.—Возстановленіе самодержавія.—Вторичная присяга.—Характеръ новой императрицы.—Уничтоженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.—Возстановленіе Сената въ прежнемъ значеніи.—Присутствіе императрицы въ Сенатѣ.—Уничтоженіе майората.—Учрежденіе кадетскаго корпуса.—Мѣры относительно правосудія. — Хлопоты объ Уложеніи.—Измѣненіе въ судопроизводствѣ.—Раздѣленіе Сената на департаменты.—Возстановленіе должности генералъ-прокурора.—Учрежденіе Суднаго и Сыскнаго Приказовъ. — Возстановленіе Сибирскаго Приказа. — Распоряженіе относительно воеводскихъ злоупотребленій.—Финансовыя мѣры.—Заботы о войскѣ.—Флотъ.—Вопросъ о штатахъ.—Дѣятельность коммисіи о коммерціи.—Полиція.—Церковь.—Дѣла на Украйнахъ.—Гоненіе на Долгорукихъ. — Биронъ, Левенвольдъ и Остерманъ.—Увеличеніе гвардіи.—Роскошь при Дворѣ.—Неудовольствія.—Опала Румянцева.—Сильное ожесточеніе.—Смерть князя Мих. Мих. Голицына и опала князя Васил. Владим. Долгорукаго.—Причины торжества иноземцевъ.—Возстановленіе Преображенскаго Приказа.—Учрежденіе Кабинета.—Удаленіе Ягужинскаго и Шафирова.—Переѣздъ Двора въ Петербургъ.—Внѣшняя дѣятельность въ три первые года царствованія Анны.

Три архіерея, совершавшіе елеосвященіе надъ умиравшимъ государемъ, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта и многіе изъ сенаторовъ и генералитета находились во дворцѣ во время кончины Петра. Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, именемъ другихъ свѣтскихъ сановниковъ, сперва просилъ архіереевъ подождать немного, потому что скоро должно начаться совѣщаніе объ избраніи новаго государя; но, спустя нѣсколько времени, явился къ нимъ опять и объявилъ, что Верховному Совѣту заблагоразсудилось назначить собраніе въ десятомъ часу утра въ палатахъ Верховнаго Совѣта, куда приглашаются архіереи и архимандриты—синодальные члены. Архіереи уѣхали, но свѣтскіе остались—и началось предварительное совѣщаніе о томъ, кому долженъ достаться престолъ. Остермана не было; по его показанію, онъ находился при тѣлѣ государя. По другимъ извѣстіямъ, когда его приглашали на совѣщаніе, то онъ отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ иностранецъ, и потому приметъ общее рѣшеніе [2]). Князь Алекс. Триг. Долгорукій потребовалъ престола для дочери своей и показалъ „нѣкое письмо, якобы Петра II-го завѣтъ“ [3]); но на это письмо не обратили вниманія, равно какъ на предложеніе объ избраніи монахини Лопухиной, сдѣланное неизвѣстно кѣмъ. Прежде, какъ мы видѣли, толковали о четырехъ партіяхъ: цесаревны Елисаветы, царицы-бабки, герцога Голштинскаго и княжны Долгорукой; но ясно, что партій не было; кончина послѣдняго изъ мужской линіи Романовыхъ поразила всѣхъ врасплохъ; притомъ мы должны осторожно обходиться съ извѣстіями иностранцевъ о партіяхъ въ Россіи. Петръ Великій, несмотря на все свое стараніе, не могъ въ короткое время пріучить Русскихъ людей дѣйствовать сообща, „кумпанствами“:—обыкновенно всѣ шли вразбродъ, личные и фамильные интересы были на первомъ планѣ, что и давало возможность сильному человѣку захватывать власти больше, чѣмъ сколько ему слѣдовало. Иностранцы говорятъ, что изъ означенныхъ четырехъ партій сильнѣе всѣхъ были партія княжны Долгорукой и царицы-бабки; но эти же самые иностранцы говорятъ, что противъ Долгорукихъ было всеобщее нерасположеніе: кто же могъ составлять сильную партію княжны Екатерины? Ясно, что должно разумѣть здѣсь силу не партіи, а фамиліи; и дѣйствительно, если бы въ фамиліи не было разногласія, если бы всѣ Долгорукіе рѣшились дѣйствовать такъ же энергически, какъ дѣйствовалъ Меншиковъ и Толстой въ 1725 году, то еще можно было бы ожидать успѣха; но этой энергіи не достало, а съ однимъ „нѣкіимъ письмомъ“ нельзя было ничего сдѣлать. Указываютъ на силу другой партіи—царицы бабки; это значитъ, что много людей произносили имя Лопухиной, и понятно почему: многіе, застигнутые врасплохъ страшнымъ событіемъ, не зная, на комъ остановиться, хотѣли поскорѣе занять праздное мѣсто лицомъ, не могшимъ долго на немъ оставаться, но дававшимъ время пообдумать, приготовиться; никакой сильной партіи не было и здѣсь. При отсутствіи партій, при всеобщемъ недоумѣніи и нерѣшительности, голосъ сильнаго человѣка рѣшаетъ дѣло, особенно если онъ находитъ рѣшеніе наиболѣе удовлетворительное. Теперь это былъ голосъ князя Димитрія Михайловича Голицына, который объявилъ, что Домъ Петра I-го пресѣкся смертію Петра II-го, и справедливость требуетъ перейдти къ старшей линіи,—царя Іоанна Алексѣевича; старшую изъ дочерей его, царевну Екате-

[1]) Лефортъ.

[2]) Слѣдственное дѣло объ Остерманѣ въ Государств. Архивѣ.—Манштейнъ.

[3]) Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ приложеніи къ Запискамъ Дюка Лирійскаго, изд. Д. Языкова.

рину, трудно выбрать, потому что она замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ, тогда какъ вторая, Анна, герцогиня Курляндская, свободна и одарена всѣми способностями, нужными для трона. Всѣ закричали: „Такъ, такъ, нечего больше разсуждать, мы выбираемъ Анну"! Тутъ приглашенъ былъ Остерманъ—и съ радостію присоединилъ свой голосъ [1]).

Почему князь Димитрій Голицынъ остановилъ свой выборъ на Аннѣ,—это понятно; онъ смотрѣлъ не очень благосклонно на бракъ Петра Великаго съ Екатериною и на дѣтей, отъ этого брака происшедшихъ; притомъ, когда пресѣклось мужеское колѣно, то имѣли право обратиться къ старшей женской линіи; завѣщаніе Екатерины І-й, установлявшее порядокъ престолонаслѣдія, нельзя было приводить какъ актъ неоспоримый. Кромѣ молодости и отсутствія серьезности въ поведеніи, цесаревну Елисавету отстраняли отъ трона права племянника, сына старшей сестры, герцога Голштинскаго; но малолѣтство послѣдняго не давало никакого обезпеченія, а пріѣздъ герцога, отца его, да еще съ Бассевичемъ, никому не могъ быть желателенъ. Анна слыла женщиною очень умною, отличалась серьезностію поведенія, величественною, царственною наружностію; пріѣзжая въ Петербургъ и въ Москву изъ Митавы, всегда съ просьбами о помощи, о поддержкѣ, она старалась заискать расположеніе всѣхъ, и потому оставляла послѣ себя пріятное воспоминаніе. Старикъ Бестужевъ не могъ нарушить этой пріятности: онъ былъ одинъ, его друзья разосланы. Были извѣстны нѣкоторыя курляндскія отношенія; но князь Димитрій Михайловичъ уже придумалъ лѣкарство отъ болѣзней власти—ея ограниченіе.

Вспомнивъ судьбу Голицына, мы поймемъ, какимъ образомъ въ головѣ его созрѣла мысль объ ограниченіи императорской власти. Гордый своими личными достоинствами и еще болѣе гордый своимъ происхожденіемъ, считая себя представителемъ самой знатной фамиліи въ государствѣ, Голицынъ, какъ мы видѣли, постоянно былъ оскорбляемъ въ этихъ самыхъ сильныхъ своихъ чувствахъ. Его не отдаляли отъ правительства, но никогда не приближали къ источнику власти; никогда не имѣлъ онъ сильнаго вліянія на ходъ правительственной машины, а что было виною—фаворитизмъ! Его отбивали отъ первыхъ мѣстъ люди худородные, но умѣвшіе приближаться къ источнику власти, угождать, служить лично, къ чему Голицынъ не чувствовалъ никакой способности. Съ негодованіемъ смотрѣлъ Голицынъ на бракъ Петра І-го съ худородною женщиною, около которой сосредоточивались ненавистные выскочки, и долженъ былъ преклониться предъ этою женщиною, какъ предъ самодержавною государынею. Наконецъ онъ дождался счастливаго времени: вступилъ на престолъ законный наслѣдникъ, отъ честнаго брака рожденный, и какая же награда Голицыну, человѣку, сильнѣе котораго конечно никто не желалъ воцаренія сына Алексѣева?—Чуть-чуть не опала, и вся власть въ рукахъ людей изъ враждебной фамиліи, вся власть въ рукахъ двоихъ Долгорукихъ и, какъ нарочно, самыхъ незначительныхъ изъ фамиліи по личнымъ достоинствамъ. Долго ли же терпѣть? Петръ ІІ-й умираетъ; Голицынъ указываетъ ему преемницу—и всѣ повинуются этому указанію. Какъ же благодарна будетъ новая императрица Голицыну, главному виновнику ея избранія? Но Голицынъ наученъ горькимъ опытомъ: онъ знаетъ, что сначала будутъ благодарны, сначала поласкаютъ человѣка, неспособнаго быть фаворитомъ, а потомъ какой-нибудь сынъ конюха, русскаго или курляндскаго, черезъ фаворъ оттѣснитъ перваго вельможу на задній планъ. Вельможество самостоятельнаго значенія не имѣетъ; при самодержавномъ государѣ значеніе человѣка зависитъ отъ степени приближенія къ нему. Надобно же покончить съ этимъ, надобно дать вельможеству самостоятельное значеніе, при которомъ оно могло бы не обращать вниманія на фаворитовъ.

Когда всѣ изъявили свое согласіе на избраніе Анны, князь Димитрій началъ говорить: „Воля ваша, кого изволите, только надобно намъ себѣ полегчить"—„Какъ себѣ полегчить? "спросилъ кто-то.—„Такъ полегчить, чтобъ воли себѣ прибавить", отвѣчалъ Голицынъ. Если вѣрить собственному показанію князя Василія Лукича Долгорукаго, онъ возразилъ: „Хотя и зачнемъ, да не удержимъ этого;" на что Голицынъ отвѣчалъ: „Правда, удержимъ", и, видя, что никто не рѣшается произнести своего согласія, продолжалъ: „Будь воля ваша, только надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты" [2]). Послѣ или прежде этого предварительнаго совѣщанія, было, какъ видно, засѣданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ „разсуждено фельдмаршаламъ князю Михаилу Мих. Голицыну и князю Василію Владиміровичу Долгорукому, присутствовать въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ [3]). Такимъ образомъ, Совѣтъ прежде всего обнаружилъ свою власть, самъ назначивъ новыхъ своихъ членовъ. Это назначеніе было знакомъ соединенія двухъ самыхъ сильныхъ фамилій. Объ этомъ соединеніи, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [4]), сильно хлопоталъ въ послѣднее время князь Алексѣй Долгорукій, чтобъ не встрѣчать въ Голицыныхъ сопротивленія своимъ замысламъ насчетъ женитьбы государя на своей дочери; но теперь Голицынъ, для проведенія своихъ замысловъ, нуждался въ помощи Долгорукихъ—и самыхъ лучшихъ изъ нихъ. Для поддержанія значенія Верховнаго Тайнаго Совѣта было необходимо, чтобъ между его членами находились обѣ военныя знаменитости, принадлежавшія къ обѣимъ фами-

[1]) Маньянъ.—Остерманъ подтверждаетъ это извѣстіе, говоря, что «спустя полчаса за нимъ прислали, и объявили, что выбрана Анна».

[2]) Слѣдственное дѣло о Долгорукихъ.

[3]) Протоколъ Верх. Т. Сов. 19 января, въ Государ. Архивѣ.

[4]) Ѳеофана Прокоповича.

ліямъ; притомъ было извѣстно, что князь Василій Владиміровичъ вовсе не жилъ въ-ладахъ съ княземъ Алексѣемъ, а при паденія значенія послѣдняго и князь Василій Лукичъ не сталъ-бы ему поддакивить. Обыкновенно число членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ описываемое время полагается восемь, и къ извѣстнымъ уже намъ семи присоединяютъ князя Михаила Владиміровича Долгорукаго; но мы не знаемъ, когда послѣдовало его назначеніе.

Въ этихъ совѣщаніяхъ и распоряженіяхъ прошло время до десятаго часа, когда въ залахъ дворца собрались Сенатъ и Синодъ, и генералитетъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта вышли къ собравшимся, и канцлеръ графъ Головкинъ объявилъ, что, по мнѣнію Совѣта, Россійская корона слѣдуетъ Курляндской герцогинѣ; но требуется согласіе всего отечества въ лицѣ собравшихся чиновъ. Согласіе послѣдовало полное, и Ѳеофанъ Прокоповичъ изъявилъ желаніе духовенства немедленно отслужить благодарственный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ; но, при этомъ столь естественномъ предложеніи, верховники (какъ называли членовъ Совѣта), смутились и отвѣчали, что надобно еще подождать съ молебномъ [1]).

Между тѣмъ Голицынъ все хлопоталъ съ *пунктами*. Видя, что многіе изъ генералитета уже расходятся, онъ вошелъ и сказалъ: „Надобно ихъ воротить, чтобъ не было отъ нихъ чего", и воротили Дмитріева-Мамонова, Льва Измайлова, Ягужинскаго и нѣкоторыхъ другихъ; Голицынъ говорилъ имъ: „Станемъ писать пункты, чтобъ не быть самодержавствію" [2]).

Написали сперва письмо отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта къ новоизбранной императрицѣ: „Премилостивѣйшая государыня! Съ горькимъ соболѣзнованіемъ нашимъ вашему императорскому величеству Верховный Тайный Совѣтъ доноситъ, что сего настоящаго году, января 18, пополуночи въ первомъ часу, вашего любезнѣйшаго племянника, а нашего всемилостивѣйшаго государя, его императорскаго величества Петра II-го не стало; и какъ мы, такъ и духовнаго и всякаго чина свѣцкіе люди того жъ времени заблагоразсудили Россійскій престолъ вручить вашему императорскому величеству, а какимъ образомъ вашему величеству правительство имѣть, тому сочинили кондиціи, которыя къ вашему величеству отправляли изъ собранія своего съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Васильемъ Лукичемъ Долгорукимъ, да сенаторомъ тайнымъ совѣтникомъ князь Михайломъ Михайловичемъ Голицынымъ и з генераломъ маеоромъ Леонтьевымъ, и всепокорно просимъ оные собственною своею рукою пожаловать подписать и не умедля сюды в Москву ѣхать и Россійскій престолъ и правительство воспріять. 19 января 1730". Кондиціи, которыя должна была подписать Анна, были написаны въ такой формѣ: „Чрезъ сіе наикрѣпчайше обѣщаемся, что наиглавнѣйшее мое попеченіе и стараніе будетъ не токмо о содержаціи, но и крайнемъ и всевозможномъ распространеніи Православныя нашей вѣры Греческаго исповѣданія; такожде по принятіи короны Россійской, въ супружество во всю мою жизнь не вступать и наслѣдника ни при себѣ, ни по себѣ никого не опредѣлять; еще обѣщаемся, что понеже цѣлость и благополучіе всякаго государства отъ благихъ совѣтовъ состоитъ, того ради мы нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ ввосми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія 1) ни съ кѣмъ войны не всчинать, 2) миру не заключать, 2) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податьми не отягощать, 4) въ знатные чины, какъ въ стацкіе такъ и въ военные сухопутные и морскіе выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять, а гвардіи и прочимъ войскамъ быть подъ вѣдѣніемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. 5) У шляхетства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) въ придворные чины какъ Русскихъ, такъ иноземцевъ не производить; 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать; а буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской". Подъ письмомъ подписались: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Михайла Голицынъ, князь В. Долгорукій, князь Димитрій Голицынъ, князь Алексѣй Долгорукій, Андрей Остерманъ [3]).

Какъ только узнали о новости, затѣянной въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, сильное волненіе и неудовольствіе обнаружилось въ высшихъ слояхъ общества. Вмѣсто одного государя—восемь. Россія должна потерять всякое значеніе, снизойти на степень Польши и Швеціи, гдѣ иностранныя державы пріобрѣтаютъ вліяніе деньгами, которыя онѣ раздаютъ членамъ ограничивающихъ королевскую власть учрежденій. Россія, Австрія и Пруссія постоянно договариваются, чтобъ въ Польшѣ сохранялся существующій порядокъ, т.-е. чтобъ Польша оставалась постоянно слабою; а теперь въ Россіи хотятъ заводить подобный порядокъ! Всѣ гарантіи для осьми, а противъ осьми для остальныхъ гдѣ гарантіи? И кто эти восемь? Четверо Долгорукихъ и двое Голицыныхъ, остальные Головкинъ и Остерманъ. Шестеро принадлежали къ двумъ знатнымъ фамиліямъ, двое—къ людямъ, выдвинувшимся въ эпоху преобразованія; нѣтъ никакого равновѣсія между сторонами, обозначившимися по смерти Петра Великаго. Сначала восторжествовала вторая восшествіемъ на престолъ Екатерины, и мы видѣли, какъ это торжество выразилось въ составѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, гдѣ одинъ Голицынъ былъ изъ древняго знатнаго рода. Измѣна Менши-

---

[1]) Ѳеофана Прокоповича.

[2]) Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ.

[3]) Бумаги эти хранятся въ Госуд. Архивѣ

кова своей сторонѣ, ссылка Толстого, ссылка Меншикова, смерть Апраксина, господство Долгорукихъ—перемѣнили отношенія, и птенцамъ Петровымъ, оставшимся въ такомъ меньшинствѣ, стало страшно среди Голицыныхъ и Долгорукихъ. Они не могли спокойно и радостно принять новое величіе, осѣнившее верховниковъ, вовсе не обезпеченные въ томъ, долго ли они останутся верховниками, долго ли старинные князья, потомки Рюрика и Гедимина, позволятъ засѣдать съ собою ненавистнымъ выскочкамъ. Такимъ образомъ, среди самого Верховнаго Совѣта были люди, несочувствовавшіе новости. Взглядъ этихъ людей раздѣляли другія дѣти преобразованія, и въ челѣ ихъ первый архіерей и первая знаменитость въ духовенствѣ по талантамъ и учености,—преосвященный Новгородскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Ѳеофанъ вздохнулъ свободно послѣ паденія Меншикова; но еще свободнѣе вздохнулъ онъ, когда, по смерти сына Алексѣева, избрана была герцогиня Курляндская, не имѣвшая никакого отношенія къ его предшествовавшей дѣятельности. Но вотъ страшная новость, что новая императрица не будетъ имѣть никакой власти: вся власть будетъ въ рукахъ людей, отъ которыхъ Прокоповичу нечего ждать добра, которые смотрятъ на него какъ на еретика и рабскаго исполнителя повелѣній деспота. Андрей Ивановичъ Остерманъ не можетъ удержаться при такомъ порядкѣ, и тогда придется проиграть дѣло съ Георгіемъ Дашковымъ. У Ѳеофана есть друзья и почитатели, истыя дѣти преобразованія, преданные наукѣ, обожающіе Преобразователя, считающіе его непогрѣшительнымъ и нетерпящіе никакой реакціи его направленію: они убѣждены въ необходимости самодержавія для Россіи, они требуютъ стройности, порядка, единства и силы въ государственномъ управленіи. Таковъ князь Антіохъ Кантемиръ, второй сынъ пріютившагося въ Россіи Молдавскаго господаря; таковъ уже извѣстный намъ Василій Никитичъ Татищевъ. Какъ смотрѣли на дѣло люди видные по своимъ талантамъ, люди изъ шляхетства и генералитета, но не изъ первыхъ фамилій, видно изъ письма Казанскаго губернатора Волынскаго: „Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій: и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ бы согласно ни было, однакожь впредь конечно у нихъ безъ раздоровъ не будетъ, итакъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить станутъ. Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлѣбствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ для бездѣльныхъ своихъ интересовъ или страха ради. Итакъ хотя бы и вольные всего общества голосы требованы въ правленіе дѣлъ были, однакожь бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно; а кто будетъ правду говорить,—тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ. Къ тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станетъ дѣлать, и кого захотятъ, того выводить и производить станутъ, а безсильный, хотя-бъ и достойный былъ, всегда назади оставаться будетъ. Третіе, не допусти Боже, если война на насъ будетъ, и въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутскій наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить никакъ невозможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю,—того въ полгода или въ годъ не сдѣлаютъ; а что́ и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ, и мы, средніе, одни будемъ оставаться въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ. Четвертое: если офицеры передъ штатскими не будутъ имѣть лишняго почтенія и воздаянія, то и послѣдняя пропадетъ у тѣхъ къ военной службѣ охота, понеже страха надъ ними такова, какой былъ, чаю не будетъ. Еще же слышно, что дѣлается воля къ службѣ, и правда, что въ неволѣ служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и не трудолюбъ, и для того, если нѣкотораго принужденія не будетъ, то конечно и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ черезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ; развѣ останутся одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить и въ тое чести надлежащія мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинскій порядокъ у себя конечно потеряемъ. Притомъ же подъ властью такихъ командировъ, Боже сохрани, такъ непотворованы будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ. И какъ можно команду содержать, или отъ какихъ шалостей унять одному генералитету, если въ полкахъ не будетъ добрыхъ офицеровъ? Еще же и то, ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкій будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочіе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать станутъ, и воровскія пристани у себя въ домахъ держать будутъ, а для того, хотя-бъ и выпускать, однакожь, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за кѣмъ было 50 и по послѣд-

ней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ, и молодыя и шаткія свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей волѣ прожилъ".

Движеніе идетъ сильное: Сенатъ, генералитетъ, знатнѣйшее шляхетство недовольны. Насчитываютъ человѣкъ 500, которые волнуются, собираются, кричатъ противъ верховниковъ. Но это масса безъ вождя; она уже дѣлится на два стана; одни хотятъ употребить смѣлую, рѣшительную мѣру: напасть внезапно на верховниковъ съ оружіемъ въ рукахъ, и если они не захотятъ отстать отъ своихъ замысловъ, то перебить ихъ. Другіе противъ такой насильственной мѣры: они хотятъ войти спокойно въ собраніе Совѣта и представить верховникамъ, что затѣи ихъ не тайны, что немногимъ передѣлывать составъ государства преступно; если бы даже они придумали и что-нибудь очень полезное, то нельзя этого скрывать. Первая мѣра оказывается слишкомъ сильною, вторая—слишкомъ слабою; третьей не придумываютъ, спорятъ: одни хотятъ удержать прежнюю форму правленія непремѣнно; другіе готовы и перемѣнить, сердятся на верховниковъ только за то, зачѣмъ они взяли все себѣ, съ другими не подѣлились. Верховники знаютъ обо всемъ: между пятьюстами человѣкъ не безъ предателей, да и вообще трудно удержать тайну въ такомъ множествѣ; верховники знаютъ и дѣйствуютъ угрозами и увѣщаніями; распускаютъ слухи: что мятежныя сборища имъ извѣстны; что безпокойныя головы, ихъ составляющія, уже отмѣчены, судятся, какъ враги отечества, и скоро будутъ перехватаны; что напрасно надѣются они на свое множество, – войско въ рукахъ Верховнаго Совѣта, между членами котораго находятся оба фельдмаршала; напрасно надѣются, что можно будетъ укрыться отъ бѣды,—стоитъ только схватить нѣсколько человѣкъ, и тѣ на пыткахъ укажутъ всѣхъ своихъ товарищей. Угрозы произвели свое дѣйствіе: многіе, особенно тѣ, которые не могли надѣяться на сильную поддержку, испугались дотого, что боялись жить въ своихъ домахъ, переходили по ночамъ съ мѣста на мѣсто переодѣтые, подъ чужими именами. Напугать людей незначительныхъ было легко; но этимъ цѣль не достигалась: сильные не трусили, и неудовольствіе ихъ получитъ особенное значеніе, когда пріѣдетъ императрица и захочетъ опереться на нихъ, чтобъ высвободиться изъ-подъ опеки Верховнаго Тайнаго Совѣта. Въ отношеніи къ этимъ сильнымъ надобно дѣйствовать иначе, не угрозами, а ласкою,—надобно соединить ихъ интересы съ своими. И вотъ верховники призываютъ къ себѣ значительнѣйшихъ противниковъ, принимаютъ съ распростертыми объятіями; клянутся, что начали дѣло не въ собственныхъ интересахъ; жалуются, что напрасно обвиняютъ ихъ въ утайкѣ этого дѣла отъ общаго свѣдѣнія: прежде всего они хотѣли узнать, какъ взглянетъ на это новая государыня; а какъ скоро она согласится, то Верховный Тайный Совѣтъ намѣренъ созвать всѣ чины и просить у нихъ совѣта, какъ съ наибольшею пользою устроить на будущее время государственное управленіе. Нѣкоторые заподозрили искренность верховниковъ; но другіе, и большая часть, рѣшились спокойно дожидаться отвѣта изъ Митавы и призыва къ совѣщанію о новыхъ правительственныхъ формахъ [1]).

Втораго февраля повѣстка отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: *просятъ* на другой день членовъ Сената, Синода и генералитетъ пожаловать въ собраніе, зачѣмъ—не извѣстно; посланные говорятъ, что будетъ разсуждаться о государственномъ установленіи. Большая часть приглашенныхъ повѣрили этому показанію; другіе, не отличавшіеся храбростію, начали говорить, что не надобно ѣхать: тутъ новая хитрость верховниковъ,—или силою заставятъ принять свой планъ, или вдругъ захватятъ противниковъ. Верховники и слуги ихъ очень веселы—дурной знакъ! Говорятъ, что изъ Митавы пришло какое-то извѣстіе: должно быть, желаніе верховниковъ исполнилось.

3 февраля чины собрались; вошли верховники, пригласили къ молчанію и велѣли читать письмо императрицы. „Хотя я разсуждала", писала Анна, „какъ тяжко есть правленіе толь великой и славной монархіи, однакоже, повинуясь Божеской волѣ и прося Его, Создателя, помощи, къ тому-жь не хотя оставить отечества моего и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу и правительствовать, елико Богъ мнѣ поможетъ, такъ, чтобы всѣ наши подданные, какъ мірскіе, такъ и духовные, могли быть довольны. А понеже къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для предъ вступленіемъ моимъ на Россійскій престолъ, по здравомъ разсужденіи, изобрѣли мы за потребно для пользы Россійскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячность и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ къ отечествію нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, и для того, елико время насъ допустило, написавъ, какими способы мы то правленіе вести хощемъ, и подписавъ нашею рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ, а сами сего мѣсяца, въ 29 день, конечно изъ Митавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ, пойдемъ. Данъ въ Митавѣ 28 января 1730 года". Вслѣдъ за этимъ письмомъ прочтены были извѣстные пункты, подписанные Анною: „По сему обѣщаю вся безъ всякаго изъятія содержать".

Пусть Ѳеофанъ Прокоповичъ на своемъ оригинальномъ языкѣ разскажетъ намъ о впечатлѣніи, произведенномъ чтеніемъ этихъ бумагъ: „Никого, почитай, кромѣ верховныхъ, не было, кто бы, таковая слушавъ, не содрогнулся, и сами тіи, которые всегда великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики;

[1]) Чтеніе Москов. Истор. Общ. 1868 года, кн. III: Дѣло Салникѣева.—Ѳеофанъ Прокоповичъ.

шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всѣхъ молчаніе! Сами господа верховные тихо нѣчто одинъ другимъ пошептывали, и, остро глазами посматривая, притворяясь, будто бы и они, яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи, удивляются. Одинъ изъ нихъ только, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ часто похаркивалъ: „Видите-де, какъ милостива государыня! и какого мы отъ нея надѣялись, таковое она показала отечеству нашему благодѣяніе! Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ!“ Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарекать сталъ: „Для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? Изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и и нѣтъ-де ничего другого говорить, только благодарить толь милосердой государынѣ!“ И когда нѣкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: „Не вѣдаю да и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать!“— то на его слова ни отъ кого отвѣта не было“. Слова, выражавшія неудовольствіе, исчезли въ толпѣ, и присутствовавшіе стали подписывать протоколъ, въ которомъ говорилось, что Верховный Тайный Совѣтъ, св. Синодъ, Сенатъ, генералитетъ и прочіе тѣхъ ранговъ, выслушавъ, за такую ея императорскаго величества показанную ко всему государству неизреченную милость, благодарили Всемогущаго Бога и всѣ согласно объявили, что тою милостію весьма довольны и подписуемся своими руками. Первая подпись—Ѳеофана Прокоповича; потомъ: Георгія Ростовскаго, Игнатія Коломенскаго, Сильвестра Казанскаго, Гавріила Рязанскаго, Леонида Крутицкаго, Іоакима Переяславскаго, графа Ивана Мусина-Пушкина, князя Ивана Трубецкаго, князя Михаила Долгорукаго, *енарала* Матюшкина и т. д.; всего подписей съ пятьсотъ [1]). Но при этомъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій потребовалъ на словахъ, чтобъ ему и другимъ позволено было подать мнѣнія о новомъ государственномъ устройствѣ. Верховники согласились [2]), исполняя этимъ свое прежнее обѣщаніе. Имъ нельзя было раздражать людей, которые согласились съ ними въ основаніи дѣла и не соглашались только относительно подробностей; но они хотѣли показать примѣръ строгости надъ человѣкомъ, который рѣшился пойти прямо наперекоръ основанію ихъ дѣла: въ самомъ собраніи 3 февраля былъ арестованъ Ягужинскій.

Между показаніями князей Долгорукихъ находятся любопытныя извѣстія о поведеніи Ягужинскаго во время избранія Анны 19 января. Послѣ того какъ Верховный Тайный Совѣтъ объявилъ Синоду, Сенату и генералитету объ этомъ избраніи, и всѣ согласились на него, Ягужинскій подошелъ къ князю Василію Лукичу и сталъ говорить ему: „Батюшки мои! прибавьте намъ какъ можно воли!“ Князь Василій отвѣчалъ ему: „Говорено ужь о томъ было“. Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій показывалъ, что Ягужинскій и ему въ то время говорилъ: „Мнѣ съ міромъ бѣда не убытокъ: долго ли намъ будетъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ; теперь время думать, чтобъ самовластію не быть“. Князь Сергѣй отвѣчалъ ему: „Не мое это дѣло“. Мы видѣли такъ-же, что Ягужинскій былъ изъ числа тѣхъ немногихъ вельможъ, которые, по распоряженію князя Димитрія Голицына, были возвращены въ залу собранія для написанія пунктовъ. Мы не знаемъ, какъ велъ себя при этомъ случаѣ Ягужинскій; только видимъ, что онъ немедленно же перемѣнилъ свои мысли; рѣшимость верховниковъ сосредоточить всю власть въ однѣхъ своихъ рукахъ; невыборъ Ягужинскаго, бывшаго генералъ-прокурора, въ члены Верховнаго Совѣта, несмотря на ревность, высказанную имъ къ дѣлу, задуманному верховниками; пополненіе Совѣта только изъ двухъ фамилій—Голицыныхъ и Долгорукихъ, показывавшее аристократическое стремленіе и лишавшее людей новыхъ надежды получить когда-либо въ немъ мѣсто; опасность, которая начала, вслѣдствіе этого, грозить и Головкину, тестю Ягужинскаго:—все это могло повліять на перемѣну мнѣній послѣдняго и заставить его рѣшительнѣе всѣхъ дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ. Несмотря на заставы, расположенныя около Москвы, на удержаніе почтъ, чтобъ никто не могъ проѣхать въ Митаву прежде посланной туда отъ Верховнаго Совѣта депутаціи, отправленный Ягужинскимъ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ успѣлъ пробраться туда и передать Аннѣ отъ Ягужинскаго, что „ежели изволитъ его послушать, чтобъ не всему вѣрять, что станутъ представлять князь Василій Лукичъ Долгорукій и которые съ нимъ посланы, до того времени, пока сама изволитъ прибыть въ Москву. Ежели князь Василій Лукичъ по тѣмъ пунктамъ принуждать будетъ подписываться, чтобъ ея величество просила отъ всѣхъ посланныхъ трехъ персонъ такого письма за подписаніемъ рукъ ихъ, что они отъ всего народу оное привезли, ежели скажутъ, что съ согласія народа; а ежели письма дать не похотятъ, то-бъ объявила, что ея величество оное учинитъ по волѣ ихъ, только когда она прибудетъ къ Москвѣ, чтобъ оное такъ было, какъ представляютъ“. Ягужинскій велѣлъ также сказать Аннѣ, чтобъ была благонадежна, что они всѣ желаютъ прибытія ея въ Москву [3]). Князь Василій Лукичъ съ товарищами, узнавъ, что Сумароковъ въ Митавѣ, велѣли схватить его, допросили, и допросныя его рѣчи и его самого въ оковахъ отправили съ гене-

[1]) Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Государ. Архивѣ.
[2]) Ѳеофанъ Прокоповичъ.

[3]) Дѣла Верх. Тайн. Сов., въ Государ. Архивѣ.

раломъ Леонтьевымъ, который повезъ письмо Анны и подписанные ею пункты въ Москву. Вслѣдствіе этого, верховники схватили Ягужинскаго и другихъ, которые знали о поѣздкѣ Сумарокова; но одного изъ знавшихъ о поѣздкѣ Сумарокова, именно Воина Корсакова, не нашли въ Москвѣ; онъ отправился въ свои новгородскія деревни; это обстоятельство очень обезпокоило верховниковъ, которые тотчасъ же отправили нарочнаго къ Новгородскому губернатору, чтобъ велѣлъ схватить Корсакова и держать подъ крѣпкимъ карауломъ.

Обрадованные согласіемъ Анны на пункты и, въ то же время, озабоченные дѣломъ Ягужинскаго, верховники забыли о дѣлѣ чрезвычайной важности: 3 февраля, послѣ того какъ объявлено было о согласіи Анны принять престолъ и объ извѣстной милости ея къ вѣрнымъ подданнымъ, синодальные члены стали говорить, что теперь уже не-для-чего болѣе откладывать благодарственное молебствіе; никто не возражалъ,—и въ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ, причемъ протодіаконъ провозгласилъ Анну по прежней формѣ „самодержицею". Верховники спохватились, но уже было поздно; съ этимъ же титуломъ Синодъ въ тотъ же день разослалъ извѣщенія по епархіямъ [1]). Чтобъ не было разногласія, положили оставить пока по старому до присяги, которую отложили. 4 февраля Верховный Тайный Совѣтъ издалъ манифестъ объ избраніи Анны, и что она согласилась принять престолъ, и находится на дорогѣ къ Москвѣ. Манифестъ оканчивался словами: „А какъ ея императорское величество къ Москвѣ прибудетъ, тогда о приводѣ къ присягѣ отъ ея императорскаго величества указы выданы будутъ впредь немедленно". 5 февраля изданъ былъ указъ, что новая императрица будетъ имѣть такой же титулъ, какъ и покойная императрица Екатерина [2]). Дѣло это однако сильно безпокоило верховниковъ. 7 февраля, въ засѣданіи Совѣта, смотрѣнъ былъ манифестъ печатный, и разсуждалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, чтобъ „въ оный внести кондиціи и письмо ея величества, чтобъ народъ вѣдалъ ради соблазну". Головкинъ и оба Голицыны говорили: „Чтобъ о кондиціяхъ объявленіе тогда учинить, когда ея императорское величество прибудетъ, отъ ея лица, для того, чтобъ народъ не сумнѣвался, что выданы отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а не отъ ея величества; а когда пріѣдетъ ея величество, тогда отъ своего лица ту свою милость объявить изволитъ". Остерманъ согласился съ ними; но князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій объявилъ, что „въ Москвѣ всемѣрно надлежитъ публиковать кондиціи, чтобъ инако ихъ не толковали" [3]).

Между тѣмъ, въ Верховный Тайный Совѣтъ начали подаваться мнѣнія, и всѣ они требовали увеличенія числа членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта вообще и уменьшенія числа членовъ изъ одной фамиліи,—слѣдовательно всѣ посягали на настоящій составъ Совѣта. Подъ однимъ мнѣніемъ подписались: одинъ полный генералъ, одинъ генералъ-лейтенантъ, статскихъ того ранга четыре, генералъ-майоровъ пять, статскихъ того ранга четыре, итого 15 человѣкъ. Мнѣніе состояло въ слѣдующемъ: „1) Къ Верховному Тайному Совѣту, къ настоящимъ персонамъ мнится прибавить, чтобъ съ прежними было отъ 12 до 15; 2) нынѣ въ прибавокъ и впредь на ваканціи въ Верховный Тайный Совѣтъ выбирать обществомъ, генералитету военному и статскому и шляхетству на одну персону по три кандидата, изъ которыхъ одного выбрать предоставляется Верховному Тайному Совѣту; 3) или выбравъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ трехъ персонъ и изъ тѣхъ трехъ персонъ баллотировать (балантировать) генералитету военному и статскому и шляхетству не меньше 70 персонъ, въ которомъ бы числѣ одной фамиліи болѣе двухъ персонъ не было; а которые будутъ выбираться въ кандидаты, тѣхъ бы не баллотировать, а для баллотированія выбрать бы другихъ такимъ же образомъ, только-бъ было не менѣе вышеозначеннаго числа".

Подъ вторымъ мнѣніемъ подписались: генералъ-лейтенанта 3, статскихъ того ранга 4; генералъ-майоровъ 9, статскихъ и придворныхъ того ранга 13; оберъ-прокуроръ Синода, всего 30 человѣкъ. Въ мнѣніи говорилось: „1) Въ началѣ учредить вышнее правительство изъ 21 персоны; 2) дабы оное множествомъ дѣлъ не отягчить, того ради для отправленія прочихъ дѣлъ учинить Сенатъ въ 11 персонахъ; 3) въ вышнее правительство и въ Сенатъ, и въ губернаторы, и въ президенты Коллегій кандидатовъ выбирать и баллотировать генералитету и шляхетству, а въ кандидаты болѣе одной персоны изъ одной фамиліи не выбирать, также и при баллотированіи болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть; а при баллотированіи быть не меньше 100 персонъ; 4) въ вышнемъ правительствѣ и въ Сенатѣ впредь, кромѣ обращающихся нынѣ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, болѣе двухъ персонъ изъ одной фамиліи не быть, считая въ обоихъ, какъ въ вышнемъ правительствѣ, такъ и въ Сенатѣ". Въ третьемъ мнѣніи—графа Ив. Алекс. Мусина-Пушкина—такъ же говорилось, что число членовъ въ государственномъ правленіи должно быть увеличено и должны быть они выбраны общимъ совѣтомъ, и между ними не должно быть болѣе двухъ персонъ изъ одного рода. При этомъ высказывались разныя требованія, не относившіяся къ главному дѣлу, которыя и были удовлетворены въ царствованіе Анны: такъ, требовалось ограничить срокъ шляхетской службы двадцатью годами, уничтожить маойратъ.

Верховный Тайный Совѣтъ отвѣчалъ на эти мнѣнія: „Понеже Верховный Тайный Совѣтъ состоитъ не для какой собственной того собранія власти, точію для лучшей государственной пользы и управленія въ помощь ихъ императорскихъ вели-

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 5499, 5500, 5501.
[3]) Протоколы Верх. Тайн. Совѣта въ Госуд. Архивѣ.

*

чествъ, а впредь ежели кого изъ того собранія смерть пресѣчетъ или какимъ случаемъ отлученъ будетъ, то на тѣ упалыя мѣста выбирать кандидатовъ Верховному Тайному Совѣту обще съ Сенатомъ, и для апробаціи представлять ея императорскому величеству изъ первыхъ фамилій изъ генералитета и изъ шляхетства людей вѣрныхъ и обществу народному доброжелательныхъ (не воспоминая объ иноземцахъ). И смотрѣть того, дабы въ такомъ первомъ собраніи одной фамиліи больше двухъ персонъ умножено не было; и должны разсуждать, что не персоны управляютъ закономъ, но законъ управляетъ персонами, и не разсуждать ни о фамиліяхъ, ниже о какихъ опасностяхъ, токмо искать общей пользы безъ всякой страсти, памятуя всякому судъ вышній. Буде же, когда случится какое государственное новое и важное дѣло, то для онаго въ Верховный Тайный Совѣтъ имѣютъ для Совѣту и разсужденія собраны быть—Сенатъ, генералитетъ, коллежскіе члены и знатное шляхетство; буде же, что касаться будетъ къ духовному правленію, то и синодскіе члены и прочіе архіереи, по усмотрѣнію важности дѣла".

Видя, что этотъ отвѣтъ не удовлетворяетъ, въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ начали разсуждать о новыхъ уступкахъ: полагали впустить въ свою среду еще четырехъ членовъ, чтобъ было 12. Для привлеченія высшаго духовенства полагалось уничтожить Коллегію Экономіи, и управленіе имѣніями отдать епархіямъ и монастырямъ. Обѣщали, что какъ архіереи, такъ и іереи почтеніе имѣть будутъ, какъ служители престола Божія. Въ Сенатъ, коллегіи, канцеляріи и прочія управленія будутъ выбираться члены изъ фамильныхъ людей, изъ генералитета и изъ знатнаго шляхетства, достойные и доброжелательные обществу, также и все шляхетство будетъ содержано, какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ, въ надлежащемъ почтеніи и въ ея императорскаго величества милости и консидераціи; а особливо старыя и знатныя фамиліи будутъ имѣть преимущества, получать ранги и къ дѣламъ будутъ опредѣлены по ихъ достоинству. Шляхетство въ солдаты, матросы и прочіе подлые и нижніе чины неволею не опредѣлять; а чтобъ воинское дѣло не ослабѣвало, то для обученія военнаго устроить особливыя кадетскія роты, изъ которыхъ опредѣлять, по обученіи, прямо въ оберъ-офицеры и производить чрезъ гвардію, а въ морскую службу—чрезъ гардемариновъ. Которые находятся въ управленіи гражданскомъ, хотя и не изъ шляхетства, а дослужились ранговъ, тѣ будутъ присоединены къ шляхетству и опредѣлять ихъ къ дѣламъ, какъ заблагоразсудится. Приказныхъ людей производить по знатнымъ заслугамъ и „по опыту вѣрности всего общества", а людей боярскихъ и крестьянъ не допускать ни къ какимъ дѣламъ. Послѣ казненныхъ смертію у женъ ихъ, дѣтей и сродниковъ имѣнія не отнимать, и тѣмъ ихъ не укорять. О солдатахъ и матросахъ смотрѣть прилежно, какъ о дѣтяхъ отечества, дабы напрасныхъ трудовъ не имѣли, а до обидъ ихъ не допускать. Лифляндцы и Эстляндцы, какъ шляхетство, такъ и гражданство, да будутъ содержаны равною ея императорскаго величества милостію, какъ и Россійскіе, и во всемъ поступаться будетъ по ихъ правамъ и привилегіямъ; также и къ прочимъ иноземцамъ, которые теперь находятся и которые впредь будутъ въ русской службѣ, имѣть почтеніе и склонность ко всякой любви и по контрактамъ жалованье да будетъ неотъемлемо. Къ купечеству имѣть призрѣніе и отвращать отъ него всякія обиды и неволи, и въ торгахъ имѣть ему волю, и никому въ однѣ руки никакихъ товаровъ не давать, и въ податяхъ должно купцовъ облегчить, а прочимъ всякимъ чинамъ въ купечество не мѣшаться. Крестьянъ въ податяхъ сколько можно облегчать. Резиденціи, убѣгая государственныхъ излишнихъ убытковъ и для исправленія всему обществу домовъ своихъ и деревень, быть въ Москвѣ непремѣнно, и въ другое мѣсто никуда не переносить [1]).

Не знаемъ, было ли извѣстно объ этихъ уступкахъ недовольнымъ; во всякомъ случаѣ, онѣ не могли удовлетворить; надобно было дѣйствовать рѣшительнѣе, немедленно же назначить четверыхъ новыхъ членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта изъ самыхъ сильныхъ людей между недовольными: но этого не сдѣлали. Духовенство, разумѣется, съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ челѣ, усердно работало противъ верховниковъ; князь Димитрій Голицынъ не скрывалъ своего презрѣнія къ членамъ Синода за то, что по смерти Петра Великаго они позволили возвести на престолъ Екатерину, мимо Петра II [2]), и члены Синода не могли быть благодарны за это самому видному изъ верховниковъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали пріѣзда новой императрицы. Верховники, желая, по крайней мѣрѣ, уничтожить неудовольствіе въ собственной средѣ, успокоить старика Головкина, рѣшились выпустить зятя его, Ягужинскаго, изъ-подъ ареста и возстановить его въ прежнемъ значеніи; но Ягужинскій не согласился принять отъ нихъ прощеніе въ винѣ, которой за собою не признавалъ: „Вы меня запятнали", говорилъ онъ, „но очистить меня вы не можете" [3]).

10 февраля получено было извѣстіе, что императрица уже недалеко отъ Москвы, и три архіерея съ тремя сенаторами отправились къ ней навстрѣчу; на заставѣ офицеръ потребовалъ отъ нихъ паспортовъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, и когда паспорты были объявлены, то офицеръ пересчиталъ всѣхъ, и господъ, и слугъ. Архіереи и сенаторы нашли Анну въ Чашникахъ, и, въ то время какъ они ее привѣтствовали, сопровождавшій ее князь Василій Лукичъ Долгорукій зорко огляды-

---

[1]) Дѣла Верх. Тайн. Сов. въ Государ. Архивѣ.—См. также предложеніе, помѣщенное въ Запискахъ Марковича, I, 346.

[2]) *Маньянъ, Лефортъ.*

[3]) *Лефортъ.*

валъ ихъ съ ногъ до головы. Въ тотъ же день Анна пріѣхала въ село Всесвятское, подъ Москвою, и здѣсь остановилась, давши приказаніе похоронить на другой день Петра II.

11 февраля, чѣмъ-свѣтъ, собрались всѣ чины въ Лефортовскій дворецъ, гдѣ находилось тѣло покойнаго государя, и долго дожидались: причиною медленности оказалось то, что невѣста, княжна Долгорукая, требовала себѣ въ церемоніи мѣста и всей обстановки особы Императорскаго Дома. Эта безтактность со стороны Долгорукихъ возбудила противъ нихъ сильное негодованіе [1]). Погребальное шествіе тронулось безъ невѣсты. Но въ то время какъ многіе бранили княжну Екатерину и ея родственниковъ, на печальную церемонію смотрѣла изъ окна Шереметевскаго дома другая женщина, которой суждено было дать фамиліи Долгорукихъ другого рода блескъ, блескъ нравственной чистоты и мужества въ страданіяхъ: то была невѣста бывшаго фаворита, князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго, Наталья Борисовна Шереметева. Когда она обручилась съ Долгорукимъ, то отовсюду только и слышала восклицанія: „Ахъ, какъ она счастлива"! Но это счастіе продолжалось только нѣсколько дней. Послѣ извѣстія о смерти Петра II, „не можно было плачъ мой пресѣчь", писала потомъ Наталья Борисовна. „Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Итакъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средство, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня уговаривать, что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будетъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть; а въ то время, правда, что одинъ женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то не склонна была, и сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе, и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ,—такъ я съ радостью за него шла; а когда онъ сталъ несчастливъ,—отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе: когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другого; я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла... Пришелъ тотъ назначенный несчастливый день: нести надобно было государево тѣло мимо нашего дому, гдѣ я сидѣла подъ окошкомъ, смотря на ту плачевную церемонію. Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами,—множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину; потомъ несли государственные гербы, кавалерію, разные ордены, короны, въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, несъ на подушкѣ кавалерію, и два ассистента вели подъ руки. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи: епанча траурная предлинная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущенны, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поравнявшись противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миной: кого погребаемъ?—въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю" [2]). Петра погребли въ Архангельскомъ соборѣ, вынувши для его гроба два гроба сибирскихъ царевичей [3]).

Мысли многихъ присутствовавшихъ 11 февраля въ Архангельскомъ соборѣ обращались въ Всесвятское. Верховники уже были недовольны: тотчасъ по пріѣздѣ Анны въ Всесвятское, явился туда батальонъ Преображенскаго полка и отрядъ Кавалергардовъ; Анна вышла къ нимъ, объявила себя полковникомъ Преображенскаго полка и капитаномъ Кавалергардовъ, и каждому изъ послѣднихъ поднесла сама по рюмкѣ водки. Это распоряженіе насчетъ полковничества и капитанства гвардіи было явнымъ нарушеніемъ условій; однако, 14 числа, Верховный Тайный Совѣтъ, Сенатъ и генералитетъ отправились въ Всесвятское благодарить императрицу за дарованную народу милость, причемъ графъ Головкинъ, какъ старшій кавалеръ, поднесъ ей орденъ Св. Андрея. Есть очень вѣроятное извѣстіе, что Аннѣ не понравилось это поднесеніе отъ Верховнаго Совѣта, ибо она считала себя въ-правѣ на этотъ орденъ, какъ императрица: „Ахъ, правда, я и позабыла его надѣть", сказала она, взяла орденъ и велѣла надѣть его на себя одному изъ окружающихъ, не допуская сдѣлать это кого-нибудь изъ членовъ Верховнаго Совѣта [4]). На другой день, 15 февраля, императрица имѣла торжественный въѣздъ въ Москву. Всѣ чины были созваны къ присягѣ въ Успенскій соборъ, который былъ обставленъ войскомъ. Въ синодской палатѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ внушалъ духовенству, что присяга есть дѣло великое; бѣда, если кто присягаетъ на томъ, что противно совѣсти, или чего онъ не хочетъ или не знаетъ, и настоялъ, чтобъ Синодъ прежде всего потребовалъ отъ Верховнаго Совѣта форму присяги, которая, какъ ходили слухи, измѣнена. Нѣсколько разъ ходили секретари

---

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ.

[2]) Записки кн. Нат. Борисов. Долгорукой въ Русск. Архивѣ 1867 года, № 1.

[3]) Журналы Сената въ Архивѣ Мин. Юстиціи. 9 апрѣля 1730 года: дѣйств. статскій совѣтникъ Зыбинъ докладывалъ, что гдѣ погребено въ Архангельскомъ соборѣ государево тѣло,—вынуто два гроба сибирскихъ царевичей, а по синодскому, також и по его разсужденію, гробницъ особыхъ имъ дѣлать не надлежитъ, а поставить въ стѣнѣ и учинить надпись. Отъ собранія приказано быть по тому разсужденію

[4]) Манштейнъ.

изъ Синода въ Верховный Совѣтъ съ требованіемъ формы присяги; верховники нѣсколько разъ обѣщались ее прислать, но не прислали, и вдругъ прислано сказать архіереямъ, что члены Верховнаго Совѣта уже въ церкви и дожидаются духовенства. Ѳеофанъ совѣтовалъ не ходить, но другіе архіереи двинулись, и онъ не рѣшился остаться одинъ. Только-что архіереи вошли въ соборъ, какъ верховники приступили къ нимъ съ убѣжденіемъ, чтобъ первые присягнули, какъ всего народа пастыри и въ духовныхъ дѣлахъ предводители. Тутъ Ѳеофанъ началъ опять говорить о важности присяги; въ толпѣ шляхетства послышались вздохи и восклицанія, что присяга дѣло страшное. Ѳеофанъ настаивалъ, чтобъ форма присяги прежде всего была прочтена всѣмъ вслухъ съ амвона. Князь Димитрій Голицынъ возражалъ ему, но другіе верховники, боясь смуты, согласились. Новую форму присяги прочли; въ ней хотя нѣкоторыя прежнія выраженія, означавшія самодержавіе, и были исключены, однако не было и выраженій, которыя бы означали новую форму правленія, и, главное, не было упомянуто о правахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и о подтвержденныхъ императрицею условіяхъ; существенная перемѣна состояла въ томъ, что присягали государынѣ и отечеству; поэтому присутствовавшіе, разсудивъ, что новая форма не приноситъ верховникамъ никакой пользы, рѣшились принять ее и присягнули [1]). Говорятъ, была попытка заставить присягнуть государынѣ и Верховному Совѣту: такую форму присяги попытался-было предложить фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій Преображенскому полку, но получилъ отвѣтъ, что если онъ будетъ настаивать на этомъ, то ему ноги переломаютъ [2]).

Отъ новой формы присяги не было пользы верховникамъ, но не было и вреда; они были сильны безсиліемъ своихъ противниковъ, недостаткомъ единства между ними, отсутствіемъ энергическихъ вождей. Ѳеофанъ Прокоповичъ не рѣшился, или ему не позволили сказать громко привѣтственную рѣчь новой императрицѣ въ день ея торжественнаго въѣзда въ Москву; онъ подалъ рѣчь на письмѣ; въ ней говорилось: „Твое персональное доселѣ бывшее состояніе всему міру извѣстно; кто же, смотря на оное, не воздохнулъ, видя порфирородную особу, въ самомъ цвѣту лѣтъ своихъ впадшую въ сиротство отшествіемъ державныхъ родителей, тоску вдовства пріемшую лишеніемъ любезнѣйшаго подружія, не по достоинству рода пропитаніе имущую, но, и что воспомянуть ужасно, сверхъ многихъ непріятныхъ приключеній отъ неблагодарнаго раба и весьма безбожнаго злодѣя, страхъ, тѣсноту и неслыханное гоненіе претерпѣвшую. На сія смотря, которіи о промыслахъ Божіихъ искусно разсуждаютъ, узнавали величество ваше быти въ числѣ любимыхъ чадъ Божіихъ; а суемудріи человѣцы, можетъ быть, въ сердцахъ своихъ говорили: Богъ оставилъ ю. А се нынѣ Отецъ нашъ небесный, сира и вдову пріемлющій, всему міру ясно показалъ, какъ не оставилъ тебе".

Ѳеофанъ здѣсь указывалъ на гоненіе, претерпѣнное Анною отъ Меншикова, „неблагодарнаго раба и весьма безбожнаго злодѣя"; но онъ старался внушить, что Анна и теперь терпитъ страхъ, тѣсноту и неслыханное гоненіе отъ неблагодарныхъ рабовъ и весьма безбожныхъ злодѣевъ; люди, дѣйствовавшіе по мысли Ѳеофана, духовенство, били на чувство преданности къ царской особѣ и возбуждали состраданіе къ печальному положенію государыни, которая находится въ неволѣ. Князь Василій Лукичъ Долгорукій помѣстился во дворцѣ, и никому нельзя было приблизиться къ императрицѣ безъ его позволенія: даже сестры ея могли говорить съ нею только въ его присутствіи. „Смотрите", говорили, „она никуда не показывается, народъ не видитъ ея, не встрѣчаетъ радостными криками; князь Василій Лукичъ стережетъ ее, какъ драконъ; неизвѣстно, жива ли она, и если жива, то насилу дышетъ".— „Симъ и симъ подобная, когда вездѣ говорено, другой компаніи (противной верховникамъ) ревность жесточае воспламенялась; видать было на многихъ, что нѣчто весьма страшное умышляютъ", разсказываетъ самъ Ѳеофанъ. Но у верховниковъ было не безъ приверженцевъ, которые также не молчали; образчикомъ ихъ рѣчей можетъ служить разсказъ бригадира Козлова Казанскому губернатору Волынскому о московскихъ происшествіяхъ: „Теперь у насъ прямое правленіе государства стало порядочное, какого нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ, и уже больше Бога не надобно просить, кромѣ чтобъ только между главными согласіе было. А если будетъ между ними согласіе такъ, какъ положено, конечно никто сего опровергнуть не можетъ. Есть нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однакожъ ничего не сдѣлаютъ, а больше всѣхъ мудрствуетъ съ своею партишкою князь Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій); однакожъ ничего не успѣваютъ, и не сдѣлается. И о государынѣ такъ положено: что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее конечно вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она государыня Россійская; полно и того. Ей же опредѣляютъ на годъ 100,000, и тѣмъ ей можно довольной быть, понеже дядя ея, императоръ, и съ теткой ея довольствовался только 60,000 въ годъ, а сверхъ того не повинна она брать себѣ ничего, развѣ съ позволенія Верховнаго Тайнаго Совѣта; также и деревень никакихъ, ни денегъ не повинна давать никому, и не токмо того, ни послѣдней табакерки изъ государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками. А всего лучше положено, чтобъ ей при Дворѣ своемъ свойственниковъ своихъ не держать,

---

[1]) Ѳеофанъ Прокоповичъ.

[2]) Лефортъ.

и другихъ ко Двору никого не брать, кромѣ развѣ кого ей позволитъ Верховный Тайный Совѣтъ. И теперь Салтыковыхъ и духу нѣтъ, а впредь никого не допустятъ. И что она сдѣлана государынею, и то только на первое время,—помазка по губамъ".

Борьба между двумя „компаніями" состояла въ томъ, что верховники старались убѣдить Анну поскорѣе явиться въ ихъ засѣданіе и торжественно подтвердить новое государственное устройство, а противная компанія—уговаривала императрицу, чтобъ она этого не дѣлала. Но князь Василій Лукичъ стерегъ Анну, какъ драконъ, и потому послѣдней компаніи сноситься съ нею было трудно; надобно было дѣйствовать тайкомъ, черезъ женщинъ: главною посредницею была свояченица князя Черкасскаго, штатсъ-дама Прасковья Юрьевна Салтыкова, урожденная Трубецкая, по мужу свойственница императрицѣ [1]). Разсказывали, что употреблялись и другія средства сноситься съ императрицею: будто приносили къ ней каждый день ребенка, Биронова сына, и клали ему за-пазуху записки о ходѣ дѣла; наконецъ, будто Өеофанъ Прокоповичъ подарилъ Аннѣ столовые часы, въ которыхъ подъ доскою она нашла увѣдомленіе, что преданные ей люди положили дѣйствовать рѣшительно [2]). Ходилъ также слухъ, что верховники, устрашенные всеобщимъ неудовольствіемъ и не надѣясь выиграть дѣло, предложили Аннѣ провозгласить ее самодержицею, на что она отвѣчала: „Это для меня слишкомъ мало получить самодержавіе отъ осьми персонъ" [3]).

Какъ бы то ни было, въ то время какъ „другая компанія" собиралась въ разныхъ домахъ для совѣщаній о рѣшительныхъ мѣрахъ, для подписанія просьбы императрицѣ о пересмотрѣ подписанныхъ ею въ Митавѣ пунктовъ, Верховный Тайный Совѣтъ продолжалъ распоряжаться, и, 24 февраля, рѣшилъ участь лицъ, къ которымъ императрица не могла быть равнодушна, а именно: тайный совѣтникъ Петръ Бестужевъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ; арапа Аврама Петрова велѣно освободить изъ-подъ караула и быть ему въ Тобольскѣ при полкахъ майоромъ [4]). На другой день, 25 числа, члены Совѣта также собрались на обычное засѣданіе; сидѣли: князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, его братъ, князь Димитрій, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, и занимались разными дѣлами [5]), какъ вдругъ входитъ князь Василій Лукичъ и зоветъ ихъ къ императрицѣ. Въ большой залѣ дворца нашли они государыню и множество изъ Сената, генералитета и шляхетства, человѣкъ 800, отъ имени которыхъ начали читать просьбу; въ ней говорилось, что императрица, по своей неизреченной милости, изволила подписать условія, предложенныя ей Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, за что всѣ вѣрноподданные приносятъ ей глубочайшую благодарность за себя и за потомковъ своихъ, которые не перестанутъ благословлять имя ея величества. Несмотря на то, обязанность вѣрноподданныхъ заставляетъ представить ея величеству, что въ означенныхъ пунктахъ заключаются обстоятельства, заставляющія опасаться впредь для народа событій непріятныхъ, которыми враги отечества могутъ воспользоваться; послѣ зрѣлаго размышленія объ этихъ условіяхъ, сдѣланы были Верховному Тайному Совѣту письменныя представленія: требовалось, чтобъ по большинству голосовъ установлена была правильная и хорошая форма правленія. Но Верховный Тайный Совѣтъ отвѣчалъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія ея величества. Зная натуральное милосердіе императрицы, присутствующіе наипокорнѣйше просятъ приказать разсмотрѣть различные проекты, предложенные ими, призвавши одну или двухъ персонъ изъ каждой фамиліи, для установленія такой правительственной формы, которая бы угодна была всему народу. Хотя просьба подписана и немногими лицами, потому что боялись собираться, однако присутствующіе увѣряютъ, что все шляхетство ее одобряетъ.

Когда чтеніе было кончено, князь Василій Лукичъ обратился къ императрицѣ съ просьбою обдумать вмѣстѣ съ членами Верховнаго Тайнаго Совѣта, какой отвѣтъ дать на подобное прошеніе. Тутъ вдругъ подлѣ Анны очутилась сестра ея, Екатерина Ивановна, герцогиня Мекленбургская, съ перомъ и чернилицею въ рукахъ „Нечего тутъ думать, государыня", сказала она сестрѣ: „извольте подписать". Анна подписала; но тутъ встала буря, и не со стороны членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, которые стояли совершенно пораженные; гвардейскіе офицеры и другіе изъ шляхетства, хотѣвшіе полнаго возстановленія прежней правительственной формы, начали кричать: „Не хотимъ, чтобъ государынѣ предписывались законы,—она должна быть такою же самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи". Когда Анна, раздраженная шумомъ, стала ихъ унимать, то они бросились передъ нею на колѣни съ крикомъ: „Государыня, мы вѣрные подданные вашего величества; мы вѣрно служили прежнимъ великимъ государямъ, и сложимъ свои головы на службѣ вашего величества; но мы не можемъ терпѣть, чтобъ васъ притѣсняли. Прикажите, государыня, и мы принесемъ къ вашимъ ногамъ головы вашихъ злодѣевъ". Тутъ Анна сказала капитану гвардіи: „Вижу, что я здѣсь не безопасна; повинуйтесь генералу Салтыкову, и и только ему одному".

Шляхетство имѣло теперь въ рукахъ подписанную императрицею просьбу о пересмотрѣ всѣхъ проектовъ и установленіи, съ общаго согласія, новой правительственной формы. Но къ чему повело бы это, когда уже такъ громко было заявлено же-

[1]) Щербатовъ—О поврежд. нравовъ.

[2]) Примѣчанія къ изданію Д. Языкова Записокъ Дюка Лирійскаго.

[3]) Лефортъ.

[4]) Протоколы Верх. Тайн. Сов. въ Госуд. Архивѣ.

[5]) Протоколы Верх. Тайн. Сов. въ Госуд. Архивѣ

ланіе, чтобъ возстановленъ былъ старый порядокъ вещей; когда представители вооруженной силы высказались, что не позволятъ предписывать законовъ государынѣ? Благоразумно ли было давать опереживать себя въ преданности и подвергаться явной опасности? Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ голосъ людей, требовавшихъ полнаго возстановленія самодержавія, взялъ верхъ, и дворянство, вышедши въ другую залу, положило просить императрицу о принятіи самодержавія. Но для написанія новой просьбы требовалось время, и потому стали просить о допущеніи на аудіенцію послѣ обѣда. Анна согласилась и пошла за столъ, къ которому пригласила и членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта [1]); такимъ образомъ послѣдніе не имѣли возможности подумать вмѣстѣ о своемъ положеніи.

Въ четвертомъ часу пополудни, дворянство возвратилось во дворецъ съ новою просьбой, въ которой говорилось: „Когда ваше императорское величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойныхъ себе признаемъ къ благодаренію за тако превосходную вашего императорскаго величества милость. Однакожъ усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ, побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагородными; для того, въ знакъ нашего благодарства, всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше ваше императорское величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить, вмѣсто Верховнаго Совѣта и высокаго Сената, одинъ правительствующій Сенатъ, какъ при Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ, 21 персоною; такожде нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій Сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно-бъ было шляхетству выбирать баллотированьемъ, какъ то при Петрѣ Первомъ уставлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по вашему всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущаго времени нынѣ установить. Мы напослѣдокъ вашего императорскаго величества всепокорнѣйшіе рабы надѣемся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному величества вашего благоутробію презрѣнны не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ. Февраля 25, 1730". Подписи: князь Иванъ Трубецкой, Григорій Чернышевъ, Ушаковъ, Новосильцевъ, князь Григорій Юсуповъ, Михайла Матюшкинъ, князь Алексѣй Черкасскій, Сукинъ, Олсуфьевъ, князь Никита Трубецкой, графъ Михайла Головкинъ и т. д., подписей 150.

Когда прочли эту просьбу, императрица притворилась удивленною: „Какъ", сказала она: „развѣ пункты, которые мнѣ поднесли въ Митавѣ, были составлены не по желанію цѣлаго народа"?—„Нѣтъ"! отвѣчали собравшіеся.—„Такъ, значитъ, ты меня, князь Василій Лукичъ, обманулъ"! сказала Анна [2]). О послѣдующемъ въ протоколѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта записано: „Пополудни въ четвертомъ часу къ ея императорскому величеству призыванъ статскій совѣтникъ Масловъ, и приказано ему пункты и письмо принесть къ ея величеству, которые въ-тожъ время и отнесены, и ея величеству отъ господъ министровъ поднесены, и тѣ пункты ея величество при семъ народѣ изволила, принявъ, разорвать". Февраля 25: „Господа министры изволили быть во дворцѣ, куда призыванъ статскій совѣтникъ Масловъ, и велѣно ему сочинить вновь присягу о самодержавіи ея величества, которая въ то-жъ время и сочинена, и ея величество тое присягу опробовать соизволила, и господа министры тое присягу, подписавъ, вручили ея величеству. 28 февраля по всѣмъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ объявлено, чтобъ завтра, т.-е. 1-го марта, въ 8 часовъ утра, всѣ шли паки къ присягѣ въ соборы и церкви".

Бригадиръ Ив. Мих. Волынскій такъ увѣдомилъ объ этихъ событіяхъ двоюроднаго брата своего, Артемія Петровича Волынскаго: „Здѣсь дѣла дивныя дѣлаются. По кончинѣ его величества выбрали царевну Анну Ивановну съ подписаніемъ пунктовъ, склонныхъ вольности, и чтобъ быть въ правленіи государства Верховному Совѣту восьми персонамъ и въ Сенатѣ одиннадцати. И въ ономъ спорило больше шляхетство, чтобъ быть въ Верховномъ Совѣтѣ 21 персонѣ, и выбирать оныхъ балтированіемъ, а большіе не хотѣли онаго, чтобы по ихъ желанію было восемь персонъ. И за то шляхетство подало челобитную ея величеству, чтобы быть въ 21 персонѣ, и оная челобитная ея величества собственною рукою подписана тако: „По сему разсмотрѣть", и потомъ ея величество и оную челобитную изволила отдать князю Алекс. Мих. Черкасскому. И съ шляхетствомъ подавалъ челобитную князь Алексѣй Михайловичъ, и потомъ за опасностію шляхетство подало челобитную другую ея величеству, чтобъ соизволила принять суверенство, и тако учинилась въ суверенствѣ, и присягу вторично сдѣлали, а оное дѣлалъ все князь Алексѣй Михайловичъ, и генералитетъ, съ нимъ и шляхетство, и что отъ того будетъ впредь,—Богъ знаетъ. Нынѣ въ великой силѣ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, и живетъ онъ вверху, и почуетъ при ея величествѣ, а большіе въ великомъ подозрѣніи и въ

[1]) Маньянъ, Лирія.

[2]) Дѣла Верх. Тайн. Совѣта въ Госуд. Архивѣ.—Чтеніе Москов. Истор. Общ. 1868 года, № 3.

стыдѣ обрѣтаются, двѣ фамиліи и съ ними Матюшкинъ, Измайловъ, Еропкинъ, Шуваловъ, Наумовъ, Дмитріевъ, Матвѣй Воейковъ, и такова дѣла отъ начала не бывало [1])".

Присягнули самодержицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, ей одной только, и, за очень немногими исключеніями, всѣ были очень довольны; перепугались только, какъ говорятъ, когда вечеромъ, 25 числа, красный цвѣтъ сѣвернаго сіянія покрылъ горизонтъ. Въ кругу людей близкихъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ произносилъ зловѣщія слова: „Трапеза была уготована, но приглашенные оказались недостойными; знаю, что я буду жертвою неудачи этого дѣла. Такъ и быть, пострадаю за отечество; мнѣ уже немного остается, и тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать долѣе моего" [2]).

Но отъ—кого же плакать:—отъ самой императрицы? Мы уже нѣсколько разъ встрѣчались съ герцогинею Курляндскою и все въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ея жизни. Жизнь до сихъ поръ, дѣйствительно, была незавидная. Раннее и бездѣтное вдовство въ странѣ слабой, за вліяніе надъ которою спорили три сильныхъ сосѣда, сдѣлало изъ Анны игрушку политическихъ отношеній и соображеній; она стала невѣстою всѣхъ бѣдныхъ принцевъ, желавшихъ получить Курляндію въ приданое; планы о бракѣ ея составлялись и раздѣлывались, смотря по отношеніямъ между Россіею, Польшею и Пруссіею. Непріятно было положеніе Анны при великомъ дядѣ; еще непріятнѣе—при Екатеринѣ I-й и Петрѣ II-мъ. Чаша униженія была выпита до дна, а натура была жестокая, гордая, властолюбивая, чувствительная къ униженію. Во всемъ препятствія, борьбы; за отношенія къ Бестужеву—гоненіе отъ матери, царицы Прасковьи, на которою Анна была очень похожа жесткостью и энергіею; понравился Морицъ Саксонскій—„неблагородный рабъ" разстроиваетъ дѣло; изъ-за Бирона непріятная исторія съ Бестужевымъ. Выбрали въ императрицы, когда уже Аннѣ было 37 лѣтъ; но князь Василій Лукичъ Долгорукій привезъ ограничительные пункты, и требуетъ, чтобъ Биронъ не ѣздилъ въ Москву [3]); князь Василій Лукичъ стережетъ, какъ драконъ. Наконецъ тюрьма отпирается: Анна на полной свободѣ, она самодержавная императрица; наконецъ-то можно пожить; но уже молодость прошла, оставивъ много горечи на сердцѣ; да и дадутъ-ли спокойно пользоваться властію? Выбрали съ ограниченіемъ; ограничительные пункты разорваны, но остались недовольные, и недовольны—сильные и знатные люди; при первомъ неудовольствіи къ нимъ пристанутъ к другіе, и начнутъ смотрѣть въ другую сторону: въ Голштиніи соперникъ опасный,—родной внукъ Петра Великаго! Надобно смотрѣть зорко и жить въ постоянномъ страхѣ; а подозрительность и страхъ—это такія чувства, которыя не умягчаютъ душу. Русское знатное шляхетство подозрительно; правда, оно было противъ верховниковъ; но оно сочиняло разные проекты государственнаго устройства, и 25 февраля просило свободы просмотрѣть эти проекты и составить одинъ, наиболѣе удовлетворительный; только энергическое движеніе гвардіи заставило поспѣшить возстановленіемъ самодержавія. Надобно привязать къ себѣ эту гвардію, увеличить ея число и, главное, сосредоточить всю власть въ рукахъ людей вполнѣ преданныхъ, которыхъ интересы неразрывно связаны съ интересами Анны, которымъ грозила и постоянно грозитъ бѣда, если власть перейдтъ въ руки русской знати. Эти люди—иностранцы. Но возвышеніемъ иностранцевъ, и особенно одного изъ нихъ, который въ глазахъ народа не имѣлъ никакого права на возвышеніе, оскорблялись Русскіе; Анна при своемъ умѣ, котораго у нея никто никогда не отнималъ, не могла не сознавать этого, и потому не могла быть покойна. Чтобъ успокоиться, забыться среди постоянно тяжелыхъ обстоятельствъ жизни для натуры, неспособной уходить во внутренній міръ души и оттуда вызывать успокоеніе, для натуры недоступной, неприготовленной образованіемъ къ высшимъ средствамъ возстановленія падающихъ силъ духа,—для такой натуры оставалось одно средство:—внѣшнее развлеченіе, празднества, окруженіе себя существами, которыя бы постояно развлекали, гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство, и Аннѣ необходимо имѣть подлѣ себя женщинъ, которыя бы болтали безъ умолку. Такъ она писала въ Москву: „У вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны въ Москвѣ живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка: и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтобъ она не испужалась; то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы,—какъ сказываютъ, что она много говоритъ". Въ другой разъ Анна писала въ Переяславль: „Поищи въ Переяславлѣ изъ бѣдныхъ дворянскихъ дѣвокъ или изъ посадскихъ, которыя бы похожи были на Татьяну Новокщенову, а она, какъ мы чаемъ, что уже скоро умретъ, то чтобъ годны были ей на перемѣну: ты знаешь нашъ нравъ, что мы такихъ жалуемъ, которыя бы были лѣтъ по сороку и также-бъ говорливы, какъ та Новокщенова, или какъ были княжны Настасья и Анисья" [4]). Впослѣдствіи люди знатные оскорблялись тѣмъ, что при Аннѣ въ числѣ шутовъ были два князя—Волконскій и Голицынъ [5]); но желаніе развлечься насчетъ ближняго, поймать его, посмѣяться надъ нимъ было такъ сильно въ Аннѣ, что она не останавливалась ни предъ какимъ саномъ, что видно изъ письма ея къ

[1]) Манштейнъ.

[2]) Манштейнъ.

[3]) По всему видно, что князь Василій Лукичъ имѣлъ порученіе настоять на то, чтобы Биронъ не ѣздилъ въ Москву, и что Биронъ дѣйствительно пріѣхалъ не вмѣстѣ съ Анною (См. Записки кн. Нат. Бор. Долгорукой).

[4]) Письма Анны, въ Госуд. Архивѣ.

[5]) Щербатовъ.—О поврежденіи нравовъ.

Казанскому архіерею: „Преосвященный архіерей! Письмо ваше изъ Казани мы получили, въ которомъ пишешь, что ты пріѣхалъ туда въ самой Благовѣщеньевъ день, и даешь знать, что то есть марта 25 числа; за то мы благодарствуемъ, что научилъ насъ здѣсь въ Петербургѣ знать, въ которомъ числѣ оный день бываетъ, а мы до сихъ поръ еще не знали, однакожъ уповали, что то какъ въ Казани, такъ и здѣсь въ одно время прилучается“ [1]). Взаключеніе представимъ два портрета Анны, нарисованные въ разныя времена,—одинъ наблюдателемъ совершенно безпристрастнымъ, другой—наблюдательницею очень пристрастною, но все же и второй портретъ заслуживаетъ вниманія. Голштинскій камеръ-юнкеръ Берхгольцъ въ 1724 г. такъ описываетъ визитъ, сдѣланный его герцогомъ Курляндской герцогинѣ Аннѣ: „Она приняла его высочество очень ласково, но не просила его садиться и не приказывала разносить вино, какъ обыкновенно здѣсь водится. Герцогиня женщина живая и пріятная, хорошо сложена, недурна собою и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней почтеніе“. Другой портретъ отъ 1730 года: невѣста князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, Наталья Борисовна Шереметева смотрѣла на торжественный въѣздъ Анны въ Москву и описала ее такъ: „Престрашнаго была взору; отвратное лице имѣла; такъ была велика, что когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста“.

Какъ же началось дѣятельность новаго правительства?

Просьба генералитета и шляхетства объ уничтоженіи Верховнаго Совѣта и возстановленіи Сената въ томъ значеніи, какой онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, была немедленно исполнена (4 марта) [2]). Число сенаторовъ, какъ именно просили, было назначено 21: канцлеръ графъ Головкинъ, фельдмаршалы—князья Голицынъ, Долгорукій и Трубецкой, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, князь Василій Лукичъ Долгорукій, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, генералъ Ягужинскій (освобожденный изъ-подъ ареста 22-го же февраля), Григорій Петровичъ Чернышевъ, Иванъ Ильичъ Мамоновъ, князь Григорій Димитріевичъ Юсуповъ, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, князь Юрій Юрьевичъ Трубецкой, князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинскій, Семенъ Ивановичъ Сукинъ, Василій Яковлевичъ Новосильцевъ, князь Григорій Алекс. Урусовъ, графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. Этотъ списокъ не поражалъ новостію въ сравненіи съ прежними временами: изъ двадцати одной фамиліи только одна была нѣмецкая—Остермана, но и барона Андрея Ивановича, какъ прежде Брюса, переставали считать иностранцемъ. На другой день, 5 марта, сенаторы присягали и немедленно имѣли разсужденіе: надлежитъ ли въ Сенатѣ быть генералъ-прокурору оберъ-прокурору и рекетмейстеру. Разсудили, что рекетмейстеру быть надлежитъ; но отъ безпокойныхъ блюстителей и напоминателей закона себя освободили [3]). 18 марта „ея императорское величество изволила присутствовать въ Сенатѣ и засѣдать въ своемъ мѣстѣ. Притомъ изволила отдать пункты и указала по онымъ, о сбавкѣ подушныхъ денегъ разсмотря, доложить ея императорскому величеству. Изволила же дать указъ о благочестивомъ содержаніи Православныя вѣры и прочаго, что касается ко Св. Церкви, и, по прочтеніи оныхъ, министры за такую ея императорскаго величества милость благодарили. Изволила слушать реестръ докладамъ и указала тѣ доклады взнесть современемъ въ домъ ея императорскаго величества, и тогда разсматривать изволитъ. Потомъ изволила отсутствовать“ [4]).

Мы видѣли, что Верховный Тайный Совѣтъ, желая удовлетворить недовольное шляхетство, обѣщалъ уничтоженіе майората и учрежденіе военнаго училища, изъ котораго молодые шляхтичи могли бы выходить прямо офицерами, не подвергаясь унизительной службѣ въ солдатахъ. Самодержавная императрица признала за нужное исполнить эти обѣщанія уничтоженнаго ею Совѣта. Въ декабрѣ 1730 года утвержденъ былъ докладъ Сената, что „въ 1714 году Петръ Первый, императоръ, по первенству одного наслѣдникомъ учинить соизволилъ, въ такомъ всемилостивѣйшемъ намѣреніи: 1) чтобъ отъ раздѣленія деревень въ разныя руки фамиліи и знатные домы не упадали, и крестьяне не отягчены были помѣщиковыми податьми, и для того-бъ исправнѣе государственныя подати платить могли. 2) Чтобъ тѣ дѣти, которыя къ деревнямъ наслѣдники не будутъ, принуждены были хлѣба искать службою, ученіемъ и торгами. Но нынѣ усмотрѣно, что тѣ пункты по состоянію здѣшняго государства не къ пользѣ происходятъ, а именно: 1) отцамъ не только естественно, но и законъ Божій повелѣваетъ дѣтей своихъ всѣхъ равно награждать, и для того которые у себя имѣютъ по два или по три сына и по нѣскольку дочерей,—тѣ всячески ищутъ, какимъ бы образомъ всѣхъ равно удовольствовать, и если прочихъ движимымъ наградить нечѣмъ, то принуждены съ крестьянъ излишнее брать или деревни продать въ чужой родъ, чтобъ деньги на раздѣлъ прочимъ оставить, или тѣ-жъ деревни перепродавать чрезъ нѣсколько лицъ для укрѣпленія меньшимъ дѣтямъ, и въ платежѣ пошлинъ несутъ великіе убытки; а если кто при себѣ не сдѣлаетъ, то принужденъ написать въ духовной на себѣ немалый долгъ и съ клятвою наслѣднику завѣщать подъ тѣмъ образомъ заплатить меньшимъ дѣтямъ, и нѣкоторые, исполняя волю отцовскую, платятъ, продавъ тѣ же отцовскія де-

[1]) Письма въ Госуд. Архивѣ.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 5510.
[3]) Протоколы Сената въ Архивѣ Мин. Юстиціи.
[4]) Журналы Сената въ Архивѣ Мин. Юстиціи.

ревни, а иные наслѣдники, вѣдая, что на отцѣ ихъ такого долгу не было, духовныя оспариваютъ, и происходятъ между братьями ненависти и ссоры и продолжительныя тяжбы, съ великимъ съ обѣихъ сторонъ убыткомъ и разореніемъ, и въ такой ненавистной злобѣ вѣчно принуждены оставаться, и не безъизвѣстно есть, что не токмо нѣкоторые родные братья и ближніе родственники, но и отцовъ дѣти побиваютъ до смерти. 2) Хлѣбъ, лошадей и всякій скотъ за движимое почитаютъ и отдаютъ меньшимъ братьямъ съ сестрами, и такимъ образомъ у наслѣдника безъ хлѣба и безъ скота деревни въ состояніи быть не могутъ, а у меньшихъ братьевъ безъ деревень скотъ и хлѣбъ пропадаютъ, и какъ наслѣдники, такъ и кадеты отъ того въ разореніе приходятъ. И хотя опредѣлено, чтобъ тѣ, которые къ деревнямъ не наслѣдники, искали-бъ себѣ хлѣба службою, ученіемъ, торгами и прочимъ, но того на самомъ дѣлѣ не исполняется, ибо всѣ шляхетскія дѣти, какъ наслѣдники, такъ и кадеты, берутся въ службу сухопутную и морскую въ нижніе чины, что кадеты за двойное несчастіе себѣ почитаютъ, ибо и отеческаго лишились и въ продолжительной солдатской или матросской службѣ бываютъ, и до такого отчаянія приходятъ, что уже всѣ свои шляхетные поступки теряютъ. 3) Деревень въ приданое за дочерьми давать не велѣно, чтобъ онѣ въ чужіе роды не выходили; это также съ немалою тягостію происходитъ, ибо, вмѣсто того, чтобъ дать въ приданое деревни, принуждены ихъ продавать, и тѣ деньги за дочерьми давать, потому что безъ этой продажи дать нечего, и потому деревни стали больше прежняго выходить изъ роду, тогда какъ отдачею деревень въ приданое ущерба фамиліямъ быть не можетъ: когда кто деревню отдастъ за дочерью, то вмѣсто того сынъ его возьметъ за женою изъ другого рода. 4) Въ дѣлахъ превеликое затрудненіе и волокита происходятъ, потому что Уставъ, какъ въ государствѣ необычный, разнымъ образомъ толкуется; а такъ какъ благополучіе государства и польза состоятъ въ правосудіи и благосостояніи подданныхъ, то мы, всеподданнѣйшіе вашего императорскаго величества рабы, собраніе правительствующаго Сената, доносимъ и всепокорно просимъ вѣрныхъ рабовъ своихъ пожаловать, повелѣть съ сего указа въ раздѣленіи дѣтямъ какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ имѣній чинить по Уложенью, и то, какое награжденіе давать женамъ и дочерямъ, опредѣлить вновь пунктами; которыя дѣла рѣшены по пунктамъ 1714 года, а спору и челобитья нѣтъ, тѣмъ быть такъ; а которые отцы уже сдѣлали наслѣдникомъ одного изъ сыновей, а теперь пожелаютъ раздѣлить всѣмъ, или кто изъ братьевъ по смерти отцовой сдѣланъ одинъ наслѣдникомъ, а пожелаетъ самъ съ меньшими братьями раздѣлить полюбовно и о томъ будутъ бить челомъ, тѣмъ дать на волю" [1]).

При Екатеринѣ I и Петрѣ II происходили отмѣны уставовъ Петра Великаго, но майоратъ не былъ тронутъ, потому что власть находилась въ рукахъ немногихъ людей самыхъ богатыхъ и знатныхъ, старыхъ или новыхъ—все равно; самое установленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта уже обозначало это выдѣленіе немногихъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ людей, для которыхъ майоратъ не могъ быть тяжекъ: они имѣли средства наградить своихъ младшихъ сыновей, или кадетовъ, какъ тогда называли, движимымъ, имѣли возможность выгодно устроить ихъ браки, выгодно устроить ихъ службу. Но для массы землевладѣльцевъ майоратъ, разумѣется, былъ страшно тяжекъ въ государствѣ земледѣльческомъ, съ слабымъ промышленнымъ и торговымъ развитіемъ, съ ничтожнымъ потому количествомъ денегъ; новая Россія, несмотря на средства, данныя ей преобразованіемъ, была еще очень недалека отъ старой Россіи, гдѣ, за отсутствіемъ денегъ, землею платили за государственную службу, землею платили за поминъ души, и гдѣ надобилось движимое, тамъ, вмѣсто денегъ, употребляли звѣриныя шкуры, мѣха; понятно, что земледѣльцу неоткуда было добывать денегъ для надѣла младшихъ сыновей и дочерей, онъ могъ жить только день-за-день доходами съ земли, получая ихъ преимущественно натурою,—и отсюда всѣ, указанныя въ сенатскомъ докладѣ, неудобства; пропущено одно еще зло, что при рѣдкости денегъ желавшимъ продавать деревни трудно было найти покупщиковъ, и деревни должны были продаваться за низкую цѣну. Понятно, что верховники, желая привлечь на свою сторону массу землевладѣльцевъ, бывшую противъ нихъ, не могли придумать лучшаго средства, какъ обѣщать уничтоженіе майората, и правительство Анны точно такъ же нашло необходимымъ для себя исполнить это обѣщаніе. Масса землевладѣльцевъ или шляхты, требуя равенства правъ для всѣхъ своихъ членовъ и восторжествовавши надъ верховниками, этими людьми, которые хотѣли быть старшими, привилегированными братьями въ семьѣ дворянской,—масса землевладѣльцевъ воспользовалась своимъ торжествомъ, чтобъ просить о возстановленіи равенства между братьями въ каждой частной семьѣ шляхетской.

Другое обѣщаніе верховниковъ было исполнено неранѣе половины 1731 года, вѣроятно по финансовымъ затрудненіямъ. 29 іюля данъ былъ указъ Сенату объ учрежденіи Кадетскаго корпуса. „Весьма нужно", говорилось въ указѣ, „дабы шляхетство отъ младыхъ лѣтъ къ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были; того ради указали мы: учредить корпусъ кадетовъ, состоящій изъ 200 человѣкъ шляхетскихъ дѣтей, отъ 13 до 18 лѣтъ, какъ Россійскихъ, такъ и Эстляндскихъ и Лифляндскихъ провинцій, которыхъ обучать ариѳметикѣ, геометріи, рисованію, фортификаціи, артиллеріи, шпажному дѣйству, на лошадяхъ ѣздить и прочимъ къ воинскому дѣйству потребнымъ наукамъ. А понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, также

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5653.

и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе. того ради имѣть при томъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованію, музыки и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы, видя природную склонность, по тому-бъ и къ ученію опредѣлять. И на содержаніе того корпуса и учителей и на прочіе расходы опредѣляемъ сумму 30,000 рублей". Въ ноябрѣ изданъ былъ уставъ корпуса, гдѣ говорилось, что „корпусу кадетовъ быть въ С.-Петербургѣ, понеже тамо они, какъ въ опредѣленной при Академіи Наукъ гимназіи въ разныхъ наукахъ обучены быть, также и отъ Академіи самой, къ вящшему ихъ въ наукахъ успѣху, потребные способы получать могутъ; сверхъ того-жъ, въ С.-Петербургѣ всегда знатное число войскъ, артиллерія и полный арсеналъ содержится, также ежедневно цивильной и милитарной архитектуры строенія отправляются, причемъ обучаемые молодые люди, купно съ теоріею, современемъ и практику видѣть могутъ, не меньше же къ обхожденію съ разными иностранными націями и къ обученію ихъ языкамъ больше и лучше случая имѣется". Для помѣщенія корпуса отданъ домъ князя Меншикова, на Васильевскомъ островѣ. Корпусъ раздѣляется на 4 класса; въ четвертомъ, или низшемъ кадеты обучаются русскому и латинскому языкамъ, чистописанію и ариѳметикѣ; въ третьемъ классѣ—геометріи, географіи и грамматикѣ; во второмъ—фортификаціи, артиллеріи, исторіи, правильному въ письмѣ складу и стилю, риторикѣ, юриспруденціи, морали, геральдикѣ и прочимъ воинскимъ и политическимъ наукамъ. Въ первомъ классѣ обучаются далѣе тѣмъ наукамъ, къ которымъ въ прежнихъ классахъ больше склонности, прилежанія и понятія показали; переводятся въ этотъ классъ и выпускаются изъ него военными и гражданскими чинами послѣ строгаго экзамена. Русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ кадеты обучаются во всѣхъ классахъ; также и латинскому—по охотѣ. Въ кадетскомъ домѣ высшихъ трехъ классовъ всякому кадету должно пять или шесть лѣтъ неотлучно въ ученіи быть, чтобъ фундаментальное знаніе могли получить; а которые, имѣя охоту къ высшимъ гражданскимъ наукамъ, желаютъ еще болѣе ими заниматься, тѣ могутъ учиться у профессоровъ Академіи Наукъ. Число русскихъ кадетъ должно быть 150, эстляндскихъ и лифляндскихъ 50 [1]).

Новое учрежденіе представляетъ намъ естественное развитіе въ исторіи учебныхъ заведеній въ Россіи. Академія Наукъ, по плану Петра Великаго, заключала въ себѣ Академію Наукъ, университетъ и гимназію. Теперь выдѣлилось высшее учебное заведеніе, вовсе не спеціально военное, ибо это спеціализированіе, по тогдашнимъ средствамъ Россіи, было еще невозможно; новое учрежденіе носитъ характеръ военный и гражданскій вмѣстѣ, ибо, какъ говорится въ указѣ и уставѣ, не всякій способенъ къ военной службѣ, и гражданское образованіе такъ же нужно въ государствѣ, какъ и военное.

Мы видѣли, что императрица въ первомъ засѣданіи своемъ въ Сенатѣ дала указъ о „благочестивомъ содержаніи Православной вѣры"; послѣ она сочла необходимымъ придать другой указъ о рѣшеніи дѣлъ судьямъ по чистой совѣсти: „понеже правосудіе есть цѣлость и здравіе государства, а гдѣ того нѣтъ, тамъ Божіе благословеніе и милость отъемлются и въ праведный Его гнѣвъ впадаютъ" [2]). Но одни подобныя провозглашенія не могли подѣйствовать на судей, и, въ іюнѣ 1730 года, данъ былъ Сенату указъ, чтобы каждую субботу подавались императрицѣ два рапорта, за подписью сенаторовъ: въ одномъ—должно быть означено, сколько въ прошедшую недѣлю рѣшено было въ Сенатѣ такихъ дѣлъ, которыя могли быть рѣшены на основаніи существующихъ законовъ; во второмъ рапортѣ должны быть означены такія дѣла, которыя не могутъ быть покончены безъ собственнаго рѣшенія и указа императрицы, и за полученіемъ этого указа сенаторы должны являться каждую субботу къ императрицѣ, или всѣ, или, по крайней мѣрѣ, отъ 5 до 6 человѣкъ [3]).

Но „ничто такъ не было нужно къ праведному и незазорному суду, какъ совершенное Уложенье, ибо послѣ стараго россійскаго Уложенья многіе разные указы и въ разныя времена выдавались, и затѣмъ есть одинъ съ другимъ не вовсе согласные, чрезъ что случай подается безсовѣстнымъ судьямъ, подбирая указы, на которую сторону хотятъ, дѣло рѣшить неправедно".—„Относительно Уложенья до сихъ поръ ничего не сдѣлано", говорилось въ указѣ 1-го іюня 1730 года: „и мы, послѣдуя нашего дяди намѣренію, милосердуя къ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, чтобъ во всей нашей имперіи былъ судъ равный и справедливый, повелѣваемъ начатое Уложенье немедленно оканчивать и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, по разсмотрѣнію Сената, выбравъ изъ шляхетства и духовныхъ, и купечества, изъ которыхъ духовнымъ и купецкимъ быть въ то время, когда касающіеся къ нимъ пункты слушаны будутъ; а чтобъ поспѣшнѣе оканчивали, то коль скоро которую главу окончатъ,—слушать въ Сенатѣ всѣмъ собраніемъ, и, утвердя по крайнему разсужденію и подписавъ, взносить къ намъ, и какъ отъ насъ аппробовано и подписано будетъ, тогда, напечатавъ, публиковать и по онымъ дѣла рѣшать, и такъ одну по другой главы къ совершенству привесть" [4]). Мысль о присутствіи выборныхъ изъ областей при составленіи Уложенія не была покинута, и, слѣдъ за приведеннымъ указомъ, Сенатъ распорядился, чтобъ дворянъ, которые по указу 1729 года выбраны въ губерніяхъ, для сочиненія Уложенія,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5881.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 5565.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 5566.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 5467.

достойные по выбору тамошняго шляхетства, тѣхъ выслать въ Москву непремѣнно къ 1-му сентября 1730 года, а гдѣ еще не выбраны, тамъ выбирать и высылать къ тому же сроку [1]).

Сенатъ воспользовался поднятіемъ дѣла объ Уложеніи, чтобъ возбудить вопросъ о майоратѣ; въ іюлѣ сенаторы разсуждали: „Если ея императорское величество дастъ позволеніе, чтобъ о наслѣдствахъ поступать по прежнимъ указамъ и Уложенью, то въ сочиненіи новаго Уложенья вотчинной главы трудъ очень уменьшится, потому что многіе пункты прежняго Уложенья достаточны будутъ“ [2]). Но надобно было немедленно исполнять указъ объ окончаніи новаго Уложенія. Мы видѣли, что это дѣло было поручено Ивану Познякову и секретарю Сверчкову. Они были призваны въ Сенатъ и спрошены: что дѣлаютъ. Отвѣчали,—что сведена глава о богохульникахъ, которую и представили. Потомъ сенаторы начали разсуждать, что первому титулу о законодателѣ быть не надобно; что надлежащую до духовности главу надобно разсматривать Синоду или опредѣлить съ свѣтскими нѣкоторыхъ духовныхъ персонъ. Разсмотрѣвши форму главы о богохульникахъ, приказали Познякову и Сверчкову, чтобъ сводили по той формѣ, только что касается изъ Кормчей книги до гражданства, того также не выписывали бы, и шли-бъ по оглавленіямъ, и титулъ по титулѣ, на основаніи прежняго Уложенія, разнося по приличности главъ. Сочли необходимымъ прибавить работниковъ и приказали быть у сочиненья Уложенія: Григорью Ергольскому, Степану Колычеву, Семену Карпову, Ивану Кожину, Петру Лобкову [3]). Пріѣхали выборные изъ областей; но Сенатъ убѣдился, что они не могутъ принести никакой пользы дѣлу, и потому, въ концѣ 1730 года, опредѣлилъ отпустить ихъ по домамъ, новыхъ не вызывать, а увеличить число знающихъ людей; въ декабрѣ приказали у соединенія и *окончанія* Уложенія быть, сверхъ прежде опредѣленныхъ, тайному совѣтнику Өеодору Наумову, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникамъ—Алексѣю Зыбину, Алексѣю Баскакову, бригадиру Петру Засѣцкому; статскимъ совѣтникамъ—Аөанасью Савелову, Ивану Вельяминову, совѣтнику Димитрію Потемкину, Ивану Алмазову, Василью Высоцкому, и, для скораго сочиненія и окончанія Уложенья, присутствовать изъ членовъ прав. Сената по одной персонѣ съ перемѣною понедѣльно; а какъ будутъ сочиняться надлежащія до Юстицъ-и-Вотчинной коллегій главы, въ то время быть при томъ тѣхъ коллегій членамъ [4]).

Окончаніе Уложенія было только на бумагѣ; а между тѣмъ громко вопили противъ несправедливыхъ рѣшеній въ судахъ. Сенатъ думалъ, какъ помочь дѣлу и, въ началѣ 1731 года, придумалъ такое средство: „Прежде во всѣхъ приказахъ, и особенно въ судныхъ, спорныя дѣла судьи слушали при самихъ истцахъ и отвѣтчикахъ, и челобитчики были этимъ очень довольны, потому что подъячіе не могли неправо докладывать, и еслибы захотѣли одной сторонѣ сдѣлать ущербъ, а другой норовить и для того выпустить что-нибудь изъ дѣла или утаить, то истцы и отвѣтчики предостерегали сами и тогда же судьямъ о томъ спорили и напоминали. А теперь не только въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, и въ самыхъ нижнихъ судахъ, въ Москвѣ и городахъ воеводы, въ ратушахъ бурмистры, спорныя дѣла слушаютъ безъ истцовъ и отвѣтчиковъ, и хотя утверждаются на томъ, что по спорнымъ дѣламъ истцы и отвѣтчики прикладываютъ къ выпискамъ руки, однако тутъ бываетъ не безъ грѣха: часто случается, что одна какая-нибудь рѣчь всю силу дѣла въ себѣ содержитъ, а секретарь или подъячій эту сильную рѣчь или содержаніе указа пропуститъ, что судьи и усмотрѣть не могутъ, и, такимъ образомъ, истецъ или отвѣтчикъ обвиненъ быть можетъ. Для избѣжанія этого, приказали: во всѣхъ судныхъ мѣстахъ спорныя дѣла слушать при истцахъ и отвѣтчикахъ, какъ такой порядокъ былъ прежде, а притомъ имъ никакихъ излишнихъ рѣчей и споровъ не имѣть, дабы отъ того въ слушаніи дѣлъ помѣшательства и затрудненія не происходило [5]).

Ошибки въ докладахъ и выпискахъ выставлены главнымъ побужденіемъ въ указѣ 1 іюня 1730 г., которымъ предписывалось раздѣленіе Сената на департаменты: „Такъ какъ всѣ дѣла въ прав. Сенатѣ опредѣляются по докладамъ и выпискамъ, дѣлаемымъ канцелярскими служителями, и легко случиться можетъ, что въ этихъ докладахъ и выпискахъ, не по пристрастію, а отъ простоты, многодѣльства, поспѣшности или отъ какого-нибудь другого случая бываютъ погрѣшности, отъ которыхъ, и безъ всякой вины прав. Сената, въ резолюціяхъ по временамъ могутъ произойти какія-нибудь несходства; къ тому же отъ множества дѣлъ, какъ государственныхъ, такъ и челобитчиковыхъ, которыя надобно слушать и рѣшать всему собранію, недостаетъ времени для рѣшенія государственныхъ дѣлъ безъ продолженія и челобитчиковыхъ безъ волокиты,—поэтому разсуждаемъ за благо, въ правит. Сенатѣ, по примѣру другихъ государствъ, всѣ дѣла раздѣлить по разнымъ департаментамъ; напримѣръ: 1) О духовныхъ дѣлахъ, въ чемъ они до правит. Сената касаться будутъ. 2) О военныхъ сухопутныхъ и морскихъ дѣлахъ. 3) О Камеръ-Коллегіи дѣлахъ и доходахъ и расходахъ государственныхъ. 4) О юстиціи и челобитческихъ дѣлахъ. 5) О купецкихъ дѣлахъ и государственныхъ заводахъ, фабрикахъ и бергверкахъ. При каждомъ департаментѣ были бы четыре или пять человѣкъ изъ членовъ прав. Сената, которыхъ должность въ томъ состоять будетъ, что когда въ правит. Сенатъ какія дѣла войдутъ, касающіяся ихъ департамента, то

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5577.
[2]) Журналы Сената.
[3]) Журналы Сената.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 5654.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 5689.

они напередъ между собою эти дѣла сами разсмотрятъ, надлежащимъ образомъ изслѣдуютъ, однимъ словомъ—все то изготовятъ, что къ полному рѣшенію и опредѣленію его потребно; а потомъ съ объявленіемъ своего мнѣнія въ полномъ собраніи правит Сенату для рѣшенія предложатъ. Чрезъ это: 1) всякія погрѣшности въ канцеляріи правит. Сената упредятся; 2) всякія дѣла съ лучшимъ основаніемъ и благоугоднымъ правосудіемъ и 3) безволокитно и безъ остановки рѣшены и отправлены будутъ; 4) правит. Сенату великое облегченіе сдѣляется“ [1]).

Мы видѣли, что, при возстановленіи своемъ въ прежнемъ значеніи, господа Сенатъ хотѣли избавиться отъ прокуроровъ; но на верху кто-то постарался представить, что это установленіе великаго дяди необходимо,— безъ него дѣла идутъ дурно, и, главное, какимъ образомъ исчезли прокуроры, о томъ никто не знаетъ. 2 октября 1730 года явился манифестъ: „Не безызвѣстно намъ есть, что въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ въ государственныхъ дѣлахъ слабое чинится управленіе, и челобитчики по дѣламъ своимъ справедливаго и скораго рѣшенія получить не могутъ, и бѣдные, отъ сильныхъ утѣсняемые, обиды и разоренія протерпѣваютъ. А такъ какъ блаж. пам. дядя нашъ и государь, при сочиненіи должности сенатской, такіе непорядки и утѣсненія бѣднымъ не точію отвратить искалъ, но дабы оныя весьма искоренить и совершенный, добрый порядокъ ввести, разсудилъ учинить особое опредѣленіе. Для этого не понапрасну чинъ генералъ-прокурора и ему помощника оберъ-прокурора при Сенатѣ, а въ коллегіяхъ и тогда бывшихъ надворныхъ судахъ прокуроровъ учредить изволилъ. *Какимъ же указомъ оный чинъ, по кончинѣ дяди нашего, отставленъ и къмъ отрѣшенъ,—о томъ намъ неизвѣстно.* Поэтому повелѣваемъ и учреждаемъ быть, по опредѣленію дяди нашего и государя, при Сенатѣ чину генералъ-прокурора и ему помощникомъ оберъ-прокурору; также во всѣхъ коллегіяхъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ прокурорамъ быть попрежнему“. Временно исправлять должность генералъ-прокурора поручено было Ягужинскому; оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ стат. совѣт. Масловъ [2]).

Мы видѣли, какъ скоро почувствовано было, что въ стремленіи сократить число учрежденій, явившихся при Петрѣ Великомъ, перейдена была граница, какъ скоро почувствовано было, что въ Москвѣ нельзя было уничтожить Надворный и Провинціальный судъ и всѣ дѣла сосредоточить въ Губернской канцеляріи. Въ мартѣ 1730 года Сенатъ подалъ докладъ, что до учрежденія губерніи въ Москвѣ было семь приказовъ для суда и расправы, и волокиты челобитчикамъ не было! (Черезъ 30 лѣтъ старина уже начала забываться, стали забываться жалобы людей XVII вѣка на знаменитую московскую волокиту!) Потомъ были учреждены надворные и провинціальные суды; но въ 1727 году надворнымъ судамъ быть не велѣно, а судъ и расправа была положена на губернаторовъ и воеводъ, вслѣдствіе чего судныя и розыскныя дѣла взяты на Московскую губернскую канцелярію, и въ томъ числѣ невершенныхъ дѣлъ 21,388. По обширности города Москвы и губерніи Сенатъ считалъ необходимымъ учредить въ Москвѣ Судный и Сыскной приказы: въ первомъ давать судъ всякаго чина людямъ, которые будутъ находиться въ Москвѣ, во второмъ—вѣдать воровскія, разбойныя, убійственныя дѣла, съ апеляціею на оба приказа въ Юстицъ-Коллегію. Докладъ былъ утвержденъ [3]). Въ декабрѣ того же года Сенатъ представилъ о необходимости возстановленія Сибирскаго Приказа, потому что сибирскіе губернаторы имѣютъ слишкомъ обширную власть, воеводы не могутъ мимо ихъ ни о чемъ писать ни въ Сенатъ, ни въ Камеръ-Коллегію, и въ такомъ дальнемъ краю ничего не видно, какъ воеводы поступаютъ. Докладъ былъ утвержденъ—и возобновленный Приказъ былъ порученъ Ягужинскому [4]). Относительно коллегій въ октябрѣ 1731 года Бергъ-Коллегія и Мануфактуръ-Контора соединены были съ Коммерцъ-Коллегіею, „потому что отъ раздѣленія ихъ никакой пользы не было, кромѣ казеннаго убытка и въ дѣлахъ затрудненія и между ними излишнихъ переписокъ“ [5]).

Мы, видѣли, что еще при Петрѣ II-мъ стали тяготиться отмѣною мѣръ Петра Великаго относительно областнаго управленія, сосредоточеніемъ всей власти въ рукахъ воеводъ, которыхъ сами правительственныя лица называли волками. Волки бросились на добычу, и отовсюду поднялись страшные вопли, какъ было въ допетровской Россіи, и вотъ появляется указъ, какъ будто списанный съ указовъ прежнихъ царей: „Извѣстно учинилось, что многіе воеводы, какъ посадскимъ, такъ и уѣзднымъ людямъ чинятъ великія обиды и разоренія и другіе непорядочные поступки, и берутъ взятки, о чемъ уже и челобитныя многія въ правит. Сенатъ на нихъ поданы, а на иныхъ и бить челомъ опасаются, для того, что тѣ воеводы многіе годы живутъ безпремѣнно;—того ради великая государыня императрица указала во всѣхъ городахъ воеводамъ быть съ перемѣною на два года, и по перемѣнѣ пріѣзжать имъ съ росписными и счетными списками приходу и расходу вѣдомства ихъ, и съ вѣдомостьми о доимкахъ, какъ денежныхъ, такъ рекрутскихъ, въ Сенатъ. И буде который исправенъ, и послѣ смѣны въ годъ челобитчиковъ на него не будетъ,—такихъ опредѣлять въ воеводы же по разсмотрѣнію“ [6]). Потомъ догадались, что воеводы безъ секретаря или подьячаго все равно, что безъ рукъ, и потому велѣно пріѣзжать вмѣстѣ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5570.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 5625.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 5521, 5597.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 5659.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 5860.
[6]) Полн. Собр. Зак. № 5522.

съ воеводами для отчета и секретрямъ или, гдѣ секретарей нѣтъ, подъячимъ, составлявшимъ вѣдомости, „дабы воеводы по тѣмъ вѣдомостямъ и счетнымъ спискамъ лучшую отповѣдь чинить имѣли безо всякихъ отговорокъ“ [1]).

Губернаторовъ и воеводъ обвинили въ безпорядкахъ относительно сбора подушныхъ денегъ съ крестьянъ, и на этомъ основаніи возстановили систему Петра Великаго. Въ указѣ, данномъ Сенату въ октябрѣ 1730 года, говорится, что Петръ Великій на крестьянъ всего государства положилъ одну подать, и для того велѣно армейскіе и гарнизонные полки росписать по уѣздамъ и расположить на вѣчныя квартиры, и, чтобъ крестьянамъ излишнихъ тягостей сверхъ подушнаго не было, сборъ порученъ былъ земскимъ коммисарамъ подъ смотрѣніемъ полковниковъ. Земскихъ коммисаровъ, по окончаніи года, считали и на ихъ мѣста выбирали новыхъ сами помѣщики, которые имѣли власть наказывать коммисаровъ, которые были замѣчены въ отягощеніи крестьянъ; сверхъ того, польза отъ расположенія войскъ по уѣздамъ была очевидна въ удержаніи воровства, разбоевъ, крестьянскихъ побѣговъ и въ охраненіи крестьянъ отъ гражданскихъ правителей. Въ 1727 году, продолжаетъ указъ, это полезное опредѣленіе отмѣнено, подушный сборъ положенъ на губернаторовъ и воеводъ, офицеры отъ сбору отрѣшены, отчего въ уѣздахъ отъ воеводъ и отъ подъячихъ многіе непорядки и крестьянамъ тягости, а именно—послабленіемъ многая на крестьянахъ доимка запущена, что крестьянамъ къ большему разоренію, а не къ пользѣ произошло,—коммисары излишніе и вымышленные сборы производили, и, принявъ деньги, отписей не давали, а писали въ доимку; произошло многое въ уѣздахъ воровство и разбои, и крестьяне бѣгутъ. Поэтому подушный сборъ положенъ попрежнему на полковниковъ съ офицерами [2]). Въ слѣдующемъ 1731 году новый именной указъ, что по вѣдомостямъ, присланнымъ отъ офицеровъ, показано множество доимокъ, которыхъ запускать не надлежало, и потому императрица повелѣла объявить, чтобъ помѣщики, архіереи и монастырскія власти заплатили эту доимку въ три мѣсяца безъ всякаго отлагательства, а взыскивать на нихъ офицерамъ безъ всякаго послабленія [3]). Въ то же время былъ изданъ регламентъ Камеръ-Коллегіи, въ которомъ постановлялось: „Подушныя деньги платить самимъ помѣщикамъ, а гдѣ самихъ помѣщиковъ нѣтъ, – приказчикамъ и старостамъ, или тѣмъ людямъ, кому эти деревни приказаны, а дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ—самимъ управителямъ, не дожидаясь повѣстки, деньги отвозить самимъ въ городъ и отдавать воеводамъ. Въ случаѣ непривоза денегъ въ срокъ, полковники вмѣстѣ съ воеводами посылаютъ въ незаплатившія деревни экзекуцію, велятъ немедленно править на помѣщикахъ или приказчикахъ и старостахъ“ [4]). Въ концѣ 1731 года первый указъ былъ повторенъ съ угрозою штрафовъ [5]). Тогда же данъ былъ указъ Дворцовой Канцеляріи, что на дворцовыхъ волостяхъ много доимки, которую взыскать на судьяхъ и управителяхъ, ибо ихъ несмотрѣніемъ доимка запущена [6]).

Подушныя деньги шли на войско, состояніемъ котораго были недовольны и въ прошлое царствованіе. Еще Верховный Тайный Совѣтъ, наканунѣ знаменитаго 25 февраля, издалъ указъ о принятіи иностранныхъ инженеровъ въ русскую службу, „за недовольствомъ въ инженерномъ корпусѣ оберъ-офицеровъ“, и въ тотъ же день на содержаніе пограничныхъ крѣпостей и артиллеріи опредѣлена сумма въ 70,000 рублей на годъ [7]). Въ іюнѣ 1730 года самодержавная императрица издала укмзъ: „Всякій вѣрный сынъ отечества признать долженъ, что крѣпость и безопасность государства, содержаніе мира и святаго покоя отъ чужихъ непріятелей и слѣдовательно благополучіе всѣхъ подданныхъ по Бозѣ отъ содержанія порядочной и благоучрежденной арміи зависитъ; а по кончинѣ дяди нашего многіе непорядки и помѣшательства при ней явились и нынѣ еще являются и происходятъ, для поправленія которыхъ еще при теткѣ нашей и племянникѣ нашемъ особливыя коммисіи учреждены были, но въ дѣйство не произведены. Наше соизволеніе есть—учрежденіе Петра Великаго крѣпко содержать, всѣ непорядки и помѣшательства исправлять и привести армію въ доброе состояніе безъ излишней народной тягости, и потому мы заблагоразсудили учредить особливую коммисію съ двоякою цѣлію: 1) дабы сухопутную нашу армію въ порядочномъ состояніи всегда содержать; 2) дабы обстоятельно можно было знать, какая сумма именно на содержаніе войска необходима“ [8]). Въ іюнѣ 1730 года, въ Сенатѣ разсуждали, что Военная Коллегія и Коммисаріатъ состоятъ не въ такомъ порядкѣ, какъ надлежитъ, многое упущено и вѣдомостей Коллегія въ Сенатъ не подаетъ; Коммисаріату надобно быть особо, а не въ вѣдѣніи Военной Коллегіи. Впущенъ былъ завѣдывающій Коммисаріатомъ генералъ-майоръ Кропотовъ, спрошенъ о вѣдомостяхъ, и доносилъ, что въ Военную Коллегію поданы, и притомъ говорилъ, что нѣкоторые расходы Коллегія дѣлаетъ мимо Коммисаріата и сообщаетъ для вѣдома послѣ. Собраніе объявило ему, чтобъ онъ вѣдомости въ Сенатъ отъ себя подавалъ прямо, мимо Военной Коллегіи, потому что впредь онъ въ вѣдомствѣ этой Коллегіи не будетъ. Кропотовъ отвѣчалъ, что если такъ, то онъ будетъ подавать въ Сенатъ вѣдомости съ показаніемъ непорядковъ Военной Коллегіи; онъ же доносилъ, что коммисары должны быть не изъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5598.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 5638.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 5780.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 5789.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 5873.
[6]) Полн. Собр. Зак. № 5924.
[7]) Полн. Собр. Зак. № 5504 и 5505.
[8]) Полн. Собр. Зак. № 5571.

офицеровъ, потому что отъ нихъ много продерзостей; но Сенатъ разсуждалъ, что могутъ быть и офицеры, только по прошествіи каждаго года они должны быть присылаемы въ Коммисаріатъ къ отвѣту и отчету [1]). Тогда же Сенатъ слушалъ доношеніе Военной Коллегіи о рекрутахъ, въ какія лѣта и въ какую мѣру ихъ брать. Приказали принимать мѣрою не меньше двухъ аршинъ съ четвертью, а лѣтами отъ 15 до 30 [2]).

Относительно флота, въ іюлѣ 1730 года императрица дала указъ Сенату: „Мы, послѣдуя дяди нашего установленію и разсуждая о нуждѣ, которая для благополучія и безопасности государства нашего въ содержаніи корабельнаго и галернаго флотовъ имѣется, повелѣваемъ нашему правительствующему Сенату въ Коллегію Адмиралтейскую накрѣпчайше подтвердить, чтобъ корабельный и галерный флоты содержаны были по уставамъ, регламентамъ и указамъ, не ослабѣвая и уповая на нынѣшнее благополучное мирное время“ [3]). Но въ слѣдующемъ году толковали, что флотъ погибаеть, едва 12 кораблей могутъ выйти въ море. Нѣкоторые стали выражать мысль, которую имѣлъ еще Меншиковъ, не лучше ли уничтожить военные корабли и оставить однѣ галеры. Мысль эта нравилась при Дворѣ, потому что освобождала отъ издержекъ; но противъ нея возсталъ дядя императрицы, Салтыковъ; онъ говорилъ, что главныя издержки на флотъ уже сдѣланы при Петрѣ Великомъ, а теперь остается только поддерживать. Адмиралъ Сиверсъ былъ того же мнѣнія: говорилъ, что галерный флотъ одинъ безъ военныхъ кораблей не можетъ выйти въ море,—первая буря дастъ возможность непріятельскимъ кораблямъ уничтожить его; притомъ Россія безъ флота потеряетъ значеніе на сѣверѣ. Рѣшено было увеличивать число военныхъ кораблей [4]).

Сенатъ сильно занималъ вопросъ о штатахъ: въ ноябрѣ 1730 года, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій предложилъ, что статскіе чины жалованья получаютъ много, а военные противъ нихъ находятся въ обидѣ, во-первыхъ,—умаленіемъ ранга, во-вторыхъ,—жалованья получаютъ гораздо меньше, вслѣдствіе чего отнимается охота къ военной службѣ, и стараются быть опредѣленными къ статскимъ дѣламъ; поэтому надобно статскимъ чиновникамъ убавить жалованья. Остерманъ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Князь Черкасскій предложилъ, что до 1715 года въ приказахъ дьяковъ и подъячихъ было гораздо меньше, а дѣла исправлялись безъ остановки; и какъ съ 1715 года опредѣлено жалованье, то секретарей и подъячихъ стало больше, и теперь въ коллегіяхъ такія дѣла, которыя прежде бывали у одного повытчика, раздѣлены на многія повытья, и оттого увеличено число секретарей и подъячихъ; а въ вѣдомостяхъ изъ коллегій показываютъ, что безъ такого числа въ дѣлахъ исправиться нельзя. Для этого надобно сенатскимъ членамъ, хотя поденно, свидѣтельствовать коллежскихъ и канцелярскихъ служителей, какія у нихъ дѣла, и можно ли изъ нихъ убавить, дабы лишнихъ служителей не было, потому что лучше оставить хотя немногихъ, только достойныхъ, которымъ по ихъ достоинству и жалованье опредѣлить. Князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ предложилъ, что у статскихъ жалованья убавить нельзя и приказныхъ служителей убавлять не слѣдуетъ, чтобъ коллегіи недостаточнымъ числомъ служителей въ исправленіи дѣлъ впередъ не отговаривались; а хотя и свидѣтельствовать, только не о числѣ служителей, но о суммѣ, какой коллегіи за излишній трудъ передъ прочими прибавить, а гдѣ меньше труда,—у тѣхъ убавить. Князь Черкасскій представлялъ, что для сочиненія штата надобно разсмотрѣть о числѣ коллегій, всѣмъ ли имъ надобно быть или убавить, потомъ привести ихъ въ лучшій порядокъ, а затѣмъ опредѣлить, сколько надобно гдѣ членовъ и служителей и съ какимъ жалованьемъ, а особливо говорилъ о Бергъ-Коллегіи, что не такъ смотритъ надъ заводами, какъ слѣдуетъ, и надобно въ коллегіяхъ раздѣлить дѣла между членами по частямъ.

Относительно торговли продолжала работать остермановская коммисія о коммерціи. По ея донесенію, въ 1731 году позволена была свободная торговля по всей Россіи всякаго званія иноземцамъ съ уплатою положенной пошлины [5]). Въ 1730 году Сенатъ занималъ вопросъ о казенныхъ товарахъ; въ послѣднее время эти товары отдавались прусскимъ купцамъ, которые за то поставляли сукна на русское войско; но теперь, вслѣдствіе того, что враждебныя отношенія между Россіею и Англіею готовы были прекратиться, англійскіе купцы явились соперниками прусскимъ, и Сенатъ явно склонялся на ихъ сторону. Въ іюнѣ мѣсяцѣ сенаторы согласно разсудили: написавъ предложенія какъ англійскихъ, такъ и прусскихъ купцовъ, доложить ея величеству, и притомъ представить, что съ Англичанами изстари русскій торгъ производится, отъ котораго большая польза,—Англичане покупаютъ русскіе товары на свои деньги, и сукна англійскія лучше прусскихъ; русскіе купцы въ своихъ торговыхъ дѣлахъ съ Англичанами довольны ими, тогда какъ на прусскихъ купцовъ и отъ своихъ, и отъ иностранцевъ много жалобъ, притомъ же Пруссаки деньги изъ государства вывозятъ. Коммисія о коммерціи представила въ Сенатъ донесеніе русскихъ купцовъ о помѣхѣ торгамъ ихъ, вслѣдствіе поставки прусскихъ суконъ. Выслушавъ это донесеніе, сенаторы начали разсуждать, не лучше ли казенные товары послать для продажи за море въ коммисію, чтобъ не было монополіи. Въ пользу этого мнѣнія Остерманъ представлялъ, что если здѣсь продажу казенныхъ товаровъ и по-

1) Журналы Сената.
2) Журналы Сената.
3) Полн. Собр. Зак. № 5593.
4) Манъявъ.
5) Полн. Собр. Зак. № 5803.

ставку суконъ заключить на пять лѣтъ съ одними купцами, то будетъ двѣ монополіи: первая—въ продажѣ въ однѣ руки товаровъ, вторая—въ поставкѣ одними купцами сукна; а если товары отпустить въ коммисію, то хотя расходовъ на нихъ будетъ и больше, только не будетъ монополіи и помѣхи русскимъ купцамъ въ ихъ торгахъ. Если казенные товары продавать и въ Россіи, то не всѣ, а небольшое число, чтобъ поднять имъ цѣну, и сукна покупать у вольныхъ продавцовъ, кто изъ нихъ возьметъ дешевле, не входя ни съ кѣмъ въ обязательство. Впредъ казенныхъ товаровъ—поташа и смольчуга для заморскаго отпуску или продажи въ Россіи заготовлять съ нѣкоторую убавкою, по слѣдующимъ причинамъ: 1) отъ многаго заготовленія этихъ товаровъ лѣсъ истребляется; 2) чѣмъ больше заготовлено товаровъ, тѣмъ цѣна на нихъ меньше; 3) если товаровъ заготовлять меньше, то цѣна ихъ будетъ высока и лѣсъ не такъ будетъ выводиться. Дѣла не рѣшили безъ совѣта съ знающимъ человѣкомъ; послали спросить Осипа Соловьева: казенные товары здѣсь ли продать полезнѣе на извѣстныхъ условіяхъ, или послать за море и на какихъ судахъ, и кому ихъ на коммисію поручить. Соловьевъ отвѣчалъ: если отпускать на своихъ корабляхъ, то довольно отпустить въ Амстердамъ, на коммисію, 1,500 бочекъ смольчуга, 500—поташа; сверхъ того, если Виллерсъ или Мееръ примутъ на свои руки 1,000 бочекъ и пошлютъ къ своимъ корреспондентамъ на коммисію, то это будетъ полезно. Мееръ объявилъ, что возьметъ 1,500 бочекъ поташа по 17 ефимковъ. Но Остерманъ представилъ, что императрица, по докладу его, указала: поташъ отправить въ Англію на коммисію, на какихъ условіяхъ Сенатъ заблагоразсудитъ, а смольчугъ и прочіе товары продать русскимъ купцамъ. Осипъ Соловьевъ донесъ, что для нагрузки ластовыхъ судовъ, которыя должны отправиться съ казенными товарами, чтобъ наемъ не былъ даромъ, надобно купить у Архангельска пеньки, холста, льну и пряжи. Спросили его: кому надежному человѣку поручить покупку. Онъ отвѣчалъ: „Льву Семенникову, который учился въ Англіи". Согласились [1]).

Относительно полиціи обратились къ мѣрамъ Петра Великаго противъ нищихъ. Въ іюлѣ 1730 г. императрица говорила Сенату въ своемъ указѣ: „Усмотрѣли мы, что нищіе прямые, престарѣлые, дряхлые и весьма больные безъ всякаго призрѣнія по улицамъ валяются, а иные бродятъ; съ другой стороны, намъ извѣстно, что въ богадѣльни, вмѣсто прямыхъ нищихъ, записываютъ такихъ, которые могутъ работою питаться, а иные и въ богадѣльняхъ не живутъ, но одно жалованье получаютъ, и не безъ грѣха, что бѣдные безъ призрѣнія страждутъ, а вмѣсто нихъ тунеядцы хлѣбъ похищаютъ; поэтому повелѣваемъ немедленно тунеядцевъ изъ богадѣленъ выслать, или опредѣлить на работу, а прямыхъ нищихъ въ богадѣльни ввесть; помѣщичьихъ отдать помѣщикамъ, посадскихъ—въ посады для пропитанія; малолѣтныхъ мужескаго пола опредѣлять въ гарнизонныя школы, чтобъ, выросши, годились въ службу вмѣсто рекрутъ; дѣвочекъ—на фабрики, или кто захочетъ взять ихъ на воспитаніе и въ услуженіе" [2]). Сенатъ распорядился немедленнымъ исполненіемъ указа; но въ ноябрѣ долженъ былъ писать, что многіе нищіе по улицамъ бродятъ, и грозить полиціи жестокимъ наказаніемъ [3]). Полиція не имѣла никакихъ средствъ исполнить указъ Сената и обратилась къ Синоду, признаваясь, что, несмотря на строгіе указы, число нищихъ умножилось, и особенно находятъ они себѣ убѣжище въ церквахъ и рядахъ: чтобъ св. Синодъ далъ указъ священникамъ не позволять просить милостыни при церквахъ [4]). Синодъ далъ указъ; но какія средства имѣли священники для его исполненія?

Плохое состояніе медицинскаго дѣла побудило къ смѣнѣ архіатера (Блументроста); медицинской канцеляріи дали коллегіальное устройство, назначивъ ея членами докторовъ: Быдла, Шоберта, фонъ-Дегульста, Севаста и Теульса. Главною обязанностію конторы было смотрѣть за аптекою, лабораторіею и магазиномъ, и отправлять въ войско искусныхъ лѣкарей „безъ всякаго похлѣбства, ни по дружбѣ, ниже по ненависти" [5]).

Такъ какъ Москва была резиденціею, то въ 1730 году озаботились о ея освѣщеніи. Для зимнихъ ночей, по большимъ улицамъ велѣно сдѣлать изъ полицмейстерской канцеляріи и поставить на столбахъ фонари стеклянные, на разстояніи 10 саженъ одинъ отъ другого; горѣло въ нихъ конопляное масло съ фитилемъ въ тѣ ночи, когда объ этомъ данъ будетъ приказъ отъ Двора; содержать ихъ и чинить должны были обыватели [6]).

Съ какимъ трудомъ отвыкали Русскіе люди отъ дикихъ привычекъ въ пользу общежитія, видно между прочимъ изъ того, что указы противъ скорой ѣзды по улицамъ, начавшіеся издаваться еще съ XVII вѣка, оставались безъ дѣйствія. „Хотя прежде сего на Москвѣ публиковано", говоритъ указъ 1730 года, „дабы всякихъ чиновъ люди, какъ дневнымъ, такъ и ночнымъ временемъ, ѣздили какъ въ саняхъ, такъ и верхами смирно и никого лошадьми не давили и не топтали, однако нынѣ ея величеству извѣстно стало, что многіе люди ѣздятъ въ саняхъ рѣзво, и верховые ихъ люди предъ ними необыкновенно скачутъ и, на другихъ наѣзжая, бьютъ плетьми и лошадьми топчутъ". Велѣно было посылать разъѣзды изъ драгунъ и солдатъ, и ловить такихъ рѣзвыхъ людей [7]). Правительство сочло нужнымъ напомнить указомъ, что за волшеб-

[1]) Журналы Сената.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 5594.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 5644.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 5832.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 5620.
[6]) Полн. Собр. Зак. № 5650.
[7]) Полн. Собр. Зак. № 5512.

ство законъ опредѣляетъ сожженіе. „Извѣстно ея величеству, что въ Россіи нѣкоторые люди показываютъ себя, будто волшебства знаютъ, и обѣщаются простымъ людямъ чинить всякіе способы" [1]).

Мы видѣли, что верховники потребовали прежде всего отъ новой императрицы, чтобъ она была вѣрна Православію. Анна, сдѣлавшись самодержавною, не опускала случая показывать свою ревность къ Православію, чтобъ не подумали, что долговременное пребываніе въ странѣ иновѣрной ослабило эту ревность. 17 марта подписанъ былъ ею манифестъ, въ которомъ она провозглашала, что прилежное попеченіе имѣетъ о храненіи и защищеніи Православнаго закона христіанскаго Восточныя Церкви и прочихъ преданій, славы ради и хвалы Божія учрежденныхъ, и повелѣвала правит. духовному Синоду „прилежное попеченіе имѣть, дабы всѣ христіане законъ Божій сохраняли, тайны святыя, на спасеніе наше отъ Спасителя нашего намъ преданныя, и прочія преданія отъ Церкви Святой узаконенныя, со тщаніемъ и благоговѣніемъ исполняли, и въ праздники и въ воскресные дни на службу Божію въ церковь приходили со тщаніемъ, и во время службы святой въ церквахъ благочиніе сохраняли. Сущіе же подъ властію нашею разные народы, которые не знаютъ христіанскаго закона, также раскольниковъ, невѣжествомъ своимъ противляющихся Св. Церкви, обращать увѣщаніемъ и ученіемъ во благочестіе и соединеніе Св. Церкви. Храмы же святые и нищепитательные домы, которые отъ скудости или инымъ какимъ образомъ опустѣли, возобновить и всѣми потребными удовольствовать. Училища учредить по Регламенту Духовному. Установленные же въ нашей имперіи крестные ходы и благодарныя моленія во дни тезоименитства нашего и нашей фамиліи и въ прочіе опредѣленные дни, также на памяти усопшихъ предковъ нашихъ молитвы и поминовенія отправлять неотложно, и во время посылаемыхъ отъ Бога разныхъ наказаній молитвы и прошенія творити объ отвращеніи праведнаго Его гнѣва со смиреніемъ, благоговѣніемъ и съ наложеніемъ по разсужденію поста, по примѣру Ниневитскому, и во оныхъ всѣхъ ходахъ и молитвахъ, для чести и показанія собою образа, присутствовать архіереямъ и отправлять благочинно и порядочно, не оставляя ничего, *такъ какъ прежде сего при ихъ величествѣ дѣдѣ и отцѣ нашемъ было*, и притомъ присутствовать по одной персонѣ изъ сенаторовъ и по двѣ персоны къ тому изъ другихъ чиновъ, по разсмотрѣнію сенаторскому" [2]).

Манифестъ былъ, повидимому, направленъ противъ архіереевъ нововводителей, пренебрегавшихъ крестными ходами, на что сердился Сенатъ еще во времена Петра Великаго; архіереемъ нововводителемъ считался Ѳеофанъ Прокоповичъ; въ манифестѣ заключалась даже выходка противъ дяди Преобразователя: объявлялось, что все будетъ постаринѣ, какъ было при дѣдѣ и отцѣ государыни. Но все это было повидимому, въ первыя минуты, когда, въ страхѣ предъ сильною борьбою, хотѣли прикрыться ревностію къ Православію и прикрыть Бирона. Усердіе Ѳеофана Прокоповича не могло остаться безъ награды, его не могли выдать врагамъ. Ѳеофанъ въ стихахъ прославлялъ 25 февраля.

Въ сей день Августа наша свергла долгъ свой ложный,
Растерзавши на себѣ хирографъ подложный,
И выняла скипетръ свой отъ гражданскаго ада,
И тѣмъ стала Россія весела и рада,
Таково смотрѣніе продолжи намъ, Боже,
Да державѣ Россійской не вредитъ ничто же.
А ты всякъ, кто ни мыслитъ вводить строй отманный,
Бойся самодержавной, прелестниче, Анны.
Какъ оная бумажка, всѣ твои подлоги
Растерзанныя падутъ подъ царскія ноги.

Неизвѣстно, съ какой стороны было внушено что Синодомъ надобно заняться, и 20 мая данъ былъ указъ: „Всѣмъ извѣстно, какъ дядя нашъ, Петръ Великій, правит. духовный Синодъ учредилъ и регламентами принадлежащими удовольствовалъ, который тогда состоялъ въ довольномъ числѣ персонъ; а нынѣ Синодъ не въ такомъ состояніи, какъ прежде былъ. Разсуждая объ этомъ, какъ объ очень благопотребномъ дѣлѣ, благоизволяемъ: Синодъ въ добрый порядокъ привесть, и повелѣваемъ духовному правит. Синоду, снесшись съ правит. Сенатомъ, общимъ совѣтомъ постановить: такому же ли числу персонъ быть въ Синодѣ, какъ положено въ Регламентѣ, или еще прибавить, и по скольку изъ какихъ чиновъ быть. Персонамъ, опредѣленнымъ въ Синодъ неперемѣннымъ ли или перемѣннымъ; и если положено будетъ перемѣнять, то во сколько времени перемѣнять. Выбрать кандидатовъ по именамъ для избранія въ число, какое опредѣлено будетъ. Такъ какъ въ Синодѣ число персонъ очень малое, только четыре, то повелѣваемъ, для совѣта о вышеписанномъ дѣлѣ, взять въ-прибавокъ изъ духовныхъ персонъ людей къ тому достойныхъ" [3]).

Сенатъ, прежде совѣщанія съ Синодомъ, обсудилъ это дѣло одинъ и рѣшилъ—быть въ Синодѣ членамъ съ перемѣною по два года, а именно: изъ архіереевъ по 4, изъ архимандритовъ и игуменовъ по 2, да два протопопа, въ томъ числѣ половина Малороссіянъ и половина Великороссіянъ. 9 іюня была конференція у Сената съ Синодомъ. Сенаторы объявили свое рѣшеніе; но члены Синода предлагали, чтобъ быть членамъ изъ архіереевъ и архимандритовъ 12 человѣкамъ безъ перемѣны, потому что если всѣхъ вдругъ перемѣнять, то новые не могутъ знать, что прежде ихъ въ Синодѣ дѣлалось, также и обхожденія канцелярскаго не знаютъ; игуменамъ и протопопамъ не быть, потому что они при начальникахъ своихъ свободнаго голоса имѣть не могутъ; притомъ протопопы еще указомъ Петра I отставлены; въ епархіи для управленія опредѣлять

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5761.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 5518.
[3]) Чистовича—Ѳеоф. Прокопов., стр. 259.

викаріевъ, или сами архіереи, присутствующіе въ Синодѣ, могутъ по временамъ посѣщать свои епархіи. Во второй конференціи сенаторы стояли за свое прежнее мнѣніе о перемѣнѣ членовъ Синода; говорили, что отъ такой перемѣны въ дѣлахъ остановки не будетъ, ибо въ Синодѣ такія же церковныя дѣла, какія и въ епархіяхъ бываютъ, а викаріямъ быть не слѣдуетъ, потому что они потребуютъ лишняго расхода; если же непремѣннымъ членамъ Синода для осмотра епархій отъѣзжать на время, то въ такое короткое время ничего осмотрѣть нельзя; а когда будутъ члены Синода перемѣнные, то и въ епархіяхъ лучшее смотрѣніе будетъ. Синодъ, видя, что надобно уступить, предлагалъ, чтобъ изъ 11 членовъ быть шести архіереямъ, и если имъ быть перемѣннымъ, то перемѣняться каждый годъ по одному, такъ что въ шесть лѣтъ могутъ всѣ перемѣниться. Синодальные члены, и особенно Ѳеофанъ Новгородскій, предлагали, чтобъ архіереевъ и архимандритовъ выбирать баллотировкою, или каждому члену, написавъ имена кандидатовъ, не означать своего имени, кто кого выбираетъ; но Сенатъ настаивалъ, чтобъ написать всѣмъ росписи и выбирать достойныхъ. Императрица, по выслушаніи всѣхъ этихъ мнѣній, указала: въ Синодѣ присутствовать Новгородскому и Нижегородскому архіереямъ безперемѣнно, и къ нимъ еще опредѣлить двоихъ архіереевъ, да архимандритовъ и протопоповъ, чтобъ всѣхъ было одиннадцать персонъ, между которыми половина (?) была бы изъ Великороссіянъ, а другая изъ Малороссіянъ [1]). Но число членовъ не достигло одиннадцати: въ концѣ 1731 г. назначено было жалованье только девяти членамъ,—Новгородскому архіепископу прежній его вицепрезидентскій окладъ 2,500 рублей, прочимъ тремъ архіереямъ каждому по 1,500 рублей, тремъ архимандритамъ по 1,000 рублей, двумъ протопопамъ по 600 руб. [2]).

Ѳеофанъ Прокоповичъ и Питиримъ Нижегородскій, знаменитый борецъ противъ раскола, два самые видные архіерея эпохи преобразованія на первомъ планѣ,—они непремѣнные члены Синода. Ѳеофанъ и Питиримъ одинъ человѣкъ, значитъ—Ѳеофанъ въ силѣ; эта сила ему очень нужна, потому что враги не оставляютъ его въ покоѣ.

Мы видѣли, какъ, по смерти Петра Великаго, защищавшаго людей, которые помогали ему въ церковныхъ преобразованіяхъ, и бравшаго на себя всю отвѣтственность, поднялись люди, враждебные этимъ преобразованіямъ и напали на помощниковъ Преобразователя, оставшихся теперь безъ прикрытія. Послѣ паденія Ѳеодосія Яновскаго, нападенія сосредоточились на Ѳеофанѣ; но онъ стоялъ, отбиваясь ловко и упорно. Смутное время царствованія Петра II, останавливая всѣ вопросы, всякое движеніе, остановило и борьбу Ѳеофана съ его противниками; восшествіе на престолъ Анны возобновило ее. Знаменитый манифестъ 17 марта обманулъ враговъ Ѳеофана, заставивъ ихъ думать, что пришло наконецъ удобное время низвергнуть еретика, котораго не будетъ защищать правительство, провозгласившее, что въ церковномъ отношеніи обращается къ старинѣ допетровской. Мы оставили Маркелла Родышевскаго въ заточеніи въ Симоновѣ монастырѣ. Такъ какъ были люди, и люди значительные, считавшіе Маркелла борцомъ за правое дѣло, мученикомъ, то заключеніе его не могло быть очень тѣснымъ: вольно было къ нему приходить, вольно было ему самому выѣзжать; содержали его хорошо. Въ это время познакомился съ нимъ человѣкъ, считавшійся дѣльнымъ и знающимъ, вѣрный слуга преобразованія и Преобразователя, который однако былъ встревоженъ движеніемъ преобразованія, показавшимся ему опаснымъ для вѣры, для Церкви, и сталъ употреблять усилія, чтобъ остановить это движеніе: то былъ управляющій прежде типографіею, извѣстный намъ Михаилъ Петровичъ Аврамовъ. Самъ Аврамовъ разсказываетъ, что еще при Петрѣ Великомъ, когда никто не смѣлъ говорить противъ церковныхъ преобразованій и преобразователей, онъ своими представленіями и внушеніями государю сдерживалъ опасное движеніе. „Благоволилъ Богъ чрезъ меня, послѣдняго изверга, о заблужденіи и лукавыхъ вымыслахъ еретиковъ—Ѳеодосія, Ѳеофана, Гавріила (Бужинскаго) и прочихъ ихъ единомышленниковъ объявить такимъ образомъ. Когда эти льстецы, вкравшись въ многоутружденную святую монаршескую душу и обольстя государя, смѣло начали поносить древнее благочестіе, тетрадками, книжечками и словесно старались вводить свое злочестивое лжеученіе, явно начали посты святые разорять, дѣла добрыя, какъ ненужныя для спасенія, отвергать, покаяніе и умерщвленіе плоти выставлять баснословіемъ, безженство и самовольное убожество въ смѣхъ обращать, дѣвство представлять дѣломъ невозможнымъ и, подъ покрываломъ имени христіанскаго, стали вездѣ осматривать и перебирать Св. мощи, ломать часовни и обирать Св. образа, обдирать ихъ привѣсы и оклады, уничтожать всѣ чудотворные образа; когда лютерскаго еретичества пьянствомъ бѣснующійся ересіархъ Ѳедосъ въ приходской церкви образъ Богородицы Казанской ободралъ и возилъ съ собою ругательствомъ:—тогда я, написавши челобитную на него, еретика, и единомышленниковъ его, во дворцѣ подалъ его величеству, и государь въ тотъ же день, въ домѣ генерала Чернышева на крестинахъ, болѣе часа со мною уединенно разговаривалъ и отпустилъ милостиво, и скоро послѣ того, въ день рожденія цесаревны Елисаветы Петровны, на старомъ почтовомъ дворѣ при мнѣ публично за столомъ, въ присутствіи императрицы, архіереевъ и министровъ, долго говорили о чудотворныхъ образахъ и другихъ Св. Церкви догматахъ. И послѣ того эти отчаянные смѣльчаки, какъ земляные кроты, забившись въ норы, съ излишними своими вымыслами на долгое

[1]) Журналы Сената.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 5891.

время было утихли, а потомъ опять мало-по-малу начали подниматься и, укрѣпившись пуще прежняго, достигли того, что государь подписалъ Духовный Регламентъ, подъ которымъ подписались, изъ страха, духовныя и мірскія особы, безъ разсмотрѣнія скрывавшихся въ этомъ Регламентѣ ересей. Съ этихъ поръ, въ наказаніе, испортилось здоровье государя".

При Петрѣ II, Аврамовъ сочинилъ книгу: „О благихъ въ обществѣ дѣлахъ", и подалъ ее императору; но книга „досталась въ руки лукаваго Остермана, и у него до времени погасла". Теперь Аврамовъ подалъ императрицѣ Аннѣ проектъ: „О должности, какъ ея императорскому величеству управлять христіанскою, боговрученною ея величеству имперіею". Здѣсь Аврамовъ требовалъ уничтоженія присяги; возстановленія патріарха, только не отъ Польскихъ и Малороссійскихъ людей: „Во всемъ съ патріархомъ о полезномъ правленіи духовенства россійскаго сноситься и о лучшей пользѣ промышлять, чтобъ оное духовенство въ древнее ввесть благочиніе и доброе благосостояніе. И всѣ гражданскіе уставы и указы, обрѣтающіеся съ нимъ, разсмотрѣтъ прилежно, согласны ли они съ Закономъ Божіимъ и церковными Св. Отецъ уставами, такожде и съ преданіями церковными, и, буде которые несогласны, тѣ бы оставить, а впредь узаконять въ согласіи Божьяго Закона и церковнаго разума".

Кто же будетъ патріархомъ? Для такого искренняго ревнителя древняго благочинія, какъ Аврамовъ, который для искупленія старыхъ грѣховъ (а между страшными грѣхами своими считалъ онъ и напечатаніе миѳологіи) умерщвлялъ плоть свою веригами,—для такого искренняго ревнителя кандидатомъ на патріаршество не могъ быть Георгій Дашковъ, котораго немонашеская дѣятельность, немонашескій образъ жизни слишкомъ выдавались наружу; не могъ быть и Ѳеофилактъ Лопатинскій, котораго нѣкоторые прочили за его ученость, но противъ котораго было также нареканіе за немонашескія привязанности: о немъ говорили, что скрипочки да дудочки мѣшаютъ ему быть патріархомъ. Для людей, хотѣвшихъ ученаго патріарха и знавшихъ, что такого можно найти только между Малороссіянами, идеаломъ былъ покойный Стефанъ Яворскій, подобнаго которому не находили, и надобно замѣтить, что, кромѣ другихъ неблагопріятныхъ условій, возстановленію патріарха именно мѣшало то, что не было лица достойнаго; кромѣ того, между людьми, желавшими возстановленія патріаршества, господствовало сильное разногласіе; новыя потребности были сильны, и потому многіе не могли себѣ представить неученаго патріарха; другіе ни подъ какимъ видомъ не хотѣли на этомъ мѣстѣ Малороссіянина. Аврамовъ, для котораго чистота Православія и благочестія была на первомъ планѣ, не думалъ объ учености, и остановилъ свой выборъ на духовникѣ императрицы, Троицкомъ архимандритѣ Варлаамѣ, отличавшемся монашескою жизнью, благочестіемъ, не скажемъ наружнымъ, потому что историкъ не можетъ произносить своего суда, выслушавши только одну сторону, не можетъ основаться на сатирическомъ представленіи Варлаама, сдѣланномъ противниками.

Аврамовъ убѣждалъ Варлаама попросить императрицу объ освобожденіи Маркелла Родышевскаго и, для показанія его невинности, возобновить дѣло о доносахъ его на Ѳеофана. «Пусть напишетъ прошеніе, а на книги, что знаетъ, изъясненіе», отвѣчалъ Варлаамъ, и Родышевскій написалъ прошеніе, чтобъ дали ему съ Новгородскимъ архіереемъ очную ставку; при этомъ Родышевскій просилъ, чтобъ еретическія руки Ѳеофана не допускать до мѵропомазанія и коронованія ея величества, потому что втораго императора, Петра Алексѣевича, короновалъ Ѳеофанъ: и государь скоро скончался—такъ чтобъ и ея величества здравіе охранить». Еще болѣе распространился объ этомъ въ своемъ доносѣ на Ѳеофана дворянинъ новгородскаго архіерейскаго дома Носовъ, который писалъ, что Ѳеофанъ хуже Ѳеодосія, церкви и монастыри грабилъ, деньги, полученныя за проданныя церковныя вещи, на непристойную монашеству роскошь употреблялъ, напримѣръ, на покупку вина; несмотря на то, онъ, какъ безпорочный, надъ духовными начальствуетъ и подвизаетъ гнѣвъ Божій, который и обнаруживается: онъ былъ допущенъ до коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны и Петра II-го, и царствованіе ихъ величествъ было очень кратковременно; Петра II-го Ѳеофанъ обручалъ съ двумя невѣстами, а свадьбы не было; вѣнчалъ цесаревну Анну Петровну съ герцогомъ Голштинскимъ,—и цесаревна скоро скончалась.

Несмотря на эти доносы, Новгородскій архіепископъ первенствовалъ и при коронаціи Анны, совершенной 28 апрѣля; первенствовалъ не по сану только, первенствовалъ умѣньемъ говорить краснорѣчивыя предики. А между тѣмъ Ѳеофану приготовляли полное торжество люди, возбуждавшіе подозрительность Анны, тогда какъ преданность архіепископа Новгородскаго заподозрить было нельзя; и притомъ странно было бы вѣрить его врагамъ, выставлявшимъ его неправославіе, когда онъ недавно просилъ императрицу за Православныхъ Сербовъ, принуждаемыхъ австрійскимъ правительствомъ къ уніи [1]). Подозрительность императрицы была возбуждена происшествіемъ въ Воронежѣ: когда здѣсь полученъ былъ манифестъ о кончинѣ Петра II-го и восшествіи на престолъ Анны, то епископъ Левъ Юрловъ, въ Недѣлю Православія (первое воскресенье Великаго поста), гдѣ надобно было поминать государыню, велѣлъ возглашать: „О благочестивѣйшей великой государынѣ нашей, царицѣ и великой княгинѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ и о державѣ ихъ", потомъ о благовѣрныхъ государыняхъ цесаревнѣ и царевнахъ. Вице-губернаторъ, извѣстный намъ Пашковъ, требовалъ, чтобъ архіерей объявилъ

---

[1]) Русскій Архивъ 1863 года.

манифестъ; тотъ отвѣчалъ, что безъ точнаго указа изъ Синода этого не сдѣлаетъ, потому что можетъ случиться какая-нибудь перемѣна. Пашковъ донесъ въ Москву; потребовали объясненія отсюда; Левъ отвѣчалъ, что Пашковъ клевещетъ на него напрасно, по злобѣ. Когда въ Синодѣ, 20 марта, слушали это объясненіе, то Георгій Дашковъ сказалъ: „У Воронежскаго архіерея съ вице-губернаторомъ давняя ссора, и другъ на друга пишутъ по ссорѣ. Подождать, не будетъ ли отъ губернатора какого объясненія". Дѣло этимъ на первый разъ кончилось, потому что на первыхъ порахъ опасались употреблять строгія мѣры противъ подозрительныхъ лицъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Но въ половинѣ года нашли, что можно дѣйствовать посмѣлѣе. Мы видѣли, что непремѣнными членами Синода назначены были двое—Ѳеофанъ и Питиримъ; къ нимъ были приданы смѣняемые—Крутицкій Леонидъ и Суздальскій Іоакимъ, а трое прежнихъ—Георгій Ростовскій, Ѳеофилактъ Тверской и Игнатій Коломенскій—увольнялись; уволены были такимъ образомъ люди, непріязненные Ѳеофану, который теперь сталъ господствовать въ Синодѣ, ибо остальные члены коллегіи были его покорные слуги. Теперь уже не боялись никакой помѣхи и возобновили дѣло Юрлова, съ котораго сняли архіерейскій санъ и монашество и отослали въ Сенатъ для розыска, какъ обвиненнаго въ государственномъ преступленіи. По высочайшему именному указу, Юрлова сослали въ Крестный монастырь, гдѣ велѣли содержать въ кельѣ неисходно, не допуская къ нему никого, не давая чернилъ и бумаги, водя въ церковь за карауломъ. Юрловъ оговорилъ Дашкова и Игнатія, что писалъ къ нимъ о заступленіи и помощи, причемъ Дашкову послалъ чувалъ винныхъ ягодъ. Игнатія лишили сана и послали въ свіяжскій Богородицкій монастырь; Дашкова сначала приговорили сослать въ харьковскій монастырь съ сохраненіемъ сана, потомъ, *за тѣ же вины*, велѣли снять санъ и сослать въ Каменный вологодскій монастырь; здѣсь мы должны обратить вниманіе на это постепенное усиленіе наказанія, что увидимъ и въ судьбѣ свѣтскихъ людей. Въ томъ же 1730 году лишенъ былъ сана и сосланъ въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Вонатовичъ за то, что не отслужилъ благодарственнаго молебна о восшествіи на престолъ Анны.

Но въ то время какъ Ѳеофанъ торжествовалъ надъ враждебными ему архіереями, Маркеллъ Родышевскій писалъ: „Житіе Новгородскаго архіепископа, еретика Ѳеофана Прокоповича"; монахъ Іона, добавляя это сочиненіе разными вставками въ видѣ гимновъ, псалмовъ и молитвъ, распространялъ его въ народѣ. Въ началѣ 1731 года, списокъ „Житія" попался въ руки Ѳеофану, и онъ донесъ о немъ, указавъ на Родышевскаго, какъ автора, и на другихъ, какъ распространителей возмутительныхъ тетрадей. Въ то же самое время архимандритъ Варлаамъ представилъ императрицѣ другія обличительныя сочиненія Родышевскаго на Ѳеофана. Родышевскій, Іона и Аврамовъ были арестованы.

Въ бумагахъ Родышевскаго заключались возраженія на Духовный Регламентъ и на указъ о монашествѣ. Онъ доказывалъ, что патріаршество есть древнѣйшая и единственно-законная форма церковнаго управленія. Въ возраженіяхъ на указъ о монашествѣ Родышевскій не отрицаетъ необходимости исправленія монашества; но ему не нравятся способы, опредѣленные въ указѣ; онъ представляетъ свой способъ: „Первое дѣло власти императорской—велѣть духовному правленію искать себѣ отъ монашескаго чина самыхъ богодухновенныхъ монаховъ, и, освидѣтельствовавъ, что они дѣйствительно таковы, какъ о нихъ слухъ идетъ, производить въ архіереи и архимандриты. Когда такіе добрые епископы будутъ, то станутъ всячески стараться по епархіямъ своимъ исправить все монашество, особенно, когда въ главнѣйшемъ духовномъ правленіи будутъ такіе же, или такой человѣкъ будетъ поставленъ главнымъ правителемъ Церкви, ибо онъ будетъ производить въ епископы только подобныхъ себѣ. Которые же въ семинаріи будутъ учиться у лютеранскихъ учителей, или хотя и у своихъ, но духомъ еретическимъ зараженныхъ,—такіе начнутъ не назидать, но развращать всю церковь, и хотя постригутся въ монахи, но сдѣлаютъ это не ради монашества, а въ надеждѣ архіерейства и архимандритства. А въ архіереи и архимандриты не такъ нужны люди ученые, какъ богодуховные и добродѣтельные, которые учили бы не столько словомъ, сколько дѣломъ".

Іона показалъ, что, „по означеннымъ въ пунктахъ Родышевскаго резонамъ, Новгородскій архіерей званія своего недостоинъ; о тѣхъ резонахъ онъ, Іона, самъ не свѣдомъ, и видѣлъ ихъ въ экстрактѣ Родышевскаго. Долгорукіе, архіерей Ростовскій и прочіе за вины свои сосланы; а по показанію Родышевскаго на Новгородскаго архіерея указа не учинено, и потому мыслилъ онъ, Іона, что о немъ ея величеству отъ господъ не донесено; поэтому и написалъ на нихъ, господъ, что божескую честь презираютъ, должно быть охраняя его, архіерея, потому что еслибъ ея величеству о томъ было донесено, то, по показанію Родышевскаго, давно бы изслѣдовано было, ибо ея величество благочестивую вѣру содержитъ твердо и по вступленіи своемъ на Россійскій престолъ прежде ревность возымѣла о Св. Божіихъ церквахъ, чѣмъ о гражданскихъ дѣлахъ. А противныхъ дѣлъ за Новгородскимъ архіереемъ онъ, Іона, не знаетъ, и усмотрѣлъ о томъ изъ писемъ Родышевскаго. Только знаетъ онъ, Іона, за нимъ, архіереемъ, то, что онъ церкви у себя въ домѣ не имѣетъ и въ мясоѣды и во всѣ посты мясо ѣстъ; а о томъ мясоястіи свѣдомъ онъ, Іона, отъ повара его Петра".

По окончаніи слѣдствія состоялся указъ: „Такъ какъ Маркеллъ Родышевскій въ доносахъ своихъ

на Ѳеофана, архіепископа Новгородскаго, доказательствъ, кромѣ своей персоны, никакихъ не представилъ; такъ какъ дерзнулъ развратно толковать Регламентъ Духовный и разныя книги, изданныя изволеніемъ Петра Великаго и совѣтомъ всего освященнаго собора; такъ какъ разліаконъ Осипъ (Іона) къ непристойнымъ укоризнамъ Родышевскаго на архіепископа Ѳеофана прибавилъ отъ себя еще другія, которыя, хотя темно, однако касаются къ поношенію высочайшей чести и власти; такъ какъ Михайла Авраамовъ эти книги съ Родышевскимъ читалъ и почиталъ ихъ полезными къ защитѣ Церкви, и старался о представленіи ихъ ея императорскому величеству; такъ какъ они всѣми этими дѣлами противъ присяги своей дерзали миру и тишинѣ церковной вредить, самодержавную ея императорскаго величества честь поносить, сочиненныя книги развращенно толковать и тѣмъ причину подавать къ отвращенію людей отъ пути спасительнаго и благонравнаго житія, за что по всѣмъ государственнымъ правамъ должны быть казнены смертію; однако ея величество смертію казнить ихъ не указала, а указала: Маркелла послать въ Бѣлозерскій монастырь, Аврамова—въ Иверскій, Осипа, бивъ кнутомъ, въ кексгольмскій Валаамскій, не выпускать ихъ никуда, чернилъ и бумаги не давать".

Такъ разсѣялись надежды, возбужденныя въ ревнителяхъ древняго благочестія манифестомъ 17 марта; знаменитый нововводитель, тотъ архіерей, котораго они называли еретикомъ, восторжествовалъ; мечта о патріаршествѣ исчезла. Но эта борьба автора Духовнаго Регламента и указа о монашествѣ съ ревнителями древняго благочестія имѣетъ важное значеніе: побѣда была куплена очень дорого, что научило осторожности, указало границы, дальше которыхъ идти было нельзя. Петръ Великій, по своему смыслу, могъ положить эти границы, могъ въ своихъ преобразованіяхъ не увлечься, какъ увлекся Генрихъ VIII въ Англіи; но Петръ Великій представлялъ явленіе чрезвычайное; для будущаго Россіи важно было не то только, какъ вопросъ былъ поставленъ въ бурное время преобразованія волею великаго человѣка: важно было то, какъ этотъ вопросъ рѣшался обществомъ при спокойномъ разбирательствѣ въ матеріалахъ преобразованія, безъ руководства Преобразователя, которое могло являться насильственнымъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ восторжествовалъ, сказали мы; но здѣсь дѣло идетъ не о торжествѣ одного отдѣльнаго лица: восторжествовала коллегіальная форма церковнаго управленія, восторжествовалъ тотъ принципъ преобразованія, по которому пастыри церковные долженствовали быть учеными. Аврамовъ съ товарищи, изъ опасенія односторонняго результата этого принципа, поворачивали къ другой односторонности, вредъ которой сознала еще до-Петровская Россія: они требовали пастырей благочестивыхъ только, а не ученыхъ, ибо наука, говорили они, можетъ только заразить ересями. Очень важно было, что обѣ стороны были сопоставлены, изъ чего увидали, что раздѣлять ихъ нельзя. При Петрѣ Великомъ выставлялось преимущественно одно требованіе—требованіе образованія, учености: и Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ порожденіемъ этого требованія. Послѣ Петра Великаго указали на односторонность его и выставили другое требованіе, котораго односторонность была такъ же очевидна; но очевидно было и то, что на оба требованія нужно было обратить вниманіе. Ѳеофанъ Прокоповичъ восторжествовалъ; но какого рода было это торжество? Далъ ли онъ торжество тѣмъ убѣжденіямъ, за которыя на него нападали?—Нисколько. Необычайными усиліями, постоянною борьбою ему удалось *защититься*, избѣгнуть участи Ѳеодосія Яновскаго, онъ защищался отъ упрековъ въ неправославіи, слѣдовательно, долженъ былъ стараться быть Православнымъ: и здѣсь-то смыслъ дѣла; отсюда дальнѣйшая невозможность того направленія, проводникомъ котораго считали Ѳеофана. Намъ вовсе не нужно изслѣдовать, справедливо или несправедливо считали Ѳеофана проводникомъ этого направленія, потому что общая исторія Россіи не нуждается въ этой біографической подробности: для насъ важно то, что Ѳеофанъ защищался отъ обвиненій въ неправославіи. Онъ защитился или его защитили, обвинителей его заточили; но они заставили Ѳеофана клясться, что онъ Православный, отчураться всѣми средствами отъ протестантскаго направленія.

Въ описываемое же время Синодъ и Сенатъ занимало дѣло Казанскаго архіерея Сильвестра съ Іосифомъ Салникѣевымъ, бывшимъ архимандритомъ Спасскаго казанскаго монастыря Іоною. Сильвестръ обвинилъ Іону въ разграбленіи имущества ввѣреннаго ему монастыря. Синодъ приказалъ отрѣшить Іону отъ управленія монастыремъ и взыскать съ него деньги за проданныя вещи; тогда Іона, въ свою очередь, подалъ доносъ на Сильвестра, „какъ ругателя указовъ и императорскаго величества". Доносъ былъ найденъ неосновательнымъ, Іону разстригли и высѣкли кнутомъ; но онъ подалъ новый доносъ на Сильвестра, что тотъ рвалъ челобитныя и другія бумаги, писанныя на высочайшее имя. По этому доносу наряжено было слѣдствіе въ Казани, и въ числѣ слѣдователей былъ тамошній губернаторъ Волынскій. У Сильвестра съ Волынскимъ давно уже были неудовольствія; архіерей уже прежде подавалъ на губернатора жалобы въ Сенатъ, Юстицъ-Коллегію и другія мѣста; теперь, чтобъ отстранить Волынскаго отъ слѣдствія, Сильвестръ подалъ прошеніе въ Синодъ съ прописаніемъ всѣхъ обидъ, нанесенныхъ ему губернаторомъ: Волынскій отнялъ землю, принадлежащую архіерейскому дому; матеріалъ, приготовленный для построекъ, взялъ себѣ и употребилъ на строеніе своего дома; въ архіерейскомъ саду и огородѣ травилъ собаками волковъ и зайцевъ, молодыя деревья велѣлъ выкопать и пере-

несть на свой загородный дворъ; вырубилъ рощу около архіерейскаго монастыря; дьякона и двоихъ церковниковъ велѣлъ отстегать прутьями до полусмерти; велѣлъ до полусмерти прибить архіерейскаго домоваго иконописца и духовной школы авдитора; за секретаремъ духовнаго приказа гонялся съ обнаженною шпагою, и тотъ едва ушелъ; увидавши во время крестнаго хода на одномъ діаконѣ стихарь изъ персидской золотой парчи, велѣлъ принести его къ себѣ, распоролъ, парчу оставилъ у себя, а оплечье прислалъ назадъ; по дѣлу Салкинѣева велѣлъ привести къ себѣ секретаря архіерейскаго Богданова, сперва билъ его и за волосы дралъ самъ, а потомъ велѣлъ бить палками и топтунами солдатамъ, и оставилъ едва-жива; даромъ заставлялъ работать на себя архіерейскихъ мастеровыхъ людей; потворствуетъ раскольникамъ; лѣтомъ и зимою ѣздитъ со псовою охотою многолюдствомъ и топчетъ архіерейскій и монастырскій хлѣбъ; ночуетъ въ архіерейскихъ и монастырскихъ деревняхъ и разоряетъ крестьянъ; въ Чебоксарахъ, по согласію съ тамошнимъ водводою, велѣлъ изъ пушекъ палить, и въ то время отъ потѣхи ихъ пушку разорвало и побило человѣкъ съ пятнадцать. „Объ этомъ наше смиреніе", писалъ Сильвестръ, „боясь суда Божія, по должности моего званія, и умолчать опасся, понеже отъ ихъ господскихъ чрезвычайныхъ забавъ люди Божіи безъ всякаго христіанскаго исправленія лишены сего свѣта безвременно".

Волынскій, съ восшествіемъ на престолъ Анны и съ принятіемъ ею самодержавія, могъ надѣяться для себя всего хорошаго по родству съ Салтыковыми. Мы видѣли, что онъ былъ за самодержавіе и донесъ дядѣ своему, Салтыкову, о рѣчахъ бригадира Козлова. Салтыковъ написалъ ему, что императрица приказала прислать обстоятельное доношеніе, какіе имѣлъ Козловъ разговоры и кто былъ при его разговорахъ съ Волынскимъ, „чтобъ произвесть въ дѣйство можно было". Волынскій отвѣчалъ: „Служить ея императорскому такъ, какъ самому Богу, я и по должности, и по совѣсти долженъ. Притомъ же и предостерегать, конечно, повинность моя, не только-что къ высокой ея императорскаго величества пользѣ касается, но и партикулярно къ сторонѣ вашего превосходительства надлежитъ служить мнѣ, какъ свойственнику и милостивому моему благодѣтелю, за толикія ваши ко мнѣ отеческія милости. А чтобъ мнѣ доносить и завязываться съ бездѣльниками, – извольте отечески по совѣсти разсудить, сколько то не токмо мнѣ, но и послѣднему дворянину прилично и честно дѣлать. И понеже ни дѣдъ мой, ни отецъ никогда въ доносчикахъ и въ доносителяхъ не бывали, а и мнѣ какъ съ тѣмъ на свѣтъ глаза мои показать! Изволите сами разсудить, кто отважится честный человѣкъ итти въ очныя ставки и въ прочія пакости, развѣ безумный или уже ни къ чему непотребный. Понеже и лучшая ему удача, что онъ прямо докажетъ, а останется самъ и съ правдою своею вѣчно въ безчестныхъ людяхъ, и не только кому, но и самому себѣ потомъ мерзокъ будетъ".

Салтыковъ, который не понималъ, что доносить тайно есть обязанность, а доказать справедливость доноса безчестно, такъ что доноситель и съ своею правдою самому себѣ мерзокъ будетъ,—Салтыковъ написалъ племяннику: „Понеже, уповая я на то, что вы, государь мой, изволили писать ко мнѣ, и я думалъ, что писали вы очень благонадежно, что слѣдъ какой покажется отъ васъ. А какъ нынѣ по письмамъ отъ васъ вижу, что показать вамъ нельзя:—на что-бъ такъ ко мнѣ и писать, понеже и мнѣ не очень хорошо, что и я вступилъ, а ничего не сдѣлалъ. И будто о томъ приносилъ я напрасно, а то все пришло чрезъ письмо отъ васъ ко мнѣ, понеже вы изволили писать, что онъ говорилъ при многихъ другихъ, а не одному, и я, на то смотря, и доносилъ, и то, стало быть, и мнѣ не хорошо, что будто неправо я сказывалъ, и потому видно, что лучше-бъ вамъ того не писать, что при многихъ сказывалъ, а послѣ по письмамъ не такъ обошлось. Того ради, я совѣтую лучше противъ прежняго письма извольте отписать, какіе онъ имѣлъ разговоры съ вами, чтобъ можно было произвесть въ дѣйство. Понеже какъ для васъ, такъ и для меня, что о томъ уже коли вступили, надобно къ окончанію привесть. Что же изволите причитать, что вамъ будетъ не хорошо, и то напрасно такъ разсуждается, худобы къ вамъ никакое не причтется, развѣ причтетъ тотъ, который доброй совѣсти не имѣетъ". Но Волынскій отвѣчалъ, что его обязанность была донести тайно, обязанность же правительства повѣрить ему на-слово и не требовать доказательствъ: „Должность моя была къ вамъ писать, и вамъ, конечно, надобно было о томъ сообщить той персонѣ, повѣря мнѣ, что я не лгу и не затѣю, въ чемъ и теперь изволите мнѣ повѣрить; я не солгу и не затѣю отъ себя, и для того нетолько нынѣ, и и впредь отъ того, что писалъ, не отопрусь никогда, но все, какъ было, не отрекаюся подробно самъ донесть, да только приватно, а не публично. Ежелибъ я вѣдалъ тогда, что такъ будетъ, какъ уже нынѣ, по благости Господней, видимъ, поистинѣ я бы, несмотря на то, хотя-бъ кто лучше меня былъ, конечно, и здѣсь бы начало дѣла произвелъ явнымъ образомъ и то-бъ мнѣ приличнѣе было, да не зналъ что такое благополучіе намъ будетъ. И, вправду донесть, имѣлъ къ тому немалый и резонъ; но, понеже и тогда еще дѣло на балансѣ было, для того боялся такъ смѣло поступать, чтобъ мнѣ за то самому не пропасть. Понеже прежде нежели покажетъ время,—трудно угадать совершенно, что впредь будетъ. И для того всякому свою осторожность имѣть надобно столько, чтобъ себя и своей чести не повредить".

Салтыковъ сердился, и вотъ, къ усиленію раздраженія, Синодъ пересылаетъ въ Сенатъ жалобу Сильвестра на Волынскаго, и тотъ обращается къ дядюшкѣ съ просьбою о помощи и съ оправданіями:

„Есть ли какая моя вина, по прихотямъ моимъ, или по какой моей страсти сыщется, я не буду просить никакого милосердія; а буде и то явится, что то на меня затѣяно, прошу, чтобъ я отъ такой наглой и нестерпимой мнѣ обиды обороненъ былъ. Для того я ваше превосходительство, милостиваго государя и отца, всепокорно прошу показать ко мнѣ отеческую милость, пожаловать поговорить архіереямъ, также и господамъ сенаторамъ, чтобъ приказали про меня, безо всякаго мнѣ послабленія, изслѣдовать, какія я кому дѣлалъ обиды. Я столько смѣло доношу, что я готовъ подписаться на смерть, если онъ на меня что докажетъ дѣльно. Покажи Божескую надъ мной милость, обороните меня, Бога ради, отъ такого плута! Понеже столько меня замаралъ и запачкалъ, что я теперь никуда не гожусь, и что многіе, по его старости и чину, вѣрятъ ему“. Салтыковъ отвѣчалъ: „Мнѣ кажется, государь мой, лучше жить посмирнѣе. Что изъ того прибыли, что много жалобы происходитъ. И такъ, кромѣ архіерея, жалуются много и толкуютъ о васъ не очень хорошо. Пожалуй, изволь меня послушать и жить посмирнѣе. Лучше вамъ будетъ самимъ. А какъ Казанскій архіерей свѣдалъ, что вы мнѣ свой, то тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что истинно-де я не зналъ того, что Артемій Петровичъ свой тебѣ, и то-бъ ни о чемъ просить не сталъ; хотябъ-де и обидно было, лучше-бъ могъ вытерпѣть. И не знаю“, продолжаетъ Салтыковъ, „для чего такъ вы, государь мой, себя въ людяхъ озлобили, что сказываютъ, до васъ доступъ очень тяжелъ и мало кого до себя допускать изволите, и это не очень хорошо, можно и оставить. Которые на васъ пункты подалъ архіерей, и ежели то правда, что показано въ пунктахъ, истинно мнѣ очень удивительно. Не токмо, чтобъ поступать такъ, и стыдно слушать какъ будутъ честь. Я не знаю, какъ изволишь такъ строго поступать. А я вѣдаю, что друзей вамъ почти нѣтъ и никто съ добродѣтелью о имени вашемъ упомянуть не хочетъ. Я какъ слышалъ, что обхожденіе ваше въ Казани съ такимъ сердцемъ, и на кого сердишься, велишь бить при себѣ, также и самъ изъ своихъ рукъ бьешь. Что въ томъ хорошаго, и съ такимъ сердцемъ на что поступалъ и всѣхъ озлобилъ? Я напредь сего до васъ, государя моего, писалъ, чтобъ вы прислали доношеніе противъ прежнихъ своихъ писемъ (о Козловѣ). На что изволили ко мнѣ писать: какъ-де я покажу себе въ люди доносителемъ? А мнѣ кажется, что развѣ кто не можетъ разсудить, чтобъ тебя могъ этимъ порекать. А нынѣ сами то себя показали присланныя ваши два доношенія на архіерея, въ которыхъ нимало какого дѣйства, только что стыдно отъ людей, какъ будутъ слушать. Сколько возможно, извольте осмотрительно и осторожно охранять себя какъ отъ архіерея, такъ и отъ другихъ. Я вижу здѣсь, сколько вамъ недрузей, на сколько друзей, что вы и сами извѣстны, и я, воистину, сколько могу, васъ охраняю; однакожъ трудно противъ многихъ охранять“.

Вслѣдъ затѣмъ Сильвестръ подалъ новую жалобу Салтыкову на его племянника: Волынскій пыталъ передъ собою канцеляриста Плетеневскаго въ застѣнкѣ тремя стрясками смертно, спрашивая: „что къ вамъ архіерей и вы къ нему пишете, и въ чемъ онъ въ Москвѣ на меня доноситъ“. У Плетеневскаго выломали руки и ноги бревномъ; кромѣ того, губернаторъ съ великимъ боемъ и нестерпимыми пытками производилъ слѣдствіе о церковныхъ пошлинахъ, желая подыскаться подъ архіерея. Въ сентябрѣ состоялся страшный для Волынскаго указъ. „Казанскому губернатору Волынскому, пока изслѣдовано будетъ по дѣлу съ архіереемъ, губернію не вѣдать, а вѣдать товарищу его Кудрявцеву“. Волынскій видѣлъ, что одно родство съ Салтыковымъ не поможетъ, и отправилъ въ Москву лошадей въ подарокъ сильнымъ людямъ. Нѣкоторые приняли, другіе—нѣтъ; богачъ Черкасскій принялъ двухъ иноходцевъ, сказавши: „Хотя и мелки, только не стары“. Но и лошади не помогли: Волынскій лишенъ былъ совершенно губерніи и получилъ приказъ пріѣхать въ Москву. Волынскаго утѣшали, что эта перемѣна послужитъ ему въ пользу, но онъ смотрѣлъ на дѣло иначе, и отправилъ въ Москву довѣреннаго человѣка съ наказомъ стараться, чтобъ его не смѣняли, а только во время слѣдствія не засѣдать ему въ губернской канцеляріи и въ команду не вступать; съ другой стороны, и архіерея отрѣшить на то время отъ епархіи, и Кудрявцеву не присутствовать въ канцеляріи, потому что у него съ Волынскимъ ссора. Онъ отправилъ прошеніе на имя императрицы, которое долженъ былъ дать ей Салтыковъ. По этому поводу Волынскій писалъ дядѣ: „Ежели вы меня нынѣ оставите, истинно вамъ за то будетъ самъ Богъ мститель, и я съ печали умереть могу“. Такъ какъ незадолго передъ тѣмъ Волынскій потерялъ жену, „человѣка добраго“, по его словамъ, то онъ наказывалъ довѣренному человѣку „навѣдаться о невѣстѣ, нѣтъ ли какой“.

Доброжелатели совѣтовали Волынскому ѣхать какъ можно скорѣе въ Москву; Волынскій умолялъ оставить его въ Казани до весны 1731 года; но просьба его не была исполнена, несмотря на оправдательную записку его, въ которой онъ отвѣчалъ на каждый пунктъ сильвестровыхъ обвиненій; нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій онъ рѣшительно отрицалъ, другіе поступки свои выставлялъ въ иномъ видѣ, чѣмъ какъ они были представлены у Сильвестра. Напримѣръ, относительно порубки рощи Волынскій писалъ: „Все оное архіерей солгалъ, понеже того ничего не бывало, оная роща и теперь цѣла вся“. Побои, нанесенные дьякону и дьячкамъ, Волынскій объяснялъ тѣмъ, что эти люди купались передъ его домомъ и за то были отогнаны прутьями; относительно стихаря утверждалъ, что обмѣнялъ его на новый съ согласія архіерейскаго и т. д.

Волынскій пріѣхалъ въ Москву, и, въ началѣ 1731 года, послѣдовало назначеніе его въ Украин-

скій корпусъ. Но Волынскій увидалъ въ Москвѣ, что бѣды еще не прекратились, враговъ много; извѣстно, какъ въ это время тяготились Персидскою войною, какъ сильно желали поскорѣе окончить ее, и вотъ Волынскій узнаетъ, что его выставляютъ виновникомъ этой ненавистной войны, этого бѣдствія! Волынскій пишетъ въ свою защиту: „Ежели принесено на меня то, будто я причиною былъ начинанію Персидской войны, на сіе отвѣтствую. Не только я въ томъ невиненъ, но ниже самъ отъ себя его императорское величество Петръ Первый сіе намѣреніе воспріять изволилъ, но послѣдовалъ тѣмъ дѣломъ родителю своему, царю Алексѣю Михайловичу, о чемъ явно доказать можно. Понеже въ Морскомъ Уставѣ именно о томъ напечатано, какъ его царское величество воспріялъ намѣреніе дѣлать корабли и навигацію на Каспійскомъ морѣ и какъ вывезенъ былъ изъ Голландіи капитанъ Давидъ Бутлеръ съ компаніею мастеровъ и матросовъ, которые и сдѣлали корабль, именуемый „Орелъ“, да яхту или галіотъ; но сему дѣлу препятствовалъ бунтовщикъ Стенька Разинъ, который, въ нашествіи своемъ на Астрахань, оное начатое дѣло разорилъ и капитана Бутлера убилъ, и прочіе той компаніи избиты, а двое изъ нихъ, а именно—лѣкарь Иванъ Термунтъ да корабельный мастеръ Брантъ—ушли чрезъ Персію въ Индію, откуда паки по умиреніи бунта возвратились въ Москву, и лѣкарь Термунтъ, во время государствованія Петра Перваго, титулованъ докторомъ и взятъ ко Двору и въ крайней его величества былъ милости, отъ котораго, а при томъ и отъ корабельнаго мастера Бранта о вышеупомянутомъ отеческомъ дѣлѣ, также и о Персіи изволилъ наслышаться, какъ я отъ его императорскаго величества о томъ самъ слыхалъ, понеже до семисотаго года присланы были мастеры иноземцы въ Казань, которые сдѣлали, кромѣ галеръ и другихъ мелкихъ судовъ, большихъ шмаковъ 150 или 160 такой пропорціи, что на каждое судно можно было посадить для транспорта по 300 человѣкъ, да провіанта положить тысячи полторы или по двѣ тысячи четвертей. Изъ которыхъ судовъ уже нѣсколько десятковъ сплавлены были къ Астрахани еще въ то время, когда тамъ воеводою былъ Иванъ Алекс. Мусинъ-Пушкинъ, и нѣсколько туда морскихъ офицеровъ иноземцевъ съ матрозами было отправлено; только и сему астраханскому флоту такое-жь несчастіе приключилось, какъ и первому, понеже, когда забунтовали тамъ стрѣльцы, тогда и оныхъ офицеровъ и матрозовъ побили, и суда оныя разорили. И когда такіе флоты начинали на Каспійскомъ морѣ оные славные монархи, отецъ и сынъ, какая тамъ нужда была имѣть военные корабли и иныя великія суда, еслибъ не имѣли издавна намѣренія воевать Персію! Не вѣдаю намѣренія царя Алексѣя Михайловича (понеже я тогда не родился), что же о его императорскомъ величествѣ, конечно, могу безъ сомнѣнія сказать поистинѣ,—не меньше великаго Александра оный августѣйшій монархъ нашъ желалъ вездѣ славу свою показать. Понеже по замысламъ его величества не до одной Персіи было ему дѣло. Ибо еслибъ посчастливилось намъ въ Персіи и продолжилъ бы Всевышній животъ его, конечно бы покусился достигнуть до Индіи; а имѣлъ въ себѣ намѣреніе и до Китайскаго государства, что я сподобился отъ его императорскаго величества, по его ко мнѣ, паче достоинства моего, милости, самъ слышать и, кромѣ себя, могу въ томъ и нынѣ на сіе его величества намѣреніе и высокіе замыслы нѣсколько свидѣтелей представить, которые, надѣюсь, многократно и пространнѣе, нежели я, сами отъ его величества о томъ слыхали. Буде же кто нарекаетъ на меня и клепаетъ тѣмъ, будто бы я склонилъ его императорское величество и привелъ къ тому, что онъ изволилъ воспріять походъ свой въ Персію, и то явная ложь, понеже памятуется мнѣ, что я еще былъ въ Турецкой Землѣ, а его императорское величество изволилъ послать нѣсколько морскихъ офицеровъ и навигаторовъ въ Астрахань описать Каспійское море и берега. А потомъ, въ прошломъ 715 году, ни я искалъ, ниже желалъ быть въ такомъ отдаленномъ, а паче въ варварскомъ государствѣ, токмо принужденъ ѣхать по волѣ его императорскаго величества, и теперь имѣю инструкцію ту, которая тогда дана мнѣ (слѣдуетъ изложеніе извѣстной намъ инструкціи). Посему всякому добросовѣстному легко можно разсудить, что не по выѣздѣ моемъ изъ Персіи, но за нѣсколько лѣтъ прежде уже имѣлъ конечно его императорское величество оное свое намѣреніе, и что подлинно не я тому причина. И что же, мнѣ ли бъ возможно было обуздать моими слабыми представленіями такого мудраго монарха и вести туда, куда бъ его величество самъ итить не изволилъ, и потому бъ было ни моей силы дѣло, понеже тогда его величество былъ въ лучшей крѣпости совершеннаго мужества своего, а я моложе его величества былъ безъ-мала двадцати лѣтами. А какая деференція противо его величества въ недостаткѣ ума моего, о томъ, сколько я о себѣ вѣдаю, столько бъ и прочимъ знать мощно, понеже сіе не закрытое, но всѣмъ было явное. Сверхъ того, представляю и сіе послѣднее мое оправданіе: когда его императорское величество изволилъ вступить уже въ Персидскую войну, видѣлъ совершенно самъ въ томъ дѣлѣ многія неудачи и убытки въ людяхъ и въ прочемъ, однакожъ того ничего на мнѣ взыскивать не изволилъ; самъ его величество подлинно изволилъ вѣдать, что тому дѣлу не я былъ виною, и не только Персію оставить не хотѣлъ, но и самъ паки въ прошломъ 1725 году итить былъ по вскрытіи воды намѣренъ, токмо то скорая смерть пресѣкла.

„А кто, злодѣйствуя мнѣ, говорилъ то, что его императорское величество гнѣвался на меня въ низовомъ походѣ, и виѣняетъ въ томъ образѣ, будто бъ прогнѣвался за неудачу персидскаго дѣла, и то подлинно солгано, понеже тогда еще ни Персію мощно было разсмотрѣть, ни о будущихъ неудачахъ возможно было вѣдать; а сдѣла-

лось сіе мнѣ несчастье такимъ образомъ: когда мы при его величествѣ перешли море, и сталъ флотъ на якоряхъ подлѣ персидскихъ береговъ, повелѣлъ его величество, забавляясь, купать въ морѣ, начавъ съ адмирала всѣхъ до послѣдняго (а притомъ и самъ купаться изволилъ); между тѣмъ хотѣлося адмиралу и Петру Толстому, чтобъ и я былъ купанъ, къ чему и его величество склоняли; но я поупрямился въ томъ, понеже тогда былъ пьянъ, и тѣмъ своимъ упрямствомъ его величество прогнѣвалъ; подъ то-жь время получены были письма отъ бригадира Витерянова о взятіи города, именуемаго Андреева деревня, которой велѣно было тому бригадиру доставать; но онъ непорядочно въ томъ поступалъ и потерялъ одного подполковника и съ 80 человѣкъ драгунъ. Подъ такой случай адмиралъ и Толстой, злодѣйствуя мнѣ, привели его величество на наибольшій гнѣвъ; претворяя себѣ въ жалость о убыткахъ, такъ какъ бы уже многія тысячи пропали, и при томъ разсуждали, что тѣмъ дѣломъ непріятелю, на кого шли, будто великій авантажъ будетъ, и прочее тому подобное внушали его величеству; но онымъ господамъ ни побитыхъ жаль было, ни о непріятелѣ нужда разсуждать была,—кромѣ что до меня одного было дѣло, чтобъ тѣмъ больше повредить и ввести въ побои, что по ихъ желанію и сдѣлалось. Понеже его величество скоро съ адмиральскаго судна на свое изволилъ притить (хотя тогда и ночь была), однакожъ изволилъ прислать по меня, и тутъ, гнѣваяся, бить тростью, полагая вину ту, что будто тотъ городъ явился многолюднѣе, нежели я доносилъ; токмо всемилостивѣйшая государыня императрица до большихъ побой милостиво довести не изволила. Но хотя-жъ и претерпѣлъ я, однакожъ не такъ, какъ мнѣ, рабу, надлежало терпѣть отъ своего государя, но изволилъ наказать меня какъ милостивый отецъ сына, своею ручкою, и назавтра самъ всемилостивѣйше изволилъ въ томъ обмыслиться, что вины моей въ томъ не было, милосердуя, раскаялся, и паки, какъ милосердый отецъ и государь нашъ, изволилъ меня принять въ прежнюю свою высокую милость".

Но гораздо труднѣе было Волынскому отвѣчать на жалобы ясачныхъ иновѣрцевъ, которые обвиняли его въ лишнихъ поборахъ. Волынскій былъ арестованъ, и признался, что взялъ съ ясачныхъ 2,500 рублей за освобожденіе ихъ отъ корабельной работы. Въ награду за признаніе, его освободили и оставили въ Москвѣ, хотя онъ числился между генералами Украинскаго корпуса. Съ Сильвестромъ случилось хуже: онъ былъ впутанъ въ дѣло Игнатія Коломенскаго и, въ концѣ 1731 года, сосланъ въ Невскій монастырь; но, какъ тогда обыкновенно водилось, въ слѣдующемъ году наказаніе усилено: его заперли въ Выборгскую крѣпость [1]).

Преслѣдуя отдѣльныя лица въ духовенствѣ, правительство оставалось вѣрно манифесту 17 марта. Мы видѣли, что при Петрѣ II обращено было вниманіе на католическую пропаганду среди смоленской шляхты. При новой императрицѣ, въ апрѣлѣ 1730 года, Сенатъ распорядился: присланнаго изъ Смоленска бернардина Вербитскаго, который вышелъ изъ-за польской границы въ Россію для навращенія русскихъ обывателей въ римскую вѣру, послать въ Смоленскую губернію подъ карауломъ, при указѣ, велѣть его отдать за польскую границу тамошнимъ командирамъ и объявить, чтобъ такимъ въ Россійскую имперію выходъ былъ запрещенъ; а если впредь такіе будутъ выходить, то съ ними поступлено будетъ по правамъ; также и на учрежденныхъ форпостахъ смотрѣть накрѣпко, чтобъ такихъ отнюдь не пропускать [2]). Не хотѣли потакать и лютеранамъ. Въ Малороссіи стоялъ отрядъ нѣмецкаго войска, взятый еще Петромъ Великимъ у герцога Мекленбургскаго, и потому извѣстный подъ именемъ Мекленбургскаго корпуса. Черниговскій епископъ жаловался, что начальники этого корпуса не хотятъ хоронить своихъ мертвецовъ внѣ городовъ и селъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, самовольно хоронятъ при Православныхъ церквахъ и дѣлаютъ каменныя капища; также принуждаютъ священниковъ пріобщать Св. Таинъ находящихся при нихъ Малороссіянокъ, по роду жизни своей этого недостойныхъ; когда священникъ отрекается, то присылаютъ къ нему солдатъ, бранятъ, грозятъ побоями. Синодъ послалъ указъ въ Военную Коллегію, чтобъ какъ въ Мекленбургскомъ корпусѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, находящихся на службѣ императорской, лютеранъ, кальвинистовъ и другихъ иновѣрцевъ при церквахъ не хоронили, надъ ними капищъ не дѣлали и священниковъ не обижали: а Черниговскому епископу построенныя капища велѣть сломать [3]). Относительно раскольниковъ возстановлены были распоряженія Петра Великаго и Синода его времени, по которымъ Питириму Нижегородскому для обращенія раскольниковъ отданы были изъ синодальной области города: Балахна, Юрьевецъ Поволжскій, Галицкій уѣздъ по рѣку Унжу, Ярополчъ, Гороховецъ, Арзамасъ и Вязниковская слобода—„для ревностнаго его преосвященства тщанія, чтобъ раскольническому суемудрію размноженія не происходило" [4]). По смерти Петра Великаго, противодѣйствіе его распоряженіямъ шло дальше отобранія нѣсколькихъ городовъ изъ питиримовой епархіи: въ сентябрѣ 1727 года, по распоряженію Синода, велѣно было отобрать отъ всѣхъ церквей службу Св. Александру Невскому на 30 августа и запрещено праздновать Святому въ этотъ день, а велѣно праздновать попрежнему 23 ноября. Теперь, въ сентябрѣ 1730 года, по именному указу императрицы и по опредѣленію Синода, опять велѣно праздновать 30 августа [5]).

[1]) Чистовича—Ѳеофанъ Прокоповичъ.—Чтенія Москов. Истор. Общ. 1861 г., № 3.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 5538.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 5560.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 5564.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 5621.

Синодъ долженъ былъ обратить вниманіе на явленіе, которое приверженцы старины могли также приписывать вредному вліянію новаго духа. Мы видѣли, что въ до-Петровской Россіи мужья легко отдѣлывались отъ нелюбимыхъ женъ, заставляя ихъ постригаться въ монахини; теперь это было невозможно, и потому естественно должны были умножиться случаи разводовъ; для противодѣйствія этому, въ декабрѣ 1730 года, изданъ былъ указъ: „Которые люди съ женами своими, не ходя къ правильному суду, самовольно между собою разводиться будутъ, то отцамъ ихъ духовнымъ ни къ какимъ разводнымъ ихъ письмамъ рукъ отнюдь не прикладывать, подъ тяжкимъ штрафомъ и наказаніемъ и подъ лишеніемъ священства“ [1]).

Мы видѣли, что съ торжествомъ Ѳеофана Прокоповича должно было восторжествовать требованіе образованности отъ духовенства, и потому въ правѣ ожидать, что Синодъ, въ которомъ Новгородскій архіепископъ получилъ такую силу, выскажетъ громко это требованіе. Дѣйствительно, въ концѣ 1731 года, встрѣчаемъ указъ, въ которомъ говорится, что, по доношенію ректора Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи священники, дьяконы и причетники не отдаютъ своихъ сыновей въ эту Академію вопреки указамъ Петра Великаго, отчего число учениковъ умалилось и распространеніе ученія пресѣкается; а вмѣсто Академіи духовенство отдаетъ дѣтей своихъ въ разныя коллегіи и канцеляріи въ подъячіе. Синодъ предписалъ духовенству отдавать дѣтей своихъ въ Академію безъ всякаго отлагательства и отговорокъ, и въ подъячіе не отдавать подъ страхомъ лишенія чиновъ и безпощаднаго наказанія; а въ Сенатъ сообщено вѣдѣніе, чтобъ сыновей духовенства запрещено было принимать въ подъячіе и другіе свѣтскіе чины [2]).

Таковы были правительственныя распоряженія въ два первые года царствованія Анны. Относительно украйнъ въ августѣ 1730 года канцлеръ и вице-канцлеръ докладывали императрицѣ о малороссійскихъ денежныхъ доходахъ, что въ 1728 г. положено разнаго званія сборовъ по 85,577 руб. на годъ, а теперь не соизволитъ ли ея величество изъ тѣхъ сборовъ убавить до указу, а именно: со пчелъ, за табачную десятину, съ мостовъ, съ перевозовъ и съ гребель, отчего убудетъ 26,624 рубля. Императрица согласилась. Тутъ же князь Алексѣй Шаховской подтвержденъ министромъ при гетманѣ, и въ тайной инструкціи ему, кромѣ обычныхъ пунктовъ, помѣщено: „Если бы стали ему говорить о сборѣ съ Малороссіи доходовъ, что прежде у нихъ такой тягости не бывало, то отвѣчать: прежде, когда всѣ сборы были въ вѣдомствѣ гетмановъ, подскарбіевъ не было, и вѣдали сборы гетманскіе люди, то по гетманской волѣ съ однихъ доходы собирались, а съ другихъ — нѣтъ, собранными деньгами сборщики корыстовались, расходъ имъ былъ непорядочный по одной гетманской волѣ; въ войсковомъ скарбѣ ничего не оставалось, и народу была несносная и немалая обида; а теперь ея величество указала доходы собирать въ войсковой ихъ скарбъ съ однихъ только промысловъ для ихъ же пользы, и чтобъ ея величество о доходѣ съ нихъ могла знать“. Замѣтное въ новомъ правительствѣ возвращеніе къ мѣрамъ великаго дяди не обѣщало Малороссіи, что возстановленное при Петрѣ II-мъ гетманство будетъ долго существовать. Это всего яснѣе обозначалось въ письмѣ Анны къ находившемуся при гетманѣ императорскому министру, князю Алексѣю Шаховскому, отъ 31 декабря 1730 г. Письмо это было написано по поводу индуктнаго откупа, который, согласно указу Петра Великаго, велѣно было отдавать только природнымъ Малороссіянамъ. Шаховской имѣлъ неосторожность представить, что откупъ лучше отдать Гаврилѣ Владиславичу Рагузинскому,—иначе прежніе откупщики, сѣвскіе жители Шереметцевы, возьмутъ его себѣ, подставивъ какихъ-нибудь Малороссіянъ для наружнаго соблюденія закона. Раздраженная этимъ представленіемъ, императрица отвѣчала Шаховскому: „Доношеніе твое отъ 5 ноября не только намъ удивительно, но и странно; ты въ немъ объ индуктѣ малороссійской такое дѣлаешь представленіе, какова мы отъ тебя не надѣялись, потому что должность твоя состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть прилежное смотрѣніе объ однихъ дѣлахъ публичнаго интереса безъ всякой страсти; но изъ дѣла видно, что ты поступаешь болѣе похлѣбственно или, паче чаянія, корыстно, потому, хотя гетманъ противъ Шереметцевыхъ и имѣлъ бы какое нареканіе, и то надлежитъ прежде освидѣтельствовать, и если бъ найдено было что противное то можно бъ тогда въ томъ имъ отказать; а что угадываніемъ забѣгаешь, что Шереметцевы могутъ, Малороссійскаго народа людей сыскавъ, въ откупщики представить, а подъ ихъ именемъ сами индуктою владѣть и купечество разорять,—то эта предосторожность безъ всякаго основанія,—во-первыхъ, ты знаешь, что дядя нашъ именнымъ своимъ указомъ накрѣпко утвердилъ, чтобъ индуктному откупу быть за малороссійскими природными обывателями; во-вторыхъ, тѣхъ Малороссіянъ, которые будутъ требовать, чтобъ имъ дали на откупъ, можно освидѣтельствовать, справиться о ихъ состояніи и имуществѣ; въ-третьихъ, какъ ты можешь дать Гаврилѣ Владиславичу право считаться между Малороссійскими жителями? Ты объявляешь, что онъ содержитъ индукту порядочно и купцы довольны; это можетъ служить похвалою его персонѣ, но тебѣ въ этомъ никакой выправки нѣтъ, ибо ты затѣмъ тамъ и живешь, чтобъ народъ нашъ вѣрный Малороссійскій отъ всякихъ обидъ и непорядковъ былъ охраненъ. Болѣе всего чувствительно намъ то, что и ты, приставъ къ неосновательному разсужденію, стращаешь насъ, что народъ Малороссійскій, будучи легкомысленъ, всякую новизну за противность принять можетъ:—объясни, что ты

[1]) Полн. Собр. Зак., № 5655

[2]) Полн. Собр. Зак., № 5882

подъ этимъ разумѣешь; а намъ довольно извѣстно, что, при блаженной памяти дядѣ, не только такое малое дѣло, о которомъ народъ едва знаетъ, *но самая перемѣна въ правленіи малороссійскомъ отъ народа съ великою благодарностію принята, только старшинѣ, грабительства и другихъ злыхъ намѣреній ради, то было противно*. И такъ видно, что ты, послѣдуя прежнимъ нарушителямъ благоопредѣленія дяди нашего, то же что и они дѣлаешь, и должностію своею пренебрегаешь. Мы слышимъ, что Малороссійскаго народа въ купечествѣ обращается самое малое число, но болѣе торгуютъ Греки, Турки и Жиды: и такъ нечего опасаться, чтобъ легкомысленный народъ новизну эту принялъ за противность, потому что въ этомъ дѣлѣ ни новости, ни великой народу простому пользы не обрѣтается" [1]). Итакъ императрица знала, или ей внушили, что уничтоженіе гетманства при дядѣ ея большинствомъ Малороссійскаго народа было принято съ великою благодарностію, но не понравилось только старшинѣ изъ дурныхъ побужденій.

Относительно Прибалтійскихъ областей замѣчательно было одно изъ засѣданій Совѣта въ іюнѣ 1730 года: слушали доношеніе Ревельскаго губернатора и приложенную при томъ челобитную тамошняго рыцарства на ревельскихъ депутатовъ. При этомъ Остерманъ собранію предлагалъ, что съѣздовъ и сеймовъ, о которыхъ упомянуто въ губернаторскомъ донесеніи, безъ здѣшняго (т.-е. сенатскаго) указа и безъ вѣдома губернаторскаго дѣлать не надлежитъ [2]).

И отдѣльныя лица, имѣвшія причины быть довольными, и оффиціальные органы прославляли въ стихахъ и прозѣ, по-латыни и по-русски, новое царствованіе. Ѳеофанъ Прокоповичъ воспѣвалъ:

„Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь!
Солнце восходитъ,
Свѣтъ возводитъ,
Радость родитъ.
Прочь уступай, прочь,
Печальная ночь!
Коликій у насъ мракъ былъ и ужасъ!
Солнце Анна возсіяла —
Свѣтлый намъ день даровала.
Богомъ вѣнчанна,
Августа Анна!
Ты нашъ ясный свѣтъ,
Ты красный цвѣтъ,
Ты красота,
Ты доброта,
Ты веселіе
Всліе.
Твоя держава —
Наша то слава
Да вознесетъ Богъ
Силы твоей рогъ,
Враги твоя побѣждая,
Тебя въ бѣдахъ заступая.
Рцыте всѣ люди:
О буди, буди" [3]).

[1]) Письмо въ Государ. Архивѣ.
[2]) Журналы Сената.
[3]) Чистовича—Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" писали изъ Москвы отъ 22 іюня 1730 года: „Хотя ея величество еще непрестанно въ Измайловѣ при нынѣшнемъ лѣтнемъ времени пребываетъ, однако о государственныхъ дѣлахъ превеликое попеченіе имѣть изволитъ, понеже не токмо Сенатъ здѣсь (т.-е. въ Москвѣ) свои ежедневныя засѣданія имѣетъ, но такожде и два дня въ недѣлю назначены, чтобъ оному у ея императорскаго величества въ Измайловѣ собираться, и въ ея присутствіи въ среду иностранныя, а въ субботу здѣшнія государственныя дѣла воспринимать; такожде изволитъ ея величество, сверхъ того, министровъ до аудіенціи ежедневно допускать". Извѣщая о поѣздкѣ Анны къ Троицѣ, на праздникъ Св. Сергія (5 іюля), Вѣдомости прибавляютъ: „Изволила при отправленіи службы Божіей Всевышнему Богу съ великимъ благоговѣніемъ молитися". Въ Вѣдомостяхъ объявлялось также, что императрица экзерцировала полки. Подъ, 15 марта 1731 года, читаемъ: „Ея величество изволитъ еще непрестанно о правительствѣ неизреченное матернее попеченіе имѣть. Ея императорское величество изволила вновь знакъ высокой своей природной императорской милости и великодушія явно показать: оставшуюся послѣ бывшаго князя Меншикова (умершаго въ Березовѣ въ октябрѣ 1729 года) фамилію, сына и дочь, паки сюда привезти повелѣть изволила. При прибытіи оныхъ, сына и дочери, въ Москву поѣхали они прямо во дворъ ея императорскаго величества и представлены того-жъ часа въ ихъ черномъ платьѣ, въ которомъ они изъ ссылки прибыли. Сынъ пожалованъ попрежнему въ поручики Преображенскаго полка, а дочь — въ камеръ-фрейлины, и онымъ на надлежащій экипажъ нѣкоторую сумму денегъ съ алмазными вещми пожаловать изволила".

Этимъ знакомъ великодушія къ дѣтямъ „неблагодарнаго раба", быть можетъ, желали ослабить впечатлѣніе, производимое опалами. 25-е февраля поставило новое правительство во враждебныя отношенія къ двумъ самымъ виднымъ фамиліямъ—Голицыныхъ и Долгорукихъ; обѣ желательно было удалить, но боялись дѣйствовать круто и начинать царствованіе опалами; соображали, противъ которой изъ двухъ фамилій и противъ кого именно изъ ея членовъ можно безопаснѣе начать преслѣдованіе. Разумѣется, безопаснѣе всего было начать съ Долгорукихъ. Фаворъ послѣднихъ въ предшествовавшее царствованіе и неумѣренное пользованіе этимъ фаворомъ возбудили къ нимъ нерасположеніе очень многихъ. Иностранные наблюдатели писали: „Радуются, что смерть Петра II убавитъ спеси у Долгорукихъ, которая стала нестерпима и своимъ, и чужимъ; посланники австрійскій и испанскій по цѣлымъ часамъ дожидались у нихъ въ передней, когда они пили кофе" [4]). Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая разсказываетъ, что когда, въ день въѣзда Анны, она возвращалась

[4]) Маньянъ

изъ дворца домой и проѣзжала черезъ полки, то одни кричали: „Это отца нашего невѣста“! подбѣгали къ ней: „Матушка наша, лишились мы своего государя“! а другіе кричали: „Прошло ваше время, теперь не старая пора“! Мы видѣли, какъ возбуждалось общество противъ Долгорукихъ внушеніями, что они захватили себѣ въ руки всю власть и томятъ государыню какъ плѣнницу. Несмотря однако на то, что Долгорукіе не могли найти себѣ защитниковъ, ждали, думали болѣе мѣсяца; лично ненавистнаго Аннѣ князя Василья Лукича удалили въ подмосковную; въ продолженіе нѣсколькихъ дней Анна совѣтовалась съ Остерманомъ [1]), и наконецъ, 8 апрѣля, Сенатъ получилъ указъ, за подписаніемъ собственной руки императрицы, что дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Василій Долгорукій опредѣляется губернаторомъ въ Сибирь; князь Михаилъ Долгорукій—въ Астрахань; тайный совѣтникъ князь Иванъ (Григорьевичъ) Долгорукій—воеводою въ Вологду; князю Алексѣю Григорьевичу со всѣмъ семействомъ и брату его князю Сергѣю велѣно жить въ дальнихъ деревняхъ. Въ тотъ же день Сенатъ получилъ указъ, что назначенный-было Верховнымъ Совѣтомъ въ губернаторы въ Нижній Петръ Бестужевъ ссылается на житье въ дальнія деревни; дочь его, княгиню Волконскую, велѣно было содержать въ Тихвинѣ дѣвичьѣ монастырѣ подъ крѣпкимъ карауломъ. Но участь ея пріятеля, Абрама Петрова, была облегчена: въ сентябрѣ 1730 года Ягужинскій объявилъ собранію Сената, что ея величество указала лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ поручика Абрама Петрова, которому велѣно быть въ Тобольскомъ гарнизонѣ майоромъ, послать въ команду графа фонъ-Минихена, а ему опредѣлить его въ Перновѣ къ инженернымъ и фортификаціоннымъ дѣламъ, по его рангу [2]).

Подождали еще нѣсколько дней, прислушались—ропота нѣтъ, и ударили посильнѣе; быть можетъ, также внушили, что озлобленные вельможи будутъ опасны, какъ правители отдаленныхъ областей. 14 апрѣля изданъ былъ манифестъ: „Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Понеже всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ извѣстно есть, коимъ ненадлежащимъ и противнымъ образомъ князь Алексѣй Долгорукій съ сыномъ своимъ князь Иваномъ, будучи при племянникѣ нашемъ, блаженной памяти Петрѣ Второмъ, императорѣ и самодержцѣ Всероссійскомъ, не храня его величества дражайшаго здравія, поступали, а именно: по пришествіи его величества къ Москвѣ, во-первыхъ, стали всѣми образы тщиться и не допускать, чтобъ въ Москвѣ его величество жилъ, гдѣ бъ завсегда правительству государственному присматривался и своихъ подданныхъ, какъ вышнихъ и знатныхъ чиновъ, такъ и прочихъ, обхожденіе видѣть могъ; но всячески приводили его величество, яко суще младаго монарха, подъ образомъ забывъ и увеселенія, отъѣзжать отъ Москвы въ дальныя и разныя мѣста, отлучая его величество отъ добраго и честнаго обхожденія, что тогда народу весьма прискорбно и печально было. И такъ прежде Меншиковъ, еще будучи въ своей великой силѣ, ненасытнымъ своимъ властолюбіемъ, его величество, взявъ въ свои собственныя руки, на дочери своей въ супружество сговорилъ: такъ и онъ, князь Алексѣй, съ сыномъ своимъ и съ братьями родными его величество въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, которыя еще къ супружеству не приспѣли, Богу противнымъ образомъ, безъ всякаго ближайшимъ кровнымъ нашей императорской фамиліи и прочимъ, которымъ вѣдать о томъ надлежало, сообщенія, и Совѣту, и противно предковъ нашихъ обыкновенію, привели на сговоръ супружествомъ дочери его, князя Алексѣевой, княжнѣ Катеринѣ. Многія и непорядочныя и противныя дѣла, и въ чины, по своимъ прихотямъ, производили, о чемъ отъ насъ впредь разсмотрѣно и указомъ объявлено будетъ. Не храня его императорскаго величества дражайшаго здравія и не имѣя о томъ попеченія, непрестанными и дальними отъ Москвы отлучками, не токмо въ лѣтніе дни, но и въ самыя осеннія студеныя времена и зимою, привели къ безпокойству, отъ чего его императорскаго величества здравію вредъ учинили, и въ послѣднюю его величества тяжкую болѣзнь, даже до дня кончины,—о томъ министрамъ подлинно не объявили, но то тайно содержали, не допуская знать, не точію министровъ и прочихъ, но и придворныхъ. Они-жъ, князь Алексѣй и сынъ его князь Иванъ, многій нашъ скарбъ, состоящій въ драгихъ вещахъ на нѣсколько сотъ тысячъ рублей, къ себѣ забрали и заграбили, не точію при жизни племянника нашего, но и по кончинѣ уже, при вступленіи нашемъ на Россійскій нашъ престолъ, что нынѣ указомъ нашимъ у нихъ сыскано и отобрано. И понеже всѣ тѣ продерзости и преступленія чинили онъ, князь Алексѣй, съ сыномъ своимъ, князь Иваномъ и съ братьями своими родными по согласію обще, за что по государственнымъ правамъ подлежали жестокому истязанію,—однакожъ мы того чинить имъ не указали, а повелѣли: ему, князь Алексѣю, съ женою и со всѣми дѣтьми, и брату его князь Сергѣю, съ женою жъ и съ дѣтьми, жить въ дальнихъ ихъ деревняхъ, а братьевъ его, князь Ивана и князь Александра, опредѣлить въ отдаленные города воеводами, и чины у всѣхъ у нихъ, которые получили не по заслугамъ и къ намъ вѣрности, такожъ и кавалеріи, данныя имъ, у нихъ отобрать. А князь Василья, княжъ Лукина сына Долгорукова, за многіе его къ намъ самой и къ государству нашему безсовѣстные противные поступки, и что онъ, не боясь Бога и страшнаго Его суда и пренебрегая должность честнаго и вѣрнаго раба, дерзнулъ насъ весьма вымышленными и отъ себя самого токмо составными дѣлами безбожно оболгать и многихъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ въ невѣрство и подозрѣніе привесть, какъ онъ въ нѣкоторыхъ дѣ-

[1]) Маньякъ.
[2]) Журналы Сената.

лахъ уже самъ повинную принесъ: и за такія его преступленія хотя и достоинъ былъ наижесточайшему истязанію, однакожь мы, милосердуя, пожаловали вмѣсто того, указали, лиша всѣхъ его чиновъ и кавалеріи снявъ, послать въ дальнюю его деревню, въ которой жить ему безвыѣздно за крѣпкимъ карауломъ“ [1]).

Такимъ образомъ, одни изъ Долгорукихъ наказывались за явныя вины; князь Василій Лукичъ за какую-то таинственную вину противъ самой императрицы. Въ слѣдующихъ показаніяхъ князя Василія находится любопытное извѣстіе, относящееся къ описываемому времени: „Какъ ея императорское величество соизволила шествовать въ Москву и въ то время, будучи въ пути, доносилъ онъ, что духовная о наслѣдствіи княжны Екатерины сочинена и нынѣ помнится ему, что и о томъ, что оную подписалъ князь Иванъ, онъ доносилъ же, и по пришествіи ея величества въ Москву, какъ онъ высланъ былъ въ подмосковную, и тогда пріѣзжалъ къ нему генералъ Чернышевъ и объ оной духовной его спрашивалъ, и онъ, сожалѣя своихъ братьевъ, сказалъ, что не помнитъ, доносилъ ли ея величеству о духовной. И потомъ пріѣхалъ къ нему князь Александръ Григорьевичъ Долгорукій и говорилъ, что прислалъ къ нему братъ его Алексѣй и приказалъ сказать: ежели будутъ его, князя Василія, спрашивать о духовной, чтобъ онъ отнюдь не могъ сказывать, понеже отъ того можемъ пропасть; и послѣ того пріѣхалъ къ нему гвардіи капитанъ Хрущовъ и спрашивалъ его объ оной же духовной, и онъ, сожалѣя своихъ братьевъ, сказалъ, что онъ, князь Василій, доносилъ государынѣ ложно, желая чрезъ то получить ея милость“ [2]). Но дѣйствительно, по какому побужденію могъ князь Василій сказать объ этомъ Аннѣ во время дороги: неужели для того, чтобъ получить ея милость? Вѣроятнѣе для того, чтобъ напугать ее извѣстіемъ о существованіи духовной въ пользу княжны Долгорукой; что же касается до подписи духовной княземъ Иваномъ, то самъ князь Василій говоритъ, что *помнится ему*, что доносилъ и объ этомъ; при вторичномъ страшномъ допросѣ, ему было выгодно сказать такъ, хотя и тутъ онъ не рѣшился сказать утвердительно.

Теперь пока и за это донесеніе съ послѣдующимъ отрицаніемъ князь Василій подвергался обвиненію въ оболганіи, обманѣ, хотя таинственное обвиненіе главнымъ образомъ относилось къ другому: „Такъ ты, князь Василій Лукичъ, меня обманулъ“, сказано ему было 25 февраля. Фельдмаршала князя Василія Владиміровича Долгорукаго не тронули: онъ остался съ прежнимъ значеніемъ. Еще болѣе опасались тронуть Голицыныхъ. Люди, господствовавшіе при Дворѣ, Левенвольдъ, сдѣланный оберъ-гофмаршаломъ, и фаворитъ Биронъ хотѣли *раздѣляя властвовать*: говорили, будто они послали сказать Голицынымъ, что если они будутъ держаться ихъ стороны, то они помогутъ имъ и будутъ ихъ вѣрными друзьями [3]). Дѣйствительно, фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ при коронаціи былъ пожалованъ волостями, селами и деревнями въ Можайскомъ уѣздѣ изъ дворцовыхъ [4]), сдѣланъ былъ президентомъ Военной Коллегіи; но Голицыны могли тотчасъ же замѣтить, что приближенія и вліянія на дѣла имъ не дадутъ. Самый приближенный человѣкъ, фаворитъ, былъ иностранецъ низкаго происхожденія. Анна и Биронъ понимали очень хорошо, что Русскіе люди, и прежде всего русская знать, не могли сносить этого спокойно; Анна и Биронъ чувствовали, что есть оскорбленные и, естественно, оскорбители питали непріязнь къ оскорбленнымъ. Естественно было окружить себя людьми, которые не могли быть оскорблены иноземствомъ фаворита, для которыхъ онъ былъ свой и давній пріятель: таковъ былъ Остерманъ, умнѣйшій и опытнѣйшій государственный человѣкъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, котораго сами Русскіе признавали необходимымъ; таковъ былъ неразлучный другъ Остермана, Левенвольдъ. Но у Русскихъ двѣ военныя знаменитости, два фельдмаршала, Голицынъ и Долгорукій; надобно противопоставить имъ своего, и такой есть—генералъ-фельдцейгмейстеръ Минихъ, военный талантъ первоклассный: Минихъ является предсѣдателемъ упомянутой нами выше коммисіи объ исправленіи военной части въ Россіи. Такимъ образомъ, опираясь на Остермана—въ дѣлахъ внутреннихъ и въ дѣлахъ внѣшней политики, на Миниха—въ дѣлахъ военныхъ, на Левенвольда—при Дворѣ, можно быть покойну. Можно ласкать и Русскихъ, людей неопасныхъ, безъ претензій: таковъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, знатный человѣкъ и первый богачъ, но неопасный по личнымъ средствамъ, способный удовольствоваться однимъ почетомъ; Салтыковы—родственники императрицы такъ же не опасны по личнымъ средствамъ. Великій канцлеръ графъ Головкинъ и въ молодости не отличался безпокойнымъ характеромъ: его можно держать въ большомъ почетѣ, какъ развалину славнаго царствованія великаго дяди; безпокоенъ зять его, Ягужинскій;—но съ однимъ человѣкомъ можно справиться.

Еще передъ коронаціею, фельдмаршалъ Голицынъ со слезами жаловался на презрѣніе, какое оказываютъ заслуженнымъ особамъ. Во время коронаціи (28 апрѣля) Голицыны представляли печальную фигуру: императрица не удостоивала ихъ взглядомъ, тогда какъ особенное вниманіе оказывала Остерману, пожалованному въ графы, и князю Черкасскому. Противъ заслугъ графа Андрея Ивановича трудно было спорить; князь Черкасскій знатный человѣкъ и въ послѣднюю смуту очень выдвинулся своимъ усердіемъ. Но неизвѣстный

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 5532.
[2]) Слѣдств. дѣло о Долгорукихъ.
[3]) Лиріа.
[4]) Петербург. Вѣдомости.

Курляндецъ Биронъ пожалованъ въ оберъ-камергеры—наслѣдство прежняго фаворита, князя Ивана Долгорукаго, украшенъ кавалеріями! Онъ пожалованъ въ оберъ-камергеры за то, говорилось въ рескриптѣ, что „сіятельный, особливо намъ любезно вѣрный графъ Яганъ Эрнестъ фонъ-Биронъ, чрезъ многіе годы будучи въ нашей службѣ при комнатѣ нашей (камергеромъ), во всемъ такъ похвально поступалъ и такую совершенную вѣрность и ревностное радѣніе къ намъ и нашимъ интересамъ оказалъ, что его особливые добрые квалитеты и достохвальные поступки и къ намъ показанныя многія вѣрныя, усердныя и полезныя службы не инако какъ къ совершенной всемилостивѣйшей благоугодности нашей касаться могли".

Уже въ маѣ 1730 года иностранные министры замѣчаютъ, что Биронъ и Левенвольдъ управляютъ императрицею, какъ хотятъ, и Русскіе ненавидятъ этихъ Нѣмцевъ [1]); но сзади нихъ стоитъ Остерманъ и управляетъ имперіею [2]). Противъ неудовольствія надобно принять мѣры. Надобно увеличить число гвардейскихъ полковъ. Князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, будучи главнокомандующимъ Украинскою арміею, составилъ изъ мелкой шляхты шеститысячный корпусъ милиціи; изъ этого корпуса выбрано было 2,000 человѣкъ для составленія новаго гвардейскаго полка, который названъ Измайловскимъ, по имени села Измайлова, любимаго подмосковнаго пребыванія императрицы. Князь Голицынъ надѣялся, что ему, въ благодарность, будетъ порученъ выборъ офицеровъ; но императрица сама назначила графа Карла-Густава Левенвольда полковникомъ новаго полка и поручила ему набрать остальныхъ офицеровъ, „изъ Лифляндцевъ, Эстляндцевъ и Курляндцевъ и прочихъ націй иноземцевъ и изъ Русскихъ". Этотъ Левенвольдъ былъ братъ оберъ-гофмаршала, графа Рейнгольда Левенвольда; въ званіи лифляндскаго ландрата явился онъ въ Москву въ числѣ другихъ депутатовъ, пріѣхавшихъ просить новую императрицу о подтвержденіи лифляндскихъ привилегій, остался въ Москвѣ, былъ пожалованъ генералъ-лейтенантомъ, а потомъ оберъ-шталмейстеромъ. Шотландецъ Кейтъ, перешедшій изъ испанской службы въ русскую, назначенъ былъ подполковникомъ Измайловскаго полка [3]).

Національное чувство было сильно оскорблено; но, въ то же время, обнаружилось посягательство и на матеріальное благосостояніе. Мы видѣли, что уже въ Курляндіи жаловались на сильную роскошь, которою отличался Дворъ герцогини вдовы. Сама Анна любила роскошь, развлеченія, празднества; люди, къ ней близкіе, чужіе для Россіи, спѣшили весело пожить на чужой счетъ, ибо получали деньги даромъ, отъ щедротъ императрицы. И вотъ— праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, балъ смѣнялся маскарадомъ, и отличались они необыкновенною роскошью, требовали огромныхъ издержекъ. „Во всемъ городѣ устроены иллюминаціи и такія великолѣпныя, подобныхъ которымъ не видали въ этой странѣ. Вчера мы были приглашены во дворецъ, гдѣ былъ балъ и ужинъ, и никогда не видалъ я такого блестящаго праздника и такого отличнаго ужина. Вы не можете себѣ вообразить роскошь этого Двора. Я былъ при многихъ Дворахъ, но могу увѣрить, что здѣшній Дворъ своею роскошью и великолѣпіемъ превосходитъ даже самые богатѣйшіе, не исключая и французскаго" [4]). Такъ писали иностранные министры къ своимъ Дворамъ; но у насъ есть и русскія оффиціальныя извѣстія, изъ которыхъ видимъ, что не пропускалось никакого случая для празднества; въ 1731 году, 15 февраля, праздновали даже годовщину публичнаго въѣзда Анны въ Москву. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" писали по этому случаю: „Кушали при Дворѣ всѣ иностранные и здѣшніе министры съ знатнѣйшими дамами. Пополудни былъ балъ, причемъ такожде и машкарадомъ увеселялись; въ 10 часу ввечеру имѣетъ изрядный фейерверкъ зажженъ быть". Отъ 18 февраля извѣстіе изъ Москвы: „Машкарадомъ здѣсь еще и понынѣ непрестанно забавляются (маскарадъ начался 8 февраля), причемъ машкарадное платье всегда перемѣняется. Италіанскіе придворные комедіанты короля Польскаго сюда уже прибыли и будутъ на сей недѣлѣ первую комедію при Дворѣ дѣйствовать". Извѣстіе отъ 25 февраля: „Въ прошедшее воскресеніе былъ машкарадъ у великаго канцлера, а потомъ у фельдмаршала князя Долгорукаго, сегодня у вице-канцлера Остермана".

Не забудемъ, что эти великолѣпные праздники, „причемъ машкарадное платье всегда перемѣнялось", происходили въ государствѣ чрезвычайно бѣдномъ. Знать была очень небогата; обязанная службою, она, если-бъ даже хотѣла и умѣла, не могла успѣшно заниматься хозяйственною дѣятельностію, откуда и неодолимое у многихъ стремленіе увеличиваетъ свои скудные доходы служебными же средствами, насчетъ казны, насчетъ управляемыхъ и подсудимыхъ. При Петрѣ Великомъ было тяжело, принуждены были для нуждъ военныхъ и преобразовательныхъ платить много; разорилъ Петербургъ, гдѣ нужно было строить домы, гдѣ жизнь была дорога вдали отъ деревень, доставлявшихъ продовольствіе; но за то не было никакой роскоши: самъ царь подавалъ примѣръ сокращенія расходовъ вслѣдствіе умѣренности и простоты жизни. При Екатеринѣ I-й и Петрѣ II-мъ отдохнули отъ войны и сильнаго преобразовательнаго движенія, успѣли перебраться и въ Москву; удобства жизни увеличивались, но роскоши замѣтно не было. Теперь, со вступленіемъ на престолъ Анны, начинается сильная роскошь: къ каждому празднику новое платье! До сихъ поръ богатый человѣкъ, т.-е имѣвшій много деревень, доставлявшихъ ему много съѣстныхъ припа-

[1]) Лиріа.
[2]) Лефортъ.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 5623. —Маньянъ.

[4]) Лиріа.

совъ, показывалъ свою роскошь тѣмъ, что давалъ сытные пиры, кормилъ много приживальцевъ и приживалокъ, содержалъ большую дворню, множество лошадей; но денегъ было мало, и потому не щеголяли перемѣннымъ платьемъ, не стыдились по старинѣ носить платье отцовское и материнское; а теперь требуется къ каждому празднику новое платье;—гдѣ же взять денегъ на покупку дорогихъ заморскихъ матерій? Приходится продавать деревни! Ропотъ страшный; вздыхаютъ о временахъ Петра Великаго [1]), о знаменитыхъ, теперь уже, несмотря на близость, баснословныхъ временахъ простоты и умѣренности, временахъ гоненія на роскошь. Неудовольствіе не могло ограничиться знатью, людьми, имѣющими пріѣздъ ко Двору. Въ мирныя царствованія Екатерины I-й и Петра II-го, при убѣжденіи, что надобно льготить крестьянина, отъ благосостоянія котораго зависитъ благосостояніе другихъ частей народонаселенія, смотрѣли сквозь пальцы на доимки; но зачѣмъ теперь вдругъ приводятся въ исполненіе строгіе указы противъ доимокъ? Развѣ нужно заводить снова войско и флотъ; развѣ снова Шведъ вступилъ въ русскіе предѣлы? Въ три мѣсяца помѣщики, архіереи и монастырскія власти должны заплатить доимки; на помѣщикахъ или ихъ приказчикахъ офицеры правятъ доимки. Войны нѣтъ: куда же пойдутъ деньги?—на фаворитовъ-Нѣмцевъ, на балы и маскарады!

Въ связи съ неудовольствіемъ на роскошь, было дѣло Румянцева. Мы видѣли, что одинъ изъ близкихъ къ Петру Великому людей былъ отправленъ съ дипломатическо-военнымъ порученіемъ на персидско-турецкія границы. Румянцевъ, игравшій такую роль въ дѣлѣ царевича Алексѣя, разумѣется, не могъ пользоваться особенною благосклонностію правительства въ царствованіе Петра II-го. При Петрѣ Великомъ онъ получилъ часть деревень, отобранныхъ у Лопухиныхъ и другихъ опальныхъ; при Петрѣ II у него отобрали эти деревни для возвращенія прежнимъ владѣльцамъ. Анна, разсчитывая на неудовольствіе Румянцева предшествовавшимъ царствованіемъ и желая пріобрѣсти вѣрнаго слугу въ видномъ генералѣ и, главное, въ одномъ изъ любимцевъ великаго дяди, не могшемъ имѣть ничего общаго съ Голицыными и Долгорукими, вызвала Румянцева въ Москву и приняла необыкновенно любезно; онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, подполковникомъ гвардіи, получилъ 20,000 рублей въ вознагражденіе за отобранныя при Петрѣ II-мъ деревни. Но императрица и фавориты ошиблись въ разсчетѣ: Румянцевъ былъ человѣкъ совершенно петровскаго закала; господство Нѣмцевъ и роскоши при Дворѣ его возмутили; онъ столкнулся съ братомъ Бирона—и отдѣлалъ его. При Дворѣ забили тревогу; Аннѣ стали внушать, что она жестоко ошиблась въ Румянцевѣ, что это человѣкъ подозрительный: какъ любимецъ Петра Великаго, онъ радѣетъ потомству своего благодѣтеля. Императрица призываетъ его къ себѣ, упрекаетъ въ неблагодарности; говоритъ, что она не можетъ оставить его подполковникомъ гвардіи, какъ человѣка къ ней нерасположеннаго, но назначитъ его президентомъ одной изъ финансовыхъ коллегій. Румянцевъ отвѣчаетъ, что онъ всегда служилъ вѣрою и правдою; что, будучи всегда солдатомъ, онъ ничего не смыслитъ въ финансахъ, и, разгорячившись, начинаетъ высказывать то, что было на душѣ у Русскихъ людей; говоритъ, что онъ не умѣетъ выдумывать средствъ для удовлетворенія роскоши, введенной теперь при Дворѣ. Тутъ Анна прервала его, выгнала вонъ, велѣла арестовать и отдать на судъ Сената. Сенатъ рѣшилъ, что Румянцевъ, за неповиновеніе волѣ императрицы, достоинъ смерти; Анна перемѣнила смертную казнь на ссылку въ казанскія деревни; Александровская лента была съ него снята и 20,000 рублей взяты назадъ.

Опала Румянцева, явившагося героемъ, произвела страшное раздраженіе противъ Нѣмцевъ. Польскій посланникъ Потоцкій, въ разговорѣ съ секретаремъ французскаго посольства Маньяномъ, сказалъ: „Боюсь, чтобъ Русскіе теперь не сдѣлали того же съ Нѣмцами, что сдѣлали съ Поляками во время Лжедимитрія, хотя Поляки и не подавали такихъ сильныхъ причинъ къ ожесточенію". Маньянъ отвѣчалъ ему: „Не безпокойтесь: тогда не было гвардіи, а теперь у Русскихъ нѣтъ вождя по смерти фельдмаршала Голицына" [2]).

Голицынъ умеръ въ концѣ 1730 года, и легко понять, какъ отлегло на сердцѣ у фаворитовъ. Оставался другой фельдмаршалъ — изъ Долгорукихъ; ему передали мѣсто Голицына, президентство въ Военной Коллегіи; но и онъ недолго оставался въ покоѣ. Долгорукихъ продолжали казнить постепенно, жечь медленнымъ огнемъ. Послѣ извѣстныхъ распоряженій относительно ихъ участи въ апрѣлѣ, въ серединѣ 1730 г. послѣдовали новыя распоряженія: князя Алексѣя съ дѣтьми сослали въ Березовъ; князя Василія Лукича—въ Соловки, князя Сергѣя—въ Ораніенбургъ, князя Ивана Григорьевича—въ Пустозерскъ; мать князя Алексѣя—въ Ораніенбургъ [3]). Судьба князя Алексѣя не могла возбуждать сожалѣнія, потому что, одновременно съ этими распоряженіями, въ журналахъ Сената записывалось: „Допущенъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Шереметевъ и подалъ за своею, да за князя Петра Черкасскаго и князя Якова Голицына руками доношеніе и при немъ реестръ забраннымъ изъ дому покойнаго дяди ихъ, генералъ-адмирала графа Апраксина, князь Алексѣемъ Долгорукимъ безденежно вещамъ, и чтобъ тѣ вещи или за нихъ деньги къ нимъ возвратить". Но въ концѣ 1731 года изданъ былъ манифестъ, изъ котораго узнали, что самый видный и самый почтенный изъ Долгорукихъ за какія-то таинственныя преступленія заточенъ въ крѣпость: „Хотя всѣмъ

---

[1]) Маньянъ.

[2]) Маньянъ.

[3]) Журналы Сената.

извѣстно", говорилось въ манифестѣ, „какіе мы имѣемъ неусыпные труды о всякомъ благополучіи и пользѣ государства нашего, что всякому видѣть и чувствовать возможно изъ всѣхъ въ дѣйство произведенныхъ, государству полезныхъ, нашихъ учрежденій, за что по совѣсти всякъ добрый и вѣрный подданный нашъ долженъ благодареніе Богу воздавать, а намъ вѣрнымъ и благодарнымъ подданнымъ быть. Но, кромѣ чаянія нашего, явились нѣкоторые безсовѣстные и общаго добра ненавидящіе люди, а именно: бывшій фельдмаршалъ князь Василій Долгорукій, который, презря нашу къ себѣ многую милость и свою присяжную должность, дерзнулъ не токмо наши государству полезныя учрежденія непристойнымъ образомъ толковать, но и собственную нашу императорскую персону поносительными словами оскорблять, въ чемъ по слѣдствію дѣла изобличенъ; да бывшій гвардіи капитанъ князь Юрій Долгорукій, прапорщикъ князь Алексѣй Борятинскій, Егоръ Столѣтовъ, которые, презрѣвъ свою присяжную должность, явились въ нѣкоторыхъ жестокихъ государственныхъ преступленіяхъ не токмо противъ нашей высочайшей персоны, но и къ поврежденію государственнаго общаго покоя и благополучія касающихся, въ чемъ обличены и сами признались, а потомъ и съ розысковъ въ томъ утвердились. За которыя ихъ преступленія собранными для того министры и генералитетомъ приговорены они всѣ къ смертной казни. Однакожъ мы, по обыкновенной своей императорской милости, отъ той смертной казни всемилостивѣйше ихъ освободили, а указали: отобравъ у нихъ чины и движимое и недвижимое имѣніе, послать въ ссылку подъ карауломъ, а именно—князь Василья Долгорукова въ Шлиссельбургъ, а прочихъ въ вѣчную работу—князь Юрья Долгорукова въ Кузнецкъ, Борятинскаго въ Охотскій острогъ, а Столѣтова на Нерчинскіе заводы" [1]).

Двоихъ русскихъ фельдмаршаловъ нѣтъ болѣе—одинъ въ могилѣ, другой въ крѣпости. У Русскихъ нѣтъ вождя, говоритъ умный Французъ, и потому неудовольствіе ихъ неопасно. Сила Нѣмцевъ упрочена, потому что у нихъ есть вожди—Остерманъ, Минихъ. Какъ же это случилось, что Русскіе очутились безъ вождей; куда исчезли люди, которыхъ оставилъ Россіи Петръ Великій? Много важныхъ задачъ завѣщалъ рѣшить Русскимъ людямъ Преобразователь, для чего такъ старался возбудить ихъ духовныя силы, пріучить къ самодѣятельности, къ дѣйствію сообща; но самая важная задача состояла въ томъ, чтобъ выйти невредимо изъ страшной опасности, необходимо связанной съ преобразованіемъ: выучиться всему нужному у чужихъ, не давши учителямъ значенія больше, чѣмъ сколько имъ слѣдовало, сохранить свое національное достоинство, удержавъ за своею національностію господство. Мы видѣли, какъ Петръ заботливо охранялъ достоинство русской національности, какъ высоко держалъ ея знамя, какъ, привлекая отовсюду полезныхъ иностранцевъ, не давалъ имъ первыхъ мѣстъ, которыя принадлежали Русскимъ. Петръ оставилъ судьбу Россіи въ русскихъ рукахъ. Чтобъ такой порядокъ вещей продолжался, нельзя было ограничиться однимъ физическимъ исключеніемъ иностранцевъ,—для этого нужно было поступать такъ, какъ училъ Петръ Великій: не складывать рукъ, не засыпать, постоянно упражнять свои силы, сохранять старыхъ людей, способныхъ и продолжать непрестанную гоньбу за новыми способностями. Появленіе Остермана между членами Верховнаго Тайнаго Совѣта показывало, что Русскіе люди, стоявшіе наверху, не могли преодолѣть искушенія сложить тяжелый трудъ изученія подробностей на даровитаго и приготовленнаго иностранца. Это бы еще не бѣда: для такого человѣка, какъ Остерманъ, можно было сдѣлать исключеніе и изъ правила Петра Великаго. Но, что всего хуже, Русскіе люди, оставленные Петромъ наверху, начинаютъ усобицу, начинаютъ истреблять другъ друга. Двое людей, которые при соединеніи своихъ силъ были такъ могущественны, что дали престолъ Екатеринѣ, начинаютъ усобицу, и Меншиковъ засылаетъ Толстого въ Соловки; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ Меншиковъ очутился въ ссылкѣ; по смерти Петра II дворянство и генералитетъ, раздраженные олигархическими стремленіями верховниковъ, выдаютъ ихъ новому правительству, и въ два года не досчитываются двоихъ даровитыхъ дѣятелей,—князей Василія Владиміровича и Василія Лукича Долгорукихъ; смерть поражаетъ фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына, и чрезъ это отнимается значеніе у брата его, князя Димитрія. Апраксинъ умеръ еще при Петрѣ II; Головкинъ одряхлѣлъ, да и никогда не отличался энергіею; изъ знаменитостей Петровскаго времени остался одинъ Ягужинскій, но одинъ въ полѣ не воинъ. Ряды разрѣдѣли; на Салтыковыхъ и Черкасскихъ не было благословенія Петра Великаго, и на праздныя мѣста выступаютъ таланты, завѣщанные также Преобразователемъ, но иностранцы—Остерманъ и Минихъ. Можно было помириться съ возвышеніемъ этихъ иностранцевъ, очень даровитыхъ и усыновившихъ себя Россіи, неразрывно соединившихъ свою славу съ ея славою, благоговѣйно чтившихъ память великаго человѣка, давшаго ихъ Россіи; но нельзя было помириться съ тѣми условіями, которыя ихъ подняли и упрочили ихъ значеніе: передъ ними стоялъ фаворитъ, оберъ-камергеръ графъ Биронъ, служившій связью между иностранцами и верховною властію. Биронъ и Левенвольды, по личнымъ своимъ средствамъ вовсе не достойные занимать высокія мѣста, вмѣстѣ съ толпою иностранцевъ, ими поднятыхъ и имъ подобныхъ, были тѣми паразитами, которые производили болѣзненное состояніе Россіи въ царствованіе Анны. Биронъ, красивый и привлекательный въ своемъ обращеніи господинъ, нравившійся не однѣмъ женщинамъ, но и мужчинамъ своею любезностію, не былъ развра-

[1]) Полн. Собр. Зак., № 5916.

щеннымъ чудовищемъ, любившимъ зло для зла; но достаточно было того, что онъ былъ чужой для Россіи, былъ человѣкъ, не умѣрявшій своихъ корыстныхъ стремленій другими, высшими. Онъ хотѣлъ воспользоваться своимъ случаемъ, своимъ временемъ, фаворомъ, чтобъ пожить хорошо насчетъ Россіи; ему нужны были деньги, а до того, какъ онѣ собирались, ему не было никакого дѣла. Съ другой стороны, онъ видѣлъ, что его не любятъ, что его считаютъ не достойнымъ того значенія, какое онъ получилъ, и, по инстинкту самосохраненія, не разбирая средствъ, преслѣдовалъ людей, которыхъ считалъ опасными для себя и для того правительства, которымъ онъ держался. Этихъ стремленій было достаточно для произведенія *бироновщины*.

Въ началѣ царствованія, именно въ апрѣлѣ 1730 года, изданъ былъ указъ противъ ложныхъ доносовъ; велѣно было обнародовать: въ какой силѣ состоятъ первые два пункта; запрещено вѣрить доносамъ воровъ и разбойниковъ, приговоренныхъ къ смерти, „дабы, продолжая животъ свой, не затѣвали, и невинные бы по лживымъ ихъ доносамъ напрасно не страдали“ [1]). Но въ мартѣ 1731 года нашли нужнымъ возстановить учрежденіе, извѣстное подъ именемъ Преображенскаго Приказа и уничтоженное, какъ мы видѣли, при Петрѣ II. Возстановленное учрежденіе было поручено генералу Ушакову [2]) и получило названіе Канцеляріи Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ [3]). Тайныя дѣла были взяты изъ Сената, потому что, какъ сказано въ указѣ, они мѣшали отправленію прочихъ государственныхъ дѣлъ. И относительно другихъ дѣлъ поспѣшили избавиться отъ многолюднаго собранія сенаторовъ, между которыми были люди непріятные. Еще въ началѣ царствованія, въ апрѣлѣ 1730 г., въ высшихъ сферахъ носились слухи объ учрежденіи Кабинета, или Совѣта изъ четырехъ или пяти приближенныхъ лицъ [4]). Но только 10 ноября 1731 года былъ данъ указъ Сенату: „Для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному нашему всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ, и ради пользы государственной и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, заблагоразсудили учредить при Дворѣ нашемъ Кабинетъ, и въ оный опредѣлить изъ министровъ нашихъ—канцлера графа Головкина, вице-канцлера графа Остермана, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Черкасскаго“. На слѣдующій день новый указъ: „Нынѣ мы, ревнуя закону Божію и имѣя о вѣрныхъ нашихъ подданныхъ богоугодное попеченіе, чтобъ всѣмъ судъ происходилъ нелицемѣрный, неотмѣнно и безволокитно, по учрежденію нашего Кабинета заблагоразсудили, изо всѣхъ обрѣтающихся здѣсь вышнихъ и нижнихъ судебныхъ правительствъ, какъ изъ Сената и изъ Синода, такъ изъ коллегій, приказовъ и канцелярій, для собственнаго нашего въ тѣхъ челобитчиковыхъ дѣлахъ усмотрѣнія, безволокитно-ль онымъ рѣшенія бываютъ, собирать въ Кабинетъ нашъ краткіе рапорты помѣсячно“ [5]).

Такъ-же рано, въ маѣ 1730 года, императрица начала уже публично говорить о переѣздѣ въ Петербургъ; даже назначала для этого время—слѣдующую зиму; но прибавляла при этомъ, что не останется въ Петербургѣ навсегда, главная резиденція будетъ въ Москвѣ. Зима прошла, Дворъ оставался въ Москвѣ; только въ концѣ 1731 года переѣздъ въ Петербургъ былъ рѣшенъ окончательно. Мы видѣли, что фельдмаршалъ Долгорукій вмѣсто Петербурга отправился въ Шлиссельбургъ; изъ старыхъ верховниковъ возвращались въ Петербургъ графъ Головкинъ, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ и Остерманъ. Генералъ-прокуроръ Ягужинскій не переѣхалъ въ Петербургъ; это былъ безпокойный и опасный человѣкъ, способный усиливать глазную болѣзнь, которою часто страдалъ Остерманъ. Въ 1731 году, въ праздникъ восшествія на престолъ Анны, Ягужинскій, во дворцѣ, выпивши, или, какъ говорятъ, притворившись пьянымъ принялся бранить Остермана и брата его, мекленбургскаго посланника; императрица, любившая подобныя сцены, смѣялась и говорила, что это дѣйствуетъ вино; но Остерманъ не смѣялся и говорилъ: „Жаль, что законъ не позволяетъ обиженному самому отомстить обидчику“. На другой день Анна сдѣлала Ягужинскому легкій выговоръ; тотъ клялся, что ничего не помнитъ, что наболталъ подъ вліяніемъ Бахуса и, по обычаю, давалъ зарокъ не пить больше [6]). Императрица не выдавала Ягужинскаго, а тутъ еще новая связь по женѣ: третій сынъ графа Головкина, Михаилъ, женился на княжнѣ Ромодановской, двоюродной сестрѣ императрицы (княгиня Ромодановская и царица Прасковья Ѳедоровна были родныя сестры). Несмотря на то, къ концу 1731 года успѣли удалить и Ягужинскаго въ почетную ссылку, отправили его посланникомъ въ Берлинъ. Былъ еще человѣкъ неудобный, хотя и не такъ опасный и безпокойный, какъ Ягужинскій: то былъ старый вице-канцлеръ Шафировъ, о которомъ не переставали твердить, какъ о человѣкѣ способностей необыкновенныхъ. Меншиковъ хотѣлъ заслать его въ Архангельскъ; теперь послали его въ противоположную сторону,—на персидскія границы съ важнымъ дипломатическимъ порученіемъ. Въ августѣ 1730 года дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Петръ Шафировъ призванъ былъ въ Сенатъ, и, предъ собраніемъ, объявленъ ему указъ ея императорскаго величества о бытіи въ Гиляни вторымъ полномочнымъ министромъ. Шафировъ доносилъ, что онъ ея императорскому величеству со всякою вѣрностію и усердіемъ служить готовъ, только

[1]) Полн. Собр. Зак., № 5528.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 5727.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 5738.
[4]) Лиріа.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 5871, 5872.
[6]) Маньянъ.

имѣетъ великія болѣзни и безпамятство, и чтобъ отъ того въ дѣлахъ ея величества не учинились упущенія; ктому-жъ онъ, Шафировъ, одолжалъ немалыми долгами и отправиться ему туда нечѣмъ, и просилъ отомъ доложить ея величеству. Средства, съ чѣмъ отправиться, были даны; на болѣзни и безпамятство не обратили вниманія. Опасные и безпокойные люди были всѣ отстранены; съ Головкинымъ и Черкасскимъ Остерману было легко отправиться въ Петербургъ; князь Алексѣй Михайловичъ одно время побезпокоился-было: у него была одна только дочь, наслѣдница громаднаго имѣнія, на которое обратилъ вниманіе Левенвольдъ и предложилъ княжнѣ свою руку. Отецъ былъ въ страшномъ затрудненіи: сильно не хочется выдать дочь за Левенвольда, и отказать нельзя; согласился, обручили; но наверху сочли неудобнымъ огорчать Черкасскаго и позволили разорвать дѣло даже послѣ обрученія.

Въ началѣ 1732 года Дворъ былъ уже въ Петербургѣ. Оставленный въ Москвѣ главнокомандующимъ, оберъ-гофмейстеръ и генералъ Семенъ Салтыковъ получилъ слѣдующій наказъ: „1) Чтобъ во всемъ здѣсь на Москвѣ надлежащій добрый порядокъ содержать, и всякіе непорядки, конфузіи и замѣшанія по крайней возможности престережены и отвращены были. 2) И для того надлежитъ ему какъ явно, такъ и подъ-рукою за оставшимися здѣсь, какъ главными, такъ и прочими управителями, коллегіями и командирами прилежно смотрѣть, дабы всѣ ихъ поступки были порядочные, и каждый должность свою по своему званію съ такимъ вѣрнымъ радѣніемъ и прилежаніемъ отправлялъ, какъ по присяжной всеподданнической должности надлежитъ. 3) А ежелибъ кто тому противно поступалъ, то не токмо намъ о томъ немедленно доносить, но и, смотря по важности дѣла, съ общаго сношенія съ оставшимися здѣсь сенатскими членами, съ такимъ поступать, какъ наши указы и регламенты повелѣваютъ. 4) А ежелибъ такое дѣло случилось, о которомъ ему-бъ и сенатскимъ членамъ сообщить было не возможно и которое-бъ времени не терпѣло, то въ такомъ случаѣ чинить и ему одному все то, что къ нашимъ интересамъ и къ престереженію опасныхъ непорядковъ потребно будетъ, и намъ о томъ безъ всякаго упущенія времени репортовать. 5) Ему-жъ прилежно въ Сенатѣ присутствовать и смотрѣть, дабы дѣла порядочно и во всемъ по нашимъ указамъ и регламентамъ въономъ отправлены были безъ всякой волокиты и остановки. 6) Надлежитъ же ему смотрѣть, дабы оставшіеся здѣсь батальоны отъ полковъ гвардіи нашей въ добромъ порядкѣ и военной дисциплинѣ содержаны были; тожъ смотрѣть и за прочими здѣшней команды полевыми полками, и чтобъ оная команда порядочно и по военнымъ нашимъ регламентамъ во всемъ отправлена была. 7) Впрочемъ, имѣетъ онъ обо всемъ, что здѣсь происходить станетъ и къ нашему вѣдѣнію для интересовъ нашихъ принадлежитъ, намъ часто и обстоятельно доносить, и впрочемъ сіи пункты весьма секретно содержать и никому, кто-бъ ни былъ, объ оныхъ сообщать или объявлять“ [1]).

Обратимся къ дѣламъ внѣшнимъ.

Смерть Петра II, разумѣется, должна была болѣе всего огорчить Австрійскій Дворъ: цесаревѣ не рѣшились вдругъ объявить объ этомъ несчастіи, но приготовили ее исподоволь; узнавши, она сказала, что „сердце ея съ самаго начала предчувствовало бѣду“. Цесарь, выслушавъ у Ланчинскаго извѣщеніе о смерти Петра и восшествіи на престолъ Анны, отвѣчалъ: „Сердечно сожалѣемъ о преждевременной кончинѣ государя, подававшаго такія великія надежды; потеря намъ очень чувствительна какъ по дружбѣ, такъ и по свойству; но преклоняемся предъ волею Божіею. Похвальна осторожность россійскихъ чиновъ, что праздный престолъ немедленно замѣстили; и съ новою царицею мы готовы продолжать ту же дружбу и обязательство, какія имѣли съ покойнымъ царемъ и его предшественниками“. Прусскій король обнадеживалъ также своею дружбою новую императрицу; но особенную радость Фридрихъ-Вильгельмъ обнаружилъ, когда узналъ о возстановленіи самодержавія въ Россіи; за столомъ пилъ за здоровье Анны изъ большаго бокала, и давно не былъ такъ веселъ: „Теперь“, говорилъ онъ, „я уже не стану смотрѣть на Польшу въ дѣлахъ курляндскихъ“. Король Шведскій изъявилъ желаніе усилить дружбу съ Русскою государынею; король Польскій обнадеживалъ постоянною дружбою и *партикулярнымъ* почтеніемъ. Въ Копенгагенѣ радовались всего болѣе, что преемницею Петра была Анна, ибо видѣли въ этомъ утвержденіе своей безопасности со стороны Россіи.

Прежде всего нужно было покончить съ Персіею, гдѣ Тахмасибъ бралъ верхъ надъ Эшрефомъ, благодаря знаменитому визирю своему Тахмасу Кулы-хану. Посолъ Тахмасиба находился въ началѣ 1730 года въ Москвѣ, и въ конференціи объявилъ слѣдующіе пункты: 1) чтобъ Россія помогла его шаху очистить его государство отъ непріятелей, послѣ чего шахъ уступитъ императрицѣ всѣ провинціи, какъ занятыя русскими войсками, такъ и обѣщаныя въ договорѣ, заключенномъ съ Петромъ Великимъ; 2) если же съ русской стороны помощи не будетъ, то Россія должна возвратить ему всѣ провинціи, и дружба и торговля между обоими государствами будетъ попрежнему, русскимъ купцамъ дастся позволеніе торговать въ Персіи безпошлинно, также дадутся имъ мѣста для построенія домовъ, гдѣ они сами пожелаютъ; 3) такъ какъ Турки и Афганцы очень непостоянны, и потому Русскіе не должны имъ ни въ чемъ вѣрить: они могутъ у Россіи обманомъ взять персидскія провинціи, чего шахъ не сдѣлаетъ.

Иностранная Коллегія представила разсужденіе о мѣрахъ для успѣшнѣйшаго окончанія Персид-

[1]) Дѣла Кабинета, въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

*

скихъ дѣлъ. Въ разсужденіи говорилось, что у Россіи съ Турціею заключенъ былъ договоръ, въ которомъ оба государства обязались покончить Персидскія дѣла съ общаго согласія. Несмотря на то, Турки, увидя силу Эшрефа, заключили съ нимъ формальный трактатъ безъ согласія Россіи. Эшрефъ теперь побѣжденъ законнымъ шахомъ Тахмасибомъ, который усиливается и, по всѣмъ вѣроятностямъ, утвердится на персидскомъ престолѣ. Порта всѣми способами старается помириться съ Тахмасибомъ и сильно вооружается, чтобъ тѣмъ скорѣе склонить его къ миру или, въ противномъ случаѣ, силою оружія удержать за собою завоеванныя мѣста. Такъ какъ сомнительно, чтобъ шахъ Тахмасибъ вдругъ согласился на уступку Турціи занятыхъ ею областей, то Порта предлагаетъ Россіи исполнить договоръ, т.-е. окончить Персидскія дѣла съ общаго согласія: это она дѣлаетъ нарочно, чтобъ Россія не заключала отдѣльнаго договора съ Тахмасибомъ, или, что еще хуже, не соединилась бы съ нимъ противъ Порты. Россія хотя также, по примѣру Турціи, заключила договоръ съ Эшрефомъ, но при этомъ не порвала сношеній и съ Тахмасибомъ, котораго посолъ и теперь находится въ Москвѣ. Съ одной стороны, война Персидская ея императорскому величеству очень убыточна и тяжка становится, а содержаніе завоеванныхъ персидскихъ провинцій очень трудно, и едва ли когда нибудь могутъ быть получены отъ нихъ выгоды, какихъ сначала ожидали; съ другой стороны, Турки не желаютъ расширенія и утвержденія русскаго владычества въ Персіи, точно такъ, какъ и усиленіе Турокъ тамъ противно русскимъ интересамъ, и Россія никакимъ образомъ не можетъ допустить Турокъ до Каспійскаго моря: на этомъ основаніи еще генералъ-фельдмаршалу князю Долгорукому даны были указы, подтвержденные потомъ и Левашову,— если усмотрятъ, что въ Персіи утвердится такой владѣтель, который въ силахъ поддержать себя, то заключить съ нимъ миръ, хотя бы и съ уступкою занятыхъ областей. Изъ этого краткаго предисловія видна уже дорога, по которой надобно будетъ идти въ настоящемъ дѣлѣ; но здѣсь однако должно различать двѣ части: отношенія турецкія и отношенія собственно персидскія.

Такъ какъ турецкія дѣла въ Персіи находятся не въ цвѣтущемъ состояніи, то нельзя думать, чтобы Порта могла объявить войну Россіи, особливо, зная союзъ ея съ Цесаремъ, и потомъ Персидская война становится Туркамъ очень тягостна. Поэтому они предлагаютъ теперь Россіи рѣшить Персидскія дѣла съ общаго согласія, и если бы на Турокъ можно было положиться, еслибъ можно было ожидать отъ нихъ умѣренности, то этотъ способъ и для Россіи былъ-бы самый надежный. Но на Турокъ полагаться нельзя; гораздо болѣе вѣроятія, что они предлагаютъ это только для того, чтобъ усыпить Россію; притомъ дальнѣйшія военныя дѣйствія въ Персіи, еслибъ Порта по общему соглашенію стала ихъ требовать, тяжелы для Россіи, тѣмъ болѣе что она никакихъ дальнѣйшихъ завоеваній себѣ тамъ не желаетъ, и эти дѣйствія могутъ приносить пользу однимъ Туркамъ. Но такъ какъ русскій интересъ требуетъ, чтобы Порта одна, безъ соглашенія съ Россіею, не оканчивала своихъ дѣлъ съ шахомъ Тахмасибомъ, то надобно подать Портѣ надежду, что ея императорское величество склонна поступать въ Персидскихъ дѣлахъ съ общаго согласія, и, въ то же время, всевозможно стараться отводить Турцію отъ отдѣльнаго примиренія съ шахомъ. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ необходимо поступать съ твердостію и всегда быть въ состояніи, въ нужномъ случаѣ, дать надлежащій отпоръ, ибо общее и неопровержимое правило говоритъ: кто хочетъ избѣжать войны, тотъ долженъ быть всегда къ ней готовымъ.

Что касается Персіи, то тамъ надобно поступать попрежнему, именно: подтвердить Левашову, чтобъ старался какъ можно скорѣе заключить договоръ съ шахомъ Тахмасибомъ и употреблялъ всѣ способы для отклоненія его отъ договора съ Портою. Если шахъ не согласится на договоръ безъ уступокъ, то уступка можетъ быть обѣщана въ договорѣ, но дѣйствительно сдѣлать ее опасно до тѣхъ поръ, пока шахъ не утвердится на престолѣ и окончитъ свои дѣла съ Турками, ибо, при неудачной войнѣ Тахмасиба съ послѣдними, они могутъ овладѣть уступленными областями. Передъ Турціею можно отговориться тѣмъ, что: 1) у Россіи съ шахомъ Тахмасибомъ давно уже заключенъ договоръ, и новый договоръ есть только подтвержденіе стараго; 2) что Турки подали примѣръ, заключивъ миръ съ Эшрефомъ безъ общаго согласія; 3) что въ договорѣ Россія не обязалась помогать шаху противъ Порты. Такъ какъ исходъ дѣла еще неизвѣстенъ, то надобно держать наготовѣ значительныя силы и потомъ стараться удерживать тамошніе народы при русской сторонѣ, для чего находящихся здѣсь посланниковъ отъ тамошнихъ владѣльцевъ надобно вполнѣ удовольствовать и отпустить домой.

23 мая императрица одобрила этотъ планъ. Найдено также неудобнымъ, что начальство въ Закавказьи дѣлилось между двумя генералами – Левашовымъ и Румянцевымъ; Румянцевъ былъ отозванъ и вся власть поручена одному Левашову; но на помощь ему при веденіи дипломатическихъ переговоровъ былъ отправленъ, какъ мы видѣли, Шафировъ.

1730 годъ прошелъ въ безплодныхъ переговорахъ; въ началѣ 1731 г. Левашовъ доносилъ изъ Рящи, что состояніе шахова Двора „худое, удивительное и развращенное является; безмѣрно наполнены гордости и суевѣрія, ничего слышать не хотятъ, по безпутной амбиціи признаютъ себя умнѣе всего свѣта, и по разногласію партій одинъ боится другого". При этомъ еще глубокіе снѣга зимою мѣшали сообщеніямъ. Весною Лева-

шовъ и Шафировъ получили отъ своего Двора указы: оставя всѣ претензіи на денежное вознагражденіе, объявить шаху, что императрица не хочетъ оставить за собою ни одной изъ персидскихъ провинцій, и повелѣла вначалѣ очистить всѣ занятыя земли по рѣкѣ Куру, когда шахъ прикажетъ заключить договоръ о возстановленіи сосѣдственной дружбы и ратификуетъ его; и прочія провинція отъ рѣки Куры будутъ уступлены, когда шахъ выгонитъ непріятелей изъ своего государства. Предписывалось спѣшить заключеніемъ договора, чтобъ предупредить Турокъ. Левашовъ и Шафировъ исполнили волю императрицы; но когда донесли въ Москву объ этомъ исполненіи, то получили замѣчаніе, что уступку провинцій слѣдовало шаху только обѣщать, а не вдругъ покидать свою прежнюю твердость, что Персіяне могутъ почесть признаніемъ въ слабости и возгордиться, тѣмъ болѣе что Персидскія дѣла въ надежный порядокъ еще не пришли и Турки изъ Персіи еще не изгнаны. Вслѣдствіе этого повелѣвалось стараться о заключеніи договора по прежнимъ указамъ, объ уступкѣ Гиляни до Куры только обѣщать, а уступку земель отъ Куры до Баки и прочихъ мѣстъ вдругъ не обѣщать и не утверждать, что и онѣ будутъ уступлены, но объявлять только на словахъ, что когда Турки изо всей Персіи будутъ выгнаны, тогда и объ этихъ земляхъ будетъ соглашеніе и склонность императрицы къ шаху можетъ быть показана; если же шахъ будетъ требовать уступки областей по послѣднему предложенію, то требовать съ него за это знатной суммы денегъ. Новый указъ впрочемъ заключался тѣмъ, что все предоставляется на разсужденіе Левашова и Шафирова, которые должны сообразоваться съ тамошнимъ состояніемъ дѣлъ и движеніемъ Турокъ. Левашовъ и Шафировъ отвѣчали, что не признаютъ никакой пользы для интересовъ императрицы въ отступленіи отъ проекта договора, уже предложеннаго ими Персидскому Двору; требовать съ шаха денегъ за уступленныя провинціи также безполезно, потому что, вслѣдствіе крайняго разстройства въ финансахъ, онъ заплатить ничего не въ состояніи; это требованіе можетъ повести только къ разрыву и заставить Персіянъ поспѣшить заключеніемъ мира съ Турками.

Но въ Москву пришли извѣстія, что Турки одержали надъ Персіянами значительную побѣду подъ Эриванью, и потому отложили всякую мысль мириться съ шахомъ, прежнихъ пословъ отдали подъ стражу, новаго отправили въ ссылку и вознамѣрились энергически вести войну въ Персіи; съ другой стороны, Афганцы начали опять усиливаться, одержали верхъ надъ Тахмасъ-Кулы-ханомъ, и Магометовъ братъ, Гуссейнъ, уже сталъ величать себя Персидскимъ шахомъ. Остерманъ подалъ мнѣніе: „По вышеозначеннымъ турецкимъ и персидскимъ вѣдомостямъ прилично ли тотчасъ уступить Гилянскую провинцію, или нѣтъ? По отправленнымъ къ Левашову и Шафирову послѣднимъ указамъ, такъ просто сдѣлать уступку не велѣно, но положено на ихъ разсужденіе, смотря по тамошнимъ конъюнктурамъ и опасностямъ. Главнымъ основаніемъ русскихъ интересовъ въ Персидскихъ дѣлахъ положено было то, чтобъ никакъ не допускать Турокъ къ Каспійскому морю и въ сосѣдство къ нему. Теперь, хотя Турки заключенный съ ними Россіею договоръ и не соблюли, однако этотъ договоръ во всѣхъ дѣлахъ съ Портою служилъ основаніемъ; по нему Гилянская провинція съ прочими остается за Россіею, вслѣдствіе чего Турки до сего времени явно и на дѣлѣ къ нимъ не прикасались. Но если русскія войска теперь изъ этой провинціи выступятъ, то мы сами отступимъ отъ договора и Турки получатъ желанную возможность направить свои дѣйствія къ Каспійскому морю, утвердиться тамъ и порвать всѣ сообщенія Русскихъ съ шахомъ. Выступленіе русскихъ войскъ изъ Гиляни безо всякой видимой нужды можетъ быть почтено знакомъ слабости, почему тамошніе народы могутъ возмутиться и обезпокоить русскія войска, соединившись съ дагестанскими и ширванскими народами, находящимися въ турецкомъ подданствѣ. Если выступить только изъ Гиляни, а страну по сю сторону Кура удерживать до тѣхъ поръ, пока Турки выгнаны будутъ изъ Персіи, то отъ этого Россіи никакого облегченія не будетъ,—только потеряются доходы, получаемые изъ Гиляни, велики ли они или малы. Русская торговля въ Персіи, начавшая-было приходить въ нѣкоторый порядокъ, вслѣдствіе уступки Гиляни, можетъ опять остановиться, и если, по несчастію, Турки засядутъ въ Гиляни, то можетъ совсѣмъ прекратиться къ немалому государственному убытку. Противъ этого могутъ возразить: занимаемыя нами персидскія области слишкомъ обширны и нашимъ небольшимъ тамъ войскомъ всѣ онѣ не могутъ быть охранены отъ непріятельскихъ нападеній; если не выступить изъ Гиляни, то находящіяся тамъ наши войска могутъ быть отрѣзаны Турками или Персіянами и пропасть; что Персидская война очень тяжела и отъ тамошняго климата люди умираютъ въ большомъ числѣ. На это можно отвѣчать: 1) если охранять каспійскіе берега отъ Турокъ признается необходимымъ, то самая обширность земель заставляетъ остерегаться, чтобъ Турки въ какомъ-нибудь мѣстѣ внезапно не утвердились; 2) по нынѣшнимъ вѣдомостямъ не видно никакой опасности ни съ турецкой, ни съ персидской стостороны, и Турки не посмѣютъ напасть на Гилянь, пока тамъ находятся русскія войска, зная, что слѣдствіемъ этого будетъ генеральная война; 3) чтобъ русскія войска не могли быть отрѣзаны въ Гиляни, можно генералу Левашову подтвердить, чтобъ онъ, въ случаѣ явной опасности, выходилъ изъ Гиляни и отступалъ за Куръ; 4) уже восемь лѣтъ Русское государство несетъ эту тягость, и въ болѣе опасныхъ обстоятельствахъ Гилянь и другія области удерживало за собою не для чего иного, какъ только для того, чтобъ не допустить Турокъ къ этимъ мѣстамъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, кажется,

выгоднѣе будетъ помедлить теперь дѣйствительною уступкою Гиляни; надобно подождать и посмотрѣть, какъ пойдутъ въ Персіи Турецкія дѣла, а генералу Левашову дать позволеніе уступить Гилянь, когда Персидскія дѣла такъ поправятся, что отъ Турокъ опасности больше не будетъ; а Персіянъ между тѣмъ подъ рукою всѣми способами побуждать къ сильнымъ дѣйствіямъ противъ Турокъ.

Въ концѣ сентября, увѣдомляя о турецкихъ успѣхахъ, Левашовъ и Шафировъ писали: „Мы прикажемъ увѣрять шаха, что мы готовы заключить договоръ, только бы онъ насъ увѣдомилъ, какъ онъ намѣренъ дѣйствовать противъ Турокъ; велимъ его ободрять, чтобъ онъ, собравши войско и призвавъ Тахмасъ-Кулы-хана, не допустилъ Турокъ до расширенія въ своихъ наслѣдныхъ провинціяхъ. Однако, не увидя въ его дѣлахъ прямой надежды, не посмѣемъ съ нимъ договоръ заключить безъ указа; мы сомнѣваемся, успѣютъ ли наши представленія при его слабости, послѣ пораженія, и при его безумныхъ поступкахъ, происходящихъ отъ шумства (пьянства); еслибъ онъ не былъ такъ безпутенъ, имѣлъ хорошихъ полководцевъ и сохранялъ порядокъ, то, вслѣдствіе численнаго превосходства своихъ войскъ надъ турецкими, вышелъ бы побѣдителемъ изъ борьбы. Мы теперь находимся въ крайней печали и опасаемся, что если Турки покажутъ хотя малую склонность къ миру, то онъ, не видя себѣ ни откуда помощи, помирится съ ними на какихъ бы то ни было условіяхъ; а упредить намъ Турокъ никакъ нельзя, какъ по указамъ вашего величества, такъ и по нашему о нынѣшнемъ состояніи шаха разсужденію: отдать ему областей нельзя,—Турки у него ихъ отнимутъ; а безъ уступки областей шаховъ посланникъ мирза Ибрагимъ не соглашается заключать мирнаго договора. Въ такихъ обстоятельствахъ мы рѣшились послать тайно изъ здѣшняго народа вѣрнаго и неглупаго человѣка къ Тахмасъ-Кулы-хану—побуждать его къ дѣйствіямъ противъ Турокъ и обнадеживать помощію съ нашей стороны, увѣряя въ склонности вашего величества къ ихъ персидской сторонѣ и къ нему особенно, признавая его одного изъ всѣхъ персидскихъ полководцевъ добрымъ воиномъ и благонамѣреннымъ оборонителемъ своего отечества; при этомъ мы прикажемъ своему посланцу вывѣдать намѣренія Тахмасъ-Кулы-хана, хочетъ ли онъ вступиться за шаха или искать своихъ выгодъ, и—смотря по тому велимъ говорить“.

Въ концѣ года Левашовъ и Шафировъ получили отъ своего Двора указы ни подъ какимъ видомъ не позволять Туркамъ предупредить Россію заключеніемъ мира съ Персіею; съ другой стороны, разнесся слухъ, что главнокомандующій турецкими войсками Ахметъ-паша уже заключилъ этотъ страшный миръ, и Персіяне стали упрямѣе: посланникъ шаха, мирза Ибрагимъ, объявилъ, что не заключитъ мирнаго договора съ Россіею, если еще до шаховой ратификаціи хотя часть Гиляни не будетъ очищена отъ русскихъ войскъ. Левашовъ и Шафировъ сочли нужнымъ согласиться на это требованіе, разсуждая, что еслибъ послѣ отдачи одной крайней провинціи, а именно Лагеджани, шахъ и не подтвердилъ договора, чего впрочемъ никакъ ожидать нельзя, то можно будетъ эту провинцію и опять занять, потому что въ ней никакихъ крѣпостей нѣтъ. Согласились и на то, чтобъ отданы были шаху доходы съ областей за нѣсколько мѣсяцевъ до выхода изъ нихъ русскихъ войскъ на томъ соображеніи, что когда жители областей узнаютъ объ уступкѣ ихъ Персіи, то станутъ всѣми мѣрами уклоняться отъ платежа податей въ русскую сторону, и ничего съ нихъ получить будетъ нельзя, развѣ силою оружія. Договоръ съ Ибрагимомъ былъ заключенъ 21 января 1732 года, и 22 марта получена шахова ратификація [1]).

Ходъ Персидскихъ дѣлъ зависѣлъ отъ турецкихъ отношеній: главнымъ основаніемъ политики служило то, чтобъ не допускать Турокъ къ берегамъ Каспійскаго моря; заключеніемъ мира съ Персіянами спѣшили, чтобъ предупредить миръ Порты съ ними. Кромѣ дѣлъ Персидскихъ, предметомъ сношеній у Россіи съ Турціею были пограничныя ссоры. Извѣстный намъ Суркай напалъ на русскія владѣнія; Румянцевъ наказалъ его: Порта требовала удовлетворенія за эту расправу Румянцева съ подданнымъ турецкимъ, отказалась имѣть дѣло съ Румянцевымъ. Неплюевъ писалъ новой государынѣ: „Порта не будетъ вступать въ ссору съ вашимъ величествомъ, но, по варварскому своему обыкновенію, хочетъ испытать васъ при восшествіи вашемъ на престолъ, какъ вы поступите. И по смерти императора Петра I, Турки такимъ же образомъ поступали, пока не получили рѣшительнаго отвѣта отъ императрицы Екатерины Алексѣевны. Очень вѣроятно, что, по состоянію своихъ внутреннихъ дѣлъ и по персидскимъ отношеніямъ, Порта не отважится на ссору съ вашимъ величествомъ, развѣ, паче чаянія, ослѣпится, чего при настоящемъ министерствѣ ожидать нельзя; хотя Турки по природѣ и горды, но слабость свою хорошо знаютъ“.

Порта не менѣе Россіи желала поскорѣе заключить миръ съ Персіею, и, чтобъ вынудить у шаха выгодныя условія, стращала его самозванцемъ, который жилъ въ Константинополѣ и выдавалъ себя также за сына Гуссейнова, слѣдовательно брата Тахмасибова. Въ конференціяхъ съ персидскимъ посланникомъ турецкіе министры говорили, чтобъ шахъ прежде отобралъ отъ Россіи свои провинціи, а потомъ нашелъ бы средство и съ Портою дружески согласиться, какъ государь единовѣрный. Посланникъ отвѣчалъ, что у нихъ съ Россіею ссоры нѣтъ, желаютъ они прежде съ Портою покончить, а потомъ найдутъ средство къ соглашенію и съ Россіею, которая обѣщаетъ имъ уступку. Порта такой уступки не обѣщала, Персія не хотѣла мириться безъ уступки; Неплюевъ нашелъ средство

[1]) Дѣла Персидскія.

сноситься съ персидскимъ посланникомъ и уговаривалъ его не уступать, потому что шахъ находится въ лучшемъ положеніи, чѣмъ прежде, и Россіею покинутъ не будетъ: Русская императрица непремѣнно хочетъ охранять Персію противъ всѣхъ враговъ и особенно противъ Турокъ. Въ половинѣ 1730 года въ Константинополѣ былъ написанъ проектъ мирнаго договора между Турціею и Персіею, по которому Порта отказывалась отъ послѣднихъ своихъ завоеваній, довольствуясь уступкою Грузіи, Арменіи и Ширвани; но Порта не вѣрила, что шахъ согласился подтвердить этотъ договоръ, а потомъ объявленъ былъ походъ визиря и самого султана въ Азію.

Осенью 1730 года Неплюевъ донесъ о переворотѣ въ Константинополѣ: 17 сентября произошелъ бунтъ, и султанъ, въ угоду бунтовщикамъ, долженъ былъ предать смерти визиря, муфтія и капитанъ-пашу; но этимъ бунтовщики не удовольствовались, свергли султана и возвели на престолъ племянника его, Махмуда, сына султана Мустафы. Крымскій ханъ Капланъ-Гирей находился при новомъ султанѣ и участвовалъ во всѣхъ совѣтахъ. Неплюева безпокоили слухи, что ханъ вооружаетъ Порту противъ Россіи; другіе успокоивали резидента, утверждая, что при настоящемъ волненіи ханъ не выражаетъ самостоятельныхъ мнѣній, а слѣдуетъ только мнѣніямъ другихъ. „Чему вѣрить—не знаю“, писалъ Неплюевъ: „за хана ручаться нельзя, понеже и онъ того же ехиднина порожденія сынъ; буду смотрѣть прилежно“. Безпокоилъ резидента и другой слухъ, будто французскій посолъ черезъ хана склоняетъ Порту вступиться въ польскія дѣла и поддерживать кандидатуру Станислава Лещинскаго, потому что когда послѣдній будетъ Польскимъ королемъ, то, вмѣстѣ съ Франціею, будетъ постоянно держаться турецкой стороны. „По природному французовъ легкомыслію и склонности къ интригамъ“, писалъ Неплюевъ, „отъ сего рода, кромѣ пакости, ожидать ничего невозможно; но не думаю, чтобъ преуспѣть въ чемъ могли, покуда Порта своего интереса гдѣ не усмотритъ“. Скоро однако Неплюевъ счелъ себя въ правѣ донести своему Двору, что ханъ, по внушеніямъ французскаго посланника, дѣйствуетъ противъ Россіи; слѣдствіемъ этихъ интригъ было то, что, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ новаго султана, къ Русскому Двору былъ назначенъ чиновникъ низшаго ранга, чѣмъ къ Дворамъ Французскому и Вѣнскому. Неплюевъ протествовалъ, что Россія не Рагуза, и настоялъ, чтобъ отправляемаго въ Россію чиновника повысили въ чинѣ, хотя все не сравняли съ отправленнымъ въ Вѣну, отговариваясь старымъ обычаемъ. Неплюевъ писалъ, что отправленный въ Россію Саидъ-эффенди человѣкъ знатный и умный; не худо бъ его удовольствовать, а если можно, то и другомъ сдѣлать, подкупить хотя бы и большими подарками, а на подкупъ онъ подается, потому что человѣкъ повадный и мало суевѣренъ, говоритъ по-французски, и потому вице-канцлеръ можетъ давать ему деньги непосредственно.

Конференціи резидента съ турецкими министрами о дѣлахъ Персидскихъ не оканчивались ничѣмъ; Неплюевъ, въ началѣ 1731 года, обратился къ капитанъ-пашѣ за объясненіемъ, почему Порта не хочетъ въ этихъ дѣлахъ дѣйствовать сообща съ Россіею. Капитанъ-паша отвѣчалъ, что совѣтуетъ не докучать болѣе Портѣ Персидскими дѣлами,—ибо, не взирая на заключенный прежнимъ правительствомъ договоръ съ шахомъ, Персіяне нанесли Туркамъ много обидъ, и теперь Порта вооружается, чтобъ отомстить и покончить дѣло; отъ Россіи же требуютъ одного,—чтобъ она Персіянамъ не давала помощи и оставалась при своихъ владѣніяхъ, въ которыя Порта не вступается и вступаться не будетъ. „Порта ищетъ мира со всею горячностію“, писалъ Неплюевъ, „но можетъ ли его получить—время покажетъ; отвратить Турокъ отъ этого желанія мира нельзя, потому что трудность веденія войны для нихъ очевидна; но Порта не хочетъ и не можетъ покинуть всѣхъ завоеванныхъ въ Персіи провинцій, ибо въ такомъ случаѣ произойдетъ новый бунтъ, такъ какъ весь народъ знаетъ, что прежнее правительство заключило договоръ, по которому Персіяне уступили Турціи многія мѣста“. Персидскіе послы теперь именно требовали этихъ уступокъ, и потому война должна была рѣшить дѣло.

Мы видѣли, что въ этой войнѣ успѣхъ обнаружился на турецкой сторонѣ, и видѣли, какое вліяніе этотъ успѣхъ произвелъ на взглядъ Русскаго Кабинета относительно мирныхъ переговоровъ съ Персіею. Но мирные переговоры не остановились, тѣмъ болѣе что съ осени 1731 года у Россіи начинаются столкновенія съ Турціею на другой сторонѣ. Преемникъ князя Мих. Мих. Голицына, въ начальствованіи украинскою арміею, генералъ-аншефъ графъ фонъ-Вейсбахъ, прислалъ въ Москву изъ Полтавы отъ 25 августа донесеніе, что Крымскій ханъ съ Крымскою, Бѣлгородскою и Ногайскою ордами и Запорожцами изъ Сѣчи стоитъ готовый къ походу, а куда пойдетъ—неизвѣстно: нѣкоторые думаютъ, что на Кабарду, другіе указываютъ иныя мѣста. Вейсбахъ приказалъ регулярнымъ войскамъ тотчасъ выступить къ границамъ, и написалъ Малороссійскому гетману, чтобъ онъ немедленно шелъ туда же со всѣми казацкими войсками. Неплюевъ принесъ визирю жалобу на хана „въ самыхъ крѣпкихъ терминахъ“, требуя, чтобъ войска ханскія были немедленно распущены. Визирь отвѣчалъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ и не думаетъ, чтобъ ханъ могъ сдѣлать какую-нибудь дерзость, потому что ему накрѣпко приказано сохранять сосѣдственную дружбу съ Россіею, и обѣщалъ повторить это приказаніе. „Уповаемъ на Бога“, писалъ Неплюевъ, „что до ссоры не дойдетъ, потому что сама Порта ея не желаетъ; визирь человѣкъ старый и увѣчный, и хотя не глупъ, но и не очень уменъ, человѣкъ откровенный и несамо-

властный, потому что до сихъ поръ султанскимъ умомъ владѣетъ Кизляръ-Ага; кромѣ того Турки, отягченные Персидскою войною, принуждены сохранять дружбу съ вашимъ величествомъ. Визирь, при окончаніи конференціи, сказалъ, чтобъ мы о ханскихъ поступкахъ въ народѣ не разглашали; а потомъ рейсъ-эффенди, призвавши къ себѣ нашего переводчика, сказалъ ему, что султанъ удивился, и руками и ногами замахалъ, какъ ханъ Крымскій осмѣлился поступать противъ его воли и указовъ, и велѣлъ изготовить указъ къ хану, чтобъ не только не смѣлъ приближаться къ русскимъ границамъ, но и оставилъ свои вооруженія противъ Кабардинцевъ, и жилъ бы въ тишинѣ. Рейсъ-еффенди объявилъ также резиденту, что въ Азовъ отправленъ изъ Кандіи губернаторомъ паша перваго класса Бенгли-Мустафа, которому накрѣпко наказано охранять всякую сосѣдственную дружбу съ Россіею. Муфтій и другіе сановники говорили Неплюеву, что если ханъ хотя малую дерзость себѣ позволитъ, то не только смѣненъ, но и смертію казненъ будетъ, потому что имъ, Туркамъ, теперь ссориться ни съ кѣмъ нельзя. Но дѣло этимъ не покончилось: Неплюевъ получилъ отъ своего Двора извѣщеніе, что татарское войско вступило въ Большую Кабарду, причемъ не оставила въ покоѣ и Малой. На жалобы Неплюева, въ концѣ 1731 года, рейсъ-эффенди отвѣчалъ, что, какъ видно изъ ханскихъ доношеній, Крымцы ходили въ Кабарду для успокоенія народовъ, подвластныхъ хану, и этимъ походомъ никакого подозрѣнія Россіи не подано, тѣмъ менѣе показана какая-нибудь обида; мало того,—хотя это дѣло касалось одного хана, однако, по указамъ отъ Порты, ханъ оставилъ его и распустилъ свое войско.

Но тутъ начался споръ о Кабардѣ и Черкесахъ: кому они принадлежатъ, потому что Неплюевъ никакъ не хотѣлъ признать надъ ними господства Крымскаго хана. Въ началѣ 1732 года рейсъ-эффенди велѣлъ объявить Неплюеву, что указъ, данный прежде Портою хану о выводѣ войска его изъ Кабарды, произошелъ отъ незнанія настоящаго дѣла: ханъ имѣлъ полное право вводить свое войско въ эту страну, потому что Кабарда, и Большая и Малая, изстари принадлежатъ Крыму, и Россія, по договору, никакого права на Кабарду не имѣетъ; русскихъ земель хану касаться не велѣно, и такъ какъ онъ человѣкъ умный и хорошо знаетъ миролюбивыя намѣренія визиря, то никогда въ чужое вступаться не дерзнетъ. Неплюевъ находился въ затруднительномъ положеніи, потому что не зналъ отношеній Россіи къ Кабардамъ; онъ писалъ. „Прошу снабдить меня указомъ, какъ мнѣ въ кабардинскихъ дѣлахъ поступать, а именно, какъ о Большой Кабардѣ объявить, и какъ давно Малая Кабарда находится подъ русскимъ покровительствомъ; какъ давно ея князья даютъ намъ аманатовъ, и гдѣ эти аманаты содержались до Персидской войны, чтобъ я могъ Портѣ обстоятельно доказать и тѣмъ ханскія ложныя донесенія опровергнуть. Это Кабардинское дѣло больше безпокойства принесетъ, чѣмъ послѣднее Суркаево, потому что ханъ Крымскій при Портѣ гораздо больше имѣетъ значенія, чѣмъ Суркай, особенно если Россія захочетъ присвоить себѣ Большую Кабарду. Этимъ дѣло поднимется; если же держать въ своей защитѣ одну Малую Кабарду и тамъ имѣть хотя немного русскаго войска, то хотя и за это много спору будетъ, однако не думаю, чтобъ Порта позволила хану начать ссору; только съ нашей стороны надобно сдерживать князей Малой Кабарды, чтобъ они Ногайцевъ и Кубанцевъ не обижали“. Положеніе Неплюева затруднялось еще тѣмъ, что, основываясь на грамотѣ Петра Великаго къ султану 1722 года и на указѣ императрицы Анны 1731 года, онъ объявилъ Большую Кабарду вольною, и только недавно узналъ, что русскіе генералы на Кавказѣ принимаютъ подъ русское покровительство и князей Большой Кабарды. Турецкіе министры настаивали, чтобъ пограничныя дѣла улаживали пограничные командиры, и Дворовъ своихъ ими не утруждали; но когда съ русской стороны было сдѣлано объ этомъ распоряженіе, то намѣстникъ хана Крымкаго (калга) на Кубани отказался сноситься о кабардинскихъ дѣлахъ съ генераломъ Еропкинымъ, командовавшимъ въ крѣпости Св. Креста, грозился не только Кабарду разорить, но послать и въ Россію Татаръ и Запорожцевъ, крича, что можетъ Россію плетьми заметать. Рейсъ-эффенди говорилъ переводчику русскаго посольства: „Резидентъ намъ Кабардинскими дѣлами голову вскружилъ, представилъ претензію на Кабарду Большую и Малую съ доказательствами изъ своихъ архивовъ, такъ что мы не знаемъ, что́ хану Крымскому писать, потому что прежде такихъ претензій съ русской стороны никогда не бывало“. Переводчикъ отвѣчалъ: „Прежде не представляли съ нашей стороны доказательствъ о Кабардахъ, потому что Крымскіе ханы никогда не присвояли себѣ права на владѣніе ими“.

Турецкое министерство молча соглашалось съ Неплюевымъ, что Кабарду должно оставить въ покоѣ, какъ страну нейтральную, и не начинать о ней разговора, пока со стороны хана не окажется какого-нибудь новаго непріязненнаго поступка. Но Крымцы не успокоивались: ханскій намѣстникъ на Кубани, Нурадинъ-султанъ, называя Кабарду своею, грозилъ вступить въ нее съ войскомъ, и Неплюевъ, въ октября 1732 года, объявилъ рейсъ-эффенди, что при первомъ движеніи Татаръ русскія войска вступятъ въ Кабарду для ея защиты. Неплюеву было трудно говорить съ Турками, потому что въ 9-мъ пунктѣ послѣдняго мирнаго договора было прямо сказано, что Черкесы принадлежатъ хану. Произошло и другое столкновеніе: извѣстный намъ Калмыцкій ханъ Дундукъ-Омбо отложился отъ Россіи и отдался подъ покровительство Крымскаго хана; Россія требовала его выдачи; но въ томъ же 9-мъ пунктѣ мирнаго договора и о Калмыкахъ было сказано такъ, какъ

будто бы они были вольные. Турецкіе министры налегали на этотъ 9-й пунктъ не такъ сильно только потому, что были обезпокоены со стороны Персіи, гдѣ Тахмасъ-Кулы-ханъ вышелъ изъ повиновенія шаху и объявилъ, что будетъ продолжать войну съ Турками. Подкупленные Неплюевымъ, турецкіе чиновники дали ему знать, что къ хану отправлены указы: не подавать ни малѣйшаго повода къ ссорѣ съ Россіею, которой дружба теперь очень нужна Портѣ; какимъ бы то ни было образомъ поскорѣе выслать Дундука-Омбо, и въ Кабарду войскъ не посылать,—въ такомъ случаѣ и русскія войска туда не пойдутъ. Указы возымѣли свое дѣйствіе, потому что, какъ выражался Неплюевъ, „у Порты довольно было чаду въ головѣ отъ Персидскихъ дѣлъ“: Тахмасъ-Кулы-ханъ свергнулъ шаха Тахмасиба, обвиняя его въ заключеніи послѣдняго мира съ Турками, провозгласилъ шахомъ новорожденнаго сына Тахмасибова и взялъ всю власть въ свои руки; война между Персіею и Турціею была слѣдовательно неизбѣжна [1]).

Какое же положеніе должна была принять Россія при такихъ конъюнктурахъ? Какъ должна была воспользоваться ими? Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ состоянія дѣлъ европейскихъ. Европа попрежнему представляла два враждебныхъ лагеря, хотя и съ перемѣною отношеній вслѣдствіе Севильскаго договора. Вѣнскій Дворъ не хотѣлъ уступить требованіямъ Испаніи и ея союзниковъ относительно надѣла испанскихъ принцевъ въ Италіи; вслѣдствіе этого толковали о неизбѣжности войны, хотя никто не хотѣлъ ея. Но если война откроется, то Австрія, по договору, получитъ русскій тринадцатитысячный вспомогательный корпусъ, и въ Москвѣ австрійскій посланникъ, графъ Вратиславъ, хлопочетъ, чтобъ новое правительство выполнило договоръ; испанскій посланникъ Лирія и секретарь французскаго посольства Маньянъ хлопочутъ о противномъ; Англія смотритъ равнодушно на эти континентальныя отношенія, пока они не касаются прямо ея интересовъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ даетъ знать Россіи, что сильно желаетъ возобновить съ нею дружбу. Австрія ничего не теряла со смертію племянника цесаревы, Петра II, пока при новой императрицѣ находился въ силѣ Остерманъ, убѣжденный въ необходимости Австрійскаго союза по отношенію Россіи къ сосѣднимъ державамъ, Турціи, Польшѣ и Швеціи, и такъ какъ Восточныя дѣла находились въ томъ же положеніи, какое привело къ Австрійскому союзу при Екатеринѣ I, и такъ какъ со дня на день нужно было ждать перемѣны въ Польшѣ, то, по мнѣнію вице-канцлера, и надобно было поддерживать Австрійскій союзъ, хотя бы даже и пришлось двинуть вспомогательный корпусъ. За Остермана былъ, разумѣется, Левенвольдъ; Биронъ не вмѣшивался въ важные вопросы политики; но его легко привлечь подарками. Биронъ будетъ имѣть вліяніе на императрицу; но она не подчинится этому вліянію безпрекословно: она самолюбива, любитъ показывать свое значеніе, свое вліяніе на дѣла, прислушиваться къ разнымъ мнѣніямъ,—ее надобно убѣдить. Противъ Остермана сильная партія, такъ-называемая русская, во главѣ которой находится Ягужинскій. Хотѣлось, во что бы то ни стало, сохранить миръ, необходимый при скудости финансовыхъ средствъ страны, и не для того спѣшили покончить Персидскія дѣла съ уступкою Петровыхъ пріобрѣтеній, чтобъ вмѣшаться въ совершенно чуждыя для Россіи дѣла западныя и тратить войско безо всякой выгоды. Маньяну передали, что, когда въ апрѣлѣ 1730 года, графъ Вратиславъ пріѣхалъ въ Ягужинскому и настаивалъ, чтобъ Россія помогла Цесарю войскомъ, то Ягужинскій отвѣчалъ, что безъ сомнѣнія Россія останется вѣрна своимъ обязательствамъ и поможетъ императору; но когда Вратиславъ вышелъ, то Ягужинскій расхохотался и сказалъ: „Они считаютъ насъ дураками! очень намъ нужно вмѣшиваться въ отдаленныя распри, тогда какъ мы можемъ у себя наслаждаться покоемъ“ [2]).

Но Ягужинскому трудно было бороться съ Остерманомъ. Въ іюнѣ 1730 года графъ Вратиславъ вручилъ оберъ-камергеру Бирону дипломъ на графство священной Римской имперіи, портретъ императора, осыпанный брилліантами, и 200,000 талеровъ, на которые, прибавивъ своихъ денегъ, Биронъ купилъ помѣстье Вартенбергъ въ Силезіи. У Вратислава въ запасѣ было еще четыре портрета, и Лирія доносилъ своему Двору: „Графа Вратислава и прусскаго посланника при здѣшнемъ Дворѣ осыпаютъ любезностями, а со мною ограничиваются только обыкновенными вѣжливостями; изъ этого ясно, что отличія, которыми меня удостоивали прежде, были оказываемы въ уваженіе тогдашней нашей дружбы съ Вѣнскимъ Дворомъ, который можетъ теперь здѣсь дѣлать все, что ни захочетъ. Думаю, что 30,000 войска тотчасъ же выступятъ въ походъ, какъ только ихъ потребуетъ императоръ, хотя русскіе вельможи и противятся этому. Они смертельно ненавидятъ иностранцевъ, приближенныхъ къ царицѣ; явно говорятъ, что тѣ думаютъ только о своихъ собственныхъ интересахъ, а не объ интересахъ страны, служатъ больше чужимъ государямъ, чѣмъ своему; что Биронъ удостоился такой чести отъ императора конечно не за службу своей государынѣ; прибавляютъ, что и Нѣмцы будутъ имѣть такой же конецъ, какой имѣли и прежніе временщики“. Въ іюлѣ подаренъ былъ портретъ императора, украшенный брилліантами, князю Черкасскому [3]). А между тѣмъ Французскій Дворъ оказалъ услугу Австрійскому, протестовавши слишкомъ поспѣшно противъ выступленія тридцатитысячнаго вспомогательнаго корпуса и употребивши въ своемъ протестѣ выраженія, ко-

[1]) Дѣла Турецкія.

[2]) Маньянъ.

[3]) Лирія.

торыя заключали въ себѣ угрозу. Маньянъ объявилъ Остерману, отъ имени своего правительства, что такъ какъ участники Севильскаго договора вовсе не имѣютъ намѣренія нападать ни на императора, ни на имперію, то трудно себѣ представить, почему Русская государыня стала вмѣшиваться въ предстоящую войну; что весь вопросъ заключается въ занятіи крѣпостей Тосканы и Пармы гарнизонами или испанскими, или швейцарскими, что не имѣетъ никакой важности для Русскаго Двора; такъ какъ было всегда доброе согласіе между Франціею и Россіею, то король, его государь, надѣется, что царица не приметъ участія въ войнѣ; въ противномъ же случаѣ король не будетъ въ состояніи скрыть свое неудовольствіе. Остерманъ смутился и, дрожа, отвѣчалъ: „Нельзя не удивляться, что это не было объявлено русскому посланнику въ Парижѣ, не сдѣлано ему даже никакого намека. Императрица всегда желала сохранить дружбу съ его христіаннѣйшимъ величествомъ, но она знаетъ свои обязательства и предѣлы, до которыхъ они простираются. Ея величество не входила въ причины, заставившія короля вступить въ новыя обязательства по Севильскому трактату, но она не откажется и отъ своихъ обязательствъ; моя государыня и ея союзники никогда не потерпятъ, чтобъ какой-нибудь монархъ предписывалъ имъ законы“. Маньянъ дрожаніе Остермана принялъ за слѣдствіе затрудненія, въ какое онъ поставилъ его своимъ объявленіемъ; но Лиріа доносилъ своему Двору: „Я его (Остермана) знаю и приписываю это дрожаніе гнѣву и бѣшенству, потому что, несмотря на свое низкое происхожденіе, это одинъ изъ самыхъ высокомѣрныхъ людей“.

Въ то же время французскій посланникъ въ Стокгольмѣ сдѣлалъ такое же объявленіе при Шведскомъ Дворѣ. По поводу этихъ объявленій, графъ Александръ Головкинъ имѣлъ разговоръ въ Компьенѣ съ кардиналомъ Флери и хранителемъ печати Шовеленомъ. Онъ представлялъ кардиналу, что оборонительный договоръ Россіи съ Цесаремъ не вредитъ никому и заключенъ прежде Севильскаго договора; что Россія готова заключить такой же оборонительный союзъ и съ Франціею. Кардиналъ отвѣчалъ, что и Франція имѣетъ одинаковое желаніе быть въ доброй дружбѣ съ Россіею; но такъ какъ Россія дружнѣе съ Цесаремъ, то съ такимъ раздраженіемъ и принимаетъ объявленія, сдѣланныя французскимъ министромъ въ Швеціи и секретаремъ Маньяномъ; лучше объ этомъ позабыть, потому что все произошло на словахъ, а не на бумагѣ. Флери изъявилъ сожалѣніе, что Цесарскій Дворъ не показываетъ нималаго снисхожденія, и потому война необходима, хотя онъ, кардиналъ, всячески трудился объ ея отвращеніи. Хранитель печати высказался съ большею горячностію. Головкинъ представилъ ему о неприличіи поступка Маньяна, который не аккредитованъ при Русскомъ Дворѣ, представилъ, что его слова не согласны съ уваженіемъ, какое самодержавные государи между собою сохранять должны, и съ дружбою, которая существовала всегда между Россіею и Франціею, и неужели употребленіе угрозъ есть прямая дорога къ сохраненію мира, о которомъ Франція хлопочетъ съ такою достохвальною ревностію. Хранитель печати отвѣчалъ: „Представленіе сдѣлано именно вслѣдствіе намѣренія Франціи сохранить дружбу съ Россіею; кромѣ того, всему свѣту извѣстно, что севильскіе союзники не намѣрены напасть на Цесаря, которому сдѣланы такія умѣренныя и разумныя предложенія, что по справедливости ему нельзя ихъ отвергнуть, развѣ онъ имѣетъ намѣреніе овладѣть всею Италіею; въ такомъ случаѣ мы должны употребить силу. Но если дѣла находятся въ такомъ положеніи, то вашъ оборонительный союзъ съ Цесарскимъ Дворомъ едва ли имѣетъ силу въ этомъ случаѣ. Мы не отводимъ васъ отъ вашего союзника, но представляемъ вамъ, чтобъ вы не шли далѣе условій вашего союза; а впрочемъ какъ вы въ этомъ случаѣ будете поступать съ нами, такъ и мы съ вами. Мы вашей дружбы всегда искали и думали даже прежде министра къ вамъ отправить“. Когда Головкинъ замѣтилъ ему, что императрицѣ будетъ пріятно имѣть при Дворѣ своемъ французскаго министра, то хранитель печати отвѣчалъ: „Дѣло теперь въ такомъ положеніи, что не только новаго министра посылать, но и Маньяна есть ли зачѣмъ держать“ [1]).

Между тѣмъ въ Москвѣ шла борьба между Ягужинскимъ и Остерманомъ и сначала толковали, что первый беретъ верхъ, особенно когда онъ былъ снова назначенъ генералъ-прокуроромъ [2]). Но въ 1731 году, какъ мы видѣли, Остерманъ пересилилъ, и Ягужинскій долженъ былъ отправиться въ Берлинъ. Россія не вмѣшалась въ войну, потому что войны не было: императоръ уступилъ требованіямъ Испаніи и Англіи, которыя за то признали прагматическую санкцію. На этотъ разъ миролюбивая политика восторжествовала; но впереди готовились новыя борьбы. Послѣ борьбы религіозной, окончившейся въ XVII вѣкѣ Тридцатилѣтнею войною, въ Европѣ начали господствовать чисто свѣтскіе интересы. Усилить себя, расширить свои владѣнія и не дать другому усилиться: вотъ основаніе политики европейскихъ государствъ отъ Вестфальскаго мира до конца XVIII вѣка. Въ это время важное значеніе имѣли вопросы о наслѣдствѣ, возбуждаемые прекращеніемъ династій, когда, вслѣдствіе кровныхъ связей, государства могли соединяться подъ одною властію или подъ одною, по крайней мѣрѣ, династіею, и такимъ образомъ нарушать политическое равновѣсіе. Неудивительно, что въ это время мы видимъ три войны за наслѣдство. Въ началѣ Новой Исторіи не было войны за то, что Габсбургскій Домъ соединялъ подъ своею властію государства западной и сред-

---

[1]) Дѣла Французскія 1730 года.
[2]) Лиріа.

ней Европы; но XVIII вѣкъ начинается страшною войною за наслѣдство Испанскаго престола. Теперь предстояло два подобныхъ же вопроса: вопросъ о томъ, кто будетъ въ Польшѣ преемникомъ Августа II, которому оставалось очень недолго жить, и вопросъ о томъ, кто будетъ въ австрійскихъ владѣніяхъ преемникомъ императора Карла VI, у котораго не было сыновей и который захотѣлъ оставить всѣ владѣнія своей дочери Маріи-Терезіи. Признанія правъ этой дочери на наслѣдство или. такъ-называемой, „прагматической санкціи“ отъ европейскихъ державъ онъ старался получить дипломатическимъ путемъ, но встрѣчалъ препятствія. Соксонія, Баварія, Пфальцъ нехотѣли признать санкціи вслѣдствіе претензій своихъ государей на Австрійскія владѣнія по роственнымъ связямъ. Извѣчная соперница Австрійскаго Дома, Франція не хотѣла, чтобъ всѣ владѣнія этого Дома остались нераздѣльными подъ одною властію, тѣмъ болѣе что наслѣдница ихъ, Марія-Терезія, была обручена за герцога Франца Лотарингскаго, и, такимъ образомъ, страна, находившаяся въ такой тѣсной связи съ Франціею, должна была примкнуть къ Австріи. Съ вопросомъ объ австрійскомъ наслѣдствѣ для Франціи тѣсно соединялся вопросъ Польскій. Въ своей постоянной борьбѣ съ Австріею, Франція всегда домогалась вліянія на востокѣ Европы, именно въ сосѣдней съ Австріею Польшѣ. Теперь домогаться этого она должна была въ виду борьбы за австрійское наслѣдство, и ктому же претендентъ на Польскій престолъ, имѣвшій болѣе другихъ надежды на успѣхъ, былъ Станиславъ Лещинскій, тесть Французскаго короля. Но теперь на востокѣ Европы существовала новая могущественная держава, которой интересы были сильно замѣшаны въ Польскомъ вопросѣ: то была Россія. Отсюда понятно, что въ Петербургѣ, куда переѣхалъ теперь Русскій Дворъ, Австрія и Франція должны были вступить въ окончательную дипломатическую борьбу для рѣшенія вопроса, на чьей сторонѣ будетъ Россія.

Повидимому, вопросъ былъ рѣшенъ еще въ Москвѣ удаленіемъ Ягужинскаго, торжествомъ Остермана, главнаго поборника Австрійскаго союза. Но въ Петербургѣ Остерманъ нашелъ себѣ другого соперника. Смерть фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына и заключеніе въ крѣпости фельдмаршала и президента Военной Коллегіи, князя Василія Владиміровича Долгорукаго, выдвигали на первый планъ даровитаго иностранца: генералъ-фельдцейгмейстеръ Минихъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ, президентомъ Военной Коллегіи, губернаторомъ Петербургскимъ. Русскіе стерты; иностранные министры пишутъ къ своимъ Дворамъ: „Нѣтъ болѣе помина о партіи старыхъ Русскихъ (partie des vieux Russes); вожди удалены и никто не посмѣетъ внушать что-нибудь противъ настоящаго порядка вещей“ [1]). Но если Русскіе не имѣютъ никакого значенія, то нельзя ли обратиться къ могущественному Нѣмцу — Миниху, противопоставить его Остерману? Франція такъ и сдѣлала. Въ срединѣ 1732 года у Маньяна съ Минихомъ былъ разговоръ. Минихъ говорилъ: „Швеція дала нашей государынѣ императорскій титулъ; мы не ждемъ съ ея стороны никакого безпокойства, какъ по причинѣ превосходства нашихъ силъ, такъ и по формѣ ея правленія. Съ Даніей не можетъ быть никакого столкновенія, когда Голштинское дѣло рѣшено; съ Англіей и Голландіей такъ же; съ Персіей—миръ. Остается Турція, которая связываетъ наши интересы съ интересами императора: чего мы въ этомъ отношеніи должны ожидать отъ Франціи? Намъ тяжело переносить, что Азовъ у Турокъ; быть можетъ, мы пойдемъ вырывать его у нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, если не удастся достигнуть этого мирнымъ путемъ, если султанъ не согласится взять Дербентъ за Азовъ. Кромѣ Турціи—Польша. Поляки не даютъ намъ удовлетворенія: подлѣ Кіева находится пространство земли, которое по договорамъ должно оставаться пустымъ; но Поляки его населяютъ, и кѣмъ же?—бѣглыми изъ Россіи, которые принимаются радушно и потому толпами переселяются въ Польшу! Потомъ Польша не отказывается отъ своихъ притязаній на Ливонію. Далѣе: интересъ Россіи требуетъ, чтобъ Курляндія, отдѣляющая ее отъ Пруссіи, была отдѣльнымъ владѣніемъ, чего Поляки не хотятъ. Въ случаѣ смерти короля, у императрицы большая партія въ Польшѣ, и Россія будетъ дѣйствовать, чтобъ не былъ избранъ человѣкъ, преданный императору. Будетъ ли Франція во всѣхъ этихъ вопросахъ поступать согласно желаніямъ Россіи; наконецъ согласится ли Французскій король дать государынѣ императорскій титулъ и платить субсидіи, ибо здѣсь нѣтъ денегъ? Если да,—то императрица согласится держать въ распоряженіи Людовика XV не только 30, но 40 и 50 тысячъ войска, 12 или 15 хорошихъ кораблей и 100 галеръ“.

Когда Маньянъ далъ знать объ этомъ разговорѣ своему правительству, то оно отвѣчало ему: „Что вамъ сказалъ Минихъ о тождествѣ интересовъ императора и Россіи, относительно Турокъ, справедливо въ теоріи, но на практикѣ это вещь чисто идеальная, и мы всегда удивлялись, что Русскіе серьезно разсчитываютъ на исполненіе своего договора съ императоромъ за помощь тридцатитысячнымъ корпусомъ, тогда какъ мы можемъ сказать безъ хвастовства, что, благодаря нашему вліянію въ Константинополѣ, мы оказали во времена Петра I такія услуги Россіи, какихъ имперія не могла бы оказать, хотя бы употребила всѣ свои силы. Такимъ образомъ, благоразумная политика требуетъ, чтобъ Россія не вводила насъ ни въ какое обязательство, которое могло бы насъ поссорить съ Портою. Но вы можете увѣрить именемъ королевскимъ, что какъ скоро у насъ будетъ заключенъ союзъ съ Россіею, мы будемъ поддерживать русскіе интересы въ Константинополѣ такъ, что въ умѣ царицы не останется ни малѣйшаго

[1]) Лефортъ.

сомнѣнія насчетъ вѣрности и пользы нашей дружбы, и потому достаточно, если въ договорѣ будетъ заключаться взаимная гарантія всѣхъ европейскихъ владѣній. Обратите внимание г. Миниха на то, что никогда Россія не получитъ существенной помощи отъ императора противъ Турокъ, и что никогда этотъ государь не станетъ поддерживать Турокъ противъ Россіи. Относительно Польши чрезвычайно трудно заключить какія-нибудь опредѣленныя условія, не повредивши дѣламъ царицы. Дайте почувствовать фельдмаршалу Миниху, что Россія можетъ быть покойна насчетъ сохраненія Ливоніи, если въ договорѣ будетъ условлена общая гарантія европейскихъ владѣній; что касается Курляндіи, то мы будемъ очень рады видѣть на ея престолѣ кого-нибудь угоднаго царицѣ; но никакъ не слѣдуетъ прямо идти противъ послѣдняго сеймоваго рѣшенія въ Польшѣ относительно Курляндіи; это рѣшеніе должно быть предметомъ переговоровъ, въ которыхъ мы будемъ охотно помогать Россіи. Мы достигнемъ здѣсь большихъ результатовъ, если современемъ будетъ въ Польшѣ король, на котораго мы могли бы вполнѣ положиться. Итакъ мы думаемъ, что было бы опасно входить въ подробности, и что достаточно на словахъ согласиться въ принципахъ, по которымъ будемъ дѣйствовать впослѣдствіи. Мы съ удовольствіемъ дадимъ царицѣ императорскій титулъ. Мы увѣрены, что съ русской стороны не будутъ настаивать на субсидіи, такъ какъ мы не хотимъ быть въ тягость Россіи, заставляя ее держать наготовѣ чрезвычайныя силы. Когда мы будемъ находиться именно въ обстоятельствахъ, обозначенныхъ въ договорѣ, то понятно, что мы сочтемъ своимъ долгомъ помочь Россіи, и мы это сдѣлаемъ безъ предварительныхъ обязательствъ. Если Минихъ будетъ настаивать, то можно постановить вообще, что мы будемъ поддерживать интересы Россіи при Портѣ, безъ означенія въ чемъ именно и не называя Азовъ. Относительно Курляндіи никакъ нельзя составить никакого условія; если бы въ Польшѣ узнали о соглашеніяхъ Россіи съ Франціею, противныхъ послѣднему сеймовому рѣшенію, то король Августъ воспользовался бы этимъ для соединенія Поляковъ въ пользу своего сына, который охотно согласится поддерживать распоряженія республики относительно Курляндіи, и царица тогда только достигнетъ своихъ цѣлей, когда будетъ содѣйствовать возведенію на Польскій престолъ человѣка, который бы могъ находиться совершенно подъ нашимъ вліяніемъ. Подарки, которые мы сдѣлаемъ участникамъ при составленіи договора, будутъ болѣе значительны, если мы не будемъ обязаны платить ежегодныя субсидіи"[1]).

Французскія предложенія должны были поставить Миниха въ затруднительное положеніе: разрозненность русскихъ и французскихъ интересовъ по отношеніямъ къ Турціи и Польшѣ была очевидна, а при такой разрозненности союзъ могъ ли быть возможенъ! Россія постоянно имѣла въ виду войну съ Турціею; война послѣдней съ Персіею давала возможность выгоднаго вмѣшательства для уничтоженія тяжкихъ условій договора 1711 года; а Франція продолжала твердить одно: „Не ссорьте меня съ Турціею, я вамъ буду помогать въ Константинополѣ, какъ помогла при Петрѣ I". Но тогда Франція могла помочь, потому что Россія, имѣя на плечахъ Персидскую войну, не хотѣла разрывать съ Турціею; теперь же обстоятельства были совсѣмъ другія: Россія искала союзника въ войнѣ, а не помощника для избѣжанія войны. Въ Польшѣ Франція обѣщала также помогать, но твердила, что Россія прежде всего должна была помочь ей возвести на Польскій престолъ человѣка, вполнѣ подчиненнаго французскому вліянію, т.-е. Станислава Лещинскаго. Кто же могъ повѣрить, что Франція, въ угоду Россіи, будетъ ослаблять значеніе преданнаго ей короля и свое собственное вліяніе, заставляя Рѣчь Посполитую уступать русскимъ требованіямъ? Неискренность, явное желаніе употреблять Россію только орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей просвѣчивали въ каждомъ словѣ французскихъ предложеній, и въ такомъ видѣ Минихъ, разумѣется, не могъ настаивать на ихъ принятіи,—долженъ былъ требовать отъ Маньяна большей опредѣленности и широты въ предложеніяхъ. 23 сентября онъ объявилъ ему, что очень доволенъ вчерашнимъ вечеромъ: вмѣстѣ съ Бирономъ онъ объяснялъ императрицѣ пользу союза съ Франціею; Анна и Биронъ убѣждены въ этой пользѣ; императрица непремѣнно хочетъ отдѣлаться отъ связей съ Австріею, ибо прагматическая санкція до нея вовсе не касается, тѣмъ болѣе что сама она ни у кого не проситъ гарантировать ея наслѣдство. Но при этомъ Минихъ внушалъ Маньяну, что со стороны Остермана сильное сопротивленіе, и особенно вице-канцлеръ возражаетъ на предложенія о Польшѣ; слѣдовательно, чтобъ уладить дѣло, несмотря на сопротивленіе Остермана, Франція должна еще болѣе приблизиться къ требованіямъ Россіи. Маньянъ отвѣчалъ, что Франція не можетъ выйти по этому предмету изъ своихъ принциповъ, и что если дѣло поступило на разсмотрѣніе Остермана, то напрасно будетъ съ нимъ спорить. „Я этимъ очень огорченъ", говорилъ Маньянъ, „Остерманъ непремѣнно дастъ знать въ Вѣну обо всемъ".—„Не посмѣетъ", отвѣчалъ Минихъ; „во всякомъ случаѣ, если союзъ съ Франціею не состоится, то и союза съ императоромъ не будетъ; онъ никогда не получитъ тридцатитысячнаго корпуса на помощь,—Россія останется нейтральною. Императрица объявила рѣшительно, что она непремѣнно хочетъ освободиться отъ вѣнскихъ трактатовъ; что Екатерина заключила ихъ единственно въ интересахъ герцога Голштинскаго, а теперь этихъ интересовъ не существуетъ для Русскаго Двора". При этомъ Минихъ внушалъ, что Франція должна подарить Бирону

[1]) Маньянъ.

100,000 экю, а самой императрицѣ прислать гобелиновъ [1]).

Чѣмъ затруднительнѣе было положеніе Миниха, тѣмъ легче было положеніе Остермана, которому немного труда стоило показать несостоятельность французскихъ предложеній и пользу стараго союза съ Австріею. Относительно предложенія французской гарантіи европейскихъ владѣній Россіи, онъ замѣчалъ: „Надобно зрѣло подумать о томъ, можно ли для французской гарантіи пренебречь всѣми другими, и надобно еще знать, какъ Франція, при такомъ дальнемъ разстояніи, можетъ на самомъ дѣлѣ исполнить свое обязательство относительно гарантіи, чтобы Россія могла быть вполнѣ безопасна; также естественно можно ожидать, что тѣ державы, съ которыми вслѣдствіе французскаго союза разойдемся, могутъ противъ Россіи принимать всевозможныя мѣры“. Относительно Курляндіи: „Подлинное намѣреніе всего предложенія не очень ясно; нельзя понять, какъ согласить два дѣла: герцогъ долженъ быть выбранъ, а между тѣмъ нельзя дѣйствовать противъ послѣдняго сеймоваго рѣшенія, по которому герцога быть не должно, Курляндія должна быть присоединена къ Польшѣ! Ясно, что пока сеймовое опредѣленіе не будетъ уничтожено, то и герцогъ не можетъ быть выбранъ. Вести дѣло переговорами, особенно при французскомъ посредничествѣ, это значитъ связать у Россіи руки поступать согласно съ своими интересами и въ нужномъ случаѣ употребить силу. Такъ какъ Поляки, на основаніи французскаго договора, не будутъ ничего опасаться отъ Россіи, то тѣмъ меньше будутъ склонны къ уничтоженію своего сеймоваго рѣшенія, развѣ въ другомъ мѣстѣ получатъ какія-нибудь выгоды и удобства; но такъ какъ Франція, за великою отдаленностію, ничего такого доставить имъ не можетъ, то вся тяжесть и падаетъ на одну Россію“. Относительно Турціи: „Зрѣлѣйшаго разсужденія требуетъ то, можно ли русскіе интересы отдать въ руки одной Франціи; а Франція прямо объявляетъ, что она не сдѣлаетъ никакого поступка, которымъ бы могла возбудить нерасположеніе къ себѣ Порты, что и естественно по ея интересамъ. Что Римскій Цесарь Туркамъ противъ Россіи никогда помогать не будетъ — это естественно; но чтобъ онъ такъ же Россіи противъ Турокъ никогда помогать не захотѣлъ — объ этомъ, какъ о будущемъ, подлинно узнать нельзя; а по человѣческому разсужденію и по естественнымъ цесарскимъ интересамъ надобно ожидать, что онъ помогать будетъ, ибо Цесарь, отступивъ отъ договоровъ съ Россіею, нанесетъ вредъ только самому себѣ: Россія будетъ тогда въ состояніи чувствительно отомстить ему за неисполненіе договоровъ“. Относительно выборовъ Польскаго короля: „Франція требуетъ согласнаго дѣйствія; но такъ какъ она объ этомъ ничего подлиннаго постановить и слѣдовательно ни въ какія обязательства насчетъ одного какого-нибудь кандидата вступить не хочетъ, то и не видно, какъ можно поступать согласно съ нею. Французскій интересъ требуетъ быть съ Швеціею и Портою въ тѣсной дружбѣ, слѣдовательно и на Польскій престолъ возвести такого кандидата, который одинакія съ нею склонности и намѣренія имѣетъ; во сколько это согласно съ рускими интересами — не видно. Предложеннымъ обязательствомъ съ Франціею у Россіи будутъ связаны руки поступать по своимъ прямымъ интересамъ, не говоря уже о томъ, что другіе, особенно ближайшіе сосѣди, не замедлятъ воспрепятствовать согласному дѣйствію Россіи съ Франціею. Франція обѣщаетъ признаніе императорскаго титула и субсидіи, если по поводу союза съ нею у Россіи произойдетъ разрывъ съ другими державами. Опредѣленіе субсидій, повидимому, предоставляется великодушію Франціи, и за это она требуетъ, чтобъ Россія отступила отъ всѣхъ своихъ союзниковъ, и хочетъ платить субсидіи, когда за это у Россіи начнется съ ними война; но стоятъ ли такія субсидіи опасности войны и разрыва съ союзниками? Франція требуетъ, чтобъ Россія не гарантировала Автрійскому Дому прагматическую санкцію и не вступала ни съ кѣмъ ни въ какія обязательства насчетъ этой санкціи безъ согласія съ Франціею. Это требованіе предосудительно, ибо Россія за то ничего, кромѣ признанія императорскаго титула и до дѣйствительнаго разрыва отлагаемыхъ и числомъ не опредѣленныхъ субсидій, не получаетъ, потому что прочія всѣ французскія предложенія прямымъ русскимъ интересамъ болѣе вредны, чѣмъ полезны“ [2]).

Между тѣмъ шли переговоры и заключались конвенціи насчетъ Польши съ старыми союзницами—Австріею и Пруссіею. Осенью 1730 года графъ Вратиславъ подалъ слѣдующій проектъ договора между Россіею и Австріею на случай смерти Августа II: 1) Станиславъ Лещинскій рѣшительно не допускается къ занятію Польскаго престола; 2) наслѣдный принцъ Саксонскій допускается только въ томъ случаѣ, если согласится на требованія союзниковъ; 3) въ кандидаты долженъ быть предложенъ кто-нибудь изъ Пястовъ; 4) если нельзя будетъ выбрать кого-нибудь изъ Поляковъ, то можно имѣть въ виду какого-нибудь нѣмецкаго принца, одного изъ младшихъ сыновей владѣльческихъ. Кадетъ, или младшій сынъ, назначался потому, чтобъ не было соединенія Польши съ какимъ-нибудь нѣмецкимъ владѣніемъ. Проектъ былъ принятъ Русскимъ Дворомъ [3]). Скоро Австрія выставила кандидата, котораго предлагала и прежде Русскому Двору,—инфанта Эммануила, брата Португальскаго короля, который въ 1730 году пріѣзжалъ въ Москву, съ цѣлію получить руку императрицы, но уѣхалъ съ отказомъ; отказано было и прежнему жениху, Морицу Саксонскому: Анна

[1]) Маньянъ.

[2]) Бумаги Бирона, въ Госуд. Архивѣ.

[3]) Дѣла Австрійскія означенныхъ лѣтъ.

рѣшилась не выходить замужъ, а упрочить русское наслѣдство въ линіи царя Іоанна посредствомъ брака племянницы своей Анны Леопольдовны, дочери герцогини Макленбургской Екатерины Ивановны, и братъ гофмаршала, генералъ-поручикъ графъ Карлъ-Густавъ Левенвольдъ, отправился заграницу искать жениха; при этомъ ему поручено было также улаживать въ Вѣнѣ и Берлинѣ Польское дѣло.

Мы видѣли, какую радость произвело въ Берлинѣ извѣстіе о возстановленіи самодержавія въ Россіи. Когда князь Сергѣй Голицынъ далъ знать объ этой радости въ Москву, то ему велѣно было увѣрить Фридриха-Вильгельма, что императрица, по своему высокопочитанію къ его особѣ, будетъ нерушимо сохранять дружбу къ Пруссіи и приложитъ особенное стараніе усилить ее и утвердить, и исполнитъ всѣ обязательства, какъ прилично вѣрной союзницѣ. Король отвѣчалъ, что у Россіи съ Пруссіею дружба старая, и еслибъ онъ самъ не хотѣлъ этой дружбы, то государственный интересъ принуждаетъ его къ ней; что хотя его области находятся и близко отъ Россіи, однако съ обѣихъ сторонъ нѣтъ никакихъ претензій и запросовъ, которые могли бы повести къ нарушенію согласія. Король спѣшилъ предложить возобновленіе союзныхъ договоровъ между Россіею и Пруссіею; Русскій Дворъ отвѣчалъ, что охотно исполнитъ желаніе королевское, пусть только пришлется проектъ, въ какой формѣ желаютъ возобновленія договора. Въ сентябрѣ заключенъ былъ договоръ, по которому оба Двора обязались не допускать на Польскій престолъ Лещинскаго и наслѣднаго принца Саксонскаго, поддерживать существующій порядокъ вещей въ Польшѣ, не позволять ни отреченія Августа II въ чью бы то ни было пользу, ни избранія новаго короля при жизни стараго.

Въ октябрѣ того же года, князь Сергѣй Голицынъ былъ отозванъ изъ Берлина; на его мѣсто былъ назначенъ отозванный отъ Польскаго Двора Мих. Петр. Бестужевъ, который въ декабрѣ размѣнялся съ прусскими министрами ратификаціями возобновленнаго союзнаго договора.

Мы уже упоминали, что въ концѣ 1731 года былъ отправленъ къ Прусскому Двору Ягужинскій. Въ инструкціи, ему данной 23 ноября, говорилось: „Такъ какъ ея императорское величество, по нынѣшнимъ конъюнктурамъ и обращаемымъ дѣламъ въ Европѣ, за потребно разсудить изволила, ради лучшаго предостереженія высокихъ своихъ интересовъ, имѣть при Дворѣ королевскаго величества Прусскаго знатную персону,—потому изволила повелѣть обрѣтающагося нынѣ тамъ министра Михаила Бестужева отозвать и отправить ко Двору Шведскому, а его, господина генерала графа Ягужинскаго, къ тому Прусскому Двору избрать“ [1]. Но „знатная персона“ не была довѣренною персоною, и графъ Карлъ-Густавъ Левенвольдъ два раза являлся въ Берлинъ для переговоровъ по Польскому дѣлу. Во вторую поѣздку въ 1732 году онъ объявилъ, что отношенія въ Петербургѣ очень натянуты: Минихъ овладѣлъ волею императрицы, Биронъ колеблется, Августъ II предложилъ ему Курляндію и полмилліона, Франція дѣлаетъ императрицѣ огромныя обѣщанія; теперь ему, Левенвольду, и его братьямъ удалось поддержать Остермана, котораго Минихъ старается удалить, но всего лучше поддержитъ его заключеніе союза между тремя черными орлами. Союзный договоръ былъ написанъ: союзники обязывались употребить всѣ средства, чтобъ на Польскій престолъ избранъ былъ кандидатъ, способный сохранять доброе согласіе съ сосѣдними державами; обязывались во время выборовъ выставить армію на польскихъ границахъ, не для стѣсненія выборовъ, а наоборотъ,—для охраненія польской вольности отъ чужестраннаго стѣсненія; Цесарь выставляетъ кавалерійскій корпусъ въ 4,000 человѣкъ и одинъ гусарскій полкъ; Русская императрица—6,000 конницы и 14,000 пѣхоты; король Прусскій—12 батальоновъ пѣхоты и 20 эскадроновъ конницы; войска должны быть расположены такимъ образомъ, чтобъ могли соединиться въ теченіи четырехъ недѣль. Союзники обязывались, въ случаѣ нужды, увеличить это число и даже дѣйствовать всѣми своими войсками, пока цѣль союза не будетъ достигнута, и если въ это время какая-нибудь посторонняя держава нападетъ на одного изъ союзниковъ,—другіе помогаютъ ему. Курляндія должна сохранить прежнюю форму правленія, а не сливаться съ Польшею; новый герцогъ Курляндскій долженъ отказаться за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ владѣнія другими землями; Польша попрежнему сохраняетъ свое верховное право надъ Курляндіею. Къ договору присоединены были сепаратные артикулы: 1) союзники постановили предложить въ кандидаты на Польскій престолъ Португальскаго принца Эммануила. Для доставленія успѣха своему кандидату, каждый изъ союзныхъ Дворовъ долженъ отправить своимъ посламъ въ Варшавѣ не менѣе 36,000 червонныхъ, причемъ Цесарь будетъ стараться у Португальскаго короля, чтобъ эти деньги или вовсе не понадобились, или были возвращены союзникамъ. 2) Русская императрица обѣщаетъ стараться всѣми силами, чтобъ, по смерти нынѣшняго герцога Курляндскаго, былъ избранъ второй сынъ Прусскаго короля. Въ составленіи договора участвовалъ и австрійскій посланникъ при Прусскомъ Дворѣ, графъ Секендорфъ.

Когда, 5 декабря, договоръ надобно было подписывать, Левенвольдъ объявилъ, что онъ готовъ подписать трактатъ, но не сепаратные артикулы; если же король дастъ письменное обѣщаніе заплатить Бирону 200,000 талеровъ, то онъ ручается головою, что не только получитъ приказаніе подписать трактатъ, но и доставитъ ратификацію императрицы. Секендорфъ совѣтовалъ отпустить Ле-

[1]) Дѣла Прусскія.

венвольда въ Петербургъ съ условіемъ, чтобъ онъ въ шесть или восемь недѣль доставилъ ратификацію. Левенвольдъ отправился съ письменнымъ королевскимъ обѣщаніемъ для Бирона,—и въ Берлинѣ могли считать дѣло конченнымъ [1]).

Обратимся къ Скандинавскимъ государствамъ. Легко понять чувство, съ какимъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ узналъ въ Копенгагенѣ о восшествіи на престолъ Анны; горесть должна была еще усиливаться мыслію, что года два тому назадъ воцареніе Анны было бы для него величайшимъ счастіемъ. Но чувство было сжато въ груди, и Бестужевъ спѣшилъ написать новой императрицѣ: „Что Всемогущій императора Петра Алексѣевича изъ сего временнаго въ вѣчное блаженство преселилъ, а ваше императорское величество по единогласному всѣхъ чиновъ Россійской имперіи совѣту и желанію ко всенародному порадованію (*наипаче мнѣ, вашему издревле вѣрному рабу и служителю*) на Россійско-императорскій престолъ державнѣйшею императрицею и самодержицею всея Россіи щедромилостиво избрать соизволилъ: того ради, падая къ подножію высочайшаго вашего престола, дерзаю изъ глубины сердца моего со всеподданнѣйшимъ респектомъ ваше императорское величество со счастливымъ восшествіемъ на престолъ съ неописано-веліею радостію поздравить и притомъ всею крѣпостію силъ моихъ сердечно пожелать, да возложитъ всещедрый Богъ вѣнецъ благословенія на освященную главу вашу со всякимъ изобиліемъ по желанію сердца вашего и да одаритъ ваше императорское величество счастливо-разумно - премудрымъ правленіемъ и долгоденствіемъ до высочайшей степени человѣческой жизни, къ вѣчной радости всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ. Могу засвидѣтельствовать, что не только король, министерство и весь Дворъ, но и весь народъ оказываетъ великую радость о восшествіи вашего императорскаго величества на престолъ, тѣмъ болѣе что не племянникъ вашего величества принцъ Голштинскій или кто другой къ тому избранъ, ибо чрезъ нынѣшнее избраніе корона здѣшняя не токмо почитаетъ себя отъ Россійской имперіи въ безопасности, но и уповаетъ въ прежнюю дружбу, доброе согласіе и тѣснѣйшія обязательства придти“.

18 апрѣля Бестужевъ повторилъ свое поздравленіе и привелъ письмо Анны къ себѣ изъ Митавы отъ 10 февраля 1729 года: „Очень сожалѣю о вашемъ пожарномъ разореніи, а что вы просите о вспоможеніи вамъ, я истинно буду рада вамъ вспоможеніе учинить, понеже я отъ васъ никакой противности къ себѣ не видала, кромѣ вашихъ ко мнѣ вѣрныхъ службъ; ежели Богъ меня исправитъ, по возможности моей васъ не оставлю“.—„Государыня всемилостивѣйшая“, пишетъ Бестужевъ: „Всещедрый Богъ молитву мою услышалъ, и толь ваше императорское величество исправилъ, что нынѣ не токмо по возможности вспомочь мнѣ въ состояніи, но и все сіе временное по Бозѣ въ высочайшей десницѣ, власти и силѣ вашей и самовѣчную мнѣ и всей моей бѣдной фамиліи фортуну учинить“. Перечисляя свои заслуги, Бестужевъ жалуется, что не имѣетъ никакого авансаменту: „По успеніи Петра Великаго повсягодно многимъ авансаменты, промоціоны и разныя награжденія учинены, и не токмо россійскимъ служителямъ разныя граціалы учинены, но и здѣшнему министру Вестфалю кавалерія пожалована; а я бѣдный и безпомощный кадетъ (за десятилѣтнія мои вѣрно-рабскія услуги и за мое здѣсь претерпѣніе для присутствія герцога Голштинскаго въ Россіи и для его претензіи на Шлезвигъ всегда былъ здѣсь ненавидимъ и житіе мое было не легче полону) однако всегда я былъ забвенію преданъ. Съ начала моего сюда прибытія и понынѣ всегда я высочайшую вашу ко мнѣ и къ бѣдной моей фамиліи милость прославлялъ и прославляю, чего ради всему Двору здѣшнему извѣстно, что у вашего императорскаго величества былъ я оберъ-камеръ-юнкеромъ, и что ваше императорское величество у всѣхъ моихъ трехъ сыновей всемилостивѣйше соизволила быть высочайшею воспріемницею, и того ради при восшествіи вашего императорскаго величества на Россійско-императорскій престолъ всѣ мнѣ при Дворѣ здѣшнемъ и въ городѣ знакомые поздравляли къ скорому моему авансаменту, и ежели я забвенію преданъ буду, какія при Дворѣ здѣшнемъ разныя о мнѣ рефлекціи учинены быть могутъ, не только къ чувственнѣйшему моему прискорбію и печали, но и толь паче къ предосужденію вашего императорскаго величества высочайшаго здѣсь респекту и интересамъ Россійской имперіи, что я толь наипаче во уничтоженіе здѣсь приду и нигдѣ толь свободнаго приступу и съ достойною дистинкціею обхожденія имѣть весьма не буду“.

30 сентября 1730 года умеръ король Фридрихъ IV, и ему наслѣдовалъ сынъ его Христіанъ VI. Бестужевъ воспользовался этимъ случаемъ и написалъ императрицѣ: „Слезно прошу, да соизволите во всемилостивѣйшую консидерацію принять, что уже я въ осьмой годъ вступаю яко камергеромъ и въ одиннадцатый яко резидентомъ, такъ что уже во ономъ характерѣ четыре кридитива подалъ; для Всещедраго Бога да соизвольте помилосердствовать надо мною безпомощно-бѣднымъ и весьма сирымъ кадетомъ, пожаловать меня при Дворѣ здѣшнемъ чрезъ сей новый и пятый кредитивъ чрезвычайнымъ посланникомъ“.

Вмѣсто повышенія, весною 1731 года, Бестужеву велѣно было отправиться резидентомъ въ ганзейскіе города Гамбургъ, Любекъ и Бременъ, а на его мѣсто, въ Копенгагенъ, отправленъ былъ человѣкъ *вѣрный*, Курляндецъ фонъ-Бракель, принятый въ русскую службу въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; Бракель, по пріѣздѣ въ Копенгагенъ, писалъ императрицѣ въ особой реляціи: „Ваше императорское величество приказали,

[1]) Droysen: „Friedrich-Wilhelm“, I.—II, 178.

чтобъ я вамъ партикулярно доносилъ, о чемъ сочту нужнымъ; а потому доношу, что здѣшній оберъ-камергеръ Плейсе, королевскій фаворитъ, у меня былъ съ объясненіемъ, что Датскій король охотно съ вашимъ величествомъ желаетъ вступить въ тѣсный союзъ, причемъ сдѣлаетъ все въ угоду вашего величества и даже кой-что въ пользу герцога Голштинскаго, если ваше величество гарантируете королю герцогство Шлезвигское. Я ему отвѣчалъ, что еще указу не имѣю, но думаю, что императрица будетъ довольна, если герцогство Шлезвигское останется за королемъ при условіи нѣкотораго вознагражденія за это герцогу Голштинскому.—Цесарь, Швеція, Пруссія молчатъ относительно Голштинскаго дѣла, а вашего величества интересъ требуетъ освободиться отъ этого дѣла и привести въ забвеніе голштинскую партію въ Россіи, императорскій титулъ и другія полезныя условія отъ Даніи получить и вступить въ естественный и полезный союзъ, который Россіи никогда не вредилъ, а герцогъ Голштанскій можетъ быть доволенъ и тѣмъ, что онъ изъ Россіи получилъ. Поэтому я не вижу, для чего пропускать удобный случай сблизиться съ Даніею и ссориться съ нею за такое дѣло, которое вашему величеству никакой пользы принести не можетъ, ибо надобно выбирать одно изъ двухъ: или оставить герцога Голштинскаго, или изъ-за него начать войну. Прошу это мое письмо въ совѣтъ не приносить, чтобъ оно мнѣ не надѣлало враговъ".

Мнѣніе Бракеля, разумѣется, очень понравилось; но переговоры затянулись по медленности Вѣнскаго Двора, который, по своимъ обязательствамъ, долженъ былъ принять участіе въ Голштинскомъ дѣлѣ. Только весною 1732 года пріѣхалъ въ Копенгагенъ цесарскій посолъ при Прусскомъ Дворѣ, графъ Сакендорфъ, для рѣшенія этого дѣла. Начали торговаться; датскіе министры объявили, что король ихъ относительно герцога ничѣмъ не обязанъ и съ нимъ никакого дѣла не имѣетъ; но, для возстановленія добраго согласія и старой дружбы съ Цесарскимъ и Русскимъ Дворами, онъ соглашается дать 600,000 ефимковъ, а издержать болѣе Данія не въ состояніи. При этомъ датскіе министры показали Секендорфу и Бракелю договоръ, заключенный Даніею съ Ганноверомъ, по которому Георгъ I обязался, что если Данія когда нибудь будетъ принуждена заплатить что-нибудь за герцогство Шлезвигское, то онъ платитъ половину; но нынѣшній король Англійскій, Георгъ II, велѣлъ объявить датскому кабинету, что онъ не намѣренъ давать ни одного ефимка, потому что не видитъ, кто можетъ принудить Данію къ уплатѣ при англійской и французской гарантіи. Бракель настаивалъ на уплату двухъ милліоновъ и требовалъ, чтобъ дѣло было донесено въ Петербургъ и Вѣну; но Секендорфъ не соглашался такъ долго жить въ Копенгагенѣ, а датскіе министры объявили, что если Шлезвигское дѣло не будетъ окончено теперь же въ присутствіи цесарскаго министра, то они болѣе ждать не будутъ и заключатъ союзъ съ Франціею, которая предлагала милліонъ ливровъ субсидій. Съ другой стороны, Англія требовала отъ Даніи, чтобъ она не обѣщала Россіи никакой гарантіи, а заключила бы союзный договоръ съ Швеціею, къ которому приступитъ и Англія и такъ-же будетъ платить Даніи субсидіи. Въ такихъ обстоятельствахъ Секендорфъ и Бракель сочли необходимымъ заключить такой договоръ: Данія уплачиваетъ герцогу Голштинскому милліонъ ефимковъ; если онъ на это не согласится, то Россія и Австрія прекращаютъ въ отношеніи къ нему свои обязательства; Данія соглашается на прагматическую санкцію и гарантируетъ русскія владѣнія, а Россія и Австрія гарантируютъ настоящія владѣнія Датскаго короля. Договоръ былъ заключенъ 26 мая 1732 года [1]).

Изъ Швеціи графъ Головинъ началъ свои доношенія новой императрицѣ извѣстіемъ, что онъ отдалъ 5,000 червонныхъ графу Горну; мужъ не бралъ, такъ онъ отдалъ женѣ, послѣ чего мужъ заставилъ его дать клятву держать дѣло объ этомъ подаркѣ въ величайшей тайнѣ, а самъ увѣрялъ, что будетъ прилагать стараніе при всякомъ случаѣ къ распространенію дружбы между обоими государствами и удержанію равновѣсія между королемъ и герцогомъ Голштинскимъ, какъ прилично истинному патріоту. Фельдмаршалъ и сенаторъ графъ Дикеръ, получивъ 2,000 червонныхъ, обѣщалъ свои покорныя услуги до смерти; графъ Белке и баронъ Дибинъ получили 2,000 червонныхъ; графы Гилленборгъ и Гилленстернъ, баронъ Кронштетъ—1,000; гофъ-канцлеръ фонъ-Кохенъ и графъ Бонде—по 1,000; послѣдній прямо сказалъ, чтобъ деньги были отданы не ему, а женѣ, хотя и въ его присутствіи. Несмотря на 5,000 червонныхъ, данныхъ Горну, Головинъ сильно хлопоталъ, чтобъ на будущій сеймъ, назначенный въ январѣ 1731 года, Горнъ не былъ избранъ ландмаршаломъ, уговаривалъ гвардейскихъ и артиллерійскихъ офицеровъ, чтобъ они не подавали своихъ голосовъ въ пользу Горна. Въ декабрѣ Головинъ извѣщалъ, что партія Горна сильна, потому что французскій и англійскій посланники помогаютъ ему покупать голоса. Къ 1731 году Головину было переведено изъ Россіи 10,000 рублей „на употребленіе при сеймѣ потребнымъ особамъ"; при этомъ Головину писали именемъ императрицы: „Мы на твое искусство и извѣстное къ нашимъ интересамъ радѣніе надѣемся, что ты всемѣрное стараніе имѣть будешь, дабы выборъ маршала по нашему намѣренію къ интересамъ нашимъ произведенъ былъ; но ежели-бъ ты, паче всякаго чаянія, предусмотрѣлъ, что тебѣ никакимъ образомъ въ томъ предуспѣть невозможно было, въ такомъ случаѣ себя содержать тихо; всѣ твои поступки съ такою осторожностію поведены быть имѣютъ, дабы противную сторону, ежели-бъ она очень сильна была, явно не озлоблять, и тѣмъ имъ къ предосу-

---

[1]) Дѣла Датскія 1730—1732 годовъ.

дительнымъ относительно насъ поступкамъ поводъ не подать". Графъ Головинъ отвѣчалъ, что „англійскій министръ Финчъ получилъ отъ своего Двора 60,000 фунтовъ стерлинговъ, и почти ежедневно угощаетъ у себя сенаторовъ и другихъ знатныхъ особъ". „Поэтому", писалъ Головкинъ, „я переведенною ко мнѣ суммою никакъ не въ состояніи отвратить предложенія Англійскаго Двора, и хотя въ секретной коммисіи находится много доброжелательныхъ персонъ, однако они мнѣ откровенно сами и черезъ другихъ даютъ знать, чтобъ имъ дано было нѣкоторое награжденіе, въ противномъ случаѣ они могутъ пристать и къ другой сторонѣ; поэтому я переведенную ко мнѣ сумму на нихъ почти всю употребилъ, такъ что другимъ доброжелательнымъ и на покупку новыхъ голосовъ для сопротивленія англійскимъ интригамъ денегъ не достанетъ".

Маршаломъ сейма былъ выбранъ графъ Горнъ, и, въ апрѣлѣ 1731 года, Головинъ доносилъ, что маршалъ старается склонить членовъ секретной коммисіи къ Французскому союзу, обѣщая хорошія субсидіи. Члены секретной коммисіи увѣряли Головина, что Горново предложеніе не пройдетъ, но между тѣмъ объявили, что Швеція смотритъ на одно: откуда бы ей субсидіи получить, потому что ей безъ того пробавиться никакъ нельзя; такъ если бы они могли быть увѣрены, что получатъ субсидію отъ Россіи, то легко провели бы предложеніе о возобновленіи союза съ нею. Горнъ явно избѣгалъ разговоровъ съ русскимъ министромъ, извиняя себя тѣмъ, что по своей должности онъ не можетъ сноситься съ иностранными министрами, хотя въ то же время должность не мѣшала ему имѣть тайныя конференціи съ французскимъ посланникомъ, графомъ Кастежа.

Но Англія и Голландія помирились съ Цесаремъ; Ганноверскій союзъ рушился; Франція оставалась одна, и потому союзъ съ нею не былъ очень выгоденъ. Гофъ-канцлеръ, фонъ-Кохенъ, пріѣхалъ къ Головину съ предложеніемъ, не можетъ ли Россія перенять на себя уплату денегъ, которыя Швеція должна Голландіи. Головинъ отвѣчалъ, что если съ шведской стороны будутъ показаны знаки дружбы, то можно надѣяться, что императрица перейметъ на себя голандскій долгъ.—„Что же Швеціи надобно для этого сдѣлать?" спросилъ Кохенъ.—„Возобновить союзъ съ Россіею", отвѣчалъ Головинъ. „Изготовьте проектъ: я его отправлю къ своему Двору". Члены коммисіи, выслушавъ донесеніе Кохена о разговорѣ его съ Головинымъ, изъявили сильное желаніе составить требуемый проектъ союза; но Горнъ возразилъ, что дѣло требуетъ зрѣлаго разсужденія, ибо, какъ видно, Русскій Дворъ желаетъ, чтобъ Швеція начала его.

Въ маѣ Головинъ узналъ, что датскій посланникъ Шметтау хлопочетъ также о союзѣ, причемъ поддерживается французскимъ посланникомъ; Кастежа прибавилъ, чтобъ и его Дворъ былъ включенъ въ Датско-Шведскій союзъ, за что Франція будетъ давать субсидіи—по 100,000 ефимковъ ежегодно. Между тѣмъ король, зная, что новое Русское правительство не имѣетъ сильныхъ побужденій хлопотать за герцога Голштинскаго, оказывалъ Головину особенные знаки вниманія: однажды нечаянно пріѣхалъ къ нему въ шесть часовъ вечера, ужиналъ и оставался до двухъ часовъ по-полуночи, причемъ говорилъ, что болѣе всего желаетъ усиленія дружбы между Россіею и Швеціею. Головинъ отвѣчалъ, что теперь, по случаю сейма, самый удобный случай исполнить это желаніе, именно—возобновить прежній союзъ. „Очень бы я желалъ", отвѣчалъ король, „возобновить союзъ; но здѣсь, въ Швеціи, много другихъ господъ королей, которые, руководясь своими интересами, дѣлаютъ что хотятъ; но я съ своими приверженцами буду внушать чинамъ о возобновленіи союза".

Предложеніе о Датскомъ союзѣ было отстранено на томъ основаніи, что еще не извѣстно, какъ поступятъ Испанія и Франція вслѣдствіе Вѣнскаго договора, заключеннаго между Австріею, Англіею и Голландіею; отложено было и дѣло о возобновленіи Русскаго союза; ждали, не предложитъ ли Цесарь и Англія, чтобъ Швеція приступила къ Вѣнскому договору. Въ іюнѣ сеймъ окончился, и французскій посланникъ остался очень недоволенъ Горномъ за то, что тотъ не настоялъ на заключеніи союза съ Даніею.

Въ 1732 году, графъ Головинъ былъ смѣненъ переведеннымъ изъ Берлина Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ. Новый „чрезвычайный посланникъ" началъ свои донесенія извѣстіями о движеніяхъ французскаго посланника графа Кастежа, для привлеченія Швеціи во Французскій союзъ. Такъ какъ теперь у Франціи съ Россіею уже было покончено, то Кастежа не довольствовался тѣмъ, что предлагалъ субсидіи, но внушалъ, что королю его было бы всего пріятнѣе видѣть Швецію въ прежнемъ могущественномъ положеніи, давая этимъ знать, что Франція скорѣе всѣхъ можетъ помочь Швеціи въ возвращеніи отъ Россіи завоеванныхъ Петромъ областей. Извѣстіе о заключеніи союза между Россіею и Даніею было пріятно королю и королевѣ, какъ доказательство, что Русскій Дворъ отступилъ отъ герцога Голштинскаго, и непріятно министрамъ, которые досадовали, что позволили Россіи предупредить себя. За эту непріятность они отплатили Русскому Двору тѣмъ, что заключили миръ съ Польшею, тогда какъ, по Ништадтскому договору, миръ между Швеціею и Польшею долженствовалъ быть заключенъ при посредствѣ Россіи [1]).

Обратимся наконецъ къ Польшѣ, изъ-за которой было столько хлопотъ. Первое важное извѣстіе, полученное въ новое царствованіе изъ Варшавы, было извѣстіе о продолжающемся гоненіи на Православныхъ. Въ началѣ 1730 года, къ русскому посланнику, Михаилу Петровичу Бестужеву, приходили жалобы изъ Бреста-Литовскаго, изъ Бѣльска:—вездѣ

[1]) Дѣла Шведскія 1730—1732 годовъ.

главными дѣятелями были іезуиты. „На конференціи и въ другое время“, писалъ Бестужевъ, „я настаиваю, чтобъ Православнымъ дано было удовлетвореніе, но ничего изъ этого не выходитъ, потому что римское духовенство имѣетъ здѣсь большую силу, всякими средствами дѣйствуютъ у министровъ, чтобъ Православнымъ не дано было удовлетворенія, не дано было покоя; поэтому я считаю нужнымъ, чтобъ ваше величество прислали объ этомъ грамоту къ королю и Рѣчи Посполитой, чтобъ мнѣ, при подачѣ грамоты, можно было дѣлать болѣе сильныя представленія. Также нужно прислать другую грамоту насчетъ утвержденія Бѣлорусскаго епископа Берла, потому что на первую до сихъ поръ нѣтъ отвѣта, а между тѣмъ есть опасность, чтобъ и на эту послѣднюю епархію не посадили уніата, ибо здѣшніе духовные немалое лакомство къ тому имѣютъ и постараются исполнить свое желаніе“

Осенью собрался сеймъ въ Гроднѣ; но полномочнымъ министромъ туда былъ отправленъ не Бестужевъ, а генералъ Вейсбахъ, который увѣдомилъ, что король выдалъ указъ противъ Берла, который выставлялся человѣкомъ, пріѣхавшимъ на Бѣлорусскую епархію нахально, безъ вѣдома и воли короля и Рѣчи Посполитой, и потому могилевскимъ жителямъ, подъ страхомъ наказанія, запрещалось признавать его владыкою и слушаться его, Сеймъ былъ разорванъ по интригамъ Потоцкихъ, которые хотѣли, чтобъ гетманство великое коронное досталось одному изъ нихъ; но когда увидали, что король на это не соглашается, то чрезъ одного изъ своихъ креатуръ и разорвали сеймъ. Вейсбахъ отправился въ Варшаву и представилъ королю о притѣсненіяхъ, которымъ подвергается епископъ Берло и вообще всѣ Православные; король отвѣчалъ, что всякое удовольствіе въ желаніяхъ Русской государыни показать стараться будетъ. Вейсбахъ подалъ промеморію вице-канцлеру Липскому о гоненіяхъ на Православныхъ, и слѣдствіемъ было то, что отправлено было къ могилевскому эконому письмо, въ которомъ приказывалось оставить Берла жить спокойно и безопасно въ Могилевѣ; наконецъ Вейсбахъ выхлопоталъ и грамоту королевскую, по которой Берло могъ пріѣхать въ Варшаву для представленія королю и министрамъ и полученія привилегіи на епископство.

Вейсбахъ долго не остался въ Польшѣ. Полномочнымъ министромъ туда былъ отправленъ графъ Левенвольдъ третій (Фридрихъ-Казиміръ, дѣйствительный камергеръ). Въ началѣ 1731 г. министры—прусскій, англійскій и голландскій,—находившіеся при Польскомъ Дворѣ, обратились къ Левенвольду съ просьбою ходатайствовать вмѣстѣ съ ними за диссидентовъ; Левенвольдъ согласился. Но, ходатайствуя вмѣстѣ съ другими за диссидентовъ вообще, онъ никакъ не могъ добиться, чтобъ Берлу дана была привилегія на Бѣлорусское епископство, и тотъ принужденъ былъ ни съ чѣмъ уѣхать изъ Варшавы назадъ въ Могилевъ. „Я нахожу“, писалъ Левенвольдъ, „что если со стороны вашего величества сильная резолюція принята не будетъ, то отъ Рѣчи Посполитой во всѣхъ этихъ обидахъ скораго удовлетворенія трудно дождаться“. Главное препятствіе относительно утвержденія Берла Левенвольдъ встрѣтилъ въ вицѣ-канцлерѣ Чарторыйскомъ, — „Русскому Двору и всѣмъ его интересамъ явномъ непріятелѣ“. Мало того, что Берла выпроводили изъ Варшавы: ему приказали, по пріѣздѣ въ Могилевъ, немедленно забрать свои вещи и ѣхать, откуда пріѣхалъ, и это приказаніе прописано было въ паспортѣ, выданномъ ему Чарторыйскимъ; въ Могилевъ отправленъ былъ королевскій указъ, который грозилъ жителямъ лишеніемъ всѣхъ вольностей и жестокою казнію, если они немедленно не выпроводятъ Берла, и экономъ объявилъ послѣднему, чтобъ чрезъ недѣлю непремѣнно выѣхалъ, въ противномъ случаѣ велитъ солдатамъ выкинуть его за городъ Войты могилевскіе съ цѣлымъ магистратомъ и посполитыми людьми приходили къ Берлу и говорили ему: „Изволь, преосвященство твое, не дожидаясь большей конфузіи, немедленно выѣхать отъ насъ,—больше твое преосвященство держать не можемъ, потому что король грозитъ намъ отнятіемъ вольностей и смертною казнію“. По полученіи этого извѣстія, въ Москвѣ сдѣлано было сообщеніе польскому посланнику Потоцкому, который написалъ могилевскому эконому, чтобъ тотъ удержался отъ насильственныхъ дѣйствій противъ Берла до будущаго рѣшенія между обоими Дворами. Поэтому канцлеръ, графъ Головкинъ, писалъ епископу, чтобъ онъ оставался въ Могилевѣ и ѣхалъ въ Москву только въ случаѣ принужденія. „Но, въ такомъ случаѣ“, писалъ Головкинъ, „весьма потребно вамъ надлежащую твердость возымѣть и выѣздомъ не торопиться, ибо нельзя ожидать, чтобъ Поляки дѣйствительно показали къ вамъ какой нибудь непріятельскій поступокъ: по извѣстному польскому обыкновенію, они болѣе угрозами стращаютъ, а въ самомъ дѣлѣ того не отваживаются чинить“

Берло остался въ Могилевѣ; но въ концѣ 1731 года писалъ императрицѣ: „Шляхта бѣлорусская продолжаетъ отторгать церкви Православныя къ уніи; меня, бѣднаго, нестерпимымъ ругательствомъ поносятъ и архіерейскимъ вотчинамъ, въ которыхъ только 30 мужиковъ имѣется, превеликую обиду и разореніе чинятъ, а недавно и совсѣмъ отнять хотѣли, такъ что я, продавъ лошадей и платье свое, принужденъ былъ оплачиваться, и оплатился на время; все это они дѣлаютъ для того, чтобъ меня отсюда выжить. Хотя я живу здѣсь по всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества указу для управленія духовныхъ дѣлъ и для всякихъ епархіи Бѣлорусской порядковъ, однако духовенство здѣшнее, зная о королевскихъ указахъ, запрещающихъ имѣть меня епископомъ, и не боясь Бога, самовольно живутъ, отчего происходитъ всенародный соблазнъ и великое безчинство; меня, мнимаго своего архіерея, ни во что вмѣняютъ, ни

съ какими дѣлами ко мнѣ не обращаются, мура освященнаго отъ меня принимать не хотѣли, сверхъ того заочно меня ругаютъ; изъ нихъ едва кто твердо стоитъ въ Православіи, болѣе же готовы къ уніи. А я всегда боленъ обрѣтаюсь, и для того не могу здѣшнихъ польскихъ церемоній и политикъ трактовать, и, какъ зарубежный человѣкъ, здѣшнихъ правъ не вѣдаю, а теперь въ старости обучаться имъ не могу, также и Православію святому, во всегдашнемъ гоненіи обрѣтающемуся, никакой пользы и помощи въ здѣшнемъ свободномъ народѣ не учиню. Слезно прошу, да повелитъ ваше императорское величество меня отъ сего послушанія, которое выше силы моей, освободить".

Въ январѣ 1732 года Головкинъ писалъ Арсенію, что на требованіе его утвержденія, польскій посланникъ Потоцкій отвѣчалъ: „Король и республика вовсе не препятствуютъ, чтобъ на Бѣлорусской епархіи былъ епископъ Греческой вѣры, но не могутъ допустить Арсенія Берла потому, что онъ не изъ Поляковъ и не шляхтичъ польскій. Если обыватели Бѣлорусской епархіи выберутъ себѣ въ епископы другого кого нибудь, польскаго происхожденія, то король и республика безъ малѣйшаго отлагательства дадутъ ему конфирмацію". Ему сказали, что императрица соглашается на это подъ такимъ условіемъ, чтобъ Арсеній Берло безъ всякаго безпокойства могъ оставаться въ Могилевѣ и отправлять всѣ духовныя должности, пока будетъ избранъ и подтвержденъ другой епископъ, въ чемъ Потоцкій и обнадежилъ. „Итакъ ваше преосвященство", писалъ Головкинъ, „извольте, по этому соглашенію жить въ Могилевѣ до избранія и утвержденія новаго епископа; ведите себя тихо, исправляйте одну духовную должность, а по избраніи новаго епископа будете по своему достоинству въ Россіи къ пристойной епархіи опредѣлены".

11 іюля 1732 года, вольными и согласными голосами избранъ былъ въ Бѣлорусскіе епископы, находившійся въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей игуменомъ, Іоасафъ Волчанскій, природный польскій шляхтичъ. Левенвольду присланъ былъ изъ Петербурга указъ: „прилежное стараніе приложить и ревностно домогаться", чтобъ Волчанскому дано было королевское утвержденіе. „Ели же усмотрите", говорилось въ указѣ, „что для скорѣйшаго исходатайствованія королевской привилегіи надобно кому нибудь презенты небольшіе учинить, то можете на то употребить пристойное число денегъ изъ имѣющейся у васъ нашей казны". Левенвольдъ прилагаетъ всевозможное стараніе получить привилегію; но папскій нунцій такъ же прилагаетъ всевозможное стараніе, чтобъ удержать ее; наконецъ, благодаря добрымъ людямъ, привилегія была написана въ Литовской Канцеляріи и отправлена въ Саксонію для подписи королевской [1]).

Но подлѣ Русскаго вопроса стоялъ вопросъ собственно Польскій, занимавшій одинаково и Россію, и Австрію, и Пруссію, и Францію:—вопросъ о томъ, кто будетъ преемникомъ Августа II, которому уже оставалось очень недолго жить. Въ началѣ 1733 года онъ пріѣхалъ въ Варшаву, гдѣ былъ созванъ чрезвычайный сеймъ. Вельможи и земскіе послы волновались слухами, что король непремѣнно хочетъ насильственными средствами сломить польскую конституцію въ пользу своего Дома. Дѣйствительно, Августъ заискивалъ въ Берлинѣ и ставилъ Фридриха-Вильгельма въ затруднительное положеніе между Россіею и Австріею съ одной стороны и Саксоніею—съ другой: Россія и Австрія обѣщали одну Курляндію и то не непосредственно, тогда какъ Августъ, за содѣйствіе его планамъ, обѣщалъ Польскую Пруссію, часть Великой Польши, Курляндію. Приманка была сильная, и дѣло было крайне опасное, и потому въ Берлинѣ заключили Левенвольдовъ договоръ; но Августъ не отставалъ, обѣщалъ, что опасности никакой не будетъ, что онъ удовлетворитъ и Россію, и Австрію, и что „четыре орла раздѣлятъ между собою пирогъ". Сеймъ начался среди обычной борьбы партій, изъ которыхъ одна старалась довести его до конца, а другая разорвать, какъ 1 февраля король умеръ. Вѣсть объ этомъ событіи отозвалась въ Европѣ призывомъ къ войнѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) *Выписки о переводчикѣ Суворовѣ въ Сербіи.*

Въ 1724 году февраля 5-го дня, именнымъ указомъ бл. пам. Его Императорскаго Величества Петра I-го опредѣлено послать изъ Св. Синода въ Сербію для обученія тамошняго народа дѣтей латинскаго и словенскаго діалектовъ двухъ учителей, а жалованья давать имъ по 300 рублей на годъ человѣку. И въ 1725 году, въ августѣ мѣсяцѣ, отправленъ въ Сербію въ Бѣлградъ синодальный переводчикъ Максимъ Суворовъ. А въ 1732 году, сентября въ 16 день, по указу изъ Сената въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ опредѣлено, что онъ, Суворовъ, чрезъ доношенія свои требовалъ съ прибавкою, объявляя себѣ немалыя нужды, также и о позволеніи, чтобъ ѣхать оттуда въ Россію и о подъемныхъ деньгахъ, также новоопредѣленный въ Сербіи митрополитъ отъ тамошняго въ Сербіи ему ученія отказалъ, и его, Суворова, содержать не хочетъ, и живетъ онъ тамо праздно, возвратиться ему въ Россію попрежнему, и для того его выѣзду перевесть къ нему изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ до ста рублевъ, которые-бъ онъ, Суворовъ, для ускоренія времени на дорожный проѣздъ

---

[1]) Дѣла Польскія 1730—1730 годовъ.

въ Вѣнѣ занялъ. Противъ чего Суворовъ посланнику Ланчинскому представилъ, что указу Его Императорскаго Величества повиноваться готовъ и радъ тамошнее бѣдственное житье перемѣнить, но что ему въ Вѣнѣ взаймы денегъ дать никто не повѣритъ, и путь свой онъ въ Россію ста рублями отнюдь съ женою и младенцемъ управить не можетъ. А хотя получилъ онъ, Суворовъ, жалованье на 1731 и на 1732 годы, то всѣ тѣ деньги одному сегединскому жителю за долги, которые еще въ Сербіи нажилъ, заплатилъ. И хотя ему, Суворову, Новосербскій митрополитъ предъ нѣкоторымъ временемъ объявилъ, что онъ учительства его, Суворова, въ Сербіи не требуетъ, но какъ потомъ оный митрополитъ почасту въ болѣзни припадать сталъ и оказалася оная болѣзнь быть водяною и небезопасною, то Петроворoccупскій епископъ Висаріонъ къ нему, Суворову, отъ 19 и отъ 24 іюня того 1733 году писалъ, объявляя желаніе свое и прочихъ сербскихъ архіереевъ имѣть его, Суворова, попрежнему въ Сербіи учителемъ, хотя бы помянутый митрополитъ и не хотѣлъ, которыя письма онъ, Суворовъ, ему Ланчинскому казалъ. И потомъ онъ же епископъ Висаріонъ, къ нему, Суворову, отъ 12 іюля того-жъ 1733 году паки писалъ, требуя, чтобъ онъ, Суворовъ, пріѣхалъ въ городъ Петроводынъ какъ скоро можетъ, гдѣ онъ самъ выразумѣетъ его, епископа, и народное требованіе быть ему тамо попрежнему учителемъ. Въ той же силѣ писалъ къ нему, Суворову, отъ 6 іюля и епископъ Хратской Исаія. При таковыхъ обстоятельствахъ онъ, посланникъ Ланчинской, видя поправленіе зазора, который оный Суворовъ претерпѣлъ, что хотя новой митрополитъ Сербской отказалъ-было оному отъ ученія, то нынѣ иные архіереи его, Суворова, имѣть для того ученія желаютъ; къ тому-жъ заподлинно вѣдая, что Римско-Цесарскому Двору обученіе Сербскаго народа весьма непріятно, то хотя тотъ Суворовъ уже ему, Ланчинскому, 150 гульденовъ былъ долженъ, увидя епископа Висаріона собственноручныя письма, не могъ онъ, Ланчинской, уклониться дать ему еще 100 гульденовъ какъ на проѣздъ въ Петроводынъ, а больше еще на оплату его въ Вѣнѣ квартеры и чтобъ необходимо себя содержать, тако-жъ жену и младенца въ Вѣнѣ до повороту своего могъ из пропитаніе снабдить. А потомъ въ реляціи посланникъ Ланчинской изъ Вѣны отъ 15 сентября того-жъ 1733 году доносилъ: что сверхъ писемъ къ переводчику Суворову, отъ Петроводынскаго епископа Висаріона присланныхъ, еще весьма сильный новый опытъ оказался Сегединскаго города жителей: прислали къ нему, Ланчинскому, зѣло докучное просительное письмо за подписью и печатьми 9 знатнѣйшихъ персонъ, которымъ просятъ о присылкѣ къ нимъ помянутаго переводчика Суворова, для обученія дѣтей ихъ. А потомъ онъ же, посланникъ Ланчинской, изъ Вѣны отъ 1-го февраля 1735 года доносилъ, что вскрылося отъ новоопредѣланнаго митрополита Сербскаго отрѣшеніе Суворова отъ школьнаго ученія, что, имѣя оной митрополитъ при Вѣнскомъ Дворѣ агента Іосифа Ямбрековича, ему вѣрилъ, который, вѣдая за собою тяжкія преступленія и дабы оныя не вскрылися, старался всякія персоны отъ митрополита отдалять, которыя бы либо его коварствы проникнуть могли, въ томъ же числѣ предпринялъ и на Суворова лживымъ внушеніемъ клеветать, якобы Цесарскому Двору было противно, что чужестранная персона въ учители употребляема. Чего не только никогда не бывало, но и весьма тому насупротивъ при избраніи нынѣшняго митрополита камисаръ цесарской, генералъ Локателли, всему собранію указомъ деклароваль, что чѣмъ болѣе народъ Сербскій во обученіи прилежать будетъ, тѣмъ милостивѣе цесарское величество сіе приметъ; но онъ, Ямбрековичъ, толковалъ сіе, будто сказано за лице, и свои ковы распространялъ; когда же Суворовъ изъ Сербіи въ Вѣну пріѣхалъ, то изъ Вѣны наипаче его выбить старался, и митрополиту весьма лживо доносилъ, будто онъ весь народъ тамо въ Вѣнѣ оглашаетъ. Но наконецъ исподоволь все вскрылося, и онъ арестованъ, и дѣло его слѣдуется. Чего ради Сербской митрополитъ Викентій Іоанновичъ писалъ именемъ всего клира и общества къ россійскому Синоду какъ со объявленіемъ о вышеупомянутыхъ Ямбрековича тяжкихъ преступленіяхъ, такъ и съ прошеніемъ, дабы указомъ ея императорскаго величества Суворовъ у нихъ былъ попрежнему оставленъ.

Въ Синодъ переводчикъ Суворовъ доносилъ изъ Сегедина, отъ 1-го марта и отъ 17 мая 1736 года, что онъ, Суворовъ, по письму епископа сегединскаго Виссаріона и съ позволенія по оному посланника Ланчинскаго поѣхалъ чрезъ Горватскую Землю, гдѣ видѣлся съ епископомъ Симеономъ, прежде бывшимъ его, Суворова, ученикомъ, и оттуда въ Сегединъ пріѣхалъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, но епископа Виссаріона не засталъ, понеже прежде пріѣзду его, Суворова, съ асистенціею нѣмецкой команды Бѣлградской митрополитъ взялъ его нагло безъ всякаго суда за арестъ и въ Корловицкомъ своемъ дворѣ заперъ въ тѣсной комнатѣ, имѣніе же его все освоилъ, и предъ народомъ всюду письмомъ и словомъ публиковалъ его безмѣстнымъ беззаконникомъ и хотѣвшимъ быть уніатомъ и тайнымъ съ Россійскимъ царствомъ и посланникомъ корреспондентомъ. Помянутое гоненіе, начатое отъ митрополита, дѣла не знающихъ причины сначала всѣхъ удивило, что видѣлось изъ-подъ руки, якобы всюду команды, различными мѣрами, якоже и духовенство римское, ему помогали и въ разговорахъ рѣчми мирволили; но 30 генваря сего году Сегединскій капитанъ, онъ же и цесарскій толмачъ римлянинъ (Румунъ?) Греко-россійскія вѣры предъ тремя офицерами сказалъ, что митрополитъ обѣщался быть у нихъ и весь клиръ и народъ Сербскій подъ цесарскою державою сущій на унію привесть, и для того-де епископъ Виссаріонъ, что онъ не есть и унитомъ быть не хочетъ, подъ крутымъ арестомъ содержится. Но

епархіане его, несмотря на публикаціи митрополитовы, гдѣ надлежитъ, просительныя протестаціи учинили и въ Вѣну депутатовъ послали, и, собравшися нѣсколько въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ ночи внезапно изъ ареста епископа Виссаріона освободили и въ Сегединъ привезли, гдѣ онъ испросилъ себѣ у Сегединскаго коменданта караулъ, подъ которымъ въ своемъ домѣ пребываетъ; а потомъ въ великій четвертокъ онъ, епископъ Виссаріонъ, указомъ цесарскимъ отъ Надворнаго Военнаго Совѣта ареста освобожденъ и караулъ отъ него сведенъ, и оставленъ до будущей коммисіи, яко подъ протекцію цесарскую ему прибѣгшу; а митрополитъ Бѣлградской, впавъ въ болѣзнь, которую докторы врачевать отреклись, привезенъ 10 мая въ Петровородынъ. Помянутой же митрополитъ домогался чрезъ знатную персону о указѣ, чтобъ Сегединской комендантъ его, Суворова, яко выгнаннаго изъ Россіи волочая взялъ подъ арестъ, но комендантъ сіе учинить яко съ чужестраннымъ человѣкомъ и союзной потенціи подданнымъ извинился (Московск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ).

2) *Въ листѣ къ его императорскому величеству* архіепископъ и митрополитъ Бѣлоградскій Моисей изъ Вѣны, отъ февраля 1728 года, пишетъ: что они его императорское величество за протектора признаваютъ, а они нынѣ, т.-е. сербословенскій народъ, кой есть подъ властію Римскаго цесаря, великіе имѣютъ налоги и несносныя и прямыя неправды и напасти, подъ коими скрытое творится насиліе вѣрѣ Православной, дабы они были уніаты, какъ Кроаціи и Трансильваніи учинено, о чемъ многіе командующіе Римляне явно имъ говорятъ и они сами видятъ, что для того утѣсняютъ ихъ и данныя имъ привилегіи уничтожаютъ и поущаемы суть отъ своихъ духовныхъ, которые весьма нашу Церковь ненавидятъ паче жидовской. Проситъ именемъ всѣхъ, дабы его императорское величество благоволилъ въ вѣрѣ ихъ Православной предложеніемъ цесарскому величеству Римскому вспомоществованіе учинить, якоже отъ самого и прецедесоровъ его дарованныя имъ привилегіи гласятъ, однако таковымъ благоразумнымъ способомъ (дабы отъ нихъ не познано было, якобы они о семъ что донесли его императорскому величеству) да бѣдный народъ ихъ въ подозрѣніе-бъ коварства не пришелъ, а наипаче-бъ ко Двору папы Римскаго какое за нихъ заступленіе быть могло, дабы духовенству заповѣдано было ихъ не напаствовати ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ претекстомъ коварнаго насилія имъ не чинить, ибо они въ такомъ случаѣ сильны, гдѣ сами не дѣлаютъ, то больше чрезъ мірскую власть дѣйствуютъ, и ежели за нихъ заступленія не будетъ, то они пропасть могутъ. И нынѣ, по ихъ мнѣнію, изрядный случай быть можетъ на будущемъ конгрессѣ имперіальномъ о томъ стараться. Въ докладѣ канцлеру, Невскій архимандритъ Петръ представлялъ о томъже, ссылаясь на письмо, полученное имъ изъ отечества изъ Сербской Земли (Москов. Архивъ Мин. Иностр. дѣлъ).

3) *Письмо княгини Аграфены Петровой Волконской къ Девьеру:* „Государь мой милостивый Антонъ Мануйловичъ. Сего время изволила у меня быть Анна Даниловна, и при ней принесли съ почты письма, въ которыхъ были ваши, токмо письма принесены пакеты оба подпечатаны, что мнѣ очень удивительно, и ваши письма отъ царевны и отца моего безъ всякаго куверта положены, которыя Анна Даниловна изволила взять. Въ письмѣ отца моего къ вамъ писано о желтомъ гродетурѣ и о золотомъ позументѣ; я зѣло жалѣю, что она вѣдала о желтомъ гродетурѣ, только мнѣ заказать изволила, чтобъ я не сказывала, что она читать изволила. Я надѣюсь конешно ваши письма были запечатаны въ кувертѣ, только мой кувертъ былъ въ чьихъ-нибудь рукахъ и съ вашева кувертъ снятъ. Впрочемъ остаюсь вамъ, государю моему милостивому, со особливымъ почтеніемъ верная слуга А. В. Сіе прошу изодрать“. (Курляндскія дѣла въ Московск. Архивѣ Министер. Иностр. Дѣлъ.)

4) *Листъ гетмана Апостола.* Мои ласковые пріятели войсковой канцеляріи и судовъ енеральныхъ правители. Памятно намъ есть добре же при отъѣздѣ нашемъ въ Москву полѣцаючи вашимъ милостемъ правленіе судовъ войсковыхъ енералныхъ, приказалисмо о томъ, дабы справа судіи полковаго черниговскаго з нецнотливымъ сыномъ Лисеневичемъ и публичною курвою Томаровною, а его женою была реферована до щастливаго нашего на свою резиденцію повороту, а поневажъ зпевнаго донесенія извѣстилисмося же ваша мосць, презирая нашъ указъ, дерзнулисте самовольно чинити въ томъ слѣдствіе и по своему мнѣнію децидовати неправильно, тому немало удивляемся, таковое же ваше дерзновеніе въ небреженіи нашего указу знатое чинимъ, а оразъ пилно упоминаемъ, а быстe до тѣхъ дѣлъ, которые до нашего повороту отложены суть, неинтересовалися, и нетилко децизіи, но и слѣдствія онымъ чинити не дерзали о тѣхъ нецнотахъ, понеже и тая неправильно по вашемъ мнѣніи окончаная справа за прибытіемъ нашимъ обновлена и по артикуламъ правнымъ слушною мѣетъ быть окончана децизіею. (Архивъ Мин. Юстиціи, Дѣла Сената по Малорос. Экспедиціи.)

5) *О Копуцинѣ Петрусѣ Хризологусѣ* явилось слѣдующее сего 1725 г.: Данъ ему былъ пашпортъ 20 дня января сего года, по которому велѣно ему изъ Россійской имперіи чрезъ Ригу за границу выѣхать въ мѣсяцъ, а онъ того не учинилъ, а жилъ своевольно въ Ревелѣ. Онъ же, Копуцинъ, будучи въ С.-Петербурхѣ, своего закона людемъ разглашалъ, якобы ея величество Римская императрица рекамандавала ему россійскаго великаго князя Петра Алексѣевича и искать тайно способу его высочество видѣть, а учрежденнымъ при его высочествѣ персонамъ о томъ не сказывалъ. (Моск. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ.)

6) *Письмо княжны Маріи Алекс. Меншиковой къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ*: „Милостивѣйшая государыня великая княжна. Зѣло сожалѣю, что вчерашняго числа ходила я къ вашему высочеству проститься, но не получила за отъѣздомъ ваше высочество видѣть; однакожь чрезъ сіе яко персонально ваше высочество поздравляю и мой достодолжной отдаю поклонъ и нижайше прошу отъ меня поздравствовать его императорскому величеству вседражайшему вашего высочества братцу; не могла я того оставить, чтобъ вашему высочеству не донести, что государь мой дражайшій родитель зѣло печалится: 1) что его величество вчерашняго числа не получилъ видѣть; 2) что по прибытіи сюда услышалъ, якобы его величество и на дворѣ его свѣтлости стоять не изволитъ, и нынѣ прибылъ сюда генералъ-лейтенантъ господинъ Салтыковъ и объявилъ, что его величество весьма переѣздомъ изъ дому его свѣтлости поспѣшить приказалъ; напротиву же того его свѣтлости неизреченную приноситъ радость милостивое вашего высочества предстательство, что изволили его величество о свиданіи съ батюшкомъ вчерашняго числа дважды просить; того ради, о семъ вашему высочеству донесши, прошу: изволите его императорское величество просить, чтобъ по прибытіи сюда изволилъ прибыть въ домъ его свѣтлости дражайшаго родителя моего и съ нимъ видѣться, дабы какъ внутренніе его императорскаго величества и вашего высочества и его свѣтлости непріятели, такъ и пограничные сосѣди, видя такія отмѣны, не порадовались". (Моск. Архивъ Министръ Иностр. Дѣлъ.) Письмо безъ подписи, едва ли было отправлено.

7) *Отзывъ князя Куракина объ испанскомъ министрѣ Рипердѣ*: „Я онаго Риперда зналъ довольно въ Голландіи, когда былъ депутатомъ въ собраніи статовъ и мнѣ былъ добрымъ пріятелемъ, котораго портретъ въ состояніи описать: есть человѣкъ смѣлый и нахальный, правда ума довольнаго, но не очень основательнаго, и, по своей великой дерзновенности, уповать надобно, что правленіемъ своимъ всеконечно приведетъ до войны въ Европѣ, и что есть внутреннимъ непріятелемъ Англіи не токмо нынѣ, но когда еще и въ Голландіи былъ, и что безъ сумнѣнія въ интерессъ кавалера Св. Георгія будетъ стараться". (Московъ. Архивъ Министр. Иностр. Дѣлъ.)

8) *Письмо графини Остерманъ (урожденной Стрѣшневой) къ мужу*: „Любимый мой другъ, дорогой батюшка Андрей Ивановичъ. Отъ всего моего сердца желаю тебѣ, моему дорогому, многихъ лѣтъ и добраго здравія. Я тебя поздравляла съ вчерашнимъ торжественнымъ праздникомъ въ двухъ моихъ письмахъ и нынѣ еще повторяю: здравствуй, мой батюшка дорогой, и дай Богъ многія лѣта тебѣ, моему другу, жить въ добромъ здоровьѣ и въ радости, и мнѣ бы, тебя любимаго своего друга видѣть поскорѣе; а я благодарю Бога, что сей праздникъ прошелъ; и желала, чтобъ вся недѣля прошла поскорѣе для того, что мнѣ пуще въ праздникъ тошно и скучно. Самъ ты, мой другъ, можешь разсудить, есть ли мнѣ причина тужить: праздникъ такой великій, всѣ веселятся въ домахъ своихъ съ своими мужьями, также съ своими сродниками, а я бѣдная теперь одна была. Я вчера у обѣдни сколько могла крѣпилась, что въ такой великій день не плакать, только не могла укрѣпить: слезы сами пошли. Когда я поѣхала отъ церкви, подумала, что севодни великій праздникъ, я пріѣду домой— кто меня встрѣтитъ? Кто меня ласковымъ словомъ утѣшитъ? Кто обо мнѣ попеченье имѣетъ? Когда ты, мой другъ, при мнѣ былъ, я пріѣду домой—ты меня встрѣчаешь съ пріятными милостивыми словами и имѣешь обо мнѣ попеченіе: „Марѳушка! что тебѣ севодни ѣсть и чтобъ тебѣ было угодно"; нынѣ кто обо мнѣ такъ имѣетъ попеченіе? Когда я сіе все стану думать, какъ я могу бѣдная не плакать! Хотя я надѣюсь на Бога, что Онъ дастъ тебѣ, моему другу, здоровье и дастъ мнѣ тебя видѣть, и ты меня содержишь въ неотмѣнной своей милости, однакожь не могу вѣрить, что тебя, милаго друга, скоро видѣть. Вчера у меня послѣ обѣдни былъ Семенъ Ивановичъ съ женою; я просила ихъ, чтобъ они обѣдали у меня; они сказали, что у нихъ дѣти дома, желаютъ быть съ ними обѣдать. Еще пришелъ Шубертъ поздравствовать, я его удержала обѣдать; обѣдали у меня Шубертъ и наша мама и я, и это первый разъ, что я безъ тебя обѣдала въ средней горницѣ. Послѣ обѣда, дѣлать нечего, сидѣть не съ кѣмъ, я бѣдненькая посидѣла маленька съ Ѳедяшей, онъ ничего не смыслитъ, пришла къ себѣ и легла на постелѣ, не вставала до вечеренъ; послѣ пріѣхалъ Синявинъ и жена его, ради ихъ встала съ постели и сидѣла съ ними". (Бумаги Остермана въ Государственномъ Архивѣ).

9) *Дѣло черниговскаго епископа Иродіона Журавскаго съ бунчуковымъ товарищемъ Лизогубомъ*. Доношеніе Иродіона св. Синоду: „Въ доношеніи епархіи моей Шостовицкаго попа Алексѣя Незридовича написано: ѣздилъ-де онъ съ письмомъ изъ консистору къ Семену Лизогубу въ обидѣ своей просить, чтобъ онъ заграбленные его кони войтомъ Лизогубовымъ ему, попу, возвратилъ, и когда о возвращеніи грабежа только помянулъ Лизогубу, тогда безъ всякой причины началъ бранить его, попа Алексѣя, м..., называя блазномъ и скурвымъ сыномъ, злодѣемъ, послежде велѣлъ наготовити кіовъ и батожья и принести оные, въ якомъ разѣ два его Лизогуба служители великороссійской породы тыя до побою инструмента принесли, и, взявъ его, попа, за руки, распяли и держали распятаго, самъ же онъ, Лизогубъ, многократно прискаковалъ и порывался съ кулачемъ хотя бить, но не билъ, плювалъ во очи и, отошедчи въ комнаты, велѣлъ вести до тюрьмы, но не ведучи толко выбить въ шію со двора приказалъ и выбито. Онъ же, Лизогубъ, моего смиренія называлъ бездѣльникомъ, чортомъ и прескаредными поносилъ словами, и тѣ слова велѣлъ попу, чтобы мнѣ сказалъ. Убо хотя

на тѣ слова священника отца Алексѣя и доносъ его уповати не для чего-бъ, обаче понеже не единократно уже Лизогубомъ предъ паствою поносится имя мое, чрезъ что и во исправленіи церковномъ кого-либо о томъ извѣстнаго наклонити пастырски потрудно, здѣсь же честь архіерейская въ Малой Россіи дешева, и хотя просить, то весма не у кого. Да онъ же, Лизогубъ, возбраняетъ роковщини по древнему обычаю на препитаніе давать священникамъ, виновныхъ къ суду духовному подлежащихъ не выдаетъ людей, посилаетъ вѣнчатися людей своихъ внѣ епархіи моей за границу въ Польшу, иные-жъ обвѣнчани и живыхъ имущіе женъ; говорилъ же еще многимъ людемъ и сіе по нѣкоторымъ дѣламъ: что-де вашъ Синодъ? и онъ сице архіерею своему въ силѣ яко не надъ нимъ Синодъ и я не его пастырь: того ради прошу святѣйшества вашего не мене ради старца, но чести ради архіерейской въ юрода мѣсто Лизогубомъ безъ зазрѣнія вмѣняемой и въ прочіихъ церквѣ противныхъ дѣйствіяхъ милостивый его императорскаго величества указъ учинить, безъ зазрѣнія бо совѣсти мнѣ донесено и азъ доношу“. Лизогубъ заперся во всемъ, дѣло же съ священникомъ объяснилъ такъ, что священникъ самъ прежде пограбилъ у его мужиковъ четырехъ лошадей и возъ съ солью, которыя, лошади и соль, до сихъ поръ у епископа. (Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по Малороссійской Экспедиціи.)

ДОПОЛНЕНІЕ.

Что Елена называлась и прежнимъ свѣтскимъ именемъ, видно изъ слѣдующаго свидѣтельства, находящагося въ описи вещамъ Оружейной и Мастерской Палаты 1722 года (№ 179). Здѣсь при описаніи „рукомоя раковаго“ находится примѣчаніе: „1728 января 19 дня по имянному словесному Ея Величества государыни царицы и великіе княгини Евдокіи Ѳеодоровны указу, который сказанъ въ комнатѣ Ея Величества статскому дѣйствительному совѣтнику г. князю Одоевскому и по опредѣленію въ Мастерской и въ Оружейной Палатѣ сей рукомой раковой, цѣною въ 92 рубля съ полтиною, изъ оной Палаты за печатью князя Одоевскаго въ Новодѣвичій монастырь секретарь Никифоръ Кормилицынъ отвезъ и въ комнатѣ ей, государынѣ самой, объявя печать, вручилъ“.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ двадцатый.

Глава I.

Продолженіе царствованія императрицы Анны Іоанновны.

Событія въ Варшавѣ по смерти Августа II-го.—Усиленіе партіи Станислава Лещинскаго.—Поведеніе Франціи.—Дѣйствіе польскихъ вельможъ.—Россія требуетъ исключенія Лещинскаго изъ кандидатовъ на Польскій престолъ.—Деклараціи Франціи и Австріи.—Конвокаціонный сеймъ.—Дѣствіе русскаго уполномоченнаго, графа Карла-Густава Левенвольда, въ Варшавѣ.—Понятовскій, князья Чарторыйскіе, примасъ Ѳеодоръ Потоцкій.—Обращеніе противниковъ Лещинскаго къ Россіи.—Россія и Австрія выставляютъ своимъ кандидатомъ па Польскій престолъ курфюрста Саксонскаго.—Сопротивленіе Пруссіи и сношенія съ нею.—Неудача Рудомины, присланнаго Станиславцами въ Петербургъ.—Избирательный сеймъ.—Большинство избираетъ Лещинскаго.—Протестъ меньшинства.—Приходъ русскихъ войскъ.—Причины, заставившія Россію употребить вооруженное вмѣшательство.—Походъ генерала Леси.—Избраніе Августа III въ Польскіе короли.—Отношенія между Левенвольдомъ и русскими генералами.—Образованіе конфедерацій въ пользу Лещинскаго, утвердившагося въ Данцигѣ.—Походъ Леси подъ Данцигъ. — Минихъ смѣняетъ его. — Минихъ беретъ предмѣстія и бомбардируетъ городъ.—Переписка его съ Прусскимъ королемъ. — Движеніе конфедератовъ на помощь Данцигу и неудачи ихъ.—Неудачный приступъ Русскихъ къ Гагельсбергу.—Французская помощь Данцигу.—Первый бой Русскихъ съ Французами.—Сдача Данцига.—Поѣздки Левенвольда въ Вѣну, Лейпцигъ и Берлинъ.—Сношенія съ Даніею, Швеціею, Англіею.—Положеніе дѣлъ въ Польшѣ.—Успѣхи русскихъ войскъ противъ Станиславцевъ. — Минихъ въ Польшѣ. — Неудовольствіе жителей Литвы. — Походъ генерала Леси къ Рейну на помощь къ императору Карлу VI.—Столкновеніе Россіи съ Турціею.—Посольство кн. Голицына въ Персію.—Причины Турецкой войны.

По смерти короля, первымъ лицомъ въ Рѣчи Посполитой Польской становился примасъ, архіепископъ Гнѣзненскій Ѳеодоръ Потоцкій,—и этотъ первый человѣкъ, отъ котораго такъ много зависѣло, былъ приверженцемъ Станислава Лещинскаго. Примасъ распустилъ сеймъ, распустилъ гвардію покойнаго короля, велѣлъ 1,200 Саксонцевъ, находившихся на службѣ при Дворѣ Августа, немедленно выѣхать изъ Польши. Это такъ напугало нѣмецкихъ ремесленниковъ въ Варшавѣ, что они поспѣшили продать свое имѣніе и выѣхать изъ Польши вмѣстѣ съ придворными чиновниками; войска были двинуты къ прусскимъ и австрійскимъ границамъ. Партія Лещинскаго явно усиливалась; самъ примасъ, однажды послѣ обѣда, проговорился Левенвольду о своей приверженности къ Станиславу. Левенвольдъ совѣтовалъ своему Двору дѣйствовать рѣшительно, расположить войска на польскихъ границахъ и двинуть ихъ въ глубь страны, какъ только потребуютъ обстоятельства. Франція и Австрія уже начали дѣйствовать деньгами: изъ Франціи было прислано болѣе милліона ливровъ, изъ Вѣны болѣе 100,000 червонныхъ; саксонскій посланникъ давалъ въ пользу своего курфюрста ежедневные обѣды на 40 человѣкъ. Торги шли дѣятельно, вельможи переманивались на ту или другую сторону не одними наличными деньгами, но и обѣщаніями выгодныхъ мѣстъ въ будущемъ: такъ французскій посланникъ, маркизъ Монти, сманилъ Люблинскаго воеводу Тарло на сторону Станислава обѣщаніемъ короннаго гетманства. Кіевскій воевода Потоцкій также добивался этого мѣста, и, видя, что Тарло выговорилъ его у Франціи, обратился къ австрійскому послу; а коронный маршалокъ Мнишекъ хлопоталъ о Польскомъ престолѣ для себя у Левенвольда.

Въ то время какъ въ Варшавѣ шла эта живая, но тайная торговля, изъ Петербурга отправлена была къ примасу грозная грамота, въ которой императрица требовала исключенія Станислава Лещинскаго изъ числа кандидатовъ на Польскій престолъ. „Понеже вамъ и всѣмъ чинамъ Рѣчи Посполитой давно извѣстно, что ни мы, ни другія державы избраніе онаго Станислава или другого такого кандидата, который бы въ той же депенденціи и интересахъ быть имѣлъ, въ которыхъ оный Станиславъ находится, по вѣрному нашему доброжелательству къ Рѣчи Посполитой и къ содержанію оной покоя и благополучія и къ собственному въ томъ имѣющемуся натуральному великому интересу, никогда допустить не можемъ, и было бы къ чувствительному нашему прискорбію, ежели бы мы

для препятствованія такого намѣренія противу воли своей иногда принуждены были иные дѣйствительные способы и мѣры предвоспріять".

Французское правительство, имѣя въ виду преимущественно Австрію, сообщило чрезъ своихъ министровъ всѣмъ Дворамъ декларацію, что поведеніе Вѣнскаго Двора ясно показываетъ намѣреніе его нарушить свободу Поляковъ при королевскомъ избраніи; достоинство и значеніе Французскаго короля и желаніе сохранить всеобщій миръ не позволяютъ ему смотрѣть равнодушно, чтобы какая-нибудь держава нарушала права государства, находящагося въ дружбѣ и союзѣ съ Франціею: потому король объявляетъ, что будетъ всѣми силами противиться намѣреніямъ стѣснить свободу избранія новаго Польскаго короля. Вѣнскій кабинетъ отвѣчалъ декларацією, что императоръ никогда не думалъ насильственно вмѣшиваться въ избраніе Польскаго короля; по сосѣдству съ Польшею, онъ долженъ желать, чтобъ избранъ былъ человѣкъ ему невраждебный, но онъ будетъ стараться достигнуть этого мирнымъ путемъ. Что касается отряда войскъ, собраннаго въ Силезіи и возбудившаго подозрѣніе Французскаго Двора, то это необходимая мѣра предосторожности на случай волненій, безъ которыхъ не обходится королевское избраніе въ Польшѣ; императоръ имѣетъ право располагать свои войска въ своемъ государствѣ, гдѣ ему угодно, не отдавая никому отчета, тѣмъ болѣе что самъ никогда не спрашивалъ отчета въ томъ же у другихъ государей. Стороны высказались; противники стали другъ противъ друга готовые къ бою.

27 апрѣля открылся конвокаціонный сеймъ, предшествовавшій избирательному, и было постановлено, что въ короли можетъ быть избранъ только природный Полякъ и католикъ, не имѣющій своего войска, ни наслѣдственной державы и женатый на католичкѣ. Этимъ постановленіемъ прямо исключали курфюрста Саксонскаго и всякаго другого иностраннаго принца. По настоянію примаса, сеймъ уполномочилъ его разослать универсалы на посполитое рушеніе и просить субсидій у иностранныхъ державъ, если бы сосѣднія державы силою захотѣли препятствовать возведенію Лещинскаго на престолъ, если бы которая-нибудь изъ нихъ ввела войска въ Польшу или въ присоединенныя къ ней провинціи. Наконецъ было постановлено признавать врагомъ отечества того, кто провозгласитъ короля безъ согласія сейма, и было запрещено частнымъ людямъ собирать войска подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Но когда надобно было присягать въ исполненіи всѣхъ этихъ статей, то многіе сенаторы и послы отказались отъ присяги. Примасъ велѣлъ вычеркнуть изъ акта статью, запрещавшую присягавшимъ брать взятки съ кандидатовъ на престолъ, и ночью разослалъ своихъ приверженцевъ склонять другихъ къ присягѣ угрозами и деньгами. Средство однако не помогло: когда на другой день примасъ, съ крестомъ въ рукахъ, началъ первый присягать, то раздались сильные протесты; другіе присягали съ разными оговорками. Когда нужно было подписывать актъ и потребовали, чтобъ онъ былъ прочтенъ, то открылось, что въ него вставлены были выраженія, о которыхъ сеймъ не зналъ. Многіе подписались также съ оговорками, многіе послы уѣхали не подписавшись, съ намѣреніемъ протестовать противъ всего постановленнаго на сеймѣ. Все показывало, что державы, которыя захотятъ дѣйствовать противъ избранія Лещинскаго, могутъ объявить себя защитниками вольнаго избранія и найдутъ на кого опереться.

Графа Фридриха-Казиміра Левенвольда въ Петербургѣ не считали способнымъ успѣшно дѣйствовать въ Варшавѣ въ такое бурное время, и потому уполномочили туда брата его, оберъ-шталмейстера, графа Карла-Густава. 3-го мая Левенвольды, вмѣстѣ съ представителями обоихъ союзныхъ Дворовъ, Вѣнскаго и Берлинскаго, отправились къ примасу. Австрійскій посланникъ, графъ Вильчекъ, объявилъ, что государи ихъ не ограничиваютъ вольнаго избранія Польскаго народа однимъ лицомъ; что Поляки могутъ быть совершенно покойны, если только изберутъ такого короля, который не будетъ предосудителенъ сосѣднимъ державамъ; оберъ-шталмейстеръ Левенвольдъ прибавилъ, что онъ совершенно согласенъ съ цесарскимъ посломъ. Начался горячій споръ; примасъ говорилъ, что союзныя державы хотятъ одного,—воспрепятствовать Станиславу взойти на Польскій престолъ, и этимъ нарушаютъ свободу избранія. Левенвольдъ возражалъ, что Лещинскій сеймовымъ постановленіемъ лишенъ права на корону, и Франція нарушаетъ свободу избранія, назначивъ Польшѣ короля, объявивъ, что кромѣ Лещинскаго не допуститъ никакого другого кандидата! Камергеръ Левенвольдъ замѣтилъ, что если примасъ защищаетъ Францію, какъ обязанную принимать участіе въ тестѣ своего короля, то союзныя державы имѣютъ такое же право исключать Станислава изъ числа кандидатовъ во имя своихъ и польскихъ интересовъ. Разсерженный сильными возраженіями, примасъ сказалъ, что союзники своимъ противодѣйствіемъ только больше помогутъ Станиславу взойти на престолъ, потому что Поляки не позволятъ ограничивать себя въ свободѣ избранія и, въ надеждѣ на Бога, ничего не боятся. Оберъ-шталмейстеръ Левенвольдъ отвѣчалъ, что императрица питаетъ дружбу къ Рѣчи Посполитой и готова защищать ее отъ всѣхъ враговъ; но если всѣ разумныя представленія останутся тщетными, то она найдетъ средства наказать своихъ враговъ и поддержать общее спокойствіе. Примасъ проводилъ гостей словами: „Если Богъ за насъ, то кто противъ насъ?"

Чтобъ избавиться отъ присутствія на сеймѣ опасныхъ свидѣтелей, которые не имѣли обыкновенія оставаться холодными зрителями явленій, примасъ хотѣлъ привести въ дѣйствіе давно забы-

тый законъ, запрещавшій иностраннымъ посламъ оставаться въ Варшавѣ во время избирательнаго сейма. Но когда посламъ дано было знать, что они должны удалиться, то Левенвольдъ-старшій отвѣчалъ, что не знаетъ, будетъ-ли онъ въ Варшавѣ во время выборовъ; но если останется до этого времени, то очень сожалѣетъ, что не можетъ исполнить объявленнаго ему закона, потому что не можетъ выѣхать изъ Варшавы безъ повелѣнія императрицы: онъ присланъ не для того, чтобъ повиноваться польскимъ уставамъ, особенно если они противны международному праву. Графъ Вильчекъ отвѣчалъ, что пусть ему пришлютъ письменное объявленіе; онъ отправитъ его въ Вѣну и будетъ ждать повелѣній императора, до полученія которыхъ не тронется. Вильчекъ прибавилъ и угрозу: „Въ Варшавѣ я безопасенъ", сказалъ онъ, „хотя меня охраняетъ караулъ только въ 30 человѣкъ, тогда какъ за городомъ мнѣ трудно будетъ найти безопасное мѣсто, развѣ императоръ увеличитъ мой караулъ на 30,000 солдатъ".

Ни для кого не могло быть тайной, что могущественныя сосѣднія державы противъ Станислава и потому его приверженцамъ нужно было, для усиленія своей партіи, дѣйствовать не однѣми деньгами, но и внушеніями, что вражда сосѣдей къ Станиславу безсильна. Пруссія не станетъ дѣйствовать заодно съ Россіей и Австріей, Россія не захочетъ довести дѣло до войны, Австрія же одна ничего не можетъ сдѣлать; притомъ Швеція, за французскія субсидіи, вышлетъ войско свое къ устьямъ Вислы, и Турція не останется спокойною, если русскія или цесарскія войска вступятъ въ предѣлы Польши: огромное татарское войско уже готово. Во главѣ Станиславовой партіи стоялъ французскій посолъ, маркизъ Монти; изъ Поляковъ же способнѣе и дѣятельнѣе всѣхъ былъ коронный регимантарь Понятовскій, опиравшійся на родственниковъ своихъ по женѣ, Чарторыйскихъ: примасъ былъ орудіемъ въ рукахъ названныхъ лицъ. Левенвольдъ писалъ даже въ Петербургъ о своихъ подозрѣніяхъ, что самый видный по личнымъ средствамъ изъ Поляковъ, Понятовскій, готовилъ престолъ не для Лещинскаго, а для себя; но избраніе Понятовскаго, по мнѣнію Левенвольда, было еще опаснѣе, чѣмъ избраніе Лещинскаго. Затруднительность положенія союзныхъ Дворовъ состояла въ томъ, что изъ польской и литовской знати не было никого, кого бы можно было предложить въ короли, притомъ всѣ паны жили врознь и согласить ихъ дѣйствовать въ пользу одного изъ нихъ не было никакой возможности.

Какъ бы то ни было, надобно было дѣйствовать, чтобъ не пустить Лещинскаго на престолъ; надобно было составить партію противную ему, безъ означенія кандидата,—партію, во имя которой можно было бы приступить, въ случаѣ нужды, къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Написана была и отправлена къ Русскому Двору декларація отъ имени „доброжелательныхъ", изъ которыхъ однако никто не подписался подъ нею. „Доброжелательные" объявляли, что, въ виду опасностей, которыя грозятъ правамъ и вольностямъ отечества со стороны Франціи и ея приверженцевъ, позволившихъ себѣ насиліями вынуждать присягу у своихъ собратій, они, „доброжелательные", обращаются къ союзнымъ державамъ съ просьбою о защитѣ драгоцѣннѣйшаго сокровища Польши—права свободнаго избранія короля. „Мы признаемъ королемъ того, кто окажется достойнѣйшимъ и кого дастъ намъ Богъ, будетъ-ли это Пястъ, или *чужестранецъ*. Мы не обязуемся союзнымъ Дворамъ за оказанную намъ помощь никакою вещественною благодарностію, но обязуемся только не предпринимать ничего такого, что могло бы нарушить вѣчную дружбу между нами и ими". Подписей, какъ сказано, не было въ деклараціи; но изъ списка лицъ, имѣнія которыхъ русскія войска должны были щадить, мы узнаемъ, что этими доброжелателями были: Мнишекъ—великій маршалокъ коронный, Липскій—епископъ Краковскій, Сангушко—гофъ-маршалокъ Литовскій, Любомирскіе, Радзивиллы, Сапѣга, Шембеки, Браницкій, хорунжій коронный и нѣкоторые другіе.

Партія Лещинскаго узнала о движеніяхъ „доброжелательныхъ" и не могла оставаться равнодушною: депутація отъ сената явилась къ Левенвольду съ требованіемъ объявить имена тѣхъ, которые жалуются на притѣсненіе во время конвокаціоннаго сейма и просятъ помощи императрицы. Левенвольдъ отказался назвать тѣхъ, кто у него бываетъ въ домѣ, и прибавилъ, что людей, потерпѣвшихъ насиліе, нельзя порицать за то, что они ищутъ защиты, да и не въ первый разъ Поляки обращаются къ Россіи съ просьбою о помощи. Депутація спрашивала также, вступятъ ли русскія войска въ Польшу или нѣтъ. Левенвольдъ отказался отвѣчать на это самъ, безъ спроса у своего Двора, но замѣтилъ, что Поляки ищутъ помощи у Турокъ и Татаръ. Депутація жаловалась, что Полякамъ мѣшаютъ въ вольномъ избраніи того или другого кандидата. Левенвольдъ отвѣчалъ, что нельзя требовать отъ сосѣднихъ державъ, чтобъ онѣ хладнокровно смотрѣли на избраніе короля, который не будетъ соблюдать съ ними мира. Вскорѣ послѣ этого объясненія оберъ-шталмейстеръ Левенвольдъ отправился въ Петербургъ.

До сихъ поръ союзные императорскіе Дворы не выставляли своего кандидата противъ Лещинскаго; но мы видѣли, что Австрія выставляла прежде кадидатомъ Португальского инфанта, дона Эммануила, и этотъ кандидатъ былъ внесенъ въ договоръ, приготовленный Левенвольдомъ въ Берлинѣ. Хотя этотъ договоръ не былъ подтвержденъ ни въ Петербургѣ, ни въ Вѣнѣ, однако Австрійскій кабинетъ, получивши извѣстіе о смерти короля Августа, поручилъ португальскому послу увѣдомить своего короля о намѣреніи императора поддерживать кандидатуру его брата, и спросить, желаетъ ли онъ содѣйствовать ему въ этомъ дѣлѣ. Но пока изъ Португаліи не было еще

никакого отвѣта, явился другой кандидатъ, новый курфирстъ Саксонскій, Августъ, которому отецъ, покойный Августъ II-й, мечталъ доставить Польскій престолъ вопреки желанію императорскихъ Дворовъ, но который теперь считалъ возможнымъ получить этотъ престолъ только съ ихъ помощію. Всего естественнѣе ему было обратиться къ Австріи: онъ былъ женатъ на родной племянницѣ Карла VI, дочери бывшаго императора Іосифа I-го; но это самое родство и послужило въ послѣднее время ко враждѣ; покойный Августъ II-й не согласился признать прагматическую санкцію, считая за своею невѣсткою больше права на наслѣдство Габсбурговъ, ибо она была дочь старшаго брата, притомъ Августъ II-й сблизился въ послѣднее время съ Франціею, старался сблизиться и съ Пруссіею. Но вражда могла прекратиться, какъ скоро племянникъ исполнитъ страстное желаніе дяди, признаетъ прагматическую санкцію; Австрійскій Дворъ могъ увлечь союзный Дворъ Русскій, тѣмъ болѣе что въ Петербургѣ можно было дѣйствовать на фаворита извѣстными средствами, Пруссію можно было также преклонить на свою сторону нѣкоторыми уступками, а главное, что заставляло союзниковъ взять сторону Саксонскаго курфиста, — это неимѣніе другого вѣрнаго кандидата, котораго можно было бы съ успѣхомъ противопоставить Лещинскому. Два полномочныхъ саксонскихъ посла пріѣхали въ Вѣну хлопотать за своего курфиста; австрійскіе министры откладывали объясненія съ ними, дожидаясь отвѣта изъ Лиссабона; отвѣтъ наконецъ пришелъ: король изъявлялъ желаніе помочь въ достиженіи Польскаго престола не дону Эммануилу, но другому брату своему, дону Антонію. Эта странность смутила австрійское министерство; португальскій посолъ отказался отправить новаго курьера въ Лиссабонъ за объясненіемъ, а между тѣмъ Саксонскій Дворъ дѣйствовалъ въ Петербургѣ, откуда пришла въ Вѣну депеша, что партія Лещинскаго въ Польшѣ чрезвычайно сильна, и ей можно противопоставить только партію саксонскую: потому надобно подумать, насколько будетъ выгодно для союзниковъ поддерживать курфирста. Обезпеченіемъ для императорскихъ и Прусскаго Дворовъ можетъ служить предложеніе курфирста вступить съ ними въ союзъ; потомъ Россія, Австрія, Пруссія и Англія могутъ обязать его признать прагматическую санкцію, не соглашаться на присоединеніе Курляндіи къ Польшѣ и ничего не предпринимать противъ польской вольности. Можно обѣщать курфирсту поддерживать его тайно, въ случаѣ нужды помогать деньгами, а послѣ избранія — защищать оружіемъ.

Въ Вѣнѣ обрадовались и поспѣшили отослать проектъ договора къ курфирсту; но въ Петербургѣ не хотѣли спѣшить: принуждаемые необходимостію измѣнить своей постоянной политикѣ относительно Польши и поддерживать сына Августа II-го въ домогательствахъ на Польскій престолъ, прокладывая такимъ образомъ путь къ наслѣдственности, Русскій Дворъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ хорошо вознаградить себя за это и обезпечить отъ опасности, хотя, разумѣется, лучшимъ обезпеченіемъ служилъ характеръ курфирста, неспособный тревожить покой сосѣдей стремленіемъ нарушить польскую конституцію. Россія требовала, чтобъ Августъ, получившій Польскій престолъ, отказался отъ притязаній на Лифляндію и оставилъ нетронутымъ старый правительственный бытъ Курляндіи; но Августъ не хотѣлъ принять на себя эти обязательства, зная невозможность исполнить ихъ при ограниченной власти польскихъ королей. Это несогласіе охладило Русскій Кабинетъ; при вторичномъ отправленіи оберъ-шталмейстера Левенвольда въ Варшаву, онъ получилъ инструкцію: въ случаѣ медленности курфирста удовлетворить требованіямъ Россіи, хлопотать о возведеніи на Польскій престолъ князя Любомирскаго. Но дѣло уладилось между Россіею и Саксоніею, и, 14 августа, Левенвольдъ заключилъ въ Варшавѣ съ саксонскими коммисарами слѣдующій договоръ: Императрица и курфирстъ заключаютъ на 18 лѣтъ оборонительный союзъ, гарантируя другъ другу всѣ ихъ европейскія владѣнія и выставляя вспомогательное войско — Россія 2,000 кавалеріи и 4,000 пѣхоты, а Саксонія — 1,000 пѣхоты и 2,000 кавалеріи. Курфирстъ признаетъ за Русской государыней императорскій титулъ, а по достиженіи Польской короны будетъ стараться, чтобъ и Рѣчь Посполитая сдѣлала то же самое; обѣ стороны пригласятъ къ союзу Пруссію, Англію и Данію. По вступленіи на Польскій престолъ, курфирстъ употребитъ всевозможное стараніе, чтобъ Рѣчь Посполитая удовлетворила всѣмъ требованіямъ Россіи, основаннымъ на договорѣ вѣчнаго мира (относительно земель приднѣпровскихъ и правъ Православнаго народонаселенія), чтобъ отказалась отъ притязаній на Лифляндію. Курфирстъ обязуется употребить все свое стараніе, чтобъ герцогство Курляндское осталось при прежнемъ своемъ образѣ правленія, и обѣщаетъ не нарушать образа правленія Рѣчи Посполитой. Императрица обѣщаетъ содѣйствовать курфирсту въ его намѣреніяхъ относительно Польши переговорами, деньгами, а въ случаѣ необходимости — и войскомъ, если только это можетъ быть сдѣлано безъ нарушенія вольнаго избранія [1]).

Россія рѣшилась измѣнить своей прежней политикѣ и обязалась пригласить къ тому же и Пруссію. Та, какъ мы видѣли, и прежде была не прочь допустить сына Августа II-го къ Польскому престолу за хорошую долю въ добычѣ. И теперь весь вопросъ состоитъ въ томъ же. Но Пруссія была теперь раздражена тѣмъ, что надобно было вести еще новые переговоры съ неподатливою Саксоніею, а между тѣмъ старый договоръ, въ которомъ была

[1]) Дѣла Польскія 1733 года. Ср. Русскій Вѣстникъ 1841 года, т. IV, и приложеніе къ книгѣ Герье: „Борьба за Польскій престолъ въ 1733 году“.

выговорена такая богатая добыча, Курляндія,—договоръ Левенвольдовъ 1732 года,—не былъ подтвержденъ въ Петербургѣ. Въ мартѣ 1733 года прусскій посланникъ въ Петербургѣ, Мардефельдъ, далъ знать своему Двору, что Саксонія сильно хлопочетъ привлечь на свою сторону Петербургскій Дворъ, обѣщаетъ Бирону Курляндію. Фридрихъ-Вильгельмъ зналъ, что и Россія, и Австрія заключаютъ выгодные договоры съ Саксонскимъ курфирстомъ, и потому написалъ своему посланнику въ Варшавѣ: „Если дѣло пойдетъ о Саксонскомъ курфирстѣ, то онъ долженъ прежде удовлетворить нашимъ требованіямъ, иначе персона его намъ не годится". Курфирстъ медлилъ входить въ сношенія съ Пруссіею; Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ на докладѣ министровъ: „надобно прежде выслушать, что Саксонія хочетъ для насъ сдѣлать. Какъ скоро договоръ (Левенвольдовъ) будетъ подтвержденъ, я его исполню въ точности; если онъ не будетъ подтвержденъ и Саксонія будетъ умна, то я такъ сдѣлаю, что императоръ останется мною доволенъ; если Саксонія ничего не сдѣлаетъ, то и я сдѣлаю только ла, ла, ла, ла" [1]).

Чего же хотѣла Пруссія отъ Саксонскаго курфирста? Кромѣ уступокъ въ спорѣ о земляхъ германскихъ (Юлихъ-Клеве-Берга и другихъ), Фридрихъ-Вильгельмъ требовалъ, чтобъ Августъ, по восшествіи на Польскій престолъ: призналъ за нимъ королевскій титулъ, на что до сихъ поръ не соглашалась Рѣчь Посполитая; благопріятствовалъ намѣреніямъ Пруссіи относительно Курляндіи; не мѣшалъ Пруссіи оставить за собой уѣзды Эльбинскій и Драгинскій, заложенные ей Польшею во время Сѣверной войны. Здѣсь хотя, кромѣ пункта о титулѣ, отъ Августа требовалось только благопріятствовать и не мѣшать, однако уже онъ связалъ себѣ руки обязательствомъ стараться объ удовлетвореніи извѣстныхъ русскихъ требованій; обязаться еще дѣйствовать въ прусскихъ интересахъ значило—явно показать себя въ Польшѣ орудіемъ чужой политики, плательщикомъ насчетъ Польши за услуги, оказанныя королю сосѣдними державами при достиженіи имъ престола; что же касается до уступокъ въ Германіи, то противъ нихъ была Австрія; такимъ образомъ, Августъ находился между двухъ огней. Въ надеждѣ, что Пруссія не рѣшится дѣйствовать прямо противъ императорскихъ Дворовъ, и что помощь ея не очень нужна при помощи Россіи и Австріи, Августъ рѣшился, по возможности, отдѣлываться отъ тяжелыхъ обязательствъ относительно Пруссіи, представляя, что Фридрихъ-Вильгельмъ заключалъ союзъ съ Россіею и Австріею прежде, чѣмъ онъ, Августъ, объявилъ желаніе взойти на Польскій престолъ: зачѣмъ же онъ будетъ платить Пруссіи, когда она и безъ того должна дѣйствовать заодно съ Россіею и Австріею по союзнымъ обязательствамъ съ ними! Потомъ, выставляя ограниченность королевской власти въ Польшѣ, Августъ обѣщалъ только соблюдать доброе сосѣдство и оказывать Прусскому королю всевозможныя услуги.

Изъ Петербурга и Вѣны шли увѣщанія Фридриху-Вильгельму не дѣлать большихъ запросовъ Саксонскому курфирсту и дѣйствовать заодно съ императорскими Дворами въ Польшѣ. Изъ Петербурга внушали королю, что не должно смѣшивать вопроса объ устраненіи Станислава съ вопросомъ объ избраніи курфирста Саксонскаго; что первое необходимо точно такъ же для Пруссіи, какъ для Россіи и Австріи. Что же касается до втораго, то съ курфирстомъ вошли въ сношенія потому, что онъ одинъ имѣетъ въ Польшѣ сильную партію, которую можно противопоставить партіи Станислава, а потомъ нужно также отвлечь Августа отъ союза съ Франціею: при крѣпкомъ союзѣ между Россіею, Австріею и Пруссіею курфирстъ Саксонскій не можетъ быть опасенъ, если даже будетъ и королемъ Польскимъ; при ограниченности своей власти въ Польшѣ, Августъ можетъ обѣщать только добрыя услуги относительно прусскихъ требованій; если же обѣщаетъ больше, то поступитъ нечестно, обязавшись бóльшимъ, чѣмъ сколько можетъ исполнить.

Эти внушенія только раздражали Фридриха-Вильгельма: не подтвердили Левенвольдова договора и заставляютъ даромъ дѣйствовать въ пользу Саксонскаго курфирста, который, въ надеждѣ на Россію и Австрію, не хочетъ ничего сдѣлать для Пруссіи, прямо говоритъ, что Прусскій король обязанъ даромъ все для него сдѣлать по своимъ обязательствамъ съ императорскими Дворами. Но гдѣ эти обязательства? Ни въ одномъ договорѣ Фридрихъ-Вильгельмъ не обязывался препятствовать избранію Лещинскаго; правда, въ одномъ договорѣ находилось такое обязательство, именно—въ Левенвольдовомъ, но сами,—Россія и Австрія—не подтвердили этого договора и, вмѣсто Португальскаго инфанта, подставили Саксонскаго курфирста, не объяснивши Прусскому кабинету своихъ побужденій. И зачѣмъ отдавать предпочтеніе Августу предъ Станиславомъ? Лещинскій, при первой попыткѣ нарушить польскую конституцію и повредить сосѣдямъ, легко будетъ задавленъ соединенными силами союзниковъ, окружающихъ Польшу съ трехъ сторонъ; но курфирстъ Саксонскій владѣетъ большимъ и богатымъ государствомъ, можетъ распоряжаться своимъ многочисленнымъ и хорошо устроеннымъ войскомъ. Притомъ, сопротивленіе Лещинскому можетъ вовлечь Пруссію въ войну съ Франціею,—въ войну опасную по разбросанности Прусскихъ владѣній: тогда надобно будетъ защищаться отъ Французовъ на—Рейнѣ и Невштателѣ, отъ Поляковъ—на прусскихъ границахъ и отъ Шведовъ—въ Помераніи. Если хотятъ, чтобъ Пруссія дѣйствовала въ интересахъ Саксонскаго курфирста, то пусть послѣдній исполнитъ требованія Прус-

[1]) Droyzen, Fried.-Wilhelm I, König v. Preuss. II, 100 и слѣд.

скаго короля и обяжется вознаградить его за военныя издержки. Фридрихъ-Вильгельмъ ограничилъ наконецъ свои требованія однимъ прекращеніемъ спора о Юлинскомъ наслѣдствѣ; Августъ не согласился, и Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ, что будетъ нейтральнымъ въ польскихъ дѣлахъ [1]). Чтобъ заставить выйти изъ этого нейтралитета, въ Петербургѣ тронули опять нѣжную струну: императрица призвала Мардефельда и объявила ему, что она не ратификовала декабрскаго (Левенвольдова) договора, потому что польскія дѣла совершенно измѣнились; но, чтобъ засвидѣтельствовать свое уваженіе къ королю, она подтвердила сепаратную статью о Курляндіи, и эту статью графъ Левенвольдъ возьметъ съ собою въ Варшаву. Но Фридрихъ-Вильгельмъ не прельстился и этимъ, потому что дѣла начали принимать серьезный оборотъ: „Я не могу растянуться на двѣ стороны и разориться“, говорилъ король; „не могу воевать въ одно время и съ Франціею, и съ Польшею“ [2]).

Въ Петербургѣ должны были отказаться отъ надежды дѣйствовать втроемъ. Оберъ-шталмейстеръ Левенвольдъ возвращался въ Варшаву, изъ Варшавы ѣхалъ въ Петербургъ посолъ отъ примаса, брацлавскій постельничій Рудомина, съ жалобами на Левенвольда, зачѣмъ онъ уѣхалъ изъ Варшавы, не давши о томъ знать правительству Рѣчи Посполитой. Въ письмѣ примаса, привезенномъ Рудоминою, выражалась надежда, что императрица не нарушитъ свободы королевскихъ выборовъ и будетъ зерцаломъ справедливости для прочихъ державъ. Рудомина объявилъ, что присланъ за совѣтомъ, какъ утвердить внутреннюю тишину и обезпечить внѣшнюю безопасность Польши, потому что до избирательнаго сейма и во время его можно все устроить къ общему удовольствію. Ему отвѣчали, что уже черезъ оберъ-шталмейстера графа Левенвольда императрица объявила правительству Рѣчи Посполитой, что она и союзники ея не только не хотятъ сами ничего пріобрѣсти отъ Польши, но ея величество не допуститъ никого другого отнять у республики хотя футъ земли; императрица не стоитъ особенно ни за кого изъ кандидатовъ,—хочетъ поддержать свободную подачу голосовъ, исключаетъ только одного Станислава Лещинскаго, потому что онъ былъ всегда врагомъ Россіи; избраніе его она сочтетъ нарушеніемъ мира и будетъ препятствовать утвержденію Станислава на престолѣ всѣми силами, данными ей отъ Бога. Для подлитія масла въ огонь, Рудомина сталъ жаловаться на Левенвольда, зачѣмъ уѣхалъ изъ Варшавы, не давши никому знать объ этомъ, и просилъ, отъ имени примаса, чтобъ въ Варшаву былъ присланъ посолъ русскаго происхожденія. Ему отвѣчали, что Левенвольду не нужно было прощаться съ примасомъ, потому что онъ уѣзжалъ на время, а Русской императрицѣ нельзя предписывать, какихъ пословъ держать ей въ Варшавѣ; притомъ, какого бы происхожденія ни былъ посолъ, онъ дѣйствуетъ по указу ея величества. Но этой безтактности и незнанія положенія дѣлъ со стороны примаса съ товарищи было мало; Рудомина привезъ письмо отъ князя Вишневецкаго къ одному изъ князей Трубецкихъ: Вишневецкій жаловался Трубецкому, что давно не получалъ отъ него писемъ, напоминалъ о происхожденіи ихъ фамилій отъ одного рода (Гедиминова), и просилъ его, какъ знатнаго сенатора, противодѣйствовать людямъ, совѣтующимъ императрицѣ послать войска свои въ Польшу до избранія короля; увѣрялъ, что новый король будетъ соблюдать договоръ со всѣми сосѣдями, особенно съ Россіею, по славянскому братству обоихъ народовъ; выражалъ надежду, что князь Трубецкой приметъ на себя званіе полномочнаго посла въ Польшѣ, чтобъ мирными средствами поддерживать согласіе между обоими государствами. Младшій Левенвольдъ досталъ копію съ письма и переслалъ ее въ Петербургъ съ своими замѣчаніями, что Вишневецкіе, Сангушки и Чарторыйскіе принадлежатъ къ одному Гедиминову роду съ Трубецкими, Голицыными и Куракиными, и потому было бы очень опасно, еслибъ этотъ могущественный родъ достигъ Польскаго престола въ особѣ князя Вишневецкаго.

Въ концѣ іюля опять пріѣхалъ въ Варшаву нежеланный оберъ-шталмейстеръ Левенвольдъ. Русское и саксонское посольство начали подвергаться оскорбленіямъ, и на жалобы ихъ примасъ отвѣчалъ, что не въ состояніи никого защитить отъ народной ненависти. Левенвольдъ сказалъ на это: „Если насъ отъ народной ненависти защитить не могутъ, то и я противъ казацкой пики защитить никого не могу“.

25 августа назначенъ былъ избирательный сеймъ. Къ этому числу поля, прилегавшія къ Варшавѣ, покрылись знаменами воеводствъ и повѣтовъ, сошедшихся на выборы. Но Литва стояла въ отдаленіи, въ Венгровѣ, за нѣсколько миль отъ Варшавы; она была противъ Станислава, требовала уничтоженія стѣснительной присяги, установленной на созывательномъ сеймѣ, требовала подтвержденія уставовъ, изданныхъ въ 1717 и 1718 годахъ противъ Станислава. Главнымъ дѣятелемъ между Литвою былъ Радзивилъ, воевода Новогрудскій, и вообще Литва была склоннѣе ко внушеніямъ изъ Россіи, во-первыхъ, по сосѣдству, во вторыхъ—изъ страха, что ея области пострадаютъ первыя при вступленіи русскихъ войскъ; въ-третьихъ, по врожденной оппозиціи къ коронѣ, то-есть Польшѣ, а въ-четвертыхъ, наконецъ, вслѣдствіе подарковъ, получаемыхъ вліятельными людьми отъ русскихъ агентовъ, Даревскаго и Ливена, разъѣзжавшихъ передъ тѣмъ по Литвѣ съ цѣлію набирать противниковъ Станиславу. Получивъ отъ примаса неудовлетворительный отвѣтъ на свои требованія, воеводства Новогрудское, Минское и Подляшское образовали конфедерацію для

---

[1]) Польскія Дѣла 1733 года.
[2]) Droyzen II, стр. 205.

сохраненія liberum veto. Примасъ съ товарищи старались уговорить ихъ отстать отъ конфедераціи, но напрасно; и тутъ Литвѣ досталось много денегъ, потому что партіи должны были бороться въ ея лагерѣ золотымъ оружіемъ.

Сеймъ начался 25 августа, и начался ссорами, такъ что 29 числа регментарь Литовскій, князь Вишневецкій, перешелъ съ своими приверженцами, въ числѣ около 3,000 человѣкъ, на правый берегъ Вислы въ Прагу; за нимъ послѣдовалъ Краковскій воевода, князь Любомирскій. Начались выборы въ сеймовые маршалы, и партія Лещинскаго восторжествовала, потому что избранъ былъ Кіевскій подкоморій Раджевскій, свойственникъ Станислава. Но между тѣмъ слухи о приближеніи русскихъ войскъ подтверждались все болѣе и болѣе, и приверженцы Лещинскаго издали 4 сентября манифестъ, наполненный проклятіями и угрозами противъ тѣхъ Поляковъ, которые призвали эти войска. По поводу манифеста, вожди противной партіи имѣли свиданіе съ примасомъ, и Любомирскій говорилъ ему: „Вмѣстѣ съ своимъ манифестомъ вы должны издать и привести въ исполненіе другой манифестъ противъ тѣхъ, которые хотѣли призвать сюда Французовъ, Турокъ и Татаръ. У васъ тотъ врагъ отечества, кто не стоитъ за Станислава; но развѣ у васъ нѣтъ другихъ кандидатовъ, болѣе достойныхъ? (Тутъ Любомирскій указалъ на Сангушка.) Я объявляю, что не хочу такого кандидата, который вовлечетъ насъ въ войну съ иностранными державами. Кто виноватъ въ томъ, что русскія войска приближаются?—Станиславъ. Вы хвалитесь, что выгоните Русскихъ; но гдѣ у васъ силы? Выйти противъ Русскихъ съ горстью людей—значитъ заставить весь свѣтъ смѣяться надъ Рѣчью Посполитой. Но у васъ есть другія средства удалить Русскихъ: откажитесь отъ Станислава, пусть на выборахъ господствуютъ свобода и законность, и перестаньте говорить, что того, кто подастъ голосъ противъ Станислава, надобно изрубить въ куски, какъ врага отечества". Любомирскій указалъ также на важное нарушеніе польской свободы, допущенное большинствомъ: составленіе и пересмотръ условій, на которыхъ избирался король, отложены были до избранія.

Протестъ Любомирскаго произвелъ сильное впечатлѣніе, но большинство все же было за Станислава, который 9 сентября прибылъ тайкомъ въ Варшаву, проѣхавши по Средней Европѣ подъ видомъ купеческаго приказчика. На другой день, 10 числа, начались приготовленія къ выборамъ, которые должны были происходить въ полѣ между Варшавою и мѣстечкомъ Волой. Здѣсь, около большаго деревяннаго зданія (шопа), занимаемаго сенатомъ, расположилось до 60,000 шляхты на коняхъ. 11 числа, когда примасъ долженъ былъ собирать голоса, паны, стоявшіе отдѣльно на правомъ берегу Вислы, прислали протестъ противъ кандидатуры Станислава; но примасъ объявилъ, что только тотъ протестъ считается законнымъ, который высказанъ на полѣ избранія, въ шляхетскомъ кругу, или такъ-называемымъ рыцарскомъ колѣ. Началось отбираніе голосовъ. Восемь часовъ подъ проливнымъ дождемъ объѣзжалъ примасъ верхомъ ряды избирателей и спрашивалъ, кого они хотятъ въ короли, и повсюду слышались громкіе крики: „Да здравствуетъ Станиславъ"! Но меньшинство утверждало потомъ, что примасъ поступалъ недобросовѣстно, вовсе не спрашивалъ тѣхъ, которые открыто были противъ Станислава, быстро проѣзжалъ мимо подозрительныхъ хоругвей, причемъ свита его, при звукѣ трубъ и роговъ, кричала: „Да здравствуетъ Станиславъ"! и заглушала крики противниковъ; меньшинство утверждало, что 40 хоругвей протестовало противъ избранія Станислава. Но никто не высказывался прямо и за курфирста; такъ Любомирскій, на вопросъ примаса: за кого онъ, отвѣчалъ: „За того, кто не вовлечетъ Польшу въ войну"; кастелянъ радомскій Малаховскій раскрылъ грудь и сказалъ громко примасу: „Здѣсь грозятъ изрубить въ куски того, кто протестуетъ противъ Станислава. Я протестую; кто посмѣетъ изрубить меня въ куски? Станиславъ на сеймахъ объявленъ врагомъ отечества; гдѣ его заслуги? Развѣ то вмѣнить въ заслугу, что онъ съ Шведами опустошилъ наше королевство?"

Но какъ бы то ни было, къ вечеру 11 числа большинство явно высказалось въ пользу Станислава, меньшинство ночью ушло въ Прагу, гдѣ всѣхъ сенеторовъ набралось теперь до 20, со свитою до 4,000 человѣкъ; къ нимъ присоединился и и князь Сангушка, увидавши, что никто не высказался за него. 12 числа примасъ продолжалъ собирать голоса, и теперь никакихъ протестовъ уже не было, потому что меншинство ушло. Это отдаленіе меньшинства, стоявшаго въ сомкнутомъ и, потому, грозномъ положеніи, сильно тревожило примаса, который понималъ, что державы, враждебныя Станиславу, обопрутся на это меньшинство. Онъ отправилъ въ Прагу депутацію съ просьбой, чтобъ меньшинство присоединилось къ большинству; долго дожидался возвращенія депутацій, наконецъ уступилъ требованіямъ большинства и провозгласилъ королемъ Станислава Лещинскаго, котораго торжественно ввели въ костелъ Св. Яна. Между тѣмъ, меньшинство не тронулось просьбами двухъ депутацій отъ большинства; оно выдало манифестъ, въ которомъ жаловалось на уничтоженіе liberum veto, и отступило въ Венгровъ, отбившись отъ наступавшаго на него большинства.

Такимъ образомъ, торжество большинства и короля его далеко не было обезпечено. Никто не сомнѣвался въ приближеніи русскаго войска, а Станиславу нечего было противопоставить ему, ибо коронная армія существовала только по имени. Выдавши универсалы, призывавшіе къ посполитому рушенію, Станиславъ 22 сентября выѣхалъ въ Данцигъ въ сопровожденіи главныхъ своихъ приверженцевъ, также французскаго и шведскаго пословъ; здѣсь хотѣлъ онъ дожидаться французской

помощи, также движенія въ свою пользу иностранныхъ государствъ—Швеціи, Турціи и Пруссіи.

Удаленіе Станислава не облегчило участи русскаго и саксонскаго посольства. Еще прежде Левенвольды должны были переѣхать въ домъ цесарскаго посольства; ихъ домъ былъ разграбленъ; къ нимъ никого не пускали; всѣ курьеры были останавливаемы, у нихъ отбирали бумаги и распечатывали. Домъ саксонскаго посла былъ взятъ кровопролитнымъ приступомъ, посолъ долженъ былъ выѣхать изъ Варшавы. Наконецъ, 20 сентября, на правомъ берегу Вислы, показалось двадцать тысячъ русскаго войска подъ начальствомъ Леси [1]).

Что же побудило Россію дѣйствовать такъ рѣшительно?

22 февраля 1733 года, по указу ея величества, было въ кабинетѣ генеральное собраніе; присутствовали министры, Сенатъ и генералитетъ, а именно: канцлеръ графъ Головкинъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ; дѣйствительные тайные совѣтники—вице-канцлеръ, графъ Остерманъ, князь Черкасскій, генералъ Ушаковъ; дѣйствительные тайные совѣтники – князь Трубецкой, баронъ фонъ-Минихъ, вице-адмиралъ графъ Головинъ, тайный совѣтникъ графъ Головкинъ, и, по выслушаніи реляціи, присланной изъ Польши отъ камергера графа фонъ-Левенвольда, разсудили слѣдующее: 1) по русскимъ интересамъ, Лещинскаго и другихъ, которые зависятъ отъ короны Французской и Шведской и, слѣдовательно, отъ Турецкой, до короны Польской допустить никакъ нельзя; 2) для того отправляемые въ Польшу министры должны усильно стараться, денежные и другіе пристойные способы употреблять, сообща съ министрами союзниковъ, чтобъ Поляковъ отъ избранія Лещинскаго и другихъ подобныхъ ему отвратить; для того этихъ министровъ надобно снабжать денежными суммами; 3) а такъ какъ можетъ случиться, что вышеозначенные способы для отвращенія такихъ вредныхъ Русскому государству предпріятій окажутся недостаточными, и надобно будетъ силу оружія употребить, то признается нужнымъ, безъ упущенія времени, на самыхъ границахъ поставить 18 полковъ пѣхоты и 10 полковъ конницы, и расположить ихъ въ такомъ разстояніи, чтобъ, въ случаѣ нужды, немедленно могли собраться и маршировать; а какъ скоро вешнее время наступитъ, собрать ихъ въ два или три корпуса и велѣть ихъ вывесть къ самымъ границамъ литовскимъ и польскимъ. 4) Къ этому корпусу регулярному нарядить нерегулярнаго войска, Донскихъ казаковъ 2,000, гусаръ Украинскихъ сколько есть, слободскихъ полковъ 1,000, изъ Малороссіи 10,000, чугуевскихъ Калмыковъ 150, да волжскихъ тысячи три; 5) къ этому корпусу опредѣлить главнаго командира и прочихъ отъ генералитета съ такимъ именнымъ указомъ, чтобъ, по первому требованію отъ главнаго министра ея величества, обрѣтающагося въ Польшѣ, вступилъ въ Польшу и дѣйствовалъ бы во всемъ по его опредѣленію.—Въ собраніе былъ приглашенъ князь Дм. Мих. Голицынъ; онъ не могъ быть по болѣзни, потому кабинетскій секретарь ѣздилъ къ нему на домъ, и, по мысли Голицына, въ нерегулярное войско прибавлены Калмыки.

Рѣшеніе генеральнаго собранія было исполнено, войско выставлено на границу, и 29 іюня состоялось другое рѣшеніе: партія Станислава въ Польшѣ очень сильна, подкрѣплена большими французскими деньгами и намѣрена дѣйствовать на собственныя средства, чтобъ провозгласить его королемъ. Поляки, которые этого не хотятъ и которыхъ не мало, не будучи обнадежены въ нашей дѣйствительной помощи и не имѣя подпоры въ нашихъ войскахъ, боятся оказывать явное сопротивленіе, и потому многіе изъ нихъ, составя письменную декларацію, насъ и союзниковъ нашихъ призываютъ на помощь, и поэтому разсуждается: 1) что, по русскимъ интересамъ, Станислава до короны Польской допустить нельзя, ибо извѣстно, что онъ Русскому государству отъявленный непріятель, такъ тѣсно связанъ съ французскими, шведскими и турецкими интересами, что кромѣ злыхъ поступковъ ожидать отъ него ничего нельзя; притомъ онъ, по правамъ польскимъ, объявленъ изгнанникомъ и никогда непрощаемымъ врагомъ своего отечества; слѣдовательно можетъ быть выбранъ въ короли не иначе, какъ съ насильственнымъ ниспроверженіемъ польскихъ правъ и конституцій, а Россіи крайне нужно не допускать ихъ до нарушенія, ибо если эти конституціи нарушатся, то могутъ быть нарушены и другія многія, постановленныя въ прошедшую Шведскую войну и касающіяся до Россіи. 2) Если допустить партію Станислава насильственно и скоропостижно выбрать его въ короли, то трудно будетъ послѣ его выслать и другого на его мѣсто поставлять.

На другой день посланъ былъ указъ Лифляндскому губернатору, генералъ-аншефу Петру Петровичу Леси, чтобъ ѣхалъ немедленно къ полкамъ Рижскаго корпуса, расположеннымъ на польской границѣ, и приготовилъ ихъ къ походу такъ, чтобъ могъ выступить на другой день по полученіи о томъ указа. Такое же повелѣніе было послано къ генералу-поручику Загряжскому, начальствовавшему Смоленскимъ корпусомъ. Однимъ изъ членовъ генералитета при этомъ корпусѣ назначенъ былъ генералъ-майоръ Артемій Волынскій, находившійся тогда въ Москвѣ по дѣламъ конюшеннаго вѣдомства; ему велѣно было, передавъ эти дѣла кому-нибудь изъ находившихся при немъ штабъ-офицеровъ, ѣхать немедленно въ Смоленскъ. Оба корпуса—Рижскій и Смоленскій—должны были соединиться и идти къ Гродну, подъ главнымъ начальствомъ Леси, которому было предписано по дорогѣ обывателямъ отнюдь никакихъ обидъ не дѣлать и, что понадобится, покупать за настоящую цѣну, и платить деньги безъ удержанія. Для этого штабъ, оберъ и

---

[1]) Польскія дѣла 1733 года.

унтеръ-офицеры получали полуторное жалованье, а рядовые—по три копѣйки на день.

31 іюля Леси перешелъ русскую границу въ Лифляндіи, и черезъ Курляндію направилъ путь въ Литву, откуда доносилъ, что все тихо, войсковыхъ собраній и никакихъ другихъ съѣздовъ нѣтъ; гусарскія и панцырныя хоругви стояли по квартирамъ, но въ нихъ было мало людей; знатное шляхетство въ домахъ своихъ не сказывалось, объявляли, будто уѣхали въ Варшаву, но нѣкоторые пріѣзжали къ Леси и объявляли, что согласны съ намѣреніемъ Русской императрицы, и бранили своихъ сенаторовъ, что заставили Россію вмѣшаться въ польское дѣло вооруженною силою. 18 августа пріѣхалъ къ Леси Ковенскаго повѣта маршалъ Забѣло съ просьбою, чтобъ войска не дѣлали никакихъ обидъ жителямъ, которые Варшавѣ не присягали и благодарны Русской императрицѣ за оборону Рѣчи Посполитой и вольностей ея. 25 августа, не доходя до Гродны, Леси получилъ отъ Левенвольда письмо, въ которомъ тотъ просилъ его спѣшить къ Варшавѣ. Леси писалъ въ Петербургъ, что болѣе спѣшить, какъ онъ до сихъ поръ спѣшилъ, не можетъ, ибо, несмотря на страшную грязь, шелъ по три и четыре мили въ сутки, и во весь походъ отдыхали только шесть дней; люди и лошади устали. 27 августа Леси пришелъ въ Гродно. 13 сентября, не доходя мѣстечка Нура, явились къ Леси послы отъ конфедераціи, поздравляли его съ счастливымъ прибытіемъ въ Польшу, всенижайше благодарили императрицу за высокую милость и защиту, и просили не оставить ихъ при нынѣшнихъ ихъ крайнихъ нуждахъ: они не могли сдержать сильнаго нападенія Станиславовой партіи при Варшавѣ, принуждены были отступить, причемъ потеряли нѣсколько товарищей и часть обоза, и теперь находятся въ восьми миляхъ отъ Нура, въ окопѣ подъ мѣстечкомъ Стременчиномъ. Леси совѣтовалъ имъ какъ можно скорѣе соединиться съ русскимъ войскомъ.

Въ ночь на 20 сентября, Леси явился съ своимъ Рижскимъ корпусомъ въ Прагу и, на другой день, на берегу Вислы, противъ самой Варшавы, устроилъ батарею о пяти пушкахъ; польская конница и пѣхота занимали противоположный берегъ и островъ на Вислѣ между Варшавою и Прагою. Между обоими войсками началась перестрѣлка; но съ русской стороны она скоро прекратилась, потому что изъ нашихъ полковыхъ пушекъ ядеръ не доносило до польскихъ батарей; уронъ съ русской стороны былъ незначительный: двое убитыхъ и пять человѣкъ раненыхъ солдатъ. 21 числа пріѣхали въ Прагу: епископъ Познанскій и свѣтскіе вельможи—Любомирскій, Радзивилъ, Сапѣга, Огинскій, Завиша, Понинскій—съ большимъ числомъ шляхты, объявили Леси, что пріѣхали для королевскихъ выборовъ и просили, чтобъ главнокомандующій позволилъ имъ находиться подъ покровительствомъ русскаго войска. Леси, обнадеживъ ихъ, отправился вверхъ и внизъ по Вислѣ мили по двѣ въ каждую сторону для осмотра, гдѣ бы можно было переправиться на ту сторону къ Варшавѣ, но не нашелъ ни одной лодки, всѣ были переведены на ту сторону или изрублены; мостъ между Прагою и Варшавою былъ сломанъ и сожженъ. Несмотря на то, усмотрѣвши два удобныхъ для переправы мѣста, одно внизъ, а другое вверхъ по рѣкѣ, Леси выслалъ къ нимъ отряды для постройки плотовъ.

22 сентября, подъ неумолкаемую пальбу съ варшавскаго берега, не причинявшую впрочемъ никакого вреда, Поляки, пріѣхавшіе въ Прагу, составили конфедерацію, маршаломъ которой выбранъ Понинскій. 24 числа, въ пятомъ часу пополудни, въ полмили отъ Праги, въ урочищѣ Гроховѣ, сконфедерованная Рѣчь Посполитая выбрала въ короли Фридриха-Августа, курфирста Саксонскаго; послѣ избранія были виватъ и стрѣльба, и потомъ въ церкви Бернардиновъ отправленъ благодарственный молебенъ; въ русскомъ войскѣ также выстрѣлили 93 раза изъ пушки и три раза изъ ружей бѣглымъ огнемъ. 26 числа Леси, оставя при Прагѣ генералъ-майора Любераса съ нѣсколькими полками, самъ съ двумя драгунскими и четырьмя пѣхотными полками отправился внизъ по Вислѣ и въ трехъ миляхъ, у деревни Сухотина, сталъ переправляться на другой берегъ, причемъ польскіе отряды отступили безъ малѣйшаго сопротивленія; а 28 числа Люберасъ далъ знать главнокомандующему, что отступило и то непріятельское войско, которое находилось около Варшавы. Скоро Леси получилъ письмо и отъ Левенвольда, что все войско ушло изъ Варшавы къ Кракову. Послѣ этого Леси, раздѣливъ свое войско, по недостатку продовольствія, на двѣ колонны, одну поставилъ въ Скерневичахъ, другую въ Ловичѣ (оба мѣста въ десяти миляхъ отъ Варшавы); здѣсь онъ хотѣлъ побыть для поправленія людей и лошадей, пока получитъ извѣстіе о вступленіи въ Польшу новаго короля Августа III. При Варшавѣ оставлено было четыре пѣхотныхъ полка, одинъ драгунскій и нѣсколько иррегулярныхъ; кромѣ того, отрядъ изъ одного драгунскаго и трехъ пѣхотныхъ полковъ поставленъ былъ въ Плоцкѣ, подъ начальствомъ генералъ-майора Густава Бирона. Но, вмѣсто извѣстія о вступленіи новаго короля въ Польшу, въ концѣ 1733 года Леси получилъ указъ выступить къ Данцигу противъ Станислава Лещинскаго.

Леси былъ радъ уйти подальше отъ Варшавы, потому что тяжело ему было находиться подъ командою у Левенвольда. Леси, знавшій только свое военное дѣло, человѣкъ скромный и безъ связей при Дворѣ, не жаловался на могущественнаго оберъ-шталмейстера; но мы видѣли, что однимъ изъ отрядовъ командовалъ Густавъ Биронъ, братъ фаворита. Биронъ 25 октября написалъ брату слѣдующее письмо: „Здѣсь, какъ высшіе, такъ и низшіе страшно недовольны, потому что старшій графъ Левенвольдъ, министръ нашъ, неслыханнымъ образомъ сурово съ нами поступаетъ; рѣшенія его такъ слабы и непостоянны, что почти каждую минуту ихъ

отмѣняетъ, и самъ не знаетъ, чего хочетъ; войско наше разбросано и подвержено непріятельскимъ нападеніямъ; людей нашихъ предъ нашими глазами перехватываютъ: вчера унтеръ-офицеръ съ четырьмя солдатами въ плѣнъ взятъ. Этого бы ничего не было, если бы мы лучше охраняли заслуженную славу нашего войска, шли за непріятелемъ и его разогнали; но мы, благодаря нашему министру, теряемъ время, занимаясь посторонними и неважными дѣлами, безъ всякой причины стоимъ въ Варшавѣ съ нѣсколькими пѣхотными и конными полками; принуждены на 6 или 7 миль фуражировать, и за недостаткомъ потребнаго пропитанія почти пропадаемъ. Сверхъ того, люди наши никогда покоя не знаютъ, но принуждены день и ночь работать, укрѣплять Варшаву, всѣ улицы рогатками перегораживать, какъ будто непріятеля боимся, тогда какъ прежде къ намъ было писано, что еслибъ только 100 человѣкъ здѣсь было, то-бъ все дѣло можно было покончить. Но министръ никакихъ представленій не выслушиваетъ и всѣмъ добрымъ распоряженіямъ генерала Леси препятствуетъ и такъ насъ обременяетъ, что терпѣть больше нельзя. Кромѣ того, при всѣхъ здѣшнихъ господахъ онъ говоритъ странныя рѣчи, будто нѣкоторые изъ насъ подкуплены были и потому медлили походомъ, хотя не было никакой возможности пройти съ арміею 120 миль скорѣе, чѣмъ мы прошли. Но суровый министръ нашъ не принимаетъ никакихъ резоновъ, надобно, чтобъ все только по его волѣ дѣлалось. О пропитаніи войска нашего старанія нѣтъ; вмѣсто того, чтобъ непріятеля выгнать и о зимнихъ квартирахъ думать, мы бездѣльно стоимъ въ Варшавѣ и допускаемъ непріятеля усиливаться, а все это оттого, что министръ возымѣлъ ложную мысль, будто непріятеля можно приклонить мирными средствами: здѣсь интриги саксонскихъ министровъ, которые, благодаря намъ, достигли своей цѣли, и, можетъ быть, теперь думаютъ, что мы имъ больше не очень потребны. Между тѣмъ, наше войско часъ-отъ-часу слабѣетъ: генералъ Леси не смѣетъ слова выговорить, боясь нареканій отъ графа Левенвольда, который и съ роднымъ братомъ своимъ въ ссорѣ" [1]).

Такія отношенія между посломъ и генералами, препятствовавшія единству и быстротѣ движенія войскъ, давали партіи Лещинскаго надежду поддержать свое дѣло. Въ концѣ 1733 года въ разныхъ мѣстахъ образовались конфедераціи въ пользу Станислава: Сендомирская, составленная въ Опатовѣ Люблинскимъ воеводою Тарло; Волынская, составленная въ Луцкѣ Михаиломъ Потоцкимъ, воеводою Бельзскимъ; Подольская, составленная въ Каменцѣ Стадницкимъ; Кіевская—въ Житомірѣ Вороничемъ. Поляки думали найти сочувствіе въ Русскихъ, недовольныхъ владычествомъ Нѣмцевъ въ Петербургѣ, и потому въ манифестѣ Сендомирской конфедераціи говорилось: „Яснѣе солнца для каждаго, который изслѣдуетъ причины вещей и откуда встала буря на нашу вольность, что не Русская монархія сама по себѣ была виновницею настоящей революціи въ Польшѣ и въ Европѣ, ибо эта революція въ основаніи противна интересамъ Россіи, которая сама находится подъ гнетомъ нѣмецкой власти, стремящейся ко всемірной имперіи и ненавидящей нашу вольность, какъ соль въ глазу. Видя, что насиліе, учиненное нашему королевству московскими войсками, сдѣлано не по совѣту доблестныхъ вельможъ, правдивыхъ наслѣдниковъ россійскаго имени, обязали мы нашего маршала объявить войскамъ россійскимъ и чинамъ панствъ московскихъ, что съ ними враждовать не желали бы" [2]).

Но человѣкъ, въ пользу котораго составлялись эти конфедераціи, Станиславъ Лещинскій, меньше всѣхъ ожидалъ отъ нихъ проку; онъ очень хорошо зналъ, что эти нестройныя толпы шляхты, какъ бы даже многочисленны ни были, не въ состояніи держаться и противъ незначительныхъ отрядовъ регулярнаго войска сосѣднихъ державъ. Вся надежда Станислава была на Францію, и то только въ томъ случаѣ, если бы она употребила большія усилія, если бы сдѣлала съ Августомъ III то же самое, что Карлъ XII сдѣлалъ съ отцомъ его, т.-е. если бы ея войско заняло Саксонію, и въ Дрезденѣ заставило курфирста отказаться отъ Кракова и Варшавы. Станиславъ прямо писалъ своей дочери: „Если король Людовикъ XV не овладѣетъ Саксоніей, то буду принужденъ покинуть Польшу и возвратиться во Францію" [3]). Но если для утвержденія Лещинскаго въ Польшѣ необходимо было Французамъ напасть на Августа въ Саксоніи, то для утвержденія Августа въ Польшѣ, Русскимъ необходимо было выгнать Станислава изъ Данцига, куда къ нему на помощь легко могли явиться моремъ Французы, а быть можетъ и другіе союзники моремъ и сухимъ путемъ. Вотъ почему, какъ мы видѣли, Леси получилъ отъ своего Двора приказаніе немедленно идти къ Данцигу. Несмотря на то, что въ Польшѣ находилось въ это время тысячъ пятьдесятъ русскаго войска, большая часть его была необходима здѣсь для сдерживанія конфедератовъ, и Леси могъ взять съ собою къ Данцигу не болѣе 12,000 человѣкъ. Въ январѣ 1733 года Леси занялъ Торнъ, жители котораго присягнули Августу III и приняли русскій гарнизонъ. Но жители Данцига рѣшились твердо держаться Станислава, въ надеждѣ на французскую помощь и на то, что и другія, особенно морскія державы, не позволятъ разорить такой важный торговый городъ; присутствіе французскаго посла Монти, французскихъ инженеровъ и шведскихъ офицеровъ поддерживало эти надежды, тѣмъ болѣе что у нихъ было втрое болѣе людей, чѣмъ у осаждающихъ. Мало-

[1]) Кабинетныя дѣла 1733 года, въ Москов. архивѣ министер. иностр. дѣлъ.

[2]) Szujskiego-Dzieje Polskie IV, I, 302.

[3]) Тамъ же, стр. 301, 302.

численность войска, недостатокъ во всемъ нужномъ для осады и неблагопріятное время года не могли позволить Леси вдругъ сдѣлать что нибудь важное, а въ Петербургѣ торопились, боясь весны и появленія французскихъ кораблей съ войскомъ, и потому отправили подъ Данцигъ первую военную знаменитость имперіи — графа Миниха.

Мы видѣли, что, по смерти князя Михаила Михайловича Голицына и заточенія князя Василія Владиміровича Долгорукаго, между Русскими не было болѣе военныхъ знаменитостей изъ славной школы Петровой, и Нѣмцы могли сдѣлать своего фельдмаршала, которому спѣшили передать всѣ высшія военныя должности: Минихъ, какъ фельдмаршалъ, командовалъ арміею, былъ президентомъ Военной Коллегіи и воинской коммисіи, генералъ-фельдцейгмейстеромъ, Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, имѣлъ надъ всѣми Имперіи Россійской фортификаціями вышнюю дирекцію, былъ шефомъ Кадетскаго корпуса, завѣдывалъ Ладожскимъ каналомъ. Даровитый, энергическій и сгаравшій честолюбіемъ Минихъ брался за все, оказывалъ повсюду большую дѣятельность, не щадя трудовъ, еще менѣе щадилъ словъ для выставленія этихъ трудовъ, для прославленія своихъ заслугъ, для указыванія безпорядковъ, которые были до него. Мѣста и почести, которыя посыпались вдругъ на Миниха, только раздражали его честолюбіе: онъ стремился захватить еще болѣе, стать въ челѣ управленія: Бирона онъ не трогалъ. Въ Биронѣ заискивалъ, тѣмъ болѣе что Биронъ не былъ правителемъ, съ нимъ легко было не сталкиваться; но трудно было Миниху не столкнуться съ Остерманомъ, у котораго была самая обширная сфера управленія, который былъ давно уже первымъ министромъ на дѣлѣ. И Минихъ столкнулся съ нимъ, столкнулся даже въ иностранныхъ дѣлахъ: мы видѣли, что Минихъ, вопреки Остерману, держался Французскаго союза. Но Остерманъ привыкъ считать за собою значеніе перваго государственнаго дѣльца. Такимъ образомъ, два самыхъ даровитыхъ иностранца враждебно столкнулись, и какъ русскіе вельможи должны были уступить первенствующее значеніе Нѣмцамъ вслѣдствіе усобицы, переѣвши другъ друга, такъ теперь и Нѣмцы начинаютъ также усобицу, которая повлечетъ паденіе ихъ партіи. Остерманъ и неразлучные съ нимъ Левенвольды начали подкапываться подъ Миниха, но самымъ лучшимъ средствомъ для этого было—поссорить его съ Бирономъ. Фавориту начали внушать, что Минихъ опасенъ, что онъ пріобрѣтаетъ часъ-отъ-часу большее вліяніе на императрицу, что онъ кончитъ тѣмъ, что овладѣетъ полною ея довѣренностію и оттѣснитъ его, Бирона. Фаворитъ затрепеталъ за свое выгодное мѣсто и подослалъ шпіоновъ наблюдать за Минихомъ; шпіоны донесли, что фельдмаршалъ какъ-то невыгодно отнесся объ оберъ-камергерѣ. Для Бирона этого было довольно: когда саксонскій посланникъ жаловался ему на деспотическій образъ дѣйствій Миниха съ иностранными купцами, то Биронъ признался, что самъ удивляется поступкамъ Миниха и жалѣетъ, что такъ много сдѣлалъ для этого хамелеона. Но надобно было спѣшить поправить ошибку, и вотъ Минихъ получаетъ приказаніе очистить домъ, который онъ занималъ недалеко отъ дворца, и переѣхать подальше – на Васильевскій островъ, подъ предлогомъ, что прежнее помѣщеніе фельдмаршала нужно для принцессы Анны Мекленбургской. Минихъ испугался участи Ягужинскаго и сталъ хлопотать объ умилостивленіи Бирона; общіе друзья, боявшіеся, какъ видно, для себя усобицы между главными членами нѣмецкой партіи [1]), помогли ему; примиреніе послѣдовало, но только видимое, а въ 1734 году явилась возможность удалить непріятнаго фельдмаршала, поручивъ ему осаду Данцига, медленность которой приписывали, по крайней мѣрѣ отчасти, медленности Леси.

Минихъ отправился подъ Данцигъ подъ именемъ артиллерійскаго полковника Беренса; но инкогнито не могло сохраниться: въ Мемелѣ за нѣсколько дней до его пріѣзда уже знали, что ѣдетъ Минихъ, и не Беренсъ. Изъ этого города 22 февраля Минихъ писалъ императрицѣ: „Ваше императорское величество вѣрно обнадеживаю, что я, по прибытіи моемъ къ арміи, городъ Гданскъ такъ осадить чрезъ Божію помощь уповаю, что изъ онаго и въ оный никто, кромѣ бомбъ и ядеръ, которыя съ стороны вашего величества туда посылаться будутъ, попасть не можетъ; и съ магистратомъ уповаю такъ поступить и городъ въ такое утѣсненіе привесть, чтобъ полную сатисфакцію вашему величеству, такожъ и славу вашего величества войску получить, ежелибъ только чрезъ помощь Божію вскорѣ туда прибыть могъ". 5 марта Минихъ пріѣхалъ подъ Данцигъ съ канцелярію, небольшою свитой и съ 13 тысячами тремя стами червонныхъ. Немедленно былъ созванъ войсковой совѣтъ; Минихъ объявилъ повелѣніе императрицы: не продолжая времени, поступить съ городомъ непріятельски безъ всякаго сожалѣнія, и представилъ, какимъ образомъ думаетъ овладѣть немедленно лежащими передъ городомъ горами; генералъ-майоръ фонъ-Биронъ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Миниха, но генералъ-майоръ Волынскій, генералъ-лейтенантъ князь Борятинскій и генералъ Леси остались при мнѣніи, что съ такимъ малымъ войскомъ атаковать горы не безопасно, а надобно ждать артиллеріи. 9 марта Минихъ донесъ о взятіи приступомъ богатаго предмѣстія *Шотландіи*, сильно укрѣпленнаго: непріятель побитъ, пушки, ядра и порохъ отобраны, и Русскіе обѣдаютъ въ Шотландіи непріятельскимъ хлѣбомъ; Минихъ писалъ, что нельзя описать и достаточно восхвалить храбрость офицеровъ и солдатъ, которую они оказали при нападеніи, промаршировавши всю ночь подъ дождемъ и сильнымъ вѣтромъ. На другой день началось бомбардированіе города: пушки и

[1]) Manstein.—Сборникъ Русск Истор. Общ V, 454.

*

ядра были польскія, взятыя въ Шотландіи. „Безсильные Французы", писалъ Минихъ, „еще долго пробудутъ на морѣ и меня отсюда не выгонятъ, ибо я знаю, что Богъ пребываетъ съ оружіемъ вашего величества; мнѣ фуражъ на здѣшнюю армію нуженъ только до травы, и въ провіантѣ никакого недостатка нѣтъ, потому что Шотландія помогла". О данцигскихъ вѣстяхъ Минихъ сообщилъ, что Станиславъ боленъ и писалъ къ Французскому королю, что хочетъ сложить голову свою въ Данцигѣ; примасъ цѣлый день пьянъ, маркизъ де-Монти и Понятовскій все дѣлаютъ" [1]).

Главное ихъ дѣло состояло въ томъ, чтобы побудить какъ-нибудь Прусскаго короля подать помощь Станиславу; въ Берлинѣ боролись послы – русскій Ягужинскій и французскій маркизъ Шетарди. Въ іюлѣ 1733 года Ягужинскій доносилъ изъ Берлина: „Въ дѣла польскія сильнымъ и явнымъ образомъ вступить здѣсь склонности не видно, о чемъ мнѣ откровенно министръ Подвилъ сказывалъ: такъ какъ недавно заключенный договоръ не ратификованъ, то король въ польскія дѣла мѣшаться не обязанъ, къ тому же положеніе прусскихъ земель необходимо требуетъ нейтралитета въ польскихъ дѣлахъ; здѣсь хорошо помнятъ, въ какихъ безпокойствахъ были при владѣніи короля Августа, а теперь требуютъ возведенія курфирста Саксонскаго на отцовскій престолъ; Цесарю въ томъ находка, что сильную противную партію въ дѣлѣ наслѣдства привлекаетъ на свою сторону, но какъ же требовать отъ Прусскаго короля помощи курфирсту безъ всякаго за то вознагражденія? Здѣшнему Двору нѣтъ причины ни помогать курфирсту, ни препятствовать Станиславу". Ягужинскій писалъ, что король сказалъ цесарскому послу графу Секендорфу: „Хотя мнѣ возведеніе на Польскій престолъ курфирста непріятно и интересамъ моимъ противно, однако когда Цесарь и Россія этого хотятъ, то я противиться не буду, сверхъ того надѣюсь, что Русская императрица удержитъ Поляковъ отъ нападенія на Прусскія земли; также надѣюсь, что Курляндія будетъ отдана одному изъ здѣшнихъ принцевъ". Ягужинскій обращалъ вниманіе своего Двора на то, что и Французскому министру оказывается въ Берлинѣ большая ласка. Самъ король говорилъ Ягужинскому: „Помогать курфирсту Саксонскому я не обязывался; притомъ же курфирстъ у меня не заискивалъ, обращался только къ двумъ императорскимъ Дворамъ; было постановлено возвести на Польскій престолъ или Португальскаго принца, или кого-нибудь изъ Поляковъ, а теперь за одного курфирстра усильно увязались; какую можетъ императрица встрѣтить противность въ Станиславѣ; чѣмъ онъ можетъ повредить, потому что король Польскій своею особою ничего не можетъ сдѣлать?" — „Персона Станиславова", отвѣчалъ Ягужинскій, „не просто одна персона, но съ цѣлымъ королевствомъ Французскимъ связана, и дружбы къ императрицѣ, Цесарю и къ вашему королевскому величеству отъ него ожидать нельзя". Когда Ягужинскій настаивалъ, чтобъ Фридрихъ-Вильгельмъ дѣйствовалъ сообща съ императорскими Дворами и отправилъ корпусъ войскъ къ границамъ, то король сказалъ: „Корпуса отправить нельзя, потому что если съ двухъ концовъ свѣчу зажечь, то скоро исчезнетъ; Цесарь требуетъ, чтобъ на Рейнъ еще корпусъ отправить; да противъ Поляковъ и не нужно большой силы,— съ десятью или двѣнадцатью тысячами ихъ можно ко всему принудить".

Когда въ Берлинѣ были получены извѣстія о двойныхъ выборахъ въ Варшавѣ, то король явно высказывалъ свое нерасположеніе къ курфирсту Саксонскому, а о Станиславѣ говорилъ, что готовъ заплатить милліонъ, чтобъ только удержать его на престолѣ. Эти отношенія объяснялись словами Фридриха-Вильгельма, сказанными Секендорфу: „Отъ Станислава дѣлаются мнѣ предложенія, а отъ курфирста ничего". И въ 1734 году, во время осады Данцига, провозглашая строгій нейтралитетъ относительно Польскихъ дѣлъ и готовность помочь Цесарю, по договору, отрядомъ войскъ противъ Франціи, Фридрихъ-Вильгельмъ продолжалъ оказывать свое расположеніе къ Станиславу и твердить, что дѣла его еще могутъ поправиться. Шетарди и Понятовскій, пріѣхавшій въ Берлинъ отъ Станислава, предлагали Фридриху-Вильгельму признаніе Польшею его королевскаго титула, а Курляндію — для его втораго сына. Съ другой стороны, изъ Петербурга пріѣхалъ въ Берлинъ прусскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ Мардефельдъ съ предложеніями отъ императрицы Анны — города Эльбинга, Курляндіи, по смыслу Левенвольдова договора, и полосы земли въ Западной Пруссіи для непосредственнаго соединенія Восточной Пруссіи съ Помераніею. Послѣднее предложеніе было особенно соблазнительно; король потребовалъ мнѣнія у своихъ министровъ, и Подевильсъ отвѣчалъ: „Польское дѣло еще не созрѣло, оно подвержено еще многимъ и сильнымъ переворотамъ; дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ Пруссію всѣми неправдами притянуть на сторону Саксоніи и втянуть въ открытую войну съ Франціею, притомъ Россія не надѣется управиться въ Польшѣ безъ прусской помощи". Король порѣшилъ: „Мое намѣреніе постоянно, — оставаться въ дружбѣ съ Россіею, но не давать связывать себѣ руки. Воевать разомъ въ двухъ мѣстахъ — на Рейнѣ и въ Помераніи или Пруссіи — невозможно; въ одномъ мѣстѣ пожалуй, но въ двухъ — нѣтъ! Я убѣжденъ, что Франція никогда не заключитъ мира иначе какъ съ условіемъ удержанія Станислава на Польскомъ престолѣ; тогда я всѣ мои завоеванія потеряю, ибо ради моихъ сѣдыхъ волосъ они не станутъ продолжать войну. Долго ли можетъ продолжать войну императоръ? — по большей мѣрѣ до 1735 года; безъ Англіи и Голландіи воевать долѣе невозможно, и тогда мнѣ придется сидѣть

---

[1]) Донесеніе Миниха императрицѣ, въ Москов. архивѣ минист. иностр. д., въ кабинетныхъ дѣлахъ 1734 года.

между двухъ стульевъ. Поэтому мое мнѣніе — не принимать ничьей стороны. Мой честный, вѣрный Ильгенъ тысячу разъ говаривалъ, по поводу саксонскаго преемства на Польскомъ престолѣ: еслибы Польша навѣки уступила Вармію, Помореллію, Данцигъ и Маріенбургъ, то и тогда можно было бы сомнѣваться, было ли бы это выгодно для Пруссіи; ибо если Саксонецъ будетъ въ Польшѣ самодержавенъ, то со всѣми этими пріобрѣтеніями нельзя будетъ ему противиться; интересъ Пруссіи состоитъ въ томъ, чтобъ Польша оставалась республикою, ибо, въ такомъ случаѣ, она никогда не будетъ въ состояніи предпринять что-нибудь важное противъ Пруссіи, по причинѣ безсвязности Польскаго правительства". Съ этимъ Мардефельдъ и поѣхалъ назадъ въ Петербургъ [1]).

Порѣшивши соблюдать нейтралитетъ, Фридрихъ-Вильгельмъ не хотѣлъ пропускать чрезъ свои владѣнія ни русскаго, ни французскаго войска, не хотѣлъ пропустить русскую артиллерію, шедшую изъ Риги къ Данцигу. Легко понять, съ какимъ чувствомъ узналъ объ этомъ Минихъ: съ обычнымъ своимъ спѣхомъ и пыломъ онъ обратился прямо къ королю съ требованіемъ пропуска артиллеріи. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ ему:

„Ничто на свѣтѣ не можетъ произвести ни малѣйшей перемѣны въ вѣрной дружбѣ, которую я обѣщалъ вашей императрицѣ, и, надѣясь на взаимную любовь и расположеніе ея величества, думаю, что и она не потребуетъ отъ меня ничего, что можетъ послужить мнѣ во вредъ или поставить меня въ затруднительное положеніе. Мое постоянное намѣреніе было, какъ во всякихъ другихъ дѣлахъ, такъ особенно въ польскихъ, дѣйствовать согласно съ Россійскимъ императорскимъ величествомъ, и съ обѣихъ сторонъ полагалось за основаніе, чтобъ непринужденнымъ образомъ было избрано на Польскій престолъ такое лицо, которое къ Русскому государству и мнѣ одинаково было пріятно. Но потомъ Россійскій императорскій Дворъ очень скоро и нечаянно отъ этой системы отказался и началъ слѣдовать и слѣдуетъ въ польскихъ дѣлахъ такой политикѣ, которая съ моими интересами соглашена быть не можетъ; и такъ какъ я, изъ уваженія къ ея императорскому величеству, не хотѣлъ противиться ея намѣренію, то мнѣ оставалось одно — держаться строгаго нейтралитета. Я не допущу ничего, что было бы противно Россіи; но, съ другой стороны, по положенію земель моихъ, я долженъ сохранять и доброе расположеніе Франціи, и не вижу никакой причины, зачѣмъ бы я поссорился съ нею изъ-за Польскихъ дѣлъ и тѣмъ поставилъ въ опасное положеніе большую часть моихъ земель. Поэтому я Россійской императрицѣ представлялъ, что́ ей угодно: чтобъ я предоставилъ вольный проходъ войскамъ и артиллеріи обѣихъ сторонъ, или обѣимъ сторонамъ въ томъ отказалъ; но до сихъ поръ я не получилъ отвѣта на мое предложеніе. Я и сначала проходъ русскаго войска чрезъ свои владѣнія позволилъ подъ такимъ условіемъ, что это войско ничего ни предприметъ противъ Данцига, потому что мнѣ и моимъ подданнымъ очень важно сохраненіе этого города, и я равнодушно не могу смотрѣть на его разореніе".

Минихъ отвѣчалъ: „Ваше королевское величество изволили дожидаться отвѣта изъ Петербурга на ваше предложеніе; но я ваше королевское величество обнадеживаю, что моя всемилостивѣйшая императрица будетъ домогаться вольнаго пропуска своихъ войскъ, хотя бы ваше величество дозволили то же самое какимъ бы то ни было Станиславовымъ союзникамъ. И такъ какъ я нахожусь въ состояніи вступить въ дѣло со всѣми ожидаемыми здѣсь Французами, Шведами и Поляками, то могу обнадежить ваше королевское величество, что ея императорское величество меня въ томъ не оставитъ, и потому покорнѣйше прошу прислать мнѣ вашего величества указъ къ правителямъ Пруссіи о пропускѣ нашей артиллеріи. Принимаю смѣлость представить также вашему величеству, что Франція въ продолженіи Тринадцатилѣтней войны совершенно разорилась и въ долги впала, а Россія въ продолженіи 21 года войны не сдѣлала ни малѣйшаго долга. И такъ да соблаговолитъ ваше королевское величество такой сильной союзницѣ дружбу оказать и артиллеріи не задерживать".

Но король не исполнилъ этой просьбы; артиллерію должны были доставить моремъ къ Данцигу съ опасностію отъ французскаго флота.

Несмотря на отсутствіе артиллеріи, 22 марта Минихъ доносилъ императрицѣ: „Каждый день съ авантажемъ одинъ постъ за другимъ счастливо отбираю отъ непріятеля; между прочимъ, одинъ главный постъ по берегу Вислы взятъ въ ночь съ 21 на 22 число, и сдѣланъ съ русской стороны крѣпкій редутъ, который пресѣчетъ сообщенія непріятеля по Вислѣ. Станиславъ съ его приверженцами третьяго-дня еще въ городѣ были; надѣюсь, что и теперь тамъ находятся, развѣ затопленными мѣстами въ нищенскомъ или поповскомъ платьи кто-нибудь изъ нихъ можетъ выйти изъ города; жителямъ Данцига и ихъ гостямъ какъ птицамъ сѣтью головы прикрыты. Въ нынѣшнее годовое время и за уменьшеніемъ людей, которые находятся безсмѣнно въ апрошахъ и на работахъ, нельзя сдѣлать больше того, что сдѣлано, а потеряно людей только 77 человѣкъ, да 202 человѣка ранено; уронъ очень небольшой, если принять въ соображеніе, что непріятель безпрестанно стрѣляетъ въ наши апроши и редуты, и почти ни одного дня не прошло, чтобъ не было вылазки. Думаю, что вашему величеству извѣстно объ отъѣздѣ короля Августа въ Саксонію, что́ всему шляхетству непріятно; и къ нему писалъ и совѣтовалъ, чтобъ онъ назадъ въ Польшу возвратился". У Миниха продолжалась переписка и съ Прусскимъ королемъ; тотъ писалъ ему съ выговоромъ, зачѣмъ онъ за-

---

[1]) Дѣла Прусскія 1733 года. — Droyzen, II, 234 и слѣд.

держиваетъ почту; Минихъ по этому случаю писалъ императрицѣ: „Извольте быть благонадежны, что никакая держава въ свѣтѣ меня не удержитъ вашему величеству съ вѣрностію служить и арміею вашею, по крайнему моему разумѣнію и совѣсти, предводительствовать“.

Въ Берлинѣ сильно сердились на поступки и письма Миниха; къ дѣламъ и письмамъ присоединяли оскорбительныя слова; прусскіе министры жаловались, будто Минихъ говорилъ: „Когда управлюсь съ Данцигомъ, то отдамъ визитъ бранденбургскимъ и прусскимъ землямъ“. Сначала цесарскій посолъ графъ Секендорфъ писалъ Миниху, чтобъ для исходатайствованія пропуска артиллеріи онъ самъ пріѣхалъ въ Потсдамъ съ четырьмя великанами, а потомъ писалъ, чтобъ письменно извинился предъ королемъ. Минихъ по этому случаю доносилъ императрицѣ 7/18 апрѣля: „Еслибъ я въ Потсдамъ поѣхалъ и никакого успѣха не получилъ, то нанесъ бы безчестіе чину, которымъ ваше величество меня пожаловали; а теперь въ отвѣтъ на явныя неправды короля писать ему извинительныя и покорныя письма никакой причины не нахожу. Что я говорилъ о непріятельскомъ визитѣ въ Бранденбургію и Пруссію—это клевета; но здѣсь разговоры и письма имѣются, по которымъ король Прусскій съ войсками своими долженъ прійти на помощь Данцигу; маркизъ Шетарди предлагалъ, чтобъ король оступилъ Данцигъ своими войсками, и Понятовскій именемъ Станислава обѣщалъ Прусскому королю епископство Варминское и городъ Эльбингъ. Сюда же долженъ пріѣхать и медіаторъ между мною и городомъ. Но къ чему можетъ клониться такая медіація? Только къ тому, чтобъ спасти Станислава и его приверженцевъ, оказать услугу Французскому королю, воспрепятствовать вашему императорскому величеству въ полученіи справедливаго удовлетворенія отъ дерзкаго города и сдѣлать безплодными труды, понесенные арміею вашего величества при его осадѣ. Но съ помощію Божіею этого ничего не будетъ, и я ни съ какимъ прусскимъ медіаторомъ въ дѣло не вступлю. Здѣсь мнѣ и безъ того не безъ заботы и печали. За четыре недѣли армія вашего величества была безъ провіанта и фуражу, безъ рубахъ и обуви, большая часть въ лазаретѣ безъ медиковъ и фельдшеровъ, въ зимнее время осаждала она городъ, снабженный сильнымъ гарнизономъ и артиллеріею, не имѣя инженеровъ, артиллеристовъ, пушекъ, пороху и пуль; притомъ армія такъ разсѣяна, что нельзя дѣлать смѣны; отпущенная моремъ изъ Либавы артиллерія рискуетъ попасться въ руки непріятелю, потому что здѣсь стоитъ французскій фрегатъ и можетъ въ нѣсколько часовъ быть въ Пиллау. Надобно ожидать ежегодно французской и шведской помощи городу. Воевода Люблинскій съ своимъ корпусомъ стоитъ въ нашихъ квартирахъ у Тухеля и Хонига; генералъ-лейтенантъ Загряжскій, вмѣсто того, чтобъ вступить съ нимъ въ битву, заключилъ съ нимъ перемиріе и имѣлъ свиданіе, и хотя Поляки при этомъ говорили, что лучше хотятъ короля цыгана, чѣмъ Нѣмца, однако Русскіе съ ними вмѣстѣ пили, и слышно, что сынъ Загряжскаго принялъ 50 червонныхъ въ подарокъ отъ Тарло. Поэтому я принужденъ былъ вчера поутру отправить генерала Леси и 1,000 человѣкъ изъ моего слабаго лагеря къ корпусу Загряжскаго, чтобъ этого Тарло съ Божіею помощію побить и привести себя въ безопасность съ тылу, все войско совокупить, осаду продолжать, Французамъ и Шведамъ сопротивляться. Отъ этого зависитъ слава вашего величества и вашего войска; а Тарлово намѣреніе — Станислава избавить и воспользоваться отсутствіемъ короля Августа. Генералъ-майоръ Любрасъ по десятикратно повторенному приказу сюда нейдетъ, подъ предлогомъ, что мало оставить въ Варшавѣ 400 человѣкъ, затѣмъ пять полковъ его команды стоятъ тамъ, а при арміи шатровъ нѣтъ. Такимъ образомъ, Загряжскій и Любрасъ подлежатъ военному суду. Волынскій взялъ вчера паспортъ въ Петербургъ для лѣченія; князь Борятинскій лежитъ уже четыре недѣли боленъ, также и большая часть полковниковъ. Впрочемъ, здѣсь при арміи, слава Богу, все благополучно и ни въ чемъ недостатку нѣтъ; непріятель ничего противъ меня предпринять не смѣетъ; я уже такъ близко къ его укрѣпленіямъ, что могу приступить, когда только получу людей и артиллерію. Солдаты поднимаютъ почти каждое пушечное ядро, брошенное непріятелемъ, потому что имъ платятъ за каждое ядро по три копѣйки; такъ какъ множество непріятельскихъ бомбъ не разрываетъ, то мы вынимаемъ изъ нихъ порохъ, который очень хорошъ. Солдаты бодры, и я тѣмъ, которые стоятъ въ апрошахъ, пока морозъ и постъ, ежедневно велю давать по чаркѣ вина и по алтыну денегъ“. [1]).

Генералъ Любрасъ дѣйствительно ослушался приказаній фельдмаршала и не двинулся изъ Варшавы, за что былъ отданъ подъ военный судъ, но оправдался, благодаря заступленію оберъ-шталмейстера Левенвольда, врага Минихова. Но Минихъ, кажется, слишкомъ поспѣшилъ обвинить генерала Загряжскаго; по другимъ извѣстіямъ, конфедераты: воевода Люблинскій Тарло и каштелянъ Черскій Рудзинскій перешли Вислу, чтобъ идти на помощь Данцигу; высланные противъ нихъ Минихомъ генералы—Загряжскій и Карлъ Биронъ—встрѣтили Рудзинскаго при городкѣ Швецѣ; у Русскихъ было 2,000 драгунъ и 1,000 казаковъ; у Поляковъ 3,000 шляхты на коняхъ и 2,000 пѣхоты; несмотря однако на превосходство своихъ силъ, Поляки были совершенно разбиты. Но вскорѣ потомъ, подъ мѣстечкомъ Тухолою, побѣдители встрѣтили Тарло съ 12,000 войска. Предводительствуя въ четыре раза сильнѣйшимъ войскомъ, Тарло не рѣшился вступить въ битву, а вошелъ въ переговоры съ Загряжскимъ, который обѣщалъ ему пропустить двоихъ офицеровъ въ Данцигъ, и въ то же время

---

[1]) Донесеніе Миниха.

далъ знать Миниху о своемъ опасномъ положеніи, и требовалъ подкрѣпленія [1]). Минихъ отправилъ Леси, который настигъ Тарло при деревнѣ Высѣчонѣ, за милю отъ померанской границы, и, послѣ двухчасоваго боя, принудилъ къ отступленію.

1-го апрѣля, въ устьяхъ Вислы, появился французскій фрегатъ съ шведскимъ войскомъ и оружіемъ; но Леси принудилъ его уйти назадъ въ море; къ Русскимъ пришла артиллерія, отправленная изъ Риги и Ревеля; прибыли и саксонскія мортиры по почтѣ въ закрытыхъ телѣгахъ: ихъ пропустили чрезъ прусскія владѣнія, потому что ихъ выдали за экипажи герцога Вейсенфельскаго. Эти экипажи разставили 18 апрѣля на русскія батареи и начали стрѣлять по городу. Въ это время пришла французская эскадра и нѣсколько людей успѣли высадиться; но Французы не нашли никакой возможности ни соединиться съ польскимъ войскомъ, ни войти въ городъ, потому что Минихъ взятіемъ форта Зоммершанцъ совершенно пресѣкъ сообщенія Данцига съ его гаванью Вейхзельмюнде. Французы два дня имѣли намѣреніе атаковать русскіе посты, находившіеся на берегу Вислы, но отчаялись въ успѣхѣ при видѣ незначительности своихъ силъ, сѣли на корабли и вышли въ море. Тогда Минихъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, рѣшился положить конецъ осадѣ взятіемъ сильнаго укрѣпленія, форта Гагельсберга. Три тысячи солдатъ должны были идти на приступъ и пять тысячъ ихъ поддерживать. Около полуночи Русскіе двинулись на приступъ въ необыкновенномъ порядкѣ и сохраняя глубокое молчаніе; они овладѣли уже батареею съ семью пушками; но, по рѣдкому несчастію, предводители всѣхъ трехъ колоннъ, почти всѣ офицеры генеральнаго штаба и инженеры, были убиты или ранены при первомъ залпѣ непріятеля. Колонны, вмѣсто того, чтобъ идти отдѣльно, смѣшались, и солдаты, не имѣя вождей, остановились и стояли неподвижно три часа сряду подъ страшнымъ огнемъ осажденныхъ. Минихъ, замѣтя безпорядокъ, послалъ адъютантовъ съ приказомъ идти назадъ; но солдаты не послушались и отвѣчали, что всѣ лягутъ на мѣстѣ, а не отступятъ ни на шагъ. Леси принужденъ былъ самъ отправиться уговаривать солдатъ къ отступленію, и они послушались, потому что они очень любили его. Осаждающіе потеряли болѣе 2,000 человѣкъ убитыми и ранеными и 120 офицеровъ. Минихъ утѣшалъ императрицу тѣмъ, что такія потери не представляютъ ничего необыкновеннаго, и притомъ же Русскіе показали удивительную храбрость; императрица, въ свою очередь, утѣшала фельдмаршала милостивымъ рескриптомъ.

Осажденные не воспользовались гагельсбергскою неудачею Русскахъ; они не двигались, все дожидаясь французской помощи. Минихъ доносилъ 7 мая: „До сихъ поръ въ городъ уже 1,500 бомбъ брошено, и, несмотря на то, осажденные не обнаруживаютъ никакой склонности къ сдачѣ; у меня есть еще бомбъ на 10 дней, а между тѣмъ надѣюсь, не придетъ ли саксонская или наша осадная артиллерія“. 13 мая показались опять на рейдѣ 11 французскихъ кораблей, которые также высадили войско на берегъ. 16 мая это войско атаковало русскіе ретраншаменты, и въ то же время осажденные, въ числѣ 2,000, съ пушками сдѣлали вылазку; но и тѣ и другіе были отбиты, причемъ съ русской стороны отличился полковникъ Олонецкаго драгунскаго полка Лесли. Узнали, что французскими войсками командуетъ бригадиръ Ламоттъ де-ла-Пейрузъ, а число всего войска 2,040 человѣкъ. Такъ въ первый разъ помѣрились силами Русскіе съ Французами. „Русскіе офицеры и солдаты“, по словамъ Миниха, „въ сей акціи превеликій куражъ, охоту и радость оказывали, и ничего такъ не желали, какъ чтобъ Французы еще сильнѣе пришли и въ другой разъ бы отвѣдали“. Вслѣдъ за этимъ Минихъ былъ обрадованъ прибытіемъ саксонскаго войска. Русскаго войска съ подошедшими изъ Варшавы отрядами было въ это время подъ Данцигомъ 16,337 человѣкъ.

Въ началѣ іюня Минихъ доносилъ о прибытіи русскаго флота съ артиллеріею на данцигскій рейдъ, вслѣдствіе чего французская эскадра, оставивъ войско въ Вейхзельмюнде, удалилась, и тридцатипушечный фрегатъ, который былъ при Вейхзельмюнде, при отплытіи своемъ, сѣлъ на мель; за то три русскихъ галіота попались въ руки Французамъ, которые въ своихъ извѣстіяхъ изъ трехъ галіотовъ сдѣлали пять военныхъ кораблей, нагруженныхъ бомбами. Минихъ, получивъ артиллерію, началъ дѣлать апроши къ Вейхзельмюнде и послалъ къ бригадиру Ламотту съ требованіемъ сдачи; Ламоттъ снесся съ находившимися въ городѣ Станиславомъ и маркизомъ Де-Монти, и тѣ отвѣчали, что намѣрены обороняться до послѣдняго человѣка, и надѣются, что Вейхзельмюнде можетъ держаться по крайней мѣрѣ четыре недѣли, а между тѣмъ получится сильная французская помощь, и если Вейхзельмюнде будетъ защищаться какъ слѣдуетъ, то вся руская пѣхота можетъ погибнуть. Минихъ далъ знать Ламотту, что, по извѣстіямъ отъ министровъ изъ Голландіи и Англіи, на французскую помощь не можетъ быть никакой надежды, а русскій флотъ уже на данцигскомъ рейдѣ, и если Французы по истеченіи трехъ дней не сдадутся, то никакой капитуляціи и пощады не получатъ. 12 іюня французы сдали Вейхзельмюнде. На другой день сдалось укрѣпленіе Мюнде; 17 іюня русскій флотъ повезъ сдавшихся Французовъ, чтобы высадить ихъ въ одномъ изъ портовъ Балтійскаго моря; отвозомъ Французовъ надобно было спѣшить тѣмъ болѣе, что пришло извѣстіе о вступленіи въ Балтійское море осьми французскихъ военныхъ кораблей съ новымъ вспомогательнымъ войскомъ изъ осьми баталіоновъ. Шведовъ, находившихся въ Мюнде, Минихъ отправилъ съ паспортами. Станиславъ успѣлъ уйти, переодѣвшись въ крестьянское платье, послѣ чего,

[1]) Манштейнъ.—Шуйскій IV, I, 305.

28 іюня, сдался Данцигъ съ обязательствомъ быть вѣрнымъ королю Августу III-му. Польскіе вельможи, находившіеся въ городѣ,—примасъ Потоцкій, епископъ Плоцкій Залускій, воевода Русскій Чарторыйскій, воевода Мазовецкій Понятовскій и другіе отдались въ волю и милосердіе Русской императрицы. Городъ Данцигъ долженъ былъ отправить въ Петербургъ торжественную депутацію изъ самыхъ знатныхъ гражданъ, по выбору императрицы, съ просьбою о всемилостивѣйшемъ прощеніи; войска, находившіяся въ городѣ, сдались военноплѣнными; городъ обязался не принимать никогда въ свои стѣны непріятеля императрицы и заплатить ей за военныя издержки милліонъ битыхъ ефимковъ; за то, что во время осады, въ противность военному обыкновенію, звонили въ колокола, городъ долженъ заплатить 30,000 червонныхъ; за уходъ Станислава Лещинскаго городъ долженъ былъ выплатить милліонъ ефимковъ, если не представитъ бѣглеца въ четыре недѣли [1]). Сдавшихся Французовъ привезли въ Кронштадтъ, откуда отправили въ Копорье, гдѣ держали въ лагерѣ. Такъ какъ по условію надобно было ихъ высадить въ одну изъ балтійскихъ гаваней, и, конечно, Французы не разумѣли здѣсь Кронштадта, то надобно было ихъ отправить въ отечество; но прежде хотѣли попробовать, нельзя ли извлечь изъ ихъ пребыванія въ Россіи какую нибудь выгоду. 23 іюня 1734 года императрица отправила въ Копорье флотскаго капитана Полянскаго съ такимъ наказомъ: „Ѣхать тебѣ въ Копорье въ лагерь, гдѣ обрѣтаются Французы, и объявить нашъ указъ гвардіи майору Албрехту или Астраханскаго полка подполковнику Лопухину, что мы указали быть тебѣ при тамошней командѣ обще съ ними, потому что ты французскаго языка умѣешь, и Французамъ также объявить, что ты для нихъ нарочно присланъ. Притомъ майору или подполковнику секретно объявить, чтобъ они помянутыхъ Французовъ впредь такъ крѣпко не держали, какъ нынѣ, и ежели-бъ кто изъ нихъ сталъ уходить тайно, то за тѣми присматривать, и отъ того ихъ удерживать не велѣть, а для сыску за ними никуда не посылать, понеже изъ нихъ многіе есть мастеровые люди, и буде они будутъ уходить, то тотъ ихъ побѣгъ къ лучшему нашему интересу воспослѣдуетъ, чего ради не токмо-бъ ихъ отъ того удерживать, но еще по крайней возможности въ томъ имъ способствовать и къ тому приговаривать, и какъ можно тайно отправлять ихъ въ С.-Петербургъ“ [2]).

Первый актъ борьбы за Польскій престолъ кончился взятіемъ Данцига; мѣстомъ втораго дѣйствія долженствовала быть болѣе широкая сцена. Изъ письма генерала Густава Бирона мы видѣли, что братья Левенвольды перессорились въ Варшавѣ; младшій, камергеръ, просилъ отозвать его; просьба была исполнена, и на его мѣсто былъ отправленъ къ Польскому Двору дѣйствит. стат. совѣтникъ и президентъ Академіи Наукъ Кейзерлингъ, который, впрочемъ, долженъ былъ играть второстепенную роль; оберъ-шталмейстеръ Левевольдъ попрежнему заправлялъ польскими дѣлами, сносясь съ тремя Дворами, Вѣнскимъ, Берлинскимъ и Дрезденскимъ.

Левенвольдъ изъ Варшавы отправился въ Краковъ, для присутствія на коронаціи Августа III, а отсюда, въ началѣ 1734 года, поѣхалъ въ Вѣну. Здѣсь нужно было толковать объ окончаніи польскихъ дѣлъ; а между тѣмъ Левенвольдъ долженъ былъ предложить и другой,—Турецкій вопросъ, представивъ, что Порта относится враждебно къ австро-русскимъ интересамъ въ Польшѣ, и Татары нападаютъ на русскія границы, чего терпѣть нельзя. Эти представленія были очень непріятны Вѣнскому Двору; Польское дѣло еще не кончено, предстоитъ война съ Франціей, а тутъ Россія поднимаетъ Турецкую войну, въ которой Австрія должна помогать ей. Цесарскіе министры отвѣчали Левенвольду, что государь ихъ самымъ прилежнымъ образомъ совѣтуетъ *диссимулировать* съ Турками, и, пока они находятся въ покоѣ, ничего противъ нихъ не начинать, потому что теперь не время: Французы воспользуются случаемъ, чтобъ съ большимъ успѣхомъ дѣлать внушеніе и подстрекательство, какъ у Порты, такъ и въ другихъ мѣстахъ, особенно въ Швеціи; Франція ободрится новыми безпокойствами и затрудненіями, неизбѣжными для союзниковъ при новой войнѣ; при видѣ этихъ новыхъ безпокойствъ и затрудненій, и тѣ, отъ которыхъ Цесарь ожидаетъ помощи или имѣетъ право ея требовать, станутъ уклоняться. Что же касается Татаръ, то съ ними можно расправиться, и Порта не почтетъ это нарушеніемъ мира. Относительно австрійской помощи противъ Турокъ, принцъ Евгеній говорилъ, что ему нужно непремѣнно знать напередъ о военныхъ распоряженіяхъ съ русской стороны, и въ то же время требовалъ, чтобъ Россія, по договору, помогла Австріи войскомъ противъ Французовъ. Левенвольдъ отвѣчалъ: что русскія войска и безъ того заняты и разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, и еще новую тягость налагать на нихъ—нельзя; что императрица относительно сосѣдей своихъ находится въ такомъ положеніи, что принуждена думать о защитѣ собственныхъ границъ; въ Польшѣ дѣйствуетъ одна армія, и конца тамошнимъ дѣламъ еще не предвидится; надобны войска въ Персіи, и должно готовить другія въ ожиданіи войны Турецкой, которую Татары уже начали своими нападеніями; не меньшую осторожность надобно наблюдать и со стороны Швеціи, которая волнуется французскими интригами. Если, по желанію Цесаря, съ Турками и диссимулировать, то не мѣшаетъ заблаговременно условиться о необходимыхъ мѣрахъ, чтобъ императрица могла знать навѣрное, какую помощь получитъ она отъ Цесаря, если Турки нападутъ на ея владѣнія, тѣмъ болѣе что эту помощь Цесарь долженъ оказать и въ видахъ собственной безопасности, ибо

[1]) Донесеніе Миниха; Манштейнъ.
[2]) Указъ въ Государств. Архивѣ.

интересы обѣихъ имперій относительно Турціи нераздѣльны. Австрійскіе министры отвѣчали, что все это справедливо, и Русская государыня должна быть увѣрена, что Цесарь подастъ ей помощь въ Турецкой войнѣ нѣкоторымъ числомъ конницы и, во всякомъ случаѣ, будетъ стараться доказать свои вѣрносоюзническія намѣренія. Жаловались на Пруссію, что, благодаря ея равнодушію, Цесарь лишенъ помощи остальныхъ князей германскихъ, которые соображаютъ свои поступки съ поступками Пруссіи. Левенвольдъ писалъ императрицѣ, что, по его мнѣнію, Вѣнскій Дворъ, по возможности, обнаруживаетъ добрую склонность, а что въ польскихъ дѣлахъ войсками сообща дѣйствовать не можетъ и противъ Турокъ никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ содержанія на границахъ довольнаго числа войскъ, предпринять не въ состояніи,—единственною причиною тому бездѣйствіе прочихъ союзниковъ, которые на одного Цесаря возлагаютъ всю тяжесть Французской войны. Французы все входятъ далѣе и далѣе въ глубь Имперіи и вездѣ собираютъ большія контрибуціи, только въ земляхъ курфирста Пфальцскаго все деньгами платятъ и раздаютъ опасныя грамоты, что служитъ знакомъ добраго согласія ихъ съ курфирстомъ. Курфирстъ Кельнскій набираетъ войско и возбуждаетъ также сильное подозрѣніе, а приверженность къ Франціи курфирста Баварскаго давно открылась, и легко разсудить, что Франція будетъ всѣми средствами усиливать свою партію въ Имперіи. Въ Саксоніи боятся, чтобъ Французы чрезъ Кассель и Тюрингію не пробрались къ саксонскимъ границамъ.

Въ концѣ апрѣля, Левенвольдъ выѣхалъ изъ Вѣны и отправился въ Саксонію, для свиданія съ Польскимъ королемъ. Августа III онъ нашелъ въ Лейпцигѣ и сталъ ему внушать, что всѣ затрудненія происходятъ отъ Прусскаго короля, который не оказываетъ союзнымъ Дворамъ должной помощи, сердясь за возведеніе на Польскій престолъ его, курфирста, который поэтому обязанъ привлечь Фридриха-Вильгельма на свою сторону всякаго рода угожденіями. Августъ III согласился угождать Прусскому королю, предложить ему съ саксонской стороны отдать въ закладъ амтъ Гоморнъ, а съ польской—Эльбингъ.

Изъ Лейпцига Левенвольдъ отправился въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ съ королемъ длинный разговоръ, подробно изъяснялъ ему ходъ польскихъ дѣлъ, какъ Франція, стараясь возвести на престолъ Станислава Лещинскаго, имѣла въ виду одно—проложить дорогу къ Польскому престолу французскимъ принцамъ и привести Польшу въ полную отъ себя зависимость, что̀ было бы и Пруссіи такъ же вредно, какъ и другимъ сосѣднимъ державамъ. Оба императорскіе Двора сначала вовсе не думали о курфирстѣ Саксонскомъ и хотѣли, согласно съ желаніемъ Прусскаго короля, возвести на престолъ какого-нибудь Пяста; но, при господствѣ французской партіи, при употребленіи огромныхъ денежныхъ суммъ и при сильныхъ вооруженіяхъ, не было никакой возможности думать объ иномъ кандидатѣ, кромѣ самостоятельнаго государя, который былъ бы въ состояніи содержать свою партію собственными силами и деньгами. Выбравши Поляка, надобно было бы поддерживать его войскомъ и деньгами; но Прусскій король объявилъ, что въ Польскомъ дѣлѣ деньгами помогать не будетъ, и прусскіе министры въ Польшѣ съ самаго начала держали себя въ такомъ отдаленіи отъ министровъ русскаго и австрійскаго, что противная партія могла выводить отсюда самыя благопріятныя для себя заключенія. Наконецъ, при такихъ обстоятельствахъ нельзя было найти ни одного Поляка, который былъ бы такъ смѣлъ, что рѣшился бы принять престолъ

Король, выслушавъ все это, сказалъ: „А Цесарь теперь находится въ трудномъ положеніи отъ Французовъ; какъ онъ изъ такихъ затрудненій выпутается“? Левенвольдъ отвѣчалъ, что исходъ дѣла въ рукахъ его, Фридриха-Вильгельма, если съ прямою ревностію вступитъ въ дѣло, выставитъ побольше войска противъ Французовъ, или, по крайней мѣрѣ, сборомъ и движеніемъ его покажетъ видъ, что хочетъ содѣйствовать возстановленію общаго спокойствія. Король сказалъ на это, что дѣло требуетъ еще долгаго обдумыванія, и что ему прежде надобно знать подлинно, какую безопасность онъ въ Пруссіи будетъ имѣть со стороны Польши; чтобъ польская смута какъ-нибудь не обратилась во вредъ ему; что онъ совершенно спокоенъ относительно русскихъ войскъ, но не можетъ быть спокоенъ насчетъ Поляковъ, если объявитъ себя противъ нихъ и выведетъ свое войско изъ Пруссіи. Левенвольдъ отвѣчалъ, что союзъ съ Россіею служитъ для него лучшимъ обезпеченіемъ, и, если онъ хочетъ, Россія можетъ возобновить свою гарантію Пруссіи, хотя и трудно себѣ представить, чтобъ, при существующемъ союзѣ между Россіею и Пруссіею, Поляки осмѣлились напасть на послѣднюю. Наконецъ Левенвольдъ коснулся главнаго пункта—вознагражденія Пруссіи со стороны Августа III, упомянулъ, что дѣло объ амтѣ Гоморнъ можетъ быть легко улажено, и просилъ короля объявить, чего онъ еще желаетъ. Вмѣсто отвѣта, король спросилъ, чего отъ него хотятъ. — „Признанія Августа III королемъ Польскимъ и удаленія отсюда французскаго министра Шетарди“, отвѣчалъ Левенвольдъ.—„Немедленно велю своимъ министрамъ вступить съ вами въ конференцію“, сказалъ король, и отпустилъ русскаго посланника. Но когда результаты конференціи были донесены королю, то Левенвольду объявлено было требованіе, чтобъ курфирстъ Августъ уступилъ Пруссіи Курляндію и Померанію съ городомъ Эльбингомъ, и требованіе предъявлялось на основаніи обѣщаній, полученныхъ отъ Русскаго Двора. Взятіе Данцига положило конецъ этимъ требованіямъ [1]).

Союзную Россіи Данію Польскія дѣла поставили въ затруднительное положеніе. Въ мартѣ 1733 г.

[1]) Дѣла Польскія, Австрійскія и Прусскія 1734 года.

Бракель писалъ въ Петербургъ: „Здѣшнее министерство насчетъ проѣзда короля Станислава чрезъ Зундъ находится въ сомнѣніи,—Франціи прямо отказать не хотятъ, и пропустить такъ-же не желаютъ. Я буду уговаривать ихъ, чтобъ не пропускали и признали за поводъ къ войнѣ, если французская военная эскадра пойдетъ въ Балтійское море". Французскій посолъ толковалъ, что его государь вмѣшивается въ Польскія дѣла для охраненія польской вольности, стѣсняемой Цесаремъ и его союзниками. Бракель внушалъ, что, наоборотъ, Франція стѣсняетъ польскую вольность, навязывая Полякамъ Лещинскаго. Датскіе министры отвѣчали, что имъ сомнительно въ этомъ дѣлѣ принять ту или другую сторону, но обнадеживали Бракеля, что будутъ содержать заключенный съ Россіей союзный договоръ. Въ маѣ французскій посолъ потребовалъ, чтобъ Данія по крайней мѣрѣ оставалась нейтральною въ Польскомъ дѣлѣ, ибо какъ скоро хотя одинъ человѣкъ войдетъ въ Польшу для противодѣйствія избранію Лещинскаго, то необходимымъ слѣдствіемъ будетъ война съ Франціею. Датскіе министры отвѣчали, что король ихъ не отступитъ отъ Австро-Русскаго союза. Французъ грозилъ союзомъ Франціи съ Швеціею, что производило впечатлѣніе на Датчанъ. Въ началѣ іюля, французскій посолъ объявилъ, что король его счелъ нужнымъ отправить военную эскадру въ Балтійское море, и такъ какъ Французскій Дворъ находится съ Датскимъ въ добромъ согласіи и дружбѣ, то онъ, посолъ, обращается съ просьбою, чтобъ для этой эскадры былъ свободный пропускъ чрезъ Зундъ и чтобъ, въ нужномъ случаѣ, французскіе корабли могли найти пристанище и помощь въ датскихъ гаваняхъ. Ему отвѣчали, что въ проходѣ чрезъ Зундъ никакой державѣ отказано быть не можетъ и датскія гавани открыты для французскихъ кораблей, если только французская эскадра посылается не съ тѣмъ, чтобъ вступить въ какое-нибудь непріязненное столкновеніе съ союзниками Даніи.

Осенью Бракель отправился въ Гамбургъ для улаженія Шлезвигскаго дѣла, т.-е. для увѣщанія герцога Голштинскаго отказаться отъ Шлезвига за извѣстную сумму денегъ. По пріѣздѣ туда, Бракель доносилъ императрицѣ, что голштинской службы генералъ-майоръ Штейнфлихтъ поѣхалъ во Францію, и увѣряютъ, что герцогъ послалъ его къ Станиславу Лещинскому; оберъ-камергеръ Штаркъ отправляется въ Англію. Бракель прибавлялъ къ этому извѣстію: „Герцогъ смолоду былъ дурно воспитанъ, и потому онъ до сихъ поръ приводитъ себя изъ одного несчастія въ другое. Потому мало надежды, что онъ приметъ наше предложеніе; графъ Бассевичъ разглашаетъ, что ему отъ нашего Двора обѣщано 100,000 рублей, если онъ склонитъ герцога къ уступкѣ Шлезвига. Я объявилъ находящимся здѣсь голштинскимъ чиновникамъ, что Бассевичъ хвастаетъ,—что онъ отъ Россіи не получитъ ни одного ефимка, ибо для герцогскаго Голштинскаго Дома сдѣлано гораздо болѣе, чѣмъ сколько онъ могъ по праву требовать; притомъ извѣстно, что Бассевичъ не пользуется большимъ кредитомъ у герцога".

Дождавшись въ Гамбургѣ цесарскаго посланника, графа Вратислава, Бракель отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Киль уговаривать герцога Голштинскаго къ принятію датскаго предложенія относительно Шлезвига; герцогъ принялъ ихъ очень ласково, угостилъ, но согласія не далъ, и Бракель долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратиться въ Копенгагенъ. Здѣсь французскій посланникъ хлопоталъ изо всѣхъ силъ, чтобъ Данія оставалась нейтральною, въ случаѣ если Швеція объявитъ войну Россіи, или будетъ помогать Станиславу. Всѣ старанія его остались тщетными: Датское правительство объявило, что твердо будетъ соблюдать договоры, заключенные имъ съ обоими императорскими Дворами. Но, съ другой стороны, Бракель не могъ убѣдить Датское правительство, чтобъ оно за русскія субсидіи выставило отрядъ своего войска противъ Станислава; не могъ уговорить, чтобъ оно своимъ флотомъ помѣшало проходу французскихъ кораблей чрезъ Зундъ въ Балтійское море; датскіе министры отвѣчали, что король ихъ въ Польскія дѣла не вмѣшается и примется за оружіе въ пользу Россіи только тогда, когда на нее будетъ сдѣлано нападеніе. Сдача Данцига прекратила эти дѣла; а въ концѣ 1734 Бракель былъ переведенъ въ Берлинъ, а на его мѣсто снова былъ назначенъ въ званіи чрезвычайнаго министра Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ [1])

Братъ его, Михаилъ Петровичъ, не смѣнялся въ Швеціи. Когда здѣсь получено было извѣстіе о смерти Августа II, то онъ отправился ко Двору и прислушивался къ разговорамъ объ этой важной перемѣнѣ: многіе изъявили желаніе видѣть на Польскомъ престолѣ опять Станислава Лещинскаго. Въ мартѣ Бестужевъ извѣстилъ, что получены письма отъ Лещинскаго къ королю и королевѣ, въ которыхъ Станиславъ проситъ помочь ему въ полученіи Польскаго престола. Французскій посолъ Кастежа получилъ указъ склонять къ этому Шведское правительство. Бестужевъ прибавляетъ: „По обстоятельствамъ и по разговорамъ здѣшнихъ министровъ и прочихъ знатныхъ персонъ надобно думать, что Дворъ Шведскій по всякой возможности будетъ помогать Лещинскому; только нельзя надѣяться, чтобы Швеція стала на это тратить много денегъ: знающіе здѣсь люди разсуждаютъ, основываясь на скупости французскаго министерства, что и Французскій Дворъ надлежащихъ издержекъ для Станислава не употребитъ". Графъ Бонди сказалъ Бестужеву, что они не скрываютъ своего желанія видѣть Станислава на Польскомъ престолѣ и будутъ ему помогать добрыми услугами (bonis officiis), но никогда не окажутъ ему такой помощи, которая бы могла за-

[1]) Дѣла Датскія 1733 и 1734 годовъ.

влечь ихъ далеко. Но при этомъ дали знать Бестужеву, что нѣкоторые сенаторы помогаютъ французскому послу, и потому надобно имъ что-нибудь дать. По мнѣнію Бестужева, достаточно было 6,000 червонныхъ: главному доброжелателю Россіи, барону Гепкину, предсѣдателю Коммерцъ-Коллегіи, 2,000, да 4,000 тѣмъ сенаторамъ, которыхъ онъ удержитъ отъ вспоможенія французскому послу, и другимъ надобнымъ людямъ. Въ концѣ іюня Бестужевъ донесъ, что Горнъ обходится очень дружески съ французскимъ посломъ и склоненъ въ пользу Лещинскаго; отъявленнымъ-же приверженцемъ Франціи былъ сенаторъ Делагарди.

До сентября Бестужевъ не могъ извѣстить ни о чемъ важномъ. Отъ 14 числа этого мѣсяца онъ далъ знать, что извѣстіе объ избраніи Лещинскаго въ Варшавѣ произвело въ Стокгольмѣ несказанную радость какъ при Дворѣ, такъ и въ народѣ. Но радость эта скоро утихла, когда, вслѣдъ за тѣмъ, получено было извѣстіе, что Станиславъ съ своими приверженцами долженъ былъ удалиться въ Данцигъ, и противная партія провозгласила королемъ Августа III. Въ концѣ октября Кастежа началъ хлопотать, чтобъ Швеція за деньги дала Лещинскому отъ 10 до 15,000 вспомогательнаго войска. Видя нерасположеніе Шведскаго правительства такъ явно вмѣшаться въ дѣло, Кастежа началъ набирать въ Швеціи охотниковъ—солдатъ и офицеровъ, для отправленія въ Данцигъ къ Станиславу. Въ офицеры было принято 40 человѣкъ молодежи, при каждомъ по два человѣка рядовыхъ солдатъ, которые въ паспортахъ были показаны лакеями офицеровъ. Въ концѣ года Бестужевъ доносилъ, что хотя въ Швеціи генералы всѣ склонны къ французской сторонѣ, однако правительство держитъ себя нейтральнымъ, и надобно надѣяться, что не перемѣнитъ своего поведенія до будущаго сейма. Король такъ явно выказываетъ расположеніе свое къ Россіи, что даже возбуждаетъ народный ропотъ. Когда, однажды, Бестужевъ былъ у него, и въ это время пришли проститься съ нимъ пажи, завербованные Кастежа въ службу къ Станиславу, мальчики отъ 14 до 15 лѣтъ, то король тихонько сказалъ Бестужеву: „Вотъ воины, которые ѣдутъ выручать Данцигъ; да и между другими, отправляющимися туда, половина негодныхъ“

Кастежа не переставалъ требовать, чтобъ Швеція отправила корпусъ войска на помощь Данцигу, обѣщая за это большія деньги; съ другой стороны, Англія предложила субсидіи съ тѣмъ, чтобы имѣть наготовѣ шведское войско для поддержанія равновѣсія въ Европѣ, при настоящихъ конъюнктурахъ. Поставленный этими предложеніями въ затрудненіе, шведскій сенатъ опредѣлилъ въ февралѣ 1734 года созвать чрезвычайный сеймъ. Положеніе русскаго министра въ отношеніи къ сейму было теперь совершенно иное, чѣмъ прежде. Мы видѣли, что прежде русскіе министры противодѣйствовали всѣми мѣрами придворной партіи, избранію ея кандидата въ предсѣдатели сейма или ландмаршалы, но теперь отношенія перемѣнились, и Бестужевъ съ большимъ огорченіемъ доносилъ, что Горну, продолжавшему враждовать съ королемъ, удалось отстранить придворнаго кандидата и провести въ маршалы человѣка противной партіи, графа Левенгаупта, потому что только при торжествѣ королевской партіи Бестужевъ разсчитывалъ на нейтралитетъ Швеціи въ польскихъ дѣлахъ. Впрочемъ Бестужевъ утѣшалъ свой Дворъ тѣмъ, что Левенгауптъ считался добрымъ патріотомъ, притомъ онъ человѣкъ не очень искусный въ дѣлахъ, и большой опасности отъ него ожидать нельзя: доброжелатели надѣются, что онъ пойдетъ прямою дорогою изъ страха, что противная ему партія такъ же сильна, какъ и его; такимъ образомъ ходъ дѣла будетъ зависѣть преимущественно оттого, какіе члены будутъ выбраны въ секретную коммисію. Скоро Бестужевъ увѣдомилъ, что выборы въ секретную коммисію удовлетворительны: только треть членовъ подозрительны, а двѣ трети—королевской партіи, да и вообще депутаты кажутся миролюбивыми, такъ что едва ли нынѣшнее лѣто Швеція окажетъ помощь Данцигу и Станиславу, несмотря на то, что французскій посолъ волновалъ небо и землю, чтобъ склонить Шведскій народъ на свою сторону, и ежедневно угощаетъ вліятельныхъ лицъ.

Но угощенія не помогали: планы Кастежа разстраивались извѣстіями о слабой помощи, какую Французы подаютъ Данцигу и Станиславу, и Бестужевъ все болѣе и болѣе увѣрялся, что Швеція сохранитъ нейтралитетъ. Когда разгласилось извѣстіе о сдачѣ Данцига, то вся охота помогать Лещинскому исчезла, и Французовъ стали бранить, зачѣмъ они Станислава такъ безбожно и безстыдно покинули. Но, въ то же время, торжество Россіи возбудило въ Швеціи сильный страхъ и раздраженіе, и начали смотрѣть во всѣ стороны, на что бы опереться противъ опасной сосѣдки. Въ секретномъ комитетѣ было рѣшено отправить указъ къ шведскимъ агентамъ въ Константинополѣ, чтобъ они наблюдали за поступками Порты, и если увидятъ склонность ея начать войну съ Россіею, то обнадежить визиря, что немедленно будетъ отправленъ въ Царьградъ шведскій министръ для заключенія союза. Въ то же время Бестужевъ далъ знать, что графъ Горнъ приходитъ въ большую силу, сеймовый маршалъ дѣйствуетъ во всемъ по его наставленію, и русскій доброжелатель, Гепкинъ, сильно труситъ. Кастежа опять „началъ дѣлать великія движенія“. Но скоро Горнъ охладѣлъ къ Франціи: согласно желанію Англіи, онъ завелъ дѣло о союзѣ между Швеціею и Даніею въ видахъ создать оплотъ противъ могущества Россіи на сѣверѣ; но чрезъ это произошла сильная ссора между Горномъ, Гилленборгомъ и Гепкинымъ; голштинская партія, естественно не желавшая союза съ Даніею, пристала къ французской. Непріятели Горна стали внушать народу, что дѣло идетъ о бракѣ между сыномъ принца Вильгельма Кассельскаго и принцессою Англійскою, и когда этотъ бракъ состоится, то Англія не

только овладѣетъ всею шведскою торговлей, но и можетъ упрочить наслѣдство Шведскаго престола въ Кассельскомъ Домѣ. Кастежа воспользовался этимъ и чрезвычайно усилилъ свою партію въ секретномъ комитетѣ; онъ говорилъ, что хотя министерство ему и противно, однако онъ надѣется посредствомъ народа достигнуть своей цѣли. Бестужевъ отправился къ Горну, и, сообщивъ ему объ этихъ разглашеніяхъ Кастежа, началъ говорить, какъ неприлично иностранному министру сноситься съ народомъ; ясно, что Кастежа хочетъ поссорить министерство съ народомъ. Горнъ отвѣчалъ, что французскій посолъ идетъ тою же самою дорогою, какою шли русскій посолъ, князь Василій Долгорукій, и цесарскій—графъ Фрейтагъ—во время приступленія Швеціи къ Ганноверскому союзу; впрочемъ онъ, Горнъ, надѣется, что и французскій посолъ теперь получитъ такой же успѣхъ, какъ и тѣ два министра.

Въ сентябрѣ Бестужевъ увѣдомилъ о заключеніи союзнаго договора между Швеціею и Даніею и объ упадкѣ французскаго вліянія въ Стокгольмѣ; въ октябрѣ доносилъ о новомъ неожиданномъ его усиленіи; въ началѣ ноября опять сообщалъ успокоительныя извѣстія. Въ концѣ мѣсяца доносилъ, что партія, во главѣ которой стоитъ графъ Гилленборгъ, склонна къ Франціи не по доброжелательству къ ней и не по ненависти къ Россіи, но по враждѣ къ Горну и по ненависти къ Англіи. Въ декабрѣ окончился сеймъ, не постановивши ничего относительно вступленія въ союзъ съ тою или другою державою, но предоставивши королю и сенату поступить въ этомъ дѣлѣ, смотря по конъюнктурамъ. Французская партія выиграла одно, что чины заявили королю удовольствіе націи, если онъ получитъ субсидіи отъ Французскаго правительства. Это полученіе субсидій, безъ всякаго за то обязательства со стороны Швеціи, было важно для Франціи и другихъ державъ въ томъ отношеніи, что препятствовали связи Швеціи съ Англіею полученію отъ нея субсидій. „Итакъ", писалъ Бестужевъ, „если у Англійскаго Двора есть истинное намѣреніе разлучить Швецію съ Франціею и привлечь къ себѣ, то надобно ему, безъ потери времени, предложить здѣшнему Двору такія субсидіи, которыя бы превосходили французскія и могли быть приняты безотвѣтно. Я на дняхъ говорилъ англійскому министру, просилъ его написать въ Лондонъ, что если Англійскій Дворъ и теперь поступитъ такъ же слабо, какъ поступалъ во время сейма, то король и сенатъ, несмотря на свое расположеніе къ Англійскому союзу, принуждены будутъ принять французскія субсидіи" [1]).

Такимъ образомъ, послѣ знаменитой ганноверской ссоры по Мекленбургскому дѣлу, интересы Россіи и Англіи впервые соединились. Мы видѣли, что, по смерти Георга I-го, Англійское правительство начало выражать желаніе возобновить дружественныя отношенія къ Россіи. Удаленіе Англіи отъ Франціи и сближеніе съ Австріею еще болѣе облегчило путь къ этому. Англія сдѣлала первый шагъ, назначивъ прежняго секретаря посольства, Рондо, резидентомъ при Русскомъ Дворѣ. Старый русскій резидентъ въ Англіи, Ѳедоръ Веселовскій, не возвратился въ Россію, боясь подвергнуться отвѣтственности за брата своего Абрама, нашедшаго убѣжище въ Англіи. Въ 1731 году Ѳедоръ Веселовскій началъ сообщать Остерману извѣстія объ англійскихъ дѣлахъ, и въ маѣ мѣсяцѣ писалъ ему: „Я оставилъ-было мою корреспонденцію, будучи въ сомнѣніи, что то вашему превосходительству можетъ быть неугодно; но къ немалой моей радости увѣдомился я на сихъ дняхъ отъ господина Франдербурга (русскаго резидента въ Голландіи), что вы позволяете мнѣ ее продолжать и, по великодушію своему, даже изволили всѣ мои письма ея величеству представить. За такое ваше милостивое благодѣяніе всепокорнымъ сердцемъ благодарю и всенижайше прошу предстательствовать у ея величества, дабы благоволили воззрѣть на меня милосердымъ окомъ, какъ на природнаго своего подданнаго, не отмѣнившагося ни въ своей ревности, ни въ вѣрности къ ея освященной особѣ или къ отечеству, но несчастнымъ, невольнымъ случаемъ испуганнаго. Представляю это не въ извиненіе себѣ, но какъ несчастный подданный, молящій о милосердіи ея величества и усердно желающій употребить послѣдніе дни жизни своей на службу отечеству". Въ концѣ 1731 года русскимъ резидентомъ при Англійскомъ Дворѣ былъ назначенъ поручикъ гвардіи, князь Антіохъ Кантемиръ.

Въ 1732 году, Кантемиръ не могъ донести своему Двору ничего важнаго; въ 1733, по случаю смерти Августа II-го, Кантемиръ извѣстилъ свой Дворъ, что, по его представленію, Георгъ II-й приказалъ отправить къ своимъ министрамъ въ Вѣну и Варшаву инструкціи, чтобъ при выборѣ новаго короля поступали согласно съ министрами обоихъ императорскихъ Дворовъ. Кантемиръ писалъ: „Нынѣшнее министерство всѣми средствами старается сохранить внутри и внѣ государства тишину, которую Англійскій король парламенту своему и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году обѣщалъ; поэтому я не надѣюсь, чтобъ противъ Французскаго Двора Англійскій король захотѣлъ поступить открыто". Въ маѣ англійское министерство „немалое довольство показало" Кантемиру, что Русская императрица намѣрена, вмѣстѣ съ Цесаремъ, поддерживать Саксонскаго курфирста, потому что этимъ средствомъ Французскій Дворъ лишится немалой подпоры въ Германіи. Кантемиръ предложилъ англійскимъ министрамъ, какъ нужно, для сохраненія спокойствія въ Европѣ, Англіи и Россіи, придти въ тѣснѣйшее согласіе. Ему отвѣчали именемъ королевскимъ, что его величество отъ всего сердца желаетъ заключить союзъ съ Россіею и не упустилъ бы этого случая для засвидѣтельствованія своего высокаго уваженія къ Русской императрицѣ; но,

[1]) Дѣла Шведскія 1733 и 1734 годовъ.

какъ извѣстно, король въ такихъ дѣлахъ нуждается въ согласіи парламента, и народъ, по внушенію противной Двору партіи, станетъ упрекать короля и министровъ, что Англію вводятъ въ новыя обязательства и въ новыя издержки, заключая союзъ съ такимъ отдаленнымъ государствомъ какъ Россія. Король думаетъ, что для удовлетворенія народа хорошо было бы заключить трактатъ коммерческій и дружественный. „Изъ этихъ рѣчей", писалъ Кантемиръ, „ваше величество изволитъ усмотрѣть, что намѣреніе здѣшняго Двора клонится къ тому, чтобъ чрезъ коммерческій трактатъ получить новыя выгоды, а къ союзу мало склонности изъ опасенія новыхъ убытковъ и нареканій отъ противной партіи. Я думалъ, что неприлично было бы долѣе настаивать: не подумали бы министры, что ваше величество изъ-за какого нибудь своего партикулярнаго интереса или по нуждѣ такъ горячо добиваетесь ихъ союза. Но такъ какъ ваше величество повторяете мнѣ свои прежніе указы, то я не оставлю прилагать всевозможное стараніе для соглашенія здѣшняго Двора къ союзу, употребляя такой разговоръ, изъ котораго бы нельзя было усмотрѣть, что ваше величество непремѣнно этого желаетъ. Я соглашусь насчетъ этого и съ цесарскимъ посломъ, который до сихъ поръ никакой помощи мнѣ не далъ. Онъ мнѣ говорилъ, что для склоненія здѣшняго Двора въ интересъ его государя необходимо, чтобъ австрійскія войска не вступали въ Польшу, потому что если король Французскій нападетъ на Цесаря за Польшу, то Англійскій король можетъ объявить въ парламентѣ, что Цесарь къ войнѣ причины не подалъ, и потому Англія должна помогать ему. Если же Цесарь введетъ войска свои въ Польшу, то оппозиція будетъ имѣть основаніе противиться дачѣ субсидій, представляя, что Англія обязана помогать Цесарю только въ такомъ случаѣ, когда на него нападутъ, и введеніемъ своихъ войскъ въ Польшу онъ будетъ нападчикомъ. Поэтому цесарскій посолъ здѣсь внушалъ, что ваше величество по своей самовластной волѣ приказали своимъ войскомъ вступить въ Польшу, и что Цесарь не можетъ вамъ въ томъ указывать. Думаю, что поступокъ Вѣнскаго Двора можетъ быть полезенъ для склоненія здѣшняго Двора— объявить себя противъ Франціи".

Въ ноябрѣ, когда Польское дѣло затянулось и можно было ожидать сильныхъ мѣръ со стороны Франціи, появленія ея флота на Балтійскомъ морѣ, Кантемиръ получилъ отъ своего Двора приказаніе возобновить предложеніе о союзѣ. Кантемиръ, поневолѣ, отправился къ управляющему иностранными дѣлами, лорду Гаррингтону, и началъ тѣмъ, что предлагаемый имъ союзъ долженъ быть основанъ на существующихъ договорахъ для сохраненія общаго спокойствія въ Европѣ и особенно на Сѣверѣ; союзники должны защищать другъ друга и въ случаѣ нападенія, но исключенъ будетъ случай нападенія на Россію Турокъ, потому что тогда Россія не можетъ ожидать отъ Англіи никакой помощи; Россія не потребуетъ ничего больше, какъ помощи одною эскадрою, если которая-нибудь изъ сѣверныхъ державъ начнетъ противъ нея войну; а сама императрица причины къ войнѣ никогда не подастъ, довольствуясь существующими границами своего государства и не желая прибавлять къ нему ни одной пяди земли. Такой союзъ не можетъ быть въ тягость Англійскому народу, потому что Великобританія для собственнаго интереса, для защиты своей торговли и безъ всякаго обязательства принуждена будетъ посылать въ Балтійское море эскадры, если миръ на Сѣверѣ будетъ нарушенъ, какъ и не разъ случалось. Потомъ Англійскій народъ никогда не тяготился морскимъ вооруженіемъ, потому что для этого употребляются англійскіе матросы, и деньги изъ государства вонъ не выходятъ.—На это Гаррингтонъ отвѣчалъ, что Англійскій народъ привыкъ роптать противъ всѣхъ обязательствъ, въ которыя Англійскій король вступаетъ съ другими государствами, хотя бы и близкими, жалуясь на падающія на него отсюда тягости, и потому надобно ожидать большаго неудовольствія отъ новаго союза съ такою отдаленною державою, какъ Россія. Союзъ можетъ быть полезенъ только одной Россіи, потому что если Англія подвергнется нападенію, то отъ Россіи не можетъ ожидать никакой помощи, ибо въ корабляхъ и деньгахъ нужды не имѣетъ, а перевозить русскія войска въ такое отдаленное мѣсто неудобно. Дѣйствительно, Великобританія посылывала эскадру въ Балтійское море, но теперь никакой нужды въ томъ нѣтъ, потому что она въ добромъ согласіи со всѣми сѣверными державами; а это согласіе могло бы нарушиться, еслибъ она вступила въ союзъ съ Россіею безъ всякаго повода со стороны сѣверныхъ державъ. Король не можетъ понять, какимъ бы образомъ предъ Англійскимъ народомъ оправдать мѣры, принятыя для защиты Россіи безо всякой нужды.—Вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ къ Кантемиру братъ перваго министра Роберта Вальполя, Горасъ Вальполь. Робертъ отказался отъ сношеній съ Кантемиромъ, потому что тотъ не могъ объясняться по-англійски, а Вальполь не зналъ никакого другаго языка, кромѣ своего. Горасъ Вальполь объявилъ еще откровеннѣе, что къ заключенію союза съ Россіею у Англичанъ мало склонности: съ самаго начала возобновленія пріязненныхъ сношеній между Россіею и Англіею, онъ, Вальполь, и другіе англійскіе министры не разъ представляли кардиналу Флёри и цесарскимъ министрамъ, что Англійскій король сильно желаетъ быть въ тѣсной дружбѣ съ Россіею и защищать ея интересы добрыми услугами при каждомъ удобномъ случаѣ, и договоры дружественные и торговые заключить готовъ, но вступить во взаимную гарантію всегда отговаривался, потому что въ такомъ союзѣ вся выгода будетъ на сторонѣ Россіи, а вся тягость падетъ на Англію. Горасъ Вальполь, продолжая дружески разговаривать съ Кантемиромъ, выра-

зилъ удивленіе, что русскіе министры стараются затруднить заключеніе торговаго договора, требуя чтобъ вмѣстѣ заключенъ былъ и союзный договоръ, какъ будто торговый договоръ не столько полезенъ Россіи, сколько Англіи. Если Англичане увидятъ, что для торговаго трактата они должны взять на себя тягость защиты Россіи, то заведутъ въ своихъ американскихъ колоніяхъ тѣ самые товары, которые теперь принуждены брать изъ Россіи. Притомъ нынѣшнія конъюнктуры очень неблагопріятны для заключенія союза съ Россіею, потому что спокойствіе на Сѣверѣ уже нѣкоторымъ образомъ нарушено польскими дѣлами, и король долженъ ожидать окончанія этихъ дѣлъ. Несмотря на то, въ концѣ 1733 года, Кантемиръ, по приказанію своего Двора, долженъ былъ сдѣлать англійскому министерству еще новое предложеніе о союзѣ; чтобъ отдѣлаться, ему отвѣчали, что ждутъ отъ Русскаго Двора письменныхъ условій для союза, но предупреждаютъ, что король никакъ не можетъ отправить эскадру въ Балтійское море, потому что предвидится надобность во флотѣ на Средиземномъ морѣ, въ Индіяхъ и для охраненія береговъ Великобританіи.

Но въ Петербургѣ не хотѣли понять невозможности заключенія союза, и, въ началѣ 1734 года, прислали Кантемиру проектъ союза для передачи англійскому министерству. Кантемиръ повиновался, но донесъ: „Смѣлость пріемлю еще подтвердить вашему императорскому величеству, что въ нынѣшнее время въ негоціацію сего союза Дворъ здѣшній не поступитъ, въ чемъ одного со мною мнѣнія и цесарскій посолъ". Дѣйствительно, въ концѣ марта, Гаррингтонъ объявилъ Кантемиру, что король съ великимъ сожалѣніемъ принужденъ отказаться отъ союза съ императрицею, потому что обѣщалъ парламенту не принимать участія въ нынѣшней войнѣ безъ его совѣта. Но Кантемиръ не долго былъ покоенъ: въ маѣ получилъ онъ изъ Петербурга приказаніе настаивать на отправленіи англійской эскадры въ Балтійское море, по причинѣ усиленія французскаго вліянія въ Швеціи. Кантемиръ отвѣчалъ: „На отправленіе отсюда эскадры надежды никакой нѣтъ до разрыва Англіи съ Франціею". Изъ страха предъ этимъ разрывомъ, англійское министерство не приняло также предложенія Русскаго Двора признать Августа III королемъ Польскимъ. Оно желало ему успѣха и тѣмъ болѣе сердилось, видя, какъ онъ своимъ нерадѣніемъ длитъ войну. Въ разговорѣ съ Кантемиромъ, лордъ Гаррингтонъ спросилъ его съ улыбкой: „Что дѣлаетъ нашъ Саксонскій курфирстъ въ Лейпцигѣ"?—„Онъ принужденъ держать въ Саксоніи сеймъ для полученія денегъ, необходимыхъ для войны", отвѣчалъ Кантемиръ.—„Пожалуй и такъ", началъ Гаррингтонъ; „однако нужно было бы оказывать болѣе заботливости и пренебречь гуляньемъ на ярмаркѣ". — „Я надѣюсь", отвѣчалъ Кантемиръ, „что король скоро возвратится въ Польшу, и если онъ окажется не очень заботливымъ, то это можетъ происходить оттого, что другія государства, исключая Россіи, мало его ободряютъ". Гаррингтонъ замолчалъ.

А между тѣмъ въ Петербургѣ не переставали опасаться французской эскадры и сердились на Кантемира, зачѣмъ онъ не пристаетъ къ англійскому министерству съ требованіемъ высылки англійской эскадры въ Балтійское море. Несчастный посланникъ отписывался: „Не говорилъ я объ этомъ, вопервыхъ, потому, что, по ревности къ славѣ вашего величества, хотѣлъ избѣжать частыхъ отказовъ, а вовторыхъ потому, что никакого плода отъ моихъ домогательствъ ожидать не могъ; нижайше прошу милостивѣйшаго прощенія, если ваше величество изволитъ признавать въ моемъ поступкѣ пренебреженіе должностію. Лучшимъ извиненіемъ мнѣ можетъ служить примѣръ цесарскаго посла, который уже шесть лѣтъ при здѣшнемъ Дворѣ и владѣетъ королевскою довѣренностію, но никакимъ образомъ не можетъ добиться англійской эскадры для Средиземнаго моря, несмотря на обязательства со стороны Англіи". Но, дѣлать нечего, Кантемиръ опять заговорилъ Горасу Вальполю о посылкѣ эскадры; тотъ отвѣчалъ: „Мы съ Голландіею согласились предложить наше посредничество для прекращенія войны между Цесаремъ и Франціею, а потому послать эскадру никакъ не можемъ". Извѣстіе о сдачѣ Данцига вывело Кантемира изъ непріятнаго положенія [1]).

Англійская эскадра не надобилась больше, потому что французскій флотъ не явился въ Балтійскомъ морѣ, и Русскіе безпрепятственно били приверженцевъ Станислава въ Польшѣ и Литвѣ. Мы видѣли, что этихъ приверженцевъ было много; но, вмѣсто того, чтобъ вести войну съ Русскими, они занимались усобицею, опустошеніемъ земель своихъ противниковъ, приверженцевъ Августа. Они вредили русскимъ войскамъ только тѣмъ, что утомляли ихъ безполезными переходами. Иногда большія массы Поляковъ приближались къ русскому отряду, распуская слухи, что хотятъ дать сраженіе; но не успѣютъ Русскіе сдѣлать два пушечные выстрѣла, какъ уже Поляки бѣгутъ; никогда русскій отрядъ въ 300 человѣкъ не сворачивалъ съ дороги для избѣжанія 3,000 Поляковъ, потому что Русскіе привыкли бить ихъ при всѣхъ встрѣчахъ [2]). Въ Литвѣ билъ ихъ генералъ Измайловъ, на Волыни и въ Подоліи—Кейтъ. О Станиславѣ Лещинскомъ послѣ взятія Данцига долго не было слуховъ; говорили даже, что онъ ушелъ въ Турцію, какъ вдругъ онъ объявился въ Кролевцѣ (Кенигсбергѣ), гдѣ Прусскій король предоставилъ ему для пребыванія свой дворецъ. Отсюда, въ августѣ 1734 г., Станиславъ выдалъ манифестъ, призывавшій къ генеральной конфедераціи, которая и сформировалась въ Дзиковѣ, подъ предводительствомъ Адама Тарло. Но эта конфедерація не надѣялась на собственныя

---

[1]) Дѣла Англійскія 1733 и 1734 годовъ.
[2]) Manstein.

силы и отправила Ожаровскаго великимъ посломъ во Францію просить тамъ 40,000 войска и денегъ на его содержаніе, просить о возбужденіи Швеціи и Турціи къ войнѣ съ Россіею, о нападеніи на Саксонію, чему конфедераты обѣщались содѣйствовать со стороны Силезіи, о возбужденіи противъ Австріи венгерскихъ недовольныхъ въ пользу Рагоци [1]).

Для успокоенія Польши отправленъ былъ Минихъ, который, передъ отъѣздомъ къ арміи, 11 февраля 1735 года, подалъ императрицѣ слѣдующій докладъ:

„1) Такъ какъ тамошняго корпуса походная комисаріатская коммисія членами не довольно снабжена, ктому же, не имѣя полномочія, по многимъ дѣламъ требуетъ напередъ резолюціи отъ главнаго кригсъ-коммисаріата, отчего въ дѣлахъ происходитъ большая остановка, какъ это въ бытность мою подъ Данцигомъ дѣйствительно оказывалось: то чтобъ было повелѣно эту коммисію членами снабдить и опредѣлить, чтобъ она, не описываясь съ главнымъ кригсъ-коммисаріатомъ, во всемъ исполняла по моимъ предложеніямъ, и если для присутствія въ ней есть люди достойные при тамошнемъ корпусѣ, то было бы повелѣно опредѣлить ихъ по моему усмотрѣнію".—Резолюція: „Учинить по сему пункту, а въ тамошній коммисаріатъ опредѣлить людей добрыхъ и достойныхъ, съ согласія тамошняго генералитета".

„2) Чтобъ на курьеровъ, шпіоновъ и прочіе чрезвычайные расходы по моимъ предложеніямъ, безо всякой остановки, отпускались деньги изъ той же коммисіи: я буду подавать объ нихъ обстоятельные отчеты".Резолюція: „Отпускать деньги безъ остановки, по письменнымъ требованіямъ генералъ-фельдмаршала".

„3) Если нѣкоторые иностранные офицеры будутъ просить о принятіи въ русскую службу, то принимать ли достойныхъ тѣми же чинами?"—Резолюція: „Принимать до капитана, а о штабъ-офицерахъ доносить обстоятельно, какія ихъ прежнія службы и достоинства".

„4) Чтобъ позволено мнѣ было производить въ чины достойныхъ офицеровъ не по старшинству и не по баллотировкѣ, а по заслугамъ".—Резолюція: „Производить до капитана, а о высшихъ чинахъ доносить съ изображеніемъ ихъ службы".

Въ апрѣлѣ Минихъ пріѣхалъ въ Варшаву, откуда писалъ, что въ іюнѣ надѣется возстановить общее спокойствіе въ Польшѣ, ибо непріятель приведенъ въ совершенное безсиліе. Станиславъ и маркизъ Шетарди всю зиму обнадеживали Яна Тарло, воеводу Люблинскаго, что весною 12,000 шведскаго и 13,000 прусскаго войска явятся въ Великой Польшѣ съ значительнымъ числомъ денегъ. Но когда Тарло вступилъ съ своимъ отрядомъ въ Великую Польшу, то не только не нашелъ обѣщанныхъ войскъ, но и узналъ, что Прусскій король требуетъ отъ Поляковъ аманатовъ, чтобъ они въ границахъ его не дѣлали никакихъ безпорядковъ. Тутъ же было получено письмо отъ Станислава: претендентъ писалъ воеводѣ Люблинскому, что на полученіе иноземной помощи нѣтъ надежды и чтобъ онъ, какъ можно скорѣе, отступалъ. Узнавши объ этомъ письмѣ, войско взволновалось, и хотя воевода представлялъ, что ихъ болѣе 10,000, и потому можно было бы вторгнуться въ Саксонію, но войско отвѣчало что онъ своими лживыми обѣщаніями хочетъ только привести ихъ въ конечную погибель для своихъ честолюбивыхъ видовъ. Съ этихъ поръ дисциплина исчезла, ратники начали разбѣгаться и попадали въ руки къ Русскимъ.

Пора было кончить дѣло въ Польшѣ и выводить оттуда войска, потому что въ Литвѣ послышались сильныя жалобы. Въ меморіалѣ, поданномъ Миниху Литовцами, говорилось, что господа генералы русской арміи интересуются въ сборѣ казенныхъ доходовъ съ великаго княжества Литовскаго, не оказываютъ никакого уваженія литовскимъ войскамъ, выживаютъ ихъ съ квартиръ. Сыскъ русскихъ крестьянъ въ княжествѣ Литовскомъ происходитъ насильственнымъ образомъ, со многимъ разореніемъ и обидами; и потому Литовцы просятъ, чтобъ сыскъ производился опредѣленною съ обѣихъ сторонъ коммисіею. Господинъ Бересневичъ, приверженецъ Лещинскаго, производившій многіе разбои и грабительства въ повѣтахъ Вилкомирскомъ и Упитскомъ, получилъ прощеніе отъ господина фельдмаршала и обязался собирать рекрутъ въ русскую службу:—Литовцы просили, чтобъ подъ покровительство императрицы не былъ принятъ человѣкъ, грабившій и разорявшій доброжелательныхъ Россіи людей, но принужденъ былъ вознаградить за причиненный имъ убытокъ. Великія контрибуціи, сбираемыя русскою арміею, какъ провіантомъ и фуражемъ, такъ и наличными деньгами, привели княжество Литовское въ крайнюю скудость, и потому Литовцы просятъ, чтобъ этихъ налоговъ не было болѣе; честь ея императорскаго величества требуетъ охранять и щадить тѣ повѣты, которые въ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ республики оказали явные опыты твердости въ сохраненіи договоровъ и сосѣдней дружбы съ Россійскою имперіею. Осужденный за многія преступленія, панъ Корейво, находясь при русской арміи у кирасирскаго подполковника Роппа, всячески придирается къ шляхетству и нападаетъ на его домы:—просятъ, чтобъ Корейво велѣно было возвратить все, имъ похищенное у помѣщиковъ Вилкомирскаго и Упитскаго повѣтовъ. Находящійся подъ командою генерала Бисмарка, подполковникъ Киксбушъ собираетъ провіантъ и фуражъ съ несносною тягостію, и хотя въ 1734 году три магазина были наполнены, однако въ нынѣшнемъ 1735 году онъ началъ опять собирать провіантъ, фуражъ и наличныя деньги, грозя помѣщикамъ всякими муками. Онъ употребляетъ Жида Гирза Межеровича, который вымышляетъ всякіе налоги

[1]) Шуйскій, 308 и слѣд.

и нападки на помѣщиковъ, чтобъ только взять съ нихъ деньги; ихъ берутъ подъ стражу, бьютъ батогами:—просятъ, чтобъ Жидъ былъ отданъ подъ судъ и наказанъ въ примѣръ другимъ [1]).

Не въ одной Польшѣ и Литвѣ должны были дѣйствовать русскія войска. Императоръ Карлъ VI напрасно удерживался отъ посылки своихъ войскъ въ Польшу подъ предлогомъ, что въ противномъ случаѣ союзники не помогутъ ему, какъ нападчику. И безъ того никто не помогъ ему, когда Франція объявила ему войну за Польшу, усиливъ себя союзомъ съ Испаніею и Сардиніею. Двѣ французскихъ арміи направились на Германію, и, въ то же время, союзническія войска напали на италіанскія владѣнія императора—Неаполь и Ломбардію. Неаполь и Сицилія скоро достались Испанцамъ; Миланская область также почти вся занята была Французами и Сардинцами. Въ имперіи Баварія, Майнцъ, Кельнъ и Пфальцъ приняли сторону Французовъ; между курфирстами Ганноверскимъ и Бранденбургскимъ было сильное несогласіе. Французы заняли Лотарингію, овладѣли Келемъ, Филиппсбургомъ. Мы видѣли, что Австрія, по союзному договору, требовала отъ Россіи вспомогательнаго войска, и Русское правительство рѣшилось дать его, чтобъ ускорить окончаніемъ войны. Леси получилъ приказаніе съ двадцатитысячнымъ корпусомъ пѣхоты двинуться на помощь войскамъ императора.

8 іюня 1735 года Леси выступилъ изъ Польши въ Силезію. Здѣсь на первыхъ дняхъ бѣжало изъ полковъ до 20 человѣкъ солдатъ; нѣкоторые изъ нихъ были переловлены и казнены смертію. „Впрочемъ“, писалъ Леси, „по отдаленіи отъ польскихъ границъ и при настоящемъ въ пищѣ и прочемъ довольствѣ, надежно, что бѣгать не будутъ“. Провіантъ и фуражъ получали отъ цесарскихъ магазиновъ, а именно: въ сутки чистаго ржанаго хлѣба по два фунта съ половиною, соли и крупъ соотвѣтственно мѣсячнымъ русскимъ обыкновеннымъ дачамъ; за фунтъ мяса получалось деньгами по три копѣйки; сѣна по 16 фунтовъ, овса и сѣчки по два гарнца, соломы по одному снопу въ сутки. По вступленіи въ Богемію, гдѣ, по выраженію Леси, тутошніе обыватели съ солдатами безнуждный имѣютъ разговоръ, бѣжало изо всѣхъ полковъ до 20 человѣкъ. 30 іюля войско вступило въ Нюренбергъ, откуда Леси писалъ: „До сихъ поръ походъ совершался благополучно: солдаты въ пропитаніи нужды не имѣли, и жалобъ ни отъ кого никакихъ на войско не приходило; въ здѣшнихъ краяхъ очень удивляются, что многочисленная армія содержится въ такомъ добромъ порядкѣ; изъ дальнихъ мѣстъ многіе пріѣзжаютъ смотрѣть наше войско, особенно когда во время роздыха бываютъ экзерциціи“. 15 августа русская армія соединилась съ цесарскою и была расположена между Гейдельбергомъ и Ладебургомъ, подлѣ рѣки Некара. Въ сентябрѣ войска были перемѣщены, и русскій корпусъ расположился у рѣки Инца, въ двухъ миляхъ отъ Филиппсбурга. „Въ командѣ моей“, доносилъ Леси, „все состоитъ благополучно; больныхъ меньше, чѣмъ въ другихъ войскахъ, и болѣзни нетяжкія“. Въ октябрѣ армія расположилась на зимнихъ квартирахъ, въ Дурлахской и Виртембергской области, причемъ Леси съ штабомъ помѣстился въ мѣстечкѣ Форцгеймѣ [2]).

Русское войско не участвовало въ битвахъ, потому что съ его движеніемъ къ Рейну начали двигаться мирные переговоры между Франціею и Австріею. Кардиналъ Флёри былъ неохотникъ до войны и спѣшилъ прекратить ее на выгодныхъ условіяхъ; до Польши же, за которую и началась война, ему было мало дѣла. Въ концѣ ноября заключено было перемиріе, и Леси долженъ былъ спѣшить съ своимъ корпусомъ назадъ, чтобъ принять участіе въ Турецкой войнѣ.

Мы видѣли, что до сихъ поръ всѣ сношенія Русскаго Двора съ Портою обращались около дѣлъ восточныхъ: персидскихъ, крымско-кабардинскихъ, калмыцкихъ; но теперь къ этимъ дѣламъ присоединяются польскія. Въ январѣ 1733 года Неплюевъ, увѣдомляя, что будетъ имѣть съ визиремъ разговоръ о Польскихъ дѣлахъ, писалъ: „Не думаю, чтобъ Порта захотѣла вмѣшаться въ эти дѣла, потому что у нея уже и такъ полны руки другихъ дѣлъ, особенно въ нынѣшнемъ положеніи султана, визиря и всего министерства; притомъ обуздаетъ Порту согласно со мною дѣйствіе цесарскаго резидента, въ чемъ Турки увидятъ крѣпость союза между двумя сильнѣйшими державами“. Неплюевъ представилъ визирю всѣ неправды Поляковъ относительно Россіи: русскихъ подданныхъ перезываютъ и бѣглыхъ принимаютъ, съ оружіемъ въ рукахъ впадаютъ въ сосѣднія русскія области и разоряютъ ихъ; завладѣли многими мѣстами, принадлежащими Россіи по договору, и Русскими людьми населяютъ тѣ мѣста, которыя, по договору же, должны оставаться впустѣ; три Православныхъ епископства насильно превратили къ уніи, вопреки договоровъ, да и четвертое неслыханными насильственными способами принуждаютъ къ уніи, дѣлаютъ Православнымъ обиды, неслыханныя и между идолопоклонниками; уши и носы рѣжутъ, и никакія представленія съ русской стороны не помогаютъ. Наконецъ получены при Дворѣ императрицы достовѣрныя извѣстія о намѣреніи ниспровергнуть настоящую форму правленія въ Польшѣ, установить наслѣдственность и самодержавіе, для чего хотятъ ввести въ Польшу иностранное войско, дѣло предосудительное и опасное интересамъ всѣхъ сосѣднихъ державъ; все это заставило императрицу приготовить на границахъ войска, о чемъ она приказала дружески объявить Портѣ для предупрежденія всякаго подозрѣнія. Визирь благодарилъ за дружескій по-

---

[1]) Кабинетныя дѣла Москов. архива минист. иностр. дѣлъ 1734 и 1735 года.

[2]) Тамъ же.

ступокъ и объявилъ, что Россія имѣетъ право употреблять разныя средства для полученія удовлетворенія, только бы оставался ненарушимъ договоръ о вѣчномъ мирѣ между Россіею и Турціею.

Пришло извѣстіе о смерти короля Августа, и польскій посланникъ въ Польшѣ, Сѣраковскій, креатура Понятовскаго, сталъ безпрестанно сноситься съ французскимъ посланникомъ Вильнёвомъ; Сѣраковскій скоро уѣхалъ въ Польшу, но оставилъ въ Константинополѣ родственника своего, Стадницкаго, который совершенно отдался въ волю французскаго посланника. Переводчикъ Порты сообщилъ Неплюеву, что Вильнёвъ всѣми мѣрами склоняетъ Порту вступиться за Лещинскаго; Порта дѣйствительно расположена въ пользу Станислава и обѣщаетъ рекомендовать его Полякамъ, но этимъ и должна ограничиться при настоящихъ условіяхъ, будучи занята Персидскою войною. Въ началѣ апрѣля, переводчикъ Порты явился къ Неплюеву въ другой разъ и объявилъ, что хочетъ поговорить съ нимъ *въ конфиденціи*. „Между Портою и Россіею", началъ переводчикъ, „многія дѣла клонятся къ ссорамъ, а именно: получаются извѣстія, что Россія въ прошломъ году забрала нѣкоторыя Польскія мѣста на Украйнѣ, а по договору Порта должна охранять цѣлость Польши; также извѣстно, что русскій министръ при Польскомъ Дворѣ говоритъ съ Поляками высоко и со властію; потомъ Россія Кабарды называетъ своими, чего Порта не признаетъ и признать не можетъ, ибо ханъ Крымскій представляетъ, что онѣ всегда въ его владѣніи были, и объ этомъ Татары сильно кричатъ".—„Все это выдумки Поляковъ и Крымскаго хана, чтобъ поссорить Россію съ Турціей", отвѣчалъ Неплюевъ; „Порта должна обратить вниманіе на дѣло поважнѣе: Крымскій ханъ, подъ предлогомъ войны съ Персіею, хочетъ перевести свои войска черезъ Кавказъ, т.-е. черезъ Русскія владѣнія; но я не ручаюсь за послѣдствія, если Татары не перемѣнятъ этой дороги и коснутся земель ея величества". Резидентъ получилъ извѣстіе, что въ мартѣ мѣсяцѣ ханъ отправилъ 20,000 войска, которое должно идти на Кубань, съ Кубани, не захватывая Кабарды въ Кумыцкую Землю, пройти близъ Гребенскихъ городовъ, не захватывая крѣпости Святаго Креста, а оттуда горами прямо въ Тифлисъ. Порта требовала отъ хана, чтобъ онъ этимъ походомъ не подалъ ни малѣйшей причины къ ссорѣ съ Россіею; ханъ отвѣчалъ, чтобъ Порта была покойна: онъ Русскихъ владѣній не коснется, потому что Кабарда принадлежитъ ему, а Кумыки и Дагестанцы народы вольные; Россія владѣетъ только крѣпостями и самою узкою полосою по морскому берегу. Порта требовала также отъ хана, чтобъ онъ выслалъ калмыцкаго бѣглеца Дундука-Омбо; ханъ отвѣчалъ, что по старому обычаю они не могутъ высылать отъ себя насильно людей, прибѣгшихъ подъ ихъ защиту; если же Дундукъ захочетъ возвратиться добровольно, то они запрещать ему не будутъ. Къ этому ханъ прибавлялъ, что если Россія захочетъ ссориться за Калмыковъ или Кабарду, то онъ въ состояніи не только отбить врага, но и нанести ему сильный вредъ.

Десятаго апрѣля Неплюевъ имѣлъ разговоръ съ визиремъ, который жаловался, что Россія собираетъ войска на польскихъ границахъ, желая воспрепятствовать вольному избранію короля; утверждалъ, что Кабарда принадлежитъ Портѣ, и говорилъ, что Татары, въ своемъ походѣ въ Грузію, могутъ захватить небольшой клочекъ русской пустой земли, отчего поврежденія дружбѣ не можетъ быть никакого, и не слѣдовало резиденту изъ-за этого начинать такой шумъ; Дагестанскія и Кумыцкія земли Россія завоевала во время нынѣшней Персидской войны, и у нея съ Портою договоръ другъ другу помогать и охранять спокойствіе въ Персіи; но теперь Тахмасъ-Кулы-Ханъ низвергъ шаха Тахмасиба и нарушилъ договоръ съ Портою:—такъ Россіи, по договору, слѣдовало бы помогать Портѣ не только пропускомъ Татаръ, но и другими способами, и возстановить шаха Тахмасиба.—Неплюевъ опровергъ всѣ жалобы и притязанія, и заключилъ, чтобъ относительно Польскихъ дѣлъ Порта была спокойна и удерживала Татаръ отъ враждебныхъ поступковъ. Послѣ этого разговора Неплюевъ послалъ переводчику Порты два лисьихъ мѣха, за что тотъ открылъ въ конфиденціи, что въ Польскихъ и Кабардинскихъ дѣлахъ Порту подущаютъ посолъ французскій и ханъ Крымскій, и хотя Порта желаетъ, чтобъ Французы возвели Станислава на Польскій престолъ, однако объявила Вильнёву, чтобъ они дѣлали какъ хотятъ, а она, кромѣ дружескихъ услугъ, ни въ какія обязательства за Лещинскаго не вступитъ, не имѣя къ тому ни времени, ни охоты. Что же касается Кабарды, то Порта думаетъ, что Татары пройдутъ въ Персію пустыми мѣстами безъ ссоры, и увѣрена, что Россія также ссоры не ищетъ; поэтому надобно относительно Кабарды найти какое-нибудь дружеское средство. Резидентъ велѣлъ ему объявить, что Татары никакъ не могутъ пройти, пусть Порта не обманываетъ себя пустою надеждою. „Кажется, что Порта хочетъ объявить Кабарду нейтральною", писалъ Неплюевъ императрицѣ; „но намъ нельзя на это согласиться, потому что тогда Татары всю ее разорятъ и станутъ придираться къ Кумыкамъ; особенно Татары начнутъ кричать, что мы въ Кабарду неправо вступались,—поэтому намъ нужно держаться".

10 мая сильно смутилъ Неплюева переводчикъ Порты, принесши оригинальную грамоту Петра Великаго къ султану, гдѣ говорилось, что государь отказался принимать въ покровительство кабардинскихъ князей и не велѣлъ подданнымъ своимъ мѣшаться въ ихъ дѣла. Неплюевъ отвѣчалъ, что изъ грамоты не видно, чтобы Кабардинцы были турецкіе подданные, и хотя Петръ Великій не захотѣлъ вмѣшиваться въ ссоры кабардинскихъ князей, однако велѣлъ Астраханскому губернатору примирить ихъ, что тотъ и сдѣлалъ; грамота сви-

дѣтельствуетъ также именно, что изстари Кабардинцы къ Русскимъ государямъ прибѣгали и аманатовъ имъ давали. Переводчикъ Порты возражалъ, что это ничего не значитъ: и Порта въ прошломъ году старалась помирить Дундукъ-Омбо съ Калмыцкимъ ханомъ; аманатовъ же Кабардинцы давали потому, что иначе Русскіе не позволяли имъ ѣздить къ Теркамъ для рыбной ловли. Неплюевъ отвѣчалъ, что посредничество турецкое по Калмыцкимъ дѣламъ не принято, и Петръ Великій не могъ бы Кабардинцевъ съ Портою судить,—на свѣтѣ такого примѣра нѣтъ, чтобъ отъ чужихъ подданныхъ аманатовъ брать. Но переводчикъ Порты сказалъ: „Донесите вашей государынѣ, чтобъ она въ Кабарды мѣшаться не изволила, потому что онѣ всегда принадлежали Крымскому хану, и грамота Петра Великаго въ русское подданство ихъ не присвояетъ; донесите, что Порта, освидѣтельствовавъ всѣ свои права, не уступитъ Кабарды, до чего бъ ни дошло; хотя Кабарды и небольшой важности, но честь государственная запрещаетъ уступить свою землю“. Неплюевъ отвѣчалъ: „Если Порта желаетъ ссоры, то можно ее начать и безъ Кабарды; если же хочетъ дружбы, то не должна посвоему толковать грамоты Петра Великаго; что же касается государственной чести, то она одинакова, какъ у Русскаго, такъ и у Оттоманскаго государства, и моя императрица не можетъ отступиться отъ своихъ правъ, для защиты которыхъ способы найдутся“.

Переводчикъ Порты съ торжествомъ носилъ грамоты къ иностраннымъ посламъ, а Неплюевъ былъ въ страшномъ затрудненіи, не зная какъ ихъ очистить: „Въ нихъ явственное изображеніе въ пользу турецкую“, писалъ онъ въ Петербургъ, „и по лучшей изъ нихъ, 1722 году, постороннему и безпристрастному человѣку иначе нельзя почесть Кабарды, какъ нейтральною“. Но резидентъ скоро былъ выведенъ изъ затруднительнаго положенія вступленіемъ татарскаго войска въ Русскія владѣнія для прохода въ Персію. Несмотря на протесты Неплюева и командовавшаго въ прикавказскихъ владѣніяхъ, генералъ-лейтенанта, принца Гессенъ-Гомбургскаго, предводитель татарскаго войска, Фети-Гирей-Салтанъ, объявилъ генералъ-маіору Еропкину, начальствовавшему отрядомъ при Гребенскихъ городкахъ, что похода своего остановить не можетъ, потому что онъ предпринятъ по указу Порты, и отъ Петербургскаго Двора дано позволеніе пройти ему чрезъ Русскія владѣнія; если же Еропкинъ будетъ ему препятствовать, то онъ приметъ свои мѣры. Мѣры состояли въ томъ, что онъ не пошелъ къ Гребенскимъ городкамъ, чтобъ не встрѣтиться съ стоявшимъ тамъ русскимъ войскомъ, а переправилъ чрезъ Терекъ войска и пошелъ горами, но все русскими же владѣніями. Тогда Еропкинъ отошелъ отъ Гребенскихъ городковъ и сталъ на рѣкѣ Бѣлой, куда прибылъ и главный командиръ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій. Принцъ опять послалъ Фети-Гирею письмо съ увѣщаніемъ отложить походъ; опять Фети-Гирей отвѣчалъ, что онъ идетъ по указу Порты и потому возвратиться не можетъ. 11 іюня Татары начали выбираться изъ горъ у деревни Горячей, гдѣ поставлена была для ихъ удержанія команда изъ 500 человѣкъ. Татары бросились на команду, которая построилась въ каре, выдержала ихъ натискъ, а между тѣмъ къ ней на помощь подоспѣлъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій. Татары съ ожесточеніемъ напали и на него, но были обращены въ бѣгство и преслѣдованы на пространствѣ 10 верстъ. Это дѣло стоило русскому войску 55 человѣкъ убитыхъ и 87 ранеными. Татары остановились въ Чеченскихъ земляхъ и начали возмущать тамошнихъ жителей противъ Россіи.

По полученіи извѣстія объ этихъ событіяхъ, визирь въ конференціяхъ съ Неплюевымъ возобновилъ просьбу, чтобъ Татары были пропущены чрезъ Русскія владѣнія на Кавказъ. Неплюевъ въ августѣ мѣсяцѣ писалъ своему Двору: „Порта, по внушеніямъ французскимъ, пренебрегаетъ Россіею, и потому поступаетъ горячо, доводитъ каждое дѣло до крайности, грозя войною. Ваше величество приказали мнѣ отказать Портѣ въ пропускѣ Татаръ и требовать ихъ возвращенія, поступать вообще съ твердостію, какъ, по здѣшнему состоянію, требуетъ польза Россіи. Нахожусь въ немаломъ недоумѣніи, когда дѣло доходитъ до крайностей, какъ и теперь относительно пропуска Татаръ. Съ одной стороны, принимая во вниманіе Польскія дѣла, удаляюсь отъ ссоръ; но съ другой—боюсь нарушить интересы и честь вашего величества; боюсь уступчивостію возбудить гордость Турокъ и усилить французскія мечтанія. Потому всеподданнѣйше прошу впредь въ указахъ о Татарскихъ и Польскихъ дѣлахъ, особенно о Кабардинскихъ, изображать крайнюю мѣру съ тѣмъ изъясненіемъ, до чего бы ни дошло“.

Между тѣмъ резидентъ получилъ изъ Петербурга извѣстіе, что Татары возмутили 50,000 кавказскихъ туземцевъ, вошли еще далѣе въ-глубь Русскихъ владѣній и старались пробраться въ Шемаху. Поэтому, 29 августа, Неплюевъ имѣлъ конференцію съ визиремъ и представилъ ему, что каждый своему дому господинъ и потому неизвѣстно, чѣмъ кончится дѣло съ Татарами. Татарамъ русскія войска распоряжаться не позволятъ. Визирь отвѣчалъ, что всего лучше было бы пропустить Татаръ въ Шемаху, и этимъ отъ такого безпокойнаго народа освободиться; а другого средства онъ не знаетъ: если послать къ нимъ человѣка съ указомъ, то неизвѣстно гдѣ ихъ найти, и если чему съ ними сдѣлаться, то сдѣлается прежде, чѣмъ посланный къ нимъ доѣдетъ; всего лучше дожидаться новыхъ извѣстій. При этомъ визирь увѣрялъ въ желаніи Порты сохранить дружбу съ Россіею. Неплюевъ отвѣчалъ, что онъ увѣренъ въ дружескихъ расположеніяхъ Порты; но виною всему Крымскій ханъ, и если корень зла не будетъ исторгнутъ, то обѣ имперіи поневолѣ

должны будутъ вступить въ формальную войну, ибо Россія должна будетъ принять противъ хана свои мѣры. Визирь продолжалъ увѣрять, что въ какомъ бы состояніи татарскія дѣла ни находились, не могутъ они порвать дружбы между Россіею и Турціею. Дожидались недолго новыхъ извѣстій: Татары, преодолѣвъ всѣ препятствія отъ русскихъ войскъ, прошли Кавказскія горы, соединились съ Турками и продолжаютъ походъ въ Персію; съ другой стороны, одинъ Крымскій султанъ вступилъ съ войскомъ въ Кабарду, но встрѣтился съ Русскими; въ кровопролитной схваткѣ Татары потеряли нѣсколько мурзъ; привозъ мертвыхъ тѣлъ ихъ въ Крымъ взволновалъ тамошнихъ Татаръ, которые рѣшились отомстить Русскимъ, и во множествѣ, подъ предводительствомъ Калги-салтана, двинулись въ Кабарду. Объявивъ объ этомъ Неплюеву, визирь требовалъ, чтобъ резидентъ немедленно сообщилъ объ этихъ новостяхъ своему Двору и увѣрилъ бы его въ дружескихъ расположеніяхъ Порты, которая проситъ императрицу приказать пограничнымъ русскимъ командирамъ поступать вездѣ дружески. „Явно", писалъ Неплюевъ въ Петербургъ, „что Порта хану потакаетъ и за Кабарду въ ссору вступать не запрещаетъ, также и другія продерзости дѣлать; а ханъ не только Кабарду, но и кавказскія и другія земли своими назоветъ и станетъ въ нихъ вступаться; если и на Украйну набѣгъ сдѣлаетъ,—скажетъ, что это Татары хотѣли отомстить за то, что Русскіе мѣшали имъ на Кавказѣ; сама Порта ихъ этимъ оправдываетъ, а Кабарду въ своихъ границахъ считаетъ; она поступаетъ такъ, повѣривъ французскимъ внушеніямъ, и видя, что по малолюдству русскихъ войскъ Татары берутъ верхъ, мести, тѣмъ болѣе войны не ожидаетъ, зная, что Россія занята въ Польшѣ".

Теперь Турки начали приглашать къ окончательному рѣшенію дѣла о Кабардѣ; но Неплюевъ отвѣчалъ, что есть дѣло поважнѣе Кабардинскаго,—дѣло Татарское. Ему замѣтили, что Татары все это дѣлали сами собою; имъ послали указъ, чтобъ ничего противнаго не дѣлали, и этимъ Порта должна ограничиться, ибо всякая имперія имѣетъ свои резоны и обычаи, какъ съ подчиненными поступать: должна соображать также свои поступки съ обстоятельствами времени, и объ этихъ резонахъ всякому объявлять не можетъ. Тутъ пришли извѣстія, что Станиславъ избранъ въ Варшавѣ, но не единогласно, и русскія войска у Варшавы. Визирь пригласилъ къ себѣ Неплюева и началъ говорить: „Обѣ партіи въ Польшѣ, Станиславова и противная, равны въ силахъ;—такъ надобно ихъ оставить на волю между собою согласиться; ваши войска должны остаться въ бездѣйствіи; если же станутъ дѣйствовать, то стѣснятъ польскую вольность, что будетъ противно договору между Портою и Россіею. Русскія войска напрасно вступили въ Польшу, ибо воинскія дѣйствія въ этой странѣ, какъ пограничной, не могутъ быть пріятны Портѣ, поэтому сосѣднимъ державамъ, Портѣ, Цесарю и Россіи, надобно искать дружескихъ способовъ, какъ бы безъ малѣйшаго насилія привести Поляковъ къ согласію, когда они Станислава уже назначили королемъ. Мы въ Польскія дѣла не мѣшались и мѣшаться не намѣрены; наблюдаемъ одно,—чтобъ происходящія тамъ дѣла не нарушали чести нашего государства и заключенныхъ имъ договоровъ; Порта съ досадою слышитъ, что русскій министръ въ Польшѣ важнѣйшею причиною сопротивленія Россіи избранію Станислава публично выставляетъ его дружбу съ Портою, и Россія, и Цесарь принуждаютъ Поляковъ возвести на престолъ Саксонскаго курфирста и корону сдѣлать наслѣдственною. Посторонніе укоряютъ Порту, что она чести своей не хранитъ и Польское государство покинула. Требуйте отъ своего Двора дружескихъ поступковъ въ Польскихъ дѣлахъ по силѣ договора, безъ воинскихъ дѣйствій". Неплюевъ отвѣчалъ, что Станиславъ избранъ неправильно людьми, подкупленными французскими деньгами; но противная партія многочисленнѣе и заключаетъ въ себѣ лучшихъ людей. Предвидя насиліе, вѣрныя дѣти Польскаго государства заблаговременно обратились къ Россіи, Австріи и Пруссіи съ просьбою объ охраненіи ихъ самихъ, равно какъ правъ и вольностей ихъ отечества присылкою войска, и Россія не могла не отозваться на эту просьбу. будучи обязана гарантіею дѣйствовать противъ Станислава. Въ договорѣ между Россіею и Портою ясно сказано, что если Поляки захотятъ перемѣнить существующій у нихъ порядокъ вещей, то Россія имѣетъ право ввести свои войска для уничтоженія этихъ новизнъ. Императрица и союзники Полякамъ законовъ не предписываютъ и въ избраніе не мѣшаются, лишь бы избранъ былъ человѣкъ, не объявленный непріятелемъ и предателемъ Польскаго государства, какъ объявленъ Станиславъ. Но визирь стоялъ на своемъ, что введеніе русскаго войска въ Польшу противно договору; Русскіе могли бы ввести свои войска только въ такомъ случаѣ, если бы Поляки, соединясь противъ Россіи съ какою-нибудь державою, ввели ея войска къ себѣ, а во внутреннія Польскія дѣла Россія не должна мѣшаться.

Въ октябрѣ Неплюевъ далъ знать о сверженіи муфтія, который былъ горячимъ приверженцемъ Франціи. „Не имѣя теперь другого прибѣжища, Французы ищутъ чрезъ Рагоци и ренегата Бонневаля воздушными проектами Порты голову наполнить, подавая надежду, что Станиславъ хотя и прогнанъ изъ Варшавы, но удержится въ Данцигѣ съ помощію французскихъ и шведскихъ войскъ, и взойдетъ на Польскій престолъ, благодаря посредничеству Прусскаго короля. Но до сихъ поръ внушенія остаются тщетными, потому что Порта думаетъ о Тахмасъ-Кулы-ханѣ, а не о Станиславѣ, ибо войска ея разбѣжались, и Персіяне грозятъ нападеніемъ въ ея границы". 6 ноября французскій посланникъ объявилъ визирю, что избраніе

*

Станислава Лещинскаго произведено законно, а избраніе курфирста противно польскимъ правамъ и обычаямъ, и произведено единственно насиліемъ русскихъ войскъ, причемъ Поляковъ было очень немного. За это Французскій король вступилъ въ войну съ Цесаремъ, который не можетъ подать помощи Россіи, ибо, кромѣ Франціи, имѣетъ противъ себя Испанію и Савою, а Голландія, Англія и Пруссія, по меньшей мѣрѣ, останутся нейтральными, потому что всѣмъ поступокъ Австріи и Россіи въ Польшѣ противенъ. Портѣ необходимо объявить войну Россіи; а если Порта, при настоящихъ обстоятельствахъ, не постарается отомстить Россіи за нарушеніе договора введеніемъ войскъ въ Польшу и за отлученіе Кабарды, то навлечетъ на себя бѣду, когда въ Польшѣ утвердится королемъ курфирстъ и соединится съ Россіею, а Цесарь между тѣмъ освободится отъ опасности. Визирь отвѣчалъ послу сдержанно, озираясь на свои Персидскія дѣла; но разглашенія Вильнёва произвели сильное впечатлѣніе на Турокъ. На другой день, 7 числа, публиковано было съ пушечною стрѣльбой, что Турки получили верхъ надъ Персіянами, Тахмасъ-Кулы-ханъ окруженъ турецкимъ войскомъ и проситъ мира. 9 ноября при Портѣ былъ держанъ генеральный совѣтъ, въ которомъ объявлено: что Тахмасъ-Кулы-ханъ проситъ мира; что Дагестанцы и Калмыки по единовѣрію просятъ у Порты покровительства; что войско русское въ Кабардѣ; что Русская государыня, вопреки договору, ввела свое войско въ Польшу, выгнала Станислава и на его мѣсто, съ согласія Цесаря, возвела курфирста Саксонскаго, близкаго родственника Цесарю; что Франція объявила за это войну Цесарю. Послѣ долгихъ разсужденій, согласились, что надобно помириться и заключить союзъ съ Персіею; что если Россія войскъ своихъ изъ Польши не выведетъ, то надобно объявить ей войну, чтобъ Россія Цесарю противъ Французовъ, а Цесарь Россіи противъ Турокъ не помогали; но если Россія и Австрія будутъ крѣпко держаться вмѣстѣ, то опасно имѣть дѣло съ обѣими, и лучше подождать, пока совершенно Персидскія дѣла успокоятся, а между тѣмъ велѣть хану Крымскому со всѣмъ Дворомъ переѣхать въ Буджакъ и ждать тамъ указа. „Надѣяться никакъ нельзя", писалъ Неплюевъ, „чтобъ Турки не захотѣли воспользоваться нынѣшнею Европейскою войной, потому что они вашему величеству и Цесарю Римскому вѣчные непріятели".

Визирь объявилъ австрійскому резиденту, что Россія Порту *уничтожаетъ* не только изгубленіемъ многихъ Татаръ въ Дагестанѣ и захватомъ Кабарды, но и введеніемъ войска въ Польшу, вопреки договору, и, не предувѣдомивъ объ этомъ Порту, своими войсками назначила королемъ курфирста Саксонскаго, и такимъ образомъ ввела наслѣдственность; такъ пусть Цесарь склонитъ Россію дать Портѣ въ этомъ удовлетвореніе; а если удовлетворенія не будетъ, то Порта за свою честь объявитъ войну. Резидентъ отвѣчалъ, что государь его справедливъ и, давши Россіи слово, исполнитъ договоръ, станетъ ее защищать, если на нее ктонибудь нападетъ. Визирь отдалъ отъ себя письмо къ принцу Евгенію, требуя, чтобъ отвѣтъ былъ доставленъ въ 50 дней. „Порта времени терять не будетъ", говорилъ визирь: „прошло время, когда Россія могла кормить завтраками, мы ее не очень уважаемъ, и хотя у насъ война съ Персіянами, но это не помѣшаетъ,—противъ Россіи не нужно всѣхъ нашихъ силъ, довольно однихъ Татаръ, которыхъ соберется до 300,000". Призвавши потомъ Неплюева, визирь началъ ему говорить, что онъ отправилъ одно письмо къ принцу Евгенію, а другое приготовилъ къ русскому канцлеру, и требуетъ скораго отвѣта. Неплюевъ отвѣчалъ, что скораго отвѣта дать нельзя, потому что надобно будетъ прежде согласиться съ Вѣнскимъ Дворомъ.—„Мы признаемъ Русскую имперію независимою отъ Римской: давно ли установилась такая зависимость!" сказалъ визирь.—„Это дѣлается не вслѣдствіе зависимости, а вслѣдствіе союза," возразилъ Неплюевъ.—„Такое же сношеніе", продолжалъ визирь, „слѣдовало бы имѣть и съ Портою, государствомъ пограничнымъ и не малымъ; но Россія, не давши знать Портѣ, ввела 60,000 войска въ Польшу и назначила королемъ курфирста Саксонскаго, что Портѣ противно; и хотя Порта желаетъ всячески съ Россіею дружбу сохранить, но за честь свою принуждена будетъ другія мѣры принять". Неплюевъ отвѣчалъ, что немедленно по смерти королевской онъ самъ объяснилъ Портѣ, по какимъ побужденіямъ русское войско введено въ Польшу; что же касается до избранія курфирста, то и непріятели Россіи не могутъ доказать, чтобъ она кого-нибудь предлагала Полякамъ въ короли. Визирь продолжалъ толковать, что Россія оскорбила Порту, назначивши, безъ ея согласія, королемъ курфирста Саксонскаго; да и, кромѣ Польскихъ дѣлъ, Порта оскорблена Россіею: 1) союзный трактатъ относительно Персіи пренебреженъ; 2) въ проходѣ Татаръ чрезъ Дегестанъ много ихъ погублено; 3) при Тахмасъ-Кулы-ханѣ находится русскій министръ. На эти обвиненія Неплюеву, разумѣется, отвѣчать было очень легко. Наконецъ визирь сказалъ, что Франція побуждаетъ Порту воспользоваться благопріятными обстоятельствами и объявить войну обоимъ императорскимъ Дворамъ, но Порта не обращаетъ вниманія на эти внушенія и принимаетъ мѣры только для охраненія своей чести. Переводчикъ Порты, подъ клятвою, какъ христіанинъ, сообщилъ Неплюеву о причинахъ крутаго поворота въ отношеніяхъ Порты къ Россіи; визирь Али-паша никогда не хотѣлъ мѣшаться въ Польскія дѣла и теперь не хочетъ, но Французы напѣли всѣмъ въ уши, что вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу есть явное нарушеніе договора, существующаго между Россіею и Портою; что Россія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ оказываетъ явное презрѣніе къ Портѣ; враги визиря, пользуясь этимъ, вездѣ кричатъ, что честь

Порты Оттоманской оскорблена; а тутъ еще ханъ Крымскій пишетъ ко всѣмъ знатнымъ людямъ, жалуется на Россію за Кабарду и также выставляетъ на видъ безчестіе, которое терпитъ Порта отъ захватовъ русскихъ. Все это безчестіе приписывается визирю; въ народѣ ропотъ. Али-паша, видя предъ собою гибель, принужденъ дѣлать демонстраціи, созвалъ совѣтъ для разсужденія о поступкахъ Россіи и внушаетъ, что намѣренъ требовать удовлетворенія за нарушеніе договора; для этого пишетъ письмо къ канцлеру и требуетъ немедленнаго отвѣта. При этомъ переводчикъ Порты внушалъ, какъ слѣдуетъ канцлеру отвѣчать на письмо визиря; надобно выставить, что явный неприятель Россіи, Станиславъ Лещинскій, вступилъ въ Польшу и присвоилъ себѣ корону съ французскою помощію; Русская императрица ввела свои войска въ Польшу для его изгнанія, ибо, по трактату съ Портою, Россія имѣетъ право вводить войска въ Польшу для изгнанія своихъ неприятелей, и когда Станиславъ будетъ изгнанъ,—тогда и русскія войска возвратятся, и Россія не будетъ вмѣшиваться въ королевскіе выборы. Переводчикъ Порты открылъ также, что у Турокъ общее мнѣніе, будто Цесарь союзникъ Россіи только на словахъ, а не на дѣлѣ, потому что онъ Россію въ Польскія дѣла ввелъ, а самъ ни одного человѣка въ Польшу не послалъ. Неплюевъ сказалъ на это, что Цесарь долженъ свои войска держать противъ Франціи, которая уже объявила ему войну.— „Еслибъ тѣсный союзъ былъ“, возражалъ переводчикъ, „то Цесарь непремѣнно бы послалъ хотя 15,000 своего войска въ Польшу, чтобъ показать единство дѣйствія. Вы думайте, какъ хотите, а постороннихъ не заставите вѣрить, пока на самомъ дѣлѣ не увидятъ этого единства, и, по дружбѣ вамъ сказать, Порта Россію очень легко цѣнитъ, помня Прутскія дѣла“.

Въ свитѣ французскаго посланника Неплюевъ имѣлъ преданнаго человѣка, который увѣдомлялъ его о всемъ, что дѣлалось и говорилось противъ Россіи: то былъ Бонъ, племянникъ генерала, находившагося въ русской службѣ. Бонъ давалъ знать, что хотѣли прежде всего свергнуть визиря, считая его преданнымъ Россіи; потомъ толковали, что надобно помочь Швеціи—возвратить отъ Россіи всѣ завоеванія Петра Великаго; ибо безъ этого Франція не можетъ получить никакой пользы отъ союза съ нею. Шведы могутъ и въ Германію, и въ Польшу вступить только моремъ, но русскій флотъ можетъ пресѣчь имъ совершенно этотъ путь. Англичане и Голландцы будутъ очень рады подъ рукою способствовать французскому намѣренію для пользы своего купечества въ Балтійскомъ морѣ. Съ другой стороны, пока Лифляндія будетъ въ русскихъ рукахъ, Россія всегда будетъ имѣть возможность помогать противъ Франціи Цесарю, не только нынѣшнему, но и наслѣдникамъ его, изъ какихъ бы Германскихъ Домовъ они ни были, ибо у Россіи съ Германіею есть общій интересъ, и раздѣлить ихъ трудно, потому что между ними никакихъ споровъ ни на землѣ, ни на морѣ быть не можетъ. Шли толки и о томъ, чтобъ возвратить Полякамъ Смоленскъ и Кіевъ и выгнать Русскихъ изъ завоеванныхъ ими земель у береговъ Каспійскаго моря; однимъ словомъ,—хотѣли привести Россію въ положеніе, въ какомъ она была сто лѣтъ тому назадъ, и думали, что для исполненія этихъ плановъ тогдашнія обстоятельства были самыя благопріятныя, ибо легко возбудить противъ Россіи множество неприятелей внѣшнихъ;—а если война начнетъ распаляться, то и внутри встанетъ смута, вслѣдствіе раздора между Русскими и иностранцами, имѣющими участіе въ правленіи, тѣмъ болѣе что правленіе вообще очень слабо.

Страшное пораженіе, претерпѣнное турецкимъ войскомъ отъ Персіянъ, сильно помѣшало Вильнёву. Въ декабрѣ онъ представилъ визирю, что если Станиславъ не получитъ помощи, то принужденъ будетъ возвратиться во Францію, и потому онъ, посолъ, именемъ государя своего требуетъ, чтобъ Порта объявила войну Россіи; въ противномъ случаѣ Цесарь, Россія и креатура ихъ, Польскій король Августъ, выгонятъ Турокъ изо всѣхъ европейскихъ провинцій, и тогда Французскій король за Порту не заступится и о цѣлости ея заботиться не будетъ, какъ до сихъ поръ дѣлалъ. Вильнёву отвѣчали, что Порта сама очень желала бы воспользоваться нынѣшнею европейскою войною для борьбы съ Россіею и Цесаремъ, и считаетъ нужнымъ для себя, чтобъ королемъ въ Польшѣ былъ Станиславъ, но при войнѣ Персидской нужно ей прежде всего закрѣпить союзъ съ Франціей, именно, чтобъ Франція не мирилась съ Цесаремъ безъ согласія Порты. Вильнёвъ не могъ самъ собою согласиться на это требованіе,—долженъ былъ просить разрѣшенія своего Двора.

1734-й годъ Неплюевъ началъ ободрительными донесеніями, не совѣтуя своему Двору улаживать дѣла съ Портою: „Лучше Туркамъ не мѣшать въ азіятскій походъ вязнуть,—тогда всячески будетъ удобно съ ними поступить, какъ вашему величеству будетъ угодно. Кабарды уступить нельзя и этимъ отворить дверь Татарамъ въ Дагестанъ. Здѣшнее государство въ сильномъ разслабленіи и совсѣмъ увязло къ Азію, такъ что давно въ такомъ дурномъ состояніи не было. Долго будетъ дожидаться такого удобнаго случая привести ихъ въ резонъ и смирить, а ложныя ихъ мнѣнія о Русской имперіи уничтожить однажды навсегда, покой себѣ доставить и пограничные свои народы отъ ига татарскаго освободить. Голландскимъ посломъ мы чрезвычайно довольны и не сомнѣваемся въ его доброжелательности и откровенности; не можемъ и на англійскаго пожаловаться, только онъ не имѣетъ здѣсь такого кредита; впрочемъ, довольно того, что онъ публично нашу сторону держитъ, и потому Порта не можетъ считать Цесаря очень слабымъ. Французскій посолъ склоняетъ всячески Порту противъ Цесаря, показывая его слабость, и совѣтуетъ какъ можно скорѣй помириться

съ Персіею, хотя бы отдавши ей все, потому что вмѣсто тамошнихъ пустыхъ мѣстъ Порта можетъ отъ Цесаря въ Сербіи и Венгріи получить знатныя выгоды. Французскій посолъ предложилъ свое посредничество въ примиреніи съ Персіею, для чего французскій консулъ Главани уже отправился къ Тахмасъ-Кулы-хану. Въ Константинополѣ Вильнёвъ внушаетъ, что бояться Россіи нечего,—противъ нея довольно Татаръ; притомъ же есть надежда возмутить казаковъ; голландскій посолъ намъ сказывалъ, что сынъ Орлика, жившій у французскаго посла подъ именемъ офицера, отправленъ тайно на Запорожье или въ Украйну возмущать казаковъ и хлопотать о ихъ соединеніи съ Татарами. Но какъ бы то ни было, въ нынѣшнемъ году Турки никакимъ образомъ не могутъ начать военныхъ дѣйствій въ Европѣ, и вашему величеству предстоитъ рѣшить вопросъ, дожидаться ли, пока они освободятся отъ Персидской войны, или теперь же нанаступить на разслабленныя турецкія силы и укрѣпить Персіянъ".

Пришли отвѣты на визирскія письма и отъ принца Евгенія, и отъ русскаго канцлера. Неплюевъ былъ встревоженъ разнорѣчіемъ, которое находилось въ этихъ отвѣтахъ: „Турки", писалъ онъ, „не вѣрятъ, чтобъ между вашимъ величествомъ и Цесаремъ въ такой степени союзъ былъ, какъ мы показываемъ,— толкуютъ они это по многимъ поступкамъ Цесарскаго Двора и наконецъ по письму принца Евгенія; но, разумѣется, еще сильнѣе поднимутся толки, когда увидятъ письмо канцлера, въ которомъ объявлено, что Польскія дѣла предприняты вмѣстѣ съ Цесаремъ, и оборонительный союзъ выставленъ въ высочайшей степени, а въ письмѣ принца Евгенія не только не написано, что Цесарь въ Польскихъ дѣлахъ дѣйствуетъ вмѣстѣ съ вашимъ величествомъ, но и союзницею Цесаря ваше виличество не названы. О письмѣ принца Евгенія здѣсь толкуютъ публично; англійскій посолъ при мнѣ выговаривалъ цесарскому резиденту, какъ это общимъ интересамъ предосудительно". Скоро Неплюевъ узналъ: что ханъ въ Бендерахъ; что при немъ находится старый Орликъ, назначаемый въ казацкіе гетманы. Въ Россіи Турки старались возмутить казаковъ съ помощію Орлика, въ австрійскихъ владѣніяхъ—Венгровъ съ помощію Рагоци. Неплюевъ успѣлъ достать любопытное письмо къ этому венгерскому изгнаннику отъ Станиславова приверженца, Люблинскаго воеводы Тарло. „Ударилъ благополучный часъ", писалъ Тарло: „пространнѣйшихъ земель наслѣдіе предъ вами; избавленіе паннонской вольности отъ ига германскаго приспѣло; мы получаемъ письма отъ многихъ благородныхъ Венгровъ,—даютъ намъ знать, что у нихъ все готово къ возстанію, только желаютъ знаменитаго вождя, и всѣ надежды и мысли ихъ обращены къ вашему высочеству. Если бы венгерская и польская сила соединились вмѣстѣ къ защитѣ общаго дѣла вольности, то дѣйствительно могла бы сокрушиться наконецъ гордость владычества австрійскаго, тяжкая обоимъ народамъ и всему свѣту. Надѣемся, что и русскіе народы, которые отягощены владычествующею у нихъ австрійскою факціею и германскимъ министерствомъ, дерзнутъ что-нибудь предпринять у себя; мы не преминули побуждать ихъ къ великодушному усилію сладостію вольности и всѣми другими способами, о чемъ сообщитъ вамъ въ Константинополѣ посолъ французскій".

1-го марта Неплюевъ имѣлъ конференцію съ визиремъ, предъ началомъ которой подалъ ему отвѣтное письмо канцлера и согласно съ его содержаніемъ распространился о миролюбивыхъ намѣреніяхъ Россіи и о правильности ея дѣйствій въ Польшѣ, о согласіи ихъ съ договоромъ, существующимъ у Россіи съ Портою. Визирь отвѣчалъ на это, что они сами получаютъ частыя и вѣрныя извѣстія о томъ, что́ дѣлается въ Польшѣ; знаютъ очень хорошо, что тамъ вольность въ неволю превращена, законы попраны, государство разорено и разоряется русскими войсками; договоръ нарушенъ; Россія одна ввела свое войско и хочетъ посадить короля по своей волѣ. Неплюевъ отвѣчалъ, что всѣ извѣстія ложны, выдуманы Французами и Станиславцами,—пусть Турки спросятъ людей безпристрастныхъ ка́къ дѣлаются дѣла въ Польшѣ.

Между тѣмъ Крымскій ханъ уже началъ непріятельскія дѣйствія,—сдѣлалъ набѣгъ на русскія владѣнія къ рѣкѣ Орели. Это заставило обратить вниманіе на Запорожье.

Мы видѣли, съ какою осторожностію Русское правительство относилось къ Запорожцамъ, просившимъ принять ихъ снова въ подданство.

Въ январѣ 1732 года генералъ Вейсбахъ доносилъ, что, вслѣдствіе тайной посылки его въ Запорожье за повѣренными для выслушанія указа о прощеніи ихъ винъ, явились къ нему трое знатныхъ Запорожцевъ, которые спрашивали, что́ имъ дѣлать, если Крымскій ханъ будетъ отъ нихъ требовать отряда въ Кабардинскій походъ или велитъ имъ переходить на другое мѣсто ближе къ Крыму. Вейсбахъ отвѣчалъ, что онъ самъ отвѣчать имъ не можетъ, а спроситъ въ Петербургѣ. При этомъ генералъ спросилъ, сколько у нихъ войска. Запорожцы отвѣчали, что много: добрыхъ и вооруженныхъ соберется до 10,000 человѣкъ. О бытѣ Запорожцевъ въ это время было извѣстно, что въ Сѣчи находилось 38 куреней, а людей съ полторы тысячи; другіе Запорожцы кочевали куренями по рѣкамъ Бугу, Великому Ингулу, Исуни, Ингульцу, Саксагани, Базулуку, Малой и Великой Каменкамъ и по Сурѣ, а по сю сторону Днѣпра по рѣкамъ Протовчѣ, Самарѣ и по самому Днѣпру—по обоимъ берегамъ, начиная отъ границы по самое устье.

Изъ Петербурга, на спросъ Вейсбаха, отвѣчали въ мартѣ: „Грамоты отъ насъ къ Запорожцамъ и никакого письменнаго обнадеживанія послать и ихъ всѣхъ вдругъ въ подданство принять въ настоящее время, когда у насъ съ Турками миръ

еще твердо содержится, нельзя, ибо такой поступокъ Турки могутъ почесть нарушеніемъ мирнаго договора, въ которомъ Запорожцы означены въ турецкой сторонѣ и особливо то мѣсто, на которомъ они живутъ, и прочая земля отъ самой Самары рѣки внизъ Днѣпра уступлена Портѣ, а они, Запорожцы, не захотятъ отказаться отъ своихъ вольностей, звѣриной и рыбной ловли и перейти жить въ наши границы. Поэтому вы должны съ ними поступать по нашимъ прежнимъ указамъ, дѣлая имъ, при всякомъ случаѣ, тайно словесныя обнадеживанія, что послѣ, при удобныхъ обстоятельствахъ, мы ихъ примемъ, но чтобъ до тѣхъ поръ имѣли терпѣніе. Внушите имъ, чтобъ они всевозможными способами уклонялись отъ посылки вспомогательнаго отряда къ хану въ Кабардинскій походъ; но если отговориться будетъ никакъ нельзя, то пусть отправятъ часть казаковъ и накажутъ имъ тайно, чтобъ они, приближаясь къ Кабардѣ, отправили отъ себя кого-нибудь въ крѣпость Св. Креста къ тамошнему командиру съ увѣдомленіемъ: сколько въ походѣ крымскихъ, кубанскихъ и другихъ войскъ и ихъ, Запорожцевъ; ханъ ли самъ или какой султанъ командуетъ и съ какимъ намѣреніемъ идутъ на Кабарду, и что командиръ крѣпости имъ прикажетъ, то-бъ они и дѣлали. Что же касается ханскаго намѣренія переселить Запорожцевъ на другую сторону Днѣпра ближе къ Крыму, то въ случаѣ ихъ сопротивленія ханъ станетъ искать способа накрѣпко прибрать ихъ всѣхъ въ свои руки, или, подъ предлогомъ ослушанія, разорить ихъ, и съ нашей стороны тогда имъ, пока у насъ миръ съ Турками, никакой помощи подать или прямо въ подданство принять нельзя;—и потому здѣсь разсуждается, что имъ противиться хану не надобно, пусть переходятъ безъ спора: находясь по близости къ Крыму, они могутъ удобнѣе противъ него дѣйствовать. Впрочемъ, все это полагается на васъ: вы о тамошнихъ мѣстахъ можете знать лучше". Теперь церемониться было болѣе нечего, и Запорожцевъ приняли въ подданство.

Послѣ сдачи Данцига, Неплюевъ писалъ: „Если ваше величество успѣете въ нынѣшнемъ году Польскія дѣла совершенно успокоить, то не лучше ли въ будущемъ году Турокъ остановить, не дожидаясь, когда Персіяне, утомясь, склонятся къ миру съ ними, ибо слабость персидская видима; а если вы начнете съ Турками войну, то Персіяне могутъ ободриться и можно будетъ подать имъ помощь; Персидская война Туркамъ тягостнѣе, чѣмъ союзъ Цесаря съ вашимъ величествомъ и его помощь Россіи, потому что Персія всю Азію завязала. Если же Турки во время европейской войны отъ Персіянъ освободятся, то всѣ свои силы употребять противъ вашего величества, потому что хотя бы и противъ Нѣмцевъ начали, то тягость войны, по безсилію Нѣмцевъ, все же ляжетъ на Россію. Предоставляю высокомудрому соизволенію вашего величества заблаговременно принять мѣры къ укрощенію этихъ варваровъ, чтобъ, не выпустивъ ихъ изъ Персидской войны, привести въ резонъ и Россійской имперіи покой доставить, потому что теперь еженедѣльно плѣнныхъ, подданныхъ вашего величества, привозятъ; мы требуемъ у турецкихъ министровъ ихъ выдачи, но они, не отказывая, кормятъ завтраками, давая время хозяевамъ укрывать плѣнныхъ. Что касается англійскаго посла, то какъ мы ни старались его и переводчика его удобрять, однако, кромѣ словесной ласки и нѣкоторыхъ публичныхъ дѣлъ, едва ли много успѣли; а цесарскій резидентъ не понимаетъ или понимать не хочетъ; намъ же и всему здѣшнему свѣту видимо, что его Турки спать кладутъ, желая государя его отлучить отъ союза съ Россіею". Вслѣдъ за тѣмъ Неплюевъ писалъ: „Англійскій посолъ лордъ Кинуль, послѣдуя переводчику своему Лукѣ Кирику, обращается съ нами, съ голландскимъ посломъ и римско-цесарскимъ резидентомъ—волкомъ въ овечьей кожѣ, отдавшись Туркамъ и французскому послу въ руки; намъ далъ знать, что велъ разговоръ съ визиремъ въ оправданіе поступковъ вашего величества, а на самомъ дѣлѣ Россію во всемъ обвинялъ, Порту во всемъ оправдывалъ,—только уговаривалъ ее не разрывать съ Россіею и обратиться о всѣхъ дѣлахъ письменно къ Англійскому королю, который, по своему могуществу, держитъ всю Европу въ равновѣсіи и въ состояніи заставить одуматься и Россію, и Австрію, тѣмъ болѣе что ему союзъ Россіи съ Цесаремъ не безподозрителенъ, и самовластіе Россіи въ Польскихъ дѣлахъ непріятно. Трудно себѣ представить поведеніе англійскаго посла: по письмамъ князя Кантемира изъ Лондона, лордъ Кинуль получаетъ крѣпкіе указы отъ своего Двора, чтобъ былъ съ нами въ тѣсномъ согласіи и дружбѣ и удалялся отъ французскаго посла; но онъ еще чаще бываетъ у Вильнѣва, и съ Стадницкимъ ежедневно, публично и приватно, вездѣ пьетъ и ѣстъ, то самъ къ нему, то Стадницкій у него, и всѣмъ Станиславцамъ сходбище и лучшій пріемъ у англійскаго, чѣмъ у французскаго посла".

Въ ноябрѣ 1734 года Неплюевъ писалъ: „Порта увидала съ одной стороны, что Французы до Саксоніи и тѣмъ менѣе до Вѣны не дошли и на успѣхъ Станислава надежду потеряли; съ другой стороны,—Тахмасъ-Кулы-ханъ уязвилъ ихъ за живое своимъ вступленіемъ въ Ширвань, и потому кажется, что Порта не признаетъ полезнымъ вмѣшаться въ Европейскую войну, пока не окончитъ дѣла съ Персіею: вотъ почему она молчитъ и о переходѣ Запорожцевъ въ подданство вашего величества, и желаетъ только, чтобъ они были переведены внутрь границъ Россіи, называя ту землю, гдѣ они теперь живутъ, своею, что по договору и дѣйствительно такъ".

Въ началѣ 1735 года, изъ Константинополя приходили тѣ же вѣсти. „Визирь, пріятели его и враги, и всѣ вообще разсуждаютъ, что Портѣ нельзя

съ христіанскими державами, и особенно съ Россіею, войну начинать; и Французы теперь къ возбужденію Турокъ иной путь приняли, только пугаютъ ихъ, что Россія тотчасъ по окончаніи Польскихъ дѣлъ нападетъ на нихъ, и потому они должны, для своей безопасности, приготовить къ оборонѣ границы,—и Порта находится въ большомъ затрудненіи: приготовленіями къ войнѣ боится возбудить подозрѣніе обоихъ императорскихъ Дворовъ, а не приготовляться—также опасно въ случаѣ нападенія, ибо Турки знаютъ, сколько досадъ надѣлали Россіи и Австріи, которыя, съ своей стороны, знаютъ, что если Турки не объявили имъ войны, такъ единственно по безсилію. Визирь наконецъ рѣшился приводить границы въ оборонительное положеніе, но при этомъ распускать слухи, что Порта не имѣетъ никакого злаго намѣренія противъ императорскихъ Дворовъ". Но при этомъ Неплюевъ не переставалъ жаловаться на поведеніе англійскаго посла. 19 марта пріѣхалъ къ русскому резиденту австрійскій резидентъ Тальманъ и голландскій посолъ Калкунъ, причемъ послѣдній жаловался, что терпитъ сильныя притѣсненія отъ турецкихъ министровъ, по согласію ихъ съ французскимъ и англійскимъ послами, и не видитъ способа быть здѣсь полезнымъ общему благу, пока лордъ Кинуль и переводчикъ его Лука Кирикъ, *злой инструментъ*, не будутъ удалены изъ Константинополя, и если этого нельзя добиться у Англійскаго короля, то онъ писалъ Штатамъ, чтобъ отозвали его, Калкуна.

За болѣзнію Неплюева, помощникъ его Вешняковъ былъ въ концѣ марта на конференціи у визиря, который требовалъ, чтобъ русскія войска не занимали Каменца; при этомъ визирь, улыбнувшись, спросилъ: „Какая же эта польская воля, которая должна быть ненарушима, когда Поляки такою силою принуждаются къ тому, къ чему явно не имѣютъ склонности!" Вешняковъ отвѣчалъ: „Во всякомъ обществѣ обыватели должны имѣть волю, однако не такую, чтобъ всякій дѣлалъ, что хотѣлъ по прихоти своей; воля должна быть не такая, какъ у дикихъ звѣрей, но разсудительная, законами дозволенная; такая воля въ Польшѣ сохранена вѣрными и законными дѣтьми отечества и высокою защитою ея императорскаго величества". На это визирь сказалъ, что онъ въ споръ вступать не намѣренъ, оставляя дѣламъ идти, какъ идутъ; однако онъ знаетъ, какъ что́ идетъ.

Визирь зналъ, какъ что́ идетъ, и готовился къ войнѣ: изъ этихъ приготовленій самымъ опаснымъ въ глазахъ Неплюева и Вешнякова было образованіе регулярнаго войска, совершавшееся съ помощію ренегата Бонневаля и двоихъ его товарищей, также французовъ-ренегатовъ. Вешняковъ писалъ императрицѣ отъ 30 апрѣля: „Нельзя безъ ужаса смотрѣть на слѣдствія этого дѣла для всего христіанства и особенно для сосѣднихъ Турціи державъ. Одно средство помѣшать дѣлу—это удалить Бонневаля съ двумя его товарищами изъ Турціи; сдѣлать же этого иначе нельзя, какъ если бы одна изъ христіанскихъ державъ перезвала ихъ къ себѣ на выгодныхъ условіяхъ. Бонневаль сильно жалуется, что несчастіе и французскій посолъ довели его до такой напасти противъ его желанія и намѣренія; сильно тяготится онъ, что, будучи человѣкомъ такихъ великихъ способностей и достоинствъ, находится между такими варварами и совершенно невѣдущими скотами. Вышеписанныхъ ради резоновъ, господинъ контръ-адмиралъ и резидентъ Неплюевъ и я пріемлемъ дерзновеніе вашему величеству донесть,—не изволите ли повелѣть предложить чрезъ голландскаго посла свой покровъ и убѣжище этимъ Французамъ для общаго блага".

Дѣла пошли къ развязкѣ скорѣе, чѣмъ ожидали русскіе резиденты: 15 мая они донесли, что Порта приняла рѣшеніе отправить Крымскаго хана съ 70.000 войска въ Персію опять черезъ русскія владѣнія, и всѣ представленія, сдѣланныя на этотъ счетъ Вешняковымъ визирю, остались напрасными. Англійскій посолъ высказалъ Вешнякову свое мнѣніе, что Россія могла бы пропустить Татаръ, находясь въ нейтралитетѣ, и что онъ это мнѣніе свое передалъ и визирю. „Не знаемъ уже, какъ съ симъ министромъ быть, ибо такъ явно и безстыдно злодѣйствуетъ", писалъ Вешняковъ. Переводчикъ Порты сказалъ одному изъ русскихъ пріятелей: „Удивляюсь, что же русскіе резиденты спали! Порта о Кабардѣ, о дагестанскихъ народахъ и о всѣхъ своихъ претензіяхъ при всякомъ случаѣ упоминала, слѣдовательно ждала только благопріятнаго времени одно за другимъ отыскивать, и теперь дождалась этого времени; а прежде всего она должна окончить свои Персидскія дѣла". Визирь объявилъ всѣмъ иностраннымъ министрамъ, что, не отправивши хана дагестанскимъ путемъ, Портѣ нельзя никакимъ образомъ покончить Персидской войны. Извѣстіе, полученное въ Константинополѣ 21 іюня, что Тахмасъ-Кулы-ханъ поразилъ турецкое войско при Эривани, заставило еще болѣе спѣшить отправленіемъ хана чрезъ Дагестанъ, потому что только этимъ средствомъ надѣялись отвлечь побѣдителя. „При такомъ благополучномъ случаѣ", писалъ Неплюевъ, „отъ вашего величества зависитъ смирить турецкую гордость, ибо они, при вступленіи хотя малаго русскаго корпуса въ ихъ Землю, принуждены будутъ у вашего величества мира просить и постановить выгодныя условія съ перемѣною договора, если на конечную свою гибель не ослѣпнутъ. Сей непріятель день и ночь умышляетъ на зло противъ вашего величества, ибо предъ полученіемъ вѣдомости о пораженіи сочинили проектъ для посылки въ Швецію съ предложеніемъ союза противъ Россіи. Если такого непріятеля при полезномъ случаѣ не укротить и дать ему время поправиться, тогда надобно ожидать отъ него большихъ бѣдствій; неоднократно показали они, что, при всякомъ хотя мало полезномъ для нихъ случаѣ, змѣиный свой ядъ

изблевать готовы. Если вашего величества соизволеніе будетъ на войну, въ такомъ случаѣ хотя бы паче чаянія и Татары за чѣмъ ни пошли, можно законныя причины найти къ нимъ привязаться, ибо Тахмасъ-Кулы-ханъ съ ними скоро мира не заключитъ, тѣмъ болѣе если услышитъ, что и Россія поднялась противъ нихъ. Если же вашему величеству не угодно будетъ Турокъ укротить войною, то самый вѣрный способъ удержать ихъ — это показывать болѣе готовности къ войнѣ, чѣмъ охоты къ миру".

Въ іюлѣ резиденты увѣдомили о новой важной новости—сверженіи великаго визиря Али-паши, причемъ Вешняковъ писалъ: „Кажется, Всевышній къ тому все предустроилъ, чтобъ отдать ихъ въ волю вашего величества, лишивъ ихъ послѣдней надежды спасенія, визиря Али-паши, какъ недостойныхъ такого великаго и дивнаго ума, единственнаго человѣка, имѣвшаго истинное раченіе о благѣ общемъ". Между тѣмъ, англійскій посолъ получилъ отъ своего Двора внушеніе, чтобъ поведеніемъ своимъ не подавалъ повода къ жалобамъ русскаго и австрійскаго резидентовъ. Лордъ Кинуль явился къ Неплюеву и Вешнякову съ оправданіями, говорилъ, что его главная обязанность была—служить обоимъ императорскимъ Дворамъ, ибо такова воля его государя; что если онъ имѣлъ сношенія съ французскимъ посломъ, такъ это единственно съ цѣлію имѣть свѣдѣнія о всѣхъ его движеніяхъ; польза его сближенія съ Портою очевидна: благодаря этому сближенію, до сихъ поръ сохраняется миръ; что же касается до Луки Кирика, то онъ оклеветанъ своими врагами, которыхъ у него много, потому что онъ умнѣе всѣхъ другихъ переводчиковъ, „и если вы хотите", прибавилъ Кинуль, „то я прекращу съ французскимъ посломъ всякія сношенія". Неплюевъ отвѣчалъ ему, что они не смѣютъ предписывать ему правилъ какъ вести себя, но должны ему сказать, что его тѣсная связь съ Вильнёвомъ и Стадницкимъ истолкована при Портѣ такъ, что онъ, по предписанію своего государя, гораздо болѣе сочувствуетъ французскимъ, чѣмъ австро-русскимъ интересамъ; что же касается Луки Кирика, то онъ, Неплюевъ, вслѣдствіе долгаго пребыванія своего въ Константинополѣ, очень хорошо знаетъ всѣ отношенія, и не могъ ошибиться относительно поведенія переводчика англійскаго посольства. Резиденты доносили, что внушенія, полученныя лордомъ Кинулемъ изъ Лондона, только раздражили его и Луку Кирика, и они будутъ теперь еще враждебнѣе дѣйствовать противъ императорскихъ Дворовъ и лично противъ нихъ, Неплюева съ Вешняковымъ; что теперь лордъ Кинуль видится съ французскимъ посломъ, вмѣсто четырехъ, только одинъ разъ въ недѣлю, но это нисколько не измѣнило ихъ прежнихъ отношеній; голландскій посолъ далъ знать, что лордъ Кинуль принимаетъ сильное участіе въ переговорахъ о союзѣ Турціи съ Швеціею противъ Россіи. Положеніе дѣлъ показалось резидентамъ такъ смутно послѣ сверженія Али-паши, что въ іюлѣ мѣсяцѣ они почли за полезное передать всю имѣвшуюся у нихъ денежную сумму (31,250 левковъ) посламъ венеціанскому, голландскому и цесарскому резиденту, на случай, если лишатся свободы. Въ послѣднемъ случаѣ доносить въ Петербургъ о константинопольскихъ дѣлахъ они поручили своему пріятелю, переводчику дубровицкому (рагузинскому) Андрею Магрини.

Неплюевъ, по болѣзни, былъ отозванъ, и 8 сентября выѣхалъ изъ Константинополя; тогда же оставшійся на его мѣсто Вешняковъ донесъ, что лордъ Кинуль совершенно измѣнился въ своемъ поведеніи и отпустилъ отъ себя Луку Кирика. Между тѣмъ назначенъ былъ новый визирь, Измаилъ-паша, по отзыву Вешнякова, „человѣкъ не безъ осторожности, но посредственнаго ума, низкаго происхожденія, обыкновеннаго у Турокъ воспитанія, слѣдовательно не откуда ему было получить высокихъ мыслей и знанія государственныхъ правилъ; держится султанскою матерью, которая съ нимъ однородка, Грузинка, одного привоза и покупки. Рейсъ-эффенди, человѣкъ хамелеоновскаго свойства, поддѣлывается во всемъ къ визирямъ и избѣгаетъ всякихъ интригъ; такъ же ведетъ себя и переводчикъ Порты; но судьба его еще не рѣшена, развѣ молитва денежная превозможетъ за него и за брата его, Волошскаго господаря (Гику), ибо визирь кой-что имѣетъ противъ нихъ. Это здѣсь главныя лица, другія же имѣютъ мало голоса; муфтій человѣкъ старый и глупый".

30 октября голландскій посолъ сообщилъ Вешнякову важную новость: прискакалъ курьеръ съ письмами Очаковскаго паши, который доноситъ, что русскія войска перешли Донъ и вступили въ Кубанскую область, а другія, въ числѣ 80,000, появились у Перекопи. Пріѣхалъ другой курьеръ изъ Крыма съ вѣстію, что русскія войска въ 19 часахъ пути отъ Перекопи; что Запорожскіе казаки разорили одну татарскую деревню, изъ которой увезли 400 семей. При Портѣ засуетились: немедленно собрали совѣтъ изъ всѣхъ главныхъ и второстепенныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, и, по окончаніи совѣта, явился къ Вешнякову отъ визиря переводчикъ Порты съ требованіемъ объясненія, что́ все это значитъ. Вешняковъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ о движеніяхъ русскихъ войскъ, и если извѣстія вѣрны, то можно объяснить ихъ тѣмъ, что императрица, не получая никакого удовлетворенія по дружескимъ представленіямъ своимъ Портѣ, наконецъ не будучи въ состояніи сносить болѣе татарскихъ продерзостей, рѣшилась отомстить хану, ибо Порта въ 1733 году и послѣ давала знать, что Россія сама можетъ управляться съ Татарами; но при этомъ Порта можетъ быть удостовѣрена, что противъ нея ничего не будетъ предпринято, и, безъ сомнѣнія, императрица охотно возобновитъ съ нею миръ на разумныхъ условіяхъ. Переводчикъ Порты, по словамъ Вешнякова, былъ тихъ и въ смятеніи.

„Не могу изобразить“, писалъ Вешняковъ, „какъ велика здѣсь между министерствомъ констернація: не знаютъ за что взяться и что дѣлать, и потому можно ожидать, что если не будетъ бунта, то поступятъ умѣренно и вступятъ въ переговоры, на что буду склонять. Правительство сильно боится народа, и потому начало таить вѣдомости и складывать вину на Татаръ“ [1]). Итакъ, Россія начала непріятельскія дѣйствія противъ Турціи, когда еще Станиславъ Лещинскій жилъ въ Кенигсбергѣ и не отказывался отъ Польской короны, когда одно русское войско должно было еще занимать Польшу, а другое—дѣйствовать на Рейнѣ въ пользу императора. Изъ донесеній Неплюева мы узнали, что именно онъ своими представленіями долженъ былъ болѣе всего заставить свое правительство спѣшить начатіемъ непріятельскихъ дѣйствій противъ Турціи. Съ одной стороны наглость Порты, разсчитывавшей на безнаказанность нарушенія Русской территоріи, должна была сильно раздражить Русское правительство; съ другой стороны, резидентъ доноситъ о слабости Порты, о возможности легко получить отъ нея удовлетвореніе, но только въ томъ случаѣ, если Россія будетъ дѣйствовать немедленно, чѣмъ побудитъ и Персіянъ продолжать войну, которая обезпечитъ успѣхи русскихъ войскъ. Отсюда понятно, что Россія должна была употребить всѣ усилія, чтобъ воспрепятствовать заключенію мира между Персіею и Турціею.

Съ этой цѣлью отправленъ былъ еще въ 1733 г. въ Персію чрезвычайнымъ посланникомъ князь Сергѣй Димитріевичъ Голицынъ. На дорогѣ узналъ онъ о заключеніи мира между Персіею и Турціею, бросилъ свой багажъ и налегкѣ поѣхалъ для свиданія съ Кулы-ханомъ, чтобъ, „смотря по состоянію обстоятельствъ, всякими пристойными способами домогаться его не только противъ Турокъ поощрять, но и къ разрыву мира привесть“. Въ маѣ 1734 года Голицынъ пріѣхалъ въ Испагань и началъ конференцію съ довѣреннымъ человѣкомъ отъ Кулы-хана, Хулефою. „Хотя я“, писалъ Голицынъ, „всячески стараюсь, чтобъ поощрять Кулы-хана къ разрыву съ Турками, однако встрѣчаю при этомъ немалыя трудности: Кулы-ханъ человѣкъ гордый, величавый и не любитъ, когда отъ него настойчиво чего-нибудь требуютъ; поэтому надобно съ нимъ обращаться очень осторожно. Хлопоталъ я, чтобъ онъ обязался, безъ сообщенія Россіи, не принимать отъ Турокъ никакихъ предложеній и не заключать мира, а если Турки начнутъ войну съ Россіею, то и онъ долженъ ее начать:—сначала онъ согласился, но потомъ ежедневно началъ присылать новые запросы, проводя только время“. Голицынъ предложилъ помощь Персіи съ русской стороны; Кулы-ханъ отвѣчалъ: „Очень благодаренъ и на дружбу русскую благонадеженъ; только теперь не хочу отягощать своихъ пріятелей, да и не могу понять, какимъ образомъ эта помощь можетъ быть мнѣ доставлена: къ Багдаду русскія войска не пойдутъ, развѣ къ Шемахѣ. Но если обстоятельства принудятъ меня разорвать теперь миръ съ Турками, то надѣюсь и безъ посторонней помощи съ ними управиться, и, если буду счастливъ, побью ихъ и вступлю въ Анатолію, то и Россія можетъ напасть на Турокъ съ другой стороны, и кто что себѣ добудетъ, то у него и останется“. По мнѣнію Голицына, Кулы-хана побуждало къ миру печальное состояніе Персіи: народъ разоренъ войною, всякій долженъ отдавать послѣднее; въ войскѣ Кулы-хана не любятъ, такъ что едва ли не всякій желаетъ ему погибели; держится онъ однимъ страхомъ; за малыя вины казнятъ смертію, давятъ, и это случается каждый день въ его присутствіи. Кромѣ того, Кулы-ханъ сильно сердится на Русское правительство за то, что оно не отдавало Персіи Баку и Дербента, выставляя условіе мирнаго договора, что эти города будутъ отданы тогда только, когда Персія совершенно освободится отъ непріятеля. Когда Голицынъ жаловался Кулы-хану, что персидскій сердарь требуетъ отъ русскихъ властей высылки въ персидскія границы кочевыхъ народовъ, находившихся до сихъ поръ подъ покровительствомъ Россіи, то Кулы-ханъ отвѣчалъ, что эти народы—подданные персидскіе, которые приходятъ къ нему теперь сами, и отгонять ихъ отъ себя неприлично, точно такъ, какъ съ русской стороны удерживать ихъ не слѣдуетъ; и когда Голицынъ продолжалъ настаивать на недружелюбность этого поступка, то Кулы-ханъ съ сердцемъ отвѣчалъ: „Полно говорить о такомъ маломъ дѣлѣ; послу о соломѣ представлять неприлично, а мнѣ слышать стыдно; надобно о другомъ важномъ дѣлѣ говорить; ты присланъ отъ такой великой монархини, и всѣ говорили, что имѣешь полную мочь, а между тѣмъ не можешь отдать такихъ малыхъ разореныхъ городишковъ, какъ Баку и Дербентъ, отговариваясь, что не имѣешь полномочія. Вижу давно, что ваша дружба только на словахъ: я васъ испыталъ. Вы мнѣ съ вашею мнимою помощью наскучили; помощь эта только на словахъ: самъ разсуди: если я отъ васъ потребую теперь только десять тысячъ войска, то знаю, что вы этого мнѣ дать не можете. Полно меня обманывать! Благодарю Бога, что мнѣ въ вашей помощи нужды нѣтъ, особенно теперь, когда я помирился съ Турками. Поэтому объявляю, что, соединясь съ ними и съ другими мусульманскими народами, съ разныхъ сторонъ пойдемъ войною противъ Россіи до самой Москвы. Я былъ на Турокъ сердитъ и хотѣлъ идти на нихъ войною, но вы принудили меня остановиться, потому что Баку и Дербента и требуемыхъ мною людей не отдаете и ни въ чемъ другомъ не соглашаетесь. Предлагаю вамъ два дѣла, одно легкое, другое тяжелое: первое—безъ всякой отговорки выдайте мнѣ моихъ бунтовщиковъ Даргу-салтана, Юзъ-Башу-Мусу-бека и Али-Кулы-хана; за это пойду отбирать турецкіе города — Гянжу, Тифлисъ, Эривань, и когда трубы мои за-

[1]) Дѣла Турецкія 1733–1735 годовъ.

трубятъ въ этихъ городахъ,—тогда пошлю къ русскимъ командирамъ съ требованіемъ отдачи Баку и Дербента, и надѣюсь, что, по силѣ Рящинскаго договора, мнѣ ихъ отдадутъ безъ всякаго отлагательства и затрудненія. И за то, что получу эти города прежде времени, даю на себя вѣчную кабалу никогда не мириться съ Турками; прямо отсюда пойду въ Константинополь, а вы, если хотите, ступайте съ другой стороны, и если возьму города съ той стороны, то отдамъ ихъ вамъ; ибо когда Богъ меня такъ возвысилъ, то я въ покоѣ сидѣть не умѣю". Кулы-ханъ требовалъ, чтобы Голицынъ немедленно отправилъ въ Петербургъ за отвѣтомъ, и чтобъ этотъ отвѣтъ пришелъ до полученія ратификаціи мира съ Турками.

Персидское войско дѣйствительно осадило Генжу, но по неискусству въ осадномъ дѣлѣ не могло скоро взять ея. Голицынъ, находившійся въ войскѣ при Кулы-ханѣ, счелъ эту медленность противною русскимъ интересамъ, потому что Турки могли усилиться, и потому предложилъ Кулы-хану подъ рукою помощь для скорѣйшаго отобранія турецкихъ крѣпостей. Въ началѣ ноября, онъ обратился къ генералу Левашову, находившемуся въ Баку, и тотъ прислалъ ему инженернаго офицера и четырехъ бомбардировъ, которыхъ Голицынъ одѣлъ въ персидское платье. Кулы-ханъ былъ очень доволенъ, а 16 декабря Голицынъ объявилъ ему, что императрица, имѣя полную надежду на скорое очищеніе Персіи отъ непріятелей, согласна и до истеченія срока возвратить ему оставшіеся въ русскомъ владѣніи персидскіе города, подъ тѣмъ условіемъ, что города эти никогда не будутъ отданы въ непріятельскія руки и что Кулы-ханъ свято исполнитъ Рящинскій договоръ, по которому обязанъ признавать непріятеля Россіи своимъ собственнымъ непріятелемъ и письменно подтвердить данное ему, Голицыну, обѣщаніе наисильнѣйшимъ образомъ стоять противъ общаго врага. Кулы-ханъ такъ обрадовался, что измѣнился въ лицѣ, и объявилъ, что готовъ все сдѣлать, чтобъ отблагодарить императрицу за такую милость,—пусть императрица располагаетъ имъ, какъ своимъ послѣднимъ слугою, и, обратясь къ сторонѣ Генжи, крикнулъ: „Горе вамъ! Не только вы всѣ, но и самъ вашъ султанъ погибнетъ отъ персидской сабли, если Богъ продолжитъ мою жизнь".

Въ 1735 году Кулы-ханъ продолжалъ войну съ Турками, но не могъ взять Генжи, что приводило въ сильное безпокойство и его самого, и Голицына. Лѣтомъ, оставя небольшое войско подъ Генжею, Кулы-ханъ отправился къ Карсу, и въ двухъ битвахъ поразилъ турецкое войско. Послѣ этого благопріятнаго оборота дѣлъ, Голицынъ отправился въ Россію, такъ какъ заключенъ былъ окончательный договоръ съ Персидскимъ правительствомъ, и русскія войска очистили Баку, Дербентъ и даже крѣпость Св. Креста [1]).

[1]) Дѣла Персидскія 1733—1735 годовъ.

Такимъ образомъ, изъ Персіи приходили благопріятныя извѣстія, что Кулы-ханъ будетъ воевать съ Турками, и это заставило склониться на представленія Вешнякова о выгодѣ немедленнаго начатія войны съ Портою, въ разсчетѣ на легкость и непродолжительность этой войны. Мы видѣли, что въ Петербургѣ уже давно хотѣлось начать ее: отдали Персіи области, завоеванныя Петромъ Великимъ, и какъ ни оправдывали эту отдачу тѣмъ, что эти области вмѣсто пользы причиняютъ страшный вредъ, служа кладбищемъ для русскаго войска, однако было очень непріятно начинать царствованіе уступками пріобрѣтеній великаго дяди; поэтому желалось вознаградить себя за эти уступки пріобрѣтеніями со стороны Турціи; желалось возвратить то, что было уступлено Петромъ,—изгладить такимъ образомъ безчестіе Прутскаго мира. Минихъ сильно желалъ Турецкой войны, желалъ славы, которая необходимо приносила съ собою силу, и разсчитывалъ на вѣрныя и полныя побѣды, тогда какъ послѣднія данцигскія лавры были не безъ тернія; роковое слово „Гагельсбергъ" было постоянно въ устахъ враговъ фельдмаршала. Россія находилась тогда въ самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя могли обѣщать ей вѣрный успѣхъ въ предпріятіи. Казна была полна, войско въ хорошемъ состояніи, и, при государственномъ устройствѣ сосѣднихъ европейскихъ государствъ (Польши и Швеціи), ихъ нечего было опасаться; не было опасности и со стороны Азіи. Анна взошла на престолъ съ твердымъ намѣреніемъ слѣдовать правиламъ своего дяди Петра I: совершить начатое имъ, опираясь болѣе на честность и способность иностранцевъ, чѣмъ природныхъ Русскихъ. При такомъ поворотѣ (ибо до Анны вельможи, въ рукахъ которыхъ находилась власть, старались только о томъ, чтобъ разрушить начатое Петромъ В.) почли нужнымъ армію и всю націю занять чѣмъ-нибудь внѣшнимъ и вмѣстѣ слѣдовать плану Петра I. И такъ какъ теперь приняли за основаніе не увеличивать болѣе своихъ предѣловъ насчетъ европейскихъ государствъ, а только удерживать ихъ при существующемъ правительственномъ устройствѣ, то и обратились къ Востоку [2]).—Желали войны, но не продолжительной; хотѣли напугать Турокъ и заставить ихъ исполнить требованіе Россіи; поэтому Остерманъ, въ письмѣ къ великому визирю, объявлялъ, что императрица поступками Турокъ и Татаръ вынуждена употребить силу, но употребляетъ ее съ сожалѣніемъ, и только для того, чтобъ установить миръ на прочныхъ основаніяхъ; если, слѣдовательно, Порта также желаетъ мира, то должна выслать на границы полномочныхъ министровъ для переговоровъ.

[2]) Tagebuch des Gr. von Münnich in—Beitrage zur Geschichte des russischen Reiches, von Dr. Ernst Hermann; S. 127, 129. Дневникъ этотъ составленъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Миниху людей, Юнкеромъ, бывшимъ членомъ Петербургской Академіи Наукъ. См. Herrmann. Geschichte des russ. States, IV, Beilage VII.

23 іюля Минихъ получилъ грамоту отъ кабинетъ-министровъ, что императрица желаетъ предупредить Турокъ, которые намѣрены будущею весною наступить на Россію со всѣми своими силами; что на него, Миниха, возложено нынѣшнею же осенью предпринять осаду Азова, для чего онъ долженъ прямо изъ Польши идти къ Дону, а въ Польшѣ распорядиться такъ, чтобъ его отсутствіе не могло принести дѣламъ никакого вреда. Въ Польшѣ должно было оставаться 40,000 войска. Кабинетъ-министры требовали отъ Миниха, чтобъ онъ содержалъ все дѣло въ величайшей тайнѣ, отъ которой особенно зависитъ успѣхъ. „Повелѣніе объ азовской осадѣ", писалъ Минихъ императрицѣ, „принимаю я съ тѣмъ большею радостію, что уже давно, какъ вашему величеству извѣстно, я усердно желалъ покоренія этой крѣпости, и потому жду только высокаго указа, чтобъ немедленно туда двинуться; при этомъ я надѣюсь, что сдѣланы уже всѣ приготовленія къ осадѣ, о которыхъ предложено нѣсколько лѣтъ тому назадъ и для которыхъ генералъ-квартирмейстеръ Дебриньи отправленъ на Донъ. Что касается войны, то самъ я объ этомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ не говаривалъ и ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію подавать не буду; но Поляки и министры иностранные имѣютъ извѣстія изъ Константинополя о турецкихъ декларацiяхъ, и люди недоброжелательные, которыхъ ежедневно можно встрѣтить въ королевской передней, и здѣсь, точно такъ же, какъ въ Кенигсбергѣ и Берлинѣ, ласкаютъ себя надеждою, что намъ войны съ Турками не миновать" [6]).

Глава II.

Продолженіе царствованія императрицы Анны Іоанновны.

Неудачный походъ генерала Леонтьева на Крымъ.—Совѣщаніе Миниха съ Запорожцами насчетъ будущей кампаніи.—Ссора Миниха съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ. — Вѣсти изъ Персіи и Австріи. — Кампанія 1736 года. — Осада Азова.—Крымскій походъ Миниха. — Столкновеніе его съ княземъ Шаховскимъ. — Взятіе Перекопи, Козлова, Бакчисарая.—Возвращеніе Миниха къ Днѣпру.—Взятіе Кинбурна и Азова. — Столкновенія Миниха съ Леси. — Переписка его съ императрицею.—Донесенія резидента Вешнякова изъ Константинополя.—Выѣздъ его оттуда. — Извѣстія изъ Персіи, изъ Вѣны.—Кампанія 1737 года. — Взятіе Очакова. — Донесеніе австрійскаго военнаго агента Беренклау.—Крымскій походъ Леси.—Дѣйствія Австрійцевъ. — Немировскій конгрессъ. — Кампанія 1738 года. — Второй походъ Леси въ Крымъ. — Австрійскія извѣстія о способѣ веденія Русскими войны. — Дѣйствія Персіянъ и Австрійцевъ.—Посредничество Франціи.—Донесенія русскаго посланника Кантемира изъ Парижа.—Кампанія 1739 года. — Интриги Орлика.—Ставучанская битва.—Взятіе Хотина.— Занятіе Яссъ.—Миръ.

Въ августѣ 1735 года Минихъ переправился чрезъ Донъ и остановился въ Новопавловскѣ. Здѣсь, 29 августа, получилъ онъ высочайшій указъ, въ которомъ отдавалось на его волю—начать ли осаду Азова нынѣшнею же осенью, или отложить до весны, а зимою держать крѣпость въ тѣсной блокадѣ. Минихъ отвѣчалъ, что избираетъ послѣднее; но, чтобъ не терять времени, немедленно отправится къ Украинской линіи въ мѣстечко Кишенки къ тамошней арміи, чтобъ съ нею предпринять походъ на Крымъ: время для этого самое благопріятное, потому что Татары перебрались на кубанскую сторону для персидскаго похода. Въ это время Минихъ избавился отъ непріятнаго ему человѣка: умеръ командовавшій Украинскою арміею генералъ Вейсбахъ, на котораго возложена была Крымская экспедиція; онъ считалъ себя старше фельдмаршала и потому не хотѣлъ подчиняться ему. Жалуясь на Вейсбаха, Минихъ писалъ, что генералъ Леси, который такъ же старше его, никогда не предъявлялъ подобныхъ претензій.

Въ сентябрѣ, находясь въ Полтавѣ, Минихъ и вся свита его занемогли мѣстною лихорадкою, но болѣзнь не помѣшала фельдмаршалу распорядиться отправленіемъ къ Крыму генералъ-лейтенанта Леонтьева съ 22,000 регулярнаго и 26,000 иррегулярнаго войска (но собственно Леонтьевъ могъ выступить только съ 39,795 человѣками). Увѣдомляя объ этомъ императрицу, фельдмаршалъ писалъ: „Если Крымская экспедиція окончится благополучно, то плѣнныхъ христіанъ, которыхъ тамъ считаютъ до 20,000 семействъ, куда прикажете отвозить для поселенія"? Леонтьевъ выступилъ въ походъ 1 октября отъ рѣки Орели по направленію къ рѣкѣ Самарѣ. Отъ постоянной засухи вода въ степныхъ рѣкахъ была очень низка, и войско переправлялось чрезъ нихъ безпрепятственно; но на случай поднятія воды къ обратному пути солдаты все же строили мосты. Самъ Минихъ переѣхалъ изъ Полтавы въ мѣстечко Царицынку, лежащее на границѣ, гдѣ предполагалъ оставаться до тѣхъ поръ, пока приведетъ въ безопасное состояніе сообщенія и постирунги вплоть до Перекопи, чтобъ войско могло имѣть надежный обратный путь. 6 октября Леонтьевъ стоялъ на рѣчкѣ Воронѣ, а на другой день достигъ рѣчки Осакоровки, гдѣ мѣстами степь лѣтомъ была выжжена Татарами, однако уже поднялась молодая трава, и армія въ дровахъ, водѣ и конскомъ кормѣ нужды не терпѣла. У рѣки Конскія Воды Русскіе напали на аулы Ногайскихъ Татаръ, убили болѣе тысячи человѣкъ, захватили

---

[1]) Кабинетныя дѣла 1735 года въ Москов. архивѣ министерства иностр. дѣлъ.

слишкомъ 2,000 штукъ рогатаго скота, 95 лошадей, 47 верблюдовъ. „Причемъ", писалъ Минихъ, „наше войско со всякою бодростію поступило и никому пощады не было". Этимъ дѣломъ и ограничился походъ: съ 13 числа начались дожди, потомъ снѣгъ, крѣпкіе морозы, и 16 числа на урочищѣ Горькія Воды Леонтьевъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ предложилъ вопросъ, идти ли далѣе или возвратиться. Отвѣтъ былъ, что надобно возвратиться, потому что уже пало около 3,000 лошадей; схваченные Татары и возвратившійся изъ Крыма прасолъ объявили, что далѣе лѣсу и воды нѣтъ, до Перекопи еще десять дней пути, и въ это время при такой погодѣ всѣ лошади перемрутъ.

Минихъ сильно досадовалъ на возвращеніе Леонтьева ни-съ-чѣмъ, тѣмъ болѣе что это была его мысль идти въ Крымъ осенью, послѣ уборки хлѣба; но дѣлать было нечего. Въ ноябрѣ онъ вызвалъ въ Царицынку запорожскаго кошевого Милашевича съ другими знатными казаками, для совѣщаній о будущемъ походѣ. Фельдмаршалъ спрашивалъ ихъ, въ какомъ числѣ они могутъ собраться къ походу. Запорожцы отвѣчали, что войско ихъ ежедневно прибываетъ и убываетъ, и потому о числѣ его подлинно показать никакъ нельзя, надѣются однако собрать до 7,000 человѣкъ хорошо вооруженныхъ, но не всѣ будутъ на коняхъ. Потомъ, спрошенные, какимъ образомъ и въ какое годовое время, по ихъ мнѣнію, удобнѣе идти въ Крымскій походъ, Запорожцы отвѣчали: армія должна выступить въ походъ 10 апрѣля отъ рѣки Орели, потому что въ это время въ степи отъ недавнихъ снѣговъ и дождей еще не можетъ быть нужды въ водѣ, трава вездѣ въ полномъ росту и непріятелемъ сожжена быть не можетъ, также по пашнямъ озими весною способны быть могутъ; въ Крыму нынѣшнимъ лѣтомъ былъ урожай, слѣдовательно и тамъ армія въ хлѣбѣ нуждается не будетъ; Ногайцы противъ регулярнаго войска не устоятъ, и русская армія безпрепятственно войдетъ въ Крымъ: перекопскія укрѣпленія остановить ея не могутъ.

Серьезная война еще не начиналась, а уже генералы перессорились. Минихъ оставилъ войска въ Польшѣ подъ начальствомъ генералъ-фельдцейгмейстера принца Гессенъ-Гомбургскаго, который долженъ былъ выводить ихъ на Украйну. Фельдмаршалъ былъ недоволенъ нѣкоторыми его распоряженіями и выразилъ свое неудовольствіе въ письмѣ къ нему. Принцъ отвѣчалъ: „Что ваше графское сіятельство въ наставленіе мнѣ писать изволите, чтобъ впредь того не чинить, и за оное (хотя при моихъ лѣтахъ знаю, что чинить надлежитъ) вашему сіятельству благодарствую; однако при томъ доношу, что я уже имѣю честь быть въ службѣ ея величества четырнадцать лѣтъ, а еще того не чинилъ, чтобъ ея величеству противно было, и того не надѣялся, чтобъ и отъ вашего графскаго сіятельства за то, что къ лучшей пользѣ интересовъ ея величества чинилъ, могъ реприманды получить весьма чувствительные, и прошу меня оными обойти" [1]).

Изъ Персіи также начали приходить въ Петербургъ не совсѣмъ благопріятныя вѣсти. Послѣ отъѣзда Голицына, резидентомъ при Кулы-ханѣ остался секретарь Калушкинъ, который, пріѣхавъ къ нему подъ Карсъ, удивленъ былъ бездѣйствіемъ персидскаго войска. Причиною бездѣйствія было то, что Турки хлопотали о мирѣ, обѣщали сдать Эривань и исполнили обѣщаніе, послѣ чего Кулы-ханъ отправился въ Тифлисъ, куда послѣдовалъ за нимъ и Калушкинъ. 13 октября изъ Тифлиса резидентъ послалъ къ Остерману отчаянное письмо, въ которомъ извѣщалъ, что Кулы-ханъ согласился на миръ съ Турками, обѣщая впрочемъ Калушкину, что безъ участія Россіи миръ не состоится. Въ ноябрѣ Калушкину было объявлено, что Порта противится включенію Россіи въ мирный договоръ, ибо Россія сама съ нею ищетъ ссоры, нападая на Польшу, которая находится подъ покровительствомъ султана. Калушкинъ объяснилъ Кулы-хану, что Польша—государство вольное, избираетъ сама себѣ короля; и теперь избрала сына прежняго своего короля, но Французскій король, другъ Турціи, хотѣлъ ей навязать тестя своего въ короли; Поляки просили Россію защитить ихъ вольность, что она и исполнила. „Вижу вашу правду", сказалъ на это Кулы-ханъ; „Богъ меня не помилуй, если я заключу миръ съ Турками безъ Россіи, потому что такую великую милость Русской императрицы никогда изъ памяти моей не выпущу; ни я, ни все Персидское государство за эту милость заслужить не можемъ; я не забылъ, отъ кого я дѣйствительное доброжелательство видѣлъ и кто Иранскому государству руку помощи подалъ: все это сдѣлала Россія, выше которой никого въ свѣтѣ не почитаю" [2]).

Такія же увѣренія слышались и со стороны европейскаго союзника: въ Вѣнѣ императорскіе министры прославляли предъ Ланчинскимъ опыты дружбы, которые оказывала Россія Австріи, и увѣряли, что Цесарь не преминетъ отплатить такими же услугами. Въ іюлѣ Карлъ VI велѣлъ послу своему въ Петербургѣ, графу Остейну, принести императрицѣ торжественнѣйшую благодарность за великодушное вспоможеніе войскомъ, причемъ отозваться съ похвалою о дисциплинѣ русскихъ полковъ [3]). Россія не преминула потребовать отъ Австріи *такихъ же услугъ*, потому что Порту надобно было принудить къ начатію мирныхъ переговоровъ болѣе сильными средствами.

Въ мартѣ 1736 Минихъ лично началъ осаду Азова; но когда каланчи и укрѣпленіе Лютикъ были взяты, фельдмаршалъ поручилъ окончаніе дѣла генералу Левашову, а самъ отправился на Днѣпръ къ войску, назначенному въ крымскій походъ и собиравшемуся въ городкѣ Царицынкѣ, на Украин-

[1]) Кабинетныя дѣла 1735 г. въ Московск. Арх. Министерства Иностр. дѣлъ.

[2]) Дѣла Персидскія 1735 года.

[3]) Дѣла Австрійскія того же года.

ской линіи, подъ начальствомъ принца Гессенъ-Гомбургскаго. 14 апрѣля онъ писалъ императрицѣ изъ Царицынки: „Хотя капитанъ-паша изъ Царьграда къ Азову и отправленъ и туда прибудетъ, только надѣюсь, что онъ будетъ свидѣтелемъ, а не помощникомъ городу, какъ Французы при Данцигѣ, ибо Азовъ отъ 5 апрѣля, по диспозиціи моей, кругомъ, какъ сухимъ путемъ, такъ и водою, уже осажденъ и никакой помощи получить не можетъ, а наши войска съ Верхняго Дона ежедневно прибавляются, артиллеріи съ излишествомъ вскорѣ прибудетъ, также и морскія суда—15 галеръ и 9 прамовъ. Я бы желалъ, чтобъ турецкаго войска было побольше туда отправлено, ибо чрезъ это силы непріятеля раздѣлились бы, для Крымской экспедиціи немалая польза, и Туркамъ напрасный убытокъ. На помощь Крыму большаго турецкаго войска придти не можетъ, ибо отправленіе водою требуетъ большаго транспорта, котораго скоро сдѣлать нельзя, а на сухомъ пути предстоятъ четыре переправы чрезъ большія рѣки—Донъ, Днѣстръ, Бугъ и Днѣпръ, и Турки должны будутъ пройти почти двойное разстояніе противъ нашего. Что Порта хочетъ избѣгать съ нами сраженій и вести оборонительную войну,—это намъ выгодно, потому что развязываетъ намъ руки противъ татарскихъ ордъ. Что касается азовскихъ подкоповъ и минъ, то прошу ваше величество положиться въ этомъ на мое попеченіе и искусство въ инженерномъ дѣлѣ. Крѣпко надѣюсь, что какъ скоро осадная артиллерія подъ Азовъ прибудетъ, то городъ вскорѣ сдастся, сопротивленіе не можетъ продолжаться далѣе 15 мая, послѣ чего можно будетъ съ Дону отъ 15 до 16,000 человѣкъ подлѣ берега Чернаго моря прямою дорогою отправить въ Крымъ; это войско въ половинѣ іюня соединится въ Крыму съ главною арміею: къ этому же времени должны подойти и тѣ полки, которые идутъ изъ Польши и Богеміи, и нанесутъ Туркамъ большій страхъ. Татарамъ не должно давать времени, и потому спѣшу съ Крымскою экспедиціею. Всенижайше прошу въ благополучномъ сихъ экспедицій произведеніи никакого сомнѣнія не имѣть; ни въ войскѣ, ни въ провіантѣ и водѣ и въ прочемъ никакого недостатка и опасностей быть не можетъ“.

17 апрѣля пріѣхалъ въ Царицынку другой новопожалованный фельдмаршалъ, Леси, возвратившійся изъ Рейнскаго похода, и тотчасъ же имѣлъ конференцію съ Минихомъ; было рѣшено: Леси на другой же день ѣхать подъ Азовъ, а Днѣпровской арміи немедленно выступить къ Крыму; къ полкамъ, которые шли къ Днѣпру съ Дона и Донца, также изъ Богеміи и Силезіи, послать указы, чтобъ по возможности поспѣшили къ Царицынкѣ, гдѣ, взявши на два мѣсяца провіанта, идти за арміею, дѣйствующею противъ Крыма. 20 апрѣля Минихъ выступилъ изъ Царицынки съ арміею, простиравшеюся до 54,000 человѣкъ и раздѣленною на пять колоннъ: генералъ-маіоръ Шпигель командовалъ первою колонною, составлявшею авангардъ: принцъ Гессенъ-Гомбургскій велъ вторую; генералъ-лейтенанъ Измайловъ—третью; генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ—четвертую и генералъ-маіоръ Таракановъ—пятую. 21 Минихъ перешелъ рѣку Самару и вошелъ въ Турецкія владѣнія. 30 апрѣля армія остановилась у рѣчки Бѣлозерки, въ трехъ стахъ верстахъ отъ Царицынки, и здѣсь держанъ былъ совѣтъ, какою дорогою идти къ Перекопи, прямо ли степью, или подлѣ Днѣпра. На основаніи мнѣнія Запорожскаго кошеваго и другихъ знающихъ казаковъ, избранъ былъ второй путь. Остановкою на Бѣлозеркѣ Минихъ воспользовался для того, чтобъ написать императрицѣ донесеніе насчетъ Украинской линіи. Для работъ на этой линіи онъ потребовалъ 53,263 человѣка: распоряжавшійся въ Малороссіи князь Шаховской представилъ въ Петербургъ, что такое число работниковъ безъ разоренія народа наряжено быть не можетъ, и съ казаковъ, употребленныхъ на работу, податей брать нельзя. Въ Петербургѣ согласились съ мнѣніемъ Шаховского и отказали Миниху. Тогда тотъ написалъ, что, находя работу необходимою, по присяжной должности снова представляетъ о ней: „При существованіи укрѣпленной линіи“, писалъ Минихъ, „армію не нужно раздроблять, оставляя полки и цѣлые корпуса для защиты границъ, для чего достаточно было бы гарнизоновъ съ ландмилиціею и казаками. Генералъ-маіоръ Дебриньи, управлявшій по линіи, только испортилъ дѣло, потому что самъ не смотрѣлъ, а полагался на рапорты; на лошади онъ ѣздить не можетъ, пѣшкомъ линіи обходить далеко и трудно, въ коляскѣ объѣзжать нельзя по причинѣ ямъ и неровностей. Я прошлою зимою, по узкой и непрямой дорогѣ, съ опасностію жизни объѣхалъ верхомъ линію и осмотрѣлъ все подробно; я нашелъ, что необходимо прикрыть новою линіею Бахмутскую провинцію съ ея соляными варницами и магазиномъ въ Изюмѣ. Граница отъ Днѣпра до Донца прикрыта весною разливающимися рѣками и непроходимыми болотами, сверхъ того, въ военное время содержатся форпосты на рѣкѣ Самарѣ, и такимъ образомъ эта граница имѣетъ двойную оборону; несмотря на то, на ней работа произведена, крѣпости построены и сдѣлано безъ пропорціи множество негодныхъ редутовъ; а Бахмутская провинція, лежащая открыто по той сторонѣ Донца близъ Турецкой границы, забыта. Какія же слѣдствія?—не только тамошніе жители и пріѣзжіе за солью захватываются въ плѣнъ Татарами, но и генералъ Леси, во время проѣзда чрезъ степь, подвергся нападенію и грабежу и едва успѣлъ спастись подъ защиту линіи. Донскіе казаки за рѣками Дономъ и Донцомъ прикрыты, и, какъ привычный къ войнѣ народъ, противъ татарскихъ набѣговъ сами оборонятся будутъ; и этихъ разбойниковъ, безпрестанно нападающихъ на Бахмутскую провинцію, они могли бы удержать, если бы съ турецкой стороны Калмыкамъ, Ногайцамъ и Крымцамъ не было дано позволенія къ грабежу въ нашихъ границахъ, а нашимъ казакамъ и Калмыкамъ на такихъ раз-

бойниковъ ходить и за границу ихъ преслѣдовать подъ смертною казнію, не знаю по какой политикѣ, запрещено, хотя и мы могли бы выставить то же оправданіе, какое выставляютъ и Турки, т. е. что безъ указа все сдѣлано. Вслѣдствіе этого, ваше величество потеряли многія тысячи подданыхъ своихъ, которые умножаютъ число турецкихъ рабовъ и отчасти противъ насъ самихъ служатъ. Такія разбойничества утаиваются, объ нихъ не доносятъ, и никто лучше генерала князя Шаховского объ нихъ не знаетъ, ибо ему ежегодно извѣстна прибавка и убавка жителей во всей Украйнѣ. Оставить линію отъ Донца до Лугани недодѣланною, и только по счастливомъ окончаніи нынѣшней войны возобновить работы—это все равно, какъ если бы корабль во время бури оставить между камнями и въ опасности, а послѣ бури въ гавань его вводить. Въ прошломъ году такъ много тысячъ людей къ этой работѣ прислано, что съ ними пять такихъ линій отдѣлать и Бахмутскую провинцію прикрыть можно было бы; эти люди тогда, вслѣдствіе плохого присмотря, безъ дѣла гуляли, отчасти нарочно трудились, чтобъ линію испортить, ибо вмѣсто телѣжекъ шубы и концы кафтановъ своихъ употребляли для переноски земли, и гдѣ мѣста равнять было нужно,—тутъ безчисленное множество ихъ выкапывали. А когда теперь, подъ моею дирекціею, при опасномъ военномъ времени, всѣ распоряженія сдѣланы, инженеры въ разныхъ разстояніяхъ разставлены, непріятель возбужденъ, армія отъ границъ отдаляется, время не терпитъ и важная польза получена быть можетъ, то вмѣсто требуемыхъ 24,000 ни одного человѣка не даютъ, остальныхъ поздно и когда уже время прошло присылаютъ, подъ предлогомъ, чтобъ народъ не разорять; но кто противъ нападающаго непріятеля укрѣпленіе строитъ и противъ разбойниковъ ворота затворяетъ, тотъ не разоряетъ, а защищаетъ. Тяжкій отвѣтъ должны дать Богу и вашему величеству генералы князь Шаховской и Таракановъ за то, что во время ихъ управленія въ Украйнѣ народъ до конца разоренъ, въ государствованіе великодушнѣйшей императрицы, неусыпно пекущейся о благѣ подданныхъ, казацкіе города, на обыкновенныхъ дорогахъ лежащіе, опустошаются, и заложенныя помѣщиками слободы внутрь земли, въ сокровенныхъ мѣстахъ свободны отъ прихода войскъ, подводовъ и постоевъ; хлѣбъ въ нихъ перекуривается въ вино, что умножаетъ пьянство и гулянье, а въ магазины вашего величества провіантъ покупается такъ же дорого, какъ на Балтійскомъ морѣ, и едва за деньги его достать можно; магазины отъ того пусты, и войска безъ хлѣба. Владѣльцы слободъ обѣщаютъ казакамъ на нѣсколько лѣтъ вольность, и тѣ какъ бѣшеные туда бѣгутъ, покинувъ дворы и землю; когда вольные годы прошли, то они къ другому помѣщику побѣгутъ, и такими переходами цѣлый годъ работу пропустятъ. Когда такимъ образомъ казакъ по всѣмъ помѣщикамъ переходилъ и нигдѣ счастія не нашелъ, то охотно бы возвратился въ старый свой городъ, ибо тамъ обыкновенно лучшія мѣста; но это имъ запрещено подъ жестокимъ наказаніемъ, и города остаются пустыми, а командующіе въ Украйнѣ генералы заботятся только о приращеніи вновь заложенныхъ слободъ своихъ. Казаки многими тысячами въ Польшу, къ Запорожцамъ, Татарамъ и Туркамъ бѣгаютъ и противъ Россіи служатъ; а Украйна—такая благословенная земля—опустошается. Наказной Переяславскій полковникъ Тамара сегодня мнѣ сказалъ, что въ нынѣшнемъ году до 1,800 казаковъ изъ его полку сбѣжали, о чемъ онъ въ надлежащее мѣсто и репортовалъ. Въ прежнія времена гетманскіе казаки могли выставлять въ поле до 100,000 человѣкъ; въ 1733 году число служащихъ убавлено до 30,000, и въ нынѣшнемъ году до 20,000, изъ которыхъ теперь 16,000 человѣкъ наряжены въ Крымскій походъ. Имъ велѣно въ началѣ апрѣля быть у Царицынки, въ полномъ числѣ; но мы уже прошли 300 верстъ отъ Царицынки, а казаковъ гетманскихъ при арміи только 12,730 человѣкъ, и половина ихъ на телѣгахъ ѣдутъ, и отчасти плохолюдны, отчасти худоконны,—большую часть ихъ мы принуждены возить съ собою, какъ мышей, которыя напрасно только хлѣбъ ѣдятъ. Напротивъ того, Запорожцы изъ того же народа, бѣглые изъ той же Украйны, на каждаго человѣка по 2 и по 3 хорошихъ лошади имѣютъ, сами люди добрые и бодрые, хорошо вооруженные: съ 3 или 4 тысячами такихъ людей можно было бы разбить весь гетманскій корпусъ. Изъ слободскихъ полковъ наряжены были 4,200 человѣкъ, изъ нихъ теперь при арміи только 2,360 человѣкъ; отчасти плохіе люди, отчасти худоконные. Причины тому такія, напримѣръ, что старый полковникъ, искусный солдатъ, дома оставленъ, а полковникомъ сдѣлали молодаго человѣка, брата Острогожскаго полковника Тевяшова, и дали ему команду надъ казаками; но такъ какъ этимъ старые офицеры обижены, то они надъ командой такого молодого человѣка, который никогда непріятеля не видалъ, только смѣются, и отъ нихъ происходятъ безпорядки и всякія непристойности. Помянутый Острогожскій полковникъ Тевяшовъ въ прошломъ году въ походъ не пошелъ, потому что страдалъ головною болѣзнію, а теперь занимается важнымъ дѣломъ—лошадей собираетъ; дѣло въ томъ, что онъ жену взялъ изъ Арсеньевской фамиліи, самъ богатъ и патроновъ имѣетъ. Полтавскій полковникъ Кочубей имѣетъ въ Москвѣ важное порученіе при составленіи новаго Уложенія для Украйны, для такой земли, гдѣ никакого права нѣтъ, но кто больше дастъ, тотъ и дѣло въ судѣ выиграетъ. Въ Изюмскій полкъ, требующій особенно добраго поковника, опредѣлили человѣка совершенно неспособнаго: онъ при оберъ-гофмейстерѣ князѣ Трубецкимъ бандуристомъ былъ. Прочіе гетманскіе и слободскіе полковники по домамъ сидятъ, хотя полки ихъ въ походъ идутъ; причина та, что они люди бога-

тые. Смотря на нихъ, лучшіе сотники и казаки также дома остаются, и только бѣдные, безъ связей, идутъ въ походъ. Генералъ князь Шаховской лучше бы сдѣлалъ, еслибъ заблаговременно уѣхалъ отъ Двора вашего величества, осмотрѣлъ назначенныхъ въ походъ казаковъ и поставилъ ихъ въ опредѣленный срокъ. Я теперь генерала Тараканова понуждаю поставить 10,000 человѣкъ ландмилиціи, но съ господами сенаторами трудно дѣло имѣть. Ваше величество благоволите генерала Ушакова или другого какого-нибудь вѣрнаго человѣка, хотя на одинъ мѣсяцъ, прислать въ Бахмутскую провинцію и Изюмскіе города: онъ на тамошнее разореніе такъ же, какъ и я, безъ слезъ смотрѣть не будетъ, какъ не только дворы, но цѣлыя улицы и слободы давно впустѣ лежатъ, и тогда узнается, что разореніе народное происходитъ отъ чего-нибудь другого, а не отъ работы на линіи".

20 мая Минихъ донесъ, что онъ уже въ Крыму, и ханъ съ огромнымъ войскомъ отброшенъ: когда армія дошла до Перекопской линіи (рва, тянущагося на 7 верстъ отъ Азовскаго до Чернаго моря), то была непріятно удивлена: ее обнадежили, что линія вездѣ осыпалась, такъ что мѣстами верхомъ и въ телѣгахъ переѣхать можно, а на дѣлѣ увидали, что ровъ очень глубокъ, склонъ такъ крутъ, какъ каменная стѣна, и голова закружится, когда посмотришь на дно, брустверкъ по всему валу вновь сдѣланъ, и башни насажены янычарами. Но передніе русскіе плутонги летомъ пометались въ ровъ; когда они съ помощію пикъ и рогатокъ всходили на валъ, задніе плутонги и артиллерія производили безпрестанную пальбу. Чрезъ полчаса Русскіе были на валу. Турки, сидѣвшіе въ одной башнѣ, оборонялись цѣлый часъ и были всѣ истреблены; сидѣвшіе же въ другой башнѣ, отъ Чернаго моря, въ числѣ 130 человѣкъ, сдались военноплѣнными; вечеромъ занята была третья каланча къ Гнилому морю; 22 мая сдалась и самая крѣпость Перекопская съ условіемъ, чтобъ турецкій гарнизонъ, состоявшій изъ 2,554 человѣкъ, былъ выпущенъ. 24 числа войско пошло далѣе по направленію къ Козлову, и 30 числа, на разсвѣтѣ, Донскіе казаки и гусары ворвались нечаянно въ татарскій лагерь, достигли шатра внука ханскаго, Калги-салтана, перебили нѣсколько сотъ Татаръ, но, не поддержанные главнымъ войскомъ, которое слишкомъ далеко было назади, должны были отступить, причемъ потеряли слишкомъ 100 человѣкъ убитыми. 31 мая войско расположилось лагеремъ въ 54 верстахъ за Перекопью, противъ деревни Ходжамбахъ. Отправивъ генерала Леонтьева съ 10,000 регулярнаго войска и съ 3,000 казаковъ къ Кинбурну, Минихъ держалъ военный совѣтъ по вопросу: идти ли дальше. Принимая въ соображеніе, что войско въ схваткахъ съ непріятелемъ имѣло до сихъ поръ постоянный успѣхъ; что городъ Перекопъ съ линіею, каланчами, турецкимъ гарнизономъ, бунчукъ и знамена Калги-салтана въ нашихъ рукахъ и знатные люди непріятельскіе побиты, генералитетъ единогласно рѣшилъ идти съ поспѣшностію къ Козлову, но не далѣе [1]). Мнѣніе подписали генералы: Князь Репнинъ, Магнусъ фонъ-Биронъ, фонъ-Шпигель, Измайловъ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій и Минихъ. 5 іюня войско приблизилось къ Козлову, и гренадеры съ частію артиллеріи, также половина Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ отправлены были для изгнанія изъ города непріятеля; но городъ уже былъ оставленъ гарнизономъ и жителями, и наибольшая часть его выжжена. Татары вышли изъ города такъ торопливо, что оставили Русскимъ богатую добычу: свинцу досталось на всю армію, да еще не мало побросали въ море; хлѣбомъ армія запаслась на 24 дня; казаки изъ близлежащихъ деревень нахватали до 10,000 барановъ; получено было также много мѣдной посуды, жемчугу, парчей и прочаго добра. „Нынѣ армія", писалъ Минихъ, „ни въ чемъ недостатка не имѣетъ и вся на коштѣ непріятельскомъ содержаться будетъ, что во время военныхъ операцій великимъ авантажемъ служитъ, по пословицѣ, мы успѣли свою лошадь къ непріятельскимъ яслямъ привязать". Это обезпеченіе арміи насчетъ провіанта заставило перемѣнить рѣшеніе военнаго совѣта и двинуться изъ Козлова далѣе къ Бакчисараю. Татары шли постоянно впереди Русскаго войска и пользовались всякимъ случаемъ къ нападенію. Два самыхъ сильныхъ нападенія были 17 іюня у Бакчисарая, причемъ Русскіе потеряли убитыми и взятыми въ плѣнъ 284 человѣка: „Мы полную викторію получили", писалъ Минихъ, „но въ то время наши люди въ такомъ были сердцѣ, что никакъ невозможно было ихъ удержать, чтобъ въ Бакчисараѣ и въ ханскихъ палатахъ огня не подложили, отъ чего четверть города и ханскія палаты, кромѣ кладбища и бань, сгорѣли. Объ этихъ палатахъ ханскихъ и о городѣ на французскомъ діалектѣ сдѣланное капитаномъ Манштейномъ описаніе при семъ прилагаю: палаты строены по китайскому обыкновенію, и чище этого строенія мало видно". 25 іюня было рѣшено возвратиться въ Перекопь и приблизиться къ Днѣпру, чтобъ арміи дать отдыхъ, особенно въ ожиданіи силь-

[1]) Кабинетныя дѣла 1736 года въ Москов. архивѣ минист. иностр. дѣлъ.—Манштейнъ говоритъ, что почти всѣ генералы совѣтовали стоять лагеремъ подлѣ Перекопа до конца компаніи, посылая отряды внутрь полуострова для его опустошенія; но Минихъ, имѣя въ виду покореніе Крыма, настаивалъ на движеніи впередъ цѣлой арміи, и когда генералы возражали, что у нея достанетъ хлѣба только на 12 дней, то фельдмаршалъ отвѣчалъ, что армію надо продовольствовать насчетъ непріятельской страны. Манштейнъ прибавляетъ, что съ этого совѣта Минихъ и принцъ Гессенъ-Гомбургскій перестали быть друзьями.—Но мы знаемъ, что они перестали быть друзьями прежде; здѣсь и средство опредѣлить значеніе Манштейна: важный источникъ относительно событій, которымъ онъ былъ свидѣтелемъ, онъ однако многаго не зналъ. На описанномъ совѣтѣ могло быть непосредственное столкновеніе у Миниха съ принцемъ, и это приняли за начало вражды.

ныхъ жаровъ, также для того, чтобъ быть въ состоянiи сдѣлать отпоръ Туркамъ, которые, по вѣстямъ, собирались на Дунаѣ и намѣрены были идти къ Днѣпру или Очакову. Татарская туча, виднѣвшаяся до сихъ поръ впереди войска, теперь виднѣлась назади. Татары были въ страшномъ горѣ: они думали, что Русскiе пойдутъ отъ Бахчисарая къ Каѳѣ, и опустошили все по дорогѣ къ этому городу. 6 iюля войско достигло Перекопи, и въ тотъ же день Минихъ получилъ извѣстiе отъ Леси о сдачѣ Азова и отъ Леонтьева о сдачѣ Кинбурна. 17 iюня Леси велѣлъ полковнику Ломану съ тремястами гренадеръ, семьюстами мушкетеровъ и шестьюстами казаковъ взять непрiятельскiй палисадникъ. Ломанъ, при пушечной пальбѣ съ русскихъ батарей и судовъ, взялъ палисадникъ, окруженный рвомъ въ три сажени глубиною, побивалъ и гналъ Турокъ до самыхъ городовыхъ воротъ, отнялъ у нихъ пушку и бочку пороху. Послѣ этого Азовскiй паша прислалъ фельдмаршалу письмо, въ которомъ изъявилъ нѣкоторую склонность къ сдачѣ. „Но хотя бы эта склонность и отмѣнилась“ писалъ Леси, „то по сдѣланiи брешъ-батареи, которая чрезъ семь дней будетъ окончена, въ скорыхъ числахъ надѣюсь взять городъ штурмомъ“. Но до штурма не дошло: 19 числа паша прислалъ съ просьбою о капитуляцiи, а на другой день прислалъ и городовые ключи; по договору, все мусульманское народонаселенiе города было отпущено въ Турцiю. При осадѣ Азова было употреблено съ чѣмъ-нибудь 25,000 человѣкъ; изъ нихъ было убито менѣе 200 человѣкъ, ранено 1,500; въ числѣ легко раненыхъ находился самъ фельдмаршалъ.

Въ Петербургѣ были недовольны возвращенiемъ войска къ Перекопи и требовали, чтобъ Минихъ возобновилъ нападенiе на Крымъ въ августѣ и сентябрѣ. Фельдмаршалъ отвѣчалъ, что онъ возвратился для того, чтобъ имѣть съ своими границами свободное сообщенiе и посылать какъ можно чаще донесенiя императрицѣ, также Турокъ чрезъ Днѣпрь не пропустить, войско провiантомъ удовольствовать и отдыхъ дать: люди отъ дальняго и постояннаго хода очень устали; лошади, за неимѣнiемъ въ достаточномъ количествѣ воды, большею частiю попадали, и хотя до сихъ поръ сильныхъ жаровъ не видѣли, однако больныхъ при войскѣ не мало и болѣзни все усиливаются. „Въ порученной мнѣ важнѣйшей экспедицiи“, писалъ Минихъ, „понынѣ исполнено столько, сколько въ человѣческой возможности было. Теперь моя цѣль—привести полки въ доброе состоянiе, укрѣпить Перекопскую линiю, усилить крѣпость и держать Татаръ въ Крыму, чрезъ что они сами себя принуждены будутъ разорить; усилить Кинбурнскую крѣпость, и, умножа тамошнее войско, не перепускать Турокъ на сю сторону. Что касается новаго сильнаго нападенiя на Крымъ въ августѣ и сентябрѣ, то это зависитъ отъ снабженiя армiи достаточнымъ провiантомъ, ибо въ разоренномъ Крыму получить уже болѣе ничего нельзя, также отъ движенiя турецкаго, и, если будетъ возможность, ничего не упущу для исполненiя воли вашего величества“.

Эта воля не была исполнена; 24 iюля Минихъ съ генералами—принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, Измайловымъ, Лесли, княземъ Репнинымъ и Аракчеевымъ—имѣлъ военный совѣтъ, на которымъ рѣшено: такъ какъ провiанта при здѣшней армiи имѣется только дней на десять или съ нуждою на двѣ недѣли съ прибавкою въ пищу мяса; такъ какъ отъ здѣшняго худого воздуха и отъ соленой воды, особенно же при настоящихъ жарахъ, въ людяхъ болѣзни умножаются и здоровые въ слабость приходятъ; такъ какъ лошади безпрестанно падаютъ, и живыя, вмѣсто того, чтобъ поправляться, ежедневно въ худшее состоянiе—приходятъ, и нельзя надѣяться, чтобъ армiя, оставаясь здѣсь, пришла въ лучшее состоянiе, то необходимо здѣшнее мѣсто оставить, идти къ Днѣпру, гдѣ лучшiй воздухъ, добрая вода и ближнее полученiе провiанта. Такъ какъ для входа въ Крымъ регулярному войску съ артиллерiю и обозами другого пути нѣтъ, какъ чрезъ Перекопскую линiю, а напротивъ того—Татары могутъ всегда перебираться, минуя эту линiю, чрезъ Гнилое море, и такъ какъ въ крѣпости Перекопской регулярному гарнизону, за недостаткомъ хорошаго воздуха и воды и за несвободнымъ сообщенiемъ, быть трудно, то Перекопскую крѣпость и каланчи до подошвы разорить и подорвать, а пушки и аммуницiю съ собою взять.

Минихъ двинулся съ армiею къ Днѣпру, складывая вину отступленiя на Леси, который долго не присылалъ ни войска, ни провiанта. Но Леси писалъ: „Я какъ прибылъ подъ Азовъ, то началъ изыскивать всякiе способы отправить провiантъ водою и сухимъ путемъ; но галеры не могутъ пройти въ море, да хотя бы и прошли, то негдѣ имъ пристать въ Крыму; сухимъ путемъ нельзя было послать за неимѣнiемъ лошадей, телѣгъ и, по взятiи Азова, людей. Я много разъ писалъ объ этомъ въ Кабинетъ, и къ самому фельдмаршалу Миниху писалъ, чтобъ не надѣялся на присылку отъ меня провiанта. Что же касается распоряженiя его, чтобъ я, по взятiи Азова, шелъ къ нему съ полками, то, по выступленiи изъ Азова турецкаго гарнизона, 4 iюля отправилъ я къ нему генералъ-лейтенанта графа Дукласа чрезъ Изюмъ съ двумя драгунскими полками. Съ 27 iюля по второе число августа, 35 дней далъ я солдатамъ отдохнуть, а между тѣмъ приготовлялъ ихъ къ походу; они же разрывали около города шанцы и апроши, и исправляли другiя нужнѣйшiя работы. 2 августа, выбравши лучшихъ и здоровыхъ пѣхоты пять тысячъ человѣкъ да 300 конныхъ и снабдивъ ихъ на два мѣсяца провiантомъ, отправилъ къ Перекопи чрезъ степь, какъ вдругъ получаю отъ фельдмаршала Миниха увѣдомленiе, что онъ отошелъ отъ Перекопи, и я долженъ былъ идти для соединенiя съ нимъ къ Изюму“. Минихъ размѣстилъ полки на зимнiя квартиры, но при этомъ велѣлъ

имъ быть въ готовности къ походу, такъ чтобъ могли выступить въ 24 часа по полученіи приказа. Фельдмаршалъ осень и зиму занимался укрѣпленіемъ важнѣйшихъ мѣстъ на Украйнѣ. Запорожская Сѣчь и два ретраншемента при Самарѣ приведены были въ оборонительное положеніе, такъ что безъ формальной атаки непріятель не могъ имъ ничего сдѣлать; Запорожскіе казаки письменно обязались зимовать въ Сѣчи въ количествѣ отъ 2 до 3,000 человѣкъ; Васильковъ обведенъ былъ ретраншементомъ. Въ Кіевѣ крѣпостныя работы производились ежедневно, и въ декабрѣ оставались неукрѣпленными только нѣкоторые отдаленные монастыри. Минихъ очень цѣнилъ здоровое, выгодное положеніе Кіева, поэтому хотѣлъ сосредоточить при немъ корпусъ въ 20,000 и больше, построить магазины и нѣсколько казармъ [1]). Татары иногда прорывались чрезъ линію, и хотя имъ не позволяли большихъ разбоевъ, но естественно рождался у нѣкоторыхъ вопросъ: кчему же служилъ походъ фельдмаршала Миниха въ Крымъ,—походъ, въ которомъ была потеряна, какъ считали, почти половина арміи, и все по нераспорядительности главнокомандующаго, потому что отъ непріятельскаго оружія погибло не болѣе 2,000 человѣкъ. Миниха упрекали, зачѣмъ онъ выступилъ въ походъ въ самое неудобное время года: зачѣмъ повелъ войско *на авось* въ одномъ предположеніи, что оно можетъ кормиться насчетъ непріятеля. Кромѣ того, Миниха упрекали въ жестокости относительно солдатъ: вмѣсто того, чтобъ идти ночью, или выступать за нѣсколько часовъ до разсвѣта, въ прохладное время, войско выступало нѣсколько часовъ спустя по восходѣ солнца, что страшно развило болѣзни. Усталость и жаръ такъ изнуряли солдатъ, что нѣкоторые падали мертвыми на ходу. Наконецъ, къ большому несчастію, между генералами господствовало несогласіе. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій, котораго упрекали въ лѣни и нерадѣніи, скучалъ тягостями похода и позволялъ себѣ дурно отзываться о главнокомандующемъ не только предъ офицерами, но даже предъ солдатами: оказывая сожалѣніе къ нимъ, онъ внушалъ, что виноватъ во всемъ фельдмаршалъ, который безъ сомнѣнія хочетъ поморить ихъ всѣхъ отъ голода и усталости. Эти внушенія усиливали неудовольствіе войска, которое начинало роптать при малѣйшей усталости. Принцъ привлекъ на свою сторону нѣкоторыхъ генераловъ и, между прочими, Магнуса Бирона, и, подъ Бакчисараемъ, предложилъ имъ воспротивиться приказаніямъ фельдмаршала, если тотъ предприметъ дальнѣйшее движеніе, и, если Минихъ будетъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи, арестовать его и передать команду старшему по немъ, т. е. ему, принцу. Генералы не согласились на это предложеніе, и принцъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что написалъ оберъ-камергеру Бирону жалобу на Миниха, а Биронъ переслалъ ее въ оригиналѣ Миниху, и легко понять, какія послѣ того установились отношенія между Минихомъ и принцемъ [2]).

Выходъ арміи изъ Крыма съ огромными потерями, ссора между генералами, дурныя вѣсти изъ Персіи, медленность Австріи въ исполненіи своихъ обѣщаній—все это сильно тревожило императрицу. Ея тревожное состояніе всего лучше видно изъ слѣдующаго письма къ Остерману: „Андрей Ивановичъ, изъ посланныхъ вчерашнихъ къ вамъ рапортовъ и челобитной, изъ письма, которое онъ пишетъ къ оберъ-камергеру, довольно усмотришь, какое несогласіе въ нашемъ генералитетѣ имѣется; чрезъ это не можно инако быть, какъ великой вредъ въ нашихъ интересахъ при такихъ нынѣшнихъ великихъ конъюнктурахъ. Я вамъ объявляю, что война Турецкая и сила ихъ меня николи не покоритъ, только такіе кондуиты, какъ нынѣ главные командиры имѣютъ, мнѣ уже много печали дѣлаютъ, потому надобно и впредь того же ждать, какъ бездушно и нерезонабельно они поступаютъ, что весь свѣтъ можетъ знать. Отъ меня они награждены не только великими рангами и богатствомъ, и впередъ имъ я своею милостію обнадежила, только все не такъ,—ихъ поступки не сходны съ моею милостію. Того ради принуждена буду другія мѣры взять и черезъ сіе вамъ объявляю: 1) Намъ однимъ Турецкое государство вовсе разорить или сгубить невозможно будетъ, и нынѣшняго году довольно это показало наше войско, какъ люди и лошади пропали, хотя на будущій годъ она (армія) и будетъ комплектована, только это все люди молодые будутъ. 2) По всѣмъ видимостямъ Персія миръ съ ними (Турками) хочетъ дѣлать. 3) Видѣть по всѣмъ ихъ (Австрійцевъ) дѣламъ, что они своимъ обнадеживаніемъ насъ довольствовать хотятъ... но вѣдомостямъ они свое войско по квартирамъ распускаютъ. 4) Теперь надобно разсудить, и требую вашего совѣту: 1) Что при такомъ несогласіи нашего генералитету дѣлать и какъ имъ знать дать о ихъ поступкахъ, которые не только касаются до нашихъ интересовъ, но и до чести нашей. 2) Пруцкой трактатъ былъ великой вредъ и безчестье нашему государству, который въ ту пору отъ нужды былъ дѣланъ, и ежели такой способъ найдется, чтобъ этотъ трактатъ уничтоженъ былъ, также старыя наши границы присовокупить,—не лучше ли войну прекратить, только какъ въ томъ дѣлѣ зачинать, то мы на ваше искусство и вѣрность надѣемся; вы можете обнадежены быть, что я васъ и фамилію вашу николи въ своей милости не оставлю, и желаемъ вамъ скораго здоровья и пребываю въ милости“ [3]).

Не знаемъ, къ кому относится выраженіе императрицы: „Изъ письма, которое *онъ* пишетъ къ оберъ-камергеру“. Кто это „онъ“?—принцъ Гомбургскій или Минихъ, потому что и Минихъ написалъ

[1]) Кабинетныя дѣла 1736 года, въ Московск. арх. министерства иностр. дѣлъ.

[2]) Манштейнъ.

[3]) Письмо хранится въ Москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

къ оберъ-камергеру сильное письмо по слѣдующему случаю. Фельдмаршалу Леси, по возвращеніи изъ Азовскаго похода, дано было приказаніе собрать точныя свѣдѣнія о состояніи миниховой арміи. Миниха это взорвало, и 9 октября онъ написалъ императрицѣ: „Принимая въ соображеніе, какія неусыпныя старанія и труды безъ упущенія времени требуются отъ командующаго арміею, дабы высочайшій интересъ вашего величества утраченъ не былъ, я принужденъ всенижайше донести, что слабость здоровья моего вседнезно умножается и отнимаетъ надежду исправлять надлежащимъ образомъ ввѣренное мнѣ дѣло. Поэтому всеподданнѣйше прошу ваше императорское величество поручить команду надъ арміею фельдмаршалу фонъ-Леси, а меня отъ оной уволить, ибо я не въ состояніи нахожусь тѣхъ трудовъ, которые донынѣ со всевозможною ревностію несъ, болѣе продолжать". Анна отвѣчала 22 октября: „Господинъ генералъ-фельдмаршалъ. Въ сихъ дняхъ получили мы вашу челобитную, въ которой вы объ отпускѣ своемъ изъ службы нашей просите. Мы не можемъ вамъ утаить, что сей вашъ поступокъ весьма намъ оскорбителенъ и толь наипаче въ великому нашему удивленію служить имѣетъ, понеже не надѣемся, что въ какомъ другомъ государствѣ слыхано было, чтобъ главный командиръ, которому главная команда всей арміи поручена, во время самой войны и когда наивящшая служба отъ него ожидается, къ государю своему такъ поступить похотѣлъ, особливо еще безъ всякой законной и праведной причины и еще съ употребленіемъ такихъ чувственныхъ толкованій, какъ вы въ письмѣ своемъ къ нашему оберъ-камергеру употребляете. Подлинно, что мы, по нашей къ вамъ всегдашней милости и положенной на васъ совершенной конфиденціи, никогда того отъ васъ ожидать не имѣли. Мы же и нынѣ еще уповаемъ, что вы сіе свое намѣреніе не токмо вовсе оставите, но такожде вѣрнымъ и усерднымъ продолженіемъ службы вашей и намъ поводъ и причину къ неотмѣнному продолженію нашей къ вамъ милости подадите, якожъ вы въ такомъ случаѣ на оную и о томъ обнадежены быть можете, что мы во всемъ такія учрежденія учинимъ, что ни вамъ и никому въ службѣ нашей какая обида учинена была, что̀ мы вамъ во всемилостивѣйшую резолюцію объявить запотребно разсудили, по которой, неотмѣнное исполненіе ожидая, пребываемъ къ вамъ нашею императорскою милостію благосклонны — Анна".

Минихъ отвѣчалъ 9 ноября длиннымъ письмомъ: „Ожидая, что вашего величества соизволеніе (что ни Минихъ и никто другой не потерпятъ обиды) непремѣнно исполнено будетъ, всенижайше благодарствую, что онымъ всемилостивѣйшимъ писаніемъ пожаловать мнѣ, нижайшему, въ нынѣшнихъ печальныхъ обращеніяхъ ободреніе придать соизволили, и какъ никто вашего величества высочайшему соизволенію противиться не можетъ, такъ и я оное при всякомъ случаѣ за законное пріемлю и за великое и за совершенное счастіе причитаю такой великой, богоизбранной и безпримѣрной монархинѣ, какъ ваше императорское величество, всеподданнѣйше служить. Такъ какъ во время войны благополучіе государствъ зависитъ отчасти отъ арміи, то командующему генералу отъ всѣхъ пристрастій честолюбія и своего прибытка совершенно свободно быть должно, и какъ самому о себѣ, такъ и о происходящихъ событіяхъ пелѣностное разсужденіе имѣть, можетъ ли онъ такую важную должность настоящимъ образомъ исполнить; въ противномъ случаѣ лучше отъ такой команды удалиться, нежели рисковать славой своей государыни и государственнымъ интересомъ. Достопамятнѣйшая побѣда, которую Греки получили надъ Персами, приписывается благоразумному воздержанію генерала Аристидесъ, который товарищу своему Милціадію команду уступилъ, чрезъ что Греція отъ сильнаго непріятеля освободилась; такимъ образомъ успѣхъ арміи зависитъ отъ нераздѣльной команды. Графъ Монтекукули во время французской войны 1674 года призналъ за лучшее удалиться отъ команды, чѣмъ ее дѣлить съ курфирстомъ Бранденбургскимъ, который начальствовалъ надъ остальнымъ нѣмецкимъ войскомъ. Въ наше время во время Шведской войны графъ Шуленбургъ команду уступилъ графу Флеммингу и получилъ отъ короля Августа увольненіе отъ службы. Въ послѣднихъ италіанскихъ войнахъ графъ Кёнигсеггъ уступилъ команду надъ цесарскимъ войскомъ графу Валлису. Ваше императорское величество потому всемилостивѣйше разсудить соизволите, что всенижайшимъ требованіемъ увольненія отъ службы я не имѣлъ ничего болѣе въ виду, кромѣ одного охраненія вашего величества славы и интереса, что мнѣ никогда въ семъ, такъ и въ будущемъ вѣкѣ въ предосужденіе быть не можетъ; я лучше хотѣлъ оставить тридцатишестилѣтнюю тяжкую службу и уступить славную команду своему товарищу, нежели хотя малымъ чѣмъ вашего величества высочайшую славу и интересъ уронить, отъ котораго своего принципія никогда не отстану, ибо отъ него зависитъ счастливое веденіе начатой нынѣ войны. Командующему надъ арміею генералу надобно быть: во 1) сильнымъ и здоровымъ; 2) отъ вашего величества всемилостивѣйшую конфиденцію и при арміи достаточный кредитъ имѣть; 3) надобно ему быть свободну отъ всякихъ непріятностей, ибо и безъ того команда лежитъ на немъ тяжелымъ бременемъ. Что касается моего здоровья, то извѣстно, что въ прошломъ году въ Полтавѣ я былъ боленъ горячкою; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года, по возвращеніи изъ-подъ Азова, заболѣлъ сильною лихорадкою, и, едва получивъ облегченіе, выступилъ съ охотою въ Крымскій походъ, гдѣ отнялся у меня лѣвый бокъ, такъ что почти во всю кампанію меня принуждены были снимать съ лошади. По окончаніи похода въ такомъ находился безсиліи, что не безъ труда могъ на ногахъ стоять, и хотя попеченіемъ

присланнаго, по всемилостивѣйшему вашего величества ко мнѣ милосердію, доктора мнѣ теперь получше, только боюсь, чтобъ почти не впасть мнѣ въ безсиліе.

„При арміи вашего величества команда въ такомъ раздѣленіи имѣется, что генералитетъ и офицеры въ несоединенномъ на меня уповаціи состоятъ, такъ что во многихъ, требующихъ быстроты, случаяхъ намѣренія мои не могутъ быть приведены въ исполненіе; притомъ нѣкоторыми изъ Кабинета вашего величества указами приведенъ я былъ въ немалое сомнѣніе, что вашего величества высокая ко мнѣ конфиденція предъ прежнимъ умалилась. Особенно было мнѣ прискорбно, что указы приходили въ такое время, когда я, не оставляя арміи ни одного часа, изъ Крыма, Бакчисарая, куда никогда никакой непріятель не проникалъ, вывелъ ее обратно съ немалою викторіею, и взятою у непріятеля артиллеріею и плѣнными. И такъ какъ раздѣленная команда къ успѣшному дѣйствію никогда вести не можетъ, а я никому никогда не завидовалъ, то и просилъ безъ всякаго сомнѣнія поручить главную команду товарищу моему, генералъ-фельдмаршалу Леси, одному".

А Леси писалъ 8 октября: „Понеже я съ начала отбытія моего въ Польшу уже четвертый годъ въ домишкѣ моемъ не бывалъ и бѣдной фамиліи моей не только не видалъ, но за отдаленіемъ и мало писемъ получалъ, паче же дѣти мои одни безъ всякой науки, а другія безъ призрѣнія находятся,—того ради ваше императорское величество пріемлю дерзновеніе утруждать, чтобъ нынѣшнее зимнее время соизволили отъ команды меня уволить въ Ригу". Но вмѣсто увольненія въ отпускъ фельдмаршалъ получаетъ выговоръ за несоблюденіе предписанной тайны, тогда какъ тайны, по его убѣжденію, ему не предписывалось. Онъ отвѣчалъ: „Въ присланномъ ко мнѣ отъ 24 октября указѣ между прочимъ написано, что велѣно мнѣ о прямомъ состояніи арміи подъ рукою провѣдать и вѣрные о томъ рапорты прислать, учинить то подъ рукою, что разумѣется тайно; а нынѣ съ немалымъ ея величество неудовольствомъ извѣстна, что о вышеписанномъ указѣ при арміи вѣдомо, и не можно понять, отъ меня-ль самого о семъ указѣ разглашено или изъ моей канцеляріи пронесено; но какъ бы то ни было, оное ея императорскому величеству весьма чувственно. Но въ томъ отъ 14 сентября указѣ именно изображено: по прибытіи моемъ къ арміи мнѣ о состояніи оной какъ въ людяхъ, такъ и во всемъ прочемъ ея величеству особливый свой вѣрный репортъ прислать и для того-бъ мнѣ путь свой туда съ наискорѣйшимъ поспѣшеніемъ предвоспріять, а чтобъ о томъ, развѣдавъ подъ рукою, репортовать, того въ указѣ не написано, и затѣмъ, чтобъ къ тайности весьма было склонно, дознаться не могъ, и за распущеніемъ той арміи на квартиры о состояніи полковъ видѣть и обстоятельно и вѣрно доносить было невозможно, и для того, опасаясь ея величества за неисполненіе высокаго гнѣву, принужденъ былъ о томъ генералъ-фельдмаршалу графу фонъ Миниху объявить" [1]).

Несмотря на эти неблагопріятныя условія для веденія успѣшной войны, императрица, какъ мы видѣли, надѣялась прекратить ее выгоднымъ миромъ, т.-е. уничтоженіемъ Прутскаго договора. Эту надежду поселили въ ней донесенія резидента Вешнякова.

Въ началѣ 1736 года все еще хотѣли дать видъ, что Россія, вынужденная враждебными дѣйствіями Татаръ, ведетъ войну противъ нихъ однихъ; съ Портою разрыва не было, и Вешняковъ оставался въ Константинополѣ, откуда 1-го января онъ прислалъ такое описаніе состоянія Турціи: „Султанъ самъ дѣлъ не знаетъ и очень недалекъ; его умомъ и волею владѣетъ Кизляръ-ага; всѣ думаютъ, что надобно оставить дѣла въ этомъ положеніи, пока все рухнетъ вслѣдствіе или внѣшняго несчастія, или внутренняго волненія. Визирь человѣкъ тупой, чуждый всякаго знанія свѣта; все дѣлаетъ его кегая, а этотъ слѣдуетъ совѣтамъ Бонневаля и французскаго посла; первый совѣтуетъ заблаговременно вооружаться, но не враждебно относиться къ Россіи и ласкать ея посланника. Второй же требуетъ сильнаго наступательнаго дѣйствія, и недавно подалъ Портѣ на турецкомъ языкѣ сочиненіе, въ которомъ разсматривается вопросъ: французская ли или русская, теперь возрастающая, сила болѣе вредна европейскому равновѣсію; выводится, что Туркамъ всего опаснѣе Россія, которая хочетъ овладѣть Азовомъ и Крымомъ взамѣнъ уступленныхъ Персіи провинцій, точно такъ какъ прутскія несчастія были вознаграждены пріобрѣтеніями по Ништадскому миру, и такимъ образомъ Турціи предстоитъ участь Швеціи. Но, какъ видно, Бонневалевы внушенія дѣйствительнѣе. Послѣ кегаи, вліятеленъ рейсъ-еффенди, а муфти человѣкъ старый и малоумный. Крымцы, представляя свою опасность со стороны Россіи, требуютъ немедленной помощи, въ противномъ случаѣ грозятся или бѣжать, или отыскать защитника надежнѣе. И Порта вооружается, но безъ всякаго шума и озлобленія въ народѣ противъ Россіи, ибо говорятъ, что Татары сами вызвали русскія нападенія". „Дерзновенно и истинно донесу", пишетъ Вешняковъ, „что въ Турціи нѣтъ ни начальниковъ политическихъ, ни руководителей военныхъ, ни разумныхъ правителей финансовыхъ: все находится въ страшномъ разстройствѣ, и при малѣйшемъ бѣдствіи будетъ находиться на краю бездны. Страхъ предъ Турками держится на одномъ преданіи, ибо теперь Турки совершенно другіе, чѣмъ были прежде: сколько прежде они были воодушевлены духомъ славы и свирѣпства, столько теперь малодушны и боязливы; всѣ какъ будто предчувствуютъ конецъ своей беззаконной власти, и да сподобитъ Всевышній ваше величе-

[1]) Кабинетныя дѣла 1736 года въ архивѣ М—ва Иностр. Дѣлъ.

ство ее искоренить. Попеченія объ общемъ благѣ въ Турціи нѣтъ,—заботятся только о частныхъ выгодахъ; достойные и искусные люди изгублены и погибаютъ; остались только одни недостойные, вслѣдствіе чего добрый порядокъ пренебреженъ какъ въ политическомъ, такъ въ военномъ и экономическомъ правленіи, и, оставивъ прежнія свои основныя правила, новыхъ не пріобрѣли и потому ослабѣли. Татары, зная все это, теперь, какъ здѣсь всѣ говорятъ, въ вѣрности къ Портѣ начинаютъ колебаться. Насчетъ христіанскихъ подданныхъ Турки опасаются, что всѣ возстанутъ, какъ только русскія войска приблизятся къ границамъ. Здѣшніе константинопольскіе Греки большею частію бездѣльники, ни вѣры, ни закона, ни чести не имѣющіе; ихъ главный интересъ—деньги, и ненавидятъ насъ больше самихъ Турокъ; но Греки областные, и еще болѣе Болгары, Волохи, Молдоване и другіе—такъ сильно заботятся объ избавленіи своемъ отъ турецкаго тиранства и такъ сильно преданы Россіи, что при первомъ случаѣ жизни не пожалѣютъ для вашего императорскаго величества, какъ уповаемой избавительницы. Все это Турки знаютъ".

Турки дѣйствительно трусили, и рейсъ-еффенди въ мартѣ говорилъ секретарю Русскаго посольства, что Порта усердно желаетъ мира и дружбы съ императрицею, только не понимаетъ, для чего дѣлаются такія большія приготовленія при Русскихъ границахъ, что заставляетъ и Турцію готовиться съ своей стороны; отъ ссоръ никакое государство пользы не получаетъ, и потому лучше всѣ недоразумѣнія дружески окончить. Рейсъ-еффенди поручилъ секретарю просить Вешнякова приложить всевозможное стараніе къ примиренію и этимъ прославить начало своего министерства. Но Вешняковъ поставлялъ свою славу въ другомъ и писалъ императрицѣ: „Теперь самое полезное время не только къ сломленію звѣрской гордости, но и къ окончательному ниспроверженію всего этого беззаконнаго сонмища. Хотя я малая и недостойная жертва, но, для славы вашего величества и спокойствія отечества, готовъ истину представленнаго мною запечатлѣть моею кровію, лишь бы Всевышній сподобилъ начать дѣло. Никто не препятствуетъ, всѣ страхомъ поражены; ваше величество законно владѣетъ сердцами всѣхъ добрыхъ христіанъ, находящихся подъ игомъ издыхающаго варварства".

Въ началѣ апрѣля въ Константинополѣ стало извѣстно объ осадѣ Азова и движеніи русскихъ войскъ къ Очакову. Правители, трепеща предъ народомъ, который имъ приписывалъ разрывъ, безпрестанно съѣзжались на совѣщанія, а въ народѣ разглашали, что виновникомъ всему—ханъ съ своими Татарами, раздражившій Россію вопреки султановымъ указамъ, что Азовъ мѣсто ничтожное, а между тѣмъ охранять его очень трудно Портѣ. Дѣлались приготовленія для обороны ближайшихъ областей; но главная надежда полагалась на то, что Франція, Англія, Голландія и Швеція, кто дипломатическимъ заступничествомъ, кто интригами и дѣйствительною помощію до окончательнаго разрушенія Турцію не допустятъ, ибо интересъ ихъ требуетъ не допускать Турцію до разрушенія, а Россію—до великихъ завоеваній. При Портѣ начали ласкать министровъ всѣхъ названныхъ державъ, льстить и цесарскому резиденту. Послѣдній совѣтывалъ Портѣ поступать какъ можно тише въ дѣлахъ и не притѣснять русскаго резидента; то же совѣтовалъ и Бонневаль, представляя, что дурное обращеніе съ Вешняковымъ будетъ непріятно всѣмъ христіанскимъ государствамъ.

Въ іюнѣ визирь съ войскомъ выступилъ изъ Константинополя, велѣвши ѣхать за собою и Вешнякову, а между тѣмъ пословъ цесарскаго, голландскаго и англійскаго просилъ о посредничествѣ для возстановленія мира между Россіею и Турціею. „Въ правительствѣ и народѣ сильный страхъ", писалъ Вешняковъ: „съ ужасомъ начинаютъ произносить русское имя, и до сихъ поръ не только я, но и послѣдній изъ моихъ слугъ браннаго слова не слыхали. Еще удивительнѣе, что когда я ходилъ по Перѣ, то многіе Турки на улицѣ мѣсто уступали, чего прежде никогда не бывало. Въ началѣ мая выданъ былъ султанскій указъ: подъ смертною казнію не дѣлать никакой обиды франкамъ, никого въ брань не называть Русскимъ, тѣмъ менѣе обижать самихъ Русскихъ. И съ христіанскими подданными своими Турки обходятся очень ласково. Такъ какъ Турція находится въ крайней слабости, то отъ вашего величества зависитъ повелѣть войскамъ своимъ идти прямо на Константинополь: какъ скоро они вступятъ въ Буджакъ, то тамошніе Татары покорятся, Молдавія и Валахія поднимутся непремѣнно; по переходѣ чрезъ Дунай и овладѣніи магазинами встанетъ и остальное народонаселеніе, отягченное и разоренное до такой степени, что домовъ своихъ отступается; христіане поднимутся во всей Греціи; останется напугать Константинополь и заставить бѣжать султана; для этого достаточно нѣсколько морскихъ судовъ подвесть къ каналу и высадить тысячъ двадцать войска; самое способное для этого время будущія осень и зима". Вешнякова привезли въ Адріанополь, откуда онъ писалъ: „Хотя я совершенно свободенъ, однако, для избѣжанія дерзостей отъ черни словомъ или дѣломъ, веду себя очень тихо, никуда не выхожу, даже въ церковь, чтобъ не оклеветали христіанъ". Изъ Адріанополя Вешнякова перевезли въ Бабаду (въ Болгаріи), а 22 октября онъ получилъ письмо отъ переводчика Порты, что отпускается съ честію и безопасностію до Русскихъ границъ [1]).

Русскій резидентъ выѣхалъ изъ Турціи; русскій резидентъ, находившійся въ Персіи, Калушкинъ, присылалъ печальныя извѣстія: турецкая сторона брала верхъ, потому что въ Персіи всѣ, отъ мала до велика, жаждали мира; притомъ турецкій посланникъ щедро одаривалъ вліятельныхъ людей,

---

[1]) Дѣла Турецкія 1736 года

тогда какъ съ русской стороны никто не слыхалъ ни малѣйшаго обѣщанія подарка. Калушкинъ далъ знать, что 5 февраля Тахмасъ-Кулы-ханъ избранъ всѣмъ народомъ въ шахи, причемъ старый шахъ Тахмасибъ и сынъ его Аббасъ были совершенно отстранены отъ престола и получили только названіе мирзы; новый шахъ получилъ имя Надира. Вслѣдъ за этимъ, Калушкинъ доносилъ, что его шахово величество ударился въ непорядочныя забавы: всякій день по-утру веселится съ музыкою у женъ своихъ и подпиваетъ, а послѣ обѣда созываетъ всѣхъ знатныхъ къ себѣ и напиваются такъ, что ихъ безъ памяти вонъ выносятъ, и всему войску далъ волю пить, отчего ежедневно происходятъ большіе безпорядки. Въ іюнѣ Калушкинъ получилъ изъ Петербурга указъ передать Надиру, что Россія объявила войну Портѣ, осадила Азовъ, и теперь для Персіи самое благопріятное время дѣйствовать противъ Турокъ, которые должны обратить всѣ свои усилія противъ Россіи, и потому персидскому войску противиться не могутъ. Надиръ велѣлъ отвѣчать на это Калушкину, что хотя онъ теперь оружіемъ противъ Порты не дѣйствуетъ, однако Турками мутитъ и ихъ миромъ проводитъ и обманываетъ, и безъ Россіи никакъ мириться не намѣренъ; теперь же ему необходимо идти въ походъ на бунтовщиковъ Бахтіарцевъ. „Странно", замѣтилъ на это Калушкинъ, „что шахъ своими усильными домогательствами поднялъ Россію противъ Турокъ, а теперь ее оставляетъ одну, отъ Россіи удаляется и пристаетъ къ новымъ друзьямъ, Туркамъ, которые ищутъ только гибели Персамъ; здравому смыслу противно—оставя главное дѣло, отъ котораго зависитъ все благополучіе государства, схватиться за самое ничтожное, именно—идти наказывать Бахтіарцевъ. Шахово величество говоритъ, что онъ обманываетъ Турокъ, но изо всего видно, что Турки преодолѣли его коварствомъ". Когда приближенный къ шаху мирза Махти передалъ эти слова Надиру, тотъ велѣлъ отвѣчать: „Осада Русскими Азова, взятіе трехъ крѣпостей турецкихъ, отправленіе войска въ Крымъ и на Кубань—все это дѣло ничтожное: Персіи въ Азовѣ никакой нужды нѣтъ, точно такъ Россіи въ Багдадѣ. Шахъ требуетъ отъ Русскаго Двора отвѣта, согласенъ ли онъ вмѣстѣ направить походъ въ Царьградъ, причемъ императрица должна сама подняться въ этотъ походъ, или, по крайней мѣрѣ, послать верховнаго министра. Нечего войною спѣшить, не постановя между собою твердаго соглашенія; надобно прежде обдумать, чтобъ войну начать и кончить съ честію, а не такъ какъ теперь съ русской стороны дѣлаютъ, и такими поступками мы отъ мира отдалимся, а къ войнѣ не пристанемъ. Шахъ не хочетъ мириться съ Портою, пока не получитъ отвѣта отъ Русскаго Двора, а между тѣмъ онъ къ миру и къ войнѣ готовъ, какъ того Россія пожелаетъ".

Донося объ этихъ разговорахъ, Калушкинъ писалъ, что персидскіе вельможи становатся къ нему день ото дня холоднѣе, видя съ русской стороны безпрестанныя побужденія шаху къ продолженію войны Турецкой, тогда какъ въ Персіи всѣ желаютъ мира съ Портою. И нельзя было не желать мира, потому что, по донесеніямъ резидента, Персія находилась въ опасномъ положеніи: Адербижанцы взбунтовались; Афганцы приготовили большое войско, чтобъ не пускать Надира въ Кандагаръ; Грузія отложилась, и соединенные владѣльцы ея поразили персидское войско недалеко отъ Тифлиса; Дагестанцы начали разбойничать, а шаху набрать войска негдѣ, за скудостію въ людяхъ и за крайнимъ разореніемъ; всего войска у него пятидесяти тысячъ не наберется, поэтому до сихъ поръ и Бахтіарцевъ покорить не можетъ. Бѣдность была страшная: мать бывшаго при Русскомъ Дворѣ посла Ахметъ-хана нанялась въ работницы въ домѣ Калушкина; изъ дома Хулефы, находившагося теперь посломъ въ Петербургѣ, безпрестанно приходили къ Калушкину просить денегъ, потому что жены его умирали съ голоду. Отсюда падкость вельможъ ко взяткамъ, чѣмъ пользовались Турки и не щадили подарковъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Надиръ рѣшился тянуть переговоры съ Россіею и потребовалъ, чтобъ императрица прислала къ нему министра въ Кандагаръ, къ границамъ Индѣйскимъ, а зачѣмъ—неизвѣстно. Видя такіе поступки Надира, Калушкинъ прислалъ въ Петербургъ просить—возвести на престолъ стараго шаха, воспользовавшись удаленіемъ Надира въ Кандагаръ [1]).

У другого европейскаго союзника, Цесаря, Ланчинскій въ началѣ года съ трудомъ могъ выхлопотать согласіе на немедленное возвращеніе вспомогательнаго русскаго войска изъ Богеміи, ибо оно надобилось самой императрицѣ вслѣдствіе нерасположенія Турокъ къ миру. Фельдмаршалъ Леси въ мартѣ пріѣхалъ изъ своей квартиры, въ Нейгаузѣ, на короткое время въ Вѣну, и былъ принятъ тамъ съ большимъ отличіемъ: Цесарь подарилъ ему свой портретъ, осыпанный брилліантами, и пять тысячъ червонныхъ въ бархатномъ красномъ мѣшкѣ съ золотыми шнурками. Окончивъ войну на западѣ, Австрія немедленно должна была начать другую - съ Турками, вслѣдствіе союза съ Россіею. Австрійскіе министры толковали, что обиженная сторона, то-есть Россія, естественно должна объявить, какого требуетъ удовлетворенія отъ Турокъ, и для полученія этого удовлетворенія употребляются добрыя услуги. Ланчинскій отвѣчалъ, что время для добрыхъ услугъ уже прошло и отъ нихъ теперь нельзя ожидать никакой пользы; Порта еще можетъ бояться союза между обоими императорскими Дворами, но какъ скоро Австрія, вмѣсто объявленія войны, предложитъ добрыя услуги, то этотъ страхъ исчезнетъ; предложенное отовсюду посредничество только мѣшаетъ Россіи получить удовлетвореніе отъ Порты. Ланчинскій

[1]) Дѣла Персидскія 1736 года.

въ сентябрѣ доносилъ своему Двору, что самъ Цесарь, генералитетъ и гражданскіе правители очень желаютъ войны съ Турками; но нѣкоторые генералы представляютъ, что ее можно начать развѣ только весной 1737 года, потому что полки, шедшіе изъ Италіи въ Венгрію, утомлены; въ нихъ много больныхъ, провіантъ въ магазинахъ не въ достаточномъ количествѣ, на фуражъ надѣяться нельзя, потому что въ турецкихъ областяхъ вездѣ мѣста гористыя; прежде всего надобно добыть городъ Виддинъ, который Турки недавно сильно укрѣпили, а въ цесарской пѣхотѣ особенно много больныхъ; наконецъ артиллерійскихъ лошадей мало, надобно привести ихъ изъ Германіи. Въ ноябрѣ Ланчинскій представилъ канцлеру графу Цинцендорфу, что между Турками и Персіянами заключенъ договоръ, слѣдовательно теперь съ цесарской стороны необходимо принять серьезныя рѣшенія, не упуская времени; что нельзя болѣе откладывать формальнаго объявленія войны Портѣ; что зима слыветъ длинною, а проходитъ скоро. Цинцендорфъ отвѣчалъ, что долженъ быть присланъ въ Вѣну русскій генералъ для сочиненія точнаго операціоннаго плана, чтобъ бремя войны падало одинаково на обѣ державы; Турки ближе къ австрійскимъ землямъ, чѣмъ къ русскимъ, и потому могутъ надѣяться скорѣе оторвать что нибудь отъ первыхъ, чѣмъ отъ послѣднихъ. Ланчинскій возражалъ, что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Константинополя, Турки намѣрены обратить всю тяжесть войны на Россію, а не на Австрію. Цинцендорфъ представлялъ, что въ письмѣ военнаго президента, графа Кёнигсегга, къ визирю объявленіе войны довольно явно. Ланчинскій возражалъ, что онъ письмо читалъ, и дѣйствительно въ немъ о войнѣ упоминается, но гораздо болѣе высказывается желаніе мира, условіями котораго письмо и оканчивается. Цинцендорфъ кончилъ разговоръ тѣмъ, что прежде всего надобно начертать основательный планъ военныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ [1]).

Для составленія плана военныхъ дѣйствій, Минихъ, въ концѣ 1736 года, отправился въ Петербургъ. 23 января 1737 года онъ выѣхалъ оттуда, и съ дороги благодарилъ императрицу „за всемилостивѣйшее отправленіе съ высочайшею милостію и съ полною на всѣ его представленія резолюціею и за пожалованіе украинскими покойнаго графа Вейсбаха и прочими деревнями, за которыя неизреченныя высокія милости долженствуетъ онъ со всею фамиліею вѣчно Бога молить и рабскія службы оказывать до послѣдней капли крови“. Въ Глуховѣ Минихъ свидѣлся съ Леси, отдалъ ему составленный въ Петербургѣ планъ кампанія и держалъ съ нимъ конференцію насчетъ общихъ дѣйствій. 40,000 рекрутовъ пополнили армію; въ Брянскѣ усиленно работали надъ судами, которыя должны были спуститься внизъ по Днѣпру и дѣйствовать на Черномъ морѣ. Надобно было спѣшить распоряженіями, потому что 12 февраля, на масляницѣ, непріятель переправился чрезъ Днѣпръ, выше Переволочны, причемъ истребленъ былъ на льду рѣки русскій отрядъ, состоявшій съ небольшимъ изъ 100 человѣкъ, но при немъ находился генералъ Лесли; генералъ былъ убитъ, сынъ его взятъ въ плѣнъ. Въ тотъ же день Татары напали на подполковника Свѣчина; тотъ отбивался пять часовъ до самой ночи, и отбился, причемъ взялъ въ плѣнъ мурзу съ тремя Татарами и освободилъ изъ плѣна 150 Малороссіянъ. Но 16 числа непріятель переправился обратно за Днѣпръ, потому что полили дожди и надобно было опасаться скораго вскрытія рѣкъ. Несмотря на то, Минихъ былъ очень смущенъ этимъ событіемъ и писалъ въ Петербургъ: „Безчисленные примѣры въ исторіи военнаго искусства показываютъ, что еще не сыскано никакой возможности границы, растянутыя отъ двухъ до трехъ сотъ миль, какъ отъ Кіева и отъ Днѣпра до Азова и Дона, охранять такъ, чтобъ легкій непріятель въ какое-нибудь мѣсто не прорвался, потому что если вездѣ войско имѣть, то на такомъ протяженіи надобно его сильно раздробить“. Минихъ жаловался также на Запорожцевъ, которые дали знать о приближеніи непріятеля только 11 февраля [2]).

Послѣ этого непріятель не появлялся болѣе въ русскихъ предѣлахъ и далъ Миниху время приготовиться къ походу; цѣлію похода былъ Очаковъ. Въ концѣ апрѣля войско выступило въ походъ въ числѣ отъ 60 до 70,000 человѣкъ; между именами генераловъ находилось давно знакомое имя—Александра Ивановича Румянцева. Въ 1735 году онъ былъ освобожденъ изъ ссылки, возстановленъ въ прежнемъ чинѣ генералъ-лейтенанта, получилъ опять Александровскую ленту, сдѣланъ Астраханскимъ, а потомъ Казанскимъ губернаторомъ и назначенъ командующимъ войсками, отправленными противъ взбунтовавшихся Башкирцевъ; теперь, когда бунтъ стихъ, Румянцева назначили правителемъ Малороссіи, но скоро потомъ перевели въ дѣйствующую армію [3]).

Степи войско прошло безпрепятственно; только недалеко отъ Очакова Татары выжгли степь, отчего русская армія должна была оканчивать походъ въ пыли и пеплѣ; 30 іюня она приблизилась къ Очакову, и въ военномъ совѣтѣ было положено сдѣлать нападеніе на крѣпость какъ можно скорѣе, чтобъ гарнизонъ, и безъ того уже сильный, не дождался новой помощи отъ Турокъ. Въ ту же ночь начаты были осадныя работы, которымъ мѣшали краткость ночи и лунный свѣтъ. На другой день, 1-го іюля, въ 6 ч. утра, началась сильная перестрѣлка, и къ вечеру непріятель принужденъ

[1]) Дѣла Австрійскія 1736 года.

[2]) Кабинетныя дѣла 1737 года въ Московск. архивѣ министер. иностр. дѣлъ.

[3]) Румянцевъ былъ сосланъ въ село Чеборчино, Алатырскаго уѣзда; при немъ для караула находился капитанъ Шиповъ. Дѣла Сената по бывшему Кабинету въ архивѣ минист. юстиціи № 31--1108.

былъ отступить за палисадникъ, а Русскіе приступили къ крѣпости подъ ружейный выстрѣлъ; уронъ съ обѣихъ сторонъ считали равнымъ; взятыхъ въ плѣнъ не было, „ибо наше войско, а особливо казаки, никому пощады не чинили". Днемъ Турки тушили производимые русскою артиллеріею пожары въ городѣ, но къ ночи произошелъ почти въ самой срединѣ города сильный пожаръ, и на разсвѣтѣ 2 числа большая часть города находилась въ пламени. Фельдмаршалъ хотѣлъ воспользоваться этимъ и на разсвѣтѣ же приказалъ палить безпрестанно изъ мортиръ и пушекъ, сколько онѣ снести могли, и велѣлъ подойти къ городу половинѣ арміи съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами и всѣми полковыми пушками, чтобъ испугать непріятеля генеральнымъ штурмомъ и отвлечь отъ тушенія огня. Это средство удалось, пожаръ тушили плохо, и, чрезъ нѣсколько часовъ, два пороховые магазина взлетѣли на воздухъ. Между тѣмъ русское войско съ праваго крыла, подъ начальствомъ генераловъ Румянцева и Бирона, а съ лѣваго—Кейта и Левендаля, приступило къ городу такъ близко, что фельдмаршалъ принужденъ былъ подкрѣпить его остальнымъ войскомъ, которое повелъ самъ съ обнаженною шпагою, въ сопровожденіи герцога Антона-Ульриха Брауншвейгскаго. Но Русскіе подъ самымъ гласисомъ задержаны были широкимъ и столь глубокимъ рвомъ, что спустившіеся въ него солдаты не могли другъ другу помочь вылѣзти, и русское войско очутилось въ 15 или 20 шагахъ отъ палисадника безъ всякаго прикрытія, подъ безпрестаннымъ непріятельскимъ огнемъ. Несмотря на то, „акція въ такую сильную горячность пришла", что съ обѣихъ сторонъ всѣ гранаты и патроны изъ сумъ выстрѣлены были, такъ что пока патронные ящики были перевезены къ осаждающимъ изъ лагеря, Турки бросали лопатами, кирками, топарами, каменьями и землею, а Русскіе отбрасывали имъ эти вещи обратно. Русскіе во время этой „акціи" подались нѣсколько назадъ. Такъ представляется дѣло въ донесеніи Миниха [1]). Другія извѣстія не противорѣчатъ донесенію, но чрезъ прибавку нѣкоторыхъ чертъ выставляютъ дѣло рѣзче. По одному изъ нихъ, войска, находясь два часа подъ огнемъ, двинулись наконецъ назадъ въ значительномъ безпорядкѣ; въ то же время нѣсколько сотъ Турокъ сдѣлали вылазку и убили много отступавшихъ Русскихъ, преимущественно раненыхъ, не могшихъ скоро идти; если-бы сераскиръ сдѣлалъ вылазку съ цѣлымъ гарнизономъ, то нанесъ бы русскому войску рѣшительное пораженіе и заставилъ бы его не только снять осаду, но и оставить Турецкія владѣнія. Фельдмаршалъ былъ въ отчаяніи, думая, что все погибло [2]). Другое извѣстіе прибавляетъ, что у Миниха выпала изъ рукъ шпага, и онъ, ломая руки, закричалъ: „Все пропало" [3]). Но страшный пожаръ, все болѣе и болѣе распространявшійся въ городѣ, поправилъ дѣло осаждающихъ: онъ нагналъ на Турокъ такой страхъ, что нѣсколько тысячъ конницы и пѣхоты бросились изъ города къ морю; но Русскіе, ободрившись, наступили на нихъ съ артиллерію, побили и потопили людей и лошадей. Тогда осажденные, въ 10-мъ часу пополуночи, убрали съ валу всѣ знамена, на одномъ бастіонѣ выставили бѣлое знамя и прислали фельдмаршалу янычарскаго офицера съ просьбою прекратить непріятельскія дѣйствія на 24 часа; Минихъ обѣщалъ исполнить просьбу, если Турки отдадутъ одни ворота русскому караулу и пришлютъ аманатовъ. Но въ это самое время пришло извѣстіе, что русскіе гусары и казаки уже ворвались въ крѣпость съ морской стороны тѣмъ проходомъ, которымъ сераскиръ съ пашами хотѣлъ бѣжать къ галерамъ и который въ смятеніи оставался открытымъ. Такимъ образомъ Очаковъ былъ взятъ приступомъ, и сераскиръ опять прислалъ къ фельдмаршалу, сдаваясь на всю его волю, прося только о пощадѣ жизни. Турки объявили, что въ этотъ день, отъ разсвѣта до десятаго часа, погибло болѣе 10,000 человѣкъ обоего пола какъ отъ русскаго огня, такъ отъ пожарнаго и взрыву магазиновъ. Побѣдителямъ досталось въ плѣнъ 4,650 человѣкъ. Русскіе потеряли убитыми 8 штабъ-офицеровъ, 39 оберъ-офицеровъ, 975 нижнихъ чиновъ; ранены были 5 генераловъ, два бригадира, 27 штабъ-офицеровъ, 55 оберъ-офицеровъ и 2,752 человѣка нижнихъ чиновъ. „Очаковская крѣпость", писалъ Минихъ, „будучи сильна сама собою и окрестностями, имѣя многочисленный гарнизонъ, 86 мѣдныхъ пушекъ и 7 мортиръ, снабженная провіантомъ и военными запасами съ излишествомъ, имѣя также свободное сообщеніе съ моря, гдѣ находилось 18 галлеръ и немалое число прочихъ судовъ съ пушками, ожидая на помощь изъ Бендеръ 30,000 войска, а въ августѣ самого визиря съ 200,000, могла бы обороняться три или четыре мѣсяца долѣе, чѣмъ Азовъ, и однако взята на третій день. Богу единому слава! Я считаю Очаковъ наиважнѣйшимъ мѣстомъ, какое Россія когда либо завоевать могла и которое водою защищать можно: Очаковъ пересѣкаетъ всякое сухопутное сообщеніе между Турками и Татарами крымскими и буждакскими, и, притомъ, держитъ въ уздѣ дикихъ Запорожцевъ; изъ Очакова можно въ два дня добрымъ вѣтромъ въ Дунай, а въ три или въ четыре въ Константинополь поспѣть, а изъ Азова нельзя. Поэтому слава и интересъ ея величества требуютъ не медлить ни часу, чтобъ такое важное мѣсто утвердить за собою, и такъ какъ огнемъ, кромѣ крѣпости, все разорено, то не должно жалѣть денегъ на построеніе казармъ, цейгхаузовъ, церкви, госпиталей, магазиновъ, лавокъ и прочаго; надобно прислать изъ адмиралтейства

[1]) Кабинетныя дѣла 1737 года въ Москов. архивѣ мин. ин. дѣлъ.

[2]) Манштейнъ.

[3]) Записка, хранящаяся въ Госуд. архивѣ.

великое множество архитекторовъ, плотниковъ, каменщиковъ, также матеріаловъ; о бревнахъ и доскахъ я уже писалъ къ командующему въ Малороссіи князю Барятинскому и Кіевскому губернатору Сукину. Я арміею, сколько возможно, стану работать, но Кабинету слѣдуетъ чрезвычайную помощь подать рабочими людьми и деньгами. Сегодня давалъ одинъ изъ плѣнныхъ Турокъ, не изъ самыхъ важныхъ, 20,000 рублей выкупу за себя, и надѣюсь, что милліонъ рублей отъ всѣхъ плѣнныхъ получить можно. Въ Брянскѣ суда надобно достраивать и послать туда искуснаго и прилежнаго флагмана и мастеровъ; взять въ службу старыхъ морскихъ офицеровъ изъ Грековъ, которымъ Черное море извѣстно; на порогахъ при низкой осенней водѣ большіе каменья подорвать, чему я велю сдѣлать пробу. Отъ состоянія флотиліи и отъ указа ея величества только будетъ зависѣть, и я въ будущемъ году пойду въ устье Днѣстра, Дуная и далѣе въ Константинополь“.

Относительно укрѣпленіи Очакова не было отказа: въ Малороссію къ князю Барятинскому отправлены были указы о посылкѣ въ Очаковъ плотниковъ, каменщиковъ, всякаго рода работниковъ и матеріаловъ, и кого и чего въ Украйнѣ недостанетъ – брать изъ ближнихъ губерній; отправлены были указы въ Кіевъ и Брянскъ о сыскѣ по Днѣпру и Деснѣ готовыхъ бревенъ и досокъ и немедленной сплавкѣ ихъ къ Очакову. Минихъ представилъ къ полученію двухмѣсячнаго жалованья всѣхъ офицеровъ и рядовыхъ за то, что они „поступали противъ непріятеля, какъ вѣрнымъ рабамъ императорскаго величества надлежитъ, зѣло храбро, не щадя живота своего“. Но въ Петербургѣ опредѣлено было выдать жалованье только за мѣсяцъ и только тѣмъ, которые дѣйствительно были при атакѣ; генералитетъ и штабъ-офицеры обнадежены особенными наградами. Минихъ писалъ: „При благодарственномъ молебствіи за взятіе Очакова, Архангельскаго драгунскаго полка священникъ Аѳанасій Кляцевъ чинилъ проповѣдь, по моему разумѣнію, видится, изрядную и вашему величеству угодную, и человѣкъ суть (sic) добраго состоянія и достойный высочайшей милости“. Фельдмаршалъ переслалъ въ Петербургъ и проповѣдь, о которой можетъ дать понятіе слѣдующее мѣсто: „О Александре великій и всебезсмертніи славы прежняго вѣка монархе! аще были дніе живота вашего въ нынѣшнее время, довольно было бы со удивленіемъ очесамъ и уму вашему, видивше таковые россійскаго воинства операціи, ихъ же къ похваленію вся историческія писанія изрекши не возмогутъ, за счастіемъ всемилостивѣйшей государыни нашей, трудами же вѣрностію что суть нынѣшняго вѣка имперіи россійскаго воинства, ибо неусыпными трудами и деннымъ и ночнымъ попеченіемъ Петра Перваго, который въ жизни сей кто и каковъ былъ, сей и нынѣ богомужественнымъ дѣйствіемъ живъ Россійскій Самсонъ, каковый дабы могъ явится, никто въ мірѣ не надѣялся, но явившемуся весь міръ удивлялся: засталъ онъ въ Россіи свою силу слабою и содѣлалъ по имени своему каменною, адамантовою; засталъ воинство въ дому вредное, въ полѣ некрѣпкое, отъ супостатъ ругаемое, а ввелъ отечеству полезное, врагомъ страшное, всюду грозное; такожде неслыханное отъ вѣка дѣло совершивше, строеніе и плаваніе корабельное, новый въ свѣтѣ флотъ, но и старымъ не уступающій, власть же россійскую, прежде на землѣ зыблющуюся, нынѣ и на морѣ крѣпкою, состоятельною сотвори“. Въ началѣ проповѣди ораторъ называетъ Іоанна Богослова „самой небесной монархіи министромъ и секретаремъ тайнъ Божіихъ“.

Приведши въ оборонительное состояніе Очаковъ, „непріятельскую въ ноги занозу“, какъ выражался Минихъ, онъ 5 іюля двинулся къ Бугу и пошелъ вверхъ по этой рѣкѣ, въ ожиданіи турецкаго войска. 21 числа въ удобномъ мѣстѣ, при устьи рѣчки Чичаклеи, армія начала переправляться на другую сторону Буга по недостатку конскихъ кормовъ отъ степныхъ пожаровъ, и, приблизившись къ Лиману, остановилась въ 40 верстахъ отъ Очакова. По Днѣстру, какъ писалъ Минихъ, нельзя было предпринять никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій по отсутствію судовъ и мостовъ; въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ было не болѣе трехъ дождей, отчего вода въ Бугѣ и Лиманѣ позеленѣла и стала вредною для больныхъ; такъ какъ степные пожары продолжались, то фельдмаршалъ принужденъ былъ 24 іюля отпустить: Запорожцевъ къ Кизикерменю, 1 августа—гвардію съ плѣнными и генерала Румянцева съ нѣкоторыми драгунскими и ландмилицкими полками по прежней дорогѣ, которою войско подошло къ Очакову; 17 августа—Донскихъ казаковъ прямо къ Самарѣ; наконецъ, видя въ кормахъ крайній недостатокъ, 22 августа отпустилъ и генерала Бирона съ остальными драгунскими полками и частію украинскихъ казаковъ; при фельдмаршалѣ на Лиманѣ осталось 27 пѣхотныхъ полковъ съ гусарами и остальными казаками. Въ концѣ августа Минихъ отправился водою въ Очаковъ и Кинбурнъ для осмотра этихъ крѣпостей и для совѣту съ морскими офицерами и находившимися на прибывшихъ сверху судахъ; но контръ-адмиралъ Дмитріевъ-Мамоновъ, несмотря на строгія предписанія фельдмаршала, не пріѣхалъ въ Очаковъ; вообще морскихъ служителей Минихъ нашелъ очень мало, особенно офицеровъ, старшій изъ нихъ, капитанъ Брандтъ, былъ боленъ, а другіе офицеры, на требованіе Миниха, чтобъ были готовы на своихъ судахъ къ морскому походу, отвѣчали, что на ихъ флотѣ въ море показатьея никакъ нельзя, суда годны только на Днѣпрѣ да на Лиманѣ. „И понеже“, писалъ Минихъ, „по моему разсужденію, благополучное произведеніе будущей кампаніи и всѣ авантажи зависятъ отъ того, кто на морѣ сильнѣе быть можетъ, того ради всеподданнѣйше прошу указать о строеніи довольнаго числа годнаго флота; а понеже нынѣ уже время

поздно, а разстояніе отъ границъ не малое, того ради я и съ достальнымъ войскомъ слѣдую къ границамъ, куда прибыть надѣюсь поздно".

Минихъ на 1737 годъ довольствовался взятіемъ Очакова, выставляя при всякомъ удобномъ случаѣ чрезвычайную важность этого пріобрѣтенія; но вотъ пошли слухи, что Очаковъ взятъ вопреки всѣмъ принятымъ военнымъ правиламъ, и эти слухи пустилъ австрійскій полковникъ фонъ-Беренклау, находившійся при Минихѣ во время взятія Очакова. Беренклау писалъ, что Очаковъ былъ атакованъ противъ военныхъ обычаевъ, не устроивши надлежащихъ батарей, не дождавшись всей осадной артиллеріи, только съ четырьмя мортирами и шестью пушками. На это обвиненіе Минихъ отвѣчалъ, что военный совѣтъ рѣшилъ брать крѣпость немедленно приступомъ, безъ формальныхъ атакъ, потому что около Очакова весь фуражъ былъ потравленъ и пожженъ, такъ что русскую армію можно было держать подъ Очаковымъ не болѣе осьми дней. Минихъ прибавилъ при этомъ: „Если рѣшеніе военнаго совѣта было неизвѣстно Беренклау, то это можно считать опытомъ умѣнья сохранить тайну; что же касается артиллеріи, то выходитъ, что Беренклау ея не видалъ, ибо дѣйствовали 15 пушекъ, 8 мортиръ и 4 гаубицы". Потомъ Беренклау упрекалъ Миниха въ томъ, что русское войско во время штурма стояло безъ всякаго прикрытія, и въ солдатъ стрѣляли, какъ въ собакъ на смерть. Минихъ возражалъ: „Когда русское войско, пользуясь пожаромъ, приступило къ крѣпости и стояло безъ всякаго прикрытія, то тутъ полковника Беренклау было не видно. Въ настоящее время, по воинскимъ правиламъ, войско во время штурма или сраженія въ прикрытіи никогда не бываетъ; такъ и наше войско въ означенное время стояло безъ прикрытія и безпрестанно стрѣляло, отчего непріятельскій гарнизонъ, кромѣ плѣнныхъ, былъ весь побитъ и вокругъ крѣпости мертвыя тѣла людскія и конскія сплошь лежали въ кучахъ непроходимыхъ. При этомъ генеральномъ штурмѣ, какъ иначе быть не можетъ, съ нашей стороны около тысячи человѣкъ побито, и приличнѣе сказать, что они пали какъ храбрые люди и прямые солдаты, а не какъ собаки были перестрѣляны; турецкій же гарнизонъ, стоявшій за стѣною и палисадами, потерялъ отъ 18 до 19 тысячъ побитыми". Беренклау писалъ къ своимъ, что очаковскимъ штурмомъ русская армія разорена вконецъ, такъ что въ ней не болѣе 40,000 здоровыхъ, уронъ нынѣшняго года превышаетъ уронъ прошлаго; большая часть драгунъ пѣши, и у конныхъ лошади очень плохи, притомъ на дорогѣ къ Очакову пало до 14,000 лошадей и паръ воловъ. Минихъ возражалъ: „По подлиннымъ репортамъ отъ полковыхъ командировъ при штурмѣ побито 1,022 человѣка, ранено 2,841, и изъ раненыхъ большая часть вылѣчилась и службу исправляютъ, а во время похода къ Очакову въ людяхъ и лошадяхъ почти никакой потери не было". По донесенію Беренклау, въ бытность подъ Очаковымъ пали многія тысячи лошадей и воловъ, потому что отъ 7 до 17 іюля не было фуражировано, хотя фуражировать было можно. Минихъ возражалъ: „Это извѣстіе основательно въ томъ смыслѣ, что служители Беренклау опоздали, не вышли вмѣстѣ съ фуражирами и донесли ему, что фуражировать запрещено. Фуражировали до 5 іюля, когда армія, за неимѣніемъ фуража, отошла отъ Очакова. Отъ этого недостатка фуража и чрезмѣрныхъ жаровъ пало лошадей 1,720, да воловъ 685 паръ; но ихъ въ арміи было съ излишествомъ, и отъ непріятеля гораздо болѣе получено въ добычу, чѣмъ сколько потеряно". Беренклау писалъ, что по взятіи Очакова армія приведена была въ такое безсиліе, что не могла предпринять ничего болѣе, и если-бъ Турки на нее напали, то не встрѣтили бы сопротивленія. Минихъ на это могъ отвѣчать одно, что армія отведена отъ Очакова съ викторіею, въ добромъ состояніи. Беренклау объявлялъ, что на русское войско напалъ великій страхъ и оно быстро удалялось отъ Очакова, разсылая казаковъ далеко въ степь, чтобъ выжигать ее и тѣмъ затруднять преслѣдованіе Турокъ.—Эту „безстрашную и безстыдную ложь" Минихъ опровергнулъ указаніемъ на медленность движенія, особенно сравнительно съ походомъ къ Очакову. Русскій Дворъ жаловался Австрійскому на Беренклау, который позволилъ себѣ такъ клеветать на Миниха. Беренклау не появлялся болѣе въ русскомъ лагерѣ, но у фельдмаршала былъ адъютантъ, извѣстный Манштейнъ, который въ своихъ мемуарахъ дѣлаетъ ему не менѣе сильные упреки, какъ и Беренклау. „Надобно было имѣть счастіе Миниха, чтобъ выйти съ успѣхомъ изъ этого дѣла", говоритъ Манштейнъ, „потому что послѣ ошибокъ, сдѣланныхъ фельдмаршаломъ, онъ заслуживалъ быть разбитымъ и принужденнымъ снять осаду. Онъ началъ нападеніе, не разузнавши сначала, какимъ образомъ городъ былъ укрѣпленъ, даже не зная его положенія; онъ велѣлъ приступать къ сторонѣ, наиболѣе укрѣпленной, не имѣя необходимыхъ вещей для перехода черезъ ровъ, о существованіи котораго не имѣли понятія, пока не подошли къ нему; тогда какъ было бы гораздо легче овладѣть городомъ со стороны моря, гдѣ онъ защищался простою стѣною, и то во многихъ мѣстахъ поврежденною".

Въ началѣ октября Минихъ съѣхался въ Полтавѣ съ вице-адмираломъ Сенявинымъ, который былъ назначенъ командиромъ очаковской флотиліи, съ обязанностію поступать во всемъ по наставленіямъ фельдмаршала. Минихъ уговорился съ Сенявинымъ, какія суда строить въ Брянскѣ и какъ спускать ихъ къ морю, причемъ положилъ Сенявину въ Очаковъ не ѣхать, а быть въ Брянскѣ для надзора за постройкою судовъ. Фельдмаршалъ писалъ императрицѣ: „На вице-адмирала крѣпкую надежду имѣть можно, что онъ порученное ему дѣло исправитъ, отъ приготовленія же новаго надежнаго флота зависитъ возможность принудить Турокъ къ

миру, потому что и тогда могу за непріятельскимъ флотомъ всюду слѣдовать и брать турецкіе корабли, какъ крѣпости". Такъ какъ положено было устроить верфь нѣсколько повыше Запорожской Сѣчи, то Минихъ писалъ по этому случаю: „Поступками Запорожскихъ казаковъ я очень доволенъ; всѣ мои предписанія они исполняютъ; жалованьемъ и провіантомъ удовольствованы, кромѣ того, получили большую добычу въ нынѣшнюю и прошлогоднюю кампанію, и потому очень довольны,—присылали ко мнѣ депутатовъ съ благодарностію. Хотя они люди дикіе, но своевольныхъ теперь между ними не много, и нельзя думать, чтобъ они могли затѣять что-нибудь противное; строеніе верфи не можетъ ихъ раздражить, потому что она выше ихъ Сѣчи и не въ близкомъ разстояніи; однако за поступками ихъ я прилежно наблюдаю". Но въ то время какъ Минихъ уговаривался въ Полтавѣ съ командиромъ очаковской флотиліи, Очаковъ долженъ былъ выдержать осаду отъ Турокъ. Комендантомъ Очакова былъ генералъ-майоръ Штоффельнъ; гарнизонъ вначалѣ состоялъ изъ 8,000 человѣкъ, но болѣзни уменьшили его до 5,000, когда въ октябрѣ мѣсяцѣ подъ стѣнами крѣпости появилось 20,000 Турокъ и столько же Татаръ. Несмотря на нѣсколько отчаянныхъ приступовъ, гарнизонъ отбился, и Турки побѣжали отъ Очакова, потерявши подъ его стѣнами больше 20,000 человѣкъ какъ отъ оружія осажденныхъ, такъ и отъ болѣзней, происходившихъ отъ поздняго времени года и отъ безпрерывныхъ дождей. Гарнизонъ потерялъ слишкомъ двѣ тысячи.

Обратимся къ дѣйствіямъ другого фельдмаршала. 3 мая Леси выступилъ изъ Азова съ двадцатипятитысячнымъ корпусомъ, въ которомъ почти поровну было регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ. Армія должна была переправляться черезъ рѣки Міусъ, Калміусъ, Калчукъ, Берды, Молочныя Воды; 7 іюля перешла Гнилое море и направилась къ Карасу-Базару; села и деревни по рѣкамъ Салгиру и Индаки были разорены и выжжены. 12 іюля, за 29 верстъ отъ Карасу-Базара, Леси встрѣтилъ татарское войско, подъ предводительствомъ самого хана, разбилъ и гналъ его 15 верстъ до самыхъ горъ, которыя скрыли бѣгущихъ. Послѣ этого регулярное войско отдыхало на рѣкѣ Карасу, а нерегулярное разсѣялось во всѣ стороны разорять и жечь; въ этомъ дѣлѣ особенно отличались Калмыки, которые въ одинъ день привели въ лагерь тысячу человѣкъ плѣнныхъ и много другой добычи. 14 іюля русское войско снова поразило непріятеля передъ Карасу-Базаромъ и выжгло этотъ городъ; потомъ, идя къ Сангару, опустошило все на 15 или 20 верстъ. Непріятельскія нападенія не причиняли большаго урону, но сильно тяготили жары, недостатокъ воды и конскихъ кормовъ, такъ что, по рѣшенію военнаго совѣта, 24 іюля фельдмаршалъ направился къ Молочнымъ Водамъ, а оттуда къ Волчьимъ и Самарскимъ вершинамъ. Увѣдомляя императрицу о своемъ походѣ, Леси оканчивалъ такъ: „А чтобъ больше въ Крыму быть и для разоренія Перекопской линіи иттить, онаго за вышеписанными препятствіи ни по которымъ мѣрамъ безъ великаго арміи разоренія миновать было нельзя; а нынѣ оная, кромѣ одного лошадинаго упадка, при всякомъ благополучіи состоитъ" [1]).

Теперь посмотримъ, какъ дѣйствовали союзники-Австрійцы. Мы видѣли, что графъ Кенигсеггъ отправилъ визирю письмо, въ которомъ высказывалось желаніе мира. Такой тонъ письма всего болѣе долженъ былъ способствовать къ тому, что отвѣтъ былъ присланъ неудовлетворительный, и въ Вѣнѣ увидали необходимость войны противъ Турокъ. Начались конференціи, въ которыхъ, кромѣ министровъ и генералитета, участвовали: президентъ камеры и директоръ банка, ибо дѣло шло о средствахъ къ войнѣ. По указу Цесаря, придумывались всевозможные способы, какъ бы достать денегъ внутри государства; Цесарь сказалъ: „Гдѣ бы ни взять и во что то бы ни стало, хочу царицѣ сдержать слово, потому что она честно исполняетъ свои обѣщанія". Въ началѣ мая вся цесарская армія должна была собраться на Турецкихъ границахъ. Наступилъ май, пришло извѣстіе, что Минихъ перешелъ Днѣпръ, и Ланчинскій началъ ѣздить по министрамъ съ „докучными и пространными представленіями", что пришло время цесарскому войску вступать въ Турцію. Министры отвѣчали: „Хотя русская армія черезъ Днѣпръ и перешла, однако цесарское войско въ то же время въ непріятельскую Землю вступитъ, если не раньше; весна холодная, и русская армія не найдетъ за Днѣпромъ довольно фуражу. Не безпокойтесь, все будетъ исправно: мы должны дѣйствовать, потому что, такъ сильно истратившись, мы будемъ требовать себѣ отъ Турокъ вознагражденія, а безъ военныхъ дѣйствій получить его нельзя". Несмотря на то, отъ 7-го мая Ланчинскій писалъ, что медленность Австрійцевъ его сокрушаетъ: изъ Петербурга присылали ему приказанія торопить министровъ и объявить имъ: что Русская императрица никакъ не согласится на остановку военныхъ дѣйствій; къ мирнымъ договорамъ можетъ быть приступлено только съ оружіемъ въ рукахъ; къ Миниху отправлены новые указы, чтобъ отнюдь не не останавливался вслѣдствіе дѣлаемыхъ Турками предложеній.—„И у насъ рѣшено", отвѣчали министры, „чтобъ не допускать до перемирія, не надобно давать непріятелю времени собирать силу, а мы, съ своей стороны, дѣлаемъ все, чтобъ какъ можно скорѣе начать военныя дѣйствія; кавалерія, за неимѣніемъ травы въ поляхъ, везла съ собою сѣно". Генералъ Секендорфъ откровенно признался, что дѣло не за нимъ, а за деньгами, нужно три милліона гульденовъ, а налицо только одинъ. Наконецъ генералы отправились изъ Вѣны къ арміи,

[1]) Кабинетныя дѣла 1737 года въ Москов. архивѣ мин. ин. дѣлъ.

которая начала двигаться къ границамъ; прошелъ май, іюнь; въ началѣ іюля въ Вѣнѣ съ нетерпѣніемъ ждали отъ фельдмаршала Секендорфа извѣстія о вступленіи его въ непріятельскую землю. „А между тѣмъ“, писалъ Ланчинскій, „усматривается здѣсь опасеніе насчетъ продолженія войны; и на нынѣшнюю кампанію денегъ съ трудомъ сыскали; поэтому нетерпѣливо ожидается извѣстіе о начатіи конгресса,—мира алчно желаютъ“. Наконецъ пришло извѣстіе, что въ самомъ началѣ іюля Секендорфъ перешелъ Турецкую границу со стороны Ниссы и началъ успѣшно непріятельскія дѣйствія. Скоро пришло извѣстіе о сдачѣ Ниссы; на за то въ Босніи дѣла шли неудачно, такъ что извѣстіе о взятіи Очакова Минихомъ не могло ослабить грустнаго впечатлѣнія отъ извѣстій изъ Босніи [1]).

Между тѣмъ, еще въ мартѣ мѣсяцѣ отправлены были въ Немировъ на конгрессъ съ турецкими уполномоченными: дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ баронъ Шафировъ, оберъ-егермейстеръ Волынскій и тайный совѣтникъ Неплюевъ, бывшій резидентомъ въ Константинополѣ; имъ дано было на содержаніе и другіе расходы 20,000 рублей, три тысячи золотыхъ червонныхъ, да мягкой рухляди на 4,000 рублей. Съ цесарской стороны уполномоченными на конгрессѣ были назначены: графъ Остейнъ, посланникъ въ Петербургѣ, и баронъ Тальманъ, посланникъ въ Константинополѣ. Русскіе уполномоченные получили отъ своего Двора инструкцію смотрѣть на Цесаря не какъ на посредника, но какъ на дѣйствительнаго союзника Россіи и содоговаривающуюся сторону, и потому не дозволять австрійскимъ уполномоченнымъ такихъ поступковъ, которые бы давали имъ видъ посредниковъ. Шафировъ, Волынскій и Неплюевъ должны были ѣхать сначала въ Кіевъ и самимъ отъ себя Туркамъ не отзываться, перваго шага не дѣлать, а предоставить графу Остейну, потому что конгрессъ собирается по настоянію Австрійскаго Двора. Такъ какъ графъ Остейнъ безъ сомнѣнія будетъ сноситься съ находящимся при визирѣ барономъ Тальманомъ, то при всякой посылкѣ отъ Остейна къ Тальману русскіе уполномоченные должны, подъ видомъ провожанія или подъ какимъ-нибудь другимъ предлогомъ, посылать надежнаго человѣка не только для надлежащаго присматриванія подъ рукою поступковъ обоихъ цесарскихъ министровъ, но и для провѣдыванія о всѣхъ турецкихъ движеніяхъ, равно какъ постоянно отыскивать всякіе способы и пути для добыванія надежныхъ вѣдомостей, которыя сообщать какъ въ Петербургъ, такъ и фельдмаршалу Миниху. „Морскія державы, Англія и Голландія, предлагаютъ свою медіацію, но намъ принять ее трудно, потому что морскія державы для торговли и другихъ связей своихъ съ Турками всегда имѣютъ причину щадить Порту“: вотъ почему съ здѣшней стороны убѣгали отъ принятія этой медіаціи, стараясь всегда отыскать непосредственный путь къ сношеніямъ съ Турціею. Такъ, если англійскій и голландскій послы, по призыву визиря, явятся на конгрессъ, то полномочные министры должны съ ними обходиться дружески, только отъ принятія ихъ медіаціи учтивымъ образомъ отходить, отговариваясь неимѣніемъ указа.

11 іюля уполномоченые пріѣхали въ Немировъ. Они могли надѣяться, что вѣсть о взятіи Очакова Минихомъ сдѣлаетъ турецкихъ уполномоченныхъ сговорчивѣе, но ошиблись: Турки объявили секретарю австрійскихъ уполномоченныхъ, что успѣхи Русскихъ вовсе не такъ велики, какъ разглашается; что русская армія при взятіи Очакова потерпѣла такой уронъ, что не въ состояніи болѣе ничего предпринять, и потому у нихъ, Турокъ, будетъ довольно времени поправить свои дѣла. Цесарскіе министры съ своей стороны объявили русскимъ уполномоченнымъ, что находящійся при арміи Миниха австрійскій полковникъ Беренклау даетъ знать то же самое и упрекаетъ фельдмаршала, что городъ взятъ безъ всякаго порядка, отчего и потеряно такъ много людей. Графъ Остейнъ сообщалъ все это съ великимъ сожалѣніемъ и оговорками, чтобъ русскіе уполномоченные не оскорблялись его словами, что онъ принужденъ объявить объ этомъ какъ министръ союзнаго государя, и просилъ, чтобъ уполномоченные не ссорили его и полковника Беренклау съ графомъ Минихомъ. Потомъ Остейнъ началъ жаловаться, что Турки, безопасные теперь съ русской стороны, обратятъ всѣ свои силы противъ Австріи, которая одна должна будетъ взять на свои плеча всю тяжесть войны, и отъ настоящихъ переговоровъ съ Турками нельзя ожидать успѣха, потому что Турки будутъ держать себя высоко, какъ уже и теперь видно изъ ихъ поступковъ. Въ Вѣнѣ Кенигсеггъ жаловался Ланчинскому на безпрестанныя злополучія, особенно на болѣзни, свирѣпствовавшія въ цесарской арміи отъ нездороваго воздуха: хотя больные и не умираютъ, но не могутъ служить службы; заболѣваютъ и генералы; скотъ падаетъ неслыханнымъ образомъ. Шафировъ, Волынскій и Неплюевъ находились въ очень непріятномъ положеніи, не зная кому и чему вѣрить, тѣмъ болѣе что не получали отъ Миниха ни одной строки, тогда какъ сами писали къ нему уже пять разъ; они не знали ничего вѣрнаго объ успѣхахъ русскаго оружія, а въ инструкціи имъ было сказано, чтобъ они соразмѣряли свои требованія именно съ этими успѣхами. До сихъ поръ, благодаря лѣту, уполномоченные стояли въ палаткахъ около Немирова; но если конгрессъ протянется и наступитъ осень, то оставаться въ палаткахъ будетъ нельзя, а въ городѣ жить негдѣ, ибо Немировъ представлялъ самое бѣдное мѣстечко. Боялись и разбойниковъ (гайдамаковъ), которые собирались большими шайками и уже разорили нѣсколько окрестныхъ деревень; кромѣ гайдамаковъ, могли напасть и Татары. Цесарскіе министры требовали отъ русскихъ, чтобъ тѣ писали къ

[1]) Дѣла Австрійскія 1737 года.

своему Двору о перемѣнѣ мѣста конгресса, и предлагали Львовъ; но русскіе не соглашались по отдаленности Львова отъ русскихъ границъ и отъ русскаго войска, и предпочитали городъ Полонный.

Между тѣмъ надобно было начать переговоры. Остейнъ убѣдилъ русскихъ уполномоченныхъ оказать учтивость турецкимъ, сдѣлать имъ первый визитъ, какъ прежде пріѣхавшимъ. Этотъ визитъ былъ сдѣланъ 29 іюля, и цесарскіе послы были у Турокъ наканунѣ. 30 числа Турки отдали визитъ австрійскимъ уполномоченнымъ и 31—русскимъ. Остейнъ для первой конференціи приготовилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ, и когда сообщилъ ее русскимъ уполномоченнымъ, то они сдѣлали въ ней поправки, потому что онъ хотѣлъ показаться главою конгресса и обратить рѣчь не только къ Туркамъ, но и къ Русскимъ. Въ это время пришло извѣстіе о смѣнѣ великаго визиря, на мѣсто котораго назначенъ бендерскій сераскиръ Мусукъ-Оглупаша. Это извѣстіе произвело непріятное впечатлѣніе въ Немировѣ, потому что Неплюевъ зналъ новаго визиря, какъ человѣка отважнаго, и потому можно было предполагать, что онъ нападетъ на армію Миниха.

Въ началѣ августа пріѣхалъ въ Немировъ курьеръ отъ Миниха; фельдмаршалъ давать знать, что онъ переходитъ съ арміею на сю сторону Буга и будетъ медленно двигаться въ надеждѣ встрѣтить турецкую армію, съ которою хочетъ раздѣлаться оружіемъ. Курьеръ разсказывалъ, что армія потеряла подъ Очаковымъ не много болѣе двухъ тысячъ убитыми, да около трехъ тысячъ было ранено; а лошадей и воловъ потеряно около сорока тысячъ, потому что Татары всю степь выжгли. Въ то же время получено было извѣстіе о взятіи Австрійцами города Ниссы; Остейнъ придавалъ важное значеніе этому успѣху: говорилъ, что взятіе этого одного города выгоднѣе двухъ выигранныхъ сраженій, потому что у Турокъ теперь нѣтъ болѣе прикрытія, австрійская армія можетъ идти безпрепятственно вплоть до Константинополя.

5 августа начались конференціи. Русскіе уполномоченные объявили, что такъ какъ въ прежнихъ ссорахъ и въ настоящей войнѣ виновны татарскіе народы, то пока эти народы будутъ существовать между обѣими имперіями, миръ между ними невозможенъ, и потому земли Татарскія—Кубань, Крымъ и прочія, до рѣки Дуная лежащія,—должны остаться со всѣми жителями и крѣпостями во владѣніи Россійской имперіи. Ея императорское величество желаетъ этого не для прибыли какой-нибудь, но для вѣчнаго покоя, ибо и Порта отъ этихъ дикихъ народовъ никакой выгоды не получала. Съ тою же цѣлію, т.-е. для сохраненія мира, императрица требуетъ, чтобъ Валашское и Молдавское княжества получили независимость подъ особыми владѣльцами; только по единовѣрію будутъ они пользоваться покровительствомъ Россіи. Эти требованія были представлены подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ и союзникъ императрицы, Цесарь, былъ удовольствованъ въ своихъ требованіяхъ, потому что одна сторона безъ другой мира не заключитъ. Турецкіе уполномоченные отвѣчали, что такія требованія со стороны Россіи не соразмѣрны съ успѣхами ея войскъ; что Турція вовсе на находится въ такомъ состояніи, чтобъ должна была принять такія тяжкія условія; надобно припомнить, что Порта, находясь во время Прутской кампаніи и въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ теперь Россія, удовольствовалась однако однимъ городомъ Азовомъ.—Русскіе уполномоченные повторяли, что императрица желаетъ одного: именно такихъ границъ, при которыхъ былъ бы возможенъ вѣчный миръ; что русскія войска еще находятся въ походѣ, и отъ Турокъ зависитъ порѣшить съ ними дѣло въ свою пользу; что они, русскіе послы, не говорятъ въ какомъ состояніи находится Турція, а о Прутѣ упоминать не хотятъ, потому что если говорить подробно о всѣхъ тогдашнихъ поступкахъ Порты, то уполномоченнымъ турецкимъ было бы не очень пріятно слышать.—„Если такой миръ будетъ заключенъ", говорили Турки, „то не нужно и договора писать: государства другъ отъ друга удалятся такъ, что и въ сношеніяхъ не будетъ нужды; такой миръ—не миръ, но порабощеніе или плѣнъ".—По окончаніи конференціи, австрійскіе уполномоченные начали говорить русскимъ, что напрасно они упоминали о Валахіи и Молдавіи, потому что первая вся, а второй немалая часть уже находится во владѣніи Цесарскомъ, и давали знать, что Австрія имѣетъ въ виду требовать Валахіи себѣ. Остейнъ упоминалъ о разговорахъ турецкихъ уполномоченныхъ еще прежде конференціи, что Порта рискнетъ и Константинополемъ, а Крыма не уступитъ; Остейнъ прибавилъ, что если императрица будетъ настаивать на уступку Крыма, то не только Немировскій конгрессъ разорвется, но и въ десять лѣтъ мира не получится, да и другіе государи не позволятъ Россіи овладѣть Крымомъ, какъ о томъ послы ихъ въ Константинополѣ явно говорили; Остейнъ прибавилъ, что Австрія, съ своей стороны, готова помириться съ удержаніемъ того, чѣмъ теперь владѣетъ (uti possidetis), и думаетъ, что Россія можетъ ограничиться Азовомъ, Очаковомъ, Кинбурномъ, Ногайскими и Кубанскими землями.

Представленія Остейна и еще болѣе извѣстіе, что Леси вышелъ изъ Крыма, заставили русскихъ уполномоченныхъ умѣрить свои требованія. Слѣдующую конференцію началъ рейсъ-еффенди словами, что условіе о границахъ, предложенное русскими уполномоченными, несносно: какъ такого великаго владѣтеля, т.е. хана Крымскаго, столько вѣковъ государствующаго, со многими князьми, мурзами и многочисленнымъ народомъ искоренить? Русскіе уполномоченные отвѣчали, что если уступка Крыма такъ тягостна для Турціи, то Россія удовольствуется, чтобъ границею была рѣка Днѣстръ; земли отъ Азова до Днѣпра, Кинбурна, Кубани и островъ Тамань останутся въ русскихъ владѣніяхъ; Перекопскую линію Турки должны разорить.

Турецкіе уполномоченные требовали для отвѣта сорокъ дней сроку, потому что на такія важныя уступки султанъ безъ совѣта рѣшиться не можетъ.

Во всѣхъ этихъ переговорахъ участвовали только Шафировъ и Неплюевъ,—Волынскій былъ боленъ; оправившись, онъ поѣхалъ 16 августа къ турецкимъ уполномоченнымъ благодарить ихъ за посѣщеніе во время болѣзни, а между тѣмъ хотѣлъ воспользовься этимъ случаемъ, чтобъ войти съ Турками въ ближайшія объясненія. Турецкіе уполномоченные сами желали такихъ объясненій и, выславши лишнихъ людей, начали говорить: „Мы сильно желаемъ мира съ Россійскою имперіею; но встрѣтились нечаянно такія затрудненія, что сами не знаемъ что дѣлать,—другіе въ эту войну примѣшались и хотятъ корыстоваться, и мы не знаемъ кому изъ двоихъ удовлетворять“.— „Вы“, отвѣчалъ Волынскій, „какъ искусные министры, легко можете разсудить кого прежде надобно удовольствовать и кто главная воюющая сторона“.—„Мы бы сыскали средство удовольствовать Россію“, сказали Турки, „но Римскій Цесарь намъ несносенъ; присталъ онъ со стороны безъ причины, для одного своего лакомства, и хочетъ отъ насъ корыстоваться. Россія—другое дѣло: ваши условія намъ извѣстны, но цесарскіе министры только затрудняютъ и проволакиваютъ дѣло, и мы принуждены послать къ султану съ донесеніями переводчика Порты, а сами остаться здѣсь безъ дѣла“. Волынскій отвѣчалъ на это, что отсутствіе переводчика Порты не бѣда, его мѣсто въ сношеніяхъ между русскими и турецкими уполномоченными можетъ занять ассесоръ русскаго посольства Муртаса Тевкелевъ, человѣкъ, на котораго можно вполнѣ положиться. Турки съ радостію приняли это предложеніе, и Тавкелевъ на другой же день началъ сношенія съ ними. Турецкіе уполномоченные прямо объявили ему, что съ Россіею они могутъ обо всемъ договориться безъ отписки къ Портѣ, но держитъ ихъ одно объявленіе, что Россія и Австрія другъ безъ друга удовольствованы быть не могутъ; и потому безъ рѣшенія вопроса, какъ будетъ вести себя Россія относительно Цесаря, когда получитъ полное удовлетвореніе, они не могутъ приступить къ переговоромъ объ этомъ удовлетвореніи. Семнадцатаго же августа Шафировъ и Волынскій отправились къ графу Остейну, чтобъ сообщить ему вчерашній разговоръ Волынскаго съ Турками и не подать преждевременно повода къ подозрѣнію. Какъ только Остейнъ услыхалъ, что Волынскій былъ у Турокъ, то сказалъ со смѣхомъ: „Вы у нихъ порядочно-таки высидѣли; я самъ былъ недалеко и подумалъ, что уже вы окончательно заключили съ ними миръ“.—„Вы дѣйствительно были недалеко, гуляли на другой сторонѣ пруда“, отвѣчалъ Волынскій, „и если бы я былъ такъ счастливъ, что какъ пріѣхалъ, такъ и миръ заключилъ, то, разумѣется, поспѣшилъ бы, по близости, пригласить и васъ участвовать въ этомъ заключеніи“. Потомъ Шафировъ и Волынскій сообщили Остейну посекрету, какіе упреки дѣлаютъ Турки Австрійцамъ за остановку дѣла. Въ Остейнѣ вдругъ произошла перемѣна: прежняя веселость исчезла, и онъ началъ толковать серьезно о необходимости въ этомъ же году общими военными дѣйствіями принудить Турокъ къ миру; что если этотъ годъ будетъ пропущенъ, то въ будущемъ мира не получить; что другія державы не позволятъ ни Россіи, ни Австріи распространять своихъ завоеваній за Дунаемъ; наконецъ просилъ, чтобъ изъ Петербурга присылали въ Немировъ извѣстія о Персидскихъ дѣлахъ. Шафировъ и Волынскій отвѣчали, что Россія до заключенія мира не прекратитъ военныхъ дѣйствій; что Австрія должна показать умѣренность въ своихъ запросахъ, чтобъ не возбудить подозрительности другихъ державъ; что сколько дѣло ни тянуть, а наконецъ надобно же изъясниться о своихъ условіяхъ. Разговоръ шелъ дружескій; но Шафировъ и Волынскій заключили, что Остейнъ сильно встревоженъ пересылками между русскими и турецкими уполномоченными.

Въ августѣ же Тевкелевъ отправился къ Туркамъ съ объявленіемъ, что на вопросъ ихъ не будетъ отвѣта, потому что вопросъ сдѣланъ прямо съ цѣлію испытать крѣпость союза между двумя императорскими Дворами. Если турецкіе послы имѣютъ полную мочь и прямое намѣреніе удовольствовать Россію, то пусть объявятъ, примутъ ли объявленныя имъ па конференціи условія, послѣ чего и русскіе послы объяснятся, какимъ образомъ отнесутся они къ своимъ союзникамъ. На это рейсъ-еффенди отвѣчалъ, что хотя они и не могутъ согласиться на всѣ русскія требованія, однако могутъ найти средство удовлетворить Россію; что же касается Австріи, то они ни на четверть аршина не уступятъ ей земли; скорѣе всѣ Турки пропадутъ и Порта Оттоманская исчезнетъ. Они желаютъ знать, какой способъ сыщутъ русскіе послы отстать отъ своихъ союзниковъ, а безъ этого не могутъ идти далѣе въ переговорахъ. По возвращеніи Тевкелева, уполномоченные написали въ Петербургъ: „Турки хотятъ у насъ вывѣдать, чтобъ потомъ поссорить съ Цесаремъ, какъ сначала пытались то же самое сдѣлать съ Австрійцами чрезъ князя Молдавскаго. Мы принуждены съ ними поступать осторожно и дня два Тевкелева къ нимъ не посылали, ибо и такъ уже цесарскіе послы немалое подозрѣніе имѣютъ“.

Турки дѣйствительно хотѣли тянуть время и между тѣмъ разорвать союзъ между императорскими Дворами. Австрійцы объявили наконецъ свои условія и неумѣренностію ихъ изумили и русскихъ и турецкихъ уполномоченныхъ. Послѣдніе, разумѣется, спѣшили съ своими внушеніями, что Цесарцы полгода какъ вступили въ войну и требуютъ вдвое болѣе земель противъ Русскихъ. Шафировъ, Волынскій и Неплюевъ замѣтили Остейну насчетъ неумѣренности австрійскихъ условій, и получили грубый отвѣтъ. Въ Петербургѣ разсердились на Остейна, и Остерманъ сказалъ австрійскому резиденту Гогенгольцеру, что если графъ Остейнъ

будетъ продолжать свою злобу противъ него, Остермана, то онъ принужденъ будетъ пасть къ ногамъ императрицы и просить ее освободить его отъ сношеній съ Цесарскимъ Дворомъ. Между тѣмъ предложили срокъ, постановленный между Австріею и Турціею для окончанія конгресса, именно 15 октября новаго стиля, и вдругъ Остейнъ объявляетъ русскимъ уполномоченнымъ, что онъ, по предписанію своего Двора, долженъ предложить Туркамъ новыя, легчайшія условія мира и назначить новый срокъ для переговоровъ, именно послѣднее число октября. „Цесарь", говорилъ Остейнъ, „хочетъ показать всему свѣту, что онъ мира желаетъ, хочетъ уменьшеніемъ своихъ требованій оправдаться, что не по его винѣ миръ не состоялся, ибо настоящія требованія государя нашего такъ малы, что не стоятъ и двадцатой доли употребленныхъ на войну иждивеній". Русскіе министры представляли ему, что объявить новыя, легчайшія условія мира, не получивъ отвѣта на прежде предложенныя условія,—это значитъ ободрить Турокъ; изъ уменьшенія требованій они легко поймутъ, что Цесарю миръ нуженъ. Остейнъ отвѣчалъ, что, имѣя отъ Двора своего указъ, иначе поступить не можетъ; отложить объявленіе объ уменьшеніи требованій нельзя, потому что Вѣнскій Дворъ далъ уже знать объ этомъ другимъ Дворамъ, и Франція склоняетъ Порту къ миру. Новыя условія состояли въ томъ, что Цесарь отказывался отъ всѣхъ претензій на Молдавію и Валахію, но удерживалъ крѣпость Ниссу съ остальною частію Сербіи, бывшею до мира въ турецкомъ владѣніи. Русскіе уполномоченные, съ своей стороны, объявили, что императрица не требуетъ Тамани, Темрюка и всѣхъ земель, лежащихъ по ту сторону Кубани,—довольствуется Азовомъ, Очаковымъ и Кинбурномъ съ пристойными границами. Но въ отвѣтъ на эти требованія турецкіе уполномоченные объявили, что они уѣзжаютъ, не имѣя права переговаривать на такихъ основаніяхъ. Турецкіе послы выѣхали изъ Немирова 10 октября; вслѣдъ за ними отправились австрійскіе, а потомъ русскіе [1]).

Австрійскій Дворъ, сильно встревоженный успѣхами Турокъ и разрывомъ Немировскаго конгресса, обратился къ Франціи за дипломатическою помощью. Изъ Россіи спѣшили поддержать духъ испуганнаго союзника, и 27 ноября Анна писала Цесарю, что она нисколько не намѣрена удаляться отъ французскаго посредничества; но дѣла, слава Богу, еще не въ такомъ состояніи, чтобъ нельзя было имѣть основательной надежды на приличный миръ, если только со стороны императорскихъ Дворовъ будетъ показана настоящая твердость и Цесарь будетъ поступать съ тою ревностію, какою обнадежилъ союзный Дворъ и съ какою поступаетъ Россія. Императрица изъявляла полную готовность во всемъ условиться съ Цесаремъ относительно плана будущей кампаніи и „обязаться во всемъ, что только состоятельно и въ ея возможности быть можетъ", для чего велѣла быть въ Петербургъ обоимъ своимъ фельдмаршаламъ [2]).

Оба фельдмаршала были дѣйствительно вызваны. Въ началѣ 1738 года Минихъ возвратился въ Полтаву очень довольный: жена и дочь его получили богатые подарки, сыну дана значительная сумма денегъ на отправленіе къ заграничнымъ водамъ. Все было, повидимому, улажено, какъ вдругъ онъ получаетъ, въ концѣ февраля, рескриптъ, изъ котораго узнаетъ, что императрица увѣдомилась, будто во время прошедшей кампаніи при арміи возили провіантъ, по большей части, мукою; изъ нея, за неимѣніемъ мѣстъ и дровъ, солдаты принуждены были печь хлѣбъ въ землянкахъ травою, и питались нѣкоторое время почти сырымъ тѣстомъ, а не печенымъ тѣстомъ, отчего было не безъ потери въ людяхъ; будто при войскѣ возили съ собою принятыя натурою мундирныя и амуничныя вещи, въ которыхъ во время похода нужды быть не можетъ, отчего происходило затрудненіе лишними обозами и расходъ подъемнымъ лошадямъ. Императрица приказывала изготовить на все войско сухарной толчи и толокна, и при выступленіи раздать на человѣка по фунту того и другого, а когда изойдетъ, то опять раздать, чтобъ при нихъ безъ переводу было по фунту; въ мѣстахъ, неудобныхъ для печенія хлѣба, раздавать сухарями, а въ удобныхъ—печь хлѣбы, готовить сухари и толчу, и съ собою излишнихъ тягостей не возить.

Оскорбленный фельдмаршалъ отвѣчалъ, что императрицѣ донесено неосновательно. „Я", писалъ Минихъ, „какъ повѣренный главный командиръ, по моей присяжной должности и ревности къ службѣ, особенно заботился о томъ, чтобъ войско и, преимущественно, больные не имѣли никакой нужды въ пропитаніи, чего въ прошлогодніе походы и достигнуто. Уже третій годъ, какъ я ношу на себѣ трудную должность коммисаріата. Когда, въ 1736 году, отправляясь для осады Азова, я пріѣхалъ въ крѣпость Св. Анны, то въ тамошнихъ магазинахъ не нашелъ ни одного куля муки, хотя тамъ должно было быть 50 тысячъ мѣшковъ; солдаты помирали съ голоду и мнѣ не съ чѣмъ было двинуться подъ Азовъ. Дѣлать нечего, принялъ я коммисаріатскую должность на себя и разослалъ офицеровъ вверхъ по Дону и Донцу; припасы были собраны, и я получилъ возможность двинуться къ Азову и положить начало осадѣ. Пріѣхалъ изъ-подъ Азова въ Изюмъ: генералъ-провіантмейстера Полибина нѣтъ, помощникъ его сидѣлъ подъ арестомъ за нерадѣніе; я опять началъ хлопотать о сборѣ провіанта, и съ княземъ Никитою Трубецкимъ и съ армейскими офицерами столько его отправлено, что никакого недостатка не было,—и Азовская экспедиція благополучно окончилась. Когда, въ томъ же 1736 году, предпринималась Крымская экспедиція,

---

[1]) Дѣла Немировскаго конгресса въ Москов. архивѣ мин. ин. дѣлъ.

[2]) Дѣла Австрійскія 1737 года.

то, по прибытіи моемъ на генеральное рандеву, при Царицынкѣ и въ прочихъ магазинахъ провіанта почти ничего не было,—и я опять сталъ хлопотать, разослалъ офицеровъ для покупки въ разныя мѣста, и столько было получено, что въ довольствѣ до Перекопи дошли, а въ Крыму такъ много всего найдено, что некуда было брать,—по дорогѣ бросали и на возвратномъ пути до днѣпровскихъ магазиновъ безъ нужды дошли. И передъ Очаковскимъ походомъ въ Переволочнѣ я нашелъ провіанта очень мало; провіантмейстеръ Рославлевъ подъ арестомъ сидѣлъ; но отъ этого толку не было; я самъ съ армейскими офицерами трудился надъ сборомъ, и дѣло опять вполнѣ удалось. Что же касается до питанія сырымъ тѣстомъ, то послѣ долгихъ и зрѣлыхъ разсужденій съ генералитетомъ взято сухарей почти двѣ трети противъ муки; о толчи же поданы были письменныя мнѣнія отъ генералитета, на основаніи которыхъ ея не дѣлали. Провіантъ мукою и сухарями выдавали по требованію отъ полковъ, смотря по мѣстнымъ удобствамъ, гдѣ можно или нельзя было дровъ достать; однако и въ дровахъ не во многихъ мѣстахъ была нужда, ибо гдѣ лѣсу не было, тамъ употреблялся камышъ и толстый быльникъ, какъ вездѣ въ Украйнѣ и на линіи употребляютъ; кромѣ того, по моему приказанію, для печенія хлѣба употреблялись всѣ оставшіеся изъ-подъ провіанта и другихъ тяжестей сломанныя телѣги и роспуски; а что касается толокна, то его безъ указу вашего величества не заготовлялось и въ здѣшнихъ мѣстахъ достать очень трудно. Потеря въ людяхъ бывала оттого, что временно выдавалась мука для печенія хлѣбовъ,—этого никто доказать не можетъ, ни одинъ генералъ, ни одинъ полковой командиръ, ни одинъ докторъ не представилъ мнѣ эту причину смертности: всѣ показывали одно,—что солдаты умираютъ отъ жаркаго климата и дурной степной воды. Что солдаты пекутъ себѣ хлѣбъ въ землянкахъ, то и офицеры и генералы то же дѣлаютъ, и солдаты навыкли печь такой хорошій хлѣбъ, что я самъ въ продолженіи всей кампаніи другого хлѣба при столѣ моемъ не употреблялъ" [1]).

Въ Петербургѣ спѣшили успокоить взволнованнаго фельдмаршала; императрица писала ему: „Основаніе сего извѣстія, по которому мы вамъ о томъ сообщить запотребно разсудили, въ томъ состоитъ, что отправленный въ прошломъ году отсюда полковникъ Епишковъ, слыша отъ солдатства такіе разговоры, о томъ сюда партикулярно писалъ, и когда то до Кабинета нашего дошло, обойтиться не могли, чтобъ вамъ о томъ не сообщить, дабы вы, будучи наилучше извѣстны, что въ томъ происходило и колико оное извѣстіе основано или не основано, намъ о томъ потребное изъясненіе дать могли, якоже для того оное дѣло на ваше разсмотрѣніе отдано, и въ прочемъ вамъ при томъ ни малѣйше какое измѣненіе о вашихъ при повѣренной вамъ нашей арміи ревностныхъ во всемъ диспозиціяхъ и извѣстномъ въ службѣ и по интересамъ нашимъ неусыпномъ радѣніи не показывали, якоже оное намъ неотмѣнно по всемилостивѣйшей благоугодности касается, и мы какъ донынѣ, такъ и впредь на оное во всемъ въ совершенной и безсумнѣнной надеждѣ пребываемъ, въ чемъ вы весьма покойны и обнадежены быть можете". Надъ Епишковымъ нарядили слѣдствіе, и за неправильное объявленіе учинили ему крѣпкій репримандъ [2]).

Получивши отъ императрицы изъявленіе полной довѣренности, Минихъ выступилъ въ походъ; 18 мая армія имѣла генеральное рандеву при рѣкѣ Омельникѣ; 23 іюня фельдмаршалъ съ генералитетомъ переправились чрезъ Бугъ; но изъ Очакова и Кинбурна приходили постояно дурныя вѣсти: тамошніе гарнизоны таяли отъ заразительныхъ болѣзней, которыя начали распространяться и вверхъ по Днѣпру, появились въ Сѣчи; по Украинской линіи устроены были карантины. Бугъ былъ перейденъ безпрепятственно, но на Днѣстрѣ, къ которому армія приблизилась въ іюлѣ, она была встрѣчена непріятельскими выстрѣлами. 26 іюля было довольно значительное дѣло съ Аккерманскимъ султаномъ, который стоялъ съ татарскимъ и турецкимъ войскомъ по сю сторону Днѣстра. Въ первыхъ числахъ августа, за неимѣніемъ кормовъ, армія должна была двинуться къ рѣчкѣ Каменкѣ, причемъ принуждены были везти съ собою воду; скота и лошадей потеряно было много, а между тѣмъ непріятель окружалъ армію. „Здѣшнія мѣста", писалъ Минихъ, „для воинской операціи такой большой арміи очень трудны и неспособны, потому что въ малыхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Днѣстръ, для всей арміи воды недовольно, высокіе и каменистые берега мѣшаютъ приблизиться со скотомъ для водопоя, а по самому Днѣстру, по причинѣ каменистыхъ береговъ, еще хуже,—нѣтъ ни кормовъ въ достаточномъ количествѣ, ни удобныхъ дорогъ, но вездѣ глухія и пустыя горы и буераки, а какія деревни и были, то Татары разоряютъ и разгоняютъ обывателей, и потому нельзя знать подлинно, гдѣ достать воды и фуражу и миновать трудныя дефилеи. Хотя непріятель сильно и часто насъ окружалъ и нападалъ, однако въ арміи въ продолженіи всей кампаніи не болѣе 700 человѣкъ побито и 250 ранено; напротивъ того:—непріятель всякій день отъ насъ немалый уронъ терпѣлъ, и конечно былъ бы разбитъ, еслибъ перешелъ на сю сторону Днѣстра; переходъ же нашей арміи на ту сторону этой рѣки при нынѣшнемъ состояніи припряжки рѣшительно невозможенъ. Генералитетъ весь въ добромъ здоровьи, а рядовые чрезвычайно бодры и всякій желаетъ сраженія, дабы желѣзо, свинецъ и порохъ въ честь и славу вашего величества употребить, а везти все это назадъ съ собою будетъ не безъ труда.

---

[1]) Кабинетныя дѣла 1738 года въ Моск. архивѣ мин. ин. дѣлъ.

[2]) Дѣла Сената по бывшему Кабинету въ архивѣ мин. юстиціи, № 15—1092.

Болѣзни, особенно въ рекрутахъ, продолжаются, только опасности никакой не видно".

Кампанія не удалась. Минихъ утѣшалъ императрицу тѣмъ, что въ этой неудачѣ явно видна рука Божія, потому что, если бы армія перешла Днѣстръ и двинулась къ Бендерамъ, то должна была бы проходить въ страны, въ которыхъ свирѣпствовало моровое повѣтріе, тогда какъ теперь чрезъ отступленіе армія сохранена въ цѣлости. Но въ Петербургѣ были безутѣшны, требовали, чтобъ армія шла къ Хотину или, по крайней мѣрѣ, остановилась въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, и Минихъ долженъ былъ отписываться, настаивая на невозможности продолженія кампаніи. „Кто рѣшается на дѣло, успѣхъ въ которомъ невозможенъ, тотъ не имѣетъ права надѣяться на божескую помощь", писалъ онъ 8 сентября; „провіанта у арміи только до октября мѣсяца; здѣсь уже началась необыкновенная стужа, трава вянетъ, и нѣтъ надежды продержать лошадей и скотъ въ полѣ долѣе 1 октября; люди прошлою зимою покоя не имѣли и въ продолженіе всей кампаніи маршировали безпрестанно, а рекруты къ арміи приведены когда уже полки изъ зимнихъ квартиръ выступили, и многіе померли, другіе больны, остальные очень истомлены; въ лошадяхъ и скотѣ немалый уронъ; мундирныя вещи по причинѣ дурнаго прошлогодняго зимняго пути не всѣ къ арміи привезены, и съ собою ничего, кромѣ самаго нужнаго, взять было нельзя; такимъ образомъ, армія должна немедленно обмундироваться въ своихъ границахъ. Бомбы мы принуждены были зарыть и потопить, а тяжелые лафеты близъ Днѣстра, гдѣ скотъ воды не имѣлъ и немалый упадокъ былъ, разбить, чтобъ непріятелю не оставить: такимъ образомъ, осадная артиллерія въ Кіевѣ комплектована быть должна. Драгуны и солдаты бѣгутъ, и удержать ихъ отъ побѣга можно только надеждою возвращенія въ отечество и покоя".

Но Миниху давали знать, что союзники, Австрійцы, громко жалуются на возвращеніе его ни-съ-чѣмъ изъ похода, чему приписываютъ свои неудачи и требуютъ вспомогательнаго русскаго войска для обороны своихъ земель.

4 октября изъ Кіево-печерской крѣпости Минихъ писалъ императрицѣ, что вся армія благополучно достигла границы и регулярные полки размѣщены на зимнихъ квартирахъ, а нерегулярные распущены по домамъ. „Глубокую печаль", прибавляетъ Минихъ, „въ какую погруженъ генералитетъ вмѣстѣ со мною, что нельзя было исполнить повелѣній вашего величества, можетъ разогнать только высочайшее обнадеживаніе вашего величества, что нашими всеподданнѣйшими при семъ деликатномъ дѣлѣ поступками довольны быть изволите, чѣмъ бы я могъ обрадовать генералитетъ послѣ такихъ понесенныхъ имъ въ минувшую кампанію трудовъ. Жалобы Австрійскаго Двора на возвращеніе русской арміи, на безуспѣшность обѣихъ кампаній, вслѣдствіе чего будто бы всѣ турецкія силы обратятся противъ Австріи,—эти жалобы неосновательны: обоими нашими походами, и прошлогоднимъ и нынѣшнимъ, отвлечено было отъ Австрійскихъ границъ сильное турецкое войско и всѣ Татары, и теперь, когда наша армія благополучно возвратилась и въ скоромъ времени будетъ пополнена, то и впредь непріятель будетъ на нее смотрѣть и въ этой сторонѣ сильное войско держать. Что въ воинскихъ дѣйствіяхъ противъ сильнаго непріятеля не всегда можно положенное въ операціонныхъ планахъ исполнить, это Цесарцы сами испытали, ибо, имѣя сильное войско, въ двѣ кампаніи не только Видина взять не могли, но и свои крѣпости потеряли. Ваше величество уже согласились на отправленіе двадцатитысячнаго вспомогательнаго корпуса къ Австрійцамъ, и потому мнѣ остается только исполнить высочайшую волю безъ разсужденія. Но по присяжной должности и ревности не могу не донести, что войско наше очень истомлено, въ людяхъ и лошадяхъ немалая была убыль, и зимою надобно имѣть крѣпкую осторожность, войско по границѣ въ готовности держать. Въ походѣ чрезъ Польшу, какія бы ни были взяты предосторожности, нельзя удержать нашихъ драгунъ и солдатъ отъ побѣговъ,—не только рекруты, но и старые драгуны и солдаты дезертируютъ, по ихъ собственнымъ словамъ, не выдержавъ нынѣшнихъ трудныхъ походовъ, надѣясь найти тамъ свой законъ и соплеменниковъ, и прожить военное время между ними въ покоѣ. Опасная болѣзнь свирѣпствуетъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, въ Бухарестѣ, Яссахъ, въ Венгріи почти до самаго Дуная, и потому очень опасно такой большой корпусъ отправить этою дорогою; да и безъ заразительныхъ болѣзней въ тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя нашему корпусу надобно будетъ проходить изъ Польши въ Венгрію, постоянно дурной воздухъ и нездоровая вода. Пропитаніе корпуса будетъ очень затруднительно; пойдетъ однимъ трактомъ—горы и трудныя переправы черезъ рѣки; самая удобная дорога къ силезскимъ и богемскимъ границамъ; но это такая даль, что если корпусъ выступитъ въ походъ и зимою, то поспѣетъ къ цесарскому войску не ранѣе будущей кампаніи. Если нашъ корпусъ вступитъ въ Польшу, то Турки и Татары могутъ вторгнуться въ это государство, побить и въ плѣнъ забрать многія тысячи людей, особенно Греческой вѣры, которые по той границѣ преимущественно живутъ, могутъ все разорить и сжечь, отнять у нашего корпуса средства существованія, и онъ принужденъ будетъ начать воинскія дѣйствія въ Польшѣ, что произведетъ среди недоброжелательныхъ Поляковъ опасныя послѣдствія. Къ такому корпусу надобно заблаговременно назначить добрый и искусный генералитетъ; но изъ состоящихъ при здѣшней арміи генералъ Румянцевъ обязанъ многими украинскими дѣлами, генералъ Кейтъ до сихъ поръ еще не выздоровѣлъ; генералъ Биронъ проситъ отпуска, того же хочетъ и генералъ Левендаль; генералъ Загряжскій подъ военнымъ судомъ и неспособенъ;

Бутурлинъ и князь Репнинъ исправны и надежны, но здоровьемъ слабы".

Грустное впечатлѣніе отъ неудачи миниховскаго похода усиливалось еще тѣмъ, что моровая язва принудила оставить Очаковъ и Кинбурнъ; гарнизоны при выходѣ разорили обѣ крѣпости. Зараза не исчезала въ степи, проникала въ Украйну. Минихъ писалъ, что употребляетъ всѣ средства для пресѣченія сообщеній зараженныхъ мѣстъ съ незараженными, но встрѣчаетъ большія препятствія, потому что обхватить караулами всю границу трудно; притомъ никакъ нельзя удержать пограничное народонаселеніе, по его легкомыслію и непостоянству, отъ переходовъ изъ одного мѣста въ другое: никакіе караулы и запрещенія подъ смертною казнію не помогаютъ.

8 ноября Минихъ получилъ желанный рескриптъ, въ которомъ выражалась *аппробація* поступковъ его и всего генералитета, относительно возвращенія арміи отъ Днѣстра. Фельдмаршалъ, для пополненія арміи, занимался въ это время вызовомъ въ русскую службу Валаховъ; изъ нихъ устроивался особый корпусъ, начальство надъ которымъ было поручено князю Константину Кантемиру, „человѣку достойному и попечительному", по отзыву Миниха.

Другой фельдмаршалъ, Леси, былъ немного счастливѣе въ своемъ походѣ 1738 года. Прежде выступленія въ походъ, онъ долженъ былъ уладить любопытное дѣло на Дону. Въ началѣ 1738 года Леси получилъ письмо отъ двухъ заслуженныхъ старшинъ Донскаго войска, Ефремова и Краснощекова. Ефремовъ писалъ премилосердому государю отцу Петру Петровичу, что наказной войсковой атаманъ Фроловъ, вопреки приказанію фельдмаршала, не удовольствовалъ ни его, ни Краснощекова знатными командами, почему имъ и въ Кубанскій походъ идти было нельзя, а теперь пущая обида: во время Кубанскаго похода, сына его, Ефремова, полковникъ Степанъ Фроловъ поносилъ скверными словами, мало того,—отнялъ у него данныя войскомъ знамена и приказалъ ѣхать въ Черкаскъ какъ арестанту. „При семъ доношу", писалъ Ефремовъ, „нынѣ отсюда войсковой наказной атаманъ съ братомъ Иваномъ Фроловымъ, съ зятемъ Ѳедоромъ Поповымъ и съ войсковымъ дьякомъ ко Двору ея императорскаго величества просить вѣчнаго атаманства отправились, хвалясь, что имѣютъ предстателей и надѣются, что одинъ изъ нихъ будетъ пожалованъ атаманомъ: поэтому покорно прошу милостивѣйшее предстательство употребить съ изъясненіемъ о рабскихъ моихъ службахъ, за которыя бы я обѣщанной мнѣ милости не былъ лишенъ и пожалованъ былъ войсковымъ атаманомъ. Теперь старшина Краснощековъ въ пребезмѣрной дружбѣ находится со мною и склоненъ къ тому, что если ея величество меня атаманомъ пожаловать изволитъ, то онъ въ обиду себѣ не поставитъ; если же изъ Фроловыхъ кто-нибудь атаманомъ будетъ пожалованъ, то онъ весьма въ обиду себѣ причтетъ, о чемъ къ господамъ кабинетнымъ министрамъ и въ прочія мѣста Краснощековъ доносить обѣщался, и если изъ двоихъ братьевъ Фроловыхъ кто-нибудь пожалованъ будетъ войсковымъ атаманомъ, то мнѣ и старшинѣ Краснощекову весьма будетъ обидно". Краснощековъ писалъ: „Если кто изъ Фроловыхъ тѣмъ рангомъ будетъ пожалованъ, то мнѣ будетъ весьма обидно; а я бы лучше желалъ, чтобъ атаманство по старшинству и заслугамъ Данилѣ Ефремову пожаловано было, и не поставлю того себѣ въ обиду, потому что отъ Фроловыхъ теперь несносныя обиды мы претерпѣваемъ; если же они получатъ себѣ вѣчное атаманство, то намъ житье отъ нихъ будетъ плохое". Леси отправилъ эти письма къ Остерману, прибавивъ отъ себя, что, сколько онъ могъ усмотрѣть, Ефремовъ предъ прочими во всѣхъ тамошнихъ происхожденіяхъ и распорядкахъ поискуснѣе, и въ прошлую кампанію дѣйствовалъ противъ непріятеля, не щадя себя.—Ефремовъ былъ сдѣланъ атаманомъ.

26 іюня Леси перешелъ черезъ Сивашъ въ Крымъ; 27 приблизился къ Перекопской крѣпости и потребовалъ у коменданта сдачи; и когда тотъ отвѣчалъ, что опредѣленъ для охраненія крѣпости, а не для сдачи, то Русскіе начали *посѣщать* крѣпость бомбами, какъ выражается журналъ военныхъ дѣйствій; отъ этого посѣщенія 29 числа гарнизонъ сдался военноплѣннымъ. 4 іюля появилось у Перекопи непріятельское войско и начало безпокоить русскій лагерь. Здѣсь 6 числа былъ держанъ военный совѣтъ, на которомъ положено: такъ какъ армія терпитъ недостатокъ въ водѣ и конскихъ кормахъ, а непріятель прежде изнуренія нашего войска не намѣренъ вступить въ сраженіе, а далѣе идти въ Крымъ, по извѣстному въ водѣ и кормахъ недостатку, нельзя,—то надобно идти отъ Перекопи прямѣйшимъ трактомъ къ Днѣпру, для подкрѣпленія тамошней арміи. На другой день, разоривъ Перекопскую крѣпость, армія двинулась въ походъ; Турки и Татары, по обыкновенію, провожали ее, и наконецъ сдѣлали сильное нападеніе, такъ что Русскіе сначала замѣшались, но скоро оправились и такъ погнали непріятеля, что самъ ханъ едва спасся бѣгствомъ. Русская армія потеряла 562 человѣка побитыми, ранено было 483 человѣка.

Леси чувствовалъ, что результатами похода не могли быть довольны въ Петербургѣ, и послалъ просьбу объ увольненіи, но получилъ въ отвѣтъ, что императрица благодаритъ его за службу и желаетъ ея продолженія. Леси обрадовался и написалъ: „Хотя по моей старости и слабости здоровья, я и возымѣлъ-было смѣлость ваше императорское величество подлѣйшимъ моимъ прошеніемъ трудить, но нынѣ, по высочайшему соизволенію, за превысочайшую мнѣ явленную не въ примѣръ моей недостойнѣйшей службы высокомонаршескую милость, до дня окончанія жизни моей, елико Всевышній Творецъ мнѣ да поможетъ, къ высокимъ

же вашимъ императорскаго величества службамъ употреблять себя наиревностнѣйше желаю".

Мы видѣли донесенія обоихъ фельдмаршаловъ о ихъ военныхъ дѣйствіяхъ; теперь мы должны обратить вниманіе на показанія посторонняго свидѣтеля о движеніяхъ русской арміи,—показанія австрійскаго капитана Парадиса. Парадисъ пишетъ, что Русскіе пренебрегаютъ порядочнымъ походомъ и затрудняютъ себя огромнымъ и лишнимъ обозомъ: майоры имѣютъ до 30 телѣгъ, кромѣ заводныхъ лошадей; братъ фаворита, генералъ Биронъ, разсказывалъ при Парадисѣ, что при немъ 300 быковъ и лошадей, 7 ословъ, 3 верблюда, и что есть такіе сержанты въ гвардіи, у которыхъ было по 16 возовъ: „Можетъ быть", пишетъ Парадисъ, „что они хотѣли тѣмъ выставить богатство своего народа; но я думаю, что они тѣмъ показали слабость свою въ войнѣ, ибо такой неслыханно-большой обозъ эту знатную армію сдѣлалъ неподвижною. Я не видалъ, чтобъ когда-нибудь армія прежде двухъ-трехъ, а часто и четырехъ часовъ по восхожденіи солнца выступала въ походъ: причиною тому громадность обоза и нѣкоторое застарѣлое нерадѣніе въ русскихъ офицерахъ; генералъ-аншефу нельзя быть вездѣ самому; онъ можетъ заставить себя бояться, но такой рабскій страхъ принуждаетъ трудиться только въ его присутствіи; наконецъ послѣдній дивизіонъ аріергарда вступаетъ въ лагерь очень поздно, часто на разсвѣтѣ. При безпорядкѣ обоза, возы такъ между собою перепутываются и сцѣпляются, что армія принуждена иногда по два и по три часа на одномъ мѣстѣ стоять, тогда какъ воздухъ наполненъ крикомъ множества извозчиковъ, которые въ этомъ поставляютъ все свое искусство. Русская армія употребляетъ болѣе 30 часовъ на такой переходъ, на какой другая армія употребляетъ четыре часа. Всякая телѣга хочетъ обогнать идущую впереди, отчего сцѣпляются и перепутываются; скотъ, находящійся въ тѣснотѣ, безъ пищи, безпрестанно погоняемый, падаетъ мертвымъ, а который и придетъ въ лагерь, то такой слабый и измученный, что даже при травѣ и водѣ (что однако рѣдко случается) не можетъ въ нѣсколько дней поправиться. Извозчики такъ измучены и выбиты изъ силъ, что не могутъ имѣть надлежащаго попеченія о скотѣ; ихъ желудокъ не перевариваетъ и сухарей съ водою; то же можно сказать и о всѣхъ солдатахъ, страдающихъ постояннымъ разстройствомъ желудка; при моемъ отъѣздѣ было болѣе 10,000 больныхъ, ихъ клали по 4 и по 5 человѣкъ на одну небольшую телѣгу, на которой два человѣка едва улечься могутъ; разумѣется, ихъ клали другъ на друга; телѣгою управлялъ человѣкъ, едва освободившійся отъ болѣзни, похожій болѣе на мертваго, чѣмъ на живаго. Уходъ за больными не великъ, недостаетъ искусныхъ хирурговъ; всякій ученикъ или рудометъ, пріѣзжающій сюда, тотчасъ опредѣляется полковымъ лѣкаремъ.

„Хотя Русскіе имѣютъ больше другихъ народовъ нужду беречь фуражъ, однако я не примѣтилъ, чтобъ они малѣйшее попеченіе прилагали о томъ во время походовъ: напротивъ, мнутъ его телѣгами и лошадьми и выбиваютъ, и когда изъ одного лагеря переходятъ въ другой, то кругомъ лежащія мѣста всѣ вытолочены, и если Татары армію окружатъ и немного стѣснятъ, какъ они часто дѣлали, то она принуждена кормить скотъ уже толченою и завялою травою, и скотъ въ 24 часа сдѣлаетъ мѣсто чистымъ какъ токъ. Если на другой день тамъ же дневать станутъ, то всякій по своей волѣ фуражируетъ гдѣ можетъ и выходитъ изъ лагеря безъ всякаго порядка, равно какъ и приходятъ—одни вечеромъ, а нѣкоторые на другой день поутру. Правда, казаки безпрестанно разъѣзжаютъ, какъ бы для ихъ прикрытія, но такъ какъ они похожи на волонтеровъ или, лучше сказать, на сволочь, то на нихъ нельзя много надѣяться, и если бы 13 августа принято было въ разсужденіе, что по флангамъ были большія татарскія толпы, то у насъ тысячи двухъ сотъ человѣкъ и болѣе двухъ тысячъ скота и лошадей не пропало: Татары порубили и угнали ихъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ фрунта. Правда, что 400 человѣкъ, подъ командою полковника, было послано для прикрытія фуражировъ; но отрядъ этотъ очень плохо сталъ въ лощинѣ, откуда ничего не могъ видѣть. Татары нечаянно напали на фуражировъ, а команду въ лощинѣ ничѣмъ не тронули; она оказала имъ взаимную учтивость, отпустила съ добычею, за что полковникъ подъ арестомъ ожидаетъ рѣшенія своего дѣла, и генералъ Загряжскій также нѣсколько дней подъ арестомъ былъ, для чего не сдѣлалъ лучшаго распоряженія.

„Въ кавалеріи у русской арміи большой недостатокъ; Донскихъ казаковъ и Калмыковъ, которыхъ можно назвать храбрыми, не много,—едва двѣ тысячи; съ семью или осмью стами гусаръ венгерскихъ и сербскихъ нельзя стоять противъ большого числа Татаръ; правда, есть драгуны, но лошади ихъ такъ дурны, что драгуновъ за кавалерію почитать нельзя; оружіемъ своимъ и багажемъ они такъ покрываютъ и отягощаютъ лошадей, что тѣ едва могутъ двигаться, и часто случалось видѣть, какъ драгуны, сходя съ лошадей, валяли ихъ на землю. Такимъ образомъ необходимо фуражировъ прикрывать инфантеріею, которая и безъ того измучена походомъ, да кромѣ того имѣетъ очень плохую пищу: я никогда не видалъ, чтобъ хотя четыре капральства кашу сварили. Всякому извѣстно, что для прикрытія фуражировъ надобно пѣхоты вдвое или втрое больше, чѣмъ конницы. Изъ этого ясно, что пока состояніе русской арміи не измѣнится, ей нельзя предпринять долговременную осаду" [1]).

Плохой успѣхъ кампаніи 1738 года долженъ

[1]) Кабинетныя дѣла 1738 года въ Моск. архивѣ мин. ин. дѣлъ.

былъ сильно расположить къ миру и въ Петербургѣ, не только въ Вѣнѣ; въ Петербургѣ должны были располагать къ миру и неблагопріятныя отношенія на западѣ и востокѣ, движенія враждебныхъ Россіи партій въ Швеціи, Польшѣ, волненія Башкирцевъ. Мы видѣли, что еще въ 1737 году было принято посредничество Франціи. Франція, безъ значительныхъ пожертвованій, безъ побѣдъ заключила чрезвычайно выгодный миръ съ Австріею. Миръ этотъ, переговоры о которомъ, какъ мы видѣли, начались въ половинѣ 1735 года, заключенъ былъ окончательно только осенью 1738 года: лишенный русскими войсками Польской короны, Станиславъ Лещинскій удерживалъ королевскій титулъ и получилъ во владѣніе Лотарингію, которая послѣ его смерти переходила къ Франціи—пріобрѣтеніе чрезвычайной важности для послѣдней. Герцогъ Лотарингскій, Францъ-Стефанъ, зять императора Карла VI, взамѣнъ своего наслѣдственнаго владѣнія, получалъ Парму и Піаченцу, и въ будущемъ Тоскану, по смерти послѣдняго ея герцога; Неаполь и Сицилію Карлъ VI уступилъ Испанскому принцу дону Карлосу. Такимъ образомъ, Польскій вопросъ и возгорѣвшаяся по его поводу война между Франціею и Австріею послужили только къ тому, что Франція получила большія выгоды, Австрія—ущербъ. Но торжество Франціи было далеко не полное; честь ея сильно страдала, ибо она покинула Польшу, поднявшуюся за Станислава вслѣдствіе ея обѣщаній. Восторжествовавши надъ Австріею, отомстивши ей за побѣды Евгенія Савойскаго, одержанныя во время войны за Испанское наслѣдство, Франція должна была уступить ея могущественной союзницѣ, испытать неудачу подъ Данцигомъ и отдать Польшу въ распоряженіе Россіи. Эти неудачи заставили Францію еще болѣе хлопотать о томъ, чтобъ сблизиться съ Россіею, разорвать ея союзъ съ Австріею, особенно въ ожиданіи кончины императора Карла VI, когда возникнетъ самый важный вопросъ—объ Австрійскомъ наслѣдствѣ. И вотъ, благодаря неудачамъ Австріи въ войнѣ Турецкой, Франціи представляется возможность достигнуть своей цѣли. Большимъ торжествомъ было для нея то, что Россія, отвергнувшая союзъ съ нею вслѣдствіе отношеній польскихъ и турецкихъ, не надѣявшаяся получить отъ Франціи никакой пользы для себя относительно Турціи по разрозненности интересовъ, теперь обращается къ Франціи за посредничествомъ для заключенія мира съ той же Турціею. Россія сочла выгоднымъ для себя союзъ Австрійскій именно въ виду дѣйствовать соединенными силами противъ Турокъ; оба императорскіе Двора дѣйствительно начали войну съ Портою; но Австрія вела ее такъ, что принудила Россію искать посредничества Франціи для прекращенія войны. Франція беретъ на себя посредничество, ибо, во-первыхъ, это ее поднимаетъ, даетъ ей важное значеніе; во-вторыхъ, даетъ ей возможность разорвать союзъ Россіи съ Австріей, заставивъ Австрію заключить сепаратный миръ съ Портою; втретьихъ, если даже союзъ императорскихъ Дворовъ и не вдругъ разорвется, то Франція все же получитъ возможность сблизиться съ Россіею, имѣть въ Петербургѣ своего посланника, имѣть средство знать внутреннее состояніе страны, гдѣ существуетъ сильное неудовольствіе настоящимъ правительствомъ, слѣдовательно можно будетъ, подавши помощь недовольной сторонѣ, свергнуть это правительство, если оно будетъ попрежнему упорствовать въ своемъ нерасположеніи къ Франціи. Въ Швеціи Франція успѣла пріобрѣсти для себя покорное орудіе: отъ нея зависитъ напустить ее на Россію при первой надобности. Игра въ партіи удалась въ Швеціи; отчего же она не можетъ удасться въ Россіи, отчего нельзя свергнуть господствующихъ Нѣмцевъ и не отдать власть въ руки Русскихъ, которые, изъ благодарности, будутъ на сторонѣ Франціи, или, что всего вѣроятнѣе, перенесутъ столицу опять въ Москву и откажутся отъ участія въ европейскихъ дѣлахъ, а это такъ-же будетъ чрезвычайно выгодно для Франціи.

Въ маѣ 1738 года Остерманъ писалъ французскому посланнику въ Константинополѣ Вилнёву, что императрица, согласно съ Цесаремъ, даетъ ему полную мочь для заключенія прелиминарнаго трактата съ Портою и пользуется этимъ случаемъ для засвидѣтельствованія христіаннѣйшему королю, какъ она цѣнитъ посредничество его величества и въ какой мѣрѣ полагается на искусство и благоразуміе его, Вильнёва. При этомъ Остерманъ сообщилъ французскому посланнику, что императрица, принимая посредничество Франціи, не могла отказаться отъ принятія посредничества морскихъ державъ; слѣдовательно Порта имѣетъ полную свободу заключить прелиминарные пункты или съ однимъ Вильнёвомъ, или соединенно съ посланниками морскихъ державъ. Съ русской стороны, уполномоченъ былъ для заключенія мира фельдмаршалъ Минихъ, съ австрійской—герцогъ Лотарингскій, съ которыми Вильнёвъ долженъ былъ непосредственно сноситься. Условія мира были самыя умѣренныя со стороны Россіи: она требовала одного Азова [1]) и разоренія укрѣпленій Очакова и Кинбурна. Но Турки тянули переговоры и особенно стали пренебрегать ими, получивши обезпеченіе со стороны персидской.

Мы видѣли, что шахъ Надиръ, воспользовавшись войною между Россіею и Турціею, обратилъ все свое вниманіе на Востокъ, занялся покореніемъ Кандагара, а потомъ походомъ въ Индію. Цѣлый 1737 годъ онъ тянулъ мирные переговоры съ Турціею, выжидая, какой оборотъ приметъ война между нею и Россіею, а Калушкину твердили, что шахъ медлитъ заключеніемъ мира съ Портою единственно изъ дружбы къ Россіи [2]).

Со стороны европейскаго союзника Россіи, Це-

[1]) Кабинетныя дѣла 1738 г. въ Моск. арх. м—ва иностр. дѣлъ.

[2]) Дѣла Персидскія 1737 года.

царя, Турки также были обезпечены. Въ началѣ года Ланчинскій доносилъ: „Что мнѣ всемилостивѣйше повелѣвается, дабы здѣшній Дворъ къ надлежащей союзнической твердости наиприлежнѣйше поощрять и отъ заключенія сепаратнаго мира пристойнымъ образомъ удержать, то я рабскою вѣрностію засвидѣтельствовать могу, что здѣсь къ такому срамному поступку ни малаго оказательства нѣтъ, и оный по великодушію цесарскому весьма нечаятеленъ; но морщатся и говорятъ, что сію кампанію могутъ съ крайнимъ послѣднимъ трудомъ еще отправить и протори на оную, хотя съ неописанною тягостію, собрать; но какъ имъ далѣе поступить,—примѣниться не могутъ; всѣ камеральные приходы подъ закладомъ, и уже болѣе отъ чужестранныхъ никто взаймы не дастъ для того, что гипотеки не находятся, провинціи же вконецъ изнурены,—и не диво, понеже въ тѣ двѣ послѣднія войны цесарская армія, изъ казны во всемъ снабдена будучи, сверхъ того еще лѣтомъ и зимою домашними проторми содержится, и отъ непріятельской земли ничего не профитировала,—и того ради алчно желаютъ мира“. Въ началѣ іюля Австрійцы блестящимъ образомъ начали кампанію, поразили турецкое войско, заняли Меадію;въ Вѣну привезли болѣе 30 знаменъ, взятыхъ у непріятеля; но послѣ этого успѣха положено было вести войну только оборонительную, дожидаясь пока Русскіе подкрѣпятъ союзниковъ взятіемъ Бендеръ или какимъ-нибудь другимъ значительнымъ дѣломъ. Въ то же время пришло извѣстіе изъ Константинополя отъ Вильнёва, что Турки не уклоняются отъ заключенія мира, если могутъ получить его на выгодныхъ условіяхъ; но торопиться не имѣютъ причины, потому что Цесарь не имѣетъ средствъ дѣлать завоеваніе въ ихъ землѣ; что же касается Россіи, то ея войску путь дальній, и Порта имѣетъ средства не допускать его въ свои границы. Въ концѣ іюля австрійскіе министры запѣли Ланчинскому печальную пѣсню, что русская армія двигается чрезвычайно медленно, что поэтому всѣ турецкія силы обращены противъ нихъ; что во всемъ Банатѣ свирѣпствуетъ язва, въ Темешварскомъ гарнизонѣ умираетъ по 20 и 30 человѣкъ на день, и австрійская армія должна была отступить сначала отъ скудости фуража въ горахъ, потомъ должна была выйти и изъ обильныхъ фуражемъ мѣстъ, чтобъ избѣжать язвы. Въ половинѣ августа пришло грустное извѣстіе, что важная крѣпость Оршова принуждена была сдаться Туркамъ. „У насъ все злосчастно“, говорилъ Цинцендорфъ Ланчинскому, печальнымъ голосомъ: „Турки съ огромною силою вторгнулись въ нашу сторону, и подтверждается извѣстіе, что ваша армія идетъ назадъ отъ Днѣстра“. Астрійскій Дворъ сталъ требовать присылки русскаго отряда для подкрѣпленія своего войска; въ Петербургѣ это требованіе сильно не понравилось, еще больше не понравилось оно Миниху, но дѣлать нечего, надобно было согласиться, ибо несогласіемъ давался Австріи поводъ къ заключенію отдѣльнаго мира. Согласились на отправленіе вспомогательнаго корпуса, но требовали, чтобъ онъ находился на содержаніи цесарскомъ. Въ Вѣнѣ просили, чтобъ доброе дѣло было довершено,—чтобъ вспомогательный корпусъ находился на русскомъ иждивеніи. Въ концѣ ноября Ланчинскій описывалъ разсужденіе австрійскихъ министровъ: „Казна цесарская вконецъ исчерпана; Россіи не придется много платить, потому что въ Трансильваніи все очень дешево, и полки русскіе не будутъ тамъ долго оставаться, и должны немедленно вступить въ непріятельскія земли и дѣйствовать; издержки не дойдутъ и до милліона гульденовъ. Если императрица не окажетъ снисхожденія и полки не придутъ, то Австрія принуждена будетъ вести только оборонительную войну; и Россія, можетъ быть, сдѣлаетъ то же; только Россіи будетъ гораздо легче, имѣя предъ собой Днѣпръ и отдаленность Турецкихъ владѣній, и отъ Татаръ оборониться легко, тогда какъ австрійскія земли прямо граничатъ съ непріятельскими. Конецъ всему будетъ такой, что Россія, хотя главная воюющая держава, останется безъ потери; Австрія же, будучи только совоюющею державою и не будучи въ состояніи вести долго и оборонительную войну, принуждена будетъ купить миръ дорогою цѣною, т.-е. уступкою Бѣлграда, Темешвара, Трансильваніи и части Валахіи [1])“.

Французскій посланникъ при Портѣ, Вильнёвъ, посредничалъ въ Константинополѣ; но, кромѣ непосредственной пересылки съ нимъ, для Россіи важно было имѣть своего посланника при Версальскомъ Дворѣ, чтобъ участвовать въ направленіи дѣятельности Вильнёва и сообщать въ Петербургъ о расположеніи Французскаго правительства, о степени добросовѣстности и искренности его въ посредничествѣ. Князь Антіохъ Кантемиръ былъ переведенъ изъ Англіи во Францію. Въ сентябрѣ 1738 года Кантемиръ пріѣхалъ въ Парижъ и былъ принятъ Амелотомъ и Флёри „весьма ласково и учтиво“, преимущественно кардиналомъ, который съ особенною благосклонностію болѣе часу съ нимъ разговаривалъ. Флёра увѣрялъ Кантемира въ истинной королевской склонности къ возобновленію добраго согласія съ ея величествомъ и въ усердіи, съ какимъ онъ намѣренъ, по возможности своей, содѣйствовать этому полезному дѣлу. Кантемиръ обнадеживалъ его въ сильнѣйшихъ терминахъ о подобной со стороны императрицы диспозиціи, равно какъ объ особенныхъ ея къ нему, кардиналу, эстимѣ и конфиденціи. Флёри далъ замѣтить, что Французскому правительству не нравится, что морскія державы, Англія и Голландія, такъ-же являются посредницами при заключеніи мира между Россіею и Портою. Кантемиръ отвѣчалъ, что его государыня могла бы совершенно удовольствоваться посредничествомъ одной Франціи, ибо нельзя было бы передать свои интересы въ лучшія руки; но что

[1]) Дѣла Австрійскія 1738 года.

же дѣлать, если морскія державы давно уже предложили свое посредничество: исключить ихъ было нельзя, не подавши повода къ неудовольствію. На замѣчаніе Кантемира насчетъ умѣренности русскихъ требованій, Флёри сказалъ, что теперь Порта, послѣ нѣкоторыхъ успѣховъ въ Венгріи, не такъ стала склонна къ заключенію мира, и только успѣхи русскаго оружія на Днѣстрѣ могутъ усилить эту склонность. Наконецъ Кантемиръ намекнулъ на то, что французскій посолъ въ Стокгольмѣ, Сенъ-Северинъ, поддерживаетъ тамъ враждебную къ Россіи партію; Флёри отвѣчалъ, что по всѣмъ извѣстіямъ изъ Стокгольма никакихъ военныхъ замысловъ съ той стороны опасаться уже нельзя, и С.-Северину сильнѣйшими королевскими указами запрещено вступаться въ домашнія дѣла тамошняго правленія. Кантемиръ въ своихъ первыхъ донесеніяхъ замѣчаетъ, что одинъ только кардиналъ желаетъ примиренія Россіи и Австріи съ Портою, остальные или совершенно равнодушны, или болѣе добра желаютъ невѣрнымъ, чѣмъ христіанамъ. Въ донесеніи отъ 8 ноября Кантемиръ извѣщалъ свой Дворъ, по удостовѣренію Амелота, о посылкѣ указовъ къ Вильнёву, чтобъ тотъ внушалъ Портѣ: 1) чтобъ никакой надежды не имѣла на раздѣленіе двухъ союзныхъ Дворовъ—Петербургскаго и Вѣнскаго; 2) чтобъ не ждала отмѣны въ предложенныхъ Россіею условіяхъ; 3) что продолженіе войны можетъ быть для нея опасно, ибо на будущую кампанію могутъ присоединиться къ Россіи и Австріи новые союзники. Амелотъ увѣрялъ Кантемира, что со стороны королевской употребляются всѣ средства для приведенія Порты къ *резонабельному* миру, что онъ самъ, Кантемиръ, не могъ бы сильнѣе дѣйствовать въ интересахъ своей государыни, чѣмъ какъ дѣйствуетъ Вильнёвъ. Но когда Кантемиръ потребовалъ съ французской стороны объявленія Портѣ, что Франція наконецъ будетъ принуждена вступиться за Цесаря, то Амелотъ отвѣчалъ, что такое объявленіе несогласно съ обязанностію посредника, и что, сверхъ того, Вильнёвъ долженъ умѣрять свои рѣчи при такомъ Дворѣ, гдѣ пословъ въ тюрьму сажаютъ. Амелотъ изъявилъ также сожалѣніе, что Русскіе срыли укрѣпленія Очакова и Кинбурна, ибо это разсердитъ Порту, которой обѣщано возвращеніе означенныхъ городовъ съ крѣпостями. Россія настаиваетъ на сохраненіи въ цѣлости для себя Азова на томъ основаніи, что для Татаръ иначе узды не останется, а теперь Турки станутъ толковать, что послѣ разоренія Очакова и Кинбурна имъ не будетъ никакой защиты отъ русскихъ казаковъ, и Вильнёву трудно будетъ теперь настаивать на сохраненіе Азовскихъ укрѣпленій. Флёри говорилъ то же самое [1]).

На скорый миръ была плохая надежда въ концѣ 1738 года: надобно было ускорить его удачными военными дѣйствіями.

1 марта 1739 года Волынскій, князь Черкасскій и графы Остерманъ и Минихъ подали императрицѣ мнѣніе о военныхъ операціяхъ будущей кампаніи: „При составленіи плана будущей кампаніи надобно обратить особенное вниманіе на требованіе Австрійскаго Двора и на весь ходъ нашихъ сношеній съ нимъ. Дѣла этого Двора находятся теперь въ такомъ слабомъ состояніи, что онъ Туркамъ не можетъ оказать надлежащаго сопротивленія, чѣмъ и заключеніе мира все болѣе и болѣе затрудняется. По извѣстнымъ причинамъ, мы отказали Цесарю въ присылкѣ вспомогательнаго корпуса, а предложили вмѣсто того, значительную сумму денегъ; но Цесарь денегъ не принимаетъ, а усильно проситъ о немедленной присылкѣ вспомогательныхъ войскъ, представляя всю опасность своего положенія. Если мы исполнимъ просьбу Цесаря и отправимъ къ нему войско черезъ Польшу, то въ Польшѣ можетъ составиться конфедерація,—непріязненные Поляки соединятся съ нашими непріятелями и тѣмъ приведутъ насъ въ затруднительное положеніе; непріятель въ Польшѣ все разоритъ и тѣмъ отниметъ у нашего войска продовольствіе: сомнительно, можно ли будетъ тогда что-нибудь предпринять противъ Хотина. — Съ другой стороны, если не помочь Цесарю войскомъ, то онъ можетъ быть сокрушенъ превосходными турецкими силами и принужденъ будетъ заключить отдѣльный миръ, и вся непріятельская сила обратится противъ насъ однихъ. Это бы еще не бѣда: и при Карловицкомъ мирѣ Россія была оставлена одна, однако потомъ очень честный и полезный миръ получила. Но надобно обратить вниманіе на другія обстоятельства: Франція желаетъ окончанія войны для Австріи, съ которою находится теперь въ дружбѣ, а не для насъ, и если бы Цесарь принужденъ былъ къ отдѣльному миру, то Франція, при продолженіи у насъ войны съ Турціею, вмѣсто того, чтобъ препятствовать Швеціи сблизиться съ Портою, будетъ ей въ томъ помогать, и какъ Шведовъ, такъ и Поляковъ станетъ возбуждать противъ насъ, по старой злобѣ за Польскія дѣла, для пользы своей союзницы Швеціи и чтобъ не дать намъ возможности вмѣшиваться въ другія европейскія дѣла. Если мы положимъ на вѣсы всѣ эти соображенія *за* и *противъ*, то едва ли не перетянутъ послѣднія, и намъ лучше поднять противъ себя польскую конфедерацію, чѣмъ заставить Цесаря заключить отдѣльный миръ. Притомъ, если бы и образовалась въ Польшѣ конфедерація, то она будетъ частная, безъ одобренія короля и Рѣчи Посполитой. Деньгами мы можемъ составить себѣ въ Польшѣ хорошую партію; отъ Швеціи на нынѣшній годъ опасаться нечего, а турецкая и татарская помощь послужитъ только Полякамъ къ разоренію собственныхъ ихъ земель; король Польскій намъ доброжелателенъ, и у него много средствъ къ успокоенію Поляковъ. Наконецъ Поляки, несмотря на великое съ нашей стороны къ нимъ снисхожденіе, безпрепятственно пропускаютъ нашего непріятеля чрезъ свои земли, безпрестанно увѣдомляютъ его о состояніи нашего войска, спаб-

[1]) Дѣла Французскія 1738 года.

жаютъ его провіантомъ и другими потребностями,—однимъ словомъ, даютъ Туркамъ возможность продолжать съ нами войну: противъ такихъ поступковъ надобно взять надлежащія мѣры, на что мы имѣемъ полное право. Поэтому мы думаемъ, что съ главною арміею надобно идти прямо чрезъ Польшу къ Хотину и дѣйствовать, смотря по непріятельскимъ движеніямъ, ибо одному корпусу идти чрезъ Польшу опасно, а сильной арміи Поляки побоятся и удержатся отъ конфедераціи; съ другою арміею, для диверсіи, дѣйстовать противъ Крыма и Кубани".

Императрица согласилась съ этимъ мнѣніемъ, и Минихъ, очень довольный, отправился въ Украйну, гдѣ въ его отсутствіе отбиты были отъ границъ Татары съ большимъ для нихъ урономъ. 21 марта изъ Нѣжина Минихъ писалъ: „Въ нынѣшній мой чрезъ Украйну проѣздъ могъ я видѣть, что счастливое отбитіе Татаръ такъ ободрило здѣшній народъ, что Орлику трудно будетъ привести въ исполненіе свои планы, составленные на нынѣшнюю кампанію". Миргородскій полковникъ Капнистъ, бывшій свидѣтелемъ впаденія и отбитія Татаръ, увѣрялъ, что ихъ непремѣнно тысячи четыре побито и потонуло, въ томъ числѣ два султана и 30 мурзъ. Что планы Орлика не могли быть исполнены, доказательствомъ служило то, что Запорожскій кошевой, не распечатывая, переслалъ къ Миниху грамоту, присланную къ нему отъ Орлика. Претендентъ на гетманство свободной Украйны писалъ, что онъ выбранъ на чинъ гетманскій и въ церкви принесъ присягу стараться всѣми силами и способами любезную отчизну, заднѣпровскую Украйну, освободить отъ мучительнаго и болѣе нежели плѣнническаго московскаго подданства; равнымъ образомъ и все войско Запорожское присягнуло на томъ же. „Я", продолжалъ Орликъ, „стою при своей присягѣ и всѣми силами стараюсь о томъ при пресвѣтлой Портѣ и при господинѣ ханѣ, зная обстоятельно, что вся малороссійская сторона и все Запорожское городовое войско пришли отъ Москвы въ крайнее разореніе, и, не будучи въ состояніи сносить болѣе неслыханныя обиды, возлагаютъ надежду освобожденія только на божескую помощь и на мое стараніе; не надѣются они болѣе на войско Запорожское Низовое, которое, не жалѣя несчастной своей матери-отчизны, не трогаясь воплемъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и сродниковъ, наруша свою присягу, отъ меня—вольными голосами выбраннаго своего гетмана—отступило и пришло подъ протекцію непріязненной Москвы; мало того: Москву къ себѣ въ Сѣчу допустили, что все равно, какъ бы змѣю у груди своей пригрѣли, и этимъ отчизну свою и себя погубили. Такимъ нарушеніемъ присяги со стороны войска Запорожскаго могъ бы и я освободиться отъ своихъ присяжныхъ обязательствъ, но не хочу повредить душу и стою при моемъ прежнемъ предпріятіи. Сердечно жалѣю о скорой погибели славнаго войска Запорожскаго, такъ что и имени его при Днѣпрѣ не останется. Въ прошломъ году, когда послы московскіе, турецкіе и нѣмецкіе вели переговоры въ Немировѣ, то русскіе и нѣмецкіе послы домогались, чтобъ Порта отвела отъ границъ великороссійскихъ и малороссійскихъ Ногайскую орду и поселила гдѣ-нибудь подальше, чтобъ Татары разбойническимъ образомъ въ русскія земли не въѣзжали и пріязнь между двумя монархіями не нарушали. Турецкіе послы отвѣчали, что Порта непремѣнно это сдѣлаетъ съ Ногайцами, но потребуетъ, чтобъ то же самое съ русской стороны сдѣлано было съ Запорожцами. На это русскіе послы сказали: „Запорожцы плуты и воры, ни вамъ, ни намъ не нужны, ни намъ, ни вамъ, ни Полякамъ вѣрно не служили; отъ нихъ только нарушеніе мира между сосѣдними государствами, и потому наша государыня прикажетъ изъ Сѣчи или, лучше сказать, разбойническаго гнѣзда, взять къ себѣ кошеваго и нѣкоторыхъ другихъ постоянныхъ казаковъ, остальныхъ же оставитъ вамъ, —что хотите съ ними, то и дѣлайте: или вырубите, или въ плѣнъ заберите, чтобъ только разбойничье гнѣздо на-вѣки было искоренено. Если же Порта на это не согласится, то императрица наша знаетъ, что съ ними сдѣлать. Порта, милосердуя надъ войскомъ Запорожскимъ, несмотря на то, что оно предъ нею погрѣшило, велѣла меня обнадежить, что она приметъ Запорожское войско подъ свою крѣпкую охрану, позволитъ ему всякіе промыслы и подтвердитъ его вольности, если я поручусь, что оно впредь будетъ вѣрно и не подастъ никакого повода къ нарушенію мира съ сосѣдними государствами, и я осмѣлился принять на себя это поручительство".

Но время Дорошенки прошло для Малороссіи безвозвратно; Запорожцы очень недавно возвратились изъ-подъ турецкаго подданства, и ихъ нельзя было обмануть фразами о несносныхъ мучительствахъ московскихъ. Скоро Минихъ донесъ въ Петербургъ, что Орликъ находится у Порты и у хана въ худомъ кредитѣ, и живетъ въ одномъ монастырѣ близъ Яссъ; что Запорожцамъ, за ихъ вѣрность, выдано денежное и хлѣбное жалованье; и когда пришло извѣстіе, что ханъ послалъ отъ себя возмутительное письмо къ Запорожцамъ, то Минихъ писалъ: „При нынѣшнемъ походѣ Запорожцевъ на судахъ съ генераломъ фонъ-Штофелемъ и сухимъ путемъ и при надежной командѣ въ Сѣчи, никакой опасности отъ нихъ быть не можетъ, и къ Татарамъ пристать имъ не-для-чего, потому что Татары сами голодны, и, кромѣ того, здѣсь при мнѣ до 500 человѣкъ изъ лучшихъ Запорожцевъ". Но выдача денежнаго жалованья не обошлась безъ непріятныхъ послѣдствій: отправлено было въ Сѣчь 6,150 рублей, причемъ велѣно четыре тысячи отдать публично всѣмъ казакамъ, а 2,150 рублей кошевому и старшинѣ тайно раздѣлить. Такъ и было сдѣлано: но вотъ кошевой Тукала репортуетъ фельдмаршалу, что казаки, провѣдавъ о полученіи имъ и старшиною особой суммы, напали на нихъ нечаянно и жестоко избили съ немалымъ ругательствомъ и безчестьемъ, и пограбили не только

вновь полученныя деньги, но и тѣ, которыя у нихъ прежде были. Потомъ пришелъ другой репортъ, что Тукала лишенъ должности и, лежавъ нѣсколько дней боленъ, умеръ, и на его мѣсто выбранъ Иванъ Ѳоминичъ. „Хотя таковые ихъ, Запорожскихъ казаковъ, поступки", писалъ Минихъ, „весьма непристойны и волѣ ея величества противны, однако при нынѣшнихъ обстоятельствахъ ничѣмъ огорчать ихъ нельзя, тѣмъ болѣе что новый атаманъ человѣкъ добрый и къ службѣ ревностный".

28 мая армія перешла черезъ Польскую границу отъ стороны Васплькова. 3 іюня, въ лагерѣ на рѣчкѣ Каменкѣ, Минихъ получилъ рескриптъ императрицы, въ которомъ она требовала „скорѣйшаго марша и всевозможнаго поспѣшенія произведеніемъ непріятелю чувственныхъ какихъ дѣйствъ". Армія спѣшила къ Бугу четырьмя дивизіями разными трактами, причемъ дивизіи не отдалялись одна отъ другой. Къ 27 іюня армія перебралась за Бугъ въ двухъ мѣстахъ—у Константинова и Межибожа. Воспользовавшись тѣмъ, что Турки стянули свои войска къ Хотину, Минихъ послалъ казаковъ захватить и сжечь Сороки и Могилевъ на Днѣстрѣ, что и было исполнено. Минихъ поздравлялъ съ этимъ успѣхомъ императрицу, потому что при разореніи означенныхъ мѣстъ получена была большая добыча деньгами и прочимъ, и войско было ободрено въ началѣ кампаніи. 19 іюля войска перешли черезъ Днѣстръ въ Молдавію; 22 числа, въ четвергъ, сильнѣйшій непріятель напалъ на русскій лагерь передъ деревнею Синковцами, но былъ отбитъ: у Русскихъ было побито 39 человѣкъ и 112 ранено, причемъ, по заявленію главнокомандующаго, „люди наши несказанную охоту къ бою оказывали". 5 августа армія двинулась отъ Днѣстра къ Пруту. Не проходило дня, чтобъ нѣсколько Валаховъ не вступило въ русскую службу, что, побудило Миниха разослать манифесты по Валахіи для большаго привлеченія ея жителей. Русскіе направились къ Хотину: но Турки не хотѣли допустить ихъ къ этой важной крѣпости, и сераскиръ Вели-паша съ войскомъ, простиравшимся до 90,000 человѣкъ, сталъ крѣпкимъ лагеремъ при деревнѣ Ставучанахъ, на большой Хотинской дорогѣ, въ полуторѣ мили отъ крѣпости. Кромѣ выгоднаго положенія въ гористой мѣстности, лагерь былъ обруженъ тройнымъ ретраншементомъ со многими батареями, на которыхъ было поставлено до 60 пушекъ и мортиръ; на правой рукѣ непріятель имѣлъ непроходимый густой лѣсъ и горы, передъ собою—маленькую рѣчку съ прудами и болотами, слѣва—глубокіе буераки и высокія горы, съ тылу—крѣпость Хотинъ: лагерь былъ расположенъ на такомъ возвышеніи, что Русскіе не могли достать до него никакою пушкою. Русская армія уже двое сутокъ была обружена непріятелемъ: въ сѣнѣ и дровахъ чувствовался недостатокъ; непріятель своими нападеніями не давалъ покоя ни днемъ, ни ночью, а изъ лагеря Вели-паши была безпрестанная стрѣльба. Фельдмаршалъ призналъ невозможнымъ стоять долѣе на одномъ мѣстѣ и 17 августа рѣшился напасть на непріятельскій лагерь. Турки не выдержали нападенія и бросили лагерь, который достался побѣдителямъ. Извѣщая о побѣдѣ, Минихъ писалъ: „Всемогущій Господь, Который милостію Своею намъ предводителемъ былъ, всевышнѣйшею Своею десницею защитилъ, что мы чрезъ непріятельскій безпрерывный огонь и въ такой сильной баталіи убитыхъ и раненыхъ менѣе 100 человѣкъ имѣемъ; всѣ рядовые полученной викторіи до полуночи радовались и кричали: „Виватъ великая государыня!" и означенная викторія даетъ намъ надежду къ великому сукцессу, понеже армія совсѣмъ въ добромъ состояніи и имѣетъ чрезвычайный куражъ". Не успѣлъ еще Минихъ отослать свое донесеніе, какъ 19 августа сдался Хотинъ.

24 августа Минихъ выступилъ изъ Хотина. 28 и 29 армія перешла Прутъ, направляясь во внутренность Молдавіи; армія шла весело, имѣя обиліе въ фуражѣ и въ съѣстныхъ припасахъ: непріятель былъ пораженъ страхомъ,—Турки бѣжали за Дунай, Татары—за Днѣстръ. 1 сентября русскій авангардъ вступилъ въ Яссы, и молдавская депутація, явившись въ лагерь къ Миниху, признала Русскую императрицу государынею Молдавіи; несмотря на страшное разореніе страны, Молдаване обязались на первый годъ содержать 20,000 русскаго войска, а по прошествіи года вѣрно объявить всѣ государственные доходы. Миниху подарили 12,000 червонныхъ и обязались давать на столъ по 1,500 червонныхъ. „Ваше императорское величество соизволите всемилостивѣйше разсудить", писалъ Минихъ, „что мы, при выступленіи отъ границъ, провіанта на армію взяли только на три мѣсяца, ибо для возки его съ нуждою упряжку собрать могли, потому же и на мясо скота ничего не взяли: теперь же, подъ моимъ ревностнымъ и счастливымъ приводомъ, до 10 октября провіанта въ запасѣ имѣемъ и еще достать надѣемся; припряжки и скота на мясо съ излишествомъ, отъ непріятеля получили пороху, ядеръ и свинца болѣе чѣмъ сколько мы чрезъ всю кампанію издержали, и болѣе двухъ сотъ мѣдныхъ пушекъ и мортиръ, славную баталію выиграли, крѣпостями и провинціями овладѣли, гордаго непріятеля усмирили: потому на великодушную вашего императорскаго величества материнскую милость безсумнѣнную надежду имѣю, что не только симъ даннымъ добровольно мнѣ отъ здѣшнихъ статовъ *граціаломъ*, но и сверхъ того высочайшимъ знакомъ меня пожаловать соизволите, якоже я въ высочайшихъ интересахъ ничего не упущу, и уповаю, что скоро авантажный и славный миръ воспослѣдуетъ. Понеже здѣшняя Молдавская Земля весьма презрядная и не хуже Лифляндіи, и люди сей Земли, видя свое освобожденіе отъ варварскихъ рукъ, приняли высочайшую протекцію съ слезною радостію: поэтому весьма потребно эту Землю удержать въ рукахъ вашего величества: я ее со всѣхъ сторонъ такъ укрѣплю, что непріятель никакъ насъ изъ нея выжить не

будетъ въ состоянiи; будущею весною можемъ Бендерами безъ труда овладѣть, выгнать непрiятеля изъ страны между Днѣстромъ и Дунаемъ и занять Валахiю".

Распорядившись относительно гарнизона и укрѣпленiя Яссъ, Минихъ 10 сентября отправился къ армiи, взявши съ собою молдавскiе чины, какъ духовные, такъ и свѣтскiе. Армiя уже перешла черезъ Прутъ на буджакскую или бендерскую сторону. По прибытiи своемъ къ ней, Минихъ 12 сентября отправилъ торжество покоренiя Молдавскаго княжества императрицѣ Всероссiйской: „Молдавскiе статы оказывали немалую радость, видя такую славную христiанскую армiю, которая, какъ они говорили, къ ихъ избавленiю пришла". Обѣдню въ церковномъ наметѣ служилъ Молдавскiй митрополитъ. 13 числа армiя выступила въ походъ, и молдавскiе чины возвратились въ Яссы, обѣщаясь прислать депутатовъ въ Петербургъ. Армiя имѣла въ виду „приключить чувственный вредъ буджакскимъ Татарамъ и прикрыть Яссы".

Но въ тотъ самый день, когда Минихъ торжествовалъ покоренiе Молдавiи, онъ получилъ „нечаянное и печальное" извѣстiе о заключенiи Австрiйцами мира съ Турками, „мира стыднаго и весьма предосудительнаго", по выраженiю Миниха. „Богъ судья Римско-Цесарскому Двору за таковой учиненный къ сторонѣ вашего величества нечаянный злой поступокъ и за стыдъ, который изъ того всему христiанскому оружiю послѣдуетъ, и я о томъ понынѣ въ такой печали нахожусь, что не могу понять, какъ тѣсный союзникъ таковымъ образомъ поступить могъ". Несмотря на то, Минихъ думалъ о продолженiи войны, о новыхъ завоеванiяхъ: „Всеподданнѣйше прошу во всемилостивѣйшую консидерацiю принять, что съ начала этой войны Турки и Татары ни малѣйшаго надъ нами авантажа не имѣли и впередъ имѣть не будутъ; не только здѣшнiе народы съ неизреченною радостiю желаютъ покоренiя подъ вашу державу, но и Сербскiй патрiархъ Арсенiй слезно проситъ покровительства вашего величества, принося жалобу на слабость цесарскую, что всю ихъ Землю подъ иго варварское отдаетъ" [1]).

Но въ Петербургѣ торопились миромъ. Въ началѣ 1739 года Кантемиръ доносилъ, что у него была конференцiя съ цесарскимъ посломъ въ Парижѣ, княземъ Лихтенштейномъ; читали вмѣстѣ депеши Вильнёва и согласно признали, что въ нихъ видна излишняя склонность къ защитѣ турецкихъ интересовъ, но заключили конференцiю тѣмъ, чтобъ французскимъ министрамъ не подавать ни малѣйшаго вида насчетъ этого, и довольствоваться только изъясненiемъ: что императрица никогда не оставитъ своего союзника, и не должно надѣяться отдѣльнаго мира ни съ какой стороны; что укрѣпленiя Очакова и Кинбурна велѣно разорить не по нуждѣ, а для большаго показанiя умѣренности со стороны Россiи; что Вильнёвъ не долженъ ожидать новаго плана мирныхъ переговоровъ, ибо разоренiе крѣпостей не можетъ повести ни къ какому затрудненiю, если только Порта имѣетъ прямую склонность къ миру; императрица, увидавъ по опыту, что чѣмъ больше обнаруживаетъ умѣренности, тѣмъ больше становится гордость невѣрныхъ, никакихъ новыхъ предложенiй дѣлать Портѣ не намѣрена. Дипломаты рѣшили ограничиться этимъ, ибо въ противномъ случаѣ, при обнаруженiи подозрѣнiя, боялись, что Французское министерство перестанетъ сообщать имъ депеши Вильнёва или, по крайней мѣрѣ, станетъ утаивать всѣ подозрительныя мѣста. Остерманъ замѣтилъ на донесенiи: „Сiе апробуется, ибо показанiемъ хотя малѣйшаго сумнѣнiя подлинно такiя несходства произойти могутъ". Флёри и Амелотъ продолжали увѣрять Кантемира въ ревности своей къ интересамъ союзныхъ императорскихъ Дворовъ; Флёри просилъ его удостовѣрить императрицу, что никогда она не найдетъ ни одного его слова лукавымъ или ложнымъ. Въ апрѣлѣ Кантемиръ доносилъ, что медленность въ отправкѣ указовъ Вильнёву при обстоятельствахъ, въ которыхъ утрата времени чрезвычайно вредна, подаетъ новую причину полагать, что о скорѣйшемъ заключенiи мира здѣсь не много заботятся, хотя на словахъ повседневно о противномъ удостовѣряютъ. „Я и цесарскiе министры прилагаемъ всевозможное старанiе проникнуть въ виды кардинала, но и до сихъ поръ въ этомъ удачи имѣть не можемъ. Въ такихъ сомнительныхъ обстоятельствахъ, я по крайней возможности умѣряю слова, чтобъ не подать никакого повода къ неудовольствiю, а если случай потребуетъ сильнѣйшихъ представленiй,—буду употреблять цесарскихъ министровъ". Такъ посолъ не сказалъ ни слова ни кардиналу, ни статсъ-секретарямъ, когда узналъ, что изъ Бреста отправляется въ Балтiйское море французская эскадра. Потомъ Кантемиръ жаловался на отказъ французскихъ министровъ сообщать ему депеши Вильнёва. „Благосклонность кардинала къ Цесарю", писалъ Кантемиръ, „не надежна; да еслибъ кардиналъ и дѣйствительно желалъ тѣсной дружбы между своимъ королемъ и Цесаремъ, то кардиналъ уже старъ, а всякiй другой министръ, его преемникъ, станетъ держаться старыхъ правилъ, основанiемъ которыхъ было униженiе Австрiйскаго Дома. Можно почти смѣло сказать, что здѣшнiй Дворъ охотно-бъ вступилъ съ Россiею въ тѣсныя обязательства, если-бъ имѣлъ надежду разлучить ее съ Цесаремъ" [2]).

Между тѣмъ происходили непосредственныя сношенiя съ Вильнёвомъ. Въ началѣ года Остерманъ писалъ къ нему, что изъ письма его, Остермана, къ кардиналу Флёри онъ, Вильнёвъ, можетъ усмотрѣть, что императрица отдаетъ полную справедливость ревности и необыкновенному благо-

---

[1]) Кабинетныя дѣла 1739 года въ Москов. архивѣ мин. ин. дѣлъ.

[2]) Дѣла Французскiя 1739 года.

разумію, съ какими онъ поступаетъ въ такомъ трудномъ дѣлѣ; что императрица откровенно сознается, сколько она ему обязана за это, и хотя неутомимыя заботы маркиза до сихъ поръ не имѣли желаннаго результата, однако ея величество надѣется, что Провидѣніе дастъ ему средства счастливо окончить великое дѣло. Турки не хотять отдать Азова, выставляя опасеніе, что Россія заведетъ тамъ флотъ и будетъ угрожать имъ Портѣ; но это химера, ибо русскій флотъ, нѣкогда тамъ находившійся, слишкомъ дорого стоилъ Россіи, и она другого не заведетъ; какъ бы то ни было, впрочемъ императрица готова дать формальное обязательство, что въ Азовѣ не будетъ флота, что Таганрогъ будетъ не возстановленъ. Всѣ опасенія, высказанныя турецкими министрами, суть пустыя слова, ибо они сами очень хорошо знаютъ, какъ трудно Россіи предпринять какое-нибудь движеніе для распространенія своихъ границъ насчетъ Порты, не возбудивъ противъ себя европейскихъ державъ, и особенно могущественную Францію. Остерманъ заключаетъ свое письмо увѣреніемъ, что союзъ между Россіею и Австріею неразрывенъ, и что отдѣльный миръ только съ одною изъ этихъ державъ невозможенъ.

Въ апрѣлѣ сочли нужнымъ еще смягчить условія. Остерманъ писалъ Вильнёву: „Чтобъ заключеніемъ мира не умедлить и удовлетворить требованіямъ своего союзника, ея величество наконецъ на то соизволила, чтобъ всѣ наружныя и другія азовскія крѣпости, кромѣ стѣны и рва, были разорены и впредь никогда не возобновлялись; но ея величество имѣетъ право построить новую крѣпость между Азовомъ и Черкасскимъ островомъ, а Порта будетъ имѣть право построить крѣпость у Кубани въ опредѣляемыхъ ей миромъ границахъ. Если же Турки и этимъ будутъ недовольны и будутъ упорно настаивать на совершенное разореніе Азова, то ея величество и на это готова согласиться, предоставляя себѣ только право на устьи Дона, для безопасности отъ внезапнаго нападенія, построить батарею или шанцы“ [1]).

Ставучанская побѣда и взятіе Хотина возбудили въ Петербургѣ надежду на скорѣйшее и выгоднѣйшее заключеніе мира, именно—надѣялись, что Турки за возвращеніе Хотина уступятъ Азовъ со всѣми укрѣпленіями, какъ вдругъ пришла роковая вѣсть, что союзникъ уже заключилъ прелиминарныя статьи съ Турками. Мы видѣли, что въ концѣ 1738 года между обоими императорскими Дворами дѣло шло о присылкѣ вспомогательнаго русскаго корпуса въ Трансильванію, для подкрѣпленія здѣсь австрійскихъ войскъ. Но главное затрудненіе состояло въ томъ, что этотъ корпусъ долженъ былъ пройти черезъ Польшу, а Поляки не соглашались пропустить его. Цесарь и министры его были въ страшной досадѣ. Министры говорили Ланчинскому: „Напрасно у васъ обращаютъ вниманіе на сопротивленіе Поляковъ,—отъ нихъ былъ бы только шумъ, а на дѣлѣ не воспротивились бы, и прежде пошумѣли за проходъ отъ Бендеръ, да и перестали. Надобно было только коронному гетману и знатнѣйшимъ панамъ раздать деньги. Теперь будутъ двѣ невыгоды: Турки станутъ довѣрять противнымъ Полякамъ, а тѣ подпимутъ головы и станутъ думать, будто и вправду ихъ сопротивленіе такъ сильно и важно, что они одни помѣшали проходу русскихъ войскъ; и то и другое, и теперь и впредь, интересамъ Россіи и Австріи будетъ вредно“. На помощь Ланчинскому съ представленіями о невозможности провести вспомогательный корпусъ чрезъ Польшу отправленъ былъ въ Вѣну извѣстный намъ баронъ Бракель; но австрійскіе министры были глухи ко всѣмъ представленіямъ, твердили одно, что Цесарь не можетъ отстать отъ требованія вспомогательнаго войска, ибо это единственный способъ принудить непріятеля къ миру. Въ іюлѣ Ланчинскій сообщилъ о кровопролитномъ и для австрійцевъ злосчастномъ бою съ Турками при Гродскѣ: Австрійцы потеряли до 6,000 убитыми и ранеными; потомъ пришло извѣстіе, что фельдмаршалъ Виллисъ отмстилъ Туркамъ такъ же сильнымъ пораженіемъ и получилъ возможность помочь Бѣлграду, осажденному Турками. Вслѣдъ за тѣмъ графъ Цинцендорфъ объявилъ Ланчинскому, что вслѣдствіе предложенія визиря фельдмаршалу Валлису дано полномочіе для заключенія мира, и когда Ланчинскій замѣтилъ, что миръ долженъ быть общій, то Цинцендорфъ отвѣчалъ, что въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, притомъ же Россія имѣетъ при маркизѣ Вильнёвѣ своего эмиссара. 28 августа получено было въ Вѣнѣ извѣстіе о взятіи Хотина Минихомъ; по этому случаю одинъ изъ министровъ проговорился, что это извѣстіе желательно было бы получить двумя недѣлями раньше; Цинцендорфъ выразился въ томъ же смыслѣ, избѣгая дальнѣйшихъ объясненій. Наконецъ, 1-го сентября, Ланчинскій отправилъ къ своему Двору депешу: „Съ неописаннымъ прискорбіемъ принужденъ я донести, коимъ образомъ мирная негоціація, которая въ турецкомъ лагерѣ отправлялась чрезъ генерала Нейберга и толь долгое время содержана была въ крайнемъ секретѣ, наконецъ вскрылась зѣло гнило, неслыханно, и такова, что добрая союзничая вѣрность и здѣшняго Двора честь повреждена и репутація оружія ногами попрана. Графъ Цинцендорфъ съ немалымъ печальнымъ предисловіемъ объявилъ мнѣ: „Принужденъ я о тяжкихъ погрѣшеніяхъ здѣшнихъ генераловъ говорить и объ ужасныхъ послѣдствіяхъ злосчастнаго при Гродскѣ бою. Прибавить имѣю, что на фельдмаршала Валлиса была великая надежда какъ на искуснаго генерала, а на дѣлѣ оказалъ себя во всемъ такъ плохо, что и говорить о томъ мерзко. Послѣ той акціи, въ которой, противъ всякаго резона, въ тѣсныхъ мѣстахъ употребилъ кавалерію, все дѣлалъ поперекъ; потомъ началъ переписку съ визиремъ и вздумалъ, что, для избѣжанія дальнѣйшихъ потерь, надобно пожертвовать

---

[1]) Кабинетныя дѣла.

Бѣлградомъ; написалъ объ этомъ сюда и, не дожидаясь отвѣта, созвалъ совѣтъ для избранія генерала въ посылку къ визирю для мирныхъ переговоровъ. Генералъ Нейбергъ изъ неразумной ревности самъ вызвался и принялъ на себя дѣло, котораго не разумѣетъ; а мы эмиссара посылать не думали".—„Какъ же", замѣтилъ Ланчинскій, „вы сами мнѣ сказали, что посылка генерала Нейберга здѣсь одобрена?"—„Помню", отвѣчалъ Цинцендорфъ, „но иногда говорится для покрытія; кому же нельзя было тогда надѣяться, чтобъ отъ этой посылки были такія злыя и въ свѣтѣ неслыханныя послѣдствія. Визирь отъ Нейберга писемъ пропускать не хотѣлъ, наконецъ безъ вѣдома и противъ инструкціи Нейбергъ заключилъ срамныя прелиминаріи, а Бѣлградъ очень долго еще могъ стоять". Ланчинскій спросилъ: „Что же опредѣлено объ Азовѣ?" Цинцендорфъ отвѣчалъ уклончиво: „Въ конференціяхъ, кромѣ французскаго посла Вильнёва, присутствовалъ и вашъ эмиссаръ Каніони". На вопросъ Ланчинскаго: „Будутъ ли прелиминаріи ратификованы",—отвѣчалъ: „Теперь все въ турецкихъ рукахъ, и назадъ идти нельзя, потому что, не ожидая ратификаціи, начали уже укрѣпленія Бѣлграда взрывать; Нейбергъ согласился, чтобъ Бѣлградъ очистить и срыть". Самъ Цесарь „съ зѣло прискорбною миною", объявилъ Ланчинскому, что извѣстія изъ Бѣлграда „толь тяжко его проникли и опечалили, что прискорбія своего совершенно изобразить не можетъ; что срамныя прелиминаріи безъ вѣдома и указу его заключены, которыя по необходимой нуждѣ ратификовалъ, понеже вспять идти нельзя было, когда, ни мало не описався, начали приводить ихъ въ исполненіе, и былъ бы отъ того вящшій вредъ какъ общему, такъ и всего христіанства дѣлу; а еслибъ возможно, то-бъ конечно не ратификовалъ. Нынѣ уже того перемѣнить нельзя; авось-либъ всемогущему Богу угодно будетъ впредь способъ подать сего ко исправленію. Но какъ сіе дѣло учинено безъ его вѣдома и инструкціи, такъ и немедленно оное остро разыскать велѣлъ, и докажетъ какъ вначалѣ предъ Русскою государынею, такъ и передъ всѣмъ свѣтомъ, что въ семъ срамномъ поступкѣ не имѣетъ никакого участія; надѣется онъ на правосудное сердце Русской государыни, что изъ-за этого злосчастнаго случая дружбы своей къ нему не перемѣнитъ, но болѣе сожалѣть будетъ". Ланчинскій спросилъ, упоминается ли въ злосчастныхъ прелиминаріяхъ объ интересѣ ея императорскаго величества.—„Упоминается", отвѣчалъ Цесарь, „только не въ такой мѣрѣ, какъ надлежало и какъ я желалъ". Ланчинскій доносилъ: „Отъ ближнихъ придворныхъ слышу, что Цесарь никогда такъ прискорбенъ не былъ: потеря Неаполя, Сициліи, знатной части Миланской области, отдача Оршовы не такъ были чувствительны, какъ нынѣшній случай, и, какъ ни старается, не можетъ по ночамъ спать; хотя себя и принуждаетъ къ веселымъ разговорамъ, но прямой отрады получить не можетъ; всякій можетъ видѣть, что въ лицѣ измѣнился; цесарева принимаетъ сильное участіе въ этой печали, и нѣсколько дней уже нездорова". Въ газетахъ было объявлено, что заключеніе генераломъ Нейбергомъ прелиминарій сдѣлано безъ вѣдома и прямо вопреки указу Цесаря. Это успокоило народъ, начавшій сильно роптать; но когда разнеслось, что для окончательнаго заключенія мира первымъ полномочнымъ назначенъ тотъ же Нейбергъ, то ропотъ возобновился, появились подметныя письма, почему удвоены были въ Вѣнѣ караулы по ночамъ и приняты мѣры, чтобъ войска могли немедленно задавить мятежъ; но все обошлось спокойно [1]).

Во Франціи, говоря о прелиминаріяхъ австрійскаго сепаратнаго мира, обнаруживали предъ Кантемиромъ крайнее изумленіе, непониманіе дѣла; но Кантемиръ писалъ къ своему Двору: „Нетрудно разсудить, что это приключеніе такъ согласно съ ихъ намѣреніемъ, что если бы сами объ немъ старались, то лучшаго успѣха получить не могли. Раздѣленіе двухъ союзническихъ Дворовъ было всегда ихъ главною цѣлью. Кажется, главное намѣреніе кардинала состоитъ въ томъ, чтобъ всю Европу держать въ постоянномъ смущеніи, и тѣмъ удобнѣе усиливать свою власть при всѣхъ Дворахъ и въ мутной водѣ рыбу ловить. О намѣреніи его раздѣлить Россію съ Австріею вновь мнѣ сообщено въ крайнемъ секретѣ тосканскимъ посланникомъ, которому кардиналъ самъ внушалъ, что всѣ несчастія Цесарскаго Двора происходитъ отъ союза съ Россіею" [2]).

Но, какъ бы то ни было, Русское правительство не хотѣло одно продолжать войну, несмотря на то, что Турки представили еще новое условіе, именно, чтобъ Азовскій округъ остался пустымъ. Вильнёвъ заключилъ миръ условно съ предоставленіемъ Русской государынѣ права отвергнуть его. Для окончанія дѣла отправленъ былъ въ Турцію извѣстный уже здѣсь Вешняковъ. Когда онъ убѣждалъ Вильнёва измѣнить нѣкоторыя условія договора въ пользу Россіи, обѣщая за это высокое удовольствіе и достойные знаки благодарности со стороны императрицы, то французскій посолъ отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ доброжелательствѣ къ Россіи и въ своихъ крайнихъ стараніяхъ соблюсти ея интересы,—но по обстоятельствамъ онъ не могъ достигнуть всего, чего бы желалъ. „Главныя причины неудачи", говорилъ Вильнёвъ, „заключались въ дурномъ положеніи дѣлъ и поступкахъ вашихъ союзниковъ,—главныя лица при Вѣнскомъ Дворѣ заботятся не о государственныхъ, а о своихъ собственныхъ интересахъ, оттого тамъ господствуетъ совершенный раздоръ между всѣми, чему я самъ былъ свидѣтелемъ: всѣ генералы въ арміи одинъ другого злословили передо мною. Поступки Вѣнскаго Двора становятся день-отъ-дня

---

[1]) Дѣла Французскія 1739 года.
[2]) Дѣла Австрійскія того же года.

непонятнѣе: такъ, безо всякихъ причинъ сталъ онъ давать Туркамъ великія выгоды". Миръ былъ заключенъ на слѣдующихъ условіяхъ: Азовъ остался за Россіею, но укрѣпленія его должно было срыть, окрестности его должны были остаться пустыми и служить раздѣленіемъ между обѣими имперіями; но Россія получала право построить крѣпость на донскомъ островѣ Черкаскѣ, а Порта—построить себѣ крѣпость на Кубани. Таганрогъ не могъ быть возобновленъ и Россія не могла имѣть кораблей на Черномъ морѣ, могла торговать на немъ только посредствомъ турецкихъ судовъ. Большая и Малая Кабарды остались свободны и должны были отдѣлять обѣ имперіи другъ отъ друга.

Вешняковъ добивался, чтобъ въ договорѣ вмѣсто Московской имперіи было поставлено: „Россійская"; переводчикъ Порты и согласился-было, но рейсъ-еффенди объявилъ, что хотя можно и надобно сдѣлать эту перемѣну, но если незнающіе въ сералѣ услышатъ объ ней, то подумаютъ, что договоръ заключенъ съ кѣмъ нибудь другимъ, а не съ Русскою государынею. Вешняковъ обратился къ переводчику Порты съ просьбою, чтобъ помогъ ему исполнить нѣкоторыя желанія Двора своего; напримѣръ, чтобъ султанъ согласился давать Русской государынѣ императорскій титулъ. Гика клялся Христовымъ именемъ, что визирь и рейсъ-еффенди охотно исполнили бы желанія императрицы, видя такое снисхожденіе съ ея стороны, но что сдѣлаешь съ здѣшнимъ невѣжественнымъ и гордымъ народомъ, который никакъ не можетъ понять, чтобъ кто-нибудь могъ оказать ему добро не по нуждѣ, заключаетъ поэтому, что и Россія дѣлаетъ уступки по нуждѣ. Императорскаго титула Русской государынѣ Порта не можетъ дать потому, что даютъ его государства мелкія—Швеція, Данія, Венеція, Голландія, Гамбургъ, Папа, а главные государи — Цесарь, короли Французскій, Испанскій, Англійскій и Польскій—не даютъ; еслибъ Цесарь или Франція признали титулъ, то и Порта признала бы его немедленно. Тщетно Вешняковъ возражалъ, что султанъ самъ собою великій государь, образца ни отъ кого не требуетъ, ни отъ какой державы не зависитъ, честь его требуетъ показать другимъ образецъ собою; Цесарь даетъ Русской государынѣ автократорскій титулъ, который почти равенъ императорскому и приличенъ только Русской государынѣ, ибо никто такихъ высочайшихъ преимуществъ не имѣетъ; другіе государи зависятъ отъ чиновъ и парламентовъ, отъ совѣтовъ и инквизицій, употребляютъ всѣ свои силы и хитрости, чтобъ имъ противоборствовать; но Русская императрица никому отчета въ дѣйствіяхъ своихъ не даетъ. Турки не спорили противъ этого, но все же предоставили вопросъ о титулѣ будущему времени. Вешняковъ доносилъ, что и французскій посолъ никакъ не въ состояніи переломить упорство Турокъ. Вильнёву были благодарны и за то, что онъ сдѣлалъ: Вешняковъ вручилъ ему вексель въ 15,000 ефимковъ, а „сожительницѣ его посольшѣ"—брилліантовый перстень. Перстень былъ принятъ, но отъ векселя посолъ отказался, говоря: „Когда будетъ все окончено, и тогда время не уйдетъ". Вешняковъ намекнулъ на Андреевскій орденъ; посолъ пропустилъ этотъ намекъ безъ вниманія; но въ разговорѣ съ посольшею наединѣ, Вешняковъ уразумѣлъ, что ордена желаютъ. Вешняковъ отзывался о Вильнёвѣ такъ: „Человѣкъ уже въ лѣтахъ, добраго нрава, ума не перво-классного, но здраваго разсужденія, правдивъ; а чтобъ французскій министръ былъ доброхотнѣе и откровеннѣе съ нами, чѣмъ съ Турками,—этого нѣтъ и требовать невозможно, ибо было бы противно французскимъ интересамъ".

Въ 1740 году отправился въ Константинополь бывалый тамъ человѣкъ, генералъ Александръ Румянцевъ, для выполненія условія объ отправленіи съ обѣихъ сторонъ торжественныхъ великихъ посольствъ. О новыхъ отношеніяхъ Румянцева къ правительству можно получить понятіе изъ письма его къ императрицѣ съ дороги изъ Кіева: „Вашего императорскаго величества высочайшій и всемилостивѣйшій указъ я здѣсь со всеподданнѣйшимъ и рабскимъ респектомъ со всесердечною радостію имѣлъ честь принять, усмотря изъ онаго вашего императорскаго величества высочайшую и неизреченную къ себѣ милость, что бѣдной женѣ моей, въ небытность мою, на пропитаніе двѣ тысячи рублевъ денегъ пожаловать соизволили, а мнѣ-жъ всеподданнѣйшему и всепослѣднѣйшему рабу, въ Москвѣ каменный домъ князя Алексѣя Долгорукаго въ вѣчное владѣніе пожаловали; и сія высочайшая милость ко мнѣ сотворена съ единаго своего высокомонаршескаго и материнскаго милосердія, кромѣ всякихъ моихъ рабскихъ бѣдныхъ службъ. Подвергая себя и всю мою бѣдную фамилію предъ высочайшій вашего императорскаго величества маестетъ, всенижайшее мое рабское благодареніе приношу съ таковымъ моимъ всеподданнѣйшимъ обѣщаніемъ, что сію высочайшую милость ничѣмъ инымъ заслужить не могу, кромѣ излитія остатной капли крови моей" [1]).

Кончилась Турецкая война, стоившая Россіи 100,000 человѣкъ и огромныхъ денежныхъ суммъ. Что же дѣлалось во время ея внутри Россіи и на окраинахъ, которыя не переставали сильно озабочивать правительство?

---

[1]) Дѣла Турецкія 1739 и 1740 годовъ

Глава III.

Продолженіе царствованія императрицы Анны Іоанновны.

Кабинетъ.—Сенатъ.—Коллегіи.—Областное управленіе. — Войско. — Срокъ дворянской службы. — Распоряженіе объ отставныхъ безпомѣстныхъ людяхъ.—Рекрутскіе наборы.—Флотъ.—Финансы.—Промышленность.—Дѣятельность Татищева на сибирскихъ горныхъ заводахъ.—Крестьяне.—Первый Банкъ.—Правосудіе.—Полиція.—Пожары.—Повальныя болѣзни.—Разбои.—Нравы и обычаи.—Образованіе.—Кадетскій корпусъ. — Академія наукъ. — Россійское собраніе.—Тредіаковскій. — Манкіевъ. — Татищевъ. — Кантемиръ.—Ѳеофанъ Прокоповичъ; его послѣднія борьбы и кончина.—Духовенство.

Мы видѣли, что въ 1731 году былъ учрежденъ Кабинетъ для лучшаго отправленія дѣлъ, подлежащихъ рѣшенію императрицы. Тайныя дѣла еще прежде были взяты у Сената и переданы въ особую Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, и въ январѣ 1734 года велѣно главной полиціймейстерской канцеляріи быть въ дирекціи одного Кабинета [1]; въ сентябрѣ 1739 года принадлежащія Кабинету дѣла велѣно росписать по экспедиціямъ, „дабы впредь конфузіи происходить не могли". По смерти канцлера графа Головкина, Остерманъ назывался *первымъ* кабинетъ-министромъ. Жалованья кабинетъ-министры получали по 6,000 рублей [2]). Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ; но сначала думали, или, вѣроятнѣе, хотѣли заставить думать, что это переселеніе временное, и потому только часть сенаторовъ была взята въ Петербургъ, другая оставлена въ Москвѣ, здѣсь же оставлена и Тайная канцелярія; но уже въ августѣ 1732 года Тайная канцелярія переведена была въ Петербургъ, въ Москвѣ только оставлена ея контора [3]). Въ ноябрѣ 1732 года оберъ-прокуроръ Анисимъ Масловъ подалъ рапортъ: „Нынѣ въ Петербургѣ сенаторовъ семь человѣкъ, только полнаго собранія никогда не бываетъ, и рѣдко случается, чтобъ было три или четыре человѣка, обыкновенно же по два, прочіе же не присутствуютъ,—одни за болѣзнію, другіе за дежурствомъ при Дворѣ, иные обязаны другими дѣлами, и хотя къ отсутствующимъ дѣла посылаются на домъ, однако за болѣзнями дѣлъ слушать и резолюцій крѣпить не могутъ; которыя же государственныя дѣла требуютъ основательнаго разсужденія, по такимъ безъ общаго собранія заочно согласить очень трудно". Между прочимъ, Масловъ доносилъ, что вотчинная глава новаго Уложенія сочинена опредѣленными въ Москвѣ членами, а въ Петербургѣ не слушана за всегдашнимъ неполнымъ сенатскимъ собраніемъ, и такимъ образомъ остановилось 209 государственныхъ дѣлъ, да 289 челобитчиковыхъ [4]). Вѣроятно, вслѣдствіе этого представленія, въ іюнѣ 1733 года велѣно остававшимся въ Москвѣ сенаторамъ со всею канцеляріею быть въ Петербургѣ и присутствовать въ общемъ собраніи; въ Москвѣ же оставить отъ Сената контору, въ которой изъ сенатскихъ членовъ быть генералу и оберъ-гофмейстеру, графу Салтыкову; онъ долженъ былъ имѣть то же самое значеніе, какое имѣлъ съ 1723 года, остававшійся въ Москвѣ, сенатскій членъ, т.-е. первенствующее значеніе [5]).

Сенаторы переѣхали въ Петербургъ съ старою привычкой съѣзжаться поздно въ засѣданіе и разъѣзжаться рано; въ 1733 году императрица „накрѣпко повелѣла" съѣзжаться въ Сенатъ всѣмъ въ одно время, именно—въ семь часовъ пополуночи, и оставаться пять часовъ, до перваго часа пополудни [6]). Въ 1737 году сенаторы положили съѣзжаться въ 8 часовъ пополуночи, а уѣзжать въ часъ пополудни [7]). Члены коллегій и канцелярій не смѣли уѣзжать изъ своихъ мѣстъ, пока сенаторы присутствовали въ Сенатѣ [8]). Но въ 1739 году—опять указъ, въ которомъ говорится, что сенаторы пріѣзжаютъ не въ указные часы, очень поздно, уѣзжаютъ рано, а нѣкоторые рѣдко и ѣздятъ: поэтому велѣно съѣзжаться по регламенту и сидѣть до втораго часа пополудни, и для самыхъ нужныхъ дѣлъ съѣзжаться и пополудни въ четвертомъ, а выѣзжать въ седьмомъ часу [9]). Сначала велѣно было кандидатовъ въ городовые воеводы и въ секретари къ разнымъ дѣламъ представлять для утвержденія въ Кабинетъ; но въ началѣ 1734 года Сенату возвращено было право опредѣлять воеводъ и секретарей безъ представленія императрицѣ [10]). Въ 1736 году императрицѣ донесли, что въ Москвѣ не только въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, но и въ Сенатской конторѣ дѣла рѣшаются не только медленно, но и большею частію „по партикулярнымъ страстямъ"; - графу Салтыкову присланъ былъ указъ: „При отъѣздѣ нашемъ, во всемилостивѣйшей на васъ надеждѣ, нарочно для того васъ оставили въ Москвѣ, чтобъ накрѣпко смотрѣть, дабы дѣла во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ порядочно отпра-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 6529.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 7907.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 6151.
[4]) Дѣла Сената по бывшему Кабинету въ архивѣ мин. юстиціи, № 6—1083.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 6434
[6]) Полн. Собр. Зак., № 6399.
[7]) Полн. Собр. Зак., № 7195.
[8]) Полн. Собр. Зак., № 7351.
[9]) Полн. Собр. Зак., № 7818.
[10]) Полн. Собр. Зак., № 6538.

влялись,—потому мы обо всемъ этомъ съ великимъ неудовольствіемъ узнали, и нынѣ наикрѣпчайше вамъ подтверждается смотрѣть, чтобъ дѣла не проволакивались, особенно же, чтобъ правосудіе безо всякихъ взятокъ вездѣ отправлялось. Если же вашимъ несмотрѣніемъ и нерадѣніемъ впредь такіе-же непорядки происходить и судьи дѣла по страстямъ рѣшать будутъ, то вы за то предъ ними въ отвѣтѣ будете" [1]). Въ 1736 г. возобновлено было учрежденіе Петра Великаго—Чрезвычайный или Вышній Судъ, вслѣдствіе просьбы князя Константина Кантемира, что дѣло его съ мачихою о четвертой ея части послѣ мужа рѣшено неправо. Членами суда были назначены: адмиралъ графъ Головинъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, оберъ-егермейстеръ Волынскій, гофмаршалъ Шепелевъ и генералъ-полицiймейстеръ Салтыковъ; въ Судѣ присутствовала сама императрица, Судъ списывался съ Кабинетомъ сношеніями, а въ Сенатъ, коллегіи и всѣ прочія мѣста посылалъ указы [2]). Вышній Судъ нашелъ, что дѣло въ Сенатѣ было рѣшено неправильно, и обвиненъ былъ оберъ-секретарь сенатскій, зачѣмъ не представлялъ сенаторамъ о неправильности ихъ разсужденій, и если представлялъ, зачѣмъ не записалъ своихъ представленій въ журналъ [3]).

Сенаторовъ понуждала сама императрица добросовѣстнѣе исполнять свою должность, пріѣзжать не поздно и уѣзжать не рано; а сенаторы, въ свою очередь, слали строгіе указы въ коллегіи противъ позднихъ приходовъ и раннихъ выходовъ ихъ членовъ, предписывали послѣднимъ пріѣзжать и уѣзжать по регламенту, ибо прокуроры жаловались, что *интерессныя* (денежныя) и о колодникахъ дѣла отправляются медленно, составленіе счетовъ и репортовъ идетъ слабо [4]). Въ 1737 году коллегіямъ возвращено право штрафовать губернаторовъ, „дабы губернаторы въ порученныхъ имъ дѣлахъ, въ сборахъ и по посланнымъ указамъ въ отвѣтахъ прилежно и рачительно поступали" [5]).

За то губернаторамъ дано было право штрафовать своей губерніи воеводъ, если который изъ нихъ также законныхъ причинъ не представитъ. Въ 1733 году изданъ былъ указъ о должности губернскаго прокурора [6]): „Смотрѣть ему накрѣпко, дабы губернаторъ съ товарищи должность свою хранили и въ званіи своемъ истинно и ревностно, безъ потери времени, всѣ дѣла порядочно отправляли; такъ же смотрѣть накрѣпко, чтобъ въ канцеляріи не на столѣ только дѣла вершились; смотрѣть, чтобъ въ судахъ и расправахъ праведно и нелицемѣрно поступали, а ежели что увидитъ противное этому, долженъ тотчасъ предлагать губернатору съ товарищи съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они не такъ дѣлаютъ,—и они обязаны исправить; если же не послушаютъ, то прокуроръ долженъ протестовать письменно, дѣло остановить и немедленно письменно генералъ-прокурору донести, а губернаторъ съ товарищи должны себя очищать и въ Сенатъ обстоятельно писать. Прокуроръ долженъ имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобъ губернаторъ съ товарищи всѣмъ доходамъ имѣлъ окладную книгу, и чтобъ всѣ доходы собирались на опредѣленные сроки сполна безъ доимки, такъ же чтобъ всякіе откупы и подряды дѣлались порядочно, безъ потери времени, къ лучшей казенной пользѣ; смотрѣть чтобъ въ губернской канцеляріи колодниковъ долговременно и безъ рѣшенія дѣлъ не держали; долженъ всѣ доношенія, отъ кого бы ни были, касающіяся интересовъ ея величества, принимать и по нимъ инстиговать, и если гдѣ будетъ пренебрежено и опущено,—немедленно доносить генералъ-прокурору, и „единымъ словомъ, сей чинъ—око генералъ-прокурора въ той губерніи". Если же въ чемъ поманитъ, или иначе должность свою вѣдѣніемъ и волею преступитъ, то смертію казненъ, или съ вырѣзаніемъ ноздрей въ вѣчную работу сосланъ и всего стяжанія лишенъ будетъ".—Въ этомъ указѣ упоминаются товарищи губернаторскіе: изъ резолюціи кабинетъ-министровъ на докладъ Сената 1736 года узнаемъ, что товарищи при губернаторахъ и вице-губернаторахъ уже опредѣлены; но такъ какъ жалованье и ранги имъ не назначены, то теперь положено, впредь до сочиненія штата, давать имъ по 300 рублей въ годъ и быть имъ въ рангѣ коллежскихъ совѣтниковъ [7]). Въ 1737 году губернаторы получили право, не описываясь въ Сенатъ, опредѣлять воеводъ и воеводскихъ товарищей, дабы въ дѣлахъ не было остановки, а по опредѣленіи писать въ Сенатъ [8]).

Мы видѣли, что когда Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, то Москва была поручена родственнику императрицы, генералу, сенатору графу Семену Андреевичу Салтыкову; видѣли, что императрица была не очень довольна управленіемъ Салтыкова; въ 1739 году Сенату данъ былъ указъ: „Понеже мы Москву, яко первую и главнѣйшую въ государствѣ губернію, генералъ-губернаторомъ паки снабдить, и къ такому чину особливо при происшедшихъ въ оной губерніи донынѣ упущеніяхъ и для поправленія оныхъ, знатную особу опредѣлить за благо и потребно разсудили,—того ради мы къ тому нашего генералъ-фельдмаршала князя Трубецкаго, будучи надежны на его ревностное и прилежное въ томъ радѣніе, изобрать соизволили, и потому опредѣлили ему быть въ Москвѣ генералъ-губернаторомъ и присутствовать ему въ сенатской тамъ конторѣ, такъ какъ онъ здѣсь въ Сенатѣ былъ" [9])

Два царствованія - Екатерины I и Петра II—прошли мирно, если не считать незначительныхъ военныхъ движеній въ странахъ Прикавказскихъ; но въ царствованіе Анны Россія вела двѣ тяжелыя

[1]) Полн. Собр. Зак., № 6864.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 7133.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 7143.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 6413, 6573.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 7240.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 6375.
[7]) Полн. Собр. Зак., № 6870.
[8]) Полн. Собр. Зак., № 7328.
[9]) Полн. Собр. Зак., № 7819.

войны, и потому мы въ-правѣ ожидать усиленной дѣятельности правительства относительнаго военнаго устройства. Постоянная вооруженная сила еще не привыкла себя сдерживать среди мирнаго народонаселенія и своими часто безнаказанными насиліями вызывала самоуправство со стороны послѣдняго: въ указѣ 1732 года, императрица жалуется, что боярскіе люди и изъ другихъ чиновъ, также компанейщики въ Москвѣ нападаютъ и дерутся съ гвардейскими солдатами, увѣчатъ и даже убиваютъ ихъ [1]). Военная коммисія, бывшая подъ предсѣдательствомъ Миниха, распорядилась, что, съ января 1732 года, жалованіе русскихъ офицеровъ сравнено было съ жалованьемъ иностранныхъ офицеровъ, служившихъ въ русскомъ войскѣ. Несмотря на то, Русскіе люди продолжали всѣми средствами отбывать отъ военной службы. Въ 1732 году, правительство должно было объявить, что многіе недоросли у герольдмейстера не явились и въ службу не опредѣлены, живутъ въ домахъ своихъ праздно; также многіе изъ морскаго флота, изъ гвардіи и арміи штабъ-и оберъ-офицеры отставлены молодые, а къ герольдмейстеру не отосланы и къ дѣламъ никуда не опредѣлены [2]). Недоросли изъ дворянъ, отбывая отъ службы, записывались въ купечество: въ 1736 году, велѣно одного такого недоросля взять изъ купечества и отдать въ солдаты въ гарнизонъ, а съ бурмистровъ и секретаря ратуши, которые его записали въ купечество, взять 100 рублей штрафа [3]). Въ томъ же году правительство объявило, что многія офицерскія, дворянскія, солдатскія, рейтарскія, казачьи, пушкарскія и всякихъ служилыхъ людей дѣти подъ разными видами кроются, а нѣкоторыя изъ нихъ вступаютъ въ дворовую службу къ разныхъ чиновъ людямъ и переходятъ изъ города въ городъ, дабы званіе свое утаить и тѣмъ отъ службы отбыть; отъ такихъ людей впередъ никакого добра ожидать нельзя, ибо праздность всему злу есть корень, что и на самомъ дѣлѣ обнаруживается: многіе изъ нихъ уже пойманы на воровствахъ и въ другихъ дурныхъ дѣлахъ. Для малолѣтнихъ велѣно учредить школы, чтобъ всѣ служилыхъ отцовъ дѣти, имѣя надежное пропитаніе, обучались, кто къ какимъ наукамъ склонность имѣетъ, дабы современемъ не только государству могли быть полезны, но и сами себѣ тѣми науками пропитаніе снискать могли; но они отъ наукъ бѣгутъ и сами себя губятъ [4]).

Но никакія мѣры противъ отбыванія отъ службы не помогали, и потому сочли необходимымъ удовлетворить всеобщему желанію дворянства, ограничить срокъ военной службы и дать возможность нѣкоторымъ вовсе не вступать въ нее. Въ представленіи, поданномъ въ Кабинетъ неизвѣстно кѣмъ, говорилось: „Въ отлученіи всего шляхетства отъ своихъ домовъ, всѣми ихъ домами и деревнями владѣютъ приказчики и старосты, которые непорядками своими помѣщиковъ и крестьянъ разоряютъ; шляхетство своимъ фамиліямъ вспоможенія учинить не можетъ, а въ крестьянскихъ сборахъ доимки; крестьяне помѣщикову и свою пашню запускаютъ, въ воровствахъ и разбояхъ являются, тюрьмы таковыми вездѣ наполнены. Надобно опредѣлить двойное число оберъ-офицеровъ и росписать въ полки пополамъ, отпустить одну половину въ домы безъ жалованья, а другой половинѣ быть три года въ полку неотлучно. Притомъ не соизволено ли будетъ нѣкоторое опредѣленное время положить, сколько въ военной и штатской службѣ быть, а потомъ отставлять,—то-бъ всякій съ прилежаніемъ и охотою службу свою отправлялъ въ такой надеждѣ, что, ежели Богъ вѣку его продолжитъ, будетъ имѣть время деревнями своими довольствоваться и веселиться, и экономіи свои исправлять; а изъ сего еще польза: 1) Особливыхъ офицеровъ и солдатъ на вѣчныхъ квартирахъ держать не-для-чего; но всякій помѣщикъ вначалѣ въ своихъ деревняхъ порядочный сборъ подушныхъ денегъ установить и деревни въ лучшее состояніе привести можетъ. 2) Охранены будутъ крестьяне отъ воеводскихъ и приказныхъ лишнихъ сборовъ и нападковъ. 3) Можетъ всякій помѣщикъ самъ подушный окладъ безъ высылки заплатить. 4) Крестьянъ отъ воровства удерживать не потребны будутъ сыщики, отъ которыхъ не меньше офицерскаго бываетъ обывателямъ разоренія". Мы знаемъ, что первая половина проекта не была новостію: такъ распоряжались, хотя на другихъ основаніяхъ, при Екатеринѣ I; но теперь предпочли вторую половину, и въ послѣдній день 1736 года изданъ былъ манифестъ, составившій эпоху въ исторіи русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII вѣка: „Всемилостивѣйше указали мы, для лучшей государственной пользы и содержанія шляхетскихъ домовъ и деревень, слѣдующій порядокъ учинить: 1) Кто имѣетъ двухъ или болѣе сыновей, — изъ оныхъ одному, кому отецъ заблагоразсудитъ, оставаться въ домѣ для содержанія экономіи; также которые братья родные, два или три, не имѣя родителей, пожелаютъ оставить въ домѣ своемъ, для смотрѣнія деревень и экономіи, кого изъ себя одного, въ томъ давать имъ на волю; но чтобъ тѣ оставшіеся въ домахъ довольно грамотѣ и по послѣдней мѣрѣ ариѳметикѣ обучены были, дабы оные въ гражданской службѣ годны были. 2) Прочіе всѣ братья, сколь скоро къ воинской службѣ будутъ годны, должны вступить въ военную службу. Но понеже какое время быть въ воинской службѣ, по сіе время опредѣленіе было не учинено, и отставляются весьма старые и дряхлые, которые, пріѣхавъ въ свои домы, экономію домашнюю, какъ надлежитъ, смотрѣть уже въ состояніи не находятся: и для того всѣмъ шляхтичамъ, отъ 7 отъ 20 лѣтъ возраста ихъ, быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ военную службу, и всякій долженъ служить въ воинской службѣ отъ 20 лѣтъ возраста своего 25 лѣтъ, а

[1]) Полн. Собр. Зак., № 5925.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 5927.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 6945.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 6949.

по прошествіи 25 лѣтъ всѣхъ, хотя кто еще и въ службу былъ годенъ, отъ воинской и статской службы отставлять съ повышеніемъ одного ранга и отпускать въ домы, а кто изъ нихъ добровольно больше служить пожелаетъ, такимъ давать на ихъ волю. 3) Которые шляхтичи, за болѣзнями или ранами, по свидѣтельствамъ явятся къ службѣ неспособны, могутъ быть отставлены и отпущены въ домы свои и до урочныхъ лѣтъ. А понеже нынѣ съ Турками война, то отставлять по вышеписанному только по окончаніи войны [1]).

Въ началѣ слѣдующаго 1737 года былъ изданъ дополнительный указъ: всѣмъ недорослямъ отъ семи лѣтъ являться и записываться въ Петербургѣ у герольдмейстера, и въ Москвѣ и губерніяхъ—у губернаторовъ, которые по окончаніи каждаго года присылаютъ свои записныя книги къ герольдмейстеру; потомъ недоросли должны явиться въ другой разъ, когда имъ минетъ 12 лѣтъ, причемъ должны быть обучены чтенію и письму, и если отецъ или родственники пожелаютъ обучать ихъ долѣе въ своихъ домахъ, то позволять, только съ обязательствомъ, чтобъ къ слѣдующему смотру были обучены Закону Божію, ариѳметикѣ и геометріи основательно. Если же отецъ или родственники такого обязательства взять на себя не захотятъ, то записывать дѣтей, по ихъ склонности, въ государственныя академіи и другія школы. Третій смотръ въ 16 лѣтъ: тутъ недоросли могутъ являться только въ двухъ мѣстахъ — въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ въ Сенатѣ ихъ свидѣтельствуютъ, и если окажется, что ариѳметикѣ и геометріи они обучены основательно, а родители и родственники пожелаютъ и долѣе обучать ихъ въ домахъ, то отпускать ихъ до двадцатилѣтняго возраста, но опять съ подпискою, чтобъ обучались географіи, фортификаціи и притомъ исторіи; если же родители или родственники такой подписки не дадутъ, то брать дѣтей и опредѣлять до урочныхъ лѣтъ въ государственныя академіи для обученія географіи, фортификаціи и исторіи, и которые на смотру съ 16 лѣтъ явятся болѣе способными къ гражданской службѣ, такихъ опредѣлять въ эту службу, по усмотрѣнію Сената. Тутъ же на смотру въ 16 лѣтъ родители и родственники должны указать тѣхъ недорослей, которыхъ хотятъ оставить дома для экономіи, и на послѣдній смотръ ихъ представлять уже не обязаны. Если на смотру въ 16 лѣтъ недоросли окажутся необученными, то ихъ опредѣлять въ матросы безъ выслуги, не исключая и тѣхъ, которые будутъ назначены оставаться дома для хозяйства по имѣнію, потому что имъ ариѳметику и геометрію особенно знать нужно для порядочныхъ счетовъ въ домашней экономіи, для землемѣрія и защиты правъ своихъ, чтобъ не уклоняться по невѣжеству въ богомерзкія ябеды, отъ которыхъ происходятъ напрасные убытки и разоренія; да и какой пользы въ домашней экономіи можно ожидать отъ того, кто никакого радѣнія не показалъ при изученіи такихъ нетрудныхъ и полезныхъ наукъ. Въ 20 лѣтъ послѣдняя явка въ герольдіи для опредѣленія въ военную службу, и тѣ, которые болѣе успѣли въ наукахъ, должны быть скорѣе другихъ произведены въ чины, въ награду за прилежаніе [2]). По поводу этихъ указовъ, Сенатъ въ 1737 году сообщилъ въ Кабинетъ, не повелѣно-ль будетъ указомъ ея величества выбрать недорослей изъ шляхетства въ Сенатъ, коллегіи и канцеляріи для обученія приказныхъ дѣлъ и содержать ихъ такимъ образомъ: изъ недорослей отъ 15 до 17 лѣтъ, умѣющихъ читать и писать, за которыми не меньше 100 душъ, выбрать въ Сенатъ, а за которыми не меньше 25 душъ,—въ коллегіи и въ канцеляріи, чтобъ они могли не только опредѣленнымъ имъ жалованьемъ, но и своими собственными доходами содержать себя честно, чисто и неубого; ктому же между канцелярскою должностію обучаться и другимъ наукамъ, приличнымъ шляхетству и гражданству, чѣмъ могутъ подать другимъ охоту искать опредѣленія въ свѣтскіе чины. Хотя они опредѣлятся сначала въ копіисты и жалованье копіистское будутъ получать, но должны называться дворянами сенатской канцеляріи, или дворянами такой-то коллегіи или канцеляріи, чѣмъ могутъ придать другимъ охоты и отвесть отъ себя нареканія и уничиженія приказныхъ людей (т.-е. какъ мы думаемъ, нареканіе и уничиженіе связанное съ должностію приказныхъ людей). Жалованье получаютъ годъ копіистское, два года подканцеляристское, два года канцеляристское, а по прошествіи 5 лѣтъ—достойныхъ производить въ секретари. Если въ теченіи этихъ пяти лѣтъ нѣкоторые окажутся неспособными къ гражданству, такихъ отсылать въ Военную Коллегію для опредѣленія въ военную службу. Кабинетъ отвѣчалъ, что такъ какъ по этому предмету довольно указовъ издано, то не слѣдовало бы и требовать мнѣнія отъ Кабинета. Несмотря на то, Кабинетъ согласенъ съ представленіемъ Сената, только съ такимъ изъясненіемъ: чтобъ выбраны были къ тѣмъ дѣламъ люди достойные, грамотѣ довольно знающіе и чисто писать умѣющіе; чтобъ они въ бытность свою при дѣлахъ въ первые годы, хотя и не будутъ называться копіистами, подканцеляристами и канцеляристами, однако должности свои исправляли какъ и другіе, въ томъ имѣть за ними крѣпкое смотрѣніе, и если кто по окончаніи перваго же года явится достоинъ, такого вести далѣе, въ противномъ случаѣ отсылать немедленно въ Военную Коллегію для опредѣленія въ полевые полки въ солдаты [3]).

По окончаніи войны, охотниковъ воспользоваться закономъ о двадцатипятилѣтнемъ срокѣ явилось слишкомъ много; подавали просьбы объ отставкѣ молодые люди, едва достигшіе тридцати лѣтъ, по-

[1]) Проектъ въ Госуд. архивѣ: манифестъ въ Полн. Собр. Зак., № 7142.

[2]) Тамъ же, № 7171.

[3]) Тамъ же, № 7201.

записанные въ полки 10 или 12 лѣтъ и съ тѣхъ поръ считавшіе годы своей службы [1]). Это заставило правительство (7 августа 1740 года) распорядиться, чтобъ отставки какъ отъ военной, такъ и отъ гражданской службы давались только въ Сенатѣ, причемъ генералъ-прокурору, князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, было предписано „смотрѣть накрѣпко, чтобъ вмѣсто немощныхъ здоровые, вмѣсто экономіи для одной праздности отъ службы никто освобожденъ не былъ“. Поставлено на видъ, что указъ 31 декабря 1736 года касается только тѣхъ, „которые въ продолженіе 25 лѣтъ служили вѣрно и порядочно, какъ вѣрнымъ рабамъ и честнымъ сынамъ отечества надлежитъ, а не такихъ, которые всякими способами отъ прямой службы отбывали и время втуне проводить искали“. Генералъ-прокурору велѣно было поступать по слѣдующимъ пунктамъ, которые онъ долженъ былъ держать въ секретѣ: 1) Прежде отставки подлинно освѣдомиться о прямыхъ офицера лѣтахъ. 2) Смотрѣть, чтобъ начало службы сочтено было отъ 20 лѣтъ, и то если кто съ того же года и служить началъ, ибо если бы кто и прежде 20 лѣтъ былъ записанъ въ службу, то этого ему, какъ малолѣтнему, зачтено быть не можетъ; если же вступилъ въ службу старше 20 лѣтъ, то считать съ года вступленія въ дѣйствительную службу. 3) Разсмотрѣть, просящіеся въ отставку дѣйствительно ли и порядочно ли при арміи служили и свои чины отъ солдатства службою своею и прямымъ порядкомъ получали; также освѣдомиться о домашнихъ ихъ нуждахъ, до экономіи касающихся, и только тогда отставлять. 4) Если будутъ проситься въ отставку такіе, которые хотя военными слыли, однако военную службу при арміи дѣйствительно не отправляли и въ прошедшихъ войнахъ ни при какихъ потребахъ не бывали, а по лѣтамъ и здоровью своему служить въ состояніи,—такихъ не отставлять, ибо несправедливо было бы, чтобъ они съ прямо заслуженными людьми при семъ случаѣ въ равенствѣ быть могли. 5) Чтобъ тѣ, которые по прошествіи 25 лѣтъ порядочной службы, хотя объ отставкѣ просить и будутъ, а по лѣтамъ и здоровью служить еще въ состояніи и люди достойные, къ продолженію ревностной своей службы были поощрены, перемѣнять ихъ однимъ чиномъ, не взирая на ихъ къ производству линію. 6) Раньше 55 лѣтъ отъ рожденія не отставлять тѣхъ, которые въ военной службѣ не бывали, и въ однихъ статскихъ чинахъ служили, развѣ такіе явятся, которые никакой службы отправлять будутъ не въ состояніи [2]).

Таковы были распоряженія относительно войска, оставленнаго старою, допетровскою Россіею, служилыхъ людей, обязанныхъ за свои помѣстья являться на службу по первому призыву правительства. При новомъ порядкѣ вещей они были призваны къ постоянной службѣ, и тутъ явились новыя условія: вопервыхъ, необходимость приготовленія къ службѣ, образованіе; вовторыхъ, необходимость дѣленія на двѣ службы—военную и гражданскую съ различными приготовленіями къ обѣимъ; втретьихъ, являлся вопросъ объ экономіи, объ управленіи недвижимой собственностію, огромное количество которой было сосредоточено въ рукахъ этихъ служилыхъ людей. Надобно слѣдовательно дѣлить ихъ на три части: одна идетъ въ военную, другая въ гражданскую службу, третья должна оставаться для управленія имѣніями; для послѣдней же цѣли сокращается и срокъ службы.

Для землевладѣльцевъ сокращается срокъ службы, чтобъ они, еще съ свѣжими силами, могли приняться за управленіе своими имѣніями; но что дѣлать съ тѣми, которые, по выходѣ изъ службы, не имѣютъ чѣмъ управлять, не имѣютъ, куда головы преклонить? Петръ Великій назначилъ такимъ убѣжища въ монастыряхъ; но въ русскомъ войскѣ находилось много иностранныхъ офицеровъ, которые за старостію и ранами отставлялись отъ службы и не имѣли средствъ пропитанія. Въ 1732 году Военная Коллегія спросила у Сената, что дѣлать съ такими офицерами, потому что имъ при монастыряхъ для пропитанія *по ихъ законамъ* быть нельзя. Сенатъ отвѣчалъ: „Въ томъ никакого предосужденія нѣтъ, потому что получать будутъ пропитаніе по указамъ, и до вѣры ихъ въ томъ не касается“ [3]). Въ описываемое время придумано было еще средство давать пропитаніе отставнымъ служилымъ людямъ. Въ указѣ 1736 года говорится, что при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ учреждены были въ Новгородскомъ, Бѣлогородскомъ, Сѣвскомъ, Казанскомъ, Симбирскомъ и другихъ разрядахъ служилые люди прежнихъ службъ, и дана имъ помѣстная земля по ихъ окладамъ, съ которой они конную и пѣшую службу служили и пограничныя мѣста охраняли безъ жалованья; а теперь служащіе въ арміи и гарнизонахъ унтеръ-офицеры и рядовые, не имѣя надежды, что они по отставкѣ отъ службы собственное пропитаніе имѣть будутъ, и смотря на другихъ, свою братью отставныхъ, безъ опредѣленія шатающихся, не такъ ревностно службу отправляютъ, а многіе и бѣгаютъ, на разбояхъ и въ воровствахъ являются. „Поэтому мы указали: отставныхъ отъ службы за ранами, болѣзнями и старостію унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ и нестроевыхъ селить близъ границъ на пустыхъ мѣстахъ, и именно:—по Волгѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ, на оставшихся отъ поселенія Волжскихъ казаковъ и въ другихъ между Царицыномъ и Астраханью мѣстахъ; въ Казанской губерніи, въ пригородкахъ—Старомъ и Новомъ Шемшинскѣ, Заинскѣ, Тинскѣ, Ермклинскѣ, Билярскѣ, по рѣкѣ Кондурчѣ, начавъ отъ Закамской линіи до городка Краснаго-Яра и въ другихъ около Башкирцевъ мѣстахъ. Отводить земли на каждую семью отъ 20

[1]) Манштейнъ.

[2]) Дѣла Сената по бывшему Кабинету, № 93—1171.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 6230.

до 30 четвертей, причемъ давать ссуды каждой семьѣ отъ 5 до 10 рублей. Этими землями владѣть имъ, женамъ и дѣтямъ ихъ вѣчно, но въ приданое за дочерьми не отдавать, также не продавать и не закладывать. Послѣ кого останется сына два или три и больше,—изъ нихъ отцовскую землю наслѣдовать одному, ему же кормить братьевъ малолѣтнихъ, и которые изъ нихъ возмужаютъ и поспѣютъ въ службу, тѣмъ отводить особые участки. При неимѣніи сыновей, дочери наслѣдницы, но съ своимъ недвижимымъ приданымъ должны выходить замужъ за солдатскихъ же дѣтей. Когда эти поселенія отчасти умножатся, то при нихъ церкви построить, священниковъ и церковныхъ причетниковъ искусныхъ и ученыхъ опредѣлить; при церквахъ учредить школы для обученія солдатскихъ дѣтей читать и писать; обучать же ихъ тѣмъ священикамъ и церковникамъ, за что опредѣлить имъ указную плату; а кто изъ дѣтей пожелаетъ обучаться вышимъ наукамъ, такихъ отсылать въ гарнизонныя школы и обучать тѣмъ наукамъ, къ которымъ окажутъ склонность" [1]). Въ началѣ 1739 года Сенатъ сообщилъ въ Кабинетъ, что по разнымъ губерніямъ отставныхъ находится 4,152 человѣка, но желающихъ получить землю въ указныхъ мѣстахъ явилось только шесть человѣкъ. На это сообщеніе послѣдовала высочайшая резолюція: „Изъ этихъ 4,152 человѣкъ,которые не очень дряхлы и надежда есть, что могутъ жениться и домы свои содержать, всѣхъ отправить на поселеніе въ означенныя мѣста, и впредь всѣхъ отставныхъ солдатъ туда же посылать" [2]). По мысли правительства, выраженной въ приведенномъ указѣ, дѣти поселенцевъ должны были учиться въ своихъ сельскихъ и гарнизонныхъ школахъ; та же обязанность, указомъ 1738 года, была распространена и на всѣхъ солдатскихъ дѣтей: „обрѣтающихся въ школѣ солдатскихъ дѣтей, которыя отъ 15 лѣтъ и выше, всѣхъ опредѣлить въ гарнизонные и полевые полки въ солдаты, а оставшихся затѣмъ школьниковъ обучать чтенію, письму и другимъ наукамъ; непонятливыхъ обучать разнымъ художествамъ и ремесламъ, какія при полкахъ потребны" [3]). Позаботились и о вдовахъ оберъ-офицерскихъ, не имѣющихъ пропитанія: ихъ велѣно опредѣлить въ женскіе монастыри бѣлицами, но только такихъ, которымъ не менѣе 50 лѣтъ, если увѣчны и собственнаго пропитанія не имѣютъ [4]).

Рекрутъ собирали со всѣхъ, положенныхъ въ подушный окладъ, кромѣ однодворцевъ Воронежской, Кіевской, Казанской и Астраханской губерній, потому что изъ этихъ однодворцевъ учреждались ландмилицкіе полки; кромѣ сибирскихъ жителей, изъ которыхъ набирались тамошніе полки, и наконецъ кромѣ слободъ, приписныхъ къ Екатеринбургскимъ заводамъ, потому что отсюда, вмѣсто военной службы брали въ ученики къ горнымъ дѣламъ и для охраненія заводовъ [5]). Подтверждалось въ указахъ, чтобъ рекрутъ набирали порядочно; чтобъ офицеры принимали ихъ у плательщиковъ безъ всякихъ волокитъ, въ простомъ платьи, какое у кого случится, и никакихъ бы взятокъ и приметовъ не было; но правительство признавалось, что, несмотря на жестокія наказанія, несмотря на то, напримѣръ, что въ 1701 году капитанъ Аладчениновъ съ подчиненными за взятки отъ пріема рекрутъ, по военному суду, лишенъ былъ офицерскаго чина, битъ кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланъ на-вѣки въ каторжную работу,—приметки и волокиты при пріемѣ рекрутъ продолжаются, вымогаютъ такого мундира, который принуждены покупать дорогою цѣною, также берутъ взятки деньгами и съѣстными припасами; нѣкоторые наборщики не принимали объявленныхъ въ рекруты людей, а принуждали ставить именно дѣтей и братьевъ зажиточныхъ крестьянъ, чтобъ вымучить себѣ больше денегъ. Правительству оставалось только повторять и усиливать свои угрозы.

Въ 1732 году подано было въ Кабинетъ мнѣніе, какъ видно отъ Миниха, о порядкѣ сбора рекрутъ. Авторъ записки говоритъ, что въ настоящее время наборъ дѣлается такимъ образомъ: велѣно, напримѣръ, набрать 16,000 человѣкъ; эти 16,000 раздѣляются на провинціи и губерніи по пропорціи душъ мужескаго пола, и приходится на 320 душъ поставить одного рекрута; 320 человѣкъ крестьянъ соглашаются кого-нибудь покупать въ рекруты, чтобъ никому изъ нихъ своего брата или сына не поставить; собирается для этого съ каждаго двора по три или по четыре гривны, и на каждаго рекрута придется отъ 100 до 120 рублей, а съ другими подмогами отъ 170 до 180 рублей, и, взявши среднее число 150 рублей со всѣхъ крестьянъ, обязанныхъ ставить рекрутъ, придется отъ двухъ до трехъ милліоновъ. Такими великими деньгами (какихъ не дается во всей Европѣ, гдѣ крестьяне побогаче русскихъ) нанимается бобыль, ни къ чему не годный, часто пьяница, больной или увѣчный; если же такого нѣтъ, то крестьяне ищутъ какого-нибудь бѣглаго мужика или бурлака. Такимъ образомъ деньги отнимаются у лучшихъ крестьянъ и отдаются негоднымъ бурлакамъ, армія, флотъ и артиллерія снабжаются самыми дурными рекрутами; въ другихъ европейскихъ государствахъ годному и добровольному человѣку даютъ задатку по 3, 4 или по 5 рублей, а въ Россіи отъ 150 до 200 даютъ негодяямъ, которыми безопасность имперіи и спокойствіе народа охранены быть не могутъ. Причины, почему въ Россіи такъ мало охотниковъ идти въ солдаты или матросы, почему такое отвращеніе отъ военной службы, что бѣгаютъ, пальцы себѣ срубаютъ и большими деньгами откупаются, суть слѣдующія: 1) во время тяжкой двадцатилѣтней Шведской войны каждая семья должна была отдать

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 7136.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 7727.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 7627.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 7761.

[5]) Полн. Собр. Зак, № 6490.

въ рекруты брата или сына, и не одного, и всѣ эти рекруты погибли на войнѣ или, по крайней мѣрѣ, домой не возвратились; 2) отъ непріятеля столько людей не побито, сколько погибло отъ дурнаго распоряженія офицеровъ, напримѣръ при строеніи Петербургской крѣпости и Ладожскаго канала въ первые годы; 3) но главная причина та, что солдаты изъ военной службы не отпускаются до глубокой старости или увѣчья, такъ что когда они приходятъ домой, то роднымъ ни въ чемъ помогать не могутъ и принуждены питаться отъ ихъ милостыни;—отсюда бѣгство крестьянъ отъ военной службы за границу, такъ что многія провинціи точно войною или моровымъ повѣтріемъ разорены. Зло можетъ искорениться слѣдующимъ образомъ: когда, напримѣръ, 320 душъ обязаны поставить одного рекрута, то между ними переписываются всѣ молодые и здоровые люди отъ 15 до 30 лѣтъ, исключая тѣхъ домовъ, гдѣ находится одинъ сынъ или братъ, или родственникъ, или пріемышъ; потомъ бросается жребій, и на кого падетъ,—тотъ безъ отговорки идетъ въ службу; чтобъ онъ шелъ охотнѣе,—дается 10 рублей деньгами отъ крестьянъ, а изъ Военной Коллегіи выдается увѣрительное письмо, что если онъ послужитъ 10 лѣтъ рядовымъ и не получитъ повышенія или самъ не захочетъ долѣе служить, то ему непремѣнно дана будетъ отставка. Чтобъ меньше было нужды въ рекрутахъ и народу было облегченіе, надобно прилежно пріискивать всѣхъ солдатскихъ и матросскихъ дѣтей и обучать въ гарнизонныхъ и другихъ школахъ и потомъ записывать въ солдаты и матросы; они крестьянскаго житья въ деревняхъ не знаютъ, и съ молодости получаютъ охоту къ солдатской жизни,—изъ нихъ будутъ лучшіе рекруты [1]).

Въ апрѣлѣ 1733 года кто-то подалъ въ Кабинетъ записочку: „Слышно, что доимочныхъ рекрутъ выбираютъ съ 726 года, а надлежало бы съ 719; эта доимка оставлена напрасно, ибо подлинно извѣстно, что многіе рекрутскіе подрядчики собрали немалыя деньги, сами сколько лѣтъ корыстуются, и въ казну ни рекрутъ, ни денегъ не платятъ, и потому велѣть Сенату справиться, для чего эта доимка безъ разсмотрѣнія оставлена и, справясь, подать вѣдомость. Доимку эту выбирать надобно лучше деньгами, которыя, по разсмотрѣнію, можно вмѣнить и въ подушный недоборъ, потому что рекрутъ довольно будетъ; а подрядчиковъ тѣ сами, кто имъ сдавалъ, могутъ показать по обнародованіи указовъ“. Вслѣдствіе этого изданъ указъ: „Рекрутскую доимку съ 719 по 726 годъ велѣть выбирать деньгами по 20 рублей за человѣка“ [2]).

Извѣстно, что со временъ Петра Великаго на Украйнѣ существовалъ гусарскій полкъ, составленный изъ Сербовъ; впослѣдствіи тяжесть низоваго или Персидскаго похода уменьшила въ немъ число людей, такъ что въ 1733 году Сербовъ оставалось только 197 человѣкъ; по докладу генерала Вейсбаха, въ этомъ году велѣно было ему сдѣлать новый вызовъ Сербовъ въ русскую службу [3]).

Мы видѣли, какъ шляхетство, помѣщики воспользовались закономъ о двадцатипятилѣтнемъ срокѣ и ринулись въ отставку. Для простыхъ солдатъ не было срока службы, и потому они избывали ее побѣгами. Въ 1732 году считалось въ бѣгахъ 20,000 человѣкъ солдатъ [4]). Побѣги, кромѣ другихъ причинъ, могутъ объясняться и изъ слѣдующаго указа, даннаго въ 1736 году завѣдывавшему генеральнымъ кригсъ-коммисаріатомъ, тайному совѣтнику Новосильцеву: „Хотя такъ многократными жесточайшими указами подъ штрафомъ лишенія живота тебѣ подтверждено съ генеральнымъ кригсъ-коммисаріатомъ наиприлежнѣйшее о томъ попеченіе имѣть, дабы армія наша мундиромъ и всѣми потребными аммуничными вещами съ крайнѣйшимъ поспѣшеніемъ снабдена и всѣ въ томъ донынѣ великія недостатки поправлены были, однако, къ величайшему нашему неудовольствію, нынѣ вновь изъ полученныхъ отъ фельдмаршала Лесія доношеній усмотрѣть принуждены, что его команды полки еще донынѣ во всѣхъ потребныхъ вещахъ крайнѣйшую нужду имѣютъ, и въ весьма мизерномъ и сожалѣнія достойномъ состояніи находятся,—все то отъ оплошнаго кригсъ-коммисаріатомъ присмотра и старанія происходитъ. И ты, боясь Бога, самъ разсудить имѣешь, коль безотвѣтно есть, что отъ вашей оплошности бѣдный солдатъ такія крайнія нужды, особливо при безпрестанныхъ его трудахъ, претерпѣваетъ“ [5]).

Съ учрежденія регулярной конницы, драгуновъ, военныя тяжести увеличивались еще сборомъ лошадей: драгунскія лошади собирались и теперь съ государства со всѣхъ чиновъ, съ духовныхъ и свѣтскихъ, съ 370 душъ по одной лошади, считая лошадь съ поставкою и кормомъ не болѣе 20 рублей [6]). И тутъ правительство должно было грозить смертію за взятки. Вмѣсто поставки натурою позволено было платить по 20 рублей за лошадь [7]).

Вы видѣли, что рѣшено было поддерживать флотъ, и потому въ 1722 году, въ соотвѣтствіе коммисіи о приведеніи въ добрый порядокъ сухопутнаго войска, учреждена была коммисія для приведенія въ добрый порядокъ и флота подъ дирекціею графа Остермана: „понеже въ содержаніи флота и морской нашей силы не меньше нужды, пользы и безопасности государства нашего состоитъ“ [8]). Адмиралы и вице-адмиралы обязаны были представить въ Кабинетъ письменныя мнѣнія о лучшемъ содержаніи флота [9]). Коммисія просила прежде всего императрицу опредѣлить—

---

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 6—1083.
[2]) Дѣла Сената по Кабинету, № 6—083.

[3]) Полн Собр. Зак., № 6473.
[4]) Дѣла Сената по бывшему Кабинету, № 6—1083.
[5]) Тамъ же, № 39—1116.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 6497.
[7]) Полн. Собр. Зак., № 6528.
[8]) Полн. Собр. Зак., № 5987.
[9]) Полн. Соар. Зак., № 5939.

быть ли флоту въ такомъ числѣ судовъ, какое положено Петромъ Великимъ. На это послѣдовала резолюція: „Имѣть стараніе, чтобъ сперва привесть флотъ въ положенное число—27 кораблей линейныхъ, фрегатовъ 6, паромовъ 2, бомбардирныхъ 3, пакетботовъ 8" [1]). Въ томъ же году была издана инструкція о разведеніи и посѣвѣ корабельныхъ лѣсовъ, также о нихъ сбереженіи и рубкѣ [2]). По Волгѣ велѣно было удалить Чувашъ и Черемисъ изъ сосѣдства подчищенныхъ и посѣянныхъ дубовыхъ рощей [3]).

Двѣ войны, слѣдовавшія одна за другою въ продолженіи семи лѣтъ, должны были потребовать отъ бѣднаго государства сильныхъ пожертвованій, и легко понять, что строгость, съ какою правительство взыскивало доимки въ началѣ царствованія Анны, когда не было войны, не могла смягчиться въ военное время. Въ таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ сборахъ съ 1720 по 1732 годъ было въ доимкѣ: въ Московской губерніи 1.944,039 рублей; въ Новгородской 1.306,270; въ Бѣлгородской 420,438; Кіевской 36,959; Нижегородской 54,213; Казанской 495,613; Астраханской 483,044; Архангельской 921,214; Воронежской 326,806; Сибирской 120,879; Смоленской 140,996; въ Петербургской акцизной камерѣ 7.056,036. 29 мая 1733 года Камеръ-Коллегіи прокуроръ Мельгуновъ репортовалъ, что въ 1732 г. надлежало въ губерніяхъ и провинціяхъ таможенныхъ, кабацкихъ и прочихъ доходовъ въ сборѣ быть 2.439,573 рубля, а по присланнымъ репортамъ тѣхъ доходовъ явилось въ сборѣ только 186,982 рубля, а остальные сполна ли въ сборѣ и что́ въ доимкѣ осталось — неизвѣстно, потому что изъ многихъ губерній и провинцій репортовъ не прислано. „Губернаторамъ и воеводамъ, отъ которыхъ репортовъ не прислано, послано, въ прошломъ 732 году и въ нынѣшнемъ году по 12 указовъ, и сверхъ того подано на нихъ въ Сенатъ три доношенія, и по опредѣленіямъ сенатскимъ послано три указа, велѣно тѣхъ губернаторовъ и воеводъ за неприсылку репортовъ держать подъ карауломъ, а секретарей и подъячихъ въ оковахъ; но и послѣ этого репортовъ все же не прислано" [4]). Въ томъ же 1733 году императрица объявила о своемъ немаломъ неудовольствіи на то, что трудъ Петра Великаго относительно введенія порядка въ сборѣ доходовъ и отчетности является напраснымъ, указы его не исполняются; по плану Петра, онъ возстановила Ревизіонъ-Коллегію и снабдила ее регламентомъ, по которому Коллегія должна была имѣть вышнюю дирекцію въ свидѣтельствѣ и въ ревизіи счетовъ о всѣхъ государственныхъ доходахъ и расходахъ, какого бы они званія ни были, начиная съ 1732 года [5]). Тогда же учреждена была Генеральная Счетная Коммисія [6]), которая должна была провѣрить всѣ счеты съ 1719 по 1732 годъ. Вслѣдъ за тѣмъ указъ объ учрежденіи въ Москвѣ особеннаго Доимочнаго Приказа, потому что съ 1720 по 1732 годъ болѣе семи милліоновъ въ доимку запущено отъ несмотрѣнія и нерадѣнія генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, вице-губернаторовъ, воеводъ, приказныхъ людей и самой Камеръ-Коллегіи [7]). Въ 1734 году Доимочному Приказу велѣно было, доправивши сполна всю доимку на должникахъ, расписать штрафъ на губернаторовъ, воеводъ и приказныхъ людей, по небреженію которыхъ доимка была запущена, расположена на всѣхъ не меньше какъ по десяти процентовъ въ годъ [8]). Надѣялись большихъ выгодъ отъ Генеральной Счетной Коммисіи — и жестоко обманулись. Въ ней было семь членовъ, экзекуторъ, пять секретарей, 88 подъячихъ, четверо сторожей, всего 105 человѣкъ; но результаты дѣятельности ея оказались ничтожны: до 1736 года она разсмотрѣла 78 счетовъ, на сумму 2.204,712 рублей, и начетовъ явилось только 1,152 рубля, тогда какъ на жалованье служащимъ и канцелярскіе расходы тратилась ежегодно большая сумма. Невыгодное учрежденіе упразднили, замѣнивъ небольшою конторою, которая должна была находиться въ вѣдѣніи Ревизіонъ-Коллегіи [9]). Въ 1734 году съ дворцовыхъ селъ и волостей приходилось взять 154,842 рубля, а взято только 84,485 рублей; управители и крестьяне объявляли, что доходовъ взыскать нельзя за всеконечною скудостію, за недородомъ хлѣба и за побѣгомъ крестьянъ; изъ нѣкоторыхъ волостей присланы были образчики хлѣба, какимъ принуждены питатися крестьяне [10]). Неутомимый взыскатель доимокъ и преслѣдователь сенаторскихъ непорядковъ, оберъ-прокуроръ Анисимъ Масловъ, умеръ въ концѣ 1735 года; но предъ смертію донесъ императрицѣ о злоупотребленіяхъ, которыя позволялъ себѣ президентъ Коммерцъ-Коллегіи, баронъ Шафировъ, и товарищи его сенаторы. „Всѣмъ непорядкамъ и воровству причина та", писалъ Масловъ, „что въ ревизію ни откуда не присылаютъ счетовъ, а Сенатъ за это не взыскиваетъ, потому что изъ сенаторовъ господинъ баронъ Шафировъ, который теперь самый сильный въ Сенатѣ голосъ имѣетъ, самъ счетовъ Коллегіи своей уже три года не отправляетъ въ ревизію. О прочихъ многихъ непорядкахъ и упущеніяхъ, особливо барона Шафирова и тайнаго совѣтника графа Головкина, напримѣръ, о конечномъ упущеніи монетныхъ дворовъ теперь, по причинѣ болѣзни своей, пока ваше величество не утруждаю; но такъ какъ эти

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 5989.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 6027, 6048, 6049, 6111, 6114.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 6032.
[4]) Цифры доимокъ и рапортъ Мельгунова въ Госуд. архивѣ.

[5]) Полн. Собр. Зак., № 6391.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 6392.
[7]) Полн. Собр. Зак., № 6412.
[8]) Полн. Собр. Зак., № 6587.
[9]) Полн. Собр. Зак., № 6863.
[10]) Изъ бумагъ Госуд. архива.

господа знаютъ, что я молчать не буду, то составляютъ противъ меня совѣты, и трудятся уже нѣсколько дней, не только пересылаясь между собою по дѣламъ, но и въ Сенатѣ совѣтуются, высылая вонъ оберъ-секретаря и секретарей" [1]). Въ 1736 году опять было замѣчено, что всѣ сборы запускаются въ доимку слабостію губернаторовъ, воеводъ и сборщиковъ,—и пошли имъ указы, чтобъ на 1736 г. всѣ сборы были доставлены безъ доимки, въ противномъ случаѣ недвижимыя имѣнія ихъ будутъ конфискованы безповоротно; если же Военная и Камеръ-Коллегія будутъ слабо смотрѣть за губернаторами и воеводами, то всѣ доимки и недоборы будутъ взысканы на этихъ коллегіяхъ [2]). Въ 1739 году новыя жалобы правительства на доимки, которыя приписываются прямо злоупотребленію правительственныхъ лицъ; указъ написанъ, какъ видно, съ цѣлію оправдать верховное правительство въ виду страшныхъ жалобъ на разореніе отъ безпощаднаго взыскиванія доимокъ: „Всѣмъ извѣстно, какая высочайшая милость къ нашимъ вѣрнымъ поданнымъ показывана, а именно—въ прошломъ 1730 году подушныя деньги на майскую треть, а потомъ въ 1735 году на первую половину года со всего государства сложены, всего близъ 4.000,000 рублей. Однакожь, видя такую высочайшую милость, о платежѣ такой доимки ни мало не старались и намножили на себя великія суммы, въ чемъ не иной кто причиною, но вначалѣ знатныя персоны, а на нихъ смотря или норовя имъ, губернаторы и воеводы и опредѣленные къ такимъ сборамъ управители. Что же касается о таковой же доимкѣ нашихъ дворцовыхъ и приписныхъ къ казеннымъ разнымъ заводамъ, такожъ и цесаревны Елисаветы Петровны и синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ и Имеретинской царевны вотчинахъ, то ежели-бъ бывшіе въ нихъ управители, приказчики и старосты порядочно поступали и взятковъ съ крестьянъ не брали, то-бъ такой великой доимки на оныхъ вотчинахъ быть не могло, ибо заподлинно мы увѣдомились, что оные управители не о доходахъ государственныхъ старались, но всегда о своемъ обогащеніи вымышляли, какъ бы имъ неправедную корысть получить, и для того изо взятковъ крестьянамъ потакали, и отъ времени до времени отсрочивали, а крестьяне, не разумѣя ихъ такой хитрости и не разсуждая того, что такія отсрочки къ крайнему разоренію привести ихъ могутъ, давали имъ немалыя посулы. Иные же управители крестьянамъ представляли, что такія доимки могутъ съ нихъ современемъ вовсе сложены быть, и, на то собирая съ нихъ великія суммы, себѣ похищали, а ихъ отъ времени до времени обнадеживали: и тако бѣдное крестьянство, отъ такихъ вымышленныхъ имъ послабленій и обмановъ вовсе разоряются и доимки на нихъ годъ отъ года умножаются, и ежели исчислить такія съ нихъ за отсрочку въ доимкахъ взятки, когда-бъ онѣ прямо въ казну нашу доходили, а не у такихъ плутовъ въ рукахъ оставались, то бы всеконечно на крестьянахъ не такая-бъ великая доимка оставалась. А понеже такихъ великихъ доимокъ складывать отнюдь невозможно, для того, что ежели оную доимку сложить, то тѣмъ только польза быть можетъ, которые упрямствомъ своимъ и ослушаніемъ такихъ податей не платили, а напротивъ того другіе, которые съ крайнимъ своимъ изнеможеніемъ упомянутыя подушныя деньги сполна платили, останутся обижены, ибо того, что они заплатили, изъ казны имъ возвратить будетъ невозможно, да и сверхъ того войска наши въ жалованьи и въ прочемъ могутъ претерпѣть крайнюю нужду. Того ради, во всенародное извѣстіе объявляемъ, что мы всемилостивѣйшее намѣреніе имѣемъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ впредь особливую нашу милость показать, кромѣ складыванія доимокъ, дабы нашею милостію всѣ равно пользоваться могли, а на складываніе доимокъ надежды ни малой не имѣли" [3]). Въ самомъ началѣ 1740 года подтверждено было взысканіе доимокъ на основаніи прежнихъ распоряженій. Относительно уплаты доимокъ слышались сильныя жалобы на монастыри. Въ 1736 году, предсѣдатель Коллегіи Экономіи донесъ, что на архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ большая доимка. По указу императрицы, велѣно заплатить ее въ два мѣсяца, но указъ не былъ исполненъ. Коллегія Экономіи представила объ этомъ Синоду; Синодъ приказалъ заплатить немедленно, а пока не будетъ уплачено, въ монастыряхъ властямъ на свои властелинскія мѣста въ церквахъ не становиться. Но и послѣ этого доимки не только не были заплачены, но еще умножились. Коллегія Экономіи послала офицеровъ для взыскиванія доимокъ; но до конца 1739 года доимка все еще не была заплачена. На Саввинѣ Сторожевскомъ монастырѣ оставалось доимки 20,415 рублей. Предсѣдатель Коллегіи Экономіи оканчивалъ свое донесеніе объ этомъ такъ: „Приказные и стряпчіе тѣхъ монастырей хотя и содержатся скованы подъ карауломъ, точію они власти то задержаніе ни во что вмѣняютъ" [4]).

Что касается расходовъ, то въ 1734 году на содержаніе Двора выходило 260,000 рублей; на содержаніе императорской конюшни 100,000; въ комнату принцессы Анны Леопольдовны 6,000; пенсіи вдовствующей маркграфинѣ Бранденбургской Маріи-Доротеѣ, сестрѣ покойнаго герцога Курляндскаго, мужа императрицы 10,000; пенсіи вдовствующей герцогинѣ Саксенъ-Мейнингской Елисаветѣ-Софіи, свекрови императрицы,—10,000; пенсіи другой сестрѣ покойнаго герцога Курляндскаго, герцогинѣ Элеонорѣ Брауншвейгъ-Бевернской 12,000; пенсіи вдовствующей княгинѣ Амаліи-Луизѣ 10,000; царю Грузинскому Вахтангу Леоновичу и брату его

[1]) Дѣла Сената по бывшему Кабинету, № 6—1083.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 7037.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 7732, 8000.
[4]) Дѣла Сената по бывшему Кабинету, № 103—1180.

царевичу Симеону 29,111; въ Коллегію Иностр. Дѣлъ на министерскія, курьерскія и калмыцкія дачи 102,200; въ двѣ академіи — Наукъ и Адмиралтейскую 47,371; въ медицинскую канцелярію 16,006; въ адмиралтейство 1.200,000; въ артиллерію 370,000; лейбъ-гвардіи на 4 полка 402,112; лейбъ-гвардіи на Московскій отставной баталіонъ 13,176, на Мекленбургскій корпусъ 13,249; на полки Низоваго корпуса, которые на подушный сборъ не положены,—422,520; на содержаніе полевыхъ драгунскихъ шести полковъ 175,557; нерегулярному войску 141,525; кабинетъ-министрамъ, сенаторамъ, коллежскимъ президентамъ, членамъ и прокурорамъ 96,082; приказнымъ и нижнимъ служителямъ 153,688; на расходы по учрежденіямъ 17,072; канцелярскимъ, таможеннымъ да портовымъ служителямъ и оберъ-директору 14,332; въ московской полиціи и въ 5 коммисіяхъ членамъ, офицерамъ и приказнымъ служителямъ 9,748; служащимъ въ провинціяхъ 36,525; геодезистамъ и школьнымъ учителямъ 4,500; въ губерніяхъ и провинціяхъ на канцелярскіе расходы и на прогоны 14,465; арестантамъ и ссыльнымъ кормовыхъ 1,746; въ Ревельской губерніи и въ Выборгской провинціи и въ Нарвѣ съ привозной заморской соли, которые отсылаются въ солянуюконтору (?)— 14,792; ружникамъ, придворнымъ: протодьякону, уставщику и пѣвчимъ, жалованье нищимъ и на отопленіе богадѣленъ 41,876; на пенсіонныя дачи 38,096; на строенія 256,813; сумма—4.040,570[1]). Сюда должно прибавить 3.767,015 рублей подушнаго сбора, шедшаго на армію [2]).

Прибѣгали къ разнымъ средствамъ уменьшенія расходовъ и увеличенія доходовъ; въ 1732 году Сенатъ подалъ императрицѣ доношеніе: въ 1730 и 1731 годахъ фельдмаршалъ Минихъ доносилъ, что работы по Ладожскому каналу счастливо окончены, и требовалъ наложенія на проходящіе этимъ каналомъ суда и плоты пошлинъ, объявляя, что пошлинъ съ судовъ и кабаковъ будетъ достаточно для произведенія всѣхъ остальныхъ работъ, равно какъ для содержанія канала и выкладки береговъ его дикимъ камнемъ. Но потомъ, въ прошломъ же 1731 году, потребовалъ на достройку слюзовъ 50,000 рублей, объявляя опять, что этими деньгами и пошлинами исправятся всѣ додѣлки по каналу, почему и отпущены ему требуемые 50,000 рублей. Но въ нынѣшнемъ 1732 году фельдмаршалъ представилъ новое требованіе — 110,000 рублей на ту же достройку канала: отпущено 50,000, а остальныхъ 60,000 не отпущено, по неимѣнію денегъ. „Понеже", писалъ Сенатъ, „тѣмъ каналомъ уже другой годъ всякія суда со всякими припасами проходятъ свободно, и такой нужды, чтобъ какія вдругъ многія работы великимъ коштомъ исправлять, быть не разсуждается, того ради не соизволите ли ваше императорское величество повелѣть то канальное дѣло, за неимѣніемъ нынѣ денежной казны, оканчивать по прежнимъ его, генералъ-фельдмаршала, представленіямъ на однѣ только сборныя при каналѣ пошлинныя и прибыльныя деньги и, сверхъ того, придать еще ладожскіе таможенные и кабацкіе доходы, которыхъ имѣетъ быть на годъ больше 40,000 рублей". При этомъ Сенатъ приложилъ вѣдомость, изъ которой оказывалось, что каналъ съ 1718 года стоилъ казнѣ 2.459,900 рублей.—На доношеніе Сената императрица отвѣчала приказаніемъ отпустить 60,000 рублей и впредь отпускать изъ доимочныхъ денегъ, сколько когда будетъ востребовано фельдмаршаломъ [3]).

Въ самомъ началѣ 1735 года императрица отдала кабинетъ-министрамъ поданный ей проектъ, и для его обсужденія приказала въ Кабинетѣ быть собранію изъ особъ, назначенныхъ ею самою. Въ проектѣ говорилось: 1) Въ государствѣ много иновѣрныхъ народовъ, называемыхъ ясачными; прежде они платили деньгами и звѣриными кожами; но когда установлена подушная подать, то на эти народы неосмотрительно наложена подать, именно 110 копѣекъ; а такъ какъ эти народы поселены на самыхъ лучшихъ мѣстахъ, въ хлѣбѣ и скотѣ имѣютъ большое довольство, притомъ звѣриныя, рыбныя ловли и пчеловодство, многіе изъ нихъ и торгуютъ, то эта подать для нихъ безмѣрно легка, тогда какъ въ другихъ государствахъ вездѣ иновѣрцы болѣе податей платятъ, нежели природные единовѣрцы; поэтому надобно положить на нихъ еще прибавочную подать умѣренную, со всякой души по 150 копѣекъ на годъ, и такъ какъ ихъ около полумилліона, то прибавочной суммы будетъ тысячъ двѣсти и больше. 2) Изъ безхлѣбныхъ мѣстъ выбѣжали многіе крестьяне, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только половина противъ генеральной переписи осталась, а кой-гдѣ и меньше: снять хлѣбъ стало некому, подати за бѣглецовъ принуждены платить оставшіеся; когда же до того дойдетъ, что они, распродавъ въ подати скотъ свой и послѣдній хлѣбъ, придутъ въ нищету, тогда принуждены и они, оставя домы, или скитаться по міру, или сбѣжать въ дальнія мѣста, отчего во многихъ мѣстахъ быть голоду и пустотѣ. Большая часть бѣглецовъ умѣщается внутри государства, тамъ, гдѣ хлѣбныя и свободныя мѣста, а особливо въ ясачныхъ русскихъ волостяхъ, также въ слободахъ, называемыхъ старыхъ службъ, т.-е. въ солдатскихъ, казачьихъ, пушкарскихъ, затинщическихъ, рейтарскихъ, стрѣлецкихъ и бывшихъ засѣчныхъ лѣсныхъ сторожей, ибо многіе изъ этихъ служилыхъ людей поселены въ низовыхъ и заоцкихъ городахъ въ лучшихъ мѣстахъ. Помянутые старыхъ службъ, также и ясачные крестьяне другихъ податей не платятъ и работъ не работаютъ, кромѣ-что платятъ на полки, и затѣмъ живутъ, какъ ясачные крестьяне, сами по себѣ по своей

[1]) Дѣла Сената по бывшему Кабинету, № 31—1108.

[2]) Тамъ же, № 39—1116; сравни приложеніе 10 къ XX тому.

[3]) Дѣла Сената по бывшему Кабинету, № 6—1083.

волѣ, и это ихъ своевольство приноситъ государству немалый вредъ и дѣлаетъ изъ ихъ земель пристанище бѣглецамъ, по причинѣ доброты земель, на которыя навозу не кладутъ, и потому землевладѣльцамъ только половина труда; а тамъ, откуда бѣгутъ, приходится по полтора и по два рубля на каждую душу, и надобно уравненіемъ податей пресѣчь бѣгство. Надобно ясачнымъ волостямъ ревизію сдѣлать, пріемщиковъ наказывать и сверхъ того за то, что принимали, прибавить къ подушному окладу въ годъ по 10 копѣекъ для страха впредь. 3) Завести магазины и наполнять ихъ при дешевыхъ цѣнахъ, а въ голодъ продавать по умѣреннымъ цѣнамъ. 4) По нынѣшнимъ хлѣбнымъ недородамъ весьма нужно уменьшить въ государствѣ винокуренные заводы, особенно во внутреннихъ и малохлѣбныхъ мѣстахъ, въ Новгородской, Нижегородской, Смоленской губерніяхъ. „Видимъ, что уже во многихъ мѣстахъ доходитъ до самаго голода, однако, вмѣсто того, чтобъ тотъ хлѣбъ могъ идти на пропитаніе оскудѣлому и голодному народу, употребляемъ его въ отраву человѣческую, въ вино, для прибытка нѣсколькихъ частныхъ лицъ; на кабаки же вино подряжать изъ Малороссіи и изъ Польши". 5) Учредить особую контору и подчинить ее Сенату; она должна знать, гдѣ есть хлѣбныя и безхлѣбныя мѣста, по какой цѣнѣ въ которомъ мѣсяцѣ бываетъ въ губерніяхъ во всѣхъ городахъ какой хлѣбъ въ продажѣ, знать положеніе и разстояніе мѣстъ и теченіе рѣкъ. Контора эта также должна заботиться о пресѣченіи побѣговъ.

Князь Александръ Борис. Куракинъ подалъ мнѣніе, что надобно сравнить прежнія ясачныя подати съ нынѣшнимъ окладомъ, и если можно будетъ наложить, то лучше хлѣбомъ, который пойдетъ на войско; но главное, чтобъ при сборѣ подушнаго оклада и этого хлѣба не обижали иновѣрцевъ и не брали съ нихъ взятокъ; слышно, что эти народы отъ воеводъ, всякихъ посыльщиковъ и приказныхъ людей терпятъ разореніе. Куракинъ указалъ, что бѣглые живутъ также на фабрикахъ и заводахъ, особенно въ Сибири; тамъ у мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ населены немалыя слободы бѣглыми крестьянами: надобно эти слободы освидѣтельствовать и съ владѣльцевъ взыскать за бѣглыхъ въ пользу помѣщиковъ. Утверждая необходимость общей ревизіи, Куракинъ замѣчалъ, что особой конторы, указанной въ проектѣ, не нужно: все это дѣло надобно поручить одному изъ сенаторовъ.

По мнѣнію графа Михаила Гаврил. Головкина, Синодъ долженъ былъ стараться приводить иновѣрцевъ въ христіанскую вѣру и тѣмъ ихъ обуздать; на остающихся въ прежней вѣрѣ ясакъ прибавить, а принявшихъ христіанство уравнять съ Русскими. Въ Сенатѣ извѣстно, что въ Польшѣ, по близости отъ границъ, многіе шляхтичи въ своихъ земляхъ публикуютъ съ барабаннымъ боемъ, чтобъ Русскіе шли къ нимъ въ подданство, и обѣщаютъ имъ многія облегченія, также и въ русскіе города посылаютъ шпіоновъ и подговариваютъ многихъ къ себѣ, особенно изъ Смоленской губерніи, которая за хлѣбнымъ недородомъ многихъ лѣтъ пришла въ великую скудность и разореніе; видя ихъ ласковый привѣтъ, множество идутъ за границу и селятся, получая льготы на большое число лѣтъ. Поэтому надобно послать туда значительное войско и велѣть не только бѣглецовъ возвратить, но и польскихъ подданныхъ, забравъ, перевести на Царицынскую линію; а по границѣ лежащія мѣста передъ другими уѣздами надобно облегчить въ подушномъ окладѣ, дабы жители ихъ не имѣли охоты бѣжать за-границу. „Изъ челобитныхъ смоленской шляхты можно видѣть, въ какомъ худомъ состояніи эта губернія нынѣ находится, особенно когда на прошлый 1734 годъ правили вдругъ за обѣ половины года, и отъ того почти всѣхъ въ Польшу разогнали. Гдѣ земля хотя и плодоносная, а крестьянство въ добромъ охраненіи не будетъ, тамъ и хорошая земля не удержитъ: бѣгутъ туда, гдѣ бы хотя нѣсколько времени могли пожить въ покоѣ". Соглашаясь на учрежденіе хлѣбныхъ магазиновъ, Головкинъ замѣчалъ относительно винокуренныхъ заводовъ: если губернаторы увидятъ, что урожай хорошъ, то могутъ дать позволеніе хлѣбъ на вино тратить, ибо когда цѣны на хлѣбъ будутъ очень низки, то крестьянство не можетъ исправиться въ платежѣ подушнаго оклада, и потому надобно устанавливать цѣны хлѣбу умѣренныя; также не должно запрещать винокуренія въ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ неудобно провозить хлѣба, за неимѣніемъ судоходныхъ рѣкъ. Если губернаторъ усмотритъ, что хлѣбъ родился худо, то надобно ему ограничить винокуреніе на-половину, а въ случаѣ великой нужды—и вовсе прекратить.

Волынскій въ своемъ мнѣніи указалъ, что по рѣкѣ Сакмарѣ живутъ многія тысячи бѣглыхъ. Уменьшеніе винокуренныхъ заводовъ призналъ дѣломъ самымъ нужнымъ: если взять двѣ равныя мѣры хлѣба, и изъ одной пересидѣть вино и передвоить, а другую половину перепечь въ хлѣбы, то на всякую чарку придется по цѣлому хлѣбу такому, что человѣкъ доволенъ имъ будетъ четыре дня; сколько-жъ пьяница-тунеядецъ такихъ хлѣбовъ въ одинъ день чарками проглотитъ и у сколькихъ человѣкъ на тотъ день пищи отниметъ! Содержатели винокуренныхъ заводовъ отнимаютъ пропитаніе у подлаго народа излишними наддачами въ хлѣбныхъ цѣнахъ, а еслибъ не они, то конечно не было бы въ государствѣ такой скудости. „Того ради, по моему слабому мнѣнію, по истинной совѣсти доношу, что всеконечно въ малохлѣбныхъ мѣстахъ винокуренные заводы разорить надобно, не взирая на то, что народнымъ вредителямъ, однимъ только заводчикамъ и откупщикамъ, и протекторамъ ихъ будетъ изъ того нѣкоторый убытокъ, однакожь вмѣсто того во многихъ мѣстахъ цѣлому бѣдному народу въ пропитаніи будетъ великая польза, какъ о томъ всякъ совѣст-

ный и добрый христіанинъ легко разсудить можетъ. Если скажутъ, что люди на винокуренныхъ заводахъ добываютъ себѣ хлѣбъ, то на это возраженіе: эти люди были бы земледѣльцы, а теперь летаютъ изъ мѣста въ мѣсто въ легкихъ работахъ и сами ѣдятъ хлѣбъ изъ чужихъ рукъ, какъ мыши, а въ государствѣ нашемъ лучшимъ изъ всѣхъ сокровищъ хлѣбъ почитать нужно, и когда земледѣлецъ отвыкаетъ отъ пашни, то уже никогда снова земледѣльцемъ не сдѣлается".

По мнѣнію Черкасскаго и Остермана, по 40 копѣекъ на ясачныхъ прибавить можно было бы, потому что и теперь не меньше того съ нихъ сходить, если не больше: ежегодно выбираются у нихъ старосты и выборные, которые, сверхъ подушнаго оклада, сбираютъ немалую сумму денегъ подъ названіемъ мірскаго сбора, изъ котораго расходуютъ на подводы, дрова, бумагу, свѣчи; изъ той же суммы сами старосты довольствуются и даже обогащаются, приказчикамъ и воеводамъ немалыя дачи производятъ; а приказчики и воеводы объ уменьшеніи сборовъ не стараются, ибо чѣмъ больше старосты собираютъ, тѣмъ больше имъ даютъ. Поэтому надобно опредѣлить: кому такіе мірскіе сборы и расходы свидѣтельствовать и назначать, поскольку въ которомъ селѣ сбирать, на какіе необходимые расходы и поскольку ихъ употреблять;— чрезъ это излишніе мірскіе сборы, которые прежде шли въ частное пользованіе, обращены будутъ въ государственное пользованіе. Чтобъ не принимали бѣглыхъ, вмѣсто пожилыхъ денегъ позволить помѣщикамъ брать земли, гдѣ поселены ихъ бѣглые: этотъ способъ больше всякихъ штрафовъ устрашитъ, ибо крестьяне изъ своихъ дачъ не хотятъ потерять ни малѣйшей части земли, хотя бы оставалось у нихъ еще слишкомъ много,—они готовы умереть за малѣйшую часть земли, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ чужое себѣ присвоить или изъ своего не уступить, что по спорнымъ о землѣ дѣламъ видно. Противъ винокуренныхъ заводовъ оба кабинетъ-министра привели еще то, что около Москвы и другихъ значительныхъ городовъ на нихъ тратится множество лѣсовъ, гдѣ уже и такъ лѣсовъ становится мало, и цѣны на дрова возвысились, „а по положенію нашего государства, по великой стужѣ дрова нужны не менѣе хлѣба". Винокуренные заводы надобно уничтожить въ Московской, Нижегородской, Новгородской и Смоленской губерніяхъ и оставить ихъ въ Малороссіи въ тѣхъ великороссійскихъ областяхъ, откуда отпуска хлѣба водою не бываетъ. Помѣщикамъ можно позволить въ деревняхъ сидѣть вино, но только для своихъ нуждъ.

„Главный вопросъ о ясачныхъ рѣшилъ оберъ-прокуроръ Анисимъ Масловъ, представивъ вѣдомости, что иновѣрцы платятъ теперь гораздо больше, чѣмъ платили прежде, и такого числа ихъ нѣтъ, какъ написано въ представленіи, именно: по справкѣ явилось меньше половины, и чрезъ прибавку податей можно получить только 80,000 рублей, но изъ-за такихъ небольшихъ денегъ не стоитъ подвергаться опасности, что ясачные разбѣгутся къ чужимъ народамъ [1]).

Въ 1736 году прибѣгли къ старому средству— выплачивать чиновникамъ жалованье сибирскими и китайскими товарами, кромѣ служащихъ при Кабинетѣ, въ Академіи Наукъ и иностранцевъ, служащихъ по капитуляціямъ [2]); въ 1739 году возстановленъ былъ законъ Петра Великаго, чтобъ чиновники, служащіе въ Москвѣ и другихъ городахъ, получали жалованье вполовину меньше противъ служащихъ въ Петербургѣ [3]); тогда же запрещено было изъ штатсъ-конторы изъ наличныхъ денегъ производить жалованье статскимъ чинамъ, начиная съ сенаторовъ, прежде чѣмъ будутъ удовольствованы денежною казною Военная и Адмиралтейская Коллегіи и артиллерія; статскіе чины должны были получать жалованье изъ доимочныхъ денегъ, опять исключая членовъ Академіи Наукъ и иностранцевъ, служащихъ по капитуляціямъ. Въ іюлѣ 1740 года Сенатъ представилъ, чтобъ дано было изъ соляной конторы заимообразно денегъ, по крайней мѣрѣ до 200,000 рублей, показывая, что съ начала 1740 года по 19 іюля, на чрезвычайные расходы издержано 456,319 рублей, и потому въ рентереяхъ денегъ нѣтъ и платить не-изъ-чего. На это представленіе послѣдовалъ выговоръ въ именномъ указѣ: императрицѣ весьма удивительно, отчего нынѣ въ деньгахъ недостатокъ явился. „Всѣ нужнѣйшія государству нашему полезныя дѣла упущены и дотого дошло, что о пополненіи государственныхъ доходовъ ни малой надежды нѣтъ, въ сборахъ многіе непорядки явились, и оттого сборы умаляются; доимки въ нѣсколькихъ милліонахъ состоятъ, казенныя деньги частными людьми похищены и другими коварными вымыслами захвачены. Сенатъ, оставя такія дѣла, по которымъ государственная казна растеряна и раскрадена, безъ надлежащаго слѣдствія и взысканія, и не разсуждая того, откуда деньги безъ утружденія насъ и безъ отягощенія нашихъ вѣрныхъ подданныхъ сыскать можно, и нѣтъ ли такихъ расходовъ, которые могли бы быть и оставлены, и не разсматривая, съ какимъ порядкомъ собираются доходы, намъ самимъ представлять стали о дачѣ взаймы изъ соляной суммы. Объ этомъ мы Сенату внушить принуждены, что соляной сборъ употребляется на экстраординарные расходы по особливымъ нашимъ соизволеніямъ; поэтому его никуда и употреблять не надлежитъ. Что же и до дѣлъ челобитчиковъ принадлежитъ, то многіе съ многолѣтнею волокитою и до сего времени рѣшенія получить не могутъ, а для того нѣкоторые челобитчики принуждены насъ вездѣ безпокоить и своими прошеніями утруждать; также и колодниковъ такъ умножилось, что и караулами обнять не могутъ" [4]).

---

[1]) Проектъ и мнѣнія въ Государ. архивѣ.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 7107.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 7812.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 7813, 8186.

Люди, какъ Остерманъ и ему подобные, понимали, что однимъ взысканіемъ доимокъ нельзя увеличить государственные доходы, что надобно усиливать промышленную дѣятельность народа. По господствовавшему въ то время взгляду, ослабленіе промышленной дѣятельности приписывали недостатку правительственнаго надзора, и въ 1734 г., на основаніи мнѣнія Коммерцъ-Коллегіи, Сенатъ приказалъ опредѣлить оберъ-коммисара и троихъ коммисаровъ, достойныхъ и искусныхъ людей для смотрѣнія надъ фабриками и приведенія ихъ въ лучшій распорядокъ; деньги на жалованье этимъ новымъ чиновникамъ собирались съ фабрикантовъ [1]). Прежде всего обращено было вниманіе на распространеніе суконныхъ фабрикъ, „дабы армію, безъ вывоза чужестранныхъ, россійскими сукнами удовольствовать" [2]). Для этого велѣно было Военной Коллегіи и коммисаріату принимать русскія сукна прежде иностранныхъ, и русскимъ фабрикантамъ деньги платить наравнѣ съ иностранными, безъ всякаго задержанія, хотя нѣкоторое время, для размноженія тѣхъ фабрикъ. Мы видѣли уже, что, по скудости народонаселенія на огромныхъ пространствахъ, въ Россіи нельзя было пробавиться вольнонаемнымъ трудомъ, и какъ въ XVI и XVII вѣкахъ правительство, раздавши земли служилымъ людямъ, должно было обезпечить ихъ относительно работниковъ, такъ и въ XVIII вѣкѣ правительство, заводя и поощряя заводить фабрики, должно было также обезпечить ихъ относительно работниковъ; поэтому и въ описываемое время встрѣчаемъ указы объ укрѣпленіи за фабрикантами, оказавшихся у нихъ на фабрикахъ, разнаго вѣдомства людей и крестьянъ, о позволеніи фабрикантамъ покупать людей и крестьянъ безъ земель [3]). Такъ какъ, кромѣ этого, фабрикантамъ давались большія льготы, освобожденіе ихъ съ дѣтьми, братьями и приказчиками отъ всякихъ службъ и постоевъ, то въ привилегіяхъ, даваемыхъ для заведенія новыхъ фабрикъ, говорилось: „Повелѣваемъ ту фабрику размножить сильною рукою, а не подъ видомъ содержать, чтобъ оною отъ службъ и отъ постоевъ быть свободнымъ" [4]). Въ 1736 году составилась компанія изъ московскихъ купцовъ для заведенія суконной фабрики; компаніонами были: Еремѣевъ, Васильковъ, Товаровъ, Носыревъ, Колобовъ, Журавлевъ, Бабкинъ. Изъ старыхъ суконныхъ фабрикъ знамениты были: Щеголина, Полуярославцева въ Москвѣ и вдовы Микляевой—въ Казани; съ этихъ фабрикъ брали мастеровъ для обученія учениковъ во вновь заводимыхъ фабрикахъ. Полуярославцевъ ставилъ въ годъ на армію по 70,000 аршинъ сукна; компанейщики московской фабрики Болотинъ и Докучаевъ ставили по 180,000 аршинъ; московскій фабрикантъ Сѣриковъ могъ сдѣлать въ годъ до 25,000 аршинъ [5]). По господствовавшему въ меркантильной системѣ правилу—не позволять вывоза старыхъ произведеній за границу,—въ 1736 году возстановленъ былъ указъ Петра Великаго, запрещавшій вывозить козлиныя сырыя кожи; въ слѣдующемъ году указъ былъ повторенъ [6]).

Кромѣ суконныхъ фабрикъ, особенное вниманіе правительства было обращено на устройство конскихъ заводовъ и горное дѣло. Независимо отъ страсти къ лошадямъ всемогущаго фаворита, продолжительная война должна была указать на печальное состояніе русской конницы; мы видѣли, какъ иностраннымъ наблюдателямъ смѣшны казались русскіе драгуны, подавлявшіе своихъ жалкихъ лошаденокъ. Въ указѣ 1732 года говорилось: „Извѣстно всѣмъ, коимъ образомъ до сего времени при нашей кавалеріи употребляемыя лошади, по породѣ своей, къ стрѣльбѣ и порядочному строю весьма неспособны, и такожде за малостію въ нужныхъ случаяхъ такую службу показать не могутъ, какой отъ порядочной и доброконной кавалеріи ожидать надлежитъ; и такихъ рослыхъ и добрыхъ лошадей изъ чужихъ краевъ доставать великое иждивеніе и трудъ требуется и не всегда возможно. Того ради указали мы въ пристойныхъ мѣстахъ учредить конные заводы" [7]). Для этого составлена была особая коммисія, порученная оберъ-шталмейстеру, графу Левенвольду; но такъ какъ послѣдній отвлекаемъ былъ дипломатическими порученіями, то устроеніе конскихъ заводовъ было поручено извѣстному Волынскому. Онъ былъ отправленъ въ Москву, чтобы тамъ составить коммисію и разослать въ разныя губерніи офицеровъ для осмотра и описи удобныхъ мѣстъ. Посланные нашли 104 удобныхъ мѣстности, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, можно было содержать до 36,000 лошадей. Въ Кабинетѣ положено было на первое время выбрать удобныя мѣста въ дворцовыхъ и ясачныхъ дачахъ на 2,000 заводныхъ кобылъ и на 240 жеребцовъ, вслѣдствіе чего въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ выбрано было десять мѣстъ [8]). Но мы видѣли, что, по случаю Польской войны, и Волынскій долженъ былъ отправиться къ дѣйствующей арміи. Послѣ, въ 1739 году, встрѣчаемъ распоряженіе объ устройствѣ конскихъ заводовъ въ малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ; тогда же велѣно было учредить государственные лошадиные заводы въ синодальной области и въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ [9]).

Относительно горнаго дѣла въ 1733 году учреждена была особая коммисія подъ предсѣдательствомъ графа Михайлы Головкина; она должна была рѣшить старый вопросъ: что выгоднѣе—на казенномъ ли коштѣ содержать желѣзные и мѣдные заводы, или отдать частнымъ людямъ, и на какихъ

[1]) Полн. Собр. Зак., № 6546.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 6551.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 6858.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 7060.
[5]) Дѣла Сената по Кабинету, № 15—1092.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 7077, 7183.
[7]) Полн. Собр. Зак., № 6967.
[8]) Дѣла Сената по Кабинету, № 9—1086.
[9]) Полн. Собр. Зак., № 7889, 7954.

условіяхъ [1]). Сильнымъ побужденіемъ къ поднятію этого вопроса были жалобы старика Геннина на затруднительность его положенія. Геннинъ въ 1732 году жаловался на Усольскаго воеводу Овцына, который приписнымъ къ заводамъ крестьянамъ не велѣлъ ходить на заводскія работы и употребляетъ ихъ въ подряды у соляныхъ промышленниковъ къ строенію судовъ, на томъ основаніи, что эти крестьяне лодочные плотники. „Но если такой воеводскій порядокъ допустить", писалъ Геннинъ, „то и вся Пермь, отбывая отъ работъ, станетъ говорить, что всѣ лодейные плотники и ихъ свойственники; къ заводамъ отъ воеводы радѣнья нѣтъ: всѣхъ заводскихъ крестьянъ желаетъ взять подъ свой приказъ и власть. Казеннымъ заводамъ еще противность отъ тѣхъ, которымъ слѣдовало больше другихъ имѣть объ нихъ попеченіе, а именно — отъ горной экспедиціи Коммерцъ-Коллегіи: нынѣ дотого дошло, что некому юстицкихъ и счетныхъ, и всѣхъ конторскихъ дѣлъ управлять и въ добромъ порядкѣ содержать, а онъ, Геннинъ, въ томъ неискусенъ, да хотя бы и умѣлъ, да некогда за частыми отлучками на другіе заводы, для ихъ исправленія и для строенія новыхъ заводовъ; а отъ Сената и отъ Коммерцъ-Коллегіи спрашиваютъ дѣлъ много подъ штрафомъ, и хотя у всѣхъ горныхъ и заводскихъ дѣлъ подъячихъ имѣется съ 130 человѣкъ, и безъ того быть нельзя, только смотрѣть за канцелярскими дѣлами, распредѣлять ихъ и въ добромъ порядкѣ вести, счеты свидѣтельствовать и юстицкія дѣла отправлять некому; а тюрьма наполнена колодниками; также много тамъ ссыльныхъ, и опасно, чтобъ, сообщась съ тюремными сидѣльцами, не сдѣлали какого зла, потому что мѣсто съ Башкирами пограничное. Никто туда ѣхать не хочетъ, думая ему, Геннину, тѣмъ досадить, и чтобы онъ одинъ пропалъ, и не могъ обѣщанную сумму желѣза и мѣди поставить. Частными людьми мѣдные и желѣзные заводы строятся не въ дальнемъ разстояніи отъ казенныхъ заводовъ, а другіе на казенной заводской землѣ; заводы строились и строятся безъ вѣдома его по точнымъ изъ бывшей Бергъ-Коллегіи указамъ, и не справясь прежде съ Сибирскимъ оберъбергъ-амтомъ, и болѣе въ небытность его, Геннина; а изъ Сената требуютъ отъ него мнѣнія, чтобъ прислать въ Коммерцъ-Коллегію, а потомъ чтобъ эта Коллегія дала свое мнѣніе, не будетъ ли отъ частныхъ заводовъ казеннымъ вреда. Но такого важнаго дѣла ему одному дѣлать невозможно; да и Коммерцъ-Коллегія, не видавъ дѣла на мѣстѣ, чрезъ репортъ дать мнѣнія не можетъ: надобно прислать особую коммисію". Представляя все это, Геннинъ писалъ Остерману: „По возможности труждаюся на казенныхъ заводахъ, чтобъ къ государственной славѣ и интересу привесть, и того ради на всѣ стороны ссориться понужденъ, чтобъ губернаторъ и провинціальные воеводы вымышленно помѣшательства не чинили, такожде чтобъ господа сенаторы, а наипаче Коммерцъ-Коллегія, помогали, сверхъ того утруждаю Кабинетъ, понеже ея и. в—ство изволила мнѣ указать, дабы я писалъ прямо къ ней, ежели какая остановка заводамъ будетъ или чего когда понадобится. Нынѣ опасенъ болѣе Кабинетъ и Сенатъ утруждать моими частыми докуками, не знаю что дѣлать: докукою скучать ли, или не требовать и молчать, и буде такъ дѣлать, то заводы могутъ остановиться, а на мнѣ того спрашиваютъ, и того ради прошу вашего графскаго сіятельства въ томъ меня въ своей милости содержать и къ пользѣ государственныхъ горныхъ и заводскихъ дѣлъ вспоможеніе учинить для славы государственной, а я бы радъ, чтобъ сильное лице здѣсь было, нежели я, и который бы болѣе патроновъ и голосъ имѣлъ; что мнѣ, чужестранцу, дѣлать, когда меня оставляютъ и на меня гнѣваются? Я живу воистину въ великой печали".

Въ іюлѣ 1733 года Геннинъ писалъ Остерману рѣшительно: „Припадая къ ногамъ вашимъ, прошу, чтобъ я отсюды былъ уволенъ, а быть бы мнѣ при артиллеріи, понеже мнѣ такія великія дѣла одному болѣе управить несносно, и вижу, что я въ дѣлахъ оставленъ и никакой помощи нѣтъ, но болѣе помѣшательства, дабы мнѣ здѣсь отъ того напрасно, будто за неисправленіе, въ чемъ я не виноватъ, не пропасть за мои вѣрныя въ Россіи чрезъ тридцать три года службы. А я признаваю, что мой злодѣй и поноситель на меня ассесоръ Горчаковъ болѣе виноватъ и доноситъ вездѣ, будто я имѣю здѣсь людей съ кѣмъ управлять довольно, а онъ самъ чрезъ коварства свои отсюды отбылъ; а Коммерцъ-Коллегія ему вѣритъ и, можетъ быть, и другіе. А которыхъ управителей нынѣ здѣсь имѣю,—оные почти всѣ плуты и пьяницы, и болѣе оные за плутовства содержатся подъ карауломъ, также и о тѣхъ ихъ плутовствахъ слѣдуются дѣла, нежели настоящія заводскія дѣла дѣлаются, а какъ ихъ перемѣнить—я людей не имѣю" [2]). Въ слѣдующемъ году, на смѣну Геннина, отправленъ былъ въ Сибирскую и Казанскую губерніи для завѣдыванія горными заводами извѣстный Василій Никитичъ Татищевъ.

Устроивши все, какъ слѣдуетъ, въ Екатеринбургѣ и Перми, Татищевъ долженъ былъ ѣхать въ Томскій и Кузнецкій уѣзды и стараться построить тамъ сильные заводы; если самому нельзя, то отправить за тѣмъ же товарищей въ Нерчинскъ, Иркутскъ и другія дальнія мѣста. Татищевъ долженъ былъ въ Башкиріи отыскать то мѣсто, гдѣ еще во времена царя Алексѣя Михайловича найдена была серебряная руда; долженъ былъ стараться нѣкоторыя работы исправлять вольнымъ наймомъ, потому что Демидовъ, у котораго нѣтъ и четвертой части приписныхъ крестьянъ противъ казенныхъ заводовъ, несмотря на то отпускаетъ желѣза вдвое болѣе противъ казенныхъ заводовъ.

[1]) Полн. Собр. Зак., № 6411.

[2]) Дѣла Сената по Кабинету, № 21—1098.

Татищеву порученъ былъ надзоръ надъ всѣми частными горными заводами бароновъ Строгановыхъ, дворянъ Демидовыхъ и другихъ. Онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобъ заводчики негоднаго желѣза и нечистой мѣди не продавали, расплачивались съ мастерами добросовѣстно, лишнею передачею мастеровъ другъ отъ друга не переманивали, не держали бѣглыхъ крестьянъ и другъ друга не притѣсняли; смотрѣть накрѣпко, чтобъ они на своихъ заводахъ не выдѣлывали никакихъ военныхъ орудій. Во всѣхъ законныхъ требованіяхъ Татищевъ долженъ былъ помогать имъ совѣтомъ и дѣломъ, защищать отъ обидъ, и, въ случаѣ распрей между ними, давать правый и скорый судъ [1]).

Татищевъ донесъ, что въ Сибири въ разныхъ мѣстахъ найдено рудъ множество, такъ что можно хотя тридцать заводовъ построить, и предлагалъ вызвать охотниковъ для построенія заводовъ. Правительство согласилось [2]). Въ сентябрѣ 1735 г. Татищевъ писалъ изъ Екатеринбурга императрицѣ: „Сего сентября 5 числа ѣздилъ я отсюда на рѣку Кушву и, пріѣхавъ на оную 8 числа, осматривалъ; оная гора есть такъ высока, что кругомъ видѣть съ нея верстъ по 100 и болѣе; руды въ оной горѣ не токмо наружной, которая изъ горъ вверхъ столбами торчитъ, но кругомъ въ длину болѣе 200 саженъ, поперекъ на полдень саженъ на 60; раскапывали и обрѣли, что всюду лежитъ сливная однимъ камнемъ въ глубину; надѣюсь, что и во многіе годы дна не дойдемъ. Для такого обстоятельства назвали мы оную гору — Благодать, ибо такое великое сокровище на счастіе вашего величества по благодати Божіей открылось, тѣмъ же и вашего величества имя въ ней въ безсмертность славиться имѣетъ“ [3]).

Сильное развитіе горнаго дѣла въ приуральскихъ странахъ и далѣе на востокъ, многосложность отношеній, увеличеніе числа промышленниковъ, частыя столкновенія между ними требовали точныхъ опредѣленій и правилъ, и Татищевъ немедленно же занялся составленіемъ горнозаводскаго устава, взявши для него за основаніе богемскій горнозаводскій уставъ [4]); но передъ началомъ дѣла онъ счелъ за нужное созвать въ Екатеринбургѣ всѣхъ частныхъ промышленниковъ и приказчиковъ, къ которымъ обратился съ просьбою подавать свои мнѣнія и защищать ихъ свободно: „Всякъ имѣетъ волю свое мнѣніе объявить, колико ему Богъ въ томъ знанія удѣлилъ и притомъ остаться доколѣ или тотъ, или другой, познавъ лучшую истину, первое перемѣнитъ; я же вамъ всѣмъ, по моей должности и по крайнему разумѣнію, служить и моимъ совѣтомъ помогать желаю“. Вѣрный мысли Петра Великаго, Татищевъ въ своемъ уставѣ обратилъ особенное вниманіе на поддержаніе коллегіальнаго порядка въ „канцеляріи главнаго правленія Сибирскими горными заводами“, какъ онъ назвалъ учрежденіе, носившее до сихъ поръ названіе оберъ-бергъ-амта. При этомъ Татищевъ указываетъ на непорядки, существовавшіе въ его время въ коллегіяхъ: „Въ нѣкоторыхъ тому подобныхъ *собранныхъ правленьяхъ* не весьма уставу слѣдуютъ, яко главные, прежде выслушать нижнихъ голосовъ, свое мнѣніе объявляютъ, для котораго иногда нижніе за почтеніе, изъ милости или за страхъ, истинное свое мнѣніе и сущую надлежность не объявя, оставляютъ и одному неправильному согласуютъ и послѣдуютъ; а потомъ, когда къ суду позваны бываютъ, тѣмъ отговариваются, что не они большіе. Другіе же коварно при даяніи голосовъ весьма молчатъ, и когда протоколъ къ закрѣпѣ придетъ, тогда, показывая себя, начинаютъ спорить и новые доводы показывать, чрезъ что въ дѣлахъ токмо дѣлаютъ продолженіе; нѣкоторые же по закрѣпѣ дерзаютъ противу порядка изъ домовъ своихъ протесты присылать или протоколисту отдаютъ, ища токмо другихъ невинно опорочить“. Татищевъ вооружился также противъ злоупотребленій относительно пытокъ и казней и здѣсь, слѣдуя мысли Преобразователя, высказанной въ Уложеніи и процессѣ воинскаго суда. „Нѣкоторые судьи“, говорится въ горномъ уставѣ, „забывъ страхъ Божій и вѣчную души своей погибель и призрѣвъ законы, многократно по злобѣ или кому дружа, а наипаче проклятымъ лихоимствомъ прельстяся или кто глупымъ и неразсуднымъ свирѣпствомъ преисполняся, людей неподлежаще на пытки осуждаютъ и безъ всякой надлежащей причины неумѣренно и по нѣколику разъ пытаютъ; нѣкоторые же до смерти пытаются, и на смерть или къ лишенію чести, безъ всякаго, къ тому надлежащаго доказательства, осуждаютъ“. По уставу Татищева, земскій судья не могъ никого пытать безъ извѣщенія главнаго заводскаго правленія и общаго согласія. Смертный приговоръ могъ быть постановленъ только въ присутствіи всѣхъ членовъ канцеляріи главнаго правленія; человѣкъ изъ шляхетства и заслужившій знатный рангъ не могъ быть пытанъ и лишенъ чести; полагалось поступать безъ всякаго послабленія въ истязаніи и наказаніи только съ сущими ворами, особенно съ сыльными [5]).

Въ мартѣ 1735 года Татищевъ писалъ обоимъ кабинетъ-министрамъ, Остерману и Черкасскому вмѣстѣ, любопытное письмо: „О здѣшнихъ дѣлахъ нынѣ много донести не имѣю, токмо что раскольниковъ по всѣмъ заводамъ стали переписывать, и хотя я думалъ, что ихъ душъ 1,000 либо наберется, однако слышу отъ нихъ самихъ, что ихъ болѣе 3,000 будетъ. Отъ оныхъ приходилъ ко мнѣ первый здѣшній купецъ Осеневъ и приносилъ 1,000 рублевъ, и хотя притомъ никакой просьбы не представлялъ, однакожъ я могъ вы-

[1]) Полн. Собр. Зак., № 6559.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 6841.

[3]) Дѣла Сената по Кабинету, № 56—1632. Татищевъ намекаетъ здѣсь на то, что Анна значитъ благодать.

[4]) Тамъ же, № 56—1133.

[5]) Горный журналъ 1828 и 1831 годовъ; Германа— Историческое начертаніе горнаго дѣла въ Россіи, стр. 138 и слѣд. Попова - Татищевъ и его время, глава III.

разумѣть, чтобъ я съ ними такъ-же поступилъ, какъ и прежніе; я ему отрекся, что мнѣ, не видя дѣла и не зная за что, принять сумнительно. Назавтра пришелъ паки, да съ нимъ Осокиныхъ приказчикъ Набатовъ и принесъ другую тысячу; но я имъ сказалъ, что ни десяти не возьму, понеже то было противъ моей присяги. Но какъ они прилежно просили и представляли, что ежели я отъ нихъ не приму, то они будутъ все въ страхѣ, и будутъ искать другихъ мѣстъ, и я, опасаясь, чтобъ какого вреда не учинить, обѣщалъ имъ оныя принять, когда о невысылкѣ ихъ указъ получу, а до тѣхъ бы мѣстъ держали тѣ деньги у себя, и съ тѣмъ ихъ отпустилъ. А по выходѣ Набатова, Осеневъ мнѣ говорилъ, что генералъ-поручикъ Геннинъ, пріѣхавъ послѣдній разъ съ Москвы, объявилъ-де мнѣ, что онъ весьма разорился и яко бы ему болѣе 10,000 убытка стало, и посылалъ-де меня къ Демидова приказчикамъ говорить, чтобъ за показанныя его благодѣянія тотъ его убытокъ наградили, и потому приказчикъ Демидова, Степанъ Егоровъ, ему, генералъ-поручику, то число денегъ привезъ и отдалъ, которымъ и меня склонялъ, чтобъ я такъ же поступилъ; но я ему на то сказалъ, что я какъ Демидову, такъ и вамъ, во всемъ томъ, что не противно моей должности, помогать и охранять готовъ безъ всякой за то мзды, а ежели въ чемъ есть имъ нужда, то-бъ благонадежно мнѣ сказывали. По оному тѣ раскольники такъ стали быть благонадежны, что они мнѣ ихъ тайности стали открывать: первое показали о двухъ пустыняхъ, въ которыхъ много поповъ, старцевъ, старицъ и другихъ бѣглецовъ поселились въ лѣсахъ близъ Демидова заводовъ, и спрашивали, надобно-ль ихъ переписать, прося токмо, чтобъ ихъ податьми не отяготить; и я имъ велѣлъ подать доношеніе, по которому пошлю ихъ переписать, а о податяхъ обѣщалъ донести ея в—ству, чтобъ брать съ возможныхъ; токмо и для той переписки велѣлъ выбрать человѣка, кого они хотятъ. Другое: весьма они опасаются, чтобъ въ школахъ дѣтей ихъ не принуждали по новымъ книгамъ учиться; но я имъ обѣщалъ токмо обучать ариѳметикѣ и геометріи, а до прочаго яко-бы мнѣ дѣла нѣтъ. Третіе: просили, чтобъ на заводахъ кабакамъ не быть, опасаясь, чтобъ чрезъ то многіе ученія ихъ не отстали, и говорили паки, что Демидовы и прочіе промышленники тотъ откупъ на себя снимутъ и меня обѣщали довольно наградить; но я имъ въ томъ весьма отказалъ, показуя данную мнѣ инструкцію, гдѣ написано точно на казенныхъ и партикулярныхъ заводахъ кабаки учредить. И сіе вамъ доношу не для самохвальства или по какой злости, но паче чтобъ вы о всемъ были извѣстны, и ежели потребно усмотрите, можете благонадежно за истину ея величеству донести, и я все то доказать могу. При семъ же покорно нижайше прошу вашего сіятельства, милостивыхъ моихъ государей, чтобъ посланныя мои доношенія изволили разсмотрѣть, и ежели я въ чемъ, хотя ни отъ какой страсти, но развѣ отъ неразумѣнія, пристойность преступилъ, милостивое ваше защищеніе покажите и меня увѣдомить повелите, дабы я впредь отъ невѣдомаго погрѣшенія могъ остеречься".

Остерманъ отвѣчалъ ему на это: „Мы ея императорскому величеству доносили, и ея величество изволили указать къ вамъ писать, чтобъ вы весьма тайно и секретно того Демидова приказчика Стефана Егорова прислали сюда въ Петербургъ съ такою крайнею осторожностію, чтобъ ни хозяинъ его, ни другіе про то вѣдать не могли, понеже ея величество здѣсь оное дѣло изслѣдовать повелитъ секретно. И ежелибъ оный Осеневъ для доказательства потребенъ былъ, то имѣете и онаго прислать особливо". Егоровъ былъ отправленъ въ Петербургъ и здѣсь показалъ, что въ 1729 году Геннинъ былъ на заводѣ у Демидова и говорилъ Егорову: „Я теперь разорился, пропало у меня за моремъ въ банкѣ 10,000 рублей; отпиши къ хозяину, чтобъ мнѣ уступилъ желѣза здѣсь при заводѣ 20,000 пудъ за 30 копѣекъ пудъ и довезъ до Петербурга на своихъ судахъ, а за провозъ я заплачу, и за то ему всегда буду слуга". Егоровъ писалъ объ этомъ хозяину, но тотъ отвѣчалъ, чтобъ выдали Геннину 4,000 рублей деньгами, что Егоровъ и исполнилъ; другихъ же дачъ деньгами Геннину не было, давали посуду мѣдную и другія мелочи". Какъ ни тайно вели дѣло, Геннинъ однако узналъ, что Егоровъ присланъ доносителемъ на него, и написалъ Остерману, что въ продолженіи тридцати семи лѣтъ службы онъ ни отъ кого не корыстовался, во всемъ чистъ, и требовалъ строгаго допроса Егорову въ Кабинетѣ и очныхъ ставокъ. Но въ декабрѣ, по приказу господъ министровъ, Егоровъ изъ-подъ караула освобожденъ и отпущенъ на заводы [1]).

Геннинъ былъ отомщенъ тѣмъ, что скоро явились жалобы и на Татищева.

Несмотря на желаніе новаго начальника жить въ мирѣ съ частными владѣльцами заводовъ и сочинять горный уставъ сообща съ ними, въ Петербургъ пошли жалобы на него отъ главныхъ заводчиковъ—Строгановыхъ и Демидова [2]). Строгановы жаловались, что Татищевъ нападаетъ на ихъ приказчиковъ, грозитъ бить ихъ кнутовъ на томъ основаніи, что приказчики запрещаютъ своимъ крестьянамъ пріискивать руду, тогда какъ приказчики вовсе этого не запрещаютъ, не велятъ только своимъ крестьянамъ ставить руду на чужіе заводы; потомъ велитъ прокладывать дорогу, въ которой нѣтъ никакой надобности, потому что лѣтомъ ѣздятъ водою, а зимою по льду. Демидовъ жаловался, что Татищевъ беретъ у него даромъ матеріалъ для казенныхъ построекъ, беретъ на казенные заводы съ его заводовъ мастеровъ и рабочихъ. Неизвѣстно, какъ правительство удостовѣрилось, что правы жалобщики; только въ апрѣлѣ 1736 года Татищеву

---

[1]) Полн. Собр. Зак., 6840, 6938, 4939.

[2]) Дѣла Сената по Кабинету, № 56—1032.

были присланы указы: „вслѣдствіе его нападокъ, Строгановскихъ приказчиковъ и крестьянъ не вѣдать, по дѣламъ горнымъ вѣдать ихъ въ Коммерцъ-Коллегіи, а по солянымъ—въ соляной конторѣ, также и Демидова вѣдать въ Коммерцъ-Коллегіи для вышепоказанныхъ отъ васъ обидъ и происходящихъ между вами приказныхъ ссоръ". 24 августа 1736 года Татищевъ писалъ Остерману и Черкасскому: „Вашему сіятельству извѣстно, что я сюда ѣхать никакой охоты не имѣлъ и никогда и ни къ какому дѣлу не искалъ; но когда ея и. в—ство по всевысокой ея волѣ повелѣла мнѣ здѣсь быть, а ваше сіятельство, по прежней ко мнѣ и природной ко всѣмъ показуемой милости, меня тѣмъ и всегдашнимъ отъ нападчиковъ защищеніемъ и въ положенномъ на меня дѣлѣ помощію милостивою обнадежили, и потому я не токмо съ охотою ѣхалъ, о исполненіи повелѣннаго и пріобрѣтеніи великой ея и. в—ства прибыли никоего сумнѣнія не имѣлъ. Но какъ всякій человѣкъ несовершененъ, часто зло за добро, а вредное за полезное почитаетъ, чѣмъ часть благополучія, отъ того погибаетъ: такъ сіе со мною наипаче учинилось, что я отъ крайней глупости, хотя ни изъ коей собственной прихоти или злости противъ воли и намѣренія ея и. в—ства безумно такъ великихъ и сильныхъ людей, господъ бароновъ Строгановыхъ и дворянина Акинея Демидова, къ жалобамъ на меня и утружденію ея и. в—ства и вашего сіятельства подвинулъ, и за то вижу, что достойно такъ тяжкимъ гнѣвомъ наказанъ и обѣщанной милости и помощи вашего сіятельства видя себя лишенна, въ страхѣ крайней погибели и отчаяніи всякаго благополучія пришедъ, ничего начать, ниже представить смѣю. Большій паче всѣхъ страхъ и печаль наносятъ мнѣ дѣла по тайнымъ розыскамъ, которые здѣсь отъ плутовъ ссыльныхъ объявляются и о розыскѣ оными нынѣ точный ея и. в—ства указъ; но потомъ изъ Канцеляріи Тайныхъ Розыскныхъ Дѣлъ съ гнѣвомъ присланъ былъ указъ, яко бы я не въ свое дѣло безъ указа не вступилъ" [1]). Новый горный уставъ не былъ утвержденъ. Татищевъ объясняетъ свои неудачи немилостію Бирона, которую онъ навлекъ на себя тѣмъ, что, „усмотря, что отъ бывшихъ нѣкоторыхъ Саксонцевъ въ строеніи заводовъ всѣ чины и работы, якоже и снасти, по-нѣмецки названы, которыхъ многіе не знали и правильно выговорить или написать не умѣли, сожалѣя, чтобы слава и честь отечества и его трудъ тѣми именами нѣмецкими угѣснены не были, ибо по онымъ Нѣмцы могли себѣ неподлежаще въ размноженіи заводовъ честь привлекать, еще же изъ того и вредъ усмотря, что незнающіе тѣхъ словъ впадали въ невинное преступленіе, и дѣло во опущеніи, яко полномочный, всѣ такія званія оставилъ, а велѣлъ писать русскими". Представленіе его въ Кабинетъ объ этой перемѣнѣ было одобрено императрицею; но Биронъ „такъ сіе за зло принялъ, что не однажды говаривалъ, яко бы Татищевъ главный злодѣй Нѣмцевъ". Но если-бъ и дѣйствительно Биронъ разсердился за перемѣну нѣмецкихъ названій на русскія, то не здѣсь однако нужно искать причины неутвержденія новаго устава; самъ Татищевъ въ другомъ мѣстѣ объясняетъ дѣло удовлетворительно перемѣною главнаго управленія горнымъ дѣломъ вообще: „Бергъ-директоріумъ учиненъ въ 1736 году вмѣсто Бергъ-Коллегіи; когда Биронъ вознамѣрился оный великій государственный доходъ похитить, тогда онъ, призвавъ изъ Саксоніи Шемберга, который хотя ни малаго знанія къ содержанію такихъ великихъ казенныхъ, а паче желѣзныхъ заводовъ не имѣлъ и нигдѣ не видѣлъ, учинилъ его генераломъ-бергъ-директоромъ съ полною властію, частію подчиня Сенату; но потомъ, видя, что Сенатъ требуетъ о всемъ извѣстія и счета, а Татищевъ, которому всѣ сибирскіе заводы поручены были, письменно его худые поступки и назначеніе представилъ:—тогда, оставя всѣ учиненныя о томъ коммисіи представленія, всѣ заводы подъ именемъ Шемберга тому Бирону съ нѣкоторыми темными и весьма казнѣ убыточными договоры отдалъ". По свидѣтельству Татищева, Биронъ и Шембергъ въ два года похитили болѣе 400,000 рублей. Коммисія, о которой упоминаетъ Татищевъ, была составлена въ 1738 году; ей былъ предложенъ на разрѣшеніе тотъ же вопросъ: „На казенномъ ли коштѣ заводы прибыльнѣе содержать, или въ компаніи партикулярнымъ отдать". Коммисія отвѣчала, что выгоднѣе отдать въ компанію. На этомъ основаніи, въ 1739 году изданъ былъ бергъ-регламентъ [2]). Но еще прежде, въ 1737 году, Татищевъ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, былъ переведенъ въ Оренбургскую экспедицію для устройства Башкирскаго края.

Что касается самаго многочисленнаго класса промышленниковъ-земледѣльцевъ, то мы видѣли, что главное вниманіе было обращено на то, чтобъ они исправно платили подати и доимки. Съ этою цѣлію въ 1732 и 1733 году запрещено было помѣщикомъ переселять крестьянъ съ одного мѣста на другое, не подавши просьбы о томъ въ Камеръ-Коллегію, „дабы отъ такого безуказнаго перевода въ платежѣ подушныхъ денегъ и рекрутъ и прочихъ указныхъ сборовъ не мало помѣшательствъ и доимокъ, и ея императорскаго величества арміи въ дачѣ жалованья не было нужды" [3]). Но въ томъ же 1733 году во многихъ мѣстахъ не родился хлѣбъ, и крестьяне пошли по міру; въ апрѣлѣ 1734 года императрица, „имѣя попеченіе не токмо о томъ, дабы крестьяне въ такомъ случаѣ пропитаны были, но паче сохраняя благополучіе и цѣлость государства своего", повелѣла публиковать указами, чтобъ помѣщики, управители и экономы крестьянъ и людей своихъ кормили, по міру ходить не допускали и сѣменами снабдѣвали, дабы

[1]) Лексиконъ Россійскій, Татищева I, 144, 145; II, 22.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 7589, 7766.

[3]) Полн. Собр. Зак., 6117, 6453.

земля праздна не лежала [1]). Но указы не имѣли надлежащаго дѣйствія, и въ концѣ года явился новый указъ, въ которомъ говорилось, что крестьяне, не получая ссуды и вспоможенія, терпятъ въ хлѣбѣ великую нужду, земли къ будущему году засѣяны рожью не всѣ, крестьяне бродятъ по міру и иные бѣгутъ въ разныя мѣста. Въ указѣ накрѣпчайше подтверждалось помѣщикамъ, духовнымъ властямъ, управителямъ и приказчикамъ кормить крестьянъ и снабдить сѣменами для посѣва яроваго хлѣба, грозя въ противномъ случаѣ жестокимъ истязаніемъ и вѣчнымъ разореніемъ; губернаторы, воеводы и штабныхъ дворовъ офицеры будутъ подвергнуты тому же, если не будутъ наблюдать за исполненіемъ указа и репортовать объ ослушникахъ. Но пришли извѣстія, что бѣдствіе достигаетъ высшей степени: во многихъ мѣстахъ крестьяне отъ голода пухнутъ, лежатъ больны, а нѣкоторые и умираютъ, и потому, въ началѣ 1735 года, Сенатъ приказалъ купить провіанта въ Нижнемъ до 5,000 рублей, въ Арзамасской провинціи—до 2,000, въ провинціяхъ и городахъ Московской губерніи—до 6,000, и раздавать этотъ хлѣбъ совершенно неимущимъ, которые крестьянъ своихъ пропитать не могутъ, взаймы съ росписками, и самимъ крестьянамъ, ходящимъ по міру, давать въ милостыню съ записками. Въ Москвѣ, Смоленскѣ и Твери производить такую раздачу изъ магазиновъ; при этомъ смотрѣть, чтобъ не раздавали такимъ, которые сами крестьянъ своихъ прокормить могутъ, какъ въ 1734 году дѣлалъ Московскій вице-губернаторъ Вельяминовъ-Зерновъ [2]). Крестьяне отъ голода бѣжали: ихъ ловили и отдавали прежнимъ землевладѣльцамъ; но по указу 1721 года бѣглаго при отдачѣ должно было наказывать кнутомъ, чтобъ другимъ бѣгать было неповадно: нашли жестокимъ примѣнить этотъ законъ къ крестьянамъ, бѣжавшимъ отъ голода, и въ 1736 году изданъ былъ указъ, чтобъ бѣглыхъ наказывать кнутомъ или кошками, плетьми или батогами по волѣ помѣщиковъ, а дворцовыхъ и церковныхъ крестьянъ— по волѣ ихъ начальниковъ, кто кого какъ пожелаетъ наказать [3]).

Вступленіе русскаго войска въ Польшу дало возможность отыскивать въ ея владѣніяхъ и возвращать русскихъ бѣглыхъ крестьянъ; но съ выходомъ войска оттуда, въ 1735 году, эта возможность начала прекращаться. Смоленскій губернаторъ Александръ Бутурлинъ доносилъ въ 1735 году, что изъ пограничныхъ польскихъ мѣстъ бѣглыхъ крестьянъ высылаютъ, а изъ отдаленныхъ сами собою бѣглые очень рѣдко выходятъ, а принудить ихъ къ тому нельзя, хотя и ѣздятъ туда смоленскіе помѣщики. Поляки только видъ дѣлаютъ, что готовы выдать, а крестьяне, по взятіи ихъ, снова уходятъ и уже скрываются, потому что крестьянство отъ польскихъ обывателей такъ приманено и приласкано слабостію и вольностію, что который мужикъ и возвратится, и тотъ уже никакой работы лишней передъ тамошней понесть не можетъ, и всячески проискиваетъ, какъ бы опять уйти, и для того, будучи во дворѣ своемъ, ничего не прочитъ и не радѣетъ о себѣ. Бутурлинъ предложилъ странное средство къ удержанію русскихъ крестьянъ отъ бѣгства въ Польшу: которые крестьяне не бѣгали, съ тѣхъ брать подати попрежнему; а которые возвратились изъ бѣговъ, съ тѣхъ брать съ уменьшеніемъ, именно сколько въ Польшѣ берутъ. Увидя это, многіе и не подумаютъ бѣжать, и ушедшіе съ радостію возвратятся, даже природные Поляки многіе переселятся въ Россію для избѣжанія происходящихъ у нихъ междоусобій и безпокойствъ [4]).

Бѣгство крестьянъ, конфискація купеческаго имущества при взысканіи доимокъ, разумѣется, препятствовали развитію торговли, процвѣтанію городовъ. Лѣтомъ 1734 года Татищевъ, ѣдучи въ Сибирь, писалъ съ дороги, изъ Нижняго, Остерману, что урожай плохой, потому что мало сѣяно, и крестьяне бѣгутъ толпами. Несмотря однако на это, онъ нашелъ, что въ городахъ хлѣбъ былъ не дорогъ, прежде былъ дороже; доискиваясь причины такого удивительнаго явленія, Татищевъ нашелъ, что дешевизна хлѣба происходила отъ великой скудости въ деньгахъ; сталъ разспрашивать, отчего денегъ мало, и узналъ, что купечество вездѣ упало и почти не торгуетъ, крестьянскихъ товаровъ не покупаетъ, ибо на всемъ почти купечествѣ великая доимка показана, дворы и пожитки описаны. Въ Переяславлѣ-Рязанскомъ было описано болѣе двухъ третей посадскихъ дворовъ, отчего нѣкоторые, и будучи въ состояніи торговать, но надѣясь оправдаться въ доимкѣ, не торгуютъ, другіе торговали на кредитъ, но теперь никто имъ не вѣритъ. Въ Нижнемъ Татищевъ зналъ многихъ купцовъ, которые торговали тысячъ на десять и больше, а въ описываемое время ничѣмъ не торговали. Макарьевскую ярмарку Татищевъ нашелъ въ очень дурномъ положеніи [5]). Относительно внѣшней торговли продолжались еще завѣщанныя древнею Россіею жалкія хлопоты о продажѣ такъ называемыхъ казенныхъ товаровъ. Въ 1732 году Сенатъ нашелъ, что отправлять казенный товаръ—поташъ на русскихъ корабляхъ отъ Архангельска за границу на коммисію очень убыточно, что гораздо полезнѣе продавать казенные товары при русскихъ портахъ вѣрнымъ купцамъ. При этомъ Сенатъ представлялъ необходимость уменьшить добываніе поташу и смольчуга, ибо во многихъ мѣстахъ, гдѣ бывали поташные и смольчужные заводы, тамъ стали степи и на дрова лѣсу не осталось. Выгоднѣе было, по мнѣнію Сената, умножить желѣзное и мѣдное производство. Но по указу императрицы поташъ и желѣзо были отданы купцамъ Шифнеру и Вольфу, по 12 ефимковъ за берковецъ: проданъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 6653.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 6682.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 6951.

[4]) Дѣла Сената по Кабинету, № 28—1105.
[5]) Дѣла Сената по Кабинету, № 56—1105.

былъ весь наличный поташъ, да кромѣ того казна обязалась поставлять имъ по 2,000 бочекъ ежегодно въ продолженіи пяти лѣтъ, для чего приписано было на поташные заводы 10,000 душъ крестьянъ къ прежнимъ 17,000 [1]).

Для увеличенія доходовъ старались усилить промыслы, въ неурожайные годы заставляли землевладѣльцевъ кормить крестьянъ и снабжать ихъ сѣменами; но для всего этого нужны были капиталы, а ихъ было мало въ бѣдной, непромышленной странѣ; кто хотѣлъ занять денегъ для заведенія или усиленія промысла, для прокормленія крестьянъ, на покупку сѣмянъ во время голода, тотъ съ трудомъ могъ найти денегъ, и если находилъ, то долженъ былъ платить большіе проценты, которые дѣлали заемъ разорительнымъ. Въ указѣ 1733 года говорится, что многіе, имѣя нужду въ деньгахъ, принуждены занимать у иностранцевъ и своихъ съ несносными великими процентами и съ такими закладами, которые вдвое больше занятыхъ денегъ, процентовъ даютъ по 12, 15 и 20, чего во всемъ свѣтѣ не водится, и случается, что проценты вычитаютъ изъ данныхъ денегъ впередъ; есть и такіе безсовѣстные грабители, что если должникъ пропуститъ хотя нѣсколько дней за срокъ, не отдаютъ заклада, хотя бы и деньги приносилъ. Вслѣдствіе этого, императрица, для государственной и всенародной пользы, указала монетной конторѣ давать взаймы деньги всякаго чина людямъ за 8 процентовъ въ годъ, съ закладомъ въ золотѣ или серебрѣ, и въ случаѣ неплатежа изъ заклада бралась только данная сумма, остальное же возвращалось должнику [2]).

Большіе проценты, заключая въ себѣ большую страховую премію, указывали такъ же ясно на неудовлетворительное состояніе правосудія въ странѣ, причемъ заимодавецъ не могъ надѣяться получить при своемъ искѣ скорое безубыточное удовлетвореніе; потому же, для обезпеченія, требовались и заклады. Въ концѣ 1732 года императрица жаловалась, что какъ въ Петербургѣ, такъ и въ областныхъ городахъ, въ правленіяхъ и судебныхъ мѣстахъ дѣла отправляются не съ такимъ порядкомъ и прилежаніемъ, какъ требуютъ регламенты и указы [3]). Въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ двое помѣщиковъ велѣли людямъ своимъ убить одного крестьянина Троицкаго-Сергіева монастыря, и тѣ задавили несчастнаго. Наряжена была особая коммисія для слѣдствія по этому дѣлу и въ 1736 г. открыла, что воевода и секретари изъ-за взятокъ покрывали виновныхъ. Воеводу и секретарей велѣно было казнить смертію, „и о такой экзекуціи публиковать во всемъ государствѣ, что ежели кто такъ же будетъ неправо и въ противность указовъ и изо взятковъ дѣла производить, то такимъ то-жъ чинено будетъ безо взякія пощады“ [4]).

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 6—1083.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 6400.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 6286.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 7108.

Порядочныя почты существовали только отъ Петербурга до Москвы, отъ Москвы до Украйны и въ Украйнѣ до Кіева. Только въ 1740 году встрѣчаемъ указъ, чтобъ „и во всѣ другія губерніи и провинціи *къ знатнымъ городамъ* учреждены и порядочно содержаны были почты, какъ для лучшаго отправленія купечества, такъ и для всякихъ другихъ потребностей“ [5]).

Успѣхи промышленности и торговли находились также въ тѣсной связи съ состояніемъ общественной безопасности, съ состояніемъ полиціи. Понятно, что императрица Анна относительно охраненія порядка полагалась особенно на своихъ родственниковъ по матери, Салтыковыхъ, и потому въ 1732 году назначила генералъ-полиціймейстеромъ генералъ-майора Салтыкова, который былъ обязанъ имѣть „главную дирекцію надъ всѣми полиціями въ государствѣ“ [6]). Но надъ чѣмъ ему было имѣть главную дирекцію? Несмотря на распоряженія Петра Великаго, въ самыхъ значительныхъ городахъ полиціи не было; въ 1733 году полиціймейстерская канцелярія представила императрицѣ докладъ объ учрежденіи полиціи въ десяти губернскихъ и тринадцати провинціальныхъ городахъ; императрица утвердила докладъ [7]). Однимъ изъ побужденій къ этому распоряженію былъ докладъ принца Гессенъ-Гомбургскаго, который, возвратившись изъ Астрахани, жаловался, что въ этомъ городѣ отъ несоблюденія чистоты господствуетъ самый вредный и язвительный смрадъ. Но въ 1737 году Сенатъ призналъ за лучшее отдать полицію въ городахъ, кромѣ двухъ столицъ, въ вѣдѣніе ратуши, на томъ основаніи, что если опредѣлить въ тѣ полиціи особыхъ офицеровъ и дворянъ, то надобно давать имъ жалованье и опредѣлить къ нимъ приказныхъ служителей и разсыльщиковъ съ жалованьемъ же, отчего будетъ казенный убытокъ; притомъ отъ этихъ офицеровъ и дворянъ будутъ обывателямъ обиды [8]). Въ 1733 году, принимая снова мѣры противъ бродяжничества, вспомнили указы Петра Великаго, который, вооружаясь противъ способныхъ къ работѣ тунеядцевъ, приказывалъ въ то же время строить богадѣльни для неспособныхъ работать; Сенатъ приказалъ построить въ Петербургѣ 17 богадѣленъ при церквахъ, такъ чтобы съ прежде существовавшими было 20; въ нихъ должно было давать пріютъ четыремъ стамъ человѣкамъ мужскаго и женскаго пола, помѣщая по 20 человѣкъ въ каждую богадѣльню [9]).

Въ 1734 году голодъ увеличилъ число нищихъ, и потому разрѣшено было подавать милостыню; кромѣ того, были приняты чрезвычайныя мѣры: у помѣщиковъ и хлѣбныхъ торговцевъ описали хлѣбъ, чтобъ не продавали высокою цѣною; продажа хлѣба производилась безпошлинно, движеніе

[5]) Полн. Собр. Зак., № 8182.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 6164.
[7]) Полн. Собр. Зак., № 6378.
[8]) Полн. Собр. Зак., № 7211.
[9]) Полн. Собр. Зак., № 6406.

хлѣба въ Петербургъ для вывоза за границу остановлено; въ провинціяхъ, терпящихъ отъ голода, велѣно остановить взысканіе подушныхъ денегъ [1]). Въ 1736 году правительство должно было признаться, что указы противъ бродягъ недѣйствительны: какъ въ Петербургѣ, такъ и во всѣхъ другихъ городахъ число нищихъ увеличилось и часъ отъ часу увеличивается, отъ множества ихъ трудно проѣзжать, и все люди способные къ работѣ. Такихъ, если они не были наказаны, велѣно было брать въ военную службу, а наказанныхъ употребять на казенныя работы [2]). Черезъ два года видимъ новое признаніе правительства, что указы его противъ нищенства недѣйствительны [3]). Въ началѣ 1740 г. опять именной указъ, что бродящихъ нищихъ людей многое число; а въ срединѣ года другой съ тою же жалобою и перечисленіемъ всѣхъ прежнихъ указовъ [4]).

Другое, почти постоянное въ русскихъ городахъ бѣдствіе должно было обращать на себя вниманіе полиціи — пожары. Въ 1735 году объявлено петербургскимъ жителямъ съ подпискою, чтобъ чистили трубы и смотрѣли за ихъ твердостію [5]). Въ слѣдующемъ году велѣно уничтожить пивоварни между жильемъ [6]). Полиція содержала печниковъ и трубочистовъ; послѣдніе получали съ обывателей по копѣйкѣ съ каждой печи [7]). Во время сильнаго пожара въ Петербургѣ въ 1736 году, „многіе отъ солдатъ и матросовъ безпорядки происходили, и, вмѣсто тушенія пожара, многіе изъ нихъ только въ грабежъ и воровство, пуще разбойниковъ, ударились; на почтовомъ дворѣ, изъ тѣхъ пожитковъ, которые отъ самихъ хозяевъ выношены были, сундуки насильственно разломали, пожитки растащили, письма и бумаги разбросали и, однимъ словомъ сказать, такъ поступили, что и въ непріятельской землѣ хуже поступать было невозможно" [8]). Въ Москвѣ сильный пожаръ [9]), 3 іюля 1736 года, подъ Новинскимъ и около Арбата, во время котораго сгорѣло 817 дворовъ, заставилъ распорядиться, чтобъ улицы были широкія, свободныя и прямыя, отъ четырехъ до девяти саженъ въ поперечникѣ; московская ратуша должна была содержать четыре большія заливныя трубы [10]). Но въ то время, какъ хлопотали о предупрежденіи пожаровъ въ отдаленныхъ частяхъ древней столицы, страшное бѣдствіе постигло части самыя значительныя и населенныя. 29 мая 1737 года, въ Троицынъ день, въ одиннадцатомъ часу утра, загорѣлось недалеко отъ Каменнаго моста, въ приходѣ Антипы чудотворца, въ домѣ Милославскаго. Поварова жена зажгла въ своемъ чуланѣ восковую свѣчу предъ образомъ, а сама пошла въ кухню готовить кушанье; свѣча отпала отъ образа и зажгла чуланъ, а увидать и погасить было некому: всѣ люди были у обѣдни [11]). При страшномъ вихрѣ пламя начало разбрасывать во всѣ стороны: выгорѣлъ Кремль, Китай и Бѣлый городъ. въ Земляномъ выгорѣли Басманныя улицы — Старая и Новая,— Нѣмецкая слобода, Слободской дворецъ, Лефортовская слобода. Пожаръ длился до четвертаго часа утра, 30 числа. Сгорѣло внутри: 39 церквей, обгорѣло снаружи 63, монастырей 11, дворцовъ 4, богадѣленъ 17, частныхъ домовъ 2,527; людей погибло 94 человѣка. Въ Кремлѣ сгорѣли: конюшенный дворъ, цейгаузъ, синодальный дворъ, житный дворъ; въ Китаѣ между сгорѣвшими зданіями упоминаются библіотека, комендантскій дворъ, аптека, печатный и посольскій дворы, ряды. Въ сенатскомъ архивѣ сгорѣло 926 переплетенныхъ книгъ съ дѣлами по сенатской канцеляріи, 32 книги съ дѣлами Вышняго Суда, въ главной дворцовой канцеляріи въ архивѣ сгорѣли старыя и новыя дѣла и протоколы этой канцеляріи, также дѣла бывшаго Приказа Большаго Дворца, писцовыя, приходныя, расходныя и прочія книги и всякія вѣдомости, всего въ десяти палатахъ; сгорѣлъ архивъ московской ратуши; сгорѣли окладныя и доимочныя книги московскимъ дворамъ и домовымъ банямъ, такъ что и споры о земляхъ рѣшать стало непочему [12]). Изъ коллегій, канцелярій, конторъ и приказовъ показано убытку на 414,825 рублей; по заявленіямъ частныхъ лицъ, убытку понесено ими на 1.267,384 рубля; но многіе сказокъ не подали [13]).

29 мая Москва сгорѣла отъ денежной свѣчки; но 4 іюля за Москвою-рѣкою, въ домѣ секретаря Остафьева произошелъ пожаръ: воровскіе люди зажгли сушило. 8 іюня, за Петровскими воротами, на дворѣ дѣвицы Волынской, у крестьянина ея въ избѣ нашли заткнутый въ стѣну сухой порохъ, завязанный въ тряпку. На другой день прислана была къ розыску дворовая дѣвка князя Михаила Владиміровича Долгорукаго, Мароа Герасимова, съ тряпицей и горѣлымъ охлопкомъ, которыми она зажигала въ домѣ своего господина, на Тверской, и съ одного розыска повинилась; ее сожгли живую. 13 іюня загорѣлось у Иліи Пророка, на Воронцовомъ полѣ: плотникъ повинился. что зажегъ съ сердца на хозяина, который въ Троицынъ день не накормилъ его и не напоилъ пивомъ. Въ томъ же мѣсяцѣ въ Петербургѣ, на Адмиралтейской сторонѣ, въ Греческой улицѣ, подлѣ дома цесаревны Елисаветы Петровны, у иностраннаго купца Линзена, на крышѣ найдена кубышка смоленая, внутри оклеена бумагою, обвязана мочаломъ, и сверху въ творилѣ ея насыпано пороху золотника съ два [14]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 6569.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 7041.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 7621.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 8128, 8209.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 6692.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 6947.
[7]) Полн. Собр. Зак. № 7232.
[8]) Дѣла Сената по Кабинету, № 71—1148.
[9]) Дѣла Сената по Кабинету, № 68—1146.
[10]) Полн. Собр. Зак., № 7055.

[11]) Записки Данилова, стр. 54.
[12]) Дѣла Сената по Кабинету, № 28—1105.
[13]) Тамъ же, № 71 1148.
[14]) Тамъ же.—Сгорѣлъ также Выборгъ. Въ 1738 году

Этимъ пожарамъ въ столицахъ лѣтомъ 1734 и 1735 годовъ предшествовали пожары лѣсные. Въ іюлѣ 1735 года императрица писала генералу Ушакову: „Андрей Ивановичъ! Здѣсь (въ Петербургѣ) такъ дымно, что окошка открыть нельзя, а все оттого, что по-прошлогоднему горитъ лѣсъ; намъ то очень удивительно, что того никто не смотритъ, какъ бы оные пожары удержать, и уже горитъ не первый годъ. Вели осмотрѣть, гдѣ горитъ и отчего оное происходитъ, и притомъ разошли людей и вели какъ можно поскорѣе, чтобъ огонь затушить“ [1]).

Наконецъ нужно было принимать мѣры противъ третьяго народнаго бѣдствія — повальныхъ болѣзней. Здѣсь средства государства были такъ же недостаточны, какъ и средства противъ пожаровъ у московской ратуши, у которой было четыре заливныя трубы на всю Москву. Въ 1737 году главная полиціймейстерская канцелярія представила въ медицинскую канцелярію, что въ Псковѣ въ одну недѣлю заболѣло головною болѣзнію 355 человѣкъ, изъ которыхъ умерло 8; болѣзнь все усиливается, а въ городѣ лѣкарей нѣтъ. Медицинская канцелярія донесла императрицѣ, что у нея лишнихъ докторовъ и лѣкарей нѣтъ; есть штадтъ-физикусъ съ лѣкаремъ, но и тѣ нужны въ Петербургѣ; въ Москвѣ при ратушѣ есть лѣкарь, которому жалованье производится отъ той же ратуши, и необходимо, чтобъ и въ другихъ губерніяхъ и провинціяхъ обыватели содержали лѣкарей. Опредѣлено, что, по крайней мѣрѣ въ знатные города медицинская контора должна назначить по лѣкарю, которые будутъ получать жалованье изъ ратушъ, одинаковое съ полковыми лѣкарями и, кромѣ того, квартиру; лѣкарства они должны заготовлять сами и брать за нихъ плату отъ больныхъ [2]).

Какъ относились въ провинціяхъ къ медицинѣ, можно видѣть изъ донесенія архіатеру изъ Новопавловска отъ аптекарскаго гезеля Ролофа въ 1735 году: „Съ порученною мнѣ полевою аптекою прибылъ я сюда счастливо, и сейчасъ-же явился доктору Санхесу, и подалъ ему свою инструкцію; тотъ мнѣ сказалъ, чтобъ я шелъ къ коменданту Либгеру, который укажетъ мнѣ домъ. Но Либгеръ отвѣчалъ мнѣ, что дома у него нѣтъ, потому что порожніе дома берутся для генераловъ, если пріѣдутъ, а прочіе всѣ солдатскіе домы. На другой день послѣ того приказалъ онъ мнѣ чрезъ господина квартирмейстера отвести три двора: въ каждомъ дворѣ только одна изба, въ которую если три или четыре человѣка войдутъ, то повернуться не могутъ. Я репортовалъ объ этомъ доктору Санхесу, и тотъ пошелъ вмѣстѣ со мною къ генералу Дебреньи, а генералъ послалъ со мною адъютанта къ Либгеру съ приказомъ, чтобъ отвели мнѣ хорошій домъ. Либгеръ отвѣчалъ, что домовъ про аптеку у него нѣтъ. Тутъ сидѣлъ у него бригадиръ Пашковъ и говорилъ: „Всѣ пріѣзжаютъ изъ Москвы и хотятъ здѣсь великими господами быть: и лѣкаря, и доктора, и аптекаря; докторъ требуетъ домъ на госпиталь, и уксусъ, и постели,—все бы это привозили съ собою изъ Москвы, и дома также“. Я сказалъ: „Господинъ бригадиръ! Это не моя аптека, но ея величества; мнѣ она поручена, я за нее отвѣчаю“. Бригадиръ отвѣчалъ на это: „Можешь свою аптеку подъ горой поставить и сѣномъ обвертѣть“. Я отвѣчалъ, что не могу съ аптекою ея величества такъ поступить. Тогда онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я держалъ ротъ за замкомъ: онъ видѣлъ въ моей инструкціи, что я только гезель, и давалъ мнѣ весьма злыя слова, и я пошелъ прочь, ибо, кромѣ того, хотѣлъ приказать меня прибить. О Господи! послѣ такого тяжелаго пути хотятъ такъ со мною поступать! Больше четырехъ недѣль я на улицѣ спалъ, и здѣсь, въ Новопавловскѣ, уже двѣ ночи съ аптекою на улицѣ стоялъ“.

Когда, въ 1737 году, въ Москвѣ свирѣпствовала горячка съ пятнами, то народъ искалъ причину болѣзни въ томъ, что ночью на спящихъ людей привели слона изъ Персіи [3]). Но правительство находило другія причины: въ 1738 году оно объявило, что болѣзни въ Петербургѣ могутъ умножиться отъ привоза на продажу весьма дурного мяса; полиція должна была послать офицеровъ и лѣкарей для осмотра продаваемаго мяса [4]). Въ томъ же году Синодъ получилъ изъ Кабинета указъ ея величества, что несмотрѣніемъ священниковъ могилы копаютъ мелкія и земли надъ ними не утаптываютъ, отчего тяжелый духъ чрезъ рыхлую землю проходитъ [5]). Наконецъ, въ именномъ указѣ 1739 года встрѣчаемъ жалобу императрицы на полицію, которая ни мало не смотритъ, что по пустырямъ и глухимъ мѣстамъ мертвечина валяется и множество непотребныхъ собакъ въ городѣ бѣгаютъ и бѣсятся; 16 сентября одна бѣшеная собака вбѣжала въ Лѣтній дворецъ и жестоко изъѣла двоихъ дворцовыхъ служителей и младенца [6]).

Отъ пожаровъ и моровыхъ повѣтрій не обезпечивала слабая полиція и бѣдныя средствами городскія ратуши; не обезпечивали они жизни и собственности гражданъ отъ другого бѣдствія, которое продолжало свирѣпствовать въ обширныхъ размѣрахъ,—отъ разбоевъ. Въ 1732 году до свѣдѣнія императрицы дошло, что въ городахъ Московской губерніи происходятъ немалые разбои; въ Дми-

---

Ал. Петр. Бестужевъ-Рюминъ писалъ изъ Копенгагена о тамошнихъ слухахъ, что „Выборгъ отъ Шведовъ тайно сожженъ и яко будто и прежніе въ Петербургѣ пожары, чтобъ паче всего адмиралтейство сжечь, отъ оныхъ же зажигатели употреблены были». — Въ январѣ 1740 Бестужевъ писалъ, что, по слухамъ, Шведы хотятъ тайно сжечь русскій флотъ въ Кронштадтѣ и Ревелѣ, а въ Петербургѣ адмиралтейство. — Дѣла Датскія 1738 и 1740 годовъ.

[1]) Письмо въ Государ. архивѣ.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 7245.

[3]) Записки Данилова, стр. 52.

[4]) Полн. Собр. Зак., № 7489.

[5]) Полн. Собр. Зак., № 7616.

[6]) Полн. Собр. Зак., № 7899.

тровскомъ уѣздѣ воровскіе люди разбили домъ стольника Татищева; для поимки воровъ велѣно послать военные отряды [1]). Черезъ два года отправленъ былъ въ Москву къ графу Салтыкову изъ Кабинета именной указъ объ искорененіи многихъ разбойничьихъ компаній около Москвы, изъ которыхъ присланы были три письма къ фельдмаршалу Брюсу съ требованіемъ денегъ и съ великими угрозами, въ случаѣ неисполненія требованія [2]). Въ 1735 году Сенатъ, по докладу полиціймейстерской канцеляріи, велѣлъ вырубать лѣса отъ Петербурга до Сосницкой пристани по *проспективой* дорогѣ, чтобъ ворамъ пристанища не было; а такъ какъ воровство умножалось близъ самаго Петербурга, многихъ людей грабятъ и бьютъ, то для ихъ искорененія Военная Коллегія и полиціймейстерская канцелярія должны были отправить пристойную партію драгунъ и солдатъ [3]). Велѣно было очищать и Новгородскую дорогу отъ лѣсовъ по 30 саженъ въ обѣ стороны, потому что умножились воровскія компаніи [4]). Въ 1736 году девять человѣкъ разбойниковъ днемъ ворвались въ келью игумна московскаго Срѣтенскаго монастыря, били его, ранили въ голову ножемъ, побрали деньги и вещи [5]). Въ апрѣлѣ 1735 года, на Пасхѣ, въ Шацкомъ уѣздѣ, на Вышенской пристани, воровскіе люди человѣкъ со 100, которые работали на той пристани на стругахъ у купцовъ по паспортамъ, пристань разбили дневнымъ разбоемъ, взяли у купцовъ, на кабакѣ и въ таможнѣ тысячи съ двѣ денегъ, убрались въ лодкѣ и поѣхали по рѣкѣ Вышѣ; ночью подплыли къ пристани Солтыковской и въ селѣ Благовѣщенскомъ-Солтыковѣ разбили помѣщичій дворъ, приказчиковъ мучили и жгли огнемъ, двоихъ конюховъ убили. Потомъ поѣхали внизъ по Вышѣ рѣкѣ и, выплывъ въ рѣку Цну, пристали къ селу Конобѣеву, ночью напали на помѣщичій дворъ (Нарышкина), приказчика застрѣлили и деньги у него побрали; отправившись отсюда внизъ по Цнѣ, подъѣхали подъ село Сасево, днемъ разбили таможню, кабакъ и соляной дворъ, взяли денегъ тысячъ съ пять. Въ Сасево отъ шацкаго провинціальнаго начальства было выслано нѣсколько солдатъ, которые и вступили въ бой съ разбойниками; но тѣ убили и ранили сасевскихъ крестьянъ человѣкъ съ десять, поѣхали внизъ по Цнѣ, разорили многихъ помѣщиковъ и приказчиковъ. Остановившись въ селѣ Ушаковѣ, они дали священнику 3 рубля денегъ, чтобъ поминалъ конобѣевскаго приказчика и убитаго ихъ товарища, да еще дали три рубля, на которые велѣли купить колоколъ. Подъѣхавши Цною къ селу Агламазову, вызвали священника съ образами на берегъ, подходили ко кресту и давали священнику по копѣйкѣ и по деньгѣ; въ селѣ Злятковѣ заставили священника служить молебенъ и за то дали ему денегъ пять рублей да въ церковь камки красной аршинъ. Отправлены были солдатскія команды по рѣкамъ для перехвата разбойниковъ; началась война: въ 30 верстахъ отъ Нижняго, на Окѣ, разбойники осилили гнавшуюся за ними команду, убили начальствующаго ею поручика. „Разбойническія компаніи чинили вверхъ по Окѣ великія разоренія и смертныя убійства“ [6]).

Въ 1740 году, въ Ярославлѣ, на полотняной фабрикѣ Ивана Затрапезнаго, открытъ былъ заговоръ фабричныхъ, о которомъ одинъ изъ главныхъ заводчиковъ такъ разсказывалъ: „Въ прошломъ 1739 году былъ я въ большомъ кабакѣ съ другими фабричными, и во время питья сошлись съ нами изъ бурлаковъ человѣкъ пять, изъ нихъ одного зовутъ Смолою, и всѣ эти бурлаки работали на бумажной мельницѣ Затрапезнаго. Во время питья, бурлаки начали говорить мнѣ и товарищамъ моимъ: „Что вы на фабрикѣ такъ терпите, воли вамъ пошалить нѣтъ, бьютъ васъ и держатъ въ колодкахъ; лучше вамъ хозяина своего Затрапезнаго убить и фабрику его выжечь, оттого была бы вамъ воля“. Я сталъ звать Смолу и товарищей его дѣлать дѣло вмѣстѣ, но бурлаки не пошли, а сказали: „Теперь бурлаковъ мало, соберемъ ихъ въ другой годъ съ Низу человѣкъ сто“. Въ нынѣшнемъ 1740 году, будучи на большомъ кабакѣ, уговорились мы съ товарищами сдѣлать такъ: собравшись, идти ночью за фабрику въ лѣсъ; изъ лѣсу, разобравъ отъ поля заборъ, войти на мануфактурный дворъ, зарѣзать караульныхъ, стоящихъ у казенной палаты, потомъ одному, зашедши отъ конюшни, зажечь, а прочимъ вломиться въ хоромы, зарѣзать хозяина и всѣхъ живущихъ при немъ людей, разломать дворъ казенной палаты, забрать все, что тамъ имѣется, и идти на Низъ, на Демидовы заводы, а лодки и паспорты хотѣли промыслить у бурлаковъ, въ чемъ *посулился* намъ тотъ же Смола. Хозяина своего убить хотѣли мы за то, что онъ поступаетъ не такъ, какъ братъ его Димитрій: Димитрій Затрапезновъ, когда мы и провинимся, не наказываетъ, какъ хозяинъ нашъ Иванъ; за грабежи, драки и озорничества больно наказываетъ и велитъ въ колодкахъ держать немалое время, что намъ очень скучно“ [7]). Въ 1739 году казнили въ Москвѣ разбойника, князя Лихутьева [8]). Въ 1740 году въ самой Петербургской крѣпости воры убили часового и украли нѣсколько сотъ рублей казенныхъ денегъ [9]). Для сыску воровъ и разбойниковъ назначенъ былъ особый постоянный отрядъ войска подъ начальствомъ подполковника Реткина, который имѣлъ пребываніе въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ 1732 году, изъ взятыхъ имъ 440 человѣкъ,

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 6212.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 6645.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 6772.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 6822.
[5]) Дѣла Сената по бывшему Кабинету, № 69—1146;
[6]) Тамъ же, № 35—1112.
[7]) Тамъ же, № 28—1105.
[8]) Записки Данилова, стр. 57.
[9]) Полн. Собр. Зак., № 8260.

20 убійцъ были казнены смертію, 15 воровъ и разбойниковъ—бѣглыхъ солдатъ—были сосланы на вѣчную каторгу; 85 воровъ пристанщиковъ, по наказаніи кнутомъ и батогами, освобождено; бѣглыхъ солдатъ и рекрутовъ отослано на службу 6 человѣкъ; умерло подъ карауломъ 14, отослано къ гражданскому суду 10, прочіе освобождены. Въ 1733 году изъ 424 человѣкъ казнено смертью 11, сослано на вѣчную каторгу 23, пристанщиковъ наказано и освобождено 91, къ гражданскому суду послано 27, бѣглыхъ солдатъ 19, умерло подъ карауломъ 30. Въ 1734 году изъ 570 казнено смертію 24, сослано 18, по наказаніи освобождено воровъ и татей 160, къ гражданскому суду отослано 45, бѣглыхъ солдатъ 50, умерло подъ карауломъ 25, убѣжало изъ-подъ караула 2.—Въ 1735 году изъ 633 казнено смертію 94, сослано 29, по наказаніи освобождено 168, бѣглыхъ солдатъ 21, подъ карауломъ померло 56.—Въ 1736 году изъ 835 смертію казнено 102, сослано 37, по наказаніи освобождено 157, бѣглыхъ солдатъ 21, подъ карауломъ померло 26 [1]).

Всѣ описанныя явленія—побѣги, голодъ, повальныя болѣзни, недостатки медицинскихъ пособій, разбои—не могли содѣйствовать быстрому увеличенію народонаселенія. Въ концѣ царствованія Анны въ великороссійскихъ губерніяхъ считалось жителей: 5.565,259 человѣкъ мужского и 5.327,929 женскаго пола [2]).

Жестокость казней свидѣтельствовала о жестокости нравовъ, не смягчившейся со временъ Уложенія. Тѣ же времена напоминало другое явленіе, противъ котораго съ конца XVII вѣка постоянно вооружалось правительство—и все понапрасну: то была привычка къ скорой ѣздѣ, имѣвшая нерѣдко очень печальныя послѣдствія и обличавшая дикую, степную удаль и неумѣнье сдерживать себя вниманіемъ къ безопасности и удобству другихъ членовъ общества; а это неумѣнье обличало и, къ сожалѣнію, обличаетъ до сихъ поръ незрѣлость русскаго общества, непониманіе самыхъ первыхъ пріемовъ общественныхъ. Въ 1732 году правительство объявило, что, несмотря на прежніе указы, многіе люди и извозчики ѣздятъ въ саняхъ рѣзво, и верховые ихъ люди передъ ними необыкновенно скачутъ и на другихъ наѣзжаютъ, бьютъ плетьми и лошадьми топчутъ; за такую ѣзду указъ грозилъ жестокимъ наказаніемъ или даже смертною казнью [3]). Угроза не помогла, и въ 1737 году новый указъ съ жалобою, что прежній не исполняется, и съ угрозою, что за скорую ѣзду лакеевъ будутъ бить нещадно кошками, а съ господъ брать денежный штрафъ [4]). Но въ концѣ того же года какіе-то люди парой въ саняхъ съ дышломъ наскакали на фельдмаршала Миниха, ѣхавшаго также въ саняхъ, и самого его чуть не зашибли, а стоявшаго на запяткахъ адъютанта такъ ударили, что едва остался живъ: вслѣдствіе этого новый указъ—скоро и съ дышлами въ саняхъ не ѣздить [5]). И этотъ указъ оказался недѣйствительнымъ:—въ ноябрѣ 1738 года отъ скорой ѣзды задавили ребенка до смерти;—новое запрещеніе, и теперь ужь придумали другое средство, кромѣ угрозъ: на большихъ улицахъ велѣно обывателямъ учредить денные караулы, которые должны были ловить и приводить въ полицію тѣхъ, кто помчится на бѣгунахъ или въ саняхъ съ дышлами, также извозчиковъ, которые поѣдутъ на саняхъ, а не верхами [6]).

Конечно, въ этомъ пренебреженіи указами противъ скорой ѣзды не безъ участія былъ господствовавшій въ то время порокъ—пьянство; этотъ порокъ не только былъ терпимъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже требовалось быть шумнымъ. Оставленный главнокомандующимъ въ Москвѣ графъ Семенъ Салтыковъ писалъ Бирону въ маѣ 1732 года: „Прошедшаго апрѣля 28, въ день коронованія ея и. в—ства, здѣсь торжествовали въ домѣ ея и. в—ства обрѣтающіеся здѣсь въ Москвѣ архіереи и господа министры, и генералитетъ, и дамы, и статскіе чины, и лейбъ-гвардіи полковъ штабъ и оберъ-офицеры, также и другихъ полковъ штабъ-офицеры; обѣдали и всѣ веселились довольно, и очень были шумны, такъ что иныхъ насилу на рукахъ снесли, а иныхъ развезли; однакожъ, все по благости Божіей, благополучно; токмо въ то число Ѳеодоръ Чекинъ былъ неспокоенъ. Какъ еще сидѣли за столомъ и не очень были шумны, то онъ, Чекинъ, многова не пилъ, и которые офицеры подносили, пришли ко мнѣ и сказали, что онъ, Чекинъ, не пьетъ, и я ему сталъ говорить: „Вѣдаешь-ли, что ты въ домѣ ея и. в—ства, а не хочешь пить и сказываешь, что будто вино худо, вѣдь ты это зашелъ не въ Вотчинную Коллегію и не на Катокъ“, и оное я ему сказалъ для того, что онъ, Чекинъ безпрестанно живетъ въ Вотчинной Коллегіи, и кабакъ, что подлѣ Вотчинной Коллегіи, который называется Катокъ; и онъ сталъ со мною въ споръ говорить и хотѣлъ браниться, только и съ нимъ браниться и въ споръ говорить не хотѣлъ въ домѣ ея и. в—ства и въ такой торжественный день; токмо я противъ него умолчалъ и такъ сдѣлалъ, что будто ничего не слыхалъ; а потомъ Григорій Петровичъ Чернышевъ черезъ столъ началъ съ нимъ говорить, что онъ не пьетъ и выбираетъ вино: „Вѣдаешь ты, что домъ ея и. в—ства“, и онъ, Чекинъ, къ нему придрался; однакожъ Григорій Петровичъ отъ того умолчалъ и не хотѣлъ съ нимъ

---

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 28—1105.—Въ юнѣ 1737 года коллегія получила указъ изъ Кабинета: Обрѣтающійся здѣсь персидскій посолъ Хулефа представлялъ, что на морѣ Каспійскомъ вновь появились разбойники изъ россійской націи, человѣкъ 70, на судахъ, и живутъ близъ Баки на островѣ Акрабѣ для грабежа проѣзжихъ людей, и уже три судна астраханскихъ купцовъ ограбили. Велѣно отправить на разбойниковъ пристойную команду солдатъ съ штабъ-офицеромъ.

[2]) См. Приложеніе 14.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 5940.

[4]) Полн. Собр. Зак., № 7170.

[5]) Полн. Собр. Зак., № 7460.

[6]) Полн. Собр. Зак., № 7695.

браниться, и показалъ, что будто ничего не слыхалъ; да герольдмейстеръ Квашнинъ-Самаринъ, объявилъ мнѣ, что въ то-жъ число, какъ изъ-стола въ залѣ въ наугольной встали и пили на колѣнкахъ, и какъ сталъ пить онъ, Квашнинъ-Самаринъ, то, пришедъ къ нему, оный Чекинъ и толкнулъ его, Квашнина-Самарина, больно, отчего онъ упалъ и парикъ съ головы сронилъ, и сталъ ему, Чекину, говорить: „Для чего ты такъ толкаешь: этакъ генералъ-поручики не дѣлаютъ"; и онъ, Чекинъ, сказалъ, что „я тебя толкнулъ въ надеждѣ", и онъ, Квашнинъ-Самаринъ, сказалъ ему, что эта надежда худа больно; и послѣ, какъ уже всѣ стали разъѣзжаться, онъ, Чекинъ, пришедъ въ покои, гдѣ я по ея и. в—ства милости живу, и въ тотъ часъ вышелъ я въ другой покой ненадолго, и безъ меня въ тотъ часъ онъ же, Чекинъ, убилъ (т.-е прибилъ) дворянина Айгустова, съ которымъ у него въ Вотчинной Коллегіи дѣло, который былъ въ тѣ числа у меня; а какъ я вышелъ въ покои и увидалъ, что оный Айгустовъ плачетъ, и я ему, Чекину, сталъ говорить, для чего такъ въ домѣ ея и. в—ства противно дѣлаетъ и дерется, и онъ, Чекинъ, со мною сталъ говорить противно, и я его, Чекина, велѣлъ выслать изъ дому ея и. в—ства; а послѣ того онъ же, Чекинъ, пошелъ къ князю Ивану Юрьевичу и сталъ ему на меня жаловаться, и бранилъ меня у него м......, за что и отъ него князь Ивана Юрьевича онъ, Чекинъ, выведенъ изъ дому. Онъ же, Чекинъ, дворянину Айгустову чинитъ многія обиды и разорилъ его безъ остатку, отъ котораго его разоренія оный бѣдный Айгустовъ живетъ у меня и я его кормлю для того, что онъ, Чекинъ, разорилъ его вконецъ, да и гдѣ оный Чекинъ въ сосѣдствѣ ни живетъ, то великія жалобы на него показываютъ въ землѣ и въ прочихъ непорядочныхъ его поступкахъ и я съ онымъ Чекинымъ не смѣлъ ничего сдѣлать, для того что онъ имѣетъ чинъ генерала-поручика, и правда, что всѣмъ намъ этотъ его чинъ только стыдъ наноситъ" [1]).

Изъ столицъ, отъ пировъ, происходившихъ въ высокоторжественный день въ домѣ ея и. в—ства, отъ любопытныхъ отношеній главнокомандующаго къ генералъ-поручикамъ перейдемъ въ провинцію, къ нравамъ и обычаямъ, въ ней господствовавшимъ. Здѣсь мы должны собственно ограничиться образомъ жизни одного высшаго, дворянскаго сословія или, какъ тогда называли, шляхетства, и только по отношенію къ нему можемъ что-нибудь сказать и о другихъ сословіяхъ. Причина, почему мы должны такимъ образомъ ограничиться, ясна: благодаря мѣрамъ Петра Великаго, дворянство сдѣлалось сословіемъ обязательно грамотнымъ, образованнымъ; вслѣдствіе этой образованности, въ его средѣ явились люди, которые не хотѣли прожить молча, которые имѣли способность наблюдать окружавшія ихъ явленія, подмѣчать особенно любопытныя, и прилагать къ нимъ свои новые взгляды, судить о явленіяхъ по соотвѣтствію или противорѣчію ихъ этимъ новымъ взглядамъ. Мысль передать свои воспоминанія въ литературной формѣ пришла къ нимъ гораздо позднѣе описываемаго времени, вслѣдствіе новыхъ побужденій, вслѣдствіе дальнѣйшаго общественнаго развитія; но воспоминанія ихъ молодости относятся къ описываемому времени, и мы должны ими воспользоваться. Изъ другихъ сословій могли выходить люди ученые, и величайшаго изъ русскихъ ученыхъ выставило низшее сословіе,—крестьянское; но эти ученые, посвящавшіе всѣ свое время наукѣ и литературѣ, не имѣли времени и побужденій записать подробно свои воспоминанія. Такимъ образомъ, о состояніи духовенства, купечества, крестьянства мы можемъ узнать изъ императорскаго указа, изъ письма правительственнаго лица или изъ записокъ дворянина: но понятно, что дворянинъ больше всего разсказывалъ о своихъ.

Въ описываемое время жили безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ старики, носившіе еще допетровскіе чины, напримѣръ стольниковъ, носили бороду и жили воспоминаніями о старой Москвѣ; для нихъ Полтава, „преславная викторія", не имѣла значенія, но подробно разсказывали они о Чигиринскомъ походѣ, въ которомъ участвовали. Жили они постаринѣ, въ высокихъ хоромахъ на омшиникахъ, съ низу въ верхнія сѣни вела предлинная лѣстница, которую покрывалъ своими вѣтвями стоявшій близъ крыльца широкій и густой вязъ. Но высокія хоромы состояли только изъ двухъ жилыхъ горницъ, раздѣленныхъ сѣнями: въ одной горницѣ хозяинъ жилъ лѣтомъ, въ другой—зимою. У другихъ, побѣднѣе, особой кухни не было, сѣни раздѣляли двѣ горницы, изъ которыхъ одна была бѣлая, другая черная; въ послѣдней готовили кушанье. Говорили эти старики странною рѣчью, да и не они одни, а у всѣхъ, какъ говорятъ, была такая мода или привычка: примѣшивали къ словамъ какую-нибудь, ничего не значащую примолвку, напримѣръ: «*неты южъ дарюку*», или «*воистину положи меня*». Явленіе любопытное, показывавшее, какъ мало слово соотвѣтствовало мысли, какъ мало обращалось вниманія на точность и ясность выраженія, вслѣдствіе чего въ рѣчи и являлись совершенно ненужные наросты, слова и цѣлыя выраженія—паразиты. Около стариковъ толпились внучата, воспитывавшіеся уже иначе, выроставшіе подъ другими впечатлѣніями. Но послушаемъ, что разсказываетъ ребенку старушка-родственница, жившая въ домѣ; она разсказываетъ не сказку, а истинное происшествіе, какъ ея дѣдушка, котораго она еще помнила, былъ взятъ въ плѣнъ Татарами и долго томился въ тяжкой неволѣ, старикомъ удалось бѣжать ему изъ плѣна; онъ возвращается въ свое помѣстье и видитъ, что все перемѣнилось: стараго дома его уже нѣтъ. „Чьи вы?" спрашиваетъ онъ у встрѣчнаго крестьянина; тотъ назы-

[1]) Письмо въ Государствен. архивѣ.—Кабакъ Катокъ, бывшій въ Кремлѣ, у Тайницкихъ воротъ, былъ сведенъ по высочайшему указу въ 1733 году. Дѣла Сената по Кабин., № 31—1108.

ваетъ его племянниковъ.—„А гдѣ же семья прежняго помѣщика?"—„Сыновья побиты на войнѣ, жену разбойники разбили и до смерти замучили".

Второе поколѣніе дворянъ, живущихъ въ помѣстьяхъ,—это отставные офицеры и солдаты Петровскаго войска. У нихъ уже другія преданія, какъ, напримѣръ, у одного государь самъ ножницами отрѣзалъ висящіе на жилахъ отстрѣленные при Нарвскомъ штурмѣ пальцы, причемъ, въ утѣшеніе страждующему, изволилъ сказать: „Трудно тебѣ было". И въ это время еще сохранялся родовой бытъ, родовое единство и самоуправленіе. Младшій братъ получаетъ отъ матери въ исключительное владѣніе ея четвертую вдовью часть имѣнія; старшій братъ созываетъ всѣхъ членовъ рода, которые принуждаютъ младшаго удовольствоваться четвертымъ жребіемъ матери и не вступаться въ отцовское имѣніе. Младшій, обремененный семействомъ, не могъ жить доходами съ этого материнскаго участка, и обратился съ просьбою къ сильному благодѣтелю; по вліянію этого благодѣтеля онъ получилъ мѣсто по управленію вотчинами Троицко-Сергіева монастыря, сталъ получать отсыпной хлѣбъ и деньги. Но тутъ опять является родовое единство и авторитетъ: родственники сочли безчестіемъ для цѣлаго рода, что одинъ изъ членовъ его „опредѣлился къ монастырю,—отрѣшили его, по просьбѣ своей, отъ монастырской должности и положили содержать его на своемъ общемъ иждивеніи". Тутъ же видимъ и признаки паденія могущественнаго нѣкогда начала; только одинъ изъ членовъ рода долѣе другихъ сдерживалъ свое обѣщаніе, помогалъ младшему, а потомъ и онъ, подобно остальнымъ, ограничился однимъ сожалѣніемъ. Служба монастырю считалась неприличною между дворянами, но попрежнему искали они средствъ покормиться отъ государственной службы: такъ привлекали ихъ новыя полицейскія должности, потому что, по свидѣтельству одного изъ нихъ, „всѣ полицейскіе офицеры живутъ довольны". Воеводы кормились попрежнему; видимъ и еще способъ собирать кормы, извѣстій о которомъ не встрѣчаемъ прежде: въ Рождество воевода отпускалъ сыновей своихъ и проживавшихъ у него молодыхъ родственниковъ въ уѣздъ Христа славить, и съ ними посылалъ по пяти и больше порожнихъ саней: славильщики каждый день привозили эти подводы, наполненныя хлѣбомъ и живыми курами, также по нѣскольку денегъ; гдѣ воеводичи не славили,—тамъ собирали куръ воеводскіе люди.

Относительно военной службы этого втораго поколѣнія, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые, ничѣмъ не отличаясь, служили весь вѣкъ въ солдатахъ, встрѣчаемъ любопытныя извѣстія въ запискахъ; напримѣръ, одному изъ мелкихъ помѣщиковъ Астафьеву, служившему солдатомъ въ гвардейскомъ Семеновскомъ полку, „досталось наслѣдство 900 душъ; онъ старался оное наслѣдство за себя справить по закону, но въ Вотчинной Коллегіи учинены были отъ родственниковъ его споры, которые хотѣли быть ему въ наслѣдствѣ участниками. Астафьевъ подарилъ свою прежнюю вотчину (50 душъ) бывшему тогда Вотчинной Коллегіи секретарю Каменеву; Каменевъ, получа деревню, разсмотрѣлъ дѣло въ Коллегіи вправду и утвердилъ законнымъ наслѣдникомъ Астафьева. Тотъ, получа большое наслѣдство, неприлежно сталъ уже въ полку служить; а какъ въ тогдашнее время отставки отъ службы не было или трудно ее получить было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуски за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за паспортъ получитъ душекъ двѣнадцать мужеска пола съ женами и дѣтьми, съ обязательствомъ таковымъ, когда Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобъ не потерять дружбы таковымъ полезнымъ отъ секретаря отпускомъ, Астафьевъ пользовался каждый годъ по договору. При самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставятъ у него писари полковые и ротные постели и подушекъ, хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ: и то вытаскивали изъ-подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Полковой писарь гораздо былъ совѣстнѣе секретаря своего: онъ бралъ только добычу—по одному человѣку за паспортъ. Астафьевъ, пользуясь частыми отпусками, не видалъ конца своему имѣнію, веселясь въ деревнѣ, живучи разными забавными. Одинъ изъ дядьевъ его родныхъ зазвалъ къ себѣ племянника, для котораго дѣлалъ веселое собраніе и пиръ, да и взялъ съ него закладную въ 5,000 рублей на село, что наилучшее, а денегъ за оное село едва получилъ Астафьевъ одну тысячу рублевъ. Напослѣдокъ, за великою его слабостію, усовѣстился секретарь гвардіи держать Астафьева на своей шелковинкѣ: отставили его изъ полку въ отставку, только на провожаньи недешево ему стало. Поживъ въ деревнѣ больше уже въ болѣзни и пьянствѣ, нежели въ веселостяхъ, укрѣпилъ деревни своей женѣ; послѣ того вскорѣ умеръ. Вдова претерпѣла великое притѣсненіе отъ наслѣдниковъ мужа своего: они запретили въ деревняхъ ее слушать и ничего ей не давать, а на отправленный изъ деревни запасъ для нея въ Москву дорогою набѣгли и разграбили, какъ разбойники".

Помѣщикъ, чтобъ получить годовой отпускъ изъ полку, давалъ секретарю взятку—по 12 *душекъ* крестьянъ, писарю—по одной душѣ; чтобъ выиграть 900 душъ, даритъ секретарю Вотчинной Коллегіи имѣніе съ 50 душами. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ государствомъ земледѣльческимъ, первобытнымъ, гдѣ нѣтъ развитой промышленности и торговли, гдѣ нѣтъ денегъ; а гдѣ нѣтъ денегъ, тамъ вольнонаемный трудъ невозможенъ и господствуетъ рабство, крѣпостное право. Встарину правительство, не имѣя денегъ, платило своимъ слугамъ жалованье землею; землевладѣльцы, не имѣя денегъ,

отдавали монастырямъ на поминъ души земли. Къ землямъ прикрѣпили крестьянъ, чтобъ дать служилому человѣку постояннаго работника; человѣкъ, рабочая сила была дороже земли, ибо земли было много, а людей—мало, имѣніе цѣнно по населенію, а не по количеству и качеству земли, и потому сейчасъ же счетъ начался вестись душами: онъ имѣетъ столько-то душъ, потому богатъ или бѣденъ, а количество земли имѣетъ второстепенное значеніе, и взятки даются *душками* крестьянскими на свозъ, а не десятинами земли.

Относительно обращенія душевладѣльцевъ съ этими душками, которыми давались взятки, встрѣчаемъ примѣры хорошихъ и дурныхъ господъ; напримѣръ, объ одной помѣщицѣ говорится, что она „повелѣвала своими служанками болѣе ласкою, нежели дворянскою обыкновенною властію". Но послѣднее выраженіе:—„*обыкновенная* власть"—показываетъ, что обхожденіе доброй помѣщицы было явленіемъ не очень *обыкновеннымъ*, хотя съ другой стороны, какъ что-то необыкновенное, также выставляется и такое обращеніе: „Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только, признаюсь, сколько времени у нея я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хоть одинъ день безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и покуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе, видно, для хорошаго аппетиту".

Не всегда крестьяне спокойно переносили такое обращеніе: одинъ данковскій помѣщикъ подалъ прошеніе въ воеводскую канцелярію, что крестьяне его сдѣлались ему непослушны. „Воевода, собравъ сколько у него при канцеляріи было солдатъ и разсыльщиковъ, съ ружьями и копьями, послалъ подъячаго по инструкціи собрать крестьянъ ослушниковъ въ канцелярію для наказанія; но бунтующіе крестьяне приготовились заранѣе къ принятію таковыхъ незваныхъ къ себѣ гостей, не забыли вооружить себя каменьями, полѣньями, дубьемъ и рогатинами, для своего защищенія. Притомъ они имѣли у себя изъ бунтовщиковъ одного главнаго уговорщика и предводителя, который объявлялъ о себѣ, что онъ отъ пули заговоритъ не только себя, но всѣхъ товарищей, которые съ нимъ городской командѣ противиться будутъ. Товарищи его, съ великою надеждою на своего предводителя и заговорщика пуль уповая, выступили съ женами и дѣтьми своими противъ городской команды на драку; городская команда, по малости своего числа, видя противъ себя великое множество собравшагося со всякимъ оружіемъ народа, захватила для себя удобное мѣсто въ деревнѣ, дабы кругомъ не быть обхваченной отъ бунтовщиковъ, кои неустранимо шли прямо на посыльныхъ и передъ ними предводитель и заговорщикъ ружья, человѣкъ молодой, роста великаго и стройнаго. Приближаясь, бунтовщики пустили изъ рукъ своихъ каменья и полѣнья какъ градъ и повторили разъ за разомъ, съ великимъ крикомъ и бранью, которымъ швыряньемъ они многихъ городовыхъ поранили. Между тѣмъ и городскіе посыльные, защищая себя, изъ своихъ ружей сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ безъ ошибки по толпѣ бунтующихъ, а одному удалось такъ небережно выстрѣлить изъ ружья по самомъ предводителѣ и заговорщикѣ пуль, что онъ не успѣлъ своихъ заговорныхъ словъ выговорить и палъ на землю мертвъ. Увидя бунтовщики предводителя своего мертва, дрогнули всѣ и зачали спасать себя бѣгствомъ, куда кто могъ скрыться; городскіе, видя такое смятеніе, не упустили сего случая и начали ловить бѣгущихъ, и столько нахватали ихъ, сколько имъ можно было взять съ собою. Крестьяне были всѣ молодые и здоровые, по платью и по рубахамъ не походили они на степныхъ крестьянъ, а на гулящихъ самыхъ бурлаковъ; при допросѣ они отвѣчали съ звѣрскимъ видомъ".

Татарскаго плѣна не испытывалъ никто изъ дворянъ второго поколѣнія; но отъ разбойниковъ они страдали такъ же, какъ и предки. Первое, что могъ передать изъ своей жизни одинъ дворянинъ третьяго поколѣнія, было слѣдующее происшествіе съ его отцомъ и матерью: „Въ 1722 году случилось отцу моему ѣхать отъ свойственниковъ своихъ съ моею матерью, при коей и я находился въ младенчествѣ у грудей; проѣхавъ городъ Веневъ, стали подъѣзжать къ рѣкѣ Осетру, разстояніемъ отъ дому своего не болѣе пяти верстъ; время тогда было зимнее, а день приклонялся къ сумеркамъ; набѣжали на нихъ нѣсколько саней, въ коихъ человѣкъ десять или болѣе было разбойниковъ. Отецъ мой, сидя на облуку у той кибитки, въ которой мать моя со мною сидѣла, а человѣкъ правилъ (какъ я отъ отца моего оное приключеніе слышалъ), вооруженъ былъ только однимъ палашемъ; узнавъ онъ изъ той воровской шайки одного мужика изъ деревни Соколовки, одного къ церкви прихода, сказалъ ему, что по сосѣдству нехорошо такъ поступать и что онъ знаетъ ихъ. Оное слово не умягчило сихъ бездѣльниковъ, а можетъ быть и пьяныхъ; они закричали воровскимъ обыкновеніемъ: „Атаманъ, потчивай, онъ знаетъ насъ"! Послѣ сего слова кинулись разбойники съ дубьемъ на отца моего и начали бить; отецъ мой противъ толикаго числа разбойниковъ недолго оборонялся, отбѣжалъ, обороняясь, отъ дороги нѣсколько саженъ, гдѣ они сбили его съ ногъ на землю и били столь безчеловѣчно, что чуть-жива оставили, и, накинувъ петлю на шею ему, потащили и бросили въ сани: потомъ, своротя съ дороги въ сторону, привезли къ рѣкѣ Осетру и при многомъ обыкновенномъ отъ разбойниковъ стращаньи и угрозахъ, то рѣзать, то топить въ водѣ хотѣли, ограбя всѣхъ дочиста, объявляя притомъ, что они о младенцѣ (т.-е. обо мнѣ) сожалѣніе имѣютъ, дабы не озпобили, дали

нѣсколько самаго худѣйшаго одѣянія и одну безъ узды лошадь, сами ускакали возвратно. Слуга, который былъ при насъ, взявъ лошадь за гриву, повелъ ее за собою; повезли отца моего едва-жива, въ саняхъ положеннаго, и мать моя и при ней престарѣлая дѣвка шли пѣшкомъ,—несли меня на рукахъ попеременно. Отецъ мой черезъ немалое время хотя и пришелъ, казалось, въ прежнее свое здоровье, однако календарь оный, данный ему отъ разбойниковъ, очень вѣренъ былъ: всегда чувствовалъ онъ къ перемѣнной въ воздухѣ погодѣ превеликую боль во всемъ своемъ тѣлѣ".—Разбойники навѣстили и знаменитую вдову-помѣщицу, которая была такая охотница до щей съ бараниною: „Пришли къ ней ночью разбойники, вломились въ хоромы, убили у ней любимую постельную собачку, а ей выбили передніе всѣ зубы ружейнымъ прикладомъ; забравъ пожитки и нѣсколько боченковъ съ виномъ и водкою, ушли изъ деревни вскорѣ. За разбойниками учинена была собранная отъ сосѣдей погоня; тогда разбойники покидали за собою на дорогѣ по одному боченку съ виномъ для питья погонщикамъ; погонщики выпивали вино для смѣлости за разбойниками гнаться. Симъ вымысломъ разбойники погоню за собою остановили и скрылись восвояси".

Теперь обратимся къ третьему поколѣнію, котораго воспитаніе относится къ описываемому времени. Мы видѣли старанія правительства поддержать требованіе Петра Великаго относительно образованія дворянъ. Въ указахъ мы видѣли требованія; теперь увидимъ, какъ эти требованія удовлетворялись и какъ само правительство учило тѣхъ дворянскихъ дѣтей, которыя попадались въ его школы. „Отъ роду моего лѣтъ семи или болѣе", говоритъ дворянинъ, оставившій намъ свои воспоминанія, „отдали меня въ томъ же селѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филиппу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Учитель нашъ жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ; приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ „аминь", не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесь по той, можетъ быть, причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такого всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока, къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція:—меня, какъ непонятнаго, сѣчь. Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то что учимъ". Таково было образованіе, которое могли дворянскія дѣти получить дома на собственныя средства. Теперь послушаемъ, какъ шло ученіе въ правительственныхъ школахъ. Авторъ воспоминаній былъ записанъ въ московскую артиллерійскую школу: „Оная школа была еще учреждена вновѣ, на полковомъ артиллерійскомъ дворѣ, и было въ оную прислано изъ герольдіи дворянскихъ дѣтей, бѣдныхъ и знатныхъ, по желанію, семь сотъ человѣкъ; а какъ въ новой школѣ не было ни порядка, ни учрежденія, ни смотрѣнія, то черезъ четыре года разошлось оное большое собраніе, безъ позволенія школьнаго начальства, по разнымъ мѣстамъ, въ настоящую службу, куда кто хотѣлъ записались; а осталась только нѣкоторая часть дворянскихъ дѣтей, кои прилежали охотно и хотѣли учиться. Но великій тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленія учениковъ было, для показанія одной ариѳметики, изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ „волка овецъ пасти", штыкъ-юнкера Алабушева. Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ; былъ человѣкъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатный ариѳметикъ и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время ученымъ человѣкомъ, однако былъ вздорный, пьяный, рѣдкій день приходилъ въ школу непьяный. Напослѣдокъ, для поправленія въ школѣ порядка, еще опредѣленъ былъ сверхъ штыкъ-юнкера Алабушева, капитанъ Гринковъ; человѣкъ былъ какъ прилежный, такъ и копотливый, и былъ великій заика, однако завелъ въ школѣ порядокъ получше Алабашева. Онъ вперялъ въ учениковъ охоту учиться, съ обѣщаніемъ чести, и довелъ до того, что его стараніемъ нѣсколько человѣкъ изъ учениковъ пожалованы были въ артиллерію сержантами и унтеръ-офицерами. Ученики были всѣ помѣщены въ четырехъ великихъ свѣтлицахъ, стоящихъ черезъ сѣни, по двѣ на сторонѣ; когда позволялось покинуть ученье и идти обѣдать, или по домамъ,—тогда, бывало, учинятъ великій и безобразный во всѣ голоса крикъ, наподобіе ура, протяжно „шебашъ". Въ одинъ день мнѣ случилось идти за Москвою-рѣкою; усмотрѣлъ я въ одномъ домѣ на окошкѣ поставленный каменный попугай, раскрашенный изрядно. Я любопытствуя остановясь противъ того окна, глядѣлъ на попугая пристально; въ тотъ же самый часъ барыня дородная и хорошаго лица, подошедъ къ окну, спросила меня, что я за человѣкъ; а какъ узнала отъ меня, что я артиллерійскій ученикъ, и притомъ дворянинъ, то просила меня учтивымъ образомъ, чтобъ я вошелъ къ ней въ хоромы. Призвала она своего сына, который тогда былъ на голубятнѣ, гонялъ тонкимъ шестомъ вверхъ голубей; мать его просила меня, чтобъ я спросилъ сына ея, что онъ учитъ и

хорошо-ль знаетъ ариѳметику. Я, узнавъ отъ него, по свидѣтельству, сказалъ ей, что онъ очень мало знаетъ. Она, услыша отъ меня сіе, прибавила своего ко мнѣ учтивства и ласковости, просила меня, не могу-ль я ей сдѣлать одолженія, перейтить къ ней жить и показывать, когда свободно будетъ, сыну ея ариѳметики. Я разсудилъ, что приличнѣе мнѣ компанію дѣлать дворянской женѣ и ея сыну, Вишняковымъ, нежели свойственника своего управителю, у коего я былъ оставленъ на удовольствіи. Живши нѣсколько времени у Вишняковой, выучилъ сына ея ариѳметикѣ. Сестра родная Вишнякова была въ замужествѣ за Секеринымъ, который записанъ былъ въ нашей же школѣ ученикомъ; прилежно просила она меня перейтить жить къ ней, дабы вмѣстѣ ѣздить съ мужемъ ея въ школу. Я за полезное принялъ отъ нея сіе предложеніе, перешелъ къ Секериной; намѣреніе ея было, чтобъ и мужъ ея, такъ же какъ и племянникъ, отъ меня нѣсколько занялъ ученіе; но не удалось ей сего произвесть по ея желанію въ дѣйство, ибо мужъ ея, Секеринъ, великій былъ шалунъ, ничего учить не хотѣлъ, переписался изъ школы въ армейскіе полки и тѣмъ отбылъ отъ ученія" [1]).

Но мы видѣли, что въ новой столицѣ, подъ глазами Двора, подъ наблюденіемъ энергическаго Миниха, было учреждено училище для шляхетскихъ дѣтей—называемый кадетскій корпусъ. Первоначально такъ училище было устроено на 200 воспитанниковъ, 150 Русскихъ и 50 Остзейцевъ; но въ 1732 году Минихъ докладывалъ, что желающихъ записалось въ корпусъ 237 человѣкъ Русскихъ, 32 Лифляндца и 39 Эстлянцевъ, почему просилъ составить корпусъ изъ трехъ ротъ, по 120 кадетъ въ каждой, и къ прежде назначенной суммѣ 33,896 рублей прибавить еще 26,508 рублей въ годъ, да вмѣсто деревни отъ 30 до 50 дворовъ назначить деревню отъ 80 до 100 дворовъ [2]). Императрица согласилась. Въ 1737 году, „для содержанія лучшаго порядка и побужденія кадетскаго къ наукамъ, чтобъ сія отъ насъ учрежденная академія надлежащій государству плодъ принесла, заблагоразсудили опредѣлить, чтобъ быть въ каждомъ году двумъ публичнымъ смотрамъ, въ присутствіи одного изъ сенаторовъ, профессоровъ Академіи Наукъ, учителей Адмиралтейской Академіи и Инженерной школы". Смотры эти и экзамены производились всѣмъ кадетамъ безъ исключенія, вопервыхъ, для страха всѣмъ кадетамъ и для побужденія къ прилежнѣйшему ученію; вовторыхъ, чтобъ усмотрѣть, которые къ наукамъ способны и которые нѣтъ, и не напрасно деньги на нихъ тратить" [3]). Узнавъ, что кадеты больше всего и почти каждый день обучаются воинской экзерциціи, правительство, въ 1737 году, дало корпусу указъ, что такъ какъ отъ этихъ частныхъ экзерцицій происходитъ препятствіе въ обученіи прочимъ наукамъ, то впередъ обучать кадетъ воинской экзерціи только по одному дню въ недѣлю [4]). По рапорту, поданному Минихомъ въ 1733 году, видно [5]), что обязательными для всѣхъ кадетъ были только три предмета: Законъ Божій, военныя экзерциціи и ариѳметика, остальнымъ же наукамъ и языкамъ учился кто хотѣлъ: такъ изъ 245 русскихъ кадетъ только 18 учились русскому языку, французскому 51, латинскому 15, за то нѣмецкому 237! Изъ наукъ—геометріи училось 36 человѣкъ, несмотря на то, что Петръ Великій ввелъ эту науку въ необходимый курсъ для дворянина; географіи училось 17, исторіи 28, юриспруденціи 11; изъ искусствъ преобладали танцы: имъ учились 110 человѣкъ, тогда какъ мызукѣ 39 и рисованію 34; но любопытно, что верховой ѣздѣ училось только 20 и фехтованію 47 человѣкъ. Если изъ Русскихъ такая большая часть считала для себя нужнымъ нѣмецкій языкъ, то Нѣмцы платили тѣмъ же относительно русскаго: Лифляндцы (27 человѣкъ) занимались всѣ русскимъ языкомъ; изъ 42 Эстлянцевъ занимались 24, изъ дѣтей иностранныхъ офицеровъ всѣ 14 человѣкъ. До насъ дошли отъ 1739 года аттестаты кадетъ, поступившихъ въ корпусъ съ начала его основанія, въ 1732 году, и достигшихъ 19, 20 и 21 года. Здѣсь замѣчательно различіе въ объемѣ предметовъ, которые усвоили себѣ молодые люди—ровесники, вступившіе въ одно время въ корпусъ и въ одно время изъ него выходившіе. Такъ, у одного изъ французскаго языка отмѣчено: „переводитъ съ нѣмецкаго на французскій экстемпоре исправно"; у другого—„учитъ вокабулы и разговоръ"; у одного въ исторіи отмѣчено—„знаетъ Русскую и Польскую исторію"; у другого—„въ универсальной дошелъ до новой исторіи", или—„дошелъ до короля Магнуса"; изъ географіи: у одного—„въ математической географіи начало доброе имѣетъ"; у другого—„окончилъ пять картъ европейскихъ спеціальныхъ: португальскую, гишпанскую, французскую, британскую и италіянскую". Были и такіе, которые, имѣя въ виду поступить въ гражданскую службу, занимались латинскимъ языкомъ, философіею и юриспруденціею. Въ аттестатѣ одного изъ такихъ отмѣчено: „Съ нѣмецкаго на латинскій компануетъ екстемпоре"; въ графѣ: „философія, юсъ натуры, институціонесъ юстиніанесъ, пандектумъ и юсъ феудале, отмѣчено—„въ философіи Гейнеціи элемента, юсъ секундумъ ординемъ пандекторумъ до 41 книги дошелъ" [6]).

Несмотря не то, что, какъ видно, кадетъ не очень обременяли занятіями, чрезъ годъ, въ 1733 бѣжало изъ корпуса пять человѣкъ—все Русскіе [7]). По представленію Миниха, положены были наказанія: за первый побѣгъ—отсылать для

---

[1]) Записки Данилова.—Записки Болотова (въ Русской Старинѣ).
[2]) Полн. Собр. Зак., № 6050.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 7313.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 7363.
[5]) Рапортъ въ Госуд. архивѣ.
[6]) См. приложеніе II.
[7]) Полн. Собр. Зак. № 6395.

ученія съ солдатскими дѣтьми въ гарнизонную школу на полгода, а за второй—въ ту же школу на три года. Въ 1739 и 1740 годахъ кадеты начали попадаться въ воровствѣ: виновныхъ били кошками публично въ залѣ корпуса и писали въ барабанщики съ тѣмъ, чтобъ выше рядоваго солдата никогда не производить [1]).

Кромѣ воспитанниковъ кадетскаго корпуса, въ гражданскую службу приготовлялись молодые дворяне при самыхъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ: въ Сенатѣ 12, въ Синодѣ и синодской конторѣ по 6, въ Иностранной Коллегіи 12, въ Военной, Вотчинной, Юстицъ и Коммерцъ,-Камеръ-Ревизіонъ-Коллегіяхъ, и въ Штатсъ-конторѣ по 6, въ Генералъ-Бергъ-Директоріумѣ, Монетной канцеляріи и Судномъ приказѣ—по 4, въ Канцеляріи Конфискаціи 2. Они отправляли должность копіистовъ, но при этомъ секретари обучали ихъ приказному порядку и знанію указовъ, а два дня въ недѣлю обучались они ариѳметикѣ, геометріи, геодезіи, географіи и грамматикѣ [2]). Любопытно, что въ сенатскомъ указѣ приказнымъ служителямъ запрещено было озлоблять этихъ молодыхъ дворянъ какимъ-нибудь невѣжествомъ и ругательными словами. Самимъ дворянамъ указъ предписывалъ оказывать свою природу добрыми поступками, честнымъ обхожденіемъ и учтивостію, запрещалъ имъ ходить въ вольные и непристойные домы, пьянствовать, играть въ карты и кости; предписывалъ содержать себя чисто въ платьи и бѣльѣ и всякій день пудрить волосы, чтобъ не безчестно было являться предъ честными людьми, тѣмъ болѣе что имъ позволено было въ праздники, наравнѣ съ кадетами, являться ко Двору.

Мы видѣли, что первою причиною, почему кадетскій корпусъ учреждался въ Петербургѣ, было выставлено то, что въ этомъ городѣ находилась Академія Наукъ. Съ основанія этого учено-учебнаго учрежденія прошло уже 15 лѣтъ, и потому мы имѣемъ возможность бросить взглядъ на первоначальную его дѣятельность. На первый разъ было приглашено изъ-за границы нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ—Германъ, двое Бернулли, Бильфингеръ, Веккенштейнъ; но они недолго оставались Петербургѣ, потому что нашли себя здѣсь въ зависимости отъ человѣка, котораго не могли уважать ни за ученыя заслуги, ни за нравственныя достоинства, наконецъ ни за высокое положеніе или происхожденіе: то былъ Іоганъ-Даніилъ Шумахеръ, родомъ изъ Эльзаса, принужденный оставить страсбургскій университетъ за какіе-то вольные стихи. Въ 1714 году онъ является въ Россію, гдѣ поступилъ въ службу секретаремъ по иностранной перепискѣ къ лейбъ-медику Петра Великаго, Арескину, завѣдывавшему всею врачебною частію въ Россіи; Арескинъ завѣдывалъ также библіотекою, собранною Петромъ, и кабинетомъ рѣдкостей; Шумахеръ былъ опредѣленъ библіотекаремъ и хранителемъ кабинета. Здѣсь уже Шумахеръ показалъ свою ловкость, умѣнье служить людямъ прежде, чѣмъ дѣлу, заискавать, заявлять себя, пріобрѣтать связи, дѣлать себя необходимымъ для начальства: онъ заботился о попугаѣ Арескина, и когда пріѣхалъ изъ-за границы переплетчикъ, то Шумахеръ прежде велѣлъ ему переплести великолѣпно собственныя книги Арескина, а потомъ уже приняться за казенныя книги въ библіотекѣ. Шумахеръ умѣлъ удержать свое мѣсто и значеніе и при Лаврентіи Блюментростѣ, преемникѣ Арескина, умершаго въ 1718 году. Явилась мысль объ основаніи Академіи, которой первоначальный проектъ былъ написанъ, какъ говорятъ, сообща Блюментростомъ и Шумахеромъ, и послѣдній въ 1721 году отправляется за-границу „съ учеными корреспонденціи произвести для умноженія художествъ и наукъ, а наипаче для сочиненія социетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ.“ Шумахеръ былъ обязанъ осматривать всѣ библіотеки и музеи, приглашать въ русскую службу ученыхъ и мастеровыхъ, пріобрѣтать физическіе инструменты, анатомическіе препараты, модели, рисунки машинъ и проч. Черезъ годъ Шумахеръ возвратился въ Петербургъ и продолжалъ отъ имени Блюментроста вести переписку о вызовѣ академиковъ изъ-за границы [3]).

Наконецъ ученые пріѣхали, засѣданія Академіи открылись; президентомъ былъ Блюментростъ; но у Блюментроста самымъ близкимъ, своимъ, довѣреннымъ человѣкомъ былъ Шумахеръ. „Ему“, говоритъ Ломоносовъ, „президентъ отдалъ подъ смотрѣніе и денежную казну, опредѣленную на Академію. Посему выдача жалованья профессорамъ стала зависѣть отъ Шумахера, и все, что имъ надобно, принуждены были просить отъ него же. Сверхъ сего, Шумахеръ, будучи въ наукахъ скуденъ и оставивъ вовсе упражненіе въ оныхъ, старался единственно искать себѣ большой довѣренности у Блюментроста и другихъ при Дворѣ приватными услугами. На что уже и надѣясь поступалъ съ профессорами не такимъ образомъ, какъ бы должно было ему оказывать себя передъ людьми толь учеными и въ разсужденіи наукъ великими, отъ чего скоро воспослѣдовали неудовольствія и жалобы“ [4]).

Неудовольствія и жалобы особенно усилились, когда, въ началѣ 1728 года, Блюментростъ отправился за Дворомъ въ Москву и поручилъ всѣ академическія дѣла библіотекарю Шумахеру. Понятно, что академикамъ было тяжело находиться въ распоряженіи библіотекаря; они не могли скрывать свое неудовольствіе на такой порядокъ вещей, свое нерасположеніе и неуваженіе къ человѣку, который не имѣлъ никакого права управлять Академіею, кромѣ умѣнья заискивать расположеніе сильныхъ, кромѣ умѣнья избавлять президента отъ

---

[1]) Дѣла сената по Кабинету, № 15—1092.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 7248.

[3]) Пекарскаго—Дополнит. извѣстіе для біографія Ломоносова.

[4]) Билярскаго,—Матеріалы для біографіи Ломоносова.

черной работы по управленію и чрезъ то сдѣлать себя для него необходимымъ. Шумахеръ, видя враждебность академиковъ, разумѣется, платилъ имъ тою же монетою, и въ письмахъ къ президенту старался выставить ихъ характеры и поведеніе въ дурномъ и смѣшномъ свѣтѣ. Блюментростъ вѣрилъ Шумахеру, потому что онъ къ Шумахеру привыкъ, Шумахеръ былъ ему необходимъ; самолюбіе президента сильно раздражалось, потому что, оказывая неуваженіе къ Шумахеру, академики оказывали неуваженіе самому Блюментросту, который поручилъ всѣ дѣла Шумахеру; послѣднему было легко раздражить начальническое самолюбіе Блюментроста, выставивши академиковъ людьми *безпокойными*, которые однажды рѣшились, мимо президента, обратиться прямо въ Верховный Тайный Совѣтъ съ жалобою, что имъ не выплачивается жалованье, причемъ Бильфингеръ, самый *безпокойный* изъ академиковъ, имѣлъ дерзость послать своего лакея къ Шумахеру съ приглашеніемъ въ залу конференціи. Этотъ самый Бильфингеръ съ нѣкоторыми другими товарищами, неизвѣстно почему, не явился на обѣдъ къ Миниху; Шумахеръ далъ знать и объ этой дерзости Блюментросту. Внушенія Шумахера, что на безпокойныхъ людей должна быть гроза, сильная власть, дѣйствовали; Блюментростъ облекалъ этою властію Шумахера; трое академиковъ подали президенту жалобу на *библіотекаря*, который сдѣлался правителемъ Академіи, поступаетъ высокомѣрно и самовольно. Эта просьба только еще болѣе раздражила Блюментроста противъ безпокойныхъ людей; въ отвѣтѣ онъ старался натянуть, что Шумахеръ пользуется важнымъ значеніемъ законно, что онъ секретарь и библіотекарь его императорскаго величества, и слѣдовательно имѣетъ право сообщать повелѣнія его величества и наблюдать за ихъ исполненіемъ; но тутъ же вырвалось и настоящее дѣло, настоящій источникъ власти Шумахера. „Позвольте сказать вамъ“, писалъ Блюментростъ Бильфингеру, „что въ мое отсутствіе я могу поручать кому хочу завѣдываніе академическими дѣлами“. Шумахеръ постоянно требовалъ грозы на безпокойныхъ академиковъ, просилъ президента не стѣсняться, приводить ихъ въ надлежащій порядокъ, и достигъ своей цѣли; онъ былъ прозванъ, по свидѣтельству Ломоносова, „бичемъ на профессоровъ“ (flagellum professorum) [1]. Убѣгая этого бича, академики, при первой возможности, начали уѣзжать изъ Россіи, „за тѣмъ“, говоритъ Ломоносовъ, „что пріобыкли быть всегда при наукахъ, и, не навыкнувъ разносить по знатнымъ домамъ поклоновъ, не могли сыскать себѣ защищенія“. Уѣхали Германъ, Бильфингеръ, Бернулли. Блюментроста смѣнили на президентскомъ мѣстѣ въ Академіи Кейзерлингъ, Корфъ, Бревернъ, и при всѣхъ этихъ смѣнахъ, послѣдовавшихъ въ непродолжительное царствованіе Анны, несмѣняемымъ былъ одинъ Шумахеръ, для всѣхъ президентовъ онъ былъ одинаково необходимъ. Слишкомъ безпокойныхъ академиковъ онъ умѣлъ выживать изъ Россіи; другіе (какъ астрономъ Делиль), благодаря ему, не ходили въ академическія засѣданія. Кромѣ того, что академики, занимаясь наукою, не имѣли ни привычки, ни досуга разносить по знатнымъ домамъ поклоны,—кромѣ этого Шумахеръ пользовался также несогласіями, возникавшими между ними и доходившими иногда до драки въ конференціи: такъ профессоръ Юнкеръ ударилъ профессора Вейтбрехта палкою и расшибъ зеркало. Виноватымъ былъ признанъ Вейтбрехтъ, „потому что“, говоритъ Ломоносовъ, „онъ умѣлъ хорошо полатыни; напротивъ того, Юнкеръ едва разумѣлъ латинскихъ авторовъ, однако мастеръ былъ писать стиховъ нѣмецкихъ, чѣмъ себѣ и честь зажилъ и знакомство у фельдмаршала графа Миниха“.

Ломоносовъ упрекаетъ Шумахера и за то, что Академія въ началѣ своего существованія не достигала второй своей цѣли, учебной, столь важной для тогдашней Россіи: „Взяты были изъ московскихъ заиконоспасскихъ школъ двѣнадцать человѣкъ школьниковъ въ Академію Наукъ; оныхъ половина взяты съ профессорами въ Камчатскую Экспедицію, изъ коихъ одинъ удался Крашенинниковъ, а прочіе отъ худаго присмотра всѣ испортились. Оставшаяся въ С.-Петербургѣ половина, бывъ нѣсколько времени безъ призрѣнія и ученія, распредѣлены въ подьячіе и къ ремесленнымъ дѣламъ. Между тѣмъ съ 1733 года по 1738 никакихъ лекцій въ Академіи не преподано россійскому юношеству“. Въ 1735 году вытребованы вновь 12 человѣкъ школьниковъ и студентовъ въ Академію изъ московскихъ спасскихъ школъ; изъ нихъ Ломоносовъ и Виноградовъ отправлены въ Германію для обученія естественнымъ наукамъ. „По отъѣздѣ помянутыхъ студентовъ за море, прочіе десять человѣкъ оставлены безъ призрѣнія. Готовый столъ и квартира пресѣклись, и бѣдные скитались немалое время въ подлости. Наконецъ нужда заставила ихъ просить о своей бѣдности въ Сенатѣ на Шумахера, который былъ туда призванъ къ отвѣту и учиненъ ему чувствительный выговоръ съ угрозами штрафа. Откуда возвратясь въ канцелярію, главныхъ на себя просителей студентовъ билъ по щекамъ и высѣкъ батогами. Однакожъ принужденъ былъ профессорамъ и учителямъ приказать, чтобы давали помянутымъ студентамъ наставленія, что нѣсколько времени и продолжалось, и по экзамену даны имъ добрые аттестаты для показу. А произведены лучшіе въ переводчики, а прочіе-жъ распредѣлены по другимъ мѣстамъ, и лекціи почти совсѣмъ пресѣкратились“.

Но мы видѣли, что, по свидѣтельству того же Ломоносова, академики не могли восторжествовать надъ Шумахеровъ именно потому, что привыкли быть всегда при наукахъ, и потому мы должны

[1]) Пекарскаго.—Дополн. извѣстіе для біогр. Ломоносова.

обратиться къ слѣдствіямъ этой привычки, обозрѣть ученую дѣятельность первыхъ членовъ Академіи, причемъ, разумѣется, должны долѣе остановиться на тѣхъ, которые занимались изученіемъ Россіи, ея настоящаго и прошедшаго.

Въ реестрѣ служащихъ при Академіи и занятій ихъ на 1737 годъ [1]) находимъ, что „профессоръ и совѣтникъ юстицкій *Гольдбахъ* сочинялъ всякія, до академической корреспонденціи съ чужестранными учеными людьми касающіяся, письма на латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ; онъ же самъ издаетъ математическія и другія, до наукъ касающіяся, письма. *Делиль*, первый профессоръ астрономіи, имѣетъ въ своемъ правленіи обсерваторію, днемъ и ночью трудится въ астрономическихъ обсерваціяхъ и надъ генеральною картою Россійскаго государства, а нынѣ старается, чтобъ свой поданный прожектъ о измѣреніи земли и поправленіи картъ Россійской имперіи въ дѣйство произвести. *Винигеймъ*, второй профессоръ астрономіи, повѣряетъ на щетѣ всѣ изъ чужихъ краевъ присылаемыя сюда астрономическія обсерваціи и дѣлаетъ потребныя при обсерваторіи таблицы; сочиняетъ с.-петербургскіе календари, пишетъ политическую географію и капитулъ Россійскаго государства. *Гензіусъ*, третій профессоръ астрономіи, въ обсерваторіи тѣ же обсерваціи, которыя и г. Делиль дѣлаетъ, и одинъ другому взаимно помогаетъ, а когда первый въ ночи, то другой днемъ астрономическія обсерваціи отправляетъ для того, что одному человѣку сего дѣла исправить невозможно, и нынѣ пишетъ краткое собраніе астрономическихъ наукъ. *Дювернуа*, профессоръ анатоміи, дѣлаетъ анатомію надъ человѣческими тѣлами и звѣрьми, разсматриваетъ ихъ составы и тѣла; нынѣ пишетъ исторію о слонѣ, моржѣ и китѣ. *Крафтъ*, профессоръ физики и экспериментальной теоретики, разсматриваетъ натуру размышленіями и частыми экспериментами, и дѣлаетъ на всякій день метеорологическія обсерваціи, вписываетъ въ книгу. *Эйлеръ*, профессоръ высшей математики, сочиняетъ высокія и остроумныя математическія вещи, которыя по прочтеніи въ конференціи издаются въ печать. *Вейбрехтъ*, профессоръ физіологіи, также какъ и анатомикъ, разнимаетъ человѣческія и звѣриныя тѣла, всѣ ихъ части смотритъ и старается какъ бы употребленіе ихъ сыскать. *Аммонъ*, профессоръ ботаники и исторіи, разсматриваетъ и описуетъ все, что въ трехъ частяхъ натуры случается, а именно: звѣрей, травы, камни, минералы и всѣ остъ-индскія и вестъ-индскія сѣмена, а которыя изъ Сибири, Астрахани и Казани присылаются, тѣ садитъ, а травамъ дѣлаетъ описаніе и рисунки; нынѣ сочиняетъ книгу о 200 разныхъ травахъ, которыя въ Сибири, Астрахани и около тѣхъ мѣстъ ростутъ, и сія книга началомъ травной исторіи всея Россійскія имперіи будетъ. *Гросъ*, профессоръ исторіи, исправляетъ исторію среднихъ и новѣйшихъ временъ, переводитъ съ французскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на французскій языкъ, а особливо всякія до Россійской исторіи касающіяся письма на французскій языкъ переводитъ. *Байеръ*,—профессоръ антиквитетовъ (древнихъ вещей); его должность въ томъ состоитъ, чтобъ греческія, римскія, а особливо оріентальныя древнія вещи и языки исправлять; трудится надъ исторіею его величества, блаженныя памяти царя Алексія Михайловича, и по окончаніи оныя исторіи прочихъ государей царей и великихъ князей Россійскихъ равнымъ образомъ сочинять будетъ; начатый китайскій лексиконъ будетъ продолжать".

Сочинять исторію царя Алексія Михайловича и прочихъ государей Байеру было трудно по той простой причинѣ, что онъ не зналъ по-русски; онъ могъ легко заниматься тѣми только вопросами, которые рѣшались съ помощію иностранныхъ источниковъ, напримѣръ вопросомъ о Скиѳахъ. Имя Байера получило въ нашей наукѣ громкую извѣстность, благодаря тому, что онъ первый научнымъ образомъ коснулся вопроса о происхожденіи Варяговъ-Руси, именно сталъ доказывать ихъ скандинавское происхожденіе. Извѣстно, къ какой долгой ожесточенной борьбѣ подавалъ поводъ этотъ вопросъ въ нашей ученой литературѣ; тѣ, которые принимали мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси, отправлялись въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ выводовъ Байера, который такимъ образомъ для нихъ и для противниковъ ихъ получилъ важное значеніе главы школы. Но какъ скоро вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси потерялъ свое значеніе, то имя Байера стало упоминаться очень рѣдко, и дѣятельность этого академика исчезаетъ предъ продолжительною, постоянною и разнообразною дѣятельностію другого иностранца, приглашеннаго въ Петербургскую Академію на первыхъ ея порахъ, предъ дѣятельностію Герарда-Фридриха Мюллера, заслужившаго болѣе популярное названіе Ѳедора Ивановича Миллера. Лейпцигскій студентъ Миллеръ, рекомендованный тамошнимъ профессоромъ Менке, пріѣхалъ въ 1725 году въ Петербургъ, и, несмотря на то, что ему было только 20 лѣтъ, опредѣленъ былъ адъюнктомъ историческаго и географическаго класса при Академіи. Но въ этой Академіи, носившей тройственный характеръ, спеціализированіе занятій было невозможно, и молодой Миллеръ первые два года обучаетъ студентовъ латинскому языку; въ званіи вице-секретаря Академіи издаетъ „Академическіе комментаріи", издаетъ извлеченіе изъ нихъ подъ именемъ „Краткаго описанія комментаріевъ", издаетъ „С.-Петербургскія Вѣдомости" и примѣчанія на нихъ; понадобился латинскій лексиконъ,—Миллеръ издаетъ Вейсмановъ нѣмецко-латинскій лексиконъ съ русскимъ переводомъ и съ присоединеніемъ „начальныхъ правилъ русскаго языка".

Ломоносовъ, сильно враждовавшій впослѣдствіи

[1]) Билярскаго - Матеріалы для біографіи Ломоносова.

съ Миллеромъ, говоритъ: „Шумахеръ для укрѣпленія себѣ присвоенной власти приласкалъ на помочь студента Миллера и въ начатой безъ всякаго формальнаго учрежденія и указа канцеляріи посадилъ его съ собою, ибо усмотрѣлъ, что оный Миллеръ, какъ молодой еще студентъ и недалекой въ наукахъ надежды, примется охотно за одно съ нимъ ремесло въ надеждѣ скорѣйшаго полученія чести, въ чемъ Шумахеръ и не обманулся, ибо сей студентъ, ходя по профессорамъ, переносилъ другъ про друга оскорбительныя вѣсти и тѣмъ привелъ ихъ въ немалыя ссоры, которымъ ихъ несогласіемъ Шумахеръ весьма пользовался, представляя ихъ у президента смѣшными и неугомонными“. Упомянувъ объ оставленіи Академіи учеными, не хотѣвшими находиться подъ начальствомъ Шумахера, Ломоносовъ продолжаетъ: „Но чтобы Академія не пуста осталась, или лучше дабы Шумахеръ имѣлъ подъ рукою своею молодыхъ профессоровъ, себѣ послушныхъ, представилъ въ кандидаты на профессорство пять человѣкъ—Эйлера, Гмелина, Вейтбрехта, Крафта и фаворита своего Миллера, чтобъ старые отъѣзжающіе профессоры ихъ на свое мѣсто аттестовали. О четырехъ первыхъ отнюдь не обинулись дать свои одобренія; а Миллеру въ томъ отказали; однако въ разсужденіи сего мнѣніе ихъ не уважено за тѣмъ, что Шумахеровымъ представленіемъ Миллеръ былъ отъ Блюментроста произведенъ съ прочими въ профессоры“.

Какъ бы то ни было, Миллеръ, получивъ званіе профессора исторіи, начинаетъ усердно заниматься своимъ предметомъ: еще недостаточно зная по-русски, собираетъ матеріалы для сочиненія полной Русской Исторіи и географическаго описанія Россіи, переводитъ эти матеріалы на нѣмецкій языкъ, и, для распространенія за-границею вѣрныхъ свѣдѣній о Русской исторіи и географіи, предпринимаетъ съ 1732 года изданіе Сборника статей, относящихся къ Русской исторіи (Sammlung russischer Geschichte). Для насъ любопытно узнать, какъ начинаетъ Миллеръ самъ знакомиться съ Русской исторіею и знакомить съ нею иностранныхъ ученыхъ. Онъ начинаетъ, какъ слѣдуетъ, съ начала, съ начальной лѣтописи: первая статья въ Сборникѣ—это извѣстіе о древней рукописи, содержащей Русскую Исторію игумена Ѳеодосія Кіевскаго. Слова „игумена Ѳеодосія Кіевскаго“ насъ поражаютъ: мы не знаемъ такого лѣтописца; но мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ трудомъ молодаго иностранца, только-что начавшаго заниматься древними рукописями, неопытнаго въ ихъ языкѣ. Въ заглавіи рукописи: „Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Ѳеодосьева монастыря Печерскаго“, Миллеръ прилагательную форму „Ѳеодосьева“ принялъ за существительную,—и явился у него игуменъ Ѳеодосій лѣтописецъ. Миллеръ не понялъ и сильвестровой приписки; слова: „А мнѣ игуменящу“ приписалъ своему лѣтописцу Ѳеодосію, котораго сдѣлалъ преемникомъ Сильвестра на игуменствѣ въ монастырѣ Св. Михаила. Не забудемъ также, что Миллеръ при первомъ занятіи своемъ лѣтописями, не могъ имѣть никакого руководителя, ибо Татищевъ привезъ въ Петербургъ свою исторію только въ 1739 году; Миллеръ въ 1732 году не могъ подозрѣвать, что его Abt Theodosius есть тотъ же Несторъ, за которымъ послѣ онъ самъ утверждалъ начальную лѣтопись. Въ своемъ „Извѣстіи“ Миллеръ сдѣлалъ обзоръ первыхъ страницъ лѣтописи до временемъ Рюрика, причемъ, разумѣется, не могъ не коснуться вопроса о происхожденіи Варяговъ. Варяги, по его мнѣнію, суть *морскіе люди, мореплаватели*, ибо слово Varech означаетъ то, что выбрасывается моремъ. За „Извѣстіемъ“ слѣдуютъ извлеченія изъ лѣтописи съ 860 до 1175 года включительно. Но источники древнѣйшей Русской исторіи не ограничиваются однѣми русскими лѣтописями; извѣстія о столкновеніяхъ Руссовъ съ Греками находятся у византійскихъ писателей, и Миллеръ въ особыхъ статьяхъ сообщаетъ эти извѣстія. О Россіи упоминается также въ сѣверныхъ источникахъ: Миллеръ составилъ извлеченіе изъ „Исторіи Норвежскихъ королей“ Снорро Стурлезона. Наконецъ Миллеру хотѣлось познакомить иностранныхъ читателей съ однимъ изъ знаменитыхъ русскихъ историческихъ лицъ нѣсколько позднѣйшаго времени, и онъ избралъ Александра Невскаго, котораго подвиги могли возбудить больщій интересъ по отношенію ихъ къ Швеціи, Ливонскому ордену, папѣ, и котораго имя связано было съ Петербургомъ и стало еще болѣе извѣстно на Западѣ вслѣдствіе установленія ордена въ честь его. Жизнеописаніе Св. Александра составлено Миллеромъ по двумъ, тогда неизданнымъ, источникамъ (Степенной книгѣ и Сказанію, помѣщаемому обыкновенно въ лѣтописяхъ); кромѣ того, авторъ пользовался лифляндскою хроникою Руссова, собраніемъ папскихъ посланій, извѣстіями о Татарахъ разныхъ авторовъ.

Кромѣ статей по Русской исторіи, въ „Сборникѣ“ видимъ статьи объ отношеніяхъ Россіи къ Востоку, статьи по исторіи и географіи прилегавшихъ къ Россіи съ востока странъ. Причину такого выбора объяснить нетрудно; уже при чтеніи иностранныхъ путешественниковъ по Россіи XVI и XVII вѣка легко замѣтить, что преимущественно ихъ занимаетъ Востокъ, Азія, занимаетъ ихъ особенно эта Сибирь, откуда Россія доставала главный драгоцѣнный товаръ свой—мѣха, чрезъ которую шелъ путь къ заповѣднымъ границамъ китайскимъ; открытіе удобныхъ путей на Востокъ, въ Китай, Индію, сильно занимало умы на западѣ Европы въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ; понятно, что взоры всѣхъ обращались на Россію, какъ на страну, посредствующую между Европою и Азіею. Миллеръ хорошо зналъ это и потому предлагалъ своимъ западнымъ читателямъ преимущественно статьи о Востокѣ, о сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ. Онъ помѣстилъ въ своемъ Сборникѣ: церемоніалъ пріема китайскаго посольства при Русскомъ Дворѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ 1731 и 1732 го-

дахъ; новѣйшую исторію восточныхъ Калмыковъ, Унковскаго; извлеченіе изъ путеваго журнала въ Калмыцкую страну того же Унковскаго; мирный договоръ Россіи съ Персіею 21 января 1732 года, съ примѣчаніями на вторую статью, въ которыхъ Миллеръ предложилъ описаніе странъ, упоминаемыхъ въ договорѣ; извѣстіе о рѣдкомъ сочиненіи Голландца Витзена „Сѣверная и Восточная Татарія", къ которому Миллеръ составилъ ключъ; о городѣ Албазинѣ и бывшихъ за него войнахъ между Русскими и Китайцами—статью, составленную по Витзену; мирные переговоры между Россіею и Китаемъ въ 1689 году и проч.

При чтеніи Витзена и Унковскаго, Миллеру пришла мысль написать подробную исторію Калмыковъ, тѣмъ болѣе что онъ имѣлъ случай получить много извѣстій отъ членовъ калмыцкихъ посольствъ, съ которыми онъ часто разговаривалъ посредствомъ переводчика Смирнова. Миллеръ уже составилъ планъ своего сочиненія и предложилъ его въ Сборникѣ.

Но исполненію этого предпріятія помѣшала поѣздка Миллера въ Сибирь. Въ 1733 году назначена была отъ Академіи ученая экспедиція, извѣстная подъ именемъ Камчатской, и Миллеръ былъ избранъ въ число ея членовъ. Послѣ самъ Миллеръ такимъ образомъ объяснялъ причины этой командировки своей: „Я такъ давно близко знаю г. Шумахера; онъ никогда не прощаетъ, если сочтетъ себя оскорбленнымъ. Его ненависть противъ меня началась съ 1732 года, когда Сенатъ прислалъ указъ профессорамъ разсмотрѣть академическіе штаты, составленные г. Шумахеромъ. Я тогда думалъ, что долгъ мой требуетъ присоединиться при этотъ разсмотрѣніи къ прочимъ профессорамъ, моимъ товарищамъ; и такъ какъ въ проектѣ штатовъ нашлось много заслуживающаго порицанія, то и не колебался высказать мое истинное мнѣніе, къ чему меня обязывала и присяга вѣрноподданнаго имперіи. Это привело г. Шумахера въ негодованіе противъ меня. Для избѣжанія его преслѣдованій, я вынужденъ былъ отправиться въ путешествіе по Сибири, чему онъ одинъ благопріятствовалъ, лишь бы удалить меня отъ тѣхъ, которые пользовались тогда моимъ перомъ" [1]).

Какъ бы то ни было, наука выиграла отъ этого бѣгства Миллера въ Сибирь отъ преслѣдованій Шумахера. Въ теченіи десяти лѣтъ Миллеръ обозрѣлъ страну отъ Чердыни до Якутска и границъ китайскихъ, причемъ велъ подробныя путевыя записки, собралъ о городахъ и уѣздахъ ихъ историческія, географическія и статистическія свѣдѣнія; пересмотрѣлъ и привелъ въ порядокъ архивы почти во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ, особенно въ Чердыни, старомъ главномъ городѣ Перми; вездѣ списывалъ замѣчательнѣйшіе акты. Изъ этихъ списковъ составилось 50 фоліантовъ. Но мы обозрѣли только еще начало дѣятельности Миллера [2]).

До сихъ поръ мы видѣли труды только иностранныхъ ученыхъ, призванныхъ въ Петербургскую Академію Нукъ; но вотъ въ приведенномъ выше реестрѣ встрѣчаемъ и русскія имена: „*Адодуровъ*, адъюнктъ профессора физики; его главное намѣреніе физику доканчивать, дабы современемъ самому профессорскаго чина удостоиться; перевелъ сокращенную механику на россійскій языкъ, а нынѣ переводитъ математику, сочиненную профессоромъ Эйлеромъ; свои труды читаетъ въ Россійскомъ собраніи, и притомъ слушаетъ всякихъ переводовъ, которые другіе читаютъ, и старается, чтобъ оные переводы на россійскомъ языкѣ исправно въ печать выходили; обрѣтающихся при правительствующемъ Сенатѣ юнкеровъ обучаетъ по-дважды въ недѣлю въ чтеніи и писаніи россійскаго діалекта".

Такимъ образомъ адъюнктъ по каѳедрѣ физики читалъ свои переводы въ Россійскомъ собраніи и поправлялъ чужіе переводы; но что же это была за Россійское собраніе? Такъ называлась особая конференція при Академіи, имѣвшая задачею обработку Русскаго языка и слога. Мы видѣли, что когда Петръ Великій, желая передать научныя свѣдѣнія Русскимъ людямъ на ихъ языкѣ, заказалъ переводы разныхъ книгъ съ иностранныхъ языковъ и необходимые для этого лексиконы, то ему представился вопросъ: на какой языкъ переводить. Языкомъ религіи и неразрывно связаннаго съ нею знанія былъ до сихъ поръ языкъ такъ-называемый Церковно-Славянскій. Это былъ языкъ священный, возвышенный, единственно достойный важнаго предмета; человѣкъ знающій, ученый, т.-е. начетчикъ священныхъ книгъ, могъ писать только на этомъ языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, старался писать на немъ, приближать свою рѣчь какъ можно болѣе къ нему; этимъ онъ отличался отъ невѣжественной толпы. Но подлѣ этого священнаго и ученаго языка въ устахъ народа образовался живой, разговорный языкъ, который сдѣлался и письменнымъ языкомъ, ибо на немъ составлялись правительственные акты и дѣловыя бумаги. Петръ потребовалъ, чтобъ переводы дѣлались и лексиконы составлялись именно на этомъ живомъ народномъ языкѣ, который называли „языкомъ Посольскаго Приказа". Но исполнить желаніе Преобразователя было очень трудно: переводчикъ книги, составитель лексикона былъ человѣкъ ученый, слѣдовательно тянувшій къ Церковно-Славянскому языку, считавшій страннымъ, неприличнымъ писать на языкѣ *подломъ*, т.-е. слѣдовать живой народной рѣчи. А тутъ новая бѣда: еще до Петра являются въ Москву ученые Южной и Западной Россіи съ своими нарѣчіями, искаженными

[1]) Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ — въ лѣтописяхъ русск. литер., изд. Тихонравова, т. V.

[2]) См. мою статью: Герардъ-Фридрихъ Миллеръ; Современникъ 1854 года, № 10.

вліяніемъ польскаго элемента; при Петрѣ эти лица заняли архіерейскія каѳедры, и удивительный языкъ ихъ витіеватыхъ *казаній* дорого обошелся русскому уху; вліяніе живыхъ западныхъ языковъ было сильно, особенно со стороны лексикологической. Хаосъ усиливался, но не умирало и стремленіе выйти изъ него, не умирало то чувство, которое заставляло Русскаго человѣка оскорбляться печальнымъ состояніемъ родного языка, выраженія своей народности. Требованіе очищенія Русскаго языка пошло отъ людей, отличавшихся наибольшею преданностію дѣлу преобразованія: Татищевъ, напримѣръ, не могъ выносить обилія иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ Русскій языкъ; онъ никакъ не хотѣлъ называть новаго горнаго города Екатеринбургомъ, но всегда подписывалъ на своихъ письмахъ и донесеніяхъ: „изъ Екатерининска". Въ 1728 году Верховный Тайный Совѣтъ предписалъ, чтобъ „россійскіе при другихъ Дворахъ министры, въ своихъ реляціяхъ, не включали терминовъ иностранныхъ, кромѣ только самыхъ необходимыхъ". Всѣ Русскіе люди, считавшіе просвѣщеніе необходимымъ, должны были страшно тяготиться неустройствомъ родного языка, видя какъ то, что такъ легко выразить на чужомъ языкѣ, съ такимъ трудомъ передается на Русскомъ. А передавать было необходимо. Несмотря на важное значеніе, пріобрѣтенное Нѣмцами въ царствованіе Анны, Нѣмецкій языкъ не могъ сдѣлаться употребительнымъ даже и при Дворѣ, по той простой причинѣ, что огромное большинство русскихъ знатныхъ и дѣловыхъ людей не знало по-нѣмецки; всѣ оффиціальныя бумаги, донесенія императрицѣ, въ Кабинетъ должны были писаться по-русски, поэтому Нѣмцы, которые хотѣли утвердиться въ Россіи, должны были стараться овладѣть Русскимъ языкомъ, выражаться и писать на немъ какъ можно свободнѣе. чему примѣръ показалъ самый даровитый изъ иностранцевъ—Остерманъ. Понятно, что Академія должна была отозваться на требованіе устройства Русскаго языка, тѣмъ болѣе что это требованіе шло сверху. Мы видѣли, что учреждена была особая конференція подъ именемъ Россійскаго собранія; но кто же былъ главнымъ дѣятелемъ здѣсь? Какъ видно, большимъ знатокомъ Русскаго языка считался адъюнктъ по каѳедрѣ физики Адодуровъ; но у этого Адодурова живетъ какой-то русскій ученый, возвратившійся изъ-за границы: его зовутъ Василій Кирилловичъ Тредіаковскій.

Когда раздался громкій призывъ Русскимъ людямъ къ новой усиленной наукою жизни, въ свѣжемъ и сильномъ народѣ послышались съ разныхъ сторонъ отзывы: одинъ крестьянскій сынъ, съ береговъ Бѣлаго моря, оставляетъ отцовскій домъ и бѣжитъ въ Москву учиться въ Спасскихъ школахъ; другой, священническій сынъ съ устьевъ Волги, изъ Астрахани, такъ-же покидаетъ отцовскій домъ и бѣжитъ туда же въ Москву. учиться въ Спасскихъ школахъ. Различная степень таланта, различные характеры, различный закалъ характеровъ вслѣдствіе различныхъ условій времени и другихъ, но стремленіе и форма начальнаго подвига одинаковы.

Сынъ Астраханскаго священника, выучившійся по-латыни у католическихъ монаховъ, Тредіаковскій, оставилъ родной городъ, домъ и отца съ матерью, убѣжалъ въ Москву, гдѣ сталъ учиться въ Заиконоспасскомъ монастырѣ [1]). По окончаніи реторики, нашелъ способъ уѣхать въ Голландію, гдѣ выучился Французскому языку. Оттуда пѣшкомъ, вслѣдствіе крайней бѣдности, пришелъ въ Парижъ, гдѣ въ Сорбонѣ учился математическимъ, философскимъ и богословскимъ наукамъ, „при щедромъ благодѣтелей содержаніи". Изъ этихъ благодѣтелей намъ извѣстенъ только князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, который и привезъ Тредіаковскаго изъ-за границы въ Петербургъ. Въ 1730 году Академія издала трудъ Тредіаковскаго: „Ѣзда въ островъ Любви. Переведена съ французскаго на русской чрезъ студента Василья Тредіаковскаго и приписана его сіятельству князю Александру Борисовичу Куракину". (Voyage à l'île d'Amour, par Paul Tallemant.) Въ предисловіи впервые писателемъ высказано требованіе писать книги свѣтскаго содержанія разговорнымъ языкомъ, а не Славянскимъ; мы видѣли, что это требованіе было уже высказано Петромъ Великимъ; но Тредіаковскій былъ первый изъ ученыхъ, изъ литераторовъ, который рѣшился отстать отъ старой привычки: „На меня, прошу васъ покорно, не извольте погнѣваться (буде вы еще глубокословныя держитесь словенщизны), что я ону (Ѣзду) не словенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собой говоримъ. Сіе я учинилъ слѣдующихъ ради причинъ. Первая: языкъ Словенской у насъ есть языкъ церковной, а сія книга—книга мірская. Другая: языкъ словенской въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ, и многіе его наши читая не разумѣютъ; а сія книга есть сладкія любви, того ради всѣмъ должна быть вразумительна. Третья: которая вамъ покажется можетъ быть самая легкая, но которая у меня идетъ за самую важную, то есть, что языкъ Словенской нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми". Эта причина и для насъ идетъ за самую важную; и для насъ всего важнѣе то, что человѣкъ, привыкшій писать и даже говорить *Словенскимъ* языкомъ, вдругъ нашелъ этотъ языкъ жестокимъ для своихъ ушей, призналъ, что новое вино требуетъ новыхъ мѣховъ, новый духовный обиходъ Русскаго человѣка требуетъ новаго живого языка для своего выраженія. Русскіе люди описываемаго времени нашли необходимымъ раздѣлаться съ своимъ *Словенскимъ* языкомъ, какъ западные европейцы нашли необходимымъ раздѣлаться съ мертвымъ Ла-

[1]) Купика—Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Наукъ.

тинскимъ языкомъ и обратиться къ языку разговорному, народному. „Если вамъ, доброжелательный читателю“, продолжаетъ Тредіаковскій, „покажется, что я еще здѣсь въ свойство нашего природнаго языка не умѣтилъ, то хотя могу только похвалиться, что все мое хотѣніе имѣлъ, дабы то учинить“. Мы знаемъ, что Тредіаковскій (и не одинъ Тредіаковскій) не умѣтилъ въ свойство нашего природнаго языка, и причина заключалась въ томъ, что онъ не зналъ, или если зналъ, то не понялъ требованія Петра Великаго, чтобъ переводить книги языкомъ Посольскаго Приказа; въ изученіи памятниковъ этого живого, сильнаго, царственнаго языка Московской Руси Преобразователь указалъ лучшее средство умѣтить въ свойство нашего природнаго языка.

Во 1735 году мы видимъ Тредіаковскаго членомъ новоучрежденнаго Россійскаго собранія; онъ открываетъ первое собраніе торжественною рѣчью: „При благословенной державѣ величайшія монархини Анны сего дождались мы счастія, мои господа, что и о совершенствѣ Россійскаго языка попеченіе воспріемлется. Сіе кольми полезно есть Россійскому народу, т.-е. возможное дополненіе языка, чистота, красота и желаемое потомъ его совершенство; но мнѣ толь трудно быть кажется, что не страшитъ, уповаю, и васъ трудностію и тягостію своею. Не о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныхъ, старыхъ и новыхъ авторовъ дѣло идетъ, что и едино и само собою колико проливаетъ пота, извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудятся, но и о грамматикѣ доброй и справной согласной мудрыхъ употребленію и основанной на ономъ, въ которой коль много есть нужды,—толь много есть и трудности; но и о дикціонаріи полномъ и довольномъ, который въ имѣющихъ трудиться васъ еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сизифѣ превеликій оный камень; но и о риторики и стихотворной науки, что все чрезъ мѣру утрудить васъ можетъ“.

Чтобъ понять рѣчь Тредіаковскаго, надобно замѣтить, что въ Россійское собраніе были помѣщены одни переводчики: Адодуровъ, Волчковъ, Шваневицъ, Таубертъ, Эмме. О самомъ Тредіаковскомъ въ реестрѣ 1737 года говорится: „Тредіаковскій—секретарь; его должность также въ переводахъ и въ присутствіи при Россійскомъ собраніи состоитъ, причемъ онъ свои труды читаетъ и другихъ переводы слушаетъ; онъ перевелъ съ Французскаго языка Марсиліеву книгу: „О военномъ состояніи Порты Остоманской“; нынѣ оканчиваетъ переводъ Татарской исторіи, а впредь во всякихъ переводахъ съ Французскаго на Россійскій языкъ трудиться будетъ“. Ясно видно, что ближайшею цѣлію учрежденія было исправленіе переводовъ общими силами всѣхъ занимающихся этимъ дѣломъ людей. Но одному изъ переводчиковъ, Тредіаковскому, не хочется ограничиться одною этою цѣлію; онъ указываетъ на другіе необходимые труды: составленіе грамматики, лексикона, реторики, піитики, безъ сомнѣнія, считаетъ себя способнѣе всѣхъ другихъ заняться этими высшими трудами. Такъ онъ говоритъ въ той же рѣчи: „Изъ основательныя грамматики и красныя реторики нетрудно произойти восхищающему сердце и умъ слову піитическому, развѣ одно только сложеніе стиховъ неправильностію своею утрудить васъ можетъ, но и то, мои господа, преодолѣть возможно и привесть въ порядокъ: способовъ не нѣтъ, нѣкоторые же и я имѣю“. Дѣйствительно, въ томъ же году онъ издалъ: „Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ съ опредѣленіями до сего надлежащихъ названій“, гдѣ высказалъ положеніе, что силлабическій размѣръ, которымъ до сихъ поръ писались въ Россіи вирши съ тяжелой руки западно-русскихъ ученыхъ, не приходится къ Русскому языку, потому что въ немъ нѣтъ собственно долгихъ гласныхъ: „Долгота и краткость слоговъ, въ новомъ семъ россійскомъ стихосложеніи, не такая разумѣется, какова у Грековъ и у Латинъ въ сложеніи стиховъ употребляется; но токмо *тоническая*, т.-е. въ единомъ удареніи голоса состоящая“.

Но честь выполненія всѣхъ этихъ трудовъ, которые Тредіаковскій заказывалъ Россійскому собранію, имѣя въ виду взять ихъ на себя,— честь всѣхъ этихъ трудовъ предвосхитилъ другой русскій ученый, имя котораго произносится съ благоговѣніемъ, тогда какъ имя Тредіаковскаго произносится съ насмѣшливою улыбкою: отчего же это произошло?

Несчастіе Тредіаковскаго происходило, вопервыхъ, оттого, что ему суждено было дѣйствовать въ самое печальное время для русскаго ученаго, и именно ученаго, предметомъ занятій котораго была словесныя науки. Убѣжденіе въ необходимости просвѣщенія было сильно въ обществѣ; учредили Академію, вызвали ученыхъ иностранцевъ съ большими по тому времени издержками; но вообще на ученыхъ смотрѣли какъ на необходимыхъ мастеровъ, требовали отъ нихъ непосредственной пользы, и чѣмъ очевиднѣе была польза отъ извѣстной ученой дѣятельности для удовлетворенія государственнымъ потребностямъ, тѣмъ цѣннѣе былъ ученый. Ломоносовъ былъ отправленъ за границу для занятія естественными науками, съ цѣлію непосредственнаго приложенія; Ломоносовъ былъ первый Русскій, получившій извѣстность въ области этихъ, считавшихся по преимуществу полезными, наукъ, и эта извѣстность вначалѣ служила прочнымъ основаніемъ его значенія. Мы видѣли, что была потребность занятія Русскимъ языкомъ, потребность его образованія, очищенія; но внутреннее, сознательное или безсознательное недовольство печальнымъ состояніемъ Русскаго языка было у очень немногихъ; большинство требовало образованія и очищенія Русскаго языка для того, чтобъ было легко читать на немъ; большинство прежде всего нуждалось въ переводахъ нужныхъ книгъ и сердилось, получая переводы, кото-

рые были почти такъ же непонятны для него, какъ и подлинники; хорошіе переводы были первою потребностію, и мы видѣли, что Россійское собраніе было составлено изъ переводчиковъ, которые обязаны были поправлять труды другъ друга. Таково было главное значеніе, какое могъ имѣть въ описываемое время человѣкъ, занимавшійся Русскимъ языкомъ,—значеніе переводчика; такое значеніе имѣлъ и Тредіаковскій: но понятно, что это значеніе не могло быть важно, не могло идти въ уровень съ значеніемъ ученыхъ, самостоятельно занимавшихся своими науками, съ значеніемъ извѣстныхъ астрономовъ, математиковъ, физиковъ, анатомовъ: такое значеніе, повторяемъ, первый пріобрѣлъ впослѣдствіи Ломоносовъ. Но у Тредіаковскаго было еще другое значеніе. Въ числѣ явленій, съ которыми познакомились Русскіе при своемъ сближеніи съ западно-европейскою жизнію, было и то, что важныя событія въ государственной жизни, дѣла высокопоставленныхъ лицъ прославлялись поэтами; торжественная, прославительная ода требовалась, какъ теперь требуется восхвалительная газетная статья. Восхвалительныя оды требовались при Дворѣ Анны болѣе, чѣмъ при Дворахъ ея предшественниковъ, потому что чувствовалось болѣе побужденій выставлять съ свѣтлой стороны дѣйствія правительства: съ особеннымъ удовольствіемъ слушаетъ похвалу тотъ, кто боится, что его не хвалятъ. Для удовлетворенія этой потребности явились Нѣмцы — извѣстный намъ уже Юнкеръ, Штелингъ, адъюнктъ Академіи, который „упражнялся по должности своей во всемъ, что касается до риторики, до стихотворной науки, до правильнаго писанія (на какомъ языкѣ?) и до прочихъ къ тому надлежащихъ наукъ": въ 1737 г. переводилъ онъ съ Италіанскаго на *Нѣмецкій* языкъ Марселіево „Военное состояніе Оттоманской Порты". Но восхваленія нужны были и для Русскихъ, и вотъ Тредіаковскій долженъ былъ переводить оды Юнкера и Штелина, потому что заявилъ себя „піитою", писалъ и собственныя оды, издалъ и „Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ". Но бѣда заключалась въ томъ, что вѣрнаго взгляда, высказаннаго имъ въ „Способѣ", оцѣнить не умѣли, а собственныя стихотворенія автора и переводы его находили дурными; находили, что въ нѣмецкихъ подлинникахъ безконечно болѣе гармоніи, чѣмъ въ переводахъ. Переводчикъ оказывался бездарнымъ, плохимъ, и это была главная причина, почему Тредіаковскаго держали въ черномъ тѣлѣ. Русскому ученому надобно было завоевать сколько-нибудь выгодное положеніе сильнымъ талантомъ, блестящими успѣхами; но Тредіаковскій сдѣлать этого не могъ—и несъ наказаніе за эту невозможность. А между тѣмъ Тредіаковскій въ описываемое время былъ главнымъ представителемъ русскихъ ученыхъ изъ свѣтскихъ людей, и это, разумѣется, не могло быть полезно для русскаго дѣла вообще, давая иностранцамъ основаніе слишкомъ высоко цѣнить себя и слишкомъ мало сдерживаться уваженіемъ къ Русскимъ.

Въ описываемое время общество въ Россіи не могло обезпечить писателю самостоятельнаго существованія; писатель искалъ поддержки въ покровительствѣ сильныхъ и благодарилъ за эту поддержку восхваленіемъ покровителя. Разумѣется, странно было бы упрекать Тредіаковскаго за восхваленіе главнаго „командира Академіи" Корфа, когда предъ нами множество писемъ отъ высокопоставленныхъ лицъ къ Бирону, писемъ, наполненныхъ самымъ рабскимъ духомъ; когда мы знаемъ, что подобныя восхваленія не вывелись и въ XIX вѣкѣ, и когда наконецъ популярничанье, старанье служить модному, господствующему въ извѣстное время направленію въ обществѣ или стремленіе служить извѣстному сильному кружку, могущему оказать покровительство, часто вреднѣе для науки и для общества, чѣмъ приписаніе ораторскаго таланта президенту Академіи Корфу, какъ это сдѣлалъ Тредіаковскій. Не знаемъ, много ли выгодъ получилъ Тредіаковскій отъ своей лести предъ Корфомъ, на которую можно смотрѣть какъ на форменную, но мы видѣли, что у него былъ покровитель, русскій вельможа, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, который привезъ его изъ-за границы и которому онъ *приписалъ* свою „Ѣзду на островъ Любви". Не можемъ опредѣлить, въ чемъ могло выказаться дальнѣйшее покровительство Куракина Тредіаковскому; но безспорно, что отношенія между ними сыграли главную роль въ печальномъ приключеніи, постигшемъ Василія Кирилловича въ 1740 году, по поводу знаменитаго „Ледянаго дома".

Мы знаемъ, что въ описываемое время шуты составляли необходимую принадлежность Двора. Императрица Анна, которая нуждалась въ томъ, чтобъ подлѣ нея была постоянно женщина, безъумолку болтавшая, разумѣется, должна была очень жаловать шутовъ. Въ числѣ ихъ находился одинъ князь Голицынъ, прозывавшійся Квасникомъ. Пятидесятилѣтняго Квасника вздумали женить на придворной Калмычкѣ Бужениновой; при этомъ удобномъ случаѣ рѣшились повеселиться на-славу, а главное, какъ видно, хотѣли развеселить императрицу, имѣвшую много причинъ печалиться. Придумали для новобрачныхъ выстроить ледяной домъ, что легко было сдѣлать при страшныхъ морозахъ, которыми отличалась зима 1740 года. Домъ былъ построенъ между Зимнимъ дворцомъ (старымъ) и адмиралтействомъ, „и гораздо великолѣпнѣе казался, нежели когда бы онъ изъ самаго лучшаго мрамора былъ построенъ, для того казался сдѣланъ былъ будто изъ одного куска, и для ледяной прозрачности и синяго его цвѣту на гораздо дражайшій камень, нежели на мраморъ походилъ". Народъ потѣшался пальбою изъ ледяныхъ пушекъ, стоявшихъ у дома, ледяными дельфинами, которые ночью выбрасывали изо рта огонь изъ

зажженной нефти, „смѣшными картинами", которыя были поставлены за ледяными стеклами дома, освѣщеннаго внутри по ночамъ множествомъ свѣчъ; ледяными птицами, сидѣвшими на ледяныхъ деревьяхъ съ ледяными вѣтками и листьями, „что все изряднымъ мастерствомъ сдѣлано было"; ледянымъ слономъ въ натуральную величину съ сидѣвшимъ на немъ ледянымъ персіяниномъ; слонъ этотъ днемъ извергалъ воду, а ночью горящую нефть [1]). Но этихъ хитростей было мало: придумали устроить живую этнографическую выставку, выписали по парѣ инородцевъ, подвластныхъ Россіи, которые должны были участвовать въ торжествѣ шутовской свадьбы, плясать посвоему, пѣть свои пѣсни и за свадебнымъ столомъ насыщаться своими національными кушаньями. Къ Казанскому губернатору пошелъ указъ: „Указали мы для нѣкотораго пріуготовляемаго здѣсь маскарата выбрать въ Казанской губерніи изъ татарскаго, черемисскаго, мордовскаго и чувашскаго народовъ, каждаго по три пары мужеска и женска полу пополамъ, и смотрѣть того, чтобъ они собою были не гнусныя, и убрать ихъ въ наилучшее платье со всѣми приборы по ихъ обыкновенію, и чтобъ при мужскомъ полѣ были луки и прочее ихъ оружіе и музыка, какая у нихъ употребляется; а то платье сдѣлать на нихъ отъ губернской канцеляріи изъ казенныхъ нашихъ денегъ". Такіе же указы пошли въ Архангельскъ, въ Малороссію. Въ Твери полученъ указъ: „Указали мы тѣхъ людей, которые напредь сего собираны были во время маскаратовъ и назывались *Весна*, нынѣ собрать въ Твери сколько есть изъ прежнихъ, и къ тому выбрать и вновь изъ тамошнихъ обывателей, чтобъ было тѣхъ 12 человѣкъ". Въ Москву отправленъ приказъ: „Выбрать изъ Калужскаго или Алексинскаго уѣздовъ деревенскихъ восемь бабъ молодыхъ и столькожъ мужей ихъ, умѣющихъ плясать, которые-бъ собою были не гнусны, да около Москвы набрать изъ пастуховъ шесть человѣкъ молодыхъ людей, которые-бъ умѣли на рожкахъ играть. Такожъ сыскать меделянскихъ 15 хорошихъ собакъ, да набрать пѣтуховыхъ большихъ перьевъ, колокольчиковъ разныхъ рукъ купить". Сибирскій Приказъ долженъ былъ прислать хвостовъ лисьихъ и волчьихъ, мѣховъ заячьихъ, тулуповъ медвѣжьихъ и проч. Изъ Новгорода Великаго потребованы 50 козловъ да барановъ четверорогихъ и пятеророгихъ до десяти и чтобъ всѣ были большіе. Остзейскія провинціи должны были выслать верховыхъ лошадей для придворныхъ дамъ [2]).

Устройствомъ праздника распоряжался оберъ-егермейстеръ и кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Волынскій; для торжества понадобились стихи, привѣтствіе новобрачнымъ; написать и произнести это привѣтствіе поручено было Тредіаковскому. Но какъ было сдѣлано порученіе, объ этомъ такъ разсказываетъ самъ Тредіаковскій въ рапортѣ своемъ въ Академію Наукъ [3]). „Сего 1740 года февраля 4 дня, т.-е. въ понедѣльникъ ввечеру въ 6 или 7 часовъ, пришелъ ко мнѣ г. кадетъ Криницынъ и объявилъ мнѣ, чтобъ я шелъ немедленно въ Кабинетъ е. и. в. Сіе объявленіе хотя меня привело въ великій страхъ, толь наипаче, что время уже было позднее, однако я ему отвѣтствовалъ, что тотчасъ пойду. Тогда, подпоясавъ шпагу и надѣвъ шубу, пошелъ съ нимъ тотчасъ, ни мало не отговариваясь, и, сѣвъ съ нимъ на извозчика, поѣхалъ въ великомъ трепетаніи; но видя, что помянутый г. кадетъ не въ Кабинетъ меня везъ, то началъ его спрашивать учтивымъ образомъ, чтобъ онъ мнѣ пожаловалъ объявилъ, куда онъ меня везетъ, на что мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ меня везетъ не въ Кабинетъ, но на слоновый дворъ и то по приказу его п—ства кабинетъ-министра Ар. Петр. Волынскаго, а зачѣмъ—сказалъ, что не знаетъ. Я, услышавъ сіе, обрадовался и говорилъ помянутому г. кадету, что онъ худо со мною поступилъ, говоря мнѣ, будто надобно мнѣ было пойти въ Кабинетъ, и притомъ называя его еще мальчикомъ и такимъ, который мало въ людяхъ бывалъ, и то для того, что онъ такимъ объявленіемъ можетъ человѣка вскорѣ жизни лишить или, по крайней мѣрѣ, въ безпамятствіе привести для того, что, говорилъ я ему, Кабинетъ дѣло великое и важное, о чемъ онъ у меня и прощенія просилъ, однакоже сердился на то, что я его называлъ мальчикомъ, и грозилъ пожаловаться на меня е. п—ству А. П. Волынскому, чѣмъ я ему самъ грозилъ. Но когда мы прибыли на слоновый дворъ, то помянутый г. кадетъ пошелъ напередъ, а я за нимъ въ оную камеру, гдѣ маскарадъ обучался; вшедъ, постоявъ мало, началъ я жаловаться его п—ству на помянутаго г. кадета, что онъ меня взялъ изъ дому такимъ образомъ, который меня въ великій страхъ и трепетъ привелъ; но его п—ство, не выслушавъ моея жалобы, началъ меня самъ бить предъ всѣми толь немилостиво по обѣимъ щекамъ, и притомъ всячески браня, что правое мое ухо оглушилъ, а лѣвый глазъ подбилъ, что онъ изволилъ чинить въ три или четыре пріема. Сіе видя, помянутый г. кадетъ ободрился и сталъ притомъ на меня жаловаться его пр—ству, что его будто дорогою бранилъ и поносилъ. Тогда его пр—ство повелѣлъ и оному кадету бить меня по обѣимъ же щекамъ публично; потомъ, съ часъ времени спустя, его пр—ство приказалъ мнѣ спроситься, зачѣмъ я призванъ, у г. архитектора и полковника П. М. Еропкина, который мнѣ и далъ на письмѣ самую краткую матерію, и съ которой должно было мнѣ сочинить приличные стихи къ маскараду. Съ симъ и отправился въ домъ мой, куда пришедъ, сочинялъ оные стихи и, размышляя о моемъ напрасномъ безчестіи и увѣчьи, разсудилъ поутру, избравъ время, пасть въ ноги его высоко-

[1]) Записки Нащекина, стр. 64.—Крафта — подробное и обстоятельное описаніе... Ледяного дома.

[2]) Дѣла Сената по Кабинету, № 94—1171.

[3]) Москвитянинъ 1845 г. II, 44.

герцогской свѣтлости (Бирону), пожаловаться на его пр—ство. Съ симъ намѣреніемъ пришелъ я въ покои къ его высоко-герцогской свѣтлости поутру и ожидалъ времени припасть къ его ногамъ; но, по несчастію, туда пришелъ скоро и его пр—ство А. П. Волынскій; увидавъ меня, спросилъ съ бранью, зачѣмъ я здѣсь; я ничего не отвѣтствовалъ, а онъ билъ меня тутъ по щекамъ, вытолкалъ въ шею и, отдавъ въ руки ѣздовому сержанту, повелѣлъ меня отвести въ коммисію и отдать меня подъ караулъ, что такимъ образомъ и учинено. Потомъ, нѣсколько спустя времени, его пр—ство прибылъ и самъ въ коммисію и взялъ меня передъ себя. Тогда, браня меня всячески, велѣлъ съ меня снять шпагу съ великою яростію и всего оборвать и положить, и бить палкою по голой спинѣ толь жестоко немилостиво, что, какъ мнѣ сказывали уже послѣ, дано мнѣ съ 70 ударовъ; а приказавши перестать бить, велѣлъ меня поднять и, браня меня, не знаю, что у меня спросилъ, на что въ безпамятствѣ моемъ не знаю, что и я ему отвѣтствовалъ Тогда его пр—ство паки велѣлъ меня бросить на землю и бить еще тою же палкою, такъ что дано мнѣ и тогда съ тридцать разовъ; потомъ, всего меня изнемогшаго, велѣлъ поднять и обуть, а раздранную рубашку не знаю кому зашить, и отдалъ меня подъ караулъ, гдѣ я ночевалъ на среду и твердя наизусть стихи, хотя мнѣ уже и не до стиховъ было, чтобъ оные прочесть въ потѣшной залѣ. Въ среду подъ вечеръ приведенъ я былъ въ маскарадномъ платьи и въ маскѣ подъ карауломъ въ оную потѣшную залу, гдѣ тогда мнѣ повелѣно было прочесть наизусть оные стихи насилу. По прочтеніи оныхъ и по окончаніи маскарадной потѣхи, отведенъ я паки подъ караулъ въ коммисію, гдѣ и ночевалъ я на четвертокъ, но въ четвертокъ призванъ я былъ поутру часовъ въ десять въ домъ къ его пр—ству, гдѣ былъ взятъ предъ него и былъ много браненъ; а потомъ объявилъ онъ мнѣ, что разстаться хочетъ со мною еще побивши меня, что я услышавъ съ великими слезами просилъ еще его пр—ство умилостивиться надо мною, всѣмъ уже изувѣченнымъ; однако не преклонилъ его сердце на милость, такъ что тотчасъ велѣлъ онъ меня вывесть въ переднюю и караульному капралу бить меня еще палкою десять разъ, что и учинено. Потомъ повелѣлъ мнѣ отдать шпагу и освободить изъ подъ караула, и, призвавъ къ себѣ, отпустилъ меня домой съ такими угрозами, что я еще ожидаю скоро или нескоро такого же печальнаго отъ него несчастія, буде Господь по душу не сошлетъ".

„Что люди сильные въ описываемое, да и въ позднѣйшее время, не разбирали средствъ, когда имъ приходилось давать чувствовать свою силу слабымъ,—это мы хорошо знаемъ; что Волынскій принадлежалъ къ числу самыхъ неудержливыхъ людей—это мы такъ-же знаемъ. Мы видѣли, что позволилъ себѣ библіотекарь Шумахеръ съ студентами, подавшими на него жалобу въ Сенатъ. Въ описываемое же царствованіе, именно въ 1737 году, въ Москвѣ генералъ Чернышевъ прибилъ самъ полѣномъ и потомъ людямъ своимъ велѣлъ бить ассесора канцеляріи конфискаціи Глазунова за то, что тотъ удержалъ нужнаго ему, Чернышеву, подъячаго [1]). Поэтому не очень можемъ удивляться такому же поступку кабинетъ-министра Волынскаго съ секретаремъ Тредіаковскимъ. Но мы не можемъ себѣ представлять Волынскаго человѣкомъ подверженнымъ какимъ-то припадкамъ бѣшенства, способнымъ бить человѣка безо всякой причины, а причины не было бить Тредіаковскаго за то только, что онъ подошелъ съ жалобою на кадета, ибо изъ разсказа ясно видно, что кадетъ не могъ предупредить Тредіаковскаго и нажаловаться на него; кадетъ начинаетъ жаловаться тогда только, когда былъ ободренъ тѣмъ, что Волынскій на жалобу Тредіаковскаго отвѣчалъ пощечинами. Намъ извѣстно, какъ позволилъ себѣ Волынскій распорядится съ княземъ Мещерскимъ: но намъ извѣстно такъ-же, что онъ мстилъ Мещерскому за оскорбленіе. Слѣдовательно и въ дѣлѣ Тредіаковскаго мы должны предположить какое-нибудь особое обстоятельство, заставившее Волынскаго такъ распорядиться. Это обстоятельство очевидно: Тредіаковскій былъ кліентъ Куракина, а Куракинъ былъ заклятой врагъ Волынскаго, который воспользовался случаемъ выместить на кліентѣ злобу, которую не могъ выместить на патронѣ. Но этого мало: въ челобитной императрицѣ на Волынскаго Тредіаковскій приводитъ слова Волынскаго, сказанныя на прощаніи послѣ десяти послѣднихъ палочныхъ ударовъ: „А притомъ говорилъ, чтобъ я на него жаловался кому хочу, а я-де свое взялъ, и ежели-де впредь станешь сочинять пѣсни, то-де и паче того достанется" [2]). Итакъ причиною гнѣва Волынскаго на Тредіаковскаго была какая-то пѣсня, написанная нашимъ піитою въ насмѣшку надъ Волынскимъ, разумѣется въ угоду своему патрону, князю Куракину. Между сочиненіями Тредіаковскаго нетрудно отыскать такую пѣсню, или „басенку", какъ назвалъ ее авторъ: она носитъ названіе „Самохвалъ", и какъ нельзя больше относится къ самому видному недостатку Волынскаго и къ обстоятельствамъ его жизни:

Въ отечество свое какъ прибылъ нѣкто вспять,
А не было его тамъ, почитай, лѣтъ съ пять,—
То за-все предъ людьми, гдѣ было ихъ довольно,
Дѣлъ славою своихъ онъ похвалялся больно,
И такъ ужъ говорилъ, что не нашлось ему —
Подобнаго во всемъ, ни равна по всему.
и проч.

Кабинетъ-министръ Волынскій такимъ образомъ отомстилъ *секретарю* Тредіаковскому, человѣку все же извѣстному, имѣвшему сильнаго покровителя, отомстилъ въ Петербургѣ, во дворцѣ, въ покояхъ фаворита: что же могло дѣлаться въ глуши, въ провинціи съ товарищами Тредіаковскаго? Мы

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 69—1146.
[2]) Шишкина А. П. Волынскій, въ Отеч. Зап. 1860 г., стр. 101.

можемъ имѣть понятіе объ этомъ изъ доношенія медицинской канцеляріи въ Кабинетъ 1737 года: „Къ архіатеру и медицинской канцеляріи президенту Фишеру обрѣтающійся при арміи докторъ Апаротій письмомъ представилъ, что онъ, архіатеръ, о непорядкахъ и непокорствахъ лѣкарей предъ докторами неизвѣстенъ, ибо оные надѣются на полковыхъ своихъ штабовъ и офицеровъ, имъ потакающихъ; ихъ, докторовъ, мало слушаютъ и почитаютъ, отчего непорядки и въ сочиненіи рапортовъ умедленія происходятъ, и штабъ-офицеры оныхъ лѣкарей хотятъ имѣть во всемъ въ своей командѣ, понеже оные штабы не токмо ихъ какъ лѣкарей содержатъ, но многихъ какъ камердинеровъ употребляютъ, заставляютъ ихъ и парики направлять; а которые лѣкари предъ штабами своими не похотятъ излишнюю услужность и раболѣпство несть,—на такахъ нападаютъ и ихъ по своимъ изволамъ штрафуютъ и безчестятъ; и которые лѣкари у полковыхъ штабовъ содержатся въ страхѣ или въ милости и употребляемы за камердинера, такіе не токмо докторамъ послушаніе не имѣютъ, но и должность свою пренебрегаютъ, къ болящимъ не ходятъ, и болѣе держатся при домахъ штабъ-офицеровъ, а иные отъ штабовъ обиженные служить болѣе не хотятъ“ [1]).

Чинъ давалъ защиту и право, очень часто давалъ право чиновному обходиться безцеремонно съ нечиновнымъ. Но малый чинъ не защищалъ предъ большимъ, и гражданскій чинъ не защищалъ предъ военнымъ. Тредіаковскій имѣлъ чинъ секретаря (чинъ, а не должность), но этотъ чинъ не удержалъ руку Волынскаго. Такъ какъ гражданскіе чины давали мало почета и защиты, то отсюда естественное стремленіе гражданскихъ чиновниковъ называться соотвѣтствующими по табели о рангахъ военными чинами. Но военные чины смотрѣли ревниво на такое самозванство, и въ 1736 году состоялся именной указъ: „Наикрѣпчайше подтверждаемъ, чтобъ всѣ статскіе служители именовались тѣми статскими чинами, въ которыхъ они написаны, а военными-бъ чинами отнюдь не именовались, подъ опасеніемъ лишенія чина“ [2]).

Но если въ незрѣломъ обществѣ одна наука безъ ранга не могла внушить уваженія къ ея служителямъ, то, съ другой стороны, преобразовательное движеніе возбудило страсть къ знанію, къ литературѣ и въ людяхъ высокопоставленныхъ по рожденію и по рангу: таковы были поздніе птенцы Петра Великаго, обязанные ему своимъ образованіемъ, Василій Никитичъ Татищевъ и князь Антіохъ Кантемиръ.

Мы видѣли, что еще въ XVII вѣкѣ, на сѣверѣ и югѣ Россіи, начинаются попытки сколько-нибудь стройнаго, связнаго извлеченія изъ лѣтописей; видѣли также, что Петръ Великій заказалъ такой трудъ Поликарпову и остался имъ недоволенъ. Но во время же Петра плѣнный Русскій въ Швеціи, Манкіевъ, въ 1715 году составилъ извѣстное „Ядро Россійской исторіи“. Сочиненіе это было посвящено Петру, но осталось неизданнымъ до времени Екатерины II. Какъ ни странны иногда отступленія автора „Ядра“, какъ ни ошибочны бываютъ иногда его показанія, все же его книга несравненно выше „Исторіи“, т.-е. витіеватой родословной Грибоѣдова, или „Синопсиса“, который, слѣдуя постоянно литовскимъ и польскимъ источникамъ, перемѣшиваетъ князей и событія, опуская главное, выставляя незначащее, сопоставляя разнорѣчивыя свидѣтельства объ одномъ и томъ же событіи. Книга Манкіева гораздо стройнѣе; послѣ описанія Татарскаго нашествія разсказъ событій по княженіямъ почти вездѣ правиленъ и встрѣчаются нѣкоторыя любопытныя извѣстія, до сихъ поръ ненаходимыя въ источникахъ. Съ большими подробностями разсказываетъ авторъ о взятіи Новгорода Делагарди: причина тому заключается въ тогдашнемъ положеніи цѣлаго Русскаго народа, отчаянно боровшагося со Шведами, и въ положеніи самого автора въ особенности; настоящая вражда и „полонное терпѣнье“ заставили живѣе припомнить непріязнь древнюю. Книга заключается похвалою Петру, который „всю Русь художествы и вѣдѣніемъ просвѣтилъ и будто снова переродилъ“. Описать подробно дѣянія Петра авторъ не могъ потому, что, какъ говоритъ онъ самъ, „будучи въ Швеціи въ плѣну подъ жестокимъ арестомъ, едва вышеписанное по объявленію сыскать могъ, а больше извѣстій и записокъ не имѣя, принужденнымъ нахожуся перо покинуть“ [3]).

Одинъ бѣжитъ за наукою въ Москву съ береговъ Бѣлаго моря, другой—изъ Астрахани, третій пишетъ Русскую Исторію въ шведскомъ плѣну, подъ жестокимъ арестомъ! Таковы были богатыри новой Россіи; духовная сила, выступившая вслѣдствіе потрясеній преобразованія, была имъ *грузна*, принуждала къ подвигамъ, какъ была грузна физическая силушка древнимъ сказочнымъ богатырямъ. Къ такимъ же богатырямъ принадлежалъ и Татищевъ, который за границей, изучая горное дѣло, въ Москвѣ, въ трудахъ по монетной канцеляріи, въ Сибири, устраивая горное дѣло, въ Самарѣ, будучи начальникомъ Оренбургской экспедиціи, не переставалъ заниматься Русскою Исторіею, собирать ея матеріалы и устраивать ихъ. Школа, усиленіе науки въ Россіи, очищеніе и устройство родного языка составляютъ постоянныя мысли, постоянныя заботы Татищева. Въ мнѣніи своемъ о монетной канцеляріи онъ предлагаетъ: „Учредить школу ремеслъ, гдѣ обучать, яко начало всѣхъ хитростей и просвѣщенія ума, ариѳметики, геометріи, знаменованія механики рѣзнаго или ваянія какъ цѣлыхъ тѣлесъ, такъ въ плоскости и оброннаго,

[1]) Полн. Собр. Зак., № 7162.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 7021.

[3]) См. мое сочиненіе: Писатели русской исторіи XVIII вѣка, помѣщенное въ Архивѣ историко-юридическ. свѣдѣній Калачова, кн. II, пол. 1.

*

архитектуры, химіи и металолургіи, т.-е. пробовать и раздѣлять металлы, которые всѣ едва не во всѣхъ ремеслахъ великую пользу и приращеніе всѣмъ мануфактурамъ приумножать способны. Языки же чужестранные учить, хотя для разговоровъ не весьма нужны, но паче чтобъ могли другихъ языковъ полезныя книги читать и разумѣть, къ тому же видимъ, что у насъ, отъ неразумія грамматическихъ и реторическихъ правилъ, въ канцеляріяхъ неученые секретари и подъячіе весьма пространно и темно, и сумнительно или весьма недоразумительно пишутъ и не токмо бумаги, но и времени надъ мѣру теряютъ. И когда сіе малое училище, доброе начало воспріявъ, плодъ покажетъ, тогда удобно высшія науки начать, какъ то во всѣхъ государствахъ славныя академіи, малое начало положа, современемъ возросли" [1]). Пріѣхавъ въ Сибирь начальникомъ тамошнихъ горныхъ заводовъ, Татищевъ также сильно хлопочетъ о школахъ.

Но, среди заботъ о техническомъ образованіи въ Россіи, что заставило этого практическаго человѣка употреблять столько времени и трудовъ на Русскую Исторію? Татищевъ самъ разсказываетъ, что графъ Брюсъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, занимался составленіемъ русской географіи; сперва Татищевъ только помогалъ Брюсу въ этомъ дѣлѣ, а потомъ долженъ былъ одинъ взять на себя географическіе труды. Ставши разбираться въ нихъ хозяиномъ, Татищевъ замѣтилъ, что безъ полной и вѣрной исторіи нельзя успѣть въ составленіи полной и вѣрной географіи:—и вотъ онъ начинаетъ заниматься Русскою Исторіею, собираетъ лѣтописи, дѣлаетъ выписки изъ нѣмецкихъ и польскихъ историческихъ книгъ, потому что самъ знаетъ эти два языка; изъ книгъ же, написанныхъ на языкахъ ему неизвѣстныхъ, заставляетъ переводить все, относящееся къ Россіи. Собравши матеріалы, онъ приступаетъ къ пользованію ими, хочетъ составить изъ нихъ обширный историческій трудъ. „Причина начатія сего моего труда", говоритъ онъ, „хотя отъ графа Брюса, но въ продолженіе такъ многому сказанію и произведеній главнѣйшее было желаніе воздать должное благодареніе вѣчной славы и памяти достойному государю, его импер. в—ству Петру Великому за его высокую ко мнѣ показанную милость, якоже къ славѣ и чести моего любезнаго отечества".

Предложивъ во введеніи понятіе исторіи, подъ которою разумѣетъ *дѣяніе* въ смыслѣ всѣхъ явленій и приключеній, а не однихъ только дѣлъ человѣческихъ; предложивъ раздѣленіе исторіи на священную, церковную, политическую, ученую, Татищевъ переходитъ къ пользѣ исторіи, показать которую онъ считаетъ нужнымъ потому, что ему „не безъ прискорбности случалось слушать разсужденія о безполезности исторіи". По мнѣнію Татищева, богословъ юристъ, медикъ, администраторъ, дипломатъ, полководецъ не могутъ съ успѣхомъ исполнять своихъ должностей безъ знанія исторіи. Для Русскихъ знаніе своей исторіи нужнѣе, чѣмъ знаніе исторіи другихъ народовъ; но и для Русскихъ нужно изученіе иностранной исторіи, а для иностранцевъ Русской: одни отечественные источники недостаточны для составленія вполнѣ безпристрастной исторіи, потому что отечественные писатели, въ своихъ сужденіяхъ, могли руководствоваться любовію или страхомъ. Западно-европейскіе историки безъ знанія Русской Исторіи никакъ не могутъ уяснить себѣ исторіи древнихъ народовъ, обитавшихъ въ областяхъ нынѣшней Россіи; притомъ иностранцы только чрезъ изученіе Русской Исторіи могутъ получить средство опровергнуть ложь, сочиненную нашими врагами. Но Татищевъ, заставляя и своихъ и чужихъ учиться Русской Исторіи, долженъ былъ и отъ тѣхъ и отъ другихъ встрѣтить сильное возраженіе: да какой интересъ и какая польза отъ изученія исторіи народа, который сталъ извѣстенъ, получилъ значеніе только со вчерашняго дня, и что можетъ разсказать о своей исторіи народъ, который до вчерашняго дня пребывалъ въ невѣжествѣ, во тьмѣ; какіе историческіе памятники можно найти у такого народа? Разумѣется, Татищевъ, по средствамъ вѣка, не могъ научнымъ образомъ опровергнуть этого возраженія, показать невозможность знанія новой исторіи безъ знанія древней, невозможность писать исторію Россіи съ царя Михаила Ѳеодоровича, или выбрать изъ древне-русской исторіи какое-нибудь царствованіе поважнѣе, напримѣръ Іоанна Грознаго, какъ хотѣли дѣлать тогда въ академіи [2]). Татищевъ, какъ собиратель древнихъ памятниковъ, оскорблялся мнѣніемъ, что такихъ памятниковъ не можетъ быть много, не можетъ быть достойныхъ вниманія историческихъ памятниковъ у народа, погрязавшаго во тьмѣ невѣжества, и написалъ: „Хотя насъ европейскіе историки тѣмъ порицаютъ, яко бы мы исторіи древнихъ не имѣли и о древности своей не знали, для того что они о томъ, какія мы исторіи имѣемъ, неизвѣстны; а хотя нѣкоторые, сочиняя выписки краткія или какое-либо обстоятельство, перевели (указаніе на труды Миллера), то другіе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и для того оную презираютъ,—*сему нѣкоторые наши невѣдущіе согласуютъ*, а нѣкоторые, не хотя въ древности трудиться и не разумѣя подлиннаго сказанія, яко бы для лучшаго изъясненія, но паче для потемнѣнія истины, басни сложа, внесли, и сущую правость сказанія древнихъ закрыли". Второе печальное явленіе, на которое указываетъ Татищевъ, было необходимымъ слѣдствіемъ перваго: плохое знаніе Русской Исторіи по источникамъ не только въ XVII или XVIII, но и въ XIX вѣкѣ плодило людей, ученыхъ самозванцевъ, которые не хотѣли въ древности потрудиться и однако на все имѣли готовое объясненіе. Татищевъ своими словами

---

[1]) Предложеніе его въ Госуд. архивѣ.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 993.

вѣроятно обозначилъ Крекшина, извѣстнаго выдавателя басенъ подъ именемъ исторіи.

Указавъ на то, что нужно для историка (обширная начитанность, логика и реторика), изложивъ правила исторической критики, Татищевъ перечисляетъ источники Русской Исторіи, которые раздѣляетъ на: 1) общіе (Несторовъ Временникъ, Степенная книга, Хронографъ, Синопсисъ); 2) предѣльныя, т.-е. мѣстныя лѣтописи; 3) акты; 4) участные, т.-е. біографіи, описанія отдѣльныхъ событій, житія святыхъ. Краткіе отзывы о разныхъ перечисленныхъ источникахъ вообще правильны; между матеріаломъ Татищевъ упоминаетъ и о такихъ сочиненіяхъ, которыя были извѣстны ему только по имени и которыхъ, несмотря на всѣ старанія, онъ нигдѣ отыскать не могъ. Но если самъ Татищевъ откровенно говоритъ, какія книги у него были и какія онъ знаетъ только по имени, подробно разсказывая, какія изъ нихъ находились у кого изъ извѣстныхъ людей, то, видя такую добросовѣстность, имѣемъ ли право обвинять его въ искаженіяхъ, подлогахъ и т. п.? Еслибъ онъ былъ писатель недобросовѣстный, то онъ написалъ бы, что все имѣлъ въ рукахъ, все читалъ, все знаетъ. Мы имѣемъ полное право въ его сводѣ лѣтописей принимать одно, отвергать другое, но не имѣемъ никакого права въ неправильности нѣкоторыхъ извѣстій обвинять самого Татищева

Сперва Татищевъ началъ-было сочинять „историческимъ порядкомъ, сводя изъ разныхъ мѣстъ къ одному дѣлу, и нарѣчіемъ такимъ, какъ нынѣ наиболѣе въ книгахъ употребляемъ". Но ясный смыслъ, къ счастію, заставилъ Татищева перемѣнить намѣреніе: онъ нашелъ въ спискахъ лѣтописи разногласія, причемъ, сочиняя исторію, разумѣется, долженъ былъ выбирать; кромѣ того, списки находились въ разныхъ рукахъ, отчего могли затеряться,—ссылаться на нихъ нельзя; „и еслибъ", по словамъ Татищева, „нарѣчіе и порядокъ ихъ перемѣнить, то опасно, чтобъ и вѣроятности не погубить". Это заставило Татищева свести всѣ списки „тѣмъ порядкомъ и нарѣчіемъ, каковые въ древнихъ находятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, не перемѣняя, не убавливая изъ нихъ ничего, кромѣ ненадлежащаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія святыхъ, чудеса, явленія и проч., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыя на концѣ приложилъ; такожъ ничего не прибавливалъ, развѣ необходимо нужное для выразумѣнія слово положить, и то отличалъ вмѣстительною". Потомъ, думая, что такой сводъ будетъ невразумителенъ для большинства читателей, и особенно неудобенъ для перевода на иностранные языки, Татищевъ перевелъ его на употребительный въ его время языкъ.

Послѣ исчисленія матеріаловъ, Татищевъ предлагаетъ раздѣленіе своего труда на четыре части: первая заключаетъ извѣстія о лѣтописяхъ и описаніе трехъ главныхъ народовъ—Скиѳовъ, Сарматовъ и Славянъ, до 860 года; вторая заключаетъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій отъ 860 года до нашествія Татаръ; третья—отъ Татаръ до Іоанна III; четвертая—отъ Іоанна III до царя Михаила Ѳеодоровича. Татищевъ хотѣлъ остановиться на избраніи царя Михаила вопервыхъ потому, что событія, начиная съ этого времени, еще въ свѣжей памяти, и писать исторію новой династіи никому не будетъ трудно; вовторыхъ потому, что „въ настоящей исторіи явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оныя—погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстью несогласно". При этомъ Татищевъ говоритъ, что книгъ, могшихъ быть ему полезными, собралъ онъ болѣе 1,000; жалуется на недостатокъ искусныхъ переводчиковъ, на неправильность польскихъ сочиненій, искажавшихъ древнія имена переводомъ ихъ на новыя; говоритъ, что принесли ему пользу лексиконы: Буддеевъ всеобщій историческій, Генсіусовъ или Мартиньеровъ географическій, Байлевъ—историческій критическій; но жалуется, что относительно Русской Исторіи въ нихъ нѣтъ ни одного вѣрнаго извѣстія, ибо иностранцы не знаютъ Русской исторіи и географіи: „И они въ томъ невинны", прибавляетъ Татищевъ, „когда того и у насъ нѣтъ".

Введеніе свое Татищевъ заключаетъ указаніемъ причины всѣхъ приключеній и дѣяній: эта причина, по его мнѣнію, есть умъ или отсутствіе его, глупость. Такой односторонній взглядъ соотвѣтствовалъ тому началу, которое было тогда на очереди въ преобразованной Россіи. Преобразованіе произошло вслѣдствіе того, что Русскіе сознали необходимость просвѣщенія, науки, для продолженія своей исторической жизни. Отсюда развитіе ума на первомъ планѣ, тогда какъ въ древней Россіи, при недостаткѣ просвѣщенія, умственнаго развитія, господствовало чувство,—другая „причина всѣхъ приключеній и дѣяній". Какъ всякая сила человѣческая, не умѣряясь другою, стремится къ крайности, производитъ неправильности и заблужденія: такъ и чувство, не умѣряемое развитіемъ умственнымъ, просвѣщеніемъ, вело въ древней Россіи къ извѣстнымъ печальнымъ явленіямъ, вѣру превращало въ суевѣріе. Произошелъ переворотъ, на очереди явилось другое начало, и мы также замѣчаемъ односторонность и слѣдствія ея, неправильности и заблужденія. Ревностные служители новаго начала, дѣти преобразованія, научившись и начитавшись, въ своей враждѣ къ искаженію господствовавшаго въ древней Россіи начала, къ тому, что они называли суевѣріемъ, не поняли, что съ однимъ умомъ безъ чувства въ исторіи ничего не дѣлается, что чувство есть начало зиждительное, тогда какъ умъ, неумѣряемый чувствомъ, можетъ только сомнѣваться, отрицать и разрушать, но никогда ничего не создастъ и не спасетъ. Умники не поняли и не понимаютъ, что въ Западной Европѣ

такъ-называемые Средніе вѣка, вѣка варварства и невѣжества, были вѣками зиждительными для государства и общества, потому что тогда господствовало чувство; а когда наступило господство другого направленія,—умственное развитіе, сомнѣніе, то зиждительства не видимъ,—видимъ болѣе или менѣе правильное развитіе созданнаго, да и то только при помощи чувства, одушевленія, вѣры.

Но отъ увлеченій Татищева, понятныхъ при такомъ ревностномъ служеніи новому началу, при сильной борьбѣ съ искаженіемъ начала, господствовавшаго въ древней Россіи, возвратимся къ заслугамъ его. Татищевъ положилъ начало изслѣдованія о Несторѣ, первый утвердилъ за нимъ древнѣйшую южную лѣтопись; первый указалъ мѣсто, гдѣ Несторъ долженъ былъ остановиться, первый указалъ на позднѣйшія вставки, и хотя указанныя имъ мѣста болѣе принадлежать начальному лѣтописцу, чѣмъ другія, но здѣсь важны пріемы, вглядъ на дѣло, а не отдѣльныя замѣчанія, которыя могутъ быть невѣрны или спорны. Татищевъ съ презрѣніемъ отвергаетъ старанія выводить Руссовъ отъ библейскаго Роса и т. п. Руссы, по мнѣнію Татищева, Финны, но они же могутъ быть причислены и къ Варягамъ вмѣстѣ съ Скандинавами, потому что это названіе промысла (разбойничества), а не народное. Татищевъ высказалъ мысль о древности Славянъ въ Европѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они теперь обитаютъ. Разсужденіе, гдѣ авторъ отвергаетъ обычное тогда производство Москвы отъ Мосоха и тому подобныя, можетъ служить, по тому времени, образцовъ здраваго смысла, яснаго взгляда на предметъ. Татищевъ отвергъ существованіе грамоты, данной Славянамъ Александромъ Македонскимъ; но отстранено сомнѣніе насчетъ подлинности договора Олегова съ Греками. Въ примѣчаніяхъ къ своду лѣтописей не оставлено безъ объясненія почти ни одного выпуклаго явленія древней русской жизни.

Таковъ трудъ Татищева, извѣстный подъ названіемъ Исторіи Россійской. Заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ началъ дѣло какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшимъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи,—однимъ словомъ, указалъ путь и средства своимъ соотечественникамъ заниматься Русскою Исторіею. Кто посвятилъ себя научнымъ изслѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя указанія на предметъ, на его различныя стороны, какъ бы мнѣнія перваго указателя ни были неправильны; тотъ оцѣнитъ важныя заслуги Татищева, какъ перваго указателя, не говоря уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописи, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны.

Несмотря однако на такое важное значеніе труда Татищева, трудъ этотъ былъ отвергнутъ современниками. Послушаемъ самого автора о пріемѣ, который получила его рукопись: „Какъ скоро я Исторію сію въ порядокъ привелъ и примѣчаніями нѣкоторыя мѣста изъяснилъ, прибывъ въ 1739 году въ С.-Петербургъ, многимъ оную показывалъ, требуя къ тому помощи и разсужденія, дабы могъ что пополнить, а невнятное изъяснить,—такъ скоро я принужденъ былъ отъ разныхъ разныя сужденія слышать: иному то, другому другое ненравно было; что одинъ хотѣлъ, дабы пространнѣе и яснѣе написать, то самое другой совѣтовалъ сократить или совсѣмъ оставить...... Одни предвергали недостатокъ во мнѣ наукъ, но тѣмъ я вышеобъявленное (что преславные философы въ сочиненіи исторій погрѣшаютъ, и не науки полезныя сочиняютъ) къ моему извиненію представилъ, разсуждая, когда они болѣе науками преисполнены, то-бъ сами за сіе весьма важное отечеству взялись и лучше сочинили. Другіе о порядкѣ и складѣ порицали, которымъ кратко симъ изъяснилъ: что я не новое и не для увеселенія читающихъ краснорѣчивое сложеніе сочиняю, но отъ старыхъ писателей самымъ ихъ порядкомъ и нарѣчіемъ собиралъ, какъ они положили, а притомъ если что для изъясненія отъ иноязычныхъ нужно было, то я такъ переводилъ, чтобъ сущей разумъ онаго писателя показать, дабы сущія дѣянія или приключенія ясны и доказательны были, а о сладкорѣчіи и критикѣ не прилежалъ; а какъ въ философіи не ученъ, для того и всѣ дивныя, чудесныя и не довольно вѣроятныя дѣла мало, или весьма не толковалъ, опасаясь, дабы за недостатокъ оныхъ наукъ, въ чемъ не погрѣшить. Вмѣсто же того прилежалъ, чтобъ необходимо къ гражданской исторіи нужныя обстоятельства, т.-е. время—когда, мѣсто—гдѣ и родъ государей или народовъ, о которыхъ сказуется, изъяснилъ. Ежели же гдѣ моего мнѣнія или довода какая погрѣшность явится, то надѣюсь, что благоразумный можетъ легко презрить, разсуждая, что еще доднесь ни одна исторія, какимъ бы она мудрецомъ и въ наукахъ всѣхъ прославившимся сочинена ни была, никогда совсѣмъ совершенно не явилась, и отъ неученыхъ иногда полезное улучила. Чему въ примѣръ Несторъ преподобный: за его доброхотный къ отечеству трудъ вѣчной похвалы и благодаренія достоинъ; ибо если бы онъ начало не учинилъ, то бы можетъ и другой не скоро къ сочиненію онаго взялся. Для того какъ первыхъ, такъ и другихъ не поносятъ,—и порицать непристойно, но паче прилежать о томъ, чтобъ тѣ погрѣшности исправить и въ лучшее состояніе для пользы общей привести. Другіе разсуждаютъ, яко бы древнихъ временъ исторій вновь лучше и полнѣе прежнихъ сочинить не можно, развѣ отъ себя что вымышлять, котораго ради яко бы все новосочиненное о древности правымъ называть не можно; но на сіе отвѣ-

чаетъ сама сія собранная исторія, когда благосклонный читатель увидитъ дополненія, изъясненія и доказательства отъ такихъ древнихъ писателей, о которыхъ онъ прежде не думалъ, чтобъ въ такомъ отъ насъ отдаленіи о насъ или нашихъ предкахъ писали, да можетъ не токмо книгъ тѣхъ не читалъ, но именъ ихъ не слыхалъ, то онъ подлинно повѣритъ, что еще прилежному рачителю и въ другихъ потребныхъ къ тому языкахъ искусному болѣе сего обрѣсти, изъяснить и дополнить возможно, слѣд. сей мой трудъ, и познавъ причину моего начала, въ продерзость мнѣ не поставитъ". Но всѣ возраженія остались тщетными: Татищевъ не видалъ изданія своего труда.

Въ тѣсной связи съ историческими трудами Татищева находится его разсужденіе, написанное въ 1730 году и направленное противъ Голицынскаго замысла ограничить власть императрицы Верховнымъ Совѣтомъ. Вооружаясь противъ поступковъ членовъ Совѣта, Татищевъ говоритъ: „По закону естественному избраніе (государя) должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ персонально, другихъ чрезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ учрежденъ, а не четыремъ или пяти человѣкамъ, *какъ нынѣ непорядочно учинено*". Отстраняя вопросъ о незаконности избранія Анны, потому что народъ доволенъ персоною ея величества, Татищевъ обвиняетъ верховниковъ въ томъ, что „они дерзнули собою единоластительство отставить и ввести аристократію, объявляя намъ ея величества письмо и пункты, яко бы она сама по своей волѣ учинила, и принуждаютъ насъ, подъ образомъ слышанья, оное подписками утвердить, яко бы мы ихъ той явной продерзости слѣдовали. И какъ они самовольно власть себѣ похитили, включа достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ сановъ, то намъ должно и необходимо нужно съ прилежностію разсмотрѣть и представить, что къ пользѣ государства надлежитъ, и оное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть, и паче опасаться (должно), чтобъ они, видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули". Въ своемъ разсмотрѣніи Татищевъ говоритъ, что въ отсутствіи государя ничто не можетъ быть измѣнено иначе какъ общимъ народнымъ соизволеніемъ. При томъ въ настоящемъ случаѣ не было никакой нужды и пользы въ измѣненіи образа правленія, а только великій вредъ. Въ Россіи полезнѣе всякихъ другихъ формъ самодержавіе, по обширности государства, окруженнаго враждебными сосѣдями, и по причинѣ отсутствія просвѣщенія въ народѣ, который потому не можетъ хранить законы безъ принужденія, изъ одного сознанія пользы и вреда. Вся Русская Исторія служитъ тому доказательствомъ: Россія процвѣтала отъ Рюрика до Мстислава Великаго, благодаря единовластію; бѣдствовала во время „безпутства" княжескихъ междоусобій; поднялась съ Іоанна III; опять пришла въ печальное состояніе въ Смутное время, когда бояре, при Шуйскомъ, ограничили власть государеву. Потомъ Россія опять поднимается, благодаря усиленію самодержавія при царѣ Алексѣѣ, и получаетъ великую славу, честь и пользу отъ самовластія Петра. На возраженіе о злоупотребленіяхъ самодержавія Татищевъ отвѣчаетъ примѣромъ шляхтича, безумно разоряющаго свой домъ; но вслѣдствіе этого явленія никто не сниметъ воли со всего шляхетства въ правленіи и не возложитъ его на холопей. Такъ какъ желавшіе ограниченія особенно настаивали на вредъ отъ временщиковъ и на ужасы Тайной Канцеляріи, то Татищевъ долженъ былъ возражать, что бываютъ временщики дурные, бываютъ и хорошіе, и Тайная Канцелярія, порученная хорошему человѣку, мало вредна. Но Татищевъ, подобно многимъ изъ шляхетства, не считалъ безполезными нѣкоторыя измѣненія въ существующихъ порядкахъ; онъ хотѣлъ только, чтобъ перемѣны совершались законнымъ путемъ. По его мнѣнію, для высшаго управленія долженъ былъ находиться при императрицѣ Сенатъ изъ 21 члена; для дѣлъ внутренней экономіи долженствовало быть другое учрежденіе изо 100 человѣкъ, которые бы занимались дѣлами по третямъ года; въ случаяхъ чрезвычайныхъ, какъ напримѣръ война или кончина государя, съѣзжаться всѣмъ и присутствовать въ общемъ собраніи цѣлый мѣсяцъ. На высшія мѣста въ гражданскомъ управленіи и войскахъ поступать посредствомъ баллотировки; новые законы издавать не иначе какъ послѣ подробнаго разсмотрѣнія во всѣхъ коллегіяхъ и Сенатѣ; въ Тайной Канцеляріи, вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ государыни правителемъ, должны присутствовать помѣсячно два сенатора: при арестѣ Тайная Канцелярія не касается имѣнія арестуемаго. Для шляхетства должны быть устроены во всѣхъ городахъ училища; моложе 18 лѣтъ не брать въ службу и не держать долѣе 20 лѣтъ. Бѣдному деревенскому духовенству дать возможность содержать дѣтей въ училищахъ и самимъ не обработывать земли; остатки же отъ доходовъ духовенства употреблять на богоугодныя и полезныя государству дѣла; купечество избавить отъ притѣсненій и дать средства къ умноженію мануфактуръ и усиленію торговли.

Говоря о заслугахъ Татищева для Русской Исторіи вообще, нельзя не упомянуть также о заслугахъ его для исторіи русскаго права; и здѣсь онъ является первымъ издателемъ памятниковъ и первымъ истолкователемъ ихъ: такъ приготовлены имъ къ изданію „Русская Правда" и „Судебникъ царя Іоанна" съ дополнительными статьями. Въ примѣчаніяхъ къ „Судебнику" видимъ первую попытку объяснить наши древніе юридическіе термины; и здѣсь, какъ во введеніи и въ примѣчаніяхъ къ своду лѣтописей, разсѣяны любопытныя указанія на потерянные для насъ памятники и на современныя или на ближайшія ко времени автора событія. И здѣсь заслуга Татищева увеличивается при сравненіи его понятій съ понятіями современниковъ о предпри-

нятыхъ имъ трудахъ,—такъ онъ говоритъ въ предисловіи къ изданію „Русской Правды" и „Судебника": „Не безызвѣстно и сіе, что невѣдующіе пользы изъ того оныя древности не токмо складомъ и нарѣчіемъ порицаютъ, но ихъ и печать болѣе за вредъ и поношеніе, нежели за пользу и честь почитаютъ, говоря: „Когда мы ихъ въ судѣ употреблять не можемъ, то они останутся втуне, и что ихъ странное сложеніе и обстоятельства поносны". Да оное никто мудрый не скажетъ, развѣ невѣдущій древностей, не токмо иностранныхъ, но и своихъ. По сей причинѣ мню не въ избытокъ изъяснить, что всякая древность къ знанію полезна, для котораго многіе мудрые люди съ великимъ тщаніемъ прилежатъ древнія исторіи собирать и для пользы всѣхъ издавать". Наконецъ Татищеву же принадлежатъ и первые труды по русской географіи.

Мы видѣли, что Татищевъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ борцовъ за новое начало, которому стала служить преобразованная Россія, и въ этомъ значеніи своемъ враждовалъ къ началу, господствовавшему въ древней Россіи, не умѣя отдѣлить самаго начала отъ тѣхъ явленій, которыя были произведены одностороннимъ господствомъ его и которыя необходимо вызвали противодѣйствіе въ эпоху преобразованія. Въ подобныя эпохи человѣкъ бываетъ не въ состояніи назначить себѣ границы, далѣе которыхъ идти не долженъ въ своемъ противодѣйствіи старому началу, отчего и бываетъ, что, спѣша обрѣзать вредные наросты, часто задѣваютъ за живое, здоровое тѣло. Вооружаясь противъ нароста, естественно образовавшагося въ древней Россіи вслѣдствіе исключительнаго господства чувства безъ умственнаго развитія, вооружаясь противъ суевѣрія, поборники умственнаго развитія часто не умѣли опредѣлить границъ между суевѣріемъ и вѣрою. Преобразовательная эпоха въ Россіи соотвѣтствовала въ извѣстномъ отношеніи реформаціонной эпохѣ на Западѣ, и только великій смыслъ и русская природа Преобразователя удержали его отъ крайностей на скользкой и покатой дорогѣ реформаціоннаго движенія. Но другіе не сдерживались, тѣмъ болѣе что, съ одной стороны, увлекались новыми учителями, новыми книгами, а съ другой—раздражались противодѣйствіемъ старыхъ учителей, которые требовали сохраненія своихъ старыхъ правъ, не имѣя, къ несчастію, большихъ нравственныхъ средствъ для поддержанія своихъ требованій. Сдѣлаетъ ревностный слуга новаго начала выходку противъ этихъ требованій, не поддержанныхъ нравственными средствами,—и старые учители или люди, служащіе старому началу во всѣхъ его проявленіяхъ, расточаютъ ему названія вольнодумца, безбожника, частію потому, что не могутъ опредѣлить настоящаго смысла этихъ словъ, частію потому, что противники ихъ, въ минуты увлеченія, переходятъ должныя границы и дѣйствительно становятся виновны, сами не желая и не замѣчая этого. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и Татищевъ, котораго, какъ говорятъ, Петръ Великій по своему, безцеремонно проучилъ за вольнодумство. Какого рода были рѣчи, возбудившія гнѣвъ Петра, мы не знаемъ; но что въ борьбѣ съ суевѣріемъ онъ перешелъ границы,—это видно изъ его сочиненій, видно также увлеченіе его въ борьбѣ съ старыми учителями, которые являлись въ его глазахъ охранителями суевѣрія. За это увлеченіе онъ былъ наказанъ потемнѣніемъ смысла при объясненіи историческихъ явленій. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „Въ Россіи науки не токмо читать и писать, но языковъ, Греческаго—отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ и Латынскій языкъ введены, и многія училища устроены были; но нашествіемъ Татаръ какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возрасла, тогда имъ, для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти, полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать,—для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили". Здѣсь что ни слово, то ошибка.

На 54-мъ году жизни печальныя обстоятельства возбудили въ Татищевѣ религіозное чувство, подъ вліяніемъ котораго онъ написалъ завѣщаніе сыну, Домострой преобразовательной эпохи. Совѣтуя сыну поучаться въ Законѣ Божіемъ день и ночь, Татищевъ указываетъ необходимыя для этого поученія книги: кромѣ Библіи, сочиненія учителей церковныхъ, изданныя въ его время въ Россіи истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ предлагаетъ вмѣсто катихизиса; „Юности честное зерцало" считаетъ лучшимъ нравоученіемъ. „Прологи и житія святыхъ въ Минеяхъ-Четьихъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ искусился и могъ бы довольно разсудить, ибо хотя въ нихъ многія исторіи въ истинѣ бытія кажется оскудѣваютъ и неразсуднымъ соблазны къ сомнительству о всѣхъ въ нихъ положенныхъ подать могутъ, однакожъ тѣмъ не огорчевайся, но разумѣй, что все оное къ благоуханному наставленію предписано, и тщися подражати дѣламъ ихъ благимъ". Татищевъ не совѣтуетъ сыну вступать въ религіозные споры, ибо отъ этого могутъ быть дурныя слѣдствія, какъ и съ нимъ самимъ случилось. „Я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или преніе вступалъ, но потому, что я нѣкогда о убыткахъ, законами человѣческими въ тягость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ невѣдущихъ Божьяго закона, и токмо человѣческіе уставы противу заповѣданія Христова чтущихъ, не только за еретика, но и за безбожника почитанъ и немало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ; токмо до днесь, благодатію Божіею и великодушіемъ презрѣвъ такія клеветы и злонамѣренія терпѣливостію преодолѣвъ, ихъ лицемѣрнымъ поступкамъ и фарисейскимъ ученіямъ не послѣдовалъ". Въ этой выходкѣ противъ такъ-называемыхъ человѣческихъ уставовъ указывается про-

тестантская исходная точка, дающая такой просторъ отрицанію.

Любопытно взглянуть, какъ Домострой XVIII вѣка отнесся къ женщинѣ: „Имѣй въ памяти", говоритъ Татищевъ сыну, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ должна быть нелицемѣрнымъ; такъ и тебѣ съ ней должно быть, въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилежать, въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручать, а затѣмъ и самому нелѣностно смотрѣть. Однакожъ храниться надлежитъ, чтобъ тебѣ у жены не быть подъ властію: сіе для мужа очень стыдно, чрезъ то можешь у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъявить. Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже довольно видимъ, а особливо высокопарныя, а лучше сказать—глупыя жены безразсудно того желаютъ, иногда своею безумною гордостью, подлыми пересмѣшками, пустымъ болтаніемъ, дурацкою ревностію безвинно честныхъ людей много вредятъ и поносятъ; а сами всегда такія пустольги и негодницы больше всѣхъ въ томъ обращаются, и, думая закрыть тѣмъ враньемъ свои пороки, непрестанно бредятъ какъ попугаи, что имъ на мысль придетъ, а больше онѣ подобны соннымъ или въ горячкѣ больнымъ, которые говорятъ, а о чемъ—послѣ и сами не знаютъ, а за то иногда такую бѣду или несчастіе мужу своему наносятъ, что онъ, невинно получа себѣ отъ жениной глупости новыхъ и неизвѣстныхъ злодѣевъ, принужденъ будетъ страдать и несчастіе терпѣть". Въ этихъ словахъ слышится раздраженіе, какъ будто самъ авторъ страдалъ отъ подобной женщины... Дѣйствительно, Татищевъ не зналъ семейнаго счастія и долженъ былъ развестись съ своею женою. Впрочемъ, мы не имѣемъ права заподозрить въ преувеличеніи этого портрета нѣкоторыхъ русскихъ женщинъ первой половины XVIII вѣка, ибо теремъ не могъ воспитать русской женщины для свободы, и мы видѣли примѣры тому въ первыхъ женщинахъ, вырвавшихся изъ терема; мы должны только замѣтить, что подлѣ портрета женщины, нарисованнаго Татищевымъ, мы встрѣчаемъ портретъ княгини Натальи Борисовны Долгорукой; также встрѣчаемъ любопытный портретъ той молодой жены, которая такъ заботилась, хотя и понапрасну, объ ученіи своего мужа. Вообще мы должны замѣтить, что семейная реформа Петра, освобожденіе женщины изъ терема, совершилась скоро и безпрепятственно: доказательство, что теремное заключеніе женщины коренилось не въ *умоначертаніи* нашихъ предковъ, не въ какихъ-нибудь религіозныхъ воззрѣніяхъ, нанесенныхъ изъ Византіи, а въ извѣстныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Грубость нравовъ дѣлала невозможнымъ пребываніе женщины въ мужскомъ обществѣ, ибо въ человѣкѣ не умирасть сознаніе, что женщина есть блюстительница семейной нравственности, семейнаго наряда и потому должна находиться въ средѣ болѣе чистой; съ другой стороны, давно ли у насъ явилась возможность для дѣвушки выходить безъ провожатаго изъ дома, да и явилась ли еще полная возможность? И такъ, дѣвушка, если у нея нѣтъ провожатаго, должна оставаться дома; усильте неблагопріятныя условія, по которымъ дѣвушка, молодая женщина, и вообще женщина, вообще существо слабое, не можетъ безопасно выйти изъ дому,—и вы придете къ необходимости для женщины сидѣть по большей части дома; прибавьте сюда, что некуда и незачѣмъ ей выходить изъ дому, ибо общество не можетъ представить ей приличныхъ развлеченій,—и вы естественно дойдете до терема, и не станете прибѣгать за объясненіемъ явленія къ какимъ-нибудь небывалымъ византійскимъ вліяніямъ. Ни одинъ современный писатель не говоритъ, что семейныя реформы Петра встрѣтили сопротивленіе со стороны какихъ-нибудь византійскихъ вліяній: гдѣ же основаніе предполагать эти вліянія?

Любопытны разсужденія новаго Домостроя о разныхъ родахъ службы для дворянства и о другихъ сословіяхъ. Придворная служба, какъ она была въ описываемое царствованіе, не нравилась Татищеву, особенно потому, что это былъ человѣкъ, пропитанный понятіями Петровскаго царствованія, отличавшагося простотою и бережливостію. „Петръ Великій", говоритъ онъ, „который великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ, сей чинъ придворныхъ ни во что вмѣнялъ и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ: у него оные весьма въ презрѣніи были, и лучше сказать, что никого не было. Нынѣ же оные рангами, жалованьемъ и другими преимуществы противъ европейскихъ государствъ пожалованы; то я, взирая на ихъ строптивое житье и обхожденіе, тогда-бъ тебѣ онаго искать не совѣтовалъ, понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть, едва ли не все вмѣсто добродѣтели происходитъ; а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, несмотря на то, что губятъ невинныхъ, сами вскорѣ судомъ Божескимъ погибнутъ". Относительно дворянской службы вообще Татищевъ объявляетъ сыну, что жалованьемъ если прожить можно, но скопить деньги и на нихъ пріобрѣсти болѣе 100 душъ нельзя, какъ бы велико жалованье ни было, и то надобно жить очень скупо, при чемъ можно показать себя „презрительнымъ въ людяхъ благороднаго обхожденія". Слѣдовательно средствами для дворянина пріобрѣсть богатства остаются: монаршія награды, наслѣдство, супружество и беззаконные поступки. Для купечества больше средствъ разбогатѣть, но мѣшаетъ безграмотность, незнаніе правилъ коммерціи, неимѣніе общаго банка и конторъ за границею, разореніе потребителя откупами и подрядами подъ видомъ государственной пользы, плохой кредитъ вслѣдствіе привычки купцовъ къ обманамъ.

Пріобрѣлъ ли дворянинъ во время службы что-нибудь, или нѣтъ, все же хотя подъ старость онъ

долженъ былъ освободиться отъ службы, чтобъ, по крайней мѣрѣ, сохранить дѣтямъ пріобрѣтенное или полученное отъ отца имѣніе. Отсюда понятна для дворянства важность вопроса о срокѣ службы. Мы видѣли, что Татищевъ также хлопоталъ объ опредѣленіи этого срока. Въ своемъ завѣщаніи онъ начертываетъ картину дѣятельности помѣщика, пріѣхавшаго въ деревню послѣ отставки отъ службы. Если Татищевъ враждебно относился къ духовенству, приписывая ему иногда и то, въ чемъ оно вовсе не было виновато, то вражда его была направлена на высшее, черное духовенство, которое имѣло голосъ въ управленіи, въ обществѣ, и которое, несмотря на Петровскія ограниченія, обладало большими еще матеріальными средствами. Но здравый смыслъ и опытность должны были заставить Татищева смотрѣть иначе на низшее, бѣлое духовенство, удрученное бѣдностію, а въ селахъ и тяжелыми полевыми работами, не дававшими возможности священнику выдѣлиться изъ паствы своими учительскими способностями, что было причиною страшнаго нравственнаго вреда для массы народонаселенія. Дѣлая выходку противъ нѣкоторыхъ архіереевъ, которые имѣли до 30.000 дохода и не были довольны, тогда какъ фельдмаршалъ не имѣлъ столько дохода и былъ доволенъ, Татищевъ и въ мнѣніи своемъ 1730 года, какъ мы видѣли, и въ завѣщаніи требуетъ облегченія низшаго духовенства: „Старайся имѣть попа ученаго, который бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ, а особливо гдѣ ты жить будешь. Имѣй съ нимъ частое свиданіе; награди его безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобъ отъ него навозомъ не пахло; голодный, хотя-бъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; за деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ не прилично и чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ. А крестьяне, живучи въ распутной жизни, не имѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господъ своихъ возненавидятъ, подводя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучатъ и тиранятъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ. Когда же гдѣ есть ученый попъ и добраго поведенія человѣкъ, къ тому-жъ неимѣющій крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ крестьянъ въ благоденственное и мирное житіе, и злодѣяній такихъ въ тѣхъ мѣстахъ мало бываетъ“. Невѣжество и бѣдность сельскаго духовенства были главными причинами того, что крестьяне были лишены толкованія закона Божія: „Невѣжды, лѣнивые и неученые попы, получая отъ крестьянъ алтыны, мирволятъ и совсѣмъ на нихъ того не взыскиваютъ, къ тому же, почасту обращаясь съ крестьянами братствомъ, одно только имъ разсказываютъ и вымышляютъ праздники, велятъ варить безпрестанно пиво, сидѣть вино, ѣдятъ и пьютъ безобразно, а о порядочной и прямой христіанской должности никакого и помышленія не имѣютъ“.

Необходимое дополненіе къ завѣщанію представляютъ экономическія записки Татищева, имѣющія предметомъ сельское хозяйство. Здѣсь особенно важны для насъ тѣ статьи, въ которыхъ говорится объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ. По мнѣнію Татищева, „наивящшій пунктъ—учить крестьянина грамотѣ и писать, чрезъ что познаетъ законъ и страхъ Божій и тѣмъ можетъ назваться истиннымъ человѣкомъ и различить себя отъ скота... Смотрѣть надлежитъ, дабы лѣтомъ во время работы ни малой лѣности и дальняго покоя крестьянамъ происходить не могло. Кромѣ однихъ тѣхъ праздниковъ, которые точно положены, не торжествовать, понеже лѣнивые крестьяне ни о чемъ больше не пекутся, какъ только узнать больше праздниковъ. Работу производить, начавъ съ вечера, ночью и поутру, а въ самое жаркое время отнюдь не работать, ибо какъ людямъ, такъ и лошадямъ оное весьма вредно. Работу же производить, сдѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ принуждать крестьянъ свою, а не давать имъ то на волю, какъ то есть въ худыхъ экономіяхъ, гдѣ не смотрятъ за крестьянскою работою, понеже отъ лѣности въ великую нищету приходятъ, а послѣ произносятъ на судьбу жалобу. Когда же убранъ будетъ съ поля весь хлѣбъ, то староста и приказчикъ не имѣетъ ихъ больше къ работѣ принуждать, и долженъ имъ дать покой нѣсколько времени; а за труды ихъ, выбравъ свободный день и собравъ всѣхъ, напоить и накормить изъ боярскаго кошту. Крестьянъ старыхъ и хворыхъ мужеска и женска пола по міру не пущать, а опредѣлять ихъ въ домовую богадѣльну, которыхъ поить и кормить боярскимъ коштомъ“. Въ имѣніи долженъ быть лѣкарь, домашняя аптека, баня [1]).

Въ основномъ взглядѣ на отношенія своего времени съ Татищевымъ вполнѣ сходится и князь Антіохъ Кантемиръ въ своихъ сатирахъ. Всецѣло преданный, какъ и Татищевъ, интересамъ новаго времени, какъ они были указаны Преобразователемъ, человѣкъ образованный, жадный къ знанію, сулившій себѣ блестящую будущность при Петрѣ, благодаря именно своей образованности, молодой Кантемиръ долженъ былъ начать свое служебное поприще съ обманутыми надеждами: Петръ былъ уже во гробѣ, его дѣло останавливалось, даже обнаруживалась реакція; преемниками Петра были—сначала женщина, обманувшая во многомъ надежды своихъ приверженцевъ, потомъ испорченный дурнымъ воспитаніемъ ребенокъ,—частные интересы сильныхъ людей были на первомъ планѣ. Среди борьбы честолюбій, молодой Кантемиръ явился одинокъ и былъ затертъ съ своими личными достоинствами и съ своею наукою, которая при Петрѣ такъ легко прокладывала путь чело-

[1]) См. подробности о Татищевѣ, какъ писателѣ, въ моемъ сочиненіи: „Писатели русской исторіи XVIII вѣка“, и въ книгѣ Н. Попова: „Татищевъ и его время“.

вѣку къ высшей дѣятельности. У Кантемира было нѣсколько братьевъ; по уставу майората, отецъ имѣлъ право изъ нѣскольскихъ сыновей выбрать одного, хотя бы и младшаго, и оставить ему все недвижимое имѣніе. Старый князь Димитрій Кантемиръ, умирая, предоставилъ назначеніе майората императору, причемъ однако указывалъ на младшаго сына Антіоха, какъ на „лучшаго въ умѣ и наукахъ". Конечно, при жизни Петра Великаго, Антіохъ на этомъ основаніи и получилъ бы майоратъ; но Петра не было,—и Верховный Тайный Совѣтъ распорядился иначе, отдалъ майоратъ брату его, Константину, разумѣется, не безъ помощи князя Димитрія Михаиловича Голицына, на дочери котораго былъ женатъ Константинъ Кантемиръ. Отсюда сильное раздраженіе Антіоха противъ существующаго порядка вещей, мрачный взглядъ, усиливаемый болѣзненнымъ состояніемъ, хотя, въ свою очередь, удары судьбы усиливали болѣзненное состояніе и были не безъ вліянія на преждевременную смерть: отсюда молодой человѣкъ, начавшій пробовать свой талантъ въ нѣжныхъ любовныхъ стихахъ, призналъ въ себѣ исключительную способность къ сатирѣ:

Въ сатирахъ хочу состарѣти,
А не писать мнѣ нельзя—не могу стерпѣти...
Хоть муза моя всѣмъ сплошь имать досаждати,
Богатъ, нищъ, веселъ, скорбенъ - буду стихи ткати;
И понеже ни хвалить, ни молчать не знаю,
Одно благонравіе вездѣ почитаю,
Прочее въ сатиру писать въ вѣки не престану.

Будучи такъ сильно недоволенъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, т.-е. положеніемъ ихъ въ царствованіе Петра II, Кантемиръ естественно и необходимо примыкалъ къ тому немногочисленному кружку, который своею главою считалъ Ѳеофана Прокоповича, ученѣйшаго изъ Русскихъ людей, за свою ученость подпавшаго гоненію отъ исчадій стараго мрака. Личныя достоинства и знанія, пролагавшія при Петрѣ путь къ чести, теперь „не въ авантажѣ обрѣтались", и вотъ по смерти Петра II-го это печальное положеніе дѣлъ хотятъ увѣковѣчить: двѣ знатнѣйшія фимиліи хотятъ сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ, свобода для очень немногихъ, вмѣсто самодержавія—олигархія! Легко понять, почему Прокоповичъ, Татищевъ и Кантемиръ принимаютъ такое дѣятельное участіе въ движеніи, направленномъ противъ ограниченія самодержавія Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, т.-е. Голицыными и Долгорукими, ибо остальные члены Совѣта сами трепетали за свое будущее, никакъ не надѣясь удержать своихъ мѣстъ подлѣ Голицыныхъ и Долгорукихъ. Дѣло шло не о томъ собственно, чтобъ возвратить Россію къ допетровскому времени, какъ мы обыкновенно понимаемъ это время въ противоположность эпохѣ преобразованія; не во власти Долгорукихъ и Голицыныхъ было заставить Россію отказаться отъ европейскихъ условій жизни, если бы даже они этого и хотѣли: дѣло шло о противодѣйствіи стремленіямъ Петра Великаго въ извѣстныхъ частностяхъ, выгодныхъ или невыгодныхъ тѣмъ или другимъ лицамъ, тому или другому сословію, тому или другому кружку. Отсюда и могущественныя побужденія къ борьбѣ. Способности и знанія обрѣтались въ авантажѣ при Петрѣ; послѣ него обрѣлись не въ авантажѣ; напротивъ, люди, обрѣтавшіеся при Петрѣ не въ авантажѣ, подняли головы и чуть-чуть не погубили Ѳеофана; теперь предстоитъ переворотъ, затѣянный Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ; но этотъ переворотъ могъ-ли быть выгоденъ Ѳеофану съ товарищи, могъ ли возвратить имъ авантажъ? Надежды на это не было никакой: захватывали власть въ свои руки люди, считавшіе главнымъ правомъ своимъ на власть происхожденіе,—люди, которые враждебно относились къ дѣятельности Преобразователя именно за то только, что онъ вывелъ и далъ преимущественное значеніе худороднымъ людямъ за таланты и знанія. Для однихъ время Петра было райскимъ, золотымъ вѣкомъ, потому что они тогда обрѣтались въ авантажѣ; для другихъ это время вовсе не было желаннымъ, потому что они тогда обрѣтались не въ авантажѣ или, по крайней мѣрѣ, не въ такомъ, на какой считали себя въ правѣ. Послѣдніе брали рѣшительный верхъ; первые должны были употребить всѣ усилія, чтобъ не дать имъ господства.

Усилія увѣнчились успѣхомъ; Голицынскій замыселъ рушился; но вначалѣ, какъ мы видѣли [1]), правительство считало нужнымъ соблюдать большую осторожность относительно враговъ и друзей; мы видѣли, что изданъ былъ манифестъ, направленный противъ архіереевъ-нововводителей, пренебрегавшихъ крестными ходами, а главою архіереевъ-нововводителей считался Ѳеофанъ. Въ манифестѣ заключалась даже выходка противъ Преобразователя:—объявлялось, что относительно вѣры все будетъ постаринѣ, какъ было при дѣдѣ и отцѣ Анны. Должно быть, къ этому времени относятся жалобные стихи Ѳеофана:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ.
Коли явится милость прещедра
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ странъ свѣта не видно,—
Все ненастье;
Нѣтъ и надежды. О многобѣдно
Мое счастье!
Хотя же малую явитъ отраду
И поманитъ
И будто польготитъ стаду,
Да обманетъ.
Прошелъ день пятый [2]), и водъ дождевныхъ
Нѣтъ отмѣны,
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ
И кручины.

Кантемиръ счелъ своею обязанностію написать Ѳеофану утѣшительные стихи (epodos consolatoria), въ которыхъ говоритъ, что по яснымъ примѣтамъ наступаетъ весна, явилась благодатная

[1]) Исторія Россіи XIX.
[2]) Т.-е. пятый годъ съ кончины Петра II.

Діана (Анна); она скоро затравитъ дикихъ звѣрей, раздѣлитъ добычу (кожи этихъ звѣрей), и охранитъ стадо Ѳеофана, который представляется сѣдымъ пастухомъ, воспѣвающимъ Діану. Взаключеніе Кантемиръ указываетъ на собственный примѣръ,—его также постигло несчастье, но онъ не унываетъ:

У меня было мало козлятокъ,
Ты извѣстенъ,
Но и сихъ Егоръ и его други
Отогнали [1]).
Ужъ трижды солнце вкругъ обѣжало
Путь свой бѣлый,
А я не имѣю льготы ни мало
Весь унылый,
Лишенъ и стадца, лишенъ хижины,
Лишенъ нивы,
Межъ пастушками брожу единый
Несчастливый.

Кантемиръ надѣялся не понапрасну. Молодой человѣкъ былъ отправленъ министромъ въ Лондонъ на основаніи способностей и знаній, какъ дѣлывалось при Петрѣ; бѣдный пастушокъ получилъ также и стадце и ниву (деревни въ Нижегородскомъ и Брянскомъ уѣздахъ), и воспѣлъ за это благодатной Діанѣ громкую оду. Но если обычаемъ времени, господствующими въ немъ отношеніями объясняется вообще привычка поэтовъ XVIII вѣка сочинять высокопарныя оды въ честь сильныхъ земли, то тѣмъ болѣе понятны похвальные стихи Аннѣ Ѳеофана и Кантемира, ибо они были диктованы благодарностію. Сказавши, что Аполлонъ запретилъ ему писать похвалы императрицѣ по неимѣнію достаточнаго для того таланта, Кантемиръ заканчиваетъ свою оду такъ:

Молчу убо, но молча сильно почитаю
Тую, отъ нея же честь и жизнь признаваю.

Но для похвальной оды Кантемиръ не признавалъ въ себѣ способностей; ему больше всего нравилась сатира.—Что же онъ осмѣивалъ въ ней?

По отношенію нашего автора ко времени Петра Великаго и послѣдующему за нимъ уже можно догадаться, кому больше всего достанется въ его сатирѣ; поклонникъ новаго начала, умственнаго развитія посредствомъ науки, онъ прежде всего схватится съ старыми учителями, старыми руководителями общества, будетъ обвинять ихъ въ своекорыстномъ поклоненіи господствовавшему прежде началу, въ его искаженіи, раздражаясь тѣмъ, что старые руководители упрекали его злоупотребленіями, крайностями того начала, которому онъ служилъ; онъ упрекалъ ихъ въ суевѣріи,—они упрекали его въ невѣріи. Борьба велась давно: началась она съ тѣхъ поръ какъ въ Москву явились новые учителя изъ Кіева и Бѣлоруссіи, и уличили старыхъ учителей въ невѣжествѣ, съ тѣхъ поръ какъ молодые люди стали ѣздить въ Кіевъ для науки и пренебрегать старыми духовниками; на-плывъ новыхъ учителей усиливался все болѣе и болѣе, молодые люди стали ѣздить подалѣе Кіева за наукою и возвращались еще болѣе холодными къ своимъ духовнымъ отцамъ. Но и не одни ѣздившіе за-границу для науки обнаруживали эту холодность; примѣръ Тверитинова съ товарищами показывалъ, какія могутъ быть слѣдствія того, что Русскіе люди пошли въ науку къ иностраннымъ, иновѣрнымъ учителямъ. И старые учителя, которыхъ величаютъ невѣждами, отплачиваютъ своимъ порицателямъ, указывая въ наукѣ источникъ ереси, невѣрія. Это производило сильное впечатлѣніе. Чтобъ ослабить его, приверженцамъ новаго нужно было выставить обличителя въ смѣшномъ видѣ, показать, что онъ смѣшиваетъ существенное съ несущественнымъ; что онъ полагаетъ религію только въ одной внѣшности, въ одномъ обрядѣ, и дѣлаетъ это не по одному невѣжеству, но изъ самыхъ недостойныхъ побужденій, изъ честолюбія и корыстолюбія:

Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ—
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу.
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весма не пристали.

Мы видѣли, что сухой прозаикъ Татищевъ, вооружаясь противъ излишнихъ доходовъ высшаго чернаго духовенства, требовалъ усиленія матеріальныхъ средствъ низшаго, бѣлаго духовенства, указывалъ, что крайняя бѣдность дѣлаетъ его неспособнымъ исполнять обязанности своего званія. Сатирикъ Кантемиръ не даетъ себѣ этого труда указывать причину явленія; онъ хватаетъ смѣшныя и безнравственныя черты, чтобъ только поглумиться надъ попомъ, и глумленіемъ своимъ еще ниже погрузить несчастнаго въ ту тину, изъ которой Татищеву хотѣлось бы его вытянуть для общей пользы. Говоря о зависти, Кантемиръ непремѣнно выставитъ зависть поповъ соборныхъ; описывая какъ онъ весело и скоро пишетъ сатиры, сдѣлаетъ такое сравненіе:

Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Кантемиръ не пропуститъ укорить попа и за то, что онъ „молитвы ворчитъ, спѣша сумасбродно, самъ не зная что поётъ“. Посмѣется и надъ аппетитомъ поповской семьи:

Пространный столъ, что семьи поповской съѣсть трудно,
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось яство скудно.

[1]) Георгій Дашковъ и его друзья, между которыми главный разумѣется кн. Дим. Мих. Голицынъ.

Татищевъ указываетъ причину, почему священникъ не учитъ своихъ прихожанъ, а бражничаетъ съ ними; Кантемиръ глумится надъ явленіемъ, и хотя выставляетъ бѣдность священника, но не съ тѣмъ, чтобъ возбудить сочувствіе къ бѣдствующему:

Вонъ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутъ-то ужъ развѣ дивиться устанемъ,
Хочетъ ли кто Божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ обольется,
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добьется.
Естлижъ онъ подошелъ къ попу на кружало,
То ужъ тамъ однихъ ушей будетъ ему мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ кругомъ церковь всю восточну.
Да какъ? Не ученіемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ и мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ:
Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки;
Въ первыхъ, какъ онъ искусенъ всѣ свершать браки,
Сколько разъ коло стола обводити знаетъ
И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣваетъ,
То все это разсказавъ, станетъ поучати,
Какъ съ честію его руку должно цѣловати.
Не знаю, говоритъ, какъ тѣ люди спасутся,
Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
Вѣдь не съ добра моя въ заплатахъ-де ряса;
Вонъ дома назавтрѣ нѣтъ на что купить мяса,
Все-де чортъ склонилъ людей и съ Нѣмцами знаться.

Говоря о трудномъ дѣлѣ, Кантемиръ не преминетъ сказать: „Труднѣй то—нежели попу не славить Святую недѣлю". Смѣшно—и довольно, а почему—сатирикъ не обязанъ этого объяснить.

Не щадя духовенства, Кантемиръ, разумѣется, предполагалъ, что и оно его щадить не будетъ; такъ въ сатирѣ на человѣка онъ говоритъ:

Здѣсь пора бы ужъ кончить, но зрю предъ собою
Толпу людей брадатыхъ, черною главою
Кивающихъ, и слышу съ ярости вопити,
Временной, вѣчной казни мя достойна быти—
За то, что тварь изящну, чудну, несказанну,
Наподобіе Творца премудро созданну,
Такъ охулить дерзнуло перо неучтиво.

Мы видѣли, что Кантемиръ приписывалъ свою бѣду Георгію Дашкову и друзьямъ его. Мы не имѣемъ права отвергать этого свидѣтельства; Дашковъ, архіерей неученый и стремившійся однако къ первенству, къ патріаршеству, враждовавшій съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, старавшійся показать, что Ѳеофанъ не имѣетъ права на первенство, потому что основаніе этого права, ученость, ведетъ къ неправославному образу мыслей, какъ это видно въ Ѳеофанѣ,—такой архіерей не могъ сочувствовать молодому человѣку, жаркому поклоннику науки и ученѣйшаго архіерея—Ѳеофана; враждебно столкнуться имъ было гдѣ, и устная сатира Кантемира относительно Дашкова вѣроятно предупредила писанную. Въ началѣ второй сатиры прямо выводится Ростовскій архіепископъ, опечаленный тѣмъ, что не могъ достигнуть патріаршества:

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щеки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали!
Задумчивъ какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ не кстати.

И въ первой сатирѣ конечно имѣлся въ виду тотъ же Дашковъ:

Епископомъ хочетъ быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,
Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою.
Въ каретѣ, раздувшись, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцемъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ, а въ нихъ церкви права
Лучшія основаны, и вся церкви слава.

Георгій Дашковъ не отличался монашескимъ образомъ жизни; отличалось имъ другое духовное лице, также враждебное Ѳеофану, а слѣдовательно и друзьямъ его, Троицкій архимандритъ Варлаамъ, котораго нѣкоторые прочили въ патріархи за благочестіе. Благочестіе! но—это лицемѣріе по словамъ друзей Ѳеофана, и вотъ сатирикъ рисуетъ Варлаама:

Варламъ смиренъ, молчаливъ, какъ въ палату войдетъ—
Всѣмъ низко поклонится, къ всякому подойдетъ,
Въ уголъ свернувшись потомъ, глаза въ землю втупитъ;
Чуть слыхать что говоритъ, чуть, какъ ходитъ, ступитъ.
Безперечь четки въ рукахъ, на всякое слово
Страшное имя Христа въ устахъ тѣхъ готово.
Молебны пѣть и свѣчи класть склоненъ безъ мѣру,
Умильно десятью въ часъ выхваляетъ вѣру
Тѣхъ, кои церковную славу расширили
И великолѣпенъ храмъ Божій учинили;
Души-де ихъ подлинно будутъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ. Слово къ чему, можешь догадаться;
О доходахъ говоритъ церковныхъ склоняетъ,
Кто далъ, чѣмъ жирѣетъ онъ, того похваляетъ,
Другое всяко не столь дѣло годно Богу,
Тѣмъ однимъ легку сыскать можемъ въ рай дорогу.
Когда въ гостяхъ за столомъ—и мясо противно
И вина не хочетъ пить, да то и не дивно:
Дома съѣлъ цѣлый каплунъ, и на жиръ и сало
Бутылку венгерскаго съ нуждой запить стало.
Жалки ему въ похотяхъ погибшіе люди,
Но жадно пялитъ съ подъ лба глазъ на круглы груди,
И женѣ бы я своей заказалъ съ нимъ знаться.
Безперечь совѣтуетъ гнѣва удаляться
И досады забывать; но ищетъ въ прахъ стерти
Тайно недруга, не дастъ покой и по смерти.

Но среди этихъ невѣждъ, честолюбцевъ, корыстолюбцевъ и лицемѣровъ поднимается одинъ достойный пастырь, осыпаемый похвалами: это Ѳеофанъ Прокоповичъ. Ѳеофанъ стихами привѣтствовалъ первую сатиру девятнадцатилѣтняго Кантемира, озаглавленную: „На хулящихъ ученія". Ѳеофанъ уговаривалъ молодого старика плюнуть на угрозы сильныхъ глупцовъ и продолжать свое дѣло, нападать на „нелюбящихъ ученой дружины". Кантемиръ въ 3-й сатирѣ называетъ Ѳеофана „дивнымъ первосвященникомъ, которому сила высшей мудрости открыла всѣ свои тайны; пастыремъ, недремно радѣющимъ о своемъ стадѣ, часто сѣющимъ сѣмя спасенія и растящимъ его словомъ и примѣромъ, защитникомъ церковной славы, исправителемъ испорченныхъ нравовъ пастырскихъ; воля Всевышняго исходитъ изъ его устъ ясно и проч.

Изъ свѣтскихъ современниковъ Кантемира въ сатирахъ его замѣтно выдается фаворитъ Петра II, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій. У автора могли быть съ нимъ и личныя столкновенія; но и, кромѣ того, Кантемира могла раздражить противоположность судьбы Долгорукаго и его самого: оба были очень молоды, оба были знатнаго происхожденія, но одинъ, богатый дарованіями и знаніями, былъ бѣденъ и занималъ ничтожное положеніе; другой, не имѣя ни талантовъ, ни образованія, былъ наверху почестей. Вотъ что говоритъ Кантемиръ о Долгорукомъ:

Сей новый Менандровъ другъ Ксеѳонъ назывался,
Коему и власть и чинъ высокій достался.
Въ двадцать лѣтъ юность всегда и въ уздѣ ретива.
Сего уже разуздавъ богиня плѣшива,
Ты самъ суди, какъ съ одной рыскалъ на другую
Пропасть, потерявъ совсѣмъ дерогу прямую.
Часто смотря на него, я лопался съ смѣху,
Хотя меня шутомъ Менандръ ему далъ въ утѣху.
Не умѣренъ въ похоти, самолюбивъ, тщетной
Славы рабъ, невѣжествомъ наипаче примѣтной,
На ловли съ младенчества воспитанъ съ псарями,
Какъ ничему не учась, смѣлыми словами
И дерзкимъ лицомъ о всемъ хотѣлъ разсуждати.
(Какъ бы знанье съ властію раздѣльно бывати
Не могло), надъ всѣми свой совѣтъ почитати,
И чтительныхъ сѣдиной молчать заставляя,
Хотя искусъ требуетъ и труды и лѣта.

Кромѣ выходокъ противъ пороковъ духовенства, въ сатирахъ Кантемира встрѣчаемъ слѣдующія темныя стороны тогдашняго общества: судья бѣжитъ осторожно отъ просителя, у котораго карманъ пустъ. Цѣловальникъ, давши взятку судьѣ, прикрываетъ свое казнокрадство. Купецъ при продажѣ безпрестанно божится. Въ высшемъ обществѣ авторъ нападаетъ на щегольство, картежничество; упрекаетъ за дурное обращеніе съ крѣпостными:

Каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою: звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови, плоть въ слугѣ твоемъ одноличьна.

Цѣлую сатиру Кантемиръ посвятилъ „безстыдной нахальчивости". Это явленіе особенно свойственно обществамъ незрѣлымъ, каково было русское, и причиняетъ страшный вредъ. По отсутствію достаточнаго образованія въ лицахъ правительственныхъ и въ массѣ, нѣтъ способности и привычки критически и спокойно относиться къ явленіямъ и людямъ, подвергать ихъ строгой оцѣнкѣ; вслѣдствіе умственной неразвитости, человѣкъ привыкъ увлекаться первымъ впечатлѣніемъ, внѣшностію, уступать силѣ, натиску, считать громкую и быструю рѣчь признакомъ сильнаго ума и обширныхъ знаній. Отсюда люди дѣйствительно способные, знающіе и трудолюбивые, но скромные, добросовѣстные и занятые, слѣдовательно не имѣющіе времени бѣгать ко всѣмъ и всюду, и трубить о себѣ, остаются въ тѣни, забытые, не имѣютъ достойнаго для ихъ способностей и знаній поприща, а выходятъ наверхъ люди, способные выставляться, говорить громко, говорить сами о себѣ, мозолить глаза другихъ своимъ присутствіемъ всюду и, такимъ образомъ, пріобрѣтать памятованіе о себѣ, извѣстность. Человѣкъ, дѣйствительно способный и знающій, работаетъ гдѣ-нибудь въ углу: кто его знаетъ, кто его помнитъ? Да если и вспомнятъ и спросятъ о чемъ-нибудь, то чудакъ отвѣтитъ: „Не знаю, надобно подумать, справиться", а это скучно; тогда какъ нахалъ всегда тутъ и все знаетъ, отвѣтъ на все готовъ; придумаетъ что-нибудь, всѣмъ разскажетъ по двадцати разъ, напишетъ три строки—объѣздитъ всѣхъ сильныхъ земли и прочтетъ. Нужды нѣтъ, что эти строки по напечатаніи сейчасъ забываются; нужды нѣтъ, что и слушающіе скучаютъ чтеніемъ неугомоннаго автора; но очень пріятно, что человѣкъ пришелъ, прочелъ, значитъ—уважаетъ, дорожитъ мнѣніемъ, считаетъ способнымъ оцѣнить произведеніе, помнитъ, и его за это помнятъ и напоминаютъ объ немъ когда нужно. Поднимается важный вопросъ, начнется общее дѣло,—нашъ молодецъ тутъ первый суетится и кричитъ громче всѣхъ. Кантемиръ не могъ не отозваться съ горечью объ этомъ явленіи:

Другой, кому боги благосклонны,
Дали мѣдное лицо, дабы всѣ законны
Стыда чувства презирать, не рдясь, не блѣднѣя,
У всякихъ стучитъ дверей, предъ всякимъ и шея
И спина гнется его; въ отказѣ зазору
Не знаетъ, скучая всѣмъ, дерзокъ безъ разбору.
Заслуги свои, родъ, умъ съ устъ онъ не спускаетъ,
Чужія щиплетъ дѣла, о всемъ дерзко судитъ,
Себя слушать и нѣмѣть всѣхъ въ бесѣдѣ нудитъ;
И дивиться наконецъ себѣ заставляетъ.
Рѣдко кто рѣчи людей право вносить знаетъ,
И склоненъ, испытавъ словъ силу всѣхъ подробно,
Судитъ потомъ, каковъ мозгъ, кой родитъ удобно
Легко тѣ слова; больша часть въ насъ по числу мѣритъ
Словъ разумъ, и глупцами молчаливыхъ вѣритъ.

Разумѣется, Кантемиръ въ своихъ сатирахъ не могъ не коснуться того унизительнаго порока, который былъ такъ силенъ въ древней Россіи и отъ котораго не отставала новая ни въ одномъ слоѣ общества, — именно пьянства; не могъ онъ не коснуться и того печальнаго взгляда, что финансовыя выгоды правительства связаны съ поддержаніемъ этого порока. Выставляя опасность, которую могутъ навлечь на автора его сатиры, Кантемиръ говоритъ:

Вонъ Кондратъ съ товарыщи, сказываютъ, дышетъ
Гнѣвомъ, и, стряпчихъ собравъ, челобитну пишетъ,
Имѣя скоро меня ужъ на судъ позвати,
Что, хуля Клитесовъ нравъ, тщуся умаляти
Пьяницъ добрыхъ, и съ ними кружальны доходы.

Отвратительная картина пьянства представлена въ пятой сатирѣ; сатирикъ разсказываетъ:

Прибылъ я въ городъ вашъ въ день нѣкой знаменитой;
Пришедъ къ воротамъ, нашелъ, что спитъ какъ убитой
Мужикъ съ ружьемъ, который, какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стеречь; еще не обѣдалъ
Было народъ, и солнце полкруга небесна
Не пробѣгло, а почти ужь улица тѣсна

Была отъ лежащихъ тѣлъ. При взгладѣ я первомъ
Чаялъ, что моръ у васъ былъ; да не пахнетъ стервомъ,
И вижу, что прочіе тѣхъ не отбѣгаютъ
Тамъ люди, и съ нихъ самыхъ ины подымаютъ
Руки, или головы тяжки и румяны;
И слабость ногъ лишь не даетъ встать; словомъ всѣ пьяны.
Пьяны тѣ, кои лежатъ, прочи не потрезвѣе,
Не обильнѣе умомъ, ногами сильнѣе.
Безразсудно часть бѣжитъ, и куды,—не знаетъ;
Въ сластолюбныхъ танцахъ часть гнусну грязь топтаетъ.
И мимо идущихъ грязнитъ, скользя упадая,
Сами мерзки; другіе, весь стыдъ забывая,
Тѣлу полну власть даютъ предъ стыдливымъ поломъ и проч

Мы видѣли, въ какихъ отношеніяхъ находилась Ѳеофанъ, Кантемиръ и Татищевъ и имъ подобные ко времени Петра и къ послѣдовавшему за нимъ; въ какихъ надеждахъ воспитались они, утвердились при Петрѣ, и какъ обманулись въ нихъ по его смерти: отсюда тоска о золотомъ вѣкѣ минувшемъ, жалобы на настоящее, стараніе показать, что лучшее будущее возможно только тогда, когда возвратятся назадъ, къ началамъ и стремленіямъ, господствовавшимъ при Петрѣ. Положеніе *ученой дружины* послѣ Петра рѣзко выражено въ слѣдующихъ стихахъ Кантемира:

Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышнему восходу.
Златой вѣкъ до нашего не дотянулся роду:
Гордость, лѣность, богатство мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ.
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.

Что эти стихи вылились прямо изъ сердца, переполненнаго тоскою по свѣтломъ прошедшемъ, смѣненномъ мрачнымъ настоящимъ, доказываетъ поэтическое достоинство ихъ. Превосходно выраженіе, взятое изъ знакомаго тогда всѣмъ мѣстничества: „Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло“. Превосходно сравненіе: „Какъ страдавши на морѣ корабельной службы“. Дѣйствительно, многимъ во время качки преобразовательной эпохи сильно тошнило отъ науки, требуемой Преобразователемъ; пріятно имъ было теперь отдохнуть, и, разумѣется, враждебно смотрѣли они на тѣхъ, которые приглашали ихъ опять въ море.

По убѣжденіямъ Кантемира, посредствомъ „мудрыхъ указовъ Петровыхъ, Русскіе стали новымъ народомъ“. Петръ есть отецъ новыхъ Русскихъ людей, отецъ „ученой дружины“ (въ смыслѣ древне-греческаго героя, родоначальника):

Большу часть всего того, что въ насъ приписуемъ
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло,
И зналъ то, вышшимъ умомъ монархъ одаренный
Петръ, отецъ нашъ, никакимъ трудомъ утомленный,
Когда труды его намъ въ пользу были нужны.
Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей умѣлъ бы наставить
Младенцевъ, осмѣлился и престолъ оставить
И покой; самъ странствовалъ, чтобъ подать собою
Примѣръ въ чужихъ брать краяхъ то, что подъ Москвою
Сыскать нельзя: сличные человѣку нравы
И искусство. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы.
Мужи вышли годные къ мирнымъ и военнымъ
Дѣламъ, внукамъ памятны нашимъ отдаленнымъ.

Послѣ Петра все пошло дурно; даже и въ стараніи исполнить его предначертанія относительно просвѣщенія не умѣли вести дѣло какъ слѣдуетъ. Такъ, нашъ ученый сатирикъ недоволенъ Академіею Наукъ:

Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы:
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщатся хоть именемъ умножитъ къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:
Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,
Вотъ ужъ и учители заморски сберутся:
Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ,
Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ.
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплиментовъ увидитъ немало,
Высокихъ же наукъ тамъ стѣни не бывало.

Кантемиръ имѣлъ одинакую участь съ Татищевымъ: и его сочиненія не были изданы при его жизни; сатиры ходили по рукамъ въ рукописяхъ, и легко понять, что однимъ изъ главныхъ распространителей ихъ былъ „дивный первосвященникъ“ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Для него очень важно было распространять сочиненія, въ которыхъ осмѣивались его враги и въ которыхъ онъ выставлялся единственнымъ достойнымъ пастыремъ Христова стада; здѣсь дѣло шло не объ одномъ удовлетвореніи самолюбія: сатиру Кантемира Ѳеофанъ выставлялъ какъ щитъ отъ враговъ, которые достойнѣйшаго изъ пастырей, дивнаго первосвященника не переставали выставлять еретикомъ, волкомъ, а не пастыремъ. Въ собраніяхъ, на вечеринкахъ, люди, относившіеся къ Ѳеофану и врагамъ его одинаково съ Кантемиромъ, читали сатиры послѣдняго. Однажды были гости у Невскаго архимандрита Петра Смѣлича; въ компаніи были синодальные члены: пѣвчіе пѣли концертъ; потомъ Тредіаковскій вынулъ тетрадь и подалъ ее Ѳеофану, который велѣлъ читать вслухъ: то была сатира Кантемира съ выходкою противъ „Камня Вѣры“ Яворскаго. Отсталые люди, враги Ѳеофана и науки, говорятъ:

Казанье (проповѣдь) писать — пользы нѣтъ ни малой мѣры:
Есть для исправленія нравовъ Камень Вѣры

Мы видѣли вражду между Стефаномъ Яворскимъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, причемъ первый упрекалъ второго въ еретичествѣ. Петръ Великій старался тушить эту вражду, зная, что обвиненіе въ ереси есть обыкновенное оружіе, которое употребляютъ духовныя лица въ борьбѣ другъ съ другомъ; что самъ Стефанъ былъ обвиняемъ въ ереси Константинопольскимъ патріархомъ;

не выдавши Яворскаго Византійскому патріарху, Петръ былъ послѣдователенъ, не выдавши Прокоповича Яворскому. Послѣдній умеръ, не видавши изданія своей книги „Камень Вѣры", написанной въ укрѣпленіе православія среди опасностей, которыя грозили ему отъ наплыва иновѣрныхъ наставниковъ съ Запада: „Приходятъ къ намъ въ овчіихъ кожахъ, а внутри волки хищные, отворяющіе подъ видомъ благочестія двери всѣмъ порокамъ. Ибо что проистекаетъ изъ этого нечестиваго ученія? Убивай, кради, любодѣйствуй, лжесвидѣтельствуй, дѣлай что угодно, будь равенъ самому сатанѣ по злобѣ, но только вѣруй во Христа, и одна вѣра спасетъ тебя. Такъ учатъ эти хищные волки". Говорятъ, что подобныя выходки противъ протестантовъ въ „Камнѣ Вѣры" заставили Петра запретить ея изданіе, чтобъ не возбудить религіозной вражды, вовсе не соотвѣтствовавшей цѣлямъ преобразованія. Но по смерти Петра взгляды перемѣнились, Ѳеофанъ подвергся опалѣ по обвиненіямъ въ неправославіи, поднялся вопросъ о возстановленіи патріаршества, и если бы живъ былъ Стефанъ Яворскій, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, патріаршество и было бы возстановлено, хоть бы на столь же короткое время какъ и гетманство малороссійское: мы уже говорили, что неимѣніе достойнаго лица служило важнымъ препятствіемъ возстановленію патріаршества. Георгій Дашковъ былъ архіерей неученый и не-монашеской жизни; Ѳеофилактъ Лопатинскій былъ архіерей ученый, но также не-монашеской жизни, безъ силы и серіозности въ характерѣ, человѣкъ близкій къ Яворскому, поклонникъ его и вмѣстѣ пріятель Прокоповича, хотя и былъ убѣжденъ въ его неправославіи. На Ѳеофилакта вмѣсто патріаршества возложили тяжелое порученіе, послужившее для него источникомъ бѣдъ, поручили издать книгу Яворскаго—„Камень Вѣры", и мы видѣли, какъ дѣло шло чрезъ Верховный Тайный Совѣтъ и какъ долго Ѳеофилактъ приготовлялъ книгу къ изданію. Наконецъ, книга была издана въ 1728 году; а въ слѣдующемъ году явился разборъ ея въ лейпцигскихъ ученыхъ актахъ (acta eruditorum). Протестанты не могли равнодушно отнестись къ этой книгѣ: на Восточную Церковь они смотрѣли какъ союзную себѣ, разсчитывая на одинакія враждебныя отношенія къ католицизму; протестанты въ польскихъ областяхъ обращались постоянно къ Русскому правительству съ просьбою о помощи, выставляя единство своихъ интересовъ съ интересами православнаго народонаселенія въ Польшѣ. Преобразованіе, привлеченіе множества протестантовъ въ русскую службу, церковныя перемѣны могли возбудить самыя сильныя надежды, по крайней мѣрѣ, на постепенное усиленіе протестантскаго направленія въ Россіи, на постепенное исчезновеніе того, что въ глазахъ протестантовъ было суевѣріемъ и человѣческимъ вымысломъ. И вдругъ въ Россіи выходитъ книга, направленная противъ протестантизма и, что всего хуже, авторъ ея мирволилъ католицизму, умолчалъ о различіи между Русскою и Римскою Церковію и бралъ противъ протестантовъ оружіе у католическихъ полемистовъ. Значитъ, отношенія извратились: русскіе духовные вступаютъ въ союзъ съ Западною Церковію противъ протестантизма. Вслѣдъ за лейпцигскою рецензіею появилась противъ „Камня Вѣры" цѣлая книга, приписанная извѣстному ученому Буддею; въ 1731 году богословъ Мосгеймъ издалъ диссертацію противъ одной главы изъ „Камня Вѣры": О наказаніи еретиковъ. Протестантское движеніе вызвало католическое; если протестанты вооружились противъ книги Яворскаго, какъ полезной католицизму, то католики должны были вооружиться для поддержанія союзницы, и доминиканецъ Рибейра, находившійся въ Россіи при испанскомъ посланникѣ герцогѣ Лиріа, написалъ сочиненіе противъ книги Буддея въ защиту книги Яворскаго.

Но если книга Яворскаго возбудила такой интересъ между протестантами и католиками, то понятно, что полемика, завязавшаяся по ея поводу, должна была возбудить сильное вниманіе въ Россіи, гдѣ къ общему интересу присоединялся еще интересъ личный. Стефанъ Яворскій былъ обруганъ въ книгѣ Буддея, а имя Стефана было теперь священнымъ именемъ для извѣстнаго кружка людей, противоположнаго той „ученой дружинѣ", которая считала своимъ главою Ѳеофана. Рецензентъ лейпцигскихъ актовъ противопоставилъ Лопатинскому, рѣшившемуся издать такую нелѣпую книгу, архіерея Новгородскаго, мужа ученаго, благоразумнаго и умѣреннаго, который не одобрилъ книги. Лопатинскій разсердился, рѣшился отвѣчать на книгу Буддея и высказывалъ подозрѣніе, что эта книга вовсе не принадлежитъ Буддею, а написана Прокоповичемъ. Но время препираться съ протестантами и ссориться съ преосвященнымъ Новгородскимъ было выбрано самое дурное. Анна воцарилась и самодержавствовала; люди, не любившіе Ѳеофана и уже по этому самому сочувствовавшіе направленію Яворскаго, были въ опалѣ, не имѣли никакой силы; Русскіе люди, получившіе теперь значеніе какъ главные виновники уничтоженія Голицынскаго замысла, кн. Черкасскій съ товарищи, должны поддерживать своего ревностнаго союзника, Ѳеофана, который имѣетъ еще другихъ, болѣе сильныхъ защитниковъ: Биронъ, Остерманъ, Левенвольды, Минихъ— все протестанты, и потому конечно будутъ противъ книги Яворскаго; но они должны дѣйствовать хитро: императрица религіозна и предана вѣрѣ отцовъ, манифестъ 17 марта не былъ дѣломъ притворства съ ея стороны; Нѣмцы не пойдутъ прямо сами затрогивать эту сильную струну, они могутъ легко дѣйствовать черезъ Русскихъ, которыхъ заступничество за Ѳеофана и совѣты потушить дѣло, могущее волновать вѣрноподданныхъ разныхъ вѣръ и націй, Анна не могла заподозрить.

Ѳеофилактъ написалъ „Апокризисъ, или возраженіе на письмо Буддея". Но для изданія книги

нужно было высочайшее соизволеніе. Къ кому же Ѳеофилактъ обратился изъ Твери въ Москву для его исходатайствованія?—къ князю Дим. Мих. Голицыну! Князь отговаривался болѣзнію; тяжело было для его самолюбія признаться, что не можетъ исходатайствовать ничего при Дворѣ, особенно въ самомъ скользкомъ дѣлѣ, и онъ говоритъ посланному отъ Ѳеофилакта, зачѣмъ тотъ спѣшитъ съ своимъ сочиненіемъ: если написалъ, то пусть исправляетъ; ученый князь приводилъ въ примѣръ Св. Отцовъ, которые, написавши книги, долго ихъ исправляли; и преосвященный Стефанъ долго исправлялъ „Камень Вѣры", и напечатана она послѣ его смерти. Ѳеофилактъ обратился къ извѣстному архимандриту Троицкому, Варлааму, духовнику императрицы. Ѳеофилакта вызвали въ Москву: онъ былъ во дворцѣ и получилъ позволеніе писать на Буддея: но потомъ его снова потребовали во дворецъ и обязали подъ смертнымъ страхомъ не писать на Буддея. Самъ Ѳеофилактъ такъ объяснялъ дѣло: „Въ бытность его во дворцѣ пріѣхалъ другъ Новгородскаго преосвященнаго, князь Ал. Мих. Черкасскій, и знатно, что, по наговору онаго архіепископа, князь о томъ разговорилъ ея императорскому величеству. И все это препятствіе учинилось стараніемъ преосвященнаго Новгородскаго".

Лопатинскому запретили писать въ защиту Яворскаго; но какой-то протестантъ написалъ противъ него и пустилъ рукопись подъ заглавіемъ: „Молотокъ на Камень Вѣры", гдѣ Яворскій выставленъ Католикомъ, іезуитомъ, и вся его дѣятельность представлена въ черномъ свѣтѣ. Автора „Молотка" не отыскивали; но отыскали людей, участвовавшихъ въ переводѣ книги Рибейры на Русскій языкъ, своихъ архимандритовъ и членовъ Синода: Новоспасскаго—Евфимія Коллети и Ипатьевскаго—Платона Малиновскаго. Ѳеофанъ Прокоповичъ, раздраженный тѣмъ, что въ книгѣ Рибейры было указаніе на его склонность къ протестантизму, считалъ, что люди, рѣшившіеся перевести такую книгу и посвятить ее императрицѣ, принадлежали къ партіи его заклятыхъ враговъ, не дававшихъ ему покоя доносами, пасквилями и подметными письмами. Съ своей стороны, онъ рѣшился употребить послѣднія усилія, чтобъ вскрыть и низложить эту партію, и для этого воспользовался выходками въ книгѣ Рибейры противъ сильныхъ въ Россіи иностранцевъ-лютеранъ, чтобъ связать свои интересы съ ихъ интересами и заставить ихъ помогать себѣ. Онъ донесъ императрицѣ, что дѣйствуютъ все люди одной партіи: нѣкоторыхъ сослали; но другіе „того же гнѣзда сверчки сидятъ въ щеляхъ и посвистываютъ, и далъ бы Богъ взыскать ихъ и прогнать". О книгѣ Рибейры Ѳеофанъ доносилъ: „Иностранныхъ въ Россіи мужей ругательнѣ нарицаетъ человѣчками или людишками и придаетъ, что Русское государство ихъ питаетъ, а церковный законъ оными гнушается. Видно *на кого* онъ за пропитаніе иностранныхъ въ Россійскомъ государствѣ нарекаетъ! Всѣхъ сплошь протестантовъ, изъ которыхъ многое число честныя особы и при Дворѣ, и въ воинскомъ и гражданскомъ чинахъ рангами высокими почтены служатъ,—неправдою и невѣрностію помаралъ, изъ чего великопочтеннымъ особамъ немалое учинилъ огорченіе. Ѳеофана, архіепископа Новгородскаго, почтивъ титлою премудрѣйшаго, коварно порицаетъ склонностію къ протестантамъ за то, что онъ въ нѣкоемъ словѣ своемъ назвалъ Буддея зѣло ученымъ человѣкомъ. А Ѳеофилакту, Тверскому архіепископу, сочинилъ похвалы слѣдующія: Ѳеофилактъ Лопатинскій, Тверской архіепископъ, премудрѣйшій въ школахъ и, по моему извѣстію, преострѣйшій богословъ, въ епархіи предобрѣйшій пастырь, въ Синодѣ правдивѣйшій судія, во всей Россіи изъ духовныхъ властей прелюбезнѣйшій;—необычайная похвала", продолжаетъ Ѳеофанъ, „да еще тому, съ которымъ Рибейра, сколько мы вѣдаемъ, рѣдко когда и видался. Во утвержденіе того, что будто Восточнаго исповѣданія люди благосклонны къ исповѣданію Римскому, пишетъ слѣдующее: въ Россіи случалось мнѣ и съ премудрѣйшими не мало число имѣть бесѣды, между которыми едва одного могъ бы я познать, что Католикамъ онъ весьма противенъ. Мудріи Греки не гнушаются Латинами, но еще священнослуженія ихъ почитаютъ, яко же когда и самую я отправлялъ св. литургію въ великомъ монастырѣ Троицкомъ, тогда намъ благоговѣйнѣйше предстоялъ архимандритъ со многими, о чемъ тысячекратно свидѣтельствовать буду. Подлинно се не рядовое вранье", замѣчаетъ Ѳеофанъ, „и по моему извѣстію является, то Рибейра своимъ или чужимъ намѣреніемъ, подъ видомъ доброхотной къ исповѣданію нашему защиты, насѣялъ многое число вредныхъ плевелъ, къ раздраженію иностранныхъ народовъ на Россійскій народъ и къ междоусобной внутренней въ народѣ Россійскомъ смутѣ".

Коллети и Малиновскій посажены были въ Петербургскую крѣпость. По дѣлу о пасквилѣ на Ѳеофана привлечены были въ Тайную Канцелярію два монаха—Іосифъ Рѣшиловъ и Іоасафъ Маевскій, находившіеся въ сношеніяхъ съ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, державшіеся около него въ надеждѣ, что онъ будетъ патріархомъ. Теперь они оговорили Ѳеофилакта, пересказали его разговоры съ ними. Такъ однажды, въ минуту досады, онъ сказалъ: „Вотъ здѣсь житье: всего бойся. Когда-бъ можно гдѣ укрыться или хоть въ Польшу уѣхать, если-бъ то можно было. Я бы радъ былъ и этому". Ѳеофилактъ проговорился, что у него есть тысяча рублей своихъ денегъ, лежатъ у купца Корыхалова: „У меня онѣ положены на свою нужду", говорилъ онъ; „не дай Богъ какой на меня бѣды, или сошлютъ въ ссылку—Корыхаловъ не оставитъ". По поводу Стефана Яворскаго, Ѳеофилактъ говорилъ: „Много претерпѣлъ онъ отъ Ѳедоса (Яновскаго), и когда-бъ та змія больше на своемъ престолѣ посидѣла, то-бъ больше скорпій высидѣла. И Новгородскій архіерей Ѳеофанъ, хотя мнѣ и другъ, ихъ же лютеранскую сторону держитъ".

По поводу рѣчи о дурномъ воспитаніи Петра II-го Ѳеофилактъ хвалилъ стараго учителя Зейкина, какъ человѣка благочестиваго: „А нынѣ имѣется учитель Остерманъ, да и того Долгорукіе, чтобъ не часто ему съ его величествомъ видѣться, устранили. А хотябъ онъ, Остерманъ, и всегда былъ при государѣ, однако въ наставленіи благочестія нечего добраго надѣяться, потому что онъ Лютеранской вѣры. Надобно бы его величеству о томъ совѣтовать, да некому. Я-бъ и радъ, да не смѣю. А св. Синоду согласиться невозможно затѣмъ, что преосвященный Новгородскій и самъ лютеранскій защитникъ, и съ ними-жъ только знается". Съ поднятія тревоги по поводу „Камня Вѣры" робкій Ѳеофилактъ былъ въ постоянномъ страхѣ: „Спать не могу", говорилъ онъ; „во снѣ пугаюсь и на-яву всегда боюсь; боюсь, чтобъ кто заочно не обнесъ императрицѣ; знаю, что императрица милостива, только женское сердце пуще мужскаго". Страхъ не былъ напрасенъ: въ 1735 году его вытребовали въ Петербургъ и начали томить допросами.

Черезъ годъ съ чѣмъ-нибудь послѣ пріѣзда Ѳеофилакта въ Петербургъ, умеръ Ѳеофанъ 7 сентября 1736 года, только 55 лѣтъ отъ роду. Ѳеофанъ не признавался своимъ, что „во снѣ пугался и на-яву всегда боялся"; но сильныя тревоги въ борьбѣ, которая могла кончиться низверженіемъ и заточеніемъ, сильное умственное напряженіе въ отысканіи средствъ къ защитѣ и къ предупрежденію враговъ—должны были истощить его тѣмъ болѣе, что эти треволненія начались и продолжались безостановочно, когда Ѳеофану было уже 45 лѣтъ,—возрастъ, въ который для продленія жизни нужно увеличеніе спокойствія, а не тревогъ; притомъ надобно замѣтить, что Ѳеофанъ не отличался умѣренностію, любилъ хорошо пожить, и потому такъ вооружался противъ „ига неудобоносимаго", которому подлежалъ по своимъ обѣтамъ. Говорятъ, что, почувствовавъ приближеніе смерти, Ѳеофанъ приставилъ ко лбу указательный палецъ и сказалъ: „О, глава, глава! разума упившись, куда ся приклонишь?" Слова знаменательная въ устахъ вождя ученой дружины, которая съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ бросилась упиваться разумомъ; но вотъ вождь дружины, „дивный первосвященникъ", въ страшную предсмертную минуту, задаетъ себѣ вопросъ, куда приклониться голова, упившаяся разума, достаточно ли этого упиванія для человѣка.

По смерти Ѳеофана объявленъ былъ высочайшій указъ, „чтобы которые были служителями Новгородскаго архіерейскаго дома, то оные-бъ не разошлись никуда, а были бы всѣ при томъ домѣ; а особливо тѣ ребята, которые въ домѣ его учились, чтобъ оные учились попрежнему и были-бъ содержимы въ такомъ же довольствѣ, какъ и при живомъ архіереѣ. А учителю или надзирателю, который къ нимъ приставленъ, приказать, чтобъ онъ ихъ обучалъ и смотрѣлъ за ними нелѣностно". Впослѣдствіи Кабинетъ представилъ объ этой школѣ императрицѣ, что Ѳеофанъ „при жизни своей, особливымъ своимъ тщаніемъ, собирая сиротъ, учредилъ семинарію и содержалъ оную въ весьма добромъ порядкѣ со многимъ иждивеніемъ своего персональнаго имѣнія; при кончинѣ же жизни своей во всемъ оставшемся по немъ имѣніи учредилъ наслѣдниками вышеозначенныхъ изъ сиротъ семинаристовъ въ разсужденіи томъ, что когда изъ тѣхъ семинаристовъ кто, по окончаніи наукъ, опредѣлится куда къ дѣламъ, дабы оный тѣмъ даннымъ ему награжденіемъ могъ себѣ озаводиться постройкою двора и завестись домомъ, чтобъ отъ скудости не оставилъ своей науки". Кабинетъ ходатайствовалъ объ исполненіи желанія покойнаго Ѳеофана „въ разсужденіи его вѣрной и ревностной службы, и особливо, что онъ такъ добропорядочно изъ сиротъ семинаріи содержалъ и не мало ихъ обучалъ въ службу государственную". Императрица согласилась и поручила исполненіе дѣла князю Ал. Мих. Черкасскому, *пріятелю* покойнаго.

Судьба лицъ, страдавшихъ изъ-за Ѳеофана, не облегчилась по его смерти, потому что за Ѳеофаномъ стояли другія, болѣе сильныя лица, считавшія вредными для себя стремленія враговъ Ѳеофановыхъ. Въ 1738 году Ѳеофилактъ Лопатинскій, за „злоумышленныя, непристойныя и продерзостныя разсужденія и нареканія", лишенъ архіерейства, священства и монашества и заточенъ въ Выборгскій замокъ, куда никого къ нему не пускали, бумаги и чернилъ не давали; на содержаніе его отпускалось по гривнѣ на день. Коллети умеръ, какъ видно, въ крѣпости; Платонъ Малиновскій лишенъ архимандритства, священства и монашества и, подъ именемъ Павла Малиновскаго, сосланъ въ Сибирь [1]).

Торжество Ѳеофана надъ противниками и неоспоримое первенство его въ Синодѣ дали возможность строго проводить тѣ мѣры относительно духовенства, которыя были предписаны въ эпоху преобразованія,—мѣры благодѣтельныя, за которыя нельзя было подвергнуться упреку въ протестантскомъ направленіи. Въ сентябрѣ 1732 года Синодъ предписалъ наблюдать прежнія строгія мѣры относительно поведенія монаховъ, особенно относительно отпуска ихъ изъ монастырей. Синодъ объясняетъ свой указъ тѣмъ, что многіе монахи, презрѣвъ обязанности своего званія, не только внутри монастырей не очень исправны, живутъ не по обѣщанію, но, исходя самовольно изъ монастырей (что есть самая непростительная продерзость) и скитаясь безъ нужды по разнымъ мѣстамъ, ведутъ себя безчинно, и тѣ, которые должны всякими добродѣтелями нелицемѣрно украшать себя къ созиданію Церкви,—тѣ злообразіемъ дѣлъ своихъ подаютъ соблазнъ къ развращенію, нимало не помышляя, что чрезъ нихъ хулится имя Божіе" [2]). Въ слѣдующемъ году Синодъ запретилъ постригать въ

---

[1]) Чистовича—Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 6177.

монахи находящихся при школахъ студентовъ прежде трехлѣтняго искуса [1]). Въ 1734 году запрещено бѣлому духовенству принимать къ себѣ монаховъ не только на житье, но и для ночлега и на самое короткое время, потому что „нынѣ", говоритъ указъ, „являются чернецы, повсюду своевольно бродящіе" [2]). Въ томъ же году Ѳеофанъ объявилъ Синоду указъ императрицы, чтобъ не постригать въ монахи никого, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ; архіерей, допустившій нарушеніе этого указа, долженъ былъ платить 500 рублей штрафа, и монастырскія власти подвергаться разстриженію и ссылкѣ на каторжную работу [3]). Почему указы Петра Великаго требовали такихъ строгихъ подтвержденій,—видно изъ слѣдующаго: въ 1731 году извѣстный намъ Іосафатъ Макѣевскій, архимандритъ Бизюкова монастыря, вмѣстѣ съ извѣстнымъ намъ также Іосифомъ Рѣшиловымъ поѣхали погулять въ монастырское сельцо Сергіевское и взяли съ собой шестнадцатилѣтняго пѣвчаго архіерейскаго Алексѣя Давыдова. Отцы, подгулявши, нарядили Давыдова въ монашеское платье, въ которомъ онъ имъ показался очень красивъ; тутъ пришла имъ мысль сдѣлать сюрпризъ преосвященному Ѳеофилакту,—постричь на самомъ дѣлѣ Давыдова, и на другой-же день онъ былъ постриженъ подъ именемъ Алимпія. Ѳеофилактъ дѣйствительно удивился, увидавъ предъ собою шестнадцатилѣтняго монаха. „На что ты, сударь мой, постригся,—ты еще молодъ и совершенно монашескаго чина понести не можешь", замѣтилъ ему добрый архіерей, и этимъ дѣло кончилось [4]). Стремленіе возстановить и развивать мѣры Петра В. относительно монастырей продолжалось и по смерти Ѳеофана: въ 1738 году императрица издала наказъ Синоду, какъ составить инструкцію для управленія Троицкаго-Сергіева монастыря [5]). По этому указу архимандритъ долженъ былъ хранить весь древній церковный порядокъ благочинія, не смѣлъ ничего перемѣнять, иконостасовъ и утвари не передѣлывать; но такъ какъ правительство имѣетъ особенное стараніе о снабженіи церквей учеными священниками, ибо простой подлый народъ отъ невѣжества впадаетъ во всякое зло, а ученіе есть сѣмя премудрости и благодати Божіей, всѣваемое Духомъ Св. въ сердца человѣческія, и отъ него всѣ добродѣтели рождаются и процвѣтаютъ; такъ какъ необходимо нужно, чтобъ въ государствѣ священническій чинъ просвѣщенъ былъ божественнымъ ученіемъ для преподаванія слова Божія, для искорененія богоненавистныхъ страстей, нечестія, всякаго злодѣянія, для обращенія невѣрныхъ, Мордвы, Чувашъ, Черемисъ, которыхъ легко привесть въ вѣру Христову, еслибъ были учительные священники и архіереи о томъ старались бы:—то императрица повелѣваетъ немедленно въ Троицкомъ монастырѣ завести семинарію для обученія Латинскому, Греческому и, если возможно, Еврейскому языку, начавъ отъ грамматики даже до реторики, философіи и богословія, а для того набрать учениковъ до 200 человѣкъ. Потомъ, близъ Троицкаго монастыря, построить сиротскій домъ или опредѣлить изъ женскихъ монастырей для воспитанія малолѣтнихъ сиротъ и принятія зазорныхъ приносныхъ младенцевъ.—Относительно управленія монастыремъ и его громаднымъ недвижимымъ имуществомъ наказъ велитъ перемѣнить одноличное управленіе на коллегіальное: 12 соборныхъ монаховъ вмѣстѣ съ архимандритомъ составляютъ правленіе монастыря и рѣшаютъ дѣла на письмѣ, и всѣ подписываются какъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ; безъ общаго суда архимандритъ не долженъ никого наказывать тѣлесно, не можетъ наказывать и перемѣнять соборныхъ монаховъ. — Въ описываемое время всѣхъ монаховъ въ 708 монастыряхъ считалось 7,829; монахинь въ 240 монастыряхъ 6,453 [6]) Число крестьянъ, которыми владѣло черное духовенство, простиралось до 758,802 [7]).

Распоряженія Петра возстановлялись и относительно бѣлаго духовенства: въ 1732 году возобновлено было запрещеніе свѣтскимъ людямъ допускать въ свои домы, призывать и опредѣлять для исправленія какихъ-либо требъ священниковъ, дьяконовъ и церковныхъ причетниковъ безъ вѣдома духовнаго правительства, ибо Синодъ сообщилъ Сенату, что въ домахъ разныхъ чиновъ людей и у знатныхъ особъ явились *продерзатели*, которые или самовольно оставили свои церкви, или, будучи обвинены въ тяжкихъ преступленіяхъ, бѣжали отъ суда, или не только епархіальными архіереями, но и самимъ Синодомъ запрещены и даже совершенно отъ священства отлучены, а иногда даже и никакой степени священства не имѣютъ [8]). Въ 1739 году Синодъ получилъ указъ императрицы, въ которомъ говорилось, что хотя на первое время и трудно сдѣлать, чтобъ при всѣхъ церквахъ были ученые священники по величинѣ государства, по множеству приходскихъ церквей, которыхъ по послѣднимъ вѣдомостямъ показано до 16,000,—однако, по крайней мѣрѣ, надобно выбирать въ священники такихъ, которые бы законъ христіанскій основательно знали, къ чтенію Св. Писанія прилежали и, по возможности, разсудить могли, что читаютъ. Но извѣстно, что теперь не только такихъ священниковъ, но при многихъ церквахъ и никакихъ нѣтъ, потому что старые священники померли, другіе за вины и непорядочную жизнь отлучены, а между тѣмъ люди безъ покаянія и причастія помираютъ, въ отдаленныхъ отъ церквей мѣстахъ принуждены жить безъ брачнаго вѣнчанія въ церкви. Синодъ долженъ всюду

[1]) Полн. Собр. Зак., № 6504.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 6561.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 6585.
[4]) Чистовичъ, стр. 478.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 7660.
[6]) Дѣла Сената по Кабинету, № 103 -1180.
[7]) Пол. Собр. Зак. № 7928.
[8]) Полн. Собр. Зак.. № 6025.

послать указы ея величества, чтобъ приходскіе люди по сущей справедливости и по совѣсти выбирали ко всякой церкви на одно праздное мѣсто по два или по три кандидата, которыхъ архіереи должны свидѣтельствовать относительно разума, наученія Закона, прилежанія къ Св. Писанію и безпорочной жизни, а потомъ не меньше трехъ мѣсяцевъ всѣхъ этихъ ставленниковъ архіереи должны содержать при своихъ домахъ или въ ближнихъ городскихъ монастыряхъ и довольствовать пищею, а между тѣмъ ученые священники обучаютъ ихъ заповѣдямъ Божіимъ, преданіямъ церковнымъ и прочимъ обязанностямъ священника, съ толкованіемъ Св. Писанія, въ чемъ состоитъ законъ христіанскій и проч., и каждую недѣлю всѣхъ ихъ архіереи сами экзаменуютъ, а между тѣмъ наблюдаютъ за ихъ поведеніемъ. Такъ какъ послѣ генеральной переписки церковниковъ и ихъ дѣтей не только не убавилось, но прибыло слишкомъ 57,000 человѣкъ, то изъ такого множества, при должномъ радѣніи архіереевъ, не только можно при всѣхъ церквахъ поставить добрыхъ священнослужителей, но можно выбрать молодыхъ людей въ школы для обученія высшимъ наукамъ. Притомъ долженъ Синодъ наиприлежнѣйшее попеченіе имѣть, чтобъ во всѣхъ епархіяхъ неотмѣнно были учреждены семинаріи [1]). — Этотъ указъ огорчилъ Синодъ: отъ него требуютъ наиприлежнѣйшаго попеченія объ образованіи духовенства и тѣмъ косвенно упрекаютъ въ недостаткѣ попеченія, тогда какъ не его вина, что со стороны епархіальныхъ архіереевъ онъ не находитъ никакой помощи въ этомъ дѣлѣ. Огорченіе Синода высказалось въ его указѣ, разосланномъ архіереямъ, чтобъ немедленно были опредѣлены ученые священники или іеромонахи для обученія ставленниковъ, и чтобъ немедленно же дано было знать въ Синодъ, кто опредѣленъ, или гдѣ такихъ священниковъ не найдено. Въ указѣ говорится: „Хотя объ учрежденіи семинарій и многіе указы по епархіямъ посланы, однако стараніе объ этомъ обнаруживается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не только слабое, но почти и никакого, а почему—не извѣстно; вина такого нерадѣнія падаетъ преимущественно на *главную духовную команду*", а потому виновные „хотя и явственно видятъ, обаче толь отважно и нечувственно пребываютъ, какъ бы собственнаго ихъ долга въ томъ ни мало не зависитъ" [2]).

Въ 1736 году Турецкая война потребовала усиленнаго набора, и велѣно было изъ синодальныхъ и архіерейскихъ дворянъ, монастырскихъ слугъ и дѣтей боярскихъ, также изъ священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей набрать 7,000 человѣкъ [3]). Въ слѣдующемъ году велѣно было переписать всѣхъ священнослужительскихъ и причетническихъ дѣтей, и которыя изъ нихъ будутъ отъ 15 до 40 лѣтъ—всѣхъ взять въ военную службу безъ разбора; но потомъ вышелъ дополнительный указъ: находящихся въ школахъ и кончившихъ въ нихъ курсъ въ военную службу не брать, а поступать съ ними слѣдующимъ образомъ: которые кончили курсъ и пожелаютъ быть въ духовныхъ чинахъ,—такихъ тотчасъ къ мѣстамъ опредѣлять и накрѣпко приказать, чтобъ они во всѣ воскресные дни предики сказывали и наставляли народъ въ хорошей жизни. Кто изъ нихъ въ духовномъ чинѣ быть не пожелаетъ, такихъ отсылать къ губернаторамъ и воеводамъ для опредѣленія въ гражданскую службу, гдѣ они, увидѣвъ въ тѣхъ дѣлахъ практику, могутъ знатные чины заслужить. Непонятливыхъ въ наукахъ долго въ школахъ отнюдь не держать, но брать ихъ въ военную службу, чтобъ на такихъ глупыхъ или лѣнивыхъ людей напрасно расходы и другимъ трудолюбивымъ людямъ въ ихъ наукахъ препятствія отъ нихъ не было [4]). Въ 1738 году Кіево-Печерскій архимандритъ съ братіею представилъ Синоду, что монахи изъ польскихъ областей честные и ученые, убѣгая отъ нестерпимаго уніатскаго гоненія, приходятъ съ мольбою принять ихъ въ лавру, въ противномъ случаѣ, возвратившись въ Польшу, они должны будутъ сдѣлаться уніатами. На это представленіе послѣдовала резолюція кабинетъ-министровъ: принимать такихъ, которые знаютъ Латинскій языкъ и хорошей жизни, чтобъ могли быть учителями школъ и производиться въ высшіе духовные чины [5]). Относительно стараній объ улучшеніи матеріальнаго быта бѣлаго духовенства можно привести только представленіе Синода въ Сенатъ объ увольненіи его отъ постоевъ и нехожденіи въ ночные караулы и другіе полицейскіе наряды. Сенатъ отвѣчалъ указомъ: не ставить постоевъ на тѣхъ дворахъ духовенства, гдѣ оно само живетъ; дневать и ночевать на съѣзжіе дворы и къ офицерамъ въ домы для работъ и посылокъ, и къ колодникамъ для караула духовныхъ лицъ не спрашивать, чтобъ въ церковной службѣ остановки не было; а караулы къ рогаткамъ и хожденіе на пожары исправлять имъ съ прочими наряду [6]).

Священники должны быть учительны, ибо отъ

[1]) Полн. Собр. Зак., № 7734.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 749.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 7070.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 7385.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 7645.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 6957. — Къ 29 сентября 1729 года относится любопытное распоряженіе: «По его и. в—ства указу и по приказанію св. прав. синода духовной дикастеріи членъ Серапіонъ, архимандритъ Знаменскій, приказалъ московскихъ соборовъ протопопамъ и сороковымъ старостамъ поповскимъ сказать указъ съ подпискою, чтобъ всѣхъ церквей священники и діаконы ходили и въ бесѣдахъ сидѣли въ скуфьяхъ и гуменцы были всегда у нихъ выбриты, понеже скуфія и гуменца знакъ священства, и носили-бъ шапки образцовыя, а въ шляпахъ, такожъ и въ нѣмецкихъ камзолахъ и въ прочихъ неприличныхъ священному чину одеждахъ отнюдь бы не ходили». Копія указа вклеена въ журналы Верх. Тайн. Совѣта.—Такъ какъ повтореніе указа послѣ не встрѣчается, то можно думать, что имъ прекращена была попытка нѣкоторыхъ духовныхъ приравниваться въ одеждѣ къ мірскимъ людямъ.

этого, прежде всего, зависитъ улучшенiе народной нравственности; кромѣ того, это необходимо для истребленiя раскола и суевѣрiй. Противъ раскола продолжаются прежнiя мѣры. Въ 1732 году Сенатъ приказали: съ записныхъ раскольниковъ—съ купечества,—сверхъ обыкновенныхъ платежей, брать еще постольку, сколько кто платитъ подушныхъ денегъ въ гильдiяхъ; съ крестьянъ брать по семи гривенъ, съ разночинцевъ по рублю двадцати копѣекъ, а съ женщинъ—половину. По прежнимъ указамъ, у записныхъ раскольниковъ дѣтей должны были крестить православные священники и воспрiемниками быть православные же люди, и отцы обязывались присягою дѣтей своихъ, крещеныхъ православными iереями, раскольнической прелести не учить, въ семь лѣтъ представлять къ исповѣди и причастiю, и вѣнчать ихъ по чину церковному; также записной раскольникъ обязывался и постороннихъ никакимъ образомъ къ расколу не привлекать. На этомъ основанiи велѣно было теперь доставить вѣдомости о раскольничьихъ дѣтяхъ для удостовѣренiя, исполняются ли приведенные указы. При Петрѣ Великомъ, какъ мы видѣли, посылались опытные люди для увѣщанiя раскольниковъ; тогда эти увѣщанiя ограничивались областями Европейской Россiи; но раскольники, избѣгая преслѣдованiй и увѣщанiй, давно уже проложили дорогу на сѣверо-востокъ къ Уральскимъ горамъ и за нихъ. Татищевъ, принявши въ управленiе горные заводы, далъ знать, что около Екатеринбурга число раскольниковъ очень велико, и близъ заводовъ Демидова, въ лѣсу, есть раскольническiя пустыни, гдѣ находится корень суевѣрiя, и требовалъ присылки опытнаго и ученаго священника для увѣщанiй. Синодъ распорядился отправленiемъ туда изъ Москвы, отъ церкви Трехъ Святителей, что у Красныхъ Воротъ, священника Ивана Өедорова, извѣстнаго своимъ искусствомъ спорить съ раскольниками; онъ долженъ былъ отправиться въ Екатеринбургъ на три года, по прошествiи которыхъ смѣнялъ его другой священникъ. Но Өедорову не хотѣлось ѣхать такъ далеко и на такое долгое время: онъ обратился къ своему духовному сыну, генералу и кавалеру Григорiю Петровичу Чернышеву, нельзя ли избавить отъ посылки въ Сибирь; тотъ написалъ письмо Өеофану Прокоповичу, что Өедоровъ, „за всеконечною своею древностiю, при объявленномъ дѣлѣ уже пользы показать никакой не можетъ“. Чернышевъ отыскалъ въ въ одномъ изъ своихъ селъ священника, который могъ замѣнить Өедорова, именно Тимоөея Ипатiева, который обучался въ Новгородѣ словено-россiйской грамматикѣ и прочему ученiю, и потомъ самъ обучалъ въ Рязани церковнопричетническихъ дѣтей, и теперь охотно ѣхалъ въ Екатеринбургъ. Преосвященный Өеофанъ объявилъ въ Синодѣ, что, „по его мнѣнiю, по требованiю его превосходительства учинить можно, уволивъ отъ посылки отца его духовнаго и пославъ священника Тимоөея Ипатiева, который, какъ человѣкъ ученый и притомъ желающiй ѣхать весьма охотно, можетъ отправлять повелѣнное указомъ, нежели подъ неволею посланный“.

Мы знаемъ такъ-же, что, кромѣ Востока, много раскольниковъ бѣжало на Западъ, за польскую границу. Когда въ 1733 года русскiя войска вступили въ Польшу и остались тамъ на нѣсколько лѣтъ хозяйничать, то открылась возможность сыскать посредствомъ нихъ всѣхъ бѣглыхъ, какъ православныхъ, такъ и раскольниковъ, и возвратить въ Россiю на прежнiя мѣста жительства. Раскольниковъ, которые могли указать, откуда они бѣжали, возвращали на прежнiя мѣста; которые же объявляли, что не помнятъ, чьи они и откуда, тѣхъ велѣно было селить въ Ингерманландiи: по разнымъ деревнямъ понемногу, а не въ одномъ мѣстѣ, причемъ развѣдывать, кто между ними наставники и учителя, какъ будто для того, чтобъ опредѣлить ихъ къ нимъ попрежнему; но какъ скоро они укажутъ, то всѣхъ наставниковъ и учителей забрать подъ крѣпкiй караулъ. Сначала, для избѣжанiя неудобства и издержекъ дальней разсылки, хотѣли поселить возвращенныхъ изъ Польши раскольниковъ на Украйнѣ, но потомъ раздумали по слѣдующимъ причинамъ: 1) около тѣхъ мѣстъ находятся казаки донскихъ городковъ, изъ которыхъ многiе склонны къ расколу, и опасно, чтобъ вновь поселившiеся раскольники не совратили казаковъ, или чтобъ не перешли за границу, какъ ужъ былъ примѣръ, что многiе, ушедъ за турецкую границу, живутъ тамъ и для другихъ пристанищемъ служатъ. 2) Украинская линiя сдѣлана, и ландмилицкiе полки селятся на ней для защиты государства отъ непрiятеля, а отъ раскольниковъ не защиты, а всякой противности опасаться надобно; также они могутъ совращать людей изъ ландмилицiи, принимать бѣглыхъ и къ расколу приводить.

Татищевъ ловилъ въ лѣсахъ раскольничьихъ монаховъ и монахинь и отсылалъ къ Тобольскому архiерею, для размѣщенiя по монастырямъ; но архiерей писалъ въ Синодъ, что раскольники съ дороги почти всѣ разбѣгаются: одна монахиня такъ искусно притворилась мертвою, что ее положили въ гробъ, снесли въ убогiй домъ, откуда она была выпровожена живая однимъ изъ своихъ единовѣрцевъ. Въ монастыряхъ, по мнѣнiю преосвященнаго, держать ихъ ненадежно, да и опасно, чтобъ они, разбѣжавшись въ мiрскiя жилища, большаго вреда Православнымъ не оказали. Сенатъ подалъ докладъ въ Кабинетъ, что такъ какъ монашество ихъ раскольничье не важно, то лучше содержать ихъ при горныхъ работахъ или ссылать въ Рогервикъ, съ чѣмъ Кабинетъ и согласился.

Съ противоположной, самой южной границы пришла также жалоба на раскольниковъ: въ 1738 году Астраханскiй епископъ Иларiонъ доносилъ въ Синодъ, что Гребенскiе казаки, несмотря на троекратное увѣщательное къ нимъ посланiе,

упорно остаются, по примѣру отцовъ своихъ и дѣдовъ, при двоеперстномъ сложеніи креста, молитвѣ и прочемъ суевѣріи. Синодъ отвѣчалъ указомъ, чтобъ преосвященный возымѣлъ особенное прилежно-усердное радѣніе объ увѣщаніи оныхъ суевѣрцевъ и отправилъ для того немедленно изъ духовныхъ персонъ человѣка ученаго и искуснаго.

Синодъ требовалъ отъ архіереевъ прилежно-усерднаго радѣнія объ увѣщаніи раскольниковъ; но въ 1737 году Рязанскій архіепископъ Алексѣй донесъ Синоду, что изъ присланныхъ въ его епархію раскольниковъ и раскольницъ нѣкоторые обратились, а другіе въ своемъ заблужденіи пребываютъ, и увѣщаній его, преосвященнаго, не принимаютъ, затыкая уши свои, „аки аспидъ глухій", и притомъ ему, преосвященному, при старости своей, зѣло трудно имѣть много разглагольства съ ними, а потому не лучше ли смирять ихъ постомъ и стегать плетьми. Синодъ отвѣчалъ: „Раскольникамъ наставленіе чинить не инако, какъ по-пастырски, словомъ учительскимъ, и за трудность онаго не почитать, ибо всякое дѣло труду есть подлежательно, а кольми паче надлежитъ приложить трудъ свой о человѣкѣ гиблющемъ душою, къ чему его преосвященство призванъ и таковымъ характеромъ почтенъ" [1]).

Въ описываемое время правительство узнало, что расколъ, непризнаніе многими Русскими людьми авторитета Церкви повело уже, и довольно давно, къ самымъ крайнимъ результатамъ. Когда ученіе Церкви признано неправильнымъ, когда человѣкъ предоставленъ такимъ образомъ самому себѣ при рѣшеніи религіозныхъ вопросовъ, то естественно является множество толковъ. Но какъ же тутъ успокоиться, добраться истины, какъ рѣшить, который толкъ правильнѣе? Человѣкъ теряется въ этомъ разнорѣчіи и, не находя успокоенія, стремится привести себя въ непосредственное сообщеніе съ Божествомъ, почерпнуть истину въ самомъ источникѣ, зная, что первоначально истина была добыта этимъ путемъ: Самъ Богъ воплотился для возвѣщенія истины, и потомъ Духъ Св. сошелъ на Апостоловъ, чтобъ наставить ихъ на всякую истину. Какъ выражается стремленіе войти въ непосредственное сообщеніе съ Божествомъ,— это зависитъ, разумѣется, отъ среды, въ которой происходитъ явленіе. Русскій расколъ долженъ былъ дойти до этихъ крайнихъ результатовъ естественнымъ путемъ, и потому нѣтъ никакой нужды предполагать какого-нибудь чуждаго, заморскаго вліянія или относить начало явленія къ слишкомъ отдаленнымъ временамъ, опять съ цѣлію отыскать какое нибудь чужое вліяніе.

Въ январѣ 1733 года, управлявшій Москвою, графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, извѣстилъ Сенатъ, что разбойникъ Семенъ Карауловъ показалъ слѣдующее: въ Москвѣ есть четыре дома, гдѣ въ праздники, по ночамъ, собираются монахи, монахини и разныхъ чиновъ люди; изъ нихъ нѣкоторые выбираются начальниками, садятся въ переднихъ мѣстахъ, другіе по лавкамъ и, подходя къ начальникамъ, кланяются въ землю, цѣлуютъ у нихъ руку, отдаютъ собранныя деньги, и нѣкоторые изъ нихъ пророчествуютъ. По этому показанію Караулова захвачено было 78 человѣкъ обоего пола, и оказалось, что наставницею у нихъ была монахиня Ивановскаго монастыря съ двумя другими монахинями и монахомъ. Составлена была коммисія для изслѣдованія этой „богомерзкой противности". Въ чемъ состояло дѣло, видно изъ такого рода показаній: полотняной Тамеса фабрики ученикъ Ларіонъ Ивановъ объявилъ: былъ онъ съ прочими согласными своими разныхъ чиновъ людьми на сборищѣ въ домѣ парусной фабрики бердннаго дѣла мастера Лаврентья Ипполитова. А дѣйство было такое: по приказу Ипполитова, сѣли всѣ по лавкамъ, а первенство имѣлъ Ипполитовъ; сидя пѣли съ четверть часа: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Духъ Св., помилуй насъ, дай намъ Господа Іисуса!" Потомъ монахъ Іоасафъ, вставши съ лавки, вертѣлся кругомъ по избѣ съ часъ и говорилъ, какъ бы пророчествуя, что на него сошелъ Духъ Св. и имъ, собравшимся, Духъ Св. повелѣваетъ имѣть чистоту: холостымъ не жениться, дѣвкамъ замужъ не ходить, женатымъ съ женами не совокупляться. Послѣ того вертѣлась кругомъ съ-часъ же Ивановскаго монастыря монахиня Анна Иванова, и говорила о сошествіи на себя Духа Св., и учила тому же, чему и монахъ. Потомъ тотъ же монахъ Іоасафъ раздавалъ имъ разрѣзанный небольшими кусками хлѣбъ, а монахиня Анна давала запивать ковшомъ изъ ведра квасу, и то они вмѣняли въ св. причастіе. Въ заключеніе Іоасафъ велѣлъ имъ всѣмъ прикладываться къ образу святителеву и клясться въ томъ, что все бывшее содержать въ-тайнѣ и отцамъ духовнымъ на исповѣди не говорить.— Старики изъ „согласія" ходили всюду, ловя людей, казавшихся имъ склонными къ важнымъ религіознымъ вопросамъ, и внушая, что надобно креститься двумя перстами, пива и вина не пить, м...... не браниться, не лжесвидѣтельствовать, жить степенно, съ женами не совокупляться. Фабрики, соединяя людей отовсюду, очень благопріятствовали распространенію „согласія".

Въ Варсонофьевскомъ монастырѣ жилъ истинной вѣры учитель Алексѣй Трофимовъ въ кельѣ вкладчицы дѣвки Мароы Павловой; въ кельѣ у нея собирались мужчины и женщины, человѣкъ по двадцати, и Трофимовъ проповѣдывалъ имъ извѣстное уже намъ ученіе; онъ и Мароа, сидя, трепетались, потомъ Мароа ходила по кельѣ съ-часъ и что-то говорила; иногда она вертѣлась часа съ три и говорила, что Духъ Св. сошелъ, чтобъ присутствовавшіе не боялись; и въ прежнія времена св. отцы тѣмъ же путемъ спасались. То же дѣ-

[1]) Собраніе постановленій по части раскола I, 225 и слѣд.

лалось въ Московскомъ уѣздѣ, въ долгоруковской деревнѣ Воеводиной, у крестьянина Митрофана Тимоѳеева. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только молились и пѣли, а не вертѣлись, потому что такого человѣка не было [1]). По окончаніи слѣдствія, начальники и начальницы согласія—одни были казнены смертію, другіе биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь, въ монастырь. Юрьева новгородскаго монастыря архимандритъ Андроникъ разсказалъ Ѳеофану Прокофьевичу, что „согласіе" ведется давно: еще въ 1715 году, когда онъ, Андроникъ, былъ архимандритомъ въ углицкомъ Покровскомъ монастырѣ и судьею у духовныхъ дѣлъ, поймалъ онъ много раскольниковъ, мужчинъ и женщинъ; главнымъ изъ нихъ былъ отставной московскій стрѣлецъ, Прокофій Лупкинъ, который называлъ себя Христомъ, а учениковъ своихъ—апостолами; во время пѣнія молитвъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ сходилъ будтобы Духъ Св., подымало ихъ съ лавки, и ходили они, скачучи, въ-кругъ по-получасу и больше, а въ то время клали на столъ калачъ ломтиками и причащались имъ. Лупкинъ училъ, что наступило послѣднее время, народился антихристъ отъ монашескаго чина. Ѳеофанъ извѣстилъ также Синодъ, что Лупкинъ и другой еретикъ, Иванъ Сусловъ, который называлъ себя Богомъ, похоронены въ Ивановскомъ монастырѣ, и могилы ихъ пользуются особеннымъ уваженіемъ. Синодъ рѣшилъ, что трупы Лупкина и Суслова должно сжечь, надгробныя зданія разобрать, на каменьяхъ и на церковной стѣнѣ надписи сгладить [2]). Отъ убѣжденія, что извѣстными средствами человѣкъ можетъ свести на себя Духа Св. оставался одинъ только шагъ къ убѣжденію, что воплощеніе могло повториться. Въ 1730 году, Донской казакъ Миронъ Елфимовъ выдавалъ себя за Христа Бога; въ 1733 году Ярославскаго уѣзда, села Ивановскаго, попъ Иванъ Ѳедоровъ говорилъ отцу своему: „Ты мнѣ не отецъ; я родился во чревѣ матернѣ чрезъ Духа Св.; благовѣстилъ о мнѣ Ангелъ, и рода я царскаго" [3]).

Въ 1737 году Синодъ получилъ указъ, въ которомъ императрица напоминала о постановленіяхъ Духовнаго Регламента противъ кликушъ и выражала свое неудовольствіе, что въ Москвѣ въ церквахъ и монастыряхъ являются вновь многія кликуши, которыхъ не только не унимаютъ, но и даютъ свободу въ этой противности и шалости, сверхъ того надъ ними и молитвы отправляются [4]). Въ 1732 году самъ Синодъ распорядился противъ юродивыхъ, которые производили соблазнъ въ петербургскихъ церквахъ [5]); но въ 1739 году Синодъ узналъ изъ указа императрицы, что въ Новгородѣ явились два человѣка ханжей, которые лѣтомъ и зимою жили въ шалашахъ при городской стѣнѣ, являя себя простому народу святыми; для прекращенія соблазна, повелѣвалось этихъ ханжей взять тайнымъ образомъ и, безъ всякаго истязанія и наказанія, послать въ разные монастыри; а если впредь явятся подобные соблазнители, то стариковъ отсылать въ монастыри, молодыхъ отдавать въ солдаты, дѣвицъ молодыхъ крестьянокъ—отсылать къ помѣщикамъ, изъ другихъ чиновъ—къ родственникамъ [6]).

Одну изъ причинъ распространенія раскола правительство видѣло въ уклоненіи отъ исповѣди и причастія Св. Тайнъ, почему въ 1738 году было подтверждено о ежегодномъ говѣніи, за уклоненіе отъ котораго велѣно взыскивать штрафы безъ всякаго послабленія [7]). Но была опасность не отъ однихъ раскольниковъ, что видно изъ манифеста 1735 года: „Хотя многими предковъ нашихъ и нашими указами свободное отправленіе службы Божіей другихъ христіанскаго закона исповѣданій въ нашемъ государствѣ позволено, но понеже мы, къ неудовольствію нашему, слышать принуждены, что нѣкоторые тѣхъ исповѣданій духовныя особы нашихъ подданныхъ всякими внушеніями въ свой законъ приводить стараются,—того ради заблагоразсудили повелѣть, чтобъ никто изъ нихъ отнюдь не дерзали изъ нашихъ подданныхъ въ свой законъ превращать подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ съ ними поступлено будетъ по нашимъ государственнымъ уставамъ и указамъ" [8]).

Относительно религіознаго столкновенія Русскихъ людей съ западными единовѣрцами приведемъ слѣдующій случай: въ 1737 году императрица получила просьбу изъ Ярославля, подписанную „George Schustern, studiosus juris", а въ русскомъ переводѣ: — „юристической ученикъ". Шустернъ приносилъ слезныя жалобы на то, что ярославскій городской судья и ассесоръ Карауловъ продерзостно въ гостяхъ, вопреки всѣмъ правамъ и нѣмецкой вольности, которую императоръ Петръ I-й даровалъ, велѣлъ его жестоко бить. „Я здѣсь", писалъ Шустернъ, „единственный иноземецъ во всемъ городѣ для пользы народа и россійскихъ молодыхъ шляхетныхъ дѣтей, и такимъ безбожнымъ поступкомъ въ моей чести и добромъ званіи оскорбленъ, безо всякой причины, кромѣ спорныхъ словъ, потому что онъ уже давно-умершаго Лютера очень ругательно бранилъ, что я его собственными словами опровергалъ, и для того онъ призвалъ своихъ слугъ и жестоко меня билъ". Наряжено было слѣдствіе; Шустернъ показалъ, что въ гостяхъ у флотскаго поручика Милюкова имѣлъ онъ разговоръ про Мартына Лютера, котораго Карауловъ бранилъ м......, а Шустернъ отвѣчалъ: „Попробуй, сдѣлай то самъ, что Лютеръ сдѣлалъ; намъ его не судить, за свои дѣла получитъ онъ воздаяніе отъ Бога, а былъ онъ честный человѣкъ". Тутъ Карауловъ ударилъ его по щекѣ рукою, схватилъ парикъ и бросилъ на полъ, билъ кулакомъ, кафтанъ

[1]) Дѣла Тайной Канцеляріи 1733 года.
[2]) Собраніе постановленій по части раскола.
[3]) Дѣла Тайной Канцеляріи означенныхъ годовъ.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 7450.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 6136.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 7959.
[7]) Полн. Собр. Зак., № 7226.
[8]) Полн. Собр. Зак., № 6693.

изодралъ, изъ горницы выбилъ вонъ, потомъ выбѣжалъ за нимъ на дворъ, крикнулъ своихъ слугъ и приказалъ жестоко бить плетью, отчего онъ, Шустернъ, лежалъ восемь дней въ постели. Воеводскій товарищъ, маіоръ Иванъ Карауловъ показалъ, что никакого разговора о Лютерѣ не было; но Шустернъ былъ пьянъ, безчинно шумѣлъ и говорилъ незнаемо какія изъ Библіи задачи, которыхъ, за недовольнымъ его знаніемъ Россійскаго языка, не могъ онъ, Карауловъ, понять, и сказалъ ему, что не зная вретъ, чего разсудить нельзя. Шустернъ въ отвѣтъ сказалъ, что Русскіе—дураки, не знаютъ ничего. Тутъ онъ, Карауловъ, присталъ, для чего онъ Русскихъ бранитъ, и началъ его, Шустерна, посылать вонъ, а Шустернъ схватилъ его за голову, стащилъ парикъ и бросилъ на землю. Карауловъ вытолкалъ его вонъ изъ квартиры и велѣлъ сослать съ двора. Но потомъ Шустернъ возвратался опять на дворъ, и, пришедши подъ окно, гдѣ сидѣлъ Карауловъ, кричалъ и бранилъ его, называлъ канальею; вынулъ шпагу и кричалъ: „Поди сюда ко мнѣ!" Тогда онъ, Карауловъ, охраняя свою честь, взялъ у людей своихъ плеть и вышибъ у Шустерна изъ рукъ шпагу, чтобъ онъ кого въ пьянствѣ не закололъ. Свидѣтели показали, что не слыхали, въ чемъ состоялъ разговоръ у Шустерна съ Карауловымъ, но видѣли, что пьянаго Шустерна Карауловъ выгонялъ вонъ изъ комнаты, причемъ у нихъ была драка, и потомъ видѣли, какъ на дворѣ какой-то человѣкъ билъ Шустерна плетью. Карауловъ былъ вызванъ въ Петербургъ; чѣмъ дѣло кончилось, — мы незнаемъ [1]). Въ манифестѣ 1735 года говорится объ исповѣданіяхъ христіанскаго закона, лютерскомъ, реформатскомъ и римскомъ, но конечно никто не могъ подумать, чтобъ была опасность отъ еврейскаго закона, и однако флота капитанъ-лейтенантъ Возницынъ былъ превращенъ въ жидовство, и обрѣзанъ жидомъ Борохомъ Лейбовымъ; обрѣзаніе было совершено въ Польшѣ, въ Дубровнѣ. И обольститель и обольщенный были сожжены въ 1738 году [2]).

Но, кромѣ борьбы съ расколомъ и оборонительныхъ мѣръ относительно западныхъ исповѣданій, принимались мѣры для распространенія христіанства на Востокѣ, причемъ имѣлось въ виду также и укрѣпленіе украйнъ. Обращено было особенное вниманіе на Казанскую губернію, наполненную инородцами. Распространеніе христіанства между ними являлось самымъ вѣрнымъ средствомъ для скрѣпленія связи ихъ съ Россіею. Но для христіанской проповѣди нужны были ученые миссіонеры, которыхъ должна была приготовить школа:—и вотъ правительство обращаетъ особенное вниманіе на усиленіе школьныхъ средствъ въ Казани. Архіепископъ Сильвестръ завелъ здѣсь семинарію, гдѣ было 80 учениковъ,—и изъ нихъ десять человѣкъ изъ новокрещеныхъ; въ семинаріи былъ одинъ учитель, „польской націи" Свѣнцицкій, съ помощникомъ іеромонахомъ и двумя аудиторами изъ учениковъ. Семинарія содержалась на сборъ двадцатой части хлѣба съ монастырей и тридцатой съ церквей; кромѣ того, къ семинаріи Сильвестръ приписалъ 77 крестьянскихъ дворовъ, вотчину одного упраздненнаго монастыря, которая давала 158 рублей оброка. Изъ этихъ доходовъ учитель получалъ 60 рублей въ годъ жалованья, кромѣ хлѣбныхъ запасовъ; помощникъ его, іеромонахъ, „учитель словеснаго ученія", получалъ по 10 рублей, аудиторы — по 4. Въ 1733 году новый архіепископъ Иларіонъ призвалъ изъ Кіева двоихъ учителей: Головацкаго — для богословія и Григоровича - для философіи съ жалованьемъ по 60 рублей въ годъ, да назначенный правителемъ семинаріи архимандритъ Барутовичъ пригласилъ для низшихъ классовъ или школъ третьяго учителя Соколовскаго съ тѣмъ же жалованьемъ, и студентовъ въ семинаріи было 121 человѣкъ. Въ 1736 году преемникъ Иларіона, Гавріилъ, Барутовича уволилъ, Соколовскаго отпустилъ, учениковъ распустилъ по домамъ, оставивъ только двѣ школы—синтаксику и поэтику. Синодъ, узнавши объ этомъ, потребовалъ у Гавріила отвѣта, причемъ архіепископъ „укоренъ былъ не легко". Гавріилъ отвѣчалъ, что ученики Соколовскаго явились незнающими Часовника и Псалтири: по этой причинѣ и за оскудѣніемъ семинарскихъ доходовъ отданы отцамъ и родственникамъ для изученія означенныхъ книгъ въ твердость. Учитель Соколовскій уволенъ за недостаткомъ семинарскихъ доходовъ, тогда какъ низшія школы — фару и инфиму, — могутъ обучать и студенты высшихъ школъ. Архіепископъ Иларіонъ съ монастырей и церквей хлѣбъ и оброчныя деньги собиралъ вдвое, потому и могъ содержать большую семинарію, притомъ же взялъ на нее изъ монастырской вотчины, и заставилъ эти монастыри кормиться Христовымъ именемъ; но теперь не только двойнаго, но и настоящаго оклада съ монастырей и церквей, благодаря Башкирскому разоренію, собирать нельзя и потому семинарію содержать не на что.—Этимъ отвѣтомъ не были довольны: Гавріилъ отозванъ изъ Казани и перемѣщенъ на Устюгъ, а Устюжскій архіерей Лука Конашевичъ переведенъ въ Казань, съ порученіемъ изслѣдовать дѣло о семинаріи вмѣстѣ съ Казанскимъ губернаторомъ, княземъ Сергѣемъ Голицынымъ [3]).

Въ сентябрѣ 1740 года, императрица, видя, что мѣры, принятыя при Петрѣ Великомъ для распространенія христіанства между инородцами, не продолжаются, приказала: отправить въ Казань учителя Московской Академіи, архимандрита Димитрія Сѣченова, для проповѣданія христіанства; для обученія иновѣрческихъ дѣтей учредить четыре школы, въ Казани — въ Ѳедоровскомъ монастырѣ, въ Казанскомъ уѣздѣ — въ дворцовомъ селѣ Елабугѣ, въ го-

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 23 — 1100.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 7612.
[3]) Дѣла Сената по Кабинету, № 28 - 1105.

родѣ Цивильскѣ и въ городѣ Царевококшайскѣ; обучать ихъ русской грамотѣ, причемъ смотрѣть, чтобъ они и своихъ природныхъ языковъ не позабыли [2]).

Глава IV.

Окончаніе царствованія императрицы Анны Іоанновны.

Дѣла на Украйнахъ.—Малороссія.—Оренбургская экспедиція и Башкирскій бунтъ.—Сибирь.—Опасности для западныхъ окраинъ со стороны Швеціи.—Отношенія къ Польшѣ, Пруссіи и Англіи.—Французская политика относительно Россіи.—Франція хочетъ пользоваться неудовольствіемъ въ Россіи противъ правительства.—Причины неудовольствія.—Ссылки и казни.—Могущество Бирона.—Усобица между Нѣмцами.—Ягужинскій, Волынскій, Бестужевъ-Рюминъ.—Болѣзнь императрицы.—Вопросъ о регентствѣ.—Кончина Анны.

Закрѣпленіе окраинъ составляетъ одну изъ самыхъ видныхъ чертъ правительственной дѣятельности въ царствованіе Анны. Относительно Малороссіи возратились къ системѣ Петра Великаго: гетманство снова признано ненужнымъ, и Малороссія, какъ нераздѣльная часть Россіи, снова находится въ вѣдѣніи Сената, а не Иностранной Коллегіи. Въ 1731 году князь Шаховскій былъ отозванъ изъ Малороссіи, и на его мѣсто, при гетманѣ Апостолѣ, былъ назначенъ полковникъ Тургеневъ; но уже въ слѣдующемъ году онъ былъ смѣненъ генералъ-маіоромъ Семеномъ Нарышкинымъ. Князю Шаховскому поручено было устройство слободскихъ полковъ, которые, по словамъ манифеста, обрѣтались въ непорядкѣ и въ крайнее разореніе приходили, такъ что многіе, оставя воинскую службу и свои земли, принуждены были записываться за помѣщиковъ [1])

29 апрѣля 1733 года Нарышкинъ писалъ канцлеру Головкину, что наканунѣ, въ день коронаціи императрицы, былъ у гетмана обѣдъ, и хозяинъ не могъ встать со стула: всѣ подумали, что старикъ подгулялъ, но на другой день докторъ объявилъ Нарышкину, что у гетмана параличъ, лѣвая рука и нога отнялись. 1-го іюня князь Шаховской писалъ самой государынѣ, что 26 мая онъ пріѣхалъ въ Глуховъ и былъ у гетмана, который очень боленъ, лѣвою рукою не владѣетъ и ногою; говоритъ, что кой-что чувствуетъ; но нельзя думать, чтобъ онъ говорилъ правду, мало надежды, что останется живъ; никакихъ бумагъ не подписываетъ,—подписываетъ вмѣсто него генеральный писарь Турковскій, и оттого могутъ произойти безпорядки. Шаховской нашелъ въ Глуховѣ всю генеральную старшину; сталъ провѣдывать, зачѣмъ она собралась, и узналъ, что старшина желаетъ при жизни гетманской принять правленіе генеральной войсковой канцеляріи, какъ было по смерти гетмана Скоропадскаго, когда правленіе осталось въ рукахъ генеральной старшины. „Отъ этого правленія“, писалъ Шаховской, „какія воспослѣдовали дѣла,—о томъ вашему величеству извѣстно“. Шаховской узналъ также, что гетманъ самъ хотѣлъ отдать правленіе войсковою канцеляріею старшинѣ безъ совѣта съ Нарышкинымъ. Послѣдній, по совѣту съ Шаховскимъ, 29 мая отправился къ гетману съ вопросомъ, для чего онъ это дѣлаетъ безъ совѣту съ нимъ: слѣдуетъ ему требовать о томъ указу ея величества, а до полученія указа писарь долженъ о всѣхъ дѣлахъ представлять ему, Нарышкину. Шаховской подтвердилъ гетману то же самое. Апостолъ отвѣчалъ, что онъ приказывалъ писарю докладывать о всѣхъ дѣлахъ Нарышкину; говорилъ и другія слова, которыхъ, за слабостію, понять было нельзя; и генеральный писарь Турковскій тутъ же объявилъ, что гетманъ приказалъ ему написать письмо къ генеральной старшинѣ, чтобъ она приняла правленіе войсковою канцеляріею, и письмо это было доставлено Нарышкину. 30 мая явились къ Шаховскому нѣкоторые изъ старшины, намѣреніе управлять войсковою канцеляріею безъ указа императрицы оставили, а требовали совѣта, какимъ образомъ писать въ Иностранную Коллегію и просить указа. Шаховской отвѣчалъ, чтобъ они просто просили указа, кому императрица прикажетъ вѣдать войсковую канцелярію, а до полученія указа обо всѣхъ дѣлахъ докладывали генералу Нарышкину, который и долженъ давать резолюціи. Они согласились; черновая просьба объ указѣ была написана и показана Нарышкину. Но 1 іюня Турковскій пришелъ къ Нарышкину и объявилъ, что гетманъ этой просьбы писать не велѣлъ. „Не соизволите ли, ваше величество“, писалъ Шаховской, „указать отъ гетмана взять письменно, а генеральную старшину допросить, для чего они по совѣту генерала Нарышкина не дѣлаютъ, а дѣлаютъ по своимъ прихотямъ, и не соизволите ли, ваше величество, впредь до будущаго указа для вышеписанныхъ резоновъ приказать гетманскую канцелярію принять въ управленіе генералу Нарышкину, чтобъ старшина въ то правленіе не вступала“. Шаховскому удалось достать копію съ просьбы, которую уже заготовила старшина къ императрицѣ, на случай смерти гетмана. Здѣсь говорилось, что по смерти гетмана войсковая генеральная канцелярія осталась при гене-

---

[1]) Записки Марковича, I, 400.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 8236.

ральной старшинѣ, которая спрашивала: „намъ ли, генеральной старшинѣ, до избранія новаго гетмана вѣдать правленіе всякихъ дѣлъ, по совѣту съ генераломъ Нарышкинымъ"?

Между тѣмъ, Шаховской получилъ письмо отъ кабинетъ-министровъ Остермана и Черкасскаго, въ которомъ они требовали его мнѣнія, какъ поступить въ случаѣ смерти Апостола. Шаховской отвѣчалъ, что какъ во время болѣзни гетмана, такъ и по смерти его правленіе войсковою канцеляріею поручить одному Нарышкину, потому что, разъ допустивши старшину до правленія, въ случаѣ неправильныхъ ихъ дѣйствій, труднѣе будетъ ихъ отставить. „Въ бытность мою здѣсь", писалъ Шаховской, „хотя гетманъ и одинъ былъ, однако нѣкоторыя дѣла по представленіямъ моимъ отправлялись медленно, тогда какъ одного человѣка легче склонить, чѣмъ восемь. О какихъ дѣлахъ по пунктамъ велѣно гетману совѣтываться съ старшиною и полковниками,— по тѣмъ и генералъ Нарышкинъ можетъ призывать ихъ въ совѣтъ. О намѣреніи ея величества, быть ли гетману или не быть, точно не извѣстенъ, однако представляю слабое мое мнѣніе: такъ какъ, по пунктамъ гетмана Хмельницкаго, положено гетмана выбирать изъ настоящихъ казаковъ. а не изъ другого какого-нибудь народа, только эти пункты уже нарушены самими казаками,—измѣнникъ Мазепа и Скоропадскій были изъ Поляковъ, а нынѣшняго гетмана Апостола отецъ—Волохъ, и если ея величество впредь гетману быть не изволитъ, то можно и еще многіе резоны собрать. По моему слабому мнѣнію, не соизволитъ ли ея величество, по смерти нынѣшняго гетмана, опредѣлить одну персону, какъ теперь генералъ Нарышкинъ, котораго назвать намѣстникомъ гетманства, чтобъ онъ всѣ войсковыя и челобитскія дѣла отправлялъ на прежнемъ основаніи ихъ малороссійскихъ правъ и обыкновеній со всякимъ прилежаніемъ, безъ медленности и волокиты, дабы весь Малороссійскій народъ могъ получать отъ него всякое удовольствіе, чѣмъ бы часъ-отъ-часу, а не вдругъ, и къ прочимъ обычаямъ удобѣе было ихъ склонять по волѣ ея величества; а чтобъ нынѣ вдругъ перемѣнить и содержать ихъ не по прежнимъ правамъ,—этого я не считаю полезнымъ, ибо при гетманахъ они управлялись по своимъ правамъ, и потому подастся видъ, что при гетманѣ бывало такъ, а теперь иначе".

12 іюня отправлена была Нарышкину императорская грамота, съ приказаніемъ тотчасъ войсковую генеральную канцелярію принять въ свое вѣдомство, всякія малороссійскія дѣла управлять по указу и смотрѣть, чтобъ ничего въ канцеляріи не дѣлалось безъ его вѣдома и приказа, особенно чтобъ въ полки никакихъ универсаловъ и писемъ не посылали. 10 іюля отправлена къ Нарышкину новая грамота: „Когда гетманъ Апостолъ умретъ, тогда все правленіе Малороссіи вѣдать вамъ съ нѣкоторымъ числомъ великороссійскихъ персонъ, да изъ Малороссіянъ, изъ генеральной старшины и полковниковъ такому же числу, сколько будетъ Великороссіянъ, дѣлать съ общаго согласія и совѣта, подписывать дѣла и указы всѣмъ, смотрѣть и предостерегать, чтобъ ничего противнаго интересамъ нашимъ и народу Малороссійскому тяжести не было. Опредѣленному генеральному войсковому суду и подскарбіямъ войсковымъ для сборовъ быть прежнимъ и на прежнемъ основаніи, какъ при гетманѣ было. Доходы, которые сбирались гетману на булаву, на кухню, и прочіе, сбирать попрежнему опредѣленнымъ къ тому особливымъ сборщикамъ, и изъ тѣхъ сборовъ надобно что-нибудь дать женѣ гетманской, пока она жива будетъ, а прочее, что останется, безъ указу нашего ни на какіе расходы не держать. Впрочемъ, имѣете вы намъ донесть и представить заблаговременно, кто достоинъ вмѣстѣ съ вами управлять изъ Великороссіянъ и изъ Малороссіянъ, о чемъ вы должны снестись съ нашимъ генералъ-лейтенантомъ, княземъ Алексѣемъ Шаховскимъ, и какимъ порядкомъ вести то правленіе для нашего интереса, для цѣлости и благосостоянія Малороссійскаго народа. До смерти гетмана все это содержать вамъ въ наивысшемъ секретѣ, чтобъ кромѣ васъ никто объ этомъ не вѣдалъ".

Гетману стало лучше, и Нарышкинъ, въ концѣ года, отправился въ Петербургъ, какъ вдругъ 15 января 1734 года гетману стало опять хуже, а 17 числа онъ умеръ. Находившіеся въ Глуховѣ великороссійскіе члены генеральнаго суда, полковники Радищевъ и Кишкинъ и подполковникъ Синявинъ въ тотъ же день послали извѣстіе объ этомъ въ Петербургъ, и получили въ отвѣтъ, что князю Шаховскому велѣно немедленно ѣхать въ Глуховъ и принять управленіе малороссійскими дѣлами, а до его пріѣзда, они—Радищевъ, Кишкинъ и Синявинъ—вмѣстѣ съ судьями генеральнаго суда должны отправлять всѣ дѣла и смотрѣть накрѣпко, чтобъ не произошло какого-нибудь смятенія или другихъ противностей, особенно смотрѣть за старшиною и за всѣмъ Малороссійскимъ народомъ. 31 января отправленъ былъ указъ Шаховскому: „По увѣдомленіи о смерти гетмана Апостола имѣли мы разсужденіе, какимъ образомъ по извѣстному вамъ нашему намѣренію въ правленіи малороссійскомъ впредь поступать, и разсудили за благо учредить правленіе гетманскаго уряда, которому состоять изъ шести персонъ, и изъ великороссійскихъ вопервыхъ вамъ, а изъ малороссійскихъ—обозному Лизогубу, и взять вамъ къ тому правленію на время до указа нашего изъ тамошнихъ офицеровъ двоихъ, а сюда прислать вамъ свое мнѣніе, кого вы къ тому правленію изъ Великороссіянъ, кто-бъ гдѣ ни былъ, за годнаго впредь быть усматриваете; а изъ Малороссійскихъ, сверхъ обознаго Лизогуба, здѣсь сочлись достойными Андрей Марковъ да Иванъ Мануйловъ, и если вы за ними ничего подозрительнаго и противнаго не знаете и считаете достойными, то извольте ихъ назначить въ правленіе съ вами и до нашего указа. А что въ объявительной нашей гра-

мотѣ писано, что правленіе гетманскаго уряда опредѣлено до будущаго избранія гетмана, и сіе писано для того, чтобъ нынѣ, въ началѣ сего объявленія, народъ не имѣлъ въ томъ сомнѣнія и не дѣлалъ противныхъ толкованій; а правленію гетманскаго уряда повелѣли мы быть подъ вѣдѣніемъ нашего Сената въ особливой конторѣ. Еще имѣете доносить, какъ ведутъ себя въ войсковомъ генеральномъ судѣ великороссійскіе судьи, и если по вашему усмотрѣнію окажутся недостойны, то выберите другихъ, ибо надобно такихъ людей въ томъ судѣ имѣть, которые были бы правдивы, ко взяткамъ не лакомы, и не было-бъ отъ нихъ народу озлобленія и обидъ, чтобъ Малороссійскій народъ правосудіемъ великороссійскихъ судей былъ доволенъ и привыкалъ къ великороссійскому правленію; а смоленскаго шляхтича, ротмистра Пассека, отрѣшить, ибо ему въ судѣ войсковомъ быть негодится".

Въ томъ же мѣсяцѣ Шаховскому былъ посланъ секретнѣйшій указъ: „Увѣдомились мы, что смоленская шляхта съ малороссійскими жителями въ свойство вступаетъ, съ обѣихъ сторонъ сыновей женятъ и дочерей выдаютъ. Это противно кажется нашему интересу, а гораздо приличнѣе и полезнѣе, чтобъ Малороссійскій народъ имѣлъ охоту вступать въ свойство съ нашимъ Великороссійскимъ народомъ, вслѣдствіе чего повелѣваемъ вамъ, чтобъ вы, по вашему искусству, секретно подъ рукою, приложили особый трудъ отводить Малороссіянъ отъ свойства съ Смольнянами, Поляками и другими зарубежными жителями, а побуждать ихъ искуснымъ образомъ вступать въ свойство съ Великороссіянами". По доношенію войсковаго генеральнаго суда, велѣно было приступить къ исправленію законовъ малороссійскихъ: такъ - называемыя Магдебургскія и Саксонскія права перевести на Великороссійскій языкъ, сдѣлать сводъ изъ трехъ правъ и приложить особенное стараніе для объясненія сомнительныхъ мѣстъ. Чтобъ работа эта пошла скорѣе, велѣно было выбрать изъ Малороссіянъ знатныхъ особъ, именно—изъ каждой епархіи по одному архимандриту или игумну, отъ Кіево-Печерскаго монастыря соборнаго старца, изъ протопоповъ—одного, изъ генеральной старшины—одного, изъ полковниковъ—одного, изъ прочихъ чиновъ сколько надобно, чтобъ всѣхъ было двѣнадцать человѣкъ, которые должны съѣхаться въ Москву, сдѣлать сводъ постановленіямъ и, что надобно, сократить и прибавить въ пользу Малороссійскаго народа и что „къ вѣрному намъ подданству отъ онаго народа приличествуетъ". Выборы въ эту коммисію долженъ былъ произвести князь Шаховской. Велѣно также сдѣлать въ Малороссіи ревизію казакамъ, посполитымъ и *подсусѣдкамъ* казачьимъ, крестьянскимъ и владѣльческимъ духовнаго и мірского чина, которые на ихъ земляхъ живутъ, и мастеровымъ всякаго званія людямъ. Архіереямъ запрещено посвящать въ попы и дьяконы изъ малороссійской старшины и казаковъ, также изъ старшинскихъ и казачьихъ дѣтей безъ аттестатовъ полковничья и полковой старшины, а знатныхъ безъ позволенія генеральной войсковой канцеляріи, чтобъ отъ этого уменьшенія числа казаковъ не терпѣла служба. Архіереямъ запрещено также вступаться въ гражданскія дѣла и привлекать мірскихъ людей къ своимъ судамъ; запрещено за свои частныя дѣла отлучать отъ входа въ церкви и предавать клятвѣ.

Когда старшинѣ объявлена была воля императрицы о формѣ малороссійскаго управленія, то Шаховской предложилъ имъ написать за это учрежденіе благодарственную челобитную государынѣ. Челобитная была написана, всѣ приложили руки, но послѣ этого генеральный судья Михайла Забѣла сталъ говорить Шаховскому: нельзя ли удержать челобитную до тѣхъ поръ, пока съѣдутся въ Глуховѣ всѣ полковники. „Дожидаться полковниковъ нѣтъ нужды", отвѣчалъ Шаховской, „довольно и того, что вы, генеральная старшина, подписались съ прочими". Но требованіе Забѣлы показалось подозрительно Шаховскому; онъ сталъ секретно провѣдывать, и прежде всего спросилъ у генеральнаго писаря Турковскаго, что за причина требованія Забѣлы. Тотъ отвѣчалъ: „Забѣла обидѣлся тѣмъ, что въ челобитной подскарбій Андрей Марковъ подписался выше его".—„Не хочетъ правды сказать", подумалъ Шаховской, и началъ опять допытываться, нѣтъ ли другой причины поважнѣе. Тогда Турковскій сказалъ правду: говорилъ ему секретно генеральный судья Борозна, что въ императрицыной грамотѣ новое управленіе назначено только до избранія новаго гетмана, и потому въ благодарственной челобитной надобно было просить гетмана: „Кому они гетманомъ быть желаютъ", писалъ Шаховской, „того подлинно я знать не могу, и видно, что они гетмана желаютъ".

Вслѣдствіе убѣжденія въ этомъ желаніи, считали обязанностію соблюдать большую осторожность, доказательствомъ чему служитъ любопытное распоряженіе по поводу черниговскаго судьи Василья Каневскаго: онъ былъ сосланъ въ ссылку за ложный доносъ на Черниговскаго епископа Иродіона; но потомъ состоялось такое опредѣленіе: „Хотя Каневскій и за настоящую свою вину въ ссылку сосланъ, только надлежитъ его изъ ссылки освободить, и жить ему въ своемъ домѣ безъ должности до указу, чтобъ знали, что онъ въ ссылку сосланъ былъ за вину свою, но высокою ея императорскаго величества милостію освобожденъ; и впредь бы Малороссіяне въ какихъ-либо и правдивыхъ причинахъ доносить не опасались" [1]).

Но Малороссія оставалась спокойною, несмотря на то, что сильно страдала отъ войны. Укажемъ изъ ея жизни нѣсколько любопытныхъ случаевъ, которые лучше другихъ представляютъ тогдашнія отношенія.

Въ 1733 году въ Кіевѣ умеръ войтъ Димитрій

---

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 20—1106.

Полоцкій; гетманъ Апостолъ, по прошенію кіевскихъ мѣщанъ и по прежнему ихъ обыкновенію, послалъ въ кіевскій магистратъ генеральнаго эсаула Лисенко, для присутствія при избраніи кандидатовъ на войтовство. Магистратъ и поспольство избрали троихъ кандидатовъ изъ бурмистровъ: Ѳедора Нечая, Михайлу Корнеевича и Кузьму Кричевца. По избраніи, отправили къ гетману просьбу — опредѣлить изъ нихъ, кто, по его мнѣнію, годился въ войты, причемъ на выборѣ и на просьбѣ подписалось 68 человѣкъ урядниковъ и за все поспольство; нѣкоторые урядники подали гетману на имя императрицы челобитную, что Кричевецъ достойнѣе всѣхъ другихъ, и на этой челобитной подписалось 27 человѣкъ. Гетманъ выборъ и челобитную препроводилъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ требованіемъ указа, кому быть войтомъ. Генералъ Нарышкинъ писалъ, что лучше всѣхъ Кричевецъ. Но вдругъ присылаетъ бумагу Кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ Вейсбахъ, съ объявленіемъ, что бунчуковый товарищъ въ Полтавѣ Василій Быковскій, внукъ бывшаго кіевскаго войта Ивана Быковскаго, проситъ, чтобъ его включили въ число трехъ кандидатовъ на войтовство; что онъ, Вейсбахъ, велѣлъ спросить магистратъ о Быковскомъ, и 17 человѣкъ членовъ магистрата объявили Быковскаго очень достойнымъ, а не помѣстили его въ число кандидатовъ только потому, что не знали о его согласіи. Тутъ же эти 17 человѣкъ просили опредѣлить въ войты именно Быковскаго, а не кого-нибудь изъ прежде выбранныхъ кандидатовъ, особенно не Кричевца, который много долженъ внутри и внѣ государства, и они опасаются, чтобъ русское купечество за границею изъ-за него чего-нибудь не потерпѣло, какъ уже за брата его многіе поплатились, другіе умерли подъ стражею; и Кричевецъ съ 11-ю товарищами подалъ доношеніе, что Быковскому, какъ бунчуковому товарищу, войтомъ быть нельзя. Кіевскій губернаторъ Шереметевъ, архіерей, Печерскій архимандритъ и всѣ мѣщане стояли за Быковскаго, и такъ какъ самъ Вейсбахъ зналъ его за добраго служаку, то и рѣшился также за него ходатайствовать. Но въ Иностранной Коллегіи справились, что по привилегіямъ, постоянно подтверждавшимся съ царя Алексѣя Михайловича, кіевскіе мѣщане выбираютъ кандидатовъ въ войты изъ мѣщанъ же. На этомъ основаніи, Сенатъ приговорилъ быть войтомъ Кричевцу. Приговоръ состоялся въ іюлѣ 1734 года, но въ сентябрѣ Сенатъ получилъ слѣдующій указъ императрицы: „Указали мы въ кіевскіе войты какъ нынѣ опредѣленнаго изъ Сената Кричевца, такъ и прочихъ представленныхъ кандидатовъ не опредѣлять, а велѣть кіевскимъ мѣщанамъ вмѣсто ихъ выбрать самимъ въ войты изъ кіевскихъ-же мѣщанъ; и притомъ къ тамошнему губернатору послать секретный указъ, дабы онъ на тотъ ихъ выборъ подъ рукою смотрѣлъ и, какъ возможно, старался, чтобъ они выбрали изъ природныхъ Великороссійскихъ людей, которые нынѣ въ Кіевѣ мѣщанами состоятъ, самого добраго, вѣрнаго и безподозрительнаго человѣка" [1]).

Въ ноябрѣ 1735 года малороссійское духовенство подало императрицѣ просьбу, за подписью троихъ архіереевъ — Кіевскаго, Черниговскаго и Переяславскаго, чтобъ позволено было монастырямъ и всему духовенству покупать недвижимыя имѣнія у мірскихъ людей и чтобъ каждый былъ воленъ отдавать свои земли духовенству на поминъ души. Архіереи писали, что это запрещено въ резолюціи на пункты гетмана Апостола, но такимъ запрещеніемъ нарушены прежнія постановленія и права. Императрица велѣла послать указъ кн. Шаховскому, чтобъ онъ, призвавши архіереевъ къ себѣ въ Глуховъ, пристойнымъ образомъ сдѣлалъ имъ выговоръ, дабы впредь въ прошеніяхъ своихъ такихъ грубыхъ и предосудительныхъ словъ отнюдь не включали; а между тѣмъ онъ долженъ стараться секретнѣйшимъ образомъ склонить генеральную старшину, полковниковъ и прочихъ чиновниковъ, чтобъ прислали просьбу о неукрѣпленіи мірского чина людей земель и угодій за монастырями и духовными лицами, на которую просьбу получатъ желаемую резолюцію. Также людямъ, находящимся при составленіи Малороссійскаго Уложенія, напоминать, что Малороссійскій народъ отъ такого укрѣпленія земель терпитъ большое разореніе, и лишенные родительскаго имѣнія, отказаннаго въ монастыри, служить не въ состояніи, отчего и государственному интересу вредъ происходитъ: склонять ихъ, чтобъ пунктъ о неотчужденіи недвижимыхъ имѣній, какъ наиважнѣйшій, внесенъ былъ въ Уложеніе. Призванные архіереи отвѣчали, что написали простотою своею, впредь писать не будутъ, и просятъ прощенія [2]).

Въ 1737 году произошло столкновеніе у Черниговскаго архіерея Иларіона Рогалевскаго съ капитаномъ Кобылинымъ, который набиралъ казаковъ. Кобылинъ жаловался, что въ церкви, послѣ торжественнаго молебна, архіерей не допустилъ его ко кресту и сказалъ: „Чортъ тебѣ, к..... сыну, далъ указъ, покажи указъ!" Князь Борятинскій, управлявшій въ это время Малороссіею, произвелъ слѣдствіе и арестовалъ архіерея, за что получилъ выговоръ отъ императрицы: „Намъ зѣло непріятно и къ великому нашему удивленію касается, что вы онаго архіепископа безъ нашего указа подъ такой крѣпкій караулъ брать велѣли, не разсуждая, что изъ такихъ поступковъ всякія слѣдствія произойти могутъ". Иларіонъ объявилъ, что онъ дѣйствительно сказалъ Кобылину въ церкви громко: „Ты недостоинъ креста, потому что Церковь Св. разоряешь, хочешь съ церкви крестъ снять". Говорилъ такъ потому, что Кобылинъ, набирая людей для прикрытія границъ, пріѣхалъ въ Елецкій монастырь, монаховъ среди монастыря неизвѣстно за что билъ, а указа никакого ему, архіепископу, о томъ

---

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 6—1083.
[2]) Дѣла Сената по Кабинету, № 67—1144.

не объявилъ. Иларіонъ признался, что сказалъ еще: „Ты не дворянинъ, и не Кобылинъ, а кобыла; развѣ тебѣ такой указъ чортъ далъ, чтобъ ты разорялъ монастыри, а не государыня,—государыня такихъ указовъ не даетъ“ [1]).

Князь Борятинскій получилъ выговоръ за то, что арестовалъ архіерея; но не видно, чтобъ получилъ выговоръ фельдмаршалъ Минихъ, который въ 1739 году, будучи проѣздомъ въ Глуховѣ и недовольный рѣшеніемъ генеральнаго суда по одному дѣлу, касавшемуся его имѣнія, кричалъ на судей: „Такихъ судей повѣсить, или, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь“. О законахъ малороссійскихъ отозвался: „Шельма писалъ, а каналья судилъ“ [2]).

Въ Малороссіи вторичное недопущеніе къ гетманскому избранію обошлось даже и безъ тѣхъ движеній, которыми сопровождалось первое. Но на востокѣ, въ странахъ Приуральскихъ, стремленіе правительства стать болѣе твердою ногою среди варварскаго народонаселенія вызвало со стороны послѣдняго сильное сопротивленіе.

1-го мая 1734 года подписана была резолюція о построеніи города при устьи рѣки Ори, вслѣдствіе представленія сенатскаго оберъ-секретаря Ивана Кириллова, что Киргизъ-Кайсацкая орда, никому не подвластная, многонародная и военная, нынѣ приходитъ въ подданство ея и. в—ства, и уже меньшей орды ханъ Абулъ-Хаиръ съ подданными своими, которыхъ около 30,000 человѣкъ, принятъ въ подданство въ 1731 году; а чрезъ его пересылки и большая орда прислала просить о подданствѣ; самъ ханъ желаетъ, чтобъ близъ его владѣнія, при устьи рѣки Ори, впадающей въ Яикъ, построенъ былъ городъ, въ которомъ обѣщаетъ по временамъ жить и службу оказывать.

Для построенія этого города отправился тотъ же Кирилловъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, и скоро долженъ былъ столкнуться съ знаменитымъ правителемъ горныхъ заводовъ, Татищевымъ. Осенью Татищевъ донесъ въ Кабинетъ, что, будучи въ Башкиріи, говорилъ онъ Татарамъ, что быть тамъ ярмаркѣ. Татары очень обрадовались; но Татищевъ сталъ имъ внушать, что нельзя ограничиваться этою ярмаркою: много лошадей въ Сибири купить некому, а можно бы имъ продать ихъ у Макарья или въ Москвѣ. Татары отвѣчали, что пригонять имъ лошадей никакъ нельзя, потому что вездѣ поля засѣваются хлѣбомъ; офицеры же, присылаемые къ нимъ для покупки лошадей по деревнямъ, дѣлаютъ имъ великія обиды; если же они, Татары, „попротивятся, хотя и правильно,“ то берутъ ихъ на Уфу и сильно ихъ разоряютъ. Татищевъ представлялъ, чтобъ учредить ярмарку въ Уфимскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Бѣлой, ниже Бирска, куда купечество со всей Россіи можетъ пріѣзжать; сверхъ того, устроить тамъ хлѣбный магазинъ; тамъ же можно будетъ покупать недорогого илецкую соль, лучшую въ Россіи, хотя только про обиходъ императрицы. Татищевъ прибавлялъ, что Татары вездѣ его спрашивали, скоро ли перемѣнятъ нынѣшняго Уфимскаго воеводу Кошелева, потому что онъ великій грабитель, и бить челомъ на него не смѣютъ. Вслѣдствіе этого представленія Татищева, Кабинетъ послалъ указъ Кириллову объ учрежденіи ярмарки въ Уфимскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Бѣлой; кромѣ того, онъ долженъ былъ подлиннѣе навѣдаться о поведеніи Кошелева и немедленно отписать въ Кабинетъ. Кирилловъ отвѣчалъ, что лошадиную ярмарку учредить и въ обычай ввести никакъ нельзя, потому что Башкирецъ дожидается купцовъ къ себѣ въ домъ, а въ городъ поѣдетъ развѣ по приказной нуждѣ или для гулянья. О Кошелевѣ далъ отзывъ неблагопріятный. Въ Кабинетѣ отдали это дѣло на усмотрѣніе Кириллова.

Между тѣмъ Кирилловъ, готовясь къ построенію Оренбурга, жилъ въ Уфѣ и посылалъ въ Кабинетъ любопытныя извѣстія о странѣ. Донося въ Кабинетъ о враждѣ между Киргизами и Башкирами, онъ писалъ: „Никогда не слѣдуетъ допускать ихъ въ согласіе, а въ потребномъ случаѣ надобно нарочно поднимать ихъ другъ на друга, и тѣмъ смирять“.

Кирилловъ представилъ подробныя извѣстія о состояніи Башкирцевъ: до русскаго подданства они раздѣлялись по родамъ, которые при русскомъ владѣніи названы волостями; кромѣ того, раздѣлялись на четыре части, или дороги: Ногайскую, Казанскую, Сибирскую и Осинскую. Всѣ земли и угодья раздѣлены между родами; отъ нѣкоторыхъ родовъ произошли уже новые, которые называются аймаками, иногда тюбями. По отношенію къ Россіи Башкирцы раздѣлились на двѣ части: 1) служилые тарханы, которые не платили никакого ясаку, но служили военную службу; 2) ясачные плательщики. Но къ Башкирцамъ для своевольнаго житья, также по причинѣ обширныхъ и изобильныхъ мѣстъ, несмотрѣніемъ бывшихъ и нынѣшняго воеводъ, набрело жить великое множество горныхъ Татаръ, Черемисъ, Чувашъ, Вотяковъ, такъ-что теперь этихъ пришельцевъ вдвое больше, чѣмъ Башкирцевъ. Изъ нихъ въ давнія времена нѣкоторые крещены; только отъ нерадѣнія духовныхъ въ слабой вѣрѣ находятся, ибо языка Русскаго не знаютъ, попы толкуютъ чрезъ толмачей, и то развѣ однажды въ годъ. А Татары—пришельцы изъ Сибири, особенно изъ Казани; ихъ духовные—ахуны, муллы, абызы—гораздо прилежнѣе стараются приводить ихъ въ свой законъ и обрѣзывать и воздержною своею жизнію простяковъ къ себѣ привлекаютъ, школы имѣютъ, мечетей множество настроили, чего теперь хотя нельзя у этого своевольнаго народа пресѣчь, но впредь нужно стараться, ибо и безъ прибылыхъ людей настоящее башкирское народонаселеніе чрезвычайно увеличивается вслѣдствіе многоженства. Башкирцы, Мещеряки и ясачные хотя и понемногу будутъ назначены въ службу къ городу

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 94—1171.
[2]) Записки Марковича. II, 55.

Оренбургу, однако которое время тамъ пробудутъ, жены безъ плода останутся, а котораго убьютъ, тотъ вовсе не возвратится. Такъ изстари наблюдали эту политику во всемъ государствѣ надъ Татарами: во время Шведской, Польской и Турецкой войнъ вездѣ ихъ посылали предъ войсками на пропажу, вмѣняя въ службу, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, что они въ домахъ не надобны; а теперь не только здѣсь, но и въ Казанской, и въ Воронежской губерніяхъ все живутъ въ домахъ и множатся, а отъ платежа подушнаго сбора или отъ корабельныхъ работъ никогда не убавятся. Воровъ безпрестанно приводятъ въ Уфу въ судъ, больше всего въ кражѣ лошадей, и почти все пришельцы изъ другихъ уѣздовъ, съ которыми воеводы привыкли поступать, ссылаясь на Уложенье и на указы: за одну и за двѣ кражи наказывать и освобождать. Такими людьми изстари торговля воеводская происходитъ: во время держанія они всякую работу на воеводъ и приказныхъ людей производятъ, а потомъ кто больше дастъ,—тотъ скорѣе и освободится; „поэтому я сдѣлалъ представленіе въ провинціальную канцелярію, чтобъ уличенныхъ въ воровствѣ отнюдь не освобождали, но отправляли въ Казань для отсылки на работу; ибо и безъ воровства надобно ихъ отсюда убавлять, особенно тѣхъ, которые не Башкирцы, а пришлые, чѣмъ будутъ довольны настоящіе Башкирцы: сами о томъ просятъ и, приходя ко мнѣ, говорятъ, что дикаго звѣря—волковъ—всѣхъ перевели, лошадей и скотъ безъ пастуховъ въ лѣсахъ и степяхъ содержатъ, а воровъ уфимскіе судьи перевести не могутъ. Судъ я засталъ по здѣшнему народу весьма обидный: по всякому малому крестьянскому дѣлу принуждены подавать исковыя челобитныя, и въ волокитѣ конца не найдутъ; представилъ я въ воеводскую канцелярію, чтобъ волокитъ убавили, и если истцы и отвѣтчики, побивши челомъ въ малыхъ дѣлахъ, съѣхали въ уѣздъ и помирились, такихъ въ городахъ не волочить, и велѣть брать на мѣстѣ мировыя пошлины. Еще и то немалая была людямъ отъ города отгоня, что за водопой пролубнаго брали по копѣйкѣ съ лошади, хотя-бъ кто на одинъ часъ въ городъ въѣхалъ, хватали по рынку, а не у водопоя, притомъ иныхъ бивали, чего ни въ какихъ городахъ нѣтъ, а сбору всего по 12 рублей въ годъ. Я такой малый сборъ, вредный интересамъ вашего величества, отставилъ, а чтобъ табельному окладу не повредить, эти 12 рублей приложилъ къ кабацкому сбору. Служилые люди, дворяне и казаки ни лошадей, ни оружія годнаго имѣть не могутъ, и въ такую мизерію приведены, какъ крестьяне,—работаютъ на начальство, сѣно косятъ, дворяне въ деньщикахъ, лошадей и дворъ чистятъ, огороды копаютъ. Я деньщиковъ отрѣшилъ и никуда въ работы посылать не велѣлъ, исполнять имъ только одну службу. Магометанскихъ духовныхъ, которые попадутся хоть въ малой винѣ, надобно не щадя наказывать и ссылать не только изъ Уфимскаго, но изъ Казанскаго и другихъ уѣздовъ, потому что простые Татары въ нихъ какъ въ пророковъ вѣруютъ, и они привлекли ихъ къ себѣ воздержнымъ житьемъ, и въ вѣрѣ утверждаютъ и умножаютъ. Притомъ можно бы изъ нихъ лучшихъ ученыхъ отъ ихъ мечетей, школъ и простаго народа отлучать для переводовъ и толмачества, какъ и было: изъ самой Казани многіе и самые лучшіе ученые взяты въ Персію, а теперь всѣ тутъ у мечетей живутъ".

Мы видѣли, что Кирилловъ уже столкнулся съ Татищевымъ, объявивъ Кабинету, что предложеніе послѣдняго о лошадиной ярмаркѣ неудобоисполнимо. Скоро произошло другое столкновеніе: въ мартѣ 1735 года Татищевъ далъ знать въ казанскую губернскую канцелярію, что, по извѣстію изъ Кунгура, у Татаръ великіе съѣзды и совѣты, какихъ давно не бывало, вслѣдствіе чего приняты мѣры предосторожности и къ Башкирцамъ посланы лазутчики для провѣдыванія; притомъ Татищевъ писалъ, что посланный на Уфу курьеръ съ письмами пропалъ. Узнавши объ этомъ, Кирилловъ донесъ императрицѣ, что извѣстіе неосновательно, все обстоитъ благополучно; что письмо онаго Татищева приводитъ только къ страху и конфузіи простыхъ невѣдущихъ Кунгурцевъ; что курьеры ѣздятъ безо всякой опасности и ни одинъ изъ нихъ не пропадалъ. Башкирцы дѣйствительно собираются, потому что имъ объявлена служба къ рѣкѣ Ори для построенія города. Можетъ быть, искореняемые вслѣдствіе новыхъ распоряженій его, Кириллова, воришки-конокрады, убѣгая отъ поимокъ, разгласили оному дѣйствительному статскому совѣтнику (Татищеву) о пустыхъ опасностяхъ, о чемъ удобнѣе было бы ему по близости списаться съ нимъ, Кирилловымъ, и, получивъ подлинное извѣстіе, уже бояться. Теперь Башкирцы, увидавъ правленіе безъ лакомства, находятся въ такомъ подданническомъ послушаніи, въ какомъ прежде никогда не были; ибо кто не мздоимецъ, такому покорны, а кто хочетъ себя обогатить, тотъ не воевода, а рабъ ихъ будетъ, и что хотятъ, то воевода поневолѣ имъ дѣлаетъ.

Въ апрѣлѣ Кирилловъ двинулся за рѣку Бѣлую, и, разговаривая на дорогѣ съ ташкентскими купцами, уже составлялъ планы о приведеніи въ подданство Ташкента и Туркестана; вызвалъ изъ Астрахани индѣйскаго купца, чтобъ разспросить его объ индѣйскомъ торгѣ и о путяхъ въ Индію, и между тѣмъ писалъ кабинетъ-министрамъ Остерману и Черкасскому: „Надѣюсь, милостивые государи, частыми прошеніями досаждаю, да миновать нельзя,—ежели отъ васъ оставленъ буду, кто же поможетъ? Не могу отъ Военной Коллегіи конца найтить въ перемѣнѣ уфимскихъ солдатъ. Ежели никакіе резоны не годятся, то напрасно я въ такомъ великомъ дѣлѣ азартъ на себя взялъ, ибо тремя батальонами, со мною на первый случай посланными, обнять и въ вѣчномъ владѣніи утвердить двухъ провинцій нельзя. Сосѣдъ мой, Василій

Никитичъ, еще изволилъ покушаться: приведя къ самой распутицѣ, отпустилъ пушечки и фалконеты, нанявъ безмѣрною цѣною; однако Богъ свое дѣлаетъ,—до мѣста не раскидали, но довезли. Вѣдаю его намѣреніе строить на башкирскихъ земляхъ мѣдные заводы и будто бы Башкирцевъ тѣмъ лучше въ покореніе привести можно; но подлинно онъ обычаевъ ихъ не знаетъ, а когда въ Башкирцахъ заводамъ быть, то развѣ еще вдесятеро бѣглыхъ прибудетъ, паче же утѣсненіемъ на прежніе худые замыслы принудилъ напрасно“ [1]). Но Кирилловъ хорошо зналъ, что если будетъ оставленъ Остерманомъ и Черкасскимъ, то можетъ помочь ему Биронъ, и потомъ написалъ къ нему 21 іюля: „Не иное что придало причину получить всемилостивѣйшіе нашей монархини указы на всѣ мои, нижайшаго раба, доношенія, въ Кабинетъ, въ Сенатъ и Военную Коллегію посланныя, какъ вашего высоко-графскаго сіятельства милостивое сему новому дѣлу призрѣніе, за что всемогущій Богъ да подастъ вашей фамиліи долголѣтнее здравіе съ полученіемъ всѣхъ благъ по желанію сердецъ вашихъ и слава имени да пребудетъ въ вѣчной незабвенной памяти, что таковымъ полезнымъ дѣламъ, о которыхъ мало вѣрятъ, есть скорый помощникъ. Теперь неимовѣрно и наполнены эхи отъ всѣхъ сторонъ неудобствами, опасностями; но здѣсь въ настоящемъ дѣлѣ инаково все къ тому идетъ, что въ нижайшемъ моемъ проектѣ написано“ [2]).

Помощь Бирона была очень нужна Кириллову при новой опасности, которой подверглось его дѣло.

Шедшій за нимъ къ Ори рѣкѣ изъ Уфы Вологодскій драгунскій полкъ подвергся нападенію возставшихъ Башкирцевъ; подполковникъ Чириковъ и съ нимъ 60 человѣкъ были убиты, изъ обозу 46 возовъ было оторвано и разграблено. Кирилловъ старался представить, что опасность не такъ велика; такъ онъ писалъ: „Вѣрные Башкирцы многихъ волостей побрали указы о поимкѣ воровъ, весьма ненавидятъ ихъ и ставятъ въ несчастіе свое, что такіе воры явились, просятъ отпуску для челобитья вашему величеству, чтобъ себя оправдать, а воровъ перевесть“. Къ Бирону 23 іюля Кирилловъ отправилъ новое письмо: „Буде, милосердый государь, для такого малаго воровскаго нападенія, да оставлено будетъ къ великой славѣ и пользѣ зачатое дѣло, то не токмо новые многіе народы, пришедшіе въ подданство и еще желающіе подданства со многими городами, яко Ташкентъ и Аралъ, можемъ потерять, но и нынѣшній случай къ подобранію разсыпанныхъ Бухарскихъ и Самаркандскихъ провинцій и богатаго мѣста Бодокшана упустимъ, а сверхъ того старымъ подданнымъ, Башкирцамъ, случай подастся впредь злодѣйствовать по ихъ махометанству внутреннихъ ко христіанству враговъ; а ежели не послаблено и не оставлено будетъ, то Башкирцевъ загородкою новаго Оренбурга и другихъ по Яику и Бѣлой рѣкѣ городковъ современемъ въ такое подданство удобно будетъ примать, какъ казанскихъ Татаръ, причтя къ потерянію ихъ вольностей явное ихъ воровство; а между тѣмъ вышеупомянутыя новыя владѣнія присовокупятся—и страхъ на обѣ стороны прибудетъ, что во время какого воровства Башкирцевъ Койсаками, а Койсаковъ Башкирцами смирять, къ чему и Калмыки близки. Всѣ прежде бывшіе въ такихъ же своевольствахъ—Малая Россія разореніемъ Батурина, Яицкіе казаки—Качалина и другихъ городковъ и неупускомъ за воровства казнями въ надлежащее покореніе приведены, а Башкирцы самый плюгавый и неоружейный народъ, подобны Чувашѣ и Мордвѣ, никакого страху не вѣдаючи, живутъ почти безъ податей и безъ службы, допущенные къ своевольствамъ, но токмо одни воеводы, бывшіе у нихъ, наживаясь, многія тысячи свозили“ [3]).

5 августа правительствующій Сенатъ, будучи въ Кабинетѣ и слушавъ съ господами кабинетными министрами сообщенныхъ вѣдѣній о возмущеніи Башкирскомъ, по общему согласію, положили учинить слѣдующее: немедленно послать персону знатную и надежную, которому дать полную мочь и власть, употребляя вначалѣ добрые способы и уговоры, а если добрые способы не подѣйствуютъ, то употреблять оружіе. Если Башкирцы будутъ представлять о своихъ обидахъ, то изслѣдовать немедленно по сущей правдѣ; тѣхъ, на кого они покажутъ, за крѣпкій караулъ брать, обиды тотчасъ прекратить и, сколько возможно, поправить; еслибъ они поставили себѣ въ обиду строеніе крѣпости на рѣкѣ Ори, то объяснить имъ, что крѣпость эта строится только для защиты ихъ отъ Киргизъ-Кайсаковъ.—Изъ Елабуги, изъ Кунгура приходили извѣстія о немалой опасности отъ Башкирцевъ и Татаръ; Башкирцы присылали въ Казанскій уѣздъ поднимать тамошнихъ Татаръ—Русскихъ людей рубить и деревни жечь.

Кирилловъ, несмотря ни на какія препятствія, хотѣлъ сдѣлать свое дѣло: 16 августа онъ прислалъ императрицѣ поздравленіе съ Новою Россіею, которая пріобрѣтена собственнымъ ея величества предусмотрѣніемъ и впредь почтена быть можетъ не меньше сысканныхъ отъ европейскихъ державъ земель, прославленныхъ металлами и минералами Кирилловъ доносилъ при этомъ, что онъ съ командою благополучно достигъ рѣки Ори; по дорогѣ и на мѣстѣ будущаго Оренбурга нашли благонадежные признаки рудъ мѣдныхъ и серебряныхъ, также камни—порфиръ, яшму, мраморъ.

Знатная и надежная персона, назначенная для усмиренія Башкирскаго бунта, былъ, какъ мы уже упомянули, опальный А. И. Румянцевъ, получившій прежній свой чинъ генералъ-лейтенанта и назначенный сначала Астраханскимъ, а потомъ Казанскимъ губернаторомъ. Кирилловъ, получа при-

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 54—1131.

[2]) Письмо въ Госуд. архивѣ.

[3]) Письмо въ Госуд. архивѣ.

казъ во всемъ повиноваться приказаніямъ Румянцева, писалъ 23 сентября, что онъ Оренбургъ благополучно основалъ, артиллеріею укрѣпилъ, солдатскую команду въ первую крѣпость и въ казармы ввелъ и провіантомъ удовольствовалъ; потомъ, вслѣдствіе извѣстій о башкирскихъ разбояхъ, принужденъ былъ оставить въ Оренбургѣ подполковника Чемадурова съ десятью ротами, а самъ отправился назадъ для соединенія съ Румянцевымъ, который стоялъ въ Мензелинскѣ. Кирилловъ и Румянцевъ разрознились въ мнѣніяхъ о средствахъ потушенія мятежа: Кирилловъ писалъ, что Башкирцы до тѣхъ поръ не усмирятся, пока не послѣдуетъ розыскъ и казни и не введутся полки на квартиры въ Уфимскій уѣздъ; Румянцевъ же писалъ, что опасается не взволновать бы этими мѣрами всѣхъ Башкирцевъ, тогда какъ до сихъ поръ была замѣшана въ бунтѣ только часть ихъ, и думаетъ, что лучше безъ оружія привести ихъ въ повиновеніе, довольствуясь повинной челобитной отъ всего народа. Въ началѣ ноября Румянцевъ донесъ, что Башкирское возмущеніе утушено, причемъ нельзя наказать бунтовщиковъ, вопервыхъ, по малочисленности войска: при Румянцевѣ находилось только четыре драгунскихъ роты, одинъ баталіонъ казанскаго гарнизона и 650 казаковъ; во-вторыхъ, провіанта нѣтъ, ни подрядчиковъ найти, ни натурою собирать нельзя. Относительно причины бунта Румянцевъ извѣщалъ о жалобахъ Башкирцевъ на суровые поступки полковника Тевкелева. Въ письмѣ, присланномъ отъ башкирскихъ старшинъ къ Румянцеву, говорилось, что имъ присланы были указы идти на оренбургскую службу; не зная подлинно какъ ѣхать, собрались они всѣмъ міромъ и поѣхали на мѣсто, гдѣ дѣдамъ и отцамъ ихъ указы объявлялись, и послали въ Уфу освѣдомиться о подлинномъ указѣ, въ какой силѣ они на службу наряжаются. Но Тевкелевъ одного изъ ихъ посланныхъ убилъ, другого высѣкъ, двоихъ подъ карауломъ держалъ, кромѣ того, худымъ людямъ указъ далъ ловить и приводить въ Уфу лучшихъ людей, которые были въ собраніи. Узнавъ объ этомъ, лучшіе люди заплакали, что жизнь ихъ кончилась, и отъ такой неволи забунтовали; и съ Иваномъ Кирилловичемъ ссорились отъ него-жъ, Тевкелева. „Неповслите-ль“, писалъ Румянцевъ императрицѣ, „до удобнѣйшаго времени такъ ихъ нынѣ въ тишинѣ оставить, ибо народъ грубый, и вскорѣ такъ къ вѣрному подданству и къ накладу на нихъ податей безъ всякаго ихъ возмущенія никакъ привесть невозможно; а надобно время до времени почаще старшинъ ихъ призывать, и потомъ, когда какое намѣреніе вашего величества будетъ, уготовясь совсѣмъ заблаговременно, какъ вездѣ довольные магазины устроить, такъ и здѣшніе пригородки, для убѣжища людямъ, укрѣпить, — тогда ихъ всѣхъ знатныхъ задержать и уже силою оружія къ тому приводить“.

Главный командиръ Румянцевъ былъ не согласенъ съ мнѣніемъ Кириллова: Татищевъ, въ своихъ письмахъ къ Румянцеву, внушалъ ему недовѣріе къ планамъ оренбургскаго основателя, открывшаго Новую Россію. 30 октября Татищевъ писалъ Румянцеву изъ *Катеринска*: „Господинъ статскій совѣтникъ обнадеживаетъ меня тѣмъ, что нынѣ въ Оренбургѣ заводъ серебряный, а на Самарѣ мѣдный заводить намѣренъ, и требуетъ къ строенію оныхъ ремесленниковъ. И хотя къ тому я великую охоту имѣю, но паче же должность моя, что то болѣе положено на меня, однакожъ мнѣ оное весьма удивительно, ибо хотя-бъ все было спокойно, но заводъ не прежде строить, какъ всѣ къ тому нужныя обстоятельства согласовать будутъ, и суще: 1) чтобъ рудъ было довольно; но того весьма нѣтъ, а по верховнымъ вѣрить нельзя, ибо сверху покажется, да въ глыбь ничего: 2) чтобъ руды плавки достойны были: но изъ присланныхъ пробъ видимъ, что ни единой достойной нѣтъ; ежели же ко мнѣ недостойныя присланы, а лучшія оставлены, то и причины не разумѣю; 3) надобно, чтобы лѣсовъ было довольно: но къ намъ писалъ нашъ посланный надзиратель и полковникъ Тевкелевъ сказывалъ, что лѣсовъ тамъ весьма недовольно, и потому я въ такое сомнительное дѣло вступать не смѣю, но хочу ожидать, какъ ваше пре-ство довольно обстоятельства разсмотрите и меня увѣдомите“.

Императрица одобрила мнѣніе Румянцева, чтобы пока довольствоваться настоящимъ положеніемъ дѣлъ между Башкирцами; но приказала, чтобъ Кирилловъ пріѣхалъ изъ Уфы въ Мензелинскъ къ Румянцеву на совѣщанія о мѣрахъ окончательнаго успокоенія Башкирцевъ. Въ декабрѣ 1735 года Румянцевъ и Кирилловъ выработали (т.-е. Кирилловъ написалъ, а Румянцевъ подписалъ) такое разсужденіе: 1) между Башкирцами старинные тарханы никакого ясаку не платятъ, должны служить; но служатъ они своему воровству, а не по указамъ, и потому этотъ ихъ чинъ впередъ не надобенъ; остальные Башкирцы платятъ ясакъ самый малый; 2) Мещеряки, служилые Татары по указамъ изъ другихъ городовъ накликаны и опредѣлены служить по Уфѣ, но собственными землями не надѣлены, принуждены жить на башкирскихъ и давать Башкирцамъ подать, почему пошли-было въ крестьянство къ Башкирцамъ, но по пріѣздѣ Кириллова и Тевкелева они отъ башкирскаго послушанія отвращены и въ нынѣшнемъ башкирскомъ воровствѣ служили вѣрно; ихъ тысячъ съ пять способныхъ къ службѣ. 3) Тептери и бобыли — изъ разныхъ уѣздовъ бѣглые Татары, Чуваши, Черемисы, Вотяки: Башкирцы отдаютъ имъ внаймы свои земли и владѣютъ ими, какъ крестьянами. 4) Новокрещеные ясачные, число ихъ малое — дворовъ съ 300, равнаго состоянія съ Тептерями и бобылями, и хотя презираемы въ наставленіи истиннаго благочестія, однако весьма въ службѣ вѣрны и за то разорены теперь ворами. Причина нынѣшней про-

дерзости Башкирцевъ—это послабленіе ихъ прежнимъ своевольствамъ и воровствамъ, и потому впредь надобно: находящіеся здѣсь полки въ надлежащее состояніе привести, магазины наполнить провіантомъ, основать Оренбургъ и другія назначенныя крѣпости; Мещерякамъ, за ихъ вѣрность и службу, отдать въ вѣчное и безоброчное владѣніе тѣ земли, которыя они нанимаютъ у Башкирцевъ; съ Тептерями и бобылями старыми поступать точно такимъ же образомъ; замѣшаннымъ въ воровствѣ запретить носить ружья и по домамъ имѣть; въ уѣздѣ кузнецовъ и кузницъ не имѣть, изъ городовъ кузнецовъ и насѣкальщиковъ въ уѣздъ не отпускать; пусть покупаютъ все нужное въ городахъ. Пойманныхъ на воровствѣ и въ бунтѣ и повинившихся—казнить или въ ссылку сослать, а не освобождать, ибо къ будущимъ воровствамъ первая надежда, что не только непойманныхъ прощаютъ, но изъ тюремъ освобождаютъ; а пущихъ заводчиковъ, хотя они и прощеніе получили, по причинамъ частныхъ дѣлъ, одного за другимъ забрать и жестоко казнію казнить. Внутри Башкирскихъ земель построить городки; каждая волость должна имѣть у себя выборныхъ старшинъ, двухъ или трехъ, на которыхъ можно было бы взыскать всякое преступленіе или неисправку; а теперь у нихъ всякъ большой, и указы пишутъ обще: тарханамъ, батырямъ и всѣмъ Башкирцамъ; также запретить сборища дѣлать; отставить обыкновенный старинный мірской сборъ въ семикъ у рѣчки Чесновки: въ это время пусть совѣтуются о мірскихъ нуждахъ, письменно доносятъ и бьютъ челомъ, а не такъ, какъ прежде бывало: собравшись поутру, воеводъ, приказныхъ людей и толмачей на письмѣ бранивали ворами, грабителями, разорителями, а какъ эти воры ихъ одарятъ, скота на зарѣзъ и пойла пришлютъ, то пьяные къ вечеру похвальное письмо напишутъ и въ ночь разъѣдутся по домамъ; горланы съ такихъ сборищей деньгами, кафтанами и сукнами рублей по 50 и больше сваживали. Такъ какъ есть явное подозрѣніе на магометанское духовенство, то оставить по одному ахуну на дорогу, и взять съ нихъ присягу, чтобъ о всякихъ дурныхъ поступкахъ объявляли и изъ другихъ вѣръ въ свой законъ не приводили, безъ указовъ мечетей и школъ не строили, и если ахунъ умретъ, то новаго опредѣлять правительству, смотря по вѣрности, а не самимъ Башкирцамъ ставить. Башкирцы, разбогатѣвъ, завели свойство съ казанскими, слободскими и уѣздными Татарами, и этимъ способомъ во всякомъ дѣлѣ, что-бъ въ Казани ни началось, Башкирцамъ уже давно дано знать: надобно запретить въ свойство вступать безъ позволенія Казанскаго губернатора, и при позволеніи наложить подать съ свадьбы лошадьми. Снять запрещеніе покупать у Башкирцевъ земли и угодья; чтобъ мѣшались съ посторонними. Мѣры эти касаются не настоящаго только, но будущаго времени: Башкирцы опасны не настоящею своею силою, но будущимъ размноженіемъ отъ многоженства и приплыва бѣглыхъ; если бы противодѣйствовать этому размноженію безъ случая мятежа, то всѣ бы взбунтовались; а теперь легко начать съ открывшихся воровъ: когда они будутъ прибраны къ рукамъ, тогда остатки легче укротить и такъ въ мутной водѣ обуздать, какъ въ-старину по Волгѣ Черемисъ и Мордву. Если же упустить нынѣшнее удобное время и не взять предосторожности, то впередъ надобно опасаться большаго зла, особенно въ случаѣ войны съ единовѣрными имъ Турками, или если между ними явится умный воръ, какъ былъ Стенька Разинъ. Еслибъ даже и этого не случилось, то русское безславіе во всю полуденную Азію пойдетъ, потому что тамъ разглашаютъ они себя не подданными, но независимыми, защищая подъ своимъ именемъ принятыхъ бѣглецовъ. Когда же Башкирцы будутъ усмирены, то всѣ новоподданные и желающіе принять подданство, такіе же вѣтреные народы, не посмѣютъ впредь своевольничать или, по крайний мѣрѣ, не будутъ въ примѣръ ставить башкирскую вольность. Но для усмиренія Башкирцевъ необходимъ Оренбургъ, который находится позади башкирскаго жилья и которымъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нему мѣстечками, Башкирцы будутъ огорожены какъ стѣною.

Кирилловъ отправился съ этимъ мнѣніемъ въ Петербургъ, гдѣ въ началѣ 1736 года узнали, что Башкирцы Ногайской и Казанской дорогъ опять начали бунтовать и не пропустили къ Оренбургу обоза съ провіантомъ. Кирилловъ воспользовался случаемъ и подалъ императрицѣ мнѣніе: не соизволено-ль будетъ воровъ-Башкирцевъ отъ сибирской и казанской стороны утѣснять, разоряя сплошь, а у тѣхъ, которые къ воровству не приставали, взять въ города аманатовъ, сыновей и братьевъ знатныхъ людей, а не такихъ наемниковъ, которые въ прошлыхъ годахъ были; теперь самое удобное время дѣйствовать противъ Башкирцевъ—мартъ и апрѣль мѣсяцы: сами они голодны и лошади худы. Мнѣніе было принято, и авторъ его былъ опять отправленъ наскоро въ Уфу. Румянцевъ получилъ указъ немедленно идти изъ Казани въ башкирскія жилища, воровъ всякими мѣрами искоренять, жилища ихъ разорять, пущихъ заводчиковъ казнить смертію, прочихъ съ женами и дѣтьми ссылать въ ссылку; годныхъ—въ службу въ остзейскіе полки и во флотъ, негодныхъ—въ работу въ Рогервикъ; малолѣтнихъ и женщинъ раздать въ русскихъ городахъ, кто взять пожелаетъ, съ тѣмъ, чтобъ назадъ на свободу отнюдь не отпускали; пожитки и хлѣбъ отбирать на войско и въ магазины, лошадей отсылать въ драгунскіе полки. Въ половинѣ марта Румянцевъ донесъ, что хотя около Уфы, также на Сибирской и Осинской дорогахъ и есть башкирскія замѣшанія, однако на обѣихъ этихъ дорогахъ уже болѣе двухъ тысячъ воровъ искоренено и нѣсколько десятковъ деревень разорено. 3 апрѣля Румянцевъ двинулся къ рѣкѣ Демѣ въ самыя воровскія жилища; тогда заводчики

бунта, отпустя семейства свои въ демскія вершины, сами явились къ нему въ числѣ 19 человѣкъ, въ надеждѣ, что опять получать прощеніе; но Румянцевъ взялъ ихъ всѣхъ подъ караулъ и шелъ далѣе воровскими жилищами до самой крайней деревни вверхъ по рѣкѣ Демѣ; воровскія собранія не оказывали нигдѣ ни малѣйшаго сопротивленія и бѣжали передъ русскимъ войскомъ; около тысячи воровъ обоего пола было побито, около ста деревень выжжено. Кирилловъ писалъ, что 24 марта вышелъ онъ на Ногайскую дорогу, и воровъ Башкирцевъ разными партіями какъ скотъ гнали. По рѣкамъ Бѣлой, Уршаку, Кѣгушу, Тору, Селеуку, гдѣ было самое воровское гнѣздо, сожжено около 200 деревень, въ которыхъ около 4,000 дворовъ; разорена и первая во всей ордѣ мечеть Азіева, въ которой во всѣ бунты Башкирцы совѣщались о возстаніи и коранъ цѣловали: казнено 158 человѣкъ, побито обоего пола около 700, живыхъ взято 160, да роздано въ Уфѣ 85, въ *Остзею* въ службу послано 99. Такъ какъ сильное разореніе произведено самимъ Румянцевымъ по рѣкѣ Демѣ, полковниками Мартаковымъ и Тевкелевымъ на Осинской и Сибирской дорогахъ, изъ Сибири тамошними командами подъ управленіемъ Татищева; такъ какъ уже пропало воровъ 4,000, то такой погромъ, по словамъ Кириллова, „привелъ къ тому, что воры не знали куда скрыться, ибо съ самого начала подданства ни за которые бунты никогда такой казни и разоренія не видали. По сему началу несумнѣнная надежда есть, что сіи плуты въ совершенное подданство приведены будутъ". Въ маѣ майоръ Останковъ поразилъ воровъ отъ Сакмарска по Ногайской дорогѣ. Несмотря на то, плуты не были еще приведены въ совершенное подданство. Румянцевъ донесъ изъ лагеря, неподалеку отъ Мензелинска, что 29 іюня воръ Килмякъ-Абызъ, изъ-за рѣки Бѣлой, собравши Башкирцевъ Ногайской и Сибирской дорогъ, тысячъ съ семь или больше, нечаянно напалъ на его лагерь къ самому фрунту, зная, что у него команда не очень людна и то вся бывала въ „раскомандированіи;" ворамъ хотѣлось Румянцева убить или взять въ плѣнъ и освободить всѣхъ своихъ аманатовъ и плѣнныхъ; но этого имъ не удалось: несмотря на сильный натискъ Башкирцевъ, причемъ Русскіе потеряли около 150 драгунъ убитыми и ранеными, воры побѣжали, какъ только завидѣли пѣхоту, оставивъ человѣкъ двѣсти на полѣ сраженія. Но эта проигранная битва не отняла духа у Башкирцевъ Килмяковой толпы: они стали возмущать Башкирцевъ Казанской и Ногайской дорогъ, пожгли и разорили много деревень, которыя къ нимъ не приставали, и въ вѣрности осталось очень немного деревень,—именно только тѣ, которыя находились въ лѣсахъ и засѣкахъ. „Теперь вся эта сторона въ великомъ смятеніи", писалъ Румянцевъ, „и почти всѣ пристали къ ворамъ, даже до самаго Казанскаго уѣзда. За скорою ѣздою воровъ нашимъ гонять за ними никакъ нельзя; гдѣ сойдутся, Башкирцы ни мало не стоятъ, а нашимъ гнать за ними за худобою лошадей и за отягченіемъ провіанта нельзя; въ лѣтнее время регулярнымъ войскомъ справиться съ ворами никакъ невозможно, и нерегулярныхъ при мнѣ Самарскихъ казаковъ только 200 человѣкъ, а Яицкіе и до сихъ поръ не бывали; нельзя ли Калмыковъ сюда отправить хотя малое число? Башкирцы нынѣ всѣ подозрительны явились, ибо отцы у меня содержатся, а дѣти къ ворамъ пристали". Къ Калмыкамъ отправлена была грамота, чтобъ шли на Башкирцевъ; къ Миниху—указъ, чтобъ отправилъ въ Башкирію два драгунскихъ полка, „понеже интересъ нашъ всемѣрно требуетъ, чтобъ чрезъ нынѣшнюю зиму тѣхъ бунтовщиковъ усмирить и сіе замѣшаніе къ вящшему расширенію не допускать". Кирилловъ продолжалъ присылать утѣшительныя донесенія, причемъ явно намекалъ на оплошность Румянцева. Отъ 13 августа онъ писалъ: „Объ искорененіи воровъ Башкирцевъ стараніе прилагаю, и многое число главныхъ плутовъ уже въ разныхъ мѣстахъ пропало, а прочіе бѣгами животъ свой спасаютъ; и хотя въ іюнѣ и іюлѣ воровскимъ обычаемъ наглости отъ нихъ были и еще можетъ быть произойдутъ въ такихъ мѣстахъ, *гдѣ оплошныхъ найдутъ*, однако къ тому пришли, что сей бунтъ подлинно послѣднимъ останется, и уже Сибирская дорога вся и по Ногайской многіе въ совершенное подданство приведены, и остальные, если будутъ продолжать воровство, съ голоду и холоду зимою пропадать станутъ; лошади и скотъ во многихъ мѣстахъ выпали, и теперь еще падежъ не утихъ. Что же до строенія городковъ надлежитъ,—и въ томъ не на одно сіе время, но вѣчный интересъ зависитъ, и слава побѣдоноснаго оружія вашего величества купно съ отвореніемъ полезной коммерціи во всю полуденную Азію распространится, ибо въ самыхъ пустыхъ и доселѣ неизвѣстныхъ или брошенныхъ мѣстахъ нѣсколько новыхъ провинцій подъ державу вашего величества прибудетъ съ такимъ подземнымъ плодомъ, о которомъ многіе еще не вѣрятъ; и ктому страждущее въ басурманскихъ рукахъ христіанство (т.-е. въ Хивѣ, Бухарахъ, Балхѣ, Бодокшанѣ и иныхъ) свободу получитъ, и впредь туда изъ крайнихъ русскихъ селеній никакъ заяицкимъ Татарамъ воровскими набѣгами въ полонъ брать или красть будетъ нельзя. Опричь внутреннихъ въ Башкирахъ городовъ, позади всего ихъ жилья, зачиная отъ Волги до Сибири и отъ Оренбурга до Аральскаго моря, быть имѣетъ 45. Старанія прилагать буду, дабы дѣйствительно оные населить и на Аральскомъ морѣ россійскій флагъ объявить, а работниковъ съ государства къ работѣ оныхъ городковъ требовать не буду. Кайсацкія три орды состоятъ въ подданствѣ и присылали ко мнѣ съ тѣмъ, что они вѣрность свою и службу желаютъ показать надъ ворами Башкирцами. Понеже въ томъ вашего величества высокій интересъ зависитъ, дабы сіи народы всегда въ несогласіи были, позво-

лилъ въ отмщеніе своихъ прежнихъ обидъ поискъ учинить надъ дальними Сибирской и Ногайской дорогъ Башкирцами. А ко всегдашнему смотрѣнію на поступки тѣхъ ордъ намѣренъ опредѣлить въ каждую орду человѣка по два и быть при ханахъ и лучшихъ старшинахъ, коихъ людей изъ ссылочныхъ выберу, потому что хотя изъ нихъ въ какомъ-либо случаѣ пропадетъ—тужить не о комъ; а можетъ быть, заслуживая вины свои, прилежнѣе станутъ наблюдать". Въ сентябрѣ Кирилловъ писалъ, что нѣсколько новыхъ городковъ населилъ охочими казаками, Татарами и Калмыками: „И тако, безъ всякой помѣхи и безъ государственныхъ работниковъ зачало живой линіи воспослѣдовало; ни одного мѣста нѣтъ съ недостаткомъ къ житью человѣческому; земля черная, лѣса, луга, рыбныя, звѣриныя ловли довольныя". Относительно Башкирцевъ писалъ: „У сихъ воровъ не такъ, какъ у другихъ ордъ,—никакого главнаго владѣльца нѣтъ; но, подобно волжскимъ разбойникамъ, гдѣ увидятъ оплошно, тутъ добычи ищутъ; ежели-бъ они столько сильны были, какъ объ нихъ за незнаніемъ разсуждаютъ, то какъ бы я со 100 драгунъ и нѣсколькими стами казаковъ безъ нападенія на меня сквозь самой средины жилья пройти могъ." Въ то же время Кирилловъ писалъ Бирону, подписываясь „вѣчнымъ рабомъ" и прося не оставить его, бѣднаго, въ здѣшнемъ странствованіи; писалъ о своей дѣятельности, что нигдѣ десяти дней на одномъ мѣстѣ не живетъ; жаловался, что отовсюду затрудняютъ его пустыми указами: „Навѣщаютъ отовсюду указами, и такими, что жаль листа бумаги на отвѣты терять, только у меня время удерживаютъ; хотя-бъ дали мало основаться и къ порядку привести,—тогда могъ бы на пустыя требованія пустые и отвѣты на гуляньи писать".

Румянцевъ былъ перемѣщенъ въ Украйну, и, отправленный на его мѣсто, бригадиръ Хрущовъ въ концѣ октября 1736 года доносилъ, что отовсюду Башкирцы являются съ повинною и присягаютъ; заводчиковъ бунта задерживали подъ карауломъ въ видѣ аманатовъ. По донесенію Кириллова, Башкирцы принуждаемы были къ покорности голодомъ, холодомъ и нападеніями Киргизовъ. Но изъ Петербурга полученъ былъ указъ, что „хотя, при нынѣшней Турецкой войнѣ, въ войскѣ не безъ нужды, однако не меньше нужно и то, чтобъ здѣшній домашній внутренній огонь былъ потушенъ какъ можно скорѣй, и потушенъ такимъ образомъ, чтобъ впередъ не опасаться новыхъ смутъ", и потому они должны сдѣлать общее представленіе о средствахъ для этого. На основаніи этого указа, Хрущовъ и Кирилловъ доносили, что войска распредѣлены ими на пять командъ, такъ, чтобы въ будѣщемъ апрѣлѣ можно было окружить ими Башкирцевъ со всѣхъ сторонъ, главныхъ заводчиковъ и товарищей ихъ, до сихъ поръ непойманныхъ, искоренить, остальныхъ же привесть въ полное подданство. Башкирцевъ двухъ ближнихъ дорогъ, Казанской и Осинской, кажется, опасаться нечего; относительно же сибирской стороны, писалъ Кирилловъ къ Татищеву, который „въ началѣ втораго бунта поступалъ очень осмотрительно, и самъ, вступая къ Башкирцамъ въ малолюдствѣ, почти съ одними крестьянами, привелъ бунтовщиковъ въ повиновеніе и два городка въ удобныхъ мѣстахъ построилъ, почему на него и впредь насчетъ тамошняго отдаленнаго края надежда имѣется" [1]).

Въ началѣ 1737 года Кирилловъ, Хрущовъ и Татищевъ получили изъ Кабинета секретные указы, что Румянцевъ доносилъ (а Румянцеву внушилъ эту мысль Татищевъ): когда Башкирцы будутъ успокоены, то для уменьшенія ихъ числа и приведенія въ слабость надобно взять у нихъ тысячи двѣ или три лучшихъ и вооруженныхъ людей, подъ предлогомъ Турецкой войны. Теперь наступило удобное для этого время, но Кабинетъ полагается совершенно на Татищева, Кириллова и Хрущова: если они думаютъ, что время еще неудобно, то пусть не трогаютъ Башкирцевъ. Но въ то же время Хрущовъ былъ назначенъ въ Украинскую армію; его мѣсто занялъ генералъ-маіоръ Соймоновъ, которому, какъ предвидѣлось, не могло быть много дѣла; составлены были такія извѣстія для напечатанія въ курантахъ: „Изъ Башкиръ получены подтвердительныя вѣдомости, что тамошняя коммисія къ окончанію приходитъ. Которые главные бунтовщики подлый народъ возмутили, тѣ переловлены, а именно—Килмякъ-Абызъ, Акай Кусюмовъ съ сыномъ, Умиръ Тахтаровъ, Сабанъ, Юсупъ и другіе многіе, коимъ вскорѣ слѣдствіе окончится, а прочихъ уже нѣсколько сотъ въ разныхъ мѣстахъ переказнено, также немалое число въ Казань для отводу въ Остзею—однихъ въ службу, а другихъ въ работу въ Рогервикъ послано; женска полу и малыхъ робятъ нѣсколько тысячъ къ вывозу въ русскіе города розданы, и не допущены были къ жатвѣ сѣяннаго и къ сѣву новаго хлѣба; деревни воровскія всѣ разорены, и такъ тѣмъ успокоено, что, оставя прежнія своевольности, приняли вѣчную присягу, и такимъ образомъ, повинуяся, новое учрежденіе сами испросили къ лучшему въ порядкѣ сего почти дикаго народа содержанію; во всякой волости старшинъ (т.-е. русскихъ старостъ), сотниковъ и во всякой деревнѣ десятскихъ опредѣлили; провіантъ и фуражъ на войско безденежно даютъ; съ нихъ же нѣсколько тысячъ лошадей собрано, чего никогда не бывало. И, по тѣмъ спокойнымъ и прибыточнымъ государству обстоятельствамъ, нынѣ обрѣтаются въ Башкирахъ тамошніе гварнизонные и ландмилицкіе полки, которые не праздно стоятъ, но Уфу и другіе новые города и городки крѣпостною работою оканчивать имѣютъ. Также чрезъ сей случай бытья въ Башкирахъ множество осмотрѣно разныхъ рудъ и минераловъ, для которыхъ первый заводъ мѣдный и желѣзный при новомъ городѣ Табынскѣ, другой на Икѣ рѣкѣ строятся. *Изъ Оренбурга*: Здѣсь все

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 87—1164.

*

благополучно, и прошлаго лѣта зачали изъ Кайсацкихъ ордъ и изъ Ташкента пріѣзжать для торгу".

Въ это благополучное время, 14 апрѣля, умеръ строитель Оренбурга, Кирилловъ, и доканчивать его дѣло поручено было Татищеву. Въ рескриптѣ ему отъ 10 мая говорилось: „Мы на ваше вѣрное радѣніе и доброе искусство всемилостивѣйше полагаемся, и что вы въ оной коммисіи тщательнѣйшіе свои труды прилагать не оставите, за что вы и о нашей къ вамъ высочайшей милости и дѣйствительномъ награжденіи всегда обнадежены быть можете, яко же и нынѣ въ знакъ того васъ въ наши тайные совѣтники жалуемъ". Татищеву, между прочимъ, поручалось, чтобъ установленная съ Хивинцами торговля всячески усиливалась и чтобъ Киргизъ-Кайсаки были приласканы и отъ всякихъ противныхъ предпріятій удержаны. 25 іюня Татищевъ написалъ кабинетъ-министрамъ—Остерману и Черкасскому: „Съ крайнимъ моимъ прилежаніемъ трудяся, заводы совсѣмъ опредѣлить не возмогъ, чему и болѣзнь мнѣ не мало повредила; видя же, что и такъ надмѣрно умедлилъ, опасаясь за умедленіе ея и. в—ства гнѣва, несмотря на мою болѣзнь, на носилкахъ поѣхалъ до пристани, а доконченіе заводское поручилъ совѣтнику г. Хрущову, чтобъ, сочиняя ко мнѣ присылалъ, и надѣюсь въ мѣсяцъ все оное окончится, ибо главные заводы окончили, по которому прочихъ сочинить уже нетрудно. При семъ же всепокорно нижайше прошу вашего сіятельства, чтобъ благоволили о заводахъ опредѣлить указомъ: вѣдать-ли мнѣ оные или оставить и болѣе не вступаться". Башкирцы все еще поднимались въ разныхъ мѣстахъ, и, пріѣхавши въ Мензелинскъ, Татищевъ держалъ совѣтъ съ Соймоновымъ, съ Уфимскимъ воеводою Шемякинымъ и полковниками о мѣрахъ къ окончательному потушенію мятежа. При этихъ обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ Татищевъ первенствовалъ не по чину только, но по уму и опытности. Въ іюлѣ Татищевъ уже писалъ Остерману и Черкасскому о непорядкахъ: „Что я къ прежнимъ командирамъ писалъ и что здѣсь дѣлалось, то генералъ-маіоръ (Соймоновъ) не зналъ, а другіе запамятовали. Слышу отъ многихъ, что великія пакости происходятъ, о чемъ и прежде къ статскому совѣтнику Шемякину по жалобамъ башкирскимъ на его канцелярію писалъ, и здѣсь на нѣкоторыхъ жаловались, а генералъ маіоръ, какъ человѣкъ тихой, не довольно строго въ такихъ дѣлахъ поступаетъ, а паче—что до него было, и не знаетъ. Тако-жъ полковникъ Бордукевичъ требовалъ денегъ на покупку подъ драгунъ команды его лошадей, и какъ я наединѣ о томъ съ офицеры разговаривалъ, то сказали, что онъ башкирскихъ лошадей, отбирая себѣ, продавалъ, и нынѣ де у него близъ 100, а нѣсколько сослано къ пріятелямъ въ деревни. При толкованіи пунктовъ Шемякинъ о воеводахъ не хотѣлъ подписаться и спорилъ долго тѣмъ, что воеводы и подъячіе жалованья не имѣютъ и имъ брать не запрещено; но я дерзнулъ сказать, что я имѣю особливый указъ, и если увѣдаю чьи непорядки, то безъ его подписки буду поступать по указу. И генералъ-маіоръ ему говорилъ, чтобъ онъ, не входя въ подозрѣніе, конечно подписался. Хотя сіе все дѣлалъ я по ревности моей къ пользѣ ея и. в—ства, однако-жъ опасаясь, чтобъ такою смѣлостью паче данной мнѣ власти не прогнѣвать ея и. в—ство, всепокорно нижайше прошу, если противно явится, высокою вашею ко мнѣ милостію меня охранить и на лучшее наставить".

Кромѣ совѣщаній въ большомъ числѣ членовъ, Татищевъ призналъ нужнымъ совѣтоваться о болѣе важныхъ мѣрахъ только съ Соймоновымъ, Шемякинымъ и полковникомъ Тевкелевымъ. Эти мѣры онъ изложилъ въ секретномъ письмѣ къ Соймонову: 1) „О нарядѣ Башкирцевъ на службу. Мое мнѣніе: сей нарядъ весьма бы нуженъ и полезенъ былъ, если бы съ весны объявленъ былъ, ибо тогда они не могли отговорки имѣть, да и главнѣйшіе воры тому не противное показывали; нынѣ же видится неудобно для того, что они возмнятъ, яко-бы войска россійскія противъ Турокъ безсильны были, и тѣмъ могутъ наче въ воровствѣ укрѣпиться, или, видя поздный нарядъ, возмнятъ противное. 2) О положеніи ихъ въ подушный окладъ: сіе нынѣ говорить весьма оставить, но быть довольными сборомъ ясака и за женитьбы—лошадей, которое близь того придетъ; и впредь о подушномъ окладѣ скоро думать не надобно, но когда Исетская провинція и крѣпости отъ Сибири къ Оренбургу устроятся и имъ съ Кайсаками коммуникація перерѣжется, тогда положить на нихъ ясакъ такой, чтобъ съ поголовнымъ мало разнствовалъ. 3) Воръ Майдаръ жалуется на старшинъ, яко-бы вѣрные грабительствомъ своимъ новому смятенію причину дали, которое можетъ быть правда, и потому разумѣю, что они, воры, бывши въ великомъ собраніи, большаго вреда русскимъ деревнямъ не чиня, безъ всякаго отъ войскъ принужденія, разоря токмо Мещеряковъ и старшинъ, на которыхъ они наиболѣе жаловались, въ домы возвратились. Что до непорядковъ, происходящихъ отъ офицеровъ, принадлежитъ, при толкованіи онаго пункта, нѣкоторые, чтобъ командирамъ до башкирскихъ пожитковъ не касаться, за тяжко поставили, и правда, если-бы сіе съ регулярнымъ непріятелемъ было; въ бунтовщикахъ же весьма иное состояніе, ибо многіе невинны находятся. Капитанъ Житковъ такимъ лакомствомъ великій вредъ сдѣлалъ тѣмъ, что изъ лакомства вѣрныхъ разорилъ и побилъ, котораго ея и. в—ство по суду велѣла казнить смертью. Здѣсь-же маіоръ Бронской такимъ же случаемъ великой вредъ сдѣлалъ, что, принесшихъ повинную и безоборонныхъ оступя, нѣколико сотъ побилъ и пожитки себѣ побралъ, который не токмо по указамъ и уставамъ не наказанъ, но и не сужденъ; а изъ того многіе, увидя, не токмо съ повинною не пошли, но и новой бунтъ воздвигнули, коль-же паче извѣстно, что многіе командиры для такого лакомства, забывъ свою должность, мечутся за по-

житками; другіе, по окончаніи дѣла, у драгунъ, казаковъ и вольницы, взятые отъ воровъ пожитки обирали, и тѣмъ у оныхъ охоту отняли; нѣкоторые же полковники, какъ слышу, видя въ полкахъ своихъ въ коняхъ недостатокъ, избравъ башкирскихъ лошадей, продавали и въ деревни сослали". Наконецъ новый командиръ нашелъ, что старый сдѣлалъ важную ошибку, построилъ Оренбургъ на неудобномъ мѣстѣ: назначенное для большого города мѣсто ежегодно понимается водою болѣе аршина; по Заяику надобно идти степью открытою 110 верстъ, и иногда безъ конвоя осмѣлиться нельзя, а по сю сторону Яика прошли великія горы, и объѣздъ не только дальній, но и чрезвычайно трудный. „Надобно городъ перенести", писалъ Татищевъ, „пока еще многаго не построено; кому это въ вину причесть,—не знаю, ибо инженерные офицеры сказываютъ, что о неудобствахъ Кириллову представляли, да слушать не хотѣлъ, и офицера искуснаго въ городостроеніи нѣтъ". Татищевъ обвинялъ также Кириллова, что при немъ канцелярскаго порядка, какъ уставъ повелѣваетъ, учинено не было, протокола и журнала порядочно не содержано, списковъ служителямъ съ ихъ окладами не учинено, а хотя подьячихъ было не мало, но все набраны молодые и малоискусные, а ктому и повытей было не расписано,—записокъ одного дѣла искать нужно по разнымъ мѣстамъ. Счеты весьма неправильны, потому что приходъ и расходъ былъ въ разныхъ рукахъ и весьма безпорядоченъ, чрезъ что учинились проронки; окладныхъ книгъ учинено не было, давано жалованье все по выпискамъ, и оттого учинены передачи. Въ подрядѣ провіанта и провоза великія передачи,—изъ корысти или изъ продерзости—неизвѣстно". Но, будучи недоволенъ управленіемъ своего предшественника, Татищевъ былъ недоволенъ и настоящими отношеніями своими къ Соймонову: „Что до усмиренія Башкирцевъ принадлежитъ", писалъ онъ въ декабрѣ 1737 года, „то я сердечно онаго желаю и крайне прилежу; но какъ я власти и команды болѣе не имѣю, что надъ опредѣленными въ порученную мнѣ коммисію, а прочее все въ командѣ генералъ-маіора Соймонова, и мнѣ ему повелѣвать нельзя, да я, гдѣ у него сколько людей и что ихъ къ тому намѣреніе, — не вѣдаю, хотя я неоднократно репортомъ не яко командиръ, но токмо мнѣ для извѣстія требовалъ, но не получилъ, а безъ того мнѣ порядочно разсудить не можно. Онъ (Соймоновъ) человѣкъ добрый и служилъ довольно, но притомъ въ разсужденіи весьма медленъ и къ произвожденію холодноватъ, и для того, можетъ, не все такъ дѣлается, какъ надобно, а мнѣ болѣе дѣлать нечего" [1]).

Заведенный службою въ степь, Татищевъ долженъ былъ встрѣтиться съ знаменитымъ въ Русской исторіи явленіемъ,—съ казачествомъ, на которое, по своей любви къ строгому порядку и опредѣленности отношеній, взглянулъ сурово [3]). Въ концѣ 1737 года, находясь въ Самарѣ, онъ подалъ докладъ „О безпорядкахъ Яицкаго войска". „Старшихъ у нихъ чрезвычайно много, и выбираются большею частію люди безграмотные. Помоему, лучше имъ опредѣлить одного войсковаго атамана, двухъ есауловъ, одного писаря, а у тысячи казаковъ одного полковника или старшину; такъ какъ казаковъ съ захребетниками считаютъ отъ семи до десяти тысячъ человѣкъ, то старшинъ не можетъ быть болѣе семи. Въ кругъ ихъ приходитъ множество, гдѣ и при слушаніи указовъ безчинство, брани и крики бываютъ, и часто случается, что атаманъ унять не въ состояніи: не лучше ли исполнять указы въ избѣ, а не въ кругу, атаману съ есаулами и старшинами; если же случится войсковое важное дѣло, то призывать сотниковъ, а если будетъ дѣло о нарядѣ войска или какое скорое объявленіе, тогда созывать въ кругъ и десятниковъ, а всѣхъ не созывать, чрезъ что у нихъ чины будутъ въ большомъ почтеніи, а подлость въ страхѣ. Жалованье имъ небольшое, но и то, по причинѣ великихъ проѣздовъ, съ великою убавкою приходитъ, вмѣсто 3,000 въ годъ достается по семи или осьми сотъ рублей. Наряды въ службу у нихъ безпорядочные: всегда нанимаютъ казаковъ договоромъ, причемъ атаманъ и старшины нанимаютъ для своей корысти самыхъ бездѣльныхъ захребетниковъ, худоконныхъ и безоружныхъ; лучше раздѣлить ихъ на полки и наряду быть изъ сотенъ поочереди. Всего хуже то, что они никакого для суда закона и для правленія устава не имѣютъ, поступаютъ по своевольству, не разсуждая что имъ полезно или вредно: по обычаю, за бездѣльныя дѣла казнятъ смертію, а важными пренебрегаютъ. Не соизволено ль будетъ главному командиру или губернатору, собравъ лучшихъ старшинъ, сочинить общій уставъ для Донскихъ, Яицкихъ, Гребенскихъ и Волжскихъ казаковъ; а такъ какъ для ихъ многихъ застарѣлыхъ вольностей всѣ непорядки вдругъ уничтожить и добрый нарядъ ввести не очень удобно, то новый уставъ сначала объявить отъ губернатора или генерала, чтобъ по волѣ ея величества всегда перемѣнить или пополнить было можно". Оканчиваетъ Татищевъ свой докладъ обычнымъ припѣвомъ: „Я усмотрѣлъ, что атаманъ и старшины грамотѣ не умѣютъ, законовъ знать не могутъ, и потому войсковой и другіе писаря что хотятъ, то пишутъ, отчего великіе безпорядки происходятъ; поэтому не соизволено-ль будетъ повелѣть имъ учредить школы съ объявленіемъ, что впредь безграмотныхъ ни въ какія достоинства не производить".

1738 годъ для Татищева начался очень непріятно,—воровскіе Башкирцы разоряли деревни вѣрныхъ Башкирцевъ; а денегъ на жалованье войску и покупку провіанта Татищевъ не получалъ: „Я пришелъ въ крайнюю печаль, и вижу, что мнѣ изъ сего не иначе, какъ конечная гибель воспослѣдуетъ, понеже безъ денегъ, провіанта, нужной аммуниціи, припасовъ и безъ довольства людей

[3]) Дѣла Сената по Кабинету. № 90—1167.

выступить невозможно". Съ другой стороны, занимало его тяжелое слѣдственное дѣло о непорядкахъ Уфимскаго воеводы Шемякина, который, пришедши однажды въ домъ къ Татищеву съ великимъ невѣжествомъ, хотѣлъ съ нимъ браниться, чтобъ имѣть причину отвести его отъ слѣдствія; но Татищевъ сдержался и спокойно велѣлъ ему уйти; тогда Шемякинъ объявилъ, что знаетъ за Татищевымъ важныя и интересныя дѣла, и требовалъ, чтобъ для ихъ объявленія его отправили въ Сенатъ, или къ Казанскому губернатору. „Я знаю за нимъ такія важныя дѣла, что или мнѣ, или ему голову отрубятъ". Изъ Петербурга прислали указъ навѣдаться обстоятельно о турецкихъ посланцахъ къ Киргизъ-Кайсакамъ и бдительно смотрѣть за казанскими Татарами, всюду разъѣзжавшими по торговымъ дѣламъ. Татищевъ отвѣчалъ, что посланцы всего удобнѣе могли проѣхать чрезъ Астрахань и Яикъ, а письмо легко переслать чрезъ казанскихъ и уфимскихъ Татаръ; Татищевъ давалъ знать, что на Яикѣ между казаками много некрещеныхъ Татаръ, которые на Донъ ѣздятъ съ торгами, и усмотрѣть за ними атаману нельзя, потому что правленіе ихъ безпорядочное и своевольное. Синодъ далъ знать въ Кабинетъ о жалобѣ протопопа при оренбургской коммисіи и ректора Антипы Мартиніанова, котораго Татищевъ, въ Самарѣ, безъ объявленія вины, презрѣвъ власть св. Синода, посадилъ съ утра на цѣпь, водилъ по улицѣ, какъ бы напоказъ бывшимъ тогда въ Оренбургѣ киргизъ-кайсацкимъ посланцамъ, и, приведши въ канцелярію, держалъ на цѣпи до вечеренъ. Синодъ представлялъ, что Татищеву этого чинить весьма не надлежало, и требовалъ сатисфакціи. Татищевъ по этому случаю писалъ императрицѣ: „На оное я никакого предъ вашимъ и. в—ствомъ извиненія принести не могу; но, признавъ меня виновна, предаюсь во всевластное вашего и. в—ства наказаніе, ибо я оное самъ признаю, что учинилъ противно, но при семъ и обстоятельства того не ко оправданію моему, но токмо ко извѣстію всеподданнѣйше доношу. Какъ я весьма боленъ былъ, пришедъ ко мнѣ хозяинъ онаго протопопа, билъ челомъ, что протопопъ противо запрещенія велѣлъ баню въ домѣ его затопить, и, зажегши оную, разломалъ, по которому я къ нему послалъ адъютанта и велѣлъ говорить, что онъ учинилъ непристойно, и чтобъ ту баню починилъ. Назавтра пришедъ, оный хозяинъ жаловался паки, что протопопъ жену его обидѣлъ непристойными словами и поступками, по которому я его, протопопа, призвавъ, пристойными словами представлялъ, чтобъ онъ велъ себя какъ его чести пристойно, вѣдая, что я такимъ продерзостямъ терпѣть не буду, при которомъ онъ жаловался на хозяина, яко бы его бранитъ непристойно, и потомъ оный протопопъ, пришедъ въ домъ свой, хозяйку оную билъ запоркою, которая ко мнѣ съ матерью прибѣжала разбитая, и сіе привело меня въ сердце, что я, видя, еже судить его некому, велѣлъ его призвать къ себѣ и, покричавъ, велѣлъ посадить въ канцеляріи на цѣпь, доколѣ проспится, ибо было послѣ обѣда, и былъ держанъ часа два или три; но потомъ, его свободя, хозяина отослалъ къ воеводѣ и велѣлъ за брань того протопопа достойно наказать; но чтобъ впредь ту причину пресѣчь, велѣлъ его, протопопа, перевесть на иной дворъ, по которомъ онъ, протопопъ, пришедъ ко мнѣ, просилъ прощенія и чтобъ я въ Синодъ не доносилъ, и я, для избѣжанія впредь ему поношенія о жалобѣ хозяйкиной, не токмо въ Синодъ не доносилъ, но и въ канцеляріи записать не велѣлъ. Потомъ его неоднократно просилъ, чтобъ онъ ходилъ ко мнѣ чаще обѣдать, и всегда, когда придетъ, давалъ ему стулъ, съ котораго онъ повидимому содержалъ себя изрядно, и я его употребилъ себѣ въ духовники; но потомъ просилъ онъ меня, чтобъ я здѣшнимъ попамъ приходскимъ запретилъ къ офицерамъ и другимъ порученной мнѣ команды людямъ съ потребою ходить, въ которомъ я ему, яко непристойномъ, отказалъ, и сіе привело его на меня жаловаться. Онъ же объявилъ нѣсколько поповъ пришлыхъ съ собою, желающихъ служить при коммисіи, и требовалъ на нихъ за треть жалованья; но такъ какъ изъ оныхъ нѣкоторые ни ставленныхъ, ни свидѣтельства о себѣ не имѣли и приняты безъ моего извѣстія, то я, ни словомъ его не оскорбя, велѣлъ тѣхъ поповъ допросить и въ жалованьи отказать. Апрѣля 5 числа пришелъ онъ, протопопъ, пьянъ въ избу хозяина своего, ударилъ капрала въ щеку, по которому казаки, не утерпя, довольно его, протопопа, побили. Понеже оный протопопъ хотя и не часто пьянъ бываетъ, но когда напьется, то рѣдко безъ драки проходитъ, о чемъ здѣсь всѣмъ извѣстно, но за страхъ довольно того берегся; нынѣ же если дать волю, то опасно большаго между чужестранцы стыда; по артикулу же положено для смиренія отсылать ихъ къ духовному суду; но здѣсь никоего духовнаго суда въ близости нѣтъ, на что всеподданнѣйше прошу повелѣнія, какъ повелите въ такихъ случаяхъ съ ними впредь поступать".

Наконецъ обнаружилась опасность и со стороны Киргизовъ. Воры-Башкирцы, видя, что не могутъ бороться съ Русскими собственными силами, обратились къ Киргизскому хану Абулъ-Хаиру, признавая его своимъ главою. Абулъ-Хаиръ прельстился этою честію, женился на Башкиркѣ и началъ обнаруживать враждебныя намѣренія относительно Россіи. Въ концѣ апрѣля онъ привелъ съ собою къ Оренбургу немалое число воровъ-Башкирцевъ, по челобитью которыхъ забралъ много вѣрныхъ Башкирцевъ, правилъ на нихъ скотъ и на себя заставлялъ платить штрафъ. Начальствовавшій въ Оренбургѣ, маіоръ Останковъ послалъ ему сказать, чтобъ онъ не судилъ по челобитью воровъ; но ханъ, вынувъ саблю, отвѣчалъ: „Городъ мой и для меня построенъ: а кто не послушаетъ, тому голову отрублю". 9 мая Татищевъ писалъ императрицѣ: „О успокоеніи Башкирцевъ паче всякаго чаянія весь мой должный трудъ уничтожился, и они начали новы

нападенія чинить. Такъ какъ многіе ихъ старшины пишутъ, что все покорится, если штрафныхъ лошадей сложить, то я писалъ къ генералу Соймонову обнадежить, что штрафъ снимется, если они пришлютъ знатныхъ людей и будутъ о томъ просить; а между тѣмъ нѣтъ способа силою ихъ къ покорности принудить. По посланному отъ меня ордеру, маіоръ Останковъ бывшихъ при Абулъ-Хаиръ-ханѣ изъ главныхъ воровскихъ старшинъ Кусяпа да Ахмата-муллу, да посланныхъ отъ Абулъ-Хаиръ-хана въ Кайсаки четырехъ Башкирцевъ схватилъ и содержитъ подъ крѣпкимъ карауломъ, и хотя они показали, что Абулъ-Хаиръ не только ихъ не успокоилъ, но возмущалъ, штрафа платить не велѣлъ и сына своего въ Башкиріи ханомъ хотѣлъ сдѣлать,—однако я, опасаясь, чтобъ онъ, ханъ, осердясь или испугавшись, не отъѣхалъ и больше пакости не сдѣлалъ, писалъ къ нему наскоро, что будто бы маіоръ тѣхъ старшинъ схватилъ безъ указа, и обѣщалъ наказать виноватаго, а къ маіору писалъ, чтобъ ихъ крѣпко содержалъ и хана болѣе прежняго довольствовалъ. Хотя Абулъ-Хаиръ-ханъ свою присягу нарушилъ, однако я, взирая на глупую ихъ дикость и опасаясь, чтобъ другихъ ихъ салтановъ и хановъ жестокостію не острашать, намѣренъ съ нимъ ласково обойтиться, и о погрѣшностяхъ его разговоромъ выговорить. Хотя я, невзирая на великіе во всемъ недостатки и будучи боленъ, крайне прилежу, чтобъ скорѣе въ походъ выступить и симъ воровъ къ покорности принудить, но большое препятствіе въ томъ, что офицеровъ и рядовыхъ очень много больныхъ, чему причиною воздухъ и здѣшнія сѣрныя воды".

На всѣ эти донесенія Татищевъ получилъ грозный указъ: „Мы съ великимъ удивленіемъ и неудовольствіемъ усмотрѣли, коимъ образомъ отъ бунтующихъ Башкирцевъ новыя замѣшанія начались, а наипаче, что и ханъ Абулъ-Хаиръ съ ними соединился, имѣютъ злое намѣреніе атаковать Оренбургъ, чего мы никогда не надѣялись, ибо вы въ прежнихъ своихъ доношеніяхъ именно обнадеживали весь Башкирскій народъ добрымъ способомъ въ усмиреніе и должное покореніе привести, и что уже многіе съ повинными приходятъ и штрафныхъ лошадей приводятъ. Башкирцевъ въ такое своевольство привело, и Абулъ-Хаиръ-ханъ къ ихъ сторонѣ сталъ быть преклоненъ оттого, что какъ вы, такъ и генералъ-маіоръ Соймоновъ въ удобное время, когда еще у Башкирцевъ лошади были не накормлены, ни малаго поиску надъ ними не учинили, и такимъ своимъ мѣшканіемъ дали имъ поводъ новыя безпокойства заводить. Что же доносите, яко-бы вашъ походъ остановился за неприсылкою денегъ, то когда провіантъ и ружья есть, то хотя-бъ въ прочемъ и недостатокъ былъ, за тѣмъ останавливаться и времени терять не надлежало; а вамъ извѣстно, какой важности сіе дѣло есть. Симъ нашимъ указомъ вамъ наикрѣпчайше подтверждаемъ, что всемѣрно надлежитъ вамъ со всею своею командою къ Оренбургу поспѣшать безъ всякаго отлагательства; а ежели надъ онымъ городомъ учинится гибель или людямъ уронъ, то особливо вы въ томъ предъ нами дадите отвѣтъ, ибо мы оную крѣпость отнюдь потерять не хотимъ".

Татищевъ поспѣшилъ походомъ, засталъ въ Оренбургѣ все благополучно, свидѣлся съ Абулъ-Хаиромъ, заставилъ его подтвердить свое подданство Россіи, хотя ханъ долго не соглашался подписываться рабомъ. Абулъ-Хаиръ говорилъ: „Человѣкъ живетъ въ свѣтѣ и дѣтьми память о себѣ оставляетъ; но сія память и скоту равна есть, а честь пріобрѣтенная человѣку во-вѣки не умираетъ, и я тѣмъ нынѣ наиболѣе долженъ радоваться, что мое имя въ такъ великомъ и славномъ государствѣ извѣстно". Татищевъ сказалъ на это: „Не только у насъ, но и во всей Европѣ будетъ извѣстно, потому что у насъ такія дѣла напечатаютъ и всюду разошлютъ". Киргизы подрались за подарки, данные имъ Татищевымъ; Абулъ-Хаиръ сказалъ при этомъ: „Пожалуй, не осуди, что этотъ дикій народъ такъ безчиненъ, а мнѣ очень пріятно, что они теперь тѣмъ хвастаютъ, чему прежде смѣялись и ругались". Татищевъ писалъ кабинетъ-министрамъ: „Сей народъ столько глупъ, что безъ стыда просятъ и за столомъ, наставленныя конфекты собирая, въ платки вяжутъ, а тарелки, ложки, ножи серебряные передъ ними класть нельзя, и хотя нѣкоторые изъ знатныхъ тутъ ихъ бранятъ, но мало помогаетъ; да и ханъ, которому я быковъ, барановъ, крупъ и прочаго посылалъ, не постыдился все это прислать продавать и у меня опять просить, и я принужденъ вареное и жареное мясо ежедневно посылать. Ханъ, повидимому, великое усердіе и покорность имѣетъ, ибо его въ томъ польза; но очень непостояненъ, его же мало и слушаютъ, а болѣе всѣхъ силы имѣютъ: Средней орды Жанибекъ-батырь, да Чурекъ, а въ Меньшой—Букей-бай-батырь, которыхъ я, какъ казеннымъ, такъ и моимъ, довольно одаря, отпустилъ. По прибытіи моемъ, здѣшнюю крѣпость нашелъ я въ ужасномъ состояніи: оплетена была хворостомъ и ровъ полтора аршина ширины; а саженъ на 50 и рва не было, такъ что зимою волки въ городѣ лошадей поѣдали. Нынѣ, сколько время допустило, поправилъ, ровъ выкопалъ 5 аршинъ ширины, 3 глубины, и едва не весь снаружи дерномъ заклалъ; только съ сожалѣніемъ вижу, какъ у насъ инженерные офицеры въ практикѣ искусства и разсужденія не имѣютъ. Взаключеніе принужденъ донести, что денегъ при коммисіи ничего нѣтъ, и солдаты безъ жалованья цѣлый годъ претерпѣваютъ крайнюю нужду, также провіантскимъ подрядчикамъ заплатить нечѣмъ".

Въ концѣ августа Татищевъ отправилъ съ купеческимъ караваномъ поручика Миллера въ Ташкентъ, давши ему наказъ вытребовать безпошлинную для русскихъ купцовъ торговлю и поста-

раться съѣздить въ бухарскіе города. За купцами строго смотрѣть, чтобъ жили смирно, съ тамошними купцами правильно и порядочно поступали и никакихъ обмановъ не употребляли. По дорогѣ—рѣки, озера, горы примѣчать и записывать съ разстояніемъ, особливо когда будетъ на Сыръ-Дарьѣ. Въ Ташкентѣ развѣдывать о состояніи, силѣ и власти хана, о силѣ, власти и порядкахъ магистрата; смотрѣть: какіе товары русскіе и въ какомъ количествѣ тамъ могутъ быть проданы; какіе товары, намъ нужные, у нихъ есть или сдѣланы быть могутъ; сколько въ годъ золота получить можно и дорогихъ камней. Русскимъ купцамъ имѣть крѣпкое согласіе и поодиночкѣ не торговаться, но съ согласія всѣхъ. Старательно навѣдываться о русскихъ плѣнныхъ и требовать отъ хана ихъ освобожденія; когда не согласится, то выкупать, если не очень дорого будутъ просить. Если узнается о золотой или серебряной рудѣ, то достать нѣсколько фунтовъ, и мѣсто, гдѣ находится, записать. Между прочими товарами, стараться купить бумаги хлопчатой тонкой, пряденой пудъ 10, особливо, если можно, крашеной разныхъ цвѣтовъ, только бы крашенье было не линючее, и навѣдаться, гдѣ у нихъ лучше всего прядутъ и красятъ. Говорить тамошнимъ купцамъ, чтобъ привозили шерсти верблюжей хотя по 500 пудовъ, особливо бѣлой, также бумажныя полотна и хорошія выбойки и шелковыя матеріи широкія и хорошихъ цвѣтовъ; показывать имъ нѣмецкія выбойки, и какъ лучше товары дѣлать—разговорами наставлять.

Что касается Башкирцевъ, то они разбойничали только тогда, когда съ русской стороны движеніе останавливалось или замедлялось, и тотчасъ же являлись съ повинною, какъ скоро видѣли наступленіе русскихъ полковъ. Такъ и теперь: походъ Соймонова въ горы заставилъ ихъ смириться и выдать главнаго возмутителя Вепеню. Въ концѣ 1738 года, поздравляя кабинетъ-министровъ съ усмиреніемъ Башкирцевъ, Татищевъ просился пріѣхать въ Петербургъ, что ему и было дозволено. Пріѣхавши въ Петербургъ, Татищевъ 20 февраля подалъ императрицѣ доношеніе, въ которомъ настаивалъ, что мѣсто, выбранное Кирилловымъ для Оренбурга, неудобно: мѣсто низкое, отдѣленное отъ всѣхъ русскихъ городовъ высокими горами, безплодное, безлѣсное; что удобнѣйшее мѣсто найдено имъ, Татищевымъ, въ 140 верстахъ, при урочищѣ Красная Гора. Кабинетъ-министры, обсудивъ донесеніе Татищева вмѣстѣ съ нимъ, рѣшили: городъ Оренбургъ строить при Красной Горѣ, а прежній Оренбургъ называть Орскою крѣпостью; въ помощь Татищеву опредѣлить двоихъ совѣтниковъ да ассесора; строеніе на Аральскомъ морѣ города отложить до времени. Но внѣ Кабинета распорядились иначе: вмѣсто Татищева, назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ князь Василій Урусовъ, которому поручили всѣ Башкирскія дѣла, потому что Соймоновъ переводился вице-губернаторомъ въ Казань.

Князь Урусовъ, въ мартѣ 1740 года, донесъ изъ Самары, что между Башкирцами, именно по Сибирской дорогѣ, явился новый возмутитель, по однимъ извѣстіямъ Турокъ, по другимъ—Кубанецъ, именемъ Салтанъ-Гирей, прозвищемъ Карасакалъ, или Черная борода. Онъ разглашаетъ, что имѣетъ силы 82,000 человѣкъ, живетъ на рѣкѣ Кубани, а старое его жилище въ Башкиріи, а потому старается возвратить себѣ прежніе юрты. Услыхавъ о башкирскомъ разореніи, онъ пріѣхалъ съ 8,000 Кубанскаго войска, съ 2,000 Калмыковъ и съ 500 Киргизовъ. Войско это онъ оставилъ въ вершинахъ рѣки Эмбы, а самъ пріѣхалъ для провѣдыванія о башкирскомъ житьѣ-бытьѣ; войско его придетъ скоро и вмѣстѣ съ Башкирцами станетъ разорять русскія жилища. Башкирцы вѣрятъ обманщику, волнуются и провозгласили уже Карасакала ханомъ. Въ апрѣлѣ Урусовъ извѣщалъ, что Карасакалъ посыланными противъ него партіями не только не искорененъ, но усиливается большимъ числомъ воровскихъ Башкирцевъ, которые уже начали нападать на вѣрныхъ. Впрочемъ воры, услышавъ о движеніи русскихъ войскъ, очень жалѣютъ, что рано объявили Карасакала и начали рано бунтовать; говорятъ, что если къ Карасакалу обѣщаннаго имъ войска не будетъ, то они его выдадутъ русскому начальству. Урусовъ писалъ: „Вышеписанныя обстоятельства довольно показываютъ, что то происшедшее замѣшаніе не инако прекращено быть можетъ, какъ только силою оружія и причиненіемъ тѣмъ ворамъ *потомственнаго* страха, ибо много оказываное къ нимъ высочайшее милосердіе въ нечувствительныхъ ихъ воровскихъ сердцахъ, почитай, никакой желаемой спокойности не учинило, да и всегда такія милосердыя наказанія по жестокосердію сего народа къ лучшему споспѣшествовать едва могутъ ли“. Въ маѣ командовавшій русскимъ отрядомъ съ сибирской стороны, полковникъ Арсеньевъ поймалъ главнѣйшаго вора и зачинщика, Башкирца Аландзіангула, который показалъ, что Карасакалъ вовсе не Кубанецъ, а Башкирецъ Ногайской дороги, у котораго тамъ домъ, мать, братья, жена и дѣти; а султаномъ и ханомъ назвалъ его онъ, Аландзіангулъ, съ другими воровскими Башкирцами, для возмущенія прочихъ; они же разгласили о войскѣ Карасаколовомъ, котораго никогда не бывало. Въ іюнѣ Карасакалъ, испугавшись сильныхъ движеній русскихъ войскъ, перешелъ съ своею шайкою Яикъ и побѣжалъ въ степь; за нимъ погнался подполковникъ Павлуцкій и близъ Тобола нанесъ нѣсколько пораженій; но воръ ушелъ далѣе въ степь. Павлуцкій не могъ за нимъ гнаться за присталью лошадей. Въ іюлѣ Урусовъ получилъ извѣстіе, что Карасакалъ пойманъ Киргизами. Тогда, для *потомственнаго* страха всему Башкирскому народу, перевѣшали и отрубили головы 170 Башкирцамъ, захва-

ченнымъ на возмущеніи, да въ разныхъ командахъ прежде казнено было 432 человѣка; роздано разныхъ чиновъ людямъ 1,862; отослано въ остзейскіе полки и во флотъ 135; воровскихъ деревень пожжено 107 [1]).

Но, для утвержденія своей власти въ отдаленныхъ восточныхъ окраинахъ, правительство считало нужнымъ казнить не однихъ бунтующихъ Башкирцевъ. Сибирь продолжала быть театромъ вопіющихъ воеводскихъ злоупотребленій. Въ 1736 году Сибирь, находившаяся до сихъ поръ вся въ управленіи одного губернатора, раздѣлена была, относительно управленія, на двѣ части,—западную и восточную; въ восточную часть, въ Иркутскую провинцію, былъ назначенъ вице-губернаторъ, совершенно независимый отъ губернатора Западной Сибири, жившаго въ Тобольскѣ; оба были подчинены Сибирскому Приказу [2]). Въ томъ же году отсѣчена была голова иркутскому вице-губернатору Жолобову за взятки, за дружеское обращеніе съ шельмованными людьми, которые были сосланы за важныя вины; противъ офицеровъ, посланныхъ арестовать его, обнажилъ шпагу; пренебрегалъ донесеніями о важныхъ дѣлахъ; самъ бралъ съ ясачныхъ людей взятки, а казеннаго сбора упустилъ 8,230 соболей; тайно провозилъ товары, съ крестьянъ сбиралъ подати на себя; удерживалъ казацкое жалованье; китайскихъ перебѣжчиковъ, за взятки, не высылалъ за-границу въ противность мирнаго договора; отбиралъ у дворянъ земли и отдавалъ своевольно пашеннымъ крестьянамъ за взятки; безпорядочными поступками нажилъ 34,821 рубль; пыталъ безвинно, жегъ огнемъ [3]). Въ началѣ 1739 года данъ былъ Сенату любопытный указъ относительно Сибири: „Во многихъ городахъ Сибирской губерніи опредѣлены воеводами изъ тамошнихъ обывателей, а именно:—изъ купечества и казаковъ и прочихъ тому подобныхъ, которые браны въ рекруты и дослужились офицерскихъ ранговъ, въ томъ числѣ и неумѣющіе грамотѣ; а иные, не служа, написаны изъ казаковъ въ дворяне и воеводы, тако-жъ и бывшіе у нѣкоторыхъ персонъ въ холопствѣ, да и такіе, которые бывали въ розыскахъ и наказаніяхъ, а потомъ чрезъ ихъ происки воеводами-жъ опредѣлены; и понеже оные люди къ такимъ дѣламъ произыскиваютъ не для того, чтобъ имъ трудъ и радѣніе показать, но чтобъ только самимъ обогатиться, и потому въ правленіи дѣлъ и добраго порядка и пополненія государственныхъ доходовъ ожидать отъ нихъ невозможно. Того ради указали мы въ оную Сибирскую губернію выбрать воеводами изъ знатнаго шляхетства добрыхъ и пожиточныхъ и совѣстныхъ людей и, расписавъ, кому изъ нихъ въ которомъ городѣ быть, отправить туда безъ всякаго замедленія“ [4]).

[1]) Дѣла Сената по Кабинету, № 1106—1183, 114—1791.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 6876.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 7009.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 7730.

Между тѣмъ хлопотали объ извлеченіи возможныхъ выгодъ изъ сосѣдства Сибири съ Восточнымъ океаномъ. Капитанъ-командоръ Берингъ, по возвращеніи изъ своего путешествія, которымъ подтвердилась отдѣльность Азіи отъ Америки, представилъ, что далѣе Оста море волнами поднимается, также и на берегъ острова Караганскаго выбросило большой сосновый лѣсъ, который въ Камчаткѣ не растетъ; поэтому онъ предполагаетъ, что Америка или другія между нею и Азіею лежащія земли недалеко отъ Камчатки, и если подлинно такъ, то можно съ ними установить торговлю. По этому представленію, Сенатъ приказалъ: идти ему, Берингу, на морскихъ судахъ для провѣдыванія новыхъ земель, лежащихъ между Америкою и Камчаткою, также острововъ, идущихъ отъ Камчатскаго носа къ Японіи, для установленія торговъ и наложенія ясака на народы, никому не подвластные; только того накрѣпко остерегаться, чтобъ не зайти въ такія американскія и азіатскія мѣста, которыя уже находятся подъ владѣніемъ европейскихъ государей или Китайскаго богдыхана и Японскаго хана, чтобъ не возбудить подозрѣнія и не открыть своимъ пріѣздомъ пути къ камчатскимъ берегамъ, у которыхъ, при нынѣшнемъ тамошнемъ малолюдствѣ, они могутъ занять нужныя пристани [5]). Въ Охотскѣ Берингу велѣно было увеличить народонаселеніе, завести хлѣбопашество и пристань съ малою судовою верфью; къ отправленнымъ изъ адмиралтейсва троимъ штурманамъ и шести матросамъ придать молодыхъ казацкихъ сыновей и обучать ихъ морскому ходу, чтобъ тамъ своихъ штурмановъ и матросовъ завести; устроить въ Охотскѣ школу не для одной грамоты, но и для цифири и навигаціи. Морскія суда Берингъ долженъ былъ строить на рѣкѣ Камчаткѣ, или гдѣ найдетъ удобнѣе. Командиры должны были смотрѣть накрѣпко, чтобъ Камчадалы больныхъ изъ своихъ домовъ или юртъ не выбрасывали, сами себя не умерщвляли, утопающихъ спасали. Для изслѣдованія земель по берегамъ Сѣвернаго моря Берингъ долженъ былъ послать добрыхъ и знающихъ людей водою или сухимъ путемъ [6]).

Заботились объ охраненіи береговъ Восточнаго океана; но скоро движенія Швеціи, подогрѣваемыя Франціею, заставили заботиться о безопасности балтійскихъ береговъ, пріобрѣтенныхъ недавно съ такими усиліями.

Въ началѣ 1735 года, Мих. Петр. Бестужевъ-Рюминъ прислалъ своему Двору содержаніе отвѣта секретной коммисіи на секретныя предложенія короля. Здѣсь относительно Россіи говорилось, что эта держава заслуживаетъ великаго вниманія: „Она похитила у насъ всѣ наши крѣпости и защиты, привела насъ въ нестерпимую зависимость отъ себя и въ такое опасное положеніе, что и сама столица подвержена ея нападеніямъ и угро-

[5]) Полн. Собр. Зак., № 6042.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 641, 6291, 6351.

замъ; поэтому справедливо принимать противъ нея всякія мѣры, ибо въ ней мы имѣемъ сильнаго и насилующаго сосѣда, если государство наше въ прежнее состояніе и безопасность не приведется. Но такъ какъ наше оборонительное состояніе слабо и недостаточно, то необходимость требуетъ примѣчать конъюнктуры, ибо для полученія назадъ потерянныхъ провинцій, кромѣ Датскаго союза, надобны субсидіи и помощь другихъ націй; конъюнктуры къ настоящее время оказываются неудобными, слѣдовательно всего лучше оказывать Россіи довѣренность и дружбу. Нужно избѣгать, сколько можно, возобновленія союза; но когда срокъ договора окончится, то въ волѣ короля и сената поступить, смотря по обстоятельствамъ. Такъ какъ Россія безъ просьбы въ польскія безпокойства вмѣшалась и низвергаетъ тамъ королей и ставитъ новыхъ, что подобаетъ одному Всевышнему, притомъ стѣснила вольности націи и неслыханныя насилія причинила, поэтому возбудила противъ себя зависть и ненависть всѣхъ благонамѣренныхъ державъ Эти чувства, можетъ быть, вскорѣ выйдутъ наружу, и тогда Швеціи надобно имѣть свободныя руки, не связанныя никакимъ союзнымъ договоромъ съ Россіею. Пруссія—непостоянный, своекорыстный и очень ненадежный сосѣдъ. Польша своимъ несчастнымъ состояніемъ подаетъ Швеціи примѣръ, что́ могутъ произвести несогласіе и своекорыстіе, особенно при королевскомъ избраніи. Шведскій интересъ требуетъ защищать короля Станислава и Польшу, какъ для общей свободы, такъ и для сохраненія французской дружбы. Надобно и другимъ державамъ открыть глаза насчетъ поступка Россіи съ посломъ Монти вопреки народному праву, чтобъ узнали русскую гордость и безмѣрную силу.—Французскую довѣренность и дружбу надобно всякими мѣрами сохранять и утверждать: нашъ общій съ Франціей интересъ усиленъ теперь защитою польской вольности, и хотя Франція не разъ охраняла шведскій интересъ не такъ, какъ должно, однако во всей Европѣ она для насъ надежнѣйшая и полезнѣйшая держава, одна въ состояніи давать намъ достаточныя субсидіи и моремъ давать помощь.—Отношенія къ Турціи у Швеціи почти одинаковы съ отношеніями къ Франціи; дружба ея намъ полезна для сокращенія русской безмѣрной силы: поэтому мы всячески должны стараться сохранять и усиливать дружбу съ Портою, и надобно какъ можно скорѣе отправить туда аккредитованнаго министра“.

Указанія на неблагопріятныя конъюнктуры для разрыва съ Россіею не нравились горячимъ патріотамъ; одинъ членъ секретной коммисіи говорилъ: „Надобно жалѣть, что мы нынѣшними конъюнктурами не пользовались и войска на помощь Станиславу не послали, особенно въ то время, когда городъ Данцигъ еще не покорился; мы все ждемъ революціи въ Россіи, ждемъ уже 14 лѣтъ,—и все не дождемся; видно, мы до тѣхъ поръ будемъ ждать, когда небо на Россію упадетъ и всѣхъ подавитъ,—тогда намъ полезная конъюнктура будетъ“.

Вслѣдъ за этими извѣстіями Бестужевъ донесъ, что французскій посолъ предложилъ 500,000 ежегодныхъ субсидій съ условіемъ, чтобъ Швеція не вступала ни въ какія обязательства съ врагами Франціи. Бестужевъ началъ всюду внушать, что это условіе не только тяжело, но и безчестно, потому что Франція хочетъ Швеціи связать руки и распоряжаться ею. Бестужевъ сильно сердился на Англію, которая не хотѣла соперничать съ Франціею въ предложеніи субсидій: „Отъ Англійскаго Двора“, писалъ онъ, „по сіе время ничего нѣтъ, и Богу извѣстно, когда отъ него что́ родится; трудно понять, почему Англія такъ долго медлитъ своими предложеніями; если съ англійской стороны и теперь такъ-же слабо будетъ поступлено, какъ и на прошломъ сеймѣ, то король противъ воли принужденъ будетъ принять французскія субсидіи“. Король на охотѣ открылъ Бестужеву и цесарскому министру, что Франція и ему, какъ ландграфу Гессенскому, предложила особливыя субсидіи, только онъ такой далъ отвѣтъ, что въ другой разъ не заикнутся о томъ болѣе. „Графъ Горнъ“, писалъ Бестужевъ, „попрежнему у короля въ кредитъ приходитъ; этотъ министръ теперь со мною очень ласковъ и откровененъ, и я всячески склоняю его къ русской сторонѣ“. На предложенія французскаго посла сенатъ отвѣчалъ, что за предложенныя субсидіи Швеція обѣщаетъ не заключать наступательныхъ союзовъ противъ Франціи; но договоры, которые Швеція имѣетъ теперь съ другими державами, остаются въ прежней силѣ; также Швеція сохраняетъ за собою право и впредь вступать въ обязательства со всѣми державами, съ какими заблагоразсудитъ, и возобновлять старые договоры. Французскій посолъ остался очень недоволенъ этимъ отвѣтомъ. Въ апрѣлѣ Бестужевъ писалъ, что былъ онъ у графа Горна вмѣстѣ съ цесарскимъ, саксонскимъ и англійскимъ министрами, и въ это-же время пріѣхалъ къ нему король нечаянно, а за нимъ и французскій посолъ. Увидавъ такое общество, Французъ очень смутился, и когда король поѣхалъ домой и всѣ гости проводили его до кареты, одинъ французскій посолъ не двинулся съ мѣста. Горнъ сказалъ по этому случаю Бестужеву: „Король и такъ посла французскаго любитъ, а послѣ такого поступка особенно будетъ его уважать“.

Въ іюнѣ французскій посолъ объявилъ, что его правительство склоняется на всѣ шведскія требованія съ однимъ условіемъ, чтобъ Швеція никому не давала своихъ войскъ противъ Франціи. Эта нечаянная французская податливость чрезвычайно встревожила короля и министерство: никогда они не воображали, чтобъ Франція согласилась давать такія большія субсидіи безо всякой для себя пользы. Графъ Горнъ сказалъ Бестужеву, что скупость Англійскаго Двора заставляетъ ихъ противъ

воли принять французскія субсидіи. Его намѣреніе было—заключить сначала договоръ съ Англіею, а потомъ возобновить договоръ съ Россіею; но такъ какъ съ англійской стороны теперь болѣе ожидать нечего, то онъ приглашаетъ его, Бестужева, сдѣлать формальное предложеніе о возобновленіи союза, чего король и всѣ благонамѣренные люди сильно желаютъ. Короля нашелъ Бестужевъ неутѣшнымъ и въ сильномъ раздраженіи оттого, что насильно принужденъ принять французскія субсидіи. Бестужевъ посовѣтовался съ цесарскимъ и англійскимъ министрами, и тѣ объявили ему, что теперь настоящее время дѣлать предложеніе о возобновленіи союза. Предложеніе было сдѣлано немедленно, принято сенатомъ единодушно, и назначены были коммисары для конференцій съ Бестужевымъ объ условіяхъ союза. Французскій посолъ явно показывалъ свое неудовольствіе, и съ своими сторонниками употреблялъ всевозможные способы воспрепятствовать русскому дѣлу; внушалъ не только въ Стокгольмѣ, но и въ провинціи разослалъ письма съ нареканіями на графа Горна и министерство, что они возобновленіемъ союза съ Россіею отнимаютъ у Швеціи французскія субсидіи. Въ конференціяхъ потребовали отъ Бестужева внесенія въ договоръ одного новаго пункта: что король и корона шведская происшедшія въ Польшѣ безпокойства и ихъ слѣдствія не признаютъ за „союзный случай“ (casus foederis), т.-е. Россія не имѣетъ права требовать у Швеціи войска для войны съ Польшею по этому случаю. Бестужевъ соглашался подписать договоръ только *въ надеждѣ* на апробацію императрицы. Горнъ сказалъ ему, что еслибъ противъ него не употреблялось столько происковъ и коварствъ, то онъ бы и не подумалъ требовать такой предосторожности, ибо увѣренъ, что сама императрица никогда не признаетъ польскаго дѣла за casus foederis; и если Бестужевъ подпишетъ договоръ съ прибавкою „*въ надеждѣ* на апробацію императрицы“, то у французской партіи останется еще мысль о возможности остановить заключеніе Русскаго договора; но если онъ будетъ подписанъ немедленно безо всякихъ оговорокъ, то онъ, Горнъ, съ своими надѣется, что Франція перерветъ переговоры о субсидіяхъ, и Швеція останется съ свободными руками. Бестужевъ согласился подписать безо всякой оговорки. Но между тѣмъ Кастежа требовалъ, чтобъ въ сенатѣ прочитано было письмо къ нему отъ хранителя печати; въ письмѣ говорилось, чтобъ Швеція отнюдь не возобновляла союза съ Россіею, ибо шведскіе министры сами понимаютъ, какой вредъ принесетъ это Станиславу Лещинскому; притомъ извѣстно, что Россія отъ Польской войны и отъ посылки вспомогательнаго войска въ Германію такъ ослабѣла, что принуждена возвратить Персіи завоеванныя провинціи, и что Турки намѣрены объявить Россіи войну. Дѣйствительно, получено было извѣстіе изъ Константинополя о готовящемся предложеніи Порты, что если Швеція вступить съ нею въ наступательный союзъ, то Порта не только откажется отъ должныхъ ей Швеціею денегъ, но еще будетъ платить по 500,000 ежегодныхъ субсидій. На этомъ основаніи сенаторы французской партіи представляли, что не слѣдуетъ спѣшить заключеніемъ союза съ Россіею, а надобно подождать турецкаго предложенія. Но Горнъ возражалъ, что не должно обращать вниманія на такіе слухи, ибо турецкое непостоянство хорошо извѣстно, да и прилично ли коронѣ шведской вступать въ союзъ съ невѣрными; и такъ какъ переговоры съ русскимъ посломъ уже кончены, то прилично ли оттягивать заключеніе договора безъ всякой важной причины и возбуждать справедливое подозрѣніе Россіи. Король сильно поддерживалъ Горна, и, послѣ многихъ споровъ, большинство голосовъ рѣшило, чтобъ на другой же день заключить договоръ съ Бестужевымъ, что и сдѣлано 5 августа. Французской партіи осталось срывать свое сердце на коммисарахъ, бывшихъ въ конференціи съ Бестужевымъ, разглашая, что всѣ они были подкуплены. Правительство поспѣшило напечатать договоръ; но противная партія скупала экземпляры и жгла ихъ.

Въ началѣ 1736 года, Бестужевъ доносилъ о торжествѣ русской партіи въ сенатѣ по поводу турецкихъ и французскихъ дѣлъ; но это торжество только приводило въ большое ожесточеніе противную партію, которая употребляла всѣ средства, чтобъ отнять довѣріе народа у министерства. Когда Горнъ объявилъ французскому посланнику, что необходимость заставила короля согласиться на возобновленіе союза съ Россіею, который однако не такъ связываетъ ему руки, чтобъ не было возможности, при удобной случаѣ, удовлетворить желаніямъ Франціи,—то графъ Кастежа въ отвѣтъ осыпалъ Горна упреками, называя возобновленіе союза съ Россіею поступкомъ опрометчивымъ, оскорбительнымъ для короля Французскаго, постыднымъ для Швеціи. Кастежа и Горнъ поговорили такъ крупно, что послѣ того уже не видались, развѣ очень рѣдко при Дворѣ. Кастежа началъ всюду бить въ набатъ противъ Горна и подалъ государственному секретарю меморію, въ которой жаловался королю на излишнюю поспѣшность его министра, и грозился дать знать о дѣлѣ сейму, будучи увѣренъ, что государственные чины не одобрятъ договора съ Россіею. Король, оскорбленный этою угрозою, потребовалъ, чтобъ французское правительство отозвало Кастежа, что и было исполнено; но Кастежа дѣйствовалъ не одинъ: взволнованная имъ молодежь отзывалась съ презрѣніемъ о королѣ, Горнѣ и всей его партіи. Одинъ иностранный министръ замѣтилъ Горну, что надобно остановить дерзость молодыхъ людей; но Горнъ отвѣчалъ: „Надобно оставить нашей молодежи удовольствіе вести войну съ министерствомъ и съ Россіею за карточнымъ столомъ. Бездѣлица можетъ превратиться во что нибудь важное, если заняться ею. Вино изъ погреба французскаго по-

сланника отуманило нашу молодежь, надобно дать ей вытрезвиться. Но сторону молодежи приняли стокгольмскія дамы. Начали пить два тоста, которые послужили отмѣткою партій. Дамы, стоявшія за войну, пили тостъ: „Was wir leben;“ во главѣ этой партіи стояли три дамы—графиня Ливенъ, графиня Делагарди и баронесса Будденброкъ. Графиня Бонде пила при тостѣ: „Ich denk mirs“ и была представительницею мирной партіи. Не проходило ни одной пирушки, гдѣ бы различіе между этими двумя тостами не было причиною ссоръ и поединковъ. Молодые люди начали дарить воинственнымъ дамамъ ленты, сложенныя въ формѣ мужской шляпы, также табакерки и игольники въ формѣ шляпъ, для означенія героизма этихъ дамъ. Отсюда воинственная партія получила названіе *партіи шляпъ* въ отличіе отъ противной, мирной партіи, которой дали названіе *партіи ночныхъ колпаковъ*. Изъ верхнихъ слоевъ два тоста проникли и въ нижніе, и скоро не было ни одного мѣщанскаго дома, куда бы они ни внесли раздора, ни порознили членовъ семейства; изъ мѣщанскихъ домовъ тосты перешли къ гвардейскимъ солдатамъ и черни: вездѣ пили, вездѣ спорили. Средина 1736 года прошла тихо; но въ концѣ пошелъ опять разговоръ о турецкихъ предложеніяхъ, что если Швеція захочетъ отвлечь русскія силы объявленіемъ войны, то Порта обѣщаетъ дать столько денегъ, сколько Швеція потребуетъ, и до тѣхъ поръ не положитъ оружія, пока Шведы отберутъ у Россіи всѣ свои потерянныя провинціи. Французскій посолъ началъ при этомъ внушать, что Франція готова давать субсидіи не только по четвертямъ года, но вдругъ на цѣлый годъ, если только Швеція предприметъ что-нибудь противъ Россіи. Но ничто не встревожило такъ Бестужева, какъ разглашеніе о чрезвычайномъ сеймѣ, потому что еслибъ противная партія настояла на его созваніи, то это было бы знакомъ паденія русской стороны. Бестужевъ обратился къ Горну, и получилъ такой отвѣтъ: „Сами можете легко разсудить, что съ турецкой стороны нельзя обойтись безъ попытки поссорить насъ съ Россіею, къ чему здѣшніе Турки и Французы не перестаютъ употреблять всевозможныя интриги. Но, слава Богу, король и большая часть сенаторовъ твердо стоятъ въ одномъ мнѣніи со мною; король говоритъ, что для войны надобно имѣть важныя и справедливыя причины и добрую совѣсть, чтобъ получить Божіе благословеніе; потомъ надобно имѣть всѣ средства къ войнѣ, не надѣясь на помощь и субсидіи другихъ державъ. Что же касается чрезвычайнаго сейма, то будьте покойны и не удостаивайте противную партію чести вашего подозрѣнія. Но когда обыкновенный сеймъ будетъ, то ея величество изволила бы не оставить здѣсь своихъ друзей и поддерживать ихъ, чтобъ противую партію совсѣмъ ниспровергнуть“. Бестужевъ обнадежилъ его, что императрица крѣпко будетъ поддерживать своихъ друзей на будущемъ сеймѣ. Въ сенатѣ Горнъ говорилъ: „Еще у насъ въ свѣжей памяти, какъ Турки при Прутѣ, несмотря на всѣ представленія покойнаго короля, заключили миръ съ Россіею съ исключеніемъ Швеціи. Можно ли полагаться на невѣрныхъ? Притомъ разстоянія такъ велики, что и въ полгода не узнаемъ о заключеніи мира между Россіею и Турціею; а заключеніе мира зависитъ отъ Россіи: отдастъ Туркамъ Азовъ,—и миръ заключенъ. Россія свою пользу хорошо знаетъ; скорѣе Туркамъ что-нибудь уступитъ, чѣмъ приведетъ въ опасность пріобрѣтенныя отъ насъ провинціи, свой флотъ, свою столицу, стоившую столько людей и денегъ; король Датскій долженъ будетъ помогать Россіи вслѣдствіе оборонительнаго союза, а король Прусскій ждетъ только случая вырвать изъ рукъ нашихъ Штральзундъ. Морскія державы для торговли не охотно будутъ видѣть войну на сѣверѣ, и нападчику помогать не будутъ“.

Въ Петербургѣ сочли нужнымъ наградить Горна за такія услуги, и къ Бестужеву отправлены были для него богатые подарки. Горнъ долго отговаривался принять ихъ, наконецъ принялъ съ такою предосторожностію: гофмейстеръ Горна, присланный для принятія подарковъ къ Бестужеву, представилъ послѣднему ассигнацію на банкъ, какъ будто вещи выписаны Бестужевымъ для Горна за деньги; Бестужевъ принялъ ассигнацію, далъ гофмейстеру квитанцію въ ея полученіи и на другой день отвезъ Горну его ассигнацію назадъ. Это было въ апрѣлѣ 1737 года; а въ апрѣлѣ 1738 г. Бестужевъ доносилъ, что послѣ возстановленія сношеній между Россіею и Франціею, и видя дружественное обхожденіе его, Бестужева, съ новымъ французскимъ посломъ С. Северином, противная партія очень ослабѣла. Она никакъ не ожидала, чтобъ Франція предложила свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Портою. Нѣкоторые изъ этой партіи были у С. Северина съ представленіями о своихъ дѣлахъ и получили такой отвѣтъ, что онъ присланъ не партіи заводить, а аккредитованъ у короля и министерства, и пока между Шведами будутъ происходить несогласія, Франція Швеціею пользоваться не можетъ. Но въ началѣ мая Бестужевъ донесъ, что со стороны Порты возобновлено предложеніе о наступательномъ союзѣ противъ Россіи. Горнъ, разговаривая съ нимъ объ этомъ, сказалъ: „Я ни султана, ни визиря, ни Бонневаля, ни Гилленборга, ни Гепкина никогда не любилъ, а теперь и больше ихъ возненавидѣлъ; надѣюсь, съ Божіею помощію, что всѣ они съ долгимъ носомъ останутся; а вы съ своими друзьями должны стараться, чтобъ въ маршалы будущаго сейма выбрали камеръ-президента Палмфельда; человѣкъ онъ доброжелательный и добрый патріотъ, потому что противная партія, разумѣется, не дремлетъ и употребляетъ все на свѣтѣ для ниспроверженія министерства“. Французскій посолъ заподозрилъ себя тѣмъ, что началъ выхвалять поведеніе шведскихъ агентовъ въ Константинополѣ, Гепкина и Карльсона, которые были жаркими приверженцами фран-

цузской партіи и Турецкаго союза; пошелъ также слухъ, что С. Северинъ помогаетъ противной министерству партіи въ выборѣ сеймоваго маршала.

Наступило самое заботливое время—открытіе сейма, и при такихъ важныхъ обстоятельствахъ. Что сеймъ будетъ не чета прежнимъ,—показывало уже то, что на него съѣхалось такое множество дворянства, какого не бывало прежде, особенно пріѣхало много Финляндцевъ, которые вообще обнаруживали желаніе мира; но офицеры и стокгольмская молодежь по кофейнямъ и погребкамъ требовали войны и ниспроверженія министерства. Бестужевъ надѣялся, что министерство побѣдитъ, если только король будетъ постоянно на его сторонѣ. Соперникомъ Палмфельда, кандидатомъ противной партіи - былъ графъ Тессинъ. Королева, надѣясь на свою популярность, велѣла объявить дворянству, что она не желаетъ избранія Тессина. Какъ скоро это стало извѣстно, то на площади, гдѣ обыкновенно дворянство сходилось для совѣщаній, поднялся страшный шумъ и крикъ: кричали, что нарушается ихъ вольность, королева запрещаетъ выбирать того, кого они хотятъ, вслѣдствіе чего партія Тессина сейчасъ же увеличилась, и Тессинъ былъ выбранъ 535 голосами, тогда какъ Палмфельдъ получилъ только 140, какого большинства ни на одномъ сеймѣ не было. Послѣ такой неизвинительной ошибки, Двору и министерству оставалось одно средство—хлопотать, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ секретную коммисію были выбраны люди ихъ стороны. Но ударъ слѣдовалъ за ударомъ; сначала должно было избрать 24 избирателя, которые и должны были выбрать 50 членовъ секретной коммисіи; всѣ 24 человѣка были выбраны изъ Гилленборговой партіи, французскаго духа, бо́льшая часть между ними ребятишки, никуда негодные, по отзыву Бестужева. Французскій посолъ, видя явное торжество своей партіи, снялъ маску и началъ прямо дѣйствовать противъ министерства. Но свергнуть министерство было трудно, потому-что его поддерживалъ король; чтобъ заставить короля покинуть министерство, начали стращать его опасностію, которой подвергается его любовница; начали кричать, что она мѣшается въ дѣла, раздаетъ должности, а отецъ ея, сенаторъ графъ Таубе, за то деньги получаетъ. Бестужевъ вмѣстѣ съ англійскамъ министромъ Финчемъ хлопотали объ удержаніи короля при министерствѣ; королевскіе конфиденты обнадеживали ихъ, что король не отступитъ отъ министерства, если только оно будетъ стоять твердо, т.-е. если всѣ члены его будутъ согласны между собою.

Объявлены были имена членовъ секретной коммисіи: изъ 50 человѣкъ только пять или шесть были для Бестужева неподозрительны, остальные всѣ Гилленборговой партіи, бо́льшая часть изъ нихъ люди молодые, много глупыхъ и ни къ чему негодныхъ, по отзыву Бестужева, такъ что благоразумные люди и противной министерству партіи, съ графомъ Тессиномъ во главѣ, были недовольны такими выборами. „Подай Всевышній," писалъ Бестужевъ, „добрыхъ извѣстій изъ арміи вашего величества, чего наши друзья здѣсь отъ сердца желаютъ,—тогда всѣ дѣла здѣсь иначе пойдутъ; сохрани Боже отъ дурныхъ извѣстій, - тогда крику и шуму здѣсь довольно будетъ. Между молодымъ шляхетствомъ и офицерствомъ охота къ войнѣ еще продолжается". Горнъ просилъ Бестужева недѣли двѣ или три съ нимъ не видаться, пока страсти успокоятся. Французскій посолъ, получа отъ своего Двора 50,000 ефимковъ, поддерживалъ ими свою партію, но очень скрытно. Цѣль Французскаго Двора, по письмамъ Бестужева, состояла въ томъ, чтобъ привести въ доброе согласіе Швецію съ Даніею, устроить тройной союзъ и держать обѣ скандинавскія державы въ своемъ распоряженіи. „Я не слышу", доносилъ Бестужевъ, „чтобъ французскій посолъ побуждалъ здѣшній народъ къ войнѣ противъ Россіи, да и не для чего ему этого дѣлать, потому что у здѣшняго офицерства и безъ того довольно охоты и склонности къ войнѣ. Такъ какъ въ дворянской палатѣ большая часть офицеровъ находится, то большинство этой палаты намъ противно; въ духовномъ чинѣ большинство на нашей сторонѣ; относительно гражданскаго чина я не имѣю полной увѣренности, хотя и сдѣлалъ подкупъ; но и съ противной стороны дѣйствуютъ такъ же деньги; крестьянскій чинъ держится короля и министровъ, какъ меня обнадеживали мои друзья".

30 іюня Бестужевъ доносилъ, что въ секретной коммисіи рѣшено было отправить осенью обѣщанный Туркамъ, за долгъ Карла XII, корабль и 10,000 мушкетовъ, остальные же 20,000 мушкетовъ послать въ будущемъ году. Такъ какъ упомянутыя выше предложенія наступательнаго союза заключались въ письмахъ визиря и Бонневаля, то рѣшено было, чтобъ визирю отвѣчалъ самъ король, а Бонневалю - графъ Бонди. „Неизвѣстно", писалъ Бестужевъ, „какою дорогою поѣдетъ курьеръ съ этими депешами. Я увѣдомился, что маіоръ Синклеръ, который въ прошломъ году былъ шпіономъ во Львовѣ и теперь сидитъ въ секретной коммисіи, самъ предложилъ, чтобъ его опять туда послать для наблюденія, что́ будетъ происходить въ арміи вашего величества. Слышу, что онъ и отправился очень тайно, и, можетъ быть, съ нимъ пошлются дубликаты тѣхъ депешъ, которыя онъ можетъ отдать Туркамъ въ Хотинѣ, самъ будетъ держаться около тѣхъ мѣстъ и шпіонить, а Поляковъ возбуждать противъ короля ихъ и Россіи, какъ онъ въ прошломъ году дѣлалъ. Будучи великимъ злодѣемъ и поносителемъ всей Россійской націи, онъ дѣйствуетъ здѣсь противъ короля и министерства. Мое мнѣніе, чтобъ его „анлевировать", а потомъ пустить слухъ, что на него напали гайдамаки или кто-нибудь другой. Я обнадеженъ, что такой поступокъ съ Синклеромъ будетъ пріятенъ королю и министерству".

Курьеръ отправился въ Константинополь чрезъ Марсель, повезъ письма къ визирю и Бонневалю, состоявшія въ однихъ комплиментахъ; но въ инструкціи шведскимъ агентамъ при Портѣ было сказано, чтобъ они не королевскимъ именемъ, а сами собою внушали Туркамъ не спѣшить миромъ съ Россіею, и выспрашивали бы, чѣмъ Порта вознаградитъ Швецію, если она объявитъ войну Россіи. Дубликаты этихъ депешъ долженъ былъ везти Синклеръ. Бестужевъ повторялъ въ своемъ донесеніи: „Весьма потребно сего бездѣльнаго человѣка стеречь и его анлевировать, яко шпіона, о чемъ мнѣ отъ знатнѣйшихъ персонъ подъ рукою дано знать, и я весьма обнадеженъ, что королю и министерству оное весьма пріятно будетъ". Въ слѣдующемъ донесеніи, повторяя то же о Синклерѣ, Бестужевъ прибавилъ: „Я обнадеженъ, что взыскивать не станутъ".

Въ августѣ король тяжко занемогъ; противная партія стала пользоваться этимъ для своихъ цѣлей; тогда другая партія убѣдила короля, чтобъ онъ, на время своей болѣзни, поручилъ правленіе королевѣ; это сильно не понравилось противной партіи, ибо извѣстно было, что королева будетъ поддерживать министерство, только съ большею твердостію и постоянствомъ, чѣмъ мужъ ея. Бестужевъ писалъ, что дѣла поправляются, жаръ къ войнѣ потухаетъ; что касается поведенія французскаго посла, то онъ отговаривалъ отъ войны, представляя, что теперь не время; но когда Бестужевъ заговаривалъ съ нимъ о сохраненіи настоящаго шведскаго министерства, то онъ отъ такихъ разговоровъ уклонялся; такъ же поступалъ и кардиналъ Флёри въ разговорахъ съ цесарскимъ министромъ при Французскомъ Дворѣ. Въ октябрѣ С. Северинъ предложилъ шведскому правительству субсидіи на три года, по 300,000 ефимковъ на годъ, съ тѣмъ только, чтобъ Швеція обязалась на десять лѣтъ не вступать ни съ какою державою ни въ какія обязательства безъ сообщенія и согласія Франціи, которая взаимно обязывается тѣмъ же. Предложеніе, разумѣется, было принято. Англійскій министръ Финчъ сильно встревожился и говорилъ Бестужеву, чтобъ тотъ постарался отклонить французскія предложенія, на что, будто бы, по письмамъ Рондо изъ Петербурга, онъ получилъ 50,000 ефимковъ. Бестужевъ отвѣчалъ, что денегъ не прислано; но еслибъ онѣ и были присланы, то теперь уже поздно дѣйствовать, ибо французскія предложенія таковы, что ни одинъ Шведъ противиться имъ не будетъ и не посмѣетъ; отъ принятія французскихъ субсидій могли бы удержать однѣ англійскія. Друзья Англіи сильно сердились и прямо говорили Финчу, что Англія друзей своихъ покинула: еслибъ она не поскупилась и предложила субсидіи въ удобное время, то конечно ея субсидіи были бы приняты и Швеція осталась бы въ англійскихъ рукахъ. Но французская партія была такъ-же недовольна Франціею: она надѣялась, что въ предложеніи субсидій будутъ такіе пункты, которые бы содѣйствовали низверженію министерства и замысламъ партіи противъ Россіи. Въ декабрѣ Бестужевъ снова извѣстилъ о Синклерѣ: шведскіе агенты въ Константинополѣ дали знать, что надѣются вскорѣ прислать въ Швецію съ депешами Синклера, о которомъ въ Стокгольмѣ всѣ думали, что пропалъ, изрубленъ или повѣшенъ, какъ шпіонъ. Секретная коммисія чрезвычайно обрадовались, что Синклеръ живъ. По этому случаю Бестужевъ писалъ: „Надобно чаять, что онъ поѣдетъ черезъ Польшу, и весьма кажется потребно этого шпіона анлевировать. Я обнадеженъ, что здѣсь не будетъ сказано объ этомъ ни слова, ибо никто не надѣется, чтобъ онъ такъ счастиво проѣхалъ; всѣ думали, что онъ сюда назадъ не возвратится."

Сеймъ не кончился въ 1738 году, перешелъ на слѣдующій годъ вслѣдствіе того, что городовое сословіе соединилось съ дворянствомъ противъ духовенства и крестьянъ. Эта измѣна *биргеровъ*, на угощеніе и подарки которымъ было истрачено много русскихъ денегъ, опечалила Бестужева, равно какъ и добровольный выходъ Горна изъ министерства. Несмотря на то, онъ обнадеживалъ свой Дворъ, что опасности нѣтъ, что французскій посолъ не интригуетъ противъ Россіи, жаръ къ войнѣ съ нею у Шведовъ потухъ, и они обращаютъ свое вниманіе на Германію, - тамъ ищутъ добычи по поводу столкновенія Ганновера съ Даніею, а главное—не дѣлается никакихъ военныхъ приготовленій. Но съ февраля 1739 года Бестужевъ началъ сообщать тревожныя извѣстія о поступкахъ секретной коммисіи: пять сенаторовъ были удалены изъ сената за то, что поспѣшили заключить союзный договоръ съ Россіею; сеймъ подтвердилъ рѣшеніе секретной коммисіи опять вслѣдствіе перевѣса, который дали противной партіи *биргеры*, присоединившись къ дворянству. Говорили, что французская партія въ одну ночь раздала биргерамъ слишкомъ 6,000 ефимковъ. Бестужевъ писалъ: „Такой насильственный поступокъ французской партіи около двухъ сотъ знатнѣйшихъ фамилій такъ озлобилъ, что, пока живы, никогда этого не забудутъ и будутъ искать случая отомстить. Такая страшная вражда партій въ здѣшней націи интересамъ вашего величества теперь и всегда можетъ быть только полезна. Слышно, что на этомъ сеймѣ противная сторона истратила около 300,000 ефимковъ, а министръ англійскій Финчъ увѣрялъ меня, что больше. Голштинская партія, какъ слышу, не мало усилилась, и голштинскій министръ недавно началъ угощать у себя въ домѣ офицеровъ гвардіи и артиллеріи, которые королю недоброжелательны" [1]).

Изъ Петербурга посланы были въ Парижъ Кантемиру указы — настаивать, чтобъ, вопервыхъ, Французскій Дворъ не помогалъ шведской него-

[1]) Дѣла Шведскія 1735—1739 г.; ср. въ Bushing's Magazin t. XV, статью Кеппена мекленбурскаго министра при Шведскомъ Дворѣ, Les anecdotes de la révolution de Stockholm.

ціаціи при Портѣ; вовторыхъ, чтобъ французскіе послы въ Стокгольмѣ и Константинополѣ дѣйствовали противъ этой негоціаціи королевскими декларацiями, и чтобъ эти декларации были точны и рѣшительны, а не въ общихъ выраженіяхъ. Кантемиръ отвѣчалъ, что если не почитать Флёри и Амелота совершенно безсовѣстными людьми, то нельзя сомнѣваться, что первое желаніе императрицы исполнено: такъ сильны обнадеживанія, сдѣланныя имиему, Кантемиру, и цесарскимъ министрамъ. Но къ исполненію втораго желанія онъ не видитъ здѣсь никакой склонности: французскіе министры уклоняются отъ этого исполненія на томъ основаніи, что могутъ сдѣлаться подозрительны Портѣ, потеряютъ чрезъ это ея довѣренность и лишатъ себя возможности продолжать медіацію; Турція, говорили они, такъ мало заботится о народномъ правѣ, что посадитъ Вильнева въ тюрьму, какъ скоро увидитъ, что французское правительство сопротивляется союзу Швеціи съ нею.— По мнѣнію Остермана, Кантемиръ долженъ былъ объявить французскому министерству, что если французская деликатность относительно Порты еще можетъ имѣть какое-нибудь основаніе, то относительно Швеціи невозможно понять, какимъ образомъ такая деликатность можетъ считаться нужною для французскихъ интересовъ. Одно объясненіе могло бы быть, если-бъ Франція подлинно желала продолженія войны между Россіею и Турціею, чего предполагать нельзя. Какой вредъ могъ бы произойти, если-бъ Франція прямо объявила въ Швеціи, что замыслы относительно сближенія съ Портою во 1) несостоятельны, во 2) для самой Швеціи опасны, 3) французскимъ интересамъ противно все то, что теперь или на будущее время можетъ подать поводъ къ новымъ безпокойствамъ на сѣверѣ, слѣдовательно 4) Франція не можетъ допустить исполненія шведскихъ замысловъ и считаетъ ихъ противными послѣдней конвенціи своей съ Швеціею. Французскимъ интересамъ нисколько не можетъ повредить, если Франція и Портѣ прямо объявитъ, что война Россіи съ Швеціею французскимъ интересамъ противна, а Портѣ никогда отъ нея никакой пользы не будетъ, и что Франція должна это объявить, какъ вѣрный другъ Порты и посредница въ мирныхъ переговорахъ. Но Кантемиръ давалъ знать, что кардиналъ ни мало не склоненъ явно сопротивляться союзу между Швеціею и Портою, желая сохранить свой кредитъ у обоихъ этихъ Дворовъ, хотя и нѣтъ основанія подозрѣвать, что онъ станетъ содѣйствовать переговорамъ объ этомъ союзѣ, ибо онъ такъ его, Кантемира, и цесарскихъ министровъ въ этомъ обнадеживаетъ, что надобно быть ему совершенно безсовѣстнымъ, если эти обнадеживанія не искренни. Флёри говорилъ Кантемиру, что онъ всегда почиталъ С. Северина честнымъ и искуснымъ въ своемъ дѣлѣ человѣкомъ, потому крѣпко надѣется, что онъ точно исполнилъ королевскіе указы относительно сношеній Швеціи съ Портою, и не преминулъ бы донесть, если бы на шведскомъ сеймѣ усматривались какіе военные замыслы или намѣренія вступить въ союзъ съ Портою; но, напротивъ того, С. Северинъ подтверждаетъ, что такого намѣренія принято не было и никакихъ военныхъ приготовленій не видитъ. „Для прекращенія такого кардинальскаго поступка“, писалъ Кантемиръ, „одинъ бы способъ былъ: доказать ему тѣми поводами, которые я въ своихъ рукахъ имѣю, что ваше императорское величество основательно увѣдомлены о всѣхъ шведскихъ происхожденіяхъ; но то самое наисильнѣйше вашими указами мнѣ запрещено, и, можетъ быть, открывая то, что онъ прикрыть намѣренъ, могло бы его раздражать, хотя впрочемъ и понудило бы къ лучшему чистосердечію“. Въ послѣдующихъ депешахъ Кантемиръ писалъ: „Мѣры, принятыя относительно Шведскихъ дѣлъ, не соотвѣтствуютъ обѣщаніямъ кардинала; доношенія С. Северина старательно утаиваются; происками Французскаго Двора доброжелательные къ Россіи шведскіе сенаторы лишаются своихъ мѣстъ; все это не показываетъ большаго доброжелательства со стороны французской; съ нашей стороны нужно думать о мѣрахъ предосторожности, тѣмъ болѣе что отправленіе французской эскадры въ Балтійское море вовсе неблаговременно“.

Когда Кантемиръ указалъ Амелоту на эту неблаговременность, тотъ отвѣчалъ: „Удивляюсь, что Французскій король не можетъ отправить четыре корабля, не подавъ всему свѣту на себя подозрѣнія; можетъ ли такое малое число кораблей имѣть военное намѣреніе? А что эскадра не будетъ увеличена, въ этомъ я васъ удостовѣряю; единственная цѣль ея отправленія—объѣхать неизвѣстные берега Балтійскаго моря для ихъ узнанія и обученія морскихъ служителей, и какъ скоро это будетъ исполнено, то эскадра возвратится назадъ, потому ни Швеція, ни Порта никакой надежды на нее имѣть не могутъ. Она могла бы подать поводъ къ подозрѣнію въ томъ случаѣ, еслибъ въ Швеціи дѣлались военныя приготовленія; но извѣстно, что ничего нѣтъ, и потому надобно презирать всѣми неосновательными разсужденіями насчетъ отправленія этой эскадры, которыми наполняются газеты“. Самъ кардиналъ увѣрялъ, что при первомъ слухѣ о шведскихъ вооруженіяхъ С. Северину отправлено приказаніе изъяснить шведскимъ министрамъ, какъ дерзокъ былъ бы ихъ поступокъ и какъ мало помощи должны они ожидать отъ Франціи. Послѣ, въ концѣ іюня, когда нельзя было уже отрицать военныхъ приготовленій Швеціи, Флёри увѣрялъ Кантемира, что эти небольшія приготовленія дѣлаются только потому, что подобныя же сдѣланы въ Россіи, что въ Финляндію переведены два или три полка для облегченія другихъ провинцій, по просьбѣ ихъ жителей, что кораблей въ Швеціи никакихъ не вооружается. Изъ Петербурга внушали Кантемиру: „Понеже время все показать имѣетъ, того ради лучше больше въ сихъ дѣлахъ на тамошнее министерство не налегать, и ежелибъ,

нача чаянія, еще вновь что у васъ открылось, о чемъ бы съ тамошнимъ министерствомъ себя открывать потребно было, то стараться, сколько возможно, сіе учинить чрезъ цесарскихъ министровъ" [1]).

Въ половинѣ апрѣля, „безпокойный и опасный" сеймъ кончился. Графъ Гилленборгъ назначенъ былъ президентомъ канцеляріи, вмѣсто Горна, и Бестужевъ началъ доносить о военныхъ приготовленіяхъ въ Швеціи. „Не худо", писалъ Бестужевъ, „гарнизонъ въ Выборгѣ прибавить, войско между Петербургомъ и Выборгомъ умножить, флотъ держать въ осторожности, чтобъ какой-нибудь сюрпризъ надъ нимъ не учинили; но, соблюдая осторожность, не подавать отнюдь никакой причины Шведамъ къ озлобленію, ибо я навѣрное знаю, что при самомъ окончаніи сейма въ секретной коммисіи были такіе разговоры, чтобъ Россію раздражить и заставить начать се войну; тогда Шведы объявятъ, что принимаются за оружіе для собственной защиты, и король Датскій, по обязательствамъ оборонительнаго союза, долженъ будетъ помогать Швеціи, а не Россіи. Подобные разговоры и въ другихъ домахъ производились и теперь продолжаются. Король недавно велѣлъ мнѣ сказать чрезъ своего кассельскаго министра, барона Ассебурга, чтобъ я не безпокоился: все по-старому будетъ; но король въ сенатѣ мало силы имѣетъ, новые сенаторы почти во всемъ ему противятся; огромное большинство членовъ на сторонѣ Франціи, и до будущаго сейма кардиналъ Флёри будетъ распоряжаться сенатомъ и министерствомъ". Относительно могущей произойти войны Бестужевъ доносилъ: „Финляндскій корпусъ такъ далеко въ Землѣ разставленъ, что и въ два мѣсяца собраться не можетъ; сверхъ того, всѣ жители финляндскіе вообще шведскимъ правительствомъ очень недовольны. Нѣкоторые финляндскіе шляхтичи, бывшіе здѣсь на сеймѣ, обнадеживали меня, что если Шведы начнутъ войну, то Финляндцы разорять себя не допустятъ, и если императрица выдастъ милостивый манифестъ съ обнадеживаніемъ сохраненія ихъ правъ и привилегій, то они охотно поддадутся Россіи, и никто изъ домовъ своихъ не выйдетъ. И сами Шведы такое же мнѣніе имѣютъ о финляндскихъ жителяхъ". Потомъ Бестужевъ началъ успокаивать свой Дворъ, что вооруженія шведскія по всѣмъ вѣроятностямъ направляются противъ Пруссіи, а не противъ Россіи, ибо эти приготовленія слишкомъ незначительны для войны съ такою сильною имперіею: во всякомъ случаѣ, Шведы не начнутъ войны съ Россіею ранѣе зимы, когда рѣки и болота замерзнутъ.

6 іюля Бестужевъ донесъ: пришло извѣстіе, что Синклеръ убитъ Русскими по сю сторону Бреславля, между мѣстечками Нейштадтомъ и Грюнбергомъ. Шведскіе министры тотчасъ запретили курьеру, привезшему эту новость, распространять се. Гилленборгъ говорилъ, что лучше, если бы это дѣло было сдѣлано тайно, будто разбойниками убить, а не такъ явно и неосмотрительно [2]). Мы видѣли, какъ Бестужевъ побуждалъ свое правительство къ тому, чтобъ *анлевировать* Синклера. Вслѣдствіе этого, между двумя императорскими Дворами было условлено схватить его, если онъ объявится въ цесарскихъ или польскихъ областяхъ. Минихъ далъ инструкцію драгунскому поручику Левицкому настичь Синклера и постараться его убить или утопить, отобравши письма. Минихъ далъ инструкцію еще двоимъ офицерамъ — капитану Кутлеру и поручику Веселовскому — перенять молодаго Рагоци и молодаго Орлика, ѣхавшихъ изъ Франціи въ Турцію, а также и Синклера, если случайно съ нимъ встрѣтятся. Кутлеръ и Левицкій провѣдали о Синклерѣ, взяли въ Варшавѣ паспортъ отъ цесарскаго резидента Киннера и „исполнили свою коммисію". Бумаги Синклера были переданы убійцами Кейзерлингу, который находился тогда въ Дрезденѣ при королѣ Августѣ [3]). Когда слухъ объ убійствѣ Синклера разнесся по Стокгольму, — 5 іюля, одинъ пріятель далъ знать Бестужеву, чтобъ былъ остороженъ, ибо поступокъ съ Синклеромъ произвелъ въ городѣ страшное озлобленіе, вслѣдствіе чего Бестужевъ сжегъ секретнѣйшія реляціи и счеты по подкупамъ, а остальныя бумаги отдалъ на сохраненіе голландскому посланнику. Гвардейскіе офицеры толковали, что если правда, что Синклеръ убитъ Русскими, то надобно поступить точно такъ же и съ Бестужевымъ. Правительство тайно приказало городскимъ властямъ смотрѣть, чтобъ русскому посланнику и его слугамъ не было нанесено никакого оскорбленія. По бумагамъ, присланнымъ изъ Петербурга, Бестужевъ подалъ шведскому правительству декларацію, что русское правительство не принимало никакого участія въ убійствѣ Синклера; Гилленборгъ сказалъ Бестужеву, что они вѣрятъ безучастію русскаго правительства въ этомъ дѣлѣ, но онъ, Гилленборгъ, имѣетъ подозрѣніе на графа Миниха, который, по своей горячности, быть можетъ далъ указъ привезти Синклера живаго или мертваго. Несмотря на приказы по арміи, чтобъ не толковали о Синклерѣ, ожесточеніе не ослабѣвало и распространялось даже по провинціямъ; офицеры приходили къ Гилленборгу и требовали войны съ Россіею, представляя, что теперь самый удобный случай начать ее, а когда Турецкая война кончится, то Россія сама нападетъ на Швецію. Гилленборгъ отвѣчалъ, что надобно подождать, что сдѣлается съ Минихомъ, и тогда принять свои мѣры. Бестужевъ писалъ, что, въ случаѣ неудачи Миниха, никто не удержитъ Шведовъ отъ объявленія войны Россіи. Несмотря на заявленіе Гилленборга, что болѣе двухъ полковъ не будетъ отправлено въ Финляндію, въ августѣ мѣсяцѣ, въ чрезвычайномъ собраніи сената было рѣшено отправить въ Фин-

---

[1]) Дѣла Французскія 1739 года.

[2]) Дѣла Шведскія того же года

[3]) См. приложеніе 16.

ляндію еще шесть тысячъ пѣхоты; противъ этого рѣшенія съ королемъ было только четыре сенатора. Но старые пріятели дали знать Бестужеву, чтобъ онъ не безпокоился, что все это дѣлается по предписанію секретной коммисіи—раздражать Россію, чтобъ она начала войну, ибо Швеціи начать наступательную войну нельзя безъ сейма.

Въ Стокгольмѣ не было другихъ разговоровъ какъ только о войнѣ съ Россіею; а между тѣмъ пріятели сообщали Бестужеву, что они не дремлютъ, свои мѣры принимаютъ; они имѣютъ изо всѣхъ провинцій вѣрное извѣстіе, что весь духовный и крестьянскій чинъ, такъ-же большая часть городскаго, кромѣ жителей приморскихъ городовъ, сильно склонны къ покою и о войнѣ слышать не хотятъ, и изъ дворянства богатые и разсудительные люди такъ же не расположены къ войнѣ. Горнъ совѣтовалъ, чтобъ Россія привела себя въ готовность къ сильной оборонѣ и спокойно смотрѣла на всѣ шведскія глупости, не подавая никакого случая къ озлобленію; отправляемый въ Финляндію корпусъ, не имѣя чѣмъ тамъ содержаться, растаетъ самъ собою, за что Гилленборгъ съ товарищами заплатятъ своими головами. Эмиссаръ Бестужева, возвратившійся изъ Карлскроны, объявилъ, что самъ видѣлъ, какъ въ гавани этого города вооружаются 22 линейныхъ корабля; по провинціямъ почти все офицерство склонно къ войнѣ, но крестьянство и духовенство ея не желаютъ; офицеры по провинціямъ сильно возбуждаютъ народъ противъ Россіи, выставляя особенно убійство Синклера. Въ сентябрѣ, въ одно воскресенье, во время службы въ русской церкви, священникъ и всѣ присутствовавшіе были заперты толпою молодыхъ людей, такъ что по окончаніи службы надобно было ломать изнутри двери, чтобъ выйти; правительство поставило караулъ при церкви. Бестужеву подкинуто было письмо съ угрозою, что съ нимъ поступлено будетъ какъ съ Синклеромъ. Извѣстіе о Ставучанской побѣдѣ и взятіи Хотина сильно обрадовало Бестужева; но радость была очень непродолжительна: пришло извѣстіе о заключеніи Австріею отдѣльнаго мира съ Турками. „Мнѣ непристойно объ этомъ чрезвычайномъ дѣлѣ разсуждать“, писалъ Бестужевъ, „только весь свѣтъ не можетъ довольно такому нечаянному и чудному поступку надивиться; я же объ немъ съ такимъ великимъ соболѣзнованіемъ и неизреченною печалію увѣдомился, что чуть параличъ меня не ударилъ. Здѣсь эта новость произвела такую радость въ правительствующей партіи, что сказать нельзя“. Въ началѣ октября опять печаль Бестужева смѣнилась радостью: пришло извѣстіе о заключеніи мира между Россіею и Турціею. „Я теперь“, писалъ Бестужевъ, „не только наружно, но и внутренно сталъ спокоенъ, ничего болѣе съ здѣшней стороны не опасаюсь, чрезвычайнаго сейма не будетъ и все попрежнему останется“. Члены правительствующей партіи начали толковать, что Франція ихъ провела; они были увѣрены, что Франція никогда не допуститъ Порту до мира съ Россіею, а если бы и допустила, то съ однимъ условіемъ, чтобъ Швеція была включена въ мирный договоръ и получила отъ Россіи нѣкоторую часть завоеванныхъ Петромъ Великимъ провинцій; на такомъ основаніи былъ составленъ планъ въ бывшей секретной коммисіи [1]).

14 октября 1739 года, Кантемиръ доносилъ, что въ передней у Амелота имѣлъ долгій разговоръ съ С. Севериномъ, пріѣхавшимъ изъ Швеціи; посланникъ высказалъ такое мнѣніе о шведскихъ дѣлахъ, что министерство шведское, чувствуя свою слабость, ни малой склонности къ начатію войны не имѣетъ, и что всѣ нынѣшнія движенія суть слѣдствія народной горячности, которая принуждаетъ министерство къ поступку, противному его желанію; поэтому всѣ представленія его, С. Северина, при Шведскомъ Дворѣ для отвращенія войны не принесутъ большой пользы, если народъ, который резоновъ не слушаетъ, упрямо войны желать будетъ. — На поляхъ этого донесенія, Остерманъ, по своему обыкновенію, написалъ отвѣтъ: „Натурально само собою слѣдуетъ, что если Швеція войну начнетъ, то это сдѣлается или съ согласія, или безъ согласія Франціи. Первое можетъ случиться только въ явную противность столь многимъ торжественнымъ обнадеживаніямъ; во второмъ случаѣ, само собою разумѣется, что Франція Швеціи помогать не должна, и безъ нарушенія своихъ торжественныхъ обнадеживаній помогать не можетъ, ибо такое воспоможеніе было бы явнымъ согласіемъ. Но дѣла въ Швеціи не на такомъ основаніи находятся, какъ С. Северинъ разсуждаетъ: старое министерство ниспровергнуто и новое поставлено тамъ исключительно французскими стараніями; для этого подкуплены и употреблены молодые офицеры, которые по убожеству, не имѣя чего терять, желаютъ войны для своего прокормленія; но этихъ офицеровъ нельзя принять за весь народъ, который по большей части недоволенъ поступками новаго министерства и войны безразсудно не пожелаетъ, особенно когда отъ Франціи помощи не будетъ. Можно положить за вѣрное, что Шведы безъ согласія Франціи войну не начнутъ, и безъ французской помощи начать ее не въ состояніи. Съ другой стороны, не видно, какой-бы Франція могла имѣть интересъ помогать Швеціи въ войнѣ съ нами. Хотя-бъ Франція подлинно желала для своихъ интересовъ и будущихъ видовъ привести Швецію въ прежнюю силу, то надобно разсудить, что такое желаніе не легко исполнить; имѣя свободныя руки отъ Турокъ, мы можемъ всѣ свои силы обратить противъ Шведовъ, и Франціи скоро наскучитъ посылать такую убыточную помощь въ такія отдаленныя мѣста, умалчивая, что въ такомъ случаѣ мы съ другими союзниками укрѣпиться можемъ. Но хотя всѣ вышеписанныя разсужденія и основательны, однако

[1]) Дѣла Шведскія 1739 года.

надобно всегда быть осторожными, и хотя до времени отъ новыхъ домогательствъ въ этомъ дѣлѣ удержаться пристойно, однако не мѣшаетъ на тамошніе поступки недреманнымъ окомъ всегда смотрѣть". Отъ 24 января 1740 года Кантемиръ прислалъ любопытное донесеніе о разговорѣ своемъ съ кардиналомъ; утверждая, что Порта непремѣнно ратификуетъ мирный трактатъ и слѣдовательно Швеція ничего не успѣетъ въ своихъ домогательствахъ, Флёри вдругъ прибавилъ: „Правду сказать, по Ништадтскому миру бѣдные Шведы потеряли всѣ лучшія свои области, которыя желали бы себѣ возвратить, и еслибъ можно было имъ что-нибудь возвратить изъ этихъ областей, то они бы успокоились". Кантемиръ отвѣчалъ, что императрица имѣетъ неоспоримое право на завоеванныя у Швеціи провинціи по торжественнымъ договорамъ, послѣ которыхъ между Россіею и Швеціею заключенъ союзъ и три года тому назадъ возобновленъ, съ уплатою со стороны Россіи немалой денежной суммы.— „Я знаю", сказалъ кардиналъ, „что Россія имѣетъ неоспоримое право на эти провинціи", и тѣмъ покончилъ разговоръ. „Всеподданнѣйше прошу", писалъ по этому случаю Кантемиръ, „чтобъ такъ съ здѣшней, какъ съ шведской стороны, содержать себя въ предосторожности, понеже, какъ я уже часто доносилъ, премѣнчивый нравъ кардинальскій не позволяетъ на его обнадеживанія совсѣмъ полагаться". Это донесеніе произвело въ Петербургѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ іюлѣ Кантемиръ писалъ: „Ваше величество легко судить изволитъ, что отъ здѣшняго Двора никакой пользы себѣ ожидать не можетъ: если въ нѣкоторыхъ случаяхъ и являются склонны къ интересамъ вашимъ, то для того только, чтобъ удержать васъ отъ вступленія съ другими державами въ какія-нибудь обязательства, здѣшнимъ видамъ противныя; когда же опасность такихъ обязательствъ минется, то и ласкательство прекратится. Съ глазъ своихъ здѣсь не спускаютъ, что во всей Европѣ только одна ваша сила здѣшнюю въ равновѣсіи держать можетъ, и что ваше величество въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ Цесаремъ находится, отчего на васъ смотрятъ, какъ на главнѣйшее препятствіе къ совершенному униженію Австрійскаго Дома, что всегда было главною цѣлію здѣшняго Двора. Изъ чего легко заключить, что когда случай представится для уменьшенія вашей непріятной силы, то или подъ рукою, или явно, смотря по обстоятельствамъ времени, его не пропустятъ" [1]).

Между тѣмъ, въ концѣ 1739 года, въ шведскомъ сенатѣ разсуждали о необходимости созвать чрезвычайный сеймъ вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ; но большинство голосовъ вмѣстѣ съ королемъ рѣшило, что сеймъ не нуженъ. Ожесточеніе противной партіи высказывалось мелкими средствами: бросали камни на крышу русской церкви, два большихъ камня брошены были ночью въ окно къ самому Бестужеву.

1740-й годъ Бестужевъ началъ донесеніемъ, что въ Стокгольмѣ начинаютъ наконецъ вѣрить миру между Россіею и Портою; но за то правительствующая партія дѣлаетъ другія внушенія для удержанія въ народѣ склонности къ войнѣ съ Россіею, а именно: будто Россія отъ Турецкой войны въ такую великую слабость пришла, что ни людей, ни денегъ нѣтъ, ктому же въ народѣ великое неудовольствіе, открытъ страшный заговоръ, болѣе 80 человѣкъ изъ знатнѣйшихъ фамилій казнено и въ ссылку сослано,—списки этихъ людей читались въ Стокгольмѣ по кофейнымъ и виннымъ погребамъ; внушали, что какъ скоро Швеція нападетъ на Россію, то въ Россіи сейчасъ же вспыхнетъ возмущеніе. Сенаторъ Спаръ, будучи у тестя своего, графа Гилленборга, разсуждая о настоящихъ дѣлахъ, сказалъ: „Le vin est tiré, il faut le boire (вино откупорено, надо его выпить)." — „Надлежитъ съ нашей стороны", писалъ Бестужевъ, „во всякой осторожности и исправности быть, ибо эта правительствующая партія, видя, какъ далеко забрела, можетъ, для своего спасенія, рѣшиться на отчаянныя средства, въ надеждѣ:—авось-либо удастся!" Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, когда Бестужевъ въ торжественной аудіенціи объявилъ королю о заключеніи мира съ Портою, всякое сомнѣніе на этотъ счетъ исчезло, и Бестужевъ писалъ: „Совершеніе мира съ Портою желаемое дѣйствіе здѣсь учинило, такъ-что не только въ людяхъ, склонныхъ къ войнѣ и нападенію на Россію, горячность утихла, но и въ народѣ утихать начинаетъ. По разсужденію всѣхъ здѣсь разумныхъ людей, послѣ заключенія мира съ Портою, нѣтъ болѣе опасности, чтобъ Шведы напали на Россію, и если военныя приготовленія здѣсь продолжаются, то единственно для собственной защиты, ибо новое министерство подало причину къ справедливому гнѣву вашего величества; чѣмъ болѣе будетъ у насъ дѣлаться военныхъ приготовленій, тѣмъ болѣе здѣшнее министерство и вся противная партія будетъ приближаться къ своему паденію". Горнъ прислалъ къ Бестужеву довѣреннаго человѣка сказать, что министерство и вся его партія въ крайнемъ безпокойствѣ и затрудненіи, и хотя предъ людьми бодрятся и внушаютъ народу, что Россія, истощенная Турецкою войною, не въ состояніи скоро напасть на Швецію, однако сами убѣждены въ противномъ; чтобъ Бестужевъ не обращалъ никакого вниманія на военныя приготовленія Швеціи, ибо дѣла находятся въ такомъ дурномъ положеніи, что Швеція не только напасть,—и защищать себя не можетъ; половина французскихъ субсидій уже издержана, сдѣланы долги, а другую половину субсидій государственные чины велѣли беречь на самую крайнюю нужду. Будущею осенью сеймъ будетъ необходимъ по разстроенному состоянію дѣлъ, и заранѣе надобно стараться о полученіи боль-

[1]) Дѣла Французскія 1739 и 1740 годовъ.

шинства; для этого нужны деньги, чтобъ разослать эмиссаровъ по сеймикамъ для выбора въ депутаты хорошихъ людей. Въ концѣ апрѣля, Бестужевъ лично видѣлся съ Горномъ и говорилъ ему, чтобъ они русскими военными приготовленіями ни мало не тревожились, ибо императрица, несмотря на враждебность нынѣшняго министерства, пребываетъ въ прежнихъ доброжелательныхъ чувствахъ; но чтобъ они пользовались этимъ и внушали въ народъ, въ какую крайнюю опасность нынѣшнее министерство привело Швецію безъ всякой причины и пользы. Горнъ отвѣчалъ, что такія внушенія въ Стокгольмѣ и провинціяхъ уже дѣлаются, но прежде всего нужны деньги для полученія большинства при выборѣ сеймоваго маршала и членовъ секретной коммисіи; изъ Россіи должны быть присланы немедленно 10,000 червонныхъ; а если прежде сейма не получится большинство, то во время сейма деньги напрасно будутъ истрачены. „Если-бъ мы“, говорилъ Горнъ, „на прошломъ сеймѣ заранѣе взяли свои мѣры и столько на наше справедливое дѣло не надѣялись, то никогда до такой крайности не дошли бы“. На это донесеніе изъ Петербурга отвѣчали, что деньги уже переведены и доброе дѣйствіе отъ нихъ ожидается. Денегъ нельзя было жалѣть, потому что Швеція успѣла заключить оборонительный союзъ съ Турціею. Бестужевъ увѣдомлялъ, что противная партія ищетъ всякими способами помириться съ отставленными сенаторами, особенно съ графами Бонде и Белке, обѣщая на первомъ сеймѣ возстановить ихъ въ сенаторскомъ достоинствѣ; но тѣ не показывали охоты къ примиренію, и Бестужевъ писалъ: „Никакъ не надобно допускать до этого примиренія; русскій интересъ требуетъ, чтобъ между ними была всегдашняя вражда. Запрещеніе вывоза изъ Лифляндіи и Эстляндіи хлѣба произвело здѣсь желаемое дѣйствіе: здѣшніе купцы и жители сильно встревожены и озабочены, а послѣ это будетъ имъ еще чувствительнѣе, потому что во всемъ государствѣ большая скудость въ хлѣбѣ,— магазиновъ нѣтъ, и если нынѣшній годъ будетъ неурожай, какъ видится по погодѣ, то государство постигнетъ крайнее бѣдствіе“ [1]).

Чтобы предотвратить Шведскую войну, нужно было прежде всего дѣйствовать деньгами передъ сеймомъ и во время сейма. Большія деньги надобились и въ Польшѣ, гдѣ русскій посланникъ, Кейзерлингъ, хлопоталъ о примиреніи партій и о составленіи изъ вліятельныхъ людей прежнихъ партій, безъ различія, одной большой Русской партіи, которая бы обезпечивала спокойствіе Россіи со стороны Польши. Основу Русской партіи въ концѣ 1734 года составляли Понятовскій и Чарторыйскіе. Въ январѣ 1735 года Кейзерлингъ писалъ: „Такъ какъ люди, по зависти къ счастію Понятовскаго, съ досадою смотрѣвшіе и на домъ Чарторыйскихъ, до сихъ поръ стараются при Дворѣ, и не безъ успѣха, отнять у нихъ королевское довѣріе, то я принужденъ былъ самымъ сильнымъ образомъ представлять при Дворѣ, что такъ нельзя достигнуть примиренія, ибо извѣстно, что Понятовскій и Чарторыйскіе добрые и достойные люди, которые своимъ кредитомъ и народною любовію могутъ много способствовать успокоенію государства. По этому моему представленію и совѣту, король обнадеживалъ своею милостію графа Понятовскаго, который, чрезъ мое посредство, недавно помирился съ княземъ Вишневецкимъ; король велѣлъ выдать Понятовскому 3,000 червонныхъ, которые тотъ долженъ употребить, по своему усмотрѣнію, въ видахъ умиренія партій“. Считали необходимымъ какъ можно скорѣе склонить плѣннаго примаса на сторону короля Августа, и Понятовскій предложилъ подкупить 300 червонныхъ любимца примасова, іезуита. Король, несмотря на представленіе Кейзерлинга, уже началъ раздавать чины; Кейзерлингъ вторично представилъ ему, что эта преждевременная раздача можетъ имѣть дурныя послѣдствія: надобно непремѣнно оставить въ запасѣ приманку, которою должны быть привлечены вельможи противной партіи, ибо если всѣ чины сейчасъ же розданы будутъ доброжелательнымъ, то вельможи противной партіи не увидятъ для себя никакой выгоды признать королемъ Августа и будутъ продолжать питаться пустою надеждою, что получатъ желаемое, поддерживая Станислава. Кромѣ того, для привлеченія народа на сторону Августа, важно было, чтобъ русскія войска дѣлали различіе между друзьями и врагами, и Кейзерлингъ, получивъ жалобы, что этого различія не дѣлается, писалъ къ генераламъ, чтобъ, согласно намѣреніямъ императрицы, берегли жителей, признающихъ королемъ Августа, ибо, въ противномъ случаѣ, никто не склонится на его сторону, не видя отъ того себѣ выгоды. Но сильныя препятствія своимъ стараніямъ встрѣчалъ Кейзерлингъ между Поляками, находившимися на сторонѣ Августа: „Нельзя понять“, писалъ онъ, „какъ мало обращаютъ вниманія на средства, которыми можно достигнуть общаго умиренія,—всякій имѣетъ въ виду только собственный интересъ, и полезнѣйшіе совѣты на нѣкоторое время отлагаются, или вовсе не приводятся въ исполненіе. Я при разныхъ случаяхъ вельможамъ давалъ знать, что ваше величество армію свою съ тою цѣлію въ польскія границы ввести повелѣли, чтобъ вольность и спокойствіе республики прямымъ и основательнымъ образомъ охранить, а не для подкрѣпленія частной ненависти, зависти и вражды фамилій“.

Самымъ могущественымъ средствомъ для успокоенія Польши были деньги, и король Августъ обратился за ними къ той же державѣ, которая своимъ войскомъ возвела его на престолъ Польскій: Россія дала ему взаймы 100,000 червоныхъ. Деньги нужны были тѣмъ болѣе, что 200,000 талеровъ, отправленныхъ изъ Саксоніи въ Варшаву, были захвачены Люблинскимъ воеводою Тарло, который

[1]) Дѣла Шведскія 1739 и 1740 годовъ.

разбилъ и взялъ въ плѣнъ саксонскаго генерала Биркгольца. Понятовскій, который до сихъ поръ неудачно хлопоталъ о привлеченіи Тарло на сторону Августа, снова послалъ къ нему съ представленіями, что напрасно надѣется онъ на французскую помощь и въ этой надеждѣ разоряетъ отечество. Кейзерлингъ поручилъ посланнику увѣрить Тарло, что онъ, въ случаѣ признанія короля Августа, можетъ надѣяться на покровительство и милость императрицы; Кейзерлингу хотѣлось присоединеніемъ Тарло и Ожаровскаго увеличить Русскую партію, образовавшуюся изъ князя Любомирскаго и Чарторыйскаго, Понятовскаго и Залускаго, епископа Плоцкаго, потому что Кейзерлингъ не довѣрялъ коронному гетману Потоцкому, врагу Тарло.

Русскія войска исправили дѣло, испорченное саксонскими: генералъ Леси нанесъ Тарло сильное пораженіе. Въ маѣ Кейзерлингъ доносилъ, что большая часть вельможъ больше хлопочетъ о частныхъ интересахъ, чѣмъ объ умиреніи отечества. Плѣнный примасъ, Θедоръ Потоцкій, все еще не признавалъ Августа королемъ, и сильная партія поддерживала его въ Варшавѣ: она требовала, чтобъ онъ на свободѣ могъ договариваться съ королемъ. Канцлеръ, епископъ Краковскій, Липскій, гетманъ Потоцкій, князь Вишневецкій и коронный маршалъ Мнишекъ неутомимо старались дать дому Потоцкихъ первенствующее значеніе въ республикѣ, и такъ какъ для пріобрѣтенія популярности между шляхтою было одно средство—захватить въ свои руки верховный судъ и раздачу чиновъ, то Краковскій епископъ, какъ канцлеръ, домогался, чтобъ чины раздавались чрезъ него, по его рекомендаціи. Кейзерлингъ представлялъ саксонскимъ министрамъ весь вредъ, какой можетъ произойти отъ этого, и настаивалъ на своемъ прежнемъ требованіи, чтобъ раздача чиновъ была отложена до умирительнаго сейма (pacificationis); настаивалъ также, чтобъ король самъ роздалъ чины, ибо такимъ образомъ получившіе чины будутъ обязаны одному королю, а не кому-нибудь другому; требовалъ, чтобъ войсковые начальники были независимы отъ гетмановъ. Но Кейзерлингъ продолжалъ жаловаться своему Двору, что, несмотря на всѣ его представленія, прежде умирительнаго сейма, чины уже раздаются сторонникамъ канцлера, Вишневецкихъ и Потоцкихъ. Чтобъ положить этому конецъ, Кейзерлингъ объявилъ вторично самому королю, что ни его величество, ни союзные Дворы не могутъ надѣяться на постоянное и твердое спокойствіе, когда вся сила и власть будутъ въ рукахъ только одной партіи, и именно той партіи, которая подала первый поводъ къ происшедшей смутѣ,—что необходимо уравновѣшивать силу фамилій. Поступки Двора привели Кейзерлинга къ тому убѣжденію, что король хочетъ создать свою собственную партію изъ опасенія, что русскіе приверженцы, увеличившись въ числѣ, будутъ владѣть и Дворомъ и республикою. Такъ какъ коронный гетманъ Потоцкій (воевода Кіевскій) не былъ приверженцемъ Россіи, то Кейзерлингъ считалъ необходимымъ, чтобъ гетманство полное дано было кому-нибудь не изъ партіи Потоцкихъ, и взялъ съ тайнаго кабинетнаго министра фонъ-Брюля обѣщаніе, что полное гетманство не будетъ никому дано безъ согласія императрицы.

Кейзерлингъ настаивалъ на созваніи умирительнаго сейма; противная партія возражала, что будетъ несогласно съ польскимъ уставомъ о вольности, если умирительный сеймъ будетъ держанъ въ то время, когда чужія войска находятся въ государствѣ. Кейзерлингъ замѣчалъ на это, что и прежде бывали случаи, когда сеймы отправлялись въ присутствіи чужестраннаго войска, и это присутствіе служило къ поддержанію польской свободы, а не къ уничтоженію ея, какъ, напримѣръ, присутствіе русскихъ войскъ во время сейма 1717 года, и если все, что происходитъ въ присутствіи иностранныхъ войскъ, незаконно, то незаконны будутъ избраніе и коронованіе нынѣшняго короля. Въ іюнѣ Кейзерлингъ согласился, чтобъ 19,000 русскаго войска были выведены за польскія границы, но оставались вблизи ихъ; чтобъ въ Польшѣ число русскихъ войскъ вмѣстѣ съ саксонскими простиралось до 50,000. Между тѣмъ, плѣнный примасъ, въ письмѣ своемъ, далъ Августу титулъ королевскій, за что, несмотря на возраженія Кейзерлинга, король позволилъ перевести его изъ Торна въ Ловичъ и далъ ему свободу. Въ іюлѣ примасъ пріѣхалъ въ Варшаву и представился королю, которому говорилъ такую рѣчь на Польскомъ языкѣ: „Божіе Провидѣніе никогда не обнаруживалось столь осязательнымъ образомъ, какъ въ возвышеніи вашего величества на Польскій престолъ и въ утвержденіи на немъ. Я признаю ваше величество законнымъ королемъ Польскимъ, и хотя являюсь съ этимъ признаніемъ между послѣдними, однако мое признаніе такъ же полно и истинно, какъ признаніе тѣхъ, которые съ нимъ явились первые. При этомъ прошу королевской милости притѣсненнымъ и истощеннымъ обывателямъ королевства, и если настоящія обстоятельства не допускаютъ вывести всѣхъ войскъ изъ государства, то чтобъ по крайней мѣрѣ была выведена часть ихъ". Король, которому епископъ Краковскій перевелъ рѣчь примаса, отвѣчалъ на Французскомъ языкѣ увѣреніями въ своей неизмѣнной милости и расположеніи. Но примасъ зналъ, что однѣхъ королевскихъ милостей и расположенія мало, и потому написалъ письмо Русской императрицѣ: съ глубокою *адораціею* и надлежащимъ униженіемъ Θедоръ Потоцкій благодарилъ за милосердіе, оказанное хворому и несчастному старику, который остатокъ жизни своей употребитъ на молитвы о многолѣтнемъ и благополучномъ государствованіи императрицы, и будетъ во всемъ послушенъ ея велѣніямъ. Кейзерлингъ писалъ, что будетъ стараться удерживать примаса въ такихъ „добрыхъ сентиментахъ"; но для этого нуженъ былъ скорый отвѣтъ императрицы Потоцкому съ обнадеживаніями въ милостяхъ и щедротахъ, которыми онъ

прежде пользовался; Кейзерлингъ совѣтовалъ прислать примасу бриллiантовый крестъ. И канцлеръ Липскiй, епископъ Краковскiй, обратился къ Кейзерлингу съ просьбою объ исходатайствованiи щедротъ императрицы, ибо все его епископство такъ разорено, что нѣтъ никакой надежды два года получить какой-нибудь доходъ. Епископъ, посекрету, сообщилъ Кейзерлингу, что Дворъ жалѣетъ денегъ для подкуповъ на сеймикахъ, и эта экономiя можетъ быть большимъ препятствiемъ къ благополучному исходу дѣла; наоборотъ, королевскiе министры увѣряли посла, что Дворъ употребляетъ для сеймиковъ невѣроятныя суммы.

Кейзерлингъ торопился пацификацiоннымъ сеймомъ; но магнаты и министры объявили ему, что депутаты, которые съѣдутся на сеймъ, не позволятъ начать его и не приступятъ къ выбору сеймоваго маршала до тѣхъ поръ, пока съ русской стороны не будетъ объявлено, что во все продолженiе сейма не будетъ собираться контрибуцiя на содержанiе русскихъ войскъ, какъ уже объявлено со стороны короля относительно войскъ саксонскихъ. Кейзерлингъ отвѣчалъ, что не знаетъ, чѣмъ же войско будетъ содержаться во все это время; можно сдѣлать одно: расписанныя фельдмаршаломъ Минихомъ контрибуцiи убавить наполовину. Но Поляки не согласились. Къ этой неожиданной непрiятности присоединились еще столкновенiя русскихъ интересовъ съ королевскими: „Всѣ тѣ, которые вашего величества милостiю и покровительствомъ пользуются, имѣютъ несчастiе быть неугодными здѣшнему Двору“, писалъ Кейзерлингъ въ октябрѣ. Епископъ Плоцкiй (Залускiй), одинъ изъ самыхъ преданныхъ Россiи людей, сначала предъ министромъ Сульковскимъ (побочнымъ братомъ короля) и потомъ предъ королемъ заявилъ желанiе получить мѣсто канцлера, ибо Краковскiй епископъ по уставу не могъ занимать этого мѣста. Но графъ Сульковскiй прямо сказалъ ему, для чего онъ прежде заявилъ о своемъ желанiи Русской императрицѣ и такимъ образомъ оказалъ плохое довѣрiе своему королю; самъ король хотя принялъ его милостиво, однако далъ знать, для чего онъ не хотѣлъ положиться на его милость и просилъ предстательства въ Петербургѣ. Земскiе послы съѣхались и дѣйствительно не выбирали маршала, настаивая на выводъ войскъ или еще болѣе—на прекращенiе контрибуцiи. Въ ноябрѣ Кейзерлингъ извѣстилъ, что сеймъ безъ плода рушился, чему столько же почти причинъ, сколько въ Польшѣ частныхъ интересовъ; Дворъ скупился, и министры оправдывали скупость тѣмъ, что сеймъ первый при новомъ королѣ, и такъ какъ республикѣ самой онъ очень нуженъ, то недля-чего депутатовъ прiучать къ деньгамъ, въ противномъ случаѣ на будущее время король будетъ принужденъ постоянно употреблять деньги, чтобъ сеймъ состоялся. Кейзерлингъ могъ утѣшаться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что чины были розданы по его представленiю, т.-е. приверженцамъ Россiи.

Въ январѣ 1736 года, въ Варшаву прiѣхалъ молодой Огинскiй и привезъ обнадеживанiе, что какъ его отецъ, воевода Витебскiй, такъ и другiе литовскiе вельможи, находящiеся въ Кенигсбергѣ, желаютъ прiѣхать въ Варшаву, если только будутъ имѣть средства высвободиться изъ Кенигсберга, для чего прежде всего нужны деньги для уплаты долговъ. Кейзерлингъ склонилъ Дворъ къ тому, что онъ обѣщалъ выдать имъ чрезъ него, Кейзерлинга, 5,000 червонныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ королевскiе министры дали знать Кейзерлингу, что королю прiятно будетъ слышать, кому императрица желаетъ доставить Курляндiю по смерти герцога Фердинанда. Король нисколько не имѣетъ намѣренiя доставить это герцогство какому-нибудь саксонскому принцу,—ему прiятна будетъ та особа, которую изберетъ императрица, ибо король въ этомъ дѣлѣ желаетъ поступать единственно по желанiю ея величества. Кейзерлингъ, донося объ этомъ императрицѣ, писалъ: „Чрезвычайно хорошо могло бы быть, если-бъ я былъ увѣдомленъ напередъ и подъ рукою о высочайшемъ намѣренiи относительно кандидата на Курляндскiй престолъ. Я долженъ вывести изъ сомнѣнiя тѣхъ, которые опасаются, чтобъ Курляндiя не отошла къ прусскому или какому-нибудь другому сильному нѣмецкому принцу: изъ этого опасенiя проистекаетъ требованiе, чтобъ герцогомъ былъ избранъ непремѣнно кто нибудь изъ Курляндцевъ, по примѣру перваго герцога Кетлера. Но обстоятельства тогдашняго времени были совершенно другiя, чѣмъ теперь: тогда имѣнiя великаго магистра ордена были свободны отъ долговъ, а теперь герцогскiя имѣнiя обременены внѣшними и внутренними долгами, и Дворъ ими содержаться не можетъ; слѣдовательно будущiй герцогъ Курляндскiй долженъ быть богатъ, имѣть свои собственные доходы, а такого между Курляндцами найти нельзя“. Между тѣмъ Кейзерлингъ продолжалъ хлопотать о томъ, чтобъ удовлетворить знатнѣйшихъ Станиславцевъ и тѣмъ притянуть ихъ въ Русскую партiю: такъ, онъ потребовалъ, чтобъ воеводѣ Люблинскому Тарло дали воеводство Сендомирское, а Люблинское воеводство—сыну его. Старый Тарло прiѣхалъ въ Варшаву и заявилъ предъ Кейзерлингомъ желанiе загладить свое прежнее поведенiе покорностiю волѣ императрицы. Кейзерлингъ вмѣстѣ съ нимъ сочинилъ проектъ приступленiя Поляковъ, находившихся въ Кенигсбергѣ съ Станиславомъ, и король, кромѣ 5,000 червонныхъ, выданныхъ литовскимъ вельможамъ, назначилъ еще 5,000 для Поляковъ, и эти деньги опять пошли чрезъ Кейзерлинга. Съ примасомъ Потоцкимъ продолжались у Кейзерлинга лады; старикъ открылъ ему, что прусскiй резидентъ просилъ имѣть въ виду кандидатомъ на Курляндскiй престолъ втораго принца прусскаго; но что какъ республика, такъ и онъ, примасъ, никогда на это не позволятъ; что дѣло всего лучше сдѣлается такимъ образомъ, если король и республика предложатъ троихъ кандидатовъ изъ при-

родныхъ Курляндцевъ, а курляндскіе чины изберутъ одного изъ нихъ. Кейзерлингъ отвѣчалъ, что императрица не намѣрена навязывать никакого кандидата и желаетъ только одного, чтобъ Курляндія сохранила прежнюю правительственную форму и право избрать себѣ герцога.

Станиславъ Лещинскій наконецъ отправился изъ Кенигсберга; бывшіе при немъ Поляки возвратились въ отечество, признавъ королемъ Августа. Кейзерлингъ писалъ о нихъ: „Эти Поляки надѣются единственно на милость вашего и. в-ства; я не перестаю ихъ въ томъ подкрѣплять, и надѣюсь, что они не только теперь, но и впередъ могутъ быть съ пользою употреблены для интересовъ вашего величества. Стражникъ литовскій Попѣй отъ великодушія вашего величества желаетъ получить 3,000 червонныхъ, для уплаты сдѣланныхъ въ Кенигсбергѣ долговъ. Онъ пользуется довѣріемъ и любовію литовскаго шляхетства и почти единственный человѣкъ, который можетъ держать равновѣсіе съ радзивиловскимъ домомъ. Такъ какъ онъ поѣхалъ теперь на сеймики, то я ему далъ 400 червонныхъ и назначеннымъ отъ него людямъ—250. Описать нельзя, какъ велико число тѣхъ Поляковъ, которые просятъ милости вашего величества; обо всѣхъ нельзя ваше величество утруждать: я осмѣливаюсь писать только о тѣхъ, которые съ большею пользою могутъ быть употреблены". Благодаря этимъ вліятельнымъ Полякамъ, на сеймѣ 1736 года дѣло кончилось по желанію Русскаго правительства: постановлено удержать въ Курляндіи прежнюю правительственную форму и дать королю право назначить новаго герцога; это рѣшеніе состоялось, несмотря на сильное сопротивленіе духовенства, которое грозило отлученіемъ тѣмъ депутатамъ, которые бы рѣшились говорить о Курляндскихъ дѣлахъ. Кейзерлингъ подкупилъ одного посла, который рѣшился начать говорить о Курляндіи и былъ поддержанъ преданными Россіи людьми, такъ что 114 голосовъ оказалось въ пользу и только шесть—противъ самостоятельности Курляндіи. Самую дѣятельную помощь Кейзерлингу оказали: новый канцлеръ коронный Залускій, князья Чарторыйскіе, каштелянъ Черскій и особенно, возвратившійся недавно изъ Франціи, Ожаровскій, бывшій прежде, какъ мы видѣли, ревностнымъ приверженцемъ Лещинскаго. Когда дѣло перешло изъ посольской избы въ сенатъ, то здѣсь духовенство и особенно епископъ Куявскій „двигали небо и землю" для уничтоженія рѣшенія посольской избы; епископъ Куявскій объявилъ Кейзерлингу, что самъ разорветъ сеймъ, если онъ, посолъ, не перестанетъ проводить Курляндское дѣло. Тогда Кейзерлингъ, по настоянію короля, объявилъ, что въ Россіи будетъ дозволено свободное отправленіе католическаго богослуженія и въ Курляндіи будетъ позволено произвести судъ относительно отнятыхъ у католиковъ двухъ церквей. Король спросилъ у духовенства, хочетъ ли оно упустить изъ рукъ такія выгоды и вмѣстѣ потерять Курляндію. Послѣ этого вопроса духовенство перестало сопротивляться. „Теперь надобно", писалъ Кейзерлингъ, „чтобъ ваше в—ство приняли рѣшеніе насчетъ особы будущаго герцога, ибо, по смерти стараго герцога, усилія иностранныхъ державъ увеличатся и должно будетъ ожидать большихъ затрудненій. Князь Вишневецкій и Радзивилы, также примасъ, по представленіи ему опредѣленной вашимъ в—ствомъ пенсіи, и коронный великій маршалъ Мнишекъ показали вѣрность и ревность свою въ Курляндскомъ дѣлѣ".

Курляндское дѣло было главнымъ предметомъ заботъ Кейзерлинга. Въ 1737 году онъ поѣхалъ въ Петербургъ за инструкціями и, на возвратномъ пути, въ Ригѣ узналъ о смерти герцога Фердинанда. Онъ отправился немедленно въ Митаву и оттуда, въ маѣ мѣсяцѣ, писалъ императрицѣ, что какъ можно скорѣе надобно произвести избраніе новаго герцога, что такого мнѣнія и доброжелательные польскіе вельможи: только скорымъ избраніемъ можно отнять время и случай у католическаго духовенства и чужихъ державъ возбудить новыя затрудненія и произвести въ здѣшней странѣ партіи и безпорядокъ. Кейзерлингъ относительно избранія устроилъ дѣла такъ, что, по выѣздѣ изъ Митавы, могъ писать императрицѣ: „Все здѣсь въ такой желанной диспозиціи находится, что я совершенно надеженъ, что никакія прусскія деньги, какъ бы велики ни были, ни малѣйшаго впечатлѣнія не произведутъ, ибо всякому здѣсь будущая безопасность уставовъ и вольностей своихъ пріятна, притомъ же извѣстно, какъ велика ненависть, которую республика питаетъ къ Пруссіи". Кейзерлингъ не допустилъ до оберратовъ курляндскихъ письма къ нимъ отъ стараго искателя герцогства, Морица Саксонскаго, который напоминалъ оберратамъ о своемъ прежнемъ избраніи. Морицъ писалъ и къ Кейзерлингу, предлагая пріѣхать въ Петербургъ, чтобъ покончить тамъ дѣла и требуя отъ Кейзерлинга слова, что его въ Петербургѣ не принудятъ ни къ чему и позволятъ уѣхать, когда захочетъ. Письмо осталось безъ отвѣта. Кейзерлингъ изъ Митавы спѣшилъ въ Дрезденъ, ко Двору Августа III, чтобъ тамъ устроить вторую половину дѣла. Получивши извѣстіе, что въ Митавѣ курляндскіе чины единодушно и добровольно избрали въ герцоги россійскаго императорскаго оберъ-камергера, имперскаго графа фонъ-Бирона, Кейзерлингъ немедленно объявилъ объ этомъ королю, и тотъ отвѣчалъ, что ему особенно пріятно избраніе Бирона съ исключеніемъ другихъ кандидатовъ, и такимъ образомъ исполнено желаніе республики, которая всегда требовала избранія природнаго Курляндца. Въ сенатѣ русскіе приверженцы, составлявшіе большинство, рѣшили дѣло въ пользу избранія Бирона, несмотря на протесты епископа Краковскаго, утвер-

ждавшаго, что курляндскіе чины преступили предѣлы правъ своихъ, ибо по смерти герцога только король могъ назначить сеймъ.

Въ Курляндіи и въ польскомъ сенатѣ дѣло кончилось благополучно; но что скажутъ на сеймѣ, тѣмъ болѣе что коронный гетманъ, Потоцкій, обнаруживалъ враждебные для Россіи замыслы. Самый важный вопросъ, который долженъ былъ рѣшиться на сеймѣ,—это старый вопросъ объ умноженіи польской арміи. Кейзерлингъ считалъ утвердительное рѣшеніе этого вопроса опаснымъ. „Такъ какъ", писалъ онъ въ маѣ 1738 года, „коронный гетманъ уже обнаружилъ свои вредные замыслы, то надобно его силу уменьшать, а не увеличивать увеличеніемъ войска. Я здѣсь внушалъ, чтобъ это увеличеніе произошло безъ отягощенія королевскихъ духовныхъ и шляхетскихъ имѣній; внушалъ, что оно возбудитъ подозрѣніе воюющихъ державъ и заведетъ республику далеко. Главнымъ вождямъ диссидентовъ, которыхъ много въ Великой Польшѣ, я внушилъ смотрѣть на сеймикахъ, чтобъ увеличеніе войска никакъ не прошло; теперь представляется имъ благопріятный случай получить свободу своей религіи и одинакія съ Католиками преимущества; но гораздо труднѣе будетъ этого достигнуть при сильной арміи, которая будетъ подкрѣплять католическое духовенство." Но изъ Петербурга посланникъ получалъ указы:—хлопотать, чтобъ Польша приняла участіе въ Турецкой войнѣ; хлопотать, чтобъ Польша вступила въ войну, и, въ то же время, препятствовать увеличенію ея войска было нельзя, и потому Кейзерлингъ писалъ, что если республика вступить въ войну не согласится, то онъ будетъ мѣшать увеличенію ея войска. Въ сентябрѣ Кейзерлингъ переѣхалъ изъ Дрездена въ Варшаву, гдѣ составилась коммисія для изысканія средствъ къ увеличенію войска, и уже нашла столько денегъ, что на нихъ можно было прибавить отъ 15 до 18,000 человѣкъ. Кейзерлингъ обратился къ главнымъ своимъ друзьямъ, Понятовскому и Чарторыйскому, съ внушеніемъ, что Польшѣ слѣдуетъ принять участіе въ войнѣ. Тѣ отвѣчали, что они вполнѣ согласны насчетъ необходимости войны; но вотъ бѣда: фельдмаршалъ Минихъ въ послѣднюю кампанію прошелъ чрезъ польскія владѣнія, и это даетъ возможность неблагонамѣреннымъ людямъ внушать шляхетству, что это сдѣлано нарочно, чтобъ втянуть республику въ войну, ибо Турки не преминули также войти въ польскія области и опустошить ихъ.

Въ концѣ сентября начался сеймъ, и начался волненіями по поводу прохода русскихъ войскъ чрезъ владѣнія республики. Недоброжелательные говорили, что этотъ поступокъ противенъ данному на пацификаціонномъ сеймѣ обѣщанію, что русскія войска не будутъ болѣе входить въ польскія владѣнія. Кейзерлингъ доказывалъ депутатамъ, что Минихъ имѣлъ полное право это сдѣлать, ибо Татары прежде, въ 1737 году, напали на Украйну черезъ польскія владѣнія; если же этимъ проходомъ русской арміи кому-нибудь изъ Поляковъ былъ причиненъ убытокъ, то онъ непремѣнно будетъ вознагражденъ. Но извѣстно, что русскими солдатами подданные республики не биты до смерти, въ плѣнъ не взяты, города и деревни не сожжены, что̀ именно сдѣлано Татарами, и, несмотря на то, о Татарахъ никто ничего не говоритъ. Но объясненія Кейзерлинга мало помогали, и онъ успѣлъ только въ одномъ,—что дѣло о проходѣ русскихъ войскъ было отложено; этимъ временемъ посланникъ воспользовался, чтобъ другого рода убѣжденіями „приводить земскихъ пословъ къ лучшему разсужденію и намѣренію". Такъ какъ не оказалось никакой надежды склонить сеймъ къ объявленію войны Турціи, то оставалось дѣйствовать противъ увеличенія числа войска. Видя, что большая часть пословъ убѣждена въ необходимости этого увеличенія, Кейзерлингъ вмѣстѣ съ австрійскимъ посланникомъ и королевскимъ Дворомъ положили дѣйствовать тайно и осторожно, именно—давать видъ, что умноженіе войска чрезвычайно для нихъ желательно, а между тѣмъ дѣйствовать такъ, чтобъ сеймъ принялъ умноженіе войска какъ дѣло преднамѣренное только (dispositive). Это было легко сдѣлать именно потому, что между желающими умноженія войска было несогласіе относительно того, чѣмъ содержать его и отъ кого оно должно зависѣть: такъ, нѣкоторые хотѣли, чтобъ учреждена была ландмилиція, зависящая отъ короля и республики, что̀ было оскорбительно для Потоцкаго, видѣвшаго здѣсь недовѣріе къ себѣ. А между тѣмъ срокъ сейма истекалъ, и самъ гетманъ, требовавшій сначала дѣйствительнаго умноженія войска, за день до заключенія сейма, отказался отъ своего требованія и согласился, чтобъ постановлено было преднамѣренное умноженіе. Но уже было поздно: никакіе вопросы рѣшены быть не могли, и сеймъ „рушился безплодно".

Потоцкій уѣхалъ съ сейма недовольный, и не переставалъ обнаруживать вражду къ Россіи. Весною 1739 года Татары вторглись въ русскіе предѣлы изъ польскихъ владѣній, гдѣ встрѣтили, по распоряженію гетмана, самый дружественный пріемъ, были снабжены всѣмъ нужнымъ. Къ Потоцкому отправленъ былъ генералъ-маіоръ Даревскій, которому Кейзерлингъ далъ двѣ инструкціи—явную и тайную. Въ явной Даревскому предписывалось удостовѣрить гетмана и всѣхъ другихъ, что Россія свято сохранитъ договоры съ Польшею во всѣхъ пунктахъ, и, для предупрежденія всякаго враждебнаго столкновенія между Русскими и Поляками, ему, Даревскому, и велѣно быть при гетманѣ; увѣрить Потоцкаго въ милости императрицы и въ готовности показать дѣйствительные ея опыты. Въ тайной инструкціи говорилось: обнадежить коронную гетманшу дѣйствительными опытами высочайшей милости и щедрости, какъ только окажутся полезныя дѣйствія ея стараній. Такъ какъ генералъ Миръ и староста Струтинскій имѣютъ сильное вліяніе на гетмана, то стараться всякими спосо-

бами привлечь ихъ на сторону Россіи. Можно дать знать генералу Миру, что онъ сильно обнесенъ при королевскомъ Дворѣ и держится въ своемъ чинѣ только силою гетмана; но гетманъ старъ и слабъ; слѣдовательно его покровительство не можетъ быть продолжительно, и потому благоразуміе требуетъ искать другого покровительства,—именно покровительства Русской императрицы; обнадеживать его и пенсіей и ходатайствомъ за него Кейзерлинга при Польскомъ Дворѣ. Нужно такъ же деньгами и всякими другими способами привлечь на свою сторону Струтинскаго, чрезъ котораго идетъ тайная корреспонденція: чрезъ него, слѣдовательно, можно будетъ открывать французскія, шведскія и турецкія намѣренія. Кромѣ этихъ инструкцій, Даревскій былъ снабженъ письмами отъ Понятовскаго и Чарторыйскаго, а главное — отъ жены короннаго маршала Мнишка, матери гетманши Потоцкой; Кейзерлинъ болѣе всего надѣялся привлечь Потоцкаго *этимъ каналомъ*, т.-е. посредствомъ тещи, которой дано было 1,500 червонныхъ и обѣщано 20,000 ефимковъ. Дочери ея, Потоцкой, дано было 1,300 червонныхъ. Кромѣ этихъ лицъ, Литовскому гетману, князю Вишневецкому, дано было 800 червонныхъ и женѣ его 2,500; самому коронному гетману, Потоцкому, подарены были часы въ 700 червонныхъ; примасъ получилъ ежегодной пенсіи 3,166 червонныхъ; духовникъ его—100 червонныхъ, сеймовому маршалу на сеймѣ 1738 года дано было 1,000 червонныхъ, разнымъ земскимъ посламъ—33,000; князю Радзивилу, воеводѣ Новогрудскому,—500; нѣкоторымъ постояннымъ пенсіонерамъ—1,672 червонныхъ.

Извѣстіе о проходѣ Миниховой арміи чрезъ польскія владѣнія опять подняло сильное волненіе. Даревскій писалъ, что онъ въ успѣхѣ повѣренныхъ ему дѣлъ сильно сомнѣвается и считаетъ пребываніе свое при гетманѣ безполезнымъ. Кейзерлингъ написалъ Мнишку и женѣ его, чтобъ они немедленно ѣхали къ Потоцкому и своимъ присутствіемъ приводили его къ лучшему намѣренію. Кейзерлингъ приписывалъ враждебность Потоцкаго особенно тому, что Минихъ не принялъ его ходатайства за одного Жида: „Онъ не меньше честолюбивъ, какъ и сребролюбивъ, и Турки пользуются этою его слабостію“, писалъ посланникъ. Но волненія въ Польшѣ все усиливались: толковали о конфедераціи; Поляки изъ Франціи присылали письма въ Польшу, что еще нельзя отчаяваться, чтобъ старый отецъ отечества, т.-е. Лещинскій, снова не явился въ Польшѣ. Кейзерлингъ на каждой почтѣ внушалъ Даревскому, чтобъ приклонялъ короннаго гетмана на русскую сторону, хотя бы для этого надобно было истратить большую сумму денегъ. Даревскій писалъ ему, что Минихъ уже обѣщалъ Потоцкому 100,000 рублей, и Потоцкій хотя не принялъ, но и не отвергнулъ, а обѣщалъ снестись съ коронными маршаломъ Мнишкомъ и его женою. 23 августа графиня Мнишекъ увѣдомила Кейзерлинга, что Потоцкій намѣренъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ и уже вступилъ съ Даревскимъ въ секретную и конфидентную конференцію. Но относительно короннаго гетмана Кейзерлингъ не могъ успокоиться, тѣмъ болѣе что коронный подканцлеръ, Малаховскій, сообщилъ ему проектъ союза между Польшею и Турціею, съ которымъ Подольскій стольникъ Гуровскій ѣздилъ въ Константинополь отъ Потоцкаго и нѣкоторыхъ другихъ сенаторовъ. Въ этомъ проектѣ Поляки предлагали составить конфедерацію, для чего требовали отъ Порты отъ 3 до 400,000 червонныхъ взаймы, и Порта обѣщала исполнить это требованіе, какъ скоро конфедерація будетъ составлена. Порта согласилась и на другое требованіе: выставить у Хотина и Сорокъ 50,000 Турокъ и Татаръ, для подкрѣпленія Поляковъ въ ихъ дѣйствіяхъ противъ Русскихъ. Поляки требовали, чтобъ Порта побудила Швецію прислать къ нимъ на помощь 10,000 пѣхоты и 500 офицеровъ для обученія польскихъ войскъ. На это требованіе Порта отвѣчала, чтобъ Поляки сами снеслись объ этомъ въ Швеціею. Гуровскій получилъ въ Константинополѣ въ подарокъ 6,000 ефимковъ и шесть лошадей, и, по возвращеніи, подговорилъ нѣсколько хоругвей коронной арміи, соединилъ ихъ съ турецкимъ войскомъ, послѣ чего издалъ универсалы. призывая къ конфедераціи воеводство Подольское; но Подольскій воевода, Ржевускій, удержалъ шляхту въ покоѣ. Между тѣмъ вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы республики и грабежи казаковъ продолжали подавать поводъ къ волненіямъ, и король, для ихъ успокоенія, по внушенію Кейзерлинга, отправилъ какъ въ Петербургъ, такъ и въ Константинополь посольства съ требованіемъ вознагражденія за убытки и достаточнаго обнадеживанія, что впредь съ обѣихъ сторонъ польскія границы не будутъ захватываемы. Но Кейзерлингъ продолжалъ безпокоиться: „Какъ знатное, такъ и мелкое шляхетство,“ писалъ онъ, „почти повсюду желаетъ усиленія арміи; такъ какъ оно твердо увѣрено, что зависть сосѣднихъ державъ ихъ къ тому никогда не допуститъ; такъ какъ это дѣло безъ сейма провести нельзя, а сеймы постоянно рвутся, то уже въ прошломъ году многіе были того мнѣнія и мелкому шляхетству внушали, что усиленіе арміи можетъ быть произведено только посредствомъ конфедераціи; а я конфедераціи больше боюся, чѣмъ конвенціи Гуровскаго, тѣмъ болѣе что продолжительная война можетъ имъ въ томъ способствовать и развязывать руки“.

Извѣстіе о заключеніи мира между Россіею и Портою успокоило посланника, такъ что когда, въ концѣ 1739 года, изъ Петербурга указали ему на опасность отъ шведскихъ интригъ, то онъ отвѣчалъ: „Слова и представленія шведскаго министра въ Польшѣ суть пустыя чаши, которыя, если золотомъ не наполнены, у Поляковъ никакого впечатлѣнія и звука не производятъ. Я старался развѣдать, употребляетъ ли шведскій министръ этотъ магнитъ, и, узнавъ, что ничего изъ Швеціи ему не прислано, успокоился; а теперь, при заклю-

ченіи мира съ Портою, еще менѣе можно опасаться".

Между тѣмъ, приближалось время сейма. Весною 1740 года графъ Брюль объявилъ Кейзерлингу, что король приметъ за знакъ дружбы, если получитъ конфидентное изъясненіе, охотно ли императрица желаетъ, чтобъ сеймъ состоялся, и что́ желаетъ въ немъ провести, и склонна ли помогать тому, чтобъ онъ состоялся. Въ первомъ случаѣ надо заблаговременно пресѣчь всѣ препятствія къ успѣшному окончанію сейма. Первое препятствіе—это жалобы многихъ на обиды, причиненныя русскими войсками при проходѣ ихъ чрезъ польскія области: самый легкій способъ къ отстраненію этого препятствія—назначить съ русской стороны нѣкоторую сумму денегъ, которую русскіе коммисары раздѣлятъ между вельможами, а эти—между мелкою шляхтою. Но самый лучшій способъ къ тому, чтобъ сеймъ не порвался,—это провести умноженіе войска, чего польская нація такъ усердно желаетъ. Король не несклоненъ удовлетворить желанію націи, которая не можетъ равнодушно видѣть свои обнаженныя границы подверженными насильственному вербованію и другимъ дерзостямъ со стороны сосѣднихъ державъ. Проведеніе этого пункта всего больше поможетъ сейму состояться, и потому король заблаговременно желаетъ знать, угодно ли императрицѣ чрезъ своихъ друзей проводить умноженіе войска.

Но рѣшеніе этого вопроса было важно не для одной Россіи. Къ Кейзерлингу явился прусскій резидентъ, Гофманъ, съ объявленіемъ, что король его, по дружбѣ къ императрицѣ и по общему сосѣдственному интересу относительно республики Польской, приказалъ ему поговорить съ нимъ откровенно и условиться, какъ дѣйствовать на сеймѣ, какъ отвращать вредное и содѣйствовать полезному. Здѣсь преимущественно важны три пункта: 1) умноженіе войска, что̀ не можетъ быть очень пріятно для сосѣдей; 2) вопросъ торговый; 3) диссидентское дѣло. Относительно перваго пункта Гофманъ объявилъ, что, по сентиментамъ его короля, умноженіе войска не доброе дѣло, и, слѣдовательно, лучше было бы сеймъ разорвать. Кейзерлингъ отвѣчалъ, что умноженіе войска будетъ не такъ велико, чтобъ могло возбудить опасеніе сосѣднихъ державъ; очень сильнаго увеличенія войска не можетъ допустить и самъ король Польскій, изъ опасенія чрезмѣрно увеличить значеніе гетмана; притомъ дѣло еще далеко до конца, ибо если увеличеніе войска составляетъ предметъ общаго желанія, то, съ другой стороны, существуетъ сильное разногласіе относительно способовъ этого увеличенія, разногласіе по вопросу, откуда брать деньги на содержаніе войска. Слѣдовательно, все, что можетъ сдѣлать настоящій сеймъ,—это назначить коммисію для обсужденія вопроса. И такъ какъ умноженіе войска есть предметъ общаго желанія, то стараться противодѣйствовать исполненію этого желанія—значитъ возбуждать противъ себя всеобщую ненависть; а секретно это дѣлать нельзя, потому что надобно употреблять Поляковъ же; наконецъ, если Поляки увидятъ, что чужія державы разрываютъ сеймы для воспрепятствованія умноженію войска, то обратятся къ чрезвычайному средству—къ конфедераціи, что́ будетъ для сосѣднихъ державъ гораздо опаснѣе. Что касается религіознаго вопроса, то поднимать его на сеймѣ безполезно, ибо всякій разъ, какъ онъ былъ поднимаемъ, постановленія противъ диссидентовъ подтверждались новыми, болѣе для нихъ тяжкими; надобно настаивать на одно,—чтобъ приведено было въ дѣйствіе сеймовое постановленіе 1736 года о коммисіи для изслѣдованія диссидентскаго дѣла.

Кейзерлингъ тѣмъ болѣе опасался усиливать нерасположеніе къ Россіи, что враждебныя дѣйствія противъ нея нѣкоторыхъ и знатнѣйшихъ вельможъ продолжались. Воевода Подольскій Ржевускій успѣлъ склонить извѣстнаго Гуровскаго къ тому, что тотъ инкогнито поѣхалъ въ Варшаву и подалъ королю подробный доносъ о сношеніяхъ вельможъ съ Турками: условлено было образовать конфедераціи, и когда волненіе распространится, то сильному корпусу Турокъ дѣйствовать въ Польшѣ, другому корпусу вторгнуться въ Богемію, Силезію и идти далѣе въ глубь цесарскихъ владѣній, а Шведамъ дѣйствовать изъ Финляндіи. Связь польскихъ вельможъ съ Турціею и Швеціею еще не прекратилась, сношенія продолжаются; часть переписки идетъ черезъ него, Гуровскаго, но онъ обязуется доставлять ее королю. Въ награду за это, Агустъ III назначилъ Гуровскому ежегодную пенсію. Ночью Ржевускій привезъ Гуровскаго къ Кейзерлингу, и тотъ узналъ отъ него, что гетманъ Потоцкій съ трудомъ согласился войти въ обязательство съ Портою, а покойный примасъ былъ того мнѣнія, что время выбрано неудобное и они находятся не въ такой силѣ, чтобъ могли привести въ дѣйствіе задуманный планъ. Сильнѣе всѣхъ дѣйствовалъ воевода Бельзскій—Потоцкій, который въ 1739 году вмѣстѣ съ шведскимъ министромъ выпытывалъ у прусскаго резидента Гофмана, будетъ ли его король помогать этому предпріятію. Гофманъ отвѣчалъ, что онъ не берется вести это дѣло, пусть пошлютъ въ Берлинъ повѣреннаго, который сдѣлаетъ предложеніе самому королю. Воевода Бельзскій отправился въ Берлинъ, и король обѣщалъ дать конфедератамъ 50,000 ружей съ штыками; Кейзерлингъ далъ Гуровскому 1,000 ефимковъ.

Такъ обнаруживалась дружба Прусскаго короля къ императрицѣ, дружба, о которой говорилъ Гофманъ. Мы видѣли, что помѣхою этой дружбѣ были Польскія дѣла, возведеніе на Польскій престолъ курфирста Саксонскаго, который, опираясь на Россію и Австрію, не считалъ для себя необходимымъ удовлетворять прусскимъ требованіямъ. Въ началѣ

---

[7]) Дѣла Польскія 1735—1740 годовъ.

1735 года Ягужинскій былъ смѣненъ при Прусскомъ Дворѣ извѣстнымъ намъ барономъ Браклемъ, который былъ принятъ королемъ очень милостиво. „Король", писалъ Бракель, „все дѣлаетъ своею головою одинъ, и министры о королевскихъ рѣшеніяхъ, ежедневно измѣняющихся по конъюнктурамъ, узнаютъ только тогда, какъ они уже состоялись. Проектъ общаго мира, предложенный морскими державами, очень не нравится при здѣшнемъ Дворѣ. Король, за столомъ, за которымъ и я имѣлъ честь обѣдать, говорилъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ о Французахъ, если они примутъ проектъ и покинутъ Станислава. Нельзя описать злобу, которую всѣ здѣсь питаютъ къ королю Августу. Я долго разговаривалъ съ тайнымъ совѣтникомъ Тулемейеромъ, который разсуждалъ, что Петръ Великій съ Цесарскимъ и здѣшнимъ Дворами согласился никакъ не допускать Саксонскаго наслѣднаго принца на Польскій престолъ, а теперь оба императорскіе Двора, обойдя Пруссію, эту конвенцію уничтожили и хотятъ насильно поддержать на Польскомъ престолѣ Саксонскаго курфирста противъ воли Прусскаго короля, у котораго ключъ къ дверямъ Польши: слѣдовательно безъ Пруссіи Августъ никакъ не удержится на престолѣ, хотя бы вся Европа была за него. Нельзя понять, для чего императорскіе Дворы хотятъ усиливать Саксонскаго курфирста, который самъ по себѣ силенъ, имѣетъ восемь милліоновъ доходу и можетъ выставить 30,000 войска; для чего хотятъ ему подать случай, по смерти Цесаря, прежде всѣхъ нарушить прагматическую санкцію, Богемію и Силезію отобрать, установить наслѣдственность Польскаго престола въ своемъ Домѣ и наконецъ сдѣлаться самодержцемъ въ Польшѣ. Я отвѣчалъ, что опасенія насчетъ усиленія курфирста Саксонскаго неосновательны; гораздо вреднѣе всѣмъ сосѣдямъ и особенно Пруссіи Польскій король, который въ союзѣ съ Франціею и Швеціею и въ зависимости отъ нихъ". Королю не нравилось, что Россія посылаетъ Цесарю вспомогательный корпусъ; онъ говорилъ австрійскому посланнику, князю Лихтенштейну: „На русское войско никакъ полагаться нельзя, оно вовсе не такъ хорошо, какъ о немъ разглашаютъ; притомъ за недостаткомъ мундира и прочихъ потребностей не въ состояніи предпринять дальняго похода; я уже 20 лѣтъ съ ними обхожусь, и знаю, сколько на нихъ можно полагаться". Самому Бракелю король выражалъ опасенія, чтобы Августъ III не сдѣлался самодержавнымъ въ Польшѣ и чрезъ это страшнымъ для сосѣдей; о герцогствѣ Курляндскомъ сказалъ, что оно очень нужно для Лифляндіи и современемъ къ ней можетъ быть присоединено. — Фридрихъ-Вильгельмъ прямо сказалъ Лихтенштейну: „Я знаю, что мои министры и придворные взяли и берутъ деньги отъ Французскаго правительства, но я на нихъ за это не сержусь, потому что французскія деньги въ моемъ государствѣ обращаются".

Въ іюнѣ Бракель писалъ, что здоровье короля очень плохо, страшно кашляетъ и лѣвая рука сохнетъ; за обѣдомъ, на которомъ былъ и посланникъ, король говорилъ съ наслѣднымъ принцемъ и княземъ Дессау только о своей скорой смерти, какія пойдутъ послѣ нея перемѣны и расходы, такъ что все собранное имъ въ короткое время будетъ истрачено. Но опасенія скоро разсѣялись и въ августѣ король просидѣлъ цѣлую ночь, пиша проектъ объ улаженіи Польскихъ дѣлъ: онъ никакъ не могъ привыкнуть къ мысли, что Августъ останется на Польскомъ престолѣ, а потому, видя, что Станиславъ долженъ отказаться отъ него, предлагалъ, чтобъ оба соперника отказались, и Станиславъ и Августъ, и Поляки пусть выберутъ кого-нибудь третьяго изъ своихъ, а Станиславъ и Августъ пусть пользуются королевскимъ титуломъ и получатъ нѣкоторую сумму денегъ. Ночь пропала даромъ: Августъ III не думалъ отказываться отъ Польскаго престола, и досада Фридриха-Вильгельма, вслѣдствіе извѣстной его страсти, разрѣшилась самымъ смѣшнымъ образомъ: къ Бракелю явился камергеръ Полницъ съ просьбою, нельзя ли склонить Польскаго короля, чтобъ хотя прислалъ въ подарокъ шесть человѣкъ великановъ; Бракель отвѣчалъ, что если Прусскій король, въ вознагражденіе за своей плохой нейтралитетъ, поспѣшитъ поздравить Августа III Польскимъ королемъ, то послѣдній конечно окажетъ свою благодарность великанами. Полницъ проговорился, что присланъ самимъ королемъ. Польскіе вельможи, приверженцы Станислава, нашедшіе убѣжище въ Пруссіи, должны были заплатить за гостепріимство — великанами.

Въ 1736 году Бракель писалъ: „Здѣшніе министры меня обнадеживали, что король, по полученіи вѣдомости о сдачѣ Азова, большую радость оказывалъ и велѣлъ меня поздравить; а такъ какъ здѣсь ласки и учтивости понапрасну не оказываются, то думаю, что явится просьба о позволеніи набрать въ Россіи нѣсколько великорослыхъ людей". Когда, въ іюлѣ мѣсяцѣ, берлинскій оберъ-директоріумъ представилъ королю вѣдомость о вредѣ, причиненномъ разливомъ рѣкъ, то Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ въ отвѣтъ: „Въ Пруссіи у меня украдено 30.000,000, Богъ взялъ у меня два милліона, да будетъ воля Господня, яко на небеси и на земли". — „Это христіанское утѣшеніе", замѣчаетъ Бракель, „подкрѣплено огромнаго роста Неаполитанцемъ, который присланъ въ подарокъ королемъ дономъ-Карлосомъ".

Весною 1737 года сильный интересъ въ Берлинѣ былъ возбужденъ вопросомъ объ избраніи Курляндскаго герцога. Однажды, за столомъ, король сказалъ Бракелю, что бьется объ закладъ въ 1,000 червонныхъ, что герцогомъ будетъ выбранъ графъ Биронъ. Бракель отвѣчалъ, что можетъ статься, только Биронъ нисколько о томъ не старается, и ея величество обнадежила курляндское шляхетство, что она въ это дѣло не мѣшается. — „Однако два полка русскаго войска въ Курляндію вступили и туда же отправленъ русскій эмиссаръ," замѣ-

тилъ король. Несмотря на готовность биться объ закладъ, извѣстіе объ избраніи Бирона чрезвычайно непріятно поразило Берлинскій Дворъ: надѣялись, что срокъ избранія назначенъ будетъ Польскимъ королемъ и республикой, и потому будетъ время выдвинуть прусскихъ кандитатовъ. Король прямо обратился къ Бракелю съ упрекомъ, что курляндское дворянство принуждено было къ избранію генераломъ Бисмаркомъ и его полками. Но все должно было ограничиться упрекомъ, потому что Пруссія находилась во враждебныхъ отношеніяхъ почти ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ, особенно къ Ганноверу, вслѣдствіе насильственныхъ вербовокъ, которыя Фридрихъ-Вильгельмъ позволялъ себѣ въ чужихъ владѣніяхъ; притомъ очень занималъ вопросъ о Юлихбергскомъ наслѣдствѣ; наконецъ здоровье короля день-ото-дня становилось все хуже. Когда, въ началѣ 1739 года, Бракель откланивался Фридриху-Вильгельму передъ отъѣздомъ своимъ въ Вѣну, то король просилъ его увѣрить императрицу, что если Швеція или Польша нападутъ на Россійскую имперію, то онъ и безъ требованія съ русской стороны готовъ помогать всею своею силою, въ чемъ обязуется королевскимъ словомъ и честью, только проситъ полнаго довѣрія и откровенности, потому что графъ Левенвольдъ не откровенно съ нимъ поступалъ, откуда и произошло несогласіе въ Польскомъ дѣлѣ и нѣкоторая невольная холодность между обоими Дворами; онъ, съ своей стороны, охотно все забываетъ, и надѣется такъ-же забвенія со стороны императрицы. Въ началѣ 1740 года больной король былъ очень огорченъ извѣстіями, что Франція проводитъ его относительно Юлихбергскаго дѣла и находится въ тѣсной связи съ Швеціею, которую хочетъ наградить въ Лифляндіи. Въ присутствіи Бракеля, Фридрихъ-Вильгельмъ сказалъ шведскому послу: „Приведенныя въ Финляндію шведскія войска при теперешней продолжительной стужѣ или померзнутъ, или съ-голоду помрутъ, и Русскимъ тамъ некого будетъ бить“.

Въ февралѣ Фридрихъ-Вильгельмъ уже слегъ въ постель, тихо и покорно слушалъ внушенія духовныхъ; говорилъ съ сыномъ, какъ отецъ и другъ; уговаривалъ его не предаваться французскимъ прелестямъ, особенно не позволять театровъ и маскарадовъ; объявилъ духовенству, что отъ души прощаетъ всѣмъ своимъ врагамъ, между которыми самый злой—шуринъ его, король Англійскій; просилъ жену свою написать объ этомъ брату, однако не прежде кончины; а между тѣмъ велѣлъ распечатывать всѣ письма, чтобъ знать, что́ пишутъ о его болѣзни. Потомъ королю стало легче, онъ переѣхалъ въ Потсдамъ и продолжалъ тамъ бороться съ подагрою и водяною, къ величайшему изумленію медиковъ, которые утверждали, что всякій другой человѣкъ не могъ бы бороться и половину того времени. Наконецъ, 20 мая, Фридрихъ-Вильгельмъ 1-й умеръ, и на Прусскій престолъ вступилъ Фридрихъ II-й. Находясь въ памяти до послѣдней минуты, Фридрихъ-Вильгельмъ, въ присутствіи министра Подевильса, представлялъ своему наслѣднику пользу и необходимость союза съ Россіею, уговаривая Подевильса утверждать новаго короля въ этомъ мнѣніи; просилъ наслѣдника ни въ чемъ не торопиться, годъ или болѣе оставить все какъ было, пока основательно не изучитъ людей. Бракель доносилъ, что старый король умеръ во-время, потому что въ Берлинѣ хлѣба уже не было, и если бы Фридрихъ-Вильгельмъ прожилъ еще два дня, то въ народѣ необходимо произошло бы волненіе. Первымъ дѣломъ новаго короля было отворить магазины и продавать хлѣбъ за половинную цѣну. Потомъ онъ приказалъ навѣдаться у знаменитаго Потсдамскаго корпуса, состоявшаго изъ великановъ, какимъ образомъ каждый солдатъ туда попался, и кто желаетъ продолжать службу или не желаетъ. Почти всѣ Русскіе (около 300 человѣкъ) объявили, что желаютъ возвратиться въ отечество, и прислали объ этомъ просьбу къ Бракелю. Тотъ писалъ императрицѣ: „Такъ какъ изъ нихъ почти всѣ вашимъ величествомъ или вашими предками присланы въ подарокъ покойному королю, то неприлично было бы требовать ихъ назадъ; впрочемъ, можно найти средство освободить этихъ людей съ соблюденіемъ благопристойности“.

Новый король прислалъ къ Бракелю министра Подевильса съ объявленіемъ, что онъ предпочитаетъ Русскій союзъ другимъ, причемъ Подевильсъ внушалъ отъ себя, что въ Петербургѣ должны пользоваться такимъ добрымъ расположеніемъ Фридриха II. Бракель совѣтовалъ своему Двору ждать предложеній и условій изъ Берлина: предложенія обязательнаго союза дѣйствительно пошли въ ходъ, когда въ октябрѣ получено было потрясающее извѣстіе о смерти императора Карла VI-го. Въ Берлинѣ говорили, что Франція теперь сниметъ маску, и старый кардиналъ, по извѣстной своей политикѣ, съ миролюбивою умѣренностію воспользуется случаемъ для пріобрѣтенія нѣсколькихъ земель и мѣстъ. Думали, что курфирстъ Баварскій вступитъ въ Верхнюю Австрію, Богемію или Тироль, Турки разорвутъ миръ, Венгерцы взбунтуются. „Какія мѣры здѣшній Дворъ при этомъ приметъ“, писалъ Бракель,—„о томъ знать нельзя, потому что король едва ли съ своимъ министерствомъ будетъ объ этомъ совѣтоваться; во всѣхъ важныхъ дѣлахъ онъ дѣйствуетъ самъ собою. Несмотря на жестокую лихорадку и опасенія докторовъ, онъ работаетъ день и ночь, сочиняетъ проекты, особенно хлопочетъ объ усиленіи торговли въ своихъ земляхъ. Прилагаю извлеченіе изъ оригинальныхъ рескриптовъ, изъ которыхъ видно, какіе проекты сочинены для привлеченія рижскаго торга въ Кёнигсбергъ. Императорская Коммерцъ-Коллегія конечно будетъ думать о способахъ, какъ бы предупредить это намѣреніе“ [1]).

---

[1]) Дѣла Прусскія тѣхъ же годовъ. — Въ извлеченіи, присланномъ отъ Бракля, находится только заглавіе проекта о привлеченіи рижскаго торга въ Кенигсбергъ: Entwu f

Понятно, что Франція сильно хлопотала о привлеченіи молодаго Прусскаго короля на свою сторону, и могла обѣщать себѣ успѣхъ, потому что извѣстна была склонность Фридриха II-го ко всему французскому. Кантемиръ писалъ къ своему Двору изъ Парижа: „Будетъ большое счастіе, если Англійскій король будетъ въ состояніи уничтожить склонность новаго Прусскаго короля къ здѣшнему народу; а съ французской стороны ничего не пропускаютъ для уласканія его Прусскаго величества. Кардиналъ мнѣ сообщилъ, какъ пріятную вѣдомость, что Прусскій король пріѣзжалъ инкогнитно въ Страсбургъ, гдѣ былъ принятъ съ большими учтивостями. На поступки прусскихъ министровъ здѣсь какъ я, такъ и другіе иностранные министры прилежно смотримъ: до сихъ поръ примѣчается одно, что съ отличною учтивостію ихъ принимаютъ“ [1]).

Легко понять также, что Франція, давно хлопоча о томъ, чтобъ Сѣверо-Восточная Европа оказывала ей не препятствія, а помощь въ вопросѣ объ Австрійскомъ наслѣдствѣ, не могла не обратить вниманія на Данію. Въ Копенгагенѣ французскій министръ Шавиньи настаивалъ, чтобъ Датскій Дворъ заключилъ съ Франціею субсидный договоръ; но Датское правительство боялось, что эти обязательства съ Франціею могутъ завлечь его въ опасныя дѣла, и предпочло субсидный договоръ съ Англіею, который и былъ заключенъ въ началѣ 1739 года. Въ виду шведскихъ вооруженій, Алекс. Петр. Бестужевъ-Рюминъ стращалъ датскихъ министровъ внушеніями, что если на сѣверѣ начнутся безпокойства, то Россія принуждена будетъ всю торговлю свою перевесть попрежнему къ Архангельску, отчего въ зундской пошлинѣ произойдетъ ежегодно отъ 70 до 80,000 ефимковъ недобору, умалчивая о другихъ вредныхъ для Даніи послѣдствіяхъ. „Хотя здѣсь“, писалъ Бестужевъ, „болѣе десяти французскихъ партизановъ противъ одного истиннаго патріота, которые не токмо къ Шведамъ, но и къ Туркамъ болѣе, нежели къ Россіянамъ, склонны и всѣми удобоумышленными способы домогаются оныя мои инсинуаціи опровергать,—однако довольно могъ примѣтить, что на вышепомянутыя мои инсинуаціи немалая рефлекція чинится, чего ради на всѣ французскіе и шведскіе подвиги недреманно око имѣется“ [2]).

Стремленія Франціи усилить свое вліяніе въ континентальныхъ государствахъ возбудили наконецъ опасенія и въ Англіи, заставили ее думать о сближеніи съ Россіею, которая сначала казалась такою отдаленною страною. Мы видѣли, въ какомъ непріятномъ положеніи находился князь Кантемиръ въ Лондонѣ, когда онъ видѣлъ ясно, что англійское министерство хочетъ во что бы то ни стало держаться *дешевой* политики невмѣшательства, а изъ Петербурга слали ему указъ за указомъ хлопотать о союзѣ и высылкѣ англійской эскадры въ Балтійское море. И послѣ долго Кантемиру приходилось вести безполезную борьбу противъ политики невмѣшательства. Въ февралѣ 1735 года онъ доносилъ о разговорѣ своемъ съ Горасомъ Вальполемъ, по поводу шведскихъ субсидій: „Господина Вальполя отвѣтъ былъ, что въ негоціаціи съ Шведскимъ Дворомъ спѣшить не можно, понеже министерство англійское не можетъ безрасудно прибавлять обѣщанныхъ Швеціи субсидій, для того-что министры англійскіе должны друзей своихъ въ парламентѣ хранить для своего безопаства. Вамъ-де извѣстно, что противная партія не спитъ и всегда ищетъ внушать народу, что король много денегъ аглинскихъ напрасно тратитъ; какимъ же образомъ министерство себя, въ дачѣ Швеціи великихъ субсидіевъ, извинить можетъ, когда старается о негоціаціяхъ мирныхъ съ надеждою добраго сукцессу. Если миръ заключится, кчему намъ шведское войско? а если въ войну вступимъ, то тогда время довольно нанимать войско. Мы-де знаемъ, что опасно, чтобъ Швеція не вступила во французскіе интересы; да что-жъ намъ дѣлать?—обыкновенія нашего народа намъ руки вяжутъ и понуждаютъ всѣ дѣла дѣлать съ крайнею предосторожностію“. Кантемиръ жаловался, что англійское министерство „свое безопаство предпочитаетъ общему европейскому интересу“. Положеніе Голландіи очень вѣрно опредѣлилъ Кантемиръ въ разговорѣ съ лордомъ Гаррингтономъ. Когда тотъ сказалъ, что ничего нельзя сдѣлать прежде соглашенія съ Штатами, то Кантемиръ отвѣчалъ ему, что „онъ самъ вѣдаетъ, что въ Голландіи главнѣйшіе правители охотно Французовъ къ самымъ дверямъ отечества допустятъ, нежели войну начнутъ, которая имъ статгалдера обѣщаетъ, и что потому нечего отъ такихъ людей добра ожидать, если его Англійское величество своимъ образцомъ и другими способами не понудитъ къ защитѣ падающаго европейскаго равновѣсія, на что онъ отвѣтствовалъ, что когда его в—ство пріиметъ резолюцію вступить въ войну, то подлинно долженъ понудить статовъ генеральныхъ или вступить въ въ однѣ съ его в—ствомъ мѣры, или объявиться противъ его величества, понеже, пребывая нейтральными, аглинской торгъ великій ущербъ понесетъ“.

Въ августѣ Кантемиръ имѣлъ долгіе разговоры съ Горасомъ Вальполемъ и герцогомъ Ньюкестлемъ, изъяснилъ имъ опасность, грозящую европейскому равновѣсію отъ чрезмѣрнаго усиленія Франціи; настаивалъ, что интересъ обѣихъ морскихъ державъ требуетъ предупредить вредныя слѣдствія этого усиленія; обѣщалъ, что Россія будетъ помогать морскимъ державамъ, если онѣ рѣшатся наконецъ на какой-нибудь смѣлый шагъ въ пользу Цесаря. Изъ отвѣтовъ обоихъ онъ заключилъ, что король Георгъ еще самъ не знаетъ, какія мѣры приметъ, и что Англія безъ Голландіи войны не начнетъ.

---

des Poppen zu Pillau. Wie der Handel von Riga allmählich nach Königsberg zu ziehen sey.

[1]) Дѣла Французскія 1740 года.

[2]) Дѣла Датскія 1735—1740 годовъ.

Кончилась война за Польшу; началась Турецкая война, и тутъ со стороны Англіи такое же отсутствіе сколько-нибудь энергическихъ мѣръ для ея прекращенія. „Министерство англійское желаетъ видѣть заключеніе мира“, писалъ Кантемиръ въ 1737 году, „а каковы къ тому способы интересованнымъ державамъ приличнѣе—не ихъ печаль“. Но когда Россія и Австрія приняли посредничество Франціи; когда исходъ Турецкой войны показалъ всю слабость Австріи; когда политика Франціи торжествовала на сѣверѣ и югѣ Европы; когда Англія вступила въ войну съ Испаніею и боялась, чтобъ Франція не явилась на помощь послѣдней: то въ Англіи почли необходимымъ сблизиться съ Россіею, заключить съ нею оборонительный союзъ, и для этого отправили въ Петербургъ полномочнаго министра Финча, тогда какъ до сихъ поръ здѣсь находился только резидентъ Рондо. Въ сентябрѣ 1740 года, герцогъ Ньюкестль говорилъ князю Ивану Щербатову, смѣнившему въ Лондонѣ князя Кантемира: „Франція, подъ видомъ дружбы и посредничества въ примиреніи Англіи съ Испаніею, ищетъ всѣхъ способовъ тѣснить Англію точно такъ, какъ поступала и поступаетъ съ Россіею относительно Швеціи, имѣя въ виду всегда одни шведскіе интересы. Поэтому теперь время, прежде шведскаго сейма, для предосторожности отъ Бурбонскаго Дома, заключить союзъ между Россіею и Англіею, въ который желательно также привлечь королей: Прусскаго, Датскаго и Польскаго, потомъ и Голландцы могутъ войти въ союзъ, но прежде они боятся открыть себя“ [1]).

1740 годъ начался въ Петербургѣ приготовленіями къ чрезвычайнымъ торжествамъ [2]): съ особеннымъ великолѣпіемъ, которое такъ любила императрица, хотѣли отпраздновать заключеніе мира съ Портою. 14 февраля болѣе 20,000 войска было выстроено на Невѣ передъ Зимнимъ домомъ (дворцомъ), подъ командою генерала Густава Бирона. Императрица, въ богатой робѣ, съ бриллиантовою короною на головѣ, благоволила шествовать въ придворную церковь, препровождаемая его высококняжескою свѣтлостію, герцогомъ Курляндскимъ. Въ церкви, на амвонѣ, секретарь Бакунинъ, окруженный герольдами, читалъ манифестъ о мирѣ, послѣ чего въ передней передъ церковію раздались литавры и трубы, на Адмиралтейской и Петропавловской крѣпостяхъ загрохотали пушки, войска дали ружейный залпъ. Когда утихла пальба, преосвященный Амвросій Вологодскій произнесъ съ немалымъ краснорѣчіемъ весьма изрядную проповѣдь. Но Амвросій нисколько не замѣнялъ Ѳеофана, и потому ему не позволялось говорить длинныхъ проповѣдей; въ 1737 году, по случаю взятія Очакова, императрица писала кабинетъ-министрамъ: „Господа кабинетъ-министры! при благодарительномъ отправленіи службы Божіей и молебствованіи говорить казанье Вологодскому архіерею, токмо не очень пространное и не долгое“ [3]). Послѣ молебна, императрица дѣлала смотръ полкамъ, которые палили съ несказанною поспѣшностію и исправностію. По возвращеніи со смотра, начались поздравленія: предводимые оберъ-гофмаршаломъ, графомъ Левенвольдомъ, и генераломъ фонъ-Любрасомъ, выступили впередъ „отъ всѣхъ чиновъ Всероссійской имперіи, яко депутаты“: князь Черкасскій, Волынскій, фельдмаршалы Минихъ и Леси, и князь Черкасскій отъ лица всей Россіи говорилъ поздравительную рѣчь, которая оканчивалась молитвою, чтобы Русскіе, послѣдуя стопамъ великой императрицы въ заповѣдяхъ Божіихъ, могли творить угодное предъ Господомъ. А между тѣмъ по городу, съ помпою, при звукахъ трубъ и литавръ, ѣздили герольды, читали манифестъ о мирѣ и бросали въ народъ золотые и серебряные жетоны. Темнота ночи, послѣдовавшей за этимъ торжественнымъ днемъ, была почти весьма нечувствительна, благодаря великолѣпной иллюминаціи, ибо и въ самыхъ бѣдныхъ домахъ ни на одномъ окнѣ меньше десяти свѣчъ зажечь нельзя было. На другой день маскарадъ во дворцѣ; 17 февраля угощеніе народу; герольды метали на всѣ стороны золотые и серебряные жетоны: „и понеже сіе въ волнующемся народѣ производило весьма веселое движеніе, то ея императорское величество и прочія высокія особы чрезъ довольное время смотрѣніемъ изъ оконъ веселиться изволили“. Когда же народъ ринулся къ приготовленному для него кушанью и пущенному изъ фонтана красному вину, то высокія особы еще болѣе увеселились. Во дворцѣ потомъ балъ и ужинъ, на Невѣ великолѣпный фейерверкъ: „и понеже огни въ приближающійся къ мѣсту фейерверка народъ нечаянно пущены были, то произвели они въ немъ слѣпой страхъ, смущенное бѣгство и великое колебаніе, что высокимъ и знатнымъ смотрителямъ при Дворѣ ея и. в—ства особливую причину къ веселію и забавѣ падало“.

Очень многіе могли сравнить это торжество срытія азовскихъ укрѣпленій, за которое было заплачено 100,000 русскихъ солдатъ, съ торжествомъ Ништадтскаго мира при великомъ дядѣ, и, сравнивая торжества, сравнить причины ихъ. Въ манифестѣ о мирѣ провозглашалось: „Война прекращена въ благополучный миръ... Чрезъ оный миръ границы наши такимъ образомъ распространены, что онѣ уже претерпѣннымъ донынѣ самовольнымъ набѣгамъ и разореніямъ болѣе подвержены не будутъ, но въ потребную безопасность приведены; прежнія извѣстнаго несчастливаго Прутскаго трактата кондиціи вовсе уничтожены, и государство наше отъ такихъ весьма обидныхъ, предосудительныхъ и безславныхъ обязательствъ осво-

[1]) Дѣла Англійскія 1735—1740 годовъ.

[2]) Краткое описаніе торжества, съ которымъ славный миръ въ С.-Петербургѣ праздпованъ, въ примѣч. на С.-Петерб. Вѣдомости 1740 года.

[3]) Кабинетныя дѣла 1737 года въ Москов. архивѣ мин. иностр. дѣлъ.

бождено"[1]). Но многіе могли не понимать, какимъ образомъ границы распространены такъ, что Татары не могутъ болѣе въ нихъ вторгаться; многіе знали, что кондиціи Прутскаго трактата не вовсе уничтожены. Во время фейерверка на Невѣ горѣли слова: „Безопасность имперіи возвращена"; но уже было извѣстно, что Порта заключаетъ союзъ съ Швеціею, а Швеція грозитъ войною Россіи. Послѣ мирныхъ торжествъ, весною того же года, велѣно было всѣ крѣпости, и особенно *остзейскія*, въ надлежащую исправность и оборону приводить съ возможнымъ поспѣшеніемъ[2]). Было извѣстно, что Франція подняла въ Швеціи антирусскую партію, и въ то же время Франція посредничала при заключеніи мира Россіи съ Портою, и въ Петербургѣ на придворномъ балу, по случаю мирнаго торжества, видѣли давно небывалое здѣсь лицо: открывалъ балъ менуэтомъ съ цесаревною Елисаветою Петровною французскій посолъ, маркизъ Шетарди, который во время Польской войны такъ сильно дѣйствовалъ въ Берлинѣ противъ Россіи. Его ждали съ нетерпѣніемъ въ Петербургѣ, надѣялись, что съ его пріѣздомъ разъяснится дѣло и Россія успокоится насчетъ Швеціи: но живой, ловкій, любезный маркизъ относительно дѣлъ политическихъ хранитъ упорное молчаніе. Зачѣмъ же пріѣхалъ Шетарди въ Россію?

Французскій агентъ Лалли, въ запискѣ своей о положеніи Россіи, поданной кардиналу Флёри, говорилъ: „Я не могу дать болѣе простой и въ то же время болѣе вѣрной идеи о Россіи, какъ сравнивъ ее съ ребенкомъ, который оставался въ утробѣ матери гораздо долѣе обыкновеннаго срока, росъ тамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и, вышедъ наконецъ на свѣтъ, открываетъ глаза, протягиваетъ руки и ноги, но не умѣетъ ими пользоваться; чувствуетъ свои силы, но не знаетъ какое сдѣлать изъ нихъ употребленіе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ въ такомъ состояніи допускаетъ управлять собою первому встрѣчному. Нѣмцы (если можно такъ назвать сборище Датчанъ, Пруссаковъ, Вестфальцевъ, Голштинцевъ, Ливонцевъ и Курляндцевъ) были этими первыми встрѣчными. Вѣнскій Дворъ умѣлъ воспользоваться такимъ положеніемъ націи, и можно сказать, что онъ управлялъ Петербургскимъ Дворомъ съ самаго восшествія на престолъ нынѣшней царицы". Лалли оканчиваетъ свою записку такъ: „Россія подвержена столь быстрымъ и столь чрезвычайнымъ переворотамъ, что выгоды Франціи требуютъ необходимо имѣть лицо, которое бы готово было извлечь изъ того выгоды для своего государя"[3]).

Такимъ лицомъ и былъ маркизъ Шетарди, присланный за тѣмъ, чтобъ освободить Россію изъ-подъ австрійскаго вліянія и подчинить французскому, и если этого нельзя было сдѣлать съ помощію настоящаго правительства, то произвести переворотъ, въ возможности котораго увѣряли. На первое было мало надежды: связь Петербургскаго Двора съ Вѣнскимъ, какъ казалось, была еще болѣе скрѣплена выдачею замужъ племянницы императрицыной, Анны Леопольдовны Мекленбургской (дочери герцогини Екатерины Іоанновны) за принца Антона Брауншвейгскаго, племянника цесаревны. Кантемиръ писалъ, что во Франціи недовольны этимъ бракомъ: когда онъ извѣстилъ о немъ, то ни король, ни Флёри, ни Амелотъ не отозвались никакимъ комплиментомъ. Во Франціи очень хорошо понимали значеніе Россіи; Кантемиръ писалъ въ 1740 году: „Статскаго секретаря Морепа недоброжелательство къ Россіи основано на его нравѣ; человѣкъ высокомѣрный и другъ одного своего народа, онъ не только не любитъ народовъ чуждыхъ, но тѣмъ и хвастаетъ, и такъ какъ между всѣми державами Россія можетъ болѣе другихъ противиться здѣшнимъ намѣреніямъ, то его недоброжелательство и направлено преимущественно противъ нея. Въ дѣлѣ пенсіона математику Мопертюи, какъ я подъ рукою провѣдалъ, ему, Морепа, противно показалось, что ваше величество хотѣли послѣдовать примѣру Людовика XIV, награждая ученыхъ людей и внѣ своего государства, какъ будто такая слава была позволена только здѣшнимъ государямъ"[4]). Въ инструкціи Шетарди говорилось: „Россія въ отношеніи къ равновѣсію на сѣверѣ достигла слишкомъ высокой степени могущества, и въ отношеніи настоящихъ и *будущихъ* дѣлъ Австріи союзъ ея съ Австрійскимъ Домомъ чрезвычайно опасенъ. Видѣли по дѣламъ Польскимъ, какъ злоупотреблялъ Вѣнскій Дворъ этимъ союзомъ. Если онъ могъ въ недавнее время привести на Рейнъ корпусъ московскихъ войскъ въ 10,000, то, когда ему понадобится подчинить своему произволу всю имперію, онъ будетъ въ состояніи наводнить Германію толпами варваровъ. Германскіе владѣтели такъ разъединены и такъ слабы, что отъ нихъ нельзя ожидать твердой рѣшимости предотварить такое великое несчастіе—предвѣстникъ ихъ будущаго паденія, и его величество давно обдумываетъ способы воспротивиться тому". Указывая на то, что сдѣлано Франціею въ недавне время въ Швеціи, инструкція даетъ знать, что все это сдѣлано съ цѣлью держать Россію въ постоянномъ опасеніи со стороны Швеціи и этимъ ослаблять выгоды Рускаго союза для Австріи. Потомъ инструкція прямо высказываетъ ту мысль, что самое вѣрное средство порвать союзъ между Австріею и Россіею—это правительственный переворотъ въ послѣдней: „Состояніе Россіи еще не обезпечено настолько, чтобы нельзя было ожидать внутреннихъ переворотовъ. Иноземное правительство для своего утвержденія ничѣмъ не пренебрегало въ притѣсненіи и разоганіи старинныхъ русскихъ фамилій; но все еще остались недовольные гнетомъ иностранцевъ: они

[1]) Полн. Собр. Зак., № 8060.
[2]) Дѣла Сената по бывшему Кабинету, № 16—1092.
[3]) Пекарскаго—Маркизъ де-ла-Шетарди, стр. 29.
[4]) Дѣла Французскія 1739 и 1740 годовъ.

вѣроятно прервутъ молчаніе и бездѣйствіе, когда увидятъ возможность сдѣлать это безопасно и съ успѣхомъ. Теперь король не можетъ имѣть вѣрныхъ подробностей объ этомъ положеніи; но, припоминая незначительность права, на основаніи котораго герцогиня Курляндская взошла на Русскій престолъ мимо принцессы Елисаветы и сына герцогини Голштинской, трудно предполагать, чтобъ за смертью царствующей государыни не послѣдовали волненія. Очень важно, чтобъ маркизъ Шетарди, употребляя всевозможныя предосторожности, узналъ какъ можно вѣрнѣе о состояніи умовъ, о положеніи русскихъ фамилій, о значеніи друзей принцессы Елисаветы, о приверженцахъ Дома Голштинскаго, которые остались въ Россіи, о духѣ въ разныхъ отдѣлахъ войска и командировъ его, наконецъ обо всемъ, что̀ можетъ дать понятіе о вѣроятности переворота" [1]).

Шетарди наблюдаетъ, вывѣдываетъ, хотя ему это очень трудно по незнанію языка: онъ не можетъ безъ переводчика объясняться ни съ императрицею, ни съ Бирономъ. Но ему не такъ нужно разговаривать съ императрицею и Бирономъ, какъ съ русскими вельможами; но изъ нихъ онъ могъ объясняться только съ княземъ Куракинымъ, —другіе не умѣли говорить по-французски, да и не имѣли охоты сближаться съ французскимъ посланникомъ. Шетарди признавался, что ему надобно вооружиться большимъ терпѣніемъ. Несмотря на препятствія, Шетарди кой-что провѣдалъ и спѣшилъ донести своему правительству, что есть тайное волненіе, возбужденное всеобщимъ и справедливымъ неудовольствіемъ народа противъ владычества иноземцевъ; но прошедшее достаточно показало, что недовѣрчивость Русскихъ другъ къ другу и недостатокъ въ людяхъ съ головой производятъ то, что никогда не найдутъ начальника, способнаго руководить при переворотѣ и дать ему успѣхъ; притомъ же это подвержено затрудненіямъ почти непреоборимымъ при такомъ тираннически деспотичномъ правленіи; слѣдовательно съ этой стороны, если не увлекаться химерами, нѣтъ никакой надежды. Даже нельзя много надѣяться и на движеніе въ случаѣ смерти царицы.

Есть тайное волненіе. неудовольствіе! Мы видѣли уже причины неудовольстія въ самомъ началѣ царствованія Анны, до переѣзда Двора въ Петербургъ. Съ 1732 года до 1740 причины эти не уменьшались, а увеличивались. Двѣ войны слѣдовали одна за другою: причины и выгодныя слѣдствія первой, Польской войны, для непосвященныхъ въ политическія соображенія были непонятны; понятны были побужденія ко второй, Турецкой войнѣ; но результаты ея были слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ огромными пожертвованіями людьми и деньгами; предпріятіе явно не удалось; дѣло съ начала до конца шло не такъ, какъ хотѣли, какъ надѣялись. А тутъ вмѣстѣ съ разореніемъ отъ войны, Башкирскій бунтъ, голодъ, пожары, повальныя болѣзни, неослабное и суровое взысканіе доимокъ, не перестающія жестокости: свергаютъ, заточаютъ архіереевъ, незаподозрѣнныхъ въ народѣ относительно ихъ Православія; пытаютъ, казнятъ вельможъ самыхъ видныхъ; нѣтъ пощады и людямъ менѣе значительнымъ. Тайная Канцелярія свирѣпствуетъ страшно.

Въ бѣдѣ человѣкъ любитъ жаловаться, ищетъ на кого бы сложить вину, даже и тогда, когда никто изъ существъ отвѣтственныхъ не виноватъ; тѣмъ сильнѣе жалобы, когда есть кого обременить отвѣтственностію, когда есть существо всѣмъ непріятное, за кого никто не заступится, которое находится въ печальной необходимости заступаться самъ за себя противъ всѣхъ, имѣетъ печальную возможность это дѣлать. При Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I-й недовольные складывали вину непріятнаго имъ положенія на фаворита Меншикова; при Петрѣ II-мъ—такъ же на фаворита Долгорукаго и его родственниковъ. И теперь фаворитъ владѣетъ волею государыни, управляетъ всѣмъ; но этотъ фаворитъ хуже всѣхъ прежнихъ: тѣ хотя и дѣлали много зла изъ корыстныхъ цѣлей, но все же были свои, Русскіе, и неохотники до иностранцевъ; а теперешній фаворитъ—иностранецъ, Нѣмецъ, и окруженъ своими земляками. Въ указахъ часто говорится о великомъ Дядѣ, о необходимости возстановить его полезныя отечеству распоряженія; но главное правило великаго Дяди—не давать первенства иностранцамъ предъ Русскими, управлять посредствомъ своихъ:—это правило было забыто, а оно-то было всего дороже для Русскихъ. Народное чувство было сильно оскорблено, когда увидали небывалое явленіе—фаворита иностранца; когда увидали перваго кабинетъ-министра—иностранца, двоихъ дѣйствующихъ фельмаршаловъ—иностранцевъ, президентовъ коллегій—иностранцевъ. Съ этимъ явленіемъ не могли помирить никакіе таланты, никакая благонамѣренность, никакой блестящій успѣхъ въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ; а тутъ, какъ нарочно, главное лицо, фаворитъ, былъ человѣкъ безъ достоинствъ, безплодно для Россіи кормившійся на ея счетъ.

Сначала радовались паденію прежняго фаворита и его родственниковъ; но скоро неудовольствіе на новыхъ любимцевъ заставило благодушнѣе относиться къ старымъ, и когда подвергся опалѣ лучшій изъ Долгорукихъ, фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ, то онъ уже явился героемъ-обличителемъ, погибшимъ за правду, за народное дѣло: въ народѣ толковали, что Анна назначила наслѣдникомъ престола своего любимца Левольда (Левенвольда, оберъ-шталмейстера); что князь Василій въ этомъ поперечилъ, и за то сосланъ [2]).

Скоро начали подвергаться опаламъ люди видные, за которыми въ народѣ дурного не знали, и

---

[1]) Пекарскаго—Шетарди, стр. 34 и слѣд.

[2]) Дѣла̀ Тайной Канцеляріи 1732 года.

тѣмъ охотнѣе считали ихъ невинными жертвами ненавистныхъ иноземцевъ. Между людьми, сочувствовавшими попыткѣ Голицына ограничить власть Анны, находился князь Григорій Димитріевичъ Юсуповъ, который, какъ говорили, заболѣлъ и умеръ съ горя, что попытка не удалась. Дочь его, Прасковья, бросилась къ волшебству, чтобъ чарами склонить къ себѣ императрицу на милость. Дѣло открылось, и княжну Юсупову, въ 1730 году, сослали въ женскій Тихвинскій монастырь. Въ 1735 году ее взяли въ Тайную Канцелярію, по доносу служанки и стряпчаго: донесли, что она жаловалась на Анну, говорила, что было бы лучше, еслибъ царствовала Елисавета; бранила Бирона; разсказывала, что при Петрѣ Великомъ Анну и сестеръ ея царевнами не называли, а просто „Ивановнами". За это Юсупову высѣкли кошками, постригли, назвали Проклою и отправили въ Сибирь, въ Введенскій дѣвичій монастырь (при Успенскомъ Далматовѣ монастырѣ). Тамъ она оказалась *безчинна*, монастырское платье сбросила, Проклою не называлась; за это въ 1738 году ее высѣкли шелепами [1]).

Въ 1733 году съ удивленіемъ должны были узнать объ опалѣ человѣла знатнаго происхожденія, занимавшаго важное мѣсто, Смоленскаго губернатора, князя Александра Черкасскаго. Это дѣло Черкасскаго есть одно изъ самыхъ любопытныхъ дѣлъ Тайной Канцеляріи въ томъ отношеніи, что доказывало всего лучше безсмыслицу тогдашняго розыска, пытокъ: человѣкъ невинный былъ приговоренъ къ смерти, потому что оклеветалъ себя изъ страха предъ дыбою. Въ Гамбургъ, къ извѣстному Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину является, служившій прежде камеръ-пажемъ при Дворѣ Мекленбургской герцогини Екатерины Ивановны, Ѳеодоръ Красный Милашевичъ и открываетъ дѣло великой важности: Смоленскій губернаторъ князь Черкасскій говорилъ ему, что теперь въ Россіи честнымъ людямъ жить нельзя,—кто получше, тѣ пропадаютъ очень скоро; къ нему, Черкасскому, императрица была особенно милостива, Биронъ разсердился и удалилъ его отъ Двора въ Смоленскъ. Въ Голштиніи живетъ внукъ Петра Великаго, законный наслѣдникъ престола, которому онъ, Черкасскій, привелъ на вѣрность многихъ Смольнянъ. Губернаторъ поручилъ Милашевичу ѣхать въ Голштинію и отдать герцогу два письма: одно отъ него, Черкасскаго, другое—отъ генерала Потемкина. Милашевичъ утверждалъ, что генералъ Александръ Потемкинъ со всею смоленскою шляхтою хочетъ поддаться Станиславу Лещинскому; утверждалъ, что цесаревна Елисавета ходила къ польскому послу, Потоцкому, въ мужскомъ платьи. Легко понять, какъ обрадовался опальный Бестужевъ-Рюминъ случаю освободиться отъ опалы, выслужиться у новаго правительства открытіемъ такого важнаго дѣла. Чтобъ не упустить случая побывать въ Петербургѣ и сблизиться съ фаворитомъ, онъ самъ повезъ Милашевича въ Петербургъ. Самъ Ушаковъ поскакалъ въ Смоленскъ арестовать Черкасскаго и изслѣдовать дѣло о преступныхъ замыслахъ Потемкина—и не могъ ничего открыть. Несмотря на то, дѣло Черкасскаго началось въ особой коммисіи, и несчастный оклеветалъ себя. Его приговорили къ смертной казни; но приговоръ былъ смягченъ: Черкасскаго сослали въ Сибирь. Въ 1739 году Милашевичъ попался по другому дѣлу и, будучи приговоренъ къ смертной казни, объявилъ, что оклеветалъ Черкасскаго, которой дѣйствительно совѣтовалъ ему ѣхать въ Голштинію, чтобъ удалить его изъ Смоленска, ибо ревновалъ его къ дѣвицѣ Корсакъ, въ которую былъ влюбленъ. Милашевичъ поѣхалъ въ Киль, не засталъ тамъ герцога, и, не имѣя денегъ, бросился въ Гамбургъ къ Бестужеву съ вымышленнымъ доносомъ [2]).

Въ 1736 году имѣли насклажденіе добраться до князя Димитрія Михайловича Голицына. Поводомъ послужила тяжба зятя его, князя Константина Кантемира, съ мачихою, княгинею Настасьею. Все обвиненіе изложено въ допросѣ сыну князя Димитрія, дѣйствительному статскому совѣтнику князю Алексѣю Голицыну: „Въ прошломъ 1735 году отецъ твой, князь Димитрій Голицынъ, писалъ къ тебѣ, что, по челобитью вдовы княгини Настасьи Кантемировой на зятя твоего, лейбъ-гвардіи поручика князя Константина Кантемира, въ насильномъ владѣніи недвижимаго ея мнѣнія, которое ей дано послѣ мужа ея, велѣно производить судъ, а такого человѣка, который бы въ томъ судѣ отъ стороны того зятя твоего повѣреннымъ быть могъ, не имѣетъ и годнымъ почитаетъ бывшаго тогда Камеръ-Коллегіи камерира Лукьяна Перова, и чтобъ ты его, Перова, съ прошеніемъ къ тому наговаривалъ, чтобъ ѣхалъ въ С.-Петербургъ, и явиться ему, отцу твоему. Ты онаго, Перова, сыскалъ и просилъ, чтобъ онъ обязался по тому дѣлу повѣреннымъ быть, и ежели пожелаетъ, то обѣщалъ его произвесть въ судный московскій приказъ секретаремъ. Когда Перовъ склонился, тогда ты написалъ къ отцу своему письмо и доношеніе въ Сенатъ о произведеніи его въ московскій судный приказъ въ секретари и, запечатавъ то доношеніе въ одинъ конвертъ, послалъ съ нимъ, Перовымъ, къ отцу твоему. Объявлялъ ты Камеръ-Коллегіи членамъ, что отецъ велѣлъ ихъ просить объ отпускѣ въ С.-Петербургъ: какъ на то члены отказали, что для партикулярнаго дѣла Перова отпустить не возможно, тогда ты сталъ просить, чтобъ ему дали указъ о взысканіи репортовъ, вѣдомостей и отвѣтовъ по камеръ-конторамъ. По окончаніи вышеписаннаго суднаго дѣла, писалъ къ тебѣ отецъ твой, приказывалъ просить Камеръ-Коллегіи членовъ о произведеніи Перова въ Камеръ-Коллегію секретаремъ. Потомъ какъ оный Перовъ секретаремъ произведенъ, писалъ къ тебѣ отецъ твой, что

[1]) Дѣла Тайной Канцеляріи 1731 годъ.

[2]) Тамъ же, 1733 годъ.

хотя по упомянутому дѣлу судъ и окончень, однако-жъ Перовъ еще для того дѣла потребенъ, и чтобъ ты просилъ Камеръ-Коллегіи членовъ о бытіи ему, Перову, въ Петербургѣ, въ камеръ-конторѣ секретаремъ. Вѣдая ты многіе указы, что никому государевыхъ людей къ своимъ собственнымъ дѣламъ не употреблять, для чего ты Перова происками своими отнялъ отъ государственныхъ дѣлъ, исходатайствовалъ изъ Москвы для партикулярнаго своего дѣла въ Петербургъ, и жалованье ему давано безъ всякаго труда по должности его? Въ чины велѣно было производить за службы, показанныя ея и. в—ству и государству, а ты искалъ онаго Перова въ секретари произвесть для своего партикулярнаго дѣла".—7-го января 1737 года данъ былъ указъ судить кн. Димитрія Голицына въ Сенатѣ кабинетному министру, сенаторамъ, Вышняго Суда членамъ вмѣстѣ съ генералитетомъ и флагманами и съ коллежскими президентами и членами. Въ чемъ обвиненъ былъ сынъ,—въ томъ же обвиненъ былъ и отецъ; кромѣ того, прибавлено: 1) Отговаривался всегда болѣзнію, не хотя государынѣ и государству по должности своей служить, положенныхъ на него дѣлъ не отправлялъ; указы противнымъ образомъ толковалъ и всячески правду испровергать старался. 2) Нѣкоторыя доношенія, присланныя къ нему изъ Москвы, подлежащія для поданія въ Сенатъ, у себя удержалъ и утаилъ. 3) Научилъ Перова по дѣлу зятя своего кн. Кантемира въ судѣ поступать, вымышлять по тому дѣлу неправость. 4) Когда Перовъ нѣкоторыя слова отъ него противу закона Божія и совѣсти услышалъ и ему отвѣтствовалъ, что надобно совѣстно разсуждать, и на то онъ, князь Димитрій, такъ Богу противно сказалъ, что будто совѣсть подлежитъ до одного суда Божія, а не до человѣческаго. 5) Да онъ же, по призванію въ Вышній Судъ къ отвѣту, не токмо такія Богу противныя слова подтвердилъ, но еще и злѣе того ядъ свой изблевалъ, объявляя предъ судомъ, что когда бы изъ ада сатана къ нему пришелъ, то бы хотя онъ предъ Богомъ и погрѣшилъ, однако-жъ и съ нимъ бы для пользы своей совѣтовалъ и совѣтовъ отъ него требовалъ и принималъ. За такія противности, коварства и безсовѣстные поступки, а *наипаче* за вышеупомянутыя противныя и богомерзкія слова, судъ приговорилъ Голицына въ смертной казни; но императрица, по высочайшему милосердію, повелѣла послать его въ ссылку въ Шлюссельбургъ и содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, а движимое и недвижимое имѣніе все описать [1]).

Новый знаменитый заточникъ не нашелъ ужевъ Шлюссельбургѣ стараго знаменитаго заточника, фельдмаршала князя Василія Владиміровича Долгорукаго: онъ былъ переведенъ въ Иванъ-Городъ. Но въ своемъ новомъ мѣстѣ заточенія Долгорукій былъ потревоженъ возобновленіемъ дѣла своихъ родственниковъ. О березовскихъ ссыльныхъ не забывали: для отобранія у князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго и дѣтей его алмазныхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, и у *разрушенной* (такъ называли княжну Екатерину) портрета Петра II былъ отправленъ гвардейскій сержантъ Рагозинъ. Возвратившись въ Москву изъ своей поѣздки въ апрѣлѣ 1732 года, онъ подалъ графу Салтыкову опись вещей, найденныхъ у Долгорукихъ, о портретѣ же объявилъ, что, по показанію князя Алексѣя и дочери его, онъ былъ написанъ на бумажкѣ за стекломъ и носился на рукѣ; при отъѣздѣ изъ Москвы въ ссылку стекло разбилось, а бумажка затерялась — куда не знаютъ [2]). Въ 1736 году маіоръ Семенъ Петровъ былъ въ Березовѣ для допрашиванія Долгорукихъ; въ слѣдующемъ году сынъ боярскій Кашперовъ и атаманъ Лихачевъ были биты батогами и сосланы на службу въ Оренбургъ за то, что бывали у Долгорукихъ и обѣдывали и ихъ къ себѣ принимали; за то же биты плетьми и сосланы въ Охотскъ три священника да дьяконъ [3]). Наконецъ, въ мартѣ 1738 года, въ канцеляріи свидѣтельства счетовъ Сибирской губерніи служащій къ ней канцеляристъ Осипъ Тишинъ объявилъ, что, будучи при слѣдствіи маіора Петрова въ 1736 году, онъ слышалъ отъ князя Ивана Долгорукаго злыя и вредительныя слова: неприличными словами онъ бранилъ императрицу за то, что разорила фамилію и родъ ихъ весь, послушавши такой же... цесаревны Елисаветы, которая мстила ему, князю Ивану, за то, что онъ хотѣлъ заключить ее въ монастырь; говорилъ, что императрица наказывала цесаревну плетьми за дурное поведеніе; выражался объ Аннѣ: „какая она государыня, она Шведка"! порицая ея отношенія къ Бирону. Для розыска по этому доносу отправлены были въ Сибирь гвардіи капитанъ-поручикъ Ѳедоръ Ушаковъ и поручикъ Суворовъ. Сначала князь Иванъ во всемъ заперся; но потомъ, когда

[1]) Дѣло Голицына въ Госуд. архивѣ. — Полн. Собр. Зак., № 7151.

Въ февралѣ 1737 года медицинская канцелярія просила: «Понеже московскаго медицинскаго огорода докторъ ботаникъ Герберъ репортовалъ, что въ бывшихъ сосланнаго князя Дмитрія Голицына помѣстьяхъ, въ Архангельскомъ малые ранжереи содержаны, въ которыхъ имѣются разные индѣйскіе и нѣкоторые медицинскіе планты, а именно церіи, опунціи и прочее, также и нѣкоторые другіе, находящіе въ огородѣ иностранные планты, и что за оными токмо простой россійскій огородникъ присмотръ имѣетъ — всѣ потратиться могутъ, а понеже въ московскомъ медицинскомъ огородѣ не точію аптекарскіе ученики, но и московской гошпитали лѣкарскіе ученики въ ботаники и матеріи медичевской обучаются, — того ради медицинская канцелярія всенижайше проситъ, дабы повелѣно было изъ вышеписанныхъ ранжерей тѣ планты, которые докторомъ ботаникомъ Герберомъ отобраны будутъ, въ московскій медицинскій огородъ отдать; такожде бы повелѣно было изъ нѣкоторыхъ сортовъ помаранцевыхъ и лавриныхъ деревъ, которые не весьма велики и не къ украсѣ огороднаго служить могутъ, въ вышеписанной же медицинской огородъ уступить". Просьба была исполнена. — Дѣла Сената по Кабинету, № 69—1146.

[2]) Донесеніе Салтыкова въ Госуд. архивѣ.

[3]) Дѣла Тайной Канцеляріи 1737 года.

нужно было приложить руку къ бѣлому допросу, повинился, разсказалъ и о написанной ложной духовной. Его подняли на дыбу; съ пытки онъ прибавилъ только одно, что на исповѣди духовнику, березовскому священнику Θедору Кузнецову, покаялся въ подписаніи ложной духовной, и духовникъ сказалъ: „Богъ тебя проститъ". Священникъ подтвердилъ показаніе князя Ивана, въ свое же оправданіе сказалъ, что не объявилъ о словахъ духовнаго сына спроста, думая, что Долгорукій и сосланъ за подписаніе ложной духовной. Тишину объявили его вины: слышалъ давно о воровской духовной и не донесъ, разбалтывалъ о своемъ доносѣ и бралъ съ Долгорукихъ немалыя взятки; несмотря на то, въ награду за важность сдѣланнаго имъ доноса, ему дали секретарство и 600 рублей денегъ. Тишинъ потомъ припомнилъ, что Долгорукій говорилъ: „Я никого такъ не боюсь, какъ Павла Ягужинскаго,—онъ нашъ гонитель". Долгорукій признался, что говорилъ эти слова, ибо съ Ягужинскимъ у него и у отца его была ссора. Князь Александръ Долгорукій какъ-то успѣлъ достать ножъ, прокололъ имъ себѣ руку и животъ; но рану зашили. Долгорукихъ изъ разныхъ мѣстъ свезли въ Новгородъ и тамъ допрашивали о сочиненіи духовной. Подробности ихъ показаній уже приведены нами прежде въ своемъ мѣстѣ; здѣсь приведемъ только сказанное княземъ Василіемъ Владиміровичемъ въ оправданіе свое, почему онъ не объявилъ о духовной въ 1730 году: „Думалъ я, что, и кромѣ моего показанія, императрицѣ извѣстно, понеже по пришествіи въ Москву ея величество изволила ему сказывать, что князь Василій Лукичъ доносилъ ей во время шествія изъ Курляндіи о дерзости князя Сергѣя и князя Ивана Григорьевыхъ, что они министровъ бить хотѣли, ежели совѣту ихъ слушать не станутъ, и притомъ ея величество спросила меня: „Было ли такъ"? и я ей донесъ, что о ихъ дураческомъ дерзновеніи что мнѣ и доносить, когда уже князь Василій Лукичъ доносилъ; ктому же графъ Гаврила Головкинъ о томъ, что князь Алексѣй съ братьями дочь свою желалъ наслѣдницею престола учинить, вѣдалъ, и оный графъ Головкинъ благодарилъ меня, что отъ этихъ замысловъ князь Алексѣя съ братьями отвращалъ, почему надѣялся я, что и чрезъ графа Головкина ея величеству уже донесено". Для суда надъ Долгорукими назначено было генеральное собраніе. 12 ноября 1739 года выданъ былъ именной указъ, изъ котораго узнали, что въ Новгородѣ князю Ивану Алексѣевичу отсѣчена голова послѣ колесованія; князю Василію Лукичу, князьямъ Сергѣю и Ивану Григорьевичамъ просто отсѣчены головы; князей Василія и Михайлу Владиміровичей велѣно держать въ ссылкѣ и, кромѣ церкви, никуда не пускать [1]).

Разумѣется, трудно было повѣрить, чтобы такъ жестоко наказаны были люди только за намѣреніе, предпринятое ими десять лѣтъ тому назадъ и не приведенное въ исполненіе, послѣ чего эти люди уже потерпѣли тяжкое наказаніе; и вотъ, для объясненія новгородскихъ казней, придумали обширный заговоръ противъ настоящаго нелюбимаго правительства. Въ 3-мъ № „Байрейтскихъ вѣдомостей" (Bayreuther Zeitungen) 7 января 1740 года появилась статья съ подробнымъ описаніемъ заговора Долгорукихъ, Голицыныхъ и Гагариныхъ, съ цѣлію низвергнуть ненавистное иноземное правительство, Бирона, придворнаго банкира, Жида Липмана, безъ котораго фаворитъ ничего не дѣлаетъ, и возвести на престолъ цесаревну Елисавету, которая должна выйти замужъ за Нарышкина, находившагося во Франціи и съ которымъ она была обручена.

Дали политическое значеніе и дѣлу Вас. Ник. Татищева. Мы видѣли, что онъ былъ задержанъ въ Петербургѣ, и на его мѣсто начальникомъ Оренбургской экспедиціи былъ отправленъ князь Урусовъ. Полковникъ Тевкелевъ, сотрудникъ Кириллова и Татищева, подалъ на послѣдняго доносъ Бирону въ различныхъ злоупотребленіяхъ. Биронъ передалъ дѣло на разсмотрѣніе графа Михайлы Головкина, который по этому случаю писалъ герцогу въ мартѣ 1739 года: „Предъ недавнимъ временемъ изволилъ ваша свѣтлость со мною говорить о Васильѣ Татищевѣ, о его непорядкахъ, и притомъ изволилъ мнѣ приказывать, что къ тому пристойно, о томъ бы надлежащимъ порядкомъ я представилъ, какъ въ подобныхъ таковыхъ же случаяхъ ея величеству и вашей свѣтлости слабымъ моимъ мнѣніемъ служилъ. И по тому вашей свѣтлости приказу навѣдывался, какія его, Василья Татищева, неисправы; и развѣдалъ, что полковникъ Тевкелевъ вашей свѣтлости о томъ доносилъ, того для я призывалъ его, полковника, и обо всемъ обстоятельно выспросилъ. Я изъ онаго дѣла усмотрѣлъ два вида: 1) о непорядкахъ, нападкахъ и взяткахъ Василья Татищева; 2) что онъ, Василій Татищевъ, еще не поставилъ на мѣрѣ, гдѣ Оренбургу быть пристойно; а посему, что до перваго вида касается, то необходимо надобно его, Василья Татищева, отъ тамошней команды отрѣшить и изслѣдовать по близости въ Казани особливо учрежденной на то коммисіи, гдѣ какъ ему, Вас. Татищеву, такъ и полковнику Тевкелеву для доказательствъ быть надобно, и что по слѣдствію явится, тогда о томъ и разсудить можно будетъ что̀ дѣлать; что же по второму виду разсуждать, то сперва доношу, что когда Оренбурга не было, тогда Россія много у себя повсягодно добра и людей теряла, для того что Башкирская Земля почти вся окружена Россіею и отвсюду открыта, и тогда Башкирцы иногда своимъ именемъ, а иногда именами другихъ степныхъ народовъ, Русскую Землю разоряли и пустошили, и хотя по посылкамъ къ нимъ нѣчто и возвращали, однакожь больше у себя оставляли, какъ предъ нѣсколькими годами братъ мой, графъ Иванъ

[1]) Дѣло Долгорукихъ въ дѣлахъ Тайной Канцеляріи въ Государств. архивѣ.

Головкинъ, посыланъ былъ для такогожъ возврату и, уласкавъ ихъ, Башкирцевъ, взялъ у нихъ 20,000 семей русскихъ, и, по возвращеніи брата моего, по старому ихъ обыкновенію, не одну тысячу къ себѣ выгнали, и такъ невидимо повсягодно людей изъ государства умаляли и другимъ народамъ продавали, а особливо въ Бухару, и тамошній Абулфаисъ ханъ набралъ себѣ изъ Русскихъ гвардію, въ трехъ тысячахъ состоящую, а Иванъ Кирилловъ усмотрѣлъ сіе мѣсто, гдѣ Оренбургъ, за способно быть болѣе для коммерціи, и понеже оное мѣсто отъ жилья въ степь подалося, того ряди принужденъ былъ дороги отъ него распорядить: 1) къ Уфѣ, 2) къ Самарѣ, 3) въ Сибирь къ Екатеринбургскимъ заводамъ, и по тѣмъ дорогамъ построилъ крѣпостцы для коммуникаціи и для безопаснаго проѣзду и провозу какъ провіанта, такъ и прочаго, и въ тѣ крѣпосцы поселилъ казаковъ, и роздалъ имъ для ихъ удовольства земли, и то его учрежденіе очень хорошо; а Всемогущій тотъ распорядокъ устроилъ для нижеслѣдующаго, ибо сіи дороги стали быть мунстукъ на Башкирцовъ, на прикладъ, ежели они либо похотятъ взбунтовать и соберутся хотя сто человѣкъ, то разъѣзды по крѣпостцамъ тотчасъ свѣдаютъ и не дадутъ имъ усилиться, ктомужъ, по прежнему своему обыкновенію, Русскихъ разорять и продавать имъ невозможно, ибо нынѣ вездѣ связаны тѣмъ, что вездѣ крѣпостцы, а мимо крѣпостей въ степь проѣзду имъ нѣтъ и вездѣ за ними глаза, и посему необходимо будутъ смирны, слѣдовательно, гдѣ нынѣ Оренбургъ, тутъ ему и быть необходимо, для того-что онъ сталъ на границѣ киргизской, и дороги отъ него охватили всю Башкирскую Землю; ктому-жъ, когда Кирилловъ Оренбургъ закладывалъ, тогда Башкирцы ему давали великія деньги, чтобъ онъ на томъ мѣстѣ его не строилъ, и для того надобно ему тутъ и быть" [1]).

Эта многоглаголивая записка Головкина, разумѣется, нисколько не рѣшила дѣла относительно Оренбурга, и мы видѣли, что кабинетъ-министры согласились съ мнѣніемъ Татищева; но Бирону не было дѣла до Оренбурга: для него важенъ былъ первый *видъ* записки, и Татищевъ былъ преданъ суду. Для избѣжанія перерывовъ, мы не будемъ здѣсь говорить о ходѣ этого суда, замѣтимъ только, что преданъ былъ суду Русскій человѣкъ, бывшій по смерти Ѳеофана Прокоповича главнымъ представителемъ Новой Россіи, новорожденной русской науки, — Русскій человѣкъ, котораго усердіе и услуги императрицѣ и ея власти были безспорны, безспоренъ былъ его горячій патріотизмъ — и его опала могла быть приписана только ненависти Нѣмцевъ къ русской знаменитости или выказавшейся въ чемъ-нибудь враждѣ русскаго патріота къ ненавистному владычеству иноземцевъ.

Потвергся опалѣ такой знаменитый воспитанникъ Петра Великаго, какъ Татищевъ; но давно уже содержался подъ крѣпкимъ арестомъ другой Русскій человѣкъ, неразлучный съ преобразователемъ, его перо,—знаменитый Алексѣй Васильевичъ Макаровъ. Человѣкъ незнатнаго происхожденія, Макаровъ, какъ близкій человѣкъ къ Петру и Екатеринѣ, встрѣчалъ отъ всей знати самыя льстивыя, самыя униженныя заискиванія, потому что могъ въ удобное время представить чью-нибудь просьбу государю или государынѣ. Легко понять, что Макарову менѣе всего могли простить за это, когда онъ перестал быть надобнымъ человѣкомъ. Анна велѣла отобрать у Макарова письма, писанныя ею въ то время, когда ее звали просто „Ивановною". Макарова затянули въ дѣла по казеннымъ злоупотребленіямъ, по недостатку отчетности, по какимъ-то злоумышленіямъ. Доказательствъ виновности не было, а между тѣмъ дѣло тянулось, и старика держали подъ арестомъ Въ августѣ 1737 года, онъ писалъ императрицѣ изъ Москвы: „Содержусь я, бѣдный, съ женою и дѣтьми подъ крѣпкимъ арестомъ два года и девять мѣсяцевъ, и въ запечатанныхъ пожиткахъ платье и бѣлье, и прочія тлѣнныя вещи отъ долговременнаго лежанія безъ просушки и отъ копоти послѣ бывшаго пожара безъ разбора тратятся (въ томъ числѣ заготовленное къ замужеству большой моей дочери материнское первой моей жены и мое) также, видя меня въ долговременномъ арестѣ содержащагося, деревнишки мои посторонніе нападками разоряютъ, деньги, отданныя въ долги, на должникахъ пропадаютъ, и взыскивать на нихъ и по деревенскимъ обидамъ оправдаться нечѣмъ, ибо всѣ крѣпости съ другими письмами забраны, что видя жена моя и дѣти многопродолжительное время безъ отрады весьма сокрушились, а на ихъ горестныя слезы смотря, я, нижайшій рабъ, отъ такихъ тяжкихъ печалей пришелъ въ крайнюю болѣзнь и слабость". Императрица, вслѣдствіе этой просьбы, отправила указъ въ Москву графу Салтыкову: „Понеже дѣло Алексѣя Макарова по указу нашему дѣйствительно разсматривается и къ оканчанію приведено быть имѣетъ, того ради, по особливому нашему милосердію, указали мы его, Макарова, арестъ такимъ образомъ облегчить, чтобъ ему въ церковь Божію ѣхать и прочія домашнія нужды исправлять позволено было, только-бъ впрочемъ по компаніямъ никуда не ѣздить. толь меньше изъ Москвы съѣзжать дерзнулъ, и въ томъ его обязать надлежащимъ реверсомъ, также и къ запечатаннымъ пожиткамъ его допустить и ихъ ему въ диспозицію отдать можно, однако же взявъ отъ него по обстоятельному всѣхъ тѣхъ вещей описанію крѣпкій же реверсъ, что изъ оныхъ безъ позволенія ничего не продать или инымъ какимъ образомъ на сторону не отдать и не растратить, а крѣпости его деревень изъ писемъ его пріискать и къ вамъ отправить велѣно".

Былъ въ приближеніи у Петра Великаго, который считалъ его полезнымъ, необходимымъ человѣкомъ, а теперь не только не въ приближеніи, но

[1]) Записка Головкина въ Госуд. архивѣ.

подъ арестомъ. Какая вина? — никакой вины нѣтъ; одна вина — Русскій, а теперь въ приближеніи одни иноземцы. „Макаровъ человѣкъ умный, и милостивый и всѣмъ былъ приступенъ, когда былъ въ силѣ, и нынѣ не такъ; мы надѣялись-было, что онъ останется въ прежней силѣ при Дворѣ государыни, а вышло не такъ, для того, что ныньче при домѣ ея величества больше все иноземцы“ [1]).

Люди высшихъ чиновъ говорили: „Нынѣ силу великую имѣютъ оберъ-камергеръ (Биронъ) и фельдмаршалъ Минихъ, которые что̀ хотятъ, то и дѣлаютъ, и всѣхъ насъ губятъ, — всѣ отъ нихъ пропали и никто не смѣетъ съ ними говорить. Однакожъ Богъ имъ заплатитъ и сами того же будутъ ждать“. Люди среднихъ чиновъ говорили: „Биронъ взялъ силу, и государыня безъ него ничего не сдѣлаетъ. Всѣмъ нынѣ овладѣли иноземцы. Лещинскій изъ Данцига уѣхалъ мильонахъ на двухъ, недаромъ его графъ Минихъ упустилъ; это все въ его волѣ было. Графъ Ягужинскій обо всемъ писалъ къ государынѣ; и когда графъ Минихъ пріѣхалъ въ Петербургъ и повидался съ Бирономъ, то и нѣтъ ничего, и все пропало: знать, что подѣлился съ нимъ. Вотъ какія фигуры дѣлаются у насъ! Государыя ничего безъ Бирона не сдѣлаетъ: — все дѣлаетъ Биронъ. Нѣтъ у насъ никакого добраго порядку. Овладали все у насъ иноземцы. Биронъ всѣмъ овладалъ“ [2]). Въ монастыряхъ говорили: „Какъ не боготворятъ чрево, когда, тирански собирая съ бѣднаго подданства слезныя и кровавыя подати, употребляютъ на объяденія и пьянства, и какъ сатанѣ жертвы не приносятъ, когда слезные и кровавые сборы употребляютъ на потѣхи? А на все это государыню приводятъ иноземцы, понеже у нихъ крестьянъ нѣтъ и жалѣть имъ некого, хоть всѣ пропади; да хотя и есть у нихъ да не у многихъ, а хотябъ и у всѣхъ были, такъ они брегутъ ли о нашихъ русскихъ крестьянахъ? Чай хуже собакъ почитаютъ. Пропащее наше государство“ [3])!

Разумѣется, люди, платившіе слезныя и кровавыя подати, не молчали; они приписывали свои бѣды женскому правленію: „Гдѣ ей столько знать, какъ мужской полъ; — будетъ вѣровать боярамъ; бабьи городы никогда не стоятъ, бабьи сѣни высоко не стоятъ. — Хлѣбъ не родится потому, что женскій полъ царствомъ владѣетъ. — При первомъ императорѣ намъ житье было добро, а нынѣ намъ стало что годъ, то хуже; какое нынѣ житье за бабою!“ — Крестьянинъ винился, что говорилъ дурныя слова про Анну отъ горести, что за неплатежъ подушныхъ денегъ битъ былъ на правежѣ. — Раскольникъ пророчествовалъ, что въ 1733 году, на Благовѣщеньевъ день, будетъ страхъ великъ и гнѣвъ Божій, и сама Анна будетъ взята на судъ въ Москву; она изъ Москвы поѣхала, какъ бы ей отъ того отбыть.

[1]) Чистовича — Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 561.
[2]) Пекарскаго - Шетарди, стр. 50, 51.
[3]) Чистовича — Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 547.

Кто же можетъ избавить отъ женскаго незаконнаго и несчастнаго правленія? Разумѣется — царь. Уже въ 1730 году слышался говоръ, что Петръ II отравленъ Долгорукимъ и осмью другими боярами; но есть царевичъ, живетъ въ горахъ. Въ 1734 г. въ тамбовскихъ мѣстахъ появилась два самозванца — Тимоѳей Труженикъ, назвавшійся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, и Стародубцевъ, назвавшійся царевичемъ Петромъ Петровичемъ: оба были схвачены и казнены.

Въ январѣ 1738 года, въ селѣ Ярославцевѣ, Кіевскаго полка, остановилась работники, шедшіе за Десну для рубки лѣса. Одинъ изъ нихъ позвалъ къ себѣ священника и началъ ему говорить: „Я царь Алексѣй Петровичъ и хожу многіе годы въ нищенствѣ; поди, объяви это въ церкви предъ всѣмъ народомъ; хотя мнѣ смерть или животъ будетъ, только-бъ всѣмъ явно было, что я царь Алексѣй Петровичъ подлинно; а какъ сіе въ дѣло пойдетъ и Господь подастъ мнѣ счастіе, я тебя тогда не оставлю; встрѣть меня въ церкви съ крестомъ и хоругвями, понеже пишетъ обо мнѣ, чтобъ я явился въ Москвѣ съ Болгары, однако все равно, что вмѣсто Болгаръ съ Малороссійскимъ народомъ въ Москвѣ явлюсь; а если не сдѣлаешь помоему, то отрублю тебѣ голову“. Священникъ отвѣчалъ, что во всемъ слушать его готовъ. На другой день самозванецъ позвалъ къ себѣ солдатъ, стоявшихъ въ Ярославцевѣ на почтѣ, и говорилъ имъ: „Я царь Алексѣй Петровичъ и ходилъ по разнымъ мѣстамъ, а нынѣ прямо о себѣ объявлю, пожалуйте, послужите мнѣ вѣрою и правдою, какъ служили отцу моему, а я васъ за это не оставлю“. Солдаты пали на землю и со слезами говорили: „Хотя до большихъ нашихъ бояръ дойдетъ и хотя донесется и до самой государыни, мы готовы за тебя стоять“. — „Вставайте“, сказалъ имъ на это самозванецъ; „я вашу нужду знаю, будетъ вскорѣ радость: съ Турками заключу миръ вѣчный, а васъ, въ маѣ мѣсяцѣ, всѣ полки и казаковъ пошлю въ Польшу и велю всѣ земли огнемъ жечь и мечемъ рубить“. Между тѣмъ, мѣстное начальство узнало о необыкновенномъ событіи, и сотникъ прислалъ казаковъ схватить самозванца; но солдаты, примкнувъ штыки къ ружьямъ, взять его не дали и повели въ церковь, около которой собралась огромная толпа народа. Священникъ въ ризахъ, съ крестомъ на блюдѣ, вышелъ на паперть, съ нимъ несли хоругви. Самозванецъ взялъ крестъ съ блюда, приложился и вошелъ съ нимъ въ церковь, гдѣ были зажжены свѣчи и отворены Царскія двери; самозванецъ Царскими дверями вошелъ въ алтарь, поцѣловалъ на престолѣ Евангеліе и сталъ въ Царскихъ дверяхъ съ крестомъ въ рукахъ. Священникъ началъ молебенъ; на ектеніяхъ говорилъ: „Помолимся о благовѣрномъ нашемъ государѣ царѣ Алексѣѣ Петровичѣ, и о государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, и о государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и о государынѣ принцессѣ Аннѣ“. Весь народъ подходилъ къ самозванцу,

прикладывались ко кресту и цѣловали у него руку; потомъ самозванецъ положилъ крестъ, взялъ Евангеліе, и народъ точно такъ-же подходилъ къ Евангелію. По окончаніи молебна, священникъ началъ читать акаѳистъ Николаю Чудотворцу; но въ это самое время вбѣгаетъ въ церковь сотникъ Климовичъ со множествомъ казаковъ, схватываетъ самозванца за кафтанъ, вытаскиваетъ изъ алтаря и изъ церкви, причемъ бьетъ палкою, потомъ отводитъ къ себѣ на квартиру, кладетъ на ноги колодки, а на другой день отсылаетъ въ канцелярію Переяславскаго полка. Въ Тайной Канцеляріи самозванецъ объявилъ, что онъ польскій шляхтичъ изъ города Поддубны, Иванъ Петровъ Миницкій; лѣтъ 20 тому назадъ онъ вышелъ въ Россію, приставши къ одному гренадеру Кропотова полка; потомъ бродилъ по монастырямъ, гдѣ его постричь не могли вслѣдствіе строгихъ указовъ, ограничившихъ постриженіе, но употребляли при управленіи вотчинами; въ послѣднее же время жилъ въ работникахъ. Побужденіемъ къ самозванству выставилъ видѣніе: явился ему Христосъ и сказалъ: „Поди, явись міровн и объяви о себѣ, что ты царь Алексѣй Петровичъ; ты на это родился, и искорени Польшу, чтобъ пришли въ соединеніе вѣры". Видѣніе повторилось; онъ разсказалъ о немъ монаху Іоакинѳу Максимовичу, и тотъ отвѣчалъ ему: „Не наше это чернеческое дѣло, явися съ тѣмъ мірови". Максимовичъ, призванный къ допросу, объявилъ, что Миницкій, находясь въ услуженіи въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ въ разныхъ должностяхъ, бывалъ въ изступленіи ума и ничего не дѣлалъ; когда онъ, Максимовичъ, однажды спросилъ его, зачѣмъ онъ не работаетъ, то Иванъ отвѣчалъ: „Что мнѣ работать! я человѣкъ не простой, явился мнѣ Михаилъ Архангелъ".

Дѣло сочли важнымъ по усердію, какое оказали солдаты къ самозванцу, и рѣшили произвести сильное впечатлѣніе восточными варварскими казнями. Миницкій и священникъ села Ярославцева были посажены живые на колья; нѣкоторые изъ участниковъ были четвертованы, другимъ отрубили головы [1]).

Тайная Канцелярія работала съ небывалымъ усердіемъ, преслѣдуя дѣло и слово, охраняя спокойствіе страны и честь оберъ-камергера. Внизу ни одно дерзкое слово противъ фаворита не оставалось безъ жестокаго наказанія; наверху онъ былъ окруженъ раболѣпствомъ. Все искало его покровительства, все осыпало его лестью. Цесаревна Елисавета собственноручно писала ему: „Сіятельнѣйшій графъ! Вѣдая всегдашнюю вашу благосклонность, не хотѣла упустить, чтобъ не увѣдомить ваше сіятельство о прибытіи моемъ сюда (въ Петербургъ), и желаю вашему сіятельству благополучнаго-жъ прибытія въ Санктпетербурхъ; впрочемъ, желая вашему сіятельству здравія и благополучнаго пребыванія, остаюсь Елисавета". Жена князя Алексѣя Мих. Черкасскаго, княгиня Марья, писала: „Всенижайше благодарствую ваше сіятельство за всѣ показанныя вашимъ с—ствомъ къ мужу моему милости, а паче за всякія предстательствы у ея и. в—ства, какъ и нынѣ я увѣдомилась изъ письма моего мужа, что ея и. в—ство всемилостивѣйше изволила пожаловать деньгами, о которой ея и. в—ства къ намъ, всеподданнѣйшимъ ея в—ству рабамъ, милости не сумнѣваюся, что и вашего сіятельства по милости своей къ намъ предстательство было. И, паки благодарствуя, ваше сіятельство всенижайше прошу и впредь въ своихъ высокихъ милостяхъ содержать неотмѣнно. Нижайшая услужница, княгиня Марья Черкасская". Дочь ея, княжна Варвара, посылала Бирону туфли, тканыя серебромъ. Баронесса Марья Строганова обращалась къ нему съ жалобами на Татищева. Жалобы, какъ мы видѣли, дѣйствовали, да и нельзя было не дѣйствовать: баронесса для графини Биронши дѣлала жемчужныя нашивки.

Родственникъ императрицы, графъ Семенъ Андревичъ Салтыковъ, управлявшій Москвою, думалъ, что можетъ держаться только при благосклонности фаворита, и потому писалъ къ нему обо всемъ. 2 мая 1732 года онъ писалъ: „Прошедшаго апрѣля 30 дня получилъ я отъ ея и. в—ства милостивое письмо и притомъ пожаловала мнѣ, рабу, на имянины, вмѣсто табакерки, 1,000 рублевъ: истинно ко мнѣ рабу милость не по моей рабской службѣ, истинно съ такой радости и радуюсь и плачу". Въ томъ же году Салтыковъ счелъ нужнымъ подарить Бирону мѣхъ лисій, черный. Мы видѣли, что императрица была недовольна Салтыковымъ. Получивши отъ нея выговоръ, Семенъ Андреевичъ обратился къ Бирону: „Вашему высокографскому сіятельству, милостивому государю и отцу, слезночитою моею совѣстію доношу, что по указамъ ея и. в—ства всенижайшее мое исполненіе чиню и всякою моею ревностію и вѣрно безъ всякихъ страстей и во всемъ правленіи дѣлъ имѣю всегда неусыпное мое попеченіе и болѣе къ смотрѣнію моему я уже не знаю какъ и дѣлать, что такъ ея и. в—ству извѣстно якобы о моихъ неисправностяхъ. Милостиваго государя и отца со всенижайшею моею покорностію прошу, при благополучномъ времени, о всемъ доложить ея и. в—ству, и чтобъ повелѣно было мнѣ быть въ С.-Петербургѣ, чтобъ я могъ ея и. в—ству о всемъ доносить обстоятельно и свою невинность представить; я уже здѣсь былъ опасенъ, чтобъ мнѣ безвинно не понести гнѣву ея и. в—ства, и какъ я сей указъ получилъ отъ всемилостивѣйшей государыни, съ того времени и понынѣ съ такой моей несносной печали чуть-живъ хожу, только не даю себя знать людямъ, чтобъ меня не могли признать въ такой моей несказанной печали". Биронъ отвѣчалъ любопытнымъ письмомъ: „Вашего сіятельства письмо я съ моимъ почтеніемъ получилъ, но токмо что я изъ онаго усмотрѣлъ немалую вашу печаль, и о томъ сердечно сожалѣю, а особливо для того,

[1]) Дѣла Тайной Канцеляріи—1730—1738 годовъ.

что я про тотъ указъ, который отъ ея и. в—ства ваше сіятельство получить изволили, до полученія вашего письма былъ неизвѣстенъ, понеже онъ писанъ не здѣсь, и не тѣмъ ея в—ства секретаремъ, который при мнѣ обрѣтается. Что же до меня надлежитъ, въ томъ, я уповаю, ваше сіятельство, довольно сами можете засвидѣтельствовать, что я во внутреннія государственныя дѣла ни во что не вступаюсь, кромѣ того ежели такая вѣдомость ко мнѣ придетъ, по которой можно мнѣ кому у ея в—ства помогать и услужить сколько возможно, или что надлежитъ до общаго къ пользѣ и интересу вашему, хотя-бъ и не по моей должности что было; однакожъ старанія моего никогда прилагать не оставлю, ибо, какъ вашему сіятельству извѣстно, что я уже давно въ службѣ ея в—ства обрѣтаюся, еще надѣюсь, что никто на меня ни въ какой обидѣ жаловаться причины не имѣютъ; особливо же вашему сіятельству отъ сердца моего желаю всякаго благополучія, и тому радуюся, когда ваше сіятельство находитесь въ состояніи. О порядкѣ дворцовыхъ волостей нынѣ я потому-жъ неизвѣстенъ и ни отъ кого при Дворѣ не слыхалъ, что они разорены или въ лучшее содержаніе приведены, такожъ и доходы прибавлены или умалились; но токмо какъ предъ симъ отъ многихъ ея величеству учинилось извѣстно, что Раевской, который ими правитъ, яко-бы человѣкъ непотребный и весьма худаго состоянія, и отъ несмотрѣнія его волости дворцовыя всѣ разорены, то я еще прошлаго года вашему сіятельству о томъ ясно сообщилъ, и какъ на оное мое сообщеніе ваше сіятельство изволили ко мнѣ отозваться, что тѣ люди напрасное поношеніе терпятъ и ни въ чемъ невинны, то уже я затѣмъ болѣе в. с—ству и припоминать не хотѣлъ. О прибытіи вашемъ сюда я, изыскавъ благополучное время, ея величеству докладывать буду“ [1]).

Биронъ во внутреннія государственныя дѣла не вмѣшивался, только принималъ просьбы, чтобъ оказать услугу просящимъ, да принималъ еще участіе въ дѣлахъ, касавшихся общей пользы, и такое участіе, что правительственное лицо, хотѣвшее держаться на своемъ мѣстѣ и дѣйствовать съ успѣхомъ, должно было непремѣнно посылать свои доклады оберъ-камергеру. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ участіи князь Яковъ Шаховской, племянникъ извѣстнаго намъ князя Алексѣя Шаховскаго, управлявшаго Малороссіею и столкнувшагося, какъ мы видѣли, съ Минихомъ. Незадолго до смерти своей, старый князь былъ въ Петербургѣ, и оттуда, отправляясь въ Малороссію, заѣхалъ въ Москву для излѣченія глазной болѣзни. Въ это время Минихъ увѣдомилъ Бирона, что казацкое войско, отправленное Шаховскимъ въ походъ, явилось въ неисправномъ видѣ. Слѣдствіемъ этого была сцена, которую пусть опишетъ самъ князь Яковъ. „Въ одинъ тогда день герцогъ Биронъ вышелъ въ аудіенцъ-камеру, гдѣ уже много знатнѣйшихъ придворныхъ и прочихъ господъ находилось и, подошедъ ко мнѣ, спрашивалъ, есть ли дядѣ моему отъ болѣзни легче и скоро ли онъ въ Малороссію къ своей должности изъ Москвы поѣдетъ. Я какъ и о семъ имѣлъ отъ дяди моего коммисію, чтобъ въ пристойномъ случаѣ еще на нѣсколько недѣль для лѣченія своего глаза въ Москвѣ ему пробыть,—выпросить дозволенія и объяснительно увѣрить, что и въ отсутствіе его порученныя ему въ Малороссіи дѣла съ такимъ же успѣхомъ, какъ и при немъ происходить будутъ, представилъ о томъ его свѣтлости; но онъ, отъ фельдмаршала Миниха будучи инако къ повреждению дяди моего увѣдомленъ, нѣсколько суровымъ видомъ и вспыльчивыми рѣчьми на мою просьбу отвѣтствовалъ, что онъ уже знаетъ, что желаніе моего дяди пробыть еще въ Москвѣ для того только, чтобъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ весьма нужныя и время нетерпящія къ военнымъ подвигамъ, а особливо тамъ, дѣла, нынѣ неисправно исполняемыя, свалить на отвѣты другихъ: вотъ-де и теперь Малороссійское казацкое войско, къ арміи въ Крымъ идти готовящееся, больше похоже на маркитантовъ, чѣмъ на военныхъ людей. Я, слѣдуя моимъ правиламъ, чтобы во всякихъ случаяхъ справедливость предпочитать всему, робкимъ быть за стыдъ почитая, на тѣ его свѣтлости рѣчи, не запнувшись, съ твердымъ духомъ отвѣчалъ, что то донесено несправедливо. На сіи мои слова герцогъ Биронъ, осердясь, весьма вспыльчиво мнѣ сказалъ, что какъ я такъ отважно говорю: ибо-де о семъ въ тѣхъ же числахъ фельдмаршалъ графъ Минихъ государынѣ представлялъ, и можно ль-де кому подумать, чтобъ онъ то представилъ ея в—ству ложно. Я ему на то отвѣтствовалъ, что можетъ быть фальдмаршалъ графъ Минихъ онаго войска самъ еще не видалъ, а кто ни есть изъ подчиненныхъ, дядѣ моему недоброжелателей, то худо ему рекомендовалъ; для лучшаго же о истинѣ удостовѣренія счастливъ былъ бы мой дядя, когда-бъ противъ такого увѣдомленія приказано было кому-нибудь нарочно посланному оное казацкое войско освидѣтельствовать и сыскать, съ которой стороны и кѣмъ тѣ несправедливыя представленія монархинѣ учинены. Ибо когда персональные кредиты, а не существенныя доказательства дѣлъ въ удостовѣреніяхъ преимущественно брать будутъ, тогда наисправедливѣйшіе и радѣтельнѣйшіе, отъ ухищреній коварныхъ завистниковъ безопасными быть надежду потерявъ, лишатся своей крѣпости и негодными ко услугамъ монархинѣ и отечеству сдѣлаются.—Такая моя смѣлость наивящше разсердила его, и онъ въ великой запальчивости мнѣ сказалъ: *„Вы, Русскіе, часто такъ смѣло въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете“*. Сіи его сіятельства рѣчи не столько въ робкое, какъ въ огорчительное смятеніе меня привели, на что я скоро ему съ печально чувствительнымъ видомъ отвѣтствовалъ: Сіе будетъ высочайшая милость и вскорѣ всеобщее благосостояніе умножится, когда

[1]) Вся эта переписка находится въ Государ. архивѣ.

коварность обманщиковъ истребляема, а добродѣтельныхъ невинность отъ притѣсненія защищаема будетъ, и когда дядя мой и я въ какихъ несправедливыхъ ея в—ству представленіяхъ найдемся, помилованія просить не будемъ. „Въ такихъ я колкихъ и дерзкихъ съ его свѣтлостію разговорахъ находясь, увидѣлъ, что всѣ бывшіе въ той палатѣ господа одинъ по одному ретировались вонъ и оставили меня въ комнатѣ одного съ его свѣтлостію, который ходилъ по палатѣ, а я, во унылости предъ нимъ стоя, съ перерывкою продолжалъ объ оной матеріи рѣчи близъ получаса, которыхъ подробно всѣхъ теперь писать не упомню, но послѣднее то было, что я увидѣлъ въ боковыхъ дверяхъ за занавѣшеннымъ не весьма плотно сукномъ стоящую и тѣ наши разговоры слушающую ея и. в—ство, которая, потомъ открывъ скоро сукно, изволила позвать къ себѣ герцога; а я съ сей высокопочтенной акціи съ худымъ выигрышемъ съ поспѣшеніемъ домой ретировался“ [1]).

„Худаго выигрыша“ не было для Шаховскихъ, потому что, вопервыхъ, старикъ князь Алексѣй умѣлъ показать свою преданность Бирону тѣмъ, что обо всемъ посылалъ ему доклады; а вовторыхъ потому, что Биронъ не любилъ Миниха. Мы уже видѣли, что такъ-называемая Нѣмецкая партія, господствовавшая при Аннѣ, въ самомъ началѣ не представляла крѣпкой связи между своими членами, почему и не можетъ быть называема собственно партіею. Два самыхъ видныхъ иностранца по талантамъ и дѣятельности, фельдмаршалъ Минихъ и вице-канцлеръ Остерманъ, не умѣли подѣлиться и столкнулись въ соперничествѣ; обоихъ не терпѣлъ могущественный фаворитъ, который хотѣлъ правительствовать безъ способностей и знанія дѣлъ, и видѣлъ, что въ Остерманѣ и Минихѣ онъ вовсе не имѣетъ покорныхъ орудій; что оба они работаютъ для себя, и только по наружности сохраняютъ къ нему вынужденное уваженіе. Тѣсно связаны были Остерманъ и Левенвольды, и смерть оберъ-шталмейстера Левенвольда, случившаяся въ 1735 году, не могла не быть чувствительна для этого кружка, потому что покойный, какъ говорили, пользовался одинакимъ фаворомъ какъ и Биронъ. Оберъ-камергеръ освободился отъ соперника, Минихъ освободился отъ врага, Остерманъ лишился друга. Но Остерманъ былъ силенъ самъ по себѣ: мнѣніе о его необходимости въ дѣлахъ внутреннихъ, и особенно внѣшнихъ, утвердилось; императрица въ затруднительныхъ обстоятельствахъ прибѣгала къ *оракулу*, какъ величали Остермана. Относительно Миниха интересы Бирона и Остермана были соединены: оба боялись его честолюбія, оба считали выгоднымъ пугать его честолюбіемъ. Въ концѣ войны его подозрѣвали въ желаніи сдѣлаться господаремъ Молдавіи на томъ основаніи, что онъ хотѣлъ продолженія войны послѣ заключенія мира Австрійцами [2]). По окончаніи войны, его не оставили въ Малороссіи, передали ея управленіе генералу Кейту, хотя Минихъ желалъ этого мѣста; разсказывали, что Минихъ просилъ себѣ управленія Малороссіею съ титуломъ князя Украинскаго, и будто императрица сказала по этому случаю: „Минихъ очень скроменъ; всегда думала, что онъ будетъ просить у меня титула великаго князя Московскаго“ [3]). Миниха пожаловали подполковникомъ Преображенскаго полка, и, въ началѣ 1740 года, онъ явился въ Петербургъ съ свѣжею славою Ставучанъ и Хотина, съ досадою отъ обманутыхъ надеждъ, съ жаждою новыхъ надеждъ, готовымъ орудіемъ для движенія, предметомъ беспокойства для сильныхъ, не хотѣвшихъ дѣлиться своею силою.

Минихъ былъ страшенъ Бирону какъ фельдмаршалъ, какъ военная знаменитость. Его нельзя было перевѣшивать Леси, человѣкомъ честнымъ, скромнымъ, но имѣвшимъ репутацію недаровитаго полководца. У Бирона были въ войскѣ братья; былъ своякъ, генералъ Бисмаркъ, родомъ изъ Пруссіи; но въ прусской службѣ ему не посчастливилось: онъ долго содержался въ строгомъ заключеніи и потомъ ему не давали полка за то, что убилъ своего слугу; онъ перешелъ въ русскую службу, женился на сестрѣ жены Бирона и сдѣлался генералъ-лейтенантомъ [4]); но твердое знаніе прусскаго военнаго артикула, который онъ вводилъ и въ русское войско, не равняло Бисмарка съ Минихомъ. Минихъ былъ страшенъ тѣмъ, что его некуда было удалить. Другое дѣло баронъ Корфъ, который, какъ говорили, вздумалъ перейти дорогу оберъ-камергеру [5]): ему дали сначала невліятельное мѣсто президента Академіи Наукъ, а потомъ отправили посланникомъ въ Данію. Въ оттѣсненіи Корфа Бирону помогло то обстоятельство, что набожная императрица не могла сблизиться съ вольнодумцемъ Корфомъ.

Но и Минихъ былъ долго въ отсутствіи изъ Петербурга, былъ на войнѣ, хотя война только увеличила его значеніе. А Остерманъ былъ постоянно тутъ и всѣмъ заправлялъ. Что болѣе всего раздражало Бирона и другихъ, входившихъ въ близкія отношенія къ Остерману,—такъ это его хитрость и скрытность: никто не зналъ что̀ онъ думаетъ, чего желаетъ въ извѣстномъ случаѣ, куда ведетъ дѣло, какъ относится къ тому или другому дѣлу, къ тому или другому человѣку; захочетъ кто-нибудь узнать объ этомъ,—оракулъ отвѣчаетъ темно, двусмысленно, надобно ломать себѣ голову, чтобъ проникнуть смыслъ оракула, а это страшно раздражало, особенно раздражало Бирона, который все болѣе и болѣе привыкалъ къ раболѣпству. Отсюда естественное желаніе отдѣлаться отъ Остермана, найти человѣка, кото-

---

[1]) Записки князя Якова Петр. Шаховскаго, I, 10 и слѣд.

[2]) Пекарскаго—Шетарди, стр. 103.

[3]) Манштейнъ.

[4]) Пекарскаго - Шетарди, стр. 6, 12.

[5]) Пекарскаго—Шетарди, стр. 88.

рый бы могъ замѣнить Остермана и въ то же время былъ бы покорнымъ орудіемъ фаворита, будучи обязанъ ему всѣмъ. Между иностранцами такого найти было нельзя; если бы даже можно было сейчасъ же сыскать иностранца даровитаго, то ему нужно было долговременное приготовленіе, чтобы хотя сколько-нибудь сравняться съ Остерманомъ въ опытности по дѣламъ внѣшнимъ и внутреннимъ. Надобно было обратиться къ Русскимъ, къ разсѣяннымъ птенцамъ Петровымъ, дѣтямъ преобразованія. Прежде всего вниманіе обратилось на Ягужинскаго, въ которомъ хотя и нельзя было надѣяться имѣть вполнѣ покорное орудіе, особенно во время *шумства*, но возвращеніе изъ изгнанія (ибо такое значеніе имѣло удаленіе его въ Берлинъ), высокая честь быть кабинетъ-министромъ ручались за благодарность, а главное — Остерману выставлялся опасный соперникъ: въ одну берлогу помѣщалось два медвѣдя,— и графъ Андрей Ивановичъ станетъ непремѣнно тише, будетъ искать въ фаворитѣ поддержки противъ Ягужинскаго, а тотъ будетъ искать поддержки противъ Остермана, притомъ же загородится ротъ тѣмъ людямъ, которые кричатъ, что Нѣмцы управляютъ Россіею: въ Кабинетѣ будетъ два русскихъ министра противъ одного Нѣмца. 28 апрѣля 1735 г. Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, вызванный изъ Берлина, былъ сдѣланъ кабинетъ-министромъ, получивъ также должность оберъ-шталмейстера, упразднившуюся смертію Левенвольда.

Но Ягужинскій скоро умеръ (въ апрѣлѣ 1736 года), и надобно было искать ему преемника. Выборъ остановился на Артеміи Петровичѣ Волынскомъ.

Мы видѣли, въ какомъ непріятномъ, унизительномъ положеніи находился Волынскій въ началѣ царствованія Анны; но родство съ Салтыковыми и заступничество Бирона, покровителя Салтыковыхъ, поддержали его. Мы упоминали о немъ какъ предсѣдателѣ коммисіи, составленной въ Москвѣ для устройства конскихъ заводовъ. Ревностію здѣсь онъ могъ всего скорѣе угодить фавориту, страстному охотнику и знатоку въ лошадяхъ. Австрійскій посланникъ, графъ Остейнъ, ненавидѣвшій Бирона, говаривалъ, что когда фаворитъ говорилъ о лошадяхъ или съ лошадьми, то онъ говорилъ какъ человѣкъ; а когда говорилъ о людяхъ или съ людьми, то говорилъ какъ лошадь [1]). Но мы видѣли, что Польская война отвлекла Волынскаго отъ конюшенныхъ дѣлъ и вызвала его въ дѣйствующую армію. Объ отношеніяхъ его къ Бирону въ это время можно судить по письму его отъ 20 апрѣля 1734 года: „Пріемлю смѣлость о моемъ несчастіи доносить, какъ я съ начала вступленія въ Польшу и чрезъ все прошедшее время съ какимъ усердіемъ служилъ и трудился, не отрицаяся ни отъ чего,—такъ о томъ его графское сіятельство, г. оберъ-шталмейстеръ фонъ-Левенвольдъ и прочіе всѣ могутъ засвидѣтельствовать, какія я имѣлъ безпокойствы; однакожъ все то исполнялъ истинно со всякою охотою моею, и наконецъ, по особливому несчастію моему, приключилась мнѣ злая животная болѣзнь, и такъ былъ нѣсколько въ великой опасности къ смерти, и хотя потомъ нѣкоторую свободу и получилъ, однакожъ не только верхомъ на лошади стало невозможно ѣздить, но и пѣшимъ ходить зѣло трудно, а затѣмъ отъ генерала-фельдмаршала Миниха отпущенъ въ С.-Петербургъ и прибылъ сюда въ Кёнигсбергъ, гдѣ, взявъ доктора, пользуюся, и потомъ паки буду продолжать до Петербурга по возможности путь мой, и, сіе несчастіе мое донесши, всепокорно предаю себя въ непремѣнную вашего высокографскаго сіятельства, милостиваго государя моего и истиннаго патрона, милость“ [2]).

Конечно, по старанію истиннаго патрона, Волынскій былъ сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ, полнымъ генераломъ и былъ назначенъ однимъ изъ уполномоченныхъ на Немировскій конгрессъ. Мы видѣли, что и здѣсь болѣзнь помѣшала ему пріѣхать вмѣстѣ съ другими товарищами. Передъ отъѣздомъ изъ Немирова онъ написалъ своимъ дѣтямъ слѣдующее письмо: „Любезные мои дѣти, Антушка, Еленушка, Машчика, Петрушенка здравствуйте и буди на васъ милость и благословеніе Божіе. О себѣ объявляю вамъ, что мы сей день отъѣзжаемъ отсюды до Кіева, куда надѣюся въ семь дней прибудемъ и тамъ отъ ея и. в—ства указа ожидать о возвращеніи нашемъ будемъ, токмо чаю оной къ намъ уже и посланъ. Дай Всевышній мнѣ васъ скорѣе и въ добромъ здоровьѣ видѣть и обще съ вами его Всещедраго благодарить, а я, слава Богу, въ совершенномъ моемъ здоровьѣ, такъ что прощаяся на разъѣздѣ съ здѣшними господами польскими, и они у меня, и я у нихъ попили нарочито дни съ четыре. Потому можете, любезные дѣти, увѣрены быть, что я конечно здоровъ, понеже больному нельзя пить, а я жъ и здоровый, вѣдаете, что неохотникъ, однакожъ за любовь ихъ, что ко мнѣ всѣ особливо ласковы были, принужденъ былъ“.

Назначеніе Волынскаго въ число уполномоченныхъ на Немировскій конгрессъ было ступенью къ высшему назначенію. По смерти Ягужинскаго, одно мѣсто кабинетъ-министра оставалось празднымъ, слѣдовательно Кабинетъ, при незначительности Черкасскаго, сосредоточивался въ одномъ человѣкѣ — Остерманѣ, чего не хотѣлъ Биронъ. Въ Волынскомъ онъ надѣялся найти человѣка, по способностямъ и опытности могущаго перевѣшивать Остермана и въ то же время долженствовавшаго быть покорнымъ слугою фаворита, ибо всѣмъ былъ обязанъ ему и по своему прошедшему, и по

[1]) Манштейнъ.

[2]) Письмо въ Государ. архивѣ. Болѣзнь свою Волынскій описываетъ такъ: «Въ паху повредило у меня перепонку и вышли кишки столько много, что чрезъ пятеры сутки едва, чрезъ припарки умягча, могли въ животъ вправить».

множеству сильныхъ враговъ нуждался въ постоянномъ его покровительствѣ. Биронъ считалъ себя въ правѣ говорить: „Волынскій мнѣ обязанъ тѣмъ, что онъ не былъ повѣшенъ еще тогда, когда Дворъ былъ въ Москвѣ“ [1]). Хотя въ этихъ словахъ и было преувеличеніе, однако послѣ извѣстнаго намъ казанскаго дѣла безъ сильнаго покровительства трудно было подняться такъ, какъ поднялся Волынскій. Говорятъ, будто Ягужинскій пророчествовалъ передъ смертію: „Я предвижу, что Волынскій посредствомъ лести и интригъ пробьется въ кабинетъ-министры; но не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ принуждены будутъ его повѣсить“. Говорятъ о прошедшемъ человѣка и на языкъ попадется слово—„висѣлица“; говорятъ о его будущемъ—и опять то же слово: значитъ, человѣкъ для избѣжанія висѣлицы долженъ имѣть сильное покровительство; и Биронъ, въ разсчетѣ на невозможность для Волынскаго держаться самостоятельно, вводитъ его въ Кабинетъ, отвѣчая иностранцамъ, которые высказывали на этотъ счетъ свое удивленіе и безпокойство: „Я хорошо знаю, что̀ говорятъ о Волынскомъ и какіе пороки онъ имѣетъ; но гдѣ же между Русскими найти лучшаго и способнѣйшаго человѣка“.

И вотъ Волынскій у цѣли своихъ желаній: онъ кабинетъ-министръ. Онъ участвуетъ въ рѣшеніи важнѣйшихъ дѣлъ; онъ ходитъ съ докладами къ государынѣ, имѣетъ возможность говорить съ нею, выставлять свои способности и усердіе, накидывать тѣнь на людей непріятныхъ, принимать секретныя порученія. У Волынскаго закружилась голова; властолюбіе было страшно возбуждено, является стремленіе играть главную роль, затмить всѣхъ; но тутъ препятствія, которыя доводятъ раздраженіе до крайности, враги дразнятъ со всѣхъ сторонъ. Главный врагъ, способный дразнить, раздражать страшно человѣка, подобнаго Волынскому,—это Остерманъ, оракулъ, у котораго не добьешься ничего яснаго, опредѣленнаго, и Остерманъ имѣетъ важныя причины дразнить Волынскаго, подставлять ему ногу: Волынскій введенъ въ Кабинетъ для противодѣйствія Остерману. И Волынскому, при его горячкѣ, трудно бороться съ Остерманомъ, спокойно обдумывающимъ какъ бы уколоть врага и поставить его въ непріятное положеніе. Волынскій, начетчикъ и говорунъ, станетъ излагать мнѣніе по какому-нибудь дѣлу; другой кабинетъ-министръ, князь Черкасскій, не начетчикъ и не говорунъ, не имѣющій своихъ мнѣній, увлекся, пристаетъ къ мнѣнію Волынскаго; но безстрастный графъ Андрей Ивановичъ спокойно произноситъ свое veto, свое—„не-такъ“. И это постоянно: Волынскій выходитъ изъ себя, Волынскій, считающій себя и считаемый отъ многихъ другихъ умницею; онъ постоянно разсуждаетъ не такъ, одинъ Остерманъ непогрѣшителенъ! Но этого мало: Остерманъ согласится, но съ докладомъ къ государынѣ самъ не пойдетъ; Волынскій отправится и получитъ гнѣвъ государыни за неугодное ей рѣшеніе, а Остерманъ—въ сторонѣ; онъ съ докладомъ не ходитъ, а ходитъ такъ и наговариваетъ государынѣ на другихъ, возбуждаетъ ея подозрѣніе; онъ въ кредитѣ, его слушаютъ, а Волынскій—въ работѣ и непріятностяхъ. Съ другимъ товарищемъ своимъ по Кабинету, княземъ Алекс. Мих. Черкасскимъ, Волынскій былъ сначала въ большихъ ладахъ. Черкасскій былъ недоволенъ Остерманомъ, Бирономъ, Анною: ему казалось, что за такія важныя услуги онъ былъ мало награжденъ; онъ досадовалъ, что ему не дано главной роли; что̀ бы онъ, по своимъ способностямъ сдѣлалъ съ своею главною ролью, онъ объ этомъ не разсуждалъ, только непріятно было, что другіе пользуются бо̀льшимъ вліяніемъ на дѣла, чѣмъ онъ; вѣроятно онъ не слыхалъ, что насмѣшники говорили, когда ихъ было только двое въ Кабинетѣ съ Остерманомъ: насмѣшники говорили, что Остерманъ—душа Кабинета, а князь Черкасскій—тѣло. Притомъ, несмотря на огромное богатство, Черкасскій былъ корыстолюбивъ, и сердился, что мало получалъ матеріальнаго вознагражденія за свое усердіе; наконецъ самая благовидная причина неудовольствія была—ссылка его племянника, князя Александра, по дѣлу очень сомнительнаго свойства. И вотъ князь Алексѣй Михайловичъ отводитъ душу жалобами въ бесѣдахъ съ новымъ товарищемъ. Черкасскій жаловался, что Остерманъ такъ силенъ, что ни онъ, Черкасскій, ни страшный начальникъ Тайной Канцеляріи, Ушаковъ, не смѣютъ противъ него говорить. „Остерману“, говорилъ Черкасскій, „противно, что Сенатъ есть: хотѣлось бы ему, чтобъ Сената не было, а съѣзжались бы коллежскіе президенты для совѣщанія; Остерманъ боится, что Сенатъ усилится, если въ немъ много будетъ членовъ“. Черкасскій жаловался и на Бирона, называлъ его злымъ человѣкомъ за то, что племянника его, князя Александра, напрасно въ ссылку послалъ; стращали его пытками—и онъ на себя много напрасно говорилъ, а доноситель научаемъ и обнадеженъ былъ Алексѣемъ Бестужевымъ. Черкасскій жаловался на государыню; „Государыня мнѣ говорила: „Богъ тебя не оставитъ, такъ же и я, пока буду жива, тебя не оставлю; а какую я отъ нея милость вижу? Вотъ бездѣлица: пожаловали-было намъ троимъ китайскіе товары - Головкину, Остерману и мнѣ; когда Головкинъ умеръ, тогда изволила сказать: „Вотъ вамъ и его часть отдаю“; а послѣ того изъ тѣхъ товаровъ лучшіе выбрала себѣ на 30,000 рублей, а остальные велѣла раздѣлить на нѣсколько частей; а теперь не подарила мнѣ доимки на крестьянахъ моихъ,—велѣла взыскивать. Выйду въ отставку“.

Такія откровенности были вначалѣ, а потомъ Черкасскій удалился отъ Волынскаго, увидавши, что можетъ быть опасно сближеніе съ человѣкомъ, на котораго косится сверху, косится не только Остерманъ, но и Биронъ.

За что же истинный патронъ сталъ коситься на

[1]) Hermann: Geschichte des russ. Staates, IV, 612, 613.

своего кліента?—за то, что кліентъ, ставши кабинетъ-министромъ, пересталъ быть человѣкомъ ищущимъ. Волынскій былъ человѣкъ живой, дѣятельный; новая должность заняла его, а если кабинетъ-министръ хотѣлъ и любилъ заниматься, то какой предметъ могъ быть чуждъ его вниманія, когда всѣ дѣла сосредоточивались въ Кабинетѣ и раздѣленія занятій между его членами не было? Кромѣ того, Волынскій любилъ почитать, пописать и поговорить съ читавшими людьми, и потому онъ не могъ найти много времени для того, чтобъ постоянно быть въ пріемной герцога Курляндскаго. Это отсутствіе, разумѣется, было замѣчено. Что же это значитъ: уже началъ пренебрегать, хочетъ жить самъ по себѣ, не нуждается болѣе,— неблагодарный! Да куда онъ дѣвался; что онъ дѣлаетъ?—„У него дѣла много, ваша высокогерцогская свѣтлость“, говорятъ добрые люди: „все проекты пишетъ, все, по его, не такъ, всѣхъ бранитъ“. А его высокогерцогская свѣтлость пріобрѣлъ къ этому времени окончательно дурную привычку—не церемониться ни съ кѣмъ, обходиться со всѣми какъ съ лакеями; застанетъ кто герцога въ хорошую минуту,—приметъ хорошо, ласково; застанетъ въ невеселомъ расположеніи духа,—приметъ какъ нельзя хуже. Волынскій прежде, когда искалъ въ Биронѣ, могъ переносить это, вѣроятно даже и не очень замѣчалъ: мысли были не тѣмъ заняты; но теперь, когда исканіе прекратилось, цѣль была достигнута, Волынскій сталъ внимательнѣе къ такому обхожденію, обидчивѣе,—вѣдь онъ кабинетъ-министръ! Отсюда сильное раздраженіе и первая мысль: Нѣмецъ, какого происхожденія, чѣмъ добился до такого положенія, и смѣетъ такъ обходиться съ лучшими Русскими людьми! Посѣщать Бирона стало непріятно Волынскому, а человѣку естественно избѣгать непріятнаго: кто его знаетъ, какъ приметъ, что̀ за охота терпѣть униженіе! И вотъ Волынскій еще рѣже является къ Бирону и жалуется, что Биронъ передъ прежнимъ гораздо запальчивѣе сталъ, и при кабинетныхъ докладахъ государынѣ герцогъ больше другихъ на него гнѣвался; потрафить на его нравъ невозможно, временемъ показываетъ себя милостивымъ, а иногда и очами не смотритъ. Черкасскій вторитъ ему, что Бирона нравъ перемѣнился и безмѣрно сталъ запальчивъ, и не любитъ кто съ кѣмъ дружно живетъ; нынѣ опасно жить, что безмѣрно на всѣхъ напрасная суспиція; а ту суспицію внушилъ паче всѣхъ графъ Остерманъ, его вымыселъ въ томъ состоитъ, чтобъ на всѣхъ подозрѣніе привесть, а самому только быть въ кредитѣ. Нѣмцы — Биронъ и Остерманъ—виновники всему злу, они перебивали дорогу Волынскому, и Волынскій жаловался: „Нынѣ пришло наше житье хуже собаки!“ жаловался съ-горя, что иноземцы предъ нимъ преимущество имѣютъ.

Биронъ видитъ, что Волынскій уже не тотъ, къ нему является рѣдко, но съ государынею старается быть какъ можно чаще и говоритъ съ нею какъ можно долѣе. Этого Биронъ выносить не могъ и, при первомъ случаѣ, высказалъ свое негодованіе Волынскому: когда было получено донесеніе Миниха о недостаткѣ провіанта, тогда какъ его было много на Днѣпрѣ, то Волынскій пошелъ къ Бирону съ представленіемъ о несправедливомъ требованіи фельдмаршала, думалъ вѣроятно получить хорошій пріемъ вслѣдствіе вражды между Бирономъ и Минихомъ, но получилъ пріемъ очень нехорошій. „Напрасно ты ко мнѣ съ этимъ пришелъ“, закричалъ на него герцогъ; „мнѣ какое дѣло! поди самъ докладывай государынѣ, ты можешь и по-часу говорить съ государыней“.

Но подозрительность и досада Бирона усилилась по самому непріятному для него дѣлу, отъ котораго зависѣло его будущее. Совершилось событіе, напоминавшее волшебныя сказки: сынъ курляндскаго конюха сдѣлался герцогомъ Курляндскимъ. Но владѣтельный и наслѣдственный герцогъ Курляндскій былъ оберъ-камергеромъ Русской императрицы и, сдѣлавшись герцогомъ, остался при Петербургскомъ Дворѣ. Это показывало ясно, что все значеніе его основывалось на отношеніяхъ къ этому Двору, къ Россіи: слѣдовательно для сохраненія своего значенія Бирону нужно было утвердить свое высокое положеніе въ Россіи. Это положеніе зависѣло отъ фавора императрицы; но что будетъ по смерти ея? Законъ Петра Великаго, что царствующій государь имѣетъ право назначить себѣ преемника, существовалъ во всей силѣ; если Анна была избрана, то потому, что Петръ II-й не распорядился назначеніемъ себѣ преемника. Анна хотѣла утвердить на Русскомъ престолѣ свою линію, а единственною отраслью этой линіи была Мекленбургская принцесса Анна Леопольдовна, дочь герцогини Екатерины Ивановны. Кто будетъ мужемъ принцессы Анны?—этотъ вопросъ занималъ очень многихъ, и сильно занималъ Бирона. Естественно было человѣку въ его положеніи схватиться за мысль объ утвержденіи своего положенія въ Россіи посредствомъ брака сына своего на принцессѣ Аннѣ. Биронъ тѣмъ болѣе могъ питать такія надежды, что принцесса чувствовала отвращеніе къ назначенному ей въ женихи принцу Антону Брауншвейгъ-Беверискому; со стороны императрицы Биронъ не могъ ожидать препятствій; было одно препятствіе—молодому Петру Бирону было только 16 лѣтъ; но, при высшихъ соображеніяхъ, такія препятствія исчезаютъ. Оставалось пріобрѣсти расположеніе молодой принцессы, чтобъ ея склонностію прикрыть все, и вотъ Бироны начинаютъ сильно ухаживать за нею. Наконецъ пришло время покончить дѣло. Самъ Биронъ взялся предложить принцессѣ въ женихи принца Антона, въ полной увѣренности, что предложеніе будетъ отвергнуто; и дѣйствительно, принцесса отвѣчала, что она скорѣе положитъ голову на плаху, чѣмъ выйдетъ за принца Антона. Биронъ въ восторгѣ рѣшился пользоваться благопріятною минутою; дочь генерала Ушакова, быв-

шая за камергеромъ Чернышевымъ и пользовавшаяся приближеніемъ у принцессы, должна была предложить Аннѣ Петра Бирона; но принцесса страшно оскорбилась этимъ предложеніемъ и, подъ вліяніемъ этого чувства, объявила, что перемѣнила прежнее намѣреніе и готова выйти за принца Антона. Императрица очень обрадовалась этому рѣшенію, и Бирону ничего болѣе не оставалось какъ притворяться также обрадованнымъ [1]).

Но какъ относились къ этому дѣлу Русскіе люди? Волынскій узналъ о намѣреніи Бирона женить сына на принцессѣ Аннѣ отъ медика цесаревны Елисаветы, Лестока; Лестокъ разсказывалъ, что слышалъ отъ самой цесаревны, что императрица представила племянницѣ на выборъ обоихъ жениховъ,—молодаго Бирона и принца Антона; принцесса отвергла Петра Бирона и сказала: „Когда на то воля вашего величества, то лучше пойду за принца Брауншвейгскаго, потому что онъ въ совершенныхъ лѣтахъ и стараго Дома". Волынскій, разсказывая объ этомъ своимъ друзьямъ, называлъ намѣреніе Бирона „годуновскимъ" намѣреніемъ. Князь Черкасскій говорилъ: „Если-бъ принцъ Петръ былъ женатъ на принцессѣ, то-бъ тогда герцогъ еще не такъ прибралъ насъ въ руки. Какъ это супружество не сдѣлалось? – потому что государыня къ герцогу и къ принцу Петру милостива, да и принцесса къ принцу Петру благосклоннѣе казалась, нежели къ принцу Брауншвейгскому. Конечно, до этого Остерманъ не допустилъ и отсовѣтовалъ: онъ, какъ дальновидный человѣкъ и хитрый, можетъ быть, думалъ, что намъ это противно будетъ, или и ему самому не хотѣлось. Слава Богу, что это не сдѣлалось; принцъ Петръ человѣкъ горячій, сердитый и нравный, еще запальчивѣе, чѣмъ родитель его; а принцъ Брауншвейгскій хотя невысокаго ума, однако человѣкъ легкосердный и милостивый". Волынскій также выставлялъ вредныя слѣдствія брака принцессы Анны съ сыномъ Бирона: опасная Русскому государству власть Бирона еще болѣе усилится, иноземцы окончательно станутъ владычествовать надъ Русскими, станутъ Русскихъ отягощать податьми, вывозить казну, истощать государство, и этимъ подвергнутъ его страшной опасности, въ случаѣ непріятельскаго нападенія.

Что дѣло не ограничилось только сожалѣніями и опасеніями, которыя высказывали другъ другу близкіе между собою люди, видно изъ наивныхъ словъ принцессы Анны, сказанныхъ Волынскому послѣ невольной помолвки ея за нелюбимаго принца Антона. Увидавши ее грустною, Волынскій спросилъ о причинѣ печали, и получилъ въ отвѣтъ: „Вы, министры проклятые, на это привели, что теперь за того иду, за кого прежде не думала, а все вы для своихъ интересовъ къ тому привели". Волынскій сказалъ на это, что ни онъ, ни князь Черкасскій ни въ чемъ не виноваты, потому что ни о чемъ не знали; потомъ спросилъ, чѣмъ же она недовольна. Принцесса отвѣчала, что женихъ очень тихъ и несмѣлъ въ поступкахъ своихъ; Волынскій сказалъ на это, что она можетъ недостатки принца восполнять своимъ благоразуміемъ; что если принцъ Антонъ тихъ и несмѣлъ, то ей же лучше, потому что будетъ ей больше послушенъ, а если-бъ ея мужемъ былъ Петръ Биронъ, то хуже бы ей было. Послѣ свадьбы, Волынскій наставлялъ принцессу, что надобно ей друзей пріобрѣтать; училъ, какъ она должна поступать съ мужемъ; относительно Бирона говорилъ ей, что у него нравъ подозрительный и вспыльчивый: пусть будетъ осторожна и ласкова къ фамиліи Бироновъ. Герцогъ Курляндскій, страшно раздраженный противъ принцессы Анны за отказъ выйти замужъ за его сына, бранилъ ее Волынскому, говорилъ, что она *уничтожительно* и непріятно себя къ людямъ показываетъ. На это Волынскій отвѣчалъ, что принцесса робка предъ государынею, и напрасно такъ робко себя ведетъ и дикой къ людямъ себя показываетъ; напрасно также ввѣрилась фрейлинѣ Менгденъ, потому что фрейлина не очень дальняго ума, а принцесса имѣетъ нравъ тяжелый. Несмотря на такой, не очень лестный отзывъ, подозрительный Биронъ не могъ не замѣтить, что старый его кліентъ сильно забѣгаетъ къ молодому Двору и пользуется его расположеніемъ; это, разумѣется, стало самою сильною причиною нерасположенія герцога къ Волынскому. У послѣдняго былъ пріятель изъ Нѣмцевъ, кабинетъ-секретарь Эйхлеръ, котораго привязывала къ Волынскому ненависть къ Остерману; Эйхлеръ, родившійся въ Россіи, былъ въ большомъ приближеніи у фаворита Петра II-го, князя Ив. Алекс. Долгорукаго, и за нимъ ухаживали, какъ за министромъ. Послѣ паденія Долгорукаго, Эйхлера затерли, но Ягужинскій снова вывелъ его, а по смерти Ягужинскаго Биронъ сдѣлалъ его тайнымъ секретаремъ императрицы [2]). Эйхлеръ, который вовсе не желалъ ссоры между Бирономъ и Волынскимъ, ибо эта ссора могла быть очень выгодна Остерману, остерегалъ Волынскаго, чтобъ тотъ не возбуждалъ подозрѣній герцога сближеніемъ съ принцессою Анною. Однажды заклятой врагъ Волынскаго, князь Алекс. Борисовичъ Куракинъ, бранилъ его громко во дворцѣ. Когда потомъ пріѣхалъ во дворецъ и Волынскій, то подошли къ нему принцесса Анна и цесаревна Елисавета, и спрашивали, за что его Куракинъ бранитъ. Волынскій отвѣчалъ, что самъ не знаетъ, и „ихъ высочества изволили милостиво о немъ сожалѣть". Эйхлеръ, бывшій свидѣтелемъ этихъ сожалѣній, говорилъ послѣ Волынскому: „Я тебя подружески предостерегаю, не очень ты къ принцессѣ близко себя веди, можешь ты за то съ другой стороны въ суспицію впасть; вѣдь герцоговъ нравъ ты знаешь, каково ему покажется, что мимо его другою дорогою ищешь". Это было лѣтомъ 1739 года до отъ-

[1]) Hermann, Geschicte des russich. Staates, IV, 633 и слѣд.

[2]) Тамъ же, 615.

ѣзда Двора въ Петергофъ; но потомъ и въ Петергофѣ Эйхлеръ предостерегалъ Волынскаго, чтобъ онъ къ принцессѣ не ходилъ часто: „Мнѣ кажется“, говорилъ онъ, „что и такъ на тебя отъ герцога Курляндскаго за то суспиція.“

Остерманъ враждебенъ, Биронъ враждебенъ, князь Куракинъ громко бранитъ въ самомъ дворцѣ,—значитъ:—не опасается гнѣва императрицы. Биронъ преслѣдуетъ Волынскаго за то, что тотъ по цѣлому часу разговариваетъ съ императрицею; но Волынскій видитъ, что эти продолжительные разговоры ни къ чему не ведутъ, и сильно недоволенъ Анною. „Правду пишутъ о женскомъ полѣ, что нравъ измѣнчивый имѣетъ, и когда женщина веселое лицо показываетъ, тутъ-то и бойся скрытаго въ сердцѣ ея гнѣва,“ разсуждалъ Волынскій при любимомъ человѣкѣ своемъ Кубанцѣ, отъ котораго у него не было тайнъ. Разсуждая такимъ образомъ, онъ разумѣлъ Анну, которая въ какомъ-нибудь дѣлѣ сначала покажетъ персону милостивую, а потомъ за то же дѣло гнѣвается. „Вотъ гнѣвается, иногда и самъ не знаю за что; надобно ей судъ съ грозою и милостью имѣть, а того бѣда—иногда такъ, а иногда сякъ, и ничего постояннаго нѣтъ; и въ самыхъ государяхъ-то худо, ежели скрытность бываетъ.“ Однажды, выразившись очень рѣзко объ умственныхъ способностяхъ Анны, Волынскій прибавилъ: „Резолюціи никакой отъ нея не добьешься, – герцогъ что захочетъ, то и дѣлаетъ.“ Секретарь Анны, Эйхлеръ, жаловался на пребезмѣрную подозрительность ея, что во всѣхъ безъ причины сомнѣвается; какъ бы кто вѣренъ ни былъ, безъ подозрѣнія миновать не можетъ, и Богъ знаетъ какъ угодить стало.“

Эти слова не могли утѣшить Волынскаго. Надежда при частыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ императрицею выказать свое усердіе и затмить всѣхъ своими способностями исчезла. Особенно сердится онъ на императрицу за Головинское дѣло: Анна поручила ему подъ-рукою разузнать о поступкахъ адмирала Николая Головина, президента Адмиралтейской Коллегіи. Волынскій донесъ, что Головинъ взялъ съ одного иностранца 7,000 рублей, но доносъ остался безъ всякаго дѣйствія, и Головинъ, узнавши о немъ, сдѣлался смертельнымъ врагомъ Волынскаго. Для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей, Волынскій стремился пріобрѣсти полное довѣріе императрицы; но оказывалось, что никакого довѣрія не было: Анна выдавала его. И россійскій императорскій кабинетъ-министръ съ завистію говоритъ о независимомъ положеніи польскаго папа: „Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ, ни на что не смотрятъ—и все имъ даромъ; польскому шляхтичу не смѣетъ и самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся“.

Къ этимъ непріятностямъ присоединялась постоянная нужда въ деньгахъ; доходовъ не ставало на петербургскую жизнь кабинетъ-министра, онъ принужденъ былъ занимать деньги. Волынскій такъ объясняетъ причины разстроеннаго состоянія своихъ дѣлъ: „Когда я былъ посаженъ въ тюрьму въ Турціи (съ Шереметевымъ и Шафировымъ), отецъ мой, имѣвъ меня одного сына, опечалился и впалъ въ параличную болѣзнь, отчего и языкъ отнялся у него. Въ то время мачиха моя, которая была весьма непотребнаго состоянія, разорила домъ весь, разогнала людей и деревни, такъ что мнѣ по смерти отца моего отъ 800 дворовъ крестьянъ осталось 37. Свидѣтель Богъ, что со всѣхъ моихъ деревень 500 рублей доходу нынѣ не имѣю, и рѣдкій годъ, чтобъ я въ Москвѣ и въ деревняхъ на 300 или 400 рублевъ хлѣба не купилъ. Во весь мой вѣкъ ни едино благополучіе мнѣ не воспослѣдовало, кромѣ одних убытковъ, и что больше себѣ чести получалъ, тѣмъ болѣе долговъ присовокупилъ; чѣмъ больше прилагаю трудовъ, тѣмъ больше ненависти и злобы вмѣсто всякой помощи нажилъ.“

Но человѣкъ съ такою энергіею, какъ Волынскій, не могъ предаваться бездѣйственному отчаянію; онъ писалъ проекты и читалъ ихъ въ небольшомъ кругу образованныхъ и преданныхъ ему людей. Этотъ кружокъ состоялъ изъ извѣстнаго намъ графа Платона Мусина-Пушкина, президента Коммерцъ-Коллегіи, Ѳедора Соймонова, оберъ штеръ-кригсъ коммисара, Андрея Хрущова, совѣтника, и Петра Еропкина, архитектора. Эти люди своими похвалами возбуждали въ Волынскомъ блестящія надежды; ему уже мечталось, какое могущественное впечатлѣніе произведутъ его труды, какъ всѣ должны будутъ преклониться предъ его дарованіями, какъ прославится его имя. Главное мѣсто между его трудами занимало „Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, раздѣленное на шесть частей: 1) объ укрѣпленіи границъ и объ арміи, 2) о церковныхъ чинахъ, 3) о шляхетствѣ, 4) о купечествѣ, 5) о правосудіи, и 6) объ экономіи. Приведемъ изъ него нѣсколько мыслей: „Мы, министры, хотимъ всю вѣрность на себя принять и будто мы одни дѣла дѣлаемъ и вѣрно служимъ. Напрасно намъ о себѣ такъ много думать: есть много вѣрныхъ рабовъ, а мы только-что пишемъ и въ конфиденціи приводимъ, тѣмъ ревность и другихъ пресѣкаемъ, и натащили мы на себя много дѣлъ и ненадлежащихъ намъ, а что дѣлать—и сами не знаемъ“. Переходя къ Сенату, Волынскій требовалъ уничтоженія генералъ-прокурора, какъ препятствующаго свободной дѣятельности сенаторовъ; требовалъ увеличенія числа сенаторовъ, которые должны ежегодно обозрѣвать всѣ губерніи для усмотрѣнія тамошнихъ непорядковъ. Относительно арміи требовалъ поселенія ея на границахъ въ слободахъ. Требовалъ распространенія просвѣщенія между духовенствомъ и шляхетствомъ: для духовенства учредить академіи, а знатное шляхетство посылать за-границу учиться разнымъ наукамъ и правамъ, чтобъ у насъ были свои природные министры. Учредить по приходамъ сборъ для содержанія священниковъ, чтобъ имъ не нужно было заниматься хлѣбопашествомъ. Ввести шляхетство въ духовный и приказный чинъ, потому что

до сихъ поръ въ канцеляріяхъ все люди подлые. Купечество защищать отъ воеводскихъ обидъ; возстановить магистратъ и т. д.

Хрущовъ говорилъ о „Генеральномъ разсужденіи“, что „эта книга будетъ лучше Телемаковой“. Но Волынскій не ограничился „Генеральнымъ разсужденіемъ“ и другими подобными же проектами: у него слишкомъ накипѣло на сердцѣ, и онъ рѣшился написать императрицѣ представленіе о недостоинствѣ окружающихъ ее людей, выставляя преимущественно Остермана, и о печальномъ состояніи людей достойныхъ, разумѣя себя. Прежде чѣмъ подать записку императрицѣ, авторъ показалъ ее нѣкоторымъ лицамъ, все непріязненнымъ Остерману: князю Черкасскому, Эйхлеру, Лестоку, генералъ-оберъ-директору Шёнбергу, президенту Юстицъ-Коллегіи по Лифляндскимъ и Эстляндскимъ дѣламъ барону Мангдену, родственнику Миниха. Князь Черкасскій сказалъ: „Остро очень писано; ежели попадется то письмо въ руки Остермановы, то онъ тотчасъ узнаетъ, что противъ него писано“. Шёнбергъ, Эйхлеръ, Менгденъ уговаривали Волынскаго подать письмо государынѣ: „Это письмо самый портретъ графа Остермана“, говорили они. Не совѣтовалъ подавать Кубанецъ; но Волынскій, увлеченный похвалами сочиненію и ненавистію къ Остерману, подалъ, вручивши прежде нѣмецкій переводъ письма Бирону, въ надеждѣ, что герцогъ, узнавши портретъ Остермана, будетъ доволенъ. Намъ неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело письмо на Бирона, но на императрицу самое дурное: Волынскій забылъ, что, выставляя въ черномъ свѣтѣ людей, окружавшихъ императрицу, онъ оскорблялъ ея самолюбіе, ибо къ ней прямо относился упрекъ за дурной выборъ приближенныхъ. Анна спросила его, кого именно онъ описывалъ въ своемъ сочиненіи; Волынскій отвѣчалъ, что Куракина, Головина, а больше всего Остермана. „Ты подаешь мнѣ письмо съ совѣтами, какъ будто молодыхъ лѣтъ государю“, сказала на это Анна,—и слова ея обдали холодомъ несчастнаго автора.

Но если Волынскій не достигалъ своей цѣли подачею записки, то эта подача непосредственно не имѣла для него и вредныхъ послѣдствій. На радостяхъ заключенія мира съ Турціей, Волынскій получилъ 20,000 рублей, какъ человѣкъ особенно нуждающійся въ деньгахъ. Мы видѣли, что онъ распоряжался празднествами по случаю свадьбы шута Голицына, и видѣли, какъ онъ воспользовался случаемъ, чтобъ отомстить Тредіаковскому за пѣсенку. И этотъ поступокъ Волынскаго, позволившаго себѣ прибить несчастнаго піита въ комнатахъ герцога Курляндскаго, остался бы для него безъ вредныхъ слѣдствій, если бы онъ не имѣлъ неосторожности страшно оскорбить Бирона въ дѣлѣ о вознагражденіяхъ Полякамъ, потерпѣвшимъ, во время прохода русскихъ войскъ чрезъ области Рѣчи Посполитой. Биронъ, какъ герцогъ Курляндскій, вассалъ Польши, имѣлъ сильныя побужденія заискивать расположеніе правительства республики, т.-е. вельможъ и шляхты, и потому онъ настаивалъ, что надобно дать Полякамъ удовлетвореніе. При разсужденіи объ этомъ дѣлѣ въ Кабинетѣ, Волынскій настаивалъ на противномъ и, разгорячившись, сказалъ, съ явнымъ намекомъ на Бирона, что, не будучи ни владѣльцемъ въ Польшѣ, ни вассаломъ республики, не имѣетъ побужденій удабривать изстари враждебный Россіи народъ. Вѣроятно, Волынскій думалъ, что въ Кабинетѣ онъ можетъ дѣлать безопасно какія угодно выходки противъ Бирона, потому что герцогъ не имѣлъ здѣсь доброжелательныхъ себѣ людей. Но слова Волынскаго были переданы Бирону и привели его въ страшную ярость, потому что задѣвали его за самое чувствительное мѣсто: Биронъ безъ пользы для Россіи кормился на ея счетъ; но по этому самому онъ хотѣлъ убѣдить самъ себя и другихъ заставить убѣдиться, что онъ приноситъ чрезвычайную пользу Россіи, которая погибнетъ, если его высокогерцогская свѣтлость перестанетъ оказывать милостивое вниманіе къ ея дѣламъ. Ничѣмъ, слѣдовательно, нельзя было его больше уколоть, какъ мнѣніемъ, что онъ своими частными отношеніями приноситъ вредъ интересамъ Россіи: особенно это должно было страшно раздражить его въ описываемое время, въ 1740 г., когда онъ занятъ былъ вопросомъ о своей будущности, о средствахъ утвердиться въ Россіи по смерти Анны,—вопросомъ труднымъ вслѣдствіе неудавшихся плановъ относительно Анны Леопольдовны. И тутъ-то одинъ изъ кабинетъ-министровъ провозглашаетъ, что Биронъ вреденъ Россіи! Притомъ предстоитъ трудная борьба для достиженія главной цѣли, отъ которой зависитъ все будущее: въ такихъ обстоятельствахъ надобно пріобрѣтать друзей и стереть съ лица земли врага, который по своему значенію и энергіи можетъ быть очень опасенъ. Да и почему Волынскій вдругъ сталъ такъ смѣлъ? Это недаромъ; надобно начать дѣло, и тогда, можетъ быть, вскроются очень важныя вещи. Но какъ начать дѣло?—нельзя придраться къ словамъ, сказаннымъ во время совѣщанія кабинетъ-министровъ; да и кто изъ нихъ будетъ доносчикомъ! Биронъ вспомнилъ, или ему указали на два основанія, на которыхъ можно было начать дѣло: на записку Волынскаго, поданную императрицѣ; это доносъ важный о злоупотребленіяхъ лицъ, приближенныхъ къ престолу,—пусть доносчикъ укажетъ, кто эти лица, и докажетъ ихъ преступленія. Второе основаніе, по которому Биронъ могъ выступить съ жалобою на Волынскаго,—это оскорбленіе, нанесенное послѣднимъ герцогу: Волынскій прибилъ Тредіаковскаго въ комнатахъ Бирона.

И герцогъ Курляндскій пишетъ просьбу императрицѣ на Волынскаго. Онъ прежде всего выставляетъ на видъ, что его вмѣшательство въ Русскія дѣла было всегда чуждо пристрастныхъ и партикулярныхъ цѣлей; онъ вмѣшивался въ дѣла единственно для того, чтобъ охранять интересы императрицы, ея спокойствіе и дражайшее здравіе. Но

есть люди, которые стараются очернить самые безпорочные поступки: прошлымъ лѣтомъ, въ Петергофѣ, кабинетъ-министръ Волынскій подалъ нѣкоторое письмо, и въ немъ хотѣлъ привести въ подозрѣніе людей, которые при высочайшей персонѣ употребленными быть счастіе имѣютъ. Спокойствіе императрицы требуетъ, чтобъ написанное темными и скрытными изображеніями было изъяснено явственнѣе. Если же авторъ не можетъ указать именно на лицо, то онъ виновенъ въ страшно непристойномъ и продерзостномъ поступкѣ; такія наставленія годны только для малолѣтнихъ государей, а не для такой великой, умной и мудрой императрицы, которой великія качества и добродѣтели весь свѣтъ съ крайнѣйшимъ удивленіемъ превозноситъ. Наконецъ Биронъ жалуется на поступокъ Волынскаго съ Тредіаковскимъ и утверждаетъ, чт если Волынскому простится такой поступокъ, то это будетъ первый примѣръ безнаказаннаго оскорбленія, нанесеннаго владѣтельному герцогу приватною особою, что навлечетъ ему, Бирону, вѣчное безчестье во всемъ свѣтѣ, ибо при всѣхъ иностранныхъ Дворахъ уже извѣстно, какъ Волынскій распорядился въ его покояхъ. Если Волынскій другихъ старается привести въ подозрѣніе предъ императрицею, то справедливость требуетъ, чтобъ и его собственныя дѣла и департаменты были разсмотрѣны и изслѣдованы, тѣмъ болѣе что въ нихъ великія денежныя суммы употреблены, а ожидаемая польза, какъ сама императрица часто упоминать изволила, донынѣ не велика была; много проектовъ онъ насочинилъ, а въ дѣйствіе мало приведено.

Биронъ требовалъ суда надъ Волынскимъ въ полной надеждѣ, что его легко засудятъ. По тойже самой причинѣ Анна не хотѣла отдавать Волынскаго подъ судъ: она знала, что онъ будетъ жертвою личной вражды, и новая, видная жестокость падетъ на нее. Анна не соглашалась; но Биронъ не уступалъ: „Или я, или онъ,“ говорилъ герцогъ. Анна плакала; Биронъ грозилъ выѣхать изъ Россіи; Анна согласилась нарядить судъ. Биронъ торжествовалъ, и не онъ одинъ: торжествовалъ Остерманъ, который приготовился принять дѣло Волынскаго въ свои руки, дать ему надлежащее направленіе. Биронъ подставилъ Волынскаго противъ Остермана; а теперь самъ Биронъ губитъ Волынскаго, Остерманъ въ сторонѣ. Торжествовалъ и князь Куракинъ. Куракинъ, которому позволялось говорить то, что другимъ не позволялось, началъ однажды въ лицо хвалить императрицу за то, что она приводитъ въ исполненіе предначертанія великаго дяди; только одно еще не исполнено. „Что же такое?“ спросила Анна.—„Петръ I“, отвѣчалъ Куракинъ, „нашелъ Волынскаго на такой дурной дорогѣ, что накинулъ ему на шею веревку; такъ какъ Волынскій послѣ того не исправился, то если ваше величество не затянете узелъ, намѣреніе императора не исполнится.“

Съ Бирономъ, Остерманомъ и Куракинымъ не могло быть примиренія; Волынскій попробовалъ, нельзя ли примириться съ Минихомъ, съ которымъ у него были такъ-же нелады. Сначала Минихъ, враждуя съ Ягужинскимъ, сблизился съ врагомъ послѣдняго—Волынскимъ. Еще до переѣзда Двора въ Петербургъ, Минихъ уговаривалъ Волынскаго разсказать все, что знаетъ за Ягужинскимъ, и Волынскій исполнилъ его просьбу, разсказывая и не одному ему разныя разности про Ягужинскаго, вслѣдствіе чего и наряжено было слѣдствіе надъ послѣднимъ. Но пріязнь Миниха къ Волынскому была непродолжительна; видя, что гораздо легче подняться посредствомъ оберъ-шталмейстера Левенвольда, чѣмъ посредствомъ Миниха, Волынскій перепросился въ команду перваго, что озлобило Миниха, по причинѣ сильной вражды его съ Левенвольдомъ. Волынскій хвалился, что онъ свелъ въ большую дружбу князя Черкасскаго съ Левенвольдомъ, отчего Черкасскому былъ „великій барышъ“, ибо „Левольдъ“, по выраженію Волынскаго, „каковъ бы ни былъ, а онъ столько крѣпокъ въ милости ея величества, что никогда поколебимъ быть не можетъ.“ Но крѣпкій человѣкъ скоро умеръ, и тогда Волынскій обратился къ другому крѣпкому человѣку—Бирону. Теперь, когда этотъ крѣпкій человѣкъ сталъ готовить ему гибель, Волынскій обратился снова къ Миниху. 25 марта поѣхалъ онъ къ нему съ просьбою заступиться за него предъ Бирономъ. Случившійся тутъ родственникъ Миниха, баронъ Менгденъ, изъявилъ опасеніе, что заступничество ни къ чему не поведетъ, потому что „герцогъ безмѣрно гнѣвенъ на Волынскаго и говоритъ, что болѣе съ нимъ вмѣстѣ жить не хочетъ“. Но, какъ видно, Минихъ говорилъ съ Бирономъ въ пользу Волынскаго, потому что герцогъ Курляндскій сильно разсердился: „Что это за союзъ между Минихомъ и Волынскимъ, двумя заклятыми врагами.“ говорилъ онъ.

Сначала Волынскому запрещенъ былъ пріѣздъ къ Двору; это было на Страстной недѣлѣ. Но онъ продолжалъ еще ѣздить въ Кабинетъ. Когда онъ сидѣлъ здѣсь, а пріятель его, Эйхлеръ, проходилъ чрезъ кабинетную палату въ секретную экспедицію и въ манежъ, то Волынскій спрашивалъ его, проходитъ ли гнѣвъ государыни. Эйхлеръ отвѣчалъ: „Не сомнѣвайся, пройдетъ, только потерпи и дай время, ибо ея величество на дѣло твое подъ рукою смотрѣть изволитъ.“ Волынскій не зналъ, за что именно собралась на него бѣда, и обратился съ вопросомъ объ этомъ къ одному изъ близкихъ своихъ знакомыхъ, секретарю Иностранной Коллегіи де-ла-Суда. Тотъ отвѣчалъ: „Тебя называютъ проектистомъ, что ты умѣешь проекты писать, а пущеее то, какое ты подалъ государынѣ письмо въ Петергофѣ, о томъ сильно толкуютъ, и притомъ,— что ты дерзновенно сдѣлалъ, что секретаря Третьяковскаго изъ палатъ его свѣтлости взялъ.“

12 апрѣля Волынскому былъ объявленъ домовый арестъ. Составлена была коммисія изъ Григорья Чернышева, Андрея Ушакова, Александра Ру-

мянцева, князя Ивана Трубецкаго, Михайлы Хрущова, князя Репнина, Василья Новосильцева, Ивана Неплюева, Петра Шипова. 15 апрѣля Волынскій привезенъ былъ въ коммисію, гдѣ ему прочли допросные пункты на основаніи записки, поданной имъ императрицѣ. Волынскій сталъ говорить: „Причину я имѣлъ, что были на меня доносители шталмейстеры, которыхъ поджигалъ князь Александръ Куракинъ; а графъ Остерманъ во всѣхъ случаяхъ говорилъ мнѣ скрытно, и въ одно время графъ Остерманъ горное дѣло отъ себя отваливалъ, а принудилъ меня доложить горное дѣло ея величеству, и какъ я докладывалъ и за то отъ ея величества гнѣвъ принялъ. Павелъ Ягужинскій губилъ меня и говорилъ, что за голову мою не жаль дать 30,000 червонныхъ; къ тому же нападки имѣлъ я отъ Долгорукихъ и Голицыныхъ. Доношеніе и письмо подалъ я съ горести и нетерпѣливости своей“.—Тутъ члены коммисіи прервали его замѣчаніемъ, чтобъ отъ разговоровъ удержался, а отвѣчалъ ясно на вопросные пункты. Вопросные пункты состояли въ слѣдующемъ: „Понеже вы ея имп. в—ству, будто въ наставленіе и наученіе, подали нѣкоторое письмо о разныхъ при Дворахъ происходящихъ безсовѣстныхъ поступкахъ, а всякаго вѣрнаго раба присяжная должность есть, если онъ что противное интересамъ государя своего усмотритъ, то государю своему прямо донесть съ именованіемъ персонъ и съ подлиннымъ ихъ безсовѣстныхъ поступковъ доказательствомъ, а не такими темными и самодержавной своей государынѣ непристойными въ генеральныхъ и сумнительныхъ изображеніяхъ составленными письмами, худыхъ и добрыхъ, совѣстныхъ и безсовѣстныхъ людей у ея величества въ подозрѣніе привесть старался. Того ради, ея и. в—ство указала намъ отвѣтствовать: 1) Кого въ службѣ ея в—ства знаете, которые на совѣстныхъ людей вымышленно затѣваютъ, вредятъ и всячески ихъ добрыя дѣла помрачаютъ и опровергаютъ, дабы тѣмъ куражъ и охоту къ службѣ у всѣхъ отнять“. Волынскій отвѣчалъ: въ поданномъ письмѣ своемъ онъ такихъ именовалъ: графа Павла Ягужинскаго, князей Долгорукихъ и Голицыныхъ, князя Александра Куракина. адмирала графа Николая Головина, ибо всѣ они такъ его, Волынскаго. вредили и помрачали, что публично бранивали; но только о вышеозначенномъ о всемъ написано имъ отъ горести и отъ горячести объ одной своей только персонѣ, а чтобъ они кромѣ его другихъ совѣстныхъ людей вредили—за ними и за другими онъ не знаетъ, и въ томъ, что такъ дерзновенно поступалъ, признаетъ себя виновнымъ и проситъ ея в—ства прощенія.

Второй пунктъ: „Кого вы знаете, кои приводятъ ея в—ство въ сумнѣніе, чтобъ никому вѣрить не изволила и всѣ подозрѣніемъ огорчены были и казались быть всякой милости недостойными“? *Отвѣтъ*: „Написалъ въ такомъ намѣреніи, что графъ Остерманъ имѣетъ себя весьма скрытно, и только, чтобъ онъ былъ въ сторонѣ, а другой бы могъ отвѣтствовать; а написалъ онъ это отъ горести своей, которую разумѣлъ о прежнихъ на него нападеніяхъ и о скрытныхъ графа Остермана поступкахъ; графъ Остерманъ во всѣхъ дѣлахъ скрытно съ нимъ поступалъ, хотя онъ, Волынскій, много предъ нимъ оплакивалъ, однако онъ ничего того не отмѣнилъ“.

Третій пунктъ: „Кого знаете, коя ея в—ству опасности представляютъ иногда и о такихъ дѣлахъ, которыя за самыя бездѣльныя почитать можно, однакожъ оныя наибольше расширяютъ, всякія изъ того приключенія толкуютъ, а ничего прямо не изъясняютъ, но все скрытными и темными терминами выговариваютъ и притомъ персону свою печальными и ужасными минами показываютъ“? *Отвѣтъ*: „Разумѣлъ Остермана; слыхалъ онъ объ этомъ отъ покойнаго оберъ-шталмейстера Левенвольда и князя Алексѣя Черкасскаго, а самъ онъ, Волынскій, того не знаетъ и ничего за Остерманомъ подлинно не присмотрѣлъ, ибо съ присутствія его въ Кабинетѣ Остерманъ ни съ какимъ докладомъ предъ ея в—ствомъ не бывалъ, а видѣлъ его, графа Остермана, въ таковыхъ минахъ токмо между собою при конференціяхъ о кабинетныхъ дѣлахъ“.

Четвертый пунктъ: „Кого знаете, кои къ поправленію или къ успокоенію себя самого рекомендуютъ, и что будто бы уже въ томъ никому иному повѣрить невозможно или, по крайней мѣрѣ, такія мудрости и затрудненія въ томъ дѣлѣ показываютъ, что иной никто того исправить не можетъ“? *Отвѣтъ*: „Знаетъ онъ это за однимъ Остерманомъ; примѣтилъ онъ, что хотя-бъ что онъ, Волынскій, надлежащее и сдѣлалъ, но все не годится; только одно то хорошо, что Остерманъ сдѣлаетъ“.

Пятый пунктъ: „Кто обманщики, кои стараются себя наибольше въ кредитъ привесть и показать яко бы особливую вѣрность и усердіе, хотя ничего того нѣтъ“? *Отвѣтъ*: „Написалъ объ одномъ Остерманѣ; а по какимъ дѣламъ такимъ образомъ Остерманъ поступалъ, онъ, Волынскій, не упомнитъ“.

Шестой пунктъ: „Въ какой силѣ вы то написали, что государь, каковъ онъ премудрый ни былъ, принужденъ во всѣхъ дѣлахъ держаться того политика совѣтовъ, разсуждаючи такъ: да кому же мнѣ повѣрить стало, когда ни въ комъ другомъ вѣрности и довѣрія нѣтъ, или кому мнѣ приказать то дѣло, что никто такъ хорошо сдѣлать не умѣетъ, какъ только такой человѣкъ, и уже покажется такъ, что и во всѣхъ дѣлахъ безъ его трудовъ или безъ его совѣтовъ обойтись никакимъ образомъ невозможно. Такія продерзостныя разсужденія государынѣ и ея извѣстной высочайшей премудрости, достоинству и самовластву весьма неприличны и не мало оскорбительны“.—*Отвѣтъ*: „Написалъ объ Остерманѣ по примѣру тому, что Петръ Толстой во многихъ дѣлахъ Петра Великаго обманывалъ“.

Седьмой пунктъ: „Кто именно, которые такимъ образомъ безкредитны учинены, чтобъ не имѣли къ предвоспріятію надежды и не смѣли по совѣсти говорить“? *Отвѣтъ*: „Написалъ въ такой силѣ, что не смѣлъ онъ, Волынскій, по хитрымъ Остермана поступкамъ противъ него говорить и ея в—ству по совѣсти доносить“.

Осьмой пунктъ: „Кто уповаетъ, что какъ бы худо и вредительно дѣлано ни было, будетъ безгласно, ибо никто уже не отважится ни въ чемъ предостерегать?“ *Отвѣтъ*: „Написалъ объ Остерманѣ“.

Девятый пунктъ: „Про кого вы написали, что какъ бы кто праводушенъ и ревностенъ ни былъ, потеряетъ свой куражъ, охоту и ревность къ службѣ, понеже необходимо принужденъ себя предостерегать и сколько возможно убѣгать отъ такихъ дѣлъ, кои хотя малѣйшимъ опасностямъ подлежатъ, дабы изъ того въ какую напрасную суспицію не впасть или въ безполезную съ кѣмъ ссору и злобу не войти и себя въ жертву не предать?“ Въ отвѣтѣ указано на извѣстный случай съ графомъ Головинымъ.

Десятый пунктъ: „Кто желаютъ молчаніемъ пользоваться и спокойно жить, думая, что не наше, нечего жалѣть, что разоряется и пропадетъ—не мое и было!“ *Отвѣтъ*: „По поводу Головинскаго дѣла говорилъ онъ, Волынскій, князю Василью Урусову для чего онъ, видя въ адмиралтействѣ безпорядки и противные поступки, не доносилъ и о томъ молчалъ, и на то Урусовъ говорилъ: какъ ему въ томъ было подняться, что онъ человѣкъ одинокій и доносить смѣлости не имѣлъ, понеже состоитъ въ командѣ графа Головина“.

Одиннадцатый пунктъ: „Должны вы при именномъ показаніи безсовѣстные поступки доказать.“ *Отвѣтъ*: „Причиталъ всѣ безсовѣстные поступки къ графу Остерману, графу Головину, князю Александру Куракину; а прямо безсовѣстныхъ поступковъ за Остерманомъ, Головинымъ, Куракинымъ и за другими не знаетъ,—написалъ съ злобы мнѣніемъ своимъ“.

Двѣнадцатый пунктъ: „При подаваніи того письма, разсуждали ли вы о важности такой вашей продерзости—самовластной своей государынѣ подобныя ученія и наставленія подать, кои и малѣтнимъ едва ли пристойны быть могли?“ *Отвѣтъ*: признаетъ вину свою и проситъ прощенія.

Тринадцатый пунктъ: „Вы дерзнули въ самыхъ тѣхъ покояхъ, въ коихъ его высококняжеская свѣтлость, владѣющій герцогъ Курляндскій пребываніе свое имѣть изволитъ, явныя насильства производить, людей бить и силою оттуда выталкивать, то имѣете отвѣчать, для чего вы то учинить дерзнули?“ *Отвѣтъ*: признаетъ себя виновна и проситъ прощенія.

Когда Волынскій отвѣчалъ на пункты, и члены комиссіи сказали ему, чтобъ ѣхалъ домой, то онъ началъ говорить: „Пожалуйте, оканчайте поскорѣе“. На это Румянцевъ сказалъ ему: „Мы засѣданію своему время безъ васъ знаемъ; надобно вамъ совѣсть свою во всемъ очистить и отвѣтствовать съ изъясненіемъ, не такъ, что кромѣ надлежащаго отвѣтствія постороннее въ генеральныхъ терминахъ говоришь, и для того приди въ чувство и отвѣтствуй о всемъ обстоятельно“. На другой день допросы продолжались; Волынскій говорилъ: „Вчерашняго числа, какъ по него прислали, состоялъ онъ въ немаломъ страхѣ, что куды быть велѣно и для чего—не вѣдалъ, и какъ прибылъ, увидалъ, что собранный судъ въ знатныхъ и во многихъ персонахъ состоитъ, то разсудилъ за важность и былъ въ робости“. Коммисія на это сказала ему, чтобъ не плодилъ посторонняго, что къ дѣлу его не принадлежитъ, но отвѣчалъ о чемъ спросятъ. Тогда Волынскій обратился къ Неплюеву, „Вѣдаю“, сказалъ онъ, „что вы графа Остермана креатура и что со мною имѣли вы ссору, пожалуйте оставьте“. Неплюевъ отвѣчалъ, что напрасно излишнее онъ плодитъ, и партикулярной ссоры онъ, Неплюевъ, съ нимъ не имѣлъ и не бранивался. Волынскій сталъ жаловаться, что „горячести и дерзновенія его пришли ему отъ графа Остермана, что все съ нимъ поступалъ скрытно, и такой онъ человѣкъ, что никому безъ закрытія ничего не объявитъ и женѣ своей безъ закрытія не скажетъ“. Тутъ Неплюевъ прервалъ его: „О такихъ дѣлахъ, въ каковыхъ графъ Остерманъ обращается, женѣ и вѣдать непристойно, и самъ о томъ можешь разсудить“.

Въ третьемъ засѣданіи коммисіи, 17 апрѣля, Волынскій говорилъ, что „все дѣлалъ онъ по злобѣ на графа Остермана, Куракина и Головина, и поступалъ все противъ ихъ; думалъ, что былъ министръ, и мыслилъ, что онъ былъ высокоуменъ: а нынѣ видитъ, что отъ глупости своей все вралъ съ злобы своей“. При этихъ словахъ онъ становился на колѣни и клапялся. Чернышевъ сказалъ ему: „Все ты говоришь плутовски, какъ и напередъ сего по прежнимъ своимъ дѣламъ такъ же ты въ отвѣтахъ скрывалъ и безпамятствомъ своимъ отговаривался, но какъ въ плутовствѣ обличенъ, то и повинную принесъ“. Волынскій отвѣчалъ на это: „Не поступай со мною сурово: вѣдаю я, что ты таковъ же горячъ, какъ и я; дѣтокъ ты имѣешь, воздастъ Господь дѣткамъ твоимъ!“ Волынскій продолжалъ жаловаться на свою горячесть: „О, какая бѣда, что самъ на себя навралъ; надѣялся на свое перо, что писать гораздъ, и все на то горячесть меня привела!“ Жаловался на Бирона, который сказалъ ему, чтобъ подалъ письмо государынѣ. Припомнилъ, какъ однажды князь Куракинъ пришелъ къ ея величеству пьяный; государыня сказала: „Что ты, Куракинъ, пьянъ?“ а Куракинъ ей доносилъ, что пьянство напустилъ на него Волынскій.

Волынскій недолго ограничивался жалобами на Бирона, Остермана, Куракина и Головина; сталъ признаваться, что позволялъ себѣ дерзкіе отзывы о самой императрицѣ; но все ограничивалось одними словами: „Злого намѣренія и умысла, чтобъ

себя сдѣлать государемъ я подлинно не имѣлъ", утверждалъ Волынскій. Но этому показанію не повѣрили. 22 мая онъ былъ поднятъ на дыбу и пытанъ полчаса; было ему 8 ударовъ; съ пытки говорилъ то же. Все, что могъ еще припомнить,—это то, что хвалилъ житье польскихъ пановъ, которые никого не боятся. Ему говорили: „Самъ онъ знаетъ, въ какихъ злодѣйственныхъ словахъ и разсужденіяхъ противъ ея величества погрѣшилъ, тобъ и о прочихъ своихъ умыслахъ повинную принесъ, яко то безъ наижесточайшаго истязанія оставить не можно, ибо самъ онъ вѣдаетъ, что токмо за неснимание полицейскими служителями, идучи мимо двора его, шапокъ, не оставилъ имъ того просто, но мучимы были жестокими побоями" Волынскій ни въ чемъ не признавался; было ему 18 ударовъ, и съ пытокъ не сказалъ ничего новаго. Кромѣ признанія въ словахъ, выпытать ничего не могли; изъ дѣлъ, еще до пытокъ, Волынскій признался во взяткахъ: бралъ съ купцовъ парчами, объярью, тафтами; московскіе питейные компанейщики подарили ему двѣ тысячи рублей; Моисей Рагузинскій—тысячу, да далъ безъ росписки взаймы двѣ тысячи; Демидова зять, Ѳедоръ Владиміровъ, подарилъ ему тысячу рублей. Это взялъ онъ, будучи кабинетъ-министромъ. Изъ казны бралъ деньги, но возвращалъ; карлу Ерохина опредѣлилъ въ конюшенной канцеляріи съ жалованьемъ по 50 рублей въ годъ, а держалъ при себѣ для своихъ партикулярныхъ услугъ; а что въ Казани взялъ взятокъ около 6 или 7 тысячъ рублей, въ томъ государынѣ повинился и получилъ прощеніе [1]).

27 іюня Волынскому отсѣкли руку и голову; Еропкину и Хрущову также отсѣкли головы; Соймонова, Суду и Эйхлера били кнутомъ и сослали въ Сибирь на каторжную работу.

Кто послѣ этого могъ рѣшиться оскорбить его высококняжескую свѣтлость, владѣющаго герцога Курляндскаго; кто могъ осмѣлиться сказать, что герцогъ приноситъ русскіе интересы въ жертву своимъ интересамъ? Несмотря на то, владѣющій герцогъ Курляндскій не былъ спокоенъ: гибель Волынскаго была торжествомъ для Бирона, но еще большимъ торжествомъ для Остермана, а Остерманъ былъ опаснѣе Волынскаго для Бирона: онъ былъ тѣмъ болѣе опасенъ, что его нельзя было поймать на *горячести*, какъ Волынскаго. И Биронъ никакъ не хочетъ, чтобъ Остерманъ попрежнему оставался душою Кабинета, особенно когда и тѣло Кабинета, князь Черкасскій, вслѣдствіе признаній Волынскаго, оказывался вовсе не доброжелательнымъ. Потребность для Бирона имѣть въ Кабинетѣ совершенно своего человѣка была теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія императрицы и открытой вражды герцога Курляндскаго съ Анною Леопольдовною и ея мужемъ. И вотъ Биронъ нашелъ человѣка, на вѣрность котораго могъ положиться: то былъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Мы видѣли печальное положеніе Алексѣя Петровича въ началѣ царствованія Анны, его опалу, переводъ изъ Копенгагена въ Гамбургъ; но мы видѣли такъ-же, какъ онъ воспользовался доносомъ Краснаго-Милашевича на князя Александра Черкасскаго, повезъ доносчика въ Петербургъ и здѣсь успѣлъ заявить Бирону всю свою преданность. Слѣдствіемъ было то, что Алексѣя Петровича снова перевели въ Копенгагенъ, а послѣ паденія Волынскаго вызвали въ Петербургъ и назначили кабинетъ-министромъ. Это назначеніе послѣдовало въ крещеніе предполагаемаго наслѣдника престола, внука императрицы отъ Анны Леопольдовны, Іоанна Антоновича. Разрѣшеніе Анны Леопольдовны сыномъ нанесло Бирону сильный ударъ; онъ сталъ такъ задумчивъ, что никто не смѣлъ къ нему подойти [2]). Тѣмъ нужнѣе былъ для него въ Кабинетѣ Бестужевъ, на котораго онъ могъ вполнѣ положиться: новый кабинетъ-министръ не могъ сблизиться съ Остерманомъ по заклятой ненависти Бестужевыхъ къ послѣднему; не могъ сблизиться съ Черкасскимъ, который видѣлъ въ Алексѣѣ Петровичѣ виновника безчестія фамиліи, виновника ссылки князя Александра Черкасскаго.

Случай, когда Бирону понадобилась преданность Бестужева, не замедлилъ. 5 октября 1740 года императрицѣ за обѣдомъ сдѣлалось очень дурно. Ѣздовой поскакалъ къ оберъ-гофмаршалу Левенвольду: его свѣтлость герцогъ проситъ во дворецъ. Левенвольдъ отправился немедлено и нашелъ Бирона въ сильномъ волненіи: „Императрицѣ трудно; что дѣлать?"—„Я не знаю", отвѣчалъ растерявшійся Левенвольдъ: „надобно позвать министровъ". За министрами послали; но первый кабинетъ-министръ, оракулъ Остерманъ, боленъ; да если бы и здоровъ былъ, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, не пріѣхалъ бы, притворившись больнымъ. „Ступайте къ Остерману," сказалъ Биронъ Левенвольду. Тотъ поѣхалъ и возвратился съ пріятнымъ для герцога отвѣтомъ: оракулъ объявилъ, что прежде всего надобно думать о наслѣдствѣ престола, и если быть наслѣдникомъ малолѣтнему принцу Іоанну, то матери его, Аннѣ Леопольдовнѣ, надобно быть правительницею, и при ней быть Совѣту, въ которомъ можетъ присутствовать и герцогъ.—„Какой тутъ Совѣтъ!" сказалъ въ-сердцахъ Биронъ: „сколько головъ, столько разныхъ мыслей будетъ". Въ это время доложили, что пріѣхали Черкасскій и Бестужевъ. Биронъ вышелъ къ нимъ и началъ говорить: „Императрица въ превеликомъ страхѣ отъ болѣзни; я предлагалъ ей объявить наслѣдницею племянницу свою, принцессу Анну, но она на мое представленіе не согласилась,—говоритъ, что не только наслѣдницею, и правительницею принцессу Анну не объявитъ, и слышать о томъ не хочетъ, а изволитъ наслѣдникомъ опредѣлить внука своего,

---

[1]) Дѣло о Волынскомъ въ Государ. архивѣ.

[2]) Herrmann, 638.

которому, при крещеніи его, оное обѣщать изволила. О томъ, кому правительство поручить,— надобно подумать". Но какъ двоимъ кабинетъ-министрамъ думать безъ Остермана, который назывался первымъ кабинетъ-министромъ? Черкасскій и Бестужевъ поѣхали къ Остерману въ одной каретѣ, и дорогою начали разсуждать о томъ, кому быть регентомъ. „Больше некому быть, кромѣ герцога Курляндскаго, потому что онъ въ русскихъ дѣлахъ искусенъ", сказалъ Черкасскій. Бестужевъ, разумѣется, не противорѣчилъ. Но съ Остерманомъ этотъ вопросъ было не такъ легко рѣшить. У Остермана было порѣшено насчетъ манифеста о наслѣдованіи престола Іоанну Антоновичу; но когда дошло дѣло до регентства, то оракулъ прекратилъ разсужденія, сказавши: „Это дѣло не другое, торопиться не надобно, надобно подумать".

Остерманъ, по своему обыкновенію, не хотѣлъ явно вдаваться въ опасный вопросъ; пусть рѣшатъ его другіе, а онъ уже сумѣетъ приладиться къ обстоятельствамъ. Возвратившись къ Бирону, Черкасскій и Бестужевъ нашли у него Левенвольда и Миниха. Начался опять разговоръ о регентствѣ. Минихъ отошелъ въ сторону, чтобъ не быть принужденнымъ высказаться преждевременно; но Биронъ подозвалъ его: „Слышите, графъ, что говорятъ господа министры о правительствѣ?" — „Нѣтъ не слыхалъ", отвѣчалъ Минихъ.— „Они говорятъ", продолжалъ Биронъ, „что не хотятъ сдѣлать такъ, какъ въ Польшѣ, чтобъ многія персоны въ Совѣтѣ сидѣли". Тутъ Бестужевъ рѣшился произнести роковыя слова: „Кромѣ вашей свѣтлости, некому быть регентомъ". И вдругъ ему стало страшно, и началъ онъ, какъ обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, заминать сказанное, возражать самому себѣ или для того, чтобъ заставить забыть свои слова, или вызвать другихъ къ ихъ подтвержденію, набрать соучастниковъ. „Разумѣется", началъ Бестужевъ по-нѣмецки, „въ другихъ государствахъ странно покажется, что обошли отца и мать императора".— „Правда, не безъ ненависти будетъ въ другихъ государствахъ, ежели обойти отца и мать", проговорилъ Биронъ, находившійся въ одинаковомъ положеніи съ Бестужевымъ. Въ это время Черкасскій началъ шептать на ухо Левенвольду. „Что вы шепчете, говорите громко!" сказалъ ему тотъ, и Черкасскій началъ вслухъ представлять о необходимости избранія Бирона въ регенты. Тутъ Минихъ уже не могъ отстать отъ другихъ. Дѣло пошло. Чтобъ поднять Бирона, начали унижать его соперниковъ, представлять, какая бѣда была бы для Россіи, если бы принцесса Анна Леопольдовна была назначена правительницею: „Отецъ ея, герцогъ Мекленбургскій, поссоритъ Россію съ императорскимъ Римскимъ Дворомъ", говорилъ Минихъ; „а о характерѣ его извѣстно, что̀ за человѣкъ. Если сюда пріѣдетъ, то всѣмъ головы перерубитъ. А мужъ принцессы, принцъ Антонъ, былъ со мною въ двухъ кампаніяхъ: только я не знаю рыба онъ или мясо"

Но этими толками ничего еще не было рѣшено. Положили собраться на другой день, выслушать манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ принца Іоанна и снова посовѣтоваться о регентствѣ; сочли нужнымъ призвать къ этому совѣщанію и другихъ знатнѣйшихъ людей. Бестужевъ распорядился послѣднимъ дѣломъ, и его потомъ обвиняли, что онъ призвалъ очень немногихъ. На другой день пріѣхалъ во дворецъ генералъ Ушаковъ, генералъ-прокуроръ князь Никита Трубецкой, князь Куракинъ, и нашли уже тамъ Черкасскаго, Бестужева, Миниха, которые поспѣшили объявить имъ въ чемъ дѣло: „Наслѣдникомъ провозглашается малолѣтній принцъ Іоаннъ; но его мать, принцессу Анну, императрица никакъ не хочетъ назначить правительницею;—такъ кому же править? Ежели ея и. в—ства соизволеніе будетъ герцога регентомъ опредѣлить, то по близости герцогства его осторожнѣе и правѣе будетъ въ правленіи государственномъ поступать и отчетъ долженъ дать. Ежели же быть правительницею принцессѣ Аннѣ, то опасно: ея родитель относительно земель своихъ находится въ великомъ безпокойствѣ; чтобъ не сталъ домогаться Россійское государство привести въ войну, понеже онъ человѣкъ горячій и стараться будетъ генералиссимусомъ быть; а ежели принца Антона Брауншвейгскаго, мужа принцессы, къ тому принять, то опасаться надобно, чтобъ онъ не совсѣмъ отдался въ диспозицію Вѣнскаго Двора; ктому и о нравѣ его неизвѣстно, а нравъ герцога Курляндскаго всѣ знаютъ". Слыша эти рѣчи отъ людей, такъ высоко поставленныхъ, застигнутые врасплохъ, безъ возможности подумать, сговориться, присутствующіе, разумѣется, могли только изъявить свое полное согласіе. Биронъ вышелъ, объявилъ о слабомъ здоровьи императрицы и о томъ, что она не хочетъ назначать правительницею племянницу свою, и получилъ въ отвѣтъ, что въ такомъ случаѣ, кромѣ его, герцога, быть регентомъ некому. Для соблюденія приличія, Биронъ сталъ отговариваться: тутъ со всѣхъ сторонъ просьбы, увѣренія, что всѣ почтутъ своимъ долгомъ помогать ему при исполненіи столь многотрудной обязанности.

Много было обнаружено горячаго усердія къ его свѣтлости; но дѣло было еще далеко до окончанія: нужно было согласіе умирающей Анны; но какъ его получить? Когда императрицѣ поднесенъ былъ для подписанія манифестъ о назначеніи принца Іоанна наслѣдникомъ, и когда всѣ подписавшіе бумагу, кромѣ Бирона, выходили изъ спальни, Минихъ остановился и, держась за ручку двери, рѣшился сказать больной: „Милостивая императрица! мы согласились, чтобъ герцогу быть нашимъ регентомъ; мы просимъ о томъ подданнѣйше". Больная ничего не отвѣчала, и, когда Минихъ вышелъ, спросила у Бирона, что̀ такое говорилъ фельдмаршалъ. Биронъ не рѣшился повторить словъ Миниха и отвѣчалъ, что самъ ничего не слыхалъ.

Минихъ просилъ за Бирона. Нѣмцамъ вообще было важно, чтобъ на первыхъ порахъ власть осталась въ рукахъ одного изъ нихъ. Баронъ Менгденъ прибѣгаетъ къ Бестужеву и откровенно объявляетъ: „Если герцогъ регентомъ не будетъ, то мы, Нѣмцы, всѣ пропадемъ! а вѣдь герцогу самому о себѣ просить нельзя,—такъ нельзя ли объ этомъ какъ-нибудь стороною просить ея величество?“ Бестужевъ хотя не былъ Нѣмцемъ, однако тоже боялся пропасть, если регентомъ не будетъ. Бестужевъ сильно хлопочетъ, сидитъ ночь, пишетъ опредѣленіе о регентствѣ Бирона для поднесенія императрицѣ къ подписи. Бумага внесена въ спальню къ больной, но лежитъ тамъ покойно, дѣло нейдетъ въ ходъ. Бестужевъ пишетъ челобитную отъ лица вельможъ, объявившихъ свое согласіе на регентство Бирона. Минихъ первый подписываетъ; но и эта бумага остается безъ движенія. Бестужевъ сочиняетъ *позитивную декларацію* и листъ: „яко бы вся нація герцога регентомъ желаетъ“. — „Трудное дѣло“, думаетъ сочинитель, „снабдить декларацію подписями, Сенатъ и Синодъ ничего не знаютъ; но все равно: тѣ, которые подписали прежнюю челобитную, подпишутъ и декларацію, а на нихъ смотря, и Синодъ и Сенатъ подписать не отрекутся“ [1]).

Наконецъ, девять тяжелыхъ дней прошли; 16 октября императрица подписала назначеніе Бирона регентомъ, и 17-го скончалась; врачи причиною смерти объявили подагру въ соединеніи съ каменною болѣзнію.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) *Письмо къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ отъ неизвѣстнаго изъ Англіи, съ жалобой на архимандрита Геннадія и священника Варѳоломея.* „Ревностію нашего святаго закона возбужденъ нѣкоторый христіанинъ къ стопамъ и къ престолу вашего священнаго величества о защищеніи и заступленіи нашей святой вѣры и достоинства архіереевъ и священниковъ всенижайшее предложеніе чина того. Ибо въ Лондонѣ обрѣтается два священника греческіе, Геннадій архимандритъ съ Варѳоломеемъ, племянникомъ его, которые давно уже въ ересь впали, тогда, когда во время Самуила патріарха Александрійскаго, купно съ епископомъ Арсеніемъ, для собиранія милостыни въ разныя страны посланы были, которую милостыню собравъ, оною между собою подѣлились, а помянутый епископъ въ Великую Россію пріѣхалъ, оставя товарища своего въ городѣ Лондонѣ. И хотя оные отъ Косьмы патріарха призываны были, дабы вспоможеніе собранное милостынею церкви, въ убожествѣ обрѣтающейся, учинили, однако повелѣнія его слушаться не похотѣли, и того для отъ упомянутаго патріарха публично запрещеніе и отрѣшеніе отъ сообщенія съ вѣрными законно получили, которые, оное запрещеніе уничтожа, ежедневно священнодѣйствовать дерзаютъ, и, что горше есть, претворяютъ себѣ законъ (similant religionem) съ великимъ присутствующихъ людей соблазномъ; паче же помянутый Варѳоломей достоинство нашихъ патріарховъ поноситъ и ихъ за ничто имѣетъ и Св. Литургію отъ Св. отецъ Василія, Аѳанасія, Іоанна Златоустаго и Григорія установленную, уничтожаетъ, яко смѣху достойное людское вымышленіе. Сіе и тому подобное сказываютъ они съ Варѳоломеемъ дерзновенно, ибо никакого суда не опасаются, потому что подъ протекціею августѣйшаго величества вашего обрѣтаются, и изъ того августѣйшее величество ваше усмотрѣть можете, какую пользу святая вѣра наша чрезъ отпадшихъ отъ пути истиннаго получить уповать можетъ“.

Реляція князя Кантемира по поводу этого дѣла отъ 16 ноября 1733 года: „Обрѣтаемый въ здѣшней Греческой церкви архимандритъ Геннадій и племянникъ его Варѳоломей въ священнослуженіи со всякимъ учтивствомъ послѣдуютъ уставамъ благочестиваго греческаго исповѣданія, и никакой отмѣны я усмотрѣть не могъ, кромѣ того, что священникъ Варѳоломей, для разумѣнія здѣшнему народу, службу отправляетъ на англійскомъ языкѣ, и не только оные оба ни въ какую ересь не впали, но, напротиву, священникъ Варѳоломей съ начала моего сюды пріѣзду весьма ревностное противъ еретниковъ поученіе имѣлъ на англійскомъ языкѣ, отъ чего удержаться я ему совѣтовалъ, дабы то причину не подало здѣшнему епископу запретить публичное греческаго исповѣданія священнослуженіе, и по всему тому письмо отъ неизвѣстнаго къ вашему императорскому величеству съ продерзостію писанное, какъ я по совѣсти могу донести, никакого основанія не имѣетъ, и писано по самой злобѣ; авторъ же того письма есть нѣкто Павелъ, который называется греческимъ священникомъ, посланнымъ отъ Константинопольскаго патріарха для собранія здѣсь милостыни, и оное подтверждать смѣлость пріемлю для того, что онъ, Павелъ, въ ссорѣ, которую здѣсь имѣлъ съ попомъ Варѳоломеемъ, грозилъ ему, что онъ на него донесть хочетъ вашему императорскому величеству. Священникъ Варѳоломей къ ссорѣ ихъ причину подалъ тѣмъ, что безъ моего вѣдома статскаго секретаря дюка Нюкастля въ канцелярію, чрезъ безымянное письмо далъ знать, что оный Павелъ подложно сказывается греческимъ священникомъ и посланнымъ отъ патріарха Константинопольскаго, и хоть потому много сходности есть, понеже онъ, Павелъ, никакого греческаго письма отъ патріарха не имѣетъ, однакожъ я попу Варѳоломею тогда запретилъ,

[1]) Хранящіяся въ Государств. архивѣ дѣла: объ А. П. Бестужевѣ-Рюминѣ, князѣ Черкасскомъ, Минихѣ и Левенвольдѣ.

*

чтобъ онъ впредь въ такія дѣла не вступалъ. Сколько же касается проклятія, которому архимандритъ Геннадій преданъ былъ отъ Александрійскаго патріарха, и отъ онаго чрезъ того же патріарха онъ свобожденъ, какъ явствуютъ того патріарха письма, которыя я самъ у него, архимандрита, видѣлъ; а священникъ Варѳоломей, будучи посвященъ отъ св. правител. Россійскаго Синода, отъ патріарха Александрійскаго проклятъ или прощенъ какъ не былъ, такъ и быть не могъ" (Москов. архивъ минист. иностр. дѣлъ.)

2). Господа кабинетъ-министры. Изъ реляціи нашихъ министровъ изъ Немирова мы усмотрѣли, коимъ образомъ бывшій при арміи нашей цесарскій полковникъ Беренъклау непотребныя и лживыя производилъ разрѣшенія о непорядочныхъ генерала-фельдмаршала Миниха при взятіи Очакова поступкахъ, и о томъ къ своему, въ Немировѣ обрѣтающемуся, министру графу Остейну писалъ, такожде и при самомъ взятіи Очакова при нашей арміи генералъ-фельдмаршалу Миниху такіежъ слова говорилъ, и объ оныхъ его разговорахъ генералъ-фельдмаршалъ Минихъ нашему оберъ-камергеру писменно знать далъ, которое письмо вамъ сообщено. Того ради мы запотребно разсудили, чтобъ вы резидента Гохгольцева, призвавъ къ себѣ, того помянутаго полковника Беренъклау лживые и неосновательные репорты ему обстоятельно объявили съ формальнымъ требованіемъ, чтобъ онъ при своемъ дворѣ о такихъ непристойныхъ Беренъклау разглашеніяхъ надлежащее представленіе учинилъ, дабы онъ не токмо при арміи нашей не былъ, но и совершенная-бъ сатисфакція за такія его лживыя слова дана была, чтобъ впредь такимъ непотребнымъ людямъ поводу не дать неосновательныхъ и вредительныхъ разглашеней распространять, и о томъ учинить по сему нашему указу непремѣнно. Анна. Изъ Петергофа 7 августа 1737. (Москов. архивъ мин. иностр. дѣлъ.)

3). Изъ Кабинета въ св. прав. Синодъ. „Извѣстно св. Синоду, коимъ образомъ отъ нѣсколькихъ лѣтъ обрѣтался въ Лондонѣ при церкви Греческаго исповѣданія архимандритъ Гречанинъ Геннадій, которому опредѣлено было и повсегодно переважено по сей 1737 годъ жалованья по 500 рублей; а нынѣ доносилъ полномочный министръ князь Антіохъ Кантемиръ, что оный архимандритъ Геннадій минувшаго февраля 3 числа умре; притомъ онъ князь Кантемиръ представляетъ, что содержаніе тамо публичной греческаго исповѣданія церкви не токмо для пріѣзжающихъ туда изъ Архипелага Грековъ нужно, но содержаніе такого привилегіума къ высокой славѣ ея императорскаго величества имени служитъ, въ Лондонѣ-жъ при немъ, князѣ Кантемирѣ, обрѣтается одинъ священникъ Гречанинъ же Варѳоломей, и ежели оному въ той церкви служеніе попрежнему продолжать, то онъ, священникъ, проситъ, чтобъ прислать къ нему въ помощь изъ Россіи другаго искуснаго священника молодаго, который могъ научиться по-англійски и потому въ состояніи былъ исправлять поученія на томъ языкѣ, какъ оный Варѳоломей чинитъ. И понеже помянутую церковь въ Лондонѣ содержать весьма потребно, того ради все вышеписанное сообщается св. Синоду для надлежащаго и скорѣйшаго въ ономъ о всемъ и особливо о духовной особѣ ко отправленію въ той церкви службы способной; чтобъ опредѣляемый туда архимандритъ или священникъ отсюда отправленъ быть могъ на первыхъ съ весны корабляхъ". (Моск. архивъ мин. иностр. дѣлъ. Марта 12 дня 1737 г.) *Въ Кабинетъ изъ св. Синода:* „Въ доношеніи Синоду бывшаго въ Лондонѣ и въ Англіи греческаго іеродіакона Симеона Номикаса представлено: Въ прошломъ 716 году, какъ присланъ князь Куракинъ въ Лондонъ въ характерѣ полномочнаго посланника и бывалъ съ свитою своею многократно въ нашей церкви, тогда Арсеній митрополитъ Ѳиваидскій по совѣту Англичанъ новопросвѣщенныхъ, объявилъ оному посланнику, что хотятъ Англичане публичную церковь воздвигнуть подъ такими кондиціями: 1) чтобъ оной церкви дать имя „Тисъ Омоніасъ; 2) чтобъ въ оной отправлять литургію только Златоустаго сначала, дабы у простѣйшихъ новопросвѣщенныхъ ради различія церемоній не было какого сумнительства, на трехъ языкахъ—Греческомъ, Русскомъ и Англинскомъ; 3) ежели возможно, чтобъ оная церковь была подъ протекціею блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго ради защищенія отъ ненавидящихъ благочестія. И послѣ такого князю Куракину объявленія, по пришествіи его императорскаго величества въ Голландію, помянутый преосвященный о всемъ ономъ предложилъ подробну, противъ чего его величество и обѣщалъ оной церкви вспомоществовать и содержать въ своей высокой протекціи, и указалъ архимандриту Геннадію ради церкви возвратиться паки въ Англію и опредѣлилъ годоваго жалованья по 500 рублевъ, которой, взявъ письменное отъ епископскаго собранія позволеніе, и возвратился, и нынѣ-де пребывающій по немъ племянникъ его іеромонахъ Варѳоломей, родомъ по отцѣ французженинъ, а по матери греческаго исповѣданія, которой ни на латинскомъ, ни на аглинскомъ языкахъ не умѣетъ, только что по-французски, италіански и аглински и просто по-гречески говоритъ, а что-де предики сказываетъ—Богъ его вѣдаетъ, откуду ему такая премудрость, только-де, какъ онъ примѣчаетъ, ради показанія себя не простымъ, съ тѣхъ языковъ, на которыхъ читать умѣетъ, собираетъ, и по-англійски щебечетъ, и отъ неискуснаго сплетенія соблазнъ только и отъ противныхъ поношеніе находится; не держитъ же при церкви никого себѣ спомощника; но самъ священнодѣйствуя вкупѣ и попъ, и пономарь, и дьячекъ, отъ чего-де великое въ церкви нестроеніе и разореніе благочестію, а ходитъ-де весьма страннымъ образомъ: до обѣдни монахъ, а послѣ обѣдни бѣлецъ, и притомъ предлагаетъ (т.-е. Симеонъ)

какъ бы въ томъ поступить мнѣніе свое такое: дабы первѣе послать его, Симеона, въ Англію въ чинѣ іеродіаконскомъ съ свидѣтельствомъ объ немъ на латинскомъ языкѣ, а онъ-де Симеонъ тамо просвѣщенныхъ покойнымъ Арсеніемъ митрополитомъ или дѣтей ихъ, понеже и дѣти купно съ ними были помазаны миромъ, пріискавъ, станетъ утверждать, что на мѣсто Коссаново будетъ отъ св. Синода присланъ архимандритъ изъ ученыхъ и искусныхъ людей, чтобъ тамошніе открылись, какъ покойному архіерею Арсенію, и о представленіи ихъ ему онъ, Симеонъ, стараться будетъ. Св. Синодомъ опредѣлено: въ Кабинетъ сообщить съ таковымъ представленіемъ, что въ Лондонѣ вящшія ради Россійскія славы и расширенія Православно-Восточныя Церкви и лучшей церковной церемоніи, съ чего (какъ оной Симеонъ представляетъ) наипаче и прежде просвѣщенные Англичане возлюбили вѣру греко-россійскаго закона, и впредь такимъ же образомъ могли показать свое къ Россійской Церкви желаніе и пріобщеніе, потребно видится отправить изученыхъ въ богословіи и искусныхъ и добросовѣстныхъ людей, архимандрита, который бы по-гречески могъ знать или хотя въ латинскомъ ученіи совершенъ былъ, и ово въ разговорахъ, ово же на предикахъ о истинѣ греко-россійскаго исповѣданія показывать доволенъ былъ, да при немъ архимандритѣ двухъ іеромонаховъ (въ томъ числѣ и обрѣтающагося нынѣ въ Лондонѣ Варѳоломея до указу), которые бы обучилися греческаго и аглинскаго языковъ, дабы со временемъ могли для Грековъ, изъ Архипелага туда пріѣзжающихъ, на греческомъ, а для Агличанъ на аглинскомъ языкѣ, сверхъ отправленія службъ и требъ церковныхъ, и казанье говорить; и означеннаго Симеона іеродіакономъ же, да двухъ дьячковъ и одного пономаря". (Тамъ же; 1-го сентября 1738 года.)

4). *Указъ изъ Кабинета къ генералу Румянцеву 8 марта 1738 года.* Присланъ къ намъ отъ генерала фельдмаршала графа фонъ Миниха сообщенный ему отъ васъ календарь, печатанный въ польскомъ городѣ Львовѣ на польскомъ языкѣ на нынѣшній 1738 годъ, который сочиненъ чрезъ доктора философіи и математики, профессора Станислава Дончевскаго, и находится въ ономъ въ прогностикахъ многіе непристойные и весьма предосудительные о нашемъ имперіи злостно вымышленные пасажи, за что оной безсовѣстной авторъ за такую продерзость по всенароднымъ правамъ не токмо великаго штрафа, но и жестокаго наказанія достоинъ. И понеже по близости нашей Украйны къ польскимъ границамъ въ оной такіе календари безъ сумнѣнія у нѣкоторыхъ людей есть, а весма непристойно, чтобъ оныя мерзостныя составленіи въ нашемъ государствѣ для соблазну неразсудительнаго народу производились, того ради повелѣваемъ вамъ во всей Малой Россіи и въ слободскихъ полкахъ, какъ у духовныхъ и мірскихъ всякаго чина людей, такъ и во всѣхъ монастыряхъ такіе календари всѣ безъ остатку отыскать, и, собравъ оныя, яко мерзостные пашквили, заставить въ Глуховѣ на площади публично чрезъ палача зжечь и учинить крѣпчайшее запрещеніе, чтобъ никто изъ подданныхъ нашихъ такихъ календарей у себя не имѣли и не держали, такожъ бы оныхъ изъ Польши чрезъ границу въ нашу Украйну и далѣе въ другіе нашей имперіи мѣста вывозить подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія отнюдь не дерзали, а употребляли-бъ наши подданные календари, изданные въ печать какъ здѣсь въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Кіевѣ, которыхъ для того тамо довольно напечатать потребно. (Москов. архивъ мин. иностран. дѣлъ.)

5). *Изъ Кабинета въ св. Синодъ.* „Изъ копіи съ доношенія князя Кантемира св. Синодъ усмотритъ, коимъ образомъ объявленныя отъ Греченина іеродіакона Симеона Номикаха на священника Варѳоломея порицанія неосновательны, и что отъ него никакого въ предикахъ и въ прочихъ поступкахъ соблазну людемъ не происходитъ, и онъ по-англійски пишетъ и говоритъ какъ урожденный англичанинъ. Церкви-жъ публичной греческаго исповѣданія въ Лондонѣ нѣтъ, но отправляется служба Божія въ нанятомъ маломъ домѣ, а греческаго исповѣданія прихожанъ аглинской націи едва десять человѣкъ соберется. По симъ обстоятельствамъ, по разсужденію Кабинета, не видится нынѣ нужды о бытіи въ Лондонѣ при оной церкви греческаго исповѣданія архимандриту, но признавается за удобно отправить туда въ помощь священнику Варѳоломею изъ ученныхъ и искусныхъ людей одного священника и при немъ двухъ или одного дьяка; но весьма потребно такого священника изыскать, который бы былъ добросовѣстный и постояннаго нрава и воздержнаго житія и содержалъ себя тамо безъ всякаго виду къ подозрѣнію и порицанію, честно какъ чину священническому приличествуетъ и принадлежитъ, и тѣмъ бы могъ отъ воспріявшихъ изъ Агличанъ грекороссійскій законъ въ кредитъ и почтеніе, но и другимъ къ присовокупленію въ оный поводъ и охоту придавать, такожъ и съ пріѣзжими туда Греками съ потребнымъ нисхожденіемъ и пріятностію обходиться, дабы чрезъ такія онаго поступки при умноженіи греческаго закона прихожанъ впредь современемъ и церковь публичная построена и при ней и архимандритъ употребленъ быть могъ. Андрей Остерманъ, кн. Алексѣй Черкасской, Артемій Волынской". (Москов. архивъ Мин. Ин. Д.)

6). *P. S. къ письму Бирона къ Волынскому 3 октября 1737 года.* «Въ одномъ письмѣ вашего превосходительства упоминать изволите, что нѣкоторые люди въ отсутствіи вашемъ стараются кредитъ вашъ у ея и. в—ства нарушить и васъ повредить. Я истинно вамъ могу донести, что ничего по сіе время о томъ не слыхалъ и такихъ людей не знаю; а хотя-бъ кто и отважился васъ при ея и. в—ствѣ оклеветать, то сами вы извѣстны, что ея в—ство по своему великодушію и

правдолюбію никакимъ неосновательнымъ и отъ одной ненависти происходящимъ внушеніямъ вѣрить не изволитъ, въ чемъ ваше пр—ство благонадежны быть можете". (Москов. архивъ Мин. Ин. Д.)

7). *Изъ письма Волынскаго къ Бирону отъ 26 іюля 1737 года изъ Немирова.* „Я до самаго въѣзда моего въ Украйну столько не зналъ, что оная почти вся пуста и какое множество онаго народа пропало, а и нынѣ столько выгнано, что не осталось столько земледѣльцевъ, сколько хлѣба имъ и для самихъ себя посѣять надобно, и хотя и причтено то въ ихъ упрямство, что многія поля безъ пашни остались, но ежели по совѣсти разсудить, то и работать некому и не-на-чемъ, понеже сколько въ прошломъ году воловъ выкуплено и въ подводахъ поморено, нынѣ сверхъ того изъ одного Нѣжинскаго полку взято въ армію 14,000 воловъ, а что изъ прочихъ полковъ взято, о томъ совершенно донесть не могу. Не изволите-ль взять въ Петербургъ майора Шипова на время подъ претекстомъ нѣкоторыхъ дѣлъ по его коммисіи, отъ котораго можете обстоятельно увѣдать, какова стала Украйна и сколько Малороссіянъ поморено и каковъ въ прошломъ годѣ въ Крымскомъ походѣ уронъ въ армейскихъ полкахъ и что потеряно нерегулярныхъ".

8). *Отъ того же къ тому же 10-го августа 1737 года.* „Вашея свѣтлости высокосклоннѣйшее (письмо) я съ должнѣйшимъ почтеніемъ принять въ цѣлости получилъ со всенижайшимъ моимъ благодареніемъ, изъ котораго увидѣвъ толь милостивое объявленное мнѣ о содержаніи меня въ непремѣнной высокой милости обнадеживаніе, всепокорно и нижайше благодарствую, прилежно и усердно прося милостиво меня и впредь оныя не лишить и яко вѣрнаго и истиннаго раба содержать въ неотъемлемой протекціи вашей свѣтлости, на которую я положилъ всю мою несумнѣнную надежду, и хотя всего того, какія я до сего времени ея и. в—ства паче достоинства и заслугъ моихъ высочайшія милости чрезъ милостивыя вашея свѣтлости предстательствы получилъ, не заслужилъ и заслужить не могу никогда, однакожъ отъ всего моего истиннаго и чистаго сердца вашей свѣтлости и всему вашему высокому дому всякаго приращенія и благополучія всегда желалъ и желать буду, и елико возможность моя и слабость ума моего достигаетъ, долженъ всегда поистинѣ совѣсти моей служить и того всячески искать даже до изъятія живота моего".

9). *Изъ реляціи генерала Александра Ивановича Румянцева къ Бирону изъ Бабадага отъ 11 декабря 1740 года.* „Изъ высочайшаго его импер. в—ства указу усмотрѣть я могъ, что успшая государыня императрица, яко истинная мать отечества, какъ въ жизни своей всегда неусыпное материнское попеченіе о благополучіи имперіи своей имѣть изволила, и оную великими своими дѣлами и сильными прогрессами наивящѣе прославить, то и при концѣ жизни своей не хотѣла насъ бѣдныхъ рабовъ сирыхъ и плачущихъ оставить, высочайшимъ своимъ тестаментомъ наслѣдника намъ великаго государя императора Іоанна Третіяго опредѣлить соизволила, а за младенческими его лѣтами ваше высочество регентомъ Всероссійскаго имперія изобрѣла, вѣдая вашего высочества достойные въ себѣ того правленія квалиты, которые ваше высочество еще при жизни ея импер. в—ства оказать изволили и тѣми своими мудрыми дѣлами довольно себя ея импер. в—ству изъяснили, что не токмо мы, яко вѣрные ваши раби и дѣти отечества, но и весь честной свѣтъ то безпристрастно признать и засвидѣтельствовать можетъ. И такимъ своимъ высочайшимъ государскимъ и материнскимъ опредѣленіемъ безсмертную славу себѣ оставить изволила. Я, повергши себя предъ высочайшими вашего высочества ногами, по моей рабской и всеподданнѣйшей должности пріемлю смѣлость чрезъ сіе мое всенижайше вашему высочеству поздравленіе принести и дражайшую вашего высочества руку цѣловать. Пріемлю мое рабское всенижайшее дерзновеніе вашего высочества всенижайше просить, дабы я, послѣднѣйшій, однако вѣрнѣйшій вашего высочества рабъ, не отринутъ былъ отъ высокія вашего высочества милости и протекціи, которую всегда имѣлъ на себѣ, что и при жизни ея импер. в—ства все мое благополучіе (составляло), и имѣлъ счастіе вашего высочества милосердымъ призрѣніемъ (пользоваться), что и нынѣ повергши мя и всю мою бѣдную фамилію предъ честнѣйшими вашего высочества ногами и повторнѣ милосердія прошу, дабы и не исчисленъ былъ изъ числа вашего высочества вѣрнѣйшихъ рабовъ. А я по Бозѣ моемъ единое твердое упованіе вашего высочества на высочайшую милость имѣю и до конца жизни моей и до изліянія послѣдней капли крови моей въ числѣ вашего высочества вѣрнѣйшихъ рабовъ быть обѣщаюсь. (Москов. Архив. минист. иностр. дѣлъ.)

10). *Экстрактъ о годовыхъ и чрезвычайныхъ расходахъ.* Въ прошломъ 1724 году, когда его и. в—ство Петръ Великій изволилъ сухопутную армію и артиллерію положить на подушный сборъ, адмиралтейское содержаніе на таможенные и кабацкіе сборы, прочія жъ коллегіи и канцеляріи на особливые въ нихъ доходы, которые въ прежнемъ и въ нынѣшнемъ, поданнымъ ея и. в—ству для всемилостивѣйшей конфирмаціи штатахъ объявлены; а затѣмъ неположенныхъ въ штатъ во всемъ государствѣ разныхъ доходовъ осталось 1.133,633 рубля. И хотя оные въ настоящихъ годахъ сполна въ сборѣ не бывали, однакожъ умножались доимкою, которую собирали за прошлые годы, а по случаямъ и изъ остаточныхъ, которые имѣли быть въ остаткахъ отъ положенныхъ въ прежнемъ штатѣ расходовъ. Изъ тѣхъ собираемыхъ доходовъ понынѣ отправлялись по указамъ повсягодные государственные положенные расходы, а прочіе нынѣ вновь по ука-

замъ отправлять велѣно, а именно: 1) Въ городовую канцелярію на всякія строельныя дворцовыя и публичныя дѣла 200,000 рублей; 2) изъ Военной Коллегіи изъ подушныхъ денегъ прежде отпускалось на пять полковъ пѣхотныхъ 160,410 рублей 65 к., на Мекленбургскій корпусъ 13,249 рублей 18 коп., казакамъ и прочимъ 1,367 рублей, убитыхъ иноземцевъ женамъ и дѣтямъ и прочимъ 3,768 рублей 34 коп., итого 178,995 рублей 17 коп., а нынѣ отпускается изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ; 3) Низоваго корпуса на генералитетъ и ихъ канцелярію на пѣхотныхъ на 12 полковъ, которые на подушныя деньги не положены, къ вышеписаннымъ 160,410 рублямъ 65 коп., изъ государственной суммы 462,306 руб. 85 коп., а съ оными 622 ,717 руб. 50 коп.; 4) на нерегулярныя въ томъ корпусѣ войска 30,473 р. 50 коп.; 5) на украинскіе и низовскіе новые 24 полка, ежели не опредѣлено будетъ изъ остаточныхъ по новому штату подушныхъ денегъ дополнять, то надлежитъ отпускать изъ общей суммы въ дополненіе къ четырехгривеннымъ деньгамъ 255,382 рубля 20 коп.; 6) лейбъ-гвардіи на Измайловскій полкъ 83,460 рублей 78 коп.; 7) конной гвардіи къ подушному сбору прежняго лейбъ-регимента въ прибавку 39,000 рублей; 8) на всю пѣхотную гвардію за окладной провіантъ 42,257 рублей 40 коп.; 9) отставнаго гвардіи баталіона 13,176 рублей 64 коп.; 10) на фортецію 70,000 рублей; 11) донскимъ, яицкимъ, терскимъ, гребенскимъ, астраханскимъ казакамъ и пригородочнымъ служилымъ людямъ и прочимъ тому подобнымъ 64,827 рублей 32 коп.; 12) обрѣтающимся въ Шлюссельбургѣ гвардіи отставнымъ и Нижегородской губерніи солдатской ротѣ 1,840 рублей 7 коп.; 13) заполошнымъ и отставнымъ офицерамъ и ихъ женамъ и дѣтямъ, и кормовщикамъ и прочимъ до 12,000 рублей; 14) въ ружные монастыри и церкви на вино церковное, ладонъ, свѣчи и на жалованья и въ городѣхъ на строенія, на приказные расходы и на прогоны 145,971 рубль 45 коп.; 15) на содержаніе астраханской аптеки 5,864 рубля; 16) на строеніе въ Москвѣ цейхгауза по 20,000 рублей въ годъ; 17) на строеніе выборгскихъ и кексгольмскихъ крѣпостей по 17,939 рублей; 18) на строеніе на Васильевскихъ буграхъ крѣпости по 19,000 рублей, итого 1.662,493 рубля 98 коп. Да по примѣрамъ прошлыхъ годовъ на всякіе разные обыкновенно повсягодные и чрезвычайные расходы въ годъ исходило до 700,000 рублей, а именно: въ домъ ея и. в—ства и на строеніе въ Москвѣ дворцовъ въ дворцовую канцелярію, въ Конюшенный приказъ, въ Интендантскую контору, въ Иностранную Коллегію и на другіе случившіеся расходы. Да нынѣ генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ на разныя дѣла требуетъ: 1) на додѣлку Ладожескаго канала сверхъ того числа, что собирается по каналу пошлинъ и съ кабаковъ и ладожскихъ таможенныхъ пошлинъ, которыхъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, быть имѣетъ съ 40,000 рублей, 110,000; 2) къ прежде даннымъ деньгамъ на починку и на дѣло вновь Новгородской дороги до С.-Петербурга къ 37,000 еще 42,580 рублей; 3) на дѣло вновь изъ Тверцы рѣки во Мстино озеро канала 120,000 рублей; 4) на починку и на дѣло вновь крѣпостей Уфимской, Царицынской, Новопавловской 105,874 руб. 19 коп. А съ вышеписанными положенными государственными и чрезвычайными расходами, которыхъ точно положить не можно, больше 2 милліоновъ.—Докладъ Сената 1732 года. (Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Сената по бывшему Кабинету, № 6/1083.)

11) Минихъ подалъ докладъ о выпускѣ двоихъ кадетовъ изъ корпуса въ кирасирскій полкъ, причемъ представилъ ихъ аттестаты за рукою директора корпуса Теттау, данные на основаніи генеральнаго экзамена 1738 года; оба кадета поступили въ корпусъ въ 1732 году и имѣли по 20 лѣтъ. *Аттестатъ кадета Карла Шульца*: 1) Франц. языкъ: переводитъ съ нѣмецкаго на французскій экстемпоре исправно; 2) Россійскій языкъ: съ нѣмецкаго на русскій переводитъ; 3) Гисторія: знаетъ русскую и польскую гисторію; 4) Географія: въ математической географіи начало имѣетъ доброе; 5) Нѣмецкій штиль: компонуетъ письма по заданнымъ диспозиціямъ; 6) Фехтовать: фехтуетъ въ контру; 7) Геометрія: отчасти стереометрію обучилъ; 8) Верховая ѣзда: ѣздитъ шпорами и стремянами, можетъ обучать и дрезировать лошадей. — *Аттестатъ кадета Ѳедосея Байкова*: 1) Геометрія: геометрію, планиметрію, стереометрію и тригонометрію практическую со всѣми доказательствы знаетъ преизрядно и отвѣтствовалъ съ похвалою; 2) Нѣмецкій языкъ: съ нѣмецкаго на русское переводить начинаетъ; по-нѣмецки пишетъ и ортографію знаетъ посредственно; 3) Фехтованіе: лекціоны принимаетъ и начинаетъ волтожировать; 4) Ариѳметика: всѣ твердо знаетъ; 5) Дѣлаетъ ландшафты красками и портреты миніатурою весьма изрядно; 6) Танцованіе: танцуетъ миноветъ; 7) Фортификація: фортификацію окончилъ всю и отвѣтствовалъ весьма преизрядно; 8) Верховая ѣзда: обучается въ позитурахъ, изрядно ѣздитъ рысью и скачетъ. — *Въ аттестатъ другихъ кадетовъ означено*: Гисторія: въ универзальной дошелъ до новой исторіи; Географія: окончилъ пять картъ европейскихъ специальныхъ: португальскую, гишпанскую, французскую, британскую и италіанскую; Танцованіе: танцуетъ балетъ. Или: Французскій языкъ: учитъ вокабулы и разговоръ; изъ Ариѳметики: въ дѣленіи долей; въ Гисторіи: въ универзальной дошелъ до Карола Магнуса. *Аттестатъ кадета Магнуса Фока*, дававшій право на поступленіе къ гражданскимъ дѣламъ: 1) Французскій языкъ: переводитъ съ нѣмецкаго на французскій экстемпоре; 2) Латинскій языкъ: съ нѣмецкаго на латинскій компонуетъ экстемпоре; 3) Философія: юсъ натуры, институціонѣсъ юстиніанѣсъ, пандектумъ и юсъ феудале; въ философіи Гейнецiи элемента, юсъ секундумъ ординемъ пандекторумъ

до 41 книги дошелъ; 4) Россійскій языкъ: съ русскаго на нѣмецкій экспонируетъ. Всѣ аттестаты 1739 года. (Архивъ Минист. Юстиціи, дѣла Сената по Кабинету № $^{15}/_{1012}$.)

12). Письмо А. И. Румянцева къ императрицѣ Аннѣ 20 августа 1735 года. „Всемилостивѣйшая государыня императрица. Я бѣдный всенижайшій и послѣдній вашего и. в—ства рабъ сего августа 15 дня получилъ вашего и. в—ства высочайшій и всемилостивѣйшій указъ изъ прав. Сената, что в. и. в—ство пожаловали меня, виннаго предъ в. и. в—ствомъ и всякой казни достойнаго, всенижайшаго своего послѣдняго раба прежнимъ моимъ чиномъ генералъ-лейтенантомъ и кавалеромъ ордина Св. Александра. И всемилостиво-жъ повелѣла мнѣ быть губернаторомъ въ Астрахани. И получа оный в. и. в—ства всемилостивѣйшей и высочайшей указъ и усмотря въ немъ в. и. в—ства высокопоказанную ко мнѣ бѣдному и уже всякой надежды отчаянному и неимущему ни откуда помощи высокую императорскую и матерную милость и принявъ шпагу и кавалерію, со всею моею бѣдною и всенижайшею фамиліею въ церкви Божіей ко всевышнему Творцу со слезами моими о вашемъ императорскомъ и дражайшемъ здравіи моленіе принесъ и в. и. в—ству чрезъ сіе мое слезное и всенижайшее доношеніе за показанныя высокія и неизрѣченныя ко мнѣ бѣдному и послѣднему своему рабу милости, повергая себя предъ ногами в. и. в—ства, должное рабское и всенижайшее благодареніе приношу.“ (Архивъ Минист., Дѣла Сената по Кабинету № $^{54}/_{1134}$.)

13). Экстрактъ. Въ челобитьи бунчюковаго товарища Данилы Забѣлы показано: когда слушалъ государь первый Петръ Великій, императоръ болѣе часу въ Вышнемъ судѣ его дѣла съ персонами многими присутствующими, хотя иные преставились, а иные еще суть въ живыхъ, которые о его дѣлѣ вѣдаютъ и скажутъ, что какъ государь гетманиху Скоропадскую блудницею называлъ, а Андрея Марковича плутомъ и babyракомъ, и какъ мужичей породы не должны они быть въ простыхъ казакахъ, и кто жидовской породы въ такихъ нѣтъ постоянства, и многими словами сенаторове укоряли. А его обнадеживалъ государя милостіею своею и многіе сенаторы генералы присутствующіе въ Вышнемъ судѣ слышали, какъ его жаловалъ деньгами императоръ изъ кабинета, а по преставленіи Петра Великаго и государыня Екатерина Алексѣевна тожъ изъ кабинета его деньгами жаловала, и отъ Сената дали ему при печати государственный указъ, гдѣ написано собственною рукою государя о полковничьемъ урядѣ и многихъ селахъ..... Марковичъ съ сестрою своею гетманихою Скоропадскою держали его подъ карауломъ въ 1709 году за измѣнника Мазепу, что онъ Забѣла его проклиналъ и говорилъ, что Богъ поможетъ нашему императору, что одолѣетъ Шведа и выграетъ, а Мазепа проклятый пропалъ и имя его вовѣки пропало, за что Андрей Марковичъ оскорбился великимъ гнѣвомъ, сказалъ: что тебѣ до того и проклятымъ на что ты зовешь Мазепу, какъ Мазепа выграетъ, гдѣ ты подѣнешься; потомъ вышла гетманиха Скоропадская изъ комнаты въ Глуховѣ, и видя, что онъ споритъ съ Андреемъ Марковичемъ, тожъ оскорбилась на его и говорила слова надобные, которые не можетъ спомнить, токмо сіе ему въ памяти, что сказала: мы-де и гетманству сему не ради, что еще Мазепа въ живыхъ гетманъ, и никто не силенъ у его булаву взять и скинуть съ гетманства; а мы съ нужды хоть взяли, то намъ се прощено будетъ, а ты хотя и мудрый человѣкъ, а проклинаешь Мазепу напрасно. И тогда гетманиха Скоропадская съ Андреемъ Марковичемъ велѣла его взять подъ караулъ. (Архивъ Минист. Юстиціи, дѣла по бывшему Кабинету № $^{67}/_{1141}$.)

14). По генералитетской переписи 1738 года жителей:—въ Москвѣ (съ уѣздомъ) 151,529 (кромѣ того 1,677 ямщиковъ).—Въ Дмитровѣ 43,128.—Въ Клину 76,704.—Въ Волоколамскѣ 15,349.—Рузѣ 15,683. — Можайскѣ 30,077. — Верeѣ 13,992.—Боровскѣ 23,758.—Коломнѣ 50,933.—Переяславлѣ Рязанскомъ 74,652. — Костромѣ 19,888.—Нерехтѣ 58,978.—Шуѣ 10,089.—Владимірѣ 116,141.—Муромѣ 67,842.—Суздалѣ 126,003.—Переяславлѣ Залѣсскомъ 85,338.—Ростовѣ 67,330.—Угличѣ 40,519.—Кашинѣ 59,289.—Бѣжецкомъ Верхѣ 61,010. — Тулѣ 30,483. — Ярославлѣ 126,705. — Пошехоньѣ 47,573.—Калугѣ 24,372.—Козельскѣ 49,462.—Всего въ Московской губерніи 2.065,527 (да 7,673 ямщика).—Въ Новгородѣ 168,802 (да 6,198 ямщ.).—Олонецкѣ 34,325.—Во Псковѣ 4,493.—Твери 37,252 (651 ям.).—Торжкѣ 18,007.—Ржевѣ Володимеровой 37,849. — Бѣлозерѣ 50,210.—Великихъ Лукахъ 50,927.—Всего въ Новгородской губерніи 551,290 (8,030 ямщ.).—Въ Смоленскѣ 104,763 (1,196 ямщ.).—Вязмѣ 61,964.—Во всей Смоленской губерніи 217,303 (1,441 ямщ.).—Въ Архангельскѣ и Холмогорахъ 31,026.—Вагѣ 25,816.—Вологдѣ 92,077 (1,154 ямщ.).—Устюгѣ 47,524.—Галичѣ 42,148.—Унжѣ 33,968. — Всего въ Архангельской губерніи 386,234 (1,197 ямщ.).—Въ Казани 192,422.—Пензѣ 76,038.—Саранскѣ 48,439.—Симбирскѣ 108,714. — Соликамскѣ 49,867. — Кунгурѣ 20,508.—Вяткѣ 41.262.—Всего въ Казанской губерніи 799,352 (1,186 ямщ.).—Въ Нижнемъ Новгородѣ 156,375.—Балахнѣ 41,206.—Юрьевцѣ Повольскомъ 40,889.—Арзамасѣ 90,329.—Алатырѣ 74,401.—Всего въ Нижегородской губерніи 440,226 (1,325 ямщиковъ).—Курскѣ 56,353.—Сѣвскѣ 63,625 (1,017 ямщиковъ). — Рыльскѣ 38,532.—Путивлѣ 40,931.—Брянскѣ 55,064.—Кромахъ 33,767.—Орлѣ 44,506.—Всего въ Бѣлгородской губерніи 565,546 (да неокладныхъ 3,892, да ямщиковъ 3,592).—Воронежѣ 17,021.—Ельцѣ 28,995. — Ливнахъ 26,817. —Тамбовѣ 49,370.—Козловѣ 27,195. Ряжскѣ 48,757.—Шацкѣ 81,756.—Всего въ Воронежской губерніи

514,969 (2,877 ямщ.).—Въ Астрахани 1,150.—Въ Красномъ Яру 23.—Въ Черномъ 14.—Въ Царицынѣ 408. Во всей Астраханской губерніи 1,595.—Въ Тобольскѣ 57,818 (2,866 ямщ.).—Томскѣ 12,479.—Енисейскѣ 10,089. —Иркутскѣ 7,545. Илимскѣ 7,251. —Всего въ Сибирской губерніи 132,918 (6,723 ямщ.).—Итогъ купечества 184,947, да не въ окладѣ 170; крестьянъ 4.958,341, дворовыхъ 46,019. —(Архивъ Мин. Юстиціи дѣла Сената по бывшему Кабинету № 86|115.)

По синодскимъ вѣдомостямъ въ концѣ царствованія Анны въ Петербургѣ было: 35 приходскихъ церквей, 6,151 дворъ, духовенства 270 муж., 236 жен.; военныхъ 18,141 м., 7,427 ж.; разночинцевъ 9,354 м., 8,764 ж.; приказныхъ 1,697 м., 1,409 ж.; посадскихъ 2,686 м., 2,083 ж.; дворовыхъ людей 7,246 м., 3,889 ж.; поселянъ 3,575 м., 1,364 ж., итого православныхъ 42,969 м., 25,172 ж., раскольниковъ не показано.—Въ Москвѣ. приходскихъ церквей 266, дворовъ 13,832; духовенства 2,588 м., 2,868 ж.; военныхъ 5,731 м., 9,617 ж.; разночинцевъ 14,109 м., 18,366 ж.; приказныхъ 3,375 м., 3,858 ж.; посадскихъ 11,543 м., 12,164 ж.; дворовыхъ 18,181 м., 17,778 ж.; поселянъ 9,482 м., 8,828 ж.; итого православныхъ 65,009 м., 73,479 ж.; раскольниковъ 170 м., 134 ж.—Въ Александровской слободѣ: 77 церквей, 6,785 дворовъ, жителей 23,804 м., 24,104 ж.—Въ Владимірѣ: церквей 201; дворовъ 17,581; жителей 70,014 м., 67,828 ж.—Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ: церквей 164; жителей 29,390 м., 30,402 ж.—Въ Дмитровѣ: церквей 130, дворовъ 8,216 жителей, 25,853 м., 25,136 ж.—Въ Сѣвскѣ: церквей 149, дворовъ 5,045, жителей 37,919 м., 37,171 ж.—Въ Тамбовѣ: церквей 129, дворовъ 11,988, жителей 58,950 м., 58,431 ж.—Въ Козловѣ: 103 церкви, дворовъ 7,596, жителей 25,502 м., 25,393 ж.—Въ Пензѣ: 183 церкви, дворовъ 15,502, жителей 58,133 м., 55,050 ж.—Во Ржевѣ Володимеровой: 123 церкви, дворовъ 12,080, жителей 44,671 м., 43,790 ж.—Въ Галичѣ: 149 церквей, 9,623 двора, жителей 35,539 м., 32,224 ж.—Всего приходскихъ церквей 16,901, дворовъ 1.282,405; духовенства 124,923 м., 124,950 ж.—Военныхъ 392,422 м., 359,901 ж.—Разночинцевъ 439,741 м., 442,864 ж.—Приказныхъ 15,997 м., 16,931 ж.—Посадскихъ 218,951 м., 229,075 ж. —Дворовыхъ 318,824 м., 323,413 ж.—Крестьянъ и бобылей 4.045,982 м., 3.821,338 ж.—Раскольниковъ 8,419 м., 9,457 ж., всего 5.565,259 м., 5.327,929 ж.—(Тамъ же, № 8|1045.)

15). Донесеніе Кейзерлинга изъ Варшавы 1736 года. „Езуитской прокураторъ въ Литвѣ его величества короля чрезъ меморіалъ просилъ у вашего и. в—ства исходатайствовать, дабы заарестованный въ Вильнѣ патеръ ихъ ордена Алексѣй Ладыженской, которой вашего и. в—ства подданной, освобожденъ былъ. Сей меморіалъ его в—ство король мнѣ сообщилъ и притомъ поручилъ ваше и. в—ство его именемъ просить, дабы помянутому езуиту назадъ въ монастырь его возвратиться толь наипаче позволеніе дано было, что онъ уже предъ 24 годами езуитской орденъ принялъ, и тѣмъ бы причиненное безпокойство здѣшнему духовенству, которое въ здѣшнемъ королевствѣ въ дѣлахъ великую силу всегда имѣетъ, утолено быть могло". (Москов. архивъ Мин. Иностр. дѣлъ, дѣла Польскія 1736 года св. 120 а, № 9.) Просьба короля не была исполнена: Ладыженскаго въ 1737 году велѣно „бить нещадно шелепами и сослать въ тобольскій гарнизонъ въ солдаты". (Дѣла Сената по бывшему Кабинету въ архивѣ Минист. Юстиціи, № 94|1171.)

16). Изъ дѣла о баронѣ Синклерѣ. а) Отъ императрицы Анны къ фельдмаршалу Миниху. „Мы сообщаемъ вамъ при семъ, что по отправленіи нашего послѣдняго рескрипта отъ Римско-Цесарскаго и Королевско-Польскаго Дворовъ намъ о заключномъ случаѣ съ Синклеромъ вяще сообщено. Вы изъ того усмотрите, коль богомерзко, безумно и безотвѣтственно тѣ люди поступили, и мы великую причину имѣемъ толь паче сожалѣть, понеже сіе дѣло явно происходило, уже повсюду извѣстно учинилось, и легко чаять мочно, какое злое дѣйство оное въ Швеціи имѣть можетъ, что же наизлѣйшее есть, недоброжелательнымъ виду подобнымъ претекстомъ служить можетъ, насъ за наступателя поставлять. Что мы при такихъ обстоятельствахъ здѣсь нынѣ учинить за благо изобрѣли, состоитъ въ слѣдующемъ: что тотчасъ какъ въ Швеціи, такъ и ко всѣмъ нашимъ, при чужестранныхъ дворахъ обрѣтающимся, министрамъ декларація отъ насъ отправлена. Мы оную для того вамъ сообщаемъ, дабы и вы, съ своей стороны, по тому поступить и по силѣ оной говорить и мѣры принять могли. Причемъ мы оное, что мы уже о такихъ убицахъ къ вамъ писали, ежели они точію изъ нашихъ людей суть, повторяемъ, ихъ надлежитъ самымъ тайнымъ образомъ отвесть и содержать, пока не увидимъ, какое окончаніе сіе дѣло получитъ, и не изыщутся ли еще способы оное утолить". 9 іюля 1739 г.

ъ) Изъ рескрипта къ барону Кейзерлингу въ Дрезденъ: „Сіе безумное, богомерзкое предпріятіе намъ подлинно толь наипаче чувствительно, понеже не токмо мы къ тому никогда указу отправить не велѣли, но и не чаемъ, чтобъ кто изъ нашихъ оное опредѣлить могъ. Иное было бы писма отобрать, а иное людей до смерти бить, но ктомужъ еще безъ всякой нужды. Однакожъ какъ бы оное ни было, то сіе зѣло досадительное дѣло есть, и всякія досадительныя слѣдства имѣть можетъ".

c) Минихъ императрицѣ: „Я знаю, что всѣ вашего и. в—ства дѣла и поведеніи ни на чемъ, какъ на великодушіи и честности основаны, чего и самъ съ самыхъ моихъ молодыхъ лѣтъ по сіе время навыкнуть тщился, и хотя я мой животъ и все въ службѣ вашего и. в—ства съ радостію положить

всегда готовъ, то однакожъ сіе меня никогда подвинуть не можетъ, чтобъ нѣчто учинить что честности противно, и сіе еще толь наименше, понеже я не токмо вашего и. в - ства указами къ тому не уполномоченъ, но и самъ совершенно знаю, коль мало оное отъ вашего и. в — ства апробовано и вамъ пріятно было-бъ. И тако вашему и. в — ству должностнѣйше засвидѣтельствую, что я въ семъ приключеніи ни малѣйшаго участія не имѣю, и никогда и ни въ какое время никому для произведенія такого скареднаго дѣла коммисіи не давалъ, ниже уполномочивалъ, или толко къ тому поводъ подалъ. А что до именованнаго въ Берлинской вѣдомости Кутлера касается, то я всѣ полковыя книги разсмотрѣть велѣлъ, и хотя находится, что одинъ сего имени Кутлеръ въ службѣ вашего и. в - ства капитаномъ обрѣтался, однакожъ оной еще въ прошломъ году со многими другими офицерами, которые отчасти сами о томъ просили, отчасти же и для своего поступка свои абшиты получили, изъ которыхъ многіе въ польскую службу вступили, а другіе еще и понынѣ подъ именемъ россійскихъ офицеровъ по разнымъ мѣстамъ въ Польшѣ живутъ и Богъ знаетъ отъ кого и чрезъ кого тамо содержаны быть имѣютъ“

d) Рескриптъ Миниху 26 іюля: „Хотя мы совершенно увѣрены находимся, что вы въ семъ мерзостномъ приключеніи столькожъ мало участія, какъ мы, имѣете, и вамъ ничто тому подобное безъ нашего указу учинить никогда въ мысль не придетъ, такожъ мы и никако не чаемъ, чтобъ кто изъ нашихъ офицеровъ съ пренебреженіемъ всей чести и совѣсти такъ мерзостно погрѣшить и въ такомъ на большой дорогѣ смертномъ убивствѣ виною быть могъ: то однакожъ вы сіе дѣло наиприлежнѣйше и жесточайше изслѣдуйте, и безъ всякаго укоснѣнія и малѣйшей утайки и умолчанія всего того, что вамъ о семъ всемъ дѣлѣ свѣдомо быть можетъ, намъ обстоятельно донесете. Намъ и нашей чести весма въ томъ нужда есть, чтобъ сіе дѣло и правдивое основаніе онаго развѣдать, и мы прежде успокоиться не можемъ, пока оное не учинится“.

e) Изъ рескрипта Браклю въ Вѣну: „Когда сей Зинклеръ въ прошломъ году изъ секретнаго аусшуса съ тайными коммисіями въ Константинополь посланъ и таковыя коммисіи не инако какъ Турковъ еще болѣе отъ мира удалить имѣли, тогда между обоими дворами договоренось: сего эмиссара, ежели въ цесарскихъ областяхъ или въ Польшѣ его достать можно, заарестовать. Намъ здѣсь, по указу, многократно обнадеживаніе чинено, что во всѣхъ цесарскихъ наслѣдныхъ земляхъ къ тому именные указы отправлены. Ежели сіи обнадеживаніи сущи были, для чего-жъ онъ не заарестованъ какъ онъ по другому подозрѣнію въ Бреславлѣ допрашиванъ А ежели въ противность такимъ поданнымъ обнадеживаніямъ таковые указы не отправлены, то для чего они постороннимъ людямъ безъ начальственнаго указу сыскныя давали и тако на заарестованіе позволили? Намъ же никогда въ мысли не приходило, что отъ нашихъ людей онъ до шленскихъ границъ преслѣдованъ быть могъ, яко же мы по сіе время вѣрить не хощемъ, что то наши люди были, но нѣкоторые интриги въ томъ обращаются, отъ кого-бъ оныя не произошли. Мы подлинно въ томъ не виновны; но сіе предпріятіе не инако какъ за крайнѣйшую мерзость поставлять можемъ, а между тѣмъ обоимъ дворамъ въ томъ нужда, дабы оное дѣло всячески заминать. Чего ради необходимо потребно, чтобъ какъ отъ оберъамта браславскаго, такъ и отъ прочихъ шлезинскихъ мѣстъ все въ крайнѣйшемъ секретѣ и тайно содержано, и что извѣстно быть не имѣетъ, въ томъ отреченось было“.

f) Изъ реляціи Кейзерлинга отъ 14/3 сентября: „Имянъ убицовъ удобно заминить не мочно, ибо они пашпортъ отъ цесарскаго резидента (Киннера въ Варшавѣ) имѣютъ, въ которомъ имяна ихъ и секретарь обозначенъ и такимъ образомъ на почтовыхъ дворахъ въ знаемость пришли“.

g) Изъ секретнѣйшаго рескрипта къ Кейзерлингу: „Пакеты Синклерскихъ писемъ чрезъ тайнаго совѣтника Сума исправно нами получены. И понеже мы къ пресѣченію происшедшаго отъ сего мерзостнаго дѣла какъ въ Швеціи, такъ и въ другихъ мѣстахъ слуху и шума запотребно изобрѣли такія писма скрытнымъ образомъ въ Швецію и тамошнему двору въ руки доставить: того ради мы къ тому иного способу кромѣ сего не изыскали, что писмо якобы отъ римско-католицкаго духовнаго писанное вымышлить, которымъ бы онъ показалъ, что одинъ незнакомый человѣкъ подъ секретомъ исповѣди ему открылъ, коимъ образомъ онъ, купно съ нѣкоторыми другими, прелщенъ полученіемъ злой корысти офицера шведскаго на дорогѣ подстерегалъ онаго ограбить, и какъ онъ, супротивляясь, по немъ выстрѣлилъ, то онъ другого способа не имѣлъ его и обрѣтавшіеся при немъ вещи въ руки получить, какъ чтобъ онаго умертвить“.

i) Изъ инструкціи Миниха драгунскому поручику Левицкому 23 сентября 1738 года: „Понеже изъ Швеціи посланъ въ турецкую сторону съ нѣкоторою важною коммисіею и съ писмами маеоръ Синклеръ, который ѣдетъ не своимъ, но подъ именемъ одного называемаго Гагберха, котораго ради высочайшихъ ея и. в—ства интересовъ всемѣрно потребно зѣло тайнымъ образомъ въ Польшѣ перенять и со всѣми имѣющимися при немъ писмамы. Ежели по вопросамъ объ немъ гдѣ увѣдаете, то тотчасъ ѣхать въ то мѣсто и искать съ нимъ случая компанію свесть или инымъ какимъ образомъ ево видѣть; а потомъ наблюдать, не можно ль ево на пути, или въ какомъ другомъ скрытномъ мѣстѣ, гдѣ-бъ Поляковъ не было, постичь. Ежели таковой случай найдется, то старатца его умертвить или въ воду утопить, а писма прежде безъ остатка отобрать“.

j) 29 января 1739 года дана Минихомъ такая же инструкція капитану Кутлеру и поручику Ве-

селовскому относительно ѣхавшихъ изъ Франціи въ Турцію молодого Рагоци и молодого Орлика, а также и Синклера, если случайно съ нимъ встрѣтятся.

k) Изъ инструкціи, подписанной Остерманомъ, Волынскимъ и Ушаковымъ, Преображенскаго полка подпоручику Коновницыну 16 іюля 1739 года: „Вчерашняго числа въ Шлиссенбурхъ сержантомъ Колобовымъ препровождены два человѣка, которыхъ оттуда съ имѣющимися при нихъ людьми надлежитъ немедленно отвезти въ Сибирь, въ отдаленное и такое мѣсто, гдѣ-бъ они тайно и скрытно содержаны быть могли такимъ образомъ, чтобъ отнюдь никто объ нихъ ничего увѣдать не могъ. И понеже вы въ Сибири знакомы и тамошнія мѣста знаете, того ради ея и. в—ство указала вамъ оную коммисію поручить. Вы, сыскавъ такое мѣсто или монастырь, тамо при оныхъ людехъ по указу съ конвоемъ вашимъ неотмѣнно быть и наиприлежнѣйшее стараніе и попеченіе имѣть, чтобъ они тамо секретно были и никто про оныхъ знать и ихъ видѣть не могъ, и для того ни самихъ ихъ, ни людей ихъ изъ квартиры не спускать, также искуснымъ образомъ вамъ смотрѣть, чтобъ они никуда писемъ отъ себя посылать не могли; однакожъ о томъ, что вы такой приказъ имѣете, имъ не объявлять, но во всемъ съ учтивостію безъ озлобленія съ ними поступать, и токмо имъ твердить, чтобъ они для собственной ихъ безопасности себя также и людей своихъ въ тайнѣ держали“.

е) Изъ реляціи Миниха отъ 1-го августа 1739 года: „По полученіи вашихъ и. в—ства указовъ отъ 4-го августа прошлаго 1738 года и отъ 16 января сего года, какимъ наилучшимъ и способнѣйшимъ образомъ какъ о Синклерѣ, такъ о Рагоціи и Орликѣ коммисіи исполнить, и ихъ анлевировать довольное разсужденіе еще до посылки, ради исполненія того нарочныхъ я имѣлъ; токмо въ поимкѣ ихъ предусматривалися крайнія затрудненія и невозможности; а что касается до его, Синклеревой, персоны, не взирая на консиквенцію другихъ государствъ, то понеже какъ извѣстно онъ, Синклеръ, весьма злой Россійской имперіи непріятель, и съ Турками и Татарами всякія интриги противу вашего и. в—ства и вашего в—ства союзниковъ и всего христіанства интересовъ употреблялъ и потому хотя турка или татарина или его убить, то мнится все равно, въ каковомъ разсужденіи, что ежели сія важная коммисія анлевированіемъ, о которомъ, ежели возможность допустить, посланнымъ офицерамъ зѣло прилежно отъ меня рекомендовано, исполнено быть не можетъ, то въ крайнемъ случаѣ такъ поступать велѣно, какъ въ пріобщенныхъ при семъ инструкцій копіяхъ показано. 29 минувшаго іюня изъ тѣхъ присланныхъ отъ поручика Левицкаго полученъ репортъ отъ 17 числа тогожъ, коимъ образомъ съ маеоромъ Синклеромъ при прусскихъ границахъ порученная коммисія исполнена, а отобранныя депеши взяты отъ него, Левицкаго, полномочнымъ министромъ барономъ Кейзерлингомъ. Послѣ того получено мною извѣстіе, яко изъ тѣхъ посланныхъ капитанъ Кутлеръ и поручикъ Левицкій отправились изъ Варшавы прямо въ С.-Петербургъ, а подпоручикъ Веселовскій къ арміи.

m) Убійцъ Синклера, Кутлера и Левицкаго, тайно отправили въ Сибирь и содержали близъ Тобольска, въ селѣ Абалакѣ; Веселовскаго содержали въ Казани. Въ 1743 году императрица Елисавета велѣла произвести Кутлера въ подполковники, Левицкаго въ маіоры, находящихся съ ними четырехъ сержантовъ въ прапорщики, и оставить еще ихъ нѣкоторое время въ Сибири, потомъ въ томъ же году ихъ перевели въ казанскій гарнизонъ съ тѣмъ, чтобъ они перемѣнили имена, Кутлеръ назывался бы Туркелемъ, а Левицкій Ликевичемъ. (Моск. Арх. мин. иностр. д.)

17). *Реляція Бракля изъ Берлина отъ 19 февраля 1740 года.* „Принужденъ нахожусь о невѣроятныхъ и отчасу умножающихся продерзостяхъ и мотовствѣ молодаго Румянцева (знаменитаго впослѣдствіи Задунайскаго, Петра Александровича) жалобы нижайше произнесть. И не безопасно, что онъ отъ дракъ по ночамъ, отъ чего онаго ни добрымъ, ни злымъ увѣщаніемъ удержать немочно или живота, или, по послѣдней мѣрѣ, здоровья лишится, или онъ за часто получаемымъ ругательствомъ и побоями тайно куда уѣдетъ, къ чему оной и неоднакратно собирался, но принятыми моими предосторожностями по сіе время въ томъ препятствованъ. Онъ отнюдь ничему обучаться не хочетъ, и приставленные къ нему мастера и учители жалуются о его лѣности и забіячествѣ, и уже никто съ нимъ никакого дѣла имѣть не хощетъ. Я какъ на выкупъ заложенныхъ его галантерей и вещей, такъ и на потребные расходы уже слишкомъ 600 ефимковъ за него выдалъ, и ни въ чемъ до нужды онаго не допущаю; однакожъ, на сіе несмотря, онъ многіе мотовскіе долги чинитъ, и еще вчера свое бѣлье и платье продать или заложить искалъ, чтобъ свои безпутныя мотовства съ солдатами, лакеями и съ другими бездѣльными людьми продолжать могъ, а я уже болѣе не въ состояніи его въ рукахъ держать“.— *Реляція отъ 23 февраля:* „Молодой Румянцевъ 21 числа въ ночи тайно изъ своей квартиры ушелъ, свое платье и вещи за окно выбросать, уборы въ своей квартирѣ перепортить и перебить, а росейскаго служителя, который ему слѣдовалъ и отъ злаго его намѣренія удерживать хотѣлъ, на улицѣ двумъ мужикамъ, вещи онаго носившимъ, такъ ужасно разбить велѣлъ, что онъ по сіе время на постели тронуться не можетъ. Еще-жъ онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ декларовалъ, что оной отцу своему впередъ сказывалъ, ежели отъ него въ Германію онъ посланъ будетъ, то ничего добраго дѣлать не станетъ, и такъ поступать хочетъ, что онаго вскорѣ паки назадъ взять принуждены будутъ. Правды изъ устъ его ни одного слова не исходитъ и онъ наимерзостнѣйшимъ ша-

лостямъ, которыя токмо вымыслить мочно, преданъ". *Реляція 26 февраля*: „Молодаго Румянцова я наконецъ сыскалъ и добрымъ порядкомъ къ возвращенію въ квартиру его уговорить велѣлъ. Онъ купилъ себѣ лошадь, намѣрясь чрезъ Польшу въ Кіевъ къ отцу своему ѣхать Оной вчера просилъ у меня въ своихъ погрѣшеніяхъ прощенія, однакожъ притомъ представлялъ, чтобъ и какъ наискорѣе отсюда въ отечество ему возвратиться толь паче позволилъ, понеже онъ за своимъ худымъ поступкомъ публично показаться болѣе не можетъ, къ тому-жъ у него къ гражданскому чину и обученію оному весьма склонности нѣтъ, но хочетъ солдатомъ быть, которымъ по его превращенному мнѣнію, ничего знать или учить окромѣ того, что къ солдатскому дѣлу принадлежитъ, ненадобно". (Дѣла Прусскія въ Москов. архивѣ минист. иностр. д.).

18). Списокъ зъ грамоты мѣсные. Князь великій Дмитрей Константиновичъ Нижняго Новаграда и Городецкой и Курмышской. Пожаловалъ есми бояръ своихъ и князей далъ имъ мѣсную грамоту по ихъ челобитью и по печалованію архимандрита нижегородскаго печерскаго, отца своего духовнаго Іоны, и по благославленію владычню Серапіона нижегородскаго и городецкаго и сарскаго и курмышскаго: кому съ кѣмъ сидѣть, и кому подъ кѣмъ сидѣть; велѣлъ садитись отъ своего мѣста тысяцкому своему Димитрію алибуртовичу князю волынскому, а подъ Дмитріемъ садится князю ивану васильевичу городецкому, да противъ его въ скамье садитца дмитрію ивановичу лобанову, да въ лавкѣ же подъ княземъ иваномъ князю ѳедору полскому андреевичу, да садитись боярину его василью петровичу новосильцеву, да противъ въ скамье садитись казначею боярину тарасію петровичу новосилцову. А пожаловалъ его боярствомъ за то, что онъ окупилъ исполону государя своего дважды великаго князя димитрія константиновича, а втретьне окупилъ великую княгиню марѳу. Да садитись боярину князю петру ивановичу березпольскому, да садитись въ лавкѣ князю димитрію ѳедоровичу курмышскому. А къ мѣсной грамотѣ князь великій велѣлъ боярамъ своимъ и дьяку руки прикладывать, а мѣсную грамоту писалъ великаго князя дьякъ петръ давыдовъ сынъ русинъ. (Государств. Архивъ. Списокъ съ грамоты находится при дѣлѣ о Волынскомъ.)

№. 1. Племя Владиміра Ярославича:

- Ростиславъ ум. 1066 г.
  - Рюрикъ ум. 1092 г.
  - Володарь
    - Владимірко ум. 1152 г.
      - Ярославъ жен. 1150 г. на Ольгѣ, доч. Юрія Долгорук.; ум. 1187 г.
        - Владиміръ жен. 1166 г. на Болеславѣ, доч. Святослава Всеволодов.; ум. 1198.
          - сынъ, жен. на Өеодорѣ, доч. Романа Волынск.
        - Олегъ Настасьичъ.
    - Ростиславъ
      - Иванъ Берладникъ, ум. 1161 г.
        - Ростиславъ ум. 1189 г.
  - Василько ум. 1124 г.
    - Иванъ ум. 1141 г.
    - Григорій.

№. 2. Племя Изяслава Ярославича:

- Мстиславъ ум. 1068 г.
  - Ростиславъ ум. 1093 г.
- Ярополкъ ум. 1086 г.
  - Ярославъ ум. 1102 г.
  - Вячеславъ ум. 1104 г.
- Святополкъ жен. на Половчанкѣ 1094 г. ум. 1113 г.
  - Мстиславъ ум. 1099 г.
  - Ярославъ жен. 1112 г. на доч. Мстислава Владимір. Мономашича; ум. 1123 г.
    - Юрій жен. 1144 г. на доч. Всеволода Городенскаго.
      - Иванъ упом. 1168 г.
        - Владиміръ упом. 1204 г.
      - Ярославъ упом. 1184 г.
      - Святополкъ ум. 1190 г.
      - Ярополкъ жен. 1190 г.
      - Глѣбъ ум. 1196 г.
        - Ростиславъ упом. 1228 г.
    - Вячеславъ упом. 1127 г.
  - Брячеславъ род. 1104 г., ум. 1127 г.
  - Изяславъ ум. 1128 г.

Князья Пинскіе, неизвѣстно чьи дѣти:
Александръ Дубровицкій упом. 1224 г.

№ 3. Племя Святослава Ярославича:

Глѣбъ ум. 1078 г. Романъ ум. 1079 г. Давидъ ум. 1123 г. Олегъ ум. 1115 г. Ярославъ ум. 1129 г.

а) Племя Давида Святославича:

- Святославъ упом. 1142 г.
- Всеволодъ жен. на княжнѣ Польской 1124 г.
- Ростиславъ ум. 1120 г.
- Владиміръ жен. 1144 г. на доч. Всеволода Городенскаго; ум. 1151 г.
  - Святославъ жен. 1159 г. на доч. Андрея Боголюбскаго; ум. 1166 г.

б) Племя Олега Святославича:

- Всеволодъ жен. на доч. Мстислава В.; ум. 1146 г.
  - Святославъ жен. 1143 г. на доч. Василька Полоцкаго; ум. 1194 г.
    - Мстиславъ жен. 1181 г. на свояченицѣ Всеволода III, Ясынѣ; ум. 1224 г.
    - Владиміръ жен. 1178 г. на доч. Михаила Юрьевича.
    - Глѣбъ жен. 1183 г. на доч. Рюрика Ростиславича.
      - Мстиславъ упом. 1239 г.
    - Всеволодъ жен. 1179 г. на доч. Казиміра Польскаго, ум. 1215 г.
      - Михаилъ. Андрей.
    - Олегъ ум. 1204 г.
      - Давидъ жен. 1190 г. на доч. Игоря Святославича.
        - Мстиславъ род. 1193 г.
  - Ярославъ род. 1139 г.; ум. 1198 г.
    - Ростиславъ род. 1174 г., жен. 1188 г. на Всеславѣ, доч. Всеволода III.
    - Ярополкъ упом. 1214 г.
  - Владиміръ ум. 1201 г.
    - Ростиславъ упом. 1192 г.
- Игорь ум. 1147 г.
- Святославъ жен. въ Новгородѣ 1136 г.; ум. 1164 г.
  - Олегъ жен.: 1) на доч. Юрія Долгорукаго 1150 г.; 2) на доч. Ростислава Мстиславича 1163 г.; ум. 1180 г.
    - Святославъ род. 1166 г.
  - Игорь ум. 1202 г.
    - Владиміръ род. 1170 г., жен. на доч. Кончака Половецкаго 1188 г.; ум. 1212 г.
      - Изяславъ упом. 1225.
      - Всеволодъ упом. 1206.
    - Олегъ род. 1174 г.
    - Святославъ род. 1176 г., жен. на доч. Рюрика Ростислав. 1188 г.
    - Романъ ум. 1211 г.
  - Всеволодъ ум. 1196 г.
- Глѣбъ ум. 1138 г.
  - Изяславъ ум. 1133 г.
  - Ростиславъ упом. 1144 г.
- Иванъ ум. 1148 г.

в) Племя Ярослава Святославича:

- Святославъ ум. 1145 г.
  - Владиміръ ум. 1161 г.
    - Юрій ум. 1174 г.
      - Владиміръ ум. 1203 г.
      - Давидъ ум. 1228 г.
      - Юрій упом. 1220 г.
        - Юрій упом. 1229 г.
        - Святославъ ум. 1228 г.
        - Олегъ упом. 1220 г.
- Давидъ ум. 1147 г.
- Игорь упом. 1147 г.
- Ростиславъ
  - Андрей упом. 1147 г.
  - Глѣбъ жен. на доч. Ростислава Юрьевича, ум. 1176 г.
    - Ярославъ жен. 1199 г. на Всеславѣ, доч. Рюрика Ростисл.
    - Романъ жен. на доч. Святосл. Всевол. Черниг.; упом. 1207 г.
    - Игорь ум. 1195 г.
      - Романъ ум. 1217 г.
      - Ингварь упом. 1207 г.
      - Юрій упом. 1207 г.
    - Владиміръ упом. 1185 г.
      - Глѣбъ упом. 1219 г.; жен. на доч. Давида Ростислав. Смоленск.
      - Олегъ упом. 1207 г.
      - Изяславъ ум. 1217 г.
      - Константинъ упом. 1217 г.
    - Всеволодъ ум. 1207 г.
      - Михаилъ ум. 1217 г.; жен. на доч. Всеволода Чермнаго.
    - Святославъ упом. 1207 г.
      - Святославъ ум. 1217 г.
      - Ростиславъ ум. 1217 г.

№. 4. Племя Всеволода Ярославича:

Владиміръ Мономахъ род. 1053 г.; ум. 1125 г.
Ростиславъ род. 1069 г.; ум. 1093 г.

Мстиславъ род. 1076 г; жен. 1) на Шведской королевнѣ Христинѣ; 2) на доч. Новгородскаго боярина Дмитрія Завидича 1122 г.; ум. 1132 г.
Изяславъ ум. 1096 г.
Святославъ ум. 1114 г.
Романъ жен. на доч. Волод. Ростиславича 1113 г.; ум. 1119 г.
Ярополкъ жен. на Ясской княжнѣ 1116 г.; ум. 1139 г.
Вячеславъ ум. 1154 г.
Михаилъ ум. 1129 г.
Юрій жен. на Половчанкѣ 1108 г; ум. 1157 г.
Андрей род 1102 г; жен. на Половчанкѣ 1117 г.; ум. 1142 г.
Владиміръ. Ярополкъ.

а) Племя Мстислава Владиміровича:

Всеволодъ жен. 1123 г. на доч. Святосл. Давидов. Черниговскаго; ум. 1138 г.
Изяславъ ум. 1154 г.
Ярополкъ упом. 1149 г.
Святополкъ жен. на княжнѣ Моравской 1141 г.; ум. 1154 г.
Владиміръ р. 1132 г.; ум. 1171 г.
Ростиславъ ум. 1168 г.

Иванъ ум. 1128 г.
Мстиславъ ум 1168 г.
Владиміръ упом 1136 г.
Ростиславъ упом. 1190 г.
Мстиславъ упом. 1173 г.; жен на доч Святосл. Всевол. Черниговскаго.
Ярославъ упом. 1182 г.
Святополкъ упом. 1192 г.
Ростиславъ р. 1193 г.; ум 1198 г.
Изяславъ р. 1190 г.; ум. 1198 г.

Мстиславъ ум 1170 г
Ярославъ упом. 1175 г.
Ярополкъ жен. 1164 г. на доч. Святосл. Ольговича; ум. 1168 г.

Романъ жен. 1) на доч. Рюрика Ростисл.; 2) на неизвѣстной; ум. 1205 г
Всеволодъ ум. 1195 г.
Святославъ ум. 1171 г.
Изяславъ ум. 1196 г.
Ингварь упом. 1202 г.
Всеволодъ жен. на Малфридѣ Юрьевнѣ Туровской 1166 г.
Мстиславъ упом. 1226 г.
Василько упом. 1167 г.

Даніилъ Василько.
Александръ
Всеволодъ упом. 1211 г;
Ярославъ упом. 1227 г.
Изяславъ ум. 1224 г.
Иванъ ум. 12?6 г.

б) Племя Ростислава Мстиславича:

Романъ жен. 1149 г. на доч. Святосл. Ольгов; ум. 1180 г.
Рюрикъ жен. 1) на Половчанкѣ 1162 г.; 2) на Аннѣ, доч. Юрія Туровскаго; у. 1215 г.
Давидъ род. 1140 г.; ум. 1197 г.
Святославъ ум 1170 г.
Мстиславъ жен. на доч. Глѣба Рязанскаго; ум. 1180 г.

Ярополкъ упом. 1219 г.
Мстиславъ ум. 1224 г.
Борисъ упом. 1180 г.
Ростиславъ род. 1172 г.; жен. 1187 г. на Верхуславѣ, доч. Всеволода III; ум. 1218 г.
Владиміръ род. 1178 г.; ум. 1239 г
Изяславъ упом. 1183 г.
Мстиславъ ум. 1230 г.
Константинъ ум. 1218 г.
Мстиславъ род. 1193 г.
Мстиславъ ум. 1228 г.
Владиміръ упом. 1217 г.
Давидъ упом. 1214 г.

Святославъ упом. 1219 г.
Всеволодъ упом 1219 г.
Всеволодъ упом. 1214 г.
Василій ум. 1218 г.

в) Племя Юрія Владиміровича Долгорукаго:

Ростиславъ ум 1151 г.
Иванъ ум. 1147 г.
Андрей ум. 1174 г.
Василько ум. 1149 г.
Михаилъ ум. 1176 г.
Ярославъ ум. 1166 г.
Всеволодъ жен. 1) на Ясынѣ Маріи; 2) на доч. Василька Витебскаго 1209 г.; ум. 1212 г.
Глѣбъ жен. 1155 г. на доч. Изясл. Давидов.; ум. 1171 г.
Святославъ ум. 1174 г.
Борисъ ум. 1159 г.
Мстиславъ жен. 1155 г. въ Новгородѣ на доч Петра Михайловича.

Мстиславъ жен. 1176 г. на доч Новгородск. боярина Якуна Мірославича; ум. 1178 г.
Ярополкъ жен. 1175 г., на доч. Витебскаго князя Всеслава; упом. 1181 г.
Изяславъ ум. 1163 г.
Мстиславъ ум. 1172 г.
Юрій жен. на Грузинской царицѣ Тамарѣ; упом. 1172 г.
Изяславъ ум. 1184 г.
Владиміръ род. 1157 г.; жен. 1180 г. на дочери Ярослава Черниговскаго; ум 1187 г.
Ярославъ ум. 1199 г.

Святославъ род. 1176 г.
Василій р. 1171 г.

Константинъ род. 1185 г., жен. 1196 г. на дочери Мстислава Романовича; ум. 1218 г.
Борисъ род. 1187 г. ум. 1238 г.
Георгій род. 1187 г; жен. на доч. Всеволода Чермнаго 1211 г.; ум. 1237 г.
Ярославъ род. 1191 г.; жен. 1) 1206 г. на Половчанкѣ; 2) на дочери Мстислава Торопецкаго
Владиміръ род. 1198 г.; жен. 1215 г. на доч. Глѣба Черниговск., ум. 1229 г.
Святославъ упом. 1196 г.
Иванъ род. 1198 г.
Глѣбъ ум. 1189 г.

Василько род. 1209 г., жен. 1227 г. на доч. Михаила Черниговск.; ум. 1237 г.
Всеволодъ род. 1210 г.
Владиміръ род. 1214 г.
Всеволодъ р. 1213 г.; ум. 1237 г.
Мстиславъ ум. 1237 г.
Владиміръ ум. 1237 г.
Ѳеодоръ род. 1219 г; ум. 1233 г.
Александръ

№. 5. Племя Изяслава Владиміровича Полоцкаго:

Брячеславъ ум. 1044 г
Всеславъ ум. 1101 г.
Всеславъ ум. 1003 г.

Рогволодъ упом. 1127 г.
Святославъ упом. 1140 г.
Василько упом. 1132 г.
Романъ ум. 1116 г.
Давидъ упом. 1103 г.; жен. на доч. Мстислава Великаго.
Глѣбъ жен. на доч. Ярополка Изяславича; ум. 1118 г.
Ростиславъ упом 1140 г.
Борисъ ум. 1128 г.
Рогволодъ жен. 1143 г. на доч. Изясл. Мстисл.

Всеславъ упом. 1166 г.
Брячиславъ упом. 1158 г.
Володарь упом. 1159 г.
Брячиславъ упом. 1127 г.
Всеволодъ упом. 1158 г.
Ростиславъ упом. 1158 г.
Володарь упом. 1159 г.
Всеславъ упом. 1160 г.
Глѣбъ упом. 1180 г.

Микула
Андрей упом. 1180 г.
Василько упом. 1180 г.
Глѣбъ упом. 1158 г.

Всеславъ упом. 1180 г.

№. 6. Племя Вячеслава Ярославича:

Борисъ упом. 1078 г.

№. 7. Племя Игоря Ярославича:

Давидъ ум. 1112 г.
Неизвѣстный.

Всеволодко жен. на доч. Мономаха Агаѳьи 1116 г.; ум. 1141 г.
Мстиславъ ум. 1116 г.

Борисъ упом. 1151 г.
Глѣбъ упом. 1167 г.
Мстиславъ упом. 1168 г.